

ЖУРНАЛЪ ЛИТЕРАТУРЫ

И СОВРЕМЕННОЙ ЖИЗНИ

СПЕ ТЕР БУ Р ГЪ

1880

ИЗДАВАЕМЫЙ

Годъ Одиннадцатый.

А. Ф. МАРКСОМЪ

Изданіе А. Ф. Маркса, въ СПб. Большая Морская, № 9.

НИВА

ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ
ЖУРНАЛЪ
ЛИТЕРАТУРЫ
ПОЛИТИКИ И СОВРЕМЕННОЙ ЖИЗНИ.

XI годъ
№ 27

годъ XI
1880

Выданъ 5 Юли 1880 г.

Цена этаго № „Нивы“ 20 к. съ перес. 25 к.

♦♦♦♦♦
ОБЪЯВЛЕНІЯ
для напечатанія
въ „НИВѢ“ принимаются по 25 к.
за строку нонпарейль (въ 1/4 ширины
страницы).
КОНТОРА
журнала открыта
ежедневно (кроме
Воскресныхъ и
праздничныхъ
дней) отъ 10 ч. утра
до 6 ч. вечера.
♦♦♦♦♦

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА „НИВУ“ 1880 г.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА НА ГОДОВОЕ ИЗДАНИЕ „НИВЫ“

Безъ доставки въ Петербургъ. 4 р.	Безъ доставки въ Москвѣ черезъ кн. маг. гг. Шапошникова, Соловьева и Лангъ. 5 р.
Съ доставкою 5 р.	Съ пересылкою въ Москву и другіе города Россіи 6 р.
На полгода безъ доставки 2 р., съ доставкою 2 р. 50к., съ пересылкою иногороднымъ 3 р.	

♦♦♦♦♦
ПРИЛОЖЕНІЯ.
Особая приложе-
нія при „НИВѢ“
объявленія отъ
торговыхъ домовъ
принимаются для
иног. по 6 р. съ
тысячи, для город-
скихъ по 4 р.
РУКОПИСИ.
Мелкія рукописи и
стихинеудобныя
печати, авторамъ
не возвращаются
♦♦♦♦♦

Каждый новый подписчикъ получаетъ всѣ уже вышедшіе въ 1880 г. номера.

КОНТОРА ЖУРНАЛА „НИВА“ ПОМѢЩАЕТСЯ ВЪ С.-П.-БУРГѢ, НА Б. МОРСКОЙ, ВЪ Д. № 9.

При этомъ № прилагаются ПАРИЖСКІЯ МОДЫ за ІЮЛЬ 1880 г. съ 24 рисунками в отдѣльный листъ съ 22 чертешъ выкроекъ въ натуральную величину и съ 35 рисунками руководѣльныхъ работъ.

Русская древняя архитектура. Дворецъ въ селѣ Коломенскомъ (1640 г.) Съ стариннаго рисунка грав. М. Рашевскій.

ДВОРЕЦЬ ЦАРЯ АЛЕКСЬЯ МИХАЙЛОВИЧА

въ подмосковномъ селѣ Коломенскомъ.

Село Коломенское (въ 7 верстахъ отъ Москвы), издавна принадлежало Великимъ князьямъ Московскимъ. Объ немъ упоминается еще въ XIV вѣкѣ въ завѣщаніи Ивана Калиты его сыну Андрею („А се села Серпоховское да Коломенское“). По своему избранію царь Михаилъ Ѳеодоровичъ, пріѣхавъ на Москву, гдѣ были тогда еще слѣды повсемѣстнаго разоренія, долженъ былъ поневолѣ озабочиваться устройствомъ своихъ помѣщеній. Тогда между прочимъ въ 1640 г. на мѣсто уже обветшавшихъ хоромъ въ Коломенскомъ, онъ построилъ новыя. При немъ же была построена тамъ и церковь Казанской Божіей Матери „въ Государевомъ селѣ Коломенскомъ“. При Алексѣѣ Михайловичѣ всѣ подгородные дворцы или приводились въ порядокъ или отстроивались заново. Въ Коломенскомъ стройка службъ была начата въ 1649 г. а осенью 1666 года начался приготовленіе къ возведенію великолѣпнаго двухъ-этажнаго дворца въ томъ видѣ, какъ онъ дошелъ до насъ, и то благодаря лишь разнымъ рисункамъ и планамъ, довольно подробнымъ. Дерево и строевые матеріалы заготовлялись въ вѣковыхъ лѣсахъ Брянскихъ на Угрѣ и Окѣ. Въ маѣ произведена была закладка. Въ „Дневальныхъ Запискахъ“ говорится, что „1667 г. мая 2 въ четвертокъ, послѣ столоваго кунанья, за два часа до вечера, Государь пошелъ съ Москвы въ Коломенское для окладыванія своихъ Государевыхъ хоромъ“. „Строили плотничій староста Сенька Петровъ да стрѣлецъ-плотникъ Иванка Михайловъ“. Рѣшники, работавшіе въ Новомъ Иерусалимѣ у Патріарха Никона, вызваны были въ Москву (имена ихъ всѣ сохранились) и рѣзбу деревянную для дворца дѣлали по книгамъ мастерскимъ къ рѣзному дѣлу. „Всякое рѣзное, желѣзное дѣло“ (гребни, флюгера) дѣлалъ мастеръ Григорій Павловъ. Государь велѣлъ въ хоромѣхъ окна и двери рѣзныя и стѣны въ теремахъ и на перилахъ чешуй—золотить а въ пняхъ мѣстахъ росписать разными красками, травы и фигуры. Ставилъ краски и золото и всѣ подобныя матеріалы „Амбургскія земли торговый иноземецъ Андрей Кенкель“. Мастера замѣтили, что золото нѣмецкаго дѣла противу московскаго не сойдется. Московское-де зелено и тонко и годно развѣ только къ стѣннымъ дѣламъ.

Дворцовые живописцы, иконописцы и травники цѣлыхъ два года писали „стѣнное и подвoločное письмо“. Дворецъ впоследствии поражалъ и москвичевъ и иностранцевъ блестящею золотою и краскою „предивною хитростію, пречудною красотою“.

И въ остальные годы царствованія, Алексѣй Михайловичъ постоянно поддерживалъ свой любимый дворецъ. Сдѣланы были на примѣръ „пять трубъ залвныхъ“, затѣмъ „механика львовъ рыкающихъ“ и часы на дворцовую башню, надъ въздными воротами.

Послѣ смерти царственнаго строителя дворецъ былъ распространенъ, частью совсѣмъ перестроенъ. При царѣ Ѳеодорѣ, дѣлать новую „столовую“ во дворцѣ подрядился крестьянинъ В. П. Шереметевъ Дементьевъ. Въ 1684 году была произведена перестройка и починка хоромъ, мыленъ, сѣней, рундуковъ,

полковничьихъ и стрѣleckихъ избъ и настроено этихъ избъ много, въ виду стрѣleckихъ колненій, для усиленнаго караула.

Но вотъ Дворецъ переселился въ Петербургъ и съ тѣхъ поръ никакихъ пристроекъ и починковъ уже въ Коломенскомъ дворцѣ не производилось. Въ 1729 году останавливался тутъ Петръ II — значить дворецъ былъ еще вполне годенъ для житья. Императрица Анна Іоанновна въ 1736 г. издала указъ, чтобы „обветшалое дворцовое строеніе имѣть въ добромъ прирѣшнн и починять мастерскими и работными людьми, причемъ задавалась трудная задача дѣлать это „безъ утраты денежной казны“. Канцелярія отвѣтила, что „при дворцѣ такихъ работныхъ людей или припасовъ не имѣется“. Тѣмъ повидному это и закончилось. Въ 1762 году Императрица Екатерина II въ бытность свою въ Москвѣ, обратила вниманіе на развалины деревяннаго Коломенскаго дворца, осмотрѣла ихъ и велѣла „снять планъ съ фасадомъ и возможно старатца, чтобы былъ дворецъ исправленъ“. Лица, которымъ былъ порученъ осмотръ дворца, заявили, что за ветхостію исправить его нельзя а надлежитъ, разобрать, построить вновь а какъ строить комнаты вновь—то повергають они на „высокое разсужденіе“, а при семъ представляютъ на перестройку дворца смѣту.

По значительности суммы смѣты (около 100 тыс.) на перестройку не рѣшились. Между тѣмъ „Коломенскія управительскія дѣла“ доносили, что дворецъ сильно обваливается за ветхостію.

И вотъ наконецъ, уже въ 1767 г., получено Высочайшее повелѣніе „въ селѣ Коломенскомъ старый деревянный дворецъ весь разобрать бережливо, матеріалъ спрятать а мѣсто очистить“. По линиямъ основанія дворца, для сохраненія о немъ памяти, были посажены кусты акаціи, которая одна теперь цвѣтетъ мирно тамъ, гдѣ кипѣла полная жизнь роскошнаго, многочлуднаго московскаго царскаго Двора.

Говорятъ прежде давно существовала модель дворца, деревянная и раскрашенная, но она утрачена. По имѣющимся же подробнымъ планамъ и свѣдѣніямъ, художникъ Д. А. Смирновъ сдѣлалъ новую модель этаго замѣчательнаго памятника старинной архитектуры, въ трехъ-аршинномъ, почти квадратномъ размѣрѣ, изъ липоваго дерева, нераскрашенную. Въ 1868 году художникъ представилъ модель лично Государю Императору и нынѣ она находится въ Оружейной Москвитской Палатѣ.

Симеонъ Полоцкій называетъ дворецъ въ стихахъ своихъ, поднесенныхъ царю Алексѣю Михайловичу „восьмымъ чудомъ свѣта“. Архитектура дворца исконная русская. Великолѣпную пестроту красокъ, своеобразною рѣзбою и позолотою и всею сложною системою постройки, дворецъ совершенно соответствуетъ нѣсеннымъ описаніямъ древнихъ русскихъ хоромъ. Это былъ послѣдній полный памятникъ русскаго стариннаго вкуса, русскаго зодчества, наконецъ русскаго житья-бытья, съ его вышками, теремами, чердаками, рубленными башнями, напоминающими пагоды индійскаго стіля.

КУПЛЕННОЕ СЧАСТЬЕ.

Романъ Н. Морскаго.

(Продолженіе).

Х.

Надежды оживаютъ.

Графиня Брумъ пришла все болѣе и болѣе въ дурное расположеніе духа... Зима была почти на исходѣ, рядъ блестящихъ баловъ уже миновалъ; въ будущемъ оставалось гораздо менѣе празднествъ, нежели сколько ихъ прошло — а между тѣмъ привлекательная надежда сдѣлать для Додо хорошую партію, нисколько не реализовалась, все оставалась одной мечтой, способной къ концу сезона поневолѣ привести заботливую мать въ непріятное и раздражительное состояніе духа!.. Графиня проектировала, вернувшись въ великій постъ въ деревню, въ разоренное и малоодоходное гнѣздо свое—сюзить расходы на самый продолжительный срокъ до возможно незначительной стѣпени, а теперь что-же: Додо все при ней, предстоитъ еще зима, предстоитъ слѣдовательно новая попытка ѣхать съ Додо въ Петербургъ, предстоитъ новыя расходы... Ахъ, Додо, Додо!.. Какъ ужъ я надѣялась... Меликова, когда еще онъ правовѣдомъ былъ, пріучала къ нашей семьѣ; сколько на этого угриватаго мальчишку денегъ истратила чтобы его закормить, сама

слабости его поощряла... За обѣдомъ для него какъ для взрослого, вина подавала... кончится обѣдъ, позволяла ему не церемониться съ ними, прилечь на софу... Сама уйду, а Додо ему французскіе романы читаетъ... Онъ лежитъ, закрывъ глаза... и слушаетъ... И что же! вотъ свершнй мальчишка, вотъ негоднй!.. эту зиму даже не хочетъ насъ знать... Волочитя за какой-то гостинодворкой... Графиня вздохнула при этомъ... Вѣдь родъ-то нашъ какой!.. Вѣдь покойному Готфриду Бисмарку сродни приходился... Вѣдь дѣдушка Панкратій Брумъ городъ какой то взялъ... наконецъ и я, рожденная Мельницкая!.. Тетка Акулина была за княземъ Квашнинымъ; тетка Матрена — за маркизомъ Дагоберъ... Матрена Дагоберъ, Акулина Квашнина, воскликнула было графиня съ пафосомъ, по вдругъ, вспоминая о гостинодворкѣ, оттягившей Меликову,—слѣдующее за этимъ торжественнымъ возгласомъ хвалебное продолженіе внезапно отмѣнила—да на кой шутъ мнѣ ваши имена! И съ кротостію обратилась къ вошедшей къ ней съ утреннимъ привѣтствіемъ Додо...

— Здравствуй, милая Додо.

Додо вошла веселая и сіяющая, очень мило одѣтая, держа неизмѣнный золотой лорнетъ у своихъ косыхъ гла-

зюк... Она почтительно поцѣловала ручку мама, завивающей передъ зеркаломъ жидкія пряди волосъ. Додо находилась въ какомъ-то радостномъ возбужденіи и опытный глазъ матери сразу замѣтилъ, что она имѣетъ сообщить нѣчто весьма интересное и быть можетъ относящееся къ занимающему ихъ обѣихъ дѣлу... Прикалывая завитую на шпилькѣ букольку, графиня освѣдомилась:

— Ты возбуждена, Додо?

Голосъ ея былъ мягкій, нѣжный. Додо заторопилась.

— Помнишь *тамап*, мы ѣздили къ теткѣ Шербюлье для встрѣчи новаго года въ Царское.

— Да...

— Помнишь наше возвращеніе?.. еще съ вокзала мы проѣхали къ Батракову?..

— Конечно...

— Помнишь... Она не договорила; графиня, окончивъ куафюру, своимъ мягкимъ, деликатнымъ голосомъ доказала, что ея память свѣжа:

— Безъ сомнѣнія помню, моя милая Додо... Вагонъ былъ почти пустъ... противъ насъ сидѣлъ черноволосый господинъ, который вступилъ съ нами въ разговоръ... Кажется порядочный... Но что-же изъ этого Додо?..

— Инженеръ, *тамап*, инженеръ! — воскликнула въ нѣкоторомъ восторгѣ Додо. Графиня не совсемъ поняла такое настроеніе дочери:

— Что-жъ изъ этого, мой другъ?

— Ахъ, *тамап*... Неужели ты забыла, что говорила мнѣ тетка Шербюлье: дворянскій гербъ, Додо, — сказала она, — графская корона поблѣднѣли, моя милая... Ужъ на что правовѣды считались за *gens d'avance*, Додо, и теперь кто-же ихъ за такихъ считаетъ?.. Теперь купецъ, инженеръ, мѣняла — *gens d'avance*, а не правовѣды... Мѣняла! *c'est le mot*...

— Додо! — съ упрекомъ взглянула на дочь графиня...

— *Pardon, pardon, chère мамочка!*..

— Откуда ты узнала что онъ инженеръ? — старалась скрыть улыбку графиня...

— Представь: онъ живетъ здѣсь-же въ отелѣ... Я встрѣтила его въ корридорѣ...

— Ахъ, Додо, — упрекнула мать, — ты опять выходила въ корридоръ... Кажется я просила тебя этого не дѣлать?.. Ну, встрѣтишь Батракова, ну тетка Шербюлье прійдетъ, — что тогда?.. Стыдъ: ты въ корридорѣ, какъ какаянибудь дѣвчонка...

Додо смутилась, услышавъ такой упрекъ... Но графиня тотчасъ же взяла надлежащій тонъ, совершенно успокоившій дочь. Что тамъ ни говори, а интересно, какъ все это провѣдала плутовка. Голосъ ея изъ мягкаго, сталъ ровнымъ, когда она спрашивала.

— Встрѣтила? Ну, и что-же?

— Онъ поклонился и заговорилъ...

— Да?

— Мы сосѣди... Ахъ, онъ очень недуренъ, *тамап*... но — немолодой...

— Мы сосѣди? — напомнила графиня дочери, показывая, что вопросъ о красотѣ имѣетъ для нея второстепенное значеніе и наводя такимъ образомъ на самую суть...

— Вы тоже живете здѣсь, спросила я, — возобновила Додо начатое: — онъ отвѣтилъ: да. Я здѣсь на время; я провожу линію... Я забыла, *тамап*, откуда и куда онъ ведетъ линію...

— Но онъ все-таки ее ведетъ? — показала графиня, что вопросъ о направленіи линіи имѣетъ для нея опять таки второстепенное значеніе и что суть только въ томъ, что инженеръ вообще все же проводитъ какую-то линію.

Съ неподдѣльнымъ жаромъ Додо увѣрила мать:

— Ведетъ, ведетъ... Проживу, говорить, мѣсяцъ и поѣду проводить линію...

— Ахъ, Додо!

Графиня снова заговорила мягко и этимъ немногословнымъ восклицаніемъ сказала дочери многое, что вскипѣло у нея на душѣ при неожиданномъ сообщеніи объ инженерѣ. Додо согласилась съ матерью:

— Да, *тамап*, да.

Имъ нечего было разглагольствовать, онѣ понимали другъ друга и безъ лишнихъ словъ... Какъ какіянибудь заговорщики, онѣ обмѣнивались полужразами, не досказывая ихъ до конца... Обѣ стояли теперь задумчиво у окна, думая объ одномъ и томъ-же и по временамъ перекидываясь другъ съ другомъ немногими словами, а затѣмъ снова впадая въ прежнее молчаніе.

— Такъ близко, Додо.

— Да, *тамап*.

— Это такъ удобно, Додо.

— Очень, *тамап*, удобно.

И посмотрѣвъ другъ на друга, начинали глядѣть на улицу, открывающуюся изъ окна отеля, въ которомъ онѣ нашли себѣ помѣщеніе...

— Вѣроятно мало знакомыхъ, Додо.

— Вѣроятно, *тамап*.

Безъ конкуренціи соперницъ — это такъ хорошо... Додо мила, но вѣдь Меликовъ остался же слѣпъ къ ея прелестьямъ, негодяй!.. Вѣдь предпочель-же онъ гостинодворку... Этотъ самый вѣроятно богатъ, не чета Меликову... Къ тому-же Дагоберъ и Квашнина — это все-таки чтонибудь, да значить... Графиня вспомнила, что ей надо еще окончить прерванный туалетъ...

— Скоро два, а я еще не одѣта...

И вернулась къ прежнему:

— Знаешь что, Додо?

— Что, *тамап*?

— Пригласимъ его сегодня вечеромъ пить чай... Мы будемъ однѣ...

— Отчего-же, *тамап*.

— Напиши ему, Додо... Знаешь такъ: *тамап* и я, просимъ... провести сегодняшній вечеръ. Безъ всякихъ церемоній: мы будемъ однѣ... А?

— Хорошо, *тамап*, я напишу.

И молодая графиня повернулась, чтобы идти исполнить немедленно приказаніе матери... Графиня, приступая къ продолженію своего туалета, послала вслѣдъ дочери:

— Ахъ, право, Додо: еслибы...

Додо обернулась отъ дверей, лорнируя мать:

— Дастъ Богъ, *тамап*...

И исчезла изъ спальни въ пріемную.

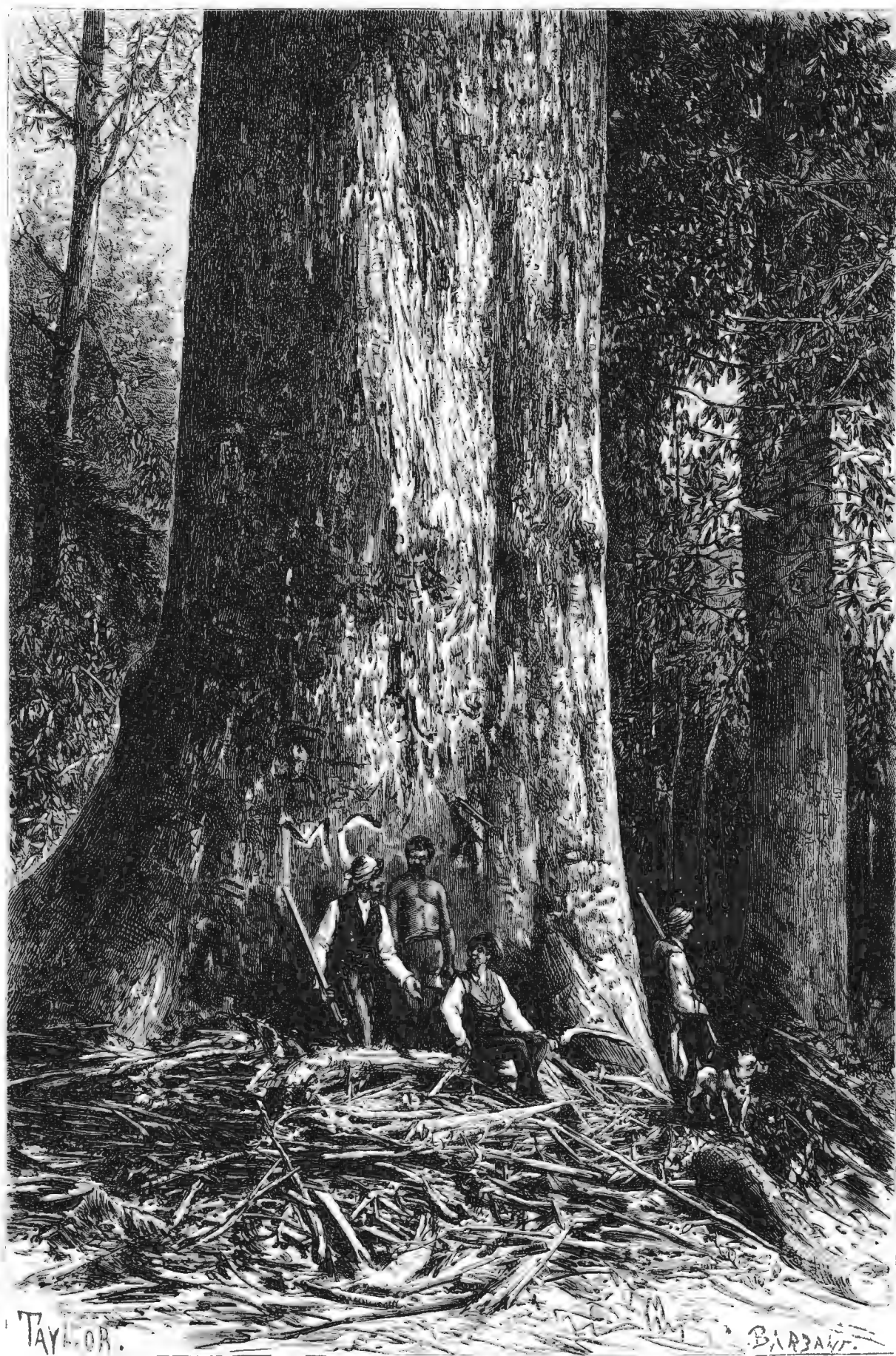
XI.

Продолженіе знакомой исторіи.

Графиня и ея дочь занимали очень дорогой, но очень неудобный номеръ въ *Grand-Hôtel*'ѣ. Положимъ графиня была не прочь помѣститься попроще и не въ гостиницѣ — Боже мой! И въ надеждѣ пристроить Додо слѣдовало порастрясти послѣднія крохи... *Grand Dieu*, что-же дѣлать? Хорошо было Матренѣ Дагоберъ и Акулинѣ Квашниной жить! Все есть, только знай собирай въ житницы... Но ей, трудненько-таки изворачиваться... Крохи, крохи и крохи... Не далѣе, какъ вчера, присутствуя на большомъ обѣдѣ у кузена Шербюлье, вспомнили о княгинѣ Растопкиной... Ну, кто не знаетъ этой фамиліи, составляющей въ нѣкоторомъ родѣ достояніе исторіи?.. И что-же не далѣе, какъ ея внука — княгиня Растопкина завела, не имѣя средствъ къ жизни, меблированныхъ комнатъ средней руки... Развѣ это не ужасно! Послѣ обѣда разговоръ возобновился о злосчастной княгинѣ, возобновился шепотомъ между дамами въ уборной... Княгиня попала подъ судъ... Одинъ изъ ея жильцовъ махалъ палкой, грозясь убить перваго кто осмѣлится ему препятствовать прохаживаться по корридорѣ въ самомъ неприужденномъ дезабилье... Лакеи, жильцы, мировой судъ и княгиня Растопкина... *c'est*

Южная Америка. Исполмнсій лѣсъ въ Гвіанѣ. Рис. Ріу, грав. Гильдебрандтъ.

Австралія. Исполненное дерево наз. „Большой Бенъ“. Рис. Тайлоръ, грав. Барбанъ

affreux!.. и еще разъ графиня воскликнула въ общій тонъ: ah, quel honneur! въ глубинѣ души затаивъ мысль о возможности въ недалекомъ будущемъ комбинаціи лакеевъ, мирового судьи, забудыги жильца и ея, графини Брумъ... Надо, надо во что бы то ни стало поддерживать Додо, окружить нѣкоторымъ блескомъ, одѣть получше.. И графиня сдѣлала все это, съ тревожно бьющимся сердцемъ ожидая, когда наконецъ увѣнчаются предпринимаемые ею труды желаннымъ успѣхомъ.

Меланхолически задумчивая, ходила она по освѣщенному лампами красно-бархатному салону съ золоченою мебелью, съ круглымъ посрединѣ столомъ, на которомъ были разбросаны визитныя карточки аристократическихъ знакомыхъ графини,—ходила, заложивъ руки за спину, ожидая прихода приглашеннаго къ чаю инженера. Додо, красиво освѣщенная матовой лампой, читала черезъ лорнетъ, сидя на угловомъ диванѣ, французскій романъ. Додо одѣлась мило, сѣла на диванъ съ чрезвычайно красивымъ поворотомъ своего затаеннаго въ карсетъ стана, долго и тщательно раскладывала на полу у ногъ своихъ юбки, улегшися въ концѣ концовъ изящнымъ вѣеромъ и погрузилась не столько въ чтеніе романа, сколько въ мечтаніе о своей будущности, оживающее и возрастающее въ ней при всякой новой надеждѣ.. Неужели,—думала она,—неужели же я такъ и останусь въ дѣвцахъ? Холодъ пробѣгалъ по ея спинѣ при подобномъ вопросѣ. —Не можетъ этого быть... Вѣдь въ случаѣ крайности можно будетъ выйти хоть за учителя гимназіи какаго. За учителя!.. Она старалась утѣшить себя. Что-жъ, теперь и учителя гимназіи получаютъ не мало... особенно изъ извѣстныхъ. Додо допустила самый худшій исходъ: пусть она выйдетъ за неизвѣстнаго учителя гимназіи. Все же—жалованья около двухъ тысячъ, квартира можетъ быть... потомъ конечно уроки... Самая дешевая плата учителю гимназіи за урокъ 3 рубля въ часъ... Она сдѣлала расчетъ и долго мучилась вопросомъ, до сколькихъ часовъ учитель можетъ давать уроки въ теченіе дня? И рѣшила: до двѣнадцати; позднѣе—неудобно; дѣти спать. Рѣшивъ такимъ образомъ, она перевернула нѣсколько страницъ романа, прочла начало какой-то главы и принялась за вычисленіе того, сколько въ теченіе дня можно дать уроковъ. Для этого она вычла часы съ девяти до двухъ ежедневно на гимназію, два часа на обѣдъ и разѣзды изъ дома въ домъ и такимъ образомъ нашла, что въ день ея будущій супругъ можетъ дать до восьми приватныхъ уроковъ и такимъ образомъ заработать до 24 рублей, считая продолжительность урока въ часъ, а цѣну въ три рубля... Въ мѣсяцъ это составитъ 700 рублей... что-жъ, это еще ничего... А отдыхъ? отдыхъ лѣтомъ, рѣшила она, у маманъ въ деревнѣ. Право, въ случаѣ этотъ инженеръ не удастся, выйду и за учителя... Продолжительный звонъ электрическаго колокольчика прервалъ нить размышленій матери и дочери. Мать остановилась ходить взадъ и впередъ по залу, а дочь еще прилежнѣе припала къ читаемому роману, попрежнему красиво освѣщенная свѣтомъ лампы, держа у глазъ неизмѣнный золотой лорнетъ. Въ двери салона постучали.

Графиня бѣглымъ и внимательнымъ взглядомъ осмотрѣла дочь; какъ она сидитъ и достаточно ли эффектную приняла позу. Только убѣдившись въ этомъ, она дала разрѣшеніе стучащемуся войти:

— Entrez!

Тогда дверь салона отворилась и графиня увидѣла фигуру высокаго мужчины, лѣтъ сорока пяти, съ длинными черными волосами, съ высокимъ лбомъ, съ усами и эспаньолкой, одѣтаго въ очень приличный, вечерній костюмъ. Господинъ вошелъ довольно смѣло, непринужденно, похоже на то, какъ входитъ на сцену, изображающую герцогскій, великосвѣтскій салонъ, провинціальный актеръ, никогда подобнаго рода салоновъ не видавшій. Опустивъ правую руку по лампасу панталонъ,

лѣвую со шляпой отведя немного назадъ, отъ самой двери выражая наклоненною головою родъ нѣкотораго почтенія къ стоящей посреди салона графинѣ, черноволосый господинъ медленно приблизился къ ней и отрекомендовался:

— Честь имѣю представиться: инженеръ Гавриловъ

И разрѣшился въ глубокой поклонъ, ожидая съ любезной улыбкой.

— Будемъ знакомы, м-г Гавриловъ,—привѣтливо заговорила она, не подавая однако гостю руки,—мы сосѣди... И вы, и я съ дочерью—люди прїѣзжіе; и у васъ вѣроятно, какъ и у насъ—знакомыхъ мало, часто приходится сидѣть однимъ и скучать. Такъ вотъ мы и будемъ дѣлать наше одиночество,—закончила она съ очаровательной улыбкой.—Съ моей дочерью вы знакомы.

Гость тихо отвелъ руку со шляпой отъ того мѣста, на которомъ она до сихъ поръ пребывала, медленно подвѣлъ ее къ сердцу и вторично почтительно поклонился графинѣ, а затѣмъ, на время оставившей чтеніе романа, Додо. Додо отвѣтила, сидя, на его поклонъ молчаливымъ наклоненіемъ головы, сопровождаемымъ нѣсколько томной улыбкой...

Графиня попросила садиться, занявъ мѣсто на диванѣ, стоявшемъ у той стѣны, которая приходилась какъ разъ противъ дивана, на которомъ помѣщалась Додо и указала гостю на близстоящее кресло:

Гость сѣлъ, поставивъ шляпу на коверъ около своего мѣста и почтительно смотря на графиню, ожидалъ, что скажетъ эта аристократическая дама. Графиня не заставила долго ждать:

— Вы ведете линію, м-г Гавриловъ?

Онъ отвѣтилъ утвердительно и распространился на счетъ этаго... Я здѣсь на время. Прїѣхалъ отдохнуть и развлечься... А потомъ снова вернусь къ своимъ насыпямъ, къ своимъ мостамъ, къ рабочимъ... Дамы не имѣютъ понятія, какъ все это трудно... Жить цѣлый день подъ холодомъ и снѣгомъ, ругаться съ рабочими, которые постоянно чѣмъ-то недовольны... Графиня прервала его:

— Напрасно такъ думаете... Я деревенская жительница и отлично знаю, что такое нашъ русскій православный народъ. Ахъ, м-г Гавриловъ, ему такъ нуженъ руководитель, котораго онъ находилъ прежде..

И понизивъ голосъ, такъ какъ то, что она намѣревалась сказать, было слишкомъ либерально, пояснила:

— Нашъ народъ еще не созрѣлъ...

Онъ согласился съ ней... Знаете, съ отчужденнаго права, народъ нашъ лишился многихъ прекрасныхъ душевныхъ свойствъ, которыя было удалось въ немъ воспитать... Напримѣръ: онъ сталъ неблагодаренъ. Онъ сталъ интересанъ: какойнибудь нравственной привязанности, расположенія душевнаго въ немъ не осталось и слѣда.

— Маманъ,—вмѣшалась въ разговоръ Додо, до сихъ поръ молчавшая,—м-г Гавриловъ совершенно справедливо указалъ на развивающуюся въ народѣ неблагодарность... Помнишь мою горничную Наташу?

— Да, оживилась графиня, обращаясь къ Гаврилову, представьте. У Додо жила дѣвушка лѣтъ семнадцати... Однажды Додо выпросила у меня позволеніе отдать ей одно изъ ненужныхъ ей платьевъ. Я конечно позволила и Додо отдала. Что-жъ бы вы думали, м-г Гавриловъ?.. Взяла платье и на другой день перешла на мѣсто, гдѣ платили рублемъ въ мѣсяцъ дороже. Какъ это вамъ нравится?

Онъ пожалъ плечами и, не говоря ни слова, вздохнулъ.

Но бесѣды свѣтской женщины не должны быть однообразны и перемѣнили разговоръ.

— Бываете въ театрахъ, м-г Гавриловъ?

Онъ улынулся грустно и покачалъ отрицательно головой.

— Нѣтъ.

Графиня уставила на него вопросительные глаза, ожидая объясненія его времяпровожденія. Онъ съ какой-то странною застѣнчивостью, не совсѣмъ идущою къ пожилому возрасту, удовлетворилъ ея любопытство:

— Я жилъ въ семьѣ глубоко-религіознаго склада... Теперь надъ этимъ смѣются, я знаю, но я привыкъ имѣть иные взгляды на вѣрованія... Молитва и добрыя дѣла.

Графиня не дала ему окончить.

— Ахъ, добрыя дѣла такъ пріятно дѣлать.

Въ его глазахъ блеснулъ лучъ радости, что его не осмѣютъ здѣсь, что онъ найдетъ сочувствіе къ его взглядамъ, котораго не находитъ нигдѣ...

— Въ свободное отъ занятій время, я бываю въ церкви... Петербургъ не располагаетъ къ молитвѣ, но вѣдь есть же и здѣсь... А что касается до несчастія, то гдѣ же въ Россіи такое множество несчастныхъ собраны въ одномъ мѣстѣ, какъ не здѣсь?..

За примѣрами ходить не далеко... Вотъ... и съ прежнимъ нѣсколько меланхолическимъ и кислымъ видомъ онъ рассказалъ графинѣ исторію одного молодаго человѣка, котораго онъ встрѣтилъ недѣли двѣ тому назадъ. Гдѣ онъ встрѣтилъ такого молодаго человѣка, онъ не назвалъ... Исторія очень и очень поучительная... Графиня слушала внимательно. Додо исторія казалась скучноватой и вообще Гавриловъ ее разочаровывалъ. Въ корридорѣ, встрѣчаясь съ нею, онъ держалъ, казалось ей, себя какъ-то иначе... и глаза у него совсѣмъ не такіе были... Она все таки сдѣлала попытку вслушаться въ разговоръ Гаврилова.

— Представьте, графиня,—говорилъ онъ—такое положеніе. Молодой человѣкъ утратилъ свои документы во время крушенія корабля. Его самого спасли... Куецъ, у котораго онъ служилъ, снабдилъ его деньгами и послалъ въ городъ, гдѣ жила его мать. Не могъ же онъ держать его безъ паспорта?.. Молодой человѣкъ пріѣзжаетъ въ городъ, гдѣ живетъ его мать, является къ ней, объясняетъ свое положеніе и проситъ снабдить его деньгами и какимъ-либо паспортомъ... Мать видитъ въ чемъ дѣло и какъ она имѣла основаніе скрывать, что у нея есть сынъ,—разказчикъ взглянулъ при этомъ многозначительно на графиню, которая легкимъ наклоненіемъ головы дала ему знать, что понимаетъ въ чемъ дѣло,—то въ утратѣ имъ паспорта увидѣла отличнѣйшее средство совершенно избавиться отъ сына.

— Ахъ! воскликнула графиня.

Онъ монотонно продолжалъ разговоръ, сдѣлавъ какой-то жестъ рукою, долженствовавшій означать: да, вотъ какія матери бываютъ. — Безпаспортнаго бродягу, его схватила полиція и посадила въ часть. Въ части онъ еще разъ указалъ на мать. Послали къ ней... Она вторично окрестилась отъ этаго молодаго человѣка, какъ отъ сына, но сказала, что знала его родителей, что родился онъ въ Пруссіи; въ городѣ Марбургѣ и посовѣтовала отослать сына, вѣроятно желая его упрятать подале, туда. Цѣлыхъ семь недѣль его продержали въ части, затѣмъ перевели въ пересыльную тюрьму, изъ которой, къ крайнему его удивленію, превеличавъ по этапу до прусской границы... На станціи Таурогенъ онъ, дѣлать нечего, объявилъ себя прусскимъ подданнымъ, его снабдили маршрутомъ для добровольнаго слѣдованія въ Марбургъ, куда онъ немедленно и отправился. Въ Марбургѣ (онъ зналъ нѣмецкій языкъ, выучился въ Ревелѣ, когда жилъ у купца), оберъ-бургомистръ вытаращилъ на него глаза и конечно не согласился признать его ни съ того ни съ сего прусскимъ подданнымъ. Онъ жилъ подаяніемъ.

— Ахъ! вторично воскликнула графиня.

И вотъ онъ пѣшкомъ добрался до Россіи. Конечно

его немедленно задержали и онъ, ни съ того ни съ сего назвался петербургскимъ уроженцемъ... Тогда его отравили въ Петербургъ. Исторія извѣстная: управа благочинія, Спасская часть и затѣмъ...

— Что бы вы думали, графиня, что такое?.. Опять отсылка по этапу въ Марбургъ.

— Ахъ! воскликнула графиня... Что же потомъ?

— Потомъ? опять прежній пріемъ у бургомистра, опять странствованіе пѣшкомъ въ Россію, арестъ на этотъ разъ въ Либавѣ, семь мѣсяцевъ въ тюрьмѣ, отсылка въ Петербургъ, гдѣ онъ назвался чужой фамиліей.

— Тогда его вызвали въ окружный судъ, который, признавъ его виновнымъ въ присвоеніи чужой фамиліи, оштрафовалъ его пятью рублями. Адвокатъ заплатилъ за него штрафъ и пока онъ на свободѣ,—окончилъ свой разговоръ Гавриловъ.

И, какъ графиня, не произнося ни слова, качала головой, прибавилъ:

— Мое желаніе снабдить его паспортомъ и приписать къ какому-нибудь сословію.

— И вы тратите, м-г Гавриловъ, на это свой досугъ? полюбостествовала графиня, дѣлая сочувствующее лицо.

— Я дѣлаю это, быть можетъ изъ эгоизма,—скромно защищался онъ отъ восхваленія его дѣйствій.—Я не досказалъ вамъ всего.

Ее началъ утомлять разговоръ и она какъ-то холодно поинтересовалась:

— Да?

— Это дѣло меня интересуетъ,—пояснилъ онъ,—потому что я совершенно случайнымъ образомъ наткнулся на нѣкоторыя данныя, проливающія свѣтъ на эту темную исторію. Простите за подробности.

— О, это такъ интересно!

— Видите. Работая на линіи, я долженъ былъ посѣтить ближайшій губернской городъ по дѣламъ... Вотъ въ этомъ-то городѣ я и открылъ слѣды...

Ему понадобились для работы высокіе сапоги. Онъ зашелъ къ сапожнику и, сторговавшись, разговорился съ нимъ. Оказалось, что этотъ сапожникъ изъ крѣпостныхъ, откупили еще задолго до освобожденія крестьянъ. Разговоръ перешелъ на бывшихъ господъ... Семейство, говоритъ, было большущее, но изъ всѣхъ осталась только жена покойнаго барина, старуха девяностолѣтняя, да дочь, дѣвица лѣтъ сорока пяти... Старуха, говоритъ, въ настоящее время суцій ребенокъ, а дочка-то—молится по церквамъ, монастырь строить хочетъ... и вздохнулъ, знаете, при этомъ... я спрашиваю: богомольная, что-ли?..

И, какъ бы желая убѣдиться, не слушаетъ или слушаетъ разговоръ Додо, бросилъ на нее взглядъ. Додо сидѣла, перелистывая романъ и, замѣтивъ его взглядъ, опытностью свѣтской дѣвицы понявъ, что онъ хочетъ сообщить что-то тамап такое, чего ей не подобаетъ слушать, моментально впилилась въ одну изъ страницъ, какъ бы поглощенная чтеніемъ... Тогда, понизивъ голосъ и нѣсколько наклонившись къ графинѣ, Гавриловъ сообщилъ:

— Онъ отвѣтилъ мнѣ на вопросъ: да, говоритъ, теперь богомольная стала, а съ молоду-то не была такой... Мальчика, говоритъ, сына, какъ сталъ подростать, ко мнѣ отдала на выучку, а потомъ въ Ревель къ одному купцу послала... И представьте, рассказываетъ мнѣ ту самую исторію, которую я рассказываю сейчасъ вамъ... Это меня поразило конечно... Спрашиваю; а какъ этотъ мальчикъ прозывается?.. Я вамъ не сказалъ, графиня, что у моего молодаго человѣка сохранилась аттестація ревельскаго купца, выданная ему послѣ того, какъ онъ чуть не погибъ отъ крушенія, въ которой молодой человѣкъ названъ тѣмъ самымъ именемъ, какимъ называлъ мнѣ сына благородной дамы сапожникъ. Вы понимаете положеніе дѣла, графиня?

— Но это роман! воскликнула графиня, которой весь рассказ очень надоел и которая решила его прервать во что бы то ни стало, найдя к этому приличный предлог: — однако, что же нам не дают чаю?.. Pardon, я распоряжусь. Додо, займи м-г Гаврилова.

И оставила зал. Додо как бы съ трудом оторвалась от романа и медленно повернулась к Гаврилову. — О, какой скучный, добродетельный человек!.. То-ли дело Меликов, который лежа на диване, так любил нести преуморительную чепуху... Она навела на м-г Гаврилова лорнет и всмотрелась в него... Да, что же это такое?..

ХII.

О д н и.

Додо имела полное право удивиться... Лишь только графиня оставила салон, съ господином Гавриловым совершилось моментальное превращение. Мигом исчезло его скромное выражение лица, почтительная поза с которой он держался перед графиней, глаза какого-то святоши. Он молодцовато встряхнул волосами, отставил ногу и взглядам, бросаемым на Додо, придал игривое выражение. Додо, пораженная такой переменой, объяснила ее себе очень практично и умно. Он не глуп: при маман, желая ей понравиться, он прикинулся солидным и очень добродетельным: наедине со мной, он знает, что добрыми делами и скромностью не очень-то мне понравится, что со мной надо иначе, повеселиться... Это — умно. Положим она отлично понимала, что и при маман излишне казаться уже слишком святым, по тем не менее в этой тайне обращения с нею наедине иначе, чем при матери, Додо усмотрела для себя нечто подающее ей надежду. Она решила вести себя с маман и без нея совершенно иначе и вследствие этого погрозила Гаврилову пальчиком:

— М-г Гаврилов, однако вы должно быть ужасный! Я не узнала вас при маман.

Смясь, он пересел к ней ближе. Она отодвинула платье и, откинувшись на спинку дивана, смотрела на него с улыбкой.

— Разве можно графиня, иначе? Ваша матушка почтенная дама, воспитанная в предразсудках старинной семьи. Позвольте закурить?

— Сделайте одолжение. Я люблю запах папирос и иногда, конечно тихонько от маман, курю сама. Князь Голицына снабжает меня такими тонкими, тонкими папиросками.

Она умышленно упомянула титулованное имя... Он вынул серебряный портсигар и предложил ей.

Она не отказалась и закурив от поданной им спички, нагнулась. Закурив, она красиво откинулась. На красном фоне бархатного дивана, окруженная золоченым ободком выгиба спинки, Додо казалась очень эффектной. Гаврилов обернул к ней свое кресло и облокотившись на стоящую перед диваном стол, пожирал ее глазами, безцеремонно разсматривая ее и пуская клубы дыма. Она заговорила с ним с тою же свободой, с какою когда-то несла смелую чепуху с Меликовым.

— Женщины не спрашивают о годах, — сказала она, — но для мужчин, говорят, это не обидно. Скажите мне, м-г Гаврилов, который вам год?

— О, я старик... Мне сорок семь лет...

— Уж и старик. Для мужчины это молодые годы.. Скажите...

Она запнулась и предлагая пришедшей ей в голову вопрос, который она с маман, как-то совершенно безпечно игнорировала, почувствовала некоторое волнение.

— Скажите: вы женаты?

Он шутил, смясь. О, конечно он женат. Разве может человек в его годы, в России, если это человек порядочный, быть неженатым? Он мало того

что женат, он — патриарх. Он дед; да... Молодая графиня не хотела верить его легкому и шутливому тону.

— Не может быть: вы говорите неправду.

Тогда он представился серьезным... Да, он шутил: он не душка еще, но он женат. Увы! жена бросила его, бжала с другим... Додо воскликнула тоном недопускающим возможности подобного образа действий со стороны жены *такого* мужа.

— Бросить вас?! не может быть.

О да, жена бросила его... В свою очередь она покинула тем, с кем бжала и умирает в бедности... На ее жизнь нет надежды... Своим вопросом Додо показала, что отлично понимает, что он шутит:

— Отчего вы не женитесь?.. спросила она.

Отчего?.. Он смотрел на молодую графиню так смело и нагло, что она покраснела.

— О, вы ужасный человек, м-г Гаврилов... Я скажу маман.

Он на минуту сделался серьезен и заговорил о другом. Веселятся ли он? где бывают?.. Додо назвала несколько аристократических имен, умышленно поражая его титулами: Граф Бобриков, барон Кнобельштерн, молодой Шербюль. Его любимый танец — мазурка. На бал Жанеты она танцевала ее с князем Долговым. Знаете?..

— Он мой родственник... Моя бабка, Матрена Дагоберь, приходилась теткой князю Долгову. Дагоберь, рожденная Мельницкая.

На него вляло русскою титулованною стариною. В этих соединениях простонародного имени с иностранным маркизатом, в этих титулах и словах „прабабка“, „бабка“, „рожденная“ — заключалась какая-то особая музыка, кривая какой-то свой побочный, специфический, привлекательный и влекущий к себе символ. Да, это были символы, но все же они стоили до сих пор много, хотя и утратили свое доминирующее значение. „Гаврилова, рожденная графиня Брум“, — все таки недурно звучало и стоило какойнибудь „Гавриловой, рожденной Растеряевой“, хотя первая не имела ничего, кроме титула, тогда как вторая торговала во всем Петербурге, имела свои магазины, склады и заводы... Гаврилов сразу понял настоящее положение дела графини. Знатность ее рода была непреложна и неоспорима, но вероятно хромала финансовая часть, а потому Додо и не выходила замуж. Меликов женится на гостиниодворке — и это не единственный примѣръ. Дворяне ниспускаются до купцов; знатным предстоит идти за муж за разных аферистов, за людей наживы... Это опора бедняцкого дворянства, его надежда, его цель... Гаврилов прислушался к тому, что болтала Додо... Она сыпала именами и титулами, короткостью отношений своих ко множеству аристократических семейств, своими связями... Вдруг послышались шаги в соседней комнате и мигом Гаврилов принял прежнюю позу сдержанного, солидного человека... Додо, желая действовать с ним в унисон и намреваясь приять вид дочери, боящейся своей матери — гасила папироску, успев прошептать с хорошо выделанным жестом испуга:

— Маман!

И увидев входящую мать, громко отозвалась на будто бы ведущийся между нею и Гавриловым разговор:

— Это очень интересно, м-г Гаврилов.

Он поддержал ложь...

— Чрезвычайно!.. Я не уверена, но иногда занимаюсь этим.

Графиня-мать полюбила штетовала:

— Чем это, м-г Гаврилов?

Тогда, не задумываясь, он удовлетворил ее любопытство.

— Столверчением, графиня... Теперь это в большом ходу...

(До слѣд. №).

Радость матери. Картина Перро, грав. Смитонъ.

Библиотека "Руниверс"

ЗАРНИЦА.

Историческая быль.

(1650 годъ).

I.

Въ гаю.

День ли?.. Ночь-ли?.. Трудно сказать... Какой-то хаосъ наполняетъ воздухъ, крутя массы снѣжной пыли; вѣтеръ, словно бѣшеный звѣрь сорвавшійся съ дѣпи, и рветъ и мечетъ, сокрушая все, что попадетъ ему на пути.

Стонетъ вѣковей, могучій боръ. Скрипятъ, трещать и гнутъ колоссальныя сосны и порой съ корнемъ вырванныя, валятся, ломая, какъ тонкій тростникъ, растущій вокругъ нихъ молодятникъ. Хорошо, что не часто бываютъ такія бури, на долго оставляющія свои слѣды тамъ, гдѣ пронесутся.

Лѣсъ, надъ которымъ на разсвѣтъ зимняго утра разразилась эта страшная пурга, тянулся сплошной массой по холмистой мѣстности, покрытой глубокими сугробами.

Поперекъ бора шла широкая дорога, какъ видно когда-то прорубленная сильными руками на прямой въ этомъ непроходимомъ лабиринтѣ гигантской растительности, покрывавшей два вѣка тому назадъ Русь отъ края до края, отъ Вѣла моря до Украинскихъ земель, составившихъ тогда предѣлы Московскаго государства.

Это былъ большакъ изъ города Острова во Псковъ, проведенный параллельно съ протекавшей налѣво отъ дороги рѣкой Велпкой, особенно широко разливающейся по дугамъ версты три далѣе, гдѣ кончается этотъ боръ.

Зимой большакомъ ѣздили меньше чѣмъ лѣтомъ, предпочитая гладкій, хоть и не столь опасный путь рѣкою, но въ одномъ мѣстѣ Великая дѣлала слишкомъ большой изгибъ, а потому и приходилось снова углубляться въ чащу сосноваго гаю, что не очень то нравилось проѣзжимъ, потому что „лихіе подорожники“ имѣли надежный притонъ въ немъ однимъ извѣстныхъ тайникахъ вѣковаго гаю.

На краю дороги подъ огромной елью, съ пригнутыми къ землѣ отъ снѣга вѣтвями, составившими родъ шагра, укрылась кучка людей, ежившихся въ своихъ мѣховыхъ тулупахъ и стучавшихъ зубами, проклиная ужасную вьюгу, обдѣвившую ихъ снѣгомъ съ головы до ногъ, по этому и нельзя было распознать по одеждѣ ихъ сословіе, за то торчавшіе изъ-подъ снѣга концы бердышей и ружей обличали въ нихъ ратныхъ людей, либо отчаянныхъ звѣролововъ.

Въ минуты затишья между свистомъ и ревомъ бури, они обмѣнивались отрывочными фразами.

— Экъ вѣдъ расходилась, такъ и дупить соснякъ да ельникъ, словно весь гай-отъ хочетъ выворотить да въ Великую рѣку снести!.. проворчалъ одинъ.

— Это ты вѣрно, дядя Жегарь! пурга какіхъ мало бываетъ! Индо всѣ бѣлмы мнѣ залѣпила!.. согласился другой.

— И все-то наше сдѣнье, да холоданье изъ-за треклятаго шведа, чтобы ему пусто было! ругался третій.

Въ эту минуту сильнымъ порывомъ вѣтра сломило верхушку ели, подъ которой они укрылись и изъ опасенія быть задавленными, они посѣпнули вылѣзть.

— Да тутъ, братцы мои, пропадешь ни за деньгу!.. Чего тутъ торчать-то? Вишь, совсѣмъ бѣлый день, а вѣдъ съ пѣтуховъ ждемъ его... пойдѣте-ка домой, заговорилъ одинъ молодой парень.

— Ну ты не распоржайся, Ивашка!.. сердито молвилъ Жегарь.— Меня ты слушай! Потернимъ еще малость, за то ужо угостить насъ и медомъ и виномъ нашъ бояринъ, какъ мы шведа изымаемъ, да къ его боярской милости предоставимъ...

— Ужъ и боярская милость! Не жирно-ль такъ его величать то? Просто гость торговый, съ честныхъ людей казны-то награбилъ, ну и загордился, бояриномъ сталъ прозываться... неосторожно брякнулъ Ивашка.

Товарищи его переглянулись, словно такія рѣчи ихъ озадачили, а Жегарь рѣзко остановилъ его.

— Ты не больно-то языку волю давай!

Они выбрались на дорогу и начали грѣться, хлопая руками, бѣгать, топтать, бороться и тусить другъ друга, приговаривая: вотъ тебѣ горяченькихъ, горячѣй блиновъ, прямо со сковороды! Хохотъ и возгласы ихъ терялись въ шумѣ бури.

Теперь, когда усиленнымъ движеніемъ они расправили свои оковѣвшіе члены и отряхнули обдѣвившій ихъ снѣгъ, можно было рассмотреть наружность и одежду этой толпы людей, изъ которыхъ половина носила обыкновенные мужицкіе зипуны съ воротниками, валеные сапоги и мѣховыя шапки съ наушниками; остальные были облечены въ стрѣлцкіе доспѣхи—традиционные суконные, длинные кафтаны и мѣдные шлемы, изъ-подъ которыхъ виднѣлись платки, полотенца и разное тряпье, наверхенное на уши въ предосторожность отъ стужи. Вооруженіе ихъ состояло изъ бердышей, сабель и ослоповъ, и кромѣ того у нѣкоторыхъ висѣли за спиной, на перевязяхъ изъ сырой кожи съ бляхами, неуклюжие тяжелые мушкетеры, съ которыми тогда московское войско хаживало на шведовъ и поляковъ, владѣвшихъ уже добрыми карабинами и

другимъ болѣе усовершенствованнымъ оружіемъ. Однако можно было безошибочно сказать, что то не были настоящіе стрѣльцы царя Алексѣя Михайловича, а тѣ же мужики, ряженые воинами.

— А что дядя, на смерть бить, али такъ помять маленько, чтобы не артачилися? спросилъ Ивашка, подпрыгивая.

— Коли на утекъ пойдуть, валяй изъ мушкетовъ, а коли можно, живьемъ заберемъ, потому Гаврила Яковличъ наказывалъ шведа беречи... да пуще всего казну-то не прозѣвайте, ребята! отвѣтилъ Жегарь, усиленно колота руку объ руку, размахивая ими то взадъ, то впередъ.

— Еще поѣдетъ ли онъ въ такое ненастье? Поди сидитъ гдѣ нибудь въ теплой избѣ, а мы тутъ какъ псы мерзнемъ. Не похвасталъ ли тебѣ Харитка-то? замѣтилъ одинъ изъ стрѣльцовъ.

— Нѣтъ! Харитка не станетъ вратъ! Коли онъ нарочно прискакалъ и сказалъ, что шведъ-де ѣдетъ, такъ значить и правду ѣдетъ, увѣрялъ одинъ.

— Ну можетъ и ѣхалъ, да въ кружало заѣхалъ, съострилъ стрѣлецъ.

— Что зря брехать, ребята, только мѣшаеа прислушаться, нетерпѣливо осадилъ ихъ Жегарь.

— Что слушать-то! Нешто за такой бурей разслушаешь? Да тутъ хоть въ рога трубы... началъ было Ивашка, но Жегарь повелительно махнулъ рукой и всѣ смолкли; напрасно они напрягли слухъ, ничего не было слышно, кромѣ завыванья непогоды.

II.

Схватка.

— Ну что, слышишь?.. послѣ нѣсколькихъ минутъ молчанія, спросилъ шепотомъ Ивашка.

Не отвѣчая ни слова, Жегарь съ озабоченнымъ видомъ огошелъ отъ товарищей, сталъ на колѣни посреди дороги и вырвавъ топоромъ довольно глубокую яму, прилежъ къ ней ухомъ. Потомъ онъ приподнялся и снѣгъ возлѣ ямы, повернувшись къ югу, не обращая вниманія на мать, бившую въ глаза.

Стрѣльцы и мужики, подойдя къ Жегарю, молча обступили его и ждали, что онъ скажетъ, вполнѣ вѣря въ его опытность.

Жегарь то приглядывалъ ухо къ снѣгу, то опять вставалъ, словно сомнѣваясь, наконецъ онъ прикрылъ рукой другое ухо и полежавъ такъ съ минуту, всталъ на ноги, быстрымъ движеніемъ выпрямилъ свой богатырскій станъ и радостно молвилъ товарищамъ:

— Готовыгесь къ потѣхѣ, дѣтки! Слышу я — обозъ ѣдетъ, еще далековко, да мой чухъ не обманешъ: это шведъ шевелится, не знаетъ что его здѣсь добрая клочка ждетъ. Вы снаряды-то боевые припасайте...

— Вѣрно ли дядя? Може это вѣтеръ гудеть? усомнился Ивашка.

— Молчи дурья голова! Нечто старый Жегарь когда нибудь брехалъ зря? Это только тебѣ подобаеа, а я съ этимъ дѣломъ сызмала знакомъ: не токмо обозъ, а коли за версту зацѣпъ бѣжитъ, такъ я услышу, хвастался Жегарь, но никто ему не противорѣчилъ; всѣ торопились приготовить оружіе, продували затравки мушкетовъ, въ которыя набилась снѣгъ, пробовали сабли и ножи, хотя знали что они хорошо отточены.

— Готово ли? спросилъ наконецъ Жегарь.

— Готово! откликнулись товарищи и стали по обѣ стороны дороги, чтобы сразу напасть на ожидаемый обозъ. Они тревожно вслушивались, стараясь уловить малѣйшій звукъ. Вѣтеръ хоть и не совсѣмъ унялся, но между порывами его стали болѣе продолжительные промежутки; въ это-то затишье имъ нѣсколько разъ чудились и топотъ коней, и бряцанье оружія, и звяканье бубенцовъ, но взглянувъ на безстрастное выраженіе всей фигуры ихъ вожака, они убѣждались что еще далеко.

Но вотъ лицо старика оживилось, глаза блеснули, онъ протянулъ руку и спросилъ: слышите?

Дѣйствительно вѣтеръ донесъ неопредѣленные звуки, которые ободрили его, уставшихъ отъ долгаго ожиданія, товарищей.

— Ыдутъ! Обозъ идетъ! перешептывались они, подтягивая кушаки и засучивая рукава.

Звуки становились явственнѣе; вотъ звякнулъ бубенчикъ, фыркнула лошадь, крикнулъ человекъ, визгнулъ полозъ...

Снова повалилъ снѣгъ, снова рванулся вѣтеръ, словно сердясь на свое минутное затишье и звуки слились въ однообразный вой бури. Когда же опять наступило затишье, то въ нѣсколькихъ саженьяхъ отъ нихъ показался обозъ, впереди котораго ѣхали всадники, а въ серединѣ обоза качалась крытая повозка, запряженная гусемъ въ три лошади.

Товарищи Жегара, не ожидавшие встрѣтить охрану и защиты, при видѣ хорошо вооруженныхъ драгунъ опѣшили и замаялись, но бѣжать было уже поздно, такъ какъ конные могли легко догнать пѣшихъ. Приходилось биться съ равной силой, такъ какъ и драгунъ было болѣе десятка, да кромѣ того обозъ сопровождало нѣсколько подводчиковъ.

Один Жегарь не растерялся—онъ бросился водворять порядокъ между своими, ободряя ихъ и общая удачу, если не будутъ робѣть.

— Впередъ дѣтки! Валий холопей! Хватай казну и шведа!.. зычнымъ голосомъ крикнулъ вожакъ и его товарищи, давъ дружный залпъ изъ мушкетовъ, стремительно ринулись на проѣзжихъ, нисколько не подготовленныхъ къ оборонѣ, закутанныхъ и сонныхъ. Въ обозѣ произошло смятеніе: верховыя лошади, испуганныя неожиданнымъ залпомъ, замаялись, обозныя парохнулись въ сторону, поваливъ воза и сидѣвшихъ на нихъ подводчиковъ. Изъ повозки раздались возгласы на ломанномъ русскомъ языкѣ.

Трескотня выстрѣловъ словно охмѣлила Жегара и его товарищей; вмѣсто того, чтобы хватать шведа и его казну, они вступили въ бой съ драгунами, которые быстро оправидлись отъ внезапной паники.

Налетѣлъ порывъ бури, засыпая снѣгомъ, закрутилъ воздухомъ, такъ что и нападавшіе и защитники перемѣшались и не могли ясно распознать друзей отъ враговъ; всякъ махалъ саблей или бердышемъ безъ цѣли, на право и на лѣво, нанося не столько вредъ, сколько производя сумятицу и беспорядокъ. Долго бы такъ возились, еслибъ изъ повозки не вылѣзъ высокій человѣкъ въ косматой медвѣжьей шубѣ и забравшись на козла, не заоралъ бы такъ громко, что голосъ его покрывъ шумъ бури: „Стрѣляйтъ, рубитъ грабитель на мой казна!“ Эти исковерканныя слова произвели перемѣну въ борьбѣ. Жегарь, вспомнивъ приказаніе Гаврилы Яковлевича, вдругъ отрезвился и кидаясь къ повозкѣ, крикнулъ:

— Гей други! Держи шведа! Хватай казну!

Растолкавъ возчиковъ, столпившихся у повозки, какъ стадо испуганныхъ барановъ, Жегарь схватилъ было шведа за полу шубы, но тотъ былъ хорошо вооруженъ и ударомъ сабли едва не разбѣкъ голову нападавшаго; только благодаря мѣдному шелому да надѣтому подъ нимъ платку, Жегарь избавился отъ смерти. Шеломъ согнулся, а платокъ уменьшилъ ударъ; однако Жегара ошеломило и въ глазахъ у него на мгновеніе потемнѣло.

— Держи! руби! стрѣляй! кричали защитники шведа, кидаясь на Жегара, своимъ громаднымъ ростомъ превышавшаго всѣхъ на цѣлую голову, но онъ екорю очнулся и размахивая прикладомъ ружья, расчитилъ себѣ кругъ, отбрасывая противниковъ на окровавленный и стоптанный снѣгъ. Схвативъ въ охапку попавшагося ему подъ руки человѣка въ шубѣ, не смотря на его отчаянное сопротивленіе, Жегарь поволокъ его въ гай, крича товарищамъ:

— Казну-то, казну берите!.. Тамъ въ повозкѣ мѣшки съ золотомъ...

Но драгуны плотно окруживъ повозку, справили перепутавшихся въ упряжи лошадей и понеслись съ такой быстротой, увлекая и весь обозъ, что пѣшимъ грабителямъ было невозможно ихъ догнать.

— Вотъ тебѣ и казна! Экъ улепетываетъ!.. да се и гончіе псы не догонять... почесывая за ухомъ и провозжая глазами повозку, проговорилъ Ивашка.

Вьюга унялась, вѣтеръ вдругъ унялъ и послѣ бури наступила тишь. Можно было издали рассмотреть какъ обозъ, сопровождаемый своимъ коннымъ конвоемъ выѣхалъ изъ лѣса и спустился на рѣку. Ивашка свистнулъ.

— Теперь пропало! На гладкой-то дорожкѣ не обгонишь!.. А жарко было и намъ порядкомъ досталось... Вонъ сколько валяются: Митюха, Алеха, Миколка не шлахнутся!..

— Что мертвыхъ считать. Давай-ко подбирать, что охаютъ тамъ въ сугробахъ-то!.. замѣтилъ одинъ старикъ. Товарищи послѣдовали его совѣту и стали поднимать раненныхъ, валявшихся на снѣгу, окрашивая его своею кровью.

— А гдѣ же дядя Жегарь? Ужъ не убитъ-ли?.. Нигдѣ его не видно... Неужели въ полонъ попалъ? рассуждали стрѣльцы, ища своего вожака между убитыми и ранеными.

— Дядя Жегарь ушелъ въ гай, я видѣлъ, какъ онъ шведа поволокъ, заявилъ Ивашка.

— Ой ли? ну это ладно что шведа-то избивалъ, а то Гаврила Яковлч и медомъ бы не угостилъ, обрадовались товарищи и поспѣшили въ гай по слѣду, проложенному Жегаромъ.

III.

Илья Норотовъ.

Верстахъ въ 6-ти отъ того мѣста, гдѣ происходило нападеніе на проѣзжихъ, къ востоку отъ рѣки Великой, разстилась обширная равнина, по которой живописно раскинуты были деревни, принадлежавшія богатому помѣщику Гаврилу Яковлевичу Демидову, съ его усадьбой среди густыхъ рощъ березы, дуба и клена, еще при прежнихъ владѣльцахъ насаженныхъ правильными рядами. Демидовъ не былъ родовитымъ дворяниномъ; онъ былъ купецъ, или какъ въ ту пору называли—торговый гость вольнаго города Пскова, гдѣ имѣлъ прекрасное подворье на одной изъ улицъ, избравшей его своимъ почетнымъ старостой. Деревни и села были закрѣплены имъ на имя жены, взятой изъ дворянской семьи, не изъ за приданого, а за красоту, которой она, также какъ и сестра ея отдавшая за дворянина Норотова, славилась во Псковѣ.

Демидовъ преимущественно торговалъ льномъ, засѣвая имъ всю землю при своихъ десяти деревняхъ, да кромѣ того закупая ленъ и по сосѣднимъ помѣстьямъ и въ отдаленныхъ мѣстахъ. Какъ лѣтомъ такъ и зимою у Демидова шла дѣятельная работа: въ просторныхъ избахъ сотни батраковъ и поденщицъ мяли, толкли, трепали и чесали ленъ, отправляемый и во Псковъ и въ Новгородъ на продажу нѣмцамъ, голландцамъ, шведамъ, англичанамъ и другимъ иноземнымъ купцамъ, издавна ведшимъ выгодную торговлю сырьемъ съ землей русской.

Лѣтомъ обширныя поля, покрытыя густой зеленью съ свѣтлолиловыми цвѣтками въ видѣ звѣздочекъ составляли великолѣпную рамку для хитро разукрашенныхъ боярскихъ хоромъ и для блага, изъ свѣжаго дерева, бревенчатого храма, стоявшаго на холмѣ въ нѣсколькихъ саженьяхъ отъ небольшой, но свѣтлой и весело журчащей рѣчки. Зимой же вся эта мѣстность, занесенная глубокимъ снѣгомъ, имѣла довольно печальный видъ, ни чѣмъ не отличаясь отъ обыкновеннаго однообразнаго пейзажа сѣверныхъ окраинъ тогдашней Руси. Демидовъ съ женою жилъ больше во Псковѣ чѣмъ въ своемъ селѣ Колосьяхъ, куда прѣзжалъ дня на два черезъ недѣлю, а иногда и разъ въ мѣсяцъ, чтобы сдѣлать распоряженія по хозяйству и провѣрить исполнены ли его прежнія приказанія. Семья Демидова состояла изъ жены, двухъ дочерей отъ 10 до 12 лѣтъ, и двухъ женатыхъ сыновей отъ перваго брака; изъ нихъ одинъ жилъ постоянно въ Колосьяхъ, исполняя обязанности старшаго приказчика и исполнителя распоряженій отца по лѣянному производству; другой сынъ жилъ при отцѣ во Псковѣ и велъ торговыя сношенія съ иноземными гостями-купцами, такъ какъ былъ грамотенъ и въ дѣлахъ свѣдущъ.

Кромѣ этихъ членовъ семьи у Демидовыхъ были еще близкіе сродники: племянникъ и племянница Норотовы, послѣ смерти родителей оставшіеся на попеченіе ихъ тетки. Марья Норотовой было 15 лѣтъ, она жила въ домѣ дяди при его дочеряхъ въ качествѣ не то подруги не то няньки. Племянникъ, Илья Норотовъ еще отцемъ своимъ былъ опредѣленъ въ Московскій драгунскій полкъ. Жена Демидова, Федосья Парамоновна особенно любила Илью, находя въ немъ большое сходство съ своей покойной сестрой, Марью же не долюбливала, говоря, что она вся пошла въ отца въ Норотову родню, и обличьемъ и нравомъ. Марья слышала недоброжелательные отзывы о своемъ отцѣ, который по словамъ Федосьи Парамоновны былъ упрямъ и неласковъ, попрекая и ее тѣмъ же и безпрестанно повторяя:— Эка Норотовщина! вслѣдствіе чего бѣдная дѣвушка пришла къ убѣжденію что она въ домѣ дяди нежеланная гостя и страстно желала вырваться изъ непріязненнаго круга.

Отталкиваемая теткой, она и въ дядѣ видѣла холодную небрежность, а дочери Демидова были такъ избалованы, что съ ними трудно было и сладить; если между ними и Марьей возникали раздоры, то сыновья Демидовы тотчасъ же становились на сторону сестеръ, или бранили Марью за небывалыя провинности, зваливаемыя на нее ихъ женами, не терпѣвшими Норотовичину и не уюскавшими случая ей насолить. Такимъ образомъ живье племянницы въ семьѣ Демидова было самое безотрадное; она тосковала, что рѣдко могла видѣться съ братомъ, которому бы повѣдала свое горе. Илья былъ для нея краше солнца, дороже жизни, въ его ласкахъ и добродушіи она находила единственную отраду и утѣху. Долго послѣ его посѣщенія, Марья сохраняла спокойствіе и словно не замѣчала нападокъ Демидовской семьи; но постепенно приятное впечатлѣніе и совѣты брата быть терпѣливой, замѣнялись чувствомъ тоски, ожесточенія и снова Марья какъ дикій, неприрученный звѣрокъ, убѣгала отъ людей и бродила одиноко по саду; часто переходя и за черту боярской усадьбы, черезъ поля и рощи, она являлась возлѣ деревни, любопытствуя узнать не добрѣ ли тамъ люди и не ласковѣ ли тамъ ее примутъ; но и въ деревнѣ на нее смотрѣли непривѣтливо.

— Подглядывать, да подслушивать пришла, перешептывались бабы, а ребятки испуганно разбѣгались и изъ за плетня строили ей гримасы либо высовывали языки.

— Господи! да гдѣ же на свѣтѣ то добрые люди?.. Неужели вездѣ такъ другъ друга не любятъ?.. со слезами думала Марья и углубляясь въ чащу лѣса, садилась подъ большое дерево и глядѣла на окружающую ее лѣсную жизнь. Она завидовала и птицамъ, что гнѣздились надъ ея головой и звѣркамъ, бѣгавшимъ вокругъ нея, рѣзаясь, играя и не пугаясь присутствія этой странной дѣвушки, находившей среди лѣсныхъ жилищъ больше симпатіи чѣмъ въ богатыхъ хоромахъ дяди и тетки.

Ильѣ Норотову было 20 лѣтъ; трудно было представить что нибудъ пріятнѣе и добрѣе взгляда его большихъ карихъ глазъ, никто не могъ соперничать съ нимъ въ красотѣ лица, въ густотѣ и лоскѣ черныхъ кудрей, въ близкѣ лба, въ румяницѣ загорѣлыхъ щекъ, рѣзко отдѣлявшихся отъ верхней части лица, прикрываемой отъ дѣйствія солнца его мѣднымъ драгунскимъ шлемомъ. Особая прелесть была въ полныхъ алыхъ губахъ Ильи, въ той полуулыбкѣ, въ которой то просвѣчивался душевный привѣтъ всему хорошему, то мелькалъ насмѣшливый отпоръ дурному и порочному. Его глаза и улыбка словно говорили добромъ человѣку: „я тебя понимаю“. И тетка и дядя и даже двоюродные братья съ ихъ женами и избалованныя

Въ мастерной художника. Рис. Шпехтъ, грав. Клозь.

Семья кошень. Рис. Шпехт, грав. Клозь.

дѣвочки Демидовы души въ немъ не чаяли, называли его красавчикомъ, богатыремъ, яснымъ соколомъ. Какъ только Илья являлся въ Колосья, всѣ и все принимали радостный видъ; гостя чествовали ласками, кормили и ненаглядывались на него, не заслушившись его рѣчей. Пойдетъ ли онъ по полю, батраки, бросивъ работу, ему ухмыляются и кланяются и въ разговоры смѣло вступаютъ съ добрымъ бояриномъ, говоря про себя: зтоѣ-то не самодѣльный, а доподлинный бояринъ... Пойдетъ ли на деревню—дѣвки изъ воротъ выскакиваютъ, молодницы къ нему такъ и льнуть, а ребята за рукава да за полы цѣпляются. И всѣмъ-то онъ ласковое словечко молвить, всѣхъ яснымъ взглядомъ словно рублемъ подаритъ и на цѣлый день весело тому, кто встрѣтится съ Ильей Норотовымъ...

— Не одна я его люблю! всѣ его любятъ, думала Марья. Отъ чего-жъ меня-то не любятъ? и она спрашивала брата:— Ильюша!.. дурная я или злая, что не любя никому?

Илья внимательно разсматривалъ сестру и пожималъ плечами: Чудно!.. говорилъ онъ.—Ты вѣдь, можно сказать, красавица: глаза лазоревые съ поволокой, брови соболинныя, коса въ полтора аршина и въ горсть ее не соберешь, лицо бѣлое, румяное, ростомъ-дородствомъ молодецъ-дѣвка... Кабы я тебѣ чужой былъ, полюбилъ бы и замужъ бы взялъ. Не придумаю что это всѣ тебя чужаються...

Марья возражала со слезами:—Гдѣ ужъ мнѣ замужъ! Кто меня возьметъ? Кто полюбитъ спиротинку?

— Не горюй сестра! Придетъ время и тебя суженый-ряженый приглубитъ да красавицей назоветъ!.. Всякому человеку отъ Господа судьба назначена: отъ нея въ подпольѣ не утаишься и на конѣ не ускачешь... жди своего суженаго.

И Марья вѣрила словамъ брата и ждала суженаго, воображая его такимъ же какъ Илья богатыремъ, яснымъ соколомъ.

— Одно въ Ильѣ не хорошо, да не онъ въ томъ повиненъ, а его упрямый родители, говаривали между собой Демидовъ со своей Оедосей Парамоновной. Москву больно онъ любитъ а ко Пскову никакого въ немъ добродоства нѣтъ. Какъ я его ни уговариваю, какъ ни сманиваю, а все ему Царь-Алексѣй дороже Псковской вольности, вздыхалъ Демидовъ, разорвавшій сношенія съ Москвою по слѣдующему поводу: онъ былъ при-

мыслъ, воспитанный въ домѣ одного богатаго боярина, который лѣтъ 10 тому назадъ внезапно умеръ, не оставивъ дѣтей. Демидовъ предъявилъ духовную запись, будто бы писанную бояриномъ передъ смертью; въ этой духовной Демидовъ былъ назначенъ наслѣдникомъ всего состоянія покойнаго; нашлись и свидѣтели, которые подтвердили справедливость документа. Демидовъ не жаждалъ денегъ и былъ вскорѣ утверждёнъ въ правахъ владѣнія вотчинами бездѣтнаго боярина. Прошло года два и вдругъ явился новый претендентъ на наслѣдство—родной племянникъ боярина, имѣвшій сильныя связи въ Боярской думѣ, коротко знакомый съ тогдашнимъ, почти полновластнымъ правителемъ Московскаго государства, бывшимъ дядькой и наставникомъ царя Алексѣя—бояриномъ Борисомъ Ивановичемъ Морозовымъ. Не трудно было законному наслѣднику опровергнуть незаконное право на владѣние и доказать подложность духовной записи. Тѣ же свидѣтели, которые показывали въ пользу Демидова, испуганные пыткой и ожиданіемъ вѣнута да ссылки, повинились и показали, что запись была составлена уже послѣ смерти боярина самимъ Демидовымъ. Дѣло дошло до самого царя Алексѣя и онъ приказалъ имѣніе отдать законному наслѣднику, а Демидова позвать къ допросу. Демидовъ, хорошо зная что ему не миновать пытки и висѣлицы, не заблагодаривъ отдался въ руки судей. Онъ скрылся изъ предѣловъ Московскаго Государства и со всей семьей перешелъ въ гражданство вольнаго города Пскова, захвативъ съ собой всю казну и всѣ драгоценности покойнаго боярина. Съ своей проницательностью и хитростью онъ скоро приобрѣлъ и вѣсь и довѣріе Псковичей; посадники, приказные люди, гости торговые и даже мужики, всѣ уважали Демидова, слушались его совѣтовъ и крѣпко вѣрили въ его преданность интересамъ Псковской вольности, какъ заклятаго ненавистника Московскаго правительства.

Кромѣ Ильи Норотова никто изъ сторонниковъ Москвы не имѣлъ доступа къ Демидову, но на Илью дядя его имѣлъ особые виды: онъ вывѣдывалъ у него что дѣлается въ Москвѣ и вслѣдствіе неосторожно разболтанныхъ молодымъ Норотовымъ новостей, Демидовъ нѣсколько разъ очень удачно устраивалъ дѣла въ пользу Пскова и во вредъ Москвѣ.

(До слѣд. №).

В. Политновскій.

КЪ РИСУНКАМЪ

Лѣса Гвіаны.

На сѣверѣ южно-американскаго материка у береговъ Атлантическаго океана, раскинулась Гвіана съ своими необозримыми лѣсами, пересѣкаемыми шумными рѣками и такъ называемыми „саваннами“.

Саванны—это обширныя степныя пространства, покрытыя высокою травою—чудныя пастбища, занимающія прибрежныя части Гвіаны.

Трудно, не видя, составить себѣ ясное понятіе объ этихъ экваторіальныхъ лѣсахъ. Описанія и рисунки не могутъ воспроизвести образъ растительности прибрежныхъ, напримѣръ, островковъ Гвіаны, растительности береговъ ея свѣтлыхъ рѣкъ. Деревья самыхъ странныхъ формъ, обвитые и увѣшанныя густою зеленою паразитныхъ растений, перевитыя и оцѣпленныя цѣнками гирляндами вьющихся лианъ, которыя взбираются высоко на стройныя пальмы.

Нагорные же лѣса Гвіаны имѣютъ въ себѣ нѣчто суровое, угрюмое. Тысячи колоннъ футовъ по 100 вышиною, возносятся надъ вашей головой и лишь на верхушкахъ покрыты сплошной шапкой листьевъ, сквозь которую почти не проникаютъ солнечныя лучи. Подъ ногами вашими поэтому почти нѣтъ травы—кое гдѣ тонкія, вытянутыя молодыя деревца какъ будто спѣшатъ достигнуть той огромной вышины, на которой могутъ захватить свѣта и воздуха, сколько имъ нужно для жизни и зелени. Нерѣдко ряды деревьевъ поддерживаются другими, словно костылями, дугами или подпорками. По землѣ, кромѣ папоротника и немногихъ другихъ нецвѣтущихъ растений, лежатъ лишь сухія листья и обломанные сучья вѣтвей, покрытыя мохомъ и плѣсенью. Оставивъ землю—жизнь лѣса какъ бы вся ушла къ этимъ воздушнымъ вершинамъ, которыя массою своей зеленой образовали чудный, шумящій, громадный куполь, гдѣ кувыркаются обезьяны, поютъ и щебечутъ безчисленныя пестрокрылыя, яркія птицы. Но все тихо и безмолвно внизу. По берегамъ рѣкъ и ручьевъ растительность уже много роскошнѣе и разнообразнѣе.

Тутъ лучи солнца уже проникаютъ повсюду. Трава шумитъ густая и сочная, кусты разрастаются, покрываясь яркими цвѣтами и чудными плодами. Печальный грибной наростъ, мрачный папоротникъ уступаютъ мѣсто богатой зелени и большимъ яркимъ тропическимъ цвѣтамъ. Вьющіяся лианы, выползая отъ корней до верхушекъ большихъ деревьевъ, захватываютъ своими гирляндами кусты и связываютъ все кругомъ въ одну сплошную зеленую глухую чащу.

Разница и въ животномъ царствѣ. Тамъ въ угрюмыхъ дѣбряхъ—ползаютъ гадъ, жаба и таится хищный звѣрь; здѣсь безчисленныя виды самыхъ разнообразныхъ животныхъ оглашаютъ воздухъ своими криками и шумятъ въ вѣтвяхъ...

„Большой Бенъ“.

Исполинское дерево въ австралійскомъ лѣсу.

Все болѣе и болѣе становятся извѣстными разныя особенности Австраліи, ея роскошной растительности и ея животнаго царства. Отдаленность этой части свѣта, трудное изслѣдованіе въ ея первобытныхъ дѣбряхъ, все это обусловливало малое съ ней знакомство. Въ № 16, 1879 года „Нивы“ мы помѣстили рисунокъ и свѣдѣнія о необычайномъ деревѣ, Австралійскомъ экалиптусѣ—теперь читатели въ этомъ № встрѣтятъ изображеніе еще одного гиганта—блага Камедника, о которомъ упоминаетъ французскій путешественникъ Шарне, говоря, что въ горахъ близъ Блаксипура онъ разъ остановился въ изумленіи, пораженный величавымъ лѣсомъ этой породы деревьевъ, что ему не приходилось видѣть ничего подобнаго, развѣ въ Калифорнійскихъ вѣковыхъ лѣсахъ. Австралійскія деревья выше, стрѣлообразнѣе, имѣютъ болѣе изящныя очертанія и не такъ вѣтвисты и густолиственны, какъ южноамериканскія. Тутъ были деревья футовъ по двѣнадцати въ диаметрѣ и футовъ до 300 вышиною и самое гигантское изъ нихъ, названное жителями Большой Бенъ (Бигъ-Бенъ) имѣетъ 56 ф. въ окружности и болѣе 400 ф. въ вышину. На нашемъ рисунокѣ изображена только нижняя часть ствола гиганта. Возрастъ его мѣстные жители опредѣляли по разнымъ признакамъ, напр. по ежегодному утолщенію его—если положить это утолщеніе лишь въ одну линію въ годъ, то дереву должно быть около 2500 лѣтъ. Жители гордятся такимъ великолѣпнымъ представителемъ мѣстной растительности и Бигъ-Бенъ дѣйствительно представляетъ экземпляръ замѣчательный. „Но я видѣлъ деревья, говоритъ Шарне, которыя могутъ и у него оспаривать пальму первенства. Въ Калифорніи Секуайи имѣетъ до 30 ф. въ диаметрѣ и 350 ф. въ вышину; Агуагета (родъ кипариса) въ Оахакѣ, въ Мексикѣ—до 40 ф. въ диаметрѣ, но въ вышину за то лишь 120 ф. Кромѣ того я видѣлъ (и снялъ съ него фотографію) въ Магели на Коморскихъ острогахъ—Боабабъ 28 ф. въ диаметрѣ и въ вышину лишь пятьдесятъ футовъ“. И такой необычайный ростъ этихъ деревьевъ не столько зависитъ отъ почвы, сколько отъ свойствъ самой породы ихъ—они вовсе не доказываютъ особаго плодородія страны. На югѣ Франціи есть двадцатилѣтніе Экалиптусы (австралійскіе камедники) уже болѣе двухъ футовъ въ диаметрѣ и Секуайи также лѣтъ по двадцати, уже дошедшіе футовъ до ста въ вышину.

Радость матери.

(Картина Перро).

Художники часто обращаются къ этому мотиву—къ выраженію одной изъ чистѣйшихъ и высшихъ земныхъ радостей—

радости матери первому лепету и пробуждающемуся сознанию своего ребенка. На картинѣ Перро малютка изображенъ развѣсившимся и развеселившимся въ конецъ и первыя маленькія словечки, которыя у него вырываются, вызываютъ улыбку счастья на молодое, красивое лицо молодой женщины.

Два рисунка Шпехта.

(стр. 544 и 545).

Въ нашемъ журналѣ читатели иногда могутъ встрѣтить мастерскія работы этого художника, специалиста по части животныхъ. Чрезвычайно тонкая и удивительно изящная манера его пользуется въ Европѣ большою извѣстностью. Мѣткость и полнота жизни въ передачѣ выраженной различнѣйшихъ настроеній животныхъ у него никогда не ослабѣваютъ. Стоить напримѣръ взглянуть въ первую картинку „Въ мастерской художника“. Тутъ дѣлая исторія. Художникъ подсмотрѣлъ всѣхъ этихъ животныхъ, однихъ, въ присутствіи чловѣка. Какое общее удивленіе и какое недоброжелательное вниманіе къ этому задорному и смѣлому скворцу, который завладѣлъ тарелкой и никого къ ней не подпускаетъ. Умныя маленькія таксы и большой лѣнливый сетеръ задумчиво поглядываютъ на страннаго незнакомца, а конка, болѣе нервная, не прочь уже и попробовать на немъ свои когти. Затѣмъ, на второмъ рисункѣ—эта семья кошекъ. Одинъ изъ юнѣйшихъ членовъ семьи предается необузданному веселью, преслѣдуя большой мячикъ—картинка также прелестно и тонко выполнена, какъ и первая.

Семипалатинская область *).

(Ожюпаніе).

Въ этомъ № мы заканчиваемъ рядъ интересныхъ и рѣдкихъ гравюръ, которыя намъ удалось предложить читателямъ—характерныя рисункомъ свадебнаго наряда киргизки.

Положеніе женщины у киргизовъ, какъ и на всемъ мусульманскомъ востокѣ, незавидно. Конечно, условія кочеваго быта не допускаютъ гаремной жизни и киргизская женщина лица не закрываетъ, но тѣмъ не менѣе жена—раба и работница своего мужа. Богатый киргизъ дома проводитъ время въ совершенномъ бездѣйствіи, играя въ довольно азартную игру „тауддукъ“; болтая съ одноаульцами, слушаая сказочниковъ и пѣвцовъ, принимая гостей и толкуя съ ними о новостяхъ, до которыхъ киргизы страстные охотники или же просто отъ скуки стругая палочки.

Всѣ домашнія работы киргизскаго быта исполняются женщинами. Онѣ доятъ овецъ, готовятъ айранъ, куртъ и кумысъ; женщины стригутъ овецъ, изготовляютъ кошмы; при перекочевкѣ разборка и установка юртъ лежитъ тоже на обязанности женщинъ; онѣ же вышиваютъ украшения на юртахъ, тикимети и проч.; красятъ шерсть и т. д. При возвращеніи мужа, жена или дочери должны его встрѣтить, принять лошадей, открыть дверь юрты и проч.

При такомъ взглядѣ на женщину естественно, что и при вступленіи въ бракъ она не имѣетъ никакого голоса. Отецъ смотритъ какъ на товаръ на своихъ дочерей, которыхъ онъ можетъ продать въ замужество и получить за нихъ калымъ. Дѣйствительно, дѣвочки просватываютъ отцы весьма рано,

иногда даже въ колыбели, чтобы дать возможность отцу жениха исподволь вылатить калымъ. Размѣры его различны по состоянію—начиная отъ 100 молодыхъ кобылъ (байталовъ), потомъ 77, 67, 47, 37 и 27 кобылъ. Иногда прибавляется колычуга, ружье, беркутъ и проч. Бейталь принимается только за единицу, но калымъ уплачивается и прочимъ скотомъ, причемъ верблюда считаютъ за 5 кобылъ, иноходца за одного или двухъ верблюдовъ и т. д.

Вся церемонія сватовства заключается въ угощеніи сватовъ и въ объявленіи присутствующимъ, что такой-то просваталъ дочь такого-то за своего сына, на такихъ-то условіяхъ, затѣмъ начинается уплата калыма. Когда половина или треть калыма уплачены, женихъ является въ аулъ невѣсты съ подарками и вступаетъ уже въ права мужа; но бракъ считается заключеннымъ, только когда весь калымъ уплаченъ; религиозная церемонія состоитъ въ чтеніи молитвъ и погруженіи колець въ чашу съ водой, изъ которой даютъ отпить молодымъ, отцу и матери ихъ и свидѣтелямъ; иногда даже все дѣло ограничивается заявленіемъ при случаѣ муллѣ о свадьбѣ, для записи въ метрическія книги.

Когда весь калымъ уплаченъ, женихъ или молодой является въ аулъ невѣсты, и въ торжественномъ поѣздѣ увозитъ ее домой. На молодую надѣваютъ нарядный костюмъ, въ которомъ главную, характеристическую особенность представляетъ головной уборъ—*джаулуку* и *саукуле* (см. рисунокъ). *Джаулуку* капюшонъ изъ бѣлой матеріи, плотно облегающій голову, съ вырѣзомъ для лица, и спускающійся на грудь и плечи. У богатыхъ, *джаулуку* дѣлается изъ шелковой матеріи, вышитой золотомъ, съ мѣховою опушкой кругомъ лица.

Саукуле представляетъ собою картонный конусъ, вышиною до аршина, покрытый краснымъ сукномъ съ нашитыми на немъ серебряными и золотыми пластинками, или переливающимъ галуномъ. *Саукуле* убрываетъ жемчугомъ, кораллами и драгоценными камнями. Нижний край его опушенъ мѣхомъ выдры или бобра, затѣмъ на лобъ спускается жемчужная сѣтка. Съ боковъ прикрѣплены длинныя нити и кисти коралловъ и жемчуга, спускающіяся фестонами на грудь. Къ верхушкѣ *саукуле* прикрѣпляется пучекъ страусовыхъ, павлиньихъ или совиныхъ перьевъ, откуда также спускаются нити жемчуга и коралловъ. Цѣнность этого убора доходитъ иногда до 2,000 рублей серебромъ, а въ фунтовъ до 15.

Кромѣ *саукуле*, невѣста надѣваетъ нарядный *тонгъ* (зипунъ) изъ каффы или манлыка (китайскія шелковыя матеріи), обшитой соболемъ, бобримъ или выдрой.

Парадный конь невѣсты покрывается попоной изъ красного сукна, расшитой шелками, или изъ манлыка же, убраннаго золотымъ галуномъ, бахромой и кистями; такая же попола надѣвается на голову. Съдло все вышито шелкомъ; узда, стремяна, вся сбруя—отдѣланы серебромъ и иногда камнями.

Въ такомъ костюмѣ молодая, въ сопровожденіи матери, отправляется въ аулъ мужа. За ней везутъ ея приданое, состоящее изъ одежды, ковровъ и новой юрты. На другой день молодая отправляется въ юрту свекра; входя, три раза преклоняетъ колѣно, на что свекръ каждый разъ повторяетъ: „много твори добра, дочь“. Затѣмъ сажаетъ ее около себя и начинается угощеніе. Обиѣдъ подарковъ составляетъ едва ли не существеннѣйшую часть всей свадебной церемоніи.

АПЕЛЬСИНЫ.

Апельсины безспорно заняли мѣсто однихъ изъ любимѣйшихъ, прекраснѣйшихъ и всѣми употребляемыхъ фруктовъ. Они прельщаютъ своимъ цвѣтомъ и вкусомъ; цвѣтами апельсина во многихъ странахъ украшаютъ къ вѣнцу невѣсты. Для большихъ изъ нихъ готовятъ прекрасный освежающій напитокъ. Обсахаренная корка употребляется въ конфетахъ и въ хозяйствѣ, а апельсинное масло входитъ въ составъ самыхъ тонкихъ эссенцій на фабрикахъ благовоній.

Азія считается родиной всѣхъ видовъ апельсиновъ (*Auradisea*). Самый распространенный въ торговлѣ сортъ—это апельсинъ обыкновенный. Апельсины, померанцы, лимоны—все это видоизмѣненія одного вида *citrus*.

Сходство названій, какими называютъ видъ *citrus* на всѣхъ азіатскихъ нарѣчіяхъ, указываетъ на ихъ индійское происхожденіе. По санскритски апельсинъ называется *Nagrunga*, по индостански *Nasungu*, по арабски *Nagun*. Послѣ завоеваній аравитянъ апельсины изъ Индіи и Тибета были занесены въ Малую Азію, Сѣверную Африку, Азорскіе и Балеарскіе острова и наконецъ въ Южную Европу. Аклиматизація ихъ въ этихъ странахъ была сравнительно нетрудная и скорая. Но въ теченіи столѣтій они подверглись многимъ видоизмѣненіямъ естественнымъ и искусственнымъ и теперь трудно опредѣлить первоначальный ихъ видъ.

Индія считается родиной *citrus*. Оттуда онъ былъ акклиматизированъ во многихъ персидскихъ провинціяхъ и вскорѣ затѣмъ сдѣлался извѣстенъ у грековъ. Евреи разводили это дерево въ глубокой еще древности и теперь еще у нихъ въ обычаѣ имѣть непременно, во время праздника, кушей, вѣтку, цвѣ-

токъ или плодъ персика или апельсина. У многихъ народовъ, знавшихъ это дерево въ древности, было въ обычаѣ провожать мертвыхъ съ апельсиновой вѣткой въ рукахъ.

Апельсины были завезены въ Италию въ III или IV вѣкѣ. Это большіе овальные плоды съ трудно отдѣляющейся кожей. Видоизмѣненіе апельсина составляетъ лимонъ, окрашенный гораздо свѣтлѣе.

Хотя опытному глазу легко отличить апельсинъ отъ померанца, но установить между ними существенныя, отличительныя признаки трудно. Апельсинъ отличается болѣею сладостію вкуса, но многіе принимаютъ это долговременному и заботливому за нимъ уходу. Извѣстный ботаникъ Кандолъ утверждаетъ, что апельсинъ составляетъ видоизмѣненіе померанца, первоначальная родина котораго Китай или Кочинкина. Достоверно однако, что это дерево еще съ горькими плодами, во времена владычества римлянъ, распространилась повсюду изъ Персіи. Въ концѣ IX вѣка, аравитяне завезли его въ Палестину, Египетъ и Южную Европу. Въ 1002 году его прививали уже въ Сицилію. Когда апельсинъ былъ собственно занесенъ въ Европу съ достоверностью неизвѣстно. Но португальцы знали апельсины и померанцы ранѣе, нежели доходили до мыса Доброй Надежды. Изъ Китая португальцы вывели нѣсколько лучшихъ сортовъ этого дерева. Въ 1671 году принцъ-регентъ, позже король Донъ-Педро II издалъ законъ, запрещающій вывозъ апельсиновыхъ деревьевъ изъ края. Это было сдѣлано въ тѣхъ видахъ, чтобы въ Португаліи не страдала торговля апельсинами, которые въ то время уже приобрѣли Европейскую извѣстность.

Апельсинное дерево португальцами было завезено въ Бра-

*) См. № 23, 24, 25, и 26.

зилю. Документы 1576 и 1589 г. свидетельствуют о распространении многих сортов этого дерева под тропиками.

Принц Максимилиан упоминает об одном сорте бразильского апельсина, известного под названием „Laranja de terra“, вкус которого много уступает обыкновенному апельсину. Таким образом остается достоверным, что сорт ныне употребляемый, появился впервые в старом свете, бразильский же апельсин представляет только видоизменение этого дерева, одичавшего вследствие отсутствия ухода за ним.

Профессор Грюнбах говорит в своем сочинении, что одичавшие густые кустарники апельсина встречались на многих восточно-индских островах, преимущественно на Кубе, еще до появления там европейцев. Он заключает, изъ этого что никогда, в доисторическое время, Америка соединена была с Азией.

Одним из лучших и дорогих сортов считаются мандарины, родина которых Кохинхина. Пересылка их чрезвычайно затруднительна, вследствие тонкости кожи их. Вообще для пересылки берутся апельсины не вполне спелые, чтобы они не портились во время длинного пути. На сколько отъ этого однако изменяется вкус фрукта, может судить только тот, кому приходилось есть спелые апельсины, прямо съ дерева. „Бицариа“—апельсин флорентинский, замечательный тем, что одновременно чередуются на дереве листья, цветы и плоды. Плоды похожи на смесь апельсина и лимона.

Долговечность и плодородие апельсинового дерева вошли в поговорку. В монастырь Св. Сабини в Риме, стоит апельсинное дерево, которому насчитывают 600 лет. Апельсинное дерево „Великий Бурбон“ в Версальской оранжерее переживает падение, которое наконец произошло несколько лет тому назад, в 1864 году. Прекрасные деревья Дрезденской оранжереи были вывезены из Алжира в 1732 году.

Естествоиспытатели Гебенштрейт и Людвиг взяли съ собою на корабль несколько свежих-срубленных стволов, чтобы поднести их королю Августу II как прекрасный материал для токарной работы. Но по прибытии в Дрезден стволы оказались на столько свежи, что при тщательном уходе дали корни. В настоящее время эти самые деревья служат украшением королевской оранжереи. На острове Мигуэла одно дерево из года в год, давало до 20,000 штук плодов.

Изъ европейских государств больше всего потребляют апельсины в Англии. Ежегодный ввоз туда апельсинов достигает 700 миллионов штук. Цифра поразительная, принимая во внимание 18 миллионов жителей. Нигде апельсины так не дешевы, как в Лондоне; здесь они дешевле чемъ в Лиссабоне.

На английской рынок апельсины доставляются съ Азорских островов. Съ острова Мигуэла ежегодно вывозится 200,000 ящиков, по 200 штук в каждом. Большая часть этого количества идет в Англию. Ежегодный вывоз изъ Португалии апельсиновъ и лимоновъ достигает 170,000 ящиков по 1,000 штук в каждом. В урожайные годы изъ Греции вывозится отъ 40 до 50 миллионов апельсиновъ и лимоновъ, которые отсылаются в Константинополь и другие места Малой Азии. На Майорке апельсиновые леса тянутся на десятки миль и ежегодно доставляют до 50 миллионов плодов. В Южной Италии и Сицилии ежегодно вывозится ихъ на 200 миллионов франковъ. И въ другихъ неевропейскихъ государствахъ эта отрасль торговли теперь чрезвычайно развита. В Алжире, в ноябре и декабре сборомъ апельсиновъ занято всегда до 400 человекъ, собирающихъ отъ 80 до 90,000 ящиковъ. В Новомъ Южномъ Уэльсе, тотчасъ послѣ основанія колоній, были разведены апельсиновые деревья, приносящая выигр до 700,000 р. с. дохода на наши деньги.

Политическое обозрѣніе.

Порта и Европа.—Албанская лига.—Турецкіе финансы.—Дѣла на Китайской границѣ.—Наша подготовка.—Кандидатъ на должность президента С. Американскихъ штатовъ.

Порта едва ли понимаетъ настоящее положение свое по отношению къ Европѣ. Повидимому она смотритъ несерьезно на конференцію, на намѣреніе державъ оказать на нее давление, на этотъ разъ довольно осязательное, въ формѣ морской демонстраціи. Эскадры Франціи, Англии и Италии уже готовы и весьма можетъ быть скоро появятся въ Босфорѣ.

Султанъ вполне преданъ фанатикамъ, увѣряющимъ его въ томъ, что онъ обладаетъ, въ качествѣ халифа, огромнымъ авторитетомъ во всемъ мусульманскомъ мірѣ. Согласно всемъ свѣдѣніямъ, албанская лига поддерживается турецкимъ правительствомъ съ полнымъ усердіемъ. Въ нижней Албаниі лига распоряжается деспотически, взымаетъ подати, дѣлаетъ реквизиціи; весь скотъ уводится въ армию, сосредоточенную при Тузи, у населенія отбираются припасы, которые перевозятся въ Скутари, вследствие чего 12 деревень въ мѣстностяхъ Призрена пришли въ окончательное разореніе. Комитетъ лиги состоитъ изъ 14 мусульманъ и 8 христіанъ; Комиссія изъ 4-хъ христіанъ и 6 мусульманъ завѣдуетъ специально финансовыми дѣлами и дѣлами управленія. Лига дѣйствуетъ съ удивительною дерзостью. Примѣромъ можетъ служить слѣдующій случай. Новобазарскій губернаторъ, Рассаанъ-Паша, желая, въ виду усилившагося броженія между арнаутомъ и опасности, угрожающей христіанамъ, предупредить столкновение, предислалъ всеобщее разоруженіе. Членъ лиги, Эйюбъ-бей попалъ на него съ нѣсколькими арнаутомъ и убилъ его. Лига расширяетъ теперь кругъ дѣйствій своихъ, волнуя и возбуждая албанцевъ Македоніи, которые уже заявляютъ, что не желаютъ присоединенія къ Греціи. Если Порта рѣшилась противиться постановленіямъ конференціи, то эти новые сподвижники лиги окажутъ ей, конечно, немалую помощь. Турецкое правительство располагаетъ въ Фессалии и Эпирѣ 27-тысячнымъ корпусомъ. Греція же, по слухамъ, можетъ, въ нѣсколько недѣль, довести армию свою отъ 35 до 40 тысячъ. Державы однако дѣлаютъ всевозможныя усилія, чтобы какъ нибудь уладить пограничное размежеваніе, по крайней мѣрѣ, между Турціей и Черногоріей. Такъ, желая избѣгнуть затрудненій, съ которыми сопряжена передача Черногоріи города Дульцино, онѣ предлагаютъ Портѣ уступить, вмѣсто этого города, равнину, прилегающую къ Подгорицѣ, съ нѣкоторыми довольно важными стратегическими пунктами обезпечивающими ея отъ арнаутскихъ набѣговъ. Этотъ обмѣнъ вполне удобенъ, такъ какъ населеніе равнины состоитъ почти исключительно изъ славянъ. Странно, что не начали съ этой комбинаціи. Въ сферѣ финансового управленія Турціи недавно назначенные контролеры открыли необыкновенныя злоупотребленія. Оказалось, что растраты и расхищенія простираются до 230 миллионов франковъ. Между прочимъ мѣстечко Кадкюй, расположенное противъ Стамбула, на азиатскомъ берегу Босфора и доставлявшее турецкому казначейству всего только 90 тысячъ пиастровъ, платило, на самомъ дѣлѣ, сборщикамъ податей 350 тысячъ пиастровъ.

Прусское правительство, въ виду отказа католической пар-

тіи центра отъ всякой сдѣлки въ вопросѣ отмены майскихъ законовъ противъ католическаго духовенства, вынуждено было вступить въ соглашеніе съ національ-либералами, вследствие чего едвали не будетъ отклоненъ 4 § церковно-политическаго закона, разрѣшающій правительству возвращать епископовъ, удаленныхъ по суду отъ должностей, въ прежнія ихъ епархіи.

Во Франціи уже началось примѣненіе декретовъ противъ недовольныхъ духовныхъ конгрегацій. Недавно Парижская полиція закрыла главное убѣжище іезуитовъ въ Парижѣ, въ улицѣ Севръ, удаливъ оттуда всѣхъ жившихъ тамъ патеровъ (отъ 30 до 40). Дѣло обошлось не безъ сценъ, какъ внутри зданія, такъ и на улицѣ, сценъ, главными участниками которыхъ было много лицъ, занимающихъ известное положеніе, какъ напр. сенаторовъ правой стороны и т. д. Патеры все таки удалены.

Что касается нашихъ отношеній къ Китаю въ настоящую минуту, то, не смотря на наружное миролюбіе китайскихъ пограничныхъ властей, торговцы наши снова начали подвергаться сильнымъ стѣсненіямъ, а слухи о военныхъ приготовленияхъ китайцевъ не прекращаются. Въ Кашгарѣ китайскими властями набрано до 6,000 мѣстныхъ жителей, сарговъ, съ рабочимъ инструментомъ, будто бы для разработки дороги. Когда же люди эти были отправлены изъ Кашгара, на 3 перекондѣ, они всѣ были обмундированы въ форму китайскихъ солдатъ. Въ Монголіи набираются также значительные отряды изъ населенія; частью они оставляются въ Ургѣ, частью отправляются на западъ. Число набранныхъ трудно опредѣлить. Известно только, что одно племя дало 8 тысячъ, а другое („салюки“, родъ нашихъ казаковъ), вооружено все. Вмѣстѣ съ тѣмъ изъ Западной Сибири и Туркестана сообщаются и о нѣкоторыхъ приготовленияхъ съ нашей стороны. Еще 10-го мая долженъ былъ, по мѣстнымъ свѣдѣніямъ, состояться отъѣздъ командующаго войсками, генералъ-адъютанта фонъ-Кауфмана къ войскамъ дѣйствующаго отряда, въ Семирѣченскую область, а оттуда въ Кульджу. Ближайшими помощниками генералъ избралъ себѣ: начальникомъ полевого штаба генералъ-майора Фриде, начальникомъ артиллеріи генералъ-лейтенанта Жарикова; Ферганскимъ дѣйствующимъ отрядомъ командуетъ генералъ-лейтенантъ Абрамовъ.

Между президентомъ Аргентинской республики и населеніемъ столичнаго города, Буэнос-Айреса, произошелъ разрывъ. Президентъ, идя на своей сторонѣ регулярныя войска, разбилъ національную гвардію, силою въ 45 тысячъ человекъ, но овладѣть самымъ городомъ не могъ. Вѣроятно, впрочемъ, скоро послѣдуетъ и это.

Въ Америкѣ, подготовительныя работы по выборамъ президента штатовъ дали уже довольно опредѣленный результатъ,—общимъ кандидатомъ демократической партіи избранъ генералъ Уинфильдъ-Скоттъ-Ганкокъ, а вице-президентъ—Уильямъ Инглишъ.

Король Абиссинскій Іоаннъ заключилъ, наконецъ, миръ съ Египтомъ.

(Продолженіе на стр. 549, 550, 551 и 552).

С М Ъ С Ъ.

роизводство булавок въ Сѣверо-Американскихъ Штатахъ. Въ Соединенныхъ Штатахъ выдѣлывается ежегодно 72,500,000 пакетовъ булавокъ, или иначе 18,470,800,000 булавокъ. Лѣтъ 15 назадъ одинъ человѣкъ могъ выпустить въ минуту 14 булавокъ, теперь же, при современныхъ приспособленіяхъ каждый рабочій на булавочной фабрикѣ можетъ выдѣлать въ минуту 14,000 булавокъ.

Гиппофаги. въ Италіи 23-го мая *гиппофаги* (потребители лошадиного мяса) давали первый свой банкетъ въ Португичи. Уча-

Электрическій свѣтъ и растенія. Сименсъ сообщаетъ о дѣйствіи электрическаго свѣта на растенія. Онъ представилъ два горшка съ земляникой, посаженной одновременно и при однихъ и тѣхъ же условіяхъ. Одинъ горшокъ попрежнему былъ поставленъ на дневной свѣтъ, а второй, кромѣ того, ночью освѣщался электрическимъ свѣтомъ. Въ первомъ были еще зеленыя ягоды, а во второмъ уже совершенно снѣблыя. По мнѣнію Сименса, электрическій свѣтъ, значить, способствуетъ образованію сахара и ароматическаго вещества, отъ которыхъ зависитъ

Западно-Сибирскіе типы. Киргизка въ свадебномъ уборѣ. Съ фотогр. г-жи Полторацкой, грав. Пуцъ.

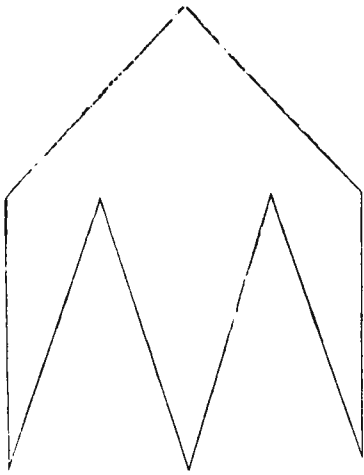
ствовали въ немъ 63 лица, въ числѣ ихъ Челентано, представитель Неаполитанскаго провинціального совѣта, профессора ветеринарнаго училища и земледѣльческой школы, и нѣсколько членовъ зоологическаго общества. Всѣ единогласно объявили, что конина кушанье во всѣхъ отношеніяхъ превосходное. Провозглашено было нѣсколько тостовъ и самый восторженный въ честь профессора Вальдассоре, которому принадлежить инициатива этой идеи, вызванная, разумѣется, недостаткомъ мяса.

созрѣваніе плода. Въ такомъ случаѣ садовникъ имѣетъ средство освободиться отъ необходимости солнечнаго свѣта и во всякое время года доставлять плоды наилучшаго качества.

Спутникъ для дачниковъ. 1880 г. Снѣшимъ, пока еще есть настоятельная надобность въ такой книгѣ для каждого живущаго на дачѣ подъ Петербургомъ, рекомендовать ее, какъ необходимую. Тутъ помѣщено лѣтнее движеніе всѣхъ желѣзныхъ дорогъ, рейсы пароходовъ, движеніе omnibusовъ, адреса врачей и планъ Петербурга съ сѣтью желѣзныхъ дорогъ.

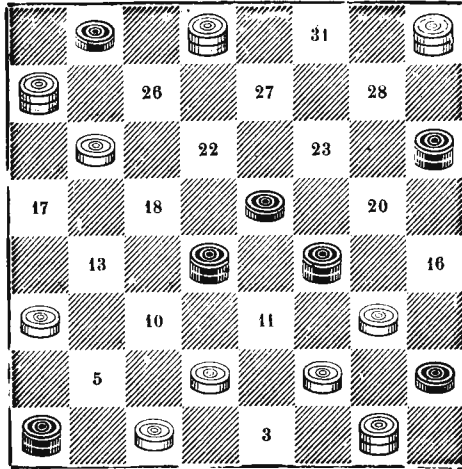
Геометрическая задача № 49.

Разрывать ниже изображенную фигуру двумя линиями такъ, чтобы складывая полученные части составить полный квадратъ.

Шашечная задача № 50.

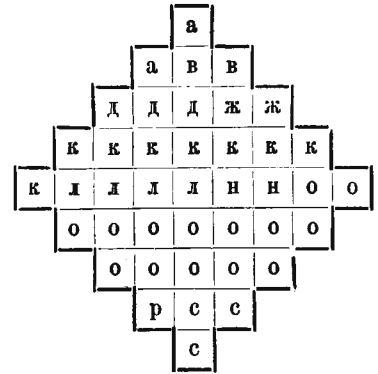
Соломатина.
Черныя.

Бѣлыя.

Бѣлыя начинаютъ и запираютъ 4 черныхъ дамки и 3 простыхъ.

Магическій крестъ. Задача № 51.

Задачи магическихъ квадратовъ.

№ 52.

а	а	г	г
и	л	л	о
о	р	р	с
с	у	у	я

№ 53.

а	а	а	г
л	л	м	м
н	н	о	т
т	у	у	я

СОДЕРЖАНИЕ: Дворецъ царя Алексѣя Михайловича (съ рис.) — Мупленное счастье. (Продолженіе) Романъ Н. Морсинаго.—Зарница. Историческая бѣль. В. Политковскаго.—Лѣса Гізіны (съ рис.)—Большой Бѣль (съ рис.)—Радость матери (съ рис.)—Два рисунка Шпехта (съ 2 рис.)—Семиазиатская область (съ рис.)—Апельсины. Очеркъ.—Психическое обозрѣніе.—Смѣсь.—Геометрическая задача.—Шашечная задача.—Магическій крестъ.—Магические квадраты.—Объявленія.

Издатель А. Ф. Марисъ.

Редакторъ Ф. Бергъ.

О Б Ъ Я В Л Е Н І Я

Экономія 90 коп. съ рубля.

Экономія 90 коп. съ рубля.

отъ домашняго приготовления минучихъ водъ: Сельтерской, фруктовой и лимонадовъ, посредствомъ аппаратовъ и порошковъ, продающихся съ подробнымъ для употребленія наставленіемъ у другистовъ Р. КЭЛЕРЪ и Ком. въ Москвѣ, на Никольской. Аппараты эти особенно удобны въ томъ отношеніи, что изъ нихъ можно отпавать любое и самое малое количество воды безъ вреда для остава. Цѣны аппаратамъ въ 3, 6, 9 и 15 стакановъ: 5, 6, 7 и 10 руб.; а съ укладкою для пересылки по почтѣ: 5 р. 50 коп., 6 р. 60 коп., 7 р. 75 к. и 11 руб.; въсѣ же ихъ съ укладкою 13, 17, 18 и 20 фунтовъ. Цѣна корбоксъ съ 10 зарядами, каждый на 3, 6, 9 и 15 стакановъ: 55 к., 80 коп., 1 р. 15 к. и 1 р. 60 к., съ укладкою 70 к., 1 р., 1 р. 20 к. и 1 р. 80 к.; въсѣ съ укладкою 3/4 ф., 1 ф., 2 ф., и 3 фута.

Экономія 90 коп. съ рубля.

Ц. М. № 800

Экономія 90 коп. съ рубля.

2—1

МОЖНО ПОЛУЧАТЬ

въ Москвѣ въ собственныхъ магазинахъ: Никольская ул., домъ Востажкозю. Ильинка, д. Троицкаго подворья. Петровка, домъ Петровскихъ лѣній.

Въ С.-Петербургѣ: у Рузанова, Савельева, Сафронова, Аверьянова, Урлаубъ и Рейнбергъ. Литейная, на углу Васоветной улицы, и у прочихъ главныхъ торговцевъ. № 610. 16—11.

СИТРОНАДЪ И ОРОНЖАДЪ МОСКОВИТЪ КЕЛЕРА

изъ свѣжихъ лимоновъ и апельсиновъ, съ вполнѣ сохраненнымъ ароматомъ этихъ фруктовъ, для лимонадовъ, пунша, мороженнаго, желе и всякаго рода кушанья. Стклянка на 50 стак., лимонада 50 к., на 100 стак. 90 к. Торговцамъ значительная скидка. Продажа въ аптекарскихъ магазинахъ

Р. КЕЛЕРА И К° ВЪ МОСКВѢ,

на Никольской и въ Нижегородской ярмаркѣ противъ хлѣбной биржи. Ц. М. № 798 2—1

ДЛЯ МАГАЗИНОВЪ.

Оптовая продажа по самымъ умѣреннымъ цѣнамъ Вазинъ английской, бѣлой, разноцвѣтной и суровой пергаментной бумаги (растительнаго пергамента) лучшей заграничной сребровидной фольги. У Р. Келеръ и Ком. въ Москвѣ, на Никольской ул. Ц. М. № 799 2—1

РУЧНЫИ штифтовый молотилки по	85 р. с.
Штифтовая молотилка съ 1-мъ коннымъ приводомъ по	225 р. с.
Штифтовая молотилка съ соломотрасомъ и 2-мъ коннымъ приводомъ по 340 р. с.	
Большія 4-хъ-конными молотилки бильной системы съ соломотрасомъ и приводомъ по	555 р. с.
Вѣялки и сортировки по	55, 85, 125 и 150 р.
2-хъ-конными сѣвосоюсами Пальмирацца	200 р.
» » жатвенныя машины и сѣвосоюски	225 р. с.
Американскія сѣвныя грабли Итѣва по	115 р. с.
Универсальн. разброс. сѣялки по	125 р. с.
Конные приводы въ 1, 2, 3 и 4 лош. по	110, 135, 175, 225 р.
Соломотрасъ отъ	25 до 75 р.
Дробилки для овса въ	25, 35 и 50 р. с.
Универсальн. американск. мельницы для 10, 15 и 20 пуд. помола по 150, 200 и 300 р.	
Плуги, скоронашки, бороны отъ	10 до 85 р.
Сѣвныя прессы по 175 р. Уравниатели дорогъ по	35 р.
Насосы всякаго рода отъ	12 до 200 р. с.
Русскія пожарныя трубы по	115 р.
Русскій огнетушитель по	20 р. с.
Насосы Фаулера для выкачки помоя, навозной жижи и пр. по	28 р. а.
Домкраты, Влоки, Горны, тачки, Локомотивъ Горноса, паровыя машины и пр., и пр.	

предлагаетъ со склада ТОВАРИЩЕСТВО

БУРКГАРДТЪ и УРЛАУБЪ.

С. Петербургъ: Вас. Остр. 1 линия, № 14. Месина, Мискиная, домъ Ситова. № 790 Иллюстриров. прейсъ-куррантъ по востъ ебованію. 2—2

Необходимыя всѣмъ и всегда средства ДОКТОРА И. Т. ЖУКОВСКАГО.

КОСМЕТИЧЕСКИЕ И ГИГИЕНИЧЕСКИЕ,

разрѣшенныя медицинск. совѣтомъ с.-петерб. физикатомъ, извѣстимъ уже давно публикѣ съ отличной стороны, по той совершенно простой и понятной причинѣ, что составъ ихъ ходитъ наиболее полезныя вещества, дѣйствительность которыхъ доказана научными изслѣдованіями и продолжительнымъ опытомъ.

- 1) Дегтадоръ личная помада—придаетъ лицу, рукамъ и другимъ частямъ тѣла нѣжность, бѣлизну; уничтожаетъ многія упорныя сны—угри, лишай, печеночныя пятна, загаръ, шелушеніе кожи и проч., отлично помогаетъ при оспахъ, язвахъ и пр. Ц. 1 р., съ перес. по почтѣ 1 р. 20 к.
- 2) Нефалодоръ потребляетъ керхотъ (плоть) на головѣ, укрѣпляетъ корни волосъ, способствуетъ правильному и быстрому ихъ роженію. Ц. 1 р., съ перес. 1 р. 50 к.
- 3) Губная помада—отъ трещинъ, сухости и другихъ страданій губъ. Ц. 50 коп. съ перес. 75 к.
- 4) Зубной зев. сирь—отъ отъ (одн и гниенія зубовъ и запаха во рту. Ц. 75 к., съ перес. 1 р. 20 к.

Концентрированныя жидкости Мунискаго для истребленія всѣхъ заразъ (холерной, сибирской язвы, сифилитической,

тифозной, осенней, чумной и проч. и для очищенія воздуха:

- Простая жидкость—отличное косметическое средство для уничтоженія зловоннаго запаха и дурнаго запаха во рту (нѣсколько капель на стаканъ воды), для предохраненія отъ сифилиса въ видѣ обмыванія или спринцованія (разведенная водою); она же краситъ волосы въ темный цвѣтъ. Ц. 1 р., съ перес. 2 р.
- Сложная жидкость—(1 флак. на 10 ведеръ воды) уничтожаетъ зловоніе, миазмы и прекращаетъ гніеніе веществъ. Ц. 1 р., съ перес. 2 р.
- Эссенція отъ настиномыхъ Ц. флак. 50 к., перес. на 2 р. Истребляетъ блохъ, моли, клоповъ и проч. лучше всѣхъ другихъ подобныхъ средствъ.
- Порошокъ отъ настиномыхъ. Дѣла въ сткляк. 35 к. сер. въ жестянк. 1 р. 25 к., съ перес. 2 р.

ГЛАВНЫИ СКЛАДЪ средствъ Жукоскаго: въ С.-Петербургѣ, по Волкы. Садовой между Апраксинскимъ и Горюховой, д. № 32 близъ иконы Кавказской Божіей Матери, на газетѣ № 2, Н. Ф. Савельева, откуда производится пересылка по почтѣ только по требованію: на имя доктора И. Т. Жукоскаго. Пересылка средствъ въѣздъ: №№ 1, 2, 3 и 4 за 4 р., №№ 1, 2, 3, 4, 5 и 6—за 7 р., №№ 1, 2, 3, 4, 5, 6, 7 и 8—за 10 руб. Кроме того, продаются въ Петербургѣ—въ Гостиномъ дворѣ, по Зеркальной линіи, у Парикова и комп., № 78, у Рузанова, № 41, Ушакова № 33, по Сухоной линіи, у Комкина, № 19; по Васюковской линіи, Сафронова, № 2. Въ Москвѣ: Никольская ул., домъ Чижовыхъ, въ складѣ завода царскаго мыла; на Нижегородской ярмаркѣ, по флигелѣ главнаго дома, рядомъ съ Государственнымъ банкомъ, и въ складѣ завода царскаго мыла. Дѣйствительность средствъ гарантируется только при покупкѣ ихъ въ вышеозначенныхъ мѣстахъ.

СКОПИНСКІЙ

ГОРОДСКОЙ ОБЩЕСТВЕННЫЙ БАНКЪ.

(ОСНОВНЫЙ И ЗАПАСНЫЙ КАПИТАЛЫ 1.107.111 РУБ.)

Банкъ принимаетъ вклады изъ всѣхъ мѣстностей Россіи: отъ присутственныхъ мѣстъ, должностныхъ и частныхъ лицъ, монастырей и церквей, земскихъ и общественныхъ учреждений, городскихъ и сельскихъ обществъ и акціонерныхъ компаній. Вклады привимаются отъ вкладчиковъ, лично и чрезъ почту, на безсрочное время, т. е. до востребованія, на опредѣленные сроки отъ одного года до 12 лѣтъ и на вѣчное время. По вкладамъ Банкъ выдаетъ:

На безсрочное время	6% въ годъ.
» одинъ, два и три года	6½% » »
» четыре, пять и т. д. до 12 лѣтъ	7% » »
» вѣчное время	7½% » »

Внесенные въ Банкъ вклады, обезпечиваются не только вышеозначенными Банковыми основными и запасными капиталами 1.107.111 руб., но и ручательствомъ за Банкъ Скопинскаго Городскаго Общества, состояніе котораго простирается на нѣсколько милліоновъ рублей.

Сумма вклада не можетъ быть менѣе 50 рублей. Билеты на вклады: не превышающіе 300 рублей, выдаются только именные; на сумму же свыше 300 рублей могутъ быть выдаваемы, по желанію вкладчиковъ, безъимянные, т. е. на предъявителя *)

Вклады возвращаются и проценты по нимъ выдаются наличнымъ вкладчикамъ въ тотъ же день, иногороднымъ высылаются съ почтою.

Лица, желающія перевести свои вклады изъ другихъ кредитныхъ учреждений на процентное обращеніе въ Скопинскій Банкъ, могутъ поручить Банку истребованіе откуда слѣдуетъ ихъ вкладовъ, для чего они должны сдѣлать на именныхъ билетахъ засвидѣтельствованную нотариусомъ или полиціею надпись, о предоставленіи Банку права истребовать слѣдующія по тѣмъ билетамъ деньги, безъимянные же билеты, для перевода по нимъ вкладовъ, представляются въ Банкъ безъ всякой надписи.

Банкъ принимаетъ къ учету векселя, купоны отъ процентныхъ бумагъ и облигацій, вышедшія по тиражу, на сроки отъ 1-го до 12-ти мѣсяцевъ, и выдаетъ ссуды подъ залогъ строеній, состоящихъ въ г. Скопинѣ, и земель находящихся въ Рязанской губерніи отъ 1-го года до 12-ти лѣтъ, процентныхъ бумагъ, товаровъ и вещей отъ 1-го до 9-ти мѣсяцевъ. Проценты Банкъ получаетъ по учетной и ссудной операціямъ по восьми на сто въ годъ.

Правленіе Банка открываетъ засѣданіе ежедневно, кромѣ воскресныхъ и табельныхъ дней, съ 10 час. утра до 3-хъ часовъ по полудни, и въ производствѣ Банковыхъ операций и вообще во всѣхъ своихъ дѣйствіяхъ руководствуется Высочайше утвержденными: положеніемъ 6-го февраля 1862 года о Городскихъ Общественныхъ Банкахъ, и мнѣніями Государственнаго Свѣта 16-го мая, 1866 года и 30 ноября 1870 года.

*) Вклады вносятся въ Банкъ черезъ почту при объявленіяхъ слѣдующаго содержанія:

„Въ Скопинскій городской Общественный Банкъ (отъ такого) объявленіе. Представляя при семъ (столько-то рублей) пропусъ принять эту сумму во вкладъ для обращенія изъ процентовъ (на такой-то срокъ или до востребованія) и составить билетъ на мое имя (или на имя такого-то или на предъявителя); который выслать въ такое-то мѣсто. Число. мѣсяць, годъ.“

НИВА

ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЖУРНАЛЪ ЛИТЕРАТУРЫ

XI годъ
№ 28

годъ XI
1880

ПОЛИТИКИ И СОВРЕМЕННОЙ ЖИЗНИ.

ВЫХОДИТЬ ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫМИ №№ ВЪ ДВА ЛИСТА СЪ 6—10 РИС. И ЕЖЕМЕСЯЧ. ДАРОВЫМЪ ПРИЛОЖЕНИЕМЪ „ПАРИЖСКИХЪ МОДЪ“ (отъ 20 до 40 модн. рис.) и ЛИСТА ЧЕРТЕЖ. ВЫПРОЕНЪ (отъ 22 до 30 рис.) разн. рис. рукод. работъ (отъ 20 до 40 рис.) Цѣна этого № „Нивы“ 15 к. съ перес. 20 к.

ОБЪЯВЛЕНІЯ
для напечатанія въ „Нивѣ“ принимаются по 25 к. за строку непарейль (въ 1/4 ширины страницы).
КОНТОРА
журнала открыта ежедневно (кроме воскресныхъ и праздничныхъ дней) отъ 10 ч. утра до 6 ч. вечера.

Открыта подписка на „НИВУ“ 1880 г.
ПОДПИСНАЯ ЦѢНА НА ГОДОВОЕ ИЗДАНИЕ „НИВЫ“:
Безъ доставки въ Петербургъ . . . 4 р.
Съ доставкою . . . 5 р.
На полгода безъ доставки 2 р., съ доставкою 2 р. 50 к., съ пересылкою иногороднымъ 3 р.
Безъ доставки въ Москву чрезъ кн. маг. гг. Шапошникова, Соловьева и Лангъ. 5 р.
Съ пересылкою въ Москву и другіе города Россіи 6 р.
Каждый новый подписчикъ получаетъ все уже вышедшіе въ 1880 г. номера.

ПРИЛОЖЕНІЯ.
Особыя приложенія при „Нивѣ“ объ явленіи отъ торговыхъ домовъ принимаются для иног. по 5 р. съ тысячи, для городскихъ по 4 р.
РУКОПИСИ
Мелкія рукописи и стихи неудобныя для печати, авторамъ не возвращаются.

КОНТОРА ЖУРНАЛА „НИВА“ ПОМѢЩАЕТСЯ ВЪ С.-П.-БУРГѢ НА Б. МОРСКОЙ ВЪ Д. № 9.

Луисъ Камозенсъ, авторъ поэмы „Луизиада“.

(По поводу исполнившагося трехсотлѣтія со дня его смерти).

Португалія чествовала недавно память своего поэта, при имени котораго возстаютъ передъ нами время наивысшаго могущества и славы Лузитанцевъ. Въ это блестящее для нея время небольшая, незначительная страна владѣетъ обширными землями въ Африкѣ, Азій, южной Америкѣ и утверждаетъ свою власть даже въ Индіи. Это время процвѣтанія ея было однако непродолжительно. Въ 1498 г. Васко де Гама овладѣлъ Каликутой, два года спустя Бразилія отошла подъ власть Эмануила Счастливаго и уже 4 августа 1578 г. несчастный, болѣзненный племянникъ его потерялъ и жизнь и власть, которая затѣмъ перешла въ Испанскому королю Филиппу II. Англичане, Голландцы и Испанцы теперь уже давно владѣютъ большею частью португальскихъ земель и колоній и исчезла и самая память героевъ, отерывшихъ эти земли и основавшихъ поселенія. Имена ихъ и подвиги стали уже достояніемъ исторіи, ихъ слава во всемъ ея блескѣ, образы ихъ во всемъ ихъ величій воплотились всецѣломъ безсмертились въ звучныхъ строфахъ знаменитаго пор-

Камозенсъ. Португальскій поэтъ XVI в. Авторъ поэмы „Луизиада“.
По фотогр. грав. Флюгелъ

тугальскаго поэта. Преслѣдуемый несчастіями, завистью и злобою враговъ, людскою неблагодарностью—окончилъ жизнь творецъ „Луизиады“. „Онъ жилъ въ бѣдности и страданіяхъ и умеръ также“—гласитъ простая надпись, выбитая на его памятникѣ, который поставили поэту лишь шестьдесятъ лѣтъ спустя послѣ его смерти, когда народъ поаялъ его великое значеніе. „Это былъ царь поэтовъ своего времени“ какъ справедливо говорить та же надпись далѣе.
Сынъ образованныхъ, но небогатыхъ родителей, Луисъ Камозенсъ родился въ 1525 г. и время его цвѣтущей юности совпадаетъ съ временемъ появленія на его родинѣ величайшихъ „пѣвнителей моря“ тѣхъ героевъ, которые сдѣлали славнымъ и грознымъ имя Португаліи. Отецъ его принималъ самъ лично неоднократно участіе въ славныхъ морскихъ экспедиціяхъ, даже командовалъ однимъ военнымъ кораблемъ. Поэтъ, еще юношей, былъ изгнанъ и удаленъ отъ Лиссабонскаго двора вслѣдствіе одной любовной интриги и потомъ былъ на отцовскомъ кораблѣ, сражаясь противъ мавровъ, и азычниковъ на службѣ родинѣ въ

экспедиции против Сеуты с мужеством и отличием. Здесь он имел несчастье в бою потерять глаз. Тогда он возвратился в Лиссабон, рассчитывая, что за его военные заслуги правительство простит его и даст ему какое нибудь место в гражданской службе, но ничего не достиг и принужден снова вверить свою судьбу бурным волнам. Он участвует в 1553 г. в экспедиции Альвареса Кабрала в Индию. Из четырех кораблей, которые составляли флотилию Альвареса, три были застигнуты ужасными бурями; и лишь один из них — адмиральский, на котором по счастью находился и поэт, прибыл в Гоа, после долгой, ужасной борьбы с противными ветрами. Только что вступив на твердую землю, Камонс уже присоединяется к грандиозной и победоносной экспедиции Вискороля против властителя Шенба. По возвращении в Гоа он наконец был награжден соответствующим отличием, какого он был вполне достоин по своим трудам, познаниям и опытности. Но вместе с тем он вновь очутился в морях и должен был идти на новые труды и битвы. На этот раз адмирал Мигоэль Васконтелос взял его для руководительства своей экспедицией. Между тем в Гоа умер губернатор Дон-Педро Маскаренас и когда, весной 1555 г. Камонс опять вернулся в Гоа, то увидел что преемник умершаго губернатора Баррето установил здесь самый крайний nepотизм и торговлю местами, вследствие которых все должности сосредоточились в руках нескольких фамилий, что служило источником вечных несогласий и несчастий и взаимной вражды. Воспламененный гневом, поэт изложил его в великоблнной сатире, которая произвела огромное впечатление. Это была смелый, сильный но необдуманный шаг, — как и все что делал Камонс. Последствием этой сатиры была высылка поэта на Молуккские острова. Пять лет прожил он в Макао и купил себе здесь даже землю — здесь же написал он большую часть своей знаменитой поэмы „Луизиада“. В 1561 г. он вернулся в Гоа. Недалеко от устья реки Камбоджи, корабль, на котором он плыл, потерпел крушение и жизнь поэта и его произведение не погибли в море, только благодаря тому, что могучая грудь Камонса также отважно развлекла морские волны, как волны его бурной, безпкойной жизни.

Вновь начались его несчастья. В Гоа его враги начали против него процесс и когда Франциско Кутинто стал во главе управления то велел поэта подвергнуть временному заключению. В те времена и в тех местах правосудие не процветало. Долги мучили его, но от них на первый раз освободил его вице-король, в честь которого он написал блестящее остроумное и поэзией стихотворение. И в Индии его преследовали долги, пока кружок людей высшего общества не принял в нем участие — избавили его от затруднений и склонотали ему возвращение в Лиссабон. Поэма его уже была готова. Он мечтал скорее ее напечатать; цель его вдохновлявшая была — рассказать грядущим поколениям героическую дьяни их отцов и одушевить эти поколения на новые подвиги на славу родины.

В 1569 году он вернулся в Лиссабон. Донъ Иоанн уже скончался и молодой, кипящий силами Донъ Себастьян вступил на престолъ. Юному властителю и ршился Камонс посвятить свою поэму. Но подчинившийся иезуитам, король уже тогда вовсе не благоволил къ знаменитому певцу-герою. Кроме того въ это время начала свирепствовать страшная морозная язва в Лиссабонѣ и его окрестностях и событие это задержало печатаніе Луизиады болѣе чѣмъ на два года. В 1571 г. появились первые десять пѣсенъ поэмы и имѣли такой успѣхъ что въ концѣ того же года потребовалось новое изданіе. Имя поэта переходило изъ устъ въ уста. Но толпа также быстро развѣивается какъ и возноситъ своихъ любимцевъ. В городѣ уже передавали, смѣясь злорадно, что Донъ Себастьянъ въ видѣ награды назначилъ поэту ежегодную пенсію, на наши деньги въ 25 рублей, съ обязательствомъ состоять при дворѣ.

Большой, нищій и всѣми оставленный, доживалъ послѣдніе годы великій поэтъ, которому служилъ и котораго покоилъ лишь вѣрный рабъ, вывезенный имъ изъ Индіи, уроженецъ Джамы, не имѣвшій никакого понятія о гениі своего господина, но любившій его отъ всего сердца. И скончался Камонсъ, нищій и страдающій, также какъ жилъ; но смерть избавила его отъ великаго горя — горя видѣть униженіе своей родины, которую онъ любилъ глубоко, какъ истинный патриотъ.

Но какую бурную, сильную, полную событий жизнь прожилъ онъ. Современникъ его Фаріа говоритъ, что это былъ человекъ въ юности весьма красивый, сердечный и великодушный всегда и вездѣ; открытый, отважный характеръ привлекалъ къ нему всѣхъ и только несчастья послѣднихъ лѣтъ сдѣлали его грустнымъ и задумчивымъ. И такимъ и долженъ былъ быть авторъ „Луизиады“ въ строфахъ которой — ясныхъ, величавыхъ — отражается чистая, мужественная душа Камонса.

Рано волновали эту высокую душу повѣствованія объ героическихъ подвигахъ и плаваніяхъ Лузитанцевъ; Васко, знаменитый пѣвитель моря, былъ его героемъ, подражать ему — было его юношескою мечтою. Еще въ Коимбрѣ, въ университетѣ, дивясь высокимъ образамъ Гомерическихъ сказаній, онъ уже вдохновлялся героической поэмою. Содержание Луизиады — это описаніе подвиговъ Васко де Гама и вообще португальскаго народа. Бахусъ Лузусъ, отъ котораго по преданію произошли Лузитане т. е. Португальцы — дѣянія его потомковъ и изображаются въ поэмѣ. В началѣ поэтъ обращается къ молодому королю, чтобы выслушалъ онъ повѣсть о подвигахъ возвышающихъ духъ и пробуждающихъ патриотизмъ

Вдохнови ты меня — океана волна —
Чтобы полна и стремленья и силы
Шель моя понеслася, далеко слышна,
Раздаваясь на родинѣ милой.
Чтобы она, какъ труба боевая войскамъ,
Воскресила героевъ походы,
Чтобы память ихъ внуки далекимъ вѣкамъ
Передали бы въ роды и въ роды.

Въ звучныхъ стихахъ поэмы постоянно чувствуется подражаніе классическимъ поэтамъ. Дѣйствіе начинается на Олимпѣ. Одни боги завидуютъ Лузитанамъ. Венера и Марсъ имъ покровительствуютъ. Васко де Гама разбиваетъ Мавровъ, пристаетъ къ острову Момбаду, гдѣ португальцевъ сговариваются всѣхъ истребить, но Венера спасаетъ ихъ отъ гибели а Меркурій приводитъ ихъ въ Мелинду. Здесь Васко де Гама и его отважные товарищи приняты очень радушно и рассказываютъ въ одушевленныхъ словахъ царю о своей родинѣ и ея могуществѣ.

Страннымъ образомъ влетается въ эту повѣсть о Лузитанскихъ герояхъ аллегорія и боги Греціи, и казалось это должно было быть препятствіемъ къ пониманію народомъ поэмы и ея повсемѣстной славы. Однако есть главы, которыя написаны такими сильными и огненными стихами, что они извѣсны каждому португальцу. Укажемъ напр. на 3-ю, 4-ю и 5-ю главы, гдѣ говорится о странствіяхъ Гама и о важнѣйшихъ историческихъ событіяхъ въ Португаліи и на извѣстный трогательный рассказъ о Инесѣ Де-Касгро. Затѣмъ укажемъ на восьмую главу, гдѣ во время пребыванія Гама въ Каликутѣ, царь Каликуты увидѣвъ изображенія на знаменахъ Португальцевъ, проситъ ихъ объяснить и льются чудныя строфы разсказа о битвахъ и страданіяхъ Лузитанцевъ. Кроме описаній, патриотическихъ эпизодовъ и разсказовъ, въ поэмѣ есть смѣлая сатира, относящаяся къ самому Дону Себастьяну, иезуитизму, и дурнымъ, порочнымъ сторонамъ жизни соотечественниковъ поэта. В 1578 г. Донъ Себастьянъ погибъ въ Африкѣ. Португальцы терпѣли поражение — это глубоко огорчало патриотизмъ Камонса, хотя онъ не дожидъ до паденія славы и могущества своего отечества. Онъ умеръ 8 іюня 1580 года.

КУПЛЕННОЕ СЧАСТЬЕ.

Романъ Н. Морскаго.

(Продолженіе).

XIII. Сообщники.

Гавриловъ вышелъ отъ графини Брумъ въ двѣнадцатомъ часу и идя по корридору, встрѣтилъ лакея дожившаго, что какой-то старичекъ дожидается его, что-бы лично передать ему важное письмо... Гавриловъ освѣдомился:

- Гдѣ онъ?
- Ждетъ въ швейцарской.
- Позовите, — и отворяя дверь въ номеръ, пробираясь ощупью въ полутемнотѣ, раздѣленной на двое занавѣ-

вѣсью комнаты, нацупалъ на столѣ спички и зажегъ свѣчи... Затѣмъ сбросилъ съ себя сюртукъ, растегнулъ жилетъ и въ ожиданіи старичка, принесшаго ему письмо, началъ расхаживать по комнатѣ.

Старичекъ не заставилъ себя долго ждать и вскорѣ его приличная фигурка въ бекешѣ, держа въ рукахъ мѣховую шапку, появилась на порогѣ отворенной въ корридоръ двери, отвѣсила еще оттуда Гаврилову поклонъ и какъ бы не осмѣливаясь войдти безъ разрѣшенія оставилась, ожидая позволенія... Гавриловъ крикнулъ:

— Войди.

Тогда старичекъ вошелъ и плотно затворилъ за со-

бою дверь... Лишь только это совершилось, физиономія его утратила прежнюю почтительность, манеры сдѣлались рѣшительнѣе и смѣлѣе и старичекъ, безъ всякаго уже разрѣшенія, смѣло вошелъ въ то отдѣленіе номера, по которому расхаживалъ Говриловъ:

— Здравствуйте-съ.

— Здравствуй,—и Гавриловъ сѣлъ, ожидая дальнѣйшихъ поясненій прихода старика, откидывая назадъ волосы...

Старичекъ безъ всякаго приглашенія со стороны хозяина усѣлся на кресло и, отстегнувъ полу бекеша, вытащилъ изъ боковаго кармана горохового пальто, надѣтаго подъ нею старый, засаленный бумажникъ, развернувъ который, вынулъ изъ него двѣ радужныхъ депозитки и, тщательно расправивъ, положилъ ихъ передъ Гавриловымъ на столъ а тотъ, сосчитавъ глазомъ сколько, замѣтилъ:

— Маловато.

Тогда старикъ тономъ ворчливаго стараго слуги, отозвался:

— Будетъ-съ... Больше нельзя; больше не возможно... Сами знаете: только сотню беру въ уплату...

— Ну!—потянулъ со стола депозитки Гавриловъ и сунулъ ихъ въ карманъ панталонъ,—осталось много-ли?

— Много-съ.

Старикъ развернулъ какую-то бумагу:

— Нѣшто росписки-то мои въ полученіи не у васъ?

— У меня... да, чортъ-ли ихъ считать-то...

Старикъ смотрѣлъ въ бумагу, внимательно перебѣгая своими огненными глазами отъ строки къ строкѣ, шепча что-то тонкими губами, складывая въ умѣ цифры...

— Шесть тысячъ двѣсти уплачено-съ...

Онъ строго посмотрѣлъ при этомъ на Гаврилова взглядомъ няньки, смотрящей на провинившагося питомца... Гавриловъ закинувъ ногу за ручку кресель, свистнулъ:

— Немного... Остается 18,800...

И вставъ, прошелся по комнатѣ.

— И кой чортъ я тебѣ столько задолжалъ!

— Въ карты-бы не играли-съ... Тогда небось благодарны были, какъ я васъ выручилъ?.. кровныя, заповѣдныя денежки, трудами рукъ своихъ, шиломъ да дратвой, сударь, многіе годы копилъ...

— Знаю, другъ ты мой любезный, я твое шило... Не очень-то отъ такой работы спину ломить,—усмѣхнулся Гавриловъ, продолжая ходить по комнатѣ...

— Кровь портится, сударь,—научилъ старикъ,—волненія разныя бываютъ... Это всякаго шила тоже стоить-съ...

Гавриловъ остановился передъ старикомъ:

— И куда только ты деньги копишь,—спросилъ онъ его?..

— Куда-съ?.. Какъ куда-съ?

— Человѣкъ ты одинокій... Зналъ бы себѣ сапожникомъ вѣкъ свой въ Тулѣ проживалъ... На твой вѣкъ достало бы...

— Какъ одинокій, —придрался старикъ къ первымъ словамъ Гаврилова,—а Сашку-то моего, сестрина-то сына, забыли-съ?

Гавриловъ махнулъ рукой:

— Лицемѣръ ты старый,—пошелъ онъ снова по комнатѣ,—нашелъ кого назвать?.. Точно любить... Кабы любилъ, небось-бы Сашка-то твой изъ тюрьмы въ тюрьму не шлялся... Хорошимъ бы человѣкомъ сдѣлалъ его...

— А вы нѣшто дурной-съ?

— Я?.. Ну, братъ, я статья иная... Я за увлеченія молодости расплачиваюсь... Было состояніе — жилъ на него, а не стало—надо-же на что нибудь жить...

— А коли у Сашеньки-то этимъ самымъ его поведениемъ волненіе молодой крови выходитъ-съ... Перемелется—мука будетъ-съ... Пройдутъ его годы молодые—остепенится и начнетъ жить, какъ всѣ хорошіе люди живутъ...

Вы нѣшто, сударь, такого волненія не испытывали-съ? Я васъ съ молодыхъ лѣтъ знаю-съ... Вы только что въ возрастъ приходите начали—въ интригу съ старшею васъ годами барышней вступили-съ... Богъ вамъ сына послалъ... Въ бракъ законный съ богатѣйшей дѣвицей вступили-съ, кажется чего бы лучше остепениться, а вы шасте къ прежней своей любви... Сыночка-то за это время сровадили:—Господь вамъ дочку послалъ... Заскучали-съ: и законная и незаконная не по нраву пришли-съ—и ускакали-съ... Только одну шалость на прощаніе сдѣлали: оставленной супругѣ дочку подкинули... Развѣ такой образъ дѣйствій не волненіе вашей крови означаетъ-съ?..

Гавриловъ осердился:

— Да, что ты мнѣ мою жизнь-то рассказываешь?.. Я и безъ тебя знаю.

— Конечно знаете-съ,—спокойно отозвался старикъ,—только, какъ я вашу милость еще съ тѣхъ самыхъ поръ знаю-съ, какъ вы съ барышней нашей дружбу свели, какъ я еще на волю отъ нихъ съ маменькой не отошелъ и за сапожное ремесло не принялся,—такъ и позволилъ себѣ вамъ въ наставленіе нѣсколько словъ сказать... Я своему Сашенькѣ поперегъ дороги становиться не хочу. Коли это ему въ удовольствіе,—для чего-же я его удовольствія лишать буду-съ?.. Старше станетъ—остепенится.

— Да, держи карманъ... Вонъ ты кажется не молодъ, и остепенился небось?.. По моему ты на старости-то лѣтъ и развернулся...

— Для Сашеньки-съ... Все—его, все ему пойдетъ-съ... Да, и вы, сударь, не больно вѣдь молоды...

Гавриловъ остановился снова передъ продолжающимъ сидѣть старикомъ.

— Меня другъ ты мой любезный, крайность, нужда къ этому побуждаетъ... Не задолжай я тебѣ послѣ проигрыша—я бы можетъ довольствовался только тѣмъ, что жена мнѣ въ годъ выдаетъ.

— А *это*-то, —сдѣлалъ старикъ удареніе на словѣ „это“,—для ускоренія замыслили?..

— Вотъ—подтвердилъ Гавриловъ такое предложеніе,—сдѣлаю *это* и шабашъ!.. Съ долгами развяжусь, со всѣмъ, со всѣмъ!..

Онъ положительно прокричалъ послѣднія слова, точно предвкушая радость какого-то освобожденія отъ связывающихъ его оковъ... Старикъ не сводилъ съ него глазъ, какъ бы занятый прежнею мыслью... И вдругъ вернулся къ прерванному.

— Нѣтъ, сударь, вы Сашеньку не такъ понимаете... Можетъ онъ волненіе-то крови отъ насъ по наслѣдію пріялъ-съ... Можетъ самъ-отъ онъ и иной бы былъ-съ... А мы школу, сударь такую проходили, подневольными родились и съ дѣтства ранняго къ лицемѣрью и лжи привыкали... Чѣмъ-же сударь, Сашенька-то въ этомъ виновенъ?..

Гавриловъ махнулъ рукой:

— Ну, ты философію-то свою для другихъ побереги.. Говори о дѣлѣ... Не люблю я васъ здѣсь принимать,—онъ указалъ глазами на комнату,—лучше, какъ письменно вызовешь въ ночлежный, или въ трактиръ какой.. Ну, говори.

И сѣлъ на кресло, закинувъ ногу, за руку...

— Вы говорите-съ,—сжалъ губы старикъ.

— Прежде всего, не забудь росписку въ полученіи денегъ.

— Вотъ-съ.—Старикъ протянулъ Гаврилову бумагу, которую тотъ осмотрѣлъ и спряталъ въ карманъ.

— Ну, Сашку своего опредѣлилъ?

— Опредѣлилъ-съ. На мѣстѣ, довольны-съ.

— Паспортъ и рекомендація на имя *того*?

— Да-съ.

Гавриловъ на мгновеніе сдѣлался задумчивымъ и какъ-то медленнѣе заговорилъ:

Наше хлебопашество. Ориг. рис. Н. Н. Каразина, грав. М. Рашевский.

— Если это будетъ успѣшно, такъ его будутъ искать... А?

— Его-съ, его... Сашеньку въ сторонѣ надо оставить..

Гавриловъ, какъ-бы съ минуту колебался, потомъ улыбнулся легкомысленно—вѣрно дѣло шло о чемъ нибудь весьма простомъ и вздорномъ и обратился къ старику, съ блуждающею на лицѣ улыбкою:

— Что-жъ! мѣстечко себѣ спокойное покрайней мѣрѣ найдеть... А то изъ мѣста въ мѣсто шляется... Безъ роду, безъ племени...

И не дождавшись отъ старика отвѣта, прибавилъ:

— Только какъ-бы его опять туда, въ Марбургъ-то его родимый—не угнали... Ты его попридержи въ надежномъ мѣстечкѣ.

— Попридержу...

— А въ тотъ день и выпусти птичку изъ клѣтки...

И рекомендацію-то ему обратно всучи...

— Все сдѣлаю-съ.

Оба на мгновеніе смолкли, погруженные въ глубокую думу... Гавриловъ закурилъ папиросу и заговорилъ...

— О той я разузналъ... По какимъ-то благочестивымъ дѣламъ сюда пожаловала, церковь что-ли строить хочеть какою... Какъ это сдѣлается, какъ прусскій-то подданный нашъ отличится. — мы, братецъ, къ ней и приступимъ... Скандала-то побоятся: вотъ дескать до чего довела...

И снова всталъ и началъ ходить по комнатѣ, дѣлая глубокія затыжки... Потомъ вдругъ остановился передъ старикомъ и усмѣхнулся.

— Мое-то, старикъ, волненіе въ крови стихнетъ, какъ я оттуда и отсюда кушъ изрядный получу... Тогда я честолюбіемъ займуся: на знатной барышнѣ женюсь..

И подмигнулъ:

— На примѣтѣ такая есть... А вотъ вы-то съ Сашкой уйметесь-ли?.. Ваше-то волненіе въ крови окончится-ли когда?..

Онъ смотрѣлъ на старика, сидящаго передъ нимъ на креслѣ... Рука сложенная чашечкой бросилась ему въ глаза...

— Руку-то, руку-то какъ держишь... Капиталистъ,— а просишь...

Старикъ скромно улыбнулся, но чашечки своей не разогнулъ.

— Что-жъ,— сказалъ онъ,—вонъ, какъ давеча съ почты отъ супруги вашей деньги ваши ежемѣсячныя получилъ, да домой возвращался,— старикъ какой-то встрѣлся, я не просилъ, и только посторонился для него, да глаза на него поднялъ, руку то, знаете, по своей привычкѣ держу такимъ манеромъ, а онъ бацъ мнѣ рублевую бумажку въ руку-то-съ... На,—говорить,—старикъ, въ молитвѣ своей помяни раба Божія Порфирія... А у самого, вѣрно къ возрасту моему преклонному сожалѣніе возникло, на глазахъ, вѣрите-ли, слезы... Пошелъ, да опять назадъ... Зайди, говоритъ, старикъ въ домъ Колышкина на набережной Пряжки, въ квартиру Батракова...

— Ну и чтожъ,—думаешь идти?

— Держите карманъ,—засмѣялся старикъ и поднялся съ мѣста, собираясь оставить своего сообщника и должника.

— Поздно-съ. Спокойной ночи, пріятнаго сна-съ...

XIV.

Развязка.

Въ этотъ годъ m-elle Деверія создала на сценѣ Михайловскаго театра роль прекрасной Елены, въ надѣланшей въ свое время громаднаго шуму опереттѣ того же имени. Въ театрѣ ломились и билеты брали съ бою. Во вкусахъ публики къ драматическимъ зрѣлищамъ произошло нѣчто странное... Правовѣды провозгласили триумфъ чувственныхъ произведеній и мнѣніе этаго казалось бы не особенно компетентнаго кружка, чуть замѣтными струйками пробралось по стволу, вѣтвямъ и

листьямъ общественнаго древа, подточило его, какъ червь—и серьезная комедія отошла на задній планъ, стала даваться только для съѣзда... Театръ оставался полупустъ, пока шла драма, которую слушали лѣниво, изрѣдка поощряя вялымъ аплодисментомъ такихъ артистовъ, какъ Самойловъ, Линская или на французской сценѣ, m-me Вольнисъ... Но лишь только трехъ или пяти-актная комедія кончалась, публика возвращалась изъ фойе, торопилась занять мѣста; золотая молодежь, только что успѣвшая къ этому часу попасть въ театрѣ, перекидывалась другъ съ другомъ различными полуфразами, кивала появлявшимся въ ложахъ дамамъ полусвѣта,—все оживало и прояснялось... Къ первому взмаху капельмейстерскаго жезла всѣ были на мѣстахъ и при первыхъ звукахъ увертюры—родъ какого-то страннаго ошьяненія и затмѣнія мысли овладѣвалъ всѣми собравшимися на спектакль... Къ таланту стали до такой степени снисходительны, что безголовому хору, которымъ начинается оперета, аплодировали въ какомъ-то странномъ изступленіи; когда-же, закутанная въ черный крепъ, усѣянная золотыми звѣздами, появлялась въ рыжемъ парикѣ прекрасная Елена—восторгамъ не было конца.

Клеопатра Петровна, пріѣхавшая въ Петербургъ на время, на какой нибудь мѣсяцъ, посѣтивъ всѣхъ знакомыхъ, изъявила желаніе побывать въ театрѣ, пригласивъ Кожухова съ женой сопровождать ее. Кожуховъ же долженъ былъ и взять логу и на предложенный имъ вопросъ, въ какой театрѣ желаетъ Клеопатра Петровна, получилъ равнодушный отвѣтъ:

— А шьяво, джюжечекъ, не знаю... Что въ модѣ?..

— Да, вотъ была въ модѣ итальянская опера, но теперь унала... Теперь вонъ всѣ во французскій театрѣ ѣздятъ... „Прекрасную Елену“ тамъ отлично играютъ..

— Это что-же такое?

— Царица такая въ древности у грековъ была... Вѣтрянностью больше въ исторіи прославилась... Отъ мужа бѣжала...

— Я и сама отъ мужа бѣжая... Смѣшно?

— Очень смѣшно.

— А чего же она отъ мужа бѣжая? Дуйной что-ли бый?

— Д-дасъ,—затруднился Кожуховъ отвѣтомъ,—съ замѣчательнымъ красавцемъ бѣжала, влюбилась...

— Бей бить,—рѣшила Креопатра Петровна,—я сама на эту цаицу похожа, хотъ и одна бѣжая отъ мужа...

Билетъ достали съ трудомъ, тѣмъ болѣе, что очень дорогихъ ложъ Клеопатра Петровна братъ не приказала, вслѣдствіе свойственной ей расчетливости и на спектакль поѣхала только вдвоемъ съ Катинь, такъ какъ вѣчно занятый Кожуховъ, вслѣдствіе неотложнаго дѣла, къ началу спектакля быть не могъ и рѣшилъ, что пріѣдетъ позднѣе. Такимъ образомъ Клеопатра Петровна помѣстилась въ ложѣ, вдвоемъ съ Катинь.

Цѣлая недѣля прошла съ тѣхъ поръ, какъ Катерина Александровна увидѣла впервые Пантелѣева... Послѣ той краткой и несвязной молитвы, которая вырвалась у нея, когда она осталась одна въ своей комнатѣ, легкимъ налетомъ розоватаго отблеска мечтаній, какимъ-то мерцающимъ разсвѣтомъ,—налетѣли на нее сновидѣнія... Ахъ, никогда она не видѣла золотыхъ сновъ!.. До сихъ поръ ея душа спала, скованная сновидѣніями, какъ и на яву; того стимула, той пружины, которая бы сообщила ей движеніе, освободили отъ житейскихъ тяжельхъ оковъ, дали подняться къ темно-голубымъ небесамъ, къ яркимъ созвѣздіямъ—до сихъ поръ не являлось въ ея жизни... Темноглубыя небеса! яркія звѣзды! Она смотрѣла на нихъ холоднымъ взглядомъ; природа являлась ей, сквозь ту ледяную призму, въ которую глядѣла она безучастною, какою-то нѣмою и холодною массой... нѣжнымъ отгѣнкамъ небесной лазури, мали-

новому закату, всѣмъ переходамъ зеленѣющихъ полей свѣтло-зеленаго къ синевѣ, темнѣющаго въ отдаленіи лѣса, — оставался недоступенъ ея глазъ... Ландшафтъ являлся ей чѣмъ-то въ родѣ китайской живописи, не имѣющей перспективы, не представляющей надлежащихъ оттѣнковъ свѣта... И жизнь, и природа были одѣты для нея въ какой-то однообразный, тусклый и туманный колоритъ...

И вдругъ, когда на другой день послѣ свиданія съ Пантелѣевымъ, Катерина Александровна проснулась, она сразу поняла, что въ ея душѣ наступилъ и совершился какой-то странный переворотъ... Солнечные лучи проникли въ ея спальню сквозь просвѣтъ неплотно сдвинутыхъ, темныхъ занавѣсей и косымъ снопомъ упали на какую-то хрустальную вещь, стоявшую на туалетномъ столѣ, преломились въ ней и отразились радужно окрашеннымъ спектромъ на оклеенной свѣтлыми обоями стѣнѣ... Она стала смотрѣть на этотъ спектръ, замѣчая въ его радужныхъ полоскахъ какое то эфирное колебаніе, тонкое и едва примѣтное... Въ просвѣтъ занавѣсей ей видѣлось небо, голубое небо, освѣщенное золотыми лучами солнца... Морозъ разрисовалъ на стеклахъ точно тонкою иглой какіе-то пушистообразные рисунки, въ проходящемъ свѣтѣ кажущіеся бриллиантовыми... Съ дѣтства, съ самого младенческаго возраста, видала она все это, но почему, почему именно теперь, въ это утро, стала она чувствительна къ прелести этихъ столько разъ видѣнныхъ ею явленій, почему въ это утро — природа не явилась ей, какъ прежде, безучастною, нѣмою и холодною массой... нѣтъ, въ этомъ легкомъ колебаніи эфира, въ этихъ цвѣтахъ спектра, въ этой синевѣ неба, видѣла она что-то симпатичное и отвѣчающее ея настроенію... неужели она такъ измѣнилась? Да неужели-же это такъ?.. Не отвѣчая на заданный себѣ вопросъ, Катерина Александровна поднялась съ постели, подбѣжала къ окну неодѣтая и распахнула занавѣси... Тогда солнечные лучи ворвались въ комнату, наводняя ее потоками свѣта, озолотивъ съ головы до ногъ остановившуюся посреди комнаты прелестную женщину, на мраморномъ лицѣ которой горѣлъ яркій румянецъ, освѣщенный какимъ-то оранжево-золотистымъ оттѣнкомъ отъ падающихъ на него солнечныхъ лучей...

Любовь!.. По ея тѣлу разливалась какая-то томительная теплота; въ ухахъ звенѣло... О пусть, если бы было возможно, все бы возликовало и возрадовалось ея счастью... Она не хочетъ знать откуда и какъ пришло это счастье: ей достаточно чувствовать и сознавать, что оно съ нею, что оно въ ней... Разсуждать?.. Развѣ любовь когда нибудь разсуждаетъ?.. тогда бы не было тѣхъ странныхъ привязанностей, глядя на которыя удивляешься, какъ только могли сблизиться между собою подобные люди... Тогда бы не было тѣхъ смѣлыхъ и рѣшительныхъ шаговъ, которые дѣлаетъ влюбленная женщина, сама того не сознавая къ чему подобные шаги приводятъ... Счастье?.. Онъ не сказалъ ей ни слова, но въ его глазахъ, въ этомъ наклоненіи головы, которымъ онъ отвѣтилъ на ея взглядъ, она прочла отвѣтъ, ясный и понятный для нея... Ея глаза блистали и вдругъ, охваченная какимъ-то до невѣроятія сладостнымъ чувствомъ, тонкой паутиной обнявшимъ ее, она протянула впередъ руки, раскрыла губы точно для поцѣлуя и прошептала, какъ бы умоляя: возьми меня... Съ этой минуты... Столько лѣтъ я жду жизни... Приди!..

Теперь, сидя въ театрѣ рядомъ съ Клеопатрой Петровной, по обыкновенію до невозможности пестрой, Катерина Александровна, все въ прежнемъ радостномъ волненіи, смотрѣла на движущуюся и усаживающуюся въ партеръ и ложахъ толпу. Пестрота театрального зала, роскошные дамскіе туалеты бѣль-этажа, бархатъ ложъ, горящій газъ—все это отвѣчало ея настроенію... Началась увертюра, веселая и живая, нѣсколько пошлая, но въ данную минуту понравившаяся какъ нельзя болѣе

Катеринѣ Александровнѣ... Громъ апплодисментовъ приветствовалъ при поднятіи занавѣса хоръ—и „Прекрасная Елена“ началась...

Когда-то учившаяся, но плохо выучившаяся по французски, Клеопатра Петровна осаждала свою Катинь вопросами, что сказалъ на сценѣ этотъ или тотъ?.. Катерина Александровна удовлетворяла ея любопытство съ необычнымъ терпѣніемъ... Клеопатра Петровна вообще не знала куда ей поспѣть: она хотѣла смотрѣть и на сцену, и въ партеръ, и въ ложи бѣль-этажа—и вообще находилась въ непрестанномъ вращательномъ движеніи, отъ котораго ея пунцовое лицо не только раскраснѣлось еще болѣе, но покрылось глянцемъ, не смотря на безпрестанное отираніе пота носовымъ платкомъ и обмахиваніе плающего лица пестрымъ вѣеромъ, вывезеннымъ ею изъ „Константинополя“. Въ одно изъ обѣганій биноклемъ театрального зала, Клеопатра Петровна вдругъ схватила Катинь за руку:

— Смотри... Ложа бѣль-этажа... ѣдешь насъ...

Катерина Александровна смотрѣла по указанному направленію... Въ ложѣ бѣль-этажа сидѣли двѣ дамы, одна немолодая, другая дѣвушка, одѣтая по модѣ, не отнимая державшая у глазъ золотой лорнетъ... склоняясь къ ея стулу, нашептывала ей что-то на ухо, сидящей позади высокой господинѣ лѣтъ сорока пяти, съ длинными, черными волосами... Катерина Александровна спросила:

— Кто это?

— Сутьюгъ мой, Катинь, сутьюгъ!..

Катерина Александровна не знала никогда Гаврилова, уѣхавшаго отъ супруги чуть ли не до рожденія Катинь... Теперь она пристально разсматривала его лицо. Клеопатра Петровна интересовалась:

— Хоешь? А? и съ кѣмъ это онъ? воякита...

То были графиня Брумъ съ дочерью. Желая разсмотрѣть кого-то, Гавриловъ всталъ и сдѣлался такимъ образомъ виднѣе для Катерины Александровны. Смотря въ бинокль, она поинтересовалась:

— Онъ васъ любилъ?

Клеопатра Петровна воскликнула съ жаромъ:

— Никогда!

И добавила въ поясненіе:

— Онъ обожай всѣхъ женщинъ, но не меня... Тетку твоего мужа обожай...

Катерина Александровна припомнила Жюли, которую ей представилъ Батраковъ на вечерѣ m-me Перфиловой и о которой она было совершенно забыла... Оставляя бинокль, она высказала свое мнѣніе о впечатлѣніи произведенномъ на нее господиномъ Гавриловымъ:

— Онъ красивъ, но выраженіе лица какое-то пошрое...

И стала смотрѣть на сцену... Снова появился хоръ и обернувшись къ лѣвому выходу на сцену, подготавливалъ публику къ появленію Елены... „S'est elle, comme elle est belle...“ При громѣ рукоплесканій, на сценѣ появилась въ рыжемъ парикѣ, окутанная чернымъ газовымъ покрываломъ, усѣяннымъ золотыми звѣздами, m-elle Деверія... Катерина Александровна слышала, что дверь въ ихъ ложу отворилась и, занятая сценой, думая, что это пріѣхалъ ея мужъ, не обернувшись посмотрѣть, кто вошелъ. Вдругъ сердце ея какъ-то упало. Знакомый голосъ приветствовалъ ее; Клеопатра Петровна дергала ее за рукавъ...

— Здравствуйте.

Съ лицомъ, залитымъ румянцемъ, Катерина Александровна обернулась назадъ... Передъ нею стоялъ Пантелѣевъ... Что-то неопытное и странное совершалось въ ея душѣ... Она чувствовала, она отлично знала, что съ этой минуты ей предстоитъ глядѣть на сцену и не видѣть на ней ничего; слушать, что говорятъ актеры и не слышать изъ этаго ни слова... Онъ здѣсь, онъ съ нею!.. Она знала, знала, что оба они не разговорятся, но что обоимъ имъ действительно необходимо находиться близко другъ отъ друга... Обернувшись къ нему, она не

произнесла въ отвѣтъ на его привѣтствіе ни слова, не подала ему руки, не назвала его Клеопатрѣ Петровнѣ, только прелестными глазами, неопредѣленными выраженіемъ своимъ для всѣхъ другихъ, но понятными для него, показала ему на мѣсто за собою и отвернулась, сіяющая и счастливая, и стала очень невнимательно слѣдить за тѣмъ, что происходило на сценѣ... Клеопатра Петровна шептала ей, спрашивая кто вошелъ и отчего она не представила ей вошедшаго, но она не слыхала ея словъ... Ахъ, вѣдь онъ здѣсь, вѣдь онъ со мною!.. И слова поэта, чуждыя ей и до сихъ поръ непонятныя (она не любила стиховъ, особенно лирическихъ), стали для нея ясны, ибо она переживала сама выражаемая въ нихъ душевная состоянія: „Wo ich ihn nicht hab' ist mir das Grab, die ganze Welt ist mir vergällt!“

Онъ сѣлъ позади нея, какъ и она невнимательный къ сценѣ, не сводя своихъ горящихъ какимъ-то мрачнымъ огнемъ глазъ, съ нея... Онъ нагнулся, поднявъ афишу, своею твердою рукою потянулся съ нею къ барьеру, положилъ ее на прежнее мѣсто и сдѣлалъ это такъ непринужденно, такъ мало заботясь, что-бы не задѣтъ ее рукою, точно она была его сестра, дочь, жена... И она не отстранилась отъ его прикосновенія, не почла за необычайное и странное, какъ почла бы за такое всякое подобное движеніе со стороны другаго... Начиная фиваль перваго дѣйствія, въ ложу входилъ Кожуховъ, пріятно удивленный, что около жены его сидитъ Пантелѣвъ, передъ которымъ Кожуховъ разстился мелкимъ бѣсомъ, желая пристроиться у него на заводѣ... Кожуховъ зашепталъ что-то Пантелѣву, но получая отъ него какіе-то неясныя и неопредѣленныя отвѣты, сѣлъ позади Клеопатры Петровны, изподлобы наблюдая за Пантелѣвымъ... Получивъ отъ него нѣсколько неопредѣленныхъ и какъ бы даже совершенно не кстати сказанныхъ словъ, Кожуховъ объяснилъ это себѣ тѣмъ, что Пантелѣвъ внимательно слѣдитъ за сценой... Но теперь, сидя позади Клеопатры Петровны, онъ видѣлъ, что Пантелѣвъ даже не смотритъ на сцену, что онъ почти не сводитъ глазъ съ его жены, изрѣдка озираясь съ какимъ-то мрачнымъ и какъ-бы даже угрожающимъ видомъ по сторонамъ, какъ-бы оберегая что-то, какъ бы боясь, что кто нибудь дотронется до того, что онъ съ такимъ ревнивымъ, съ такимъ неуспыннымъ вниманіемъ стережетъ...

Дѣйствіе кончилось и Кожуховъ, и Клеопатра Петровна какъ-то поняли, что этотъ человѣкъ со странными, горящими какимъ-то мрачнымъ огнемъ, глазами, внесъ съ собою въ ложу что-то подавляющее, что-то кладущее печать на уста... Желая хоть на время избавиться отъ такого непривычнаго гнетущаго давленія, Клеопатра Петровна просила Кожухова проводить ее въ фойе, ссылаясь на жаръ и духоту театрального зала... Къ тому-же ей хотѣлось поближе посмотреть на своего супруга, котораго она не видѣла нѣсколько лѣтъ и всѣ сношенія съ которымъ ограничила тѣмъ, что высылала ему, на имя какого-то Ефима Егорова, 300 рублей въ мѣсяць... За такую высылку Гавриловъ обязался особымъ документомъ не беспокоить свою супругу никакимъ способомъ... Продѣвая свою руку черезъ руку Кожухова, Клеопатра Петровна спросила Катинь:

— А ты останешься?

Катерина Александровна молча кивнула головой... Мужъ посмотрѣлъ на нее съ большимъ вниманіемъ... Господи, да что-же это такое?.. и, не сказавъ ни слова, вышелъ съ Клеопатрой Петровной изъ ложи...

Катерина Александровна сидѣла теперь, обернувшись къ Пантелѣву и наклонивъ голову въ какомъ-то волненіи, теребила ленту кушака... Впервые они были на единѣ... Она слышала, какъ затворилась за ушедшими дверь ложи и подняла на Пантелѣва глаза... Долго и молча они смотрѣли другъ на друга и вдругъ, она отличила его какія-то отрывистыя слова:

— Вы извините... я не привыкъ говорить... Да, и что я скажу?.. и зачѣмъ буду говорить?.. Сами видите.

Да, конечно, она видѣла сама. И ободряя его несвязное объясненіе глазами, благодарными и любящими, она чуть слышно прошептала:

— Вижу.

И смотря другъ на друга, оба смолкли на нѣкоторое время... Вдругъ, съ усилившимся блескомъ глазъ, онъ схватилъ ее за руку:

— Вы не знаете какія я муки терплю, — чувствуя и видя, что вы—моя и не принадлежите мнѣ... Это надо, это пора кончить...

И опять губы ея прошептали въ отвѣтъ:

— Что-жь...

Онъ сжималъ ея руку, какъ бы съ трудомъ произнеся слова; на глазахъ его мелькнули слезы:

— Не говорить мнѣ съ вами,—гдѣ мнѣ слова придумывать, какой я краснойбай... А просто...

Слезы высохли на его глазахъ, лицо поблѣднѣло и бѣлки глазъ налились кровью. Съ какой-то блѣдной усмѣшкой онъ закончилъ начатое:

— Просто вотъ повалиться къ вашимъ ногамъ, безъ словъ и остаться, цѣлуя и обнимая ихъ...

И всталъ... Антрактъ приближался къ концу и Кожуховъ съ Клеопатрой Петровной входили въ ложу... Все еще съ блѣднымъ лицомъ и какими-то больными глазами, Пантелѣвъ сжалъ Кожухову руку:

— Послушайте,—шепнулъ онъ съ настойчивостью,— вы мнѣ необходимы завтра... Приѣзжайте ко мнѣ, какъ только можно ранѣе...

И не дожидаясь отвѣта, не кивнувъ даже никому головой, вышелъ изъ ложи, какъ показалось Кожухову, слегка шатаясь... Кожуховъ проводилъ его глазами, выражающими недоумѣніе... Клеопатра Петровна, не встрѣтившая супруга въ фойе, дергала Кожухова за рукавъ.

— Смотри, вотъ онъ, супыогъ-то...

Кожуховъ разсѣяннo направилъ бинокль по указанному направленію и посмотрѣлъ на Гаврилова... Мой Богъ, да что-же это такое?.. Вѣдь это тотъ самый... Вѣдь это онъ!

И овладѣвъ собою, сѣлъ позади жены, облокотившись о стѣнку ея стула, къ которой она прижалась было сама... Его рука коснулась ея спины... Она какимъ-то испуганно холоднымъ взглядомъ оглянулась на мужа и поспѣшила отстраниться... Я не твоя, я...

И наклонившись къ барьеру, искала въ партерѣ, кто ей такъ былъ дорогъ, но его не было нигдѣ... Дѣйствіе началось... На сценѣ Елена, окруженная прислужницами, дѣлала туалетъ... Какъ пусто, какъ холодно опять!..

(До слѣдующаго №)

ЗАРНИЦА.

Историческая быль.

(1650 годъ).

(Продолженіе).

IV.

Плѣнникъ.

Свирѣпствовавшая цѣлый день 27 февраля 1650 года буря, къ слѣдующему утру утихла и солнце, прорвавъ туманъ, поднялось на чистомъ небѣ.

Гаврила Яковлевичъ Демидовъ, сидя въ дѣловой палатѣ своихъ богато убранныхъ хоромъ, являлъ признаки живѣйшаго нетерпѣнія; онъ то вскакивалъ со скамьи, накрытой персидскимъ ковромъ и выдался къ окну, то ходилъ изъ угла въ уголокъ, то опять опускался на скамью и прислушивался къ шагамъ сновашей по дому челяди, стараясь уловить шаги Жегара.

Германская мифология. Гульда. (Богиня милосердия, домоводства и изобилия). Ориг. рис. Кнаффуса, грав. Тегетмейеръ.

Демидовъ былъ средняго роста, довольно тучный человекъ лѣтъ 50, съ большой рыжей бородой, которая щетинилась какъ конскій волосъ, наглядно доказывая, что обладатель ея былъ правомъ крутъ. Вообще варужность знаменитаго гостя вольнаго города Пскова имѣла въ себѣ что-то отталкивающее, особенно глаза поражали своимъ хитрымъ измѣчивымъ выраженіемъ.

По временамъ волновавшійся Демидовъ обращался съ отрывочными фразами къ сыну Ларіону, очень похожему на отца, его рыжая борода была не такъ велика, но также жестка.

— И что они запропастились окаянныя? Боюсь я, что не съумѣютъ его изымать и казну промежь рукъ унустать!.. говорилъ отецъ.

— Не унустать! увѣрялъ сынъ, чтобъ его успокоить хоть и самъ не менѣе его тревожилъ за исходъ дѣла. Скоро однако ожидаемое возвращеніе Жегара покончило тревоги отца и сына.

Вошелъ дворецкій и повѣстилъ:

— Ваша боярская милость. Жегаръ въ холопей избѣ и съ товарищами отогрѣваются... Прикажете ему къ вашей милости дойти?.. Слова были обращены къ обоимъ Демидовымъ, такъ какъ Ларіона привыкли видѣть хозяиномъ въ Колосьяхъ.

— Веди!.. Зови его скорѣй! Поднеси ему вина, чтобъ его скорѣй въ жаръ бросило! крикнули Демидовы. Вскочивъ съ лавки, Гаврило Яковлевичъ опять зашагалъ по горницѣ, а Ларіонъ, подойдя къ двери, отворилъ ее и пристально вглядывался въ приближавшагося Жегара, словно хотѣлъ по его фигурѣ предугадать успѣхъ или неудачу. Жегаръ противъ обыкновенія шель не топая на весь домъ а крался на цпочкахъ, кошачьей поступью. Ларіонъ догадался, что дѣло не ладно и нахмурившись отошелъ въ сторону.

Поклонясь хозяину въ ноги, Жегаръ смиренно прижался къ дверному косяку съ выраженіемъ подобострастія на красномъ, обросшемъ сѣрыми волосами лицѣ.

— Ну что? Изымали? Да что вы такъ долго... Еще вечеромъ я васъ ждалъ?.. Да ну же говори, старый чортъ!.. набросился на него Демидовъ.

Жегаръ молча переминался и вздыхалъ.

— Аль языкъ отморозилъ? Вотъ я те погрѣю!.. взбѣсилъ Демидовъ, замахивался ременной плетью. Жегаръ опять повалился въ ноги и цѣлуя боярскій сафьянный сапогъ, началъ причитать:

— Батюшка бояринъ! родимый — кормилецъ, насъ холопей своихъ пожалѣй, не казни насъ окаянныхъ! прозѣвали мы шведа-то... а приключилась та бѣда изъ за метелицы, вѣдь свѣту Божьяго не было видно, а съ шведомъ-то была стражниковъ сила великая...

Демидовъ задыхался отъ злости, лицо его побагровѣло, кулаки сжались, ноги затопали, онъ началъ осыпать Жегара ругательствами и ударами плети. Когда онъ умялся и сѣвъ на свою скамью, сталъ обтирать лежавшей на столѣ ширинкой, выступившій на лбу потъ, Жегаръ безропотно и покорно принимая внушеніе и удары плети, рѣшился, все еще стоя на колѣнахъ, жалобно вымолвить:

— Дозволь доложить твоей боярской милости все по порядку.

— Ну сказывай скорѣй, старый песь, какъ было дѣло, сурово проговорилъ Демидовъ.

Старикъ быстро вскочилъ, отряхнулся и снова прислонился къ дверному косяку. Откашлившись, онъ началъ: Дѣло батюшка бояринъ было такъ: какъ пришли мы въ гай и засѣли возлѣ большака съ полуночи... сидѣли... сидѣли... а ночь-то метелистая, сверху свѣтъ валить а снизу переметаетъ, зги Божьей не видать, вѣтеръ такъ и рветъ, такъ и рѣжетъ ровню ножами; ужъ на что я привыченъ да и то продрогъ, а молодцы мои совсѣмъ заколѣвѣли, про худыхъ же мужиченковъ и толковать нечего: самъ вѣдаешь—люди они не умѣлые... Просидѣвши такъ-то до свѣту, глядь — ѣдетъ шведъ въ кибиткѣ и казну везутъ на трехъ возахъ; стражниковъ около нихъ добродонныхъ ста съ два...

— Не ври песь! быть не можетъ чтобъ столько посылали стражниковъ... прервалъ его Демидовъ.

— Лопни моя утробушка! Развѣй меня на сорокъ сороковъ частей коли я совралъ, забожился старикъ, даже глазомъ не сморгнувъ.

— Ну, ну! далъ-то сказывай, что было?

— Вижу я не подѣ силу намъ эта драка, но помня твой приказъ съ пустыми руками къ тебѣ на глаза не казаться, своимъ молодцамъ молвилъ такъ: положимъ-де свои животы, а боярину не будемъ ослушники! Ну и давай мы въ нихъ изъ мушкетовъ валить, бердышными рубить, саблями! Положили мы ихъ тутъ съ полъ-сотни, а пока мы съ стражниками возились, шведъ-отъ, захвативъ казну, далъ тягу... Оглянувшись мы, а его и слѣдъ простылъ, поминай-де какъ звали!..

Демидовъ только головой покачалъ.

— Скоты! чѣмъ зря въ драку лѣзть, вы бы невзначай ударили прямо на обозъ, да схватили-бъ шведа-то, какъ я васъ училъ!.. Много-ль васъ-то легло?..

— Всего-то трое, да четверехъ избили...

— Да вѣрно-ль что вы ни одного мѣшка съ московскими

рублевниками не сволокли?.. Не прогуляли-ль вы казну-то?.. Въ гаю не зарыли-ль? сомнѣвался Демидовъ.

— Что ты, милостивецъ! Да съ какимъ-бы я тогда глазамъ къ тебѣ пришелъ? А что мы замѣшались-то, такъ это отъ того, что въ гаю пропнулись, да ловили молодчика, тоже должно быть шведъ, я его ошибкой словилъ, по ихнему онъ съ настоящимъ-то лопотать, я и обознался въ сумятицѣ-то, а послѣ догадался что маху далъ, потому ты мнѣ сказывалъ, что тотъ тучный да старый, а этотъ молодецъ и красавчикъ и силенъ шельма—насилу мы его скрутили!..

— Гдѣ-жь онъ теперь-то? воскликнулъ Ларіонъ.

— Въ холопей избѣ у твоей боярской челяди; въ чуланѣ подѣ запоръ мы его посадили. Что прикажешь съ нимъ дѣлать... самодовольно осклабясь отвѣчалъ Жегаръ.

— Тащи его сюда!.. крикнулъ Демидовъ.

Жегаръ почесалъ за ухомъ:

— Вотъ что бояринъ. Зѣло лютъ этотъ шведъ, не пришибъ бы онъ твою милость: руки у него словно желѣзныя, онъ такъ Ивашку Колчинна треснулъ, что у парня-то глаза было выскочили!..

— Экаго богатѣря изымали... засмѣялся Демидовъ. Авось меня-то не съѣсть: ты тутъ будешь, да еще двоимъ вели его попридержатъ, пока его пораспрошу кто онъ!..

Жегаръ повиновался и черезъ нѣсколько минутъ возвратился, таща вмѣстѣ съ Ивашкой своего плѣнника-шведа, у котораго руки были связаны и шапка надвинута на глаза.

— Ты кто таковъ? важно подбоченясь, началъ Демидовъ свой допросъ.—Да шапку-то дурацкую съ шведской башки съими! Нѣшто не знаешь съ кѣмъ рѣчь будешь вести? Не съ московскими холопейми, а съ именитымъ бояриномъ великаго Пскова-города!

Плѣнникъ не шевельнулся, словно не слышалъ.

Жегаръ протянулъ было руку, чтобъ сорвать съ него шапку, но едва онъ прикоснулся, какъ вдругъ что-то хрустнуло... Плѣнникъ понатужился и разорвалъ веревку, связывавшую его руки. Быстрымъ взмахомъ могучаго кулака, онъ отшвырнулъ отъ себя стараго атлета какъ малаго ребенка; Ивашка Колчинъ трусливо отскочилъ, а Демидовъ съ сыномъ поспѣшица загородиться тяжелымъ дубовымъ столомъ; схвативъ попавшее подѣ руку оружіе, они приготовились къ нападенію обладателя такой богатѣрской силы. Но страшный плѣнникъ не изъяснилъ никакихъ воинственныхъ порывовъ; онъ преспокойно распоясаясь, стащилъ съ себя шубу и снявъ шапку тряхнулъ черными кудрями; это былъ высокій, стройный, еще безбородый юноша въ драгунской одеждѣ; прекрасные, каріе глаза его съ негодованіемъ и упрекомъ обратились къ Ларіону Демидову.

— Давно-ль ты, братецъ, съ подорожниками сталъ знаться? Не пригонѣ-ли атаманскій у тебя въ Колосьяхъ завелся? молвилъ плѣнникъ звучнымъ голосомъ!..

V.

Бѣгство.

— Ильюша! съ изумленіемъ воскликнули оба Демидова и Ларіонъ бросился къ нему съ распростертыми объятіями.

— Да!.. Это я: Илья Алексѣевъ сынъ Норотовъ, драгунскій сотникъ изъ дворцовой дружины царя Московскаго, Государя Алексѣя Михайловича! насмѣшливо отвѣчалъ молодой человекъ и поцѣловавшись съ Ларіономъ, онъ обратился къ самому Демидову:

— Признаться, дядя, не чаялъ я чтобы эти псы, худые мужиченки въ стрѣлцкую одежду ряженые, по твоему приказу честныхъ людей на большакахъ грабили!..

— Полно Ильюша—родной, смущенно возразилъ Демидовъ. Это не грабѣжъ а просто ошибка: они виднѣ-ли въ лѣсу караулили; шайка тутъ подорожниковъ багуетъ, вотъ я имъ и наказалъ: коли-моль поѣдетъ шведъ съ казною изъ Острова въ Псковъ, то вы ему береженье и всякую честь оказывайте и ко мнѣ на перепутье хлѣба-соли откушать зовите!.. а они псы поганые, налили бѣльмы-то съ позаранку, да не распознавши, приняли стражу шведову за разбойниковъ и давай зря палить.

— Это напрасно бояринъ! Не до хмѣлю было намъ, совсѣмъ было замерзли... а шведа-то ты-жь вѣдѣлъ изымать, началъ оправдываться Жегаръ, но Демидовъ не далъ ему докончить.

— Молчать!.. убирайся пока цѣлъ! гнѣвно крикнулъ онъ.— Кабы не пьянъ ты былъ, не принялъ бы боярина Илью Алексѣевича за паршиваго шведа!

Этотъ доводъ озадачилъ и Жегара.

— Ума не приложу какъ это я обознался!.. Все метелица проклятая!.. Глаза-то залѣпило... Да и выросъ же ты, бояринъ, вѣдь года четыре тебя не видывалъ... Прости Христа ради!.. кланаясь Ильѣ въ поясъ, сказалъ Жегаръ.

— Иди старикъ съ Богомъ!.. служилъ ты царю, а нонѣ въ подорожники поступишь: я съ таими не знаюсь,—отвернулся отъ него Илья.

— Эхъ!.. Служилъ бы я и нонѣ, да грѣхъ попугалъ, провинился и кнута попробовать не захотѣлъ, выходя изъ покоя пробурчалъ Жегаръ.

— Ну любезный племянничекъ, теперь поздороваемся! Ла-

ря, прикажи меду, перепечей, закусокъ подать дорогому гостю, приказалъ Демидовъ цѣлуясь съ Ильею.

Когда Илья сѣлъ за столъ и принялся утолять голодъ, который нажилъ въ лѣсу, гдѣ онъ пробѣгалъ почти сутки безъ пищи, Демидовъ видя, что племянникъ повеселѣлъ и успокоился, шуточно спросилъ его:

— Расскажи-ка, голубчикъ, какъ это ты въ полночь со своей силушкой дался. Да что-жь ты не повѣдалъ Жегару, кто ты таковъ.

— Гдѣ-жь тутъ, дядя! Схватка такая была: били безъ разбору, что другъ что недругъ, вьюга всѣ глаза залѣпила. Я и не опомнися, какъ старый этотъ подхватилъ меня и уволокъ въ гай. Тутъ я сталъ съ нимъ барахтаться, да набѣжали его товарищи и скрутили руки. Однако я развязался и отъ нихъ убѣжалъ; весь день и всю ночь въ гаю проплуталъ, а передъ свѣтомъ опять таки на нихъ наткнулся; тутъ-то я узналъ Жегару, но понявъ изъ ихъ словъ, что они хотятъ вести меня въ Колосья къ Демидовымъ, да и прикинулся шведомъ и добровольно имъ отдался... Подивился я, какія дѣла по твоему приказу творятся...

— Скажи-ка, друже, какъ ты съ шведомъ-то въ одной повозкѣ сидѣлъ? уклончиво сказалъ Демидовъ, перемгивавшись съ сыномъ.

— Мнѣ отъ Государя данъ приказъ проводить до Пскова Свейскаго посланца Нуменса съ казной, что везеть онъ своему королю въ Стеколюю; какъ поднялась мятель, я съ коня слѣзъ да въ повозку и забрался, закутался въ шубу и вздремнулъ... вдругъ поднялась тревога, пальба и съ просонья я ничего не разобралъ толкомъ, какъ этотъ проклятый Жегаръ...

— Мошеники! Пьяницы! я ихъ на то и вооружилъ и стрѣлками нарядилъ, чтобъ охранять отъ подорожниковъ дорогу въ гаю, а они честныхъ людей пугаютъ, худую славу про меня пускаютъ, притворно горячились Демидовъ и Илья, казалось, вполне вѣрили его словамъ; отецъ и сынъ переглядывались и ухмылялись, думая: „Какъ мы его обманули!..“ не замѣчая лукаво насмѣшливаго взгляда карихъ глазъ Ильи, который съ своей стороны думалъ: „Врите больше, я вотъ все разузнаю, что вы тутъ затѣваете...“

— Однако мнѣ пора догонять своихъ!.. Одолжи дядя коня до Пскова, вставая изъ-за стола, сказалъ Илья.

— Ну нѣтъ, соколикъ! мы тебя нонѣ не отпустимъ, усталъ небойсь, переnochуй, отдохни, а завтра ранымъ рано, еще шведъ твой дрыхнуть будетъ, а ты во Псковъ поспѣешь на моемъ армакѣ! уговаривалъ Демидовъ.

— Охъ родные мои! приказано мнѣ зѣло беречь шведа, да и отъ своихъ драгунъ отлучаться не смѣю, отговаривался Илья, по Ларіонъ, понявъ взглядъ отца, сказалъ:

— Полно Ильюша!.. погости у насъ: твоя сестренка по тебѣ стосковалась.

— Какъ! развѣ Марьюшка здѣсь? удивился Илья.

— Я ее съ дѣвчонками своими привезъ погостить въ Колосья, здѣсь имъ вольнѣе и веселѣй чѣмъ во Псковѣ, здѣсь онѣ гуляютъ, катаются, а тамъ сиди въ заперти въ свѣтлицѣ, потому народъ чужой и дѣвкамъ на улицу выйдти зазорно, объяснялъ Демидовъ, пока Ларіонъ сбѣгалъ за Марьей, которая бросилась какъ безумная и черезъ минуту ужъ обнимала свое сокровище, плача и приговаривая:

— Свѣтликъ! Касатикъ! Родимый братецъ! Ясное солнышко...

Послѣ этаго Илья безпрекословно остался на цѣлый день въ домѣ дяди, гдѣ его всѣ на перебой старались обласкать, накормить и потѣшить. Наконецъ ему удалось уловить удобную минуту и оставшись съ Марьей съ глазу на глазъ, онъ спросилъ:

— Ну сестрица, повѣдай-ка мнѣ по душѣ, какъ тебѣ живется?

Улыбающееся, румяное лицо дѣвушки внезапно поблѣднѣло и омрачилось.

— Плохое мое житье, братецъ! Когда-то ты меня съ собою въ Москву увезешь? Дядя съ теткой меня терпѣть не могутъ, сестры мной какъ холопья помыкаютъ, а братья съ женами брань хлещутъ: „Норотовщина!“ а нешто Норотовыхъ дворянскій родъ хуже Демидовскаго купецкаго. Достается брань-то и Москвѣ и Царю Алексѣю! Охъ Ильюша! Такія тутъ смуты затѣваются, что упаси Господи, шептала Марья.

— А не слыхала-ли ты, какъ Жегаръ ходилъ въ гай шведа на большаки караулить? спросилъ Илья.

— Слышала братецъ, боязливо оглядываясь отвѣчала дѣвушка. — Дядя его посылалъ и говорилъ: не будь-де тому, чтобы казна со Псковичей собранная да Свейскому королю досталась. Набери, говоритъ онъ Жегару, худыхъ мужиковъ, стрѣльцовъ бѣлыхъ, изымай ты шведа и съ казною, да ко мнѣ приведи!

Сердце у Ильи сжалось: „Ну такъ и есть! подумалъ онъ, — оная кромола затѣваются, опять кровь польется, братъ на брата пойдетъ!.. Надо попытаться въ началѣ укротить, пока не разрослось“.. и онъ немедленно отправился къ дядѣ, думая его уговорить и образумить. Тутъ былъ и Ларіонъ.

— Слышалъ я дядя, что Псковичи смуты затѣваютъ, началъ Илья. — Неужели и вы, родные мои, на худое дѣло пойдете? Вѣдь кромѣ погибели ничего Пскову отъ того не будетъ.

— Ну это еще неизвѣстно, кому будетъ худо-то... Не пришлось бы Москвѣ поплатиться за свои неправды... Псковъ силенъ, а вонъ и въ Новгородѣ гроза собирается, хоть тамъ и митрополитъ Никонъ Москвѣ доброхотуетъ, да Новгородцы на него не поглядятъ... А я бы и тебѣ Ильюша совѣтовалъ отъ Москвы отстать: ты хоть и конь, но Псковичи тебѣ всякую честь окажутъ, черезъ меня ты можешь скоро и въ посадники понасть,—говорилъ Демидовъ горячо и убѣдительно.

Илья покачалъ головой.

— Охъ дядя! не ладно ты молвишь! Никогда крамольники Москву не одолѣютъ... Были смуты при великомъ князѣ Иванѣ, были и при Грозномъ царѣ... Пора бы вамъ опомниться, пожалѣть кровь неповинную... Вы мутите, а народъ изъ-за васъ гибнетъ.

Демидовъ нахмурился и глаза его неприязненно устремились на племянника.

— Янца курицу не учать... Не учи и ты старшихъ себя... Я отъ Псковичей не отстану, а Москвѣ я заклятый недругъ, что могу то дѣлаю, чтобы ей насолить...

Илья потерялъ самообладаніе.

— Хороши ваши псковскія затѣи воровскія!.. На большаки людей грабятъ!.. Ты думаешь я повѣрилъ, что Жегаръ не по твоему приказу пытался казной завладѣть, что свейскому королю Нуменсъ везетъ?

Демидовъ побавровѣлъ и нервно ударилъ кулакомъ по столу:

— А хоть бы и по моему приказу?.. Мнѣ отъ посадниковъ данъ приказъ изымать шведа и казну отъ него отобрать въ Псковъ, немедля доставить... деньги тѣ кровные, съ Псковичей собранные: они не хотятъ Свейскому королю дань платить за всѣхъ... пускай разберутъ сколько Псковичей изъ Свейской земли перебѣжали, за тѣхъ они и заплатятъ... говорилъ Демидовъ, оправдывая свой поступокъ.

Илья всталъ.

— Съ тобой видно не столкнешься!.. Хоть ты мнѣ и дядя и не хочу я худого своимъ роднымъ, но только прости: доложу Государю Московскому, какіе вы тутъ крамола затѣваете,—и молодой человекъ пошелъ къ двери, но Ларіонъ загородилъ дверь и крикнулъ:

— Я не пушу тебя!..

Илья оттолкнулъ его:

— Никто не смѣетъ останавливать слугу Государя Московскаго... Вы дорого заплатите за все это!

— Батюшка! Прикажи его взять!.. Онъ донощикъ, онъ дѣла псковскія погубитъ! крикнулъ Ларіонъ.

Демидовъ приложилъ къ губамъ небольшой серебряный рогъ, висѣвшій у него на поясѣ и при рѣзкомъ звукѣ, раздавшимся по всему дому, челядь всполошилась: черезъ минуту на встрѣчу Ильѣ повалила толпа народа съ Жегаромъ и Ивашкой во главѣ.

— Эй ребята!.. Скрутите этаго молодца, да въ мыльню заприге... Ксати она топлена, тамъ онъ не замерзнетъ, а на досугѣ авось одумается, какъ на роднаго дядю доносить, котораго ему вмѣсто отца роднаго должно почитать!..

Не смотря на богатирскую силу, Илью одолѣли и скрутивъ по рукамъ и по ногамъ, сволокли въ баню, находившуюся въ саду, довольно далеко отъ боярскихъ хоромъ.

— Попалась птичка въ западню, подумалъ Илья, когда низенькая дверь бани захлопнулась и онъ услышалъ, какъ на нее навѣсили тяжелый замокъ.

Онъ осмотрѣлъ или лучше сказать ощупалъ свою темницу и убѣдился, что о бѣгствѣ нечего и думать: баня была срублена изъ толстыхъ основныхъ брусевъ, печка безъ трубы занимала половину сруба, единственное оконце было такъ мало, что не только человекъ, но и голова человека не могла пролѣзть, да кромѣ того снаружи торчала желѣзная полоса поперекъ отверстія. Положеніе было неприятное. Илья лежа на лавкѣ не могъ заснуть; его особенно безпокоило то, что Псковъ волнуется и посолъ Шведскаго короля вѣроятно подвергнется насилію, а драгуны безъ своего начальника ничего не примутъ для его охраны. Такъ прошло нѣсколько длинныхъ, томительныхъ часовъ; день смѣнился ночью, кругомъ стояла тьма и тишь, еще болѣе раздражающія нервы въ этомъ тревожномъ состояніи.

Наконецъ плѣннику почудились отдаленные шаги, скрипяшіе по замерзшему свѣгу; вотъ загремѣлъ засовъ, щелкнулъ ключъ замка и дверь отворилась, обдавъ Илью холоднымъ паромъ, сквозь который онъ смутно разсмотрѣлъ женскую фигуру, отчетливо выдѣлявшуюся на свѣтломъ фонѣ лунной ночи.

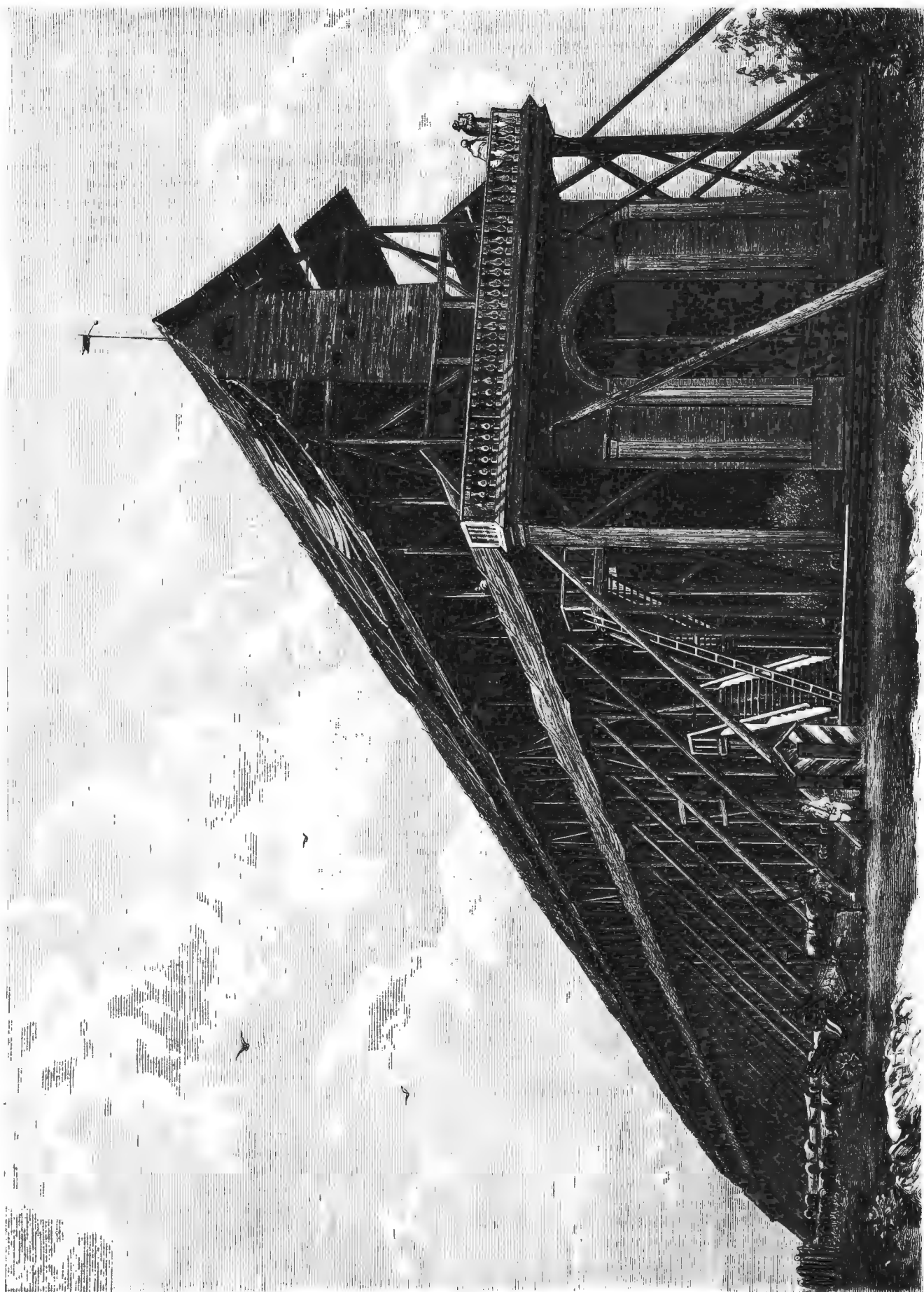
— Ильюша!.. свѣтликъ!.. Это я, Марьюшка, промолвила женская фигура, шаря по стѣнѣ чтобы добраться до него.

— Голубушка моя, сестрица! Тебя-то за что же въ темницу сажаютъ, воскликнулъ Илья, замѣтя сзади сестры высокаго и здороваго мужика съ связкой ключей въ рукахъ.

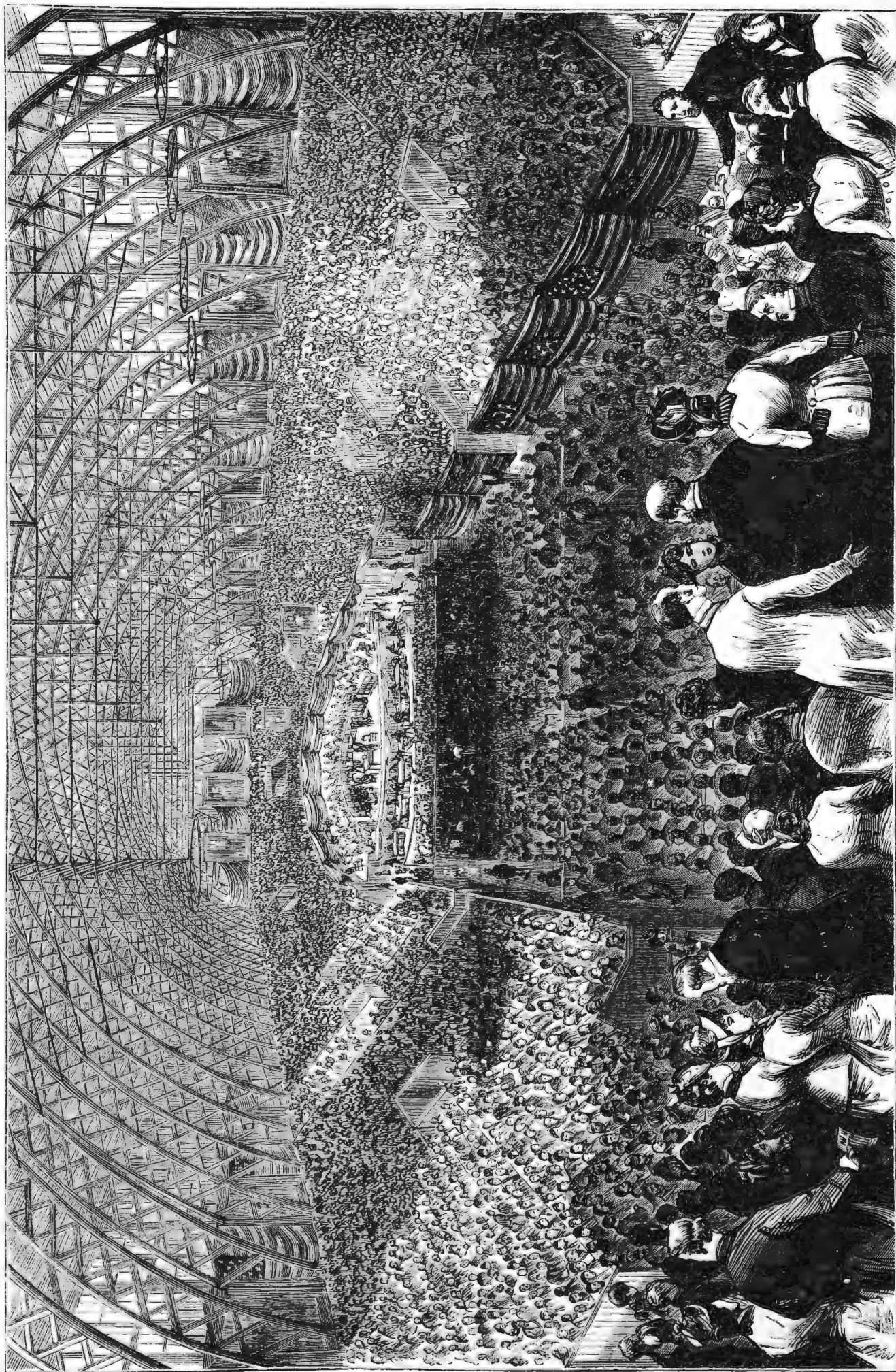
— Скорѣй бояринъ!.. выходи!.. Не услышали бы, не увидали бы изъ хоромъ-то!.. сказалъ мужикъ.

— Ильюша, бѣги!.. Конь за изгородью; это ключникъ Пимень, онъ добрѣ другихъ и согласился тебя выпустить... торпливо говорила Марья, таща брата къ двери.

Илья съ радостью выскочилъ за порогъ бани, Марья не говоря ни слова тянула брата къ калиткѣ, выходящей въ рощу.

Гради́рная на солеварни́ въ Старой Руссѣ. Съ фотогр. Н. Лядова, грав. М. Ращевскій.

Съверо-Американскіе Штаты. Выборы нандата президента въ Чинато. По фотогр. грав. М. Рашевскій.

Пимень опередил их и отпер калитку; вот они переступили за черту усадьбы и на них пахнул смолистый дѣсной ароматъ, который Илья вдохнул полной грудью, какъ первый привѣтъ свободы.

— Прощай родная!.. Спасибо Пимень... Когда нибудь авось съ тобой сквитаемся, и Илья хотѣлъ обнять сестру, но она отвела его рукою.

— Нѣтъ не прощай!.. Мнѣ здѣсь остаться нельзя: узнають что я тебя выпустила, да я и не горазда лгать, я сама скажу. Меня изобьютъ, да вмѣсто тебя въ мыльню запрутъ. Коли ты меня съ собой не возьмешь, я убѣгу въ гай, куда глаза глядятъ; я и узелокъ связала кое съ чѣмъ, захватила и ѣсть, чтобъ съ голоду не умереть, а отъ волковъ да медвѣдей меня будетъ беречь мой вѣрный „Грачъ“.

При послѣднемъ словѣ, къ ней подбѣжала огромная черная собака овчарка и ласково взвизгивая, стала лизать руки Ильи, словно просила не покидать боярщины.

— Какъ же мнѣ тебя взять? Вѣдь ты на конѣ не умѣешь сидѣть? колебался Илья.

— Боярщина на любомъ аргамакѣ ускачетъ: она давно замышляла къ тебѣ въ Москву и тихонько училась на конѣ ѣздить, объяснилъ Пимень.

— Ну ладно! Видно Богу угодно взять тебя отъ крамольниковъ! Оно и лучше, не понѣ такъ завтра ихъ достануть, тебѣ тутъ жить опаснѣе, чѣмъ со мной по лѣсамъ рыскать, согласился Илья и вскочивъ на коня, нетерпѣливо рывшаго сѣбѣ коньтомъ, онъ протянулъ руку помочь сестрѣ. Марья ловко взобралась на лошадь и обхватила брата за талию. Грачъ въ восторгѣ залаялъ такъ громко, что всполошилъ всѣхъ собакъ въ усадьбѣ.

— Батюшка, Илья Алексѣичъ, бѣда! Сторожа вскочили и должно быть догадались, завопилъ Пимень.

— Прощай старина! Свали всю вину на меня! издали крикнула Марья, уносимая быстрымъ аргамакомъ, которому соперника не было во всей конюшнѣ Демидова. Илья оглянулся: въ хоромахъ замелькали огни; народъ шумѣлъ и суетился; вскорѣ показались нѣсколько всадниковъ, вѣроятно посланныхъ догонять бѣглецовъ, но они углубились въ чашу лѣса и свернули на тропинку, извѣстную одной Марьѣ и протоптанную ею во время ея уединенныхъ прогулокъ. „Ну, любезный, выручай“, понукала Марья коня. Грачъ мчался впередъ безъ оглядки, какъ будто указывая путь и скоро бѣглецы могли отдохнуть, не боясь погоня.

В. Политковский.

(До слѣдующ. №).

ГУЛЬДА.*)

(Изъ Ломейера).

Въ голубыхъ небесахъ, на высокихъ горахъ,
Уходящихъ въ заоблачный сводъ,
Весь въ лазурныхъ лучахъ, весь въ пурпурныхъ огняхъ
Гульды садъ ароматный цвѣтеть

И сверкаетъ на солнцѣ миллионы розъ
Какъ сияемъ веселыхъ огней.
Сколько гибкихъ лѣанъ и плюща обвилось,
Въ томъ саду, вокругъ зеленыхъ вѣтвей!

Вьюга ль буйно шумитъ, и подъ зимнимъ ковромъ
Молчаливая дремлетъ земля,
Въ томъ саду—всѣ въ сѣнни небесъ голубомъ,
Горь блестятъ золотые края.

Ровно въ полночь, съ тѣхъ горъ, озаренныхъ луной,
Сходитъ Гульда—такъ тихъ ея взглядъ!
Освящаетъ она и плоды, и вино,
И селеня, и пастбища стадъ;

Освящаетъ она и домашній очагъ,
И любви поцѣлуй молодой,
Слышенъ Гульды привѣтъ и въ дремучихъ лѣсахъ,
И надъ шумной морскою волной,

И на склонахъ круглыхъ, обнаженныхъ вершинъ,
Тамъ, гдѣ дремлетъ угрюмая ель,
Въ глубинѣ занесенныхъ снѣгами долинъ,
Гдѣ гульдивая востѣ мятель...

И склоняется Гульда къ малюткамъ больнымъ,
Въ часъ глубокаго общаго сна,
Тихо шепчетъ слова утѣшенія имъ,
И даритъ ихъ здоровьемъ она.

Принося всюду ласку, любовь и покой,
Входитъ Гульда въ жилища людей,
И веселой, и шумной, и рѣзвой толпой
Мчатся добрые духи за ней.

Изъ глубокихъ долинъ, изъ большихъ деревень,
Передъ тѣмъ, какъ заря заблеститъ,
И забрезжится ясный безоблачный день—
Въ городъ дальній богиня снѣшитъ.

Еще мирно тамъ спитъ утомленный народъ,
Еще всюду царитъ тишина,
И неслышно по улицамъ Гульда пойдетъ,
Тихо станеть она у окна—

Все ли ладно въ семьѣ, все ли мирно—глядитъ...
Прихаль трудится цѣлую ночь—
И, невидима, Гульда за нею сидитъ,
Чтобъ прилежной работѣ помочь.

А когда золотыми огнями горя,
Изукрашивъ далекий востокъ,
Заблеститъ переливами свѣта заря,
И лучей разольется потокъ—

Унесетъ богиня обратно въ свой садъ,
Вмѣстѣ съ нею духовъ рѣзвѣй рой...
И тогда, пробуждаясь, поля зашумятъ,
И повѣтъ весной молодой.

Такъ-то Гульда всегда въ наступающій годъ,
Передъ тѣмъ какъ приходитъ весна,
На холодную землю съ любовью идетъ
И природа встаетъ ото сна.

Е. Л—въ.

ВЫБОРЫ ПРЕЗИДЕНТА ВЪ СОЕДИНЕННЫХЪ ШТАТАХЪ.

(рис. на стр. 565).

Между всѣми собраніями въ теченіи многихъ лѣтъ бывшими въ Соединенныхъ Штатахъ для выбора президента, послѣднее собраніе республиканцевъ, состоявшееся въ Чикаго, въ особенности интересно, какъ по своей непродолжительности такъ и по особенно бурнымъ преніямъ. Открыто было собраніе 2 іюня и уже 8 іюня, послѣ шести засѣданій и тридцати шести голосовокъ, дѣло было завершено и собраніе постановило окончательный выборъ. Выборъ палъ на генерала Ж. Гарфильда, представителя отъ Огіо въ Союзной палатѣ, кандидата

совершенно неожиданнаго, такъ какъ уже на 34 голосованіи онъ имѣлъ за себя лишь нѣсколько слабыхъ уединенныхъ группъ, что придавало его кандидатурѣ скорѣе какой то комической видъ. Собраніе въ эти выборы, какъ бы испугалось въ послѣднюю минуту такого опаснаго прецедента, какой могло бы для страны создать *троекратное* избраніе Гранта.

Съ своей стороны общее собраніе демократической партіи, состоявшееся 22 мая въ Цинциннати, провозгласило своего кандидата лишь только появилось его имя. Затѣмъ уже началась собственно такъ называемая „президентская кампанія“ для которой мѣстные собранія служатъ только подготовкой, прологомъ. Агитація поддерживается и подживляется безпрепятственно, на всемъ пространствѣ Штатовъ—митингами, политическими процессіями, ярій и всегда крайне рѣзкой полемикой газетъ разныхъ партій, все это разгорается crescendo вплоть до 7 ноября, дня когда происходитъ повѣрка избраній кандидатовъ. Затѣмъ все успокоивается, входитъ въ свою колею до 4 марта 1881 г. когда избраніе президента устанавливается окончательно и провозглашается въ Вашингтонскомъ Капитоліи. Здѣсь въ общихъ чертахъ мы позволимъ себѣ познакомить кстаті нашихъ читателей съ избирательнымъ механизмомъ, какъ онъ практикуется по ту сторону океана.

Подготовительныя работы важдаго избранія занимаютъ

* Гульда или Гульда—богиня любви, кротости; въ сказаніяхъ и сагахъ, преимущественно Тюрингскихъ и Гессенскихъ, также въ сказкахъ Швабій, Баварій, и Фрисландій изображается какъ вышнее существо дружественное, милосердное къ людямъ. Она носится надъ землею. Когда идетъ первый снѣгъ—говорятъ въ народѣ что Гульда „разсыпаетъ свои верушки“. Живетъ она вездѣ, особенно въ водахъ ручьевъ, живетъ въ роскопныхъ райскихъ садахъ горъ и въ полдень ее видятъ какъ она, прозрачно-блѣлая, прелестная, купается въ рѣкѣ. Но изрѣдка она появляется и въ грозномъ, устрашающемъ видѣ. Тогда она несетъ въ тучахъ и молніяхъ, побывая поля печестивыхъ градомъ. И образъ ея тогда измѣняется—она становится старой, отвратительной вѣдмой съ развѣвающимися по вѣтру сѣдми волосами. Въ своемъ свѣтломъ образѣ, она облетаетъ села и города, сопровождаемая ромемъ добрыхъ, веселыхъ духовъ и помогаетъ и благотворитъ всѣмъ. Особенно любитъ она трудящихъ и ткачихъ. Въ ночь на Рождество ткачихи приводятъ въ порядокъ и подготавливаютъ для нея станокъ, чтобы она положила основу ткани. Въ нав-чере же великаго поста все должно быть ооченено, чтобы она видѣла что всѣ работали прилежно. Она вообще заботится о строгомъ порядкѣ въ домѣ, хозяйствѣ, мирѣ и любви въ семьяхъ.

цѣлый годъ и возобновляются каждые четыре года. Сами американцы приходятъ теперь къ сознанию неудобствъ этихъ безпрестанно возникающихъ агитацій, выбивающихъ жизнь изъ колеи, часто отрывающихъ людей отъ обычныхъ занятій, нарушающихъ правильный ходъ жизни. Во время нахождения въ должности каждаго президента, все время его управления, уже заняты подыскиваніемъ ему преемника. Партіи и интриги раздраютъ страну. Клевета, подкупъ, всякая низость практикуется въ этой ожесточенной борьбѣ, ибо отъ перемѣны президента, даже министра, зависитъ множество частныхъ интересовъ, и эти безпрестанныя перемѣны конечно лишаютъ устойчивости самую жизнь и придаютъ ей характеръ случайный, лихорадочный.

Собственно въ Соединенныхъ Штатахъ всѣ теченія сводятся къ двумъ партіямъ: республиканской и демократической, хотя съ этими названіями не связано ихъ обычное значеніе. Республиканцы—это партія, побѣдившая въ междоусобной войнѣ. Партія эта пополняется изъ самыхъ образованныхъ классовъ въ Штатахъ и изъ представителей чернокожаго населенія Юга. Она стремится къ возможно обширнѣйшей централизаци и къ усиленію федеративной власти. Демократы, сохраняющіе принципы знаменитаго Джефферсона, напротивъ, состоятъ преимущественно изъ бѣлыхъ собственниковъ Юга и пролетаріата большихъ сѣверныхъ городовъ. Они энергически поддерживаютъ права отдѣльныхъ Штатовъ противъ давленія и притязаній центральной власти.

Въ каждомъ округѣ, въ каждой отдѣльной мѣстности Штатовъ демократы и республиканцы организуютъ политическіе кружки. Дѣятельные члены каждой партіи составляютъ первоначальныя собранія. Здѣсь постановляются вопросы и обсуждается возможность той или другой кандидатуры. Эти собранія составляютъ такъ сказать базу, основаніе организаци партій. Собранія эти—дѣло и специальность такъ наз. „политиковъ“ и ихъ агентовъ, самаго дурнаго быть можетъ насловія, которое выработалъ механизмъ выборовъ. Къ нимъ совсѣмъ не уважительно относятся солидные американцы. Собранія въ Штатахъ составляются одно за другимъ и собираютъ голоса въ своихъ округахъ и наконецъ избираютъ извѣстное число делегатовъ на общія собранія, съ полномочіемъ подавать голосъ и поддерживать тѣхъ или другихъ кандидатовъ. Иногда по инициативѣ какихъ нибудь „политиковъ“ собраніе Штата предписываетъ своимъ делегатамъ не раздѣляться въ мнѣніяхъ во время голосованія въ общихъ собраніяхъ и поддерживать своего кандидата дружно. Это такъ наз. „Unit Rule“. Но случается часто (какъ-то было и въ Чикаго), что общее собраніе отказывается признавать всѣ эти отдѣльныя „Unit Rule“ и предоставляетъ каждому делегату высказываться свободно, сообразно его личнымъ убѣжденіямъ. Наконецъ общее собраніе, по провѣркѣ полномочій делегатовъ—и это самая щекотливая часть его обязанности—вырабатываетъ программу т. е. общую программу своей партіи, затѣмъ приступаетъ къ предствленію именъ кандидатовъ всѣхъ штатовъ по алфавитному порядку. Делегация, которой поручается предствлнить кандидата, назначаетъ оратора и онъ долженъ разъяснять въ общихъ чертахъ данныя, на основаніи коихъ избирается кандидатъ. Разъяснять онъ долженъ очень сжато, ибо дается только

10 минутъ для рѣчи каждаго оратора. Бѣшеные крики и рукоплесканія съ галлерей сопровождаютъ имя каждаго провозглашаемаго популярнаго кандидата. Послѣ „провозглашенія“ приступаютъ къ голосованію. „Шерманъ“ каждой делегации провозглашаетъ цифру голосовъ, имѣющихся у его кандидата. Обыкновенно, какъ только который нибудь изъ кандидатовъ получить надлежащее большинство, председатель собранія или часто даже въ расчетъ на неудачу—сторонникъ враждебнаго кандидата предлагаютъ „единогласное“ избраніе кандидата. Тутъ то начинаются вообще тѣ ужаснѣйшія сцены криковъ, перебранки, киданья шляпъ на воздухъ, криковъ „ура“ о размахъ которыхъ не присутствовавшій на такихъ собраніяхъ не можетъ себѣ сосчитать даже приблизительнаго понятія.

До сихъ поръ шло лишь созиданіе правильной агитаціи борющихся партій, которыя дѣйствовали такъ сказать параллельно, отыскивая кандидата, котораго личность, убѣжденія и программа гарантировали бы, что онъ будетъ энергично дѣйствовать въ духѣ партіи. Разъ этотъ кандидатъ найденъ—начинается работа составить ему большинство во всей странѣ, во всей массѣ избирателей. Тогда начинается дѣло популярныхъ ораторовъ (spoils) которые нанимаются комитетами (издержки борьбы часто возрастаютъ до цифры милліоновъ долларовъ). Эти ораторы ѣздятъ по городамъ и по селеніямъ говоря вездѣ и какъ возможно чаще въ общественныхъ собраніяхъ, клубахъ и на улицахъ. Тутъ нанимаются ораторы разныхъ національностей, которые бы могли дѣйствовать именно на слабую сторону своихъ соотечественниковъ—французовъ, нѣмцевъ, испанцевъ и т. д.—въ разносторонней массѣ населенія Штатовъ. Тутъ идутъ въ ходъ длинныя процессіи съ знаменами, и пѣніемъ въ честь кандидата, особые мундиры у членовъ партіи, прогулки на пароходахъ съ музыкой, факельныя шествія, общественныя обѣды, даже маскарады—все съ цѣлями агитаціи и конечно вино и водка льются обильно. Громадныя ходячія афиши, ночью освѣщаемыя изнутри, транспаранты на домахъ, спички и папирсы съ именемъ кандидата, телеграфы, телефоны, шифрованные депеши—все въ полномъ дѣйствіи.

Но еще не все кончено. Общее мнѣніе еще не провозглашено прямо и опредѣленно одного имени, и составляются избирательныя комитеты изъ сенаторовъ и представителей каждаго штата въ конгрессѣ.—Но количество представителей, пропорціонально населенію; цифры его, значить, различны для каждаго штата—а сенаторовъ отъ каждаго Штата непременно двое и такая система понятна выгодна для меньшихъ Штатовъ. Наконецъ, союзная конституція предоставляетъ законодательному собранію каждаго штата право исчисленія и утвержденія избирателей. Въ Южной Каролинѣ, многіе годы, избирателями были не граждане штата а просто обѣ палаты мѣснаго Законодательнаго Собранія.

Теперь во всякомъ случаѣ это обратилось въ простую формальность. Каждая партія составляетъ свой списокъ избирателей, которые предназначены подавать голосъ и провѣрять по спискамъ дѣйствительность полномочій каждой делегации. Такъ какъ избиратели являются просто поддерживающіе кандидата своей партіи, то выборы давно потеряли тотъ характеръ независимости для каждаго избирателя, характеръ, который имѣло въ виду законодательство.

КЪ РИСУНКАМЪ.

Наше хлѣбпашество.

(Къ рисунку Н. Каразина, на стр. 556, 557).

Въ одной изъ чудеснѣйшихъ нашихъ народныхъ былинъ представленъ величаво-спокойный образъ богатыря-пахаря. Дружинникъ-богатырь, блестящій Вольга Святославовичъ, ѣдетъ со своею дружиною „за получкой“ дани по городамъ. И „услышалъ“ въ полѣ онъ ратая. Ореть въ полѣ ратай понукиваетъ, омѣшники по камушкамъ почеркиваютъ; съ края въ край онъ бороздки кладетъ—въ край уѣдетъ другою не видать. Коренья онъ вывертываетъ, а великіе каменья въ борозду валить. Кобыла у ратая соловая, сошка у ратая кленовая, гужики шелковые, омѣшники у ратая серебряные. „Божья ти помочи, оратаюшко! Орать да пахать, да крестьянствовать,“ говоритъ ему благодушный княжой дружинникъ и приглашаетъ его къ себѣ въ дружину. „Приберите сошку да повытряхните земельку изъ омѣшниковъ“, отвѣчаетъ тотъ. И диво! никто не можетъ сошку поднять. Дружинники сошку за обжи вертятъ, не сбросятъ сошки за ракитовъ кустъ, хотя силятся богатыри по десятеро. Одной рукой сдернуть сошку свою ратай и стяхнулъ. „Какъ тебя по имени зовутъ?“ спрашиваетъ удивленный дружинникъ Вольга. Отвѣчаетъ тотъ:

А я ржи напашу да во скирды положу
Домой выволочу, дома выволочу,
Драни надеру да и пива наварю,
Пива наварю—мужиковъ напою,
Станутъ мужички меня покликивати:
„Молодой Миклушка Селяниновичъ!“

Въ этой древней былинѣ выражается съ силою и ясностью

какое глубокое значеніе придаетъ народное сознаніе земледѣлелю. Не вывернуть сошки, не свалить каменьевъ великихъ въ борозду непривычной рукѣ горожанина-дружинника. Земля, надъ которой въ поту лица трудится нашъ Миклука Селяниновичъ—вотъ основа сложной государственной жизни. Прекрасные рисунки нашего талантливаго художника изображаютъ, съ присущею ему мѣткостью, такія знакомыя каждому изъ насъ сцены мирнаго деревенскаго труда, что объясняютъ ихъ было бы совершенно излишне и странно.

Форма сохи съ ея омѣшниками и гужиками, таже, что была и у Миклуки Селяниновича. Трудная борьба съ современнымъ громаднымъ развитіемъ машиннаго дѣла должна заставить и на нашихъ мирныхъ поляхъ повсемѣстно затопить паровики, которые и пойдутъ вмѣсто нашего Селяниновича съ его сошкой „коренья вывертывать и великіе каменья въ борозду валить“. А что пришла пора серьезно начинать эту борьбу—это мы уже говорили не однажды, рассказывая напр. о гигантской хлѣбной производительности и торговлѣ въ Америкѣ, сильно подрывающей наши.

Старая Руса и ея солеварни.

Старая Руса—нынѣ небольшой уѣздный городокъ Новгородской губерніи, давно славится цѣлебностью своихъ соляныхъ источниковъ, привлекающихъ сюда массу больныхъ съ самыми разнообразными недугами*). Вся здѣшняя почва состоитъ изъ нештуническихкихъ формаций и между слоями горныхъ породъ залегаютъ большіе пласты каменной соли, которые и выходятъ наружу въ видѣ обильныхъ источниковъ, образующихъ на поверхности земли цѣлыя озераки и пруды.

*) Въ „Нивѣ“ 1878 г. № 21 была большая статья о Старой Русѣ, съ 3 рисунками.

Вывариваніе соли издревле составляло извѣстный прибыльный промысел Старорусцевъ. По сказанію лѣтописи, здѣсь встарину каждый землевладѣлецъ имѣлъ свою соловарню и это свидѣтельство дѣйствительно подтверждается множествомъ открываемыхъ въ здѣшней почвѣ, подземныхъ водопроводныхъ трубъ и чановъ, несомнѣнно служившихъ для солеваренія. Довольно обширный солеваренный заводъ находится нынѣ въ такъ называемой соборной части города. Основанный частными лицами, онъ поступилъ въ казну въ 1762 году а въ 1865 отданъ въ вѣдѣніе министерства финансовъ. Здѣсь вырабатывается до 150000 пудовъ соли ежегодно, притомъ работа производится въ лѣтніе мѣсяцы. Когда заводъ въ дѣйствіи, то каждому прѣзжему можно свободно ознакомиться со всѣми любопытными подробностями солянаго производства, изъ которыхъ особенно достойно вниманія ступеніе слабого раствора посредствомъ такъ называемыхъ „градирь“, въ которыя поднимаютъ рассоль особаго рода насосами и затѣмъ пропускаютъ сквозь рѣшотки и прутья терновника. Вода проходитъ и выпаривается отъ движенія а густой рассоль стекаетъ въ резервуары. Въ серединѣ лѣта, когда вода въ рѣкѣ сбываетъ, вододействующія колеса опускаются посредствомъ особеннаго механизма на 5 футовъ ниже обыкновеннаго горизонта ихъ осей. Градири раскинуты на довольно большомъ пространствѣ. Одна изъ такихъ градиренъ и представлена на прилагаемомъ нами рисункѣ.

Открытие памятника Гете въ Берлинѣ.

Въ то время какъ въ Москвѣ открывали памятникъ нашему знаменитому поэту—Берлинѣ, по особому совпадению обстоятельствъ, былъ занятъ подобнымъ же торжествомъ.

Памятникъ Гете поставленъ въ западномъ концѣ Зоологическаго парка въ Берлинѣ. Открытіе памятника происходило 2-го іюня.

Мысль о постройкѣ памятника Гете принадлежитъ Якову Гримму и Вильгельму Меркверу. Когда во время празднованія

столѣтняго юбилея Шиллера было предположено въ честь его поставить памятникъ въ столицѣ Германіи, Гриммъ писалъ къ наследному принцу, что Берлинъ навлечетъ на себя справедливаго нареканія, если не озаботится постановкою памятника Гете. Народъ не особенно горячо отнесся къ этому заявленію. Въ то время, когда въ 1871 году, былъ уже воздвигнутъ памятникъ Шиллеру, комитетъ Гете могъ только въ 1872 году предложить премію за модель для памятника. Модель Фрица Шапера была признана лучшею; этотъ художникъ дѣлательно принялся и за устройство самого памятника, не смотря на то, что на постройку его въ комитетѣ недоставало еще 20000 марокъ.

На открытіи памятника 2-го іюня въ 11 часовъ утра, собралось не особенно много публики. Тутъ были члены императорской фамилии, члены комитета Гете со своимъ председателемъ Лэперомъ, представители города, писатели, художники, директора театровъ и музеевъ и дамы высшаго круга. Все это расположилось около памятника и эстрады. Императоръ, наследный принцъ съ супругами и свитой, австрійскій и англійскій послы, заняли мѣста на эстрадѣ.

Торжество началось при звукахъ оркестра. Председатель комитета Лэперъ произнесъ рѣчь о высокомъ значеніи такого торжества и при заключительныхъ словахъ рѣчи передалъ документъ на памятникъ городу. Въ эту минуту целена спала съ памятника и взорамъ всѣхъ представало полнѣйшее прекрасное произведение. Бургомистръ Форкенбекъ отъ имени города принесъ благодарность комитету. Въ заключеніе большой хоръ подъ управленіемъ профессора Академіи Влосинера пропѣлъ одну изъ чудныхъ пѣсень Гете. Въ этотъ же день былъ данъ обѣдъ въ честь Гете литераторами, художниками и многими лицами изъ общества.

Памятникъ выполненъ вполне художественно. Здѣсь представляемъ мы лишь самую статую, такъ какъ весь памятникъ пришлось бы дѣлать въ слишкомъ маломъ размѣрѣ. Пьедесталъ украшенъ большими, превосходно выполненными, фигурами—аллегорическими изображеніями поэзии, естествознанія и др.

Политическое обозрѣніе.

Турція и державы. — Приготовленія Греціи. — Наша дѣла съ Китаемъ. — Генералъ Скобелевъ въ степи.

Весьма трудно разобраться въ массѣ противорѣчивыхъ свѣдѣній, о ходѣ дѣлъ на Балканскомъ полуостровѣ и о самыхъ намѣреніяхъ державъ относительно Турціи. Согласно однимъ источникамъ, Турція рѣшилась всгунить въ борьбу съ Греціей по другимъ же — она колеблется, съ одной стороны увѣряютъ, что державы, объявившія уже Портѣ, въ коллективной нотѣ, волю свою, выразившуюся въ постановленіи Берлинской конференціи, будутъ приводить рѣшеніе это въ исполненіе силой, съ другой же стороны утверждаютъ, что между ними, по этому поводу, возникли разногласія. Факты, передаваемые газетами, ничего не объясняютъ и только затемняютъ смыслъ событій, значеніе настоящей минуты въ „Восточномъ вопросѣ“. Такъ, во первыхъ, сообщается, что Порта безусловно намѣрена сопротивляться, что недавно послѣдовалъ уже приказъ о мобилизаціи 2-го армейскаго (адрианопольскаго) корпуса и призывъ резервовъ, что въ Константинополѣ открыто вербуются волонтеры, которымъ выдается премія и деньги на проѣздъ къ греческой границѣ, что албанцы всячески подстрекаются къ борьбѣ съ врагами оттоманской имперіи; но, въ то же время приходитъ свѣдѣніе о томъ, что самый энергичскій сторонникъ войны, военный министръ знаменитый муширъ Османъ-паша, смѣненъ съ должности своей (онъ оставленъ маршаломъ дворца), которая поручена Гассану-пашѣ, и смѣненъ, именно, будто бы съ тою цѣлю, чтобы показать державамъ миролюбивыя намѣренія турецкаго правительства. Затѣмъ, сперва мы слышимъ, что Франція и Англія выразили полную готовность энергичски поддерживать рѣшенія конференціи, но потомъ узнаемъ, что Франція, при посредствѣ официозныхъ органовъ, передающихъ взглядъ правительства, заявляетъ, что не желаетъ „таскать изъ огня каштаны для Англіи“, что С. Джемскій кабинетъ принялъ на себя инициативу въ греческомъ вопросѣ и поэтому ему же надлежитъ дѣйствовать; наконецъ, согласно новѣйшимъ свѣдѣніямъ, французскій посланникъ при Англійскомъ дворѣ, Шаллемелъ-Лакуръ, на одномъ банкетѣ, высказалъ, что имѣетъ основаніе надѣяться на мирное и безобидное для всѣхъ улаженіе дѣла. Можетъ быть всѣ эти слухи исключаютъ одинъ другой, но можетъ быть это — различные фазисы, чрезъ которые проходилъ вопросъ. Вѣроятно, однако, всѣ сомнѣнія относительно предстоящихъ событій, скоро исчезнутъ и мы скоро увидимъ въ рукахъ непосредственныхъ участниковъ драмы или мечъ, или оливковую вѣтвь. Положеніе уже таково, что тотъ или другой исходъ наступитъ въ самомъ непродолжительномъ времени. Какъ бы то ни было—несомнѣнно одно, и именно, что Турція переживаетъ теперь едва ли не одну изъ серьезнѣйшихъ минутъ съ той, когда затѣялась первая роковая драма въ далекой и невѣдомой дотолѣ миру Невесинѣ.

Греція готовится къ войнѣ. На дняхъ состоялся призывъ всѣхъ бессрочно-отпускныхъ и формируются два армейскихъ

корпуса: одинъ въ 28 тысячъ чел. для дѣйствій въ Эпирѣ, другой въ 16 тыс. чел. для дѣйствій въ Фессалии. Въ Аѳинахъ ожидаютъ существенную помощь отъ Франціи и Итали (?) боевыми запасами и оружіемъ, а также и многочисленными волонтерами. Когда приготовленія будутъ окончены, аѳинскій кабинетъ обратится къ Портѣ съ приглашеніемъ очистить назначенную Греціи территорию и, затѣмъ, въ случаѣ отказа, греческія войска перейдутъ границу. Греки спорныхъ провинцій, конечно, выражаютъ радость свою, но албанцы и турки объявляютъ, что готовы скорѣе лечь костьми, чѣмъ подчиниться этому несправедливому рѣшенію Европы.

Портѣ едва ли не придется, въ одно и то же время, вести войну и съ Черногоріей. Князь Николай уже не вѣритъ дипломатіи, а Портѣ пересталъ вѣрить уже давно и потому рѣшился прибѣгнуть къ оружію своа. Онъ стягиваетъ войска къ границамъ. Впрочемъ Турція предлагаетъ, и настолько же остроумно, насколько разумно, надѣлать Черногорію территоріей въ новобазарскомъ пашалыкѣ, занятомъ теперь австрійскими войсками.

Австрія же, съ своей стороны, снова намѣрена двинуть войска свои къ Митровицѣ, можетъ быть далѣе... Не обинуясь скажемъ, что, несомнѣнно, желательнѣе видѣть на Балканскомъ полуостровѣ подчиненную извѣстному контролю Турціи, чѣмъ австрійскія казармы!

Въ иностранной прессѣ, между прочимъ, слухъ о томъ, будто обезудая, вмѣстѣ съ прочими державами, мѣры насильственнаго приведенія въ исполненіе рѣшенія конференціи, Россія предложила 20-ти-тысячный корпусъ войскъ въ помощь Греціи, съ тѣмъ, что корпусъ этотъ былъ бы перевезенъ на англійскія корабли. (!) Трудно повѣрить подобному слуху по многимъ причинамъ... Мы не будемъ перечислять эти причины, но—вспомнимъ только о той роли, которую греки играли, играютъ и будутъ играть въ отношеніи славянъ Балканскаго полуострова. Конечно — турецкое ярмо отнюдь не тяжелѣе греческаго, въ иныхъ же отношеніяхъ, пожалуй и легче. Затѣмъ — у насъ самихъ дѣло есть. Война съ Китаемъ виситъ на ниточкѣ. Мы выступили уже въ море, и Китай тоже готовится. Изъ Тянь-Цзяня сообщаютъ, что при устьѣ рѣки Пейко воздвигаются грозныя укрѣпленія, часть которыхъ вооружена крупными пушками большаго калибра. Время деревянныхъ разрывованныхъ драконовъ и крѣпостей изъ лакированного дерева, повидимому уже прошло! На дняхъ туда ожидалось прибытіе отряда войскъ. У входа въ рѣку стоятъ на якорѣ 15 китайскихъ канонирскихъ лодокъ, изъ числа которыхъ 6 отличаются великолѣпной конструкціей и вооруженіемъ. Въ Шанхаѣ и другихъ портахъ, открытыхъ европейцамъ, всѣ убѣждены въ неизбежности войны между Россіей и Китаемъ, въ особенности съ тѣхъ поръ, какъ выяснилось, что китайскія торговля суда въ состояніи будутъ прикрываться нейтральными флагамъ.

(Продолженіе на стр. 569, 570, 571 и 572).

Этого нововведения, признаться, мы не понимаем — какой это *нейтральный* флаг у *воюющей* державы?!

Есть уже у китайцев и „свои англичане“, как были они и у турокъ. Нѣсколько офицеровъ дѣятельно заняты подготовкой войнѣ Богдыхана; кромѣ того, Бэкеэръ, назначенный было къ новому вице-королю Индіи на должность секр гаря, получивъ какую-то депешу изъ Пекина, поспѣшилъ „выйти въ отставку (?)“ и отправился туда — главно-начальствующимъ военными силами Китая!

Какъ только начнется война, Англія намѣревается вступить въ переговоры (если уже не вступила) о *своихъ интересахъ*. Не тутъ ли ключъ къ разгадкѣ о *нейтральномъ* флагѣ, о которомъ только что мы говорили выше?

И здѣсь, впрочемъ, не обходится безъ противорѣчащихъ свѣдѣній. Такъ, въ настоящую минуту, въ самый разгаръ приготовленій къ войнѣ, пришло извѣстіе о томъ, что бывшій посланникъ Китая для разрѣшенія вопроса о Кульдѣжѣ, приговоренный къ смерти Чунгъ-Хоу — помилованъ, съ тою цѣлью, какъ сообщаютъ, чтобы не раздражать Россіи и заявить этимъ путемъ о желаніи китайскаго правительства уладить все безъ войны. Желательно было бы, конечно, чтобы извѣстіе это подтвердилось. Кстати скажемъ, что главныя основанія трактата о Кульдѣжѣ, подписаннаго Чунгъ-Хоу, заключаются въ слѣдующемъ:

Россія уступаетъ Китаю Прилиійскій край за 5 милліоновъ рублей, удерживая за собою территорію къ западу отъ рѣки Э-Кози и къ югу отъ Лишеньскихъ горъ, вплоть до р. Того; Россія учреждаетъ новыя консульства въ Кинь-ю-Куанѣ, Вуки, Гами, Турганѣ, Улумши и Коке; въ Монголіи и въ провинціяхъ Тіеншанъ-Канъ-гу и Тіеншанъ-Пехъ-ду съ товаровъ русскихъ купцовъ не взимаются пошлины; во всѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ будутъ находиться русскія консульства, могутъ учреждаться товарныя склады; русскимъ купцамъ открыта плаваніе по р. Сунгари.

Генералъ Скобелевъ идетъ вѣрнымъ, „обдуманнѣмъ“ шагомъ къ цѣли. Его движеніе въ Баши имѣло весьма важное значеніе уже въ томъ отношеніи, что текинцы, не ожидавшіе видѣть его тамъ, бѣжали, бросивъ большую часть собраннаго хлѣба. Такимъ образомъ, лишившись запасовъ своихъ, текинцы, вмѣстѣ съ тѣмъ, обогатили наши. Путь генерала Скобелева будетъ пройденъ не даромъ: онъ обозначится рядомъ укрѣпленій въ извѣстныхъ пунктахъ, что, несомнѣнно, положитъ иной фундаментъ въ будущія отношенія наши съ Мервской вольницей.

Новыя книги.

Уходъ за здоровыми и больными дѣтьми. Докт. Гетца С.-Петербур. 1880 г. Въ изложеніи доктора Гетца есть два достоинства: оно во первыхъ просто и доступно для всякаго (что и должно быть необходимо въ такихъ книгахъ) затѣмъ оно очень подробно и

обстоятельно, что также важно, ибо въ дѣтскомъ организмѣ, еще нетвердомъ, нѣтъ мелочей, которыя, если не обратятъ на нихъ вниманія, не могли бы развиться во что нибудь серьезное. Если прибавить къ этому, что у насъ книга выдержала уже два изданія а въ Германіи четыре, то это вполне достаточная рекомендація такой книгѣ. Не всякая семья и не вездѣ можетъ имѣть тотчасъ хорошаго доктора а книга всегда подъ рукой.

Уставы воинской повинности 1880 г. Спб. Также книга, которую при дѣйствующей системѣ воинской повинности, нельзя не рекомендовать всѣмъ имѣющимъ надобность въ подобныхъ свѣдѣніяхъ. Необходимость такого сборника для каждаго члена присутствія по воинской повинности очевидна. Къ уставамъ приложены всѣ дополненія и разъясненія, появившіяся послѣ.

Сельскій сборникъ. Настольная книга, сост. Д. Соколовскій Казань

1880 г. Въ нашемъ журналѣ мы преимущественно стараемся рекомендовать книги полезныя, подлежащія обширному распространенію. Признаемся, мы съ большимъ предубѣжденіемъ взяли за эту книгу для „сельскихъ жителей“. Въ этомъ родѣ попадаются такія, что по фальшивости тона и недѣльности превосходятъ вѣроятіе. Но г. Соколовскій, не мудрствуя лукаво, просто представилъ сборникъ всевозможныхъ свѣдѣній для сельщина — безъ всякихъ „кабы“ да „таперича“ — начиная отъ огородничества и земледѣлія и кончая свѣдѣніями объ экзаменахъ дѣтей, о сдачахъ въ аренду, судѣ, правахъ сельскаго духовенства и т. п. Не можемъ судить насколько хозяйственные его отдѣлы будутъ полезны сельчанамъ, изъ нихъ-то пожалуй черпать не станутъ, но другіе отдѣлы принесутъ несомнѣнную пользу. Цѣна 1 р. 65 к. конечно невысока за толстый томъ съ пересылкой, но для сельскаго жителя пожалуй непривычна.

Русскій за границей. Сост. А. Замыцкій, Спб. 1880. Есть такіе (особенно теперь при легкости и сравнительной дешевизнѣ путешествій) изъ вѣдущихъ за границу, которымъ пришлось бы хоть съ голоду умирать — такъ какъ они не знаютъ ни на какомъ языкѣ ни слова. Взявши эту книгу, съ голоду не умрутъ, по крайней мѣрѣ потому что словарь по этой части особенно обилитъ.

С М Ъ С Ъ.

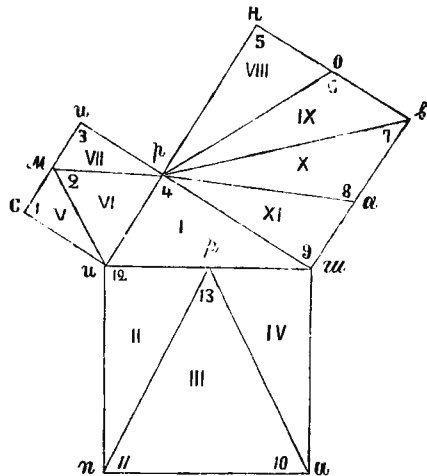
Лабрадоръ, добываемый неподалеку отъ Житомира, начинаетъ входить въ моду для памятникѣвъ и другихъ издѣлій, которые распространяются не только въ Россіи, но и за границей. Лабрадоръ — красивый черный камень, гораздо тверже мрамора, съ чрезвычайно красивыми жилами и кристаллическими отливками. Словомъ извѣстно, лабрадоръ есть еще только въ Америкѣ.

Примѣненіе лампы Эдисона къ морской минной войнѣ имѣетъ, повидимому, большую будущность. Извѣстно, съ какими трудностями и опасностями сопряжено бываетъ для водолазовъ вылавливаніе торпедъ, опускаемыхъ въ воду, съ цѣлью нанести вредъ атакующему судну. Англійское морское вѣдомство пришло къ мысли испробовать для этой цѣли эдисоновскую лам-

Памятникъ Гёте въ Берлинѣ. По фотогр. грав. Кнезингъ.

Рѣшеніе задачи № 48.

Смирнова, Шапир.

1. Шир	7. Рим.
2. Пир	8. Нор.
3. Пар	9. Ров
4. Шар	10. Вар
5. Сим	11. Шар
6. Мир	

Вѣрныя рѣшенія этого ребуса приложены: Спб.—отъ гг.: Иванова, Русска, Кошкова, Козловой, Новоселова; Москва—Корешкова; с. Вишняки—Матвѣева; ст. Будцынъ—Дагаева; Брянскъ—Малофѣева; Владимиръ—Некрасова; Кронштадтъ—№ 46, 972. Вильно—Карпенкова; Мозырь—Юл. Лапича; Калуга—Компансеца; Слуцкъ—Г. Гурвича.

СОДЕРЖАНІЕ: Луисъ Кашоэнсъ, авторъ поэмы „Луизиада“ (съ портр.)—Иупленное счастье. Романъ Н. Морскаго. (Продолженіе).—Зарница. Историческая былъ В. Политновскаго. (Продолженіе).—Гульда. Стихотвореніе (съ рис.) Е. Л.—въ. Выборы президента въ Соединенныхъ Штатахъ (съ рис.)—Наше хлѣбопашество (съ рис.)—Старая Руся и ея солевари (съ рис.)—Открытіе памятника Гете въ Берлинѣ (съ рис.)—Политическое обозрѣніе. — Новая книга.—Смѣсь. — Тиражъ выигранной государственнаго банка.—Рѣшеніе шахматной задачи.—Рѣшеніе ребуса.—Рѣшеніе магическихъ вѣдратовъ.—Рѣшеніе задачи № 48.—Объявленія.

Издатель А. Ф. Марисъ.

Редакторъ Ф. Бергъ.

О Б Ъ Я В Л Е Н І Я .

ДЛЯ МАГАЗИНОВЪ.

Оптовая продажа по самымъ умѣреннымъ цѣнамъ Вязи английской, бѣлой, разноцвѣтной и суровой пергаментной бумаги (растительнаго пергамента) лучшей заграничной сребровидной фольги. У Р. Келеръ и Ком. въ Москвѣ, на Никольской ул. Ц. М. № 799 2-2

Торговый домъ ЭРНСТЪ ВИНТЕРЪ

49. НЕВСКИЙ ПРОСПЕКТЪ, 49.
близъ Владимирской.

Американская садовая мебель. Крокетъ игры, корельской березы отъ 5 р.

СТУЛЬЯ ВЪНСКІЕ.

Саксонской королевской привилегир. фабрики, лучше и прочѣе всѣхъ другихъ—Цѣна фабричная. К. № 805

НОВѢЙШЕЕ ИЗОБРѢТЕНІЕ

Франкфуртскія молотилки системы **ВЕЙЛА.**

Доставляются на каждую желѣзно-дорожную станцію въ слѣдующемъ выборѣ: 1) производимыя двумя людьми; 2) съ одной, въ 3) съ двумя, въ 4) съ четырьмя лошадиными силами.

По желанію съ аппаратомъ, производящимъ одновременно очистку зерна.

Подвижныя на своихъ собственныхъ колесахъ, онѣ могутъ дѣйствовать вездѣ, гдѣ ихъ ни поставятъ. По письменному требованію иллюстрированный каталогъ находящійся у Мориза Вейла.

Машинная фабрика въ Франкфуртѣ-на-Майнѣ (въ Германіи)

Ptr. № 690

Корреспонденція по-русски.

11-6

СЛОВОЛИТНЯ

въ С.-Петербургѣ,

О. И. ЛЕМАНА

Банновскій м., 52-3.

существуетъ съ 1854 года.

Складъ шрифтовъ у Ив. Ив. ФЛОРА въ Москвѣ, Никитская, д. Рихтера.

Постоянно располагая **БОЛЬШИМЪ ЗАПАСОМЪ** готовыхъ шрифтовъ, словолитня въ состояніи, въ весьма короткое время, удовлетворить самымъ значительнымъ требованіямъ.

Съ словолитней соединены: граверное, стереотипное и гальванопластическое заведеніе.

НОВАЯ

улучшенная и патентованная системы Зингеръ

РУЧНАЯ ШВЕЙНАЯ МАШИНА

работаетъ менѣе шумно, легче и скорѣе

чѣмъ всѣ существующія теперь ручныя машины. Специальныя машины для вязанія, выметыванія петель, вышиванія плиссѣ, для шитья перчатокъ, военныхъ голенищъ, мѣшковъ, парусовъ и кожи до 1 1/4 дюйм. толщины съ варною дратвой и всѣхъ другихъ ручныхъ и ножныхъ машинъ для семейныхъ и ремесленныхъ употребленій.

Высылка подробнаго прейсъ-куранта бесплатно.

Складъ швейныхъ машинъ всѣхъ системъ.

К. № 689 А. ШТЕЙНЪ, С.-Птб. Вознесенскій просп. № 21. 5-1

НОВЫЙ ДВИГАТЕЛЬ!

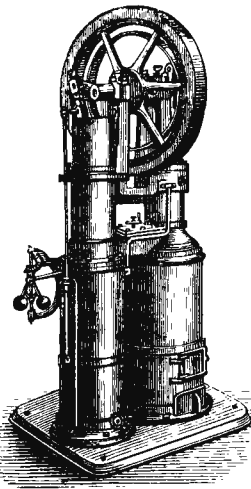
Патентованное закрытое дѣйствующее нагрѣтымъ воздухомъ Чугунно-латейнаго завода и машинной фабрики Эйленбурга

отъ 1/2—2 лошад. силъ пригодны въ особенности для фабрикъ, земледѣльческихъ машинъ механическихъ мастерскихъ, печатаній и другихъ ремесленныхъ произведеній и пр. а также малъ насосы для поднятій разнаго рода жидкостей.

Преимущества этихъ двигателей: 1) Вѣрная безопасность, такъ какъ машина приводится въ дѣйствіе непосредственно нагрѣтымъ воздухомъ безъ пара и потому нѣтъ надобности въ устройствѣ паровина. Двигатели эти можно вездѣ ставить, въ любыхъ помѣщеніяхъ и въ верхнихъ этажахъ. 2) Простота устройства, ихъ можно легко нагрѣвать безъ помощи машиниста, топка обыкновенной печки, послѣ чего она тотчасъ годна для производствъ. 3) Тихій ходъ. 4) Дешевизна поучини и производительныхъ матеріаловъ.

Машины стоятъ въ 1/2—1/3 раза менѣе чѣмъ другіе двигатели и нагрѣваются кромѣ углей всякими другими горючими матеріалами.

Подробныя описанія и прейсъ-куранты высылаются черезъ агентствѣ бесплатно франко. С.-Петербургъ, Большая Морская, д. 21, кв. 28.

ВНОВЬ ПОЛУЧЕНЫ

Автоматическіе карандаши,

которые можно носить удобно въ карманѣ, снабжены весьма практичнымъ механизмомъ, предохраняющимъ штифтъ отъ поврежденія.

Цѣна карандаша **50** коп.

Для провинціи цѣна съ пересылкою 2 р. за 8 карандаша.

С.-Петербургское главное депо резиновыхъ издѣлій

ЛИМАНА и РИКСА.

№ 16. ГОРОХОВАЯ УЛИЦА. № 16.

между Большой Морской и Краснымъ мостомъ.

т. № 791 3-3

ОСНОВАНА ВЪ 1869 Г.

СКЛАДЪ ФАБРИКИ

АВГУСТА НАУМАНА И К^О

Прейсъ-курантъ и все свидѣнія выдаются и высылаются безвлатно.

Въ книжномъ складѣ

РОССІЙСКОЙ БИБЛИОГРАФІИ

(Эмиль Гарте). Невскій, 27, у Казанскаго моста въ С-Петербургѣ. Продается новая книга:

ДАМСКАЯ ВЕРХОВАЯ ЪЗДА.

Сост. А. В. Полозовъ. На русскомъ и французскомъ языкахъ. Красивый томъ in 16°, съ 19-ью гравюрами, и. 1 р. 50 к. съ пересыл. 1 р. 75 к.

MANUEL D'EQUITATION POUR DAMES.

Par A V Polosow, en français et russe. Joli volume in 16° avec 19 gravures. Prix 1 r. 50 c. par la poste 1 r 75 c. (en timbres-poste). Mt. № 808

ТОРГОВЫЙ ДОМЪ ПАВЕЛЪ ВЫДРИНЪ и СЫНЪ.

(Москва, Тверская, д. Полякова).
Продажа выигранныхъ билетовъ съ азсрочкою платежа. Задатокъ 15 руб.
Страхованіе по 50 коп.
Условія высылаютъ безвлатно.
№ 7268-6 Мт. № 787 5-3

Частная гимназія и коммерческое училище Д-ра ВИДЕМАНА.

Преподаваніе учебнаго года 1880—81 отъкрывается въ вторникъ 19-го Авг. с. 1 Приемные экзамена новыхъ воспитанниковъ назначаются на понедельникъ 18-го Авг. съ 9 час. утра до 3 часовъ пополудни. Принятые воспитанники должны представить метрическое и осповривательное свидѣтельство ва. Воспитанники окончившіе полный курсъ имють право на отбытіе воинской повинности въ теченіи полугода.

Во время каникулъ, Директора госнодина Эрделя можно застать въ училищѣ каждыиъ среду и субботу отъ 10 до 1 часа для полученія нужныхъ свидѣній.

Вас. Остр. по 9 лин. д. № 54, кв. № 17.
Директоръ д-ръ Карлъ Эрдель.

"ШЛАНГЕНБАДЪ"

ревосодняла купанья, великолѣпная лѣсная мѣстность, обильный кислородный воздухъ, ровная, въ нѣсколько миль, но пыльная лѣсная дорога; свиротка, коровье и козье молоко, знаменитые, цѣлебные источники съ естественной температурой 27—32°. Кристально-чистая, прозрачно-изумрудная, бархатно-мягкая вода, успокоивающая и укрѣпляющая первыиъ регулирующая кровообращеніе, представляетъ лучшее средство для освѣженія и сохраненія кожи. Исцѣленіе первыхъ страданій, женскихъ болѣзней, блѣдой немочи, старческой слабости и наклонныхъ болѣзней.

Д. № 12556 678-4-4

КЛЕЙ Т-н с.

въ плиткахъ, предлагаетъ по очень дешевой цѣнѣ съ доставкою въ Варшаву фабрика Th. Pyrkosch Ratibor preuss. Schlesien n. 14048 № 772 8-5

Экономіи 90 коп. съ рубля.

отъ домашняго приготовленія шипучихъ водъ: Сельтерской, фруктовой и лимонадовъ, посредствомъ аппаратовъ и порошковъ, продающихся съ подробнымъ для употребленія наставленіемъ у дрогистовъ **Р. ИЗЛЕРЪ и Копп.** въ Москвѣ, на Никольск. Аппараты эти особенно удобны въ томъ отношеніи, что изъ нихъ можно отливать любое и самое малое количество воды безъ вреда для остатка.

Цѣны аппаратамъ въ 3, 6, 9 и 15 стакановъ: 5, 6, 7 и 10 руб.; а съ укладкою для пересылки по почте: 5 р. 50 коп., 6 р. 60 коп., 7 р. 75 к. и 11 руб.; всѣ же ихъ съ укладкою 13, 17, 18 и 20 фунтовъ. Цѣна коробокъ съ 10 зарядами, каждый на 3, 6, 9 и 15 стакановъ: 55 к., 80 коп., 1 р. 15 к. и 1 р. 60 к., съ укладкою 70 к., 1 р., 1 р. 20 к. и 1 р. 80 к.; всѣ съ укладкою ¼ ф., 1 ф., 2 ф., и 3 фунта.

Ц. М. № 800 Экономіи 90 коп. съ рубля. 2—2

ВЫШЛА ЮЛЬСКАЯ КНИЖКА "СОБРАНІЯ РОМАНОВЪ"

Что въ имени тебѣ моемъ? Э. Д. Джерарда.— Трагическое наследство. Констана Геру.— Паровой домъ, путешествіе по Сѣверной Индіи, Жюля Верна.—Крина.—Исторія моего товарища.

Въ вышедшихъ первыхъ шести книгахъ нынѣшняго года окончены уже четыре романа: Сломаннъ вѣтеръ, Арсена Гуссе; Намѣренія мистера Стюарта, Ф. Робинсона: Слѣды на снѣгу, Дорн Россель. Терновый замокъ, Луи Ульбаха.

Къ печати приготовлено: ГВАРАНИСЬ, Густава Эмара. СПРЯТАННОЕ ЗОЛОТО, Френка Баррета. ДѢТИ ГЕРЦОГА, Энгони Троллопа. ВОЛНАНЪ ВО ЛЬДУ, Жюля Гро. ПРЕСТУПЛЕНІЕ МАРСЪЯЛЯ, Луи Ульбаха.

Цѣна за годовое изданіе, состоящее изъ 12 книгъ большаго формата выходящихъ всегда въ началѣ мѣсяца и составляющихъ въ годъ около пяти тысячъ страницъ, безъ доставки десять руб. пятьдесятъ коп., съ доставкою въ С.-Петербургъ—одиннадцать руб., для иногородныхъ на подписчиковъ—двѣнадцать. Подписка принимается исключительно на имя издательницы Елисаветы Николаевны Ахматовой, въ домѣ Жербина, на Михайловской площади, въ С.-Петербургѣ.

Подписка продолжается. Выдаются все вышедшія книги съ № 1-го.

При редакціи открыта книжная торговля. Каталогъ высылается безвлатно. № 732 1—1

С.-ПЕТЕРБУРГСКАЯ ХИМИЧЕСКАЯ ЛАБОРАТОРІЯ.

Съ разрѣшенія С.-Петербургской Врачебной Управы.

ГЛИЦЕРИНОВОЕ МЫЛО

Розовое въ оловянной оберткѣ по 25 к
Бѣлое высш. кач. для дамъ и дѣтей, 35 "
Прозрачное, по разнымъ цѣнамъ, отъ 10 "
" Бузетъ Императрицы по 50 "

ОСТЕРЕГАТЬСЯ ПОДРАМАНИЙ

къ которымъ принадлежатъ нѣкоторые фабриканты, приписавшіе названія фирмъ, близку подходящихъ къ фирмѣ С.-Петербургской Химической Лабораторіи, и копирующіе наружный видъ произведеній ея.

Обращать вниманіе при покупкѣ каждаго предмета на точность фирмъ:

„С.-П.-БУРГСКАЯ ХИМИЧЕСКАЯ ЛАБОРАТОРІЯ“

ЕДИНСТВЕННЫЕ МАГАЗИНЫ ВЪ С.-ПЕТЕРБУРГѢ:

- 1) Невскій проспектъ, д. № 32, Католич. церковь.
- 2) Невскій просп., у Анжичова моста, № 66.
- 3) Вознесенскій просп., уголъ Казанской ул., домъ № 18—54, Шредера.

Все прочіе, магазины и лавки, имѣющіе вывѣски, сходные съ вывѣскою С.-Петербургской Химической Лабораторіи, ей не принадлежатъ.

ГАЛЬМАНИНЪ.

Послѣ многочисленныхъ опытовъ мнѣ удалось составить счастливую смѣсь (Гальманинъ) предотвращающую совершенно прѣвые частыя гѣла, въ особенности же прѣвые ногныхъ пальцевъ. Въ короткое время средство это сдѣлалось известнымъ во всемъ край. Въ составъ его входятъ средства совершенно безвредныя; онъ не задерживаетъ потъ, но поглощаетъ его, образуя мелкіе микроскопическіе кристаллы; эти-то качества и даютъ ему преимущественно надъ средствами до сихъ поръ употребляемыми въ Германіи и Франціи.

Гальманинъ своимъ дѣйствіемъ, осушая части гѣла, прѣвые ихъ дѣлаетъ невозможнымъ; поспею лицамъ, принужденнымъ много ходить, средство, мною изобрѣтенное, можетъ оказать величайшую услугу. Довольно натереть Гальманиномъ разъ въ нѣсколько дней прѣвющіи части, помощью ваты, похотна или ваточки, чтобъ избѣгнуть тѣхъ неприятныхъ послѣдствій, какими обыкновенно подвержены лица, принужденная долго ходить въ лѣтніе, жаркіе дни.

Ручаясь вполнѣ за дѣйствительность изобрѣтеннаго мною Гальманина, что подтверждаютъ многочисленные опыты варшавскихъ врачей, снѣю обратитъ вниманіе публики, дабы она остерегалась подлогъ и покупала Гальманинъ только въ коробочкахъ снабженныхъ моею фирмою.

Склады Гальманина находятся во всѣхъ аптекахъ, а также у дрогистовъ въ значительнейшихъ городахъ Европы. Главное депо въ моеи аптекѣ въ Варшавѣ. Большая коробочка Гальманина 30 к.; меньшая коробочка 30 к.

В. Наринскій.

Магистръ фармаціи, владѣлецъ аптеки въ Варшавѣ, ул. Електральной, № 35 (новый). № 586 13

СИТРОНАДЪ И ОРОНЖАДЪ МОСКОВИТЪ КЕЛЕРА

изъ свѣжихъ лимоновъ и апельсиновъ, съ вполнѣ сохраненнымъ ароматомъ этихъ фруктовъ, для лимонадовъ, пунша, мороженога, желе и всякаго рода кушанья. Сткланка на 50 стак., лимонада 50 к., на 100 стак. 90 к. Торговцамъ значительная скидка.

Продажа въ аптекарскихъ магазинахъ

Р. КЕЛЕРА И К^О ВЪ МОСКВѢ,

на Никольской и въ Нижегородской ярмаркѣ противъ хлѣбной биржи.
Ц. М. № 798 2—2

НИВА

ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ
ЖУРНАЛЪ
ЛИТЕРАТУРЫ

ПОЛИТИКИ И СОВРЕМЕННОЙ ЖИЗНИ.

XI годъ

№ 29

годъ XI

1880

ВЫХОДИТЪ ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫМИ №№ ВЪ ДВА ЛИСТА СЪ 6—10 РИС. И ЕЖЕМѢСЯЧН. ДАРОВЫМЪ ПРИЛОЖЕНІЕМЪ „ПАРИЖСКИХЪ МОДЪ“ (ОТЪ 20 ДО 40 МОДН. РИС. ВЫДАТЬ 19 ІЮЛЯ 1880 Г. И ЛИСТА ЧЕРТЕЖ. ВЫРОЕНЪ (ОТЪ 22 ДО 30 РИС.) РАЗН. РИС. РУКОД. РАБОТЪ (ОТЪ 20 ДО 40 РИС.) ЦѢНА ЭТАГО № „НИВЪ“ 15 К. СЪ ПЕРЕС. 20 К.

ОБЪЯВЛЕНІЯ для напечатанія въ „НИВЪ“ принимаются по 25 к. за строку непарелъ (въ 1/4 ширины страницъ). КОНТОРА журнала открыта ежедневно (кроме Воскресныхъ и праздничныхъ дней) отъ 10 ч. утра до 6 ч. вечера.

Открыта подписка на „НИВУ“ 1880 г.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА НА ГОДОВОЕ ИЗДАНИЕ „НИВЫ“

Безъ доставки въ Петербургъ . . . 4 р.

Съ доставкою . . . 5 р.

Безъ доставки въ Москвѣ черезъ кн. маг. гг. Шапошникова, Соловьева и Лангъ. 5 р.

Съ пересылкою въ Москву и другіе города Россіи . . . 6 р.

На полгода безъ доставки 2 р., съ доставкою 2 р. 50 к., съ пересылкою иногороднымъ 3 р.

Каждый новый подписчикъ получаетъ все уже вышедшіе въ 1880 г. номера.

ПРИЛОЖЕНІЯ. Особая приложенія при „НИВЪ“ объявленія отъ торговыхъ домовъ принимаются для мног. по 5 р. съ тысячи, для городскихскихъ по 4 р. РУКОПИСИ. Мелкія рукописи и стихинудобныя печати, авторамъ не возвращаются.

КОНТОРА ЖУРНАЛА „НИВА“ ПОМѢЩАЕТСЯ ВЪ С.-П.-БУРГѢ, НА Б. МОРСКОЙ, ВЪ Д. № 9.

А. А. САБУРОВЪ.

Апрѣля 26 настоящаго года обнародованъ былъ Высочайшій указъ объ увольненіи, согласно прошенію, сенатора графа Д. Н. Толстого, отъ занимаемыхъ имъ въ теченіи 14 лѣтъ должностей и назначеніи тайнаго совѣтника А. А. Сабурова управляющимъ Министерствомъ Народнаго Просвѣщенія и тайнаго совѣтника К. П. Побѣдоносцева оберъ-прокуроромъ Св. Синода. Продолжительная дѣятельность графа Толстого, какъ извѣстно, отличалась рѣдкимъ постоянствомъ и вѣрностію разъ принятой имъ системѣ и рѣзкимъ и послѣдовательнымъ ея проведеніемъ.

Настоящій министръ по счету тринадцатый. Первымъ былъ графъ Завадовскій (1802—1810), одиннадцатымъ — Головинъ (1861—1866). Большинство министровъ были князья и графы — только три лица было нетитулованныхъ. Наибольшее число лѣтъ управлялъ министерствомъ графъ Уваровъ (16 лѣтъ) гр. Толстой управлялъ четырнадцать лѣтъ (съ 14 апр. 1866 г. по 25 апр. 1880). Апрѣль мѣсяць игралъ выдающуюся роль въ

А. А. Сабуровъ. Управляющій Министерствомъ Народнаго Просвѣщенія. Съ фотогр. Шульца въ Дерптѣ, грав. Шиблеръ.

судьбѣ оставившаго свой постъ министра. Этотъ же мѣсяць и то же число увольненія (25 апр.) играли роль и въ судьбѣ министра адмирала Шишкова. На долю министровъ, проводившихъ классическую систему, графовъ Уварова и Толстого, приходится въ исторіи Министерства Народнаго Просвѣщенія, считающей за собой всего 78 лѣтъ, наибольшее число лѣтъ именно — тридцать. Статсъ-Секретарь, тайный совѣтникъ Андрей Александровичъ Сабуровъ, получилъ воспитаніе въ Александровскомъ Лицеѣ. Окончилъ онъ курсъ въ 1857 году и служилъ сперва въ канцеляріи комитета министровъ, а затѣмъ перешелъ въ Министерство Юстиціи. Въ 1861 году онъ получилъ званіе камеръ-юнкера и занялъ должность директора попечительства о тюрьмахъ. Въ 1865 году, назначенный въ Уголовный Кассационный департаментъ Сената на должность оберъ-секретаря, въ 1866 году онъ уже занимаетъ мѣсто товарища председателя Петербургскаго Окружнаго Суда, а затѣмъ товарища Оберъ-Прокурора кассационнаго

департамента Сената. За это время А. А. участвовал кромѣ того въ нѣсколькихъ комиссіяхъ по весьма важнымъ вопросамъ и въ 1872 году занялъ должность вице-директора департамента по Министерству Юстиціи. Въ 1875 году Высочайшимъ указомъ А. А. былъ назначенъ попечителемъ Дерптскаго учебнаго округа, въ прошломъ году за отличіе произведенъ въ Тайные Совѣтники а въ настоящемъ году сдѣланъ Статсъ-Секретаремъ. Онъ имѣетъ слѣдующіе ордена: Св. Станислава и Св. Анны 1 степ. Св. Владимира 3 степ. и знакъ Краснаго Креста.

Дѣятельность А. А. въ званіи попечителя Дерптскаго учебнаго Округа отмѣчена весьма выгодною особенностью. Извѣстенъ всѣмъ прискорбный антагонизмъ, всегда существовавшій въ этомъ округѣ между русскими и нѣмецкими учебными заведеніями и даже между студентами университета, русскими и нѣмцами—явленіе давнишнее, исконное. Всеобщее довѣріе, заслуженное новымъ попечителемъ и тактъ, съ которымъ онъ дѣйствовалъ на такомъ шекотливомъ и затруднительномъ посту, въ значительной мѣрѣ, по общему признанію, исправили

дѣло. Какъ бы то ни было, съ назначеніемъ А. А. Сабурова на новый, высокій постъ на него возлагаютъ большія надежды. Теперь предстоитъ лишь совокупное, единодушное дѣйствіе въ общемъ трудѣ, въ дѣлѣ образованія, система котораго собственно осталась та же — перемѣнилось только лицо. Новому министру предстоитъ прекрасная задача — соединить всѣ общественныя силы у такой цѣли.

Надо сказать, что выходя изъ министерства, графъ Толстой оставилъ свою часть въ извѣстной степени благоустроенною и этого не слѣдуетъ забывать, также какъ не слѣдуетъ забывать то положеніе, въ какомъ онъ получилъ дѣло и надо принять во вниманіе, что онъ одновременно управлялъ двумя обширными вѣдомствами и что дѣятельность его отличалась своей энергіею. Онъ оставилъ 129 гимназій, 20 шести-классныхъ прогимназій, 57 четырехклассныхъ, 67 реальныхъ училищъ, 72 женскихъ гимназій, 159 земскихъ прогимназій, 7 учительскихъ институтовъ, 62 учительскихъ семинаріи, уѣздныхъ училищъ и городскихъ 430 и 23850 народныхъ школъ.

КУПЛЕННОЕ СЧАСТЬЕ.

Романъ Н. Морскаго.

(Продолженіе).

XV.

Свиданіе.

Кожухову было даже удобнѣе пораньше отправиться къ Пантелѣеву, такъ какъ свиданіе съ нимъ, и главное ѣзда—ибо пантелѣевскій заводъ отстоялъ отъ квартиры Кожухова на значительное разстояніе—все это могло отнять у него время, которымъ онъ необыкновенно дорожилъ, по прежнему не пропуская часа лабораторныхъ занятій. Кожуховъ въ послѣднее время чаще и чаще сталъ подумывать о присканіи себѣ какого нибудь доходнаго мѣста. Анализами много, много можно добиться въ годъ тысячи двѣ-три, а для чловѣка, помышлявшаго на милліонахъ, подобная сумма не имѣла никакого значенія. На нее можно конечно жить, но о такой ли жизни мечталъ онъ?.. Открытіе искусственнаго приготовленія хинина, денежная премія лондонскаго общества—все это было писано вилами на водѣ; къ тому же различные заказы того или другаго анализа безпрестанно отвлекали Кожухова отъ его основной работы. Ко всему этому присоединилось еще новое затрудненіе. Кожуховъ работалъ въ лабораторіи, какъ чловѣкъ посторонній, платя за это незначительную сумму. Стоящій во главѣ лабораторіи профессоръ, чловѣкъ свѣтлаго ума и глубокой учености, сдѣлавшій много для теории своей науки, будучи превосходнымъ ученымъ, оказался слѣпымъ и чрезвычайно довѣрчивымъ администраторомъ и весь лабораторный режимъ поручилъ своему лаборанту, чловѣку мелкой интриги и клеветы. Будучи одаренъ не особенно глубокимъ умомъ, но громадными претензіями, лаборантъ высиживалъ цѣлыхъ семь или восемь лѣтъ какое ни на есть открытіе, которое должно было дать ему возможность склеить жиденькую магистерскую диссертацию, но которое, какъ ни скромны были предѣлы намѣченнаго имъ изслѣдованія, не двигалось ни на шагъ впередъ. Это раздражало и всякая работа студента или посторонняго слушателя, сколько нибудь подвигающаяся впередъ—лишала лаборанта сна. Кожуховскій хининъ буквально убивалъ печень несчастнаго лаборанта и ко дню открытія этого вещества — лаборантъ въ тайнѣ души былъ убѣжденъ, что работа его не подвинется ни на шагъ, — онъ заранѣе старался тормозить изслѣдованіе Кожухова, пользуясь съ этою цѣлью клеветою и сплетней, стараясь вытѣснить Кожухова изъ лабораторіи. Увы, наука оказалась воспримчивою къ тому, отъ чего она должна была бы отвернуться съ негодованіемъ,—и вотъ среди колбъ и реторть, среди растворовъ и воронокъ—съ тонкими струйками паровъ, поднимающихся къ каменнымъ сводамъ лабораторіи—незамѣтно распространилась и пропитала собою атмосферу самая мелкая сплетня,—единственный ученый трудъ лаборан-

та за семь лѣтъ предварительныхъ научныхъ изысканій. Кожуховъ былъ уязвимъ во многомъ, но лаборантъ преслѣдовалъ его съ своихъ, имъ самимъ созданныхъ сторонъ, съ которыхъ Кожуховъ казался чистымъ... Профессоръ игнорировалъ такую мелочь и грязь, но тѣмъ не менѣе все это раздражало Кожухова и чаще, и чаще заставляло его подумывать объ оставленіи лабораторіи и присканіи болѣе вѣрнаго и скораго пути къ разбогатѣнію,—болѣе скораго чѣмъ искусственное приготовленіе хинина, которое могло причинять страданія одному только недалновидному лаборанту.

Кожуховъ былъ прозорливѣе и ѣдучи къ Пантелѣеву, рѣшилъ просить у него мѣста на заводѣ. Вчерашній вечеръ оставилъ въ немъ какое-то безпокойное чувство, происходящее отъ того, что, какъ онъ ни рылся, какъ ни сопоставлялъ между собою замѣченное имъ въ Пантелѣевѣ и женѣ странное душевное состояніе онъ не могъ связать съ этимъ—приглашеніе Пантелѣева пріѣхать къ нему. Нѣтъ, это не объ этомъ, рѣшилъ онъ,—что-жъ онъ можетъ тутъ говорить?.. Она—моя жена, и если ихъ любовь взаимна, то о чемъ же мнѣ-то тутъ объявлять? и почему онъ, а не она, возмется за это? А главное, что ни онъ, ни она—безъ сомнѣнія ни слова ему объ этомъ не скажутъ, будутъ любовь свою продолжать въ тайнѣ. Кожуховъ былъ довольно равнодушенъ къ женѣ и такое открытіе его нисколько не тронуло. Онъ женился изъ расчета, въ которомъ ошибся; отношенія его къ женѣ походили на отношенія хорошихъ знакомыхъ, но не друзей, поселившихся подъ однимъ кровомъ. Живя съ нею почти годъ—онъ привыкъ къ ней и примирился съ мыслью, что женитьба не принесла ему никакой пользы. Выставить молодую и прелестную жену, какъ нѣкоторую приманку вводимымъ имъ въ домъ нужнымъ и полезнымъ людямъ онъ былъ не прочь, но не болѣе... Извѣстная доля какого-то страннаго уваженія къ ней была присуща ему.

Нѣсколько возбужденный интересомъ къ тому, зачѣмъ его звалъ Пантелѣевъ, онъ ровно въ девять часовъ подъѣхалъ къ подъѣзду его дома и позвонилъ. Огромная дубовая дверь отворилась и Кожуховъ, сбросивъ на руки лакея шубу, сталъ подниматься по роскошной, но нѣсколько аляповатой лѣстницѣ въ помпейскомъ вкусѣ. Встрѣтившій его на верхней площадкѣ лакей повелъ, минуя рядъ затворенныхъ на глухо парадныхъ покоевъ, по широкому, свѣтлому и необыкновенно-чистому корридолу, своимъ видомъ напоминающему соединяющія отдѣльныя кельи—монастырскія галлерей. Всюду было безлюдно и пусто; шаги лакея и Кожухова раздавались среди ничѣмъ не нарушаемой тишины. Одна изъ комнатъ, выходившихъ въ корридолъ, была растворена и проходя мимо, Кожуховъ видѣлъ, какъ нѣсколько обойщиковъ обтягивали ея стѣны блѣдно-сиреневымъ атла-

сомъ; одинъ рабочій, въ сѣрой блузѣ, помѣстившись на высокихъ козлахъ, высящихся по срединѣ, собиралъ на потолокъ атласъ въ видѣ какой-то причудливой розетки. Вѣрно для дамы, для будущей супруги, подумалъ Кожуховъ, но не спросилъ объ этомъ лакея. Въ концѣ корридора лакей остановился и отворилъ передъ Кожуховымъ дверь въ огромную, полутемную библиотечку, заставленную шкапами съ книгами и физическими инструментами. Кожуховъ вошелъ.

Четыре круглыя вверху окна, благодаря тому, что на нихъ висѣли темныя толстыя занавѣси, пропускали въ эту обширную и высокую комнату мало свѣта и войдя въ нее неслышно, вслѣдствіе одѣвающего полъ мягкаго ковра, Кожуховъ остановился, приглядываясь къ темнотѣ. Посреди стоялъ громадный столъ заваленный кипами находящихся вѣроятно въ страшномъ безпорядкѣ газетъ; шкафы, затянутые или незатянутые тафтой, шли по стѣнамъ; физическіе аппараты, многіе вѣроятно только что вынутые изъ ящиковъ, въ которыхъ ихъ привезли, еще не освободившись отъ соломы, были разставлены въ безпорядкѣ по полу. Кожуховъ двинулся осторожно по комнатѣ, боясь что-либо опрокинуть или задѣть и, привыкнувъ къ темнотѣ, усмотрѣлъ неподалеку отъ одного изъ оконъ, стоящаго передъ конторкой Пантелѣева, не слышавшаго повидимому его шаговъ и погруженнаго въ какую-то глубокую думу.

Онъ стоялъ къ Кожухову спиною, упавъ локтями на конторку и поддерживая голову обѣими руками. На зеленомъ сукнѣ верхней доски конторки не лежало ничего. Одѣтъ онъ былъ въ тотъ самый костюмъ, въ которомъ Кожуховъ видѣлъ его вчера въ театрѣ. Желая привлечь его вниманіе, Кожуховъ кашлянулъ.

Тогда Пантелѣевъ повернулъ, не отнимая локтей отъ конторки, къ Кожухову свое необычайно блѣдное и измученное лицо. По всему было видно, что этотъ желѣзный человекъ страдалъ, болѣлъ чѣмъ-то.

— Вы больны? приблизился къ нему Кожуховъ, дѣлая приличную обстоятельству физіономію.

Пантелѣевъ посмотрѣлъ на него какъ-то холодно, какъ бы забылъ подать ему руку и отвелъ отъ него измученные безсонницей глаза, снова упалъ головою на руки и глухо отвѣтилъ на вопросъ:

— Нѣтъ.

Кожуховъ стоялъ около него, не зная что сказать ему еще.

— Вы звали меня вчера?.. напомнилъ онъ.

Пантелѣевъ, все не подымая на Кожухова глазъ, еще разъ глухо отвѣтилъ:

— Звалъ.

И какъ Кожуховъ сталъ очень близко, ожидая что онъ еще скажетъ и даже положилъ на конторку свою руку, Пантелѣевъ съ какимъ-то новымъ приливомъ блѣдности, устремивъ на него сверкающіе мрачнымъ огнемъ глаза, вдругъ съ силою отодвинулъ его руку.

— Отойдите подальше.

Кожуховъ отступилъ въ странномъ и непонятномъ для него смущеніи и почти страхѣ. Все разгораясь своими мрачными глазами, Пантелѣевъ смотрѣлъ на него, точно готовый броситься и задушить его.

Что съ нимъ? что все это значитъ?.. Не сводя съ Пантелѣева своихъ нѣсколько испуганныхъ глазъ, Кожуховъ оцупился на стоящее въ отдаленіи кресло и въ недоумѣніи прошепталъ:

— Да, что же съ вами?

Тогда же Пантелѣевъ оторвалъ голову отъ рукъ, обратилъ къ Кожухову свое лицо, по прежнему блѣдное, но выражающее на этотъ разъ твердую рѣшимость и вдругъ заговорилъ съ какою-то страстною стремительностью, почти задыхаясь, точно въ его здоровыхъ легкихъ не хватало воздуха. Мокрые волосы его прилипли къ головѣ; жилы на вискахъ какъ-то особенно замѣтно на-

пряглись, руки, которыми онъ вертѣлъ мраморное пресъ-папье, дрожали.

— Я звалъ васъ... Я долженъ сказать вамъ все,—задрожалъ его голосъ,—болѣе молчать *мы* не въ силахъ.

И какъ бы, думая, что опущенные глаза не идутъ къ тому, что онъ хочетъ сказать, что онъ не стыдится признаться Кожухову, поднявъ на него ихъ и съ какой то блѣдною усмѣшкой произнесъ:

— Я люблю вашу жену...

Съ страннымъ спокойствіемъ, давшимъ Пантелѣеву что-то въ родѣ увѣренности въ благопріятномъ исходѣ начатаго имъ разговора, Кожуховъ отвѣтилъ.

— Я это знаю.

И прибавилъ, послѣ паузы молчанія:

— И она любитъ васъ.

— Неправда ли?—и оживился и какъ то радостно заблестали глаза его и съ нѣкоторой душевной теплотой и доступнымъ ему лиризмомъ какъ бы извинился передъ нимъ:—мы не умѣемъ скрывать... Мы полюбили другъ друга какъ то внезапно...

Къ чему же онъ это говоритъ?.. зачѣмъ мнѣ знать объ этомъ—подумалъ Кожуховъ, чувствуя въ виду такого признанія себя не совсѣмъ ловко... Неужели онъ, этотъ богачъ, думаетъ, что во мнѣ найдетъ пособника отношеніямъ своимъ къ моей женѣ?.. Не произнося ни слова, онъ ждалъ продолженія начатаго Пантелѣевымъ признанія... Тотъ же отъ лирическаго порыва какимъ-то сильнымъ и грубымъ взмахомъ, съ прежнимъ блескомъ своихъ черныхъ глазъ, рѣшительно и властно заявилъ, не щадя мужа:

— Я рѣшилъ. Вы отдадите ее мнѣ!

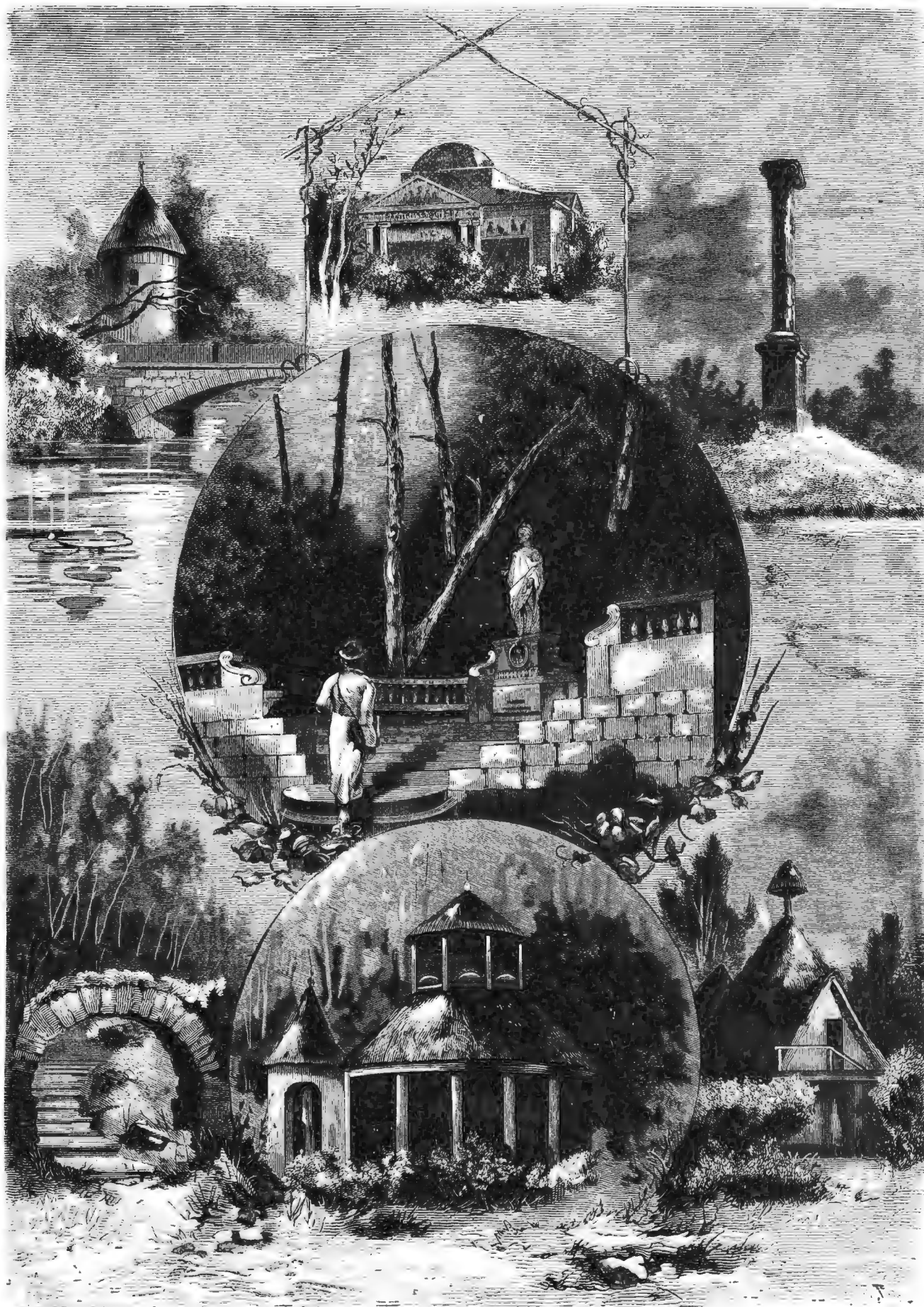
И вѣроятно прочтя на его лицѣ, что Кожуховъ не понимаетъ, быть можетъ предположивъ, что онъ въ подобномъ предложеніи видитъ совсѣмъ иное, онъ вдругъ вспыхнулъ и съ проявившеюся въ немъ уже разъ страстною стремительностію, заговорилъ.

— Вы не поняли меня... Вы должны—снова зазвучалъ его голосъ какимъ-то приказаніемъ,—отдать мнѣ ее иначе... Пусть она войдетъ въ этотъ домъ женою моею...

— Разводъ?.. отчего-то поблѣднѣлъ Кожуховъ, приподымаясь, и затѣмъ снова опускаясь на свое кресло... Пантелѣевъ рѣшительно подтвердилъ.

— Разводъ! и ждалъ, на этотъ разъ спокойный, что скажетъ въ отвѣтъ Кожуховъ.

Въ мрачной и полутемной библиотекѣ воцарилась тишина... Двѣ мужскихъ фигуры окаменѣли,—одинъ—съ блестящими мрачными глазами стоялъ у конторки, казалось, позабывъ разрывающуюся отъ боли голову, другой—сидя съ опущенною внизъ головою, погрузился въ какую-то безсвязную думу... Разводъ?.. Онъ не ожидалъ этого... Его мысль, въ виду скорого и рѣшительнаго отвѣта отказалась какъ-бы дѣйствовать... Онъ не думалъ, что дойдетъ до этого... пусть-бы все дѣлалось помимо его... Но какъ эгоистична любовь!.. Мало того, что они хотятъ устроить свое счастье только для себя самихъ, мало того, что они не думаютъ о немъ, о его благосостояніи, что они рѣшили все, только принимая во вниманіе однихъ себя, мало всего этого—съ какой-то безцеремонностью взваливаютъ на него всѣ дурныя слѣдствія развода... Они хотятъ собственнаго счастья, но обрекаютъ его на безбрачіе; хотятъ, чтобы онъ предъ лицомъ закона, передъ церковью сказалъ, что онъ нарушителъ брачнаго обѣта... нарушить брачный обѣтъ!.. О, онъ несомнѣнно сдѣлалъ бы это съ легкостью и не счелъ бы это за клятвенное преступленіе... Но онъ не нарушалъ, былъ равнодушенъ къ женщинамъ и съ этой стороны былъ неуязвимъ... А они требуютъ, чтобы онъ сказалъ это... тогда какъ собственно нарушила супружескую клятву она, его жена, а не онъ... Онъ жилъ мечтой, но никогда въ его мечтаніяхъ не была замѣшана женщина... О другомъ онъ думалъ... Вдругъ глаза его, быстрые и пронизывающіе, обыкновенно бѣгающіе повсюду,

Пиль-башня.
Развалины близъ Елисаветинскаго павильона.

Росовый павильонъ.
Памятникъ Цесаревичу Николаю.
Новое шале.

Колонна-obeliskъ въ Новой Сильвѣ.
Старое шале.

Павловскій паркъ. Рис. П. Гвѣдичъ, грав. М. Рашевскій.

Охотничье свято.

Рыбачье свято.
Ольгинъ день.
Босарское свято.

Купальское свято.

Полѣсскія свята. Съ наброска М. Вологовскаго, рис. на деревѣ В. Шлакѣ, грав. Б. Пуцѣ.

остановились неподвижно и расширились, точно нѣчто поразительное и странное привлекло ихъ вниманіе... Ухо его уловило вопросъ Пантелѣва:

— Что-жъ вы молчите?

Не отвѣчая, онъ сдѣлалъ какое то движеніе рукой... Ахъ, всѣ дороги ведутъ въ Римъ!.. Неужели, неужели они думаютъ, что я уйду, обреку себя на вѣчное безбрачіе, брошу ихъ, оставлю въ покоѣ наслаждаться счастьемъ—такъ вотъ просто возьму и уйду?! Боже мой, да чего-же, чего-же я думалъ!.. Вѣдь въ руки, прямо въ руки дается... Вѣдь... вѣдь я достигъ того, къ чему стремился жадно, со всею страстію души...

И вдругъ онъ всталъ, какъ всегда юркій, съ бѣгающими глазами, съ улыбающимся лицомъ, съ своими обычными торопливыми движеніями и скорой рѣчью, всталъ и смѣло приблизился къ конторкѣ, у которой стоялъ Пантелѣвъ, ожидавшій отвѣта...

— Такъ-съ, — съ какой-то безпечною подтвердилъ Кожуховъ сказанное его собесѣдникомъ относительно развода и совершенно неожиданно для него, съ улыбкой заговорилъ повидимому совѣмъ о другомъ: — у меня до васъ просьба... Могу я говорить прямо или ужъ до другаго разу?.. Вамъ нездоровится...

— Нѣтъ, говорите... я слушаю...

Рѣшеніе вопроса о разводѣ повидимому отдалялось и какъ ни желалъ услышать его Пантелѣвъ, въ эту минуту, когда Кожуховъ повидимому заговорилъ о другомъ, онъ, въ виду нѣкоторой отсрочки рѣшительнаго момента, почувствовалъ какое-то облегченіе...

— Говорите...

— Я, Гаврило Прокофѣичъ, какъ ѣхать сюда къ вамъ, — опустилъ глаза и какъ-то понизилъ голосъ Кожуховъ, — рѣшилъ высказать вамъ свою давнишнюю, давно задуманную мною просьбу... Видите... Хотѣлось-бы мнѣ одно торговое дѣло завести... Сами знаете, какое дѣло безъ капитала... Однимъ кредитомъ дѣло начать, значить при самомъ началѣ его провалить...

— Ну-съ.

— Такъ вотъ и хотѣлъ я просить васъ въ этомъ дѣлѣ мнѣ помочь... Дали бы мнѣ вы займы... Разбогатѣю—право... отдамъ...

Оба смотрѣли другъ другу въ глаза и нѣкоторое время оставались безмолвны. Вдругъ Пантелѣвъ глухо и какъ-то презрительно-мрачно спросилъ:

— Сколько?

И повернулъ ключъ въ конторкѣ, ожидая отвѣта... Кожуховъ на этотъ разъ отчеканивая слова и не сводя съ Пантелѣва пристальнаго взгляда, отвѣтилъ:

— Сто тысячъ необходимо бы...

Крышка конторки поднялась какимъ-то судорожнымъ движеніемъ... Храня упорное молчаніе, Пантелѣвъ дрожащими руками вырвалъ изъ книжки чекъ, и что-то шепча своими блѣдными губами, обмакнувъ въ чернильницу перо и судорожно, поспѣшно началъ писать... Написавъ, онъ поднялъ свое блѣдное лицо и обратился къ Кожухову:

— Вотъ, — швырнулъ онъ чекъ на захлопнувшуюся крышку конторки... и засмѣялся какимъ-то страннымъ смѣхомъ...

— Бѣдная, бѣдная!.. какой человѣкъ! прошепталъ онъ.

И вдругъ, падая своею страдающею головою на руки, онъ померкшимъ взглядомъ посмотрѣлъ на Кожухова, укладывавшаго чекъ въ бумажникъ, посмотрѣлъ съ выраженіемъ отвращенія и гадливости на это озабоченное лицо, на тщательное укладыванье полученнаго чека въ бумажникъ и будучи не въ силахъ подавить негодованія къ такому человѣку:

— Ни слова ей, приказалъ онъ... Идите, оставьте меня... Дальнѣйшіе переговоры съ моимъ адвокатомъ...

Кожуховъ въ молчаніи отправился къ выходу; ему самому хотѣлось скорѣе разстаться съ этимъ человѣкомъ, въ присутствіи котораго онъ чувствовалъ себя

очень неловко... У самыхъ дверей голосъ Пантелѣва еще разъ остановилъ его...

— Помните,—услышалъ Кожуховъ звучащій угрозой голосъ хозяина, — помните: ни слова объ этомъ займѣ ей... Если, если она узнаетъ объ этомъ—знайте, я васъ, какъ собаку... положу на мѣстѣ... Помните.

И грозно сверкнувъ глазами, отпустилъ Кожухова и оставшись одинъ, въ сильномъ душевномъ волненіи, воскликнулъ:

— Господи Ты Боже мой! Что-же это такое?!

И охвативъ голову руками, упалъ на конторку, нѣкоторое время оставаясь неподвижнымъ... Потомъ поднялся совершенно спокойный на видъ, оправилъ волосы, и нажалъ пуговку электрическаго звонка... Въ дверяхъ появился лакей:

— Позови управляющаго...

XVI.

Фарисей.

Катерина Александровна слышала, какъ Пантелѣвъ приглашалъ на другой день спектакля пріѣхать къ себѣ ея мужа... Хотя между нею и Пантелѣвымъ не было сказано въ какой формѣ произойдетъ ихъ дальнѣйшее сближеніе ни слова, тѣмъ не менѣе она была увѣрена, что Пантелѣвъ устроитъ все такъ, что не поставитъ ее въ ложное положеніе... Она любила его и вѣрила ему безгранично, хорошенько даже не узнавъ его, но вѣря ему съ тою-же легкостью, съ какою вспыхнула въ ней къ нему страсть... Въ ней, такъ долго сдерживавшейся, такъ долго не привязывавшейся ни къ кому—подобный порывъ былъ естественъ... Она слишкомъ долго оставалась равнодушна и холодна ко вѣмъ, слишкомъ отдалялась и душевно, и физически отъ всѣхъ, въ ней такъ много скопилось никому не высказанныхъ мыслей, которыми надо было съ кѣмъ нибудь подѣлиться,—что быть можетъ, начавши свое чувство съ чисто внѣшняго впечатлѣнія, произведеннаго на нее Пантелѣвымъ, съ быстротою и чрезвычайной поспѣшностью, идеализировала того, кого полюбила... хорошенько не узнавъ... Въ его безмолвномъ созерцаніи ея, въ его немногословіи — она видѣла особую глубину его чувства къ ней... Зачѣмъ слова?.. Страстные моменты подавляютъ, заставляютъ позабыть все... И ввѣряясь его чувству, она закрыла глаза на все и рѣшила... Пусть онъ ведетъ ее... Она всюду послѣдуетъ за нимъ!..

Она слышала, какъ собирался мужъ къ нему, какъ онъ одѣвался, торопился выпить стаканъ чаю и какъ уѣхалъ, выговаривая горничной за то, что дурно вычистила платье... Она еще лежала въ постелѣ и, зная куда идетъ мужъ, зачѣмъ зоветъ его Пантелѣвъ, осталась совершенно спокойной и ожидала рѣшенія своей участи, безъ малѣйшихъ признаковъ волненія... Разъ ей пришла въ голову мысль о покидаемомъ мужѣ... Можетъ это его поразить?.. Можетъ онъ будетъ считать себя обиженнымъ ею, обиженнымъ несправедливо... На минуту безпокойство пробѣжало по ея прелестному лицу... Что-же ей дѣлать?.. Неужели она вольна въ томъ, что съ нею совершается?.. Господи! да нѣтъ того чувства, которое бы она не попрадала ногой для того, кого такъ любить..

Съ утра спокойная, она начала слегка волноваться... Что-жъ онъ не ѣдетъ?.. Почему-то ей казалось, что отъ Пантелѣва онъ не поѣдетъ въ лабораторію и прямо вернется домой... А между тѣмъ часы проходили, онъ все не возвращался... Она стала разсѣянна, прислушиваясь къ чему то, потерявъ обычное свое самообладаніе, вставая и снова садясь на прежнее мѣсто... Вдругъ ей снова показалось, что позвонили и она вздрогнула.

Это былъ мужъ. Катерина Александровна молча опустилась на прежнее мѣсто, ожидая услышать отъ него что-то и сидѣла, не возобновляя прерванной работы...

Насвистывая, онъ прошелся раза два по комнатѣ и вдругъ остановился передъ ней:

— Я знаю все, мой другъ.

Голосъ его звучалъ кротостію и теплою, которыхъ никогда она не слыхала въ его тонѣ... Какъ-бы понимая, что ей трудно съ нимъ объясняться въ такомъ щекотливомъ вопросѣ, онъ ободрялъ ее и своимъ веселымъ видомъ, и тономъ, и этимъ обращеніемъ „мой другъ“. Она подняла на него свои нѣсколько смущенные глаза и не произнося ни слова, ожидала что онъ скажетъ... Онъ вдругъ отечески нѣжно дотронулся до ея волосъ... Въ другое время она бы протестовала противъ этого, но въ данную минуту ей показалось, что въ ней, всегда сознававшей себя сильною, теперь какая-то слабость, требующая покровительства и поддержки... Отъ нервного напряженія, на глазахъ ея, впервые въ присутствіи мужа, появились слезы... Тогда онъ ласково улыбнулся ей улыбкой, какою мать улыбается ребенку:

— Переноси твердо такіе кризисы, — наставительно нѣжно произнесъ онъ, — ими полна жизнь... Надо быть твердымъ — пойми... Гроза освѣжаетъ воздухъ и послѣ нея все оживаетъ и дышетъ легче... И ты вздохнешь, проливъ свои чистыя слезы...

Она вздохнетъ, — шевельнулось въ ней, — онъ говоритъ о ней одной... А онъ?

— Ты не виновата, — услышала она его уговаривающій и оправдывающій голосъ, — и никто не виноватъ: ни ты, ни я, ни онъ... Зачѣмъ губить твою молодую жизнь?.. надо дѣйствовать согласно указаніямъ сердца.

Что-жь, онъ не скажетъ о себѣ?.. Онъ, значить, одинъ онъ страдаетъ во всемъ этомъ...

— Гроза пройдетъ, мой другъ, ты вздохнешь легко и свободно... Ты будешь счастлива, ты *должна* быть счастлива...

О, она знаетъ это... Но не о томъ... Можетъ, можетъ онъ не любилъ ее, былъ къ ней равнодушенъ, но вѣдь привыкъ же онъ къ ней?.. Пока дѣло идетъ о ней только... А онъ? Вотъ онъ заговорилъ о себѣ, какъ-бы угадывая ея мысль:

— Можетъ я смущаю тебя?.. мой другъ, — онъ взялъ ее за руки, — я буду счастливъ тѣмъ, что соединю тебя съ любимымъ человѣкомъ... И вѣрь, — что вѣчная холостая жизнь, которая предстоитъ мнѣ, не пугаетъ меня.. Ты знаешь какой я черствый практикъ... Я погружусь въ свою химію, засяду за свои книги, можетъ и еще чѣмъ займусь, переѣду въ меблированную комнату и, помнишь, какъ у Тургенева, воскликну: здравствуй одинокая старость, прощай безпріютная молодость!..

Образъ того, кого она любила, кто былъ дороже ей всего, мелькнулъ въ ея воображеніи... Черезъ темныя тучи, облежавшія небосклонъ, проглянули яркіе и живящіе солнечные лучи... Подъ ихъ благотворнымъ вліяніемъ она какъ бы прозрѣвала — и, за минуту назадъ сожалѣвшая мужа въ глубинѣ своей души, она вдругъ при послѣднихъ словахъ его встала передъ нимъ, широко раскрывъ свои прелестные глаза... Что это за фразы?.. Человѣку, погрязшему до глубины душевной — не придетъ на умъ цитировать Тургенева... Такъ это все такъ... Такъ ему не жаль ее... Такъ онъ все лгалъ?.. Боже мой, какой ужасъ!.. Смотри на того, кто надѣвъ личину, притворялся передъ нею, она съ негодованіемъ бросила ему:

— Я только теперь поняла, что вы за человѣкъ!

По ея лицу онъ видѣлъ, что она поняла его надлежащимъ образомъ и какъ-то криво усмѣхнулся на ея слова:

— Только теперь?..

XVII.

Поѣздка.

Вѣсть о предполагаемомъ расторженіи брака между Кожуховымъ и его женою была сообщена госпожѣ Стол-

повской въ одно изъ посѣщеній ею стариннаго ея пріятеля и друга покойнаго мужа, Батракова. Бдучи отъ него домой, Столповская чувствовала себя счастливою отъ только что полученнаго извѣстія... Столько заботъ, столько неприятностей доставляла ей эта женщина, такъ она не любила ее до сихъ поръ и вдругъ, при такомъ неожиданномъ извѣстіи, она почувствовала какое то даже расположеніе къ Катеринѣ Александровнѣ, благодарность за то, что она возвращала ей сына, которымъ Столповская не хотѣла дѣлиться ни съ кѣмъ и около котораго не стерпѣла бы ни одной женщины. Въ эгоизмъ своей любви она не думала о сынѣ, о томъ, что извѣстіе, которое она сообщитъ, принесетъ ему какую нибудь печаль... Собственное счастье ослѣпляло ее и заставляло свои ощущенія переносить и на другихъ; — точно, избавляясь сама отъ гнета тревожныхъ сомнѣній, она избавляла отъ нихъ и сына... Если его привязанность сильна, подумала она, онъ поскучаетъ и забудетъ... Все забывается... Первое время надо будетъ его развлечь... но какъ?.. Она подумала о поѣздкѣ съ нимъ за границу... Это развлекло бы конечно... Ахъ безъ жертвъ не обойтись, — вздохнула она... Ей пришло въ голову довольно основательное предположеніе... Если она поѣдетъ съ нимъ — не станетъ онъ печалиться и терзаться (неужели онъ до такой степени любитъ ту женщину!) на ея глазахъ... Конечно, нѣтъ... Онъ будетъ скрывать отъ нея свою печаль, а это лучшее средство заставить его долѣе помнить эту женщину, а слѣдовательно долѣе оставаться чуждымъ ей, его матери, его единственному другу... Пусть лучше выплачетъ свое горе сразу и вернется къ ней ея прежнимъ милымъ сыномъ... Послать его одного?.. одного! она чувствовала, что не обойдется безъ жертвъ... Послать одного за границу?.. Она сразу поняла, что не сдѣлаетъ этого... Подъѣзжая къ дому, она, въ началѣ желанная сообщить сыну доставившее ей облегченіе извѣстіе, внезапно поняла, что у нея не достанетъ на это духу... что она хотя и должна недопустить его услышать о разводѣ Кожуховыхъ отъ другихъ, что къ такому извѣстію необходимъ ея комментарий, но что сдѣлать это ей удобнѣе письменно... Его рѣшительно надо послать одного, послать скорѣе, чтобы онъ не узналъ о разводѣ Кожуховыхъ отъ другихъ, послать сегодня, самое позднее — завтра... При такой быстротѣ — это будетъ неестественно: ни съ того, ни съ сего послать за границу?! Вдругъ ей пришло на мысль отправить его въ одно отдаленное имѣніе, въ которомъ она никогда не бывала, имѣніе малоходное, лежащее гдѣ-то въ Оренбургской губерніи... Пусть онъ осмотритъ его — вотъ мысль... А я?.. Сердце ея сжалось печалью при мысли о разлукѣ, которая ей казалась неизбежною... Карета остановилась у дома: швейцаръ разстилалъ для ея прохода обитый ковромъ мостикъ... Утомленная и озабоченная, она входила въ двери подъѣзда... О, во что-бы то ни стало, она перенесетъ для него все... Гдѣ потребуется — солжетъ и извернется... Лишь бы онъ, сынъ ея милый, принадлежалъ одной ей неотъемлемо... Лишь бы наступили ихъ обычные вечера, началась классическая нѣмецкая музыка, зазвучалъ чистый стихъ Шиллера, съ его благороднымъ стилемъ, съ его величественными сюжетами... За это можно перенести все!

Не снимая шляпы, озабоченная, она вошла въ кабинетъ сына, ходящаго изъ угла въ уголъ и показавшагося ей печальнымъ. Въ испугъ она подумала, не узнала ли онъ о томъ, что она хотѣла отъ него скрыть..

— Ты выходилъ? — тревожно освѣдомилась она, не сводя съ него глазъ.

Онъ отвѣтилъ отрицательно и она вздохнула съ облегченіемъ. Развязывая ленты шляпы и сѣвъ на вресло, она сообщила:

— Сейчасъ отъ Батракова... Представь, я узнала тамъ пренепріятную новость...

Она говорила легко и свободно. Сынъ, прекративъ

свое хождение изъ угла въ уголь, остановился передъ ея кресломъ:

— Новость?.. что именно?

— Я встрѣтила тамъ генерала Лопатина, который только что пріѣхалъ изъ Оренбурга... Ты знаешь, тамъ есть у насъ имѣніе, очень большое, но не приносящее никакого дохода... Представь: генералъ говоритъ, что имѣніе на дѣлѣ доходное, — но что насъ страшно обворовываетъ управляющій... Мало того: онъ не платитъ земельныя и за нами накопилась масса недоимокъ, какихъ—я рѣшительно не могу понять... Генералъ совѣтуетъ мнѣ ѣхать туда и лучше продать имѣніе, нежели продолжать разорять себя...

— Ты думаешь ѣхать?

— Не знаю,—задумалась она,—я полагала просить съѣздить тебя... Я становлюсь, мой милый, стара и дорога въ такую даль обойдется мнѣ не легко.

Она смотрѣла на него просящими глазами. Просить ѣхать меня одного?.. пронеслось въ его головѣ,—да когда же это было. Это что-то ново... Не отвѣчая ей, онъ искалъ причины, побудившей ее просить уѣхать его одного. Старая ревность,—мелькнуло у него,—ревность къ Кожуховой... И онъ отвѣтилъ:

— Что-жь, я конечно могу съѣздить, но ты останешься одна?

Она улыбнулась ему въ отвѣтъ:

— Я буду ждать тебя!

Онъ возобновилъ свое хождение изъ угла въ уголь.

— Время терпите: я могу конечно съѣздить... А теперь, онъ вынулъ часы и посмотрѣлъ:—не пора ли обѣдать?

Ей оставалось самое трудное. Время терпите! нѣтъ, надо ѣхать скорѣе, сегодня, завтра; долѣе ей трудно будетъ удерживать его около себя—и онъ узнаетъ о разводѣ Кожуховыхъ отъ постороннихъ а не отъ нея.

— О, нѣтъ, мой другъ,—воскликнула она съ торопливостью,—о нѣтъ: это слѣдуетъ сдѣлать скорѣе. Недоимокъ такъ много, что имѣніе могутъ продать съ молотка.

Шиллеръ и классическая музыка, акварель и рисунки сеней неблагоприятно отразились на практическихъ познанияхъ молодого человѣка... Классическое образование,

полученное имъ въ университетѣ, тоже не особенно способствовало этому. Ему показалось возможнымъ то, что говорила мать. Онъ снова остановился передъ нею.

— Скорѣе?.. Когда же ты находишь нужнымъ, чтобы я ѣхала?

Нерѣшительно глядя на него, выраженіемъ глазъ напоминая просящую собачку, она тихо произнесла:

— Заѣзжай съ утреннимъ поѣздомъ.

И по прежнему прося, прошептала:

— Ты не уйдешь сегодня никуда... Неправда ли? ты не оставишь меня?..

Куда уходитъ ему?.. *Туда?*.. Нѣтъ, онъ не пойдетъ туда, зачѣмъ?.. Эта поѣздка, быть можетъ вызванная ревнивымъ опасеніемъ, пришлась совершенно кстати... Можетъ она освѣжить и излѣчить его. Тѣ пѣсни, что прозвучали ему серебрястыми колокольчиками нѣскольکو недѣль тому назадъ, что придали силу и его слабому характеру, испорченному расслабляющимъ воспитаніемъ—тѣ новыя, сладостныя и вносящія въ жизнь радость, пѣсни—превратились въ мрачныя гимны... Лишающая силъ элегія облегла и размягчала его... Какая-то вялость и тряпичность распространились по его тѣлу. Она играла тогда не для него; не для него блистали ея глаза и тонкіе пальцы извлекали изъ клавишъ страстные аккорды... Онъ это чувствовалъ, онъ это зналъ...

— Куда мнѣ уйдти?.. Я не оставлю тебя.

И вдругъ на глазахъ его показались слезы. Онъ смутно постигъ всю силу материнской любви, постигъ, какъ мать извивается, лжетъ, дрожитъ передъ нимъ, дрожитъ, страшась потерять его... Раздѣлить его любовь съ другой, значило бы для нея потерять его совсѣмъ. Нѣтъ, рѣшительно надо и полезно будетъ ѣхать. Тогда можетъ онъ вернуться освѣженный дальнею поѣздкой, сильный настолько... настолько хотъ, чтобы читать съ нею длинными зимними вечерами, при свѣтѣ лампы подъ голубымъ абажуромъ—читать „*lungrau von Orlean!*“...

Она замѣтила его слезы и рѣшила быть осторожной въ проявленіи своихъ чувствъ къ нему, чтобы не заставить его отмѣнить принятое намѣреніе покинуть ее на время, чтобы затѣмъ вернуться къ ней навсегда...

(До слѣдующ. №).

ЗАРНИЦА.

Историческая быль.

(1650 годъ).

(Продолженіе).

VI.

Псковская смута.

Въ половинѣ XVII столѣтія, когда на московскомъ престолѣ былъ молодой двадцатилѣтній Алексѣй Михайловичъ, на Русь происходило много внутреннихъ смутъ. Неопытный въ искусствѣ править государствомъ, Алексѣй Михайловичъ предоставилъ всѣ дѣла довѣреннымъ, близкимъ къ нему людямъ, боярину Борису Ивановичу Морозову и другимъ а самъ проводилъ время большею частью на охотѣ, богомольяхъ, на разныхъ потѣхахъ и другихъ занятіяхъ, свойственныхъ духу той эпохи. Какъ и слѣдовало ожидать, временщики—любимцы Царя, по примѣру прежнихъ фаворитовъ, на примѣръ, Бориса Годунова и Малюты Скуратова при Иоаннѣ IV и Салтыковыхъ при Михаилѣ Феодоровичѣ, болѣе заботились о собственныхъ выгодахъ, чѣмъ о благѣ государства, злоупотребляли своей властью, давая поводы народу роптать и волноваться, чѣмъ пользовались пронырливая, безчестная личность, усиливая недовольство народной массы. То тутъ, то тамъ вспыхивали смуты и мятежи: такъ въ 1648 году московской гиль надѣлалъ большой переполюхъ; въ томъ же году въ Сольвычегодскѣ и въ Устюгѣ произошли смуты; наконецъ, въ годъ перелома столѣтія, разразились серьезные мятежи въ Новгородѣ и Псковѣ. Причины послѣднихъ были въ исконной враждѣ къ иностраннымъ гостямъ, которые забравъ всю торговлю въ свои руки, страшно подорвали промышленные обороты Псковичей; кромѣ того вольности и бывшее исключительное положеніе Пскова и Новгорода не могли безпрекословно подчиниться правленію московскихъ бояръ, часто увеличивавшихъ государственныя налоги, взятками да поминками собираемыми въ свою пользу;

къ тому и безшабашное русское удалство и размашистая пагуба Псковичей любили шумъ, драку, сборища на площади и горячіе споры о городскихъ дѣлахъ, причѣмъ разумѣется подстрекаемые злоумышленниками, они легко переходили въ рукопашную.

Когда въ 1617 году Россія и Швеція заключили между собою миръ, то между прочими условіями Швеція выговорила себѣ возвращеніе въ шведскіе предѣлы тѣхъ жителей изъ отошедшихъ отъ Россіи земель (Финское побережье и др.), которые перебѣжали въ предѣлы Россіи, не желая попасть въ подданство „Шведской королевы“. Около 50,000 человѣкъ успѣли выселиться въ Россію; Швеція потребовала выдачи бѣглецовъ.

Начались переговоры; московское правительство не могло рѣшиться на изгнаніе своихъ единовѣрцевъ, но и Шведы не хотѣли добровольно уступить. Послѣ долгихъ пререканій, Шведская королева Христина изъявила желаніе получить за этихъ эмигрировавшихъ подданныхъ 190 тысячъ серебряныхъ рублей.

Въ половинѣ февраля 1650 года по Государеву указу было выдано шведскому уполномоченному Нуменсу первые 20 тысячъ серебряныхъ рублей и кромѣ того приказано выдать ему же изъ псковскихъ царскихъ житницъ 11,000 четвертей ржи въ счетъ остальной суммы. Псковичи заводывались, слухи росли; начали толковать, будто царь велѣлъ отобрать весь псковскій хлѣбъ и всю казну и отдать все шведу. Люди ненавидѣвшіе Москву, въ родѣ Демидова, постарались раздуть пламя мятежа и вотъ 27-го февраля большая толпа народа явилась на архіепископское подворье и потребовала личнаго разговора со владыкою. Архіепископъ Макарій вышелъ и челоубичники просили его уговорить псковскаго воеводу Собакин-

Лѣтомъ. Изъ средневѣковой жизни. Картина Ницкаго, грав. Кнезингъ.

на не выдавать шведу хлѣба, до возвращенія гонца, котораго хотѣли послать къ царю. Макарій, исполняя ихъ просьбу, обратился къ воеводѣ, но Псковскій воевода Никифоръ Сергѣевичъ Собакинъ, вызвавъ къ себѣ челобитчиковъ, довольно рѣзко упрекалъ ихъ, что они понапрасну беспокоятъ Владыку и объявилъ имъ, что хлѣбъ онъ немедленно отпустить, а что они де могутъ посылать гонца къ царю и что онъ навѣрно ихъ челобитья не приметъ. Пока шли эти переговоры, на воеводское подворье собрался народъ; увидя себя во главѣ большой толпы недовольныхъ, челобитчики перемѣнили тонъ и изъ просителей обратились въ зачинщиковъ волненія; они грубо попреслили Собакина, что онъ пускаетъ шведовъ въ Кремль *) и что самъ онъ съ шведами пируетъ у гостя Федора Емельянова, который дѣйствительно очень любилъ общество иностранцевъ и самъ былъ человекъ очень по тому времени образованный. Собакинъ разсердился и обозвалъ челобитчиковъ обиднымъ словомъ: „кликунами“. Челобитчики начали было кричать громче прежняго, но когда Собакинъ велѣлъ бывшему при немъ подъячму записать имена „кликунъ“, эти вожаки бросились въ расынную, а за ними побѣжалъ и простой народъ, собравшійся изъ любопытства. Но Псковичи не унялись: на слѣдующее же утро они собрались на площади и стали разсуждать о вчерашнемъ разговорѣ съ воеводою. Зачинщики доказывали Псковичамъ, что хлѣбъ хоть и царскій, но выдавать его не слѣдуетъ, потому-де что коли будетъ неурожай, народу негдѣ будетъ позаниматься и тогда будетъ неминуемо голодъ. Другіе, болѣе благоразумные спорили, что не слѣдуетъ противиться царскому указу и заводить смуты, которыя могутъ кончиться такъ же ужасно, какъ то было при Грозномъ. Толпа сначала колебалась, но потомъ разсудокъ одержалъ побѣду и недовольные стали было расходиться, какъ вдругъ на площадь прискакали нѣсколько конныхъ стрѣльцовъ и закричали:

— Эй, православные! чего тутъ точите зубы-то зря! Шведъ во Власевскія ворота вѣзжаетъ и царскую казну везетъ!

При этомъ извѣстїи всѣ бывшіе на площади, бросились на встрѣчу къ шведу.

Обозъ съ драгунскимъ конвоемъ вѣзжалъ въ городъ; это былъ тотъ самый шведскій комиссаръ Нуменсъ, на котораго наканунѣ сдѣлала нападеніе шайка Жегара.

Подстрекаемый зачинщиками, народъ вытѣшилъ изъ повозки сопротивлявшагося Нуменса. Тутъ подошелъ приставъ Тимашевъ и вмѣстѣ съ драгунами пытался выручить комиссара. Сначала думая устроить волновавшуюся чернь, драгуны сдѣлали нѣсколько выстрѣловъ изъ карабиновъ, но этимъ они только раздражили буяновъ; удары палокъ, ослоповъ, камни посыпались на драгунъ и они принуждены были ускорять на воеводское подворье. Остался одинъ Нуменсъ: онъ стоялъ блѣдный и перенуганный посреди бушевавшей толпы и плохо говоря по русски, не могъ никакъ объяснить, куда и зачѣмъ ѣдетъ; онъ кое-какъ выговорилъ имя торговаго гостя „Федора Емельянова“.

При этомъ ненавистномъ имени, Псковичи еще болѣе разсвирѣтели и потащили было злополучнаго шведа топить къ проруби, но перемѣнили намѣреніе и рѣшили, что впередъ нужно его допытать. Мятѣжники привели Нуменса во „всегородскую избу“, нѣчто въ родѣ нынѣшней биржи, допрашивали и обыскивали его, отобрали бумаги и потомъ отвели его на подворье Свѣтогорскаго Монастыря; заперевъ плѣнника въ отдѣльную горницу, они приставили къ нему сторожами 25 стрѣльцовъ, нѣсколько посадскихъ людей и „пятыя поповъ“.

Воза разгрузили и казну, бывшую въ боченкахъ и мѣшкахъ, золотой и серебряной монетой, вмѣстѣ съ собственнымъ имуществомъ Нуменса, запечатали, и тутъ же на подворь приставили къ ней крѣпкій караулъ.

Прискававъ къ воеводѣ, драгуны доложили ему о безпорядкѣ, произведенномъ гилевщиками у Власевскихъ воротъ. Никифоръ Сергѣевичъ немедля сѣлъ на коня и вмѣстѣ съ драгунами отправился на мѣсто происшествія. Но тамъ никого уже не засталъ; узнавъ, что толпа отхлынула къ „всегородной избѣ“, гдѣ покончивъ распоряженіе объ арестѣ шведа и казны, Псковичи горячо толковали. Воевода поѣхалъ туда.

Онъ сталъ ихъ уговаривать не бунтовать и не сопротивляться царскому указу, но гилевщики кричали, что шведъ де похитилъ казну и никакого-де царскаго указа у него нѣтъ.

— А ты собака! такъ и знай свою конуру, а въ наши дѣла не вступайся... раздался возгласъ изъ толпы. При этомъ оскорбленіи воевода, видя что силой и угрозами ничего не поделаешь, ухалъ съ площади прямо къ архіепископу Макарію и просилъ его попытаться уговорить народъ.

Макарій тотчасъ же отправился съ духовенствомъ, въ полномъ облаченіи неся икону Св. Троицы, высокочтимую Псковичами, затѣмъ шли нѣсколько священниковъ съ иконами изъ разныхъ церквей, съ крестами и хоругвями.

Когда торжественное шествіе достигло площади, волновавшийся народъ мгновенно стихъ и давъ дорогу духовенству, набожно крестился и земно кланялся. Макарій, видя такое на-

строеніе, обратился къ нимъ съ рѣчью; но на всѣ его общенія они упорно возражали:

— Государевой грамоты у шведа нѣтъ!.. Онъ измѣнилъ и воръ! Ни казны, ни хлѣба безъ государева указа не дадимъ!..

Архіепископъ убѣдился, что и его доводы будутъ гласомъ вопиющаго въ пустынь и опасаясь усилить народное раздраженіе, возвратился къ ожидавшему его всеводѣ съ печальной вѣстью о неудачѣ.

VII.

Коза, Копыто и Слѣпой.

На другой день рано утромъ, то есть 1-го марта 1650 года, Псковичи сѣли на площадь съ веселымъ разговоромъ, въ праздничныхъ нарядахъ. Вчерашній перевѣсъ народной воли надъ волей властей вскружилъ головы, а выкаченные богатыми гостями, желавшими увеличить смуты, бочки вина и меду, еще болѣе утвердили мятежный духъ. Черная ковшами даровое угощеніе, они почерпали въ немъ безумную дерзость.

Воевода Собакинъ—человекъ честный и умный, не обладалъ энергіей и рѣшимостью, и не предпринялъ крутыхъ мѣръ; онъ зналъ, что строгостью ничего не выиграетъ, не имѣя достаточно военной силы, чтобы противиться и боялся раздѣлить участь Нуменса.

Никто не препятствовалъ совѣщанію гилевщиковъ, чѣмъ они были весьма довольны.

Было ясное, морозное утро, площадь передъ „всегородной избой“ представляла любопытное зрѣлище: народъ толпился, шумно разговаривая, ряды конныхъ и пѣшихъ стрѣльцовъ примкнувшихъ къ гилевщикамъ выстроились полувругомъ, блистая вооруженіемъ подъ лучами восходящаго солнца. Всѣхъ больше кричали и подзадоривали народъ клеветы Демидова—Томилка Вавильевъ по прозвищу „Слѣпой“, хотя глаза этого крикуна ничѣмъ не оправдывали такого эпитета, а очень зорко слѣдили за выводимыми его рукой каракулями, когда онъ въ качествѣ площаднаго подъячача строчилъ челобитную на согнутой спинѣ своего клиента. Другой ораторъ, стрѣлецъ Прохоръ носилъ не менѣе странное прозвище „Коза“.

Всѣмъ говорить было нельзя и уполномоченными избрали этихъ двухъ человекъ; въ придачу къ нимъ поставили стрѣleckаго сотника Сорокоума Копыту.

Вступивъ въ отправленіе обязанности представителей народнаго суда, они велѣли привести на площадь Нуменса.

Въ ожиданіи его прибытія выкатили двѣ большія порожнія бочки и поставивъ ихъ рядомъ къ верху дномъ, устроили на нихъ родъ помоста. Когда привели шведа то поставили его на это возвышеніе, чтобы всѣмъ было его видно; Коза, Копыто и Томилка Слѣпой распрашивали несчастнаго, а чтобы онъ показывалъ истинно, возлѣ него стояли заплечные мастера съ батогами и другими орудіями пытки.

Бумаги отобранныя у Нуменса, а также письмо государеву, найденное еще наканунѣ во время обыска у гостя Емельянова, прочли громко и отчетливо, чтобы всѣ слышали, потомъ отобравъ болѣе важныя изъ этихъ бумагъ, запечатали ихъ и заперли въ ларѣ на томъ же монастырскомъ подворьѣ, съ наказомъ монахамъ неусыпно беречь ларъ.

— Сказывай шведъ правду, а коли не истинное покажешь, велимъ пытать!.. Носъ и уши отрѣзать, говорилъ Нуменсу подъячий Томилка, важно записывая показанія и поглаживая свою лопатообразную бородицу.

Нуменсъ какъ ни былъ взволнованъ, но не вытерпѣлъ и довольно раздражительнымъ тономъ отвѣчалъ:

— Все сказывалъ, ничего не уврали!.. Отстань, выпусти домой къ королеву Кристина!.. Жалобу подамъ: меня ограбилъ, поругалъ мнѣ честь, за это царь Московинъ будетъ казнить негодяй,—и Нуменсъ указалъ на толпу псковичей, которые встрѣтили его угрозы громкимъ хохотомъ.

Подобныя сцены продолжались нѣсколько дней; шведскаго посла таскали на площадь, спрашивали, издѣвались надъ нимъ и грозили пыткой. Потомъ его оставили въ покоѣ, но держали подъ крѣпкимъ карауломъ.

Казалось волненіе утихло; обыденная жизнь пошла своимъ чередомъ, но именно это затихше предвѣщало бурю, которую упорно подготовляли зачинщики мятежа.

Илья Норотовъ съ сестрой пріѣхалъ въ Псковъ къ вечеру 1-го марта. Было уже совсѣмъ темно, а потому отъ сторожей ускользнуло странное обстоятельство, что на конѣ рядомъ съ всадникомъ сидѣла дѣвушка. Если бы Псковичи не были почти поголовно пьяны, то вѣрно схватили бы подозрительныхъ людей и заставили бы ихъ испытать участь Нуменса.

Илья догадался, что Псковъ уже началъ свою безумную игру... „Опоздалъ я маленько“, пожалѣлъ онъ и осторожно, окольнымъ путемъ, глухими переулками добрался до Воеводскаго подворья, погруженнаго въ мракъ и какъ будто въ мирный сонъ; но какъ только всадникъ приблизился къ воротамъ, его окружили нѣсколько человекъ сторожей и спросили шопотомъ: „кто и откуда?“ Илья назвалъ себя и велѣлъ доложить воеводѣ; выбѣжалъ изъ воротъ ключникъ и торопливо проговорилъ:

— Добро пожаловать, бояринъ Илья Алексѣичъ!.. схвативъ

*) Въ то время въ пограничныхъ городахъ было строго запрещено впускать иностранцевъ въ крѣпостную ограду.

коня за поводъ, онъ ввелъ его въ калитку и тотчасъ захопнувъ ее крѣпко, заперъ засовами и замкомъ.

— Да никакъ васъ двое, изумился ключникъ, когда свѣтъ фонаря озарилъ закутанную женскую фигуру.

— Да, двое. Это моя сестрица родная, Марья Алексѣевна... Нонѣ такое времячко, что въ катканѣ ѣхать не приходится, ваши гилевщики пьяные пожалуй остановили-бъ, а на конѣ пикто и не примѣтилъ, улыбаясь отвѣчалъ Илья.

— Уберите коня, да вотъ собаку накормите, голубчики, просила Марья, указывая на Грача.

Никифоръ Сергѣевичъ Собакинъ сидѣлъ запершись въ отдаленномъ покоѣ хоромъ; онъ не дожидаясь, да едва ли и могъ бы заснуть при такихъ тревожныхъ обстоятельствахъ. Онъ рѣшительно не зналъ что дѣлать и въ ожиданіи какой нибудь помощи изъ Москвы, положился на волю Божию. Онъ обрадовался прибытію Норотова, зная что тотъ горячій сторонникъ Москвы.

Разсказавъ подробно все случившееся наканунѣ и въ это утро, Собакинъ, тяжело вздохнувъ, добавилъ:

— Вотъ только что вернулся отъ владыки Макарія. Гадали мы съ нимъ, крѣпкую думу думали какъ горю пособить, да ничего не придумали!.. Цѣлый денекъ нонѣ не пилъ, не ѣлъ—ѣда да сонъ и на умъ не идутъ, при такой кручинуншкѣ!.. Господи!.. видно послѣднее время приходитъ—братъ на брата!.. Мятужники противъ царя идутъ,.. народъ православный—а словно обезумѣлъ!.. Чуетъ мое сердце, не добромъ это кончится...

Такъ горевалъ воевода.

— Напрасно Никифоръ Сергѣичъ унываешь: не плакать подобаетъ, а не медлить нисколько, пока не замуѣлъ весь Псковъ, надо тушить! сверкая глазами говорилъ Илья.

— Научи родимый!.. я и голову потерялъ, ты человекъ молодой, разумомъ тебя Богъ не обидѣлъ, разсуди какъ быть? развода руками молвилъ воевода.

— Нельзя крамольникамъ волю давать... Они Нуменса убьютъ, а Швейская королева за такое поруганье ихъ надъ посломъ, на Москву войну подниметъ! разсуждалъ Илья.

— Истинно такъ! соглашался Собакинъ.

— Ну видишь!.. слѣдуетъ извѣстить Государя, помочи просить, рѣшилъ Илья.

Воевода одобрительно кивнулъ головой. Нѣсколько минутъ оба молча глядѣли другъ на друга. Воевода думалъ: „Притокъ дѣтина! а посади его на мое мѣсто, посмотрѣлъ бы я, какъ бы онъ съ крамольниками-то поговорилъ бы“... Илья ду-

малъ: „Эхъ ты мокрая курица! Меня бы воеводой поставили! Я-бъ показалъ этимъ мужикамъ да псковскимъ торгашамъ, какъ надъ царскимъ воеводой мудровать“...

— Да ты откуда къ намъ прибылъ?.. спохватился вдругъ Собакинъ. Не изъ Москвы-ль?

Илья разсказалъ ему приключеніе въ лѣсу и то, что случилось съ нимъ въ домѣ дяди.

— Я зналъ, что Гаврила Яковличъ съ Псковичами за одно, ну а что онъ на большакъ пошлетъ добрыхъ людей бить да грабить—этого не думалъ про него... Не говорилъ ли я тебѣ, Илья Алексѣичъ, что времена плохія... Конецъ міру подходитъ, твердилъ Собакинъ. Демидовъ человекъ упрямый. Коли онъ затѣялъ крамолу, трудно будетъ одолѣть...

— Хоть и трудно, а надо! перебилъ Илья, — пошли гонца къ Царю.

Воевода замаялся:

— Гонца-то?.. Кого послать?.. Никто не поѣдетъ, вѣдь это почитай на вѣрную погубель, коли изымають, въ Великой утопятъ...

— Неужели ты не можешь приказать какому-нибудь стрѣльцу? сказалъ Илья.

Воевода рукой махнулъ.

— Стрѣльцы измѣнники: они всѣ за гилевщиковъ... Да вотъ что, Илья Алексѣичъ, ты куда ѣдешь-то?

— Я хотѣлъ отвезти сестру къ приятелю въ Вышгородъ, отвѣчалъ Илья.

— Ну вотъ и ладно: это по пути къ Москвѣ, будь другъ, возьми грамотку къ Государю да и самъ объясни все безъ утайки, что во Псковѣ творится... Конь-отъ у тебя добрый ли?.. Не было бы погони...

— Конь мой вѣтеръ, птица не догонитъ, хвалился Илья.— Пши грамотку, а мнѣ дозволь часокъ соснуть... Измаялся я, да и сестрѣ спать небойсь надо бы...

Воевода захопотался угостить и спать уложить дорогихъ гостей. Пока Илья и Марья отдыхали, а конь, охраняемый Грачемъ, жевалъ золотистый ячмень, насыпанный передъ нимъ въ кадкѣ, воевода диктовалъ дьяку подробный отчетъ о безпорядкахъ во Псковѣ и просилъ Государя прислать надежное войско.

За часъ до зари Илья и Марья тихо выбрались изъ соннаго съ похмѣлья города. Отъѣхавъ съ четверть версты шагомъ, Илья свистнулъ и рѣзвый конь помчался какъ стрѣла, вздымая копытами облака снѣга. Грачъ по обыкновенію мчался впередъ.

(До слѣд. №).

В. Политковскій.

Павловскъ.

(Къ рисунку П. Гнѣдича).

„...Une colonnade, un temple à Pawlovskoé me font plus de plaisir que toutes les beautés d'Italie“...

Это писала императрица Марія Ѳеодоровна въ 1782 г., вспоминая о своей любимой лѣтней резиденціи, Павловскѣ. Но что же такое былъ этотъ Павловскъ.

Въ 1777 г., императрица Екатерина подарила наслѣднику престола, Павлу Петровичу нѣсколько сотъ десятинъ земли верстахъ въ 25 отъ Петербурга, между двумя деревеньками Лишна и Кузнецы. То была некрасивая густая чаща, перерѣзанная мелководною плохенькою рѣчкой—Славянкой, съ болотистыми тонкими берегами и обширными весенними заводями. Подарокъ былъ сдѣланъ по случаю рожденія перваго сына у молодой четы—Александра.

Сейчасъ-же начались постройки. Знаменитый Камеронъ возвелъ двѣ мѣленькія дачи: Паульлустъ и Мариенталь въ самомъ модномъ тогдашнемъ голландскомъ стилѣ. А вокругъ нихъ какъ грибы стали вырастать мелкіе домики и бесѣдки Крики-Краки, Шале, Храмы дружбы etc.—То была пора всевозможныхъ молочныхъ фермъ, пастушескихъ хижинъ, искусственныхъ развалинъ, домиковъ „армитовъ“. Изящныя, легкія постройки то въ ложно классическомъ стилѣ, то въ швейцарскомъ, стали то тутъ то тамъ просвѣчивать сквозь искусно разсаживаемыя деревья. Сталь съѣзжаться чаще и чаще Дворъ, провели изъ Царскаго Села,—за пять верстъ,—шоссе, штабъ служителей увеличился, разрослись дворцовыя постройки. Дворцовый пригородъ сталъ застраиваться, населеніе прибывать, и владѣтельница Павловскаго, цесаревна Марія Ѳеодоровна стала называть свое село *citta futura*, т. е. будущій городъ.—Еще немного времени, усилій — и на мѣстѣ пустыря и дичи явилось вполне благоустроенное мѣстечко.

Въ 1796 году вступилъ на престолъ Павелъ. — Въ первую же недѣлю новаго царствованія былъ изданъ указъ: „Село Павловское, которое предоставлено отъ Насъ въ собственность ея императорскому величеству любезной супругѣ Нашей, переименовываемъ мы городомъ“... По „случающимся дѣламъ“ Павловскъ могъ непосредственно сноситься съ сенатомъ. Издаю было повелѣніе не стрѣлять въ городъ и окрестностяхъ, на улицахъ и садахъ не свистѣть, не кричать и не произносить „недѣльныхъ разговоровъ...“ Ото всѣхъ грамотныхъ ма-

стеровыхъ бла отобрана въ чтеніи этого повелѣнія подписка.

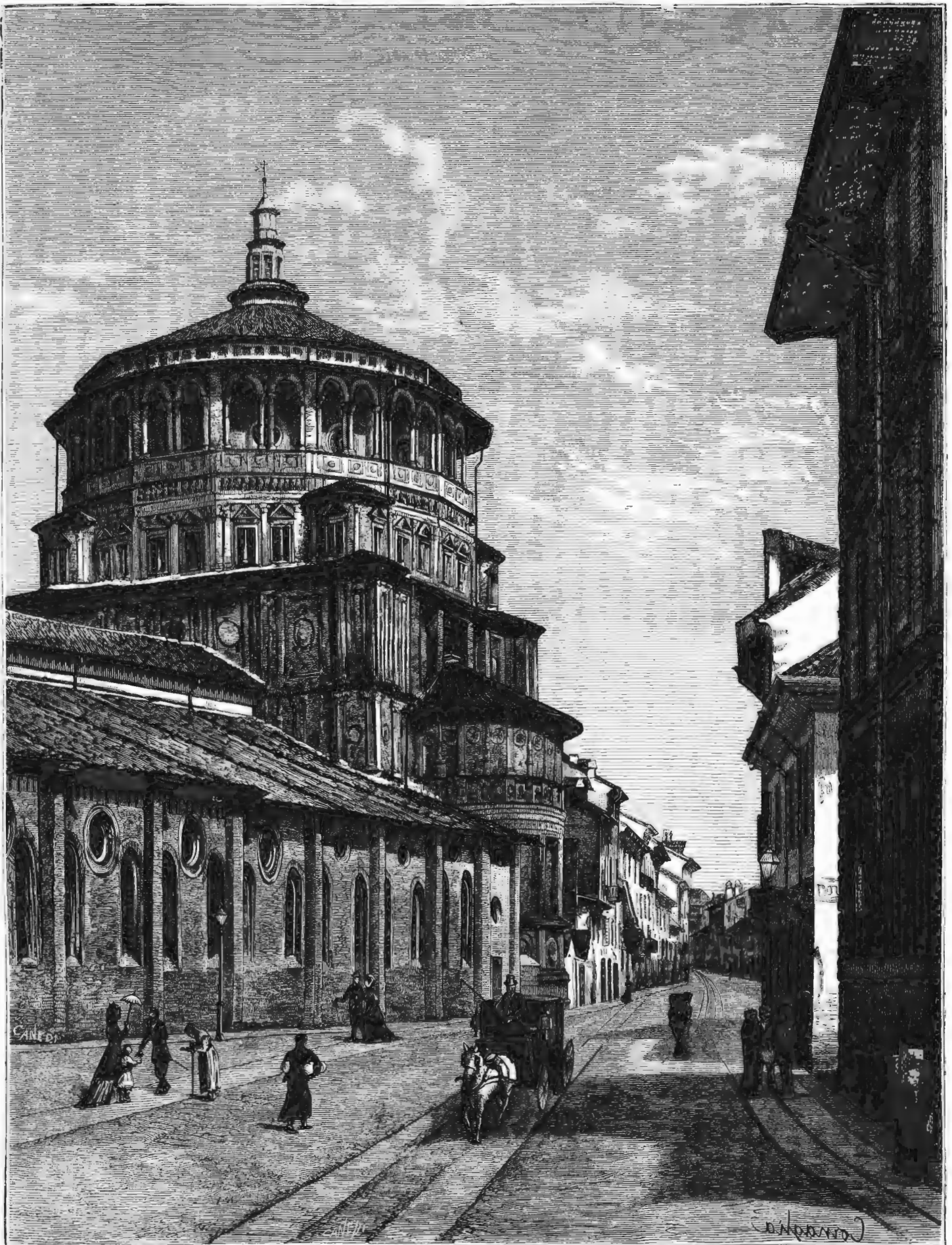
Послѣ смерти августѣйшаго супруга, Марія Ѳеодоровна переселилась изъ Михайловскаго замка въ Павловскъ, и здѣсь вполне предалась горю. Сохранился ея портретъ, работы живописца Кюгелькена (писанный на слоеной кости и составляющей теперь собственность в. к. Константина Николаевича), изображающей императрицу именно въ этотъ періодъ ея страданій. Это симпатичная, молодая головка, слегка склоненная на бокъ, въ глубокомъ траурѣ, съ чернымъ вуалемъ и съ медальономъ своего супруга на груди. „Сердце мое увяло, — пишетъ она въ письмѣ къ Плещееву,—душа моя отагощена, но я не ропщу на опредѣленіе Промысла... Я здорова, но слаба, неузнаваема... Оплакиваю своего супруга, но чувствую, всю обширность моихъ обязанностей: онъ огромный,—небо подастъ мнѣ силы, чтобы ихъ исполнить... Молитесь за меня Богу, безъ него я бы не вынесла невыразимой моей скорби!“

Любимый Павловскъ утѣшалъ своими красотами вдовствующую царицу. Вскорѣ у ней явилась мысль разбить обширный паркъ на мѣстѣ пустыря; для этой цѣли было привезено изъ разныхъ мѣстъ болѣе 57000 деревьевъ. Работа шла не на удачу, подъ руководствомъ даровитаго художника-декоратора Гонзаго. Запаслись черной и бѣлой краской, Гонзаго съ учениками обходили окрестность и отмѣчалъ тою и другою деревья,—которые надо было срубить, которые оставить. Онъ сажалъ, срубалъ, группировалъ деревья, давалъ имъ наклонъ, извѣстное положеніе. Съ каждой точки онъ хотѣлъ, чтобы открывались красиво скомпонованные пейзажи, чтобы дорожка невольнo приводила на такой пунктъ, откуда открываются совершенно законченныя, готовыя, словно написанныя кистью картины. Результатомъ его работъ явился паркъ—одинъ изъ красивѣйшихъ и прелестнѣйшихъ въ мірѣ.

Еще болѣе привязалась императрица къ Павловску. Въ восемь часовъ утра, каждый день къ дворцовому крыльцу подвигали маленькую, осѣдланную по мужски лошадку. Государыня въ мужскомъ костюмѣ,—фіолетовомъ, бархатномъ, шитомъ золотомъ, камзолѣ ниже колѣнъ, бѣлыхъ триковокъ панталонахъ, шитыхъ золотомъ подсапожкахъ, съ шапочкой въ видѣ тока съ перомъ, садилась верхомъ и въ сопровожденіи старика гофмаршала графа Альбедилля, отправлялась въ паркъ.

Бъ тяжелю минуту. Картина Штуммея, грав. Бренд'Амуръ.

Храмъ Маріи Милостивой въ Миланѣ. Рис. Корпагіо, грав. Канеда.

Дежурный камерь-пажъ, шель впереди и вертѣль чугунные турникеты для проѣзда по пѣшеходнымъ дорожкамъ. Нерѣдко передъ сторожевымъ домикомъ лошадка останавливалась, императрица вступала въ разговоръ съ какимъ нибудь иввалдомъ, часовымъ, крестьянкой (посторонія лица въ это время въ паркѣ не допускались), подзывался камерь-пажъ, и ему давалось приказаніе выдать солдату или крестьянкѣ столько-то и столько денегъ, для каковой цѣли онъ всегда былъ снабженъ бумажникомъ съ ассигнаціями, и двумя кошельками съ золотой и серебряной монетой. У того же камерь-пажа всегда были большія будавки на случай неисправности въ костюмѣ государыни. Возвратившись во дворецъ, императрица купала кофе, затѣмъ до часа занималась дѣлами. Во второмъ часу начинался приемъ, которому она всегда умѣла придать особенный тонъ. Про нее недаромъ говаривалъ Мусинъ-Пушкинъ: „въ разговорѣ съ ней умный человекъ становится умнѣе, а ограниченный—невольнѣ дѣлается умникомъ“.—Въ четыре часа былъ обѣдъ,—и меньше тридцати человекъ никогда за столъ не садилось. Государыня любила веселую, оживленную бесѣду, а потому за обѣдомъ ея очень часто можно было встрѣтить лучшихъ тогдашнихъ литературныхъ силы: Карамзина, Жуковского, Крылова, Гнѣдича, Дмитриева, Тургенева (А. И.), Оленина;—и именно на павловскомъ обѣдѣ съ Крыловымъ случился извѣстный казусъ: онъ забылъ снять съ пуговицы новаго видъ-мундира бумажки, въ которыя ихъ завернул портной и въ такомъ видѣ уѣхалъ за столъ, чѣмъ ужасно насмѣшил императрицу.—Послѣ обѣда ѣздили кататься по парку. Потомъ начинался литературный вечеръ или концертъ въ salon de musique. Порою давались спектакли, празднества—особенно послѣ двѣнадцатаго года.

По завѣщанію императрицы Маріи Ѳеодоровны, Павловскъ перешелъ въ собственность великаго князя Михаила Павловича, а въ настоящее время имъ владѣетъ великій князь Константинъ Николаевичъ.

Паркъ, разсаженный нѣкогда Гонзаго, разросся. Это превосходный во всѣхъ отношеніяхъ садъ въ 623 дес., прекрасно содержащійся, украшенный массою памятниковъ былыхъ временъ, паркъ, общая сложность проѣзжихъ и пѣшеходныхъ аллей котораго превосходитъ цифру 180 верстъ! Нашъ рисунокъ изображаетъ нѣсколько прелестныхъ уголковъ этого сада.

Надѣво наверху изображена Пиль-Башня. Это остатокъ бывшей здѣсь когда-то водяной мельницы на рѣкѣ Славянкѣ, воспитанной нѣкогда Жуковскимъ. Внутри башни двѣ комнаты: нижняя, совершенно пустая, и верхняя, куда ходъ ведетъ по наружной спиральной лѣстницѣ, меблированная старинными диванами, со стѣнами свѣтло-розоваго цвѣта и очень недурно сохранившейся плафонною живописью. При императрицѣ Маріи Ѳеодоровнѣ комнаты были, конечно, превосходно отдѣланы и служили отличнымъ пріютомъ прохлады въ жаркіе лѣт-

ніе дни. Сюда же при императорѣ Павлѣ сажали подъ арестъ на ночь провинившихся камерь-пажей.

Розовый павильонъ—значительной величины зданіе, окруженное качелями, каруселями, катальными горами, кустами шиповника. Здѣсь нѣкогда цвѣла масса розъ всевозможныхъ породъ, оправдывая тѣмъ надпись на фронтонѣ—Pavillon des Roses. Внутренность его была прелестно отдѣлана; въ знаменитыхъ „Альбомахъ Розоваго Павильона“ писали Крыловъ, Глинка, Карамзинъ, Мелединскій-Мелецкій, Гнѣдичъ, Жуковский. Размѣръ статьи не позволяетъ намъ остановиться на любопытной обстановкѣ павильона: на историческихъ шкатулкахъ, экранкахъ, ящичкахъ, рисункахъ; скажемъ только, что каждый, кто можетъ побывать въ павильонѣ, безпрепятственно осматриваетъ всѣ эти интересныя подробности.

Слѣдующій рисунокъ представляетъ колонну, поставленную въ Новой Сильвіи и почему-то называемую обелискомъ. Колонна эта изъ сѣровато-краснаго мрамора, стоитъ на четырехугольномъ каменномъ постаментѣ. Мѣсто это прежде называлось le bout du monde,—край свѣта.

Середній рисунокъ изображаетъ памятникъ цесаревичу Николаю, поставленный на любимомъ мѣстѣ покойнаго. Памятникъ этотъ поставленъ въ 1869 году великимъ княземъ Константиномъ Николаевичемъ. У подножья небольшой мраморной женской статуи прикрѣпленъ портретъ цесаревича, и на бѣлой мраморной доскѣ высѣчена надпись: „возлюбленному и незабвенному племяннику и другу нашему Никсусу“.

Внизу, слева,—развалины близъ Елисаветинскаго павильона. Черезъ искусственно сдѣланныя старыя ворота вы поднимаетесь по лѣстницѣ къ павильону, несомнѣнно довольно неуклюжему, но съ крыши котораго открывается прелестный видъ на Красную долину. Здѣсь любила въ старину царская Фамилія ужинать и завтракать.

Посрединѣ нижняго ряда рисунковъ изображено *Новое Шале*,—красивая архитектурная игрушка Шале—пастушья домики—изобрѣтеніе второй половины XVIII вѣка, чуть ли не королевы Маріи Антуанеты. Изъ садовъ Трианона они распространились по всей Европѣ. Новое Шале для жилья окончательно невозможно, какъ открытая постройка. Здѣсь въ прежнее время пили чай.

Наконецъ *Старое Шале*,—которымъ мы заключаемъ серію нашихъ видовъ,—даетъ полное представленіе о швейцарскихъ хижинкахъ въ садахъ владѣтельныхъ лицъ,—снаружи чрезвычайно скромное, внутри же убранное съ нѣкоторою роскошью.

Паркъ составляетъ общее достоинствѣ всѣхъ дачниковъ Павловска, гуляющихъ въ немъ всегда множество. Къ сожалѣнію дороговизна дачъ и тарифа желѣзной дороги дѣлаютъ Павловскъ для большинства недоступнымъ лѣтнимъ обиталищемъ, и въ настоящемъ году половина павловскихъ дачъ стоитъ пустыми.

Польскія свята.

Изъ очерковъ Польска М. Вологовскаго.

I.

Если бы кто вздумалъ праздновать каждый день въ году,—и праздновать его, такъ сказать, „на законномъ основаніи“,—тому я посоветую ѣхать въ Польшу. Тамъ недостатка въ праздникахъ нѣтъ: „что днѣнь—то й свято“. Начиная съ великаго весенняго праздника—Пасхи, тянутся во весь годъ ряды святъ косарскихъ, рыбацкихъ, храмовыхъ, церковныхъ, купальскихъ, колады и коладки, щедровки, заговины, попѣльды, радуницы и поминки. Межъ ними, смотришь, св. Владимира, Ольгинъ день, пророка Ильи; тамъ—Бориса и Глѣба, первый, второй и третій Спасъ, Успеневъ день, Преполовенье, и такъ далѣе. Ко всему этому прибавьте еще дни передъ и послѣ праздничные, т. е. „полусвята“, въ которые попѣльду до полудня не работаетъ, а вечеромъ отдыхаетъ,—имянины, крестины, дни рожденій, „бабскія свята“, дѣвичьи праздники, свадебные и обручальные дни.

Каждое изъ этихъ празднествъ сопровождается какимъ нибудь обрядомъ, игрою или пѣніемъ, имѣющими свое особое значеніе для польсканина. Но всѣхъ святъ важнѣе и торжественнѣе—это „рыбацкія, охотничьи и купальскія“ свята. Они въ Польшу имѣютъ громадное значеніе, такъ какъ рыбный, охотничій и лѣсово-промысловый въ ряду народныхъ обычаевъ освѣтились тамъ вѣками, создавая въ до-христианскую эпоху. Затѣмъ, всѣ другія празднества создались отчасти и подъ влияніемъ мѣстной природы. Эти угрюмыя, темныя дебри, эти безконечныя болота и топи съ водою показались бы еще угрюмѣе, еще скучнѣе, если бы по временамъ не раздавалась звонкая пѣсня празднества, въ пылу котораго такъ легко забываются всѣ невзгоды. Отнимите у попѣльду его праздники—и Польша станетъ самою скучною въ мѣрѣ страны. Мракъ, колтунъ да лихорадка загубятъ безслѣдно всю страну. Зная это, да будучи и лѣнивъ отъ природы, попѣльду мастерски выдумываетъ свои свята и вмѣстѣ съ тѣмъ проводитъ ихъ какъ-то скромно и чинно. Попѣльду пьетъ водку но всѣмъ праздникамъ и не-праздникамъ, пьетъ при всякомъ удобномъ и не-

удобномъ случаѣ, но—никогда не напивается. Если же и случится ему охмѣлѣть, то онъ наворитъ какъ бы поскорѣе убраться въ свою хату и улечься спать; но никогда не станетъ будить. Однимъ словомъ, въ немъ нѣтъ той „фабричной удали“, присущей великороссу, хотя по страсти къ веселью они не уступятъ другъ другу.

Особенныхъ приготовленій къ празднику попѣльду не дѣлаетъ. Свято скрашивается пѣсней, какимъ нибудь обрядомъ или семейной бесѣдой за „чаркой горѣлки“—и только. Исключеніе изъ этого составляютъ Пасха, Рождественскій день, охотничье, рыбацкое и купальское свята, и въ особенности—праздникъ рыбаковъ. Къ нему вся деревня или село готовится какъ одинъ человекъ, припасаетъ и водку, и рыбу съ „божьими онучами“*), и пироги съ грибной начинкою, медъ и пиво. Праздникъ этотъ въ Польшу всегда бываетъ въ маѣ, — въ одной деревнѣ днемъ или двумя ранѣе, въ другой — позже, — и ожидается всѣми, отъ малаго до великаго, съ нетерпѣніемъ.

Но вотъ насталъ и давно желанный май. Кругомъ все ожило, зазеленѣло; въ польскихъ дебряхъ растаялъ снѣгъ и изъ лѣсу повѣяло душистымъ ароматомъ. Растаяли трясины и болота, забыли о серебряныхъ поверхностяхъ озерковъ, рѣкъ и ручейковъ; надъ камышами понеслись несмѣтные стаи „рыбалокъ“, оглашая воздухъ своимъ рѣзкимъ крикомъ... Канунъ „свята рыбацкаго“.

Надъ зеркальной гладью широкой Припяти тихо, тихо спустилась майская ночь. Въ глубокой, темно-синей вышинѣ заискрились пѣлыя мириады звѣздочекъ и, отразясь въ водѣ, зарѣяли на глади ея, словно брилліанты на дорогомъ уборѣ. Въ высокихъ надрѣчныхъ камышахъ загудѣлъ польскій „бычокъ“, послышался всплескъ сонной рыбы въ рѣкѣ—и снова затихло, замолкло вокругъ и надъ рѣкой. Изъ-за черной полосы припятинскихъ пушей выглянуло и мѣсяцъ. На отлогомъ

*) Божьи онучи—польскіе налѣзняки, блинцы.

берегу рѣки зашевелились какія-то тѣни, показались высокіе шесты, а межъ ними—какъ будто холмики или кусты; что-то черное протянулось съ одного шеста на другой, но что это—глазъ не различаетъ. На той сторонѣ рѣки тоже двигаются, подымается какая-то черная масса, какъ будто колышется прибрежные камыши. Еще минута—и въ тѣхъ мѣстахъ вспыхнули яркіе костры. Высокое пламя, взметая къ верху рой золотистыхъ искръ, ярко освѣтило оба берега сонной рѣки. Теперь для глаза ясно, что на шестахъ растянуты сѣти и невода, а вокругъ толпится масса народу... Вечеръ рыбаковъ... Еще минута—и трескъ ружейнаго выстрѣла возвѣстидь начало свята. Среди глубокой тишины и при заревѣ костровъ грянула рыбацкая пѣсня:

Матко ты нашал, Припять глубокая,
Будь же ты ласкова къ своимъ дѣткамъ!

стройно и гулко понеслась въ воздухѣ мольба рыбаковъ, обращенная къ „Полѣской кормилицѣ“.

Дай же ты намъ рыбы, мати милостивая,
Сѣтей ты не рви и насъ не топи!
Ты же Водяной, Дидко нашъ милый,
Шкоды *) и зла намъ больше не роби!

загудѣлъ торжественно рыбацкій „гимнъ“, смѣшиваясь со звуками такой же мольбы, доносящейся и съ того берега рѣки.

Замолкло послѣднее слово этой мольбы. Масса народу снова заколыхалась, зашевелилась и разбилась по кучкамъ у костровъ. Здѣсь, у привѣтнаго пламени рыбацкаго вечера сходитъ и мирится другъ съ другомъ, забывая прошлый жаль да обиду. Старые дѣды вспоминаютъ минувшіе дни, подкрѣпляя свою память вмѣстительной чаркой; дѣти Гименея оутываютъ молодыхъ, а малые ребята у этихъ костровъ шумно и весело мечтаютъ о томъ времени, когда легкая лодка ихъ скользятъ въ широкую Припять на рыбный полонъ.

II.

Бесѣды и взаимное угощеніе длятся во всю ночь, до разсвѣта. Но чуть только покажется сѣрый предвѣстникъ утра, какъ приступаютъ къ „обкуриванію сѣтей“. Обыкновенно обрядъ этотъ совершаетъ самый древній старикъ. Взявъ изъ костра дымящуюся головню, подходитъ онъ къ каждой сѣти, каждому неводу и обкуриваетъ ихъ, произнося при этомъ привѣтствіе и доброе пожеланіе хозяину сѣтей, который тотчасъ

же ихъ снимаетъ и отправляется домой. Такъ заканчивается первая половина рыбацкаго свята. Другая половина—это наступившій день. Но теперь уже пиръ идетъ по хатамъ а не у рѣки.

На третій день каждый рыбакъ отправляется на Припять и забрасываетъ свою сѣть или неводъ, вполнѣ вѣря, что „Водяной“ и „Болотній Хапко“ погонять рыбу въ его сѣти; иначе и быть не можетъ: затѣмъ ихъ „обкуривали“, затѣмъ было и „рыбарское свято“.

На смѣну мая настаетъ июнь, приносящій съ собою Варнавинъ день, Купальское свято и Петровъ день—охотничій и косарскій праздникъ. До Купалы и Петрова дня окраины полѣскихъ пушей хранятъ глубокое, гробовое молчаніе какъ и нѣдра ихъ.

Чудные, могучіе эти лѣса! Въ нихъ неизмѣнная тишь изрѣдка развѣ нарушается гуломъ паденія ислѣвнаго отъ старости дуба или грознымъ трескомъ страшнаго грома во время грозы. Въ другое время въ этихъ лѣсахъ такъ тихо, что и самое чуткое ухо не уловитъ ползвучка. Даже буйный вѣтеръ—этотъ вольный смѣхъ степеней—и онъ не смѣетъ проникнуть въ заповѣдныя дебри, а съ шумомъ проносится мимо, чуть-чуть наклоняя вершины столѣтнихъ гигантовъ, безмолвно глядящихся въ небо. Въ самой же глубинѣ полѣскихъ пушей—такъ какъ здѣсь вѣчно царитъ безмолвіе и таинственный мракъ, среди котораго, по народному повѣрью, живутъ сѣдые патриархи звѣрей, и логовица, которыхъ пытливыи глаза человѣка еще не видаль. Разъ только—такъ гласитъ полѣская легенда—предъ очи „царя полѣскихъ дебрей“, сѣдаго, древняго медвѣдя предстала маленькая Ганна. Мститый царь, говоритъ она, лежить въ глубокой берлогѣ, выходъ изъ которой стерегутъ злые старые волки и страшный дикій кабанъ. За ними и около толпятся лоси, серны, козы, зайцы, лисицы и всякій звѣрь, въ Полѣсѣ живущій. Цѣлыя стаи коршуновъ, воронъ и ястребовъ съ зловѣщимъ карканьемъ носятся надъ логовищемъ царя лѣсовъ. Кругомъ въ ислѣвнхъ дуплахъ жуужаютъ дикія пчелы, готовы сладкій медъ для царской трапезы. Дикія розы и всѣ лѣсные цвѣты собраны вокругъ логовица и распространяютъ пріятный запахъ. Прозрачный ручей мчитъ свои студено-холодныя воды для утоленія жажды мохнатога царя. Подъ тихое журчаніе этаго ручейка царь лѣсовъ сладко засыпаетъ или думаетъ свои царственныя думы... Владыка лѣсовъ починаетъ—и всѣ звѣри ждуть его пробужденія... Проснется царь—и страшный ревъ огласитъ даль лѣсную... Соскучится—идетъ къ Купалѣ на бесѣду...

(Окончаніе въ слѣд. №).

ЖЪ РИСУНКАМЪ.

Лѣтомъ.

(Картина К. Ницкаго).

Читатели встрѣчали уже у насъ картины К. Ницкаго, избравшаго себѣ спеціальностью средніе вѣка съ ихъ прекрасными, живописными костюмами и полною драматизма жизнью. Онъ беретъ преимущественно спокойныя, тихія стороны этой бурной, воинственной жизни. Вотъ двѣ прекрасныя обитательницы грознаго замка бредутъ, наслаждаясь чуднымъ лѣтнимъ днемъ, по нестрѣжному безчисленными цвѣтами лугу, собирая большою букетъ полевыхъ цвѣтовъ, который украситъ узкое, стрѣльчатое, высокое окно угловой башни, гдѣ расположены ихъ богато убранныя комнаты.

Въ тяжелую минуту.

(Картина Штуммеля).

Эта картина можетъ быть названа въ противоположность картинѣ Ницкаго „современной“. Это сцена, выхваченная прямо изъ нашей лихорадочной, жадной до наслажденій, денегъ и роскоши, тревожной, неустойчивой жизни. Среди роскошной обстановки, среди всѣхъ утонченностей современности—горе и бѣда глядятъ въ глаза этимъ молодымъ, повидимому такимъ счастливымъ, людямъ. Онъ былъ вовлеченъ въ спекуляціи, къ которымъ и по личнымъ склонностямъ и по воспитанію питалъ всегда какое-то гадливое чувство. Но у него такая прелестная, молоденькая жена, которую бы онъ отъ всего сердца хотѣлъ окружить царственною роскошью—онъ мечталъ какъ его маленькія дѣтки будутъ богаты! И вотъ—разоренъ! Онъ бросаетъ въ отчаяніи на мраморный подоконникъ свой пустой портфель и съ глубокимъ горемъ и страданіемъ въ лицѣ погружается въ думы о своемъ несчастіи.

Но для него есть утѣшеніе. Милое личико молодой женщины съ такою любовью и участіемъ обращено къ мужу, какъ будто говоритъ ему, чтобы онъ не горевалъ; что это еще не такая бѣда, что и безъ богатства, имъ, такимъ счастливымъ, любящимъ другъ друга, жить можно. Они будутъ трудиться и въ этихъ трудахъ, въ этихъ заботахъ ежедневныхъ о будущемъ милыхъ своихъ крошекъ найдутъ новыя, еще невѣдомыя имъ, наслажденія.

*) Шкода—убытокъ.

Церковь Маріи Милостивой въ Миланѣ.

(Santa Maria della Grazie)

Народъ называетъ этотъ храмъ просто „I Grazi“. Онъ находится близъ прежнихъ воротъ Верчельскыхъ, нынѣ Маджентскихъ, на Маджентской площади. Уже въ древнія времена на этомъ же мѣстѣ находилась небольшая часовая съ чудотворнымъ образомъ Богородицы, прозванной народомъ Милостивой, которой молились еще наемные солдаты герцоговъ миланскихъ и народъ, чтобы исцѣлились раны, отъ ударовъ стрѣлъ и копій. Тутъ каждый искалъ въ молитвѣ утѣшенія и помощи въ своей бѣдѣ. Доминикане, живущіе неподалеку отсюда въ своемъ монастырѣ, часто заходили въ эту часовню, молясь предъ чудотворнымъ образомъ и рѣшили на этомъ самомъ мѣстѣ построить церковь во имя основателя ихъ ордена св. Доменика. Начали сборъ на постройку и въ 1463 году возлѣ часовни воздвиглась церковь. Это было время, когда художественное увлеченіе, пробудившееся съ открытіемъ чудесъ древняго ваянія, вновь оказало влияние свое на искусство, оставляя мрачную средневѣковую идею угрюмаго храма и стрѣльчататаго свода и обратилось къ ясному стилю возрожденія. Джаломо да Жеста, подъ надзоромъ коего строилась эта церковь, не хотѣлъ вносить новаго стиля въ постройку этаго храма и сопротивлялся проэктамъ и планамъ съ новыми затѣями. Ему удалось, при содѣйствіи генерала графа Каспара Вимеркато, довести до конца эту церковь въ ея настоящемъ видѣ, въ какомъ она и изображена на нашемъ рисункѣ. Но доминикане напрасно окрестили церковь именемъ св. Доменика—вскорѣ онъ былъ пригнужденъ народомъ, высоко чтимымъ чудотворный образъ Богородицы, оставить церковь опять съ ея прежнимъ названіемъ въ честь св. Дѣвы Маріи. Позднѣ миланскій герцогъ Людовикъ Моръ похоронилъ въ этой церкви свою супругу и дѣтей. Однажды молясь здѣсь онъ былъ испуганъ мрачнымъ выраженіемъ лица на образѣ св. Доменика и полный религіознаго чувства далъ обѣтъ—докончить церковь и завершить ее великолѣпнымъ куполомъ, который мы и теперь видимъ. Такимъ образомъ возведены были пристройки храма, обремененныя всевозможными архитектурными украшеніями, элегантными пиластрами, роскошными канделябрами въ нишахъ, карнизамъ, фасадомъ изящнаго стиля—все это нѣсколько пестро и причудливо.

Теперь эта церковь сильно обветшала, украшения ея отъ времени испортились, великолѣпное зданіе въ полномъ упадкѣ и разрушеніи. Знаменитый итальянскій историкъ Пезарь Канту съ архитекторами Колла и Брамбилли теперь стоятъ во главѣ комитета для полной реставраціи этого извѣстнаго и прекраснаго памятника средневѣковаго зодчества.

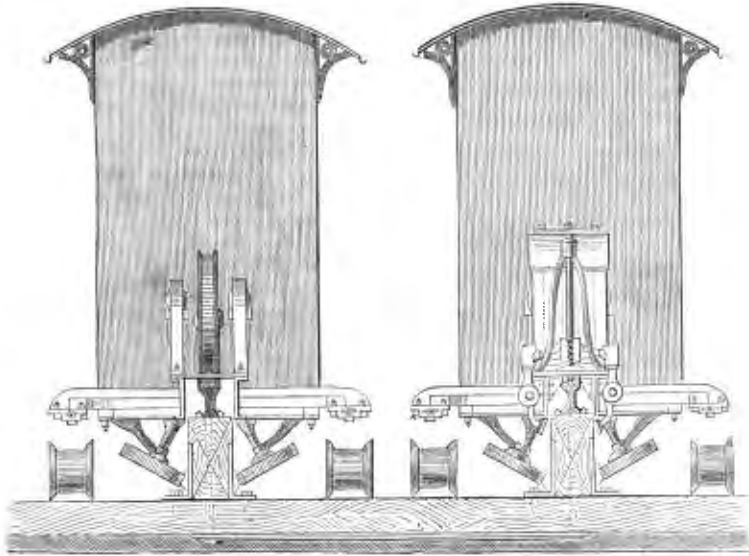
Желѣзная дорога на Везувій.

До сихъ поръ чтобы взобраться на Везувій обыкновенно слѣдовали однимъ изъ двухъ путей. Иные шли изъ Резины, городка расположеннаго на востокъ отъ волкана и неподалеку отъ Портчи, первой станціи желѣзнаго пути изъ Неаполя въ Салернъ; иные же отправлялись отъ Помпеи или Торре-дель-Анунціата къ юго-востоку. Скоро всѣ будутъ слѣдовать лишь по одному пути—желѣзная дорога уже взобралась на вершину. Теперь, чтобы ѣхать на Везувій, будутъ слѣдовать колеснымъ путемъ, который поднимается изъ Резины къ долинѣ Санъ-Сальвадора и къ метеорологической обсерваторіи. До сихъ поръ путь обыкновенный, но съ этого пункта способъ сообщенія мѣняется. Еще недавно здѣсь заканчивался колесный путь, надо было выходить изъ кареты и слѣдовать частью верхомъ, частью пѣшкомъ. Теперь все это измѣнилось. Компания новой желѣзной дороги продолжила шоссе отъ Резины до обсерваторіи и до самаго подножія Везувія, куда можно теперь прибыть не выходя изъ кареты.

Достигнувъ до этого пункта, уже находишься на довольно значительной высотѣ надъ уровнемъ моря. Остается до кратера еще 3950 футовъ по извилистому всходу, который всегда представлялъ множество затрудненій. Можно было только слѣдовать пѣшкомъ или на носилкахъ, по тропинкѣ, взбирающейся подъ угломъ 50° утопая въ грудахъ пепла, который осыпался подъ ногами или въ слояхъ мелкаго шлака, равшаго обувь и это впродолженіи цѣлаго часа. Чтобы устранить это утомленіе и неудобства при восхожденіи, пришли къ мысли построить желѣзную дорогу канатной системы т. е. прибѣгнуть къ помощи проволокаго каната, дорогу, которая бы дала возможность спокойно и комфортабельно сидя въ вагонѣ, подняться не болѣе какъ въ 8 минутъ на грозную вершину волкана.

Дорога спускается съ вершины. Въ началѣ и концѣ ея построены разныя желѣзнодорожныя зданія. Конечный ея пунктъ—амбарнадеръ у подножія конуса, гдѣ изъ экипажей пересаживаются въ вагоны. Близъ станціи расположены цистерны воды для паровой машины, которая приводитъ въ движеніе канатъ буксирующий вагоны. Желѣзный путь въ 2950 футовъ длины идетъ

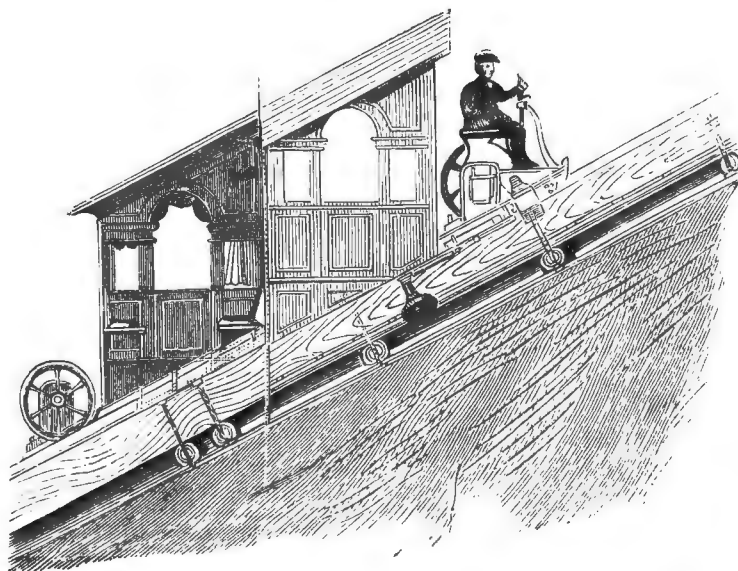
вверхъ подъ угломъ въ 50° какъ мы уже говорили выше. Не легко было выбрать лучшую систему наклонной дороги, чтобы сдѣлать удобнымъ подъемъ подъ такимъ угломъ—кромѣ крутизны спуска представляли огромныя затрудненія рыхлость и подвижность грунта. Послѣ долгихъ обсужденій, остановились на новой системѣ, предложенной инженеромъ Оливьери, которому и поручено было привести мысль свою въ исполненіе. Склонъ горы, по которому должна была идти дорога, забутили и открыли лаву помостомъ и балками, на которыхъ положены два рельса. По этимъ рельсамъ, въ нѣкоторомъ разстояніи одинъ отъ другаго, слѣдуютъ вагоны—одинъ сверху, другой снизу. Каждый вагонъ буксируется двумя толстыми проволокаыми канатами, приводимыми въ движеніе внизу стоящей паровой машиной. Всѣ другія системы наклонныхъ дорогъ въ Австріи, въ Швейцаріи употребляютъ лишь одинъ канатъ. Тутъ беретъ

Вагонъ „Этна“.

Вагонъ „Везувій“.

Желѣзная дорога на Везувій.

Система подъема вагоновъ и разрѣзъ желѣзной дороги на Везувій.

вверхъ еще два наклонныхъ колеса, которые катятся съ боковъ балки, какъ видно на нашемъ рисункѣ. Другіе рисунки представляютъ чудный видъ, открывающійся съ вершины кратера на Неаполитанскій заливъ и видъ самаго кратера.

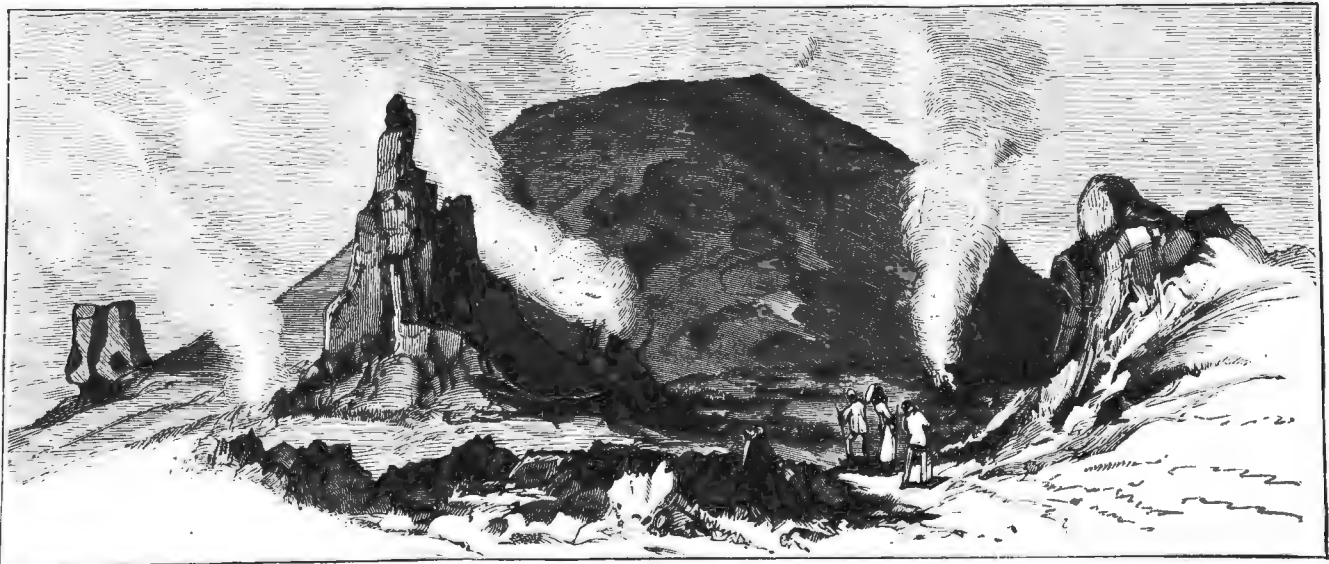
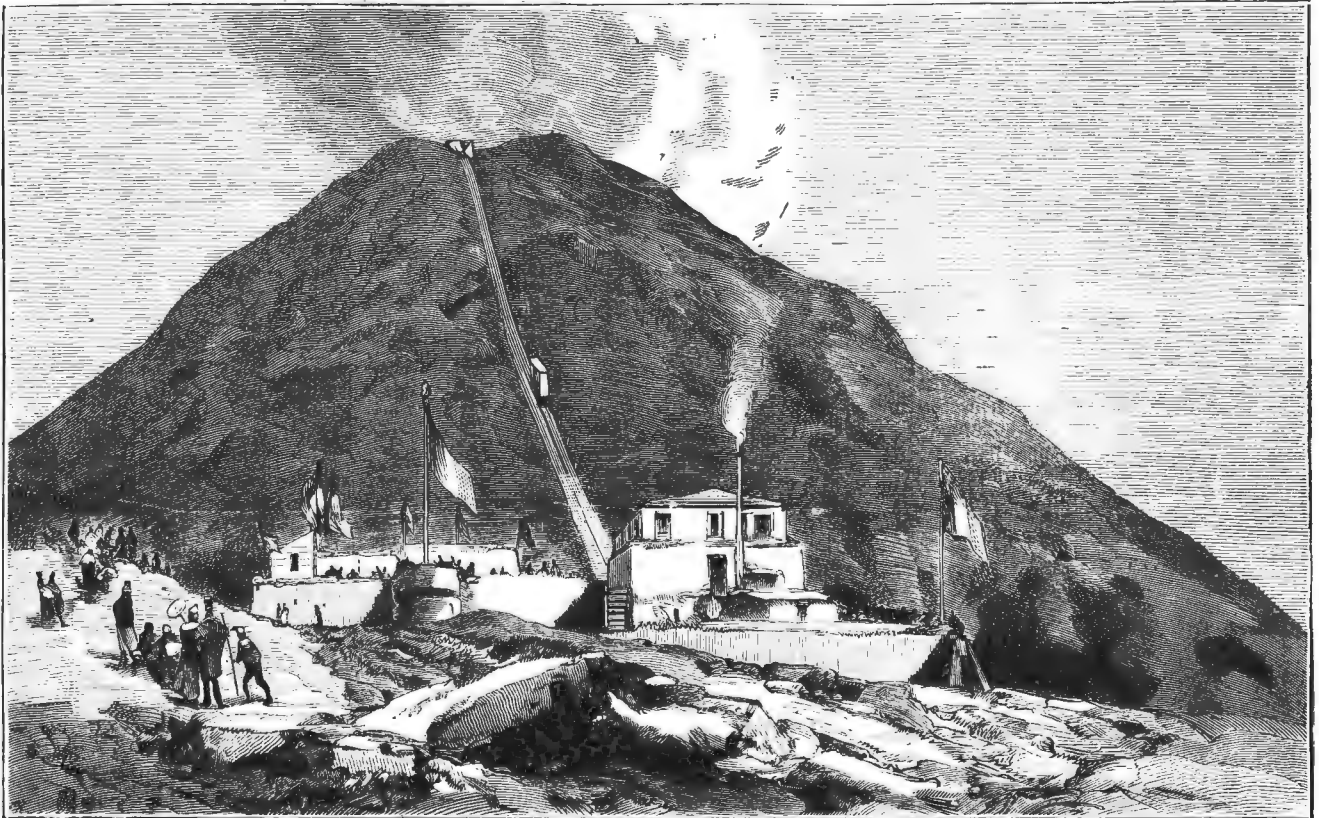
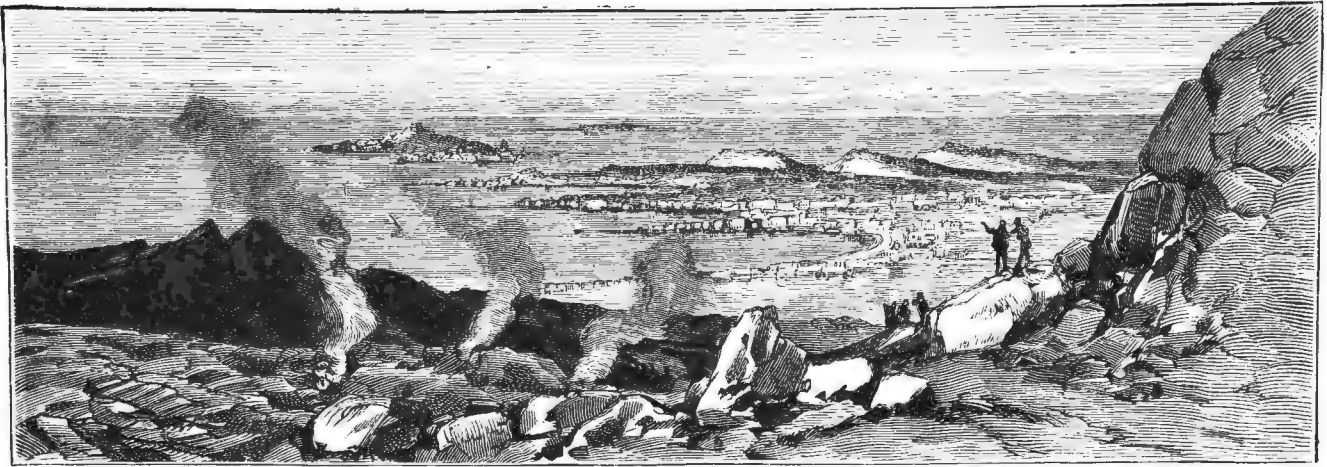
Политическое обозрѣніе.

Отгѣты Порты и Греціи на коллективную ноту державъ.—Мидхаль-Паша и Сирія.—Австро-Венгрія.—14-е іюля въ Парижѣ.—Жюль Симонъ и Гамбетта.—Ромфоръ.—Комузарты.—Италія.—Мирныя условія, предлагаемыя Чилийцами Боливіи и Перу.

Коллективная нота державъ передана, какъ мы уже сообщали читателямъ, Портѣ (старшимъ изъ посланниковъ въ Константинополь, германскимъ—графомъ Гацфельдомъ), а также и Аенскому кабинету. Турецкое правительство заявило, что отгѣтъ

свой дастъ не раньше конца іюля, т. е. начала августа н. с., что же касается Греціи, то ея отгѣтъ уже послѣдовалъ. Министръ иностранныхъ дѣлъ, Трикуписъ отвѣтилъ нотой, въ которой объявилъ о безусловномъ подчиненіи Греціи рѣшенію великихъ державъ. Текстъ этой ноты появился въ официальной газетѣ. Населеніе встрѣтило событіе это съ живѣйшею радостью. Но—не слишкомъ ли торопятся греки радоваться? Порты общается от—

(Продолженіе на стр. 589, 590, 591 и 592).

Видъ Неаполитанскаго залива съ вершины Везувія. Открытіе желѣзной дороги. Кратеръ Везувія.
Открытіе желѣзной дороги на Везувій, 6 іюня 1880 г. Съ рисунка Лопера, грав. М. Рашевскій.

нѣтитъ не ранѣе 2-хъ недѣль! Уже это указываетъ на ея обычное намѣреніе затянуть дѣло съ обычнымъ искусствомъ сбѣжѣть.

Пограничные съ Греціей албанцы хвастаются тѣмъ, что въ состояніи выставить противъ эллинскихъ войскъ 60,000 человекъ хорошо вооруженныхъ солдатъ. Османская имперія, въ настоящую минуту, сильно походитъ на старый корабль, разшатанный бурями во всѣхъ частяхъ своихъ. Скрѣпляющія ихъ связи слишкомъ ослабли. Мы видимъ, что уже дѣло дошло до того, что сепаратистское движеніе охватило и мусульманскія народности, входящія въ составъ имперіи, какъ напримѣръ, мухамеданъ-албанцевъ. Теперь возникаетъ сомнѣніе въ твердость солидарности съ Турціей одной изъ главныхъ провинцій ея—Сиріи. Еще Лейардъ писалъ въ своей депешѣ отъ 27-го апрѣля: „въ Сиріи ненависть къ господству Константинополя и рѣшимость избавиться отъ него образуютъ соединяющее звено между мусульманами и христіанами.“ Повидимому, обстоятельствомъ этимъ задумалъ воспользоваться нынѣшній генералъ-губернаторъ Сиріи, извѣстный Мидхадъ-Паша. Его подозрѣваютъ съ желаніемъ учредить изъ провинціи этой нѣчто въ родѣ Египетскаго хедивата. По крайней мѣрѣ, въ присланномъ имъ въ Константинополь проектѣ реформъ, онъ испрашиваетъ себѣ у Султана ни больше, ни меньше какъ значительнѣйшую долю правъ верховной власти, если не все до нея.

Порта больше уже не надѣется на Англію и ищетъ себѣ новаго союзника въ Германіи. Она обратилась недавно къ германскому правительству съ просьбою—прислать ей извѣстное число нѣмецкихъ офицеровъ и чиновниковъ судебного и финансового вѣдомствъ. Германское правительство отнеслось весьма предупредительно къ такому, лично выраженному султаномъ желанію и, какъ сообщаютъ изъ Константинополя, туда уже прибылъ одинъ изъ чиновниковъ. Порта уже официально предложила державамъ замѣнить, для Черногоріи, Дульцино территоріей, расположенной между Скутарійскимъ озеромъ и Адриатическимъ моремъ.

Министерство графа Таафе, стоящее нынѣ во главѣ правленія Австро-Венгрии, поставило себѣ, въ дѣлѣ внутренней политики, главною цѣлью примиреніе различныхъ элементовъ между собою, и въ особенности славянскаго съ двумя прочими. Цѣль эта, однако, оказалась слишкомъ трудною. Съ поднатѣемъ славянскаго духа, послѣ всѣхъ недавнихъ великихъ событий, столь много содѣйствовавшихъ тому, — австрійскіе славяне сознали и свои права, и силу свою. Они поняли ту роль, которую играли въ Австріи до сихъ поръ, и ту, которую могутъ играть, а потому никоимъ образомъ не желаютъ больше подчиняться гегемоніи какого либо другаго элемента въ государствѣ. Съ особенною силою выразилось это въ Богеміи, гдѣ, повидимому, и крупные землевладѣльцы, не поддержи-

вавшіе прежде національныхъ стремленій, начинаютъ провиняться ими.

Франція отпраздновала 14-е іюля т. е. годовщину взятія Бастиліи. Парижъ иллюминировался еще наканунѣ. Собственно правительство, на украшеніе города въ день этотъ, ассигновало 500 тысячъ франковъ. Грѣзы, въ день торжества, произвелъ смотръ войскамъ, которымъ были розданы при этомъ новыя знамена, и обратился къ арміи съ рѣчью. Дѣло амнистіи окончено совершенно, хотя сенатъ и сильно противился началу мѣрѣ этой, прошедшей, благодаря только тому, что правительство сумѣло согласить обѣ палаты къ взаимнымъ уступкамъ. Въ силу этого соглашенія амнистія распространена на тѣхъ только комунаровъ, которые обвинены были исключительно въ преступленіяхъ политическаго характера и которымъ наказанія уже были смягчены; но оказывается теперь, что изъ 805 комунаровъ, не получившихъ еще помилованія, всего 9 человекъ не подлежатъ амнистіи на основаніи новаго закона. Они были обвинены за обыкновенныя преступленія и воспользуются однимъ только помилованіемъ, безъ возвращенія имъ политическихъ правъ. Однимъ изъ наиболѣе энергическихъ противниковъ амнистіи, въ сенатѣ, былъ Жюль Симонъ. Полагаютъ, однако, что онъ, въ этомъ случаѣ, шелъ противъ предложенія правительства не совѣстмъ искренно, а болѣе оттого, что оно поддерживалось Гамбеттой и партіей его. Дѣло въ томъ, что съ нѣкоторыхъ поръ, между обоими—Ж. Симономъ и Гамбеттой—возникъ довольно явный антагонизмъ, причѣмъ первый сталъ на сторону и во главѣ консервативнаго отгѣнка республиканской партіи, тогда какъ второй руководитъ прогрессистами. Но какую роль будутъ играть оба эти отгѣнка въ виду очевидно усилившейся радикальной фракціи.

Въ Италіи, министерству Кайроли удалось, наконецъ, добиться отмены давно тяготѣвшаго надъ народомъ и непопулярнаго налога на поможь.

Успѣхъ войны, все еще продолжающейся между Перу и Боливіей съ одной стороны, и Чили съ другой, окончательно на сторонѣ чилийцевъ. Они предлагаютъ теперь миръ на условіяхъ, чтобы нѣкоторая часть территоріи, два перуанскія броненосца и крѣпостная артиллерія города Каллао были уступлены и переданы Чили, чтобы Перу выплатила ей 2500000 песетовъ военной контрибуціи а также, чтобы Перу, въ продолженіи 20 л., не увеличивала своего военного флота и т. д. Какъ ни истощена Перуанская республика настоящей войной, но населенія и слышать не хотятъ о подобныхъ условіяхъ и желаютъ продолженіе войны.

Въ Авангистанѣ и до сихъ поръ еще не устроенъ порядокъ, нѣтъ еще эмира: Абдуррахманъ-ханъ подвигается очень медленно, желая не временнаго, но прочнаго успѣха. Едва ли можно сомнѣваться въ томъ, что престолъ Шира-Али, Достъ-Магомета будетъ принадлежать ему.

НОВЫЯ КНИГИ.

Даль. В. Немировича-Данченко. Спб. 1880 г.

Въ гостяхъ. Его же. Спб. 1880 г. Эти двѣ книжки, изданныя очень изящно, представляютъ собраніе мелкихъ рассказовъ и путевыхъ очерковъ неумоимаго путешественника г. Немировича-Данченко. Живой, всегда яркій, образный рассказъ, отсутствие растянутасти, часто губящей такіе очерки, интересъ самыхъ рассказовъ—все это достоинства хорошо извѣстнаго читателямъ автора—многочисленнымъ, такъ какъ онъ пишетъ и печатаетъ очень много. Въ настоящихъ книжкахъ есть весьма талантливыя очерки какъ напр. „Прапорщикъ Марья Петровна“, „Деревенскій князь“, „Калмыцкій монастырь“ и друг.

Ботаника д-ра де-Бари Спб. 1880. Эта маленькая книжка страбургскаго профессора де-Бари, всего въ 180 стр. довольно раз-

гонисто напечатанныхъ, содержитъ въ себѣ изложеніе свѣдѣній по ботаникѣ для первоначальныхъ занятій. Она написана живо и можетъ пріохотить ребенка къ предмету. Въ текстѣ есть недурно исполненные рисунки.

Дамская верховая ѣзда, 1880 г. Спб. Гартъе. Это хорошее руководство въ этомъ родѣ, а потому можетъ быть рекомендовано любительницамъ верховой ѣзды, и ихъ руководителямъ. Написана она на русскомъ и французскомъ языкахъ и рѣшительно всякому можетъ быть удобопонятна.

Въ самомъ текстѣ, есть 19 пояснительныхъ картинокъ. Такое пріятное и полезное развлеченіе, какъ верховая ѣзда—хорошимъ наѣздникамъ, можетъ дѣйствительно доставить большое удовольствіе, но едва ли оно полезно неправильно ѣздящимъ амазонкамъ.

С М Ъ С Ъ.

Новый телефонъ. Въ лондонскомъ королевскомъ обществѣ нѣкто Присъ недавно прочелъ статью о различныхъ тепловыхъ дѣйствіяхъ электрическихъ токовъ. Онъ говоритъ, что крайне тонкія проволоки пріобрѣтаютъ и теряютъ теплоту чрезвычайно быстро и бывають такъ чувствительны къ линейному расширенію, что въ случаѣ введенія въ кругъ микрофоннаго проводника, онѣ воспроизводятъ звуковыя колебанія. Такимъ образомъ простой звучащій дискъ и тонкая проволока—вотъ и все, что нужно для воспроизведенія рѣчи съ тою же полнотою, какую Беллъ получаетъ съ помощью электро-магнита, Эдисонъ—съ помощью электро-химическаго дѣятеля, и Гюкль съ его микрофоннымъ принципомъ. Телефонъ Приса, если и не окажется такимъ же практичнымъ при употребленіи, какъ другіе, во всякомъ случаѣ простоту устройства онъ доводитъ до крайняго предѣла.

Освященіе электричествомъ внутреннихъ частей тѣла. Въ послѣднемъ засѣданіи германскаго электротехническаго союза, были произведены любопытные опыты съ новыми электрическими приборами. Въ полости тѣла животныхъ вводились пла-

тиновыя спирали, прикрѣпленныя къ рефлекторамъ, и внутренности освѣщались электрическимъ свѣтомъ гораздо ярче, нежели это удавалось сдѣлать до настоящаго времени. Такъ, въ желудокъ живой щуки была введена посредствомъ зонда платиновая проволока, помѣщенная въ стеклянномъ резервуарѣ. Едва успѣлъ электрическій токъ пробѣжать по этой проволокѣ, какъ щука сдѣлалась совершенно прозрачною, такъ что просвѣтъ глазомъ можно было видѣть расположеніе и дѣйствіе всѣхъ внутреннихъ органовъ. Въ продолженіе опыта щука держалась совершенно смирно, а когда проволока была вынута обратно изъ желудка, щука принялась опять плавать какъ ни въ чемъ не бывало.

Пѣніе рыбъ. Датскій естественныиспытатель Сорейсенъ, прожившій продолжительное время въ Америкѣ, съ цѣлью изученія различныхъ видовъ рыбъ, вопреки обыкновенному мнѣнію, что всѣ рыбы безгласны, доказалъ, что нѣкоторые виды рыбъ издаютъ весьма разнообразныя звуки. При изслѣдованіи большаго числа этихъ рыбъ оказалось, что звуковой аппаратъ заключается въ единственномъ воздушномъ резервуарѣ, которымъ

обладают рыбы, а именно, въ плавательномъ пузырьѣ, который у этихъ видовъ рыбъ представляетъ настоящей голосовой органъ. На поверхности плавательнаго пузыря находятся мускулы, которые могутъ сокращаться; внутри его особия оболочки, образующія перегородки, которыя оставляютъ между собою только узкіе промежутки для прохождения воздуха. У некоторыхъ видовъ рыбъ упомянутый наблюдатель нашелъ даже части, сходныя съ колеблющимися струнами. Вслѣдствіе сокращенія наружныхъ мускуловъ и передвиженія воздуха внутри пузыря, происходятъ звуки, которые, выходятъ черезъ ротъ.

Воздушную желѣзную дорогу Парижъ также, по примѣру Нью-Йорка и Берлина, предполагаетъ устроить прежде всего на бульварахъ.

Г. Фалье, берущійся за это дѣло, предлагаетъ извѣстныя приспособленія для устраненія шума отъ тренія колесъ и предупрежденія схода поѣзда съ рельсовъ. Предполагается провести три линіи рельсовъ, изъ которыхъ средній, по которому бѣжитъ колесо локомотива, для избѣжанія шума, обложенъ

резинной. Резина эта, пустая внутри, снаружи имѣетъ разрывъ, куда входятъ грибообразныя клинья, на подобіе опрокинутаго рельса. Клинья эти прилегаютъ плотно къ локомотиву и вагонамъ и не дозволяютъ сходить поѣзду съ рельсовъ. Двѣ другія линіи рельсовъ покрыты также резиновыми полосами, Планъ Фалье разнится отъ плана Сименса и Гальске только тѣмъ, что въ планѣ послѣдняго нѣтъ локомотива, а поѣздъ движется при помощи электричества.

Фирма Сименсъ и Гальске предполагаетъ также устроить воздушное почтовое сообщеніе. Если это предположеніе приведется въ исполненіе, то расходы по устройству будутъ самыя незначительныя и сократятся расходы желѣзныхъ дорогъ, отправляющихъ нарочные почтовые поѣзды.

Сименсъ предполагаетъ на полотнѣ желѣзной дороги укрѣпить на желѣзныхъ столбахъ трубы, въ которыхъ могли бы двигаться съ быстротою вѣтра, маленькіе вагончики, наполненные письмами. Вагончики эти приводятся въ движеніе помощью электричества.

Задача буквъ № 54.

Г. Воборск.

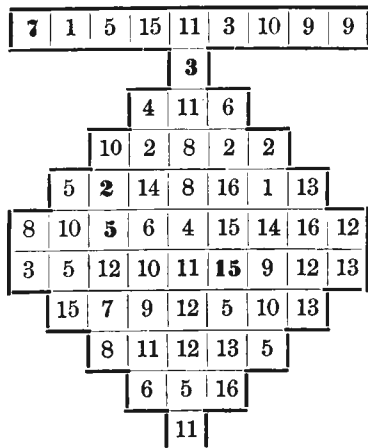
Изъ данныхъ 59 буквъ составить 16 словъ и затѣмъ буквы этихъ словъ, соотвѣтственно цифрамъ, размѣстить въ клеткахъ прилагаемой фигуры такимъ образомъ, чтобы составилась фамилія одного изъ современныхъ русскихъ писателей и названія его четырехъ, наиболѣе замѣчательныхъ, произведеній, при чемъ цифры, напечатанныя болѣе крупнымъ шрифтомъ, означаютъ начальныя буквы фамиліи и названія каждаго изъ произведеній.

Буквы:

а, а, б, в, в, в, в, г, д, д, д, д, е, и, и, и, і, й, к, к, л, м, н, о, о, о, о, о, о, о, о, н, р, р, р, с, с, с, с, т, т, у, х, ч, ш, щ, ъ, ъ, ъ, ъ, ъ, ъ, ъ, ю, я, я.

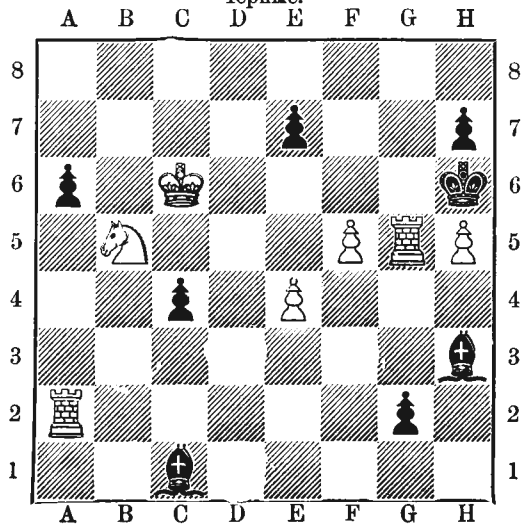
Слова:

- 1) Русское кушанье.
- 2) Одежда.
- 3) Число.
- 4) Мѣтониміе.
- 5) Русскій пѣвецъ.
- 6) Вещество, вредное для организма.
- 7) Рѣка въ Европѣ.
- 8) Плодь.
- 9) Мужское имя.
- 10) Знакъ препинанія.
- 11) Выраженіе веселья.
- 12) Насѣкомое.
- 14) Одна изъ партій въ Англии
- 14) Нога.
- 15) Животное.
- 16) Канавка.

Шахматная задача № 55.

Черные.

Бѣлые.

Бѣлые начинаютъ и выигрываютъ въ 4 хода.

Алгебраическая задача № 56.

Название города пишется 4 буквами. Если вмѣсто этихъ буквъ взять числа указывающія мѣста, занимаемыя этими буквами въ русск. алфавитѣ, то разность перваго и третьяго числа будетъ равняться суммѣ втораго и третьяго. Удвоенная сумма перваго и втораго чиселъ будетъ равняться числу недѣль въ году, а первое число безъ удвоенной суммы третьяго и четвертаго чиселъ равно числу дней въ недѣлѣ. Узнать названіе города, если извѣстно еще, что сумма перваго и послѣдняго чиселъ равняется удвоенному второму числу.

ПОЧТОВЫЙ ЯЩИКЪ.

А. Нозловской, Н. Яковлеву, А. Гуну и др. Просьба выслать №№ „Нивы“ подписчикъ часто не сообщаютъ въ письмахъ своихъ адресовъ или № билета. Такимъ образомъ — такъ какъ много однофамильцевъ — невозможно знать, куда можно послать. Просимъ непременно сообщать адресъ.

Mrs W. S. Phillips. Philadelphia. Въ отвѣтъ на ваше письмо отъ 28-го іюня, по поводу помѣщеннаго у насъ рисунка, изображающаго Вальдшнепа, отмѣчаемъ здѣсь, что латвское названіе этой птицы Scolopax rusticola.

СОДЕРЖАНІЕ: А. А. Сабуровъ (съ портр.)—Нупленное счастье. Романъ Н. Морскаго. (Продолженіе).—Зарница. Историческая быль В. Политковскаго. (Продолженіе).—Павловскъ (съ рис.)—Полѣсскія свята. Изъ очерковъ Полѣсскія М. Волотовскаго (съ рис.)—Лѣтомъ (съ рис.)—Въ тяжелую минуту (съ рис.)—Церковь Маріи Милостивой въ Миланѣ (съ рис.)—Желѣзная дорога на Везувій (съ 3 рис.) Политическое обозрѣніе. — Новыя книги.—Смѣсь. — Задача буквъ.—Шахматная задача.—Алгебраическая задача.—Почтовый ящикъ.—Объявленія.

Издатель А. Ф. Марксъ.

Редакторъ Ф. Бергъ.

О Б Ъ Я В Л Е Н І Я.

МОЖНО ПОЛУЧАТЬ

въ Москвѣ въ собственныхъ магазинахъ: Никольская ул., домъ Востажкогдо. Ильинка, д. Троицкаго подворья. Петровка, домъ Петровскихъ лавій.

Въ С.-Петербургѣ:

у Рузанова, Савельева, Сафоронова, Аверьянова, Урлаубъ и Рейнбергъ. Литейная, на

углу Васильевъ улицы, и у прочихъ главнѣйшихъ торговцевъ.

№ 610. 16—12.

ЭЛЕКТРИЧЕСКАЯ ПРОВОЛОКА,

изолирована нитеями, бумагою и шелкомъ, изготовляется въ мастерской Бухгольца. С.-Петербургъ, Надеждинская улица, домъ № 18, квар. № 30. К. № 809

Изданія А. Ф. Маркса въ С.-Петербургѣ.

Большая Морская, д. № 9.

ВЪ КАМЫШАХЪ, повѣсть Н. Каразина, съ 39 рисунками автора. большой томъ in 8—всего 304 стр. Цѣна 2 р., съ перес. 2 р. 30 к. Подписчики „Нивы“ за перес. не платятъ.

Повѣсть эта арками красками рисуетъ жизнь Туркестанскаго края; достоинства ея достаточно доказываются уже тѣмъ, что повѣсть эта переведена на нѣмецкій, французскій и англійскій языки. Книгъ вышедшее второе изданіе заключаетъ въ себѣ 36 рисунковъ; оно гораздо богаче и лучше тѣмъ, уже распространенное, первое изданіе этой повѣсти.

№ 7 ВЛАДИМИРСКАЯ № 7
ДЛЯ САДОВЪ И КОМНАТЪ
БЕНГАЛЬСКІЕ ОГНИ:
 Красныя, желтый, синій, фиолетовый и пр. цвѣта въ патронахъ по 15 и 25 коп.
Электрическій свѣтъ 20 коп.
Огнидышція колеса 20 коп.
Римскія свѣчи и волшебные звѣзды.
Огнидышція колеса 20 к.
Фонари для иллюминаціи отъ 4 к.
 Продажъ оптомъ и въ розницу.
 Иногородные заказы исполняются немедленно. Дено Химическихъ лабораторій и заграничныхъ фабрикъ.

№ 7 ВЛАДИМИРСКАЯ № 7
ФОТОГРАФЪ
ПЕЙЗАЖИСТЪ
 снимаетъ дачи, группы на дачахъ, желѣзныя дороги, мосты и проч., тоже увеличиваетъ карточки и дагеротипы.
 Адресъ: СПб. Клинскій проспектъ близъ Забалканскаго, д. № 29, кв. № 21. № 789

СЪ РАЗРѢШЕНІЯ С.-ПЕТЕРБУРГСКОГО МЕДИЦИНСКАГО НАЧАЛЬСТВА
НИЛЬСОНЪ

ЭКСТРЕ-ДЕ-ТУАЛЕТЪ

Уничтожаетъ съ лица пятна, загаръ, угри, прыщи, веснушки, желтизну, пропадаютъ и морщины; придаетъ лицу бѣлизну, нѣжность и бархатистость; экстре Нильсонъ превосходитъ съ до сихъ поръ извѣстныя косметическія средства. Цѣна флакону 3 р. 25 к. съ перес. 4 р., полфлакону 1 р. 75 к. съ перес. 2 р. 50 к.

ПУДРА НИЛЬСОНЪ.

Самаго высокаго достоинства, освѣжающая, хорошо держится на лицѣ, невѣроятная даже при дневномъ свѣтѣ. Цѣна 50 к. безъ лущка, съ лущкомъ 70 к.

МЫЛО НИЛЬСОНЪ.

Это мыло даетъ отличную бѣлу, очищаетъ кожу, предохраняетъ отъ загара и придаетъ кожѣ бѣлизну и нѣжность. Цѣна 50 к., съ перес. за три куска 2 р.

Продажа въ С.-Петербургѣ:
 Въ гостинномъ дворѣ, въ магазинѣ: Рузанова, № 40, Саблукова, № 39; Ушакова, № 33; Парикова, № 78; Сафронова, по Банковской линіи.
 Невскій пр., д. № 3, у à la Реномме.
 Невскій пр., д. № 25, въ магазинѣ Штейнберга.

На углу Вознесенскаго моста, д. № 25, въ косметическ. мага.
 Въ пассажѣ, № 44, въ магаз. Ла-шерь.
 Владимірскаго просп., д. № 7, въ депо химическихъ лабораторій.

Главный складъ для всей Россіи, въ С.-Петербургѣ, Владимірскаго Пропс., домъ № 7, кв. № 4. Иногородные заказы исполняются немедленно. Оптовымъ покупателямъ соотвѣтственная скидка.

Продажа въ Москвѣ:
 Въ химической лабораторіи Козлова, по Никольской ул., въ провѣдт. в. Третьякова.
 Въ магазинѣ „Городъ Парижъ“ Дарванса, по Газетной ул., д. Шевалье.
 Въ магазинахъ Брокеръ и К°, на Петровкѣ, домъ товарищества петровскихъ торговыхъ линій.
 Въ магазинѣ Гермитъ на Тверской, домъ Олсуфьева.
 На нижегородской ярмаркѣ, подъ главнымъ домомъ.

ЖЕНСКАЯ ЛѢЧЕБНИЦА
Д-ра М. О. БОВЕ,
 (Абатъ, близъ ц. св. Николая, что въ Плотничкѣ, въ д. Авдѣевой, 3-й подъѣздъ ст. Бривинкольскаго переулка).
ВЪ МОСКВѢ.
 Специальное лѣченіе болѣзней: женскихъ, дѣтскихъ и внутреннихъ.
 Въ особомъ отдѣленіи лѣчебницы имѣются отдѣльныя комнаты со всѣми удобствами, для помѣщенія беременныхъ, больныхъ, а также дѣтей, отдаваемыхъ на воспитаніе.
 П. М. № 811

ТОРГОВЫЙ ДОМЪ
ПАВЕЛЬ ВЫДРИНЪ и СЫНЪ.
 (Москва, Тверская, д. Полякова).
 Продажа выигранныхъ билетовъ съ азсрочкою платежа. Задатовъ 15 руб.
 Страхование по 50 коп.
 Условія выснаетъ бесплатно.
 № 726-6

КЛЕЙ I-й с.
 въ плиткахъ, предлагаетъ по очень дешевой цѣнѣ съ доставкой въ Варшаву фабрика Th. Pirkosch Ratibor preuss. Schlesien D. 14048 № 772 8-6

С.-ПЕТЕРБУРГОСКАЯ ХИМИЧЕСКАЯ ЛАБОРАТОРІЯ.
О-ДЕ-КОЛОНЪ весьма освѣжительный, душистый и чрезвычайно крѣпкій двойной по 30 к., тройной по 40 к. № 4 зрствуетъ по 50 к.
ТУАЛЕТНЫЙ УКСУСЪ разрѣшенный С.-Петербург. Врачебн. Управою оживляетъ и освѣжаетъ кожу своими ароматическими составными частями, онъ также отличное средство для куревія въ комнатахъ, гдѣ заходятся больные и вообще въ мѣстахъ, гдѣ воздухъ испорченъ, флак. 80 к.
 Уксусъ Виолетъ де-Парижъ превосходный по 75 к.
 Уксусъ карболовый анти-эпидемическій по 45 и 75 к.
ОСТЕРЕГАТЬСЯ ПОДРАМАНІИ
 въ которыхъ прибѣгаютъ нѣкоторые фабриканты, принявшіе названія фирмъ, близко подходящихъ къ фирмѣ С.-Петербургской Химической Лабораторіи, и копирующіе наружную видъ произведеній ея.
 Обращать вниманіе при покупкѣ каждаго предмета на точность фирмъ:
„С.-П.-БУРГСКАЯ ХИМИЧЕСКАЯ ЛАБОРАТОРІЯ“.
ЕДИНСТВЕННЫЕ МАГАЗИНЫ ВЪ С.-ПЕТЕРБУРГѢ:
 1) Невскій проспектъ, д. № 32, Екатолич. церкви.
 2) Невскій просп., у Анничова моста, № 66.
 3) Вознесенскій просп., уголъ Баянскоя ул., домъ № 18—54, Шредера.
 Всѣ прочіе, магазины и лавки, имѣющіе вывѣсны, сходныя съ вывѣскою С.-Петербургской Химической Лабораторіи, ей не принадлежатъ.

Желѣзистыя воды **КУПАНЬЯ С. МОРИЦЪ.** Лучшія климатическія условія.
 1-го разряда.
 Въ Оберъ-Энгодинѣ. Швейцарія. 1769 м. надъ поверхностью моря.
 Сезонъ съ 15 Іюня по 15 Сентября.
 Отели: Кургаузъ, Виктория и Ди-Лакъ.
 D. 14274. № 751 8-6.

„ТВЕРДОСТЬ ХАРАКТЕРА“.
 Романъ изъ современной жизни, съ событіями послѣдней войны 1876—1877 гг.
 Сочиненіе В. Марына. Цѣна 2 руб., съ пересылкою 2 руб. 25 коп. Книгопродавцамъ обычная уступка.
 Складъ изданія въ книжной торговлѣ при редакціи „Собранія Романовъ“, въ домѣ Жербана, на Михайловской площади, въ С.-Петербургѣ. № 504 10-6

ВАЖНО ДЛЯ СЕЛЬСКАГО ХОЗЯЙСТВА.
Франкфуртскія молотилки системы Вейла.
 Должны быть въездѣ, гдѣ молотятъ. Это самыя лучшія, прочныя и извѣстныя, дешевыя машины этого рода. Всякій работникъ можетъ ихъ поставить, каждый подошникъ можетъ ими пользоваться) съ ними справиться, каждый кузнецъ можетъ ихъ починить.
 Машины эти, съ чистильникомъ или безъ него, доставляются на каждую желѣзнодорожную станцію. Самой малой величины молотилка стоитъ только 76 рублей. По письменному требованію иллюстрированный каталогъ у **МОРИЦА ВЕЙЛА** младшаго.
 Машиная фабрика въ Франкфуртѣ-на-Майнѣ (въ Германіи).
 Корреспонденція по русски.
 Prt. № 652 13-9

ВНОВЬ ПОЛУЧЕНЫ ИЗВѢСТНЫЕ
Автоматическіе карандаши,
 которые можно носить удобно въ карманѣ, снабжены весьма практичнымъ механизмомъ, предохраняющимъ штифтъ отъ поврежденія.
ЦѢНА КАРАНДАША 50 КОП.
 Для провинціи цѣна съ пересылкою 2 р. за 3 карандаша.
 С.-Петербургъ, главное депо резиновыхъ издѣлій
ЛИМАНА и РИКСА.
 въ СПБургѣ.
 № 16. ГОРОХОВАЯ УЛИЦА. № 16.
 между Большой Морской и Краснымъ мостомъ
 Мт. № № 814 3-1

ГГ. ОФИЦЕРАМЪ
 рекомендуемъ нашъ большой складъ непромокаемыхъ английскихъ шерстяныхъ матерій, при которыхъ резиновый слой не замѣтны:
 Для гг. генераловъ: матерія сѣраго цвѣта на красной подкладкѣ.
 Для гг. офицеровъ отъ инфантеріи и кавалеріи: матерія сѣраго цвѣта на красной подкладкѣ.
 Для гг. офицеровъ флотскихъ } черная матерія на Горнымъ инженерамъ и лѣснаго вѣдомства } черной подкладкѣ.
 Пальто по мѣрѣ беремъ сдѣлать въ самое короткое время, также принимаемъ поставку непромокаемыхъ пальто для цѣлыхъ полковъ съ значительной уступкою по самымъ дешевымъ цѣнамъ.
БОЛЬШОЙ СКЛАДЪ ЛЮБИМЫХЪ ШВЕДСКИХЪ КОЖАНЫХЪ КУРТОКЪ
 на красной фланели, которыя удобно можно надѣвать подъ форменнымъ сюртукомъ.
 С.-ПЕТЕРБУРГЪ, ГЛАВНОЕ ДЕПО РЕЗИНОВЫХЪ ИЗДѢЛІЙ
ЛИМАНА И РИКСА
 № 16. Гороховая ул. № 16. д. Корпуса
 между Большою Морскою и Краснымъ мостомъ.
 Мт. № 875 въ СПб. 8-1

БАНКИРСКАЯ КОНТОРА ЯКОБСОНЪ.
 С.-ПЕТЕРБУРГЪ, Литейный проспектъ, д. № 21.
Продажа 5⁰/₁₀ съ выигр. билет. съ разсрочкою платежей, съ задаткомъ по 20 руб. на билетъ.
 Выигрыши, курсовая разница и купоны составляютъ собственность покупателя.
Страхование отъ тиража 5⁰/₁₀ съ выигрышами билетовъ по 50 к.
 Отъ гг. иногородныхъ, включая почтовые расходы, по 60 коп. за билетъ.
 Всѣ биржевыя и банкирскія операціи по покупкѣ, продажѣ и залогу бумагъ отъ гг. иногородныхъ исполняются по письменнымъ приказамъ черезъ почту.
 Приемъ на комиссію 5% билетовъ для обмѣна на новыя.
 Подробная программа операцій помѣщена въ „Нивѣ“ № 5 сего года.
 № 872 6-1

НИВА

ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ
ЖУРНАЛЪ
ЛИТЕРАТУРЫ

XI годъ
№ 30

годъ XI
1880

ПОЛИТИКИ И СОВРЕМЕННОЙ ЖИЗНИ.

ВЫХОДИТЪ ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫМИ №№ ВЪ ДВА ЛИСТА СЪ 8—10 РИС. И ЕЖЕМЕСЯЧН. ДАРОВЫМЪ ПРИЛОЖЕНИЕМЪ „ПАРИЖСКИХЪ МОДЪ“ (отъ 20 до 40 модъ. рис.) и ЛИСТА ЧЕРТЕЖ. ВЫКРОЕКЪ (отъ 22 до 30 рис.) разн. рис. рукод. работъ (отъ 20 до 40 рис.) Цѣна этого № „Нивы“ 15 к. съ перес. 20 к.

ОБЪЯВЛЕНІЯ
для напечатанія въ „Нивѣ“ принимаются по 25 к. за строку непарелль (въ 1/4 ширины страницы).
КОНТОРА
журнала открыта ежедневно (кроме Воскресныхъ и праздничныхъ дней) отъ 10 ч. утра до 6 ч. вечера.

Открыта подписка на „НИВУ“ 1880 г.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА НА ГОДОВОЕ ИЗДАНИЕ „НИВЫ“:

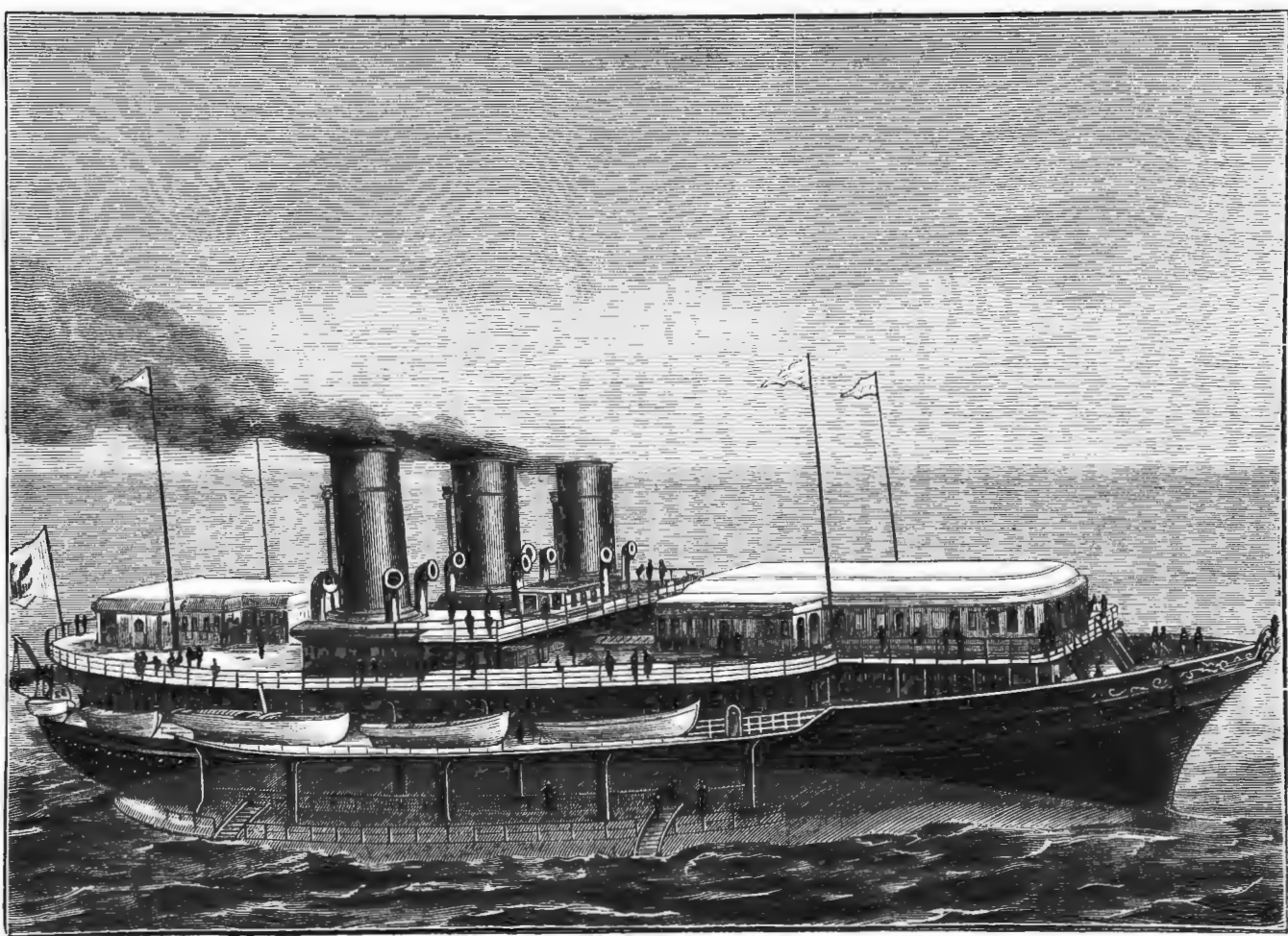
Безъ доставки въ Петербургъ . . . 4 р.
Съ доставкою „ „ . . . 5 р.
Безъ доставки въ Москвѣ чрезъ кн. маг. г. Шапошникова, Соловьева и Лангъ. 5 р.
Съ пересылкою въ Москву и другіе города Россіи 6 р.

На полгода безъ доставки 2 р., съ доставкою 2 р. 50 к., съ пересылкою иногороднымъ 3 р.

Каждый новый подписчикъ получаетъ все уже вышедшіе въ 1880 г. номера.

ПРИЛОЖЕНІЯ.
Особые приложенія при „Нивѣ“ объявленія отъ торговыхъ домовъ принимаются для иног. по 5 р. съ тысячи, для городскихъ по 4 р.
РУКОПИСИ
Мелкія рукописи и стихи неудобныя къ печати, авторамъ не возвращаются.

КОНТОРА ЖУРНАЛА „НИВА“ ПОМѢЩАЕТСЯ ВЪ С.-П.-БУРГѢ НА Б. МОРСКОЙ ВЪ Д. № 9.

Новая Императорская яхта „Ливадія“. По фотогр. грав. М. Ращевскій.

НОВАЯ ИМПЕРАТОРСКАЯ ЯХТА „ЛИВАДИЯ“.

Недавно построенная на доках Эльдера и Коми, близъ Гласгова, по заказу нашего правительства, Императорская яхта „Ливадія“ представляетъ собою одно изъ замѣчательнѣйшихъ изъ подобнаго рода сооружений по оригинальности и новизнѣ своей формы и по тѣмъ приспособленіямъ, которыя не встрѣчались еще до сихъ поръ въ дѣлѣ кораблестроенія. Проектъ „Ливадіи“ былъ составленъ нашимъ извѣстнымъ адмираломъ Поповымъ, который провѣривъ свои соображенія многочисленными опытами, представилъ свой планъ Его Высочеству Константину Николаевичу. Великій Князь одобрилъ проектъ и приказалъ немедленно приступить къ постройкѣ. Чтобы дать понятіе о быстротѣ постройки, достаточно сказать, что восемь мѣсяцевъ тому назадъ яхта существовала лишь на бумагѣ, но дѣло велось такъ энергично, благодаря усиліямъ и заботамъ морскихъ строителей Пирса и нашего соотечественника Гуляева, что теперь яхта готова для самаго дальняго плаванія. Форма новой яхты вполне своеобразная, какъ это можно видѣть на прилагаемомъ нами рисункѣ; центральное, обыкновеннаго вида, судно имѣетъ съ каждой изъ своихъ сторонъ рыбовидныя подстройки, цѣль которыхъ—сдѣлать яхту менѣе чувствительной къ качкѣ во время сильнаго морскаго волненія.

Размѣры яхты грандіозны: длина ея 260 фут., ширина 150 фут.; высота 50 фут., вмѣстимость—11,609 тоннъ. Яхта приводится въ движеніе тремя паровыми машинами и имѣетъ ско-

рость 14 узловъ въ часъ. Экипажъ опредѣляется въ 260 чел.

Въ рыбообразной нижней части судна находится помѣщеніе для угля и различнаго рода припасовъ; въ средней части помѣщаются офицеры и экипажъ; на верхней же палубѣ находится помѣщеніе для Высочайшихъ особъ и для свиты. Кругомъ всей нижней палубы идетъ сплошная галлерей, приспособленная для опусканія якорей, швартовки судна и для спуска шлюпокъ, которыхъ при яхтѣ полагается одиннадцать.

Царскія помѣщенія отличаются какъ обширностью такъ и изяществомъ отдѣлки; такъ пріемная комната вышиною въ 12 футовъ, украшена фонтаномъ и роскошно убрана во вкусѣ Людовика XVI. Другія комнаты отдѣланы проще, но чрезвычайно комфортабельно. Позади трехъ гигантскихъ трубъ возвышается павильонъ съ помѣщеніемъ для Великаго Князя Генераль-Адмирала и для командира яхты.

Спускъ яхты совершился съ большою торжественностью, въ присутствіи Великаго Князя Алексѣя Александровича, герцога Гамильтонъ, князя Лобанова-Ростовскаго, князя Шаховскаго и другихъ высокопоставленныхъ лицъ. Публики собралось тысячъ до 10 чел., громкіе, неумолкаемые крики восторга привѣтствовали торжественный моментъ, когда великолѣпная яхта вышла изъ дока и когда передъ глазами необозримой толпы, обрисовалась вполне ея массивная и своеобразная форма.

ЖУПЛЕННОЕ СЧАСТЬЕ.

Романъ Н. Морскаго.

(Продолженіе).

XVIII.

Исторія „блага покрывала“ въ миниатюрѣ.

Она была набожна и непремѣнно хотѣла напутствовать его молебномъ, такъ что когда онъ вышелъ утромъ слѣдующаго за ея внезапнымъ рѣшеніемъ дня въ залъ, то все уже было готово къ предстоящему молебствію. Мебель изъ одного угла комнаты вынесли и на опорожненномъ такимъ образомъ пространствѣ поставили столъ покрытый бѣлою скатертью съ двумя на немъ образами, одного—нерукотвореннаго Спаса, другаго—маленькаго въ серебряной ризѣ—Богоматери. Этотъ послѣдній образъ предназначался для напутственнаго благословенія. Кромѣ образовъ, на столѣ стояла небольшая миска съ водою, съ налѣпленными на краяхъ восковыми свѣчами; передъ образомъ Богоматери тоже находилась свѣча, прикрѣпленная ко дну опрокинутой чайной чашки. На столѣ лежалъ, принесенный священникомъ изъ церкви, вызолоченный крестъ и стояло маленькое, продолговатое блюдечко съ розовыми цвѣточками, наполненное ладаномъ.

Когда Столповскій вышелъ въ залъ, готовились начать молебенъ. Сѣдой священникъ со сморщеннымъ лицомъ вмѣстѣ съ толстымъ, краснымъ и лоснящимся діаконемъ, возились около кадила у одного изъ оконъ зала. Кромѣ ихъ находилась и еще публика, ютившаяся по близости дверей ведущихъ въ переднюю, публика состоящая изъ лакеевъ и горничныхъ, собравшихся помолиться за отбѣжающаго, вѣроятно по какимъ нибудь важнымъ дѣламъ, молодого барина. Общую гармонію чинности нарушалъ только восьмилѣтній мальчуганъ Вася, сынъ прачки, пользующійся въ домѣ Столповскихъ нѣкоторыми привилегіями, вслѣдствіе того, что онъ былъ крестникъ самой m-me Столповской.

Влизавшійся отъѣздъ, разлука съ матерью, съ которой онъ до сихъ поръ не разлучался, весь устроенный ею церемоніаль, все это—Столповскій былъ увѣренъ—размягчить его слабую душу. Ему хотѣлось войти въ залъ въ то время, когда молебенъ уже начался бы, когда мать заняла бы свое мѣсто и онъ войдя такимъ образомъ, могъ бы стать гдѣ нибудь позади. Онъ пришелъ до начала и осмотрѣвъ залъ, не нашелъ въ немъ матери.

Поздоровавшись со священникомъ, который былъ его

духовнымъ отцомъ, Столповскій отъ нечего дѣлать сталъ смотрѣть въ окно, на сѣрое небо, однообразное и тоскливое, безцвѣтное, казалось ему, какъ вся его молодая жизнь, исполненная нерѣшительныхъ шаговъ, невысказанныхъ мнѣній, никому неповѣданныхъ чувствъ. Вдругъ онъ услышалъ, что дверь изъ гостиной отворилась. Произошло общее движеніе и ухо его отличило шелестъ шелковаго платья... Онъ зналъ, что это была его мать и вдругъ, за нѣсколько часовъ передъ тѣмъ какъ оставить ее на нѣкоторое время, сердце его упало и онъ понялъ всю крѣпость сѣтей, связывающихъ его съ матерью.

— Начинайте, батюшка, — услышалъ онъ, не рѣшаясь поднять своихъ опущенныхъ глазъ, ея голосъ.

Что же это? Онъ зналъ этотъ голосъ волнующимся и дрожащимъ слезами при произнесеніи всякаго чувствительнаго стиха. Она, казалось, могла съ полнымъ правомъ сказать о себѣ:

Harmonien hör'ich klingen,
Töne süßer Himmelsruh...

А теперь онъ слышитъ голосъ твердый, чуждый меланхолии и экспансивности. Что же это такое? Молебенъ начался и Столповскій рѣшился взглянуть на мать... Да она ли это?

M-me Столповская стояла посреди зала, стояла прямая и твердая, и во всей ея фигурѣ, въ ея мѣстѣ впереди всѣхъ, на виду всѣхъ молящихся въ залѣ, въ манерахъ, во всемъ было что-то неприступное и гордое. Того выраженія холоднаго безсердечія, которое виднѣлось на ея лицѣ, онъ не зналъ никогда. Онъ съ самаго нѣжнаго возраста своего зналъ это лице, согрѣтое теплотою сердечнаго огня, эти глаза, голубые, мечтательные глаза, теперь отгаливающие и недобрые глаза, онъ зналъ, онъ привыкъ видѣть ласковыми, увлажняющимися слезами, проливаемыми не отъ гнѣва, а отъ любви и состраданія. Онъ дивился и недоумѣвалъ, какъ эта прелестная рука съ длинными, сложенными для креста пальцами, какъ-то особенно, невыразимо жестко и твердо, дѣлала крестное знаменіе. И развѣ молилась она этимъ крестомъ, этими холодными и гордыми глазами? Молятся любящіе сердцемъ, а не гнѣвны. Среди молебна Столповскій замѣтилъ, какъ мать знакомъ подозвала къ себѣ своего крестника Васю и сказала ему, вѣрнѣе бросила одно слово: „платокъ!“ Вася удалился

и по прошествіи нѣсколькихъ минутъ подалъ ей кисейный носовой платокъ. Сынъ видѣлъ, какъ два тонкихъ пальца протянулись къ платку и не взяли, а съ какимъ-то пренебреженіемъ рванули его. Наивный мальчикъ недоумѣвалъ, кажется, что случилось съ барыней и выразилъ свое недоумѣніе тѣмъ, что съ разинутымъ ртомъ, глядя во все глаза, остановился передъ нею. Холодные и недобрые глаза указали ему на мѣсто, гдѣ онъ стоялъ прежде.

Свѣтлолиловое платье благородно отгѣняло ея блѣдное, увядшее лицо; ея бѣлокурые волосы, неспособные сдѣлать, были покрыты черною кружевною косынкой. Онъ все смотрѣлъ на нее, сознавая, что холоднымъ спокойствіемъ она вливалъ въ него, готоваго всякую минуту остаться съ нею, твердость и рѣшительность. Можетъ она дѣлала, поступала такъ, накладывала на себя личину—намѣренно? Ему припомнилась одна святая ложь, о которой онъ читалъ въ старинной венгерской легендѣ. Сына ведутъ на казнь. Улицы покрыты народомъ, женщины бросаютъ осужденному двадцатилѣтнему юношѣ цвѣты... Но онъ не замѣчаетъ знаковъ сочувствія, обращенныхъ къ нему; онъ думаетъ о томъ—будетъ помилованъ или нѣтъ? Вступая на площадь, гдѣ высится эшафотъ, онъ смотритъ въ одну точку, на балконъ, гдѣ по условію, въ случаѣ помилованія, мать его должна появиться въ бѣломъ покрывалѣ, въ противномъ случаѣ, если казнь не будетъ отмѣнена, въ черной одеждѣ. Спокойно возвышаясь надъ толпою—стоитъ неподвижно мать подъ бѣлымъ покрываломъ. О радость! онъ будетъ жить!.. Храбро вошелъ онъ по ступенямъ эшафота и, съ улыбкой надежды, умеръ... Мать солгала изъ боязни, чтобы сынъ передъ смертью не обнаружилъ страха. Онъ не на казнь идетъ, но мякнетъ и слабѣетъ. Быть можетъ видя это, мать своею твердостью, своею холодностью хочетъ влить въ него мужество, котораго ему недостаетъ.

Молебенъ кончился. Она хотѣла благословить его освященнымъ образомъ Богоматери и удалилась для этаго въ безлюдную гостиницу. Въ залѣ шумѣли, двигали стульями; священникъ съ діакономъ собирались уходить. Въ пустынной гостиной она осѣняла сына иконою, храня на своемъ лицѣ прежнюю серьезность. Онъ хотѣлъ взять у нея изъ рукъ образъ.

— Приложись и перекрестись, — остановила она его и когда онъ это сдѣлалъ, передала ему образъ и какъ-то беззвучно поцѣловала его въ лобъ:—будь здоровъ, пиши.

И приказала выносить вещи въ поданную карету. Всю дорогу она молчала, сказавъ, что у нея болятъ зубы и она боится разговоромъ на холоду усилить страданіе. Въ вокзалъ пріѣхали поздно и едва успѣвъ взять билетъ и сдать багажъ, Столповскому надо было торопиться занять мѣсто. Ни скорби, ни слезъ—торопливый поцѣлуй и легкое пожатіе руки.

Столповскій вошелъ въ вагонъ и сѣлъ у окна. Онъ видѣлъ, какъ къ матери подошелъ какой-то старый генералъ, поздоровавшись съ которымъ, она даже перестала смотрѣть на окна вагона, смѣялась чему-то; потомъ позвала провожавшаго ихъ лакея, указала ему на окно вагона, въ которомъ виднѣлось блѣдное лицо сына, и снова начала говорить съ генераломъ. Раздался третій звонокъ. Столповскій приподнялъ фуражку, прощаясь. Онъ не былъ убѣжденъ, но ему показалось, что, стройная фигура матери, закутанная въ мѣховую рогонду, какъ бы пошатнулась... Можетъ это показалось отъ сотрясенія поѣзда? Вотъ,—что она выронила муфту изъ рукъ, что къ ней приблизились знакомый генералъ и слуга,—это вѣрно... Въ тоже самое время она кивала ему своимъ блѣднымъ и... да, улыбающимся лицомъ.

Поѣздъ пошелъ скорѣе и все скрылось изъ его глазъ.

XIX.

Баринъ на новой квартирѣ.

Послѣ посѣщенія Гаврилова господинъ въ гороховомъ пальто или Ефимъ Егоровъ, когда-то крѣпостной господъ Кожуховыхъ, на имя котораго Клеопатра Петровна высылала своему супругу условленное мѣсячное содержаніе,—этотъ Егоровъ вскорѣ пріютилъ у себя Дмитрія Баринова. Дмитрій Баринъ на этотъ разъ какъ-то особенно долго страствовалъ вполне безопасно и его не схватывали и не засаживали въ часть, и затѣмъ не отсылали въ Марбургъ къ его пріятелю оберъ-бургомистру. Днемъ онъ просилъ милостыню въ очень людныхъ частяхъ города, собиралъ мало, продавалъ собранное гдѣ нибудь въ закуской около Сѣнной, и ночью отправлялся въ ночлежный пріютъ, дѣлая изъ исторіи своей жизни способъ прошенія милостыни. Многимъ изъ завсегдатаевъ пріюта онъ вскорѣ надоѣлъ своимъ разговоромъ съ мелодраматическими приемами, среди которыхъ прорывалось иногда и неподдѣльное чувство—и ему стали давать менѣе. Онъ спускался тогда въ простонародное отдѣленіе и старался тамъ разжалобить сердца. Это удавалось лучше, какъ потому, что простонародные почлежники вообще были великодушнѣе, такъ и потому, что составъ ихъ былъ непостояненъ, не являлся каждую ночь, какъ дѣлали завсегдатаи благороднаго отдѣленія. Поэтому повѣствованіе о происхожденіи Баринова не прислушивалось и повѣствователь получалъ за него иной разъ пятакъ, а иной и гривенничекъ отъ снисходительныхъ слушателей.

Однажды вечеромъ, направляясь по обыкновенію въ пріютъ, Баринъ повернулъ было уже на Обводный, когда кто-то шедшій за нимъ догналъ его и остановилъ за рукавъ. Баринъ оглянулся и при слабомъ мерцаніи фонаря узналъ въ остановившемъ его—господина въ гороховомъ пальто, котораго онъ изрѣдка встрѣчалъ въ пріютѣ. Егоровъ улыбаясь освѣдомился:

— Куда господинъ Дмитрій Баринъ такъ поспѣшать изволите?

— На ночлегъ... и вы туда же?

— Нѣтъ-съ, не туда... До дому пробираюсь.

Баринъ удивился:

— До дому,—вонъ вы какой!.. Зачѣмъ же вы въ почлежномъ-то ночуете, коли у васъ есть домъ?

— А почую я въ почлежномъ, другъ мой, затѣмъ,—наставительно произнесъ старецъ,—что ноги у меня слабы... По бѣдности я, между прочимъ, подальнѣе живу, ходить-то значитъ не мало приходится... Иной день такъ умаешься, что коли сюды ближе, нежели домой, сюды и направляешь стопы свои... Извозчика-то, братъ, нанимать дорого... Дешево, дешево надо пятиалтынный заплатить, а то и двугривенникъ. Оно и не по карману... — Такъ-съ.

Они стояли неподалеку отъ фонаря... Старикъ казался, что Баринъ какъ-то особенно пристально и внимательно разсматриваетъ его.

— Чего ты, иль впервые встрѣтились? спросилъ онъ съ отгѣнкомъ легкаго неудовольствія въ голосѣ.

Баринъ отвѣтилъ:

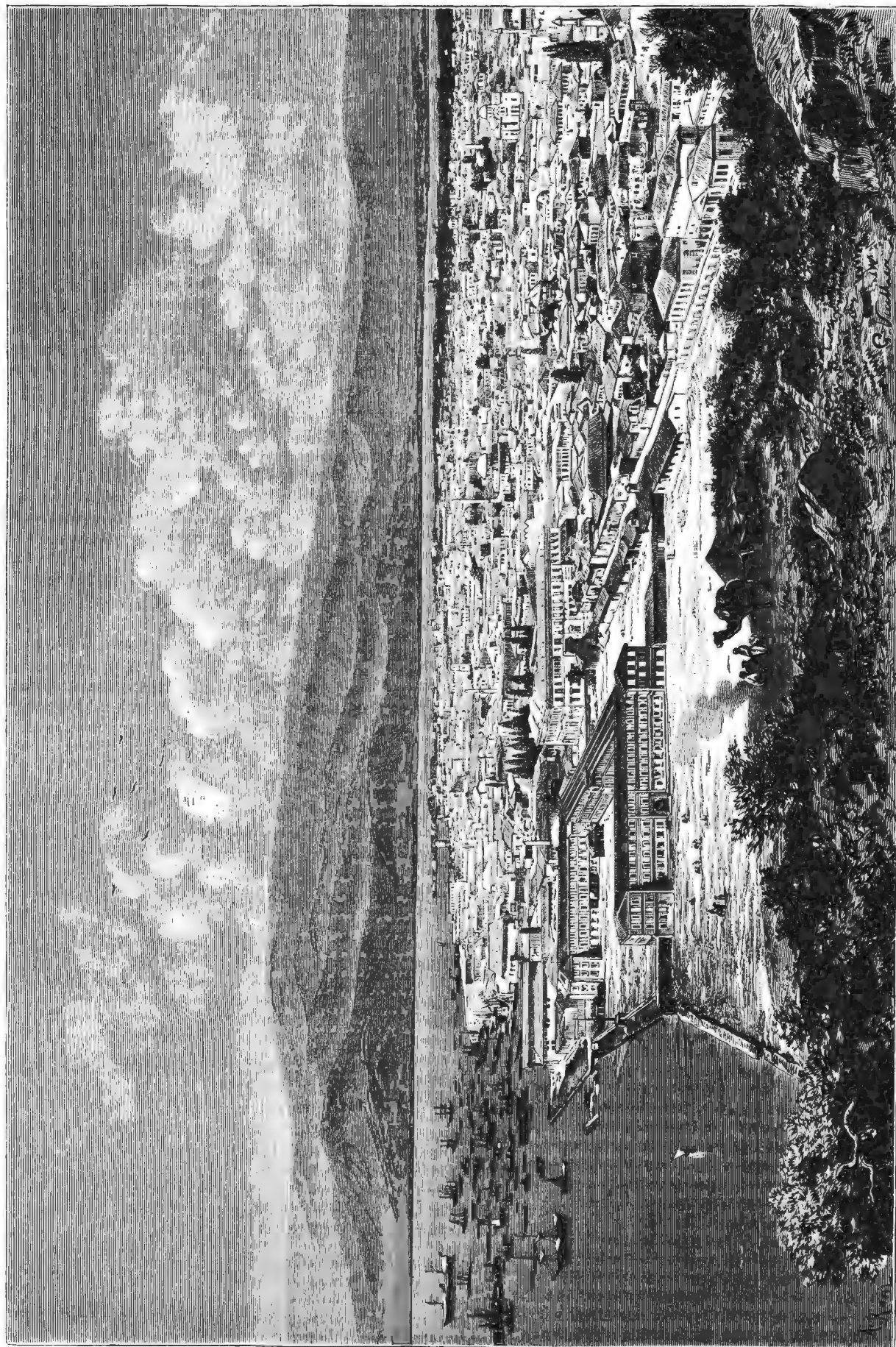
— Знаю, что не впервые... Нѣсколько разъ встрѣчались. А какъ вы вотъ этакъ стоите, знакомо, знакомо мнѣ ваше лицо.

Старикъ разсмѣялся:

— Вѣстимо, что знакомо. Самъ говоришь, что не разъ встрѣчались.

— Нѣтъ,—задумался Баринъ, стараясь припомнить кого напоминаетъ ему старикъ,—нѣтъ, вы не такъ понимаете меня. Прежде гдѣ-то, давно, точно я васъ встрѣчалъ... или, если не васъ, такъ кого-то, кто походилъ на васъ.

Старикъ похлопалъ Баринова по плечу:

Въ Малой Азіи. Видъ города Смирны. Рис. Г. Вилъе, грав. Поль.

Въ Малой Азіи. Заливъ Александретта. Рис. Тайлоръ, грав. Гильдебрандъ.

— Да, ужь не отецъ-ли я тебѣ поляно? Помнишь, отца-то?..

— Нѣтъ, на него вы не похожи. А вотъ тотъ баринъ, помните, который слушать-то меня не хотѣлъ, тотъ напомнилъ мнѣ отца...

— Ну, братецъ, у тебя голова вѣрно не въ порядкѣ. Что это всѣ на кого-то похожи... Пойдемъ-ка, лучше, соснемъ.

И взялъ Баринова за руку.

— Да, вѣдь вы-же домой?

— Ну, да. Такъ что-же?

— Значитъ намъ не по дорогѣ: вамъ на лѣво, мнѣ на право.

— Знаешь что,—какъ бы что-то обдумывая произнесъ старикъ, приложивъ палецъ къ губамъ, неизвѣстно съ какой цѣлью,—предложеніе я хочу тебѣ небольшое сдѣлать.

— Именно?

— Видишь: жаль мнѣ тебя стало. Ты безъ пашпорта, схватятъ тебя раба Божія, да запрятуютъ въ часть... Въ ночлежномъ обходы бывають—и вотъ, думаю я, въ одинъ изъ такихъ обходовъ заберутъ тебя, да и ушлютъ куды Макарь телятъ не гонялъ. Чѣмъ о сходствахъ-то различныхъ думать, да сидѣты—(старикъ любилъ употреблять въ разговорѣ необыкновенныя слова и фигурныя выраженія, вынесенныя имъ изъ господскихъ хоромахъ)—разные въ жизни своей воображать, не сходнѣ ли тебѣ будетъ обдумать, какъ бы свое положеніе надежнѣе устроить? Въ ночлежномъ-то не больно его устроишь... Почуй-ка ты у меня ночку, поспавишься—ночуй другую, а то и недѣльку поживи... На досугѣ-то и обдумаемъ, какъ горю пособить.

И съ такого подхода начавъ, въ концѣ концовъ убѣдилъ Баринова пойти съ нимъ ночевать и залучивъ его къ себѣ, такъ обвелъ, что Бариновъ и совсѣмъ у него забастовалъ.

Старикъ нанималъ престранное помѣщеніе на дворѣ одного изъ грязнѣйшихъ домовъ Малкова переулка, сплошь состоящаго изъ кабаковъ, разныхъ подозрительныхъ трактировъ и грязныхъ притоновъ. Въ квартиру старика, состоящую изъ одной комнаты, разгороженной перегородкой, надо было идти черезъ деревянный сарай. Между сложенными дровами образовалось нѣчто въ родѣ узкаго прохода, оканчивающагося съ одной стороны входною въ сарай дверью, съ другой—дверью, ведущею въ помѣщеніе старика. Вѣрно небольшой, одноэтажный и объ одну комнату флигелекъ, въ которомъ жилъ старикъ, первоначально замѣщался одинокимъ и быть можетъ предназначался для дворника; позднѣе къ нему пристроили вплотную деревянной сарай за недостаткомъ мѣста такъ, что сараемъ этимъ заставили единственный видимый ходъ во флигель. Впрочемъ тутъ трудно было возстановить истину, ибо флигелекъ былъ облѣпленъ кругомъ разными постройками, галлереями, изъ которыхъ ни съ одною видимому не соединялся какимъ нибудь сообщеніемъ. Собственно внутреннее помѣщеніе старика освѣщалось однимъ окномъ, выходящимъ на разстояніи сажени къ брантмауеру, загораживающему свѣтъ. Значительную часть пространства за перегородкой занимала русская печь, помѣщеніе на которой старикъ предоставилъ своему гостю; самъ онъ почивалъ на широкой двуспальной кровати, съ двумя перинами и множествомъ подушекъ въ разноцвѣтныхъ, ситцевыхъ наволочкахъ. Подъ кроватью этой, нѣсколько роскошной для живущаго подавнѣе, Бариновъ усмотрѣлъ довольно солидную укладку, въ которую старикъ лазилъ отъ времени до времени, никогда впрочемъ вполнѣ ее не открывая и которая опиралась „съ музыкой“ хранившимся у старика ключемъ. Кромѣ кровати и укладки, въ помѣщеніи имѣлось нѣсколько стульевъ и столъ, а въ углу помѣщался кіотъ съ образами, передъ которыми денно и ночью теплились лампы.

Въ этомъ-то тайномъ, не только ночью но и днемъ, помѣщеніи зажили старикъ и его гость, зажили среди довольно странныхъ и даже таинственныхъ, такъ сказать, обстоятельствъ. Старикъ говорилъ, что живетъ подавнѣе, но на слѣдующее же по приходѣ къ нему Баринова утро такъ разнемогся ногами, что насилу поднялся съ перинъ, и поднявшись, едва могъ ходить по своему помѣщенію, слезно умоляя Баринова не покидать его одного. За первымъ днемъ послѣдовалъ второй и третій и такимъ образомъ прошла цѣлая недѣля... Старикъ больше лежалъ и охалъ, Бариновъ не покидалъ его... Казалось бы нищему человѣку недѣля болѣзни и непрощенія милостыни должна была принести бѣдствие, а между тѣмъ старикъ за все это время не только былъ сытъ, но кормилъ и своего сожителя... Въ дровяномъ сарайчикѣ находился маленькій чуланчикъ, въ которомъ у замысловатаго старичка оказались и соленые огурцы, и капуста, и наполовину съѣденная кадка солонины. Приходилось ходить только за хлѣбомъ въ лавочку, помѣщавшуюся въ этомъ же самомъ домѣ, что съ помощью палки дѣлалъ самъ хозяинъ, тогда какъ гость занимался по его указаніямъ варкою щей... У запасливаго старика оказался даже самоварчикъ и сожители пили ежедневно чай...

Это было хотя и довольно загадочно, но такъ или нѣтъ объяснимо; въ новомъ помѣщеніи Баринова оказались вещи до того дѣйствительно странныя и поразительныя, что всякій любитель таинственнаго приписалъ бы ихъ и въ самомъ дѣлѣ сверхъестественной силѣ. Эти странныя явленія объявились съ самой первой ночи, проведенной Бариновымъ подъ гостепримнымъ кровомъ старика. Улегшись рано, Бариновъ довольно долго не засыпалъ. Горящая передъ кіотомъ лампада освѣщала внутренность помѣщенія и лучи, исходящія отъ нея, падали на возлежаваго на своихъ перинахъ старика. Тишина была невозмутимая. Бариновъ, не сводя глазъ съ хозяина, забывшагося сномъ, отъ бессонницы припоминалъ, на кого похожи эти старческія черты. И вотъ среди этой тишины, явственно и раздѣльно во входную дверь постучали три раза. Старикъ не шевельнулся. Прошло нѣсколько минутъ и снова три явственно отличимыхъ удара раздались среди окружающей тишины. Видя, что старикъ не просыпается, Бариновъ въ какомъ-то страхѣ, отчета въ которомъ самъ не могъ отдать себѣ, приподнялся на печкѣ и обликнулъ хозяина:

— Послушайте! кто-то стучится...

Старикъ вдругъ открылъ глаза, приподнялся и свѣсивъ ноги, зѣвая и почесываясь, спросилъ:

— Кто стучится?

Бариновъ только что хотѣлъ дать отвѣтъ на вопросъ, какъ въ третій разъ троекратный стукъ во входную дверь нарушилъ тишину. Каково же было его удивленіе, когда при этомъ явственномъ стукѣ, хозяинъ преспокойно убралъ ноги обратно на постель, началъ укладываться и обертываясь одѣяломъ, равнодушно объяснилъ причину стука:

— А это *онъ* стучится.

— Кто онъ?

— А скелеть...

И, готовясь заснуть, зѣвнулъ. Но Бариновъ не далъ ему этаго сдѣлать:

— Какъ скелеть, какой скелеть?.. Что вы это говорите?..

И такъ какъ Бариновъ началъ креститься, и видимо было что онъ долго не успокоится, то старикъ, сиди на кровати, разказалъ ему слѣдующее:

— Темень, другъ мой, разказъ, исторія таинственная... Гдѣ былъ, гдѣ вымышлено—кто разберетъ! Говорятъ, что въ домѣ этомъ лѣтъ пять тому назадъ проживала женщина какая-то и при ней сынокъ, мальчикъ лѣтъ четырнадцати,—Сашенькой его звали. Вотъ и при-

ѣхали къ ней однажды гости, купецъ и инженеръ и стали промежду себя въ картишки рѣзаться... Къ концу вечера инженеръ проигралъ купцу много тысячей и какъ у него расплатиться не хватило, то мать-то Сашеньки взаймы ему дала что-то много, на вексель и съ процентами... Вотъ тутъ-то главная таинственность и произошла, мой другъ, ибо купецъ сей пропалъ...

— Какъ пропалъ? удивился Бариновъ.

— Такъ, какъ булавка теряется: предметъ малый, попала въ щель—гдѣ ее искать?.. Такъ и съ купцомъ.

— Ну?

— А женщина-то съ сыномъ куда-то уѣхали скоро и все какъ бы покончилось... но...

Старикъ понизилъ голосъ и зловѣще закончилъ:

— Нѣкоторое время спустя тутъ въ сараѣ, за дровами скелетъ нашли... Чей? неизвѣстно. Но какъ эти самыя косточки-то объявились, то хотъ и предали ихъ землѣ, а все же онѣ напоминаютъ о себѣ, какъ я тебѣ уже говорилъ...

Свѣтало... Сизоватые лучи сумеречнаго петербургскаго разсвѣта, затемненные стѣною, стоящею передъ окномъ комнаты, проникали въ нее. Откуда-то доносился благовѣсть. Старикъ улегся и совѣтовалъ Баринову сдѣлать тоже самое; но пораженный всѣмъ, что слышалъ, а главное стукомъ такаго страннаго происхожденія, Бариновъ сидѣлъ на печи, свѣсивъ ноги и вмѣсто отвѣта на предложеніе соснуть, спросилъ:

— Каждую ночь стучить?

— Каждую, каждую,—тономъ какъ бы утѣшенія отозвался старикъ и завернувшись въ одѣяло, вскорѣ захрапѣлъ.

XX.

П о р а!

Гавриловъ зналъ, что осуществленіе задуманнаго имъ сообщая съ Ефимомъ Егоровымъ плана близилось и не смотря на это оставался все таки спокоенъ. Съ Ефимомъ, занятымъ въ это время Бариновымъ, котораго слѣдовало до поры до времени удерживать около себя,—онъ не видѣлся; подъ предлогомъ отказавшихся служить ногъ, старикъ лежалъ въ послѣдніе дни прикованнымъ къ постелѣ и почти непрерывно стоналъ. Выходить ему изъ дома такимъ образомъ было неудобно и онъ ограничивался тѣмъ, что обмѣнивался съ Гавриловымъ записками, равно какъ и съ Сашкой. Еще находясь въ услуженіи, Ефимъ научился кое-какъ грамотѣ, передавъ приобрѣтенныя познанія впоследствии сыну родной сестры, оказавшему значительные успѣхи въ каллиграфіи. Едва выучившись писать, Сашка пробовалъ уже свои силы въ копированіи подписей различныхъ лицъ, что ему рано начало удаваться. Такимъ образомъ, не видясь другъ съ другомъ, живя въ различныхъ мѣстахъ, Гавриловъ, Ефимъ и Сашка вели дѣятельную между собою переписку, причѣмъ каждый уничтожалъ тотчасъ же по прочтеніи полученную имъ корреспонденцію, немедленно сожигая письма. Гавриловъ скучалъ медленностію, съ которой дѣйствовали его сообщники, желалъ покончить все скорѣе и покончивъ, начать новую безпеченную и ни отъ кого независящую жизнь.

Онъ задумалъ рискованную и ужасную вещь, но не затруднялся ея выполненіемъ. Одинъ рѣшительный шагъ, одинъ часъ какихъ-либо волненій—и все покончено!.. Но за то что покончено, что устранено съ пути и что устроено для жизни!.. Собственно *тогда* только эта жизнь и начнется, ибо какая же жизнь теперь?.. Правда, до сихъ поръ онъ былъ находчивъ въ затруднительныхъ обстоятельствахъ. И какъ еще находчивъ! Года два тому назадъ онъ подѣзжалъ къ Берлину, имѣя въ карманѣ ровно столько, сколько надо было для того, чтобы заплатить за проѣздъ отъ станціи до отеля въ экипажѣ перваго класса. Окутанный въ соболью шубу, онъ выдавалъ себя пассажирамъ перваго класса за

русскаго князя; сынъ какаго-то вѣнскаго банкира льстился знакомствомъ съ нимъ. Узнавъ, что юноша намѣренъ остановиться въ томъ же самомъ отелѣ, Гавриловъ предложилъ подвезти его въ своемъ экипажѣ.

— Но прежде мы заѣдемъ, *mon cher*,—сказалъ онъ восхищенному его любезностію мальчику, — къ моему банкиру.

Сѣли и поѣхали. Онъ оживленно шутилъ всю дорогу, былъ беззаботенъ и веселъ. Къ банкиру онъ явился какъ дѣйствительно важный баринъ, цѣдя сквозъ зубы слова. Его встрѣтили думая, что это какойнибудь графъ или князь.

— Мой вексель... князь Багратіонъ.

Клерки рылись, отыскивая вексель. Таковаго не оказалось. Не можетъ быть, они забыли!.. Князь Багратіонъ началъ сердиться. Онъ увѣренъ, что вексель полученъ. Нѣтъ, нѣтъ, такаго векселя не получалось. Вѣроятно получится скоро. Куда, князь, прикажете, послать извѣщеніе? Онъ задумался и назвалъ отель. Юноша ждалъ его въ коляскѣ.

— Неприятная исторія,—сказалъ князь, усаживаясь въ экипажъ,—запоздали переводомъ на мое имя... Положеніе!..

И остался видимо въ прескверномъ расположеніи духа, около своего спутника. Тотъ и такъ и этакъ заговариваетъ; князь „да“ или „нѣтъ“, сидитъ, пасупившись. Неужели эта свинья не догадается, что надо предложить русскому князю? Ахъ, право, эти люди не такъ глупы!

— Послушайте, — вдругъ догадался мальчикъ, — можетъ васъ тревожить, что вы безъ денегъ. Могу ли я предложить вамъ?..

Князь поощрилъ эту нерѣшительность меланхолической улыбкой. Тотъ ободрился:

— Конечно я не могу вамъ предложить много. Но у меня есть незначительное сбереженіе.

Князь сдѣлалъ легкую гримаску, заставившую покраснѣть юношу, шепотомъ рѣшившагося назвать предлагаемую сумму:

— Триста талеровъ... Это такъ немного.

Конечно, это такія вздорныя деньги! Мальчикъ аккуратно пересчитывалъ ихъ, бережно обходясь съ ними, точно боясь, что отъ его прикосновенія онѣ потеряютъ свою цѣнность и съ такой жалостію и какъ бы даже съ нѣкоторымъ испугомъ смотрѣлъ, какъ князь небрежно запикивалъ ихъ въ карманъ. *Merci, mon cher!*

Благодаря этимъ тремъстамъ талерамъ князь вернулся. Завтраки, обѣды, театръ. Вечеромъ послѣ театра комисіонеръ предложилъ сановитому князю посѣтить рабочій балъ. Это преинтересно! Представьте, тысячи рабочихъ, лакеевъ, горничныхъ, кухарокъ, солдатъ танцуютъ подъ звуки довольно хорошаго оркестра, въ чистомъ, просто убранномъ, громаднхъ размѣровъ залѣ. Въ буфетѣ кромѣ пива ничего! Ради Бога, князь, не вздумайте спросить шампанскаго! Онъ далъ слово что не спроситъ и подоидя къ буфету, гдѣ наливались пивомъ, высоко поднялъ свою кружку:

— Да здравствуетъ король Вильгельмъ!

Это было передъ началомъ войны съ французами и произвело громадную сенсацію. Замахали шляпами и платками, подняли кружки вверхъ:

— *Vivat! hoch!*

Толпа почувствовала къ князю невыразимую симпатію, чокалась съ нимъ, ходила за нимъ по заламъ, крича во все горло:

— *Vivat! Fürst! hoch!*

Онъ былъ замѣченъ и его знатное происхожденіе было угадано! Онъ пожелалъ довести свой триумфъ до конца: изъ трехъ сотъ талеровъ у него оставалось еще кое-что. У входа въ танцевальный залъ старикъ продавалъ крошечныя букетики, сдѣланные изъ какой-то дряни, прося за каждый по цѣнигу. Какойнибудь

Фрицъ, желая сдѣлать пріятное своей Амаліи или Шарлоттѣ, покупалъ такой букетецъ и подносилъ его съ пріятной улыбкой дамѣ своего сердца. Двѣ громадныхъ корзины были наполнены такими букетиками:

— Сколько это стоитъ?

Продавецъ торопился выбрать красивѣйшій букетъ и отыскавъ таковой, съ любезностью поднесъ его князю:

— Одинъ пфенигъ, mein Herr.

Тогда князь внушилъ недогадливому:

— Я спрашиваю: сколько стоитъ все?

Онъ указывалъ на обѣ корзины... Лицо продавца вытянулось.

— О! все стоитъ—двадцать пять талеровъ, mein Herr!

Онъ выбросилъ продавцу деньги и велѣлъ, забравъ корзины, слѣдовать за собою. Было что-то грандіозное въ этомъ шествіи. Онъ раздавалъ букеты всѣмъ дамамъ, при громкихъ аплодисментахъ мужчинъ. Съ криками „Vivat!“ толпа проводила его до коляски и нѣкоторое время бѣжала за нею по улицѣ. Vivat! hoch!.. Онъ сдѣлалъ величественный и граціозный поклонъ провожавшимъ его и скрылся, уносимый рѣзво бѣгущими конями. Да, онъ попиrowалъ на эти триста талеровъ! И это повторялось не разъ. Но за то до какихъ положеній не доходилъ онъ! Правда, онъ получалъ отъ своей супруги триста рублей въ мѣсяць, но изъ нихъ ему приходилось платить по сту Ефиму Егорову, однажды выручившему его, заплативъ за него двадцать пять тысячъ, проигранныхъ какому-то пріѣзжему купцу въ банкъ, а остальныхъ двухъ сотъ съ его то вкусами хватало не надолго. Линія проводилась только на словахъ; ни на службѣ, ни при какомъ дѣлѣ онъ не состоялъ—онъ любилъ праздность, привыкъ жить на содержаніи, получаемомъ отъ другихъ, а не отъ трудовъ своихъ. Онъ чрезвычайно любилъ заимать и занималъ всюду: гдѣ можно много, гдѣ нельзя—довольствовался тремя рублями, даже рублемъ. Но перейдя за сорокъ, онъ сталъ тяготиться своею

цыганскою жизнью: ему прискучило жить въ отеляхъ, жить одинокимъ, не зная какъ убить свое праздное время. Ему захотѣлось своего дома, своей богато убранной гостиной, знатной жены, положенія въ свѣтъ, варежы, ложи въ итальянской оперѣ, но захотѣлось всего этого достигнуть вдругъ, разомъ, однимъ взмахомъ. Работать онъ не привыкъ!

Дѣло другое ухаживать за Додо, услуживать старой графинѣ, умѣть понравиться вліятельнѣйшимъ изъ ея родственниковъ. Это такъ легко! Онъ видѣлъ, что Додо въ восторгѣ отъ него, что графиня относится къ нему, какъ къ сыну, называетъ его въ шутку „mon fils“, что самый гордый и непрístupный изъ родственниковъ графини, генераль Бизяевъ, сталъ къ нему милостивъ.

Все шло отлично и ободряло его. Возможность быстраго взмаха, послѣдняго и рѣшительнаго шага—казалась такой легкой. Чего тутъ задумываться? Къ тому-жъ онъ былъ не одинъ. Онъ необыкновенно весело шутилъ съ m-lle Додо, располагая провести у нихъ вечеръ, когда неслышно ступавшій лакей, войдя въ красный бархатный салонъ, подалъ ему на серебряномъ подносѣ полученное по городской почтѣ письмо. Продолжая шутку, онъ разорвалъ конвертъ, развернулъ совершенно не аристократическій лисгокъ, гдѣ было нацарапано нѣсколько словъ, пробѣжалъ ихъ и какъ-то машинально, вѣроятно думая о чемъ-то другомъ, окончилъ начатую остроу уже съ меньшимъ оживленіемъ. Прича письмо въ карманъ, онъ озабоченно сообщилъ Додо:

— Какъ неприятно: придется покинуть васъ.

Она навела на него лорнетъ:

— Свиданіе?.. Посланіе отъ дамы?

— Нѣтъ,—успокоилъ онъ ее, показывая ей адресъ, нацарапанный каракулями,—отъ подрядчика.

И спрятавъ письмо, всталъ передъ молодой графиней.

(До слѣдующаго №).

ЗАРНИЦА.

Историческая быль.

(1650 годъ).

(Продолженіе).

VIII.

Въ мирной крѣпости.

Густые, почти непроходимые лѣса отъ Пскова къ городу Порхову мало по малу рѣдѣютъ; то тутъ, то тамъ появляются обширныя равнины, а чѣмъ ближе къ Порхову, тѣмъ чаще появляются пашни. Теперь они засыпаны снѣгомъ. Наконецъ однообразный хвойный лѣсъ смѣняется березовыми и липовыми рощами, между ними высоко поднимаются двѣ горы, словно раздѣленные потокомъ, одѣтымъ въ ледяную броню. На одной изъ этихъ возвышенностей стоятъ полуразрушенныя стѣны бывшей крѣпости и еще отчасти сохранившаяся башня какъ будто сторожить скрестности.

Во времена Александра Невского здѣсь была построена крѣпость для удержанія шведовъ отъ набѣговъ на русскія земли; нѣрѣдко хищники на легкихъ челнахъ, спускаясь изъ Ладожскаго озера въ Ильмень, опустошали окрестности этой крѣпостцы, называвшейся Вышгородомъ.

Прошло три вѣка. Вышгородъ потерялъ свое значеніе; Русь расширила предѣлы и крѣпость очутилась въ средѣ ея владѣній. Заброшенный и забытый Вышгородъ постепенно разрушался, но когда при Иоаннѣ Грозномъ въ войнахъ за Ливонію*), отважный Польскій король Стефанъ Баторій осаждалъ Псковъ, тогда возобновили Вышгородское укрѣпленіе, окружили новыми стѣнами и вооружили единорогами. Но Баторій Пскова не взялъ и Вышгородъ снова опустѣлъ, стѣны разцѣлились и по нимъ поросли кусты и мохъ: одна башня еще уцѣлѣла и бодро сопротивлялась бурямъ, которыя сильно бушевали на этой высотѣ. При Царѣ Федорѣ Ивановичѣ, за какія-то заслуги, земля вокругъ Вышгорода и самая крѣпостца были отданы во владѣніе боярина, который разровнявъ мѣсто, гдѣ нѣкогда были крѣпостные валы, устроилъ посреди нихъ усадьбу, оставивъ нетронутой башню и остатки каменныхъ стѣнъ.

Въ 1650 году въ Вышгородѣ жилъ внукъ того боярина, Герасимъ Федоровичъ Неклюдовъ, вдовецъ лѣтъ 40; семья его

*) Знаменитая осада Пскова 9-го сентября 1581 года.

состояла изъ сына и двухъ дочерей 15 и 16 лѣтъ; хозяйствомъ управляла старушка сестра его, также вдова, Аграфена Федоровна Сафронова.

3-го марта погода стояла великолѣпная; послѣ суровой зимней стужи, въ первый разъ пахнуло дуновеніемъ весны; солнце такъ и дробилось тысячами алмазовъ на слегка притаившемъ снѣгу, съ крышъ просачивалась капель, а у крыльца образовалась черная тропа. Молодой Борисъ Неклюдовъ, войдя въ свѣтелку сестеръ, сказалъ имъ:

— Что вы тутъ паритесь у печки-то. На дворѣ какая благодать... Идите на Судому, славно съ горки на салазкахъ кататься, снѣгъ-то примаслило, такъ и скользнить...

— А ты съ нами пойдешь? спросила старшая изъ сестеръ, Галина Неклюдова, черноокая, статная красавица, розовая и веселая.

— Нѣтъ, я коней велѣлъ сдѣлать, хочу ѣхать по зайцевъ да по лисъ: слѣдовъ много по онушкѣ, надо цсовъ потѣшить, давно не гоняи, все помѣха была: мятели да вьюги...

— Безъ тебя страшно, не вышли бы изъ гаю подорожники, сказала меньшая сестра, голубоглазая, робкая Ненила.

— Соберите дѣвокъ, сторожей возьмите двоихъ съ ослопами; да и про подорожниковъ у насъ не слышать. Вотъ кабы вы умѣли на коняхъ скакать, вмѣстѣ бы со мной лисъ да волковъ ѣздили травить, смѣялся Борисъ.

— Дѣвкамъ пригоже ли на коняхъ ѣздить, замѣтила Галина.

— Пустое!.. Вонъ деревенскія дѣвки какъ удалы, цѣлый табунъ коней на водопой гонять верхами, что твой ловчій псарь!

— То холопки, имъ можно, а боярышнямъ зазорно, возражала Галина.

— Коли я невѣсту сосватаю, непременно выучу со мной на охоту ѣздить,—поддразнивалъ сестеръ Борисъ.

— Никакая боярышня не поѣдетъ такъ-то, спорила Галина.

— Увидишь, поѣдетъ,—увѣрялъ молодой Неклюдовъ, выходя изъ свѣтлицы. Черезъ четверть часа онъ уже сидѣлъ на прекрасномъ темно-сѣромъ жеребцѣ, который горячился и прыгалъ, едва сдерживая удалъ, подъ твердой рукой сѣдока. Борисъ имѣлъ фамильное сходство съ обѣими сестрами, не смо-

Малельнй порабельщнкъ. Картина П. Фольксбургга, грав. Кнезебергъ.

три на то, что красота той и другой были совершенно противоположны; Борисъ замечталъ у Галины красоту и лоскъ кудрей, а въ очахъ сіяла та же лазурь лѣтнаго неба, какъ у блѣнокурой Ненилы.

Съ полагого уступа по берегу рѣки Судомы была устроена ледяная гора для катанья. Въ послѣдніе дни февраля ненастная погода мѣшала вышгородской молодежи заниматься любимой забавой, но теперь Борисъ приказалъ разместить засыпавшія дорожки снѣгъ и сестрамъ его очень удобно было пройти черезъ усадьбу на рѣку.

Боярышентъ сопровождала цѣлая свита сѣнныхъ дѣвокъ и два старика съ дубинами для охраны. Скоро, въ пылу веселья и шалостей, боярышни переѣшались съ служанками, строгія приличія были забыты; подшывая другъ друга, дѣвушки кувыркались съ горы, кидали другъ въ друга комья снѣга, боролись и бѣгали въ перегонку. Сторожа, которымъ было по многу уже лѣтъ, опершись сѣдыми бородами на свои дубины, добродушно ухмылялись при видѣ той юной рѣзвости, что такъ далеко отодвинулась для нихъ изъ настоящаго въ прошедшее.

Вдругъ смѣхъ и веселье возгласы затихли: одна изъ сѣнныхъ дѣвушекъ, втащившая салазки на верхъ горы, закричала:

— Боярышни, голубушки! Кто-то на конѣ скачетъ и съ собакой.

— Не братецъ ли воротился,—сказала Ненила и вбѣжавъ на гору приложила ладонь ко лбу, чтобы загородить глаза отъ яркыхъ лучей солнца.

— Нѣтъ!.. Это не Боря, разсматривая всадника продолжала она.—Ужъ не подорожникъ-ли *)? Надо бѣжать домой, не ограбилъ бы насъ лихой человекъ!.. Отъ дѣдовъ плохая охрана,—указала она на стариковъ, даже и не слыжавшихъ разговора дѣвицъ.

— Полно сестрица! остановила Галина собравшихся было къ бѣгству трусихъ.—Какой подорожникъ днемъ поѣдетъ такъ близко къ усадьбѣ. Это вѣрно гонецъ къ батюшкѣ, либо кто нибудь изъ сосѣдей.

И всѣ съ любопытствомъ стали слѣдить за приближавшимся всадникомъ, который проѣхавъ рысью по дорогѣ, теперь медленно взбирался на гору, по тропѣ, обсаженной вешками.

— Хорошъ подорожникъ! онъ съ собакой, да и за спиной у него на сѣдлѣ словно поклажа какая-то!.. захохотала Галина и сѣнныя дѣвки повторили ея веселый смѣхъ; засмѣялись и старики, пытаясь разсмотрѣть гдѣ и кто ѣдетъ.

Тропа дѣлала крутой поворотъ за группой деревьевъ и на нѣсколько минутъ всадникъ скрылся изъ виду. Но вотъ онъ выѣхалъ изъ-за кустовъ въ пяти шагахъ отъ дѣвушекъ.

— Здравствуйте боярышни! раздался громкій и знакомый голосъ.—Небойсь не узнали?

— Это Илья Алексѣвичъ! радостно воскликнула Ненила; сестра ея ничего не сказала, за то покраснѣла и черныя очн ея заблестѣли.

Илья остановилъ коня и прыгнувъ на снѣгъ. Общій возгласъ изумленія привѣтствовалъ оказавшуюся вдругъ на сѣдлѣ хорошенькую, разрумяненную морозомъ дѣвушку, довка и смѣло подбоченясь трепавшую рукой по взмыленной шеѣ коня.

— Жалко что Бори съ нами нѣтъ,—воскликнула Ненила, но никто не понялъ значенія ея словъ.

— Вотъ вамъ подружка! сказалъ Илья, помогая сестрѣ слѣзть съ лошади. Сестрица моя Марьюшка, прошу любить да жаловать,—и онъ подвелъ Марью къ боярышнямъ Неклюдовымъ, которыя привѣтливо поцѣловались съ гостей.

Неклюдовы были издавна въ дружбѣ и сватовствѣ съ Пороотовыми; нѣсколько поколѣній водили между собою хлѣбъ-соль, а когда Пороотовъ умиралъ, то завѣщавъ своему сыну Ильѣ продолжать тѣ же добрыя отношенія, что держались у нихъ изъ рода въ родъ. Илья бывалъ въ Вышгородѣ ребенкомъ съ своими родителями; послѣ ихъ смерти онъ два раза два посѣщалъ это мѣсто, но въ послѣднее время занятый службою въ Москвѣ, за отдаленностью не имѣлъ случая видаться съ Неклюдовыми; однако онъ сохранилъ ясное и пріятное воспоминаніе о радушіи и ласкахъ, съ которыми его принимали въ Вышгородѣ: какъ свѣтлыя видѣнья являлись тогда его воображенію двѣ хорошенькія дѣвочки,—одна худенькая голубоглазая, другая полненькая, румяная, черноокая; особенно послѣдняя. Часто въ минуты тихаго раздумья, въ лѣтнія сумерки, ея личико улыбалось ему изъ-за розоваго облачка или свозъ тонкій туманъ. Какъ Илья вспоминалъ часто про Неклюдовыхъ, такъ и Неклюдовы почти ежедневно наводили рѣчь на Пороотовыхъ; Ненила и Галина, забравшись въ свою свѣтелку, шепотомъ толковали объ Ильѣ и крошкѣ Марьюшкѣ; въ замкнутой жизни дѣвушекъ послѣднее свиданіе съ красивымъ мальчикомъ составило эпоху и потомъ цѣлыхъ четыре года онъ все дѣлалъ такъ время: „это было черезъ годъ послѣ Ильѣшинаго пріѣзда!“ или „это въ то лѣто какъ былъ Ильѣша!“ Галина ужъ мечтала о супружескомъ-раженіи и неотвязный образъ красавца Пороотова все становился у ея изголовья, когда она застывала убаюкиваемая молодыми грезами. Нечаянная встрѣча разбудила неясныя зародыши юношеской страсти: ставъ лицомъ къ лицу Илья и Галина не могли скрыть изумленія при

*) Подорожникъ, т. е. разбойникъ.

видѣ такой переѣны. Въ эти четыре года изъ дѣтей стали они взрослыми и пышно развилась та красота, которая только манила и общалась въ 12-лѣтней дѣвочкѣ и 16-ти лѣтнемъ мальчикѣ. Галина первая опомнилась и опустивъ рѣсницы, отвернулась отъ пристальнаго взгляда Ильи, но онъ уже успѣлъ прочесть въ ея глазахъ то, что она тайла даже и отъ самой себя.

Боярышни, взявъ за обѣ руки новую подругу, побѣжали съ ней впередъ, а Илья, закинувъ за плечо узелокъ, взятый Марью изъ дома Демидовыхъ, пошелъ по дорогѣ къ усадьбѣ, ведя въ поводу коня. Предувѣдомленный о пріѣздѣ дорогихъ гостей, бояринъ Неклюдовъ вышелъ на крыльцо и крѣпко обнявъ Илью, расцѣловалъ румяныя щеки Мары, которую зналъ съ колыбели.

— Эхъ выросла-то, да и какъ похорошѣла!.. Вся въ отца, покойнаго друга моего Алексѣя Петровича!.. Вся-то въ Пороотову породу!.. привѣтствовалъ ее Неклюдовъ.

— Не даромъ меня тетенька Пороотовиной величаетъ,—засмѣялась Марья.

На вопросъ, что это значитъ, Илья объяснилъ, какъ съ сестрой его обходились у Демидовыхъ и просилъ Герасима Оедоровича пріютить дѣвушку въ своей семьѣ, подальше отъ смутъ народныхъ и отъ семейныхъ раздоровъ.

— Ужъ будь покоенъ, друже, она у меня того не услышитъ, что у родной тетки въ домѣ слыхала, я ее наравнѣ съ дочерьми буду и любить, и беречь! отвѣчала Неклюдовъ.

Скоро вся семья собралась въ просторномъ, свѣтломъ покоѣ, гдѣ былъ собранъ незатѣйливый, сытный обѣдъ. Аграфена Оедоровна сбилась съ ногъ отъ хлопотъ, чтобы угостить своего любимца Ильѣшу и все повторяла:

— Спасибо тебѣ голубчикъ, что вспомнилъ объ насъ!..

— Что это Боря пропалъ!.. пора бы ему съ охоты вернуться!.. замѣтилъ Неклюдовъ. Ну, дѣлать нечего, по пословицѣ: семеро одного не ждутъ! и онъ пригласилъ гостей садиться къ столу.

Въ эту минуту вошелъ Борисъ съ радостнымъ выраженіемъ разрумяненнаго лица: ему уже доложили, что пріѣхалъ Илья Пороотовъ и онъ кинулся къ своему пріятелю на шею, не обративъ никакого вниманія на Марью.

Только послѣ обѣда, когда наговорился вдоволь съ Ильѣю, Борисъ вспомнилъ про его сестру.

— Гдѣ-же сестрица-то. Я ее за сестру буду почитать, сказалъ Борисъ.

— Вотъ она!.. Да какая же липкая наѣздница! подводила Марью отвѣчала Ненила,—она съ тобой и лису и волка будетъ травить.

Всѣ засмѣялись, а Марья, покраснѣвъ, опустила голову; ей было стыдно и обидно, что о ней думали какъ о шаловливомъ мальчикѣ.

— Ой ли?.. Ты боярышня не боишься на коня садиться?.. воскликнулъ Борисъ.

Илья подтвердилъ, что Марьюшка отлично на коняхъ ѣздитъ. — Вотъ и вышла моя правда!.. а вы давеча спорили, что боярышня ни одна не согласится со мной на охоту ѣздить!.. Ну красавица!.. ты мнѣ любя за это пуще родныхъ сестеръ!..

Сказавъ эти слова, Боря вдругъ покраснѣлъ и смутился, встрѣтивъ взглядъ ясныхъ глазъ Мары, онъ тутъ только сообразилъ, что передъ нимъ не дѣвочка, а взрослая и очень хорошенькая дѣвушка. Марья строго и гордо поглядѣла на него въ упоръ.

— На охоту я съ тобой не поѣду, а коли и горазда я на коняхъ ѣздитъ, то это отъ того, что я боялась, не пришлось бы мнѣ бѣжать отъ крамольниковъ!.. оно такъ и приключилось. Кабы не могла держаться на сѣдлѣ у Ильѣши, сидѣла-бы я теперь подъ замкомъ.

И Марья отвернулась и ушла изъ горницы.

— Такъ вотъ она какая недотрога!.. а я думалъ несмышлепочекъ!.. размышлялъ Борисъ, слѣдя за ней глазами.—Ну да авось помиримся!.. Дѣвка-то больно пригожа.

IX.

Любый и постылый.

Бояринъ Герасимъ Оедоровичъ Неклюдовъ средняго роста, бойрйи и подвижной хлопотливъ, съ смуглымъ лицомъ и черной съ просѣдью бородою. Когда-то служилъ царю Михаилу Оедоровичу на ратномъ полѣ, въ войнѣ съ Поляками, но рана въ ногу заставила его отказаться отъ военнаго дѣла. Тутъ же вскорѣ и жена его померла, оставивъ ему трехъ дѣтей; заботы о семьѣ поглотили всю дѣятельность боярина; онъ уѣхалъ изъ Москвы въ свою Вышгородскую вотчину и лѣтъ восемь безвыѣздно жилъ въ ней, занимаясь хозяйствомъ и охотясь въ окружныхъ лѣсахъ. Неклюдовъ сохранилъ непоколебимую вѣрность Московскому государю, хотъ и жилъ въ средѣ тѣхъ, кто подобно Демидову считали себя независимыми и готовы были силой оружія и междоусобицы поддерживать права псковской вольности.

Когда Илья разсказалъ ему о поступкахъ своего дяди, Неклюдовъ пришелъ въ сильное волненіе.

— Господи!.. Что это за народъ неугомонный!.. Опять крамолы заводятъ!.. Мало ли было кровопролитія при царѣ Іоан-

иъ Васильевичъ и ноиъ того и гляди тоже будетъ!.. Жалко мнѣ свое родовое гнѣздо бросить, а надо бы ѣхать въ Москву донести государю, чтобы не теряя времени присылалъ помочь Никифору Сергѣевичу!..

— Я для того и сестру свою подъ твою охрану привезъ, чтобъ послѣпить въ Москву съ этими вѣстями: у меня и письмо отъ воеводы Собакина къ Государю! отвѣчалъ Илья.

— Это дѣло!.. ты человекъ молодой и спина-то покрѣпче нашей стариковской!.. Охъ кабы не нога!.. я бъ и самъ пошелъ противъ гилевщиковъ проклятыхъ!.. Когда-жъ думаешь ѣхать?

— А вотъ денекъ либо два надо коню дать вздохнуть: шибко скакали мы отъ Демидовскихъ холопей, въ погоню за нами были посланы!..

— Ладно родной! Отдохни и конь твой отдохнетъ, тогда и съ Богомъ: служи государю вѣрно, помни родительскій заветъ!..

Въ два дня, проведенные Ильею у Неклюдовыхъ, рѣшилась судьба его и Галины; оба убѣдились въ томъ, что любятъ другъ друга. Тогда не было нашихъ изломанныхъ чувствъ и ложныхъ условий—дѣлалось прямо и прощало!.. Между тѣмъ ни словомъ

не выдали они своей тайны: прощаясь съ Ильею Непла заплакала а Галина ни чѣмъ не выразила своего горя, только поблѣдила и стиснула губы, чувствуя что силы готовы были измѣнить ей!.. Марья плакала и причитала.—Свѣтъ мой братецъ родимый! Скоро-ль я съ тобою свижусь?.. Чуетъ сердце мое, что тебѣ придется биться съ крамольниками!.. Ради Господа не иди ты въ сѣчу, побереги себя хоть для сестры сиротинки: ты у меня одна надежда, одна радость!.. Безъ тебя, мнѣ хоть въ сыру землю!

— Полно сестрица!.. Можетъ быть дѣло до того и не дойдетъ; а коли придется воевать, такъ вѣдь мнѣ зазорно отъ сѣчи бѣгать!.. Богъ не безъ милости, свѣтъ не безъ добрыхъ людей, я живъ и здоровъ къ вамъ вернусь, а коли что худое приключится, такъ Герасимъ Федоровичъ тебя не оставитъ!.. утѣшалъ ее Илья.

— Клянусь Господомъ буду ей замѣсть отца! сказалъ Неклюдовъ; благодаривъ его Илья сѣлъ на коня и въ послѣдній разъ крикнувъ: прощайте, выѣхалъ изъ воротъ.

(До слѣд. №).

Польскія свята.

Изъ очерковъ Польскія. М. Вологовскаго.

(Окончаніе).

III.

Въ такихъ-то дебряхъ встрѣчаютъ и проводятъ полѣшукъ свой Купальскій вечеръ и охотничье свято—праздники желанные.

Ко встрѣчѣ ихъ давно уже готово все Польсье.

Но вотъ настала Ивановъ вечеръ. Тихая польская ночь смотрится снова въ припятинскую воду миллионы очей—звѣздъ. Изъ темныхъ тростниковъ и припятинскихъ зарослей слышится пощелкиванья сѣраго польскаго соловья да вѣетъ ароматомъ изъ плавней луговыхъ. Дрожитъ межъ листьями плакучихъ ивъ мягкій свѣтъ полной луны и слабо озаряетъ окранию лѣса, впереди котораго чернеется громада вѣковаго дуба. Широко и красиво раскинулъ свои вѣтви на вольномъ просторѣ этотъ столѣтній красавецъ Польскія. Далекъ, сажень на десять, отъ верхушки его дожигся тѣнь по землѣ, а нижнія вѣтви простерлись до самой рѣки. Подъ сѣнью его и справляютъ Купало. Здѣсь, при свѣтѣ нѣсколькихъ костровъ, идетъ „купальскій танецъ“, прыганье черезъ высокій костерный огонь и раздается пѣсня „дѣвья купальской“. Здѣсь, срывая листъ за листомъ и роняя ихъ въ воду, „дѣва“ шлетъ съ ними къ Купалѣ свою тихую жалобу:

Бачь, кругомъ вода и лѣсъ,
Бачь, Купало милый!
Мою хатку вѣцерь снесъ,
Меня кинулъ милый!
О, Купало, мой ты милый!
Прійди-жъ подвинися,
Якъ я бѣдная сиротка
Тутъ горюю въ лѣсѣ.
Пина въ минѣ большъ милого,
Ой, якъ болиць сердце!
Бачь, Купало, ты, бачь, добрый,
Хай миленькій зпоу до менѣ!
Повернення, повернення!

заключать „дѣва“ свою мольбу къ Купалѣ и бросаетъ остатки своего вѣнка въ тихую воду, какъ выражение того, что если вѣтъ друга, то и вѣнокъ не нуженъ. На самомъ же дѣлѣ бываетъ иначе: этотъ милый другъ, стоя тутъ же не вдалекѣ, любитъ своей ненаглядной.

Купальское свято—скорѣе праздникъ молодежи и дѣтей, чѣмъ стариковъ. По крайней мѣрѣ, на этомъ праздникѣ старики и старухи держатъ себя чинно и молча любятъ молодежь, вспоминая, вѣроитно, и о своей молодости.

Въ то самое время какъ „дѣва купальная“ поетъ свою пѣсню, болѣе храбрые и честолюбивые парни идутъ въ лѣсъ искать „разрывъ травы“ и добывать папоротниковый цвѣтокъ, обладатель котораго можетъ разсчитывать, по народному поверью, на всѣ богатства міра. Стоить добыть этотъ цвѣтокъ-талismanъ, и всѣ клады земли откроются предъ вами сами собою, говорятъ полѣшукъ; но дидко лѣсной да Купало рѣдко, рѣдко кому позволяютъ сорвать огненный цвѣтокъ папоротника; они всегда обманутъ, всунувъ въ руку майскаго червяка вмѣсто желаннаго цвѣтка, а не то и напугаютъ до смерти удалца, дерзнувшаго посягнуть на эту драгоценность. А кто добудетъ и разрывъ траву при этомъ, тотъ будетъ обладать такою силою, что одною рукою свалитъ самый толстый дубъ и разщеплетъ его пополамъ.

И Купальскій праздникъ—также какъ и свято рыбацкое—длится далеко за полночь. При этомъ каждый парень возвращается домой съ вѣнкомъ, полученнымъ отъ своей „милы“ въ залогъ неизмѣнной любви. По этимъ вѣнкамъ молодой полѣшукъ считаетъ на своей свадьбѣ годы ухаживанья и заставляетъ свою молодую жену столько разъ поцѣловать себя, сколько сохранилось у него вѣнковъ.

На четвертый или пятый день послѣ купальской ночи полѣшукъ справляетъ другое свято, Петровъ день—охотничій праздникъ.

Ко дню этому у польскаго стрѣлка „прудѣвскій карабинъ-пушка“ промываетъ и вычищаетъ; веревочки и лычки, которыми оружіе это обычно скрѣплено и перевязано по всѣмъ направлениямъ, замѣнены новыми. Пороховница наполнена, наскочена и дробъ такой величины, что она перебьетъ кость и крупному звѣрю, не то что птицѣ. „Жинка“ снабдила чуть ли не возомъ шакли да испекла свѣжаго хлѣба и „коржей“. Новые лапти тоже готовы. Все дѣло и стало только за праздникомъ.

Но прошла ночь и настала 29 день іюня. Только что взошло ясное, погожее солнце и ярко освѣтило окранный польской луци. Надъ рѣкой и озерами клубится бѣлый утренній паръ, предвѣщая собою наступленіе жаркаго дня. Стаи утокъ, рыболовокъ и другой птицы понеслись въ воздухъ на свой утренній пиръ, оглашая даль шумомъ крыльевъ, гоготаньемъ и крикомъ. Но чу! въ польскихъ дебряхъ грянулъ выстрѣлъ и раздались звуки охотничьяго рожка. Еще минута—и одинъ за другимъ три залпа гулко зарокотали въ лѣсу, смѣшались съ визгомъ и лаемъ собакъ, съ криками охотниковъ и дребезжащими звуками рожковъ, и повеселись далеко, далеко, въ глубь темныхъ дебрей. Такъ польскіе стрѣлки привѣтствуютъ издавна глухую пушу въ день Петра и Павла. Цѣлый день этотъ, до позднего вечера, въ лѣсахъ Польскія гудитъ выстрѣлъ за выстрѣломъ, валя то птицу, то опалѣвшаго со страху звѣря. На охотничье свято полѣшукъ не жалѣетъ пороху и бьетъ все, что только подвернется ему „на дѣдовскій карабинъ“. „На то и Петро съ Павломъ“ говоритъ онъ. Къ тому же и на предстоящій завтра косарскій праздникъ нужно добыть дичи, и при томъ добыть ее какъ можно больше и больше, чтобы хватило „на всѣхъ кумъ и кумовой“.

30-го іюня этого года пришлось мнѣ открыть въ Пятницкой—Будѣ „косарское свято“. Въ этотъ день старикъ „Ничипоръ“, проводникъ мой на охотѣ, разбудилъ меня ранѣе обыкновеннаго и сообщилъ, что Будаки избрали меня „сѣнявымъ атаманомъ“. Наскоро одѣвшись, я вышелъ на деревенскую улицу, гдѣ меня ожидали косцы. Здѣсь уже была въ сборѣ вся Пятницкая—Буда: старики, хлопцы, бабы, молодцы, молодухи и дѣти толпились по кучкамъ, надъ которыми ярко сверкали на утреннемъ солнцѣ лезвія косъ. Завидя меня, косари выступили впередъ, поднесли мнѣ краюху хлѣба съ воткнутымъ въ него стелькомъ травы и попросили открыть „досьбу“, говоря:

— Благословить, пане атамане, косьбу того лята.

— Съ Богомъ и со святымъ Петрой и Павломъ! подсказалъ мнѣ отвѣтъ старый Ничипоръ:—Щобъ копица була бильше копичи и краще красной дѣвциды!.. Гопъ, гопъ, хлопцы! Гопъ, гопъ!

Едва я произнесъ свое пожеланіе, какъ десятка два дюжихъ рукъ подхватили меня на воздухъ и усадили въ лубяной кузовъ отъ повозки, и паланкинъ мой, несомый цѣлой гурьбой, плавно заколыхался въ воздухъ, подвигаясь къ сѣнокошу. Съ полсотни звонкихъ голосовъ грянуло „польскую косарку“—и свято началось.

Гопъ, гопъ, хлопцы,

Робить копичи!

Гопъ, гопъ, Петра съ Павломъ чествуати

Сѣна до хаты припасати!

Гопъ, гопъ, молодцы.

Робить копичи!

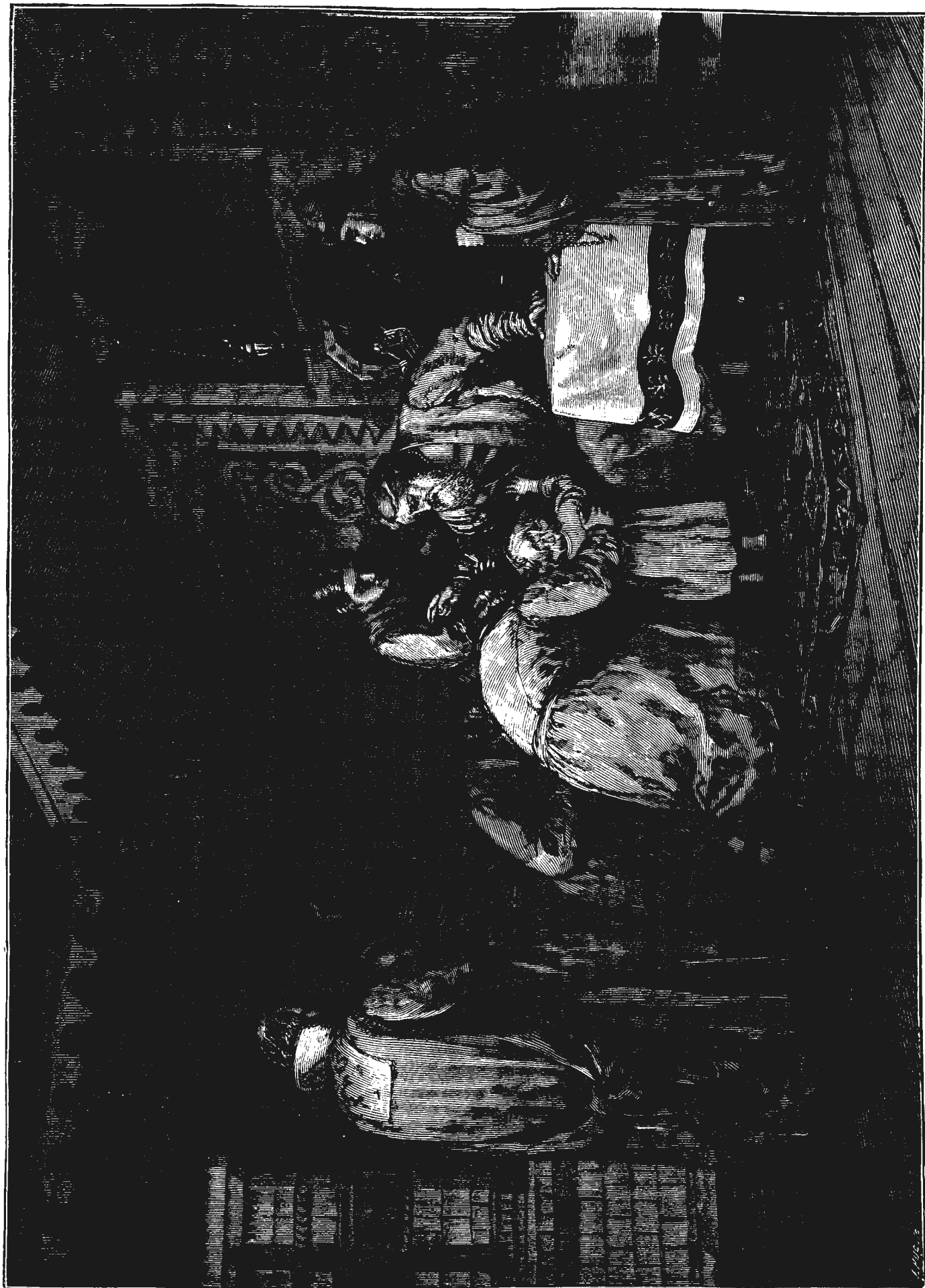
Гопъ, гопъ, Петра съ Павломъ чествуати,

Вѣнки сплетати,

Сѣно сребрати!

Знаменскій соборъ въ Новгородѣ. Съ фотогр. Н. Лядова, грав. М. Рапеевскій.

Смерть Владимира Мономаха. Ориг. рис. Земцова, грав. В. Щуцъ.

Гопь, гопь, хлопцы,
Робить копцы!
Гопь, гопь, молодцы,
Сгребать копицы!

Гулко отзывалась эта веселая пѣсня въ лѣсу, окружающемъ Пятницкую — Буду и придала всей компаніи касарей еще болѣе веселое настроеніе духа. Загудѣли „полѣскія дудки“, послышалось ухорское подсвистываніе и звяканье костей, сливаясь въ одинъ гулъ съ полѣской косаркой, а четверть часа спустя „косарское свято“ ступило на поляну, поросшую роскошной травой.

Здѣсь лежала на мнѣ обязанность сдѣлать первый взмахъ косякомъ, который какъ я только сдѣлалъ, то сейчасъ же на меня возложили „вънокъ воеводскій“ и гурьба касарей, окруживъ меня, запѣла „похвальною“:

Нашъ панъ воевода
Добре сѣно косиць:
Якъ махне у право—
Цѣляхъ сто копиць;
Якъ махне у лѣво—
Бильшь якъ сто копиць!
Хвала, тоби, хвала,
Нашъ панъ воевода!

и, затѣмъ, все разсыпавшись по луговинѣ косить траву. Я и дѣдъ Ничипоръ остались посреди луговины и онъ принялся поучать тому, что и какъ мнѣ слѣдуетъ дѣлать и говорить послѣ того, какъ вся трава будетъ скошена. Оказывалось, что я долженъ буду подарить косцамъ цѣлый „бохонъ хлѣба“, сказавъ при этомъ: „пате бо, хлопцы, иште! Добре косылы, дуже вмалясь, крѣпко проголодались!.. Дай вамъ Боже стиликы навосити, щобъ и до хаты не перевозити!“ Добрый Ничипоръ припасъ для меня этотъ „бохонъ“ хлѣба и сунулъ его въ мой паланкинъ, чтобы мнѣ въ самую торжественную минуту не сконфузиться.

Солнце подошло еще до середины неба, какъ поляна была скошена и меня снова усадили въ тотъ же кузовъ. Шествиѣ тронулось такимъ порядкомъ, какъ и прежде, но только вмѣсто „косарки“ затагнули „покосную“:

Вже мы косылы, косылы,
По пять копцевъ паробылы,
Гу-га! По пять копцевъ паробылы!
Вже ты, пане господарю,
Давай намъ горилки чару,
Гу-га! горилки чару!

Въ деревнѣ я исполнилъ послѣдній обрядъ „сѣнаго атамана“

АЛБАНИЯ

и

Пренкъ Бибъ-Дога, вондъ Миридитовъ.

Въ послѣдніе два гота, со времени окончанія восточной войны, Албанцы обратили на себя общее вниманіе, возбуждаемымъ ими волненіями. Теперь они борются противъ передачи Черногорцамъ принадлежащихъ имъ провинцій. Недавнее вторженіе албанцевъ въ черногорскіе предѣлы имѣло печальныя послѣдствія. Черногорцы, поддаваясь порыву негодованія, бросились на своихъ противниковъ и причинили имъ значительный уронъ. При этомъ три селенія сдѣлались жертвою пламени. Это дѣло возмездія, совершеніе котораго Князь Николай не могъ предупредить. Но терпѣніе этого маленькаго, доблестнаго народа въ теченіи двухъ лѣтъ было подвергнуто нечеловѣческимъ испытаніямъ и турецкаго власти, и албанцы, сдѣлали все, чтобы вывести черногорцевъ изъ себя. Можетъ быть скоро окончательное рѣшеніе возвратитъ спокойствіе злосчастной странѣ, такъ давно уже не наслаждавшейся благодѣяніями мира и лишенной выгодъ опредѣленнаго политическаго и территориальнаго строя. Въ прежнія еще времена Албанцы славились какъ отважные воины, которые просто за вознагражденіе или въ виду богатой добычи и грабежа шли въ войска и изъ нихъ составлялся всегда хорошій контингентъ въ арміи султана. Но этимъ воинственнымъ духомъ отличаются только сѣверныя племена, такъ называемыя Гегы, южныя же—Тоски—большую часть не участвуютъ въ возмущеніяхъ. Оба эти племени говорятъ на различныхъ нарѣчіяхъ и разнятся вообще отъ своихъ славянскихъ сосѣдей. Поселеніе славянъ на Балканскомъ полуостровѣ началось еще въ седьмомъ столѣтіи, а въ 1360 году въ сѣверную Албанію проникли Сербы и на время покорили эту страну. Но албанцы всегда успѣвали силой отразить какъ натискъ славянскихъ племенъ, какъ и нашествія турокъ при султанахъ Мурадѣ II и Магометѣ II. Объя успѣшности сопротивленія албанцевъ свидѣлствуютъ многія льготы, дарованныя имъ султанами во времена самаго полнаго могущества турокъ.

Албанія—часть европейской Турціи, собственно вилайеты Скутарійскій и Янинскій; сѣверо-восточную часть она далеко вдается въ Македонію; санджаки Призрендъ, Ускудъ,

и поблагодарилъ любезныхъ Будяковъ за свое избраніе въ атаманы. Послѣ этого вся гурьба косарей шумно разбрелась по хатамъ, что бы тамъ отпраздновать вторую, семейную половину косарскаго свята и раздѣлить съ родней и кумовьями петропавловскій призъ—дичь лѣсную.

IV.

Не успѣло еще изгладиться изъ моей памяти воспоминаніе о косарскомъ праздникѣ, какъ 11 іюля подошло новое свято, Ольгинъ день, особенно и своеобразно чувствуемый въ Полѣсьи и на Волыни. Пришлось попить на такъ называемомъ „бабскомъ свитѣ“, хотя въ сущности, это и не такъ. Ольгинъ день празднуютъ все полѣшукѣ вмѣстѣ съ бабами и молодцами; вспоминаютъ также, какъ и они, своихъ родичей и „кровныхъ“, отомедшихъ изъ міра сего.

Въ день св. Ольги, въ тѣхъ селахъ и деревняхъ, гдѣ есть свои приходскія церкви, служатся панихиды по усопшей роднѣ. Впрочемъ, въ большинствѣ полѣскихъ селъ и деревень поминованія эти справляются проще. Обыкновенно захватить съ собою что либо изъ сѣстнаго, полѣшукъ со всей семьей отправляется на деревенское кладбище; и здѣсь у могилы родныхъ своихъ, справляетъ Ольгинъ день, восхваляя нравственныя качества своего умершаго родича.

— О, о, о, яка была добра душа, бодай їй на томъ свитѣ легонько пенулось, рассказываетъ полѣшукъ своему пріятелю про умершаго родича:—що н... н... нима липшь якъ вона на ципомъ свитѣ.

— Що тѣ прауда, то прауда! соглашается его собесѣдникъ:—Карико таки, ма будь, быть дуже гарній человекъ... Мини вже и прежь про тѣ люди казалы... Бодай ему на томъ свитѣ буди легко... Добра душа була!

— И... и.. яка еще была добра душа! поддерживаетъ разговоръ „жинка“ полѣшукѣ и подноситъ угощеніе мужу и его пріятелю.

Подобный же разговоръ идетъ и за кладбищенскою оградой, около которой спитъ какой нибудь „лищій дѣдко“.

— На тоби, дидочку, коржикъ, говоритъ старуха къ нищему:—помолись до Бога за мого Хфедора; тольки молись добре, шпиро, щобъ ему легко стало на томъ свитѣ. Молясь долго, дармо що Хфедорка давно змерь, научаетъ старуха нищаго.

Съ закатомъ солнца конецъ и празднику. Каждый полѣшукъ, не говоря уже о бабахъ, сѣбнитъ покниуть кладбище и убраться во свояси. „Хоша вони и свои люди, говоритъ полѣшукъ при этомъ, но вже змерлые и зъ ними у ночи не займайсн. А то якъ всердятся,, то тильки цебѣ и бачылы добры люди!.. Дармо, що въ живыхъ были добры души.

Монастырь, Охрида и друг. заселены Албанцами. Вся эта страна называется Скипере и языкъ, на которомъ здѣсь говорятъ большинство албанцевъ происходитъ отъ древняго Иллирійскаго. Заселеніе Албанцами Италиі началось съ XV вѣка, когда турки проникли на западный берегъ Адриатики; заселеніе же Аттики, Беотіи, Мегариса и Аргоса—гораздо раньше—со времени прихода Сербовъ въ сѣверную Албанію.

Начало свое албанцы ведутъ отъ Иллирійцевъ, родоначальниками которыхъ были доисторическіе Пелазги, населявшіе Элладу и Пелопонесъ. Во времена переселенія Эолійцевъ, Дорійцевъ и Іонійцевъ, они были отгнаны къ сѣверу въ Эпиръ, Македонію и Иллирію.

Начиная съ седьмого и шестаго столѣтія до Р. X. въ странѣ Пелазговъ появляются македонскіе цари, Филиппъ I, Александръ и др.; въ четвертомъ же столѣтіи—короли Эпира, между которыми замѣчательнъ въ III вѣкѣ Пирръ—извѣстнѣйшій противникъ Рима. Боевая его слава дала ему прозваніе „Скипетаръ“. Какъ говоритъ преданіе, солдаты его сравнивали налеты своего вождя съ налетами царственнаго орла. По албански „shgype“ значитъ орелъ и „shgypetari“—сынъ орла, „shgypeni ù shgypeti“—страна орла.

Не смотря на дружное сопротивленіе подъ предводительствомъ Персея, Скипетары должны были однако уступить римскимъ легионамъ въ битвѣ подъ Пидномъ. Но римская культура мало повліяла на эту страну, за исключеніемъ нѣкоторыхъ прибрежныхъ городовъ, по преимуществу Дирахиума. Позднѣйшія нашествія Готтовъ, Болгаръ и Венгровъ дѣйствовали въ меньшей степени разрушительно на сѣверную гористую Албанію, чѣмъ на провинціи, расположенныя восточнѣе въ открытыхъ мѣстностяхъ, такъ что первая сохранила вполне свою самостоятельность. Въ эту эпоху Албанцы рѣдко упоминаются въ исторіи; въ 1900 году послѣ Р. X. они выступаютъ на сцену, и въ этотъ разъ подъ византійскимъ именемъ „Арванитовъ“ и образуютъ византійскій Эпиръ, изъ которой впоследствии выдѣлился Новый Эпиръ. Оба Эпира устояли противъ византійскаго давленія, республики же Генуя и Венеція въ нѣкоторомъ

отношеніи подчинили ихъ себѣ, чему доказательствомъ служитъ напр. заложение итальянскихъ портовыхъ городовъ и присоединение къ католической церкви сѣверныхъ и среднихъ провинцій Албаніи (1250 годъ).

Со вторжениемъ османовъ, сѣверная и южная Албаніи подпали подъ ихъ владычество но съ гораздо сильнѣйшимъ сопротивленіемъ чѣмъ другіе народы полуострова.

Страна обитаемая этими племенами гориста и удобна для защиты. Горныя вершины покрыты вѣчнымъ снѣгомъ. Величественная, разнообразная чудная природа, прекрасныя живописныя долины, переѣаемыя быстрыми потоками и угрюмыми скалами, по которымъ взбираются привычныя стада, горы съ непроходными для непривычнаго тропинками — все это представляетъ естественную крѣпость. Горцы воинственны и отважны; даже женщины во время битвъ участвуютъ дѣятельно, стоя въ караулахъ на постахъ или снабжая бойцовъ припасами и снарядами.

Между сѣверными католическими горными племенами, племя Миридитовъ занимаетъ первое мѣсто, по своей многочисленности и по своимъ историческимъ преданіямъ. Въ политическомъ отношеніи Миридиты также существенно разнятся отъ прочихъ племенъ. Почти всѣ племена еще распадаются на отдѣльныя независимыя общины, которыя управляются вождями и старѣйшинами; Миридиты же совместно съ Дукачинами и Матами составляютъ союзъ съ монархическимъ правленіемъ, во главѣ котораго находится князь, Пренкъ (Принцъ) Постоянное мѣстопрѣбываніе этого князя въ Орошѣ.

Нынѣшній вождь, Пренкъ (Принцъ) Бибъ-Дода молодой человекъ лѣтъ 24. Отецъ его, того же имени что и сынъ, въ началѣ пятидесятихъ годовъ, когда Османъ-паша велъ войну съ

черногорцами, по неосторожности Сердарь-Экрема, со своими людьми попалъ въ плѣнъ къ черногорцамъ. По освобожденіи изъ плѣна между Миридитами и Поргой начались сильныя несогласія, вслѣдствіе переговоровъ объ отдѣленіи, котораго добивался Бибъ-Дода для своего племени. Несогласія эти кончались тѣмъ, что Бибъ-Дода, приглашенный турецкимъ губернаторомъ въ Скутари былъ тамъ отравленъ.

Нынѣшній Бибъ-Дода, сынъ отъ втораго брака. Отъ перваго брака дѣтей не было а совершивъ разводъ, по католическому уставу вступать въ новый бракъ воспрещается. Какъ помочь было дѣлу? Рассказываютъ, что внагиня-мать быстро разрѣшила этотъ вопросъ. Она засгрѣшила невѣстку изъ ружья, чтобы новый бракъ былъ возможенъ. Послѣ смерти отца молодой Бибъ-Дода былъ взятъ заложникомъ въ Стамбулъ и находился тамъ до послѣдней русско-турецкой войны. Молодому князю пришлось-таки побѣдствовать въ Константинополѣ. Всѣ его имуществы были секвестрованы, содержаніе выдавалось самое ничтожное и этимъ еще онъ долженъ былъ дѣлаться со своими родственниками. Послѣ смерти Абдуль-Азиса Бибъ-Доду было обѣщано возвращеніе на родину. Это однако случилось гораздо позже и то вслѣдствіе настоятельныхъ требованій дяди Бибъ-Дода. Въ 1877 году Бибъ-Дода чуть было не отложился отъ турокъ и не соединился съ черногорцами. Губернаторъ Скутари пригласивъ его къ себѣ, предложилъ ему отравленную чашку кофе; но жизни молодого человека спасъ итальянецъ докторъ. Съ этихъ поръ Бибъ-Дода со своимъ миридитами питаетъ непримиримую вражду къ туркамъ и въ настоящихъ волненіяхъ является дѣйствующимъ лицомъ, желая отдѣлиться.

Ладья викинговъ.

(Рисун. на стр. 609).

Ни въ одной странѣ не были такъ прославлены и поэтизированы удалые набѣги и завоеванія предковъ, какъ среди древнегерманскаго языческаго населенія Скандинавіи. Норманскіе викинги, (воины) которые подъ предводительствомъ своихъ „морскихъ королей“, въ маленькихъ, легкихъ ладьяхъ, далеко проникавшихъ въ устья рѣкъ, отъ скандинавскихъ береговъ выбѣгали въ море, неожиданно нападали на прибрежныя населенія, захватывали добычу и также внезапно и быстро снова исчезали; эти викинги, впродолженіи столѣтій наводили ужасъ на Англію, Францію, Нидерланды и другія береговыя страны. Заходя въ глубь страны, они опустошали города и села, захватывали все попадающееся на пути и уводили людей въ рабство. То были суровые и отважные воины, гордые своей силой; приключеніями и воинской славою. — Черезъ Сену они проникли до Парижа, три раза его разрушали (въ половинѣ IX столѣтія) и по Гароннѣ доходили до самой Тулузы. Плывя вверхъ по Маасу, обложили данью Ахенъ, Кельнъ, Триръ, Майнцъ и Вормсъ, по Рейну достигли Швейцаріи и одно время укрѣпились въ долинѣ Гасли. Занимая устья рѣкъ они все болѣе распространяли свое владычество, наконецъ захватили Нормандію, откуда послѣ битвы при Гастингсѣ, завладѣли Англіей, еще раньше, впродолженіи столѣтій, ими періодически опустошаемой. Въ Средиземномъ морѣ, они овладѣли европейскими берегами до Малой Азіи; поработили южную Италію и Сицилію, гдѣ ихъ владычество кончилось лишь при Гогенштауфенахъ. Подъ именемъ Варинговъ или Варяговъ, изъ Швеціи дѣлали набѣги на остзейскіе берега, проникая въ нынѣшнюю Россію и какъ извѣстно, *варягъ Рюрикъ положилъ основаніе русскому государственному устройству*. Они плавали по Днѣпру, ходили въ Черное море и грозили Константинополю. Они открыли и заселили острова по пути отъ Норвегіи къ Гренландіи, и равнѣ Колумба уже открыли американскій материкъ, доходя до далекой Каролины.

Это своеобразное прошлое викинговъ, представляющее массу замѣчательныхъ историческихъ данныхъ, закладывается въ себѣ неисчерпаемый источникъ для эпоса. Образъ жизни этихъ пловцовъ, ихъ битвы и пѣсни, ихъ бытъ и нравы не менѣе интересны и оригинальны.

Послѣдняя драгоцѣнная археологическая находка, именно: ладья викинговъ открытая въ норвежскомъ курганѣ, памятникъ, переносащій насъ хотя отчасти въ то отдаленное время.

Въ Норвегіи, близъ купаній Сандефьордъ въ Сандегердѣ, находится имѣніе Гокстадъ. Въ этомъ имѣніи возмѣщается довольно значительный курганъ прозванный „Королевскимъ“. Пролетая зиму стали случайно его раскапывать, причемъ наткнулись на балки и разныя деревянныя вещи, вполнѣ сохранившіяся; дальнѣйшія раскопки были приостановлены до прибытія правительственнаго антикварія Николанзена, подъ наблюдениемъ котораго открыли вполнѣ довольно хорошо сохранившуюся ладью, признанную несомнѣнно подлинною ладьей древнихъ викинговъ.

Изображенія такой ладьи извѣстны были раньше по старымъ, замѣчательнымъ образомъ, тканымъ шерстью по толстому полотну и найденнымъ въ Байексѣ въ Нормандіи. Обои эти сдѣланы въ концѣ одиннадцатаго столѣтія и представляютъ пещ-

твіе Вильгельма Завоевателя. Еще ранѣе, въ приходѣ Туно въ Смаленѣ въ Норвегіи, была найдена маленькая лодка викинговъ, которая хотя и хорошо сохранилась, но была такъ мала, что не представляла особеннаго интереса. Недавно открытая ладья напротивъ, очень велика и вполнѣ оснащена. По-видимому она принадлежала одному изъ морскихъ королей, изъ тѣхъ, которыхъ выбирали за то что они всѣхъ превосходили силою, удалюю, суровостью и пренебреженіемъ къ смерти, изъ тѣхъ, что считали для себя позоромъ „спать подъ дымнымъ кровомъ“ и выпивать свой рогъ меду у домашняго очага“ и которые, когда чувствовали приближеніе смерти, выѣзжали на своей ладьѣ въ открытое родное море и сжигали сами себя со всѣмъ своимъ вооруженіемъ.

Обыкновенныя ладьи викинговъ были плоски, безъ крыши и такъ малы, что во время битвъ онѣ соединялись въ числѣ отъ трехсотъ до четырехсотъ вмѣстѣ; — внов же открытая ладья громаднѣе размѣровъ; она имѣетъ 66 футовъ въ длину и 15 — въ ширину. Ладья эта плоская, съ посадкою въ водѣ не болѣе 4½ футовъ, точно такъ какъ и лодка, найденная въ Туно; слѣдуетъ однако предположить, что давленіе земли повліяло на первоначальную ихъ форму. Обѣ эти ладьи находились въ грунтѣ изъ синей глины въ которой, какъ извѣстно, хорошо сохраняются всякіе предметы. Ладья состоитъ изъ крѣпкихъ досокъ на двадцати ребрахъ, прикрѣпленныхъ къ доскамъ сверху гвоздями, а снизу — веревками; ребра прилегаютъ къ балкѣ, идущей вдоль всей ладьи, концы которой сдѣланы въ видѣ рыбаго хвоста. На балкѣ стоитъ еще часть мачты, которой первоначальная вышина была 19 футовъ и верхній конецъ которой найденъ въ ладьѣ вмѣстѣ съ другими предметами, какъ то: различной длины веслами почти одинаковыми по формѣ, обрывками парусовъ и канатовъ, рулемъ, своеобразнаго вида кускомъ дерева длиною въ 1½ футовъ съ круглыми въ немъ выемками, черезъ которыя пропускались канаты. Далѣе найдены особыя приспособленія, въ ростъ человека, которыя по всей вѣроятности служили постелями. Изъ прочихъ предметовъ найдены: большая бочка изъ деревянныхъ дощечекъ, нѣсколько лопатъ, мѣдный котелъ съ двумя ручками, прекрасной работы кованый желѣзный котелъ, उपयोगныя съ короткими рукоятками и пр. Борть ладьи должно быть былъ обшитъ жостью, такъ какъ сохранилась еще желѣзная обшивка и жостяные листы. Кромѣ большой ладьи, найдены тутъ же части двухъ-трехъ маленькихъ лодокъ.

За мачтой удалось открыть загородку, за которой была собственно гробница. Отъ давленія земли тутъ оказались поломанными строила на одной сторонѣ.

Предполагаютъ, что курганъ когда то однажды разрывали и что изъ него было многое унесено. Однако уцѣлѣли человѣческія кости, куски ярко окрашенной шелковой матеріи, выдолбленный на подобіе ящика стволъ дерева, охлестки ремней и остатки сѣделъ, нѣсколько маленькихъ желѣзныхъ предметовъ, пятнадцать серебряныхъ и бронзовыхъ золоченыхъ бляшекъ, предназначавшихся для украшенія поясовъ и сбруи. Пояса были украшены правильными геометрическими фигурами и портретами en face, а сбруйныя бляхи замѣчательной работы. Два золоченыхъ украшенія, съ изображеніемъ скачущаго всад-

ника, представляют прекрасный образчик искусства временъ изысканныхъ.

Впоследствии быть можетъ найдено будетъ еще что нибудь.

Теперь же предполагаютъ открытую ладью при помощи блоковъ поднять вверхъ, спустить на воду и доставить въ городъ Христианію.

КЪ РИСУНКАМЪ.

Въ Малой Азіи.—Смирна и Александретта.

(Рис. на стр. 596 и 597).

Смирнскій заливъ, образуемый глубокой излучиной малоазійскаго берега, служитъ одной изъ обширнѣйшихъ и безопас-

нѣйшихъ гаваней Средиземнаго моря. Раскинутый на берегу залива, городъ довольно красивый своимъ внѣшнимъ видомъ, немного лѣтъ тому назадъ былъ чисто восточнымъ городомъ по нечистотѣ и хаотическому расположенію построекъ. Теперь Смирна во многомъ измѣнилась и сдѣлалась городомъ европейскимъ. Железная дорога, которая отсюда идетъ въ Ефесъ и въ глубь Малой Азіи, произвела полнѣйшій переворотъ въ дѣлѣхъ нравахъ и обычаяхъ. Даже самая гавань стала неузнаваемою: вмѣсто разнохарактерныхъ построекъ на сваяхъ и кофеенъ, воздвигнутыхъ кой-какъ надъ водою, теперь здѣсь идетъ по берегу прекрасная, каменная набережная. Только центральная часть города мало измѣнилась; здѣсь остались тѣ же узкіе переулки, представляющіе настоящей лабиринтъ для незнакомаго съ ними чужеземца, тѣже безпорядочные базары, на которыхъ нагромождены кучами ковры, старое оружіе и разные продукты Азіи вмѣстѣ съ разными предметами французскаго парфюмернаго производства. Безконечные ряды верблюдовъ тянутся по узкимъ и грязнымъ улицамъ, направляясь въ разные базарные ханы. Эти караваны идутъ сюда изъ глубины Малой Азіи, и часто изъ странъ еще болѣе отдаленныхъ.

Улица „Розъ“ ведетъ къ мосту каравановъ, перекинутому черезъ маленькую рѣчку Мелесъ, на берегахъ которой, по преданію, родился Гомеръ. Теперь эти берега покрыты роскошной растительностью, величественными кипарисами, сикоморами и платанами. „Мостъ каравановъ“—постройки очевидно очень древней. Смирна производитъ большое количество шелка и чернильнаго орѣшка употребляемаго для окрашивания матерій. Въ нѣкоторыхъ ханахъ ведется преимущественно торговля рос-

кошными коврами. Городъ имѣетъ болѣе 150000 жителей и изъ нихъ половина грековъ. Чтобы дать понятіе о торговлѣ Смирны укажемъ что въ 1875 г. напр. сюда приходило 5000 кораблей изъ нихъ до тысячи пароходовъ.

Неподалеку отъ города возвышается гора

Пагусъ, которой вершина увѣнчана старинной крѣпостью, построенною Генуэзцами и реставрированной Турками. Основанія нѣкоторыхъ башенъ, очевидно, глубоко древней постройки и относятся можетъ быть къ эпохѣ Александра Великаго. Съ вершины Пагуса открывается восхитительный видъ на долину Смирны, на окрестности города и на далекую синеву залива, берега которого покрыты роскошной и разнообразной растительностью.

Послѣ Смирнскаго залива лучшею гаванью на малоазійскомъ берегу Средиземнаго моря считается гавань Александретты, окруженная высокими горами, защищающими ее отъ вѣтровъ. Александретта, Искандерунъ арабовъ, обязана своимъ именемъ Александру Великому, который по всей вѣроятности часто избиралъ этотъ важный стратегическій пунктъ мѣстомъ своего пребыванія. Городъ расположенъ при маленькомъ озерѣ и представляетъ собою кучу небольшихъ построекъ, окруженную болотами, распространяющими вредныя испаренія.

Многія дома стоятъ почти въ водѣ и многія улицы совершенно непроходимы въ дождливое время года. Въ кучѣ жалкихъ лачугъ Александретты влчатъ свое существованіе блѣдные бѣдняки истощенные мѣстными лихорадками и диссентеріей. Дома консуловъ и вообще европейцевъ расположены въ лучшей мѣстности на берегу моря, а въ лѣтнее время, когда пребываніе въ Александреттѣ дѣйствительно становится невыносимымъ, вся маленькая европейская колонія переселяется на дачи въ ближнее селеніе Вейланъ, лежащее среди гористой и довольно здоровой мѣстности. Дома здѣсь уже построены на европейскій ладъ, только съ плоскими крышами, а сады, расположенные террасами, придаютъ селенію красивый видъ и оно кажется

(Продолженіе на стр. 609, 610, 611, 612).

Принцъ Бибъ-Дога, воевода Миридитовъ. Съ фотогр. грав. М. Рашевскій,

настоящим раемъ послѣ Александретты. Жителей здѣсь всего до 6000. Здѣсь перегружаются корабли идущіе въ Алеппо изъ Европы.

Маленькій норабельщикъ.

(Картина П. Волькенбурга.)

Кто знаетъ, что еще будетъ изъ этого мальчугана, съ такимъ сосредоточеннымъ вниманіемъ ладящаго свой маленькій корабль. Можетъ быть это будущій отважный мореходъ, котораго зоріе глаза будутъ любоваться Южнымъ Крестомъ тропиковъ или таинственнымъ мерцаніемъ полнеба охватившаго сіянія полярныхъ странъ, странъ вѣчной ночи... Можетъ быть его земляки будутъ принимать его съ такимъ же гордымъ торжествомъ, какъ шведы принимали Норденшильда и влательство его страны выйдеть также его встрѣчать, преклоняя съ уваженіемъ царственную голову предъ силой энергій и науки.

Знаменскій соборъ въ Новгородѣ.

(Рис. на стр. 604)

Знаменскій соборъ находится на торговой сторонѣ города, неподалеку отъ Софійскаго собора. Первоначальное основаніе этого храма относится къ XIV вѣку, а именно къ 1355 году когда Новгородъ приступилъ къ строительству каменнаго Знаменскаго собора, въ воспоминаніе чуда иконы Божіей Матери, бывшаго въ 1169 году во время осады Новгорода войсками В. К. Суздальскаго Андрея. Этотъ храмъ, обветшавшій впоследствии отъ времени и пострадавшій отъ нѣсколькихъ пожаровъ, былъ разобранъ въ 1682 году и вновь построенъ и освященъ 20 ноября 1688 года.

По своей внѣшности Знаменскій соборъ принадлежитъ къ числу великолѣпнѣйшихъ храмовъ Новгорода. Онъ построенъ въ видѣ продолговатаго квадрата и состоитъ изъ двухъ этажей: съ восточной его стороны виднѣются три полуколонны главнаго алтаря; къ прочимъ тремъ сторонамъ пристроены, въ видѣ продолговатой галереи, два придѣла и притворъ съ широкими крыльцами. Надъ кровлею возвышается 5 главъ, изъ коихъ средняя имѣетъ 8 пролетныхъ оконъ для освѣщенія купола. Пространство главнаго храма въ длину болѣе одиннадцати саж., а въ ширину болѣе восьми. Соборъ росписанъ стѣнною живописью выполненною, какъ оказывается изъ надписи, въ 1702 году, востромскими иконописцами. Въ оградѣ съ югозападной стороны возвышается шатровая, осмигранная съ конусообразнымъ шпилемъ, колокольня, построенная въ XVII вѣкѣ. Изъ колоколовъ—два замѣчательны по своей древности; одинъ, оставшійся послѣ пожара и извѣстный подъ именемъ *Горьлага* а другой, литый

въ 1555 году „во избавленіе отъ смертоносной язвы и отъ напрасныя смерти“ какъ сказано въ имѣющейся на немъ надписи.

Главная святыня собора—это чудотворная, храмовая икона Знаменія Богородицы, очевидно весьма древняго письма. На ея лицевой сторонѣ Богоматерь представлена молящейся, съ воздѣтыми руками а на персяхъ ея, въ звѣздномъ кругѣ изображенъ Божественный Младенецъ, правой рукою благославляющій а въ лѣвой держащій свитокъ. Подъ лѣвымъ глазомъ Богоматери едва замѣтно небольшое отверстие, по преданію, сдѣланное стрѣлою, пушеною однимъ изъ Суздальцевъ въ то время какъ икона во время осады была вынесена на городскія укрѣпленія. Подъ иконою изображенъ на деревѣ видъ древняго Новгорода и осада его войсками Боголюбскаго.

Основываясь на очеркѣ города и фигуръ, археологи признаютъ, что это изображение не особенно древне и что оно сдѣлано не ранѣе XVI столѣтія

Смерть Владимира Мономаха.

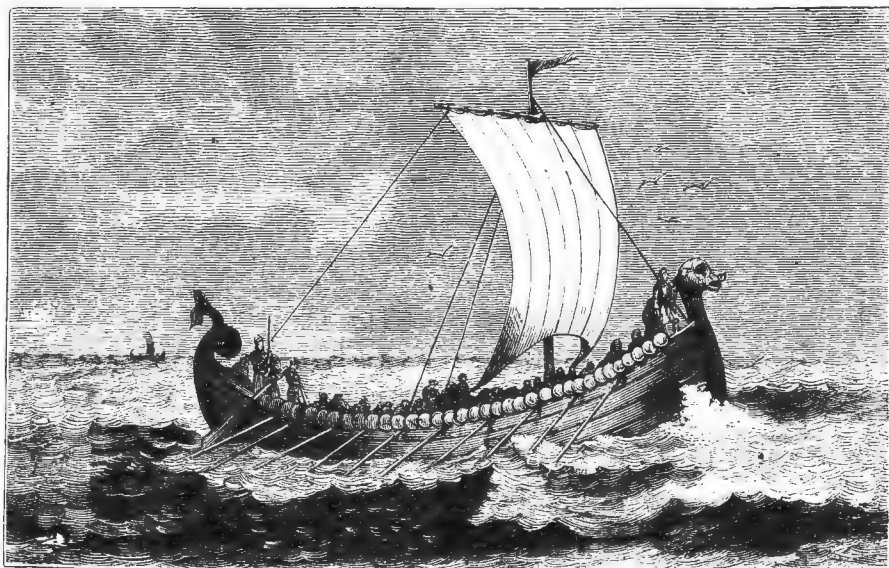
(Рис. Земцова),

Образъ Владимира Мономаха одинъ изъ благодушнѣйшихъ и величавѣйшихъ въ нашей древней исторіи. Избранный, какъ достойнѣйшій (1113 году), гражданами города Кіева, В. Кн. сперва отказался отъ предложенной ему чести. Кіевляне не хотѣли другаго государя, а митенники, пользуясь безначаліемъ, стали грабить и жечь городъ и въ особенности дома жидовъ, къ которымъ народъ питалъ особую ненависть.

„Спаси насъ!“ вторично умоляли послы, и Владимиръ наконецъ рѣшился вступить на главный престолъ русскій. Его мудрое и осторожное правленіе, человѣколюбіе и высокая справедливость успокоили страну. Онъ короновался въ Кіевѣ и возглашенъ первымъ Царемъ русскимъ и доселѣ (хранимыя въ оружейной палатѣ) бармы и золотую шапку Мономаха, цѣпь, державу и скипетръ, надѣвають наши Самодержцы при торжественномъ вѣнчаніи.

Мономахъ скончался на 73 году отъ рожденія „славный побѣдами за землю Русскую и благами правами“ по слову лѣтописца. Уже чувствуя

приближеніе смерти, онъ поѣхалъ на берегъ Алты, гдѣ пролита была кровь св. Бориса, и окруженный семьей и боярами, предалъ Богу духъ свой, 1125 г. 19 мая. Этотъ моментъ и изображенъ на нашемъ рисункѣ. Послѣ Мономаха остался одинъ изъ драгоцѣннѣйшихъ памятниковъ нашей древней письменности — „Завѣщаніе дѣтямъ.“ имъ самимъ писанное, въ которомъ благородство, умъ и глубокое чувство, чрезвычайно замѣчательно и трогательно обрисовываютъ великую душу князя.

Ладья древнихъ викинговъ VIII—IX вѣка. Съ стар. рис. грав. Флюгель.

Статки ладьи древнихъ викинговъ, найденные въ Норвегій близъ купаній Санденфьордъ, въ Королевскомъ курганѣ. Съ фотогр. грав. Флюгель.

Политическое обозрѣніе.

Отвѣтъ Порты на коллективную ноту державъ.—Гладстонъ и оппозиція.—Гамбетта и противники его восточной политики.—Князь Бисмаркъ и новый проектъ.—Германскіе офицеры и чиновники въ Константинополѣ.—Норвегія.

Изъ Константинополя сообщаютъ, что Порты уже препроводила державамъ отвѣтъ свой на коллективную ноту ихъ. Изъ отвѣта этого можно видѣть, что турецкое правительство желаетъ снова затянуть разрѣшеніе вопроса о греко-турецкой границѣ и затянуть на болѣе продолжительное время, чѣмъ можно было бы ожидать, въ настоящую минуту и при нынѣшнемъ положеніи дѣлъ, отъ обычной безцеремонности и своего рода смѣлости Порты въ сферѣ международныхъ сношеній. Дѣло въ томъ, что въ отвѣтѣ своемъ она отклоняетъ установленную трактатомъ пограничную линію и высказываетъ *готовность вести переговоры* объ исправленіи границы, съ изъятіемъ Мецова, Янины и Лариссы! Европа рѣшила вопросъ и, по крайней мѣрѣ выразила намѣреніе поддержать рѣшеніе свое силой, страсти возбуждены, ружья „почти сами стрѣляютъ“, а Турція объявляетъ, что готова приступить къ переговорамъ!.. Обманется-ли она на этотъ разъ или нѣтъ, въ своемъ постоянномъ расчетѣ на разрозненность Европы въ восточномъ вопросѣ?

Нѣкоторый свѣтъ на взаимное положеніе державъ въ отношеніи Турціи бросаетъ органъ французскаго министерства иностранныхъ дѣлъ „Temps“. Заявляя о полномъ согласіи между Франціей и Англіей въ греческомъ вопросѣ, газета замѣчаетъ однако, что согласіе это не идетъ до одобренія восточной политики Гладстона во всей совокупности. Франція отнюдь не присоединяется къ дѣлу нынѣшняго англійскаго премьера—изгнанію турокъ съ Балканскаго полуострова и созданію тамъ федераціи славянскихъ государствъ. Если вѣрнѣе французской министерской газетѣ, то, нынѣ, будто бы, на одной сторонѣ стоятъ Англія и Россія а на другой Германія и Австрія; что же касается Франціи, то она будетъ принимать участіе въ европейскомъ соглашеніи до тѣхъ поръ, пока оно будетъ дѣйствительно продолжаться и вернется къ абсолютному нейтралитету, когда оно прекратится, чтобы уступить мѣсто столкновенію между интересами, неимѣющими ничего общаго съ чисто французскими.

Въ настоящую минуту, впрочемъ, и во Франціи, и въ Англіи, оба главные руководителя и направителя политики поставлены въ нѣсколько затруднительное положеніе. И тотъ, и другой ведутъ довольно серьезную внутреннюю борьбу. Гладстонъ ввѣсь недавно биллъ, облегчающій безвыходное положеніе ирландскихъ фермеровъ, которыхъ до сего времени землевладѣлецъ имѣлъ право, во всякую минуту согнать съ участка и оставить безъ угла, безъ хлѣба. Проектъ закона, предложенный министерствомъ, устанавливаетъ ограниченія такого своеволія (которое только поддерживало феніанизмъ и сепаратистскія движенія въ Ирландіи), требуетъ, чтобы землевладѣлецъ, желающій отказать фермеру, уплачивалъ ему извѣстную сумму и т. д. Проектъ этотъ былъ принятъ Палатою Общинъ и чрезвычайно возбудилъ противъ премьера не только весь консервативный лагерь, но и часть умѣренныхъ виговъ. Дѣло даже дошло до того, что одинъ изъ членовъ кабинета, маркизъ Лэнсдоунъ (богатый ирландскій помѣщикъ) вышелъ въ отставку и перешелъ въ ряды торіевъ. Оппозиція на этотъ

разъ, была такъ сильна, что поговаривали о намѣреніи Гладстона распустить парламентъ и назначить новые выборы; дѣло еще не окончено, такъ какъ проектъ перешелъ въ палату лордовъ, отъ которой ждутъ отказа. Консервативная пресса, несомнѣнно преувеличивающая, увѣряетъ, что положеніе министерства Гладстона не прочно и день ото дня теряетъ почву подъ собою. Не смотря, однако, на такое увѣреніе противнаго лагеря, мы не видимъ пока ничего такого, чтобы указывало на непрочность кабинета виговъ—напротивъ, самое принятіе билля объ ирландскихъ фермерахъ указываетъ на силу этого кабинета, но, конечно, нельзя не признать, что Гладстону приходится бороться съ серьезною оппозиціей.

Гамбетта испытываетъ не менѣе, если еще не болѣе ожесточенныя нападки со стороны различныхъ партій, въ томъ числѣ весьма рѣзкія—со стороны Рошфора и клики его. Гамбетта, повидимому, стоялъ за болѣе энергичную политику на востокѣ, чѣмъ того желаетъ Фрейсинэ и другіе члены кабинета и теперь оппозиція возстаетъ противъ его плановъ оказанія помощи Греціи. Замѣтимъ здѣсь кстати, что на другой день смотря, по случаю празднованія 14-го іюля, довольно значительная часть парижской прессы высказала мнѣніе о томъ, что французскую армію надлежитъ беречь для „патриотическаго дѣла“, и не тратить силы свои на дѣло, чуждое Франціи.

Князь Бисмаркъ трудится теперь надъ проектомъ податной реформы, которая, по слухамъ, потребуетъ нѣкоторое число новыхъ косвенныхъ налоговъ и будто бы введенія табачной монополии. Говорятъ, что „железный канцлеръ“, предполагая лично выступить въ парламентѣ въ защиту своего проекта, твердо рѣшился распустить парламентъ, если проектъ этотъ не будетъ принятъ. Много шума надѣлало разрѣшеніе, данное германскимъ офицерамъ и чиновникамъ вступать на службу султана. Въ англійскомъ парламентѣ былъ даже сдѣланъ по поводу этому запросъ министерству и лордъ Грэнвилль, отвѣчая въ палатѣ лордовъ, сказалъ, что султанъ просилъ правительство Германіи еще 5 мѣсяцевъ тому назадъ о присылкѣ въ Константинополь офицеровъ и чиновниковъ финансового вѣдомства, что согласіе было изъявлено на томъ основаніи, что уже и прежде нѣмецкіе офицеры посылались въ Турцію въ качествѣ инструкторовъ; къ этому лордъ Грэнвилль добавилъ, что въ настоящее время офицеры эти не обнаруживаютъ большой склонности ѣхать на службу султана, а также что Германское правительство твердо держится согласія, установившагося между державами. Германскіе дипломаты желаютъ принимать дѣятельное участіе въ разрѣшеніи восточнаго вопроса, дабы не быть застигнутыми врасплохъ какою нибудь непредвидѣнною интригою.

Въ Норвегіи произошло столкновеніе между королевскою властью, съ одной стороны, и Норвежскимъ стортингомъ (парламентомъ) съ другой. Стортингъ вотировалъ проектъ одного закона, но король, пользуясь правомъ своимъ, наложилъ на принятый законъ свое „veto“ и, потому, въ силу этого запрета королевскаго, вотированіе должно считаться недействительнымъ и самый законъ—не принятымъ. Стортингъ (сессія котораго окончена теперь) рѣшился подвергнуть сомнѣнію право короля окончательно отвергать законъ, принятый депутатами. Это странное столкновеніе еще не пришло къ концу.

С М Ъ С Ъ.

Въ Англіи, во время недавняго смотра волонтеровъ подъ Брайтономъ, произведены были опыты рекогносцировки неприятельскихъ позицій при помощи усовершенствованнаго аэростата. Отрядъ, состоявшій изъ двухъ офицеровъ и девяти унтеръ-офицеровъ, отправился въ Брайтонъ, взявъ съ собою два воздушныхъ шара съ принадлежностями къ нимъ. Одинъ изъ этихъ шаровъ, вмѣстимостью въ 25,000 кубич. фут., былъ въ надлежащее время наполненъ газомъ. По данному сигналу, управлявшій большимъ аэростатомъ, капитанъ поднялся, съ другимъ офицеромъ, на высоту 1,100 футовъ надъ поверхностью земли и приступилъ къ составленію плана и замѣтокъ о результатахъ рекогносцировки. Аэростатъ держался на канатѣ, прикрепленномъ къ повозкѣ, которая, смотря по надобности, совершала передвиженія съ мѣста на мѣсто, передвигая за собою и воздушный шаръ. Опытъ оказался вполне удачнымъ.

Въ Пильзень въ Богеміи, устроенъ „русскій музей“ для изученія быта, цивилизаціи и литературы Россіи. Музей этотъ открытъ въ началѣ прошлаго года и знакомитъ съ производительностью и естественными богатствами Россіи. При музеѣ есть собранія по этнографіи Россіи и „читальня“ съ русскими сочиненіями и изданіями. „Русскому музею“ въ Пильзень еще много недостаетъ, но онъ усердно посѣщается публикою, особенно устроенная при немъ „русская читальня“, которая обнаруживаетъ богатства нашей науки и литературы.

Дѣйствіе опіума. Всѣ, кажется, и доктора, а за ними и публика, приписываютъ опіуму снотворное дѣйствіе. Между тѣмъ, по недавнимъ изслѣдованіямъ Пешолье (во Франціи), оказа-

лось, что, напротивъ того, опій возбуждаетъ безсонницу, и до сихъ поръ совершенно ошибочно приписывали дѣйствію этого наркотическаго вещества тотъ сонъ, который является у больныхъ подъ вліяніемъ лекарствъ, заключающихъ въ своемъ составѣ опій.

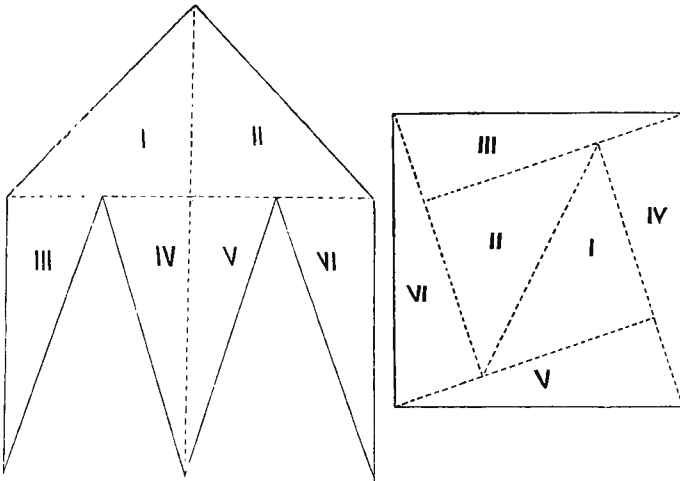
У береговъ Шлезвига устраивается искусственное разведеніе устрицъ. На пространствѣ отъ бухты Гвеннеръ до границы Даніи опущено въ море полтора милліона устрицъ.

Штатъ Колорадо богатъ металлами не менѣе знаменитаго „Золотаго Штата“—Калифорніи. До 1878 года изъ колорадскихъ горъ добыто золота на пятьдесятъ милліоновъ долларовъ (долларъ—1 р. 33 коп. метал.), на двадцать шесть милліоновъ серебра, кромѣ того выплавлено на нѣсколько милліоновъ мѣди и свинца. Въ штатѣ двѣсти тысячъ жителей, двѣ съ половиною тысячи верстъ желѣзныхъ дорогъ и шестьдесятъ газетъ.

Зоологическая галерея Британскаго Музея получила недавно одно преобразование: птицы въ музеѣ окружены, каждая, той обстановкой, среди которой онѣ живутъ; нѣкоторыя птицы съ выводками, чтобы показать разницу въ опереніи птенцовъ отъ взрослыхъ и даже молодыхъ самцевъ отъ совершенно взрослыхъ.

Зоофонъ. Газета „Liberté“ сообщаетъ объ изобрѣтеніи замѣчательнаго инструмента, зоофона, воспроизводящаго крикъ тридцати семи различныхъ животныхъ, между прочимъ и голосъ человѣка. Изобрѣтатель, проживающій въ Мюнхенѣ, намѣревается объѣхать съ своимъ изобрѣтеніемъ всю Европу.

Рѣшеніе геометрической задачи № 49.

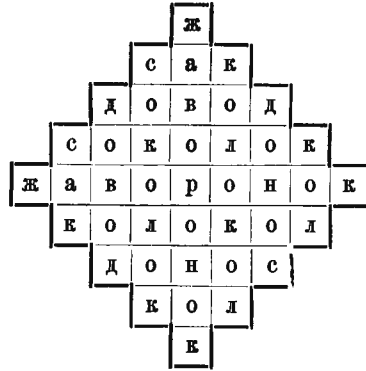
Вѣрныя рѣшенія этой задачи присланы: Спб.—отъ гг.: Васильева-Крымскаго Руска, Мнѣжо-Русси, Жаворонкова; Бобруйскъ — Зинovieва; Бейсагола — Атласъ Гельсингфорскъ — Бринкенгофъ; Варшава — Карпова; Новгородъ — Чмутова; Ковель — Барчевскаго; с. Вишняки — Матвѣева; Елисаветградъ — Н. С.—ъ; Елецъ — Е. Звѣнцовой; Нижній-Рыбинскъ — Д. Петропавловскаго; Казань — А. Головкина.

Рѣшеніе шашечной задачи № 47.

Бѣлыя.		Черныя.	
Съ № 9 на № 2		Съ № 18 на № 9	
" № 23 " № 27		" № 22 " № 31	
" № 2 " № 6		" № 11 " № 2	
" № 17 " № 10		" № 14 " № 5	
" № 7 " № 11		" № 15 " № 6	
" № 4 " № 14		" № 19 " № 10	
" № 16 " № 3			

Вѣрныя рѣшенія этой задачи присланы: Спб. отъ гг. Малинина, Геннингъ, Мосолова, Журавлева, Волкова, Щагина, Колчина-Смирновой: Мосива — Андрианова, Киселева, Федотова, Козырева, Скороченко, Кошелева, Выднова; Зубцова — Семькина; Молога — Неустрова; Курскъ — Завадскаго; Нарва — Петрова; Казань — Маркова; Мышкинъ — Журкина; Разказово — Палова; Таганрогъ — Тианова; Черниговъ — Варъ; Ржевъ — Кудьтепина, Н. Новгородъ — Обухова, А. Бовина; Клинъ — Цыганова; Копысь — Ляфшица; Вязники — Мухинъ; Тверь — Долгова; Берисоглѣбскъ — Лачинова; Орель — Соломатина.

Рѣшеніе Магического креста. № 51.

Рѣшеніе магическихъ квадратовъ. № 52. № 53.

я	р	у	с
р	и	г	а
у	г	о	л
с	а	л	о

о	ш	у	т
м	г	л	а
у	л	а	н
т	а	н	я

Вѣрныя рѣшенія этихъ задачъ присланы отъ гг.: Спб. — Макко-Русси; Кронштадтъ — Валавскаго, Тихонова; Крест. — Благо — ва; Ковровъ — Буфѣва; Елецъ — Е. Звѣнцовой.

О ПЕРЕМѢНѢ АДРЕСА.

Контора журнала «Нива» проситъ своихъ гг. иногородныхъ подписчиковъ при переѣздѣ адреса изъ одного города въ другой, присылать прежній печатный адресъ и прилагать 28 коп. почтовыми марками на типографскіе расходы.

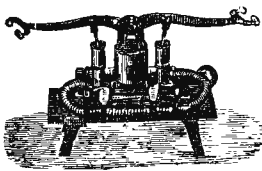
СОДЕРЖАНІЕ: Новая Императорская яхта «Ливадія» (съ рис.) — Купленное счастье. Романъ Н. Морскаго. (Продолженіе). — Зарница. Историческая быль В. Политовскаго. (Продолженіе). — Полѣсный свѣтъ. Изъ очерковъ Похъса М. Волотовскаго. (Продолженіе). — Албанія и Пренъ Биѣ-Дога, вождь Миридитовъ (съ рис.) — Ладыя Викинговъ (съ 2 рис.) — Въ Малой Азии — Смирна и Алесандретта (съ 2 рис.) — Маленкій норабельщикъ (съ рис.) — Знаменскій соборъ въ Новгородѣ (съ рис.) — Смерть Владимира Мономаха (съ рис.) — Политическое оборъаніе. — Сибѣя. — Объявленіе.

Издатель А. Ф. Марксъ.

Редакторъ Ф. Бергъ.

ОБЪЯВЛЕНІЯ.

РУССКАЯ ПОЖАРНАЯ ТРУБА Товарищества БУРГГАРДТЪ и УРЛАУБЪ,

самая дешевая, прочная и претая, когда либо существовавшая и поэтому особенно рекомендуемъ ее частнымъ пожарнымъ обществамъ, помѣщикамъ, желѣзнодорожнымъ обществамъ, земствамъ, фабрикантамъ и пр. Она изготовлена до того просто, что каждый можетъ ее, въ случаѣ надобности, разобрать, осмотрѣть клапаны и снова ихъ собрать, требуя для этого лишь нѣсколько минутъ. Всѣ части до того прочны, что выдерживаютъ давленіе въ 12 атмосферъ.

Насосъ этотъ выбрасываетъ немовѣрно сильную непрерывную струю воды на разстояніи 12 саженей въ количествѣ около 600 ведеръ въ часъ и требуетъ всего отъ 2—4 человекъ прислуги. Цѣна трубы 115 р. с. съ 4 арш. насоса и 15 арш. выбрасывающ. рукавами, брандспойтомъ и ключами.

РУССКІЙ ОГНЕГУШИТЕЛЬ

Товарищества Бурггардтъ и Урлаубъ, для тушенія пожаровъ въ зачаткахъ и для поливки цвѣтвъ и растений. Въ особенности рекомендуемъ для дачъ, жилищъ компанъ, амбаровъ, парковокъ, вагоновъ и т. п. Русскій огнетушитель бросаетъ ровную, непрерывную струю воды на разстояніи около 6-ти саженей, причѣмъ тушитъ керосинъ, смолу и т. п., не требуя для своего дѣйствія много воды. Онъ вѣшенъ, простъ, проченъ и легокъ. Цѣна 20 р. с.

Въ Петербургѣ, Васильевск. Островъ, 1-я линія, № 10. Склады " Москвѣ, Мясницкая, д. Сытова.

Кромѣ того имѣются въ наличности всякаго рода насосы, земледѣльческія машины, локкомобилы, паровыя машины, котлы и пр. и пр.

Прейсъ-курранты по востребованію. № 816 1

НОВѢЙШЕЕ ИЗОбРѢТЕНІЕ.

Франкфуртскія молотилки системы ВЕЙЛА

Доставляются на каждую желѣзнодорожную станцію въ слѣдующемъ выборѣ: 1) производимыя двумя людьми; 2) съ одной, въ 3) съ двумя, въ 4) съ четырьмя лошадиными силами.

По желанію съ аппаратомъ, производящимъ одновременно очистку зерна.

Подвижныя на своихъ собственныхъ колесахъ, онѣ могутъ дѣйствовать вездѣ, гдѣ ихъ ни поставитъ. По письменному требованію иллюстрированный каталогъ находящійся у Морича Вейла.

Машиная фабрика въ Франкфуртѣ-на-Майнѣ (въ Германіи) Pfr. № 690 Корреспонденція по-русски. 11—6

Частная гимназія и коммерческое училище.

Д-ра ВИДЕМАНА.

Преподаваніе учебнаго года 1880—81 открывается во вторникъ 19-го Авг. с. г. Приемные экзамены новымъ воспитанникамъ назначаются на понедѣльникъ 18-го Авг. съ 9 час. утра до 3 часовъ пополудни. Приемные воспитанники должны представить метрическое и оценопривязательное свидѣтельство. Воспитанники окончившіе полный курсъ имѣютъ право на отбытіе воинской повинности въ теченіи полугода.

Во время каникулъ, Директора господина Эрделя можно вѣстать въ училищѣ каждыя среду и субботу отъ 10 до 1 часа для полученія нужныхъ свидѣній.

Вас. Остр. по 9 лин. д. № 54, кв. № 17.

Мт. № 787 5—3

Директоръ д-ръ Карлъ Эрдель.

НОВАЯ

улучшенная и патентованная системы Зингеръ

РУЧНАЯ ШВЕЙНАЯ МАШИНА

работаетъ менѣ шумно, легче и скорѣ

чѣмъ всѣ существующія теперь ручныя машины. Специальныя машины для вязанія, выметыванія петель, вышиванія плиссѣ, для шитья перчатокъ, военныхъ голенищъ, мѣшковъ, парусовъ и вожи до 1/4 дюйм. толщины съ варною драгвой и всѣхъ другихъ ручныхъ и ножныхъ машинъ для семейныхъ и ремесленныхъ употребленій.

Выслана подробнаго прейсъ-курранта безплатно.

Склады швейныхъ машинъ всѣхъ системъ.

К. № 689 А. ШТЕЙНЪ, С.-Птб. Вознесенскій просп. № 21. 5—1

Изданія А. Ф. Маркса въ С.-Петербургѣ.

Большая Морская, д. № 9.

ВЪ НАМЫШАХЪ, повѣсть Н. Каразина, съ 89 рисунками автора. большою томъ въ 8—всего 304 стр. Цѣна 2 р., съ перес. 2 р. 30 к. Подписчики «Нивы» за перес. не платятъ.

Повѣсть эта яркими красками рисуетъ жизнь Туркестанскаго края; достоинства ея достаточно доказываются уже тѣмъ, что повѣсть эта переведена на нѣмецкій, французскій и англійскій языки. Имѣтъ вышедшее второе изданіе заключающее въ себѣ 86 рисунковъ; оно гораздо богаче и лучше чѣмъ, уже распроданное, первое изданіе этой повѣсти.

НОВАЯ КНИГА:
ВОЛГА
 Иллюстрированное издание
 В. РАГОЗИНА
 Томъ 1-й. 8°, съ географическими атласомъ (in folio)
3 руб. 50 к. Перес. за 5 ф.
 Главн. складъ Привв. книжн. маг.
ШМИЦДОРФЪ.
 Невскій пр. № 5.
 Ptr. № 818 1-3

КЛЕЙ I-й с.
 въ плиткахъ, предлагаетъ по очень дешевой цѣнѣ съ доставкою въ Варшаву фабрика Th. Pyrkosch Ratibor preuss. Schlesien D. 14048 № 772 8-7

ВНОВЬ ПОЛУЧЕНЫ ИЗВѢСТНЫЕ
Автоматическіе карандаши,
 которые можно носить удобно въ карманѣ, снабжены весьма практичнымъ механизмомъ, предохраняющимъ штифтъ отъ поврежденія.
ЦѢНА КАРАНДАША 50 КОП.
 Для провинціи цѣна съ пересылкою 2 р. за 3 карандаша.
 С.-Петербургъ, главное депо резиновыхъ издѣлій
ЛИМАНА и РИКСА.
 въ СПбургѣ.
 № 16. ГОРОХОВАЯ УЛИЦА. № 16.
 между Большой Морской и Краснымъ мостомъ.
 Мт. № 814 3-2

Пансіонъ учителя учрежденій Императрицы Маріи Л. Ф. Васильева, по примѣру прежнихъ двѣнадцати лѣтъ пріостовляетъ въ казенноучебныхъ заведеніяхъ. Обыкновенная плата: за пансіонера 300 р., полупансіонера 100 руб. и приходящаго 60 р. за учебный годъ. Пріемъ съ 4 августа отъ 9 ч. до 2 ч. Невскій № 130, противъ Алекс.-Невской ч. № 819

ТОРГОВЫЙ ДОМЪ
ПАВЕЛЪ ВЫДРИНЪ и СЫНЪ.
 (Москва, Тверская, д. Полякова).
 Продажа винегранныхъ билетовъ съ असрочкою платежа. Задатокъ 15 руб.
 Страхуваніе по 50 коп.
 Условія высылаетъ бесплатно.
 № 726 8-7

ГГ. ОФИЦЕРАМЪ
 рекомендуемъ нашъ большой складъ непромокаемыхъ английскихъ шерстяныхъ матерій, при которыхъ резиновый слой не замѣтны:
 Для гг. генераловъ: матерія сѣраго цвѣта на красной подкладкѣ.
 Для гг. офицеровъ отъ инфантеріи и кавалеріи: матерія сѣраго цвѣта на красной подкладкѣ.
 Для гг. офицеровъ флотскихъ } черная матерія на Горнымъ инженерамъ и лѣснымъ вѣдомства } черной подкладкѣ.
 Пальто по мѣрѣ беремъ сдѣлать въ самое короткое время, также принимаемъ поставку непромокаемыхъ пальто для цѣлыхъ полковъ съ значительной уступкою по самымъ дешевымъ цѣнамъ.
БОЛЬШОЙ СКЛАДЪ ЛЮБИМЫХЪ ШВЕДСКИХЪ КОЖАНЫХЪ КУРТОКЪ
 на красной фланели, которыя удобно можно надѣвать подъ форменнымъ сюртукомъ.
 С.-ПЕТЕРБУРГЪ, ГЛАВНОЕ ДЕПО РЕЗИНОВЫХЪ ИЗДѢЛІЙ
ЛИМАНА И РИКСА
 № 16. Гороховая ул. № 16. д. Корпуса
 между Большою Морскою и Краснымъ мостомъ.
 Мт. № 876 въ СПб. 3-2

СЪ РАЗРѢШЕНІЯ С.-ПЕТЕРБУРГСКАГО МЕДИЦИНСКАГО НАЧАЛЬСТВА
НИЛЬСОНЪ
ЭКСТРЕ-ДЕ-ТУАЛЕТЪ
 Уничтожаетъ съ лица пятна, загаръ, угри, прыщи, веснушки, желтизну, пропадаютъ и морщины; придаетъ лицу бѣлизну, нѣжность и бархатистость; экстре Нильсонъ превосходить съ до сихъ поръ извѣстныя косметическія средства. Цѣна флакону 3 р. 25 к. съ перес. 4 р., полфлакону 1 р. 75 к. съ перес. 2 р. 50 к.
ПУДРА НИЛЬСОНЪ.
 Самаго высокаго достоинства, освѣжающая, хорошо держится на лицѣ, неажитна даже при дневномъ свѣтѣ. Цѣна 50 к. безъ пушка, съ пушкомъ 70 к.
МЫЛО НИЛЬСОНЪ.
 Это мыло даетъ отличную пѣну, очищаетъ кожу, предохраняетъ отъ загара и придаетъ кожѣ бѣлизну и нѣжность. Цѣна 50 к., съ перес. за три куска 2 р.
 Продажа въ С.-Петербургѣ:
 Въ гостиномъ дворѣ, въ магазинахъ: Рузанова, № 40, Саблукова, № 39; Ушакова, № 33; Парикова, № 78; Сафронова, по Банковской линіи.
 Невскій пр., д. № 3, у а la Ренomme.
 Невскій пр., д. № 25, въ магазинѣ Штейнберга.
 На углу Вознесенскаго моста, д. № 25, въ Косметическ. магаз.
 Въ пассажѣ, № 44, въ магаз. Лашерь.
 Владимирскій просп., д. № 7, въ депо химическихъ лабораторій.
 Продажа въ Москвѣ:
 Въ химической лабораторіи Козлова, по Никольской ул., въ провѣдѣ, в. Третьякова.
 Въ магазинѣ „Городъ Парижъ“ Дарзанса, по Газетной ул., д. Шевадье.
 Въ магазинахъ Брокера и К°, на Петровкѣ, домъ товарищества петровскихъ торговцевъ линіи.
 Въ магазинѣ Геринга на Тверской, домъ Осуфьева.
 На нижегородской армякѣ, подъ главнымъ домомъ.
 Главный складъ для всей Россіи, въ С.-Петербургѣ, Владимирскій просп., домъ № 7, кв. № 4. Иногородные заказы исполняются немедленно. Оптовымъ покупателямъ соотвѣтственная скидка.
 К. № 813 2-2

С.-ПЕТЕРБУРГСКАЯ ХИМИЧЕСКАЯ ЛАБОРАТОРІЯ.
 Съ разрѣшеніемъ С.-Петербургской Врачебной Управы.
ГЛИЦЕРИНОВОЕ МЫЛО
 Розовое въ оловянной оберткѣ по 25 к
 Бѣлое высш. кач. для дамъ и дѣтей „ 35 „
 Прозрачное, по разнымъ цѣнамъ, отъ 10 „
 „ Бюветъ Императрицы по 50 „
ОСТЕРЕГАТЬСЯ ПОДРАЖАНІЙ
 въ которыхъ прибѣгаютъ нѣкоторые фабриканты, принявшіе названія фирмъ, близко подходящихъ къ фирмѣ С.-Петербургской Химической Лабораторіи, и копирующіе наружный видъ произведеній ея.
 Обращать вниманіе при покупкѣ всякаго предмета на точность фирмъ:
„С.-П.-БУРГСКАЯ ХИМИЧЕСКАЯ ЛАБОРАТОРІЯ“.
ЕДИНСТВЕННЫЕ МАГАЗИНЫ ВЪ С.-ПЕТЕРБУРГѣ:
 1) Невскій проспектъ, д. № 31, Батолл. керани.
 2) Невскій просп., у Анчичова моста, № 66.
 3) Вознесенскій просп., уголъ Каванской ул., домъ № 18-54, Шредера.
 Въ прочіе, магазины и лавки, имѣющіе вывѣски, сходныя съ вывѣскою С.-Петербургской Химической Лабораторіи, ей не принадлежатъ.

КОРОЛЕВСКАЯ ВЮРТЕМБЕРГСКАЯ АКАДЕМІЯ ЛѢСНИЧЕСТВА и СЕЛЬСКАГО ХОЗЯЙСТВА. Hohenheim.
 Зимній семестръ 1880—81 г. начинается съ Понедѣльника 18 октября. Объявленія и указатели лекцій рассылаются по требованіямъ безвозмездно.
 Гогенгеймъ. Іюнь 1880 года. Дирекція Королевской академіи
 Д. 15527 № 817
 P A U

БАНКИРСКАЯ КОНТОРА ЯКОБСОНЪ.
 С.-ПЕТЕРБУРГЪ, Литейный проспектъ, д. № 21.
Продана 5% съ выигр. билет. съ разсрочкою платежей, съ задаткомъ по 20 руб. на билетъ. Выигрѣшъ, курсоваго разнажца и купоны составляютъ собственность покупателя.
Страхуваніе отъ тиража 5% съ выигрѣшми билетами по 50 к.
 Отъ гг. иногородныхъ, включая почтовые расходы, по 60 коп. за билетъ.
 Въсѣ биржевыя и банкірскія операціи по покупкѣ, продажѣ и заложу бумагъ отъ гг. иногородныхъ исполняются по ильсменнымъ приказамъ черезъ почту.
 Пріемъ на комиссію 5% билетовъ для обмѣна на новыя.
 Подробная программа операцій помѣщена въ „Нивѣ“ № 5 сего года.
 № 872 6-2

ГАЛЬМАНИНЪ.
 После многочисленныхъ опытовъ мнѣ удалось составить счастливую смѣсь (Гальманинъ) предохраняющую совершенно пріиме частей тѣла, въ особенности же пріиме пожилыхъ пальцевъ. Въ короткое время средство это сдѣлалось извѣстнымъ во всемъ краѣ. Въ составъ его входятъ средства совершенно безвредныя; онъ не задерживаетъ потъ, не поглащаетъ его, образуетъ мѣлкіе микроскопическіе кристаллы; эти-то качества и даютъ ему преимущество надъ средствами до сихъ поръ употребляемыми въ Германіи и Франціи.
 Гальманинъ своимъ дѣйствіемъ, осушая части тѣла, пріиме ихъ дѣлаетъ невозможнымъ; посему лица, принужденныя много ходить, средство, мною изобрѣтенное, можетъ оказать величайшую услугу. Довольно матерей Гальманиномъ разъ въ нѣсколько дней пріиме части, помощью ваты, поютана или вѣсточка, чтобы избѣгнуть тѣхъ непріятныхъ послѣдствій, какими бывають подвержены лица, принужденныя долго ходить въ лѣтніе, жаркіе дни.
 Ручаясь исполнѣ за дѣйствительность изобрѣтеннаго мною Гальманина, что подтверждаютъ многочисленные опыты варшавскихъ врачей, съію обратитъ вниманіе публики, дабы она остерегалась подлогъ, и получила Гальманинъ только въ коробочкахъ снабженныхъ моею фирмою.
 Склады Гальманина находятся во всѣхъ аптекахъ, а также у дрогистовъ въ значительнѣйшихъ городахъ Европы. Главное депо въ моей аптекѣ въ Варшавѣ. Большая коробочка Гальманина 50 к.; меньшая коробочка 30 к.
В. Карпинскій.
 Магистръ фармаціи, владѣлецъ аптеки въ Варшавѣ, ул. Електоральной, № 35 (комы).
 № 586 12

НИВА

ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ
ЖУРНАЛЪ
ЛИТЕРАТУРЫ
ПОЛИТИКИ И СОВРЕМЕННОЙ ЖИЗНИ.

XI годъ
№ 31

годъ XI
1880

ВЫХОДИТЬ ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫМИ №№ ВЪ ДВА ЛИСТА СЪ 6—10 РИС. И ЕЖЕМЕСЯЧ. ДАРОВЫМЪ ПРИЛОЖЕНІЕМЪ „ПАРИЖСКИХЪ МОДЪ“ (отъ 20 до 40 модн. рис. Выдаѣт 2 Августа 1880 г. и ЛИСТА ЧЕРТЕЖ. ВЫКРОЕКЪ (отъ 22 до 30 рис.) разн. рис. рукод. работъ (отъ 20 до 40 рис.) Цѣна этого № „Нивы“ 20 к. съ перес. 25 к.

ОБЪЯВЛЕНІЯ
для напечатанія въ „НИВѢ“ принимаются по 25 к. за строку непарейль (въ 1/4 ширины страницы).
КОНТОРА
журнала открыта ежедневно (кроме Воскресныхъ и праздничныхъ дней) отъ 10 ч. утра до 6 ч. вечера.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА „НИВУ“ 1880 г.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА НА ГОДОВОЕ ИЗДАНИЕ „НИВЫ“

Безъ доставки въ Петербургъ . . . 4 р.

Безъ доставки въ Москву чрезъ нн. маг. гг. Шапошникова, Соловьева и Лангъ. 5 р.

Съ доставкою . . . 5 р.

Съ пересылкою въ Москву и другіе города Россіи 6 р.

На полгода безъ доставки 2 р., съ доставкою 2 р. 50 к., съ пересылкою иногороднымъ 3 р.

Каждый новый подписчикъ получаетъ все уже вышедшіе въ 1880 г. номера.

ПРИЛОЖЕНІЯ.
Особыя приложенія при „НИВѢ“ объявленія отъ торговыхъ домовъ принимаются для иног. по 5 р. съ тысячами для городскихъ по 4 р.
РУКОПИСИ.
Мелкія рукописи и стихи неудобныя печати, авторамъ не возвращаются.

КОНТОРА ЖУРНАЛА „НИВА“ ПОМѢЩАЕТСЯ ВЪ С.-П.-БУРГѢ, НА Б. МОРСКОЙ, ВЪ Д. № 9.

При этомъ № прилагаются ПАРИЖСКІЯ МОДЫ за АВГУСТЪ 1880 г. съ 29 рисунками и отдѣльный листъ съ 22 чертеж. выкроекъ въ натуральную величину и съ 24 рисунками рукодѣльных работъ.

К. А. ТРУТОВСКІЙ.

Въ Москвѣ и въ Петербургѣ на выставкахъ часто появлялись и всегда находили сочувственный приемъ, оригинальныя характерныя картины, имѣющія предметомъ исключительно сцены изъ малороссійской жизни. Картины, о которыхъ мы говоримъ, принадлежатъ талантливому художнику Константину Александровичу Трутовскому. Не такъ давно (въ № 18) мы дали нѣсколько гравюръ съ картинъ К. А. Его полная жизнь, движенія и выразительности и вмѣстѣ чуждая совершенно всякой утрировки и шаржа,—прекрасная картина „Уѣздная ярмарка“, обратила на себя, на послѣдней выставкѣ, общее вниманіе. Картина эта, по большому количеству изображенныхъ лицъ неудобна къ сожалѣнію для воспроизведенія ея въ гравюрѣ. Помнимъ мы еще его „Кобзаря“ и помнимъ впечатлѣніе, которое на насъ произвела картина, тогда еще не вполне оконченная въ мастерской художника. Тихимъ вечеромъ на крылечкѣ сидитъ слѣпой кобзарь и поетъ. Кругомъ

К. А. Трутовскій. Съ фотогр. грав. Пуцъ.

его задумчивыя, мечтательныя, спокойныя южныя лица. Черноглазые Ганнуси и степенные паробки тихо сидятъ—заслушались стараго кобзаря...

К. А. Трутовскій уже довольно давно пользуется извѣстностью. Онъ родился въ Курскѣ въ 1826 году. Дѣтство провелъ въ имѣніи отца, Ахтырскаго уѣзда (Харьковской губерніи). 13 лѣтнимъ мальчикомъ поступилъ онъ въ Главное Инженерное Училище и окончивъ курсъ въ Инженерной Академіи въ 1845 г., до 1850 г. служилъ при Инженерномъ Училищѣ въ качествѣ преподавателя. Въ это же время (съ 1845 по 1850) занимался въ Академіи Художествъ и прошелъ все классы ея. Въ 1850 году онъ вышелъ въ отставку и съ этого времени всецѣло предался искусству, занимаясь совершенно одинъ и живя безвыѣздно въ деревнѣ гдѣ шесть. Конечно отимъ впечатлѣніямъ русской деревни обязаны его произведения гдѣми достоинствами, которыя стяжали художнику имя. Это вѣяніе деревни, этотъ воздухъ

вѣтущей степи и жаркаго украинскаго дня, дивной украинской ночи — такъ и чувствуется во всемъ, что пишетъ К. А. и это то и производитъ впечатлѣнїе, не взирая на нѣкоторые недостатки, которыхъ конечно не чуждъ и его талантъ. Несчастіе нѣкоторыхъ нашихъ хорошихъ художниковъ — Петербургъ. Онъ и вліяніями, подъ которыя подпадаютъ художники, и унылымъ настроеніемъ, которое сообщаютъ имъ разныя „направленія“, сѣрое чухонское небо и некрасивый чухонскій типъ — подбѣдаетъ ихъ талантъ. И то что выше говорено о вліяніи деревенской Руси и здороваго воздуха русской степи и лѣса — уже совершенно отсутствуетъ. Но мы уклонились въ сторону. Въ 1857 году послалъ К. А. свои первыя картины въ Москву, гдѣ къ удивленію (по собственнымъ словамъ скромнаго художника) они встрѣтили самый радушный пріемъ, который очень оживилъ его и ободрилъ къ послѣдующимъ трудамъ. Съ 1858 года К. А. переѣхалъ въ Петербургъ, гдѣ и окончательно остался, уѣзжая на лѣто въ деревню или за границу. Въ это время онъ дѣлалъ много рисунковъ и акварелей изъ помѣщичьей жизни, которую изучилъ, живя въ деревнѣ, и постоянно появлялись его картины, гдѣ онъ воспроизводилъ образъ своей чуд-

ной Украйны, все болѣе и болѣе къ сожалѣнію теряющей, какъ и многое другое теперь, свой прежній характеръ... Изъ украинскихъ его картинъ этого періода одна („Колядка“) собственностью Государя Императора и покойная Государыня приобрѣла нѣсколько картинъ и акварелей К. А. Въ 1864 году были роскошно изданы басни И. А. Крылова и К. А. принадлежатъ всѣ иллюстраціи этого изданія, иллюстраціи, имѣющія характеръ сатиры и „обличенія“, которыя тогда были въ особенномъ ходу.

Кромѣ рисунковъ къ баснямъ Крылова, художникъ много рисовалъ въ тогдашнихъ иллюстрированныхъ журналахъ.

Въ 1871 году К. А. былъ приглашенъ въ Москву въ качествѣ инспектора училища живописи и ваянія, — и съ этого времени и до настоящаго — писалъ очень много, но выставлялъ рѣдко и неохотно. Работы К. А. изъ мастерской прямо попадали въ чью-нибудь коллекцію въ Москвѣ, въ Петербургѣ или въ провинціи. Нынѣ, служа въ Москвѣ, художникъ лишь лѣтніе мѣсяцы можетъ проводить въ деревнѣ (Обоянскаго уѣзда). Фотографіи съ картинъ К. А. чрезвычайно распространены.

КУПЛЕННОЕ СЧАСТЬЕ.

Романъ Н. Морскаго.

(Продолженіе).

XXI.

Она слѣдила за нимъ своимъ лорнетомъ и видѣла его впервые нѣсколько озабоченнымъ и разсѣяннымъ. Додо не любила кавалеровъ въ подобномъ настроеніи и подумала, что Гавриловъ отлично дѣлаетъ, что уходитъ. Что ей сидѣть съ такимъ? Пусть лучше уйдетъ. Но онъ все еще стоялъ передъ нею, чувствуя во всемъ своемъ тѣлѣ какую-то странную лѣнь, желаніе возможно менѣе двигаться, даже лечь и уснуть. Въ виду близившагося рѣшительнаго шага, когда онъ долженъ былъ дѣйствовать, ему стало жаль отрываться отъ всего, съ чѣмъ онъ сжился въ эти послѣдніе дни. Нѣчто предполагаемое, намѣченное только въ головѣ, рисующееся въ отдаленіи, стало теперь передъ его глазами — грозное и мрачное. Ему было жаль разлучиться съ этимъ салономъ, гдѣ онъ такъ освоился на какой струнѣ слѣдуетъ ему играть, съ этой дѣвушкой съ золотымъ лорнетомъ, казавшейся ему аристократически прелестной, если не любимой имъ, то все таки не безъ пріятности представляемой однимъ изъ атрибутовъ того дома, который онъ устроитъ себѣ, когда сдѣлаетъ рѣшительный и послѣдній шагъ. Его задумчивость начинала тяготить ее. Она ускорила его уходъ:

— Adieu, — очаровательно улыбнулась она ему, протягивая свою ручку. — Кончайте скорѣе ваши дѣла и возвращайтесь.

Кончайте скорѣе!.. Что-то вздрогнуло въ немъ, ударило въ голову и еще рѣзче показало ему какую-то странную апатію желанія покоя и сна, ощущаемую имъ въ ту минуту, когда слѣдовало чувствовать себя живѣе, настроить себя на самый дѣятельный ладъ. Онъ молча сжималъ поданную ему руку и даже что-то въ родѣ нѣжности мелькнуло въ его душѣ въ этотъ моментъ. Всегда предметы являлись ему рѣзко очерченными, а тутъ какой-то мягкой тонъ одѣлъ собою и этотъ красный салонъ, и позолоту мебели, и сидящую передъ нимъ женщину.

— Прощайте, Додо.

Онъ уловилъ пристально устремленный на него взглядъ и овладѣлъ собою. Онъ собралъ силы, чтобы показаться Додо прежнимъ, оставилъ ея руку, легкомысленно заглѣлъ какой-то французскій куплетъ, вынулъ папироску, зажегъ отъ лампы, и вдругъ, неожиданно наклонившись къ Додо, позволилъ себѣ легкой поцѣлуй и какъ-бы спасаясь отъ погони, бѣгомъ оставилъ залъ. Adieu, adieu! Додо что-то говорила ему вслѣдъ, но онъ уже былъ въ корридорѣ и какъ только затворилъ за собою дверь, сталъ снова серьезенъ и озабоченъ. Это ускоренное движеніе отъ дверей зала, этотъ легкомысленный поцѣлуй — какъ бы страхнули съ него апатію и сонли-

вость, какъ бы нѣсколько оживили его. Машинально онъ спустился съ лѣстницы на площадку нижняго этажа, съ которой направо шелъ ходъ въ номера, на лѣво открывался ярко освѣщенный ресторанъ. Какъ всегда на площадкѣ толпился народъ, сновали афишеры и почтальоны, входили посѣтителі; толстый швейцаръ не успѣвалъ отворять дверей; содержатель ресторана, блѣдный съ черной эспаньолкой французъ, одѣтый въ изящно сшитыя сюртукъ, раздавалъ какія-то приказанія лакеямъ. Вообще была суета и Гавриловъ, не обращая на себя вниманія, пробрался въ ресторанъ, направляясь прямо къ прилавку, гдѣ спросилъ себѣ рюмку коньяку. Вино это влило въ него оживленіе и жизнь. Казалось нервы, подавленные слишкомъ сильнымъ стимуломъ реагировали съ возрастающею силою. Приливъ крови къ мозгу увеличился и со второю вышитою рюмкою — мысль стала живѣе и вызвала болѣе энергичныя и рѣшительныя дѣйствія. Гавриловъ поднялся въ свой номеръ, одѣлся и бодрый, насвистывая мотивъ, спустился съ лѣстницы, прошелъ еще разъ по площадкѣ и вышелъ на подъездъ.

Онъ крикнулъ ѣдущаго съ нимъ лихача Ивана, сказавъ, что бы тотъ везъ его въ пассажъ. Былъ мягкій, снѣжный вечеръ и рысакъ мигомъ докатилъ Гаврилова, кутающагося въ теплое пальто, до пассажа. Отпустивъ извозчика, Гавриловъ не слѣша прошелъ черезъ многолюдный пассажъ, беззаботно осматривая окна магазиновъ, остановившись у двухъ, у трехъ. Выйдя изъ пассажа на Итальянскую, Гавриловъ напялъ простаго извозчика и приказалъ везти себя въ Александровскій рынокъ. Многочисленные переходы этого рынка еще не закрылись, хотя былъ уже девятый часъ. Нѣсколько мелкихъ лавочекъ и столиковъ погасили уже свои огни и заперлись, оставляя высокія галереи, крытыя стекломъ и желѣзомъ, въ какомъ-то таинственномъ полумракѣ. Слышались бесѣды собирающихся разойтись по домамъ лавочниковъ, изрѣдка сіяли газовые рожки, освѣщая гдѣ старыя шелковыя платья, гдѣ картины въ рамахъ и безъ рамъ, подсвѣчники, ножи и вилки, вообще различное старье. Шныряли евреи въ шелковыхъ черныхъ фуражкахъ и длинныхъ лампсердакахъ. Съ хохотомъ бѣжали какіе-то мальчишки, набрасывая другъ другу на головы бывшія у нихъ въ рукахъ плетенныя корзинки. Какая-то остаточная дѣятельность боролась съ болѣе и болѣе разстилающеюся темнотою — и мигъ, когда темныя тѣни должны были распространиться по всѣмъ этимъ ходамъ и переходамъ, приближался...

Весь идущій позади лицевыхъ лавокъ, выходящихъ на Вознесенскій проспектъ, пассажъ почти погасъ. Въ концѣ его, выходящемъ на Фонтанку, хлопала стеклянная дверь, небрежно затворяемая выходящими. Гаври-

ловь подходилъ къ этой двери и вздрогнулъ. Кто-то одѣтый въ темное пальто отдѣлился отъ наставленныхъ въ этомъ мѣстѣ и сѣживающихъ проходъ ларей и пошелъ, отдѣленный отъ Гаврилова на полъ-аршина, на ряду съ нимъ. Гавриловъ оглянулся:

— Ты?

Идущій отвѣтилъ ему со внушеніемъ:

— Извольте идти: я-съ.

И оба, продолжая путь, какъ совершенно посторонніе одинъ другому люди, дошли до дверей, выходящихъ на Фонтанку и вышли въ нихъ: Гавриловъ перешелъ улицу и направился къ Измайловскому мосту по набережной, а его спутникъ, поднявъ выше ушей воротникъ, пошелъ по тому же направленію, не переходя на другую сторону до самаго моста. Такимъ образомъ, каждый изъ нихъ, не смотря на другаго, но зная что этотъ другой идетъ по тому же направленію, шелъ, не оглядываясь, и оба прошли такимъ образомъ Измайловскій проспектъ, въ концѣ котораго, немного не доходя Варшавской желѣзной дороги, повернули на право, въ одну изъ уединенныхъ ротъ, мерцающую тусклыми фонарями... Почти на самой серединѣ этой улицы стоялъ одноэтажный, довольно длинный, окрашенный въ кирпично-красную краску домъ, съ одной стороны примыкающій къ воротамъ, съ другой къ забору, изъ за котораго торчали голые прутья деревень. Рядомъ съ этимъ заборомъ былъ дровяной дворъ, у воротъ котораго почти безъотлучно сидѣлъ дворникъ... Проходя мимо этого дворника, спутникъ Гаврилова остановился:

— Далеко будетъ до Ново-Калинкинскаго моста?

— Гдѣ такой?

— Черезъ Обводный...

— Надо быть тамъ; доподлинно не знаю..

Дворникъ приподнялся, объясняя старику предполагаемый имъ путь къ Ново-Калинкинскому мосту, котораго самъ хорошенько не зналъ. Въ это время, пользуясь тѣмъ, что дворникъ стоялъ задомъ къ воротамъ, въ нихъ быстро и легко прошмыгнулъ перебѣжавшій съ другой стороны улицы Гавриловъ и тотчасъ-же скрылся за сложеными у примыкающаго къ саду забора дровами. Старикъ понялъ куда слѣдуетъ идти... Вотъ даль-то!

— Посидѣлъ бы гдѣ... Ноги-то не молодыя, старыя.

Онъ смотрѣлъ на скамеечку, у которой стоялъ дворникъ, не догадывавшійся, что старикъ напрашивается на приглашеніе сѣсть... Слабыя, слабыя ноги... Ревматизъ, ломить...

— А посидите,—наконецъ указалъ на скамью дворникъ...

И сѣлъ самъ.

Старикъ опустился, крехтя и стоная.

Уединенная улица съ мерцающими фонарями, тепло-гато-сырой морской вѣтеръ, тишина—все это располагало дворника къ зѣвотѣ... Старикъ монотонно стоная, навелъ на него еще большее желаніе сна. Къ тому же онъ началъ рассказъ о внучкѣ, къ которой пробирался и которая жила у Ново-Калинкинскаго моста, продолжительный, исполненный многочисленныхъ, совершенно ненужныхъ подробностей, рассказъ чисто стариковскій...

— Внучка-то прачка, овдовѣла съ годокъ... о Покровѣ ордовѣла, пятеро ребятокъ у нее.

И перечислилъ этихъ ребятокъ, какъ будто это было необходимо дворнику знать... Потомъ перешелъ къ подробному исчисленію доходовъ прачки, сколько получаетъ она съ того и этаго, въ какихъ домахъ моетъ... Это рѣшительно доканало слушателя...

— Моетъ она и на генерала Хворостинина,—повѣст-вовалъ старикъ,—семья большая, сыновъ у этаго генерала шестеро будетъ... Генералъ военный: слыхалъ о такомъ?

Отвѣта не было: изъ подъ поднятаго воротника шубы

раздавался молодецкій храпъ... Спи, почивай, дружокъ! Старикъ бодро поднялся съ мѣста и, оглянувшись на обѣ стороны улицы, шмыгнувъ за ворота... Здѣсь было несравненно темнѣе отъ сложенныхъ полѣньевъ дровъ, между которыми, отъ самыхъ воротъ далеко во внутрь двора пролегла дорога и въ концѣ ея свѣтилъ огонекъ. Если на этой дорогѣ можно еще было усмотрѣть кой какіе признаки свѣта, то въ боковыхъ проходахъ между сложеными полѣньями—царствовала совершенная темнота и старикъ не могъ разсмотрѣть въ котормъ изъ этихъ проходовъ ожидалъ его Гавриловъ. Тогда онъ слегка свистнулъ и на этотъ свистъ въ третьемъ проходѣ отъ воротъ на лѣво—что-то зашевелилось... Зоркіе глаза старика усмотрѣли это движеніе и онъ проворно шмыгнувъ въ темный проходъ... Вдали, тамъ гдѣ свѣтился огонекъ, залаяла собака... Торопливымъ и какимъ-то жаднымъ шепотомъ человѣка, всѣми силами души желавшаго достигъ извѣстной цѣли, но боящагося что его къ ней не подпустятъ, старикъ шепнулъ Гаврилову, увлекая его въ глубину прохода, къ забору, отдѣляющему сосѣдній садъ отъ дровянаго двора.

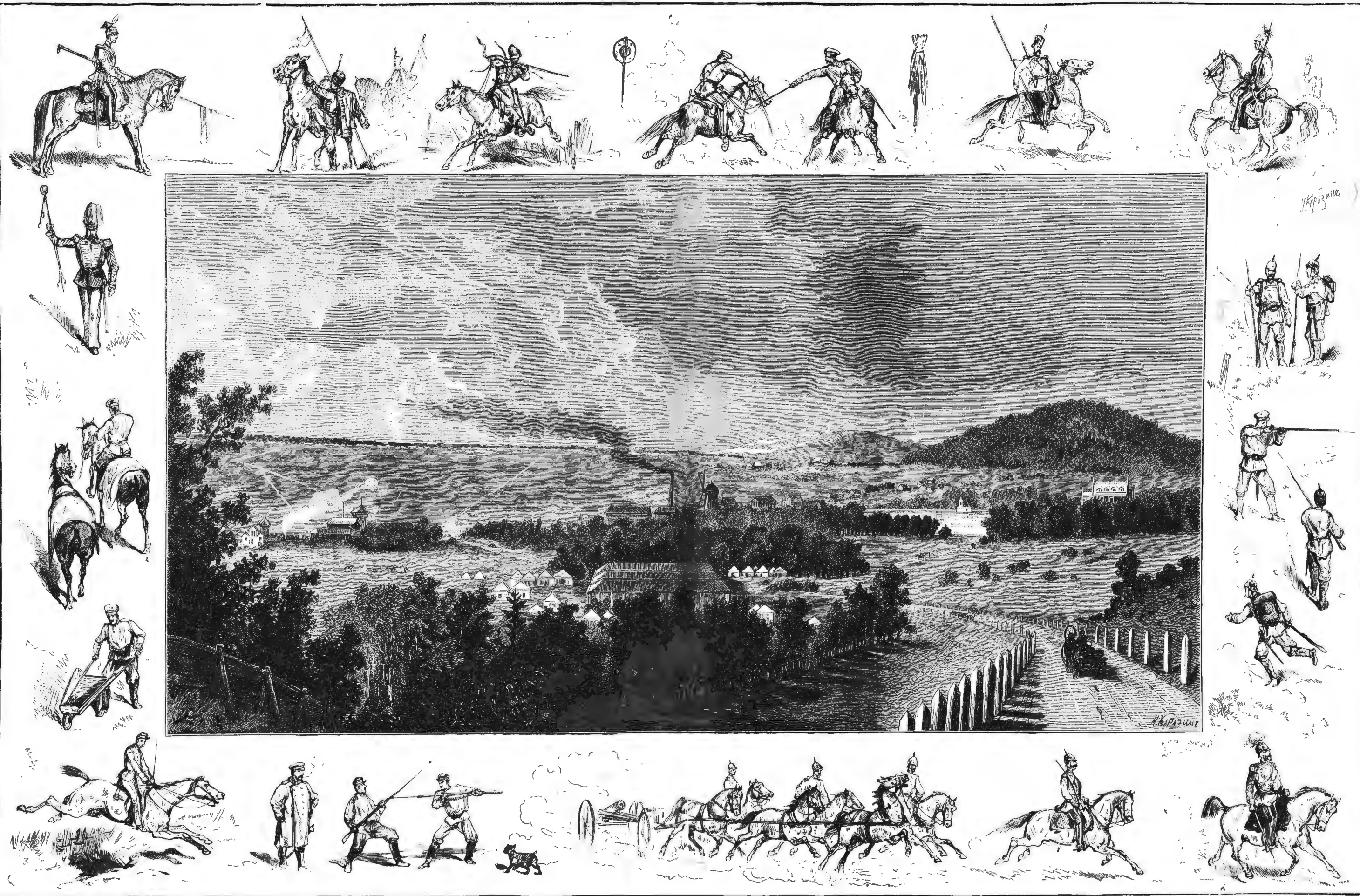
— Ишь лаесть... чтобъ ей!..

Дрова не подходили вплотную къ забору, оставляя узкій проходъ, весьма неопытно содержимый... Въ одномъ мѣстѣ этаго прохода вѣтви сосѣднихъ деревень свѣшивались во дворъ и двѣ изъ нихъ протянулись на сложеныя дрова, образуя нѣчто въ родѣ перекладинъ... Оба спутника спѣшили къ нимъ и дойдя до нихъ, Гавриловъ подпрыгнулъ и повисъ на одной изъ вѣтвей, ухватившись руками... Проходъ былъ узкій; Гавриловъ съ легкостью могъ упереться ногами о заборъ и имѣя такимъ образомъ двѣ точки опоры, перебирая ногами по забору выше и выше, какимъ то конвульсивнымъ усиленіемъ тѣла, перебросилъ ноги за заборъ, нѣкоторое время оставаясь перегнутымъ тѣломъ со свѣшенной внизъ головою въ дровяномъ дворѣ... Вѣтви, за которыя онъ держался, трещали; но упершись пятками въ заборъ, онъ поднялся очень скоро въ вертикальное положеніе... Собака вдали заливалась... Гавриловъ, укрупившись на заборѣ, протянулъ руки старику и съ атлетическою силою поднялъ его до своей высоты и посадилъ рядомъ. Тогда, долго не медля, оба соскочили въ садъ, полный сугробовъ всю зиму не расчищаемаго снѣга... Собачій лай не прекращался; за заборомъ слышались чьи то шаги...

Садикъ, въ которомъ находились разгорячившіяся до пота спутники, состоялъ изъ небольшого квадрата, обсаженнаго акаціей и рябиной и имѣлъ въ углу, примыкавшаго къ дому и выходящаго на улицу забора нѣчто среднее между бесѣдкою и крыльцомъ, на которое изъ дома выходила стеклянная дверь, въ зимнее время обыкновенно заколачиваемая снаружи досками. Нѣсколько дней тому назадъ живущіе въ домѣ усмотрѣли, что одну изъ досокъ какъ-бы слегка отодрало... Заколотить не озаботился, да и не торопились, ибо въ комнатѣ, куда приводила эта дверь, давнымъ давно никто не жилъ и она употреблялась вмѣсто кладовой или чулана. На слѣдующій день доска эта, приходящаяся къ самому раствору двери — отстала еще болѣе, а потомъ и совсѣмъ свалилась и лежала такимъ образомъ на полу крылечка. Образовалась возможность, елибы кто вздумалъ отпереть изъ комнаты дверь, отворить двери въ садъ немного менѣе чѣмъ на полъ-аршина... Къ этому то крылечку направилась Гавриловъ и его спутникъ...

Надо было подняться ступени на три, чтобы подойти къ двери... Черезъ стекло видно было, что въ комнатѣ темно, но спутники знали, что ихъ услышитъ тотъ, кому слѣдуетъ... Старикъ рвался впередъ съ какою то страстною торопливостью, Гавриловъ былъ спокоенъ... Чего нибудь похожаго на страхъ въ обоихъ не было и слѣда... Легкимъ стукомъ старикъ возвѣщалъ о своемъ приходѣ.

На этотъ стукъ не зажгли огня, но дверь, у которой стояли спутники слегка зашевелилась изнутри, движи-

Станц. жел. дороги. Гвард. лагерь. Лагерь конвой Е. И. В. Паровая мельница. Ветряная мельница. Гора Кирхгофъ. Царская купальня. Гора Дудергофъ. Красносельскій театръ. Шоссе.

Красносельскій лагерь. Ориг. рис. Н. Н. Каразина, грав. М. Рашевскій.

мая чьими-то усилиями и съ легкимъ трескомъ и какимъ-то шуршаньемъ отворилась, образуя щелеобразный проходъ, въ которомъ мелькнуло худощавое лицо... Не обмѣнявшись ни словомъ съ отворявшимъ, старикъ сбросилъ съ себя пальто, просунулъ его въ отверстіе двери и, съ прежней стремительностію—полѣзъ, весь вытянувшись, въ комнату... Гаврилову, какъ болѣе рослому и плотному, удалось достигъ того-же съ громадными усилиями... Четыре руки съ какимъ-то отчаяніемъ тащили его внутрь комнаты... Давленіемъ его тѣла на дверь и на остающіяся прибитыми доски, удалось немного вытащить изъ стѣны гвозди и на какой нибудь вершокъ расширить отверстіе... Тѣло Гаврилова сжатое, какъ въ тискахъ, ввалилось въ комнату... Тогда дверь затворили и всё осталось въ темнотѣ, нѣкоторое время находясь въ молчаніи и отдыхая отъ только что перенесенныхъ неудобствъ, нарушая окружающую тишину прерывистымъ дыханіемъ и легкимъ движеніемъ. Еще не отдохнувъ какъ должно, старикъ началъ шепотомъ:

— Ну, Сашенька, какъ?

— Готово,—отвѣтилъ молодой голосъ.

И зашепталъ въ свою очередь:

— Кухарка въ кухнѣ... залегла: дрыхва претрашеная...

— Такъ-съ... А тая гдѣ?

— Та въ своей комнатѣ, чай откушала, въ книжку что-то записываетъ...

— Такъ-съ...

— Хозяйка и хозяинъ ушедши... Вернутся надо быть не ранѣе двѣнадцати... Къ сестрѣ на именины пошли...

— А еще кто дома?

— Чиновникъ одинъ имѣется...

— Ахъ Сашенька, Сашенька!—укоризненно закачалъ головою старикъ за чиновника... Какъ же это такъ?

Сашенька даже осердилась:

— Чего же вы захотѣли?.. Нѣшто я могу его куда отослать?.. Спокойны будьте: я ему чай подамъ и заварю...

— Да?—оживился старикъ—подсыпалъ?

— Что тамъ болтать... Ну конечно...

И снова воцарилось молчаніе... Старикъ одинъ размышлялъ и устраивалъ все; онъ-же и въ слухъ превращался, когда говорилъ Сашенька; Гавриловъ почти не слушалъ: онъ чувствовалъ себя совершенно спокойнымъ, но какъ-то разсѣяннымъ... Прежней лѣни, желанія чего-то въ родѣ сна—у него не было и слѣда, но въ это время, когда слѣдовало мысль свою сосредоточить на одномъ, его голова была полна какихъ-то постороннихъ дѣлу образовъ, преимущественно пустыхъ и даже легкомысленныхъ... Ему вдругъ вспомнились букольки графини Врумъ, ея внушительный носъ... потомъ съ чего-то въ голову его взбрела мысль объ обѣдѣ, который онъ съѣлъ въ этотъ день въ грандъ-отелѣ... Артишоки были разрѣзаны: никогда и нигдѣ разрѣзанныхъ не подаютъ. Чортъ знаетъ, что это такое?.. Отель извѣстный, обѣдъ въ полтора рубля—и такая расчетливость, даже скарденность!.. Потомъ вспомнилъ онъ положеніе марбургскаго бургомистра, къ которому является совершенно неизвѣстная личность, требующая признанія правъ на гражданство... Хорошо, я думаю этотъ марбургскій бургомистръ!.. Гавриловъ вдругъ почувствовалъ, что ему суютъ что-то въ руку и по вѣсу ощутилъ, что это нѣчто тяжелое, и ощутивъ,—понялъ, что то былъ утюгъ. Въ его головѣ еще разъ пронеслись разрѣзанные пополамъ артишоки.—Чортъ знаетъ, право, что за свинство!.. Вдругъ онъ прозрѣлъ: около него слышалось дыханіе старика... *Тотъ, другой*—ушелъ... Онъ что-то хотѣлъ спросить старика, какъ вдругъ яркая полоска свѣта прорѣзала комнату, освѣтивъ какія-то коробки, ящики и разный хламъ... Дверь отворилась... Держа въ рукахъ керсировую лампочку, на порогѣ стоялъ блѣдный и худощавый Сашка, въ одной рубашкѣ, безъ сюртука, съ за-

сученными по локоть рукавами... Глаза его оживленно блестѣли, по тонкимъ губамъ вилась какая-то усмѣшка... Въ свободной отъ лампы рукѣ виднѣлся утюгъ, большихъ размѣровъ, нежели у Гаврилова... Сашка смотрѣлъ господиномъ и казалось всѣмъ своимъ видомъ говорилъ, что оба сообщника его въ зависимости отъ него. Въ его тонѣ послышался приказъ:

— Готово... Пора!

Тогда оба негодяя, Гавриловъ и старикъ—осторожно ступая, направились, по длинному и узкому корридору, по сторонамъ котораго размѣнены были двери, ведущія въ комнаты, отдаваемые въ этомъ домѣ въ наемъ различнымъ жильцамъ, изъ которыхъ въ этотъ день дома оставалось только двое. У одной изъ дверей, ближайшихъ къ передней, выходящей на подѣздъ, спутники остановились и прислушались... Какъ-то беззвучно Сашка прошепталъ, ставя лампу на столъ:

— Молится...

XXII.

Ушли-ли?

За дверью знакомый Гаврилову, давно, давно имъ не слышанный, картавый голосъ читалъ:

—... Благословенна Ты въ женахъ и благословенъ плодъ чрева твоего... Яко Спаса родила еси. Аминь.

И на минуту смолкнувъ, какъ-то по дѣтски лепеталъ молитву:

— Помяни Господи усопшихъ яповъ твоихъ: Петья и Аександью...

Слѣдовалъ вѣроятно земной поклонъ.

— Помой, Господи, ябню твою Къеопатью...

И послѣ паузы, вѣроятно означавшей новый земной поклонъ:

— Помой, Господи, ябню твою Катейну...

О Катеринѣ молится!.. Да, онъ, Гавриловъ помнитъ эту Катерину, нѣжное, крошечное дитя, которое онъ двадцать четыре года тому назадъ, со смѣхомъ преподнесъ съ помощію Ефима Егорова, только что оставленной имъ супругѣ... Ему вдругъ въ этотъ моментъ припомнился и точно проигралъ гдѣ-то вдали одинъ изъ игривыхъ мотивовъ прекрасной Елены. Яркосвѣщенная театральная зала мелькнула въ его воображеніи... Пестро одѣтая барыня съ пунцовымъ лицомъ и маленькимъ пуговицеобразнымъ носикомъ, распутивъ похуже на павильнѣй хвостъ ошало, сидѣла у барьера ложи... Рядомъ съ ней онъ видѣлъ чудную красавицу съ блестящими черными глазами... И теперь его поразила мысль, тогда не пришедшая ему въ голову: неужели эта красивая женщина—Катерина, та, о которой *она* молится?.. Въ кого она уродилась такой?.. Вдругъ тишина сдѣлалась какъ-то осязательнѣе: громогласное молитвенное прошеніе смолкло. Онъ посмотрѣлъ на Сашку и Ефима, глаза котораго блистали и видѣлъ, что Сашка сдѣлалъ какой-то торопливый жестъ, при которомъ Егоровъ сжалъ свои губы и въ свою очередь отвѣтилъ ему тѣмъ-же... Наступило!.. Пришло: рѣшительный шагъ, послѣдній взмахъ приблизился!.. Гавриловъ освидѣтельствовалъ свои бѣлья и чистыя руки, одна изъ которыхъ крѣпко сжимала ручку утюга...

Затѣмъ кухаркѣ сквозь сонъ въ отдаленной кухнѣ послышался будто крикъ и стонъ, два глухихъ удара... И все смолкло. Безжизненная масса валяясь на полу...

Вдругъ Сашка остановился, встряхнулъ головой и всталъ во весь свой высокій ростъ.

— Баста! Госпожа кланяться приказала.

И всё остановилось. Всѣ вздохнули. Теперь слѣдовало приступить ко второму акту этой страшной драмы.

Злодѣи чувствовали какое-то оживленіе и позабыли о покойной, перестали даже смотрѣть на нее. Небольшая комнатка, въ которой жила Клеопатра Петровна, замедлившая своимъ отъѣздомъ изъ Петербурга въ виду развода Катинь съ мужемъ, не произведшаго на нее осо-

беннаго впечатлѣнія,—была убрана, какъ убираются вообще меблированныя комнаты средней руки. Клеопатра Петровна всякій разъ, прїѣзжая въ Петербургъ, оставалась въ этихъ комнатахъ, дѣлая это изъ экономіи и изъ боязни поселиться гдѣ нибудь въ незнакомомъ мѣстѣ. Здѣсь она имѣла довѣріе къ хозяйкѣ, пожилой чиновницѣ Завитухиной, мужъ которой служилъ въ почтамтѣ и былъ извѣстенъ своею исправностью и честностью. Клеопатра Петровна имѣла кромѣ очень доходнаго имѣнія въ Тульской губерніи, въ которомъ она проводила большую часть года, капиталъ въ сто тысячъ. Капиталъ этотъ хранился у нея въ одномъ изъ банковъ въ Тулѣ, принося незначительный доходъ; при отъѣздѣ своемъ въ Петербургъ Клеопатра Петровна взяла его съ собою и обратила отчасти въ 5% съ выигрышами билеты обоихъ займовъ, отчасти же держала при себѣ петронутымъ, желая приобрести еще какіе-нибудь билеты или акціи. Случайнымъ образомъ Гавриловъ встрѣтилъ ее на станціи Николаевской желѣзной дороги и тотчасъ же у него возникла мысль ограбить, даже убить ее. Ему захотѣлось освободиться отъ долга Ефиму Егорову и онъ сообщилъ ему о возникшемъ въ его головѣ планѣ. Онъ подослалъ Егорова къ Клеопатрѣ Петровнѣ въ качествѣ учителя гимнастики, котораго почтенная дама, страдавшая какою-то одышкой, взяла съ удовольствіемъ, во первыхъ потому, что онъ имѣлъ видъ почтенный, возрастъ преклонный и во вторыхъ—онъ спросилъ очень дешево. Гдѣ Ефимъ выучился нѣкоторымъ приемамъ лечебно-укрѣпляющей гимнастики—покрыто мракомъ; довольно темная специальность, которою занимался почтенный старецъ съ тѣхъ поръ, какъ бросивъ сапожное ремесло, отошелъ въ Петербургъ, какимъ-то непостижимымъ образомъ научила его многими такимъ искусствамъ, которыхъ казалось бы должны были потребовать для своего изученія болѣе времени, нежели сколько на нихъ употребилъ Егоровъ. Съ Ефимомъ Клеопатра Петровна очень сошлась и въ то время, какъ онъ довольно своеобразно продѣлывалъ съ нею „таліоны“, она рассказывала ему обо всемъ, что съ нею происходило за то время, какъ она не видѣла его. Между прочими разговорами скуповатая, но болтливая Клеопатра Петровна сообщила Ефиму и о капиталѣ, часть котораго издержала на покупку билетовъ, а часть хранила при себѣ, не зная, куда пристроить. Узнавъ объ этомъ, убѣдившись, что игра стоитъ свѣчей—Ефимъ сообщилъ всѣ подробности своихъ развѣдокъ Гаврилову и тогда смутное предположеніе перешло въ нѣчто рѣшительное и опредѣленное: Сашка разузналъ остальное. Къ этому времени въ меблированныхъ комнатахъ Завитухина понадобился отчасти лакей, отчасти кухонный мужикъ и по первой публикаціи на это мѣсто явился подосланный Егоровымъ—Сашенька, опредѣлившейся на мѣсто съ художественно-подновленной и исправленной рекомендаціей ревельскаго купца Зильбермана и съ паспортомъ выданнымъ на имя с.-петербургскаго мѣщанина Дмитрія Барипова. Сашка все высмотрѣлъ на новомъ мѣстѣ, все разузналъ.

Онъ зналъ, гдѣ хранятся ключи отъ запертаго комода и какъ только убѣдился, что „госпожа готова“, его первымъ движеніемъ было броситься къ постелѣ, гдѣ, ложась спать, подъ подушкой Клеопатра Петровна хранила ключи. Они оказались навязанными на ея носовой платокъ и отыскавъ ихъ, Сашка бросился къ комоду и отперъ средній ящикъ. Тамъ было разложено аккуратно бѣлье; подъ носовыми платками лежала початая четвертушка чаю, тщательно обернутая полотенцемъ, съ цѣлью возможно долѣе сохранить чайный ароматъ. Сашка валилъ все тряпье на полъ и вотъ внизу, въ самомъ уголкѣ комода, подъ разложенною на днѣ ящика газетною бумагою, онъ нащупалъ какой-то свертокъ... То былъ перевязанный розовою ленточкой съ бѣлыми каемками большой бумажникъ коричневаго сафья-

на. То-ли это? Сашка рвалъ тесьму; бумажникъ, оклеенный внутри полинялымъ лиловымъ муаръ—былъ лошъ денегъ, между которыми торчалъ большой конвертъ. Сашка выдернулъ его: на адресѣ дурнымъ почеркомъ было нацарапано „для Катиншъ“. Старикъ и Гавриловъ смотрѣли изъ-за плеча Сашки. Вдругъ Гавриловъ потащилъ конвертъ изъ рукъ ловкаго сообщника.

— Оставь!—и самъ надорвалъ пакетъ, въ которомъ оказался одинъ 5% билетъ перваго займа.—На счастье положила!

И улыбувшись, сжегъ конвертъ надъ лампой. Надо было сѣшнить. На всякій случай осмотрѣли и другіе комоды: въ верхнемъ Ефимъ отыскалъ и немедленно припряталъ въ карманъ замшевый кошелекъ съ 3 рублями и какой-то мелочью. Спокойствіе было такъ велико, что замѣтили даже на комодѣ около круглаго зеркала кучку мѣдныхъ денегъ, которыя захватилъ Сашка.

— На извозчика!

Оставалось немного пообчиститься и идти назадъ. Здругъ въ сосѣдней комнатѣ съ медлительной разстановкой, съ какимъ-то хрипомъ начали бить видимо давно нечищенные часы, какъ-то зловѣще прерывая господствовавшую тишину. Убийцы, какъ бы остановленные этимъ боемъ, остались неподвижны, стоя лицомъ къ жертвѣ, но не смотря на нее. Бой длился томительно долго и съ каждымъ хриплымъ ударомъ его, лица становились почему-то блѣднѣе и все яснѣе и отчетливѣе отпечатлѣвался на нихъ ужасъ. Всѣхъ пронзила единая мысль: монотонное битье часовъ всѣмъ, на моментъ, на нѣсколько мгновеній оторваннымъ въ своихъ помысленіяхъ отъ времени и мѣста, отъ условій окружающихъ, напомнило о возможности разомъ порвать все, что было сдѣлано,—разомъ обратить ужасное дѣло въ полнѣйшее ничто!.. И у всѣхъ одновременно возникла какая-то до странности тоскливая и гнетущая мысль—о невозможности благополучнаго окончанія. Если бы были крылья, взяли бы да и улетѣть въ окно!..

Бой часовъ смолкъ—и вотъ среди снова воцарившейся тишины, тамъ въ корридорѣ, куда была только затворена, но не заперта дверь,—послышалось медленное шлепанье чьихъ-то ногъ. Боже мой! эти люди поблѣднѣли до послѣдней возможности и, какъ малые ребятишки, готовы были поцряться куда нибудь подъ кровать, если бы ужасъ не лишилъ ихъ возможности движенія. Каждый помнилъ объ одномъ себѣ и забылъ о своихъ сообщникахъ. Возможность взаимной защиты не существовала. Но въ біеніи сердца, въ холодѣ бѣгущемъ по спинѣ, въ легкой дрожи, конвульсіями онущаемой въ ногахъ и рукахъ, въ гнетущей тоскѣ—каждый чувствовалъ одного себя, забывъ объ остальныхъ.

Шлепанье близилось. Вотъ!

Что-то журчало и капало вблизи, на подобіе того, какъ въ согрѣтыхъ комнатахъ капаетъ съ оттаявшихъ оконъ на полъ вода. Каждый невольно повелъ глазами вокругъ. Лежащая вверхъ лицомъ покойница была неподвижна; равнодушно и бессмысленно смотрящіе глаза оставались открытыми, наводя на убійцу еще болѣе ужасъ.

Не доходя немного до затворенной двери, которую даже не хватало смѣлости запереть, шаги остановились. Послышался старушечій зѣвокъ, а затѣмъ явственное „кись, кись!“. Всѣ вспомнили другъ о другѣ, выразивъ это тѣмъ, что обмѣнялись быстрыми взглядами. Ужасъ проходилъ, но однако все еще отзывался какимъ-то тоскливымъ ощущеніемъ на душѣ. Старушечій голосъ говорилъ:

— Кись, кись,—и вѣроятно, пойманъ кошку, быть можетъ глядя ее, съ нѣжнымъ ворчаньемъ обратился къ ней:—ишь гулена! ишь непосѣда! Знаетъ гдѣ сладко мясо...

И снова шлепанье стоптанных башмаков нарушило тишину, на этот раз удаляясь от комнаты, где стояли убийцы. Издали донеслось:

— Ишь гулена... раздались звонки, хлопнула дверь и не стало слышно ничего. Тогда Сашка объяснил своим спутникамъ:

— Кухарка!—и сдѣлалъ движеніе къ двери, но, вспомнивъ, повернулся къ сообщникамъ:—утюги-то захватите!

Гавриловъ и Ефимъ взяли два утюга, и послѣдовали за своимъ болѣе наглымъ сотоварищемъ... Оставленная въ корридорѣ на полу лампочка погасла и имъ пришлось, цѣпляясь за Сашку, медленно и осторожно подвигаться въ темнотѣ до той комнаты служащей кладовой, въ которую они проникли черезъ полуотворенную дверь изъ сада... Оставивъ комнату, въ которой совершенно было отвратительное дѣло, погасивъ въ ней огонь и плотно затворивъ дверь, они почувствовали себя свободнѣе, точно свалили съ плечъ своихъ часть какой-то ноши и въ нихъ явилась та жадная торопливость, съ которой они шли прежде на убійство... Прежняго ощущенія желанія сна, лѣни не было въ Гавриловѣ; напротивъ каждая его жилка трепетала и билась желаніемъ движенія, быстраго, уносящаго движенія... Ему вдругъ захотѣлось коньяку или водки и какъ можно болѣе, чтобы, возбужденная виномъ, голова его стала свѣжѣе, движеніе мысли въ ней—быстрѣе и быстрѣе... Ему захотѣлось тутъ, въ этой темнотѣ—разгула, оргіи, быстрой ѣзды а не отдохновенія... Чортъ возьми, такъ бы съ гикомъ и захватскою пѣснею и полетѣлъ, правя тройкою удалыхъ коней, съ горы внизъ... Эй, вы кони, други дорогие!..

Въ темной комнатѣ стояла кадка съ солеными огурцами... Въ разсолѣ, по совѣту Сашки, обмыли кровь съ утюговъ и рукъ... нашлось какое-то тряпье, которымъ наскоро вытерлись, отерли утюги и поставили ихъ на прежнее мѣсто... Кадку съ огурцами закрыли, и тряпье—всунули въ поддувало никогда не топящейся печи... Все это сдѣлали въ темнотѣ, затѣмъ отыскали верхнее платье, просунули его черезъ дверь на крыльцо, чтобы удобнѣе было пролѣзть... На Гавриловѣ и Ефимѣ во все время совершенія преступленія были на головахъ фуражки; Сашка надѣлъ шапку, которую держалъ въ

карманѣ про запасъ; пальто его заранѣе было снесено въ эту кладовую и его просунули вмѣстѣ съ другими въ садъ...

— Было, да прошло, проговорилъ тихо Ефимъ.

И какъ прежде спокойные, стали пролѣзать въ отверстие двери, нѣсколько расширенное тѣломъ Гаврилова.. Послѣдній пролѣзъ Сашка... Всунувшись въ отверстие онъ, какъ-бы прислушиваясь къ чему то, на мгновение приостановился... Ефимъ, съ старческою заботою спрашивалъ его:

— Чего-ты, Сашенька?

Сашка легко пролѣзъ черезъ дверь и затворяя ее плотно, отвѣтилъ:

— Звонятся... Звони себѣ, это намъ на руку...

— Какимъ путемъ? допрашивалъ одѣвшійся Ефимъ, кутаясь въ шубу...

— А вотъ этимъ,—весело и бодро кивнулъ Сашка на заборъ, выходящій на улицу. Ефимъ протестовалъ:

— Ишь надумаль... Дворнику-то, я чаю, видать, что черезъ заборъ лѣзутъ?..

— Разсмотри!—усмѣхнулся Сашка указывая вокругъ.

Старикъ оглянулся... Въ самомъ дѣлѣ дувшій съ моря сырой вѣтеръ нагналъ густой туманъ, какимъ-то сѣровато бурнымъ покровомъ распростершійся надъ землею. Не было видно на разстояніи нѣсколькихъ шаговъ; деревья, которыми была обсажена садовая площадка, точно не существовало. Сѣрая, безформенная и однородная масса поглощала собою все, оставляя на верхнемъ платьѣ обильный слой сырости, смачивая его какъ бы дождемъ...

Сашка вдругъ съ быстротою и легкостью кошки вскочилъ на заборъ и прыгнувъ съ него внизъ на безлюдную улицу... Гавриловъ подсадилъ Ефима, замелъ слѣды, оставленные на покрывавшемъ полъ крыльца снѣгъ полою пальто и послѣдовалъ за своими товарищами... А что какъ они удрали?

Нѣтъ, они ждали его и какъ только онъ былъ съ ними, всѣ трое быстро пошли по направленію къ дровяному двору, гдѣ безмятежно почивалъ дворникъ, убавляемый монотоннымъ разговоромъ Ефима Егорова.

(До слѣдующ. №).

ЗАРНИЦА.

Историческая быль.

(1650 годъ).

(Продолженіе).

Прошелъ мѣсяць, наступила весна; съ веселымъ говоромъ катились воды Судомы, сокрушая свои ледяныя оковы; рѣка свободно и гордо понесла лодки и струги, спѣшнѣе воспользоваться водопольемъ, чтобы совершить въ два, три дня такое разстояніе, которое сухимъ путемъ потребовало бы двухнедѣльной тяжелой ѣзды.

Земля оживала, покрываясь изумруднымъ ковромъ травъ и озимыхъ посѣвовъ. Весна была очень дружная и въ концѣ марта снѣгъ почти весь стаялъ; былъ еще кое гдѣ въ оврагахъ да по склону горъ съ сѣверной стороны. Деревья покрылись почками и только два три теплыхъ дня и опустятся рощи и сады вокругъ усадьбы, которая совершенно измѣнила свою неприглядную наружность и приняла оживленный, привлекательный видъ. Даже крѣпостная полуразрушенная стѣна и почернѣвшая отъ времени башня своимъ суровымъ, рѣзкимъ контрастомъ съ новыми постройками придавали поэтическій оттѣнокъ усадьбѣ, перенося воображеніе въ давно прошедшее и вызывая воинственные призраки изъ ихъ мрачныхъ склеповъ.

Марья очень нравилась Вышгородъ: сидя на обрывѣ, гдѣ стѣна разсыпалась осколками камней и образовала родъ арки, сквозъ которую раскидывался обширный видъ на окрестные луга, прорѣзанныя голубоватой лентой рѣки Судомы, на села, живописно разбросанныя по противоположному берегу, на темные густые лѣса, заканчивающіе горизонтъ—Марья словно забывала горе разлуки съ братомъ, забывала ни къ кому не приглубленное отрочество и все угрожающее въ будущемъ. Не отдавая сама себѣ отчета, она чувствовала какъ спокойствіе и надежда слетали на нее, какъ бы ангелъ утѣшитель осыпалъ ее своими крылами. Часто къ ней присоединялась и Галина, которая послѣ отъѣзда Ильи Норотова вдругъ замѣтно измѣни-

лась; вмѣсто прежней беззаботной рѣзвости, въ глазахъ ея отражалась грусть и какой-то затаенный страхъ; она задумывалась и вздрагивала при малѣйшемъ шумѣ; она металась во снѣ, ей все грезилась битвы и кровавыя сцены смуты.

Марья наблюдала за своей новой подругой и вполне сочувствовала ей: она понимала ея печаль и еще болѣе полюбила дѣвушку, поправившуюся ей съ первой встрѣчи.

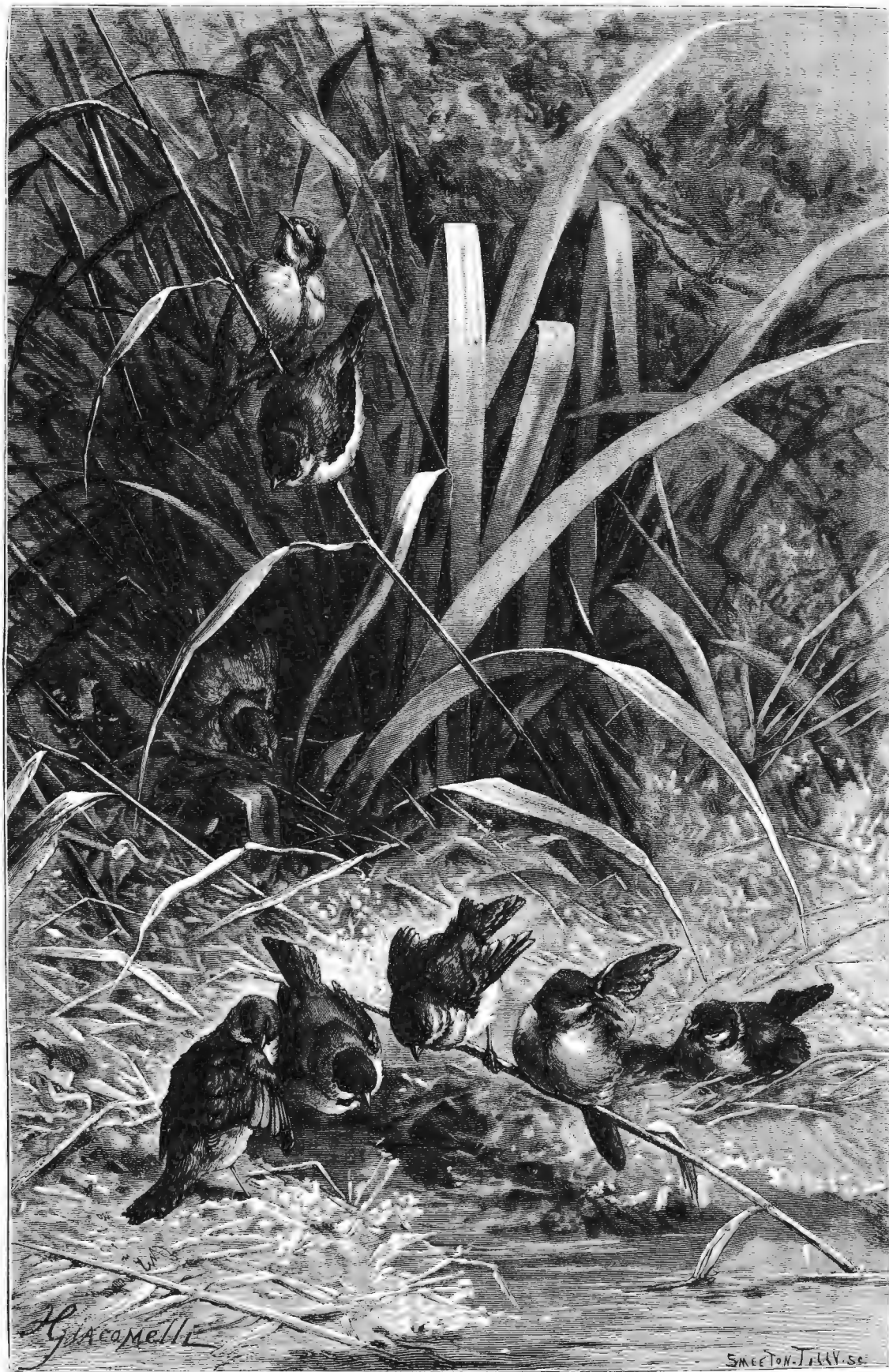
Марья по привычкѣ ходила въ лѣсъ; сначала Герасимъ Федоровичъ замѣчалъ ей, что не совсѣмъ прилично и безопасно бродить въ уединенныхъ мѣстахъ безъ провожатаго, но Марья возражала:

— Я не пуглива, а если и повстрѣчается медвѣдь, такъ мой Грачъ поборется, не разъ онъ уже боролся съ волкомъ, когда тотъ забирался въ стадо дяди Гаврила Яковлевича... Его разъ погрызли такъ два матерыхъ волка, что пастухи думали что онъ мертвый и бросили его въ полъ; я пошла гулять и увидела бѣднягу, онъ еще дышалъ и чуть чуть взвизгивалъ, я велѣла его перевезти въ усадьбу и сама за нимъ ухаживала, сама его перевязывала, кормила... Вотъ онъ и выздоровѣлъ, вонъ какой матерой, какъ ни въ чемъ не бывало; за то и привязался онъ ко мнѣ, что я ему ни скажу, все понимаетъ. Неключдовъ не настаивалъ и вида страннаго, независимаго нраву своей гостью, далъ ей полную волю ходить куда вздумается.

Начали пѣть соловьи и Марья уговорила Галину идти съ ней въ лѣсъ.

— Вѣдь не далече, только съ горы сойдти—вонъ видишь на берегу чернѣется густой гай, тамъ птицъ такая тьма, что на зарѣ просто стонъ стоитъ... Встань хоть разокъ пораньше, пойдемъ со мной... ты и не чаешь какъ хорошо въ гаю раннимъ утречкомъ...

— Батюшка-бъ не прогнѣвался, колебалась Галина.

Купаючіся птички. Рис. Джіакомеллі, грав. Смітонъ.

— Я всю вину на себя возьму, успокоила ее Марья.

Еще солнце не встало, когда подруги тихонько сонли съ лѣстницы своей свѣтелки; всѣ въ домѣ еще спали, только па-стухъ играя на дудѣхъ, выгонялъ скотъ изъ усадьбы; этимъ воспользовались шалуны-боарышши и кликнувъ Грача, проскользнули за ворота.

Сердце Галины учашенно билось, когда она очутилась подъ навѣсомъ огромныхъ сосенъ роши, но вскорѣ страхъ ея прошелъ, когда со всѣхъ сторонъ и изъ кустовъ орѣшника и съ вершинъ распускавшихся березъ полились потоки лѣсныхъ мелодій. Скворецъ, соловей и жаворонокъ слили свои пѣсни, а при первомъ лучѣ солнца, прорѣзавшемъ таинственный сумракъ лѣса, все засуетилось, запорхало, словно каждая вѣтка ожила на встрѣчу солнцу.

— Смотри!.. сестрица, сказала Марья, указывая вдаль. Какъ солнышко встаетъ изъ за Судомы... словно смотрится въ воду— золото, алмазы! Дѣвушки залюбовались. Вдругъ что-то захрустѣло; Грачъ, лежавшій у ногъ боярышень, поднялся и заворчалъ; Галина прижалась къ Марьѣ, но она поспѣшила ободри-ть свою робкую подругу.— Это не звѣрь и не лиходѣй; Грачъ не со зла ворчитъ: это онъ радуется...

Собака, вилая хвостомъ, побѣжала по тропѣ.

— Это Боря! воскликнула Галина и взглянувъ на Марью, замѣтила что та покраснѣла; Борисъ съ карабиномъ за плечами шелъ и оглядывался, словно кого-то искалъ.

— Они не впервые тутъ выдаются, смекнула Галина и лукаво улыбаясь, вышла изъ за сосны. Борисъ ахнулъ, онъ ни какъ не ожидалъ вмѣсто Марьи встрѣтить сестру. Его удивле-ние и явное неудовольствие были такъ комичны, что обѣ дѣвушки громко засмѣялись.

— А! и боярышня Порогова тутъ!.. смѣясь сказала Борисъ.— Раненько что-то поднялись вы дѣвки-красныя... не хотите-ль со мной на ловы?..

— Нѣтъ! мы пришли не птицъ губить а слушать ихъ, отвѣ-чала Галина.

— А вечеръ я недалече видѣла матерую кунцу—она схо-ронилась въ дуплѣ, замѣтила Марья.

— Укажи, я подкараулю, а то онъ здѣсь всѣхъ соловьевъ переведетъ: соловей-то вѣдь въ травѣ низенько гнѣздо вьетъ, объяснялъ Борисъ.

— Пойдемъ пожалуй... и Марья пошла впередъ.— Что-жь ты Галя?.. обернувшись крикнула она, видя что Галина сѣла подъ деревомъ и склонила голову на руку.

— Идите! я здѣсь отдохну!.. отвѣчала Галина, понимая, что была бы помѣхой.

— Мы скорѣхонько вернемся, закричалъ издали Борисъ и оба съ Марьей скрылись въ чащѣ. Собака побѣжала за ними. Галина осталась одна и крѣпко задумалась: счастливые... не разстались и не пытали каково одинокой, размышляла дѣвушка. Марья добрая и Боря хорошо сдѣлалъ—полюбилъ ее; ба-тюшка согласится на свадьбу!.. свадьбу... Когда-то это будетъ, авось Ильюша къ тому случаю пріѣдетъ, только бы Господь сохранилъ его...

Нить ея мыслей рѣзко оборвалась: ей послышались шаги со-всѣмъ не съ той стороны, куда пошла Марья съ Борисомъ. Она вскопчила и спряталась въ густой кустъ орѣшника: медвѣдь! мелькнуло у ней въ умѣ. Шаги приближались и вотъ на поля-цу вышелъ мужчина, въ боярской одеждѣ; но напрасно Галина всматривалась въ него, она знала всѣхъ сосѣдей по вотчинѣ, но такого никогда не видывала; видно это былъ совсѣмъ чужой человѣкъ, что можно было заключить по его нерѣшитель-ной походкѣ: онъ то останавливался и оглядывался кругомъ, то повертывался въ разные стороны, словно искалъ выхода изъ лѣса; замѣтно было, что онъ заблудился; подоидя къ только что покинутому мѣсту подъ сосной, гдѣ отдыхала Галина, онъ легъ на траву и съ досадой сказалъ: чортъ бы побралъ про-клятый гай!.. Всю ночьку проплуталъ, измаялся! И гдѣ это я... Вонъ рѣка, а броду нѣтъ, ни жилья, ни живой души чтобъ спросить про дорогу...

Пока онъ разговаривалъ такъ самъ съ собой, Галина раз-сматривала его: это былъ молодой и довольно красивый боя-ринъ лѣтъ 25, въ богатой одеждѣ, бархатный охабень надѣтъ былъ поверхъ парчеватаго камзола съ широкимъ поясомъ, за ко-торымъ торчали ножъ, топоръ и пистолеть. Въ рукѣ хорошее ружье, сумка черезъ плечо и серебряный рогъ на низанной жемчужомъ перевязи показывали, что онъ охотился и вѣроятно въ нылу охоты зашелъ въ незнакомое мѣсто. Молодой чело-вѣкъ сбросилъ съ плеча сумку, положилъ возлѣ себя ружье и снявъ шапку сталъ обтирать лолой охабня вспотѣвшее лицо, слегка опущенное бородкой, не покрывавшей широкой шрамъ на лѣвой щекѣ; этотъ шрамъ и дерзкое выраженіе сѣрыхъ глазъ производили неприятное впечатлѣніе, еще усиленное тѣмъ, что его черные волосы стояли копромъ и прикрывали лобъ, спадая на густыя брови, наморщенные въ досадѣ.

Этотъ человѣкъ не былъ способенъ внушить довѣріе и дѣ-вушка со страхомъ подумала: одѣтъ какъ бояринъ, а ровно подорожникъ. Она стала соображать, что дѣлать: бѣжать было немислимо; кругомъ столько было валежнику, наломаннаго зми-ными бурями, что отъ самыхъ осторожныхъ шаговъ, хрустѣть сухихъ сучьевъ непремѣнно выдастъ бы ее. Всего благоразум-

нѣе было пританъсь и терпѣливо ждать ухода его или возвра-щенія брата.

Бояринъ между тѣмъ расположился на продолжительный от-дыхъ; онъ вытащилъ сумку и позавтракалъ, запивая глотками изъ вѣсившей у него на поясѣ кожаной фляги. Утоливъ го-лодь и жажду онъ крякнулъ, потянулся, потомъ, вынувъ изъ кармана коротенькую трубку и горсть табаку, высѣкъ огни-вомъ изъ кремня искры и съ наслажденіемъ затянулся.

Галина все это видѣла и съ отвращеніемъ думала: „табач-никъ“, эпитетъ весьма не лестный въ то время. Хотя въ на-чалѣ царствования Алексѣя Михайловича курильщички и ню-жатели табаку и не подвергались наказанью кнутомъ, отрѣзы-ванью носовъ и ушей, какъ то было при Михаилѣ Феодоро-вичѣ, но вообще потребление „богопротивнаго зелья“ счита-лось грѣхомъ и порокомъ.

Въ домѣ Неклюдовыхъ не допускалось куреніе табаку; Ге-расимъ Феодоровичъ держался старины и строго наказывалъ своихъ челядинцевъ, если замѣчалъ, что въ холмошской избѣ пахло куревомъ. Легкій вѣтерокъ тянулъ прямо на Галину и противный фдкій дымъ, коснувшись ея непривычнаго обона-нія, не смотря на всѣ усилія удержаться, заставилъ ее громко закашляться...

Незнакомецъ вскочилъ и въ одно мгновеніе очутился передъ испуганной и смущенной дѣвушкой. Она рванулась было бѣ-жать, но онъ схватилъ ее за руку и привлекъ къ себѣ:

— Кто ты красна-дѣвица? спросилъ онъ, нахально разсматривая ее въ упоръ,—да ты не кидайся изъ стороны-то въ сто-рону, ровно конь косячный!.. Отъ меня дѣвка не убѣжить! Чортъ побери!.. Да ты зѣло пригожа, эдакихъ мало и види-вать. Ну отвѣчай, какъ имя, отчество, какъ величать?

Галина забывъ страхъ, гордо вскинула на наглеца прекрас-ные глаза и съ негодованіемъ отвѣчала:

— Пусти же бояринъ!.. Чего ты словно атаманъ-подорож-никъ въ чужомъ бору разбой затѣваешь! Отойди безъ грѣха... Кликну своихъ холопей и велю тебя отсюда гнать!..

Незнакомецъ расхохотался:

— Эва дѣвка!.. люблю такихъ: другая-бъ плакала да визжа-ла, а она еще страшаетъ!.. Ну гдѣ твои холопы-то, пуцай подойдутъ, я ихъ угощу,—и онъ выхватилъ изъ-за пояса ре-менную плеть.

— У меня тутъ отецъ и братъ: они не попустятъ меня оби-жать, продолжала Галина, стараясь вырвать свою руку.

— А какъ звать твоего отца? спросилъ незнакомецъ.

— Бояринъ Герасимъ Феодоровичъ Неклюдовъ; этотъ гай и всѣ земли вокругъ Вышгорода и усадьба вышгородская его, отвѣчала Галина.

Незнакомецъ выпустилъ ея руку и почтительно ей покло-нился:

— Прости Христа ради боярышня! я безо всякаго худаго умысла попутилъ, я не думалъ что ты боярская дочь, а полага-лъ, что сѣбная дѣвка по лѣсу утромъ плетется одишенька.

Галина всхлынула: поступокъ ея, значить, заторный до того, что ее и за боярышню не признали.

— Я тутъ не одна, а съ сестрой и братомъ, смущенно ска-зала она.— Да ты-то кто и откуда?

— Зовутъ меня Кириллой Михайлычемъ, отецъ мой бояринъ Мишницынъ; живемъ мы верстѣ 6 отъ вашего Вышгорода въ селѣ Никитинѣ; ты насъ не знаешь, отъ того что мы съ не-дѣлю какъ пріѣхали и ни къ кому не ѣздили съ поклономъ, возились съ хозяйствомъ: Никитино—по наслѣдству послѣ дяди досталось, порядку тамъ и толку не добьешься... Я вотъ на ловы еще вечеръ пошелъ, псарь отъ меня отстал и я заблу-дился; да и попалъ ненарокомъ въ вашъ гай!.. объяснялъ Миш-ницынъ и ласково добавилъ.—Что-жь боярышня, не сердись на меня?..

— Господь съ тобой Кирило Михайлычъ! отвѣчала она и хотѣла отъ него уйти.

— Куда-жь ты?.. Погоди!.. уважи хоть дорогу-то!.. остано-вилъ ее Мишницынъ.—Что-жь мнѣ, помирать что-ль въ ва-шемъ гаю?..

Галина колебалась; ей не хотѣлось идти съ нимъ; но въ это время по тропѣ изъ лѣсу показался Борисъ съ Марьей и Га-лина весело крикнула:

— Братецъ!.. Боря!.. Вотъ новаго сосѣда намъ Богъ далъ.

Борисъ и Мишницынъ поздоровались и разговорились: ока-залось, что оба страстные охотники и Борисъ Неклюдовъ обра-довался новому товарищу.

— Пойдемъ къ намъ,—пригласилъ онъ. Отецъ угоститъ тебя какъ дорогаго гостя.

— Нѣтъ! отвѣчалъ Мишницынъ.—Я безъ своего родителя не могу идти со своимъ знакомствомъ: это не годится и боя-рину Герасиму Феодоровичу покажется зазорно да обидно: прі-ѣду на дняхъ съ батюшкой.

Сказавъ это, Мишницынъ простился съ Борисомъ и по его указанію пошелъ по дорогѣ къ своей вотчинѣ. Кланяясь боя-рышнямъ, молодой сосѣдъ выразительно поглядѣлъ на Галину, словно хотѣлъ ей вымолвить: „Пріѣду для тебя“...

Галина покраснѣла отъ досады.

— Вотъ навязался, окаянный!.. пробормотала она вслѣдъ не-ожидаемому молодцу.

X.

Гнѣздо хищника.

Мишницынъ бодро шагаль, лукаво и нахально ухмыляясь: — Хороша!.. нечего сказать!.. Зѣло красива!.. бормоталь онь по временамъ.

— Бойка и должно быть съ поровомъ: не легко съ такой управиться... А все же попытаю, не каменный же она острогъ, что и взять ее было бы не можно.

Размышляя такимъ образомъ, онъ вышелъ изъ лѣсу и пошелъ среди зеленыхъ озимыхъ хлѣбовъ. Вдали показалась слобода дворовъ въ 30 съ ветхой деревянной церковью посрединѣ. Въ концѣ слободы на разстояніи саженъ ста стояла усадьба Мишницына возлѣ большого пруда, обсаженного ветлами.

Вокругъ боярскаго дома, въ безпорядкѣ группировались разныя надворныя постройки; вездѣ было грязно и сорно; зданія почернѣли, полуразвалились, садъ заросъ крапивой, заборы и ворота обвалились; такая небрежность и запустѣніе придавали печальный видъ усадьбѣ, не смотря на довольно живописное мѣстоположеніе. Громко хлопнувъ входной дверью, Кирила Мишницынъ прошелъ нѣсколько совершенно пустыхъ горницъ, гдѣ не было никакой мебели, и полъ скрипѣлъ покособившимися отъ сырости досками, а въ высокихъ печахъ безъ заслонокъ свободно гулялъ вѣтеръ, уныло и жалобно завывая, словно повѣствуя о быломъ довольствѣ на всегда отлѣгѣвшемъ отъ этого жилища.

Наконецъ Кирила отворилъ дверь въ обширный покой, поставилъ ружье въ уголъ и оглянулся кругомъ: со всѣхъ сторонъ къ нему кинулись съ радостнымъ визгомъ разной породы и шерсти собаки—борзья и гончія; волкодавы съ своими щенятами расположились тутъ по грязному полу, покрытому дорогими персидскими коврами, на треногихъ калѣбахъ-скамьяхъ, постланныхъ краснымъ сукномъ, на двухъ постеляхъ, гдѣ дорога штофная одѣяла рѣзко противорѣчили съ неопратными скомканными подушками. На столахъ, рядомъ съ серебряными ковшами, стояли глиняные съ обтѣгными ручками кувшины съ медомъ; корки ржаного хлѣба валялись на одномъ блюдѣ съ дороги рыбинами и сладкими перенечами. Въ углу почернѣвшія отъ времени иконы задернутыя сѣтью давнишней паутины, не освѣщенныя свѣчами и лампадой, мрачно и грозно казались глядѣли на эти сцены пьянаго разгула, которыя чередовались въ этомъ покоѣ со сценами жестокой расправы надъ провинившимися челядниками и крестьянами, доставшимися отъ добродушнаго покойнаго владѣльца его двоюродному брату Михаилу Абрамовичу Мишницыну, круто повернувшему доброе обращеніе на самое звѣрское и безтолковое. По стѣнамъ висѣло много дорогаго оружія и тутъ же прицѣплены были желѣзныя цѣпи съ наручниками, весьма часто употребляемыми Мишницынымъ для укрощенія холопей, отъ которыхъ допытывался гдѣ спрятаны драгоценности и деньги прежняго помѣщика, по слухамъ имѣвшаго привычку копить золото да серебро и зарывать его въ подвалахъ; но какъ ни доискивался Мишницынъ, а кладъ не давался ему; это его бѣсило и дѣлало еще жестокосердичѣе.

При входѣ Кирилы, отецъ его сидѣлъ у окна и съ трудомъ разбиралъ исписанный листъ бумаги; свѣтъ падалъ на его суровое лицо съ большимъ краснымъ носомъ и такими же торчащими какъ у сына волосами, только не черными а сѣдыми. Его шелковая рубаха, обшитая золотымъ позументомъ, растегнутая на морщинистой шеѣ, была залита виномъ, мѣстами изорвана, а накинутый на плеча охабенъ спускался бархатной полой, опушенной соболемъ, въ лужу браги, пролившейся изъ опрокинутаго жбана.

— Кого чортъ несетъ, хриплымъ басомъ привѣтствовалъ Мишницынъ своего сына, отрываясь отъ чтенія письма и поглядывая на Кирилу, какъ волкъ глядитъ на своего волчонка.

Кирила зналъ правъ отца и принялъ эту волчью ласку, какъ волченокъ.

— Что лаешься-то? Аль не выпался?.. небрежно возразилъ онъ, подходя къ столу и отламывая кусокъ каравая. — Все пожрали и вина не оставили!.. сердито воркнулъ онъ, заглядывая въ кувшины. Отецъ засмѣялся.

— Экъ проголодался пострѣлъ!.. Не шатался-бъ по ночамъ... Гдѣ былъ побываль, за дѣвками аль мододницами гонялся?..

— А тебѣ что... гонялся да не затвоими! дерзко отвѣчалъ сынъ, набивая ротъ остатками яствъ и доставая изъ подъ сками бутылъ съ иноземнымъ дорогимъ виномъ.

— Ты не больно лонай, вѣдь это на золото куплено, замѣтилъ отецъ.

Кирила молча налилъ душистое красное вино въ ковшъ и отпивъ до половины, подаль старнику: — Пей батюшка, шгука хороша, такъ огнемъ и заходило!..

Мишницынъ взялъ ковшъ, потянулъ изъ него и прицѣпнулъ языкомъ. — Да!.. покойный братецъ зналъ толкъ! А вотъ казну напрасно такъ схоронилъ. Какъ я вечеръ ни бился, всѣхъ холопей перепоролъ, конхъ на „чепъ“*) посадилъ, коимъ колодки да въ поднолье заперъ, а все толку не допытался. Ладятъ одно, знать не знаемъ, вѣдагъ не вѣдаемъ!..

— Ну бѣсъ съ ними!.. пушай сидятъ въ колодкахъ... Что это у тебя за письмо? перервалъ его Кирила.

*) Такъ называлась и писалась цѣль.

— Объ этомъ послѣ! и старикъ спряталъ бумагу за пазуху. Сперва сказывай гдѣ былъ?

— Былъ я въ гаю, лѣшій меня завелъ въ такую трущобу, что не вытѣзъ бы во вѣкъ, кабы...

— Кабы не вѣдьма тебя вытащила... добавилъ отецъ.

— Ха, ха, ха!.. А вѣдь и взаправду такъ! Еще какая вѣдьма-то!.. Чудо!.. и Кирила свистнулъ.

— Неужто вѣдьму видѣлъ, и Мишницынъ робко оглянулся. Въ этихъ пустыхъ хоромахъ нивѣсть что мерещится: въ запрошлую ночь на меня такъ домовый навалился, чуть не задушилъ...

— Нѣтъ!.. это я такъ, вѣдьма-то безъ хвоста и рожа у ней не токмо не страшная а все-бъ на нее глядѣлъ да рѣчи бѣ ея слушалъ.

— Ну такъ и есть! Дѣвку какую поймалъ въ гаю-то, засмѣялся отецъ.

Кирила съ оживленіемъ началъ рассказывать о своемъ приключеніи и расхваливать красоту Галины. Старикъ Мишницынъ съ досадою стукнулъ кулакомъ по столу, такъ что кувшины и ковши привскочили: — Экъ ты дурень!.. будь я на твоёмъ мѣстѣ, выпустилъ бы я пташку? Я-бъ ее въ уста сахарныя, да въ охапку да скупа-бъ приволокъ!.. вонъ дѣвокъ у насъ въ Никитинѣ пригожихъ мало...

— Я это и безъ тебя смеялся, да дѣвка-то задорная, со мной зубъ за зубъ, а потомъ пришелъ ея братишко съ другой дѣвкой!.. Ну и пришлось отложить дѣло-то...

— Какое дѣло? Не сватовство ли затѣялъ?

— Кто-жъ ее знаетъ!.. Пригожа зѣло и на сердцѣ у меня что-то не ладно заскребло... Пожалуй коли такъ не возьму, такъ и женюсь!.. задумчиво молвилъ Кирила.

— Избави Господи!.. я тебя тогда проклянху и со двора сгоню... Не нужно мнѣ снохи... Чортъ ли намъ въ бабахъ!.. Еще привередничать станеть, воскликнулъ старикъ. Балуйся сколько хочешь, а жениться тебѣ запрещаю...

— Ну ладно, нечего кричать; авось и такъ дѣло улажу—я сказалъ, что приѣду съ тобой; поѣдемъ родимый!.. подсоби мнѣ; больно дѣвка полюбилась.

— Охъ ты воръ!.. Не охота мнѣ знакомиться-то съ сосѣдями; ну нечего дѣлать, надо сынишку ублажить, ласково сказалъ Мишницынъ, по своему любившій сына.

Рѣшено было ѣхать къ Неклюдовымъ подлѣ предлогомъ продажи клочка земли, которую онъ торговалъ еще у прежняго владѣльца...

— Ладно! завтра поѣдемъ! согласился старикъ. — А теперь послушай-ка какія вѣсти изъ Пскова: прислалъ мнѣ грамотку Гаврила Демидовъ, зоветъ къ себѣ въ посадники: тамъ вишь московскимъ гостямъ по шельмъ накладли, такъ надо ждать драки съ московской ратью... и въ Новгородѣ тоже заворонка не малая. Вотъ и пишетъ Гаврила:—ты де-человѣкъ надежный и Москвѣ не доброхотъ, а намъ такіе зѣло потребны... Да вотъ почитай самъ, и онъ передалъ сыну письмо Демидова.

Кирила прочиталъ посланіе и спросилъ отца: — Ну чтожь, собираешься?

— Надо бы ѣхать, отвѣчать старикъ. — А по твоему какъ?

— По мнѣ лучше, чтобъ ты во Псковѣ посадиловалъ, а то того и гляди отобьешь у меня боярышню Неклюдову, захохоталъ сынъ.

— Эка невидаль!.. На что она мнѣ: съ боярышнями еще связываться, какъ разъ въ бѣду попадешь... А и ты берегись: Неклюдовъ человекъ сильный, во Псковѣ не будутъ довольны коли мы съ нимъ изъ за дѣвчонки раздоры затѣмъ,—предупредилъ Мишницынъ.

— Ну вотъ! словно не знаю!.. Все будетъ гладко и въ тихомолку: коли охотой не дастся, и такъ будетъ: пропадетъ дѣвка невѣдомо куда! Одежу въ гаю подкину, ведмѣдъ-де съѣлъ... ну и концы въ воду!.. объяснялъ Кирило свой гнусный планъ.

— Не забывай: Вышгородъ нуженъ Пскову: слыхалъ небойсь какъ при Парѣ Иванѣ тутъ острогъ былъ прогину поляковъ, а теперь можно его оборотить на остановку московскихъ ратей: мѣсто высокое и его ладно бы держать въ рукѣ, говорилъ Мишницынъ.

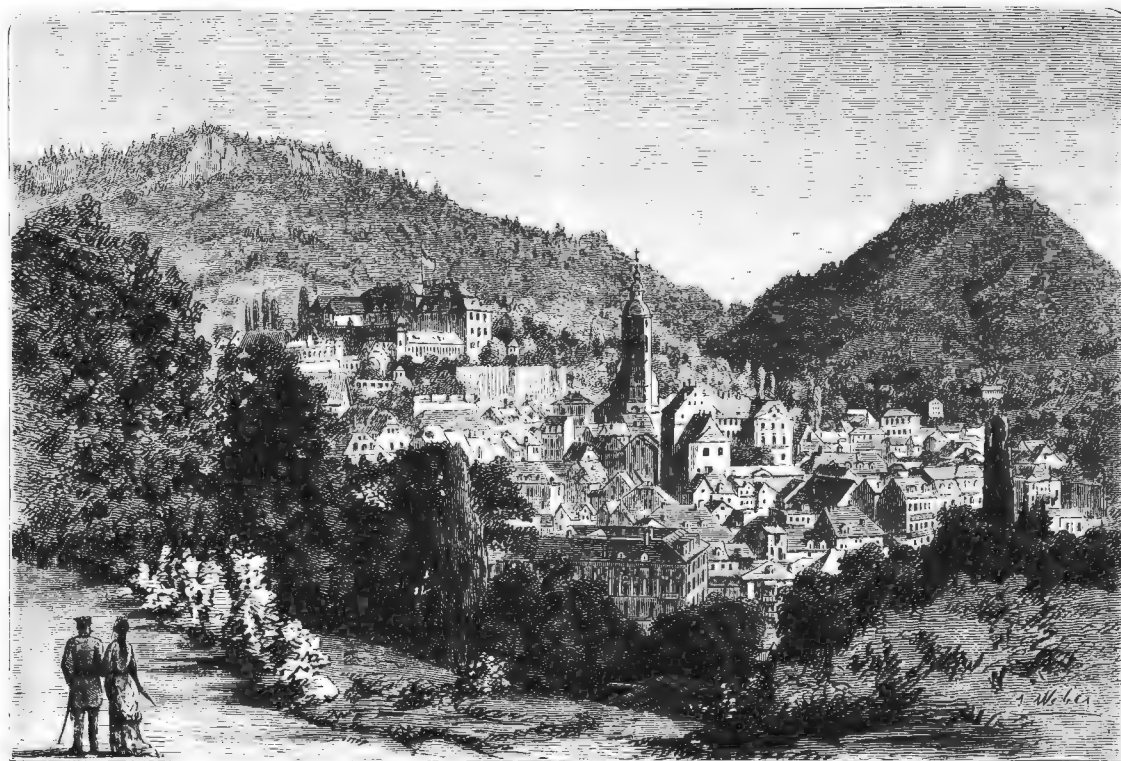
— Такъ!.. что правда то правда, только Неклюдовы не станутъ за Псковъ: старикъ-отъ при Парѣ Михаилѣ служилъ, слышно и теперь Москвѣ доброхотъ... Пожалуй придется и силой отбить Вышгородъ-то! сказалъ Кирила и взглялъ его скользнуло по превосходному оружію, которымъ были увѣшаны стѣны.

— Тогда видно будетъ... покуда надо попытать, не пойдетъ ли Неклюдовъ на нашу сторону... Ну!.. будетъ толковать, въ глотки пересохло!.. Эй! кто тамъ!.. Холопья!.. тащите вина, браги!.. Выпьемъ сынокъ!.. поднимая ковшъ сказалъ старикъ и пошла попойка!..

XI.

Неудачное похищеніе.

Не смотря на страстное желаніе Кирилы, предполагаемая поѣздка въ Вышгородъ не состоялась на другой день. Отецъ его нѣсколько дней пилъ безъ памяти, потомъ очнувшись вспомнилъ, что его зовутъ во Псковъ и принялся за сборы. Кирила

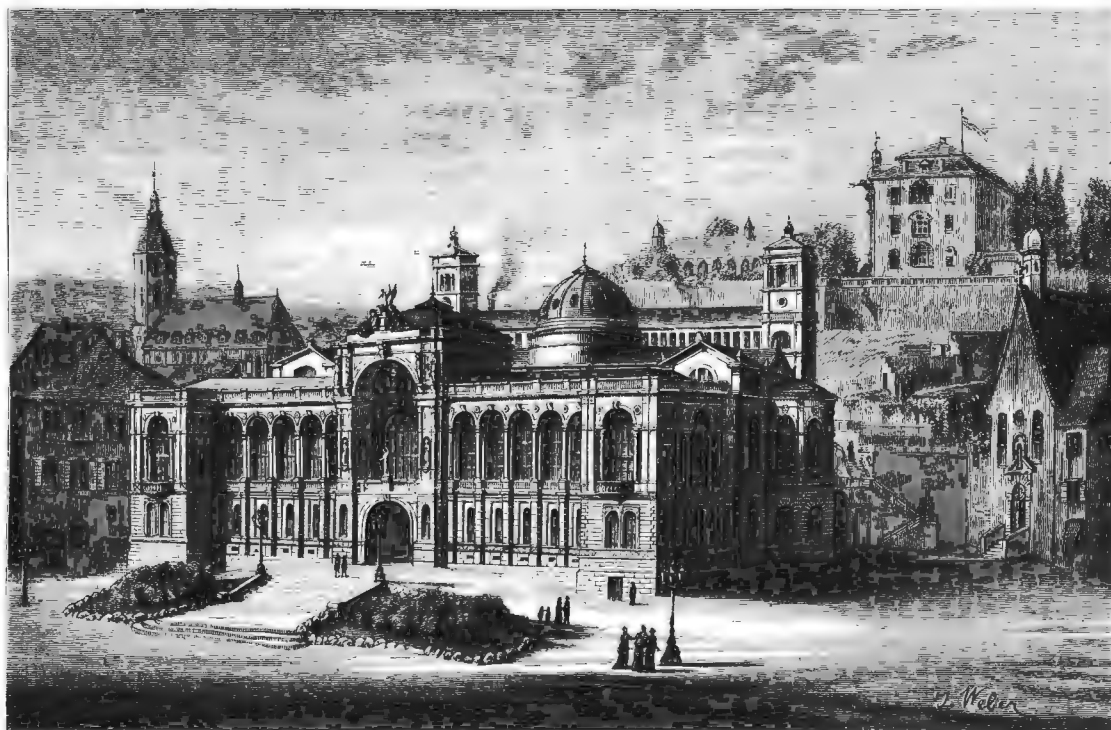
Баденъ-Баденъ. Общій видъ города. Рис. и грав. Веберъ.

Баденъ-Баденъ. Зданіе собранія (Conversationshaus). Рис. и грав. Веберъ.

Бадень-Бадень. Лихтенталевская аллея Рис. и грав. Веберъ.

Бадень-Бадень. Зданіе купаленъ. Рис. и грав. Веберъ.

выходилъ изъ терѣбна и ругался съ отцомъ; наконецъ черезъ двѣ недѣли послѣ первой встрѣчи съ Галиной, наконецъ отъѣзда старика Мишницына въ Псковъ, Кирила успѣлъ уговорить его съѣздить въ Вышгородъ, гдѣ объ новомъ сосѣдѣ совсѣмъ ужъ и забыли и Галина, на которую съ разу онъ произвелъ отталкивающее впечатлѣніе и какое-то предчувствіе, по-немногу успокоилась и опять рѣшилась на прогулку съ Марьей за предѣлы усадьбы.

Однажды дѣвушки только что вернулись съ прогулки и весело болтали въ покоѣ своей тетки Аграфены Ѳеодоровны, какъ бѣлокурая Ненила подошла къ отворенному окну воскликнула:

— Кто-то ѣдетъ, гляди, по дорогѣ; на коняхъ двое словно бояре, а сзади тоже верховые холопья...

Галина и Марья подбѣжали къ окну.

— Кто-бъ это былъ?.. Это гости къ братцу! сказала Аграфена Ѳеодоровна. Пойти въ стряпущую, небойсь братецъ обѣдать оставитъ.

И Аграфна Ѳеодоровна устремилась въ кухню.

— Это Мишницыны... воскликнула Марья, отличавшаяся дальновзоркостью.

Галина поблѣднѣла. Господи! я думала, что никогда больше его не увижу, постылаго!..

— Что ты такъ всполохнулась? удивилась Ненила.

— Ахъ сестрица! онъ такой злой!..

— Боря говоритъ—онъ веселый, лихой дѣтина и охотникъ, замѣтила Ненила.—Ты то почему его знаешь?

Марья переглянулась съ Галиной; онѣ не посвятили Ненилу въ свою маленькую тайну. Она была болтлива и пожалуй сказала бы отцу и теткѣ, что боярышнѣ-де рано по утрамъ, когда еще всѣ спятъ, ходятъ гулять въ рощу. Могли возникнуть непріятныя для Галины пререканія съ родными.

Не успѣла еще она отвѣчать на затруднительный вопросъ меньшей сестры, какъ вошелъ Борисъ и весело сказалъ:

— Мишницыны ѣдутъ! Идите въ свѣтелку, да приодѣвайтесь поваряднѣе: Кирила хороший женихъ, и богатъ и пригожъ.

— Мы къ нему и не выйдемъ: кабы у него мать была да сестры, такъ намъ бы ихъ угонать; вы съ батюшкой и одни управитесь, возражала Галина, недовольная шуткой брата, а Марья совсѣмъ разсердилась.

— Какъ хотите, а если батюшка позоветъ, я съ теткой пойду къ гостямъ,—сказала Ненила.

— Ты еще несмышленокъ и не знаешь что зазорно! Должна

старшихъ слушаться! строго молвила Галина и пошла впередъ, а за ней и Марья, Ненила должна была за ними слѣдовать, пророчавъ:

— Экое горе! живи словно заключенная!..

Герасимъ Ѳеодоровичъ принялъ гостей радушно. Борисъ предупредилъ его, что познакомился въ гаю съ молодымъ сосѣдомъ и просилъ отца обласкать его. Ему пріятно было имѣть такого товарища. Старикъ Мишницынъ умѣлъ при случаѣ притворяться. Онъ показался Неклюдовымъ умнымъ, хотъ и суровымъ человѣкомъ а сынъ его понравился Неклюдову и его старухѣ-сестрѣ. Борисъ былъ отъ него въ восторгѣ. Кирила привинулся смиреннымъ, добродушнымъ и общительнымъ.

Обѣдъ прошелъ въ оживленной бесѣдѣ: старики толковали про землю, которую Неклюдовъ желалъ купить у Мишницына, а молодые люди рассказывали разные случаи на охотѣ.

Боярышни къ обѣду не вышли, считая это неприличнымъ для перваго знакомства. Кирила былъ этому отчасти и радъ, онъ былъ очень ревнивъ и зная отца, безрассуднаго любителя женской красоты, не желалъ показывать дѣвушку, которая его обворожила.

Прощаясь съ Герасимомъ Ѳеодоровичемъ, старикъ Мишницынъ сказалъ ему:

— Ты кончай дѣло объ землшкѣ-то съ Кирилой, а я завтра утречкомъ во Псковъ уѣду... Такимъ образомъ входъ въ домъ Неклюдовыхъ для Кирилы являлся вполне приличнымъ и дѣловымъ.

Кирида совершенно втерся въ довѣріе Бориса. Онъ проводилъ съ нимъ на охотѣ дни и ночи и часто приходилъ въ Вышгородъ совсѣмъ неожиданно, причемъ случалось ему встрѣчаться съ боярышнями, которыя хотъ и остерегались сближенія съ нимъ, но не могли постоянно прятаться отъ человѣка, близко знакомаго съ ихъ братомъ.

Мало по малу предубѣжденіе противъ Кириды улеглось; Марья относилась къ нему равнодушно, безъ непріязни, Ненила очень дружелюбно перекидывалась съ нимъ шутками, а Галина успѣла увѣрить себя, что сама виновата, давъ поводъ чужому человѣку принять ее за сѣдную дѣвку, не объявивъ ему сразу имя. Къ тому же между ними существовалъ родъ тайны: Галина даже брату и Марьѣ постыдилась подробно рассказать сцену въ гаю, а Кирида, не намекая про нее ни словечкомъ, взглядомъ и улыбкой давалъ понять Галинѣ, что не забылъ минуты, когда держалъ ее въ своихъ рукахъ.

(До слѣд. №).

В. Политковскій.

Роскошь и ея вліянія.

Очеркъ Н.

Англійскій философъ Давидъ Юмъ сказалъ, что „эпохи развитія роскоши — счастливейшія эпохи въ жизни „народовъ“. Если Юмъ правъ, то мы живемъ очевидно въ несчастную эпоху, такъ какъ за послѣднее десятилѣтіе въ особеннсти часто и повсемѣстно слышится жалобы на все усиливавшійся застой въ бытѣ предметовъ роскоши. Даже востокъ, отличавшійся всегда любовью къ нестротѣ и блеску, нынѣ не только въ домашнемъ быту, но и въ праздничныхъ торжествахъ сталъ держаться простоты и скромности. Замѣчаніе экономиста Дошера, что зрѣлые народы отдають преимущество удобству, комфорту предъ изяществомъ и блескомъ, могло бы быть отчасти примѣнено къ нынѣшнему времени, времени новаго золота, олеографин и дешевыхъ, пошлыхъ поддѣлокъ подъ предметы роскоши.

Свѣдѣнія о роскоши, существовавшей у древнихъ народовъ, даже сопоставленныя съ самыми яркими выраженіями роскоши современной, кажутся намъ почти сказочными, кажутся бредомъ хроникеровъ того времени, а между тѣмъ свидѣтельства ихъ—взаимно подтверждающія и дополняющія одно другое—не подлежатъ сомнѣнію.

По отношенію къ роскоши, римляне конечно стоятъ во главѣ всѣхъ народовъ древности. Во времена императоровъ, расточительностью которыхъ заражались лица приближенныя ко двору, роскошь прививалась къ нравамъ всего народа. Римъ, всемірный поблѣдитель, превзошелъ своимъ блескомъ даже востокъ. Малая Азія, Арапія, Мидія, всѣ страны, извѣстныя въ древности, вели свои произведенія на всепоглощающій римскій рынокъ, Римъ былъ тогда всемірнымъ городомъ въ полномъ смыслѣ слова, римскій гражданинъ собиралъ въ свои пышные чертоги вавилонскіе ковры, аравійскія куренья, пурпуръ, пряности, золото, стекло и хрусталъ, муринскія вазы и издѣлія, стоимость которыхъ равнялась сотнямъ тысячъ рублей и т. п. Роскошь позднѣйшихъ земныхъ владыкъ европейскіхъ, далеко не достигала размѣровъ роскоши частныхъ лицъ тогдашняго Рима. Во времена Августа въ Римѣ были до того распространены шелковыя, весьма дорогія, китайскія ткани, что этотъ императоръ особымъ указомъ запретилъ мужчинамъ носить ихъ. Но высшее проявленіе роскоши было—обиліе драгоценныхъ камней и жемчуга, поглощавшихъ нерѣдко баснословныя суммы; иныя римскія дамы являлись на гулянья въ нарядахъ, стоившихъ на наши деньги до 2-хъ милліоновъ рублей. Украшенія и туалеты вѣнчаныхъ дамъ такъ же мало могли выдержать сравненія съ богатствомъ и блескомъ одѣяній рим-

скихъ дамъ, какъ обѣды нашихъ гастрономовъ—съ обѣдами знаменитыхъ римскихъ гурмановъ.

Имена Лукулла, Вителія, Трималхія—всѣмъ извѣстны. Эти и другіе гастрономы только и были заняты придумываніемъ самыхъ причудливыхъ блюдъ и приправъ и сочиненіемъ цѣлыхъ трактатовъ о кулинарномъ искусствѣ, трактатовъ, прославлявшихъ ихъ имена во всей обширной имперіи. Никакое современное кулинарное ухищреніе не можетъ выдержать малѣйшаго сравненія съ тогдашними. Какъ далеко отстали современныя намъ знаменитости французской напр. кухни! Каплуны и пулярки, дичь и рыба всякаго рода погружались всегда въ растопленный костный жиръ, что по понятіямъ того времени особенно должно было возвышать вкусъ мяса. Въ составѣ соусовъ и приправъ входили самыя странныя вещества, напр.: асса-фетида, одно изъ самыхъ дурнопахучихъ веществъ, съ шафраномъ и т. п. Одинъ изъ римскихъ знаменитыхъ гастрономовъ, Аппидій, сосчитавъ свой капиталъ и увидѣвъ себя обладателемъ лишь трехъ милліоновъ руб. на наши деньги,—отравился, съ отчаянія, что на эти деньги нельзя уже было не только жить но и задать даже двухъ порядочныхъ обѣдовъ. Нынѣшніе милліонеры иначе, какъ извѣстно, смотрятъ на этотъ вопросъ... Помѣщенія, въ которыхъ происходили эти пиршества, бокалы и посуда—соотвѣтствовали блеску торжества; серебро и золото сверкало всюду, полъ всегда былъ мозаичный высокохудожественной работы, плафоны и стѣны были разукрашены великолѣпною живописью, въ нишахъ и углахъ вездѣ стояли огромной цѣнности мраморныя статуи, вазы и т. п. Богато разодѣтые, самыхъ разнообразныхъ національностей невольники прислуживали гостямъ, а престелныя танцовщицы доставляли наслажденіе глазамъ грацією своихъ позъ и танцевъ. Словомъ, то была несказанная роскошь, никогда уже послѣ того не повторявшаяся въ мірѣ въ такихъ размѣрахъ. Другіе древніе народы, каждый по своему, также были знакомы съ роскошью, и роскошь напр. грековъ имѣетъ, благодаря своему особенному характеру и доселѣ значительный интересъ. Роскошь эта была совсѣмъ иная чѣмъ въ Римѣ. Въ ней нѣтъ тѣхъ грубыхъ матеріальныхъ по преимуществу чертъ. Грекъ,—вѣчно пребывающій умомъ въ высокихъ сферахъ религіи, философіи и искусства—въ служеніи имъ, въ служеніи высокому и прекрасному—полагалъ казалось высшую цѣль жизни. Въ этомъ искалъ онъ удовлетворенія своимъ потребностямъ наслажденія и счастья. Вотъ почему и проявленія роскоши грековъ

носятся на себѣ удивительно-идеальнѣй, художественнѣй характеръ, предъ которымъ до сихъ поръ не перестаетъ преклоняться челоѣчество. Роскошь Греціи,—афинская преимущественно, была не столько частною, домашнею, сколько роскошью общественною и заключалась главнымъ образомъ въ многочисленности и красотѣ архитектурныхъ и скульптурныхъ произведеній. Во времена Перикла треть государственныхъ доходовъ шла на возведеніе тѣхъ чудныхъ зданій, которыя потомъ служили образцомъ столькимъ прекраснѣйшимъ зданіямъ Европы. Годовой доходъ государства составлялъ въ то время 1000 талантовъ, а между тѣмъ постройка однихъ только Пропилеевъ обоилась втеченіи пяти лѣтъ въ 2000 талантовъ. Статуи и вообще скульптурныя произведенія играли также громадную роль въ художественной роскоши грековъ. Во времена Македонскаго завоеванія развилось въ особенности великолѣпнѣ театральныя представленія, поглощавшихъ громадныя суммы, несмотря на необходимость въ деньгахъ для военныхъ цѣлей.

Интересно было-бы прослѣдить исторію роскоши у Египтянъ, народа, вся умственная жизнь котораго сосредоточивалась какъ въ фокусѣ въ жреческой кастѣ, игравшей такую огромную тамъ роль. Египетская цивилизація не произвела ни одного великаго поэта, ни одного живописца или скульптора, да и по самому своему направленію и не способна была на это—ея идеалы были иные,—отвлекаясь отъ земнаго, преходящаго, жрецы указывали народу на жизнь загробную, какъ на вѣнецъ жизни и на ней учили сосредоточивать постоянно всѣ челоѣческіе промыслы. Подъ влияніемъ такихъ религіозныхъ убѣжденій долженъ былъ развиться своеобразный „культъ мертвыхъ“—должны были явиться тѣ удивительныя гигантскія сооруженія, разбросанныя въ долину великаго Нила, которыя поражаютъ взглядъ путешественника, не встрѣчающаго ни въ какой другой странѣ ничего подобнаго. Вся роскошь Египта была направлена на эти надгробныя памятники, и на все то, что имѣетъ связь со смертію и похоронными церемоніями. Ихъ величественныя пирамиды, гигантскіе сфинксы, поражающіе не столько изяществомъ, сколько своей недвижной величавостью, грандіозностью свидѣтельствуютъ объ этомъ культѣ смерти, въ противоположность съ этимъ мрачнымъ культомъ и его угрюмыми, гигантскими памятниками, представляетъ роскошь и яркость древняго востока, отчасти обогороженная влияніемъ Элады—напр. при Александрѣ Македонскомъ, этомъ „Сынѣ Солнца“, предъ коимъ склонялись могущественнѣйшія страны древности. Изъ одной страны въ другую, изъ города въ городъ, переносилъ онъ свою временную резиденцію—и всюду по его стопамъ слѣдовалъ ослѣпительный блескъ и сказочное великолѣпіе. Стѣны его дворцовъ покрыты были драгоценнѣйшими матеріями востока, плафоны подпирались блиставшими золотомъ колоннами. Среди роскошной залы возсѣдалъ онъ самъ на высокомъ массивномъ золотомъ тронѣ; красивѣйшія женщины, осыпанныя дорогими каменьями, сидѣли у ногъ его. Пятьсотъ персидскихъ сановниковъ въ пурпуровыхъ одеждахъ, тысячи стрѣлковъ въ огненнаго цвѣта верхнихъ платьяхъ и красныхъ, наброшенныхъ на плечи, мантияхъ, и пятьсотъ македонянъ съ серебряными щитами—толпились около вѣнценосца вокругъ котораго черные невольники медленнымъ движеніемъ богатыхъ, огромныхъ вѣровъ, освѣжали постоянно воздухъ. Съ наступленіемъ новой части года, новаго сезона, какъ говорятъ теперь, пышно разукрашенные слоны, чудесныя лошади перевозили многотысячный дворъ въ другую резиденцію. Подобная роскошь отличала впрочемъ не только дворъ Александра, но въ большей или меньшей степени и дворы другихъ восточныхъ влстителей. Въ позднѣйшія эпохи жизни востока любовь къ живымъ яркимъ краскамъ и всякаго рода блеску и пестротѣ составляла по прежнему отличительный характеръ восточной роскоши. Съ распространіемъ магометанства уже не могли имѣть мѣста обильныя возліянія и пиры,

за то новый культъ потребовалъ новаго рода зданій, приспособленныхъ для богослуженія и прекраснѣйшія мечети, разбросанныя по всѣмъ странамъ мусульманскаго міра, краснорѣчиво свидѣтельствуютъ о художественной своеобразности восточныхъ народовъ. Кто не знаетъ, кто не восхищается чудными зданіями Гренады, удивительной Альгамброй, ея роскошными дворцами, всемірно прославившими совершенство мавританскаго стиля?

Китайцы, вѣрныя всегда своему народному характеру, создали въ высшей степени причудливыя произведенія роскоши, хорошо знакомыя въ Европѣ, въ особенности фарфоръ и лакированныя вещи прибрѣтшія себѣ у насъ огромную популярность.

Изъ всѣхъ европейскихъ народовъ суровые германцы позже другихъ ощутили потребность роскоши, которую перенимали постепенно отъ римлянъ; размѣры однако долгое время были весьма умѣренны и только въ эпоху разцвѣта рыцарства, въ эпоху крестовыхъ походовъ, открывшихъ передъ германцами пестрый, роскошный востокъ, начинается и для Германіи дѣйствительное развитіе роскоши. Рыцари въ яркихъ одеждахъ, въ шлемахъ украшенныхъ дорогими перьями, съ золотыми шпорами, появлялись на блестящихъ турнирахъ и торжествахъ. Они старались перещеголять другъ друга столько же личными качествами, сколько изяществомъ и фантастичностью одѣяній и знаменъ; впрочемъ все это великолѣпіе было проникнуто художественнымъ, поэтическимъ чувствомъ и значеніемъ и отличалось въ высшей степени благороднымъ стилемъ. Къ этому же приблизительно времени относится зарожденіе и широкое развитіе готическаго стиля въ архитектурѣ, достигшаго такого высокаго совершенства въ храмахъ, ратушахъ и дворцахъ, которымъ теперь мы удивляемся въ Германіи.

Въ эпоху Возрожденія роскошь въ Европѣ, въ Германіи въ особенности, принимаетъ довольно фривольный характеръ, классическіе образцы и нравы вызываютъ подраженіе въ тогдашнемъ германскомъ обществѣ, не всегда согласное съ правилами христіанской морали. Страсть къ модамъ и одеждамъ съ каждымъ годомъ становившимся все дороже и дороже, была въ высшей степени распространена и вытѣсняла собою всѣ лучшіе старыя обычаи и традиціи. Пышныя, высокіе парики, дороги, но неудобныя платья, вошли во всеобщее употребленіе, сначала въ высшихъ слояхъ общества, а затѣмъ и въ среднихъ. Многочисленные пиры и праздники чередовались постоянно, отличаясь громаднымъ количествомъ приглашенныхъ и обиліемъ яствъ. Такъ напримѣръ на свадьбѣ герцога Эбергарда Вюртембергскаго въ 1474 году было 14,000 гостей. На свадьбѣ Ульриха Вюртембергскаго, въ 1511 г. было убито 136 быковъ, 1,800 свиней, 2759 штукъ различной птицы. Тогда же вошли въ Европѣ въ моду многочисленныя свиты. Такъ напримѣръ Іаковъ I ѣздилъ со свитой въ 500 челоѣкъ, изъ которыхъ триста были лица благороднаго происхожденія. Герцогъ Альба долженъ былъ ежемѣсячно расходовать въ Мадридѣ 20,000 марокъ на жалованье своей свитѣ, а сынъ герцога Медины—Эли расходовалъ на жалованье свитѣ ежегодно 84,000.

Съ теченіемъ времени роскошь эта принимала все болѣе и болѣе скромныя размѣры и въ настоящее время стала для насъ лишь отдаленнымъ преданіемъ. Современная Европа заботится не столько о красотѣ, изяществѣ и роскоши, сколько объ удобствѣ и практичности, вотъ чѣмъ объясняются жалобы производителей предметовъ роскоши и искусства. Потребность въ нихъ въ наше время значительно отстаетъ на задній планъ—и повидимому, въ будущемъ слѣдуетъ ожидать того же. Это должно вызвать вообще пониженіе вкуса, пониженіе искусства, имѣющаго такое высокое образовательное значеніе, а значитъ и пониженіе жизненныхъ идеаловъ, или быть можетъ жизнь найдетъ для исхода какія-нибудь инныя формы, о которыхъ мы пока не можемъ себѣ составить и представленія.

КЪ РИСУНКАМЪ

Красносельскій лагерь.

(Рис. на стр. 616 и 617).

Въ 16 верстахъ отъ Петербурга расположено удѣльное имѣніе, которое получило теперь особое военное значеніе. Это Красное Село съ принадлежащими къ нему двумя слободами Братошнинской и Коломенской. Съ давнихъ временъ Императорская гвардія располагается въ этомъ мѣстѣ на лагерную лѣтнюю стоянку и здѣсь же производятся маневры, что лѣтомъ придаетъ, понятно, мѣсту чрезвычайное оживленіе. Красное Село то превосходное и окончательное устройство, которымъ теперь можетъ любоваться посѣтитель, получило собственно въ два послѣднія царствованія; теперь оно съ перваго же взгляда имѣетъ скорѣе видъ хороненькаго уѣзднаго города чѣмъ селенія. Станція желѣзной дороги, дворцы, прекрасный театръ и госпиталь, большія мельницы для потребностей располагаемыхъ здѣсь войскъ, писчебумажная фабрика, красныя домны живущихъ здѣсь, все это теперь очень оживило мѣстность. Въ селѣ находится строенный еще въ царствованіе Императрицы Ека-

терины II во имя Св. Троицы каменный храмъ и ею же построенный здѣсь для лѣтняго пребыванія небольшой дворецъ. Великая Императрица, тогда уже составительница (1765) знаменитаго „Наказа“ для руководства депутатамъ, не упускала однако ничего изъ виду. Есть брошюрка, отпечатанная въ 1765 году, содержащая въ себѣ любопытныя подробности о болшихъ маневрахъ бывшихъ въ этомъ году 15-го іюня, „дабы (сказано въ брошюрѣ) плоды своихъ попеченій о войскѣ на дѣлѣ испытать“. Государыня, верхомъ, имѣя на себѣ армейскій мундиръ, лично слѣдила за ходомъ маневровъ. Въ этомъ году въ первый разъ состоялся здѣсь лагерь.

Красное Село лежитъ на возвышенномъ мѣстѣ, образуемомъ Дудергофскими горами. Лагерь обыкновенно разбиваютъ на скатѣ горы противоположной Красному Селу, при подножій которой находится довольно большое озеро, а съ другой стороны кустарникъ и лѣсъ; кавалерія располагается обыкновенно въ деревняхъ, а пѣхота въ палаткахъ, покрывающихъ вдали все пространство и видныхъ на нашемъ рисункѣ на заднемъ планѣ. На высотахъ Дудергофа замѣчательнъ дворецъ, построен-

ный уже въ настоящее царствование въ видѣ большой русской избы. Кромѣ того два дворца для великихъ князей.

На маневры, которые иногда принимаютъ весьма большіе размѣры, съѣзжаются кромѣ Высочайшихъ Особъ, блестящей свиты и штаба, всегда военные агенты иностранныхъ державъ и т. п. что придаетъ лѣтнему мѣстамъ характеръ шумный, блестящій и оживленный. Зимой все уходитъ и уѣзжаетъ и Красное Село затихаетъ до слѣдующаго лѣтнаго лагеря.

Нынѣшнимъ лѣтомъ въ Красносельскомъ лагерѣ—небывалое оживленіе, благодаря энергической, неутомимой дѣятельности Главнокомандующаго, Великаго Князя Николая Николаевича. Старожилы красносельскіе не запомятъ такого дѣятельнаго и серьезнаго лагернаго времени, какъ въ нынѣшнее лѣто.

Ученья бываютъ ежедневно, во всѣхъ частяхъ, по два раза, утромъ и вечеромъ, и ученья не шуточные, а въ высшей степени добросовѣстныя, строгія и осмысленныя. Дремать или нѣжить не приходится никому, и при этомъ—Главнокомандующій первый, и болѣе другихъ даетъ примѣръ неутомимости. Съ 8 ч. утра, Великій Князь со своимъ штабомъ, на конѣ, и за исключеніемъ обѣденнаго промежутка, онъ не слѣзаетъ съ лошади до 6, 7 и 8 часовъ вечера. Вначалѣ іюля напр. были кавалерійскіе пятидневные маневры, подъ личнымъ руководствомъ Главнокомандующаго, который подобно всѣмъ офицерамъ и нижнимъ чинамъ, отирался на эти маневры безъ всякихъ обозовъ, и къ своему столу имѣлъ пищу вареную въ походныхъ котелкахъ. Каждодневно ждали тревоги. Однажды Государь Императоръ прибылъ въ Красное Село и сдѣлалъ тревогу совершенно неожиданно, пока войска находились на военномъ полѣ, на ученѣ. Теплая погода, хотя не совсѣмъ благоприятная для ученій, очень много помогла санитарнымъ условіямъ лагернаго быта, и начавшіе было сперва въ лагерѣ показываться случаи заболѣванія острыми простудными болѣзнями, прекратились. Нынѣшній лагеръ еще и тѣмъ отличается отъ прежняго, что нѣтъ въ Красномъ Селѣ театра; но офицеры бываютъ утомлены ученьями, и будь даже театръ, вѣроятно самая меньшая часть изъ нихъ, могла бы пользоваться имъ. Въ inomъ мѣстѣ весь лагеръ спитъ крѣпкимъ сномъ уже въ 9 часовъ вечера.

Бадень-Бадень.

(Рис. на стр. 624 и 625).

Знаменитый своими цѣлебными водами—Бадень-Бадень, много посѣщается и нашими болѣзнями соотечественниками, въ нынѣшнемъ году напр. нашъ магистръ канцлеръ уже вѣскольکو мѣсяцевъ пользуется здѣшними водами. Такъ какъ отъ сѣверныхъ и восточныхъ вѣтровъ городъ защищенъ горами, то климатъ его благотворенный, теплый, воздухъ постоянно чистый, сосновые лѣса, тянущіеся во всѣ стороны вокругъ города, дѣлаютъ мѣстность чрезвычайно здоровой. Роскошная растительность покрываетъ почву; на выставкахъ мѣстныхъ цвѣтовъ, фруктовъ и овощей они поражаютъ своими размѣрами и разнообразіемъ.

Нагроможденныя и какъ бы разбросанныя громадныя скалы и горячіе ключи, указываютъ на бывшія здѣсь прежде значительныя землетрясенія. Во время владычества въ этой мѣстности Римлянъ, горячіе ключи были приспособлены къ банямъ. Затѣмъ Траянъ, Адрианъ, Антоній и Каракалла украсили, какъ всю эту мѣстность, такъ и самыя мѣста купанья. Въ честь императора Аврелия это мѣсто получило названіе „Civitas Aurelia Aquensis“. Впослѣдствіи все это было разрушено Аллеманами и только въ VIII-мъ столѣтіи снова упоминается о здѣшнихъ купаньяхъ. Въ 712 году король Дагоберъ подарилъ Бадень и купанья Вейсенбургскому монастырю. Затѣмъ владѣльцы его часто мѣнялись. Германъ VI былъ первымъ маркграфомъ города; онъ поселился здѣсь и настолько укрѣпилъ городъ, что въ 1338 году успѣшно выдержалъ нападеніе Страсбургскаго епископа Бертольда II. Въ 1479 г. маркграфъ Христофоръ построилъ новый замокъ, украсилъ городъ и даровалъ ему особая привилегіи. Во время реформации, тридцатилѣтней и пфальце-орлеанской войнъ, Бадень перенесъ тяжкія бѣдствія, а въ 1688 году былъ разграбленъ и сожженъ французами. Послѣ смерти маркграфа Карла-Августа, Бадень-Бадень присоединенъ къ Бадену-Дурлаку. Съ этихъ поръ начинается собственное возстановленіе города. Постройки зданій близъ купаней, прекрасный оркестръ на водахъ, великолѣпныя гостиницы, все это служитъ приманкой для многочисленныхъ посѣтителей.

Во время зимняго сезона тутъ бываютъ театры, балы и ма-

скарады. Зданіе „Conversationshaus“, (рис. на стр. 624) въ нѣсколькихъ шагахъ отъ галлерей минеральныхъ водъ, построено въ стилѣ возрожденія въ 1822—24 году, съ портикомъ на восьми коринтскихъ колоннахъ. Роскошно отдѣланный залъ для баловъ, концертовъ и маскарадовъ замѣчательнъ въ акустическомъ отношеніи. По бокамъ идутъ другія залы: залъ Медичи, игорныя залы, читальня, снабженная всевозможными журналами. Въ восточномъ флигелѣ помѣщается ресторанъ, кофейня, бильярдъ и бібліотека. На юго-восточной сторонѣ зданія выстроены прелестный кіоскъ, гдѣ лѣтомъ 3 раза въ день играетъ музыка.

Позади зданія тянется прекрасная дорога, ведущая къ разнымъ достопримѣчательнымъ мѣстамъ города и между прочимъ къ Русской церкви, построенной княземъ Михаиломъ Стурдзю. Видъ отсюда на городъ прелестный. (Рис. на стр. 624)

Это зданіе служитъ средоточіемъ жизни въ Баденѣ. Вокругъ него группируется все. Тутъ близки находится громадный плацъ, предназначенный для фейерверковъ и разныхъ игръ, далѣе идутъ въ три ряда магазины. За магазинами находится прекрасное зданіе театра, возлѣ котораго—картинная галлерей, гдѣ устроена постоянная художественная выставка.

У театральнаго площади начинается знаменитая аллея *Лихтеншталля* (рис. на стр. 625). Тутъ ежедневно появляются роскошныя экипажи, верховые и толпы пѣшеходовъ. Дороги здѣсь чрезвычайно ровны и удобны, и на каждомъ шагѣ встрѣчаются скамейки, маленькія хижины и бесѣдки съ прохладительными. Отсюда также открывается превосходный видъ на окрестности.

Купанья *Фридрихсбадъ* (рис. на стр. 625) имѣетъ всевозможныя приспособленія и удобства. Температура воды достигаетъ до 50 и 56° по Реомюру. Зданіе въ 3 этажа и все занято различными ваннами. Въ среднемъ этажѣ находится галлерей для отдыха послѣ ваннъ.

Изъ окрестностей Баденъ-Бадена замѣчательны: Старый замокъ, развалины Эберштейнбурга, заведеніе для выводи рыбы, замокъ Эберштейнъ, Ибургъ и водопадъ Герольдзауеръ.

Купающіяся птицы.

(Рис. Джіакомелли).

Въ этой картинѣ извѣстный художникъ подмѣтилъ такой моментъ изъ жизни своихъ любимыхъ птичекъ, какой рѣдко удастся кому нибудь увидѣть въ лѣсной чащѣ, развѣ онъ осторожно, неслышно притаится недалеко отъ звенящаго чистаго ручья, въ густыхъ вѣтвяхъ и дождется, когда радостно и бойко щебеча, соберутся на купанья маленькія летуны. Это бываетъ обыкновенно раннимъ утромъ; свѣжестью и прохладой вѣтъ въ лѣсу а птички, радуясь первымъ лучамъ, плещутъ и разбрызгиваютъ крыльшками чистую холодную воду. И вотъ онѣ уже покрыты каплями, но крылышки ихъ отяжелѣли и размѣщаясь по вѣткамъ кустовъ, они отряхнутся, ерошатъ перья, чтобы воздухъ и солнце осушили ихъ. И затѣмъ съ радостнымъ крикомъ несуся онѣ въ синевѣ.

„Мертвецкій“ звонокъ.

(Рис. Кастелли).

Въ виду все чаще повторяющихся случаевъ мнимой смерти или такъ наз. „обмиранія“, для избѣжанія страшнаго возможности похоронить еще не умершаго человѣка, въ городахъ западной Европы, при городскихъ больницахъ или при церквяхъ въ мертвецкихъ, устраиваютъ надъ ложемъ каждого мертвеца звонокъ, получившій названіе мертвецкаго, назначеніе котораго предоставить возможность мнимо умершему, если онъ очнулся, дать знать объ этомъ возвращеніи къ жизни живымъ людямъ. Хотя всегда въ подобныхъ покояхъ есть сторожа, наблюдающіе за палатами, но на случай недомога, на случай непродолжительности возвращенія чувства, звонокъ можетъ служить лучше. На рисункѣ нашемъ изображенъ моментъ такого страшнаго пробужденія. Пораженная ужасомъ своего невольнаго товарищества, ужасомъ вида этихъ рядовъ безмолвныхъ труповъ, женщина, пробудившаяся въ одной изъ такихъ „мертвецкихъ“—съ силою отчаянія дергаетъ ручку спасительнаго звонка, странно нарушающаго въ ночи безмолвіе длинной, тихой и мрачной палаты. И вѣчно поражая ее ужасомъ,—когда даже она возвратится къ жизни и дѣятельности—будетъ передъ нею какъ живая вставать эта мрачная сцена, изъ тѣхъ, которыхъ нельзя изгнать изъ воображенія, какъ бы ни силилась сдѣлать это воля человѣческая.

ПОЛИТИЧЕСКОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

Турція и державы.—Колѣбанія Франціи и рѣшительность Англій. Пораженіе англійскихъ войскъ въ Авангистахъ.—Россія, Соединенные Штаты и Корея.—Съ Китайской границей.—Генералъ Скобелевъ.

Съ каждымъ днемъ приближается минута, когда великимъ державамъ, волей неволей, придется сдѣлать что либо рѣшительное, въ виду окончательнаго отказа Турціи подчиниться рѣшеніямъ Берлинской конференціи. Очевидно, что Порты усту-

пить только силѣ, дипломатическіе же переговоры и переписка не поведутъ, по примѣру прежняго (очень недавняго), ни къ чему иному, какъ къ проволочкѣ, которою правительство султана и безъ того уже воспользовалось, чтобы подготовиться къ возможной борьбѣ съ Греціей. Такъ, значительная часть батальоновъ увеличена въ своемъ составѣ до 800 ч., въ западной части Балканскаго полуострова расположено уже до

(Продолженіе на стр. 629, 630, 631 и 632).

„Мертвечій звонокъ“. Рис. Кастелли, грав. Пусе.

50 тыс. ч. войскъ, причемъ, на одной только греческой границѣ находится 25 тысячъ пѣхоты, съ соответствующимъ количествомъ кавалеріи и артиллеріи; вооруженія безостановочно продолжаютъ и, даже, говорятъ, что обращено серьезное вниманіе на оборонительныя сооруженія проливовъ. Султанъ и министры отнюдь не расположены къ уступкамъ. Рассказываютъ, что недавно Абдуль-Гамидъ приказалъ показать ему карту съ обозначеніемъ на ней той мѣстности, которую, рѣшеніемъ Берлинской конференціи, назначено отвести Греціи. Послѣ подробнаго ознакомленія съ этой картой, султанъ долгое время молчалъ и, затѣмъ, нѣсколько разъ повторилъ: „мумуктузить!“ (это невозможно!). Параллельно съ этими свѣдѣніями усиливаются слухи о морской демонстраціи державъ, о которой, въ настоящую минуту, происходятъ между ними переговоры. Пока извѣстно предположеніе о томъ, что начальство соединеннымъ флотомъ будетъ возложено на французскаго и англійскаго адмираловъ. Но будетъ ли командовать французскій адмиралъ—это еще вопросъ. Дѣло въ томъ, что французское правительство связано въ дѣйствіяхъ своихъ борьбой партій. Кабинетъ Фрейсине, какъ извѣстно, вначалѣ рѣшился принять въ греко-турецкомъ вопросѣ энергическое участіе, конечно, въ пользу Греціи и предложилъ, не ограничиваясь демонстраціей, отправить въ Аѳины нѣсколько офицеровъ (генерала Томасенъ и друг.) для необходимыхъ указаній при военныхъ приготовленіяхъ. Партія, обрадовавшаяся возможности и случаю, подняла дѣятельную агитацію противъ намѣреній правительства, преимущественно противъ Гамбетты, и до такой степени успѣли уже возбудить общественное мнѣніе, что отъѣздъ генерала Томасена съ офицерами приостановленъ и самое участіе французскихъ военныхъ судовъ въ экспедиціи до сихъ поръ еще едва ли можно считать дѣломъ вполне рѣшеннымъ. Мы уже говорили о томъ, что социалисты во Франціи подняли голову, амнистія усилила ихъ ряды и теперь партія эта готовится выступить на сцену, но на этотъ разъ (что всего опаснѣе) не очертя голову, а дѣйствуя вполне обдуманно. Она рассчитываетъ на предстоящіе выборы во французскія палаты на 1881 годъ. Консервативная оппозиція поддерживаетъ радикаловъ, въ томъ расчетѣ, конечно, что столкновение между социалистами и республиканцами поведетъ къ гибели тѣхъ и другихъ, т. е. къ торжеству монархическаго принципа.

Что касается Англій и ея отношеній къ Турціи и всему, происходящему на Балканскомъ полуостровѣ, то Гладстонъ (телеграфъ сообщилъ о нездоровьи его) высказался весьма опредѣленно на счетъ политики, которой намѣренъ держаться кабинетъ его въ этомъ случаѣ. „Правительство королевы Викторіи, сказалъ онъ, намѣрено, по возможности, стараться о поддержаніи въ восточномъ вопросѣ обще-европейскаго соглашенія. Если бы оказалось, что соглашеніе это не простирается далѣе извѣстнаго предѣла, то Англія поступитъ такъ, какъ будетъ требовать отъ нея чувство обязанности и національнаго достоинства. вмѣстѣ съ тѣмъ нынѣшній премьеръ полагаетъ, что сохраненіе въ Турціи нынѣшняго порядка вещей было бы несомнѣнно съ нравственнымъ достоинствомъ и безопасностью Европы вообще и Оттоманской имперіи въ особенности.“

Не скоро еще, вѣроятно, кабинету Гладстона придется раздѣлаться съ „благими начинаніями“ лорда Виконсфильда. Нынѣшнее министерство, стараясь, возможно быстрѣе, покончить съ Авганистаномъ, провозгласило Абдурахманъ-хана эмиромъ и приготовилось очистить Кабуль, какъ вдругъ разразилась новая катастрофа, надъ частью англійскихъ войскъ, катастрофа, которая снова затянеть дѣла въ Авганистанѣ. Въ настоящее время въ многихъ мѣстностяхъ страны расположены англійскіе отряды, поддерживающіе спокойствіе, а также и сообщенія между военными силами. Между прочимъ, на пути Кандахара въ Гератъ, находился отрядъ гене-

рала Барроу; отрядъ этотъ сначала стоялъ въ Гиришкѣ, 150-ти верстахъ отъ Кандахара, но, затѣмъ, въ виду наступленія Эюбъ-Хана (соперника Абдурахманъ-хана), съ его гератскими полками, онъ отошелъ къ Гильшану. Въ составѣ войскъ Барроу входили также, кромѣ незначительнаго числа собственно англійскихъ войскъ, и вновь образованная милиція Ширъ-Али, правителя новаго, Кандахарскаго ханства, созданнаго по желанію лорда Виконсфильда и по плану Литтона. Эюбъ-Ханъ напалъ на Барроу у Бильмана и разбилъ его на голову, Англичане, потерявъ двѣ пушки, возвратились въ Кандахаръ въ полномъ безпорядкѣ, небольшими группами и тамъ заперлись, вмѣстѣ съ слабымъ гарнизономъ въ цитадели. Вѣроятно предстоить осада самаго города, а между тѣмъ помощи нельзя дожидаться скоро, такъ какъ ближайшіе отряды — генераловъ Фэйра и Сэндмора находятся далеко еще. Всѣ свободные резервы изъ Симлы и окрестностей Бомбея двинуты къ Барроу. Изъ Англій тотчасъ же отправлены въ Индію болѣе 5,000 чел. вспомогательныхъ войскъ. Въ Южной Африкѣ не всѣ бывшіе подданные Сетивайо преклонили выю свою подъ цивилизованное ярмо Англій, въ нѣкоторыхъ изъ племенъ этихъ горитъ еще патріотическій огонь. Недавно одно изъ нихъ напало на батузотовъ, подчинившихся вполне Капскому правительству и ограбило ихъ. Правительство выдало батузотамъ 30 тысячъ фунтовъ стерлинговъ. Не придется ли повторять отъ времени до времени подобныя выдачи?..

Императрица Евгенія, посѣтившая мѣстность, гдѣ погибъ несчастный принцъ Луи-Наполеонъ, возвратилась обратно въ Англію, гдѣ ей была оказана сочувственная встрѣча.

Въ послѣднихъ газетахъ мы находимъ небезынтересное свѣдѣніе о томъ, что Россія и Соединенные Штаты пытались одновременно начать съ правительствомъ Кореи переговоры объ установленіи правильныхъ сношеній съ этою страной. На дружественныя предложенія Соединенныхъ Штатовъ корейское правительство отгѣчало уклончиво, предложенія же Россіи оно, будто бы, отказалось даже выслушать (?). Вслѣдствіе этого отношенія между Россіей и Соединенными Штатами, съ одной стороны, и Кореей съ другой, сдѣлались натянутыми. Полагаютъ, что дѣло дойдетъ до вооруженнаго столкновения. Изъ тѣхъ же источниковъ увѣряютъ, что мы намѣрены приобрести въ Корѣе удобный портъ. Еслибы Корейское правительство видѣло побольше и почаще наши суда, то едва ли бы оно осмѣлилось не выслушивать предложеній нашихъ. Полагаемъ, что экспедиція адмирала Лесовскаго внушитъ вообще на побережья Тихаго океана подобающее уваженіе къ русскому флагу.

Съ китайской границы сообщаютъ слѣдующее. Въ Чугучакѣ стоитъ китайскій гарнизонъ въ 1 тысячу солдатъ, на урочищѣ Актамъ находится передовой постъ въ 500 человекъ, на Сарлытамѣ расположены лагеремъ 2 тысячи человекъ калмыковъ и чампановъ. По слухамъ всѣ войска эти находятся въ полномъ боевомъ составѣ; кромѣ того, въ Чугучакѣ давно уже ходятъ толпы объ ожидаемомъ прибытіи въ Таргабайскій округъ до 10-ти тысячъ человекъ регулярнаго войска изъ внутреннихъ провинцій Китая для занятія силою оружія Илійской территоріи. А вотъ и наши пріятель англичане: въ Кашгарѣ, по свѣдѣніямъ отъ бывшихъ тамъ торговцевъ, находятся четыре европейца, а въ резиденціи Цзо-цзунгъ-жана (генералъ-губернатора)—до двадцати человекъ; по другимъ городамъ также разсыпаны англичане,—недавно изъ ерпичи Сарыкулъ пріѣзжалъ въ Кашгаръ семь человекъ англичанъ. Говорятъ, что они привезли деньги на заготовленіе фуража; англичанъ много въ Сарыкулѣ, гдѣ они служатъ руководителями, имѣя свободный проѣздъ во всемъ Джитышарѣ. Въ Шихо ожидается пріѣздъ Изо-Гумбо съ войсками, которыя будутъ двинуты въ Кульджу. Впрочемъ—въ Петербургъ пріѣхалъ китайскій посланникъ маркизъ Цзенгъ *).

С М Ъ С Ъ.

Переселенія рыбъ. По изслѣдованіямъ Марангони, плавательный пузырь составляетъ у рыбъ органъ, регулирующий ихъ переселенія. Рыбы, посѣщающія мелководныя или же теплыя воды, держатся обыкновенно на днѣ и лишены плавательнаго пузыря, вслѣдствіе чего онѣ не переселяются. Рыбы же, снабженныя плавательнымъ пузыремъ, обитаютъ въ глубокихъ водахъ, подымаются на поверхность для метанья икры и переселяются съ мѣста на мѣсто.

Вольтовская премія. Съ 1852 года во Франціи установлены преміи за примѣненіе Вольтова столба; преміи эти носятъ имя Вольта. Первая премія въ 50,000 франковъ была присуждена въ 1864 году Румкорфу за его усовершенствованные приборы, оказавшіе такую услугу промышленности. Въ настоящемъ году министерство народнаго просвѣщенія и изящнаго искусства испросило у палаты кредитъ въ 70,000 франковъ для выдачи двухъ Вольтовскихъ премій: одну, въ 50,000 франковъ, профессору звуковой физиологіи бостонскаго университета Графаму Беллу за изобрѣтеніе электро-магнитнаго телефона (оши-

бочно приписываемаго пресловутому Эдиссону) и другую, въ 20,000 франковъ, механику Грамму за его электро-магнитную машину.

Хожденіе по водѣ. Недавно въ Нью-Йоркѣ прибылъ человекъ, который ходитъ по водѣ почти также легко, какъ и по твердой землѣ. Его изобрѣтеніе состоитъ изъ двухъ цинковыхъ башмаковъ, длиною въ 5 футовъ и глубиною въ 5 дюймовъ. Эти башмаки непроницаемы для воздуха и съ загибами на концѣ. Въ центрѣ башмака находится выемка для помѣщенія ноги. Подъ башмаками придрѣланы въ два ряда по пяти небольшихъ веселъ. 22-го іюня,—пишутъ въ ньюйорской газетѣ Tribune, изобрѣтатель Суль, перешелъ рѣку Гарлемъ, около Высокаго моста. Онъ проложилъ себѣ дорогу безъ всякаго приключенія посреди парходовъ, парусныхъ судовъ и лодокъ, плававшихъ по рѣкѣ. Во время странствія по водѣ, онъ походитъ скорѣе на человека, катающагося на конькахъ, нежели на пѣшехода.

* Биографія его и портретъ помѣщены въ № 25 „Ививъ“.

Сѣнокосилка и жатвенная машина

ПАЛЬМГРАНЦА.

Эта новая, оригинальная машина прива-
дежить къ самым простымъ, дешевымъ и
легкимъ машинамъ такого рода настоящаго
времени. Всѣ зубчаты и движущіе механиз-
мы прикрываются въ ящикъ, но въ то же
время доступъ къ нимъ удобенъ и легокъ.
Движущія части значительно уменьшены
и при всей машинѣ имѣется всего одинъ
подшипникъ. Конструкціею она проста и со-
лидна и на ходу до того легка, что для ко-
шения травы въ него требуется одна крестьян-
ская лошадь. Всѣ машины 17 пуд. Цѣна
200 руб. Цѣна сѣнокосилки съ жатвеннымъ
аппаратомъ 225 р.

ЕДИНСТВЕННЫЙ СКЛАДЪ У ТОВАРИ-
ЩЕСТВА.

БУРКГАРДТЪ И УРЛАУБЪ,

въ С.-Петербургѣ, Васильевскій островъ, 1-я
лѣвнѣя, домъ 14; въ Москвѣ, по Мясницкой,
домъ Сытова.

Иллюстрированные прѣискъ-кураты по во-
стребованію. 2-1 № 823

ПОРОШОКЪ

избавляющій тотчасъ отъ пренія частей тѣла
и потѣвнѣя ногъ. Ц. съ пер. 40 к., 3 порціи
1 р. Адресъ: г. Вытегра, Олоонецкой губ.
Г. Милевскому. № 824

НОВАЯ КНИГА:

ВОЛГА

Иллюстрированное издание
В. РАГОЗИНА.

Томъ 1-й. 8°, съ географическимъ атла-
сомъ (in folio)

3 руб. 50 к. Перес. за 5 ф.

Главн. складъ Придв. книжн. маг.

ШМИЦДОРФЪ.

Невскій пр. № 5.

Ртг. № 818 3-2

ГГ. ОФИЦЕРАМЪ

рекомендуемъ нашъ большой складъ непромокаемыхъ англій-
скихъ шерстяныхъ матерій, при которыхъ резиновый слой не замѣтнъ:

Для гг. генераловъ: матерія сѣраго цвѣта на красной подкладкѣ.

Для гг. офицеровъ отъ инфантерій и кавалеріи: матерія сѣраго
цвѣта на красной подкладкѣ.

Для гг. офицеровъ флотскихъ } черная матерія на
Горнымъ инженерамъ и лѣснаго вѣдомства } черной подкладкѣ.

Пальто по мѣрѣ беремъ сдѣлать въ самое короткое время,
также принимаемъ поставку непромокаемыхъ пальто для цѣ-
лыхъ полковъ съ значительной уступкою по самымъ дешевымъ цѣнамъ.

БОЛЬШОЙ СКЛАДЪ ЛЮБИМЫХЪ ШВЕДСКИХЪ КОЖАНЫХЪ КУРТОКЪ

на красной фланели, которыя удобно можно надѣвать подъ
форменнымъ скуртукомъ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ, ГЛАВНОЕ ДЕПО РЕЗИНОВЫХЪ ИЗДѢЛІЙ

ЛИМАНА И РИКСА

№ 16. Гороховая ул. № 16. д. Корпуса

между Большою Морскою и Краснымъ мостомъ.

Мт. № 875 ВЪ СПБ. 8-3

МОЖНО ПОЛУЧАТЬ

въ Москвѣ въ собственныхъ
магазинахъ: Никольская ул.,
домъ Бостажого. Ильинка,
д. Троицкаго подворья. Пет-
ровка, домъ Петровскихъ лѣ-
ній.

Ръ С.-Петербургъ:
у Руванова, Савельева, Саф-
ронова, Аверьянова, Урлаубъ
и Рейнбергъ. Литейная, на
углу Васильевъ улицы, и у прочихъ главныхъ торговцевъ.

№ 610. 16-13.

БАНКИРСКАЯ КОНТОРА ЯКОБСОНЪ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ, Литейный проспектъ, д. № 21.

Продажа 5% съ выигр. билет. съ разсрочкою платежей, съ за-
даткомъ по 20 руб. на билетъ.

Выигрышъ, курсовая разница и купоны составляютъ собственность покупателя.

Страхование отъ тиража 5% съ выигрными билетами по 50 к.

Отъ гг. иногородныхъ, включая почтовые расходы, по 60 коп. за билетъ.

Всѣ биржевыя и банкірскія операціи по покупкѣ, продажѣ и залогоу бумагъ отъ
гг. иногородныхъ исполняются по письменнымъ приказамъ черезъ почту.

Пріемъ на комиссію 5% билетовъ для обмена на новыя.

Подробная программа операцій помѣщена въ „Нивѣ“ № 5 сего года.
№ 872 6-3

ВАЖНО ДЛЯ СЕЛЬСКАГО ХОЗЯЙСТВА.

Франкфуртскія молотилки системы Вейла.

Должны быть вездѣ, гдѣ молотить. Это самыя лучшія, прочныя
и извѣстныя, дешевыя машины этого рода. Всякій работникъ можетъ
ихъ поставить, каждый поденщикъ можетъ ими пользоваться) съ
ними справиться, каждый кузнецъ можетъ ихъ починить.

Машины эти, съ чистильщикомъ или безъ него, доставляются
за каждую желѣзнодорожную станцію. Самой малой величины мо-
лотилка стоитъ только 76 рублей. По письменному требованію
иллюстрированный каталогъ у МОРИЦА ВЕЙЛА младшаго.

Машиная фабрика въ Франкфуртѣ-на-Майнѣ (въ Германіи).

Корреспонденція по русски.

Ртг. № 652 18-10

Изданія А. Ф. Маркса въ С.-Петербургѣ.

Большая Морская, д. № 9.

ВЪ КАМЫШАХЪ, повѣсть Н. Каразина, съ 39 рисунками автора. боль-
шой томъ в 8—всего 304 стр. Цѣна 2 р., съ перес. 2 р. 30 к. Под-
писчики „Нивы“ за перес. не платятъ.

Повѣсть эта яркими красками рисуетъ жизнь Туркестанскаго края; достоинства
ея достаточно доказываются уже тѣмъ, что повѣсть эта переведена на нѣмецкій, фран-
цузскій и англійскій языки. Нынѣ вышедшее второе изданіе заключаетъ въ себѣ 86 ри-
сунковъ; оно гораздо богаче и лучше тѣмъ, уже распроданное, первое изданіе этой повѣсти.

Желѣзныя воды КУПАНЬЯ С. МОРИЦЪ. Лучшія климатическія 1-го разряда. условия.

Въ Оберъ-Энгодинѣ. Швейцарія. 1769 м. надъ поверхностью моря.

Сезонъ съ 15 Іюня по 15 Сентября.

Отели: Кургаузъ, Викторія и Ди-Лакъ.

D. 14274. № 751 8-7.

Изданіе А. Ф. Маркса въ С.П.Бургѣ. Б. Морская, д. № 9.

МИЛЬТОНЪ

ПОТЕРЯННЫЙ И ВОЗВРАЩЕННЫЙ

РАИ.

Съ картинами ГУСТАВА ДОРЭ.

Переводъ А. Шуваловой
ИЗДАНІЕ IN FOLIO.
Съ подстрочнымъ англійск. текстомъ.
Цѣна:
въ прост. колѣнкор. перес. 25 р.
съ перес. въ ящикѣ . . . 30 р.
въ красномъ полшпир. п. съ
зол. обр. въ футлярѣ . . . 30 р.
съ перес. въ ящикѣ . . . 35 р.

Изданіе классическихъ авторовъ въ роскошномъ ви-
дѣ есть дань уваженія къ ихъ бессмертнымъ именамъ. Та-
кая роскошно изданная книга, служа украшеніемъ сало-
на, постоянно возобновляетъ въ памяти прекраснаго, не
утратившія своей прелести въ теченіи вѣковъ, страницы.
Предпринимая это изданіе, Издатель не жалѣлъ ни
труда ни времени, чтобы придать знаменитому творе-
нію Мильтона, соединенному съ превосходными ри-
сунками Густава Дорэ, то изящество и роскошь, какую
имѣютъ подобныя изданія за границей.
Цѣна этого изданія, по сравненію съ подобными
роскошными, заграничными изданіями, очень дешева.
Для подарковъ это изданіе, по своему красивому и
очень богатому переплету, исполненному по рис.
И. Панова, будетъ весьма удобно.

НИВА

ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ
ЖУРНАЛЪ
ЛИТЕРАТУРЫ

XI годъ
№ 32

годъ XI
1880

ПОЛИТИКИ И СОВРЕМЕННОЙ ЖИЗНИ.

ВЫХОДИТЪ ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫМИ №№ ВЪ ДВА ЛИСТА СЪ 6—10 РИС. И ЕЖЕМЕСЯЧН. ДАРОВЫМЪ ПРИЛОЖЕНІЕМЪ „ПАРИЖСКИХЪ МОДЪ“ (отъ 20 до 40 модн. рис.) и ЛИСТА ЧЕРТЕЖ. ВЫКРОЕКЪ (отъ 22 до 30 рис.) разн. рис. румод. работъ (отъ 20 до 40 рис.) Цѣна этаго № „Нивы“ 15 к. съ перес. 20 к.

ОБЪЯВЛЕНІЯ
для напечатанія въ „Нивѣ“ принимаются по 25 к. за строку непарейль (въ 1/2 ширины страницы).
КОНТОРА
журнала открыта ежедневно (кроме Воскресныхъ и праздничныхъ дней) отъ 10 ч. утра до 6 ч. вечера.

Открыта подписка на „НИВУ“ 1880 г.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА НА ГОДОВОЕ ИЗДАНИЕ „НИВЫ“:

Безъ доставки въ Петербургъ . . . 4 р.
Безъ доставки въ Москвѣ черезъ кн. маг. г. Шапошникова, Соловьева и Лангъ. 5 р.

Съ доставкою „ „ 5 р.
Съ пересылкою въ Москву и другіе города Россіи 6 р.

На полгода безъ доставки 2 р., съ доставкою 2 р. 50 к., съ пересылкою иногороднымъ 3 р.
Каждый новый подписчикъ получаетъ все уже вышедшіе въ 1880 г. номера.

ПРИЛОЖЕНІЯ.
Особые приложенія при „Нивѣ“ объявленія отъ торговыхъ домовъ принимаются для иног. по 5 р. съ тысячи, для городскихъ по 4 р.
РУКОПИСИ
Мелкія рукописи и стихи неудобныя къ печати, авторы не возвращаются.

КОНТОРА ЖУРНАЛА „НИВА“ ПОМѢЩАЕТСЯ ВЪ С.-П.-БУРГѢ НА Б. МОРСКОЙ ВЪ Д. № 9.

У ТРОМЪ.

(Изъ М. Гартмана).

Пѣсни, утреннія пѣсни,
Полилися надъ долиной:
Раздались въ кустахъ росистыхъ
Звуки трели соловьиной.

* * *

Зори, утреннія зори,
Словно огненное море
Запылали... Забываешь
Что гнело—и зло, и горе—

* * *

Въ этой свѣжести чудесной,
Что волной широкой лететь,
Въ этой пѣснѣ, что на встрѣчу
Солнцу яркому несется!..

И. Салтыковъ.

Рис. И. Шапоновъ, грав. Шапоновъ.

ЖУПЛЕННОЕ СЧАСТЬЕ.

Романъ Н. Морскаго.

(Продолженіе).

XXIII.

Великая грѣшница

Въ день совершенія преступленія Ефимъ Егоровъ сказалъ Барину, что чувствуетъ себя несравненно лучше и передъ тѣмъ какъ выйти ему изъ дома, засѣлъ съ Баринимъ, не говоря ему впрочемъ, что хочетъ куда нибудь идти, за продолжительное чаепитіе. Въ пріятныхъ разговорахъ пропили чай часа два и какъ только окончили—такъ захотѣлось спать, что и рѣшили немедленно улечься. Убрали чашки, поставили самоваръ на мѣсто и, сдѣлавъ это, тотчасъ же залегли: Баринъ, какъ обыкновенно, на печи, а Ефимъ на постели.

— И что это сегодня,—соннымъ голосомъ сказалъ Баринъ, укладываясь на печи, Ефиму, уже залегшему на кровать,—за сонъ на меня?.. Ужь не угорѣлъ-ли?

Но Ефимъ отозвался на такое воззваніе молчаніемъ и Баринъ, видя при свѣтѣ лампы, своими слипающимися глазами, что старикъ спитъ, не сталъ тревожить его болѣе и вскорѣ самъ погрузился въ какое-то странное забытѣе.

Это было что-то дѣйствительно непонятное, то какъ бы сонъ, то какъ будто бодрствованіе съ оупѣніемъ сознанія. Легкія подергиванія въ тѣлѣ и какое-то горѣніе горла причиняли непріятное ощущеніе. Въ головѣ носился туманъ и изрѣдка съ появленіемъ холоднаго пота на лбу и позывомъ къ тошнотѣ и головокруженію, мысль какъ бы на время, на какое-нибудь мгновеніе прояснялась—Баринъ видѣлъ что-то совершающееся вокругъ, но въ то же самое время не могъ дать вѣрнаго толкованія тому, что представлялось его глазамъ. Странное и мучительное состояніе какого-то одурѣнія, временной горячки охватило его мозгъ. Ему казалось что его губы, носъ, глаза и руки какъ-то разбухаютъ, принимаютъ увеличивающіеся размѣры и что этими разбухшими пальцами рукъ, трудно сгибающимися въ суставахъ, онъ беретъ маленькій кедровый орѣхъ, кладетъ его въ ротъ и силится разгрызть. Чего же легче? Нѣтъ, не тутъ-то было! Орѣшекъ растетъ въ его зубахъ, изъ маленькаго превращается во что-то колоссальное, уничтожающее своей величиною увеличенные размѣры его тѣла, душитъ и поглощаетъ его. Вдругъ все это исчезаетъ. Маленькая лошадка, игрушка, мчится около него въ какомъ-то сѣроватомъ туманѣ, знакомая, когда-то милая и родная сердцу лошадка! Ахъ, это все, что было близкаго на землѣ! Цѣлый рой лошадокъ кишитъ около него, бьетъ копытцами, какъ тонкими иглами его тѣло и вотъ холодный потъ выступаетъ на немъ. Кто это? Онъ смотритъ, конечно онъ, тотъ сапожникъ, у котораго Баринъ жилъ когда-то давно. Что-то двигается и слоняется изъ угла въ уголь. Вотъ высокий мужикъ въ малиновой шерстяной фуфайкѣ взвалилъ себѣ на спину сундукъ и тащитъ его въ дверь. Вотъ онъ съ какимъ-то узломъ. Неприглядная темнота препятствуетъ глазу что-либо усмотрѣть. Кружится голова а снова губы, носъ, глаза начинаютъ увеличиваться до громадныхъ размѣровъ. Снова разбухшіе пальцы ощущаютъ маленькій кедровый орѣшекъ. Еще разъ лошадки закололи острыми булавочками его тѣло, онъ на время какъ бы забылся и очнулся отъ этаго забытѣя, чувствуя на лбу холодный потъ и сознавая себя.

Голова болѣла слабѣе, но тѣло было, какъ бы разбито; въ сочлененіяхъ чувствовалась боль въ родѣ той, какую чувствуютъ больные лихорадкой. Вяло и болѣзненно дѣйствующій мозгъ Барина вдругъ поразила какая-то мысль, подъ вліяніемъ которой глаза его широко раскрылись. Первое, что удивило его, была господ-

ствовавшая въ комнатѣ темнота; обыкновенно всю ночь горѣла лампадка, за которою очень строго наблюдалъ Ефимъ. Какъ могла она погаснуть? Баринъ прислушался: такой тишины, такого поразительнаго молчанія, не нарушаемаго ни движеніемъ Ефима на кровати, ни дыханіемъ его—никогда еще не бывало. Въ головѣ Барина возникли какія-то смутныя подозрѣнія; теперь только многое изъ того, что пережилъ онъ съ тѣхъ поръ, какъ поселился у старика, показалось ему подозрительнымъ. Онъ приподнялся съ своего мѣста и нагнувъ въ своемъ карманѣ (онъ спалъ одѣтый) какую-то спичку, шаркнулъ ею о стѣну. Спичка засвѣтилась голубымъ огонькомъ, распространяя вокругъ запахъ сѣры и вдругъ вспыхнула яркимъ пламенемъ. Баринъ осмотрѣлъ свое жилище: оно было пусто.

Спичка погасла. Не только Ефима, который называлъ себя Барину вымышленнымъ именемъ, не оказалось въ избѣ, но все: кровать, сундукъ, посуда, даже кюль съ образами,—словомъ все было вынесено. На полу валялись какіе-то черепки разбитой посуды. Баринъ былъ одинъ, былъ какъ-то предательски брошенъ, брошенъ не просто. Конечно такъ. Иначе, что же мѣшало старику переѣхать въ его присутствіи, не сталъ же бы онъ удерживать его. Старикъ завелъ его куда-то, продержалъ до извѣстнаго дня и бѣжалъ. Ночью бѣжалъ, какъ какой-нибудь воръ! Что же это?

И вдругъ три, столь таинственно и сверхъестественно объясненные Барину, удара раздались въ дверь, нарушая окружающую тишину. Забывъ о всѣхъ пережитыхъ въ эту ночь мучительно болѣзненныхъ ощущеніяхъ и возникшихъ въ немъ сомнѣніяхъ, Баринъ застылъ, сидя на печи, чувствуя что холодѣетъ отъ ужаса до лишенія чувствъ и не можетъ сдѣлать ни малѣйшаго движенія. Стукъ смолкъ послѣ троекратнаго удара и съ почти останавливающимся сердцемъ Баринъ ждалъ его возобновленія. Вотъ, вотъ застучитъ опять.. Вмѣсто этаго дверь тихо поколебалась, отворяемая снаружи и, такъ какъ Баринъ совершенно забылъ ее запереть, дѣйствительно медленно отворилась. Остановившимися отъ ужаса глазами, Баринъ отличилъ въ расворѣ двери высокую фигуру въ чемъ-то темномъ, освѣщающую себѣ путь маленькимъ фонаремъ. Былъ-ли то скелетъ, о которомъ повѣствоваль Ефимъ, Баринъ не могъ разсмотрѣть и не имѣлъ настолько силъ, ибо потерявъ сознаніе, лишился чувствъ.

Онъ очнулся, когда начало уже разсвѣтать и смутно припомнилъ всѣ ужасы пережитой имъ ночи. Его первую мыслью было бѣжать, вернуться къ своей прежней, скитальческой жизни, оставить навсегда это страшное жилище, гдѣ его бросили однаго, гдѣ по ночамъ происходили такіе ужасы. Можетъ впрочемъ все это былъ сонъ? подумалъ онъ и рѣшилъ, что его странное, болѣзненное состояніе, напоминающее горячечный бредъ, было вызвано какимъ-нибудь одуряющимъ снадобьемъ, вспанномъ ему въ чай, послѣ котораго ему такъ захотѣлось спать, гостепріимнымъ хозяиномъ. Можетъ и темная фигура появившаяся въ дверяхъ была ничѣмъ инымъ, какъ сновидѣніемъ.

Онъ приподнялся и хотѣлъ уже встать совсѣмъ, когда ему бросился въ глаза, стоящій на полу фонарь... Онъ вдрогнулъ и осмотрѣлся кругомъ. У единственнаго окна, выходящаго къ каменной стѣнѣ стола, обернувшись къ Барину спиною и уставившись въ сырую стѣну, высокаго роста женщина, въ черномъ ситцевомъ съ бѣлыми крапинами платьѣ, покрытая большимъ чернымъ съ бѣлою каемкой платкомъ. Сѣрое утро освѣщало совершенно пустую комнату, на полу которой лежа-

ли черепки разбитой посуды. Женщина оставалась недвижно стоящею у окна.

Вдруг она повернулась и Бариновъ, начавшій думать, что это не привидѣніе, увидѣлъ красивую женщину, съ черными глазами, съ густыми рѣсницами и бровями, худощавую и блѣдную, которой на видъ можно было дать лѣтъ около сорока. По тонко сжатымъ губамъ, по подносимому безъ всякой надобности ко рту носовому платочку, свернутому въ клубочекъ, женщина эта походила на мѣщанку. Видно было, что она больна чѣмъ-то, что выдавало и ея страдающее, красивое лицо съ впалыми щеками и нѣсколько дрожащія руки. Общее выраженіе, съ которымъ она смотрѣла, было недоброе. Увидѣвъ, что Бариновъ очнулся и глядитъ на нее, она сварливо закричала на него:

— Вотъ надрыгался: глазъ открыть не можеть!

О, конечно это не былъ скелеть, не было привидѣніе! Она снова набросилась на ни въ чемъ неповиннаго Баринова:

— Бужу, бужу—не добудисься... Видать, что лишнее выпилъ... Братецъ-то, Ефимъ Егоровичъ, гдѣ?

Братецъ Ефимъ Егоровичъ!.. Мысль Баринова свѣтлѣла. Онъ сразу понялъ, что старикъ звался ему не своимъ именемъ, что женщина спрашивала о немъ... Онъ указалъ ей въ отвѣтъ на пустую комнату:

— Сами видите... Выбрался, какъ я спалъ.

Женщина усмѣхнулась своими тонкими губами и безъ всякой надобности поднесла къ нимъ скатанный комочкомъ платокъ:

— То-то я и дивлюсь, что вошла сюда, какъ только ступнула. Кажную ночь этакъ стучаю, да запирается, не впускаетъ.

Въ ней мелькнуло Баринову что-то странное, еще болѣе выяснившееся ея послѣдующимъ поведеніемъ... До сихъ поръ сварливая и раздраженная, она вдругъ какъ то размякла, стала добрѣе и, присаживаясь на подоконникъ, прослезилась и отерла глаза скатаннымъ платочкомъ.

— Вотъ, милый ты человекъ,—заговорила она голосомъ и оборотами рѣчи, напоминая нѣсколько Ефима,—посуди,—ты посторонній,—ну, какъ они поступаютъ со мною. Вѣдь тамъ какая бы я мать не была,—все же я мать. Ну, я дурная, ну недостойная, грѣшница великая, да вѣдь за грѣховныя-то дѣла свои, я вонъ ночи цѣльныя, почитай до свѣту, глазъ не смыкаю, да по горенкѣ своей изъ угла въ уголь мечусь, иль возьму фонарикъ, да изъ своей фатеры вотъ сюда въ сарай спущусь и постукаю къ нему. Милый ты человекъ, мучается душенька моя и безъ ихъ! Передъ образомъ на колѣни стану, такъ вѣришь-ли, нѣтъ, чтобы меня пригнетало къ землѣ, такъ и подымаетъ, такъ и тянетъ вверхъ. Мечись молъ изъ угла въ уголь, какъ Агасферъ, жидъ вѣчный. И того довольно бы, и то пережить не легко!..

И выразивъ свое душевное состояніе нервно, но довольно послѣдовательно, стала сбивчивѣе въ дальнѣйшемъ изложеніи.

— Въ писаніи, человекъ ты мой милый, сказано: чти отца и мать. А онъ, Сашенька-то мой, нѣшто почтилъ мать свою?

„Сашенька!“ Бариновъ вспомнилъ, что старикъ, тотъ котораго эта непонятная женщина звала братцемъ, Ефимомъ, въ разсказѣ, которымъ онъ, этотъ Ефимъ, угостилъ Баринова въ первую, проведенную имъ подъ его гостеприимнымъ кровомъ ночь, упоминалъ о какомъ то Сашенькѣ. Неужели въ вымыслѣ была правда? Неужели эта высокая женщина была та красавица, что держала игорный притонъ, что совершила то страшное, что разсказывалъ старикъ, что знали, говорилъ онъ, и другіе? Женщина въ черномъ платьѣ вдругъ отошла отъ окна, приблизилась къ Баринову и продолжая свою исповѣдь, вскричала:

— Обобрали, милый человекъ, меня, всю, какъ есть обобрали!

И стояла передъ нимъ въ молчаніи, всхлиывая и отирая платочкомъ свои плачущіе глаза. Онъ полюбопытствовалъ:

— Кто обобралъ-то, скажите?

— Братецъ родимый и сыночекъ. Я, милый человекъ, капиталъ имѣла. Двадцать пять тысячъ, другъ мой, съ его, съ инженера должна была получить... да съ того-то—тысячей до тридцати, а то и больше взяла. Вотъ!

Она развела руками.

— Зачѣмъ же вы дали имъ? спросилъ Бариновъ.

— Дура, милый человекъ, дура престрашенная была, вотъ что! Положеніемъ они моимъ воспользовались. Я спокойная была, да вотъ съ того дня, какъ дворники то его слѣдъ отыскали, такая тоска, мой другъ, со мной началась, такая скука мнѣ сердце засосала, что стала я безпокойна...

И подбѣжавъ къ Баринову, шептала, точно боясь, что ее кто услышитъ:

— Ето, милый человекъ, вижу...

Бариновъ вздрогнулъ:

— Кого?

Она сдѣлала ему знакъ наклониться и приблизивъ свое лицо, поблѣднѣвшее отъ какого-то страшнаго воспоминанія, шептала ему съ тревогой, озираясь по сторонамъ:

— Того... того самага... Скелеть этотъ самый...

Онъ не испугался такого признанія. Своимъ болѣзненнымъ умомъ, склоннымъ къ вѣрѣ въ сверхъестественное, онъ началъ уразумѣвать истину. Передъ нимъ стояла гордая красавица, сестра Ефима.. Передъ нимъ стояла женщина, не выдержавшая тяжести своего преступленія, помрачившаяся въ умѣ, порою обуреваемая видѣніями, представляемыми ей ея большимъ мозгомъ, порою — приходящая въ свѣтлое сознаніе. Она возбуждала въ немъ жалость. Какъ ни велики были ея прегрѣшенія, въ ней жила и теплилась любовь къ сыну обобравшему и бросившему ее. Ея тронутый умъ, ея затемненное сознаніе приводили его въ ужасъ. Она со страхомъ осматривалась кругомъ.

— Слышишь?

Онъ не слышалъ ни единого звука. Сжимая его руки, она жалась въ ужасѣ къ нему.

— Идетъ!

Никто не шелъ. Все было тихо вокругъ, но страхъ, исказившій ея блѣдное лицо ужасомъ, былъ заразителенъ и Бариновъ невольно осматривался кругомъ и прислушивался... Она вдругъ вскрикнула:

— Ахъ!—и нагнулась, точно ее кто хотѣлъ ударить.

И хватаясь руками за голову, точно прогоняя отъ себя какое-то мучившее ее видѣніе, выпрямилась во весь свой высокой ростъ и стала сповойнѣе.

— Нынѣ отпускаеши... и тихою, не слышною походкою, позабывъ о Бариновѣ, направилась къ двери, черезъ которую вошла ночью и отворивъ ее, скрылась въ полусвѣщенномъ дневнымъ свѣтомъ, проникающимъ черезъ щели, дровяномъ сараѣ. Бариновъ бросился за нею...

Она шла спокойною и рѣшительною походкою, миновала сарай и въ углу его стала подыматься по сырой и грязной каменной лѣстницѣ. Бариновъ нагналъ ее и заглянулъ въ ея лицо съ опущенными внизъ глазами; она, не подымая на него глазъ, отстранила его движеніемъ руки. Дойдя до третьяго этажа—она остановилась у выходящаго на Малковъ переулокъ окна, и зиму и лѣто растроженного. Противъ нея, въ домѣ отперли лавочку и стоялъ толстый торговецъ. Бариновъ, снова отставшій отъ нея, подымался по скользкимъ отъ никогда не счищаемого снѣга ступенямъ. Что-то мелькнуло передъ нимъ и съ дикимъ крикомъ „Сашенька!“

Дѣти. Ориг. рис. для „Нивы“ профессора К. Е. Маковского, грав. М. Рапеевскій.

женщина въ черномъ бросилась въ окно и полетѣла съ третьяго этажа. На минуту Бариновъ показался за нею въ окнѣ. По переулку и съ Большой Садовой сбѣгался народъ. Бариновъ видѣлъ, что толстый лавочникъ указывалъ на него. Самъ не сознавая хорошенько что дѣлаетъ и для чего—онъ, скользя и падая, началъ спускаться съ лѣстницы, желая отъ чего-то убѣжать. Позади его хлопали двери, бѣжали люди. Онъ спустился въ сарайчикъ, отворилъ дверь на дворъ и прямо попалъ въ руки дворниковъ и полицейскихъ.

— Вотъ онъ. Держи!

Онъ что-то хотѣлъ протестовать, но его не слушали и тащили куда-то. На улицѣ толпа встрѣтила его криками и указывала на него. Вотъ, вотъ! Онъ видѣлъ множество лицъ, смотрящихъ на него съ какой-то угрозою. Обрывки угрозъ долетали до него. Онъ, онъ!.. Да что же онъ сдѣлалъ? Толстый лавочникъ шелъ за нимъ, красный, крича во все горло:

— Онъ, онъ самый и толкнулъ ее!.. Самъ видалъ!..

А!.. Бариновъ сталъ вдругъ спокойнѣе. Что же? Быть можетъ найду надежное пристанище? до сихъ поръ не находилъ... Его вели въ Спасскую часть. Проходя Вознесенскій проспектъ, онъ и ведущіе его должны были приостановиться. Съ крикомъ „берегись!“ летѣлъ лихачъ, перерѣзавшій Баринову и его свитѣ путь. Знакомое лицо изящно одѣтаго господина съ густыми черными волосами, съ эспаньолкой, глянуло на Баринова какими-то холодными глазами и скрылось, проскакавъ по Вознесенскому, направляясь къ Адмиралтейству. Бариновъ видѣлъ это лицо на мгновение, но какъ-то просвѣтлѣвъ мыслію, узналъ его, точно помолодѣвшаго на холоду, показавшагося ему болѣе старымъ въ тускломъ освѣщеніи ночлежнаго пріюта. То онъ, то срыватель цвѣтовъ и составитель букетовъ!

— Женщину сбросилъ съ третьяго этажа,—пояснили приведшіе Баринова заспанному помощнику пристава.

— Фамилія? равнодушно спросилъ тотъ, приготовляясь писать и обмакивая гусиное перо въ чернила.

— Дмитрій Бариновъ.

Перо выпало изъ рукъ помощника пристава, изумленно взглянувшаго на обвиняемаго.

— Какъ?

— Дмитрій Бариновъ.

Помощникъ пристава поднялся со стула въ удивленіи.

— Да какъ же вы,—спросилъ онъ,—и тамъ и тутъ? Съ ума что-ли вы снятели?

Насталъ чередъ Баринова недоумѣвать, о чемъ спрашиваетъ его помощникъ пристава:

— Я васъ не понимаю.

Тогда полицейскій раздѣльно и внятно пояснилъ ему:

— Въ эту ночь, Нарвской части, пристава 2-го участка дано знать, что въ домѣ Петрова по одиннадцатой ротѣ Измайловскаго полка, въ меблированныхъ комнатахъ губернскаго секретаря Завитухина совершено преступленіе: убита жена титулярнаго совѣтника Клеопатра Петровна Гаврилова.

Онъ остановился; Бариновъ смотрѣлъ на него въ изумленіи.

— Въ преступленіи подозрѣвается служившій у Завитухина лакеемъ с.-петербургскій мѣщанинъ Дмитрій Бариновъ, скрывшійся по совершеніи убійства. Вы-съ?

Бариновъ остался нѣмъ и не отвѣтилъ на предложенный вопросъ.

XXIV.

Вопросъ.

— Представь... я не привыкъ говорить... ты знаешь... Но вотъ мнѣ, какое сравненіе пришло... Положимъ ты бы умерла... Какія страшныя слова!.. Ну, и зналъ бы я, былъ бы увѣренъ, что не увижу тебя никогда, никогда!.. Ты не бойся, что я блѣднѣю отъ однихъ этихъ

словъ... ничего... Ну и вотъ—ты бы взяла и воскресла... Вдругъ бы, понимаешь, что я такъ убитый, жизнь мнѣ противна, такъ только въ какомъ-то отчаяніи живу—и вдругъ въ самомъ дѣлѣ ты бы воскресла... Разомъ, знаешь, счастье то и пришибло бы меня... Просто, понимаешь, оглушило бы... Все бы во мнѣ затрепетало и задвигалось, вышло изъ оцѣпенѣнія; вотъ сейчасъ, сію минуту горе страшное было, тутъ... Ахъ! пойми меня, какъ выразиться-то мнѣ трудно... Мысли-то такъ и бѣгутъ, волной какой-то меня захватываютъ, душатъ... Ахъ! неужели, неужели ты и въ самомъ дѣлѣ моя?..

И упавъ на колѣна передъ Катериной Александровной, Пантелѣевъ цѣловалъ ея руки чувствуя какой-то приливъ почти доводящаго его до безумія восторга... Она что-то хотѣла ему сказать, но онъ не далъ ей:

— Постой!.. Скажи мнѣ: вѣдь тебѣ не надо?.. Вѣдь нѣтъ у тебя мыслей о чемъ нибудь, кромѣ того, вотъ какъ мы съ тобой наконецъ вдвоемъ?.. Послушай... неужели, если кто изъ насъ умретъ—другой останется живъ?.. Неужели...

— Говори...

Она смотрѣла на него своимъ нѣсколько поблѣднѣвшимъ, но по прежнему прекраснымъ лицомъ... Она не видѣла его съ того самаго времени, какъ сказала ему въ театрѣ, что согласна принадлежать ему... Этому прошло болѣе мѣсяца... Вскорѣ послѣ того, какъ Кожуховъ передалъ ей о своемъ намѣреніи сдѣлать ее свободной, онъ переехалъ на другую квартиру, въ очень приличныя меблированныя комнаты, помѣщающіяся въ довольно центральномъ мѣстѣ. Оставшись одна, она получила отъ Пантелѣева коротенькое письмо, въ которомъ онъ извѣщалъ ее, что во избѣжаніе различныхъ толковъ, могушихъ подвергнуть ея имя разнымъ нареканіямъ, онъ не пріѣдетъ къ ней ранѣе того какъ дѣло о разводѣ не будетъ совершенно покончено—и строго сдержалъ это слово... Нѣкоторое время къ ней заѣзжала Клеопатра Петровна, отнесшаяся довольно безучастно и безразлично къ факту ея развода съ мужемъ и предполагаемому ея супружеству съ Пантелѣевымъ, который ей не нравился. Катерина Александровна проводила цѣлые дни одна. Катерина Александровна принимала только своего адвоката, присланнаго ей Пантелѣевымъ, и затѣмъ цѣлые дни сидѣла одна, занимаясь работой и музыкой. Денегъ у ней не было, у мужа она взяла отказалась, хотя онъ и предлагалъ,—обращаться къ Пантелѣеву ей и въ мысль не приходило. И вотъ этотъ незначительный, такъ сказать банальный фактъ, мелкій, среди переживаемыхъ ею разнообразныхъ и многочисленныхъ ощущеній, странно своею прозою, явившеюся среди тѣхъ розовыхъ облаковъ, въ которыя она погрузилась съ тѣхъ поръ, какъ полюбила, — послужилъ точкою нѣкотораго поворота отъ ея слѣпой, безграничной страсти къ періоду отдающей себѣ отчетъ, сознательной любви... Къ возбуждающей біеніе сердца музыкальной мелодіи потребовались слова и разъ охватившее молодую, впервые любившую женщину чувство изъ неразбирающаго кому и за что оно отдается вышло на свѣтлую полосу сознанія; въ душѣ Катерины Александровны возникли горькія ощущенія сомнѣній... За что полюбила она? и есть ли любовь то чувство, что сразу, не узнавъ хорошенько человѣка, въ пониманіи его души, блуждая какъ въ потемкахъ, вспыхиваетъ къ нему страстью?.. Можетъ это одинъ слѣпой и преходящій капризь, который разсѣется такъ же быстро, какъ и возникъ?... Въ это розовое счастье, открывшее ея понятіямъ большій горизонтъ, поднявшее ея нервы до пониманія тѣхъ тонкихъ ощущеній, къ которымъ до сихъ поръ она была глуха,—вкралась нота размысленія... Въ смѣхѣ — самую нѣжную гаммою извилась, звучащая меланхолическимъ сомнѣніемъ нота... Розы перелились вѣтвями темнозеленаго плюща... Катерина Але-

ксандровна поникла своею прелестною головой, поднявъ которую отерла набѣжавшія на ея глаза слезы... Ахъ, какъ трудно полюбить человѣка сознательно, отдавая отчетъ себѣ въ каждомъ его поступкѣ, въ каждомъ дѣйствіи, каждымъ словѣ!..

Убийство Клеопатры Петровны отвлекло Катерину Александровна отъ ея размышленій. Она никогда не была близка къ своей воспитательницѣ, хотя ни не любви, ни неприязни къ ней никогда не чувствовала... Она знала, что была обязана ей, хотя, какъ ей казалось, заплатила за это дорогой цѣною... Въ ней рано проснулась какая-то гордость, заставляющая ее мечтать о независимости въ своемъ матеріальномъ положеніи ни отъ кого, кромѣ самой себя... Люди даютъ, но за то и требуютъ!.. Не просятъ, не заставляютъ дѣлать того или другаго изъ любви къ нимъ, но именно требуютъ, требуютъ въ силу того права, которое есть у нихъ потому, что они даютъ... Она видѣла въ дающихъ ей что-то неприязненное, перенесенное съ Клеопатры Петровны на мужа, когда она вышла за Кожухова... Самый бракъ совершился ею потому, что, какъ ей казалось, его желала Клеопатра Петровна,—а развѣ желаніе со стороны того, кто давалъ, не было равносильно требованію? Замужество сгладило ея подозрительность къ Клеопатрѣ Петровнѣ и въ послѣднее время ей даже казалось, что она питаетъ къ своей прежней воспитательницѣ что-то въ родѣ если не любви, то по крайней мѣрѣ привязанности... По временамъ на нее находило даже какое то сожалѣніе къ умственному скудоумію своей воспитательницы. И вотъ, когда надъ этою послѣднею разразился такой страшный и звѣрскій ударъ, Катерина Александровна почувствовала себя потрясенной до глубины души и простила несчастной все, что та вложила въ нее, одинокую дѣвочку безъ имени грубо благодѣтельствуящую рукою.

Тѣмъ временемъ, когда все это совершилось, разводъ, послѣжаемый деньгами и знаками Пантелѣева, приходилъ къ благополучному окончанію... Еще до этого было условлено, что какъ только Катерина Александровна сдѣлается свободной, она немедленно и самымъ незамѣтнымъ образомъ обвѣнчается съ Пантелѣевымъ, гдѣнибудь въ окрестностяхъ Петербурга, а затѣмъ молодые поселатся, не заводи на первое время знакомствъ, въ домѣ Пантелѣева при фабрикѣ... Только не условились о часѣ и днѣ вѣнчанія—и вотъ, когда наконецъ, разводъ совершился, Пантелѣевъ пріѣхалъ самъ рѣшить объ этомъ съ своей будущей женой... Сидя у ея ногъ, не сводя глазъ съ ея прелестнаго лица, сказавъ ей столько бесвязныхъ рѣчей, онъ замолчалъ и ждалъ, что она скажетъ... Она еще не сказала ни слова и только глядѣла своимъ растроганнымъ лицомъ на него... Онъ повторилъ свою грубоватую по формѣ просьбу:

— Говори...

Тогда, глядя его черные волосы, она поразила его вопросомъ:

— Знаешь что: любимъ-ли мы другъ друга?

Онъ поднялъ голову съ ея колѣнъ и какимъ то непонимающимъ и тупымъ взглядомъ посмотрѣлъ на нее:

— Что-ты?..

Въ его глазахъ выразился ужасъ... О чемъ, о чемъ она спрашиваетъ?.. Онъ ждалъ этого дня, ждалъ того момента, когда высказавъ свои дикія рѣчи, упадетъ передъ нею безъ словъ, будетъ слушать ее, а если она замолчитъ, будетъ просто смотрѣть на нее, чувствовать ея близость... Она пояснила ему предложенный вопросъ:

— Не страсть-ли у насъ, не минутная ли вспышка, которая пройдетъ?.. Я люблю тебя, милый, въ эту минуту люблю... Но быть можетъ такъ моментально вспыхнувшая страсть—исчезнетъ, какъ дымъ, когда мы узнаемъ другъ друга короче... Вѣдь мы нескружи; вѣдь многое намъ не понравится другъ въ другѣ, неприятно насъ поразитъ и тогда...

— Тогда?..

— Цвѣтокъ увянетъ, краска и аромат его пропадутъ.. Мы будемъ смотрѣть на поблекшіе и съезжившіеся листья—невольно вздохнула она.

Онъ всталъ и смотрѣлъ на нее съ какою то тоскою... Въ его глазахъ она прочла всѣ мученія, которыя возбуждалъ въ его душѣ предложенный ею вопросъ... Онъ не боялся за себя... Нѣтъ! но она?.. Какія-то искорки блеснули въ его темныхъ глазахъ... Нѣтъ,—стиснула онъ свои бѣлые зубы и сжалъ губы—что именно и придавало его лицу выраженіе какой-то особенно твердой рѣшительности, энергіи и непреклонной воли,—онъ не отдастъ ее никому, онъ заставитъ ее себя полюбить, онъ возьметъ ея чувство съ боя, если бы она когда охладѣла къ нему!..

— Я всю жизнь молчалъ, языкъ мой привыкъ къ неподвижности, смотри, что ты сдѣлала изъ меня... Я говорю, я мысли свои выучился излагать!.. Да то ли еще ты сдѣлаешь! И сдѣлаешь,—замѣть это и припомни,—не покореніемъ моей воли мелкому женскому капризу, какойнибудь прихоти, а тѣмъ, что изъ темноты, завѣщанныхъ отцами, грубыхъ пополозновеній на хищничество, на произволь и деспотизмъ, выведешь,—и уже теперь выводишь,—на путь разумно дѣйствующей на счастье многихъ, на пользу не только однихъ насъ, твердой и желѣзной воли. Не ты создала и воспитала эту волю: она длиннымъ рядомъ вѣковъ прошла, отъ дѣдовъ къ дѣдамъ переходила, искала дѣятельности себѣ въ хищничествѣ, грабежѣ, извращеніи понятій, въ произволѣ, въ самодурствѣ купца...

Она невольно приковалась къ нему глазами. Онъ стоялъ передъ нею какъ вылитый изъ желѣза, съ этими твердыми, стальными мускулами, съ полными движенія и энергіи глазами, съ гривой темныхъ волосъ, откинутыхъ назадъ и обнажающихъ высокой лобъ... Она любовалась имъ и съ движеніемъ слушала его неожиданную рѣчь.

— Я страшное имя ношу... Миръ христіанскій укачиваетъ на жиду: онъ „продалъ Христа,“ онъ всюду, по всей землѣ, нитями невидимыми опуталъ человѣка, развратилъ его, обобралъ и алчными глазами научилъ смотрѣть на золотого тельца, котораго поставилъ, выливъ его изъ золота, со слезами, со жгучими слезами, съ теплою кровью выжатаго у этихъ самыхъ христіанъ... Но не о жидѣ хочу я говорить: онъ безъ отечества, онъ проклятъ,—проклято и дѣло его... Я хочу сказать тебѣ,—и ты замѣть это и припомни,—о тѣхъ, кто не у чуждаго себѣ народа, но у своихъ соотечественниковъ, у своихъ собратьевъ, у своего отечества бралъ и накоплялъ. Другъ мой, сколько и сколько несчастій испытала наша родная земля!.. Кто только не терзалъ еѣ?.. И распри князей между собою, и татарщина и самозванщина и ссоры бояръ другъ съ другомъ... И стонала мой другъ и плакала родная земля... То голодаетъ она отъ неурожаевъ, то плачетъ отъ разгрома вражескихъ набѣговъ, то мретъ отъ какойнибудь чумы, то горитъ... Но что бы съ отчизной нашей ни дѣлалось—жилъ и благоденствовалъ въ ней всегда и вездѣ тотъ, страшное имя котораго я несу. Милая моя! годы шли; все отборивался мужикъ, бѣдѣлъ дворянинъ, а купецъ скоплялъ, наживалъ, былъ счастливъ... его не касались тѣ скорбныя минуты, которыя оставляли неизгладимые слѣды въ другихъ... Это происходило отъ того, что сердце мужицкое любвеобильное, что дворянинъ несетъ хоть каплю состраданія къ своему ближнему, иной и чашу неисчерпаемую... У нихъ есть отечество, есть семья, есть религія, а купцу Богъ не далъ ничего этого... Ибо, гдѣ-же родина у купца, если въ годину тяжкихъ испытаній, онъ не забываетъ наживать копѣйку?.. И гдѣ-же у него семья, если сынъ воруетъ у отца, отецъ ненавидитъ сына за то, что тотъ наследуетъ ему?.. И какая-же религія, если купецъ обираетъ, тогда какъ заповѣдь гласитъ: не укради?..

Его волненіе росло и на время, остановившись, съ

блестящими глазами и поблѣднѣвшимъ лицемъ, онъ почти закричалъ: и я это страшное имя ношу!.. и его несъ, шелъ по стонамъ жидовъ—и вотъ, явилась ты и то, что христіанскій обращалъ до сихъ поръ къ жиду, обращаю я теперь къ тѣмъ, кто, забывъ отечество свое, готовый если бы это было въ его власти, продать его, красть и накоплять, поддерживалъ въ обществѣ, въ народѣ дурныя инстинкты; кто, обезпеченный и сытый, не озаботился расширить свой кругозоръ до пониманія высшихъ человѣческихъ стремленій, кто своимъ животнымъ довольствомъ будилъ только зависть въ другихъ... Честные люди, отойдите прочь, не запачкайтесь!..

Онъ вдругъ стихъ послѣ такого взрыва негодованія, обращеннаго имъ къ тому классу общества, къ которому онъ принадлежалъ самъ и, схвативъ ея руки, смирился въ нѣжной, ему доступной мольбѣ:

— Дорогое дитя мое,—цѣловалъ онъ ей руки,—въ гнѣвномъ сердцѣ моемъ ты разбудила до сихъ поръ спавшіе порывы къ добру, ко всему, что истинно и справедливо?.. Постой, я не хочу быть несправедливымъ, не перебивай меня... Да, ты права не только ты... Въ нашу грязную кровь влилась свѣжая струя... Знаешь, какъ въ грязи и смрадѣ, въ умственномъ скудоуміи онѣ умѣютъ воспитывать въ дѣтяхъ своихъ высокіе образцы силы, мужества, красоты душевной? слышала?

Она въ молчаніи поникла своей прелестной головой.. Нѣтъ, у нея не было матери!..

— Прости, что я грустныя думы въ тебѣ бужу... Такъ вотъ,—съ материнской, простонародной,— была изъ темнаго люда взята моя мать,— кровью, влилось въ меня нѣчто хорошее... но спало въ душѣ моей непробуднымъ сномъ, такъ какъ я потерялъ мать, когда еще былъ очень молодъ... Ты разбудила это, ты заставила смот-

рѣть меня на все взглядомъ яснымъ и вѣрнымъ.. Стой, погоди!.. — онъ остановилъ ее движеніемъ руки,—ты не только для любви моей призвана, ты призвана, ты призвана раздѣлить со мною борьбу, которую я своимъ при- мѣромъ, своимъ образомъ дѣйствій, начну съ тѣмъ клас- сомъ, къ которому принадлежу...

Онъ вдругъ отошелъ отъ нея и скрестивъ на груди руки, нѣжнымъ и задумчивымъ взглядомъ смотрѣлъ на нее...

— Если въ этой борьбѣ сомнѣть меня, то сомнѣть обоимъ насъ...

Его голосъ былъ страстенъ и какъ-то музыкально энергиченъ въ это мгновеніе... Нѣтъ она пойдетъ за нимъ всюду... Она понимаетъ, она знаетъ его!..

— Мы любимъ другъ друга дорогое дитя мое,—иначе не пробули бы мы одинъ въ другомъ высокіхъ и благородныхъ стремленій...

О, конечно онъ правъ!.. Ей, которую съ самаго нѣжнаго возраста никто не ласкалъ, которую заставили спрятать пылкое сердце подъ внѣшнюю оболочку холодныхъ и неподвижныхъ чертаній мрамора, ей нужна была пылая и кипучая страсть, но не только одна страсть... Мелодіи прозвучали могучимъ гимномъ, заставившимъ сердце биться учащенно, но она хотѣла къ этому акомпанименту благороднаго и знаменательнаго смысла текста... Онъ звалъ ее на борьбу, быть можетъ на побѣду, вѣрнѣе же на пораженіе... Ахъ, если умирать, то умирать съ нимъ!.. Ея склоненная голова поднялась; прелестные темные глаза сказали ему все. Тогда, раскрывая свои руки для объятій, онъ произнесъ:

— Счастье мое, неужели, неужели ты можешь разлюбить меня?.. Я твой, твой навсегда!.. Безповоротно!

(До слѣдующаго №).

ЗАРНИЦА.

Историческая быль.

(1650 годъ).

(Продолженіе).

Весна вступила въ свои права; все зазеленѣло и зацвѣло вокругъ Вышгородской башни, окутанной мохомъ, павиликой и заросшей кустами, цѣплявшимися за разщелины камней, куда случайно попала горсть земли и хоть нѣсколько сѣмянъ занесенныхъ вѣтромъ. Все въ воздухѣ и въ природѣ какъ-бы звало на пиръ любви и молодости. Весеннее настроеніе нашло и въ Кирилѣ отголоски въ грубой формѣ грубой страсти, которая еще болѣе усиливалась препятствіями и холодностью Галины. Кирила Мишницынъ метался какъ волкъ на цѣпи, который видитъ добычу и не можетъ ее достать. Когда не бывалъ въ Вышгородѣ, Кирила проводилъ дни, рыская по лѣсамъ, въ надеждѣ опять встрѣтиться съ прекрасною боярышней, но она не отваживалась на прогулки, смутно предугадывая, что Мишницынъ ищетъ случая заговорить, Галина едва осмѣливалась гулять по саду и доходить до разщелины въ стѣнѣ, откуда открывался такой очаровательный видъ и гдѣ она любила сидѣть съ Марьей и глядѣть вдаль на дорогу, тиетно ожидая пріѣзда Ильи.

Кирила подмѣтилъ, что на этомъ мѣстѣ мелькали женскія платья; послѣ тщетныхъ попытокъ встрѣтиться съ Галиной въ лѣсу, онъ рѣшился на дерзкій и рискованный планъ. Съ рѣки Судомы по обрыву горы шла узкая, извилистая тропа черезъ этотъ проломъ въ стѣнѣ, по этой тропѣ спускались снѣжныя дѣвки къ рѣкѣ съ кувшинами за свѣжей студеной водой; Марья хаживала тутъ же купаться на рѣку вмѣстѣ съ Ненилой, которая никакъ не могла понять, почему Галина отказывала себѣ въ купаньи въ струяхъ прозрачной Судомы, что она прежде такъ любила. Кирилѣ издали нельзя было разсмотрѣть, кто именно изъ боярышень ходитъ купаться, а узнать отъ снѣжныхъ дѣвокъ онъ не могъ. Кирила, взявъ двоихъ псарей изъ своей Никитинской челяди, объяснилъ имъ планъ похищенія прекрасной боярышни и выбравъ день когда Герасимъ Федоровичъ съ Борисомъ отправились съ ранняго утра въ отъѣздъ на волковъ, безпокойныхъ ихъ стадо, молодой Мишницынъ какъ воръ притаился въ развалинахъ, приказавъ холопьямъ ждаты съ лошадьми у спуска съ горы на рѣку.

Выкупавшись, боярышни пошли въ гору, время было очень жаркое и къ 5 часамъ послѣ полудня солнце своими раскаленными лучами сверкало прямо въ лицо боярышнямъ. Дойдя до обвалившейся стѣны, Ненила сѣла въ тѣнь и объявила, что идти далѣе не можетъ.

— Сомнѣла я отъ жары, да въ рѣкѣ ногу о камень зашибла: моченьки моей нѣту!.. идите дѣвки домой, а я тутъ отдохну!

— Коли тебѣ жутко одной, боярышня, я съ тобой останусь! предложила одна изъ снѣжныхъ дѣвокъ, ставя на землю кувшинъ съ водою.

— Чего тутъ!.. Не на большакѣ, не въ гаю вѣдь... Кто меня здѣсь тронетъ, отвѣчала Ненила.—Неси воду-то, пока не согрѣлась, тетенька любить студеную... еще бранить будетъ,—послышала она дѣвку, которая, взявъ опять кувшинъ, пошла вслѣдъ за Марьей. Ненила осталась одна; она прислонилась къ стѣнѣ и стала слѣдить глазами за быстро бѣгущими по голубому небу легкими облачками и почувствовала, что ее какъ будто клонитъ ко сну. Она нагнула на лицо и шею фату, чтобы защитить себя отъ мухъ и комаровъ, подложила подъ голову полу распашницы и сладко заснула. Прошло нѣсколько минутъ, Ненилѣ снились чудесныя грезы: она гуляетъ въ волшебномъ саду, райскія птицы порхаютъ по изумруднымъ кустамъ и клюютъ яхонтовьяя ягоды... по шелковой муравѣ бѣжитъ быстра медова рѣченька... все точъ въ точъ какъ въ сказкѣ, что на сонѣ грядущій сказывала ей бывало старуха мамка.

— Теперь бы красавца царевича увидать, сквозь сонъ прошептала боярышня, откинувъ изъ подъ фаты одну изъ своихъ бѣлыхъ рукъ, унизанныхъ перстнями... А вонъ изъ-за развалины дѣйствительно крадется молодой красивый боярыня!.. Какъ жадно глядитъ онъ на спящую дѣвушку, словно воръ на золото!.. Кирила, затанувъ дыханіе, подходитъ къ ней и нисколько не сомнѣваясь, что передъ нимъ беззащитная и одинокая лежитъ страстно любимаая имъ Галина, онъ нагнулся... горячее дыханье скользнуло ему по щекѣ... Кирила совсѣмъ потерялъ рассудокъ: не разсматривая болѣе, онъ обхватилъ боярышню сильными руками и побѣжалъ съ своей ношей внизъ по обрыву... Ненила съ просонья крикнула и пыталась вырваться, но похититель крѣпко обвилъ ея голову фатой, чтобы заглушить ея крики и еще удвоилъ быстроту своего бѣга. Вонъ въ кустахъ мелькнула лошадь а возгъ нея человекъ... Это одинъ изъ его псарей, но гдѣ же другой?.. вѣроятно тутъ же не далеко.. эта мысль быстро смѣнилась другимъ опасеніемъ: на верху башни послышался крикъ, Кирила оглянулся и увидалъ, что въ саду на горѣ показались бѣгущіе люди... Въ эту минуту онъ почувствовалъ, что кто-то схватилъ

Венеціанка. Копія съ картини Ланделі, грав. Бауеръ. Приобрѣтена для „Нивы“ отъ г. Гуппиля, собственника картинъ.

его за руку: прежде чѣмъ онъ могъ опомниться, какая-то невѣдомая сила вырвала у него похищенную дѣвуху, а самъ онъ отъ богатырскаго удара по затылку полетѣлъ къ рѣкѣ.

Когда онъ опомнился и вскочилъ на ноги, то увидалъ въ нѣсколькихъ саженьхъ отъ себя высокаго роста статнаго молодца въ синемъ бархатномъ кафтанѣ, подпоясанномъ ремнемъ съ серебрянымъ наборомъ, въ высокихъ желтой кожи сапогахъ и въ шляпѣ съ длиннымъ перомъ; возлѣ него стояла боярышня, съ которой свалилась фата... Но это была не Галина, а ея сестра: она что-то съ оживленіемъ говорила, устремивъ свои глаза на незнакомца, вѣроятно благодарила его за освобожденіе. Бѣлокурия косы золотились на солнцѣ, а голубое платье волновалось отъ вѣтра. Ненила была прекрасна и ея освободитель съ восторгомъ ею любовался.

— Какъ это я ошибся? проворчалъ Кирила,—теперь и глазъ не кажи въ Вышгородъ. Борись вступишься за сестру, да и этотъ дѣтина какой здоровенный, кулакъ словно каменный... И откуда онъ взялся?.. Надо бѣжать пока не догнали, а ночью ѣхать къ отцу во Псковъ: тамъ безопаснѣе... А Галина! еще я отъ тебя не отступился... ты еще будешь въ моей власти! и погрозивъ кулакомъ по направленію къ усадьбѣ, Кирила спрятался въ кусты.

Пробравшись ползкомъ, онъ нашелъ своихъ псарей, ожидавшихъ его съ лошадьми. Молча вскочилъ онъ на своего коня и поскочилъ такъ, что псаи едва могли за нимъ поспѣть.

— Вонъ онъ бѣжитъ какъ трусливый заяцъ, указывая на удаляющагося похитителя, сказалъ незнакомецъ съ легкимъ иностраннымъ выговоромъ.—Вы вѣроятно знаете, кто онъ. Его надобно догнать.

— Это нашъ сосѣдъ Кирила Мишницынъ, отвѣчала Ненила. Богъ съ нимъ, пускай себѣ скачетъ, только бы не ворочался въ Вышгородъ. А ты кто, какъ тебя звать и какъ ты тутъ?

Молодой человекъ разсказалъ, что онъ ливонскій рыцарь Адальбертъ, служилъ Шведской королевѣ Христинѣ, пріѣхалъ съ посломъ Нуменсомъ въ Москву. Я остался тамъ, а Нуменсъ повезъ деньги во Псковъ, его ограбили и онъ ѣхалъ на помощь, только Норотовъ, его другъ, совѣтовалъ ему заѣхать въ Вышгородъ и подождать отъ него вѣсти. Скоро де московская рать придетъ для усмиренія мятежа.

Ненила повела гостя, „рыцаря Адальберта“ по тропѣ и вскорѣ они встрѣтили цѣлую толпу челядинцевъ, бѣжавшихъ выручать боярышню; Галина сидѣла на башнѣ, пока ея сестра и Марья ходили купаться; она видѣла какъ онѣ прошли назадъ, но за развалными стѣнъ не замѣтила, что Ненила осталась одна... Вдругъ ее поразилъ крикъ, она оглянулась и увидѣла ужасную сцену: какой-то лиходѣй тащилъ Ненилу, которая тщетно билась, чтобы вырваться; Галина громко вскрикнула, ноги у ней подкосились и она упала бы, еслибъ не ухватилась за край стѣны; на крикъ ея сбѣжалась дворня и боярышня указала имъ на похитителя: говорить она не могла, а только заливалась слезами. Поднялась суматоха и бросились въ догонку, но раньше ихъ нашелся избавитель: Галина и Марья съ радостью увидели, какъ отъ сильнаго удара незнакомца, лиходѣй покатился съ обрыва, а потомъ Ненила стала разговаривать съ этимъ гостемъ. Но кто же это? Не Илья, судя по верусской одеждѣ?

Вотъ незнакомецъ отвязалъ отъ дерева усталаго коня и пошелъ за Ненилой къ усадьбѣ. Все объяснилось: при имени Мишницына Галина воскликнула:

— Не говорила-ль я что онъ злодѣй?.. Его не надобно было и пускать за Вышгородскій порогъ?..

— Слава тебѣ Господи! Ненилушка цѣла и здоровешенька, радовалась Аграфена Ѳеодоровна и тутъ же строго запретила боярышнямъ ходить на Судому. „Еще воротится! надо сторожей на ночь поставить кругомъ двора, говорила старушка.

Когда Борись и Герасимъ Ѳеодоровичъ вернулись съ облавы на волка, они пришли въ негодованіе отъ того, что осмѣлился сбѣгать облаканный ими человекъ. Борись тотчасъ же хотѣлъ скакать въ Никитино, чтобы поколотить негодяя, но Адальбертъ уговорилъ его оставить дѣло до утра.

— Я отдохну, мы вмѣстѣ поѣдемъ: я съумѣю проучить такихъ, говорилъ ливонецъ и Герасимъ Ѳеодоровичъ взялъ его сторону.

— Утро вечера мудренѣе: гость нашъ усталъ да и мы тоже: кони отдохнутъ. Пора ужинать, а утресъ соберите челядь съ плетями и поучите вора!

На другое утро собравъ человекъ 20 дворни и псарей, молодой Неклюдовъ съ Адальбертомъ вскочили на коней и помчались въ Никитино; у всякаго изъ нихъ было по доброй плети, кромѣ оружія, которое Герасимъ Ѳеодоровичъ запретилъ пускать въ дѣйствіе, иначе какъ для самозащиты. Подобныя расправы были въ то время дѣломъ очень обыкновеннымъ. Это было извѣстно Кириллѣ и онъ не теряя времени убрался по добру по здорову и еще до свѣту ускакалъ по дорогѣ къ Пскову.

Боярскія хоромы села Никитина угрюмо выглядывали изъ-за зелени, ставни были плотно затворены, тяжелые замки висѣли на дверяхъ. На вопросы Бориса, испуганная дворня божилась, что бояръ нѣту дома.

— Ястребъ улетѣлъ! свистнувъ сказалъ Борись,—ну теперь

любезный гость, чтобъ наша прогулка не пропала даромъ, поѣдемъ въ гай на ловы.

И пестрая ватага коней и всадниковъ, съ шумнымъ говоромъ и свистомъ понеслась въ лѣсъ.

ХІІ.

Первая искры пожара.

Мятежъ во Псковѣ не только не утихалъ, а напротивъ съ каждымъ днемъ увеличивался и обѣщалъ превзойти всѣ бывшіе въ послѣднее десятилѣтіе беспорядки въ Москвѣ, въ Сольвычегодскѣ и Новгородѣ.

Новгородскій бунтъ, начавшійся въ половинѣ марта того же года окончился черезъ два мѣсяца, безъ кровопролитія, благодаря энергій тамошняго митрополита Никона *) и мѣрамъ, принятымъ воеводоу княземъ Хилковымъ.

Успокоившіеся было послѣ ареста Нуменса Псковичи вновь заволновались, въ половинѣ марта, по случаю пріѣзда изъ Москвы посланца Арцыбашева съ грамотами къ воеводѣ. Гилевщики схватили Арцыбашева, допрашивали его и пытали, чтобы узнать отъ кого онъ посланъ, отъ Морозова или отъ Хилкова, потому что въ бумагахъ посла нашли письмо отъ Новгородскаго воеводы къ архіепископу Макарію. Съ этимъ отличительнымъ посланіемъ буяны побѣжали на архіепископское подворье и потребовали, чтобъ Макарій къ нимъ вышелъ; когда же онъ исполнилъ ихъ желаніе, они окружили его и начали упрекать, что онъ переписывается съ Хилковымъ и потребовали выдачи спрятаннаго на архіерейскомъ подворьѣ боярскаго сына Турова, подозрѣваемаго въ сношеніяхъ съ Москвою и въ дружбѣ съ гостемъ Ѳеодоромъ Емельяновымъ. Архіепископъ отвѣчалъ, что Туровъ убѣжалъ невѣдомо куда. Разъяренная толпа, забывъ санъ и преклонныя лѣта Макарія, грубо схватила его и осмная ругательствами, потащила на подворье, куда сажали преступниковъ и посадила его на цѣпь въ избѣ, до сихъ поръ называемой „богадѣльной“. Черезъ нѣсколько дней, взявъ съ Макарія обѣщаніе отыскать Турова, его освободили.

Волненіе все увеличивалось; мятежники ежедневно собирались большими толпами и совѣщались, 21-го марта всенародно пытали Нуменса и наконецъ рѣшили избрать своихъ собственныхъ правителей и начальниковъ, гражданскихъ и военныхъ. 25-го марта изъ Москвы прібылъ въ Псковъ новый воевода, Василій Петровъ Львовъ на мѣсто Собакина, которымъ Московское правительство было недоволено. Собакинъ обрадовался возможности, сдать должносте уѣхать изъ мятежнаго города, но Псковичи услыхавъ объ этомъ, остановили Собакина и сказали, что не выпустятъ, пока не возвратятся посланные имъ челобитчики къ Государю. Препроводивъ Собакина опять въ его домъ, они приставили къ нему караульныхъ, говоря:

— Тогда уѣдешь, какъ мы тебѣ отпустимъ дадимъ...

Прошло три дня. Львовъ съ нетерпѣніемъ ожидалъ помощи изъ Москвы, какъ явилась снова толпа псковскихъ зачинщиковъ и потребовала, чтобы онъ выдалъ имъ оружія, пороху и боевыхъ припасовъ.

— На что вамъ? возразилъ новый воевода, со шведомъ никакныхъ раздоровъ нѣтъ и на рубежахъ все спокойно...

— Мы не шведовъ опасаемся, а слышно что московская рать идетъ на насъ, отвѣтили они.

— Такъ это вы противу своего законнаго государя! Какъ вы смѣли и думать—не дамъ мужественно воскликнулъ Львовъ.

Тутъ произошелъ страшный беспорядокъ; мятежные стрѣльцы, слышавъ зловѣщіе крики: „къ оружію! къ оружію!“ вынулись къ воеводскому дому и окруживъ его, притогновились палить. Всѣхъ больше кричалъ размахивая бердышемъ, уже знакомый намъ Ивашка Колчинъ; но Львовъ былъ не трусливъ и не поддавался угрозамъ мятежниковъ: взявъ въ руки образъ Спасителя, онъ вышелъ на крыльцо и обращаясь къ толпѣ, хотѣлъ заговорить. Первые слова его были заглушены криками: „измѣнникъ! воръ!“... Когда шумъ немного стихъ, Львовъ сказалъ: „Православные христіане!.. Опомнитесь и разоидитесь по домамъ!.. Я не измѣнникъ своему Государю и противъ него оружія не дамъ... Коли хотите меня убить... Я умру...

Но ослѣпленная толпа, не внимая словамъ воеводы, схватила и связала его, отобрала ключи отъ погребовъ, гдѣ хранилась складъ боевыхъ припасовъ и потребовала у обоихъ воеводъ, Собакина и Львова, сыновей въ видѣ заложниковъ, говоря:

— Коли Государь велитъ нашихъ челобитчиковъ казнить—то мы и съ вашими сыновьями тоже учинимъ!..

Когда дошла въ Москву вѣсть о новыхъ волненіяхъ въ Псковѣ, туда былъ отправленъ „для смысу“ околничій князь Ѳед. Ѳед. Волконскій. Прибывъ въ Псковъ князь остановился въ домѣ своего тестя Емельянова, чѣмъ сразу возстановилъ противъ себя Псковичей, такъ что когда на другой день по пріѣздѣ Волконскій слушалъ обѣдно въ Троицкомъ соборѣ, толпа бунтовщиковъ окружила его и позорно вытащила его „за бороду“ на площадь, гдѣ Семенъ Жегаръ поколотилъ его, а потомъ вмѣстѣ съ товарищами сталъ допрашивать пріѣзжаго:

— Зачѣмъ-де пожаловалъ...

— Зачѣмъ пріѣхалъ—то и буду дѣлать, а вамъ отчета давать не обязанъ... отвѣчалъ князь.

*) Вслѣдствіи впамятнаго патріарха всея Россіи.

— А не хочешь добромъ сказывать—такъ мы и сами узнаемъ! закричали мятежники и огнявъ у князя царскія грамоты, заставили читать подъячаго Томилку Слѣпаго. Когда чтецъ дошелъ до того мѣста, гдѣ было написано „казнить крамольниковъ“, Жегаръ съ товарищами кинулись на князя, били его и ранили въ голову. Съ площади пьяные стрѣльцы и чернь разсыпались по всѣмъ псковскимъ улицамъ, разбивали кружала, грабили дома сторонниковъ Москвы, глумились надъ воєводами и грозили избить всѣхъ, кто не применеть къ нимъ: Обыватели высшаго сословія, дворяне, купцы и даже простые горожане, болѣе разсудительные, поспѣшили оставить Псковъ и разбѣжались куда кто могъ, чтобы не попасть въ руки пьяной толпы. Тѣ же кто не успѣлъ бѣжать, запирались въ своихъ домахъ, прятались въ подвалахъ, дрожа за свою жизнь и честь семьи.

Въ началѣ апрѣля произошли выборы псковскихъ властей, которые должны были стать во главѣ вновь образованной республики. Главными вождями были избраны: Гаврило Демидовъ, Михайло Мишицынъ и староста Меншиковъ; подручными ихъ назначены стрѣлцые пятидесятники: Парамонъ Лукьяновъ, Федоръ Снырковъ, Сидоровъ, дворянинъ Иванъ Чиркинъ и попы—Евсей Фирсъ и Яковъ Заплева съ сыномъ. Наконецъ выборными отъ разныхъ слободъ явились посадскіе люди.

Такимъ образомъ воевода Львовъ и всѣ начальствующія лица отъ Москвы были устранены, самодѣльное правленіе вполнѣ подчинило своей власти Псковъ со всѣми пригородами и землями, начало чинить судъ и расправу, править всякія дѣла, рѣшать тяжбы, обвинять, оправдывать, милловать и казнить по общему усмотрѣнію и совѣту, а вмѣстѣ съ тѣмъ заботиться о дѣятельныхъ приготовленіяхъ къ борьбѣ съ московскими ратями, которыя по слухамъ, были еще въ Новгородѣ и довершали усмирненіе тамошнихъ смуть.

Весь апрѣль и половина мая прошли въ какомъ-то тяжеломъ, томительномъ затѣнѣ: очнувшіеся отъ безобразій и буйства люди всѣхъ сословій ходили понуривъ головы, занятые печальными думами; сами зачинщики мятежа явено сознавали критическое положеніе Пскова, но не смотря на серьезныя опасенія неудачи, не рѣшались бросить разъ начатое сопротивление Москвѣ, надѣясь на свои силы и воодушевляя народъ воспоминаніями о борьбѣ Новгорода въ 1470 году.

Челобитчики, отправленные Псковичами въ Москву, только 12-го мая были допущены „передъ Государевы очи“. Алексѣй Михайловичъ принялъ челобитчиковъ очень сурово и велѣлъ написать во Псковъ грозную грамоту, которая по возвращеніи послѣдовъ доказала мятежникамъ, что имъ нечего ждать отъ Москвы пощады... а между тѣмъ изъ Новгорода приходили вѣсти не менѣе тревожныя.

17-го мая князь Иванъ Никитичъ Хованскій, покончивъ усмирненіе новгородскихъ гилевщиковъ, выступилъ въ походъ противъ Пскова съ войскомъ изъ трехъ полковъ стрѣльцовъ и ратниковъ около 1000 человекъ, изъ пяти сотенъ донскихъ и запорожскихъ казаковъ, изъ шести сотенъ охочихъ людей, дѣтей боярскихъ, пушкарей и разныхъ милиціонеровъ при 10 полевыхъ орудіяхъ. Кроме того при войскѣ была и конница, состоящая изъ 600 человекъ отборной кавалеріи, раздѣленной на три полка: конно-стрѣлцкій въ 250 человекъ, рейтарскій въ 100 и драгунскій въ 250; послѣдній полкъ былъ подъ начальствомъ Ильи Норотова.

28-го мая 1650 года караульные на высокой башнѣ Псковскаго укрѣпленія замѣтили вдали какія-то двигающіяся точки; направивъ туда подзорную трубу, стражники ясно разглядѣли конныхъ развѣдчиковъ съ пиковыми значками, въ которыхъ они узнали передовой отрядъ казачьей полусотни, высланный княземъ Хованскимъ для обозрѣнія мѣстности и положенія крамольниковъ. Черезъ нѣсколько минутъ по псковскимъ улицамъ понеслись гонцы съ вѣстью о появленіи давно ожидаемыхъ враговъ; со всѣхъ колоколенъ раздавался набатный звонъ; и старъ и младъ, всякъ кто могъ на ногахъ стоять, кинулись изъ своихъ домовъ на площадь: „Что такое? гдѣ пожаръ? раздавались вопросы. „Не пожаръ, а Москва у городскихъ воротъ“, слышались отвѣты мимо скачущихъ гонцовъ...

Поднялось страшное смятеніе между мирными обывателями, которые волей-неволей должны были попасть въ кровавую распрю брата съ братомъ, отца съ сыномъ, единоплеменныхъ и единовѣрныхъ сторонниковъ Москвы и Пскова.. Однако военныя силы Пскова не теряя присутствія духа, быстро и точно исполняя распоряженія Демидова, Мишицына и Меншикова: по ихъ приказанію всѣ городскія ворота были заперты и крѣпостныя стѣны усажены пушками, заряжавшими варядъ *) чтобы встрѣтить выстрѣлами москвичей, когда тѣ приблизятся къ городу.

XIII.

Изъ огня да въ полымя.

Борьба началась однако не совсемъ удачно для Москвы. Князь Хованскій выбралъ опорнымъ базисомъ военныхъ дѣйствій Снѣтную гору, находящуюся на противоположномъ отъ Пскова берегу рѣки Великой, по дорогѣ къ Новгороду; оставивъ на всѣхъ случай въ хорошо укрѣпленномъ Любятин-

скомъ монастырѣ *) 700 человекъ пѣхоты и конницы, Хованскій сталъ 27-го мая лагеремъ на Снѣтной горѣ, окруживъ по обыкновенію шатры трехугольникомъ расположенныхъ обозныхъ телѣгъ.

28-го мая въ 8 часовъ утра (по нынѣшнимъ часамъ), со стороны Пскова раздались первый пушечный выстрѣлъ; фитиль къ пушкѣ былъ приложенъ самимъ Гаврилою Демидовымъ; затѣмъ канонада продолжалась полтора часа и было выпущено до 45 ядеръ, но они не причинили никакого вреда москвичамъ, такъ какъ выстрѣлы не достигали цѣли, то есть Снѣтной горы. Видя что пушечная пальба пропадетъ даромъ, Псковичи выступили изъ города толпами пѣшихъ и конныхъ стрѣльцовъ и укрывшись за кустами на берегу рѣки, опять стали стрѣлять изъ ружей; но по приказанію Хованскаго, москвичи отвѣчали презрительнымъ молчаніемъ; разстрѣлявъ по пусту всѣ заряды, Псковичи ушли обратно въ городъ.

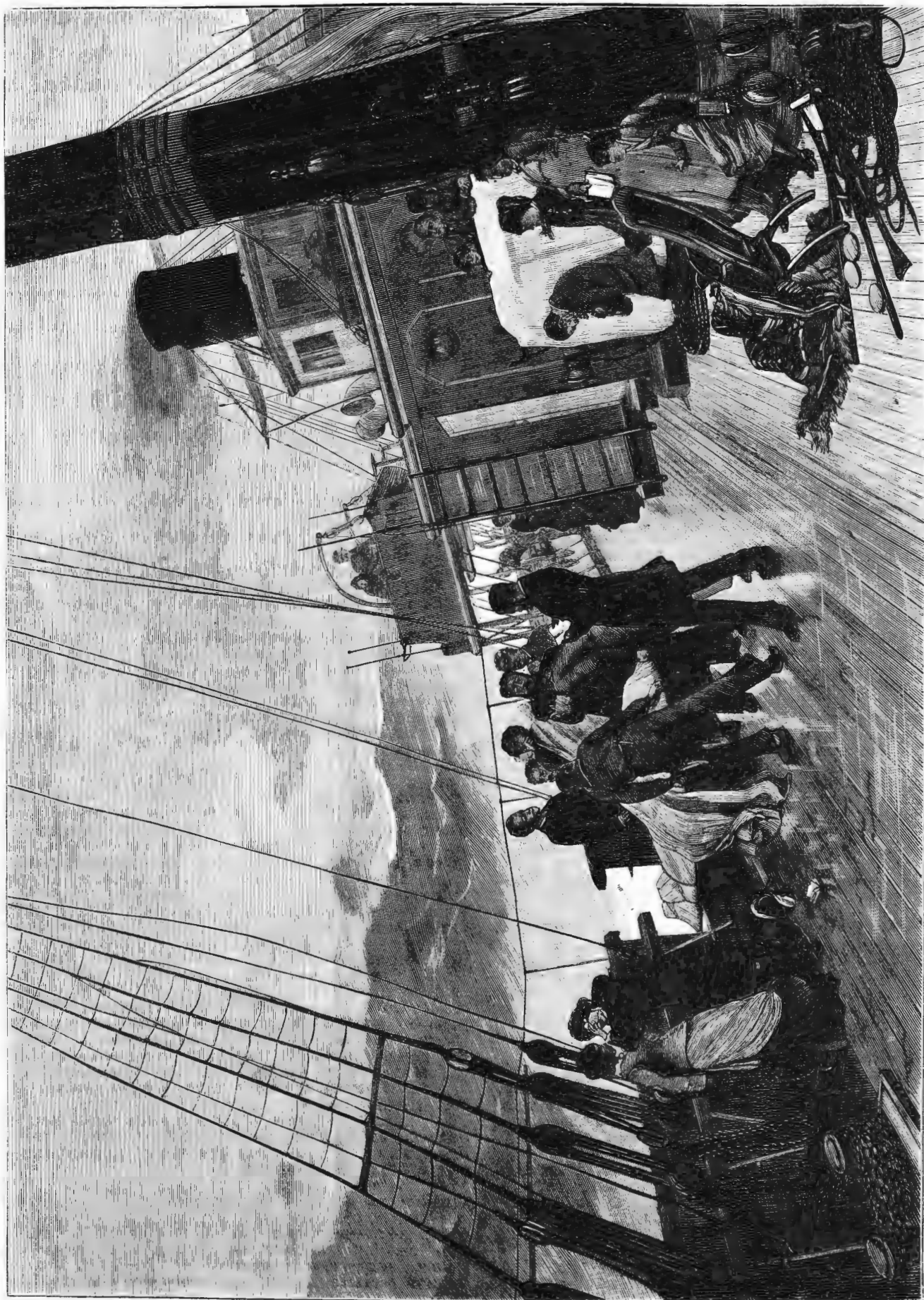
Вечеромъ того же дня, когда московскіе ратники спокойно варили себѣ пищу, внезапно съ псковской стороны загремѣли боевыя трубы и барабаны: всѣ кинулись къ мѣсту тревоги, а тамъ ужъ раздавались крики, топотъ и трескъ оружія. Оказалось, что отрядъ псковской конницы, переправившись за рѣку, напалъ на передовыя телѣги обоза и затѣялъ драку съ обозной стражей. Когда прибѣжали на помощь, то Псковичи поспѣшили отступать, успѣвъ захватить только 7 телѣгъ, изъ коихъ 6 были съ подлажею князя Хованскаго и одна съ грамотами и другими бумагами; эту послѣднюю москвичи отбили обратно, а имущество князя осталось въ рукахъ врага.

Псковскіе правители обнародовали воззваніе ко всѣмъ обывателямъ псковскихъ и изборскихъ земель, что „Псковъ-де Хованскому взять никакъ не можно, а въ осадѣ сидѣтъ Псковичи могутъ, хоть на 10 лѣтъ запасу-де хватить“ и приглашали жителей стоять крѣпко за одно.

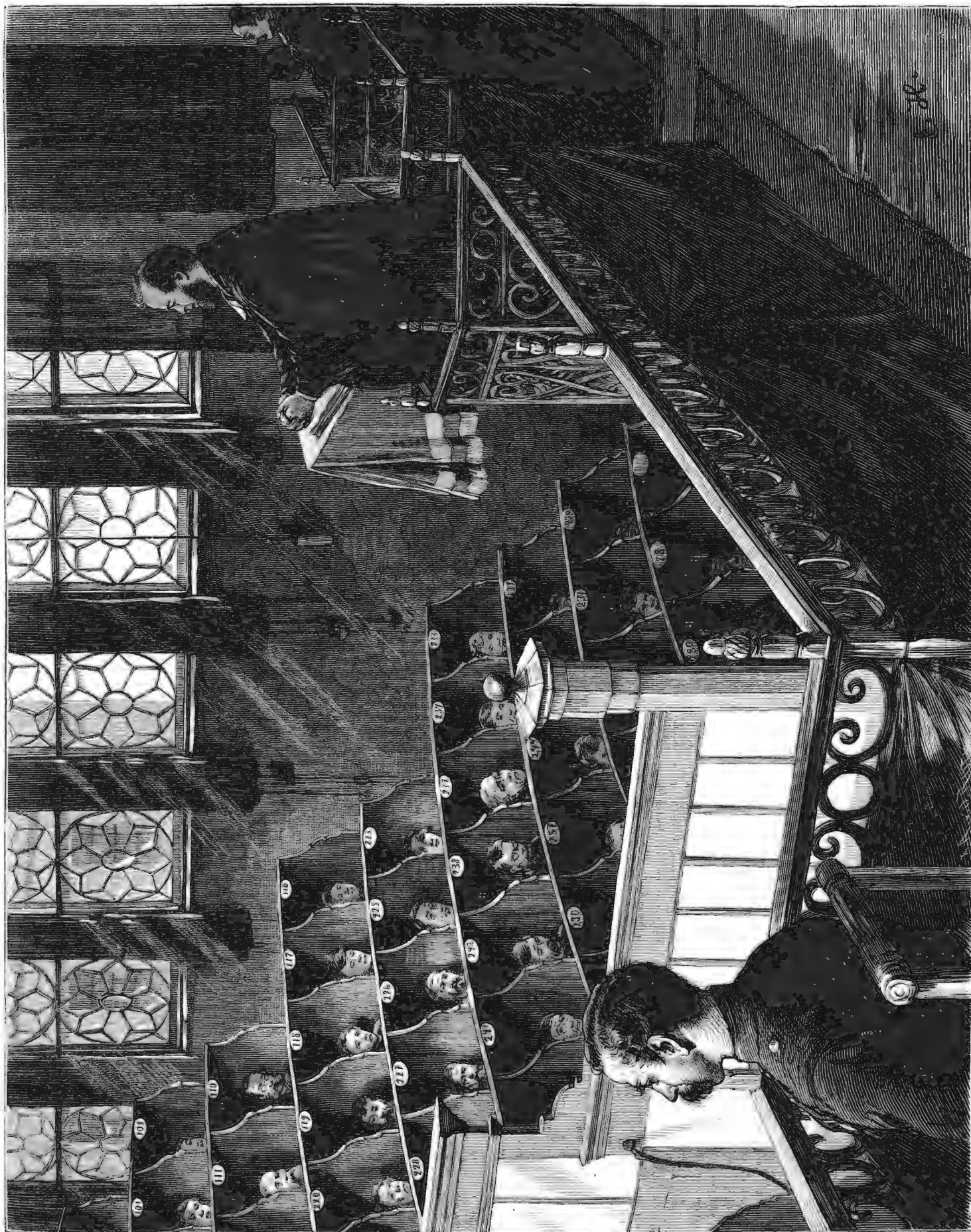
29 мая возвратились изъ Москвы челобитчики и съ дозволенія Хованскаго были пропущены въ городъ. Грозная грамота царя очень не понравилась Псковскимъ правителямъ: ее при всемъ народѣ на площади изорвали, объявивъ что грамота-де не настоящая а подставная, обвинили своихъ же челобитчиковъ въ измѣнѣ, допрашивали ихъ и даже пытали. По распоряженію Демидова въ городѣ распространили молву, что будто бы Московскіе бояре затѣяли крамолу, взорвали царскій дворецъ „зелемъ“ а самъ государь Алексѣй Михайловичъ ушелъ къ польскому королю и съ нимъ вмѣстѣ идетъ на выручку Пскова; что Хованскій-де воръ и измѣнникъ, пришелъ воевать со Псковомъ не по государеву приказу, а посланъ крамольными боярами Московскими: Морозовымъ и другими. Эти выдумки, какъ ни были грубы, имѣли однако большое значеніе для невѣжественной массы и достигали цѣли Демидова и ему подобныхъ, поддерживая надежды горожанъ на помощь. 30 мая Хованскій, не желая проливать напрасно кровь, попытался порѣшить дѣло мирнымъ путемъ: онъ послалъ въ Псковъ съ увѣщательной грамотой 11 дворянъ подъ начальствомъ Саввы Вестужева, родомъ изъ Пскова, но по приказу Демидова—Вестужева убили, девятирехъ дворянъ бросили въ темницу, а двухъ остальныхъ отослали обратно въ московскій станъ, наказавъ имъ объявить Хованскому, что онъ-де воръ и измѣнникъ, что Псковъ сдать ему не хочетъ, а коли утѣшеніе отъ него будетъ, то псковичи пошлютъ за помощью къ польскому королю, и коли Хованскаго поймутъ то въ котлѣ сворятъ да собакамъ накормятъ. Видя, что ничего такъ не достигнешь, Хованскій велѣлъ строить мосты черезъ рѣку, чтобы выбить псковскихъ ратниковъ изъ пригорода; но послѣдніе открыли такой ружейный огонь, что должны были отказаться отъ моста; тогда Хованскій велѣлъ соорудить на Снѣтной горѣ небольшой деревянный фортъ и установить на немъ орудія чтобы на слѣдующее утро начать бомбардировку города гранатами. Однако этому намѣренію не суждено было исполниться. Рано утромъ 31 мая, когда еще орудія не были выношены для начала бомбардировки, Псковичи сами начали дѣло: выкативъ изъ города на берегъ нѣсколько пушекъ и осыпая градомъ ядеръ Москвичей, они двинулись черезъ рѣку. Это движеніе было такъ быстро и неожиданно, что Хованскій не могъ ничего предпринять, потому что все его войско находилось дальше за острогомъ по ту сторону горы; а тутъ было весьма небольшое число ратниковъ, пушкарей и плотниковъ, строившихъ мостъ. Съ неудержимой силой кинулись псковскія раги на приступъ и въ нѣсколько минутъ овладѣли острогомъ, съ яростью и звѣрствомъ избивая противниковъ и урода раненныхъ. покончивъ безчеловѣчное избиеніе, они подошли острогъ и двинулись къ другому, находившемуся возлѣ самаго лагеря, но здѣсь мятежники встрѣтили плотно сомкнутую стѣну драгунъ, Норотова, которые мужественно отразивъ напоръ псковичей, напали на нихъ и окружили съ трехъ сторонъ, такъ что мятежники опрокинутые, разстроенные и потерявшіе увѣренность, стремительно бросились назадъ за рѣку Великую, оставляя за собой множество раненныхъ и убитыхъ. Москва одержала побѣду. Князь Хованскій въ восторгѣ обнял молодого полковника Норотова, сказавъ ему:—Спасибо дружѣ! тебѣ подобаетъ честь и слава за побѣду!.. Съ этой поры я твой должникъ и чтобы ты у меня ни спросилъ—все исполню.

*) Такъ называлась артиллерія, какъ крѣпостная, такъ и полевая.

*) Въ 10 верстахъ отъ Снѣтной горы.

Похороны среди онеана. Картина Х. Бакана, грав. М. Рашевский.

Одиночные тюрьмы. Богослужение в тюремной церкви Плёцнессе, близ Берлина. Рис. Гензельер, грав. О. Ротг.

Послѣ своего бѣгства изъ Вышгорода, Кирила Мишницынъ, во время пути ко Пскову, составляя разные планы мнѣнія, наконецъ остановился на одномъ не хитромъ способѣ овладѣть упрямой красавицей и отплатить за обиду неизвѣстному защитнику Ненилы. Во Псковѣ онъ остановился въ домѣ Демидова, гдѣ жилъ старикъ Мишницынъ. Отецъ между прочимъ спросилъ у сына:—Ну какъ съ боярышней Неклюдовой? и пиническая улыбка стараго развратника отразилась на лицѣ Демидова, которому Мишницынъ еще прежде разсказалъ про дѣлишки своего дѣтны.

— Молодо—горячо... Незамай побалуешь!.. снисходительно отозвался Демидовъ.

Оказалось однако, что это баловство едва не завершилось побоями, даже увѣчемъ.

— Чтожь ты теперь думаешь?.. Ужли такъ и оставишь это дѣло, всыхнувъ спросилъ отецъ.

— По моему надо поучить этого Неклюдова... онъ Москвѣ доброты и худить наши псковскія дѣла... замѣтилъ Демидовъ.

— Поучить надоть!.. Затѣмъ и я прѣхалъ... дозволю взять сотенку охочихъ людей да пушку, угостить этихъ измѣнниковъ такимъ гостинцемъ какого они и не чаютъ, сказалъ Кирила.

Демидовъ поморщился: радъ бы тебѣ послужить ради твоего родителя, да самъ вѣдаешь какія времена; Пскову нужны ратные люди и по нуждѣ каждаго ихъ изъ города уводить не можно...

— Я бѣ и самъ не сталъ у тебя помощи просить для себя, отвѣчалъ Кирила, а вѣдомо ли тебѣ что въ Вышгородѣ изъ Москвы прибылъ какой-то шведъ и острогъ укрѣпляетъ... Это не для псковичей-же, не по вашему приказу, стало быть для Московскихъ присакоютъ крѣпкое сидѣнье... Ты небойсь слыхалъ при Грозномъ тамъ Москва укрѣплялась...

Это извѣстiе произвело впечатлѣнiе. Демидовъ встрепенулся а бывшій тутъ же Сидоръ Елизаровъ Меншиковъ воскликнулъ.

— Вѣрно-ли?

— Вѣрно!.. мнѣ про то сказывалъ шишъ *) изъ челяди Неклюдовской... коли не вѣришь, спрости самъ: и шиша того съ собой я привезъ. Кирила вышелъ; черезъ нѣсколько минутъ онъ воротился, ведя какого-то грязнаго человѣка, въ которомъ старикъ Мишницынъ узналъ одного изъ своихъ псарей, но понявъ сына, притворился, что видитъ шиша въ первый разъ.

Подъученный Кирилоу, негодяй разсказалъ, что онъ бѣглый Неклюдовскій холопъ, что всѣ порядки Вышгородскіе хорошо знаетъ и что своими глазами видѣлъ шведа, прѣбывающаго укрѣплять Вышгородъ и слыхалъ, что московскія рати тамъ хотятъ засѣсть.

— А кто-жь того шведа прислалъ? спросилъ Меншиковъ. И многоль народу въ Вышгородѣ?

— Народу тамъ человѣкъ съ полсотни, холопей, дворни, псарей, да бабъ, да дѣвокъ сѣнныхъ и винныхъ, отвѣчалъ шишъ, а прислалъ шведа молодой бояринъ, что въ Москвѣ драгунскимъ полкомъ командуетъ, а звать его Илья Алексѣичъ Норотовъ.

Демидовъ вскопчилъ въ сильнѣйшемъ волненіи.

— Что?.. Что ты брешешь!.. Илья Норотовъ, племянникъ... Да какъ онъ туда попалъ?..

— Не могу знать... самого-то его тамъ теперь нѣту... а только сестрица ихняя Марья Алексѣевна.

— Марья тамъ!.. Понимаю: это онъ ее туда увезъ, дрожа отъ гнѣва воскликнулъ Демидовъ. Ладно же... Неклюдовъ бѣглыхъ прачетъ!.. Ладно Кирила Михайловичъ! сотню ратниковъ я тебѣ даю, охочихъ людей еще наберу съ полсотни... Можешь ли это гнѣздо измѣнничье раззорить и Вышгородскій острогъ одолѣть?..

— Могу... Спасибо бояринъ! У насъ, я вижу, одна съ тобой заюза: Норотовъ и мнѣ и тебѣ врагъ, а Неклюдовъ противу Пскова измѣнникъ. Всѣмъ имъ будетъ примѣрная кара! радостно сказалъ Мишницынъ, не ожидавшій такъ легко добиться

исполненія просьбы. Кирила принялся снаряжаться въ экспедицію; онъ взялъ сотню ратныхъ людей и набралъ болѣе полусотни охочихъ, которыхъ соблазнялъ богатой добычей и увѣрялъ, что у Неклюдова въ подпольѣ хранятся боченки съ золотомъ присланные изъ Москвы.

Все что алкало добычи и грабежа стекалось къ Кирилѣ; подонки Псковскихъ трущобъ стали подъ его начальствомъ; наконецъ набѣжало столько разной сволочи, что Кирила уже сталъ отказывать и отбиралъ только надежныхъ.

Однажды онъ услыхалъ въ сѣняхъ крупный споръ и вышелъ посмотрѣть въ чѣмъ дѣло: тотъ псарь, котораго онъ выдалъ за шиша и котораго прозвище было—Спица, вѣроятно велѣдствіе его худобы, бранился съ высокимъ дюжимъ старикомъ, загромождавая ему дорогу въ горницу.

— Пусти говорятъ, чертова кочерга! кричалъ старикъ. Мнѣ дѣло до боярина: хочу къ нему охочимъ поступить...

— Убирайся къ лѣшему дѣду... намъ съ бояриномъ не потребно охочихъ... вишь васъ налетѣло ровно воронья на падаль, не менѣе громко кричалъ Спица.

Увидавъ Кирилу, старикъ ринулся къ нему, оттолкнувъ въ сторону шиша.

— Батюшка Кирила Михайловичъ! Возьми меня... Право дозволенъ останешься... Да ты чего смотришь бояринъ, ай не узналъ Семена Жегаря!.. Коротка у тебя память-то! Лѣтось еще я твоей милости службу сослужилъ, въ Островъ-градѣ старостину дочь выкралъ... еще Ульяшкой прозывалась гладкая така, говорилъ Жегарь.

Кирила засмѣялся.

— Помню, помню! Жегаромъ ты прозывался, только тогда одеженка-то у тебя была рваная, а теперь ты въ стрѣлцкомъ кафтанѣ да шеломѣ такъ тебя не скоро и узнаешь...

— Да... но нѣ я въ стрѣлцкой рати вольнаго града Пскова состою, а тогда...

— Тогда въ подорожной рати атаманушкой, прервалъ его Спица.

— Пыщ!.. знай своихъ псовъ, а честныхъ людей не мочи корить, коли не хочешь вотъ этого, и Жегарь подставилъ шишу подъ носъ свой огромный кулачище.

Шишъ попятился.

— Ну... вотъ и разгнѣвался, вѣдь это я любя, значить по приятельски...

— То-то любя!.. Съ Жегаромъ смотри плохія шутки... Что-жь бояринъ, возьмешь что-ль на Вышгородъ, обратился онъ къ Кирилѣ.

— Да вѣдь я слыхалъ отъ родителей, что со стрѣлцкомъ Жегаромъ грамоту къ польскому королю Владиславу послали, замѣтилъ Кирила. Жегаръ почесалъ за ухомъ.

— Это точно что послали... да одному-то иди жутко, какъ разъ къ Московскимъ развѣдчикамъ попадешь, а коли я съ тобой-то пойду до Вышгорода, тамъ ужъ Москвичей нѣтъ, они всѣ къ Пскову прутъ, шиши сказывали, что ужъ близехонько по Новгородской дорогѣ рать-то князя Хованскаго идетъ...

— Ужъ ихъ на Свѣтной горѣ видѣли, прибавилъ Спица. Не но нѣ, завтра драка будетъ, и пушки заговорятъ...

— Ну... авось еще посидятъ да поглядятъ другъ на друга, а мы той порой почешемъ руки-то объ Вышгородъ и сюда на потѣху поспѣемъ, сказалъ Кирила Мишницынъ.

— Эхъ!.. не задержалъ бы меня король-то Владиславъ... Больно мнѣ охота угостить Московскихъ псовъ во этой... И Жегаръ любовно поглядѣлъ на свой огромный самопалъ, который всякому другому былъ бы тяжелой ношей, но силачъ Жегаръ съ нимъ управлялся, какъ съ легкимъ карабиномъ.

Навануя появленія войска Хованскаго на Свѣтной горѣ, въ противоположныя ворота выступилъ изъ Пскова отрядъ стрѣлцовъ и охочихъ подъ начальствомъ Кирилы Мишницына и быстро направился по дорогѣ къ Вышгороду.

(До слѣдующ. №).

СОВРЕМЕННЫЯ ТЮРЬМЫ.

Очеркъ.

Тюрьма Плёдензее близъ Берлина. Исторія тюремнаго вопроса. Тюрьмы въ Россіи.

I.

Устройство прусскихъ тюремъ, основанное на началахъ смѣшанной системы, отличается строгимъ распредѣленіемъ занятій между арестантами, а также самымъ ревностнымъ содѣйствіемъ въ дѣлѣ ихъ исправленія церкви и школы. Одной изъ образцовыхъ тюремъ этого рода служить, построенная въ 1872 году близъ Берлина, тюрьма Плёдензее, устройство которой заслуживаетъ самаго серьезнаго вниманія. Внѣшній видъ тюрьмы Плёдензее очень изященъ; передъ вами дѣлая громада построекъ изъ краснаго кирпича, увѣнчанная двумя большими башнями и куполомъ тюремной церкви. Чтобы дать понятіе о громадныхъ размѣрахъ зданія довольно сказать, что со времени открытія тюремъ весной 1872 года до 1-го января 1880 въ ней перебивало 34,869 арестантовъ и что ежедневно въ ней содержится не менѣе 7,000 человѣкъ.

*) Шишъ—значило пшёнъ.

Для помѣщенія такой массы заключенныхъ имѣется два громадныхъ зданія съ спальнями; для работъ же служатъ пять большихъ бараковъ. Какъ спальни, такъ и бараки достаточно просторны и свѣтлы и вообще безукоризненны въ гигиеническомъ отношеніи. Въ большихъ, общихъ спальняхъ каждая кровать отдѣлена отъ другой плотной, сплошной перегородкой. Такихъ изолированныхъ ночныхъ камеръ имѣется до 280. Два громадныхъ флигеля примыкаютъ въ главному, центральному зданію и заключаютъ въ себя тюремную контору, церковь и школу. Кромѣ того особая постройка предназначена для одиночнаго заключенія въ 300 келій и для помѣщенія 106-ти молодыхъ преступниковъ. Въ церкви и школѣ для каждаго содержащагося въ одиночномъ заключеніи устроено особое мѣсто въ видѣ шкафика, какъ изображено на нашемъ рисункѣ. Во время богослуженія изъ этого шкафика арестантъ свободно можетъ видѣть пастора, но не имѣетъ возможности сообщаться ни съ однимъ изъ своихъ товарищей по заключенію. Для прогн-

локъ каждое отдѣленіе тюрьмы имѣть свой особый дворикъ а среди дворика устроено возвышеніе, съ котораго надсмотрщики могутъ легко слѣдить за всѣми дѣйствіями движущихся кругомъ нихъ арестантовъ. Люди содержащіеся въ одиночномъ заключеніи выходятъ въ церковь, школу и на прогулку, не иначе какъ съ лицомъ закрытымъ кускомъ плотной матеріи съ отверстиями для глазъ. Въ тюрьмѣ примѣняется, какъ мы выше сказали, смѣшанная (modificirte) система; тутъ есть арестанты, которые сообща работаютъ, вмѣстѣ спятъ, прогуливаются, посѣщаютъ церковь и школу, и такихъ арестантовъ всего болѣе; другіе же работаютъ въ общихъ мастерскихъ, но спятъ въ отдѣльныхъ помѣщеніяхъ; третьи же и работаютъ и спятъ совершенно изолированные въ своихъ кельяхъ, но вмѣстѣ съ другими посѣщаютъ церковь, прогулку и школу.

Самый строгій порядокъ соблюдается, какъ при работахъ такъ и при другихъ занятіяхъ каждого арестанта. Заказныя работы производятся въ тюрьмѣ въ самыхъ широкихъ размѣрахъ, такъ что напр. въ 1877 году заработной платы было получено на сумму болѣе чѣмъ на 184000 марокъ, изъ которыхъ заключенные получили на руки болѣе чѣмъ 58000 марокъ. Посѣщеніе школы обязательно для всѣхъ арестантовъ недостижныхъ 25-ти лѣтняго возраста. Обученіе заключается въ чтеніи, письмѣхъ, преподаваніи арифметики, географіи и исторіи, на обязанности учителя кромѣ преподаванія въ школѣ, лежитъ еще посѣщеніе заключенныхъ и бесѣдованіе съ ними съ цѣлью ихъ умственного и нравственного развитія.

При тюрьмѣ три церкви, двѣ съ отдѣльными мѣстами для каждого арестанта въ видѣ шкафиковъ и одна для содержащихся въ общихъ камерахъ; каждая церковь снабжена органомъ. Въ этихъ то камерахъ каждый праздникъ совершается нѣсколько божественныхъ службъ, которыя выслушиваются заключенными; кромѣ того помимо церкви каждый арестантъ получаетъ религиозное и нравственное наставленіе въ своей кельѣ, которую ежедневно посѣщаетъ тюремный пасторъ. На пасторѣ же лежитъ обязанность снабжать арестанта книгами, способными дѣйствовать благотворно на его умъ и сердце.

День въ тюрьмѣ Плендензе начинается въ 5 часовъ утра; люди содержащіеся въ общихъ камерахъ быстро поднимаются по звонку съ постелей и умывшись и прочитавъ утреннюю молитву, отправляются въ мастерскія, смотря по специальности каждого. Начинается самая разнообразная работа; здѣсь занимаются портняжествомъ, шитьемъ обуви, картонажнымъ и переплетнымъ мастерствомъ, золоченіемъ, разными издѣліями изъ проволоки и жести и т. д. Особенно много выдѣлывается здѣсь искусственныхъ цвѣтовъ. Занимающіеся фабрикаціей искусственныхъ цвѣтовъ сядутъ за нѣсколькими столами; на одномъ даютъ цвѣтамъ первоначальную форму; на другомъ ихъ окрашиваютъ въ разные цвѣта; на третьемъ выводятъ жилки, вставляютъ стебельки, придаютъ имъ естественный блескъ и т. д. За послѣднимъ столомъ отдѣльные готовые цвѣты собираются и связываются въ букеты, которые и идутъ для продажи. Проработавъ въ мастерскихъ до 11 часовъ, арестанты отправляются на прогулку и послѣ прогулки садятся за обѣдъ. Ровно въ часъ работы возобновляются и въ нихъ не участвуютъ лишь тѣ, которые посѣщаютъ школу. Послѣ обѣда распорядитель работъ посѣщаетъ бараки, свидѣтельствуя кто что сдѣлалъ и отмѣчая успѣхи каждого въ своей книгѣхъ. Послѣ ужина слѣдуетъ общая переключка и вечерняя молитва а затѣмъ всѣ заключенные расходятся по спальнямъ, гдѣ обязаны слушать нѣсколько времени чтеніе какой нибудь назидательной книги, и затѣмъ предаются сну, послѣ утомительнаго, трудового дня.

Содержащіеся въ одиночномъ заключеніи проводятъ время нѣсколько иначе; тутъ иное раздѣленіе часовъ для посѣщенія школы и для прогулки на отдѣльномъ, огороженномъ совѣтъхъ сторонъ дворикѣ; работы же производятся въ кельѣ куда надсмотрщикомъ приносится и завтракъ и обѣдъ. Эта строго-однообразная жизнь одиночнаго арестанта лишь разнообразится чтеніемъ, выучиваніемъ школьныхъ уроковъ, бесѣдами съ тюремнымъ пасторомъ и посѣщеніемъ божественной службы. Съ особенною радостію встрѣчаютъ здѣсь каждый воскресный день, когда по призыву колокола, всѣ узники собираются въ церковь. Случается иногда, что звонъ колокола раздастся и ранѣе воскреснаго дня; это знакъ, что кто нибудь изъ заключенныхъ умеръ, что товарищи его заранѣе вызываются принять участіе въ отпѣва-

ніи и выносъ его тѣла. Заунывный хоръ арестантовъ, мрачная тюремная обстановка и напутственная рѣчь пастора производятъ даже на посторонняго зрителя впечатлѣніе.

По выходѣ изъ тюрьмы Плендензе каждый арестантъ поступаетъ подъ покровительство особаго общества, которое, по возможности устраиваетъ его дальнѣйшую судьбу и такимъ образомъ спасаетъ его отъ безпомощной нищеты, которая вообще является главною причиною повторенія преступленій.

Невольное, тяжелое чувство овладѣваетъ самымъ равнодушнымъ человѣкомъ, когда онъ видитъ столь извѣстную зеленую карегу, окруженную конвоемъ и совершающую свой обычный путь, изъ тюрьмы въ судъ и обратно. Тяжело невольно подумать сколько злой воли, сколько звѣрства бываетъ въ преступникахъ, которыхъ приходится удалять отъ общества. Уже очень давно ведется странный споръ о надобности и пользѣ заключеній и наказаній преступниковъ — споръ, въ которомъ нелѣпо смѣшивается гуманное чувство къ преступникамъ съ исполнѣмъ бесердечнымъ отношеніемъ къ жертвамъ ихъ преступленій. Но къ чести законодательства, нигдѣ еще не устраниена защита общества отъ посягательствъ на жизнь и имущество его членовъ, къ чему повидимому должны придти защитники устраниенія наказаній. И теперь уже очень часто заключенный содержится въ условіяхъ лучшихъ чѣмъ онъ когда либо видѣлъ на свободѣ. Кромѣ того лишеніе свободы, разрушающее часто жизнь инаго человѣка, въ обществѣ поставленнаго извѣстнымъ образомъ, для многихъ, соединенное съ готовой квартирой и содержаніемъ, какого они не видали, едва ли представляетъ должное наказаніе, о чемъ же говорятъ теперь германскіе криминалисты.

Въ средіе вѣка къ преступнику были безпощадны. Сырря, недоступныя солнечному лучу подземелья, венеціанскія пломбы, желѣзныя кѣтки Бастилии и другія приспособленія, указываютъ какъ смотрѣли тогда на это дѣло. Теперь этого нѣтъ. Современная тюрьма является уже не орудіемъ пытки, не казнью, но средствомъ въ рукахъ власти для исправленія порочныхъ членовъ общества, исправленіемъ котораго однако достигается довольно рѣдко при всѣхъ современныхъ пріемахъ, по признанію специалистовъ дѣла. Цѣль благотворна безспорно, но забота о спокойствіи и безопасности *честной и мирной части населенія* въ государствѣ, конечно должна идти прежде всего. И никакія статистическія данныя, (которыми между прочимъ можно дѣйствовать довольно произвольно) не могутъ побѣдить простаго убѣжденія здраваго смысла, которое подтверждаетъ практика, что боязнъ грядущаго наказанія останавливаетъ многихъ людей съ преступною волею отъ совершенія ихъ низкихъ замысловъ. Форма заключенія, лишенія свободы какъ удаленіе изъ среды общества и наказаніе человѣка преступнаго, практиковалась еще въ самой глубокой древности; болѣе подробныя описанія тюремъ мы встрѣчаемъ лишь у римскихъ писателей, по словамъ которыхъ тюрьмы того времени были похожи на логовище звѣрей, но не на людскія жилища. Старая, полуразрушенная башня, ветхое, ни къ чему негодное зданіе, сырой, смрадный подземный погребъ были мѣстомъ, гдѣ проводили подудимые цѣлые годы. Цицеронъ, описывая тюрьму въ Сициліи, говоритъ, что осужденныхъ бросаютъ въ тюрьму и имъ запрещено приносить нищу и питье. Нечего и говорить что въ суровую эпоху среднихъ вѣковъ, положеніе тюрьмы оставалось въ прежнемъ видѣ. Въ эту эпоху каждый замокъ имѣлъ свои тюрьмы, сырря и мрачныя. Кромѣ того, повсюду, въ мѣстахъ заключенія свирѣпствовали повальныя болѣзни, иногда разомъ уничтожавшія все населеніе тюрьмы. Такъ въ Ньюгетѣ въ 1414 году отъ тюремной горячки умерли смотритель тюрьмы, надзиратель и 64 арестанта, а въ 1577 году во время застѣданія ассизовъ въ Оксфордскомъ судѣ въ теченіи сорока часовъ отъ тюремной же горячки погибли: главный судья, шерифъ и болѣе чѣмъ 300 человѣкъ изъ присутствовавшей публики. Эти несчастные ассизы 1577 года извѣстны и въ исторіи, подъ именемъ „Черныхъ ассизовъ“.

Не смотря на такіе факты, положеніе преступниковъ не обращало на себя серьезнаго общественаго вниманія; филантропія ограничивалась посѣщеніемъ заключенныхъ и оказавъ имъ матеріальное пособіе, исполнивъ христіанскій долгъ, каждый благотворитель спѣшилъ выйдти изъ тюрьмы, чтобы не сдѣлаться жертвою заразы.

(Окончаніе въ слѣд. №.)

КЪ РИСУНКАМЪ.

Дѣти.

(Рис. К. Е. Маковского).

Мы уже неоднократно помѣшали въ „Нивѣ“ рисунки талантливаго нашего профессора и сообщали свѣденія о его жизни и произведеніяхъ. Разнообразному и блестящему таланту его доступны самыя различныя стороны искусства и какъ въ жанрѣ такъ и въ портретѣ и даже пейзажѣ онъ одинаково является мастеромъ. Но съ особенною любовью и выраженіемъ рисуетъ онъ дѣтскія личики, которыя у него всегда исполнены

той чудной, милой граціи выраженія, которая присуща только ребенку. Настоящая картинка относится къ этому роду его произведеній, особенно ему удающихся.

Венеціанна.

Когда Венеція поражала міръ своимъ блескомъ и величіемъ, тогда и венеціанки блистали на этомъ постоянномъ карнавалѣ, на безконечныхъ праздникахъ Царицы морей. Кромѣ насмѣдственной красоты, дочь старой Венеціи получала въ послѣдствіи еще энергію и ту силу характера, которыя являлись необходи-

мыми при постоянных бурных междоусобиях и при борьбах партий великой республики.

Среди развалин и застывших нынѣшней Венеціи красота еще не оскудѣла, еще сохранился типъ этихъ красавицъ съ правильными чертами лица, роскошно развитыми формами, съ глубоко-темными, искристыми глазами и съ густою пѣснями-черною косой. Эти прелестные типы въ изобиліи встрѣчаются еще на Пиачеттѣ, или мелькаютъ въ тихо-плывущихъ гондолахъ, или видѣются на причудливыхъ балконахъ, висящихъ надъ пустыннымъ каналомъ. Одинъ изъ такихъ обычныхъ, народныхъ венеціанскихъ типовъ, полный оригинальной прелести, и представленъ на картинѣ Ланделя.

Похороны среди океана.

Жизнь на этомъ посящемся по великимъ волнамъ островкѣ имѣетъ свои особенности и свои оригинальныя условія. Самая смерть—этотъ неизбѣжный конечный актъ жизни—здѣсь обставляется иначе чѣмъ на твердой землѣ.

Моряки вообще тяготятся, говорятъ, когда на ихъ суднѣ случится покойникъ, особенно если онъ находится долго между ними. Между матросами существуетъ повѣрье, что акулы всегда преслѣдуютъ корабль, на которомъ есть покойникъ и будто они, чуя добычу, даже предвѣщаютъ смерть трудно-больному. Продолжительные противные вѣтры и разныя несчастія приписываются отсутствію на суднѣ покойника. Грустную кончину моряка, плывущаго по безпредѣльному океану, не заявляютъ странѣ телеграммы и газеты какъ смерть героя-воина, павшаго въ сухопутномъ дѣлѣ а между тѣмъ борьба его тяжела и трудъ также великъ.

Когда нѣтъ надежды на жизнь больного, врачъ докладываетъ объ этомъ вахтенному офицеру и о смерти тотчасъ доводится до свѣдѣнія капитана. Прислуга обмываетъ, одѣваетъ мертвеца, составляютъ о смерти протоколъ въ присутствіи дежурнаго, заворачиваютъ трупъ въ койку и въ ноги кладутъ два чугунныхъ ядра. Затѣмъ помѣщаютъ покойнаго на рѣсчатомъ люкѣ около гротъ люка или, какъ изображено на нашемъ рисункѣ, на палубѣ между орудіями у одного изъ бортовъ, такъ что онъ ногами выдается за бортъ. На слѣдующій день около 11 ч. утра звонятъ въ колоколъ къ погребенію. Когда приготовления окончены, священникъ, а если его нѣтъ на суднѣ, то капитанъ или кто нибудь изъ офицеровъ читаютъ отходную. Если представляется малѣйшая возможность предать прахъ землѣ, то всегда пользуются такимъ случаемъ. При началѣ чтенія молитвы выдвигаютъ люкъ за бортъ; ноги покойнаго, у которыхъ положены два ядра, по тяжести тянутъ тѣло внизъ, въ глубину океана.

Въ хорошую погоду эта мрачная погребальная церемонія не производитъ такого тяжелого впечатлѣнія какъ въ сѣрый день, въ холодное бурное время, когда шумитъ дождь и вѣтеръ, завывая между хлопающими снастями, какъ бы дополняетъ печальную церемонію.

Памятникъ Г. Х. Андерсену.

(Рис. на стр. 649).

Въ Копенгагенѣ есть мѣсто особенно любимое дѣтьми въ Королевскомъ Розенборгскомъ паркѣ, въ родѣ мѣста нашего Императорскаго Лѣтнаго Сада близъ памятника Крылова. Въ этомъ то мѣстѣ поставлена статуя знаменитаго Датскаго писателя Г. Х. Андерсена; открытіе ея послѣдовало очень недавно, 26-го іюня. Даже поза, какъ видно на нашемъ рисункѣ, отчасти похожа

на позу Крылова въ Лѣтнемъ Саду. Естественность и свобода посадки и добродушное выраженіе лица поэта переданы прекрасно скульпторомъ г. Саабн. Бюстъ вышиною около двухъ съ половиною аршинъ на пьедесталѣ краснаго гранита, утвержденномъ на необтесанной гранитной же глыбѣ. На лѣвой сторонѣ золотыми буквами надпись: „Г. Х. Андерсенъ, род. 2-го апр. 1805, ум. 4-го авг. 1875 г. Надпись окружена лавровымъ вѣнкомъ. На правой сторонѣ барельефъ изображаетъ разныя эпизоды изъ его безсмертныхъ сказокъ.

За Андерсеномъ, какъ за гениальнымъ сказочникомъ, упрочена всемирная извѣстность; сказки его переведены на все европейскіе языки и читаются всеми съ истиннымъ наслажденіемъ; особенно ихъ любятъ дѣти, такъ какъ никто такъ не понимаетъ ихъ вкуса, не знаетъ ихъ радостей и печалей такъ, какъ Андерсенъ, воплощая ихъ въ своей мечтательной, нѣжной, дѣтски наивной поэзіи и въ своихъ чудныхъ, волшебныхъ сказкахъ.

Родился поэтъ въ 1805 году въ Одензе на островѣ Фіонія. Предки его были богаты, но вслѣдствіе разныхъ неудачъ и несчастій они лишились всего своего состоянія и дошли до полной нищеты.

Когда Андерсенъ подросъ, его помѣстили рабочимъ на фабрику, на которой онъ проводилъ большую часть дня, у дѣла лишь небольшое количество времени для посѣщенія элементарной школы, гдѣ преподавалась грамота и начало счисленія. Потерявъ на 12-мъ году послѣднюю свою опору—отца, Андерсенъ задумалъ самъ себя пробить дорогу и сдѣлаться актеромъ.

Исполненный самыхъ розовыхъ надеждъ, нашъ юный поэтъ рѣшился тотчасъ же привести въ исполненіе свое намѣреніе и отправился въ Копенгагенъ. Здѣсь ожидалъ его цѣлый рядъ самыхъ грустныхъ разочарованій и полнѣйшая нищета, пока не удалось ему, съ помощью профессора музыки Сибони, опредѣлиться хористомъ въ оперу. Но вскорѣ онъ потерялъ голосъ и долженъ былъ изъ оперы перейти въ танцовщики и выдѣлывать разныя па въ балетахъ за самое грошевое содержаніе. Поэтъ страдалъ отъ холода и голода, но его не покидала ни рѣшимость, ни энергія. Наконецъ судьба сдѣлалась къ нему болѣе благосклонной; въ немъ принялъ участіе директоръ театра Колленъ и по его протекціи поэтъ былъ принятъ на казенный счетъ въ одну изъ провинціальныхъ гимназій. Объ этомъ времени труднаго ученія Андерсенъ всегда вспоминалъ съ болѣею горечью чѣмъ о своихъ страданіяхъ въ рядахъ кордебалета. Десятилетнему юношѣ приходилось учиться съ азавъ въ сообществѣ дѣтей и суровыхъ педагоговъ, но искусство прошло благополучно и Андерсенъ приобрѣлъ право поступленія въ Копенгагенскій университетъ. Изъ университета ему уже открывалась широкая дорога; извѣстные писатели Эленшлегеръ, Орсемедтъ и Нюгеманнъ приняли въ немъ участіе, рекомендовали его королю и по ихъ ходатайству Андерсену было назначено пособіе, съ помощью котораго онъ въ 1833 и 1834 годахъ посѣтилъ Германію, Швейцарію, Францію и Италію. Въ 1837 году появился его первый романъ „Импровизаторъ“ — живая картина богатой приключеніями жизни артиста среди итальянской природы и среди памятниковъ античнаго искусства—и извѣстность его была упрочена. Кромѣ романовъ Андерсенъ писалъ стихотворенія, театральныя пьески и помѣщалъ много статей въ разныхъ журналахъ, но самый большой успѣхъ имѣли его чудныя, несравненныя сказки. Послѣдніе годы жизни поэтъ провелъ въ уединеніи, изрѣдка напоминая о себѣ меланхолическимъ стихотвореніемъ. Умеръ Андерсенъ 4 Августа 1875 года и несмѣтная масса народа превозжала его до послѣдняго жилища.

Политическое обозрѣніе.

Сепаратистское движеніе въ Турціи. — Ультиматумъ державъ Портѣ по черногорскому вопросу. — Новое рѣшеніе греческаго вопроса. — Илльское свиданіе — Поляки и русины. — Проектъ кн. Бисмарка о наложенияхъ. — Гладстонъ и его проектъ о фермерахъ. — Абдурахманъ-Ханъ. — Маркизъ Цзэнгъ.

Нѣсколько времени тому назадъ мы обратили вниманіе читателей на обозначившееся въ предѣлахъ оттоманской имперіи, своего рода сепаратистское движеніе, указавъ, притомъ, на Албанію, Сирію. Теперь къ этимъ двумъ составнымъ частямъ имперіи надо прибавить Аравію. Арабскія племена замышляютъ совершенно отдѣлиться отъ Турціи и, объявивъ султана Абдуль-Гамида недостойнымъ сана калифа, провозгласить религиознымъ главою ислама Меккескаго шерифа Абдуль-Муталиба-Пашу. Въ движеніи этомъ, согласно новѣйшимъ свѣдѣніямъ, принимаютъ, кромѣ Аравійскаго полуострова, участіе и Мессопотамія, а также и египетскіе арабы. Племена Аравіи, однако, прежде окончательнаго отложенія своего, намѣреваются обратиться къ Портѣ съ ультиматумомъ, состоящимъ изъ 10 пунктовъ и въ которомъ требуютъ себя права избирать, путемъ всеобщей подачи голосовъ (всеобщая подача голосовъ въ Аравіи!) губернатора и всѣхъ высшихъ должностныхъ лицъ а также назначать судей и сборщиковъ податей; подати предполагаются расходовать, преимущественно, на мѣстныя потребности и только излишекъ передавать въ султанскую казну.

На дняхъ Портѣ пришлось выслушать еще одинъ ультиматумъ. 3-го августа (н. с.) старѣйшій изъ членовъ дипломатическаго корпуса въ Константинополѣ, германскій посланникъ,

графъ Гацфельдъ, передалъ турецкому министру иностранныхъ дѣлъ, Абеддину-Пашѣ, коллективную ноту державъ относительно Черногоріи (князь Николай, въ виду турецкихъ замедленій и пограничныхъ нападений албанцевъ, призвалъ своему дипломатическому агенту выѣхать изъ Константинополя). Въ нотѣ требуется державами, чтобы Порты, въ теченіи трехъ недѣль, или выполнила конвенцію 12-го Апрѣля, по которой обязалась уступить Черногоріи Земскій округъ, или же передала князю Николаю Дульцино; въ противномъ случаѣ передъ Дульцино появится эскадра военныхъ кораблей державъ, подписавшихъ Берлинскій договоръ. Абеддинъ-Паша уже отвѣтилъ, что оттоманское правительство надѣется уладить турецко-черногорскій вопросъ еще до истеченія трехъ недѣль.

Греческій же вопросъ остановился на грозной... точкѣ замерзанія. До сихъ поръ—ни одна держава еще не развела паровъ у своихъ военныхъ судовъ и броненосцевъ и королю эллиновъ осталось уже самому сдѣлать первый шагъ: онъ издать декретъ о мобилизаціи войскъ.

Между тѣмъ, въ греческомъ вопросѣ Англія и Франція встали въ какое-то нѣсколько странное положеніе другъ къ другу. Французская пресса, рѣзко высказываясь противъ участія страны въ морской демонстраціи, въ то же время указываетъ на намѣреніе Англіи, будто бы, втянуть Францію въ рискованную политику. Въ Англіи отвѣчаютъ полнѣйшимъ молчаніемъ на задиранія прессы. Устами Гладстона выражаютъ серьезную го-

(Продолженіе на стр. 649, 650, 651, 652).

товность (какъ уже мы сообщали) добиться дѣла безъ помощи Франціи, даже безъ чьей либо помощи, вообще, и именно посредствомъ блокады турецкихъ гаваней.—Можетъ быть, однако, дѣло еще имѣетъ нѣкоторые шансы на миролюбивый исходъ, такъ какъ пришло извѣстіе, что Турція желаетъ предложить Греціи вмѣсто назначенныхъ ей южныхъ округовъ Фессаліи и Эпира, островъ Критъ. Раздаются уже голоса, со-вѣтующіе Греціи согласиться на замѣну эту, чтобъ избѣжать кровопролитной борьбы съ албанскими племенами Эпира и Фессаліи, которыхъ, несомнѣнно, стали бы поддерживать подготовляемые и отчасти уже подготовленные для того регулярныя турецкія войска.

Князь Миланъ съ супругой прибылъ (инкогнито) въ Вѣну, откуда поѣдетъ въ Ишль (вѣроятно, онъ уже тамъ теперь). Онъ привезъ съ собою записку относительно торговаго договора между Сербіей и Австріей; въ дѣлѣ этомъ, князь выказываетъ гораздо болѣе уступчивости, нежели первый министръ Ристичъ. Сговорчивость его свѣтлости объясняется „горячимъ“ желаніемъ установленія дружественныхъ отношеній съ великой сосѣдней державой (такъ много сдѣлавшей для княжества во время освободительной войны 1876 года!) Эта поѣздка князя Милана въ Ишль пріобрѣтаетъ нѣсколько болѣе крупное значеніе, если принять во вниманіе, что туда же и въ это же самое время пріѣзжаютъ императоры Германскій, Австрійскій и князь Румынскій...

Изъ Ишля императоръ, какъ слышно, отправится въ Галицію. Тамъ ждутъ его несчастные русины, предоставленные въ полное распоряженіе и рабство полякамъ. Тяжело рабство это. Поляки начали съ того, что забрали въ свои руки и колонизировали всѣ угодья русинъ, препятствуя открытію новыхъ; въ университетахъ официальнымъ языкомъ принятъ польскій; въ странѣ, чисто русинской, теперь нѣтъ ни одного доктора, адвоката, нотариуса, который не принадлежалъ бы польской партіи; русины изгнаны, разными ухищреніями, и изъ рейстага и мѣстнаго сейма: русинское большинство имѣетъ всего четыре или пять депутатовъ! Само собою понимается что голосъ ихъ заглушенъ. Русины ждутъ императора, чтобы возвысить теперь голосъ этотъ передъ лицомъ его. Они готовятъ ему отдѣльную свою встрѣчу. Будетъ ли услышанъ подавленный крикъ измученнаго народа?

Князь Бисмаркъ уже приступилъ къ подготовленнымъ работамъ по своему проекту новыхъ налоговъ. Недавно въ Кобургѣ происходилъ съездъ министровъ финансовъ всѣхъ союзныхъ германскихъ государствъ; министры собрались для обсуждения этого предмета, но, повидимому, обмѣлъ мыслей не привелъ еще ни къ какому результату. По слухамъ, либеральныя стороны парламента намѣрены выступить противъ проекта. Въ такомъ случаѣ канцлеръ, говорятъ, намѣренъ опереться на коалицію консервативно-клерикальныхъ лицъ. „Желѣзный князь“ умѣетъ создавать опору себѣ и, вѣроятно, добьется своего.

Гладстонъ (здоровье его поправляется, онъ былъ боленъ воспаленіемъ легкаго) однако, не добился того, чтобы прошелъ проектъ о вознагражденіи ирландскихъ фермеровъ: проектъ отвергнутъ, значительнымъ большинствомъ, въ палатѣ лордовъ, гдѣ противъ него энергически возставалъ лордъ Блэк-оффилдъ. Кабинетъ Гладстона намѣренъ предпринять болѣе солидную аграрную реформу—именно выкупъ ирландскими фермерами земель, которыя они арендуютъ. Странная параллель встаетъ въ воображеніи, когда поставитъ рядомъ цивилизованныхъ англичанъ, отстаивающихъ у себя тяжелое экономическое рабство,—и насъ, русскихъ варваровъ, по одному слову Царя уничижившихъ рабство у себя!

Абдурахманъ-Ханъ, наконецъ, сдѣлался формальнымъ эмиромъ Афганистана. 14-го іюля онъ вступилъ на престолъ. Во всѣхъ мечетяхъ Афганистана отслужены были, по этому случаю, благодарственные молебствія. Города на лѣвомъ берегу Аму-Дарьи были иллюминированы, въ Мазари-Шерифѣ произведенъ былъ 101 пушечный

выстрѣлъ (совсѣмъ по европейски!) Англичане отступили къ Гамдамау. Что-то еще скажетъ соперникъ эмира—Эюбъ-Ханъ?

Маркизъ Цзенгъ, по слухамъ, уполномоченъ только передать о томъ, что правительство Богдыхана желаетъ закончить вопросъ о Кульдѣ миролюбивымъ образомъ и съ тѣмъ, чтобы переговоры происходили въ Пекинѣ. Этимъ, какъ кажется, и ограничиваются всѣ полномочія только что пріѣхавшаго китайскаго посланника. Съ нашей стороны, какъ предполагаютъ, переговоры будутъ вести нынѣшній посланникъ въ Пекинѣ, г. Бидовъ.

Памятникъ датскому писателю Г. Х. Андерсену, въ Копенгагенѣ.
Съ фотогр. грав. М. Рашевскій.

С М Ъ С Ъ.

Ураре, — Урали, — Кураре — Коораре. Подъ этими именами известны ядъ, употребляемый дикарями Южной Америки для отравления стрѣлъ. Первые свѣдѣнія о немъ сообщены известнымъ английскимъ путешественникомъ Вальтеромъ Рали около 1618 года. Какъ въ названіи яда, такъ и въ силѣ его дѣйствія замѣчается разница въ различныхъ мѣстахъ; условія мѣстности имѣютъ значительное влияние на большее или меньшее содержаніе ядовитого вещества въ растенияхъ, изъ коихъ добывается Урари.

Долгое время ядъ этотъ считался какимъ-то таинственнымъ веществомъ; составъ его и способъ приготовленія сохранялись въ секретѣ. Гумбольтъ первый упоминаетъ о простомъ растительномъ происхожденіи этого яда, добываемого изъ сока растений семейства „*Strychnos*“. Другіе путешественники и ученые утверждали, что сгущенный сокъ *Strychnos* есть только суррогатъ яда различныхъ змѣй и муравьевъ съ прибавленіемъ вытяжки кайенскаго перца.

Изъ туземцевъ только специалисты-колдуны занимаются приготовленіемъ Урари; они стараются окружать этотъ сложный процессъ таинственностью и сопровождаютъ его разными заклинаніями, имѣющими будто бы чудодѣйственную силу. Известный английскій путешественникъ Шомбургъ сообщил самыя достоверныя свѣдѣнія о растенияхъ, изъ коихъ добывается Урари, и способъ его приготовленія среди дикарей Гвианы, живущихъ у подножія горнаго хребта Кануку въ округѣ Макузи. Разные виды *Strychnos*, произрастающіе на склонахъ горъ въ этой мѣстности отличаются значительнымъ содержаніемъ яда; а одинъ изъ жителей деревни Урниа славился приготовленіемъ Урари.

Помимо колдовства и чудодѣйственныхъ заклинаній самый процессъ производства оказывается весьма простымъ.*) Смѣсь разныхъ ядовитыхъ веществъ варится въ теченіи сутокъ въ водѣ до густоты сиропа; затѣмъ процеживается, окончательно выпаривается на солнцѣ, пока получится густая бурая масса, похожая на кафейную гущу.

Сила дѣйствія яда не уменьшается въ теченіи двухъ лѣтъ приблизительно; когда же онъ засохнетъ, то его разводятъ свѣжевыжатимъ сокомъ изъ *Manihot* (*Manihot utilisima*), чѣмъ и восстанавливается снова его дѣйствіе. На вкусъ Урари чрезвычайно горекъ; при нагрѣваніи имѣетъ запахъ шоколада. Онъ растворяется весьма легко въ водѣ, въ спиртѣ, эфирѣ, съ чистой сѣрной кислотой даетъ синее окрашиваніе.—Съ кислотами даетъ соли.

Главное дѣйствующее начало Урари есть Ураринъ—безкислородный алколондъ. Его дѣйствіе въ 20 разъ сильнѣе Урари. Опыты надъ животными показали, что ядъ этотъ, введенный подъ кожу, очень быстро производитъ параличъ движеній зависящихъ отъ воли и только спустя болѣе или менѣе продолжительное время наступаетъ параличъ произвольныхъ мышцъ—дыханія и сердцебиенія и затѣмъ наступаетъ смерть.

При несмертельныхъ дозахъ замѣчается весьма усиленное движеніе кишекъ и обильное отдѣленіе пота, съ которымъ Урари и выдѣляется совсѣмъ изъ организма. При впрыскиваніи даже смертельныхъ дозъ Урари подъ кожу—опасный исходъ можетъ быть значительно отдаленъ или даже отвращенъ совсѣмъ если отъ времени до времени перевязывать мышцу выше мѣста впрыскиванія.

У людей, при случайныхъ отравленіяхъ малыми дозами Урари, попадавшими на соединительную оболочку глазъ, въ носъ, на раны,—наблюдали очень сильную, особенную, сдавливающую боль головы, головокруженіе, сильную усталость, усиленную жажду и, что особенно замѣчательно, чрезвычайно обильное отдѣленіе пота, слезъ, слюны и т. п.

Какъ лекарство Урари употребляется при эпилепсіи (падуцей болѣзни) нѣкоторыхъ формахъ столбняка, отравленіяхъ стрихниномъ и въ послѣднее время при водобоязни; но наблюденія надъ его дѣйствіемъ такъ немногочисленны, и невыработаны, что положительныхъ результатовъ изъ нихъ вывести еще нельзя.

Колумбійскій врачъ Арончо сообщаетъ интересныя свѣденія еще объ одномъ ядѣ для стрѣлъ въ Южной Америкѣ, добываемомъ изъ особенной породы жабы, называемой Неачра. Изловивъ съ большими предосторожностями эту жабу, ее перевязываютъ по срединѣ тѣла и подвѣшиваютъ на треножникъ надъ огнемъ такъ, чтобы она возможно долѣ оставалась жива. При этомъ изъ подъ покрововъ гады истекаетъ жидкость, употребляемая для отравленія стрѣлъ. Этотъ ядъ дѣйствуетъ еще сильнѣе Кураре, но лишь впрыснутый подъ кожу или введенный инымъ образомъ въ кровообращеніе; принятый же внутрь, остается безъ всякаго дѣйствія, какъ и всѣ животныя яды. По наблюденіямъ Андре дикая коза, раненная стрѣлою, отравленной жабыимъ ядомъ, умерла черезъ 2 минуты; ягуаръ черезъ 4 минуты. Противоядія жабыему яду не существуетъ, такъ что дикій Гвианы, случайно раненный этимъ ядомъ напитанною стрѣлою, немедленно ложится въ такое положеніе, въ какомъ жelaетъ предстать предъ Высшее Существо.

РАЗНЫЯ ИЗВѢСТІЯ.

Опыты. Въ первыхъ числахъ августа мѣсяца сего года будутъ производиться близъ Петербурга весьма интересные опыты съ новыми американскими жатвенными и сноповязальными машинами фирмы „*Wiscueyes*“. Эти машины будутъ жать и одновременно связывать снопы. Для землевладельцевъ эти опыты будутъ конечно имѣть большой интересъ, такъ какъ означенныя машины въ сравненіи съ ручной рабочей силой имѣютъ громадное преимущество въ скорости работы и дешевизнѣ. Имъ можно обрабатывать около восьми десятинъ въ день, т. е. столько же, сколько могутъ исполнить въ это же время отъ 50 до 60 человекъ. Конкурируя на выставкѣ въ Англій, Америкѣ и во Франціи съ машинами другихъ фабрикантовъ, онѣ удостоены были первыхъ золотыхъ медалей.

Агентъ въ Петербургѣ г. Клугъ (по Вознесенскому пр. № 11) объявитъ заранѣе день и мѣсто, гдѣ будутъ производиться эти опыты, а также разъяснитъ все, касающееся этого предмета.

Живыя ламбрекены. Простую губку обдаютъ кипяткомъ, продѣваютъ сквозь нее шнуръ или ленту, одинъ конецъ которой завязываютъ узломъ. Въ поры губки насаживаютъ сѣмена незабудокъ, фиалокъ, Иванъ да Марья и разныхъ травъ. Такую губку вѣшаютъ на окнѣ, на солнцѣ и постоянно смачиваютъ ее водою. Черезъ недѣлю сѣмена начинаютъ всходить и губка образуетъ зеленый мячъ. При правильной поддержкѣ влажности, скорѣй показываются и цвѣты. Такими губками, насажен-

ными на шнуры, можно красиво убрать окна. Въмѣсто губокъ для этой цѣли берутъ и сосновые шишки. Сѣмена тогда вкладываются за чешую и присыпаются землею или обкладываются мохомъ. Точно также и шишки слѣдуетъ держать постоянно влажными.

Тарананы какъ народное лѣкарство. Въ деревняхъ порошокъ изъ высушенныхъ черныхъ таранановъ давно употребляется какъ лѣкарство и это нельзя считать вздоромъ, суевѣріемъ, а тарананы дѣйствительно обладаютъ такимъ дѣйствіемъ. Такое же врачебное свойство было испытано въ клиникѣ проф. Боткина, въ Петербургѣ, и оказалось вполне дѣйствительнымъ у больныхъ страдающихъ водянками, отъ пороковъ сердца, болѣзней печени и почекъ Д-ръ Богомоловъ, который первый научно сталъ изслѣдовать это свойство черныхъ таранановъ, нашелъ въ нихъ особый алколондъ или особое сильно дѣйствующее начало, которое онъ назвалъ антигидроциномъ.

Продана автографовъ. На дняхъ въ Лейпцигѣ происходила аукціонная продажа автографовъ. Самые интересные изъ нихъ проданы: письмо королевы Елисаветы англійской за 375 фр.; письмо Джона Локка къ Тойяру въ Парижѣ, за 201 фр.; письмо Кальвина за 125 фр.; манускриптъ Гайдна—344 фр.; манускриптъ Шуберта—162 фр.; манускриптъ Бетховена—144 фр.; письмо Вебера—185 фр.; маленькая записка Фридриха Великаго—99 фр.; записка Вольтера—149 фр.; письмо Гете—75 фр.; два письма Шиллера—349 франкъ., два письма Лессинга, одно—351 фр., другое—348 фр.

*) 20 фунтовъ *Strychnos toxifera*, по $\frac{1}{4}$ ф., *Str. Iakki*. *Str. cogens* (arimara), *Str. Macarimo*, по $\frac{1}{2}$ унціи растения *Tatireng* и корня *Maromu* (*cissus spinosa*), дальѣ 3 ф. Машины (*Xanthoxyloae*) весьма горькое вещество.

Рѣшеніе алгебраической задачи № 56.

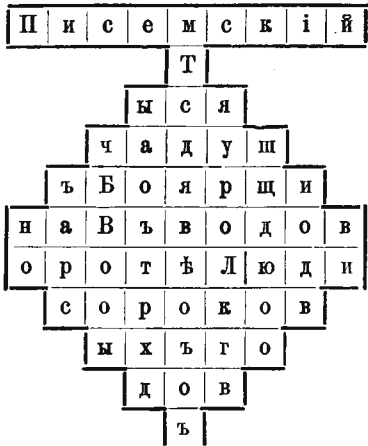
$$\begin{aligned} I &= x; II = y; III = z; IV = u. \\ x - z &= y + z & x - y &= 2z \\ 2(x + y) &= 52 & 2x + 2y &= 52 \\ x - 2(z + u) &= 7 & x - 2z - 2u &= 7 \\ x + u &= 2y & x + u &= 2y \\ \left. \begin{aligned} x &= 17 = P \\ y &= 9 = II \\ z &= 4 = \Gamma \\ u &= 1 = A \end{aligned} \right\} \text{Рига.} \end{aligned}$$

Вѣрныя рѣшенія этой задачи присланы. Спб. Пазухина, Новоселова, Козловой,

Иванова, Венергъ, Васенко, Борнеманъ, Бергманъ; Москва: Галактионова, Воборис, Михайлова, Эгергъ, Лебедева, Гилль, Коробкова, Галинова, Бергъ—ядъ, Бровкина, Сегалова, Франковскаго, Звякина, Барсукова; Ковель—Вальковича, Ялуца—Ивановскаго, Н. Новгородъ—Обухова, Харьковъ—Бибикова, Коломна—Крылова, Рига—Галушка, Одесса—Кривоша, Цейффера, Новгородъ—Мстислава, Чугова, Кіевъ—Пасюгина, Кронштадтъ—Фабръ, Муромъ—Дегарева, с. Вешини—Магъева, Казань—Шеншина, Нагулло, Ново-Ювелъ, Шуя—Щеколдина, Ростовъ на Дону—Давылова, Елизаветградъ—Исуржмбскаго, Свхневича, Слуцкъ—Коссовскаго, с. Медвѣдь—Лейциггеръ, ст. Ушани—Ненастнаго, Весьегонскъ—Асыркова, Вильна—Будяча, Гельсингфорсъ—Язвинскаго, Динабургъ—Степанова, Мошенинона, Усть-Ижора—Ж. В., Дрисса—Теченса, Фаустово—Иванова, Люблинъ—Розентале, Тулавецка, Варшава—Словейчика, Сопона, Гумушъ—Милюкова, Рязань—Лаврова, Брянскъ—Писареко, Тула—Кулакова, Минскъ—Иванова, Рижскъ—Воронова, Серпуховъ—Иконникова, Меректа—Крылова, Вологда—Смѣлкина, Азорьяна, м. Почепъ—Подольскаго, Бѣгородъ—Гурѣва, Насимовъ—Умповъ, Кременчугъ—Беревицкаго.

Рѣшеніе задачи буквъ № 54.

- 1) ши, 2) шуба, 3) сто, 4) вы, 5) Корсовъ, 6) ядь, 7) по, 8) дыни,
- 9) юрій, 10) точка, 11) смѣхъ, 12) оводъ, 13) виги, 14) до,
- 15) осел, 16) ров.

Вѣрныя рѣшенія этой задачи присланы: Спб. отъ гг. Высочкой, Уртъева, Измайлова, Паншина, Комылова, Г—ва, Шашина, Милко-Руси; Москва—Юдина, Бѣлякина, Звѣкина, Вайкова, Борешкова, Барукова, Шпарро; с. Вишнинеи—Матафева, Петергофъ—Зейме, Хортоно—Везобразова, Шмидтъ, Петегели, Казань—Порѣцкаго, Нагулло, ст. Хотынецъ—Апухтина, Шувъ—Щеколдина, Рига—Галушина, Одесса—

Ифейферъ, ст. Бучины—Дагаева, Нострома—Солодовникова, Весеюгонскъ Асмркова, Новель—Вѣльковачъ, Ковно—Ювецъ, Кронштадтъ—Даржакъ, Фабрт.

Рѣшеніе шашечной задачи № 50.

Бѣлыя.		Черныя.	
Съ № 32 на № 28		Съ № 24 на № 31	
" № 9 " № 13		" № 31 " № 9	
" № 6 " № 10		" № 14 " № 5	
" № 2 " № 6		" № 15 " № 2	
" № 30 " № 16		" № 8 " № 15	
" № 7 " № 11		" № 15 " № 6	
" № 4 " № 14		" № 19 " № 10	
" № 21 " № 26		" № 29 " № 22	
" № 25 " № 18		" № 22 " № 13	
" № 16 " № 3			

Вѣрныя рѣшенія этой задачи присланы: Спб. отъ гг. Григорьева, Журкина, Черникова, Карева, Румянцова, Некрасова, Диренкова, Балашкина, Геннинга, Маликина; Москва—Банкова, Шалопникова, Виднова, Козырева, Сорозова, Воденѣва; Сергев. пос. Сычова; Брянскъ—Успенскаго; Н. Новгородъ—Бовина, Обухова; Свѣаборгъ—К. С.; Угличъ—Калашникова; Самара—Лукина; Елецъ—Волушкаго; Орель—Штергербергъ, Копысь—Гинзбурга, Рыбинскъ—Казакова; Таганрогъ—Кочеткова, Тавопа.

СОДЕРЖАНІЕ: Утрожь. Стихотвореніе (съ рис.) Н. Салтыкова.—Купленное счастье. Романъ Н. Морскаго. (Продолженіе).—Зарница. Историческая быль В. Политковскаго. (Продолженіе).—Современныя турмы. Очеркъ (съ рис.)—Дѣти (съ рис.)—Венецианка (съ рис.)—Похороны среди океана (съ рис.)—Памятникъ Г. Х. Андерсену (съ рис.)—Политическое обозрѣніе.—Сибирь.—Рѣшеніе алгебраической задачи.—Рѣшеніе задачи буквъ.—Рѣшеніе шашечной задачи.—Объявленія.

Издатель А. Ф. Марисъ.

Редакторъ Ф. Бергъ.

О Б Ъ Я В Л Е Н І Я.

ВЪ НИЖНОМЪ и музыкальномъ магазинѣ І. Шмидта, Москва, у Никитскихъ воротъ, на углу Леонтьевского пер., д. Воейковой, поступили въ продажу въ дешевыхъ изданіяхъ Литольфа и Бузей слѣдующія изданія для фортепіано въ 2 руки:

Полныя оперы: Fidelio, Edmont, Norma, Puritani, Somnambula, Romeo et Julie, Dame blanche, Lucia, Elisir d'amore, Zampa, Don Juan, Figaro, Zauberflöte, Barbier, Othello, Freischütz, Oberon, Euryanthe, Sommernachtstraum, Athalie; цѣна каждой оперы 50 к. въ роскошномъ изданіи 60 коп.;—Favorita, Lucrezia, Дочь полка 60 к.; Ballo in maschera, Domino noir, Don Pasquale, Ernani, Fra diavolo, Martha, Muette de Portici, Rigoletto, Robert, Semiramide, Traviata, Trovatore, Tell, Linda, Faust, Africana, по 75 к. Dinorah, Huguenots, Lohengrin, Tannhäuser по 1 р. 50 к.

Полныя оперетты: Разбойники, Герцогиня Герольдштейнская, Madame Angot, Птички пѣвчія, Принцесса Требизонская, Прекрасная Елена, Орфей въ аду, Синаи Борода, по 75 коп., Жирюфле, Prince Conti по 1 р. 50 коп.

Три альбома Штрауса, содержащихъ 18 извѣстнѣйшихъ вальсовъ. I альбомъ; На берегахъ прекраснаго Дуная, Carnevale Botschafter, Künstlerleben, Morgenblätter, Times-Valse, Wiener-Kinder, Annen Polka. II альбомъ: 1001 ночь, Telegrammen, Neu Wien, Journalisten, Convent-garten, Promotionen; III альбомъ: Wiener-Blut, Doctrinen, Dorf-schwalben, Wein, Weib und Gesang, Ballroten, Lilienkränze. Цѣна каждого альбома 75 коп.; 33 любимыхъ танцевъ (вальсовъ, полекъ, кадрили, мазурокъ) Штрауса (отпа) въ 3 альбомахъ по 50 коп.. 25 извѣстнѣйшихъ сочиненій А. Рубинштейна средней трудности въ 3 альбомахъ по 75 коп.

Полное изданіе сочиненій Шопена, въ прекрасномъ изданіи Литольфа, перомъ Кёлеромъ (по отаву Вюлова лучшее изъ всѣхъ изданій) въ 15 альбомахъ; I) 14 вальсовъ II) 19 Nocturnes, III) 12 Polonaises, IV) 5 Mazourkas, V) 4 Ballades, VI) 5 Fantaisies & Impromptus, VII) 25 Préludes VIII—IX) 27 Etudes X) Rondos et Variations, XI) 4 Scherzos, XII) 3 Sonates, XIII) 5 Concerts, XIV) 3 Concertstücke, XV) 9 разн. сочиненій; цѣна каждому альб. 40 коп.

Полное изд. соч. Мендельсона, въ 2 томахъ 2 руб.; отдѣльно: 48 пѣсенъ безъ словъ 50 коп., въ роскош. изд. 1 р.; всѣ сонаты 50 к., всѣ фантазіи и капричио 75 коп.; всѣ прелюдіи, фуги и вариации 75 коп.; всѣ концерты 75 коп.; всѣ симфоніи въ 2 руки 1 р.; въ 4 руки 1 р. 25 коп.; всѣ увертюры въ 2 руки 60 коп.; въ 4 руки 1 р. 25 коп.

194 русск. народныхъ пѣсенъ, переизложенныхъ для фортепіано К. Кёлеромъ 1 руб. 14 коп.; полонезъ Опенскаго 50 коп.; 18 ноктюрнъ Флильда 60 коп.

Упаковки и пересылка на счетъ магазина.
При магазинѣ имѣется: Абонементъ для чтенія нотъ. Годовая цѣна 8 руб., на 6 мѣсяцевъ 5 руб., на 3 мѣсяца 3 руб.; въ абонементъ отпускаются ноты для всѣхъ инструментовъ, партитуры, школы, упражненія и др.—Продажа свѣжихъ итальянскихъ струнъ, нотной бумаги и всѣхъ музыкальных принадлежностей по умѣреннымъ цѣнамъ.

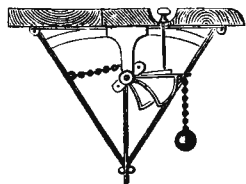
Съ 1 Января 1881 года черезъ каждое 3 мѣсяца магазинъ будетъ высылать своимъ многоруднымъ покупателямъ безплатно преисъ-куранты всѣхъ русскихъ и иностранныхъ музыкальных новостей вышедшихъ въ предъидущихъ 3 мѣсяцахъ и заслуживающихъ вниманіе публики.

Фирма І. Шмидтъ существуетъ съ 1869 года. № 827 1

ЕДИНСТВЕННЫЙ МЕХАНИЗМЪ

замѣняющій ватерлиозетъ
УСОВЕРШЕНСТВОВАННЫЙ РЕТИРАДНИКЪ

НЕ ПОРЯТЯЩІЯСЯ ОТЪ МОРОЗА.

Цѣна ретирадника 12 руб., бумага для ретирадника 2 р. за 1,000. За укладку для дороги въ лѣтцѣ 1 р. 25 коп. за штуку, въсѣ съ укупокою—два пуда.

Заказъ принимаютъ англійскій магазинъ В. ЧИДСОНЪ у Баянскаго моста. И въ мастерской по Семёновскому пер., домъ № 3, кв. № 22, въ первомъ этажѣ.

Гг. многорудные благоволятъ адресоваться въ мастерскую на имя Баруаминъ, въ С.-Петербургѣ.

Иллюстрированныя описанія мастерская высылаетъ № 829 безплатно. 1—1

Карль Ивановичъ Вагнеръ,

Садовое заведеніе въ Ригѣ,

№ 826 2—1

Смигъ имѣеть честь довести до свѣдѣнія любителей, что
Иллюстрированныя каталоги деревьямъ, растеніямъ и пр.
на 1880—1881 г.

изданы и разосланы исѣмъ настояннмъ покупателямъ этой фирмы.

Прочимъ же лицамъ, желающимъ получить таковыя, посылаются каталоги также безплатно, смотря по замѣленію на русскомъ языкѣ, или на французскомъ и нѣмецкомъ.

ГАЛЬМАНИНЪ.

Послѣ многочисленныхъ опытовъ мнѣ удалось составить счастливую смѣсь (Гальманинъ) предотвращающую совершенно прѣвие частей тѣла, въ особенности же прѣвие ножныхъ пальцевъ. Въ короткое время средство это сдѣлалось извѣстнымъ во всемъ краѣ. Въ составъ его входятъ средства совершенно безвредныя; онъ не задерживаетъ потъ, но поглощаетъ его, образуя мелкіе микроскопическіе кристаллы; эти-то качества и даютъ ему преимущественно надъ средствами до сихъ поръ употребляемыми въ Германіи и Франціи.

Гальманинъ своимъ дѣйствіемъ, осушая части тѣла, прѣвие ихъ дѣлаетъ невозможнымъ; посему лицамъ, принужденнымъ много ходить, средство, мною изобрѣтенное, можетъ оказать величайшую услугу. Довольно натереть Гальманиномъ разъ въ нѣсколько дней прѣвія части, помощью ваты, подлога или вощины, чтобъ избѣгнуть тѣхъ непріятныхъ послѣдствій, каковыя бывають подверженымъ лица, принужденныя долго ходить въ лѣтніе, жаркіе дни.

Ручаясь исполнѣ за дѣйствительность изобрѣтеннаго мною Гальманина, что подтверждаютъ многочисленныя опыты варшавскихъ врачей, смѣю обратитъ вниманіе публики, дабы она остерегалась подлога въ и покупала Гальманинъ только въ коробочкахъ снабженныхъ моею фирмою.

Склады Гальманина находятся во всѣхъ аптекахъ, а также у дрогистовъ въ значительнѣйшихъ городахъ Европы. Главное депо въ моей аптекѣ въ Варшавѣ. Большая коробочка Гальманина 50 к.; меньшая коробочка 30 к.

В. Карнинскій.

Магистръ фармаціи, владѣлецъ аптеки въ Варшавѣ, ул. Електоральная, № 35 (новый). № 586 12

НОВАЯ

улучшенная и патентованная системы Зингеръ
РУЧНАЯ ШВЕЙНАЯ МАШИНА

работаетъ менѣе шумно, легче и скорѣе
чѣмъ всѣ существующія теперь ручныя машины. Специальныя машины для вязанія, выметыванія пелетъ, вышиванія плиссѣ, для шитья перчатокъ, военныхъ голенищъ, мѣшковъ, парусовъ и кожи до 1 1/4 дюйм. толщины съ варною драгтой и всѣхъ другихъ ручныхъ и ножныхъ машинъ для семейныхъ и ремесленныхъ употребленій.

Выслана подробнаго преисъ-куранта безплатно.
Складъ швейныхъ машинъ всѣхъ системъ.

К. № 689 А. ШТЕЙНЪ, С.-Пѣтб. Вознесенскій просп. № 21. 5—1

БАНКИРСКАЯ КОНТОРА ЯКОБСОНЪ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ, Литейный проспектъ, д. № 21.

Продана 5% съ выигр. билет. съ расрочкою платежей, съ завыигрившъ, курсовая разница и купоны составляютъ собственность покупателя.

Страхованіе отъ тиража 5% съ выигрившими билетами по 50 к.

Отъ гг. многорудныхъ, включая почтовые расходы, по 60 коп. за билетъ. Всѣ биржевыя и банкірскія операціи по покупкѣ и продажѣ и ваготу бумагъ отъ гг. многорудныхъ исполняются по письменнымъ приказамъ черезъ почту.

Пріемъ на комиссію 5% билетовъ для обмѣна на монету.

Подробная программа операцій помѣщена въ «Нивѣ» № 5 сего года.

№ 872 6—3

ШВЕДСКИЙ КАРДОНЪ.

КРОВЕЛЬНЫЙ ТОЛЬ.

Прейсъ-курантъ и всѣ свѣденія выдаются и высылаются бесплатно.

ВЫШЛА АВГУСТОВСКАЯ КНИЖКА „СОБРАНИЯ РОМАНОВЪ“.

Преступленіе Марсыяла, Луи Ульбаха.—Что въ имени тебѣ моемъ? Э. Д. Джерарда.—Трагическое наследство, Константа Геру (окончаніе).—Паровой домъ, путешествіе по Сѣверной Индіи, Жюль Верна.—Амуръ въ открытомъ морѣ.—Собаке чутье.—Въ двѣнадцать часовъ дня.

Кромѣ романа оконченнаго въ этой книгѣ, въ нынѣшнемъ году окончено еще четыре: Сломанный вѣтеръ, Арсена Гуссе; Намѣренія мистера Стюарта, Ф. Робинсона; Слѣды на снѣгу, Дорн Россель; Терновый замъ, Луи Ульбаха.

Къ печати приготовлено: ГВАРАНИСЪ, Густава Эмара. СПРЯТАННОЕ ЗОЛОТО, Френка Баррета. ДѢТИ ГЕРЦОГА, Энтони Троллопа.

Цѣна за годовое изданіе, состоящее изъ 12 книгъ большаго формата выходящихъ всегда въ началѣ мѣсяца и составляющихъ въ годъ около пяти тысячъ страницъ, безъ доставки десять руб. пятьдесятъ коп., съ доставкой въ С.-Петербургѣ—одинадцать руб., для иногороднихъ подписчиковъ—двѣнадцать. Подписка принимается исключительно на имя издательницы Елисаветы Николаевны Ахматовой, въ домѣ Жербина, на Михайловской площади, въ С.-Петербургѣ.

Подписка продолжается. Выдаются всѣ вышедшія книги съ 1-го.

При редакціи открыта книжная торговля. Каталог высылается бесплатно. № 732 1—1

НОВѢЙШЕЕ ИЗОБРѢТЕНІЕ.

ФРАНКФУРТСКІЯ МОЛОТКИ СИСТЕМЫ ВЕЙЛА.

Доставляются на каждую желѣзно-дорожную станцію въ слѣдующемъ выборѣ: 1) производимыя двумя людьми; 2) съ одной, въ 3) съ двумя, въ 4) съ четырьмя лошадиными силами.

По желанію съ аппаратомъ, производящимъ одновременно очистку зерна.

Подшипники на своихъ собственныхъ колесахъ, онѣ могутъ дѣйствовать вездѣ, гдѣ ихъ ни поставитъ. По письменному требованію иллюстрированный каталогъ находится у Морца Вейла.

Машиная фабрика въ Франкфуртѣ-на-Майнѣ (въ Германіи).

Ptr. № 690 11—6

Корреспонденція по-русски.

М. МОРГЕНШТЕРНЪ.

Большая Морская, д. Лауферта № 27.

ДЕПО АМЕРИКАНСКИХЪ ШВЕЙНЫХЪ МАШИИЪ

всѣхъ системъ, какъ-то: Зингера отъ 50 до 60 р., Гау 50—60 р., Гровера и Венера 65—85 р., Вилгера и Вильсона 45—75 р., и друг. для семействъ и мастерскихъ.

Спеціальныя машины для портныхъ, сапожниковъ, сѣдельныхъ, каретныхъ и пр. отъ 60—250 р. эвальныя машины новѣйшихъ и лучшихъ конструкций.

Большой выборъ рутинныхъ машинъ всѣхъ системъ: Зингера отъ 38 до 45 р., Гау, 30 р. Гровера и Венера 45—65 р., Гамилтонъ 35—45 руб., Лизкоуль 28 р., Вашингтонъ 32 р., Литл, Вандеръ 25 руб., Ронайнъ 35 р., Эксперъ 15 р.

Письменная гарантія отъ 2 до 6 лѣтъ. Обученіе въ пошивкѣ или на дому бесплатно; починка машинъ всѣхъ системъ; большой выборъ швейныхъ принадлежностей какъ-то: иглокъ, катушекъ, нитокъ, шелку и пр. по самымъ дешевымъ цѣнамъ. Для гг. иногороднихъ покупателей принимаемъ ручательство на хорошую доставку машинъ; на упаковку ничего не считается. Машины для складыванія писемъ большаго формата 20 руб. № 581 1

При этомъ № прилагается для гг. иногороднихъ подписчиковъ преісъ-курантъ отъ чайнаго магазина О. Корещенно въ Москвѣ.

Сѣнокосилка и жатвенная машина ПАЛЬМГРАНЦА.

Эта новая, оригинальная машина принадлежитъ къ самымъ простымъ, дешевымъ и легкимъ машинамъ такого рода настоящаго времени. Всѣ зубчатки и движущіе механизмы прикрываются въ ащитѣ, но въ то же время доступъ къ нимъ удобенъ и легокъ. Движущіяся части значительно уменьшены и при всей машинѣ имѣется всего одинъ подшипникъ. Конструкция она проста и солидна и на ходу отъ того легка, что для кошения травы всего требуется одна крестьянская лошадь. Всѣхъ машинъ 17 пуд. Цѣна 200 руб. Цѣна сѣнокосилки съ жатвенными аппаратами 225 р.

ЕДИНСТВЕННЫЙ СКЛАДЪ У ТОВАРИЩЕСТВА.

БУРКГАРТЪ И УРЛАУБЪ,

въ С.-Петербургѣ, Васильевскій островъ, 1-я линия, домъ 14; въ Москвѣ, по Масляной, домъ Сытова.

Иллюстрированныя преісъ-куранты по требованію. 2—3 № 823

НОВАЯ КНИГА:

ВОЛГА

Иллюстрированное изданіе В. РАГОЗИНА. Томъ 1-й. 8°, съ географическимъ атласомъ (in folio)

3 руб. 50 к. Перес. за 5 ф.

Главн. складъ Придв. иним. маг.

ШИМЦДОРФЪ.

Невскій пр. № 5.

Ptr. № 818 3—3

ТОРГОВЦАМЪ И УПОТРЕБИТЕЛЯМЪ СМАЗОЧНЫХЪ ИЗДѢЛІЙ:

Именно колесной и машинной мази,

просятъ обратиться со своими требованіями прямо въ отпечной складъ Рижскихъ фабрикъ В. П. Ганемана въ С. Петербургѣ, по Вознесенскому пр. № 15—45; такъ какъ въ послѣднее время вышущаяся мелкими новыми фирмантами мазь негоднаго качества, и складъ можетъ только ручаться за товаръ выписанный прямо отъ него. Преісъ-куранты высылаются бесплатно. W. № 832.

ЖАКЪ и К° ВЪ ПАРИЖѢ.

Извѣстнѣйшій фабрикантъ ваксомъ для чистки сапогъ; помада для чистки металла, лѣсъ для смягченія и возобновленія дамской обуви и проч.

Отпечная продажа находится въ складѣ В. П. Ганемана, въ С.-Петербургѣ, по Вознесенскому пр. № 15—45, куда проситъ обращаться съ требованіями. W. № 831

№ 7 ВЛАДИМИРСКАЯ № 7

ДЛЯ САДОВЪ И КОМНАТЪ

БЕНГАЛЬСКІЕ ОГНИ:

Красный, зеленый, синий, фиолетовый и пр. цвѣта въ патронахъ по 15 и 25 коп. Электрическій свѣтъ 20 коп. Огнидышція колеса 20 коп. Рижскія свѣчи и золотыя звѣзды. Огнидышція колеса 20 к. Фонари для иллюминаціи отъ 4 к. Продажа отпечъ и въ розницу.

Иногородные заказы исполняются немедленно. Дѣло Химическихъ лабораторій и заграничныхъ фабрикъ.

№ 7 ВЛАДИМИРСКАЯ № 7

МУЗЫКАЛЬНЫЕ ЯЩИКИ

въ весьма большомъ выборѣ, шарманки, ручныя органы, органчики для птицъ, фисгармоній, гармоны-флюты съ органомъ и проч., рекомендуютъ по очень дешевымъ цѣнамъ

главное депо музыкальныхъ инструментовъ

Юлія Генриха Циммермана.

С.-Петербургѣ, по Больш. Морской улицѣ, № 42. Подробный преісъ-курантъ бесплатно. W. № 834.

Объявленіе объ изданіи трехъ книгъ: „Современное общество“ и одной книги: „Религія и современное знаніе“, (изъ серіи ежегоднаго изданія книгъ: „Опытъ естественнаго богословія“). Подписная цѣна за четыре книги 4 рубля, а съ пересылкою 5 рублей. Первая книга уже напечатана и вслѣдъ выйдутъ вторая и третья. Продажная цѣна по прекращеніи подписки, послѣ выхода третьей книги,—будетъ 5 руб.; а съ пересылкою и доставкой 6 рублей. Складъ книгъ въ С.-Петербургѣ, въ конторѣ типографіи Товарищества „Общественная Польза“, въ собственномъ домѣ № 39, куда высылаются деньги и адреса. № 830

Частная гимназія и коммерческаго училище.

Д-р А В И Д Е М А Н А.

Преподаваніе учебнаго года 1880—81 открывается въ сторонкѣ 19-го Авг. с. 1. Приемные экзамена новыкъ воспитанниковъ назначаются на понедѣльникъ 18-го Авг. съ 9 час. утра до 3 часовъ пополудни. Приемные воспитанники должны представить метрическое и оспопрививательное свидѣтельство. Воспитанники окончившіе полный курсъ имеютъ право на отбитіе воинской повинности въ теченіи полевой.

Во время канікулъ, Директора господина Эрделя можно вѣстать въ училищѣ каждую среду и субботу отъ 10 до 1 часа для полученія нужныхъ свѣденій.

Вас. Остр. по 9 лин. д. № 44, кв. № 17. № 787 5—4

Директоръ д-ръ Карлъ Эрдель.

НИВА

ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ
ЖУРНАЛЪ
ЛИТЕРАТУРЫ
ПОЛИТИКИ И СОВРЕМЕННОЙ ЖИЗНИ.

XI годъ
№ 33

годъ XI
1880

Выходитъ еженедѣльными №№ въ два листа съ 6—10 рис. и еженесячн. даровымъ приложеніемъ „Парижскихъ модъ“ (отъ 20 до 40 модн. рис. Выданъ 16 Августа 1880 г. и листа чертеж. выкроекъ (отъ 22 до 30 рис.) разн. рис. рукод. работъ (отъ 20 до 40 рис.) Цѣна этого № „Нивы“ 15 к. съ перес. 20 к.

ОБЪЯВЛЕНІЯ
для напечатанія въ „НИВѢ“ принимаются по 25 к. за строку конпарейль (въ 1/4 ширины страницъ).
КОНТОРА
журнала открыта ежедневно (кроме воскресныхъ и праздничныхъ дней) отъ 10 ч. утра до 6 ч. вечера.

Открыта подписка на „НИВУ“ 1880 г.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА НА ГОДОВОЕ ИЗДАНИЕ „НИВЫ“

Безъ доставки въ Петербургъ . . . 4 р.

Безъ доставки въ Москву чрезъ кн. маг. гг. Шалошникова, Соловьева и Лангъ. 5 р.

Съ доставкою . . . 5 р.

Съ пересылкою въ Москву и другіе города Россіи 6 р.

На полгода безъ доставки 2 р., съ доставкою 2 р. 50к., съ пересылкою иногороднымъ 3 р.

Каждый новый подписчикъ получаетъ все уже вышедшіе въ 1880 г. номера.

ПРИЛОЖЕНІЯ.
Особые приложенія при „НИВѢ“ объявленія отъ торговыхъ домовъ принимаются для иног. по 5 р. съ тысячи, для городскихъ по 4 р.
РУКОПИСИ.
Мелкія рукописи и стихинедобныя печати авторовъ не возвращаются.

КОНТОРА ЖУРНАЛА „НИВА“ ПОМѢЩАЕТСЯ ВЪ С.-П.-БУРГѢ, НА Б. МОРСКОЙ, ВЪ Д. № 9.

Н. Д. АХШАРУМОВЪ.

Имя Николая Дмитриевича Ахшарумова давно извѣстно читающей публикѣ. Романы его и повѣсти, часто на фантастическія темы, всегда читались съ большимъ интересомъ и производили впечатлѣніе. Тонкій психологическій анализъ, знаніе жизни, умѣнье ярко и интересно обставить событія разсказа, неослабывающій интересъ интриги — все это достоинства, которыя всегда, при всѣхъ направленіяхъ и вѣяніяхъ литературныхъ, будутъ имѣть свою большую цѣну. Не въ цѣляхъ нашего журнала дѣлать подробные критическіе обзоры произведеній того или другаго автора, но такъ какъ до сихъ поръ не было въ печати свѣдѣній библиографическихъ о произведеніяхъ Н. Д., то мы находимъ нелишнимъ здѣсь привести возможно полный списокъ его произведеній, списокъ, который будетъ имѣть значеніе какъ первый въ этомъ родѣ.

Собственно большихъ беллетристическихъ произведеній Н. Д. восемь. Первый опытъ литературной дѣятельности Н. Д. штука „Маскарадъ“ (1845 г.) ин-

Н. Д. Ахшарумовъ. Рис. и грав. А. Нейманъ

скомъ театрѣ въ бенефисъ Сосницкой; затѣмъ „Двойникъ“ фантастическая повѣсть (подъ псевдонимомъ Чернова) Отеч. Зап. 1850 г. „Игрокъ“ фантастическая повѣсть Отеч. Зап. 1858 г. т. СХХІ. „Чужое имя“ романъ, Русск. Вѣстн. 1861 г. въ 6 книгахъ. „Мудреное дѣло“ очерки изъ лѣтописи русской словесности эпохи 1864 г. „Натурщица“ повѣсть Отеч. Зап. 1866 г. кн. 3 и 4. „Граждане хѣса“ прекрасная „связка“ въ Всемирномъ трудѣ 1867 г. Апрель, Май и Июнь. „Мандаринъ“ романъ, Заря 1870 г. „Концы въ воду“ ром. Отеч. Зап. 1872 г. въ 3-хъ кн. Кроме этого въ настоящее время Н. Д. ованчиваетъ большой романъ, давно задуманный и начатый — „Старое и Новое“.

Когда въ „Русскомъ Вѣстникѣ“ стали появляться частями романъ Н. Д. „Чужое имя“ онъ читался съ большимъ интересомъ. Содержаніе его въ томъ, что человекъ отобралъ у умершаго въ дорогѣ своего попутчика документы его и деньги а ему вложилъ свои документы и затѣмъ пошелъ гулять по свѣту подъ чужимъ именемъ. Вѣчнос

опасение, вѣчная тревога, чтобы его не узнали прежніе знакомые, и чтобы ему не пришлось расплачиваться за содѣянное—такое положеніе главнаго лица романа держитъ читателя въ постоянномъ возбужденіи, усиливающимся еще прекраснымъ и полнымъ драматизма изложеніемъ. „Граждане лѣса“—оригинальная, полная юмора, оживленная, прелестная сказка, представляющая по формѣ нѣчто единственное въ этомъ родѣ, также имѣла заслуженный успѣхъ, хотя печаталась первоначально въ журналѣ не имѣвшемъ значительнаго распространения. Въ лѣсу разныя животныя собираются въ правильное общество, избираютъ себѣ власть и стараются управиться со своими дѣлами. Все это подаетъ поводъ къ разнымъ остроумнымъ сближеніямъ и наводитъ на мысли о нашемъ человеческомъ обществѣ. Романъ „Чужое имя“ былъ переведенъ на нѣмецкій языкъ и въ Германіи также пользовался успѣхомъ.

Дѣятельность Н. Д. какъ литературнаго критика была довольно обильна. Главнѣйшія статьи „О порабощеніи искусства“ Отеч. Зап. 1858 г. т. СХІХ. Разборы „Тысячи думъ“ Писемскаго, „Воспитанницы“ Островскаго и „Дворянскаго гнѣзда“ Тургенева въ сборн. „Весна“ 1859 г. Разборъ „Обломова“ Гончарова въ Р. Вѣстн. 1860 г. февр. О „Горькой судьбинѣ“ Писемскаго въ Зап. Акад. Наукъ 1860 г. удостоенная отъ Академіи золотой медали. Рядъ критическихъ статей въ „Все-

мірномъ трудѣ“ 1867—1870 г. Затѣмъ собственное изданіе Н. Д. въ 1868 г. „Русскія сказки“ изданіе, повторившееся въ 1871 году.

Въ этомъ же № на стр. 669 мы прилагаемъ прекрасный рисунокъ Н. П. Каразина изъ „Гражданъ лѣса“. Рисунокъ относится къ самому началу сказки, тутъ набросана величавая картина дремучаго лѣса, сибирской „тайги“, гдѣ живутъ шесть человѣкъ. Пятеро изъ нихъ уходятъ, остается одинъ, Лазарь, который собственно и сходитъ съ окружающимъ его міромъ животныхъ, начинаетъ понимать ихъ языкъ, сочувствовать ихъ герою и радостямъ. Возбуждается любопытство животныхъ, во всемъ лѣсу объ немъ начинается говоръ. Онъ знакомится съ звѣрми, хочетъ завести у нихъ родъ порядка, смягчить ихъ хищныя инстинкты и старается обратить звѣрей къ болѣе мирнымъ чувствамъ. Онъ заводитъ наконецъ полицію, судъ, войско—и всѣ его попытки оканчиваются полной неудачей. Все это, какъ мы говорили уже выше, подаетъ поводъ къ самымъ неожиданнымъ, полнымъ юмора, сдѣламъ и сближеніямъ и читается съ величайшимъ интересомъ.

Н. Д. родился въ Петербургѣ 3 дек. 1820 г. Воспитывался въ Царскосельскомъ Лицеѣ, изъ котораго выпущенъ въ 1839 г. Съ 1840 по 1845 г. служилъ въ Канцеляріи Военнаго Министрства; съ 1847 по 1852 г. посѣщалъ классы Академіи Художествъ.

КУПЛЕННОЕ СЧАСТЬЕ.

Романъ Н. Морскаго.

(Продолженіе).

XXV.

Что было далѣе.

Наступали сумерки, наполняя залъ, гдѣ она увидѣла его впервые, какимъ-то тонкимъ сѣроватаго оттѣнка свѣтомъ, закрывая болѣе густымъ покровомъ отдаленные предметы и оставляя болѣе близкіе въ полупрозрачномъ туманѣ... Кругомъ господствовала тишина; никто не могъ ихъ слышать, но тѣмъ не менѣе—въ этомъ мечтательномъ полусвѣтѣ, не отдавая себѣ отчета въ томъ, зачѣмъ они такъ дѣлаютъ,—ихъ голоса спустились до шепота съ рѣдкими перерывами его однообразія—однимъ громче сказаннымъ словомъ... Болѣе и болѣе ощущались сумеречныя тѣни—и вдругъ, вышедшая изъ за облака луна, голубоватыми лучами разогнала ихъ, освѣтила стѣны, заблестала на полированной поверхности мебели и какимъ-то зеркаломъ отразилась на паркете... Ея лучи пали на Катерину Александровну и въ ихъ голубоватомъ освѣщеніи—она являлась дѣйствительно какимъ-то мраморнымъ изваяніемъ, прекрасные глаза котораго не были только закрыты, а являли какое то лучистое движеніе и жизнь... Онъ прошелталъ ей, смотря въ ея глаза:

— Расскажи мнѣ, какъ ты жила до тѣхъ поръ, пока мы не встрѣтились?..

Она отвѣтила коротко:

— Жизнь и смерть...

Онъ требовалъ разъясненія:

— То есть?..

Тогда она пояснила:

— Много спало, многое было скрыто, ни за что я не хотѣла показывать его другимъ.

— Но развѣ у тебя не было друзей?..

Она отрицательно покачала головой:

— Нѣтъ... Встрѣчая человѣка, я напередъ была увѣрена, что онъ гадокъ... а потому и не сближалась.

И прибавила:

— Я была несправедлива къ людямъ... Теперь, я думаю о нихъ лучше...

— Ты жила въ чужомъ домѣ... У тебя не было родителей... Ты жила изъ милости, а это рано понимаютъ люди, еще младенцами и ужъ въ это время въ ихъ сердцахъ замѣчается какое-то недовѣріе и антагонизмъ къ тѣмъ, кто имъ благодѣтельствуетъ...

Она вдругъ вздрогнула.

— Что съ тобой?

— Ты напомнилъ мнѣ мое дѣтство... отвѣтила она, овладѣвая нѣсколько собой.. Я понимала тогда многое,

что омрачало мнѣ существованіе, что изъ счастливой поры—дѣлало что-то печальное... Десятилѣтнимъ ребенкомъ я была въ одномъ богатомъ домѣ, гдѣ были дѣти, для которыхъ взяли учителя французскаго языка... Дѣти-мальчики и дѣвочки, я училась тоже съ ними... И представь: все шло отлично, но этотъ учитель, какой-то французъ, какимъ то образомъ узналъ, что я ребенокъ безъ имени... И сталъ меня отличать отъ прочихъ дѣтей: тѣ такіе—я этакая... Со вздора началъ... Иногда мы всѣ играли—и онъ съ нами.. И вотъ замѣчаю я, станемъ мы въ жмурки играть—онъ только меня одну и ловить: другихъ дѣтей—въ покоѣ оставляетъ... И много разныхъ оскорблявшихъ меня вещей. Какой-то со мной покровительственный тонъ принялъ... приказываетъ мнѣ: то принеси, это... другихъ дѣтей, въ покоѣ оставляетъ, передъ ними лебезитъ и заискиваетъ... я это отлично замѣчала и въ моей душѣ возникло страшное негодованіе противъ такого отношенія ко мнѣ...

— Ты плакала?

— О нѣтъ, я злилась—и съ этихъ поръ стала недо-вѣрчива къ людямъ... Ахъ!..

— Что-ты?..

Она отерла слезы:

— Лучше не вспоминать обо всемъ этомъ... это такъ тяжело...

И пошла къ піанино... Онъ остался сидя у оставленнаго ею стула, думая о томъ, какъ много мелкихъ оскорбленій и неприятностей вынесла эта женщина въ жизни—и за что?

Но положивъ руки на клавиши, она заиграла... Стонала больная душа... Много чистыхъ и прекрасныхъ мыслей накопилось въ ней, много новыхъ словъ хотѣла сказать она, но ее не понимали, не хотѣли слушать... Она приходила къ сражающимся воинамъ, но гулъ пальбы, зарево отдаленнаго пожара, рѣзня, самая ужасная и нечеловѣческая бойня—заглушали ея звуки и никто не слушалъ ея пѣсенъ... Она шла на погребеніе, гдѣ ожидала найти проливаемые слезы, но съ торжественнымъ похороннымъ маршемъ, съ барабанами, съ ружейной пальбой опускали въ землю героя, хоронили великаго Помомени... Она шла на веселый пиръ; звуки бальной музыки встрѣчали ее, танцующія пары неслись въ вальсѣ.. До ея-ли пѣсенъ? Смущенная она удалилась изъ шумнаго города, вышла въ зеленѣющія поля и въ виду только что одѣвшеяся листочками березовой рощи, подъ открытымъ небомъ—запѣла свою сладостную, необыкновенно простую по мелодіи, понятную по смыслу, пѣсенку..

Она оживляла эти дуга и долины, свободно неслась къ лучезарнымъ небесамъ... Пусть никто не слушаетъ ее... пусть, прощѣтая звонкимъ и чистымъ голосомъ, пѣсенка замретъ и никто не повторитъ ее, никогда...

Никогда!.. Лунные лучи серебрили залъ... Громкая и звонкая пѣсенка смолкала, начинала быть чуть слышной, обрывалась... Неужели никто не повторитъ ее?.. Въ полтонахъ баса, сначала несмѣло, и чѣмъ дальше тѣмъ смѣлѣе и рѣшительнѣе, пастушій рожокъ началъ наигрывать смолкшую пѣсню и вдругъ—съ полною силою зашѣлъ ее... Ахъ, теперь она пѣлась не въ пустынь!..

Между тѣмъ Жюли начала уже подумывать объ отъѣздѣ въ деревню. И теперь она была въ страшномъ волненіи. Хлопоча по своему дѣлу, она была въ это утро у одной важной благочестивой дамы, съ которой познакомилась черезъ Батракова. Та приняла въ ея хлопотахъ дѣятельное участіе. И у нея то, дожидаясь въ приемной, она услышала разсказъ объ ужасныхъ подробностяхъ убійства Гавриловой, о которомъ всѣ тогда говорили. Сказали фамилію Барина и Жюли вся похолодѣла. Она едва выстояла время приема и бросилась къ себѣ въ гостиницу.

— Боже мой! *тотъ* назоветъ меня! непременно назоветъ... Гдѣ онъ?.. Жюли уже нѣсколько лѣтъ, какъ разсталась съ Гавриловымъ, сдѣлавшись скромницей и съузвивъ свою всегда не особенно обширную сферу жизни, въ ханжество и вражду съ племянникомъ, котораго терпѣть не могла, кажется единственно и главнымъ образомъ за то, что онъ долженъ былъ наследовать ей... Она основывала монастырь, на построение котораго хотѣла упечь большую часть своего капитала при жизни, чтобы затѣмъ въ духовномъ завѣщаніи предоставить этому монастырю, и все остальное. Въ минуту отчаянія, въ виду скандала, Жюли не раскаялась ни въ чемъ, что сдѣлала дурнаго въ своей жизни... Въ ней не пробудилось ни капли сожалѣнія къ своимъ дѣтямъ. На этихъ несчастныхъ дѣтей смотрѣла она, какъ на неподлежащихъ законамъ человѣческаго милосердія... Развѣ ихъ желали?.. Ихъ появленіе уже служило наказаніемъ... Это стыдъ, срамъ!.. Въ виду скандала въ ней появился только какой-то самый мелочной, самый позорный страхъ... Бѣжать, бросить все, запереться въ деревнѣ съ выжившей изъ ума матерью...

Выйдя на улицу, Жюли прошла значительное разстояніе пѣшкомъ, не отдавая себѣ отчета въ томъ, куда и зачѣмъ она идетъ... Въ головѣ ея былъ страшный хаотическій беспорядокъ, и, движимая страхомъ, она шла изъ улицы въ улицу, строя нелѣпыя планы относительно того какъ-бы ей скрыться, поскорѣе уѣхать изъ этаго ужаснаго Петербурга... На минуту ей пришла мысль,—не заходя въ гостиницу, гдѣ она жила, пройти прямо на Николаевскую желѣзную дорогу и уѣхать въ Москву.. но тотчасъ-же она сообразила, что это страшная глупость, что подобный отъѣздъ можетъ показаться подозрительнымъ... Тогда она рѣшилась вернуться въ гостиницу, какъ нибудь дожидаться вечерняго поѣзда и тогда непременно, непременно уѣхать въ Москву.. Рѣшившись сдѣлать это, она сообразила, гдѣ находится и пошла по направленію къ гостиницѣ... Подходя къ цѣли, она съ какимъ-то страхомъ ждала того момента, когда увидитъ большую площадь, на которой помѣщалась гостиница, увидитъ эту самую гостиницу... Дома и стѣны какъ-то пугали ее... Ей казалось, что полицейскіе особенно пристально смотрятъ на нее, что проходящій жандармъ подозрительно заглянулъ подъ ея шляпу... Ее ищутъ, ея примѣты знаютъ!.. Ахъ, изъ за кого, изъ за кого подумаешь всѣ эти муки!.. Позоръ, срамъ!

Вотъ эта площадь, вотъ эта гостиница... Прежде нежели войти въ широкія стеклянныя двери подъѣзда, она прошла мимо гостиницы по другой сторонѣ площади, точно думая что либо усмотрѣть касающееся тре-

вожащихъ ея вопросовъ въ наружномъ видѣ гостиницы, въ многочисленныхъ окнахъ ея, выходящихъ на площадь... Съ рѣшимостью перешла она площадь, увязая въ снѣгу, смѣшанномъ съ пескомъ и, ожидая чего то, почти не понимая, какъ она это дѣлаетъ, вбѣжала въ подъѣздъ, дверь котораго отворилъ ей швейцаръ... Положительно, положительно онъ смотритъ на нее, хочетъ ей что-то сказать... Сама не отдавая себѣ отчета въ томъ, что дѣлаетъ, она спросила его:

— Что вамъ?

— Ничего-съ.

Она почему-то вспыхнула: не выдала-ли она себя?.. Собрать все, расплатиться и поѣхать къ Батракову; отъ него можно послать за вещами и затѣмъ—въ Москву!.. Она быстро поднималась по лѣстницѣ въ третій этажъ, гдѣ занимала номеръ... Корридорный подаль ей ключъ: кажется все обстоитъ пока благополучно,—мелькнуло въ ея умѣ и ободренная этимъ, она сказала ему:

— Сегодня вечеромъ я уѣзжаю... Принесите мнѣ счетъ..

И отперевъ дрожащею рукою дверь, вошла въ свой номеръ.

Всегда бережливая и аккуратная, привыкшая даже въ мелочахъ не обходиться безъ прислуги, на этотъ разъ, сама выдвинувъ изъ подъ кровати пыльный чемоданъ, она начала кидать въ него платъе и бѣлье... Почти уложившись и разсѣяннo осматривая не забыла-ли чего положить еще, она опомнилась: на ней было ея выѣздное, торжественное платъе, въ которомъ она осталась, уложивъ все остальное... Пришлось разбирать чемоданъ, чтобы вытащить подходящее для дороги платъе... Кто-то постучалъ въ дверь и она поднялась отъ чемодана, только сейчасъ усмотрѣвъ въ зеркало, что забыла снять шляпу... Это вѣроятно лакей со счетомъ, здѣсь дѣлается все очень скоро, подумала она, торопясь снять шляпу... Не отвѣчая на стукъ, она сообразила, что на ней совершенно неподходящій для сборовъ костюмъ и поспѣшила задвинуть въ будуарной чемоданъ подъ кровать, отряхнула съ платъя пыль, оправила свою неизмѣнную, кружевную мантилью и только, сдѣлавъ все это, разрѣшила.

— Войдите.

Тогда дверь отворилась и на порогѣ ея показался Гавриловъ... Жюли въ изнеможеніи опустила на стуль...

— Юленька, голубчикъ мой, какъ давно, давно мы не видались,—съ такимъ добродушіемъ подбѣжалъ онъ къ ней, что какъ она въ эту минуту ни боялась увидѣться съ нимъ, какъ не была поражена до отупѣнія его неожиданнымъ появленіемъ, въ ней проснулась смутная надежда, что онъ пришелъ просто такъ, для свиданія съ нею, а отнюдь не съ какими либо особенными цѣлями... Она собралась даже съ силами отвѣтить ему съ нѣкоторой любезностью.

— Давно не видались...

— Давно, давно, Юленька, — сжималъ онъ ей руки, стоя передъ нею и разсматривая ея лицо,—перемѣнились мы оба, голубчикъ, постарѣли...

— Я-то постарѣла, ну а вы еще не очень...

— Нѣтъ, Юличка,—вдохнулъ онъ,—нѣтъ, это только на первый взглядъ... Сдѣю, голубчикъ, волоса лѣзутъ... Знаешь, лысыхъ терпѣть не могу, такъ зачесываю волоса-то назадъ... Да это что... Невидимо, Юленька, шагами слышными старость приближается...

И садясь рядомъ съ Жюли въ кресло, какъ-то тяжело и грузно, по старчески, опустился на сидѣнье.

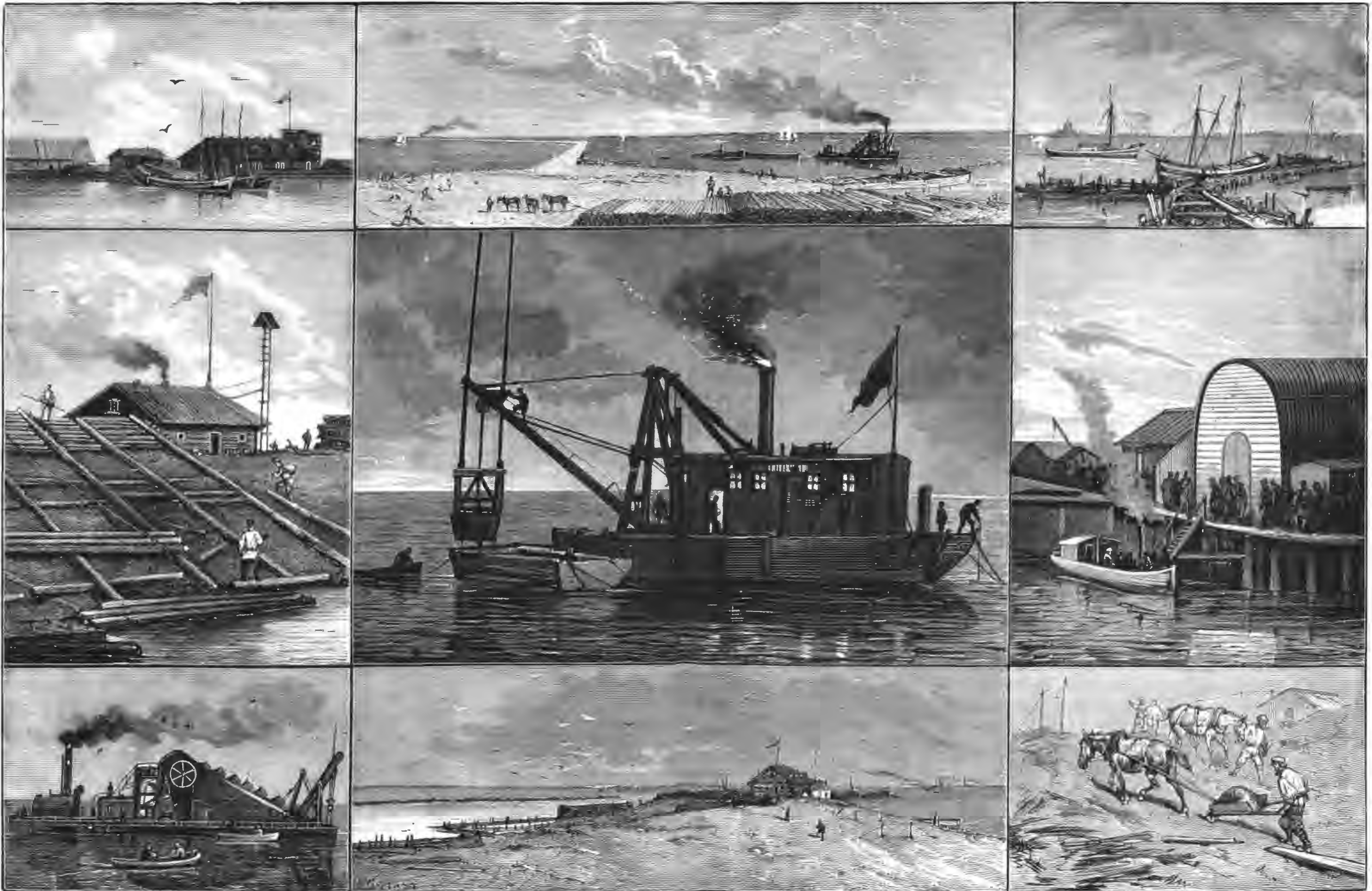
— Здорова?

— Благодарю; какое мое здоровье... Вотъ вы говорите, что старость; вы—мужчина, женщины ранѣе старѣютъ, да я и старше васъ...

Онъ соглашался съ ней, кивками головы.

— А Клеопатра-то Петровна, Юленька, каковъ конецъ пріяла?.. Мученица!..

И глубоко вдохнулъ... Она не нашлась, что сказать на это. Онъ меланхолично заговорилъ снова:

Каварки рабочие на северной дамбе.
Контора на северной дамбе.
Землеустроитель № 5.

Общий вид северной дамбы со стороны Петербурга.
Исполнитель американская землетрясения.
Общий вид северной дамбы от Кронштадта.

Нагрузка рами камнями.
Пристань возле конторы близ Путиловского завода.
Работы на Каменном острове.

Виды СПб. Морского канала. Съ натуры рис. Н. Н. Карзинъ, грав. М. Рашевскій.

— Дѣло прошлое: грѣшнень я передь Клеопатрой Петровной, много ей неприятнаго въ жизни приносилъ, но никогда зла ей не желалъ... Богъ покаралъ меня, избравъ злодѣемъ дитя наше...

И грустно посмотрѣвъ на Жюли, спросилъ ее съ видимымъ трудомъ, точно ему было такъ больно, такъ тяжело выговаривать подобныя слова:

— Ты знаешь: вѣдь это нашъ Митя...

Она отодвинулась слегка съ своимъ кресломъ... Когда онъ заговорилъ о такомъ близкомъ человѣкѣ, о сынѣ, его волненіе было на столько велико, что онъ не могъ усидѣть на мѣстѣ, всталъ и расхаживая передь Жюли, дѣлился съ нею горемъ:

— Я къ тебѣ погоревать пришелъ, душу свою выплакать, Юленька... Къ кому же?... Мы были неправы, несправедливы къ своимъ дѣткамъ, голубчикъ... Забросили мы ихъ, сами жить хотѣли... А вотъ теперь, Юленька, --остановился онъ передь ней,—какъ старость-то приходитъ, не знаю, какъ ты, а я право бы съ величайшимъ наслажденіемъ обнялъ своихъ дѣтей, прижалъ ихъ къ груди... И что же?... Развѣ они не будутъ въ правѣ оттолкнуть меня?... Митя, вонъ тотъ хоть знаетъ, что я ему отецъ, а Катеринѣ—и того неизвѣстно...

Жюли привскочила со стула.

— Катеринѣ!.. Какой это?

Онъ изумленно смотрѣлъ на нее:

— Катю-то развѣ ты не помнишь? еще такая малюсенькая дѣвчурка, черноглазая... Еще, какъ родилась-то, я по молодости лѣтъ глупую шутку тогда задумалъ спутить съ покойницей женой... Я ее только что тогда оставилъ: дай, думаю, ей гостинчикъ вмѣсто себя преподнесу—она тамъ одна, дѣтей нѣтъ, дѣлать ей нечего, дай-ка я ей Катю поднесу... Взялъ да и подбросилъ...

— Но развѣ ты знали Катериной?—въ замѣтномъ волненіи спросила Жюли, съ неприязнью припоминая о стройной Катинѣ, женѣ своего племянника, къ которой ее подвелъ на вечеръ у Перфиловой Батраковъ,—вы не ошибаетесь?

Онъ началъ снова ходить взадъ и впередь:

— Катериной, Катериной, подтвердилъ онъ.

Тогда Жюли порадовала нѣжнаго отца:

— Ну, объ этой не тревожьтесь, — даже усмѣхнулась она,—эта устраивается отлично... Пока она за моимъ племянникомъ роднымъ, Кожуховымъ, но дѣло идетъ у нихъ о разводѣ и кажется скоро къ концу... Когда это кончится, она выйдетъ замужъ за Пантелѣва... Слышали: богачъ, миллионеръ... Племянникъ-то продалъ, говорятъ, Пантелѣву вашу Катерину...

Онъ приостановился, слушая Жюли:

— Чтѣ ты! Дай ей Богъ, дай ей Богъ!.. Ну, она о насъ съ вами не знаетъ, не знаетъ и о братѣ своемъ бѣдномъ.. И пусть не знаетъ... Дай ей Богъ, дай ей Богъ счастливыхъ и долгихъ годовъ!..

И вернулся къ занимающему его предмету:

— Нѣтъ, я вотъ о Митѣ-то думаю... Меня онъ не шадитъ, но угнетаетъ его мысль о тебѣ Юленька...

Она привскочила на креслѣ:

— Но развѣ вы называли меня?—спросила она съ искрененнымъ отъ ужаса лицомъ, блѣднѣя.

— Я?.. за кого ты меня принимаешь, другъ мой?.. Мнѣ назвать тебя?.. Положимъ, мы оба не молоды, но я былъ всегда настолько рыцарь, что хранилъ ввѣренную мнѣ честь женщины... Я-ли предаю тебя?.. Но ты забываешь объ Ефимѣ...

Она сдѣлала большіе глаза... Это еще о комъ?.. Онъ продолжалъ, какъ бы предполагая, что все о чемъ онъ говорить, ей извѣстно...

— Не будь тутъ этаго преступленія, не выброшу Митя изъ окна Ефимову сестру,—ты бы, конечно, осталась въ сторонѣ.. Но теперь скандалъ и открытіе, что ты Митинкина мать, почти неизбѣжны... Ефимъ не пожалѣетъ тебя, откроетъ, что ты Митина мать, не пожа-

лѣетъ. Къ тому же у Ефима какіе-то старые счеты съ тобой.

— Но я не знаю никакого Ефима,—вскричала Жюли,—и не понимаю о комъ вы говорите?

Онъ съ удивленіемъ и какъ бы нѣкоторой подозрительностію посмотрѣлъ на нее:

— Что ты, Юленька, Богъ съ тобой, голубчикъ, что ты говоришь?.. Ефима—не помнись!.. Онъ еще папенькѣ твоему служилъ... Онъ и дѣтокъ нашихъ пристраивалъ.. Какъ отошелъ на волю, да сапожнымъ мастерствомъ въ Тулѣ занялся, ты еще Митю къ нему отдавала...

— Это было такъ давно,—припомнила Жюли Ефима, когда то смиреннаго и безотвѣтнаго своего крѣпостнаго...

— Ты и сестру-то Ефимову, мой другъ, должна помнить... Она еще дѣвочкой въ нашемъ домѣ жила... Помнишь, когда еще она въ возрастъ стала приходитъ, такой красавицей выровнилась,—ты ревновала меня къ ней...

Да, она вспомнила свою красавицу горничную... Онъ былъ правъ: она ревновала... Она поспѣшила еще тогда выдать, безъ согласія невѣсты, красивую горничную за стараго и рябобаго приказчика... Вскорѣ у новобрачныхъ родился сынъ Александръ; Жюли сама воспринимала его отъ купели... Съ освобожденіемъ крестьянъ она потеряла весь этотъ народъ изъ виду...

— Последнее время сестра болѣла; на нее находило что-то въ родѣ сумасшествія... Все твердила о какомъ-то скелетѣ. Ефимъ держалъ ее почти въ заперти, но чрезвычайно любилъ...

И остановившись передь Жюли, резюмировалъ настроеніе Ефима на счетъ ея:

— Онъ впускаетъ тебя въ эту исторію непременно.

Вотъ, вотъ, зачѣмъ этотъ человѣкъ пріѣхалъ!.. Сердце ея чувствовало, что дѣло идетъ не къ добру... На минуту смолкнувшее было безпокойство, вспыхнуло въ ней и разлилось снова по тѣлу тревожнымъ ощущеніемъ... Онъ замѣтилъ эту тревогу и подлил масла въ огонь...

— Что-жъ дѣлать, Юленька, вѣрно Богъ наказуетъ насъ за грѣхи наши... Покоримся Его святой волѣ...

Это легко сказать, но каково перенести!.. Она,—безъ всякаго сожалѣнія, безъ слезы отдававшая дѣтей своихъ на нищету и несчастіе, вдругъ заплакала о себѣ... Онъ подошелъ къ ней, и старался утѣшить:

— Слезами, Юленька, не поможешь горю... надо дѣйствовать...

Надо дѣйствовать! Онъ самъ говорилъ, что скандалъ неизбѣженъ... Развѣ есть какая либудь надежда?.. Она отерла слезы и смотрѣла на него въ ожиданіи, что онъ скажетъ...

— Мнѣ пришла въ голову мысль... Ефимъ даже самъ намекалъ на что-то подобное...

Онъ приложилъ руку ко лбу и припоминалъ. Мысль! ему пришла мысль... Значитъ есть какая либудь надежда?.. Съ высохшими слезами она смотрѣла на него.

— Впрочемъ это несообразно дорого...

О, почему дорого! Она съ удовольствіемъ дастъ, если рѣчь идетъ о подкупѣ Ефима, пять, шесть даже десять тысячъ!.. Какъ она ни расчетлива, какъ ей ни жаль этихъ десяти тысячъ—передъ страхомъ скандала она готова отдать ихъ...

— Ефимъ намекалъ мнѣ, Юленька, на возможность выгородить тебя изъ этого дѣла, но подъ однимъ условіемъ:

— Дать денегъ?—встала она съ кресла, какъ бы желая немедленно исполнить это... Онъ остановилъ ея движеніе:

— Но знаешь-ли ты сколько?

— Сколько?...

Съ замедленнымъ дыханіемъ она ожидала его отвѣта... Тогда коротко, но отчетливо, онъ отчеканилъ:

— Пятьдесятъ тысячъ, Юленька.

Ее точно ударили по головѣ... Все, что она имѣла, помѣстье, капиталъ, домъ въ Тулѣ—все это равнялось по цѣнности тысячамъ семидесяти... Половину она хотѣла упрятать на монастырь... Безцѣльно слѣдя за шагающимъ въ задумчивости Гавриловымъ, Жюли вдругъ прозрѣла... Что за мягкость, что за нѣжность такая къ дѣткамъ въ немъ?.. О какой старости говорить этотъ здоровый и румяный, безъ единого сѣдаго волоска человекъ?.. За минуту, давая нѣкоторую вѣру его словамъ,—она вдругъ какимъ-то инстинктомъ поняла, что находящійся передъ нею человекъ обманываетъ ее... Онъ пришелъ не только отъ Ефима, но и отъ себя... У нихъ стачка!..

— Вымогатель! обманщик!—бросила она ему,—я поняла все: у васъ съ Ефимомъ заговоръ, стачка... Вы оба хотите меня обобрать...

И упала въ кресло... Что-же, что-же мнѣ дѣлать?..

Какъ бы пораженный ея несправедливыми и горькими упреками, Гавриловъ остановился, скрестивъ на груди руки и хотѣлъ что-то сказать... Но въ это время снова кто-то стукнулъ въ дверь и онъ долженъ былъ по неволѣ отложить свое возраженіе на несправедливо сдѣланный упрекъ... Она упавшимъ голосомъ разрѣшила стучащему въ дверь войти...

— Войдите.

Дверь открылась и на порогѣ мелькнула фигура невысокаго, плотнаго брюнета, тотъ часъ же спѣшными шагами побѣжавшаго къ Жюли и наклонившагося къ ея ручкѣ:

— Ма tante, какъ я радъ, что засталъ васъ... Я былъ у васъ нѣсколько разъ, но все не заставалъ... Очень радъ, что наконецъ вы дома.

XXVI

Между двухъ огней

Ни разу въ жизни Жюли не радовалась племяннику, но теперь, когда увидѣла, что ее хотятъ обобрать, она впервые посмотрѣла на него прибывшаго въ такой критическій моментъ, какъ на человека ей во всякомъ случаѣ не чужаго, могущаго дать при настоящихъ обстоятельствахъ весьма полезный совѣтъ... Ей было страшно находиться на единѣ съ Гавриловымъ и она положительно обрадовалась, что явился третій, нарушающій для нея tête-à-tête... Во всякомъ случаѣ, рѣшила она, побуждаемая критическимъ положеніемъ своимъ,—придется посвятить его въ нѣкоторыя подробности... При другихъ обстоятельствахъ, конечно, она не сказала бы ничего ему... но теперь!.. Еще не вполне уяснивъ себѣ, что можетъ она ожидать отъ племянника, Жюли вдохнула съ нѣкоторымъ облегченіемъ. На минуту отдохнувъ отъ тяжелой ноши, навалившейся на нее съ такой силой, она почувствовала себя снова хитрой и способной на нѣкоторый обманъ... Непремѣнно, непремѣнно слѣдуетъ ввести его въ это дѣло, ввести, какъ защитника не только ея интересовъ, но и его... Она рѣшилась повести дѣло такъ, чтобы дать понять племяннику, что по ея смерти онъ наследуетъ ей и тѣмъ побудить его къ защитѣ ея интересовъ, какъ своихъ собственныхъ. Онъ любитъ деньги до невозможности,—подумала она,—и это сдѣлаетъ изъ него ея раба... А потомъ когда все придетъ къ благополучному для нея концу, благодаря его вмѣшательству, можно опять показать ему отъ воротъ поворотъ... Все это мигомъ промелькнуло въ ея головѣ и, отдавая племяннику поцѣлуй въ голову, она удержала его руку, не въ примѣръ прошлому, съ нѣжностью и разомъ ввела его въ критическое свое положеніе:

— Я тоже рада тебѣ, мой другъ. Ты какъ нельзя болѣе кстати... Защищай наши интересы: насъ хотятъ лишить всего...

Онъ не понималъ о чемъ говорить она:

— Какіе интересы, ма tante?

— Мое будетъ твоимъ послѣ моей смерти, пояснила она,—ты мой послѣдникъ по всѣмъ правамъ... А теперь у меня хотятъ отнять все, что я имѣю...

Онъ не обнаружилъ ни единичнымъ движеніемъ или выраженіемъ лица, что ея пріемъ, ея слова, въ которыхъ она впервые признавала его близость къ себѣ, въ которыхъ она высказала мысль о томъ, что сдѣлаетъ его по своей смерти наследникомъ, что все это сколько нибудь удивило его... Точно это было для него нисколько не ново, не удивительно, не странно... Онъ какъ-то сразу послѣ перваго вопроса сталъ въ надлежащее, какъ-бы давно извѣстное и привычное ему положеніе... Входя, онъ видѣлъ, что въ комнатѣ кто-то былъ, но торопясь засвидѣтельствовать свое почтеніе тетушкѣ, онъ не разсмотрѣлъ хорошенько лицо гостя... Къ тому-же, былъ уже въ исходѣ четвертый часъ, въ комнатѣ сдѣлалось темновато а Жюли, разстроенная визитомъ своего прежняго обожателя, позабыла зажечь свѣчи. Все еще неоглядываясь на трепягаго посѣтителя, Кожуховъ, не отводя отъ тетки своихъ блестящихъ глазъ, спросилъ ее.

— Кто-же, ма tante, хочеть и по какому праву, отнять то, что принадлежитъ намъ?

Она встала въ это время съ своего мѣста, чтобы зажечь свѣчи... Широкая спичкой о коробку, она указала головой на стоящаго позади Кожухова Гаврилова:

— Вотъ,—не назвавъ его племяннику.

Тогда Кожуховъ, сдѣлавшись серьезнѣе, обернулся къ продолжающему стоять со скрещенными руками, но съ лицомъ, принявшимъ вызывающее выраженіе, Гаврилову... Жюли зажгла свѣчи и комната освѣтилась...

Кожуховъ, долго и пристально всматриваясь въ Гаврилова, спросилъ:

— Господинъ Гавриловъ?

И какъ бы вспоминая, что надо пояснить почему ему извѣстна фамилія человека, котораго онъ нигдѣ не встрѣчалъ и съ которымъ знакомъ не былъ, прибавилъ, не подавая руки и даже почти не поклонившись:

— Я васъ узналъ, потому, что ваша покойная супруга указывала мнѣ васъ въ театрѣ... Я очень памятливъ на лица...

И садясь безъ приглашенія тетки рядомъ съ нею на кресло, мечтательно опустилъ голову, занявшись разсматриваніемъ своихъ красивыхъ ногтей:

— Ну-съ, я слушаю, какимъ образомъ господинъ Гавриловъ хочеть отнять у насъ то, что принадлежитъ намъ по всѣмъ правамъ...

Гавриловъ, въ душѣ своей проклиная появленіе Кожухова, котораго онъ видѣлъ впервые въ жизни, ибо встрѣтись съ нимъ въ ночлежномъ пріютѣ, онъ не обратилъ на него вниманія и физиономію его не разсмотрѣлъ,—не зналъ, какъ ему повести себя при совершенно неожиданномъ вмѣшательствѣ въ его интересную бесѣду съ Жюли третьяго лица... Онъ взялъ стулъ и сѣлъ, рѣшившись сперва прислушаться къ тому, что будетъ говорить Жюли, а затѣмъ и Кожуховъ и уже сообразно съ этимъ поступать такъ или иначе,—держаться прежняго смиренія или нѣсколько возвысить тонъ... Заговорила Жюли:

— Ты конечно знаешь объ этомъ страшномъ преступленіи... Объ убійствѣ госпожи Гавриловой?

Кожуховъ поднялъ голову, какъ бы ужаленный:

— Я не понимаю какое отношеніе это можетъ имѣть къ нашимъ дѣламъ?

Жюли вдругъ заплакала.

— Другъ мой, когда-то я была близка съ этимъ человекомъ.

И указала на Гаврилова. Кожуховъ вздрогнулъ: онъ понималъ все. Ему недоставало именно только имени матери. Уже нѣсколько дней, въ свободное отъ хлопотъ по разводу съ женой время, онъ занимался этимъ страшнымъ преступленіемъ, не думая, что оно касается ка-

кимъ либо образомъ его. Прочтя въ газетахъ нѣкоторыя отрывочныя сообщенія относительно убійства, узнавъ что обвиняется Бариновъ, громогласно назвавшій себя этимъ именемъ въ ночлежномъ пріютѣ, узнавъ, что этотъ Бариновъ сынъ Гаврилова, того Гаврилова, который приходился мужемъ Клеопатры Петровны и какъ покойная указала Кожухову своего супруга, того черно-волосаго мужчину, который ночевалъ въ ночлежномъ и которому Бариновъ рассказывалъ свою исторію по преимуществу, очевидно не узнавая въ немъ своего отца.

Признаніе Жюли на половину высказанное, отвѣтило на то, кто была мать Баринова. Онъ тихо прошепталъ тетѣ:

— Вашъ сынъ... и въ очевидномъ волненіи не закончилъ фразы, снова задумчиво опустилъ голову и снова погрузился въ тщательное разсматриваніе ногтей...

— Меня путаютъ теперь въ эту исторію, мой другъ, говорила Жюли, —этотъ... сынъ мой... не называетъ меня. Но они....

(До слѣдующаго №).

ЗАРНИЦА.

Историческая быль.

(1650 годъ).

(Продолженіе).

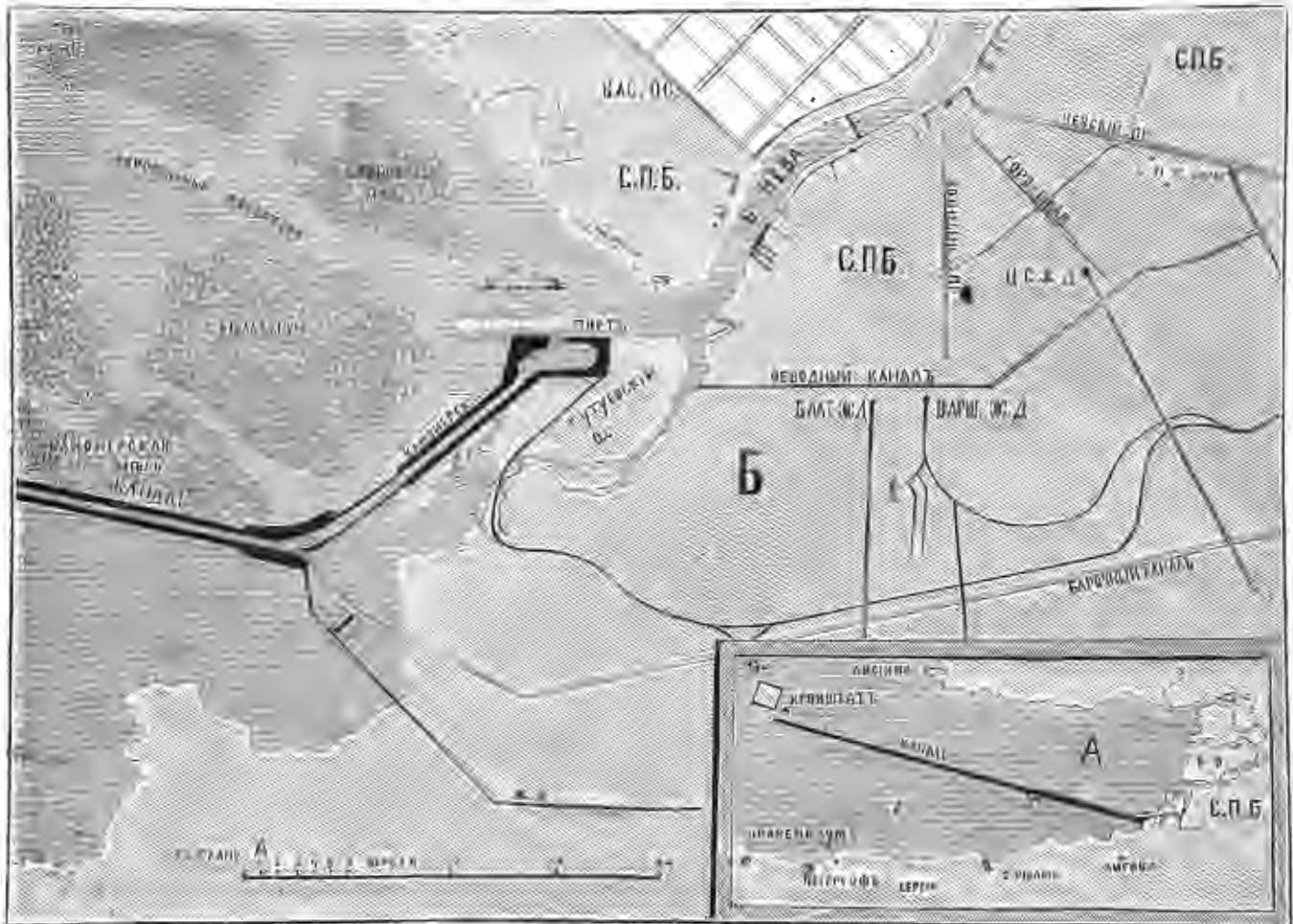
XIV.

Судъ Божій.

Семья Неклюдовыхъ сидѣла по обычаю на крыльцѣ подъ тѣнью густо разросшихся старыхъ яблонь, посаженныхъ Борисомъ и Галиною, когда они были еще маленькими.

— А вонъ онъ!... Леговъ на поминѣ, указывая на скачущаго всадника, воскликнула Марья.

Дѣйствительно Борисъ ѣхалъ такъ быстро, что отецъ его проворчалъ: эхъ какъ гонять въ гору, не жалючи коня!.. Но когда Борисъ успѣшно подошелъ къ крыльцу, то въ его бѣд-

Ситуаціонный планъ Пгерб. залива и Кронштадта.

Планъ СПБ. морскаго канала. Ржс. Н. Карзинъ, грав. М. Рашевскій

— Вотъ, рассказывалъ Герасимъ Ѳеодоровичъ, эту яблоньку, посадилъ Боря, ему тогда было четыре годочка, а нальво яблонька Галиной посажена тоже трехъ годковъ... Ненилушкина яблонька тамъ была возлѣ Бориной, да поднялась буря въ прошломъ лѣтѣ объ эту пору и яблоньку сломала... Испугался я тогда: думалъ не къ добру... да вотъ Господь милуетъ, здравъ мой Ненилушка и невредима... а впередъ да будетъ Его святая воля!.. и взоръ старика отъ Ненилы скользнулъ на Ливонца.

Ненила вспыхнула, Адалбертъ потупился, а Галина съ Марьей переглянулись... Что-то тяжелое, словно роковое предчувствіе, согнало улыбки со всѣхъ лицъ.

Послѣ нѣсколькихъ минутъ безмолвія, Графена Ѳеодоровна глубоко вздохнула и сказала: Что это Боря не вдегъ... загулялся нонѣ и не обѣдаетъ.

номъ лицъ и наморщенныхъ бровяхъ былъ столько тревоги, что всѣ въ одинъ голосъ воскликнули:

— Что случилось!... Боря, что съ тобой?..

— Бѣда батюшка!.. отвѣчалъ Борисъ, прерывающимся отъ волненія и усталости голосомъ.

— Господи Царю Небесный!.. сказывай, какая бѣда? воскликнулъ Герасимъ Ѳеодоровичъ.

— Мишницынъ съ ратью пришелъ въ Никитино—крестьяне его сказывали мнѣ; онъ на насъ грозитъ: Вышгородъ де возьми и всѣхъ Неклюдовыхъ переберу, а дѣвочекъ въ полонъ уведу!..

— Запрай ворота!.. Собирай челядь!.. Выкатывайте боченки со свинцомъ и зельемъ!.. Не даромъ же отдавать разбойникамъ Вышгородъ на разоренье и боярышня на позоръ!.. вскакивая съ сверкающими глазами крикнулъ Ливонецъ, внезапно изъ тихаго мечтателя преобразовываясь въ желѣзнаго

Дитя природы. Съ картины Г Дала, грав. Бренд'Амуръ.

рыцаря. Онъ кинулся съ крыльца и схватилъ веревку протянутую къ набатному колоколу, ударилъ въ него.

Этотъ могучій звукъ поднялъ на ноги не только Вышгородскую челядь, но и жителей окрестныхъ селеній. Черезъ четверть часа, толпы народа снѣжно поднимались по тропинкамъ на гору, спрашивая другъ друга: „почто набатъ, огня не видно?“. Когда всѣ собрались на широкомъ дворѣ боярина Неклюдова, онъ самъ вышелъ на крыльцо и повелъ къ народу такую рѣчь:

— Православные! Вѣдомо вамъ что враги покоя и чести добрыхъ людей, забывъ вѣру въ Господа Бога и долгъ своему Государю Алексѣю Михайловичу затѣяли во Псковѣ и въ Новгородѣ крамолу, измѣну и всякія буйства, подымаютъ руку на духовенство наше—Владыку нашего Макарія, ругаются надъ святыней, побиваютъ неповинныхъ людей, что они подымаютъ митюжъ противу законнаго нашего Государя Московскаго!.. Новѣ оныя звѣрообразныя, лукавыя крамольники идуть сюда съ цѣлою ратью воровъ и изрыгаютъ угрозы и хотятъ разграбить домъ мой и полонить семью, все въ Вышгородѣ огню предать, мечу и поруганію.

Ропотъ негодованія прервалъ рѣчь боярина.

— Коли возьмутъ Вышгородъ, убьютъ меня, схватятъ моихъ дѣтей и чередъ дойдемъ и до васъ: въ селеніяхъ начнетъ литься кровь неповинная, совершатся богомерзкія дѣла крамольниковъ.

— Не дадимъ Вышгородъ крамольникамъ! грудью станемъ за Царя Московскаго!.. кричали нѣсколько сотъ крестьянъ. Неклюдовы и Адальбертъ спѣшили воспользоваться настроеніемъ и отрядили нѣсколькихъ стариковъ въ селеніе съ приказомъ женщинамъ и дѣтямъ, собравъ пожитки и скотъ, бѣжать въ непроходимыя лѣса, выстроили остальныхъ рядами и роздали каждому по доброму ослону, по тонору да по пищали; ворота крѣпко заперли и завалили чѣмъ понало; на тѣхъ мѣстахъ, гдѣ былъ легче доступъ, по кручѣ горы поставили стражу, на стѣны втащили двѣ старинныя ржавыя пушки и навалили возлѣ нихъ кучи камней, служившихъ вмѣсто ядеръ.

Послѣ воинственныхъ приготовленій надо было подумать о безопасности женщинъ: имъ было приказано, собравъ все цѣнное имущество, спрятаться въ подвалы, а въ случаѣ крайней опасности устроить себѣ убожище на башнѣ, куда были снесены съѣстные припасы, въ достаточномъ количествѣ на нѣсколько дней. Галина и Марья вполнѣ сохранили прилежаніе духа и распорядились потерявшими отъ страха дворовыми женками и дѣвками; но Ненила болѣе робкаго и слабого характера, не принимая участія въ хлопотахъ сестры и подружки, горько плакала, охала и молилась Богу. Напрасно Адальбертъ урывками подходилъ къ ней и старался ее ободрить. На его слова Ненила тихо возражала:

— Нѣтъ! чувствую мое сердце, что пришли мои послѣдніе деньки. Сонъ я видѣла вѣщій: рожимую мою матушку... сидѣла она подъ той яблонькой, что я посадила и яблонька та была въ вѣтвѣ; вдругъ задули вѣтры съ корнемъ яблоньку вырвали и зашибли мою матушку... изъ груди ея потекла алая такая кровь ручьемъ подъ гору въ Судому рѣчку... Охъ!.. прольется кровь въ Вышгородѣ, сломить и меня буря какъ сломала мою яблоньку!..

Цѣлыя сутки прошли въ томительномъ ожиданіи; Мишницынъ не появлялся. Вокругъ Вышгорода было спокойно, но самое это спокойствіе въ такую пору, когда надо бы народу копотиться въ полѣ на дугахъ, было зловѣщее.

14 іюня въ полдень стоявшіе на сторожѣ крестьяне крикнули, что со стороны села Никитина показалась небольшая кучка всадниковъ. Неклюдовы и Адальбертъ бросились на стѣну и ясно разглядѣли чегирехъ вооруженныхъ всадниковъ, которые шагомъ подѣхали такъ близко, что Борисъ крикнулъ имъ:

— Стой! чего вамъ?

— Грамота отъ боярина Кирилы Михайловича Мишницына! отвѣчалъ одинъ изъ всадниковъ и поднявшись на стременахъ ловкимъ размахомъ вынулъ камень, къ которому была привязана свернутая бумага, упавшая къ ногамъ Герасима Федоровича.

ХV.

Сватовство.

„Боярину Герасиму Федоровичу Неклюдову низко бьетъ челомъ бояринъ Кирилла Михайловичъ Мишницынъ, было написано въ грамотѣ. Дочка твоя Галина Герасимовна полюбилась мнѣ зѣло и желаю я ее въ жены. Буде тебѣ ее за меня отдать по мысли, то отпущи, а буде не по мысли тебѣ любовно со мной породниться, то и силой возьму невѣсту и Вышгородъ разорю и челядь твою побью нещадно. Великаго Пскова полковникъ Кирилла Михайловъ сынъ Мишницынъ.“

По прочтеніи посланія, Герасимъ Федоровичъ въ бѣшенствѣ изорвалъ его на мелкіе куски, бросилъ на вѣтеръ, который подхватилъ клочья бумаги и понесъ ихъ прямо на всадниковъ. Отвѣтъ былъ достаточно понятенъ, но еще понятнѣе заговорило эхо лѣсовъ когда по немъ прокатился грохотъ выстрѣловъ съ Вышгородскихъ стѣнъ. Посланные быстро ускакали.

Дѣло приняло опредѣленный характеръ и это сватовство съ оружіемъ въ рукахъ указало, что бой неизбеженъ. Галина была въ отчаяніи.

— Я виновна что кровь прольется, восклицала она.

— Нѣтъ не ты, а честь Неклюдовыхъ, отвѣчалъ ей отецъ. Неклюдовымъ не слѣдъ родниться съ измѣнниками, лучше умереть чѣмъ видѣть дѣтнше за холопомъ псковскихъ крамольниковъ!..

Къ вечеру того же дня послышались звуки роговъ, топотъ коней и удалыя пѣсни нападающихъ. Рать постепенно выходила изъ лѣсу, выстроилась на обширной равнинѣ передъ Вышгородскимъ холмомъ.

Всѣхъ было до 200 человѣкъ, частью конныхъ, болѣе пѣшихъ ные въ одеждѣ стрѣлцкой, другіе въ рваныхъ зипунахъ; эти послѣдніе громче всѣхъ кричали и выскакивая впередъ, ругали Неклюдовыхъ, сторонниковъ Москвы и грозили ужасами если добровольно не сдадутся!.. Съ своей стороны Вышгородцы не оставались въ долгу и отвѣчали бранью на брань, что тогда было въ обычаѣ не только при небольшихъ стычкахъ, но и передъ большими битвами. По сказанію лѣтописцевъ: „словеса хульныя глаголаху, яко пси лаяху.“

Адальбертъ, которому какъ человѣку опытному въ военномъ дѣлѣ было поручено начальство надъ Вышгородскимъ гарнизономъ, внимательно разсматривая вражьи силы, сказалъ что у нихъ нѣтъ лѣстницъ и приступомъ взять гору они не могутъ!..

Вскорѣ намѣренія нападающихъ выяснились: они заняли небольшую деревеньку, откуда всѣ жители бѣжали заблаговременно: худые мужики „зипуны“ принялись дѣятельно строить укрѣпленіе, проводить рвы и насыпать изъ песку и камня возвышенія; осажденные съ любовнымъ стараніемъ слѣдили за этими работами. „Острогъ строятъ“ говорили они.

Дрогнуло сердце Неклюдова когда онъ увидалъ въ подзорную трубу, что на этотъ часъ скоро устроена бѣлая ваташля три небольшихъ, но исправныхъ пушекъ.

— Плохо!.. сказалъ бояринъ отдавая подзорную трубу Адальберту, который слегка поблѣднѣлъ и сдвинулъ брови, но ни слова не произнесъ, чтобы не пугать Вышгородцевъ.

Онъ велѣлъ навести свою пушку на возводимый острогъ и пророчалъ сквозъ зубы:

— Надо угостить этаго великана, что всѣми распоряжается. Ливонецъ поднесъ горящій фитиль.

Выстрѣлъ грянулъ и каменное ядро врылось въ свѣжую насыпь, въ двухъ шагахъ отъ Жегара, обдавъ его пескомъ и муромъ.

— Чтобы васъ бѣсы задавили!.. крикнулъ Жегартъ, отскакивая. Погодите псы московскіе, и я васъ не хуже поподчюю!..

Жегартъ собственноручно втащивъ чугунное ядро въ жерло одной изъ пушекъ, намѣтился прямо на высокую фигуру въ шляпѣ съ развѣвающимся бѣлымъ перомъ.

Раздался выстрѣлъ и на мгновеніе легкое кольцо дыма застлало фигуру въ шляпѣ; когда дымъ разсѣялся, Жегартъ къ великой досадѣ увидалъ, что тотъ въ кого онъ мѣтилъ, снявъ шляпу раскланивается, словно благодаритъ за угощеніе; ядро не достигнувъ, цѣли упало въ нѣсколькихъ аршинахъ отъ стѣны.

Эта пробная перестрѣлка продолжалась весь день 15 іюня, но ни той ни другой сторонѣ ни причиняла большаго вреда кромѣ того, что каменные ядра Вышгородцевъ иногда удачно разстраивали насыпи, а чугунныя ядра Мишницына, попадая въ крѣпкія стѣны, отскакивали отъ скалистыхъ глыбъ, изъ которыхъ были сложены эти стѣны. Осажденные, немного привыкнувъ къ грому выстрѣловъ, и видя, что Мишницынъ не торопится приступомъ и даже не имѣетъ лѣстницъ, стали надѣяться, что дѣло протянется и что къ нимъ подоспѣетъ помощь!.. Откуда!.. никто бы не могъ дать опредѣленнаго отвѣта, но человѣческое сердце даже тамъ ждетъ спасенія, гдѣ уже нѣтъ никакой надежды.

Адальбертъ лучше другихъ понималъ, что дѣло такъ не долго протянется и ежеминутно ожидалъ, что Мишницынъ бросится по горѣ на приступъ, такъ какъ ему было хорошо извѣстны слабыя мѣста стѣнъ; но ливонецъ разумѣется ни кому, даже Неклюдову съ сыномъ, не повѣрялъ своихъ опасеній.

Ночь съ 15 на 16 іюня прошла спокойно: нападающіе долго съ вечера лѣзли, пьянствовали, а потомъ уснули мертвымъ сномъ. Адальбертъ, не спавшій до полуночи, глядя на звѣздное небо думалъ: кабы мнѣ полсотни добрыхъ драгунъ Ильи я бы сбѣгалъ вылазку, напалъ бы на соннаго врага и очистилъ бы Вышгородъ!.. А теперь сиди въ заперти и прячься за стѣны!.. Народу у насъ хоть и много, да что съ нимъ подѣлаешь?.. Мужики, да дворовая челядь, неумѣлыя, трусливыя!.. на разсвѣтъ Адальбертъ замѣтилъ движеніе въ лагерѣ Мишницына. Тотъ же великанъ, въ котораго онъ навелъ первый выстрѣлъ, Жегартъ, бѣгалъ и расталкивалъ солдатъ; наконецъ они сгруппировались около одной пушки и что-то прилаживали. Что это они затѣяли?.. про себя говорилъ Адальбертъ.

— Вѣрно собираются ударить на насъ, сказалъ Борисъ, подошедшій въ эту минуту.

Прошло съ четверть часа; ратники Мишницына по немногу собирались къ одному пункту, но не такъ какъ бѣгутъ на какое нибудь любопытное зрѣлище. Вдругъ толпа отхлынула отъ пушки, мелькнувъ фитиль, раздался выстрѣлъ и что-то шлепнулось въ стѣну!..

Раздалось шипѣнье и взрывъ!..

Это была граната...*)

— Господи!.. что это? воскликнул Борис,

— Это то дружже, что Вышгородъ не долго продержится.. мрачно отвѣчалъ Ливонецъ, положивъ руку на плечо Бориса. Надо думать о женинахъ... попытать послать гонца къ Хованскому, говорятъ идетъ онъ ко Пскову...

Адальбертъ заговорилъ объ опасности, и эта опасность была близка и неизбѣжна: Борисъ зналъ это и не смотря на свое мужество, слегка поблѣднѣлъ.

— Кого-бъ мы ни послали, не поспѣеть!.. печально возразилъ онъ. Птица либо олень развѣ унесли бы наше письмо...

— Пини письмо, я знаю гонца, который быстрее оленя добѣжитъ до Хованскаго, вѣрно и братецъ Ильюша тамъ со своими драгунами!.. сказалъ вдругъ женскій голосъ.

Адальбертъ и Борисъ оглянулись: Марья стояла сзади ихъ; глаза ея горѣли.

— Зачѣмъ ты подслушала... ты теперь скажешь другимъ, все будутъ болтаться! воскликнулъ Адальбертъ.

Марья презрительно улыбнулась.— Плохо ты меня знаешь рыцарь, возразила она, я бы сама поспѣвала съ вѣстью къ Ильѣ, еслибъ хотѣла покинуть Вышгородъ, какъ ему нужна защита.. На меня положите больше чѣмъ на вашихъ мужиковъ... Пусть полбѣзтъ разбойники на приступъ... увидите, какъ буду валить на нихъ вонъ тѣ камушки, что тамъ лежатъ...

— А какого же гонца послать къ Ильѣ?.. спросилъ Борисъ.

— Вотъ онъ!.. указала Марья на ласкающуюся къ ней собаку. Грачъ нѣсколько разъ бѣгалъ по дорогѣ, куда ухажалъ Ильюша: онъ пропадалъ дня по два и приходилъ назадъ. Онъ розыскалъ его слѣдъ; коли я велю ему бѣжать къ Ильюшѣ онъ послу-

шается; привяжите ему грамотку на шею и къ полудню она будетъ у брата!..

— Надо попытать!.. согласился Адальбертъ и ушелъ съ Борисомъ писать къ Норотову.

Марья оставшись одна, присѣла на камень и подождала Грача; умный пестъ положивъ голову на ея колѣни, устремивъ на нее свои ясные глаза, словно дожидаясь объясненія. Марья нагнулась къ собацѣ и глядя ея волнистую шерсть стала говорить внятно и съ разстановкой:— Грачъ, гдѣ бояринъ Ильѣ Алексѣичъ?.. Собака радостно взвизгивая побѣжала по направлению къ воротамъ, но отбѣжавъ нѣсколько шаговъ, остановилась и вопросительно глядѣла на Марью, которая снова подождала ее и взявъ ея голову въ обѣ руки сказала:

— Сослужи службу, Грачъ! бѣги къ братцу Ильѣ Алексѣичу съ письмомъ, приведи поскорѣе къ намъ на выручку... Понялъ ли ты?.. Грачъ началъ прыгать и лаять, изъясняя нетерпѣніе. Да... Ты понялъ!.. на тебя одна наша надежда. и Марья пошла къ воротамъ, куда пришли и Адальбертъ съ Борисомъ.

— Вотъ грамотка... передавая ей сказалъ ливонецъ. Дай Богъ чтобы она поспѣла во время. Марья обязала письмо шнуромъ и повѣсила его на шею собацѣ; когда калитку отворили, Марья сказала: прощай Грачъ... бѣги къ боярину Ильѣ Алексѣичу!.. Собака однимъ прыжкомъ очутилась за воротами, похвѣхала воздухъ и повернувшись къ противоположной сторонѣ отъ возведеннаго Мишницынмъ окопа, понеслась быстро напрямикъ съ горы, переплыла рѣчку и вскорѣ пропала въ лѣсу.

— Чудно!.. пробормоталъ Адальбертъ, начинавшій вѣрить въ возможность спасенія.

(Окончаніе въ слѣд. №).

СОВРЕМЕННЫЯ ТЮРЬМЫ.

(Окончаніе).

Къ исторіи тюремъ. — Тюремъ въ Россіи.

Вопроса объ улучшеніи участи узниковъ, объ ихъ нравственномъ исправленіи, иначе сказать— тюремнаго вопроса, не существовало до самаго конца XVIII столѣтія, когда появился извѣстный филантропъ, Джонъ Говардъ, посвятившій всю свою жизнь осмотру и изученію тюремъ съ цѣлью ея улучшенія. Его рассказы о тюремныхъ порядкахъ того времени имѣли обычный характеръ. Запертые узники лишались даже свѣжаго воздуха. Въ Плимутѣ заключенные, чтобы не задохнуться, прижимались, по очереди, къ небольшому отверстию въ двери; когда же Говардъ постѣдилъ эту тюрьму, то двери не открывались уже 5 недѣль и заключенные просили о смерти, какъ о милости.

Осмотрѣвъ тюрьмы почти всей Европы, Говардъ вынесъ изъ этого обзора тяжелое впечатлѣніе; въ Англіи тюрьмы были и до сихъ поръ остались въ значительной части весьма дурнаго устройства. Говарду говорили, что если уже заботиться то скорѣе о несчастномъ положеніи честныхъ людей, остающихся на свободѣ, чѣмъ исключительно заниматься улучшеніемъ положенія негодяевъ и убійцъ. Во Франціи онъ встрѣтилъ тотъ же взглядъ и тѣ же тюрьмы; особенно нѣкоторыя пріобрѣли историческую извѣстность: Бастилія, Консьержери, Сенъ-Жерменское аббатство и Бисегръ. Въ Ліонской тюрьмѣ Говардъ нашелъ двадцать девять человѣкъ, которые были заперты въ четырехъ узкихъ темницахъ, гдѣ жаръ доходилъ до такой степени, что заключенные должны были сидѣть нагими. Тюрьмы Германіи отличались грязью и злоупотребленіями тюремной власти, въ Люттихѣ Говардъ напр. нашелъ, что узники содержались въ шести клѣткахъ имѣвшихъ около 6½ футъ длины и вышины, обтянутыхъ толстыми желѣзными обручами, въ которыхъ было лишь два отверстія: одно для воздуха а другое для снабженія заключенныхъ пищей. Въ Мангеймской тюрьмѣ всякаго новопоступающаго встрѣчали нѣсколькими ударами, смотря по винѣ cadaго. Затѣмъ вновь прибывшій долженъ былъ цѣловать порогъ тюрьмы и тогда его заперли на замокъ. Тюрьмы Испаніи, Португаліи, Швеціи и Даніи не уступали англійскимъ въ мрачности, неопрятности, темнотѣ и сырости помѣщеній. Только въ Швейцаріи, Бельгіи и Голландіи Говардъ нашелъ болѣе просторныя и свѣтлыя тюрьмы, гдѣ заключенныхъ заставляли много работать и обучаться въ школѣ.

Послѣ тщательнаго осмотра европейскихъ тюремъ Говардъ напечаталъ свое извѣстное сочиненіе: „О тюрьмахъ“ (The state of prisons 1777 г.) которое было переведено на многие языки, обративъ на себя вниманіе и подготовило тогдашнее общество къ тюремной реформѣ. Въ 1778 году уже состоялось въ Англіи первый пенитенціарный законъ, который получилъ впрочемъ практическое примѣненіе лишь въ началѣ текущаго столѣтія.

Въ Америкѣ устройство тюремъ принадлежитъ Франклину и квакерамъ, которые ввели тамъ двѣ совершенно своеобразныя системы заключенія: пенсильванскую и обурнскую. Первая система совершенно уединяла преступника, чтобы принудить его къ самосозерцанію, дать ему почувствовать угрызения совѣсти и примириться съ Богомъ и людьми; сторонники же обурнской системы утверждали, что заключенныхъ нужно заставить

болѣе работать, предписывая имъ молчаніе и разводя по одиночымъ кельямъ только ночью. Отъ теоріи перешли къ практикѣ и въ Америкѣ существовало уже нѣсколько тюремъ какъ той такъ и другой системы, когда въ Европѣ не приступили еще ни къ какимъ серьезнымъ преобразованіямъ въ тюремномъ устройствѣ. Наконецъ лишь въ 30 годахъ текущаго столѣтія, разныя европейскія государства и во главѣ ихъ Англія, начали основывать у себя тюрьмы, подражая американскимъ образцамъ. Англія построила образцовую пентонвильскую тюрьму, гдѣ приговоренные подвергались 18 мѣсячному одиночному заключенію а потомъ ссылались на Вандименъ или Норфолькъ и Эйландъ. Но вскорѣ эта строго-одиночная система дала самыя печальныя результаты; смертность свирѣпствовала въ Пентонвилѣ, кромѣ того узники или сходили съ ума, или кончали жизнь самоубійствомъ. Все это заставило ослабить строгость заключенія и ввести въ практику такъ называемую смягченную систему и придерживаясь теперь болѣе частью системы заключенія западной Европы. Здѣсь главная цѣль—исправленіе преступника достигается путемъ неослабнаго труда и повышенія умственнаго и нравственнаго уровня; главными дѣятелями въ этомъ исправленіи являются церковь, школа и работа. Правильная организація труда доведена въ Англійскихъ тюрьмахъ до совершенства, благодаря принятой здѣсь системѣ балловъ, изобрѣтенной капитаномъ Меконки, и дающей возможность заключенному при особенной усидчивости и трудолюбіи уменьшать на ¼ срокъ своего заключенія, и кромѣ того выдти изъ тюрьмы съ нѣкоторымъ заработкомъ.

У насъ въ Россіи, по предполагаемой отнѣтъ ссылки, тюремное устройство должно вступить въ новый фазисъ своего развитія; нѣсколько образцовыхъ центральныхъ тюремъ уже проэктировано и нѣтъ сомнѣнія, что онѣ будутъ организованы сообразно новѣйшимъ выводамъ какъ тюремной науки такъ и практики. Подражать мы будемъ европейскимъ, какъ всегда, образцамъ.

Въ древней Руси тюремъ было немного, что зависѣло отъ обычая отдавать преступниковъ на „поруки“ обществу или частнымъ лицамъ, которые отвѣчали за него головою въ случаѣ его исчезновенія. Лишались же свободы только тѣ, которымъ не удавалось найти поручителей; это, конечно, были люди по большей части самыя безпугные и отпѣтые и ихъ не стѣснялись помѣщать безъ всякаго милосердія въ погребахъ, ямахъ, подъ землею и даже въ клѣткахъ по суровости нравовъ той отдаленной эпохи. Прошло много времени пока могли выработаться болѣе гуманныя взгляды и лишь въ 1560 году является указъ, воспрещающій устраивать подземные темницы. Управление острогами вообще, три столѣтія тому назадъ лежало на намѣстникахъ, потомъ перешло въ вѣденіе губныхъ старостъ и цѣловальниковъ. Правительство не отпусало колодникамъ ни пищи ни одежды и снабженіе ихъ тѣмъ и другимъ лежало на обязанности ихъ родственниковъ, безродные же скыванные цѣпями ходили по дворамъ, о базарамъ собирая милостыню и деньгами и съѣстными припасами. Такая тюремная жизнь начала нѣсколько видоизмѣняться въ царствованіи Алексѣя Михайловича и въ уложеніи 1648 г. мы уже находимъ тюрьму какъ дополнительное наказаніе къ тѣлесному за различнаго рода проступки. Тюрьмы эти наполнялись узниками безъ большаго

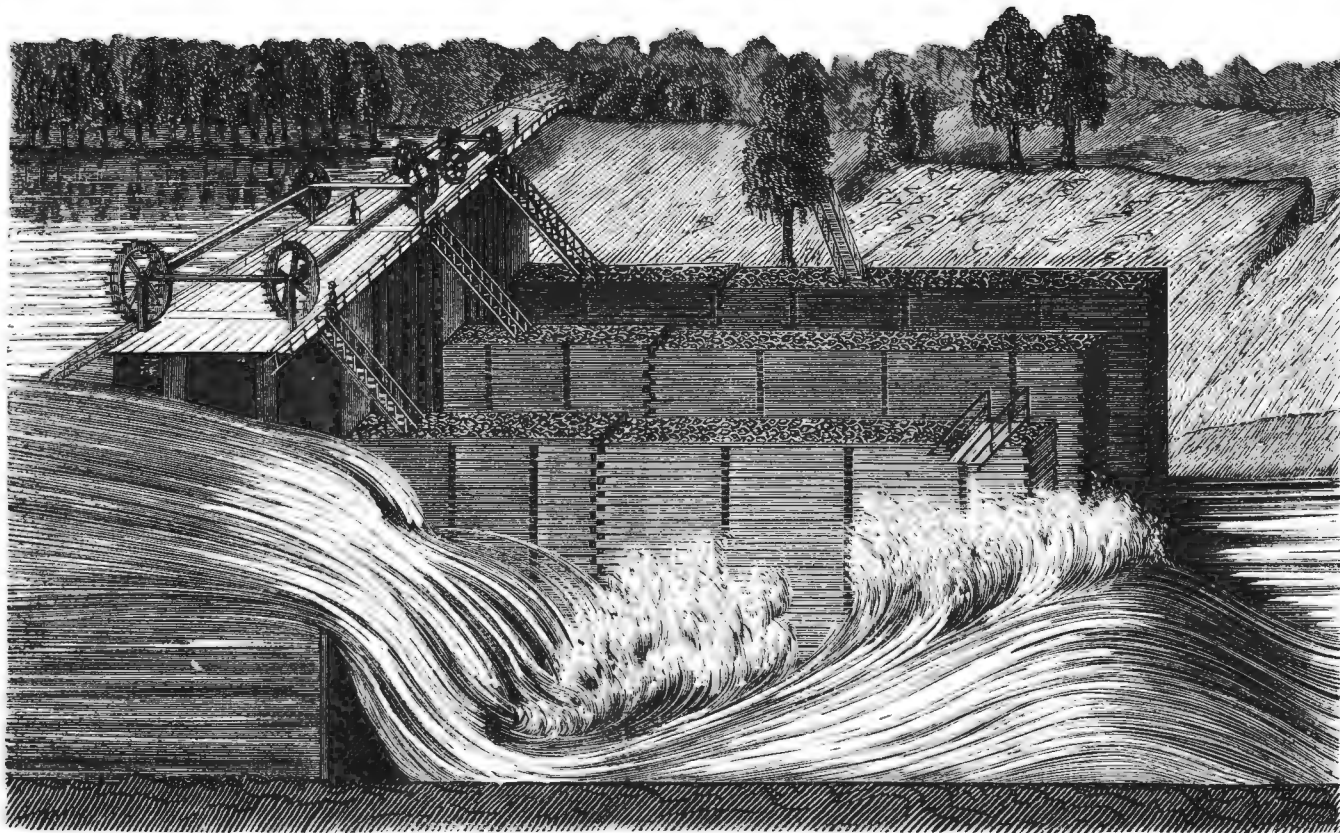
*) Въ это время гранаты были нововведеніемъ и внушали суевѣрный ужасъ.

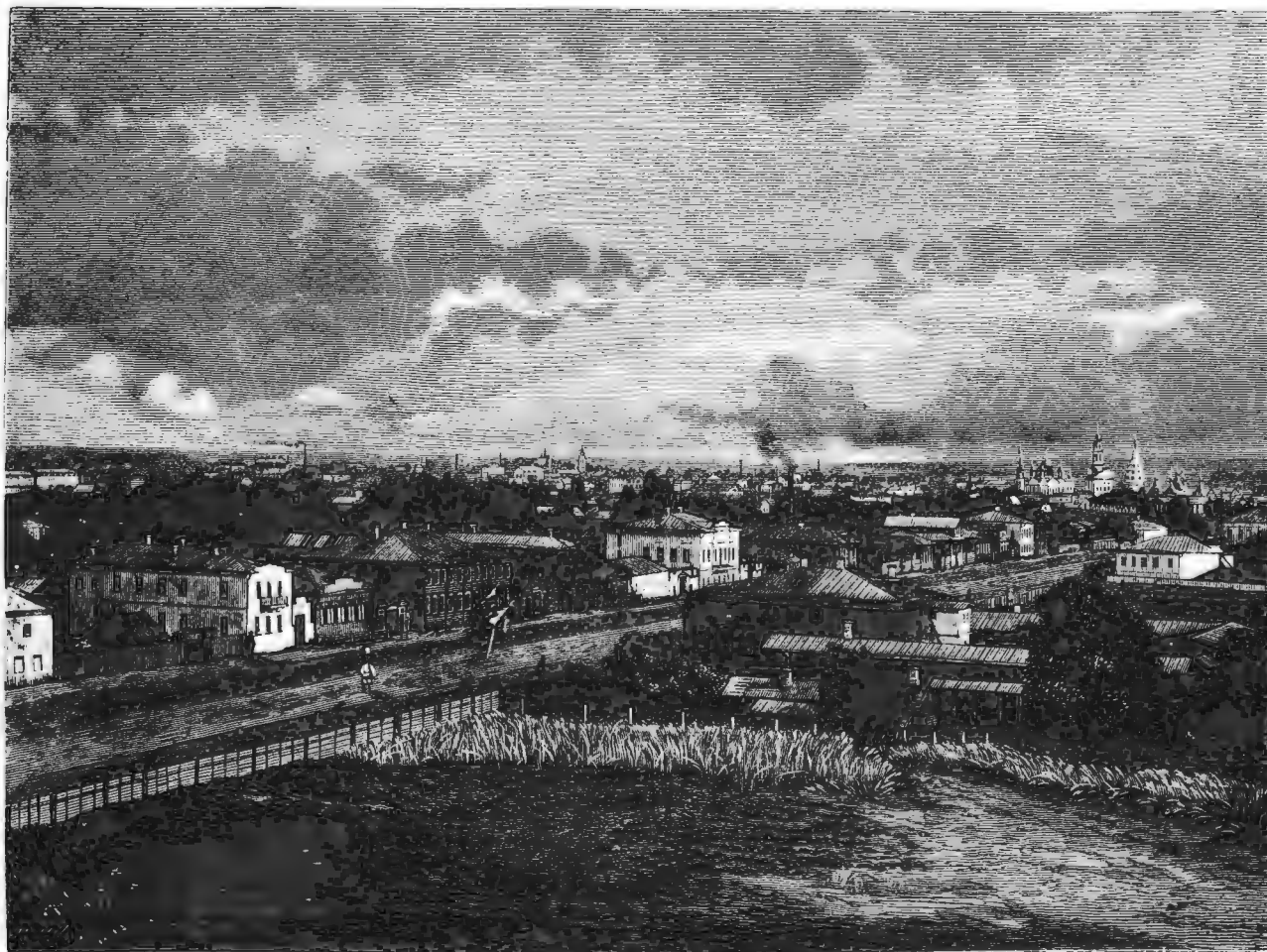
По Волгѣ. Миліонная улица въ Твери. (Изъ книги Рагозина „Волга“). Съ фотогр. грав. Даугель.

По Волгѣ. Ипатьевскій монастырь на р. Костромѣ. (Изъ книги Рагозина „Волга“) Съ фотогр. грав. Даугель.

По Волгѣ. Верхневолжскій бейшлотъ. (Изъ книги Рагозина „Волга“). Съ фотогр. грав. Даугель.

По Волгѣ. Ивановъ-Вознесенскъ съ посада. (Изъ книги Рагозина „Волга“). Съ фотогр. грав. Даугель

разбора, и списки заключенных велись очень неправильно; о многих совершенно забывали и они томплись въ заключеніи цѣлые десятки лѣтъ часто не зная за что. Съ цѣлью искорененія подобнаго зла установлено было въ 1700 году доставлять ежегодно, о колодникахъ, отчетъ Сенату, а симъ послѣднимъ въ кабинетъ, чтобы имѣть возможность слѣдить за ихъ численностью. Съ этого же времени правительство начинаетъ обращать вниманіе и на другія нужды тюремнаго люда; такъ въ 1717 году повелѣвалось чаще мѣнять солому для подстилки арестантамъ, а также кормить ихъ на счетъ челобитчика. При чемъ запрещалось ходить имъ за милостыней по улицамъ. Правительство назначило имъ одновременно казенное продовольствіе, безъ опредѣленія впрочемъ, въ чемъ оно должно заключаться. Окончательно правильную организацію наши тюрьмы получили лишь при Екатеринѣ II, которая обратила серьезное вниманіе на улучшеніе мѣстъ заключенія. Въ ея же царствованіе были учреждены для мужчинъ и женщинъ дома смилительные (1775 г.), рабочіе (1783 г.), а также составлены правила опредѣляющія количество кормовыхъ для здоровыхъ и больныхъ колодниковъ. Въ царствованіе Александра I а именно въ 1817 году прибылъ въ Петербургъ Вальтеръ Венингъ, одинъ изъ членовъ лондонскаго, попечительнаго о тюрьмахъ общества и получилъ дозволеніе посѣтить и осмотрѣть столичные мѣста заключенія. Въ отчетѣ представленномъ имъ Государю разоблачается обстановка тогдашней тюремной жизни; въ смиренномъ домѣ еще существовали колодники привязанные за шею, а женщины содержались въ рогаткахъ съ острыми спицами длиною въ 8 дюймовъ не дававшими имъ возможности ложиться ни днемъ ни ночью. По инициативѣ того же Венинга 19 июля 1819 года, были Высочайше утверждены правила для попечительнаго общества о тюрьмахъ. Благодаря общими частнымъ пожертвованіямъ общество постоянно заботилось объ улучшеніи пищи и вообще матеріальнаго положенія арестантовъ а также и ихъ нравственнаго и умственнаго развитія учрежденіемъ тюремныхъ школъ и правильной организаціи работы.

Въ вѣдѣніи попечительства состоятъ въ Петербургѣ тюрьмы исправительная и пересыльная и тюремный замокъ. Въ исправительной тюрьмѣ содержатся люди по приговорамъ мирового суда—на тюремное заключеніе отъ 3 мѣсяцевъ до года и окружнаго суда къ содержанію въ смиренномъ и рабочемъ домѣ до 2½ лѣтъ. Каждый арестантъ содержится въ особой, досчатой кельѣ вышиною въ 3 аршина. Въ 1878 году здѣсь содержались 2041 человекъ. Отличительный характеръ этой устроеной на новыхъ началахъ тюрьмы отъ другихъ, заключается въ обязательствѣ для всѣхъ арестантовъ работать съ утра до вечера, за исключеніемъ промежутка времени полагающагося на обѣдъ, отдыхъ и на занятія въ школѣ. За десять лѣтъ существованія, произведено здѣсь работъ на довольно значительную сумму, а именно на 162,788 рублей.

С.-Петербургскій тюремный замокъ существуетъ съ 1822 г.

НА МОРСКОМЪ КАНАЛѢ.

Между Петербургомъ и Кронштадтомъ

Очеркъ Н. Б.—ва.

I.

Утро было довольно сѣрое и какъ будто обѣщало дождикъ, когда мы на лодкѣ переправились на Гутуевскій островъ. Я давно собирался въ эту поѣздку, наслышавшись о морскомъ каналѣ и на сей разъ она сложилась очень счастливо. Со мной выразилъ желаніе ѣхать нашъ извѣстный талантливый художникъ Н. Н. Каразинъ, результаты поѣздки котораго, набросанные его мастерскимъ карандашемъ, читатели отчасти могутъ видѣть въ этомъ № и г. Р., также художникъ, уже не однажды ѣздившій и даже жившій нѣкоторое время на самомъ мѣстѣ работъ канала. Не зная хорошенько дороги съ этой стороны и удивительные встрѣчались, что каналъ рукой подать, мы пошли вѣскомъ сначала топкимъ лѣсомъ до дамбы, а потомъ по самой дамбѣ и хорошо, что всѣ оказались хорошими ходоками, особенно Н. Н. Каразинъ, извѣдившій и исходившій столько по средне-азиатскимъ степямъ. День разгулялся и сталъ довольно жаркимъ а идти до конторы намъ пришлось таки далеко, черезъ Канонерскій островъ, мимо Канонерской мели по дамбѣ. На мѣстѣ мы были такъ удачливы, что попали на партію выпусковыхъ инженеровъ, осматривавшихъ каналъ и тутъ намъ были доставлены очень любезно всѣ нужныя свѣдѣнія и возможность обѣхать на пароходѣ весь каналъ и осмотрѣть гигантскія машины, такія же какія работали на Суэцкомъ каналѣ. Эти гигантскія машины есть на рисункѣ нашего художника. На среднемъ верхнемъ и нижнемъ лѣвомъ рисункахъ изображена огромная черпальня № 5 и показано ея дѣйствіе. Вычерпываемый ею со дна моря жидкій песокъ посредствомъ особаго широкаго рукава выливается въ огромный пригтовленный ящикъ дамбы и наполняетъ его. Вода затѣмъ сливается а песокъ, чрезвычайно плотно слегающъ, набиваетъ ящикъ, образуя дамбу, съ такою быстротою, какая была бы немислима ни при какомъ числѣ рабочихъ. Но особенно замѣчательна гигантская аме-

и помѣщается въ прежде бывшихъ казармахъ. Зданіе неудовлетворительное въ всѣхъ отношеніяхъ и требуетъ радикальной перестройки. Въ тюрьмѣ 94 камеры на 793 арестанта. По осмотру замка произведенному недавно однимъ изъ директоровъ тюремнаго комитета А. М. Филипповымъ, оказывается, что теперь здѣсь содержится 592 арестанта и 157 арестантокъ. Женское отдѣленіе чище и опрятнѣе нежели мужское; тѣснота въ послѣднемъ достигаетъ иногда до того, что люди спятъ на полу—для кровати мѣста не оказывается. Дурныя условія дѣлаютъ литовскій замокъ одною изъ самыхъ нездоровыхъ столичныхъ тюремъ. Слѣд. пересыльная тюрьма утверждена въ 1852 году на мѣстѣ давнишняго острога. Она состоитъ изъ двухъ зданій соединенныхъ корридормъ и можетъ вмѣщать въ себѣ отъ 300 до 800 арестантовъ; впрочемъ приливъ и отливъ людей происходитъ здѣсь ежедневно, и каждый арестантъ проводитъ здѣсь самое короткое время. Домъ предварительнаго заключенія построенный архитекторомъ Маевскимъ подлѣ зданія Слѣд. Окружнаго Суда представляетъ собою образцовое мѣсто заключенія по своимъ приспособленіямъ и замѣчательному устройству. Домъ построенъ на 700 человекъ; одинокихъ кельй въ немъ болѣе 300 (муж. 285, жен. 32). Общихъ камеръ 68. Служебный персоналъ достигаетъ до 70 человекъ. Въ домѣ предварительнаго заключенія содержалось въ періодѣ 1876—1878 годовъ 4305 арестантовъ. Какъ тюрьма слѣдственная, домъ предварительнаго заключенія, состоитъ въ полномъ распоряженіи прокуратуры; соображаясь съ требованіями слѣдствія, арестантъ или подвергается одиночному заключенію или помѣщается въ общей камерѣ. Каждая одиночная, узкая келья днемъ освѣщается матовымъ окномъ а вечеромъ газомъ. Входная дверь сдѣлана изъ толстаго желѣза съ маленькимъ отверстіемъ для подачи пищи. Дверь каждой одиночной кельи можетъ запирается двумя ключами: надсмотрщика и смотрителя, при чемъ если келья заперта послѣднимъ, то ключъ надсмотрщика уже не можетъ отворить замысловатаго замка. Арестанты постоянно жаждутся на тягость заключенія въ одиночной кельѣ, которую они называютъ „сидѣньемъ въ душлилѣ“, между тѣмъ въ виду дурнаго вліянія однихъ на другихъ, одиночное заключеніе имѣетъ за себя многое для особенно порочныхъ заключенныхъ. Вообще перениманіе цѣликомъ заграничныхъ тюремныхъ порядковъ не всегда бываетъ удобно, вслѣдствіе громадной разницы въ народныхъ взглядахъ и обычаяхъ. Такъ опыты примѣнить у насъ бурнскую систему абсолютнаго молчанія окончились неудачей; люди роптали и противились, заявляя, что рѣчь дана отъ Бога и никто не можетъ ея лишитъ. Кромѣ того наши арестанты считаютъ себя обиженными, если ихъ отлагаютъ отъ частной благотворительности, отъ сочувствія общества въ ихъ горькой судьбѣ между тѣмъ, какъ прежде это сочувствіе въ значительной степени вызывалось строгостью наказанія и несовершенствами старыхъ судовъ. Теперь же при частыхъ оправданіяхъ и сравнительной легкости наказанія—это сочувствіе едва ли будетъ по прежнему сильно.

риканская машина—цѣлый домъ—изображенная на среднемъ рисункѣ. На лѣвой сторонѣ видны приспособленные на пештахъ какъ бы лапы какого-то чудовища, которыя вразъ захватываютъ по ¼ куб. сажени песку со дна моря и переносятъ, выливая дорогой воду, на барки. До четырехъ тысячъ рабочихъ копошатся въ разныхъ мѣстахъ сооруженія, опытные мастера и капитаны, вызванные изъ Голландіи съ Амстердамскаго канала, ведутъ подробности дѣла, порученнаго нынѣ контрагентамъ, инженерамъ гг. Максимоичу и Борейшѣ. Но что же это за морской каналъ? Какое его значеніе и цѣль и для чего пре приняты такія гигантскія работы? Эти вопросы, насколько можно въ коротенькомъ очеркѣ, мы постараемся разрѣшить, такъ какъ публика наша совершенно незнакома съ этимъ высокою важности дѣломъ.

II.

Да, въ какомъ нибудь получасѣ ѣзды отъ Петербурга возводится гигантское сооруженіе, одно изъ величайшихъ въ Европѣ въ настоящее время и благодаря вѣчному равнодушію нашему ко всему своему, едва ли многие имѣютъ объ немъ понятіе. Знаютъ, что „строится тамъ что-то такое!“ Это „что-то такое“—морской каналъ болѣе чѣмъ вдвое превосходящій шириною Суэцкій, длиною въ 29 версты*), на которомъ теперь энергически производятся работы, и результаты этихъ работъ уже достаточно выясняются, чтобы можно было оцѣнить всю ихъ грандіозность.

Дѣло морскаго канала изъ Невы на свободную глубину, конечно, занимало уже всеобъемлющій умъ царственнаго строителя Петербурга. Чтобы обойти прибрежную отмель Финскаго залива, Петръ I хотѣлъ провести морской каналъ отъ Невы

*) Со всѣми развѣтвленіями. Извѣстно, что Суэцкій каналъ, имѣя въ длину 150¼ верст. (проходить черезъ нѣсколько оверъ) шириною между дамбами лишь 46¼ с. гауб. 3¼ с. Нашъ каналъ шириною 100 саж.

по южному берегу залива и прогнать Ораніенбаума вывести его на свободную морскую глубину. Тогда же приступили къ устройству канала между Стрѣльною и Екатерингофомъ, гдѣ и донынѣ остались слѣды Петровскихъ сооружений. Послѣ же смерти Петра работы совсѣмъ остановились.

Съ основаніемъ Петербурга русская торговля стала быстро возрастать и торговая дѣятельность Новгорода и Пскова постепенно перемѣстилась въ Петербургъ. Что пунктъ этотъ не насильственъ, а самъ по себѣ представлялъ всегда важность доказываетъ то, что еще до Сѣверной войны, городъ Нienъ, въ устьяхъ Невы, по свидѣтельству епископа Холмогорскаго Афанасія, ежегодно принималъ товары со 150 кораблей. Первый корабль пришелъ къ Петербургу въ ноябрѣ 1703 года и обрѣдованный Государь щедро одарилъ матросовъ и капитана корабля. Въ 1725 году приходило сюда уже по 180 кораблей ежегодно и къ 1762 году до 400 кораблей, а при Екатеринѣ II къ 1796 г. сумма привоза и отпуска доходила почти до 40 милліоновъ рублей. Въ 1865 году, напримѣръ, отпускъ черезъ Петербургъ составлялъ 280/0 всего отпуска изъ Россіи, въ 1866 году—310/0 и т. д. до послѣдняго года процентъ не понижался. И во ввозной торговлѣ какъ и въ вывозной Петербургъ игралъ такую же значительную роль. Въ 1865 г. ввозъ черезъ Петербургъ составилъ болѣе 430/0 всего ввоза въ Россію, въ 1869 г. 420/0 и т. д. не уменьшаясь до послѣднихъ лѣтъ. Среднимъ числомъ можно принять, что 1/3 всего ввоза и отпуска идетъ сюда. Нѣкоторое колебаніе и въ иные годы уменьшеніе этого 0/0 указывало на дурное состояніе Петербургскаго порта, вслѣдствіе чего товары предпочитали, во избѣжаніе перегрузокъ, выгружать въ Ревель, Нарвѣ и затѣмъ по Балтійской желѣзной дорогѣ направлять внутрь Россіи и поэтому привозъ въ Нарву и Ревель сталъ подниматься такъ быстро. Въ Москвѣ очищалось пошанной въ 1870 г. 33,270,200, а въ 1879—около 80 милліоновъ и приблизительно надо принять, что 2/3 этихъ товаровъ выгрузились въ Петербургскомъ портѣ и лишь 1/3 прошла черезъ западную сухонутную границу.

Географическое положеніе Петербурга чрезвычайно выгодно. Это ближайшій пунктъ морской для бассейновъ озеръ Ладожскаго, Онежскаго и Ильмена и для необъятнаго бассейна Волги, доходящаго до Урала и Каспія. Предметы отпускнуя торговли Петербурга, именно товары, надвигающіеся съ Волги—хлѣбъ: пшеница, рожь, овесъ, горохъ, крупа. Затѣмъ ленъ, ленъка, щетина, лѣсной товаръ, спиртъ, шерсть, сало и т. п. Движеніе товарныхъ грузовъ въ нашей столицѣ чрезвычайно. Въ 1870 уже году прибывшихъ и отбывшихъ напримѣръ кораблей было до 5,000, съ грузомъ до 80 милліоновъ пудовъ и такъ возрастало и до послѣднихъ лѣтъ. Кромѣ того судовъ прибывало и отбывало ежегодно болѣе 1,500, съ грузомъ до 10 милліоновъ пудовъ. По желѣзнымъ дорогамъ—по Николаевской ежегодно доставляется среднее болѣе 50 милл. пудовъ, вывозитъ болѣе 15 милл. и т. д. *Въ Петербургѣ каждый рабочий день погружается около полутора милліоновъ пудовъ.* Вотъ каковы размѣры товарнаго движенія въ Петербургѣ и все что служитъ къ облегченію его хода здѣсь, конечно будетъ полезно для всей Россіи.

Глубина воды на Невскомъ барѣ не превышаетъ 10 фут., при низкой же водѣ до 8 фут., только мелко сидящіе корабли—едва половина изъ всего количества—могутъ доходить до Петербурга. Остальные же начинаютъ перегружаться на малыхъ судахъ наз. *лихтерами*. Разгрузка корабля идетъ 3 дня. 1 день лихтеры тащутъ на буксирѣ, отъ 2 до 5 дней разгружаются лихтера при таможенѣ, да еще день идетъ на доставку товара на станцію желѣзной дороги. Значитъ, при самыхъ благоприятныхъ обстоятельствахъ товаръ доходитъ до Петербурга въ 8 дней съ платою съ пуда отъ 4—8 коп. Но и для этой доставки мало удобнаго времени. Въ маѣ, августѣ, сентябрѣ, октябрѣ, въ разгаръ заграничной торговли—туманы и ненастье. Случается что лихтера идутъ въ непогоду отъ Кронштадта до Петербурга 5—6 дней да два дня проходятъ Николаевскій и Дворцовый мосты—тогда товаръ идетъ отъ 12—17 дней. Сверхъ этихъ неудобныхъ условій двойная перегрузка товара причиняетъ убытки—платится по 3 к. съ пуда и портится товаръ. Мосты могутъ разводиться лишь разъ въ сутки въ ночное время—изъ за мостовъ теряется отъ 2—4 дней. Привозные товары выгружаются при таможенѣ на Васильевскомъ островѣ и перевозятся на извозникахъ на желѣзныя дороги, отпускные же—съ желѣзныхъ дорогъ въ склады, и затѣмъ уже на корабли. Неустройство Петербургскаго порта вынуждаетъ косвенный налогъ на торговлю въ 7—8 милл. рублей ежегодно и занимаетъ напрасно множество рублѣй непроизводительна.

Такія серьезныя обстоятельства естественно обращали на себя вниманіе людей знающихъ, которые въ свое время представляли проекты, разсмотрѣніе которыхъ естественно не можетъ войти сюда. Довольно сказать что въ разное время, не считая проекта Петра I (который началъ приводить въ исполненіе) представлено было правительству весьма обстоятельно составленныхъ 22 большихъ проекта. Изъ нихъ сталь приводить въ исполненіе проектъ порта извѣстнаго Н. П. Путилова, недавно скончавшагося, человека предприимчиваго и дѣятельнаго, которому въ 1870 г. было Высочайше разрѣшено соста-

вить товарищество для постройки желѣзной дороги, соединительной съ другими дорогами, затѣмъ утверждено „общество товарныхъ складовъ товарищества“ и разрѣшено Путилову строить портъ. Мѣсто на взморьѣ для желѣзной дороги и порта избрано было на южной оконечности Канонерскаго и Вольнаго острововъ противъ д. Волынкиной и д. Емельяновки.

Съ 1842 г. учреждались по этому важному дѣлу коммиссіи и комитеты, не выразившіе своей дѣятельности, кромѣ коммиссіи 1859 г., никакими результатами. Наконецъ по представленію Мин. Пут. Сообщ. графа Бобринскаго, энергически рѣшились привести дѣло въ исполненіе. 20 января 1872 г. учрежденъ подъ предѣлительствомъ извѣстнаго строителя Николаевскаго моста, Кербедза, комитетъ съ участіемъ представителей отъ купцовъ. Графъ самъ руководилъ дѣйствіями комитета, который и выработалъ, помимо частныхъ проектовъ, свои положенія объ устройствѣ Петербургскаго порта. Положенія эти были утверждены. Рѣшено было построить и содержать въ видѣ государственнаго пути на счетъ казны, корабельный каналъ глубиною до 20 ф. для безостановочнаго хода судовъ, сидящихъ до 18 1/2 ф. Каналь направили по Екатерингофскому фарватеру между Канонерскимъ островомъ съ одной стороны, Вольнымъ и Гутуевскимъ съ другой. Устройство же на этихъ островахъ гаваней и доковъ предоставили частной предприимчивости, отнюдь не допуская монополіи. Мы не будемъ останавливаться на подробностяхъ отдачи постройки канала съ торговъ Путилову и Кларку, затѣмъ въ виду неуспѣшности работъ перемѣнѣ контракта и передачѣ дѣла контрагентамъ гг. Максимовичу и Борейшѣ, которые въ настоящее время быстро и энергически ведутъ къ окончанію грандіозное сооруженіе. Затѣмъ только, что и до сихъ поръ многие смѣшиваютъ вопросъ Путиловскаго порта и канала. Но первый—это частное предпріятіе, тогда какъ каналъ сооруженіе вполне правительственное, при коемъ Н. П. Путиловъ былъ не болѣе какъ контрагентъ, подрядчикъ связанный обыкновеннымъ контрактомъ. Тогда же при министерствѣ учреждено управленіе по дѣламъ Порты, на которомъ въ настоящее время и лежитъ отвѣтственность за веденіе работъ.

III.

Теперь работа подвигается энергически впередъ. Отъ самой Невы черезъ Гутуевскій островъ далеко въ открытое море тянутся великолѣпныя дамбы, которыя уже готовы на протяженіи 5 верстномъ. Видъ дамбы изображенъ на среднемъ верхнемъ рисункѣ. Каналь будетъ съ двухъ сторонъ огражденъ этими дамбами, которыя тянутся въ морѣ отъ Невы на девять верствъ. Затѣмъ на длинѣ 16 верствъ до Кронштадта каналь оставляется открытымъ на двѣнадцатифутовой глубинѣ. Дамба устраивается такимъ образомъ: съ двухъ сторонъ погружаются ряжи—деревянные срубы, наполненные камнемъ и затопляются въ морѣ по длинѣ дамбы; образуются какъ бы огромныя ящики, въ которые, какъ мы выше гворили уже, черпальными машинами вычерпываемый со льва моря песокъ съ водою, выливается посредствомъ особыхъ трубъ. Вода сливается а песокъ плотно улегается и образуетъ земляныя дамбы, которыя потомъ облицовываютъ и обдѣлываютъ по откосамъ камнемъ. Нагруженіе ряжей камнями изображено на правомъ верхнемъ рисункѣ.

На пятой верствѣ отъ Невы каналь развѣтвляется на двѣ вѣтви; одна, собственно каналь, идетъ въ Неву къ Гутуевскому порту. Это портъ, строящійся на средства Министерства Финансовъ на земляхъ бывшихъ Бенардаки и теперь приобретенныхъ Министерствомъ; на береговой сторонѣ входной гавани Гутуевскаго острова расположенъ глубокой корабельный бассейнъ, берега котораго будутъ подняты для устройства нагаузовъ и таможенныхъ складовъ, которые теперь на Вас. Остр. и для рельсовыхъ путей. Тутъ будетъ портъ для всей ввозной торговли. Другая вѣтвь канала идетъ на югъ къ барочному каналу, который еще не осуществленъ и на развѣтвленіи канала устроенъ бассейнъ и портъ Путиловскаго общества, для вывозныхъ товаровъ, для хлѣба и проч. соединяющійся съ желѣзнодорожною дамбою того же общества. Эта дамба соединяетъ портъ со всѣми желѣзными дорогами и такимъ образомъ взморье сообщается со всѣми желѣзными дорогами Россіи. Путиловская поясная дорога идетъ параллельно будущему каналу и не доходя Петергофскаго шоссе развѣтвляется. Сѣверная вѣтвь идетъ къ Гутуевскому порту, а южная къ широкой дамбѣ Морскаго канала, къ тому мѣсту, гдѣ роется бассейнъ на развѣтвленіи канала для приема вывозныхъ товаровъ. Расходы по устройству канала и порта исчислены въ 9,400,000 руб. (стоимость Суэцкаго канала 200 милл. франковъ) и окончаніе всего этого великолѣпнаго сооруженія предположено въ слѣдующемъ 1883 году. За проходъ черезъ правительственный каналь съ судовъ ничего взиматься не будетъ. Кронштадтъ обращается въ исключительно военный портъ. Правительство, принявъ на себя прорытіе и содержаніе морскаго канала, предоставило частной предприимчивости устройство по сторонамъ канала частныхъ портовъ и доковъ, куда могли бы заходить иностранные корабли, нашедшіе удобнымъ грузиться у набережныхъ канала.

Съ окончательнымъ устройствомъ порта надо пожелать, чтобы искусственные водные пути къ Петербургу были на столь-

но улучшены, чтобы съ Волги без перегрузки свободно ходили на Неву. Это безусловно необходимо въ виду нашей хлѣбо-

торговой борьбы съ Америкой, это важный вопросъ улучшенія Маринскаго пути.

Волга.

Волга. В. Рагозина. Сиб. 1880 г.

Рѣдко удается съ такимъ отраднымъ чувствомъ приниматься говорить о какой-нибудь книгѣ, какъ принимаемъ теперь мы по поводу „Волги“ г. Рагозина. Одна изъ самыхъ острыхъ и тяжелыхъ болѣзней нашей интеллигенціи—это отдаленность отъ жизни своего народа и незнаніе своей страны. Среди образованныхъ людей въ часто и теперь встрѣтите такихъ, которые обладаютъ самыми точными и подробными свѣдѣніями по поводу ничтожѣйшихъ фактовъ или мѣстностей Западной Европы и презрительно фыркаютъ, когда при нихъ говорятъ объ изученіи Россіи—что тутъ изучать и есть ли у насъ исторія? Эта позорная и застарѣлая болѣзнь—небрежное отношеніе ко всему своему—служить источникомъ большей части всѣхъ нашихъ пререканій, несогласій и практическихъ ошибокъ, часто гибельныхъ. Исцѣляется она только изученіемъ и знаніемъ своей страны и народа, изученіемъ, которое всегда дѣлается легче и плодотворнѣе всякое начинаніе. Народная пѣсня съ такою любовью дававшая эпитеты „матушки“, „кормилицы“—нашей великой рѣкѣ, давно и чудно ее воспѣла. Этою рѣкою кормятся миллионы русскихъ людей, на ней стоятъ большіе торговые города, свѣтятся куполами своихъ храмовъ, по ней идутъ великіе хлѣбные караваны, громадныя баржи и расшивы—а много ли знаемъ мы объ нашей Волгѣ?

Правда, многие „катались“ по ней, набрасывая видныя и наскоро записывавая что услышатъ отъ перваго враля—больше обличенія разныхъ порядковъ, о которыхъ записывающій не имѣетъ никогда и понятія—но эти „катанья“, „наброски“, по своей ничтожности и торопливости, вносили всегда только новую сумятицу въ наши понятія обо всемъ этомъ и лишній разъ затрогивали ту несчастную отрицательную струнку, которую такъ легко у насъ заставить звучать. Надо не эти надобныя корреспондентскія „прокатыванія“ не пренебреженіе, а любовное отношеніе, многолѣтнее подробное изученіе, постоянное житіе на Волгѣ, чтеніе всего, что объ ней сообщено и писано. Нужно человѣка, который бы взялъ на себя, мало того полюбить и изучить все это, но взялъ бы на себя трудную и благородную задачу познакомить другихъ со всѣмъ этимъ, посредствомъ изданія, дѣлю котораго отнюдь не была бы одна спекуляція, которая всегда водится посторонними дѣлу соорженіями.

Такой человѣкъ нашелся въ лицѣ г. В. Рагозина, посвятившаго трудъ и время на изученіе нашей великой рѣки и на

изданіе превосходной книги, заглавіе которой мы выписали. Всѣхъ томовъ предположено девять. При каждомъ будутъ политипажны въ текстъ и карты въ особой папкѣ. Пока вышелъ первый томъ (отъ истока до Оки) и въ теченіи перваго же года будутъ выданы 2-й и 8-й томы. При высокомъ достоинствѣ исполненія картъ, приложеннаго къ книгѣ атласа, при многихъ политипажныхъ въ текстѣ, дѣла, назначенная за томъ, рубль, исключаетъ всякую мысль о барышахъ изданія книги составленной въ высшей степени тщательно и добросовѣстно.

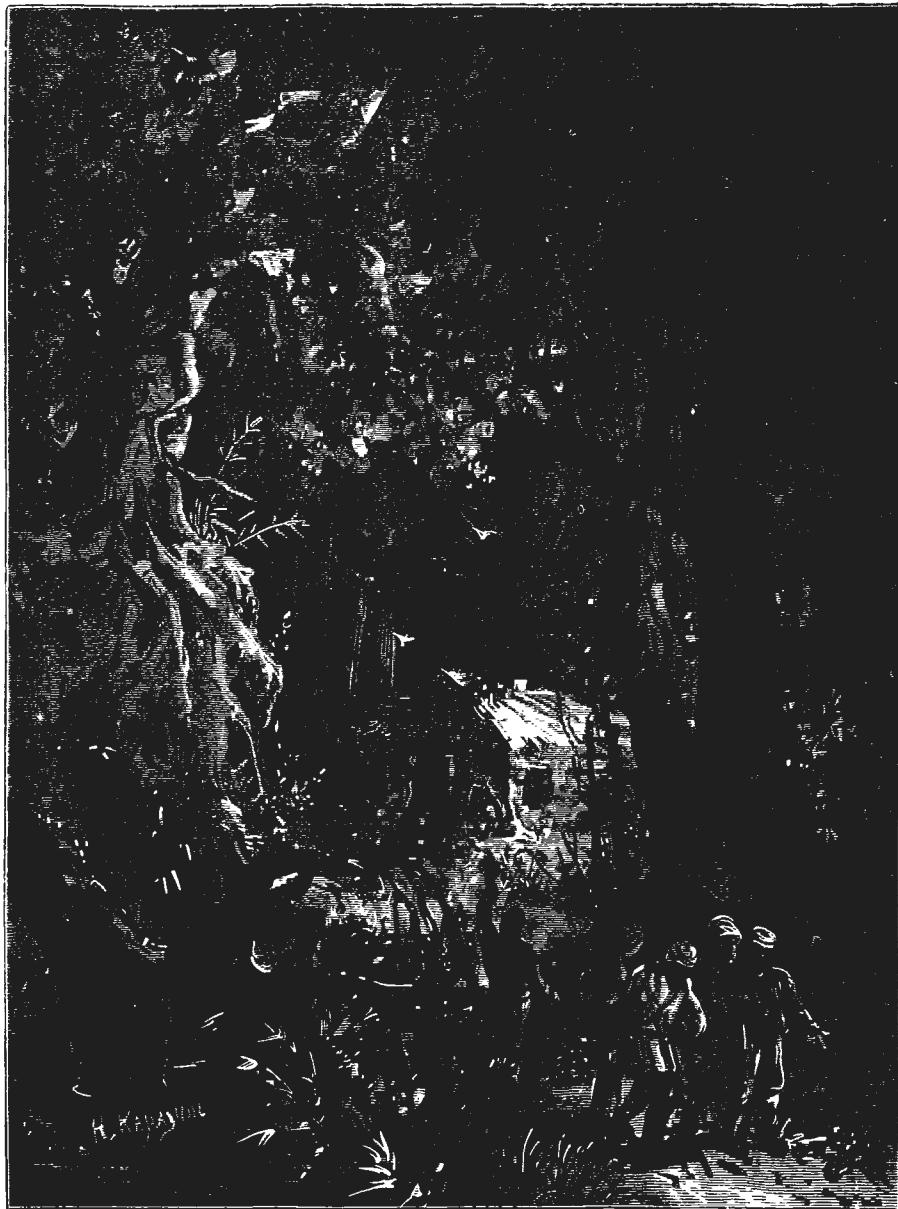
Изъ политипажной, помѣщенныхъ въ 1-мъ томѣ, мы нашли возможнымъ познакомить нашихъ читателей съ четырьмя видами.

Первый видъ—видъ нашей старой исторической Твери—открывающейся на лѣвомъ берегу Волги на переходѣ между Вазузой и Дубной. Тверь въ XIII стол. вѣдая такую борьбу и съ татарами, ея грабившими, и съ ливонцами, и съ Москвою,—Тверь, которой и по географическому положенію и по могуществу и старѣйшинству, слѣдовало быть столицей Руси. Но Москва все взяла въ свои крѣпкія руки и со времени Ивана III Тверь уже не поднималась. Старая богатая Тверь, посредница въ торговлѣ востока и запада, вдругъ сильно упала въ своемъ значеніи въ виду открытія новыхъ центровъ и только когда Москва сама уступила первенство Петербургу, съ сооруженіемъ каналовъ и съ усиленіемъ волжскаго судоходства, торговое значеніе города стало снова возрастать.

Затѣмъ второй видъ—это такъ называемый *Верхне-волжскій бейшлотъ*. Въ 2 верстахъ отъ села Хотопишна (Тверской губерніи) при выходѣ рѣки изъ

оз. Волго, воздвигается это грандіозное сооруженіе съ своими плотинами, колесами, столбами, сооруженіе въ высшей степени замѣчательное, но какъ и многое другое русское—почти никому неизвѣстное. Еще издали доносится шумъ падающей воды. Направо и налѣво сгрудились плоты. Люди копошатся, разрубаютъ связи приготавливаютъ плоты къ пропуску черезъ бейшлотъ. По лѣвому берегу тянется аллея изъ двухъ рядовъ деревьевъ; изъ-за зелени привѣтливо выглядываетъ небольшой домъ, гдѣ уединенно живетъ начальникъ бейшлота, въ этомъ безлюдномъ уголкѣ, гдѣ зимо слышатъ лишь вой волковъ да завываніе ягеля. По слѣдующему пути по болотистымъ трупамъ Волговерховскаго ручья, гдѣ виды разнообразятся лишь валунами—это величавое гидротехническое сооруженіе производитъ впечатлѣніе. Тяжелые, прочные столбы и устои 30 сажennaго моста, валы, колеса, щиты сдерживаютъ напоръ слишкомъ 4 милл. кубич. сажегъ

(Продолженіе на стр. 669, 670, 671 и 672).

„Граждане леса“ Сказка Н. Д. Ахшарумова Рис. Н. Каравинъ, грав. Малиновскій.

„Въ этомъ лѣсу жило шесть человѣкъ; пятеро ушли, остался одинъ. Звали его Даларъ“.

„Гражд. леса“ стр. 2.

воды! Здѣсь оба берега Волги возвышены. За нѣсколько сажень до бейшлота берега укрѣплены искусственно, по правому берегу насыпана дамба, вплоть къ правому и лѣвому берегамъ поставлены длинныя, сажени по двѣ шириною, прочныя срубы, набитые до верха камнемъ и землей. Это береговые устои. Затѣмъ со дна русла возведены въ равныхъ разстояніяхъ четыре быка образующіе пять пролетовъ. Въ каждомъ пролетѣ во двѣ рѣки вбиты столбы, между которыми и вставляются деревянные щиты аршина по 3. Это—нижній ярусъ, удерживающій воду на высотѣ нормальнаго уровня; верхній, *свивная* линія, удерживаетъ воду сверхъ обыкновенной высоты. Открываемый по мѣрѣ надобности бейшлотъ пропускаетъ нужное количество воды, чѣмъ поддерживается судходство на 500 верстѣ до самой рѣки Мологи и сохраняетъ для хода судовъ воду на достаточной глубинѣ даже въ мелководье. Великая важность водянаго резервуара при началѣ Волги указывается тѣмъ, что открытіе шлюзовъ возвышаетъ уровень Волги и что дѣйствіе это замѣтно до самаго Углича.

Третій рисунокъ представляетъ знаменитый *Ипатьевскій монастырь*, давшій пріютъ изгнаннымъ Голуновымъ—инокиня Марѣ Ивановнѣ и сыну ея Михаилу Феодоровичу, первому русскому царю изъ рода Романовыхъ. Юный Михаилъ отсюда былъ призванъ на царство. Домъ, гдѣ помѣщались Романовы, существуетъ и нынѣ; комната въ которой жилъ Ми-

хаилъ Феодоровичъ, сохранилась въ своемъ прежнемъ видѣ. Монастырь основанъ татарскимъ мурзою, обрусившимся ревностнымъ и истиннымъ христіаниномъ, Четомъ, въ крещеніи Захаріемъ, родоначальникомъ рода Голуновыхъ. Здѣсь же укрылся потомъ временно молодой Михаилъ, когда одинъ изъ бродячихъ польскихъ отрядовъ взялся его извести и тайно пробрался къ Домнину, вотчинѣ Романовыхъ. Въ дремучихъ лѣсахъ, окружавшихъ тогда монастырь, погибъ по преданію, отъ рукъ обманутой, разъяренной польской шайки нашъ народный герой Иванъ Сусанинъ.

Четвертый рисунокъ представляетъ бывший богатый посадь, нынѣ городъ *Ивановъ-Вознесенскъ*, Влад. губ. на р. Уводи. При Грозномъ оно было въ числѣ черныхъ государевыхъ селъ; въ XVIII в. принадлежало Черкасскимъ, а потомъ Шереметеву, женившемуся на дочери Черкаскаго. Теперь городъ въ высшей степени замѣчательнъ по ситцевому кустарному производству, главнѣйшему въ Россіи. Здѣсь около 150 мелкихъ фабрикъ. Особенное развитіе получило ситцевое производство въ 1812 году, когда ушедшіе изъ Москвы рабочіе и лучшіе мастера поселились здѣсь. Большая ярмарка бываетъ здѣсь 14-го сентября.

Вообще какъ по изложенію такъ и по исполненію рисунокъ, особенно картъ, въ полномъ смыслѣ слова роскошное изданіе г. Рагозина заслуживаетъ полнаго вниманія и обширнаго распространенія.

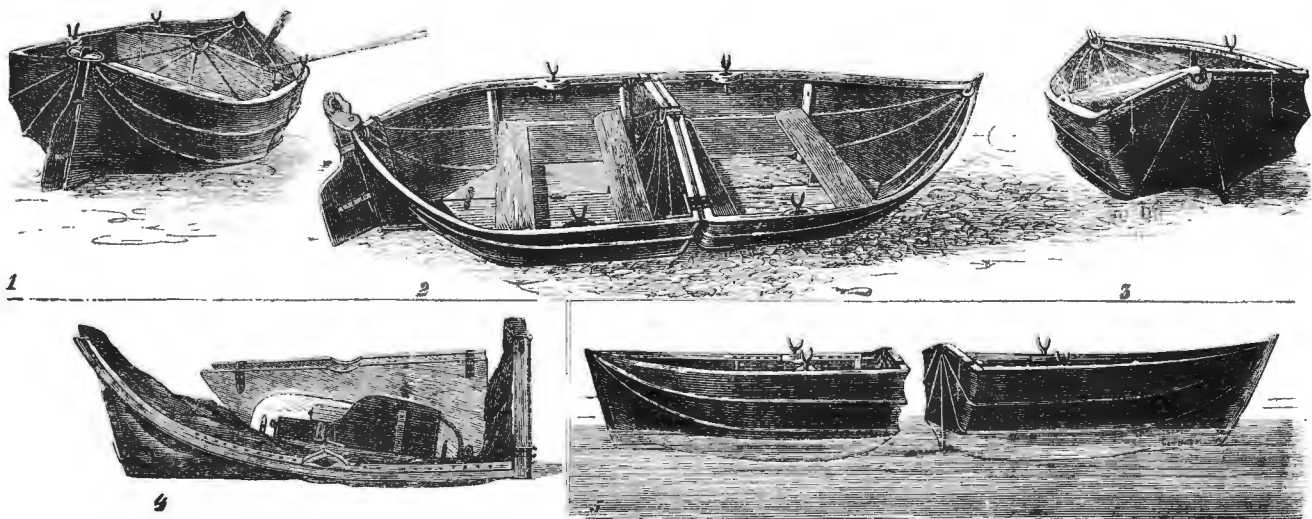
КЪ РИСУНКАМЪ

Дитя природы.

(Картина Г. Даля).

Полная жизни и выразительности картина художника на ко-

ужить въ каждое даже самое незначительное судно; собрать же ее требуется не болѣе пяти минутъ времени. Для этой цѣли стоитъ лишь ея боковыя части соединить двумя кусками дерева, на которыхъ должна лежать часть верхней палубы;

1) Видъ лодки отъ руля. 2) Вполнѣ сложенная лодка. 3) Видъ полулодки съади. 4) Боковой разрѣвъ полулодки. 5) Двѣ полулодки отдѣльно на водѣ.

Новая складная лодка Бертона. По рис. грав. М. Рашевскій.

торой онъ изобразилъ быть можетъ и себя, сидящимъ передъ мольбертомъ, такъ и переноситъ воображеніе въ живописную страну—такъ и видишь жаркій, чудный лѣтній день и словно слышишь любезную шутку улыбающагося художника, на которую молодая деревенская красавица отвѣчаетъ веселымъ, откровеннымъ смѣхомъ.

Складныя лодки системы Бертона.

Новыя складныя лодки, изобрѣтенныя Бертономъ, могутъ имѣть очень важное значеніе въ морскомъ дѣлѣ, особенно при дѣйствіи миноносокъ. Въ послѣднемъ случаѣ, при погруженіи торпеды, экипажъ судна часто не имѣетъ другихъ спасительныхъ средствъ и приспособленій, кромѣ нѣсколькихъ буювъ. Складныя же лодки Бертона могутъ быть въ этомъ отношеніи въ высшей степени полезными. Дѣло въ томъ, что такая складная лодка, когда она разобрана, занимаетъ пространство не болѣе 2-хъ футовъ 14 дюймовъ и потому ее можно легко

затѣмъ остается вставить скамейки и лодка готова; въ случаѣ нужды ее также можно легко присоединить посредствомъ крюковъ къ задней части судна и помѣстить въ ней совершенно свободно 6 человекъ команды. Если даже повреждена будетъ одна половина лодки, то экипажъ тотчасъ же можетъ перейти въ другую ея часть, отдѣленную отъ первой плотной и крѣпкой перегородкой.

Лодка Бертона состоитъ изъ двойной непроницаемой для воды обшивки, укрѣпленной на легкомъ, деревянномъ остовѣ и каждая изъ двухъ составныхъ частей имѣетъ 6 футовъ длины, 2 фута глубины и 6 фута ширины. Недавніе опыты, производившіеся въ Шербургѣ миноноскою „*Torpilleur*“ доказали до очевидности, какую громадную пользу могутъ принести складныя лодки при всѣхъ опасныхъ случайностяхъ минной атаки. Складныя лодки Бертона могутъ также съ успѣхомъ служить для переправы войскъ и замѣнить собою употребляемыя нынѣ для этой цѣли понтонныя сооруженія.

ПОЛИТИЧЕСКОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

Застой въ пограничныхъ вопросахъ на Балканскомъ полуостровѣ.—Причина р-змовъ между Франціей и Англіей.—Турецкія угрозы румелотамъ.—Рѣчь и письмо Гамбетты.—Германія.—Административная перестройка.

Нельзя не признать за турецкими правителями, или лучше сказать, дипломатами—извѣстнаго искусства. Собирались въ Берлинѣ конференціи, собирались надъ Турціей мрачныя тучи, но благодаря ловкости нашей—вопросъ о разграниченіи от-

томанской имперіи съ Греціей и Черногоріей въ настоящую минуту находится совершенно въ томъ же самомъ положеніи, т. е. въ томъ же самомъ застоя, въ какомъ находился до грозныхъ конференцій и тучъ. Дипломаты Порты хорошо знаютъ чего стоитъ „Европейское согласіе“ и потому не торопятся, пользуясь тѣмъ временемъ, каждой минутой, чтобы подкрѣпить албанцевъ всюду, гдѣ это надо и усиливая свои военныя

силы на необходимых пунктах. Расчет их оказался вѣренъ. Султанъ и министры его вполне убѣждены, что совместное дѣйствіе великихъ державъ не состоится, что „единодушіе“ ихъ рухнетъ при первой же попыткѣ прибѣгнуть къ принудительнымъ мѣрамъ противъ Турціи. Германія вовсе не указываетъ намѣренія присоединиться къ мѣрамъ этимъ, Франція совершенно, повидимому, отстранилась, Италия, конечно, одна не двинется, Россія, только что свершившая великое дѣло освобожденія не будетъ вновь, по крайней мѣрѣ, теперь поднимать восточнаго вопроса. Австрія, съ самаго начала, не была энергическимъ сторонникомъ Греціи и Черногоріи. Остается Англія. Не смотря на то, что Гладстонъ заявилъ, что правительство ея величества рѣшилось лойдти до предполагаемой дѣли, рѣшилось даже, если надо, дѣйствовать безъ участія прочихъ державъ, — все-таки, не смотря на это, искусные дипломаты Абдуль-Гаида не боятся Англіи. И тутъ взгляды ихъ едва ли не вѣренъ. Англія не можетъ послать десанта, такъ какъ мѣра эта была бы чрезвычайно непопулярно, составляя нѣчто въ родѣ дополненія ко всему числу войнъ, затѣянныхъ Виконфильдомъ и стоящихъ такъ дорого. Поэтому она блокировала бы турецкія гавани своимъ флотомъ; но блокада эта имѣла бы результатъ, невыгодный для самой Англіи, а не для Турціи, она отразилась бы, всего больше, на морской торговлѣ первой, посылающей массу своихъ купеческихъ кораблей въ Средиземное море и въ турецкія воды, торговля эта уменьшилась бы, содѣйствуя, въ то же время, развитію австрійскаго сухопутнаго вывоза. Турки понимаютъ очень хорошо все это, а потому спокойно отписываются и предоставляютъ Греціи и Черногоріи питаться надеждами. Въ Греціи, впрочемъ, хотятъ поддержать надежды свои штыками и приступаютъ къ мобилизаціи.

Приготовляется къ войнѣ князь Черногорскій. На равнинѣ между Тузлой и Подгорией сосредоточено уже до 12 тысячъ воиновъ подъ начальствомъ воеводы Перо Вукотича; въ Подгорицу, Жаблякъ, Служъ и Бово Ховицу отправлены пушки, Антивари и Зальевъ сильно укрѣпляются. Порга, въ перепискѣ, которою она всегда умѣла и умѣетъ затянуть дѣло съ Европой, показываетъ снова желаніе скоро покончить вопросъ о границахъ съ Черногоріей. — Выше мы сказали, что Франція отстранилась отъ препирательствъ на Востокѣ. Такую перемену въ восточной политикѣ Франціи до сихъ поръ объясняли исключительно внутреннимъ положеніемъ дѣла, нападками оппозиціи на фрацузское вмѣшательство въ вопросъ, не касающійся ея, нападками на Гамбетту изъ лагерей враждебныхъ ему; но оказывается другая причина, лежащая въ вѣршнихъ отношеніяхъ республики. Дѣло въ томъ, что на Востокѣ столкнулись интересы Франціи и Англіи. Во Франціи полагали, что со вступленіемъ Гладстона въ министерство, Англія откажется отъ Кипра, противъ присоединенія котораго, въ свое время, высказался Вадингтонъ, считая занятіе это вреднымъ для интересовъ французскихъ въ Сириі. Надежды эти основывались на томъ, что Гладстонъ, будучи въ оппозиціи, сильно нападалъ на оккупацию острова. Однако, Гладстонъ сталъ премьеромъ и — и островъ все-таки остался за Англіей. Тогда и произошелъ замѣченный всѣмъ поворотъ въ политикѣ Франціи. Но, кромѣ этого, такъ сказать пассивнаго, противодѣйствія Англіи, Франція очень недавно сдѣлала въ этомъ направленіи и нѣсколько болѣе рѣшительный шагъ.

Мидхадъ-паша, какъ мы сообщали уже читателямъ, предложилъ рядъ реформъ въ Сириі, но теперь оказывается, что онъ игралъ въ руку Англіи, которой предоставилъ бы въ предполагаемомъ имъ хедиватѣ широкій просторъ. Франція прозрѣвъ, въ время планъ этотъ, приняла всѣ мѣры къ тому чтобы Мид-

хадъ былъ удаленъ съ своего поста (онъ назначенъ губернаторомъ Смирны), и такъ какъ это соотвѣствовало желаніямъ самаго султана, то удалось очень легко. Услуга же султана въ этомъ случаѣ и объясняетъ нынѣшнюю сдержанность Франціи въ восточной политикѣ.

Въ Восточной Румелии движеніе къ воссоединенію съ Болгарскимъ княжествомъ конечно усиливается и теперь, повидимому, оно организуется. Уничтоженныя Вогоридесомъ гимнастическія дружества, снова и энергичнѣе прежняго занялись за дѣло свое—упражненія происходятъ безостановочно. Словомъ, готовится боевая сила, съ которой придется считаться. *Турція, указывая на все это державамъ, грозитъ Румелию занять Балканскіе горные проходы* (?).

Греви, вмѣстѣ съ Леономъ Сэ и Гамбеттой, посѣтилъ недавно Шербурга, гдѣ присутствовалъ на эволюціяхъ части французскаго флота. Посѣщеніе это сопровождалось различными торжествами, банкетами и проч. Между прочимъ, на одномъ изъ банкетовъ, Гамбетта произнесъ энергическую рѣчь, въ которой весьма ясно намекнулъ на то, что Франція попрежнему развивающая свои силы и могущество, скоро займетъ должное положеніе свое и возвратитъ себѣ то, что отнято у нея. Вслѣдъ затѣмъ въ газетахъ появилось частное письмо его къ одному пріятелю, гдѣ онъ говоритъ прямо уже, что французы готовятся къ нападению. Впрочемъ, на другой же день было напечатано разъясненіе относительно письма, разъясненіе, удостоверявшее что оно написано еще въ 1871 году. Воинственные выходки Гамбетты объясняютъ, однако, не болѣе, какъ маневромъ, къ которому въ свое время прибѣгалъ императоръ Наполеонъ III, для поддержанія своей колебавшейся власти. А такъ какъ Рошфоръ и крайняя дѣлая не перестали нападать на бывшаго диктатора, то онъ, будто бы, обратилъ къ пріему, всегда успѣшно дѣйствующему на французовъ...

Тѣмъ не менѣе, рѣчь и письмо, какъ надо было ожидать, произвели весьма непріятное впечатлѣніе въ Германіи, пресса которой дала съ своей стороны весьма энергичный отвѣтъ. — Князь Бисмаркъ не оставилъ своей борьбы съ социалистами. Онъ предпринимаетъ теперь мѣру, которой нельзя не считать одною изъ наиболѣе дѣйствительныхъ, а именно—онъ намѣренъ улучшить положеніе рабочаго класса; по мнѣнію канцлера, положеніе это можетъ быть улучшено, главнѣйше, только при соблюденіи двухъ главныхъ условій, а именно: при доставленіи рабочимъ большаго участія въ промышленныхъ барышахъ и при сокращеніи числа рабочихъ часовъ. И съ этою мѣрою значительная часть неудовольствій, которыми питался социализмъ, должна потерять смыслъ и исчезнуть.

Въ нашей высшей администраціи на дняхъ совершилась чрезвычайно важная перемена: въ виду того что главная дѣла учрежденной въ февралѣ сего года Верховной Комиссіи—объединеніе дѣйствій властей—уже достигнута, самая эта Комиссія упраздняется и Начальникъ ея Графъ М. Т. Лорисъ Меликовъ назначается Министромъ Внутреннихъ Дѣлъ. Всѣ дѣла какія вѣдало III отдѣленіе Собств. Е. И. В. Канцеларіи передаются въ вѣдѣніе Мин. Внутр. Дѣлъ и самое III отдѣленіе совсѣмъ уничтожается съ своимъ отдѣльнымъ, спеціальнымъ значеніемъ. Завѣдываніе корпусомъ жандармовъ также какъ и всѣ дѣла Верховной Комиссіи переданы Министру же Внутр. Дѣлъ. Отдѣляются кромѣ того отъ Министерства Внутр. Дѣлъ департаменты почтъ и телеграфовъ и департаментъ иностранныхъ исповѣданій и Министромъ почтъ и телеграфовъ назначается А. С. Маковъ, бывшій Министръ Внутр. Дѣлъ.

С М Ъ С Ъ.

Охладительныя одѣяла. Во многихъ болѣзняхъ, преимущественно въ тифѣ, для лѣченія примѣняютъ охлажденіе больного. Это достигается холодными ваннами. Кто не знаетъ тѣхъ хлопотъ для окружающихъ и неудобствъ для самого больного, связанныхъ съ такого рода леченіемъ. Докторъ Дюмонъ-Палье въ Парижѣ изобрѣлъ особое охлаждающее одѣяло, которое замѣняетъ собою обыкновенныя ванны. Между двумя холстинами зашита зигзагообразно длинная каучуковая трубка, по которой можно пропускать холодную воду. Окутывая такимъ одѣяломъ больного, достигается та же дѣла, какъ и простою холодной ванною. Посредствомъ небольшихъ приспособленій, можно давать водѣ быстрый или слабый токъ, слѣдовательно, достигать той степени охлажденія, которая нужна при лѣченіи.

Уженіе на пари. Скачки и плаваніе на пари извѣстны многимъ, но уженіе на пари еще небывалая новость. Недавно экстренный поездъ привезъ изъ Шеффилда и Вата 700 человекъ желавшихъ состязаться въ уженіи, которые и заняли мѣста на обоихъ берегахъ канала. По данному сигналу они закинули удочки и удили полтора часа. Самый счастливый удильщикъ, получившій призъ въ 200 марокъ, поймалъ въ это время только три четверти фунта рыбы; получившій восьмой призъ—четверть фунта. Что поймали остальные—трудно взвѣсить.

Вотъ оригинальный отвѣтъ, данный однажды на вопросъ,

что такое удочка: „Это снарядъ, къ одному концу котораго прикрѣпленъ червякъ, а къ другому—глупецъ“.

На желѣзныхъ дорогахъ въ Англіи въ 1879 году погибло болѣе 3.500 человекъ. Изъ убитыхъ пассажировъ (считая и тѣхъ, которые погибли во время крушенія моста на Теѣ) 452 человекъ желѣзнодорожнаго прислуги и 420 человекъ самоубійцъ или погибшихъ по собственной неосторожности. Общее же число всѣхъ пассажировъ, проѣхавшихъ въ этомъ году по желѣзнымъ дорогамъ Англіи 562.732.890.

Открытыхъ писемъ употребленіе возрасло въ Европѣ чрезвычайно. Въ 1878 г. разошлось 342 милліона. Изъ нихъ 111,445,000 лишь въ Великобританіи; въ Германіи 108,741,000 и во Франціи 30,522,000. Эти цифры, если присоединить къ нимъ еще огромный оборотъ открытыхъ писемъ въ Соединенныхъ Штато-Американскихъ Штатахъ, будутъ громадны. Извѣстно, что употребленіе открытыхъ писемъ въ Штатахъ практикуется всего еще лѣтъ шесть. Въ прошломъ году количество открытыхъ писемъ доходило до 246 милліоновъ, а въ 1880 году Америки уже оборотила до 300 милліоновъ такихъ писемъ. Годовой оборотъ во всѣхъ странахъ можно считать до 700 милліоновъ, слѣдовательно по два милліона писемъ въ день.

Новый каналъ между Балтійскимъ и Чернымъ морями. Для приведенія въ исполненіе проекта соединенія рѣки Сава, впадаю-

щей въ Вислу съ Днѣпромъ, выдающимъ въ Черное море образовалось товарищество изъ французскихъ инженеровъ. Австрійское министерство торговли дало этому товариществу предварительную концессию на техническія работы, которыя точчасъ и были начаты. Въ настоящее время техническій планъ совершенно выработанъ. Каналь этотъ важенъ въ томъ отношеніи, что имъ будутъ соединены порты Чернаго и Балтійскаго морей.

Налогъ на титулы. Итальянскій парламентъ рѣшилъ обложить титулы и ордена слѣдующимъ налогомъ: На титулъ князя и герцога 25,000 лиръ, маркиза 20,000 л., графа 15,000 л., барона 10,000 л. за всякій другой титулъ по 5000 л., за ношеніе иностранныхъ орденовъ 90 лиръ. Предполагаютъ, что большая половина титулованныхъ особъ будетъ отказываться отъ пожалованныхъ имъ титуловъ.

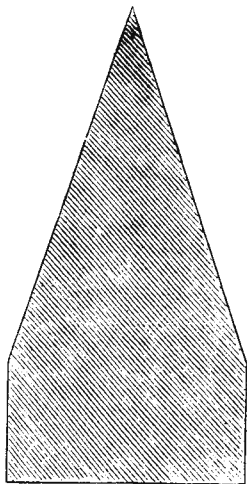
Фотографическіе оттиски на матеріяхъ. Одна изъ лондонскихъ шелковыхъ фабрикъ ввела у себя отпечатываніе фотографій на матеріяхъ. Она послала въ недавно состоявшійся съѣздъ фото-

графическаго общества нѣсколько шелковыхъ кусковъ съ отпечатанными на нихъ разными фотографіями, между которыми весьма многія, въ видѣ большихъ медальоновъ, изображали картины древнихъ художниковъ. Длина представленныхъ образцовъ опредѣлена не менѣе 131 фута. Хотя самое производство не объяснено, думаютъ однако, что отпечатываніе совершается посредствомъ окиси серебра.

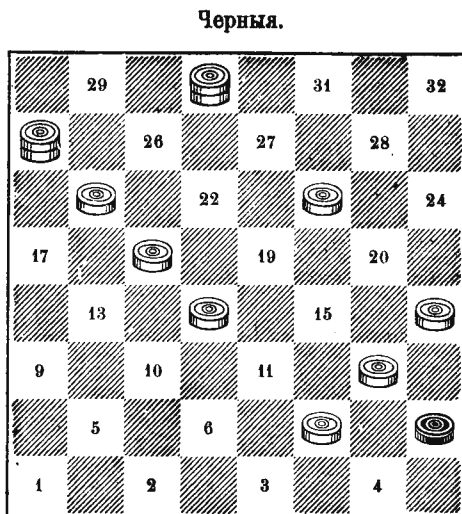
Новый суррогатъ золота. Американцы открыли недавно великолѣпную композицію, которая вполне замѣняетъ золото. Въ составъ композиціи входятъ: 100 частей чистой мѣди, 17 частей олова, 6 частей магnezіи, 9 частей виннаго камня, 36 частей нашатра и 1,6 частей негашеной извести. Эта композиція въ высшей степени тягуча и плавка; изъ нея можно выдѣлывать такіе же тонкіе листы, какъ и изъ золота, выливать въ формы, дѣлать медали и т. д. По наружному виду она такъ схожа съ золотомъ, что ихъ можно различить только по вѣсу. Она быстро вошла въ Америкѣ въ употребленіе и скоро вѣроятно появится и въ Европѣ.

Задача № 60.

Данную фигуру разбить на такія части чтобы изъ нихъ можно было бы составить правильный крестъ.

Шашечная задача № 59.

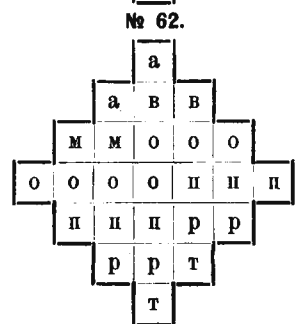
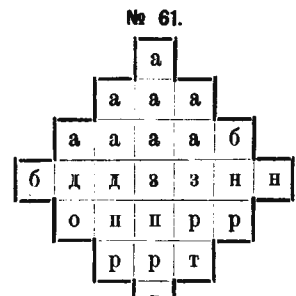

Черныя.

Бѣлыя.

Бѣлыя начинаютъ и запираютъ черную шашку.

Задачи магическихъ квадратовъ

О ПЕРЕМѢНѢ АДРЕСА.

Контора журнала «Нива» проситъ своихъ гг. многогородныхъ подписчиковъ при перемѣнѣ адреса изъ одного города въ другой, присылать прежній печатный адресъ и прилагать 28 коп. почтовыми марками на типографскіе расходы.

СОДЕРЖАНІЕ: Н. Д. Ахшаруновъ (съ портр. и рис.)—Кушленное счастье. Романъ Н. Морскаго. (Продолженіе).—Зарница. Историческая быль В. Политковскаго. (Продолженіе).—Современныя тюрьмы. Очеркъ. (Оконч.)—На верномъ каналѣ. Между Петербургомъ и Кронштадтомъ. М. Б.—ва. Очеркъ (съ 2 рис.)—Волга (съ 4 рис.)—Дитя природы (съ рис.)—Сладкая ледяя Бертонна (съ рис.)—Политическое обозрѣніе.—Сибирь.—Задача.—Шашечная задача.—Магическіе кресты.—Объявленія.

Издатель А. Ф. Марксъ.

Редакторъ Ф. Бергъ.

О Б Ъ Я В Л Е Н І Я.

СИТРОНАДЪ И ОРАНЖАДЪ МОСКОВИТЬ КЕЛЕРА.

Изъ свѣжихъ лимоновъ и апельсиновъ съ вполне сохраннымъ ароматомъ этихъ фруктовъ, для лимонадовъ, пунша, мороженнаго, желе, и всякаго рода кушанья стилина на 50 стак. лимонада 50 к., на 100 стак. 90 коп. Торговцамъ значительная скидка.

Продажа въ аптекарскихъ магазинахъ

Р КЕЛЕРЪ И К° ВЪ МОСКВѢ

Продажа въ С.-Петербургѣ въ магазинахъ брат. Елисеѣвыхъ. № 839 3-1.

ПРАКТИЧЕСКАЯ АРИФМЕТИКА ОРЛЕАНСКАЯ ДѢВА

П. С. Гурьева, 1880 г. Книга I-я: Низкій курсъ доступный для всѣхъ. Цѣна 75 коп. Книга II-я печатается.

Сладъ въ типографіи В. Безобразова и Комп. (СПБ. Вас. Остр. 8-я линія, № 45).

Книгопродавц. обычная уступка. № 836

опера въ 4-хъ дѣйствіяхъ, музыка

П. Чайковскаго

печатается и выйдетъ ко дню 1-го представленія.

П. Юргенсовъ.

Москва, Неглинный, № 10. № 837

Извѣстный по своимъ свойствамъ предотвращающимъ пріинѣ частей гѣла, въ особенности же ножиныхъ пальцевъ,

ГАЛЬМАНИНЪ

продается въ аптекахъ, а также у дроггеровъ во всѣхъ значительнѣйшихъ 10 городахъ Европы. Главное депо въ англійской имперіи фабрикация В. Карниинскіа въ гор. Варшавѣ, по Электральной ул., № 35. Большая коробочка гальманнаго стоитъ въ Варшавѣ 50 к., меньшая 30 к.

№ 587 12-10

Нужно остерегаться поддѣлокъ.

В. Карниинскій.

СЛОВОЛИТНЯ **О. И. ЛЕМАНА**

въ С.-Петербургѣ, Банковскій м., 52-3.

существовать съ 1854 года.

Складъ шрифтовъ у Ив. Ив. ФЛОРА въ Москвѣ, Никитская, д. Рихтера.

Постоянно располагая БОЛЬШИМЪ ЗАПАСОМЪ готовыхъ шрифтовъ, словолитня въ состояніи, въ весьма короткое время, удовлетворить самымъ значительнымъ требованіямъ.

Съ словолитней соединены: гравѣрное, стереотипное и гальванопластическое заведеніе.

Изданія А. Ф. Маркса въ С.-Петербургѣ.
Большая Морская, д. № 9.

ВЪ НАМЫШАХЪ, повѣсть Н. Каразина, съ 39 рисунками автора. большой томъ in 8—всего 304 стр. Цѣна 2 р., съ перес. 2 р. 30 к. Подписчики „Нивы“ за перес. не платятъ.

Повѣсть эта яркими красками рисуетъ жизнь Туркестанскаго края; достоинства ея достаточно доказываются уже тѣмъ, что повѣсть эта переведена на нѣмецкій, французскій и англійскій языки. Нынѣ вышедшее второе изданіе заключаетъ въ себя 34 рисунки; оно гораздо богаче и лучше чѣмъ, уже разошедшее, первое изданіе этой повѣсти.

ВСѢХЪ МАШИИЪ И МЕХАНИЧЕСКИХЪ ПРИБОРОВЪ

приготовляемыхъ въ Германіи, Франціи и Бельгіи, доставляемыхъ по настоящимъ фабричнымъ цѣнамъ, принимаемъ на себя отправку до послѣдней станціи желѣзной дороги за умѣренную комиссію.

Морицъ Вейль младшій. Машинная фабрика въ Франкфуртѣ на Майнѣ (Германія). Р. № 841 18-1

Изданія А. Ф. Маркса въ Спб.

Большая Морская, д. № 9.

Двуногий волкъ, романъ въ 2-хъ част. *Н. Каразина съ 20 рисунками чатора*, печатанъ на лучшей альбомной бумагѣ. Романъ этотъ знакомитъ читателя съ туркестанскимъ краемъ и переведенъ на нѣм. и англ. языки, что краснорѣчиво говоритъ въ его пользу. Ц. 2 р. съ перес. 2 р. 30 к. Для подписч. „Нивы“ 1 р. 80 к., съ перес. 2 р.

МОЖНО ПОЛУЧАТЬ

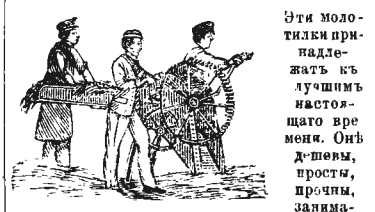

въ Москвѣ въ собственныхъ магазинахъ: Никольская ул., домъ Востанжого. Ильинка, д. Троицкаго подворья. Петрова, домъ Петровскихъ линий.

Ръ С.-Петербургѣ:
у Рузанова, Савельева, Сафонова, Аверьянова, Урлаубъ и Рейнбергъ. Литейная, на № 610. 16-14

углу Васильевой улицы, и у прочихъ главныхъ торговцевъ.

ШТИФТОВЫЯ МОЛОТИЛКИ.

Эти молотилки принадлежатъ къ лучшимъ настоящимъ времени. Онѣ дешевы, просты, прочны, занимаютъ мало мѣста, не окалываютъ зерно, и облачаютъ хлѣбъ самымъ совершеннымъ образомъ, не оставляя въ колосьяхъ ни одного зерна. Всѣ чувствительные механизмы устроены и каждый простой кузнецъ можетъ исправить всякое поврежденіе. Цѣна ручной молотилки 85 р., молотилки съ одноконнымъ приводомъ 225 р., съ 2-хъ конными приводами и соломотрасомъ 340 руб. Производители. отъ 100 до 400 сноповъ въ часъ, смотря по размѣру.

Склады у Товарищества **БУРКГАРТЪ И УРЛАУБЪ**, С.-Петербургѣ, Вас. Ост., 1-я линия, № 10 и въ Москвѣ по Мясницкой, д. Сытова. Кромѣ того имѣются въ наличности: земледѣльческія машины, пожарныя трубы и насосы всякаго рода, паровыя и заводскія машины, котлы, локомобили и пр. и пр. № 838 3-1

Карль Ивановичъ Вагнеръ, № 826 2-2

Садовое заведеніе въ Ригѣ,
Симъ имѣть честь довести до свѣдѣнія любителей, что **Иллюстрированные каталоги деревьямъ, растеніямъ и пр. на 1880-1881 г.** издааны и разосланы исъмъ постояннымъ покупателямъ этой фирмы. Прочимъ же лицамъ, желающимъ получить таковыя, посылаются каталоги также бесплатно. смотря по заявленію на русскомъ языкѣ, или на французскомъ и нѣмецкомъ.

ПРАВЛЕНІЕ ГРЕБЕНЕВСКАГО СУДО-СБЕРЕГАТЕЛЬНОГО ТОВАРИЩЕСТВА,

Опочечнаго уѣзда, Псковской губерніи,
принимаютъ отъ инородныхъ постороннихъ лицъ вклады всякой величины и по почти на безсрочное время, съ обязательствомъ возвращенія ихъ въ декабрѣ мѣсяцѣ любого года. По вкладамъ этимъ, Правленіе товарищества уплачиваетъ десять процентовъ годовыхъ. Проценты могутъ получаться вкладчиками лично или почтою по мѣ ячно, по степени каждаго мѣсяца. При уплатѣ процентовъ никакихъ вычетовъ, кромѣ почтовыхъ расходовъ, не дѣлается.
Товарищество обращаетъ свои капиталы въ предѣлахъ всего Опочечнаго уѣзда, удовлетворяя потребности въ мелкомъ кредитѣ и на приобрѣтеніе крестьянами въ личную собственность мелкихъ земельныхъ участковъ (отрѣзовъ отъ надѣловъ). Внесенныя вклады обезпечиваются капиталами товарищества и всѣмъ имуществомъ членовъ товарищества. Товарищество основано въ 1872 году, имѣетъ собственныхъ капиталовъ 82 352 рубля; оборотъ операций товарищества въ 1879 году составлялъ сумму 918,988 руб. 26 коп.; товарищество оплачиваетъ свѣдѣтельство первой гильдіи. Товарищество взимаетъ за суды съ членовъ-заемщиковъ по 12 процентовъ годовыхъ. Высшій размѣръ суды допускаемый для каждаго члена составляетъ сто рублей; суды эти возвращаются обмѣнновенно въ ноябрѣ и декабрѣ. Въ товариществѣ состоитъ 3629 членовъ, 346 членовъ на полученную суду приобрѣли въ собственность землю, болѣею частью отрѣзы отъ ихъ надѣловъ. Отчетъ печатается ежемѣсячно и раскладываетъ бесплатно. Адресъ: городъ Опочка, Псковской губерніи, Гребеневскому суду-сберегательному товариществу.
№ 885 3-1. Распорядитель П. ПЛЕНЪ.

БАНКИРСКАЯ КОНТОРА ЯКОБСОНЪ,
С.-ПЕТЕРБУРГЪ, Литейный проспектъ, д. № 21.
Продажа 5⁰ съ выигр. билет. съ разсрочкою платежей, съ задаткомъ по 20 руб. на билетъ. Выигрышъ, курсовая разниа и купоны составляютъ собственность покупателя.
Страхование отъ тиража 5⁰ съ выигр.шами билетовъ по 50 к. Отъ гг. инородныхъ, включая попутные расходы, по 60 коп. за билетъ. Всѣ биржевыя и банкирскія операции по покупкѣ, продажѣ и залогу бумагъ отъ гг. инородныхъ исполняются по письменнымъ приказамъ черезъ почту. Приемъ на комиссію 5% билетовъ для обмѣна на новыя. Подробная программа операций помѣщена въ „Нивѣ“ № 5 сего года. № 872 6-4

ВАЖНО ДЛЯ СЕЛЬСКАГО ХОЗЯЙСТВА.

Франкфуртскія молотилки системы Вейла.
Должны быть вездѣ, гдѣ молотятъ. Это самыя лучшія, прочныя и извѣстныя, дешевыя машины этого рода. Всякій работникъ можетъ ихъ поставить, каждый поденщикъ можетъ (ими пользоваться) съ ними справиться, каждый кузнецъ можетъ ихъ починить.
Машины эти, съ чистильникомъ или безъ него, доставляются на каждую желѣзнодорожную станцію. Самой малой величины молотилка стоитъ только 76 рублей. По письменному требованію иллюстрированный каталогъ у **МОРИЦА ВЕЙЛА** младшаго. Машинная фабрика въ Франкфуртѣ-на-Майнѣ (въ Германіи).
Корреспонденція по русски. Рг. № 652 13-10

И. М. № 820

НОВОСТЬ
ЛОЗЕ: ПАРФЮМЕРІЯ „ЛАНДЫШЪ“.
Лозе: Extrait quadruple, изъ Ландыша . . . Maiglöckchen.
Лозе: туалетное мыло " " . . . Maiglöckchen.
Лозе: туалетный уксусъ " " . . . Maiglöckchen.
Лозе: помада " " . . . Maiglöckchen.
Лозе: масло " " . . . Maiglöckchen.
Лозе: косметическій фиксагоръ " " . . . Maiglöckchen.
Лозе: брилльянтинъ " " . . . Maiglöckchen.
Лозе: подушки съ духами " " . . . Maiglöckchen.
Для избѣжанія покупки поддѣльныхъ духовъ нужно требовать продукты Лозе парфюмера Ландышъ и особенно смотрѣть на мою вѣрную фирму: **Густавъ Лозе, парфюмеръ въ Берлинѣ, поставщикъ Двора Ея Величества Императрицы Германской Имперіи.** К. № 840 3-1

КОНТОРА
ТОРГОВАГО ДОМА
ПАВЕЛЬ ВЫДРИНЪ И СЫНЪ,
Москва, Тверская, домъ Полякова, рядомъ съ домомъ Генераль-Губернатора.
Извлеченіе изъ условій разсрочки платежа за выигр.шныя билеты.
§ 1. При покупкѣ билета съ разсрочкою платежа вносится задатокъ не менѣе 15 руб. сер. Остальныя деньги къ которымъ причитаются проценты 8% годовыхъ разсрочиваются отъ 6 до 30 мѣсяцевъ съ уплатой ежемѣсячно. Кромѣ 8% годовыхъ, контора никакой комиссіи не взимаетъ.
§ 2. Со времени полученія задатка всякій выигрышъ, который падетъ на означенный въ квитанціи билетъ принадлежитъ покупателю, выигр.шныя уплачиваются конторою по полученіи таблицы Государственнаго Банка.
§ 3. Проценты по купонамъ принадлежатъ покупателю и выдаются ему вмѣстѣ съ билетомъ по окончаніи разсчета.
Павель Выдринъ и Сынъ
въ Москвѣ.
Планъ выигр.шей
БИЛЕТОВЪ I-ГО И II-ГО ВНУТРЕННИХЪ ЗАИМОВЪ.
Тиражъ выигр.шей производится первые 30 лѣтъ 2 раза и послѣдніе 30 лѣтъ разъ въ годъ и всякій разъ вынимаются слѣдующіе выигр.шны.
1 выигр.ш. въ 200,000 руб.
1 " " 75,000 "
1 " " 40,000 "
1 " " 25,000 "
3 " " по 10,000 р. на 30,000 "
5 " " 8,000 " " 40,000 "
8 " " 5,000 " " 40,000 "
20 " " 1,000 " " 20,000 "
260 " " 500 " " 130,000 "
300 выигр.шей на 600,000 руб.

Подробныя условія и программы конторы выдаются и высылаются бесплатно

НИВА

ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ
ЖУРНАЛЪ
ЛИТЕРАТУРЫ

ПОЛИТИКИ И СОВРЕМЕННОЙ ЖИЗНИ.

XI годъ
№ 34

годъ XI
1880

ВЫХОДИТЬ ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫМИ №№ ВЪ ДВА ЛИСТА СЪ 6—10 РИС. И ЕЖЕМЕСЯЧН. ДАРОВЫМЪ ПРИЛОЖЕНІЕМЪ „ПАРИЖСКИХЪ МОДЪ“ (отъ 20 до 40 модн. рис.)
Выдастъ 23 Августа 1880 г. и ЛИСТА ЧЕРТЕЖ. ВЫКРОЕНЪ (отъ 22 до 30 рис.) разн. рис. рукод. работъ (отъ 20 до 40 рис.) Цѣна этого № „Нивы“ 15 к. съ перес. 20 к.

ОБЪЯВЛЕНІЯ
для напечатанія
въ „Нивѣ“ при-
нимаются по 25 к.
за строку конпа-
рейль (въ 1/2 шири-
ны страницы).
КОНТОРА
журнала открыта
ежедневно (кроме
Воскресныхъ и
праздничныхъ
дней) отъ 10 ч. утра
до 6 ч. вечера.

Открыта подписка на „НИВУ“ 1880 г.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА НА ГОДОВОЕ ИЗДАНИЕ „НИВЫ“:

Безъ доставки въ Петербургъ . . . 4 р.	Безъ доставки въ Москвѣ черезъ кн. маг. гг. Шапошникова, Соловьева и Лангъ . . . 5 р.
Съ доставкою „ „ . . . 5 р.	Съ пересылкою въ Москву и другіе города Россіи . . . 6 р.
На полгода безъ доставки 2 р., съ доставкою 2 р. 50 к., съ пересылкою иногороднымъ 3 р.	

Каждый новый подписчикъ получаетъ все уже вышедшіе въ 1880 г. номера.

ПРИЛОЖЕНІЯ.
Особая приложе-
нія при „Нивѣ“
объявленій отъ
торговыхъ домовъ
принимаются для
иног. по 5 р. съ
тысячи, для город-
скихъ по 4 р.
РУКОПИСИ
Мелкія рукописи и
стихи неудобныя къ
печати, авторамъ
не возвращаются.

КОНТОРА ЖУРНАЛА „НИВА“ ПОМѢЩАЕТСЯ ВЪ С.-П.-БУРГѢ НА Б. МОРСКОЙ ВЪ Д. № 9.

Абдурахманъ-Ханъ.

Новый эмиръ Авгана, Абдурахманъ-Ханъ — внукъ по прямой мужской линіи знаменитаго эмира Достъ-Магомета; онъ старшій сынъ Афзуль-Хана. Изъ этого видно, что Абдурахманъ, собственно по рожденію своему, уже имѣлъ право преимущественно предъ всѣми, на престолъ. Но въ восточныхъ деспотическихъ государствахъ порядокъ престолонаслѣдія подчиненъ не закону первородства, а волѣ повелителя, избирающаго себѣ преемниковъ по желанію своему. Такъ поступилъ и Достъ-Магометъ, назначившій преемникомъ любимаго сына, Шира-Али, который вступилъ на престолъ въ 1863 году. Воцареніе произошло, однако, не безпрепятственно. Афзуль-Ханъ, бывшій въ то время губернаторомъ Вахга, составилъ вмѣстѣ съ другимъ братомъ своимъ Азимъ-Ханомъ и сыномъ, Абдурахманомъ, заговоръ, поднявъ возстаніе и изгналъ Шира-Али изъ Кабула. Въ этой междоусобицѣ Абдурахманъ-Ханъ выказалъ выходящія изъ ряда военныхъ способности.

Абдурахманъ-Ханъ. Съ фотогр. грав. Флягель.

Онъ разбилъ войска эмира въ нѣсколькихъ сраженіяхъ и, между прочимъ, въ большой битвѣ при Шейнорѣ, и Афзуль былъ провозглашенъ эмиромъ. Послѣ смерти его, въ 1867 г., престолъ перешелъ къ Азимъ-Хану, а Абдурахманъ удалился въ Балхъ. Но Азимъ правилъ недолго. Ширъ-Али собралъ армию и въ свою очередь, одержавъ верхъ надъ войсками Азима и Абдурахмана (благодаря военнымъ дарованіямъ своего сына, Якубъ-Хана, о чемъ мы говорили въ свое время), снова занялъ Кабулъ и былъ признанъ эмиромъ. Абдурахманъ бѣжалъ въ Бухару, гдѣ нашелъ убѣжище у эмира Бухарскаго, на дочери котораго былъ женатъ. Нѣкоторое же время затѣмъ Абдурахманъ провелъ и въ нашихъ предѣлахъ и именно въ Туркестанѣ (главнымъ образомъ въ Самаркандѣ). Замѣтимъ кстати, что Правительство наше постоянно выказывало авганскому принцу свое расположеніе, которое, надѣемся, можетъ быть и принесетъ добрые плоды. По крайней мѣрѣ

есть основаніе предполагать, что Абдурахманъ относится дружелюбно къ Россіи. Долго оставался онъ въ вынужденномъ бездѣйствіи, пока не наступили въ отечествѣ его павѣстныя событія. Зорко слѣдилъ онъ за ходомъ ихъ, выбирая минуту. Она настала, наконецъ. Якубъ-Ханъ былъ увезенъ изъ Авганистана, въ разгромленной странѣ поднялся хаосъ. Абдурахманъ рѣшился выдти изъ тѣни. Съ небольшимъ числомъ приверженцевъ онъ перешелъ русскую границу и вступилъ въ Восточный (Авганскій) Туркестанъ. Здѣсь Абдурахманъ обнаружилъ замѣчательный политическій тактъ. Онъ подвигался впередъ медленно, какъ бы осматриваясь и взвѣшивая каждый шагъ свой. Среди неурядицы, царившей на всемъ пространствѣ Авганистана, появленіе его составило своего рода событіе. Съ первой же минуты онъ становится избранникомъ своего народа и, вмѣстѣ съ тѣмъ, какъ бы ядромъ государственнаго порядка. Ряды приверженцевъ его росли не по днямъ, а по часамъ и вскорѣ вокругъ него собрались уже значительныя силы. Англичане, для которыхъ восстановленіе порядка, разрушеннаго ими же, является едва ли менѣе необходимо, чѣмъ для самаго населенія — сразу поняли, что событія выдвинули человѣка, повидимому, вполне подготовленнаго къ миссиі этой. Индійскій вице-король (еще графъ Литтонъ) началъ переговоры. Но Абдурахманъ Ханъ зналъ англичанъ, недовѣрялъ имъ и велъ переговоры съ большою осторожностью и медленностью. Одно время, англійское правительство едва не прервало даже сношенія съ нимъ, со-

мнѣваясь въ искренности его. Но видя, что и народныя массы, и сардари окончательно становятся на сторону претендента, рѣшились добиться соглашенія съ нимъ. Соглашеніе это послѣдовало. Абдурахманъ признанъ Англійей эмиромъ, прибылъ въ Кабуль, очищенный англійскими войсками и 14-го іюля торжественно вступилъ на престолъ, среди благодарственныхъ молебствій въ мечетяхъ и при громѣ пушечныхъ салютовъ. Можетъ быть англичане и не безъ основанія сомнѣваются въ искренности дружелюбія къ нимъ новаго эмира. Теперь есть вполне серьезныя поводы утверждать, что Абдурахманъ не только не противодѣйствуетъ борющемуся до сихъ поръ съ англичанами другому претенденту, Эюбъ-Хану, но и оказываетъ ему поддержку, что эмиръ и побѣдитель генерала Барроуза дѣйствуютъ за одно, въ тайнѣ согласившись раздѣлить Авганистанъ между собою. Фактъ тотъ, что Абдурахманъ (получающій субсидіи отъ англо-индійскаго правительства) не помогаетъ англичанамъ и ничего не дѣлаетъ, чтобы освободить осажденный Эюбомъ Кандагаръ. Что касается самой личности нынѣшняго эмира, то это замѣчательно красивый мужчина, въ полномъ цвѣтѣ лѣтъ (ему около пятидесяти лѣтъ) и силъ; одинъ изъ англійскихъ посланцевъ, входившій въ непосредственныя сношенія съ нимъ, говоритъ о немъ, какъ о „самомъ умномъ, энергическомъ и вѣжливомъ авганцѣ, какому ему удавалось видѣть до тѣхъ поръ“. Приглаемый здѣсь портретъ гравированъ съ фотографіи, снятой въ Ташкентѣ.

КУПЛЕННОЕ СЧАСТЬЕ.

Романъ Н. Морскаго.

(Продолженіе).

Кожуховъ, поднимая голову.

— Кто же это „они“?—господинъ Гавриловъ?

— Нѣтъ, кромѣ его еще братъ той несчастной, которую сбросилъ этотъ... Мой бывшій крѣпостной Ефимъ Егоровъ. Ты не зналъ? такой рыжій, непріятный...

— Не зналъ.

Кожуховъ припомнилъ рыжеватаго съ просѣдью старика въ гороховомъ пальто... и на минуту, сдѣлавшись какъ-то нетерпѣливъ, поспѣшилъ окончить разговоръ съ теткой, помощи ей:

— Господинъ Гавриловъ и Ефимъ хотятъ вмѣшать васъ въ это дѣло, если вы не купите ихъ молчаніе?

— Мало того, мой другъ, молчаніе сына относительно моего имени они хотятъ употребить противъ меня. Они намѣреваются повести дѣло такъ, чтобы доказать, что сынъ убилъ...

Гавриловъ сдѣлалъ было какой-то нетерпѣливо-протестующій жестъ, вѣроятно желая показать, что его напрасно вмѣшнваютъ въ соучастіе съ Ефимомъ относительно вымогательства у Жюли денегъ, но на этотъ жестъ не обратили должнаго вниманія. Обращаясь по прежнему къ Жюли, Кожуховъ спросилъ:

— Сколько они просятъ?

— Пятьдесятъ тысячъ, мой другъ, отвѣтила Жюли и прибавила:—это почти все, что я имѣю. Защити свое добро.

Кожуховъ на минуту занялся своими ногтями и въ комнатѣ воцарилась тишина. Жюли ожидала, что скажетъ племянникъ; Гавриловъ не могъ придумать, чѣмъ все это окончится. Вдругъ Кожуховъ поднялъ обыкновенно спокойное лицо и какъ-то устало спросилъ тетку:

— Вы вѣроятно утомлены, ma tante?

— Да, я устала, мой другъ,—смотря ему въ глаза и ровно ничего не понимая, зачѣмъ онъ спрашиваетъ обо всемъ этомъ, а не приступаетъ къ дѣлу, отвѣтила Жюли.

Тогда онъ обратился къ Гаврилову:

— Я полагаю, господинъ Гавриловъ, что мы съ вами кончимъ это непріятное дѣло миромъ. Являясь довѣренными и близкими лицомъ моей тетушки, я буду просить васъ черезъ полчаса, много черезъ часъ, позволить мнѣ переговорить съ вами обо всемъ этомъ наединѣ, въ твердой увѣренности, что переговоры наши окончатся взаимнымъ соглашеніемъ. Если вамъ угодно, сообщите мнѣ свой адресъ,—я явлюсь къ вамъ; или—не

соблаговолите ли вы пожаловать ко мнѣ; или, наконецъ, что можетъ вы найдете болѣе удобнымъ, не подождете ли вы меня здѣсь въ ресторанѣ. Я условлюсь съ тетушкой, которая приляжетъ, отдохнетъ, болѣе спокойно обсудитъ ваше предложеніе и рѣшивъ, сойду къ вамъ; мы возьмемъ cabinet à part и за бутылкой добраго вина,—онъ протянулъ Гаврилову руку,—окончимъ дѣло и чокнемся за пріятное знакомство. Рѣшите?

И не выпуская руки Гаврилова, смотрѣлъ на него какимъ-то лучистымъ взглядомъ, обдавая его пріятливостью и товарищеской теплотой. Гавриловъ, окончательно сбитый съ толку такой любезностью, отвѣтилъ, хорошенько не обсуждая гдѣ лучше видѣться ему съ Кожуховымъ:

— Для меня удобнѣе ждать васъ въ ресторанѣ.

— Прелестно!—потрясъ Кожуховъ его руку и затѣмъ прибавилъ:—а теперь дадимъ тетушкѣ отдохнуть.

И бросился къ ней:

— Вы бы прилегли, ma tante. Нѣтъ ли у васъ успокоительныхъ капель? Это такъ помогаетъ отъ нервовъ.

Онъ клалъ ей подушку на диванъ, отодвигалъ свѣчи, чтобы, когда она приляжетъ, свѣтъ не беспокоилъ ея глазъ. Ахъ, черезъ какой нибудь часъ, полтора, она хотѣла выѣхать въ Москву! Гавриловъ, находя неумѣстнымъ короткое и интимное прощаніе съ Жюли при постороннемъ человѣкѣ, удалился, ограничась молчаливымъ поклономъ, на который Жюли, ведомая заботливымъ племянникомъ къ дивану, несоблаговолила отвѣтить.

Дверь за Гавриловымъ затворилась и тетка съ племянникомъ наконецъ остались вдвоемъ: она, лежащая на диванѣ, а онъ—у ея изголовья на креслѣ. Свѣчи, заставленные маленькимъ зеркаломъ, не пропускали къ нимъ свѣта, оставляя ихъ въ тѣни и освѣщая одну изъ боковыхъ стѣнъ. По корридолу раздавались шаги... По временамъ отворялась та или другая дверь номера, слышался голосъ, зовущій прислугу. Въ незадернутыхъ окнахъ видѣлся свѣтъ отъ зажигающихся на улицѣ фонарей. Въ отдаленіи слышался стукъ экипажей. Жюли на мгновеніе было закрывшая глаза, тревожно приподнялась и обратилась къ племяннику:

— Что же дѣлать? какъ ты рѣшилъ?

И была болѣе чѣмъ поражена—уничтожена, услышавъ его спокойный отвѣтъ:

— Я заплачу ему изъ своихъ денегъ пятьдесятъ тысячъ.

Она не нашла, что сказать ему на это сразу. Прежде всего у ней мелькнула мысль, что онъ заплатитъ пятьдесятъ тысячъ Гаврилову изъ тѣхъ „своихъ“ денегъ, которыя она, желая расположить въ свою пользу, называла „нашими“, короче—изъ ея, ей одной принадлежащихъ. Нѣтъ, она ошиблась...

— Вамъ одной, *ma tante*, признаюсь я,—сказалъ онъ,—что у меня есть нажитый спекуляціями капиталъ. Обо мнѣ говорили, что будто бы я продалъ... Ходилъ такой слухъ...

Онъ пронизательно посмотрѣлъ при этомъ на тетку, которая опустила невольно глаза.

— Конечно, этаго не стоитъ опровергать... Послѣ покойной матушки у меня остался небольшой капиталъ, который я утродилъ. Вотъ откуда мои деньги.

Она рѣшительно не знала, что ей дѣлать... Боже мой! какъ она отлично понимала его, говоря о немъ какъ о человѣкѣ ни на что не годномъ! Какое легкомысліе повѣрить ей, что она сдѣлаетъ его наслѣдникомъ и въ ожиданіи этаго писаннаго вилами по водѣ блага—рисковать, хотя вѣроятно не всѣмъ, что онъ имѣетъ, но частью этаго всего! Не зная, какъ его благодарить, она неловко протянула ему руку и силилась глазами выразить свою признательность къ его великодушному поступку. Онъ спокойно пожалъ ея руку.

— Я спасаю, *ma tante*, свое имя, честь нашего дома. „Казнить меня!“ усмѣхнулась въ глубинѣ души Жюли. Казни, сколько душъ угодно! Какъ?

— Это послѣднія и единственныя мои деньги, *ma tante*,—услышала она,—мнѣ ихъ не нужно теперь. Обо мнѣ говорили, *ma tante*, что я люблю деньги, что я желаю быть богачемъ. Ничего, *ma tante*, я не желаю, никакихъ богатствъ мнѣ не надо. Пока есть руки—буду работать, буду слѣдовательно сытъ.

Она меланхолически кивала въ тактъ его словамъ головой, продолжая смотрѣть на него признательными глазами. Работай, дружокъ, трудись!..

— Вотъ старость придетъ, *ma tante*, силъ не будетъ, безъ семьи—придется умирать на рукахъ наемныхъ людей. Вотъ тогда—нужны деньги...

Она прервала его:

— По моей смерти, мой другъ, ты получишь все. Кому же кромѣ тебя оставляю я то, что имѣю?..

— Мнѣ, *ma tante*, только на старости и надо. Безъ работы я жить не могу, а пока есть силы, пока есть работа—и деньги будутъ. Но для работы, для успѣшнаго ея выполнения необходимо спокойствіе духа. А какое же, *ma tante*, спокойствіе, когда будешь ежечасно, ежеминутно думать, что когда наступитъ старость—предстоитъ помереть съ голоду и холоду? Увѣренность, *ma tante*, увѣренность нужна, что ничего подобнаго не случится. Вотъ у меня есть теперь пятьдесятъ тысячъ, я и спокоенъ: ни копѣйки изъ нихъ мнѣ не надо, лежи они себѣ преспокойно, пока не наступитъ старость. Тогда пришлось бы ихъ тронуть. Но ихъ не будетъ а потому и увѣренности, что не умрешь съ голода, не станешь, если вы...

Жюли насторожила уши: что?!

— Если вы, *ma tante*, — необычайно скромно окончилъ онъ,—не соблаговолите мнѣ дать закладную, что взяли у меня пятьдесятъ тысячъ... подъ залогъ вашего тульского имѣнья.

Ея первымъ движеніемъ было выгнать этаго нахала вонъ... Мой Богъ? да онъ обираетъ ее хуже того!... Какъ бы торопя ее отвѣтомъ, онъ вынулъ часы и посмотрѣлъ на нихъ:

— Осталось полчаса. Завтра утромъ я дамъ ему слово внести пятьдесятъ тысячъ, и завтра же утромъ вы соблаговолите мнѣ дать документъ.

Она поднялась съ подушекъ и спустила съ дивана ноги... Что-жъ? въ которую сторону броситься?.. Тамъ скандалъ, здѣсь у нея берутъ все. Кому отдать? Отдавъ

этому, она останется по крайней мѣрѣ съ имѣньемъ, хоть и заложненнымъ. Другому она должна тотчасъ же отдать все. Упавшимъ голосомъ она дала согласие.

— Хорошо. Я дамъ вамъ документъ... Идите... оставьте меня...

XXVII.

Пріятели.

Сбѣжавъ въ ярко освѣщенный ресторанъ, помѣщавшійся въ первомъ этажѣ, Кожуховъ, веселый и довольный отыскалъ Гаврилова, сидящимъ за мраморнымъ столикомъ и отъ нечего дѣлать попивающимъ изъ стакана вино. Съ прежнею любезностью, Кожуховъ на минуту приткнулся къ столику Гаврилова и вздохнулъ, какъ бы сбрасывая съ себя тяжелый и неприятный грузъ:

— Ухъ! насилу покончилъ съ нашей старушкой... Просто, понимаете-ли, въ потъ вогнала. Согласитесь, что нѣтъ хуже этихъ старыхъ дѣвицъ?.. Вы простите, что я такъ о ней говорю. Когда-то вы...

Онъ лукаво смотрѣлъ на Гаврилова. Тотъ, поддаваясь подъ его тонъ, счелъ за лучшее нѣсколько легкомысленно отнестись къ предмету своей прежней страсти.

— Пожалуйста... Вѣдь это дѣла прошлыя...

— Ну, понятно... Вы мужчина еще молодой, а она старый грибъ. Нѣтъ, согласитесь, что я правъ? Какже-съ? набѣдокурила сама, втесалась въ исторію, а какъ до денегъ дошло дѣло: и обмороки, и истерики, и слезы... И куда бережетъ? для меня,—но будьте увѣрены, что ни единой копѣйки мнѣ не оставитъ; для себя? но много ли ей для себя нужно? Съ нея спрашиваютъ вѣдь всего пятьдесятъ тысячъ. Что-жъ: двадцать пять, тридцать тысячъ у нея еще останется... На ея вѣкъ хватитъ...

И какъ бы вспомнивъ, что надо говорить о дѣлѣ, съ прежней беззаботностью обратился къ своему собесѣднику:

Однако, что же мы здѣсь сидимъ и бесѣдуемъ о ней—ну ее къ Богу! Поговоримъ о дѣлахъ. Человѣкъ!

Подбѣжалъ лакей.

— Проведите вы насъ, мой милый, въ отдѣльную комнату. Да принесите вы намъ бутылочку шампанскаго. Какое вы предпочитаете?

— Все равно. Не спросите ли *Sellery-sec*?

— Не пивальъ... Есть такое?..

Лакей отвѣтилъ утвердительно. Тогда порѣшили на этомъ *sellery-sec*, шампанскомъ, впервые испробованномъ Гавриловымъ въ Берлинѣ на тѣхъ триста талеровъ, которые онъ когда-то занялъ у доврчиваго юноши.

— Ну-съ, теперь мы можемъ поговорить и о дѣлѣ... Ваше здоровье!..

И Кожуховъ чокнулся съ Гавриловымъ поданнымъ и розлитымъ по стаканамъ шампанскимъ. Оба собесѣдника сидѣли въ отдѣльномъ кабинетѣ, выходящемъ большимъ итальянскимъ окномъ на улицу. Почти у самаго этаго окна стоялъ фонарь. Доходящая до первыхъ стеколъ рамы бѣлая кисейная занавѣска, сдерживающаяся на шнуркѣ, не была плотно сдвинута и оставляла широкое, незадернутое на улицу пространство, черезъ которое можно было видѣть проѣзжающихъ и извозчиковъ, движущіеся вагоны конножелезныхъ дорогъ и идущихъ по тротуарамъ пѣшеходовъ, иногда заглядывающихъ въ окна. Лакей, подавъ шампанское и розливъ его по стаканамъ, удалился и плотно затворилъ за собою дверь. Ничто не могло теперь препятствовать собесѣдникамъ вести разговоръ о дѣлѣ.

— Да-съ, такъ о дѣлѣ, началъ Кожуховъ, всматриваясь во что-то черезъ просвѣтъ кисейныхъ шторъ на улицу и остановился занятый этимъ разсматриваніемъ. Гавриловъ, интересуясь окончаніемъ дѣла, не безъ нетерпѣнія спросилъ:

— Что васъ такъ занимаетъ?

Кожуховъ разсмотрѣвъ занимающій его предметъ и, переставъ смотрѣть, равнодушно пояснилъ:

Миннесингеры. (Странствующие певцы). Съ картины А. Зейфера, грав. Бренд'Амуръ.

— Полицейскій... Отъ нечего дѣлать на насъ вѣрно любитесь...

У фонарнаго столба дѣйствительно остановился городской и прислонясь къ нему спиною, созерцалъ отъ нечего дѣлать видныхъ ему черезъ окно собесѣдниковъ. Гавриловъ посмотрѣлъ на него и спокойно обратился къ Кожухову:

— Что-жъ вы имѣете мнѣ сообщить?

— Простите, я васъ задерживаю. Вотъ что-съ.

И придвинувшись къ Гаврилову, смотря въ упоръ на него своими блестящими глазами, Кожуховъ тихо, но членораздѣльно произнесъ:

— Супруга ваша убита не Бариновымъ...

Что-то оборвалось въ груди Гаврилова и слегка поблѣднѣвъ отъ такого неожиданнаго оборота рѣчи, онъ предчувствуя впереди нѣчто еще болѣе худшее и страшное, нашелся настолько, что вызвалъ неидушую къ выраженію его лица улыбку и сказалъ:

— Вотъ какъ! Я этаго не зналъ.

Но не отважился спросить „къмъ“ убита его жена? Кожуховъ придвинулся еще ближе и даже положилъ свою руку на рукавъ Гаврилова.

— 1-го января настоящаго года,—все не сводя съ Гаврилова своихъ пристально смотрящихъ на него глазъ, попрежнему тихо и отчетливо заговорилъ онъ,—въ почленномъ пріютѣ около Варшавской желѣзной дороги, *вы*,—онъ сдѣлалъ удареніе на этомъ словѣ,—сговаривались съ Ефимомъ Егоровымъ относительно нынѣ исполненныхъ вами злодѣяній, ибо вы съ нимъ убили Клеопатру Петровну, ограбили ее... позвольте...

Его рука остановила какой-то протестъ, готовый сорваться съ языка Гаврилова.

— Позвольте... Вы сообщили Ефиму о пріѣздѣ Клеопатры Петровны; вы подослали его къ ней въ качествѣ учителя гимнастики. Ефимъ все высмотрѣлъ, все разузналъ и даже потомъ—мнѣ говорила это сама покойная, когда у Завитухиныхъ понадобился лакей, Ефимъ рекомендовалъ имъ какое-то мнѣ неизвѣстное лицо, поселившееся у Завитухиныхъ съ дѣйствительно данною вашему сыну рекомендаціей, но съ фальшивымъ паспортомъ, какъ это теперь достовѣрно извѣстно. Этотъ лакей и впустилъ васъ, но кто онъ, куда скрылся—остается мнѣ неизвѣстнымъ. Вотъ истина.

Гавриловъ сдѣлалъ снова какое-то движеніе, на этотъ разъ болѣе энергическое. Быть можетъ онъ хотѣлъ броситься на Кожухова и придушить его на мѣстѣ. Кожуховъ предостерегъ его:

— Не волнуйтесь Бога ради. Вы видите.

И указавъ Гаврилову глазами на окно, чрезъ которое попрежнему виднѣлся стоящій и точно наблюдающій за собесѣдниками городской. Гавриловъ смирился въ безмолвномъ гнѣвѣ, прошепталъ:

— Вы что ли его тутъ приставили?

Кожуховъ спокойно отвѣтилъ:

— Нѣтъ... Онъ можетъ отойти, но это будетъ во всякомъ случаѣ близко... Вотъ!

Уставъ смотрѣть въ окна ресторана, городской и дѣйствительно покинулъ свой наблюдательный постъ и отошелъ. Его тѣнь вырисовалась на бѣлой занавѣскѣ на мгновеніе и скрылась. Теперь только фонарный столбъ любовался на мирно попивающихъ *sellery-sec*, искрящихся въ хрустальныхъ стаканахъ, собесѣдниковъ. Гавриловъ съ блѣдной усмѣшкой спросилъ Кожухова:

— Быть можетъ вы обвините меня и въ томъ, что я выбросилъ изъ окна сестру Ефима, хотя есть свидѣтели, которые присутствовали при совершеніи Бариновымъ этаго преступленія?

— Нѣтъ-съ,—отвѣтилъ Кожуховъ, въ этомъ я васъ не обвиняю и вообще это странное дѣло для меня темно. Я даже имъ не интересуюсь. Но убійство Клеопатры Петровны—это другое дѣло. Здѣсь я бы могъ снять

обвиненіе съ Баринова и, какъ вы видите, навести на настоящій слѣдъ.

И вдругъ сжимая руку того, кого онъ называлъ убійцей, съ прежнимъ радушіемъ воскликнулъ:

— Однако что же вы не пьете? Это *sellery-sec* очень недурно.

И подлилъ недоумѣвающему Гаврилову въ стаканъ шампанскаго.

— Еще разъ ваше здоровье. Я сказалъ вамъ, что мы окончимъ дѣло друзьями,—заговорилъ онъ, отпивъ вина,—и зачѣмъ я буду предавать васъ? Живите себѣ и мирно наслаждайтесь жизнію. Станемъ выше ходячихъ мнѣній. Вы совершили преступленіе... да, полноте-же: неужели вы все еще думаете отрицать это,—недоговорилъ онъ, замѣтивъ новое движеніе со стороны Гаврилора,—смѣю васъ увѣрить, что я не желаю предавать васъ, хотя, повторяю, да вы и сами это отлично видите, могъ бы сдѣлать вамъ большія неприятели. Нѣтъ-съ—живите и наслаждайтесь жизнію, но... но дайте и мнѣ возможность взять въ великой жизненной борьбѣ ту частицу, которую предоставляет мнѣ счастливая случайность.

Гавриловъ вздохнулъ... А! онъ хочетъ, чтобы я отказался отъ требованія у его тетки денегъ... Это—ловкій плутъ, съ которымъ можно вести дѣло и какъ это ни жаль—придется ему уступить. Изъ денегъ, взятыхъ у убитой, за уплатой долга, за вычетомъ данныхъ Ефиму съ Сашкой, ему, какъ изобрѣтателю идеи, пришлось тысячъ шестьдесятъ. Воры раздѣлились безъ ссоръ. Придется ограничиться этими шестидесятью тысячами! Онъ слѣдилъ за вставшимъ съ своего мѣста и начавшимъ расхаживать по комнатѣ Кожуховымъ.

— Знаете, я откроюсь вамъ,—заговорилъ Кожуховъ, останавливаясь передъ Гавриловымъ.—Быть можетъ я ошибаюсь, но мнѣ кажется, что мы идемъ къ одной и той же цѣли, хотя вы идете къ ней рѣшительнѣе, рискованнѣе, болѣе очертя голову, нежели я. Вотъ, вы убили: вѣдь это какой рискъ!.. Я ни на что подобное не рѣшусь; я движусь по своему пути медленнѣе, но съ расчетомъ. Не смотря впрочемъ на такое существенное различіе, въ насъ все же есть сходство. Узнавъ другъ друга покороче—мы бы симпатизировали одинъ другому... Но тѣмъ не менѣе, попадись кто изъ насъ въ руки другаго—каждый не задумался бы взять съ этаго другаго извѣстную выгоду въ свою пользу. Вы въ моихъ рукахъ, мой милѣйшій, и я не задумаюсь потребовать отъ васъ контрибуцію за свое молчаніе.

— Вы хотите,—ободрился Гавриловъ,—чтобы я отступился отъ своихъ требованій на счетъ вашей тетюшки?

Кожуховъ махнулъ рукой, какъ бы говоря, стоитъ-ли объ этомъ и упоминать?!

— Не будемъ скрытничать, господинъ Гавриловъ. Не будемъ разыгрывать непонимающихъ.

И хлебнувъ вина, продолжалъ начатое:

— Теперь не взлетаютъ высоко. Ни одинъ честолюбецъ не лѣтится похищать короны, завоевывать царства—созданъ, мой милѣйшій, болѣе достижимый идеалъ честолюбія. Богатство! Такова задача нашего времени, не правда-ли?

Онъ схватилъ Гаврилова за руку:

— Одолженіе за одолженіе. Будьте свободны, идите на всѣ стороны, я васъ не предаю, но за то—возвысилъ онъ голосъ—отдайте мнѣ то, что вы взяли изъ комода покойной... Она сама говорила мнѣ, что въ этомъ комодѣ у нея хранилось сто тысячъ... Въ третій разъ пью за ваше здоровье.

И выпивъ, опрокинулъ допитый стаканъ и съ неподдѣльнымъ простодушіемъ и юморомъ указавъ на окно, чрезъ которое снова виднѣлся городской, отъ скуки еще разъ уставившійся на обоихъ собесѣдниковъ:

— А знаете, вѣдь онъ считаетъ насъ за горькихъ пьяницъ... Не правда-ли?

XXVIII.

Послѣ свадьбы.

„Боже, Боже нашъ, пришедый въ Кану галилейскую и тамошній бракъ благословивый, благослови и рабы Твоя сія, Твоимъ промысломъ ко общенію брака сочетавшіяся: благослови ихъ входы и исходы, умножи во благихъ животъ ихъ: воспріими вѣнцы ихъ въ царствіи Твоемъ, нескверны и непорочны соблюдая, во вѣки вѣковъ“.

Слова молитвы смолкли и Катерина Александровна всмотрѣлась въ окружающую ее обстановку... Какъ разнилась она отъ той, которая окружала ее во время перваго вѣнчанія... Тогда былъ ясный день, было лѣто... Солнце вливалось горячими потоками черезъ растворенныя окна небольшого храма... Ярко блистала иконостасъ, ризы священнослужителей, покрывки на аналояхъ... Въ окна заглядывалъ ясный лѣтній день, виднѣлись кусты ярко лиловой сирени, внося въ храмъ, примѣшивающійся къ запаху ладана, свой тонкій и нѣжный аромат... Оставшаяся послѣ конца обѣдни публика опоясывала пестрымъ полукругомъ вѣнчающихся и смотрѣла на нее, застывшую въ ледяную статую среди горячаго и яснаго лѣтнаго дня... Рядомъ съ ней стоялъ тотъ, съ кѣмъ думала она прожить всю жизнь чуждою ему и постороннею... Это было такъ недавно, а теперь... Теперь съ нею рядомъ стоялъ иной, близость котораго она чувствовала, которому на этотъ разъ отдавалась навсегда, съ которымъ была увѣрена не разлучить ее ничто, которому она не хочетъ быть постороннею... Сѣрое темное утро глядѣло въ окна храма, одѣтыя въ желѣзныя рѣшетки... Въ этомъ тусломъ освѣщеніи церковь имѣла какой-то мрачный и тоскливый видъ... Куреніе ладаномъ стояло надъ вѣнчающимися сизовато-синимъ облакомъ; со стѣнъ иконостаса, мерцающаго зажженными передъ образами лампадами, какъ-то печально смотрѣли иконы; серебряная риза Богородицы освѣчивала темно-желѣзистымъ цвѣтомъ и только въ складкахъ ризы—блистали ослѣпительно яркія полосы серебра... Нѣсколько какихъ-то старушенокъ смотрѣли на вѣнчающихся издали, точно боясь приблизиться... Какимъ-то ровнымъ, безъ всякихъ переходовъ голосомъ—высокій и сухощавый священникъ читалъ Евангеліе и молитвы.. Въ церкви чувствовался холодъ... Но ни мрачности этого храма, ни печальнаго освѣщенія петербургскаго утра, ничего этого не чувствовала невѣста... Ея душа была полна счастливыхъ, яркихъ и пестрыхъ грезъ, кружащихся какимъ-то радужнымъ колесомъ, въ быстромъ вращеніи котораго трудно было разсмотрѣть какойнибудь отдѣльный оттѣнокъ, но оставалось только общее впечатлѣніе чего-то лучезарнаго и счастливаго... Подъ сводами темнаго и мрачнаго храма въ душѣ Катерины Александровны роились картины яркихъ и теплыхъ ландшафтовъ... Она хотѣла думать о невиданныхъ ею нигдѣ, развѣ только въ оранжереяхъ, роскошныхъ и яркихъ цвѣтахъ, ростущихъ и на открытомъ воздухѣ... Мягкіе переливы зелени, ароматы скошеннаго сѣна, голубыя небеса, пестрыя съ ярко окрашенными крыльями бабочки, поющія съ нѣжными переливами птицы, — пролетали въ ея воображеніи, оставляя послѣ себя какое-то весеннее и радостное чувство. Широкая волна счастья качала ее, поднимая на своемъ хребтѣ... Ничего, ничего нѣтъ выше и радостнѣе первой любви!.. На свѣтѣ много несчастій; если бы она могла,—она готова была бы сдѣлать счастливыми всѣхъ... Весь міръ, всѣхъ!.. Къ обыкновенно разсудительной, нелюбившей видѣть предметы въ увеличенныхъ и невѣрныхъ размѣрахъ, къ ней возвращалась та пора, которую она обошла въ своей жизни, пора восторженныхъ и неясныхъ мечтаній, пора юности, строящей идеалъ за идеаломъ—и одинъ грандіознѣе, одинъ возвышеннѣе другаго... О, конечно, всѣхъ, конечно не иначе, какъ цѣлый міръ!.. Она услышала слова:

— „Помилуешь и спасешь насъ, яко Благъ и Человѣкълюбецъ“.

Все смолкло... Раздались чьи-то шаги, завижжала дверь на блокѣ: какіе то мужчины, которыхъ назвала ей мужъ, бывшіе свидѣтелями бракосочетанія, подошли и поздравили ее... На ея плечи кто-то набросилъ тальму и взявъ поданную ей руку, она пошла съ мужемъ къ выходу, шелестя по холоднымъ плитамъ треномъ своего платья... На крыльцѣ ее охватилъ вѣтеръ, отогнувшій полу ея тальмы: мужъ придержалъ ее и сказалъ, чтобы она закрывалась и лучше куталась... Увязая колесами въ свѣгѣ, смоченномъ водою, подѣхала карета.. Она сѣла, прижавшись къ синей шелковой ткани подушекъ и давая мѣсто мужу... Дверца захлопнулась и карета двинулась...

Молодые обвѣнчались тихо, избравъ для этого одну изъ пригородныхъ церквей... Такъ какъ время подходило къ масляницѣ, то новобрачными было рѣшено до будущей зимы вести жизнь самую уединенную и не знакомиться ни съ кѣмъ. Женитьба Пантелѣева вызвала въ обществѣ большіе толки; надо было дать время нѣсколько умолкнуть толкамъ—и уже послѣ, если явится желаніе—завести знакомства. Собственно у Катерины Александровны своихъ знакомыхъ не было почти никого; что касается до ея мужа, то, какъ ни любилъ онъ уединенную жизнь, тѣмъ не менѣе по своимъ торговымъ дѣламъ необходимость вынуждала его бывать у многихъ. Къ тому же, незадолго до свадьбы, его выбрали гласнымъ въ Думу, а это повело къ новымъ знакомствамъ и выѣздамъ изъ дома... Что касается до Катерины Александровны, то она рѣшила до будущей зимы не быть нигдѣ.

И вотъ, полная шумныхъ и радостныхъ мечтаній, Катерина Александровна поселилась въ своемъ новомъ помѣщеніи, окруженная роскошью, до сихъ поръ ей знакомой только по наслышкѣ... Стоя въ своемъ сиреневомъ атласномъ будуарѣ, освѣщенномъ висящимъ посрединѣ потолка розовато-сиреневымъ фонаремъ, смотря на серебряный отливъ ткани, одѣвающей стѣны, потолка и мебель, отражаясь въ зеркалахъ, вдыхая въ себя аромат бѣлыхъ гіацинтовъ, безпрестанно замѣняемыхъ новыми, привозимыми садовникомъ изъ загородной оранжереи Пантелѣева, Катерина Александровна смотрѣла на всю эту роскошь, какъ на что-то вполне приличествующее, вполне отвѣчающее той полнотѣ счастья, которую переживала она. Счастье это, казалось ей, помимо всякой роскошной обстановки, само бы создало вокругъ нея дворцы, разукрасила богатыя палаты. Если бы все, что окружало ее теперь—уничтожилось, исчезло, она не пожалѣла бы объ этомъ; роскошь, къ которой она отнеслась такъ, какъ бы отнеслась женщина свыкшаяся съ нею, не стала ей привязанностію и она чувствовала, хотя думала объ этомъ мало, что ей не стоило бы ничего бросить ее безъ всякаго сожалѣнія. Ея сердце, ея душа были полны счастьемъ тѣхъ часовъ, которые она проводила съ мужемъ наединѣ, тѣхъ немногихъ часовъ, которые онъ отдавалъ ей...

Казалось оба они понимали экономію любви... Они жили въ одномъ домѣ, но видѣлись въ продолженіи дня въ извѣстные часы. Послѣ тихаго вѣнчанія, онъ, какъ прежде отдался своимъ занятіямъ, съ удвоенной, если только это было возможно, силою принявшись за нихъ. Также простъ остался его кабинетъ; также вставалъ онъ рано, осматривалъ работы на заводѣ, толковалъ съ управляющимъ и рабочими, повѣрялъ счетныя книги, читалъ спеціальныя журналы и работалъ въ своей лабораторіи... Ни управляющій, ни рабочіе не замѣчали въ этомъ громадномъ, нѣсколько похожемъ на монастырь, домѣ присутствія женщины. Никогда она не мѣшала мужу и какойнибудь глупой ревности къ отнимающей у нея его работѣ, она ее никогда не чувствовала. Въ силѣ его любви она была убѣждена и ее нисколько не поражало и не

приводило въ негодованіе, когда, посплавъ сказать мужу, что пора обѣдать, что она ждетъ его, она получала отвѣтъ, что онъ не придетъ и просить прислать ему какой нибудь кусокъ... Утомленный, съ покраснѣвшими отъ долгаго чтенія и мелкаго вычисленія на бумагѣ глазами, онъ поздно вечеромъ приходилъ иногда въ ея сиреневый будуаръ, принося съ собою запахъ лабораторіи—отъ яркаго газа горѣлокъ, отъ блеска стекляной посуды съ различно окрашенными растворами, отъ смѣшаннаго запаха кислотъ и различныхъ газовъ, переходя въ мягкій полусвѣтъ этаго будуара, ощущая тонкій аромат гиацинтовъ... Онъ садился у ея ногъ, и своими устало нѣжными глазами смотрѣлъ на нее... Тишина будуара изрѣдка нарушалась обмѣномъ между ними фразъ. Сколько они тутъ переговорили! Серебристый бой часовъ нарушалъ тишину... Глядя на его лицо, она слѣдила въ немъ нѣкоторыя перемѣны, происшедшія за послѣднее время... Къ его умному и энергичному выраженію—примѣшались какіе-то черты кротости; въ рѣзкихъ и опредѣленно очерченныхъ линіяхъ лица—показалось прежде ему несвойственное, выраженіе мягкости... Это правда, что съ ея поселеніемъ въ домъ онъ измѣнился... Если присутствія Катерины Александровны служащія и работающія на заводѣ не замѣчали, то всѣ почувствовали невидимо распространившееся на всѣхъ ихъ измѣненіе въ характерѣ отношеній съ ними Пантелѣва. Онъ не учитывалъ и прежде, но торговался съ продающими ему свой трудъ страшно; онъ строго вычиталъ различные пропущенные иногда, изъ за прогула, дни; онъ дѣлалъ даже болѣе безнравственныя вещи, устроилъ трактиръ, въ которомъ работающіе у него на заводѣ, послѣ каждой полочки, оставляли ее почти всю, отдавая такимъ образомъ Пантелѣву обратно то, что получали было отъ него; онъ ругалъ рабочихъ и служащихъ при заводѣ, если они были неисправны... И вдругъ все это облагородилось, смягчилось, одѣлось въ какую-то форму мягкости и справедливости. Онъ попрежнему зорко наблюдалъ за заводомъ, за исправнымъ веденіемъ дѣла; но онъ не сталъ учитывать у рабочаго

конѣйку, которая доставалась тому съ такою затратою силы. Онъ сталъ платить хорошую плату, прекратилъ налагать штрафы и вычитать за каждый пропущенный день; перестали раздаваться, среди стука колесъ, свиста пара и лязга ремней о сталь, его ругательные крики; трактиръ былъ уничтоженъ, заведена столовая, гдѣ за самую умѣренную плату рабочій полдничалъ и обѣдалъ... Мысль объ увеличеніи благосостоянія работающаго на заводѣ люда чаще и чаще стала приходиться Пантелѣву въ голову... Разъ, занятый этой мыслью, онъ вдругъ прервалъ жену, говорившую о чем-то ему, совершенно неожиданнымъ для нее вопросомъ:

— Послушай... Какъ-ты понимаешь этотъ нашъ заводъ?..

Вопросъ былъ предложенъ въ очень неясной и слишкомъ общей формѣ, но она поняла о чемъ онъ спрашивалъ ее и отвѣчала:

— Какъ средство дать благосостояніе всѣмъ тѣмъ, кто принимаетъ участіе въ немъ...

— А не одному, прибавилъ онъ.

— Безъ сомнѣнія.

Онъ задумался, погружившись въ свои размышленія; она смотрѣла на него:

— Ты счастливъ: ты можешь приносить счастье другимъ, сказала она.

Онъ посмотрѣлъ на нее:

— Но есть счастливѣе...

— Кто?

— Тѣ,—отвѣтилъ онъ,—кто нашли возможность единственно силами своего ума, безъ всякихъ родительскихъ капиталовъ, безъ всякихъ протекцій, выбиться на тотъ путь, стоя на которомъ возможно приносить пользу не только себѣ, но и другимъ.

И, помолчавъ прибавилъ:

— Я выхожу на этотъ путь съ капиталомъ, завѣщаннымъ мнѣ родителями, и не мною созданнымъ... Значить есть счастливѣе меня... Не такъ-ли?..

(До слѣдующ. №).

ЗАРНИЦА.

Историческая бѣль.

(1650 годъ).

(Окончаніе).

XVI.

Вышгородское побоище.

Грохотъ битвы подъ Псковомъ сталъ затихать. Это было вечеромъ 18 іюня; утромъ же произошла между псковичами и войскомъ Хованскаго упорная битва, рѣшившая участь вольнаго города.

Къ полудню многочисленныя толпы пѣхоты и конницы вышли изъ Пскова, вилавъ перебрались черезъ рѣку и стремительно бросились на Снѣтную гору. Сража Хованскаго стоявшая на переднемъ валу, не устояла—хотѣла бѣжать, но была изрублена нападавшими. Нарядъ или артиллерія Хованскаго была почти вся набрана изъ иностранцевъ, которые не смугнулись и успѣли зарядить орудіе картечью. Нахлынувшіе на второй валъ, заключавшій въ себѣ „нарядъ“ были встрѣчены залпомъ, усѣянными трупами псковичей разстояніе между двумя валами. Не давая времени врагу опомниться и собрать свои разстроенные ряды, командовавшіе нарядомъ иностранцы повторили залпъ; стрѣльцы, выскочивъ изъ за вала, винулись на псковичей, обратившихся въ бѣгство.

Рейтарскій и казачій полки, подослѣвшіе на помощь, гнались за псковичами до самыхъ городскихъ воротъ. Мязежники оставили на полѣ битвы одними убитыми болѣе 200 человекъ. Илья, не поспѣвшій къ бою, только что подсказалъ съ своими драгунами, какъ на встрѣчу ему съ громкимъ радостнымъ лаемъ бросилась огромная черная собака...

— Грачъ!.. Какъ ты сюда попалъ?.. И какъ тебя не убили воскликнулъ Илья. Собака прыгала и продолжала лаять, причемъ одинъ изъ драгунъ сказалъ: Вояринъ!.. вонъ на шею-то у пса шнуръ должно съ грамотой!..

Илья соскочивъ съ коня развязалъ шнуръ и поспѣшно развернулъ письмо: „Друже! Илья Алексѣичъ! Для Бога спѣши къ намъ на помощь: Вышгородъ въ осадѣ, псковичи съ Киридой

Мишницынымъ выдаютъ въ насъ изъ двухъ пушекъ калеными ядрами. Выручай отъ лютой смерти. Адальбертъ, Борисъ Неклюдовъ“.

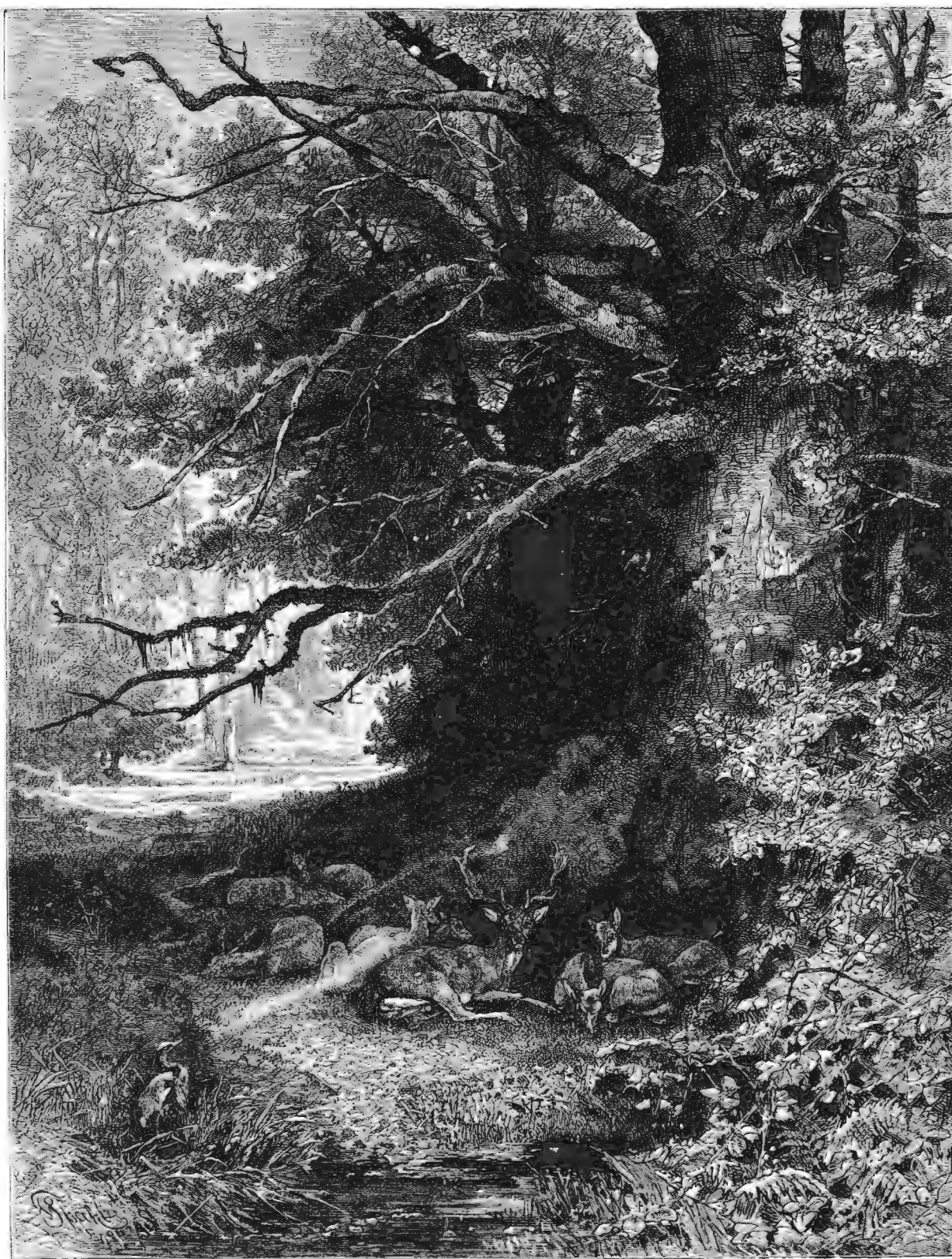
Не говоря ни слова, Илья опять вскопчилъ на коня и поскакалъ къ ставкѣ Хованскаго, который прочтя грамотку, тотчасъ далъ Ильѣ Норотову дозволеніе спѣшить на помощь къ Вышгородцамъ.

Съ 17 на 18 іюня въ ночи, Мишницынъ попытался сдѣлать приступъ, но былъ удачно отбитъ. 18-го весь день прошелъ спокойно, хотя по временамъ раздавался отдаленный, глухой рокотъ, въ той сторонѣ гдѣ былъ Псковъ.

— Это Хованскій осаждаетъ кромольниковъ, говорилъ Адальбертъ. Коли бой удастся, Ильюша приспѣетъ къ намъ.

Къ вечеру того дня Мишницынъ приказалъ Жегару усилить стрѣльбу калеными ядрами.

— Надоскучило тутъ зря время-то терять, тамъ подъ Псковомъ наши съ Хованскимъ дерутся... Хорошо коли Московскую рать побьютъ, а то не пришлось бы намъ куда глаза глядятъ отъ висѣлицы да вѣнута... Такъ толковалъ Кирило. Онъ зналъ, что въ случаѣ пораженія псковичей, зачинщикамъ смуты не будетъ пощады отъ Царя Московскаго. Началась усиленная пальба по Вышгороду; нѣкоторыя изъ раскаленныхъ до бѣла ядеръ, перелетѣвъ черезъ стѣны, попали въ деревянные постройки усадьбы и то тутъ, то тамъ сталъ вспыхивать огонь; къ счастью было очень тихо и осажденные успѣвали потушить огонь. Но вотъ въ ночь на 19 іюня поднялся вѣтеръ, налетѣла черная туча безъ дождя, но съ громомъ и молніей, наконецъ буря разыгралась такъ, что къ полуночи отъ загорѣвшагося сараю огонь перекинуло на амбары и пожаръ съ необычайной быстротой распространился по всей усадьбѣ, достигнувъ и до боярскихъ хоромъ. Тутъ пожаръ было невозможно. Видя, что предстоитъ опасное сторѣтъ заживо или задохнуться въ этомъ хаосѣ огня и дыма, Герасимъ Ѳеодоровичъ рѣшился

Полуденный отдых семьи ланей в лѣсу. Ориг. рис. Шпехта, грав. Клоסף.

выйти из крепости и если не удастся пройти незамеченными, пробиваться сквозь ряды врагов.

— Лучше помереть смертью в честном бою чѣм жариться здѣсь какъ въ печь!.. воскликнулъ Борисъ.

— А женщины?.. мрачно спросилъ Адальбертъ. Коли мы помремь... твоихъ, бояринъ, погубятъ измѣнники..

— Нѣтъ... лучше сгорѣть чѣмъ въ руки Мишницына.. сказала Галина, отъ которой также какъ отъ Марьи не скрывали положенія.

— Помолитесь Богу и заберемся въ башню; она каменная— устоитъ въ огнѣ, сказала Марья.

— А мужики, что бились за насъ? замѣтилъ Неклюдовъ. Ужели оставить ихъ?..

Въ эту минуту послышались отчаянные крики на стѣнахъ: Псковичи воспользовались общей сумятицей и темнотой ночи, и незамѣтно въ десяти разныхъ мѣстахъ взобрались по горѣ и ворвались въ крепость.

— Тамъ рѣзня!.. Идемъ биться на смерть! крикнулъ Адальбертъ.

Съ воплемъ кинулась къ нему Ненила и забывъ дѣвчичью сдержанность повисла у него на шею..

— Свѣтликъ ты мой!.. Ясное солнышко, причитала она. Прости! Не видать мнѣ больше твоихъ ясныхъ очей, не слышать твоихъ рѣчей!..

Марья безъ крику и слезъ сжала руку Бориса и коротко сказала: Прости! Христосъ съ тобой!.. Помрешь ты, я въ иночии пойду, а меня убьютъ.. помниай меня да понафиды служи!.. Потомъ отвернулась и схвативъ Ненилу, оттащила ее отъ ливонца.

— Въ башню!.. въ башню, скорѣй!.. торопила ихъ Галина и онѣ побѣжали ко входу башни.

Собравъ тогда гарнизонъ Вышгорода, Адальбертъ и Неклюдовъ съ сыномъ встрѣтили врага на площадѣ передъ боярскимъ домомъ. При свѣтѣ кроваваго зарева завязался отчаянный бой. Вышгородцы дрались съ мужествомъ, и нѣсколько разъ отбѣсняли рать Мишницына къ воротамъ. Однако вскорѣ враги снова одолѣвали шибко рѣдѣвшіе ряды Вышгородцевъ. Жегарь, размахивая своимъ тяжелымъ ослопомъ, рвался впередъ захватить боярскіе погреба, пока пожаръ не покончитъ ихъ. Вдругъ передъ нимъ очутился сѣдой, черноокий воинъ, вокругъ котораго было довольно уложено труповъ псковичей.

— Бояринъ Неклюдовъ!.. берегись!.. крикнулъ Жегарь и замахнулся на старика, Борисъ бросился и хотѣлъ защитить отца своимъ мечемъ, но оружіе его разлетѣлось отъ удара ослопа; выхвативъ ножъ Борисъ бросился на Жегара, который оттолкнувъ его какъ ребенка, поднялъ ослопъ.. Неклюдовъ упалъ съ раздробленнымъ черепомъ..

Адальбертъ впередъ всѣхъ, безъ шляпы, въ разорванной одеждѣ, окровавленный кричалъ.

— Ну!.. Крѣнитесь друзья!.. оставшаяся въ живыхъ толпа плотно скучивалась возлѣ него у входа въ башню. Замѣтивъ рыцаря, что отнялъ Ненилу и такъ позорно швырнулъ его подъ гору, Кирила побѣжалъ къ нему.

— А! пріятель!.. Попался!.. теперь не отвертись отъ моихъ рукъ!.. крикнулъ онъ и бросился на Адальберта.

Не смотря на нѣсколько ранъ, ливонецъ твердо стоялъ на ногахъ и прижавшись къ стѣнѣ встрѣчалъ всякаго кто попадался подъ его мечъ. Увидавъ Мишницына, онъ неосторожно повернулся въ его сторону и въ это мгновеніе одинъ изъ псковичей ткнулъ его ножемъ въ лѣвую сторону груди.. Мечъ дрогнулъ въ храброй рукѣ, голова откинулась и тѣло грузно упало на каменныя ступени лѣстницы..

— Ха, ха, ха!.. Ловко!.. и не пикнулъ!.. издѣвался Мишницынъ, нагнувшись надъ бездыханнымъ врагомъ. Перевѣсившись черезъ верхній край башни, Марья наблюдала; она видѣла, какъ упалъ Неклюдовъ, она видѣла какъ отчаянно дрались Адальбертъ... вотъ и онъ палъ... еще мгновеніе и Мишницынъ съ товарищами могъ ворваться въ башню..

Марья двинула обѣими руками огромный камень, оторванный отъ стѣны башни и съ удвоенной силой оттолкнувъ его внизъ.. Мишницынъ, раздавленный, изломанный, свалился у двери, которую загородилъ камень, превратившій въ кровавую массу за минуту до того торжествовавшего Кирилу. Между тѣмъ Марья, отперевъ дверь небольшою коморкой на верху башни, принялась рубить топоромъ деревянныя ступени лѣстницы, чтобы уничтожить доступъ въ башню..

— Спасай сестеръ!.. Крикнулъ Неклюдовъ сыну за нѣсколько минутъ до своей смерти и Борисъ, оттолкнувъ Жегаромъ, не смотря на горе по отцу, убитомъ въ его глазахъ, поспѣшилъ исполнить его предсмертное приказаніе. Онъ бѣгомъ направился къ башнѣ, у входа въ которую столпились послѣдніе защитники. Борисъ видѣлъ издали какъ высокая фигура ливонца пошатнулась и пропала за нахлынувшей ватагой псковичей; онъ не зналъ убить ли Адальбертъ или раненъ; растолкавъ толпу нападавшихъ, которые не обратили на него никакого вниманія, онъ только что занесъ ногу, чтобы вступить на крыльцо гдѣ Мишницынъ стоялъ нагнувшись надъ чѣмъ-то, какъ огромная глыба камня, просвѣтивъ въ воздухѣ ружнулася возлѣ него и придавила врага, внесшаго ужасъ, убійство и пожаръ въ родовое гнѣздо Неклюдовыхъ. Крикъ Бориса загохъ въ

общемъ крикъ отчаянья, которымъ встрѣтили псковичи смерть начальника. Всѣ взоры поднялись на вершину башни и при свѣтѣ догоравшихъ боярскихъ хоромъ Борисъ увидѣлъ женщину, мелькнувшую своей бѣлой фатой; хотѣ и нельзя было узнать, но онъ догадался, что это его Марья.

Борисъ перепрыгнулъ черезъ камень, изъ подъ котораго струилась кровь и тутъ только замѣтилъ Адальберта, лежащаго навзничъ; рука его еще судорожно сжимала мечъ, а блѣдное, прескрасное лицо носило на себѣ и послѣ смерти печать отчаянія и добродушія.

Борисъ кинулся по лѣстницѣ; за нимъ съ ругательствами и угрозами полѣзли псковичи. На верху лѣстницы Марья работала топоромъ, но непривычныя руки не могли ололѣть крѣпкаго дуба; Борисъ выхватилъ у ней топоръ и двумя ударами перерубилъ поддерживавшую ступени балку.. Жегарь уже протянулъ руку съ своей дубиной, чтобы ударить Бориса, когда лѣстница рухнула подъ тяжестью напавшихъ псковичей и всѣ они полетѣли внизъ, крича и давя другъ друга..

— Гдѣ отецъ?.. воскликнула Галина.

— Гдѣ Адальбертъ?.. спросила Ненила.

— Молитесь Богу.. отвѣчалъ Борисъ.

Ненила дико вскрикнула и упала безъ чувствъ возлѣ обезумѣвшей отъ страха Аграфены Феодоровны. Галина, рыдая, сбѣла въ углу и закрыла глаза руками. Борисъ и Марья глядѣли другъ на друга.

— Живъ!.. Жива!.. Слава Богу!.. мелькнула мысль вмѣстѣ со вздохомъ о погибшихъ.

Ночь прошла и ясная полоска зари разогнала послѣднія тучи.. Разсвѣло и туманъ поднялся надъ рѣкой.. Жаворонки заплѣли въ поляхъ и вся природа готовилась встрѣтить прекрасный лѣтній день; день любви и счастья для однихъ.. день страданій и крови для другихъ..

Илья мчался безъ остановки; его конь, закусивъ удила и раздѣвая хвостъ по вѣтру, съ раздутыми ноздрями и сверкая глазами, нагонялъ своего пріятеля Грача, неуступавшаго быстротой ему.. Куда они такъ торопились?.. Ужели и конь и пѣсь чуяли думы волновавшія всадника?..

Вонъ вдали туманъ надъ Судомой!.. Онъ заслонилъ Вышгородскіе вершины..

— Что тамъ, за этимъ туманомъ?..

Вотъ вѣтеръ разорвалъ бѣлую пелену и открылъ печальную картину разрушенія и пожара.. Крикъ горя и злобы вырвался изъ груди Ильи Норотова.. Поздно!.. погибли!..

Но вотъ конь кидается въ холодныя волны рѣки и плыветъ вслѣдъ за Грачемъ, который выскочивъ изъ воды, поворачиваетъ на тропу, ведущую къ задней сторонѣ стѣны.. Конь за нимъ, а драгуны едва поспѣваютъ за быстротой царой, выбираются по горѣ, готова на бѣгу свое оружіе.

— Ильюша!.. Ильюша скачетъ! крикнула Марья, выглядывая по закрай стѣны на башнѣ.— Вонъ и собака! вонъ они плывутъ и драгуны за нимъ..

Борисъ и Галина подошли къ ней. Всѣ трое слѣдили за приближающимися.

Между тѣмъ враги, опомнившись отъ нападенія съ лѣстницы, вновь засуетились, придумывая средство достать тѣхъ, кто укрывался въ разныхъ коморкахъ и углубленіяхъ башни..

— Спасены!.. Слава тебѣ Господи!.. повторилъ Борисъ..

Вдругъ что-то глухо загудѣло.. Башня дрогнула и словно заколыхалась.. Столпъ огня и дыма взвился высоко.. раздался трескъ и грохотъ!.. Камни разсѣлись и заметались въ разные стороны.. Борисъ успѣлъ обхватить руками сестру и Марью.. всѣ трое они упали на что-то твердое и потеряли сознание.

XVII.

Пьяные псковичи, черная вино изъ бочекъ, выкаченныхъ изъ Неклюдовскихъ погребовъ, праздновали гибель Вышгорода.

— Выпьемъ-ка еще по ковшу и обнѣщемъ хоромы.. въ подвалахъ вѣрно боярская казна!.. крикнулъ Жегарь, поднимая надъ головой ковшъ, изъ котораго плескало вино..

— Выпьемъ!.. выпьемъ!.. гаркнули грабители..

Крики радости превратились въ возгласы неожиданнаго пораженія.. Драгуны выскочили изъ-за разваливъ башни и начали кропить ошалѣвшихъ псковичей..

Жегарь попробовалъ было собрать своихъ, но его усилія были напрасны: псковичи бросились бѣжать; подгоняемые драгунами, они разсыпались по скату горы, кидались въ рѣку, прятались въ лѣсу.. Скоро ни одного не осталось на широкое дворѣ Вышгорода..

Мрачный и унылый стоялъ Илья, не замѣчая, что крупныя слезы, катившіяся по его щекамъ, смѣшивали нѣмъ покрывавшую ихъ съ кровью, которая текла изъ его лба, оцарапаннаго вражьиъ мечомъ.

Грачъ бѣгалъ и нюхалъ слѣды..

— Кто тамъ?.. Кто нибудь еще живъ? подоидя спросилъ Илья. Собака радостно визжала.

— Боря! гдѣ мы?.. Что это было?.. спросила Марья, очнувшись отъ обморока.

— Воры!.. измѣнники!.. взорвали башню зелемъ.. отвѣчалъ Борисъ.

— Гдѣ же тетушка? Ненила? воскликнула Галина, взгляды-ваясь въ темную и глубокую расщелину, поглотившую кромѣ ихъ все, что осталось въ живыхъ изъ обитателей Вышгорода. Они сидѣли на краю башни, гдѣ оставалось не болѣе сажени мѣста, довольно твердо устоявшаго отъ взрыва. Илья услыша крики о помощи, собралъ нѣсколькихъ драгунъ, вездѣ искавшихъ исковичей. Связавъ на скоро лѣстницу изъ веревокъ, ее винули на вершину башни и Борисъ съ Марьей и Галиной спустились внизъ.

Отчаянье Ильи смѣнилось восторгомъ; обнимая сестру, онъ поглядывалъ на Галину, которую ужъ не чаялъ видѣть живой.

Борисъ поручилъ ему сестру и бросился искать между трупами убійцу своего отца, но Жегара не было.

— Живъ!.. разбойникъ!.. кричалъ Борисъ скрипя зубами и сжимая рукоятъ своей сабли.—Эй молодцы-драгуны! Кто хочетъ горсть золота?.. Кто уважаетъ, куда бѣжалъ этотъ, что выше всѣхъ изъ воровъ!

— Я укажу гдѣ притаился старшій! отвѣчалъ одинъ драгунъ. Только едва-ль возьмешь его: онъ силенъ какъ ведмѣдь и золь. Берегись попастьъ подъ него!

— Укажи мнѣ его!.. Живъ не хочу быть, а отобью за отца! и онъ вскочивъ на первую попавшуюся лошадь, поскакалъ къ воротамъ. Илья приказалъ десятку драгунъ слѣдовать за нимъ.

Борисъ углубился въ лѣсъ и то тутъ, то тамъ видѣлъ слѣды крови или трупъ, доказывавшіе, что тутъ былъ бой между бѣгущими грабителями и ихъ преслѣдователями. Скоро лѣсъ сталъ такъ густъ, что ѣхать на коняхъ стало невозможно: Борисъ и драгуны спѣшились и продолжали двигаться.

— Надо раздѣлиться, вонъ слѣды и на право и на лѣво!.. сказалъ Борисъ.

Шестеро драгунъ пошли на право, а Борисъ съ четырьмя остальными повернули на лѣво. Молча и осторожно подвигались они, осматривая кусты и кучи валежника. Вдругъ раздался залпъ изъ нѣсколькихъ ружей и двое изъ спутниковъ Бориса были убиты на попятъ.

— Вотъ онъ! вотъ онъ! крикнулъ Борисъ и кинулся къ Жегару, стоявшему подъ огромной елью и заряжавшему самопаль. Не давая ему времени поднять тяжелое оружіе, Борисъ и два драгуна выстрѣлили и трое изъ бывшихъ возлѣ Жегара крамольниковъ пали въ предсмертныхъ судорогахъ, но Жегаръ словно неуязвимый продолжалъ возиться съ своимъ оружіемъ. Тогда двухстволокъ еще не было, а потому выстрѣливъ, Борисъ и драгуны были почти безоружны; заряжать вторично отняло бы много времени и Борисъ, выхвативъ мечъ, побѣжалъ къ атлету, который оставленный разбѣжавшимися товарищами, казался былъ легкой добычей для троихъ. Борисъ почти настигъ его, уже занеся мечъ, какъ вдругъ Жегаръ, закинувъ самопаль за плечо, съ ловкостью бѣлки вскарабкался по сучьямъ ели и застѣлъ на вершинѣ, откуда вскорѣ раздался грохотъ сильного выстрѣла и повторяемый эхомъ прокатился по лѣсу гулкимъ раскатомъ. Одинъ изъ спутниковъ Бориса упалъ за мертво; другой успѣлъ зарядить ружье и на удачу выпалилъ къверху, но не попалъ, а самъ вскорѣ сдѣлался цѣлью втораго выстрѣла изъ самопала. Борисъ только уцѣлѣлъ: благодаря тому было бы спрятаться за дерево и оттуда мѣтить, но Борисъ не помнилъ себя отъ злобы и мегался во-кругъ ели какъ волкъ, отъ котораго ускользнула кунница. Страшныя ругательства раздался съ верхушки гдѣ сидѣлъ Жегаръ; его сумка съ пулями и зарядами упала и повисла на сукѣ; Жегаръ погѣлъ достать ее, но Борисъ выстрѣломъ изъ писто-лета перешибъ сукъ и сумка свалилась на землю.

— А-га, воръ!.. грабитель!.. тебѣ нечѣмъ палить, крикнулъ Борисъ и спокойно началъ заряжать карабинъ пулею вятой изъ сумки Жегара, который не дожидаясь выстрѣла сбросилъ самопаль и быстро спустился по вѣтвямъ ели; прежде чѣмъ Борисъ успѣлъ прицѣлиться, Жегаръ выхватилъ изъ его рукъ оружіе и переломилъ какъ трость.

— Поборемся-ко молодчикъ! гаркнулъ великанъ и обланнилъ Бориса.

Это былъ ужасный бой грудь съ грудью на ножахъ и Борисъ навѣрное погибъ бы отъ чудовищной силы Жегара, еслибы атлетъ не ослабъ отъ потери крови, которая текла изъ двухъ ранъ въ боку и въ ногѣ, полученныхъ имъ еще на Вышгородскомъ дворѣ, при паденіи съ лѣстницы и при первой стычкѣ съ драгунами. Жегаръ не могъ далеко убѣжать, а предпочелъ залѣзть на дерево, надѣясь перебить всѣхъ нападавшихъ изъ своего мѣткого самопала. Но голова его начала кружиться, онъ не могъ долѣе держаться на сукѣ; сначала онъ уронилъ сумку, потомъ и самопаль выскользнулъ изъ его рукъ.

У него еще достало силы сдвинуть Бориса какъ мѣшѣдь. Борисъ почувствовалъ, что грудь его подается, ребра гнутся... Онъ задыхался. Съ послѣднимъ отчаяннымъ усиленіемъ онъ рванулся, высвободилъ правую руку и съ размаху всадилъ острый ножъ въ горло Жегара, такъ что концы ножа высунились изъ затылка. Атлетъ захрипѣлъ, кровь хлынула изъ рта и носа... Онъ открылъ свои ужасныя объятія и глухо рухнулъ на землю. Вытаскивая ножъ изъ горла Жегара, онъ увидѣлъ на его косматой груди кожанную сумку; перефрзавъ ремни, онъ снялъ сумку и досталъ изъ нея пергаментъ, на которомъ была написана грамота отъ исковичей къ Польскому Королю Владиславу, съ просьбой прислать на помощь войска и съ предложеніемъ общими силами воевать противъ Государя Московскаго Борисъ спряталъ ее къ себѣ за пазуху и проговорилъ:

— Измѣнники! Что затѣяли? Хорошо, что я убилъ этого злодѣя... Вѣсто Короля Польскаго, грамота попадетъ къ царю Московскому!..

Напрасно ждали Бориса въ Вышгородѣ. Ни онъ, ни драгуны побѣжавшіе съ нимъ не возвратились, а на другой день нашли ихъ и лошадей въ лѣсу. Илья велѣлъ обшарить весь лѣсъ и по указавію тѣхъ шести драгунъ, которые пошли на право, поиски направили на противоположную сторону, гдѣ вскорѣ напали на кровавые слѣды боя: четыре трупа драгунъ, три трупа исковичей и убитый Жегаръ лежали недалеко другъ отъ друга; но Бориса не было. Куда онъ дѣвался, никто не могъ отвѣтить положительно... Станнымъ показалось только то, что между лошадьми не было его коня. Убѣхалъ ли онъ, или его увели въ полонъ вмѣстѣ съ конемъ?..

Марья по обыкновенію не плакала и не показывала признаковъ горя; она только тихо и рѣшительно объявила, что желаетъ поступить въ монастырь.

— Хорошо! сказалъ Илья,—согласенъ, только поживи еще годикъ съ нами.

Трунамъ Неклюдова и Адальберта воздали должную почесть и погребли ихъ на вершинѣ горы Судомы. Ненилу и Аграфену Федоровну не нашли подъ развалинами обрушившейся башни; стоило бы страшныхъ усилій сдвинуть глыбы скалъ и камни, подъ которыми были схоронены несчастныя вышгородскія женщины, искавшія убѣжища въ башнѣ, взорванной злодѣями.

Борисъ, будущій супругъ Марьи, представилъ воровъ къ грамоты царю въ Москвѣ и вернулся справить свою судьбу.

Заросшія травой и кустами развалины Вышгорода существуютъ и нынѣ—безмолвные свидѣтели минувшихъ бѣдъ земли Русской!..

В. Политковскій.

Доисторическая Америка.

По поводу недавнихъ раскопокъ и открытій въ Америкѣ.

Очеркъ.

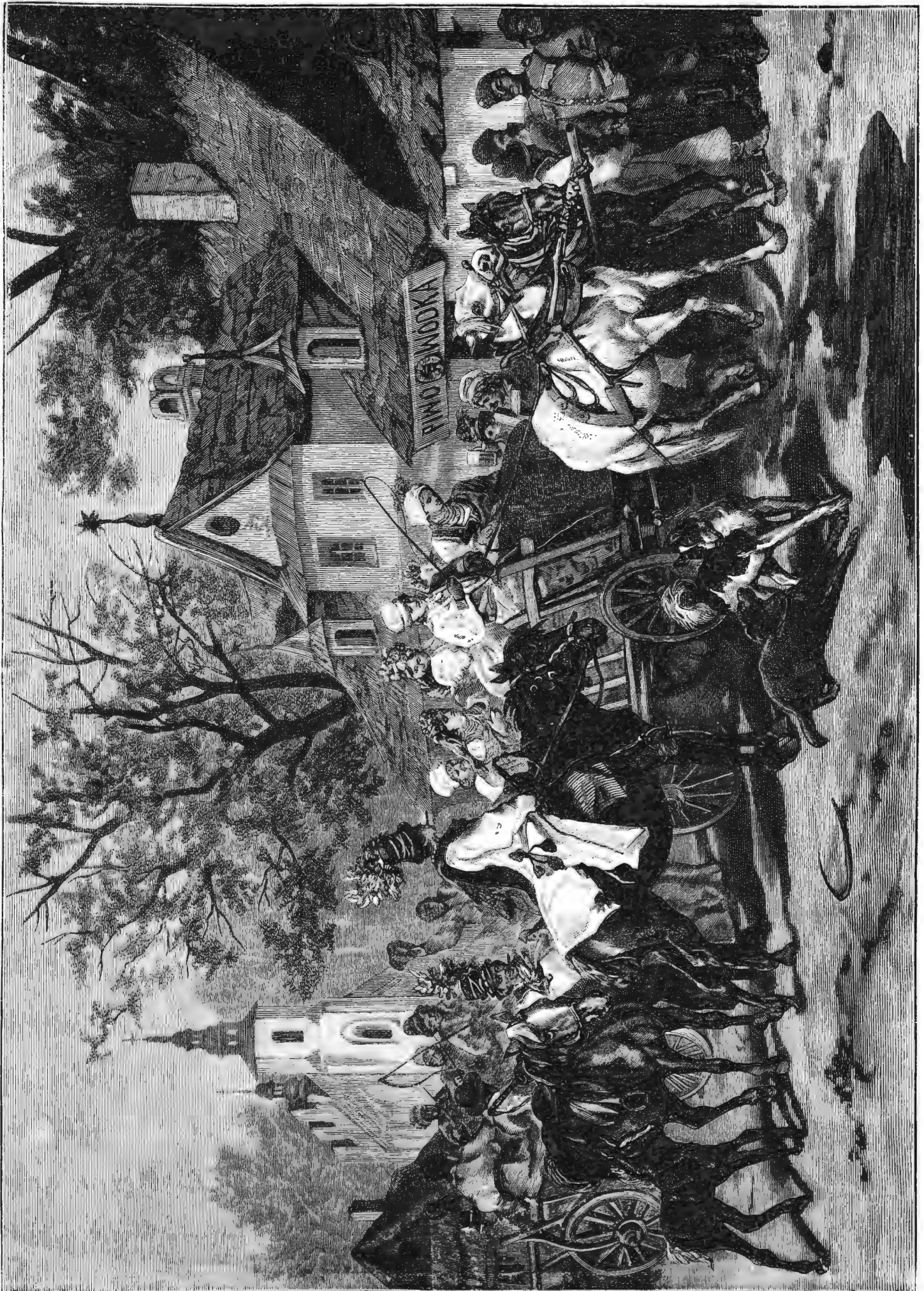
„Новый Свѣтъ“ такимъ именемъ принято называть Америку. Между тѣмъ названіе это присвоено ей только по времени ея открытія европейцами. Америка извѣстна намъ всего только 400 лѣтъ, но она такая же древняя часть свѣта, какъ и Европа, Азія и Африка. У нея есть своя сложная замѣчательная исторія, множество развалинъ, по которымъ наука давно уже производитъ изслѣдованія о ея древностяхъ. Также какъ и въ другихъ частяхъ свѣта, въ доисторическое время тутъ обитали многочисленныя народы съ извѣстными, часто весьма оригинальнымъ и высокимъ развитіемъ гражданственности и искусства, съ своеобразнымъ и интереснымъ общественнымъ устройствомъ. Очевидно, что народы этой части свѣта, достигшіе уже давно, въ доисторическія ея времена, высокой культуры, снова пришли къ первобытному состоянію.

Еще во времена открытія и завоеванія Америки испанцами, тутъ было нѣсколько центровъ съ совершенно своеобразною культурою. Перуанцы, Мексиканцы и Мунски были земледѣлы и скотоводы; вели, по современнымъ даже понятіямъ, совершенно правильную торговлю, имѣли огромные, многолюдные города, въ которыхъ процвѣтали науки и ремесла. Въ Перу существуетъ преданіе о появленіи въ Квихасѣ Манко Капака,

въ Кундинамаркѣ—Бохики и въ Анагуакѣ (Мексикѣ) Квекакотля, трехъ божественныхъ пророковъ, которые считались сошедшими съ неба. Они то, по преданію, и научили кочующіе народы осядлости, земледѣлію, промысламъ и многимъ наукамъ. Алтеки были прекрасные строители; у нихъ были оригинальныя величественныя храмы съ иероглифическою живописью; во всей средней и большей части южной Америки доселѣ попадаются развалины, указывающія на чрезвычайную древность, уничтоженную испанцами, культуру. У Перуанцевъ того времени были большія народныя празднества; они предпринимали путешествія къ священнымъ мѣстамъ, воздвигали громадныя памятники, строили большія дороги и массивные мосты, проводили на очень большія разстоянія водопроводы и укрѣпляли города. У нихъ былъ свой календаръ для раздѣленія времени и для астрономическихъ наблюденій. Въ Соединенныхъ Штатахъ и теперь попадаются еще развалины большихъ укрѣпленій, гробницъ и статуй боговъ, принадлежащія народамъ, жившимъ тамъ гораздо ранѣе индейцевъ и которые извѣстны подъ общимъ именемъ „Алтигевъ.“ Скалы по рѣкамъ Ориноко и Магдалины покрыты надписями и необъясненными доселѣ знаками и также какъ въ Египтѣ попадаются муміи.

Обратный ящикъ. Ориг. рис. И. Панова, грав. Шапогъ.

Польські обычай. Сьвадебний поїздъ Кравовяковъ. По рисунку Ю Коссака, рав. М. Рапчевскій.

Несравненно труднѣе разгадать эти остатки древности чѣмъ объяснить гвоздеобразныя письма Ассирійцевъ, такъ какъ исторія послѣдней страны была хоть отчасти извѣстна по сообщеніямъ хроникъ другихъ народовъ. О южной Америкѣ можно было бы узнать болѣе, если бы не слѣпой фанатизмъ ревностныхъ католиковъ испанцевъ въ XVI вѣкѣ, побуждавшій ихъ разрушать все попадавшееся имъ по пути. Въ своемъ донесеніи Карлу V, Фердинандъ Кортесъ особенно хвалился тѣмъ, что на каждомъ шагѣ въ Мексикѣ онъ разрушалъ языческіе города. Статуи боговъ, лянкарты, оригинальная живопись, вѣроятно изображавшая исторію Ацтековъ — все это было уничтожено, храмы снесены и разграблены, и населенія цѣлыхъ городовъ истреблены. Что не поддавалось разрушенію, фанатическіе завоеватели зарывали въ землю и закладывали камнями; вотъ почему спустя болѣе чѣмъ триста лѣтъ стали обнаруживаться нѣкоторые, въ сожалѣнію немногочисленные остатки, большая часть которыхъ покрыта и погребена навсегда роскошной растительностью страны. По счастью найденъ каменный календарь, показывающій раздѣленіе времени у древнихъ Ацтековъ.

По предметамъ, найденнымъ до сихъ поръ, можно уже заключить о существованіи нѣсколькихъ различныхъ періодовъ и что всего замѣчательнѣе — ясно видѣть постепенный ходъ пониженія культуры. Эти остатки древности можно раздѣли на три отдѣла; самый древній — это памятники народовъ жившихъ ранѣе мексиканцевъ и перуанцевъ; второй — относится къ исторіи этихъ послѣднихъ народовъ и по преимуществу уже народовъ съ правильнымъ государственнымъ устройствомъ и третій — памятники ближайшихъ предшественниковъ индейцевъ, народовъ стоящихъ уже на одинаковой съ ними, низкой степеніи развитія.

Предметы, принадлежащіе къ послѣднему отдѣлу, попадаются всего чаще въ сѣверной и южной Америкѣ — это разныя украшения, надписи, изображенія въ родѣ гіероглифовъ, посуда и оружіе, часто весьма замысловатой и изящной работы. Наконечники стрѣлъ, каменные ножи, боевыя топоры и глиняная посуда, а также насыпные холмы, вапонающіе гробницы Гуановъ, въ одномъ изъ которыхъ прекрасно сохранились останки воина въ полномъ вооруженіи, все это принадлежитъ доиндейскому періоду. Последняя запада часто находятъ такіе предметы при обработкѣ такъ называемыхъ „дѣтственныхъ“ полей; курганы же часто попадаются въ среднихъ штатахъ Сѣверо-Американской республики. Такія насыпи обыкновенно футовъ 40 въ поперечникѣ, 12 фут. вышины и обыкновенно окружены рвомъ.

Памятники доисторическаго періода поразительны. Очевидно народы оставившіе такіе предметы должны были стоять на высокой ступени развитія. Такъ, безслѣдно исчезнувшіе, совершенно неизвѣстные въ исторіи, народы отдаленныхъ вѣковъ были искусные ремесленники и въ совершенствѣ знали механику. У нихъ были весьма возвышеннаго содержанія религіозныя вѣрованія и выработанныя военныя науки; найденное въ землѣ ихъ оружіе, развалины знаній, могилы ихъ и статуи доказываютъ это совершенно неопровержимо. Степень такого развитія не ограничивалась какою нибудь исключительною мѣстностью, но слѣды ея находятъ по всему пространству Штатовъ отъ рѣки св. Лаврентія вплоть до Мексики. Около города Наевилле, на глубинѣ 30 футовъ подъ землею отконана тонкой и чудесной работы глиняная посуда, расписанная такими же яркими красками какъ и посуда, открытая въ Помпеѣ. Вазы и урны, поразительныя работы на камнѣ, изящная рѣзба на кости, попадаются часто и въ самыхъ различныхъ мѣстахъ и постоянно заставляютъ изумляться, что до сихъ поръ въ исторіи какаго нибудь народа не упомянуто ни разу объ этихъ древнихъ государствахъ Америки. Быть можетъ кое какія преданія о нихъ существуютъ у китайцевъ, у которыхъ находятъ многіе предметы схожіе съ предметами употребляемыми краснокожими сѣверо-американцами.

Въ курганахъ этаго древнѣйшаго періода постоянно находятъ мѣдные предметы превосходной работы, изящно выложенные серебромъ — браслеты, кресты, наконечники стрѣлъ. Замѣчательны укрѣпленія, найденныя на берегахъ Миссисипи и Миссури; онѣ состоятъ изъ подземныхъ стѣнъ съ ходами изъ массивнаго кирпича и глины, съ выведенными на нихъ валами, часто на весьма значительномъ протяженіи, стѣны, обведенныхъ широкими рвами. Зачастую эти древнія крѣпости составляютъ треугольничекъ, основаніе котораго начинается у рѣки и на прямоугольной вершинѣ котораго находятся двери и бойницы, повидимому для вылазокъ и стрѣлковъ. Другія же, построенныя не у рѣкъ — обыкновенно круглой формы съ зубчатыми стѣнами и выведенныя также тщательно какъ европейскія средне-вѣковыя крѣпости. Устройство такихъ совершенныхъ укрѣпленій, какія и въ Европѣ начали строить только шестьсотъ лѣтъ назадъ, указываетъ на то, что тутъ велись правильныя войны и осады уже въ то время, когда въ Европѣ объ этомъ не имѣли понятія.

Въ Америкѣ встрѣчаются также и муміи, такія же древнія какъ и найденныя въ пирамидахъ Египта; способъ приготвленія ихъ схожъ съ египетскимъ и ни въ чемъ ему не уступаетъ. Муміи эти найдены въ пещерахъ Кентуки, въ селитря-

ныхъ залежахъ. Онѣ завернуты въ особую матерію, тканую съ перьями, затѣмъ идетъ второй покровъ матеріи безъ перьевъ, даѣе третій — обмазанная глиной оленья шкурка безъ волоса и наконецъ четвертый — такая же шкурка съ волосомъ. Очевидно, что тѣло желали какъ можно лучше предохранить отъ рліянія воздуха. Такихъ мумій найдено до шестисотъ. Повидимому въ то время на всемъ пространствѣ нынѣшнихъ Штатовъ, нравы и обычаи отличались большимъ сходствомъ чѣмъ позднѣе, въ индійскій періодъ и даже въ настоящее время.

Ясно одно, что народы, эти существовали долгія столѣтія, были многочисленны, имѣли свою осядлость и занимались земледѣліемъ, ремеслами, науками, были знакомы съ обработкой металловъ, изготовляли каменную и глиняную посуду, разработывали солянныя копи, имѣли свою выработанную религію и занимались астрономіей, состоявшей въ особой связи и отношеніи съ религіей. По какимъ причинамъ и куда исчезли или переселились эти народы, до сихъ поръ наука рѣшить не можетъ.

Въ XVI столѣтіи, когда болѣе вступили на берегъ этихъ странъ, послѣдніе остатки этихъ великихъ народовъ давно уже не существовали; жившіе тамъ индійцы не знали ничего о своихъ предшественникахъ даже по преданіямъ. Въ Мексикѣ же и Анагуакѣ и далѣе къ югу жили народы уже съ правильнымъ государственнымъ устройствомъ. Были также республики аристократическія и демократическія, царства и цари, общіе государственныя законы, большіе города, какъ и въ старомъ свѣтѣ, съ великолѣпными зданіями и водопроводами. Жители занимались искусствами и науками. Еще и теперь въ окрестностяхъ города Новая Мексика замѣтны слѣды каналовъ, плотинъ и улицъ стараго Теночтитлана, въ которомъ существовалъ даже цеховой, въ родѣ средне-вѣковаго, порядокъ, подраздѣленіе города на кварталы и 300,000 население котораго имѣло духовнаго главу. При чтеніи описанія этаго города Кортесомъ, невольно представляется даже не средне-вѣковой городъ, но подобіе какаго нибудь изъ новѣйшихъ большихъ городовъ.

Теночтитланъ стоялъ на нѣсколькихъ островахъ и соединялся съ твердой землею посредствомъ трехъ вымощенныхъ плотинъ. Двойной рядъ водопроводовъ снабжалъ городъ водою. Улицы были широки, какъ современныя а мосты на разныхъ каналахъ такъ велики, что десять всадниковъ могли свободно ѣхать по нимъ въ рядѣ. По случаю частыхъ землетрясеній дома строились невысокіе изъ дерева или камня. Въ каждой части города былъ храмъ или Теокалли, и въ центрѣ города главный храмъ, который былъ такъ великолѣпенъ, что привелъ въ удивленіе даже испанцевъ. Въ стѣнахъ были пиши и зубцы, съ каменными статуями; въ храмѣ было четыре главныхъ входа. Около находилась пирамида вышиною въ 170 футовъ и шириною внизу по одной линіи 290 футъ. На вершинѣ ея поставлены двѣ молебны и жертвенники. Пятисотъ священнослужителей отправляли богослуженія. Около главнаго храма находилось еще 39 другихъ храмовъ въ честь разныхъ божествъ. Входныя двери сдѣланы были въ видѣ гигантской открытой пасти змѣи. Во дворцѣ Монтецумы было болѣе 1000 комнатъ, стѣны которыхъ были изъ мрамора или дорогихъ камней, деревянные же украшенія рѣзаны изъ кедр. Во дворцѣ было отдѣленіе для звѣрница властителя. Въ арсеналѣ было собрано оружіе и военные значки предковъ. Городъ производилъ прекрасныя работы изъ различныхъ металловъ, имѣлъ аптеки, гостиницы, рынокъ, окруженный галлерей; торговый старшина наблюдалъ за правильностью мѣры и вѣсовъ. Кортесъ болѣе всего хвалитъ чистоту и порядокъ вездѣ. Въ каждой части города находилась домъ, куда собирались ремесленники для обсужденія своихъ дѣлъ. Кромѣ касты жрецовъ и воиновъ высоко уважаемо было сословіе архитекторовъ.

И дѣйствительно, въ Римѣ даже не было болѣе совершенныхъ построекъ: стоитъ взглянуть на остатки великолѣпнаго водопровода около Текука и Толуки. Въ безумной жадности, испанцы все грабили и опустошали; движимые религіозной нетерпимостью, они повсюду истребляли и преслѣдовали все католическое и себя въ отечествѣ, въ Перу и Боливіи, и также въ Мексикѣ. Новоотстроенный теперь городъ, съ каедральнымъ соборомъ на мѣстѣ прежняго Теокалли и съ 200,000 своимъ населеніемъ не выдерживаетъ никакаго сравненія съ прежнимъ великолѣпнымъ городомъ. Культура Ацтековъ исчезла и здѣсь, но слѣды ея указываютъ на ея сходство съ культурою народовъ сѣверныхъ, жившихъ между Миссури и Тихимъ Океаномъ. Существуетъ предположеніе, что въ VII в. по Р. X. здѣсь совершилось великое переселеніе народовъ съ сѣвера на югъ. Тольтеки считаются первыми пришельцами въ Анагуакъ съ сѣвера въ 650 году; ихъ владычество и даже имя исчезаютъ уже въ 1,050 году: за ними слѣдуютъ Акольяасы и Тенанеки и затѣмъ уже появляются въ 1196 году ацтеки, построившіе Теночтитланъ въ 1335 году, впоследствии совсѣмъ разрушенный испанцами. Странно однако то, что эти народы переходили сравнительно недалеко на югъ. Слѣдуетъ предположить, что это происходило вслѣдствіе бывшаго на нихъ напора непріятели; но возникаетъ вопросъ, откуда могли прійти ихъ побѣдители? Но были ли это нынѣшніе индійцы? Тогда эти послѣдніе, судя по положенію крѣпостей на Миссисипи, должны были нахлынуть съ востока или съ сѣвера.

Сохранились еще и другие памятники народов, живших здесь до Ацтеков и существенно отличавшихся от последних. Памятники эти находятся в Средней Америке, южнее Мексики. О их существовании не знали долго после завоевания Кортеса, между тем они оказались еще древнее остатков в Северной Америке. Только 126 лет тому назад открыли под землей и в лесах в Гондурасе и Юкатане громадные развалины, целые разрушенные города, простирающиеся через весь полуостров от моря до моря, много скульптурных вещей и совершенно неизвестные иероглифы. Около Св. Викентия в Сан-Сальвадоре найдены испанские террасы, высокие башни, пирамиды с подземными сводами и наконец в Гватемале—развалины старого города Эскуинтля, между которыми уцелели еще четыре обелиска и большой храм. Далее в штате Копака, на берегу реки того же названия, открыт храм Копака, очень посещаемый теперь любопытными. Он окружен стенами вышиною до 90 футов и лесницами в 100 футов вышины, внутри же ряды прекрасных высоких колонн, резьба на которых отличается своей удивительной оригинальностью от всех досел известных скульптурных работ. Большая часть колонн покрыта с одной стороны изображениями человеческих лиц и фигур, одетых во что то в род панталон и сандалий, с шляпами на головах, с другой стороны—на гладком четырехугольном поле представляет целый лабиринт иероглифов. Перед каждым изображением стоит жертвенник. Попадают алтари и изваяния, повидимому гнивших и карающих богов.

На других колоннах стоят звери—алигаторы с открытыми пастьми, черепахи с человеческими руками и копытными

когтями, головы людей с змеиным туловищем и т. п. Между развалинами города Тикале в лесах Гватемалы, находится дворец, повидимому царский, прекрасно построенный из разноцветного камня. Архитектура и статуи этого дворца совершенно загадочного происхождения. Преемное предположение о принадлежности этого дворца Тольтекам рушится при ближайшем ознакомлении с развалинами, которые ничего не имеют общего с колорадскими памятниками Тольтеков. Напротив, одежда фигур имеет много общего с древне-европейскими одеждями. Весьма могло быть, что беды, попавши в среду этих народов, сдѣлались тут царями и после смерти были чествуемы как пришельцы с неба, из неизвестных стран. Во всяком случае памятники эти древнее северо-американских и остается думать, что одно время было постоянное движение народов с севера на юг, причем народы Средней Америки поселились на юге.

В настоящее время, на средства французского правительства и одного частного лица из Нью-Йорка, по имени Лорильера, владеющего огромными средствами, готовится экспедиция для отправления в центральную Америку для исследования там на месте памятников, чрезвычайно важных как в археологическом, так и в этнографическом отношении. Не смотря на всевозможные технические усовершенствования средства, не смотря на значительное число известных археологов и лингвистов, участвующих в этих исследованиях, экспедиция предстоит немаловажный труд. Остается выжидать, успеют ли эти соединенные ученые силы разоблачить иероглифы народов, памятники которых свидетельствуют о такой, сравнительно высокой, степени цивилизации.

МИННЕЗИНГЕРЫ.

(Странствующие пѣвцы).

Это было в XIV вѣкѣ... Тихий вечер спустился на замокъ; озеро у его подножья мерцает в лунных лучах. В высоких, узких окнах замелькали огни. Раздался звук пѣней опускаемаго тяжелаго моста и скоро дежурный страж доложил, что в замокъ прибыл странствующий пѣвец Рейнмар фон Гагенау и что он просит, чтобы его немедленно представили владыкѣ замка молодому графу Дитгарту. С быстротою молнии разнеслась вѣсть по всему замку. Пѣвцы прѣехали! Всякій был рад послушать. По приказанию графа усталым путешественникамъ предложено было подкрѣпить силы и затѣм они были приняты радушно и внимательно. Еще на зарѣ из открытых оконъ комнат, отведенных для пѣвцовъ, разносился по замку напѣвы, отрывки разныхъ пѣсень, иногда вдруг раздавался удар по струнамъ и доносился говоръ и смѣхъ. Вечеромъ миннезингеры приглашены пѣть в присутствіи графа и его молодой супруги, которая пожелала услышать пѣсню любви и на это ей мужъ далъ согласие. Какъ обыкновенно у странствующихъ пѣвцовъ, и у Рейнмара есть „подручный“ пѣвецъ юноша, свѣжій и гибкій голосъ котораго передавалъ лучше пѣжные и страстные напѣвы. Пѣние началось. Съ устъ юноши слетаютъ тихія жалобы—страдаетъ его сердце, какъ страдаетъ земля, когда зима прикрываетъ ея луга и цвѣты своимъ бѣлымъ холоднымъ покровомъ... Но вотъ онъ возвышаетъ голосъ: въ звукахъ его пѣснь слышатся надежда и ожиданіе а вотъ уже звуки восторга и торжества—страстное желаніе его получило отвѣтъ... Все тихо слушаютъ. И кажется все, что слышать они и шумъ вѣтвей, и трели соловья и журчаніе ручья—такъ пѣние чудесно!

Общій гулъ одобрения и восторга... Рейнмаръ со своими товарищами поетъ еще нѣсколько чудныхъ пѣсень. Нѣсколько дней гостятъ пѣвцы въ замкѣ и богато награжденные и провожаемые знаками почтения, продолжаютъ свой путь далѣе.

Переѣзды съ мѣста на мѣсто были тогда въ обычаяхъ этихъ пѣвцовъ. Они и назывались *странствующими*. Отказаться отъ такой бродячей жизни пѣвцы не могли: въ то время они не могли выпускать томни своихъ пѣсень—не было книжныхъ

магазиновъ и не существовало литературныхъ гонимыхъ. Жизнь такихъ пѣвцовъ была въ зависимости отъ большей или меньшей щедрости знатныхъ и богатыхъ; конечно, не всѣ ихъ одинаково принимали. Заботы и нужда были ихъ почти постояннымъ удѣломъ, и даже такой гениальный средневѣковый лирикъ, какъ Вальтеръ фон-Фогельвейде, умеръ въ крайней бѣдности.

Между поэтами того времени были и богатые и могущественные люди, но тѣ конечно уже не принадлежали къ числу странствующихъ пѣвцовъ. Всѣ пѣвцы однако одинаково назывались *миннезингерами*, такъ какъ въ своихъ пѣсняхъ воспѣвали преимущественно любовь. Воспѣвали весну, красоту возлюбленной, счастье и страданіе любви и т. п.

Не всѣ однако ограничивались этимъ—иные прославляли Бога и взывали къ походу противъ язычниковъ и освобожденію Гроба Господня. Они были однимъ изъ могущественныхъ возбудителей въ эпоху крестовыхъ походовъ. Знаменитые лирики того времени—Рейнмаръ старшій или фонъ-Гагенау и Вальтеръ фонъ-Фогельвейде сами участвовали въ крестовыхъ походахъ.

Вальтеръ извѣстенъ также своими изреченіями, афоризмами, затронувшими общественные и политическіе вопросы того времени. Въ то время миннезингеры иногда какъ бы замѣняли собою отчасти нашу публицистику.

Съ современными поэтами у нихъ есть существенное различіе. Миннезингеры были не только поэты и пѣвцы, они были и композиторы. Тѣсная связь между поэзіей и музыкой, въ лирикѣ до XVI вѣка включительно, выработала своеобразные обычаи и законы. Ни одинъ миннезингеръ не имѣлъ права воспользоваться уже существующей пѣсью. Кто заимствовалъ мелодію или форму у другаго, тотъ не былъ закономъ конечно преслѣдуемъ, но на него смотрѣли съ презрѣніемъ какъ на вора чуждой собственности и принимали человѣка съ такой репутаціей у себя въ замкѣ считалось неприличнымъ. Каждый долженъ и принужденъ былъ создавать постоянно новыя пѣсни и это повело потомъ къ чрезвычайно разнообразію мотивовъ и пѣсень, которымъ отличается средневѣковая поэзія.

ЖЪ РИСУНКАМЪ.

Стадо ланей на отдыхѣ.

(Рисунокъ Шпехта).

Знойнымъ полуднемъ граціозная группа ланей расположилась отдохнуть въ тѣни широкаго, раскидистаго дерева; онѣ жаждутъ прохладнаго воздуха и тѣни, онѣ какъ будто забыли свою обычную осторожность и съ полною безпечностью предаются сладкой дремотѣ. Только одна изъ нихъ внимательно прислушивается, какъ бы недоувѣря глубокой тишиной безлюднаго лѣса. Такія идиллическія сценки семейнаго отдыха можно было часто видѣть въ дремучихъ лѣсахъ добраго стараго времени; теперь лани все рѣже и встрѣчаются въ болѣе прозаической обстановкѣ зоологическаго сада или на лужайкѣ

какого нибудь парка. Лань очень миловидное животное, въ главныхъ чертахъ вполне походитъ на оленя; только въ ростѣ она значительно уступаетъ оленю; самые большіе самцы бываютъ длиною лишь въ 5 футовъ а вышиною немного болѣе трехъ; кромѣ того въ сравненіи съ оленемъ ноги, шея и уши у нихъ гораздо короче а хвостъ гораздо длиннѣе. Не рѣдко попадаются совсѣмъ бѣлыя лани, но черныя—большая рѣдкость. По образу жизни лань ничѣмъ не отличается отъ оленя: она также ловка и способна дѣлать громадные прыжки. Пшца у нея таже что и у оленя; сдвигая преимущественно колу съ дерева, лань причиняетъ значительный вредъ лѣсу. Охота на ланей очень трудна—онѣ такъ осторожны и внимательны! Охотники, чтобы обмануть бдительность звѣря, подходятъ

съ кѣмъ нибудь вдвоемъ; товарищъ посвистываетъ и пащиваетъ и тѣмъ завлекаетъ животное, очень будто бы пристрастное къ музыкальнымъ звукамъ; охотникъ же прячется и улучивъ благоприятную минуту, стрѣляетъ. Охота эта хоть и трудна, но вознаграждается значительной выгодой: шкура лани цѣнится выше оленей по мягкости и растяжимости; мясо ея составляетъ вкусное, изысканное блюдо.

Обратный ямщикъ.

(Рисунокъ Панова).

Тихій и ясный лѣтній вечеръ. Отвезъ на парѣ проѣзжаго ямщикъ и возвращается на станцію.

.. Обратныя лошадки
Понутивъ голову, шагкомъ,
Бредуть. Молчатъ ямщикъ лѣтний
Верхомъ на дремлющемъ конѣ
Одинъ бубенчикъ говорливый
Воркуетъ сладко въ тишинѣ...

Невольно вспоминаются эти прекрасные стихи нашего, недавно умершаго поэта, у котораго найдешь столько сердечныхъ, родныхъ звуковъ и картинъ... Станціи, ямщики, подорожныя — гдѣ все это? Это осталось только вдали отъ большихъ путей, по которымъ безсчетомъ звенящими цѣпью, шипя и свистя, гремать торжествующіе желѣзнодорожные поѣзды...

Свадебные обряды краковяковъ.

(Картина Коссака)

Краковяки — одно изъ самыхъ красивыхъ польскихъ племенъ; между женщинами нерѣдко можно встрѣтить настоящихъ красавицъ съ чертами тонкими и благородными. Это народъ крѣпкій, веселый и воздержный. Распѣвая пахнетъ краковякъ землю — страсть къ музыкѣ и танцамъ у нихъ врожденная. Въ каждой деревнѣ или мѣстечкѣ весь трудовой народъ собирается по вечерамъ въ корчмѣ или шинкѣ, гдѣ поютъ пѣсни, танцуютъ до упаду свой любимый національный танецъ — краковякъ. Особенно весело и шумно празднуютъ здѣсь свадьбы, обставленныя, какъ и у прочихъ славянскихъ племенъ, различными обрядами — остатками глубокой древности. Свадебъ предшествуетъ, какъ и у насъ, сватовство называемое *звяды*, со стороны матери парня или его ближайшей родственницы. Необходимая обрядность каждыхъ звядъ это подчиваніе родителей невесты. Если послѣдніе принимаютъ угощеніе — значитъ извѣщаютъ полное свое согласіе. Впрочемъ, случаевъ отказа почти не бываетъ, звяды являются лишь формальнымъ обрядомъ, и между родителями уже заранѣе бываетъ все уговорено и улажено.

За звядами слѣдуютъ *заречины* т. е. обрученіе. Въ этотъ день у родителей невесты идетъ пиръ и тутъ-то старшій возрастъ или пользующійся наибольшимъ уваженіемъ изъ числа гостей размѣняетъ кольца жениху и невестѣ.

Но вотъ настаетъ давно желанный день — день свадьбы, у поляковъ имѣющей названіе *Wesele* (веселье). Это радостное значеніе дѣйствительно стараются здѣсь оправдать какъ можно болѣе и всѣ свадебные обряды совершаются съ пѣснями и музыкой. Уже все время, которое посвящаетъ невеста своему вѣнчальному гулету, проходитъ въ пѣніи ея подругами свадебныхъ пѣсенъ. Но вотъ она одѣта и прощается съ родителями; здѣсь происходитъ обычная трогательная сцена съ разными причитываніями и земными поклонами. Пріѣздъ жениха, окруженнаго многочисленной свитой молодежи заключить грустные проводы и свадебный поѣздъ, состоящій изъ длинной вереницы тележекъ и предшествуемый музыкантами, направляется къ церкви. Во всю дорогу шумъ, музыка и пѣсни не умолкаютъ; жениховы дружки гарцуютъ по бокамъ повозокъ, размахивая кто яркимъ платкомъ, кто флагомъ. Невеста идетъ впереди всѣхъ, сопровождаемая свахами и подругами; женихъ сидитъ на той же повозкѣ вмѣстѣ съ кучеромъ или идетъ рядомъ на конѣ. Иногда по всему свадебному пути зажигаютъ костры изъ хвороста и съ гикомъ перепрыгиваютъ ихъ на своихъ лошадкахъ. По окончаніи церковнаго обряда, обыкновенно возвращаются другимъ путемъ, „чтобы смерть ошиблась дорогой“, но и на этотъ разъ поѣздъ также шуменъ и веселъ; музыка и пѣсни не прекращаются; пѣрцы и острия вы-

ходи слѣдуютъ безъ конца: то кучеръ, который везетъ по-воображнхъ, какъ будто теряетъ нутъ и отказывается дальше ѣхать, прося дружекъ дать ему денегъ на новый; то музыкантъ требуетъ за порванную струну, безъ которой никакой музыки не будетъ и т. д. По большей части свадебный поѣздъ направляется въ ближайшую корчму, гдѣ и пируютъ часъ, два, чтобы дома успѣли приготовиться къ принятію многочисленныхъ гостей. Этотъ свадебный поѣздъ и изображенъ на картинѣ Коссака.

Брачный пиръ начинается обыкновенно обѣдомъ. Во все время обѣда дружки прислуживаютъ и занимаютъ гостей; послѣ стола начинаются оживленные танцы. Пиръ длится всю ночь на пролетъ; уже давно занялась заря а въ домѣ молодыхъ все раздается громкое притопываніе танцоровъ, отхватывающихъ краковякъ и слышится веселый мотивъ какой нибудь залхватской, народной пѣсни...

Цюрихъ.

Первые слѣды людской осѣдлости, бывшей на мѣстѣ нынѣшняго Цюриха, восходятъ до каменнаго періода. Найденныя въ этихъ мѣстахъ кельтскія гробницы на Бурггельцли и кельтское названіе „Turicum“ (мѣсто воды) указываютъ на существованіе тутъ осѣдлости въ Галлогельветическую эпоху.

Историческій пунктъ города составляетъ возвышенность Линденгофена, на которой находился римскій „Castrum Turicense“, увеличенный Диоклитіаномъ въ 287 г., разрушенный Аллеманами въ 493 и снова возстановленный франкскимъ королемъ Хлодвигомъ въ 499 г. Въ X столѣтіи Цюрихъ уже становится подъ защиту имперскаго намѣстника. Въ 1327 году Цюрихъ вступилъ въ союзъ съ четырьмя городами для внутренней обороны страны. Въ 1336 году первый бургомистръ Рудольфъ Брунъ установилъ союзъ 13-ти цеховъ. Слѣдствіемъ этого союза было открытіе заговора феодаловъ. Заговорщики были казнены и 1-го мая 1351 года былъ заключенъ вѣчный союзъ четырьмя кантонами. Съ этихъ поръ начинается постоянное возрастаніе и могущество города, такъ что въ концѣ XV столѣтія онъ занимаетъ уже первое мѣсто въ Союзѣ.

Въ настоящее время Цюрихъ насчитываетъ около 70,000 жителей. Въ городѣ есть прекрасный музей, богатая библиотека, содержащая болѣе 100,000 томовъ и 3,000 рукописей и разныя научныя и художественныя коллекціи. Тутъ же находится и извѣстный университетъ, политехническая школа и многочисленныя, въ прекрасныхъ помѣщеніяхъ, другія школы. Кроме союзныхъ очень много и частныхъ школъ и учебныхъ заведеній, и музыкальная консерваторія.

Въ промышленномъ и торговомъ отношеніи городъ замѣчательнъ, въ особенности своими шелковыми фабриками, не уступающими Лионскимъ. Бумагопрядильное производство не менее значительно, а также фабрики машинъ, фортепьянъ, бумажныя фабрики, кожвенные заводы и друг.

Огромное движеніе жизни и торговли въ этомъ городѣ, какъ и вообще въ швейцарскихъ городахъ, замѣчательно. Довольно сказать, что сюда ежедневно приходитъ 125 желѣзнодорожныхъ поѣздовъ въ день, начиная съ 5 час. утра и до 9 вечера.

Собственно старый городъ носитъ печать всѣхъ средневѣковыхъ городовъ, и чрезвычайно своеобразенъ. Старинныя постройки, узкія и неровныя улицы его примыкаютъ къ девяти самостоятельнымъ общинамъ по ту сторону рѣки Лимата, составляющимъ однако одно цѣлое со старымъ городомъ, благодаря своему положенію и общимъ интересамъ.

Далеко раскинулись улицы, одна — вдоль озера, образуя предмѣстье, другая — спускается въ долину и поднимаясь снова на виноградники и холмы. Далѣе круто и величественно поднимается гора Ютли съ одной стороны, а по другую тянутся Цюрихскія горы, покрытыя лѣсами, вилами и прелестными домами. Тутъ же протянулось чудесное Цюрихское озеро съ его пароходами, барками и лодками и съ безконечно тянущимися береговыми виноградниками. Съ противоположной стороны открываются долина Лимата, съ хорошенькими деревеньками и богатыми хлѣбными полями. Къ Лимату съ одной стороны прилегаетъ прелестное гулянье „Platzpromenade“. Вдали на горизонтѣ виднѣтся цѣпь Альпійскихъ горъ. Терасса Бюргли, съ которой открывается обширный видъ, изображена на нашемъ второмъ рисункѣ.

Политическое обозрѣніе.

Турція. — Румелійское княжество. — Славянскій конгрессъ въ Прагѣ. — Сербія и Австрія. — Германія. — Движеніе въ Ирландіи.

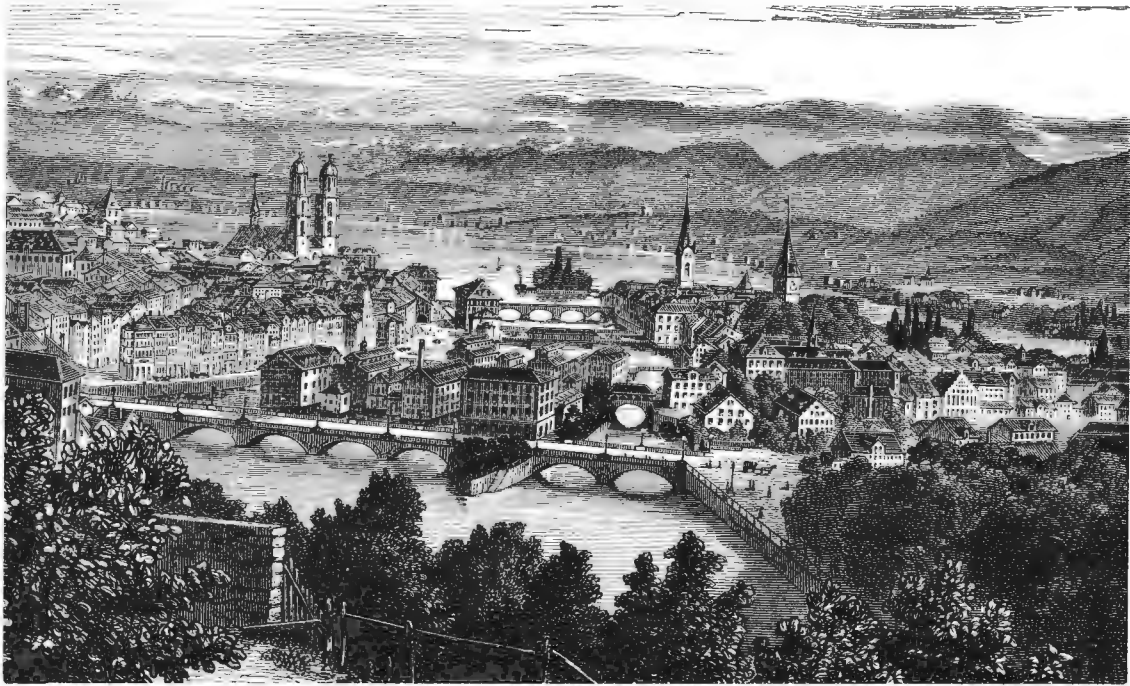
Порта, продолжая по прежнему затягивать рѣшеніе пограничныхъ вопросовъ, дѣлаетъ, по временамъ, видъ, что соглашается, наконецъ, выполнить требованіе державъ, обставляя всегда свое согласіе различными условіями, которыя, конечно, препятствуютъ завершенію дѣла. Такъ, турецкое правительство выразило свое согласіе на уступку Черногоріи Дульцино но, при этомъ, во первыхъ — съ совращеніемъ территоріи прилегающей къ городу, а во вторыхъ — съ тѣмъ, чтобы державы продлили давнее Турціи время для самой передачи Дульцино.

Вмѣстѣ съ тѣмъ, для улаженія турецко-черногорскаго вопроса, или, можетъ быть, для противоположной цѣли (это уже секретъ ловкихъ турецкихъ дипломатовъ), въ Албанію посланъ Риза-Паша, во главѣ 4 тысячнаго отряда. Ему, въ качествѣ „чрезвычайнаго уполномоченнаго Блистательной Порты“, даны обширныя полномочія и онъ будетъ сноситься непосредственно съ султаномъ. 2-го августа н. с. онъ вступилъ въ Скутари съ 2 тысяч. ч. и былъ встрѣченъ депутаціей отъ лиги; остальные 2 тысячи остались въ Дульцино и вмѣстѣ съ албанцами расположились лагеремъ на высотахъ, господствующихъ надъ горо-

(Продолженіе на стр. 689, 690, 691, 692).

домъ. Риза-паша немедленно же пригласилъ всѣхъ албанскихъ предводителей на собраніе. Алеко-паша еще не возвратился въ Филиппополь и это обстоятельство подаетъ теперь поводъ къ толкамъ нѣсколько неожиданнаго свойства. Рѣчь идетъ уже не о сляніи съ княжествомъ Болгарскимъ, а объ образованіи изъ Восточной Румелии вассальной княжества. Въ случаѣ

это лучшее средство отдалить на неопредѣленное время сляніе обѣихъ частей Болгаріи. Только мы предполагаемъ, что хлопочетъ тутъ не князь Вогоридесъ, а кто нибудь позначительнѣе... Но, какъ бы и кто бы ни хлопоталъ о созиданіи всевозможныхъ преградъ славянамъ, ничто уже не можетъ остановить естественнаго хода событій. Плоды всего того, что

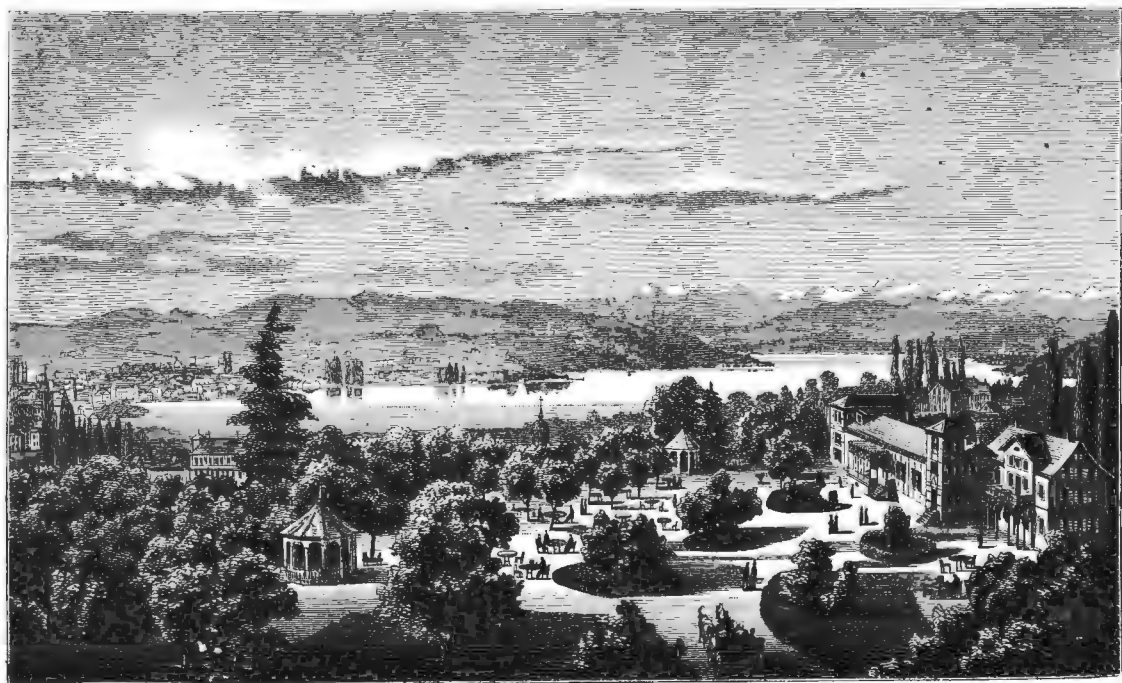
Швейцарія. Общій видъ г. Цюриха. Рис. и грав. Веберъ.

осуществленія этого плана, Княземъ Румелии сдѣлался бы Алеко-Вогоридесъ I, причемъ новое княжество приняло бы на себя соответственную доходамъ своимъ часть долга Турціи; назначеніе высшихъ должностей зависѣло бы отъ князя, провинціальное собраніе превращено было бы въ палату депута-

товъ, а постоянная коммисія—въ сенатъ. Говорятъ, будто объ этомъ хлопочетъ именно самъ князь Вогоридесъ. Мы, пожалуй, готовы вѣрить всему этому, уже потому, что подобный проектъ вполне сообразенъ желаніямъ всѣхъ многочисленныхъ противниковъ преуспѣванія благоденствія славянъ, вообще, и Балканскихъ славянскихъ государствъ въ особенности, очевидно, что

совершилось съ 1875 года, не могутъ исчезнуть безслѣдно, не могутъ быть вырваны съ корнемъ. Славянство сознало свою силу и стремится къ единенію.

Однимъ изъ примѣровъ проявленія сознанія этого можетъ между прочимъ служить предполагаемый славянскій конгрессъ

Швейцарія. Терраса Бюргли въ г. Цюрихѣ. Рис. и грав. Веберъ.

въ Прагѣ. На этотъ конгрессъ будутъ приглашены и делегаты славянскихъ народностей венгерской половины Габсбургской монархіи. Задача этого конгресса будетъ состоять въ томъ, чтобы организовать славянство для борьбы противъ элементовъ враждебныхъ ему въ имперіи. Пора! Съ удовольствіемъ отмѣчаемъ здѣсь свидѣніе о томъ, что Сербія, явившаяся, въ лицѣ

товъ, а постоянная коммисія—въ сенатъ. Говорятъ, будто объ этомъ хлопочетъ именно самъ князь Вогоридесъ. Мы, пожалуй, готовы вѣрить всему этому, уже потому, что подобный проектъ вполне сообразенъ желаніямъ всѣхъ многочисленныхъ противниковъ преуспѣванія благоденствія славянъ, вообще, и Балканскихъ славянскихъ государствъ въ особенности, очевидно, что

своего Князя, въ Ишлѣ, не склонила, однако, „выю свою“ предъ могучимъ и требовательнымъ сосѣдомъ—Австріей. Мы уже сообщали, что князь Миланъ привезъ туда съ собою проектъ торговаго договора съ этой державой. Теперь оказывается, что Сербія ставитъ въ договорѣ такія условия, которыя вѣнскій кабинетъ считаетъ невозможнымъ принять и, даже считаетъ невозможнымъ продолжать переговоры. Официозныя австрійскія газеты тотчасъ же, конечно, заговорили въ угрожающемъ для Сербіи тонѣ, заявляя что Австро-Венгрія сумѣетъ оказать энергическое давленіе на Сербію. Надѣмся, что Сербія найдетъ, гдѣ надо, поддержку, настолько солидную, что будетъ имѣть всю возможность отстаивать интересы свои.

Въ германской парламентской сферѣ произошло весьма важное событіе. Одною изъ вѣнболѣе могущественныхъ, если не самую могущественною, партій въ рейхстагѣ долгое время была такъ называемая партія національ-либераловъ. Образовавшаяся еще въ 1866 г., усиленная въ 1867—68 г. либеральными фракціями Гавовера, Гессенъ-Нассау и Шлезвигъ-Гольштейни и достигнувшая, въ 1874 г., апогея могущества и численности (148 членовъ) она служила часто поддержкой князю Бисмарку, въ особенности при осуществленіи главной цѣли его (созданія и упроченія единства Германіи). Эта патриотическая цѣль служила цементомъ, соединявшимъ либеральныя группы различныхъ оттѣнковъ въ одну большую и сильную партію. Великое дѣло объединенія совершено Бисмаркомъ, а потому и связь въ партіи начала ослабѣвать, параллельно чему начали болѣе и болѣе заявлять о себѣ особенности составныхъ группъ, расходясь чаще и чаще съ канцлеромъ по различнымъ мѣропріятіямъ. Связь эта, наконецъ, порвалась и нынѣ партія распалась. Группы, какъ ожидается, примкнутъ къ разнымъ парламентскимъ партіямъ—однѣ къ либеральнымъ, а другія къ умѣреннымъ консерваторамъ.

Въ Ирландіи движеніе среди крестьянъ-арендаторовъ значительно усилилось. Послѣ того какъ правительственный проебтъ о вознагражденіи арендаторовъ въ случаѣ отказа имъ отъ аренды, былъ отвергнутъ палатой лордовъ, броженіе приняло чрезвычайныя размѣры. Повсюду собираются громадныя митинги угрожающаго характера; оружіе раскупается на расхватъ и раздается; въ Коркѣ дѣло дошло уже до того, что на тамошнемъ рейдѣ было произведено нападеніе на датскій корабль, съ цѣлью овладѣть находившимся тамъ грузомъ оружія, что и было достигнуто, а чрезъ нѣсколько дней была произведена попытка взорвать казармы англійскаго гарнизона.

С м ѣ с ѣ.

Яхта Ливадія, которой рисунокъ былъ у насъ въ № 30, этотъ „плавающій дворецъ“, какъ обыкновенно называютъ это судно, освѣщается 60 фонарями системы Яблочкова. Всѣ сигналы и фарватеръ освѣщены гигантскимъ электрическимъ аппаратомъ. Каждая двѣ лампы приводятся въ дѣйствіе динамо-электрической машиной Сименса. Поразительное впечатлѣніе, производимое такимъ образомъ освѣщенной яхтой, превосходить все, что можетъ представить себѣ самое пылкое воображеніе. Всѣ работы ведутся быстро и точно подъ наблюденіемъ лейтенанта Римскаго Корсакова.

Новый туннель подъ Темзой. Парламентскій актъ, которымъ предполагалась постройка новаго туннеля подъ Темзой, вошелъ въ законную силу. Новое гигантское сооруженіе будетъ прове-

дено между Гренвилемъ и Мильвалемъ. Населеніе этихъ двухъ мѣстностей около Лондона доходитъ въ настоящее время до 259,000 человекъ. До сихъ поръ въ дурную и туманную погоду, когда лодки не могли совершать обычныхъ перевозокъ, должностные люди принуждены были пробираться къ Лондонскому мосту, чтобы попасть на другую сторону. Это составляетъ крокъ въ 12 англійскихъ миль. Новый туннель проходить подъ лондонскимъ мостомъ и длиною въ 160 сажень.

Европейскія войска (постоянный составъ) содержатъ въ себѣ поражающее количество людей. Самая малочисленная постоянная армія черногорская, затѣмъ слѣдуетъ Люксембургъ имѣющей 513 человекъ постоянного войска, далѣе Сербія—4222 человекъ, Румынія—11,613 чел., Норвегія—12,750 чел., съ послѣднимъ государствомъ почти равняется Греція имѣющая 12,000 войска; за нею слѣдуетъ Данія—18,106 человекъ, войска, Голландія—32,000 в., Португалія—35,733 войска, Швеція—35,504, Бельгія—45,970, Испанія—100,000, Турція—150,000, Италія—220,690, Австро-Венгрія—292,191, Германія—448,821, Франція—496,354 и наконецъ Россія—575,000. Всѣ эти цифры составляютъ европейскую армію, въ мирное время равняющуюся 2,467,444 ч., за исключеніемъ моряковъ составляющихъ громъ того еще 200,000 человекъ. Ежегодное содержаніе всей такой арміи обходится въ 960 милл. рублей. Если принять во вниманіе, что каждый изъ этихъ непрестанно здоровыхъ людей могъ бы зарабатывать ежедневно по крайней мѣрѣ скажемъ 60 коп., то названныя государства такимъ образомъ теряютъ ежегодно 1 миллиардъ 920 миллионовъ руб. Сюда не включается еще содержаніе 400,000 кавалерійскихъ лошадей.

Фосфорная красна. Изъ высшего сорта Кантонскаго фосфора, инженеръ Бальменъ составилъ масляную краску, которая ярко свѣтитъ въ продолженіи долгихъ зимнихъ ночей, если ранѣе того она была подвергнута дѣйствію дневнаго свѣта.

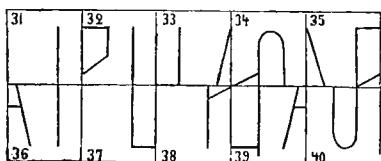
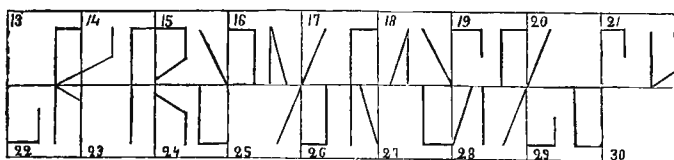
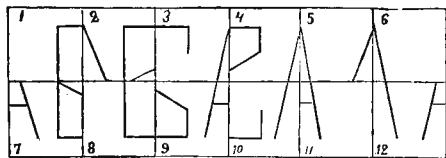
Такъ какъ эта масса повидному не подвержена влиянію погоды, то ее можно употреблять не только для иллюминацій (освѣщеніе протовъ, статуѣ, вѣнзелей), но и для совершенно практическихъ цѣлей, какъ-то: для обозначенія улицъ, указанія путей, надписей, для башенныхъ часовъ, подписей подъ звонками, освѣщенія опасныхъ мѣстъ (пороховыхъ складовъ). Составъ можетъ быть примѣненъ и для освѣщенія желѣзнодорожныхъ туннелей, для чего достаточно выкрасить этой краской внѣшнюю и внутреннюю покрывку вагона.

Нѣчто подобное описано въ китайско-японской энциклопедіи. Въ статьѣ „О живописи“ говорится между прочимъ: „У Сю-Нго была картина съ изображеніемъ быка, который днемъ уходилъ на пастбище а на ночь возвращался въ рамку. Картина эта досталась императору Тан-Гсунгъ изъ династіи Сунговъ (въ 976 по 998 г. по нашему счисленію) который показывалъ картину своимъ придворнымъ и просилъ объясненія какъ это сдѣлано, котораго ему никто не могъ дать. Наконецъ по словамъ буддистскаго жреца, оказалось, что японцы находили свѣтящееся вещество въ тѣлѣ однихъ устрицъ, которое они собирали и смѣшивали съ краской для полученія изображеній невидныхъ днемъ и свѣтящихся ночью. Несомнѣнно, прибавляетъ авторъ энциклопедіи, что выраженіе „быкъ идетъ на пастбище и оставляетъ рамку“ означаетъ, что изображеніе быка было не видно днемъ.

Если желаютъ получить картину или изображеніе видимое и днемъ, напримѣръ, при указаніи путей, то бѣлымъ составомъ слѣдуетъ чертить на черномъ фонѣ.

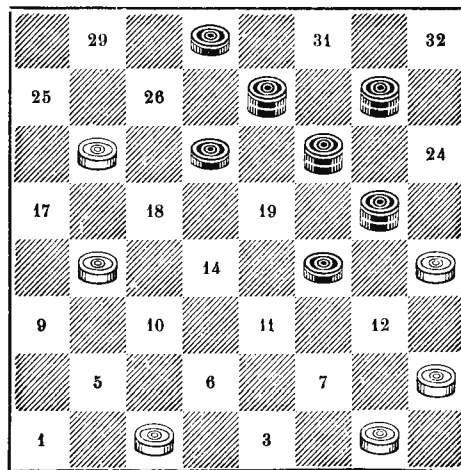
Задача квадратиковъ № 63.

Дано 40 квадратиковъ, расположенныхъ, какъ показано ниже, въ три группы,—въ каждой по два ряда. Требуется въ каждомъ ряду отдѣльно перемѣстить квадратики такимъ образомъ, чтобы изъ линий, находящихся на поверхности ихъ, составилось три слова (въ каждой группѣ по одному слову).

Шашечная задача № 64.

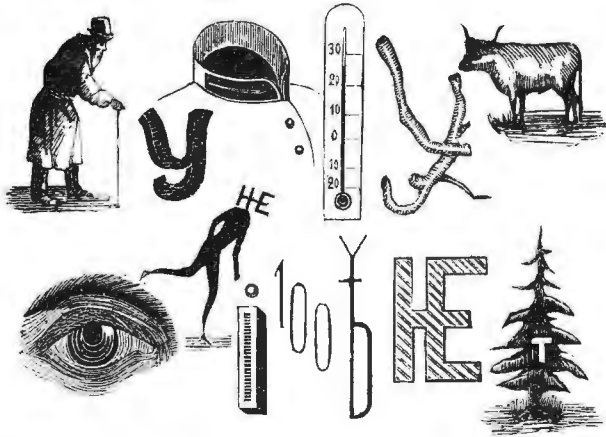
Черныя.

Бѣлыя.

Бѣлыя начинаютъ и запираютъ черную престую.

РЕБУСЪ.

ПОЧТОВЫЙ ЯЩИКЪ.

Полтава. С Н—у. Мы уже много разъ заявляли, что непожизненные стиховъ есть уже отвѣтъ.
Харьковъ. Н. П.—нову. Переведенная вами статья „Убийство на морѣ“ была уже разъ переведена въ Собраніи Романовъ.
Тверь. Само—лову. И очень легко было всегда Въ любви и отъ одной къ другой Переходило мое сердце
Но развѣ это такъ интересно, что вы просите *отпечатать*.

О ПЕРЕМѢНѢ АДРЕСА.

Контора журнала «Нива» проситъ своихъ гг. иногородныхъ подписчиковъ при перемѣнѣ адреса изъ одного города въ другой, присылать прежній печатный адресъ и прилагать 28 коп. почтовыми марками на типографскіе расходы.

СОДЕРЖАНІЕ: Абдурахманъ-Ханъ (съ портр.)—Купленное счастье. Романъ Н. Морскаго (Продолженіе).—Зарница. Историческая быль В. Политковскаго. (Окончаніе).—Домсторическая Америка. Очеркъ.—Миннезисгеры (съ рис.)—Стадо ланей на отдыхѣ (съ рис.)—Обратный ящикъ (съ рис.)—Свадебные обряды ирановъ (съ рис.)—Цюрихъ (съ 2 рис.)—Политическое обозрѣніе.—Смѣсь.—Задача квадратиковъ.—Шашечная задача.—Ребусъ.—Почтовый ящикъ.—О перемѣнѣ адреса.—Объявленія.

Издатель А. Ф. Марисъ.

Редакторъ Ф. Бергъ.

О Б Ъ Я В Л Е Н І Я.

СИТРОНАДЪ И ОРАНЖАДЪ МОСКОВИТЪ КЕЛЕРА.

Изъ свѣжихъ лимоновъ и апельсина съ вполне сохраненнымъ ароматомъ этихъ фруктовъ, для лимонадовъ, пунша, мороженнаго, желе, и всякаго рода кушанья стеклянна на 50 стак. лимонада 50 к., на 100 стак. 90 коп. Торговцамъ значительная скидка.

Продажа въ аптекарскихъ магазинахъ

Р. КЕЛЕРЪ И К° ВЪ МОСКВѢ.

Продажа въ С.-Петербургѣ въ магазинахъ брат. Елисеѣвыхъ. № 839 3—2.

НОВѢЙШЕЕ ИЗОБРЕТЕНІЕ.

ФРАНКФУРТСКІЯ МОЛОТИЛКИ СИСТЕМЫ ВЕЙЛА.

Доставляются на каждую желѣзно-дорожную станцію въ слѣдующемъ выборѣ: 1) производимыя двумя людьми; 2) съ одной, въ 3) съ двумя, въ 4) съ четырьмя лошадиными силами.

По желанію съ аппаратомъ, производящимъ одновременно очистку зерна.

Поднятыя на своихъ собственныхъ колесахъ, онѣ могутъ дѣйствовать вездѣ, гдѣ ихъ ни поставить. По письменному требованію иллюстрированный каталогъ находящійся у Морца Вейла.

Машинная фабрика въ Франкфуртѣ-на-Майнѣ (въ Германіи).

Корреспонденція по-русски.

Ptr. № 690 11 8

ВЪ МАГАЗИНѢ ЧАСОВЪ

ПАВЛА БУРЕ,

поставщика Высочайшаго Двора, Невскій просп., № 23 въ С.-Петербургѣ,

ЗОЛОТЫЕ МУНСКІЕ ЧАСЫ собственной фабрики.

Анкерные на 15 камняхъ закрытые заводъ ключемъ въ 75, 80 и 85 р. (смотря по вѣсу золота въ корпусѣ).

Такіе же 1-го сорта въ 90, 95, и 100 руб. сер.

Такіе же высшаго достоинства отъ 125 до 175 р. с.

Анкерные на 15 камняхъ открытые, заводящіеся безъ ключа (безъ внутренней крышки) въ 90, 95 и 100 руб. с.

Такіе же съ внутренней крышкой въ 110, 120 и 125 р. с.

Такіе же 1-го сорта въ 135, 140 и 150 руб. с.

Такіе же высшаго достоинства отъ 17. до 300 р.

Анкерные на 15 камняхъ закрытые съ двумя крышками въ 110, 120 и 125 р. с.

Такіе же съ тремя крышками 130, 140 и 150 р. с.

Такіе же 1-го сорта 160, 175 и 200 р. с.

Такіе же высшаго достоинства отъ 250 до 450 р. с. (смотря по вѣсу золота и отдѣлкѣ механизма).

Ручательство на 2 года.

Къ часамъ, заводящимся ключемъ прилагается золотой ключъ.

№ 812 Пересылка на счетъ магазина.

1—1

ВЪНСКАЯ ФАБРИКА

ЭЛЕКТРИЧЕСКИХЪ АППАРАТОВЪ

РЕКОМЕНДУЕТЪ

электрическіе аппараты съ лигроиновой лампою зажигающеюся однимъ давленіемъ на кнопку аппарата. Пользуясь этимъ аппаратомъ совершенно можно избѣгнуться отъ употребленія въ домѣ свѣчекъ, такъ какъ электрическая искра ею зажигаетъ тонкія щетки и бумагу. Лампа эта можетъ служить для освѣщенія и для разныхъ другихъ цѣлей.

Цѣна лампъ со всѣми принадлежностями Р. С. 12 съ доставкою во всѣ мѣста Россійской Имперіи.

ЗАТѢМЪ:

Электрическіе аппараты (электрогальваническіе батареи для на электризированной) примѣнимы при растройствахъ нервовъ, при ревматизмѣ, особенно при случаѣхъ общаго расслабленія организма и для разныхъ научныхъ цѣлей. Цѣна со всѣми принадлежностями Р. С. 15, съ доставкою во всѣ мѣста Россійской Имперіи. Главное агентство для всей Россіи Е. Е. Смѣтанина. Б. Морская. д. 21, кв. 28. К. № 84*.

Дешевое изданіе Юргенсона:

РУСАЛКА

Опера, текстъ Пушкина, музыка

А. Даргомыжскаго.

Для одного фортепiano. Цѣна 3 рубля.

ПРЕЖДЕ ВЫШЛИ ДЕШЕВЫМИ ИЗДАНИЯМИ:

Жизнь за Царя и Руслава и Людмила,

изданіе для одного фортепiano, по 3 руб. каждый.

— ГОТОВЯТСЯ КЪ ПЕЧАТИ: —

Жизнь за Царя для пѣнія, Руслава и Людмила для пѣнія, Рогнеда для одного фортепiano, для пѣнія, Русалка для пѣнія, Аскольдъ и норманъ для пѣнія.

Москва у П. ЮРГЕНСОНА, Невлинскій пр. № 10.

С.-Петербургъ, у І. Юргенсона, Б. Морская, 9.

*** Вышеозначенныя оперы издаваемы мною по согласію законнаго издателя Ф. Стелловскаго. Заграничныя изданія этихъ оперъ издаваемы самозвономъ и въ Россіи законнаго распространенія имѣть не могутъ.

П. М. № 858

БАНКИРСКАЯ КОНТОРА ЯКОБСОНЪ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ, Литейный проспектъ, д. № 21.

Продажа 5⁰/₀ съ выигр. билет. съ разсрочкою платежа, съ задаткомъ по 20 руб. въ билетъ. Выигрышъ, курсовая разница и нулоки составляютъ собственность покупателя.

Страхованіе отъ тиража 5⁰/₀ съ выигрышами билетомъ по 50 к.

Отъ гг. иногородныхъ, включая почтовые расходы, по 60 коп. за билетъ.

Всѣ биржевыя и банкирскія операціи по покупкѣ, продажѣ и залогу бумагъ отъ гг. иногородныхъ исполняются по письменнымъ приказамъ черезъ почту.

Пріемъ на комиссію 5% билетомъ для объявленія на новизну.

Подробная программа операцій помѣщена въ „Нивѣ“ № 5 сего года.

№ 872 6—6

Патентованный! НОВѢЙШІЙ Патентованный!

ПРЕДОХРАНИТЕЛЬНЫЙ СТЕКЛЯННЫЙ РОЖОКЪ.

ПРЕИМУЩЕСТВА:

Сохраненіе въ немъ свѣжести молока и его первоначальнаго сладкаго вкуса. Удаленіе вредной пробки и резиновой трубочки; этимъ совершенно избѣгается образованіе молочной кислоты.

Легкая и основательная чистка.

Ц. 1 р. 25 к.

Единственное дѣло для С.-Перербур. а

ВЪ ЦЕНТРАЛЬНОМЪ ДЕПО

МАКИНТОШЪ,

Михайловская, № 4.

Гг. торговцамъ соответственная скидка. К. № 850

СКЛАДЪ ЧЕШСКАГО ХРУСТАЛЯ

Графа ГАРРАХА завода „НОВЫЙ СВѢТЪ“ въ Чехіи.

С.-Петербургъ, Большая Морская. д. № 36.

получилъ огромное множество чарокъ, извѣстныхъ подъ названіемъ Станьки-Ваньки, съ болѣе ста интересными гравированными поговорками, и высылаетъ ихъ немедленно (не менѣе одной дюжины) по слѣдующимъ цѣнамъ по всей Россійской имперіи.

Съ упаковкой и пересылкой за дюжину:

Прозрачныхъ, хрустальныхъ, съ гравированными поговорками (развѣръ больш. вод. рюмки) . . . 8 руб.

Прозрачныхъ, хрустальныхъ съ гравированными поговорками (развѣръ малой рюмки водки). . . 7 руб

Прозр. хруст. съ грав. погов. для ликеру . . . 6 1/2 р.

Радужныхъ, хрустальныхъ (развѣръ малой рюмки) съ гравированными поговорками . . . 10 руб.

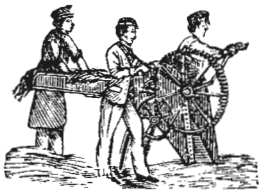
Радужныхъ, хрустальныхъ (развѣръ большой рюмки) съ гравированными поговорками . . . 11 руб.

Радж. хруст. съ грав. погов. для ликеру . . . 9 руб.

С.-Петербургъ, Больш. Морская, д. № 36.

ШТИФТОВЫЯ МОЛОТИЛКИ.

Эти молотилки принадлежат к лучшим настоящих времени. Они дешевы, просты, прочны, занимают мало места, не окалачивают зерно, и обмалачивают хлеб самым совершенным образом, не оставляя в колосьях ни одного зерна. Все чувствительные механизмы устроены и каждый простой кулачек может исправить всякое повреждение. Цена ручных молотилок 85 р., молотилки с одноконным приводом 225 р., с 2-х конным приводом и соломотрасом 340 руб. Производители. от 100 до 400 сноповъ въ часъ, смотря по размаху.

Склады у Товарищества **БУРКГАРТЪ и УРЛАУБЪ.** С.-Петербургъ, Вас. Ост., 1-я линия, № 10 и въ Москвѣ по Мясницкой, д. Ситова. Кроме того имеются въ наличности: земледельческия машины, пожарныя трубы и насосы всякаго рода, паровыя и заводскія машины, котлы, локомобили и пр. и пр. № 838 3-2

ПРАКТИЧЕСКАЯ АРИФМЕТИКА
П. С. Гурьева, 1880 г. Книга I-я: Низший курсъ доступный для всѣхъ. Цѣна 75 коп. Книга II-я печатается.

Складъ въ типографіи В. Безобразова и Комп. (СПБ. Вас. Остр. 8-я линия, № 45). Книгопродавецъ. обычная уступка. № 836 3-2

НОВАЯ

улучшенная и патентованная системы Зингеръ
РУЧНАЯ ШВЕЙНАЯ МАШИНА
работаетъ **мѣтѣ шумно, легче и скорѣ**
чѣмъ всѣ существующія теперь ручныя машины. Специальныя машины для вязанія, выметыванія петель, вышиванія пліссѣ, для шитья перчатокъ, военныхъ голенищъ, мѣшковъ, парусовъ и кожи до 1 1/4 дюйм. толщины съ варною драгвой и всѣхъ другихъ ручныхъ и ножныхъ машинъ для семейныхъ и ремесленныхъ употребленій.

Высылка подробнаго прейсъ-куранта бесплатно.
Складъ швейныхъ машинъ всѣхъ системъ.

ВЪ КНИЖНОМЪ МАГАЗИНѢ И. Л. ТУЗОВА, въ С.-Петербургѣ, Больш. Садовая ул., домъ Коровина, № 16, поступили въ продажу только что отпечатанныя новыя книги:

РЕМЕСЛЕННИКЪ,

Практическое руководство для ремесленныхъ училищъ и любителей, желающихъ вполне изучить и ознакомиться съ необходимыми принадлежностями и приемами въ мастерскихъ: плотничной, столярной, токарно-ажурной, кузнечно-слесарной, часовой, типографской, переплетной, салонной и портняжной. Съ 320-ю рисунками.

Составилъ А. П. КЛАСЕНЪ.

Изданіе третье, значительно дополненное. Цѣна 2 рубля.

НОВЫЕ СЦЕНЫ И АНЕКДОТЫ

изъ еврейскаго, армянскаго, греческаго, нѣмецкаго и русскаго бы а. **ПАВЛА ВЕЙНБЕРГА.** Цѣна 1 рубль.

Въ Москвѣ, складъ у книгопр. Д. СТУПИНА, Никольская ул., домъ 2, законосп. монастыря. К. № 846

МУЗЫКАЛЬНЫЕ ЯЩИКИ

въ весьма большомъ выборѣ, шарманки, ручныя органы, органчики для птицъ, фисгармоній, гармонь-флюты съ органомъ и проч., рекомендуетъ по очень дешевымъ цѣнамъ
главное депо музыкальныхъ инструментовъ
Юлія Генриха Циммермана.
С.-Петербургъ, по Больш. Морской улицѣ, № 42. Подробный прейсъ-курантъ бесплатно. W. № 834.

СПЕЦИАЛЬНОСТЬ

собственного завода.
ПОЖАРНЫЯ ТРУБЫ
всякаго рода.
НАСОСЫ
для всякаго употребленія.
Новый огнетушитель
КОСМОПОЛИТЬ,
рекомендуетъ со склада
Альфредъ Лангензипенъ.
С.-Петербургъ, Мал. Итальянская, № 11
Иллюстрированныя прейсъ-куранты безъ К. № 845 платно. 5-1

ИЗДАНИЯ ЮРГЕНСОНА.

САМОУЧИТЕЛИ

школы и азбуки для разныхъ инструментовъ.

<p>Москва у П. Юргенсона.</p> <p>10, Невлинный провъздъ, близъ Кузнечкаго моста.</p> <p>Ааръ Д. Школа для скрипки. 5 руб. Бауэръ Ф. Школа для пѣтрянъ 3 част. 5 руб. Часть I 2 р., часть II 2 р. 50 к., часть III 3 р. Венда Ф. Школа для фисгармонки или гармоніума. Новое изд. съ прибавл. русскіихъ пѣсень. 1 р. 20 к. Веріо. Школа для скрипки въ 3 частяхъ, на нѣм. франц. и русскіихъ языкахъ. Часть I—4 р., часть II—5 р., часть III—печатается Вейеръ Ф. Первоначальная фортепьянная школа для дѣтей самаго юншаго возраста. На 3 языкахъ. Вагер. Ecole preliminaire de piano à l'usage exclusive des élèves de l'age le plus tendre. Vorschule des Clavierspiela für Schiller des zarstesten Alters. 3 г. Тоже на русск. и франц. языкахъ. 2 р. Валъсъ Ф. И. Школа для кларнета полная. 2 части въ одномъ томѣ. Часть I-я и 2-я по 4 р. 50 к. Блатъ F. I. Nouvelle méthode complète de clarinette. Neue vollständige Clarinettschule opit. 2 Theile in 1 Band. 8 г. Прассеръ и Йомти. Сокровище для матерей семействъ. Элементарная школа для фортепьяно 11-е изданіе. 5 р. Приложеніе въ "Сопровищъ". Неограниченное дополненіе или часть 2-я элементарной школы для фортепьяно 3-е изд. 5 г. Бруни. Школа для альта. 1 р. 80 к. Вуркмиллеръ Ф. Первоначальная школа для виолы и виолончели. 2 р. Хваталъ. Школа для аккордеона или ручной Гаммонки. 75 коп. Черни. Лучшій фортепьянный учитель Жираръ. Школа для гармонифлейты или маленькаго органа. 75 коп. Гонтена. Школа для фортепьяно соч. 60, 30-я тѣмъча, съ новымъ переводомъ перекорректированъ, исправленнае и дополненное А. И. Дюбукомъ, съ прибавленіемъ 20 новыхъ пѣсень: <i>Воже царя храни, Львова, Коль славно намъ Господь въ Сионъ!</i> Боргіанскаго. Ужъ какъ слава тебѣ, Воже, Не убьешь голубчикъ мой, Не брани меня родная, Гадалие, Утѣша, изъ оперы</p>	<p>С.-Петербургъ у И. Юргенсона.</p> <p>9, Большая Морская.</p> <p>"Воевода" Чайковскаго, Я помню все, Тарновской, Лучина, Луизинка, Во полѣ березонка, Кубокъ янтарный, Не бѣлыя снѣги, Конькобѣжець Ральсъ Годфрей, хоръ изъ оперы "Гугеноты" Мейербергера. Молитва и Польская изъ оперы "Галлака" Монюшко, Молитва изъ Моисея, Любушка голубишка Дюбука, Пестеръ Вальсъ Даниера, А гророс Polka Фауста, Арія Забела "Разъ скажите вы ей, няты мои" изъ оперы "Фаустъ" соч. Гуно. Всѣ означенныя піесы аранжированы А. И. Дюбукомъ. Съ приложеніемъ изображенія клавиатуры и изложенныхъ правилъ для молодыхъ музыкантовъ Р. Шумана. 2 р. 50 к. Hauten F. Méthode de piano. Op. 60 30-me édition, revue et augmentée par A. I. Dubque. Schule für Pianoforte 30-te Ausgabe. 2 р. 50 к. Иранекъ. Теоретическая и практическая школа украшеній «органіанной игры 1 р. 60 к. Колосова Школа для 7 и 10 струнной гитары. 2 р. Куликоса. Школа для ручной гармонки русскаго строя. 75 к. Куммера Школа для флейты 1 р. 50 к. Лаблавиъ. Школа для виолы Лебертъ и Штаркъ. Практическая фортепьянная школа ч. I. 4 р. Ли, С. Школа для виолончели. 4 р. Мико. Школа для органа. 1 р. Моральтъ. Школа для пѣтрянъ. 2 р. Риктеръ Ф. Орнестрвова школа для хороваго военной музыки Orchesterschule für Militairkapellen. 5 р. Томсена. Школа для корнетъ въ pistonъ 2 части въ I томѣ. 4 р. Ульрихъ. Практическая школа для 56, 60, 64, 70, 76, 88, 100 и 130 тонаго бандиона. 1 р. Уарренъ-Минави. Школа для концертно на 3 языка. 3 р. Виллуана А. Фортепьянная школа принятая въ консерваторіяхъ въ Москвѣ и Петербургѣ. 4 р. То же deutsch. 4 р. 80 к. То же français. 8 р. Вольфарта Г. Дѣтская фортепьянная азбука. 2 р. По-русски и по-нѣмцаи.</p>
---	---

Подробные каталоги изданій Юргенсона **БЕЗПЛАТНО.** П. М. № 884 1

Изданіе А. Ф. МАРКСА въ С.-Петербургѣ.

"НИВА"

1878 года. И 1879 года.

Каждый томъ заключаетъ въ себѣ 30—40 повѣстей и рассказовъ, большіе романы—историческіе и изъ современной жизни—отъ 700—2000 рисунковъ, гравюръ и чертежей и приложеніе "Парижскія моды" съ выкройками. Помѣщенные въ каждомъ томѣ повѣсти, романы и рассказы въ отдѣльной продажѣ стоили бы болѣе 20 рублей, не считая еще массы статей и очерковъ по всѣмъ отраслямъ наукъ, искусствъ и современной жизни и проч. Каждый покупатель тома "Нивы" имѣетъ право на полученіе всѣхъ приложенныхъ къ нему бесплатныхъ премій.

Цѣна каждому тому т. е. годовому изданію съ преміями.

Брошурованному: Безъ перес. 4 р. — к.	Въ простомъ перепл. Безъ перес. 4 р. 75 к.	Въ каленкор. перепл. Безъ перес. 5 р. 50 к.
Съ перес. 5 „, 50 „	Съ перес. 6 „, 25 „	Съ перес. 7 „, — „

Приобрѣтающіе оба тома разомъ получаютъ 25% уступку, (но только съ книги, а не съ переплета или пересылки).

ГАЛЬМАНИНЪ.

Послѣ многочисленныхъ опытовъ имъ удалось составить счастливую смѣсь (Гальманинъ) предотвращающую совершенно прѣвие частей тѣла, въ особенности же прѣвие ножныхъ пальцевъ. Въ короткое время средство это сдѣлалось известнымъ во всемъ краѣ. Въ составъ его входятъ средства совершенно безвредныя; онъ не задерживаетъ потъ, не погощаетъ его, образуетъ мелкіе микроскопическіе кристаллы; эти-то качества и даютъ ему преуспевающее надъ средствами до сихъ поръ употребляемыми въ Германіи и Франціи.

Гальманинъ своимъ дѣйствіемъ, осушая части тѣла, прѣвие ихъ дѣлаетъ невозможнымъ; посему лицамъ, принужденнымъ много ходить, средство, мною изобрѣтенное, можетъ оказать величайшую услугу. Довольно натереть Гальманиномъ разъ въ нѣсколько дней прѣвющія части, помощью ваты, подоты или кисточки, чтобъ избѣгнуть тѣхъ неприятныхъ послѣдствій, каковыя бывають подверженымъ лицамъ, принужденнымъ долго ходить въ дѣтніе, жаркіе дни.

Ручаясь вполне за дѣйствительность изобрѣтеннаго мною Гальманина, что подтверждаютъ многочисленныя опыты варшавскихъ врачей, снѣте обратитъ вниманіе публики, дабы она остереглась подлоговъ и покупала Гальманинъ только въ коробочкахъ снабженныхъ моею фирмою.

Склады Гальманина находятся во всѣхъ аптекахъ, а также у дрогистовъ въ значительнѣйшихъ городахъ Европы. Главное депо въ моей аптекѣ въ Варшавѣ. Большая коробочка Гальманина 50 к.; меньшая коробочка 30 к.

В. Карпшиекій.

Магистръ фармаціи, владѣлецъ аптеки въ Варшавѣ, ул. Електоральная, № 35 (новыя). № 586 12

НИВА

ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ
ЖУРНАЛЪ
ЛИТЕРАТУРЫ
ПОЛИТИКИ И СОВРЕМЕННОЙ ЖИЗНИ.

XI годъ
№ 35

годъ XI
1880

ВЫХОДИТЪ ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫМИ №№ ВЪ ДВА ЛИСТА СЪ 6—10 РИС. И ЕЖЕМЪСЯЧН. ДАРОВЫМЪ ПРИЛОЖЕНІЕМЪ „ПАРИЖСКИХЪ МОДЪ“ (отъ 20 до 40 модн. рис. Выдаѣтъ 30 Августа 1880 г. и ЛИСТА ЧЕРТЕЖ. ВЫКРОЕКЪ (отъ 22 до 30 рис.) разн. рис. рукод. работъ (отъ 20 до 40 рис.) Цѣна этаго № „Нивы“ 15 к. съ перес. 20 к.

ОБЪЯВЛЕНІЯ для напечатанія въ „НИВѢ“ принимаются по 25 к. за строку непареллель (въ 1/4 ширины страницы). КОНТОРА журнала открыта ежедневно (кроме воскресныхъ и праздничныхъ дней) отъ 10 ч. утра до 6 ч. вечера.

Открыта подписка на „НИВУ“ 1880 г.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА НА ГОДОВОЕ ИЗДАНИЕ „НИВЫ“

Безъ доставки въ Петербургъ . . . 4 р.

Безъ доставки въ Москву чрезъ кн. маг. гг. Шапошникова, Соловьева и Лангъ. 5 р.

Съ доставкою . . . 5 р.

Съ пересылкою въ Москву и другіе города Россіи . . . 6 р.

На полгода безъ доставки 2 р., съ доставкою 2 р. 50 к., съ пересылкою иногороднымъ 3 р.

Каждый новый подписчикъ получаетъ воѣ уже вышедшіе въ 1880 г. номера.

ПРИЛОЖЕНІЯ. Особыя приложенія при „НИВѢ“ объ явленіи отъ торговыхъ домовъ принимаются для иног. по 5 р. съ тысячи, для городскихскихъ по 4 р. РУКОПИСИ. Мелкія рукописи стихотвореній печати, авторамъ не возвращаются.

КОНТОРА ЖУРНАЛА „НИВА“ ПОМѢЩАЕТСЯ ВЪ С.-П.-БУРГѢ, НА Б. МОРСКОЙ, ВЪ Д. № 9.

Концертный вонзалъ въ Озеркахъ (близъ Петербурга, по Финлянд. ж. д.) Съ фотогр. рис. Шлакъ, граф. М. Раевскій.

Библиотека "Руниверс"

ОЗЕРКИ.

Гулянье близъ Финляндской желѣзной дороги.

Лѣтъ 12 тому назадъ, до открытія Финляндской желѣзной дороги, всякій, проѣзжавшій мимо Шувалова припомнитъ, что они были довольно пустынно: теперь же здѣсь вездѣ закипѣла жизнь — въ окна вагона мелькаютъ, выглядывая изъ лѣсу, хорошенькія новыя дачки, по холмамъ вьются змѣями дорожки садиковъ и рѣзные заборы:—это одно изъ самыхъ быстрыхъ заселеній, какія мы запомнимъ. Красивая мѣстность, недорогое сообщеніе дѣлали эту линію все болѣе и болѣе популярною и тутъ-то нѣсколько лѣтъ тому назадъ образовалось „Шуваловское дачное товарищество“ которое приобрѣло значительное количество земли въ такъ называемыхъ „Шуваловскихъ мѣстахъ“. Трудно было выбрать мѣстность удачнѣе — гористое, самое возвышенное мѣсто около Петербурга, съ сосновымъ лѣсомъ и тремя озерами, раскинувшимися у подножія лѣсистыхъ холмовъ—все это было какъ нельзя болѣе удобно для дачъ и гуляній. Мѣста эти были разбиты товариществомъ на мелкіе участки, которые быстро стали раскупаться, цѣна на участки значительно поднялась и въ короткое время сотни дачъ покрыли берега озеръ. Тогда для приданія еще большей цѣнности этому мѣсту, дѣлавшемуся любимымъ мѣстомъ дачниковъ, товарищество устроило еще здѣсь концертное зданіе, на подобіе Павловскаго, предпріятіе, введенное съ самаго начала весьма удачно и имѣвшее положительный успѣхъ. Совмѣстно съ финляндскою дорогою, товарищество выстроило станцію, назвавъ ее „Озерки“ и соединило съ воксаломъ крытою галлереею. Самый воксалъ состоитъ изъ обширной, тысячи на двѣ человекъ, залы, устроенной съ большимъ вкусомъ. Кромѣ того есть еще и

другая небольшая зала, гдѣ зимою танцуютъ, такъ какъ воксалъ имѣетъ и зимнее назначеніе и туда любятъ ѣздить изъ Петербурга на тройкахъ и устраиваютъ тамъ семейныя балки и пикники. Противъ воксала на горѣ выстроена высокая башня-павильонъ, съ которой открывается одинъ изъ обширѣйшихъ и красивѣйшихъ видовъ на Петербургъ. Оркестръ здѣсь прекрасный, не хуже Павловскаго ни въ какомъ случаѣ, и велся первые годы извѣстнымъ Главачемъ, а нынѣ управляется г. Флиге, талантливымъ капельмейстеромъ и композиторомъ. Въ дни симфоническихъ концертовъ, тысячная, весьма приличная составомъ, публика наѣзжаетъ изъ столицы. Нашъ рисунокъ изображаетъ наружный видъ зданія воксала и мѣста передъ оркестромъ на площадкѣ. Въ августовскія тихія ночи, озаренное множествомъ огней, линіями ползущихъ по горамъ, между темными соснами, съ скользящими по глади озера лодками, отражающимися своими разноцвѣтными фонариками въ водѣ, — гулянье это представляетъ прелестный видъ, не имѣющій того плоскаго характера, къ какому насъ пріучили окрестности Петербурга. Рядомъ съ воксаломъ выстроился большой, правда нѣсколько сараеобразный, театръ, дѣла котораго, повидимому идутъ пока не такъ успѣшно, какъ дѣла сада. Мѣшаетъ нѣсколько поѣздамъ на это прекрасное гулянье неудобство сообщенія съ воксаломъ желѣзной дороги: на извозикѣ далеко и недешево, а отъ парохода до воксала надо еще идти не очень близко и булыжн комъ мощеными переулками. Но вѣроятно примутъ какія нибудь мѣры къ устраненію этихъ неудобствъ, за что поспѣители гулянья конечно будутъ очень благодарны.

КУПЛЕННОЕ СЧАСТЬЕ.

Романъ Н. Морскаго.

(Продолженіе).

XXIX.

Лишняя спица.

Громадный механизмъ завода находился въ непрестанной дѣятельности. Съ утра вертѣлись колеса, приводимыя въ движеніе паромъ, поднимались и опускались поршни, ѣдкій запахъ химическихъ продуктовъ наполнялъ атмосферу: температура стояла высокая; рабочіе въ блузахъ, распоясанныхъ рубахахъ и на босу ногу возились около различныхъ цилиндровъ и котловъ; платиновый кубъ, стоящій нѣсколько десятковъ тысячъ, блестялъ, отражая на стѣнкахъ своихъ множество зажженныхъ повсюду газовыхъ горѣлокъ. Въ конторѣ стукали счетами, бѣгали артельщики, скрипѣли перья... Все было погружено въ работу, съ дѣловымъ видомъ смотрѣли въ книги, соображали на счетахъ, писали, дѣлали пробы и приводили въ движеніе паровые механизмы. Надъ всѣмъ этимъ царствовалъ, сидящій въ отдаленномъ и полутемномъ кабинетѣ, хозяинъ завода, съ утра погруженный въ свои многочисленныя занятія, оставляющій ихъ только на короткое время, чтобы дать отдыхъ утомленному мозгу.

Только одна молодая жена хозяина завода оставалась чужда общей дѣятельности этаго обширнаго механизма. Одна она въ этой массѣ людей была безъ дѣла. Быть можетъ она принесла на этотъ заводъ нѣкоторое благотворное вліяніе, смягчивъ суровую дѣятельность своего мужа, внушивъ ему болѣе правильное и гуманное пониманіе своихъ обязанностей и отношеній къ работающему у него люду; но такое вліяніе было косвенно, неопредѣленно, и не могло ее удовлетворить. Всегда она была врагомъ тѣхъ женщинъ, тѣхъ праздныхъ и вредныхъ тунеядокъ, наполняющихъ свой день придумываньемъ множества мелочей, которыми онѣ полагаютъ скрасить жизнь мушницъ, ввести поэзію въ ихъ суровое существованіе, на самомъ дѣлѣ занимая этимъ только свой скучающій умъ. Она думала, что жизнь развитою мушницъ не нуждается въ мелкихъ украшеніяхъ и побрякушкахъ, что ея главная прелесть въ самомъ трудѣ и что только та женщина будетъ неизмѣнно мила для

подобнаго мушницы, которая сама подымется до его цѣлей и задачъ, и не его низведетъ до крайнихъ мелочей, тѣшащихъ ея бездѣлье. Давно она привыкла уважать женщинъ занятыхъ, матерей съ великою думою на лицѣ озабоченныхъ воспитаніемъ своихъ дѣтей. Она не была еще матерью, имѣла обезпеченіе и досугъ; въ новой обстановкѣ—оказалась лишенною даже и тѣхъ узкихъ хозяйственныхъ обязанностей, которыми занималась живя съ Кожуховымъ. Что ей было дѣлать? Съ испугомъ она вздрогнула, сообразивъ свое положеніе, видимымъ образомъ клонящееся къ тому, чтобы окружающею праздноствіемъ довести ее до безжизненнаго, недѣтельнаго прозябанія. Работа книгѣла на заводѣ, въ отдаленномъ кабинетѣ трудился мужъ; одна она оставалась праздною, вела несвязанную ни съ какой опредѣленной цѣлью жизнь.

О своихъ волненіяхъ и тревогахъ она не говорила мужу ни слова... Зачѣмъ? она должна была придумать сама, чѣмъ занять свой скучающій умъ. До свадьбы мужъ говорилъ ей о борьбѣ, которую онъ поведетъ съ своимъ сословіемъ, о томъ протестѣ, который явитъ онъ своимъ примѣромъ, своимъ образомъ жизни, отношеніемъ къ капиталу и труду, явитъ установившимся вѣками правилами коммерческой мудрости—не звалъ ли онъ ее на эту борьбу; она пришла къ нему, одѣлась нарядно, окружила себя роскошью; но осталась чужда какой нибудь полезной дѣятельности, пошла по слѣдамъ тѣхъ женщинъ-комерсантокъ, которыя родившись отъ скупыхъ и жадныхъ матерей, усвоивъ внѣшній доскъ и европейскій покррой платья, праздныя и скучающія, заѣли въ своихъ гостинныхъ, гордыя своимъ богатствомъ до тѣхъ поръ, пока какой нибудь денежный кризисъ въ дѣлахъ ихъ супруговъ—не выгонитъ ихъ изъ этихъ гостинныхъ и не заставитъ попрошайничать у богатыхъ родственниковъ, подающихъ имъ съ проклятіемъ. Мужъ спрашивалъ ее по временамъ, замѣчая ея волненіе и затаенную тревогу, причины которыхъ не умѣлъ объяснить, занятый своимъ дѣломъ:

— Ты скучаешь?.. Можетъ ты хочешь развлеченій? Она отрицательно качала головой:

— Нѣтъ.

И прибавляла нѣсколько загадочно:

— У меня есть одна забота. Не спрашивай меня объ этомъ. Когда я разрѣшу это—я скажу тебѣ, что меня тревожило.

Онъ умолкалъ, оставлялъ разпросы и терпѣливо ожидалъ, когда она скажетъ ему сама о томъ, что тревожить ее. И вотъ этотъ день наступилъ и она сообщила ему, радостная тѣмъ, что наконецъ нашла себѣ дѣло въ общемъ движеніи механизма, которому оставалась до сихъ поръ чужда: ея глаза сіяли, когда она заговорила съ нимъ объ этомъ интересующемъ ее дѣлѣ:

— Мое счастье омрачилось тѣмъ, что я бесполезна, сказала она.

Онъ хотѣлъ ее разубѣдить:

— Что ты говоришь! Развѣ не ты убѣдила меня въ томъ, что я самъ только смутно угадывалъ.

Она подняла вопросительно глаза.

— Ты утвердила меня въ мысли, что мое дѣло имѣетъ назначеніе приносить пользу не одному мнѣ, но всѣмъ, кто принимаетъ въ немъ участіе.

— Этого мало,—отвѣтила она,—надобно дѣло, а не одни слова... Знаешь: въ обществѣ процвѣтаютъ и крѣпнуть дурныя стремленія: они опредѣлились, они ясны. Хорошее выражается въ слабыхъ порывахъ, въ видѣ кратковременныхъ увлеченій, является какъ-то смутнымъ и почти недѣйственнымъ. Я нашла этому разгадку.

Онъ взялъ ее за руки и съ нѣжностью смотрѣлъ въ ея глаза:

— Именно?

— Дурное находить страшную и сильную опору въ богатствѣ; хорошее—иногда принадлежитъ не имѣющей досуга и средствъ, отвлеченной присканіемъ этихъ средствъ—бѣдности. Оттого оно и не достигаетъ той ясности, той опредѣленности, какой достигаетъ въ обществѣ дурное. Вотъ—стремленіе къ наживѣ, къ быстрому обогащенію...

— Ну?

— Оно овладѣло многими, и что нибудь хорошее... оно замараешь тотчасъ, какъ только его провозгласятъ. Его губятъ въ зародышѣ. Одна надежда на его сохраненіе и ростъ, когда его апостолами стануть богатые. Христіанство провозглашалось бѣдными, но его водворяли на землѣ государи. Права-ли я?..

Онъ улыбнулся:

— Ты замышляешь реформы...

— Нѣтъ, я хочу быть полезной въ чисто женской и при томъ весьма ограниченной сферѣ... Здѣсь много рабочихъ. Я хотѣла бы, пока они у насъ, чтобы жизнь ихъ шла въ здоровыхъ, гигиеническихъ условіяхъ.

И развила передъ нимъ свой планъ. Она желала бы устроить для работающихъ на заводѣ помѣщеніе... общее для неженатыхъ и отдѣльныя маленькія хозяйства—для семейныхъ. Она будетъ слѣдить за всѣмъ этимъ сама, будетъ стараться, чтобы пища была здорова.

Онъ прервалъ ее:

— Конечно пожелаешь и школу?

— Нѣтъ,—отвѣтила она,—это быть можетъ вполнѣ ствѣи... Пока помѣщеніе, возможно удовлетворительное и питаніе. Было бы полезно еще больницу...

И съ этаго дня занялась работой и болѣе не скучала. Постройку помѣщенія пришлось отложить до лѣта, но устройство столовыхъ, въ которыхъ она сама смотрѣла за доброкачественностью того, что должно было подаваться въ пищу, сдѣлано тотчасъ. Для этаго нашлось помѣщеніе, которое только потребовалось немного пообчистить, купить столы и скамейки, завести различную необходимую для стола и кухни посуду. Въ этихъ хлопотахъ шло незамѣтно время и Катерина Александровна больше не тревожилась мыслью, что она лишняя и не имѣла времени скучать.

XXX.

Неувядаемый цвѣтъ.

Графиня Брумъ и ея дочь просто не знали что и подумать о Гавриловѣ. Какъ! онѣ остались въ Петербургѣ, единственно для него замедлили отъѣздомъ въ деревню, тратились а онѣ и глазъ не кажетъ. Черезъ лакеевъ и горничныхъ дамы знали, что Гавриловъ по прежнему занималъ номеръ въ той гостинницѣ, въ которой жили и онѣ сами, что первое время послѣ постигшаго его несчастья, онъ часто выѣзжалъ изъ дому, что затѣмъ засѣлъ въ своемъ номерѣ neodѣтымъ, сидитъ постоянно одинъ, вѣроятно нездоровъ. Графиня-мать, выслушавъ такой докладъ въ интимной бесѣдѣ съ m-elle Додо, завивая передъ зеркаломъ буколки, распространилась на эту тему:

— Какая неосторожность, Додо,—воскликнула она,—мы относились къ нему, какъ къ человѣку холостому!.. И какъ не приходило мнѣ въ голову спросить его женатъ онъ или нѣтъ? Хорошо, что все кончилось благополучно.

Додо промолчала на такое замѣчаніе maman. Она съ одинаковымъ правомъ могла отвѣтить, что ей не больше извѣстно, что Гавриловъ не холостъ, что онъ женатъ, что онъ наконецъ даже дѣдушка. Что-жъ дѣлать, если онъ не далъ ей прямаго отвѣта на когда-то предложенный ею вопросъ? Къ тому-жъ ея кокетничанье могло теперь привести къ хорошему результату и оказывалось не напраснымъ, коль скоро Гавриловъ дѣлался свободенъ. Въмѣсто отвѣта она обратила къ матери мучившій ее вопросъ:

— Что-жъ онъ не идетъ къ намъ, maman?

Графиня пожала плечами:

— Просто, Додо, не знаю, что и подумать.

И приколдовъ, наконецъ, свои буколки, вдалась въ нѣкоторыя подробности относительно ихъ настоящаго положенія:

— Теперь шестая недѣля, Додо... Къ празднику во чтобы то ни стало надо уѣхать въ деревню: оставаться долѣ нѣтъ никакой возможности. А онъ нейдетъ! Слѣдовало бы уяснить его дальнѣйшія отношенія къ намъ? Теперь онъ свободенъ, Додо, и могъ бы... Неужели онъ такъ жалѣетъ покойную?

— Maman!

— Ну, мой другъ?

— Знаете что. Вы говорите, что было бы полезно уѣхать въ деревню. Прекрасно; уговоримъ его отдохнуть и успокоиться послѣ постигшаго его несчастья—у насъ?.. Даю вамъ слово, maman, что черезъ мѣсяць, много черезъ два, онъ будетъ моимъ мужемъ.

— Это мысль, Додо. Ѣхать надо, какъ можно скорѣе. Но какимъ образомъ мы возьмемъ его, Додо? Вся эта зима, Додо, эти расходы, эти надежды въ конецъ разстроили мою бѣдную голову... Додо, я теряю память и соображеніе, Додо. Какъ поступить теперь, чтобы забрать его съ собою, рѣшительно ума не приложу. А между тѣмъ въ этомъ—твое счастье, твоя будущность, Додо. Подумай:—у тебя свѣжѣе головка.

И въ отчаяніи опустившись въ кресло, графиня поникла головой, испустивъ громкій вздохъ:

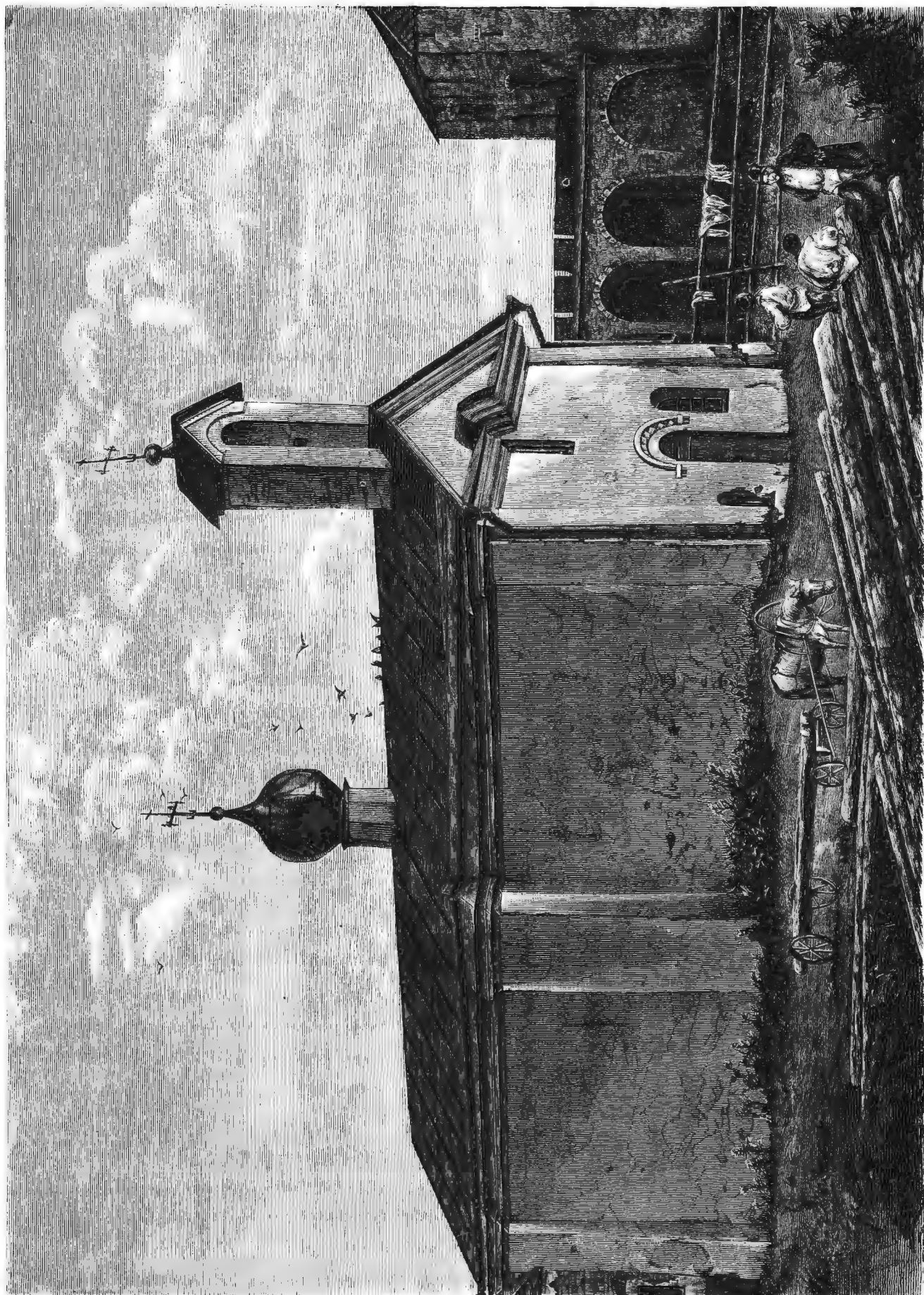
— А онъ нейдетъ!

Тогда остроумная графиня Додо нашлась:

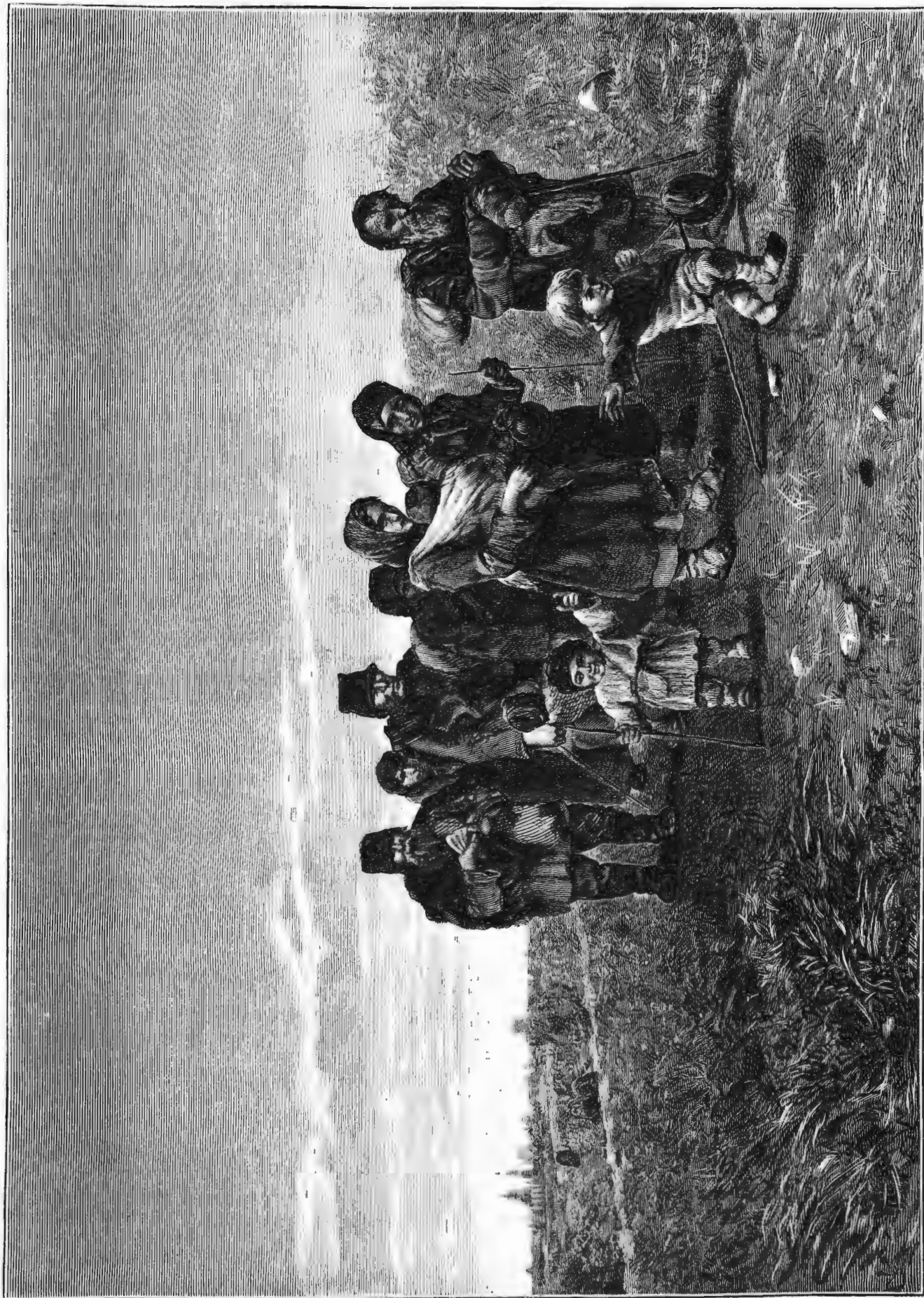
— Очень просто, maman, посоветовала она,—онъ другъ нашего дома, у него—горе; вамъ, какъ женщинѣ пожилой совершенно умѣстно и нисколько не предосудительно сходится къ нему и навѣстить его...

— Ты думаешь, Додо?

— Поговорите съ нимъ, какъ мать. Скажите, что убиваться напрасно, грѣхъ, что надо себя поберечь для другихъ... для друзей... Да это вы сами съумѣете, maman. Обо мнѣ что нибудь половчѣе скажите... А потомъ, такъ стороной намекните, что полезно бы было

Новгородъ. Церковь св. Андрея Стратимата. Съ фотогр. Н. Лядова, грав. Флюгель.

Переселенцы. Ориг. рис. Зиновьева, грав. Б. Щуль.

ему отдохнуть лѣто, хоть мѣсяць, хоть два на чистомъ воздухѣ, въ тишинѣ. Ну, и тутъ ужъ сами увидите... Право, такъ бы, маман, сдѣлали?..

— Это—мысль, Додо, оживилась графиня. Но когда это сдѣлать?

— Чѣмъ скорѣе, маман, тѣмъ лучше. Вы сами же говорите, что полезнѣе уѣхать въ деревню.

— Но когда, Додо?

— На вашемъ мѣстѣ, маман,—съ энергіей, приданной отчаяннымъ положеніемъ, воскликнула Додо,—я бы сдѣлала это сейчасъ. Маман, голубушка, одѣвайтесь и идите къ нему. Помните, маман, что отъ этаго зависитъ моя будущность!..

И припавъ къ плечу матери и обнимая ее, почти въ слезахъ воскликнула:

— Ахъ, маман, мнѣ бы такъ не хотѣлось оставаться старой дѣвичествомъ!..

Ея нервы не выдержали и ослабли до того, что она заплакала. Съ заботливостью нѣжной матери, графиня старалась успокоить плачущую дочь:

— Cessez, Додо, cessez. Я пойду, поговорю... Кто знаетъ? Богъ не безъ милости!..

Додо улыбнулась матери съвѣзъ слезы и поднимая голову съ ея плеча, проговорила:

— Идите, маман. Да вы ужъ не лишкомъ долго у него. А то я буду беспокоиться. Мнѣ скорѣе хочется узнать, что онъ скажетъ.

Онѣ заторопились. Не призывая горничную, Додо, впервые въ жизни, помогала сама матери дѣлать туалетъ. Она почти угѣшилась и оживленно бесѣдовала съ нею.

— Маман!

— Что мой другъ?

— Вѣдь его жена была богата, не правда-ли?

— Да, Додо...

— Значитъ ему должна достаться, маман, послѣ нея седьмая часть?

— Бизьевъ говорилъ,—грустно склонила голову графиня,—что у покойной главное состояніе было въ деньгахъ, которыя находились при ней и похищены убійцей. Убійца найденъ, но въ преступленіи не сознается. Слѣды капитала потеряны...

— Ахъ, маман!

— Онъ получить какую-то часть изъ недвижимаго, но, говорятъ, это вздоръ.

Додо прикалывала маман какой-то бантъ.

— Но быть можетъ, маман, капиталъ найдутъ.

— Быть можетъ.

Одѣвшись и наказавъ Додо быть умной и не слишкомъ волноваться въ ожиданіи ея прихода, графиня вернулась въ шаль и отправилась къ Гаврилову, такъ непонятно позабывшему расположенныхъ къ нему людей и не показывающему къ нимъ глазъ. Дойдя до его номера, графиня послала челоуѣка, боясь смутить своимъ неожиданнымъ приходомъ Гаврилова, заставъ его неотдѣтымъ, спросить, можетъ ли онъ принять ее? Остановившись около двери, ведущей въ его номеръ, она слышала, какъ посланный ею лакей докладывалъ объ ея приходѣ, слышала недовольный голосъ Гаврилова, отвѣчавшій на это что-то и боясь, что Гавриловъ не приметъ, черезъ полуотворенную дверь крикнула ему:

— Êtes-vous visible, mon ami? Нестѣсняйтесь со мной, если не одѣты... Вѣдь я старуха.

И не дожидаясь отвѣта, вошла въ дверь, успѣвъ въ клубодъ табачнаго дыма рассмотреть убѣгающаго за перегородку, полураздѣтаго Гаврилова.

— Мы соскучились о васъ, мы больны по васъ. Ахъ какое несчастіе!

Гавриловъ ничего не отвѣчалъ, двигая за перегородкой ящичками и торопливо одѣваясь. Она сѣла на диванъ, погрузившись въ разсмотрѣніе непривѣтнаго номера, мысленно оцѣнивая его суточную стоимость, ко-

торую она опредѣлила въ три рубля. Помѣшавъ въ печкѣ, лакей удалился. Она сидѣла, окруженная рыжеватокоричневой мебелью, коричневыми стѣнами, окурками, набросанными повсюду и какими-то обрывками бумаги; сидѣла вздыхая вѣроятно о скучѣ одинокой жизни и ея неприглядности. Номерная жизнь вообще не привлекательна, но мы женщины все таки вносимъ даже въ нее нѣчто. Нѣчто!.. Она не докончила своей мысли, устремивъ взоры на стоящую на окнѣ бутылку коньяку, выпитую до половины. Не выпиваетъ-ли онъ? Женится—перестанетъ; и занялась рѣшеніемъ глубокомысленнаго вопроса, для чего въ этихъ трехъ-рублевыхъ нумерахъ выбрана такая непріятная обивка, гаваннъ? Выгода, расчесть. Какъ порижѣть—не такъ замѣтно. Она должна была прервать нить своихъ размышленій, ибо изъ-за перегородки выходилъ Гавриловъ. Съ кресла она протягивала ему обѣ руки.

— Какъ похудѣлъ, какъ похудѣлъ!

Да, онъ дѣйствительно похудѣлъ послѣ своего свиданія съ Кожуховымъ, когда тотъ довелъ его до безвыходнаго положенія, заставивъ изъ-за страха наказанія—разстаться съ капиталомъ, который былъ пріобрѣтенъ такимъ ужаснымъ образомъ. Гавриловъ видѣлъ всѣ свои расчеы неудавшимися, всѣ свои мечты разбитыми въ прахъ... Немедленно послѣ свиданія съ Кожуховымъ, онъ отыскалъ Ефима и сообщилъ ему обо всемъ происшедшемъ; дѣло касалось одинаково обоимъ и въ случаѣ приведенія угрозы въ исполненіе—оба отвѣчали, насколько одинъ, настолько и другой. Тщетно изыскивали сообщники какого либо средства, которое бы могло избавить ихъ отъ опасности и перебравъ все, что только приходило имъ въ этомъ отношеніи въ голову,—пришли къ трагическому и неизбѣжному выводу, что ничего подѣлать невозможно, что все совершенное ими въ окончательномъ результатѣ должно быть приведено къ нулю, что слѣдовательно придется отдать Кожухову требуемыя имъ деньги, равно какъ и отступить отъ всякихъ дальнѣйшихъ мѣропріятій въ подобномъ родѣ, могущихъ вести къ обогащенію. Пришлось собирать сумму, чтобы, собравъ отдать ее Кожухову, такимъ образомъ и поступили. Сашка оставался чуждъ этимъ событіямъ; немедленно по совершеніи преступленія, онъ явился снова въ исправительный пріютъ; притворно плача, Сашка валялся въ ногахъ смотрителя, прося простить его и снова принять въ число питомцевъ пріюта, ссылаясь на какихъ-то недобрыхъ людей, сманившихъ было его къ себѣ, отъ которыхъ онъ убѣжалъ будто бы потому, что чувствовалъ въ себѣ непреодолимое желаніе исправленія, тогда какъ „недобрые“ люди влекли его къ дурному. Смотритель донесъ объ этомъ директору тюремнаго комитета, который по совѣщаніи съ своимъ дѣлопроизводителемъ, а затѣмъ по обсужденіи вопроса о Сашкѣ въ собраніи комитета, изъявилъ согласіе на пріемъ бѣжавшаго было питомца, вновь въ пріютъ, обязавъ священника, посѣщающаго воспитанниковъ пріюта, сдѣлать внушеніе вернувшемуся вспячь. Такимъ образомъ Сашка поселился въ пріютѣ вновь, проводя дни въ бездѣльи и скучѣ, гадая и по временамъ рѣжась въ „носки“, ожидая въ тоскѣ новаго случая, который бы далъ ему возможность развернуть свои богатые способности. Ефимъ съ проклятьемъ отдалъ взятую имъ часть капитала, лишившись возможности не только получить когда-либо должныя ему Гавриловымъ деньги сразу, но и по частямъ, какъ это дѣлалось, пока Клеопатра Петровна оставалась въ живыхъ, и платила мужу ежемѣсячно содержаніе. Такимъ образомъ въ результатѣ Ефимъ и Гавриловъ оказывались не только что либо выигравшими, но безвозвратно потерявшими даже и то, что имѣли до сихъ поръ: Ефимъ—возможность полученія должныхъ ему Гавриловымъ денегъ, хотя и медленнаго, а Гавриловъ—ежемѣсячно выдаваемое ему женою жалованье. Богатство, свобода про-

мелькнули только на мгновение: суровая проза, безденежье и долгъ въ Grand Hôtel'ѣ за помещеніе и столъ, долгъ лихачу Федору, долгъ портному—вотъ все, что осталось Гаврилову въ удѣлѣ. Придумывать что нибудь новое—было рискованно, да и голова какъ-то стала отказываться измышлять что нибудь въ родѣ берлинскаго займа и петербургскаго преступленія, этихъ двухъ конечныхъ звеньевъ одной и той же цѣпи, составленной изъ ряда обмановъ, различныхъ вымогательствъ, ловкихъ игръ на биллиардѣ у Доминика, запретныхъ игръ въ карты по разнымъ притонамъ... Ахъ, для всего этого нужна молодость! Въ какомъ-то отчаяніи, безъ гроша денегъ, этотъ праздный человѣкъ, умѣющій пустить пыль въ глаза, засѣлъ въ своемъ номерѣ, уничтожая папиросу за папиросой, съ утра поглощая по рюмкамъ коньякъ, не съѣдая почти ничего, засыпая и просыпаясь съ ощущеніемъ какой-то странной тревоги, съ учащеннымъ сердцебіеніемъ, туманомъ и тяжестью въ головѣ. По вечерамъ онъ терялъ повидимому полное и ясное сознание; сидя въ креслахъ и машинально выкуривая папиросу за папиросой, выпивая рюмку за рюмкой, онъ недвигно устремлялъ глаза въ пространство между двухъ зажженныхъ свѣчей: вначалѣ онъ видѣлъ въ этомъ пространствѣ различные предметы, — стѣну, зеркала, окна, — но потомъ все это заливалось темнотою, самыя свѣчи исчезали, онъ погружался вмѣстѣ со всѣмъ его окружающимъ во мракъ, изрѣдка прорѣзываемый какими то слабавато свѣтящимися красными кругами. Ни малѣйшаго желанія выйти изъ подобнаго состоянія у него не являлось; тяжелый сонъ приходилъ ему на выручку, заставлялъ его гдѣ попало, приковывалъ къ мѣсту... Съ болѣзненнымъ содроганіемъ просыпался онъ, тянулся дрожащими руками къ ящику съ папиросами, закуривалъ, наливалъ себѣ новую рюмку и погружался въ безцѣльное смотрѣніе въ пространство между двухъ свѣчей...

Видя передъ собой графиню, которую уже думалъ болѣе нигдѣ не видѣть, онъ чувствовалъ, что будетъ не въ силахъ разыграть передъ нею какую нибудь изъ прежнихъ ролей, неоднократно разыгрываемыхъ имъ въ недавнее время передъ нею и ея дочерью... Отъ отсутствія правильнаго питанія и отъ чрезмѣрно выпиваемаго количества вина, онъ настолько ослабъ нервами, что когда графиня встрѣтила его возгласомъ объ его судьбѣ, онъ вдругъ, не привѣтствуя ее, опустился на первый попавшійся стулъ, вѣки и мускулы его лица задргались, и, не въ силахъ будучи сдерживаться, онъ заплакалъ какими-то совершенно женскими слезами... Графиня объяснила эти слезы по своему. Она подбѣжала къ Гаврилову, схватила его руки и сжимая ихъ, утѣшала его:

— Какъ!—воскликнула она,—такой умный человѣкъ —и такъ отдается горю!.. Ахъ, у васъ еще много впереди!.. Къ тому-же вы не жили съ вашей супругой, слѣдовательно,—простите старуху, я пряма, я откровенна,—слѣдовательно она была не вполне хорошая женщина?.. Она васъ не умѣла оцѣнить, мой другъ... Полноте; отрицайте ваши слезы—не будьте малодушны!..

Онъ не отвѣчалъ ничего... Ей казалось, что она вѣрнѣе достигнетъ той цѣли, ради которой пришла къ нему, если вырветъ изъ его воспоминанія образъ той, о которой онъ такъ скорбѣлъ... Она набросилась съ нѣкоторой торопливостью и неприличіемъ на память покойной Клеопатры Петровны, которую не знала:

— Я понимаю, мой другъ, что вы избѣгали говорить о ней, когда она была жива... Простите за правду: она дурная женщина и вѣроятно еще худшая жена... Какъ воспитала она эту племянницу!.. Объ этомъ говорить весь городъ...

Слезы облегчили его и онъ получилъ какую-то мерцающую способность слѣдить за ея словами... Видя, что онъ не плачетъ, она сама налила ему стаканъ воды и поднесла... Ощущая странную и мучительную боязнь вы-

ронить стаканъ, если онъ возьметъ его въ руки, онъ протянулся къ нему, какъ маленькій, губами и жадно глоталъ воду, вслушиваясь въ то, что говорила ему графиня:

— Она выдала свою племянницу сперва за Кожухова, котораго та не любила, потомъ продала ее, говорятъ, Пантелѣву, миллионеру-заводчику, и подѣлилась съ Кожуховымъ... Отрите ваши слезы: о комъ вы плачете?! Такихъ людей—рано или поздно всегда ожидаетъ дурной исходъ...

Валю дѣйствующею мыслью онъ понялъ, что она клеветаетъ на его жену... Очевидно, рѣчь шла о Катеринѣ... Онъ понялъ, что ему надо наконецъ что нибудь сказать и онъ спросилъ графиню:

— Какъ поживаетъ m-elle Додо?

— Merci... Собираемся въ деревню: весна такъ хороша тамъ!.. Моя дѣвочка строить планы на вашъ счетъ...

— На мой счетъ?

— Да... Мы хотимъ насильно увезти васъ съ собой.. Пожалуйста, безъ возраженій!.. Додо говоритъ, что она употребитъ всѣ усилія, чтобы отвлечь васъ отъ мрачныхъ мыслей... Вѣрите, вѣрите, m-г Гавриловъ, что хорошій деревенскій воздухъ, зелень, молоко возстановятъ ваши силы и черезъ мѣсяцъ жизни въ деревнѣ—вы достаточно окрѣпнете для борьбы, для пользы и для труда..

Онъ слѣдилъ за ея внушительнымъ носомъ, которымъ она поводила въ воздухѣ... хорошій деревенскій воздухъ!.. его разстроенному вину въ воображеніи улыбнулась перспектива поселиться на хлѣбахъ этихъ дамъ, ровно ничего не дѣлая... Я что-то слишкомъ осовѣлъ, —подумалъ онъ,—это съ коньяку... Силы, если такимъ именемъ возможно назвать его тунедные инстинкты, просыпались въ немъ... Она права: слѣдуетъ отдохнуть... Далеко, далеко еще не все покончено!.. Надо гдѣ нибудь достать тысячи полторы, двѣ; расплатиться и дѣйствительно сѣсть на иждивеніе этихъ дамъ... Теперь онъ свободенъ... Конечно, ему смѣшно гнаться въ настоящее время за аристократизмомъ m-elle Додо; на него сытъ не будешь!.. Можно конечно придержать m-elle Додо нѣкоторое время въ увѣренности, что онъ женится на ней, что онъ ведетъ линію, что онъ получитъ знатный кушъ послѣ жены; но хорошо будетъ присмотрѣть въ это самое время какую нибудь купчиху Облепихину, съ полумиллионнымъ капиталомъ... Только вотъ выбрать-ся бы! Чортъ, право, этотъ Кожуховъ! хоть бы онъ мнѣ на разживу тысячи полторы оставилъ... Онъ вдругъ наклонился къ графинѣ и съ теплою признательностью поцѣловалъ ея руку.

— Мнѣ хотѣлось бы видѣть m-elle Додо...

— Она васъ ждетъ,—встала графиня, радуясь, что ея миссія увѣнчивается успѣхомъ.—Пойдемте: вамъ не слѣдуетъ оставаться одному... Я васъ не спущу съ своихъ глазъ... Allons...

И любезно смѣясь, всунула свою руку въ его и пошла съ нимъ къ Додо... У дверей номера, занимаемаго графиней, они услышали замирающіе звуки піанино. Осторожно пріотворивъ дверь, графиня указывала Гаврилову на играющую Додо:

— Она мечтаетъ... Смотрите, какъ граціозна!..

Онъ видѣлъ Додо, то высоко поднимающую надъ клавиатурой руки и откидывающуюся назадъ корпусомъ, то припадающую, то перебрасывающую правую руку черезъ мѣрно и однообразно аккомпанирующую въ басу лѣвую... Онъ видѣлъ Додо и притворился, что слушаетъ ея игру со вниманіемъ не меньшимъ того, съ какимъ вслушивалась графиня въ это надоѣвшее ей до тошноты reverie Розеллена, одинаково опротивѣвшее и внимательно слушающей матери и увлеченной мелодіей пьесы дочери... Но не Додо, не ея игра занимали его нѣсколько прояснившуюся голову... Нѣтъ!.. Рѣшено что онъ ѣдетъ къ нимъ! Деревенскій воздухъ, бездѣлье, ѣда... Можетъ—купчиха Облепихина... Но денегъ, денегъ на подъемъ?.. А!!

— Bravo, bravo, chère Додо!—заплодировала графиня, истощивъ свое терпѣніе выслушать прелестное reveur до конца и прерывая шумно выраженнымъ восторгомъ дочь на серединѣ.

Съ улыбкой онъ шелъ къ Додо, протягивая ей руки.. Графиня спѣшила порадовать сдѣлавшуюся нунсовою дочь:

— Онъ—нашъ, Додо.

— Я—вашъ,—поникъ онъ передъ молодой графиней, нѣжно пожимая ея ручку, смотря на нее, но съ радостно бьющимся сердцемъ, думая о томъ, что вѣдь онъ нашелъ, право, ей Богу нашелъ, гдѣ перехватить ему деньжонокъ!.. Она дастъ не тысячу, не полторы,—она дастъ—три, пять, десять!.. О несомнѣнно дастъ!..

— Я соскучился по васъ, m-elle Додо...

XXXI.

Посѣтитель.

Катерина Александровна засмотрѣлась на яркіе солнечные лучи, стаяющіе не особенно тщательно счищаемый въ отдаленной части города, гдѣ находилась фабрика ея мужа, съ улицы снѣгъ... Впервые она встрѣчала наступающую весну такъ счастливо, какъ теперь.. Ей было невыразимо пріятно любоваться на свѣтло-голубое небо, съ проскальзывающими на немъ тонкими, полупрозрачными облачками, на болѣе и болѣе чернѣющей и становящейся рыхлымъ снѣгъ, перемежающийся большими островами черноватой грязи, на стекающую въ канавы грязноватую воду... Стоя въ своей гостинной, обращенной окнами на двѣ стороны и затопляемой въ ясные дни солнцемъ,—установленной по окнамъ и стѣнамъ множествомъ цвѣтовъ, Катерина Александровна смотрѣла на ярко освѣщенную зелень разнообразныхъ формъ, отгѣнковъ и окрасокъ листьевъ, смотрѣла въ какомъ-то мечтательно радостномъ настроеніи, забываясь среди пестроты окружающихъ ея рисунковъ, освѣщеній и отбрасываемыхъ на полъ и стѣны тѣней отъ того или другаго колоссальнаго листа странной и причудливой формы... Все это волновалось и двигалось вокругъ нея, вмѣстѣ съ передвиженіемъ солнечнаго луча... Голубыя занавѣси отбрасывали на гостинную нѣжные голубоватые отгѣнки; преломившійся въ стеклянныхъ подвѣскахъ кадеябра солнечный лучъ игралъ на потолкѣ ярко окрашенной радужной полоской; черезъ зеркальныя стекла рамъ видѣлось небо, голубое небо, далеко распространяющееся вдаль надъ огромнымъ и некрасивымъ пустыремъ, въ концѣ котораго дымили высокія трубы какой то фабрики, приходящейся какъ разъ противъ Пантелѣвскаго дома... Изъ ближней церкви доносился великопосный благовѣстъ къ преждеосвященной обѣднѣ...

Катерина Александровна не замѣтила и не слышала, какъ въ гостинную вошелъ степенной наружности лакей и кашлянулъ, желая что-бы барыня обернулась, такъ какъ она стояла къ нему спиною и смотрѣла въ окно... Какія-то птицы, описывая все уменьшающіеся и уменьшающіеся круги, спускались на уцѣлѣвшее среди пустыря, на самой его серединѣ, дерево... Двѣ птицы усѣлись, закричали что-то, точно приглашая присѣсть и остальныхъ, кружащихся около... Эти послѣднія какъ-то разомъ защебетали въ отвѣтъ, вѣроятно возражая что-то, описали около дерева нѣсколько круговъ и поднялись спиралью къ небесамъ... Присѣвшія птицы посмотрѣли вслѣдъ имъ, попрыгали съ вѣтки на вѣтку, чиркнули, взвились вслѣдъ за своими спутниками и скрылись изъ глазъ смотрѣвшей за ними Катерины Александровны...

— Какой-то господинъ проситъ позволенія васъ видѣть,—возвысилъ голосъ лакей.

Она обернулась въ нѣкоторомъ изумленіи:

— Кто такой?

— Фамиліи не сказали. Говорятъ по очень важному дѣлу...

— Спросите фамилію.

Она сѣла въ ожиданіи возвращенія лакея на диванъ, стоящій какъ разъ противъ двери... На голубомъ фонѣ шелковой обивки строгой прелестью классической статуи выдѣлилась ея, одѣтая въ темный кашемиръ, высокая фигура съ прелестнымъ оналово блѣднымъ лицомъ, съ зачесанными назадъ черными волосами, собранными въ густую и толстую косу... Думая о томъ, кто-бы такой могъ ее спрашивать, въ разсѣянности она отстегнула великолѣпный брилліантовый браслетъ, сдѣланный въ видѣ свободно-охватывающей руку нити и вертѣла его... Это былъ единственный, правда роскошный и стоящій многихъ, подарокъ ея мужа, съ которымъ она не расставалась, хотя вообще не особенно любила украшенія... Въ дверяхъ снова показался лакей.

— Господинъ Гавриловъ.

Она вопросительно подняла голову и ея первымъ движеніемъ было отказать посѣтителю... Она впервые, послѣ долгаго промежутка времени, припомнила указаннаго ей въ театрѣ Клеопатрой Петровной, высокаго, черноволосаго мужчину, сидящаго въ одной изъ ложъ боль-этажа съ двумя дамами. Она вспомнила теперь о томъ невыгодномъ впечатлѣніи, которое произвела на нее физиономія этаго господина, вообще довольно красивая, но съ отгѣнкомъ чего-то вывѣсочнаго, пошловатаго и трактирнаго. Что ему надо? Его отношенія къ Клеопатрѣ Петровнѣ были ей извѣстны; она знала, что покойная давно съ Гавриловымъ не жила, что онъ вообще никогда не любилъ ее... Какъ мало она ни думала объ этомъ человѣкѣ, но у нея всегда пробуждалось при его имени нѣчто похожее на отвращеніе... Зачѣмъ онъ пришелъ къ ней?.. Впрочемъ какое же право она имѣетъ ему отказать?.. Она отвѣтила лакею:

— Просите.

И осталась сидящею на диванѣ, разсѣянно играя ниткою брилліантовъ... Въ залѣ послышались шаги; она не перемѣнила положенія своего на диванѣ, но блѣдная рука ея упала съ брилліантомъ на темный кашемиръ платья... Она подняла свое, нѣсколько кажущееся гордымъ, особенно съ мало и совершенно незнакомыми людьми, лицо и повернула его къ дверямъ гостинной... Лакей, наемный слуга, смѣлѣе входилъ въ ея присутствіи, чѣмъ въ какой-то пришибленной до утрировки позѣ остановившійся между шелковыхъ драпри этотъ высокій, черноволосый мужчина, съ приниженымъ видомъ заглядывающій изъ зала въ гостинную... Такая манера непріятно поразила ее и холодно и сухо она пригласила, не вставая съ дивана, замедлившагося на порогѣ гостя:

— Войдите...

Тогда онъ вошелъ... Ея сердце вздрогнуло, когда она увидала, какъ не сводя съ нея какъ-бы умиленно любящихъ глазъ, онъ близился къ мѣсту, на которомъ она сидѣла... Казалось вотъ-вотъ подойдетъ онъ, возьметъ ея голову въ руки и съ нѣжностью старшаго брата, отца, поцѣлуетъ ее... Кровь бросилась ей въ голову и положительно чувствуя къ этому человѣку презрѣніе и отвращеніе смѣшанное съ гнѣвомъ, она должна была сдѣлать надъ собою усиліе, чтобы ограничиться возможно сухимъ и холоднымъ вопросомъ:

— Что вамъ угодно?

Она указывала ему кресло—не то, которое стояло около нея, а на болѣе далекомъ разстояніи. Но онъ не сѣлъ.. На его глазахъ навернулись слезы, хотя на душѣ у него было ясно и спокойно... Играя свою роль, онъ успѣлъ разсмотрѣть богатое убранство гостинной, успѣлъ разсмотрѣть и мысленно опредѣлить цѣнность лежавшаго на колѣняхъ Катерины Александровны браслета, какой-то чарующей, невидимою силой приковывающаго къ себѣ его взглядъ... Горькая улыбка проскользнула на его лицѣ, какъ бы жалующаяся на несправедливость холоднаго пріема. Поникнувъ головой и держась рукой за спинку кресла, на которое она приглашала его сѣсть, онъ соб-

„Лузиада“ Намезиноа. Вечера и дриады (пѣснь IX ц. 50). Съ картины Лиден-Майера, грав. Врешг'Амуръ.
Библиотека „Руниверс“

рался съ силами, что-бы отвѣтить ей глухимъ и прерывающимся отъ волненія голосомъ:

— Если бы вы знали, кто стоитъ передъ вами—вы не такъ бы меня приняли...

Она подняла опущенную голову:

— Кто?

Тогда Гавриловъ съ чисто мелодраматическимъ приемомъ, плохо и даже не въ надлежащемъ тонѣ разграниченнымъ, простеръ къ ней свои руки и совершенно какъ въ французскихъ мелодрамахъ, воскликнулъ:

— Я—отецъ вашъ!

Въ невольномъ ужасѣ, побѣдить который была повидимому не въ силахъ, она отодвинулась отъ того, кто звалъ ее въ свои родительскія объятія...

— Что?!

Ея голосъ дрогнулъ... Ни на мгновение она не утратила настолько ясности сознанія что бы не видѣть фальшивости взятаго имъ тона... Брезгливое чувство неприязни шевельнулось въ ней къ человѣку, который далъ ей жизнь. Ахъ неужели это отецъ мой? воскликнула она въ душѣ... Рядомъ съ этимъ чувствомъ неприязненности къ человѣку, который стоялъ передъ ней, рядомъ съ ощущеніемъ какой-то горечи, вызванной въ ней открытіемъ такого отца, въ ней проснулось и зашевелилось никогда до сихъ поръ ею неиспытанное чувство жгучаго любопытства открытія тайны, которую она привыкла считать похороненною навсегда... И вдругъ эта тайна объявлялась ей съ такимъ искусственнымъ, мелодраматическимъ приемомъ!.. Недоставало только *pianissimo* оркестра, чтобы сдѣлать сходство этого событія съ поставленною на сценѣ мелодрамой... Это неправда, это ложь! не можетъ быть, что бы передъ нею стоялъ ея отецъ! Ея отецъ!.. Вздрогнувъ, она прислушалась къ тому, что онъ говоритъ, стараясь не глядѣть на него, въ расцѣпанности верты въ своихъ прелестныхъ рукахъ, до сихъ поръ лежавшій на ея колѣняхъ, бросить.

— Вы имѣете полное право сомнѣваться въ томъ, что я вашъ отецъ... Я не смѣю назвать васъ даже именемъ дочери... Но есть люди, которые могутъ доказать справедливость моихъ словъ...

Она сдѣлала рукою жестъ, означающій нежеланіе съ ея стороны слышать подтвержденія того, что онъ говорилъ... Зачѣмъ это? Въ виду крайняго недовѣрія внушаемаго ей наружностью и манерами стоящаго передъ нею человѣка, было странно, что она какъ-то вдругъ увѣровала, что онъ говоритъ правду... Въ ней шевельнулся вопросъ о матери и ея сердце забилося при этомъ, какою-то щемящею радостью... Поднявъ на него увлажненные слезами глаза, она какъ-то особенно кротко спросила:

— Кто была мать моя? Жива-ли она?

Она поймала его приковывающейся къ искрящейся нитѣ брилліантовъ взглядъ и улыбнулась улыбкой сожалѣнія и презрѣнія къ этому человѣку. Онъ кажется понималъ ея улыбку, придалъ глазамъ своимъ прежнее выраженіе умиленія и нѣжности и отвѣтилъ на ея вопросъ:

— Жива.

— Кто она?

Въ томъ хаосѣ пошлости и безсердечнаго отношенія къ ней этаго сильнаго, рослаго и до сихъ поръ не стараго отца, она представляла себѣ, какъ нѣкоторый якорь спасенія, какъ поддержку въ той безднѣ, въ которую толкало ее отчаяніе, навѣянное на нее открытіемъ своего происхожденія—представляло нѣжный и кроткій образъ загнанной и робкой матери... Не она, не мать рѣшилась прийдти къ ней, богатой и обезпеченной!.. Быть можетъ она издали, не смѣя подойти къ ней, слѣдила не однажды робкимъ и нѣжнымъ взглядомъ за нею... Можетъ она была въ числѣ тѣхъ бѣдно одѣтыхъ женщинъ, которыя смотрѣли на ея свадьбу?.. Съ затаяннымъ дыханіемъ она ждала его отвѣта... Кто она?!

— Тетка вашего перваго мужа,—Кожухова...

— Что?! Сильнымъ, нервическимъ движеніемъ рукъ она разорвала спайки брилліантовой нити... Жемчужинки, обрамляющія брилліанты, выпали изъ оправы, разсыпавшись въ сѣрую пыль... Вотъ она, эта нѣжная и робкая мать!.. не изъ робости, не изъ нерѣшительности она не пришла къ ней а изъ гордости... Въ ея воспоминаніи мелькнулъ недоброжелательный, какой то враждебный взглядъ, устремленный не нее матерью, когда Батракову вздумалось ее представить той. Что-то шевельнулось въ ея душѣ холоднымъ и какимъ то сколько неприятнымъ чувствомъ. У ней не было до сихъ поръ родителей: ну, вотъ, она нашла ихъ!.. Вдругъ ее поразила одна мысль и вставъ съ своего мѣста и сдѣлавъ шагъ къ отцу, смотря на него какъ-то вызывающе строго, точно собираясь судить его за что-то, она схватила его руку и прошептала:

— А тотъ несчастный?.. Онъ вашъ сынъ; неужели же онъ братъ мой?..

Она спрашивала о Бариновѣ, о которомъ знала изъ газетъ... Гавриловъ наклонилъ утвердительно голову...

— Да.

— И онъ,—уверно смотря въ глаза отцу, точно допрашивая его, отчетливо раздѣльно спросила она,—дѣйствительно убилъ?..

И вдругъ, бросивъ руку, которую держала, какъ бы пораженная какой то внезапно-пришедшей ей въ голову мыслью, отошла отъ него и остановила нетерпѣливымъ жестомъ готовый сорваться съ его языка отрицательный отвѣтъ...

— Не надо, не говорите ничего...

И опустила на минуту свою голову... Ахъ, для чего въ этотъ мѣръ счастья, въ ея чистый мѣръ, ворвалось все это?! Вотъ передъ нею ея родители: о *нихъ*, о дѣтяхъ не думали, *ихъ* бросили, да когда бросили-то!.. Когда слабое зрѣніе не было еще ясно, когда нѣжныя ручки не умѣли сдерживать самаго легкаго предмета, когда были имъ неизвѣстны, непонятны ни цвѣтъ, ни звукъ, ни форма.. Когда они улыбались всѣмъ... Несчастныя, несчастныя дѣти!.. Недавно она читала въ газетахъ, какъ оставленный на попеченіи повивальной бабки, десятилѣтній мальюжка, обращеніемъ этой бабки былъ доведенъ до того, что выбросился изъ окна третьяго этажа на мостовую.. Почему этаго несчастнаго мальчика родители предпочли отдать на изгнание, скрывая себя, почему они не выбросили его изъ окна сами?.. Боялись отвѣта, боялись суда!.. Не тоже-ли сдѣлали съ нею и ея братомъ—*ихъ* родители?.. И зачѣмъ, бросивъ своихъ дѣтей на произволъ судьбы, они пришли къ ней, къ нему?.. Что имъ нужно?.. Съ горящими негодованіемъ глазами, съ раздувающимися ноздрями, она стояла передъ нимъ, облитая голубоватымъ свѣтомъ оконныхъ драпри, негодующая и карающая...

— Зачѣмъ же вы пришли сюда?—съ гнѣвомъ вскричала она;—неужели вы думаете найти во мнѣ какое нибудь чувство къ себѣ?.. Ни любви, ни сожалѣнія,—ничего нѣтъ въ этомъ сердцѣ, которое съ ужасомъ бьется при видѣ вашемъ... Какъ дочери, мнѣ страшно было бы обращать упреки къ родителямъ своимъ; но вы не воспитали во мнѣ дочернихъ чувствъ привязанности, уваженія и любви, а потому я могу судить васъ, какъ совершенно постороннихъ мнѣ людей...

Она заломила свои прекрасныя руки.

— Чего вамъ надо отъ меня? Я покинута и выброшена вами на улицу... Вѣдь, когда вы подсунили меня къ вашей покойной женѣ—была зима, рассказываютъ была мятель... И вы отецъ, и какая она, эта женщина, мать!.. Затѣмъ вы бросили меня... Легко было прожить въ чужомъ домѣ? Тяжела благодѣтельствующая рука, подавнѣемъ отзывается она... Но оставляю рѣчь о себѣ: что я? я теперь независима, я свободна, знаю только одного моего мужа.. нѣтъ, не о себѣ... но послушайте... послушай-

те, что вы съ тѣмъ, съ сыномъ своимъ сдѣлали?.. Его вы до чего довели?!

И отступивъ отъ посѣтителя, смотря пристально въ его глаза, прибавила, какъ-то задумчиво, точно разбирая что-то написанное не вполне ясными на его лицѣ чертами:

— Чтобы искупить вину свою передъ сыномъ, я бы на вашемъ мѣстѣ себя самого убійцей назвала... сказала бы: не онъ убилъ... убійца я!

И махнувъ рукой, стихла и холодно обратилась къ нему:

— Вы не сказали зачѣмъ пришли?..

Съ самаго начала прихода своего онъ не садился и продолжалъ стоять, положивъ руку на спинку кресла... Его умиленно любящія глаза опустились во время ея гнѣвнаго и горячаго обличенія... Теперь онъ поднималъ ихъ на нее съ выраженіемъ смиренной мольбы... Онъ хотѣлъ было еще разъ попытаться обмануть ее ласковыми словами, мнимой нѣжностью родителя, которой она ни на волосъ не вѣрила, но остановился передъ смотрящими на него съ неприязнью и недоверіемъ ея черными глазами. Тогда онъ счелъ болѣе удобнымъ говорить съ ней проще и обратился дѣйствительно съ большой скромностью и естественностью:

— Я пришелъ просить о помощи...

Она еще разъ махнула ему рукой, не желая слышать отъ него какойнибудь новой лжи... Она придумывала, что-бы ему дать и увидѣвъ разорванную бриллиантовую нить, оставленную ею на диванѣ, указала ему на нее издали:

— Возьмите... У меня болѣе ничего нѣтъ своего собственнаго...

Съ ярко блеснувшими глазами онъ схватилъ съ дивана нить и проворно спряталъ ее, не произнеся ни слова благодарности, въ карманъ... За минуту готовый унижаться изъ за какихънибудь двухъ, трехъ тысячъ, почувствовавъ въ своемъ карманѣ цѣлыхъ десять, если не болѣе,—онъ ощутилъ въ нахальномъ сердцѣ какое то желаніе оскорбить свою неприступную и гордую дочь... Она дала ему, что могла: чего-же онъ ждетъ еще?.. говорило ея лицо... Стоя передъ нимъ и гордо смотря на него, она сказала ему:

— Идите. Оставьте меня...

— Сейчасъ уйду,—какъ-то дерзко и отрывисто заговорилъ онъ, выставляя одну ногу впередъ и закладывая руку за бортъ жилета,—но хочу оправдаться. Вы, почтительная дочь моя, обвиняете меня въ пренебреженіи моими родительскими обязанностями въ отношеніи васъ и вашего брата; пусть такъ... Но позвольте мнѣ замѣтить, что люди, почти не менѣе близкіе къ вамъ чѣмъ я, поступали не лучше... Ваша воспитательница...

Она прервала его:

— Эта посторонняя женщина сдѣлала для меня много...

— Вашъ мужъ...

Она подняла голову. О комъ говорить онъ? О Кожуховѣ? Конечно, онъ говорить о немъ!..

— Вашъ мужъ, свято-ли онъ понималъ свои обязанности?.. Одинъ раскольникъ, человекъ невѣжественный, молочанъ, говаривалъ мнѣ: жена намъ не воля ярменный, а помощница и подпора, другъ и сотоварищъ въ сей юдоли горькой. Молочанъ, человекъ невѣжественный-съ!.. Вашъ супругъ—университетъ прошелъ, а какъ смотрѣлъ—онъ на васъ?.. Кабы онъ видѣлъ въ васъ друга и сотоварища въ сей юдоли горькой—не продалъ бы онъ васъ, какъ вола ярменнаго, господину Пантелѣеву... не продалъ... Да и господинъ Пантелѣевъ-съ, если вы чтонибудь большое для него представляли, вѣрно бы не панесъ вамъ обиды такой страшной, не кунилъ бы васъ...

— Это ложь!—вскричала она всыхнувъ и чувствуя, что въ ея головѣ помутилось, все пошло вверхъ дномъ, чувствуя что она блѣднѣетъ на глазахъ этого человека, боясь въ своемъ душевномъ состояніи дойти до обморока,—собрала послѣднія силы, откинула голову назадъ и указала посѣтителю дверь:

— Вонъ! иначе я позову людей!..

Онъ не смутился такимъ поступкомъ дочери... Что-жъ! конечно онъ увидетъ!.. у него десяти тысячный браслетъ въ карманѣ, въ перспективѣ тупеядство въ деревнѣ графини Брумъ, толстая купчиха Облепихина... Онъ съ граціей и развязностью поклонился дочери:

— Простите, что обезпокоилъ васъ.

И оставилъ ее одну.

(До слѣдующаго №).

ДВА ОЧЕРКА БРЕТЬ-ГАРТА.

I.

Когда придетъ корабль.

Въ часѣ разстоянія отъ Плапы, на берегу моря высится утесъ, о который меланхолически звуча, вѣчно бились, ибѣясь, могучія волны.

На песчаномъ берегу видны нѣсколько хижинъ. словно онѣ выброшены сюда моремъ; около каждой изъ нихъ клочекъ обработанной земли, огороженной заборомъ изъ бамбука и защищенной бревнами или корабельными досками, и подобіе садика съ зеленѣющей капустой и рѣпой, садика, имѣющаго грустный видъ акварія, изъ котораго выпустили воду. Ничего не было бы удивительнаго если бы вдругъ здѣсь встрѣтить дѣду-водянаго, копающаго капустныя гряды или русалку съ зеленой кожей, доящую морскую корову. Еще недавно тутъ было большое зданіе телеграфа, который простиралъ къ небу свои тощія столбы; но его вскорѣ замѣнила обсерваторія, соединенная электрическими нѣрами съ однимъ изъ многочисленныхъ и промышленныхъ городовъ Нового Свѣта.

Тутъ же была и справочная станція о прибывающихъ корабляхъ. На эту то станцію, въ послѣднее время особенно часто стали навѣдываться какой-то человекъ, еще не старыи, на видъ ремесленникъ не то механикъ.

Оказалось, что это честный малый—онъ долго работалъ въ рудникахъ, успѣлъ прикупить кое-что и теперь написалъ жепѣ, чтобы она прѣвѣжала къ нему съ дѣтьми; онъ мало былъ знакомъ съ моремъ и временемъ прихода кораблей и теперь поселился въ С. Франциско, гдѣ нашелъ себѣ работу, каждый день приходилъ справляться въ контору о приходѣ корабля.

Но вотъ прошелъ и мѣсяцъ; корабля все не было; прошла еще недѣля, другая, еще мѣсяцъ, и наконецъ годъ.

По прежнему суровое и вмѣстѣ съ тѣмъ добродушное лицо рабочаго неизмѣнно появлялось въ дверяхъ станціи.

Наконецъ разъ какъ-то онъ явился въ обсерваторію; былъ уже вечеръ, работы заканчивались; телеграфистъ посмотрѣлъ было на него съ неудовольствіемъ, но было что-то до того кроткое и моляще-поворное въ этомъ изстрадавшемся лицѣ, что юноша невольно остановился и сталъ терпѣливо объяснять ему всю систему устройства сигналовъ, какъ узнавать о приходѣ корабля. Но тотъ повидимому о чемъ-то другомъ важномъ хотѣлъ спросить.

— Скажите, сколько времени можетъ безъ вѣсти пропадать корабль, прежде чѣмъ его стануть считать погибшимъ?

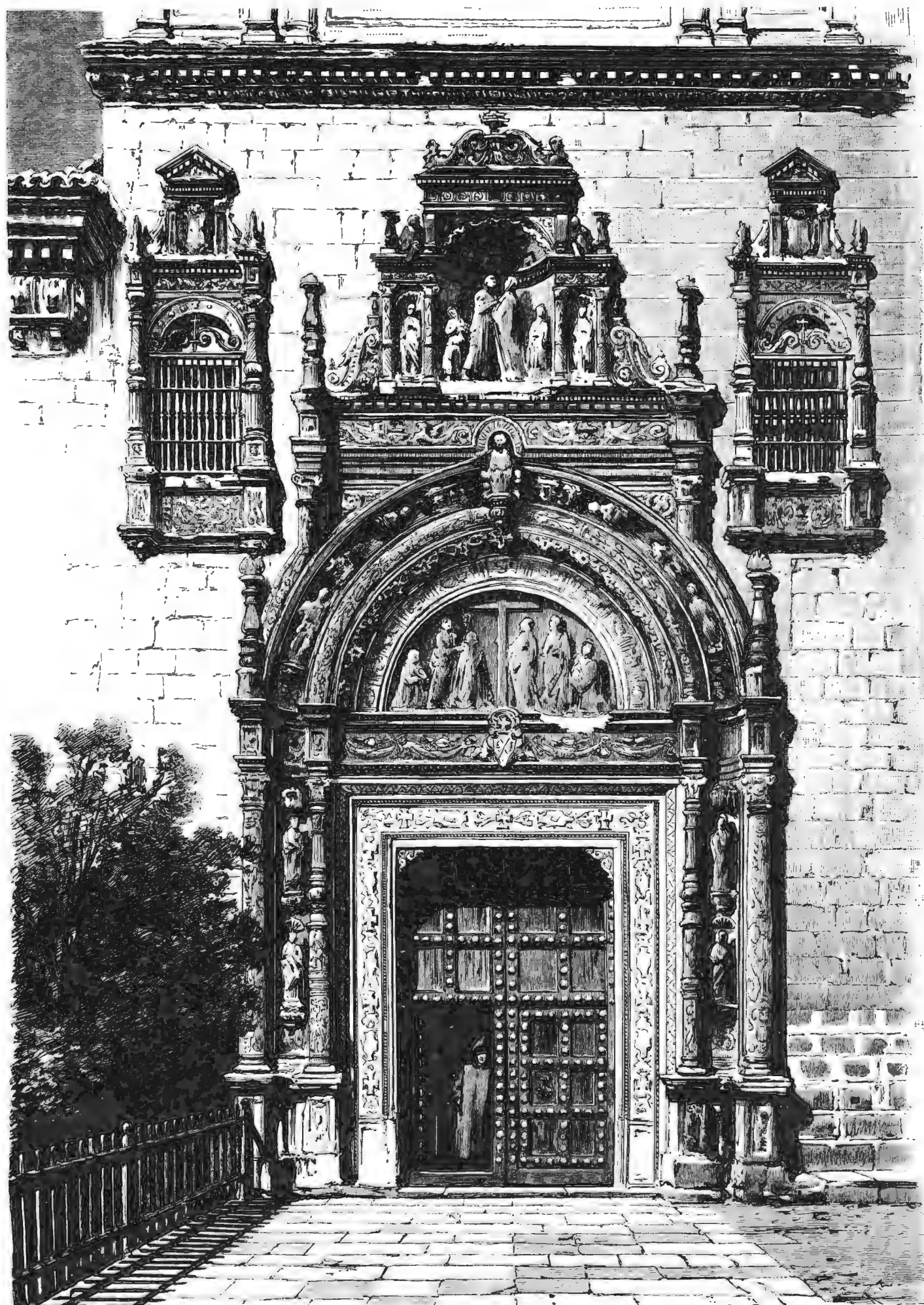
— Право этаго нельзя точно опредѣлить; все зависитъ отъ обстоятельствъ.

— Но напримѣръ—годъ?

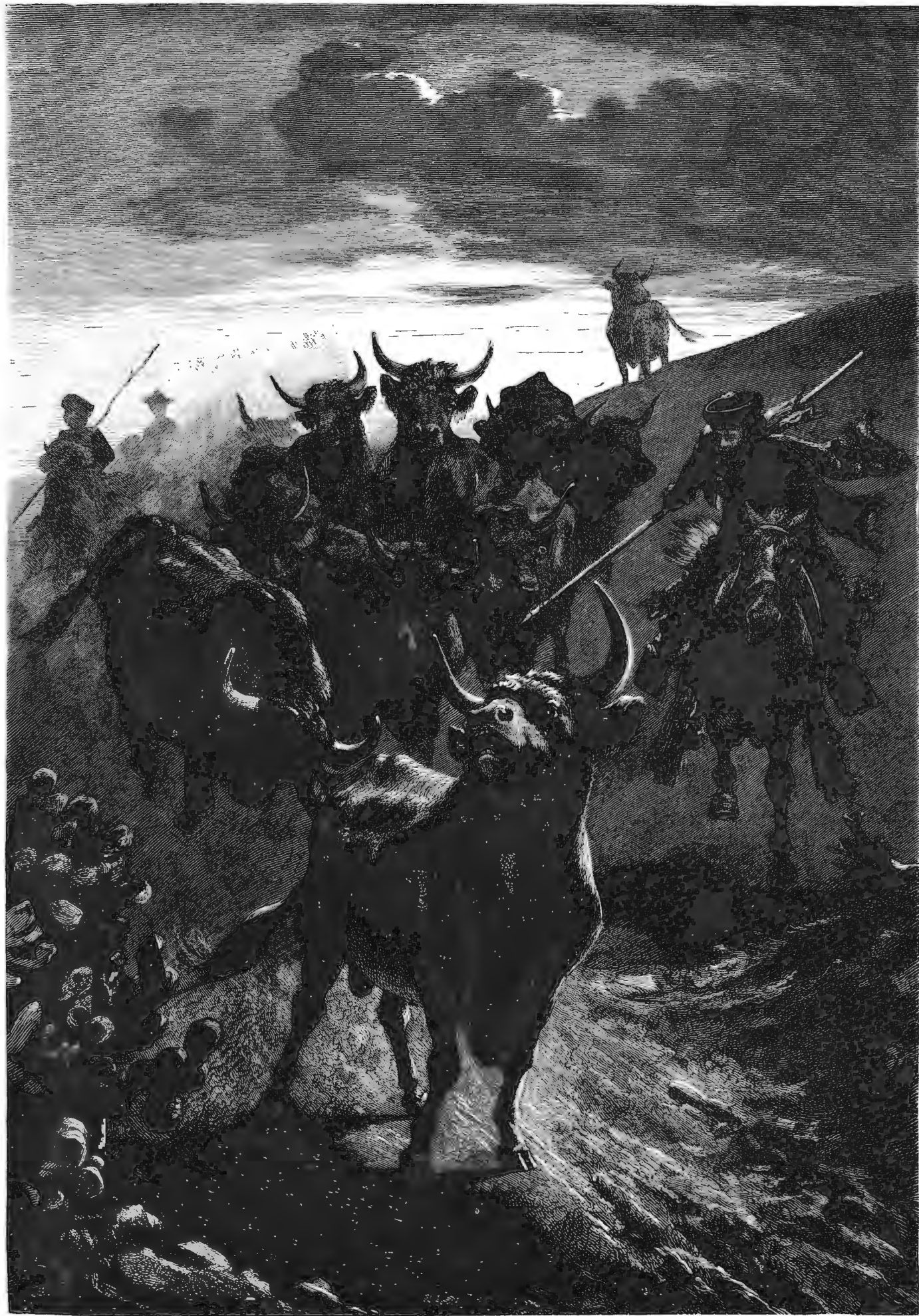
— Да, иногда и годъ, а бывали случаи, что намъ давали знать о пропажѣ корабля безъ вѣсти, а между тѣмъ, черезъ годъ или 2 онъ вдругъ оказывался гдѣнибудь въ другой гавани.

Тогда рабочій крѣпко пожалъ своей мускулистой рукой руку телеграфиста, просилъ извинить за безпокойство и ушелъ. Корабль все не приходилъ.

Въ гавань прибывало много торговыхъ и клиперныхъ судовъ, съ развѣвающимися флагами, судовъ причѣтствуемыхъ пушечными выстрѣлами, далеко раздававшимися по бѣгущимъ волнамъ, и каждый разъ тогда на берегу появлялся высокій человекъ, съ кроткимъ, измученнымъ лицемъ и блестящими глазами, жадно всматривающійся въ cadaго сходящаго на берегъ пассажира, даже среди совершенно неподходящаго экипажа корабля, стараясь отыскать давно ожидаемаго, знакомаго лица; вѣдь могло же случиться, что они прѣехали по другой

Въ Испаниѣ. Фасадъ приюта въ Толедо. (Изъ книги „L'Espagne“ par Simons et Wagner Paris 1880 F. Ebhardt).
Библиотека „Руниверс“

Въ Испани. Быки, назначенные для цирка, въ пути. (Изъ книги „L'Espagne“ par Simon s et Wagner Paris 1880 F. Ebhardt).
Библиотека "Руниверс"

дорогѣ, съ другимъ кораблемъ? Потомъ онъ начиналъ распрививать капитановъ, матросовъ—никто не могъ дать ему никакого отвѣта.

Тогда онъ снова шелъ на обсерваторію, но тамъ не всегда имѣли досугъ отвѣчать на его распросы; и онъ уходилъ на утесъ и просиживалъ тамъ цѣлые часы, смотря на далекое, волнующееся море.

Но скоро онъ не могъ уже самъ приходиться, а его приводилъ другой такой же работчій, его товарищъ по принскамъ, знавшій о его горѣ. Доктора объявили его безнадежнымъ; лице его еще больше осунулось, а глаза горѣли болѣзненнымъ лихорадочнымъ блескомъ.

Нс нельзя же было отнять у него послѣдней надежды, что корабль „съ нею и дѣтми придетъ сегодня ночью“. Онъ почему то сталъ думать, что корабль именно придетъ „ночью“ и наконецъ ему позволили оставаться на всю ночь въ обсерваторіи, гдѣ онъ замѣнялъ нерѣдко уставшаго телеграфиста—это ему нравилось.

Хотя къ нему привыкли, но когда его однажды не оказалось на обычномъ мѣстѣ, не сразу спохватились—гдѣ онъ?

И только въ воскресенье, на слѣдующее утро, какая-то компанія гуляющихъ, карабкаясь по камнямъ, обратила вниманіе на лай бѣжавшей впереди собаки и когда оглянулась за ней слѣдомъ, наткнулась на трущъ человѣка, распростертый на песѣ. Въ карманахъ его найдено было множество вырѣзокъ изъ газетъ и старыхъ журналовъ о морскихъ крушеніяхъ а лице его было обращено къ безпредѣльному, безжалостному, шумящему морю.

II.

Со двора.

Помню еще давно, во времена моей пылкой, безпечной юности, я приобрѣлъ какъ-то себѣ ярко-раскрашенную литографію, изображавшую прекрасную черкешенку, сидящую у окна. Помню также, что цѣна, которую я заплатилъ тогда за нее—даже тогда, когда у насъ ходячей монетой были грифеля,—казалась мнѣ очень дорогою—но зато восторгъ мой при этомъ приобрѣтении положительно не зналъ границъ.

Картинка нравилась мнѣ сама по себѣ и природа такъ щедро разсыпала дары свои на красавицу, что одинъ только румянецъ щекъ и окружающія ее яркія розы, безъ всякаго признака стеблей прямо росли изъ мрамора террасы. Должны были поглотить не мало самаго лучшаго кармина. Меня кромѣ того прельщала и самая идея: мнѣ казалось, что гдѣ нибудь непременно должна также поджидать меня у окошка такая красавица! Эта мечта была мнѣ такъ пріятна, что я даже не старался отгонять ее. Когда съ теченіемъ времени, черкешенка моя, (вѣроятно отъ постоянного пребыванія между восточнымъ и западнымъ полушаріемъ въ моемъ учебномъ атласѣ) совершенно выпѣвла и потеряла всю прелесть,—обаяніе ея исчезло. Само собой и я совершенно позабылъ о ней и о своихъ мечтаніяхъ.

И когда мнѣ впоследствии приходилось часто видѣть красавицъ всевозможныхъ національностей, если онѣ сидѣли у оконъ домовъ, склоняя изящныя головки на бѣлоснѣжныя пальчики—онѣ уже не интересовали меня, и я даже пожелалъ обратиться совершенно въ противоположную сторону—именно къ окнамъ, выходящимъ на дворъ.

И къ моему удивленію, я нашелъ много интереснаго для наблюденій, хотя наблюденія эти далеко не всегда сходили мнѣ даромъ. Напр. не разъ я долженъ былъ прикидываться что ищу квартиру и выносить подозрительные взгляды хозяйки, если слишкомъ долго останавливался у оконъ, выходящихъ на задній дворъ; нѣсколько разъ дѣлался жертвой свознаго вѣтра и наконецъ изъ нѣсколькихъ друзей, чуть не сдѣлавъ себѣ враговъ, неосторожно подходя къ окнамъ ихъ, выходящимъ на дворъ, какъ разъ въ то время, когда на веревкахъ было протянуто бѣлье и миссъ Фанни, „которая не совсѣмъ здорова и не прививаетъ“ оказывалась въ прачешной; м-ръ же Бодби, который былъ „очень занятъ“—въ полномъ утреннемъ неглиже благодушно прогуливался по галлерей.

КЪ РИСУНКАМЪ.

Церковь св. Андрея Стратилата въ Новгородѣ.

Однажды, говорить Новгородская лѣтопись, было въ Новгородѣ великое моровое повѣтріе. Люди мерли въ домахъ, на улицахъ; отчаяніе и горе обляли жителей. И 19 Августа, въ день прекращенія язвы, пришли къ мысли горожане, какъ это бывало часто у насъ, построить въ одинъ день, храмъ имени св. Андрея Стратилата въ память такого радостнаго событія—прекращенія бѣдствія. Странно, что лѣтопись (Новг. II и III) говоря объ этомъ, не упоминаетъ въ какомъ именно году, даже вѣкѣ было это. Есть однако указаніе, что эта древняя церковь, пріютившаяся въ новгородскомъ кремлѣ за присутственными мѣстами и соборными, церковными домами, относится къ началу XIV вѣка; ее причисляютъ къ времени построенія обыденныхъ церквей княземъ Андреемъ Новгород-

По при всякой такой неудачной попыткѣ, я обыкновенно утѣшалъ себя примѣромъ великаго Галилея или другихъ искателей истины, котрымъ ихъ изслѣдованія также не сходили даромъ,—и упорно снова предавался своимъ наблюденіямъ.

Зато теперь, по первому взгляду на какаго нибудь обитателя скромной квартиры, выходящей окнами на задній дворъ, я почти безошибочно могу опредѣлить его характеръ.

Щеголеватая внѣшность фасада съ его подъѣздомъ и изящными окнами на улицу, все это вѣдь только для блеска, пускавня пыти въ глаза; между тѣмъ настоящая жизнь, со всѣми ея правдивыми сторонами, именно на обратной сторонѣ!

Вотъ, хоть бы этотъ элегантно одѣтый господинъ, съ такимъ достоинствомъ входящій въ парадный подъѣздъ, совсѣмъ не такъ выглядитъ, когда утромъ, въ стоптаннхъ туфляхъ, брюзгливо и сердито требуетъ себѣ на кухнѣ горячей воды для бритья. Или эта дама, у которой ея румяное личико, утромъ въ оенѣ двора, вдругъ оказывается какимъ то треугольнымъ и совершенно выпѣтннымъ; пышные волосы рѣдкими и растрепанными; и она оказывается лѣтъ на 10 старше въ правдивой рамѣ окна, выходящаго на дворъ.

И случается, что даже близкіе знакомые не узнаютъ другъ друга въ этомъ безопадномъ dos-à-dos.

Вы напр. можете сколько угодно фантазировать, проходя мимо оконъ дома, гдѣ живетъ дама вашего сердца. вы даже какъ будто подмѣтили уже ея изящную головку за кружевнымъ занавѣсомъ, но вамъ ни за что не пришло въ голову, что вы живете съ нею визави цѣлый мѣсяцъ со стою оны задняго двора; что особа, накрытая старымъ платкомъ, ведущая оживленные переговоры съ мясникомъ или крикливымъ голосомъ распекающая во дворѣ своего меньшаго братишку—именно и есть ваша богиня!

Мое окно, выходящее на дворъ, представляетъ по крайней мѣрѣ много интереснаго. Вотъ напр. въ настоящую минуту, я занимаюсь сила у окна... вечерѣтъ... изъ сада потянуть слишкомъ свѣжій вѣтерочекъ... я закрываю окно, но до меня все же доносится изъ квартиры № 7 какъ разъ напротивъ, голоса гораздо болѣе пронзительные чѣмъ бы было желательно; это повидимому дружеская бесѣда хуарки съ поставникомъ.

А вонъ изъ окна № 5, по обыкновенію выставили простуживаться на „свѣжій воздухъ“ несчастную канарейку, на которую безъ жалости я не могу смотрѣть...

А вонъ двое ребятишекъ, котрымъ я искренно завидую, принялись сгребать въ кучу всякій соръ, всторымъ такъ изобилуютъ задніе дворы, но для нихъ это цѣлое богатство: столько бутылочъ отъ содовой воды и такіе красивые фарфоровые черепки! Но это еще не все; съ величайшимъ нетерпѣніемъ выжидаю я всегда заключительной сцены своихъ наблюденій: какъ только принесутъ вечернія газеты, въ дверяхъ № 9 появляется плотный сѣдой старикъ, въ старомъ нанковомъ халатѣ. Онъ садится на ступени крыльца, развертываетъ газету, владеть ее къ себѣ на колѣни и начинаетъ читать.

Я сперва не зналъ, что это самъ хозяинъ дома, занимающій лучшую квартиру, значитъ, человѣкъ богатый. Но есть что-то умиленно-трогательное во всей его позѣ и блаженномъ выраженіи лица, когда онъ читаетъ свою газету на заднемъ крыльцѣ своего собственнаго дома; я невольно стараюсь опредѣлить себѣ его характеръ. Быть можетъ, думается мнѣ, это у него старая привычка давно-минувшихъ, болѣе скромныхъ дней; быть можетъ, онъ даже выпросилъ себѣ у жены этотъ единственный часокъ, чтобы его не тревожили ничѣмъ официальнымъ; ему повидимому не по душѣ общество и свѣтская жизнь; я вижу его иногда на парадномъ подъѣздѣ, чопорно одѣтымъ, въ дѣловой обстановкѣ, но онъ тогда для меня какой то совсѣмъ чужой и снова мнѣ милъ и близокъ только на заднемъ крыльцѣ, въ своей домашней простотѣ, въ своемъ нанковомъ халатѣ, на грязныхъ ступеняхъ.

Иногда онъ оставляетъ газету и въ вечерникъ сумеркахъ, задумчиво устремляетъ взоръ въ даль. И мнѣ думается: не слышатся-ли ему тогда скрытыя отвораемыхъ деревенскихъ воротъ, колокольчики возвращающагося съ поля стада и мычаніе коровъ, уставившихся на него черезъ рѣшетку сада...

скимъ въ память своей побѣды въ 1301 году. „А въ церковь, говорить лѣтопись, руги шло три рубля, священнику два рубля пять алтынъ двѣ деньги да дячку двадцать восемь алтынъ“. Таковы были тогда руги!

Стѣны церкви изъ кирпича гладкія, безъ украшеній. Съ сѣверной стороны на стѣнѣ три выступа безъ оконъ. Надъ входомъ большое настѣнное изображеніе Спасителя благословляющаго и держащаго Евангеліе, раскрасное на словахъ: „Приндите ко Мнѣ вси труждающіеся“. Надъ западною стѣною выладенъ каменный дугообразный пролетъ, для колоколовъ.

Переселенцы.

(Рисунки Земцова).

Кому изъ насъ, ѣздя по русскимъ большимъ дорогамъ, не

случалось видѣть съ какимъ то особеннымъ чувствомъ, этотъ тлущійся безконечно обозъ переселенцевъ, съ его крѣпкими конями, холщевыми навѣсами и выглядывающими изъ подъ навѣсовъ свѣтлыми дѣтскими личиками? Но то переселенцы имущіе — они узнали отъ своихъ ходоковъ о земляхъ въ дальнихъ степяхъ и тянутся теперь туда, думая о новыхъ мѣстахъ — какъ-то имъ теперь поживется и дастъ ли имъ Богъ новаго счастья?

Но есть и такіе переселенцы, какіе изображены на нашемъ рисункѣ. У нихъ съ собой все, что они имѣютъ. Они на новомъ мѣстѣ, покинувъ свою непривѣтную землю, ждутъ развѣ только работы, возможности прожить на свѣѣ какънибудь. Тяжелая нужда пригибаетъ къ груди ихъ головы и думы ихъ невеселы. Одинъ мальчуганъ, не знающій заботъ и горя большихъ, беззаботно скачетъ, осѣдлавъ вѣтку, сорванную въ лѣсу, не раздумывая какое его ждетъ будущее.

Девятая пѣснь „Лузиады“ Камознса.

(Къ рисунку Лиценъ Майера).

Въ № 28 „Нивы“, по поводу исполнившагося трехсотлѣтія со дня смерти Камознса, мы помѣстили портретъ португальскаго писателя. Тамъ же въ подробной статьѣ мы рассказывали о бурной, полной приключеній, жизни война-поэта, и передали содержаніе его поэмы.

Превосходный рисунокъ Лиценъ Майера относится къ 9-й пѣснѣ. Васко де Гама находится въ Индіи, куда онъ напелъ путь, объѣхавъ мысъ доброй Надежды. Козни туземцевъ, которые ожидаютъ только прибытія флота изъ Мекки, чтобы съечь эскадру Васко де Гамы — разрушены. Мавръ Монсаидъ, исполненный чувствъ удивленія и уваженія къ знаменитому вождю, открываетъ ему коварные замыслы враговъ. Ночью отплываютъ Португальцы — они удалились изъ Каликуты, увозя съ собою сокровища и товары.

„Такъ счастливо, говоритъ поэтъ, удалились отъ знойныхъ береговъ корабли, разсѣкая волны, туда, гдѣ море сулитъ счастье...“ (IX. 16). Между тѣмъ, добрый геній, всегдашняя покровительница Лузитанъ, богиня Венера, хотѣла ускорить награду героямъ за всѣ бѣдствія, которымъ они подвергались, за тяжкіе труды и страданія. Она и сынъ ея Купидонъ, „сближающій властью своею боговъ со смертными“ приводитъ Португальцевъ къ прелестному острову. Нимфы океана — nereиды собираются на этотъ островъ, гдѣ мореплаватели предаются отдохновенію и радости. По повелѣнію Венеры, Купидону приносятъ тонкій лукъ слоноподобной кости, съ котораго слетаютъ его золотыя стрѣлы. „Рѣзвое дитя беретъ лукъ и летятъ его мѣткія стрѣлки. Ударъ за ударомъ поражаетъ море, волны бьются, встрѣчаясь и пѣнясь; нимфы взволнованы — они такъ тяжело и горячо вздыхаютъ. Не осталось болѣе стрѣлъ въ колчанѣ... Разверзайтесь, голубыя волны! Дайте дорогу дщерамъ океана! И хоры прелестныхъ nereидъ приближаются

къ острову, предводимыя богиней...“ (Лузиада IX, 47, 50). Къ этимъ словамъ поэта и относится приложенный рисунокъ.

Въ Испаніи.

(По поводу книги „L'Espagne“ par Simons et Wagner. Paris. 1880, F. Ebhardt).

Роскошныя изданія безпрестанно появляются въ Германіи и во Франціи; превосходные рисунки изображаютъ виды какой-нибудь страны или иллюстрируютъ великія произведения искусства. Въ настоящее время выходитъ въ Парижѣ выпусками великолѣпная книга „L'Espagne“, изъ которой мы приводимъ два рисунка, характеристичные для этой страны. Вотъ страна, волнуемая политическими смутами, и нравы которой до сихъ поръ, не зирая на то полны какой-то поэтической прелести, что представляетъ такой странный, дикій контрастъ....

На первомъ рисункѣ мы въ Толедо, раскинутомъ на высокой скалѣ, Толедо, гдѣ высится стѣны величаваго Альказара. Узкія улицы разбѣгаются въ беспорядкѣ, дома скучиваются, лѣзутъ на горы, жмутся одинъ къ другому. Роскошныя дворцы, мрачныя монастыри — представляютъ превосходные образцы древней архитектуры. И подо всѣмъ этимъ, въ глубокой расщелинѣ, полуокругомъ, глухо шумя, обгibaетъ городъ Толедо рѣка Таго. Этотъ удивительный городъ окружаетъ васъ искусствомъ со всѣхъ сторонъ. Всюду рѣзные гербы, изящныя желѣзныя рѣшотки, гвозди съ огромными шляпками, покрытыя рѣзбою, арабески и колонки, стиль готическій и фантастическій. Къ этимъ постройкамъ принадлежитъ и этотъ приютъ благотворительнаго духовнаго братства, фасадъ котораго изображенъ на нашемъ рисункѣ. Монахъ, покрытый каюнономъ, выглядывающій изъ массивныхъ дверей, указываетъ вамъ дорогу. Подъ сводами звукъ шаговъ отдается какимъ-то глухимъ гуломъ. Разбросанныя кругомъ статуи, однѣ сидящія, другія колѣнопреклоненныя, встрѣчаютъ васъ...

На второмъ рисункѣ — другая сторона этой оригинальной жизни. Вотъ быки, назначенные для цирка, которыхъ въ ночи гонять къ городу. Эта забава испанцевъ — бой быковъ — такъ всѣмъ извѣстна, столько разъ была описана, что мы не будемъ здѣсь повторять всего этаго. Ничто не можетъ дать такого полнаго понятія о характерѣ испанца, какъ бой быковъ, любимое его удовольствіе. Извощикъ-водоносъ не пообѣдаетъ, а ужъ не пропуститъ боя. Тысячами завтра закишатъ зрители въ амфитеатръ цирка. Испуганные быки будутъ въ своихъ темныхъ стойлахъ прислушиваться къ эту гуду. Но вдругъ растворятъ ихъ стойла, и оглушенные крикомъ, блескомъ жаркаго солнца, сверканіемъ оружія блестящихъ матадоровъ, разъяренные маханіемъ алыхъ флаговъ, быки ринутся завтра на арену. А теперь они пока, бодрые и сильные, шагаютъ въ ночи по каменистой дорогѣ, подгоняемые погонщиками... За быковъ для боя платятъ иногда очень дорого. Хорошій быкъ цѣнится отъ 1000 и болѣе франковъ.

Изъ памятной книжки.

...Все въ заустѣннѣ! Сынъ востока
Забросилъ чудный уголокъ —
И захирѣлъ въ вѣнѣхъ пророка
Блеставшій нѣкогда цвѣтокъ.

* * *

Теперь торжественныхъ обѣтовъ
Гирей въ храмахъ не творятъ, —
Лишь иглы старыхъ минаретовъ
О дняхъ минувшихъ говорятъ;

* * *

О дняхъ, когда толпа вѣпѣла
По переходамъ росписнымъ,
И робкихъ глазъ поднять не смѣла
Передъ владыкою своимъ...

Какъ тихо ханское жилище!
Покой, безмолвье безъ конца...
Лѣниво царское кладбище
На солнцѣ дремлетъ у дворца.

* * *

И тихъ навѣсъ, гдѣ жены хана
Глядѣли въ полдень на волну,
И только вѣчный плескъ фонтана
Звена, смущаетъ тишину,—

* * *

Да сторожъ, звучными шагами
Нарушивъ царственный покой,
Гремитъ старинными ключами,
Идя въ обходъ сторожевой...

Бахчисарай.

П. Гнѣдичъ.

Бичъ челоѡвѣчества.

Докт. Э. И. Нивинскагъ.

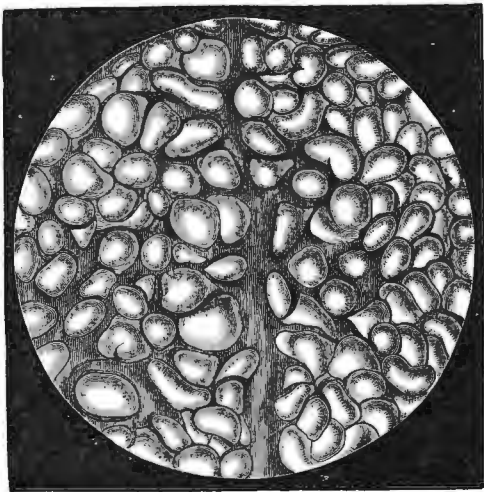
„Тысяча талеровъ тому, кто докажетъ, что мое универсальное средство не является легочной чахоткой“.

Такія и этому подобныя объявленія десятками встрѣчаются чуть не во всѣхъ газетахъ и журналахъ; и многіе несчастные, мучимые этой безпощадной болѣзнію, хватаются за всякое предлагаемое средство, надѣясь избавиться отъ недуга, излѣченіе котораго, гдѣкарствами увѣ! относится къ добрымъ пожеланіямъ (ria desideria) врачей всѣхъ временъ и народовъ. Сердца многіхъ радуются, заслышавъ о новомъ и вѣрномъ средствѣ отъ чахотки, покидающей несравненно болѣе жертвъ чѣмъ всѣ дру-

гія эпидемическія и эндемическія болѣзни, не исключая холеры, черной смерти, оспы, желтой лихорадки и т. д., болѣзни заврадывающейся и въ уголь бѣдняка и въ хоромы сильныхъ міра, не щадя ни юности, ни старости, переходя по наследству изъ поколѣнія въ поколѣніе.

Болѣзнь эта, носящая въ медицинѣ названіе „Tuberculosis“ и Phthisis pulmonum — „бугорчатка легкихъ“, въ городахъ имѣющихъ лучшія гигиеническія условія, все таки составляетъ причину 1/6 всѣхъ смертей. Во Франкфуртѣ на Майнѣ, напр. изъ 20,930 случаевъ смерти 3930 приходится на бугорчатку. Этотъ бичъ рода челоѡвѣческаго послужитъ предметомъ настоя-

шаго сообщения. Но раньше чѣмъ приступить къ изложенію такъ называемаго радикальнаго леченія бугорчатки, необходимо взглянуть на отправленія легкихъ и нарушение этихъ отправленій. Грудная кѣтка заключаетъ, какъ известно, легкія и сердце. Почти посрединѣ, нѣсколько влѣво, лежитъ мышечный мѣшокъ—называемый сердцемъ, правильныя сокращенія котораго, при помощи насосцевъ и клапановъ, перебиваютъ нужную для питанія кровь въ отдаленнѣйшіе и мельчайшіе сосуды нашего организма; отдавъ питательныя частицы различнымъ органамъ, кровь возвращается опять въ сердце, но уже темная и изъ сердца снова переходитъ въ легкія, чтобы соединившись съ кислородомъ вдыхаемаго нами воздуха и отдавши углекислоту, сдѣлаться опять годною для питанія тѣла, возвратиться въ сердце и новыми его сокращеніями распределиться по кровеноснымъ сосудамъ. По правую и лѣвую сторону сердца расположенныя, легкія представляютъ два большихъ тонкокожихъ мѣшка; они состоятъ изъ безчисленнаго множества маленькихъ, тѣлообразно связанныхъ микроскопическихъ пузырьковъ, съ чрезвычайно тонкими стѣнками, изъ коихъ выходятъ тончайшіе воздушные каналы, которые соединены между собою какъ мельчайшія вѣточки дерева; постепенно переходятъ они все въ большіе и большіе и наконецъ уже въ настоящіе воздушные ходы; эти сѣти раздвигаются на лѣво и на право, переходя окончательно въ дыхательное горло, черезъ которое входитъ воздухъ. Такимъ же образомъ и выходящая изъ сердца артерія развѣтвляется въ легкіяхъ, сопровождая дыхательныя вѣтви, при чемъ она охватываетъ каждый легочный пузырекъ сѣтью тончайшихъ сосудовъ. Если вырѣзать изъ здороваго легкаго кусочекъ въ 1—2 миллиметра толщиной и наблюдать его въ микроскопъ, то глазу представится ниже приложенное изображение *фиг. 1.*

(Фиг. 1). Увелич. въ 900 разъ.

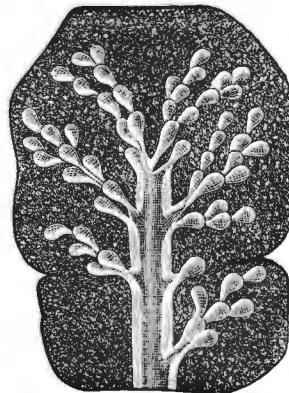
Продольная полоска, на которой по сторонамъ расположены какъ бы ягоды. На *фиг. 2* изображены тончайшіе воздушные ходы вплоть до легочныхъ пузырьковъ. Такихъ образований насчитывается въ человѣческихъ легкіяхъ до 1,800 миллионовъ; а если бы ихъ вырѣзать и разложить одно подлѣ другаго, то они покрыли бы площадь въ 2,000 квадр. футовъ. *Фиг. 3* представляетъ легочный пузырекъ при увеличеніи въ 10,000 разъ; на немъ изображена сосудистая сѣть.

У здороваго взрослого человѣка проникаетъ въ легкія около 176,000 куб. мид. крови въ секунду. Въ пузырькахъ кровь освобождается отъ углекислоты, уходящей съ выдыхаемымъ воздухомъ, а изъ вдыхаемаго воспринимаетъ кислородъ. Изъ сказаннаго можно видѣть, какъ важно для общаго здоровья организма правильное состояніе дыхательныхъ органовъ; при процессѣ дыханія эти нѣжные органы часто приходятъ въ соприкосновеніе съ вредными элементами, находящимися въ воздухѣ. Небольшія заболѣванія дыхательныхъ органовъ называютъ катарромъ—это своропреходящее воспаленіе болѣе крупныхъ вѣтвей легкаго. Если катаръ занимаетъ болѣе пространство и поражаетъ мелкія развѣтвленія, то онъ получаетъ названіе бронхита. Но когда катарромъ поражаются микроскопическіе легочные пузырьки, то уже мы имѣемъ дѣло съ опасной болѣзью—„пневманіей“ или воспаленіемъ легкаго. Слизью закупоренные легочные пузырьки не пропускаютъ воздуха и эта часть легкаго не дышитъ. При благоприятныхъ условіяхъ густая слизь разжижается, мало по малу вытекаетъ изъ пузырьковъ и мелкихъ вѣточекъ и освобожденное отъ нея легкое снова оздоравливается. Если же болѣзненная слизь не удаляется, то болѣзнь становится хронической и слизь проникаетъ въ промежуточную между пузырьками ткань, сдавливаетъ пузырьки и производитъ уплотненіе легкаго—такъ называемое опеченіе—сморщиваніе. Въ другихъ случаяхъ воспа-

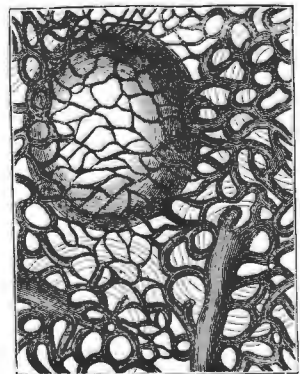
лительная слизь распадается на жироватые массы—это „творожистое пораженіе легкаго“. Впослѣдствіи эти массы размягчаются, переходятъ въ жидкость желтоватаго цвѣта, при чемъ образуютъ пещеры, величиною отъ горошины до кулака.

Болѣзненные признаки обнаруживаются первоначально кашлемъ, изверженіемъ мокроты, смѣшанной изрѣдка съ кровью, потерю аппетита, исхуданіемъ, блѣдностью тѣла, лихорадкой и ночнымъ потѣніемъ. Пораженныя массы называли прежде бугорчатыми узлами (Tuberculi) и самая болѣзнь носила названіе бугорчатки (Tubercularis). Въ настоящее время отличаются два вида чахотки легкіяхъ: хроническое воспаленіе легкіяхъ и бугорчатку, хотя признаки обоихъ видовъ имѣютъ лишь весьма незначительную разницу.

По новѣйшимъ изслѣдованіямъ оказалось, что многія болѣзни обуславливаются поступленіемъ въ кровообращеніе микроскопическихъ грибовъ, которые могутъ проникать и какъ говорится „фиксироваться“ въ различныхъ органахъ тѣла, вызывая въ нихъ разные болѣзненные процессы.—При томъ видѣ чахотки легкіяхъ, который признается теперь хроническимъ воспаленіемъ легкіяхъ (Pneumonia chronica) эти микроскопическія образованія были найдены и признаны причиной тѣхъ разстройствъ легкіяхъ, которыми характеризуется болѣзнь.—Фактъ особенно подтвердился опытами надъ животными, которымъ посредствомъ пульверизаціи вводили въ легкія мокроту, выкашливаемую чахоточными людьми. Упомянутыя животныя скоро заболѣвали чахоткою; въ ихъ крови, равно какъ и въ легкіяхъ обнаруживалось, посредствомъ микроскопа, присутствіе такихъ же грибовъ, какими характеризовалась болѣзнь у людей.—Когда же дознано было, что болѣзни, вызываемыя грибами, лечатся посредствомъ такихъ веществъ, которыя уничтожаютъ грибки, то испытываемыя животныя и были подвергнуты этому леченію. Вдыханіе противугнистыхъ (антисептическихъ) веществъ, какъ креозотъ, карболовая и салициловая кислота, оказались весьма полезны: большія животныя стали полнѣе, крѣпнѣть и поправлялись; тѣ же изъ нихъ, которыхъ оставляли безъ леченія, — околѣвали. Въ послѣднее время для лечебныхъ

(Фиг. 2). Увелич. въ 500 разъ.

(Фиг. 3). Увелич. въ 10,000 разъ.

дѣлей предложенъ былъ бензойно-кислый натръ (Natrium benzoicum), который оказался болѣе другихъ средствъ для этого пораженія болѣзней отвѣчающимъ своему назначенію.

Послѣ многочисленныхъ опытовъ надъ животными, ближе всего было конечно перенести примѣненіе изученныхъ средствъ на людей страдающихъ легочной чахоткой.—Профессоръ терапевтической клиники въ Инсбрукѣ д-ръ П. Рокитанскій сдѣлалъ начиніе въ этомъ дѣлѣ. Трое чахоточныхъ больныхъ приняты были въ клинику въ іюнѣ мѣсяцѣ прошедшаго года. При безукоризненномъ діететическомъ содержаніи и превосходномъ уходѣ, имъ дѣланы были пульверизаціи бензойно-кислаго натра и, послѣ многихъ недѣль, леченіе это увѣнчалось полнымъ успѣхомъ.

Разрѣшеніе такого важнаго всемірнаго вопроса какъ „радикальное леченіе легочной чахотки“ съ немовѣрной быстротою было повсюду распространено помощью печати. Клиницисты съ поспѣшностію принялись за провѣрку описанныхъ опытовъ, но увы! донимъ никто изъ нихъ не успѣлъ повторить результатовъ, достигнутыхъ въ Инсбрукѣ. Въ берлинскомъ госпиталѣ Шарите и городскихъ больницахъ сдѣланы были 54 наблюденія изъ коихъ оказалось, что бензойно-кислый натръ не оказываетъ никакого вліянія даже на ходъ чахотки, не говоря уже объ излѣченіи. Даже врачебная коммисія въ Инсбрукѣ отрицала значеніе этого средства при леченіи чахотки. Слѣдовательно случаи бывшіе въ клиникѣ Рокитанскаго не могутъ быть отнесены къ настоящимъ бугорчатымъ пораженіямъ, а должны быть причислены къ разряду хроническихъ воспаленій легкіяхъ; а счастливые результаты зависѣли вовсе не отъ дѣйствія бензойнаго натра, а отъ дѣлсообразнаго ухода и хорошаго питанія, — словомъ условій совершенно противоположныхъ тѣмъ, въ которыхъ больные Рокитанскаго находились до заболѣванія (это были чернорабочіе)—равно какъ правильной

(Продолженіе на стр. 709, 710, 711 и 712).

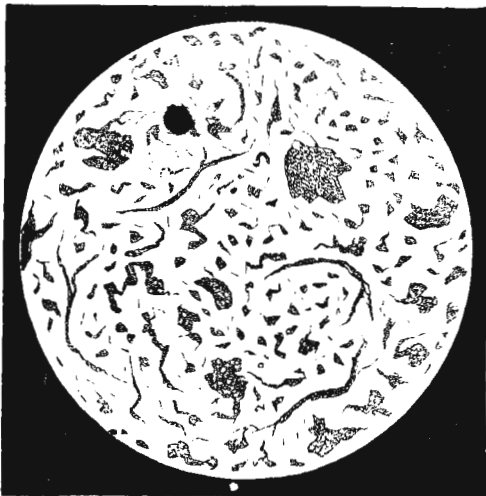
гимнастики дыхательных органов систематически достигаемой посредством акта вдыхания, вследствие чего болезненные продукты угнѣздившіяся въ легкихъ, тягучія, вязкія слизистыя массы—разрыхлились и были извергнуты наружу.

Для всѣхъ хроническихъ заболѣваній легкихъ, извѣстныхъ подъ названіемъ чахотки, лучшее средство безспорно такъ называемая „ингаляционная метода“ или „Терапія вдыханій“.—Прежде всего дыхательные пути должны быть освобождены отъ мокротъ, чтобы здоровый, крѣпительный воздухъ имѣлъ возможно большій доступъ въ легкія.—Только въ виду этого, предписываемые докторами больнымъ, различныя климатическія стціи могутъ быть признаны цѣлебными.—Желудокъ при этомъ не портится никакими микстурами, пилюлями и порошками.—Близко къ природѣ подходящая метода, примѣняется въ обширномъ значеніи.—Свободное движеніе на свѣжемъ воздухѣ, укрѣпляющее питаніе, особенно черезъ введеніе въ организмъ легкихъ питательныхъ веществъ какъ молоко, жареная говядина, яйца и другія; холоднымъ обмываніемъ груди и всего тѣла. Пыль, дымъ и спертый комнатный воздухъ избѣгаются всѣми способами. Чрезвычайно вредно для

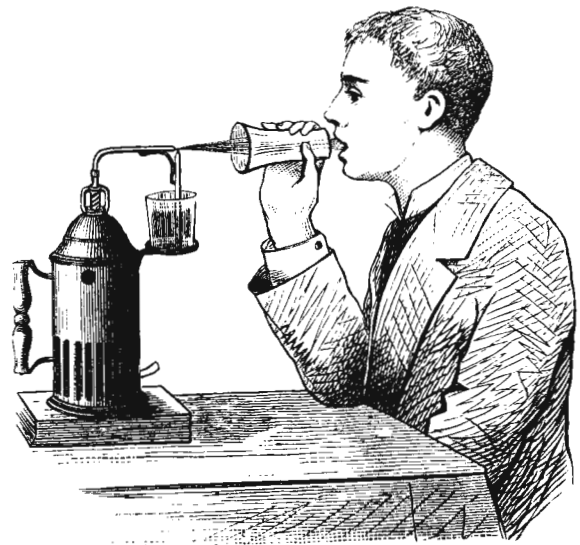
ческое изображеніе частицъ воздуха, которыми мы дышемъ въ комнатахъ и на улицахъ.—Оставивъ въ запертой комнатѣ полированное стекло, черезъ сутки уже замѣчается на немъ едва замѣтный налетъ; при 10,000 увеличеніи подъ микроскопомъ получаютъ частицы, изображенныя на рис. *фиг. 4*.

Не каждому доступны климатическія цѣлебныя стціи.—По необходимости приходится тогда прибѣгать къ искусственнымъ средствамъ, которыя главнымъ образомъ сводятся къ методическому вдыханію и выдыханію какого нибудь, по указанію врача, средства, содѣйствующаго разрыхленію мокротъ. Тутъ весьма важенъ выборъ хорошаго пульверизатора и правильные приемы, безъ соблюденія которыхъ легочная гимнастика будетъ неэффективна. Способъ вдыханія посредствомъ пульверизатора изображенъ на *фиг. 5*.

Въ заключеніе мы можемъ съ увѣренностію сказать, что надежды, возлагаемыя на какія бы то ни было специфическія средства т. е. лекарства, которымъ приписывается неопредѣленное свойство излѣчивать чахотку,—что надежды эти напрасны. Напротивъ, разумно регулируемая жизнь, при правиль-

(Фиг. 4). Увелич. въ 10,000 разъ.

(Фиг. 5). Способъ вдыханія.

страдающихъ легкими, пребываніе въ городахъ и замкнутыхъ пространствахъ. На рис. *фиг. 4* представлено микроскопи-

ной дыхательной гимнастикѣ, лечитъ и спасаетъ отъ смерти почти безнадежныхъ чахоточныхъ.

КАЛАБАРСКІЕ БОБЫ.

Такъ называвшійся „Судъ Божій“ былъ въ обычаѣ у многихъ народовъ и восходитъ къ глубокой древности. Виновость или невиновность подсудимаго выяснялись самыми различными способами; между прочимъ и посредствомъ яда. Если обвиняемый, принявшій ядъ, оставался живъ, значитъ онъ невиновенъ; если ядъ подействовалъ—то виновенъ. Въ Ветхомъ Заветѣ говорится, что у Иудеевъ обвиняемый въ колдовствѣ долженъ былъ выпивать „горькую воду“, т. е. ядъ.

Въ настоящее время такой судъ, не смотря на старанія французскихъ миссіонеровъ, упорно практикуется среди многихъ африканскихъ племенъ и преимущественно при случаяхъ обвиненія въ колдовствѣ.

Между рѣками Нигеромъ и Біафрой, въ Калабарѣ, при опредѣленіи виновности употребляется судилищный или Калабарскій бобъ (*Physostigma* семейства *Papilionaceae*), это многолѣтнее вьющееся растеніе. Бобы созрѣваютъ въ теченіи цѣлаго года, но особенно въ дождливое время отъ іюня до сентября, бобовники или стручки серповидныя, длиною до 7 дюймовъ и содержатъ отъ 2—3 сѣмечекъ. Сѣмя это (бобъ) яйцевидное, съ толстою гладкою кожицею темнорубаго цвѣта; зерно бѣловатое. Вкусъ калабарскихъ бобовъ похожъ на вкусъ обыкновеннаго боба, но нѣсколько маслянистѣе и горьковатъ. Другія части растенія, кромѣ собственно бобовъ, не ядовиты. Главная сильно дѣйствующая часть калабарскаго боба есть особаго рода алкалоидъ, въ первый разъ привезенный Гессе въ 1864 году, но не въ чистомъ видѣ; Гессе назвалъ его „Физостигминъ“. Это была масса темноокраснаго цвѣта, весьма сильно дѣйствующая. Въ чистомъ видѣ физостигминъ былъ приготовленъ Амедеемъ Веа и названъ зериномъ (отъ зере—мѣстное названіе калабарскаго боба). Онъ представляетъ кристаллическое тѣло, слабо горькаго вкуса, мало растворимое въ водѣ и легко растворимое въ спиртѣ, эфирѣ, хлороформѣ и кислотѣ. Химическій составъ его неизвѣстенъ. Калабарскіе бобы стали извѣстны въ Европѣ болѣе 30 лѣтъ тому назадъ, именно, они были привезены въ Англію миссіонерами, по сообщенію которыхъ на мѣстѣ они служатъ для той же цѣли,

съ какою въ средніе вѣва практиковался судъ Божій въ случаяхъ недоказанности. Обвиняемаго въ преступленіи заставляютъ съѣсть отъ 1—30 бобовъ, или выпить настой изъ нихъ; если затѣмъ появится рвота и онъ выздоравливаетъ, то его считаютъ оправданнымъ, если же умираетъ, то считается понесшимъ должное наказаніе за свое преступленіе. Въ послѣднемъ случаѣ обыкновенно черезъ 15—30 минутъ, у осужденнаго, по словамъ миссіонеровъ, появляется общее разслабленіе съ обильнымъ потомъ и параличемъ мышцъ. Сознаніе при этомъ не теряется, но рѣчь затруднена. Говорятъ что подобнымъ образомъ изъ 100,000 населенія въ Калабарѣ ежегодно погибаетъ до 120 человекъ. Научныя изслѣдованія относительно дѣйствія этихъ бобовъ производились еще въ 1846 г. докторомъ Даниелемъ; но болѣе подробное—Христинзономъ, который, обманутый безвкусіемъ бобовъ, принялъ внутрь значительное ихъ количество и едва не поплатился жизнью.

Этотъ „бобовый“ судъ обставляется у туземцевъ большой торжественностію. Мѣстомъ для суда выбирается или храмъ, или находящаяся передъ нимъ площадь. Главный жрецъ, при значительномъ стеченіи народа, производитъ продолжительныя заклинанія идоловъ, упрасывая ихъ придать бобамъ таинственную ихъ силу, долженствующую обнаружить истину. Затѣмъ, въ виду собравшихся гражданъ, онъ вынимаетъ изъ особаго сосуда заранѣе приготовленные бобы и кладетъ ихъ въ ротъ подсудимому, при чемъ наблюдаетъ, чтобы тотъ не глоталъ ихъ цѣликомъ, а не иначе какъ пережевывая надлежащимъ образомъ. Величина приема зависитъ отъ усмотрѣнія жреца. Если послѣдуетъ выздоровленіе, то оправданнаго вся толпа согражданъ поздравляетъ, старается обласкать и надѣлитъ подарками; а обвинителя, за лживый оговоръ, заставляютъ ѣсть такіе же бобы.

По физиологическому дѣйствію своему бобы представляютъ въ высшей степени интересныя примѣры противоположности съ дѣйствіемъ другаго сильнѣйшаго яда—Атропина (изъ раст. *Strychnos*). Атропинъ парализуетъ нервныя центры гладкихъ мышцъ, кровообращеніе, дыханіе, расширяетъ зрачекъ и т. д. Физостигминъ напротивъ ихъ возбуждаетъ. На кишечный ка-

наль бобы дѣйствуютъ весьма сильно, страшно его сжимающая въ бѣлый, безкровный, какъ бы окоченѣвшій цилиндръ толщиною не болѣе гусиного пера.

Терапевтически — съ лечебной цѣлью — эти бобы употребляются при дѣченіи пляски св. Витта, паучей болѣзни, столбняка, а также опухолей селезенки послѣ лихорад-

ки, равно какъ въ случаяхъ слабости и паралича кишечнаго канала, — и наконецъ какъ противудіе при отравленіи стрихниномъ.

Нѣкоторыя болѣзни глаза, сопровождаемыя расширеніемъ зрачка, могутъ излечиваться помощью калабарскаго боба, имѣющаго свойство быстро и сильно сокращать зрачекъ.

ПОЛИТИЧЕСКОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

Вѣзость морской демонстраціи противъ Турціи. — Слухи объ агитаціяхъ среди мусульманскаго міра. — Императоръ Австрійскій въ Галиціи. — Расколъ въ социалистической партіи въ Германіи. — Россія и Китай. — Соединенные Штаты завоевываютъ Мексику.

Снова гроза собралась надъ Турціей. Повидимому, державы рѣшились окончательно принять энергическія мѣры и добиться отъ Порты пограничныхъ уступокъ въ пользу Греціи и Черногоріи. Отовсюду слышенъ воинственный кличъ, сзывающій мониторы въ Рагузу (сборный пунктъ демонстрирующей эскадры державъ, предложенной Австро-Венгріей и принятой державами), подъ начальство старшаго флагмана въ Средиземномъ морѣ, англійскаго адмирала Сеймура. Въ настоящую минуту, между кабинетами замѣтно полнѣйшее согласіе, согласіе, доходящее до того, что рѣшено не стѣснять начальника соединеннаго флота и въ томъ случаѣ, если онъ признаетъ необходимымъ отъ блокады турецкихъ портовъ перейти къ болѣе дѣйствительной мѣрѣ, а Франція опять намѣрена отправить въ Грецію офицеровъ съ генераломъ Томасеномъ во главѣ. Можетъ быть на этотъ разъ воинственный азартъ Европы и выразится въ посылкѣ броненосцевъ въ турецкія воды, но долго ли онъ удержится въ той высокой температурѣ, которой достигъ теперь? Только чтобы не случилось такъ, что продолжительная стоянка подъ парами не утомила и не охладила рвенія и броненосцы, одинъ за другимъ, не стали бы удаляться во свояси. На Балканскомъ полуостровѣ комическое такъ часто шло божь о бокъ съ трагическимъ, что возможенъ и подобный исходъ. Между тѣмъ, миссія уполномоченнаго султана въ Албаніи, Риза-паши не удалась, какъ и надо было ожидать.

Правда или не правда, но изъ Константинополя сообщаютъ, что у Риза-паши дошло до столкновенія съ вождями лиги, которыхъ онъ, какъ помнятъ читатели, собиралъ на совѣщаніе. Они объявили ему, что не уступятъ ни пяди земли черногорскому князю и когда онъ велѣлъ арестовать ихъ, то приверженцы, поддержанныя жителями, освободили ихъ, а ему пригрозили смертью; войска же его братаются съ албанцами. Надо, дѣйствительно, допустить, до нѣкоторой степени, вѣроятность того обстоятельства, что албанцы, возбужденные самой Портой и привыкнувшіе за эти два года къ своеволю (они и прежде не были въ строгомъ подчиненіи у Порты), разучились виноваться велѣніямъ изъ Стамбула. На дняхъ еще тѣснѣе скрѣпленъ союзъ между мусульманскими албанцами-католиками. И тѣ и другіе, стекаются къ Дульциньѣ, чтобы защищать городъ до крайности не только противъ войскъ князя Червогорскаго, но и противъ европейскихъ броненосцевъ. Не такъ проченъ союзъ албанцевъ на югѣ, въ Македоніи и Фессалии. Тамъ, не смотря на присутствіе значительныхъ турецкихъ силъ, албанское населеніе не столь энергично противится мысли объ уступкахъ Греціи, и даже съ самыхъ мѣстъ пишутъ, что не мало албанцевъ поступаютъ волонтерами въ греческія войска. Усилія правительства Абдуль-Гамида создать здѣсь затрудненія для державъ не достигли, или не вполне достигли цѣли своей. Но Абдуль-Гамидъ на этомъ не останавливается, онъ задумалъ болѣе широкій планъ. Съ нѣкоторыхъ поръ держится упорно какой-то странный слухъ о томъ, что повелитель правовѣрныхъ агитируетъ среди мусульманъ всего міра, желая поднять его — не то противъ англичанъ, не то противъ всей Европы. Увѣряютъ, будто, въ настоящее время во дворцѣ султана „тайно“ гостятъ нѣсколько принцевъ изъ мусульманскихъ частей Ост-Индіи (хороша „тайна“, составляю-

щая секретъ всей европейской прессы!), что агенты Порты дѣятельно работаютъ во славу Пророка въ Индіи и Авганистанѣ, что изъ Константинополя закинуты дружественныя удочки къ берегамъ Туниса и т. д. Намъ кажется это преувеличеніемъ. Не есть ли это естественное *ria desideria* турецкихъ патриотовъ, превращенное уже въ фактъ пылкимъ воображеніемъ поставщиковъ свѣдѣній съ Балканскаго полуострова. Слухъ о превращеніи Румелии въ вассальное княжество подъ управленіемъ князей изъ дома Вогоридесовъ снова повторяется. Нынѣшній генералъ-губернаторъ, князь Вогоридесъ возвратился въ Филиппополь и былъ принятъ восторженно, по словамъ денешн Международнаго агентства.

Въ Галиціи, въ настоящее время уже начались вѣроятно, большіе маневры, имѣющіе происходить между Пшемисломъ и Львовомъ въ присутствіи императора Австрійскаго. Въ маневрахъ принимаютъ участіе 4 пѣхотныхъ, 2 кавалерійскихъ дивизіи и 24 батальона галиційскаго и буковинскаго ландвера, что, въ общемъ, составитъ 40 тысячъ человекъ. Насъ, конечно, интересуютъ не маневры эти, а то именно обстоятельство — какъ отзовется пребываніе императора на тяжеломъ положеніи галиційскихъ русскихъ, возлагающихъ нѣкоторыя надѣжды на посѣщеніе своего государя. Или все останется какъ теперь?!

Въ лагерѣ германскихъ социалистовъ произошелъ расколъ. Вожди социаль-демократовъ Кернеръ и Финнъ обратились къ берлинскимъ рабочимъ съ прокламаціей, въ которой совѣтуютъ имъ порвать всѣ связи съ господствующимъ въ социалистическомъ лагерѣ теченіемъ, т. е. съ Бебелемъ и Либнехтомъ (двумя наиболѣе крайними социалистами), съ тою, по словамъ ихъ партіею непримиримыхъ, которая, симпатизируя съ прогрессистами, ведетъ себя не особенно честно съ рабочими. Социалисты, говоритъ далѣ въ прокламаціи, надо поддерживать новую экономическую и таможенную политику правительства. Съ этою цѣлью въ Берлинѣ предполагается издавать особую социалистическую газету. Керну и Финну, высланымъ въ прежнее время изъ столицы, вновь дозволено теперь возвратиться туда и въ этомъ дозволеніи они видятъ желаніе правительства оказывать поддержку стремленіямъ, могущимъ принести дѣйствительную пользу рабочему люду (мы недавно говорили о планахъ Бисмарка относительно рабочихъ).

Переговоры наши съ Китаемъ будутъ-таки, перенесены въ Пекинъ, куда уже отправился нашъ повѣренный въ дѣлахъ, г. Бютговъ. Говорятъ, что правительство наше соглашается на нѣкоторое измѣненіе условій договора, заключеннаго съ Чунгъ-Хоу (онъ помилованъ окончательно, съ возвращеніемъ имѣній, которыя были секвестрованы), настаивая, главное, на томъ, во 1-хъ чтобы границы наши были обезпечены отъ нарушеній со стороны подданныхъ Китая, и во 2-хъ, чтобы мы удержали за собой часть Кульджи для поселенія въ ней дунганъ, которыхъ правительство наше желаетъ обезопасить отъ мести китайцевъ. Маркизь Цзенгъ остается, повидимому, на долгое время въ Петербургѣ. На границѣ же не замѣтно ничего враждебнаго намъ.

Между Соединенными Штатами и Мексикою грозитъ вспыхнуть война. Генералъ Дахврайль занялся мыслью завоевать Мексику для Штатовъ. Въ Техасѣ уже формируется подъ начальствомъ его многочисленная армія флибуртеровъ. Планъ этотъ находитъ большое сочувствіе и поддержку въ Новой Мексикѣ, Техасѣ, Эризонѣ и Калифорніи.

С М Ъ С Ъ.

Кельнский соборъ. 3 августа, въ 10 часовъ утра, совершено было сооруженіе кельнскаго собора поднятіемъ креста, и весь городъ украсился флагами въ честь этого событія. Это событіе — очень достопамятное, если вспомнить всѣ превратности, чрезъ которыя прошелъ этотъ удивительный памятникъ, — одинъ изъ самыхъ прекраснѣйшихъ въ мірѣ, одно изъ самыхъ обширныхъ зданій готической архитектуры. Легенда говорила, что соборъ никогда не будетъ оконченъ. Въ теченіи многихъ лѣтъ, событія, повидимому, оправдывали легенду. Работы по сооруженію кафедральнаго собора, начатыя въ 1248 г. продолжались до 1509 г.; но въ теченіи этого долгаго времени они часто прерывались. Изувѣченное временемъ и людьми, почтенное зданіе угрожало разрушеніемъ, и по всей вѣроятности было-бы снесено, если-бы не проснулись археологическая ревность и религиозный энтузіазмъ; составились общества и взялись окончить, при помощи добровольныхъ сборовъ, гигантское твореніе, задуманное въ средніе вѣка. Приношенія поступали со всѣхъ сторонъ; тогдашній прусскій король Фридрихъ-Виль-

гельмъ IV обязался ежегодно вносить по 50,000 талеровъ, и 4 сентября 1820 г. происходила вторая закладка кафедральнаго собора. Съ 1821 года въ строительную сборную кассу, частью изъ частныхъ источниковъ, частью изъ общественныхъ суммъ поступило 18 милліоновъ марокъ, употребленныхъ поровну на окончаніе колокольни и отдѣлку самой церкви. Капиталь, положенный предшествующими вѣками на эту постройку, а именно деньги, израсходованныя для возведенія колоссальнаго фундамента, равно какъ и на покупку участковъ земли, занятыхъ зданіемъ, по крайней мѣрѣ долженъ равняться пожертвованіямъ насѣщаго столѣтія, такъ что общая стоимость собора представляется въ сложности около 40 мил. марокъ.

Лунный пейзажъ. Извѣстный англійскій художникъ, Олафъ Винклеръ, представилъ въ Лондонское королевское общество картину, изображающую лунный пейзажъ, то есть такой видъ поверхности нашего спутника, какимъ онъ представлялся бы наблюдателю, стоящему на одной изъ лунныхъ горъ и осматривающему одну изъ обширныхъ долинъ, усѣянныхъ кратера-

ми давно-потухшихъ вулкановъ. Солнце представлено здѣсь заходящимъ за вершины горъ; оно окрашиваетъ ихъ блѣднѣющимъ блескомъ, такъ какъ луна не имѣетъ атмосферы, свѣтъ на ней не преломляется, а потому и великолѣпные цвѣта земныхъ закатовъ солнца—неизвѣстны на ней. По той же причинѣ звѣзды имѣютъ на лунѣ правильно-круглый дискъ, а небо—должно казаться совершенно чернымъ. И посреди этаго-то неба, въ зенитѣ луны,—видна земля; Азія, часть Африки и страны сѣвернаго полюса—окрашены солнцемъ и обращены къ предполагаемому наблюдателю, находящемуся на лунѣ. При отсутствіи на лунѣ атмосферы, подобной нашей,—на ней нѣтъ разсѣяннаго солнечнаго свѣта, вслѣдствіе этаго, за исключеніемъ горныхъ вершинъ, всѣ части пейзажа окрашены только отвѣчиваніемъ отъ земли въ легкой розоватый оттѣнокъ. Этотъ оттѣнокъ происходитъ отъ прохожденія солнечныхъ лучей черезъ земную атмосферу.

Новое примѣненіе электрическаго тона. Лондонскому доктору Вильяму Сименсу, при помощи очень простаго аппарата, удалось въ четверть часа расплавить нѣсколько старыхъ пилъ, сдѣланныхъ изъ самой твердой стали, причемъ онъ израсходовалъ только треть того количества угля, какое расходуетъ обыкновенная плавильная печь, при тѣхъ же результатахъ. Польза отъ такой плавки очевидна. Если удастся уменьшить на половину расходы по обработкѣ стали и желѣза, то это дѣй-

ствительно произведетъ переворотъ въ стальномъ производствѣ. Электрическая плавильная печь Сименса очень проста по устройству. Она состоитъ изъ плавильнаго графитнаго тигля, къ которому примыкаютъ, на небольшомъ другъ отъ друга разстояніи двѣ телеграфныя проволоки. Когда токъ пускается въ одну изъ проволокъ, электрическаго искра переходитъ съ одного конца проволоки къ другому, какъ въ электрической лампѣ, и при этомъ переходѣ образуется такъ называемую Вольтову дугу, теплота которой какъ извѣстно въ состояніи расплавить, въ самое короткое время, даже платину. Такимъ образомъ неудивительно, что сталь, вложенная въ тигель, таетъ какъ масло. Токъ пускается электрической машиной, которая въ свою очередь приводится въ дѣйствіе двигателемъ, нагревающимся углемъ.

Еще ранѣе электричествомъ стали испытывать степень воспламененія петролеума. Для этой цѣли пары этаго минеральнаго масла вводятся въ котель, къ которому примыкаютъ вышеописанныя проволоки. Электричество еще употребляется какъ двигательная сила для рѣзцовъ, обтачивающихъ жернова и для буровъ, пробивающихъ скалы, при чемъ буравы двигаются со скоростью 1,000 и 2,000 поворотовъ въ минуту. Кроме дешевизны, электрическіе буравы представляютъ еще то удобство, что они могутъ быть уставлены въ любомъ отдаленіи отъ мѣста работъ.

			45	92	29	94	33	90	31	106			
		97	28	95	42	91	30	103	34	89	36		
	27	46	99	44	93	40	101	32	105	38	107	88	
63	98	25	96	41	100	43	104	39	102	35	86	37	2
26	47	62									1	108	87
61	64	49	24	9	66	11	72	5	70	85	110	3	122
48	51	60	65	12	21	8	69	82	73	4	121	112	109
59	14	53	50	23	10	67	6	71	84	111	114	75	120
52	17	56	13	20	7	22	83	68	81	74	117	78	113
15	58	19	54										
18	55	16	57										

Рѣшеніе шашечной задачи № 58.

Бѣлыя.		Черныя.	
Съ № 11 на № 15		Съ № 20 на № 4	
" № 10 " № 14		" № 11 " № 9	
" № 29 " № 26		" № 30 " № 21	
" № 23 " № 28		" № 16 " № 30	
" № 31 " № 27		" № 30 " № 32	
" № 1 " № 5		" № 32 " № 1	
" № 22 " № 18		" № 21 " № 14	
" № 3 " № 8		" № 14 " № 5	
" № 8 " № 4			

Вѣрныя рѣшенія этой задачи присланы: Спб. отъ гг. Пѣнова, Генина, Коваленко, Журкина, Матяса, Мосина—Банкова, Звѣкина, Киселева, Тевъ—Долгова; Кронштадтъ—Даржана; Молога—Пуустроева; Ярославль—Пуговщикова, Новгородъ—Бовина; Орелъ—Соломатина; Сергев. посадь—Трегубова; ст. Минь—Цыганова; Рыбинскъ—Казанова; Городецъ—Баранова; Тульчинь—Щагина; Бузулуиъ—Балачева Курскъ—Заводскаго, Сапожонъ—Вѣлкова.

ПОЧТОВЫЙ ЯЩИКЪ.

Г-ну Скудовскому въ Харьковѣ. Большія преміи для журнала «Нива» на 1880 годъ—двѣ прекрасныя акварели извѣстнаго придворнаго Е. И. В. художника М. Зични: «Пляска Тамары» и «Тамара умершая, окруж. родными» (Изъ «Демона» Лермонтова) специально исполненная художникомъ по заказу для «Нивы», печатанныя красками, причемъ копии отличаются такими достоинствами, что по отзыву самаго художника его произведенія еще нигдѣ и никогда съ такимъ совершенствомъ воспроизведены не были—эти двѣ картины будутъ высланы нашимъ подписчикамъ въ среднихъ числахъ Октября с. г.

Въ непродолжительномъ времени нѣсколько экземпляровъ этихъ картинъ будутъ уже выставлены въ Спбургѣ въ Конторѣ Редакціи «Нивы»—и въ извѣстныхъ книжныхъ магазинахъ С.-Петербурга, Москвы и большихъ губернскихъ городовъ.

СОДЕРЖАНІЕ: Озерки (съ рис.)—Нупленное счастье. Романъ Н. Морскаго. (Продолженіе).—Два очерка Бретъ-Гарта.—Черновъ св. Андрея Стратилата (съ рис.) Переселенцы (съ рис.)—Девятая пѣснь „Луизиды“ Камонса (съ рис.)—Въ Испаніи (съ 2 рис.)—Изъ памятной книжки. Стиховъ П. Гибдича.—Бичъ человечества Докт. Э. И. Нивинскаго.—Налабарскій бобъ. Очеркъ.—Податки обор.—Смѣсь.—Рѣшеніе задачи ходъ коня.—Рѣшеніе шашечной задачи.—Почтовый ящикъ.—Объявленія.

Издатель А. Ф. Маристъ.

Редакторъ Ф. Бергъ.

О Б ъ я в л е н і я .

СИТРОНАДЪ И ОРАНЖАДЪ МОСКОВИТЬ КЕЛЕРА.

Изъ свѣжихъ лимоновъ и апельсиновъ съ вполнѣ сохраненнымъ ароматомъ этихъ фруктовъ, для лимонадовъ, пунша, мороженнаго, желе, и всякаго рода кушанья стеклянка на 50 стак. лимонада 50 к., на 100 стак. 90 коп. Торговцамъ значительная скидка.

Продажа въ аптекарскихъ магазинахъ

Р. КЕЛЕРЪ И К° ВЪ МОСКВѢ.

Продажа въ С.-Петербургѣ въ магазинахъ брат. Елисеѣвыхъ. № 839 3—3.

ВАЖНО ДЛЯ СЕЛЬСКАГО ХОЗЯЙСТВА.

Франкфуртскія молотилки системы Вейла.

Должны быть вездѣ, гдѣ молотятъ. Это самыя лучшія, прочныя извѣстныя, дешевыя машинныя этаго рода. Всякій работникъ можетъ ихъ поставить, каждый поделщикъ можетъ ими пользоваться) съ ними справиться, каждый кузнецъ можетъ ихъ починить.

Машинныя эти, съ чистильщикомъ или безъ него, доставляются за каждую желѣзнодорожную станцію. Самой малой величиной молотилка стоитъ только 76 рублей. По письменному требованію иллюстрированный каталогъ у **МОРИЦА ВЕЙЛА** младшаго.

Машинная фабрика въ Франкфуртѣ-на-Майнѣ (въ Германіи).

Корреспонденція по русски.

Ptr. № 65?

18—11

МОЖНО ПОЛУЧАТЬ

въ Москвѣ въ собственныхъ магазинахъ: Никольская ул., домъ Востанжоголо. Ильинка, д. Троицкаго подворья. Петровка, домъ Петровскихъ дѣтей.

Съ С.-Петербургу: у Рузанова, Савельева, Сафронова, Аверьянова, Урдулоу и Рейнбергъ. Литейная, на углу Вассейной улицы, и у прочихъ главныхъ торговцевъ. № 610. 18—14

Вышла и поступила въ продажу новая книга:

„ТВЕРДОСТЬ ХАРАКТЕРА“.

Романъ изъ современной жизни, съ событиями послѣдней войны 1876—1877 гг. Сочиненіе В. Марьина. Цѣна 2 руб., съ пересылкою 2 руб. 25 коп. Книгопродавцамъ обочная уступка.

Складъ изданія въ книжной торговлѣ при редакціи „Собранія Романовъ“, въ домѣ Жербина, на Михайловской площади, въ С.-Петербургѣ. № 504 10—8

Въ книжныхъ магазинахъ появи-
лась въ продажѣ новая брошюра:

НАУЧНЫЯ НОВОСТИ.
ВЫПУСКЪ ПЕРВЫЙ.

Содержаніе: Современныя откры-
тія въ области научной медицины.—
Работы Пастера, Тиндаля, Вюрца,
Поль Бера, Жубера, Микеля и Ле-
пья.—Вліяніе пыли на здоровье и
значеніе дезинфекціи.—Наблюденія
надъ пылью въ Парижѣ.—Новый
способъ предупрежденія болѣзней
посредствомъ прививки.—Сибирская
язва.—Прививка куриной холеры.—
Новый способъ леченія болѣзней
пылью морской воды.—Поворотъ
въ современной медицинѣ къ поня-
тіямъ древнихъ.—Пищеварительная
способность сока дыни.

Открытіе проф. Бредихиннымъ за-
коновъ новой отталкивательной си-
лы солнца.
И. Хайновскій.

Цѣна 30 коп.

Складъ изданія: Москва, Брюсовъ
переул. домъ Рюмина. П. М. № 856

ИЗДАНЕ ЮРГЕНСОНА.

Только что вышли изъ печати:

Генриха Венявскаго
ор. 23 Жига для скрипки съ
фортеціано ц. 75 коп.

Юсіфа Венявскаго.

ор. 28 на Океанѣ, пьеса для фор-
теціано въ 2 руки—ц. 90 коп. и
его же ор. 30. 2-ой Вальсъ въ 2
руки—80 коп. Москва у

П. ЮРГЕНСОНА:
Неглинный 10. С.-Петербургъ у
И. Юргенсона, В. Морская, 9.
П. М. № 854

СПЕЦИАЛЬНОСТЬ

собственного завода.

ПОЖАРНЫЯ ТРУБЫ

всякаго рода.

НАСОСЫ

для всякаго употребленія.

Новый огнетушитель

КОСМОПОЛИТЬ,

рекомендуется со склада

Альфредъ Лангензипенъ.

С.-Петербургъ, Мал. Игавьянская, № 11.
Иллюстрированное прейсъ-курантъ без-
в. № 845 платно. 5—2

СКЛАДЪ ПИСЬМЕННЫХЪ ПРИНАДЛЕЖНОСТЕЙ ФАБРИКИ

А. В. ФАБЕРЪ.

С.-Петербургъ, Большая Морская, № 15.

Фабрикъ въ Штейнѣ при Нюрнбергѣ существуетъ съ 1761 года. Торговые дома
въ Парижѣ, Лондонѣ, Берлинѣ и Нью-Йоркѣ.

ШКОЛЬНЫЯ ПРИНАДЛЕЖНОСТИ.

Громадный выборъ при самыхъ дешевыхъ цѣнахъ.

Графитные и цѣвтные карандаши и грифели въ громадномъ выборѣ.

Ручки для перьевъ, стальные перья, чернила, резинки, карманные и радирные
ножнѣ, равно и для разрыванія бумаги, ножницы, личинки, чернильницы, бюва-
ры, гарнитуры для письменнаго стола, портфели для бумагъ и для нотъ, записныя
книжки, перовники, ащетки для красокъ, готовальня, школьныя сумки, ремни школь-
ныя, ранцы и т. д.

БУМАГА СЪ МОНОГРАММАМИ

въ 6 полныхъ алфавитахъ.

Картонъ съ 50 листами и 50 конвертами отъ Р. С. 1 р 50

НОВО! НОВО! НОВО!

Автоматическая ручка для перьевъ Р. С. 1 р. 50.

(Porte-plume Prioux)

наполняется чернилами на двѣ недѣли. Нѣтъ болѣе чернильныхъ пятенъ.

АВТОМАТИЧЕСКІЕ КАРАНДАШИ ПО 50 КОП.

величайшая экономія такъ какъ графитъ никогда не ломается.

ЧУДО ПЕРО („KAVUL PENCHOLDER“) ПО 50 КОП.

Для письма водою! Трехъ цвѣтовъ: черные, красные и синіе.

Запасныя краски къ нимъ по 6 въ пачкѣ по 25 коп.

Каждой изъ этихъ красокъ, при ежедневномъ употребленіи хватить на 4 недѣли.
При заказѣ изъ провинцій болѣе чѣмъ на 5 этихъ трехъ новыхъ предметовъ
вѣстѣ, почтовые расходы не считаются. Pт. № 852 6—1

ВАЖНО ДЛЯ ХОЗЯЙСТВА.

Публика не можетъ быть довольно внимательна на новое
учрежденіе, такъ какъ она имѣетъ не только что самое новое
и практичное въ освѣтительныхъ принадлежностяхъ, но и при-
держивается къ главному правилу, предлагаетъ публикѣ хоро-
шій товаръ по дешевымъ цѣнамъ.

Она находится на Невскомъ проспектѣ, въ домѣ Заремба,
№ 49, рядомъ съ московской гостиницей, подъ фирмою:

ЭРНЕСТЪ ВИНТЕРЪ.

К. № 857.

Извѣстный по своимъ свойствамъ предотвращающимъ прѣвнѣ
частей тѣла, въ особенности же ножныхъ пальцевъ,

ГАЛЬМАНИНЪ

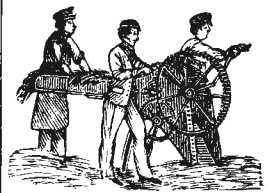
продается въ аптекахъ, а также у дрогистовъ во всѣхъ значительнѣйшихъ городахъ
Европы. Главное депо въ алгебѣ изобрѣтателя *мамытра фармацевта В. Карпинскаго*
въ гор. Варшавѣ, по Электральной ул., № 35. Большая коробочка гальманина стоитъ
въ Варшавѣ 50 к., меньшая 30 к.

Нужно остерегаться поддѣлокъ.

№ 587 12—11

В. Карпинскій.

ШТИФТОВЫЯ МОЛОТИЛКИ.

Эти моло-
тилки при
надле-
жать къ
лучшимъ
настоя-
щаго вре-
мени. Онѣ
дешевы,
прости,
прочны,
занима-
ютъ мало
мѣста, не
овалачива-
ютъ зерно,
и обмалчи-
ваютъ хлѣбъ
самымъ со-
вершен-
нымъ обра-
зомъ, не
оставляя въ
колосѣхъ
ни одного
зерна. Всѣ
чувствитель-
ныя механиз-
мы устраи-
ены и кажды
простой гу-
сецъ можетъ
исправить
всякое повре-
жденіе.
Цѣна руч-
ной молотил-
ки 85 р., мо-
лотилки съ
одноконнымъ
приводомъ и
соломотра-
сомъ 340 р. 6.
Производи-
тель. отъ 100
до 400 сноповъ
въ часъ, смотря
по размѣру.

Склады у Товарищества
БУРКГАРТЪ и УРЛАУБЪ.
С.-Петербургъ, Вас. Остр., 1-я линія, № 10
и въ Москвѣ по Мясницкой д. Сытова.
Кромѣ того имѣются въ наличности: зем-
лѣдѣльческія машины, пожарныя трубы и па-
росы всякаго рода, паровыя и заводскія ма-
шины, котлы, локомотивы и пр. и пр.
№ 838 3—3

ПРАКТИЧЕСКАЯ АРИФМЕТИКА
П. С. Гурьева, 1880 г. Книга I-я:
Низшій курсъ доступный для
всѣхъ. Цѣна 75 коп. Книга II-я
печатается.
Складъ въ типографіи В. Безо-
бразова и Комп. (СПБ. Вас. Остр.
8-я линія, № 45).
Книгопродавецъ. обычная уступка.
№ 836 3—3

ПРИГOTOВИТЕЛЬНЫЙ ПАНСИОНЪ
для мальчиковъ г-на А. Сибирь,
В. О., 5 л., домъ 48/19.
Воспитанники приготавливаются во всѣ
среднія учебныя аведенія. Приемъ учениковъ
ежедневно съ 10 до 4 часъ дня. 19 августа
экзамены вновь вступающимъ. Начало зпа-
ній 20 августа. № 851 1

**ВСѢХЪ МАШИНЪ И МЕХАНИЧЕСКИХЪ
ПРИБОРОВЪ**
приготавливаемыхъ въ Германіи, Фран-
ціи и Бельгіи, доставляетъ по насто-
ящимъ фабричнымъ цѣнамъ, при-
нимаетъ на себя отправка у до послѣд-
ней станціи желѣзной дороги за
умѣренную комиссію.
Морицъ Вейль младшій. Машин-
ная фабрика въ Франкфуртѣ на
Майнѣ (Германія). Р. № 841 18—2

АВГУСТЪ НАУМАНЪ и Комп.

20. С.-Петербургъ, Гороховая улица 20.

(въ зданіи Воспитательнаго дома).

ОГНЕУПОРНЫЙ, АСФАЛЬТОВЫЙ, КРОВЕЛЬНЫЙ

ТОЛЬ,

со всѣми къ нему принадлежностями.

Принимаютъ на себя покрытіе и окраску крышъ.

ШВЕДСКІЙ КАРТОНЪ,

для обивки деревянныхъ стѣнъ, потолковъ и проч.

Прейсъ-курантъ и всѣ свѣдѣнія выдаются и
высылаются бесплатно.

Mat. № 688 4—4

**КОРСЕТЫ, ПОЯСА
И
БАНДАЖИ**

одобренныя С.-Петербург-
скими врачами.

Корсетъ, сохраняющій
здоровье и исправляющій
самую испорченную талию
Бандажи и корсеты для
беременныхъ, пояса для
подвижной почки, пояса
послѣ родовъ, пояса пу-
почной грыжи, бандажи
для паховыхъ грыжъ, кор-
сеты дѣтскіе съ высокою
спиной и бинтъ для со-
грѣвающихъ компрессовъ.

Литейный просп.
№ 59, близъ Нев-
скаго проспекта,
магазинъ
К. Гербера.

№ 853 1—1

При этомъ № прилагается для гг. иногородн. подписч. (за исключ. московскихъ) прейсъ-курантъ отъ чайнаго магазина К. Е. Ниселева въ Москвѣ.

НИВА

ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ
ЖУРНАЛЪ
ЛИТЕРАТУРЫ

ПОЛИТИКИ И СОВРЕМЕННОЙ ЖИЗНИ.

XI годъ
№ 36

годъ XI
1880

ВЫХОДИТЪ ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫМИ №№ въ два листа съ 6—10 рис. и еженесячн. даровымъ ПРИЛОЖЕНИЕМЪ „ПАРИЖСКИХЪ МОДЪ“ (отъ 20 до 40 модн. рис.)
Выдавъ 6 Сентября 1880 г. и ЛИСТА ЧЕРТЕЖ. ВЫКРОЕКЪ (отъ 22 до 30 рис.) разн. рис. рукод. работъ (отъ 20 до 40 рис.) Цѣна этаго № „Нивы“ 20 к. съ перес. 25 к.

ОБЪЯВЛЕНІЯ
для напечатанія въ „Нивѣ“ принимаются по 25 к. за строку непарной (въ 1/2 ширины страницы).
КОНТОРА
журнала открыта ежедневно (кроме воскресныхъ и праздничныхъ дней) отъ 10 ч. утра до 6 ч. вечера.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА „НИВУ“ 1880 г.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА НА ГОДОВОЕ ИЗДАНИЕ „НИВЫ“:

Безъ доставки въ Петербургъ . . . 4 р.
Безъ доставки въ Москву чрезъ кн. маг. гг. Шапошникова, Соловьева и Лангъ. 5 р.

Съ доставкою „ „ 5 р.
Съ пересылкою въ Москву и другіе города Россіи 6 р.

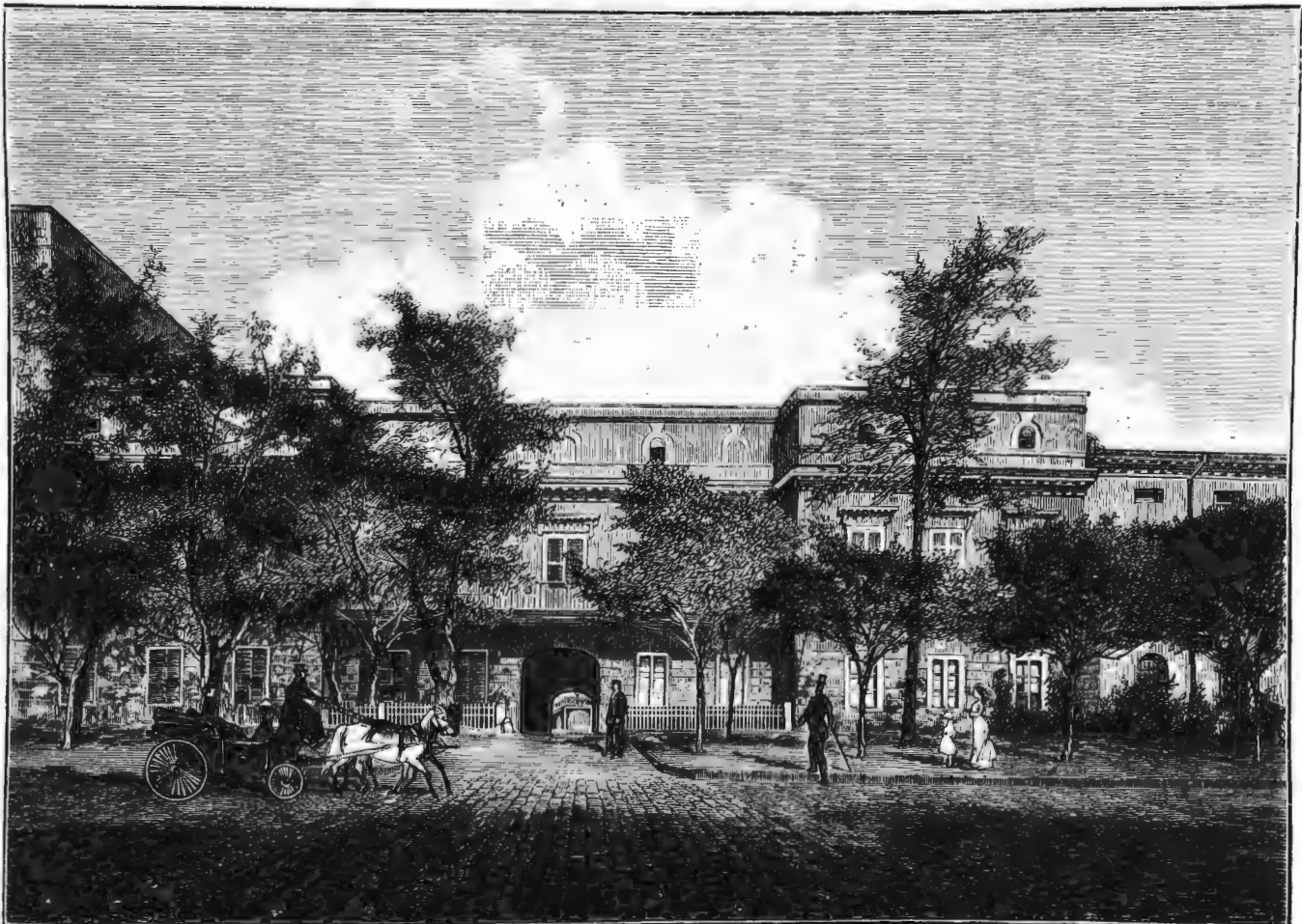
На полгода безъ доставки 2 р., съ доставкою 2 р. 50 к., съ пересылкою иногороднымъ 3 р.

Каждый новый подписчикъ получаетъ все уже вышедшіе въ 1880 г. номера.

ПРИЛОЖЕНІЯ.
Особня приложенія при „Нивѣ“ объявленія отъ торговыхъ домовъ принимаются для мног. по 5 р. съ тысячи, для городскихъ по 4 р.
РУКОПИСИ
Мелкія рукописи и стихи неудобны къ печати, авторамъ не возвращаются.

КОНТОРА ЖУРНАЛА „НИВА“ ПОМѢЩАЕТСЯ ВЪ С.-П.-БУРГѢ НА Б. МОРСКОЙ ВЪ Д. № 9.

При этомъ № прилагаются ПАРІЖСКІЯ МОДЫ за СЕНТЯБРЬ 1880 г. съ 28 рисунками и отдѣльный листъ съ 23 чертеж. выкроекъ въ натуральную величину и съ 28 рисунками рукодѣльных работъ.

Домъ, въ которомъ жилъ Пушкинъ въ Одессѣ въ 1823 году. Съ фотогр. рисов. В. Шлахъ, грав. М. Рафевскій.
Библиотека "Руниверс"

Пушкинъ въ Одессѣ въ 1823 г

„И такъ, я жилъ тогда въ Одессѣ“.
(Евгеній Онѣгина).

Одесса, какъ и многіе другіе города, въ день открытія памятника Пушкину въ Москвѣ, не осталась безучастною свидѣтельницею этого торжества. Здѣсь, въ этотъ день, въ актовомъ залѣ университета состоялось торжественное собраніе, на которомъ постановлено открыть подписку на устройство пушкинскаго фонтана и, ходатайствовать о разрѣшеніи пазвать Итальянскую улицу Пушкинскою. На этой улицѣ у воротъ дома Сикара (изображеннаго на нашемъ рисункѣ) 6 іюня прибита мраморная доска съ надписью „здѣсь жилъ Пушкинъ въ 1823 г.“ Самый актъ прибитія этой надписи былъ обставленъ нѣкоторою торжественностью: члены славянскаго благотворительнаго общества прибыли всѣ вмѣстѣ, прямо изъ засѣданія, къ дому Сикара и осматривали домъ и надпись.

Домъ Сикара, въ то время, когда въ немъ жилъ Пушкинъ, вмѣщалъ въ себѣ старѣйшій въ Одессѣ Hôtel du Nord. Сюда пріѣхалъ Пушкинъ изъ Кишинева, вмѣстѣ съ новороссійскимъ ген. губернаторомъ гр. М. С. Воронцовымъ, канцелярія котораго, по званію намѣстника бессарабскаго, была переведена въ Одессу одновременно съ назначеніемъ его ген. губернаторомъ. Приэтой канцеляріи состоялъ, какъ извѣстно, Пушкинъ. Въ „Евгеніи Онѣгинѣ“ мы находимъ нѣсколько подробностей, которыя представляютъ прекрасную характеристику самого поэта за время, которое онъ провелъ въ Одессѣ. Здѣсь же, по свидѣтельству И. С. Пущина, Пушкинъ писалъ „Онѣгина“, писалъ на лоскуткахъ бумаги, въ постели. Разъ ему шутя замѣтили, что при описаніи театра, для полноты сходства, слѣдовало бы упомянуть и о манерѣ поэта наступать всѣмъ на ноги въ проходахъ между креслами и Пушкинъ вставилъ стихи: „Идетъ межъ кресель по ногамъ“...

На улицахъ Одессы Пушкинъ показывался всегда въ черномъ сюртукѣ и фуражкѣ съ желѣзной палкой въ рукѣ, но въ Casino, о которомъ онъ упоминаетъ въ Онѣгинѣ, его видѣли иногда въ кишиневскомъ архаукѣ и фескѣ. Сюртукъ застегивалъ онъ постоянно до галстука на всѣ пуговицы, воротничковъ никогда не было видно. Волосы всегда были коротко острижены или даже обриты („я ускользнулъ отъ эскулана большой, обритый, но живой“), на рукѣ носилъ большое золотое кольцо съ гербомъ.

Изъ близкихъ лицъ Пушкину, профессоръ Зеленецкій упоминаетъ А. И. Левшина, А. Н. и Н. Н. Раевскихъ, Туманскаго и одного англичанина, о которомъ Пушкинъ выражался, какъ о единственномъ умномъ атеѣ (атеистѣ) какого онъ только встрѣчалъ. Одно время поэтъ былъ окруженъ польскими панями — помѣщиками, пріѣзжавшими часто въ Одессу и умѣвшими всегда найти доступъ къ другу своего „бессмертнаго Адама“, какъ они называютъ Мицкевича.

По утрамъ Пушкинъ постоянно читалъ или писалъ, стрѣлялъ въ цѣль и гулялъ по улицамъ.

„Бывало пушка зарева
Лишь только грянетъ съ корабля,
Съ крутаго берега сбѣгая,
Ужъ къ морю отправляюсь я“.

Книги бралъ онъ изъ книжнаго магазина француза Рубо. Обѣдалъ то въ греческомъ ресторани Димитраки, то въ Hôtel du Nord, то у Оттона.

„Шумъ, споры—легкое вино
Изъ погребовъ принесено
На столъ услужливымъ Оттономъ.
Часы летать а грозный счетъ,
Межъ тѣмъ невидимо растетъ“.

Иногда Пушкинъ отправлялся на дачу Рено, гдѣ любовался „гордою краскою“ моря. Вечера въ Одессѣ поэтъ проводилъ въ обществѣ, посѣщая балы у графа Воронцова или же бывалъ у негоціанта Ризничъ, на Херсонской улицѣ, гдѣ игралъ въ карты съ хозяйкой и любезничалъ („На языкѣ тебѣ невнятномъ“). Ходилъ иногда въ оперу и балетъ. Что касается службы въ канцеляріи графа Воронцова, то, по всѣмъ вѣроятіямъ, она была необременительна. Преданія сохранили одинъ эпизодъ: въ 1824 году Пушкинъ былъ командированъ въ Херсонскій уѣздъ, для принятія мѣръ противъ саранчи, вмѣстѣ съ двумя батальонами солдатъ. Онъ поѣхалъ въ уѣздъ но, вмѣсто донесенія, прислалъ будто бы шуточные стихи, что впрочемъ мало вѣроятно.

30-го іюля Пушкинъ уже уѣхалъ изъ Одессы.

Самъ поэтъ не особенно впрочемъ жалѣлъ, что судьба забрала его въ Одессу. Кромѣ нѣсколькихъ главъ „Евгенія Онѣгина“, написанныхъ здѣсь, почти всѣ стихотворенія, помѣченныя 23-мъ и 24 годами, написаны въ Одессѣ подъ впечатлѣніемъ юга:

„Но солнце южное, по море...
Чего жъ вамъ болѣе друзья?
Благословенные края“.

Домъ, въ которомъ помѣщался Hôtel du Nord, представленный на нашемъ рисункѣ, при Пушкинѣ былъ почти въ томъ же видѣ, въ какомъ сохранился въ настоящее время. Только не было акацій на улицѣ. Поэтъ писалъ:

„Кой гдѣ недавній грудъ поставилъ
Младья вѣтви въ знойный день
Давать насильственную тѣнь...“

А теперь бѣлая акація выросла выше дома. Не было и той прекрасной мостовой, какую мы видимъ на рисункѣ. Впрочемъ, уже и при Пушкинѣ начинали мостить городъ, что видно, между прочимъ изъ стиха:

„Но ужъ дробить каменя молотъ
И скоро звонкой мостовой
Покроется спасенный городъ,
Какъ будто кованной броней“.

За то были при Пушкинѣ опера и балетъ. Воспоминаніями объ оперѣ и о природѣ юга кончаются отрывки изъ путешествія Евгенія Онѣгина:

„Сны Авзоніи счастливой
Слегка поютъ мотивъ игривой,
Его неволью затвердивъ,
А мы режемъ речитативъ.
Но поздно. Тихо спитъ Одесса,
И бездыханна и тепла
Нѣмая ночь. Луна взошла
Прозрачно-легкая завѣса
Объемлетъ небо. Все молчитъ,
Лишь море Черное шумитъ...“

КУПЛЕННОЕ СЧАСТЬЕ.

Романъ Н. Морскаго.

(Продолженіе).

XXXII.

За занавѣсью.

Она осталась, какъ онъ покинулъ ее, стоящею посреди комнаты, окутанною дымкою голубыхъ тѣней, отбрасываемыхъ оконными занавѣсками, забывъ обо всемъ, точно оглушенная сильнымъ ударомъ, испытывая какое то странное ощущение убѣгающаго изъ подъ ея ногъ пола, движущихся въ ея глазахъ стѣнъ, потолокъ и оконъ... То о чемъ узнала она, что потрясло ее, перевернуло весь строй ея мыслей, оборвало разомъ всѣ ея симпатіи и вѣрованія, въ эту минуту отошло на задній планъ и какъ бы даже не существовало, затѣненное страннымъ вниманіемъ ея къ своему, такъ сказать, физическому состоянію, къ рѣшенію заданнаго ею себѣ вопроса—упадетъ она или нѣтъ—къ мимолетному наблюденію за кажущимися ей измѣненіями въ положеніи пред-

метовъ... Сердце ея замедляло свои быстрыя сокращенія и какая то гнетущая тоска разливалась по всему тѣлу, задерживая дыханіе... Это было то страшное состояніе организма, которое находитъ для себя легчайшее разрѣшеніе въ рыданіяхъ, въ дикомъ смѣхѣ съ искаженнымъ лицомъ, въ какомъ нибудь требующемъ энергическаго напряженія мускуловъ — движеніи... Съ задернутыми мутной завѣсой глазами, она вдругъ почувствовала въ себѣ горячее и жгучее движеніе гнѣва, поднимающееся къ самому ея горлу, на минуту захватившее было ея духъ и нашедшее себѣ облегченіе въ вырвавшемся изъ ея груди глухомъ хрипломъ стоиѣ... Ея сердце, такъ еще недавно замирающее до остановки — сначала чуть замѣтно, а потомъ все сильнѣе и учащеннѣе, забилося въ груди... Она сжала, ломая, свои пальцы и изъ ея сухихъ глазъ выдавились слезы, не облегченія, но гнѣва, негодованія. Ощущаемая въ ногахъ слабость,

колебаніе пола, кажущееся измѣненіе положенія стѣпъ, потолка и оконъ—изчезли; она стояла твердо на ногахъ, блѣдная и трепещущая отъ гнѣва среди перемежающихся и колеблющихся, не менѣе ея самой, голубоватыхъ тѣней...

Великій Боже!.. Всѣ Твои сыны, всѣ дѣти Твои! кому-же, кому давалъ Ты право... И что сдѣлали изъ нея!.. Мало того, что у нея отняли дѣтство, милое, беззаботное дѣтство, окрашенное нѣжно розовыми оттѣнками счастья, отняли юность, открытую вѣроваціямъ въ идеаль, въ возможность достиженія на землѣ правды и добра, въ возможность ихъ царства на землѣ,— мало того, что взамѣвъ всего этаго ее надѣлили въ годы вѣры—недовѣрчивостью, скрытностью и холодностью, мало того, что ее бросили въ объятія человѣка, котораго она не любила,—ей показали обманомъ счастье, заставили ее въ годы, когда человѣкъ достигаетъ полнаго развитія своихъ страстей и способностей, въ тѣ годы, когда разумъ можетъ бороться съ чувствомъ, заставили повѣрить ее въ то, чему она не вѣрила прежде, заставили пережить ее въ короткій промежутокъ времени и счастливое дѣтство, и меланхолическую юность, заставили ее полюбить!.. И вдругъ—вдругъ, однимъ взмахомъ обнаружил передъ ней обманъ, отдернули розовыя завѣсы, открыли ея, возмущеннымъ зрѣлищемъ, глазамъ смрадное и ужасное болото, которое она не видѣла, но которымъ была окружена... Ей, безвѣстной сиротѣ, дали отца и мать... Вонъ, она какая счастливица: у нея есть отецъ и мать!.. Не профанация-ли это такихъ святыхъ именъ?.. Эти нѣжные и кроткіе облики слились въ ея глазахъ въ изображеніе невысокой женщины еврейскаго типа, съ горбомъ, съ морщинистой кожей на лицѣ, съ выпяченной нижней губой, съ бѣгающими глазками, при видѣ которой ввѣренный ея попеченіямъ ребенокъ дрожитъ и блѣднѣетъ и предпочитаетъ броситься въ окно на мостовую въ ту пору, когда голова занята играми, предпочитаетъ разбиться, умереть,—въ девять, въ десять лѣтъ умереть! нежели продолжать жить съ ней!.. Ей дали мужа наконецъ, который заставилъ ее уважать себя за то, что продалъ ее другому...

Другому!.. она вдругъ сдѣлала шагъ и не сознавая ясно куда и зачѣмъ идетъ, поникнувъ головою, двинулась по открывающейся анфиладѣ комнатъ, богато убранныхъ и изукрашенныхъ, соединяющихъ голубую гостиницу съ ея будуаромъ... Другому!.. Все, все могла бы она перенести, съ болью сердечною перенести, но не этотъ позоръ!.. Ахъ, она такъ вѣрила въ улынувшееся ей счастье!.. Но то были слова, одни слова!.. Ей вдругъ представился образъ ея супружеской жизни: она все одна и одна; мужъ рѣдко, рѣдко зайдетъ къ ней, побудетъ съ ней часъ, другой и слова—за свои книги, за свой заводъ... Онъ именно приходитъ къ ней, какъ къ забавѣ, какъ къ вещи, которую купилъ, унился до согласія на подобную куплю, не сказавъ ей объ этомъ ни слова... Жѣну себѣ купилъ, для забавы, для минутныхъ прихотей ее себѣ купилъ!.. Она смотрѣла по сторонамъ... Вотъ сиреневый будуаръ. Слезы брызнули изъ ея глазъ.. Милый мой!.. я не гнѣвною иду къ тебѣ, но прощающею, руки твои цѣлующею, милые глаза твои... Я иду къ тебѣ, счастье мое, благодарною за тѣ немногія радости, которыя ты внесъ въ мою печальную жизнь... Но я люблю въ тебѣ того смягченнаго въ крутомъ нравѣ человѣка, который бы не сдѣлалъ изъ женщины, изъ жены — покупное... У такого смягченнаго, способнаго внести въ жизнь радости, способнаго отереть слезы у плачущаго — я и руки цѣлую; ты правъ, это ты не солгалъ: ты страшное имя несешь... Помнишь, ты сравнивалъ себя съ кѣмъ? на такого есть у меня иныя слова и эти-то жесткія слова—я скажу тебѣ... Ты ихъ достоинъ, ты ихъ заслужилъ!..

Она быстрымъ и рѣшительнымъ шагомъ оставила будуаръ и вошла въ уборную, въ глубинѣ которой ма-

ленькая, на половину стеклянная дверь, задернутая зеленой тафтой, вела въ рабочій кабинетъ мужа... Также быстро она приблизилась къ двери, хотѣла ее отворить, взялась было за ручку, но вдругъ остановилась—что она скажетъ ему?.. И можетъ-ли она что сказать?.. Она осторожно приподняла тафтяную занавѣску и смотрѣла жадными глазами въ полутемный, какъ всегда, кабинетъ... Она видѣла шкафы съ книгами, физическіе инструменты, большой заваленный бумагами, книгами и газетами, письменный столъ... Мужъ сидѣлъ къ ней бокомъ, погруженный въ чтеніе, ероша свои черные волосы... Вѣроятно желая обдумать что либо изъ прочитаннаго, онъ на время оторвался отъ книги, откинулся на спинку кресла и закрылъ глаза. Прощай, прощай, мой милый!.. Я не войду, я не буду мѣшать тебѣ... Я боюсь войти: кто знаетъ, можетъ взглянувъ на меня своими кроткими и любящими глазами,—ты снова заставишь вѣрить, что любишь во мнѣ не забаву, а человѣка; вѣдь вѣрила-жъ я?.. А между тѣмъ—ты меня купилъ, купилъ свое счастье!.. Мы женщины такія... насъ легко обмануть.. Но я не хочу быть обманутой, не хочу жить у тебя купленою... Прощай...

И въ этой борьбѣ, она быстро опустила занавѣску, побѣжденная отращеніемъ, уничтожая, вырывая съ корнемъ любовь... Тамъ, за этой тонкой тафтой, сидитъ тотъ, кого она рѣшилась не видѣть болѣе никогда... Уйди, убѣжать отъ него!.. Навсегда, скорѣй!..

XXXIII.

Безъ пріюта.

Катерина Александровна вышла изъ дому пикѣмъ незамѣченная. Сама ясно не отдавая себѣ отчета въ томъ, что дѣлаетъ и куда идетъ, она поспѣшными шагами шла по направленію къ Нарвской заставѣ, движима какимъ-то страхомъ, что ее увидятъ изъ дома и воротятъ назадъ, воротятъ туда, куда она не хотѣла болѣе возвращаться. Конечно этаго бы никто не сдѣлалъ, но въ томъ состояніи, въ которомъ находилась Катерина Александровна—подобный случай казался ей возможнымъ. Въ головѣ молодой женщины господствовала одна мысль, мысль о необходимости куда нибудь бѣжать отъ купившаго ее человѣка, но какого нибудь признака даже плана, относительно того къ кому бѣжать, гдѣ искать себѣ пристанища, у нея не было. Находили на нее только дикія мысли, одна безумная и неосновательнѣе другой: приходила конечно мысль и о смерти, о самоубійствѣ, но она съ ужасомъ оттолкнула отъ себя ее. То, что другому измученному организму казалось бы единственнымъ возможнымъ средствомъ сразу прекратить всѣ муки, всѣ испытываемыя имъ страданія, то являлось ей иначе и заставляло вздрагивать въ невольномъ ужасѣ—казалось страшнымъ, превышающимъ ея силы. Долго не находящія себѣ исхода и воли дѣятельности, ея душевныя способности, многія изъ которыхъ не успѣли и до сихъ поръ быть можетъ развиваться въ надлежащій свой ростъ, таили въ ней богатый запасъ жизненной энергіи, только съ исчезновеніемъ которой мыслима возможность произвольнаго лишенія себя жизни. Какъ ни были ужасны переживаемыя ею минуты, тѣмъ не менѣе она не чувствовала въ себѣ желанія порвать ихъ смертью, а желала уединиться, уйдти отъ нихъ куда нибудь въ тишину, чтобы, уединившись, обдумать то, что ей слѣдуетъ предпринять далѣе. Все это впрочемъ смутно пронеслось въ ея головѣ и сама не отдавая себѣ отчета въ своихъ отрывочныхъ и безсвязныхъ мысляхъ, она бѣжала впередъ, не разбирая ни тропинокъ, ни грязи, по которой ей приходилось идти.

У Нарвскихъ воротъ она немного пришла въ себя... Торопясь уйдти изъ дома, она набросила на себя тальму и пляну, тщательно укрылась вуалемъ, но въ попыткахъ забыла надѣть калоши и не подобрала трѣна. Теперь она сообразила, что ея ноги промокли на-

Моплиной новый мостъ черезъ Волгу (близъ Сызрань, на Оренбургской желѣзной дорогѣ). По фотогр. рис. Н. Каразинъ, грав. М. Рашевскій.

сквозь, что ея платье выпачкано въ грязи. Весенній вѣтеръ дулъ ей на встрѣчу, откидывалъ полы ея тальмы. Она чувствовала, что ея лицо горитъ, тогда какъ ноги превратились въ совершенный ледъ. Все еще не имѣя опредѣленной цѣли, къ которой бы ей хотѣлось стремиться, она увидѣла только что остановившійся дилижансъ буро-коричневаго цвѣта, возящій отъ Нарвскихъ воротъ чуть-ли не къ Большому театру, дилижансъ, изъ котораго вылѣзали, видимо черезъ мѣру наполнявшіе его вмѣстимость, пассажиры. Изрядная кучка публики ожидала возможности замѣнить собою вылѣзшихъ. Двое тулуповъ уже взгромоздились на козлы. Съ Катериной Александровной было нѣсколько, случайнымъ образомъ захваченныхъ, денегъ, не болѣе двухъ-трехъ рублей. При видѣ дилижанса ей пришла мысль сѣсть въ него, чтобы скорѣе уѣхать подалѣе отъ того дома, изъ котораго она убѣжала. Она спѣшила перейти площадь, попрежнему не разбирая куда ступали ея ноги... За вылѣзшими изъ кузова дилижанса пассажирами—кучка ожидающихъ столпилась у подножки, все уменьшаясь и какой-то непрерывною цѣпью, подталкиваемой рукою одѣтаго въ неопредѣленнаго цвѣта ливрею кондуктора, втискиваясь во внутрь дилижанса. Катерина Александровна пришла послѣднею, думая, что ее некуда помѣститъ; но благодѣтельная рука кондуктора всунула и ее, втиснувъ между какими-то чуйками. Простоявъ нѣкоторое время еще зазвать недостающихъ на козлахъ пассажировъ, подпрыгивая и трясясь, дилижансъ тронулся въ путь.

Ясное небо заволакивалось тучами, обѣщая снѣгъ или дождь. Благовѣстили къ вечернѣ. Катеринѣ Александровнѣ было необычайно душно и жарко, не смотря на отворенную дверь, сидѣть въ тѣснотѣ; лицо ея горѣло, только ноги оставались попрежнему холодны, да въ суставахъ ногъ и рукъ чувствовалась кака-то ломота, точно она слегка разшиблась, упавъ гдѣ нибудь. Одно время была болѣе опредѣлившаяся и выяснившая мысль, обѣщавшая въ концѣ концовъ привести ее къ чему-либо опредѣленному—но смѣнилась въ ней прежней туманностью, какъ бы даже беззаботностью, нежеланіемъ думать о чемъ-либо, точно дума для нея въ это время имѣла какое-то второстепенное значеніе, точно ее возможно было отложить до болѣе удобнаго времени. Что-то въ родѣ легкаго забытья, поэма ко сну—показалось ей. Въ туманѣ сознанія чей-то неясный, но ужасающій ее, заставляющій содрогаться, ликъ мелькалъ передъ нею. Былъ-ли то отецъ ея, было ли это какое-то болѣзненное представленіе, она не могла уяснить себѣ. Въ такомъ состояніи опредѣленно сказавшемъ ей, что она простужена, Катерина Александровна вышла на площади Большаго Театра, гдѣ остановился дилижансъ и сама не зная куда идти, чувствуя что голова ея горитъ, что силы слабѣютъ на столько, что не смотря на довольно холодный вѣтеръ, она идетъ какъ бы въ испаринѣ, находя какое-то облегченіе въ томъ, что этотъ вѣтеръ обдуваетъ ей лицо, проникаетъ въ неплотно закрываемую тальмой грудь, что пошедшій крупными хлопьями снѣгъ падаетъ ей на лобъ, смачиваетъ сухія губы—направилась къ той части Офицерской, которая идетъ къ Коломенѣ, проходя мимо Демидова сада. Она перешла мостикъ, соединяющій Театральную площадь у самаго Маринскаго театра съ Офицерской и остановилась, чувствуя боль во всѣхъ суставахъ, у перилъ канала, ведущаго отъ Мойки къ Екатерининскому каналу. Платьемъ она отерла выступившій на ея лицѣ потъ, откинула вуаль и подняла голову. Вдругъ что-то вздрогнуло въ ней и ея, носачіе несомнѣнный отпечатокъ страданія, глаза, расширились и неподвижно устремились впередъ. Передъ нею съ темными окнами, точно съ провалившимися глазами, стояла Литовская тюрьма.

Каковъ онъ, этотъ несчастный, похожъ-ли на меня?.. По троттуарамъ взадъ и впередъ прохаживался часо-

вой, доходя до угла Офицерской и той канавы, около которой стояла Катерина Александровна; со стороны Мойки шелъ другой часовой. Надъ темными запертыми воротами чернѣли иконы; неподалеку отъ воротъ въ небольшой, наполненной образами, нишѣ горѣли лампы, своимъ свѣтомъ, отражаемымъ отъ вѣнчиковъ и ризъ, какъ-то еще рельефнѣе выдѣляя при наступающихъ сумеркахъ мракъ и холодъ этаго дома несчастья. Съ какой-то жадностью она смотрѣла на эту скорбную и безмолвную тюрьму, еще болѣе мертвую отъ чисто случайнаго безлюдья этой части Офицерской. Позади она слышала грохотъ каретъ, ѣдущихъ по Театральной площади и Никольской, но передъ нею, въ той сторонѣ, куда она смотрѣла, не шло и не ѣхало никого; только въ галлерей зажигали газъ и двое продавцевъ, сойдясь, потолковали о чемъ-то и снова разошлись. Милый братъ! она почувствовала вдругъ желаніе, думая, что онъ тутъ, упасть на его грудь и залиться слезами. Нѣтъ, не онъ убилъ! Она знаетъ убійцу... Онъ, этотъ братъ, привязанности не знаетъ... Я все же знала ее... Да полно, знала-ли? Позади ея раздавался грохотъ чего-то въѣзжающаго на мостъ и она оглянулась. Ёхала закрытая со всѣхъ сторонъ, напоминающая какой-то ящикъ, темная карета съ жандармомъ назади, съ жандармомъ впереди. Не онъ-ли?.. Карета подъѣхала къ воротамъ и остановилась; жандармы слѣзли и отворивъ дверцы, пропустили въ калитку воротъ быстро промелькнувшаго мимо ея глазъ сѣраго арестанта, котораго она не могла даже разсмотрѣть. Можетъ и онъ. Изъ ея прекрасныхъ глазъ лились слезы. Еслибъ она могла раздѣлять свою судьбу съ нимъ? Прелестная и до странности неподходящая къ ея настроенію мечта обняла ея пылающій мозгъ. Все позабывъ, и свое горе, и это мрачное зданіе, передъ которымъ она стояла, и болѣзненное ощущеніе своего тѣла,—видѣла она кроткую, съ голубыми глазами, съ русыми волосами, съ выраженіемъ невыразимой прелести и доброты, окруженную лучезарнымъ сіяніемъ Матерь Божію, стоящую въ голубомъ, какъ бы сотканномъ изъ небесной лазури хитонѣ, стоящую посреди усыпаннаго громадными кустами незабудокъ зеленаго луга. Надъ нею раскинулся голубой сводъ, утопая въ густой синевѣ котораго блестѣли, какъ серебристыя звѣздочки, освѣщенные лучами яркаго солнца, какія-то съ бѣлыми крыльями птички. На этомъ лугу, среди массы незабудокъ, въ сплетенныхъ изъ нихъ вѣнкахъ—она видѣла множество дѣтскихъ головокъ, бѣлокурыхъ, русыхъ и кудрявыхъ, видѣла множество сѣрыхъ, голубыхъ и черныхъ, смѣющихся, смотрящихъ дѣтскимъ вопрошающимъ взглядомъ, глазокъ, множество различныхъ очертаній личицъ, — бѣгущихъ въ рѣзвой игрѣ и спокойно отдыхающихъ дѣтокъ. То брошенные, то несчастныя дѣти, которыхъ, какъ ее съ братомъ, вызвали на свѣтъ съ тѣмъ, чтобы покинуть, малютками осудить на позоръ, на преступленіе, на смерть. Вотъ и тотъ мальчикъ, что доживъ до десяти лѣтъ, выбросился изъ окна третьяго этажа на мостовую. Вотъ, вотъ онъ этотъ самоубійца!..

— Кажись знакомая?..

Мечта исчезла. Катерина Александровна стояла, прислонясь къ периламъ; слезы текли по ея щекамъ; голова болѣла; мрачное зданіе высилось передъ ней; какой-то господинъ, въ странномъ картузѣ съ далеко выдающимся впередъ козырькомъ, въ сѣровато-голубой камлотовой шинели съ длиннѣйшимъ капюшономъ и чернымъ бархатнымъ воротникомъ, стоя передъ нею, всматривался въ нее близорукими глазами. Свезъ слезы она посмотрѣла на него: гдѣ-то и когда-то она встрѣчала это съ нѣсколько озабоченнымъ выраженіемъ, съ какими-то напряженными мускулами, съ стиснутыми зубами и сжатыми губами лицо. Гдѣ-то встрѣчала, но гдѣ?.. Она отвѣтила:

— Я васъ не знаю! и хотѣла идти. Но господинъ въ смѣшномъ картузѣ ухватилъ ее за полу тальмы и положительно осердившись, прикрикнулъ на нее.

— Не знаю! а я васъ знаю! Эту вашу *кюкву* покойную отлично зналъ... Она же, бѣдняга, меня съ вами и познакомила у этой тетери Перфиловой... Помните?

И не дожлавшись отвѣта, пристально всматриваясь въ эту видѣнную имъ впервые въ бальномъ туалетѣ прелестную женщину, теперь стоящую передъ нимъ всю измоченную дождемъ и снѣгомъ, забрызганную грязью, съ лицомъ выражающимъ очевидные признаки глубокаго страданія, какъ-то послѣдно назвалъ себя:

— Ну да, все равно... Батраковъ!

И проведя рукою по ея мокрой тальмѣ, предъугадывая, что ее выгнало на улицу какое-то особенное обстоятельство, что она больна, простужена, можетъ умереть, вдругъ гнѣвно осердился на нее:

— Да что вы по улицамъ-то шляетесь? Съ ума что-ли съятили. Вѣдь смотрите на васъ лица нѣтъ. Умрете.

— Что-жъ? слабо ул бнудась она.

Онъ положительно вышелъ изъ себя:

— Какъ это глупо! Увѣренъ, что сами какихъ-нибудь глупостей надѣлали... Стоить умирать. Гдѣ живете-то?

И отскочилъ въ ужасѣ, услышавъ ея отвѣтъ:

— Нигдѣ. Я ушла отъ мужа.

Онъ это зналъ: въ мужицкія лапицы отдать такой нѣжный цвѣтокъ! Онъ бросилъ на нее сострадающій взглядъ. Такой цвѣтокъ! Онъ уже хоронилъ ее и прозносилъ со слезами на глазахъ на ея могилѣ слова поэта: „La rose, elle a vécu ce que vivent les roses—l'espace d'un matin!“... Ее надо спасти... Онъ предпочелъ бы ее взять къ себѣ, но кому же у него заботиться о ней... Онъ холостякъ... У него нѣтъ въ квартирѣ женщины... Онъ вдругъ придумалъ къ кому помѣстить ее на время и подаль ей руку:

— Пойдемъ: я свезу васъ къ одной своей хорошей знакомой.

Она машинально взяла его руку и пошла съ нимъ, направляясь къ театрамъ, гдѣ стояли извозчичьи кареты.

— На ногахъ тепло-ли?

Она отрицательно покачала головой. Милый, что-то съ тобой? мелькнуло въ ея головѣ, все болѣе и болѣе воспаляющейся какимъ-то горячо дышащимъ пламенемъ... Мысли ея путались, въ туманѣ полусознанія она переставала понимать, что съ ней дѣлается. Эти дома, эти театры, вся площадь являлись ей въ какомъ-то красновато-огненномъ туманѣ, то какъ бы слегка проясняющимся, то новыми и жгучими токами наводняющимъ и затопляющимъ все, что окружало ее. Какъ бы на минуту она опомнилась, ощущая во всемъ своемъ тѣлѣ рѣзкую боль и жаръ, чувствуя, что ее посадили куда-то, слыша, какъ чья-то заботливая рука усаживала ее и обертывала ей ноги тальмой. Въ полутемнотѣ кареты она ясно разслышала рядомъ съ собою чей-то вздохъ и вдругъ, въ безотчетномъ волненіи, чувствуя какой-то приливъ благодарности къ этому суровому на видъ старику въ смѣшномъ картузѣ, схватила его руку и поцѣловала ее своими сухими и воспаленными губами. Его душа исполнилась самаго теплаго участія къ ней; своими дрожащими руками, почти плача, онъ охватилъ ея голову и цѣловалъ ея лобъ, прижимая ее къ своей груди.

— Бѣдное, бѣдное, несчастное дитя!.. Такъ молода!

Потомъ она слышала, какъ сидящій рядомъ съ ней старикъ, усиленно началъ сморкаться и затѣмъ проговорилъ:

— Ни отца, ни матери—одна!

Тогда она нашла въ себѣ настолько силъ, чтобы протестовать:

— Ахъ, у меня есть... родители...

И прошептала, чувствуя, что онъ изумленъ ея отвѣтомъ и думаетъ, что она въ бреду:

— Отецъ мой, знаете,—мужъ Клеопатры Петровны, а мать—тетка моего перваго мужа.

У него вырвалось восклицаніе. Онъ началъ понимать, въ какой степени несчастна сидящая рядомъ съ нимъ женщина. Она шептала ему:

— Мой братъ—убійца Клеопатры Петровны.

Чувствуя, что на нее снова находитъ минута забвѣнія, что ея голова снова наполняется красновато-огненнымъ палящимъ туманомъ, смутно сознавая, что она можетъ потерять сознание и не сказать чего-то, что должна была сказать, она собрала всѣ свои силы и схвативъ его руку и сжимая ее, прошептала:

— Послушайте... если... если я умру—скажите моему мужу, что я любила его до послѣдней минуты... Чтoby онъ не плакалъ обо мнѣ... чтoby, если можно, былъ счастливъ...

И вдругъ воскликнула:

— Нѣтъ, онъ не можетъ быть счастливъ!

И забываясь, прибавила:

— Скажите, что я прощаю ему все... что онъ купилъ меня... Скажите...

И не договоривъ, забылась.

Карета, послѣ долгой ѣзды, остановилась передъ ярко освѣщеннымъ подъездомъ, черезъ зеркальныя стекла котораго видѣлась лѣстница съ коричневыми диванчиками по стѣнамъ. Швейцаръ высадилъ изъ кареты Батракова и съ его помощью вынулъ почти безчувственную Катерину Александровну. Дали звонки на верхъ, посадивъ больную въ кресло. На лѣстницѣ показались лакей. Швейцаръ докладывалъ Батракову:

— Генеральши нѣтъ дома-съ... Поѣхали встрѣчать на поѣздъ молодаго барина.

Но тотъ не слушалъ. Онъ распоряжался какъ у себя дома... Приготовить для больной комнату барыни... и какъ можно скорѣе. Созвать „бабъ“!.. Уложить и перемѣнить бѣлье на больной. Хорошенько натереть ее уксусомъ и виномъ. Скорѣе, скорѣе!.. Онъ смотрѣлъ на ея страдающее лицо съ закрытыми глазами: не умерла ли она? Нѣтъ, она дышитъ, но горитъ, горитъ!.. Непремѣнно, непремѣнно умереть!.. „La rose elle a vécu ce que vivent les roses,—l'espace d'un matin!..

— За докторомъ послали?..

Ему отвѣтили отрицательно; тогда онъ разсердился, крича на чужую прислугу, какъ на свою собственную:

— Дураки!.. ослы!.. Послать, скорѣе послать... тащите за шиворотъ перваго понавшагося доктора... Скорѣй, скорѣй!.. Видите, женщина умираетъ!..

XXXIV.

Сюрпризъ.

Выпроводивъ сына изъ Петербурга, m-me Столповская жила надеждой на возвращеніе его изъ дальней поѣздки, обновленнымъ, освѣжившимся, совершенно исцѣлившимся отъ предполагаемой ею въ немъ любви... Она не поступила такъ, какъ хотѣла, не рѣшилась сразу извѣстить сына о бракѣ Катерины Александровны съ Пантелѣевымъ, боясь, что внезапное и быстрое извѣстіе можетъ слишкомъ сильно подѣйствовать на слабаго здоровья и мечтательнаго молодаго человѣка; она подготовила его къ этому постепенно. Въ своихъ первыхъ письмахъ Столповская даже не упоминала о Катеринѣ Александровнѣ и только убѣдившись, что сынъ здоровъ, дѣятеленъ и какъ бы даже веселъ, сказала о ней вскользь, выдавая тогда уже совершившійся фактъ за ходящій по городу слухъ, быть можетъ совершенно неосновательный. Переписка между матерью и сыномъ велась самая дѣятельная: письма летѣли отъ одного къ другой безпрестанно и m-me Столповская имѣла такимъ образомъ полнѣйшую возможность слѣдить за производимымъ на сына этими новостями эффектомъ. Подозрѣвающая и ревнивая, — она не думала, конечно, что сынъ будетъ откровененъ съ нею на этотъ счетъ: тайнъ его сердца она не ожидала встрѣтить въ отвѣтныхъ письмахъ; но въ тоже время она была убѣж-

дена, что своим родительским сердцем прочтет в этих письмах между строками, прочтет, хотя бы сын не упоминал об интересующем его дѣлѣ ни словомъ, то, какимъ образомъ отзываются на немъ сообщенныя ея близкія его сердцу новости. Она отчасти не ошибалась. Хотя дѣйствительно сынъ не упоминалъ въ своихъ отвѣтахъ ей ничего о своей страсти, тѣмъ не менѣе по его письмамъ она читала грустную исторію тѣхъ разочарованій, которыя вносила въ его душу сообщаемыми ею извѣстіями. Она утѣшалась однимъ, что онъ былъ здоровъ, ѣздилъ въ имѣніе, ѣздилъ въ Оренбургъ, хлопоталъ и вообще обнаруживалъ нѣкоторую дѣятельность. Скорѣе бы, думала она, вырвать изъ его души всякую мысль, всякое воспоминаніе объ этой женщинѣ и тогда... тогда она надѣялась, что наступить та пора ея совмѣстной съ сыномъ жизни, когда этотъ сынъ запретъ въ кабинетѣ и, сдѣлавшись труженникомъ, начнетъ приносить пользу отечеству, прославится самъ, прославитъ и ее...

Прославится!.. Въ своемъ материнскомъ невѣдѣніи, она забывала, что для труда необходима энергія, которую она именно и убивала въ сынѣ. Ея ослѣпленные любовью къ нему глаза не видѣли, что воспитаніе, направленное къ развитію въ немъ только эстетическихъ способностей, къ наученію его пониманію мелодическихъ звуковъ, красивыхъ формъ и сочетаній красокъ, безъ всякой подкладки серьезнаго изученія, способно образовывать самага поверхностнаго лирика, понимающаго жизнь съ точки зрѣнія мечты, иллюзіи, постоянно ноющаго и щемящаго чувства, слѣднаго къ окружающимъ его явленіямъ обыденной жизни, кажущимся ему низменными и недостойными вниманія. Она забывала, что обезпече-

ніе, окружающее сына, въ связи съ преобладающимъ лиризмомъ—убивало въ немъ и ту крупицу энергіи и самостоятельности, которая быть можетъ копошилась когда либо у него... Какой онъ былъ труженикъ, какой спокойный наблюдатель фактовъ и ихъ истолкователь, если она воспитала въ немъ почти исключительно способность къ безпредметному словопренію и общей до чрезвычайности, оторванной отъ земли, беспочвенной характеристики предмета. Въ ея рукахъ онъ былъ всегда таковъ, по временамъ сознавая причину, дѣлающую его слабымъ,—своей возникшей было страстью къ Катеринѣ Александровнѣ, на время связывая себя съ землей и съ вмираніемъ этой страсти, возбудившей было въ немъ какія-то болѣе дѣятельныя силы, чувствуя возвращеніе къ прежней апатіи и недѣятельности, къ прежнему беспочвенному образу мысли, способный только на безпредметный разговоръ. Она не знала ничего этого, не знала, что движимая своимъ личнымъ эгоизмомъ, лишила сына всего того, что могло образовать изъ него полезную силу. Узнавъ, что онъ возвращается къ ней, она сіяла восторгомъ, мечтая, что снова наступятъ тѣ блаженные для нея дни, когда она начнетъ съ нимъ длинныя, длинныя tête-à-tête, когда онъ отдастъ ей все свое время, не будетъ дѣлать его съ той... Да, не будетъ!.. Она съ какимъ-то восторгомъ обошла, прочтя письмо, въ которомъ онъ извѣщалъ ее о своемъ приѣздѣ, всѣ комнаты, казавшіяся ей безъ него такими пустынными и мертвыми, думая чѣмъ бы наполнить остающіеся до его возвращенія дни. Ея мысли путались отъ ожидающаго ея блаженства встрѣчи съ сыномъ...

(Д. слѣдующаго №)

СТАРЫЙ ДАНЪ.

Разсказъ Л. Колинза.

Домъ стараго Дана былъ самымъ значительнымъ зданіемъ въ деревнѣ Боръ. Мѣлъ же ректора (т. е. священника, настоятеля мѣстной церкви) было весьма комфортабельно; домъ доктора красивъ снаружи и просторенъ внутри, но все это не могло сравниться съ домомъ Дана, да и ни одинъ изъ обитателей или обитательницъ Боръ не допустилъ бы подобнаго сравненія, еслибъ оно влилось не въ пользу этого дома. Это была гордость и слава деревни. Его затѣйливо разбитый садикъ, съ таинственными гротами и разными другими сооружениями, неожиданно то тамъ, то сямъ появлявшимися предъ посѣтителемъ, казались мѣстнымъ жителямъ чѣмъ-то волшебнымъ. Молодежь, говоря объ этомъ домѣ, произносила всегда съ уваженіемъ „домъ м-ра Дана“. Самъ владѣлецъ вышелъ изъ среды своихъ сосѣдей и возвысился на глазахъ ихъ всѣхъ. Во многомъ онъ былъ похожъ на остальныхъ, говорилъ ихъ языкомъ, и не могъ щегольнуть образованностью, но умѣлъ ловко управлять сохой, стричь овецъ, обѣзжать ретиваго жеребчика, косить, жать и всякое такое, не боясь соперничества, не уступая въ этомъ никому. Какъ въ этомъ, такъ и въ прочихъ дѣлахъ своихъ онъ обходился безъ чужой помощи, достигнувъ всего одинъ и работая съ удивительной настойчивостью. Дану везло удивительно. Къ тому времени, когда ему исполнилось двадцать пять лѣтъ, его домъ былъ уже далеко красивѣе домишекъ его сосѣдей-хлѣбопашцевъ. Онъ тогда же и женился; ему надо было жену, чтобы замѣнить только что умершую сестру, на которой лежало все хозяйство. Когда подросъ мальчикъ-сынъ (единственный ребенокъ его), т. е. когда ему минуло пять лѣтъ, Данъ сдѣлался главнымъ приказчикомъ на фермѣ, гдѣ до того былъ простымъ рабочимъ, и всѣ хорошо знали, что у него есть хорошій кушъ денегъ въ банѣ.

Насъ не можетъ интересовать подробный разсказъ о томъ, какъ все больше и больше Данъ богатѣлъ и какъ увеличивался и украшался его домъ, а потому мы прямо обратимся къ той порѣ жизни его, когда на сцену начинается выступать подростокъ его мальчикъ—его единственный сынъ.

Франкъ не былъ ни особенно красивымъ, ни особенно бойкимъ мальчикомъ, но за то чрезвычайно симпатично было его серьезное не по возрасту лицо, съ большими задумчивыми глазами.

Онъ былъ еще маленькимъ, когда однажды вечеромъ, мать его выбѣжала вся сіяющая на встрѣчу мужу, держа въ рукѣ какой-то клочекъ сахарной бумаги.

— Данъ, воскликнула она, я покажу тебѣ что-то хорошее.

— Хорошее, ну и прекрасно! спокойно отвѣчалъ онъ, а мой чай готовъ-ли?

— Чай-то сейчасъ будетъ готовъ, а вотъ посмотри-ка.

И съ гордостью, понятною для всякой матери, она протянула къ нему лоскутокъ бумаги, на которомъ юный Франкъ довольно сносно начерталъ фигуру собаки.

— Видишь?! съ торжествующимъ видомъ произнесла она, смахивая съ бумаги послѣдніе остатки стертаго рисунка,—что ты думаешь объ этомъ?

— Что? по моему, это клочекъ грязной бумаги, ничего больше. Чего же ты это?

Она взглянула сама на бумаженку и сконфузилась, увидѣвъ, что рисунокъ исчезъ.

— Ахъ! это я испортила все, сказала она,—а тутъ былъ нарисованъ твой пинчеръ, и такъ похоже, такъ похоже, что, просто какъ настоящій. И это нарисовалъ нашъ Франкъ!

— Э, э! не надо ему тратить время на пустяки! но, потому, смягчивъ строгость замѣчанія, онъ прибавилъ—ничего хорошаго не можетъ выдти изъ этого. Дай-ка мнѣ чаю.

Хорошо, или не хорошо, но маленькаго шалуна нельзя было уже отучить отъ привычки и страсти рисовать все, что ни попадало. Схвативъ кусокъ мѣла, онъ, повсюду, на ставняхъ, на воротахъ, на стѣнахъ—рисовалъ людей, дома, собакъ, деревья, цвѣты и проч.

Дома трудно было ему добывать матеріалъ для рисованія: всякій обрывокъ, всякая бумажка тамъ прятались и собирались въ мѣшки, которые, затѣмъ, въ свое время, продавались. Гдѣ можно было, Франкъ доставалъ себѣ кусочки бумаги покрывая ихъ изображеніями зданій, портретами жителей и фигурами всякихъ домашнихъ животныхъ, попадавшихъ ему подъ руку. Иногда онъ отправлялся подальше отъ дому и предавался любимому искусству на свободѣ. Въ одну изъ такихъ экскурсій, онъ избралъ сюжетомъ своимъ старинное зданіе приходскаго дома. Здѣсь онъ перелѣзъ черезъ заборъ, въ садъ и взобрался на дерево. Комфортабельно устроившись на суку, опершись спиной о толстый стволъ, онъ скоро погрузился въ работу.

Вдругъ, гдѣ-то неподалеку прогрехоталъ выстрѣлъ. Мальчикъ подвѣлъ голову, но, не видя ничего, снова, и еще съ большимъ рвеніемъ, продолжалъ занятіе. Выстрѣлъ повторился еще разъ, уже ближе, за этимъ вторымъ грянулъ третій, уже совсѣмъ будто надъ ухомъ Франка, и, въ ту же минуту, онъ почувствовалъ острую боль въ ногѣ. Карандашъ, бумага, все это вылетѣло изъ его рукъ и самъ онъ, съ громкимъ крикомъ послѣдовалъ непосредственно за ними. Онъ еще не успѣлъ, однако, хорошенько придти въ себя, какъ около него очутились двое

Любить не любить. Съ картины В. Амберга, по фотогр. грав. **Библиотека "Руниверс"**
Клаудіусъ.

молодых людей; оба съ безпокойствомъ, наклонились надъ нимъ.

— Боже мой! воскликнулъ одинъ изъ нихъ, бросая въ сторону ружье, — Джеральдъ, смотри, да вѣдь это маленькій Франкъ! Франки! Франки! обратился онъ ласково къ маленькому художнику, ты вѣрно только испугался, а? ты не раненъ?!

— Я... я думаю, это ничего, проговорилъ Франкъ, дотрогиваясь до больного мѣста. Ему стало немного стыдно, что надѣлано „много шума изъ пустяковъ“.

Увѣренія эти нѣсколько успокоили Филиппа (это былъ сынъ настоятеля) и минутный страхъ смѣнился у него теперь смѣхомъ при видѣ сконфуженнаго мальчика.

— Филь, взгляни-ка сюда! воскликнулъ пріятель молодого человека, показывая ему рисунокъ, сдѣланный Франкомъ, — этотъ мальчикъ просто гений! Франкъ хотя и не понималъ, что значить гений, но онъ видѣлъ, что произведеніе его хвалятъ и краска польщенной гордости выступила на его свѣжихъ щекахъ.

— Что тутъ такое, дѣти? раздался голосъ почтеннаго добряка настоятеля, услышавшаго въ кабинетѣ крикъ Франка и послѣпнишаго на мѣсто, — что вы тутъ еще надѣлали?

Въ восклицаніи его звучала нота нѣкотораго раздраженія. Шалости сына и пріятеля, пріѣхавшихъ на вакаціи, уже порядочно надоѣли ему.

— Вы, кажется, приняли Франка за птицу?!

— Нѣтъ, отвѣчалъ Филь, — Франкъ самъ подставилъ себя подъ выстрѣлъ и я думаю, что нѣсколько дробинковокъ попало въ него.

— Филь, ты не умѣешь обращаться съ ружьемъ, совѣмъ не умѣешь! Бѣги въ комнаты, скажи обо всемъ м-съ Чентъ и приведи сейчасъ же доктора Хелона. Надо осмотрѣть мальчика.

— Нѣтъ, нѣтъ, сэръ, пожалуйста... заговорилъ испуганно Франкъ, я, я виноватъ самъ: я не имѣлъ права влѣзть на дерево, сэръ, и мнѣ ничего, мнѣ не больно, не очень больно, сэръ, я только немного испугался...

— Ни, ни, ни! возразилъ добрый джентльменъ, надо, надо осмотрѣть. Можешь ли ты встать и идти?

Мальчикъ весело засмѣялся и успокоилъ, въ свою очередь, настоятеля, доказавъ ему, что можетъ встать и идти. Вскорѣ явился докторъ, нашедшій въ ранѣ три дробинки. Онѣ сейчасъ же были вынуты, но Франка все-таки не пустили еще домой; туда были отправлены оба молодые люди, съ порученіемъ объявить о случившемся и передать, что мальчикъ будетъ доставленъ въ этотъ же вечеръ въ домъ м-ра Дана. Деньъ этотъ былъ цѣлымъ событіемъ для Франка. Рисунокъ его оказался дѣйствительно очень порядочнымъ и общій интересъ, возбужденный этимъ произведеніемъ въ настоятелѣ, дочеряхъ его, Фильѣ и его пріятелѣ, съ избыткомъ наградили мальчика всего за какіе нибудь три дробинки! Кроме того, ему доставили не мало удовольствія рисовальныя тетради юныхъ лэди и содержаніе картинъ, украшавшихъ столовую, но восторгамъ его не было предѣловъ, когда вечеромъ передъ отъѣздомъ (въ собственной каретѣ настоятеля), онъ получилъ въ подарокъ тетрадь для рисованія и полъ-дюжину карандашей. Онъ не могъ достаточно налюбоваться своимъ сокровищемъ, разжигавшимъ въ немъ искру любви къ искусству. Съ каждымъ днемъ серьезнѣе захватывала его страсть, пока, наконецъ не указала ему, что цѣль его жизни въ искусствѣ. Молодые барышни приходскаго дома, твердо убѣжденные, что именно имъ удалось открыть совершенство Рафаэля, продолжали живо интересоваться успѣхами его. Онѣ, даже, заставили ректора отправиться къ Дану, чтобы уговорить его дать сыну артистическое образованіе. Однако настоятель и его совѣты испытали очень холодный пріемъ. Данъ молча выслушалъ обращенное къ нему увѣщаніе и когда настоятель окончилъ, онъ отвѣчалъ ему своимъ грубымъ, честнымъ голосомъ.

— Сэръ, я никогда не совался въ ваши дѣла, никогда и не стану соваться въ нихъ, а ужъ свои-то справлю самъ.

Затѣмъ, по уходѣ настоятеля, онъ тотчасъ же позвалъ сына и обратился къ нему съ внушеніемъ, хотя, по своей несловохотливости, терпѣть не могъ произносить длинныя рѣчи.

— Франкъ, сказалъ онъ, пасторъ приходилъ сейчасъ сюда и толковалъ мнѣ все о томъ, чтобы тебѣ идти въ художники. Не дѣло вбиваютъ въ голову тебѣ. Картинки писать шутки ради, для игрушки—это ничего, вреда въ томъ не вижу, хотя и пользы нѣтъ никакой отъ того. Но тебѣ надо думать не о томъ, а надо пріучиться какъ вести хозяйство на фермѣ. Этому съ тебя будетъ довольно, парень. Ты ужъ подросъ и скоро пора тебѣ будетъ бросить заниматься игрушками.

— Хорошо, отецъ, отвѣчалъ Франкъ. До сихъ поръ еще ни разу не случалось, чтобы мальчикъ ослушался приказанія отца въ чемъ-нибудь. Данъ собственно не былъ строгъ или суровъ, и всегда хотѣлъ видѣть мальчика своего довольнымъ, но въ домѣ хорошо было извѣстно, что воля его—законъ. А Франкъ не бросилъ свои „игрушки“ и все свободное время отдавалъ имъ.

Вскорѣ послѣ этого разговора у него прибавилось свободнаго времени; мать его, добрая и простая женщина, умерла и тѣ часы, въ которые онъ, обыкновенно, помогалъ ей по хозяйству,

онъ сталъ теперь тоже посвящать рисованію. Занятія его пошли нѣсколько правильнѣе, подъ руководствомъ одного художника, пріятеля семейства ректора. Въ два года Франкъ уже дѣлалъ значительные успѣхи. Между прочимъ, онъ очень удачно срисовалъ, акварелью, зданіе приходскаго дома; картинка оказалась настолько хороша, что м-ръ Чэнтъ, т. е. настоятель, украсилъ ею одну изъ стѣнъ своей гостиной; молодая лэди отправили нѣсколько рисунковъ въ городокъ Чэльмчестеръ, гдѣ они были награвированы и нашли даже почитателей. Годы шли за годами и Франкъ достигъ возраста мужчины. Онъ уже понималъ теперь, что произведенія его пока не болѣе, какъ первыя юношескія, нетвердыя шаги на великомъ пути, избранномъ имъ. Надо было учиться. Долго обдумывалъ онъ прежде чѣмъ принять окончательное рѣшеніе. Онъ зналъ какъ это будетъ тяжело отду его... Но, наконецъ, насталъ день, въ который Франкъ отбросилъ всѣ колебанія и пошелъ прямо къ старику.

— Отецъ, сказалъ онъ, мнѣ надо поговорить съ тобой,

Въ голосѣ его прозвучало что-то такое, что заставило Дана невольно бросить на сына долгій взглядъ, прежде чѣмъ онъ отвѣтилъ—что надо? говори.

— Я знаю, что то, что я скажу, будетъ неприятно тебѣ, отецъ и мнѣ очень грустно это. Мнѣ трудно было принять свое рѣшеніе именно потому, что я зналъ, что тебя огорчитъ оно, но такъ какъ я уже принялъ его, то лучше будетъ прямо сказать тебѣ. Я рѣшился быть художникомъ.

— Давно ли ты рѣшился на это? спросилъ Данъ послѣ долгой, тяжелой паузы.

— Съ дѣтства думаю я объ этомъ, но окончательно рѣшился только на этихъ дняхъ.

— А ты знаешь ли и понимаешь ли, къ чему оно ведетъ?

— Да, отецъ, понимаю.

— Ты идешь противъ моего желанія, противу воли моей. Ты не жди никакой помощи отъ меня. Знаешь это?

— Да, отецъ.

Данъ всталъ съ своего мѣста и отворилъ дверь въ другую комнатку, такихъ же размѣровъ, какъ и та, въ которой они оба теперь находились.

— Гляди, мальчикъ, сказалъ онъ,—когда я началъ, вотъ эти двѣ маленькія комнатки были весь мой домъ, да и онѣ то еще не были совѣмъ моими. Я нанималъ ихъ и работалъ за восемь шиллинговъ въ недѣлю; я знаю, что такое значить черная работа. Да и то не боялся и работалъ и купилъ домъ этотъ, пристроивъ сталь, понастроилъ не мало, пока не сталъ домъ, какой ты видишь теперь. А какъ ты родился, я и думалъ, что, вотъ, когда я буду старикомъ, мальчикъ этотъ будетъ хозяйничать, улучшать тутъ а мнѣ дать уголь и я буду отдыхать. А теперь, что же это?! ты говоришь, что хочешь уйти отсюда. хочешь сдѣлаться художникомъ. Я не могу одобрить этого, не могу одобрить. Я тебѣ въ этомъ помогать нисколько не буду. Если желаешь уйти, уходи, но это будетъ противъ моей воли. Пойми—отъ чего ты отказываешься: не говори мнѣ больше ничего теперь. Подожди двѣ недѣли и обдумай все и не забывай, что я сказалъ тебѣ.

Франкъ унаслѣдовалъ непреклонную волю своего отца и ни на минуту не колебался уже въ рѣшеніи, къ которому пришелъ медленнымъ но твердымъ шагомъ. Онъ согласился ждать двѣ недѣли только изъ уваженія къ чувствамъ отца. Когда прошло назначенное время, онъ пришелъ снова къ нему и объявилъ, что рѣшеніе его неизмѣнно. Данъ выслушалъ его спокойно, безъ малѣйшей досады, но ужасно было Франку видѣть выраженіе внутренней боли на лицѣ отца и услышать какъ дрогнулъ его, обыкновенно твердый голосъ, когда онъ спросилъ:

— Ты хочешь ѣхать въ Лондонъ?

— Да, отецъ.

— Когда?

— Я думаю—черезъ недѣлю, но если желаешь я могу уѣхать раньше, или позже.

— Нѣтъ, мальчикъ, назначь самъ день.

— Ты позволишь Мэзону довести меня до станціи, отецъ? спросилъ онъ нерѣшительно.

Отецъ не отвѣтилъ сразу. Онъ прошелся раза два по комнатѣ.

— Думаю, что надо будетъ сказать Мэзону, чтобы онъ отвезъ тебя. Но не хотѣлъ бы я этаго, не хотѣлъ бы—оно выходитъ, будто я далъ тебѣ свое согласіе, а согласиться я не могу... не могу...

— Благодарю тебя, отецъ.

Больше они не сказали другъ другу ни слова объ этомъ предметѣ. Недѣля прошла, но Данъ страдалъ молча, слишкомъ гордый, чтобы кому либо изъ окружающихъ показать горе свое. Онъ страдалъ, видя, что рушится давно взлелѣянный планъ, рушатся надежды, съ которыми онъ свыкъ уже столько времени. Недѣля эта была невыносима для обоихъ, и оба, не смотря на горечь разлуки, почувствовали нѣкоторое облегченіе, когда она пришла къ концу. Отецъ и сынъ, не уступая другъ другу, вмѣстѣ съ тѣмъ уважали одинъ въ другомъ ту самую черту характера, ту твердую волю, которая заставляла всегдаго поступить въ этомъ случаѣ по своему убѣжденію.

Вотъ почему между ними не было произнесено ни одного

рѣзкаго слова, ни одного упрека. Серьезный старикъ не любилъ много говорить, въ натурѣ Франка тоже было мало мечтательности. Оба молчали и не отступали ни на юту отъ своего рѣшенія, но въ тысячѣ мелочей ежедневной жизни оказывали одинъ другому, невидимое для чужаго глаза, нѣжное, трогательное вниманіе.

Наконецъ, пришелъ день отъѣзда. Старикъ сидѣлъ въ своей комнатѣ, неподвижный какъ статуя и прислушивался къ обычной суетѣ дорожныхъ приготовленій. Вотъ подъѣхалъ экипажъ, принесли чемоданы, потомъ раздалась чьи-то шаги. Въ окно довелись слова Мэзона: „Теперь уже все, сэръ?“ и отвѣтъ: „Да“. Вслѣдъ затѣмъ отворилась дверь и въ комнату вошелъ Франкъ.

— Прощай, отецъ! сказалъ онъ, протягивая руку.

— Прощай, мальчикъ. Ты очень огорчаешь меня, но конечно тебѣ пора имѣть свою волю.

— Отецъ, ты не сердись на меня?

— Нѣтъ, мальчикъ, не сержусь. Но мнѣ ужь очень грустно это. Больно мнѣ видѣть это. Но тебѣ надо имѣть свою волю. Прощай. И онъ протянулъ руку.

— Прощай, отецъ, Господь благослови тебя! произнесъ Франкъ и быстро пошелъ къ двери. Тутъ, однако, онъ остановился, повернулся и въ одно мгновеніе былъ уже около отца. Онъ охватилъ сѣдую голову и прильнулъ къ ней въ горячемъ поцѣлуѣ.

— Милый, хорошій отецъ мой, заговорилъ молодой человекъ дрожащимъ отъ сильнаго волненія голосомъ и съ тайнымъ глубокимъ чувствомъ, какаго никогда прежде не выказывалъ, не огорчайся. Я знаю, что ты хотѣлъ сдѣлать меня фермеромъ. Но душа у меня лежитъ къ другому дѣлу и я не могу отказать отъ него. Не сомнѣвайся—я пробую себѣ дорогу, я буду счастливъ. Развѣ ты самъ не былъ доволенъ, когда такъ много работалъ, чтобы составить состояніе? Отецъ милый, я надѣюсь, ты будешь пользоваться имъ еще много лѣтъ. Развѣ ты думаешь, что сынъ моего отца не способенъ, подобно ему, также переносить лишения, чтобы поступить такъ, какъ велитъ ему совѣсть? Милый отецъ, я пойду по пути своему съ легкимъ сердцемъ и счастливый, если только буду знать, что не огорчу тебя. Не считай меня неправымъ, но вѣрь мнѣ—какъ надо.

Франкъ не выпускалъ отца изъ крѣпкихъ объятій. Старикъ не шевельнулся, не произнесъ во все время ни слова, не прерывалъ горячей рѣчи сына. Только разъ или два онъ вздрогнулъ всѣмъ тѣломъ.

— Можетъ это и такъ, мальчикъ, можетъ это и такъ! отвѣчалъ онъ, когда тотъ остановился,—только не могу я видѣть этого, не могу. Не хочу я строгостей съ тобой—но больно мнѣ это. Вотъ, на тебѣ, мальчикъ, прибавилъ онъ, вынимая изъ стола папку ассигнацій, которую аккуратно и бережно пере-

считалъ,—тебѣ надо будетъ денегъ для начала и этого хватить. Я не хотѣлъ сначала давать, потому что выходить, будто я соглашаюсь на отъѣздъ твой, а я не могу согласиться. Ну, а все таки для начала надо тебѣ Тутъ сто фунговъ стерлинговъ. Но ты больше не разсчитывай на меня. Желаю тебѣ всякаго добра, а согласія моего нѣтъ тебѣ. Это противъ моей воли. Берн, прощай, прощай.

И дверь затворилась между ними, и строгая фигура старика осталась неподвижною и безмолвною на своемъ мѣстѣ у стола. Брчка быстро понеслась по дорогѣ, доскакала до станціи какъ разъ къ приходу поѣзда, машина свистнула, платформа снова опустѣла, поѣздъ тронулся съ грохотомъ и скрылся, оставивъ за собой большіе хлопья бѣлесватаго дыма; будущій артистъ высунулся изъ окна вагона, чтобы еще разъ взглянуть на родной домъ и потомъ прислонился къ углу купѣ, отдавшій мечтой новому міру, въ который вступалъ теперь... А суровый Данъ все сидѣлъ на томъ же мѣстѣ, такой же неподвижный и величавый въ своемъ нѣмомъ горѣ.

Обдумывая долгіе мѣсяцы и даже годы рѣшеніе, на которомъ остановился, Франкъ нарисовалъ себѣ слѣшкомъ мрачную картину затрудненій, предстоявшихъ ему на избранномъ пути. Его ожидало пріятное „разочарованіе“.

Онъ понималъ, что не можетъ сразу, съ самаго начала надѣяться зарабатывать хлѣбъ своими произведеніями, а потому прежде всего позаботился пріискать себѣ уроки. Въ этомъ ему оказали помощь его добрые друзья изъ приходскаго дома, которые искренно поздравили его съ принятымъ рѣшеніемъ. Они списались съ своими лондонскими знакомыми и устроили такъ, что Франкъ пріѣхалъ уже на готовый урокъ. Его трудолюбіе и терпѣніе дѣлали изъ него прекраснаго преподавателя и въ короткое время онъ пріобрѣлъ столько учениковъ, сколько могъ позволить себѣ имѣть ихъ, безъ ущерба собственнымъ занятіямъ въ школѣ живописи. Кромѣ того, молодой человекъ привезъ съ собою массу рисунковъ, часть которыхъ распродалъ, такъ что когда онъ свелъ итоги своихъ приходовъ и скромныхъ расходовъ, то съ удовольствіемъ увидѣлъ, что не только не тронулъ отцовскій подарокъ, но могъ прожить еще мѣсяцъ или два на остатокъ отъ собственныхъ заработковъ. Онъ отказывалъ себѣ во всемъ, кромѣ необходимаго, но былъ счастливъ: предъ нимъ открывалось заманчивое, радостное будущее. Одна мысль отравляла это довольство, это счастливое настроеніе его духа—никогда не покидавшая его мысль объ отцѣ, оставленномъ дома такимъ печальнымъ, одинокимъ. Онъ писалъ ему каждую недѣлю длинныя, веселыя письма и, въ свою очередь, читалъ, перечитывалъ, цѣловалъ краткіе, рѣдкіе отвѣты, приходившіе отъ старика, плахаго мастера въ письменномъ искусствѣ.

(Окончаніе въ слѣд. №.)

Новый желѣзнодорожный мостъ черезъ Волгу.

2 августа на Волгѣ приведенъ къ окончанію и 30 того же мѣсяца торжественно открытъ для движенія по немъ мостъ—сооруженіе, одно изъ величайшихъ въ мірѣ, высоко рекомендуемое таланты и познанія нашихъ инженеровъ. Мостъ этотъ имѣетъ огромную важность для одного изъ главныхъ приволжскихъ желѣзнодорожныхъ путей. Представляя въ этомъ № большіе рисунки этого сооруженія (стр. 716, 717 и 724) приведемъ нѣкоторыя любопытныя о немъ подробности.

Тихимъ, яснымъ утромъ, на зарѣ 2 августа, рабочіе на мосту близъ Сызрани приступили къ знаменательному для нихъ дѣлу. Они ставили на мѣсто послѣдній тринадцатый пролетъ, заканчивая тѣмъ сооруженіе гигантскаго моста. Техническій англійскій журналъ „Engineering“, называетъ его „поражающимъ (imposing) образцомъ русскаго строительнаго дѣла“. Окончаніе работы совершилось тихо, скромно, безъ тостовъ и фразъ, праздничныхъ зрителей, трескучихъ телеграммъ, какъ у насъ дѣлаются многія большія дѣла, почему ихъ часто и мало знаютъ и не умѣютъ оцѣнить какъ слѣдуетъ.

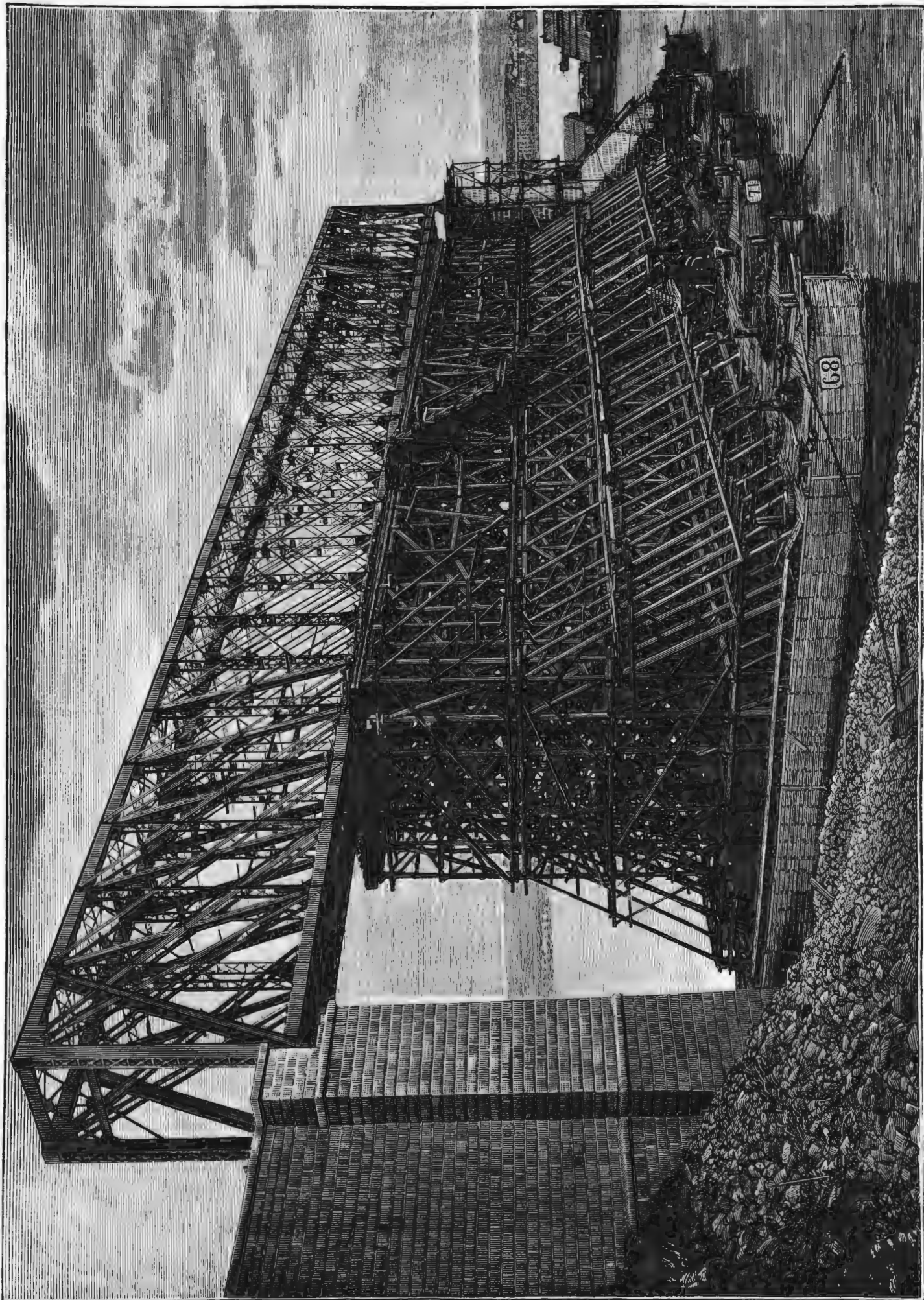
Мостъ сооруженъ обществомъ Оренбургской желѣзной дороги; проектъ моста принадлежитъ инженеру Путей Сообщенія Н. А. Белелюбскому; исполненіе же его—инженеру В. И. Березину, который съ самаго начала до окончанія постройки велъ всѣ работы.

Уже за нѣсколько дней до 2 августа послѣдній, тринадцатый пролетъ, собранный на правомъ, нагорномъ берегу, поднятъ на пловучія подмости, устроенныя на семи баржахъ. Еще 30 іюля прибылъ изъ Самары на лѣвый берегъ Волги экстренный поѣздъ съ гостями, желавшими присутствовать при торжественномъ моментѣ заканчиванія постройки, но имъ это не удалось: легкій вѣтерокъ мѣшалъ постановкѣ пролета и гости уѣхали. Каждый день къ 3 часамъ пополудни собирались рабочіе, выжидая тихаго утра, которое наконецъ и пришлось на 2 августа. И въ 3 часа утра отдано было приказаніе двинуть баржи съ подмостями. Натянулись буксиры, ударили лопасти пароходныхъ колесъ по водѣ и тронулись громадные, густо сплетенные лѣса подмостей, поддерживающіе болѣе чѣмъ на 12 саженной высотѣ пролетъ желѣзнаго строенія вѣсомъ болѣе 32000 пудовъ. На нашемъ рисункѣ, изображающемъ постановку самаго пер-

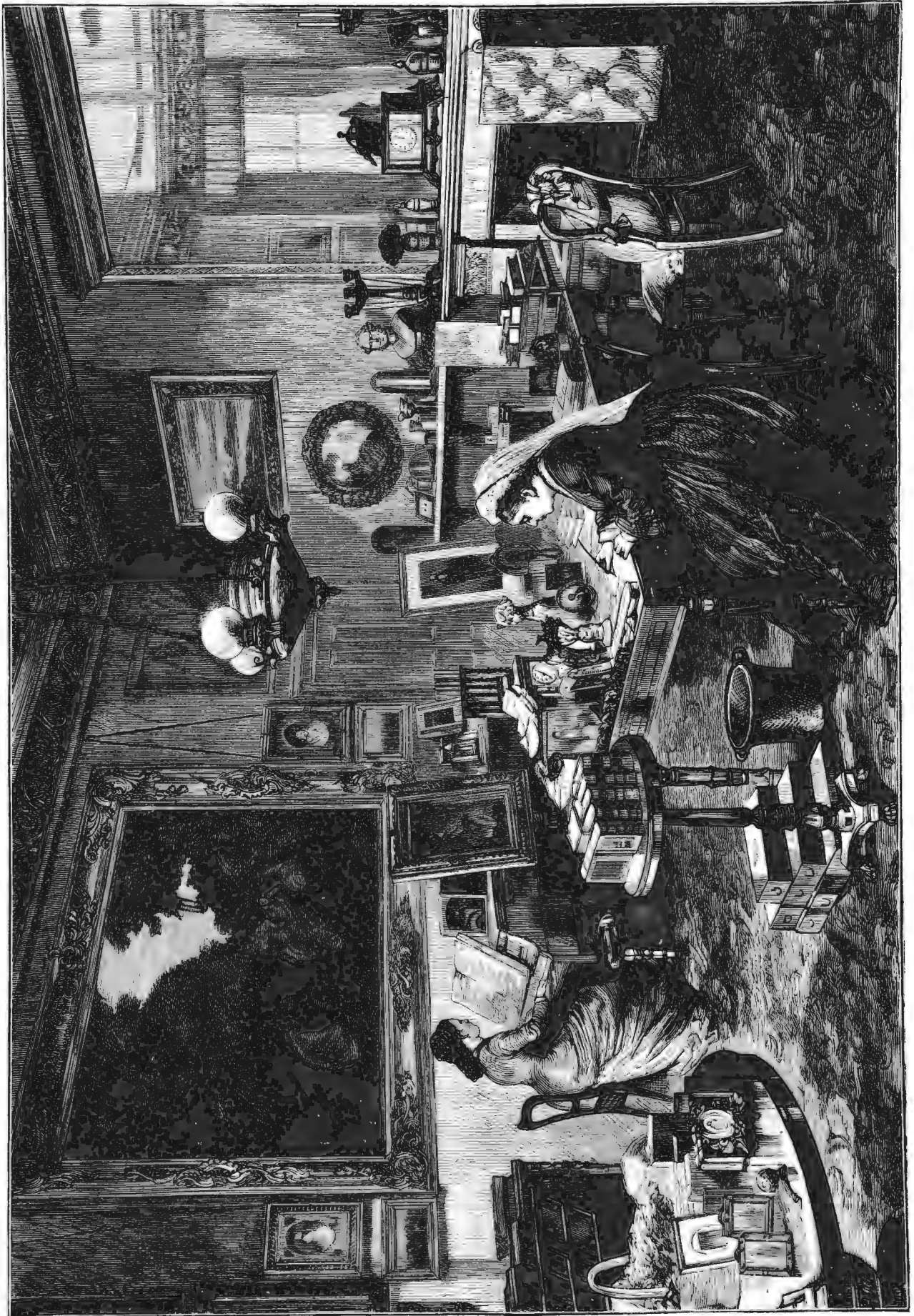
ваго пролета съ праваго берега, видно ясно какъ это дѣлается. Наставивъ пловучую громаду надъ тѣмъ мѣстомъ, гдѣ она должна утвердиться, пароходы останавливаются; громада медленно вдвигается между быкомъ и устоемъ, и оконечности желѣзнаго пролета висятъ всего на 7—8 дюймовъ надъ чугунными подушками, уложенными на каменныхъ опорахъ. Начинается вывѣрка положенія пролета...

„Все это происходило, рассказываетъ очевидецъ, съ соблюденіемъ полнѣйшей тишины, чтобы слышны были распоряженія; каждый молча работалъ. Было что то торжественное въ этой тишинѣ. Наконецъ г. Березинъ крикнулъ внизъ, на баржи, чтобы выбивали пробки т. е. напускали воду въ баржи, заставили бы ихъ сѣсть глубже, опуститься ниже—пролетъ съ ними также опускается; въ 6 час. утра стала совершенно вѣрно и точно на мѣсто правая оконечность пролета а черезъ 30 минутъ и лѣвая—все было конечно. Раздалось „ура!“ начались похвалы. Пошли по новому мосту на Симбирскій берегъ... Мы позволяемъ себѣ привести здѣсь всѣ эти подробности, потому что онъ такъ живо рисуютъ впечатлѣніе минуты. Точно такимъ образомъ были поставлены и всѣ предъидущіе пролеты. Два—въ концѣ мая 1879 г., шесть въ августѣ того же года, а остальные съ іюля по августъ 1880 года. Въся каждая желѣзнаго громаднаго ящика, какъ мы выше сказали, болѣе 32,000 пудовъ. Оконечности главныхъ балокъ пролета, имѣющихъ видъ рѣшетчатыхъ стѣнъ, поддерживаются на быкахъ чугунными подушками. Известно, что при измѣненіи температуры желѣзо сжимается и расширяется. Въ виду этого—расчитано, что при 30° повышенія и пониженія температуры расширеніе и сжатіе равняется 4 дюймамъ—на одномъ изъ быковъ оконечности каждаго пролета имѣютъ подвижную часть, которая передвигается на такъ называемыхъ роликкахъ, для того чтобы будучи свободны, желѣзныя части не повреждались и не давали трещинъ при измѣненіяхъ температуры.

Все желѣзное строеніе моста вѣситъ 408,000 пудовъ. При этомъ, хотя наилучшее желѣзо, находится, такъ сказать, подъ бокомъ у Волги, желѣзныя части моста приготовлены въ Бельгій на заводахъ „Société anonyme de Haut Fourneaux“. До десяти большихъ заводовъ Бельгій участвовало въ изго-

Постановка первого пролета (на исполнении Волжском мосту близъ Сызрани). Съ фотогр. грав. М. Рашевскій.

Рабочій кабинетъ Королевы Англійской Викторіи, въ Осборнъ-Гоузъ, на остр. Уайтъ. Съ фотогр. грав. М. Ралевскій.

товленіи желѣза и сборкѣ пролетовъ. Двѣнадцать быковъ моста основаны на желѣзныхъ кессонахъ, которые, благодаря удачному выбору перехода моста черезъ Волгу, сидятъ всѣ на скалѣ, вѣсясь въ нее до полусажени. Правый береговой устой заложень прямо на скалѣ а лѣвый, дуговой, на сваяхъ и сильно укрѣпленъ насыпями.

Что касается размѣровъ вообще новаго нашего моста, то они огромны. Для болѣе нагляднаго объясненія скажемъ, что *напримѣръ Зимній Дворецъ съ фронта обращеннаго къ Адмиралтейству, могъ бы свободно пройти въ пролетъ новаго моста!* Длина — считая тутъ и ширину столбовъ — 1 верста и 166 сажень. Хотя этотъ мостъ не самый длинный въ мірѣ — мостъ черезъ рѣку св. Лаврентія у Монреалля имѣетъ длину въ 880 сажень и состоитъ изъ 25 пролетовъ, но за крайне малымъ числомъ исключеній новый мостъ поражаетъ своими размѣрами. Всѣ 13 пролетовъ — длиною каждый въ 50 сажень; нижняя линия желѣзнаго строенія возвышается надъ горизонтомъ лѣтнихъ водъ до 12 саж. Въ Россіи же это самый длинный мостъ (длина Киевскаго черезъ Днѣпръ — 508 саж.) Новый мостъ будетъ названъ Александровскимъ. Это третій мостъ черезъ Волгу: первый, какъ извѣстно, приходится переѣзжать у Твери, гдѣ Волга еще очень неширока, второй у Рыбинска. Новый мостъ однимъ концомъ упирается въ берегъ Самарской губерніи, а другимъ въ берегъ Сибирской и по рѣкѣ находится въ 17 верстахъ отъ города Сызрани и въ 100 верстахъ отъ Самары. Съ обѣихъ сторонъ видна открытая мѣстность на 25—30 верстъ и болѣе. Ближайшія села

въ 3 и 6 верстахъ отъ берега Попятно, что впечатлѣніе гигантскихъ размѣровъ его значительно ослабляется при взглядѣ на необозримый горизонтъ. Не воть бѣжитъ огромный трехъ-этажный американскій пароходъ и низко проходитъ подъ мостомъ — пароходъ кажется очень малъ подъ пролетомъ.

Проектъ моста, какъ мы сказали, принадлежитъ инженеру путей сообщенія Н. А. Белелюбскому и былъ утвержденъ въ 1875 году. Работа сдана съ подряда извѣстному строителю мостовъ А. Е. Струве, который и поручилъ все исполненіе работъ инженеру В. И. Березину, но сооруженіе одновременно двухъ мостовъ — Литейнаго въ Петербургѣ и Волжскаго было крайне затруднительно одному лицу и подрядъ по сооруженію Волжскаго моста былъ переланъ Правленіемъ Оренбургской желѣзной дороги инженеру К. Я. Михайловскому, который сохранилъ за г. Березинымъ веденіе всего дѣла. Цѣна сооруженія при этомъ была увеличена и исчислена въ 4,630,000 руб.

Работы по сооруженію моста велись съ большимъ перерывомъ; остановка произошла главнымъ образомъ отъ измѣненія проекта. Весна 1876 г., особенно жаркая, подняла ледъ такъ высоко, какъ не запомнятъ старожилы: ледъ шелъ на 1½ саж. *выше предположеннаго при составленіи проекта.* Это привело къ необходимости удлинить ледорѣзы, а это отразилось на удлинненіи быковъ и соответственнымъ возвышеніи стоимости моста. Работы вновь начались въ августѣ 1877 года, когда приступлено было къ спусканію кессоновъ и сборкѣ желѣзныхъ частей пролетовъ на береговыхъ подмостяхъ. Такимъ образомъ все было окончено въ 3 года.

КЪ РИСУНКАМЪ.

Любить не любить.

(Къ картинѣ В. Амберга).

„Любить не любить“ — старинное гаданье, которое вѣчно будетъ имѣть свое таинственное, роковое значеніе и вѣчно будетъ практиковаться. Въ тѣни и затишѣ лѣса, на мягкомъ мху, задумчиво перебираетъ она вѣткою ивы, обрывая съ нея лепестки. Последнее слово еще не выговорено, глаза, полные тревоги и надежды, устремлены на эти листочки, которые должны сказать такъ много. Это полное ожиданія выраженіе предельно передано художникомъ. В. Амбергъ родился въ 1822 г., занимался у Бегаса въ Берлинѣ и у Кенъе въ Парижѣ. Сперва обратившись къ портретной живописи и мнелогическимъ сюжетамъ, онъ перешелъ затѣмъ къ смѣшанному роду пейзажа съ жанромъ. Полное чувства и выраженія, добродушнаго юмора и тонкаго вкуса, его исполненіе дало ему почетное мѣсто въ ряду художниковъ его родины, посвятившихъ себя этому роду живописи.

Рабочій кабинетъ королевы Викторіи.

въ Осборнѣ-Гоузѣ на остр. Уайтѣ.

Человѣкъ невольно кладетъ печать своего характера на свое жилище — оно болѣе или менѣе отражаетъ его привычки и образъ жизни. Разъ увидѣвъ обиталище человѣка какъ будто уже знаешь его больше — здѣсь онъ въ своей обыденной, домашней обстановкѣ. Конечно не безъинтересно будетъ нашимъ читателямъ взглянуть на кабинетъ королевы обширной могущественнѣйшей страны, королевы Викторіи Англійской, въ ея обычной лѣтней резиденціи Осборнѣ-Гоузѣ на остр. Уайтѣ. Видъ кабинета сдѣланъ съ фотографіи. Осборнѣ-Гоузъ, который вообще недоступенъ обзору любопытныхъ путешественниковъ, интересуетъ всѣхъ именно этою недоступностью. Это зданіе — образецъ комфорта, вкуса и изящества. Сюда любить уединяться каждую весну королева Англій со дня смерти своего супруга (Декабрь 1861) окруженная своей августѣйшей семьей, дѣтьми и внуками — здѣсь ей больше досуга для занятій, поми-

мо всѣхъ государственныхъ дѣлъ — занятій искусствомъ и литературой; здѣсь занималась и она своимъ извѣстнымъ трудомъ „Листки изъ дневника“ въ которомъ воздвигла такой изящный мавзолей памяти своего супруга. По нашему рисунку читатели могутъ составить себѣ представленіе о многообразіи и характерѣ занятій и развлеченій королевы. На всемъ видна печать строгаго, благороднаго вкуса и серьезности и вездѣ предметы, напоминающіе вѣжно любимому ею покойнаго хозяина дома. Высокія произведенія искусства украшаютъ стѣны, сокровища литературы наполняютъ полки и покоятся на столахъ, свидѣтельствуя о постоянномъ чтеніи и употребленіи ихъ, въ промежуткахъ многотрудныхъ государственныхъ обязанностей. Нѣтъ отрасли науки и искусства, которая была бы чужда высокому уму королевы — все имѣетъ свое время и свое назначеніе въ ея любимыхъ покояхъ. Сама королева на нашемъ рисункѣ изображена у письменнаго стола, погруженная въ занятія — она пишетъ что то, — между тѣмъ какъ ея младшая незамужняя дочь, принцесса Беатриса, исполняетъ на великолѣпномъ роялѣ любимую пѣсню августѣйшей матери.

Продавецъ лубочныхъ картинъ.

(Рис. И. Панова).

Не правда-ли, какой знакомый каждому типъ этого юнаго продавца любимыхъ народныхъ, такъ называемыхъ „лубочныхъ“ картинъ, пестрыхъ и своеобразныхъ, которыми набитъ его ящикъ и которыя развѣшаны на шнуркахъ кругомъ ящика и даже иногда на груди продавца. Наше народное творчество имѣетъ свои излюбленныя темы и своихъ героев, которыхъ воспроизводитъ въ безчисленныхъ оттискахъ по всей Россіи. Нельзя найти избу, хотя бы самую бѣдную или постоялый дворъ, гдѣ бы по стѣнамъ и въ крышкахъ сундуковъ не были бы вездѣ расклеены такіа картинки, какія такъ бойко распродаетъ мальчикъ, талантливо изображенный нашимъ художникомъ. На улицахъ, на ярмаркахъ, по деревнямъ — вездѣ увидишь такихъ продавцовъ съ ихъ ходкимъ товаромъ.

О ПЛАВАНІИ РЫБЪ.

Очеркъ Д.—на.

Всѣмъ извѣстно, что большинство рыбъ обладаетъ особымъ органомъ, состоящимъ изъ воздухоноснаго мѣшка, форма котораго измѣняется, смотря по породѣ, и который носитъ названіе — *плавательнаго пузыря*. Уже одно названіе показываетъ, что непосредственное впечатлѣніе, подкрѣпляемое убѣжденіемъ компетентныхъ ученыхъ, занимавшихся изученіемъ рыбъ, приписало этимъ мѣшкамъ главную роль въ дѣлѣ плаванія: „Сжимаясь и расширяясь, говоритъ Кювье, этотъ воздухоносный мѣшокъ измѣняетъ удѣльный вѣсъ рыбы, и даетъ ей возможность подыматься и опускаться“.

Само собою разумѣется, что по этому общепринятому, непосредственному мнѣнію, — способны расширять и сокращать стѣнки воздухоноснаго мѣшка находятся въ полномъ распоряженіи у рыбы, которая можетъ такимъ образомъ перемѣщаться въ вертикальномъ направленіи безъ большихъ мускульныхъ усилій. Мало того, по тому же мнѣнію, если бы какаа нибудь внѣшняя сила стала увлекать ее вверхъ или внизъ, то рыба могла

бы противостоять этому, или сокращая или расширяя свой плавательный пузырь. Отсюда дѣлается выводъ, что рыбы, снабженныя плавательнымъ пузыремъ, — имѣютъ выгодное преимущество надъ другими, его неимѣющими, хотя часто и близкими къ нимъ по зоологическому типу.

Недавние труды Армана Моро вполне опровергаютъ вышенное общепринятое мнѣніе.

На основаніи его опытовъ, можно уже утвердительно сказать, что плавательный пузырь скорѣе заслуживаетъ названіе *анти-плавательнаго*, потому, что рыбы имѣющія несчастье обладать имъ, — находятся, съ точки зрѣнія плаванія, въ условіяхъ, самыхъ неблагоприятныхъ.

Положеніе какъ будто парадоксальное. Но не у всѣхъ рыбъ есть плавательный пузырь. Его нѣтъ, напримѣръ, у морскихъ миногъ, акулъ, скатовъ... Случается даже, что у костистыхъ рыбъ одного и того-же рода, — нѣкоторые виды снабжены имъ, а иные нѣтъ; такъ макрель океанійскій не имѣетъ плаватель-

наго пузыря, но этот органъ находятъ у макреля, живущаго въ Средиземномъ морѣ. Уже одно это показываетъ, что плавательный пузырь не играетъ важной роли въ жизни рыбъ. Но обратимся къ опытамъ.

Возьмемъ рыбу съ плавательнымъ пузыремъ, умершую внезапной и насильственной смертью. Если мы станемъ погружать ее на большія и большія глубины,—то увидимъ сначала, что, предоставленная самой себѣ,—она подымается на поверхность. Это значитъ, что рыба легче воды, или выражаясь точнее, что ея плотность, на этихъ глубинахъ,—меньше плотности воды. При дальнѣйшемъ погруженіи, явится моментъ, когда рыба останется въ равновѣсіи: не подымается и не опускается. Продолжая погружать ее еще глубже, мы скоро увидимъ, что она падаетъ на дно съ возрастающею скоростью.

Все это легко и просто объясняется измѣненіемъ объема плавательнаго пузыря. Самое тѣло рыбы тяжелѣе воды, и лишняя плавательнаго пузыря,—мертвая погружается на дно, какъ камень. Воздухоносный-же пузырь дѣлаетъ рыбу тѣмъ легче, чѣмъ больше его объемъ. Понятно, что, при извѣстномъ объемѣ, онъ даетъ тѣлу рыбы плотность, равную плотности воды. Это именно и происходитъ въ случаѣ равновѣсія, когда погруженная рыба колеблется подъ давленіемъ столба воды, находясь надъ ней. При подниманіи плавательный пузырь, выдерживая меньшее давленіе, расширяется, плотность рыбы дѣлается меньше плотности воды, и ея тѣло подымается съ возрастающею скоростью до поверхности. Наоборотъ, при погруженіи,—давленіе на плавательный пузырь увеличивается, объемъ его уменьшается, плотность тѣла дѣлается больше и рыба падаетъ на дно со скоростью, также возрастающей.

Это подтверждается всеми опытами. Нужно замѣтить, что для производства опытовъ не требуется, непременно большихъ глубинъ: можно удовлетвориться простымъ сосудомъ, наполненнымъ водою, давленіе на поверхность которой окружающаго воздуха можно измѣнять по произволу, съ помощью пневматической машины или нагнетательнаго насоса.

То ли же самое происходитъ съ живой рыбой? Или можетъ ли она посредствомъ мускуловъ, прикосновенныхъ къ плавательному пузырю, или посредствомъ общихъ мускуловъ тѣла,—можетъ ли она производить эти сокращенія и расширения?

Прежде всего замѣтимъ, что, очевидно, это не продолжается очень долго. И въ самомъ дѣлѣ, вытаскивая сига изъ глубины хоть двѣнадцати метровъ, вы видите, что онъ выходитъ изъ воды круглый, обезформленный сильнѣмъ расширеніемъ плавательнаго пузыря. При выниманіи же рыбы изъ глубины еще большихъ,—плавательный пузырь, вслѣдствіе чрезвѣчнаго расширения, лопаается, вытѣснивъ наружу внутренности. Наоборотъ, рыба помѣщенная въ сосудъ съ пятью или шестью атмосферами давленія,—дѣлается тяжелой, вслѣдствіе сокращенія пузыря и падаетъ на дно, откуда подымается только помощью замѣтныхъ мускульныхъ усилій.

Но безсиліе животнаго противостоятъ самымъ незначительнымъ измѣненіямъ объема его плавательнаго пузыря доказываетъ слѣдующимъ опытомъ. Пусть какая нибудь рыба помѣщена въ маленькую металлическую кѣтку, гдѣ она можетъ двигаться; пусть эта кѣтка будетъ погружена въ стеклянный сосудъ, очень глубокой и почти до верха наполненный водою. Увеличимъ ея вѣсъ на столько, чтобы, погруженная до середины сосуда,—она имѣла плотность, равную плотности воды. При этихъ условіяхъ рыба остается неподвижною. Если-же теперь, съ помощью всасывающаго или нагнетательнаго насоса уменьшить или увеличить давленіе на воду воздуха, наполняющаго остатокъ сосуда,—то мы увидимъ, что эта живая рыба падаетъ внизъ или подымается вверхъ также какъ мертвая, о которой только что говорилось.

Такимъ образомъ, рыба пассивно слѣдуетъ, при условіяхъ равновѣсія, измѣненіямъ объема ея плавательнаго пузыря, но не управляетъ имъ,—она рабски повинуетъ сама этому органу.

Такое заключеніе оправдывается и другими опытами, показывающими, что во время движеній поднятія и опусканія, свободно производимыхъ рыбой,—объемъ ея плавательнаго пузыря находится въ зависимости единственно отъ столба воды, стоящаго надъ ней; что вслѣдствіе этого,—объемъ пузыря представляетъ собою слѣдствіе, а не причину вертикальнаго передвиженія животнаго.

Рыба, неимѣющая плавательнаго пузыря—всегда тяжелѣе воды; она не можетъ оставаться неподвижною, не опускаясь, хотя безъ сомнѣнія медленно, на дно рыки. Наоборотъ, рыба съ плавательнымъ пузыремъ всегда можетъ найти извѣстную глубину, на которой ея плотность будетъ совершенно одинакова съ плотностью воды; здѣсь она остается въ равновѣсіи, совершенно спойною. Такимъ образомъ, съ точки зрѣнія стоянія на одномъ мѣстѣ,—имѣніе рыбою плавательнаго пузыря представляетъ собою понятную выгоду.

Но эта выгода уничтожается неудобствами, представляемыми плавательнымъ пузыремъ съ точки зрѣнія передвиженія съ мѣста на мѣсто. Рыба безъ плавательнаго пузыря можетъ по произволу двигаться по всемъ направленіямъ воднаго пространства, безоглядно подыматься и опускаться. Совсѣмъ другое рыба съ плавательнымъ пузыремъ. При подыманіи, плавательный пузырь надувается и угрожаетъ увлечь ее на поверх-

ность, едва не доносясь; при опусканіи, онъ сокращается и рыба должна бороться силою своихъ мускуловъ, чтобы не пасть на дно. Она можетъ, слѣдуя по вертикальному направленію, особливо-же снизу вверхъ,—двигаться только въ пространствѣ, строго ограниченная одной силой мускуловъ; сдѣлавшись немного легче она можетъ также ударомъ хвоста погрузиться и найти свою точку равновѣсія. Но понятно,—не всегда бываетъ удобно производить такіа движенія. Такимъ образомъ рыба, пойманная на большой глубинѣ и вытаскиваемая на нѣсколько аршинъ,—подымается на поверхность уже независимо отъ своей воли, а вслѣдствіе чрезвѣчнаго расширения плавательнаго пузыря. Это явленіе опутительно для рыбака, такъ какъ оно сопровождается уменьшеніемъ вѣса рыбы и большей легкостью вытаскиванія ее.

Прибавимъ, однако, что плавательный пузырь полезенъ рыбѣ по лишь тогда, когда она плыветъ въ плоскости своего равновѣсія. И дѣйствительно, въ этомъ случаѣ рыба употребляетъ мускульную силу только для преодоленія сопротивленія воды, между тѣмъ какъ рыба безъ плавательнаго пузыря принуждена, сверхъ того, бороться и съ тяжестью собственнаго тѣла, увлекающаго ее на дно.

Все это представляетъ существенный физиологическій интересъ, ибо объясняетъ роль важнаго органа въ царствѣ рыбъ. Кроме того, они представляютъ еще и другой интересъ, показывая въ какое положеніе попадаютъ естественныя испытатели, полагаясь на яко бы окончательное рѣшеніе вопроса. Рыба, съ плавательнымъ пузыремъ,—совершенно ли она по устройству рыбы не имѣющей этого органа? Представляетъ-ли собою при отсутствіи плавательнаго пузыря преимущество для рыбы? Да—относительно стоянія на одномъ мѣстѣ или движенія въ горизонтальной плоскости; нѣтъ—относительно свободнаго передвиженія съ мѣста на мѣсто по всемъ направленіямъ воднаго пространства.

Преимущественно хищныя рыбы, нападающія на добычу снизу вверхъ, на примѣръ акулы,—лишены плавательнаго пузыря; точно также скаты, камбалы, плоскія рыбы, словомъ всѣ тѣ, которыя покоятся обыкновенно на днѣ моря,—не снабжены этимъ органомъ; тоже самое съ лягою, которая прятается въ песокъ, чтобы овладѣть добычей; тоже самое съ держаладой (гемога), которая прикрѣпившись къ другимъ рыбамъ, помощью своего лобнаго кружка,—проходитъ съ ними различныя глубины... Было-бы любопытно сравнительно изучить родъ жизни и нравы макрели безъ плавательнаго пузыря, живущей въ океанѣ, и макрели съ плавательнымъ пузыремъ, водящейся въ Средиземномъ морѣ.

Несомнѣнно, что благодаря присутствію плавательнаго пузыря, сардины и сельди, сдѣлавшись легкими и плавая безчисленными стаями близко къ поверхности воды,—попадаютъ въ стѣи цѣлыми массами; они не могутъ вдругъ погрузиться, такъ какъ не въ ихъ волѣ сократить объемъ пузыря и быстро придать себѣ большой удѣльный вѣсъ. Много, значитъ, особенностей въ жизни рыбъ соединено съ присутствіемъ или отсутствіемъ этого воздухоноснаго поплава.

Но разсматриваемыя явленія въ сущности сложнѣе, нежели намъ могло казаться до сихъ поръ. У нѣкоторыхъ рыбъ плавательный пузырь не совершенно закрытъ, но сообщается съ желудкомъ, а вслѣдствіе этого и со внѣшней средой, помощью промежуточнаго болѣе или менѣе длиннаго канала. Этимъ рыбамъ, при уменьшеніи давленія на ихъ тѣла, путемъ помѣщенія ихъ подъ колоколъ пневматической машины или вслѣдствіе извлеченія изъ большой глубины,—не угрожаетъ разрывъ органа, и ихъ плотность при этомъ не измѣняется, такъ какъ по мѣрѣ расширения воздуха въ плавательномъ пузырьѣ,—избытокъ воздуха выходитъ черезъ каналъ наружу.

Эти рыбы составляютъ поэтому, промежуточный классъ, гораздо менѣе опасный для подниманія вверхъ, нежели классъ рыбъ, снабженныхъ закрытымъ плавательнымъ пузыремъ; но не рискуя допустить, онѣ не могутъ и произвольно опуститься.

Каковъ же химическій составъ газа, вздувающаго плавательный пузырь? Съ качественной точки зрѣнія,—это газы воздуха: кислородъ, азотъ и нѣсколько % угольной кислоты. Съ количественной—составъ этотъ чрезвычайно измѣчивъ, потому что въ плавательномъ пузырьѣ находили до 90% кислорода. Эти измѣненія по мѣрѣ ихъ находятся въ зависимости отъ той глубины, изъ которой вынута животное, или отъ его величины, или отъ времени года...

Рыба, помѣщенная въ воду съ малымъ количествомъ воздуха, постепенно поглощаетъ кислородъ своего плавательнаго пузыря; такимъ образомъ, она дышетъ только до полнаго исчерпанія этого запаса. Въ тоже самое время увеличивается содержаніе угольной кислоты въ плавательномъ пузырьѣ, но въ пропорціи гораздо болѣе слабой, настолько слабой, что объемъ плавательнаго пузыря уменьшается, и плотность животнаго увеличивается. И мы увидимъ, какую пользу извлекаетъ изъ этого рыба, съ точки зрѣнія передвиженія.

Теперь является вопросъ, откуда получаетъ плавательный пузырь содержащейся въ немъ воздухъ? При каналѣ, сообщаемся съ желудкомъ, можно предположить, что рыба, часто подымающаяся на поверхность глотать воздушные шарикъ,—проводитъ ихъ прямо въ свой пузырь. Но такое предположе-

ние опровергается слѣдующимъ образомъ. Виродженіи нѣсколькихъ дней оставляютъ сосудъ, въ которомъ плаваютъ рыба, въ обширномъ колоколѣ, наполненномъ смѣсью кислорода и водорода. При этомъ, въ плавательномъ пузырьѣ никогда не находятъ водорода, если, конечно, газовый резервуаръ предварительно совершенно опорожненъ, помощію пневматической машины.

Изъ этого выходитъ, что газъ плавательнаго пузыря отдѣляется самимъ животнымъ даже при существованіи воздухоноснаго канала.

Дѣлая выводъ изъ сказаннаго, видимъ, что по изслѣдованіямъ Армана Моро, плавательный пузырь рыбъ представляетъ собою область важныхъ химико-физиологическихъ процессовъ, результатомъ которыхъ является медленное измѣненіе, въ смыслѣ увеличения или уменьшенія плотности рыбы. Но процессы эти происходятъ медленно; всякое же внезапное измѣненіе въ вертикальномъ направленіи положенія животнаго — имѣетъ своимъ послѣдствиемъ или безконечное подниманіе или безконечное опусканіе, такъ какъ рыба не можетъ дѣйствовать прямо на плавательный пузырь, не можетъ расширять или сокращать его по произволу и снова принимать первоначальную плотность, — плотность воды.

Политическое обозрѣніе.

Прибытіе броненосцевъ въ Рагузу. — Неопредѣленность будущаго. — Курдская „лига“. — Ближайшіе планы Австріи на Балканскомъ полуостровѣ. — Галицкіе русскіе. — Германия и Римъ — Седанское празднество и воззваніе императора къ арміи. — Фрейсинъ и конгрегаціи. — Побѣда генерала Робертса подъ Эюбъ-ханомъ.

Державы уже приступили къ осуществленію угрозы своей. Пропедеура демонстраціи противъ Порты можно считать начавшеюся: четырнадцать военныхъ кораблей стоятъ уже въ эту минуту, въ Рагузѣ. И такъ, до „перехода за Рубиконъ“ осталась только шагъ. Но — что будетъ за Рубикономъ? Какъ и чѣмъ отзовется мѣра эта на Балканскомъ полуостровѣ и вообще, на судьбахъ Турецкой имперіи? Съ одной стороны, адмиралу Сэймуру, начальствующему (по старшинству) надъ соединеннымъ флотомъ державъ, даны, какъ мы уже сообщали, весьма широкія полномочія (причемъ, однако, на рѣшительныя дѣйствія онъ обязанъ испросить дозволеніе державъ), съ другой — албанцы намѣрены отсѣивать уступаемую Турціи территорию; къ нимъ, почти несомнѣнно, пристанутъ и войска, приведенныя Риза-пашей. Какъ отнесется мусульманское населеніе имперіи, весь мусульманскій міръ къ этой борьбѣ.

Само собою понятно, что послѣдствія обрушатся неблагоприятно прежде всего на самую Порту, на оттоманскую имперію, которая легко можетъ превратиться въ груды обломковъ. Но въ такомъ разѣ, въ случаѣ наступленія минуты „дѣлежа“ — какавя роль выпадетъ на долю каждой изъ державъ?..

А между тѣмъ, Порта продолжаетъ отписываться. Торопливый отвѣтъ ея по черногорскому вопросу выражаетъ готовность немедленно сдать Дульциню; въ отвѣтъ же относительно Греціи, оттоманское правительство категорически заявило о томъ, что можетъ уступить только одну Превезу. Отписки принесли свою пользу: въ южныхъ округахъ Эпира и Фессалии уже сосредоточено 30 тысячъ низамовъ. Державы отвѣчали на новую ноту Порты второю коллективной нотой, въ которой высказываютъ ей, что могутъ говорить только о способѣ передачи Дульцини, а не о чемъ иномъ.

Въ Азиатской Турціи возникла тоже „лига“ — курдовъ (!). Эти своеобразные „лигеры“, или лучше сказать разбойники, повидимому, рѣшили уничтожить христіанское населеніе. Больше всего, до сихъ поръ, доставалось отъ нихъ ближайшимъ соседямъ ихъ — армянамъ. Послѣдніе давно уже зывали и къ турецкому правительству, и къ европейскимъ консуламъ и посланникамъ, и къ державамъ, но голосъ ихъ оставался гласомъ вопіющаго въ пустынѣ. Видя всю бесплодность жалобъ своихъ, они, наконецъ, прибѣгнули сами къ оружію и теперь формируются инсургентскіе отряды армянъ, рѣшившихся защищаться противъ дикарей, безнаказанно, въ виду всего цивилизованнаго міра, угнетающихъ ихъ. Англійское правительство, впрочемъ, поручило своему посланнику, Гошэну, обратиться къ Портѣ по этому поводу. Стоитъ ли говорить о результатахъ такого „обращенія“. Не стоитъ еще тѣмъ болѣе, что англійское вліяніе въ Константинополѣ, можно сказать, много утратило со времени паденія лорда Биконсфильда. Но — что вліяніе это, и въ его время, держалось чисто искусственно, и только на поверхности, отнюдь не опираясь на сочувствіе турокъ но это мы указывали въ свое время — лучше всего видно изъ открытій, сдѣланнаго еще Лэйардомъ. Этотъ послушный агентъ бывшаго премьера узналъ, что въ Константинополѣ, въ придворной, султанской типографіи, печаталась газета „Cheih-ul-islam“, направ-

Такъ называемый плавательный пузырь играетъ не одну только что разсмотрѣнную нами роль, а еще и другую, чрезвычайно любопытную. Послѣдняя роль тщательно изслѣдована Арманомъ Моро. Пословица „нѣтъ какъ рыба“ — должна считать свое существованіе доказано. что нѣкогорыя рыбы воспроизводятъ настоящіе звуки. Вокальный органъ ворчуновъ (grondins) представляетъ собою не что иное, какъ занимающій насъ плавательный пузырь.

Этотъ органъ снабженъ у нихъ весьма крѣпкими мускулами; сверхъ того, онъ раздѣленъ на двѣ половины слизистой складкой, имѣющей видъ мускульной диафрагмы съ отверстіемъ въ родѣ зрачка. Къ этому аппарату направляются два толстые нерва. Если привести послѣдніе въ раздраженіе, то плавательный пузырь, вслѣдствіе сокращенія мускуловъ, растягивается и диафрагма начинаетъ колебаться. Отсюда получается звукъ, настолько сильный, что бываетъ слышенъ за нѣсколько аршинъ разстоянія.

Таковы, вкратцѣ, изслѣдованія Армана Моро относительно плавательнаго пузыря рыбъ. Ихъ результаты, казавшіяся сначала парадоксальными, скоро пріобрѣли въ наукѣ права гражданства.

леная противъ англичанъ (и, конечно, вообще противъ европейцевъ) и предназначенная для распространенія въ средѣ мусульманскихъ народовъ для возбужденія фанатической ненависти ихъ. Лэйардъ, понятно, постигши сообщивъ въ Лондонъ, откуда пришло требованіе прекратить дружескую газету. Прекратить обѣщано, но фактъ говорить самъ за себя.

Выше мы ставимъ вопросъ о томъ — какія роли будутъ принадлежать различнымъ державамъ, въ случаѣ рѣшительныхъ событій на Балканскомъ полуостровѣ. Одна изъ державъ, и именно Австро-Венгрія дала понять, что свою роль она опредѣлила заранее: если возникнутъ военныя дѣйствія тамъ, то австрійскія войска займутъ новый Базаръ и Митровицъ (!) Коротко и ясно. Ну, а другія державы?

Галицкіе русины встрѣтили императора Франца-Иосифа и онъ отвѣчалъ имъ на ихъ привѣтствіе рѣчью „на польскомъ языкѣ“. Значитъ, теперь сомнѣваться имъ нечего ни относительно программы австро-польскаго, въ Галиціи, правительства Габсбургской монархіи, ни въ судьбѣ разбитыхъ надеждъ ихъ. Балканскіе болгары, не смотря на турецкій гнетъ, удержали свою національную физиономію, а галицкимъ „болгарамъ“ едва ли это удастся.

Ильское свиданіе послужило несомнѣнно къ новому упроченію австро-германскаго союза, къ которому теперь примкнула могучая Румынія. Баронъ Геймерле поѣхалъ къ князю Бисмарку, въ Фридрихсруэ, для нѣкоторыхъ, вѣроятно, дополнительныхъ совѣщаній. 15-го октября н. с. назначено празднество окончанія постройки Кельнскаго собора, о которомъ мы говорили въ предъидущемъ №.

Въ соборѣ будетъ отслужено торжественное молебствіе, въ присутствіи императора Вильгельма. Германия праздновала 10-ю годовщину Седанской побѣды. Императоръ обратился, по этому случаю, съ воззваніемъ къ солдатамъ германской арміи, выражая имъ свою величайшую признательность: Да останется армія, сказано между прочимъ, въ воззваніи, образцомъ въ выполненіи всѣхъ требованій чести и обязанностей, да сохранитъ она въ себѣ строжайшую дисциплину и непреодолимое усердіе въ подготовкѣ къ войнѣ. Тогда Германская армія, въ будущія времена тяжелаго испытанія, — которая да предотвратитъ Богъ еще надолго — всегда будетъ твердою защитою отечества!

Нѣмецкія газеты продолжаютъ еще полемизировать съ французскими по поводу шербурской рѣчи Гамбетты.

Во Франціи едва ли не готовится министерскій кризисъ. Фрейсине намѣренъ войти въ сдѣлку съ Ватиканомъ и не преслѣдовать другія конгрегаціи, если папа согласится пожертвовать іезуитамъ; но министры внутреннихъ дѣлъ и духовныхъ исповѣданій — противъ сдѣлки этой, которая, по слухамъ, находитъ мало сочувствія и въ республиканскомъ большинствѣ. Опасаются, поэтому, чтобы Фрейсине не пришлось выйти въ отставку. Гамбетта, какъ сообщаютъ, уже готовится встрѣтить эту случайность.

Генераль Робертъ, прибывшій къ Кандагару, разбилъ на голову Эюбъ-Хана, который потерялъ одними плѣнными до 10-ти тысячъ человекъ и бѣжалъ въ Герать. Не смотря на то, англійское правительство еще не рѣшило присоединить Кандагаръ и отказалось отъ намѣренія имѣть своего резидента въ Кабулѣ.

С М Ъ С Ъ .

Дамасскія стальныя дула. Есть мнѣніе, что дула изготовленныя изъ закаленной стали при помощи машинъ, не могутъ сравниться съ дамасскими кованными дулами ручной работы, такъ какъ недостаточно прочны. Убѣжденіе это однако неоснова-

тельно. Оружейный мастеръ Пиперъ сдѣлалъ нѣсколько опытовъ въ Лютыхъ въ королевской пробирной палаткѣ. На опыты было приглашено много военныхъ, охотниковъ, фабрикантовъ и т. п. Для пробы было приготовлено 8 дулъ изъ зака-

(Продолженіе на стр. 729, 730, 731 и 732).

ленной и 8 дулъ изъ дамасской стали. Опытъ былъ сдѣланъ при постепенномъ увеличеніи заряда, доведеннаго до крайнихъ предѣловъ, до разрыва дула. Первый опытъ: 20 грам. пороха и 1 пуля, результатъ: всѣ дула уцѣляли. 2 опытъ: 20 гр. пороха и 2 пули, результатъ прежній. 3 опытъ, 30 гр. пороха и 3 пули; результатъ: четыре дамасскія дула разорваны и т. п. Одно стальное дуло не подвергалось шестому опыту и было помѣчено пять разъ буквами *E. L.* Этими опытами предубѣжденія противъ машинныхъ стальныхъ дулъ устранены блестящимъ образомъ.

Человѣкъ локомотивъ. Итальянскій скороходъ Баргосси, называемый „человѣкъ-локомотивъ“, поставилъ себѣ задачу опережать какую угодно бѣговую лошадь. Недавно онъ держалъ пари съ Лораномъ, содержателемъ лошадей въ Венсеннѣ, около Парижа. Пари было въ 1,500 фр. Конкуренцы, человекъ и лошадь должны были пробѣжать рысью и безъ остановки 32 километра. Этотъ бѣгъ происходилъ на полѣ, между Венсенномъ и Парижемъ. Баргосси съ величайшею легкостью нанесъ поражение лошади Лорана. Между тѣмъ въ полтора часа онъ сдѣлалъ восемьдесятъ

Русскіе типы: продавецъ лубочныхъ картинъ. Ориг. рис. И Панова, грав. Шаповъ.

круговъ по ристалищу, которое измѣряется 400 метр., слѣдовательно пробѣжалъ 32 километра.

Ростовщикъ древности. Въ одномъ изъ сочиненій о Брутѣ докторъ Ландау говоритъ, что Брутъ умѣлъ наживать деньги, что онъ и доказалъ передъ битвой подъ Фарсалою въ 48 году до Р. Х. Ранѣе нежели заняться заботами по оборонѣ отечества, онъ занимался отлачею денегъ подъ большіе проценты. У насъ это называется ростовщицествомъ, но благородные римляне смотрѣли на это иначе. Можно было быть сенаторомъ, воинномъ, намѣстникомъ или судьей и при томъ давать свои деньги за 40 и 60 годовыхъ процентовъ. Если кто не хотѣлъ дѣйствовать открыто, въ такомъ случаѣ легко находилъ лицо, именемъ котораго обдѣлывалъ дѣла; многие римляне, прикрываясь своимъ званіемъ сенаторовъ, офицеровъ и чиновниковъ устраивались очень ловко.

Двадцати-лѣтняя партія въ шахматы. Въ 1860 г. одинъ шахматный игрокъ въ Пфорцгеймѣ, въ великомъ герцогствѣ Баденскомъ, началъ посредствомъ писемъ съ однимъ нью-йоркскимъ игрокомъ партію въ шахматы, которая только что окончилась. Побѣдителемъ остался американецъ.

О ПРЕМІЯХЪ „НИВЫ“

Въ настоящемъ году мы могли убѣдиться, что наши постоянныя старанія развивать дѣло—увеличивая количество и улучшая достоинство рисунковъ и текста—оцѣниваются нашими подписчиками: „Нива“ расходится теперь въ количествѣ 55,000 экземпляровъ. Но и нашъ журналъ, не возвышая цѣны, въ настоящемъ году, вмѣсто обѣщанныхъ 16 страницъ, давалъ постоянно отъ 20 до 24 самой убоистой печати и отъ 8 до 10 рисунковъ, художественно исполненныхъ въ каждомъ номерѣ, не считая богатое и полное безплатное приложение „ПАРИЖСКІЯ МОДЫ“. Сверхъ всего этаго обѣщанная, великолѣпная премія—два большія картины, заказанныя для „Нивы“ знаменитому придворному Е. И. В. художнику М. Зичи, будутъ выданы на шимъ подписчикамъ въ среднихъ числахъ Октября. Исполненіе копій съ этихъ акварелей превзошло какъ наши ожиданія, такъ и ожиданія самаго художника г. Зичи, который заявлялъ намъ, что „никогда еще не бывали его картины воспроизведены съ такимъ совершенствомъ“.

Содержаніе картинъ относится къ главнымъ моментамъ превосходной поэмы одного изъ нашихъ величайшихъ поэтовъ М. Ю. Лермонтова „Демонъ“. Первая картина „Лясна Тамары“, гдѣ Тамара еще полная жизни и дѣтски-счастливая, веселится въ родномъ домѣ, когда на ней останавливается пламенный взглядъ мрачнаго Духа Зла, — когда рѣшена ея гибель и „Тамара умершая, опруженная родными“, гдѣ спокойный, кроткій ликъ умершей указываетъ, что смерть послужила ей спасеніемъ и освобожденіемъ отъ ужасной власти Демона. Оба момента, представляющие завязку и разрѣшеніе драмы—никогда не были воспроизведены русскими художниками.

Цѣна этихъ картинъ въ отдѣльной продажѣ 4 р. т. е. по 2 р. за каждую.—Только гг. годовые подписчики на журналъ „Ниву“ 1880 г. имѣютъ право на безплатное полученіе ихъ.

Обѣ эти картины будутъ разосланы всѣмъ гг. годовымъ подписчикамъ, какъ городскимъ, такъ и иногороднымъ (получающимъ журналъ чрезъ почту) въ прочномъ картонномъ футлярѣ, въ Октябрѣ мѣсяцѣ, прочимъ же подписчикамъ (получаю-

щимъ журналъ безъ доставки) премія эти будутъ выданы или въ Конторѣ редакціи, или въ тѣхъ книжныхъ магазинахъ, гдѣ они получаютъ журналъ, при томъ же номерѣ, при которомъ эти преміи будутъ приложены подписчикамъ, получающимъ журналъ съ доставкой или пересылкою.

Исполняя многочисленныя просьбы своихъ подписчиковъ, желающихъ видѣть эти картины уже теперь и имѣя нѣсколько экземпляровъ означенныхъ картинъ, издатель разослалъ ихъ нижепоименованнымъ книгопродавцамъ, у которыхъ можно видѣть эти будущія преміи „Нивы“ за 1880 г.

- Въ С.-Петербургѣ: въ Главной Конторѣ Редаціи „Нивы“, и у книгопродавцевъ: Я. А. Исакова, Ф. А. Битепана, Анисимова, Мамонтова, Мартынова, Карла Рикера, Шмицдорфа, въ книжномъ магазинѣ „Новаго Времени“, Фену и № и Гартъе.
- „Москва“; у книгопродавцевъ—И. Г. Соловьева, Живарева, Лагъ, Васильева, Поста, Мамонтова и Шапошникова.
- „Варшавѣ“, въ книжномъ магазинѣ Истомина.
- „Вильнѣ“, въ книжномъ магазинѣ Сыркина.
- „Воронѣжѣ“, въ книжныхъ магазинахъ М. П. Севастьянова.
- „Екатеринбургѣ“, въ библиотекѣ Е. М. Лагутовой.
- „Житомирѣ“, въ книжномъ магазинѣ Кириченко.
- „Казани“, въ книжныхъ магазинахъ Дубровина и „Восточная Лира“.
- „Калугѣ“, въ библиотекѣ Г. П. Бекъ.
- „Камеицѣ-Подольскѣ“, въ книжномъ магазинѣ А. С. Бугаева.
- „Кишиневѣ“, въ книжномъ магазинѣ А. Тараненко.
- „Кіевѣ“, въ книжныхъ магазинахъ Оглоблина, Гюнтера и Малецкаго.
- „Козловѣ“, въ книжномъ магазинѣ С. Ф. Муравьева.
- „Костромѣ“, въ книжномъ магазинѣ Беконена.
- „Кронштадтѣ“, въ редакціи „Кронштадтскаго Вѣстника“.
- „Курскѣ“, въ книжномъ магазинѣ А. В. Перелетенко.
- „Минскѣ“, въ книжномъ магазинѣ С. Ф. Савицкой.
- „Нижнемъ-Новгородѣ“, въ книж. магазинѣ 1-й Нижегородской артели.

Въ Новочеркаскѣ, въ книжномъ магазинѣ **О. А. Анањева.**
 „ **Одесѣ:** въ книжныхъ магаз. Пушкина и П. И. Пётровскаго.
 „ **Пензѣ,** въ библиотекѣ **А. С. Иванова.**
 „ **Перми,** въ книжномъ магазинѣ **О. П. Петровской.**
 „ **Полтавѣ,** въ книжномъ магазинѣ **Богоявленскаго.**
 „ **Ригѣ,** въ книжномъ магазинѣ **Модель и Пааль.**
 „ **Ревелѣ,** въ книжномъ магазинѣ **Клаге и Штремб.**
 „ **Ростовѣ-на-Дону,** въ книжномъ магазинѣ **И. А. Теръ-Абрамянъ.**
 „ **Саратовѣ,** въ книжномъ магазинѣ **П. А. Хаорова.**
 „ **Смоленскѣ,** въ книжномъ магазинѣ **В. Ф. Лаврова.**
 „ **Твери,** въ книжномъ магазинѣ **Л. Д. Нашкина.**
 „ **Тамбовѣ,** въ книжномъ магазинѣ **Зотова.**
 „ **Тифлисѣ,** въ книжномъ магазинѣ **Вартанова** и въ газ. Агентствѣ **Шавердова.**
 „ **Таганрогѣ,** въ книжномъ магазинѣ **Д. Р. Бѣлоновскаго.**
 „ **Томскѣ,** въ книжномъ магазинѣ **Манушина.**
 „ **Тулѣ,** въ книжномъ магазинѣ **Пузыревскаго.**
 „ **Черниговѣ,** въ книжномъ магазинѣ **М. Н. Кранцъ.**
 „ **Херсонѣ,** въ книжномъ магазинѣ **Шаха.**
 „ **Харьковѣ,** въ книжныхъ магазинахъ **Юзефовича** и **Максимовича.**
 „ **Ярославѣ,** въ книжномъ магазинѣ **Конуева.**

Подписка на журналъ „Нива“ принимается постоянно и каждый новый подписчикъ имѣетъ право на получение какъ всѣхъ премій такъ и всѣхъ вышедшихъ уже №№ журнала съ 1-го января.

О ПЕРЕМѢНѢ АДРЕСА.

Контора журнала «Нива» проситъ своихъ гг. иногородныхъ подписчиковъ при перемѣнѣ адреса изъ одного города въ другой, присылать прежній печатный адресъ и прилагать **28 коп.** почтовыми марками на типографскіе расходы.

СОДЕРЖАНІЕ: Пушкинъ въ Одесѣ въ 1823 г. (съ рис.)—Купленное счастье. Романъ Н. Морскаго (Продолженіе).—Старый Данъ. Разсказъ Л. Коллинза.—Новый желѣзнодорожный мѣстъ черезъ Волгу (съ 2 рис.)—Любить не любить (съ рис.)—Рабочій кабинетъ королевы Викторіи въ Осборнъ-Хаузъ на остр. Уайтъ (съ рис.)—Продавецъ лубочныхъ картинъ (съ рис.)—О плавани рыбы. Очеркъ Д.—на. Политическое обозрѣніе.—Сибѣ.—О преміяхъ „Нивы“.—Тиражъ выигравшей Государственнаго Банка.—О перемѣнѣ адреса.—Объявленіе.—При этомъ не прилагаются „ПАРИЖСКИЕ МОДЫ“ за СЕНТЯБРЬ 1880 г. съ 23 рис. и отдѣльный листъ съ 23 черт. выкроекъ въ натуральн. велич., и съ 23 рис. рукод. работъ.

Издатель А. Ф. Марксъ.

Редакторъ Ф. Бергъ.

2-й заемъ 1866 года.

29-й тиражъ 1-го сентября 1880 г.

ТИРАЖЪ ВЫИГРЫШЕЙ ГОСУДАРСТВЕННОГО БАНКА.

№ сер.	№ бл.	Сумма.	№ сер.	№ бл.	Сумма.	№ сер.	№ бл.	Сумма.	№ сер.	№ бл.	Сумма.	№ сер.	№ бл.	Сумма.	№ сер.	№ бл.	Сумма.	№ сер.	№ бл.	Сумма.			
52	39	500	2563	17	1000	5820	36	500	8014	13	8000	10265	23	500	11933	89	500	14519	39	500	17284	39	500
225	13	500	2688	15	500	5875	40	500	8016	31	500	10288	11	500	11954	17	500	14639	36	1000	17332	11	500
265	9	500	2701	13	500	5942	25	500	8035	47	500	10293	36	500	12210	23	500	14666	40	500	17399	6	500
315	21	500	2724	16	500	6056	6	500	8073	44	500	10297	44	500	12211	27	500	14667	47	500	17440	48	500
456	32	500	2772	28	500	6155	45	500	8131	45	500	10299	27	500	12184	42	500	14698	39	500	17531	37	500
469	21	500	2910	14	500	6205	43	500	8198	47	500	10335	40	500	12494	41	500	14877	44	500	17684	25	500
481	18	500	3014	13	500	6227	31	500	8281	1	500	10399	31	500	12545	40	500	14882	15	8000	17719	47	500
6	6	20	3099	37	500	6313	8	500	8283	22	500	10404	12	500	12663	50	500	14906	43	500	17824	46	500
740	6	500	3297	49	500	6318	19	500	8322	25	500	10413	36	500	12762	2	500	14982	1	500	18004	15	500
745	17	500	3350	8	500	6361	1	5000	8500	14	500	10415	12	500	12804	47	500	15044	11	500	18240	10	500
749	31	500	3515	40	500	6438	39	5000	8523	27	1000	10459	6	500	12908	9	500	15057	26	500	18274	33	500
864	27	500	3532	30	1000	6441	11	500	8557	27	500	10493	30	500	12912	9	500	15074	28	500	18283	9	10000
885	22	500	3577	8	500	6510	19	500	8559	1	500	10516	6	500	12958	12	500	15118	33	500	18343	7	500
896	43	500	3645	40	500	6579	47	1000	8575	21	500	10619	6	500	12977	50	1000	15120	26	500	18561	2	500
918	48	500	3713	50	500	6606	13	500	8611	45	1000	10678	19	500	12986	7	500	15195	48	500	18700	6	500
966	47	500	3745	3	500	6820	7	500	8614	21	500	10771	5	5000	12998	32	500	15270	30	500	18774	17	500
1076	4	500	3846	16	500	6852	19	500	8766	17	500	10791	18	500	13155	23	500	15286	2	500	18869	22	1000
1153	27	500	3934	3	500	6876	46	500	8843	50	25000	10804	27	500	13211	36	500	15321	46	8000	18933	19	500
1156	49	500	4015	9	500	6938	30	10000	8877	35	500	10811	5	500	13234	29	500	15405	29	500	18956	7	1000
1182	44	500	4166	44	500	7087	17	500	8927	7	500	10833	23	500	13267	11	1000	15463	38	1000	18966	38	500
1334	6	1000	4183	5	500	7156	43	500	9007	39	500	10894	11	500	13319	38	500	15537	3	1000	19047	36	500
1336	18	5000	4311	45	500	7223	47	500	9180	36	500	10960	32	500	13330	47	5000	15966	9	500	19060	31	500
1398	47	500	4322	31	500	7258	13	500	9318	33	500	10976	11	500	13621	2	500	15773	33	500	19076	20	500
1470	5	500	4560	20	500	7267	32	500	9359	2	500	11050	1	500	13726	19	200000	16047	2	500	19088	45	500
1496	5	500	4655	25	500	7385	41	500	9462	47	500	11062	13	500	13871	4	500	16131	34	1000	19101	8	500
1784	20	500	4740	33	500	7393	42	500	9470	7	500	11072	42	500	13893	35	500	16146	45	500	19107	8	500
1854	30	10000	4908	21	500	7491	19	5000	9515	49	500	11153	4	500	14019	33	500	16405	13	500	19197	37	500
1879	34	500	4923	44	500	7495	23	500	9637	2	1000	11155	33	8000	14029	37	500	16457	18	500	19211	3	500
1938	30	500	5166	8	500	7599	41	500	9700	7	75000	11283	35	500	14095	11	500	16483	22	500	19341	45	500
2028	14	500	5274	31	40000	7612	43	500	9710	9	500	11291	11	500	14134	30	500	16724	19	500	19346	40	500
2097	13	1000	5384	48	500	7757	11	1000	9736	36	500	11297	49	500	14199	38	500	16774	50	500	19375	34	500
2122	5	500	5418	41	500	7771	16	500	9760	8	1000	11316	18	500	14213	40	500	16797	6	500	19477	5	500
2157	2	500	5488	26	500	7779	10	500	9788	5	500	11433	14	500	14235	34	500	16845	34	500	19505	28	500
2119	22	500	5508	32	500	7838	7	500	9864	42	500	11589	5	500	14290	32	500	16856	28	500	19571	31	500
2240	5	500	5637	45	500	7840	47	1000	9940	44	500	11757	38	500	14331	10	8000	17030	5	500	19611	6	500
2317	2	500	5657	20	500	7868	28	500	9948	22	500	11760	31	500	14379	16	500	17257	29	500	19617	46	500
2373	24	1000	5755	20	500	7938	17	5000	10067	20	500	11879	22	500	14379	26	500	17259	46	500	19732	44	500
2490	26	500	5769	28	5000	7952	20	500	10080	37	500												

№№ серий, вышедшихъ въ тиражъ погашенія.

40, 41, 179, 685, 924, 1295, 1693, 2062, 2072, 2082, 2153, 2560, 2572, 3341, 4148, 4567, 5118, 5399, 5811, 6910, 6917, 6983, 7442, 7599, 7603, 7855, 8156, 8498, 9224, 927, 9780, 10602, 10630, 10919, 10933, 11722, 11827, 12963, 13132, 13375, 13766, 14112, 14801, 14978, 15216, 15454, 15599, 15746, 16047, 16704, 16478, 17010, 17068, 17680, 18057, 18173, 18218, 18271, 19942, 19958.

О Б Ъ Я В Л Е Н І Я.

Съ разрѣшенія С.-Петербургскаго Врачебнаго Управленія.

ТИМОЛОВЫЕ
ГИГИЕНИЧЕСКІЕ И АНТИ-ЭПИДЕМИЧЕСКІЕ ПРЕПАРАТЫ
С.-ПЕТЕРБУРГСКОЙ ТЕХНО-ХИМИЧЕСКОЙ ЛАБОРАТОРИИ.

Тимоловый зубной эликсиръ 1 р. } предохраняютъ зубы отъ порчи и гніенія,
 Тимоловый зубной порошокъ 60 к. } уничтожаютъ дурной запахъ во рту.
 Тимоловый туалетный уксусъ 75 к. уничтожаетъ всякія миазмы
 Тимоловое туалетное мыло 35 к. противъ сыпи и угрей.
 Тимоловые препараты превосходятъ своими достоинствами всѣ до сихъ поръ изобрѣденныя зубныя и анти-эпидемическія средства.
 Каждый экземпляръ Тимоловыхъ препаратовъ снабженъ фабричною маркою С.-Петербургской Техно-химической Лабораторіи, утвержденной Правительствомъ.
 Продаются въ С.-Петербургѣ: въ магазинахъ С.-Петербургской Техно-химической Лабораторіи—Толмазовъ пер. противъ Гостиного двора, д. № 2 и на Петербургской сторонѣ, по Большому проспекту, противъ Гуляевой ул., д. № 2.
 въ Русскомъ Обществѣ Торговли Аптекарскими Товарами по Казанской улицѣ, у г. Штоль и Шмидтъ Бирничный пер.
 въ Москвѣ, въ Отдѣленіи С.-Петербургской Техно-химической Лабораторіи по Тверской ул., д. Малыгина.
 Гг. Торговцамъ значительная скидка. Оптовая продажа производится въ складахъ С.-Петербургской Техно-химической Лабораторіи, въ С.-Петербургѣ, по Толмазову пер., № 2 и въ Москвѣ—Тверская, д. Малыгина.
 Въ Харьковѣ, въ складѣ Русскаго Общества Торговли аптекарскими товарами: въ Кіевѣ у г. Н. Ф. Пастухова. № 860

ВЫШЛА СЕНТЯБРЬСКАЯ КНИЖКА

„СОБРАНІЯ РОМАНОВЪ“.

Преступленіе Марсъяла, Луи Ульбаха (окончаніе).—Что въ имени тебѣ моемъ? Э. Д. Жерарда.—Паровой домъ, путешествіе по Сѣверной Индіи, Жюль Верна.—Двойная ошибка.—На станціи желѣзной дороги. Живая или мертвая.

Кромѣ романа оконченнаго въ этой книгѣ, въ нынѣшнемъ году окончено еще пять: **Сломанный вѣтеръ**, Арсена Гуссе; **Намѣренія мистера Стюарта**, Ф. Робинсона; **Слѣды на снѣгу**, Доры Россель. **Терновый замокъ**, Луи Ульбаха. **Трагическое наслѣдство**, Константа Геру.

Къ печати приготовлено: **ГВАРИНСЪ**, Густава Эмара. **СПРЯТАННОЕ ЗОЛОТО**, Френка Баррета. **ДѢТИ ГЕРЦОГА**, Энтони Троллопа.

Цѣна за годовое изданіе, состоящее изъ 12 книгъ большаго формата выходящихъ всегда въ началѣ мѣсяца и составляющихъ въ годъ около пяти тысячъ страницъ, безъ доставки руб. пятьдесятъ коп., съ доставкою въ С.-Петербургѣ—одинадцать руб., для иногородныхъ подписчиковъ—двѣнадцать. Подписка принимается исключительно на имя издательницы **Елисаветы Николаевны Ахматовой**, въ домѣ Жербина, на Михайловской площади, въ С.-Петербургѣ.

Подписка продолжается. Выдаются всѣ вышедшія книги съ № 1-го.

При редакціи открыта книжная торговля. Каталогъ высылается безплатно. № 732 1—1

СКОПИНСКІЙ ГОРОДСКОЙ ОБЩЕСТВЕННЫЙ БАНКЪ. (ОСНОВНЫЙ И ЗАПАСНЫЙ КАПИТАЛЫ 1.107.111 РУБ.)

Банкъ принимаетъ вклады изъ всѣхъ мѣстностей Россіи: отъ присутственныхъ мѣстъ, должностныхъ и частныхъ лицъ, монастырей и церквей, земскихъ и общественныхъ учреждений, городскихъ и сельскихъ обществъ и акціонерныхъ компаній. Вклады принимаются отъ вкладчиковъ, лично и чрезъ почту, на безсрочное время, т. е. до востребованія, на опредѣленные сроки отъ одного года до 12 лѣтъ и на вѣчное время. По вкладамъ Банкъ выдаетъ:

На безсрочное время	6%	въ годъ.
» одинъ, два и три года	6 ¹ / ₂ %	» »
» четыре, пять и т. д. до 12 лѣтъ	7%	» »
» вѣчное время	7 ¹ / ₂ %	» »

Внесенные въ Банкъ вклады, обезпечиваются не только вышеозначенными Банковыми основнымъ и запаснымъ капиталами 1.107.111 руб., но и ручательствомъ за Банкъ Скопинскаго Городскаго Общества, состояніе котораго простирается на нѣсколько милліоновъ рублей.

Сумма вклада не можетъ быть менѣе 50 рублей. Билеты на вклады: не превышающіе 300 рублей, выдаются только именные; на сумму же свыше 300 рублей могутъ быть выдаваемы, по желанію вкладчиковъ, безъимянные, т. е. на предъявителя *)

Вклады возвращаются и проценты по нимъ выдаются наличнымъ вкладчикамъ въ тотъ же день, иногороднымъ высылаются съ почтою.

Лица, желающія перевести свои вклады изъ другихъ кредитныхъ учреждений на процентное обращеніе въ Скопинскій Банкъ, могутъ поручать Банку истребованіе откуда слѣдуетъ ихъ вкладовъ, для чего они должны сдѣлать на именныхъ билетахъ засвидѣтельствованную нотариусомъ или полиціею надпись, о предоставленіи Банку права истребовать слѣдующія по тѣмъ билетамъ деньги, безъимянные же билеты, для перевода по нимъ вкладовъ, представляются въ Банкъ безъ всякой надписи.

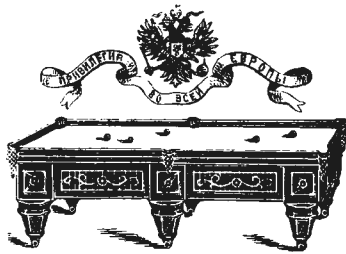
Банкъ принимаетъ къ учету векселя, купоны отъ процентныхъ бумагъ и облигацій, вышедшія по тиражу, на сроки отъ 1-го до 12-ти мѣсяцевъ, и выдаетъ ссуды подъ залогъ строеній, состоящихъ въ г. Скопинѣ, и земель находящихся въ Рязанской губерніи отъ 1-го года до 12-ти лѣтъ, процентныхъ бумагъ, товаровъ и вещей отъ 1-го до 9-ти мѣсяцевъ. Проценты Банкъ получаетъ по учетной и ссудной операціямъ по восьми на сто въ годъ.

Правленіе Банка открываетъ засѣданіе ежедневно, кромѣ воскресныхъ и табельныхъ дней, съ 10 час. утра до 3-хъ часовъ по полудни, и въ производствѣ Банковыхъ операцій и вообще во всѣхъ своихъ дѣйствіяхъ руководствуется Высочайше утвержденными: положеніемъ 6-го февраля 1862 года о Городскихъ Общественныхъ Банкахъ, и мнѣніями Государственнаго Совѣта 16-го мая, 1866 года и 30 ноября 1870 года.

*) Вклады вносятся въ Банкъ чрезъ почту при объявленіяхъ слѣдующаго содержанія:

„Въ Скопинскій Городской Общественный Банкъ (отъ такого) объявленіе. Представляя при семъ (столько-то рублей) прошу принять эту сумму во владѣ для обращенія изъ процентовъ (на такой-то срокъ или до востребованія) и составить билетъ на мое имя (или на имя такого-то или на предъявителя); который выслать въ *такое-то мѣсто. Число. мѣсяцъ, годъ.*“

**БИЛЛЯРНАЯ ФАБРИКА
РУДОЛЬФЪ ГЕРДЕСЪ
ВЪ С.-ПЕТЕРБУРГѢ**
предлагаетъ свои

Билляры съ патентованными передвижными бортами разныхъ величинъ, разлагаемой конструкціи, крытые, ровно шлифованными, асфидными досками, соляндной, изыщной работы, по рѣшительнымъ цѣнамъ. Иллюстрированные прейсъ-курранты съ описаніемъ высылаются желающимъ.

АТТЕСТАТЪ.

Настоящій аттестатъ выдается мною Ростовскимъ на Дону купцомъ Иваномъ Семеновымъ Самойленко С.-Петербургскому биллярдному фабриканту Рудольфу Гердесу въ томъ, что заказанные ему мною и сдѣланные на его фабрикѣ три биллярда отличаются слѣдующими достоинствами: по отъизвѣствованію биллярды фабрики Гердеса, при прочной и изыщной работѣ, отличаются замѣчательною вѣрностью, что, главнѣе всего, зависитъ отъ примѣненія фабриканта новаго образца бортовъ подвижныхъ изластичныхъ, позволяющихъ съ одинаковою вѣрностью играть шарами разныхъ калибровъ. Кроме того заказъ мой выполненъ фабрикантомъ вполне добросовѣстно и своевременно, безъ малѣйшаго упущенія.

Ростовъ на Дону, Іюля 24 дня, 1880 года
Ростовскій купецъ Иванъ Семеновъ Самойленко.

**С.-ПЕТЕРБУРГЪ,
РУДОЛЬФЪ ГЕРДЕСЪ.**
Вознесенскій просп. № 12.

ВЪ МОСКВѢ:
БИЛЛЯРДНЫЙ ФАБРИКАНТЪ Ф. Г. ГЕ
на углу Газетнаго пер. и Большой Никит-
ской. № 859 10-1

**ОБЩЕСТВО ВОДОЧНАГО ЗАВОДА
БЕКМАНЪ И К^о,**

устроило рядомъ со своимъ водочнымъ заводомъ, въ совершенномъ новомъ, исключительно для сего приспособленномъ зданіи и открыло въ январѣ 1880 г.

**ЗАВѢДѢНІЕ ИСКУССТВЕННЫХЪ МИ-
НЕРАЛЬНЫХЪ ВОДЪ**

подъ тою же фирмою Бекманъ и Ко, въ которомъ пригождаются также ягодныя и фруктовыя воды, а равно и лимонады.

Коломенской части, Перевозная ул., д. № 6. К. № 883 10 1.

СЛОВОЛИТНЯ

О. И. ЛЕМАНА

въ С.-Петербургѣ, Банковскій м., 52-3.
существуетъ съ 1854 года.
Складъ шрифтовъ у Ив. Ив. ФЛОРА въ Москвѣ,
Никитская, д. Рихтера.

Постоянно располагая **БОЛЬШИМЪ ЗАПАСОМЪ** готовыхъ шрифтовъ, словолитня въ состояніи, въ весьма короткое время, удовлетворить самымъ значительнымъ требованіямъ. Съ словолитней соединены: ГРАВЕРНОЕ, СТЕРЕОТИПНОЕ и ГАЛЬВАНОПЛАСТИЧЕСКОЕ заведеніе.

НОВѢЙШЕЕ ИЗОБРЕТЕНІЕ.

ФРАНКФУРТСКІЯ МОЛОТИЛКИ СИСТЕМЫ ВЕЙЛА.

Доставляются на каждую желѣзно-дорожную станцію въ слѣдующемъ выборѣ: 1) производимыя двумя людьми; 2) съ одной, въ 3) съ двумя, въ 4) съ четырьмя лошадиными силами.

По желанію съ аппаратомъ, производящимъ одновременно очистку зерна.

Подвижныя на своихъ собственныхъ колесахъ, онѣ могутъ дѣйствовать вездѣ, гдѣ ихъ не постигаютъ. По письменному требованію иллюстрированный каталогъ находится у Морца Вейла.

Машина фабрика въ Франкфуртѣ-на-Майнѣ (въ Германіи).

Корреспонденція по-русски.

Рг. № 690 11-9

**СКЛАДЪ ПИСЬМЕННЫХЪ ПРИНАДЛЕЖНОСТЕЙ ФАБРИКИ
А. В. ФАБЕРЪ.**

С.-Петербургъ, Большая Морская, № 15.

Фабрика въ Штейнѣ при Нюрнбергѣ существуетъ съ 1761 года. Торговые дома въ Парижѣ, Лондонѣ, Берлинѣ и Нью-Йоркѣ.

ШКОЛЬНАЯ ПРИНАДЛЕЖНОСТИ.

Громадный выборъ при самыхъ дешевыхъ цѣнахъ. Графитные и цѣтные карандаши и грифели въ громадномъ выборѣ. Ручки для перьевъ, стальные перья, чернила, резинки, карманные и радирные ножи, равно и для разрыванія бумаги, ножницы, линейки, чернильницы, оловяры, гарнитуры для письменнаго стола, портфели для бумагъ и для нотъ, записныя книжки, перовники, ащипки для красокъ, готовальни, школьныя сумки, ремни школьныя, ранцы и т. д.

**БУМАГА СЪ МОНОГРАММАМИ
ВЪ 6 ПОЛНЫХЪ АЛФАВИТАХЪ.**

чрезвычайно изящна и дешева.
Картонъ съ 50 листами и 50 конвертами отъ Р. С. 1 р 50

НОВО! НОВО! НОВО!
Автоматическая ручка для перьевъ Р. С. 1 р. 50.
(Porte-plume Prieux)

наполняется чернилами на двѣ недѣли. Нѣтъ болѣе чернильныхъ пятенъ.

АВТОМАТИЧЕСКІЕ КАРАНДАШИ ПО 50 КОП.
величайшая экономія такъ какъ графитъ никогда не ломается.

ЧУДО ПЕРО („KAVUÛ RONHOLDER“) ПО 50 КОП.

Для письма водою! Трѣхъ цвѣтовъ: черное, красное и синее.

Запасныя краски къ нимъ по 6 въ пакѣтѣ по 25 коп.

Каждой изъ этихъ красокъ, при ежедневномъ употребленіи хватаетъ на 4 недѣли. При заказахъ изъ провинцій болѣе чѣмъ на 5 этихъ трехъ новыхъ предметовъ вѣстѣ, почтовые расходы не считаются.

Рг. № 852 6-2
О. УНФУГЪ и К^о Большая Морская, № 15.

СКРИПКИ
виолончели, альты, контрабасъ,
ГИТАРЫ,
цитры, мандолины, струны и всѣ принадлежности.
Школы (самучители) для всѣхъ инструментовъ рекомендуютъ въ большомъ выборѣ.
главное депо музыкальныхъ инструментовъ
ЮЛІА ГЕНРИХА ЦИММЕРМАНА.
СПБургъ, по Больш. Морской ул. д. № 42,
Подробные прейсъ-курранты бесплатно.
Заказы изъ провинцій исполняются немедленно и аккратно.

**УЧИЛИЩЕ 1-ГО РАЗРЯДА
Ивана Михайловича
ХАЙНОВСКАГО.**
Пріемъ родныхъ и вступительные экзамены съ 7 августа, отъ 5 до 7 часовъ пополудни. Москва, Тверская, Брюссевъ переул. д. Рюмина.
П. М. № 855

СПЕЦИАЛЬНОСТЬ
собственного завода.
ПОЖАРНЫЯ ТРУБЫ
всякаго рода.
НАГОСЫ
для всякаго употребленія.
Новый огнетушитель
КОСМОПОЛИТЬ,
рекомендуетъ со склада
Альфредъ Лангензенъ.
С.Петербургъ, Мал. Итальянская, № 11.
Иллюстрированные прейсъ-курранты без-
К. № 845 платно. 5-3

Дешевое изданіе Юргенсона.
**Полное собраніе сочиненій
Ф. ШОПЕНА,**
6 томовъ парижскаго формата.
Изданіе это пересмотрѣно и исправлено профессоромъ Московской Консерваторіи
К. КЛИНДВОРТОМЪ.
Цѣна за 6 томовъ 6 рублей.
Роскошное изданіе in 4о 15 руб.
Эти изданія признаны лучшими изъ всѣхъ гг. Бюловымъ и Листомъ.
Москва у п. Юргенсона, | С.-Петербургъ,
Неглинскій переул. | у І. Юргенсона.
№ 10. | Большая Морская,
 | № 9.
 | П. М. № 861 3-1

НОВАЯ
улучшенная и патентованная системы Зингеръ
РУЧНАЯ ШВЕЙНАЯ МАШИНА
работаетъ ментѣ шумно, легче и скорѣ
чѣмъ всѣ существующія теперь ручныя машины. Специальныя машины для вязанія, выметыванія петель, вышиванія плиссъ, для шитья перчатокъ, военныхъ голенищъ, мѣшковъ, парусовъ и кожи до 1¼ дюйм. толщины съ варвою драгвой и всѣхъ другихъ ручныхъ и ножныхъ машинъ для семейныхъ и ремесленныхъ употребленій.
Высылка подробнаго прейсъ-курранта бесплатно.
Складъ швейныхъ машинъ всѣхъ системъ.

Изданія А. Ф. Маркса въ С.-Петербургѣ.
Большая Морская, д. № 9.
ВЪ НАМЫШАХЪ, повѣсть Н. Каразина, второе изданіе, съ 89 рисунками Автора, большой томъ in 8—всего 304 стр. Цѣна 2 р., съ перес. 2 р. 30 и. Подписчики „Нивы“ за перес. не платятъ.
Повѣсть эта яркими красками рисуетъ нивы Туркестанскаго края; достоинства ея достаточно доказываются уже тѣмъ, что повѣсть эта переведена на нѣмецкій, французскій и англійскій языки. Нивы вышедшее второе изданіе заключаетъ въ себѣ 36 рисунковъ: оно гораздо богаче и лучше чѣмъ, уже въ-продажное, первое изданіе этой повѣсти.

ТОЛЬКО ЧТО ОТПЕЧАТАНА И ПОСТУПИЛА ВЪ ПРОДАЖУ НОВАЯ КНИГА:
СВѢТСКІЙ ЧЕЛОВѢКЪ,
изучившій сводъ законовъ общественныхъ и свѣтскихъ приличій.
Составила Клеопатра СВѢТОЗАРСКАЯ.
Отпечатана на хорошей бумагѣ, 145 страницъ. Спб. 1880 г. Ц. 1 руб.
ОГЛАВЛЕНІЕ: Благосовѣтливость, свѣтскій этикетъ и вѣдливость въ сношеніяхъ вообще. I. Въ церкви. II. На аудіенціяхъ. III. На раутахъ. IV. На музыкальныхъ вечерахъ. V. На танцевальныхъ вечерахъ. VI. На вечерникахъ. VII. За обѣденнымъ столомъ. VIII. На прогулкахъ. IX. Визиты утренние и вечерніе. X. За картами. XI. Въ разговорѣ и бесѣдахъ. XII. Въ разныхъ случайностяхъ свѣтско-общественной жизни.
Книгу эту мы въ особенности рекомендуемъ молодымъ людямъ обою пола, вступающимъ въ свѣтъ. Въ ней она найдутъ всѣ необходимыя свѣдѣнія о томъ, какъ держать себя въ обществѣ такъ, чтобы заслужить всеобщее одобреніе.
**ИСКУССТВО ПРИОБРѢСТИ ПРЕВОСХОДНУЮ
ПАМЯТЬ.**
Руководство составленное по опыту, и помогающее удерживать въ памяти все слышанное, видѣнное и прочитанное, съ приложеніемъ разнообразныхъ способовъ запоминанія.
ДЛЯ ВСѢХЪ ВОЗРАСТОВЪ И ПОЛОЖЕНІЙ.
Соч. д-ра **ГАРТЕНБАХА.**
Переводъ съ 13-го дополненнаго изданія К. В. Назаревой.
СПБ. 1880 г. Цѣна 1 руб.
Продаются въ книжномъ магазинѣ И. Л. Тузова, въ С.-Петербургѣ, Больш. Садовая улица, д. Коровина, № 16. въ Москвѣ у А. Д. Ступина.
К. № 847

НИВА

ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ
ЖУРНАЛЪ
ЛИТЕРАТУРЫ

ПОЛИТИКИ И СОВРЕМЕННОЙ ЖИЗНИ.

XI годъ
№ 37

годъ XI
1880

ВЫХОДИТЪ ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫМИ №№ ВЪ ДВА ЛИСТА СЪ 6—10 РИС. И ЕЖЕМЪСЯЧ. ДАРОВЫМЪ ПРИЛОЖЕНІЕМЪ „ПАРИЖСКИХЪ МОДЪ“ (отъ 20 до 40 мод. рис. Выдаѣтъ 13 Сентября 1880 г. и ЛИСТА ЧЕРТЕЖ. ВЫИРОКЪ (отъ 22 до 30 рис.) разн. рис. румод. работъ (отъ 20 до 40 рис.) Цѣна этаго № „Нивы“ 15 к. съ перес. 20 к.

ОБЪЯВЛЕНІЯ
для напечатанія въ „НИВЪ“ принимаются по 25 к. за строку непарейль (въ 1/2 ширины страницъ).
КОНТОРА
журнала открыта ежедневно (кроме Воскресныхъ и праздничныхъ дней) отъ 10 ч. утра до 6 ч. вечера.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА „НИВУ“ 1880 г.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА НА ГОДОВОЕ ИЗДАНИЕ „НИВЫ“

Безъ доставки въ Петербургъ. . . 4 р.

Безъ доставки въ Москвѣ чрезъ кн. маг. гг. Шапошникова, Соловьева и Лангъ. 5 р.

Съ доставкою 5 р.

Съ пересылкою въ Москву и другіе города Россіи 6 р.

На полгода безъ доставки 2 р., съ доставкою 2 р. 50 к., съ пересылкою иногороднымъ 3 р.

Каждый новый подписчикъ получаетъ воѣ уже вышедшіе въ 1880 г. номера.

ПРИЛОЖЕНІЯ.
Особыя приложенія при „НИВЪ“ объ явленіи отъ торговыхъ домовъ принимаются для иног. по 5 р. съ тысячи, для городскихъ по 4 р.
РУКОПИСИ.
Мелкія рукописи и стихи неудобныя къ печати, авторамъ не возвращаются.

КОНТОРА ЖУРНАЛА „НИВА“ ПОМѢЩАЕТСЯ ВЪ С.-П.-БУРГѢ, НА Б. МОРСКОЙ, ВЪ Д. № 9.

Рудольфъ Вирховъ.

Недавно, 17 и 18-го августа (5 и 6-го нов. ст.), происходили въ Берлинѣ интересныя и многочисленныя засѣданія (469 членовъ) Антропологическаго съѣзда, председателемъ которыхъ былъ профессоръ Вирховъ и почетнымъ председателемъ наследный принцъ, особенно принимающій участие въ трудахъ общества. Собраніе слушало рѣчь Шлимана о его раскопкахъ на мѣстѣ древней Трои, раскопкахъ, въ которыхъ принималъ участие и ученый председатель общества, отличающійся самою разностороннею дѣятельностью, о которой мы и скажемъ нѣсколько словъ.

Знаменитый ученый—анатомъ и физиологъ—и не менѣе известный политическій дѣятель, Рудольфъ Вирховъ родился въ 1821 г. въ Кослигѣ; рано избравъ медицинскую карьеру, онъ началъ занятія въ Берлинѣ; въ 1846 г. онъ уже по-

Профессоръ Рудольфъ Вирховъ. Рис. Кольби, граф. Максимовъ.

лучилъ мѣсто прозектора въ Берлинской клиникѣ и вскорѣ затѣмъ занялъ кафедру профессора хирургіи и патологій при университетѣ. Событія 1848 и 1849 годовъ вовлекли молодого ученаго въ свой бурный потокъ; вслѣдствіе его крайне либеральнаго образа мыслей и дѣйствій, онъ естественно потерялъ въ 1849 году свою профессору и осенью того же года переселился въ Вюрцбургъ, куда онъ былъ приглашенъ занять кафедру патологической анатоміи. Но для берлинскаго университета потеря такого профессора была слишкомъ чувствительна и Вирховъ въ 1856 году былъ вызванъ обратно въ Берлинъ и занялъ прежнюю кафедру. Вскорѣ затѣмъ онъ присоединился къ тогдашней партіи прогрессистовъ и сторонниковъ единства Германіи; въ 1861 г. онъ былъ избранъ въ палату депутатовъ отъ округа Саарбрикенъ-Саарлти; здѣсь онъ долго отличался какъ одинъ изъ наиболѣе шумныхъ ораторовъ либеральнаго

партіи и какъ дѣятельный членъ бюджетной комисіи. Обратясь къ его научной дѣятельности, въ которой онъ конечно имѣетъ главнымъ образомъ значеніе, увидимъ, что современная медицина обязана ему множествомъ важныхъ открытій. Геніальное примѣненіе микроскопа при распознаваніи патологическихъ измѣненій въ человѣческомъ тѣлѣ, основанія цѣлой науки целлюлярной патологіи, сочиненіе которой имѣло огромное значеніе, много изданій и переведено на всѣ иностранные языки; руководство терапіи и патологіи, и другія многочисленныя медицинскія сочиненія, сдѣлали его имя однимъ изъ самыхъ громкихъ и уважаемыхъ въ медицинской литературѣ. Также важны его заслуги по части популяризаціи научныхъ знаній: онъ издавалъ въ 1866 г. „Сборникъ общедоступныхъ статей по научнымъ вопросамъ“, гдѣ принимали участіе лучшіе нѣмецкіе ученые, читалъ лекціи въ берлинскомъ обществѣ ремесленниковъ и въ обществѣ семейнаго и народнаго образованія. Руководимый имъ, патологическій институтъ доставилъ нѣмецкимъ университетамъ много серьезныхъ и ученыхъ медиковъ. Во время войнъ 1866 и 1870—71 годовъ, онъ оказалъ огромныя услуги; какъ

глава берлинскаго общества для поданія помощи раненымъ, онъ организовалъ отправление санитарныхъ поѣздовъ къ мѣсту военныхъ дѣйствій и самъ сопровождалъ первый изъ этихъ поѣздовъ въ Мецъ. Кромѣ того онъ занимался еще антропологіей и археологіей, равно какъ и вопросами о санитарной помощи. Его энергія и способность къ работѣ изумительна; она сказывается во всемъ, чего бы онъ ни касался. Многообразие его дѣятельности въ качествѣ выборнаго отъ Берлина, въ качествѣ депутата прусской палаты, или представителя разныхъ обществъ и члена ученыхъ конгрессовъ, напримѣръ, създа естествоиспытателей, комитета Инвалиднаго института, представителя Института Императора Вильгельма—по истинѣ удивительно. На всѣхъ этихъ поприщахъ дѣятельность Вирхова всегда приносила большую пользу. Едва ли такъ удачна была его политическая дѣятельность. Въ высшихъ сферахъ, уважая въ немъ знаменитаго ученаго, теперь повидимому не придаютъ особенной дѣйности его политической дѣятельности и мнѣніямъ, весьма приближающимся къ мнѣніямъ крайнимъ.

ЖУПЛЕННОЕ СЧАСТЬЕ.

Романъ Н. Морскаго.

(Продолженіе).

XXXIV.

Пріѣздъ.

Она начинала думать о томъ, что надо сдѣлать къ его пріѣзду, но долго не доводила своей мысли объ этомъ до конца. Пріѣдетъ, пріѣдетъ!.. Въ какомъ-то непониманіи того, что дѣлаетъ, она ни съ того, ни съ сего подарила своей горничной любимую свою шаль и, замѣтивъ выразившееся на лицѣ прислужницы недоумѣніе отъ неожиданности и несвоевременности такого подарка, нѣсколько смѣшалась и нашла необходимымъ признаться:

— Ахъ, это я съ радости. Баринъ молодой ѣдетъ.

Ѣдетъ!.. Вотъ праздникъ-то будетъ настоящій!.. Она привела въ движеніе весь домъ. Все мыли, чистили и подновляли нѣсколькими днями ранѣе того, какъ это имѣли обыкновение дѣлать ежегодно передъ Рождествомъ и Пасхой. Весь домъ перевернули вверхъ дномъ, на время повсюду воцарился какой-то хаосъ: мебель сдвигали съ тѣхъ мѣстъ, на которыхъ она обыкновенно стояла; съ потолка въ и обоевъ сметали пылъ, наполняя ею воздухъ, воцарили полы, выбивали ковры; всюду танцовали полотеры, бѣгали какіе-то мужики въ красныхъ рубашкахъ и бѣлыхъ фартукахъ, сновали съ подоткнутыми подолами полумойки... Въ кабинетѣ молодаго барина, перебивали обойку мебели, созвавъ для ускоренія нѣсколькихъ мебельныхъ мастеровъ... Поваръ и экономка ходили къ баринѣ съ докладами относительно покупаемыхъ пасхальныхъ принадлежностей и проэктируемыхъ меню обѣдовъ по пріѣздѣ молодаго барина... Усталая всей этой возней, она не могла припомнить всего, что онъ любилъ, что когда либо похвалилъ въ кулинарномъ искусствѣ... Ночью она долго не могла заснуть отъ напряженно-радостнаго волненія, думая о той минутѣ, когда она прижметъ къ груди свое неваглядное дѣтище; когда-же, измученная своею любовью, она засыпала наконецъ въ ея воображеніи носились радостныя и легкія мечты... Ахъ, скоро-ли, скоро-ли онъ пріѣдетъ?..

Возня наконецъ окончилась. Заблестѣли полы, занавѣси и стѣны: все стало въ прежнемъ очищенномъ, строго мечтательномъ видѣ... Прислуга перестала бѣгать по комнатамъ, разговоры съ экономкой и поваромъ окончились; въ домѣ воцарился прежній тихій и строго приличный порядокъ... Въ день ожидаемаго пріѣзда пришелъ утромъ настройщикъ, раздались среди господствовавшей тишины звуки однообразно вторящейся ноты, однообразно вторящагося аккорда, а затѣмъ послѣ наступившаго затишья, нѣсколько разъ гостинная огласилась быстрымъ переборомъ всей клавиатуры—и все смолкло... Не желая выдать своего волненія никому изъ до-

машнихъ, Столповская заперлась въ своей спальнѣ и будучи не въ силахъ что нибудь дѣлать—цѣлое утро проходила изъ угла въ уголъ, безпрестанно взглядывая на часы, которые казалось ей не двигались... Ея душевное состояніе становилось тягостнымъ, начинало удручать ее... Радостныя ожиданія, такъ еще недавно казавшіяся ей возможными, счастливые дни, которые должны были наступить съ пріѣздомъ сына, самый этотъ пріѣздъ—все это начало представляться чѣмъ-то несбыточнымъ, невозможнымъ... Она подѣскивала даже подтверждающее это доводы... Она такъ вѣрила во все это, что непременно обманется... Она видѣла во снѣ встрѣчи съ сыномъ, его пріѣздъ, видѣла съ необычайной отчетливостью и ясностью, а это всегда означаетъ, что на яву будетъ какъ разъ совершенно противное тому, что она видѣла во снѣ... Но что-же случится съ нимъ? отчего онъ не пріѣдетъ?.. Черезъ дверь ее спрашивали: время-ли подавать обѣдъ? она сказала, что не будетъ обѣдать, и строила предположенія, отчего не пріѣдетъ сынъ, вѣри въ непреложность этаго, въ тщетность всѣхъ своихъ ожиданій... Всѣмъ объявивши объ ожидаемомъ пріѣздѣ сына, она вдругъ почувствовала непреодолимое желаніе разувѣрить всѣхъ въ возможности подобнаго пріѣзда, показать, что сама она не вѣритъ въ него... Если бы было возможно, она ушла бы на встрѣчу сыну и вернулась домой никѣмъ незамѣченная... Вернулась никѣмъ незамѣченная, одна безъ него!.. О конечно, онъ не пріѣдетъ!.. Да.

Когда вечеромъ ей доложили, что подана карета, она почти оплакивая представляемое ею обманутымъ ожиданіемъ, спустилась по лѣстницѣ, стараясь не глядѣть на попадающихся ей на встрѣчу лакеевъ, кутаясь въ тальму проскользнула въ растворенную ей швейцаромъ дверь и безъ посторонней помощи сѣла въ карету... Зачѣмъ, зачѣмъ она ѣдетъ? Она горько усмѣхнулась, представляя, какъ она будетъ слѣдить выходящихъ изъ вагоновъ, слѣдить взглядомъ, увѣреннымъ въ томъ, что того, кого она пришла встрѣчать, она не увидитъ въ толпѣ... Долго будетъ около нея суета, долго будетъ тянуться толпа пріѣхавшихъ, долго будутъ слышаться привѣтствія встрѣчающихъ... Потомъ все, рѣдѣя и рѣдѣя, пройдутъ почти всѣ; нѣсколько одинокихъ, запоздавшихъ пассажировъ въ сопровожденіи носильщиковъ пробѣжитъ по дебаркадеру—а его нѣтъ... Дебаркадеръ опустѣетъ; пройдутъ кондукторы, посматривая на нее—чего дескать ждешь?.. Свистнетъ локомотивъ и недавно пришедшіе полными клади и пассажировъ вагоны, въ освѣщенные окна въ которыхъ заглядывала она, отыскивая сына, двинутся порожними, заднимъ ходомъ... Одна въ пустой галлерей, одна!..

Она вбѣгала, не по своимъ лѣтамъ быстро и легко, на ступени вокзала... Боже мой, поѣздъ пришелъ!.. Застылыми туманомъ глазами она смотрѣла на тнущуюся черезъ залъ отъ входа къ выходу толпу, какъ-то торопясь скорѣе охватить ее взглядомъ всю... Она не видѣла сына, посылающаго ей улыбку, черезъ отдаляющихъ его отъ нея людей... Она смотрѣла съ замираніемъ сердца на послѣднихъ пассажировъ, появляющихся во входныхъ дверяхъ, не видя того, кто былъ за шагъ отъ нея... Онъ схватилъ ее за руку, понимая по выраженію ея лица, что она его не видитъ:

— Куда ты смотришь? кого еще ждешь?

Она слабо вскрикнула и упала въ его объятія, обливаясь слезами и цѣлуя его... Его голосъ нѣжно утѣшалъ ее:

— Что ты плачешь? Я съ тобой...

Но она не могла говорить... Не обманывается ли она?... Отстранивъ свое лицо отъ его, по не выпуская обнятую ей руками шею, она смотрѣла на него плачущими отъ радости глазами, какъ бы убѣждаясь въ томъ—онъ ли это? Что-то радостно билось у ней: его, его лицо! Это онъ! и снова принавъ къ его груди, цѣловала его.. Какъ много, много хотѣла она сказать ему, когда ждала его и какъ стало ей трудно, почти невозможно говорить теперь, когда она осталась съ нимъ вдвоемъ, сидя въ каретѣ, везущей ихъ обоихъ обратно домой... О многомъ, что она испытала, какъ тосковала по немъ, хотѣла она сказать ему, а теперь, когда это стало возможно, нѣмѣетъ ея языкъ и если она и заговоритъ, то заговоритъ о чемъ нибудь второстепенномъ, постороннемъ ему и ей... Еще успѣетъ!.. Сколько, сколько еще предстоитъ ей дней и вечеровъ говорить съ нимъ!.. Вотъ скоро лѣто: они уѣдутъ въ деревню и тамъ въ липовой аллеѣ, окружающей прудъ, гуляя съ нимъ подъ руку—разскажетъ она ему о томъ, какія силы должна была употребить на то, чтобы не выдать себя, не выдать того, каково ей было хоть на время разстаться съ нимъ, обо всемъ этомъ разсказать... Не похудѣлъ ли онъ?... Съ дороги его лицо показалось ей свѣжимъ и цвѣтущимъ... Прошло, прошло! радостно думала она,—забылъ, вернулся ко мнѣ... То-то радостные дни наступятъ для насъ!..

— Мой милый!

И принавъ къ нему, еще разъ цѣловала его въ лобъ щеки и губы... Неужели я не самая счастливая изъ матерей?..

И радостная вышла изъ кареты съ нимъ. Швейцаръ распахнулъ передъ нею двери, привѣтствуя идущаго за нею приѣзжаго, по освѣщенной лѣстницѣ спускался лакей. Кто-то кричалъ ей съ площадки, махая руками:

— Слава тебѣ Господи! приѣхала... Я думаю полчаса лобызалась съ своимъ сокровищемъ...

Она тупо смотрѣла, пораженная непривычною безцеремонностью обращенія, на кричавшаго ей Батракова, не узнавая его. Да кто же это?.. Батраковъ спускался къ ней на встрѣчу и, ровно ничего не понимая въ томъ, зачѣмъ онъ у нея, о чемъ онъ говоритъ, она, остановившись посреди входной площадки, какъ-то автоматически смотрѣла на неожиданнаго гостя, при каждомъ словѣ его переводя глаза на него и на сына, остановившагося рядомъ съ нею и какъ она недоумѣвающаго слышанному.

— Безъ васъ какъ безъ головы... говорилъ ей Батраковъ,—точно всѣ одурѣли. Тамъ женщина умираетъ, а болваны ваши чай ему—онъ ткнулъ на молодого Столповскаго,—завариваютъ. Ужь и дураковъ же вы держите... Озаябнуть, говорить, съ дороги... Тыфу ты, прости Господи!.. Да хоть бы и озаябъ. Я думаю поважнѣе—спасти ее.

И сообразивъ своимъ взволнованнымъ умомъ, что онъ кажется несправедливъ къ этимъ ни въ чемъ повиннымъ людямъ, опомнился и сказалъ болѣе сдержаннымъ тономъ:

— Вы простите меня. Я тутъ мечусь, она почти умираетъ, а прислуга ничего не дѣлаетъ. Поневолѣ выйдешь изъ себя.

Столповская настолько наплась, что освѣдомилась наконецъ:

— Да о комъ вы? что случилось?

— О комъ? не время все разсказывать. Я привезъ къ вамъ Пантелѣеву,—знаете? Ну, еще за Кожуховымъ была, развелась... Несчастливая женщина при смерти и безъ пріюта.

— Умираетъ? Безъ пріюта? услышала Столповская около себя какой-то полный отчаянія и ужаса крикъ и почувствовала, что сынъ хватаетъ ея руку:—мамаша, мамаша! да что же вы? идите.

И сбросивъ пальто на полъ, растерянный, забывъ о матери, схватилъ Батракова за руку и потащилъ его на верхъ. Глаза ея вспыхнули какимъ-то страннымъ огонькомъ и она, вдругъ сдѣлавшись какъ-то холодна и неприступна, чувствуя себя чѣмъ-то оскорбленной, повелительно и сурово обратилась къ лакею:

— Снимите съ меня тальму...

И сбросивъ ее, тихо стала подыматься по лѣстницѣ, взшла на нее и минуя гостинную, прошла прямо въ свою спальню, затворилась и забывъ въ своемъ эгоизмѣ всякое состраданіе, думая объ одной себѣ, съ глухими рыданіями упала на кровать... Онъ любить, любить ее!.. Для нея, для этой женщины, онъ забылъ мать!

XXXV.

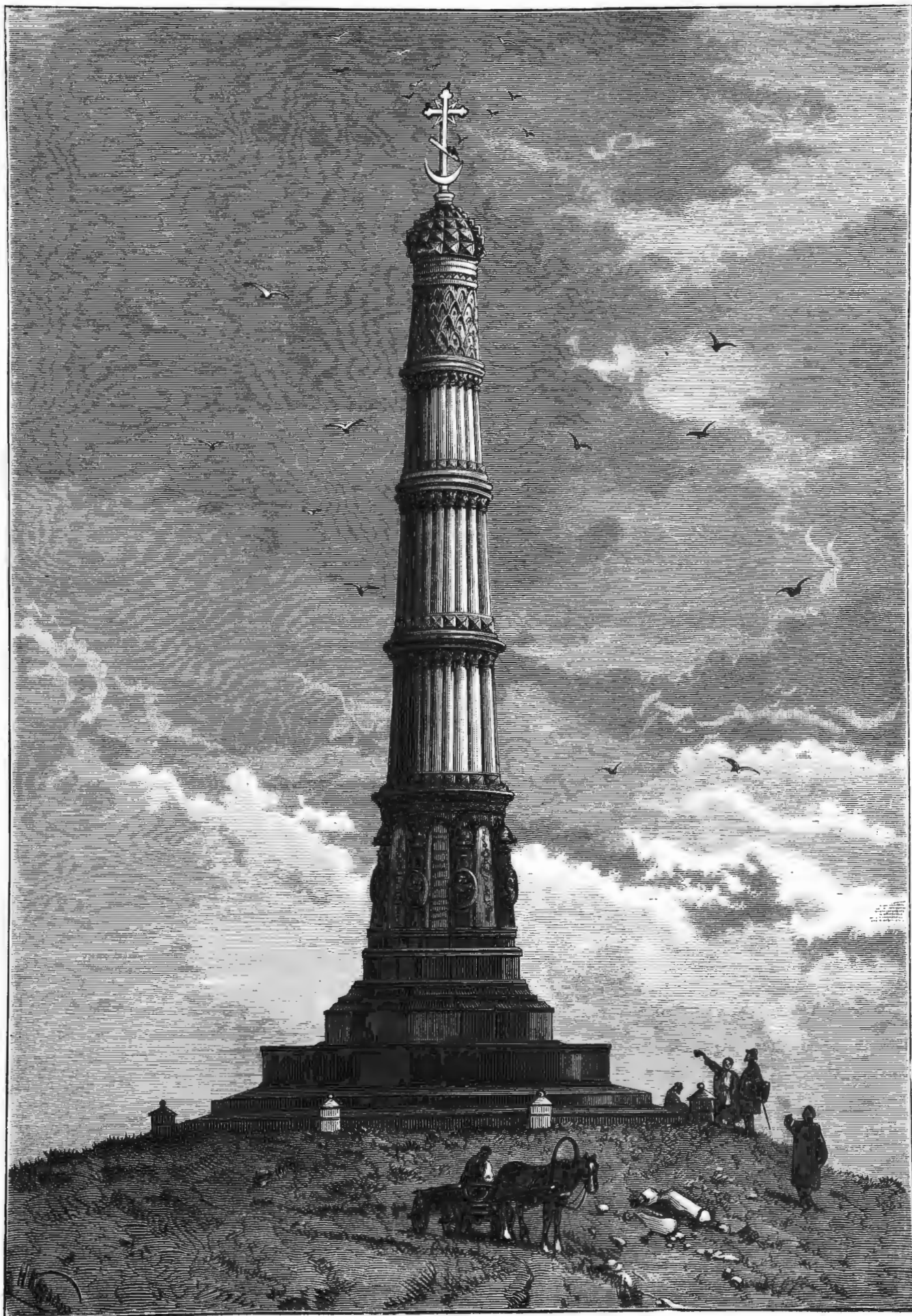
Больная.

Уткнувшись въ подушки и переставъ рыдать, Столповская стала прислушиваться къ отдающимся въ отдаленіи шагамъ, съ затаеннымъ дыханіемъ ожидая, не подойдетъ-ли къ ея двери сынъ, не хватится ли ее, не пожелаетъ ли узнать, гдѣ она и что съ нею?.. По дому раздавались шаги, было слышно движеніе, но о ней, кажется позабыли. Вотъ около ея двери остановились горничныя и громко бесѣдовали, не предполагая вѣроятно ея присутствія, другъ съ другомъ о больной, о Батраковѣ, о молодомъ баринѣ. Рѣшительно она забыта всѣми, точно она не хозяйка въ домѣ, точно ее не существуетъ!.. Ей вдругъ, въ этотъ моментъ, захотѣлось умереть: пусть бы онъ, ея сынъ, пришелъ къ ней тогда, когда бы она заснула вѣчнымъ сномъ; пусть бы онъ увидѣлъ, что сдѣлалъ съ нею, до чего ее довелъ!.. А если бы она умерла здѣсь, въ этой комнатѣ, задала она себѣ вопросъ,—а эта женщина тамъ: къ кому бы онъ пошелъ?.. Неужели къ той?.. Ни разу въ своемъ эгоистическомъ чувствѣ она не подумала о находящейся въ ея домѣ больной, не задала себѣ вопроса, какъ она попала къ ней, ни разу не представила ясно себѣ ея положенія... Ей казалось, что страдаетъ одна она, но не та женщина, что какихъ-нибудь тревогъ, переживаемыхъ другими, не существуетъ, что мучается она одна. Мелкая злоба бушевала въ ней... Она—хозяйка въ этомъ домѣ: какъ же смѣютъ распоряжаться безъ ея дозволенія? Ее должны спрашивать обо всемъ; она, слава Богу, жива, не умерла! Она поднялась съ постели, оправив волосы, уничтожила слѣды слезъ на своемъ лицѣ и нѣсколько суровая и блѣдная, съ красноватыми глазами, въ разбѣянности подошла къ окну. Окно выходило на улицу. При свѣтѣ фонарей она увидѣла, какъ передъ ея домомъ дворники разбрасывали солому, чтобы ѣзда экипажей не такъ беспокоила больную. Сжавъ свои тонкія губы, съ недобримъ выраженіемъ свѣтло-голубыхъ глазъ, она рѣшительно и властно отворила дверь своей спальней и рядомъ безлюдныхъ покоевъ, тихими шагами, съ понуренной головою пошла по направленію къ гостинной.

Ей не встрѣтился никто. Вычищенные къ приѣзду сына комнаты, освѣщенные лампами, были пустыны... Въ столовой были разставлены на столѣ чайныя при-

Богданъ Хмѣльницкій находитъ сына. Ориг. рис. А. Земцова, грав. Пуць.

Памятникъ на Кулиновомъ полѣ. По поводу исполнившагося пятисотлѣтія со дня Мамаева побоища.
Ориг. рисунокъ Н. Каразина, грав. М. Рашевскій.

надлежности, поданъ самоваръ, который погасъ, стояли въ ожиданіи возвращенія ея съ сыномъ, для обоихъ ихъ стулья. Слезы подступили ей къ горлу и, ускоряя шагъ она поспѣшно миновала комнату, пробуждающую въ ней воспоминаніе о несбывшихся надеждахъ. Въ гостиной, чистой и блестящей, на зеркальномъ паркете виднѣлись грязные слѣды ногъ; на только что настроенномъ утромъ этаго дня роялѣ валялась мокрая тальма, сбѣжавшая съ которой вода образовала на желтоватомъ фонѣ паркета два темныхъ пятна. На одномъ изъ дивановъ была брошена женская шляпа съ перьями, на которыхъ еще блестѣли не успѣвшія высохнуть капельки дождя. Столповская остановилась посреди комнаты, прислушиваясь... Странная тишина!.. Внизу, вѣроятно на лѣстницѣ, разговаривали чьи-то два голоса... Въ корридорѣ осторожно проходила прислуга, напуганная Батраковымъ... Но здѣсь, въ гостиной, въ кабинетѣ сына, не слышно было ни звука; только однообразное качаніе маятника нарушало тишину. Собравъ силы, Столповская рѣшилась заглянуть въ кабинетъ. Вотъ для кого перемѣняла она обивку мебели, драпри на дверяхъ и окнахъ!.. Онъ сидитъ у ея изголовья, глазами полными слезъ слѣдитъ за ея сномъ, прислушивается къ ея дыханію!.. Ахъ, матери такъ много дѣлаютъ для своихъ сыновей; для чего же, для чего сыновья не живутъ для нихъ однихъ?..

Она приподняла портьеру и вошла въ кабинетъ. Большая комната была погружена въ полусвѣтъ; только маленькая лампочка съ зеленымъ абажуромъ освѣщала небольшое пространство, оставляя въ полутемнотѣ двѣ трети ея и образуя на потолкѣ свѣтло-зеленый, неясный кругъ... Занавѣси на окнахъ были опущены: мебель выведена изъ ея обычнаго распорядка. Въ глубинѣ, между шкапами книгъ стоялъ диванъ, на которомъ обыкновенно спалъ Столповскій. Всматриваясь въ господствовавшій въ комнатѣ полусвѣтъ, Столповская отличила на этомъ диванѣ бѣлые протыны, спускавшіяся до полу, подушку, на которой рисовался обликъ лежащей женщины. Но не ее искала она. Она хотѣла видѣть сына, склонившагося къ изголовью больной, слѣдящаго за ея сномъ. Больная вдругъ видимо въ тревожномъ забытій переложила голову съ одного мѣста подушки на другое и застонала. Чья-то темная фигура, незамѣченная Столповской, поднялась, вышла изъ глубины кресла, приблизилась къ больной, наклонилась надъ нею, осторожной и нѣжной рукой оправила волоса, свѣсившіяся темными прядями на лицо больной и посмотрѣвъ на нее нѣкоторое время, прошептала въ какомъ-то отчаяніи:

— Горить! горить!..

У Столповской отлегло отъ сердца. Это не онъ, это Батраковъ. Но гдѣ же онъ? Батраковъ повернулся и всматриваясь своими близорукими глазами и не узнавая, пошелъ ей на встрѣчу, осторожно ступая, хотя это было излишне, ибо ноги его были въ туфляхъ. Наконецъ онъ узналъ ее и хватая за руку, указалъ на больную:

— Посмотрите!..

Она приблизилась къ больной и склонилась надъ тою, которая была виновата передъ нею безъ всякой вины... Холодно, безучастными глазами смотрѣла она на это прелестное лицо, горящее какимъ-то пунцово-синеватымъ румянцемъ, съ очевидными чертами страданія около глазныхъ впадинъ и мускуловъ скулъ. Вьющаяся пряди волосъ змѣнились по подушкѣ; открытые глаза не смотрѣли никуда, какъ-то ушли въ себя и походили на глаза мертваго человѣка. Руки протянулись по дивану; чуть примѣтное дыханіе волновало грудь, изрѣдка прорывалась въ какой-то замирающей стонъ. Вдругъ больная захрипѣла. Невслышно Столповская вздрогнула и отшатнулась отъ дивана. Батраковъ окаменѣлъ на мѣстѣ. Оба въ какомъ-то ужасѣ не сводили съ больной глазъ и затали дыханіе. Легкое движеніе груди почти прекрати-

лось. Но вдругъ съ какою-то силою больная откашлянула подступившую ей и затрудняющую дыханіе мокроту и снова движеніе ея груди стало замѣтно. И одновременно съ этимъ въ душѣ Столповской возникло съ прежнею силой непріязненное чувство къ этой женщинѣ, на время было подавленное въ ней страхомъ, возникшимъ при видѣ кончающаго жизнь существа. Если бы эта женщина умерла, она простила бы ее! Она услышала произнесенныя шепотомъ около нее слова Батракова:

— Бѣдное дитя! если бы вы знали, какъ она несчастна.

Попрежнему безучастно Столповская глядѣла на него. Несчастна!.. А она развѣ не несчастна? У ней отняли сына, онъ умеръ для нея!..

— Когда нибудь я расскажу вамъ все, что знаю о ней. Богъ наградитъ васъ, что вы дали ей пріютъ... и васъ, и вашего сына...

И опускаясь въ кресла, шепталъ:

— Высшая награда матери—такое сердце въ сынѣ. Я думалъ о немъ иначе. Вы—единственная въ мірѣ мать.

Она улыбнулась съ горечью. Такое сердце! Батраковъ хвалитъ ее за то, что она воспитала въ сынѣ „такое сердце“... Она спросила своего собесѣдника о сынѣ:

— Гдѣ онъ?

Занятый чѣмъ-то другимъ, Батраковъ отвѣтилъ нѣсколько разсѣянно:

— Онъ поѣхалъ за ея мужемъ..

И указалъ на больную.

Въ Столповской впервые шевельнулся вопросъ, касающійся обстоятельствъ, побудившихъ больную вѣроятно оставить мужа. Поѣхалъ за ея мужемъ? Но вѣдь она бросила его. Она спросила объ этомъ Батракова, но послѣдній не отвѣтилъ ей ничего, погруженный въ безмолвное созерцаніе больной. Оба сидѣли въ молчаніи, каждый думая о своемъ. Вдругъ гдѣ-то въ церкви ударилъ въ колоколъ, разъ, другой; вдали на этотъ медленный, похоронный звонъ отозвались другіе колокола. То благовѣстили къ заутрени, призывающей къ погребенію Христа. Батраковъ приподнял опущенную голову и прислушался. Потомъ закрылъ глаза, снова опустилъ голову и тихо заговорилъ:

— Какія это, какія воспоминанія... И этотъ ангелъ именно умираетъ сегодня!.. Представляю я себѣ эту темную, темную ночь, когда зги не видно, когда съ шестаго до девятаго часа на землѣ воцарилась тьма—и Онъ умеръ на крестѣ, произнесъ слабымъ голосомъ: свершилось!.. Вблизи нѣсколько женщинъ, нѣсколько учениковъ... Народъ, жестокіе зрители казни, разошлись по домамъ, мирно бесѣдуя между собою о всемъ видѣнномъ и слышанномъ... Только женщины и ученики стоятъ въ молчаніи... надъ ними темная ночь безъ звѣздъ: черными контурами рисуются кресты... И такая тишина, что слышенъ каждый вздохъ Его Матери, которая, все время была тутъ, все время на Его крестныя страданія смотрѣла, вынесла такое зрѣлище!..

Онъ остановился, оправилъ одѣяло у больной и смотря на сидящую противъ него Столповскую, подъ похоронные звуки колокола, въ виду умирающей, продолжалъ рассказъ. Столповская вслушалась въ его слова...

— Въ городѣ суета, во всякомъ домѣ огни, готовятся къ субботѣ,—„ибо та суббота была день великій“,—а тутъ темно, тихо и печально... И вотъ всѣ вздрогнули.. Съ факелами отъ города идетъ нѣсколько воиновъ, громко разговаривая и смѣясь... Въ типинѣ гулко раздаются шаги и въ страшной темнотѣ—яркими огненными языками блестятъ пылающіе факелы, отражаемые блестящими щитами... То воины... Яркимъ свѣтомъ факеловъ озарилась каменистая Голгофа, освѣтились водруженные на ней кресты и видѣлся Его погасшій ликъ... Въ полусвѣтѣ остались женщины и ученики...

И, пояснивъ, что Пилать позволилъ пришедшимъ воинамъ, не желавшимъ оскорблять субботу видомъ распятыхъ, перебить имъ колѣна и затѣмъ ихъ снять съ креста, перешелъ къ погребенію Христа...

— У Него былъ богатый и со связями ученикъ, — „тайный“, — секретно слушавшій Его слово. И вотъ, когда удалились воины, этотъ Иосифъ, получивъ позволеніе Пилата снять Его тѣло, приходитъ къ кресту, ужъ конечно со слугами, и безъ факеловъ, чтобы не обратить на себя вниманіе. Это неперемѣнно: тайно учился — не станеть-же явно погребать, въ большомъ секретѣ это сдѣлаетъ и ужъ навѣрно смутится, заставъ у креста женщинъ и учениковъ... И, узнавъ, что тутъ народъ, еще болѣе испугался идущаго съ такой-же тайной Никодима.. Это такъ невыразимо трогательно, мой другъ, — съ одной стороны Царствіе небесное, а съ другой — эта простота и боязливость похоронъ!.. Не такъ-ли?

Она молча кивнула ему головой... Да, это конечно удивительно!.. Въ ея измученное опасеніями и тревогами за сохраненіе сыновней любви сердце вливалось успокоеніе этимъ нѣсколько образнымъ разсказомъ о погребеніи Спасителя міра...

— Какъ ихъ сердца-то, мой другъ, сердца-то этихъ женщинъ и учениковъ умилятся, какъ они увидятъ, что ихъ Сына, Учителя, Царя погребаютъ, снимаютъ Его тѣло съ креста, умощаютъ Его благовоеніями, обвиваютъ целенами и кладутъ во гробъ... Матерь-то те плачетъ, а глаза свои подняла къ небесамъ... Господи, прости ненавидящихъ Его!..

И смолкъ...

Больная, какъ прежде, оставалась недвижима, лежа съ открытыми глазами и чуть замѣтно дыша... Господи, прости ненавидящихъ Его!.. Столповская отерла выступившія на ея глазахъ слезы и тихо спросила Батракова:

— Былъ докторъ?

— Былъ...

— Что-же?..

Онъ слегка пожалъ плечами.

— Что-жъ? Сами знаете, — вылечить ее — не нарывъ прорѣзать... Силы природы — вотъ это дѣло другое...

И какъ-бы испугавшись чуть-чуть высказаннаго имъ предположенія о силахъ природы, которыя могли спасти больную, поспѣшилъ прибавить:

— Впрочемъ, она умереть... Это дитя слишкомъ несчастно чтобы жить...

Оба погрузились въ молчаніе... Звуки погребальнаго колокола все еще раздавались въ тишинѣ... Обоимъ сидящимъ казалось, что этотъ печальный звонъ служить предзнаменованіемъ для той, которая лежитъ передъ ними какою-то безгласною, почти безсознательною массою на постелѣ... Оба не рѣшались произнести ни слова въ виду наступающаго, какъ они думали, рѣшительнаго момента... Въ самомъ дѣлѣ, больная дѣлалась какъ-то страшно неподвижна... Прежде метавшаяся въ жару, раскидывающая руки и со стонами ворочающаяся съ боку на бокъ, она недвижимо лежала на спинѣ, вытянувшись во весь свой высокій ростъ, лежала безъ стона, едва дыша, только по прежнему смотря своими черными глазами и вѣроятно види ими что нибудь туманное и прозрачное... Ноги ея вздрагивали по временамъ... О, конечно это была смерть, уничтоженіе, борящееся съ слабо дѣйствующей энергіей жизни!.. Вдругъ оба себе-сѣдника подняли головы, прислушиваясь къ раздавшимся среди тишины новымъ звукамъ. По лѣстницѣ взбѣгали чьи-то шаги... Батраковъ всталъ и неслышно ступая, приблизился къ дверямъ, ведущимъ въ гостинную.. Онъ видѣлъ вбѣгающаго, точно шатающагося, исполнскаго сложенія мужчину, съ блѣднымъ лицомъ, съ всклокоченными волосами, громко ступающаго по паркету и жестомъ останавливалъ его, приглашая идти тише... За исполинскимъ мужчиной шелъ блѣдный и измученный Столповскій... Батраковъ пепталъ, махая руками:

— Тише, Бога ради, тише!..

Пантелѣевъ, какъ догадался Батраковъ, посмотрѣлъ на него какимъ-то сумасшедшимъ взглядомъ и отстраняя его съ порога двери безъ всякой церемоніи рукой, быстро вошелъ въ кабинетъ... Батраковъ и Столповскій послѣдовали за нимъ, остановившись неподалеку отъ двери... Онъ шелъ, направляясь къ женѣ и тѣло, находясь на такомъ разстояніи отъ нея, съ котораго ему было ее видно, изъ его груди вырвался какой-то стонъ, сопровождающійся энергическимъ жестомъ руки... Ахъ, что сдѣлали съ нею!

Погребальный звонъ смолкъ.

Тогда всѣ видѣли, какъ этотъ сильный, желѣзнаго сложенія человекъ упалъ на колѣна передъ больной, припалъ къ ея чуть дышащей груди и смотрѣлъ въ ея помертвѣлые глаза... И какъ будиль ее, какъ ребенка, извлекая изъ груди своей самые нѣжные и мягкіе звуки, невольно вызывающіе слезы на глазахъ всѣхъ присутствующихъ...

— Катя, Катенька проснись!..

На этотъ нѣжный призывъ она осталась нѣма и неподвижна; изъ его глазъ капали ей на лицо горячія слезы, онъ обдавалъ ее дыханіемъ своимъ, не умѣя понять, дышетъ она или нѣтъ?.. Неужели онъ обнимаетъ трупъ?.. Онъ удвоилъ нѣжность обращенныхъ къ ней словъ:

— Дитя мое, дорогая моя, проснись... Видишь: я плачу... Я, — мужъ твой, плачу...

И какъ бы потерявъ надежду разбудить ее, оторвался отъ ея груди и все еще склоненный надъ нею, съ нѣжнымъ упрекомъ прошепталъ:

— Ахъ, крошка!..

М-ме Столповская приподнялась въ креслѣ и посмотрѣвъ на больную, съ испугомъ обернулась къ Батракову и сыну, взглядомъ спрашивая ихъ, что дѣлается съ лежащей на постелѣ... Съ поблѣднѣвшими лицами Батраковъ и Столповскій сдѣлали шагъ впередъ... Пантелѣевъ застылъ склоненнымъ надъ нею... Что-то въ родѣ тихой улыбки появилось на ея страдающемъ лицѣ, въ глазахъ мелькнули лучи сознанія и губы прошептали одному ему понятное:

— Я слышу...

Отъ усилій собрать сознаніе, сосредоточить его на чемъ либо одномъ въ то время, когда оно расплывалось въ туманныхъ и уродливыхъ образахъ, отъ усилій произнести два слова, на лбу больно выступилъ потъ и ея усталыя вѣки закрылись... Мужъ смотрѣлъ нѣкоторое время на нее и вдругъ тихо поднявшись съ колѣнъ, повернулся къ присутствующимъ:

— Я останусь съ ней вдвоемъ...

И ждалъ, не произнося ни слова, холодный и спокойный, когда всѣ присутствующіе оставятъ кабинетъ. Никто кромѣ его хорошенько не зналъ жива или нѣтъ Катерина Александровна и всѣ въ большомъ недоумѣніи оставили комнату... Проводивъ ихъ своимъ, снова зажегшимся мрачнымъ огнемъ, взглядомъ и убѣдившись, что онъ теперь наединѣ съ женой, Пантелѣевъ сѣлъ у ея изголовья, склонился надъ нею и снова нѣжно прошепталъ, хотя былъ твердо убѣжденъ, что она не слышитъ его словъ:

— Я зналъ, что ты будешь жить, мое счастье... Неужели ты бы оставила меня одного?!

Гаврилову давно не удавалось провести такъ превосходно дня, какъ когда, получивъ отъ дочери браслетъ, онъ отправился отъ нее въ самомъ игривомъ настроеніи духа домой... Онъ пошелъ по той самой дорогѣ, по которой какимъ нибудь часомъ позднѣе бѣжала его несчастная дочь, пошелъ шагомъ легкимъ и спокойнымъ, насвистывая итальянскій мотивъ... О свиданіи, въ которомъ онъ такъ унижительно себя велъ, онъ думалъ не особенно долго... Порядочное свинство принять такъ

отца... Вѣдь каковъ ни на есть, а все же отецъ, человекъ давшій ей жизнь... Вѣдь, вонъ, какъ живетъ: точно царица какая... Жаль, что времени совсѣмъ нѣтъ, а то бы стоило ее за такую гордость въ повѣсти что-либо какой изобразить... Право... А впрочемъ, чортъ съ ней!.. Намъ съ ней наслѣдство не дѣлить... Вотъ браслетъ продать надо... И бросивъ думать о дочери, сталъ придумывать, къ кому бы обратиться ему съ этимъ браслетомъ... Продать слѣдовало возможно скорѣе, — немедленно... Во первыхъ на слѣдующее утро графиня сбиралась ѣхать въ деревню, замедливъ поѣздкою изъ за него и изъ за неготовой для Додо шляпы: во вторыхъ содержатель Grand Hotel'я приставалъ къ Гаврилову какъ съ ножомъ къ горлу, требуя уплаты по счету, должныхъ ему 350 рублей; въ третьихъ — вообще слѣдовало продать браслетъ немедленно, ибо въ карманѣ самого Гаврилова находилось всего на всего пятнадцать копѣекъ, на которыя трудно было даже доѣхать до центральныхъ частей города изъ такой дали... Но какъ и кому продать? вопросъ этотъ представлялъ нѣкоторыя затрудненія... Браслетъ былъ на столько цѣненъ, что его продажа у ювелира могла возбудить нѣкоторое подозрѣніе, тѣмъ болѣе возможное, что браслетъ былъ разорванъ, не находился въ футлярѣ, словомъ, не смотря на всю свою цѣнность, носилъ какой-то подозрительный отпечатокъ... Кромѣ того въ своихъ поискахъ ювелира Гавриловъ могъ натолкнуться на того изъ нихъ именно, который дѣлалъ и продалъ Пантелѣеву браслетъ, и отсюда было весьма возможно возникновеніе подозрѣнія — откуда онъ, Гавриловъ, досталъ этотъ купленный не имъ браслетъ... Чортъ знаетъ и есть вещь, да что съ ней подѣлаешь?.. Въ нѣкоторомъ раздумьи на этотъ счетъ, онъ миновалъ Нарвскія ворота и пошелъ, направляясь къ Калининскому мосту... Погруженный въ думы онъ не замѣтилъ, какъ на встрѣчу ему шелъ Ефимъ, одѣтый въ свой презентабельный бекепъ...

— Наше вамъ-съ!

Гавриловъ поднялъ голову:

— А! мое почтеніе... Куда?

Ефимъ скромно потупилъ глаза:

— Къ Сашенькѣ-съ.

И жалъ губы... Со времени исторіи съ Кожуховымъ Ефимъ, понимая, что Гаврилову было трудно вышутываться изъ этой исторіи какъ нибудь иначе, нежели какъ заплативъ Кожухову за молчаніе деньги, понимая это отлично, тѣмъ не менѣе охладѣлъ къ своему сообщнику. Вдвоемъ съ Сашенькой имъ удавались разныя мошенничества, вонъ съ покойницей сестрой, царство ей небесное, тоже очень недуренькая вещичка была обдѣлана... А тутъ, наконецъ, явился какой-то гоголь, самъ надумалъ, самъ ихъ съ Сашенькой заставилъ рисковать, да самъ первый и втюрился... И ихъ втюрилъ: даромъ руки марали, да еще не только ничего не получили а и долгъ-то свой лишили его возможности платить имъ со смерти Клеопатры Петровны... Поэтому въ обращеніи Ефима съ Гавриловымъ вкралась нѣкоторая холодность и даже какъ бы иронія... Гавриловъ это замѣчалъ, и, не показывая виду, рѣшился, встрѣтись уже съ Ефимомъ, теперь нѣсколько полакомить своею любезностью почтеннаго старичка.

— Все еще негодуешь? — любезно потрепалъ онъ Ефима по плечу.

— Не всѣмъ-съ отъ подобнаго погрома такъ легко отдѣлываться, — не безъ ядовитости намекнулъ на Гаврилова Ефимъ. Тотъ согласился съ видомъ человека, умѣющаго найтись въ затруднительныхъ обстоятельствахъ:

— Не всѣмъ, не всѣмъ...

И подумавъ, обратился къ Ефиму:

— А у меня дѣльце небольшое до тебя.

(Окончаніе романа въ слѣд. №).

СТАРЫЙ ДАНЪ.

Рассказъ Л. Коллинза.

(Окончаніе).

Прошелъ годъ. Успѣхъ Франка превзошелъ всѣ его надежды, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, для него настала пора сомнѣній. Бывали минуты, когда онъ боялся за себя, не вѣрилъ въ свои силы, не вѣрилъ, что достигнетъ высокой цѣли, къ которой стремился — занять, хотя скромное мѣсто среди отечественныхъ художниковъ. Бросая взглядъ на прошлое, онъ видѣлъ, что сдѣлалъ многое, но за то, когда онъ обращалъ взоръ впередъ, туда, въ свѣтлую, лучезарную высь искусства, то она казалась ему еще болѣе отдаленнымъ, еще болѣе недостижимымъ идеаломъ, чѣмъ когда либо. Страхъ этотъ, однако, не ослаблялъ его твердой рѣшимости добиться того, къ чему онъ стремился. Напротивъ, подъ вліяніемъ его молодой артистическыя мысли въ трудъ свой болѣе серьезныя мысли.

Однажды утромъ, когда въ одну изъ такихъ минутъ внутренняго колебанія и сомнѣній, онъ стоялъ предъ мольбертомъ, съ безпоощадною строгостью критикуя свою почти уже совершенно оконченную картину, внезапно, сзади его отворилась дверь и въ комнату вошелъ „старый Данъ“, своей собственной особой.

— Отецъ! радостно крикнулъ Франкъ, — я не надѣялся, что ты захочешь пріѣхать ко мнѣ сюда. О, какъ я радъ! И еще больше радъ, что у тебя такой здоровый видъ.

— Да, мальчикъ, я пріѣхалъ повидать тебя. Скажи, сколько платится за кэбъ отъ Шеддитта сюда?

— Не знаю, право, отецъ, отвѣчалъ со смѣхомъ Франкъ, я пришелъ отсюда пѣшкомъ, какъ пріѣхалъ въ Лондонъ.

— Дѣло, мальчикъ, дѣло. А тебѣ, все же, надо знать сколько это стоитъ. Негодяй потребовалъ съ меня четыре шиллинга и я заплатилъ ихъ ему, но мнѣ хотѣлось знать, такъ ли это. Это ты сдѣлалъ, мальчикъ? спросилъ онъ, увидѣвъ картину на мольбертѣ.

— Да, отецъ.

— Такъ, такъ. Ну, а что тебѣ дадутъ за такую картину?

— О, теперь пока еще я радъ выручить что можно. Буду просить за нее десять фунтовъ стерлинговъ.

— Боже мой, что ты это, мальчикъ! воскликнулъ Данъ — да тебѣ никогда не дадутъ этого.

— Можетъ быть и не дадутъ. Если не могу получить десяти, возьму меньше. Но я думаю, что она стоитъ денегъ этихъ.

— Хорошо, мальчикъ, хорошо, тамъ послѣ увидимъ. А какъ дѣлшши твои? а? небось ужъ спустилъ всѣ денежки.

— Надѣнь-ка, очки, батюшка, да погляди сюда, весело сказала Франкъ, выдвигая ящикъ стола и протягивая отцу свою чековую книжку, въ которой старикъ съ удивленіемъ прочелъ, что на имя сына въ банкѣ значится сто восемьдесятъ пять фунтовъ стерлинговъ, но мало этого, въ то же время Франкъ показалъ ему кошелекъ, наполненный и мелкими деньгами.

Старый Данъ почувствовалъ нѣкоторое разочарованіе. Онъ пріѣхалъ сюда, почти увѣренный въ томъ, что „мальчикъ“ успѣлъ уже истратить тѣ 100 фунтовъ, что нужда и неудачи всякаго рода утомили его, а дымная атмосфера города дурно повліяла на здоровье его и что отцу остается только сказать слово и онъ сейчасъ же отправится съ нимъ назадъ и займется жизнью фермера. Вмѣсто того, вдругъ, онъ видитъ предъ собой здороваго, цвѣтущаго малаго, веселаго, обладающаго „счетомъ“ въ банкѣ, счастливаго и продающаго за 10 фунтовъ свою картину, въ которой, по расчету старика, и красокъ-то было всего едва на какихъ нибудь полшиллинга!

— Такъ ты не думаешь таки назадъ? спросилъ Данъ послѣ нѣкоторой паузы.

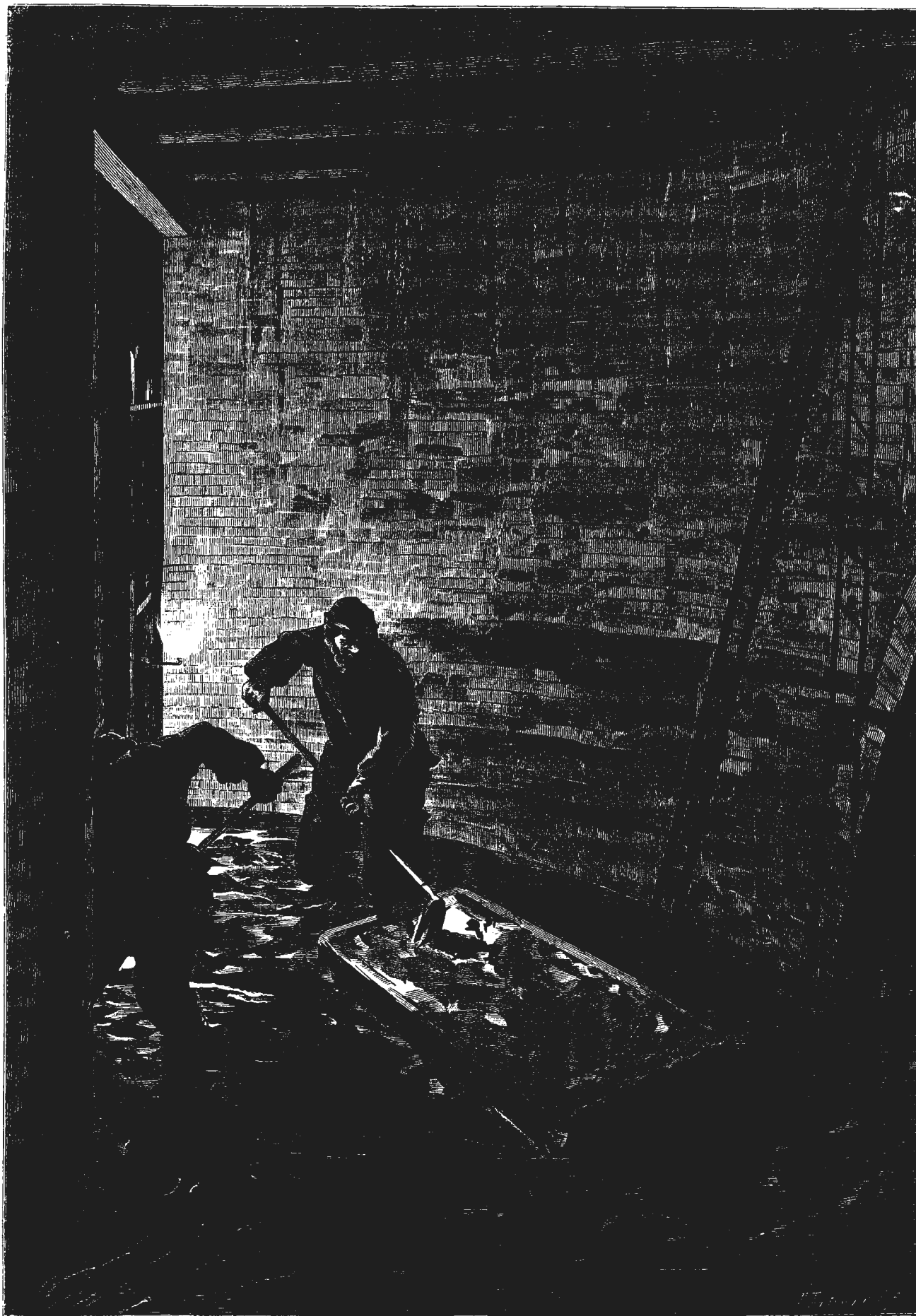
— Я не думаю бросать работы, отвѣчалъ Франкъ.

— Хочешь дѣлать, все таки, по своему?

— Да, я хочу также честно пробить дорогу себѣ, какъ проложилъ ты самъ. Вѣдь ты не захочешь, чтобы я имѣлъ менѣе мужества, чѣмъ отецъ мой? Батюшка, увѣряю тебя, я нисколько не хлопочу о томъ, чтобы ты не лишалъ меня состоянія, нисколько и не думаю объ этомъ, но я желаю, чтобы мой шагъ не огорчалъ тебя.

— Огорчаетъ меня онъ мальчикъ, огорчаетъ, но конечно, теперь уже не столько, какъ прежде, сначала. Хотѣлъ я видѣть тебя на фермѣ.. ну да ужъ нечего толковать объ этомъ. Дѣлай по своему.

Послѣ обѣда Франкъ повелъ отца на выставку картинъ въ королевской академіи, съ тайною надеждою на то, что произведенія великихъ мастеровъ подѣйствуютъ на старика и заставятъ его нѣсколько перемѣнить взглядъ свой на искусство вообще, и на артистическую карьеру сына въ особенности.

Подземный Берлинъ. Рис. и грав. Тегстмейеръ.

Въ одной изъ галлерей, Франкъ показавъ ему, между прочимъ, небольшую картину Рафаэля, только что купленную музеемъ и заплаченную 9 тысячъ фунтовъ.

Старикъ едва удержался на ногахъ отъ изумленія.

— Боже Всемогущій! что ты это, что ты! мальчикъ, да это какъ нибудь не такъ! Девять тысячъ фунтовъ за эту маленькую штучку? Много же у нихъ денегъ, вѣрно очень много ихъ.

Сынъ продолжалъ подводить его то къ той, то къ другой картинѣ. Старику это скоро, однако, надоѣло. Франкъ старался заинтересовать его, объясняя ему достоинства различныхъ произведеній. Но Данъ, оставаясь вполнѣ равнодушнымъ, повторялъ только одно:

— Мальчикъ, смотри, мы потеряемъ свои мѣста, намъ бы надо хорошія.

Молодой человѣкъ сначала не могъ понять смысла этихъ словъ, но онъ скоро объяснился.

— Да, скажи же, милый, когда начнется выставка? А то вѣдь, намъ поздно ужъ будетъ.

— Выставка, отецъ?—да вѣдь вотъ-же выставка?

— Какъ? это? это выставка?! Тутъ же кромѣ картинъ, ничего нѣтъ!

Чтобы сколько нибудь вознаградить отца, Франкъ повелъ его въ знаменитый кабинетъ восковыхъ фигуръ m-me Тиссо. Тутъ, какъ онъ и ожидалъ, старику очень понравилось. Онъ сдѣлалъ нѣсколько сравненій между куклами, которыми любовался теперь и картинами, надоѣвшими ему тамъ, въ музеѣ и конечно, не въ пользу Тициановъ и Рафаэлей.

Франкъ, вообще, имѣлъ успѣхъ, но онъ скоро понялъ предѣлы своего таланта, понявъ, что онъ не геній. Ему не доставало того, что дѣлаетъ художниковъ великими—у него было мало воображенія. Однако въ томъ ограниченномъ кругѣ, которымъ по свойству дарованія ему предназначено было довольствоваться, онъ сумѣлъ достигнуть высокой степени совершенства. Двери королевской академіи были открыты ему и на первой же выставкѣ картина его обратила на себя вниманіе публики. Заказы сыпались теперь къ нему со всѣхъ сторонъ, такъ что онъ имѣлъ возможность отказаться отъ уроковъ и совершенно предаться живописи. Онъ нашелъ сочувствіе во многихъ извѣстныхъ художникахъ. Благосостояніе его росло съ каждымъ днемъ и вскорѣ онъ женился на дочери одного изъ своихъ учителей, болѣе другихъ выказавшаго ему расположеніе и содѣйствовавшаго развитію его дарованія. Разъ или два въ году пріѣзжалъ къ нему отецъ. Старикъ ушамъ не вѣрилъ, слыша о деньгахъ, какія зарабатывалъ сынъ за свои „малеванія“; по его мнѣнію, люди, платившіе ему такія деньги, были, навѣрное „не въ полномъ разумѣ“.

— Да, вотъ, что ни говори, мальчикъ, замѣтилъ онъ однажды, —а вотъ тебѣ не далутъ за одну картину девять тысячъ фунтовъ, какъ за ту маленькую, помнишь, — что мы видѣли на твоей выставкѣ!

Какъ бы то ни было, но Данъ, все-таки, и до сихъ поръ не помирился съ смысломъ о томъ, что сынъ его пошелъ въ „малыры“. Расхаживая дома по своимъ полямъ или по усыпаннымъ дорожкамъ своего сада, онъ иногда снова отдавался досадѣ первыхъ дней. Какъ могъ это сынъ, его единственный сынъ! бросить все это и уйдти въ Лондонъ, малевать какія-то картины?.. И годъ отъ году сдѣлала голова его, рѣзче образовались морщины, хотя онъ оставался по прежнему крѣпокъ и здоровъ. Его обыкновенно, успокаивалъ пріѣздъ Франка съ женой и ребенкомъ каждою осенью. Посѣщенія эти дѣлали его чрезвычайно счастливымъ; по цѣлымъ часамъ, онъ возился съ своимъ хорошенькимъ внукомъ.

Но вотъ неожиданно, нежданно, незаслуженно, струсилъ быда надъ старымъ Даномъ. — Всѣ деньги свои и деньги, довѣрившіяся ему тѣми, съ кѣмъ онъ имѣлъ дѣло, Данъ помѣщавъ въ банкъ „Ситэ и Вессонъ“. Въ одно ненастное утро распространился слухъ, что банкъ этотъ обанкрутился. Слухъ этотъ подтвердился. И вотъ—пропали, безъ слѣда пропали всѣ плоды честнаго сорокалѣтняго, неустаннаго труда.

Франкъ тотчасъ-же собрался къ отцу.

— Франкъ, сказала ему его молодая жена, —поцѣлуй дѣдушку (она называла такъ своего тестя) и скажи ему, что комната его уже готова и что теперь онъ будетъ жить съ нами.

Онъ нашелъ старика погруженнымъ въ суровое, безмолвное горе.

— Знаю, знаю, отчего ты пріѣхалъ, мальчикъ, сказалъ Данъ, но ты не можешь мнѣ помочь ничѣмъ. Справлюсь одинъ. Работалъ прежде, могу работать и теперь. Когда ты шелъ въ свое дѣло одинъ, я не помогавъ тебѣ, потому и тебѣ не зачѣмъ помогать мнѣ.

— Нѣтъ, отецъ, ты мнѣ далъ для начала хорошія деньги, началъ молодой человѣкъ.

— Всего только 100 фунтовъ. Я помню это.

— Отецъ, ты далъ мнѣ больше чѣмъ эти деньги. Я разбилъ твои лучшія надежды, завѣтную мечту твою, и, хотя ты остался при своемъ горѣ, ты не сдѣлалъ мнѣ, во всѣ эти годы, ни одного упрека. Неужели ты думаешь, что я не чувствовалъ это? И теперь, когда пришла бѣда къ тебѣ,—помочь тебѣ, сдѣлать все, все, что только могу, раздѣлить съ тобой тяжесть,

которую ты, безъ всякой вины своей несешь, я считаю своею святою обязанностью.

— Мой мальчикъ, произнесъ старикъ дрогнувшимъ отъ волненія голосомъ,—я горжусь тобой. Я не хорошо обошелся съ тобой, когда ты захотѣлъ сдѣлать по своему, но я желалъ, чтобы тебѣ вышло лучше. Теперь, прибавилъ онъ съ выраженіемъ благородной гордости, я поступаю какъ поступалъ всегда. Всѣмъ отдамъ что слѣдуетъ имъ, никто не потеряетъ ни одного пенини. Ни одинъ человѣкъ не скажетъ, что пострадалъ отъ того, что имѣлъ дѣло съ Даномъ.

— У тебя вѣдь ничего не останется?

— Да, мальчикъ, не останется ничего. Я теперь еще хорошо не знаю, но думаю, что такъ. Заплачу все и начну снова. Я бодръ и здоровъ, благодаря Богу, и могу работать.

— Нѣтъ, нѣтъ, отецъ! воскликнулъ Франкъ, если ты разоренъ, то будешь жить съ нами. Минни просила меня передать это тебѣ.

— Скажи ей, что благодарю ее отъ всей души моей, мальчикъ. У нея сердце настоящей лэди. Но не глядите на меня, какъ на старую бабу. Нечего и говорить объ этомъ. Я потерялъ все, что заработалъ, и буду биться сначала. Но благодарю, благодарю за доброту тебя и жену твою. Не думай, что не понимаю этаго, если отказываю. Но я сдѣлаю такъ, какъ думаю. Да и ты думаешь, проживу я въ Лондонѣ безъ этихъ полей, садика, работы.

Франкъ нѣсколько разъ возобновлялъ разговоръ этотъ, но всякій разъ съ тѣмъ же результатомъ. Послѣ двухдневныхъ тщетныхъ усилій, боясь мѣшать отцу и раздражать его дальнѣйшими напрасными настояніями, онъ уѣхалъ въ Лондонъ, рѣшившись ждать болѣе удобнаго случая склонить упорнаго старика.

Но ждать пришлось ему долго.

Прошло нѣсколько недѣль, а отъ Дана не было никакихъ извѣстій. Потерявъ, наконецъ, терпѣніе молодой человѣкъ поѣхалъ снова.

Домъ Дана стоялъ въ небольшой лощинѣ, за изгибомъ, который дѣлала дорога, такъ что его можно было видѣть подойдя уже совсемъ близко. Очутившись передъ зданіемъ, Франкъ съ удивленіемъ увидѣлъ, что оно окружено лѣсами, по которымъ внизъ и вверхъ сновала масса рабочихъ. Шли какія-то перестройки. Онъ тутъ же отъ одного изъ рабочихъ узналъ, что суровый, гордый старикъ продалъ гнѣздо свое и переселился въ ветхій домишко неподалеку. Съ тяжелымъ чувствомъ поспѣшилъ молодой человѣкъ къ указанному мѣсту. Новое жилище отца была низенькая, грязная, крытая соломою лачужка въ двѣ комнаты. Франкъ остановился на порогѣ и прислушался, но до него не донеслось никакого звука; онъ шагнулъ дальше, по сырому каменному полу и былъ пораженъ удручивою атмосферой темной маленькой комнатки, гдѣ едва могъ выпрямиться. Все убранство состояло изъ простаго, грубаго стола и нѣсколькихъ такихъ же стульевъ.—„Отецъ вѣроятно въ полѣ гдѣ нибудъ“, подумалъ Франкъ. Но—нѣтъ! вотъ, изъ сосѣдней комнатки послышался голосъ, голосъ слишкомъ хорошо знакомый ему. Вторая „комната“, еще меньше первой, была похожа на какую-то каморку и здѣсь, въ этомъ отвратительномъ чуланѣ, на старомъ изодранномъ матрацѣ, лежалъ отецъ его, одинъ, брошенный всѣмъ!

Старикъ, очевидно, былъ въ сильной лихорадкѣ. Въ эту минуту онъ бредилъ, произнося слова съ горячечною поспѣшностью. При входѣ сына, онъ повернулся къ нему, остановился на минуту, но, не узнавъ, продолжалъ снова.

— Да ужъ я говорю, что могу работать, убѣждалъ онъ кого-то, я крѣпокъ и дѣло люблю. А! никому, никому не долженъ я! Да, да, я заплатилъ всѣмъ. Мальчику не писать. Не надо, не для чего. Я ужъ сумѣлъ разъ сдѣлать самъ свою дорогу, могу и теперь опять! Какъ теперь это дешево, вотъ такъ дешево! Никогда не покупалъ я ихъ за такую малость. Ирось, брось, не надо, я не просилъ никогда милостыни. А, да, да, заплатилъ всѣмъ имъ и могу работать. Ты, все таки, никогда не получишь за картину девять тысячъ фунтовъ, нѣ-ѣ-тъ, что ни говори, мальчикъ—до этого не дойдешь. Дверь-то, дверь запри, чего они лезутъ смотрѣть на меня сюда, не хочу, не надо мнѣ ничьей помощи.

Въ первую минуту Франкъ обезумѣлъ отъ горя и ужаса, но быстро овладѣлъ собой, понявъ, что нельзя терять времени. Онъ тотчасъ же распорядился послать за докторомъ и сидѣлкой. Семейство настоятеля, какъ оказалось, было за границей, во Франціи. Всю ночь, напролетъ, просидѣлъ молодой человѣкъ у постели отца, которому къ утру сдѣлалось легче.

— Что ты, мальчикъ, зачѣмъ пріѣхалъ, я не ждалъ тебя сюда, слабымъ голосомъ произнесъ старикъ, узнавая теперь сына.

Вмѣсто всякаго отвѣта, Франкъ наклонился и напечатлѣлъ долгія поцѣлуй на горячемъ и уже нѣсколько влажномъ лбу отца.

— Добрый ты, добрый сыночекъ, что пріѣхалъ. А я вѣдь говорилъ, чтобы не посылали за тобой. Я, кажется, прихворнулъ немного, да уже теперь мнѣ совсѣмъ хорошо; ну, дай-ка руку, помоги мнѣ встать, нечего валяться, надо идти на работу.

— И не думай вставать раньше одного или двух дней, отецъ, возразилъ Франкъ. Тебѣ было хуже, чѣмъ ты полагаешь; чрезъ нѣсколько дней ты поправишься совсѣмъ и тогда надо уѣхать отсюда тебѣ.

Старикъ попробовалъ было подняться самъ, но тотчасъ же безсильно опустился на подушку.

— Да, кажется, выходить по твоему, сказалъ онъ, я совсѣмъ мокрая курица сегодня. Но о домикѣ этомъ ты мнѣ не говори. Онъ конечно, не похожъ на тотъ, да ты посмотри, какъ я ночью его. Увидишь, будетъ хорошо.

Дня черезъ два Дану сдѣлалось уже настолько лучше, что онъ бѣлъ въ состояннн выходить при помощи сына погрѣться на солнцѣ. Франкъ не рѣшался и теперь еще прямо приступить къ вопросу о переездѣ его къ нимъ. Много усилий и такта понадобилось молодому человѣку и женѣ его, въ чемъ значительную помощь оказалъ имъ маленький шалуни—внучекъ.—любимецъ дѣдушки. Они, конечно, не могли заставить старика отказаться отъ мысли „снова начать работать“, но всякій разъ, какъ онъ заговаривалъ о возвращеннн, избрѣталась какая нибудь уважительная причина, по которой отъездъ приходилось отложить. Съ теченнмъ времени, старикъ

началъ говорить объ этомъ все рѣже и рѣже. Сначала онъ повторялъ, что надо ему ѣхать назадъ; потомъ, онъ сталъ уже выражаться нѣсколько иначе: ему, въ самомъ дѣлѣ, надо бы ѣхать; нѣсколько же времени спустя онъ уже высказывалъ боязнь, что пожалуй, никогда не попадетъ туда и—наконецъ, призналъ какъ фактъ, что никогда уже туда не поѣдетъ.

Такимъ образомъ, мало по малу, онъ сжился съ своими дѣтьми и поселился у нихъ совсѣмъ. Теперь онъ любитъ по цѣлымъ часамъ сидѣть въ мастерской сына и глядѣть на его работу. Недавно онъ, между прочимъ замѣтилъ:

— А, вѣдь, знаешь, сынокъ, плохо бы пришлось тебѣ, еслибъ ты тогда послушалъ меня и остался на фермѣ. Ты, вотъ, захотѣлъ сдѣлать по своему, и хорошо сдѣлалъ.

— Тебя огорчило это тогда, сказалъ Франкъ.

— Да, тогда жестоко огорчило, просто отвѣтилъ онъ.

— Ну, а теперь одобряешь, отецъ.

— Да, сынокъ, совсѣмъ одобряю, всей душой. Никогда не думалъ прежде, что придется мнѣ сказать это. Да, видишь, я былъ упряма, деревянная голова. А ты поступи какъ надо. Ты честный, хороший малый, и я горжусь тобой, мальчикъ. Даю тебѣ благословенн мое—работай на счастье!

МАМАЕВО ПОБОИЩЕ.

По поводу пятисотлѣтней годовщины Куликовской битвы.
(См. рис. Памяти. Куликовской битвы Н. Каразина и планъ битвы на стр. 737 и 748).

То-ли чисто поле Куликово
Изостлано поле мертвыми тѣлами,
Христіанскими, да татарскими:
Христіане-то какъ свѣчки теплятся,
А татары-то что смола черны.
Изъ народныхъ пѣсень.

Откуда-то изъ далекихъ, безвѣстныхъ странъ Азін появился въ началѣ XIII вѣка на границахъ восточной Европы новый невѣдомый, могучій народъ. То были кочевники, жившіе въ подвижныхъ, круглыхъ войлочныхъ, скрѣпленныхъ жердями, юртахъ, не занимавшіе ни поѣздами, ни жатвой, гнавшіе впереди себя безконечные гурты стадъ, которыя доставляли имъ все—и одежду, и пищу, и жилище. Покланялись они, повидному, идоламъ, но чтили въ то же время, единого Бога. Страшнымъ потокомъ лились они изъ безвѣстныхъ степей востока, все сокрушая на пути. Увертливые, хитрые, вѣроломные, пресоходные стрѣлки и наѣзники, они какъ саранча, страшной тучей двигаясь впередъ, пожирали все что было на пути, оставляя позади дикую пустыню. Ихъ шествіе озарялось заревами пожара ови, стоны стояли кругомъ,—пожары не было никому, ни р.невымъ, ни плѣннымъ, ни груднымъ младенцамъ...

Не могла слабая тогда, полная междоусобными раздорами Русь противустать этой стихійной силѣ. Она билась на сколько хватало въ ней силъ. Она съ гордостью отвѣчала на требованіе татарамъ десятой части всего—„когда насъ вѣхъ не станеть, все будетъ ваше“. Когда являлись татарскіе послы съ предложеннмъ сдаться, въ отвѣтъ ихъ убивали. Грудью стояли горжана за свои семьи и церкви, стрѣлы ихъ затемняли свѣтъ солнечный, гибли они, живемъ сожженные въ церквахъ. Въмѣсто обширныхъ городовъ, торговыхъ селъ—повсюду видѣлись один обгорѣлыя, залитыя кровью развалины. Кто остался въ живыхъ—бѣжали въ лѣсныя тучобы, а на выжженныхъ, потоптанныхъ поляхъ валялись только трупы ихъ прежнихъ хозяевъ, рыскали шакалы и волки, да вороны черными вереницами носились въ воздухѣ, пропитанномъ мiazмами отъ гниющихъ тѣлъ...

На повлонѣ въ Орду ѣхали князья, кланялись кумирамъ, пили „поганый“ кумысъ, платили дань,—а татары шатались по всей землѣ, позорили женщинъ и дѣвушекъ, ругались надъ мужьями и отцами, какъ желѣзными оковами охватили всю землю, затормозили ея развитіе и положили неизглаженную печать своего дикаго владычества на много, много поколѣній порабожденного народа.

Но къ счастью Русь таила въ себѣ такіе элементы силы, которые рано или поздно могли смѣло стать противъ монгольскаго владычества. Первый страшный для монголовъ ударъ былъ нанесенъ въ сентябрѣ 1380 года. Во главѣ этого движенія стоялъ великій князь Димитрій Ивановичъ,—и народъ до сихъ поръ помнитъ славную битву на Куликовскомъ полѣ, называя ее Мамаевымъ побоищемъ.

Главнѣйшимъ мотивомъ тому, что на этотъ разъ поднялась вся Русь, быть можетъ было то, что Мамай, основавшій новое, независимое отъ Золотой Орды, государство между Волгой и Дономъ, грозилъ обратить Русь въ мусульманство. Пришлось уже битися за вѣру, отстаивать исконную религію предковъ. Во всѣ концы Руси разлетѣлись гонцы созывать князей съ ихъ дружинами и полками къ Коломнѣ, гдѣ былъ назначенъ сборный пунктъ для войскъ. Передъ своимъ отъездомъ изъ Москвы, князь Димитрій Ивановичъ рѣшилъ по обычаю предковъ, съѣздить за благословеннмъ къ иноку, слава о которомъ давно гремѣла по всему государству, и на котораго смотрѣли какъ на святаго. По дремучимъ лѣсамъ, что обступали съ сѣвера Мо-

ску, переполненнымъ медвѣдями, бобрами, лисцами, мимо глухой Хотьковской обители, пробрался Димитрій за 64 версты въ убогій монастырь св. Троицы, гдѣ игуменствовалъ преподобный Сергій. Сперва инокъ хотѣлъ отвлечь князя отъ кровопролитія, но потомъ взвѣсивъ всю тяжесть и безвыходность положенія благословилъ его на брань. Здѣсь, сидя за трапезой, князь замѣтилъ двухъ братьевъ—инокъвъ, въ полномъ смыслѣ богатырей: могучаго роста и тѣлосложенія, широкоплечихъ, съ черными густыми бородами. Изъ распросовъ оказалось, что прежде они были ратниками, и славились отвагой и силой,—монашеская ряса мало ихъ измѣнила. Прозывались они Ослаба и Пересвѣтъ.

— Дай мнѣ, отче, на брань двухъ этихъ инокъвъ,—просилъ Димитрій,—люди они въ ратномъ дѣлѣ свѣдущіе.

Сергій согласился. Послѣ трапезы онъ подзвалъ монаховъ, надѣлъ на нихъ съ вышитыми крестами схимы и благословилъ на бой за вѣру, а князя окропилъ св. водою и сказалъ:

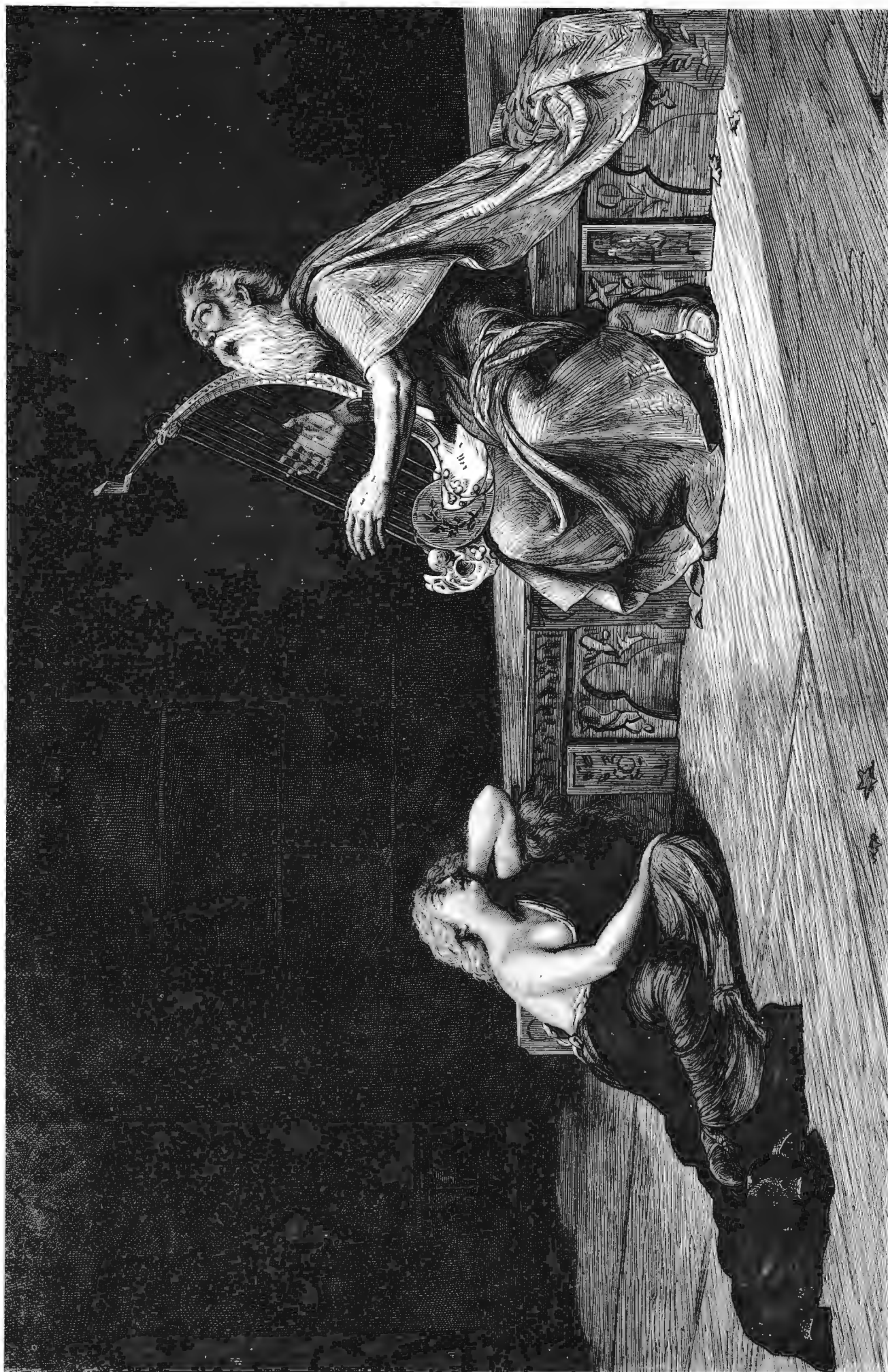
— Господь Богъ будетъ тебѣ помощникъ и заступникъ: Онъ побѣдитъ и низложитъ супостатовъ твоихъ и прославитъ тебя.

Въ тихое, ясное утро 17 августа въ кремлевскихъ соборахъ было отслужено молебствіе, Димитрій простился съ женой и дѣтьми, и выступилъ изъ Москвы къ Коломнѣ съ полтора ста тысячной арміей. Шли всѣ: юноши, старцы, бояре, князья—шли на великій подвигъ умирать за вѣру и родину; ихъ проводило клирное пѣнье, сливавшееся со звономъ походныхъ трубъ и шелестомъ знаменъ. Москва провожала ихъ съ мольбами, надеждами, пожеланіями.

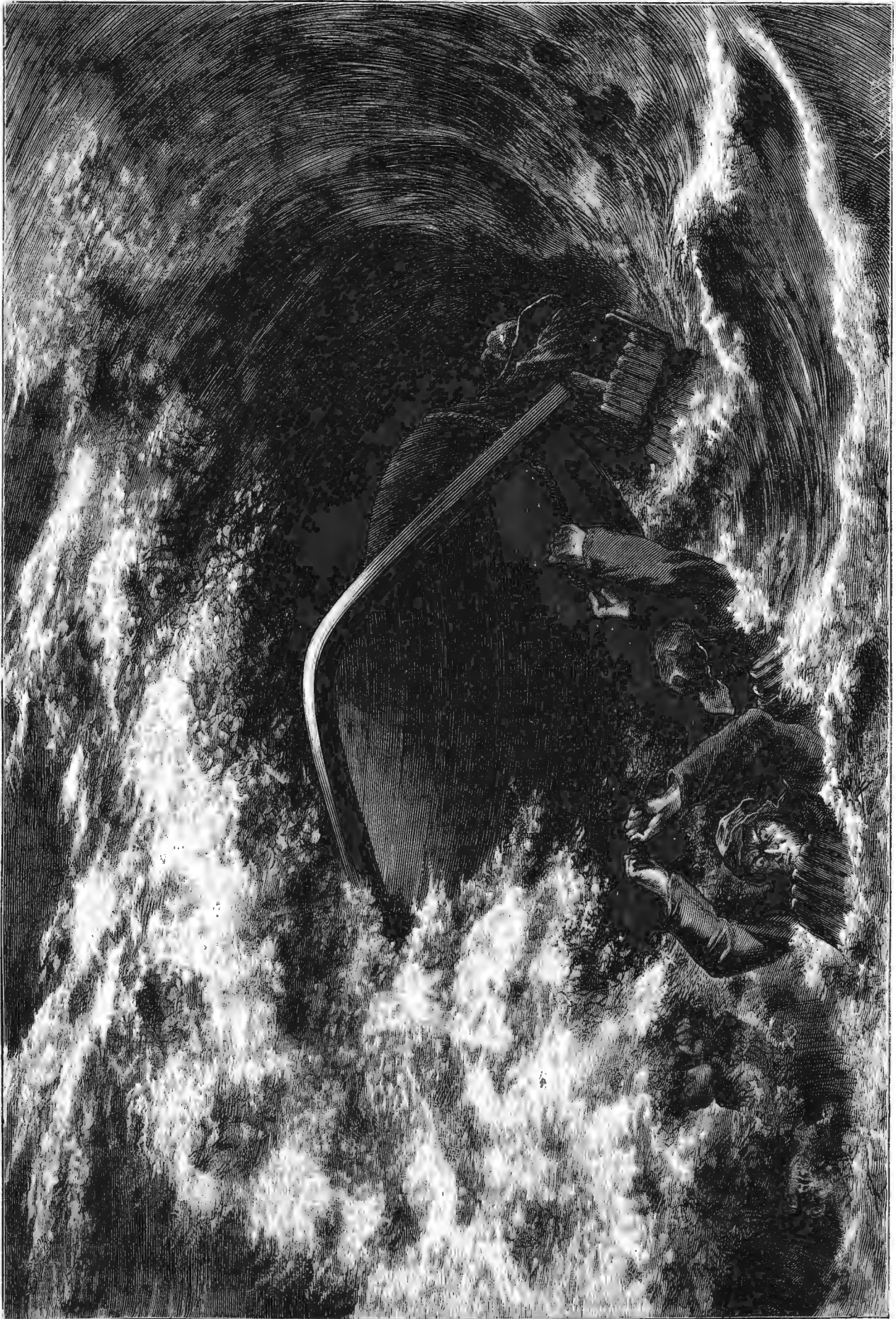
Въ Коломнѣ войско Димитрія возрасло до двухъ сотъ тысячъ ратниковъ: „отъ начала бо николи же бывала такова сила русская“, говоритъ лѣтописецъ. Посоль Мамаевъ, прибывшій въ коломенскій станъ съ требованнмъ дани, уѣхалъ ни съ чѣмъ; князь угрозами хана не устранился и двинулся черезъ Оку въ Рязанскіе предѣлы. 6 сентября передовые полки Димитрія достигли Дона, гдѣ соединяется съ нимъ рѣчка Непрядва. На другой же день наши развѣзды наткнулись на татарскихъ всадниковъ. Мамай оказался всего на разстоянн одного перехода отъ русскихъ, на *Густиномъ бродѣ*, гдѣ онъ ждалъ соединенія съ войсками литовскаго князя Ягелло и рязанскаго князя Олега, измѣнниваго Димитрію. Тотчасъ же былъ собранъ военный совѣтъ: ждаль-ли тутъ татаръ, или переправляться черезъ рѣку. Ольгердовичи литовскіе совѣтывали перейти Донъ, чтобы отрезать самимъ себѣ отступленн и удержатъ робкихъ на случай бѣгства. Совѣтъ свой они подкрѣпляли примѣрами изъ исторіи: битвой Ярослава съ Святоподкомъ и Александра Невскаго со Шведами. Во время совѣта пришла грамота отъ Сергія. Святой старецъ благословлялъ Димитрія на битву съ нечестивыми и призывалъ на него помощь Божию.

— Братья! воскликнулъ князь:—часъ суда Божія наступаетъ! сотворимъ начинанія дѣлу.

Наступила ночь. Заря давно уже погасла. Русскіе стали искать удобныхъ мѣстъ для бродовъ. Великій князь съ своимъ братомъ Владиміромъ, литовскими князьями и княземъ Димитріемъ Вольвичемъ выѣхали на Куликово поле, что тянулось за Дономъ къ югу. Проѣхавъ нѣсколько верстъ, они задержали коней. Справа и сѣва смутно чернѣли лѣса, а спереди и сзади видѣлись два враждебные стана. Со стороны татаръ неслись клвыи, стувъ, шумъ: словно цѣлые города строили тамъ. А сзади все было спокойно, только волки выли, да орлы влхтали въ чуткомъ ночномъ воздухѣ. На Непрядвѣ каркали вороны, да дикіе гуси и лебеди всплескивали словно передъ грозой, крыльями.

Піснь Осіана. Картина Вудварта, рис. самъ авторъ, грав. Шалопъ.

Крушение спасательной лодки. Ориг. рис. Ф. Линднера, грав. Дорль.

— Слышите,—сказалъ Волынецъ,—показывая рукой по тому направлению, откуда несся зловѣщій вой и карканье. Онъ перевелъ глаза на тихій русскій станъ, безмолвно мерцавшій тысячами огней,—сошелъ съ коня, легъ на землю, приникъ правымъ ухомъ къ землѣ и долго прислушивался къ чему-то. Димитрій спросилъ у него: „Что слышишь братъ?“ Тотъ долго не хотѣлъ отвѣчать.

— Слышалъ я,—сказалъ онъ наконецъ,—землю, плачущую на двое: одна часть ея рыдала какъ вдовнца, другая какъ юная дѣва, какъ свирѣлъ... Я жду побѣды—но падетъ великое множество христіанъ.

Князь заплакалъ.—Но говорить объ этомъ никому не позволяю,—заключилъ Волынецъ.

Къ утру сгустился туманъ. Его синія, зыбучія волны расползлися въ стороны по берегамъ Дона, перелились на поле, окутали своимъ покровомъ всю долину, вплоть до опушекъ лѣсовъ. Войско тронулось, тихо вступило въ холодную воду Дона, и колонна за колонной стала строиться на Куликовомъ полѣ. Димитрій призвалъ духовенство, совершилъ молебствие празднику (8 сентября, Рождество Богородицы) передъ благословенной иконой Богоматери, и сталъ строить полки. На лѣвое крыло (см. планъ битвы) онъ поставилъ полкъ князей Ярославскаго и Моложскаго (цифра 1), далѣе литовскій полкъ (цифра 2); затѣмъ слѣдовалъ главный, грозный, большой полкъ великаго князя Димитрія, ставшій подъ командой кн. Ивана Смоленскаго. (Цифра 3); правое крыло занялъ полкъ князей Ростовскаго и Стародубскаго. Впереди былъ поставленъ *сторожевой* полкъ, или *передовой* съ священно-византии Ослябемъ и Пересвѣтомъ (цифра 5); и наконецъ шестой полкъ подъ предводительствомъ князя Волынскаго и князя Владимира Андреевича, внука Калиты, и двоюроднаго брата Димитрія, былъ поставленъ пока на лѣво съ тѣмъ, чтобы къ началу боя двинулся еще лѣвѣе въ лѣсъ, въ качествѣ резерва.

Солнце понемногу стало разгонять туманъ. Заколыхались безчисленные знамена, слегка раздуваемые вѣтеркомъ, потянувшимся съ запада, засверкали шлемы какъ утренняя заря, и какъ голымя загорѣлись красныя перья на шлемахъ. Серебромъ сверкнули панцири и кирасы вокругъ чернаго великокняжескаго знамени съ золотымъ изображеніемъ Спаса. Димитрій стоялъ на пригорѣ, погруженный въ глубокую думу. Онъ опустился на колѣни, помолился въ послѣдній разъ за христіанство, и приказалъ подавать коня. „Боже, даруй побѣду великому князю нашему!“ восклицали всѣ кругомъ. Тридцатилѣтній, плотный, плечистый, чернородый князь, быть можетъ нѣсколько полный для своего возраста, съ чарующимъ взглядомъ („взоромъ же дивенъ зело“ говорить про него лѣтописецъ) былъ всеобщимъ любимцемъ. „Головы наши положимъ за Христа, отечество и тебя, великій князь!“ кричали полки, когда онъ скакалъ мимо нихъ, ободрая и укрѣпляя къ бою.

— Братъ! воскликнулъ онъ: нынѣ великій праздникъ—Рождество Богородицы, постоймъ за отечество! умершіе днесь въ брани родятся въ жизнь вѣчную.

Окончивъ смотръ, онъ подошелъ къ себѣ своего друга, боярина Брянскаго, одѣлъ его въ свою одежду, повелѣлъ ему стать подъ великокняжескимъ знаменемъ, самъ перешелъ на другою коня и помчался въ передовой полкъ.

* * *

Въ одиннадцать часовъ заиграла первая труба; ей въ отвѣтъ заплѣли другія, и войско, крестясь, тронулось впередъ. Татары расположились по отлогому скату Краснаго холма, и пристуна не ожидали. Приступъ засталъ ихъ во время обѣда. Тотчасъ котлы были покинуты, и сонмища враговъ стали выступать изъ стана. На узкое пространство поля Куликова сошлось несметное количество войска. Сила татаръ значительно превосходила нашу: „бо страшно видѣти, и нѣтъ мѣста имъ разступиться“. Димитрія стали уговаривать воротиться изъ передоваго полка въ великокняжескій.

— Тебѣ князь, говорили ему, смотрѣть на бой, видѣть подвиги воюющихъ и награждать достойныхъ; мы всѣ готовы на смерть, а ты, князь любимый, живи, и передай память нашу временамъ грядущимъ. Безъ тебя нѣтъ побѣды, нѣтъ спасенія отечеству.

— Гдѣ вы, тамъ я,—отвѣчалъ Димитрій.—Скрываясь назадъ, могу-ли сказать: братъ! умремъ за отечество! Слово мое да будетъ дѣломъ! Я, вождь и князь, стану впередъ и хочу положить свою голову въ примѣръ прочимъ... Впередъ!... Богъ намъ прибѣжище и сила, скорый помощникъ въ бѣдахъ! Господь нашъ съ нами, Богъ заступникъ нашъ!..*)

Битва закипѣла—не битва а бойня. На скученномъ, сжатомъ пространствѣ **) образовались тысячи одиночныхъ боевъ. Лошадь и люди смѣшались, кровь рѣкою ползла, все перепуталось и тучи стрѣлъ потемнили свѣтъ. Великій князь сбѣгнулся съ племянникомъ Мамай—Тулунъ-Беккомъ и осилилъ его. Пересвѣтъ, въ своемъ наглави схимонаха, ринулся на бой бо-

гатыремъ Челубеемъ и былъ убитъ. Паль и инокъ Ослябя. А бой все свирѣлѣлъ и свирѣлѣлъ.

Холмъ и поле стонали, трескались копы, звенѣли доспѣхи, стучали щиты, разили сѣкиры, гремѣли мечи, блистали сабли. Вотъ часть малодушныхъ молодыхъ московскихъ рядовъ кинулась въ отчаяніи назадъ, татары бросились за ними, прямо прибываясь къ великокняжескому стягу. Бояринъ Брянскъ убитъ, половина лишь полка осталась въ живыхъ, вожди перебиты. Кровь ручьями течетъ въ рѣчки Дубикъ и Смолку, Донъ начинается багровѣть... Все поле укрыто трупами; бьются стогна мертвыхъ и умирающихъ...

Третій часъ дня. Монголы больше и больше тѣснятъ насъ. Гибнетъ русская рать за ратью, и только князь Волынскій наблюдая изъ своей засады, еле сдерживаетъ свою къ бою рвущуюся силу и пылаго князя Владимира. Наконецъ роковая минута наступаетъ: татары всюду тѣснятъ насъ.—князь Волынскій обнажилъ мечъ и велѣлъ трубѣ наступленіе. Вспрынуло свѣжее войско, переброшилось черезъ Смолку (цифра 7), и бурей понеслось на монголовъ. Усталое татарское войско дрогнуло, смѣшалось, стало стягиваться къ Красному холму, и вдругъ, замѣтивъ, что ихъ осталось слишкомъ мало для того чтобы противустать свѣжимъ силамъ,—кинулась на югъ въ бѣгство, позабывъ своихъ раненыхъ, убитыхъ, всѣхъ свой станъ, запасы и обозы. Мамай, съ высоты холма слѣдившій за ходомъ битвы, увидѣвъ общее бѣгство, застоналъ, и съ вошемъ: „великъ Богъ христіанскій!“ поскакалъ вслѣдъ за своими. Засадный конный полкъ, ударилъ въ тылъ бѣгущимъ, рубилъ, билъ, растаптывалъ, опрокидывалъ, и на пятьдесятъ верстъ вслѣдъ степь мертвыми тѣлами. Застигнутые ночью у рѣчки Красивой Мечи (Лебединск. уѣздъ Тамб. губ.) татары перегоняли при переправѣ и только небольшая часть ихъ, съ Мамаемъ во главѣ, бѣжала на югъ.

* * *

На трунахъ враговъ, подъ чернымъ княжескимъ знаменемъ, развѣвавшимся теперь на вражескомъ Красномъ холмѣ, сталъ князь Владимиръ Андреевичъ и началъ трубами созывать побѣдителей. Со всѣхъ сторонъ стали съѣзжаться они, въ слезахъ обнима другъ друга, цѣлуясь какъ въ Свѣтлое Воскресенье. Не было только въ числѣ пріѣзжавшихъ самаго дорогаго: Димитрія.

— Гдѣ братъ мой, гдѣ первоначальникъ нашей славы?—спрашивалъ Владимиръ.—Его съ коня сбили,—разсказывалъ одинъ.—Онъ противъ четырехъ татаръ бился,—объяснялъ другой.—Я видѣлъ, говорилъ третій, какъ онъ шелъ нетвердыми стопами, раненный, разбитый...

— Искать между убитыхъ!.. Стали искать по полю. Вотъ блеснула великокняжескій нарядъ... Съ ужасомъ поворачиваютъ мертвое тѣло... Это убитый Брянскъ, олтѣй въ княжеское платье... Вотъ это Димитрій!.. Нѣтъ это Бѣлозерскій, очень похожій на него... Вотъ убитые Вельяминовъ, Челядинъ, Валувевъ... Все имена знатныхъ вождей. Наконецъ находятъ подъ березой Димитрія, безъ чувствъ, избитаго... (цифра 8).

Его скоро привели въ чувство, онъ оказался только оглушеннымъ. Видя брата, князей, слыша поздравленія, онъ ожилъ; всталъ, опустился на колѣна передъ великокняжескимъ знаменемъ, перещеголовался со всѣми окружающими его, сѣлъ на коня, и объѣхалъ поле битвы, со слезами останавливаясь надъ трупами Вельяминова и Бѣлозерскаго...

Число павшихъ съ обѣихъ сторонъ было громадно. Карамзинъ считаетъ до 200,000. Лѣтописцы же увѣряютъ, что татаръ убито до 1,200,000! Несомнѣнно цифра эта крайне преувеличена, такъ какъ едва-ли вся татарская сила превосходила 300,000.

Возвращеніе Димитрія было въ полномъ смыслѣ слова торжествомъ. Москва ликовала: непобѣдимые татары были побѣждены. Нужды нѣтъ, что два года спустя Тохтамышъ опять наложилъ на Русь свою руку: вѣра въ непобѣдимость монголовъ была утеряна, Русь стала крѣпнуть, пока не досроча до смѣлости растоптать ногами ханскую басту, какъ это сдѣлалъ Іоаннъ III.

* * *

Теперь на Красномъ холмѣ, на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ была ставка Мамай, и гдѣ потомъ развѣвалось знамя великаго князя, поставленъ памятникъ Димитрію, получившему прозвище *Донскаго*. Онъ былъ освященъ 8 сентября 1850 года. Это—чугунная колонна съ вызолоченнымъ крестомъ, подпирающимъ луку—эмблему мусульманства. Вышина памятника—43 аршина. На восточной сторонѣ—икона Богоматери и надпись: „Побѣдителю татаръ, Димитрію Іоанновичу Донскому, признательное потомство, лѣта отъ Р. Х. 1848.“ Повеше, кругомъ колонны, начало и конецъ XLV псалма, читая который, князь двинулъ полки.

Полтысячелѣтіе прошло со времени Куликовской битвы, но до сихъ поръ народъ еще поетъ про Мамаева побойща, до сихъ поръ помнитъ Донскаго. Вожди, подобные Димитрію, не забываются, и, вся образованная Русь вспомнила о немъ въ день годовщины побойща, въ прошлый понедѣльникъ.

*) Псаломъ XLV.

**) См. на планѣ 9 - 9.

КЪ РИСУНКАМЪ

Богданъ Хмѣльницкій находитъ сына.

(Рисунокъ И. Земцова).

Это было лѣтнимъ вечеромъ 1646 года. Степь, зорко приглядываясь въ надвигающихся сумеркахъ, верстахъ въ 5 отъ Чигирина, на коняхъ скакали два казака. То былъ казацкій старшина, впоследствии знаменитый вождь, „казацкій батько“ Зиновій Богданъ Хмѣльницкій и его подручный джуръ, казакъ Никита. Ихъ тревожило, показавшееся не владѣкъ за высокой травой и кустами, вырывавшееся пламя и черный дымъ и легкое зарево, уже окрасившее облако. Всадники наткнулись еще на нѣсколько ихъ козакъ.

— Что это пожаръ! Никакъ у меня! Живѣе, хлопцы, впередъ!

— Постой батько! тихо сказалъ одинъ изъ казаковъ. То не просто. Тамъ Чаплинскій. Онъ подучилъ Дачевского убить тебя а самъ съ сотней на твой хуторъ, на Суботово напалъ.

Хмѣльницкій молча ударилъ коня нагайкой и двинулся въ высокой травѣ. Два казака бросились за нимъ. Суботовская мельница была вся въ пламени, слышались оттуда стоны и крики.. У самыхъ почти копытъ коня Хмѣльницкаго, въ кустахъ, раздался сердце раздирающей дѣтскій стонъ.

— Чу, что это.

Никита соскочилъ съ коня, поползъ въ кусты и вскорѣ вытащилъ жалобно рыдающаго окровавленнаго двѣнадцатилѣтняго красавца-мальчика.

— То нашъ панчыкъ! тихо вскричалъ онъ.

Хмѣльницкій соскочилъ съ коня. Въ темнѣющемъ вечернемъ воздухѣ никто не видѣлъ каково было въ ту минуту выраженіе лица молчавшаго казацкаго батьки, но дорого сталь потомъ ляхамъ этотъ несчастный засѣченный ребенокъ, который умеръ на другой день..

Извѣстно, что сердцу Богдана нанесены были въ тотъ день всѣ тяжкія раны, какия только было можно. Засѣченный сынъ, отнятая жена, съ которою Чаплинскій потомъ насильно обвѣнчался, отнятое имущество.. Хмѣльницкій сперва пошелъ законнымъ путемъ. Онъ явился съ жалобою на Чаплинскаго. Но и въ старостѣ и въ трибуналѣ надъ нимъ почти смѣялись. Хмѣльницкій вызвалъ Чаплинскаго на поединокъ—Богдану хотѣли устроить засаду и убить, но это не удалось и Чаплинскій, не выдержавъ боя, просто бѣжалъ постыдно съ поединка, жаловался на Богдана и того посадили въ тюрьму. Когда его выпустили, онъ поѣхалъ въ Варшаву искать правосудія. Въ сенатѣ ему отказали, говоря, что бѣды нѣтъ, что высклѣи мальчишку а умеръ де онъ не отъ того, а жена его сама ушла къ Чаплинскому. Онъ явился къ королю, но слабый, стѣсненный Владиславъ, любившій Хмѣльницкаго, вдругъ самъ сказалъ ему, что онъ знаетъ всѣ притѣсненія пановъ и не можетъ помочь и что казакамъ надо стоять за себя самимъ.

И созрѣло въ могучей душѣ Богдана рѣшеніе.

— Нѣтъ правды въ Польшѣ. Да будетъ вамъ вѣдомо, говоритъ онъ въ казачьихъ кружкахъ, развѣжая по всей Украйнѣ, не за свою иду великую обиду, иду за поправіе вѣры православнои, за поруганіе Руси!

Дѣло, начатое такимъ образомъ, разгорѣлось въ тотъ великій историческій пожаръ, тѣ событія, которыя разрѣшились въ общемъ порывѣ, выраженномъ Богданомъ: „Волимъ подъ Царя Русскаго, Православнаго!“

Подземный Берлинъ.

(Стран. 741).

Подземный Берлинъ—это обширная область. Телеграфные проводы, воздушная почта, плущая по трубамъ, сѣтъ газовыхъ путей двухъ большихъ газовыхъ заводовъ, водопроводы, сточныя трубы—идутъ одни возлѣ другихъ, встрѣчаются, перекрещиваются по всѣмъ направленіямъ. Кромѣ того—громадныя вмѣстилища для приѣма и отвода дождевой воды, и мастерски устроенныя входныя колодцы, изъ которыхъ производится осмотръ и изслѣдованіе каналовъ. Отводныя трубы домовъ, выносящая воду и грязь, входятъ въ каналы, а для устраненія развивающихся въ нихъ вредныхъ газовъ, выходятъ открытыми отверстиями надъ печными трубами домовъ. Такимъ образомъ, черезъ эти вышнія, трубы наружныя и подземныя проводы состоятъ въ непосредственномъ сообщеніи. Трудно представить себѣ, какъ всѣ эти трубы и каналы, предназначенныя для различныхъ цѣлей, вмѣщаются въ тѣсномъ пространствѣ подъ улицами, не мѣшая одна другимъ.

На нашемъ рисункѣ представленъ одинъ изъ громаднхъ подземныхъ колодцевъ; одинъ край его защищенъ рѣшеткой. Сточная вода, проходя по каналамъ, несетъ съ собою разныя твердыя тѣла: травки, бумагу, куски дерева и проч., которые и задерживаются этой рѣшеткой, и въ извѣстное время вычищаются и вывозятся вмѣстѣ съ песчаными наносами. Вывозъ этихъ наносовъ и представленъ на нашемъ рисункѣ.

Въ главныхъ каналахъ, вышины которыхъ болѣе 6 футовъ, три человѣка свободно могутъ двигаться. Къ этимъ главнымъ каналамъ прилегаютъ боковыя ихъ вѣтви, которыя и расхо-

дятся по радіусамъ подъ всѣми переулками, улицами и площадями. Многие каналы проведены на глубинѣ 8 фут. подъ землею, для того, чтобы предохранить ихъ отъ замерзанія. Всѣ они выложены изъ камня и скрѣплены цементомъ. Внутри каналы имѣютъ яйцеобразную форму, причемъ заостреннымъ концомъ обращены къ низу. Этимъ достигается то, что даже при незначительномъ притока воды она проходитъ безпрепятственно.

Полезъа канализаціи города велика. Несовершенство канализаціи городовъ прежде состояло въ томъ, что стоки нечистотъ направлялся въ рѣки, гдѣ скопленіе ихъ отравляло воду, дѣлая ее негодною для питья. Производили опыты близъ Лондона и Эдинбурга и стали отводить нечистоты на поля для удобренія ихъ. Пововеденіе это примѣняется теперь на западѣ въ большихъ размѣрахъ. Самое важное при этомъ—отливъ грязной воды изъ общаго бассейна на назначенныя для того поля, какиихъ въ Берлинѣ въ настоящее время два. Одно на югѣ города, въ разстояніи двухъ миль, между Осдорфомъ и Фридерикенгофомъ, а другое на сѣверѣ, почти въ такомъ же разстояніи отъ города, около Фалькенталя. Оба эти поля занимаютъ болѣе 5200 морг. (ок. 1300 дес.). Вода, чтобы выйти на такое отдаленное поле, нагнетается въ трубы при помощи огромной паровой машины. Для этого въ нѣкоторыхъ мѣстахъ устроены станціи съ насосами. Дурной запахъ при такой поливкѣ самый незначительный; удобряющая поля грязная вода, пройдя сквозь песокъ попадаетъ въ приѣмныя трубы совершенно очищенною и безъ запаха. Ягоды и овощи, получаемые съ полей, удобренныхъ такимъ образомъ, особенно велики и урожай ихъ обиленъ.

Пѣснь Оссіана.

(Картина Вудварта).

„Грозно и торжественно гремятъ струны престарѣлаго Оссіана. Невидящія глаза его подняты къ небесамъ. Ночь въ его взорахъ, ночь въ душѣ его: дѣтъ вонювъ Эрина молодой герой Оскаръ, сынъ его, измѣнивчески убить на пиру низкаго Каибары. И вотъ юная невѣстка его, Кольма, въ глубокомъ отчаяніи рыдаетъ и жадно, съ пылающимъ горемъ и гнѣвнымъ сердцемъ, слушаетъ, зывающіе къ мщенію, грозныя, великолѣпныя пѣсни! Они оба такъ любили юнаго героя! Души ихъ горятъ однимъ чувствомъ отчаянія и жажды мести врагамъ. Только еще вчера хоръ бардовъ Фингала пѣлъ надъ убитымъ въ Сельмѣ мрачныя, погребальныя гимны и звуки ихъ еще отдаются въ ухахъ ея.

— Сойдите, поетъ старецъ, сойдите въ тучахъ мстящія духи Морвенны, сойдите, вѣя своими быстрыми крылами! Примите юнаго ловца Коны—дайте ему его туманную, клубящуюся одежду, его звонкій щитъ и молніей блещущее копье. Мужествомъ горѣло его безтрепетное сердце, твердое какъ ясная сталь его меча! Поразите низкаго, коварнаго убійцу—довѣрчивъ, благороденъ и спокоенъ пришелъ Оскаръ на его зовъ, но вмѣсто звона золотыхъ зазданныхъ чашъ, зазвенѣли враждебныя мечи и полилась кровь героя! Кто изъ сыновей Эрина, увидѣвъ покрытый мхомъ камень гробницы твоей, не залетъся слезами, не скажетъ: здѣсь почиваетъ герой, внукъ великаго Фингала, оплотъ друзей, гроза и ужасъ враговъ!“

Эта сцена составляетъ содержаніе картины Вудварта.

Оссіанъ—кельтскій бардъ (пѣвецъ) сынъ царя Фингала, жилъ въ III вѣкѣ; преданія говорятъ, что онъ былъ слѣпецъ, какъ Гомеръ. Имя его упоминается уже въ писаніяхъ Джеральда Камбрэнзиса (1215 г.) и въ Буканановой „Исторіи“ (1582 г.) есть свѣденія о народной поэзіи Кельтовъ, гдѣ упоминается имя Оссіана. Всемирной славы этого имени положили начало 15 пѣсень, вышедшихъ въ Эдинбургѣ въ 1760 г. Переводчикомъ, издателемъ и собирателемъ среди народа этихъ пѣсень явился поэтъ Макферсонъ. Его изданіе пѣсень Оссіана (1762 г.) имѣло необычайный, огромнй успѣхъ. Пѣсни эти имѣли много изданій и переведены на всѣ европейскія языки. Затѣмъ дальнѣйшія изслѣдованія, вызвавшія цѣлую литературу объ Оссіанѣ, умѣрили восторгъ. Злодозорна была самая подлинность пѣсень, если не всѣхъ, то многихъ, изданныхъ Макферсономъ.

Крушеніе спасательной лодки.

(Стран. 745).

Тому кто бывалъ на морскихъ купаньяхъ, не разъ вѣроятно случалось видѣть спасательныя станціи и лодки, предназначенныя для высокой цѣли—подація помощи при кораблекрушеніяхъ. Такія станціи устраиваются на морскихъ берегахъ въ мѣстахъ наиболѣе опасныхъ. У насъ въ Россіи существуетъ цѣлое „Общество подація помощи при кораблекрушеніяхъ“, состоящее подъ высокимъ покровительствомъ Государыни-Цесаревны.

Что видить эти привѣтливыя домики, съ краснымъ крестомъ на верху, въ тихую погоду, тому трудно и представить себѣ то критическое положеніе, въ которомъ находится каждый такой пунктъ во время сильныхъ бурь, особенно ночью. Сто-

ить взглянуть на наш рисунок: какія страшныя усилія, какъ борется экипажъ перевернувшейся спасательной лодки съ разъяренными волнами!

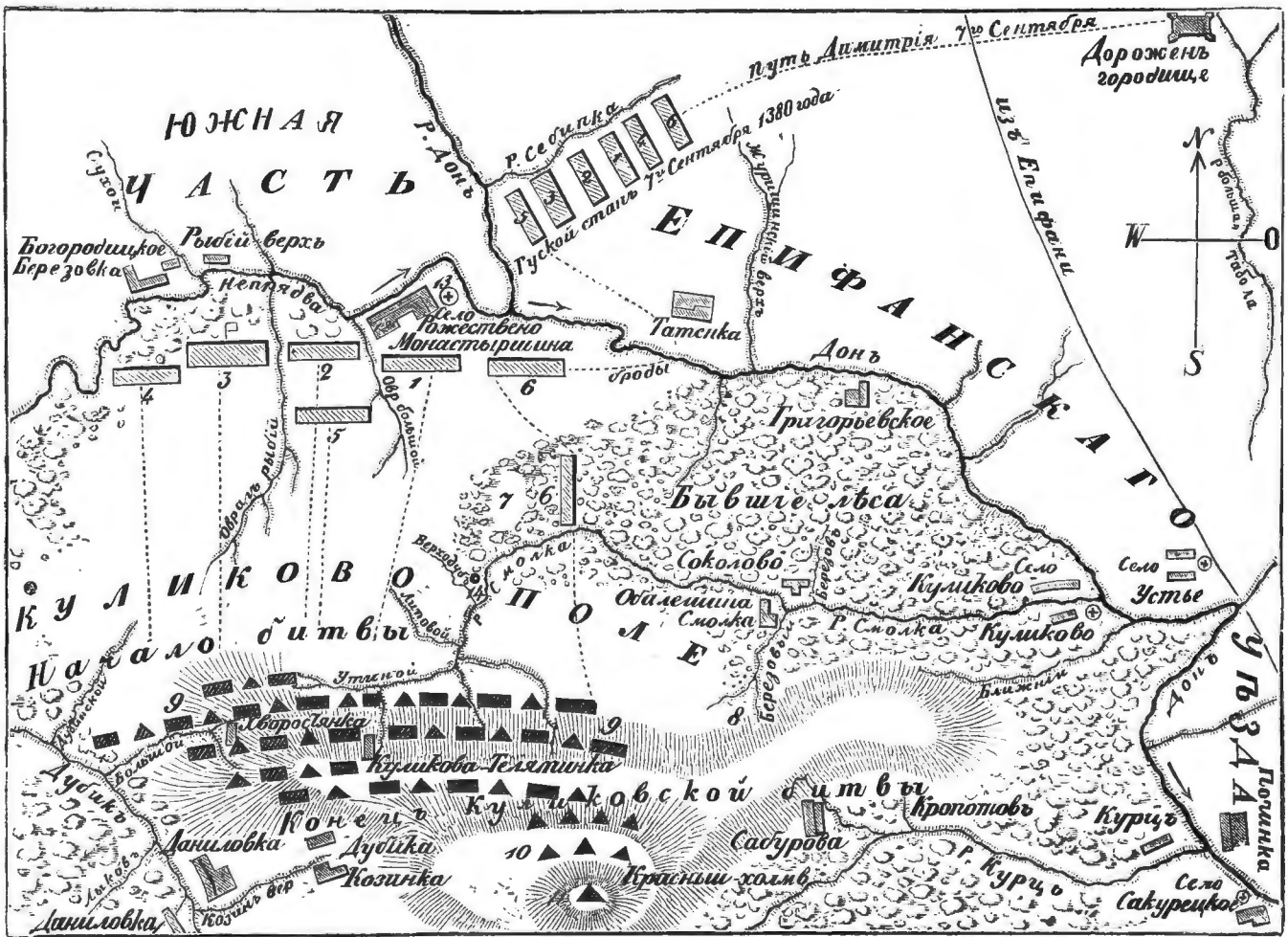
Стохвѣтная исторія обществъ поданія помощи при корабле-крушеніяхъ въ Европѣ идетъ параллельно съ исторіей усовершенствованія спасательной лодки, которая, какъ одинъ изъ важнѣйшихъ аппаратовъ дѣла, перешла многія измѣненія, постепенно принаравливаясь, какъ избѣжать главнѣйшихъ опасностей—именно: во время напора и отлива волнъ. Обыкновенно облегчаютъ верхъ лодки особо устроенными воздушными ящиками, а внизу для приданія болѣе тяжелой укрѣпляютъ желѣзный киль. Такимъ образомъ значительно увеличивается балластъ лодки и перевернутая—она можетъ сама собою принять снова нормальное положеніе.

При сильномъ ударѣ волнъ, бывають минуты, что у самыхъ смѣлыхъ людей экипажа кровь стынетъ въ жилахъ. Между тѣмъ каждая экспедиція для поданія помощи можетъ кончиться крушеніемъ лодки. Случается, что лодка, отправляясь на свое благое дѣло, минуетъ счастливо отбой волнъ и устоитъ во время сильнѣйшаго волненія, но ей предстоитъ еще самое трудное и опасное—это добраться до берега. Тутъ-то чаще

Маневры пожарныхъ въ Германіи.

(Стр. 749).

Пожарныя общества очень распространены въ Германіи. Они правильно обучаются, готовятъ членовъ общества посредствомъ маневровъ, на примѣрныхъ пожарахъ въ нарочно даже для того устроенныхъ зданіяхъ, какъ видно изъ прилагаемаго рисунка, на которомъ изображены маневры пожарныхъ въ Дрезденѣ. Примѣненія всевозможныхъ средствъ спасенія людей и вещей доведены до возможной степени удобства. всѣ эволюціи выполняются съ замѣчательною точностью и быстротою. снаряженіе отдѣльныхъ командъ превосходно, аппараты и приспособленія постоянно совершенствуются. Приспособленія, представленныя на нашемъ рисункѣ извѣстны и практикуются въ Германіи уже давно. Новость—это развѣ примѣненіе „спускнаго полотна“. Полотно это необыкновенно ловко и скоро подтягивается въ третьему этажу, тамъ укрѣпляется и затѣмъ оттуда люди спускаются до самой земли быстро и совершенно невредимо. Опытъ этотъ при всѣхъ случаяхъ удался очень хорошо и польза его такъ очевидна, что введеніе этого примѣненія желательно было-бы и для нашихъ пожар-

Планъ битвы на Куликовомъ полѣ, съ обозначеніемъ движенія войскъ 7 и 8 Сентября 1380 г.

всего и случается, что захлестнутая волною лодка опрокидывается. Этотъ моментъ и представленъ на нашемъ рисункѣ. Но ловкіе и привычныя люди крѣпко схватываются за канаты, укрѣпленные съ боку и держатся пока лодка снова не приметъ нормальнаго положенія. Изъбитые и изможденные пловцы добравшись до берега, гдѣ хотя-бы въ непогоду и ночью, ихъ всегда ожидаетъ толпа народу.

ныхъ командъ, для которыхъ конечно тотчасъ должны-бы вводиться всѣ современныя усовершенствованія—разъ опытъ доказалъ ихъ цѣлесообразность. На другой сторонѣ рисунка видимъ еще одинъ маневръ. Одинъ изъ пожарныхъ бросается въ крѣпкое полотно, оббитое толстыми веревками, которое внизу держатъ другіе пожарные. Приспособленіе простое и вмѣстѣ весьма цѣлесообразное.

Политическое обозрѣніе.

Перемена министерства въ Турціи.—Санданіе Гаймерле съ Бисмаркомъ.—Недоразумѣнія между Франціей и Италіей изъ за Туниса.—Слухи о новыхъ союзахъ.—Испанія.—Вьетна.

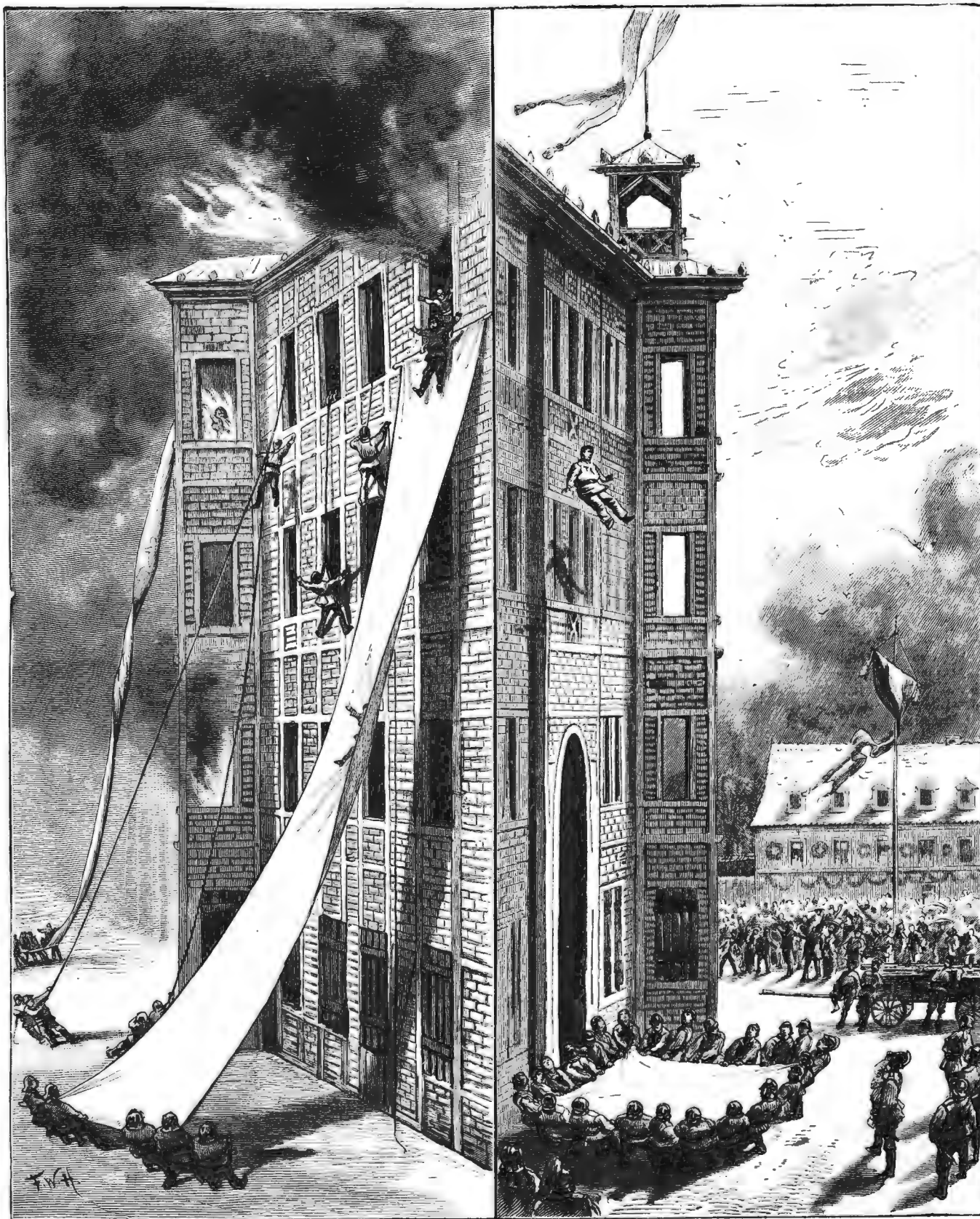
Можно думать, что перемены министерствъ въ Турціи происходятъ вовсе не вслѣдствіе тѣхъ серьезныхъ причинъ, которыми онѣ могутъ быть объясняемы въ цивилизованномъ государствѣ. Калифу, вѣроятно, просто надоѣдаетъ, отъ времени до времени, видѣть однѣ и тѣ же лица, надо освѣжиться и вотъ приглашаются въ общество султана другіе паши. Такое

„освѣженіе“ послѣдовало на дняхъ. Кадри-Паша замѣнитъ Сайдомъ-Пашей, а на должности министра иностранныхъ дѣлъ Ассимъ-Паша, президента государственнаго совѣта—Серверъ-Паша, торговли—Раифъ-Паша, Народнаго Просвѣщенія Кіамія-Паша; остальные министры еще не совсѣмъ надошли, а потому удержали свои портфели. Справедливо ли поступило его турецкое величество, это другой вопросъ. Намъ кажется, что несправедливо. Несправедливо потому, что велика заслуга смѣняемыхъ пашей предъ Абдул-Гамидомъ въ одномъ изъ

(Продолженіе на стр. 749, 750, 751 и 752).

важнѣйшихъ для него вопросовъ внѣшней политики. Читатели догадались, конечно, что мы говоримъ все о томъ же препирательствѣ оттоманскаго правительства съ Европой о территориальныхъ уступкахъ Греціи и Черногоріи. Много ли выиграла Черногорія, съ тѣхъ поръ, что дѣло ея находится въ движеніи.

посланъ къ албанцамъ, можетъ быть, скорѣе для того, чтобы помочь имъ, а не черногорцамъ. И дѣйствительно, во 1-хъ Порты, видя, что Европа подвинула свои броненосцы уже до Рагузы, тотчасъ же объявила, что лига албанская начинаетъ уступать и что Дульциньо будетъ сдана князю Черногорскому. Броненосцы

Маневры пожарныхъ командъ въ Германіи. По фотогр. грав. Доръ.

До сихъ поръ, по крайней мѣрѣ, мы видимъ, что оправдываются наши слова по поводу этой обычной „готовности“ Порты выполнить требованія державъ, готовности, останавливаемой препятствіями, неожиданно всегда возникающими въ рѣшительную минуту. Не ошибались мы, предполагая, что Риза-Паша былъ

приостановился. Но тогда, конечно, приостановилась и сдача Дульциньо. Турецкое правительство уведомило, что потому не можетъ такъ быстро выполнить обѣщаніе, только что данное, что не въ состояніи заставить албанцевъ согласиться на уступку двухъ другихъ назначенныхъ въ сдачу пунктовъ, Диноша

ПАВЕЛЬ БУРЕ.

ФАБРИКАНТЪ ЧАСОВЪ.

Поставщикъ Высочайшаго Двора и Императ. русского флота.
Невскій просп., № 23 въ С.-Петербургѣ.

СОБСТВЕННОЙ ФАБРИКИ ЗОЛОТЫЕ МУЖСКИЕ ЧАСЫ.

Анкерные на 15 камняхъ закрытые 75, 80 и 85 р. (смотря по вѣсу золота въ корпусѣ).
Такіе же 1-го сорта 90, 95, 100, 110 р.
Тоже высш. достоинства отъ 125 до 175 р.
Тоже заводящиеся безъ ключа (въ руку).
Анкерные на 15 камняхъ закрытые, 90, 100, 110 р. с.
Такіе же 1-го сорта отъ 125 до 165 р. с.
Тоже высшаго достоинства отъ 175 до 225 р. с.

Полухронометры гмѣренные въ разныхъ температурахъ отъ 250 до 400 р. с.

Ручательство на 2 года.

Къ часамъ, заводящимся ключемъ прилагается золотой ключъ. № 880 33—1
Пересылка на счетъ магазина.

Спб. Врачебнаму управленію разсмотрѣна и разрѣшена во всеобщее употребленіе.

НОВѢЙШАГО ИЗОБРѢТЕНІЯ

ОРЪХОВАЯ КРАСКА

для волосъ; она моментально окрашиваетъ въ натуральные цвѣта: черныя, темнорусыя и каштановыя; 30 дней не требуетъ повторенія Ц. 1 р. 20 к. съ перес. 2 р., въ косметическомъ магазинѣ В. Парикова и комп., въ гостиномъ дворѣ, № 78, противъ нажемаго корпуса, въ С.-Петербургѣ. № 874 4—1

3-е исправленное изданіе съ картами и рисунками книгъ:
ЗАКОНЪ БОЖІИ

для дѣтей младшаго возраста (курсъ народныхъ школъ и подготовительныхъ классовъ) свят. Михаила Соколова Ц. 35 к. Продается у всѣхъ книгопродавцевъ и у автора. Спб. Ивановская ул., 1 гимназія. № 873

КАРМАННО-ЖИЛЕТНЫЙ.

инструментъ „регуляторъ часовъ“, въ немъ: 1) часы солнечные, показывающіе время во всѣхъ мѣстностяхъ, 2) компасъ и угломеръ; привинченныя; съ наставленіемъ. Съ пересылкой: 3 р. большій 4 р., посеребр. 5 р., позолочен. 6 р. Адресъ: г. Витебскъ, Олон. губ. Г. А. Милевскому. Выписывающіе одновременно 5 ш. получаютъ 6-й безплатно. № 867

РАСПРОДАЖА.

ПО СЛУЧАЮ ПЕРЕМѢНЫ ПОМѢЩЕНІЯ

СКЛАДА ХРУСТАЛЬНОГО ЗАВОДА ГРАФА ГАРРАХА „НЕЙВЕЛТЬ“ ВЪ БОГЕМИИ.

въ Большой Морской, № 36, въ С.-Петербургѣ, распродаютъ всѣ запасы, какъ-то: хрустальные сервизы, гарнитуры для вина, пива, пунша и ликера, приборы для умывальныхъ столовъ, сахарницы, чайницы и маслянки, винные и чайные стаканы, письменные приборы, прессъ-папье, хрустальные подсвѣчники, вазы и т. п.

ДО 25 СЕНТЯБРЯ СЕГО ГОДА включительно, СО СКИДКОЮ 30% СЪ ФАБРИЧНОЙ ЦѢНЫ.

Настоящее помѣщеніе склада отдается согласно текущаго еще контракта въ наемъ, желающихъ просить обращаться въ означенный складъ, по Большой Морской ул., № 36.

Съ 1-го октября сего года тотъ же складъ хрустального завода графа ГАРРАХА „Нейвельтъ“ въ Богеміи будетъ помѣщаться по Невскому проспекту, на углу Малой Садовой, домъ Ушакова, № 54—3, противъ Екатерининскаго памятника. В. № 865 2—1

Прейсъ-курантъ и всѣ свѣденія выдаются и высылаются безплатно.

СКЛАДЪ ПИСЬМЕННЫХЪ ПРИНАДЛЕЖНОСТЕЙ ФАБРИКИ

А. В. ФАБЕРЪ.

С.-Петербургъ, Большая Морская, № 15.

Фабрика въ Штейнѣ при Нюрнбергѣ существуетъ съ 1761 года. Торговые дома въ Парижѣ, Лондонѣ, Берлинѣ и Нью-Йоркѣ.

ШКОЛЬНЫЯ ПРИНАДЛЕЖНОСТИ.

Громадный выборъ при самыхъ дешевыхъ цѣнахъ.

Графитные и цвѣтные карандаши и грифели въ громадномъ выборѣ.

Ручки для перьевъ, стальные перья, чернила, резинки, карманные и радирные ножи, равно и для разрыванія бумаги, ножницы, линейки, чернильницы, бьюары, гарнитуры для письменнаго стола, портфели для бумагъ и для нотъ, записныя книжки, перовники, ащипы для красокъ, гонтовалныя, школьныя сумки, ремни школьныя, ращцы и т. д.

БУМАГА СЪ МОНОГРАММАМИ ВЪ 6 ПОДНЫХЪ АЛФАВИТАХЪ.

чрезвычайно изящна и дешева.

Картонъ съ 50 листами и 50 конвертами отъ Р. С. 1 р 50

НОВО! НОВО! НОВО!

Автоматическая ручка для перьевъ Р. С. 1 р. 50.
(Porte-plume Pigeon)

наполняется чернилами на двѣ недѣли. Нѣтъ болѣе чернильныхъ пятенъ.

АВТОМАТИЧЕСКІЕ КАРАНДАШИ ПО 50 КОП.

величайшая экономія такъ какъ графитъ никогда не ломается.

ЧУДО ПЕРО („KAVUL PONDHOLDER“) ПО 50 КОП.

Для письма водою! Трѣхъ цвѣтовъ: черные, красные и синіе.

Запасныя краски въ немъ по 6 въ пачкѣ по 25 коп.

Каждой изъ этихъ красокъ, при ежедневномъ употребленіи хватаетъ на 4 недѣли. При заказахъ изъ провинцій болѣе чѣмъ на 5 этихъ трехъ новыхъ предметовъ вѣстѣ, почтовые расходы не считаются. Pт. № 852 6—3

О. УНФУГЪ и К° Большая Морская, № 15.

Съ разрѣшенія С.-Петербургскаго Врачебнаго Управленія.

ТИМОЛОВЫЕ

ГИГИЕНИЧЕСКІЕ И АНТИ-ЭПДЕМИЧЕСКІЕ ПРЕПАРАТЫ С.-ПЕТЕРБУРГСКОЙ ТЕХНО-ХИМИЧЕСКОЙ ЛАБОРАТОРИИ.

Тимоловый зубной записеръ 1 р. } предохраняютъ зубы отъ кариеса и гниенія,
Тимоловый зубной порошокъ 60 в. } уничтожаютъ дурной запахъ во рту.
Тимоловый туалетный уксусъ 75 к. уничтожаетъ всѣя миазмы.
Тимоловое туалетное мыло 35 к. противъ сыпи и угрей.
Тимоловые препараты превосходятъ своими достоинствами всѣ до сихъ поръ изобрѣденныя зубныя и анти-эпидемическія средства.

Каждый экземпляръ Тимоловыхъ препаратовъ снабженъ фабричною маркою С.-Петербургской Техно-химической Лабораторіи, утвержденной Правительствомъ.

Продаются въ С.-Петербургѣ: въ магазинахъ С.-Петербургской Техно-химической Лабораторіи—Толмазовъ пер. противъ Гостиннаго двора, д. № 2 и на Петербургской сторонѣ, по Большому проспекту, противъ Гузарной ул., д. № 28.

въ Русскомъ Обществѣ Торговли Аптекарскими Товарами по Казанск. ул. № 12. въ Москвѣ, въ Отдѣленіи С.-Петербургской Техно-химической Лабораторіи по Тверской ул., д. Малюгина.

Гг. Торговцамъ значительная скидка. Оптовая продажа производится въ складахъ С.-Петербургской Техно-химической Лабораторіи, въ С.-Петербургѣ, по Толмазову пер., № 2 и въ Москвѣ—Тверская, д. Малюгина.

Въ Харьковѣ, въ складѣ Русскаго Общества Торговли аптекарскими товарами; въ Киевѣ у г. И. Ф. Пастухова. въ Одессѣ у г. Вл. Вагнера. Б. № 860

МОЖНО ПОЛУЧАТЬ

въ Москвѣ въ собственныхъ магазинахъ: Никольская ул., домъ Востанковскаго. Ильинка, д. Троицкаго подворья. Петровка, домъ Петровскихъ лѣтнй.

Съ С.-Петербургѣ: у Рузанова, Савельева, Сафронова, Аверьянова, Урлука и Рейнберга. Литейныя, на углу Васильевой улицы, и у прочихъ главныхъ торговцевъ. № 610. 16—15.

Отамъ о молотилкахъ знаменитаго завода ВЕЙЛЬ. Г-ну Моррицу Вейль младшему, машиннаго завода, Франкфуртъ на Майнѣ.

Имѣю честь сообщить Вамъ, что получила заказанную въ вашемъ заводѣ молотилку во время и въ цѣлости. Считаю своимъ долгомъ объявить вамъ чувствительную благодарность за отличныя качества вашихъ машинъ. Испытавъ производительность машины, я желаю приобрести еще другія машины вашего завода и прошу назначить цѣну, которую возьмете за сортированную въялку.
(Подпись): Священникъ Издарионъ Раданковскій, въ Стеблѣ, Звенигородск. уѣз., Киевской губ. Pт. № 878

КОРНЕТЫ-А-ПИСТОНЫ

18 р., 25 р., 30 р., 40 р., 50 р. и др.
Школы по 1 р. 50 к., 4 р. и 5 р.,
Трубы, альтгорны, баритоны.
Сигнальные рожки.
Флейты по 3 р., 5 р., 7 р., 10 р., 20 р.,
30 р., 40 р. и др.
Школы по 1 р. 50 к. и 3 р.,
Кларнеты по 6 р., 8 р., 10 р., 15 р.,
20 р., 24 р., 40 р. и др.
Школы по 4 р.
и все другие инструменты рекомендуются
в большом выборе

ГЛАВНОЕ ДЕПО МУЗЫКАЛЬНЫХ
ИНСТРУМЕНТОВЪ

Юлия Генриха Циммермана

СПбурге, по Больш. Морской ул., № 42.
Подробные прейсь-курранты бесплатно.
Заказы из провинции исполняются
немедленно и аккуратно.

ИЗДАНИЕ ЮРГЕНСОНА.

На днях выйдет из печати:
Детский фортепьянный сборникъ составлен-
ный из лучших детских пьесъ Нудлана,
Шумана, Чайковского съ точнымъ обозна-
чениемъ пальцевъ, знаковъ исполненія и мет-
ронома

А. ВУХОВЦЕВА.

Ц. 1 р. net.

ДИТА ПИАНИСТЪ.

Сборникъ легчайшихъ пьесъ изъ любимѣй-
шихъ мелодій.

І Э Мельцера.

Новое, умноженное и пересмотрѣнное из-
даніе. Цѣна 1 руб. net.

Москва и П. Юрген- С.-Петерб. І. Юрген-
сона. сонна.
Неглин. провъздъ, 10. Большая Морская, 9.
П. М. № 868 3—1

Фабрика асфальтового кровельнаго

ТОЛЯ,

изъ заграничныхъ матеріаловъ и двойнаго
картона для обивки стѣнъ, пропитаннаго хи-
мическимъ составомъ не допускающимъ разво-
дятся насекомымъ.

В. П. Ганнеманна въ С.-Петербургъ
Контора и складъ: по Вознесенскому пр.,
№ 15—45.

Прейсь-курранты и образцы высылаются без-
платно. Агенты н. обуются во всѣхъ горо-
дахъ. № 866

**ВСѢХЪ МАШИИЪ И МЕХАНИЧЕСКИХЪ
ПРИБОРОВЪ**

приготавливаемыхъ въ Германіи, Фран-
ціи и Бельгіи, доставляется по насто-
ящимъ фабричнымъ цѣнамъ, принима-
етъ на себя отраву у до послѣд-
ней станціи желѣзной дороги за
умѣренную коммисію.

Морицъ Вейль младшій. Машин-
ная фабрика въ Франкфуртѣ на
Майнѣ (Германія). Р. № 841 18—3

СЕКРЕТЪ какъ разбогатѣть скоро и
вѣрно. Ц. 14 коп. съ перес.
Изгородние высылаютъ почтовыми марками.
Адресъ: Бюро объявленій, Невскій № 4. Спб.
№ 871

Пробрѣтѣнія большое употребленіе
ДЕРЕВЯННЫЯ СИДѢНЬЯ,
замѣняющія камышевыя, вновь получены,
по цѣнамъ исключаяющимъ всякую конкурен-
цію. Большая Морская, № 33, кв. № 12.
Ищутъ агентовъ. К. № 881

Изданія **А. Ф. Маркса въ Спб.**
Большая Морская, д. № 9.

ВЪ КАМЫШАХЪ, повѣсть Н. Карази-
на, второе изданіе, съ 89 рису-
нками автора, большой томъ в 8—
всего 304 стр. Цѣна 2 р., съ перес.
2 р. 30 к. Подписчики „Нивы“ за
перес. не платятъ.

Повѣсть эта яркими красками рисуетъ
жизнь Туркестанскаго края; достоинства ея
достаточно доказываются уже тѣмъ, что по-
вѣсть эта переведена на нѣмецкій, француз-
скій и англійскій языки. Нынѣ выходящее второе
изданіе заключаетъ въ себѣ 36 рису-
нковъ, оно гораздо богаче и лучше тѣмъ, уже
распространенное, первое изданіе этой повѣсти.

При этомъ № прилагаются для гг. городскихъ подписчиковъ прейсь-куррантъ отъ чайнаго магазина Петра Орлова въ С.-Петербургѣ.
Дозволено цензурою Спб. 12 сентября 1880 г. Изданія А. Ф. Маркса въ Спбурге. Тип. Водкина. Англ. пр. № 10. Библиотека „Руниверс“

Полезнѣйшія и
практичнѣйшія

ЗАНЯТІЯ

для дѣтей и
взрослыхъ.

(принятія многими пансіонами и училищами для воспитан-
никовъ и воспитанницъ).

Пантографъ для копированія рисунковъ,
картъ, плановъ и пр. въ увеличенномъ и
уменьшенномъ видѣ, даже не умѣя рисо-
вать. Ц. 1 р. съ перес. 2 р.

Домашній фотографъ, которымъ каж-
дый можетъ отпечатать въ любомъ коли-
чествѣ портреты, карточки, рисунки и проч.
Ц. 2 р. съ перес. 3 р., съ прилож. при-
способленія для копированія свѣтомъ ри-
сунковъ не вырваныхъ ихъ изъ книгъ. Ц.
3 р. съ перес. 4 р.

Камера-кларн или аппаратъ для рисо-
ванія безъ всякой подготовки, съ прилож.
Новаго способа умноженія посредствомъ
сложенія. Ц. 1 р. съ перес. 2 р.

Камера-обскура для рисованія съ на-
туры. Ц. 1 р., съ пер. 2 р.

Складная камера-обскура, дающая изо-
браженія въ 7 кв. верш. Ц. 7 р. пер. за 3 ф.

Калиграфъ, которымъ можно скоро и
легко выучиться красиво писать безъ за-
траты бумаги. Ц. 1 р. съ пер. 2 р.

Литохромія или искусство, при помощи
котораго всякій, даже неумѣющій рисо-
вать и красить, можетъ обращать гравю-
ры или вырванныя изъ иллюстраціи ри-
сунки, въ изысканныя масляныя картины.
Ц. 5 и 6 р. перес. за 5 и 6 ф.

Гелиоиниатура или искусство, помощью
котораго, всякій можетъ раскрашивать фо-
тографическіе портреты и карточки. Ц. 5
и 7 р. перес. за 5 ф.

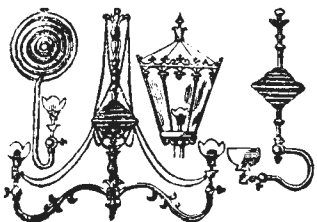
Литохромія и гелиоиниатура вмѣстѣ
7 и 9 р. перес. за 8 фунт.

Примѣч. Ко всѣмъ аппаратамъ прилагаются наставленія
и все принадлежности.

**Желающіе получить подробный каталогъ всѣхъ изданій І. Е.
Зегимеля, вновь изобрѣтенныхъ игръ и занятій, а также
НОВЫХЪ ИЗОБРѢТЕНІЙ для ХОЗЯЙСТВА, благоволятъ при-
слать двѣ семикопѣечныя марки.**

Адр.: Въ Центральное бюро объявленій и переводовъ
І. Е. Зегимеля, Невскій, № 4. Спб. № 869

**НОВОЕ ПЕРЕНОСНОЕ
газовое освѣщеніе безъ газопроводныхъ трубъ.**

Нашіе газосвѣтительные приборы можно
приспособить безъ всякаго затрудненія всадъ
туда какъ они не требуютъ газопрово-
дныхъ трубъ. Приборы наши не нуждаются
въ фитиляхъ и цилиндрахъ; они пригото-
вляются въ формѣ рабочихъ лампъ, фонарей,
люстръ, ларь, рукавовъ двойныхъ, стѣнныхъ
потолочныхъ и проч., смотря по надобно-
сти и съ удобствомъ могутъ быть приме-
нены для освѣщенія домовъ, дѣстницъ, улицъ,
фабрикъ, магазиновъ, ресторановъ, булоч-
ныхъ и проч.

Цѣна образцовыхъ переносныхъ газовыхъ при-
боровъ по силѣ и близости свѣта значительно превосходить каменноугольный газъ
и при всемъ этомъ наше освѣщеніе значительно дешевле каменноугольного газа.
Цѣна образцовою лампы съ пересылкой и всѣми принадлежностями 10 рублей.

Вновь получены газодимовыя лампы въ формѣ свѣчей, которыя свѣтлѣе и сто-
имостью горѣныя изъ много дешевле старинныхъ свѣчей. Свѣчи эти освѣщаются
очищеннымъ американскимъ керосиномъ (газолиномъ) или бензиномъ, который
можно всадъ получить, а также высылаются нами по 4 р. 50 к. за лудъ безъ учу-
порка и пересылки.

Цѣна образцовою свѣчи со всѣми принадлежностями и съ пересылкой — 5 руб.
во всѣхъ мѣстахъ Россійской Имперіи.

Наше освѣщеніе получило уже большое примѣненіе на фабрикахъ, заводахъ, ма-
стерскихъ и т. п. Свѣтъ и горѣніе нашихъ аппаратовъ ежедневно можно видѣть
въ Императорскомъ Лѣтнемъ саду и ресторанахъ.

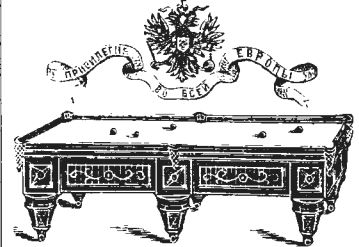
Единственная продажа для всей Россіи.
А. ЮНГЪ и Комп.

С.-Петербургъ, Еватеринскій каналъ д. № 12. Иллюстрированные прейсь-ку-
ранты высылаемъ бесплатно. К. № 875

**ПРОДОЛЖАЕТСЯ ПОДПИСКА
НА НОВЫЙ ЖУРНАЛЬ
РУССКІЙ МУЗЫКАЛЬНЫЙ ВѢСТНИКЪ**

съ нотными приложеніями къ каждому №.
С.-Петербургъ, Новая ул., № 11.
Цѣна съ 22-го апрѣля—5 р., на полгода—3 р. 50 к.; на 3 мѣсяца—
2 р., на 1 мѣсяць—1 р.—съ пересылкой. № 879

**БИЛЛЯРНАЯ ФАБРИКА
РУДОЛЬФЪ ГЕРДЕСЪ
ВЪ С.-ПЕТЕРБУРГѢ
предлагаетъ свои**

Билляры съ патентованными передвиж-
ными бортами
разныхъ величинъ, разлагаемой конструк-
ціи, крытые, ровно шлифованными, асфидны-
ми досками, солдной, изыщной работы, по
рѣзательнымъ цѣнамъ. Иллюстрированные
прейсь-курранты съ описаніемъ высылаются
желаящимъ.

АТТЕСТАТЪ.

Настоящій аттестатъ выдается мною Рос-
товскимъ на Дону купцомъ Иваномъ Семе-
новымъ Самойленко С.-Петербургскому бил-
лярному фабриканту Рудольфу Гердесъ въ
томъ, что заказанные ему мною и сдѣлан-
ные на его фабрикѣ три билляры отлича-
ются слѣдующими достоинствами: по отпа-
ву шпатоковъ билляры фабрики Гердеса,
при прочной и изыщной работѣ, отличаются
замѣчательною вѣрностью, что, главнѣе все-
го, зависитъ отъ примѣненія фабриканта
новаго образца бортовъ подвижныхъ и вѣ-
стичныхъ, позволяющихъ съ одинаковою
вѣрностью играть шарами разныхъ кали-
бровъ. Кроме того заказъ мой выполненъ
фабрикантомъ вполне добросовѣстно и сво-
евременно, безъ малѣйшаго упущенія.
Ростовъ на Дону. Юля 24 дня, 1880 года
Ростовскій купецъ Иванъ Семеновъ Самой-
ленко.

**С.-ПЕТЕРБУРГЪ,
РУДОЛЬФЪ ГЕРДЕСЪ.**
Вознесенскій просп. № 12.

ВЪ МОСКВѢ:
БИЛЛЯРНЫЙ ФАБРИКАНТЪ **ФѢДЪ**
на углу Газетнаго пер. и Большой Никит-
К. № 859 кой. 10—2

**ОБЩЕСТВО ВОДОЧНАГО ЗАВОДА
БЕКМАНЪ И К°,**

устроило рядомъ со своимъ во-
дочнымъ заводомъ, въ совершен-
но новомъ, исключительно для се-
го приспособленномъ зданіи и от-
крыло въ январѣ 1880 г.

**ЗАВЕДЕНІЯ ИСКУССТВЕННЫХЪ МИ-
НЕРАЛЬНЫХЪ ВОДЪ**

подъ тою же фирмою **Бекманъ и Ко,**
въ которомъ приготавливаются та-
же ягодныя и фруктовыя воды,
а равно и лимонады.
Коломенской части, Перевоз-
ная ул., д. № 6. К. № 863 10 2.

АГЕНТОВЪ ИЩУТЪ

въ провинціи для коммисіонерства по со-
единенно интеллигентно-торговому предпрі-
ятію, съ платою агенту 25% съ полуучаю-
чей чрезъ его посредство сумми. Ни залоговъ,
ни особыхъ спеціальныхъ знаній не требу-
ется. Адр.: С.-Петербургъ, Невскій просп. д.
№ 4, Бюро переводовъ и проч. С—ву. № 870

**СПЕЦИАЛЬНОСТЬ
собственнаго завода.
ПОЖАРНЫЯ ТРУБЫ**

всякаго рода.
НАСОСЫ
для всякаго употребленія.
Новый огнетушитель
КОСМОПОЛИТЬ,
рекомендуетъ со склада
Альфредъ Ланганшпенъ.
С.-Петербургъ, Мал. Гатлянская, № 11.
Иллюстрированные прейсь-курранты без-
К. № 845 платно. 5—4

НИВА

ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ
ЖУРНАЛЪ
ЛИТЕРАТУРЫ

ПОЛИТИКИ И СОВРЕМЕННОЙ ЖИЗНИ.

XI годъ
№ 38

годъ XI
1880

ВЫХОДИТЪ ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫМИ №№ ВЪ ДВА ЛИСТА СЪ 6—10 РИС. И ЕЖЕМЕСЯЧН. ДАРОВЫМЪ ПРИЛОЖЕНІЕМЪ „ПАРИЖСКИХЪ МОДЪ“ (отъ 20 до 40 модн. рис.)
Выдавъ 20 Сентября 1880 г. и ЛИСТА ЧЕРТЕЖ. ВЫКРОЕНЪ (отъ 22 до 30 рис.) разн. рис. рукод. работъ (отъ 20 до 40 рис.) Цѣна этого № „Нивы“ 15 к. съ перес. 20 к.

ОБЪЯВЛЕНІЯ
для напечатанія въ „Нивѣ“ принимаются по 25 к. за строку неплатежной (въ 1/2 ширины страницы).
КОНТОРА
журнала открыта ежедневно (кроме воскресныхъ и праздничныхъ дней) отъ 10 ч. утра до 6 ч. вечера.

Продолжается подписка на „НИВУ“ 1880 г.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА НА ГОДОВОЕ ИЗДАНИЕ „НИВЫ“:

Безъ доставки въ Петербургъ . . . 4 р.	Безъ доставки въ Москвѣ чрезъ ин. маг. г. Шапошникова, Соловьева и Лангъ. 5 р.
Съ доставкою „ „ 5 р.	Съ пересылкою въ Москву и другіе города Россіи 6 р.

На полгода безъ доставки 2 р., съ доставкою 2 р. 50 к., съ пересылкою иногороднымъ 3 р.

Каждый новый подписчикъ получаетъ все уже вышедшіе въ 1880 г. номера.

ПРИЛОЖЕНІЯ.
Особая приложенія при „Нивѣ“ объявленія отъ торговыхъ домовъ принимаются для иног. по 5 р. съ тысячами, для городскихъ по 4 р.
РУКОПИСИ
Мелкія рукописи и стихинудобныя къ печати, авторовъ не возвращаются.

КОНТОРА ЖУРНАЛА „НИВА“ ПОМѢЩАЕТСЯ ВЪ С.-П.-БУРГѢ НА Б. МОРСКОЙ ВЪ Д. № 9.

Стронтели Александровскаго моста, В. И. Березинъ и Н. А. Бѣлелюбскій. Рис. В. Шпакъ, грав. Флюгель.

СТРОИТЕЛИ АЛЕКСАНДРОВСКАГО МОСТА ЧЕРЕЗЪ Р. ВОЛГУ.

30 минувшаго августа, въ присутствіи г. министра путей сообщенія и мѣстныхъ властей, торжественно открыто было движеніе по Александровскому мосту близъ Сызрани, котораго рисунокъ и описаніе было въ № 36 „Нивы“. Въ теченіи цѣлой недѣли предъ открытіемъ происходило подробное освидѣтельство моста и испытаніе его правительственною инспекціею. Испытаніе заключалось въ нагруженіи каждаго пролета моста спокойною нагрузкою изъ 6 паровозовъ, причемъ нагрузка оставалась на различныхъ пролетахъ отъ 2 до 14 часовъ и въ это время наблюдался прогибъ желѣзныхъ рѣшетчатыхъ балокъ пролета. Прогибъ получался около 2—2¼ дюймовъ, который по удаленіи нагрузки почти весь исчезалъ. Въ заключеніе проускались по мосту поѣзда изъ 3 паровозовъ и нагруженныхъ вагоновъ, причемъ замѣчались прогибъ и боковые качаніе желѣзнаго строения. Всѣ пробы дали отличные результаты.

30 августа собралась масса окрестныхъ жителей на Сызранскій берегъ, гдѣ у входа на мостъ, украшенный зеленью и флагами совершенно было, въ присутствіи гостей, молебствіе и затѣмъ черезъ мостъ прошелъ съ присутствовавшими первый поѣздъ, такъ сказать по направленію изъ Азіи въ Европу. Прекрасная погода, присутствіе 6 пароходовъ у моста, толпа рабочихъ на берегу—все это придавало весьма торжественный видъ моменту открытія моста. На обѣдѣ, бывшемъ вслѣдъ затѣмъ, произнесено было нѣсколько краткихъ рѣчей о значеніи моста, о развитіи водныхъ и желѣзнодорожныхъ путей, о сибирской дорогѣ, и выражено много восторженныхъ пожеланій за Государа Императора. Затѣмъ были тосты въ честь участниковъ въ исполненіи моста.

Въ настоящемъ № мы прилагаемъ портреты строителей моста В. И. Березина и Н. А. Бѣлелюбскаго.

Владиміръ Ильичъ Березинъ окончилъ курсъ Николаевской Инженерной академіи въ 1864 г. и оставленъ былъ при Академіи репетиторомъ, а затѣмъ утвержденъ преподавателемъ строительной механики. Въ 1868 г. былъ приглашенъ инженеромъ А. Е. Струве принять участіе въ постройкѣ моста черезъ р. Днѣпръ въ Кіевѣ—работалъ до 1872 г. т. е. до окончанія моста. Въ 1873—74 г. В. И. Березинъ строилъ мосты на Ландварово-Роменской жел. дор. чрезъ р. Десну въ 140 саж. и чрезъ р. Сожъ въ 105 саж.—оба на кессонахъ. Въ концѣ 1874 г. принималъ дѣятельное участіе въ составленіи окончательнаго проекта моста Императора Александра II чрезъ Неву. Съ 1875 по 80 г., В. И. Березинъ былъ главнымъ производителемъ работъ Александровскаго моста черезъ р. Волгу на Оренбургской жел. дор., о которомъ мы говорили выше. Исполненіе этихъ работъ сопровождалось разнообразными новыми приемами, употребленными г. Березинымъ при опусканіи кессоновъ и постановкѣ пролетовъ. Предусмотрительность со стороны производителя работъ выразилась въ особенности

тѣмъ, что въ теченіи всѣхъ 5 лѣтъ не было ни одного несчастнаго случая ни съ людьми, ни съ частями сооруженія. Подробное описаніе хода работъ войдетъ въ сочиненіе, которое готовится имъ къ печати вмѣстѣ съ составителемъ проекта Н. А. Бѣлелюбскимъ и строителемъ моста К. Я. Михайловскимъ.

Николай Аполлоновичъ Бѣлелюбскій окончилъ курсъ Института Инженеровъ Путей Сообщенія Императора Александра I въ 1867 г. и оставленъ при Институтѣ репетиторомъ, а въ 1873 г. утвержденъ профессоромъ строительной механики и завѣдующимъ механическою лабораторіею; сверхъ того въ послѣдніе три года, Н. А. Бѣлелюбскому поручено было руководство по проектамъ нѣсколькихъ мостовъ. Практическая дѣятельность Н. А. Бѣлелюбскаго направлена была исключительно на отдѣлъ мостовъ и выразилась составленіемъ большаго числа проектовъ, при чемъ во многихъ случаяхъ ему же поручался и техническій надзоръ за исполненіемъ. Въ теченіи 12 лѣтъ Н. А. Бѣлелюбскій занимался составленіемъ проектовъ по замѣнѣ деревянныхъ мостовъ желѣзными на Николаевской дорогѣ и наблюденіемъ за ихъ исполненіемъ. Болѣе 50 мостовъ перестроено на желѣзные (въ томъ числѣ мосты черезъ Волховъ и Тверцу) безъ подмостей и безъ прекращенія движенія. Веревбинская труба и Мстинскій мостъ на обходной линіи, мостъ черезъ р. Пругъ близъ Угени, 7 мостовъ на Московско-Врестской (въ томъ числѣ черезъ Березину и Нѣманъ), мостъ черезъ рѣку Калитву на Воронежско-Ростовской, черезъ Чусовую на Уральской и черезъ Самарку въ Самарѣ на Оренбургской. Мостъ черезъ р. Оку на Рязанско-Вяземской и черезъ р. Ранову на Рязанско-Козловской—всѣ они исполнены по проектамъ и подъ общимъ надзоромъ Н. А. Бѣлелюбскаго. Наконецъ открытый 30-го августа сего года Александровскій мостъ черезъ р. Волгу сооруженъ по его же проекту. Въ 1875 году ему поручено было произвести изысканія на мосту; затѣмъ по составленіи проекта онъ состоялъ при правленіи Оренбургской желѣзной дороги во все время постройки моста, при чемъ имъ исполнены всѣ измѣненія проекта вызванныя мѣстными условіями, велись сношенія съ Бельгійскими заводами, на которыхъ исполнялись металлическія части, и наконецъ произведено испытаніе желѣза и другихъ материаловъ для волжскаго моста въ Механической Лабораторіи Института. Въ числѣ деталей проекта волжскаго моста укажемъ на разработку ледорѣзной кладки (модели хранятся въ музеумѣ института), а также дополнительный кессонъ быка № 11 въ формѣ башмака.

Нельзя не порадоваться такому развитію инженернаго дѣла въ Россіи и не пожелать, чтобы и по другимъ отраслямъ мы имѣли такихъ специалистовъ, какъ строители вновь открытаго Волжскаго моста.

КУПЛЕННОЕ СЧАСТЬЕ.

Романъ Н. Морскаго.

(Окончаніе).

XXXVI.

Послѣдняя пѣсня.

Ефимъ подозрительно посмотрѣлъ на своего собесѣдника, точно говоря: знаемъ мы твои дѣла. Съ вами сударь поосторожнѣе слѣдуетъ... но тѣмъ не менѣе наострилъ уши, какъ бы вскользь пробурчавъ:

— Опять чтонибудь вольнодумное затѣяли.

Гавриловъ поймалъ это замѣчаніе и совершенно добродушно опровергъ его:

— Нѣтъ, голубчикъ, нѣтъ. Задумалъ самое положительное. Зайти намъ что-ли куда—оглянулся онъ по сторонамъ,—здѣсь говорить-то не совсѣмъ удобно. Въ трактиръ что-ли какой...

И припомнилъ:

— Тамъ, подалеже, есть кажется маленькій трактирецъ. Вотъ и зайдемъ. А по дорогѣ-то я начну о своемъ дѣлѣ.

Ефимъ согласился:

— Это можно-съ.

И оба двинулись по направленію къ трактиру.

— Нѣтъ, вольнодумство-то я бросаю, голубчикъ,—началъ Гавриловъ—волненіе-то въ крови, какъ ты это однажды весьма удачно назвалъ, у меня улеглось. Тихой жизни и спокойной пристани хочу. Задумалъ я, мой другъ, жениться.

— Ну?! удивился Ефимъ и высказалъ свое мнѣніе на этотъ счетъ:—бросите-съ,—разумѣя, что Гавриловъ броситъ жену...

— Нѣтъ, голубчикъ, едва ли это случится. Партія очень выгодная.

И остановился на время.

— Деньги для этаго надо. Въ одномъ ресторанѣ сколько задолжалъ, портному тоже...

Ефимъ отрѣзалъ:

— У меня денегъ нѣтъ-съ.

— И не прошу,—махнулъ рукою Гавриловъ,—еще самъ тебѣ рубликовъ триста дамъ въ уплату долга. А какъ женюсь—такъ и всѣ остальные получай. Только вотъ теперь обдѣлай ты мнѣ одно дѣльце. Ну, вотъ и пришли.

Они дѣйствительно подошли къ отворенной калиткѣ, надъ которою была прибита вывѣска и вошли чрезъ нее въ небольшой садикъ, еще не успѣвшій высохнуть и мѣстами, между деревьями, бѣлѣющей снѣгомъ. Среди голыхъ прутьевъ деревьевъ виднѣлись вбитые въ землю зеленые столы и скамейки; нѣсколько рѣшетчатыхъ бѣсѣдокъ было прислонено къ забору. Въ глубинѣ садика стоялъ одноэтажный, деревянный домикъ, съ крылечка котораго половой, въ грязноватомъ зеленомъ фартуркѣ, сметалъ метлою соръ. Гавриловъ и Ефимъ вошли

въ трактиръ. За сиропенной бутылкой пива Гавриловъ сообщилъ Ефиму о полученномъ имъ отъ дочери браслетѣ.

— Такъ-съ.

— Ну вотъ и желательно было бы браслетъ этотъ продать.

Ефимъ подумалъ.

— Можно посмотрѣть?

Такъ какъ въ трактирѣ никого не было, Гавриловъ вынулъ и показалъ Ефиму браслетъ. Видъ роскошныхъ брилліантовъ поразилъ старика, но онъ не высказалъ своего удивленія, а указалъ только на недостатки.

— Разорванъ-съ.

И посмотрѣвъ еще:

— Жемчуженокъ недостаетъ... Гавриловъ призналъ очевидность факта тономъ, въ которомъ проглядывала мысль, что положимъ жемчужинокъ и недостаетъ, положимъ браслетъ и разорванъ, а все таки онъ очень дорогъ:

— Разорванъ... недостаетъ...

— Вотъ и тутъ покривилось колечко...

— Покривилось...

И находя, что Ефимъ слишкомъ долго и подробно рассматриваетъ браслетъ, что кто нибудь можетъ войти и драгоценная вещь возбудитъ подозрѣніе, выхватилъ браслетъ и спряталъ его въ карманъ.

— Чего копаешься-то? не самъ будешь покупать?..

— А можетъ и самъ.

— Купи... Только чуръ не обижать...

— Зачѣмъ обижать... А вы дайте-ка еще посмотрѣть.

Не бойтесь: спрячу—никто не увидитъ...

И снова, на этотъ разъ въ молчаніи, началъ рассматривать браслетъ... Это былъ мастеръ на всѣ руки и покупка драгоценной вещи не составляла для него чего нибудь рѣдкостнаго и новаго. Въ былое время онъ изучилъ до тонкости аукционы въ ломбардахъ. Сколько разъ въ компаніи различныхъ жидовъ, сидя за длиннымъ столомъ, онъ бѣгающимъ взглядомъ, быстрымъ и проворнымъ, оцѣнивалъ продающуюся вещь... Браслетъ конечно былъ слишкомъ драгоцененъ; такія вещи если и попадали въ ломбардъ, такъ съ аукциона не продавались; тамъ были вещи не столь цѣнные, но водясь съ жидами, Ефимъ насмотрѣлся не знай на какія драгоценности и оцѣнка браслета, самая осторожная конечно, не представляла для него затрудненія. Тысячъ двѣнадцать навѣрняка стоить...

— Сколько получить желаете?

— Голубчикъ, Ефимушка, ужъ не обидь... Самъ знаешь: подымусь на ноги—тебѣ же долгъ возвращу. Самъ оцѣни.

— Примѣрно, тысячь шесть получить желаете?

— Что ты, Богъ съ тобой! за такое-то сокровище?.. Да и что я буду дѣлать съ шестью тысячами,—совралъ Гавриловъ—когда у меня неотложныхъ долговъ тысячь болѣе пяти?.. Самъ посуди... Я рассчитывалъ тысячь до десяти получить...

Ефимъ подалъ Гаврилову браслетъ:

— Получайте-съ: за такую сумму не могу купить. И денегъ-то такихъ не имѣется-съ.

И сталъ застегиваться, собираясь уйдти. Гавриловъ нѣсколько испугался:

— Ефимушка, голубчикъ, да Христа ради надбавь сколько нибудь?.. Заставь Бога о себѣ молить.

Ефимъ всталъ.

— Хотите, сударь, или не хотите, болѣе семи тысячь дать не могу. По рукамъ?

— Хотъ бы восемь, Ефимушка?

— Болѣе семи—ни копѣйки-съ... Наше вамъ-съ.

И сдѣлавъ шагъ къ двери. Что-жъ дѣлать. Хотъ Гавриловъ и рассчитывалъ получить тысячь десять,—а вѣрно придется помириться на семи. Конечно, все же лучше чѣмъ ничего...

— А когда, голубчикъ, деньги доставишь?

— Часъ времени пройдетъ. Ранѣе не успѣю собрать-съ. Деньги не малыя.

— Ну... ну, Богъ съ тобой: собирай и тащи деньги... Такъ черезъ часъ?

— Ни минуты позднѣе-съ.

Гавриловъ выбросилъ буфетчику на прилавокъ имѣющийся у него въ карманѣ пятиалтынный и, сообразивъ, что у него не остается ничего за этой отдачей, выйдя изъ садика и направляясь къ выходу на улицу, обратился къ своему спутнику:

— Ефимушка, далъ бы ты мнѣ на извозчика? Просто ни копѣйки нѣтъ...

— Издержались-съ?

И вынувъ замшевый кошелекъ, Ефимъ досталъ изъ него рублевую бумажку и подалъ ее Гаврилову.

— Спасибо, голубчикъ. Такъ черезъ часъ.

— Черезъ часъ, въ самый аккуратъ-съ...

И разошлись въ разныя стороны.

Приѣхавъ въ Грандъ-отель, Гавриловъ, совершенно примирившійся съ семью тысячами, беззаботный и веселый, вбѣгалъ на входную площадку, не боясь встрѣтить пристающего къ нему какъ съ ножомъ къ горлу содержателя гостиницы, требующаго уплаты. Онъ зналъ, что Ефимъ не обманетъ, что черезъ часъ онъ явится за браслетомъ и привезетъ деньги, которыхъ все таки болѣе нежели достаточно чтобы уплатить всѣ неотложные долги.. Ужъ и нуждался же онъ право послѣднее время!.. Почти все платье свое перетаскалъ въ ломбардъ, дѣлая это не сразу, а по мелочамъ, украдкой, чтобы не замѣтила прислуга... Вѣдь это стыдъ!.. И потерпѣлся же онъ неприятностей!.. Какъ избѣгалъ онъ встрѣчь съ содержателемъ ресторана, какъ оглядываясь по сторонамъ, спускался по лѣстницѣ, всякій разъ трепеща увидѣть вытянутое лицо хозяина. Какъ видѣлъ охлажденіе къ себѣ прислуги, прежде учтливой и предупредительной... Теперь онъ шелъ смѣло. Завидѣвъ содержателя гостиницы, не замѣчавшаго его и занятаго съ кѣмъ-то разговоромъ, Гавриловъ самъ окликнулъ его:

— Простите, mon cher, что я задержалъ нѣсколько ваши деньги... Черезъ часъ, много черезъ полтора—вы получите все.

Въ пэнснѣ онъ рассматривалъ ресторанъ. Сдѣлавшійся любезнымъ, хозяинъ болталъ ему что-то... Великолѣпная дама съ длиннѣйшимъ шлейфомъ, съ рыжевато-золотистыми волосами, въ престранной формы шляпѣ, проходила по площадкѣ и привлекла вниманіе Гаврилова... Ah, quelle jolie personne!.. Хозяинъ отеля отозвался:

— N'est ce pas? C'est une artiste lyrique.

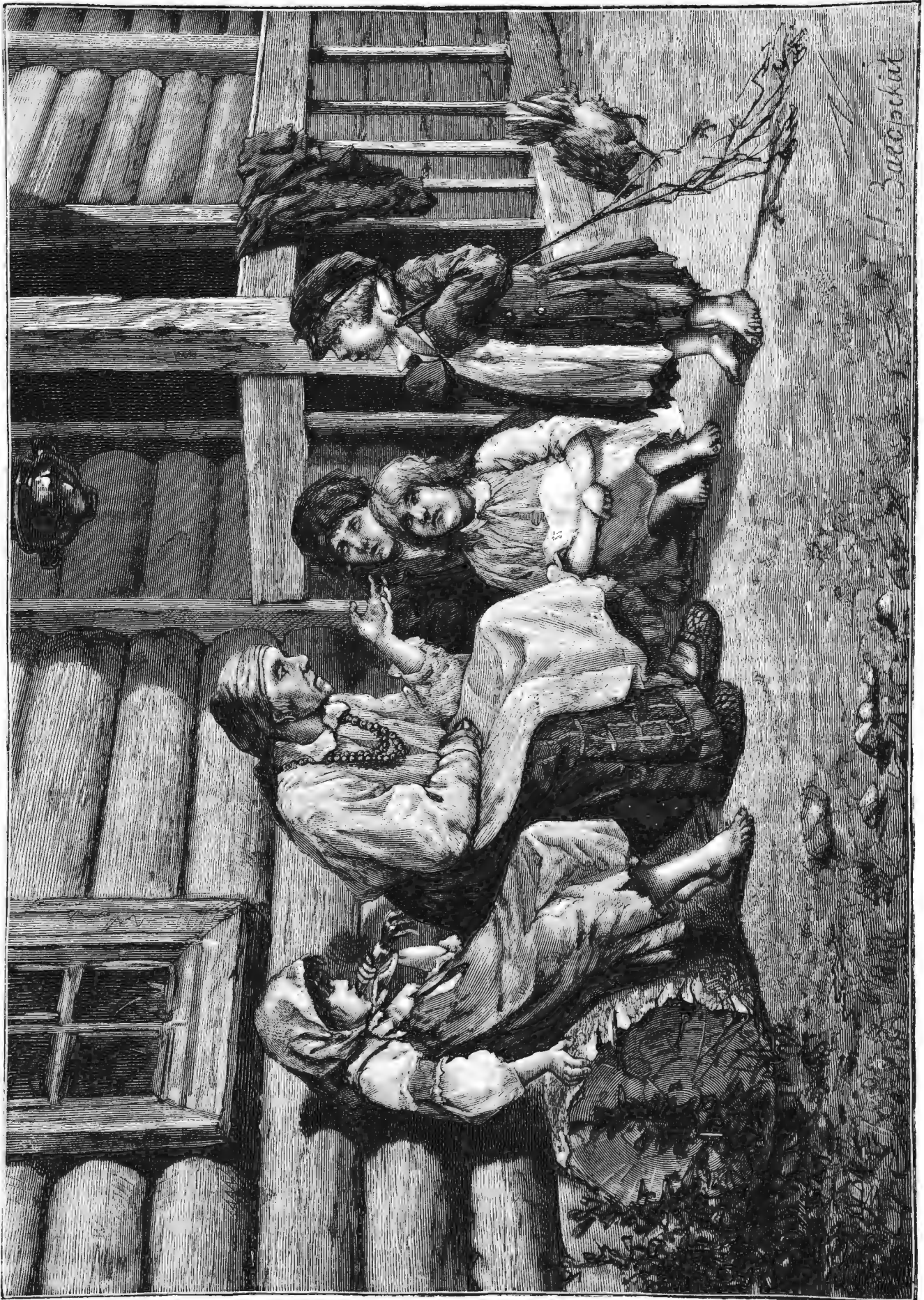
И назвалъ фамилію и исчезшей за дверью подъѣзда дамы, которой подали коляску. Вотъ женщины,—умѣютъ, право, жить! Мушнѣ далеко не такъ легко. Лирическая артистка!.. Знаемъ мы эту лирику-то. И вздохнулъ.

— Пообѣдать, что-ли?..

И сѣлъ обѣдать. Это жизни! На варенцахъ, уснащенныхъ любезностью графини Брумъ, на котлетахъ съ протертымъ картофелемъ и шарлоттахъ—онъ долго не просидитъ... Есть изъ за чего сидѣть-то!.. титулъ соблазнительнъ съ приложеніемъ... А тутъ какое-же приложеніе? Гаврилова, рожденная графиня Брумъ, съ приложеніемъ супа съ перловой крупой... Фу, какая мерзость! Совсѣмъ другое купчиха. Это иное дѣло. Вина!

И пообѣдавъ, выпивъ, поднялся во второй этажъ и забѣжалъ къ графинѣ. Додо была одна и складывала какія-то вещицы въ картонку. Она такъ была занята, что, стоя спиной къ входной двери, не слышала, какъ вошелъ Гавриловъ. Онъ подкрался къ ней на цыпочкахъ и стоя за ея плечами, вдругъ заплѣлъ мандолину:

Среди ночнаго мрака
Въ этотъ блаженный часъ...

Бабушкины снази. Ориг. рис. Н. Загорского, грав. В. Пудъ.

Литературный альбомъ: „Князь Серебряный“ А. К. Толстаго. Морозовъ въ шутовскомъ кафтанѣ передъ Грознымъ. Ориг. рисун. Земцова, грав. В. Пудъ.

Смѣясь, она обратилась къ нему. Гавриловъ увлекъ ее вальсировать и Додо, упавъ головкой на плечо кавалера, разметывая своими пышными юбками, по прежнему смѣясь, сдѣлала съ нимъ нѣсколько туровъ. Боже, Боже мой, что за жизнь ожидаетъ меня, когда я выйду за этого инженера!.. Что Меликовъ! Тетка Шербюлье права: теперь, по нынѣшней дороговизнѣ, только и жить женамъ инженеровъ. Инженеръ! — какое звучное и прелестное слово... Ин-же-веръ! ça sonore admirablement bien!..

У Додо ему пришлось пробыть недолго, ибо аккуратный Ефимъ явился, какъ обѣщалъ, ровно черезъ часъ и лакей вызвалъ Гаврилова въ номеръ... Прощаясь съ Додо, онъ сказалъ, что едва ли этотъ день увидится съ нею, такъ какъ ему надо посѣтить не мало различныхъ мѣстъ, но завтра—онъ будетъ ея не на одинъ, а на сто, на двѣсти, на много, много дней...

— На много? кокетливо улыбалась Додо, лорнируя его.

Онъ почти клялся:

— Навсегда!..

Она вдругъ надула губки и прикинулась ревнивой:

— Кто васъ спрашиваетъ, милостивый государь?..

— Мой приказчикъ... принесь деньги...

— Вѣрно тотъ самый, — припомнила она, смѣняя гнѣвъ на милость, — который, познате, прислалъ вамъ письмо?.. Еще адресъ такими гіероглифами былъ написанъ... А я подумала, что отъ женщины.

Да, онъ вспомнилъ это письмо, послужившее вызовомъ на кровавое дѣло, но не омрачился воспоминаніемъ. Тунеядство, приживательство, праздность—убили въ немъ всякую совѣсть. Онъ весело подтвердилъ предположеніе Додо:

— Тотъ самый...

И показавъ ея ручку, выбѣжалъ изъ комнаты, оканчивая начатый имъ при входѣ кулетъ мандолинаты:

Мы будемъ пѣть и ликовать,
Смѣяться и плясать!..

Онъ былъ въ своей сферѣ, когда, получивъ отъ Ефима деньги и вручивъ ему браслетъ, распростившись съ нимъ и пожелавъ ему всего лучшаго, нарядился франтомъ и выйдя изъ отеля, направился къ Невскому, покрытому скачущими экипажами, съ плотно двигающейся по солнечной сторонѣ толпою. Вечерѣло. Небо начинало нѣсколько хмуриться, но еще ничего не шло сверху. По временамъ сознаніе удачи смѣшивалось въ сердцѣ этаго празднаго и безсовѣстнаго негодая, съ чувствомъ ужаса и отвращенія къ самому себѣ. Ну, какъ узнаютъ, напроютъ? Брррр! Уфхатъ куда нибудь, скорѣе! Этотъ камень временами такъ мучительно давилъ его, что казалось было лучше не начинать ничего этаго... Вчера онъ прочелъ въ газетѣ, что Бариновъ умеръ въ тюрьмѣ отъ разрыва сердца... А можетъ онъ, Гавриловъ, уйдетъ отъ этаго дѣла... И заживетъ! А Кожуховъ—какова каналья! Ну, этотъ конечно заживетъ. Все можетъ быть!..

О, конечно, все можетъ быть... Черезъ годъ послѣ описанныхъ событій—въ петербургскомъ биржевомъ мѣрѣ—заговорили о новой звѣздѣ эксплуатаціи и игры, о Кожуховѣ. Его геній блисталъ и велъ его по пути быстро разбогатѣнія и легкой наживы. Наживались быстро и другіе, но ихъ богатства вспыхивали на короткія мгновенія и въ краткій промежутокъ времени сгорали до гла, оставляя послѣ своего яркаго пламени и тепла, кучку остывшей сѣрой золы. Одинъ Кожуховъ горѣлъ свѣтлымъ и ровнымъ пламенемъ, возбуждая къ себѣ благоговѣніе и общее уваженіе, скромно появляясь на биржѣ, но приковывая вниманіе всѣхъ. Его глаза смотрѣли прямо и открыто, располагая къ себѣ всѣхъ, внушая къ нему довѣріе и любовь. Это—честный человекъ: онъ не ограбилъ кассу, онъ велъ дѣло на чисто. Онъ съ ужасомъ бы отвернулся отъ всякаго вора... Его образъ жизни былъ простъ, его нельзя было даже уп-

рекнуть въ сколько нибудь легкомъ поведеніи. Повидимому онъ наживался и копилъ деньги не ради возможности жить роскошно, а ради желанія прослыть богачемъ, ради самихъ этихъ денегъ. Онъ жилъ хорошо, но просто, счастливый тѣмъ, что богатъ.

Гавриловъ, проведя лѣто у графини Брумъ, занявъ у нея сто рублей, сосватавъ Додо, объявилъ, что съѣздить не на долго на свою ливію, заберетъ тамъ денегъ и вернувшись, сочетается бракомъ съ молодой графиней... Въ виду этаго графиня мать и одолжила ему сто рублей, занятыхъ ею у знакомаго священника. Распрошавшись нѣжно съ невѣстой и съ будущей мамашей, Гавриловъ выѣхалъ, не имѣя въ виду определенной цѣли и доѣхавъ до ближайшаго губернскаго города, остановился въ гостиницѣ, намѣреваясь обдумать свое положеніе. Никакой купчихи Облепихиной не появлялось; бракъ съ Додо, съ которой онъ прочелъ въ теченіи лѣтнихъ мѣсяцевъ половину перваго томика новаго романа Мюссе, не представлялъ прелестей и розовыхъ перспективъ; Гавриловъ рѣшительно не зналъ что ему предпринять. Онъ вышелъ обѣдать въ общій залъ. Машина играла „Лучинушку“ и нагоняла тоску. Онъ спросилъ вина и выпивая стаканъ за стаканомъ, становился все мрачнѣе и мрачнѣе. У сосѣдняго столика сидѣлъ пожилой господинъ, давно не сводившій глазъ съ Гаврилова, что послѣдняго начало наконецъ тревожить—не сыщикъ-ли? Но оставшись повидимому доволенъ своимъ осмотромъ, пожилой господинъ всталъ съ мѣста, приблизился къ Гаврилову и поклонившись, учтиво освѣдомился:

— Позвольте васъ спросить, вы не актеръ?

Гаврилову вдругъ улыбнулась эта мысль и онъ смѣло и рѣшительно отвѣтилъ:

— Актеръ-съ.

— Гдѣ изволили играть?

— Въ Самарѣ-съ.

— А въ настоящее время...

— Въ настоящее время въ Казань пробираюсь... Думаю свои услуги предложить Медвѣдеву. Съ кѣмъ имѣю удовольствіе говорить?

Пожилый господинъ назвалъ себя антрепренеромъ Т—скаго театра. Слово за слово, разузнавъ все, что требовалось, антрепренеръ, не особенно разборчивый и не гнавшійся за блестящими провинціальными знаменитостями, предложилъ Гаврилову ангажементъ на весьма скромныхъ условіяхъ. Все-же лучше чѣмъ Додо и графиня мать!

И исчезъ Гавриловъ для обѣихъ дамъ въ глухихъ провинціальнхъ городахъ, вызывая слезы умиленія въ роляхъ благородныхъ отцовъ. Театръ потрясаясь отъ рукоплесканій. Вѣрно этотъ Разуваевъ (сценическій псевдонимъ Гаврилова) имѣлъ неблагодарныхъ, черствыхъ сердцемъ дѣтей,—отерла слезы одна старушка, посмотрѣвъ Гаврилова въ драмѣ „Отецъ и дочь“... Браво, Разуваевъ, браво!.. Занавѣсъ, занавѣсъ скорѣе!..

А графини Брумъ, когда надежды на возвращеніе Гаврилова были утрачены, когда наступила зима, переѣхали въ ближайшій губернской городъ. Додо утѣшилась и немного оживилась отъ постигшаго ее разочарованія въ Гавриловѣ. А еще инженеръ. Нѣтъ, навѣрно онъ и не инженеръ!..

XXXVII.

Пробужденіе.

Если Пантелѣевъ сказалъ съ нѣкоторою увѣренностью, что жена его будетъ жить, то въ послѣдующіе за этимъ вечеромъ дни онъ неоднократно въ душѣ своей колебался при видѣ ея страданій и бралъ свои слова назадъ, не высказываясь объ этомъ вслухъ. Дни и ночи, почти не смыкая глазъ, проводилъ онъ у изголовья больной, находящейся въ полномъ безпамятствѣ, видимо не узнававшей никого. Блѣдный и исхудалый, Пантелѣевъ просиживалъ по цѣлымъ днямъ, не произнося ни

слова, не сводя своих блестящих глаз съ страдающаго, покрытаго красновато-синеватымъ отѣнкомъ, съ открытыми глазами, лица больной. Съ самымъ кропотливымъ вниманіемъ онъ слѣдилъ за каждымъ малѣйшимъ измѣненіемъ выраженія ея лица, глазъ, различныхъ болѣзненныхъ признаковъ и къ ужасу своему замѣчалъ, что эти измѣненія идутъ постоянно къ худшему. Онъ не спрашивалъ докторовъ о ходѣ болѣзни не потому, чтобы боялся услышать отъ нихъ чтонибудь неутѣшительное, а потому, что зналъ и чувствовалъ, что имъ извѣстно объ исходѣ столько же, сколько и ему. Болѣзнь достигла того періода развитія, когда искусство врача должно остановиться въ своей дѣятельности, когда организму самому слѣдуетъ предоставить борьбу съ подбѣдающимъ его процессомъ. Разъ эти противодѣйствующія силы возьмутъ самый незначительный перевѣсъ въ своей борьбѣ съ болѣзью, врачу является возможность быть въ извѣстной степени полезнымъ пациенту, ставя его въ возможно болѣе благопріятныя условія, ведущія къ выздоровленію. До этого было еще далеко. Пантелѣвъ отлично зналъ, что явился самый слабый признакъ подобнаго благопріятнаго поворота, какъ бы ничтожно ни было его проявленіе, онъ первый бы услѣдилъ за нимъ. Поддерживая свои силы только чаемъ, онъ неустанно бодрствовалъ надъ женою, вѣроятно и не чувствующей его близости, живущей какою то странною и непонятною жизнью горячечнаго бреда.

Въ такой борьбѣ жизни со смертью, безнадежнаго отчаянія съ самой слабой надеждой, проходили дни и ночи. Тѣ дни, которые м-ше Столповская думала провести совсѣмъ иначе, тянулись молчаливою чередою, исполненные ожиданія смерти, поселившейся совершенно неожиданно въ этомъ домѣ, женщины. Незримо образовался какой-то сборный семейный союзъ, составленный изъ разнородныхъ элементовъ и связанный несчастіемъ больной, къ которой были направлены всѣ симпатіи окружающихъ ее людей. Случай связалъ этихъ, по видимому не соединенныхъ между собою родственными узами, людей, слѣпымъ и чисто случайнымъ образомъ собранныхъ подъ одной кровлей. Всѣ почувствовали эту связь и поняли, что незамѣтно для каждого она окрѣпла до того, что разорвись одно изъ составляющихъ ее звеньевъ,—это отзовется нѣкоторою болью и на всѣхъ остальныхъ, болью привычки, которую невозможно болѣе удовлетворить. Сойдись подъ однимъ кровомъ—всѣ поняли, что до сихъ поръ не знали полноты семейной жизни, что каждому недоставало семьи. Столповская постигла свой узкій эгоизмъ и не ревновала болѣе сына, видя его разстроеннымъ болѣзью Катерины Александровны. Въ ней самой при видѣ умирающей женщины, при переданномъ ей разказѣ объ ея жилищѣ, возникло сожалѣніе къ несчастной и любовь къ ней. Съ Пантелѣвымъ всѣ какъ то примирялись, видя его страданіе и страхъ за жену... Батраковъ, наиболѣе изъ всѣхъ предубѣжденный противъ класса, къ которому принадлежалъ Пантелѣвъ, и тотъ смягчился, видя его глубокое горе у постели больной. Приписывая это послѣднее отчасти тому обстоятельству, что Пантелѣвъ терзается тѣмъ, что сдѣлся на сдѣлку съ Кожуховымъ, Батраковъ рѣшилъ однажды облегчить нѣсколько подобное угрызѣніе совѣсти, сказавъ Пантелѣву, что на болѣзнь его жены вѣроятно имѣло огромное вліяніе открытіе ея происхожденія. Сила около лежащей безъ сознанія Катерины Александровны—онъ обратился къ Пантелѣву:

— Я не могу себѣ представить, что должна она была почувствовать, узнавъ обо всемъ. Несомнѣнно, что она узнала о своихъ родителяхъ въ тотъ день, когда ушла отъ васъ.

Пантелѣвъ въ молчаніи обратилъ на Батракова свои глаза. Узнала о своихъ родителяхъ? О комъ говорить этотъ старикъ? Батраковъ пояснилъ, указывая на больную:

— Сама говорила мнѣ, когда я, встрѣтивъ ее на улицѣ, повезъ сюда. Она была еще въ сознаніи...

И спохватившись спросилъ:

— Вы ничего не знаете объ этомъ?

Пантелѣвъ сдѣлалъ отрицательный жестъ.

— Она—дочь Гаврилова, страшнаго негодяя, мужа той, которую убили и Кожуховой,—вѣроятно вы ее не знаете,—родной тетки ея бывшаго мужа.

Пантелѣвъ началъ понимать. Онъ вдругъ спросилъ Батракова:

— Этотъ Гавриловъ—высокій, черный?

Батраковъ отвѣтилъ утвердительно.

До сихъ поръ непонятная картина начала проясняться Пантелѣву. Вся драма, которую пережила въ день исчезновенія своего изъ дома его жена—стала ему ясна. Никто не замѣтилъ ея ухода. Онъ просидѣлъ за своими занятіями до обѣда, не подозрѣвая, что въ то время, какъ онъ рѣшалъ какое-то сложное математическое уравненіе, за стеклянной дверью, ведущей въ уборную жены, она уже навсегда просталась съ нимъ, рѣшивъ тогда же покинуть домъ, въ который привели ее рабою. Онъ вышелъ къ обѣду, направляясь прямо въ ея будуаръ и удивился не найдя ее тамъ. Онъ обошелъ всѣ комнаты, но ея не было нигдѣ. Тогда онъ спросилъ слугъ, куда вышла жена изъ дома? но для прислуги это было ново и на его вопросъ ему отвѣтили недоумѣніемъ. Никто не видалъ, чтобы барыня вышла; предполагали, что она дома. Это было болѣе нежели странно. Онъ спросилъ, не былъ ли кто у его жены, и ему отвѣтили, что у барыни былъ высокій, черноволоосый господинъ, назвавшій себя Гавриловымъ. Можетъ она ушла съ нимъ? Нѣтъ, онъ ушелъ одинъ, ему подавали пальто, запирали за нимъ дверь. Пантелѣвъ не зналъ, что и подумать. Въ этихъ сообщеніяхъ было нѣчто странное, необыденное... Конечно жена его была свободна уходить куда ей угодно и никого не обязана была объ этомъ предупреждать. Но ничего подобнаго до сихъ поръ не случалось. По дальности разстоянія отъ центральныхъ мѣстъ, Катерина Александровна изъ дома пѣшкомъ почти никуда не ходила, а обыкновенно выѣзжала. Куда же она пошла теперь? Всегда ея выходилъ изъ дома видала прислуга... всегда она предупреждала, когда вернется. Думая объ этомъ, Пантелѣвъ расхаживая взадъ и впередъ по залѣ, удивляясь и недоумѣвая, но ни разу не подумавъ объ истинной причинѣ, заставившей жену словно убѣжать изъ дома. Его безпокойство усилилось и навело его на мысль, что жена ушла изъ дома именно въ какой-то торопливости, точно бѣжала, когда прислуга сказала ему, что жена забыла даже одѣть калоши. Что-то оборвалось и заняло въ его груди. Ему вдругъ припомнились слова, сказанныя имъ Кожухову: если она когда узнаетъ о томъ, что была эта сдѣлка, она не проститъ подобнаго позора. Но вѣдь какъ тогда все это вышло! Такъ мучилъ, такъ страстно желалъ чтобы все окончилось... Неужели этотъ негодяй?.. Конечно, она не проститъ! Но откуда, отъ кого могла она узнать объ этомъ? Что это за черноволоосый господинъ? Какой это Гавриловъ?..

На улицѣ темнѣло, шелъ снѣгъ съ вѣтромъ и дождемъ. Вотъ стали зажигаться фонари. Онъ стоялъ, прижавшись своимъ горячимъ лбомъ къ холодному стеклу оконной рамы. Думъ, одна мрачнѣе другой, набѣгали на него. Оставила, ушла! Куда? Къ кому?.. И вдругъ поблѣднѣвъ своимъ и безъ того блѣднымъ лицомъ, рѣшилъ: ей некуда идти, не къ кому... Въ прорубь только. А онъ стоялъ и ничего не предпринималъ! Теперь ужъ ее нѣтъ въ живыхъ. И вдругъ, въ это самое время, послѣ нѣсколькихъ часовъ напряженнаго ожиданія, торопливый звонокъ вывелъ его изъ мрачнаго и отчаяннаго оцѣпенѣнія. Онъ вскопился и растолкавъ прислугу, бросился къ двери, торопясь и вмѣстѣ съ тѣмъ страшась отворить ее, страшась увидѣть ее, свою

жену, принесенною мертвой. Двери открылись: полузнакомое лицо блѣднаго молодого человѣка глянуло изъ-за нихъ:

— Ваша жена...

— Умерла?.. погибла?.. сказалъ Пантелѣевъ руку вошедшаго, ожидая съ трепетомъ его отвѣта.

— Жива... но больна и очень. Она у насъ... Помните Столповскаго?..

Нѣтъ онъ не помнить въ эту минуту ни кого... Жива! не спрашивая ничего, онъ торопился одѣться и тащилъ за собою Столповскаго... Какъ ушла его жена, какъ она попала къ Столповскому,—онъ и не думалъ объ этомъ ничего... Онъ думалъ объ одномъ, что она жива, что она не бросилась въ прорубь, что онъ слѣдовательно умолять ее простить, если онъ и виноватъ... Будетъ умолять ее... Столповскій говорилъ ему что-то, но онъ не слушалъ его, забившись въ уголъ кареты... Весь тяжелый и продолжительный путь отъ своего дома до дому Столповской, до самаго того момента, когда при видѣ страдающей жены изъ его груди вырвался стонъ, сопровождаемый энергическимъ жестомъ руки — Столповскій не слышалъ отъ Пантелѣева не только слова, но даже вздоха...

И вотъ только послѣ словъ Батракова онъ постигъ всю глубину несчастья жены... Отецъ, какой-то негодный отецъ, пришелъ къ ней неизвѣстно зачѣмъ, открылъ ей происхожденіе, открылъ ей, что братъ ея, о существованіи котораго она даже не подозрѣвала,—убійца, открылъ ей о сдѣлкѣ... Ибо, кто-же еще могъ сообщить ей объ этомъ?.. Ему вѣроятно сказалъ объ этомъ Кожуховъ, а можетъ даже и не сказалъ,—можетъ просто Гавриловъ основалъ свое сообщеніе на ходящихъ по городу толкахъ, о которыхъ Пантелѣевъ слышалъ мелькомъ, желая только, чтобы они не достигли до его жены... И вотъ эти слухи все-таки достигли до нея, поразили на смерть ея и безъ того израненное сердце... О, конечно, послѣ всего этого немисливо, невозможно жить!..

Изъ смутнаго круговорота мысли, одѣвшейся въ какія-то туманно отвратительныя образы, пугающіе сознание и заставляющіе бездѣйствовать, подобно капелькамъ воды, скопляющимся въ бассейнѣ и образующимъ прозрачный водоемъ,—безсознательнымъ процессомъ въ пораженномъ горячкою мозгу скоплялись свѣтлыя проблески мысли, группировались въ стройныя сочетанія и увеличиваясь въ числѣ, стали на столько сильны, что сдѣлались доступны сознанию... Изъ непрогляднаго тумана возставала картина, освѣщаемая лучами восходящаго солнца, города; ясный туманъ, обрисовывая отдаленныя вершины горъ, зданія, главы церквей; болѣе нормально бьющееся сердце—ощутило какой-то умиленный и радостный восторгъ пробужденія отъ долгаго и мучительнаго сна къ свѣтлой жизни... Изъ прекрасныхъ глазъ больной, сдѣлавшихся ясными, скатились по ея исхудалому лицу слезы... Неуставно слѣдящій за женою мужъ видѣлъ то свѣтлое облако, которое прошло по ея блѣдному лицу, видѣлъ исчезновеніе какой-то мутности на днѣ ея глазъ, къ которой онъ привыкъ во все время ея болѣзни, видѣлъ ея слезы — и наклонился къ ней, смотря на нее какимъ-то молящимъ взглядомъ, въ которомъ выразилась и любовь къ ней и мольба о прощеніи, если онъ виноватъ... Слабая улыбка, какъ у всѣхъ больныхъ носящая на себѣ какой-то меланхолическій отпечатокъ, прошла по ея лицу и едва ощутимымъ пожатіемъ руки, она какъ-бы привѣтствовала его.

Въ комнатѣ было темно отъ спущенныхъ гардинъ и она слабымъ, какимъ-то дрожащимъ голосомъ просила его поднять ихъ.

— Я такъ давно не видала свѣта...

И когда онъ исполнилъ ея просьбу, когда въ комнату полились радостныя лучи, дрожа какими-то зыблящимися переходами перемежающихся оттѣнковъ свѣта и

тѣни, когда черезъ двойныя рамы оконъ стали ей видимы голубыя небеса съ плавающими по нимъ прозрачными облаками золотисто-бѣлаго цвѣта,—она любовалась всѣмъ этимъ, столь долго для нея не существовавшимъ.. Ей захотѣлось свѣжаго зеленаго лѣса, синеватой дали, широкой голубой рѣки; ей захотѣлось тишины и покоя, дружбы, кроткой и милосердной любви... Не бурной и шумящей любви, что выражается въ страстныхъ октавахъ, въ обрывающихся нотахъ,—меланхолической мелодіи милосердія и состраданія... Она сказала мужу:

— Я хочу видѣть ихъ.

Онъ понялъ, что она хочетъ видѣть тѣхъ, кто окружалъ ее во время болѣзни и которыхъ она вѣроятно припоминала своимъ, еще слабо дѣйствующимъ, воспоминаніемъ... Онъ позвалъ Столповскую съ сыномъ и Батракова, который почти безвыѣздно прожилъ около больной все время ея болѣзни... Она привѣтствовала всѣхъ слабой улыбкой воскресающаго человѣка и жестомъ руки, упавшей отъ слабости ей на грудь... Она хотѣла видѣть ихъ всѣхъ и усадила около постели, прося немного приподнять ея изголовье... Тогда она стала смотрѣть на нихъ, слабо уясняя себѣ взаимныя отношенія этихъ людей, ей мало знакомыхъ... Она не то, что училась думать, она припоминала—соображать и помнить.. Пусть бы это были ея родители! И жестомъ призывая Столповскую къ себѣ, она просила ее наклониться и долго разсматривала ея увядшее лицо, свѣтящееся теперь сочувствіемъ къ больной, а не неприязнью. Потому она попросила ее.

— Поцѣлуйте меня.

И когда Столповская ее нѣжно поцѣловала, улыбнулась ей и стала смотрѣть на ея сына... Она пристально всматривалась въ его блѣдное, похожее съ матерью, лицо, въ его свѣтло-голубые глаза... Ея пристальный взглядъ вызвалъ на его щекахъ слабый румянецъ, напомнившій ей когда-то угадываемую ея женскимъ тактомъ любовь его къ ней, такъ жестоко поправную въ тотъ вечеръ, когда она впервые увидѣла своего теперешняго мужа. Она виновата передъ этимъ человѣкомъ, въ домѣ котораго нашла пріютъ—и какъ-бы выражая свое раскаяніе, невозможность на его любовь отвѣтить такою же любовью, протянула ему свою исхудалую и прозрачную руку:

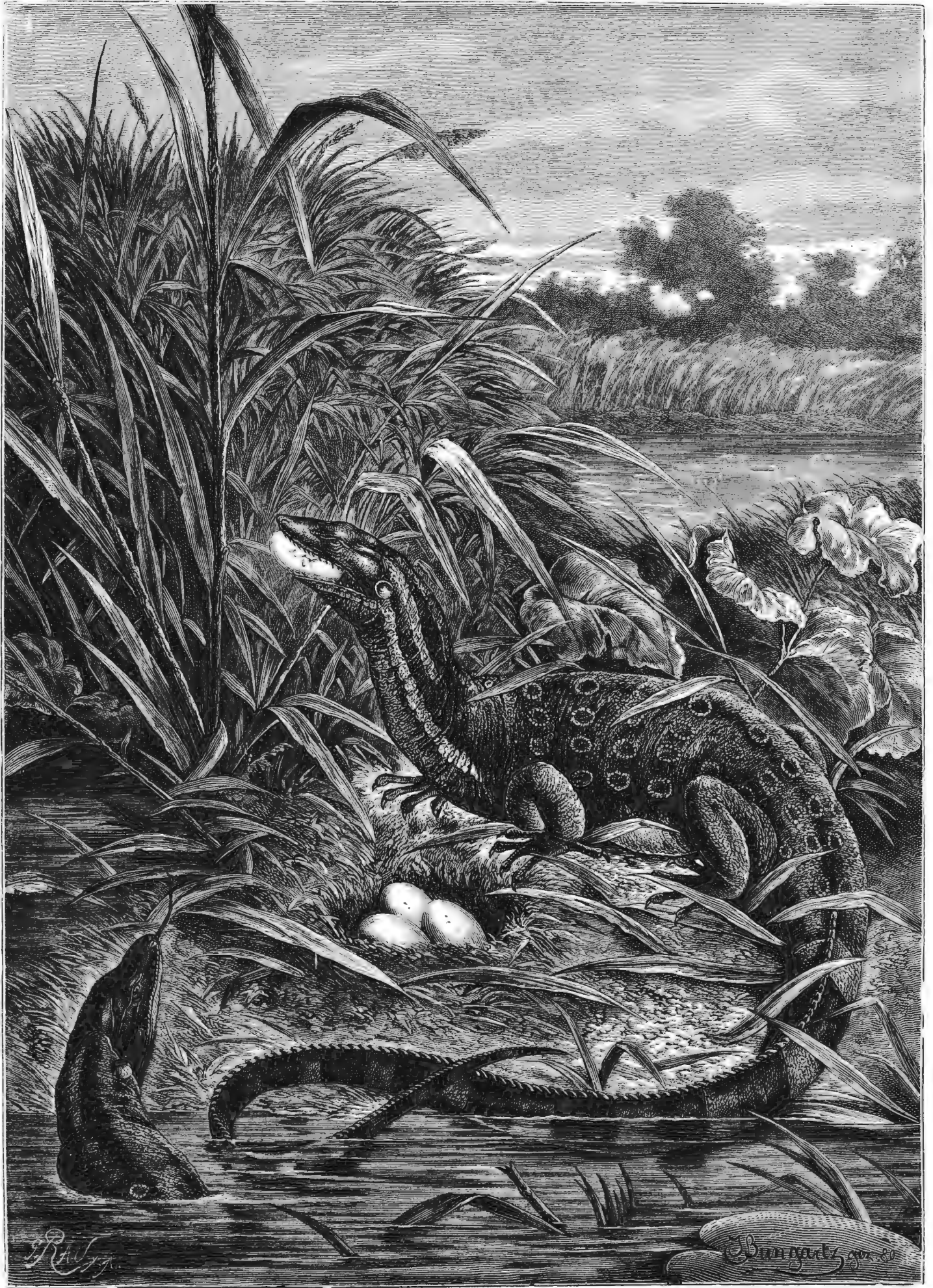
— Будьте мнѣ братомъ.

Батраковъ нашелъ, что она слишкомъ много разговариваетъ и счелъ за полезное увести всѣхъ изъ спальни, оставивъ при ней одного мужа. Теперь Батраковъ видѣлъ, что больная внѣ опасности и возвратился по этому къ своей обычной рѣзкости съ примѣсью ироніи и сарказма... Онъ строго обратился къ Катеринѣ Александровнѣ:

— Будетъ болтать... Чего малиновое то варенье съ засахареннымъ миндалемъ размазывать... Успѣте.. Спите.

И увелъ Столповскую съ сыномъ изъ комнаты больной... Отъ слабости Катерина Александровна дѣйствительно вскорѣ закрыла глаза и уснула...

Въ томъ чуткомъ и легкомъ снѣ, которымъ она забылась, Катерина Александровна казалось продолжала начатый ею во время пробужденія процессъ припоминанія.. Посѣтившая ея воспаляющійся мозгъ, въ то время, когда она стояла передъ Литовской тюрьмой, прелестная мечта явилась ей теперь, какъ воспоминаніе, облекшись въ форму отчетливаго и яснаго сновидѣнія... Тотъ-же лугъ, покрытый кустами крупныхъ незабудокъ, разстилаясь передъ нею... Тѣ же русыя, бѣлокурыя и темныя головки въ голубыхъ вѣнкахъ,—тѣ же бѣгущія, рѣзвыя ножки, тѣ же дѣтскіе голубые, сѣрые и черные глазки—видѣла она... также тихъ и лазуренъ былъ небесный сводъ и такой-же, какъ тогда, Милосердою стояла посреди луга Матерь Божія, одѣтая въ воздушный голубой хитонъ... Какія муки перенесла она, когда видѣла Великаго Учителя на крестѣ, стоя въ длинной, сѣрой одеждѣ,

Ящерица-Варанъ (Polidædalis). Рис. Бунгартцъ, грав. Г. Рау,

Библиотека "Руниверс"

ликомъ своимъ выдавая всё нестерпимыя страданія, которыми была исполнена Ея душа!.. Съ креста Онъ сказалъ Ей, указывая на любимаго ученика своего: се сынъ твой... Катерина Александровна долго и умиленно смотрѣла на Нее... И вотъ сновидѣніе начало блѣднѣть и исчезать, словно на сценѣ задергиваемая дымкой декорация...

Тогда она открыла глаза.

Какъ прежде, солнечные лучи трепетали перемежающимися полосами свѣта и тѣни по стѣнамъ, по полу, по потолку; голубое небо съ плывущими на немъ легкими бѣлыми облачками смотрѣло въ окно... Около нея сидѣлъ задумчивый и какъ бы опечаленный чѣмъ-то мужъ... Въ самомъ дѣлѣ—она обидѣла его... Она говорила со всѣми; но ему она не сказала слова привѣта... Не потому, чтобы она менѣе любила его; ахъ, никогда, никогда, любовь ея къ нему не уменьшалась, даже тогда, когда она бѣжала отъ него, оставляя его навсегда... Она бѣжала не оттого, что мало его любила, а потому, что желала жить въ его домѣ подругой его, а не купленной рабой... Но вѣдь онъ такъ страдалъ. Она вдругъ протянула ему руку и нѣжно взглянула на него:

— Я измучила тебя... прости...

Кроткое и милое дитя! она просить у меня прощенія!.. Моего прощенія!.. Покрывая поцѣлуйми ея руку, онъ не выдержалъ и зарыдалъ, какъ ребенокъ... Она остановила его:

— Не плачь... Я вижу любовь твою...

И намѣреваясь сказать еще что-то, отвлеклась и засмотрѣлась на молодую вѣтку свѣтло-зеленаго цвѣта, выросшую на темной зеленой плюща, обвивающаго зеркало... Свѣтло-зеленые листочки, еще полуразвернувшись, блестя на солнцѣ... Она указала мужу на эту вѣтку...

— Сорви мнѣ...

Онъ сорвалъ и подалъ ей... Она долго разглядывала каждый листочекъ, и потомъ перевила этой вѣтвью длинную прядь волосъ, положила ее надъ лбомъ и возобновила разговоръ...

— Я приду къ тебѣ, но...

Онъ заранѣе готовъ былъ исполнить всё условія, какія-бы ни вздумалось ей предложить ему, только бы она стала къ нему, какъ была, прежняя...

— Говори, я исполню все... Но знаешь—я хочу еще сказать тебѣ... Знаю—ты оскорблена... Но какъ вѣдь это было...

Они тихо говорили. Вечерѣло, когда послѣдніе лу-

чи озарили счастливыя лица мужа и жены... Онъ страстно цѣловалъ ея руки...

Вдругъ она вернулась, снова задумчивая, къ просьбѣ, которую хотѣла сказать ему:

— Ты богатъ... Мнѣ не надо много: ни выѣзжать, ни тратить на туалетъ, я не буду... Позволь мнѣ... или дай возможность...

И улыбнулась, чувствуя, что говорить не совѣмъ складно...

— Я разучилась говорить, но все равно—ты поймешь меня... Видишь: есть массы дѣтей, такихъ же брошенныхъ и несчастныхъ, какъ я съ братомъ... Ты знаешь...

Онъ поспѣшилъ и не далъ ей договорить...

— Я знаю все...

Тогда она продолжала:

— Такихъ дѣтей масса... Но всё они не виноваты, мой милый?.. Иногда ихъ совѣмъ бросаютъ, осуждаютъ на смерть и бросаютъ не отъ нужды часто...

Она остановилась и отерла выступавшіе на ея глазахъ слезы. Мужъ останавливалъ ее продолжать начатое:

— Я сдѣлаю все... Я на все согласенъ... Не говори такъ много... Тебѣ вредно...

— Нѣтъ я буду спокойнѣе, когда скажу все,—отвѣтила она,—скажу сейчасъ... Я хочу создать такое убѣжище для этихъ несчастныхъ дѣтей, куда бы приносили ихъ на воспитаніе... Я сама буду слѣдить за всѣмъ... Я призову себѣ для совѣта, какъ все это устроить, потому что многого я сама еще не знаю, призову опытныхъ людей, возьму въ помощницы матерей, потерявшихъ мужей и дѣтей... Такъ вотъ...

Она протянула снова ему руку.

— Помогни мнѣ... Я не изъ за славы, не изъ за почета тутъ... а потому, что я сама—одна изъ такихъ несчастныхъ, брошенныхъ...

— Все что хочешь, мое счастье...

О, конечно онъ все сдѣлаетъ такъ, какъ желаетъ она... Все, все!.. Но, дорогая и неизмѣнно любимая жена, неужели, неужели ты не вырвешь съ корнемъ воспоминаніе о томъ, что въ недавнемъ прошедшемъ такъ глубоко оскорбило тебя?.. Слово, одно только слово скажи...

И затаивъ дыханіе, онъ услышалъ это желанное слово любви и прощенія...

К О Н Е Ц Ъ .

СЪ ОБЛАКОВЪ НА ЗЕМЛЮ.

Рассказъ Л. Дема.

Въ мартѣ пятидесятаго года весь Парижъ чрезвычайно былъ занятъ воздушными путешествіями Пуатевена. Жадные до зрѣлищъ, парижане не видали еще ни разу такого отчаяннаго аэронавта.

Съ виду это былъ маленький, щедушный человѣчекъ, съ необыкновенно добродушнымъ выраженіемъ лица и трудно было представить себѣ, какъ въ такой слабой оболочкѣ вмѣщается столько неустрашимости и энергіи.

Пуатевенъ два раза въ недѣлю поднимался съ Марсового поля, и всякій разъ придумывалъ что нибудь новое, чтобы отвлечь парижанъ отъ своего конкурента—другаго воздухоплатателя—Годара, дававшаго представленія въ циркѣ.

Чтобы занять публику чѣмъ нибудь особеннымъ, Пуатевенъ вошелъ въ соглашеніе съ однимъ наѣздникомъ, имѣвшимъ громадную, воинственную фигуру и непомятые усы. Наѣздникъ этотъ по имени Леонардъ, былъ обѣдѣвшій антрепренеръ цирка. Изъ всего его четвероногаго персонала у него сохранилась только одна, очень хорошо выѣзженная бѣлая лошадь. Эта то лошадь, Мустафа—и ея владѣлецъ нашли себѣ пріютъ у спекулятора-воздухоплатателя.

Послѣ нѣсколькихъ дней заботливыхъ приготовленій, красныя афиши и огромными буквами набранныя объявленія возвѣстили публикѣ, что въ ближайшее воскресенье Пуатевенъ поднимется къ облакамъ верхомъ на бѣлой лошади. Билеты

раскупались на расхватъ, и въ назначенный день на Марсовомъ полѣ столпились несметныя толпы любопытныхъ.

Былъ прекрасный весенній день. Въ четыре часа пололудни шаръ былъ уже наполненъ и его гигантская масса медленно колыхалась при малѣйшемъ вѣтрѣ. Внизу не было обыкновенной лодки. Въмѣсто нея, по приказанію Пуатевена, была привязана небольшая платформа, футовъ восемь въ квадратъ, окруженная рѣшеткой, вышиною не болѣе одного фута. Лошадь и шталеистеръ находились тутъ же, и дивили публику, первая великолѣпно расшитымъ своимъ чепракомъ, а второй необыкновенно длинными усами.

Наконецъ, часамъ къ пяти, когда публики, заплатившей по 50 сантимовъ, набралось до 10000 человекъ, между тѣмъ какъ за оградой пристроилось столько же даровыхъ зрителей, появился, при шумныхъ рукоплесканіяхъ, знаменитый воздухоплататель, одѣтый въ красный фракъ, бѣлые панталоны, сапоги съ отворотами и съ перьями на шляпѣ. Онъ сѣлъ на коня, которому шталеистеръ завязалъ глаза шелковой повязкой, и вѣхалъ на платформу черезъ маленькую дверцу. Старая кляча, привыкла въ своей жизни къ самымъ разнообразнымъ странностямъ маневрамъ а потому, не смотря на повязку на глазахъ, повиновалась всаднику. Разъ только заржала она жалобно, точно предчувствуя несчастіе.

— Опускайте! скомандовалъ аэронавтъ.

Удерживающія шарь веревки были опущены и, величественно и плавно онъ сталъ подниматься.

Пуатевенъ заставлялъ поворачиваться лошадь во всѣ стороны. Публика была въ восторгѣ. Bravo Пуатевенъ! Bravo бѣлый конь! раздавались крики народа, въ особенности публики, пользовавшейся зрѣлищемъ бесплатно. Но и тутъ какъ всегда напелся недовольный. Одинъ толстый буржуа, смотря вверхъ, сказалъ:—удивляюсь право, какъ полиція не запретитъ подобное опасное и нелѣпное упражненіе; если лошадь взбѣситъ и выскочитъ со своимъ всадникомъ, то конечно раздавитъ десятковъ—другой изъ публики.

Между тѣмъ слава о необыкновенныхъ представленіяхъ смѣлаго аэронавта разнеслась далеко, такъ что къ началу осени, нѣсколько Лондонскихъ антрепренеровъ прислали ему приглашеніе прѣхать къ нимъ. Условія были такъ выгодны, что Пуатевенъ охотно на нихъ согласился.

Съ своимъ шаромъ, лошадью и пріятелемъ—штальмейстеромъ, поѣхалъ онъ сначала въ Калѣ, затѣмъ на пароходѣ черезъ каналъ въ Дувръ и, наконецъ по желѣзной дорогѣ прибылъ въ столицу Англіи.

Здѣсь, на представленіяхъ его собиралось еще болѣе народа, чѣмъ во Франціи. Наплывъ публики, въ особенности любителей лошадей и спортсменовъ, которыхъ такъ много въ Англіи, былъ такъ великъ, что Пуатевену оставалось только загребать деньги.

Во время третьяго представленія,—Пуатевену суждено было пережить странное приключеніе, только не среди облаковъ, а на плоской, прозаической землѣ.

Въ назначенный для представленія день, въ концѣ сентября, погода была весьма сомнительная; темныя тучи облегли горизонтъ, предвѣщая бурю. Вѣтеръ былъ сырой и рѣзкій. Сочли иные нужнымъ предостеречь маленькаго аэронавта; но ему не хотѣлось лишиться значительнаго дохода и лишитъ публику зрѣлища. Шарь все-таки поднялся, при несмолкаемыхъ аплодисментахъ и крикахъ.

Но поднявшись сажень на 200, шарь попалъ подъ сильный напоръ вѣтра, который сталъ гнать его къ сѣверу-западу во внутреннюю страну. И это еще къ его счастью—иначе, если бы шарь погнало къ востоку, онъ навѣрное погибъ бы въ волнахъ Сѣвернаго моря.

Постепенно вѣтеръ увеличивался и шарь летѣлъ съ необыкновенною быстротою. Вскорѣ Лондонъ скрылся изъ глазъ Пуатевена.

— Однако это скверно, проговорилъ онъ про себя. Въ этотъ разъ будетъ трудно опуститься. Будь я одинъ, не бѣда, но жалко бѣднаго коня—не привыкъ онъ къ такому скорому движенію.

Онъ заставилъ лошадь лечь, покрылъ ее попоной, чтобы защитить отъ рѣзка вѣтра.

Повидимому Мустафа, у котораго по обыкновенію глаза были завязаны, чувствовалъ себя не хорошо. По временамъ онъ вздрагивалъ, какъ въ лихорадкѣ, тихо ржалъ и жалобно стоналъ.

Нужно было терпѣть, такъ какъ при такихъ обстоятельствахъ нечего было думать о спускѣ. Шарь перелетѣлъ Виндзорскій лѣсъ.

— Преприятная вещь! продолжалъ Пуатевенъ говорить съ собою. Богъ знаетъ какъ далеко занесетъ въ этотъ туманный край и еще съ какими людьми придется имѣть дѣло. Самое скверное, что кромѣ нѣсколькихъ словъ, я ничего не знаю по англійски!

Время шло. Шарь поднялся въ четыре часа а было уже шесть. Солнце закатывалось багровымъ кругомъ на западѣ, обдавая пурпуромъ тяжелыя тучи на горизонтѣ.

Въ этомъ чудесномъ вечернемъ освѣщеніи, шарь продолжалъ свой путь; внизу на землѣ все темнѣло и предметы начинали сливаться. Къ счастью, съ солнечнымъ закатомъ, вѣтеръ немного стихъ.

— Теперь можно подумать и о спускѣ, проговорилъ аэронавтъ. Кажется внизу виднѣется поле или лугъ—мѣстность удобная. Должно быть невдалекѣ городъ или деревня.

Онъ открылъ клапаны, выпустилъ газъ и спустилъ якорь. Шарь быстро началъ опускаться. Въ разстояніи нѣсколькихъ сажень отъ земли, шарь покачнуло и раздался трескъ. Оказалось, что якорь за что-то зацѣпился.

Газъ былъ совершенно выпущенъ и вскорѣ шарь былъ на землѣ. Спускъ окончился благополучно и Пуатевенъ и лошадь сошли съ платформы. Предметъ, за который зацѣпился якорь, оказался повозкой пастуха, которая стояла посреди луга, простиравшагося, насколько можно было различить въ темнотѣ, на большое пространство. Но вблизи не оказывалось ни пастуха, ни собаки, ни стада. Вокругъ все было тихо и пусто.

— Проклятое положеніе, вскричалъ Пуатевенъ. Ну же, Мустафа, лѣвивое животное! поинди себѣ чего нибудь поѣсть а я слоужу свой шарь.

Насколько можно было безъ посторонней помощи, собралъ онъ свой шарь, что заняло не мало времени. Темнота между тѣмъ увеличилась и спустился туманъ.

Вдругъ раздался лай собакъ, казался, невдалекѣ.

— Вонъ тамъ должна быть деревня или покрайней мѣрѣ пастушья хижинка. Я слышу лай собаки.

Пуатевенъ привязалъ коня къ опрокинутой телегѣ, а самъ направился въ ту сторону, откуда раздавался лай.

Нѣсколько минутъ лай продолжался, потомъ вдругъ замолкъ. Въ темнотѣ Пуатевенъ не зналъ куда идти и въ добавокъ потерялъ дорогу къ коню и шару. Однако приходилось идти далѣе, чтобы согрѣться въ такую сырую ночь. Послѣ часовой ходьбы, онъ попалъ на сжатое поле и съ трудомъ перебравшись черезъ два-три забора, гдѣ-то вдалекѣ увидѣлъ свѣтъ. По всей вѣроятности тутъ было чье-нибудь жилище.

Дѣйствительно, вблизи виднѣлся одноэтажный домикъ. Приблизившись туда, онъ услышалъ снова лай цѣпной собаки. Вслѣдъ затѣмъ открылась дверь, въ которой показались два человѣка; у одного былъ зажженный фонарь.

— Кто тамъ, раздался голосъ старшаго. Молодчикъ кажется мнѣ подозрительнымъ. Иосифъ, дай мнѣ поскорѣ мое ружье.

— Напротивъ, мнѣ ничего такого не кажется. Это должно быть какой-нибудь клоунъ, замѣтилъ младшій.

Пуатевенъ былъ одѣтъ въ свой красный фракъ, который, вмѣстѣ съ остальнымъ одѣяніемъ, былъ сильно оборванъ при переправѣ черезъ заборы.

Воздухоплаватель не понималъ ни слова изъ того, что говорили эти люди. Нѣсколькими англійскими словами, которыя онъ откровенно выговаривалъ и примѣшивалъ къ французской рѣчи, онъ старался объяснить имъ, кто онъ, что ему нужно и согласны ли они, за хорошія деньги, отыскать его лошадь и шарь и отвезти его въ городъ.

Эти два человѣка—отецъ и сынъ—положительно не могли понять странную рѣчь незнакомца.

— Сдается мнѣ, это французъ, сказалъ отецъ. Да, да, это одинъ изъ тѣхъ проклятыхъ французовъ, которые убили еще дѣда моего подъ Ватерлоо. Чортъ бы ихъ побралъ!

— Отецъ! вскричалъ сынъ, ударяя себя по лбу, теперь я догадываюсь, что это за человѣкъ.

— Ну такъ кто же это?

— Сумасшедшій французъ, что сбѣжалъ изъ лечебницы доктора Бенета. Вчера объ этомъ писали въ газетахъ и за нимъ-ку большаго обѣщано 10 фунтовъ стерлинговъ награды.

— Быть можетъ ты и угадалъ! Ишь, въ какомъ красномъ фракѣ и весь оборванъ и глаза чисто сумасшедшіе...

— А вѣдъ было бы недурно получить денежки?

— Это такъ и будетъ.—Ну-ка, господинъ французъ, пожалуйста мы васъ доставимъ доброду доктору Бенету; онъ на васъ надѣнетъ смирительную рубашку, что для васъ не лишнее. Успокойся любезный, не справишься! Подай-ка поскорѣ веревку!.

Сильный англійскій фермеръ схватилъ своими ручищами маленькаго воздухоплавателя, который, предполагая, что конечно попалъ къ разбойникамъ, началъ барахтаться и кричать. Но ничто не помогало. Его связали по рукамъ и по ногамъ и онъ очутился безпомощнымъ плѣнникомъ.

— Иосифъ, а который бы часъ могъ быть теперь?

— Не больше какъ десять часовъ.

— Тогда лучше всего сейчасъ же вези молодца и заложить десять фунтовъ. Къ доктору Бенету и ѣзды то не больше часу.

— Я сейчасъ же запрагу.

Деревенская, тряская телѣга стояла на дворѣ: въ нее была впряжена старая вляча, затѣмъ старикъ взвалилъ Пуатевена въ телѣгу и помѣстился съ нимъ рядомъ; сынъ же, взявъ фонарь, взобрался на облучекъ править.

Сопровождаемая лаемъ цѣпной собаки, телѣга тронулась.

Въ раздумьи о своей плачевной участи, сильно встряхиваемый при толчкахъ, лежалъ Пуатевенъ на соломѣ. Два его спутника обмѣнивались изрѣдка замѣчаніями, относящимися до возможно лучшаго употребленія ожидаемыхъ десяти фунтовъ.

Вскорѣ телѣга остановилась передъ воротами, продѣланными въ высокой стѣнѣ, вверху которой насажены были желѣзные гвозди. Если бы было свѣтло, то надъ воротами можно бы было прочесть надпись: „Домъ душевно-больныхъ, доктора Бенета.“

Фермеръ соскочилъ съ телѣги и дернулъ за колокольчикъ.

Спустя нѣсколько минутъ на пескѣ дорожки раздался тяжелые шаги. Ворота были отперты и открыты.

— Кто тутъ? спросилъ приближаясь толстый человѣкъ; въ одной рукѣ у него была связка ключей, а въ другой—фонарь.

— Это я, Ионасъ, отвѣтилъ старый фермеръ. Я приваживалъ медъ и муку для вашего заведенія.

— Да, теперь я узналъ васъ, Ионасъ. Что же вамъ нужно?

— Дома ли г-нъ докторъ?

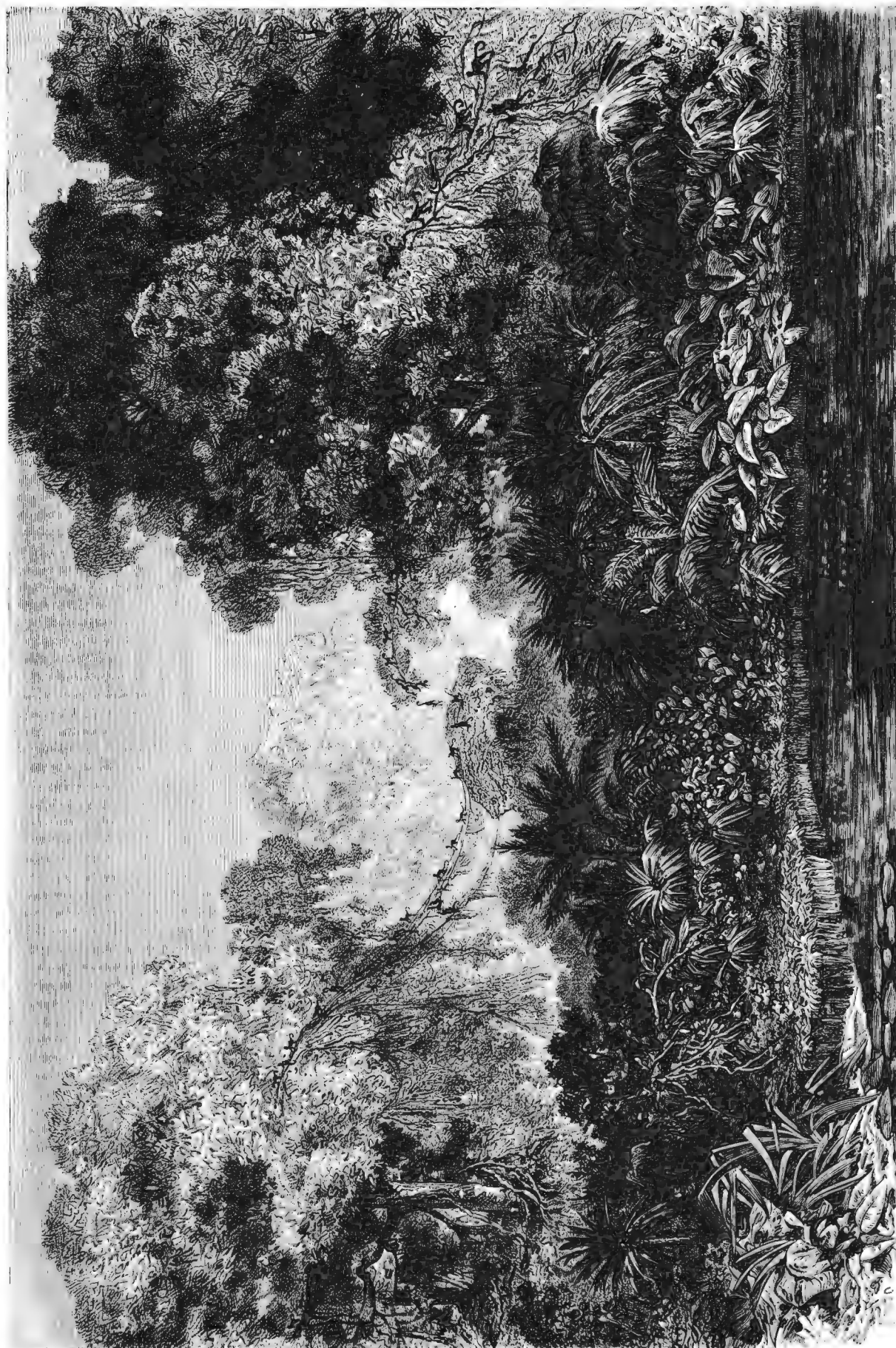
— Нѣтъ, уѣхалъ и вернется только завтра утромъ.

— А мнѣ такъ очень бы нужно поговорить съ нимъ. Сегодня я не привезъ вамъ медъ, но за то привезъ сумасшедшаго француза, что сбѣжалъ отъ васъ на дняхъ.

— Какъ, вы не шута поймали нашего сумасшедшаго?

— Да, съ часъ тому назадъ пришелъ онъ къ намъ во дворъ, набормоталъ намъ кучу глупостей, мы ничего не поняли. Тогда мы его забрали, и вотъ онъ тутъ. Времена-то нынче тяжки, и получить десять фунтовъ пріятно было бы, право!

— Покажите, гдѣ онъ.

Средняя Америка. Перекочевна обезьянъ въ Панамъ. Рис. Доссо, грав. Гильдебрандтъ.

Средняя Америка. Атрагенія топи въ Панамѣ. Рис. Доссо, грав. А. Коль.

— Лежить тамъ на соломи.
 — Этотъ маленький человѣчекъ въ красномъ сюртукѣ?
 — Ну да.
 — Извините, старина Ионасъ, это не нашъ сбѣжавшій французъ!
 — Вотъ это такъ штука. А я поклянусь, что онъ безумный!
 — Но если вы не заплатите за него впередъ, то везите его обратно.
 — Нѣтъ ли тутъ кого, кто бы могъ съ нимъ поговорить, я не понимаю его тарабарщины.
 — Какъ-же, помощникъ доктора говоритъ по французски.
 — Пожалуйста, позовите его сюда.

Тогда привратникъ два раза сильно дернулъ за звонокъ. Прошло минутъ десять, появился худой и блѣдный господинъ съ очками на носу, пренебрежительной и лукавой наружности.

— Уснутъ не дадутъ, покою ни минуты! бормоталъ онъ, поправляя на ходу свое платье. Что тамъ приключилось? Я думалъ, что къ намъ ворвалась полиція и перепугался. Последнюю фразу онъ сказалъ про себя. Сторожъ вратца разсказалъ ему въ чемъ дѣло.

Тогда докторъ подошелъ къ телѣги и заговорилъ съ связаннымъ Пуатевенемъ на очень плохомъ французскомъ языкѣ.

Услыша свой родной языкъ, Пуатевенъ вскопчилъ точно ужаленный и тутъ же началъ съ свойственною французамъ живостью, длинное разъясненіе, которое тѣмъ не менѣе, не принесло никакой пользы, такъ какъ докторъ вовсе не слышалъ о существованіи знаменитаго аэронавта и о его воздушныхъ путешествіяхъ на конѣ.

— Вѣрно! обратился онъ къ привратнику. Это сумасшедшій. Насколько я могу понять, онъ разсказываетъ разныя неблизки о какомъ-то конѣ, запряженномъ въ шаръ, на которомъ онъ хочетъ ѣхать по воздуху. Должно быть это и есть пунктъ его помѣшательства. По всей вѣроятности это бѣглецъ изъ заведенія доктора Плюмкета, около Виндзора. Изъ любезности къ Плюмкету, который оказалъ намъ уже однажды услугу, слѣдуетъ помѣстить его у насъ, пока дѣло не объяснится.

— Вы думаете, докторъ, что директоръ будетъ этимъ доволенъ?

— Безъ всякаго сомнѣнія.
 — А какъ будетъ съ наградою въ десять фунтовъ стерлинговъ, спросилъ Ионасъ Смитъ.

— Денегъ мы не можемъ вамъ выдать, обратитесь за ними къ доктору Плюмкету. Если же вы не хотите оставить у насъ больнаго, то везите его сами въ Виндзоръ.

— О нѣтъ, ѣхать куда такъ далеко! Мы его оставимъ здѣсь у насъ. Идите-ка сюда, вы, французъ! Вы тутъ остаетесь!

Съ помощью привратника, Пуатевенъ былъ снятъ съ телѣги и частью освобожденъ отъ веревокъ. Его втащили затѣмъ во дворъ, послѣ чего бывшіе его спутники уѣхали.

— Куда только мы помѣстимъ его? спросилъ привратникъ.

— Пока его можно отвезти въ комнату сбѣжавшаго его соотечественника. Это единственное свободное помѣщеніе въ настоящую минуту. Завтра, когда докторъ пріѣдетъ, мы подумаемъ что съ нимъ дѣлать.

Пріютъ доктора Бенета для душевно-больныхъ помѣщался въ новомъ прекрасномъ зданіи, выстроенномъ изъ краснаго кирпича въ два этажа, съ двумя боковыми флигелями, маленькимъ садикомъ, окруженнымъ высокою стѣною.

Маленькій воздухоплаватель напрасно кричалъ, жаловался и сопротивлялся. Онъ почти потерялъ сознание и отъ страха и досады дрожалъ какъ въ лихорадкѣ. Что это могли быть за люди, которые въ свободной Англійи посягали на его личную свободу? Этого онъ себѣ никакъ не могъ объяснить. Ему приходили въ голову разбойники, убійцы, тайные торговцы невольниками и другія страшныя вещи.

Вдругъ изъ лѣваго флигеля раздался ужасающій, какой-то звѣрскій ревъ, которому отвѣтили съ другой стороны страшнымъ, потрясающимъ душу, смѣхомъ безумія.

Отъ этихъ звуковъ волосы на головѣ Пуатевена поднялись дыбомъ; онъ навѣрное бы упалъ, если бы сильная рука привратника не поддержала его во время.

— Всемогущій Боже! пронеслось у него въ головѣ, меня считаютъ сумасшедшимъ! Я въ домѣ умалишенныхъ!

Къ счастью онъ тотчасъ сообразилъ, что подобное недоразумѣніе должно скоро объясниться и что въ настоящемъ его положеніи всего лучше будетъ оставаться спокойнымъ.

Поэтому онъ сейчасъ же переѣмилъ обращеніе; замѣта это привратникъ проговорилъ, — да, да, это всегда такъ бываетъ! Какъ только эти упрямые головы попадаютъ въ область смиренныхъ сорочекъ и холодныхъ душъ, они опять спокойны и послушны.

Онъ ввелъ Пуатевена въ комнату, гдѣ кромѣ одной кровати и двухъ стульевъ ничего болѣе не было. Пуатевенъ знаками показалъ привратнику, что ему хочется ѣсть и пить. Тогда тотъ принесъ ему кружку воды и кусокъ хлѣба съ масломъ. Такимъ образомъ мнимый сумасшедшій остался совершенно одинъ.

Въ печальныхъ размышленіяхъ Пуатевенъ провелъ длинную ночь, при чемъ не столько думалъ о себѣ, сколько о несчаст-

номъ конѣ и дорогомъ шарѣ, оставшихся на дугу. Когда развѣло, онъ старался убить время, осматривая свою келью и отыскивая слѣды своего предшественника. Такимъ образомъ онъ вскорѣ нашелъ въ стѣнѣ, крѣпко свернутый листокъ бумаги, который онъ и сталъ читать. Листокъ бумаги, по всей вѣроятности, былъ вырванъ изъ какойнибудь книги. На немъ было написано по французски и англійски слѣдующее:

„Имя мое Стефанъ Жираръ, я французскій купецъ, мнѣ пятьдесятъ лѣтъ. Двадцать лѣтъ я живу въ Лондонѣ, гдѣ у меня была винная торговля въ Гольборнѣ № 909. Жена моя англичанка. Елена Томсонъ принесла мнѣ въ приланое большое состояніе, доставшееся ей по наслѣдству. Послѣ ея смерти, родственники ея, съ помощью безсовѣстнаго моего домашняго доктора Банкрофта, объявили меня сумасшедшимъ и запрятали меня въ заведеніе доктора Бенета, гдѣ я мучусь уже болѣе двухъ лѣтъ. Между тѣмъ я совершенно здоровъ. Кто найдетъ этотъ листокъ, прошу отдать его французскому посольству въ Лондонѣ или присяжному стряпчему г. Скотту, живущему на Руссель-Скверѣ.“ Внизу выставлено было число. Записка была писана только нѣсколько дней назадъ.

Пуатевенъ пришелъ въ ужасъ, читая это. Затѣмъ онъ бережно спряталъ записку въ карманъ.

— И такъ одинъ несчастный французъ уже ранѣе меня мучился въ этомъ проклятомъ мѣстѣ. Замѣта эта приготовлена должно быть, чтобы когда представится удобный случай передать ее комунибудь, я буду повѣреннымъ несчастнаго. Онъ не болѣе безуменъ какъ и я, но какъ долго онъ страдалъ! Что если и со мною будетъ тоже. Тогда я не выдержу и трехъ дней и въ самомъ дѣлѣ сойду съ ума.

— Такъ это одно изъ тѣхъ ужасныхъ мѣстъ, гдѣ совершенно здоровые люди признаются сумасшедшими. Первой моей заботой, послѣ моего освобожденія, будетъ доставить удовлетвореніе моему несчастному соотечественнику. Клянусь торжественно!

Онъ не ошибался. Это было одно изъ частныхъ заведеній, хозяева которыхъ изъ собственныхъ выгодъ держать иногда мною помѣшанныхъ, запрятаныхъ туда съ помощью разныхъ обмановъ, съ цѣлью завладѣть ихъ состояніемъ или съ другою какоюнибудь неблаговидною цѣлью. Въ Англійи этотъ ужасный промыселъ существуетъ, о немъ было одно время много говорено въ мѣстныхъ газетахъ и брошюрахъ.

На слѣдующее утро, къ заведенію подѣхалъ экипажъ, изъ котораго вышелъ докторъ Бенетъ, хозяйнъ и директоръ лечебницы, пожилой человѣкъ, съ черными бакенбардами, повидимому умный но лукавый человѣкъ.

Съ нимъ былъ и сбѣжавшій душевно больной, французскій купецъ Стефанъ Жираръ, котораго онъ привезъ въ свое заведеніе.

— Клянусь Эскулапомъ, воскликнулъ его помощникъ, выходя къ нему на встрѣчу, я очень радъ, что этотъ молодецъ снова тутъ! Его бѣгство надѣлало бы намъ не мало хлопотъ. Теперь слѣдуетъ стеречь его получше.

— Понятно, отвѣчалъ докторъ Бенетъ. Уже и теперь онъ мнѣ не мало стоитъ!

— Гдѣ вы его достали?

— Въ Лондонѣ; его тамъ словили родственники его покойной жены, которымъ я телеграфировалъ. По счастью, его повѣреннаго Скотта не было въ Лондонѣ и онъ съ нимъ не видѣлся. Эй Гиббонъ! примите больнаго, да не обращайтесь вниманія на его болтовню!.. Ничего не случилось въ мое отсутствіе?

— О какъ! вскричалъ помощникъ доктора.

И онъ подробно разсказалъ о пріѣздѣ Ионаса, какъ тотъ привелъ сумасшедшаго въ красномъ фракѣ. Безумный должно быть сбѣжалъ отъ доктора Плюмкета, — онъ все болтаетъ о какихъ то воздушныхъ путешествіяхъ на коняхъ.

— Но это можетъ быть и недоразумѣніе, замѣтилъ докторъ Бенетъ. Вѣдь онъ французъ?

— Да.

— Вотъ бѣда! Это должно быть Пуатевенъ, извѣстный воздухоплаватель, который вчера только поднялся съ своимъ конемъ. Вѣроятно онъ спустился со своимъ шаромъ въ этой мѣстности. Гдѣ онъ? мнѣ нужно его сейчасъ видѣть.

— Мы его помѣстили въ келью Жирара.

— Онъ ничего не знаетъ про своего соотечественника?

— Да откуда же ему знать — онъ не понимаетъ ни слова по англійски.

— Это было бы для насъ большое несчастіе. Пойдемъ къ нему сейчасъ.

Психиатры или вѣрнѣе торговцы совѣстью, отправились къ Пуатевену.

Докторъ Бенетъ говорилъ хорошо по французски. Онъ выразилъ глубокое сожалѣніе о несчастномъ недоразумѣніи, къ которому онъ лично совершенно непричастенъ. Чтобы вознаграить, хотя нѣкоторымъ образомъ, Пуатевена за перенесенныя мученія, директоръ предложилъ ему хорошій завтракъ, который аэронавтъ по возможности старался сократить, и ушелъ подъ тѣмъ предлогомъ, что беспокоится о своемъ шарѣ и конѣ.

Его проводили до ближайшей деревни, гдѣ жилъ отставной

офицеръ, говорящій хорошо по французски. При любезномъ содѣйствіи этого офицера были наняты люди отыскать шаръ и коня, которые и оказались невредимы.

Воздухоплаватель вернулся въ Лондонъ, и немедленно отправился во французское посольство и къ повѣренному Скотту, предъявивъ имъ записку, найденную въ домѣ умалишенныхъ.

Были сдѣланы надлежащія розыски; докторъ Бенетъ и его помощники арестованы. Стефанъ Жираръ и нѣкоторые другіе, были освобождены изъ своей тюрьмы. Всѣ соучастники доктора Бенета судомъ были осуждены.

Пуатевенъ еще нѣсколько разъ поднимался со своимъ конемъ въ Регентс-паркѣ, но только уже въ тихую погоду.

ПОГИБАЮЩЕ.

(Изъ Беранже).

Я знаю, любишь ты, задумчивый, сидѣть
На взморьѣ въ тихую и ясную погоду
И словно въ зеркало, мечтательно глядѣть
Въ посеребренную небеснымъ блескомъ воду.

* * *

Но въ эти сладкія мгновенья—хоть вздохъ
Даришь-ли иногда ты памяти несчастныхъ,

Что были бурей застигнуты врасплохъ,
Вдали отъ пристани? Въ тяжелыхъ и напрасныхъ

* * *

Успіяхъ достичь спасительной земли,
Уже покрытые смертельною волною,
Они другимъ еще указывать могли
На пристань дальнюю слабѣющей рукою.

В. Лихачевъ.

КЪ РИСУНКАМЪ.

Бабушкины сказки.

(Рисунокъ Н. Загорскаго).

Съ какимъ жаднымъ вниманіемъ обращены всѣ эти дѣтскія личики къ бабушкѣ, которая рассказываетъ такія страшныя и интересныя сказки! И Баба-Яга—костяная нога, которая такъ безжалостно хочетъ съѣсть Иванушку,—что съѣсть она его или нѣтъ? И какая радость при неожиданной и счастливой развязкѣ... И эти девять волковъ-оборотней, которые въ зимней ночи выходятъ на добычу—и одинъ изъ нихъ хромой. Идутъ они, идуть—ой страсти какія! И въ тотъ вечеръ, заснувъ на палатахъ подъ теплыми полшубками, долго будутъ ребяты шептаться о бабушкиныхъ сказкахъ и весело смѣяться, припоминая, какъ Иванушка обманулъ Ягу и вздрагивать въ жуткомъ страхѣ, увидя во снѣ, какъ несется въ своей ступѣ эта Баба-Яга въ туманномъ облакѣ...

Бояринъ Морозовъ передъ Грознымъ.

(Рис. И. Земцова).

Извѣстный каждому сколько нибудь читающему русскому, имѣвшій огромный успѣхъ и выдержавшій нѣсколько изданій, романъ графа А. К. Толстаго „Князь Серебряный“ романъ эффектный и обличающій крупный талантъ автора, не разъ давалъ темы для картинъ и рисунковъ нашихъ художниковъ. Какъ въ извѣстной драмѣ «Смерть Іоанна Грознаго» такъ и здѣсь, все таже загадочная—съ одной стороны кроваво-жестокая, съ другой блестяще-даровитая и художественная — личность Грознаго Царя занимаетъ автора. Напомнимъ здѣсь одну изъ самыхъ блестящихъ сценъ указаннаго романа, которую иллюстрировалъ нашъ художникъ.

Царь, за своимъ пиромъ, взбѣшенный отказомъ боярина Морозова съѣсть ниже Годунова, велитъ на него надѣть шутовской кафтанъ и колпакъ съ погремушками—„такъ какъ ты я вижу шутникъ“ прибавляетъ царь. Морозовъ пораженъ такимъ оскорбленіемъ его, стараго заслуженнаго человѣка. Сперва онъ проситъ царя отмѣнить приказъ, говоря что „въ животѣ его онъ воленъ, но въ чести его не воленъ никто!“ Но когда его одѣваютъ насильно, онъ встаетъ близъ Царя и гремитъ противъ его беззаконій обличительною рѣчью. Потѣшу же я тебя! говоритъ онъ.

— Какихъ шутовъ тобой не перешучено на Руси! гремитъ Морозовъ—кровью обрызганный ты пѣлъ и звонилъ! Такія потѣхи кому выдумать. Но знай: пока ты съ опричиною своей въ маскерахъ плясешь, къ заутрени звонишь, да потѣшаешься— наступитъ съ заката Жигимонтъ, найдешь съ полуночи Чудъ а съ полудня и съ восхода подымется Ханъ! Наклонитъ орда на Москву и не будетъ воеводъ отстаивать святыни Господней! Запылаютъ храмы Божіи, настанутъ опять Батыевы времена! И будешь ты въ ноги кланяться хану и стремя его цѣловать!

Никто не прерывалъ его рѣчи. У всѣхъ захватило дыханье. Царь слушалъ, наклонясь впередъ, блѣдный, съ пылающими очами. Никто не рѣшался взглянуть на царя....

— Въ тюрьму, тихо сказалъ царь, беречь, кормить его, не пытать, не трогать— вы отвѣчаете мнѣ за него головой....

Эта сцена и изображена нашимъ художникомъ.

Морозовъ вскорѣ былъ торжественно казненъ въ Китай-городѣ на торговой площади.

Ящерица Варанъ.

(Polidaedalis).

Къ породѣ чешуйчатыхъ, къ которымъ относится и всѣмъ намъ извѣстная бойка, красивая ящерица, принадлежитъ также животное, которое представлено на нашей картинкѣ; это особый родъ водяной ящерицы, такъ наз. Варанъ (по арабски „ящерица“) очень подходящей по виду къ нѣкоторымъ породамъ кроко-

диловъ. Животное это отличается отъ своихъ сородичей чрезвычайно сильнымъ, упругимъ хвостомъ, длинными зубами и выдающимися у угловъ пасти большими ноздрями. Верхняя часть его гибкаго тѣла вся въ черныхъ пятнахъ, расположенныхъ рядами по желтому фону; вдоль боковъ идутъ черныя же и бѣлыя полосы, нижняя часть сѣроватаго цвѣта. Варанъ, достигающій 6 фут. длины, встрѣчается на Зундскихъ, Филиппинскихъ и Молуккскихъ островахъ, а также въ Ост-Индіи, въ Сіамѣ, Китаѣ и на Цейлонѣ. Это животное туземцы перѣдко смѣшиваютъ съ крокодиломъ; днемъ ящерицы эти подползаютъ обыкновенно къ береговымъ деревьямъ, подыскиваютъ тамъ птичьи гнѣзда, ѣдятъ птичьи яйца, птенцовъ и маленькихъ ящерицъ. Въ случаѣ же неожиданной опасности, животное немедленно бросается въ воду. Не довольствуясь яйцами, искусно отыскиваемыми имъ въ самыхъ потаенныхъ гнѣздахъ, скрытыхъ въ прибрежныхъ тростникахъ, Варанъ пробирается часто на птичьи дворы и тамъ похищаетъ куръ и цыплятъ; отъ людей животное это убѣгаетъ, стремясь какъ можно скорѣе добраться до воды; будучи же застигнуто на дорогѣ, защищается отважно, употребляя при этомъ въ дѣло свои сильныя когти, острые зубы и раздавая во всѣ стороны удары сильнымъ хвостомъ. Мясо животнаго чрезвычайно вкусно, яйца же въ особенности нѣжны и отличаются отъ птичьихъ тѣмъ, что бѣлокъ ихъ въ кипяткѣ не свертывается. Магометане не употребляютъ въ пищу ни мяса этого животнаго ни яицъ; точно также пренебрегаютъ ими и испісія индійскія касты; но низшія—охотятся на варановъ и съ большимъ удовольствіемъ ѣдятъ. Туземцы относятся съ суевѣрнымъ страхомъ къ неожиданной встрѣчѣ съ этимъ животнымъ: приключится отъ этого болѣзнь, смерть, словомъ какое нибудь несчастье. Есть мнѣніе что варанъ ярый врагъ крокодила, котораго яйца уничтожаетъ, но насколько это справедливо нельзя сказать утвердительно.

На Панамскомъ перешейкѣ.

(Два рис. Доссо, стр. 764 и 765).

Панамскій перешеекъ или Дарьенъ, связывающій Южную Америку съ Сѣверной, въ послѣднее время былъ предметомъ оживленнаго интереса, благодаря грандіозному проекту Лессепса, пока еще не приведенному въ исполненіе—прорытія Панамскаго канала. Перешеекъ этотъ въ наиболѣе узкомъ мѣстѣ шириною всего въ 6 миль и повидимому съ этой стороны не представлялъ бы затрудненій для предполагаемыхъ Лессепсомъ работъ, но страна очень гориста, что мѣшаетъ прямому направленію канала.

Перешеекъ этотъ составляетъ часть Новогренадской республики. Характеръ мѣстности—плоскія саванны—дуга съ высокой травой—пересѣкаемые отдѣльными группами каменистыхъ горъ, по рѣкамъ огромныя, вѣковѣчные лѣса а на сѣверѣ, въ Аtrato, есть обширныя пустынные топи. Климатъ умѣренный, чрезвычайно ровный и пріятный. Солнце не жжетъ такъ невыносимо какъ въ другихъ странахъ Южной Америки. Способъ путешествія по странѣ: или по рѣкамъ на такъ называемыхъ „пирогахъ“ длинныхъ лодкахъ или на мулахъ, на которыхъ перевозятся грузы; впрочемъ по большей части въ узкихъ, непроходныхъ мѣстахъ грузы эти переносятся людьми по лѣснымъ тропинкамъ. М. Реклю, бывшій въ Панамѣ въ 1878 году, издалъ очень интересное описаніе своего путешествія.

„Послѣ долгаго плаванія по рѣкѣ, среди тропическаго огромнаго лѣса, говоритъ путешественникъ, когда мы перевалили за послѣднюю гать, характеръ мѣстности сталъ замѣтно измѣняться—она стала болѣе плоскою, весьма чувствительная, неприятная сырость прохватывала сильно и густые тяжелые туманы къ вечеру становились кругомъ. Мы приближались къ обширнымъ Атрагскимъ топямъ. Когда мы вѣхали среди тропическаго лѣса, сквозь переплетшіяся лианы, висящія по деревьямъ гирляндами плюща и ползучихъ растений, иногда видны

были птицы, обзьяны—раздавались ихъ крики. Здѣсь же съвозъ громадные папоротники глазъ свободно проникалъ въ пространство и какое мрачное, давящее впечатлѣніе производитъ эта угрюмая, ненарушаемая ни однимъ звукомъ, тишина! „Пирогъ“ наша скользитъ безшумно по узкой полосѣ рѣки, окруженной безконечными болотами съ ихъ гигантскою растительностью, пронзанною лучами полуденнаго солнца. Мѣстами, чтобы пробраться, мы должны рубить мокрые стволы папоротниковъ и они погружаются съ глухимъ шумомъ въ воющую, темную, стоячую жидкость болота и тогда надъ нами поднимаются, потревоженные, тучи москитовъ и комаровъ и большіихъ отвратительныхъ пауковъ, раскинувшихъ повсюду свои густыя сѣти. Насилу выбрались мы изъ этихъ мѣстъ, на которые природа какъ бы положила печать проклятія“..

„Когда мы выбрались по рѣкѣ Лома Вейя на вѣкоторый проторь, говорить далѣе Реклю, вниманіе наше было поражено оригинальнымъ и любопытнымъ зрѣлищемъ: среди могучихъ деревьевъ, по гибкимъ плетямъ и гирляндамъ лѣанъ, длинною правильною вереницею тянулись стада обезьянъ. Каждая порода, по словамъ туземцевъ, имѣетъ свои особыя мѣста жительства, свои воздушные пути. Если истощаются запасы въ одномъ мѣстѣ, они перекочевываютъ на другое, у каждаго стада есть свои вожаки и все это съ неумоляемымъ шелканьемъ и тревожными быстрыми вскрикиваніями, несется съ необычайною ловкостью и быстротою своимъ воздушнымъ путемъ“..

Эти два эпизода путешествія Реклю и изображены талантливымъ Боссе на нашихъ рисункахъ.

Русскій Сцевола.

(Статуя Демуть-Малиновскаго).

Василій Ивановичъ Демуть-Малиновскій (род. 1779 г.) былъ

однимъ изъ выдающихся нашихъ скульпторовъ первой половины текущаго столѣтія. Всѣ его многочисленныя работы отличаются большимъ вкусомъ и при всемъ строго классическомъ направленіи тогдашней нашей скульптуры, въ нихъ иногда пробивается живая, народная жилка. Этими качествами жизненности и народности обладаетъ и извѣстная его круглая статуя „Русскій Сцевола“ представленная на нашемъ рисункѣ. Статуя эта была выполнена Демуть-Малиновскимъ въ 1813 году и доставила ему званіе профессора. Тема была подсказана художнику недавними тогда событіями отечественной войны; а именно рассказомъ о геройскомъ подвигѣ одного крестьянина, который узнавъ, что французы заклеили ему руку, съ цѣлью завербовать его въ службу Наполеона, схватилъ топоръ и отрубилъ ее по самый локоть. Энергическая фигура атлета—крестьянина, замахвающагося топоромъ, чтобы отрубить предавательскую руку, вполне удалась художнику и вышла у него живая и прекрасна. Другія талантливыя скульптурныя работы Демуть-Малиновскаго были выполнены имъ преимущественно съ цѣлью служить орнаментами разныхъ общественныхъ зданій Петербурга; такъ онъ увѣнчалъ колесницей арку Главнаго Штаба; имъ выгнаны два огромные быка, поставленные у входа въ скотопригонный дворъ; онъ исполнилъ барельефы для церкви Спб. Семинаріи, для фасада Имп. Публ. Библиотеки. Ему же принадлежатъ какъ прозектъ такъ и выполнение большаго числа воздвигнутыхъ въ его время памятниковъ и между прочимъ памятниковъ Царю Михаилу Федоровичу и Сусанину, св. Владимиру и князю Барклаю-де-Толли—на мызѣ Бекгофъ около Дерпта.

Демуть-Малиновскій скончался въ преклонныхъ лѣтахъ, въ званіи ректора Академіи Художествъ, 16 Юля 1846 года.

Политическое обозрѣніе.

Порта и державы.—Македонская лига и князь Болгарскій —Зарождающееся единеніе славянъ.—Румынія.—Отставка Фрейсана.—Испанія.

Не смотря на всю очевидную невозможность дальнѣйшаго сопротивленія волѣ Европы, Порта продолжаетъ прибѣгать къ всевозможнымъ изворотамъ, чтобы только оттянуть сдачу Дульцины. Державы, какъ мы уже сообщали, объявили Портѣ, что согласны на уступку Черногоріи одного этаго порта безъ Диноша и Груды, но съ тѣмъ, чтобы сдача послѣдовала немедленно. Турецкое правительство, и на этотъ разъ, върное обыкновенію своему, придумало новый поводъ къ замедленію. Оно отвѣтило, что „готово“ (!) передать Дульцину, но предлагаетъ державамъ, предварительно, опредѣлить границы уступаемой территоріи и съ этой цѣлью приступить къ новымъ переговорамъ. Турція, какъ видимъ, нѣсколько не стѣсняется испытывать терпѣніе Европы.

Правда и то, что лига уже давно вышла изъ полнаго повиновенія создавшей ее Порты, а теперь она приобрѣла, къ тому же, еще болѣе силы, опираясь на возбужденный патріотизмъ мусульманскаго населенія оттоманской имперіи. Вотъ, напримеръ, что происходитъ въ Скутари. Турецкое начальство оставляетъ комитетъ албанской лиги спокойно засѣдать въ зданіи турецкой народной школы и ни мало не препятствуетъ ему въ дѣятельности его. Рѣшеніе комитета направить войско въ Дульцино было объявлено всенародно, при громкихъ кликахъ мусульманъ. Генераль-губернаторъ (Османъ-паша) не запретилъ даже народнаго собранія, на которомъ шель вопросъ о разлѣтѣ новаго военнаго контингента отъ города Скутари, на соборани, между прочимъ, произносились пламенные рѣчи противъ „безбожной Порты“. На слѣдующій же день и было дѣйствительно отправлено въ Дульцино 400 человекъ. Почти все мусульманское населеніе города провожало „защитниковъ родины“, причемъ солдотавали имъ ружейными выстрѣлами, ни одинъ жандармъ не воспротивился шумной демонстраціи этой. Изъ Кальнапделена прибыли 300 албанцевъ, и имъ былъ устроенъ радушный приемъ, съ торжественнымъ угощеніемъ; на слѣдующій день они тоже отправились въ Дульцино и ни военныя, ни гражданскія власти не обратили на это вниманія. Дульцино приведено на военное положеніе, лавки закрыты, все мужское населеніе подѣ ружьемъ, дѣти, старики и женщины отправлены въ Скутари. Машура Планина занята албанцами послѣ того, что турецкіе редифы удалились отсюда; полъ-баталіона побраталась съ лигерями. Командующій войсками въ Дульцино держитъ себя совершенно такъ же, какъ и скутарійское начальство. Мало всего этаго: увѣряютъ будто недавно султанъ переслалъ 3 милліона франковъ вождямъ лиги, чрезъ зятя Абединъ-Пашу, Кіазитъ бей. Въ дополненіе къ свѣдѣніямъ о демонстраціи сообщаютъ, что адмиралу Сеймуру предоставлено, въ случаѣ необходимости, бомбардировать Дульцино. Сверхъ того, для того, чтобы гарантировать солидарность дѣйствій демонстрирующихъ державъ, всѣ посланники ихъ подписали въ Константинополь особый актъ, названный „acte de désintéressement“, которымъ обязались не преслѣдовать, вѣждый съ своей стороны, отдѣльныя дѣли. Македонская лига снова начала дѣятельность свою. Депутація ея являлась Князю Александру. Президентъ лиги Діамантовичъ,

находившійся въ составѣ депутаціи, произнесъ краткую рѣчь, на которую князь могъ, конечно, дать нѣсколько уклончивый отвѣтъ, сказавъ однако, что „прозѣба македонскихъ братьевъ о защитѣ упала не на бесплодную почву“ Помня священныя обязанности, лежащія на мнѣ, продолжалъ князь, я сдѣлаю все, зависящее отъ меня и употреблю всѣ законныя средства для освобожденія братьевъ. Отрадно видѣть, что молодой государь Болгаріи столь быстро сумѣлъ освоиться съ взглядами своего славянскаго княжества, своихъ славянскихъ подданныхъ! Отрадно слышать эти свободныя слова въ страхѣ, недавно еще безмолствовавшемъ подъ ярмомъ тяжелаго ига турокъ! Да, имѣя уже не тѣ обстоятельства, не тѣ уже и славяне. Патріотическій отвѣтъ князя Александра послужилъ сигналомъ для образовавшихся по всей странѣ комитетовъ, которые съ удвоенной энергіей, принялись за выполнение задачъ своей. Въ ближайшемъ будущемъ имѣется въ виду цѣлый рядъ народныхъ собораній. Предводитель македонскаго возстанія и нынѣшній видный дѣятель лиги, Карлъ Вальтеръ, занятъ обученіемъ и организаціей отряда добровольцевъ, состоящаго изъ 2 тысячъ челов., съ 12-ю воеводами. Онъ изготовилъ военную инструкцію и вполне выработалъ планъ устроившаго поддежащихъ оккупаций мѣстностей. Недавно, между однимъ изъ македонскихъ отрядовъ и турками произошло во время ревюгноспировки столкновеніе, первый отступилъ въ горы.

Все больше и больше сѣется семянъ солидарности между Балканскими славянами. Повидимому отношенія между Болгаріей и Сербіей начинаютъ скрѣпляться. Сербскій дипломатическій агентъ при болгарскомъ дворѣ, Савва Груичъ, недавно былъ приглашенъ въ Бѣлградъ. По возвращеніи оттуда онъ прямо отправился въ Филиппополь. Поѣздка эта объясняется слѣдующимъ образомъ. Впродолженіи уже нѣсколькихъ мѣсяцевъ, какъ уже извѣстно читателямъ нашимъ, между Болгаріей и Сербіей происходитъ обмѣнъ сношеній, имѣющихъ цѣлью установленіе болѣе тѣснаго сближенія. Съ болгарской стороны были сдѣланы Сербскому княжеству кое-какія уступки. Уже прежде желавшійся правительствомъ князя Милана, Сербія, обѣщавъ содѣйствовать Болгаріи въ томъ случаѣ, если, какъ надо ожидать, великоболгарскій вопросъ станетъ на надежащій путь, пожелала удостовѣриться на мѣстѣ о данныхъ успѣха, о томъ, до какой степени подготовлено уже дѣло въ Румелии. Отсюда—и поѣздка Груича въ Филиппополь. Само собою, нашъ военный агентъ въ Румелии и генеральный консулъ оказали дружескій приемъ сербскому агенту. Съ глубокимъ сочувствіемъ слѣдимъ мы за этимъ зародившемъ будущаго всеславянскаго единенія. Говоримъ — всеславянскаго, потому что несомнѣнно оно не можетъ ограничиться предѣлами Балканскаго полуострова. Въ Румыніи поднятъ вопросъ о престолонаслѣдіи, въ виду неимѣнія наслѣдника у князя Карла. Какъ слышно, Румынскій престолъ перейдетъ со временемъ къ младшему сыну наслѣднаго принца Гоенполлерскаго, Карлу Антону, родившемуся 1-го сентября 1868 года. Румынія, можетъ быть, и добьется возведенія своего въ санъ королевства. По крайней мѣрѣ, Австро-Венгрія и Германія, будто бы, намѣрены превратить княжество это въ „нейтральное королевство“, на подобіе Бельгійскаго.

(Продолженіе на стр. 769, 770, 771 и 772).

Президентъ министровъ Фрейсине по мнѣнію другихъ министровъ, слишкомъ нерѣшительно примѣнявшій мартовскіе декреты упраздненія монашескихъ орденовъ во Франціи, разошелся съ внутренней политикой своего же министерства и представилъ просьбу объ отставкѣ. Отставка его была принята; Фрейсине дѣятельный и твердый человекъ и велъ дѣла иностранной политики такъ, что заслужилъ общее уваженіе. Теперь его мѣсто занимаетъ Бартеlemi С. Илеръ а президентомъ совѣта будетъ Ферри. Затрудненіе въ веденіи дѣлъ—закулисное постоянное давлѣ-

ніе на всѣ эти дѣла Гамбетты. По этой же причинѣ подали въ отставку морской министръ и министръ путей сообщенія.

Кризисъ грозитъ и испанскому министерству. Король, какъ слышно, недоволенъ первымъ министромъ Канвасомъ—дель-Кастильо, отказавшимся скрѣпить декретъ о провозглашеніи новорожденной дочери короля (наименованной Мерседесъ) принцессой Астурійской. Титулъ этотъ принадлежитъ старшей сестрѣ короля Альфонса, графинѣ Джирджентской, и именно въ угоду ей испанскій премьеръ выказалъ неумѣстное упорство свое.

С М Ъ С Ъ.

Какая часть спектра необходима для растительной жизни. Въ 1870 году г. Поль Берть сдѣлалъ французской академіи наукъ

Съ помощію спектроскопа, Поль Берть изслѣдовалъ стекла, употреблявшіяся при опытахъ. Оказалось, что при свѣтѣ, равномъ по напряженности разсѣянному солнечному — красное стекло задерживало фіолетовый, голубой, зеленый и желтый цвѣта спектра, пропуская только оранжевый и красный; зеленое же стекло пропускало всѣ цвѣта, кромѣ приблизительно трехъ четвертей краснаго, начиная отъ конца спектра.

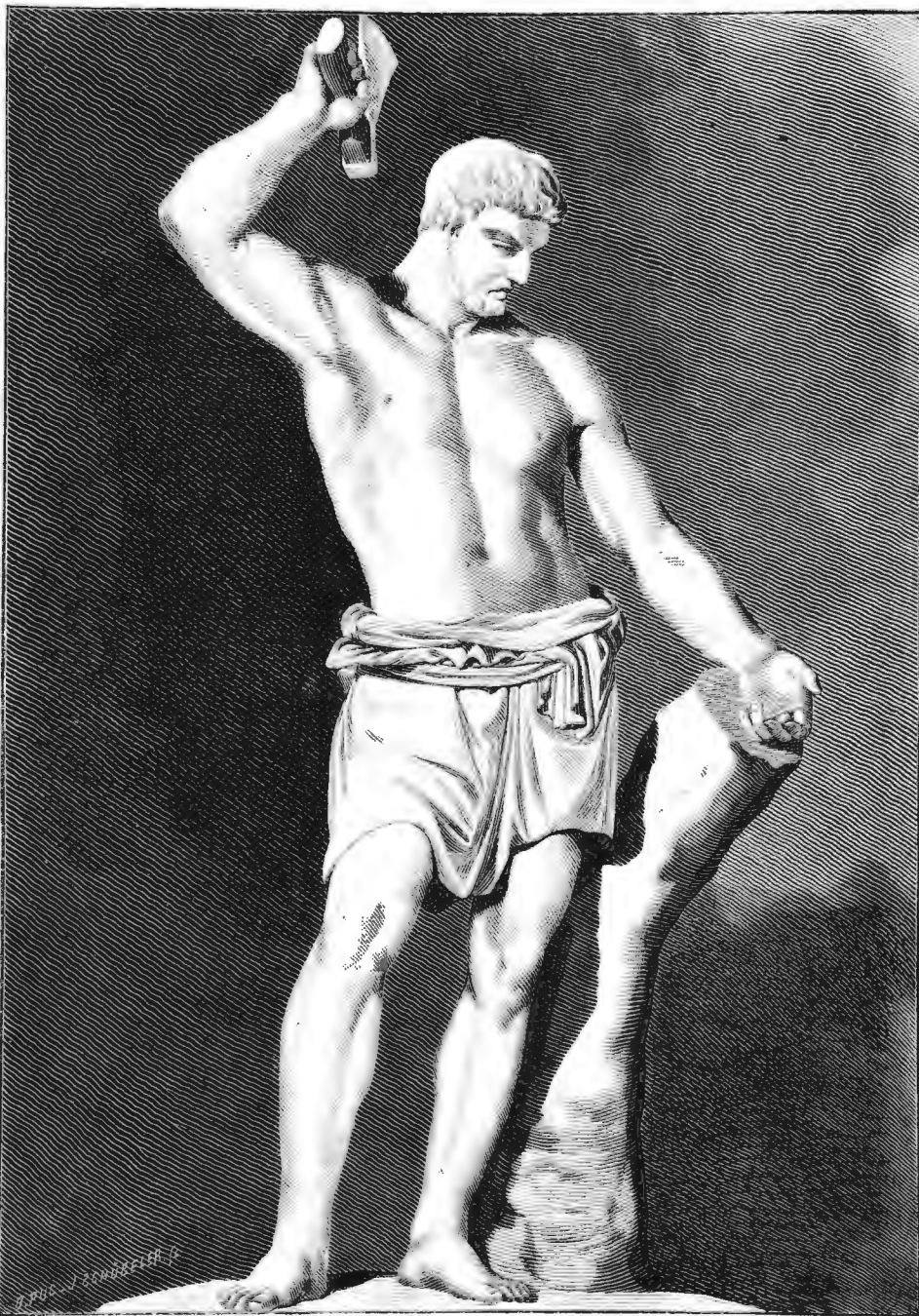
чрезвычайно интересное сообщеніе. Растеніе „не тронь меня“, помѣщенное въ фонарь съ зелеными стеклами, — заболѣваетъ и совершенно теряетъ свою обыкновенную чувствительность въ 3 или 4 дня. Всѣ зеленія растенія погибаютъ при этомъ условіи—освѣщеніи зеленымъ свѣтомъ.

Этимъ объясняютъ и болѣзни, которымъ подвергаются растенія, находящіяся подъ навѣсомъ зеленыхъ деревьевъ; этимъ же Берть объяснялъ и неудачный ростъ деревьевъ, которыя ставили въ оранжереяхъ съ зелеными стеклами. Но нужно объяснить это.

Съ перваго взгляда объясненіе кажется не представляющимъ ни малѣйшаго затрудненія. Листья — зелены, потому что изъ всѣхъ цвѣтовъ солнечнаго спектра отражаютъ зеленый, который, поэтому для нихъ бесполезенъ. Давать растеніямъ только эту зеленую часть спектра, задерживая остальные экраномъ, — значило бы, такъ сказать, — кормить напр. животное продуктами его собственнаго дыханія и пищеваренія. Но, въ дѣйствительности, занимающій насъ фактъ объясняется не такъ просто.

Красный цвѣтъ также энергически отражается растеніями, какъ и зеленый. Если поэтому, предъидущее сужденіе справедливо, то они должны безразлично умирать, какъ подъ зелеными стеклами, такъ и подъ красными.

Ничего подобнаго однако не происходитъ въ дѣйствительности. Растеніе „не тронь меня“ жило въ продолженіи нѣсколькихъ мѣсяцевъ въ фонаряхъ съ красными стеклами, давало новые листья и обычно увеличивалось въ ростѣ.

Русская скульптура въ Имп. Спб. Анад. Худ. „Русскій Цыфолоа“. Статуя В. И. Демуть-Малиновскаго. Рис. на деревѣ А. Кившенко, грав. Пуць-Шюблеръ.

Такимъ образомъ, красное стекло могло поддерживать растительную жизнь; зеленое же умерщвляло растенія. Поэтому можно сказать, что если солнечный свѣтъ необходимъ для растительной, и вслѣдствіе этого для животной жизни, — то именно та часть краснаго цвѣта, которую не пропускаетъ зеленое стекло: она принимаетъ участіе въ образованіи органической матеріи. Если бы вслѣдствіе этого, свѣтило насъ озаряющее, въ силу какого-либо измѣненія въ составѣ его — потеряло эту часть своего спектра, то оно мало измѣнилось бы въ цвѣтѣ, но зато, говоритъ Берть, жизнь исчезла бы въ нѣсколько недѣль съ лица земнаго шара. Такъ быстро потому, что запаса пищи, имѣющагося на

землѣ, достало бы только на это короткое время.

Но говоря что красный цвѣтъ необходимъ для растеній, — нельзя думать, что одного его совершенно достаточно. За красными стеклами растенія живутъ безъ сомнѣнія долго, но при этомъ они чрезмерно удлиняются, дѣлаются сами тонкими, а края листьевъ — узкими и слабо-окрашенными.

Такимъ образомъ, каждая часть спектра содержитъ элементы, играющіе дѣйствительную и важную роль въ жизни растеній.

Желѣзная пыль въ атмосферѣ. Въ 1875 году г. Тиссандье открылъ въ атмосферной пыли присутствіе маленькихъ частицъ, притягивавшихся къ магниту и состоявшихъ изъ закиси желѣза (*первая степень окисленія*) съ слабыми слѣдами металла никеля. Чрезвычайная распространенность, форма, химическій составъ этихъ шариковъ—привели его къ мысли о происхожденіи ихъ изъ метеоритовъ, заходящихъ въ среду нашей атмосферы. Такимъ образомъ, на ряду съ камнями, падающими съ неба, слѣдуетъ поставить еще пыль, оттуда же падающую на землю.

Противники такого предположенія г. Тиссандье возражали, что желѣзные руды, найденныя имъ въ воздухѣ,—могутъ происходить и отъ громадныхъ массъ металлическаго желѣза, горящаго вокругъ насъ, подвергаясь, напримѣръ, металлургическимъ операціямъ или отскакивая искрами подъ ударомъ огня.

Но это было слишкомъ слабое возраженіе; трудно приписать земному происхожденію громадное количество шариковъ, находимое въ пыли, собирающейся изъ самыхъ отдаленныхъ одно отъ друга мѣстъ и при самыхъ разнообразныхъ условіяхъ. Далѣе, изслѣдованіе песка взятаго Тиссандье со дна океана, дало новое доказательство чрезвычайной распространенности явленія. Желѣзные пылинки оказались и въ осадочныхъ скалахъ, составляющихъ земную кору, въ пескѣ извлеченномъ изъ артезианскихъ колодезевъ на глубинѣ 568 метровъ и, наконецъ, въ скалахъ весьма древняго происхожденія.

Такимъ образомъ океаны получали изъ атмосферы желѣзные пылинки; когда именно началось такое выдѣленіе пыли? Трудно отвѣтить на этотъ вопросъ. Можно лишь сказать, что желѣзные пылинки найдены въ гнейсѣ Симпсона, въ слюдяномъ сланцѣ Севъ-Готарда, въ мѣбевикѣ долины Аоста (Aoste).

Еслибы эти послѣдніе результаты были подтверждены болѣе подробными изслѣдованіями, то они составили бы вѣснй аргументъ въ пользу теоріи Кордье и прежнихъ геологовъ, по которой сланцевыя скалы образовались вслѣдствіе затвердванія однихъ слоевъ надъ другими въ воздухѣ, подъ вліяніемъ постепеннаго охлажденія земли, находившейся въ началѣ въ *огненно-жидкомъ состояніи*.

Пивни. При настоящемъ направленіи медицины, какъ общее, такъ равно и мѣстное кровезвлеченіе употребляется гораздо рѣже чѣмъ прежде; но употребленіе пивки находить все еще достаточно обширное примѣненіе, чтобы стоило разводить это незамѣнимое животное—занятіе это представляетъ не мало-важный доходъ.—Довольно сказать, что изъ одного Гамбурга ежегодно вывозилось до 30 миллионовъ пивковъ въ различные мѣста, гдѣ червь этотъ не водится.

Небольшія, около полутора аршина глубины, озера съ постояннымъ притокомъ свѣжей воды, съ илистымъ дномъ, представляютъ лучшія условія для размноженія пивковъ.—Полезно также для нихъ водяное растеніе—аиръ. Если въ такое озеро пустить въ маѣ мѣсяцѣ матокъ, то онѣ до сентября по нѣскольку разъ кладутъ яйца въ небольшія на днѣ озера углубленія.—Изъ коконовъ черезъ 10—15 дней развиваются молодяя пивки и держатся близъ старыхъ, пока не могутъ сами добывать пропитанія. Ыдятъ онѣ улитокъ, слизней, маленькихъ рыбокъ и лягушекъ.

Озера, въ которыхъ уже есть пивки, представляются конечно самыми удобными для ихъ размноженія; стоитъ только доставлять имъ достаточное количество пищи. Но и въ другихъ мѣстностяхъ, гдѣ прежде пивки не водились вовсе, онѣ могутъ быть разведены въ озерахъ отвѣчающихъ выше указаннымъ условіямъ, лишь бы матки были взяты изъ мѣстъ подходящихъ по климату. Въ окрестностяхъ Бордо, въ озерахъ принадлежащихъ барону Пихону, братья Бегаде развели пивковъ на пространствѣ около 5000 десятинъ, хотя до нихъ во всей мѣстности черви эти никогда не водились.

Лакомыя блюда у разныхъ народовъ. У всякаго свой вкусъ. Многія блюда, считаемыя за лакомыя у многихъ народовъ, на европейскій вкусъ—отвратительны. Такъ эскимосы за лакомство считаютъ ѣсть салныя свѣчи. Парадный обѣдъ чучка состоитъ изъ моржоваго сала, жвачки сѣвернаго оленя—вмѣсто салата—ломтиковъ китовой кожи, кусковъ китоваго неба, кото-

рое сладковато на вкусъ, и плавательныхъ ластовъ кита,—которые имѣютъ запахъ сыра. На парадномъ обѣдѣ греландца считается за деликатесъ ѣсть красное гнилое мясо и испорченный хвостъ кита, который готовятъ съ ворванью и съ кишечнымъ сокомъ полярнаго оленя. Китайцы считаютъ лакомствомъ супъ изъ крысъ, съ приправой изъ протухшихъ яицъ и летучихъ мышей, или похлебку изъ гусеницъ; деликатесомъ считаютъ они пузырчатые глисты акулы, желудка рыбы, недосуженныя яйца куръ и утокъ, гнѣзда ласточки, салангановъ и морскихъ улитокъ. На Цейлонѣ за лакомое блюдо считаютъ ноги слона, маринованныя въ крѣпкомъ пальмовомъ уксусѣ съ перцемъ, а также маринованный хоботъ слона и горбы буйволовъ. Абиссинцы очень лакомы до сыраго мяса и съ удовольствіемъ пьютъ сырую кровь буйвола, которая оказываетъ на нихъ особаго рода опьяняющее дѣйствіе. Нѣкоторые индійскія племена очень любятъ пить лошадиную кровь,—открывъ шейную жилу и высасывая кровь прямо изъ раны. У жителей Новаго Брауншвейга морда мускусной кабарги считается величайшимъ лакомствомъ. Готтентоты лакомятся мясомъ антилопы—гну, хотя оно имѣетъ тухлый вкусъ и запахъ, ѣдятъ мясо страуса, которое жестко, какъ подошва, и мясо крокодиловъ, хотя оно имѣетъ противный мускусный запахъ. На Мартиникѣ лакомымъ блюдомъ считаютъ мускусную и пальмовую крысу. На Явѣ какъ лакомство употребляютъ крупную породу летучихъ мышей. Щенковъ и котятъ, собакъ и кошекъ съ удовольствіемъ ѣдятъ многія африканскія племена, австралійцы и китайцы. Въ Бербесии мясо ежа считается княжескимъ блюдомъ. Хвосты кенгуру присылаются въ Англію и славятся какъ деликатесъ. Мясо змѣи очень уважается австралійцами, имъ лакомятся китайцы. Африканскіе дикари и зулусы лучшею частью мяса считаютъ внутренности животныхъ; зулусы любятъ ѣсть загнившее мясо, въ которомъ завелись даже черви. Нѣкоторые негринскія племена ѣдятъ жабу и предпочитаютъ ихъ даже мясу рыбы. Полинезійцы съ восторгомъ пожираютъ мясо акулы въ сыромъ видѣ, хотя оно имѣетъ весьма противный запахъ; плавники акулъ высоко цѣнятся богатыми китайцами, какъ очень лакомое блюдо. Бушмены и Ново-каледонскіе дикари лакомятся пауками и кузнечиками. Арабы, персіане и индѣйцы объѣдаются саранчей, приготовляя изъ нея родъ хлѣба, или жаря ее въ маслѣ. Негры и австралійцы за лакомство считаютъ бѣлыхъ муравьевъ (термитовъ), а многія африканскія племена и цвѣтное населеніе Сьеры-Леоны, въ промежутки между ѣдою, глотаютъ глину, изъ которой термиты строятъ свои муравейники. Глину и землю какъ лакомство употребляютъ многіе народы тропической Америки и Африки.

Разныя извѣстія.

Многіе изъ нашихъ читателей, вслѣдствіе помѣщенныхъ въ нашемъ журналѣ видовъ Морскаго канала, и его описанія, заинтересовавшіеся этимъ грандіознымъ сооруженіемъ, конечно съ удовольствіемъ узнаютъ, что художникъ В. Я. Рейнгардъ занявъ въ настоящее время составленіемъ прекраснаго большаго фотографическаго альбома „Видовъ Морскаго канала между Петербургомъ и Кронштадтомъ“. Альбомъ этотъ поступитъ въ продажу въ будущемъ 1881 году т. е. когда приведется къ окончанію сооруженіе канала. При исполненіи видовъ Морскаго канала, помѣщенныхъ въ нашемъ журналѣ, мы пользовались также нѣкоторыми изъ фотографій г. Рейнгардта.

Календарь Эдуарда Гоппе на 1881 годъ уже появился. Въ немъ замѣчаются значительныя противъ прежняго улучшенія и дополненія. Самое важное улучшеніе, что въ этомъ обрывномъ календарѣ помѣщена особая книжка справочныхъ свѣдѣній для дѣловыхъ людей, по своему формату для ношенія съ собою очень удобная. При настоящемъ календарѣ эта книжка заключаетъ въ себѣ: свѣденія для капиталистовъ, свѣденія о штемпельныхъ сборахъ, почтовыхъ правила, телеграфный и почтовый тарифы, адреса и личный составъ правленій желѣзнодорожныхъ обществъ. Цѣна обрывнаго календаря съ справочной книжкой очень невысока, всего 75 коп., съ перес. 1 руб.

Рѣшеніе магическихъ крестовъ.

№ 61.

№ 62.

Рѣшеніе шашечной задачи № 64.

Бѣлыя.	Черныя.
Съ № 13 на 18	Съ № 22 на 13
" " 21 " 26	" " 30 " 21
" " 8 " 12	" " 15 " 8
" " 2 " 5	" " 23 " 1
" " 16 " 32	" " 1 " 5
" " 32 " 1	

Вѣрныя рѣшенія этой задачи присланы отъ гг.: Спб. Грикурова, Геншинъ, Лемъева, Перминова, Казакова, Абрикосова, Тарновской, Малицка; Москва—Арсеньева, Звонилкина, Зѣвакина, Быдлова, Александрова, Козырева, Николая Г.; Аньново—Кавасака, Брянскъ—Успенскаго; Воронежъ—Штеца; Елецъ—Волудьскаго, Ив. Вознесенскъ—Коровина; Новоѣвѣ—Ближикова, Кузнецкъ—Кочетова, Муромъ—Смолянникова, Нижн. Новгородъ—Федорова, Чистакова, Тверь—Додгова, Торжокъ—Ширава.

Вѣрныя рѣшенія этихъ задачъ присланы отъ гг.: Спб.—Копылова; Елецъ—Козлова; С. Дунилово—Савицкина; Мозырь—Лавина, Кронштадтъ—В. Фабера.

Рѣшеніе шашечной задачи № 59.

Бѣлыя.

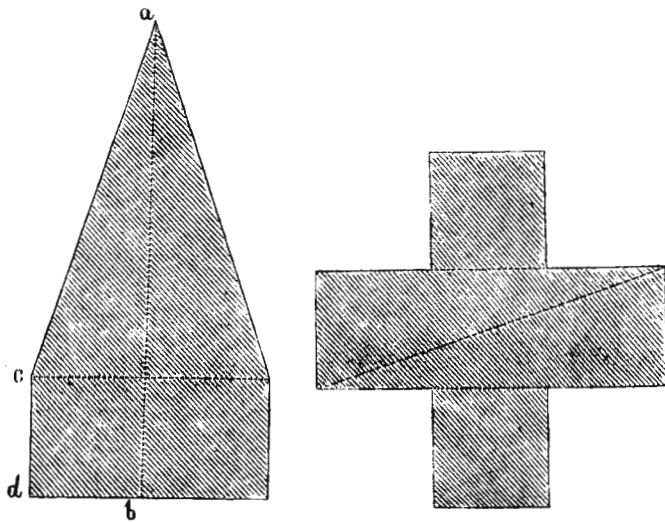
Съ № 18	на № 22
" № 16	" № 20
" № 23	" № 28
" № 22	" № 27
" № 21	" № 26
" № 30	" № 26
" № 14	" № 19
" № 7	" № 12
" № 25	" № 4

Черныя.

Съ № 8	на № 15
" № 15	" № 24
" № 24	" № 31
" № 31	" № 22
" № 22	" № 29
" № 29	" № 22
" № 22	" № 15
" № 15	" № 8

Вѣрна рѣшенія этой задачи присланы: Сиб. отъ гг.: Дыренкова, Григорьева, Генкина, Пѣхова, Журкина; Москва: Орлова, Зѣвакина, Быдлова, Александрова, Богданова; Таганрогъ—Кочеткова, Николо-Раменье—Смирнова, Клинь—Цыганова, Тульчинъ—Щагина, Кронштадтъ—Держана, Елецъ—Валуевского, Морхолокко, Мытища—Наполькова, Муромъ—Декторскаго, Н. Новгородъ—Вовина, Рыбинскъ—Козакова, Нурскъ—Завадскаго, Казань—Серебрякова, с. Липицы—Медвѣдичкова, Кузнецкъ—Бочетова.

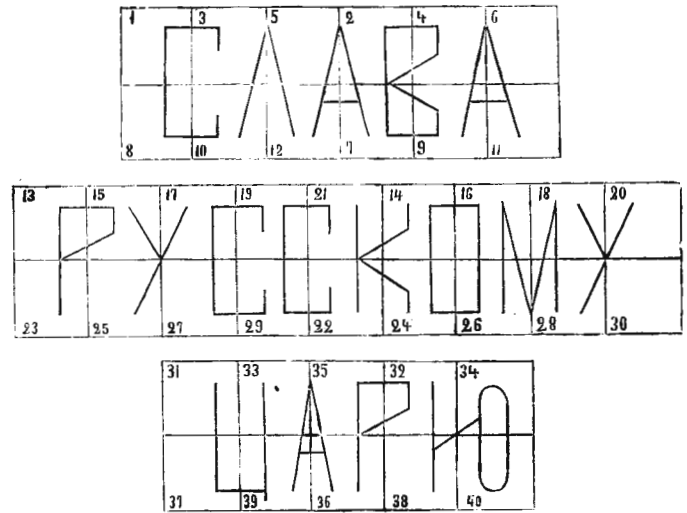
Рѣшеніе задачи № 60.

Вѣрна рѣшенія этой задачи присланы до 11-го сентября, отъ гг.: Сиб. Грикурова, Живоронкова-Казрянскаго, Микко-Русси, Роборовскаго, Сулимова, Иваненкова, Перетерскаго, Праншинкова, Болылова; Москва—Воборси, Микофьева, Гилд, Немого, Васильева, Журавлева, Барсукова, Груши, Клягина, Федорова, Филимонова, Залогина, Емельянова, Кобякова, Струцинскаго, Верещагина, Окороченко, Шпаро, Бѣланкина; Ставрополь—Котилевскаго, Елецъ—Бозлова, Муромъ—Суздальцева, Таганрогъ—Тянова, Владимировъ—Зотова, Ярославль—Твердшовой, Ахтыка—Власова, Вологда—Шапошникова, Ростовъ на Дону—Давидова, Мозырь—Липича, Полтава—Вригъ, Александрія—Казачинскаго, Марьовна—Рабкоича, Галичь—Храмцова, Казань—Дадашева, Ильява, с. Печани—Аржухова, Нурскъ—Пашкова, Одесса—Биза, Волохова, Малуга—Захаркина, Новочеркасскъ—Завядина, Сумы—Трубниковой, Воронежъ—Шилова, Ловачъ—Бѣлленой, Либава—Васильева, Тулумъ—Милкова, Царское Село—Мурашевой, Варшава—Карлова, Ковель—Смеляникова, Гельсингфорсъ—Яжннскаго, Вильна—Романовой, Петергофъ—

Жукова, Демина, Тубанова, Астрахань—Положенкова, Благовѣщ. зав.—Кузнецова, Ив.-Вознесенскъ—Коровкина, Александрфельдъ—Мандра, Слуцкъ—Гурвича, в. Ридна—Суханова, Лудонъ—Фохтъ, Гомель—Красникова, Черниговъ—Пучковскаго, Кронштадтъ—Михайлова, В. Фабръ.

Рѣшеніе задачи квадратикувъ № 63.

Вѣрна рѣшенія этой задачи присланы до 11-го сентября, отъ гг.: Сиб.: Копилова, Воссовскаго, Аленюса, Мрломѣркова, Мартинсона, Михайлова, Миклашевскаго, Русска, Генкинъ, Жоржа и Липы, Техника, Забалонскаго, Больсера, Зарубина; Москва: Ощепкова, Тимахова, Воборси, Трубецкаго, Гилд, Кобякова, Флашка, Корешкова; Микофьева, В-ва, Барсукова, Шикитина, Кичигина, Немого, Иванова; Слуцкъ Шера, ст. Черниково—Малыгина, Мозырь—Липича, Вологда—Извошкова, Шапошникова, Мышкинъ—Кожина, Кенотопъ—Крочковскаго, Тульчинъ—Щагина, Касимовъ—Униова; Тула—Шелкина, Новгородъ—Руткева, Пенза—Поспѣхова, Саратовъ—Уфинцевой, Одесса—Волохова, Казань—Дадашева, Ростовъ на Дону—Давидова, Самара—Лазарева, Лугина, Александровскъ—Новикова, Кострома—Високовскаго, Галичь—Храмцова, в. Фастово—Темченко, Ив.-Вознесенскъ—Коровина, Тверь—Е. Ф-ой, ст. Уманская—Кисѣва, Севастополь—Луганскаго, Елабуга—Яригина, Новочеркасскъ—Горькина, Тифлисъ—Цимбаловыхъ, Жульдинскаго, Ставрополь—Котилевскихъ, слоб. Калачъ—Петрова, Кронштадтъ—В. Фабръ, Виленскаго, Петергофъ—Бирюкова, Демина, Ревель—Владимирова, Остревъ—Горшанова, Бѣжецкъ—Дубовикова, ст. Нурскъ—Шгурова, Рыбинскъ—Череславцева, Брянскъ—Матвѣева, Гельсингфорсъ—Яжннскаго, с. Медвѣдь—Тихонова, Бобруйскъ—Платонова, ст. Печани—Аржухова, Луга—Камарина, Россены—Гроссманъ, Малуга—Чертова, Вельгартца—Гадуша, Ростовъ Ярославль—Калыкинскаго, с. Мозыляны—Вѣлскаго, Елецъ—Сочункина, Варшава—Курковскаго, Кишиневъ—Краморенко, Черниговъ—Пучковскаго, Гомель—Красникова, Слуцкъ—Гурвича.

СОДЕРЖАНІЕ: Стрители Александровскаго моста черезъ р. Волгу (съ портр.) Нуленное счастье. Романъ Н. Морскаго. (Окончаніе).—Съ облакомъ на землю. Рассказъ Л. Дема.—Погибающіе. Стихотвореніе (Изъ Беранже). В. Личачева.—Бабушкины снази (съ рис.).—Бояринъ Морозовъ передъ грознымъ (съ рис.).—Ящерина Варанъ (съ рис.).—На Панамскомъ перешейкѣ (отъ 2 рис.).—Русскій Сиваля (съ рис.).—Политическое обозрѣніе.—Смѣсь.—Разныя извѣстія.—Рѣшеніе магическихъ крестовъ.—Рѣшеніе шашечныхъ задачъ №№ 59, 60, 61, 62, 63, 64.—Рѣшеніе задачи № 60.—Рѣшеніе задачи квадратикувъ.—Объявленія.

Издатель А. Ф. Марксъ.

Редакторъ Ф. Бергъ.

ШВЕДСКІЯ КУРТКИ
ОТЪ 12 руб.
ПРЕДЛАГАЮТЪ.
Л. ЦОЛКОВСКІЙ и Комп.
к. № 887. Невскій пр. № 54.

Поступила въ продажу новая книга (складъ въ книжн. магазинѣ В. Цылева, СПб. Малая Садовая, № 9. 2-й);

„РУССКО-СЛАВЯНСКАЯ АЗБУКА“, для школьнаго и домашняго обученія, съ постепеннымъ нарастаніемъ буквъ, съ прописями и образцами рисованія, съ задачами, загадками и различными др. упражненіями, съ 800-ми рисунками, въ текстѣ. Цѣна 30 к. Сост. О. Пучковичъ.
№ 889 3—1

Вышла и поступила въ продажу новая книга:
„ТВЕРДОСТЬ ХАРАКТЕРА“.
Романъ изъ современной жизни, съ событіями послѣдней войны 1876—1877 гг.
Сочиненіе В. Марыина. Цѣна 2 руб., съ переслужою 2 руб. 25 коп. Книгопродавцамъ обычная уступка.
Складъ изданія въ книжной торговлѣ при редакціи „Собранія Романовъ“, въ домѣ Жербина, на Михайловской площади, въ С.-Петербургѣ. № 504 10—9

ПРАВЛЕНІЕ ГРЕБЕНЕВСКАГО СУДО-СБЕРЕГАТЕЛЬНОГО ТОВАРИЩЕСТВА.
Опочецкаго уѣзда, Псковской губерніи,
принимаютъ отъ иногороднихъ постороннихъ лицъ владѣнія всякой величины и по почти на безсрочное время, съ обязательствомъ возвращенія ихъ въ декабрѣ мѣсяцѣ любого года. По вкладамъ этимъ, Правленіе товарищества уплачиваетъ десять процентовъ годовыхъ. Проценты могутъ получаться владѣльцами лично или почтою по мѣсячно, по истеченіи каждаго мѣсяца. При уплатѣ процентовъ никакихъ вычетовъ, кромѣ почтовыхъ расходовъ, не дѣлается.
Товарищество обращаетъ свои капиталы въ предѣлахъ всего Опочецкаго уѣзда, удовлетворяя потребности въ мелкомъ кредитѣ и на приобретеніе крестьянами въ личную собственность мелкихъ земельныхъ участковъ (отрѣзовъ отъ надѣловъ). Внесенные вклады обезпечиваются капиталами товарищества и всѣмъ имуществомъ членовъ товарищества. Товарищество основано въ 1872 году, имѣетъ собственныхъ капиталовъ 82,352 рубля; оборотъ операціи товарищества въ 1879 году составлялъ сумму 918,988 руб. 26 коп.; товарищество оплачиваетъ свидѣтельство первой гилдіи. Товарищество занимается за суды съ членовъ-заемщиковъ по 12 процентовъ годовыхъ. Высшій размѣръ суду допустимый для каждаго члена составляетъ сто рублей; суды эти возвращаются обыкновенно въ ноябрѣ и декабрѣ. Въ товариществѣ состоитъ 3829 членовъ, 346 членовъ на полученную суду отрублѣн въ собственность землю, болѣею частью отрублѣнъ изъ надѣловъ. Отчетъ печатается ежемѣсячно и рассылается бесплатно. Адресъ: городъ Опочка, Псковской губерніи, Гребеневскому суду-сберегательному товариществу.
№ 885 8—2. Распорядитель П. ПЛЕНЬ.

ТЕХНИЧЕСКОЕ БЮРО и МЕХАНИЧЕСКОЕ ЗАВЕДЕНІЕ Г. ВИБЕРИНЪ.
Васильевскій Островъ, 13 линія, д. № 6.
Принимаетъ заказы на устройство всякихъ хозяйственныхъ заведеній, на доставку машинъ, и изготовляетъ, какъ спеціальность, машины для паровыхъ прядильныхъ и шоколадныхъ фабрикъ, винокуренныхъ заводовъ и т. п. Гарантія за каждое производство и доставку.
К. № 888

ФИСЬ-ГАРМОНИ
извѣстной фабрики Юссона въ Парижѣ.
4 окт. 1 игра изъ дубоваго дерева Р. С. 90
5 " 1 игра 1 рег. изъ дуб. дер. " 120
5 " 1 игра 3 рег. изъ палис. " 150
5 " 1 1/2 игры 7 рег. то же " 175
5 " 2 1/2 игры 11 рег. то же " 250
5 " 4 1/2 игры 18 рег. то же " 400
Школы для фисъ-гармоній по 1 р. 20 к. и 4 руб.
Гармонифлянты съ органомъ, музыкальные ящики, шарманки, органы ружинъ и всѣ другіе инструменты рекомендуетъ
ГЛАВНОЕ ДЕПО МУЗЫКАЛЬНЫХЪ ИНСТРУМЕНТОВЪ
Юлія Генриха Циммермана
СПБургъ, по Больш. Морской ул., № 42.
Заказы изъ провинціи исполняются немедленно и аккуратно.

Изданія А. Ф. Маркса въ Спб.
Большая Морская, д. № 9.
ВЪ НАМЫШАХЪ, повѣсть Н. Каразина, второе изданіе, съ 89 рисунками автора, большой томъ in 8— всего 304 стр. Цѣна 2 р., съ перес. 2 р. 30 к. Подписчики „Нивы“ за перес. не платятъ.
Повѣсть эта яркими красными рисунками Турнезавскаго края, достоинства ее достаточно доказываются уже тѣмъ, что повѣсть эта переведена на японскій, французскій и англійскій языки. Никѣ вышедшее второе изданіе выдѣляется съ собою 86 рисунками: оно гораздо богаче и лучше тѣмъ, уже распространенное, первое изданіе этой повѣсти.

ПАВЕЛЬ БУРЕ.
ФАБРИКАНТЪ ЧАСОВЪ.
 Поставщикъ Высочайшаго Двора и Императ. русского флота.
 Невскій просп., № 23 въ С.-Петербургѣ,
СОБСТВЕННОЙ ФАБРИКИ
 золотые мужскіе часы.
 Анкерные на 15 камняхъ закрытыя 75, 80 и 85 р. (смотря по вѣсу золота въ корпусѣ).
 Такие же 1-го сорта 90, 95, 100, 110 р.
 Также вышн. достоинства отъ 125 до 175 р.
 Также заводящиеся безъ ключа (въ ручку).
 Анкерные на 15 камняхъ закрытыя, 90, 100, 110 р. с.
 Такие же 1-го сорта отъ 125 до 165 р. с.
 Также вышшаго достоинства отъ 175 до 225 р. с.
 Полухронометры выѣренные въ разныхъ температурахъ отъ 250 до 400 р. с.
Ручательство на 2 года.
 Къ часамъ, заводящимся ключемъ, прилагается золотой ключъ. № 880 33—2
 Пересылка на счетъ магазина.

Спб. Врачебнымъ уразвліеніемъ рассмотрѣна и разрѣшена во всеобщее употребленіе.
НОВѢЙШАГО ИЗОБРЕТЕНІЯ
ОРЪХОВАЯ КРАСКА
 для водост; она моментально окрашиваетъ въ натуральные цвѣта: черныя, темнокоричныя и каштановыя; 30 дней не требуетъ повторенія. Ц. 1 р. 20 к., съ перес. 2 р., въ космогическомъ магазинѣ В. Парикова и комп., въ гостиномъ дворѣ, № 78, противъ нажескаго корпуса, въ С.-Петербургѣ. № 874 4—2

АЛЬБОМЫ
 отъ 85 к. до 25 руб., кошельки, портландшпирсы, портмоне, бумажники, отъ 50 к. до 6 р.; записки отъ 5 к. до 8 руб. за пару, изъ поддѣльныхъ брилліантовъ: серьги, броши, кольца, запонки, булавки, отъ 1 до 8 р.; цѣпочки мужскія и дамскія накладнаго золота и чрезъ огень золоченыя единственныя не чернѣющія отъ 2 р. 50 к. до 10 руб.; помочи, галстуки, шетки, гребни, верзала, игры: шахматы отъ 1 р., шашки отъ 30 коп., домино, лото, амер. игра солитеръ и проч.
МАГАЗИНЪ „НЮРНБЕРГЪ“
 (содерж. І. Ф. Брагаръ).
 Старый Газетный пер., д. Шаховскаго, наискось ц. Успенія въ Москвѣ;
 тутъ же новости: чудомунитуръ образующій картины при вращеніи 70 ж., соловой поющей какъ птица 50 ж. и новыя игрушки: волочекъ съ музыкой 50 ж. и велосипедъ 1 р. Заказы по почтѣ исполняются не мѣне чѣмъ на 3 руб.
 П. М. № 884.

ВСѢХЪ МАШИИИЪ И МЕХАНИЧЕСКОХЪ ПРИБОРОВЪ
 приготовляемыхъ въ Германіи, Франціи и Бельгіи, доставляетъ по настоящиму фабричнымъ цѣнамъ, принимаетъ на себя отпразъ у до послѣдней станціи желѣзной дороги за умѣренную комиссію.
Морицъ Вейль младшій, Машинная фабрика въ Франкфуртѣ на Майнѣ (Германія). Р. № 841 18—4

ОБЩЕСТВО ВОДОЧНАГО ЗАВОДА
БЕКМАНЪ И К°,
 устроило рядомъ со своимъ водочнымъ заводомъ, въ совершенно новомъ, исключительно для сего приспособленномъ зданіи и открыло въ январѣ 1880 г.
ЗАВЕДЕНІЕ ИСКУССТВЕННЫХЪ МИНЕРАЛЬНЫХЪ ВОДЪ
 подъ тою же фирмою **Бекманъ и Ко**, въ которомъ приготовляются также ягодныя и фруктовыя воды, а равно и лимонады.
 Коломенской части, Перевозная ул., д. № 6. К. № 863 10—2.

РАСПРОДАЖА.

ПО СЛУЧАЮ ПЕРЕМѢНЫ ПОМѢЩЕНІЯ

СКЛАДА ХРУСТАЛЬНОГО ЗАВОДА ГРАФА ГАРРАХА „НЕЙВЕЛТЪ“ ВЪ БОГЕМИИ.

въ Большой Морской, № 36, въ С.-Петербургѣ, распродаютъ все запасы, какъ-то: хрустальные сервизы, гарнитуръ для вина, пива, пунша и ликера, приборы для умывальныхъ столовъ, сахарницы, чайницы и маслянки, пивные и чайные стаканы, письменные приборы, прессъ-папье, хрустальные подсвѣчники, вазы и т. п.

ДО 25 СЕНТЯБРЯ СЕГО ГОДА включительно, СО СКИДКОЮ 30% СЪ ФАБРИЧНОЙ ЦѢНЫ.

Настоящее помѣщеніе склада отдается согласно текущаго еще контракта въ наемъ, желающимъ просить обращаться въ означенный складъ, по Большой Морской ул., № 36.

Съ 1-го октября сего года тотъ же складъ хрустального завода графа ГАРРАХА „Нейвелтъ“ въ Богеміи будетъ помѣщаться по Невскому проспекту, на углу Малой Садовой, домъ Ушакова, № 54—3, противъ Екатерининскаго памятника.
 В. № 865 2—2

С.-ПЕТЕРБ. ЦЕНТРАЛЬНАЯ КОНТОРА ОБЪЯВЛЕНІЙ ВСѢХЪ ЕВРОПЕЙСКИХЪ ГАЗЕТЪ.
 № 11 НЕВСКІЙ ПР., НА УГЛУ М. МОРСКОЙ, Д. СТРУВИНСКАГО № 11
 принимаетъ объявленія во все С.-Петербургскія, Московскія, Губернскія и заграничныя газеты по цѣнамъ редакцій.
 При большихъ заказахъ дѣлаются соответственными уступки
 Переводы и переписки на все языки исполняются по умѣреннымъ цѣнамъ.
 Объявленія въ здѣшнихъ календаряхъ на 1881 принимаются еще нѣсколько дней.
 К. № 892 5—1.

ИСТОРИЧЕСКІЕ АЛЬБОМЫ:

440 ПОРТРЕТОВЪ ИЗВѢСТНЫХЪ ЛИЦЪ, XVI—XVIII В В.

Составленный по порученію общества поощренія художниковъ, съ подлинныхъ оригинальныхъ портретовъ, съ приложеніемъ криткаго біографическаго текста о каждомъ лицѣ. Цѣна въ крупнороскомъ тисненіи переплетъ 50 руб.

Современники и дѣтяти Петра Великаго.
 122 портрета, съ біографическими текстами Ц. 15 руб.

Историческія событія царствованія Петра Великаго.
 26 картинъ, съ пояснительными текстами. Ц. 15 руб. Оба альбома въ крупнороскомъ тисненіи переплетъ, съ золотымъ обрѣзомъ.

Адресоваться: въ С.-Петербургѣ, въ Редакцію Историческихъ Альбомовъ, по Развѣзной улицѣ, д. № 11.

При редакціи имеются матеріалы и большой выборъ туманныхъ картинъ для вошешаго фнмара, выгнотованныхъ для лекцій и народныхъ чтеній, по всемъ отраслямъ знанія.

Раскрашенныя картины, видовъ мѣстностей, группъ и народныхъ сценъ, суда по сложности исполненія картинъ. Ц. отъ 1 р. 50 к. до 2 р. за каждый экземпляръ, вставленный въ деревянную рамку. — Раскрашенныя картины въ такой же рамкѣ, по 80 к. Отправка въ провинціи на счетъ покупателя. № 888.

ИЗДАНИЕ ЮРГЕНСОНА.

ВЫШЛИ ИЗЪ ПЕЧАТИ:

А. Б. МАРКСА. Всободій учебникъ музыки. Руководство для учителей и учащихся по всемъ отраслямъ музыкальнаго образованія. Переводъ съ 9-го нѣмецкаго изданія А. С. Фашицины. 2-е исправленное изданіе. Москва. 1880. 8° XVI и 420. Ц. 3 р. 50 к.

Л. КЕЛЕРА. Преподаваніе фортепьяно. Практическіе советы, наблюденія и замѣтки. Переводъ съ 4-го нѣмецкаго изданія. Москва. 1880. 12 д. л. VIII и 320. Цѣна 2 рубл.

Печатается: 3-е изданіе Учебника гармоніи П. ЧАЙКОВСКАГО.
 Москва, у П. ЮРГЕНСОНА, С.-Петербургѣ у І. ЮРГЕНСОНА,
 Неглинный проѣздъ, 10. Большая Морская, 9.
 П. М. № 883.

ВАЖНО ДЛЯ СЕЛЬСКАГО ХОЗЯЙСТВА.

Франкфуртскія молотилки системы Вейла.

Должны быть вездѣ, гдѣ молотятъ. Это самыя лучшія, прочныя, извѣстныя, дешерыя машины этого рода. Всякій работникъ можетъ ихъ поставить, каждый поденщикъ можетъ ими пользоваться) съ ними справиться, каждый кузнецъ можетъ ихъ починить.
 Машины эти, съ чистыишкомъ или безъ него, доставляются: на каждую желѣзнодорожную станцію. Самой малой величины молотилка стоитъ только 76 рублей. По письменному требованію иллюстрированный каталогъ у **МОРИЦА ВЕЙЛА** младшаго.
 Машиная фабрика въ Франкфуртѣ-на-Майнѣ (въ Германіи).
 Корреспонденція по русски. 13—12
 Pт. № 662

Поступила въ продажу новая книга:

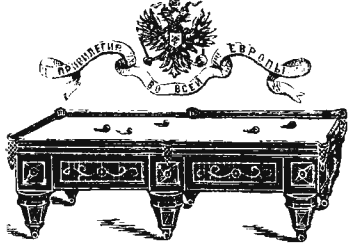
ЗАКОНЫ

О ДУХОВНЫХЪ ЗАВѢЩАНІЯХЪ.

Составилъ присяжный повѣренный Г. В. Берггольдтъ.

Съ поясненіемъ текста законовъ и съ приложеніемъ подробныхъ буквальныхъ извлеченій изъ рѣшеній гражд. кас. деп. сената, составившихся съ 1867 по 1879 г. вышнотельно, рѣшеній общаго собранія Сената и **ВЫСОЧАЙШЕ УТВЕРЖДЕННЫХЪ** мнѣній Государ. Совѣта. Къ книгѣ приложены постановленій указатель и алфавиты, облегчающіе пользованіе книгою.
 Цѣна 3 р. 50 к., съ пересылкою 4 руб. Книгопродавцемъ обмчная уступка. Складъ книги у издателя Г. Берггольдтъ, въ Москвѣ, на Тверской, въ домѣ Хомяковыхъ, бывшемъ Паровозикова, въ № 16. Иногородные могутъ обращаться во все наиболѣе извѣстныя книжныя магазины и къ издателю; выясняющіе книгу прямо отъ Г. Берггольдтъ за пересылку не платятъ.
 П и К. № 890

БИЛЛЯРДНАЯ ФАБРИКА
РУДОЛЬФЪ ГЕРДЕСЪ
 ВЪ С.-ПЕТЕРБУРГѢ
 предлагаетъ свои

Биллярдъ съ патентованными передвижными бортами
 разныхъ величинъ, разлагаемой конструкціи, крытые, ровно шлифованными, асфальдиными досками, солидной, вышней работы, по рѣшительнымъ цѣнамъ. Иллюстрированныя трейсъ-курранты съ описаніемъ выставляются желающимъ.

АТТЕСТАТЪ.

Настоящій аттестатъ выдается мною Ростовскимъ на Дону купцомъ Иваномъ Семёновымъ Самойленко С.-Петербургскому биллярдному фабриканту Рудольфу Гердесу въ томъ, что заказанная ему мною и сдѣланные на его фабрикѣ три биллярда отличаются слѣдующими достоинствами: по отъезду выатковъ биллярды фабрики Гердеса, три прочной и вышней работы, отличаются замѣчательною вѣрностью, что, главнѣе всего, зависитъ отъ примѣненія фабриканта новаго образца бортовъ подвижныхъ и вращающихся, позволяющихъ съ одинаковою вѣрностью играть парами разныхъ величинъ. Кроме того заказъ мой выполненъ фабрикантомъ вышнотъ добросовѣстно и своевременно, безъ малѣйшаго упущенія.
 Ростовъ на Дону, 10-го числа, 1-80 года
 Ростовскій купецъ Иванъ Семёновъ Сажоленко.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ,
РУДОЛЬФЪ ГЕРДЕСЪ.

Вознесенскій просп. № 12.
 ВЪ МОСКВѢ:

БИЛЛЯРДНЫЙ ФАБРИКАНТЪ ФЛЕГЕ
 на углу Газетнаго пер. и Большой Невской. № 859 10—3

СПЕЦИАЛЬНОСТЬ

собственнаго завода.
ПОЖАРНЫЯ ТРУБЫ
 всякаго рода.
НАСОСЫ
 для всякаго употребленія.
 Новый огнетушитель
КОСМОПОЛИТЪ,
 рекомендуетъ со склада
Альфредъ Лангеншпенъ.
 С.-Петербургъ, Мал. Итальянская, № 11.
 Иллюстрированныя трейсъ-курранты безъ цѣн.
 К. № 845 5—5

ГАЗОВЫЕ ДВИГАТЕЛИ

— ПАТЕНТОВАННЫЕ —
 системы Отто отъ 1/2 до 20 силъ, изъ нихъ около 50 штукъ здѣсь работаютъ, можно заказать въ **Техническомъ Боро Г. Виберингъ.**
 Вас. Островъ, 13 лин., домъ № 6.
 К. № 885.

НИВА

ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ
ЖУРНАЛЪ
ЛИТЕРАТУРЫ

ПОЛИТИКИ И СОВРЕМЕННОЙ ЖИЗНИ.

XI годъ
№ 39

годъ XI
1880

ВЫХОДИТЬ ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫМИ №№ ВЪ ДВА ЛИСТА СЪ 6—10 РИС. И ЕЖЕМЪСЯЧ. ДАРОВЫМЪ ПРИЛОЖЕНІЕМЪ „ПАРИЖСКИХЪ МОДЪ“ (отъ 20 до 40 модн. рис. Выходъ 27 Сентября 1880 г. и ЛИСТА ЧЕРТЕЖ. ВЫПРОЕБЪ (отъ 22 до 30 рис.) разн. рис. рукод. работъ (отъ 20 до 40 рис.) Цѣна этого № „Нивы“ 15 к. съ перес. 20 к.

ОБЪЯВЛЕНІЯ
для напечатанія
въ „НИВЪ“ принимаются по 25 к.
за строку неполнорейль (въ 1/4 ширины
страницы).
КОНТОРА
журнала открыта
ежедневно (кроме
Воскресныхъ и
праздничныхъ
дней) отъ 10 ч. утра
до 6 ч. вечера.

Продолжается подписка на „НИВУ“ 1880 г.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА НА ГОДОВОЕ ИЗДАНИЕ „НИВЫ“

Безъ доставки въ Петербургъ . . . 4 р.

Съ доставкою 5 р.

Безъ доставки въ Москвѣ черезъ кн. маг.
гг. Шапошникова, Соловьева и Лангъ. 5 р.

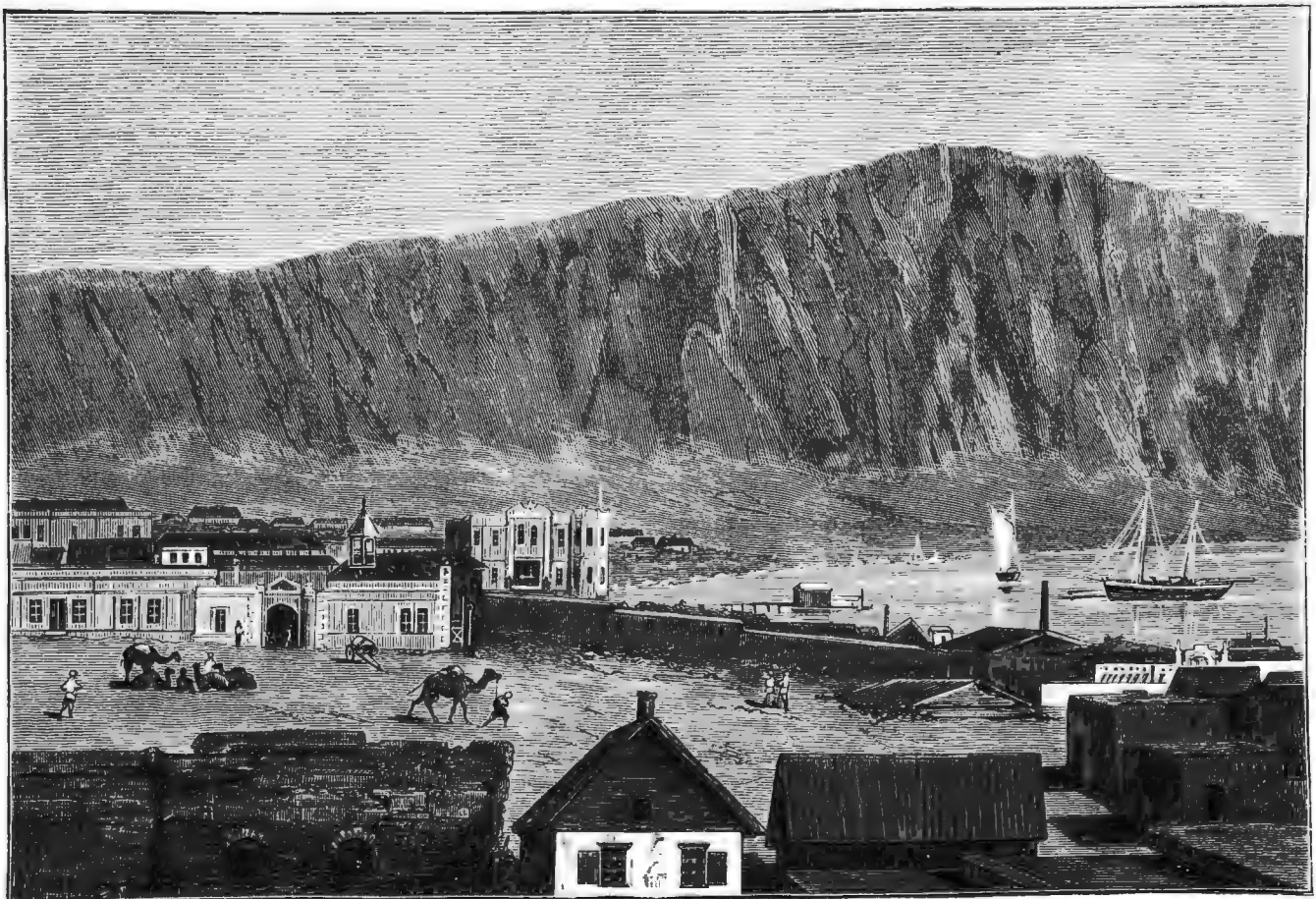
Съ пересылкою въ Москву и другіе
города Россіи 6 р.

За границу: съ перес. въ Австрію, Германію, Францію, Италію и друг. города 8 руб.

Каждый новый подписчикъ получаетъ воѣ уже вышедшіе въ 1880 г. номера.

ПРИЛОЖЕНІЯ.
Особые приложенія при „НИВЪ“
объявленія отъ
торговыхъ домовъ
принимаются для
иног. по 6 р. съ
тысячи, для город-
скихъ по 4 р.
РУКОПИСИ.
Мелкія рукописи и
стихи неудобныя
печати, авторовъ
не возвращаются.

КОНТОРА ЖУРНАЛА „НИВА“ ПОМѢЩАЕТСЯ ВЪ С.-П.-БУРГѢ, НА Б. МОРСКОЙ, ВЪ Д. № 9.

На Каспійскомъ морѣ. Городъ Краснодарскій. Съ фотогр. грав. М. Рашевскій.

КРАСНОВОДСКЪ.

Посланный Петромъ I въ свой неудачный походъ на Индію несчастный князь Бековичъ-Черкасскій, такъ таинственно и ужасно погибшій въ безпредѣльныхъ степяхъ Средней Азіи, поставилъ, какъ первую русскую станцію на восточной туркменской сторонѣ Каспія, укрѣпленіе Красноводскъ на сѣверномъ берегу Красноводскаго залива. Въ 1836 году еще видны были остатки построекъ Бековича—валъ и бастионы и заросшій травой и кустами, полузасыпанный песками, ровъ. Теперь близъ этого мѣста въ 1870 г. построено укрѣпленіе и городокъ Красноводскъ, котораго изображеніе мы здѣсь помѣщаемъ. Это главное мѣсто такъ называемаго Закаспійскаго отдѣла или Красноводскаго приставства, получившее права города лишь въ 1874 году; здѣсь находятся административныя учрежденія отдѣла. Красноводскій заливъ составляетъ часть Балханскаго залива и получилъ свое названіе отъ красноватаго цвѣта водъ своихъ. Укрѣпленіе основано для открытія торговаго пути въ Среднюю Азію, но торговое значеніе Красноводска скоро упало и намъ пришлось для безопасности еще подвинуться въ сосѣдство туркменъ и мѣсто Красноводска въ торговомъ отношеніи занялъ Чивилшаръ.

Красноводскъ могъ бы оправдывать свое названіе „красныхъ“ водъ только въ смыслѣ якорной стоянки, удобной морской гавани. Что касается качества его водъ для питья, то онъ бѣденъ хорошею водою; для мѣстныхъ войскъ обыкновенно опрѣсняютъ морскую воду. На берегу постоянно находится машина для образованія льду, отмѣченная краснымъ крестомъ, которая можетъ выдѣлать въ день до 16 пудовъ льду. Растительности кругомъ абсолютно никакой. Бухта превосходна, скалы по берегу очень живописно расположены, но городокъ состоитъ только изъ одного ряда каменныхъ строеній: тутъ помѣщеніе начальника мѣстныхъ войскъ, клубъ, офицерскія квартиры, войсковыя казармы, госпиталь и т. п. Со стороны моря видъ городка довольно красивый, вблизи же это на песчаной плоскости среди скалъ разбросанныя—укрѣпленіе, базарная площадь, городской садикъ и нѣсколько каменныхъ казенныхъ домиковъ. Садъ всего семь лѣтъ какъ засаженъ, землю для него возили изъ Ленкорани

а воду для поливки изъ отдаленныхъ отъ города колодезь, и его запяленные топчія деревца печально влчатъ свое существованіе. Безконечная скатерть цѣлаго изумрудно-зеленаго моря плещется у подножія скалъ и между тѣмъ городъ страдаетъ недостаткомъ воды. Вслѣдствіе такого недостатка отсутствіе животной и растительной жизни здѣсь поражаетъ. Даже воробы и вороны—эти неизмѣнные сосѣди всякаго человеческого жилья—нашли это мѣсто непривлекательнымъ. Только многочисленныя купеческія и военныя суда, часто приходящія и отходящія, оживляютъ это мѣсто. Онѣ приносятъ съ собою почву, новости и новыхъ людей, воду, ледъ и перемѣну пищи. Что касается жары, то она здѣсь еще выносима, ибо вѣтеръ съ моря прекрасно освѣжаетъ воздухъ. Кромѣ того есть купальни, которыя всѣ посѣщаютъ по два, по три раза въ день.

Знаменитый Гумбольдъ на вулканическомъ образованіи порфиривидныхъ горъ Красноводскаго залива основываетъ свое заключеніе, что горы эти—продолженіе Кавказскаго хребта. Близъ Баку находятъ затопленныя древнія башни. У Персіянъ есть преданіе, что Апшеронскій полуостровъ, былъ соединенъ нѣкогда съ Красноводскимъ берегомъ перешейкомъ, обрушившимся и покрытымъ водою сравнительно не въ очень отдаленныя времена—при Александрѣ Македонскомъ. Тоже преданіе существуетъ и у Красноводскихъ туркменъ. Близъ песчаного и негоспরিимаго восточнаго берега совсѣмъ не встрѣчаются многія породы рыбъ, которыя массаи водятся у западнаго берега. Вообще замѣчательны различія во многихъ отношеніяхъ обоихъ береговъ Каспія, этого величайшаго на землѣ озера. Климатъ въ Красноводскѣ и вообще на восточномъ берегу несравненно болѣе суровый чѣмъ на западномъ, гдѣ не знаютъ почти снѣга. Здѣсь же четыре мѣсяца въ году стоитъ суровая зима съ буранами и мятелями.

Недалеко отъ Красноводска расположены промышленныя острова Челекень, Огурчинскій и друг. урочища туркменъ-рыболововъ, торгующихъ съ нашими купцами. Туркмены часто посѣщаютъ Красноводскъ и нѣкоторые даже здѣсь поселились и построились.

БЛИЗЪ СТАНЦІИ ЖЕЛѢЗНОЙ ДОРОГИ.

Разсказъ. Н. Б.—ва.

...И снится онъ—и летаетъ
Недобрый сонъ надъ лѣшымъ...

И грустно дѣду—видитъ:
По всей его дубровѣ
Чужое что творится
И все какъ будто вновь...

Посѣченъ, срубленъ, сваленъ
И стубленъ топорами,
Кругомъ весь островъ стонетъ
Дрожащими вѣтвями.

И разсыпая искры
Далеко въ полѣ чистомъ,
Летятъ змѣя-чугунка
Съ шипѣніемъ и свистомъ.

Л. Мей („Лѣшій“)

Если въ нашемъ лѣсу былъ лѣшій, то именно такъ ему это должно было представляться, ему, старому, исконному духу нашихъ мѣстъ. Съ недоумѣніемъ и грустью долженъ онъ былъ слышать, какъ среди его родныхъ сосенъ раздавались оглушительные, какіе-то наглые словно, свистки и грохотъ поѣзда, несущагося, какъ нынѣшняя жизнь, безостановочно и безпощадно, пока не слетитъ гдѣ нибудь съ рельсовъ. Трескъ, стоны, нѣсколько несчастныхъ... но некогда надъ этимъ останавливаться и опять несется жизнь съ рѣзкими свистками—дескать не попадается...

Такъ же бывало, грустно слушалъ эти свистки, жившій въ своей усадбѣ близъ желѣзной дороги, мой старый знакомецъ, отставной капитанъ Бухаринъ и покачивалъ все своей дряхлой, сѣдой какъ лушь, головой. Сидитъ бывало онъ въ халатикѣ съ трубочкой у окна, надѣваетъ большіе серебряные очки и газету читаетъ. Внучка его тутъ вертится—хорошенькая была дѣвочка—мы ее бывало все русалочкой звали. Ни отца, ни матери у нее не было. Дочь Бухарина, покойная мать Лидочки, превзбалмошная была. Какъ пріѣхала изъ губернской гимназіи, гдѣ училась и гдѣ весьма плохо кончила, старикъ и руками развелъ. Сразу заявила она ему, что во избѣжаніе недоразумѣній, впредь заявляетъ, что ничего не признаетъ...

— То есть какъ же таки ничего? спрашиваю, разсказывалъ старикъ,—стала на одномъ „ничего“, да и полно. Чтожь это, говорю, довольно глупо и никого ты этимъ не испугала. А только гдѣ ты набралась?.. Она такъ и выпалила, да вѣдь скоро, скоро такъ: неужели вы думаете, въ городѣ нѣтъ ужъ сколько нибудь порядочныхъ личностей! Ей Богу, такъ и говорить. Наслушался я! Папиросы закурила—чадъ въ комнатахъ. Ни до чего то не дотронется, не сдѣлаетъ. А добрая вѣдь была. Говорю: люди мы бѣдные, что ты не займешься? Я говорить, въ губернантки... Вотъ те и сказъ. Однако за жандармскаго тутъ у насъ офицера вышла...

— За жандармскаго?

— Да, тихій былъ такой, хворый, бѣлобрысый; глаза словно безъ всякаго цвѣту. Она ему сначала: презираю вашъ мундиръ. Онъ ей: помилуйте, сударыня, говорить, мы состоимъ при линіи желѣзной дороги. Обязанности наши самыя тихія... Такъ ходилъ, ходилъ—она за него и вышла и пошла имъ вертѣть. Однако онъ скоро умеръ.. Осталась она съ дѣвочкой—ко мнѣ. Потомъ и дочь бросила—въ народныя учительницы! Я и хлопоталъ за нее. Знала она плохо и что ужъ она тамъ творила, Господь ее знаетъ—только и отъ сельскаго общества это пришло, что просятъ ее перемѣнить... не желаютъ ея и инспекторъ объ ней представленіе сдѣлалъ какое-то... Такое мнѣ горе старому было! Помню какъ теперь—ночь была темная такая, дождикъ льетъ, вѣтеръ такъ и рветъ деревья, въ трубѣ гудеть.. Внучка спала ужъ. Ну, мнѣ старому все не спится—сѣжу у огонька да газету читаю. Вдругъ слышу сначала этотъ свистъ желѣзной дороги—не могу привыкнуть, все вздрагиваю. А тамъ слышу по лѣсу колокольчикъ, да жалкій такой... силпый, кляченки видно еле тащатъ... Кому бы, думаю, тутъ быть. Ближе, ближе. Я къ окошку. Стекла напотѣли, темныя... Опять ближе. Пошелъ на кухню, работницу разбудилъ. Пошла она съ фонаремъ дверь отворить... Входитъ—то ли мокрымъ-мо-

крехонька, вода ли лъетъ съ одежонки, шляпченка такава поарковая, мужская, жалконькая, въ лицѣ кровинки нѣтъ, дрожить такъ страшно, тощая такая — дочка!..

— Здравствуй! Ахъ горе, мое горе! Что ты, что съ тобой. Самоварчикъ поскорѣе Откуда? Молчитъ, стоитъ какъ истуканъ, дрожить и мѣшечекъ такой гаденькій въ рукахъ Иди, переодѣнься.. согрѣйся... А она вдругъ на шею мнѣ, плачетъ... „Папочка, говоритъ, и рыдаетъ и всхлипываетъ... я вамъ старенькому только на горе, негодящая я, простите вы меня... Такая я больная, такая разбитая! Примите!“ Ну вижу не въ себѣ она. Что ты дурочка! Иди, Господь съ тобой, успокойся — развѣ такія глупыя слова говорить „примите!“ Ты мнѣ кто же? Не подумавъ да и брякъ! „Примите!“ Глушенькая, право глушенькая какая... Тутъ все такое горькое было. Внучка матери не узнаетъ ровно, за этими развѣздами-то ея, дико такъ глядитъ, какъ лежитъ она въ кровати мечется. Ну умерла скоро—царствіе ей небесное бѣдной. Послѣдніе дни передъ смертью тихая была такая. Говоритъ: я гадкая, и дочка меня не узнаетъ—подѣломъ мнѣ. Ну я знаю ее... остороженько... „пріобщиться“... Ну и слава Богу, порадовала меня старика—согласилась и такъ хорошо скончалась... Она добрая была... хорошая... въ мать...

— Такъ внучка у васъ все одна да одна.

— Да, что-жъ будешь дѣлать? Боюсь ужъ я ее опять въ городъ-то. Да и средствъ никакихъ нѣту. Читать, писать внучилась у дьячка у нашего. Это хоть по домишку нашему чѣмъ нибудь занимается...

— Посѣтители—то естѣ?

— Да, да какой нынче посѣтитель? Прежде бывало всѣхъ знаешь. А нынѣ по желѣзной дорогѣ это ихъ понаѣхало. Не то онъ адвокатъ, не то жидъ, не то за мошенничество высланный какой сюда—опасно стало на свѣтѣ. И какъ вотъ свиснетъ это локомотивъ, я такъ и вздрогну, мнѣ все это и представится. Священникъ молодой когда придетъ. Да мудроно тоже говорить. „Помилуйте, говоритъ, капитанъ, это даже самое теченіе современныхъ идей указываетъ...“ Вонъ какъ! А то пришелъ какъ то одинъ такой въ грязной рубахѣ, въ пиджакѣ, галстукъ розовый, рябой и прыщавой такой. Кто такой будете?

— Знакомые, говоритъ, люди. Тарасенковъ я, Степанъ.

— Не знавалъ моль я такого.. А выходитъ, что знавалъ. Кузнеца Петра, что разбогатѣлъ да въ купцы попалъ, сынъ, Степка—бѣгалъ къ намъ когда гвоздей, когда подкову, когда за водкой отецъ посылалъ и за вихры его у насъ часто дирал, дрянной мальчишка, воръ былъ.

— Какъ мы, говоритъ, теперь всѣ имѣнія у господъ закупили и въ родѣ какъ помѣщичьи то и вамъ выходимъ сосѣди.

— Значитъ васъ надо теперь Степанъ Петровичемъ величать?

— Да, говоритъ, придется.

А то пріѣхалъ одинъ съ портфелемъ и такой юркій, черный. Ой, думаю, жидъ!

— Эксплуатация имѣній теперь, говоритъ, вопросъ... Недостаточно разработанный... Небольшой куртажъ... нашель бы покупателя или въ компанію можно... богатства почвы... признаки минеральныхъ источниковъ... Кромѣ того лѣсъ... Если выдадите на начатіе дѣла рублей 200...

— Что ты, говорю, перекрестись батюшка, какой шутникъ тебя прислалъ... едва перебиваюсь... а онъ на — поди 200! Да ты кто же будешь?

— Ходатай по всякимъ дѣламъ, говоритъ. Вонъ какіе развелись—по всякимъ—Господи-батюшка! Такъ и лѣзетъ... „Куртажъ, куртажъ...“ черезъ два слова... Господи — батюшко!

Съ тѣхъ поръ, какъ я, сидя на балкончикѣ стараго,

окруженнаго сосновой рощей, домика Бухарина, попи- валь чай, принесенный намъ Лидочкой и слушалъ эти разговоры, прошло три года. Тоскливое мыканье среди теперешней, потерявшей всякія опредѣленные грани и ясныя формы, жизни—привело меня опять въ тотъ же городъ.

Стоя у рѣшетки нотаріальной конторы, гдѣ два-три писца старались изобразить „клерковъ“ и дожидаясь очереди, я невольно оборотился въ сторону какого-то, пристально на меня глядѣвшаго, рябаго, высокаго грязнаго, противнаго вида малаго, развалившагося, руки въ карманы, съ апломбомъ, въ креслѣ, за рѣшеткой, какъ свой человекъ въ конторѣ.

— А я васъ призналъ, заговорилъ онъ ко мнѣ, у Бухарина вы бывали. Что же покупаете что или продаете... Скажите—купимъ... коли что...

— Какже, какже! продолжалъ онъ, не стѣсняясь тѣмъ, что я ничего не отвѣтилъ, вышла замужъ внучка-то, за ссыльнаго... Опустился, сильно опустился старикъ... все молчитъ... Ну онъ, знаете, всегда былъ старикъ, прямо сказать, довольно глупый... Я сосѣдъ вѣдь ему буду... Какже...

Я вспомнилъ рассказъ старика и догадался, что это и есть Степка, бывший кузнечный мальчишка, нынѣ купецъ Тарасенковъ.

— Я было хотѣлъ съ нимъ кое-что сварганить, продолжалъ Тарасенковъ, задѣтый моимъ молчаніемъ, обращаясь къ одному изъ клерковъ, который къ нему обернулся на винтѣ высокаго табурета, болтая ногами, какже—да что съ нимъ сдѣлаешь? Глупый человекъ! Помирать, говоритъ, мнѣ все равно въ устроенномъ имѣніи или неустроенномъ... Я говорю, я вамъ устрою... Знаю, говоритъ я твое устройство...

— Знаю твое устройство? переспросилъ клеркъ, тараша глаза.

— Да, ну конечно подкупить землицы у него хотѣлъ, оно рядомъ...

Но я получилъ свои бумаги и не дослушалъ.

Съ вечернимъ же поѣздомъ поѣхалъ я до станціи, около которой расположена усадьба Бухарина. Былъ сѣрый, осенній, дождливый день. Съ сосенъ, какъ слезы, лились крупныя капли. Вороны и голуби сидѣли нахохлившись, стараясь спрятаться въ вѣткахъ, гдѣ погуще сплетались онѣ. Старья, полусломанная и по рессорамъ перевязанная веревками дрожки, которая добылъ гдѣ то бывший дворовый, занимавшійся легковымъ извозомъ со станціи—дрожки эти дребезжали и визжали, словно отъ боли, по всѣмъ суставамъ. Высокая, худая, старая кляча съ пріемами каретной лошади, едва тащила, шлепая по грязи. И еще грустище и темнѣе глянулъ на меня старый, знакомый, поросшій мохомъ домикъ. Но Боже мой, какимъ запустѣніемъ все вѣяло въ этомъ домикѣ! Ни одна собачка не таякнула мнѣ на крыльцѣ, гдѣ я подергалъ запертую дверь и пошелъ черезъ кухню. Тамъ соръ, грязь и темнота. Старуха—работница снала на лежанкѣ. Старый, сѣрый котъ лѣниво открылъ въ печуркѣ глаза и безъ малѣйшаго удивленія или любопытства, взглянувъ на меня, снова закрылъ ихъ. Только большая муха назойливо жужжала, билась по угламъ и по мокрымъ снаряжкамъ, тусклымъ, нематымъ стекламъ...

— Кто тамъ? послышался старческой, дребезжащей, знакомый голосъ. Господи, да никакъ это вы? Вѣдь это надо ѣхать по желѣзной дорогѣ. Эдакое безпокойство видѣть меня, старика... Я ужъ и радоваться батюшка разучился... Такъ все вотъ Богъ смерти не даетъ, а горя, горя сколько угодно... Садитесь... Что же я... кх... кх!.. Маланья... все спитъ... самоварчикъ...

Когда мы усѣлись, поразговорилъсь, я спросилъ правдали, что Лидочка его вышла замужъ за ссыльнаго и какъ это случилось.

— Худое дѣло, хвастать нечего. Такъ это все какъ-то разыгралось неожиданно. Мѣсто здѣсь знаете глухое,

новостей мало. Все что случится, сейчас услышишь. Прослышали мы, что у начальника станціи нашей—былъ онъ прежде буфетчикъ въ трактирѣ—что у него поселился какой-то ссыльный, на порукахъ, видите, у него. Ну потолковали мы это. Священникъ говоритъ, что хотя убѣжденій и противныхъ быть можетъ человекъ, но все же вѣроятно съ развитіемъ умственнымъ. Познакомился съ нимъ. Рассказываетъ: такой, говоритъ, тихій, скромный, молодой. За что его и ссылали-то? Кажется на буйственное на что не способенъ.. чтобы къ ниспроверженію.. Говоритъ мало. О власти съ почтеніемъ. Такъ поболтали и забыли о немъ.

говоритъ. То-то ли вѣжливый, то-то ли скромный! Все краснѣетъ, вскакиваетъ! „Извините!“ Вижу моя русалочка—кого она бѣдная видѣла? на его голубые глаза все поглядываетъ и такъ-ли повеселѣла. Думалъ, думалъ я его не принимать, да жалко дѣвочку стало. Пусть, думаю хоть поговорить съ кѣмъ помоложе дѣда—бѣда не велика.

И говорилъ то онъ не такъ. Однако слова употреблялъ. Мѣры эти правительства, говоритъ, не цѣлесообразны.. Въ газетахъ, говоритъ, довольно о политикѣ Европы было. И вижу по разговору, что не изъ обра-

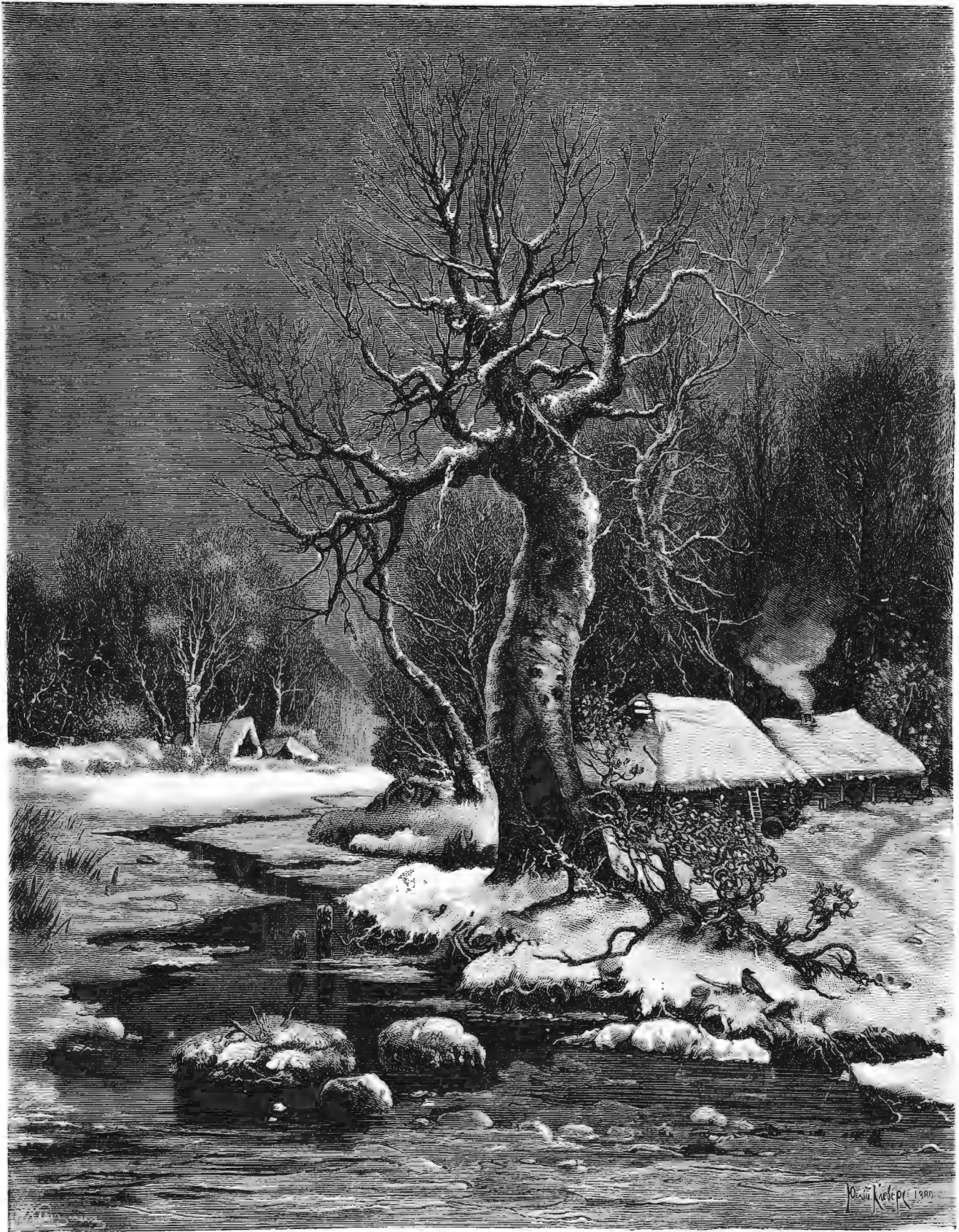
Художникъ—Михаилъ Звечи. Рис. перомъ Г-жа Маріи Этлингеръ, грав. Лефманъ.

Разъ сидимъ это мы съ Лидочкой на балконѣ, жаркій такой день былъ. Смотримъ, изъ лѣсу идетъ по тропинкѣ молодой человекъ, такой изъ себя видный. Фуражечку приподнялъ. „Извините, говоритъ, не могу ли попросить стаканъ воды, усталъ, я не здѣшній, такъ въ лѣсу заблудился“—и глаза такіе голубые, вѣжливо такъ говоритъ. Вы говорю издавека-ли, кто будете? Заходите, чайку выпьемъ. Ну онъ знаетъ грустно такъ „быть можетъ, вы не захотите и знаться, я несчастный высланный сюда по своимъ, говоритъ, убѣжденіямъ, хотя каюсь“... Э, говорю, что намъ за дѣло! Тамъ ваше дѣло, а коли васъ тутъ поселили—не затѣмъ чтобы мы васъ и чаемъ ужъ не напоили. Ну слово за слово. Сѣлъ,

званныхъ онъ. Такъ какой-то. Скучно и тяжело мнѣ какъ все это рассказывать! А кончилось тѣмъ, что пришла ко мнѣ разъ вечеромъ русалочка, расплакалась. Люблю, говоритъ, его такъ, вотъ просто сама себя не помню. И красавчикъ то онъ и умный-то, и его напрасно сослали: онъ говорилъ. Такъ мнѣ въ сердце какъ ножомъ садануло. Что мнѣ дѣлать! Что съ ними нынче подѣлаешь...

— Экое вамъ горе было?

— Нѣтъ, вы погодите, горе-то впереди. Призываю и его, говорю: что ты надѣлалъ. „Ей Богу, говоритъ, самъ не знаю, всѣмъ сердцемъ Лидію Петровну подлюбилъ, но и думать не смѣю“...

Первый снег. Картина академика Ю. Ю. Клевера, рис. на деревѣ Н. Каразинъ, грав. М. Рашевскій.

— Да ты за что сослан? спрашиваю.

— Посудите, говорить, сами — молодость! Увлекся. Конечно, у меня бродили разные идеи... Но я клянусь прахомъ моего отца, я все оставил... Хочу какъ слѣдуетъ...

— Бога ради, говорю, не ходи ты съ недѣлку, я подумаю. Такого дѣла нельзя вдругъ такъ. Думаю, забудется. А тамъ попрошу чтобы его вызвали отсюда... И дѣлу конецъ.

А былъ, надо вамъ сказать, у меня въ Петербургѣ сослуживецъ, маіоръ Саловъ, состоялъ по полиціи. Я письмо къ нему — такъ молъ и такъ, кто такой за человекъ. И что же получаю? „На письмо твое, любезный другъ, сиѣшу извѣстить, что она личность — самый низкій мошенникъ и не политикъ причастенъ, а высланъ за всякія продѣлки, почему онаго лица остерегайся!“

Ну, подумайте, каково было. Показываю внучкѣ. И ухомъ не ведетъ.

— Все это, говорить, не такъ; онъ говорилъ: это напрасно... Его самъ Лепехинъ, извѣстный адвокатъ, защищалъ...

— Развѣ его судили?

— Что-жъ, говорить, судить всякаго могутъ... А я знаю, что все это вздоръ и кромѣ его ни за кого не пойду... И ушла къ себѣ, заперлась и не выходитъ.

Сижу я вечеромъ, пасьянсъ раскладываю, раздумываю обо всемъ этомъ, слышу тихо кто-то, какъ кошка прокрадывается. Гляжу, въ дверяхъ онъ стоитъ.

— Что ты, говорю, батюшка. Лучше бы не ходилъ ты, говорю.

— Умоляю васъ, говорить — и слезы на глазахъ — умоляю, выслушайте: ужели павшій человекъ не можетъ подняться и вѣчно его будутъ отталкивать... Я хочу жить честно, трудиться, полюбить и ужели же...

И такъ далѣе, расписалъ весьма все резонно и говорить — откуда что вышло. На колѣни сталъ, рыдаетъ. Будьте моимъ отцомъ, говорить, я сирота, у меня ни отца, ни матери!

Я успокоилъ его, посадилъ и онъ мнѣ таково горячо и такъ складно рассказалъ. Брошенъ въ столицѣ, ребенокъ, соблазнъ, сирота, товарищи, скамья подсудимыхъ... Думаю: что-жъ мнѣ дѣлать? И какъ вы думаете, что я, глупецъ, сдѣлалъ?

— А что такое?

— Началъ я хлопотать за него. Губернаторша добрая, пылкая старушка была. У него же видъ такой приличный. Поднимать надшихъ, говорить, это обязанность. Ну сострадали куда надо, что молъ ведетъ себя добропорядочно, въ виду сего... Ну и свадьбу сыграли... Печальная свадьба была какая-то.

— Что-жъ онъ дѣйствительно можетъ сирота, брошенный на улицѣ съ хорошими задатками и исправился.

— И вовсе не сирота, все лгалъ, и отецъ у него и мать, такіе же мошенники. Вотъ не злой я человекъ, а этого мерзавца, вотъ вѣрите-ли, вспомнить не могу. Ахъ какая изва эти всѣ слыльные у насъ и политики эти и мошенники! Весь этотъ перегной столичный... Хоть бы ихъ куда вмѣсто нашихъ бѣдныхъ уѣздовъ, куда нибудь въ Камчатку бы усылали...

— Ну-съ, продолжалъ рассказывать, нѣсколько успокоившись старикъ, тотчасъ послѣ свадьбы является, одѣтъ отлично и глаза такіе злые, жестокіе, никакого ужъ румянца и вѣжливости не оказываецъ.

— Теперь, говорить, дѣдушка, давайте деньги...

— Что ты говорю, вѣдь ты хотѣлъ служить, да и какія деньги у меня.

— Такъ вѣдь не изъ-за чего же краю вашу я бралъ... Невидалъ какал! У насъ, говорить, дѣвицы были много красивѣе изъ себя.

— Вонъ, говорю, отъ меня!

— Потихе, говорить, потихе. Раскаетесь, смотрите. Такъ не дадите денегъ?

— Да гдѣ я возьму?

Ушелъ. Жили они первое время здѣсь въ мезонинѣ и будто ничего, хорошо. Только слышу такъ, черезъ недѣлю, ночью, рыданья сверху, крики какіе-то. Втащился я на верхъ, гляжу: свѣчка на столѣ, она на сундукъ упала, а молодой мужъ ее кнутомъ, вотъ просто ямщицкимъ кнутомъ, полосуетъ. Я только вижу у нее кровь на плечѣ. „Что ты, говорю, мерзавецъ, дѣлаешь“. „Не ваше, говорить, дѣло. Идите вонъ“. Столкнулъ съ лѣстницы меня и дверь заперъ. Ну хоть прислушивался, однако утихло наверху. Понимаете — все же я всю ночь не спалъ. Думаю: Господи! что же это будетъ?

Утромъ приходитъ Лидочка, рассказываетъ. Велѣлъ ей у меня денегъ просить, а если не дамъ, то каждый вечеръ будетъ ее бить, пока не дадутъ денегъ. Онъ меня, говорить, дѣдушка, въ кровь... Онъ на смерть добьется...

— Да я, говорю, его выгоню, пожалуйсь.

— Какъ можно, говорить, что это вы, онъ мой мужъ, я скажу, что онъ меня не билъ. Буду страдать и все буду говорить что не билъ, если вамъ денегъ жалко. А я его все же боюсь, онъ злой.

— Дурочка, да нѣтъ у меня.

— Заложите, говорить, имѣньице...

Это ужъ значить научилъ. Господи, послѣднее достояньице ея же было. Для нея же берегъ. Что тутъ было дѣлать? Теперь весь заложенъ... на старости лѣтъ. Вотъ какъ! Онъ все обьорудовалъ...

— Гдѣ же они теперь?

— Уѣхали въ Петербургъ, говорить операцію какую-то начнеть. Это на 800 то рублей. Извѣстно, какія тамъ его операціи... И теперь ко мнѣ и не пишутъ.

Развязка, однако, наступила скоро. Однажды, просматривая газеты, я наткнулся на знакому фамилію зятя моего капитана и прочелъ въ отдѣлѣ хроники, слѣдующее: „намъ сообщаютъ, что 12 числа по Мѣщанской, въ домѣ № 18, въ квартиру Н. явилась полиція для арестованія уже судившагося однажды Н. по дѣлу о дерзкой кражѣ со взломомъ, которой долгое время не находили слѣдовъ. Не встрѣтивъ никого въ комнатахъ, околоточный надзиратель, услышавъ какой-то шорохъ въ большомъ сундукѣ, стоявшемъ въ углу, отворилъ его и изъ сундука выскочилъ арестуемый, безъ сертука, съ револьверомъ въ рукахъ, въ состояніи крайняго возбужденія. Онъ кричалъ, что его не смѣютъ арестовать, затѣмъ вдругъ схватилъ бритву и перерѣзалъ ею себѣ горло. По заключенію врачей, рана безусловно смертельна и на выздоровленіе нѣтъ надежды. Производится разслѣдованіе“.

Бѣдный, старый капитанъ! подумалъ я, какъ-то надѣнеть онъ свои большіе очки и какъ прочтеть въ газетѣ это мрачное извѣстіе о своей русалочкѣ.

Прошли года послѣ рассказаннаго. Въ одну весну, собираясь закончить всѣ свои дѣла въ этомъ краю, я пришелъ къ тому исходу, къ какому приходятъ почти неизбѣжно средняго достатка люди съ нынѣшнимъ хозяйствомъ: продавать все что было, остаться безъ угла и пріюта на землѣ и приниматься за „отхожіе промыслы“. Чтобы продать одинъ клочекъ земли по рѣкѣ, надо было размежеваться съ Крестовоздвиженскимъ женскимъ монастыремъ, у котораго часть этаго клочка была по завѣщанію чьему-то во владѣніи, Я отправился въ монастырь.

Дорога шла густымъ лѣсомъ и болотомъ. Гати, сланная хворостомъ и жердникомъ, размыло весенними дождями и проѣхать нельзя было иначе какъ верхомъ и то очень медленно, чтобы не переломать ноги коню по такимъ невообразимо ужаснымъ колеямъ. На измученной лошади я едва дотащился къ ночи. Тучи бродили по небу и среди нихъ величаво возвышались, показались темныя главы церквей и массивныя, старинныя башни монастыря. Гостеприимно замелькали огоньки въ маленькихъ окошечкахъ монастырской гостиницы, гдѣ

я нашелъ ночью въ крошечной коморкѣ съ жесткимъ кожанымъ, короткимъ диванчикомъ. Работникъ принесъ мнѣ самоваръ и узнавъ зачѣмъ я приѣхалъ, сказалъ, что теперь всѣ въ церкви и ужь поздно, а что завтра можетъ быть матушка игуменья и приметъ, хотя онъ сомнѣвается, ибо она очень нездорова.

Я пошелъ ко всенощной. Не ярко освѣщенная свѣчами паникадилъ, старинная церковь уходила въ высь, въ облака ладона безчисленными образами иконостаса и громадными пастѣнными изображениями. Пѣніе монахинь странно поражаало непривычное къ женскому хору ухо. Старуха игуменья въ видимомъ сильномъ утомлении, больная, съ трудомъ выживала службу въ высокомъ рѣзномъ креслѣ, опираясь на посохъ. Ряды монахинь истоиво молились. Нѣсколько старухъ изъ соседняго поселка стояли въ уголку. Лицо одной высокой монахини показалось мнѣ знакомымъ. Но я полагалъ, что ошибся и предался своимъ невеселымъ думамъ и старался впасть въ то глубокое созерцательное и молитвенное настроеніе, въ какомъ была повидимому высокая монахиня. И этотъ пустынный монастырь, и эти усердные молящіяся въ ночи произвели на меня какое-то отрад-

ное, успокоивающее впечатлѣніе. Миръ словно низошелъ въ душу мою... На другой день, очень рано, работникъ заявилъ мнѣ, что матушка совсѣмъ слегла и принять не можетъ, а проситъ объ дѣлѣ переговорить съ матушкой казначеѣй. Онъ проводилъ меня въ келію—дверь отворила маленькая миловидная дѣвочка. На встрѣчу мнѣ поднялась, обратившая на себя мое вниманіе, высокая монахиня. Я уже не сомнѣвался, что зналъ ее: это была бѣдная Бухарина.

— Матушка приказала мнѣ переговорить, начала она.

— Позвольте, Лидія Петровна...

Она съ легкимъ неудовольствіемъ и смущеніемъ оставила меня. Лицо ея приняло странное, отрѣшенное какое то отъ всего выраженіе...

— У меня никого и ничего нѣтъ въ мірѣ, тихо сказала она, мой старикъ скончался... и пожалуста перейдемте къ дѣлу... Прошу васъ... О чемъ вспоминать...

И это былъ послѣдній разъ, что я видѣлъ нашу бывшую „русалочку“, столько страдавшую и нашедшую здѣсь миръ и привѣтъ своему истерзанному сердцу...

Умильта.

Повѣсть Уйда.

I.

Среди низкой пѣни холмовъ, тянущейся между Валь д'Арно и Валь ди-Пица есть одинъ холмъ Сорре, у подножія котораго раскинулась деревенька Мосціано, славящаяся своимъ чудотворнымъ изображеніемъ Мадонны. Именемъ этой деревеньки названы и холмы, перерѣзанные долинами, которые тянутся къ западу и теряются за дальнимъ горизонтомъ.

Эта мѣстность мало извѣстна и посѣщается путешественниками, на нее не обращаютъ вниманія. По песчаной, широкой дорогѣ, идущей между каштановыми и сосновыми рошицами, ходятъ только ослики дровосѣковъ да волы каменьщиковъ. Даже во время самыхъ сильныхъ жаровъ, на холмахъ этихъ все такъ зелено, свѣжо и прохладно. Деревья покрываютъ эти холмы. Прекрасныя итальянскія сосны поднимаются здѣсь сотнями; вокругъ нихъ цѣлый лабиринтъ дубовъ, красного вереска и золотого дрока. Маленькія долины кажутся какими-то птичьими гнѣздами, спрятанными въ землѣ. Когда солнце начинаетъ скрываться въ фиолетовой тѣни горы Альбано, раздается тихій звонъ къ вечернѣ со всѣхъ колоколенокъ въ долинахъ и на холмахъ.

Люди здѣсь живутъ мирно и покойно и мало заботятся о тревоженіяхъ міра сего, его властелинахъ и бойцахъ. Они ничего не понимаютъ въ войнахъ, въ перемѣнахъ правительствъ. Обыкновенный строй ихъ жизни нарушается развѣ только появленіемъ какого-нибудь вреднаго для ихъ посѣвовъ насѣкомаго. И свѣтъ, въ свою очередь, не имѣетъ понятія объ этихъ мирныхъ людяхъ и представляетъ ихъ себѣ, обыкновенно какъ представляютъ итальянцевъ—тутъ какъ-то тотчасъ являются въ воображеніи разбойники и развалины—и никто не знаетъ ничего объ этомъ прелестномъ уголкѣ земли, объ этой идиллической пастушеской жизни, этихъ единенныхъ мѣстечкахъ, гдѣ рѣзвятся неугомонныя звѣрьки, гдѣ совы неслышно носатся за пестрыми ночными бабочками, гдѣ крохотныя птички полощатъ крылышки въ хрустальныхъ волнахъ ручьевъ, берега которыхъ усыяны такимъ количествомъ фіалокъ, что издали не видно даже зелени.

— Такъ вамъ нравятся эта маленькая травка—сираниваютъ здѣсь женщины полудружески, полунасмѣшливо поглядывая на васъ и срываютъ цвѣточекъ съ такимъ видомъ, точно васъ хотятъ позабавить какъ ребенка.

Умильта рвала для меня развѣ эти цвѣты и я случайно тутъ и узналъ исторію ея жизни.

Умильта очень красивая женщина. Большаго роста, гибкая, съ прекрасными правильными чертами лица и золотистымъ цвѣтомъ волосъ—цвѣтъ, который не рѣдко встрѣчается въ Тосканѣ. При этомъ величавая, граціозная походка. Когда она стояла подъ стройной сосенкой на холмѣ, освѣщенная зеленою вѣтвей и освѣщенная солнечными лучами, это была точно картина Тиціана.

Быль тогда праздникъ. На шеѣ у нея была нить жемчуга, волоса были перевиты двумя струйками коралловъ. Свѣтложелтый платочекъ былъ накинута на плечи и прекрасно оттенялъ ея лицо, свѣжее какъ спѣлый персикъ. На груди ея приколота маленькій букетъ жимолости а сыночекъ ея, настоящій маленькій херувимъ—руки полные вишенъ, курчавые волосы—ползаютъ у ея ногъ.

— Вотъ, сказала возлѣ меня какая-то смуглая женщина, это

Умильта! И кто повѣритъ, что она взята изъ воспитательнаго дома и еще сидѣла въ тюрьмѣ.

— Ты этого никакъ не можешь забыть, сурово замѣтилъ ей какой-то пожилой малый. Женщины никогда не умѣютъ забывать, пробормоталъ онъ, обращаясь ко мнѣ. Да это и не имѣетъ никакого значенія—всякій объ этомъ знаетъ. Что же тутъ такого!

Раздался тихій благовѣстъ съ колоколенки Мосціано. Красавица съ букетомъ жимолости спускалась съ холма идя къ обѣднѣ. Ребенокъ переваливался за нею послушно, какъ собачка, роняя одну вишню за другой. Она взяла его на руки и ребенокъ зацѣпилъ вѣтку вишенъ за коралловую нитку въ волосахъ матери. Звонко раздавался ясный смѣхъ малютки и вскорѣ они скрылись изъ виду между кустами вереска.

— Это самая красивая женщина во всемъ нашемъ округѣ, заговорилъ лѣсникъ, и вотъ поэтому-то женщины нарочно не хотятъ забыть, что она сидѣла въ тюрьмѣ. Хотите знать ея исторію? Но я не рассказчикъ, вы это лучше можете узнать отъ патера.

Но не отъ патера я узналъ ея исторію, а отъ самой Умильты и отъ того, кто ее любилъ больше всего на свѣтѣ. Мнѣ рассказывали слѣдующее:

Однажды подъ вечеръ, ночной сторожъ нашелъ во Флоренціи на церковной паперти ребенка. Его отнесли въ воспитательный домъ, такъ какъ никто о немъ не справлялся и при немъ не нашли ничего указывавшаго на его происхожденіе. Ребенокъ росъ въ обществѣ другихъ сиротокъ и нареченъ именемъ св. Умильты, вовсе не подходящимъ къ найденшю.

Умильта росла и становилась такимъ прелестнымъ ребенкомъ, какого никогда еще не бывало въ свѣтахъ воспитательнаго дома. Это была здоровая, веселая, ласковая и умная дѣвочка, но при томъ и упрямая, за что нерѣдко ее наказывали. Въ четырнадцать лѣтъ Умильта смотрѣла совсѣмъ взрослою и было признано, что она уже способна добывать сама себѣ кусокъ хлѣба. Ее послали въ услуженіе къ патеру въ Мосціано. Она никогда не выходила за ограду сиротскаго дома. Поэтому идя оттуда, она молча, съ наивнымъ удивленіемъ смотрѣла на хлѣбныя поля, виноградники, оливковыя сады. Придя вечеромъ къ мѣсту назначенія и смотря на долины, холмы и облака, она, противъ обыкновенія своего робко, спросила:

— Это, должно, быть небо?

Окружающіе смѣялись надъ нею. Она нерѣдко думала о раѣ, и прежде, стоя на колѣняхъ въ мрачной, пронизанной солнцемъ сквозь разноцвѣтныя стекла, часовнѣ и прислушиваясь къ словамъ проповѣдника. Но ей всегда твердили, чтобы она и не воображала, что попадетъ въ это мѣсто блаженства, такъ какъ она слишкомъ много грѣшила, т. е. шалила.

Лежа ночью въ отведенной ей близъ голубятни коморкѣ, любуясь звѣзднымъ небомъ и прислушиваясь къ пѣнію птицъ, она твердо была увѣрена, что попала именно въ рай, не смотря на то, что много шалила.

И Умильта полюбила холмы Мосціано съ ихъ прелестными, тѣнистыми рошицами.

До сихъ поръ сердце ея было спокойное, она любила только одного мышенка, котораго кормила хлѣбными крошками. Но и съ мышенкомъ ей было запрещено играть и ея любимецъ попалъ въ очень остроумно устроенную мышеловку и съѣдетъ

кошкой. Огорченная дѣвочка съ крикомъ и воплемъ кипулась на надирательницу; за это она была заключена на нѣсколько дней въ отдѣльную комнату.

Умильта едва съ годъ пробыла на своемъ новомъ мѣстѣ, какъ старикъ патеръ умеръ и хозяйство его разстроилось. Она изъ крестьянокъ, которая оцѣнила чистоплотность, старательность и способность Умильты ходить за скотомъ и птицей, взяла ее къ себѣ. Умильта съ радостью согласилась идти къ ней, такъ какъ ей главное хотѣлось только не разставаться съ этими милыми холмиками. Въ домѣ Розы дѣвочка развилась въ прелестную, стройную женщину.

Хозяйка ея, Роза, была прекрасная женщина, трудолюбивая какъ пчела и искренно, сердечно набожная. Ея доброе сердце, гостеприимство и хорошій надзоръ за дѣтми, которыя ее любилъ и боялись, дѣлали ей честь. Но при всей своей добротѣ она любила быть настоящей хозяйкой въ домѣ. Мужъ ея не рѣшался даже и думать по своему, онъ продавалъ телятъ, молотилъ рожь и работалъ по ея приказанію, какъ простой работникъ. При такомъ характерѣ хозяйки, степенности съ упрямой Умильтой были неизбѣжны. Она подчинялась только по необходимости.

Деревенскіе смотрѣли на Умильту какъ на бесполезную дѣвушку. Немногіе цѣнили ее, но остерегались это высказывать, боясь насмѣшекъ сосѣдей.

Умильта была ловка и могла сдѣлать въ часъ больше, чѣмъ другія въ шесть, но не часто ей хотѣлось что нибудь дѣлать. Она хорошо прядла, дѣлала прекрасно плетенки изъ соломы, знала всѣ цѣлебныя травы и т. п. Но охотѣе всего она любовалась въ зеркало своимъ хорошенькимъ личикомъ или заплетала свои чудныя, густыя косы и воображала себя героинею разныхъ исторій и считала себя предназначенной для чего-то гораздо высшаго, чѣмъ житье въ деревушкѣ. Словомъ была надменна и недовольна—качество, вовсе неудобное въ деревенской жизни. Всѣ жители тутъ были равны, думали только о поспѣвѣ, да о жатвѣ, о разсадахъ и порубкахъ.

Дѣвушка была слишкомъ богато одарена отъ природы, чтобы другія женщины могли относиться къ ней спокойно и равно. Она была въ самомъ дѣлѣ замѣчательно хороша; въ ней была та классическая грація, за которую мѣстные жители полагались, полунедоумѣло звали ее „королевой“.

По натурѣ своей она была очень чистоплотна; если у нея случались деньги, то она расходовала ихъ на разные уборки, причѣмъ при выборѣ отличалась большимъ вкусомъ, никогда не покупала такихъ пестрыхъ платковъ и матерій, какіе очень любила ея подруги. Лѣтомъ носила она на груди букетики красной гвоздики, а зимою, когда ничего такого нельзя было достать, она украшала себя пучкомъ золотистаго дрока. Все это сосѣдямъ казалось страннымъ, такъ какъ по мѣстнымъ понятіямъ, только глупцы могли любить цвѣты; всѣ говорили, что ей хочется показать бѣлизну своей шейки, которая не загораетъ ни отъ вѣтра, ни отъ солнца. Она не пользовалась между односельцами особенной любовью. А когда кое кто изъ мѣстной молодежи, увлекаясь ея красотою, пускались за нею ухаживать, то она такъ сердито и свысока всегда принимала это, что тѣ, пристыженные, поскорѣе отъ нея перебрались къ болѣе подходящимъ дѣвушкамъ. „Точно и въ самомъ дѣлѣ можно выйти замужъ за одного изъ такихъ!“ говорила она себѣ съ презрѣніемъ; затѣмъ гнала своихъ козъ на верхъ подъ сосенки и опять предавалась разнымъ несбыточнымъ мечтамъ, и видѣла себя чуть не съ короной на своихъ золотистыхъ волосахъ, а вокругъ себя толпу какихъ-то колѣнопреклоненныхъ людей.

Если бы она только знала, кто она, или бы могла угадать это! Въ тѣ веселыя осеннія ночи, когда занимаясь чисткою маиса или орѣховъ, молодыя дѣвушки смѣются и болтаютъ, или внимательно слушаютъ какую нибудь старую исторію или пѣсню, которую напѣваетъ какой нибудь парень, наигрываая при этомъ на мандолину, Умильта сидѣла одна въ сторонкѣ и мечтала все о шумѣ, блескѣ, золотыхъ коронахъ и о людяхъ на колѣняхъ.

Въ такіе вечера, она иногда брала съ собою назначенную ей работу и уходила въ кладовку. Тутъ она открывала деревянную ставню, садилась у окна и работала при свѣтѣ луны, изрѣдка взглядывая на блестящее небо и темныя долины и серебряныя горы, поднимающіяся къ облакамъ. И если до нея иногда доходило пѣніе вѣжныхъ струнъ гитары, она чувствовала только досаду и озлобленіе. Она была недовольна своею судьбою—это самая тяжкая болѣзнь, какая можетъ постигнуть человѣка.

Въ одну изъ такихъ ночей, когда она сидѣла у себя на верху—было уже позднее лѣто—она услышала внизу шумъ и смѣшанные голоса женщины, при чемъ радостный голосъ доброй Розы покрывалъ всѣ остальные:

— Мой сынъ, мой сынъ, мой сынъ!

— Ужъ не вернулся ли Виргиніо? подумала Умильта, все продолжая работать. У нея не явилось даже чувства любопытства—она и не взглянула въ окошко. Виргиніо могъ занимать всѣхъ жителей, но не ее. Что ей за дѣло. Она продолжала работать и все это веселое, шумное движеніе и радость встрѣчи не вывели ее изъ ея обычнаго равнодушія. Окончивъ работу,

она выбросила шелуху, услышавъ у окна и стала смотрѣть на ясный мѣсяцъ, поднимающійся изъ-за лѣса. Былъ канунъ праздника. Внизу въ долинахъ раздавался мѣрный благовѣстъ, въ рощицѣ пѣли соловьи...

Умильта сидѣла и все мечтала. Прошло болѣе часа, когда раздался рѣзкій голосъ Розы.

— Умильта, Умильта, пооди сюда, что ты вѣчно торчишь тамъ...

Умильта молча спустилась по деревяннымъ ступенькамъ лѣсенки, которая вела прямо въ кухню. Кухня скудно освѣщалась лампочкою, но Умильта была ослѣплена сразу свѣтомъ, просидѣвъ такъ долго въ темнотѣ. Большая кухня была полна народомъ, говоръ слышался во всѣхъ углахъ. Посреди толпы стоялъ виновникъ этого шума, статный двадцатисемилѣтній сынъ Розы, съ блѣднымъ прекраснымъ лицомъ, полузакрытымъ тѣною шляпы. На немъ былъ красивый военный мундиръ.

— Умильта! заговорила донна Роза съ гордостью и восхищеніемъ глядя на сына, пооди сюда, пооди сюда! Сегодня у меня праздникъ, сынъ мой Виргиніо вернулся. И капраль онъ теперь, подумай только, капраль!

Умильта лѣниво взглянула изъ-подъ своихъ шелковыхъ рѣсницъ на сына хозяйки и холодно привѣтствовала его своими блестящими глазами. Ей въ отвѣтъ тотъ вѣжливо и привѣтливо поклонился, снявъ шляпу.

— Что это у тебя за переодѣтая пранцесса, замѣгилъ онъ матери въ полголоса.

Умильта разсмѣялась эти слова и лѣнивый взоръ ея на минуту вспыхнулъ.

— По крайней мѣрѣ солдатъ этотъ думаетъ какъ человѣкъ разсудительный...

Виргиніо Дональди былъ очень красивъ. Сильный, хладнокровный, отважный и расторопный, онъ былъ любимъ товарищами и офицерами. Семь лѣтъ онъ уже служилъ въ полку и все это время провелъ въ походахъ. Въ 1870 году онъ былъ одинъ изъ первыхъ, вошедшихъ въ Римъ. Онъ былъ ранѣе пудей и саблей—это былъ отличный служака. Уже четыре года какъ онъ не былъ на родинѣ и вотъ совсѣмъ неожиданно прѣхалъ въ двадцативосьми дневный отпускъ. Очень естественно, въ деревенкѣ онъ сдѣлался тотчасъ же героемъ дня.

Челсѣвкѣ, участвовавшій во взятіи Рима—шутка ли!—святого города! и все таки Господь его помиловалъ и онъ вернулся невредимымъ; человѣкъ ѣздилъ черезъ все море въ Сардинію и Сицилію и еще куда-то и подвергался тысячъ опасностей—это было нѣчто необычайное для Мосциано! Подробности эти съ быстротою молніи облетѣли деревню и по крайней мѣрѣ три четверти жителей ея пришли поздравить старую Розу, не безъ соображенія и о томъ, что угощеніе у Розы всегда хорошее, а теперь на радостяхъ конечно будетъ еще лучше.

По для торжественнаго угощенія было уже слишкомъ позднее время. Старушка Роза ограничилась только тѣмъ, что предложила на первый случай гостямъ нѣсколько бугмылокъ вина; тутъ же лежалъ большой кругъ свѣжаго козьяго сыра, а съ очага несся аппетитный запахъ отъ большого котла супа. Всѣ были веселы и довольны, только новоприбывшій говорилъ мало и былъ очень сдержанъ.

Умильта должна была помочь кое въ чемъ хозяйкѣ, затѣмъ, когда ей казалось, что на нее не обращаютъ вниманія, она потихоньку ушла къ себѣ въ коморку. Тихій свѣтъ звѣздъ и мѣсяца былъ ей пріятнѣе, чѣмъ вся эта суетня въ домѣ.

— Переодѣтая пранцесса! повторила она про себя и улыбунулась. Ничего не могъ онъ ей сказать пріятнѣе этого.

Она хорошенько не знала, что значить слово пранцесса, но въ этомъ было что-то такое блестящее, пранцесса должна жить во дворцѣ. Умильту выучили въ пріютѣ порядочно читать. Разнощикъ, появившійся часто въ деревнѣ со своимъ осломъ и телѣжкой, между различнымъ товаромъ привозилъ часто и дешевые романы, которые иногда покупала Умильта и перечитывала въ своей коморкѣ.

Виргиніо между тѣмъ оглянулся и видѣлъ какъ она ушла. На югъ онъ научился понимать и цѣнить красоту и ему еще ни разу не встрѣчалось ни одной женщины прелестнѣе этой работницы его матери.

— Отчего ушла эта дѣвочка? спросилъ онъ у матери, когда всѣ сѣли за столъ.

Синьора Роза посмотрѣла кругомъ себя.

— Умильта? развѣ ея здѣсь нѣтъ? Ахъ, это ея вѣчная дикость, прости Господи! Она должно быть ушла, какъ всегда, въ свою коморку.

— Развѣ она спитъ въ кладовой? спросилъ Виргиніо.

— Конечно. Это славное мѣстечко!

— Окуда она, и кто она? Когда я былъ здѣсь послѣдній разъ, ея не было.

— Вскорѣ послѣ того какъ ты былъ, она пришла изъ сиротскаго дома служить къ пастору Ронци, а когда онъ умеръ, мнѣ стало жаль дѣвочку и я взяла ее къ себѣ.

— Такъ она—найденныя?

— Да. Найденныя, и должно быть самаго низкаго происхожденія! Она была поднята на паперти въ Санъ-Вигальо. Но такъ горда, какъ бѣсъ,—да сохранять насъ святые!—и такая упрямая! Я держу ее изъ состраданія—доброе дѣло приносить сча-

Красавица. Картина Ф. Боденюллера. Для „Нина“, рисовано и гравировано Кезебергомъ и Эртелемъ.

стие дому. Впрочем, правду сказать, она отлично ходит за домашними животными, птицей. Они ей больше по сердцу, чѣмъ люди, кажется...

— Удивительно! проговорилъ Virginio и задумчиво сталъ прихлебывать вино.

Virginio искренно любилъ свою старушку мать, но не смотря на долгое отсутствіе, онъ не забылъ, что языкъ ея иногда слишкомъ таи остеръ, а рука не изъ легкихъ. А потому безъ труда могъ себѣ представить, что гордая работница Розы не всегда почивала на розахъ.

— Сойдетъ къ намъ она еще сегодня? спросилъ онъ какъ будто случайно.

Очень ужъ хотѣлось ему видѣть ея прелестную, гордую голву.

— Нѣтъ, не сойдетъ, отвѣтили сестры. Но чтобы сдѣлать ему удовольствіе, онѣ стали въ дверяхъ и позвали Умильту, но не получили отвѣта, хотя она не спала.

Нэтта Сари, дѣвушка бывшая тутъ же, казалась очень опечаленной. Она была тоже хорошенькая дѣвушка, съ густыми рыжими волосами и свѣтло-голубыми, живыми глазками, и ожидала съ такимъ нетерпѣніемъ возвращенія Virginio. Ей было только пятнадцать лѣтъ, когда Virginio ушелъ въ полкъ, но въ этой странѣ яркаго солнца, олинокъ и винограда, пятнадцатилѣтняя дѣвушка уже женщина. Притомъ же Virginio когда-то такъ много и охотно танцевалъ съ нею, а сестры его постоянно поддразнивали ее: „вотъ погоди, Virginio вернется!“ И вотъ онъ вернулся а только думаетъ вовсе не объ ней.

Нэтта, которая съ своей стороны тоже желала кого-нибудь повыше простаго крестьянина, не выходила замужъ. Очень она была огорчена, молча перебирала зерна своего жемчуга на шеѣ.

Между тѣмъ Умильта подъ этотъ шумъ внизу, не могла уснуть. Въ открытое окно она слѣдила, какъ словно тѣни носились совы и летучія мыши, старалась забыть и представляла себѣ какого-то гордаго, красиваго, въ золотомъ платьѣ челоуѣка, который увозилъ ее въ стеклянной каретѣ. Почему бы это не могло сбыться? Она столько объ этомъ читала. Въдъ увозили же другихъ. И тихо и незамѣтно среди пестрыхъ сновъ и грезъ, она крѣпко заснула.

Въ четыре часа утра Умильта проснулась. Прежде всего она пошла кормить коровъ. Старушка Роза еще не вставала и не могла побранить ее за вчерашнее. Открывая дверь, Умильта увидѣла на дворѣ статную фигуру Virginio.

— Добраго утра, синьорина Умильта, сказалъ онъ снимая шляпу.

Сердце Умильты забилося сплнѣе обыкновеннаго. До этой минуты ее еще никто не называлъ синьориной. Она тихонько улыбнулась на это привѣтствіе и занялась своимъ дѣломъ.

— Не могу ли я вамъ немножко помочь? спросилъ Virginio.

— Мнѣ не нужно никакой помощи, отвѣтила Умильта рѣзко. Virginio все таки началъ граблями собирать сѣно.

Умильта не обращала на него никакого вниманія.

— Вы обидѣлись, спросилъ онъ ее немного погодя.

— Можете дѣлать что вамъ угодно, на то вы и старшій сынъ хозяйки—что мнѣ до этого, отвѣтила она.

Virginio засмѣялся и началъ раскладывать сѣно по яслямъ.

— Я еще не забылъ деревенскихъ работъ и очень радъ что снова можно за нихъ приняться.

Умильта утраткой на него взглянула и ничего не отвѣтила. Но ей показалось страннымъ, что онъ вернулся съ дѣлюю снова сдѣлаться деревенскимъ, когда имѣлъ возможность свободно рыскать по свѣту. Она знала конечно, что всѣ они, или почти всѣ кончали этимъ. У нее не было желанія разговаривать съ Virginio, когда мать и сестры его еще спали.

Она молча отвернулась отъ него и продолжала работать. Раздана молоко въ кувшины, передала работнику и тотъ повезъ ихъ на рынокъ. Потомъ взяла серпъ, закинула корзину за спину и пошла косить траву. Бѣдныя животныя все лѣто простояли въ сараѣ, чтобы не испортили какъ нибудь незрѣлаго винограда. Вся забота поселаятъ сосредоточивается на виноградникахъ, а несчастныя животныя во все жаркое время лишены свободы и воздуха.

Умильта дѣлала все возможное, чтобъ облегчить ихъ неволю и носила имъ свѣжую траву. Virginio слѣдитъ за нею глазами, оставаясь на мѣстѣ, изъ чувства деликатности.

Теплый, розовый свѣтъ окрашивалъ постепенно всѣ холмы, долины еще оставались въ тѣни. Вскорѣ Virginio потерялъ Умильту изъ виду. Коровы мычали.

— Я скоро вернусь, мои милыя, мои бѣдныя! Стойте спокойно—я скоро вернусь,—сказала она имъ нѣжно, уходя.

— У нее должно быть доброе сердце, подумаешь Virginio, но кого еще кромѣ коровъ она назоветъ своимъ?

Разъ четыре или пять возвращалась она съ холма, принося полныя корзины травы, которую раскладывала по яслямъ. Молодой капралъ все время сидѣлъ передъ дверьми и всякій разъ, когда приходила Умильта, онъ слѣдилъ за нею задумчиво.

Между тѣмъ и остальные члены семьи тоже поднялись. Старушка Роза, для своего сына варила большой горшокъ кофе,

который пьютъ здѣсь только во время большихъ праздниковъ, при похоронахъ и другихъ торжественныхъ случаяхъ.

Солнце поднялось на горизонтѣ, и въ золотѣ лучей потонулъ чудесный, нѣжный, розовый свѣтъ утра. Въ крестьянскомъ дому, особенно въ тихомъ, какъ домъ Розы, работа не переводится цѣлый день. Волы и овцы приводятъ съ поля; всѣ сыновья и дочери, даже дѣдушка и бабушка, работаютъ; женщины трудятся еще болѣе мужчинъ. Землю нужно постоянно вспахивать—она требуетъ большаго ухода. Въ обѣдъ каждый сѣдаетъ кусокъ хлѣба и сыру, вечеромъ супъ изъ кореньевъ. Жизнь здѣсь очень трудовая и отдыха мало, но зато ежелли случаются свободные часы—смотришь—тотчасъ раздаются звуки гитары; смѣхъ, пѣсни, молодежь танцуетъ, старики весело болтаютъ. Вѣчно прекрасное южное небо дружелюбно раскинулось надъ чуднымъ краемъ; пропитанный запахомъ цвѣтовъ и зелени воздухъ благоухаетъ, какъ только что сорванная роза. И не смотря на скудость и лишенія, жизнь здѣсь все же такъ хороша!

Virginio тоже думалъ, что жизнь здѣсь—лучшая жизнь на свѣтѣ. Тосканецъ чрезвычайно привязанъ къ своей родинѣ. И какъ не любить такую родину? Это всегда добрый, послушный и выносливый солдатъ, но во время службы онъ вѣчно вспоминаетъ свою родную деревенку, свой холмъ и рошцы. Если на его долю выпадаютъ почести, если онъ почему либо вдругъ возвысится, онъ все же съ большимъ трудомъ дотягиваетъ службу свою до конца. Солдатъ Тосканецъ—и гордость и отчаяніе своихъ офицеровъ. Какъ только является малѣйшая возможность, онъ тотчасъ бросаетъ ружье и возвращается къ своей сохѣ и къ своимъ золотистымъ, мирнымъ полямъ. Жизнь такая ему милѣе всякихъ почестей; въ чужомъ краю онъ сердцемъ стремится къ своему родному домику съ низкой черепичной кровлей, къ старой, почернѣвшей церкви съ высокой колокольней, къ откосамъ горъ, покрытыхъ виноградниками, къ своимъ бѣлымъ, спокойнымъ воламъ, ко всему что мирно ютится въ тини и въ тѣни благоухающаго лѣснаго холма, гдѣ мать его, сидя на скамеечкѣ передъ своею дверью, придетъ густую волну, гдѣ извивается прозрачный ручеекъ въ зеленыхъ бархатныхъ берегахъ, покрытыхъ безчисленными филаками. Передъ собою видитъ все это и во снѣ и на яву тосканскій солдатъ и никогда ему не забыть этого.

Это спокойное довольство носить въ себѣ превосходные задатки. Когда отечество въ опасности, тогда проявляются поразительные примѣры любви къ родинѣ, которые вызываютъ людей на блестящія дѣла вѣрности и самоотверженія.

Virginio былъ настоящій сынъ своей родины. Офицеры его полка дѣлали все возможное, чтобы убѣдить его не оставлять службы. Прослуживъ обязательные три года, онъ былъ повышенъ и впереди его могло ожидать еще очень многое. Но ему все это прискучало. Онъ опять захотѣлъ увидѣть свои родные лѣса и твердо рѣшился черезъ три урочныхъ года вернуться на свою родину и зажить мирнымъ поселяниномъ. Стоять по колѣни въ верескѣ, съ лицомъ обвѣваемымъ благоуханнымъ вѣтромъ, видѣть своихъ мирно пасущихся воловъ—правилось ему гораздо больше, чѣмъ блескъ золота, военный шумъ и всѣ мундиры королевской армии, взятые вмѣстѣ.

Не смотря на то, что онъ былъ на этотъ разъ героемъ дня, онъ по старому принялся за обычную работу. Ему часто поэтому приходилось быть около Умильты, прекрасное и строгое лицо которой наполняло весь миръ, казалось ему, солнечнымъ блескомъ и радостью...

При такихъ условіяхъ нуженъ мигъ для того, чтобы полюбить пылко и сильно.

Былъ жаркій июнь, жатва уже началась; время стояло чудесное. Жнецы работали подъ зеленою тѣнью вѣтвей клена и оливковыхъ деревьевъ, обвитыхъ виноградными лозами. Поля поднимались и спускались съ холма на холмъ, перерѣзанные сверкающими ручейками. Virginio не думалъ объ исторіи Руфи, такъ какъ наподъ въ этомъ краѣ, гдѣ такъ часто однако раздается „Angelus“ мало знакомъ съ Библией. Но если бы тутъ случился художникъ, то лучшей Руфи не нашель бы, какъ Умильта. Она была такъ прелестна, стоя среди золотистаго поля, гдѣ изрѣдка среди золота колосьевъ покачивались красныя головки мака, и прилежно работая серпомъ, ни разу не взглянувъ на Virginio, который съ такою бы радостью облегчилъ ея трудъ, какъ бы даже совѣтъ не замѣчала его. Умильта работала ловко и хорошо, была молода и сильна и все, за что она бралась, она умѣла довести до конца. Но во время работы она все же не переставала мечтать о золотой каретѣ, которая непременно пріѣдетъ же когда нибудь за нею, и о томъ что скажутъ люди, когда она будетъ на нихъ смотрѣть въ стекла кареты, одѣтая въ прекрасное платье и съ короной на головѣ. Она знала изъ книжекъ, которыя покупала у разнощика, что всѣ королевы непременно носили короны, что подтверждалось въ романахъ еще и рисунками. Она отлично знала, какъ нужно вести себя въ королевскихъ нарядахъ, она была въ этомъ увѣрена.

Туанетта, помогавшая тоже жать, видя старанія Virginio находится постоянно поближе къ Умильтѣ, возненавидѣла ее отъ всего сердца. Между тѣмъ Умильта относилась къ уваженіямъ молодаго челоуѣка съ полнымъ, презрительнымъ рав-

нодушіемъ, что тоже злило Нэтту. Какъ она смѣетъ! Кто она такая, чтобы такъ относиться къ нему!

— Проклятый подкидышъ! думала Нэтта, глядя какъ Умильта слѣдила за мельбающей въ травѣ ищерицей и не замѣчала выразительныхъ взглядовъ Виргинію.

Умильта между тѣмъ радовалась первой, одержанной ею побѣдѣ, но ничѣмъ не выказывала своего удовольствія.

Дѣвушки умѣютъ быть жестокими. Умильта прежде не разъ выносила злыя насмѣшки Нэтты и сестеръ Виргинію. Насмѣшки эти были ей больнѣе самой грубой брани старушки Розы. Теперь она чувствовала себя удовлетворенной ухаживаніями Виргинію и безплодными стараніями сестеръ заставить брата обратить вниманіе на Нэтту. Она внутренне ядовито смѣялась, видя его неотлучно около себя и наблюдая какъ ловко онъ отдѣлывался отъ своихъ сестеръ и надобѣдающей ему своими вздохами Нэтты.

Въ продолженіе цѣлаго дня она ни разу не позволила себѣ взглянуть на своего обожателя, ни разу ему не улыбнулась. Ей правилась побѣда, но не побѣжденный.

При наступленіи ночи, когда всѣ, оставаясь на дворѣ, еще болтали на крылечкѣ, смѣялись и пѣли, Умильта обыкновенно уходила къ себѣ на верхъ.

Сверху она все могла слышать. Пѣсни прекратились и всѣ тамъ бывшіе, обращались къ Виргинію, прося его рассказать что нибудь. Сначала онъ отговаривался, но подъ конецъ уступилъ просьбамъ и началъ говорить.

Взглянувъ вверхъ, Виргинію замѣтилъ, что окошечко Умильты открыто, и скользнувшій лучъ луны тускло освѣтилъ ему ея профиль. Голосъ Виргинію доходилъ до нея и она поневолѣ его заслушалась.

Онъ говорилъ о томъ что видѣлъ, что пережилъ и все болѣе и болѣе воодушевлялся. Онъ рассказывалъ о таинственныхъ преслѣдованіяхъ разбойниковъ въ пробковыхъ лѣсахъ Сициліи и Сардиніи, объ отчаянныхъ схваткахъ въ глухихъ ущельяхъ, о роскошныхъ и фантастическихъ островахъ, о ночахъ на звѣздномъ морѣ, которыхъ никто изъ присутствовавшихъ не видѣлъ, о буряхъ, кораблекрушеніяхъ, жизни въ рудникахъ, паломныхъ лѣсахъ и странныхъ кактусахъ, о прекрасныхъ берегахъ Средиземнаго моря, наконецъ о вступленіи войскъ въ вѣчный Римъ.

Умильта все слушала, склонивъ головку на прекрасную руку. Она не видѣла рассказчика, она только его слышала. Всѣ въ томъ краю говорятъ свободно и хорошо. Притомъ Виргинію обладалъ звучнымъ голосомъ и умѣлъ отгвѣнить всѣ выдающіяся мѣста рассказа и онъ такъ много видѣлъ и такъ научился всему!

Мѣсяцъ поднимался все выше, звѣзды кротко блистали, пѣли соловьи и ночь уходила быстро. Умолкъ голосъ Виргинію и Умильта очнулась точно ото сна. Была уже полночь.

Она поспѣшно закрыла свое окошко, надѣясь, что рассказчикъ не видѣлъ, что она слушала.

Но Виргинію видѣлъ это хорошо, это-то и придавало его краснорѣчію особенную силу.

Съ каждымъ днемъ Виргинію все болѣе привязывался къ прекрасной дѣвушкѣ и не обращалъ вниманія на недовольство своей матери. Вѣдь онъ же былъ взрослый и самъ зналъ что дѣлаетъ.

Подъ этимъ горячимъ солнцемъ любовь зрѣетъ скоро, какъ персикъ на деревѣ. Умильта легла уже въ постель. А съ крылечка вдругъ раздались тихая пѣсня и прозвучали струны мандолины. Она знала, что это поетъ Виргинію и что въ пѣснѣ этой говоритъ его душа и бьется сердце. Все же это было только простой солдатъ и никогда ничѣмъ болѣе не будетъ. Не сбивали съ толку все золотыя кареты и короны. Она затворила окно, чтобы только не слышать пѣнія и не видѣть звѣздъ.

— Я такъ люблю тебя! сказалъ ей наконецъ Виргинію на седьмой день, встрѣтивъ ее одну въ виноградникѣ.

— Я люблю тебя, ты—душа души моей, говорилъ онъ въ волненіи, стараясь взять ее за руку. Люблю я тебя, такъ люблю! Подлюби и ты меня хоть немножко!

Въ отвѣтъ на это, Умильта сдвинула брови и разсмѣялась. Она совсѣмъ не измѣнилась въ лицѣ и смотрѣла на него съ гордымъ презрѣніемъ.

— Подите, говорите такія вещи дѣвушкамъ въ Туринѣ. Онѣ можетъ быть и повѣрятъ такимъ глупостямъ.

— Глупости! Я предлагаю тебѣ всю жизнь мою. Слушай: ты для меня солнце, звѣзды, ты для меня голосъ святыхъ...

Тутъ онъ далъ волю своему чувству и высказалъ все, что было у него на душѣ.

Минута молчанія. Слышны были только шелестъ листьевъ и жужжанье шмелей.. Но онъ могъ говорить сколько угодно—лицо Умильты оставалось холодно. Оно только немного поблѣднѣло.

— Я только работница вашей матери, сказала она, но все же не по васъ. Уйдите отъ меня, я васъ ненавижу!

— Ненавидитъ, она меня ненавидитъ! повторялъ онъ, совсѣмъ уничтоженный. Но чѣмъ же могъ онъ заслужить такую ненависть.

Но Умильта не отвѣчала. Она отвернулась отъ него. Со двора послышался голосъ хозяйки, звавшей ее и она также громко отвѣтила. Опасная минута миновала—они больше не были одни.

Умильта занята была на кухнѣ, когда Виргинію опять подошелъ къ ней и шепнулъ ей на ухо: это твое послѣднее слово?

Умильта молча кивнула головою и повернула отъ него свое безпокойное, гордое и презрительное личико. Но въ дуплѣ она горжестовала. Онъ, сынъ ея хозяйки, и она отшвырнула его отъ себя какъ связку травы. Она не чувствовала никакого къ нему состраданія.

На слѣдующее утро узнала она, что Виргинію въ полночь отправился въ путь, чтобы поспѣть на утренній поѣздъ, отходящій въ Туринъ.

Его мать громко плакала, всхлипывала и всѣмъ рассказывала, что полковникъ вдругъ потребовалъ его. И какъ разъ въ то время, когда она готовилась заколотъ теленка! Съ досады она послала теленка на рынокъ и домашніе должны были довольствоваться масломъ и бобами.

Умильта улыбнулась. Роза увидѣла это и вдругъ все угадала своимъ материнскимъ сердцемъ. Ей казалось непонятной и непростительной дерзостью отказать—кому же?—сыну ея. Но она ничего не сказала молодой дѣвушкѣ.

Между тѣмъ Умильта цѣлый день бормотала про себя: «Какъ я рада, какъ я рада, что наконецъ-то онъ убрался». Но ночью, въ каморкѣ, она невольно пожалѣла, что не слышитъ уже поющихъ струнъ мандолины и звѣзды казались ей тусклыми и мѣсяцъ печальнымъ...

— Я очень рада! Я буду это десять разъ повторять, повторять десять лѣтъ! И тутъ опять пошли нелѣпныя грезы о золотыхъ платьяхъ, каретахъ и коронахъ. На другое утро она сперва очень грубо обошлась съ животными, но затѣмъ тотчасъ стала ихъ гладить и называть самыми нѣжными именами.

Чего то ей стало не доставать, о чемъ-то втайнѣ она жалѣла. Наконецъ ей пришло въ голову уйти отсюда. Не невольница же она въ самомъ дѣлѣ, никто не можетъ ее удерживать насильно. На свѣтѣ есть и другія мѣста, конечно получше этаго угла; приходить же откуда нибудь разношники и капралы, которые развѣзжаютъ по разнымъ чудеснымъ островамъ. Она хотѣла попытать счастья въ другомъ мѣстѣ—но сердце ея лежало къ этимъ милымъ холмамъ. Они всегда были ея друзьями. Но если въ другомъ мѣстѣ не было холмовъ?—Должны же быть холмы еще лучше... А можетъ быть и нѣтъ. Однако пишутъ же романы объ золотыхъ каретахъ и принцессахъ, конечно тамъ, гдѣ есть такія золотыя кареты и принцессы...

(До слѣдующаго №).

Михаилъ Зичи

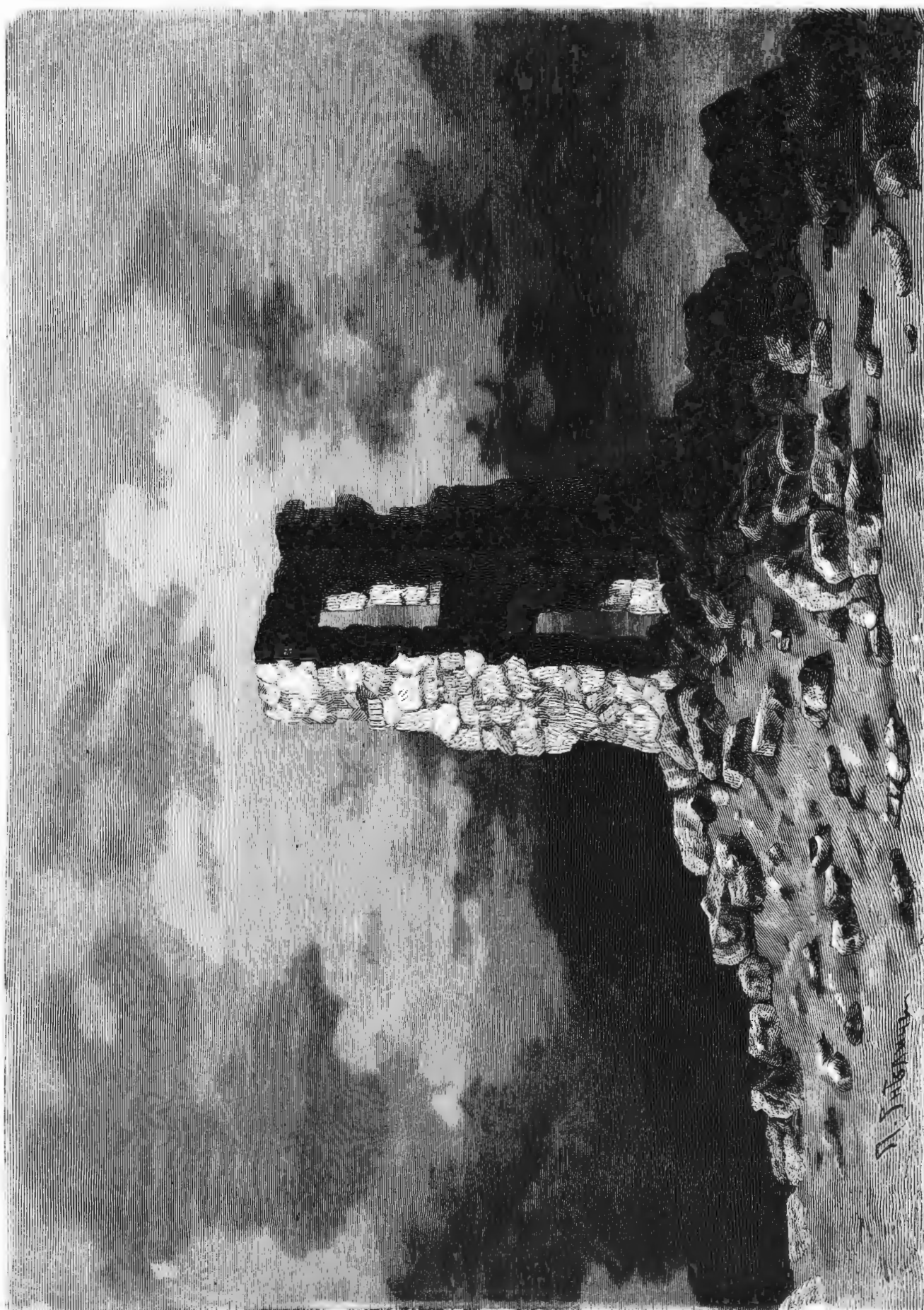
Очеркъ Н. Б—ва.

Помѣщая въ настоящемъ № портретъ, рисованный перомъ молодой талантливой артистки Г-жи Этлингерь, мы пользуемся случаемъ поговорить здѣсь о высокоталантливомъ, получившемъ давно заслуженную громкую европейскую извѣстность художникѣ, котораго дѣятельность въ значительной мѣрѣ принадлежитъ нашему отечеству, гдѣ онъ прожилъ очень долго. Мы говоримъ о Михаилѣ Зичи, въ теченіи первыхъ пятнадцати лѣтъ настоящаго царствованія носившемъ званіе придворнаго Е. И. В. живописца, оставившаго Петербургу столько превосходныхъ образцовъ своего искусства.

Такъ много произведеній Зичи появлялось на различныхъ выставкахъ и находится въ частныхъ рукахъ, темы его картинъ, эпохи, изъ которыхъ онъ беретъ ихъ, такъ разнообразны, они принадлежатъ къ такимъ различнымъ родамъ живописи, что по истинѣ нельзя не удивляться какъ мощный геній одного и того же человѣка можетъ побѣждать такія многоразличныя трудности, оставаясь постоянно блестящимъ. „Зичи совер-

шенно исключительная натура, говоритъ Т. Готье, вамъ кажется, что вы уже хорошо знаете его манеру, особенности его таланта... но вотъ новая его картина передъ вами и всѣ ваши прежнія предствленія испровергаются—передъ вами какъ бы новый художникъ. Онъ настолько же историческій живописецъ какъ и портретистъ и жанристъ... „У Зичи есть одна особенность, отличающая все, что онъ ни дѣлаетъ. Какую бы мрачную или ервавую сцену ни изображалъ, онъ неизмѣнно вездѣ глубоко изященъ, что при всегда изумительно-мастерской отдѣлкѣ деталей производитъ самое полное художественное впечатлѣніе. Всѣ его приемы такъ увѣренны и смѣлы и вмѣстѣ такъ тонки и тщательны, что это въ нѣкоторыхъ его произведеніяхъ просто поражаетъ.

М. И. Зичи родился 14 окт. 1829 г. въ Залѣ, въ Венгріи. Онъ принадлежитъ къ извѣстной знатной фамиліи, которой вѣтъ—графы Зичи—занимаютъ теперь высокіе посты. Нашъ художникъ получилъ блестящее первоначальное образованіе и воспитаніе.

Чортово Городище (бл. Елабуги Вятск. губ.) По наброску профессора Гуна, рис. П. Гяндичъ, грав. М. Рапеевскій.

Осенью на Ладонскомъ озерѣ. Ориг. рис. П. Гнѣдича, гравь. М. Рашевскій.

Въ дѣтствѣ онъ былъ болѣе рѣзокъ и шаловливъ чѣмъ усидчивъ или прилеженъ, и не показывалъ никакихъ тогда наклонностей къ тѣмъ занятіямъ, которыя его прославили впоследствии. Первый толчекъ его еще спавшему юношу художественному сознанию данъ былъ горячими рѣчами и страстною любовью къ искусству его перваго учителя рисованія въ Пештѣ, итальянца Маростони. Здѣсь уже, видя высокіе образцы искусства, видя превосходныя гравюры съ картинъ, въ витринахъ Пештскихъ астаминныхъ магазиновъ, прониклся юноша тѣмъ страстнымъ влеченіемъ къ искусству, которое потомъ опредѣлило его судьбу. Передъ этими витринами онъ заставался по дѣльнымъ часамъ, забывая свои уроки, пропуская лекціи. Первыми его этюдами были копии со статуи Вольпато и Мортели. Самъ Зичи впоследствии говорилъ, какъ много обязанъ своею выработкою, своею первоначальною школою.

Однажды случилось мальчику быть въ мастерской знаменитаго тогда въ Венгріи, Тикоша. Возвужденный, какъ бы въ какое святилище, вступилъ Зичи въ комнату. Эта прекрасная обширная мастерская, эскизы, картины, палитры, кисти—все это произвело на него глубокое и рѣшительное впечатлѣніе. Отъ твердо рѣшилъ сдѣлаться живописцемъ, и это съ тѣхъ поръ стало его завѣтной, любимой мечтой. Тутъ неизбежно онъ долженъ былъ столкнуться съ мнѣніемъ своихъ родныхъ, которые противились тому, чтобы мальчикъ его происхожденія, какъ они говорили, сдѣлался бы „ремесленникомъ“. Но начавшаяся семейная борьба, кончилась побѣдою—сопротивленіе со стороны родныхъ встрѣтилось съ такой несокрушимой энергіей и рѣшимостью, что должно было отступить. Мальчикъ записался въ число учениковъ профессора академіи въ Вѣнѣ Вальдмюллера.

Предѣлы очерка не позволяютъ намъ вдаваться въ большія подробности. Достаточно сказать, что онъ попалъ въ отличныя руки: методъ профессора былъ превосходный. Вниманію учениковъ постоянно указывалась природа—лучшій учитель. Строгая и выдержанная работа показала Зичи трудовую, суровую сторону его призванія и дала ему ту твердость и увѣренность пріемовъ, какими онъ всегда отличался впоследствии.

Первыя произведенія Зичи, появившіяся на Вѣнской выставкѣ въ 1844 году по содержанию были несложны, но уже обратили на себя вниманіе публики. Это были: дѣвушка на колѣняхъ въ постелѣ, возсылающая благодарственное моленіе за свое выздоровленіе и раненый средневѣковый рыцарь, поддерживаемый оруженосцемъ. Особенное значеніе этимъ картинамъ придава, начатая тогда его учителемъ Вальдмюллеромъ, борьба противъ устарѣлой академической рутины. Много шуму надѣлала въ Вѣнѣ тогда горячая брошюра профессора о новыхъ пріемахъ преподаванія искусства, причемъ какъ на образецъ картинъ новой школы, онъ прямо указывалъ на двѣ картины своего ученика Зичи.

Въ слѣдующемъ 1845 году появились три новыя картины Зичи: *Заколочиваніе гроба*—мать бросается къ гробу своего ребенка, приподнимая крышку, чтобы еще разъ взглянуть на мертвое лицо; затѣмъ, *Распятіе и Запрестольный образъ*. Въ это время разстроенныя обстоятельства его семейства давали ему поводъ благодарить судьбу, что онъ избралъ свое поприще. Картины его распродалась быстро, и онъ уже могъ свободно ѣхать въ Италию. Тутъ произошелъ эпизодъ съ одной изъ его картинъ, представленныхъ въ академію на конкурсъ, „Спасающая лодка“. По бурнымъ волнамъ несетса лодка, наполненная спасеными отъ гибели. Посреди группы стоитъ монахъ, высоко воздѣвая къ небу крестъ. Фигуры, положенія, вдохновенное выраженіе лица монаха—все это выражено превосходно. Картина эта должна была, по общему признанію, получить премию, но такъ какъ на конкурсѣ явились и нѣкоторые профессора, то въ видахъ безпристрастія, никто не получилъ премии. Старый благородный Вальдмюллеръ былъ такъ пораженъ несправедливостью къ своему любимому ученику, что сложилъ съ себя званіе профессора. Еще въ 1844 г. Зичи былъ приглашенъ великою княгиней Еленой Павловной, по рекомендаціи Вальдмюллера, давать уроки дочери ея В. К. Екатерины Михайловны и въ самый разгаръ ожесточенной полемики, которую вызвала его картина и поступокъ Вальдмюллера, подарилъ картину своей матери и уѣхалъ въ Россію. Съ осени 1847 г. Зичи постоянно жилъ и работалъ въ Россіи. Онъ съ чрезвычайною добросовѣстностью отнесся къ своему дѣлу преподаванія. Уроки во дворцѣ и у многочисленныхъ представителей нашей аристократіи—графы Панина, Давыдова, Толстого—отнимали у молодаго художника весь день, такъ что для себя онъ набрасывалъ эскизы часто ночью. Множество эскизовъ его хранится въ альбомѣ Е. И. В. Вел. Кн. Екатерины Михайловны. Своею жизнью въ Петербургѣ и занятіями тогда Зичи однако болѣе недоволенъ. Недостаточное ли пониманіе и признаніе искусства въ тѣхъ кругахъ общества, гдѣ онъ дѣйствовалъ, слишкомъ ли серьезное отношеніе къ своему дѣлу со стороны Зичи съ учениками и ученицами, которые видѣли въ этомъ не призваніе а часто только препровожденіе времени—какъ бы то ни было, нравственно онъ былъ очень разстроенъ и его матеріальныя обстоятельства были такъ дурны, что онъ принужденъ былъ тратить на мелкія работы, чтобы поддерживать себя сколько нибудь прилично. У него не было даже

порядочной мастерской. Мы видимъ его даже иллюминаторомъ въ фотографіи Венинга. Фотографія 1851 года была въ такомъ еще состояніи, что художнику приходилось много додѣлывать. Теперь есть уже столько весьма хорошихъ фотографій и это дѣло на твердой почвѣ, но тогда это была единственная фотографія. Работы была масса, но эта работа не могла удовлетворить его душевной потребности. Въ это время онъ часто рисовалъ прелестныя вещи, переходившія при разныхъ случаяхъ въ собственность молодыхъ Великихъ Князей, у которыхъ и донынѣ сохраняются въ разныхъ альбомахъ. Въ это время ему привелось пользоваться вниманіемъ и покойнаго Императора Николая Павловича, который зналъ и хвалилъ его работы. По ходатайству генерала Краснокутскаго, онъ представлялся ко Двору, и ему поручено было изобразить различныя сцены жизни Императора въ Гатчинѣ. Въ 1855 году въ Петербургѣ былъ извѣстный французскій писатель Теофиль Готье, въ своей книгѣ „Voyage en Russie“ онъ посвящалъ цѣлую главу Зичи, о которомъ отзывался восторженно. Онъ описываетъ его мастерскую, образъ его жизни и т. п. Осталось до сихъ поръ воспоминаніе его тогдашней жизни—это портретъ его, дѣланный имъ самимъ (собств. гр. Чайскаго), гдѣ Зичи изобразилъ себя въ своей мастерской на диванѣ, съ сигарой во рту. Въ разныхъ углахъ комнаты атрибуты мастерской, кисти и палитры, покрывающія паутиной. Художникъ этимъ какъ бы хотѣлъ сказать, что не имѣетъ возможности заняться какъ слѣдуетъ своими любимыми темами, заваленный другой работой. Теофиль Готье зашелъ въ магазинъ Бегрова, пораженный картинами и рисунками, выставленными въ витринахъ и узналъ, что картины эти никогда не застаиваются и охотно раскупаются лишь только появляются въ магазинѣ. Восторженная статья Готье, по заявленію самого Зичи, дала благоприятные результаты, такъ какъ въ нашемъ обществѣ, особенно тогда, отзывъ извѣстнаго иностранца очень много значилъ. Картины Зичи пошли тогда на расхватъ.

Въ это время Зичи получилъ предложеніе исполнить картины, изображающія церемоніи коронаціи, совершавшейся тогда съ торжественностью и пышностью въ Москвѣ, и вмѣстѣ съ тѣмъ принять на себя званіе придворнаго Е. И. В. художника. И въ этомъ званіи онъ пробылъ въ Россіи 15 лѣтъ. Тутъ официально его, такъ сказать, работой было изображеніе церемоній, развлеченій и семейныхъ событій Двора. Лица участвовавшія въ охотахъ по приглашенію Государя Императора, посылавъ поднести въ воспоминаніе эстаго Его Величеству рисунки, обратились къ Зичи, который и составилъ превосходный охотничій альбомъ съ портретами. Въ теченіи 10 лѣтъ затѣмъ, художникъ написалъ болѣе 500 разнаго размѣра картинъ, работая для Государя Императора и именно къ этому же періоду относятся картины, сдѣланныя имъ для Эрмитажа. Кромѣ того онъ исполнялъ множество частныхъ заказовъ. Перечислить все это было бы положительно невозможно. Въ 1874 г. къ большому сожалѣнію всего общества, всѣхъ почитателей его таланта, Зичи переѣхалъ въ Парижъ, гдѣ и прожилъ цѣлыхъ пять лѣтъ. Сперва онъ искалъ сближенія съ французскими художниками, но очень скоро замѣтилъ, какъ мало они расположены сойтись съ чужеземцемъ, который кромѣ того еще опасный соперникъ. Тогда онъ нанялъ себѣ хорошенькую, уютную квартиру, выписалъ изъ Венгріи нѣкоторыя свои вещи—рѣдкости и картины—и заперся отъ всѣхъ, зажилъ одинъ, ограничиваясь лишь тѣснымъ кругомъ самыхъ близкихъ друзей, между которыми однако не было французскихъ художниковъ. Тутъ получилъ онъ заказъ отъ венгерскаго правительства. Картина должна была изображать моментъ когда императрица Австрійская собственноручно возлагаетъ на лежачаго въ гробу Деака вѣнокъ. Теперь картина эта въ музеумѣ въ Пештѣ. Размѣръ картины долженъ былъ быть очень великъ и тутъ Зичи привелось опять вернуться къ маслянымъ краскамъ. Картина эта была выставлена въ Вѣнѣ и имѣла огромный успѣхъ. Публика въ большомъ количествѣ осаждала всегда залы „Художественнаго общества“. Въ печатнахъ много говорили объ этомъ произведеніи. Особенно всѣхъ занимало истинное освѣщеніе картины, къ которому Зичи прибѣгъ первый и которое до него въ Вѣнѣ не было въ употребленіи. Для всемирной выставки, онъ съ большимъ жаромъ принялся за картину „Геній Разрушенія“ и окончилъ ее недѣль въ шесть, успѣвъ съ открытіемъ выставки; въ такое невѣроятное короткое время, была написана картина въ 14 аршинъ длины и 5 вышины. Этой картиной онъ занимался съ большимъ одушевленіемъ и жаромъ, но къ сожалѣнію она не попала на выставку. Министръ не принялъ ее, подъ предлогомъ, что она можетъ обидѣть своимъ содержаніемъ иностранныхъ государей, которые посѣтятъ выставку. Но это былъ только одинъ предлогъ; дѣло было вовсе не въ иностранныхъ государяхъ а отъ казъ сдѣлавъ подъ давленіемъ духовенства и клерикаловъ. Тѣмъ не менѣе картина появилась на выставкахъ въ Вѣнѣ и въ Пештѣ и вездѣ производила сильное впечатлѣніе.

Что касается дѣятельности Зичи, какъ преподавателя, то онъ всегда глубоко-серьезно относился къ своимъ занятіямъ съ немногими бывшими у него учениками и вносилъ столько любви и вниманія въ это дѣло, что оставалъ въ ученикахъ навсегда благодарное о свѣтлое воспоминаніе. Вѣрный высокимъ худо-

жественнымъ принципамъ и взглядамъ Вальдмюллера онъ твердо рѣшился примѣнять его методъ преподаванія. Серьезная теоретическая и практическая подготовка, живая модель, обращеніе къ природѣ, глубокое изученіе анатоміи человѣка—вотъ необходимые элементы, вносимые имъ въ преподаваніе. Кроме того онъ никогда не направлялъ усиленно молодыхъ людей подвизаться исключительно въ томъ родѣ живописи, который былъ его спеціальностію—что дѣлають болѣею частью преподаватели—напротивъ, предоставлялъ полную свободу выбора рода живописи ихъ таланту и только удерживалъ ихъ, чтобы они отнюдь не удалялись отъ природы, чтобы изъ стремленія къ эффекту или живости и яркости колорита никогда не жертвовали вѣрностію природѣ.

Парижскій климатъ произвелъ на Зичи неблагоприятное впечатлѣніе—каждую зиму онъ чувствовалъ себя дурно и въ послѣднюю осень заболѣлъ такъ сильно, что доктора совѣтовали ему уѣхать хотя въ Ниццу, гдѣ онъ дѣйствительно сталъ себя чувствовать много лучше. Рано утромъ онъ обыкновенно работалъ, послѣ же обѣда совершалъ длинныя прогулки въ городъ или поѣздки изъ Ниццы въ Монте-Карло и другія мѣста. Онъ сталъ рано ложиться спать, не такъ какъ прежде въ 3 или 4 часа утра и вставать въ 9, что также принесло ему пользу, ибо пятичасовой сонъ конечно былъ недостаточенъ для такъ много работающаго художника. Во время своей болѣзни, въ Парижѣ онъ принялся за большую картину масляными красками. Теперь онъ оканчиваетъ ее и поплетъ затѣмъ на Вѣнскую выставку. Это монастырскій дворъ въ лунную полночь—игра тѣней и свѣта и легкихъ могильныхъ призраковъ—картина производитъ волшебное, чудно-таинственное впечатлѣніе.

Перечисленіе даже части картинъ Зичи въ разбѣрахъ нашего очерка было бы совершенно невозможно. Наиболѣе обратившія на себя вниманіе были описываемы не однажды при отчетахъ о различныхъ выставкахъ. Одна выставка была въ Петербургѣ въ 1869 г. и заключала въ себѣ все, что можно было собрать изъ

произведеній Зичи въ Петербургѣ. Эта выставка ясно показала публикѣ, что передъ нею крупный артистъ съ глубокимъ поэтическимъ чувствомъ и художественнымъ пониманіемъ. Тогда еще возбудили общія восторженныя похвалы его картины „Флорентинская оргія“, „Смерть царя Кандава“, „Вакханка и Сатурнъ“, „Лютеръ“ и другія. Затѣмъ недавно были выставлены у Бегрова нѣсколько превосходныхъ картинъ Зичи, о которыхъ мы говорили въ особой статьѣ въ № 7 Нивы. Была выставлена между прочимъ и его извѣстная „Мученики Испанской инквизиціи“ съ которою наши читатели знакомы по рисунку, какъ и съ нѣкоторыми другими, также принадлежащими этому художнику и помѣщавшимися въ „Нивѣ“ отъ времени до времени. Но гравюра на деревѣ, даже при самомъ блестящемъ исполненіи не можетъ никогда передать достоинства акварели или масляной картины—она владѣетъ только однимъ тономъ.

А теперь наши читатели уже могутъ познакомиться съ изящнымъ и блестящимъ талантомъ Зичи не по гравюрамъ на деревѣ, а во всемъ блескѣ красокъ и колорита въ превосходно исполненныхъ копіяхъ съ двухъ его акварелей, изображающихъ сцены изъ „Демоана“ Лермонтова и рисованныхъ Зичи исключительно для нашего журнала; копіи эти получаютъ наши подписчики на 1880 годъ въ видѣ безплатной премии въ половинѣ Октябръ мѣсяца. Портретъ, здѣсь помѣщаемый, рисованъ перомъ талантливой молодой ученицы Зичи, нашей соотечественницы, г-жи Маріи Этлингеръ и снятъ во время пребыванія Зичи въ Ниццѣ. Г-жа Этлингеръ подписывающая свои произведенія лишь своимъ именемъ „Marie“ бывшая ученица Спб. Императорской академіи художествъ, уже удостоенная академіей серебряной медали. Мы имѣли случай видѣть до десяти картинъ молодой артистки, которая указываетъ на ея выходящій изъ ряду талантъ, развитію котораго не могло не дать много силы влияніе, уроки и совѣты такого мастера какъ Михаилъ Зичи. Въ скоромъ времени, какъ мы слышали, предполагается выставка произведеній молодой артистки въ Петербургѣ.

КЪ РИСУНКАМЪ

Первый снѣгъ.

(Картина Ю. Клевера).

Въ Берлинѣ въ настоящее время (съ августа по октябрь) открыта художественная выставка и распорядители ея прислали въ нашу Императорскую Академію приглашеніе русскимъ художникамъ, участвовать въ этой выставкѣ. Академія разослала, всѣмъ нашимъ извѣстнымъ художникамъ извѣщеніе объ этомъ, но на этотъ призывъ откликнулся только одинъ русский художникъ Ю. Ю. Клеверъ, можетъ быть потому что у другихъ не было ничего готового на этотъ случай. Но Клеверъ не имѣлъ повода раскисаться въ этомъ, ибо его картины „Лѣсная глушь“ (повтореніе картины, принадлежащей Третьякову), „Зима“ и друг., которыми мы любовались въ залахъ академіи, произвели сильное впечатлѣніе въ Берлинѣ, и берлинская печать отзывалась о нашемъ талантливомъ пейзажистѣ, въ самыхъ лестныхъ и восторженныхъ выраженіяхъ—не можетъ насъ не радовать, что такъ отзывались именно о нашемъ художникѣ. „Между ландшафтами, которые принадлежатъ еще неизвѣстнымъ у насъ художникамъ, пишетъ напр. Berl. Börs. Courrier, особенно выдаются произведенія одного иностранца, русскаго, Ю. Клевера. Въ своемъ произведеніи „Лѣсная глушь“, онъ показал замѣчательную глубину поэтическаго чувства и богатство воображенія. Картина напоминаетъ читателямъ нами прелестныя „Залисскіе охотника“, Тургенева, по тому высокому и полному жизни проникновенію природой, которое художнику также присуще, какъ и поэту. Картина совершенно переноситъ васъ въ это лѣсное затишье, въ этотъ чудный, волшебный міръ поэзіи—являющій себя лишь душевнымъ очамъ немногихъ избранныхъ“... (В. В. С. № 458).

Здѣсь мы представляемъ прекрасно исполненную на деревѣ Н. Карзиннымъ копію съ картины Ю. Ю. Клевера „Первый снѣгъ“, еще не бывшей на выставкѣ и отличающейся всѣми его блестящими особенностями. Съ именемъ Ю. Ю. Клевера наши читатели хорошо знакомы, такъ какъ нѣсколько разъ появлялись у насъ его произведенія и еще недавно „Островъ Наргенъ“ въ № 15.

Красавица.

(Картина Боденмюллера).

Наши петербургскіе читатели конечно помнятъ, что въ прошломъ году, одновременно съ академической выставкой, въ залахъ Академіи Наукъ состоялась весьма интересная выставка картинъ иностранныхъ и нѣкоторыхъ русскихъ художниковъ, устроенная извѣстнымъ г. Фельденомъ, владѣльцемъ одного изъ лучшихъ художественныхъ магазиновъ въ Петербургѣ. Объ этой выставкѣ мы говорили въ свое время подробно. Тогда еще обратилъ на себя общее вниманіе прелестный этюдъ „Красавица“, принадлежащій вѣсти высоко-талантливаго германскаго художника Боденмюллера. Картина эта теперь составляетъ собственность издателя журнала „Нива“ и

здѣсь помѣщается копія съ этой картины, исполненная мастерски Кнезебергомъ и Эргелемъ.

Фридрихъ Боденмюллеръ современный, талантливый, пользующійся извѣстностію въ Германіи, Мюнхенскій художникъ. Большое впечатлѣніе производили на выставкахъ его большія картины: „Дѣло при Вергѣ“, „Послѣ Седана“, „Бивуакъ близъ Ингольштадта“. Художникъ перечувствовалъ, видѣлъ и испыталъ самъ то что рисовалъ. Онъ самъ доблестно участвовалъ въ этихъ дѣлахъ какъ офицеръ баварской артиллеріи, онъ получилъ знаки отличія за храбрость и тѣ грозныя и историческія впечатлѣнія которыя пережилъ въ эти дни увѣковѣчилъ въ прекрасныхъ своихъ картинахъ.

Чортово городище.

(Къ рисунку профессора Гуна).

Въ Вятской губерніи на Камѣ есть интересная постройка, носящая названіе *Чортова городища*. Таинственное зданіе, сложенное изъ неотесанныхъ, скрѣпленныхъ цементомъ камней, дѣйствительно могло казаться жителямъ города Елабуги, въ полурота верстѣ отъ котораго она находится, — чѣмъ-то сверхъестественнымъ. Положеніе развалинъ на вершинѣ скалы въ 25 саж. надъ уровнемъ Камы, кажется еще болѣе способствовало созданію легенды объ участіи въ постройкѣ нечистой силы. Въ сущности это, по всѣмъ вѣроятіямъ, развалины болгарскаго укрѣпленія, сохранившіяся до нашихъ дней съ незапамятныхъ временъ. Какъ извѣстно, въ глубокой древности на Волгѣ и по бассейнѣ Камы жило тюрское племя такъ назыв. *серебряныхъ болгаръ*, о которыхъ смутныя свѣдѣнія оставили намъ арабскіе писатели. Извѣстно только, что въ X вѣкѣ болгары были ярые послѣдователи Магомета, управлялась монархическою властью и вели обширную торговлю... Остатки болгарскихъ дворцовъ и минаретовъ до послѣдняго времени еще можно было видѣть на Волгѣ, не такъ давно находили монеты, золотыя и серебряныя браслеты, серьги, зеркала, бусы и пр. — Теперь все растащено и разрушено. Многія наброски, которые успѣли художники сдѣлать на мѣстѣ, одни говорятъ о сказочномъ государствѣ, лежавшемъ, по мнѣнію арабскихъ ученыхъ на границѣ *страны мрака*, съ которою оно вело мѣховую торговлю, и куда ѣздили на собакахъ...

Осень на Ладонскомъ озерѣ.

(Къ рисунку П. Гнѣдича).

На сколько хватаетъ глазъ — безконечный, холодный просторъ свинцовыхъ волнъ. Сѣренькія, обрывистыя тучи, влѣблясь прихотливо фигурными шапками, низко несутся надъ водою и не пропускаютъ ни единого свѣтлаго луча черезъ свой густой, непроницаемый пологъ. То мелкій, косой дождикъ мороситъ пологими тамъ и самъ по озеру, то перестаетъ, и словно на смѣну ему сырой, до костей пронизывающій вѣтеръ еще сильнѣе начинаетъ дуть, забирается въ рукава, за воротникъ,

за пазуху; шинперь как можно плотнее нахлобучивает на глаза свою клеенчатую фуражку, пассажиры прычутся по углам и каютам; мачта скрипит, натягивая то с одной, то с другой стороны канаты, дым из трубы вырывается неровными оборванными флюками, и подхваченный вѣтром, уносится точасъ-же куда-то в сторону, в этот мглнстый туманъ. Волны принимаютъ совсѣмъ стальной отблескъ и поднимаются вокругъ судна словно выточенные глыбы сибирскаго графита, увѣнчанныя пушисто-мягкими, желто-сѣрыми гребнями закипающей пѣны. Мощно бьютъ онѣ въ высокій бортъ парохода, перелезаютъ черезъ него, и цѣлымъ водопадомъ обрушиваются на палубу, подмывая все встрѣчное по дорогѣ... Визжать рулевья цѣны, греметь лонасти колесъ, шипитъ паръ въ цилиндрахъ, скрипятъ снасти, а вѣтеръ воетъ, мечется, рвется, выдается изъ стороны въ сторону... Скорѣй-бы пристань, скорѣе...

Тамъ, далеко у берега разбилося нѣсколько барокъ, — гдѣ-же имъ, беззащитнымъ, слабымъ, бороться съ разъяренной стихіей... Вѣдь не даромъ озеро и въ старину славилось бурями, не даромъ великій Петръ едва-едва спасся отъ его волнъ, не даромъ вокругъ него проведены обводные каналы... Къ концу августа, въ началѣ сентября развѣ только неотложныя дѣла могутъ заставить пассажира съѣзъ на ладожскій пароходъ,—иначе, (если только онъ не любитель сильныхъ ощущений) монотонно-однообразная качка душу вымучитъ на дальнихъ переходахъ, и какъ радостно взглянетъ онъ на маякъ, вѣстникъ скорой остановки, мелькнувшій передъ нимъ въ видѣ креста подъ навѣсомъ, поставленнаго на вершинѣ гранитной глыбы пюками ближайшей обители...

Квакша зеленая.

Въ хорошии дѣвѣ можно видѣть на болотѣ небольшихъ животныхъ—родъ маленькихъ лягушекъ, охотающихся за мухами и бабочками. Это древесная лягушка „квакша“. Головка ея съ явными признаками ушей, съ большими глазами; квакша съ блестящей зеленой кожей на спинкѣ, бѣловатымъ брюшкомъ и лапками, оканчивающимися цѣпкими пальцами. Къ этому роду квакшъ относятъ всѣхъ безхвостыхъ пресмыкающихся, отличающихся тѣмъ, что они имѣютъ зубы—существенно различаясь тѣмъ

отъ жабъ. Пальцы на лапкахъ даютъ имъ возможность лазить по деревьямъ. Этотъ родъ заключаетъ въ себѣ много видовъ; представительница его въ Европѣ—именно зеленая квакша; она водится также и въ Японіи, фауна которой имѣетъ вообще большое сходство съ Европейской. Квакша прыгаетъ очень бойко и высоко, липкая поверхность ея лапокъ даетъ ей возможность крѣпко схватывать всякое тѣло, какъ-бы оно ни было гладко и скользко и лазить по вѣткамъ очень быстро и ловко. Она подкарауливаетъ насекомыхъ, притаясь въ зелени и мгновенно захватываетъ ихъ своимъ липкимъ языкомъ. Зарождение и постепенное развитие квакшъ происходитъ такъ-же какъ и у обыкновенныхъ лягушекъ, причемъ долгое время онѣ совершенно пѣмы. Когда приходятъ сырое осеннее время, квакши зарываются въ болотную тину по нѣскольку вмѣстѣ. Въ первыхъ числахъ апрѣля они уже пробуждаются отъ зимней спячки, оживаютъ, и начинаютъ класть яйца. Изъ этихъ яицъ дней черезъ двѣнадцать или пятнадцать образуются маленькіе головастыи съ широкой головкой, состоящей почти половину всего ихъ тѣла; брюшко ихъ круглое и весьма выпуклое, оканчивается плоскимъ хвостомъ. Верхняя часть тѣльца головастика зеленого цвѣта съ коричневыми и желтыми пятнышками, брюшко блестяще бѣлаго цвѣта. Хвостикъ весь въ твоякхъ и правильныхъ полоскахъ, имѣетъ три продолговатыхъ желтыхъ пятнышка. Черезъ два мѣсяца или около этого срока по зарожденіи, хвостикъ головастика отпадаетъ и образуется маленькая лягушка, которая выплываетъ изъ воды. Это именно во время высыхиванія зародышей, что мы наслаждаемся въ весенніи ночи не слишкомъ музыкальными концертами квакшъ; онѣ обыкновенно въ одно время, разомъ, начинаютъ свое кваканье и разомъ же умолкаютъ: въ тихія ночи кваканье ихъ слышится очень далеко, особенно передъ дождемъ. Осенью, когда молодыя квакши получаютъ способность кричать послѣ такого долгаго молчанія—они еще не такъ шумны. Каждая квакаетъ отдѣльно, словно пробуетъ голосъ; или иногда онѣ словно переключаются, отвѣчаютъ одна другой, прятаясь въ листья, особенно передъ бурей. Но всѣмъ болотомъ, такъ сказать всѣмъ хоромъ они квакаютъ въ апрѣлѣ и маѣ. Онѣ не кричатъ осенними ночами, весною-же кричатъ именно по ночамъ. Осенью они издаютъ крикъ болѣе медленный, не такой пронзительный какъ весною.

Политическое обозрѣніе.

Турція и державы.—Открытое возстаніе армян.—Циркуляръ новаго французскаго министра иностранныхъ дѣлъ.—Франція и Италия въ Тунисѣ.—Англія.

— Въ настоящую минуту едва ли можно надѣяться на миролюбивый исходъ вопроса о сдѣлѣ Дульциньо. Повидимому сама уже Порта сняла маску, если вѣрить депешѣ „Международнаго Агентства“; по словамъ этой депешы, султанъ заявилъ германскому послу, графу Гацфельду, что относительно Дульциньо предоставитъ надобностямъ идти своимъ ходомъ и возлагаетъ отвѣтственность за нихъ на Европу. Адмиралъ Сеймуръ началъ было переговоры съ Риза-пашей, но этотъ генералъ даже и не отвѣтилъ на приглашеніе сдѣлать портъ. Тѣмъ переговоры и кончились. Теперь ежедневно, изъ Рагузы приходятъ извѣстія о томъ, что демонстрирующій флотъ (изъ 20-ти судовъ) готовится двинуться къ сборному пункту. На сушѣ албанцы и черногорцы, шагъ за шагомъ, сходятся все ближе и ближе. Первые толпами стекаются къ Дульциньо, вторые наступаютъ тремя отрядами. Одинъ изъ отрядовъ, подъ начальствомъ Божо Петровича и Петра Вукотича, занялъ ближайшія стратегическія позиціи, другой, которымъ командуетъ Маша Врбича, стоитъ у Подгорицы, третій же, съ своимъ воеводой, Миланомъ Вукотичемъ, занимаетъ Андреевицу.—Адмиралъ Сеймуръ недавно предпринималъ, въ сопрожденіи командировъ другихъ націй, рекогносцировку. Вообще, предполагается, что уюорство турецкаго правительства и албанцевъ, рѣшившихся во что бы ни стало защищать Дульциньо—вынудитъ державы, для скорѣйшаго окончанія дѣла, совершенно измѣнить характеръ демонстраціи и дать разрѣшеніе адмираламъ произвести десантъ. Албанцы Фессалии и Эпира тоже не терпятъ времени. Ихъ комитетъ въ Аргиро-Кастро намѣреваетъ созвать всѣхъ албанцевъ, способныхъ носить оружіе, сформировать въ дружины и обучить военному дѣлу. Дружины эти составятъ два корпуса (по 10 тысячъ человекъ каждый), которые будутъ собраны къ первому октябрю. Батальонные и корпусные командиры уже назначены, а на сформированіе корпусныхъ штабовъ отпущено уже 10 тысячъ турецкихъ лиръ. Очевидно, что всѣ подготовительныя къ этой организаціи работы уже сдѣланы и, въ виду того, что по греко-гулцкому вопросу, державы посвящаютъ не мало времени на переговоры съ Портой—албанцы будутъ вполне готовы дать отпоръ грекамъ, когда, послѣ обычно безплодныхъ переговоровъ, наступитъ моментъ борьбы.—Но, положимъ, придетъ вождѣнная минута, когда черногорцы будутъ удовлетворены и греческій вопросъ—тоже разрѣшенъ, согласно желаніямъ Эллинскаго правительства. Что же тогда? Тогда уставшія отъ хлопотъ съ Турціей державы увидятъ, что онѣ—только приступили къ началу практическаго устроенія кое-какого порядка въ otto-

манской имперіи, если вообще въ этой имперіи возможенъ даже и „кое-какой“ порядокъ.

Теперь уже никто не станетъ и спорить противъ того, что здѣнь государство Османовъ можетъ держаться лишь на искусственныхъ устояхъ, подпираемыхъ дружными—до времени—усиліями державъ. Слѣгующимъ дѣломъ Европы будетъ, вѣроятно, какая нибудь общая (явится ли тогда къ тому возможность) принудительная мѣра къ огражденію армянскаго населенія отъ силій курдовъ, покровительствуемыхъ Портой. Пока, какъ мы уже сообщали, армяне взялись за оружіе сами. Починъ исходитъ отъ армянъ зейтунскаго горнаго округа.

Во главѣ движенія стоитъ популярное лицо въ средѣ окрестнаго населенія—Бабиль-Ипсіанъ. Другой центръ движенія организовался къ югу отъ Ново-Баязета, гдѣ сформировался уже отрядъ въ 2,800 хорошо вооруженныхъ воиновъ. Наконецъ, поднялись и армяне въ окрестностяхъ Джелалири, подъ начальствомъ богатаго кушца Маршмана, который уже направилъ нѣсколько отрядовъ къ Вану, запретивъ имъ трогать мирныхъ жителей. Курды уже почувствовали на себѣ руку тѣхъ, кого они до сихъ поръ безнаказанно притѣсняють самымъ возмутительнымъ образомъ,—7 деревень, т. е. разбойничьихъ курдскихъ гнѣздъ преданы пламени. Ванскій генералъ-губернаторъ, Самихъ-Паша, не имѣетъ достаточныхъ силъ въ своемъ распоряженіи, а армяне показываютъ явное намѣреніе сойдтись у этого пункта.

Министерство Жюля Ферри намѣрено слѣдовать въ внѣшнихъ дѣлахъ той же мирной политикѣ, какой держался и кабинетъ Фрейснера. Новый министръ иностранныхъ дѣлъ, Бартельми С.-Илеръ обратился къ дипломатическимъ агентамъ Франціи заграничей съ циркулярномъ, категорически выражающимъ такія намѣренія. Министръ, между прочимъ, проситъ всѣхъ представителей республики дать правительствамъ, при которыхъ они акредитованы, увѣренія въ томъ, что новый кабинетъ ни въ чемъ не измѣнитъ внѣшней политики предшествовавшаго министерства, что Франція никогда не придавала болѣе, чѣмъ теперь, цѣны сохраненію мира и что будутъ приложены всѣ усилія къ наибольшему развитію добрыхъ отношеній Франціи съ прочими государствами.

Вудущее, конечно, покажетъ, долго ли и искренно-ли Франція будетъ стараться „развивать“ эти дружескія отношенія „со всѣми державами“. Пока мы намекаемъ не на отношенія съ Германіей, а скорѣе на дружбу съ Италіей. Дѣло въ томъ, что интересы Франціи и Италиіи сошлись въ Тунисѣ и, до сего времени, между обѣими сторонами разногласіе по этому вопросу не улажено. Да и можетъ ли легко быть улажено соперничество на экономической почвѣ.

(Продолженіе на стр. 789, 790 и 792).

Князь Бисмаркъ, пройдя поприще дипломата, бойца съ папствомъ, сталъ во главѣ новаго движенія въ таможенно-торговой сферѣ. Рядъ предложеній, внесенныхъ въ парламентъ по желѣзнодорожному дѣлу, по новымъ тарифамъ, по коммерческимъ вопросамъ, выразилъ собою новую дѣятельность великаго современнаго государственнаго человѣка. Князь принялъ на дняхъ, безъ жалованья, постъ прусскаго министра торговли и промышленности, для проведения новыхъ, задуманныхъ имъ преобразованій.

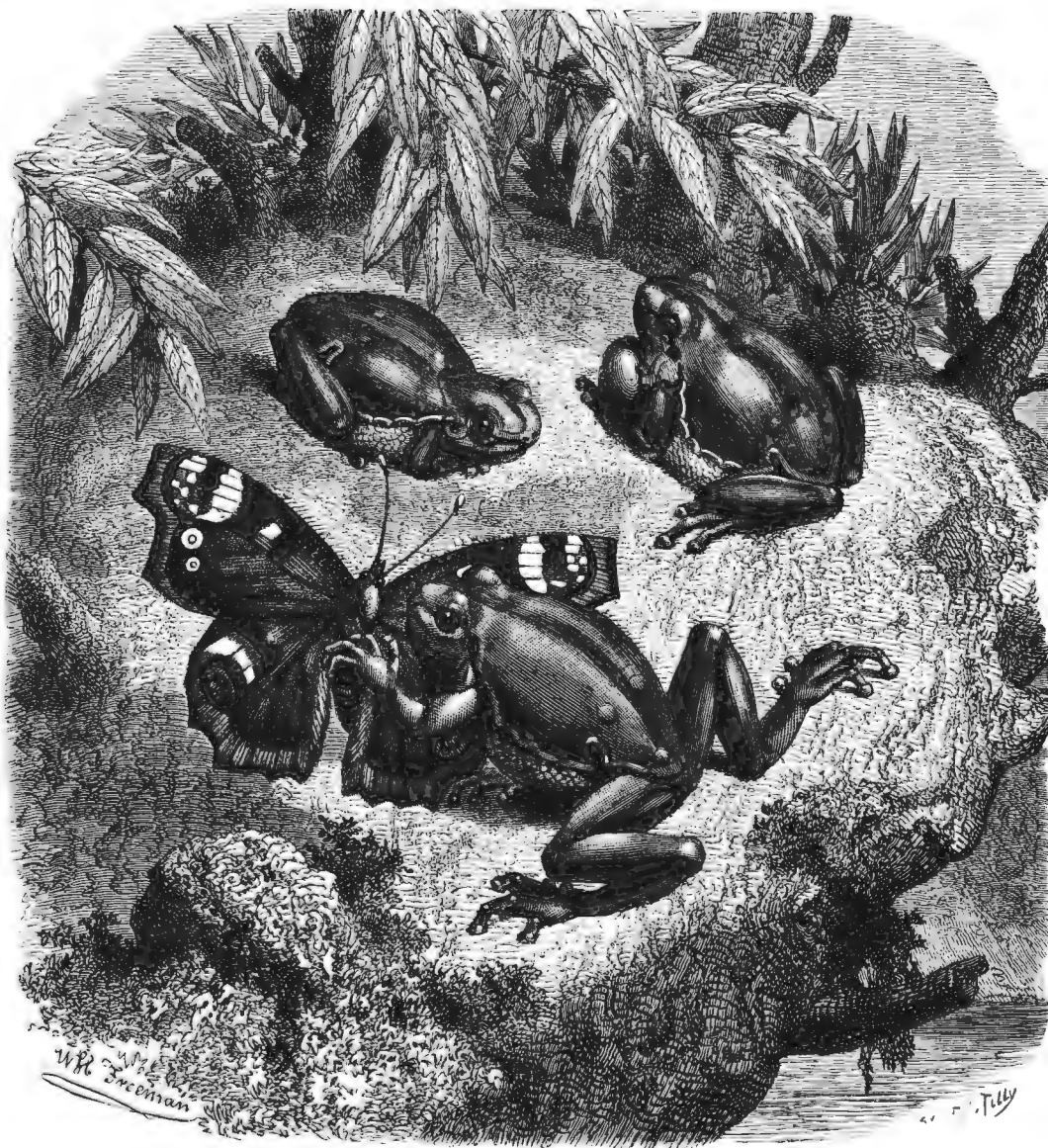
Въ рескриптѣ на имя коммерческой палаты въ Плауэнѣ, князь Бисмаркъ перечислилъ тѣ вопросы, которые онъ намѣревается осуществить и ими пополнить общій планъ своихъ

экономическихъ реформъ. Такъ, онъ намѣренъ установить страховую кассу въ пользу рабочихъ, сдѣлавшихся неспособными къ прежнему труду, возложить на хозяевъ фабрикъ и заводовъ ответственность за несчастные случаи съ ихъ рабочими и т. п. Онъ очевидно имѣетъ главнѣйшею своею цѣль рабочій вопросъ. Устройствомъ положенія рабочихъ германскій канцлеръ выступилъ на борьбу съ социализмомъ, который пользуется рабочимъ вопросомъ какъ орудіемъ для подкапыванія государственнаго строя Германіи и Европы. Нельзя не пожелать ему успѣха. Поддержка, безъ сомнѣнія, будетъ оказана его новымъ реформамъ палатами Пруссіи и парламентомъ Германіи.

С М Ъ С Ъ.

Война съ муравьями. Какъ у насъ въ южной Россіи саранча и жучекъ, такъ въ Америкѣ свирѣпствуютъ муравьи. Пра-

жищицахъ муравьевъ выселяется и тогда во время перекочевки они истребляютъ все, что имъ попадается на пути: въ нѣ-

Кванша зеленая. Рис. Фриманъ, грав. Т. Тилли.

вительство Бразильское назначило премію въ 50 конто или конторійговъ=75,000 р. за лучшее и самое дѣйствительное средство для истребленія муравьевъ. Эти насекомыя составляютъ бичъ земледѣльцевъ этой страны. Недавно возвратившійся изъ Америки путешественникъ вотъ что разсказываетъ: гуляя по полямъ и по садамъ, я былъ пораженъ въ высшей степени замѣчательнымъ явленіемъ. Множество бугровъ, возвышающихся въ конусообразномъ видѣ до 5—6 метровъ высоты, обратили на себя мое вниманіе. То были муравейники, поверхность которыхъ была покрыта толстою корою земли, засохшей подъ лучами знойнаго тропическаго солнца и представляющей въ этомъ видѣ охрану отъ вѣтра и непогоды. Подъ этою твердою крышею устраиваютъ себѣ жилища мириады муравьевъ. По временамъ часть находящихся въ этихъ

сколько часовъ съ громаднѣйшаго дерева исчезаютъ и листья и плоды; если они заберутся въ домъ какойнибудь, то хоть бросай домъ, ихъ ничѣмъ оттуда не выживешь. Очень естественно, что плантаторы преслѣдуютъ этихъ враговъ съ непримиримой злобою. На всѣхъ хуторахъ, называемыхъ тамъ „фаендасъ“, имѣются люди, исключительно занимающіеся отыскиваніемъ муравейниковъ, которые и подвергаются ими систематической осадѣ. Нерѣдко, правда, не смотря на всѣ старанія, ничего не достигается, казавшіеся убитыми муравьи опять оживаютъ. „Формигверы“ (такъ называются преслѣдователи муравьевъ отъ слова formica—муравей) замыкаютъ всѣ явно видимые входы и выходы муравейника, потомъ подводятъ ходъ и, подложивъ дрова и солому, зажигаютъ. Дымъ, указываетъ, какія отверстія остались еще незаткнутыми. По

закрѣтїи и этихъ отверстїи, выпускаемый въ муравейникъ дымъ душитъ жителей бугра, но не всегда окончательно, какъ уже выше упомянуто. Назначенная премїа пока еще никому не присуждена, никто еще не заслужилъ ее.

Диніе на выставкѣ. На выставкѣ въ Сидней (въ Австраліи) приняла участіе и диніа племена доставившія сюда прекрасное оружіе, черепа и другія рѣдкости. Австралійскіе дикари доставили длинныя гнукїя тонкія копья, деревянные и плетеные продолговатые щиты, нѣкоторые съ изображеніемъ на нихъ черепахъ, крокодиловъ и т. п. Щиты такъ малы, что нужна необыкновенная ловкость для отраженія ими копья. Единственная домашняя утварь, доставленная ими, были плетеные изъ травы мѣшки, въ которыхъ Австралійцы сохраняютъ провіантъ во время похода. Какъ образчикъ пищи, выставлены сочные листья растенія питури, которое австралійскіе негры жуютъ для подкрѣпленія силъ, послѣ сильной усталости. Между рѣдкостями, нѣкоторыя дѣйствительно очень интересны. Одинъ дикарь такъ сильно любилъ свою жену, что послѣ смерти ея содралъ съ нея кожу и набилъ чучеду. Видъ этого изсохшаго тѣла наводитъ ужасъ. Самою интересною вещью признанъ былъ непомѣрно развитой черепъ, доставленный изъ западной Австраліи. Стѣнки этого черепа замѣчательно толсты. Швы костей видны только съ внутренней стороны, такъ что кажется, что сверхъ обыкновеннаго черепа образовался новый крепкій костяной слой. Интересно также собраніе сплюснутыхъ череповъ, изъ Маликю въ новыхъ Гебридахъ, собственностью г. Маклена въ Сидней. Музыкальный инструментъ на Гебридахъ, состоитъ изъ выдолбленнаго ствола дерева, по которому бьютъ молоткомъ и который производитъ далеко разносящійся по тѣсу звукъ. Не менѣе интересны идолы съ страшными тѣлообразными носами и вздутыми, толстыми губами. На островѣ Гаванѣ божескія почести воздаютъ каменнымъ топорамъ, деревянные черенки которыхъ прекрасно отдѣлываются всевозможною рѣзкою. У дикарей Фиджи

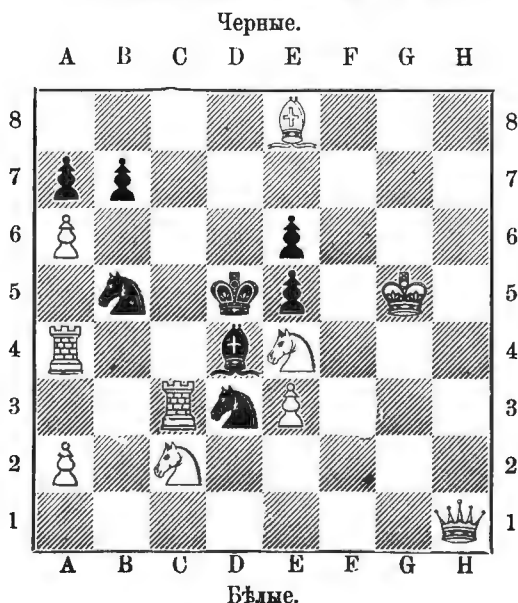
очень интересны предметы роскоши. Многія украшенія искусно составлены изъ звѣринныхъ зубовъ, различныхъ раковинъ и костей акулы. Самое красивое это кружки и чашки изъ растенія кава, прекрасно отдѣланныя перламутромъ. Изъ корня кава дѣлается дикарями прохладительный напитокъ, съ острымъ вкусомъ; онъ замѣняетъ мѣстному населенію вино и пиво и часто европейцы сильно къ нему пристращаются.

Буря въ Техасѣ. Получены извѣстія о томъ, что буря свирѣпствовала съ 31-го іюля на 1-е августа (12—13 августа) въ Техасѣ, почти окончательно разрушила городъ Броунсвилль; въ Матаморасѣ около трехсотъ домовъ снесены до основанія. Сосѣдніе города тоже жестоко пострадали. Нѣсколько пароходовъ потерпѣли крушеніе во время бури.

Ратгаузскій судъ въ городѣ Куопіо недавно приговорилъ къ смертной казни чрезъ повѣшеніе работника Абеля Мїеттинена за похищеніе имъ бутылки коньяку съ пожара, случившагося въ городѣ 22 іюня нынѣшняго года. Кража съ пожара относится, по опредѣленію дѣйствующаго въ Финляндіи шведскаго уложенія 1734 года, къ такъ называемымъ постыднымъ кражамъ (nidingsstöld), наказываемымъ смертью, и ратгаузскій судъ основалъ свой приговоръ на точномъ смыслѣ закона, который въ § 1-мъ XLII главы отъ преступленій („постыдныя кражи“) говоритъ слѣдующее: „Кто много или мало украдетъ при пожарѣ, бѣдствїяхъ отъ воды, кораблекрушенїи, наслїяхъ или при вторженїи и нападенїи непрїятеля, или же и тогда, когда что-либо отъ подобной опасности и несчастья спасено будетъ, тотъ имѣетъ быть повѣшенъ (varde hängd).“

Находка.—На дняхъ въ Сенскомъ каналѣ, у Pont des Arts, найденъ великолѣпный мечъ середины XVI столѣтія. На рукояткѣ высѣченъ гербъ рода Монморанси, а на клинкѣ видны буквы R. F., что вѣроятно означаетъ „Rex Franciscus“. Думаютъ, что этотъ мечъ былъ подаренъ кому нибудь изъ Монморанси королемъ Францискомъ I или II и, можетъ быть, лежалъ въ Сенѣ со временъ варооломеевской ночи.

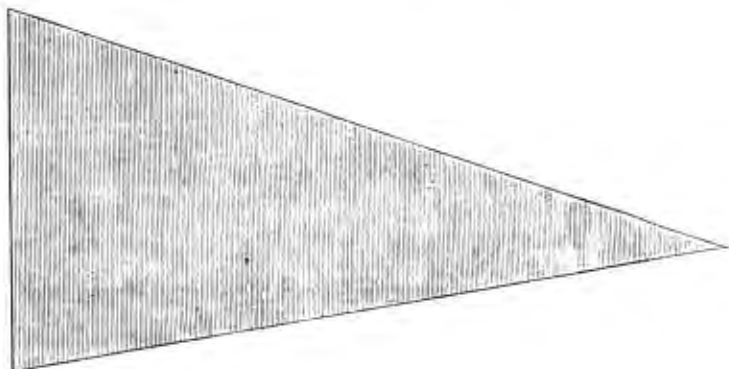
Шахматная задача № 66.

Бѣлые начинаютъ и выигрываютъ въ 2 хода.

Геометрическая задача № 67.

Данный треугольникъ разрѣзать двумя прямыми линїями такъ, чтобы изъ полученныхъ частей можно было составить квадратъ.

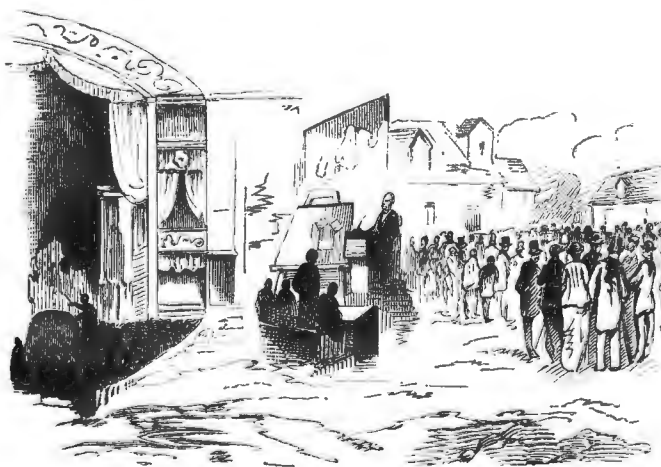
Алгебраическая задача № 68.

Названіе одного журнала состоитъ изъ четырехъ буквъ, а если эти буквы замѣнить числами, соответствующими мѣстамъ занимаемымъ этими буквами въ русскомъ алфавитѣ, то получимъ слѣдующія соотношенія между этими числами:

- 1) Первое число на 1 болѣе суммы трехъ остальныхъ.
- 2) Второе число втрое болѣе третьяго числа.
- 3) Сумма второго и четвертаго чиселъ на 4 менѣе перваго числа.
- 4) Сумма перваго и четвертаго чиселъ впятеро болѣе третьяго числа.

Узнать названіе этого журнала.

РЕБУСЪ.

Рѣшеніе шахматной задачи № 5.

Бѣлые.	Черные.
1) F4 — E5	1) C6 — C5
2) B4 — C4†	2) Куда угодно.
3) C4 ††	

Рѣшеніе шахматной задачи № 12

Бѣлые.	Черные.
1) D3 — E3	1) E5 — D4
2) F8 — C5†	2) D4 — C5
3) A5 — B3††	
	или
2) f8 — D6	1) D2 — E3

О ПЕРЕМѢНѢ АДРЕСА.

Контора журнала «Нива» проситъ своихъ гг. иногородныхъ подписчиковъ при перемѣнѣ адреса изъ одного города въ другой, прислать прежній печатный адресъ и прилагать 28 коп. почтовыми марками на типографскіе расходы.

СОДЕРЖАНИЕ: Красноводскъ (съ рис.)—Близъ станціи желѣзной дороги. Разсказъ Н. Б.—ва.—Ушлыта. Повѣсть УИда.—Михайлѣ Зичи. Очеркъ Н. Б.—ва. (съ портр.)—Первый свѣтъ (съ рис.)—Красавица (съ рис.)—Чортова городище (съ рис.)—Осення на Ладомскомъ озерѣ (съ рис.)—Иванша зеленая (съ рис.)—Шо-литическое обозрѣніе.—Свѣсъ.—Шахматная задача.—Геометрическая задача.—Алгебраическая задача.—Ребусъ.—Рѣшенія шахматныхъ задачъ №№ 5 и 12.—О перемѣнѣ адреса.—Объявленія.

Издатель А. Ф. Марисъ.

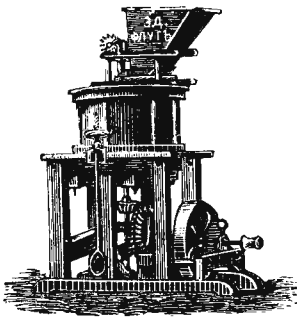
Редакторъ Ф. Бергъ.

О Б Ъ Я В Л Е Н І Я.

С.-ПЕТЕРБ. ЦЕНТРАЛЬНАЯ КОНТОРА ОБЪЯВЛЕНІЙ ВСѢХЪ ЕВРОПЕЙСКИХЪ ГАЗЕТЪ.

№ 11 НЕВСКІЙ ПР., НА УГЛУ М. МОРСКОЙ, Д. СТРУБИНСКАГО № 11
принимаетъ объявленія во всѣ С.-Петербургскія, Московскія, Губернскія и заграничныя газеты по цѣнамъ редакцій.
При большихъ заказахъ дѣлаются соответственныя уступки.
Переводы и переписки на всѣ языки исполняются по умѣреннымъ цѣнамъ.
Объявленія въ здѣшнихъ календаряхъ на 1881 принимаются еще нѣсколько дней.
К. № 892 5-2.

МЕЛЬНИЦЫ

съ французскими жерновами для 2—4 лошадей, производительность около 7—14 худ. въ часъ; цѣна 255—490 руб. Эти мельницы лучше всѣхъ пригодны въ сельскомъ хозяйствѣ, каждый работникъ можетъ ими управлять, въ починкѣ онѣ не нуждаются.
Американскія универсальныя мельницы для 3 лошадей, производительность около 9 худ. 10 ф. въ часъ; цѣна 135 р.
Американскія ручныя мельницы, производительность около 2 худ. 10 ф. въ часъ; цѣна 105 р.
МОЛОТИЛНИ, цѣна: 80, 90 и 100 р.
" съ одноконнымъ приводомъ ц. 200 р.
" съ соломотрясомъ и коннопри- водомъ для 2 лошадей, цѣна 250 р.
" для 3 лошадей, цѣна 355 р.

Вѣялки и сортировальныя машины, ц. 40, 50 и 55 р.
Кромѣ того въ складѣ имѣются всѣ земледѣльскія машины, сѣвныя прессы, насосы, пожарныя трубы, пульсометры и т. п.

МАШИННОЕ ДЕНО
Э. Д. Ф Л У Г Ъ.

№ 11, Вознесенскій проспектъ. К. № 897

ДЕШЕВОЕ ДОМАШНЕЕ ОКРАШИВАНІЕ ВО ВСѢ ЦВѢТА

платьевъ, лентъ, платковъ и проч. какъ и всякаго рода матерій посредствомъ совсѣмъ приготовленныхъ съ подробнѣйшими наставленіями красокъ продающихся

въ аптекарскомъ магазинѣ КЕЛЕРА и № въ Москвѣ.

Цѣна пачки съ достаточнымъ для окрашиванія большого дамскаго платья количествомъ краски 50 к., 1/2 пакета 25 к. и 1/4 пакета 15 коп. Торговцамъ значительная скидка. Краски эти составляютъ ходкій предметъ торговли, въ особенности въ городахъ, гдѣ нѣтъ красильныхъ заведеній.
К. № 904. 4—1

Вышелъ изъ печати въ русскомъ переводѣ
НОВѢЙШІЙ ПРАКТИЧЕСКІЙ МЕТОДЪ КРОЙКИ ДАМСКАГО ПЛАТЯ.

Исаверія Глодзинскаго, учителя дамской кройки, извѣстнаго многою по сему предмету сочиненіями, переведенными уже на нѣмцкій и другіе иностранныя языки, владѣльца заведенія кройки дамскаго платья за границею, и въ Варшавѣ, Медовая, № 1. Сочиненіе это вышедшее уже 5-мъ изданіемъ основано на постоянныхъ данныхъ, не подвергающихся какому-либо измѣненію метода, усовершенствованъ и примененъ во всякимъ закономъ моды на столько, что почтенныя дамы могутъ изучать кройку безъ всякой другой помощи. Въ сказанной книгѣ способы кройки и шитья на правильныя и неправильныя тѣлосложенія, изложены со всею точностью и акуратностью и потому она заслуживаетъ общее вниманіе и употребляется какъ руководствъ не только во многихъ мастерскихъ, учебныхъ и рукодѣльныхъ женскихъ заведеніяхъ въ Варшавѣ и за границею, но даже частными лицами въ семейныхъ кругахъ съ большимъ успѣхомъ. Кромѣ того авторъ, желая облегчить рисованіе образовъ и въ кройкѣ, предпочелъ необходимымъ ввести методъ употребленія новозобрѣтенной вырочной линіи. Книга въ 2-хъ томахъ, кромѣ текста состоятъ изъ 37 чертежныхъ таблицъ—стоитъ 3 руб. 50 коп., вырочная линія 1 р. 50 и. Покупателя одного или двухъ экземпляровъ книги съ полными приборами платятъ за упаковку и пересылку 75 коп. Адресоваться за заведеніемъ кройки дамскаго платья автора и редактора книги Исаверія Глодзинскаго въ г. Варшавѣ, Медовая, № 1, въ мастерскую, въ коей подъ руководствомъ Луизы Глодзинской принимаются и исполняются всѣ заказы, входящіе въ кругъ дамскихъ платьевъ и уборовъ. № 873

КАРТОНЪ ДЛЯ ПОЛОВЪ

ПОДЪ КОВРЫ
ИЗОЛИРЪ-КАРТОНЪ

(СВИНЕЦЪ)
ДЛЯ ИЗОЛИРОВАНІЯ СЫРОСТИ
РЕКОМЕНДУЕТЪ
ФАБРИКА

АВГУСТЪ НАУМАНЪ И К^о.

М. № 895

С.-Петербургъ. Гороховая, ул. д. № 20.

3—1

Н О В О С Т Ъ

К. № 840 3—1

ЛОЗЕ: ПАРФЮМЕРІЯ „ЛАНДЫШЪ“.

- Лозе: Extrait quadruple, изъ Ландыша Maiglöckchen.
- Лозе: туалетное мыло " " Maiglöckchen.
- Лозе: туалетный укусъ " " Maiglöckchen.
- Лозе: помада " " Maiglöckchen.
- Лозе: масло " " Maiglöckchen.
- Лозе: косметическій фиксаторъ " " Maiglöckchen.
- Лозе: брилльянтивъ " " Maiglöckchen.
- Лозе: подушки съ духами " " Maiglöckchen.

Для избѣжанія покупки поддѣльныхъ духовъ нужно требовать продукты Лозе парфюмера Ландышъ и особенно смотрѣть на мою вѣрную фирму:

Густавъ Лозе, парфюмеръ въ Берлинѣ,
поставщикъ Двора Ея Величества Императрицы Германской Имперіи.
Продается во всѣхъ лучшихъ парфюмерныхъ магазинахъ.

Книжный складъ А. И. Мамонтова

ПРИ МАГАЗИНѢ

„ДѢТСКОЕ ВОСПИТАНІЕ“.

Москва, Леонтьевскій пер., д. Мамонтова.

Изъ числа сочиненій, приобретенныхъ складомъ цѣлыми изданіями, до 60-ти названій (по естествознанію, медицинѣ, исторіи и беллетристическѣ) съ 1-го іюля продаются по значительной пониженной цѣнѣ, Каталогъ высылается бесплатно. Г-у книгопродавцамъ дѣлается обычная уступка.
П. М. № 891

ДЛЯ СОВЕРШЕННОГО ВСАСЫВАНІЯ СЫРОСТИ

между оконными двойными рамами

и для просушиванія сырыхъ стѣнъ и помѣщеній

самое сильнѣйствующее и особенно дешевое средство есть

Сушильный составъ Келера

продающійся въ 5-ти фунтовыхъ пакетахъ по 50 к. за пакетъ. Продажа и подробно объясненіе въ

МАГАЗИНѢ Р. КЕЛЕРА и К^о, въ Москвѣ

на углу Николаевской и Черкаскаго переулковъ.

Господа иногородные при выискѣ по почтѣ, благоволятъ приложить портвонъ за 6 фунт. и по 30 к. за упаковку на каждый пакетъ. Ц. № 903 3—1

Во всѣхъ книжныхъ магазинахъ и въ Сельско-хозяйственномъ комиссіонерствѣ „Рабочникъ“ поступило въ продажу 2-е изданіе книги „СЕЛЬСКІЙ СБОРНИКЪ“ Д. А. Соколовскаго. Всѣ отдѣлы входящія въ составъ 1-го изданія этой книги составлены вновь, причемъ обращено особенное вниманіе на отдѣлы: Сельско-хозяйственный и Юридическій. Кромѣ того въ 2-е изданіе вошли новые отдѣлы о Несгораемыхъ постройкахъ и Общепольныхъ учрежденіяхъ въ селахъ. Программы и правила учебныхъ заведеній значительно дополнены. Цѣна 1 р. 45 к., на пердс. 20 к. При выискѣ отъ автора въ перес. не предлагается.

Отзывы період. изданій о 2-мъ изданіи „Сельскаго сборника“: „Голосъ № 151: Новое изданіе Сельскаго сборника являетъ во всѣхъ отношеніяхъ не только улучшеннымъ, но и распространеннымъ. Г. Соколовскій вѣдѣтъ говорить просто, толково и ясно, тщательно избѣгая мудреныхъ выраженій.“

Новое Время № 1549: 2-е изданіе книги „Сельскій сборникъ“ начинается обстоятельнымъ изложеніемъ различныхъ способовъ удобренія полей, посѣвъ и другихъ свѣдѣній полевому хозяйству; способъ изложенія показываетъ особое стараніе автора быть вразумительнымъ—въ особенности въ отдѣлѣ о осудо-сберег. тов. и потреб. обществахъ; въ той же удобопонятной формѣ сообщаются читателю въ связномъ разсказѣ и историческія свѣденія о началѣ потребительныхъ обществъ.

Недѣля № 25: 2-е изданіе Сельскаго сборника значительно пополнено и исправлено въ сравненіи съ 1-мъ. Сборникъ дѣйствительно представляетъ довольно цѣнную справочную книгу для сельскихъ жителей.

С.-Петербургскія Вѣдомости отъ 26 авг. 1880 г. Въ Сельскомъ Сборникѣ этомъ учебникѣ практической жизни—и земледѣлецъ-крестьянинъ, и помѣщикъ и житель нашихъ укромныхъ захолустьевъ—всѣ найдутъ нужное и полезное для себя. Особенно важно для насъ „Судебный Отдѣлъ“, изложенный „своими словами“—понятно, не заучивая и не запугивая рядомъ статей.

Журналъ Гражд. и Угол. Права (4 кн. за іюль—августъ 1880 г.). Мы съ особеннымъ удовольствіемъ пользуемся случаемъ обратить вниманіе читателей на Сельскій Сборникъ Г. Соколовскаго: сверхъ свѣдѣній о полевомъ хозяйствѣ, огородничествѣ и садоводствѣ, о несгораемыхъ постройкахъ, общепольныхъ учрежденіяхъ и т. п. интересныя и полезныя для всякаго хозяина,—онъ содержитъ въ себѣ обширный отдѣлъ (194—356 стр.) подъ заглавіемъ „Юридическія свѣдѣнія“; Изложеніе отличается замѣчательною ясностью рѣчи.

Юридическій Вѣстникъ за сентябрь 1880 г. Книга полезна для лицъ, нуждающихся въ пріобрѣтеніи элементарныхъ юридическихъ свѣдѣній. Лица желающія выписать книгу „Сельскій Сборникъ“, не платя за пересылку (по 1 р. 45 к.) адресуютъ свои требованія: въ г. Казань, члену Императорскаго Экономическаго и Казанскаго Юридическаго Общества: Дмитрію Александровичу Соколовскому.

*) Отдѣлъ этотъ обнимаетъ собою содержаніе важнѣйшихъ постановленій о водостоян., мировомъ и общемъ судѣ, какъ по гражданскому такъ и по уголовному судопроизводству, постановленія гражданскихъ законовъ о важнѣйшихъ договорахъ. Удовлетворительное изложеніе законовъ поясняется примѣрами истомыхъ прошеній, проектовъ договоровъ и т. п.
№ 896.

МЕТАЛЛИЧЕСКІЕ АНКЕРНЫЕ ЧАСЫ
(изъ никелированного никеля).
Заходящиеся безъ ключа.
Открытые съ бѣлымъ циферблатомъ 15 р. с.
Тоже съ лѣвѣнныи или черными циферблатомъ 16 р. с.
Закрытые съ бѣлымъ циферблатомъ 18 р. с.
За пересылку прилагается 50 к. почтовыми марками.

Часы съ хронографомъ (для бѣговъ, скачекъ и всякаго рода наблюдений) заходящиеся безъ ключа, въ металлическомъ корпусѣ 35 р. с.
Въ серебряномъ корпусѣ 40 р. с.
Пересылка за счетъ магазина.

Требованія просить адресовать въ магазинъ часовъ Павла Буре, поставщика Высочайшаго Двора и Императорскаго Русскаго Флота.
Невскій проспектъ, № 23.
№ 880 С.-Петербургъ. 33-3

СКЛАДЪ ШВЕЙНЫХЪ МАШИНЪ ВСѢХЪ СИСТЕМЪ,
американскихъ, английскихъ и нѣмецкихъ конструкций для семействъ и ремесленныхъ заведеній.

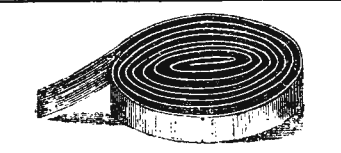
А. ШТЕЙНЪ
въ С.-Петербургѣ.
Вознесенскій просп., д. № 21.

Продажа оптомъ и въ розницу.
ЦѢНЫ ФАБРИЧНЫЯ.
Ручныя машины 20 разныхъ конструкций отъ 12 до 45 руб.
Ножныя машины 40 разныхъ конструкций отъ 35 до 350 руб.
Маш. для вязанія, шитья перчатокъ, пласе-
БЕЗПЛАТНО ВЫСЫЛАЮ
подробный прейсъ-курантъ
ГЛАВНОЕ АГЕНТСТВО ДЛЯ ВСЕЙ РОССИИ
фабрики Розенбергъ и Френкель въ Берлинѣ, специальныхъ машинъ, шьющихъ варной драгой, для шорныхъ, каретныхъ, парусинныхъ и войлочныхъ мастерскихъ, для шьющихъ и военныхъ голенищъ.
Фабрика Юлиусъ Гутмана въ Берлинѣ специальныхъ машинъ для вымотыванія петель въ сукнѣ, бѣльѣ, дамскомъ парадѣ и обуви.
Фабрика Линдъ и Енкертъ въ Берлинѣ специальная машина для вышиванія въ бѣлѣ, тунѣ, шерстяной и шелковой матеріи, войлокъ, сукна и т. д.
Складъ иглонокъ, отдѣльныхъ частей и масла къ швейнымъ машинамъ, бумаги, шелку и нитокъ. К. № 906. 10-1

ОБЩЕСТВО ВОДОЧНАГО ЗАВОДА
БЕКМАНЪ И К°
устроило рядомъ со своимъ водочнымъ заводомъ, въ совершенно новомъ, исключительно для сего приспособленномъ зданіи и открыло въ январѣ 1880 г.
ЗАВЕДЕНІЕ ИСКУССТВЕННЫХЪ МИНЕРАЛЬНЫХЪ ВОДЪ
подъ тою же фирмою Бекманъ и К°, въ которомъ приготавливаются также ягодныя и фруктовыя воды, а равно и лимонады.
Коломенской части, Перевозная ул., д. № 6. К. № 883 10 3.

Слѣб. Врачебнымъ управленіемъ рассмотрѣна и разрѣшена во всеобщее употребленіе.
НОВѢЙШАГО ИЗОБРЕТЕНІЯ
ОРЪХОВАЯ КРАСКА
для волосъ; она моментально окрашиваетъ въ натуральные цвѣта: черныи, темпурныи и каштановыи; 30 дней не требуетъ повторенія. Ц. 1 р. 20 к., съ перес. 2 р., въ косметическомъ магазинѣ В. Парникова и компаніи, въ гостиницѣ дворѣ, № 78, противъ пажоноваго корпуса, въ С.-Петербургѣ. № 874 4-3

НАШИ ПОРОШОКЪ И МАСЛО
для чистки мѣдныхъ вещей продаютъ самоварамъ, подсвѣчникамъ, двернымъ и оконнымъ приборамъ, кухонной посудѣ и проч.
совсѣмъ особенный блескъ и продается по 35 к. за нару.
Для чистки же ножей, ножницъ и пр. стальныхъ вещей какъ и для чистки **БРОНЗЫ и СЕРЕБРА** рекомендуемъ наши английскіе порошки
Р. КЕДЕРЪ И К°
въ **МОСКВѢ**,
магазинъ аптекарск. товаровъ. Никольская, на углу Черкаскаго пер. 8-1

ЛУЧШЕ АМЕРИКАНСКІЕ КОЖАНЫЕ ПРИВОДНЫЕ РЕМНИ.
ЛУЧШАЯ АМЕРИКАНСКАЯ ПОДОШВЕННАЯ КОЖА ГЕМЛОКЪ.

Американскія лопаты, вилы для сѣна и навоза, грабли, топорники, гаечные ключи, ящикъ-раскрыватели и т. п.
Г. М. ХУТТОНЪ И К°
Мал. Морская, д. № 14.
Москва, Большая Лубянка, д. Ивановскаго монашья. бывшій Мазуриной.
На Нижегородской ярмаркѣ, въ зданіи каменнаго театра. К. № 907 5-1

НОВЫЯ КНИГИ.
Въ книжномъ магазинѣ В. А. Цылева (бывш. М. И. Попова), въ С.-Петербургѣ, Мала Садовая, д. № 2 продаются слѣдующія два сочиненія г-жи Елены Молоховоѣ.
1. „Русскому народу“—собраніе гигиеническихъ и полезнѣйшихъ простыиъ, домашнихъ врачующихъ средствъ отъ различныхъ болѣзней взрослыхъ и дѣтей. 264 стр. большаго формата. Ц. 1 р.
2. „Молодыиъ хозяйкамъ“, заключающая въ себѣ тѣ же средства съ прибавленіемъ аллопатическихъ и гомеопатическихъ и врачующихъ средствъ. 348 стр. большаго формата. Ц 1 р. 25 к. № 898

ИЗДАНИЕ ЮРГЕНСОНА. ПОПУРРИ
изъ оперы П. Чайковскаго **„ЕВГЕНІЙ ОНЪГИНЪ“**
въ 2 руки цѣна 1 р. 25 коп., въ 4 руки 2 рубля.
Изъ оперы „Аида“ Верди въ 2 руки ц. 80 к., въ 4 руки ц. 2 р.
Москва, у П Юргенсона, 10. Неглинный прѣздъ, 10. П. М. № 892 С.-Петербургъ, у Юргенсона, 9. Большая Морская, 9.

БИЛИАРНАЯ ФАБРИКА РУДОЛЬФЪ ГЕРДЕСЪ
ВЪ С.-ПЕТЕРБУРГѢ
предлагаетъ свои

Биліарды съ патентованными передвижными бортами
разныхъ величинъ, разлагаемой конструкціи, крытые, ровно шлифованными, аспидными досками, солидной, изящной работы, по рѣшительнымъ цѣнамъ. Иллюстрированные прейсъ-куранты съ описаніемъ высылаются желающимъ.

АТТЕСТАТЪ.
Настоящій аттестатъ выдается мною Ростовскимъ на Дону купцомъ Иваномъ Семёновымъ Самойленко С.-Петербургскому биліардному фабриканту Рудольфу Гердесъ въ томъ, что заказанное ему мною и сдѣланное на его фабрицѣ три биліарда отличаются слѣдующими достоинствами: по отъѣзу выатокъ биліарды фабрики Гердеса, три прочной и изящной работѣ, отличаются замѣчательною вѣрностью, что, главнѣе всего, зависитъ отъ примѣненія фабриканта новаго образца бортовъ подвижныхъ и эластичныхъ, позволяющихъ съ одинаковою вѣрностью играть шарами разныхъ калибровъ. Кроме того заказъ мой выполненъ фабрикантомъ вполне добросовѣстно и своевременно, безъ малѣйшаго упущенія.
Ростовъ на Дону. Юля 24 дня, 1880 года Ростовскій купецъ Иванъ Семёновъ Сакоі ленко.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ, РУДОЛЬФЪ ГЕРДЕСЪ.
Вознесенскій просп. № 12.
ВЪ МОСКВѢ:
БИЛІАРДНЫЙ ФАБРИКАНТЪ ФѢГЕ на углу Газетнаго пер. и Большой Н кит. К. № 859 10-4

Поступила въ продажу новая книга (складъ въ книжн. магазинѣ В. Цылева, СПб. Мала Садовая, № 9. 2-й);
„РУССКО-СЛАВЯНСКАЯ АЗБУКА“, для школьнаго и домашняго обученія, съ постепеннымъ нарастаніемъ буквъ, съ прописями и образцами рисованія, съ задачами, загадками и различными др. упражненіями, съ 800-ми рисунками въ тенетѣ. Цѣна 30 к. Сост. Ѳ. Пущиковичъ. К. № 889 3-2

Свѣжій, настоящій **ДАЛМАТСКІЙ ПОРОШОКЪ**
Вѣрное средство для истребленія клоповъ, блохъ, пруссаковъ, черныхъ таракановъ и прочихъ насѣкомыхъ.
Цѣна коробки 30 к., за фунтъ 1 р. 40 к. Съ пересылкой за 5 коробокъ 2 р.
Гг. торговцамъ соотвѣтственная уступка.
Депю С.-Петербургскихъ Химическихъ Лабораторій.
№ 7. ВЛАДИМИРСКАЯ, № 7.
въ С.-Петербургѣ.

АКУШЕРКА
Царское село, Магазиная ул., д. Бръикато. Предлагаетъ дамамъ помѣщеніе и хорошій уходъ. Условія 894 вѣя письменно и лично.
КЕДЕРСКАЯ ДУШИСТАЯ ВОДА
Ц. № 902 13-1

Нѣмецкія концертно,
инструменты въ родѣ гармоній, на которыхъ легко можно научиться играть, въ нѣмцкіи весьма пріятный тонъ. по 3 р., 5 р., 6 р., 8 р., 10 р., 15 р. и дороже.
Самоучитель 75 к.
Разныя другія ноты по 40 к., и 1 р.
Английскія концертно
по 30 р., 38 р., 45 р., 70 р., 125 р. и дор Шкль 3 р.
Разныя ноты по 60 к., 1 р. 20 к., и 2 р. и всѣ другіе инструменты рекомендуютъ въ большомъ выборѣ
ГЛАВНОЕ ДЕПО МУЗЫКАЛЬНЫХЪ ИНСТРУМЕНТОВЪ
ЮЛІА ГЕНРИХА ДИММЕРМАНА
СПБургъ, по Больш. Морской ул. № 42.
Подробные прейсъ-куранты безплатно. Заказы изъ провинціи исполняются немедленно и аккуратно.

НОВОСТЬ
Китайскіе духи
ЛИЛИАНА.
Крѣпкіи и чрезвычайно пріятный запахъ. Цѣна 50 к. за лотъ, съ пересылкой за 3 лота 2 рубля.
„ 2 рубля за флаконъ.
ДУХИ МАЙСНІЙ ЛАНДЫШЪ
Цѣна 40 к. за лотъ, съ пересылкой за 4 лота 2 рубля
„ 1 р. 25 к. за флаконъ.
Гг. торговцамъ соотвѣтственная уступка.
Депю С.-Петербургскихъ Химическихъ Лабораторій.
№ 7. Владимирская, № 7, К. № 900 въ С.-Петербургѣ. 2-1

ЖЕЛАЮЩИХЪ
купить, продать и заложить ивнѣи, дома и аптеки, просить обращаться въ Москву, на Арбатъ, доиъ Сафонова, гостиница „Гунибъ“, въ № 40.

МОЖНО ПОЛУЧАТЬ
въ Москвѣ въ собственнѣхъ магазинахъ: Никольскыи ул., домъ Восстачаго. Ильинск., М. Тролцаго подворья. Петрова, доиъ Петровскихъ лавокъ, доиъ Петровскихъ лавокъ.
въ С.-Петербургѣ: у Рузанова, Савельева, Сафонова, Аверанкова, Урулуба и Рейнбергъ. Литейная, на углу Васильевъ ул., и у прочихъ главнѣиъ торговцевъ. № 610. 10-16.

АВТОГРАФЪ.
Для снятія портретовъ и ландшафтовъ, снабженный готовыми матеріалами и установленіемъ, дающій возможность каждому самостоятельно фотографировать. Мал. Морск., № 5, кв. 21, фот. Е. Гринбергъ. № 908

БОЛЬШОЕ ЕЖЕДНЕВНОЕ ИЗДАНИЕ „НОВОСТИ“ И „БИРЖЕВАЯ ГАЗЕТА“
Подписная цѣна: на 1 г. для иног. 9 р., для городск. 8 р., на 1/2 года для иног. и гор. 5 р., на 1 мѣс. для иног. и городск. 1 руб. К. № 809. 10-1

НИВА

XI годъ
№ 40

ПОЛИТИКИ И СОВРЕМЕННОЙ ЖИЗНИ.

годъ XI
1880

ВЫХОДИТЬ ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫМИ №№ ВЪ ДВА ЛИСТА СЪ 6—10 РИС. И ЕЖЕМЕСЯЧН. ДАРОВЫМЪ ПРИЛОЖЕНИЕМЪ „ПАРИЖСКИХЪ МОДЪ“ (отъ 20 до 40 модн. рис.)
Выдавъ 4 Октября 1880 г. и ЛИСТА ЧЕРТЕЖ. ВЫКРОЕВЪ (отъ 22 до 30 рис.) разн. рис. рунд. работъ (отъ 20 до 40 рис.) Цена этаго № „Нивы“ 20 к. съ перес. 25 к.

ОБЪЯВЛЕНІЯ
для напечатанія въ „Нивѣ“ принимаются по 25 к. за строку непарелль (въ 1/4 ширины страницы).
КОНТОРА
журнала открыта ежедневно (кроме Воскресныхъ и праздничныхъ дней) отъ 10 ч. утра до 6 ч. вечера.

Продолжается подписка на „НИВУ“ 1880 г.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА НА ГОДОВОЕ ИЗДАНИЕ „НИВЫ“:

Безъ доставки въ Петербургъ . . .	4 р.	Безъ доставки въ Москву чрезъ ин. маг. г. Шапошникова, Соловьева и Лангъ. . .	5 р.
Съ доставкою „ . . .	5 р.	Съ пересылкою въ Москву и другіе города Россіи	6 р.

За границу: съ перес. въ Австрію, Германію, Францію, Италію и друг. города 8 руб.
Каждый новый подписчикъ получаетъ все уже вышедшіе въ 1880 г. номера.

ПРИЛОЖЕНІЯ.
Особыя приложенія при „Нивѣ“ объявленія отъ торговыхъ домовъ принимаются для иног. по 5 р. съ тысячи, для городскихскихъ по 4 р.
РУКОПИСИ
Мелкія рукописи и стихи неудобныя къ печати, авторы не возвращаются.

КОНТОРА ЖУРНАЛА „НИВА“ ПОМѢЩАЕТСЯ ВЪ С.-П.-БУРГѢ НА Б. МОРСКОЙ ВЪ Д. № 9.

При этомъ № прилагаются ПАРИЖСКІЯ МОДЫ за ОКТЯБРЬ 1880 г. съ 22 рисунками и отдѣльный листъ съ 27 чертеж. выкроекъ въ натуральную величину и съ 25 рисунками вышивочныхъ работъ.

Николай Христіановичъ Бунге.

Въ настоящее время постъ товарища Министра Финансовъ занимаетъ челоѣкъ, котораго можно назвать однимъ изъ выдающихся людей настоящаго царствованія. Назначеніе Н. Х. Бунге, совершившееся неожиданно, вызвало большія надежды на будущее по этой важной отрасли государственнаго управленія въ обществѣ и въ печати. Въ этомъ назначеніи ученаго и публициста и кромѣ того практика въ своей отрасли, увидѣли уваженіе къ наукѣ и таланту. Н. Х. давно уже имѣетъ почетную извѣстность и какъ профессоръ политической экономіи, финансоваго права, затѣмъ ректоръ Киевскаго университета, какъ писатель-экономистъ, директоръ коммерческаго банка и наконецъ управляющій Киевскимъ отдѣленіемъ государственнаго банка. При этихъ серьезныхъ и сложныхъ занятіяхъ литература была для него какъ бы отдыхомъ. Съ конца пятидесятихъ годовъ онъ участвуетъ въ разныхъ газетахъ и журналахъ по финансовому и экономическому отдѣламъ. Онъ всегда стре-

Н. Х. Бунге. Товарищъ Министра Финансовъ. Съ фотогр. рис. Бухбиндеръ, грав. В. Пудъ.

мился въ затрудненіяхъ отыскать практическій исходъ, не довольствуясь лишь безплоднымъ порціаніемъ. Во всѣхъ почти реформахъ настоящаго царствованія онъ принималъ самое дѣятельное участіе. Его сочиненіе „О бумажно-денежныхъ системахъ“, напечатанное въ небольшомъ количествѣ экземпляровъ, имѣетъ важное государственное значеніе—въ немъ предлагаетъ онъ рядъ мѣръ къ поднятію и упроченію стоимости русской денежной единицы. Замѣчательны и его сочиненія „Товарные склады и варранты“, „Гармонія хозяйственныхъ отношеній“, „Теорія кредита“ и многія другія. Не разъ призывали почтеннаго ученаго на высокой постъ, нынѣ имъ занимаемый—обстоятельства не позволяли Н. Х. принять приглашенія. Изъ Киева, гдѣ онъ былъ всѣми любимъ и уважаемъ, его провожали съ глубокими сожалѣніями. Дума поднесла ему званіе почетнаго гражданина г. Киева; профессора университета, Киевское городское общество и лица служащія по кредитнымъ учрежденіямъ предполагали устро-

ить объѣды и прощальныя чествованія Н. Х., но онъ отколо- нилъ эти чествованія.

Въ назначеніи Н. Х. замѣчательно и то, что хотя онъ двад- цать лѣтъ въ положеніи компетентнаго эксперта, ученаго и практика-финансиста разсматривалъ и негласно и гласно въ печати, различныя экономическія мѣры и всегда представлялъ опредѣленныя предложенія какъ помочь дѣлу, но указанія его доселѣ не отражались въ практикѣ нашей финансовой дѣя- тельности, хотя правильность взглядовъ его указывала сама жизнь въ послѣдствіи. Въ числѣ подготовительныхъ мѣръ онъ при- даетъ весьма важное значеніе реформѣ прямыхъ податей и

заботамъ о балансѣ во виѣшней торговлѣ. „При леченіи эконо- мическихъ недуговъ, писалъ онъ, слѣдуетъ разсчитывать на цѣлебную силу природы и быть можетъ до наступленія извѣст- ной минуты, когда рѣшительныя мѣры необходимы, гораздо лучше подготовляться и способствовать косвенно большей устойчивости лажа и появленію металлическихъ денегъ въ обращеніи“. Таковъ основной взглядъ его въ этомъ дѣлѣ.

Н. Х. Бунге род. въ Москвѣ въ 1823 г., вступилъ на службу въ 1845 г., а въ 1854 занялъ профессорскую кафедру. Чинъ тай- наго совѣтника онъ получилъ въ 1874 г. Онъ имѣетъ орденъ св. Владиміра 2-й степ., св. Станислава 1-й степ. и св. Анны 1-й степ.

„КАРА-ДЖИГИТЪ“ *).

Былина Средне-Азиатскихъ кочевниковъ.

Н. Н. Каразина.

Пѣснь 1-я.

Давно это было— давно!

Много воды съ тѣхъ поръ ушло въ „Иргизъ“ и „Ори“, много песку нанесло на мертвую „Бекъ- пахдала“, много сочной, зеленой травы вольными табунами потоптано, много разъ птица перелет- ная, съ холодныхъ сторонъ, за Араль тянула и назадъ по веснамъ возвращалась, много дѣтей грудныхъ стариками стали, много кладбищъ курганами— мертвыми аулами— степь изукрасили...

Это было тогда, когда кочевой народъ одну власть знали, одну силу: дѣдовъ своихъ родовыхъ, сѣдородныхъ; о другой какой власти и не слыхивалъ, тогда, когда никто не считалъ кибитокъ нашихъ, никто податей не собиралъ, вѣто никого не боялся...

Страшенъ по слухамъ былъ кокандскій ханъ, грозенъ эмиръ, бухарскій владыка, лютъ и могучъ ханъ хивинскій,—да всѣ они трое далеко отъ нашихъ вольныхъ степей сидѣли и сюда не ходили къ намъ. Не ходилъ сюда и урусъ, человекъ стороны холодной, а, если и заглядывалъ когда такой, такъ больше съ ласкою, друж- бою... Сила царя бѣлаго насъ миновала тогда... Ни одно колесо телѣжное гулевою землю нашу не рѣзало.

Давно это было—давно!

Хорошо, привольно жилось въ тѣ времена человѣку кочевому. Біи богатые всѣхъ около себя кормили, вся- кому жить въ волю давали... Дѣла-работы не знали, не дѣло то было—забава! Гуляй съ табунами по зеленымъ лугамъ, спи хоть съ утра до ночи съ овечьей атарою, гоняйся съ борзыми за волкомъ вороватымъ, лови ли- сицъ по скалистымъ балкамъ, съ соколомъ зоркимъ по окраинамъ степныхъ озеръ рыскай, лебеда бѣлаго, гуся хохлатого, цаплю длинноногую выглядывай... Біи по- ссорятся—всякій свой народъ скликаютъ, набѣги чинятъ другъ на друга;—тѣ насъ, мы ихъ,—кто кого осилить; своя сабля—судь, своя стрѣла—расправа.—Лихіе джи- гиты, не то, что теперь—наперечеть, а безъ счету, безъ имени были: грудной ребенокъ и тотъ за гриву цѣплял- ся, сидѣлъ, не падалъ... А кони были какіе!.. вѣтеръ не кони!..

Весна проходила. Таеялъ снѣгъ на равнинахъ, ручья-

* „Черный наездникъ“.

ми по балкамъ сбѣгая, пробивала травка пригрѣтую землю, цвѣты изъ-подъ снѣга желтѣли... Безъ коща, безъ счета тянулись наши караваны съ зимовокъ, на привольныя мѣста, кормовыя; глазомъ не окинешь, все верблюды да верблюды идутъ, бубенцами позваниваютъ, ковровыми юламейками на спинахъ горбатыхъ покачиваютъ... Стопъ стономъ по степи во всѣ концы несется: и кони ржутъ, и бугаи вопятъ, овцы блѣютъ—все живое, молодой, зеленой листьѣ радуется...

Дѣвки красивыя, толстыя, въ теплѣ колѣнныя, мясомъ кормленныя, взапуски съ джигитами на коняхъ носятся, межъ верблюдовъ увиваются, другъ отъ дружки хоро- нятся, другъ ружку гоняютъ, выслѣживаютъ... Старые дѣды, сѣдородные, шагомъ ѣдутъ, важно, сановито, на молодость любятъ, свои былые годы поминать.

День-другой идетъ, недѣли проходятъ въ пути... Что ни утро—новыя утѣхи, что ни ночь...

А на мѣсто стали, просторно кибитки поставили... Мѣста-то вволю!.. Не мѣренное, не топтанное, не трав- ленное!.. А въ запасъ такихъ благодатныхъ мѣстъ— сколько хочешь! хотя все круглое лѣто всѣмъ кочевьемъ слоняйся!..

Жилось сыто, тепло, раскидисто, весело, радостно, вольно, прилюдно... Умирать никому отъ такой жизни не хотѣлось,—да и смерть-то сама нашихъ не долюбли- вала, не больно охотно къ намъ жаловала; по сту лѣтъ старики не въ диковинку были—джигитами еще счита- лись... Попадались нерѣдко и такіе, что и годы свои считать перестали... Попрочьѣ народъ-то былъ ны- нѣшняго!..

И вотъ въ это-то самое время,—волею-ли Аллаха, чѣмъ разгнѣваннаго, темною-ли силою шайтана, люд- скому счастью завистника,—пришла бѣда тяжкая, обид- ная, легла ярмомъ тяжелымъ на вольныя плечи, кам- немъ на сердце, хмурою думою въ голову забила, и ка съ мятель хвостомъ холоднымъ смела и веселье, и радость, и забавы всѣ наши охотничьи.

А пришла бѣда эта безъ грома, безъ шума, безъ по- хвальбы, безъ пословъ-задиръ, на бой подбивающихъ, пришла нежданно, невидимо... Не сразу еще и поняли всѣ то въ чемъ дѣло; потомъ уже досужіе люди доду- мались, другимъ указали...

Пѣснь 2-я.

Чуденъ джигитъ въ нашихъ степяхъ проявился.

Когда, въ какой несчастный день онъ сюда впервые пришелъ и откуда, гдѣ кибитку свою поставилъ, какого рода и племени самъ былъ? никто того не знаетъ, ни- кому въ томъ чуденъ джигитъ не давалъ отвѣта. Мно- гие его уже видѣли, а кто увидалъ первый—такого не знали.

Страненъ видомъ прибудный джигитъ. Холодъ на сердце ложится отъ его вида, дѣти съ крикомъ по но- чамъ просыпаются, дѣвки-красавицы въ истомѣ мечут- ся, молодежь зубами скрипитъ, старики грозно хму- рятся.

И не видали до тѣхъ поръ такихъ богатырей и не слыхивали...

Черный малахай бараний на головѣ, гривую косматой по плечамъ треплется, черный халатъ, черная рубаха даже, черные чимбары, черенъ и конь подъ сѣдломъ, безъ пятна, безъ отлѣтины. Лицо только бѣло у джигита, снѣга горнаго бѣлье... Стоитъ ли на мѣстѣ джигитъ, скачетъ ли по степи, вѣтру на встрѣчу, гнѣвентъ ли, радостенъ—ни кровинки въ этомъ мертвомъ лицѣ не появится... Брови надъ носомъ орлинымъ срослись, тонкія губы улыбки не знаютъ, очи что уголья искрятся, какъ у волка по ночамъ... Не носилъ джигитъ при себѣ никакого оружія, не по нашему поступалъ обычаю: ни ножа у него на поясѣ не было, ни садака за сѣдломъ со стрѣлами, ни клычка сбоку криво-луннаго, ни копыя гибкаго, конскимъ хвостомъ опущеннаго... Не было даже нагайки ременной въ рукѣ—да такому коню нагайка и не требовалась!

Стоить-диво черный конь—не шелохнется, идетъ—топота легкихъ ногъ не слышать, скачетъ—угона за нимъ нѣту; отъ первыхъ скакуновъ нашихъ, какъ отъ столба стоячаго, въ землю зарытаго, уходитъ.

Сегодня, слухъ идетъ, его на солонцахъ за Иргомъ видѣли, а завтра, слышь, за шесть дней пути, на Ори, а то и дальше гдѣ, на русской границѣ—кочево народъ дивнымъ батыремъ дивуется, горя себѣ наживаетъ...

Скажетъ слово черный джигитъ,—словно не изъ груди его, не изъ глотки проклятой отголосокъ идетъ, а подъ землю глубоко-глубоко слышится... И каждое слово его бѣдою отзывается.

Взглянетъ, покосится на дѣвку „черный“, промолвить: „Ишь красавица гладкая!“—недѣли не пройдетъ, узнать нельзя эту „гладкую“: кожа да кости, лицо изъ краснаго румянаго желтое станетъ, морщинистое, словно не шестнадцатъ ей лѣтъ, а ужъ за семьдесятъ стукнуло: ходить, бѣдная, горбится, на палку, клокку опирается, кашляетъ, словно овца запаленная, кровь изо рта сочится... Ребятъ гдѣ похвалить—будто громомъ всѣхъ перебьетъ, коню какому позавидуетъ—конь съ ногъ валится...

Сгинетъ, дастъ людямъ вздохнуть съ недѣлю, тамъ опять появится, по ауламъ день и ночь рыщеть, печаль, зло своимъ языкомъ, „глазомъ“ проклятымъ сѣетъ.

Говорили ему, молили:—„Оставь ты насъ, кто бы ты ни былъ, уходи добромъ!“...—Онъ въ отвѣтъ: „Степь про всѣхъ широка, не вамъ однимъ жить дана!“

Засмѣется—и смѣхъ его невеселый страхъ на людей наводитъ, коней дрожать заставляетъ, псы и тѣ взвоятъ жалбно...

Сговорились удалцы наши спровадить незваннаго, непрощеннаго, не добромъ, такъ похуже чѣмъ: сговаривались изловить его, избить, до смерти захлестать нагайками, живаго въ землю зарыть, на кострѣ спалить... Чего-чего не собирались съ нимъ сдѣлать!..

Только сговоры эти не ладно, не добромъ всегда выходили, худо кончались: поймать, не поймали, сгубить, не сгубили, а сами то всѣ захирѣли, отъ болѣзни тяжелой перемерли!.. Поколѣли и кони тѣ, что за „чернымъ“ гонялись.

Пѣснь 3-я.

Бій Хакимъ-Берды богатый, батырь знаменитый, по тысячѣ джигитовъ въ доспѣхахъ къ русскимъ границамъ на разбой важивалъ, этотъ самый бій—головую своею, семью всею, тѣнью дѣдовъ и прадѣдовъ, что на высокихъ курганахъ вѣчнымъ сномъ спали, поклялся, всѣмъ добромъ своимъ, всѣмъ, что у него дорогаго было: „не вернуться домой, не переступить порога кибитки своей, дымомъ своего домашняго огня не дохнуть, на мягкій коверъ спать не ложиться, женъ, сыновою не ласкать, сокола съ руки не спускать любимаго, пока не приведетъ Аллахъ изловить джигита прилуднаго „чер-

паго“, связать по рукамъ и ногамъ, въ торокахъ за вьюкомъ привезти домой, на потѣху, на выместку общую“...

Много удалаго народу тогда съ Хакимомъ-Биемъ уѣхало.

Говорилъ ему Аблай-Ханъ, владыка нагорныхъ зимовокъ и кочевій всѣхъ, что отъ самыхъ Кары-Кумъ, по Иргизу, до лѣсной стороны протянулись—говорилъ ему старей:

— Эй, оставь, не вяжись! Не берись не за свое дѣло... Не человекъ „тотъ“... самъ „Албасты-басу“ *) принялъ образъ человѣческой... Не мечемъ биться съ нимъ надо, не батырскою силою, чѣмъ нибудь другимъ, не твоего ума дѣло, поважнѣ!..

Обозвалъ Хакимъ-Берды „бабою“ стараго бѣя почтеннаго, „изъ ума, говоритъ, отъ старости выжилъ“—не послушался. И начались тогда для него, для семьи его, рода всего и дома—страшные дни тяжкаго горя и раззоренія.

Двухъ разъ солнце еще не закатывалось, какъ уѣхалъ Хакимъ съ джигитами, а уже пришла вѣсть съ Кара-Кумъ, отъ песчаныхъ бугровъ, гдѣ атары его отъ парши на тузлукахъ **) гонялись: погибли, числомъ несмѣтныя, всѣ овцы Хакимовы,—подхватило ихъ ураганомъ свирѣпымъ, горячимъ, безъ признака обычнаго, безъ времени, нивѣсть съ чего середѣ тихаго дня налетѣвшаго, и погналъ ураганъ овецъ сплошною кучею, какъ баба соръ гонитъ съ ковра метлою, гналъ до самаго моря Арала и, съ крутаго берега скалистаго, потопилъ ихъ всѣхъ въ водѣ морской, соленой...

Чуть живые пришли пастухи, добрели еле-еле домой, говорятъ: „Самого его“ видѣли, какъ онъ, этотъ „черный“ на конѣ своемъ, среди песчанаго вихря крутящагося неся, какъ съ разгона остановился, осадилъ коня надъ самою кручею, какъ отъ повиста его сразу буранъ улегся, какъ онъ прочь, назадъ, шагомъ поѣхалъ, только зубы свои острые оскалилъ, завидя пастуховъ на пути, какъ тѣ за кочками припали, со страху головой въ колючій джунгиль и въ сухой саксаулъ забивались...

Потомъ, слышать: на табуны Хакимовы болѣзнь пошла и моръ безопадный за нею. Другъ отъ дружки кони заражались, а принесла болѣзнь ту паршивая лошаденка дикая; лошаденка то не прилудная была, не сама забѣжала, пригнала ее сюда тотъ же кара-джигитъ... Самъ зять Хакимовъ видѣлъ, стрѣлу даже успѣлъ пустить разбойнику въ догонку, да тетива лопнула, стрѣла тутъ же на землю унала и ногу сыну его родному, маленькому искалѣчила.

А Хакимъ-Берды все по степямъ за своимъ обидчикомъ, всякихъ кочевій мучителемъ, гоняется... Съ каждою уголкою по зрячему и бѣда творится. Три раза уже видѣли „чернаго“, три раза окружали его, да всѣ три раза, словно чудомъ какимъ тотъ черезъ крѣпкій кругъ пробивался. Три и бѣды уже надъ Хакимовымъ домомъ случилась.

На четвертый разъ—ѣдетъ полемъ Хакимъ-Берды съ джигитами, широко цѣпью растянулись, зорко по краю неба выглядываютъ, видятъ: юркнущъ, словно лиса хвостомъ, вершникъ какой-то въ балочку, да тамъ и засѣлъ, спрятался.

Загикали наши, завыли, заскакали справа, заскакали слѣва, сзади, спереду кругъ обрѣзали. Самъ Хакимъ на своемъ скакунѣ лихомъ, рыжемъ—сразмаху въ овражекъ скакнулъ... Опять прорвался „черный джигитъ“, опять лови его въ уголку—а поймать его такъ развѣ можно?!

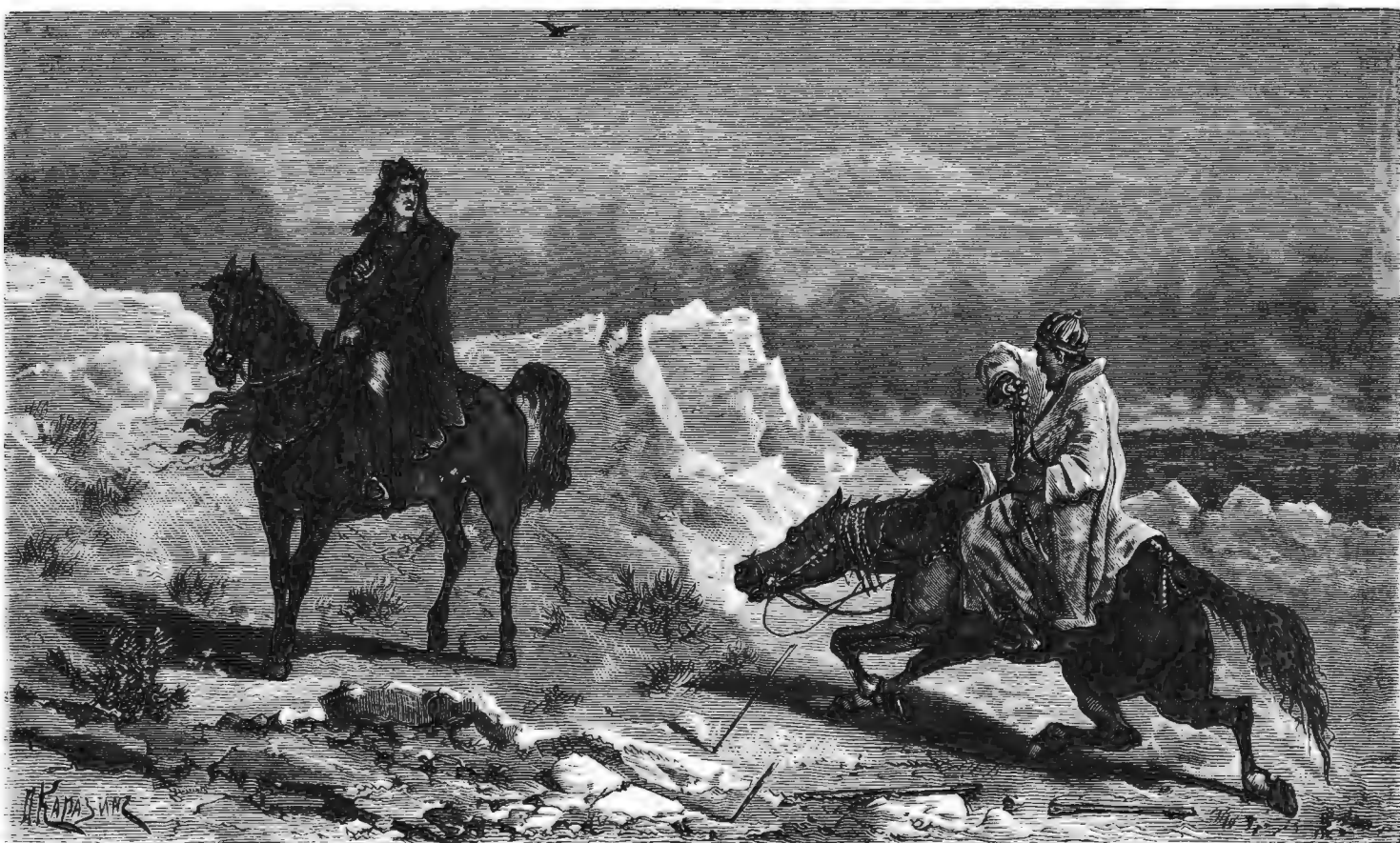
Только на этотъ разъ какое-то чудо свершилось: всѣ то прочіе кони далеко отстали, изъ вида назади попри-тались, а Хакимовъ рыжий все не слабѣетъ, все ближе да ближе на чернаго насѣдаетъ, совсѣмъ вотъ, вотъ достать копьемъ можно...

*) Злой духъ.

**) Туздукъ—солончаковыя затоны.

„Бара-Джигитъ“. Н. Каразина. Рис. самъ авторъ, грав. М. Рашевскій.
„Потопилъ всѣхъ въ водѣ морской“. (Стр. 795).

„Бара-Джигитъ“. Н. Каразина. Рис. самъ авторъ, грав. М. Рашевскій.
„Обернулся тутъ Бара-Джигитъ, сталь, остановился и рыжій конь Хавима-Вія.“ (Стр. 798).

„Нара-Джигитъ“, и. Каразина. Рис. самъ авторъ, грав. М. Рапеевскій.
Крылья, крылья бѣлыя лебединыя у Акъ-Джанъ за плечами выросли. (Стр. 800).
Библиотека "Руниверс"

Радуется сердце Хакимова: вотъ, думаетъ, теперь, пасажу тебя какъ шашлыкъ на стержень.. А ну, родно, ну, рыжакъ, ну наддай еще немножко!.. Гей!

То вправо кобы клонится, то влѣво, то вверхъ выше головы тычетъ, словно вотъ отводить его сила какая-то!.. Въ землю на всемъ скаку ткнулось концемъ, какъ стекло, на мелкіе куски гибкое древко разломилось... Хватился за стрѣлы Хакимъ, гляди! а саадакъ-то со всѣмъ снарядомъ оборвался на скачкѣ, назади гдѣ-то далеко остался... Хватился за саблю Берды, за сѣла въ погнахъ туго, не вынимается, а до той поры легко ходила, какъ по салу сама вылетала, сверкая на солнцѣ кривымъ, золотомъ сѣченнымъ, чеканомъ убраннымъ, безцѣннымъ клинкомъ, что покойный Хаджи-Измаилъ еще отцу Хакимову изъ Мекки въ подарокъ привезъ.

Обернулся тутъ „кара-джигитъ“, сталъ; остановился самъ собою и рыжій конь Хакима-Бія.

Сухъ вороной, ни пылинки на немъ, ни пятнышка мыльнаго; боками не поводитъ, ноздрями тонкими не дышетъ, словно и не скакалъ сейчасъ, а только что съ долгой выстойки, сѣдло на него накинули... У рыжаго колѣни дрожать, подгибаются, глаза потускнѣли, раздуло бока бурдюкомъ, кровь изъ ноздрей рѣкою хлещетъ, струями потъ грязный льется, у коня лужи отъ этаго пота подѣлались...

— Когда же ты, глупый, за мною гонять перестанешь, какъ ошалѣлый пестъ по степи за птицею? спрашиваетъ Хакима-Бія съ усмѣшкою „черный джигитъ“.

— А тогда, отвѣтилъ тотъ, пока или самъ костями лягу, или тебя на куски живаго изрѣжу, и мясомъ твоимъ поганымъ собакъ накормлю...

— Перваго ты бы скорѣе дождался, да рано еще: ты мнѣ, другъ, пока нуженъ.

Сказалъ это „кара-джигитъ“ да только его и видѣли, а уже на другой день нашли люди Хакимовы своего бія, безъ языка, безъ памяти, безъ силъ, совсѣмъ полумертваго, а рядомъ съ нимъ и коня его рыжаго околѣвшаго.

Задумались тогда наши удалыцы, бросили свои неразумные поиски, вернулись домой и Хакима-Берды привезли несчастнаго. А дома ждала ихъ еще бѣда, четвертая: сгорѣли до тла кибитки всѣ ночью, нанесло на нихъ палъ камышевый, этимъ паломъ, какъ кольцомъ огненнымъ, охватило кочевье. Сколько дѣтей погорѣло, добра всякаго! Мать, старуха слѣпая, Хакимова, сгорѣла, изъ семи женъ его только одна осталась въ живыхъ, самая злая, рябая, некрасивая.

Обнищалъ, ослабъ, захирѣлъ когда-то славный, сильный бій Хакимъ-Берды, собралъ послѣдніе остатки добра своего, только и хватило, что на одного верблюда бѣлаго, тонкоруннаго, и поѣхалъ Хакимъ на этомъ верблюдѣ, черезъ рѣки Сыръ и Аму, черезъ царство Иранское, черезъ горы каменистыя, пески сыпучіе, въ Мекку на поклоненіе...

Отучилъ каждого примѣръ несчастнаго бія на силу свою надѣяться, за „проклятымъ“ гоняться. Стали тогда другія средства пробовать, къ колдунамъ, да къ знающимъ людямъ, къ молламъ обратились... Распродали тѣ народу страсть что „тумаровъ“ *) всякихъ, всю кору съ „аулье-агачъ“, со святаго дерева, что на Ори росло и теперь середь степи красуется, ободрали—человѣка не было, у кого чего бы такого въ запасѣ не было; и на себя, и на коней своихъ надѣли; филиновъ, совъ всѣхъ переловили и на кибиточныхъ тендюбахъ поразвѣсили—ничего не помогало да и только!

Рыскаетъ себѣ по степямъ „кара-джигитъ“, языкомъ своимъ и глазомъ зло сѣетъ, на „тумары“ эти глядя, посмѣивается: муллъ святыхъ, людей-знахарей одобряетъ...

Покорностью, мольбою взять его хотѣли, на корысть

*) Галисманъ.

поднялись, подарки многоцѣнные предлагали: сотнями отборныхъ головъ скота, бойкими иноходцами, коврами, золотомъ, всѣмъ кланялись... Ничего не беретъ, надо всѣми поклонами да посулами только потѣшается...

— Чѣмъ вы, говоритъ, меня задарить хотите, чѣмъ ублажить можете, когда и всѣ то вы сами, съ добромъ своимъ и степи всѣ, и воды, и лѣса, и горы—все мое!

Повѣсилъ головы весь людъ кочевой, призадумался—кончились дни вольные, веселые, настало время иное...

Чумовое, поморное, засушное, голодное время,—всякое горевое—того легче бы было!

И небо то перестало яснѣть, словно дымомъ его застлало, и солнце тускло въ дыму такъ свѣтило, и воды въ рѣкахъ лѣниво струились, и трава не такъ, какъ прежде, цвѣтами пестрѣла, и дичь то вся стала сторожнѣе, пугливѣе...

Только въ кочевьяхъ стараго хана Аблая, словно какъ будто полегчало, словно на тѣ мѣста сила „джигита чернаго“ слабѣе налегла...

Пѣснь 4-я.

Годы идутъ, а съ годами все живое растетъ, равняется. Выросла, выравнялась на диво всей степи, дѣвкамъ на зависть, молодымъ батырямъ на разгаръ „Узунъ-Чашъ“ *) красавица, любимая внука хана Аблая, отъ сына его младшаго, что на Яикѣ десять лѣтъ назадъ убитъ былъ пулею вражью...

Росту высокаго, костью широкая, тѣломъ дородная, а прозвали ее „Узунъ-Чашъ“ за то, что и взаправду такіе волосы длинные, черные были, что, стоя, косы до земли достигали... Садеть, бывало, красавица коня своего купать въ озерѣ, голая, волосами только, словно халатомъ, вся покрывается... Косы ея плести двѣ подруги прійдутъ, съ утра, съ восхода солнечнаго весь удой кобылій утренній сидятъ за работою...

А наѣздница какая была Узунъ-Чашъ! Въ „кызъ-бырры“ **) игрѣ—джигита ей не было равнаго, не говоря уже про другихъ изъ той же бабьей породы. Что ни игра, бывало—всѣхъ парней и своихъ и пріѣзжихъ плетью перехлещетъ, и ничей молодецкій поцѣлуй до ея красныхъ, жирныхъ губъ до сихъ поръ не касался.

Второй десятокъ лѣтъ внучкѣ Аблаевой уже былъ на исходѣ... не корыстенъ былъ старый дѣдъ, не запрашивалъ калыму, „джаксы“ ***) несмѣтнаго, непосильнаго, а разборчива была сама очень, не хотѣла идти въ домъ къ слабосильному, все по плечу своему прискивала такого, чтобы ее осилилъ, съ коня сорвалъ, заласкалъ, затрепалъ на скаку, силкомъ до полусмерти.

Много тогда со всѣхъ концовъ земли и своихъ, и чужихъ молодцовъ сюда пріѣзжало. Такіе бывали батыри, что и не видывали прежде... Пріѣзжалъ и монголъ съ китайскаго царства, и ирантъ-человѣкъ, купецъ богатый, и узбекъ, и тюркменъ на конѣ цыбатомъ, наѣзжалъ женихомъ-гостемъ и урусъ-казакъ,—всѣ ни съ чѣмъ назадъ, по домамъ развѣхались.

Думали всѣ тогда, печалились, что со всѣмъ всю жизнь дѣвка яловой останется, не замужнею, не будетъ отъ нея приплода молодецкаго, да судьба помогла... Смирилась гордая и сама полюбила парня тихаго, добраго, пастуха бѣдняка сосѣднаго...

Донялъ ее пастухъ не силою богатырскою, не удалью джигитскою, не конемъ огненнымъ, не осанкою гордою, не разбоемъ добычливымъ, не охотой удачливой, донялъ ея Аллаяръ глазами своими ясными, пѣснями своими сладкими, что, бывало, всѣмъ ауломъ слушаешь, не наслушаешься...

Радъ былъ самъ дѣдъ Аблай-ханъ, хоть такому вѣбору внучкѣ своей не перечилъ, къ свадьбѣ, къ зауглу готовился, съ жениха калыму не взялъ, для порядку

*) Длинноволосая—собственное имя.

**) Волкъ-дѣвка, игра—описание дальше.

***) Добро.

только свое же добро за его считалъ... Одарилъ Аллаяр-ра пѣсенника халатами цвѣтными, пестро-шитыми, конями по выбору, подарками всякими цѣнными.

Одарила его красавица Узунъ-Чашь взглядами своими огневыми, до сердца прожигающими, поцѣлуйми звонкими, что далеко кругомъ слышались. А тотъ знай поетъ, у порога кибитки ея сидючи, балалаечки струны перебираючи, да и пѣсни то у него пошли теперь все новыя: и про солнце на небѣ, и про горы дальнія, синія, про лѣса темные, дремучіе, про туманъ утренній, марево лживое, чудное, про цвѣты въ степи, про орла въ поднебесьи, про всю тварь живую въ тѣхъ пѣсняхъ говорилось.

Говорилось въ тѣхъ пѣсняхъ Аллаяровыхъ и про душу человѣческую, говорилось, какъ шайтанъ съ добрымъ духомъ тамъ весь вѣкъ борется, говорилось и про нынѣшнее, и про старину давнюю и про то, что впередъ будетъ... Сладки были тѣ пѣсни пророческія...

Народъ слушалъ, стоялъ молча, въ землю потупившись, старый дѣдъ Аблай головой качалъ бѣловолосою, Узунъ-Чашь вся въ лицѣ мѣнялась, широко, весело ротъ ея улыбался, зубы ровные бѣлые сверкали, глаза черные ея тихо плакали!..

А давно уже, въ добрый часъ сказать, не слышать было по близости—проклятаго „Албасты-басу“—джигита черного...

Свѣтлы, радостны пришли пировые дни, свадебные. Со всѣхъ концовъ степи съѣзжались гости несмѣтные и званые, и незваные, по край неба все кибитками заставили... Самъ Тимуръ, въ годы древніе такого стана не собиралъ, такой силы людской не видывалъ.

Узунъ-Чашь въ кибиткѣ своей по обычаю затворилась, съ матерью и подругами, а межъ тѣми подругами одна была самая ея любимая, самая обласканная, изъ „чужихъ“,—„раба-полуумная“...

Чудная была эта дѣвочка, малая, слабая, ребенокъ ребенокъ, волосы свѣтлые, серебристѣе ковыля степнаго въ жаркую пору высохшаго, глаза голубые, какъ небо весною, бѣлое личико, бѣлое тѣло... Привезъ ея мать батыръ одинъ, изъ нашихъ, привезъ изъ подъ „Орска, съ сѣвера“, забарантовалъ въ набѣгѣ,—мать то скончалась, да и безъ призора, безъ ухода обычнаго... Родила она живую дѣвочку,—крохотную, взялъ ребенка Аблай-Ханъ къ себѣ, изъ жалости, да и держалъ все время при своей кибиткѣ.

Сверстницы были—и эта пріемная, и Узунъ-Чашь красавица, а какая межъ ними была разница? на одной рукѣ Узунъ-Чашь ту носила, какъ мячъ подкидывала, на землю спустить,—та до пояса рукой не дотянется—малаго бурдюка не могла съ мѣста двинуть; никто ее за ея слабость и работой никакой не неволилъ... Гдѣ ей работу нести, когда отъ вѣтра легкаго, какъ травка клонится... Такъ, для забавы больше служила...

У всѣхъ дѣвочекъ въ аулахъ свои скакуны завелись излюбленные; какъ пригонять домой табуны—всякая своего коня посвистомъ вызоветъ... Наплася и для—„Акь-джанъ“ *) лошадка подходящая...

Была одна малорослая кобылка, совѣтъ жеребенокъ по виду, чуть ноги переставляла, чуть бѣгала, а шерстью вся безъ отмѣтки бѣлая... чудно было глядѣть—какъ лошаденка эта сама подбѣжить къ своей наѣздницѣ, какъ та съ помощью Узунъ-Чашь влѣзетъ ей на спину, да за гриву крѣпко рученками держится...

Всѣ подруги—по степи носятся, гикаютъ, другъ дружку обгоняютъ, а наша „Акь-джанъ“ шажкомъ сзади плетется, весело вѣтъмъ улыбаются, а то и засмѣется,—словно колокольчикъ серебряный, смѣхъ ея въ воздухѣ прокатится.. Думу черную смѣхомъ тамъ разгоняетъ, злую руку на взмахѣ останавливаетъ.

И любили Акь-Джанъ крѣпко въ кочевьяхъ за то,

что силу она имѣла дивную, миротворчую... На что былъ правомъ крутъ старшій сынъ Аблая, Нурекъ-батыръ, много горя, много крови отъ его руки лилось... Гнѣвъ и лютъ, расходясь, не зная въ сердцахъ удержу, а и тотъ по взгляду Акь-Джанъ смирился и волей неволею прощалъ, миловалъ виноватаго.

Дѣвка Акь-Джанъ, хоть и малая, и надиво красивая, а никто изъ парней на нее не зарился, никто и близко съ ласкою мужскою не подступался... Пастухъ Аллаяръ, женихъ, когда цѣлъ, всегда около себя сажалъ „душу бѣлую“—и не ревновала ее Узунъ-Чашь, а любила крѣпче прежняго.

Вотъ какова была Акь-Джанъ, дѣвочка аульная, пріемная!

Шумить, гремитъ, веселится кочевой, вольной народъ, вторую недѣлю сговоры да сватовство празднуютъ... Безъ умолку поетъ Аллаяръ, безъ конца все прибываютъ и прибываютъ новые гости, гонятъ скотъ, верблюдовъ, караваны съ товарами тянутся. Всѣ проѣзжіе, слыша про свадьбу, съ пути сворачиваютъ, да здѣсь станомъ становятся...

Уже и у сватовъ подставныхъ, для порядку, бабы выкупъ собрали, уже и „Джаксы“ *) все по обычаю, пересчитано, игры разные переиграны, бѣги, скачки пересканы, насталъ послѣдній день пировой, день обряда вѣнчальнаго, день послѣдняго, разливаннаго пировація...

Шлютъ мольбы Аллаху всякъ и старъ, и младъ,—благодарятъ всѣ его могучаго: отклонилъ, не привелъ сюда своею немилостью шатуна проклятаго, „джигита черного“...

Пѣснь 5-я.

До разсвѣта костры развели, не костры—курганы огненные! Косяками жеребятъ молодыхъ, безъ счету барановъ жирнохвостыхъ порѣзали... Кипятъ, бурлятъ котлы казаны чугунные даже крышки на нихъ дрожать, подскакиваютъ... Высоко къ небу черный дымъ отъ огней несется, далеко по вѣтру стелется, къ спящимъ батырямъ, гостямъ въ носы забирается, будить, тревожить животы ихъ голодные... До разсвѣта дѣвки мыломъ мочутся, косы лентами, стекломъ цвѣтнымъ убираютъ.

Всю ночь передъ тѣмъ не спала Узунъ-Чашь, на кошмѣ своей бѣлой все металась, померещилось ей, знать, недоброе, что то злое сердце ея чуяло...

Вотъ и солнце взшло, словно золото обвело куполы, зубцы стѣнъ могиль дѣдовскихъ на высокому курганѣ „Ауль-мазаръ“... Копошится старый Ханъ-Аблай, свадьбѣ радуется, не печалится, къ себѣ въ домъ беретъ жениха, не невѣсту сдаетъ ему въ отвозъ, въ сторону дальнюю...

Вышелъ Ханъ-Аблай,—халатъ на немъ солнца ярче утренняго, краснымъ золотомъ переливается, тибетей высокій, острый, камнями дорогами унизанъ, галуномъ обложенъ, чернымъ соболемъ оттороченъ... Вышли съ нимъ старики, отцы сановитые и въ кружокъ, на большомъ коврѣ хивинскомъ, словно степь весною узорчатомъ, размѣстились...

Размѣстились кругомъ гости званые и незваные, какъ подковою конскою, обогнули... Впереди кто—на землѣ сидятъ, а за ними другіе во весь ростъ стоятъ, а за тѣми на коняхъ, по одному, а то по двое, а за тѣми послѣдніе на верблюдахъ высокыхъ, горбатыхъ, чтобы было всѣмъ видно, не заслонисто...

Лугъ зеленый передъ ними разстилается, далеко на лугу томъ столбъ, цвѣтными платками увѣшанный, виднѣтся; ѣздитъ по лугу джигиты нарядные, коней горчатъ, подзадориваютъ, другъ дружку словомъ колкимъ задѣваютъ, глазами мѣряютъ...

Нынче съ дѣвками въ „Кызъ Бирри“ наиграются, натѣшатся, завтра можетъ пойдутъ по отцамъ сваты новыя...

*) Добрая душа.

*) Приданое добро.

Узунъ-Чашь сегодня не выѣдетъ, не до смѣху ей и позорить своею непобѣдимую удалю молодежь не хочетъ.. Пусть ихъ поскачутъ, поборятся съ ровными...

Чашь проходить, другой... Солнце на полдень поднимается... Уже и кони то всё позабылились и джигиты-то поразмаялись, нахлестались дѣвки плетью до сыта, наласкались до пьяна...

Словно вѣтромъ пахнуло со степи, вѣтромъ злымъ холоднымъ, что зимою, только въ буранъ вьегъ мягкую, свѣжнюю пыль, столбомъ крутить... что за диво такое случилось?!

У столба стоять черный конь „проклятаго“, на конѣ сидитъ „самъ“, перегнулся въ сѣдлѣ, оперся на крупъ рукою правою—и надъ нашими удалцами зло подсмѣивается...

— „Ну, ужъ батыри,—зайцы кучехвостые, да и дѣвокъ по себѣ нашли,—козь доить, такъ и съ тѣми не справятся... Говорять, завелась тутъ у васъ наѣздница да все вѣрно люди хвастаютъ языкомъ своимъ, похвалбу одну пустую по вѣтру пускаютъ... Гдѣ же она это непобѣдимая? что же спряталась... не показывается, хоть бы взглянуть на такую..!“

Говорить кара-джигитъ, хохочетъ, въ сѣдлѣ гнется, переваливается, а глазами своими такъ на кибитку и уставился ту самую, гдѣ Узунъ-Чашь сидитъ, да на игры молодецкія, глядя, тѣшатся.

Поблѣднѣла вся длинноволосая, огнемъ гнѣвнымъ глаза разгорѣлися, заскрипѣли у нея зубы бѣлые, ровные, капли крови на губахъ выступили...

— Не слушай *ею*, оставь, шепчутъ ей люди на ухо,—слово нечистое не порочить тебя, не ложится позоромъ, грязью... Потерпи, пусть его вволю издѣвается...

— Что?.. молчишь, не отялится? снова голосъ Чернаго слышится... Вѣрно и вправду слава-то про нее лживая, нахваленная... Чтожь можетъ по батырямъ и наѣздница,—по ягнятамъ пруть, по рукѣ и плетку... А вотъ какъ нагрнулъ настоящий батырь, такъ и поджала хвостъ, какъ собака паршивая, чужа волка, въ жилище прячется...

Поднялась съ ковра Узунъ-Чашь, выпрямилась... Старый дѣдъ Аблай ей навстрѣчу идетъ...

— Не пуцу, говорить, что за дѣло такое, внучка затѣяла?! Не бороться тебѣ съ тѣмъ, кого и молитва не беретъ, и тумаръ святой, не то уже сила человѣческая... Посильнѣе тебя былъ Хакимъ крутонравный, а и того въ дугу скрючило... Не пуцу!..

Бабы, дѣти въ ноги валаются... за подоль Узунъ-Чашь хватаютъ, землю целуютъ около.—Не ходи! не ходи!—режутъ, вой на все кочевье подняли.

Молодые женихи тѣснымъ кругомъ ее охватили, даже и гости чужіе, наѣзжіе и тѣ поперегъ дороги толпою стали плотною...

— Не ходи, оставь! только и слышится... А джигитъ Абласты проклятый смѣхомъ своимъ бахвальнымъ всё голоса покрываетъ.

— Берегите ее, кричитъ, сторожите овцу слабосильную... горе-наѣздницу... Тамъ вонъ козелъ старый сор-

вался, не ушибъ бы глади, чего добраго... Опять, слышно, мышь бродитъ по степи,—какъ бы тоже, не ровень чашь, не обидѣла!..

За ножи взяли наши молодцы, да какъ вспомнили про Хакима несчастнаго, только въ землю глазами потупились.

Разметала толпу Узунъ-Чашь, вздохнуть разъ не успѣлъ народъ, уже сидитъ она на конѣ своемъ, и не знаетъ конь, какъ ступить ему, грозно фыркаетъ звѣремъ топчется...

Не успѣлъ народъ другой разъ вздохнуть... понеслась къ столбу Узунъ-Чашь руку съ плетью высоко подняла... Отскочилъ джигитъ, началась гоньба.

Не гоньба то была—горе великое!

Какъ безумная, злою немощью одержимая, безъ споровки, какъ шальная, Узунъ-Чашь по степи мечется... ужъ и плеть ея изъ рукъ выпала и поводья конскіе вольно треплются... Замирая, за гриву она хватается, съ сѣдла скользитъ, на земь клонится...

Третій разъ не вздохнулъ народъ... Чалый конь Узунъ-Чашь одинъ въ полѣ бѣгаетъ Подхватилъ поперегъ сѣдла Албасты нашу красавицу и унесся въ даль, словно волкъ матерой съ овцею краденною ..

А народъ стоитъ, молчитъ и глядѣтъ не смѣетъ. У Аблая-Хана слезы изъ глазъ катятся. Аллаяръ женихъ разбилъ балалай свой въ дребезги и, какъ громомъ убитый, на земь грянулся...

Тишина кругомъ—все какъ вымерло...

И случилось тутъ диво дивное, небывалое и неожиданное...

Акь-Джанымъ—душа чистая, на лошаdkѣ своей смиренной изъ за ставки тихо выѣхала.

Улыбаются ея губы добрыя,—ясный теплый день въ очахъ свѣтится... Подхватило ее, словно вѣтромъ, перышко, и помчалась она вслѣдъ за похитителемъ.

Крылья... крылья бѣлыя, лебединыя у Акь-Джанъ за плечами выросли... Это видѣли... это видѣлъ всякъ—видѣлъ старъ и младъ... Байгуши слѣпые, нищие, а и тѣ крылья эти видѣли и народу въ пѣсняхъ о нихъ повѣдали...

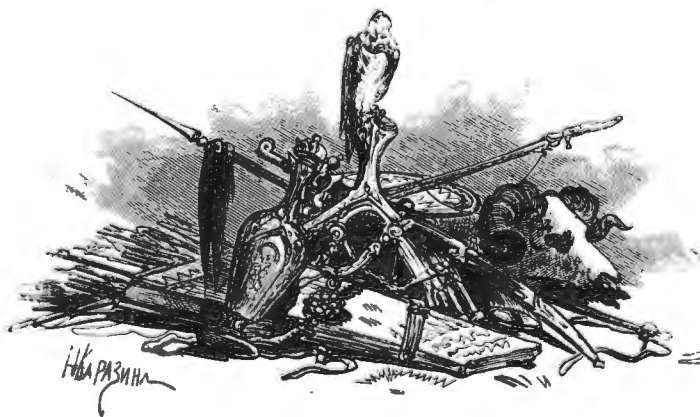
Обогнала Акь-Джанъ Албасты-басу, поперегъ стала,—прочъ откинулся, заметался въ страхѣ дьяволъ проклятый, на утекъ пошелъ, самъ къ сѣдлу припалъ; принимаетъ дрожь джигита чернаго, какъ сухую кору смолистую на огнѣ, крутитъ его, корежитъ... Въ мылѣ конь, не знавшій устали, злобно уши жметъ, спотыкается.

Насѣдаетъ Акь-Джанымъ на него, бьетъ копытомъ лошадь, крутитъ пыль столбомъ черную и мелькаютъ въ тѣни той только крылья бѣлыя, лебединыя...

Смрадъ и дымъ валитъ, пламя красное языкомъ въ томъ дыму пробивается, во всё стороны земля треснула, и пропалъ, сгибъ въ огнѣ Кара-Джигитъ проклятый, душою чистою осиленный...

Не видали съ той поры въ степи джигита чернаго, не мутиль онъ народъ, не показывался... Не видали больше и Акь-Джанъ, доброй дѣвочки.. высоко на мигъ мелькнула она бѣлой чайкою, голубкомъ въ синевѣ небесъ она сгнула...

Н. Карзинъ.

За кружкой добраго вина. Картина Винеа, грав. Горнъ.

У М И Л Ь Т А

Повѣсть Уйда.

(Окончаніе).

II.

Кромѣ старушки Розы, другія тоже стали съ Умильтой рѣзко обращаться. Сестры Виргинію и всѣ дѣвушки чувствовали инстинктивно, что она была причиной отъѣзда калрала, и ненависть ихъ къ ней еще усилилась. Въ такомъ положеніи, другая дѣвушка обратилась бы за совѣтомъ и утѣшеніемъ къ патеру. Но не смотря на свою врожденную набожность Умильта этого не сдѣлала, такъ какъ не вѣрила въ патера, видя его постоянно на всѣхъ сельскихъ сборищахъ и зная, что онъ не очень то заботится о паствѣ. Такимъ образомъ она стала еще молчаливѣе, сосредоточеннѣе и вмѣстѣ съ тѣмъ красивѣе, что признавали между собою даже ея товарки.

Вопреки тосканскому обычаю, Умильта выпускала иногда скотъ на пастбище. Старая Роза ворчала на бесполезную трату времени, но однакоже не запрещала ей этого. Послѣ уборки хлѣба и сбора винограда, животныя могли свободно ходить повсюду, не нанося ничему вреда. Умильта любила эти свѣжія, свѣтлыя осеннія утра; она въ то время была далеко отъ всѣхъ, на полѣ, совершенно одна со своимъ стадомъ.

Въ одно такое утро, она увидѣла что къ ней подходитъ Нэтта, которая держала въ рукѣ ожерелье изъ жемчуга. Она стала показывать его Умильтѣ, хотя до этого времени вовсе съ нею не разговаривала.

— Смотри, какой отличный жемчугъ—это дѣвушка привезъ мнѣ изъ города... Лучше этихъ зеренъ пожалуй не найдется во всемъ округѣ...

Умильта взглянула.

— Да, хороши, замѣтила она.

— Хороши! И это все что она нашла сказать, воскликнула Нэтта гнѣвно. Вѣдь это не здѣшній, это издалека.

— Ну такъ что же? спросила Умильта наконецъ, раздражалась.

— О для тебя все ничего, возразила Нэтта, насмѣшливо вздергивая носикъ. Совершенно ничего. И ты не хочешь имѣть такое же ожерелье, ты, которая напрасно выглядываешь Виргинію Дональди...

Кровь прилила къ лицу Умильты и глаза ея вспыхнули. Она величаво, какъ разгнѣванная царица, повернулась къ Нэттѣ.

— Я, я? да ты съ ума сошла!

— Я! Да знаешь ли ты, ты которая вздыхаешь объ этомъ Виргинію, знаешь ли, что онъ мнѣ сдѣлалъ предложеніе? Да, мнѣ, мнѣ. И вотъ какъ я съ нимъ поступила.

Она бросила черезъ плечо валявшуюся сосновую шишку, которая, покотившись съ холма, упала, плеснувъ, въ ручей.

Нэтта поблѣднѣла какъ полотно. Не было никакого сомнѣнія: ея соперница говорила правду.

— Ты думаешь я такая какъ ты! продолжала Умильта и пошла прочь. Она знала, что поступила дурно по отношенію къ отсутствующему и открыла не принадлежащую ей тайну. Но понятія о чести не очень точны и строги въ этой странѣ и наконецъ, сказала она себѣ, и святая не выдержала бы а я вѣдь не святая.

Нэтта вернулась домой и ея жемчугъ не радовалъ ее больше.

Умильта была отомщена. Но войдя со стадомъ въ тѣнь пиній, она чувствовала въ сердцѣ только тяжесть—она была собою недовольна.

Сборъ винограда былъ очень удаченъ, а потому теперь веселились и танцовали болѣе чѣмъ въ другое время. Звучали мандолины, раздавались смѣхъ и шутки, царствовало всеобщее оживленіе, не смотря на то что всѣ люди эти были такъ бѣдны.

Умильта работала цѣлый день въ виноградникѣ. При наступленіи вечера и общаго веселья, она заперлась у себя въ комнатѣ.

Нэтта танцовала много, любуясь своимъ новымъ жемчугомъ. Старая Роза не хотѣла выказать передъ другими своего огорченія. Поэтому приготовила большое угощеніе и назвала гостей. Никто не догадался, думала она, что ея любимецъ подучилъ отказъ отъ какой-то дрянн—найденныша.

Она приказала Умильтѣ быть тутъ—та не смѣла ослушаться; но держала себя такъ гордо и такъ относилась къ окружающимъ, что никто не осмѣливался къ ней подойти. Когда всѣ сидѣли за столомъ, Умильта скользнула изъ кухни и легла спать. Никто, думала она, все же не можетъ сравниться съ Виргинію. А между тѣмъ я оттолкнула его отъ себя. Она чувствовала гордое удовольствіе, а между тѣмъ невольно заплакала, молясь передъ своимъ распятіемъ.

Между тѣмъ внизу Нэтта потеряла свое ожерелье. Громко вскрикнувъ отъ горя и ужаса, она перестала и танцовать. Какъ могла она потерять ожерелье, спрашивала она, какъ и гдѣ? только вотъ сейчасъ она и замѣтила свою потерю. Поднялась суматоха, всѣ искали со свѣчами ожерелья, но не нашли нигдѣ ни одного зерна. Музыка замолкла, танцы прекратились, поднялся несмолкаемый говоръ. Ожерелья все не было. Нэтти не могла сказать гдѣ она его потеряла; она все время такъ танцовала! Она плакала, рыдала и не могла утѣшиться.

— Мое ожерелье, подарокъ дѣвушки! Что такое дѣвушка безъ своего ожерелья это птица безъ перьевъ!

Нэтта все плакала. Роза, разстроенная тѣмъ, что пролажа, случилась у нея въ дому, кричала что она обыщетъ весь домъ, всѣ углы и закоулки. Она схватила большую лампу и пошла впередъ.

Слѣдомъ за нею двинулись остальные, но ничего не нашли.

— Теперь мы перешаримъ всѣ! воскликнула она въ отчаяніи.

— Въ сараѣ не искали, сказала Нэтта въ полголоса и прикусила губку, точно сожалѣя о сказанномъ.

— Ты думаешь, что ожерелье съѣли коровы что ли? спросила Роза. Пойдемъ, посмотримъ—хоть это и очень глупо.

Съ одной изъ дочерей и Нэттой, Роза пошла по лѣстницѣ, ведущей къ Умильтѣ. Умильта не просыпалась. Нароботавшись вдосталь за цѣлый день, она спала крѣпко.

Но свѣтъ лампы наконецъ заставилъ ее проснуться. Она вскочила въ испугѣ. Что случилось? проговорила она, не зная что подумать.

— Нэтта потеряла свое ожерелье. Это глупо, конечно, сказала Роза, оно не можетъ быть здѣсь, но чтобы исполнить ея желаніе...

Роза не рѣшилась докончить начатой фразы, такъ какъ въ то время, какъ Умильта приподнялась на постели, оттуда выкатились двѣ жемчужинки. Нэтта бросилась на нихъ какъ коршунъ.

— Это мои, мои! кричала она.

Старая Роза въ испугѣ поблѣднѣла.

— Умильта встань, проговорила она рѣзко. Умильта повиновалась. Не говоря ни слова, старушка Роза стала обыскивать постель и вытащила оттуда разорванное ожерелье.

— Воровка! вскричала Нэтта, а за нею загоготали сосѣдки.

Роза въ изнеможеніи опустила на кровать.

— Не можетъ быть это, проговорила она тихо.

На крикъ Нэтты, съ десятокъ еще гостей прибѣжали въ комнату. Умильта искала гдѣ бы укрыться. Она еще ничего не понимала.

Роза закрыла дверь и крикнула на своихъ гостей: куда суетесь шуты эдакіе! Затѣмъ обратился къ Умильтѣ.

— Какъ попалъ сюда этотъ жемчугъ?

— Жемчугъ? проговорила удивленная Умильта, жемчугъ? зачѣмъ, я не понимаю, какой?

— А я такъ понимаю, шумѣла Нэтта, потрясая ожерельемъ передъ лицомъ Умильты. Ты его украла,—это я знаю. Я хочу чтобы тебя судили.—Слышите бабушка Роза. И не стыдъ ли? это случилось въ нашемъ, такомъ уважаемомъ домѣ.

— Не беспокойся, ты будешь вознаграждена. Что касается чести моего дома, то ты мнѣ не указчица. Тутъ что-то словно не такъ—мнѣ кажется. Умильта, поняла ты въ чемъ дѣло? Жемчугъ найденъ у тебя въ кровати. Ты его украла что ли?

Теперь только Умильта поняла все и яркая краска гнѣва и оскорбленія залила ея лицо.

— Я! вскричала она и разразилась смѣхомъ. Я украла этотъ жемчугъ! Уж не сошла ли вы всѣ съ ума!

— Но жемчугъ былъ въ твоей постели, ты на немъ спала.

— Я? сказала еще разъ Умильта и оглянулась на присутствующихъ ихъ.

— О воровка, лгунья, безсовѣстная дѣвчонка! говорила Нэтта. Бабушка Роза, надо послать за жандармами. Я ни въ право требовать! здѣсь недостаетъ двухъ жемчужинокъ. Отецъ сходить за жандармами.

— Какъ хочешь Нэтта, отвѣтила холодно Роза, не желая просить, чтобы ее избавили отъ подобнаго стыда.—Отвѣчай что ли Умильта. Ты видишь, ожерелье найдено у тебя. Скажи же что найдешь. Ты конечно не виновата? Не могу я и думать, чтобы ты была виновата, между тѣмъ...

Умильта еще не хорошо уяснила себѣ происходящее, она оставалась неподвижна.

— Думайте что хотите, сказала она, гордо отворотившись.

— И не придумай, говорила между тѣмъ Роза, дрожа какъ въ лихорадкѣ, ничего не могу придумать. Но пусть никто не говоритъ, что я была несправедлива. Нэтта требуетъ справедливаго. Одѣвайся Умильта. А ты Нэтта, позови своего отца.

Отецъ Нэтты отправили въ городъ за жандармами. Между тѣмъ старушка Роза сильно горевала и плакала. Что за несчастіе—вдругъ въ ея домѣ и придетъ полиція. И кто бы могъ подумать, что ея Умильта... пять лѣтъ жила у нея и обезчестила бы ее такъ! Но больше всего Роза сердилась на Нэтту. Противная бездушная дѣвчонка! Могла вѣдь она не разглашать всего этого! Ожерелье она нашла, а двѣ жемчужины я бы ей купила. Бездушная, злая дѣвчонка, заключила она свои размышленія.

Утромъ Умильта была уведена жандармами.

Зданіе суда въ городѣ было по виду очень красиво и привѣтливо. Самъ судья челоуѣкъ очень добрый. Но гѣмъ не ме-

ибе одинъ видъ суда уже пугалъ Умильту. Что будетъ съ нею, она не знала. Она прочла нѣсколько историческихъ романовъ и была убѣждена, что въ тюрьмахъ всѣхъ пытаютъ. Она была необыкновенно блѣдна, но ничѣмъ не выражала овладѣвшаго ею страха.

Начался допросъ. Спрошенная Умильта ничего болѣе не могла отвѣтить какъ: „я не брала жемчуга.“ Эту фразу она повторяла постоянно и никакія угрозы не могли ее заставить сказать что либо другое. Судья былъ въ недоумѣніи, что ему дѣлать. Не смотря на явныя улики, онъ не хотѣлъ вѣрить въ виновность Умильты. Съ необыкновеннымъ терпѣніемъ и добротой старался онъ заставить Умильту во всемъ сознаться, но она была сильно напугана, а потому и не замѣчала расположенія судьи. Притомъ же заботилась только объ одномъ, чтобы изъ гордости никому не дать понять, какъ все это ей больно и если бы даже ей угрожали смертью, она бы на сказала ничего болѣе.

Въ публикѣ были всѣ противъ Умильты. Правда, она была хороша, но не имѣла права стоять тутъ такъ гордо, точно королева. И всѣ единогласно толковали, что она воровка.

Добродушный судья не видя никакой возможности оправдать Умильту, такъ какъ даже ея хозяйка не засугнилась за нее, и говорила только о ея гордости и неблагодарности—приказалъ отвести ее въ тюрьму, гдѣ она и должна была ожидать рѣшенія своей участи.

Умильта, услыша это, безъ чувствъ упала на полъ. Роза, не смотря на свою горечь, видя блѣдную Умильту въ такомъ положеніи, начала громко плакать.

— Лучше бы я отдала свой собственный жемчугъ, выговорила она съ трудомъ сквозь слезы.

Нэтта поблѣднѣла и казалась сконфуженной.

Жандармы подняли безчувственную Умильту и вынесли ее. Привесли Умильту въ тюрьму и заперли ее въ комнатѣ, гдѣ кромѣ стѣнъ и кровати ничего болѣе не было.

Старая Роза позаботилась о томъ, чтобы по крайней мѣрѣ Умильтѣ дали одѣваться помѣщеніе. Свою эту, какъ она называла, слабость, она оправдывала тѣмъ, что не желала, чтобы ея дѣвушка, даже въ тюрьмѣ, находилась въ обществѣ Богъ вѣсть какихъ людей.

Возвращаясь домой съ Нэттой, Роза была сильно опечалена. Невольно она чувствовала какое то озлобленіе противъ Нэтты.

Было совершенно темно, когда она достигла дома. Дочери выбѣжали на встрѣчу, узнать о дѣлѣ, коровы мычали, собаки бѣгали, искали Умильту и визжали. Нерадостное было возвращеніе хозяйки...

Роза усѣвшись на своемъ стулѣ, снова начала плакать. Не думала она, право, что такъ привязана къ этой дѣвчонкѣ, это говорила она своимъ дочерямъ, сердясь на самое себя.

Нэтта потихоньку ушла домой. Она чувствовала себя еще неудовлетворенной. На слѣдующее утро она просила отца свезти ее въ городъ, говоря, что ей нужно сдѣлать кое какія покупки. По прїѣздѣ въ городъ она отравила къ публичному писарю и продиктовала ему слѣдующую записку: „Ваша прекрасная Умильта украла ожерелье и сидитъ въ тюрьмѣ. Нѣкто желающій вамъ добра, полагаетъ, что отказъ ея для васъ счастье.“

— Это все, спросилъ разочарованный писарь, любившій длинныя письма и вычурныя фразы.

— Все, сказала краснѣя Нэтта. Но прошу васъ, вложите въ крѣпкій конвертъ и напишите четко: Синьору Виргинію Дональди, унтеръ-офицеру королевской арміи. Въ Туринѣ.

Все это было сдѣлано и Нэтта собственноручно бросила письмо въ ящикъ. Получивъ на почтѣ отвѣтъ, что письмо въ Туринѣ получитъ завтра, Нэттѣ стоило большого труда, не вскрикнуть отъ восторга.

На радостяхъ Нэтта не могла заснуть ночью. Она все время думала о томъ, какъ прекрасно все устроила и какъ будетъ удивленъ Виргинію, получивъ такое извѣстіе о своей возлюбленной.

Виргинію Дональди, прочитавъ письмо, тотчасъ же отправился къ своему начальнику просить отъпуска.

— Но ты недавно изъ отъпуска. Развѣ тебѣ такъ необходимо? спросилъ офицеръ.

— Такъ необходимо, сказалъ Виргинію, что если вы, лучшій изъ начальниковъ, не отпустите меня, и если мнѣ даже будетъ грозить опасность быть разстрѣляннымъ, я все же уйду.

Офицеръ улыбнулся. Солдатъ онъ называлъ своими дѣтми и умѣлъ съ ними быть строгимъ и свисходительнымъ.

— Ну такъ и будь! сказалъ онъ, прощаю тебѣ сказанное и отпускаю тебя на три дня.

Виргинію ушелъ, и въ семь часовъ утра уже стучался у дверей суда.

— Невозможно видѣть судью! говорила ему вышедшая на стукъ дѣвушка. Невозможно, повторилъ и прїшедшій сторожъ.

— Я не понимаю, что за слово невозможно, отвѣтилъ поблѣднѣвшій Виргинію. Идите и скажите судѣ, что я его умоляю выслушать меня, если же онъ не хочетъ, то я заставаю его.

— Вотъ какъ, пробормоталъ сторожъ, прекрасно, и вы говорите это подъ сводами суда.

— Я пришелъ искать суда, отвѣчалъ Виргинію, идите же. Наконецъ онъ достигъ своей цѣли. Его повели къ судѣ, который въ это время завтракалъ и серьезно обдумывалъ настойчивое увѣреніе Виргинію.

— И вы увѣрены, что дѣвушка невинна? сказалъ судья въ концѣ переговоровъ,

— Я готовъ поручиться жизнью.

— Все это прекрасно, но у васъ нѣтъ никакихъ доказательствъ.

— Доказательствъ у меня нѣтъ, но ихъ мнѣ и не нужно!

— Хорошо, но законъ не такъ легко относится къ дѣду. Позвольте сдѣлать мнѣ вамъ одинъ вопросъ: обвиняемая не вѣста вамъ?

— Нѣтъ.

— Ну такъ ваша возлюбленная?

— Нѣтъ. Виргинію подумалъ минутой и затѣмъ скоро проговорилъ: я люблю ее, но она отвергла меня, назадъ тому нѣсколько мѣсяцевъ.

— А, въ такомъ случаѣ, поступокъ вашъ чрезвычайно благороденъ. Желаете вы говорить съ нею. Это устроить можно; хотя конечно васъ не пустятъ къ ней однаго. Но во всякомъ случаѣ, быть можетъ вы заставите ее высказаться.

— Я пришелъ вовсе не затѣмъ. Я хочу ей только сказать, что я ей вѣрю и ни въ чемъ не подозреваю.

Судья позвалъ сторожа и отдалъ ему приказаніе.

— Погодите, сказалъ судья уходящему Виргинію. Не думаете ли вы, что обвинительница—я забылъ ея имя—имѣла какой нибудь поводъ быть недовольной нашею заключенной?

— О да, еще бы, ска ать Виргинію, со свойственнымъ итальянцамъ легкомысліемъ относиться къ шекотливымъ вопросамъ.

— О да, Нэтта влюблена въ меня и родные ее желали бы меня залучить ей въ мужья, между тѣмъ всѣ знаютъ, что я ухаживаю за Умильтой.

Судья улыбнулся и отпустилъ его.

— Вы можете говорить съ нею не болѣе десяти минутъ и то въ присутствіи третьяго лица, сказалъ по дорогѣ сторожъ.

— Все же лучше, чѣмъ вовсе не говорить, отвѣтилъ тотъ. Они достигли башни и стали подниматься по ступенямъ.

Сторожъ позвалъ тюремщика и передалъ ему приказаніе судьи. Виргинію привели къ крѣпко запертой двери. Видъ этой двери испугалъ его болѣе, чѣмъ всѣ неприятельскія пули.

— И тутъ то она сидитъ—о негодяи! проговорилъ онъ сквозь зубы и рука его невольно опустилась на саблю.

— По приказанію судьи, васъ хотятъ видѣть, сказалъ тюремщикъ, отворяя дверь и входя первымъ. Виргинію въ нерѣшительности остановился на порогѣ.

Умильта лежала на постели. Она провела три ночи въ тюрьмѣ, и эти три ночи ее страшно измѣнили. Прекрасный и здоровый цвѣтъ лица ея замѣнился блѣдностью, волосы были въ безпорядкѣ а во взглядѣ было что-то дикое.

— Умильта, ты не узнаешь меня? спросилъ Виргинію, подходя къ ней. Посмотри на меня, я твой другъ всегда! Я поспѣшилъ сюда, узнавъ объ этой несчастной исторіи. Отчего ты не говоришь мнѣ ничего. Впрочемъ я и не хочу ничего. Я знаю, что это все ложь!

Она посмотрѣла на него недоувѣрчиво. Она слишкомъ была напугана и опечалена, чтобы повѣрить кому нибудь.

— Уйди, уйди, проговорила она. Уйди къ Нэттѣ. Она тебя любить, а не я. Я вѣдь выхожу воровка, ты знаешь это. Такъ они говорятъ. И она разсмѣялась такъ, что кровь Виргинію похолодѣла. Такой смѣхъ онъ слышалъ разъ въ домѣ сумасшедшихъ.

— Всѣ могутъ говорить что имъ угодно, отвѣтилъ Виргинію, стараюсь казаться спокойнымъ. Мнѣ нѣтъ дѣла до того, что они говорятъ. Ты такъ же невинна, какъ новорожденный младенецъ и я люблю тебя, Умильта, и если мнѣ не удастся освободить тебя, я буду ждать тебя до тѣхъ поръ, пока ты не выйдешь на свободу. Хочешь быть моею женою? Я затѣмъ и пришелъ, чтобы сказать тебѣ это.

Тюремщикъ потихоньку вышелъ за дверь. По лицу Умильты скользнулъ свѣтлый лучъ оживленія.

— Понимаешь ли ты хоть теперь меня, продолжалъ Виргинію въ волненіи и въ голосѣ его слышались слезы. Ты не обращала на меня вниманія, ты ненавидѣла меня, но все это ничего. Богъ тебя создалъ такою, что ты не можешь никогда быть виновной въ такомъ дѣлѣ. Мнѣ тебя не освободить, а ждать я могу сколько бы то ни было. Выйди отсюда и ты войдешь прямо въ мой домъ и если кто нибудь посмѣетъ еще осуждать тебя, то ужь это я съ нимъ раздѣлаюсь. Вотъ затѣмъ я пришелъ къ тебѣ.

Умильта все слушала, ея гордые губки задрожали и вся она преобразилась...

— И это ты говоришь мнѣ *теперь*, сказала она тихо, глядя на него.

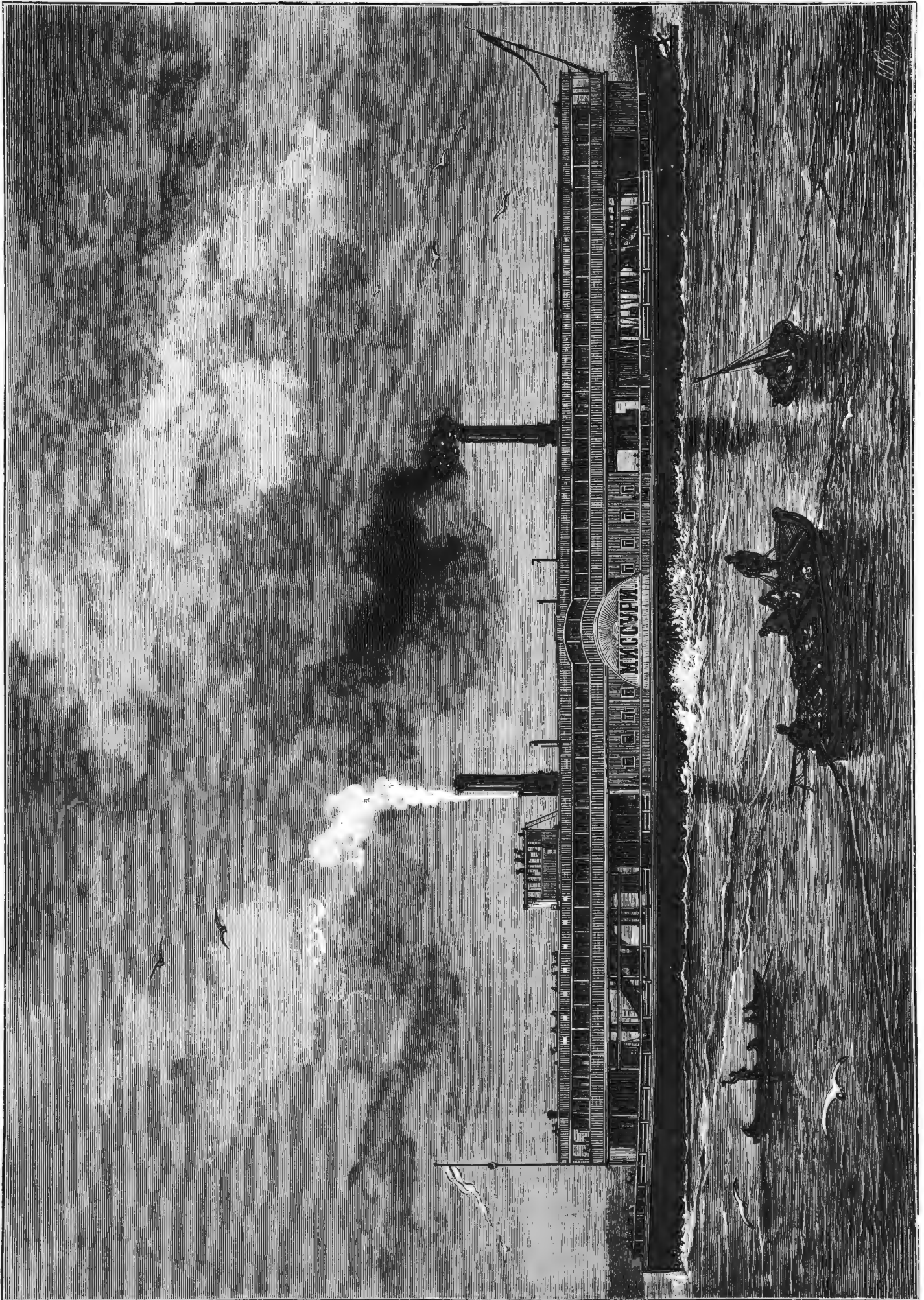
— Теперь, прежде и всегда.

Она вдругъ стремительно обняла его и поцѣловала.

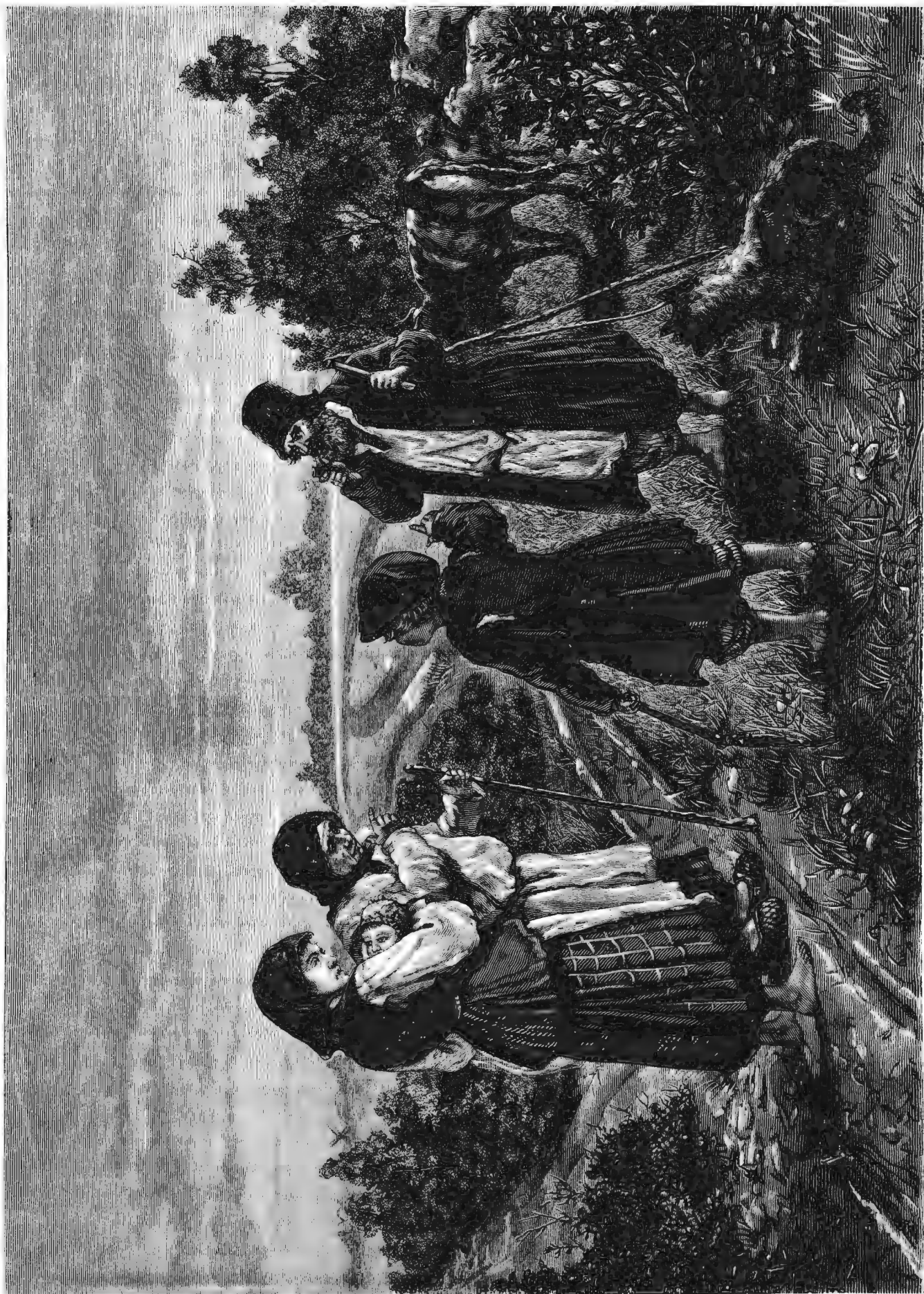
— Теперь и я сознаюсь. Я люблю тебя!

Она еще держала его въ своихъ объятіяхъ, но потомъ оттолкнула.

— Но я не хочу безчестить тебя и твой домъ, никогда, ни-

Воляний пароходъ американской системы „Миссури“. Съ фотогр. рис. Н. Карзиня, грав. М. Раплевскій.

На перепутьи. Ориг. рис. Н. Загорского, грав. Б. Нудь.

У одного из столов сидит арендатор американских пароходов, плотный, высокий, бородастый господин. Он начал двадцать пять лет назад ни с чего,—теперь он владеет пятью лучшими волжских судов.

— Достоинство моих пароходов чрезвычайно, так сказать, наглядно,—объясняет он какому-то туристу. Чтобы ни случилось с судном: пробой, столкновение,—пассажирская палуба так высока, что вы совершенно обезпечены от всяких неприятностей... Даже если пароход затонет, то вода не дойдет до вас...

— А в случае взрыва котла?

— Даже в случае взрыва. Погибнет часть пароходной прислуги, носовая же и кормовая публика останется невредима...

Полукруглый салон первого класса ярко освещен люстрами и лампами. Темная ночь глядится в окна и стеклянные двери. Душно, душно и ночью. За небольшим, плохо-настроенным роялем, сидит какая-то барышка и уныло наигрывает nocturne Шопена. В pendant ей безцеремонно бречать в столовой ложки, ножи и вилки. Сочные, пурпурные ломти арбуза, приторно-сладкий аромат дыни, мелкий синий виноград, цветы, растения, ковры, мягкая кресла, стулья, диваны, множество зеркал, синие занавесы окон,—все это так гармонирует между собой, дает такой приятный ансамбль, особенно если сразу войти сюда с нижней грязной палубы. Так скоро устраиваются знакомства,—все расположилось как дома,—пипнуть письма, рисуют, разобрали из библиотеки книги, газеты, пьют кофе, занимаются салонными „козер“, вспоминают далекий Петербург, последние передвижную выставку, оркестр Направника, Павловск, утренние прогулки в Лтнемь саду... У каждого есть ключ от своей отдельной каюты, — пассажиров в первом классе мало, так что каждый мог завладеть целой каютой. И намь почастливилось приобрести помещенье с пятью диванами. Можно комфортабельно расположиться, раздеться, спать как дома, у каждого мраморный умывальник, лампы.

Монотонный шум колес глухо отдается в каютах. Воздуху мало, нечем дышать. Может быть лучше на балкон?

Тихая звездная ночь. Синее голубое небо, недвижимое, спокойное—и такая же тихая, спокойная Волга внизу, с теми же звездами, с теми же млечным путем. Смутно чернеют вдали берега, теряясь в синей дымке ночи. Разрвченныя желтыми, красными, зелеными огнями, плывут на ветрчу суда, радужными полосамь искрять темную воду, да слабо поскрипывают снастями. По берегам сверкают костры, то вспыхивают, то погасают; маячные огни перекидываются с берега на берег. Мягкий, душистый втерь доносится издалика откуда-то запах полевых цветов, свжаго скошенного сфа и мфаается с теплой сыростью воды. Какая тишь внф этаго парохода,—какой царственный покой ночи!..

Чу, звонок колокола. Это *перекать*.

Перекатомь называется наносная песчаная мель, полосой перерывающаяся волжский фарватер. Глубина ея постоянно измфаается, а потому каждый раз при переходе через нее уменьшается ход и матрось на носу начинает измфрять высоту воды большимь полосатымь шестомь, на котормь размфчены футы.

— Восемь с половиной,—протяжно кричит он, непремфно ударяя на послднемь слогф, с трудомь ворочая шесть вь водф...

— Восемь с половиной,—откликаются гдф-то наверху, для передачи этаго сообщенія шенперу...

— Мелфет Волга ваша...

— Волга мелфет?! Это, батюшка, вь газетахь только пишут, вы не вфрфйте, это, чистфйшй вздорь. Временные заносы бывають, это точно... Я вамь воть что скажу. Я началь плавать сь 1854 года по Волгф, так она вь 1854 году несравненно была мелче, чфмь теперь... Скажу-сь болфе: если бы какимь нибудь чудомь на одну навигацю прекратилось здфсь судоходство—кь слфдующему лфту Волга была бы глубокой, на семь протяженн судоходной рфкою...

— Вы шутите?

— Ничуть. Вы знаете отчего перекаты по пяти футу глубины являютя? Отъ неуравильной промфрки фарватера, оттого что все дфаается тянф да лянф. Вы представте себф: образуетя гдф нибудь весною занось, положимь вь тринадцать футу. Сторожевныя лодки дфають измфрениа, дають знать судамь, идущимь снизу: „воть, моль, 13-ти фуговой перекать“. Подходить каравань судовь, сидящихь вь водф, положимь,

12½ футу, да такь прямо через перекать и тянеть,—проедемь моль. А занось-то, представте, уже не 13, а 12¼ футу. Суда, натурально, садятся на мель. Пока то, сф,—пока снимутя, пройдетя часа четыре, а иногда и двфнадцать. Снизу тянутя новыя суда,—они ужь знають что 13-ти фуговныя не проходятя, но сами идутя смфло, потому что сидять всего 11 футу. А перекать-то ужь—девять футу: пока на мели баржи сидфли, вокругь нихь, конечно, еще фута на три нанесло песку. Ну снова посадка на мель, снова песокь нарастаеть... Воть такь перекаты и растуть...

* * *

Опять ходь прибавлень, опять на всфхь паракхь несетя громада вь синей мглф ночи. Посмотрфть со стороны, сь берега, точно огромная, ярко освфщенная изнутри безчисленными огнями фабрика какимь-то чудомь мчитя между деревьевь и кустарниковь. Всю ночь не тушатя огни, и только когла разсвфть ясно обозначитя, и во всфхь каютахь станеть свфтло, ламповщикь завертываеть фитили.

Какь душно и тяжело дышать вь третьемь классф. Онь помещается не на открытой палубф, какь обыкновенно, а на кормф вь закрытой общпрной залф. Нары вь два яруса переполнены спящими людьми. Здфсь не стфняются скинуть при всфхь верхнее платье, спать на виду... Многие помфстились на открытомь воздухф, на терассф и спять согнувшись на короткихь лавкахь. Сколькь разнообразныхь положеннй, типовь, выраженнй!

На самомь верху, на открытой палубф третьаго этажа, вь небольшомь, яркоосвфщенномь навильонф, стоить за колесомь шкиперь, зорко всматриваясь вь ночную дымку, заставившур фиолетовую даль. Сюда, наверхь, никто не допускается изь пассажировь, и только во время остановокь, при закатф солнца, когда администрация парохода спускается внизь, проберется на крышу барышня побойчфе, да татары явятся творить свою вечернюю молитву: разстелать истопанный грязный коврикь, стануть на колфни, прижмуть кь ушамь ладони, и долго бормочуть про себя обычныя славословия, глядя на огнистый фонь потухающаго неба...

* * *

— У Саратова, говорять, совсфмь все занесло? Нфть судоходства?

— Да, у Саратова плохо. Большой обфздь у Беклемишевскаго острова дфаемь... Повороты вь узкихь протокахь... а сколько времени на это убиваетя, страсть!

— Кажется изь Астрахани привезли водочерпальную машину?

— Пускай черпаеть! Только это переводь деньгамь... Песокь вычерпають, а его опять нанесеть.

— Такь что же дфлать?..

— Надо заставить самую Волгу углубить русло... Воть на дняхь изь Нижняго профхали вь Саратовь инженеры...

— Какь-же это они устроять?

— Они совсфмь этаго не устроять... Они черпать будуть... А дфло-то какь просто!..

— Это не секреть?

— Нисколько-сь,—хоть вь газетахь печатайте. Стоить направить тенью рфки вь правый протокь, кь самому городу, оно смоееть насколько нужно заносы.

— Но это сопряжено сь большими затрудненнми?

— Никакихь затрудненнй. Стоить затопить двфнадцать, много пятнадцать барж, подь угломь градусовь вь 45 относительно теченья... Даю вамь слово, что вь вфсколько дней все дфло будеть сдфлано...

— А что это будеть стоить?

— Если за дфло возьмутя инженеры—тысяч сто...

— А если простые смертные?

— Тысяч тридцать... Едва-ли больше... Двфнадцать баржь стоить 12 тысячь,—да камнями завалить ихь для прочности тысячь пятнадцать,—воть и все... Вы думаете, что это я такь, сь бухты-барахты говорю? Я жиль и состарфлся на Волгф,—и если предлагаю что нибудь, то взвфсивши и обсудивши дфло обстоятельно...

Какь-то незамфтно, что пароходь двигается, что уже тысячи версть легли между вами и Нижнимь. Вы какь дома. Покойно засыпаете подь далекой гулф воды на мягкомь диванф, вась никто не тревожить,—развф подь утро барышня, которой почему нибудь не спалось, вздумаеть заиграть вь залф испанский вальс. Вы встаете, требуете себф вь комнату кофе, завтракь, раскладываете на столф свои бумаги, начинаете заниматься... Выходите кь обфду вь столовую, сидите на балконф, гуляете во время долгихь остановокь по берегу, и незамфтно все подвигаете дальше и дальше кь югу...

ПРОРОКЪ ХУ] ВЪКА. (Нострадамусь).

Вь 1503 году 14 декабря, у нотариуса Якова Нострадамуса вь Сент-Реми, вь Провансф, родился сынь, названный при крещенн Михаиломь. Подростая, ребенокь становился очень

серьезнымь, рфдко играль и даже говориль со своими сверстниками. Болфе всего любиль онь сидфть около своего древянаго прадфа, котормь рассказываль ему о теченн планеть и

звѣздныхъ путяхъ. Мальчикъ родился въ семьѣ ученыхъ; два его дѣда были лейбмедиками, одинъ при королѣ Рене Герусалимскомъ, другой—въ Калабріи у герцога Іоанна. Оба они были также математики и астрологи—Михаилъ отъ нихъ наследовалъ склонность къ этимъ наукамъ.

Уже въ Авиньонской школѣ онъ занимался разрѣшеніемъ разныхъ философскихъ задачъ, а въ университетѣ въ Монпелье слушалъ лекціи. Распространившаяся эпидемія заставила его уѣхать оттуда. Впродолженіи четырехъ лѣтъ странствовалъ онъ по югу Франціи, всюду на практикѣ примѣняя съ успѣхомъ свои знанія. Послѣ блестящаго диспута въ Монпелье, поразившаго всю коллегію, ему была дана степень доктора. Съ этихъ поръ онъ сталъ называться „Нострадамусомъ“.

На берегу Гаронны, въ городѣ Агенъ, гдѣ жилъ нѣкогда ученый Юлій Скалигеръ, поселился Нострадамусъ съ молодою женою. Для него это было время полнѣйшаго уединенія и счастья, а за ними пришло горе, передъ которымъ была безсильна его наука: въ самое непродолжительное время онъ лишился жены и двухъ дѣтей и снова очутился одинокимъ.

Потери эти такъ на него подействовали, что онъ рѣшился самъ искать смерти. Этому представился вскорѣ и случай. Въ Провансѣ развилась чума и съ наибольшею яростью свирѣпствовала въ Эксѣ. Туда отправился Нострадамусъ на помощь страждущимъ. Народъ массами умиралъ вокругъ него, но смерть его щадила. Своимъ самоотверженіемъ и энергическою дѣятельностью впродолженіи трехъ лѣтъ онъ приобрѣлъ всеобщую признательность, и городъ назначилъ ему пожизненную пенсію.

Общая благодарность и сознаніе дѣйствительно принесенной пользы, возвратили ему отчасти душевный миръ. Но онъ не захотѣлъ оставаться въ Эксѣ, и перѣхалъ въ Салонъ—городъ, лежащій между Авиньономъ и Марселью. Тутъ онъ во второй разъ женился. Судьба съ избыткомъ вознаградила его за потери, у него было шесть человѣкъ дѣтей.

Здѣсь въ Салонѣ, не имѣя общенія съ учеными друзьями, Нострадамусъ посвятилъ себя всецѣло наукѣ. Онъ сталъ доискиваться опредѣленія вліянія природы на жизнь человѣка. Ревностнѣе чѣмъ когда либо онъ занялся астрологіей и утвердился въ сознаніи, что ему предназначено свыше, предсказывать будущее властителямъ и народамъ. Въ это время написалъ онъ свои „Центурии“, но не рѣшился ихъ опубликовать, боясь насмѣшекъ. Прамодушный и честный, онъ серьезно относился къ своимъ убѣжденіямъ. Наконецъ книга все-таки появилась и при тогдашнемъ стремленіи къ чудесному, современники его читали съ жадностію темныя предсказанія салонскаго пророка. Имя его сдѣлалось вскорѣ извѣстнымъ во всей Франціи и король Генрихъ II пожелалъ видѣть этаго необыкновеннаго человѣка.

Михаилъ Нострадамусъ пріѣхалъ въ Парижъ. Ему въ то время было уже болѣе пятидесяти лѣтъ, но онъ былъ еще очень свѣжъ и бодръ. Средняго роста, съ выпуклыми умнымъ лбомъ, свѣтлыми глазами, привѣтливой ясной улыбкой—такимъ былъ Нострадамусъ. Сужденія его были свободны и здравы, память замѣчательная; говорилъ онъ мало, съ достоинствомъ и спокойствіемъ. Король долго разговаривалъ съ нимъ наединѣ и при прощаніи пожаловалъ ему 200 золотыхъ экю въ массивномъ серебряномъ кубкѣ.

Въ 1559 году Генрихъ II умеръ отъ раны въ глазъ, полученной на турнирѣ. Съ быстротою молніи разнеслась по Франціи вѣсть, что Нострадамусъ предсказалъ эту смерть. Указывали на 35-е четверостишіе 1-й его центурии, гдѣ сказано:

Львомъ молодымъ левъ старый побѣжденъ
На поединкѣ ихъ Господь разсудитъ,

КЪ РИСУНКАМЪ.

За кружкой добраго вина.

(Картина Винеа).

Какъ живо и мѣтко схвачено художникомъ это благодушное и полное довольства выраженіе лица этаго добраго малаго, отважнаго гуляки, солдата XVI вѣка, когда авантюристскія войны, тинушіяся часто по нѣсколькимъ лѣтамъ, выработали типъ отчаяннаго, на все готоваго рубаки. На шутку онъ отвѣтитъ веселой остротой, на оскорбленіе своимъ тяжелымъ мечемъ, горой будетъ стоять за товарища, но если найдетъ для себя удобнымъ, готовъ перейти и въ противный лагерь. Лицо воина напоминаетъ сцены гениальнаго Шиллера въ его „Валленштейновомъ лагерѣ“, въ этомъ тревожномъ, оригинальномъ лагерѣ, собранномъ желѣзною волею славнаго полководца.

На рисункѣ нашѣмъ воинъ наслаждается за кружкой добраго вина, спокойный, благодушный и весело улыбается, припоминая какую нибудь смѣшную сцену или забавное приключеніе изъ тѣхъ, какими полна была его разнообразная, пестрая, тревожная жизнь...

И нанесетъ ему двѣ раны онъ
И рана въ глазъ тому смертельна будетъ.

Съ этихъ поръ имя пророка повсемѣстно произносилось съ глубокимъ почтеніемъ и страхомъ. Преемникъ Генриха II, бывшій въ Провансѣ въ 1564 году, посѣтилъ Нострадамуса. Знаменитый ученый произвелъ глубокое впечатлѣніе на новаго короля, который сдѣлалъ его своимъ лейб-медикомъ. Примѣру короля посѣдовали многіе. Со всѣхъ сторонъ съѣзжались къ ученому и нерѣдко можно было видѣть экипажи знатныхъ лицъ съ гербами у подѣзда скромнаго жилища пророка. Нострадамусъ встрѣчалъ всѣхъ очень привѣтливо, но ничего неосторожно не предсказывалъ. Сдержанность эта еще болѣе увеличивала его славу.

Въ іюлѣ 1566 года распространилась вѣсть о его смерти. Рассказывали, что онъ самъ надѣялся прожить до 1618 года, а потому многіе не вѣрили этой вѣсти, которая однако была справедлива. Онъ умеръ 2-го іюля, послѣ недѣли страданій. За нѣсколько дней до смерти, въ день св. Іоанна (24-го іюня) онъ написалъ въ календарѣ: *Nic prope mors est* (здѣсь конецъ мой недалеко), а 1-го іюля, прощаясь вечеромъ съ пріятелемъ сказалъ: „съ восходомъ солнца ты не застанешь уже меня въ живыхъ“.

Латинская надпись на его гробницѣ въ Францисканской церкви въ Салонѣ гласитъ: „Здѣсь покоятся брѣнные останки Михаила Нострадамуса, сверхъестественная способность котораго предсказывать по звѣздамъ будущее, признана всѣми достойною вѣры. Онъ умеръ въ Салонѣ въ Провансѣ, 2-го іюля 1566 года, на 62 году отъ рожденія. Потомство, не касайся его праха и не завидуй славы его!“

Вполнѣ, всѣ пророчества его были опубликованы въ 1568 году, сыномъ его Цезаремъ Нострадамусомъ, а позднѣе многими другими. Въ книгѣ помѣщено длинное письмо пророка къ Генриху II, полное различныхъ предсказаній и двѣнадцать такъ называемыхъ „центурій“. За немногими исключеніями, каждая центурія состоитъ изъ ста четверостишіи: кромѣ того въ книгѣ находится еще 140 предназначенныхъ и 58 предсказаній.

Предсказанія болѣею частью условныя, мысли выражены довольно темно, но читатель легко возстановляетъ историческія событія, предсказанныя относительно Франціи, Испаніи, Англіи, Италіи и Германіи. Нострадамусъ съ непонятной прозорливостію говоритъ о нихъ за 300 лѣтъ до ихъ осуществленія. Конечно, мистическія, неясныя пророчества можно съ нѣкоторой натяжкой отнести къ тѣмъ или другимъ случаямъ, но есть отдѣльныя замѣчанія, поистинѣ поразительныя.

Такъ напримѣръ въ 49 четверостишіи IX центурии, прямо указывается на насильственную смерть Карла I, короля Англіи, въ 1649 году.

Также поразительны стихи, указывающіе на судьбу Франціи послѣ смерти Мазарини (предсказаніе 58).

„Піявицѣ недолго жить и кровъ
Ея для Франціи хорошимъ знакомъ будетъ:
Два царства заключить союзъ она принудитъ
И Франція начнетъ владѣствовать вновь“.

Тутъ ясно представляется блестящее время Франціи при Людовикѣ XIV, который послѣ смерти Мазарини управлялъ уже самостоятельно, противъ котораго былъ заключенъ союзъ и при которомъ послѣ испанской войны, по порядку престолонаслѣдія, корона Испаніи перешла дому Бурбоновъ.

За нѣкоторыя пророчества, относящіяся до гибели панства, пророчества находящіяся въ томъ же письмѣ къ Генриху II, книга Нострадамуса была запрещена еще въ 1781 году.

На перепутьи.

(Рисунокъ Н. Загорскаго).

— Какъ намъ пройти, родимый, на Вороново? Сказывали—за лѣсомъ будетъ...

— А вотъ идите правой то стороной, по опушкѣ; лѣво то не ходите, лѣво то на Горки пойдетъ, а право за овражкомъ то и будетъ Вороново, объясняетъ пастушокъ, маленькій мѣстный обыватель, который ужъ не разъ топталъ эти дороги рѣзвыми ножками, щелкая рѣзко своимъ длиннымъ кнутомъ...

— То-то намъ къ куму... Кумъ живетъ тамъ... Афанасья знаешь?.. Мальчикъ киваетъ головой. — Ну такъ его еще сестра о прошломъ лѣтъ ходила на богомолье... А деверь ихній...

— Да я не знаю ихъ...
— Не знаешь? ишь ты! А мы къ нимъ пробираемся, да вотъ и не найдемъ въ которую сторону Вороново... Ну дай-Богъ тебѣ паренекъ... спасибо... И путники поплелись по указанному пути...

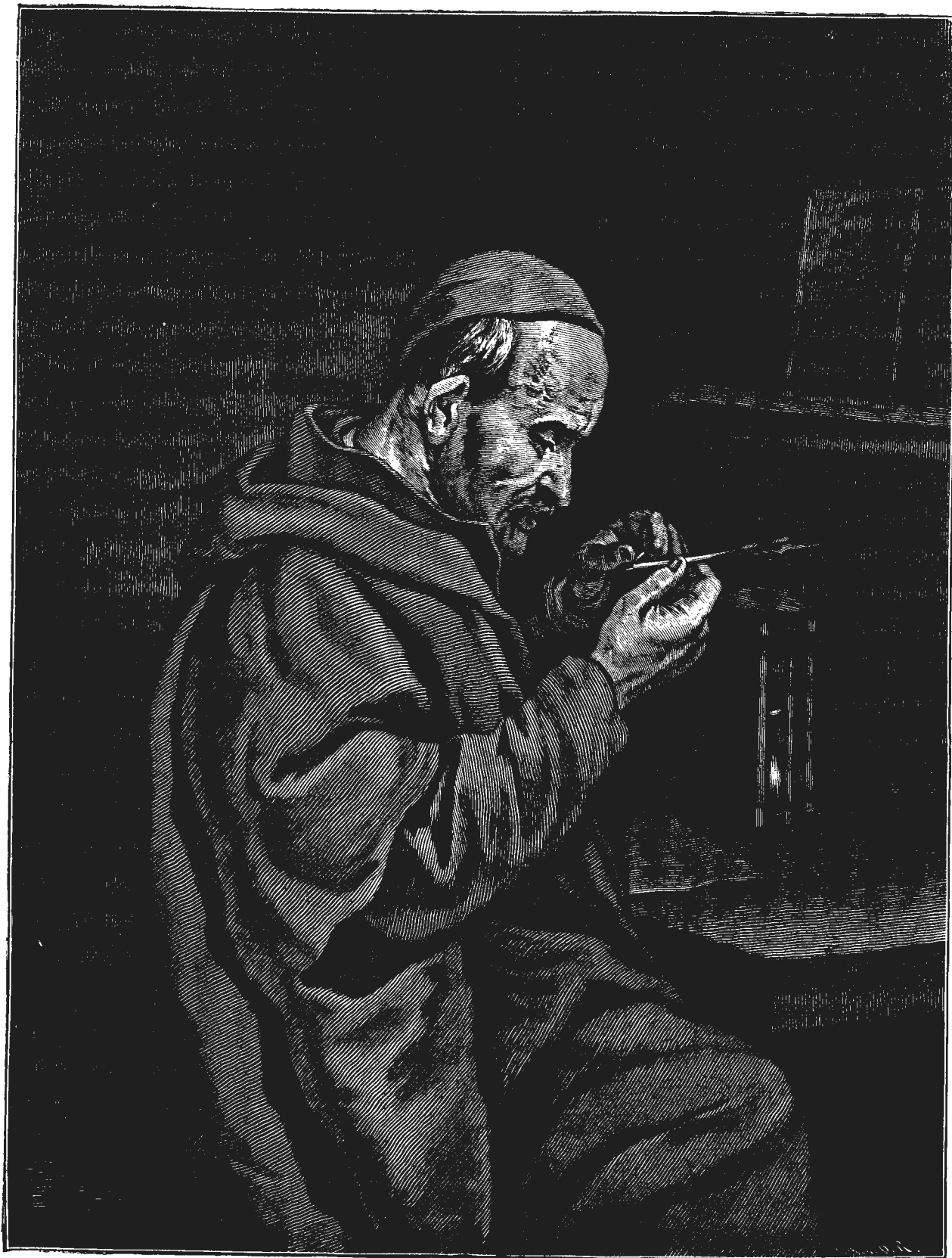
(Продолженіе на стр. 809, 810, 811 и 812).

ПОЛИТИЧЕСКОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

Турецко-черногорскій вопросъ.—Курды и армяне.—Проектъ князя Бисмарка.—Франція.—Испанія.—Пожушеніе на жизнь хедива Тевфика-паша.—Съ китайской границей.

Для чего было собираться военнымъ судамъ великихъ державъ въ Рагузу? Вотъ вопросъ который естественно приходитъ въ

„дружественное согласіе“ между державами, принявшими участие въ улаженіи дѣлъ на Востоку, весьма сомнительно. Очень можетъ быть, что большинство державъ рѣшились участвовать въ демонстраціи, предполагая, что Порты уступитъ при пер-

Пророкъ XVI в. Нострадамусъ. Со старинной гравюры исполн. О. Ротъ.

голову въ виду положенія, до котораго теперь дошло дѣло о передачѣ турками Дульцино. И чѣмъ можно объяснить то, что происходитъ въ настоящую минуту? Вѣроятно мы будемъ правы, если, не мудрствуя лукаво, скажемъ просто, что самое

важное появленіе военныхъ кораблей въ Рагузу, такъ что и не надо будетъ посылать ихъ далѣе, куда пожелаютъ, они и не пожелали бы отправлять свой флагъ. Въ числу этихъ державъ придется огнести едва ли не всѣ, за исключеніемъ Россіи и

Англии. Этими обстоятельствами мы объясняем себѣ неподвижность соединеннаго флота. Будь европейское согласіе прочно, дѣйствуй всѣ державы искренно, открыто и дружно, давно бы адмиралъ Сеймуръ привелъ свою морскую дружину къ албанскимъ берегамъ.

Высказанное нами предположеніе объ истинной дѣли „командировки“ Риза-паши къ албанцамъ находитъ себѣ подтвержденіе едва ли не каждый день. Такъ изъ Константинополя сообщаютъ подробности объ инструкціи, данной этому Пашѣ; изъ этой инструкціи видно, что ему прямо поручено не отдавать Дульцино, защищать границу отъ всякаго нападенія, организовать албанскія милиціи подъ командою турецкихъ офицеровъ и т. д. Въ томъ же случаѣ, если князь Николай сосредоточитъ всѣ свои войска противъ Дульцино и станетъ штурмовать его, Риза-пашѣ приказано немедленно проникнуть въ предѣлы Черногоріи, дабы турецкая армія могла занять тамъ равноправную территорію, если черногорцы овладѣютъ Дульцино. Но черногорцамъ взять теперь этотъ городъ однимъ, безъ поддержки, болѣе, чѣмъ трудно. Риза-паша и, столь усиленно „убѣждаемые“ имъ албанцы, не потеряли времени напрасно. Они (конечно сообща) сильно укрѣпили подковообразную возвышенность Мазури, служащую щитомъ для спорнаго города, укрѣпили и всю линію, идущую отъ Скутарійскаго озера до морскаго берега. А броненосцы все стоятъ...

Между тѣмъ, не мѣшало бы Европѣ посерьезнѣе, „подружественнѣе“ приняться за дѣло. Главное скорѣе. Въ азиатской части благоустроенной оттоманской имперіи завязывается новый узелъ дальнѣйшихъ усложненій. Мы говоримъ опять о доведенныхъ до отчаянія армянахъ. Изъ новѣйшихъ свѣденій видно, что Порта усердно хлопочетъ объ организаціи курдской „лиги“. Ее уже снабжаютъ, конечно, оружіемъ и скоро, безъ сомнѣнія, появятся на сценѣ лучше сформированные отряды грабителей этихъ. Впрочемъ они пока обходятся и безъ руководителей, получившихъ военное образованіе въ спеціальныхъ военно-учебныхъ заведеніяхъ различныхъ „цивилизованныхъ“ государствъ Европы. Недавно сожжено 13 армянскихъ деревень.

Дѣятельность албанской лиги отзывается и на настроеніи мусульманскаго элемента Босніи и Герцеговины. Мусульмане эти, еще недавно заявлявшіе о преданности своей Австрійской монархіи и обходившіея весьма ласково съ агентами ея, въ настоящую минуту выказываютъ имъ далеко не дружественныя чувства. Въ этомъ, говорятъ, убѣдился намѣстникъ императора, герцогъ Виртембергскій. Во время недавняго инспекціоннаго

обѣзда своего по Босніи, онъ встрѣчалъ болѣе чѣмъ холодный, даже невѣжливый, пріемъ со стороны мусульманъ. Беги и агн пустились въ политику, усердно читаютъ газеты и европейскія, и турецкія. Эти послѣднія они получаютъ болѣе контрабандой, въ чемъ, какъ увѣряютъ, будто бы имъ помогаетъ сербскій министръ Ристичъ. Если это такъ, то, уже и по этому мелкому факту, можно видѣть, что извѣстныя событія часто выдвигаютъ людей, которымъ по справедливости должно быть вручено руководительство. Побольше бы Ристичей славянамъ! Скажемъ, кстати, что князя Болгарскаго ждутъ скоро въ Бѣлградѣ.

Мы уже говорили въ предыдущемъ обзорѣ, что князь Бисмаркъ, въ качествѣ министра торговли, готовится приступить къ широкой социально-экономической реформѣ. Исходной точкой реформы—будетъ законопроектъ объ учрежденіи обще-германскаго торгово-промышленнаго совѣта для обсужденія вопросовъ, касающихся государственнаго хозяйства. Организованіе твердаго оплота противъ социализма въ средѣ самаго рабочаго сословія, которое должно быть, по мыслямъ канцлера, возможно прочно обезпечено отъ случайностей, конкurence и т. д. Высокій умъ гениальнаго государственнаго чело-вѣка готовитъ быть можетъ мѣры, которыя успокоятъ броженіе среди рабочихъ классовъ и навсегда отнимутъ возможность волновать умышленно рабочіе классы Германіи, которые станутъ преданнѣйшими и горячими сторонниками заботящейся о нихъ власти. Въ нынѣшнюю сессію рейхстага, германское правительство намѣрено добиться утвержденія новыхъ налоговъ на 100 милліоновъ марокъ.

Французскіе легитимисты, съ особеннымъ усердіемъ и торжественностью отпраздновали 29-е сентября, день рожденія графа Шамбора. Въ Парижѣ было устроено 19 банкетовъ, по различнымъ кварталамъ; участниковъ насчитываютъ до нѣсколькихъ тысячъ чело-вѣкъ. Осенніе маневры прошли довольно удачно. По словамъ очевидцевъ, французская армія не оставляетъ желать ничего лучшаго въ хозяйственномъ отношеніи, въ отношеніи вооруженія и прочаго,—но по своей боевой способности—она, едва ли и теперь, можетъ удовлетворить всѣмъ современнымъ требованіямъ военнаго дѣла. Впрочемъ, если вѣрить всему, что говорятъ о Бартеlemi С.-Илерѣ, то французамъ еще не понадобится ихъ армія. Такъ напримѣръ, утверждаютъ, что новый министръ иностранныхъ дѣлъ, уже высказавшійся въ миролюбивомъ духѣ, вполне соответствуетъ политикѣ князя Бисмарка, въ особенности считая австро-германское соглашеніе основой европейскаго мира.

С М В С Ъ.

Бой съ чернильной рыбой. Одному водолазу въ Америкѣ пришлось выдержать борьбу съ чернильною рыбою, въ рѣкѣ Моине, около Бельфаста, въ колоніи Викторія. Онъ самъ такъ рассказываетъ объ этомъ: я запустилъ руку въ яму и почувствовалъ, что она чѣмъ-то удерживается; пришедшая въ движеніе вода, помутилась отъ поднимающейся земли и я нѣсколько минутъ ничего не могъ разглядѣть. Когда же вода очистилась, къ ужасу своему я увидѣлъ, что руку мою держитъ своей лапой громадная чернильная рыба; чудовище приоткрылось уже впиться въ руку. Я былъ въ ужасѣ. Мнѣ казалось, что руку мою рвутъ на части и чѣмъ упорнѣе я старался ее освободить, тѣмъ боль становилась сильнѣе. Съ трудомъ удавалось мнѣ удержаться на ногахъ. Подать сигналъ я не могъ, такъ какъ чудовище такъ сильно меня схватило, что пришлось бы сломать руку. Со мной было молотокъ; но я его не могъ достать. Къ счастью невдалекѣ оказалась желѣзная пластинка, которую я придвинулъ къ себѣ ногою настолько, что могъ ее достать лѣвою рукою. Началась борьба. Я началъ сильно бить рыбу по головѣ, но она все болѣе сжимала руку, такъ что рука на нѣкоторое время потеряла чувствительность. Затѣмъ тиски нѣсколько ослабили; когда рыба была совсѣмъ разсѣчена мною на части, тогда только рука моя высвободилась окончательно. Поднявшись на поверхность, я чувствовалъ себя измученнымъ до крайности. Бой продолжался чѣмъ-то двадцать минутъ. Я захватилъ съ собою большой кусокъ рыбы. Я вполне убѣжденъ, что животное это можетъ удержать пять-шесть чело-вѣкъ.

Бумажныя деньги съ волокнами. Для устраненія всякой возможности поддѣлки бумажныхъ денегъ, экспедиція заготовленія государственныхъ бумагъ въ Германіи рѣшила для предстоящаго выпуска билетовъ въ пять марокъ употреблять бумагу съ волокнами, находящуюся въ обращеніи въ Америкѣ уже 19 лѣтъ, за которую изобрѣтатель Вилькорксъ получилъ премію. Отличительное свойство этой бумаги въ томъ, что по ней идутъ одноцвѣтныя полоски, въ которыхъ ясно различаемы скрещивающіяся и встрѣчающіяся волокна. Волокна эти расплочены довольно глубоко, такъ что онѣ сами по себѣ отдѣлаться не могутъ. Но ихъ легко вынуть какимъ нибудь заостреннымъ предметомъ, напримѣръ булавкой, такимъ образомъ легко каждому убѣдиться въ неподдѣльности бумаги, для чего излишне даже помѣщать текстъ на сторонѣ волоконъ.

Поддѣлка такой бумаги немислима. Приготавливаемая бумага на фабрикѣ Вилькоркса въ Гленъ-Мильсѣ оставалась безъ надписей. Фабрика въ Гленъ-Мильсѣ находится подъ строгимъ надзоромъ каждый неудавшійся листъ старательно уничтожается.

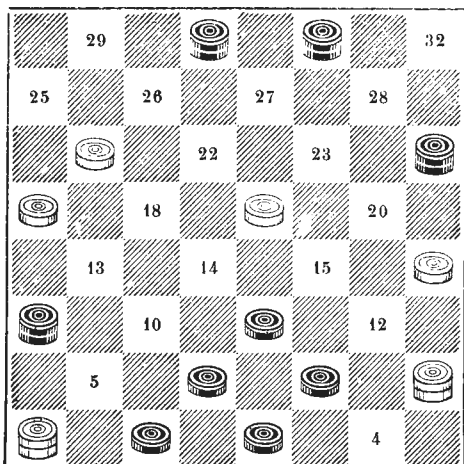
Зубные врачи въ Америкѣ. Въ Соединенныхъ Штатахъ считается около 12,000 зубныхъ врачей, которые всѣ вмѣстѣ ежегодно извозятъ для пломбировки зубовъ на полтора милліона долларовъ золота и четверо больше серебра и другихъ металловъ. Одинъ статистикъ вычислилъ, что такимъ способомъ втеченіе трехсотъ лѣтъ вмѣстѣ съ пломбированными зубами можно похоронить на кладбищахъ страны всю обращающуюся въ немъ золотую монету. Каждый годъ въ Сѣверной Америкѣ дѣлается до трехъ милліоновъ искусственныхъ зубовъ.

Ехидны въ Италіи.—Нынѣшними лѣтомъ ехидны были такъ многочисленны въ Италіи, особенно же въ окрестностяхъ Черрары, что составляли сущее наказаніе для поселянъ, изъ которыхъ многие умерли отъ ихъ ужаленій. Пашни отчасти оказались настолько наполненными этими гадами, что хлѣба мѣстами пришлось сжечь на корню, такъ какъ никто не рѣшался жать ихъ.

Городокъ Дерробегъ, въ графствѣ Донегаль (въ Ирландіи), былъ 3 (15) августа театромъ наводненія, случившагося при совершенно особенныхъ обстоятельствахъ. Оно случилось во время обѣды, и мѣстный католическій священникъ совершалъ богослуженіе въ церкви, находящейся на берегу моря, какъ вдругъ потокъ воды ворвался въ долину и проникъ въ церковь. Прежде чѣмъ успѣли спастись, вода достигла высоты, которую потомъ могли опредѣлить въ три метра по слѣдамъ сырости, оставленнымъ на стѣнахъ. Священникъ вскочилъ на алтарь и успѣлъ найти убѣжище въ амбразурѣ окна; но молящіеся очутились въ водѣ. Нѣкоторые успѣли спастись владью, но многие утонули. До сихъ поръ найдено четыре трупа, но недостаетъ еще одиннадцати чело-вѣкъ, которыхъ должно быть унесло въ море. Убытки отъ наводненія простираются до 3,000 фунтовъ стерлинговъ. Полагаютъ, что вода, произведшая эти опустошенія, шла въ видѣ смерча, такъ какъ ея объемъ значителенъ и сверхъ того крыша церкви была пробита.

Шашечная задача № 69.

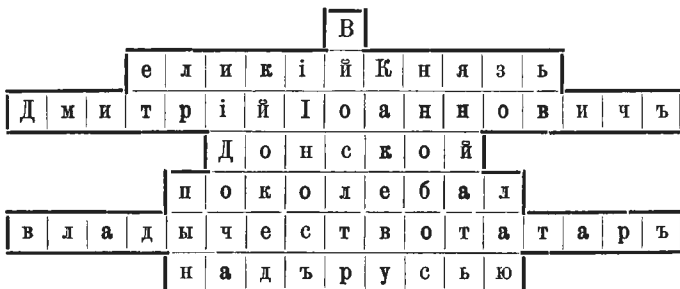
Бѣлыя.

Черныя.

Черныя начинают и запираютъ двѣ бѣлыя дамки и четыре простыхъ.

Рѣшеніе задачи буквъ.

Аронъ, Чудь, Дарій, вечеръ, Товій, Коконъ, Слон, Постъ, Аистъ, Земля, Илій, Тыква, яловъ, дань, Боа, Инд.

Вѣрныя рѣшенія этихъ задачъ присланы отъ гг.: Сиб.—Гросманъ, Аленіусъ, Опатовичъ; Москва—Звѣздкина; Жидра—Иванова, Калуга—Зеленцова, Кронштадтъ—Фабръ, Курскъ—Шнурова, Дѣдова, Минскъ—Платонова, Мозырь—Ланина, Ровно—Захера, Череповецъ—Гусева.

РЕБУСЪ.

Разгадка ребуса, помѣщенного въ № 37 „Нивы“.

Бразды пушистыя взрывая,
Летитъ вибитка удалая,
Ямщикъ сидитъ на облучкѣ
Въ тулушѣ, въ красномъ кушакѣ.

Вѣрныя рѣшенія этой задачи присланы отъ гг.: Сиб. Севіеръ, Киселева, Иванничева, Холкина, Вейка, Б—ина, Андребера, Биржакова; Москва. Павлова, А—ва Четитова, Морозова, Крылова, Ш—ва, Силча, Кочершкіна, Севастьянова, Цѣганка, Сутыкова, Мосалова, Никитиной, Сучкова, Соколова, Кутурмина, Красноворотскаго, Мошкина; Американъ—Мажуга, Гматскъ—Шапошниковой, Динабург—Жуковскаго, Дрисса—Яз—ича, Заметчино—Дьяконова, Елецъ—Графа, Вавилова; Ельня—Кубекина, Богданова, Насимовъ—Умова, Кіевъ—Асотина, Кронштадтъ—Шелашникова, Мажотина, Курскъ—Дѣдова, Минскъ—Платонова, Вайштейнъ, Мозырь—Ланина, Нижний-Новгородъ—Усова, Чигрина, Корова ва, Орша—Лабковской, Пенза—Ильина, Переславль-Залескій—Пелехова, Петергофъ—Гусарова, Раменская—Шарова, Рязань—Лаврова, Свеаборгъ—Алексева, Смоленскъ—Полубанькаго, Тверь—Воробьева, Ушакова, Троицъ—Третскаго, Тульчинъ—Щагана, Угличъ—Лучинскаго, Урюпинская—Краснушкина, Царское Село—Граникова, Юхновъ—Иванова.

Рѣшеніе шахматной задачи № 42.

- 1) E7 — C5† 1) E3 — E4
2) D1 — D7 2) E4 — E5
3) C5 — D4† 3) E5 — E6 или E4

Конь даетъ матъ.

СОДЕРЖАНІЕ: [Николай Христіановичъ Бунге (съ портр.)—Нара-Джинитъ. Вылина средне-азиатскихъ ковеннаковъ Н. М. Каразина (съ 3 рис.)—Умилля. Поѣздъ Уйда.—На волжскомъ американскомъ пароходѣ. Изъ путевыхъ впечатлѣній П. П. Г—ча. (съ рис.)—Пророкъ XVI вѣка. Нострадамусъ. (съ портр.)—За кружкой добраго вина (съ рис.)—На перепутьи (съ рис.)—Полицейское обозрѣніе. Сибѣ.—Шашечная задача.—Рѣшеніе задачи буквъ.—Ребусъ.—Рѣшеніе ребуса.—Рѣшеніе шахматной задачи.—Объявленія.—При этомъ № прилагаются „ПАРИЖСКІЯ МОДЫ“ за ОКТЯБРЬ 1880 г. съ 22 рис. и отдѣльный листъ съ 27 чертм. выкроекъ въ натуральн. велич., и съ 25 рис. вышивочныхъ работъ.

Издатель А. Ф. Марксъ.

Редакторъ Ф. Бергъ.

Дешевое изданіе Юргенсона.

Полное собраніе сочиненій

Ф. ШОПЕНА,

6 томовъ парижскаго формата.

Изданіе это пересмотрѣно и исправлено профессоромъ Московской Консерваторіи

К. КЛИНДВОРТОМЪ.

Цѣна за 6 томовъ 6 рублей.

Роскошное изданіе in 4o 15 руб.

Эти изданія признаны лучшими изъ всѣхъ гг. Вюловымъ и Листомъ.

Москва у П. Юргенсона, Неглинный проездъ № 10. С.-Петербургъ у І. Юргенсона. Большая Морская, № 9. П. М. № 861 3—2

Спб. Врачебнымъ управленіемъ разсмотрѣна и разрѣшена на всеобщее употребленіе.

НОВѢЙШАГО ИЗОБРѢТЕНІЯ ОРѢХОВАЯ БРАСКА для волосъ; она моментально окрашиваетъ въ натуральные цвѣта: черныя, темнорусыя и каштановыя; 30 дней не требуетъ повторенія. Ц. 1 р. 20 к., съ перес. 2 р., въ косметическомъ магазинѣ В. Парнинова и комп., въ гостиномъ дворѣ, № 78, противъ пажескаго корпуса, въ С.-Петербургѣ. № 874 4—4

Изданія А. Ф. Маркса въ Спб.

Большая Морская, д. № 9.

ВЪ КАМЫШАХЪ, повѣсть Н. Каразина, второе изданіе, съ 39 рисунками автора, большой томъ in 8—всего 304 стр. Цѣна 2 р., съ перес. 2 р. 30 к. Подписчики „Нивы“ за перес. не платятъ.

Повѣсть эта яркими красками рисуетъ жизнь Туркестанскаго края; достоинства ея достаточно доказываются уже тѣмъ, что повѣсть эта переведена на нѣмецкій, французскій и англійскій языки. Нынѣ вышедшее второе изданіе заключаетъ въ себѣ 36 рисунковъ; оно гораздо богаче и лучше тѣмъ, уже распространенное, первое изданіе этой повѣсти.

НОВОСТЬ

Китайскіе духи

ЛИЛИАНА.

Крѣпкій и чрезвычайно пріятный запахъ. Цѣна 50 к. за лотъ, съ пересылкой за 3 лота 2 рубля.

2 рубля за флаконъ.

ДУХИ МАЙСКІЙ ЛАНДЫШЪ

Цѣна 40 к. за лотъ, съ пересылкой за 4 лота 2 рубля.

1 р. 25 к. за флаконъ.

Гг. торговцамъ соотвѣтственная уступка. Дешо С.-Петербургскихъ Химическихъ Лабораторій. № 7. Владимирская, № 7, К. № 900 въ С.-Петербургѣ. 2—2

КНИГИ

прод., пок. и прии. на комиссію. Казань, книжм. Александра Ильича Овчинникова. Объявлено торг. уже 9-й годъ (1871 г.) публ., почти постоянно, въ Казан. газет. и мно. друг. Бывають библ. рѣдкости XVI—XIX в. № 916 5—1.

БОЛЬШОЕ ЕЖЕДНЕВНОЕ ИЗДАНИЕ

„НОВОСТИ“

и „БИРЖЕВАЯ ГАЗЕТА“.

Подписная цѣна: на 1 г. для иног. 9 р., для городск. 8 р., на 1/2 года для иног. в гор. 5 р., на 1 мѣс. для иног. и городск. 1 руб. К. № 908. 10—2

С.-ПЕТЕРЬ. ЦЕНТРАЛЬНАЯ КОНТОРА ОБЪЯВЛЕНІЙ

ВСѢХЪ ЕВРОПЕЙСКИХЪ ГАЗЕТЪ.

№ 11 НЕВСКІЙ ПР., НА УГЛУ М. МОРСКОЙ, Д. СТРУБИНСКАГО № 11 принимаетъ объявленія во всѣ С.-Петербургскія, Московскія, Губернскія и заграничныя газеты по цѣнамъ редакцій.

При большихъ заказахъ дѣлаются соотвѣтственными уступки. Переводы и переписки на всѣ языки исполняются по умѣреннымъ цѣнамъ. По желанію представляются доказательные номера всѣхъ объявленій. К. № 892 5—3.

ДЛЯ СОВЕРШЕННОГО ВСАСЫВАНІЯ СЫРОСТИ

между оконными двойными рамами и для просушиванія сырыхъ стѣлъ и помѣщеній самое сильнѣйствующее и особенно дешевое средство есть Сушильный составъ Кёлера

продолжающейся въ 5-ти фунтовыхъ пакетахъ по 50 к. за пакетъ. Продажа и подробное объясненіе въ

МАГАЗИНЪ Р. КЁЛЕРА и К°, въ МОСКВѢ

на углу Николаевской и Черкаскаго переулка.

Господа инвентарные при выпискѣ по почтѣ, благоволятъ приложить портновье за 6 фунт. и по 30 к. за упаковку на каждый пакетъ. Ц. № 908 3—2

НОВѢЙШЕЕ ИЗОБРѢТЕНІЕ.

ФРАНКФУРТСКІЯ МОЛОТИЛКИ СИСТЕМЫ ВЕЙЛА.

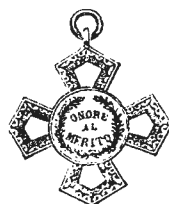
Доставляются на каждую желѣзную-дорожную станцію въ слѣдующемъ выборѣ: 1) производимыя двумя людьми; 2) съ одной, въ 3) съ двумя, въ 4) съ четырьмя лошадиными силами.

По желанію съ аппаратомъ, производящимъ одновременно очистку зерна.

Подвижныя на своихъ собственныхъ колесахъ, онѣ могутъ дѣйствовать вездѣ, гдѣ ихъ не поставятъ. По письменному требованію иллюстрированный каталогъ находится у Мерца Вейла.

Машинная фабрика въ Франкфуртѣ-на-Майнѣ (въ Германіи).

Корреспонденція по-русски.

Ргг. № 690 11—10

ВЪ МАГАЗИНѢ ЧАСОВЪ

ПАВЛА БУРЕ.

Поставщикъ Высочайшаго Двора
Невскій просп., № 23 въ С.-Петербургѣ,

СОБСТВЕННОЙ ФАБРИКИ
золотые дамскіе часы.
заводящіеся ключемъ.

Анкерные на 15 камняхъ закрытые 55, 60 и 65 р. (смотря по вѣсу золота въ корнусахъ)
Такіе же 1-го сорта 70, 75 и 85 р.
Тоже вышн. достоинства отъ 100 до 135 р. с.
Тоже заводящіеся безъ ключа (въ ручку).
Анкерные на 15 камняхъ закрытые, 75, 80 и 85 р. с.
Такіе же 1-го сорта отъ 95, 100 и 110 р. с.
Тоже вышшаго достоинства отъ 120 до 250 р. с.

Ручательство на 2 года.

Есть часамъ, заводящимся ключемъ прилагаются золотой явучъ. № 880 33-4
Пересылка на счетъ магазина.

НОВЫЯ АМЕРИКАНСКІЯ МЯЛЬНИЦЫ,

замѣняющія вполнѣ жернова, не требующія мельника и отличающіяся простотою, большою производительностью и дешевизною, требуютъ для помолу того же количества хлѣба, 1/3 силъ жернововъ.

Вѣл. В вѣс. 16 п. нѣмѣд. 10 пуд. въ часъ, при 2 л. силѣхъ, цѣна 150 р.
Вѣл. 5 вѣс. 20 п. нѣмѣд. 15 пуд. въ часъ, при 4 л. силѣхъ, цѣна 200 р.
Вѣл. 8 вѣс. 30 п. нѣмѣд. 20 пуд. въ часъ, при 6 л. силѣхъ, цѣна 300 р.
мучныя сортировка въ немъ по 78 р.

Штифтовые шолитилки.

учища изъ всѣхъ существующихъ системъ. Ручныя 85 р., съ 1-новонимъ приводомъ 225 р., большая двухъ воюная съ соломотрагомъ и приводомъ 340 р.

Сѣнные прессы ручные по 175 р. Безпрерывно вращающ. ручной кирпичный прессъ.

Самый прочный, простой и дешевый. Тремя рабочими можетъ быть изготовлено въ сутки отъ 4 до 5000 кирпичей, получая изъ той же крѣпости, какъ при ручной прессовкѣ. Вѣсѣ прессы 50 пуд. цѣна 300 руб. Локомотивы, паровыя машины, котлы, токарные и проч. станки, плуги, бороны, вѣялки, соломорѣзки, сѣялки, насосы, пожарныя трубы и пр., и пр., имѣются въ наличности у

ТОВАРИЩЕСТВА

БУРЕГАРДТЪ И УРЛАУВЪ

С.-Петербургъ Вас. Остр., 1 линия, № 10.
Москва, Мясницкая, д. Сытова. № 911 5-1

Поступила въ продажу новая книга (складъ въ книжн. магазинѣ В. Цвѣлева, СПб. Малая Садовая, № 9. 2-й);

„РУССКО-СЛАВЯНСКАЯ АЗБУКА“, для школьнаго и домашняго обученія, съ постепеннымъ нарастаніемъ буквъ, съ прописями и образцами рисованія, съ задачами, загадками и различными др. упражненіями, съ 800-ми рисунками въ текстѣ. Цѣна 30 к. Сост. Ф. Пучковичъ. № 889 3-8

Ново, практично и дешево
Американскій переплетчикъ
по 1 р. 75 к., съ утюжковой и перес. 2 р.
Этотъ маленький аппаратъ даетъ каждому возможность, сшивать изъ отдѣльныхъ листовъ книги до толщины одного сантиметра
О. Унфугъ и К^о
С.-Петербургъ, Вольн. Морская № 15.
Типо-литографія и гравировальное заведеніе. Специальность всѣхъ копировскихъ принадлежностей.
Рѣ. № 914. 2-1.

КЕЛЕРСКАЯ ДУШИСТАЯ ВОДА
Ц. № 902 18-2

При этомъ № прилагается для гг. городскихъ подписчиковъ прейсъ-курантъ отъ торговаго дома Германа Корпусъ въ СПбургѣ.

Дозволено цензурою С.П.Б. 2 октября 1880 г. Изданіе А. Ф. Маркса въ СПбургѣ. Библиотечка „Универс“ № 10.

Н О В О С Т Ъ К. № 840 3-3
ЛОЗЕ: ПАРФЮМЕРІЯ „ЛАНДЫШЪ“.
Лозе: Extrait quadruple, изъ Ландыша Maiglöckchen.
Лозе: туалетное мыло " " Maiglöckchen.
Лозе: туалетный укусъ " " Maiglöckchen.
Лозе: помада " " Maiglöckchen.
Лозе: масло " " Maiglöckchen.
Лозе: косметическій фиксажъ " " Maiglöckchen.
Лозе: брилльянтинъ " " Maiglöckchen.
Лозе: подушки съ духами " " Maiglöckchen.
Для избѣжанія покупки поддѣльныхъ духовъ нужно требовать продукты Лозе парфюмера Ландышъ и особенно смотрѣть на мою вѣрную фирму:
Густавъ Лозе, парфюмеръ въ Берлинѣ,
поставщикъ Двора Ея Величества Императрицы Германской Имперіи.
Продается во всѣхъ лучшихъ парфюмерныхъ магазинахъ.

Н О В О С Т Ъ!
ПРИВИЛЕГИРОВАННАЯ
МЕХАНИЧЕСКАЯ БРИТВА.
Покѣпѣшая возможность бриться каждому самому безъ всякой помощи обрѣзаться, въ какомъ бы положеніи не былъ, большой въ постелѣ, въ лежачемъ положеніи, безъ зеркала,—въ совершенной темнотѣ на ходу или въ дорогѣ, правой или лѣвой рукою; гораздо чище, удобнѣе и несравненно скорѣе, чѣмъ нынѣ существующими весьма опасными бритвами. Никакихъ предосторожностей!! Вещь въ высшей степени практичная и полезная.
Покорѣннѣе просимъ публику избѣгать появившихся въ большомъ количествѣ поддѣльныхъ бритвъ и требовать на бритвѣ марку англійскаго фабриканта и русскій государственный гербъ.
Цѣна механической бритвы 3 рубля а съ однимъ запаснымъ ножомъ 4 рубля
ЕДИНСТВЕННОЕ ДЕПО МЕХАНИЧЕСКИХЪ БРИТВЪ ДЛЯ ВСЕЙ РОССІИ
въ магазинѣ швейныхъ машинъ ЛЕОНЪ КАСТИЛЬОНЪ
въ Москвѣ, на Кузнецкомъ мосту, въ д. Фирсанова, противъ аптеки. Заказы гг. иногороднихъ исполняются немедленно. За пересылку благоволятъ высылать 30 к. почтовыми марками. М. № 910

М. МОРГЕНШТЕРНЪ.
Большая Морская, д. Лауферга № 27.
ДЕПО АМЕРИКАНСКИХЪ ШВЕЙНЫХЪ МАШИНЪ
всѣхъ системъ, какъ-то: Зингера отъ 50 до 60 р., Гау 50—60 р., Гровера и Бекера 65—85 р., Виллера и Вильсона 45—75 р., и друг. для семействъ и мастеровскихъ.
Спеціальныя машины для портныхъ, сапожниковъ, сѣдельникъ, каретныхъ и пр. отъ 60—250 р. Лазаньяныя машины новѣйшихъ и лучшихъ конструкцій.
Большой выборъ ручныхъ машинъ всѣхъ системъ Зингера отъ 38 до 45 р., Гау, 30 р. Гровера и Бекера 45—65 р., Гамилтонъ 35—45 руб., Лангольи 28 р., Вашингтонъ 32 р., Лягле, Вандеръ 25 руб., Ренанія 35 р., Эвопресъ 15 р.
Письменная гарантія отъ 2 до 6 лѣтъ. Обученіе въ помещеніи или на дому безплатно; починка машинъ всѣхъ системъ; большой выборъ швейныхъ принадлежностей какъ-то: иглолъ, катушекъ, нитокъ, шелку и пр. по самымъ дешевымъ цѣнамъ. Для гг. иногороднихъ покупателей принимаю ручательство за хорошую доставку машинъ; за упаковку ничего не считается. Машины для складыванія плессы большой форматъ 20 руб. № 581 1

КАРТОНЪ ДЛЯ ПОЛОВЪ
ПОДЪ КОВРЫ
ИЗОЛИРЪ-КАРТОНЪ
(СВИНЕЦЪ)
ДЛЯ ИЗОЛИРОВАНІЯ СЫРОСТИ
РЕКОМЕНДУЕТЪ
ФАБРИКА
АВГУСТЪ НАУМАНЪ И К^о
М. № 895 С.-Петербургъ. Гороховая, ул. д. № 20. 3-2

СПЕЦИАЛЬНОСТЬ!
ФАБРИКА ШВЕДСКИХЪ КОЖАНЫХЪ КУРТОКЪ
ТОРГОВАГО ДОМА
Л. Е. Дмоховскій и Комп.
Адмиралтейская площ., № 10, уг. Вознесенскаго проспекта.
Шведскія куртки на шерстяной и шелковой подкладкѣ, имѣютъ честь рекомендовать гг. военнымъ, охотникамъ, служащимъ на желѣзныхъ дорогахъ, машинистамъ и всѣмъ имѣющимъ необходимость пробывать на открытомъ воздухѣ, какъ предохранительное средство отъ простуды.
ПРОДАЮТСЯ ПО ФАБРИЧНЫМЪ ЦѢНАМЪ.
Гг. иногороднымъ: Письменные объясненія какъ снимать мѣрку высылаются немедленно за приложеніемъ почтовой марки. К. № 913 3-1

К. № 915 7-1

Настоящія американскія швейныя машины Виллера и Вильсона,
съ кривою или прямою иглою.
Ножныя или ручныя, или ручныя и ножныя вмѣстѣ:
а) для семейнаго употребленія, бѣлья, платья и т. п.
б) для ремесленнаго производства: для сапожниковъ, портныхъ, сѣдельниковъ и т. д.
Лучшія нѣмецк. ручныя машины. Машины для плессы и плойки. Американскія вязальныя машины Бикфорда, Тутель и Лямбсъ.
Г. М. ХУТТОНЪ И КОМП.
Малая Морская, № 14, и Невскій пр., № 40.
Москва, Большая Лубянка, домъ Ивановскаго монастыря.
Во время нижегородской ярмарки, въ зданіи каменнаго театра.

ОБЩЕСТВО ВОДОЧНАГО ЗАВОДА БЕКМАНЪ И К^о,
устроило рядомъ со своимъ водочнымъ заводомъ, въ совершенномъ новомъ, исключительно для сего приспособленномъ зданіи и открыло въ январѣ 1880 г.
ЗАВЕДЕНІЕ ИСКУССТВЕННЫХЪ МИНЕРАЛЬНЫХЪ ВОДЪ
подъ тою же фирмою Бекманъ и Ко, въ которомъ приготавливаются также ягодныя и фруктовыя воды, а равно и лимонады.
Коломенской части, Перевозная ул., д. № 6. К. № 883 10-1.

ВСѢХЪ МАШИНЪ И МЕХАНИЧЕСКИХЪ ПРИБОРОВЪ
приготавливаемыхъ въ Германіи, Франціи и Бельгіи, доставляетъ по настоящимъ фабричнымъ цѣнамъ, принимаетъ на себя отраву до послѣдней станціи желѣзной дороги за утѣренную комиссію.
Морицъ Вейль младшій. Машинная фабрика въ Франкфуртѣ на Майнѣ (Германія). Р. № 841 18-5

!!НОВОСТЬ!!
Parfum „Maiglöckchen“.
Чтобы избѣжать поддѣлокъ обращать вниманіе на надписи.
Lohse's Parfum „Maiglöckchen“
ИЗОБРЕТАТЕЛЯ
Gustav Lohse Parfumeur. Berlin.
46 Jägerstrasse.
Поставщикъ Ея Величества Императрицы Германіи. Въ флаконахъ имѣется надпись:
Gustav Lohse. Berlin
и на пробкахъ полная фирма **Gustav Lohse. Berlin.**
Находится во всѣхъ лучшихъ парфюмерныхъ магазинахъ. № 912 6-1

СПЕЦИАЛЬНОСТЬ!
ФАБРИКА ШВЕДСКИХЪ КОЖАНЫХЪ КУРТОКЪ
ТОРГОВАГО ДОМА
Л. Е. Дмоховскій и Комп.
Адмиралтейская площ., № 10, уг. Вознесенскаго проспекта.
Шведскія куртки на шерстяной и шелковой подкладкѣ, имѣютъ честь рекомендовать гг. военнымъ, охотникамъ, служащимъ на желѣзныхъ дорогахъ, машинистамъ и всѣмъ имѣющимъ необходимость пробывать на открытомъ воздухѣ, какъ предохранительное средство отъ простуды.
ПРОДАЮТСЯ ПО ФАБРИЧНЫМЪ ЦѢНАМЪ.
Гг. иногороднымъ: Письменные объясненія какъ снимать мѣрку высылаются немедленно за приложеніемъ почтовой марки. К. № 913 3-1

НИВА

ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ
ЖУРНАЛЪ
ЛИТЕРАТУРЫ

XI годъ
№ 41

голь XI
1880

ПОЛИТИКИ И СОВРЕМЕННОЙ ЖИЗНИ.

ВЫХОДИТЬ ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫМИ №№ ВЪ ДВА ЛИСТА СЪ 8—10 РИС. И ЕЖЕМЕСЯЧН. ДАРОВЫМЪ ПРИЛОЖЕНИЕМЪ „ПАРИЖСКИХЪ МОДЪ“ (отъ 20 до 40 модъ. рис. Выдавъ 11 Октября 1880 г. и ЛИСТА ЧЕРТЕН. ВЫКРОЕКЪ (отъ 22 до 30 рис.) разн. рис. рукод. работъ (отъ 20 до 40 рис.) Цѣна этаго № „Нивы“ 15 к. съ перес. 20 к.

ОБЪЯВЛЕНІЯ
для напечатанія
въ „НИВЪ“ принимаются по 25 к.
за строку непара-
реиль (въ 1/4 шири-
ны страницы).
КОНТОРА
журнала открыта
ежедневно (кроме
Воскресныхъ и
праздничныхъ
дней) отъ 10 ч. утра
до 6 ч. вечера.

Продолжается подписка на „НИВУ“ 1880 г.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА НА ГОДОВОЕ ИЗДАНИЕ „НИВЫ“

Безъ доставки въ Петербургъ	4 р.	Безъ доставки въ Москвѣ черезъ кни. маг. гг. Шапошникова, Соловьева и Лангъ.	5 р.
Съ доставкою	5 р.	Съ пересылкою въ Москву и другіе города Россіи	6 р.

За границу: съ перес. въ Австрію, Германію, Францію, Италію и друг. города 8 руб.

Каждый новый подписчикъ получаетъ все уже вышедшіе въ 1880 г. номера.

ПРИЛОЖЕНІЯ.
Особья приложе-
нія при „НИВЪ“
объявленія отъ
торговыхъ домовъ
принимаются для
иног. по 5 р. съ
тысячи, для город-
скихъ по 4 р.
РУКОПИСИ.
Мелкія рукописи и
стихи неудобныя къ
печати, авторамъ
не возвращаются.

КОНТОРА ЖУРНАЛА „НИВА“ ПОМѢЩАЕТСЯ ВЪ С.-П.-БУРГѢ, НА Б. МОРСКОЙ, ВЪ Д. № 9.

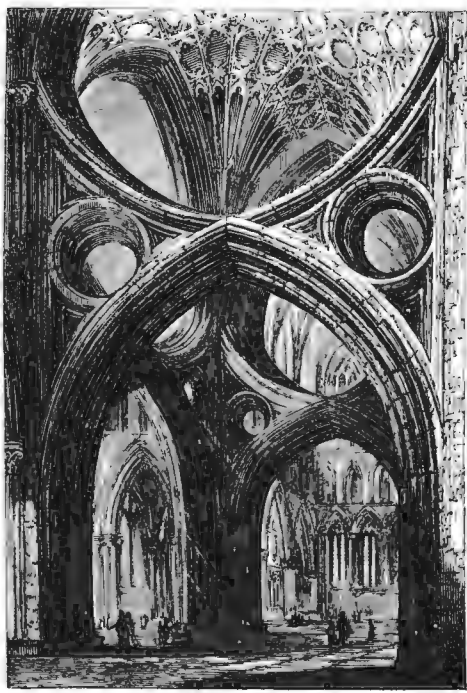
О разсылкѣ премій „Нивы“ на 1880 годъ.

При слѣдующемъ № 42 будутъ разсланы въ картонномъ футлярѣ общанныя гг. ГОДОВЫМЪ подписчикамъ „Нивы“ (получающимъ журналъ черезъ почту) ПРЕМІИ—двѣ печатанныя красками картины съ анварелей придворнаго художника М. Зичи. Содержаніе картинъ взято изъ поэмы М. Ю. Лермонтова „Демонъ“.

- 1) Пляска Тамары.
- 2) Тамара, оплакиваемая родными.

Въ случаѣ неполученія кѣмъ либо при № 42 такого футляра съ преміями, издатель просить увѣдомить о томъ контору журнала немедленно, не позже какъ съ полученіемъ № 43 „Нивы“.

Гг. подписчикамъ, получающимъ журналъ безъ доставки въ Петербургъ или Москвѣ, будутъ выданы эти пре-
міи при № 42 въ той конторѣ или магазинѣ, черезъ которые они получаютъ „Ниву“.

Соборъ въ г. Уэльсѣ въ графствѣ Соммерсетъ въ Англіи. Внутренній видъ. Соборъ въ г. Уэльсѣ въ графствѣ Соммерсетъ въ Англіи. Внутренній видъ. Библиотека „Руниверс“

Уэлльскій соборъ

Красивый, живописно расположенный городъ Уэлльсъ, имѣющій всего до 8,000 жителей—это довольно промышленный, съ фабриками и заводами городокъ—лежитъ въ Сомерсетскомъ графствѣ, въ девятнадцати миляхъ къ юго-западу отъ извѣстнаго пункта морскихъ купаній, Бата (Béth); неподалеку же—въ нѣсколькихъ миляхъ отъ него находится и Глэстонбери, гдѣ нѣкогда высылось аббатство того же имени, и съ которымъ связаны легенды о королѣ Артурѣ и королевѣ Гиневрѣ. Знаменитый историческій Уэлльскій соборъ (изображенный на прилагаемомъ рисункѣ)—по красотѣ своего стиля и своимъ размѣрамъ—одно изъ замѣчательнѣйшихъ зданій этого рода. Онъ, въ особенности, поражаетъ своею массивною величавостю. По преданіямъ, на этомъ самомъ мѣстѣ, еще въ 704 г. стояла Саксонская церковь. Значительнѣйшая же часть зданія, какимъ мы видимъ его въ настоящее время, относится къ эпохѣ Генриха III. Центральная башня, несомнѣнной древности, имѣетъ 178 футъ высоты, а западный фасадъ сохранилъ въ цѣлости

свои скульптурныя украшенія и статуи, въ числѣ которыхъ насчитывается 153 въ натуральную величину и около 500 меньшихъ размѣровъ. Внутренность (см. рисунокъ) храма прекраснаго готическаго стиля (въ этомъ отношеніи соборъ принадлежитъ къ числу самыхъ изящныхъ памятниковъ готики во всемъ королевствѣ) и необыкновенно грандіозна.

Уэлльскій соборъ обладаетъ, между прочимъ, однимъ изъ древнѣйшихъ остатковъ отдаленной старины—гробницей Вессекскаго короля Ина. Меньшіе рисунки изображаютъ, во всемъ великолѣпнѣ ихъ, двѣ главныя внутреннія части собора. Расположенный по близости епископскій дворецъ, по своей роскошной архитектурѣ, составляетъ прекрасное дополнение къ соборному зданію и нисколько не уступаетъ подобнымъ дворцамъ другихъ епархій. Мѣстная епархія, носящая названіе „Батской и Уэлльской“, учреждена еще въ 905 г., въ царствованіе Эдуарда Старшаго. Въ числѣ епископовъ, занимавшихъ каѳедру, стоятъ такія имена какъ архіепископъ Лоудъ и кардиналъ Вольсей.

Лѣсникъ.

Разсказъ.

Б. М. Маркевича.

(Княгиня Софія Михайловна Голицына).

I.

Послѣ трехгодичнаго отсутствія, весной 1873 года, Валентинъ Алексѣевичъ Коверзневъ, пріѣхалъ въ Черниговское имѣніе свое, Темный Кутъ.

Валентину Алексѣевичу было въ ту пору 36 лѣтъ; онъ былъ богатъ, здоровъ и независимъ какъ птица въ небѣ,—если только допустить, что человекъ вообще, и русскій въ особенности, способенъ быть независимымъ въ этой мѣрѣ...

Во всякомъ случаѣ, условія жизни его и воспитанія и его личныя свойства весьма способствовали этой независимости—составлявшей (онъ любилъ это говорить иногда) „и задачу, и сущность его существованія“.

Онъ былъ внукъ по матери одного изъ извѣстныхъ Екатерининскихъ любимцевъ, жалованнаго огромными помѣстьями на югѣ Россіи; дѣтство Коверзнева—его воспитывалъ, безо всякаго вмѣшательства и контроля со стороны его родныхъ, прямой, жесткій и отважный характеромъ англичанинъ, mister Joshua Fox—протекло частью за границей, въ Швейцаріи или Римѣ, частью въ Россіи, въ Москвѣ, въ Екатеринославскомъ имѣніи, или въ Темномъ Кутѣ, въ безбрежныхъ лѣсахъ котораго пропадалъ онъ на цѣлыя дни со своимъ наставникомъ, страстнымъ любителемъ охоты. На семнадцатомъ году онъ поступилъ въ Петербургскій университетъ на историко-филологическій факультетъ.

Онъ кончилъ тамъ курсъ когда почти одновременно лишился отца своего и матери. Двадцати лѣтъ отъ роду онъ остался одинъ, во главѣ состоянія тысячъ во сто доходу.

Эта пора его первой молодости совпала со временемъ небывалаго до тѣхъ дней возбужденія русскаго общества. Какъ птицы на зарѣ свѣтлаго дня, встрепенулись въ тѣ дни сердца, закипѣла мысль, загремѣли хоры молодыхъ, звонкихъ, часто нестройныхъ, почти всегда искреннихъ въ своемъ увлеченіи, голосовъ.

Коверзневъ остался какъ бы въ сторонѣ отъ этого возбужденія. Строже говоря, оно затронуло его не съ той стороны, съ которой отзывалось на него большинство его одолѣтчиковъ... Недаромъ воспитанъ онъ былъ англичаниномъ,—чистокровнымъ англичаниномъ—реалистомъ. Ему претило все что отзывалось, или казалось ему „фразою“—„абстрактномъ и сентиментальною теорією“, какъ выражался онъ. Онъ искренно былъ радъ, что наследованные имъ пять или шесть тысячъ душъ крестьянъ перестаютъ быть его крѣпостными—онъ даже отвелъ имъ надѣлы съ неожиданною для нихъ щедростю,—но „гражданское воспитаніе“ этого освобож-

деннаго народа,—о чемъ такъ много горячихъ толковъ и юношескаго гама было въ тѣ времена—нисколько не озабочивало его. „Имъ все дано, чтобы сдѣлаться людьми; хотятъ—будутъ, а не хотятъ—ихъ дѣло, съ какою то напускною, нерусскою холодностью говорилъ воспитанникъ мистера Фокса. Во всемъ этомъ великомъ дѣлѣ обновленія Россіи для него важнѣе всего было то, что самъ онъ, Валентинъ Коверзневъ, „переставалъ быть крѣпостнымъ“, что прежніе пути традицій, обычая, „условныхъ обязанностей“, связывавшіе до тѣхъ поръ людей „его положенія“, распались теперь сами собой, силою всѣхъ этихъ „либеральныхъ“ реформъ, что никто теперь не станетъ принуждать его сдѣлаться конногвардейцемъ и камеръ-юнкеромъ, не „запряжетъ его въ службу“. Это понятіе *службы* Коверзневъ ненавидѣлъ чисто англійскою ненавистью: съ нимъ въ его мысли—вѣрнѣе, въ его инстинктѣ—соединялось неизбѣжно понятіе о ярмѣ, о лжи и приниженіи человѣческаго достоинства, „необходимыхъ послѣдствійхъ подначала“. Чему-бы тамъ ни служить, доказывалъ онъ, какъ бы это ни называть и во имя чего бы это ни дѣлать, а разъ *слуга*—ты уже не человекъ, а *рабъ*“.

Въ силу такихъ своеобразныхъ убѣжденій, Коверзневъ, сдавъ свой послѣдній экзаменъ, уѣхалъ за границу. На первый разъ онъ пробылъ тамъ пять лѣтъ.—вернулся, опять уѣхалъ... Такъ прошли многіе годы, такъ жилъ онъ и до сихъ поръ. Постоянная перемѣна мѣстъ, новыя лица, новыя впечатлѣнія, сдѣлались потребностью его существованія. Онъ то охотился на бизонъ въ американскихъ саваннахъ, или ходилъ облавою на тигровъ въ Индіи, то присматривался къ морю, плылъ на своей яхтѣ изъ Лондона въ Египетъ, на Мадеру. Изрѣдка, всегда неожиданно, возвращался онъ въ Россію, оставаясь какъ можно менѣе въ Петербургѣ, гдѣ, онъ уже зналъ по опыту, ему, какъ богатому жениху, въ свою очередь предстояла роль звѣря, на котораго неудержимою облавою пойдетъ вся стая великосвѣтскихъ маменекъ и дочекъ...

II.

Такъ же неожиданно пріѣхалъ онъ и въ Темный Кутъ. Софронъ Артемьичъ Барабашъ, управляющій его, родомъ изъ малороссійскихъ казаковъ, но, какъ выражался онъ, „получившій свое образованіе въ Москвѣ“, гдѣ онъ, дѣйствительно, выучившись читать, писать и считать, провелъ юность свою писцомъ въ состоявшей, при матери Коверзнева, ея московской „главной контролѣ“, былъ смысленный малый, который какимъ-то верх-

нимъ чутьемъ угадывалъ „ндравъ“ барина и „попадалъ въ точку“ его вкусовъ. Онъ встрѣтилъ его, будто вчера съ нимъ разстался, безъ аханья и суеты, ниже малѣйшаго изъявленія удивленія или радости... Коверзневъ былъ очень этимъ доволенъ и—такъ какъ онъ прѣхалъ поздно и усталъ отъ путешествія, въ какой-то скверной таратайкѣ, добытой имъ на станціи ближайшей желѣзной дороги, и въ которой пришлось ему проѣхать 70 верстъ по отвратительной, размытой осенними дождями дорогѣ—августъ былъ на исходѣ—тотчасъ же улегся спать.

Ночью прибылъ съ чемоданами его камердинеръ, итальянецъ, говорящій на всевозможныхъ языкахъ и, первымъ дѣломъ, вынувъ изъ ящика ружья Коверзнева, собралъ ихъ, прочистилъ, и оставилъ, со всѣмъ принадлежащимъ къ нимъ охотничьимъ приборомъ, на столахъ, у стѣны, въ комнатѣ, сосѣдней съ спальнею.

Коверзневъ, просыпавшійся всегда самъ, и къ которому никто никогда не смѣлъ входить безъ зова, поднялся на другой день чуть не съ зарею, совершилъ свои омовеніе и туалетъ, прошелъ въ слѣдующую комнату и почти машинально перебросивъ черезъ плечо ружье и патронташъ, направился черезъ заросшій садъ въ прилегавшую къ нему основную рошу.

Роша эта была саженая—и не далѣе какъ лѣтъ сорокъ назадъ. Коверзневъ помнилъ еще въ дѣтствѣ ея невысокіе, тонкіе стволы, тѣсными и стройными рядами тянувшіеся въ вышину. Все такъ же тонки и стройны стояли они и теперь въ своей тѣснотѣ, лишь на пятисаженной высотѣ начиная раскидывать кругомъ темно-иглистые кисти своихъ суковатыхъ вѣтвей. Кое гдѣ, между соснами, такая же безупречно прямая, будто въ догонку имъ тянулася молодая береза—и еще робкіе лучи выходящаго осенняго солнца весело переливались по ихъ красной и бѣлой корѣ... Коверзневъ остановился, залюбовавшись невольно; „не то пальмовый лѣсъ, проносилось въ его головѣ, не то тѣ тысячи колоннъ Кордуанскаго собора,—тѣ же пальмы, перенесенныя арабами въ архитектуру“...

Онъ прошелъ далѣе, прижмуриваясь и вздрагивая слегка плечами, подъ здоровымъ ощущеніемъ легкаго утренняго холода, и изрѣдка улыбаясь какою-то умильною улыбкою, подъ наплывомъ воспоминаній отрочества, которыя на каждомъ шагу вызвали въ немъ эти мѣста... За рошей начинались его лѣса, версты на сто въ окружности. Тамъ когда-то проводили они цѣлыя недѣли съ Фоксомъ. Во время оно, онъ зналъ тутъ каждое урочище, каждую тропинку и каждый оврагъ...

„Тутъ ближе всего на Дерюгино“, сказалъ себѣ Коверзневъ—тамъ козы водились *тогда*. И онъ повернулъ направо.

Въ разрѣженномъ воздухѣ утра до него явственно донесся голосъ:

— Это должно понимать, потому какъ вы вновѣ...

Коверзневъ повернулъ голову.

Въ нѣсколькихъ шагахъ отъ дороги, спиною къ нему, въ сѣрой широкобортной шляпѣ и синихъ очкахъ на носу, стоялъ Софронъ Артемьичъ Барабашъ, похлопывая себя по рукѣ парю перчатокъ, которую онъ считалъ долгомъ неукоснительно держать при себѣ „для форсу“, но едва ли когда въ жизни вдѣвалъ на пальцы...

— Потому какъ вы вновѣ, повторилъ онъ еще отчетливѣе, какъ бы смакуя этотъ чисто русскій оборотъ рѣчи. (Говоритъ чисто московскимъ говоромъ, вклеивая при этомъ самымъ невозможнымъ образомъ первыя попадавшіяся ему на языкъ иностранныя словечки, вычитываемыя имъ въ газетахъ, составляло величайшую претензію Софрона Артемьича);—тутъ-съ, можно сказать, мужикъ коварный; сорвать съ хозяина лишнее—это то есть у него разлюбознѣйшее дѣло. И завсегда его понимать надо. Потому сами знаете, для чего же ему лишнее, а намъ убытокъ? Это вѣдь ужъ до тонкости

дойдено: двадцать пять корней на срубъ—за глаза ему!

Тотъ, которому читалась эта нотація, стоялъ передъ управляющимъ, подъ деревомъ, съ непокрытой головой, жмурясь отъ солнца, ярко освѣщавшаго его плотную фигуру, щетиныстые усы на выбритомъ, кругломъ лицѣ, и темные глаза подъ такими же круглыми, рѣзко очерченными бровями. Ему было, повидимому, лѣтъ подъ сорокъ. Легкая просѣдъ серебрилась въ густыхъ волосахъ, подчесанныхъ, по военному, къ височкамъ. Онъ былъ въ смазныхъ сапогахъ, грубой, посконной, но чистой рубахѣ и крестьянскомъ неказистомъ кафтанѣ, подпоясанномъ ремнемъ. Но на крестьянина онъ не похожъ; Коверзневъ, еще на ходу, замѣтилъ его мужественную выправку и внимательное, нѣсколько печальное, выраженіе его глазъ, словно прикованныхъ къ синимъ очкамъ управляющаго. Въ опущенной рукѣ держалъ онъ фуражку съ военнымъ околышемъ,—и не солдатскую, а съ козырькомъ.

— Онъ на это говоритъ, слышался его голосъ въ отвѣтъ наставленію Софрона Артемьича.—онъ говоритъ что ему на *столь* и *мостъ* не хватитъ...

Господинъ Барабашъ подтянулъ очки на лобъ, какъ бы для того, чтобы удобнѣе выразить всѣмъ лицомъ своимъ презрительную улыбку:

— На „столь“ и „мостъ“! повторилъ онъ:—это они здѣсь, по невѣжеству своему, замѣсто, какъ по грамматикѣ *сидоваетъ* сказать, *потолокъ*, значить, и *накатъ*. Такъ на это опять вы должны...

Но въ эту минуту онъ, какъ бы нечаянно обернувшись, очутился—какъ бы нечаянно опять—на параллели медленно подвигавшагося по дорогѣ барива (зоркій управляющій еще издали, давно запримѣтилъ его). Онъ опустилъ опять очки на носъ и замолкъ, неторопливо снявъ, и тотчасъ же надѣвъ на голову шляпу.

— Накройтесь! покровительственно сказалъ онъ при этомъ своему собесѣднику, чуть-чуть кивнувъ на Коверзнева:—они этаго не любятъ! (самъ онъ *это* очень любилъ).

Тотъ надѣлъ фуражку и, давъ на каблукахъ полуоборота влѣво, очутился тоже на параллели Коверзнева, съ опущенными, по фрунтовому, внизъ руками и недвижно обращеннымъ на него взглядомъ.

Валентинъ Алексѣичъ приподнялъ шляпу—и покоился слегка на незнакомое лице...

— Въ Дерюгино изволите? промолвилъ искательно Софронъ Артемьичъ, не трогаясь впрочемъ съ мѣста.

— Да... Коверзневъ приостановился на мигъ.—Не знаете, не перевелись тамъ еще козы?

— Барабашъ вышелъ къ нему на дорогу:

— Вѣрно сказать вамъ не могу-съ, потому какъ самъ къ охотѣ пристрастія не имѣючи... А впрочемъ это сейчасъ узнать можно-съ... Капитанъ! крикнулъ онъ, не оборачиваясь.

Зовомый этой кличкою человѣкъ, двумя быстрыми, гимнастическими шагами проскочилъ разстояніе, отдѣлявшее его отъ разговаривавшихъ.

Софронъ Артемьичъ повторилъ ему вопросъ барина.

— Не видать-съ. По Дерюгину теперь рубка пошла; звѣрь это робкій, пугливъ... Въ Сотниково, должно полагать, коли и не совсѣмъ въ казенную пуцу, перебрались. За Крусановской межей я, дѣйствительно, большаго козла...

Онъ вдругъ оборвалъ, какъ бы испугавшись своихъ лишнихъ противу того что его спрашивали словъ.

— Убили? досказалъ Коверзневъ.

„Какъ-же бы я осмѣлился!“ прочелъ онъ въ недоумѣломъ взглядѣ, полученномъ имъ въ отвѣтъ.

— Нѣтъ-съ, я... ходилъ—яму отыскивалъ...

— Еще вновѣ здѣсь, а очень попятливы на счетъ границъ, поощрительно сказалъ на это управляющій?

Валентинъ Алексѣичъ еще разъ приподнялъ шляпу и двинулся съ мѣста, приглашая взглядомъ Барабаша идти за нимъ.

— Кто это? спросил онъ, отойдя шаговъ сорокъ.

— А это у меня— съ Покрова взялъ— лѣсникъ по Дерюгину и Крусанову.

— Вы его, мнѣ послышалось, „капитаномъ“ называли?

Софронъ Артемьичъ ухмыльнулся:

— Точно такъ-съ! Онъ и есть капитанъ настоящей.

— Что же это значитъ: „настоящій“? спросилъ Коверзневъ, не совсѣмъ понявъ.

— Въ полку, то есть это значитъ, ротой командоваль, въ инфантерій-съ, Валентинъ Алексѣичъ, снисходительно объяснилъ господинъ Барабашъ. „Ничего-то онъ это настоящего про русское не знаетъ!“ говорилъ онъ себѣ презрительно въ это время про барина.

— И онъ къ вамъ простымъ лѣсникомъ поступилъ?.. На какое жалованье?

— Пять въ мѣсяць-съ. Служилъ онъ тутъ въ Чепуровѣ, прикащикомъ у графа Клейнгельма. Отшель. Такъ я его по началу на испытаніе взялъ-съ...

— Анапрежнемъ мѣстѣ сколько онъ получалъ?

— Говорятъ, двадцать пять. И такъ, вѣрно должно быть, потому неджегъ никогда чело-вѣкъ.

— Странно! сказалъ Коверзневъ.

Софронъ Артемьичъ кашлянулъ— для чего предварительно прикрылъ себѣ ротъ рукою— передернулъ очки свои и уже съ нѣкоторою таинственностью:

— Грѣшнокъ

Академикъ Ю. Ю. Млевскій. Съ фотогр. рис. Вухбиндеръ, грав. Пуцъ

Соборъ въ городѣ Уэльсѣ въ графствѣ Сомерсетъ въ Англіи. Наружный видъ.

за нимъ нѣкоторый есть, пропенталь онъ.

— Какой грѣшнокъ?

— На счетъ того-съ, меланхолически вздохнулъ Софронъ Артемьичъ и легонько щелкнулъ пальцемъ по отложному воротничку своей по модѣ спитой сорочки.

— А!..

Настало нѣкоторое молчаніе. Коверзневъ шелъ теперь бодримъ, широкимъ шагомъ чело-вѣка, выходявшаго грѣшкомъ чуть не весь дальній Востокъ Америки. Изнѣженный правитель Темнаго Кута едва посмѣивалъ за нимъ.

— Человѣкъ съ правиломъ, Валентинъ Алексѣичъ, заговорилъ онъ опять, какъ бы извиняясь,—и въ Чепуровѣ репутацію себѣ настоящую заслужилъ, потому, окромя этой слабости, ни въ какой морали не замѣченъ; чистъ чело-вѣкъ, честнѣющій. А въ полку даже очень о немъ жалѣють-съ, потому ихъ

полежь стоялъ тутъ, въ Стародубѣ, и многіе даже у меня офицеры очень знакомые,—первый онъ, повѣрители, нѣтъ-ли, у нихъ по полку считался; на счетъ то-исъ фрунта и поведенія твердый, даже от-вращеніе къ вину имѣлъ... И, можетъ, даже теперь самъ бы полкомъ командоваль,—только случилась тутъ у него одна манифестация..

— Что такое?

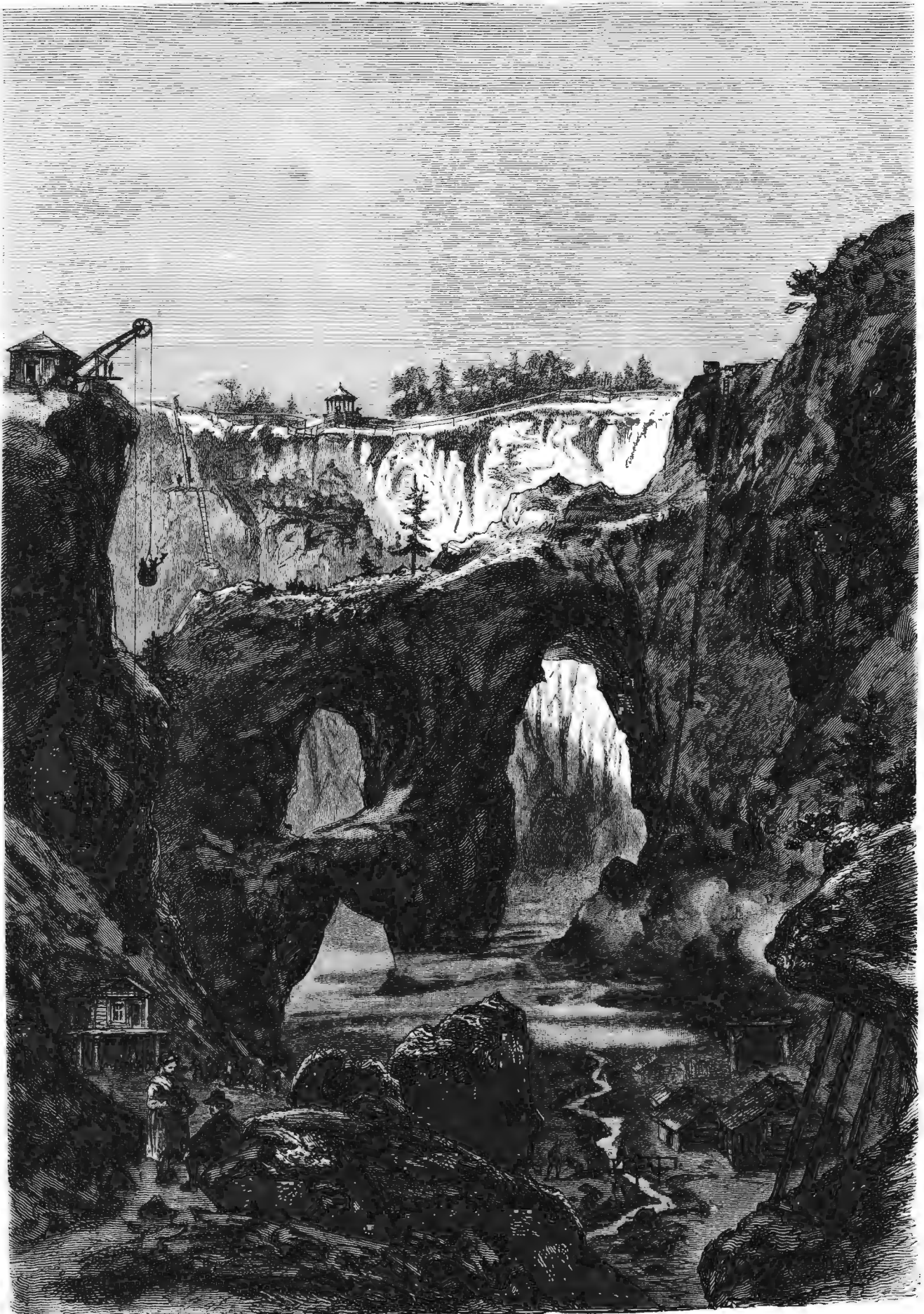
Софронъ Артемьичъ самодовольно улыбался.

— Большая неприятность у него вышла, объяснилъ онъ.

— Да-а!..

Такъ въ чемъ же состояла эта неприятность?

— Жена у

Данноморонія желѣзные руды, въ Швеціи, близъ гор. Упсала. По фотогр. грав. Шореръ.

него была, молодая, изъ полекъ-съ—и за этимъ словомъ господинъ Барабашъ цѣломудренно опустилъ очп, —и, поистинѣ сказать,—самая нестоющая женщина!.. Только онъ къ ней слишкомъ уже большую страсть питалъ, даже, можно сказать, очень глупо съ его стороны. Потому она наконецъ и вовсе покинула его, скрылась... Искалъ онъ ее, ѣздилъ, изъ полка вышелъ изъ за этого самаго,—нѣтъ, такъ и пропала, потому, говорятъ, панъ одинъ изъ Витебской губерніи за границу ее съ собой увезъ... Тутъ онъ съ горя и...

— Какъ водится, по русски! процѣдилъ сквозъ зубы Коверзневъ, глядя прищуренными глазами вдаль.

— А такъ точно-съ! подтвердилъ управляющій:— все съ себя до чиста спустилъ; теперь въ мужицкомъ кафтанишкѣ ходитъ, изволили видѣть.

— Вы имъ довольны? послѣ новаго молчанія спросилъ Валентинъ Алексѣичъ.

— Что дальше Богъ дастъ, а теперича окромѣ хорошаго, ничега дурнаго не могу сказать. Лѣсникъ настоящій, солидный. Теперь къ нему въ лѣсъ ни одна душа съ топоромъ не вѣдетъ,—потому у него по военному, *дисциплина*...

— Ну, а „слабость“—же его какъ?

— По всей истинѣ доложу вамъ, я какъ на это строгъ, и онъ, какъ и прочіе служащіе, это знаетъ, только я въ бытность его у меня здѣсь, разъ всего замѣтилъ: постомъ дѣло было. Забылся онъ въ свою сторожку и три дня не выходилъ...

Они тѣмъ временемъ доходили до Дерюгина; ласково помавали вершинами его старыя дубы подъ рѣзвымъ утреннимъ вѣтромъ. Коверзневъ остановился еще разъ:

— Такъ вотъ что: скажите этому вашему капитану, чтобъ онъ взялъ съ собой Дениса... Что, живъ онъ еще?

— Денисъ егеръ! Помилуйте-съ, въ здравіи пребываетъ! Изъ чего у насъ людямъ умирать! даже позволилъ себѣ хихикнуть по этому случаю „солидный“ г-нъ Барабашъ.

— Такъ чтобы они вмѣстѣ отправились на Ситниково, и отъ Мижужева до Крусановской межи, выслѣдили съ точностью, не перебрались ли и дѣйствительно козы въ казенную пушу. Досадно было бы! Если-жъ нѣтъ, я на дняхъ соберусь на нихъ... Народу, въ такомъ случаѣ, дезольно чтобы было, *кликунуть*...

— Слушаю-съ. Не прикажете-ли... Хотѣлъ было еще спросить управляющій...

Но баринъ уже исчезъ въ чащѣ лѣса.

III.

Коверзневъ явился домой уже къ вечеру, съ ягташемъ полнымъ дичи и порванною въ чащѣ куртку. Онъ прошагалъ въ этотъ день верстъ тридцать, не чувствуя ни усталости, ни голода—или, вѣрнѣе, пересиливая въ себѣ то и другое, и, какъ всегда, самоуслаждаая эту „обѣдою воли надъ физическою природой“. Онъ пообѣдалъ дома, при свѣчахъ, выпилъ полбутылку портвейна, и тотчасъ вслѣдъ за обѣдомъ занялся разборомъ одного изъ нѣсколькихъ толстыхъ портфелей, привезенныхъ имъ въ Темный Куть. Слово *India* выгравировано было на мѣдной дощечкѣ надъ замкомъ этаго портфеля; въ немъ заключались всякія бумаги, относившіяся ко времени пребыванія Коверзнева въ этой странѣ, и дневникъ, веденный имъ тамъ въ продолженіе двухъ лѣтъ этаго пребыванія. Ему давно хотѣлось пересмотрѣть свои эти записки и привести въ порядокъ, съ цѣлью издать ихъ на французскомъ, или скорѣе еще на англійскомъ языкѣ, на которомъ, главнымъ образомъ, и ведены были онѣ. „По-русски кто ихъ читать станетъ!“ разсудилъ онъ давно... Съ этою цѣлью онъ собственно и пріѣхалъ въ Темный Куть, гдѣ полнѣйшее уединеніе и тишина обезпечены были ему „вѣрнѣе чѣмъ въ какихъ нибудь развалинахъ Мемфиса“...

Этотъ трудъ такъ занялъ его, что онъ ни на другой ни въ послѣдующіе дни не ходилъ на охоту, а писалъ весь день въ компатѣ, съ закрытыми съ утра ставнями—нѣ никогда иначе не принимался за перо—при свѣтѣ двухъ спермацетовыхъ свѣчъ подъ темнымъ абажуромъ. Привычки его были извѣстны и, кромѣ слуги его итальянца,—готовившаго ему и обѣдать, и какъ-то изловчавшагося подавать этотъ обѣдъ горячимъ въ какіе-бы необычные часы ни потребовалъ его Коверзневъ,—ни единая душа въ Темномъ Кутѣ и не пыталась проникнуть къ нему.

На четвертый день онъ проснулся съ нѣсколько тяжелой головой, отворилъ свои ставни и окна... Утро стояло великолѣпное и по лазуревому небу ходили облака, игра которыхъ ни въ какой странѣ міра не казалась почему-то Валентину Алексѣичу, такую красивою и разнообразною, какъ въ родной сторонѣ.

Онъ оперся локтями на подоконникъ и сталъ глядѣть...

Облака подымались какъ горы, одна другой выше, съ снѣговыми вершинами и свѣтлыми озерами, омывающими ихъ темныя подножья; зубчатая башня висѣла надъ пропастью, драконъ съ чешуйчатымъ хребтомъ тянулся, разбѣвая все шире и шире бездонную пасть...

— А тамъ будто какое-то стадо готовится свергнуться внизъ, говорилъ самъ себѣ Коверзневъ невольно улыбаясь...

Фантастическое стадо напомнило ему козъ, на которыхъ собирался онъ охотиться въ Сотниковѣ. Онъ отошелъ отъ окна, позвонилъ, и вышедшему на звонъ итальянцу приказалъ позвать Барабаша.

Господинъ Барабашъ вошелъ съ замѣтно возбужденнымъ выраженіемъ въ поступи и лицѣ. Очки его были подняты на лобъ, что для подчиненныхъ его всегда служило признакомъ ближайшей распеканціи.

Коверзневъ, при видѣ этихъ поднятыхъ очковъ, почувалъ, въ свою очередь, что управляющаго его постигла, должно быть, какая нибудь неожиданная „манifestация“...

Дѣло съ первыхъ словъ объяснилось.

Приказанія Валентина Алексѣича не могли быть исполнены до сихъ поръ. Денисъ, егеръ, зашибъ себѣ ногу и встать не можетъ,—а капитанъ лежитъ третій день въ лѣсу, въ своей сторожкѣ, „не въ своемъ видѣ“, и „волкомъ воетъ“. Сафронъ Артемьичъ послалъ къ нему сначала своего конторщика, а затѣмъ собственной особой отправился на увѣщаніе его, но встрѣченъ былъ самъ такими ругательствами, что, „какъ Валентину Алексѣевичу угодно, а онъ даже безъ всякой *иллюзии* не въ силахъ этого вытерпѣть“.

— И какой онъ себѣ ни будь капитанъ, говорилъ уже съ азартомъ оскорбленный управляющій, а какъ и его, могу сказать, изъ грязи вытащилъ, потому человекъ до того опустилъ себя, что даже угла себѣ не имѣлъ, подъ заборами валялся, такъ, что даже его къ себѣ на квартиру никто цуцать не хотѣлъ, когда изъ Чекурова выгнали его за самое за это...

Потокомъ лились теперь всѣ эти пункты обвиненія изъ разгнѣванныхъ устъ Сафрона Артемьича, совершенно позабывшаго какъ три дня назадъ рекомендовалъ онъ барину капитана „человѣкомъ съ правиломъ“.

Коверзневъ слушалъ его молча и внимательно.

— Вы его взяли, вы вольны его и отпустить, если онъ оказывается негоднымъ, сказалъ онъ,—но вы мнѣ, кажется, говорили, что онъ „солидный“, усердный и совершенно „чистый“ человекъ?

— Это точно, согласился сконфуженный Сафронъ Артемьичъ,—а только какъ вамъ угодно...

— И говорили еще, не далъ ему продолжать Валентинъ Алексѣичъ,—что съ тѣхъ поръ какъ онъ къ вамъ поступилъ, вы его въ слабости замѣтили всего одинъ разъ?

— Разъ, постомъ, справедливо-съ... Такъ вѣдь тогда онъ смиренъ лежалъ, поспѣшилъ возразить управляющій, замѣчая по тону барина, что онъ какъ бы стоитъ на сторонѣ его обидчика,—а теперича онъ, какъ звѣрь какой, даже безъ всякой *линии* можно, сказать... Мнѣ что-же-съ, примолвилъ Барабашъ,—въ нашей должности, извѣстно, каждый часъ долженъ ждать себѣ неприятностей, особенно когда въ тебѣ совѣсть... А только собственно что я, какъ преданный слуга вамъ и съ измальства еще маменькѣ вашей служилъ, что онѣ благодѣтельницами мнѣ, можно сказать были,—такъ, какъ вамъ угодно, Валентинъ Алексѣичъ, а такихъ словъ про васъ, какъ моего довѣрителя, никогда терпѣть не могу-съ!..

Валентинъ Алексѣичъ улыбался — все яснѣе ему припоминалась въ эту минуту мужественная фигура капитана, безъ шапки, жмурящагося отъ солнца передъ этимъ „преданнымъ слугою“ въ синихъ очкахъ...

— Оказывается, что и мнѣ при сей оказіи досталось? сказалъ онъ.—За что-же?

Невозмутимость барина глубоко огорчила Софрона Артемьича:

— Какъ вамъ будетъ угодно, Валентинъ Алексѣичъ, заговорилъ онъ съ новымъ раздраженіемъ, — а только когда я ему на беспорядонныя его, можно сказать, слова, говорю, по своей должности, что я не по своей волѣ, а барское приказаніе исполняю, чтобы онъ тотчасъ-же въ Сотниково шелъ насчетъ козъ, такъ онъ даже дозволил себѣ такое *неглижа*, что „я молъ на твоего барина пле...вать хочу, договорилъ, уже словно давясь отъ мерзости этихъ словъ, управляющій.

— Да, это неглижа, дѣйствительно очень откровенное! проговорилъ на этотъ разъ Коверзневъ такимъ серьезнымъ тономъ, что чуткій Софронъ Артемьичъ поймался на него—и просіялъ душою.

— У меня свидѣтели есть, Валентинъ Алексѣичъ: какъ со мною былъ Спиридонъ Ивановичъ и Асиклитъ сторожъ, такъ всегда можно его къ мировому представить, поспѣшно проговорилъ онъ.

Но весьма неожиданно для него, Валентинъ Алексѣичъ на предложеніе это отвѣчалъ ему слѣдующимъ вопросомъ:

— Не извѣстно-ли вамъ, по какому случаю вздумалось такъ, вдругъ, вашему капитану напиться—и одинъ онъ при эгомъ пилъ, или съ кѣмъ нибудь?..

Изъ сообщеннаго затѣмъ Софрономъ Артемьичемъ оказалось, что онъ тогда-же, получивъ приказъ барина „насчетъ козъ“, передалъ его капитану, и тотъ съ мѣста тронулся было идти въ Крусановъ. Но управляющій пригласилъ его зайти съ нимъ предварительно въ контору, „забрать“ Дениса—и письмо, полученное наканунѣ въ Трубчевскѣ, на почтѣ, на его, капитана, имя. Такъ они тутъ вдвоемъ и пришли въ усадьбу. Денисъ былъ на селѣ, гдѣ онъ новую избу себѣ ставилъ. Софронъ Артемьичъ послалъ за нимъ, а капитанъ получилъ письмо свое, и съ нимъ сейчасъ и ушелъ. Посланный къ Денису вернулся часа черезъ три, съ извѣстіемъ, что старику пришибло бревномъ колѣно и что онъ двинуться не можетъ. Тогда Софронъ Артемьичъ послалъ конторщика верхомъ въ Дерюгино, найти капитана и сказать ему, чтобы онъ Дениса не ждалъ. Конторщикъ проѣзжалъ мимо его сторожки, услышалъ, что кто-то „рычитъ“, —слѣзъ и вошелъ; глядитъ:—сидитъ на землѣ капитанъ, пустой передъ нимъ штофъ, а самъ онъ, „обѣими руками за голову взявшись, ревя реветъ.“ Конторщикъ даже испугался и поспежалъ назадъ донести управляющему,—послѣ чего тотъ и отправился туда самъ, и „долженъ былъ выслушать тѣ слова, опосля которыхъ онъ, не желая дать замарать свою честь, какъ угодно Валентину Алексѣичу, а будетъ требовать, для впримѣра прочимъ, чтобы того *мерзавца* судья непременно засадилъ...“

Коверзневъ все время слушалъ, обернувшись лицомъ

къ окну и глядя на облака, на синіе просвѣты неба, сившаго сквозь ихъ капризно-мѣнявшіяся очертанія...

— Вотъ что, сказалъ онъ, когда тотъ кончилъ,—позовите вы его ко мнѣ!

— Кого это съ? озадаченно спросилъ управляющій.

— Капитана.

— Помилуйте, Валентинъ Алексѣичъ, да онъ по сю пору не въ своемъ видѣ,—какъ это учитель у васъ французъ, когда вы маленькіе были, мусье Ляфишъ, говорилъ:—*кошонъ кошономъ* въ грязи лежитъ-съ и по сей часъ въ своей сторожкѣ.

— Ну, такъ когда онъ „въ свой видъ“ придетъ.

— Слушаю-съ! по нѣкоторомъ молчаніи, выговорилъ Софронъ Артемьичъ, заключивъ изъ выраженія лица барина, что онъ не допуститъ позраженій.

IV.

На другой день утромъ, Коверзневъ просматривалъ у себя конторскія книги, когда его итальянецъ, которому предварительно отдано было имъ на это приказаніе—вошелъ съ докладомъ, что „l'uomo detto“ (означенный человѣкъ) ждетъ въ передней.

— Просите его сюда.

Дверь открылась на половину, и въ образовавшееся узкое отверстіе, бочкомъ проскользнуло плотное туловище капитана— и тутъ-же остановилось у этой, поспѣшно замкнутой имъ за собою, двери.

Коверзневъ поднялъ глаза. Капитанъ отвѣсилъ ему почтительный поклонъ.

Онъ глядѣлъ на него спокойно и прямо,—все съ тѣмъ-же, очевидно привычнымъ ему, печальнымъ выраженіемъ лица, которое замѣтилъ Валентинъ Алексѣичъ при первой встрѣчѣ съ нимъ. Только лицо это теперь какъ бы поопухло, и глаза были мутны. Но онъ, видимо, приложилъ все стараніе привести себя въ должный порядокъ: приглаженные къ вискамъ волосы еще лоснились отъ обливавшей ихъ воды, вѣникъ замѣтно тщательно прошелъ по его бѣдной, очень бѣдной, но аккуратно заплатанной крестьянской одеждѣ; огромныя, мускулистыя руки, будто бы два красно-сизыя пятна, скрещавшіяся надъ фуражкой, которую держалъ онъ передъ собою,—были чисто вымыты...

— Садитесь! отвѣчая на его поклонъ, сказалъ Коверзневъ.

Тотъ, какъ бы бессознательно, качнулся впередъ,—но не двинулся далѣе.

— Садитесь, прошу васъ, повторилъ Валентинъ Алексѣичъ мягкимъ, но настойчивымъ голосомъ, указывая рукой на стулъ, у противоположной его собственному креслу стороны стариннаго письменнаго стола, съ изящною бронзовою отдѣлкой, за которымъ занимался онъ.

Капитанъ такъ неслышно подошелъ къ указываемому мѣсту, что Коверзневъ невольно обратилъ на это вниманіе:

— На немъ сапоги есть, и онъ ихъ даже только что дегтемъ смазалъ, подумалъ онъ,—но подошвы подъ ними—сомнительны!.. И его охватило вдругъ безконечное чувство жалости къ этому человѣку, такъ глубоко „опустившему себя“, какъ выражался господинъ Барабашъ.

Онъ неотступно слѣдилъ за нимъ взглядомъ, пока наконецъ капитанъ не рѣшился сѣсть на кончикъ указаннаго ему стула.

Но, когда онъ сѣлъ, съ опущенными глазами и судорожно комкая фуражку въ своихъ огромныхъ ручищахъ, Коверзневу на мигъ самому сдѣлалось неприятно:—я будто судить его собираюсь“, пронеслось у него въ мысли...

Онъ сталъ шумно перелистывать широкіе листы лежавшей передъ нимъ расчетной тетради.

— У васъ неприятности вышли съ управляющимъ? сказалъ онъ, пересиливъ себя.

— Винавать! отвѣчено было на это такъ тихо, что онъ переспросилъ.

— Виновать-съ! повторилъ капитанъ.

— Не были ли вы вызваны на... на эту ссору какими-нибудь словами Барабаша, которые вы почли для себя обидными? какъ бы поспѣшилъ Коверзневъ ссудить его доводомъ къ своему оправданію.

Плечи капитана дрогнули. Понятое имъ намѣреніе— а главное, тонъ, такъ давно не слышанный имъ, добрый, участливый тонъ этихъ словъ...

— Я и не помню даже что говорили *они* мнѣ, отвѣтилъ онъ со странною улыбкою: „какое ужъ мнѣ оправданіе!“ будто говорила эта улыбка.

Въ пониженныхъ глазахъ его пробѣжала искра, какъ бы отъ нахлынувшего на него новаго, ѣдкаго, нестерпимаго чувства...

— Я несчастный человѣкъ, Валентинъ Алексѣичъ! нежданно проговорилъ онъ, внезапнымъ движеніемъ поднимая ихъ на Коверзнева.

У того глаза заморгали, какъ онъ ни привыкъ владѣть собою.

— Виновать, позвольте спросить: какъ васъ зовутъ? промолвилъ онъ, очень упрекая себя въ эту минуту, что не спросилъ этаго раѣе, у Барабаша.

— Отставной капитанъ Переслѣгинъ.

— Имя и отчество?

— Иванъ Николаевъ...

— Благодарю васъ!.. Вы мнѣ позволите быть откровеннымъ съ вами, Иванъ Николаичъ?

Капитанъ еще разъ взглянулъ на него: — „никакая твоя откровенность не будетъ такъ жестока какъ то что самъ я говорю“ прочелъ Коверзневъ въ этомъ взглядѣ.

Онъ продолжалъ:

— Къ этому „несчастью“, я слышалъ, привели васъ семейныя обстоятельства,— о которыхъ я не желаю, не имѣю права, спрашивать, поспѣшно примолвилъ онъ къ этому.

Переслѣгинъ, съ какимъ-то надрывающимъ, судорожнымъ движеніемъ губъ, ерзнулъ на своемъ стулѣ...

— Но вы, повидимому, не употребили всѣхъ силъ, чтобы бороться съ нимъ, говорилъ Валентинъ Алексѣевичъ; отъ душевныхъ страданій лечитъ усиленная работа, дѣло, простой, иногда физическій трудъ. Дѣло у васъ всегда подъ руками. Вы наконецъ были въ полку, командовали ротой, судьба другихъ людей зависѣла отъ васъ...

— Не въ силахъ былъ, точно-съ! слышались въ отвѣтъ будто замиравшія въ горлѣ слова капитана, — стыда своего перенести не могъ!.. И забыть... не въ состояніи... и по сей часъ! болѣзненно вырвались эти, запекавшіяся какъ бы у него тамъ, слова...

Коверзневъ слушалъ, подперши голову обѣими руками...

— Самое это, съ Сафрономъ Артемьичемъ... Письмо получилъ... пишутъ мнѣ... про нее...

Онъ не договорилъ, — глухое рыданіе вырвалось у него изъ груди.

Валентинъ Алексѣичъ поднялся съ мѣста, стараясь, по вседневной привычкѣ, сдерживать наружное выраженіе того, что ощущалъ онъ внутренно. Онъ подошелъ къ окну. Спину къ капитану, онъ, будто вовсе не занятый имъ, глядѣлъ въ даль, на верхушки лѣса, выглядывавшія изъ-за отдѣлявшаго Дерюгино отъ Темнаго Кута косогора.

— Иванъ Николаичъ! сказалъ онъ, наконецъ, оборачиваясь...

Капитанъ поднялъ голову.

— Я хочу сдѣлать вамъ одно предложеніе, Иванъ Николаичъ?

— Слушаю-съ, твердымъ голосомъ произнесъ тотъ.

Глаза его просохли, черты приняли прежнее мужественное и спокойное выраженіе...

Коверзневъ усѣлся на прежнее мѣсто.

— Вамъ прежде всего слѣдуетъ помириться съ Барабашемъ, слегка улыбувшись сказалъ онъ.

— Я ужъ у *нихъ* за свою глупость прощенья просилъ, промолвилъ на это такъ же твердо Переслѣгинъ.

— Вотъ и прекрасно!.. А предложеніе мое будетъ состоять въ слѣдующемъ. Здѣсь у меня, какъ вы знаете, земледѣльческаго хозяйства нѣту; земля и оброчныя статьи сданы или сдаются въ аренду на болѣе или менѣе продолжительные сроки, и управляющій мой здѣсь поэтому ничего болѣе какъ конторщикъ, имѣющій акуратно слѣдить за исполненіемъ контрактовъ и сроками платежей, и доставлять мнѣ по нимъ деньги. Барабашъ совершенно честный человѣкъ и это дѣло свое выполняетъ какъ нельзя лучше. Но у меня тутъ одно природное богатство, требующее настоящаго, рациональнаго хозяйства.

— Лѣса-съ? какъ бы подговорилъ капитанъ.

— Да. Эксплуатація ихъ производилась до сихъ поръ самымъ примитивнымъ, варварскимъ, хищническимъ образомъ. Этому давно надо положить конецъ. Я теперь въ Петербургѣ пригласилъ сюда одного дѣльнаго таксатора, который все это приведетъ въ порядокъ. Но при этомъ мнѣ необходимо имѣть своего довѣреннаго человѣка, который могъ бы и помогать ему въ распоряженіяхъ при работѣ, да и слѣдить за тѣмъ, чтобы самыя работы не откладывались въ долгій ящикъ. Къ тому же всѣ здѣшнія дачи имѣютъ отдѣльныхъ лѣсниковъ, подчиненныхъ теперь единственно конторѣ, т. е. тому же Барабашу, который, при своихъ приходо-расходныхъ занятіяхъ и огромномъ пространствѣ лѣса, не имѣетъ— что онъ мнѣ тамъ не говори, промолвилъ съ усмѣшкою Валентинъ Алексѣичъ,—физической возможности контролировать ихъ и ѣздить и проверять ихъ на мѣстѣ. Изъ этаго видно, что надо всѣ отдѣльныя эти лѣсничества подчинить, какъ это и было здѣсь, при матушкѣ, надзору одного, спеціальнаго, главнаго лѣсника... И это мѣсто я желаю предложить вамъ, Иванъ Николаичъ.

— Мнѣ-съ! испуганно вскрикнулъ капитанъ... Вѣки его широко были открыты и дрожь замѣтно пронимала его всего...

— Вамъ, поспѣшно проговорилъ Коверзневъ,—и увѣренъ, что этимъ я обезпечиваю себѣ надзоръ за моими лѣсами, какого лучше и самъ бы имѣть не могъ за нами, а вамъ—доставляю *отвѣтственное* занятіе—онъ подчеркнул это слово,—которое для *хорошаго* человѣка, какимъ я васъ считаю, можетъ служить лучшимъ отводомъ, лѣкарствомъ въ нашемъ душевномъ состояніи... Но, Иванъ Николаичъ,—Коверзневъ приостановился на мгновеніе,—вы передъ этимъ должны мнѣ дать слово... Вы понимаете, о чемъ я васъ прошу?..

Лицо капитана все побагровѣло, грудь его высоко подымалась...

— Нѣтъ-съ, съ видимо-мучительнымъ усиленіемъ отвѣтилъ онъ,—слова я вамъ дать не могу... потому уже разъ... Одно могу обѣщать вамъ, Валентинъ Алексѣичъ,—онъ вскинулъ на него свои печальные глаза—стараться буду!..

Коверзневъ помолчалъ.

— Хорошо, Иванъ Николаичъ, сказалъ онъ, поднимая на него глаза въ свою очередь,—съ нынѣшняго дня я назначаю васъ главнымъ лѣсникомъ по здѣшней экономіи, съ жалованьемъ, какое получалъ бывший въ этой должности при матушкѣ,—70 рублей въ мѣсяцъ, кажется—ну, и лошадь подъ верхъ, кормъ на нее... Вотъ видите, перебилъ себя, широко улыбувшись Валентинъ Алексѣичъ, не давая растерянному Переслѣгину сказать слова,—я имѣю претензію угадывать людей—и въ васъ я съ перваго раза почувалъ честнаго человѣка. Тѣ какъ вы мнѣ отвѣтили сейчасъ, служить для меня подтвержденіемъ этому мнѣнію. И я беру васъ теперь безъ всякихъ условій, въ увѣренности, что, въ случаѣ вы бы не нашли въ себѣ силы побѣдить вашу... *слабость*,—вы сами откажетесь отъ вашей должности...

При царевнѣ Софіи. „Симъ креститесь!“ Ориг. рис. Зиновьева, грав. Шапновъ.

Капитанъ дрогнулъ всѣмъ тѣломъ—и, какъ стоялъ, опустился на колѣни передъ Коверзневымъ.

— Что вы, что вы! вскрикнулъ Валентинъ Алексѣичъ, съ невольнымъ, въ первую минуту, чувствомъ гадливости.

Но не рабское приниженіе сказывалось въ этихъ ображеніяхъ на него, сжавшихъ теперь, глазахъ, въ судорож-

номъ движеніи, сжавшемъ на груди эти сильныя руки:

— Валентинъ Алексѣевичъ, какъ передъ Богомъ,— лихорадочно прерывался голосъ капитана,—въ первый разъ... въ первый разъ, послѣ столькихъ лѣтъ... Такія слова слышать... Вы... вы опять меня *человѣкомъ* поставили, Валентинъ Алексѣичъ!..

(До слѣдующаго №)

ИЗЪ „КРЫМСКИХЪ ОЧЕРКОВЪ“.

Близокъ день. Ужъ заря золотая
По далекимъ излучинамъ горъ
Разлила, прихотливо играя,
Золотисто-пурпурный узоръ.

* * *

Сбросивъ трауръ ночнаго наряда,
Загораются юга красы,
И блестятъ на плетяхъ винограда
Серебристые перлы росы...

* * *

Изъ за дымки зыбучихъ тумановъ
Прорываясь вершиной на свѣтъ,

Окруженный семьею каштановъ.
Горделиво встаетъ минаретъ.

* * *

Все полно сладострастною нѣгой,
Теплой нѣгой южнаго сна,—
Только тихо лепечетъ у брега
Изумрудная моря волна...

* * *

Сказки юга она напѣвая,
Тихо плещетъ въ прибрежную мель,—
Словно съ нѣжною лаской качая
Своего первенца колыбель...

П. Гнѣдичъ.

СТРАШНАЯ НОЧЬ.

(Эпизодъ изъ современныхъ событій въ Ирландіи.)

Разсказъ Д. Ирвинга.

— Я надѣюсь, что Артуръ не приметъ эту должность, Маргарита! проговорила, медленно устремляя глаза въ одну точку, моя молоденькая сестра Анни.

— Какую должность? спросила я съ удивленіемъ, не поднимая глазъ отъ работы.

— Должность управляющаго имѣніемъ въ Ирландіи. У меня есть предчувствіе, что случится съ вами что нибудь недоброе, если онъ туда поѣдетъ. Я не буду ни минуты покойна, если вы съ дѣтьми будете въ такомъ дикомъ мѣстѣ. Домъ такой мрачный, древній, такъ и кажется, что онъ сейчасъ развалится не смотря на свои огромныя башни и рѣзныя украшения. Окна на половину заколочены, на половину разбиты... Нѣтъ, нѣтъ, не позволяй ты Артуру пожалуйста ѣхать туда!

— Анни, милое дитя, что съ тобою? Что ты говоришь? Приснись же. Ты все какъ будто во снѣ и все видишь что-то, и все бредишь разными глупостями. Ну, полно пожалуйста, вотъ возьми и докончи это вышиванье, я хочу, чтобы оно было готово до прихода Артура. Тебѣ не надо было бы спать днемъ, Маргарита.

— Но я не спала? возразила сестра, глядя на меня съ удивленіемъ, я и глазъ не закрывала, но я видѣла... я слышала... Это правда...

— Довольно, довольно, милая моя, побереги свой сонъ до Артура, а я терпѣть не могу, когда мнѣ разсказываютъ сны. Это всегда какъ-то пугаетъ меня, хотя все это и пустыяки.

— Хорошо. Но скажи мнѣ только одно, произнесла сестра съ какимъ-то серьезнымъ выраженіемъ въ голосѣ,—не было ли разговора о томъ, что Артуръ поѣдетъ въ Ирландію и будетъ жить въ... такомъ странномъ домѣ съ старыми башнями и разбитыми окнами?

— Глушенькая, глушенькая ты дѣвочка, — ну можно ли теперь говорить о томъ, что Артуръ оставитъ ферму братьевъ Лозоновъ, когда онъ уже почти считается компаньономъ ихъ.

Да и къ тому же, изъ всѣхъ странъ на земномъ шарѣ Артуръ терпѣтъ не можетъ именно Ирландію. Я разсержусь, наконецъ, Анни на тебя, если ты не перестанешь приставать съ твоими снами. Сама видишь, что до сихъ поръ ни одинъ еще не сбился.

— Это еще не значить, милая Маргарита, чтобы потомъ одинъ какой нибудь и не сбился, съ прежнею серьезностью отвѣтила Анни. Что же мнѣ дѣлать, я не могу запретить себѣ думать о чемъ думается, и видѣть и слышать разныя вещи... Ну вотъ, на тебѣ, я окончила работу. Сложи и спрячь теперь свою, Артуръ сейчасъ придетъ.

— Это правда—Артуръ, какъ многіе другіе, не понимаетъ и не видитъ никакой пользы въ „диллетантскомъ“ домашнемъ шитьѣ платя. Онъ думаетъ, право, что стонгъ только махнуть магической палочкой—и четыре шалуна наши, которые каждый день все такъ ужасно рвутъ на себѣ,—будутъ въ минуту опять одѣты во все новое. Анни, тебѣ надо приучить Эрнеста къ мысли, что ты будешь дѣлать то же самое, когда вы будете мужемъ и женой. Пусть онъ знаетъ напередъ, что у него въ домѣ будетъ швейная машина, если, конечно, онъ не разбогатѣетъ такъ, что вамъ не надо будетъ экономничать.

Пора, однако, было приготовиться и къ встрѣчѣ мужа. Мы мослѣшно убрали комнату, потому что Артуръ терпѣтъ не

могъ ни малѣйшаго сора, а затѣмъ я уговорила Анни сбѣгать наверхъ и пригладить свои непослушные локоны.

Оставшись одна, я, противъ воли, задумалась объ снѣ сестры Анни. Откуда могла явиться у нея мысль, чтобы Артуръ ѣхалъ въ Ирландію. Развѣ братья Лозоны могли дать ему порученіе туда? Отъ всего сердца я желала, чтобы этаго не было, потому что это разстроило бы все наше хозяйство. Мы такъ хорошо устроились въ Гэмстэдѣ; у насъ была дешевая и отличная квартира, и прекрасная гувернантка для Минни и Джесси, и превосходная школа для Уилла и Фреда, и прекрасная церковь, и отличные поставщики, и дѣла тутъ шли такъ хорошо у Артура. Братья Лозонъ имѣли обширное граверное заведеніе, въ Оксфордской улицѣ, и мужъ мой былъ ихъ главнѣйшимъ управляющимъ дѣломъ. Хозяева знали способности Артура и чрезвычайно дорожили имъ. Онъ съ своей стороны любилъ и уважалъ ихъ, въ особенности старшаго брата, м-ра Роберта Лозона и по всему можно было видѣть, что настанетъ день, когда фирма будетъ называться „Братья Лозонъ и Горингъ“.

Еще очень молодой дѣвушкой я очутилась совершенно одинокою въ Лондонѣ, куда прѣехала, оставивъ въ одномъ изъ сѣверныхъ графствъ свою веселую, трудолюбивую семью. Я вышла за Артура. Сначала мнѣ было очень скучно проводить цѣлыя дни въ уединеніи: мужъ уходилъ рано утромъ и возвращался лишь поздно вечеромъ отъ занятій. Но потомъ появилась на свѣтъ маленькая Минни, за нею еще трое дѣтей. Какъ я управлялась съ ними, не могу ужъ теперь и вообразить себѣ. Помню только, что была очень рада, когда получила письмо изъ дому, что ѣдетъ сестра Анни. Она прѣехала на время, но сразу сдѣлалась мнѣ до того необходимою, что вскорѣ Артуръ и я поняли, что не могло быть и рѣчи объ ея отъѣздѣ. Къ тому же, кажется и Эрнестъ Гамильтонъ, скоро наконецъ успеетъ убѣдить ее не оставлять Лондона. Онъ, до извѣстной степени, сходились и характерами. Въ ней замѣчались нѣкоторыя странности, и онъ былъ тоже, въ своемъ родѣ довольно странный молодой человѣкъ.

Гамильтонъ былъ племянникъ Лозоновъ и, по всей вѣроятности, наслѣдникъ ихъ. Анни и Эрнестъ были еще слишкомъ молоды для вступленія въ бракъ, но на нихъ смотрѣли какъ на жениха и невѣсту. Мнѣ, однако, хотѣлось, чтобы это не было очень скоро, потому что въ сестрѣ я нашла усердную и ловкую помощницу. Хотя я была старшая, но она забрала, во многомъ, верхъ надо мною. Дѣти слушались одного взгляда любимой „теги“.

— Что это Артуръ такъ поздно сегодня! произнесла я вслухъ, позвонивъ, чтобы принесли огня.—Какъ, однако, безпокоить меня этотъ сонъ Анни. Зачѣмъ ему ѣхать въ Ирландію?

— Кто это ѣдетъ въ Ирландію? спросила Артуръ, вошедшей незамѣтно. О чемъ это ты тутъ разговариваешь сама съ собой, моя голубушка?

— Анни, милый, видѣла глушій такой сонъ и вотъ я все думаю теперь объ немъ. Ей приснилось, что мы ѣдемъ въ Ирландію и будемъ жить тамъ въ старомъ, мрачномъ, полуразвалившемся замкѣ.

— Да и этотъ замокъ стонгъ возлѣ озера, позади его холмы, а дальше море. Такая чудная страна и такіе страшные люди тамъ! Мнѣ показалось, что они убили васъ, Артуръ?

Они подождли этот старый замок. Вы, вѣдь, не ѣдите въ Ирландію, Артуръ? вѣдь нѣтъ? Она положила ему на плечо свою руку и заглянула въ лицо своими тихими глазами.

— Конечно, нѣтъ, моя глупая дѣвочка! Какое дѣло у меня можетъ быть въ Ирландіи. Нѣтъ, я теперь осѣдлый обитатель Оксфордской улицы и, вѣроятно, навсегда останусь въ ней. Сегодня м-ръ Лозонъ поручилъ своему повѣренному составить компанейскій актъ, который дѣлаетъ меня товарищемъ фирмы. Ахъ, да—вотъ! Но это въ самомъ дѣлѣ странное совпаденіе! Намъ сегодня заказали награвировать партію рисунковъ, изображающихъ какъ разъ такой же разрушенный, древній ирландскій замок, стоящій въ дикой, грандіозной мѣстности, съ озеромъ, точъ въ точъ какъ разказываетъ Анни.

— Но тамъ есть двѣ четырехугольныя башни и такая массивная арка съ каменной рѣзбой? съ живостью спросила Анна, есть тамъ деревья, большія деревья? и часть оконъ заколочена?

— Да ужъ довольно, довольно, Анни, перебилъ Артуръ,—все это ты найдешь въ каждомъ альбомѣ, гдѣ нарисованы ирландскіе или англійскіе древніе замки. Ты и твои подружки въ школь, вѣроятно, копировали многое множество такихъ рисунковъ и тебѣ, конечно, извѣстны всѣ эти детали—башни, входныя арки, рѣзной камень, холмы, долины, дѣса, воды и т. д. И перестала бы ты, Анни, настраивать себя такъ—это опасно! Ты сегодня какая-то странная, точно видѣла привидѣніе! Да и вамъ, Эрнестъ, не мѣшало бы смотрѣть повеселѣе, вы тоже не видѣли-ли чего?..

— Я бы согласилась лучше видѣть двадцать привидѣній, чѣмъ то, что видѣла, отвѣчала тихо Анни.

Не смотря однако на все стараніе казаться веселѣе, быть какъ всегда, она весь вечеръ была задумчива. Сначала это разстраивало меня, но потомъ мы заговорили о новомъ положеніи мужа моего, какъ товарища фирмы—я развеселилась и скоро забыла объ снѣ сестры и тревожномъ впечатлѣніи, которое онъ произвелъ на меня.

Прошло пять лѣтъ, пять счастливыхъ лѣтъ. Сестра Анни вышла замужъ за Эрвеста Гамильтона и они уѣхали за границу.

Эрнестъ былъ слабого здоровья и доктора отправили его лечиться. Сестра не любила часто писать, но все же отъ времени до времени, давала знать о себѣ и, особенно, справлялась о насъ. Она, по прежнему, была очень привязана къ дѣтямъ своимъ.

Дѣла шли хорошо, но теперь вся работа пала на Артура, такъ какъ Эрнестъ не могъ возвратиться, а Лозонъ занимался уже далеко не съ прежнимъ усердіемъ. Состояніе наше округлялось—мы не проживали всего, что получали и я часто уже мечтала, когда мужу будетъ можно уже оставить занятія и удалиться въ какой нибудь спокойный, мирный уголокъ отдыхать отъ трудовъ.

Но въ одинъ день рушилось все! Фирма Лозонъ и Горингъ банкротилась! Какъ ни было ужасно это извѣстіе, я не сразу поняла все значеніе его, пока Артуръ, со слезами отчаянія, не объяснилъ мнѣ, что это была—нищета. Я не боялась нужды, но меня пугала мысль о томъ, чтобы не пострадало доброе имя моего мужа. Къ счастью, однако, фирма вышла съ почетомъ изъ крушенія. Лозонъ и Горингъ потеряли состояніе, но остались честными людьми, и это совершенно утѣшило моего дорогого мужа.

Единственнымъ кускомъ хлѣба у насъ остался мой собственный доходъ въ 40 фунтовъ стерлинговъ. Мы распустили прислугу и перешли въ дешевенькую квартиру. Нѣкоторые изъ друзей Артура не забыли насъ въ новомъ положеніи нашемъ. Одинъ изъ нихъ взялся платить въ школу за Уилла, другой—за Фреда, а третій предложилъ Артуру должность управляющаго у сэра Рэдмонда Блэка, въ его имѣніи Аббейлендсѣ, въ Ирландіи.

„Мѣстность эта очень отдаленная, имѣніе неустроенное и дѣла много тамъ, писалъ сэръ Рэдмондъ, но, за то, я предлагаю 500 фунтовъ стерлинговъ жалованья. Вы будете жить въ самомъ Аббейлендсѣ, гдѣ найдете для себя сколько угодно жилыхъ комнатъ. Въ имѣніи много рыбы, дичи, фруктовъ и т. д. и въ ваше распоряженіе предоставляются лошади и экипажи. Вамъ, однако, придется имѣть дѣло съ грубыми, безпорядочнымъ и дурно настроеннымъ народомъ—ирландскими арендаторами-фермерами, которыхъ вы будете принуждены заставлять часто силой платить аренду. Впрочемъ, если въ Аббейлендсѣ надо приложить много труда, то, съ другой стороны, тамъ вы можете поправить положеніе ваше, не хуже, чѣмъ въ любомъ мѣстѣ. Необходимо терпѣніе, рѣшительность и, даже можетъ быть, мужество, но въ англійчинѣ и истинно дѣловомъ человѣкѣ эти качества не въ рѣдкость“.

— Я приму должность эту, Марта, сказала Артуръ. При теперешнемъ положеніи торговли, я въ Лондонѣ не найду ничего подобнаго. А 500 фунтовъ стерлинговъ въ годъ въ Ирландіи, гдѣ расходы незначительны—это доходъ большой. Я поѣду, милая Марта.

— Поѣдемъ, Артуръ, куда хочешь, отвѣчала я. Какъ ни тяжело nastavать съ дѣтьми, но иначе нельзя—что же дѣлать! Надѣюсь что мы не останемся тамъ долго.

— Только поправимъ немного дѣла наши и тогда не оста-

немся ни часу долѣе. Дай мнѣ только скопить небольшія деньги и я начну опять какое нибудь дѣло.

Артуръ немедленно написалъ, что принимаетъ должность. Мѣсяцъ спустя, Артуръ, я, двое младшихъ дѣтей (Минни и Джесси мы отдали въ школу, такъ какъ въ той мѣстности, куда мы ѣхали, нѣтъ школы) и одна преданная служанка, бывшая у насъ няней,—тронулись въ путь въ Аббейлендсѣ.

Въ прекрасный августовскій вечеръ мы подъѣхали къ замку. Онъ стоялъ на небольшомъ холмѣ, господствовалъ надъ окрестностями, которыхъ раскинулись великолѣпной панорамой. Прямо передъ замкомъ лежало озеро, а за нимъ разстилась необъятная синева моря и казалась, будто замокъ стоитъ на мосту, переброшенномъ между ними. Это было старинное, величественное зданіе, хотя вмѣстѣ съ тѣмъ и чрезвычайно запущенное. По обѣимъ сторонамъ главнаго входа возвышались двѣ огромныя четырехугольныя башни. Черезъ подъѣздъ, подъ великолѣпной рѣзной аркой, мы вошли въ большую залу, которую слабо освѣщало пламя торфа въ громадномъ каминѣ. При нашемъ входѣ, изъ-за этаго гигантскаго каминна всталъ какой-то пожилой человѣкъ и пошелъ къ намъ на встрѣчу.

— Вы—новый управляющій, мистеръ Горингъ? произнесъ онъ хотя и съ грубымъ ирландскимъ выговоромъ, но вѣжливымъ тономъ,—добро пожаловать! Поздравляю съ прїѣздомъ въ Аббейлендсѣ, миссизъ, Я—Майльзъ Келли, здѣшній смотритель.

— А—а, это вы? Я слышалъ о васъ отъ сэра Рэдмонда. Надѣюсь—мы будемъ помогать другъ другу, Майльзъ, и будемъ трудиться на пользу фермеровъ и владѣльца, сказалъ ему Артуръ.

— Надѣюсь, сэръ, хотя едва ли много хорошаго тутъ вы сдѣлаете. отвѣтилъ тотъ съ мрачнымъ выраженіемъ въ голосѣ и лицѣ. Не угодно ли, милэди, взглянуть на комнаты, которыя приготовлены для васъ? Не очень-то онѣ удобны. Здѣсь развѣ только въ пору собакамъ жить, а не христіанамъ. Но мы съ женой уже постарались сдѣлать для васъ все, что могли.

— Ужъ какъ нибудь да устроимся, сказала я, оглядывая гостиную, въ которую привелъ насъ Майльзъ и которая могла бы смѣло поспорить съ любымъ магазиномъ древностей, по разнообразію и красотѣ вещей ее украшавшихъ. Здѣсь были на стѣнахъ полныялы отъ лѣтъ турецкіе ковры, стояли высокія средневековыя, изъ рѣзнаго дерева, кресла, висѣли рѣдкія старинныя картины и тяжелыя бархатныя занавѣси на окнахъ, въ которыхъ разбитыя мѣстами стекла были замѣнены воткнутой въ отверстія соломой, бумагой и тряпками. Въ комнатахъ былъ заглухій нежилыи воздухъ. Большая зала, куда мы вошли сначала, служила столовой. Наши спальни были расположены въ томъ же этажѣ. Эта часть замка называлась западнымъ флигелемъ или „флигелемъ пріора“. Майльзъ выбрѣлъ его для насъ, потому что считалъ его болѣе сохранившимся, чѣмъ остальные части стараго зданія, и кромѣ того въ немъ была боковая дверь, выходившая прямо въ глухой паркъ.

Когда мы поужинали, къ намъ вошелъ Келли.

— Хорошо было бы, сэръ, еслибы вамъ удалось сдѣлать тутъ что нибудь хорошее, ввести какой-нибудь порядокъ. Боюсь что трудно будетъ. Ужъ двадцать лѣтъ какъ имѣніе совсемъ запущено. Управляющій, что былъ передъ вами, пробылъ здѣсь всего два дня.

— Отчего это? спросилъ я.

Майльзъ сдѣлалъ неопредѣленный жестъ рукою.

— Видите ли, сэръ,—Аббейлендсѣ съ давнихъ поръ принадлежалъ Линчамъ. Отецъ сэра Рэдмонда Блэка и отецъ нынѣшняго м—ра Линча были пріятеля. Сэръ Блэкъ раззорилъ м—ра Линча, довелъ до того, что Аббейлендсѣ продалъ съ молотка, а молодой сэръ Рэдмондъ купилъ его. Здѣшній народъ ненавидитъ его, не можетъ помириться съ мыслью, что молодой Линчъ раззоренъ Блэками и что имѣніе захвачено ими. Да и его собственные фермеры не любятъ его, потому что онъ недобрый владѣлецъ, недобрый хозяинъ. Аббейлендскіе фермеры не то чтобы не могли платить аренды,—а не хотятъ, просто не хотятъ. Не могутъ сносить того, что деньги Линча идутъ Блэку, что аренда съ Аббейлендса поступаетъ протестанту.

— Но, вѣдь, сэръ Рэдмондъ купилъ же имѣнія и имѣетъ право на аренду, сказалъ Артуръ.

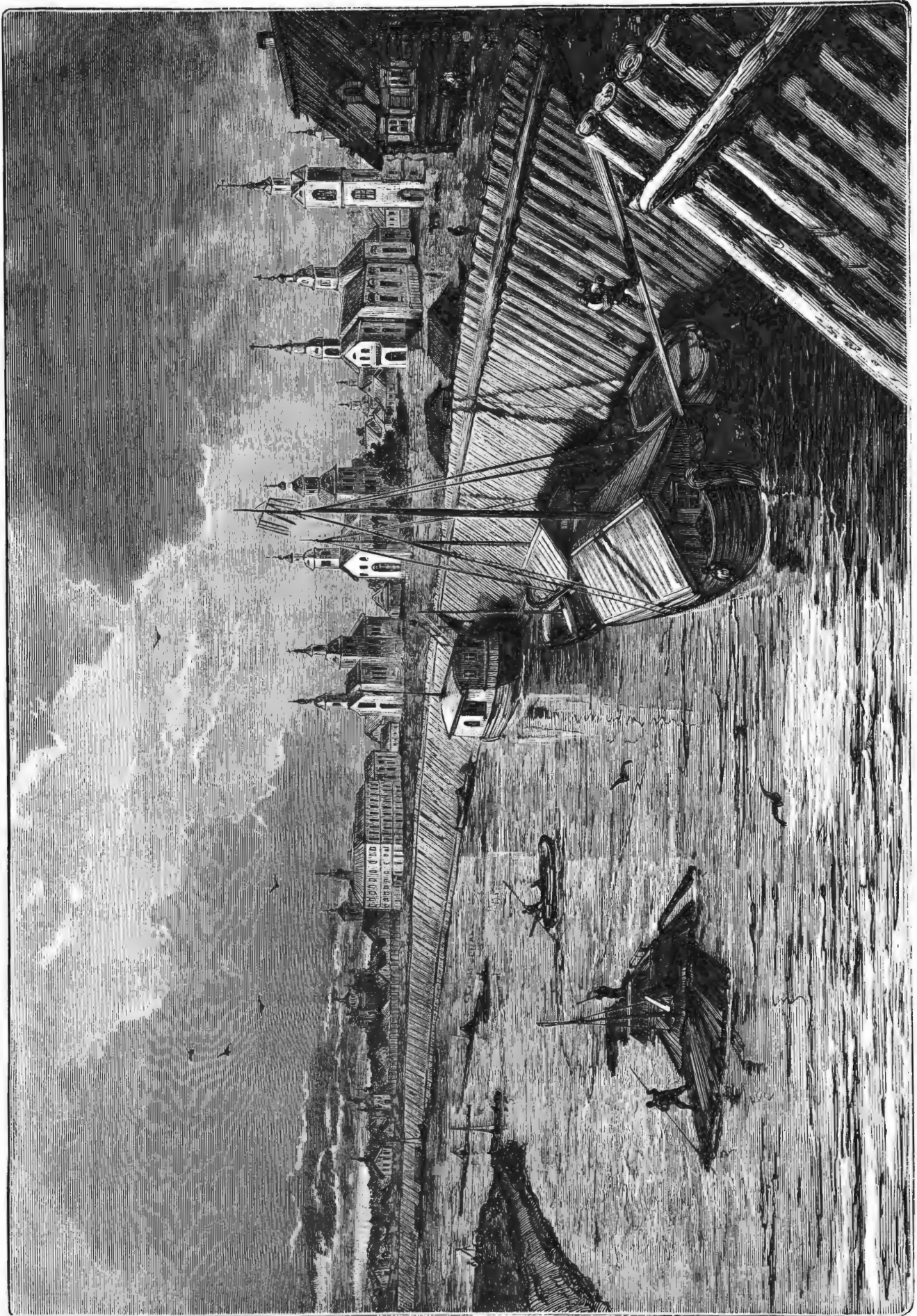
— Да, сэръ, онъ купилъ, но лучше бы не покупалъ. Всякому другому владѣльцу тутъ было бы лучше, чѣмъ тому, кто довелъ до продажи Аббейлендсѣ. Хоть я и служу у сэра Рэдмонда, и получаю отъ него жалованье, и работаю для него, сэръ, но надо сказать, что фермеры по своему праву. Они бы на колѣняхъ служили молодому Линчу.

— А гдѣ онъ теперь? спросилъ Артуръ.

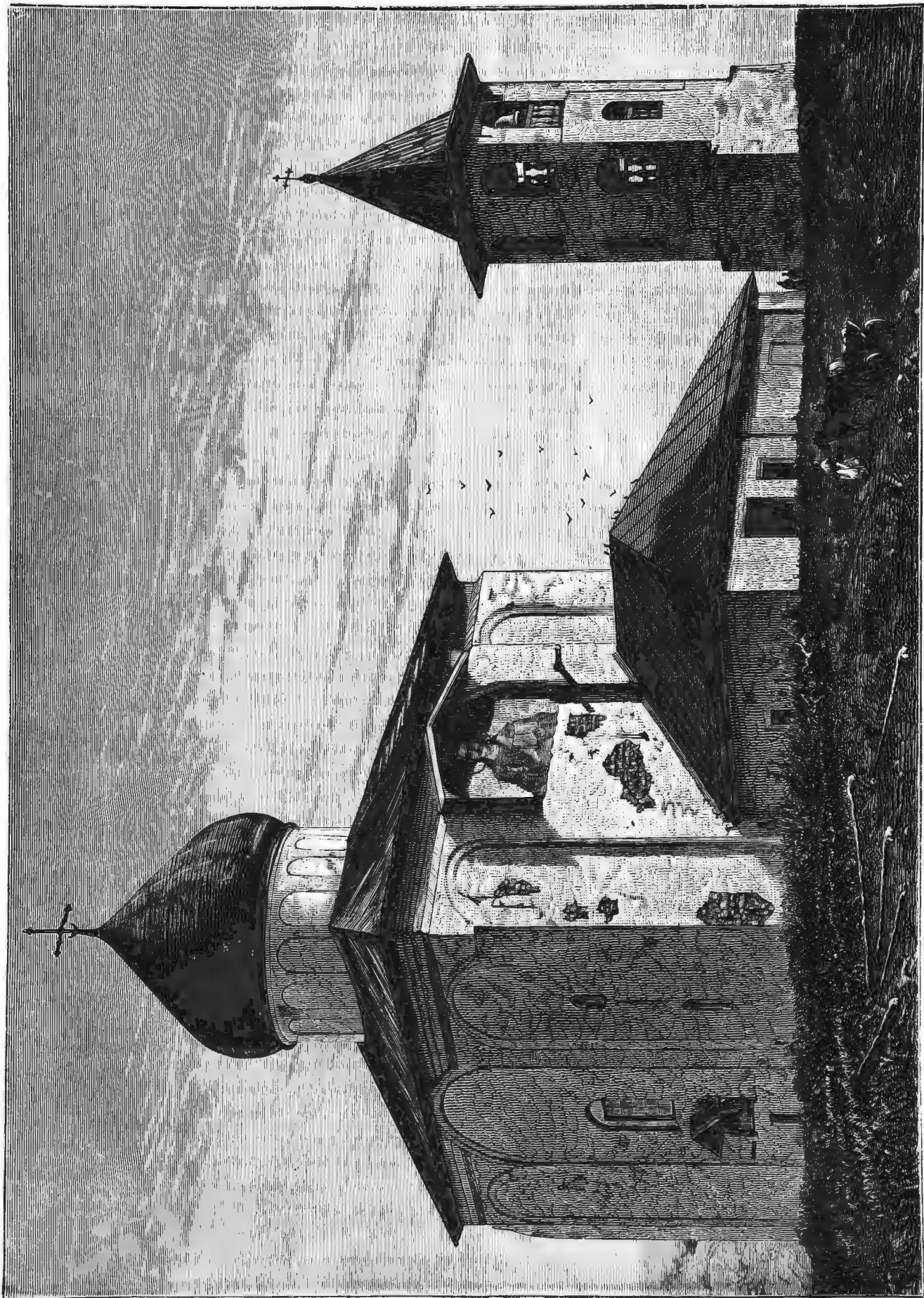
Линчо Майльза приняло выраженіе глубокой грусти. Съ минуту онъ помолчалъ. Ему будто трудно было говорить.

— Молодой м-ръ Линчъ, сэръ,—теперь въ тюрьмѣ. Да, Маркъ-Джойсъ Линчъ д'Аббейвилль въ тюрьмѣ. Его присудили къ 5 лѣтнему тюремному заключенію за то, что... что онъ... Онъ обвиненъ судомъ,—онъ феній! *) Вотъ что сдѣлали съ

*) Феніи—члены одного тайнаго Ирландскаго общества, образовавшагося окло 1850 года и которое имѣло цѣлью отдѣленіе католической Ирландіи отъ Англіи. Борьба съ феніями велась англичанами съ ожесточеніемъ. Многие феніи выѣхали въ Америку, въ Канаду.

Городъ Великій Устюгъ (Вологодск. губ.) Съ наброска Г. Буминга, Рис. Н. Карзинъ, грав. М. Рашевскій.

Новгородъ. Церковь Спаса Нередицы. Съ фотогр. Лядова, грав. М. Рашевскій.

нимъ Блэки изъ Блэкивилля! Всѣ книги по хозяйству, по имѣнію—въ конторѣ и я явлюсь къ вамъ завтра утромъ, когда вы пожелаете. Если на ночь поставите эту двустолку около кровати, то она вамъ нисколько не помѣшаетъ. Спокойной ночи, сэръ.

— Спокойной ночи, Келли. Фермеры, я думаю, не будутъ же, однако, убивать меня, прежде чѣмъ узнаютъ каковъ я, возразилъ съ презрительной усмѣшкой Артуръ. Да и къ тому же, зачѣмъ вы говорите о такихъ вещахъ при женѣ. Вы только напугаете ее.

— Ну ужъ тутъ ничего не подѣлаешь съ этимъ, сэръ. Лэди надо привыкнуть слышать объ такихъ вещахъ, а не то ей трудно будетъ жить въ Аббейлендсѣ! отвѣчалъ Майльзъ и отдавъ почтительный поклонъ, вышелъ изъ комнаты.

Дни проходили и пока ничего враждебнаго намъ не оказывалось. Первая недѣля прошла мирно и хорошо. Артуръ дѣлалъ дни пропадалъ съ Майльзомъ и его сыномъ, осматривая имѣніе, объѣзжая фермеровъ и знакомясь съ положеніемъ каждаго. Я оставалась совершенно одна, общества не было никакого. Сосѣдніе крупныя владѣльцы не удостоивали своимъ сообщеніемъ семейство управляющаго. Церковь наша находилась въ семи миляхъ на Костгардской станицѣ. Докторъ былъ ревностный католикъ и привереженецъ молодого Линча, почему не хотѣлъ сходить съ нами и, я увѣрена, что заболѣвъ, онъ не прѣхалъ бы даже лѣчить насъ. Я, отъ времени до времени, выходила погулять съ дѣтьми и няней. Скоро я замѣтила, что всякій разъ за мной слѣдятъ какія-то фигуры, мрачныя, угрюмыя; иногда то были мужчины, въ другой разъ—женщины. Они догоняли меня и, близко проходя мимо, шептали какія-то непонятныя слова и потомъ быстро исчезали. Я обращалась къ нимъ по англійски, но они или не понимали меня, или не хотѣли понять. Хотя я была увѣрена, что слова ихъ заключали въ себѣ угрозы и, однако, не говорила о томъ ни слова Артуру, потому что видѣла, что и онъ былъ очень встревоженъ и озабоченъ. Но мужество не измѣняло ему и онъ не выказывалъ ни малѣйшаго намѣренія уступить. Онъ не боялся, не боялся тоже и я. Но съ каждымъ днемъ положеніе наше становилось все хуже и неприятнѣе. Каждое утро находили мы, приколотыя гвоздемъ къ главному входу замка, безимянныя письма угрожающаго характера. На нихъ имѣлись кромѣ того еще различныя изображенія, въ родѣ гробовъ, мертвыхъ головъ, съ двумя крестъ на крестъ сложеными подъ ними костями и т. д. Во всѣхъ этихъ письмахъ мужу моему совѣтовали „убиваться“ изъ Аббейвилля, если ему дороги жизнь, жена и дѣти, въ противномъ случаѣ ему грозили смертью, ему заявляли, что никогда аренда съ Аббейвилля не достанется Блэкамъ.

Артуръ обращался къ полиціи, къ ближайшимъ мировымъ судьямъ, но никто не рѣшался выступить на его защиту открыто. Тогда онъ рѣшился принять свои мѣры предосторожности и въ остальномъ возложить надежды на Бога. Но что могли мы сдѣлать, когда всѣ оружія были противъ насъ, каждый былъ явнымъ или тайнымъ нашимъ врагомъ. Собакъ нашихъ отравляли, лошадей портили и дѣло доходило даже до того, что у насъ, въ нашей спальнѣ, разряжали ружья мужа и Артуръ не былъ увѣренъ ни въ одной изъ винтовокъ, которыя были у насъ, надѣясь только на револьверъ, который всегда возилъ съ собой. Каждый день, каждую минуту намъ приходилось проводить въ безпокойствѣ, но при всемъ томъ Артуръ и не думалъ уступать. Онъ рѣшилъ или сломить сопротивленіе фермеровъ, или же умереть на своемъ посту.

Одинъ день,—мы уже прожили въ Ирландіи два мѣсяца—я вдругъ услышала у воротъ шумъ подѣхавшаго экипажа. Бросившись къ окнамъ, я увидѣла сестру Анни. Меня до того поразила неожиданность и радость видѣть ее, что я была не въ силахъ даже привѣтствовать ее.

— Ты удивлена, Марта? сказала она, но я думала, вѣдь, что вы будете довольны, если я побуду съ вами здѣсь, вотъ я и прѣхала. А, какъ я хорошо припоминаю теперь эту мѣстность!

— А Эрнестъ?

— Эрнестъ? Бѣдный Эрнестъ умеръ!.. Прошу тебя, не говори мнѣ о немъ... слишкомъ тяжело вспоминать! Скажи же мнѣ, какъ вы живете тутъ, какъ справляетесь съ здѣшними дикарями?

— Да они не очень ужъ такіе дикари, отвѣчала я, только упрямые и такъ угрюмы, Анни, а то—ничего.

Я рассказала ей о случаяхъ, бывшихъ со мной.

— Ну, воскликнула она, сверкнувъ своими большими глазами,—меня они не испугаютъ, Марта! А все же жаль, что вы прѣхали жить сюда. На тебя смотрѣть страшно—ты постарѣла на 10 лѣтъ. Ты поминишь, Марта, мой сонъ?

— Какой сонъ, милая Анни? У тебя ихъ бывало такъ много.

— Да о старомъ ирландскомъ замкѣ. Мнѣ приснился совершенно такой же замокъ, какъ и этотъ. Отлично помню! Ну, ну, полно, не пугайся. Я вѣрно, видѣла его на какой нибудь картинкѣ. А знаешь, Марта, я привезла тебѣ подарокъ. Вотъ! Она подала мнѣ богато отдѣланный шестиствольный револьверъ, отъ котораго я отскочила съ ужасомъ.

— Бери, бери, сказала она,—у меня есть и для себя такой же. Тебѣ надо выучиться владѣть имъ. И вотъ что мы сдѣлаемъ. Каждое утро на лугу будемъ стрѣлять въ цѣль. Ты увидишь, какое это произведетъ впечатлѣніе. Говорятъ, что вообще поселяне боятся оружія. О! они перестанутъ приставать съ своими угрозами.

Слова Анни оправдались. Послѣ нѣсколькихъ дней нашихъ упражненій, ирландцы начали далеко обходить насъ. Они боялись двухъ „бѣлыхъ дьяволовъ“, какъ они, по словамъ Майльза, насъ прозвали.

Но если не трогали меня, то Артура продолжали тревожить. Угрожающія письма получались ежедневно. Анни громко смѣялась надъ ними. Выучившись съ необычайною легкостью по ирландски, она смѣло обращалась съ энергическою рѣчью ко всякому ирландцу, который попадался намъ на встрѣчу. Храбрость ея принесла намъ большую пользу. Но не смотря на все это, Анни, въ сущности была постоянно на сторожѣ, постоянно ожидала какой нибудь опасности. Ожиданія ея сбылись.

Это случилось наканунѣ Рождества. Артуръ возвратился въ этотъ день изъ поѣздки въ ближній городъ. По дорогѣ въ него стрѣляли, въ третій разъ со времени прибытія нашего въ Аббейлендсѣ. Была морозная ясная ночь, съ сильнымъ западнымъ вѣтромъ. Грустнымъ былъ этотъ канунъ Рождества для насъ. Посидѣвъ и потолковавъ о происшествіяхъ за это время, мы разошлись.

Я уже засыпала, когда вдругъ мнѣ почудилось, что меня слегка трогаютъ за плечо.

— Марта, милая Марта, проснись! Артуръ! замокъ подожжетъ!

— Подождень, Анни! Дѣти, дѣти!

— Они уже въ безопасности, милая. Одѣвайтесь только скорѣе, какъ можно скорѣе. Надо прыгать въ окно, коридоръ уже весь въ огнѣ и пламя быстро распространяется! Артуръ, берите ваши пистолеты! Скорѣе, скорѣе!

Но Артуръ, полуодѣтый, уже исчезъ въ дымившемся коридорѣ. Онъ бросился въ контору спасать арендаторскія книги. Я выбралась изъ дома съ помощью Анни и найдя дѣтей и няню цѣлыми и невредимыми, побѣжала искать мужа. На минуту я видѣла, какъ онъ показался въ окнѣ конторы, весь окруженный дымомъ и пламенемъ, въ слѣдующую минуту онъ уже былъ около меня, почернѣвшій, съ опаленными волосами, но—съ кинями книгъ и денежной шкатулкой въ рукахъ.

— Возьми это и береги, Марта, береги какъ жизнь! крикнулъ онъ мнѣ и снова вскочилъ въ окно, гдѣ исчезъ среди густыхъ клубовъ дыма.

Но я не хорошо помню, что произошло затѣмъ и пришла въ себя только почувствовать, что кто-то сильно схватилъ меня за руки и вырвалъ книги и шкатулку; но въ ту же минуту прогрохоталъ выстрѣлъ, а за нимъ раздался стонъ и отнятыя у меня вещи попадали кучей къ моимъ ногамъ. Черезъ секунду въ окнѣ опять показался Артуръ, тащившій за собой какого-то человѣка, находившагося, повидимому, въ безсознательномъ состояніи.

Я не могла выдержать всѣхъ этихъ волненій и лишилась чувствъ...

Когда я опомнилась, я увидѣла, что лежу въ каретѣ, закутанная въ теплыя одѣяла. Артуръ поддерживалъ мою голову. Анни и дѣти сидѣли напротивъ меня, а съ козелъ раздавался голосъ Майльза и няни. Мы ѣхали въ Блэкивилль. Отъ Аббейлендса осталась только груда горѣвшихъ развалинъ.

— Гдѣ книги? спросила я слабымъ голосомъ, я уронила ихъ, Артуръ.

— Они спасены, милая, благодаря нашей храброй Анни, мы, слава Богу, всѣ отдѣлались безъ вреда, шопотомъ отвѣчалъ мнѣ мужъ.

— Ты не обжегся, Артуръ? я думала ты не выберешься изъ этаго страшнаго огня!

— Милая, огонь вовсе не былъ такъ близокъ ко мнѣ, какъ казалось тебѣ, меня только немного зацепило и больше ничего.

— Кого это ты тащилъ съ пожара?

— Я не знаю его и не хочу знать, кто онъ такой!

— Да, вѣдь, ты же спасъ ему жизнь, Артуръ! Можетъ быть онъ-то и поджегъ Аббейлендсѣ.

— Очень вѣроятно, но—онъ спасенъ и, милая, прошу тебя, не будемъ больше говорить объ этомъ. Понимаешь меня. Ну, мы прѣхали въ Блэкивилль. Примутъ ли они насъ къ себѣ?

Насъ приняли чрезвычайно гостеприимно. Тамъ, совершенно неожиданно, оказался и одинъ изъ членовъ семейства Блэкивилль—молодой капитанъ Блэкъ, племянникъ сэра Рэдмонда, только что возвратившійся изъ похода съ своимъ полкомъ. Нѣсколько часовъ спустя, мы уже были въ теплыхъ и чистыхъ постеляхъ, засыпая съ сладкимъ чувствомъ сознанія, что опасность миновала.

Прошло еще 5 лѣтъ и мы все еще въ Ирландіи, которую не намѣрены оставлять. Въ живописной части парка, въ нѣкоторомъ разстояніи отъ развалинъ Аббейлендса, расположено красивое зданіе, выстроенное въ современномъ стилѣ. Имѣніе уже перемѣнило хозяина. Рэдмондъ умеръ отъ ушиба, упавъ съ лошади и его мѣсто заступилъ капитанъ Блэкъ, или, какъ теперь

звать его, сэр Гарри, которому и принадлежит Блеквилль. Сестра Анни за нимъ замужемъ. Онъ полюбилъ ее и часто вспоминаетъ о мужествѣ, выказанномъ ею въ ночь пожара въ Аббейлендсѣ. Въ Блеквиллѣ живетъ тоже одинъ пожилой, угрюмый человѣкъ, у котораго одна только рука; другую ему отстрѣлила, во время пожара Аббейлендса, сестра моя, защищавшая отъ него шкатулку и книги, вѣтренные мнѣ мужемъ. Тѣмъ не менѣе, онъ слѣпо преданъ лэди Блэкъ и помогаетъ ей въ саду, ходить за ея пони и носить ко мнѣ письма отъ нея. Кромѣ него, есть еще и другой—молодой, но съ бѣлыми какъ снѣгъ, волосами, и съ очень слабымъ зрѣніемъ: онъ все-

гда носитъ зеленые очки. Анни увѣряетъ, что онъ опалилъ себѣ на томъ пожарѣ брови и рѣсницы; этотъ молодой человѣкъ прислуживаетъ Артуру, за которымъ слѣдуетъ повсюду какъ вѣрная собака. Мы съ Анни увѣждены, что это именно тотъ самый, который поджегъ Аббейлендс и котораго Артуръ спасъ, рискуя собой. Народъ, съ которымъ мы сжились, совершенно переѣхался къ намъ, показывая намъ и свою призывательность и природную доброту. Мы его побѣдили. Мужа моего всѣ любятъ и уважаютъ, онъ уже не управляющій а владѣтель Аббейлендса (онъ купилъ имѣніе это) и фермеры охотно платятъ аренду, такъ какъ она идетъ больше не Блэкамъ изъ Блеквилля.

Яичная скорлупа.

(Статья профессора А. В. Брандта.)

Не всѣмъ читателямъ нашимъ быть можетъ известно, что изученію птичьего яйца посвящена цѣлая небольшая отрасль зоологіи, именуемая Оологіей (отъ греческихъ словъ *oon*—яйцо и *logos*—ученіе).

Чтобы понять, чѣмъ собственно въ частности занимается оологія, достаточно припомнить разнообразіе видовъ птичьихъ яицъ. Разнообразіе это и въ величинѣ, и въ формѣ, и въ цвѣтѣ и въ вѣсѣ яицъ и въ микроскопическихъ подробностяхъ строения ихъ скорлупы и т. п. Такъ—яйцо Эпюрниса (*Aeruginis maximus*), исполненной страусовой породы, нѣкогда, въ незапамятные времена, населявшей островъ Мадагаскаръ, было длиною въ 7 вершковъ, а по содержанию равнялось приблизительно 150 куринымъ. Даже яйцо африканскаго страуса, по вмѣстимости уже въ 6 разъ меньше, покажется близъ эпюрнисова, весьма скромныхъ размѣровъ. Между этими, громадной величины птичьими яйцами и величины миниатюрной, не превышающей у колибри, наиримѣръ, размѣра горошины, есть множество постепенныхъ переходовъ. Какъ величина, видоизмѣняется и форма яицъ. Отъ яицъ, если выразиться „яйцевидныхъ“, т. е. съ однимъ, болѣе тупымъ, и другимъ, болѣе заостреннымъ концомъ;—какъ у домашнихъ куръ,—мы встречаемъ всѣ переходы къ яйцамъ правильно сферондальнымъ съ одинаково закругленными концами (пеликанъ), далѣе къ грушевиднымъ (у многихъ плавающихъ птицъ), и, наконецъ, къ почти шарообразнымъ (совиные). Не меньшее разнообразіе замѣчается и въ окраскѣ скорлупы: то она снѣжно-бѣлая, то розоватая, то синеватая или зеленоватая, нерѣдко съ бурными или другими свѣтлыми или темными, красивыми правильными или неправильными крапинами, то однообразно темнаго, даже почти чернаго цвѣта, какъ у казуара, и т. д. Описание всѣхъ этихъ видоизмѣненій, конечно, само по себѣ весьма любопытно, ибо указываетъ, такъ сказать на богатство, разнообразіе и „изобрѣтательность“ природы, создающей даже въ довольно тѣсной рамкѣ тысячи вариаций. Тѣмъ не менѣе, было-бы недостаточно, если-бы оологія исчерпывалась изложеніемъ лишь однихъ признаковъ яицъ и притомъ чисто-внѣшнихъ. Сочиненія съ такимъ одностороннимъ направленіемъ, сопровождаемыя нерѣдко роскошными и дорогими атласами рисунковъ, представляютъ, въ сущности, такой-же научный интересъ, какъ альбомъ почтовыхъ марокъ. Удовлетворяя одному лишь безцѣльному любопытству, они не касаются внутренняго содержанія предмета, и такимъ образомъ изображаютъ собою какъ-бы тѣло безъ души; душа-же, содержание всякой науки состоитъ въ обобщеніи и въ объясненіи явленій, т. е. въ изложеніи ихъ причинъ и взаимной связи. Что и ученіе о птичьихъ яйцахъ, подобно всякой другой отрасли знанія, допускаетъ объясненія и обобщенія фактовъ, доказываемыя нѣкоторыми, правда весьма немногочисленными, изслѣдованіями. Сюда относятся прежде всего наблюденія, направленные къ установленію соотношеній между окрашиваніемъ яицъ съ одной стороны и цвѣтомъ гнѣзда и окружающихъ его предметовъ съ другой, сплошь и рядомъ проявляется поразительное сходство въ окраскѣ тѣхъ и другихъ. У многихъ болотныхъ птицъ, не только гнѣздъ, а прямо кладущихъ въ береговой песокъ яйца, онѣ до того сходны по цвѣту съ пескомъ и камушками, что ихъ трудно отличить даже совершенно вблизи. Такія яйца, не смотря на то, что лежатъ совершенно открыто, въ значительной мѣрѣ замаскированы отъ взоровъ хищниковъ. Ясно, что мы имѣемъ тутъ дѣло или съ самымъ цѣлесообразнымъ приспособленіемъ яицъ къ мѣсту обычнаго ихъ гнѣздованія, или же съ неменѣе цѣлесообразнымъ выборомъ птицами именно такихъ, подходящихъ къ цвѣту ихъ яицъ мѣстностей. Замѣтимъ, что во всякомъ случаѣ, если дѣйствительно существуетъ выборъ самими птицами мѣстности, подходящей къ яйцамъ по окраскѣ, то выборъ этотъ едва-ли можетъ быть сознательный, ибо и молодая птица, впервые собирающаяся класть яйца, не имѣя о нихъ никакого представленія, не ошибается ни въ выборѣ мѣста, ни въ выборѣ матеріала для гнѣзда. Поэтому, цѣлесообразный выборъ этотъ инстинктивенъ, унаслѣдованъ. Впрочемъ, существуетъ еще мнѣніе, что по крайней мѣрѣ одна изъ птицъ, а именно кукушка, руководствуется въ данномъ случаѣ иногда и сознательными соображеніями. Птица эта, какъ известно, сама гнѣзда не вьетъ, а помѣщаетъ свои

яйца по одному въ гнѣзда различныхъ мелкихъ птицъ. Послѣднія высидываютъ ихъ вмѣстѣ со своими собственными и затѣмъ выкармливаютъ и молодую кукушку, а эта, въ благодарность, какъ болѣе сильная, отбиваетъ пищу у своихъ сводныхъ братьевъ и, наконецъ, выталкиваетъ ихъ совсѣмъ изъ гнѣзда. Кукушечьи яйца весьма мелки: въ случаѣ надобности, если гнѣздо птишекъ находится въ дуплѣ съ узкимъ входомъ, кукушка можетъ захватить свое яйцо клювомъ и такимъ образомъ просунуть его въ гнѣздо, а во вторыхъ, яйцо не слишкомъ рѣзко отличается отъ собственныхъ яицъ пріотившей его противъ воли птички. Замѣчательнаго всего, что цестря кукушечьи яйца какъ-то особенно варьируются по окрашиванію, и что кукушка, какъ увѣряютъ иные наблюдатели, снесши яйцо, переноситъ его именно въ такое гнѣздо, яйца котораго болѣе всего гармонируютъ ей по цвѣту. Если это такъ, то тутъ дѣйствительно нельзя не признать дѣйствія уже вполне сознательнаго, не инстинктивнаго.

Сходство птичьихъ яицъ, по цвѣту, съ окружающими предметами, замѣчается такъ часто, что не можетъ быть разсмотрѣваемо какъ простая случайность. По своей окраскѣ, яйца подходятъ то къ хворосту, то ко мху, то къ пожелтѣвшимъ травинкамъ, изъ которыхъ свито гнѣздо, то къ землѣ, на которую они прямо положены. Бѣлые и очень свѣтлыя яйца сплошь и рядомъ замѣчаются у птицъ, гнѣздящихся исключительно въ дуплахъ и вообще въ потаенныхъ мѣстахъ. Нельзя, однако, сказать, чтобы защитительная окраска замѣчалась во всѣхъ рѣшительно случаяхъ. Исключенія существуютъ и ихъ даже не мало, но есть-ли правила безъ исключеній? Отрицать цѣлесообразность въ окраскѣ яичной скорлупы на томъ только основаніи, что она не всегда замѣчается, значило-бы ошибочно смѣшивать между собою два различныхъ понятія: цѣлесообразность и совершенство. Цѣлесообразнымъ можетъ быть названо всякое устройство, полезное его обладателямъ, т. е. болѣе или менѣе сообразное съ данными внѣшними условіями, какъ-бы приравненное, приспособленное къ нимъ. Тутъ вовсе не подразумѣвается совершенство, котораго, вообще, въ природѣ не существуетъ. Лишь причина существованія и воплощенія ея, то есть вся природа въ совокупности, совершенна; всякія же отдѣльныя существа и явленія не совершенны уже и потому, что недолговѣчны. Жизнь природы основана на нескончаемомъ разрушеніи и обновленіи, о чемъ мы уже имѣли случай говорить однажды по другому поводу съ читателями „Нивы“ въ 1879 г. въ статьѣ „О численномъ равновѣсіи животныхъ въ борьбѣ за существованіе“. Прибавимъ лишь, что природа, составленная изъ тѣхъ и явленій, безусловно совершенныхъ, была-бы мертва и неподвижна. Совершенство есть, но лишь условное, т. е. его различныя степени; а это уже не есть совершенство въ строгомъ смыслѣ слова, а цѣлесообразность.

Возвращаясь къ птичьимъ яйцамъ, мы можемъ признать въ защитительной ихъ окраскѣ явленіе рѣшительно цѣлесообразное, несмотря на то, что оно замѣчается иногда лишь въ слабой степени, а иной разъ даже и вовсе отсутствуетъ.

Остановимся теперь на другихъ особенностяхъ яичной скорлупы—на такихъ, гдѣ цѣлесообразность проявляется уже всегда и у всѣхъ птицъ безъ исключенія, а именно на химическомъ составѣ и плотности скорлупы. Яичная скорлупа, будучи составлена изъ пзвести углекислой или мѣла и фосфорно-кислой, можетъ быть названа каменною. Она настолько тверда, что достаточно защищаетъ содержимое какъ отъ давленія выпсиживающей птицы, такъ и отъ разныхъ внѣшнихъ невзгодъ. Тѣмъ не менѣе она доступна для воздуха, потому что пориста, порозрѣвата, подобно песчаннику, чрезъ который, какъ известно, можно фильтровать воду. Ея чрезвычайно мелкія, для глазъ незамѣтныя, поры воиравъ необходимы для развитія птенца. Если ихъ замазать, хотя-бы покрываа все яйцо лакомъ, то развитіе зародыша прекращается и онъ умираетъ. Смерть его происходитъ отъ удушенія; ибо не только птица, но и яйцо ея дышитъ, т. е. принимаетъ изъ воздуха кислородъ и отдаетъ въ воздухъ углекислоту. Это доказывается и тѣмъ, что одинаковыя съ лакированіемъ послѣдствія имѣетъ и помѣщеніе яицъ въ сосудъ, не содержащій въ себѣ въ достаточномъ количествѣ кислорода. Итакъ, въ яичной скорлупѣ весьма удачно,

скажемъ цѣлесообразно, соединены прочностью и проникаемостью для газовъ.

Быть можетъ, еще интереснѣе фактъ, который мы теперь подробно рассмотримъ, а именно: твердость скорлупы не служитъ помѣхой для появленія птенца. Правда, высидивающія птицы, слыша усиленное барахтанье образовавшагося вполне цыпленка и пискъ его внутри скорлупы, спѣшатъ ему на помощь и клювомъ пробиваютъ яйцо. Точно также, при искусственномъ высидиваніи яицъ въ печахъ, птицеводъ всегда старается слѣдить за наступленіемъ момента полного образованія цыпленка и помочь его выходу ибо иногда случайно скорлупа можетъ быть и ненормальной толщины, или цыпленокъ болѣзненно слабъ, такъ что можетъ задохнуться въ яйцѣ. Дѣло въ томъ, что непосредственно передъ своимъ рожденіемъ, цыпленокъ, или вообще молодая птичка, начинаетъ уже дышать легкими и требуетъ при этомъ, конечно, гораздо больше кислорода, нежели сколько можетъ проникнуть сквозь поры скорлупы. Однако все-же посторонняя помощь при вылупленіи птенца явленіе едва-ли нормальное; напротивъ, птенецъ справляется обыкновенно собственными силами. У него существуетъ даже особое приспособленіе къ раздробленію яичной скорлупы, а именно содержащій много твердой извести бугорокъ или зубчикъ надъ самой оконечностью клюва. Вскорѣ по вылупленіи птички бугорокъ этотъ пропадаетъ. И этого снарядца было-бы далеко недостаточно для разламыванія скорлупы, если-бы самая скорлупа не подвергалась въ позднѣйшіе періоды насиживанія весьма цѣлесообразнымъ измѣненіямъ, а именно если-бы не дѣлалась болѣе тонкою и ломкою. На это любопытное явленіе я и желаю обратить по преимуществу вниманіе въ настоящемъ очеркѣ.

Самый фактъ сказаннаго измѣненія скорлупы былъ извѣстенъ еще въ XVI столѣтіи *Фабриціо Акванденте* и ученику его, великому *Гарсею*. Уже они установили фактъ цѣлесообразности первоначальной крѣпости и позднѣйшей ломкости скорлупы, сначала защищающей птенца, а затѣмъ не препятствующей его вылупленію. Они не довольствовались простымъ указаніемъ на это явленіе, но остановились на разсмотрѣніи и его причинъ, причемъ *Фабриціо* приписывалъ позднѣйшую ломкость скорлупы высыханію ея отъ теплоты крови зародыша. Теперь это объясненіе не представляется въ всякомъ, ибо въ яйцѣ постоянно содержится влага, которая можетъ впитываться и въ скорлупу. Къ тому-же въ настоящее время доказано, что болѣе ломкость насиженной яичной скорлупы

сопряжена съ потерей въ вѣсъ и съ утонченіемъ ея въ слѣдствіе уменьшенія количества содержащейся въ ней извести. Это теперь уже опредѣлено посредствомъ многократныхъ взвѣшиваній, при которыхъ оказывается, что у любой птичьей породы по вѣсу выдудой скорлупы возможно даже опредѣлить приблизительно долго-ли данное яйцо подвергнется насиживанію.

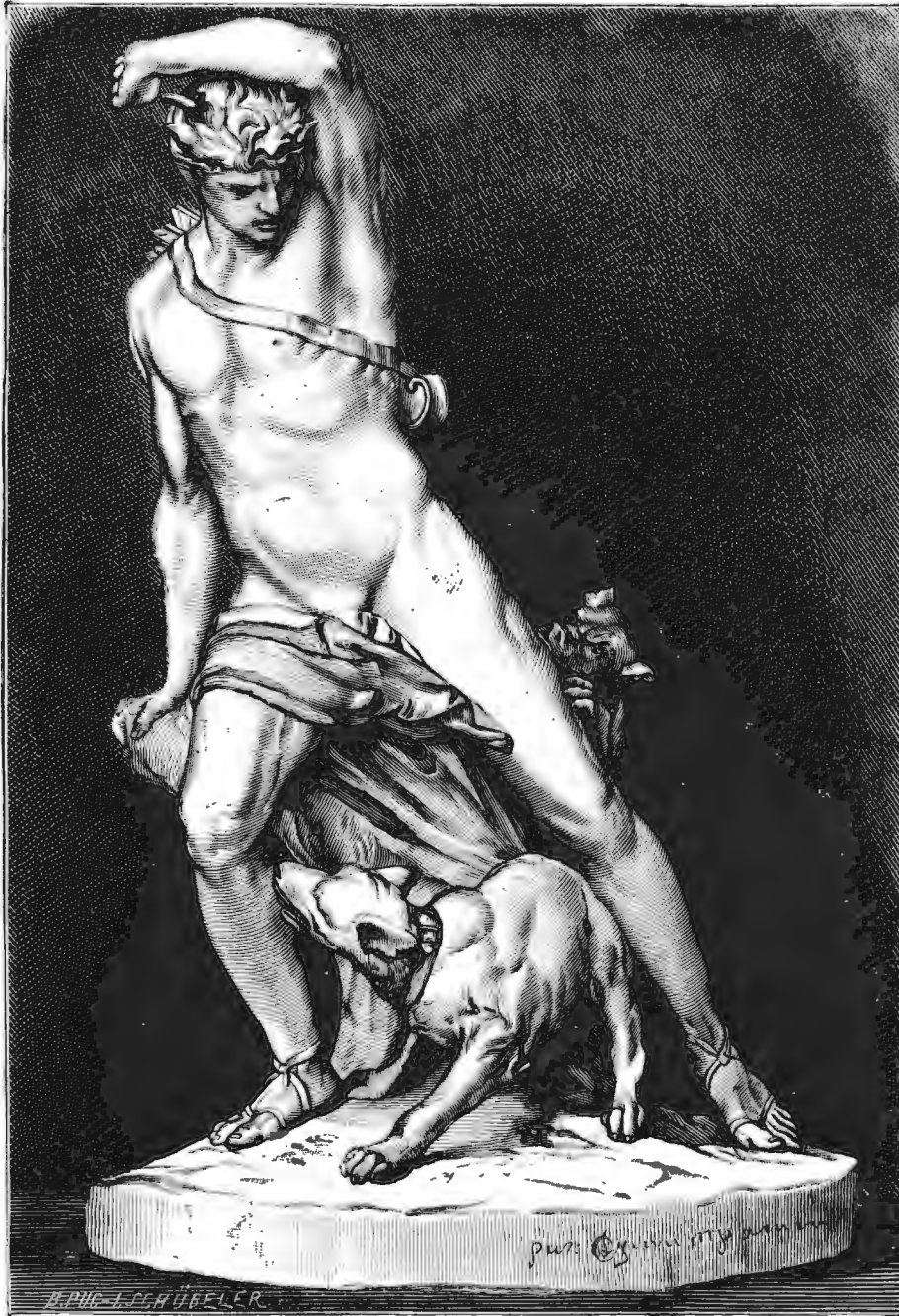
Но почему-же утончается скорлупа во время насиживанія? Обтереться, сточиться обо чтонибудь, она, конечно, не можетъ. Скорѣе стерлось-бы соприкасающееся съ нею опереніе насѣдки. Поэтому утонченіе должно зависѣть отъ перехода части извести изъ скорлупы въ содержимое яйца. Это простое умозаключеніе подтверждается химическими анализами,

показывающими постепенное увеличеніе извести въ содержимомъ яйца, сообразно съ продолжительностью насиживанія. Постараемся ближе познакомиться съ этимъ интереснымъ явленіемъ. Химическій анализъ пяти свѣжеснесенныхъ куриныхъ яицъ, произведенный *Груве*, обнаружилъ въ содержимомъ каждаго изъ нихъ, въ среднемъ выводѣ, приблизительно лишь неполныхъ $\frac{7}{100}$ грамма фосфорнокислой извести, тогда какъ въ содержимомъ трехъ яицъ, сиженныхъ уже дней 18 или 19, а также въ новорожденномъ цыпленкѣ, неупитавшемъ еще принять пищи, среднее количество той-же фосфорнокислой извести составляло уже болѣе $\frac{7}{10}$ грамма. Такимъ образомъ количество фосфорнокислой извести содержащего въ яйцѣ увеличивается за все время высидиванія приблизительно въ 5 разъ. Источникомъ этого увеличенія не могутъ быть другія известковыя соединенія желтка или бѣлка, потому что такихъ другихъ соединеній въ свѣжеснесенномъ яйцѣ едва лишь можно замѣтить слабыя зачатки. Поэтому приращеніе фосфорнокислой извести происходитъ, конечно, на счетъ скорлупы. Пере-

ходъ извести, какъ доказано тѣмъ-же *Груве*, изъ скорлупы въ содержимое въ куриномъ яйцѣ, совершается въ теченіи третей или послѣдней недѣли высидиванія.

Этотъ переходъ извести изъ скорлупы въ составъ содержимаго яйца имѣетъ впрочемъ не только одно то значеніе, о которомъ мы до сихъ поръ говорили, т. е. облегченіе рожденія на свѣтъ птенца, но играетъ еще другую и притомъ весьма важную роль: известь идетъ на окостенѣніе первоначально составленнаго изъ мягкаго хряща скелетца зародыша. Въ одномъ скелетцѣ новорожденнаго цыпленка заключено гораздо болѣе углекислой и фосфорнокислой извести, нежели во всемъ первоначальномъ содержимомъ яйца. Такимъ образомъ скор-

[Продолженіе на стр. 829, 830, 831, 832, 833, 834, 835 и 836].

Русская скульптура въ Спб. Анад. Худож. Атеонъ круглая статуя И. П. Прокофьева. Рис. на деревѣ Думитратій, грав. Шиблеръ.

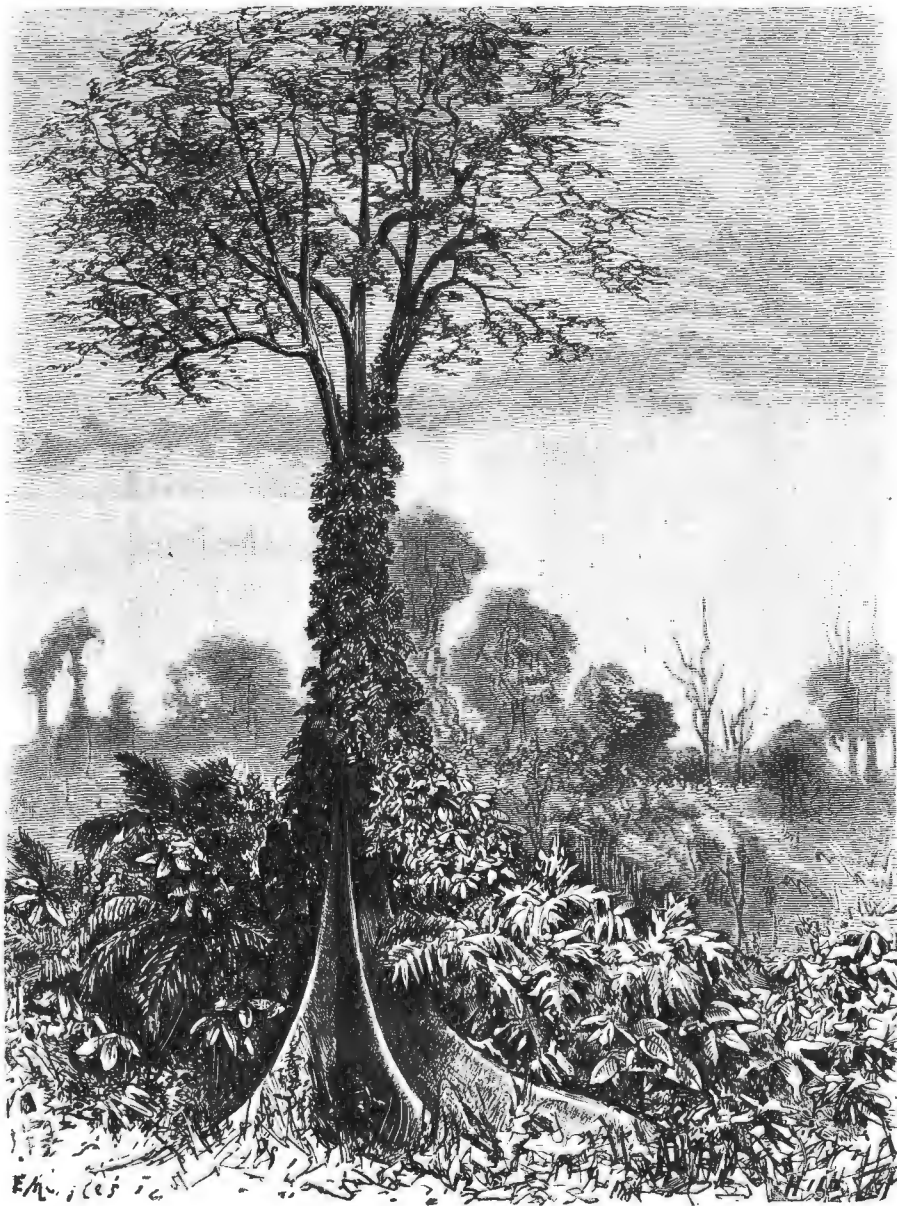
дуна является не только защитительной обложкой содержания, но, подобно желтку и бѣлку—и питательнымъ матеріаломъ для зародыша. На это было указано уже въ началѣ 20-хъ годовъ англичаниномъ *Праутомъ*; то же подтвердили и въ 50-хъ годахъ знаменитые германскіе ученые *Берманъ* и *Лейкартъ* въ очень извѣстномъ своемъ сочиненіи (писанномъ ими вмѣстѣ) „Анатомія и физиологія животнаго царства“.

Груве отказывается представить хотя-бы сколько-нибудь правдоподобное объясненіе того процесса, которымъ совершается перемѣщеніе извести изъ скорлупы въ содержимое яйца и только замѣчаетъ, что посредникомъ при этомъ процессѣ вѣроятно служитъ такъ называемая „аллантоисъ“—зародышная плева, но чѣмъ можетъ выражаться участіе этой плевы въ процессѣ перехода—онъ себѣ не выяснилъ, хотя объ этомъ составили себѣ весьма отчетливое представленіе уже прежніе авторы. Такъ Берманомъ высказанъ весьма рациональный взглядъ на дѣло. Постараемся изложить его понятнѣе для неспециалистовъ.

Упомянутая плева — „аллантоисъ“—вырастаетъ сначала въ видѣ пузыря изъ первоначально незамкнутой брюшной полости птичьяго зародыша. Она изобилуетъ кровеносными сосудами, которые развиваются все болѣе и болѣе, сплетаются между собою все гуще и гуще, такъ что даже вся аллантоисъ можетъ считаться какъ-бы сплетеніемъ сосудовъ. На позднѣйшихъ ступеняхъ развитія зародыша изъ аллантоиса образуется родъ чехла, окутывающаго зародышъ и плотно выстилающій кругомъ изнутри скорлупу. Ко времени выдупленія птенца аллантоисъ уничтожается. Но что это за органъ? Отвѣтъ давно извѣстенъ въ наукѣ: аллантоисъ—органъ дыханія, такъ сказать временныя легкія. Настоящія легкія въ данные періоды развитія птенца составляютъ еще плотную массу, такую-же, какъ напр. печень; въ нихъ еще нѣтъ воздушныхъ полостей. Лишь непосредственно передъ выдупленіемъ у птенца появляются дыхательныя движенія, т. е. расширенія грудной полости, накачивающія въ легкія воздухъ. Съ этого только момента начинается собственно усиленный притокъ къ легкимъ крови, насыщенной углекислотой. Эта углекислота поступаетъ въ полости легкиихъ въ обѣихъ на кислородъ воздуха, и выдыхается. Однако и до этого времени,—какъ уже говорено выше,—зародышъ уже дышетъ, т. е. беретъ изъ воздуха кислородъ и отдаетъ въ воздухъ углекислоту. Но тогда стѣнки легкиихъ замѣняются яичной скорлупой, пронизываемой для воздуха, а кровеносные ихъ сосуды сосудами плевы аллантоиса. Для насъ, въ данномъ случаѣ важно, что насыщенная углекислотой кровь зародыша, въ сосудахъ плевы аллантоиса приходитъ въ соприкосновеніе съ известью скорлупы. Просимъ читателей запомнить пока этотъ фактъ, въ

которомъ тотчасъ-же вернемся послѣ самаго краткаго отступленія.

Извѣстно, что въ рѣчной и въ колодезной водѣ всегда содержится въ большей или меньшей мѣрѣ известь. Ея нѣтъ во все лишь въ водѣ дистиллированной, перегнанной и дождевой. Далѣе въ водѣ есть въ болѣе или меньшей мѣрѣ углекислота, которая отчасти берется изъ воздуха, отчасти выдыхается рыбами и другими животными, а также образуется при гниеніи органическихъ веществъ и пр. Только благодаря своей углекислотѣ, вода растворяетъ известковыя частицы, съ которыми встрѣчается въ почвѣ. При этомъ углекислая известь или мѣлъ превращается въ двууглекислую, т. е. въ соединеніе, растворимое въ водѣ. Двууглекислая известь вещество весьма неустойчивое, разлагающееся при соприкосновеніи съ воздухомъ, при испареніи воды, причемъ углекислота улетучивается, а известь осаждается. На этомъ основано между прочимъ образование сталактитовъ, тѣхъ известковыхъ подвѣсковъ и столбовъ, которыми украшены многія пещеры. Осажденіе углекислой извести происходитъ весьма быстро въ минеральныхъ источникахъ, богатыхъ углекислотой: освободившись изъ-подъ сильнаго давленія, которому былъ подвергнутъ въ нѣдрахъ земныхъ, газъ этотъ быстро улетучивается пузырьками, какъ изъ раскупоренной бутылки шипучаго напитка; покинутая же имъ двууглекислая известь превращается въ нерастворимую простую углекислую известь и осаждается на дно. Букеты, корзиночки, грибы и всякіе предметы, опущенные въ подобныя источники, весьма скоро покрываются сначала налетомъ, а потомъ и цѣлою корою извести и превращаются какъ-бы въ каменные. И такъ,—а это для нашего вопроса существенно,—вода содержащая въ себѣ углекислоту, при встрѣчѣ съ известью, растворяетъ ее. Это одинаково справедливо какъ для чистой воды, такъ и для воды съ раз-

Желѣзное дерево (*Siderocendron*). Рис. Висль, грав. Гиллдебрандъ.

ными примѣсями, а потому должно быть одинаково справедливо и для крови, основная часть которой та-же вода.

На самомъ дѣлѣ въ природѣ гдѣ есть всѣ условія для какого либо явленія, явленіе это и происходитъ неминуемо, роковымъ образомъ. Законы природы неизмѣнны. Насыщенная углекислотой кровь плевы аллантоиса, приходя въ соприкосновеніе, черезъ пронитанныя и смоченныя влагою стѣнки сосудовъ, съ яичною скорлупою, растворяетъ часть углекислой извести этой скорлупы. Растворъ двууглекислой извести, который при этомъ получается, всасывается черезъ стѣнки сосудовъ въ кровь плевы аллантоиса. Такимъ образомъ въ скорлупѣ все-таки есть подходящія условія для растворенія и просачиванія хотя бы только самыхъ незначительныхъ количествъ углекислой извести, объ усиленномъ же раствореніи углекислой извести конечно, не могло быть и рѣчи. И къ тому же уси-

ленное растворение извести скорлупы привело бы к полному и преждевременному обнажению зародыша, когда он еще нуждается в защитительном покрове. Разъ попавшаяся во внутрь кровеносного сосуда частица двууглекислой извести уже в скорлупу вернуться не может, хотя бы и утратила долю своей углекислоты и превратилась в мельчайшую мѣловую пылинку—пылинка эта увлекается кровянымъ токомъ во внутрь зародыша и при новой тамъ встрѣчѣ съ обильнымъ количествомъ углекислоты вновь растворяется.

Уносимая кровью изъ скорлупы известь отлагается по преимуществу въ костяхъ зародыша, составленныхъ, какъ уже сказано, первоначально изъ хрящевой лишь массы. Отлагается же она тутъ отчасти въ видѣ углекислой, отчасти въ видѣ фос-

форнокислой извести. Последняя образуется, конечно, при химическомъ участіи какихъ либо, содержащихъ фосфоръ, составныхъ веществъ зародыша; но какія это вещества—пока остается еще темнымъ.

И такъ, мы уяснили себѣ, на основаніи фактовъ и соображеній, какимъ простымъ способомъ происходитъ утончение яичной скорлупы во время высививанія. Мы ознакомились и съ цѣлесообразностью этого явленія — а именно съ его пользою для образования костей и облегченія появленія на свѣтъ птенца. Примѣръ яичной скорлупы—одинъ изъ тысячи примѣровъ, разительнымъ образомъ подтверждающихъ существованіе въ природѣ самой тѣсной связи между глубокою цѣлесообразностью и необходимостью каждой отдѣльной части созданія.

ДАННЕМОРСКІЯ ЖЕЛѢЗНЫЯ РУДЫ.

Изъ путевыхъ замѣтокъ по Швеціи Н.

Отправляясь изъ Упсалы, этаго центра шведской интеллигенціи, мы рѣшили остановиться въ Даннеморѣ. На станціи близъ замка Эрбигусъ поѣздъ стоитъ цѣлый часъ, и этотъ часъ мы употребили для обозрѣнія окрестностей. Въ этомъ замѣтѣ 26 февраля 1577 года умеръ Эрихъ XIV, заключенный сюда своимъ жестокимъ братомъ. Келья или вѣрше темница съ небольшими рѣшетчатыми окнами гдѣ томился несчастный принцъ сохранена въ прежнемъ видѣ. Прочія же части замка съ его прекраснымъ зеленымъ паркомъ и свѣтлыми озерами уже носятъ на себѣ печать современнаго вкуса. Богатая художественная коллекція предметовъ разныхъ странъ и тѣхъ временъ, когда шведскіе полководцы возвращались изъ походовъ отягощенные добычей, указываетъ на художественные вкусы теперешняго владѣльца замка и вообще на то какъ здѣсь всѣмъ этимъ интересуются вообще знатные шведы. Каждый замокъ—цѣлый храмъ искусства, маленькій музей. Этой особенності шведовъ мы обязаны сохраненіемъ многихъ произведеній старинныхъ мастеровъ.

Приближаясь къ цѣли нашего путешествія, къ станціи знаменитаго рудника Даннемора, мы услышали постепенно усиливающіяся какъ бы громовые раскаты. Намъ объяснили, что это взрываютъ скалы, и совѣтовали поторопиться если мы желаемъ видѣть это интересное зрѣлище вблизи. Мы же и не стали осматривать массу разбросанныхъ здѣсь по разнымъ мѣстамъ, шахтъ и построекъ и направились прямо къ самой большой и глубокой шахтѣ. Чтобы составить себѣ какое нибудь понятіе объ этой грандіозной работѣ, нужно перекинуть воображеніемъ въ сказочныя времена и представить себѣ гигантовъ, которые кидались скалами и горами, и играли ими какъ мячиками, представить себѣ, что они выхватили нѣсколько скалъ этой каменистой мѣстности, чтобы устроить гробницу одному изъ умершихъ собратій. Рудникъ Даннемора однако дѣло руль человѣческихъ. Громаднымъ четырехугольникомъ въ 200 сажень длины и 50 ширины простирался онъ передъ нами. Я чувствовалъ головокруженіе, заглянувъ въ его бездонную глубину; голубой туманъ отъ взрывовъ, носился внизу между темными стѣнами. Вдругъ камни дрогнули подъ нашими ногами и мощный ударъ, повторенный гигантскими желѣзными скалами, потрясъ воздухъ. Это былъ взрывъ руды пороховой миной.

Товарищъ мой вычислилъ, что глубина шахты равняется 60 сажнямъ. Когда разсѣялся дымъ, мы могли рассмотреть работы въ самой шахтѣ. Люди, двигавшіеся тамъ, казались таковыми крошечными! Несмотря на то, что день былъ ясный и солнце стояло высоко, внизъ, въ глубину, не проникалъ ни одинъ лучъ, все тамъ покоилось въ сырой туманной тѣни. Удары молотовъ и визгъ буровъ достигали до насъ въ видѣ какъ бы гармоническаго звона громадныхъ колоколовъ.

Не смотря на сильное головокруженіе я не могъ противиться искушенію—и спустился внизъ. Однако мы не рѣшились воспользоваться лѣстницами, ведущими съ уступа на уступъ—онѣ были связаны и утверждены желѣзными крючьями и огромными ско-

бами. Мы предпочли спуститься въ одной изъ бочекъ для подѣема руды. Спускъ занялъ минутъ десять. И мы очутились внизу. Тутъ намъ представились по всѣмъ направленіямъ богатые металлическія жилы, штольни и шахты, изъ мрачныхъ пастей которыхъ появлялись и тамъ исчезали рудокопы съ своими тачками. Въ мѣстахъ гдѣ была уже выбрана вся руда, образовались странныя углубленія, простѣвки, ниши, куполы и своды, которые въ своемъ живописномъ разнообразномъ соединеніи напоминали развалины какихъ то циклопическихъ построекъ сказочныхъ временъ. Тутъ же видѣлись хижины, дома, сараи, и водосточныя канавы.

Удивительно, что удары достигавшіе къ намъ на верхъ, какъ звуки колоколовъ, здѣсь производили обыкновенное впечатлѣніе ударовъ молотовъ въ любой кузницѣ.

Руда, добываемая изъ этаго рудника и другихъ, даетъ отъ 45 до 70 процентовъ сыраго желѣза, которое считается лучшимъ въ Европѣ. Англичане берутъ исключительно это желѣзо для своихъ сталелитейныхъ фабрикъ и еще недавно, ежегодно вывозили среднимъ числомъ до 1,500,000 пудовъ, причемъ, кромѣ того въ Швеціи потреблялось отъ 300 до 450,000 пудовъ. Общій застой въ дѣлахъ въ послѣдніе годы не остался и здѣсь безъ вліянія, такъ что часть работъ должны были приостановить. Теперь работаютъ только въ двадцати шахтахъ.

Руда, для облегченія перевозки ея, размельчается тутъ же въ Даннеморѣ въ литейныхъ и кузняхъ и затѣмъ погружается на воза. Тутъ же около шахтъ устроены громадныя насосы для выкачивания воды, просачивающейся сюда изъ близлежащихъ озеръ. Помѣщенія завѣдующихъ работами и рабочихъ неподалеку. Здѣсь установился обычай, что каждая рабочая семья получаетъ домикъ съ сараемъ на двѣ коровы и небольшимъ садикомъ. Въ этомъ помѣщеніи семья эта и остается пожизненно, даже если члены ея и становятся неспособными къ работѣ. Домики эти, не смотря на скучное однообразіе ихъ архитектуры, расположены очень живописно между буками и дубами, и производятъ пріятное впечатлѣніе особенно необыкновенною чистотою.

Этотъ обычай, достоинъ подражанія. Онъ введенъ барономъ Гееромъ, еще въ началѣ XVII вѣка на здѣшнихъ рудникахъ. Настоящій владѣлецъ большей части рудниковъ, также баронъ Гееръ.

Люди въ продолженіи пяти вѣковъ имѣли время устроить этотъ рудникъ, но иногда природа, противъ ихъ воли и желанія способствовала его разрушенію. Вначалѣ здѣсь было нѣсколько большихъ шахтъ, которыя постепенно обваливались, такъ что наконецъ стѣны рушились сами. Вода также подтачивала шахты. Въ настоящее время гранитная дамба, защищаетъ рудникъ отъ потопленія ея озерами.

Толстые плоды и тѣ не могли насъ защитить отъ сырости и холода въ шахтахъ—и мы поторопились подняться на верхъ на свѣтъ Божій...

КЪ РИСУНКАМЪ

Академикъ Ю. Ю. Клеверъ.

Читатели наши давно знакомы съ именемъ этаго гадантливаго художника. На страницахъ „Нивы“ неоднократно помѣщались копии съ его картинъ. Не такъ давно въ № 15 настоящаго года была помѣщена его «на островѣ Наргенѣ», и другія картины, писанныя, какъ и его извѣстная «Льсная глушь» подъ впечатлѣніемъ интересной поѣздки его въ 1879 году на уединенный и оригинальный островокъ, такъ мирно живущій собственной жизнью, далекою отъ мірскихъ тревоженій и соблаговъ, среди бушующихъ морскихъ валовъ и своихъ дремучихъ, загдшихъ лѣсовъ. Слишкомъ извѣстны Клевера—и «Зимній закатъ надъ кладбищемъ» и «Зима» и «Заря» и «Первый снѣгъ» и «Дѣвственный лѣсъ» произведшая такое впечатлѣніе на Берлинской выставкѣ, о чемъ мы говорили въ № 39.

Юлій Клеверъ, старшій сынъ ст. сов. Ю. В. Клевера, ро-

дился въ Дерптѣ 19-го Января 1850 г. и тамъ же воспитывался. Въ 1866 г. окончивъ курсъ въ Дерптской гимназіи, Клеверъ поступилъ въ С.-Петербургскую Академію Художествъ, гдѣ довольно долгое время занимался архитектурой, занятіе, которое однако года два спустя, онъ оставилъ и, слѣдуя своему призванію, занялся исключительно живописью. Вскорѣ, т. е. въ 1870 году, будучи еще ученикомъ профессора Воробьева, Клеверъ уже получилъ двѣ серебряныя медали, большую и малую. Въ 1871 году онъ выставилъ въ Академіи первую свою картину «Заброшенное кладбище зимою», которая была приобретена графомъ Строгановымъ.

Въ 1872 г. Великая Княгиня Марія Николаевна приобрѣла его небольшую картину «Закатъ» и въ томъ же году его «Вечеръ въ Лифляндской деревнѣ» была послана Академіей въ Вѣнскую Всемирную выставку.

Въ 1874 г., въ Обществѣ Поощренія Художниковъ Клеверъ

устроил первую выставку исключительно своих произведений; большая картина его „Льсная глушь“ тогда поступила в собственность г. Третьякова и увезена в Москву. В 1875 году отъ Общества Поощренія Художниковъ, Клеверу была выдана первая премія за картину „Запущенный паркъ“ (собственность издателя „Нивы“) сдѣланную на конкурсъ и въ 1876 году тѣмъ же Обществомъ выдана 2-ая премія за картину „Русская весна“ тоже писанную на конкурсъ, которая и была приобретена графиней Канкриной. Въ томъ же году стала собственностью Государя Императора картина „Березовый лѣсъ“. За эти двѣ послѣднія картины Клеверъ получаетъ уже званіе класснаго художника первой степени.

Зимой 1876 года, въ Обществѣ Поощренія Художниковъ состоялась вторая выставка произведений Клевера, изъ 10 картинъ и 30 этюдовъ. Все это въ то время было раскуплено. Въ 1878 году, за картину „Паркъ въ Маріенбургѣ“, Клеверъ получилъ званіе академика; произведение это приобретено г. Терещенко. Картина эта „Паркъ“ въ томъ же году была отправлена на Всемирную Парижскую Выставку. Въ 1879 году на Акад. Выставкѣ собственностью Его Величества стала новая картина Клевера „Лѣсъ зимой“ и Великаго Князя Константина Константиновича картина „Ночь“. Лѣтомъ 1879 года Клеверъ, какъ мы говорили выше, ѣздилъ съ известнымъ нашимъ артистомъ Самойловымъ на островъ Наргенъ, и результатомъ этой поездки было 5 картинъ, изъ которыхъ одна „Лѣсъ на о. Наргенѣ“, была приобретена Третьяковымъ, а другая—„Островъ Наргенъ“ (копія съ которой была помѣщена въ № 15 „Нивы“) Великимъ Княземъ Александровичемъ.

Мы перечислили главные работы нашего художника. Радужный и блестящій приемъ, сдѣланный произведеніямъ Клевера въ Берлинѣ, (о чемъ мы подробно говорили въ № 39), не можетъ не радовать насъ какъ одинъ изъ новыхъ шаговъ знакомства Европы съ произведеніями русскаго искусства и намъ остается пожелать чтобы наши талантливыя художники послѣдовали въ этомъ отношеніи примѣру г. Клевера и не чуждались галлерей западныхъ столицъ, чтобы могли видѣть какъ двинулось наше искусство.

Теперь талантъ г. Клевера можно считать вполне зрѣлымъ и опредѣленнымъ. Мастерство техники, глубина поэтическаго чувства, чувства природы, во всѣхъ его произведеніяхъ—нынѣ уже получили всеобщее признаніе.

„Симъ креститесь!“

(Рис. Зиновьева. Изъ эпохи стрѣлцкихъ бунтовъ).

Неоднократно обращались мы къ этой интересной эпохѣ, полной движенія, тревожнаго эпохѣ стрѣлцкихъ бунтовъ. Въ прекрасномъ романѣ Вс. С. Соловьева „Царь-Дѣвица“, помѣщенномъ въ прошломъ году въ „Нивѣ“, въ яркихъ и живыхъ образахъ очерчено это время—управленія царевны Софіи. Читатели наши конечно помнятъ это талантливое произведение. По этому мы ограничимся здѣсь лишь религіозной стороной движенія.

Извѣстно, что кромѣ причинъ политическихъ, кромѣ того, что разныя партіи пользовались волненіями для своихъ цѣлей, были этимъ движеніямъ еще причины религіозныя. Исправленіе богослужебныхъ книгъ суровымъ патріархомъ Никономъ (1654 г. при Алексѣѣ Михайловичѣ) положило начало расколу. Расколъ проникъ во всѣ классы русскаго народа. Лѣсныя чащи наполнились хижинами и шаламами отщепенцевъ отъ господствующей церкви. Во многихъ мѣстахъ образовались монастыри или скиты раскольниковъ—низовья Дона и Дѣпра, берега Волги, даже Сибирь наполнились раскольниками. Отвергая новыя исправленія, утвержденныя Соборомъ при Никонѣ, старообрядцы признавали истинными и священными только старыя книги и иконы, которыя и приобрѣтали, не шадя ни денегъ, ни трудовъ. Въ духѣ крайней нетерпимости и исключительности, былъ и ихъ католицизмъ—основанія ихъ ученія. Разныя секты имѣли одно общее: заклятую вражду противъ православія и признающей его власти. Прямого участія раскольниковъ не видно въ переворотахъ, передавшихъ власть въ руки царевны Софіи, но сношенія съ ними несомнѣнно были. Ей не была нужна вся эта опасная масса недовольныхъ, — ей нужно было, чтобы главы раскола ей сочувствовали, благодаря ея обѣщаніямъ. Князь Иванъ Хованскій былъ послѣдователь раскола, и имѣлъ въ Москвѣ моленную. Раскольники воспрянули. Учителя и проповѣдники раскола явились въ Москвѣ, гдѣ Хованскій и стрѣльцы радостно ихъ приняли.

Одинъ изъ самыхъ выдающихся учителей раскола, былъ знаменитый Никита, по прозвищу „пустосвятъ“. Энергическій, умный, обладавшій даромъ увлекательнаго краснорѣчія, суровый и фанатическій, онъ открыто проповѣдывалъ на улицахъ Москвы. Толпы стрѣльцовъ и народу шли за нимъ. „Постойте православные! говорилъ онъ, за истинную вѣру—гибнетъ вѣра на Руси и во всей землѣ!“ Правительство бездѣйствовало. То было время страшной анархіи на Москвѣ. Царевна еще не осматрѣлась. Дерзость раскольниковъ грозила новыми бунтами.

На рисункѣ Зиновьева изображена сцена появленія Никиты на крыльцѣ, послѣ знаменитаго диспута, состязанія въ Грановитой палатѣ. Это состязаніе московскаго духовенства съ первоучителями раскольничьими кончилось, какъ извѣстно, страш-

нымъ беспорядкомъ. Среди шума и гама вломившихся въ палату раскольниковъ, изъ коихъ многие были не трезвы—сидѣли юные цари. „Мы пришли утвердить вѣру! властно говорилъ Никита. Онъ подавалъ царямъ челобитную, которую начали громко читать. Никита поджигалъ народъ воззваніями и ругалъ патріарха. Пренія были конечно невозможны. Какія ни приводилъ патріархъ доводы къ убѣжденію, никто ихъ не хотѣлъ слушать. Раскольники вышли еще шумнѣе изъ царскихъ палатъ, чѣмъ вошли. Высоко поднявъ свои иконы, хоругви, они кричали ожидавшимъ ихъ внизу стрѣльцамъ и народу: „Мы побѣдили! Тако вѣруйте! Симъ креститесь!“

— Тако вѣруйте! Симъ креститесь! загремѣлъ съ высокаго крыльца Никита Пустосвятъ, высоко поднявъ руку, со сложенными по старовѣрческому правилу перстами. Народъ гудѣлъ на площади...

Эта послѣдняя сцена и изображена на нашемъ рисункѣ.

Городъ Великій Устюгъ.

Среди уѣздныхъ городовъ Вологодской губерніи Великій Устюгъ на р. Сухонѣ до сихъ поръ остается лучшимъ, наиболѣе промышленнымъ, даже не уступая въ этомъ отношеніи своему губернскому городу. Великій Устюгъ одинъ изъ старѣйшихъ городовъ нашего Сѣвера, существующій уже болѣе 700 лѣтъ.

Какъ извѣстно, городъ основанъ еще въ началѣ XIII вѣка а именно около 1212 года Устюжане начали переселяться изъ города Гледене на лѣвый берегъ Сухоны—на мѣсто нынѣшняго города, гдѣ былъ посадь, называвшійся „Чернымъ Прилукомъ“. Устроивъ здѣсь поселеніе, жители огородились крѣпкимъ городомъ, чтобы оборониться отъ сосѣднихъ враждебныхъ племенъ, изъ которыхъ особенно были опасны и безпокойны камскіе болгаре.

Послѣдующая исторія Устюга тѣсно связана съ исторіей нашего сѣвера вообще, а что значеніе его и сила были велики, это доказывается уже даннымъ ему названіемъ Устюга Великаго. Устюжскій лѣтописецъ отмѣчаетъ съ полною точностью всѣ бѣдствія, даже сильныя грозы и дожди, пронесшіяся надъ его роднымъ городомъ, рассказываетъ иногда о подвигахъ совершенныхъ его соотчичами на пользу и славу родины. Такъ въ раннюю эпоху Устюжане служили вѣрой и правдой своимъ князьямъ и ходили съ ними противъ Болгаръ-Двинянъ и Татаръ, а въ уѣздный періодъ играли дѣятельную роль въ княжескихъ междоусобицахъ.

Въ 1406 году царь Казанскій Мешутехъ, послалъ противъ Устюга дружину въ 700 человекъ, которая подошла къ городу, уже успѣла зажечь его, но устюжане защищались храбро и отчаянно, и отбивъ татаръ, принудили ихъ заключить миръ. Въ XVI вѣкѣ Великій Устюгъ неожиданно получилъ огромное торговое значеніе: въ 1553 году появились въ устьѣ Сѣверной Двины корабли англійскіе, голландскіе и нѣмецкіе для начала торговли съ московскимъ государствомъ и Устюгъ гостеприимно принялъ отважныхъ мореплавателей, отвелъ для нихъ особую слободу въ мѣстности до сихъ поръ извѣстной подъ именемъ „Нѣмчинова ручья“.

Самымъ труднымъ и заботнымъ временемъ для Великаго Устюга, какъ и для остальной Руси, была печальная эпоха самозванцевъ и междоусарствія. Всѣ сѣверные города до 1608 года, послушные требованіямъ законнаго правительства послали войска противъ самозванцевъ; душею всѣхъ дѣйствій являлись Устюжане и Строгоновъ Сольвыгодскій приносилъ все, что могъ въ казну и вообще пожертвованія сѣверныхъ городовъ были значительны; такъ одинъ Устюжскій Архангельскій монастырь съ 1607 г. по 1610 г. пожертвовалъ на государственныя нужды 2620 рублей. По тогдашней цѣнности рубля это была значительная сумма.

Въ XVII вѣкѣ Великій Устюгъ подвергся нападенію поляковъ; 25 января 1613 года польскія банды пришли въ Устюгъ изъ Холмогоръ и начали поджигать его, но были отражены воеводою Пушкинымъ. Наконецъ усилія всѣхъ городовъ русскихъ получили полный успѣхъ по избраніи царемъ Михаила Фѣдоровича Романова. Но послѣ того на сѣверѣ нашего отечества продолжались еще нѣсколько лѣтъ грабежи и разбои, производимые казаками и разными бродягами.

Въ началѣ 1780 года учреждена Устюженская область, причисленная къ вологодскому намѣстничеству и въ то же время въ Устюгѣ были построены присутственныя мѣста. Въ 1797 же году Великій Устюгъ назначенъ уѣзднымъ городомъ Вологодской губерніи. Нынѣ въ Устюгѣ до 8000 жителей, при чемъ преобладающее населеніе—торговое и промышленное. Здѣсь производится полотно, работа чернью по серебру и кромѣ того всякаго рода желѣзныя издѣлія, изъ которыхъ, особенно славятся здѣшніе топоры. Выдѣлка щетинъ занимаетъ въ Устюгѣ также не мало рукъ и вообще промышленныхъ и торговыхъ заведеній здѣсь значительно болѣе нежели въ Вологдѣ. Обиліе церквей указываетъ, что прежде населенія было больше и городъ богаче, но съ упадкомъ сѣверной торговли и основаніемъ Петербурга, уменьшилось населеніе, и одна церковь осталась памятникомъ прошлаго. Самый старинный, священныи по многимъ религіознымъ преданіямъ, памятникъ Великаго Устюга—это Успенскій соборъ, который красиво высятся надъ скромными зданіями

уздного города. История Успенского собора тѣсно связана съ судьбами самого Устюга; сначала деревянный, онъ много разъ дѣлался жертвою пламени, сжигаемый при нападѣнн хитниковъ вмѣстѣ съ городомъ, и только въ 1619 году устюжане могли увѣковѣчить, изъ камня возстановить свою религіозную святыню.

Новгородъ. Церковь Спаса Неродицы.

На правомъ берегу р. Волховки, на красивомъ мѣстѣ, на горѣ Нередицѣ, въ трехъ верстахъ „на два поприща“ отъ города бѣлѣли когда-то стѣны Нередицкаго монастыря. Мимо пролегла большая Новгородская дорога, по которой прошло столько людей за вѣка жизни Великаго Новгорода на Москву и въ другіе города. „Нередицей“—холмъ, называли потому, что стоялъ „не въ ряду“, не въ чертѣ города, а нѣсколько въ сторонѣ за „Славенскимъ концомъ“. Основанъ монастырь былъ княземъ Новгородскимъ Ярославомъ Всеволодовичемъ въ 1191 году. „Тоже лѣто заложи князь церковь камину на горѣ, а прозвище Нередица въ монастырь устрои“ (Новг. I, 6706).

Много разъ горѣлъ монастырь, такъ какъ едва-ли гдѣ въ древней Руси было столько пожаровъ какъ въ Новгородѣ. Половцы, Литва, Шведы, разныя покоренія и усмиренія самосудной вольницы—много при этомъ истреблялось и вывозилось изъ города дорогой утвари. Въ церкви есть древности и достопримѣчательности, напр. чаша 1602 г. и наггелостное евангеліе, пожерованное „паричнымъ крестнымъ дякомъ“ 1686 г. и т. п. Въ половинѣ XVII вѣка монастырь уразрушенъ. Оставшійся отъ XII вѣка храмъ построенъ изъ камня и большихъ кирпичей; кровля на чегыре скага. Живописныя работы, судя по времени, должны были производиться подъ руководствомъ „грцина (грека) Петровича“, расписывавшаго въ 1196 году церковь Новгородскихъ кремлевскихъ воротъ.

Актеонъ.

Круглая статуя И. П. Прокофьева.

Мы продолжаемъ рядъ произведеній нашей скульптуры на-

ходящеюся въ СПб. Императорской Академіи Художествъ статуею „Актеонъ“ И. П. Прокофьева. Это былъ одинъ изъ дѣятельнѣйшихъ нашихъ скульпторовъ конца прошлаго и начала настоящаго столѣтія. (Род. въ 1758 г. и ум. въ 1828 г.) Есть очень много его произведеній. Его лучшія работы: „Морфей“, „Моисей“, барельефы „Жертвоприношеніе Авраама“, „Проклятіе Хама“ и много другихъ произведеній, восхищавшихъ его современниковъ. Статуя „Актеонъ“, находящаяся въ галлерей нашей Академіи Художествъ, живо напоминаетъ намъ о плодovitомъ русскомъ скульпторѣ. Прокофьевъ взялъ въ ней тотъ моментъ, когда цѣломудренная Діана превращаетъ дерзкаго Актеона въ оленя. Главными достоинствами статуи остаются ея пластическая красота и строгая, классическая правильность лѣпки, въ чемъ Прокофьевъ былъ знаткомъ и мастеромъ.

Желѣзное дерево.

(Sidorodendron triflorum).

На нашемъ рисункѣ изображено замѣчательное дерево, растущее въ Новой Гвинее, и тропическихъ странахъ Азіи и Америки; кромѣ того на островѣ Мартиникѣ на горахъ. Оно замѣчательно необыкновенною твердостью древесины, (объ которую часто ломается обыкновенное остріе топора) вслѣдствіе чего и названо желѣзнымъ деревомъ. Древесина необыкновенно крѣпкая, мелкоклѣтчатая и очень красиваго блѣдно-красноватаго цвѣта. Наружный видъ его также оригиналенъ: эти, какъ бы желѣзные, литыя, правильныя ребра ствола, мелкая красивая листва—отличаютъ его отъ другихъ деревьевъ. Цвѣты его съ длинной чашечкой въ четыре лепестка и круглыя сочные ягоды. Этого дерева существуетъ много породъ, изъ коихъ нѣкоторыя есть, какъ мы говорили, и въ Америкѣ. Дерево это превосходно для токарныхъ работъ и легко принимаетъ лакъ и политуру и полированное чрезвычайно красиво. Издѣлія изъ него продаются по довольно высокой цѣнѣ, сообразно его высокимъ качествамъ.

Политическое обозрѣніе.

Новыя мѣры д-ржавъ противъ Турціи.—Национальное движеніе въ Болгаріи и Румелии.—Испанцы и Гибралтаръ.—Палеская энциклика и Россія.

Повидимому державы серьезно рѣшились принять такія мѣры противъ Порты, которыя можетъ быть и приведутъ къ желаемой цѣли, если только будутъ примѣнены безъ колебаній и безъ послабленій. Мѣры эти, дѣйствительно, весьма энергичны и даже болѣе того. Такъ предполагается (вмѣсто демонстраціи у Албанскихъ береговъ) отправить соединенный флотъ изъ Адриатическаго моря въ Эгейское и овладѣть однимъ изъ острововъ Архипелага, а затѣмъ установить кордонъ между европейскими и азиатскими владѣніями Порты. Если этого окажется недостаточнымъ для принужденія Порты къ уступкѣ, то тогда посланники всѣхъ державъ выйдутъ изъ Константинополя и флотъ появится въ Босфорѣ. Наконецъ, въ самомъ крайнемъ случаѣ, возможно и низложеніе султана Абдуль-Гамидъ. Что касается самаго повелителя правовѣрныхъ, то здѣсь будетъ кстатн сказать, что уже съ нѣкотораго времени изъ Константинополя приходятъ вѣсти о томъ, что онъ боленъ и нравственно и физически и будто бы посланники европейскихъ державъ единогласно подтвердили это въ отчетахъ своихъ. Теперь уже получено извѣстіе что наконецъ, послѣ долгихъ и упорныхъ настояній германскаго и французскаго пословъ, султанъ согласился передать черногорцамъ городъ Дульцино и его окрестности, безъ всякихъ особыхъ условій; говорятъ, что Риза-Паша уже получилъ официальный приказъ передать городъ черногорцамъ.

(Въ одномъ изъ ближайшихъ номеровъ «Нивы» мы помѣстимъ общій видъ города Дульцино, снятый съ моря)

Подготовленіе къ великоболгарскому движенію производится, по слухамъ, весьма дѣятельно и энергично. Многія вліятельныя и официальные лица принимаютъ участіе въ организаціи движенія, причемъ правительство не вмѣшивается, но конечно и не прелатствуетъ. Неустанно работаетъ центральный комитетъ и нѣтъ почти ни одного города или села въ Болгаріи, гдѣ бы не существовало отдѣленія комитета. Все населеніе раздѣлено организаціями на три категоріи: первая состоитъ изъ платящихъ „патріотическій налогъ“, вторая—изъ доставляющихъ оружіе и наконецъ третья—которая должна поставлять контингентъ національной арміи. Увѣряютъ, что въ настоящее время имѣется уже 60 тысячъ хорошо обученнаго и вооруженнаго войска, для котораго въ складахъ центральнаго комитета заготовлена уже полная обмундировка. Капиталъ же, находящійся въ распоряженіи комитета, равняется, будто бы, уже 15-ти милліонамъ инастровъ. Восточная Румелия тоже вооружается. Не смотря на распоряженія Алексъ-Пашы о распусненіи гимнастическихъ обществъ (учрежденныхъ нами же, русскими), онѣ не прерывали дѣятельности своей. За послѣднее время въ Восточную Румелию доставлено, чрезъ

Болгарію, 16 тысячъ ружей, 11 пушекъ и значительное количество боевыхъ снарядовъ. Всѣ наиболѣе подверженныя нападенію турокъ пункты укрѣплены. Гимнастическія общества представляютъ боевую силу въ 34 тысячи человекъ. Оба войска вооружены одинаково. Высшее военное начальство находится въ Болгаріи, для соблюденія единства въ военныхъ распоряженіяхъ.

Въ Испаніи Кастелляръ, Сагаста и демократическая партія чрезвычайно враждебно относятся къ занятію англичанами Гибралтара. Они совѣтуютъ правительству немедленно занять мысы и полуострова близъ Сеуты и Танжера въ Африкѣ и воздвигнуть батареи въ мѣстностяхъ около Гибралтара. Англичанъ обвиняютъ, между прочимъ, въ покровительствѣ контрабандѣ.

Намъ остается сегодня указать еще на неожиданную выходку противъ Россіи со стороны папы Льва XIII. Его святѣйшество издалъ на дняхъ энциклику, относящуюся до святыхъ Кирилла и Меодія. До сихъ поръ весь православный міръ чтилъ этихъ святыхъ какъ преимущественно и исключительно святыхъ православной церкви, какъ основателей церкви. Римская курія нынѣ, совершенно неожиданно, негаданно, перестаетъ признавать этотъ фактъ, эту общезвѣстную истину. Св. Кириллъ и Меодій оказываются, по его увѣренію, принадлежащими не Константинополю, а Риму, „они распространяли римскій католицизмъ, стараясь заблуждавшихся послѣдователей православной церкви возвратитъ на лоно римской“! Не смотря однако на чисто религіозный характеръ энциклики, обращенной, по внѣшней формѣ своей, къ католикамъ всего свѣта, она имѣетъ иное назначеніе. Въ своемъ новомъ обращеніи къ вѣрующимъ, Левъ XIII указываетъ на „постоянную отеческую заботливость о благѣ славянъ (!), которые также близки сердцу его, какъ и всѣ другія христіанскія націи. Заботы эти распространены всегда были не на однихъ тѣхъ славянъ, кои пребыли вѣрны Риму, но и на тѣхъ, которые, благодаря различнымъ обстоятельствамъ, какъ интриги Византии, иго ислама и пр., предались схизмѣ. Далѣе энциклика убѣдительно доказываетъ, какъ мало сдѣлала греко-православная церковь для охраны и укрѣпленія христіанства среди народовъ (!), что отреченіе балканскихъ славянъ отъ „ереси“ (т. е. отъ православія) гораздо скорѣе и лучше привело бы къ счастливому разрѣшенію восточнаго вопроса и, въ особенности, къ ослабленію усиливающагося вліянія Россіи, чѣмъ всевозможная конференціи и планы дипломатіи.

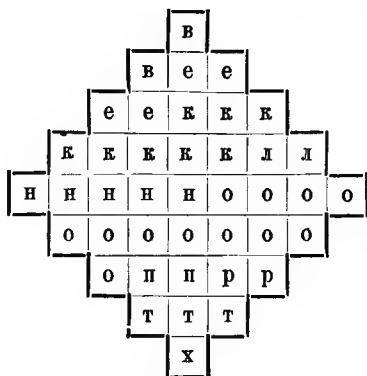
Все бы это было бы не болѣе какъ смѣшно, если бы въ то же время не приходили вѣсти объ энергической дѣятельности ловкихъ патеровъ католическихъ въ южнославянскихъ земляхъ; завязаны болѣе прочныя отношенія съ Румыніей; усиленно работаютъ и въ Востокъ и Герцеговинѣ. Вотъ куда надо намъ обратить наше вниманіе... болѣе, чѣмъ вниманіе...

РЕБУСЪ.

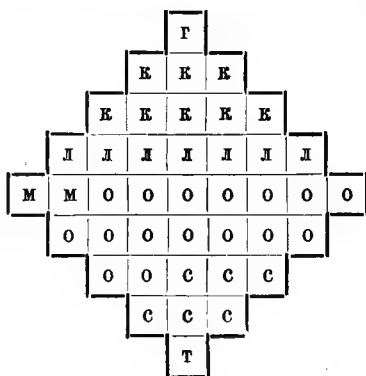

Магическіе кресты.

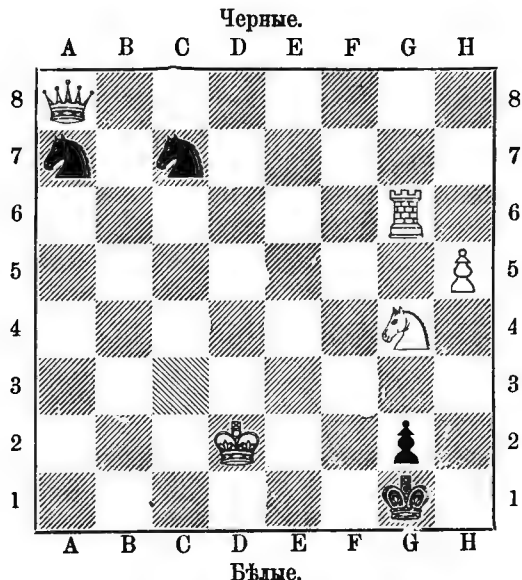
Задача № 70.

Задача № 71.

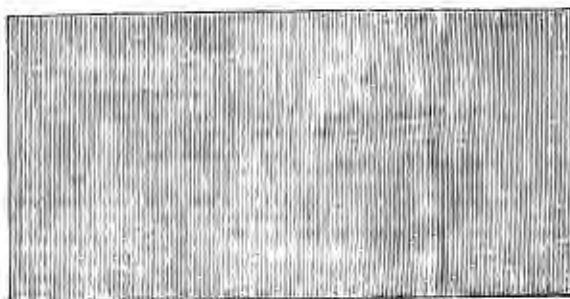

Шахматная задача № 66.

Бѣлые начинаютъ и выигрываютъ въ 2 хода.

Геометрическая задача.

Данную фигуру разрѣзать двумя прямыми линиями такъ, чтобы изъ полученныхъ частей можно было составить квадратъ.

Рамы для премій „Нивы“ 1880 г.

Для удовлетворенія желанія весьма многихъ изъ нашихъ подписчиковъ, мы заказали нѣсколько тысячъ рамъ для премій „Нивы 1880 года:

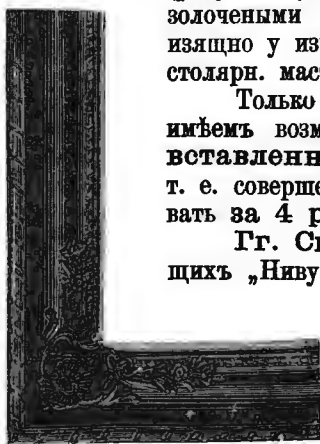
„Пляска Тамары“

„Тамара, оплакиваемая родными“.

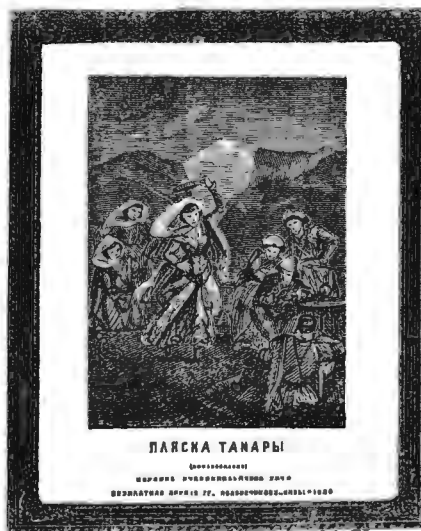
Рамы эти по прилагаемому рисунку, съ украшениями лѣзной работы (рисунокъ угла этихъ украшеній прилагается тутъ же) и съ золочеными ободками, сдѣланы во всѣхъ отношеніяхъ изящно у известнаго фабриканта багетовъ, въ позолотн. и столярн. мастерск. Я. И. Курганникова:

Только при такомъ громадномъ размѣрѣ заказа мы имѣемъ возможность обѣ рамъ со стеклами и со вставленными на бѣломъ фонѣ картинами, т. е. совершенно готовыя для помѣщенія на стѣны, отдавать за 4 рубля.

Гг. Спб. городскихъ подписчиковъ, получающихъ „Ниву“ по городской почтѣ и желающихъ приобрести обѣ картины уже вставленныя въ рамы, мы просимъ заявить о томъ не позже 15-го октября, именно для того, чтобы мы имѣли возможность остановить имъ доставку по почтѣ премій въ картонномъ футлярѣ. Рамы эти изъ конторы желающіе могутъ получать съ 18-го октября. Гг. иногородные подписчики, выписывающіе эти рамы для премій, могутъ приобрести таковыя въ восьми частяхъ, сдѣланныя по размѣру картины съ бѣлымъ фономъ, но безъ стекла (склеить рамы, вставить въ нихъ стекла и картины наклеить на бѣлый фонъ можно легко на мѣстѣ) за 7 руб. съ укупоркою въ ящикъ и съ пересылкою. Всѣхъ такого ящика съ 8 багетами 10 фунтовъ.

Рисунокъ угла рамки.

Наша премія въ рамкѣ въ уменьшенномъ видѣ.

Наша премія въ рамкѣ въ уменьшенномъ видѣ.

Объявления въ „Нивѣ“.

Такъ какъ „Нива“ самое распространенное изданіе въ Россіи, то и объявления помѣщаемыя въ ней, равно какъ и приложенные преісъ-куранты и т. п. получаютъ самое обширное распространение. Цѣна за объявленія весьма скромная, именно 25 к. за строку въ 4-ю долю страницы. При высокомъ качествѣ бумаги „Нивы“ и чистотѣ печати, даже самыя мелкія объявленія обращаютъ на себя вниманіе, тѣмъ болѣе, что журналъ не уничтожается, какъ ежедневныя газеты, а сохраняется и объявленія читаются въ теченіи года. Въ сравненіи съ заграничными иллюстрированными изданіями, печатающимися въ такомъ же количествѣ экземпляровъ какъ „Нива“, цѣна за объявленія на половину дешевле. Цѣна эта остается въ послѣдніе три года безъ измѣненія, не смотря на постоянное и значительное увеличеніе количества подписчиковъ.

СОДЕРЖАНІЕ: Уэльскій соборъ (съ 2 рис.)—Лѣсникъ. Разсказъ Б. М. Марковича.—Изъ „Нрымскихъ очерковъ“. Стихотвореніе П. Гнѣдича.—Страшная ночь. (Эпизодъ изъ современныхъ событій въ Ирландіи.) Разсказъ Д. Ирвинга.—Яичная скорлупа Статья профессора А. Ф. Брандта.—Анадемикъ Ю. Ю. Клевель (съ портр.)—Даннемора. Желѣзные руды (съ рис.).—„Синій креститесел“ (съ рис.)—Городъ Великій Устюгъ (съ рис.)—Новгородъ. Церковь Спаса Нередицы (съ рис.)—Актонъ (съ рис.)—Желѣзное дерево (съ рис.)—Политическое обозрѣніе.—Ребусъ.—Магическіе квадраты.—Шахматная задача.—Геометрическая задача.—Рамки для премій „Нивы“ 1880 г.—Объявленія въ „Нивѣ“.—Объявленія.—

Издатель А. Ф. Марисъ.

Редакторъ Ф. Бергъ.

ВЪ КНИЖНОМЪ СКЛАДѢ РОССІЙСКОЙ БИБЛИОГРАФИИ (ЭМИЛЬ ГАРТЪЕ).

Невскій просп., № 27, у Казанскаго моста, С.-Петербургъ.

Поступили въ продажу новыя замѣчательныя иностранныя романы въ переводѣ на русскій языкъ:

ДОЧЬ АТЕМСТА. А. Дальпи, ч. 1 р.
ИЩУТЪ ЧЕЛОВѢКА. Захеръ-Мазоха, ч. 1 р.
ОБЩЕСТВО МЕЧ. Л. Сталло, ч. 1 р. 25 к.
КОРОЛЬ СЫЩИКОВЪ Е. Шаветтъ, ч. 1 р. 25 к.

РОМАНЫ ВЫШЕДШІЕ РАНѢ:

Султанъ и его враги. Г. Боръ, 4 т., ч. 5 руб.
Парижскіе солдаты. В. Ноббъ, 3 т. ч. 4 р.
Преступленіе Жана Малори. Соч. Э. Додэ, ч. 1 р. 50 к.
Уличная пляска. Поль Соньеръ, ч. 2 р.
По туманнымъ слѣдамъ. Е. Шаветтъ, ч. 1 руб.
Тайна застѣнанія. Ж. Лорансъ, ч. 1 руб. 50 к.
Два каторжника. Ф. Герштекеръ, ч. 1 р. 50 коп.
Дитя несчастія. Ксавье де-Монтенъ, ч. 2 р.

Заторы королевы. Энсортъ, ч. 2 р.
Почему? Е. Шаветтъ, ч. 1 р. 50 к.
Камера № 7. Пьеръ Законъ, ч. 2 р.
Призракъ. Бульверъ-Литтонъ, ч. 2 р.
Граница Монтрету. Тиссо и Аморо, ч. 2 рубля.

Тайны Берлина. Тиссо и Аморо, ч. 2 р.
Разбитая жизнь. Ж. Кларети, ч. 2 р.
Разрванный документъ. Б. Мюльгаузена, ч. 2 р.
Убитое въ маскарадѣ. Фортюне де-Буагобе, ч. 2 р. 50 к.

На пересылку прилагается 10% стоимости книгъ. Мт. № 919

МЕХАНИЧЕСКАЯ БРИТВА.

Полнѣйшая возможность бриться каждому самому безъ всякой помощи обрѣзаться, въ какомъ бы положеніи не былъ: большой въ постель, въ лежачемъ положеніи, безъ веревки, въ совершенной темнотѣ, на ходу или въ дорогѣ, правою или лѣвою рукою; гораздо чище, удобнѣе и несравненно скорѣй, чѣмъ бритъ существующими весьма опасными бритвами; никакихъ предосторожностей! вещь въ высшей степени практичная и полезная. „Парижскій Базаръ“ повсѣдневнѣе проситъ публику набѣгать повзвѣсивши въ большомъ количествѣ поддѣльныхъ бритвъ и требовать на бритвы: марку англійскаго фабриканта и русскій государственный гербъ. Цѣна механической бритвы 3 руб., съ однимъ запаснымъ ножомъ 4 руб. Заказы гг. иногородн. исполн. немедленно, за пересылку благоволятъ прислать 10% стоимости бритвы. „Парижскій Базаръ“ „Bazar Parisien“ единственное депо для всей Россіи, Невскій проспектъ, д. Елизавѣна, № 15, въ С.-Петербургѣ.

ПОЛНОЕ УСТРОЙСТВО ТИПО- и ЛИТОГРАФИИ

СЪ ДОСТАВЛЕНІЕМЪ ЛУЧШИХЪ МАТЕРІАЛОВЪ

принимаетъ на себя Р. И. ШНЕЙДЕРЪ, редакторъ „Обзора Графическихъ Искусствъ“ (С.-Петербургъ, Большая Морская, № 15).

Депо принадлежностей тиснения.

Благодаря своей болѣе, чѣмъ 30-лѣтней опытности, приобретенной въ качествѣ типографіи, я могу сообщить моимъ уважаемымъ клиентамъ самыя вѣрныя свѣдѣнія и указать самыя лучшія и дешевѣйшія источники. Въ настоящее время я имѣю возможность за 500 руб. поставить цѣлую небольшую типографію для мелочныхъ работъ со скоростпечатною машинкою и всѣмъ необходимымъ матеріаломъ для печатанія циркуляровъ и картъ. № 923 4-1

ЦЕНТРАЛЬНАЯ КОНТОРА ОБЪЯВЛЕНІИ ВСѢХЪ ЕВРОПЕЙСКИХЪ ГАЗЕТЪ.

С.-П. БУРГЪ, НЕВСКІЙ ПР., НА УГЛУ М. МОРСКОЙ, Д. СТРУВИНСКАГО № 11
Москва, на Петровкѣ, д. Солодовникова и на Большой Дмитровкѣ въ д. Бучумова.
принимаетъ объявленія во всѣ С.-Петербургскія, Московскія, Губернскія и заграничныя газеты по цѣнамъ редакцій.

При большахъ заказахъ дѣлаются соотвѣтственныя уступки.

Переводы и переписки на всѣ языки исполняются по умѣреннымъ цѣнамъ.

По желанію представляются доказательныя номера всѣхъ объявленій. К. № 882 5-4.

КАРТОНЪ ДЛЯ ПОЛОВЪ

ПОДЪ КОВРЫ

ИЗОЛИРЪ-КАРТОНЪ

(СВИНЕЦЪ)

ДЛЯ ИЗОЛИРОВАНІЯ СЫРОСТИ

РЕКОМЕНДУЕТЪ

ФАБРИКА

АВГУСТЪ НАУМАНЪ И К^о.

М. № 895

С.-Петербургъ. Гороховая, ул. д. № 20.

3-3

ГЛАВНОЕ АГЕНТСТВО И СКЛАДЪ АМЕРИКАНСКИХЪ ШВЕЙНЫХЪ, ВЫШИВАЛЬНЫХЪ И ВЯЗАЛЬНЫХЪ МАШИИЪ.

(Существуетъ съ 1871 года).

Г. ТИЛЕ,

СПЕЦИАЛИСТА-ТЕХНИКА.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ, Невскій просп. № 56.

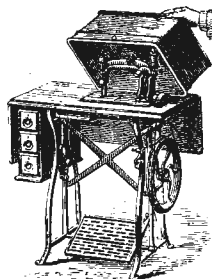
противъ памятника Екатерины П.

Рекомендуетъ особенно подѣльнымъ ручнательствомъ:

Машину Зингеръ, съ новѣйшими усовершенствованіями, напр. съ самодѣйствующими шпульками.

Патентъ ТИЛЕ упрощенная мною система Зингера, привилегированная во всѣхъ европейскихъ странахъ.

Спеціальныя машины для ремесленниковъ всѣхъ специальностей.

Складъ машинъ Виллеръ и Вильсонъ, Гроверъ, и Бекеръ, Гоу, Девисъ, всѣ новѣйшія ручныя машины, машины для плойки и плиссы, отъ 10, 15 до 35 руб.

Большой выборъ лучшихъ машинныхъ принадлежностей, какъ-то: масло, иглы, и части всѣхъ системъ.

Примѣчаніе: Каждая машина до отпуски на мѣстѣ или высылки въ провинцію тщательно провѣряется въ собственной механической мастерской.

Иллюстрированные преісъ-куранты бесплатно. К. № 936 3-1.

ДЛЯ СОВЕРШЕННОГО ВСАСЫВАНІЯ СЫРОСТИ

между оконными двойными рамами

и для просушиванія сырыхъ стѣнъ и помѣщеній

самое сильнодѣйствующее и особенно дешевое средство есть

Сушильный составъ Кёлера

продающийся въ 5-ти фунтовыхъ пакетахъ по 50 к. за пакетъ. Продажа и подробное объясненіе въ

МАГАЗИНЪ Р. КЁЛЕРА И К^о, въ МОСКВѢ

на углу Николаевской и Черкаскаго переулка.

Господа иногородне при выпискѣ по почтѣ, благоволятъ приложить портовое за 6 фунт. и по 30 к. за укладку на каждый пакетъ. П. № 903 3-3

ВЫШЛА ОКТЯБРСКАЯ КНИЖКА

„СВѢТЛЫЕ РОМАНОВЪ“.

Дѣти герцога, Энтони Троллопа.—Что въ имени тебѣ носить? Э. Д. Джерарда (окончаніе).—Паровой домъ, Жюль Верна.—Драгоценная шкатулка.—замѣчательный случай въ практикѣ доктора.

Кромѣ романа оконченнаго въ этой книгѣ, въ нынѣшнемъ году окончено еще шесть: Сломанный вѣтеръ, Арсена Гуссе; Намѣренія мистера Стюарта, Ф. Робинсона; Слѣды на снѣгу, Дорн Россель. Терновый замочекъ, Луи Ульбаха. Трагическое наследство, Констанана Геру, Преступленіе Марсалья, Луи Ульбаха.

Къ печати приготовлено: ГВАРИНСЪ, Густава Эмара. СПРЯТАННОЕ ЗОЛОТО, Френка Баррета.

Цѣна за годовое изданіе, состоящее изъ 12 книгъ большого формата выходящихъ всегда въ началѣ мѣсяца и составляющихъ въ годъ около пяти тысячъ страницъ, безъ доставки десять руб. пятьдесятъ коп. съ доставкою въ С.-Петербургѣ—одинадцать руб., для иногородныхъ подписчиковъ—дѣвять руб. Подписка принимается исключительно на имя издательницы Елисаветы Николаевны Ахматовой, въ домѣ Жербина, на Михайловской площади, въ С.-Петербургѣ.

Подписка продолжается. Выдаются всѣ вышедшія книги съ № 1-го.

При редакціи открыта книжная торговля. Каталогъ высылается безплатно. № 918 1-1

1881 г. „НУВЕЛЛИСТЪ” 42 г.

Музыкальный журнал для фортепиано съ музыкально-театральной газетой.

Съ 1-го января 1881 года «Нувеллистъ» вступил въ 42 годъ своего существования, будеть выходить, какъ и прежде, первого числа каждаго мѣсяца, тетрадами отъ 30 до 35 страницъ большаго формата набранной музыки. Каждая тетрадь будеть содержать въ себѣ: 4 или 5 салонныхъ пьесъ любимыхъ композиторовъ, 1 или 2 оныя танца и русскій романсъ. Сверхъ того, въ «Нувеллистѣ» будутъ помѣщены въ теченіи года два или три пьесы въ четыре руки. Музыкально-театральная газета будеть издаваться при «Нувеллистѣ» и выходить ежемѣсячно въ продолженіи музыкальнаго сезона; она дасть подписчикамъ полный обзоръ всего примѣчательнаго въ области музыки и театра какъ въ Россіи, такъ и за границей.

Кромѣ 85 номеровъ музыкальныхъ пьесъ и музыкально-театральной газеты, подписчики «Нувеллиста» получаютъ въ концѣ года премію—полную оперу въ два руки или другія сочиненія по ихъ выбору изъ 70 номеровъ указанныхъ редакціей.

Цѣна годовому изданію «Нувеллиста» съ музыкально-театральной газетою 5 р. Съ доставкой или пересылкою 6 р.

Подписка принимается въ С.-Петербургѣ, въ главной конторѣ «Нувеллиста», въ музыкальномъ магазинѣ М. Бернарда, Невскій просп., д. № 10. № 920

ДЕШЕВО

продаются 500 кв. саж. земли для постройки дачъ въ С.-Петербургѣ, станція Шувалово, на берегу Парголовскаго озера, съ правомъ постройки ванны. Окончательная условія можно узнать въ Центральной Конторѣ Объявленій для всѣхъ европейскихъ газетъ, С.-Петербургское Отдѣленіе: Невскій № 11, уголъ Малой Морской, въ С.-Петербургѣ. К. № 930

ИЗВѣСТНЫЕ КОРСЕТЫ Мерсио: дамскіе 3, 4, 5, 6 р.; дѣтскіе, по возрасту, отъ 1 р. до 4 р. 50 к. Главн. магаз. Мерсио, Волыная Морская, д. № 39, Спб. № 929 10-1

Продается во всѣхъ извѣстныхъ книжныхъ магазинахъ

ЮМОРИСТИЧЕСКІЙ РОМАНЪ „ПЛУТОВКА НАДЯ”

Въ стихахъ, со 168 комическихки рисунками Буна. Содержаніе книги: Въ деревнѣ, Ночная сорочка, Кузнецъ Поля, Любовное письмо, Безновѣчная ночь, Душевные подвиги, Воровже, Спиритизмъ, Творчество тенейныхъ силъ. Изящное изданіе. Цѣна 1 руб. 20 к. съ пересылкою. Складъ въ Москвѣ, Сытинскій переулокъ, д. Малодвиженца, у П. № 935 Колендъ. 2-1

ИЗДАНІЕ ЮРГЕНСОНА.

На дняхъ выйдетъ изъ печати: Дѣтскій фортепианный сборникъ составленный изъ лучшихъ дѣтскихъ пьесъ Куллана, Шумана, Чайковскаго съ точнымъ обозначеніемъ пальцевъ, знаковъ исполненія и метронома А. ВУХОВЦЕВА. Ц. 1 р. net. ДИТА ПИАНИСТЪ.

Сборникъ легчайшихъ пьесъ въ любимыхъ мелодій.

І. Э Мельцера.

Новое, умноженное и пересмотрѣнное изданіе. Цѣна 1 руб. net.

Москва у П. Юргенсона. С.-Петербург. І. Юргенсона. Невскій проездъ, 10. Большая Морская, 9 П. М. № 868 3-2

БОЛЬШОЕ ЕЖЕДНЕВНОЕ ИЗДАНІЕ „НОВОСТИ”

„БИРЖЕВАЯ ГАЗЕТА”

Подписная цѣна: въ 1 г. для иног. 9 р., для городск. 8 р., на 1/2 года для иног. 5 р., на 1 мѣс. для иног. и городск. 1 руб. К. № 908. 10-3

ТОРГОВЫЙ ДОМЪ

С. В. ВЕДЕРНИКОВА

Гостинный дворъ, № 123.

Получилъ для осенняго и зимняго сезона готовыхъ дамскихъ вещей

ПАРИЖСКІЯ МОДЕЛИ

Пальто, мантеле, жакеты и Sur-touts.

Фасоны: Fanchonette, Richard, Stuart, Dinorah, Faust, Attaché Chinois, Tirol, Lutin. Изъ матерій: Pelusch, Rips-long, Bombé, Jung, Vaccaccio, Camtschatka, Zullu-porpe и др. модн. полуселъ. и шерст. тканей.

Большой выборъ осеннихъ вещей, приготовленныхъ по моделямъ, изъ Бархата, Сесенльянъ Драпъ-де-Суа, Кашмиръ-Суа, Сатинъ-Суа и Армюръ.

ДАМСКІЕ КОСТЮМЫ

Модели: и приготовленные по онымъ изъ разныхъ новѣйшихъ шелковыхъ и шерстяныхъ тканей.

Большой выборъ дѣтскихъ нарядовъ, мѣховыхъ вещей, мѣховъ разныхъ и мѣховыхъ отдѣлокъ.

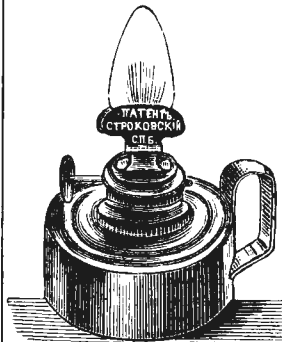
PS. Модели могутъ быть получены по истеченіи 3-хъ дней со дня покупки.

Магазинъ принимаетъ заказы только изъ матерій, выборъ которыхъ находится въ магазинѣ.

№ 925 3 1

НОВОСТЬ!

Имѣю честь довести до свѣдѣнія гг. иногородныхъ лицъ и всѣхъ обществъ желѣзныхъ дорогъ, что я изготовляю небывалыя до сихъ поръ въ Россіи изобрѣтенныя мною, керосиновые лампы съ желѣзными горѣлками безъ стекла.

Лампы эти безопасны, горятъ чистымъ, ровнымъ, яркимъ пламенемъ, не коптятъ, на воздухѣ не гаснутъ и по своей дешевизнѣ превосходятъ всѣ прочія, до нынѣ существовавшія. Оны очень удобны для освѣщенія провинціальнымъ городомъ, сигнальныхъ фонарей, фабрикъ и мастерскихъ и т. п. На эти лампы выдана мнѣ привилегія въ 1875 г. и вновь привилегирована за усовершенствованіе въ 1879 г. я, кромѣ того, оны удостоились одобренія главнаго общества российскихъ желѣзныхъ дорогъ, въ оторомъ были произведены опыты, и оказались вполне полезными къ употребленію, причѣмъ обществомъ и поручено мнѣ принять на себя поставку вышеупомянутыхъ лампъ и горѣлокъ.

Для разныхъ бывшихъ масляныхъ фонарей, также поставлю на николаевскую, харьково-николаевскую, тразе-царцынскую всевозможные фонари для желѣзныхъ дорогъ съ мнѣи горѣлками, какъ для кондукторскихъ, сигнальныхъ и для столбовыхъ буферныхъ фонарей, и притомъ для гг. иногородныхъ и всѣхъ желѣзныхъ дорогъ, желающихъ имѣть фонари съ керосиномъ моей системы, старые масляные фонари переделываю на керосиновые, и также дѣлаются всевозможные домашніе фонари, а также въ заказъ сигнальные трубы для желѣзныхъ дорогъ.

Лампа въ 3 линіи стоитъ 45 к., въ ней сжигаетъ керосину въ 15 час. четверть ф.; въ 5 линій—50 к. за штуку, по 75 к. и 1 р.; въ 10 линій горятъ въ родѣ газа. Каждая горѣлка должна быть съ мѣимъ стемпелемъ, привилегированная, и моя фамилія на желѣзныхъ горѣлкахъ. Поддѣлка со стемпелемъ, такъ и безъ стемпеля, строго преслѣдуется на основаніи ст. 1.353 т. XI Св. Зак. Уст. о нак., надъ 1876 года, и кто докажетъ поддѣлку—получаетъ 25 руб. награды. Горѣлки настоящихъ лампъ изъ чернаго желѣза разныхъ размѣровъ; находящіяся въ продажѣ поддѣльные лампы, выдающіяся за мои, только съ жестянными горѣлками для висячихъ и столбовыхъ лампъ, которая горитъ одна противъ двухъ прочихъ въ 10 лин. 1 р. 75 к.; въ 14 лин. 2 р.; вынтами подходить къ каждой старой лампѣ. Пересылка товара на счетъ покупателя.

Желающіе получить эти лампы могутъ адресъ: въ С.-Петербургѣ, по Гороховой ул., между Семеновскимъ мостомъ и Загороднымъ просп., д. № 62, въ ламповый магазинъ А. Стрковского. К. № 931.

СПЕЦИАЛЬНОСТЬ!

ФАБРИКА ШВЕДСКИХЪ КОЖАНЫХЪ КУРТОКЪ

ТОРГОВАГО ДОМА

Л. Е. ДМОХОВСКОЙ и Комп.

Адмиралтейская площ., № 10, уг. Вознесенскаго проспекта.

Шведскія куртки на шерстяной и шелковой подкладкѣ, имѣють честь рекомендовать гг. военнымъ, охотникамъ, служащимъ на желѣзныхъ дорогахъ, машинистамъ и всѣмъ имѣющимъ необходимость пробывать на открытомъ воздухѣ, какъ предохранительное средство отъ простуды.

ПРОДАЮТСЯ ПО ФАБРИЧНЫМЪ ЦѢНАМЪ.

Гг. иногороднымъ: Письменные объясненія какъ снимать мѣрку выслаются немедленно за приложеніемъ почтовой марки. К. №913 3-2

ОБЩЕСТВО ВОДОЧНАГО ЗАВОДА

БЕКМАНЪ И К°

устроило рядомъ со своимъ водочнымъ заводомъ, въ совершенномъ новомъ, исключительно для сего приспособленномъ зданіи и открыло въ январѣ 1880 г.

ЗАВЕДЕНІЕ ИСКУССТВЕННЫХЪ МИНЕРАЛЬНЫХЪ ВОДЪ

подъ тою же фирмою Бекманъ и Ко, въ которомъ приготовляются также глотная и фруктовая воды, а равно и лимонады.

Коломенской части, Перевозная ул., д. № 6. в. № 863 10-5.

Ново, практично и дешево

Американскій переплетчикъ

по 1 р. 75 к., съ утюжкою и перес. 2 р. Этотъ маленькій аппаратъ даетъ намъ такую возможность, шпигать изъ отдѣльныхъ листовъ книги до толщины одного сантиметра

О. Унфугъ и К°

С.-Петербургъ, Больш. Морская № 15. Типо-литографія и гравировальное заведеніе. Специальность всѣхъ контрольных принадлежностей. Pт. № 914. 2-2.

КЕЛЕРСКАЯ ДУШИСТАЯ ВОДА

Ц. № 902 12-3

КНИГИ прод., пок. и прии на коммисію. Казань, книж. маг. Александра Ильича Овчинникова. Объ этой торговлѣ уже 9-й годъ (1871 г.) публ., почти постоянно, въ Казан. газет. и мно. друг. Бывають сблж. рѣдкости XVІ—XІХ в. № 916 5-2.

Изд. А. Ф. Маркса. Спб., Б. Морск. д. № 9. МОСКВА и ТВЕРЬ. Истор. повѣсть В. Нельсена съ рисунками, для подлщ. „Нивы” 1 р. 30 к., съ перес. 1 р. 50 к. ВТОРАЯ ЖЕНА. Ром. Маршанта. Перев. съ нѣм. Ц. 1 р. 50 к., съ пер. 1 р. 75 к. для подлщ. „Нивы” 1 р. 25 к., съ пер. 1 р. 50 к.

ВЪ МАГАЗИНЪ ЧАСОВЪ ПАВЛА БУРЕ.

Поставщик Высочайшаго Двора
Невскій просп., № 23 въ С.-Петербургѣ.

СОБСТВЕННОЙ ФАБРИКИ ЗОЛОТЫЕ ДАМСКІЕ ЧАСЫ.

заводящіеся ключемъ.
Анкерные на 15 камняхъ закрытые 55, 61
и 65 р. (смотря по вѣсу золота въ корпусѣ)
Такіе же 1-го сорта 70, 75 и 85 р.
Тоже высш. достоинства отъ 100 до 135 р. с.
Тоже заводящіеся безъ ключа (въ ручку)
Анкерные на 15 камняхъ закрытые, 75,
8 и 85 р. с.
Такіе же 1-го сорта отъ 95, 100 и 110 р. с.
Тоже высшаго достоинства отъ 125 до
250 р. с.

Ручательство на 2 года.
Къ часамъ, заводящимся ключемъ прилага-
ется золотой ключъ. № 880 33-5
Пересылка на счетъ магазина.

СКЛАДЪ ШВЕЙНЫХЪ МАШИИЪ ВСѢХЪ СИСТЕМЪ,

американскихъ, английскихъ и нѣмецкихъ
конструкцій для семействъ и ремесленныхъ
заведеній.

А. ШТЕЙНЪ

въ С.-Петербургѣ.

Вознесенскій

просп., д. № 21.

Продажа оптомъ и въ розницу.

ЦѢНЫ ФАБРИЧНЫЯ.

Ручныя машины 20 разныхъ конструкцій отъ
12 до 45 руб.
Ножныя машины 40 разныхъ конструкцій
отъ 35 до 350 руб.

Маш. для вязанія, шитья перчатокъ, плесе-
нъ.

БЕЗПЛАТНО ВЫСЛАЮ

подробный прейсъ-курантъ
ГЛАВНОЕ АГЕНТСТВО ДЛЯ ВСЕЙ РОССІИ
Фабрики Розенбергъ и Френкель въ Берлинѣ,
спеціальныхъ машинъ, шьющихъ варной
дратвой, для шорныхъ, каретныхъ, пару-
синныхъ и войлочныхъ мастерскихъ, для
мѣшковъ и военныхъ голенищъ.

Фабрика Гулусъ Гутмана въ Берлинѣ
спеціальныхъ машинъ для выметыванія пел-
тевъ въ сукнѣ, бѣльѣ, дамскомъ нарядѣ и
обуви.

Фабрика Линцъ и Енкертъ въ Берлинѣ
спеціальная машина для вышиванія въ ба-
тестѣ, голѣ, шерстяной и шелковой мате-
рии, войлокѣ, сукнѣ и т. д.

Складъ иглодокъ, отдѣльныхъ частей и масле
къ швейнымъ машинамъ, бумага, шелку и
ниткамъ. К. № 906. 10-2

НОВАЯ КНИГА:

САДОВНИКЪ-ЛЮБИТЕЛЬ.

Сборникъ свѣдѣній объ уходѣ
за растеніями.

Воздушныя многолѣтнія травя-
нистыя растенія. Издалъ Д. На-
менскій. Ц. 3 р.

Складъ въ нижнемъ магазинѣ
Игнатія Лукьяновича Тузова. Спб.,
Большая Садовая. домъ № 16.
Иногородные за пересылку не
платятъ.

«Вѣстникъ Императорскаго Рос-
сійскаго Общества Садоводства»
такъ отозвался объ этомъ сборни-
кѣ: «Въ немъ что фраза—то исти-
на или назиданіе, проверенное
опытомъ. Не вдаваясь въ тонкости,
доступныя только специалистамъ
или при неслучайныхъ сред-
ствахъ—предлагаемые совѣты ис-
полнимы каждымъ, кто только
желаетъ заняться уходомъ за ра-
стеніями, упомянутыми въ книгѣ». Русская литература не имѣла та-
кого подробнаго руководства. № 924.

ПРОИЗВЕДЕНІЯ РАЗМОТРѢНЫ И РАЗРѢ- ШЕНЫ СПЕ. ВРАЧЕБН. УПРАВЛЕНІЕМЪ КРАСОТА И СОХРАНЕНІЕ КОЖИ.

Вода де-Лисъ де-Нинонъ придаетъ кожѣ
близну и прозрачность, предохраняетъ ея
отъ загара, красноты, прыщей и проч. Не-
обходима зимою противъ наклонныхъ трещи-
нъ и для освѣженія кожи разгораченной
газомъ и дурными воздухомъ, лѣтомъ оно
лучшее средство отъ загара и воспаления
вызваннаго пылью и солнцемъ. Цѣна больш.
флак. 1 р. 50 к., съ пересылкою 2 р.

Кремъ де-Лисъ де-Нинонъ имѣетъ тѣ же
свойства какъ вода де-Нинонъ и рекомен-
дуется преимущественно для лица употребля-
ющимъ Кольтъ-Кремъ, котораго онъ превъ-
щаетъ качествомъ. Цѣна за банку 1 р., съ
пересылкою 1 р. 50 к.

Пудра де-Нинонъ. Необходимое дополненіе
къ водѣ или Кремъ де-Лисъ де-Нинонъ и
замѣняющая всѣ другія пудры.
Цѣна за коробку 75 к. съ пер. 1 р.
Ц. за кор. съ пушковымъ 1 р. съ пер. 1 р. 25 к.

ВЪ ПРОДАЖѢ:

На Невскомъ просп., въ С.-Петербург-
ской Химической Лабораторіи, домъ Като-
лической церкви. № 32, и у Анничкова мо-
ста, д. № 66.

На Вознесенскомъ просп., уголъ Казан-
ской ул., № 18-54, домъ Шредера.

Оштова продажа и отправка почтовою въ
Конторѣ С.-Петерб. Химич. Лабораторіи, по
Екатерининскому каналу, у Возн. моста
№ 80. Описание и способъ употребленія вы-
дается по желанію бесплатно. № 923 3-1

СЪ ВЫСОЧАЙШАГО РАЗРѢШЕНІЯ БУДЕТЪ РОЗЫГРАНА VI-я ЛОТЕРЕЯ въ пользу школъ С.-ПЕТЕРБУРГСКАГО

Женскаго Патриотическаго Общества.

Всего 600 выигршей.

Въ составъ выигршей войдутъ вещи,
пожертвованныя Особами Императорской
Фамиліи, и за сими слѣдующіе предметы:

Первый выигршій: полные,
чайный и столовый сервизы, 200
фунтовъ серебра 84 пробы. 8000 р.

Два выигршя: разныя се-
ребряные сервизы по 1000 руб-
лей каждый. 2,000 „

Три выигршя: различныя
сереб. вещи по 500 р. каждая 1,500 „

Шесть выигршій: разныя
цѣнные вещи всего на 1,000 „

Остальные выигршя состо-
ятъ исключительно изъ золо-
тыхъ и серебряныхъ вещей,
стоимостью на сумму 14 500 р.

БИЛЕТОВЪ НА ЛОТЕРЕЮ ВЪЗНА-
ЧЕНО 50,000.
Цѣна билета 1 рубль.
Билеты можно получать въ Канцеляріи
Совѣта С.-Петербургскаго Женскаго Па-
триотическаго Общества, по Казанской
улицѣ, въ зданіи Оленинскаго Совѣта.
Иногороднымъ просить обращаться въ
С.-Петербургъ по сему адресу.
О днѣ розыгрыша лотереи въ свое время
будетъ объявлено въ сѣтъ же жур-
наль. № 927

НОВЫЯ АМЕРИКАНСКІЯ МЕЛЬНИЦЫ,

замѣняющія вполнѣ жернова, не требуя
цѣна мельника и отличающаяся простотою,
большою производительностью и дешевизною,
требуя для помола того же количества глѣ-
ба, $\frac{1}{3}$ силъ жернововъ.

Вел. В вѣс. 16 п. амбл. 10 пуд. въ часъ.
при 2 л. силлахъ, цѣна 150 р.
Вел. 5 вѣс. 20 п. амбл. 15 пуд. въ часъ,
при 4 л. силлахъ, цѣна 200 р.
Вел. 8 вѣс. 30 п. амбл. 20 пуд. въ часъ,
при 6 л. силлахъ, цѣна 300 р.

мучныя сортагорова въ немъ по 78 р.
Штифтовія молотилки.
улучшающія всѣхъ существующихъ системъ.
Ручныя 85 р., съ 1-новонимъ приводомъ 225
р., большаго двухъ конная съ соломотрасомъ
и приводомъ 340 р.

Стѣнные прессы ручные по 175 р.
Безпрерывно вращающ. ручной кирочный
прессъ.

Самый прочный, простой и дешевый. Трехъ
рабочими можетъ быть изготовлено въ
сутки отъ 4 до 6000 кирпичей, получающъ
той же ярности, какъ при ручной прессовъ
сѣ. Вѣсъ прессы 80 пуд. цѣна 300 руб.

Локомобили, паровыя машины, котлы, то-
карные и проч. станки, плуги, бороны, вѣ-
лки, соломорѣзки, сѣялки, насосы, пожар-
ныя трубы и пр., и пр., имѣются въ налич-
ности у

ТОВАРИЩЕСТВА

БУРБАРДТЪ и УРЛАУБЪ

С.-Петербургъ Вас. Остр., 1 дѣля, № 10.
Москва, Мясницкая, д. Сытова. № 911 5-2

ВЪ МУЗЫКАЛЬНОМЪ МАГАЗИНѢ М. БЕРНАРДА

Поставщикъ Двора Его Величе-
ства, въ С.-Петербургѣ, Невскій
просп., № 10.

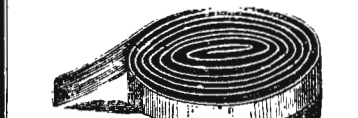
Полныя оперы для одного фор-
тепiano въ дешевомъ изданіи.

Глинка—«Жизнь за Царя» 3 р. Его же—
«Русланъ и Людмила» 3 р. Даргомыжскій—
«Русалка» 3 р. Гуно—«Фаустъ» 3 р. Вер-
ди—«Аида» 3 руб. Мейерберъ—«Робертъ
Дьяволъ»—1 р. Его же—«Гугеноты» 1 руб.
Оберъ—«Фра-Диаволъ» 1 р. Россини—«Виль-
гельмъ Тель» 1 р. Его же—«Севиольскій ци-
рульничъ» 1 р. Флотовъ—«Марта» 1 р. 50 к.

Верди—«Троваторе», 1 р. 50 к. Его же—
«Травиата» 2 р., «Риголетто» 2 р. Реквиемъ
1 р. 50 к. Веберъ—«Волшебный стрѣлокъ»
1 р. Беллини—«Норма» 50 к. «Невѣста Лу-
нативъ» 50 к. Донизетти—«Lucia» 50 коп.
«Дукречія» 50 к. «Дочь полка» 50 к.

На каждую оперу прилагается прибли-
тельно вѣсовыя за 2 фунта.

Требованія иногородныхъ исполняются съ
первою отходящею почтою. № 928

ЛУЧШЕ АМЕРИКАНСКІЕ КОЖАНЫЕ ПРИВОДНЫЕ РЕМНИ. ЛУЧШАЯ АМЕРИКАНСКАЯ ПОДОШВЕННАЯ КОЖА ГЕМЛОКЪ.

Американскія лопаты, вилы для
сѣна и навоза, грабли, топорыки,
гаечные ключи, ящикъ-раскры-
ватели и т. п.

Г. М. ХУТТОНЪ и К°.

Мал. Морская, д. № 14.
Москва, Большая Лубанка, д.
Ивановскаго монастыря. бывший
Мазуриной.

На Нижегородской ярмаркѣ, въ
зданіи каменнаго театра. № 907 5-2

НАШИ ПОРОШОКЪ и МАСЛО

для чистки мѣдныхъ вещей
придаютъ самоварамъ, подслѣвникамъ,
двернымъ и оконнымъ приборамъ, кухон-
ной посудѣ и проч.

совѣсьмъ особенный блескъ
и продается по 30 к. за пар.

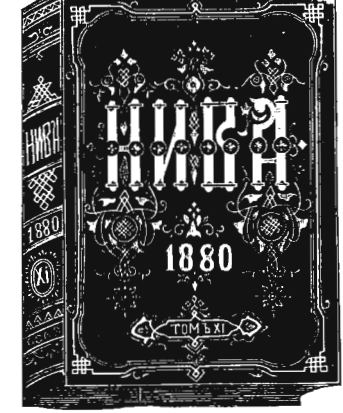
Для чистки же ножей, ножицъ
и пр. стальныхъ вещей
какъ и для чистки

ВРОЗЫ и СЕРЕБРА

рекомендуемъ наши англій-
скіе порошки

Р. КЕЛЕРЪ и К°.

въ МОСКВѢ,
магазинъ аптекарск. товаровъ.
Никольская, на углу Черкас-
скаго пер. № 905 8-2

КРЫШКИ для перелета «НИВЫ» изъ
лучшаго англійскаго каленкора съ
золот. тисненіемъ за 1880 г. и также
на 1881 г. по вышепоказанному образ-
цу 1 р., съ перес. 1 р. 50 к. Каждый
простой переплетчикъ легко можетъ
переплести «НИВУ» въ такую ко-
ленкоровую крышку.
Также имѣются крышки для «НИВЫ»
прежнихъ лѣтъ т. е. отъ 1870—
1879 гг. по той же цѣнѣ.

10,000 ВОИЛОЧНЫХЪ ТУФЛЕЙ по 90 коп.

ГАЛОШИ
резиновыя по фабричному
прейсъ-куранту.

СТЕЛЬКИ
теплыя
отъ 20 коп.

ШВЕДСКІЯ
КУРТКИ
отъ 12 руб.

ОКОННАЯ ЛЕНТА
для
ЗИМНИХЪ РАМЪ

НЕПРОМОКАЕМЫЯ
ПАЛЬТО
отъ 9 руб.

ПРЕДЛАГАЮТЪ
Л. ЦЮЛКОВСКІЙ и Комп.
Невскій просп., № 54, между
Больш. и Малой Садовой.
К. № 932.

ОТЪ ЛОСКУТНОЙ ГОСТИНИЦЫ въ Москвѣ.

на Тверской улицѣ, домъ Макс. Еф. Попова.
Бывшій пожаромъ въ домѣ г. Фирсанова
18-го сентября, повреждено было въ Лоскут-
ной гостиницѣ около 20 №№, которые уже
полнѣ исправлены и превращены въ прежній
видъ, о чемъ управленіе Лоскутной гостини-
цы и вѣщаетъ господѣ прибѣжающимъ
въ Москву. При семъ просимъ указать, что
количество всѣхъ номеровъ 150 и отдѣлены
они запово. Ц. № 934 3-1

УРОКИ ИГРЫ ВЪ 4 РУКИ

преподаетъ артистъ Н. Тимонькинъ. Адресъ:
у Харламова моста, въ домѣ Суругина, кв.
№ 21. № 931.

ТУМАННЫЯ КАРТИНЫ

для волшебнаго фоара, по всѣмъ отраслямъ
знанія, изготовляются при редакціи истори-
ческихъ альбомовъ, въ С.-Петербургѣ. Разъ-
вѣздъ, д. № 11, а также имѣется большая
выборъ готовыхъ экземпляровъ раскрашен.
карт. въ рамкахъ отъ 1 р. 50 к. до 2 руб.,
не раскрашенныя въ рамкахъ по 80 к. за
штуку. № 926 2-1

НИВА

XI годъ
№ 42

годъ XI
1880

ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЖУРНАЛЪ ЛИТЕРАТУРЫ

ПОЛИТИКИ И СОВРЕМЕННОЙ ЖИЗНИ.

ВЫХОДИТЬ ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫМИ №№ ВЪ ДВА ЛИСТА СЪ 6—10 РИС. И ЕЖЕМЪСЯЧН. ДАРОВЫМЪ ПРИЛОЖЕНИЕМЪ, ПАРИЖСКИХЪ МОДЪ (отъ 20 до 40 модн. рис.)
Выдастъ 19 Октябръ 1880 г. и ЛИСТА ЧЕРТЕЖ. ВЫКРОЕНЪ (отъ 22 до 30 рис.) разн. рис. рукод. работъ (отъ 20 до 40 рис.) Цѣна этого № „Нивы“ 15 к. съ перес. 20 к.

ОБЪЯВЛЕНІЯ
для напечатанія въ „Нивѣ“ принимаются по 25 к. за строку непараграфъ (въ 1/4 ширины страницы).
КОНТОРА:
журнала открыта ежедневно (кроме Воскресныхъ и праздничныхъ дней) отъ 10 ч. утра до 6 ч. вечера.

Открыта подписка на „НИВУ“ 1881 г.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА НА ГОДОВОЕ ИЗДАНИЕ „НИВЫ“:

Безъ доставки въ Петербургъ . . . 4 р.

Съ доставкою „ „ „ . . . 5 р.

За границу: съ перес. въ Австрію, Германію, Францію, Италію и друг. госуд. 8 руб.

Безъ доставки въ Москвѣ чрезъ кн. маг. гг. Шапошникова, Соловьева, Лангъ, Деятинна и Живарева . . . 5 р.
Съ пересылкою въ Москву и другіе города Россіи 6 р.

ПРИЛОЖЕНІЯ.
Особые приложения при „Нивѣ“ объявлены отъ торговыхъ домовъ принимаются для мног. по 5 р. съ тысячи, для городскихъ по 4 р.
РУКОПИСИ
Мелкія рукописи и стихи неудобныя къ печати, авторамъ не возвращаются.

Подписка на 1880 г. продолжается и каждый новый подписчикъ получаетъ все уже вышедшіе въ 1880 г. номера съ преміями.

КОНТОРА ЖУРНАЛА „НИВА“ ПОМѢЩАЕТСЯ ВЪ С.-П.-БУРГѢ НА Б. МОРСКОЙ ВЪ Д. № 9.

При этомъ № высылаются всеѣмъ годовымъ подписчикамъ ПРЕМІЯ „Нивы“ на 1880 годъ: двѣ большія печатанныя красками картины съ акварелей придворнаго художника М. ЗИЧИ, исключительно для „Нивы“ имъ исполненныя (въ отдѣльной продажѣ стоющія 4 руб., особо каждая по 2 руб.)

По самому характеру картинъ онѣ могутъ бытъ вставлены въ рамки какъ вставляются масляныя картины, но мы рекомендуемъ накладывать ихъ на большой бѣлый листъ, оставляя широкія поля не менѣе 1 1/2 вершковъ. Картины тогда будутъ эффектнѣе. Содержаніе картинъ взято изъ поэмы М. Ю. Лермонтова „ДЕМОНЪ“.

- 1) „Пляска Тамары.
- 2) „Тамара, оплакиваемая родными“.

Преміи такихъ размѣровъ и таковой стоимости не предлагалъ никогда ни одинъ иллюстрированный журналъ ни у насъ, ни за границей, гдѣ подобныя картины не выдаются даромъ, а только уступаются издателями своимъ подписчикамъ дешевле противъ продажной цѣны

На Панамскомъ перешейкѣ. Чепигана. Рис. Вилье, грав. Кохъ.

Библиотека "Руниверс"

Колонъ и Панама.

(Рис. на стр. 837, 840 и 841)

Въ 38 № „Ивы“ говоря о рисункахъ Доссо, мы указывали на интересъ, возбужденный Панамскимъ перешейкомъ, вслѣдствіе грандіозныхъ проектовъ знаменитаго Лесепа о прорытіи здѣсь канала. Пока два океана соединяетъ кромѣ желѣзной дороги Pacific желѣзная дорога черезъ перешеекъ между городами Колонъ и Панама, виды которыхъ мы здѣсь прилагаемъ.

Городокъ Колонъ или Аспинваль на сѣверо-западной окраинѣ острова Манзанильо, состоящаго изъ коралловыхъ рифовъ, на которыхъ образовались глубокіе наносы изъ гини и ила. Въ Колонѣ всего четыре тысячи жителей. Одинъ изъ кварталовъ болѣе возвышается надъ моремъ, и занятъ европейцами, агентами и служащими на желѣзной дорогѣ, купцами и проч. Всѣ они живутъ въ красивыхъ домахъ, и при легкости ихъ постройки—вслѣдствіе прекраснаго климата—для этихъ домовъ матеріалъ совершенно въ готовомъ видѣ привозится изъ Европы и Соединенныхъ Штатовъ. Кварталь этотъ содержится очень чисто, но уже за нимъ непосредственно начинаются болота. Остальная часть городка перерѣзана канавами, занята хижинами, идущими параллельно желѣзной дорогѣ; хижины эти построены на сваяхъ или на насыпяхъ, или даже на самой насыпи полотна желѣзной дороги. Полотно это въ нѣкоторыхъ мѣстахъ очень широко и на немъ поставлены службы, магазины и склады. Въ кварталѣ, занятомъ неграми, необыкновенная грязь; но жители этой части города кажутся ее и не замѣчаютъ.

Между этими двумя частями города вырыты два пруда, осушающіе мѣстность. Они сообщаются съ моремъ, и уносятъ въ море всѣ нечистоты города. Въ канавахъ, отводящихъ воду въ Атлантическій океанъ, часто появляются аллигаторы, которые въ свою очередь очищаютъ бассейны отъ труповъ животныхъ и остатковъ. Тутъ же около бассейновъ возвышается прекрасная бронзовая статуя Христофора Колумба, представляющаго Америку Европѣ. Группа эта подарокъ эксъ-императрицы Евгеніи президенту Москера,—единственное художественное произведение на всемъ Панамскомъ перешейкѣ. Желѣзнодорожное общество устроило прекрасную дорогу, идущую вокругъ острова Колона, вдоль болотистой мѣстности, гдѣ мангифера, растущая здѣсь только въ видѣ кустарника, часто скрываетъ въ своихъ перепутанныхъ корняхъ крокодиловъ.

Во времена „золотой горячки“ и сильнаго переселенія въ Калифорнію, еще до постройки желѣзной дороги Пасификъ, Колонъ и его желѣзная дорога имѣли гораздо большее значеніе. Наилывъ путешественниковъ былъ огромный. Мѣсто это стало сборнымъ пунктомъ всякихъ искателей приключеній, китайцевъ, антильскихъ негровъ и всякаго сброда. Понятно, что при такомъ составѣ общества, здѣсь было не очень приятно и спокойно жить.

Теперь все перемѣнилось. Здѣсь живутъ только служащіе и агенты желѣзной дороги, купцы и мирные граждане, ведущіе жизнь скромную и тихую.

У подношья Анконскихъ горъ раскинулся городъ Панама со своими величественными развалинами. Городъ съ предмѣстными насчитываетъ до четырнадцати тысячъ жителей. Видъ его читатели встрѣтятъ въ этомъ №. Послѣ разрушенія Старой Панамы дѣтъ сто назадъ во время войны съ Англичанами губернаторъ Фернандецъ, для постройки новаго города, избралъ скалистый полуостровъ. Извѣстный инженеръ де-Корта сильно укрѣпилъ городъ; такихъ укрѣпленій нѣтъ во всей южной Америкѣ. На всемъ огражденномъ пространствѣ была сдѣлана насыпь, такъ что образовалась площадь на 20 футовъ выше поверхности моря. На двухъ углахъ, обращенныхъ къ Тихому океану, возвышаются колоссальные бастионы.

Теперь укрѣпленія эти однако обсыпаются со всѣхъ сторонъ; громадныя глыбы стѣвъ, подмытыхъ волнами океана, въ огромныхъ расщелинахъ поросшія кустарникомъ и выющими растеніями, поднимаются здѣсь и тамъ на плоскомъ берегу моря.

Хорошо сохранившійся, юго-восточный бастионъ служитъ теперь мѣстомъ для прогулокъ. По вечерамъ сюда сходятся горожане подышать свѣжимъ морскимъ въ воздухомъ. Видъ взморья и зеленѣющихъ островковъ отсюда восхитителенъ. На другомъ

бастионѣ, окончательно разрушенномъ, высится нынѣ стѣны монастыря Санъ-Франциско.

Менѣе чѣмъ сто дѣтъ тому назадъ Панама былъ однимъ изъ богатѣйшихъ и прекраснѣйшихъ городовъ въ мірѣ. Войны англичанъ съ испанцами положили начало его паденію, а пожары закончили это. Въ будущемъ значеніе Панамы безспорно возобновится если устроятъ предполагаемый каналъ.

Въ противуположность Колону, въ Панамѣ для путешественника представляются всевозможныя удобства. Тутъ прекрасная гостинница, одно изъ лучшихъ этого рода въ Америкѣ, сооруженій на берегу Великаго Океана, прекрасные дома и чистыя улицы, есть соборъ, госпиталь и коллегія.

Въ окрестностяхъ Панамы разбросаны „Paciendas“ хорошенькія дачки, куда горожане переѣзжаютъ на лѣто. Вся мѣстность перерѣзана дорожками и шоссе.

Разрушенныя стѣны стараго города Панамы напоминаютъ одѣвъ объ этомъ быломъ важномъ центрѣ испанской торговли. Старый городъ былъ основанъ Ариасомъ Давиля. И съ самаго начала этотъ независимый городъ приобрѣлъ важное торговое значеніе. Рѣка Шагръ въ устьѣ представляла прекраснѣйшую гавань, и по ней индійскія лодки свободно доходили до Матачина, (отъ океана въ 22 верстахъ). Отсюда тяжести въ одни сутки могли быть доставлены въ рейдъ Панамы. Богатства индійскаго города привлекли вниманіе испанцевъ, находившихся въ то время въ Санта-Маріа, на берегу Атраго, первой испанской колоніи. Они напали на Панаму и покорили этотъ городъ. Въ рукахъ испанцевъ вскорѣ хижины индійцевъ превратились въ дома, городъ разросся и въ 1521 г., въ немъ было уже учреждено епископство. Католическія церкви и монастыри воздвигались словно чудомъ; въ 1651 году тутъ былъ уже университетъ. Но въ 1671 году, какъ мы говорили, городъ былъ разрушенъ англичанами и уже болѣе не возобновился никогда въ прежнемъ значеніи. Самый городъ Панама имѣетъ теперь всего до 20,000 жителей. Видъ города великолѣпенъ. Величавыя вершины Анеона рисуются своими смѣлыми очертаніями на блестящей лазури неба и въ темной синевѣ волнъ. У подношья его и раскинулся Панама, который, окруженный грандіозными развалинами древнихъ зданій и укрѣпленій, имѣетъ видъ большаго города. Въ сѣровой дали моря, на горизонтѣ, глазъ едва различаетъ очертанія берега Табогскихъ острововъ.

Геологическія сокровища этой мѣстности неисчислимы. Что же касается превосходныхъ дѣсныхъ породъ, то они даже еще не вполне изслѣдованы, за исключеніемъ орѣховогаго и каучуковаго дерева. Но это послѣднее начало пропадать, такъ какъ собирающіе резину недовольствуются дѣлать надрѣзы въ стволахъ, а безопасно срубаютъ цѣлыя деревья. Вотъ почему населеніе въ небольшой промежутокъ времени такъ сильно обнищало, зарабатывая прежде много отъ каучука.

На рѣкѣ Туирѣ находится прелестное мѣстечко Чепигава. Жители ея въ прежнее время занимались добываніемъ резины въ большомъ количествѣ и были зажиточны. Видъ мѣстечка помѣщенъ на первой страницѣ этого №.

Хижины здѣсь строятъ вообще изъ тростника. Всѣ части постройки соединяютъ лианами; нѣтъ ни одного гвоздя—тѣмъ не менѣе постройки очень прочны. Въ каждомъ домикѣ по четыре комнаты, нѣкоторые даже надстраиваютъ и второй этажъ. Крыша сдѣлана изъ толстаго слоя пальмовыхъ листьевъ, защищающихъ прекрасно отъ дождя и солнца. Но въ этихъ же крышахъ къ сожалѣнію всегда водятся во множествѣ скорпионы, ящерицы и пауки. Меблировка обыкновенно самая незатѣйливая. Кровать съ занавѣской отъ москитовъ, одинъ, два сундука, содержащіе все имущество, нѣсколько полокъ съ посудой и три камня, поддерживающіе котель.

Хижины разбросаны въ беспорядкѣ. Во время дождей, грязь непроходима. Богатые жители еще мосятъ кое-какъ около своихъ домовъ остатками каменныхъ бутылокъ, сохранившихся отъ того достопамятнаго времени, когда за продажу каучука выручалось столько денегъ, что никто не отказывалъ себѣ въ пивѣ, которое и доставлялось въ каменной полудѣ.

Происхожденіе жителей смѣшанное—отъ негровъ, мулатовъ и индійцевъ. Дарьениты вообще ласковы, гостеприимны и добродушны. Пьянство однако здѣсь пороку не рѣдкій.

ЛѢСНИКЪ

Разсказъ.

Б. М. Марневича.

(Продолженіе).

V.

Въ 1876 году Коверзневъ пріѣхалъ опять въ Темный Куть. Онъ пріѣхалъ рано, въ началѣ мая,—и о пріѣздѣ

своемъ извѣстилъ даже заранѣе, съ приказаніемъ высылать ему экипажъ и лошадей на ближайшую станцію желѣзной дороги.

На желѣзную дорогу, съ экипажемъ, выѣхалъ къ нему на встрѣчу—капитанъ.

Валентинъ Алексѣичъ едва узналъ его.

Капитанъ словно вытянулся, выросъ,—и рѣшительно помолодѣлъ. Онъ отпустилъ себѣ бороду, которую подрѣзывалъ клиномъ, удлинявшую его круглое лице; голову держалъ какъ-то особенно прямо, откидывалъ назадъ свои широкія плечи и выставлялъ грудь впередъ. Облеченъ онъ былъ въ плотно охватывающую его охотничью австрійскую куртку съ зелеными отворотами и большими пуговицами, съ изображеніемъ на нихъ кабаньихъ головъ. Гладко выстриженные волосы покрывала мягкая, съ высокой тульею, сѣраго цвѣта шляпа украшенная тремя павлиньими перьями. Во всемъ его обликѣ теперь была какая-то наивная претензія на щеголеватость, которая вызвала невольную улыбку на губы Коверзнева.

— Точно счастливый тиролецъ какой-то, подумалъ онъ.

А капитанъ такъ и сиялъ, глядя на него. Онъ, часовъ за шесть до срока прибытія поѣзда, отправился на станцію, съ провизією, „на случай Валентину Алексѣичу захочется закусить, такъ какъ буфета на станціи не имѣется“, съ подушками и постельнымъ бѣльемъ, „неравно Валентинъ Алексѣичъ захочетъ послѣ обѣда отдохнуть, а до Темнаго Кута засвѣтло не доѣхать, съ двумя верховыми, „не дай Богъ что съ экипажемъ случится, такъ чтобъ народъ былъ подъ рукой“...

Коверзневъ на все это только поморщился, и сказалъ что онъ ни ѣсть, ни спать, ни провожатыхъ не желаетъ, а хочетъ сейчасъ-же сѣсть и ѣхать.

Мигомъ велѣлъ подавать капитанъ четверку подъ коляской для Валентина Алексѣича, тарантасъ для его итальянца; мигомъ вынесены были и уложены на телѣги мѣшки и чемоданы,—а самъ капитанъ полѣзъ на возлы экипажа Коверзнева...

— Куда вы, Иванъ Николаичъ? Садитесь со мной сказалъ тотъ.

Переслѣгинъ отговорился было, что „ничего-съ, ему и тутъ хорошо,“—однако слѣзъ, и помѣстился въ коляскѣ, рядомъ съ Валентиномъ Алексѣичемъ, но бочкомъ къ нему, старательно подбиралъ подъ себя ноги при каждомъ толчкѣ, чтобъ какъ-нибудь не прикоснуться колѣнкомъ своимъ о его колѣно.

Дорогой передано было имъ все, что могло интересоватъ владѣльца Темнаго Кута. Таксаторъ велъ дѣло отлично. Болѣе двадцати тысячъ десятинъ лѣса были уже разбиты на правильные лѣсосѣки, проведены широкія просѣки, поставлены столбы, и даже въ главнѣйшихъ пунктахъ, каменные. Въмѣсто прежнихъ неудобныхъ и холодныхъ сторожекъ на межахъ, имъ выстроены были въ самомъ центрѣ ихъ настоящія, теплыя избы, матеріаломъ для которыхъ пошли деревья, срубленныя гдѣ лѣсники могли удобно жить съ семьею, и откуда могъ донестись до ихъ слуха стукъ воровскаго топора на любомъ пунктѣ вѣреннаго имъ лѣснаго пространства. Сами бывшіе лѣсники, изъ мѣстныхъ крестьянъ, которые уже изъ за одного кумовства, готовы были всегда давать потачку порубщикамъ, замѣнены были, извѣстными Ивану Николаичу, надежными унтеръ-офицерами изъ отставныхъ и безсрочныхъ, и Софронъ Артемьичъ очень охотно согласился положить этимъ новымъ лѣсникамъ двойное противъ прежняго жалованье и продовольствіе.

— Да, онъ мнѣ писалъ объ этомъ, и я, разумѣется, со своей стороны, очень былъ радъ, сказалъ Коверзневъ.

— Очень они большую тутъ помощь оказали, и сами все устраивали, теплымъ тономъ молвилъ Переслѣгинъ.

Валентинъ Алексѣичъ чуть чуть усмѣхнулся:

— Онъ къ вамъ благоволитъ, значитъ?

— Софронъ Артемьичъ-съ? Могу только съ полною благодарностью... Очень хорошій онъ человѣкъ, и съ совѣстью...

Улыбка пробѣжала опять по губамъ Коверзнева.

— Изъ всего этого я могу предположить, что вамъ недурно въ нашемъ царствѣ? спросилъ онъ шутливо.

— И царствію небеснаго не нужно, Валентинъ Алексѣичъ! восторженно и умиленно подымая на него глаза, воскликнулъ на это капитанъ.

О капитанѣ же, по пріѣздѣ въ Темный Кутъ, Коверзневу довелось услышать не менѣе сочувственные и похвальные отзывы со стороны Софрона Артемьича.

„Главный лѣсникъ“ умѣлъ, съ большимъ тактомъ пощадить самолюбіе управляющаго когда, три года назадъ, возведенъ былъ въ эту должность Коверзневимъ. Онъ очевидно, съ первой же минуты, счелъ наилучшимъ остаться относительно Софрона Артемьича на прежней ногѣ почтительности и наружной подчиненности, предоставляя ему и далѣе чужариться и относить себѣ въ заслугу все что дѣлалось Переслѣгинимъ на пользу вѣреннаго ему дѣла,—и къ чему самъ Барабашъ собственно могъ только прилагать никому не нужную апробацію. За то господинъ Барабашъ и говорилъ о капитанѣ съ величайшею благосклонностью, какъ о ретивомъ и полезномъ подчиненномъ, и „даже, можно сказать человѣкъ съ *attenцией*“. Впрочемъ Валентинъ Алексѣичъ сами увидятъ, говорилъ онъ, какъ онъ у меня въ акуратѣ по лѣсной части все устроилъ“. О нравственной сторонѣ его Софронъ Артемьичъ отзывался такъ же, что „насчетъ поведенія, капитанъ теперь можно сказать, *мадель*. О „слабости“, съ тѣмъ поръ „какъ онъ тогда у меня прощенія просилъ, и вотъ третій годъ,—и помину нѣтъ“...

— И даже, можно сказать, горячо расписывалъ управляющій,—это самое вино—онъ теперича его видѣть не можетъ. Повѣрите, нѣтъ-ли, Валентинъ Алексѣичъ, если, къ примѣру, въ праздникъ у меня, за обѣдомъ, рымку ему одну выпить, такъ и то для него большая *мелансолия*...

Коверзневъ только взглянулъ на него.

— Точно такъ-съ! подтвердилъ Барабашъ, чувствовавшій себя, очевидно, въ ударѣ,—и игриво примолвилъ:—особенно-же какъ онъ теперича желаетъ вступить въ *узы Гималаев*.

На этотъ разъ Валентинъ Алексѣичъ не выдержалъ.

— То есть это что-же? невольно спросилъ онъ.

— Въ бракъ вступить задумалъ-съ, пояснилъ Софронъ Артемьичъ,—жена его померла вѣдь-съ.

— Померла,—да? А я думалъ... послѣдній сказанъ Коверзневъ,—давно?

— Второй годъ,—можно сказать-съ, отъ сраму его избавила!..

— И на комъ-же это онъ теперь опять вздумалъ жениться?

— Тутъ-съ... барышня одна есть, отвѣтилъ, уже словно нехотя, Барабашъ,—помѣщицы Мурашкинской, Лизаветы Степановны племянница будетъ.

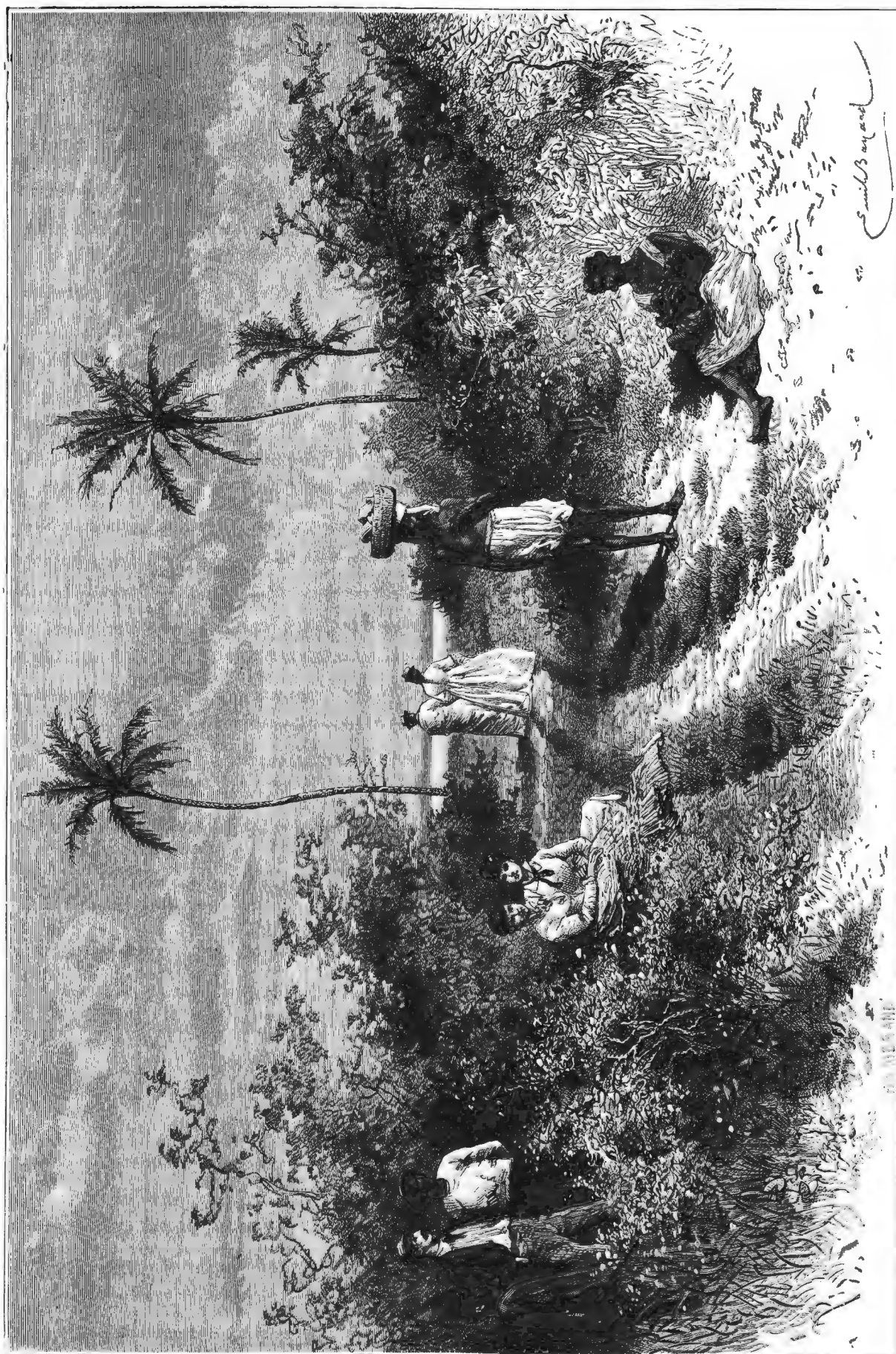
— Молодая?

— Молода, это первое-съ,—не по лѣтамъ ему; а, окромѣ того, опасаясь чтобы не вышла ему изъ этого опять *карамболъ* какая нѣбудь.

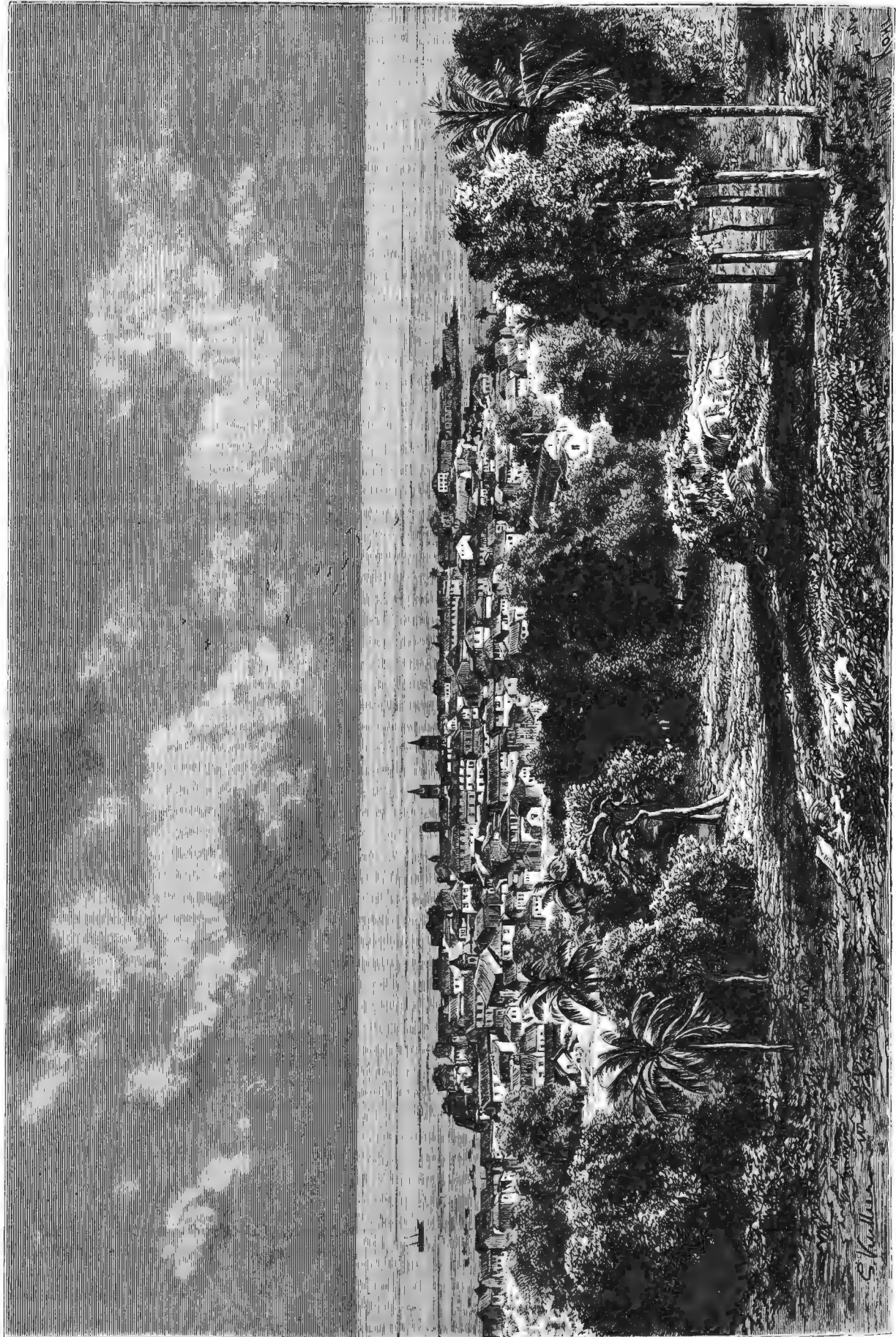
— Какой-же вы такой „карамболи“ опасаетесь?

Софронъ Артемьичъ глубокомысленно нахмурился, соображая, какъ ему это объяснить попонятнѣе.

— А такъ, Валентинъ Алексѣичъ, что насчетъ *равенствія*—это первое сказать надо... Потому онъ извѣстно, по старинному, читать, писать, *арыхметтику*,—и все-съ! А какъ теперича по наугѣ и *прогрессу*—этого онъ не можетъ, сами изволите знать... Ну, а она-съ самое, можно сказать, современное образованіе получила.. И къ тому еще надо сказать, примолвилъ онъ раздумчиво,—*эманципация* эта теперешняя очень ужъ въ нихъ зачѣтна. На охоту это, повѣрите, нѣтъ-ли, въ болото, съ ружьемъ, сапоги высокіе, и даже по мужски иной разъ *кастыю* этотъ на себя надѣнуть... И бьетъ какъ ловко, связываютъ.

Въ окрестностяхъ города Панама. Рис. Бяръ, грав. Гильдебрандъ.

Общій видъ города Панамы. Рис. Вилье, грав. Коль.

— А собою какъ?

Господинъ Барабашъ на этотъ вопросъ передернулъ очки свои, повелъ какъ-то особенно губами—и вдругъ широко осклабился:

— Даже очень не дурная-сь, Валентинъ Алексѣичъ, пропустилъ онъ почему-то шопоткомъ,—и даже, можно сказать, настоящая бельомъ... Становой у насъ тутъ новый, Потужинскій фамилія, Евгенийъ Игнатьичъ, такъ тотъ даже...

Управляющій оборвалъ вдругъ на полусловѣ...

Коверзневъ вопросительно поднялъ голову.

— Что-же становой?

Господинъ Барабашъ стыдливо потупился.

— Не знаю-сь, какъ это вамъ передать-сь, потому, можетъ быть, вамъ покажется неприличное..

— Что такое, говорите!

— Онъ про эту самую барышню замѣчаетъ-сь, что она въ талиі—комарь, а въ плечахъ—Волга...

И цѣломудренный управляющій, отвернувъ лице отъ барина, фыркнулъ въ красный фуляръ, послѣдшне вытасченный имъ изъ кармана на этотъ случай.

— Что-же вы тутъ неприличнаго находите? сказалъ Коверзневъ, разсмѣявшись въ свою очередь;—это даже очень хорошо сказано: „въ талиі комарь, а въ плечахъ Волга“...

Софронъ Артемьичъ ушелъ отъ барина, совершенно довольный и имъ, и собою.

VI.

Два дня послѣ приѣзда своего въ Темный Кутъ, Коверзневъ, проснувшись рано утромъ и открывъ ставни своей спальни, откинулся невольнымъ движеніемъ отъ окна, не вѣря въ первую минуту глазамъ своимъ:—вся окрестность покрыта была глубокимъ, сверкающимъ снѣгомъ, какъ въ самое сердце зимы, и прибитый тутъ-же за стекломъ термометръ указывалъ 5° ниже нуля. Это былъ тотъ знаменитый, повсемѣстный морозъ на Николинъ день 1876 года, какого не запомнятъ старожилы, отъ котораго опалъ въ нѣсколько часовъ времени, весь ранній въ этомъ году цвѣтъ съ плодовыхъ деревьевъ, и лѣса потеряли половину своихъ еще вѣжныхъ, недавно распустившихся листьевъ... Валентина Алексѣича такъ поразило это печальное зрѣлище, что онъ тутъ-же, захлопнувъ скорѣе ставни и зажегши свѣчи, принялся разбирать свои портфели съ лихорадочною поспѣшностью, чтобы „не видѣть этотъ позоръ и насиліе“. Онъ былъ очень воспримчивъ, и страстно любилъ природу:—этотъ холодный, нагло сверкающій зимній саванъ, налегшій неожиданно нежданно на цвѣтущее лоно весны, представлялся ему, дѣйствительно, „насиліемъ“ какой-то грубой, ненавистной стихійной силы надъ вѣчными, божественными правами ея...

Онъ, съ досады не выходялъ дней десять сряду, работая при закрытыхъ ставняхъ въ своемъ кабинетѣ а, для движенія, отправлялся по вечерамъ на прогулку, въ молчаливыя залы верхняго этажа своего обширнаго и пустаго дома. Видъ изъ его окна на огромныя старыя липы посреди двора, саженыя его прадедомъ, съ ихъ теперь полубогаженными вѣтвями, вызывалъ въ немъ каждый разъ какое-то скорбное, почти болѣзненное чувство,—и онъ проходилъ мимо, опустивъ голову и глаза...

Онъ, за это время, никого не видѣлъ, не пускалъ къ себѣ,—и капитанъ, возвращаясь изъ лѣса, не разъ, съ безпокойствомъ въ лицѣ, допрашивалъ Софрона Артемьича, состоитъ ли въ здравіи Валентинъ Алексѣичъ и можно-ли скоро ожидать, что уютно имъ будетъ осматрѣть новыя лѣсничества?—на что управляющій, въ свою очередь, съ значительнымъ и нѣсколько таинственнымъ видомъ, отвѣчалъ обыкновенно, что „собственно судить объ этомъ нельзя, потому у барина по прежнему, въ комнатахъ ставни закрыты, и драпра (то есть занавѣсы)

вѣсы) спущены, и такъ значить, полагать надо, что они, по прежнему, занимаются политикой, а только что у нихъ нравъ неожиданный и даже, можно сказать, натуральный, какъ всегда у людей науки, а потому изъ каждую минуту вообще должно ожидать“...

И дѣйствительно Барабашъ, бывшій самъ ежеминутно на чеку, сиди однажды у своего окна въ одинъ изъ тѣхъ наляпшихъ дней, которыми, какъ бы въ отместку за стужу своихъ первыхъ дней, отличалась вторая половина мая того года, увидѣлъ барина, спускавшася съ крылечка, пристроеннаго къ его кабинету. Онъ былъ въ охотничьей курткѣ и съ ружьемъ; привезенный имъ съ собою англійскій сетеръ несся визжа, внизъ по ступенямъ, словно обезумѣвъ отъ радости.. Былъ уже часъ восьмой пополудни,—но воздухъ былъ все также душенъ и сухъ...

— Ну, теперь пропалъ въ лѣсу на недѣлю! сказалъ себѣ управляющій, торопливо скидывая съ плечъ новый сюртукъ и жилетъ, которые онъ все это время воздѣвалъ на себя съ утра, въ ожиданіи, „каждый моментъ“, призыва къ барину;—Лукерья, ставъ самовары!..

Валентинъ Алексѣичъ прошелъ Дерюгинскими задами на Хомяки, пробираясь къ памятной ему съ дѣтства лѣсной опушкѣ, у Пьяной Лужи, надъ которой искони „тянули“, вальшнелы. Онъ шелъ теперь опять туда, за тѣмъ-же, какъ въ тѣ дни, когда бѣжалъ со своимъ ружьемъ вслѣдъ за своимъ англичаниномъ, по тѣмъ-же тропинкамъ, подъ тѣнью все тѣхъ-же темныхъ дубовъ, съ лихорадочно бьющимся сердцемъ, съ безконечнымъ рядомъ подвиговъ въ ребяческомъ воображеніи... А тамъ, на мѣстѣ, что это были за восторги, и трепетъ ожиданія, и до боли сладкія, опять замиранія сердца!.. Все такъ-же живо, той-же будто обидой какъ тогда, звенѣлъ въ ухахъ его гортанный смѣхъ Фокса вслѣдъ за первымъ его промахомъ, вспоминались горячія слезы, вызванныя въ немъ этимъ смѣхомъ, и неудачею, и неодолимой улыбкой Дениса, егеря, стоявшаго подлѣ него, и который только молча протянулъ руку, чтобы зарядить ему вновь это такъ неудачно выпалившее ружье...

— Что за человѣкъ? окликнулъ его неожиданно чей-то голосъ.

Передъ нимъ стоялъ здоровенный усачъ, съ „флинтковкой“ за плечомъ и мѣдной бляхою на лѣвой сторонѣ коротенькаго кафтана „русскаго покроя“, какія носятъ кондуктора на желѣзныхъ дорогахъ; четырехъ-угольная какъ и у нихъ шапочка съ такою-же бляхою, на которой читалось вытисненное крупными черными буквами „Хомяки“ покрывала его голову.

— Это изъ новой гвардіи капитана! сказалъ себѣ Коверзневъ, усмѣхнувшись...

Онъ назвалъ себя—и изъ видимаго смущенія на лицѣ лѣсника убѣдился, что въ этой встрѣчѣ не было ничего пріуроченнаго зарабѣ,—что было бы ему очень непріятно.

— А ты меня зачѣмъ остановилъ? спросилъ онъ.

— Потому какъ съ ружьемъ-сь... Стрѣлять у насъ въ лѣсу чтобы отнюдь никто не смѣлъ, приказывали Иванъ Николаичъ, отвѣчалъ усачъ, ободренный улыбкой барина;—и какъ особенно до Петрова дни закономъ строго воспрещено, ваше сіятельство! гаркнулъ онъ вдругъ, какъ бы вспомнивъ.

— Валентинъ Алексѣичъ, просто! поправилъ его Коверзневъ.

— Слушаю, ваше... не договорилъ лѣсникъ, вытянувшись передъ нимъ, руки по швамъ и недоумѣло глядя на него...

— Что ты самъ—охотникъ? спросилъ Коверзневъ.

Лѣсникъ растянулъ широко губы:

— Есть маленечко, ваше с.....

— Не замѣтилъ, тяга хорошо въ этомъ году?

— Не важная-сь,—даже и вовсе по началу не видать было, потому холода все стояли; недавно только тянутъ сталь...

— А гдѣ твоя изба? Я еще не видалъ вашихъ новыхъ помѣщеній.

— Вотъ тутъ сейчасъ вправо-съ новый просѣкъ поидеть, такъ по немъ прямо выйти. Если угодно вашей милости...

Нововыстроенная изба лѣсника по Хомякамъ оказывалась, дѣйствительно, очень удобнымъ, свѣтлымъ и чистымъ помѣщеніемъ. Коверзневъ при входѣ въ нее, обдало сильнымъ запахомъ сушеныхъ травъ;—усачъ, человекъ одинокій и не молодой, составлялъ изъ нихъ какой-то цѣлебный чай, которымъ пользовалъ себя отъ лмоты.

— Кто-же тебя этому научилъ? спросилъ Валентинъ Алексѣичъ.

— Венгерець, коноваль, ваше с... Подъ Дебрегинымъ въ полонъ мы ихъ тогда много забрали.

— А ты венгерскую компанію дѣлалъ?

— Съ генераломъ Лидерсовымъ всю Перансылхванію обошли, ваше-съ... браво отрапортовалъ старый служивый.

— Да не прикажете-ли чаю заварить, ваше вскр... вдругъ какъ бы спохватился онъ.

— Твоего? усмѣхнулся Валентинъ Алексѣичъ.

— Помилуйте-съ, у насъ по всѣмъ лѣсничествамъ, розданъ настоящій, китайскій на сей случай!

— На какой случай?..

— А собственно, что ежели ваша милость зайдутъ съ охоты, или какъ, — чай, сахаръ, и все какъ слѣдуетъ.

— Это капитанъ распорядился?..

— Сами они-съ!

— Какая-то женская обо мнѣ заботливость! подумалъ Коверзневъ, невольно тронутый...—Давно онъ здѣсь былъ? спросилъ онъ.

— Иванъ Николаичъ? За часъ мѣста передъ вашей милостью проѣзжали.

— Куда, не знаешь?

— Не сказывали, а такъ, полагать, что безпремѣнно въ Мурашкахъ теперь они.

— Да, это тамъ гдѣ „узы Гималая!“ весело вспомнилось Валентину Алексѣичу...

Онъ свистнулъ своего Джима—и направился къ Пьяной Лужѣ.

VII.

Онъ стоялъ уже тутъ давно, на опушкѣ лѣса, прислонясь спиной къ дереву, со взведеннымъ на оба курка ружьемъ—и ожидалъ. Зарево заката отражалось послѣднимъ багрянымъ свѣтомъ на длинной грядѣ сине-вато-сизыхъ облаковъ, но душный воздухъ висѣлъ еще надъ землею свинцовою тяжестью. Сквозь мертво недвижную листву лѣса высовывался тонкій серпъ нарождавшагося мѣсяца въ струяхъ какого-то молочнаго пара. Птицы смолкли. Тускло-зеленая гладь, лежавшая передъ Коверзневымъ лѣснаго прудка, отливала угрюмо и грозно...

Угрюмо было и на душѣ его. Внезапная, безпричинная тоска налетѣла на него и давила его, какъ давить этотъ угасавшій, палащій день окрестную природу... Прошедшее воскресало передъ нимъ, возставалъ призракъ его собственной, одинокой, равнодушной и безцѣльной жизни. И никогда еще такъ одинокою и безцѣльною не казалась ему эта жизнь его. Онъ разумѣлъ до сихъ поръ счастье въ независимости „внутри и извнѣ“, въ сознаниі безграничной, отрѣшенной отъ всѣхъ „условностей жизни“ свободы... „Ну а затѣмъ, спрашивалъ себя теперь Коверзневъ, куда и долго ли еще будетъ гнесті меня эта свобода?“...

Онъ оборвалъ вдругъ и безсознательно скорчилъ гримасу: онъ поймалъ себя на „фразѣ“ и „метафизикѣ“, что всегда казалось ему смѣшнымъ въ другихъ, и въ чемъ онъ поэтому счелъ нужнымъ тутъ же упрекнуть себя...

Знакомый чуткому уху охотника хрипъ пронесся въ это время въ воздухъ почти надъ самой его головою.

Коверзневъ, какъ со сна, машинально вскинулъ ружье къ плечу.

Но уже было поздно: вальшнепъ далъ колѣно—и исчезъ за вершинами лѣса.

Въ тоже время, звучно повторяемый лѣснымъ эхомъ, раздался вдали выстрѣлъ.

— Это же еще кто? спросилъ себя Валентинъ Алексѣичъ, возвращаясь уже весь къ сознанию дѣйствительности; лѣсникъ только что увѣрялъ меня, что капитанъ строжайше запретилъ стрѣлять въ моихъ лѣсахъ.

Онъ наставилъ ухо, прислушиваясь къ еще перекачавшемуся гулу выстрѣла.

— Въ казенной пушкѣ развѣ?.. Нѣтъ, это ближе,— и стоитъ онъ на тягѣ на одной линіи со мной, вверху къ Хомяковской межѣ. Кто же это можетъ быть?

Новый выстрѣлъ огласилъ даль.

— Должно быть, безъ промаха! досадливо подумалъ Валентинъ Алексѣичъ:—ни полвальшнепа не тянетъ сюда болѣе.

Онъ опустилъ курки, закинулъ двустволку свою за спину, и пошелъ прямо, вдоль опушки, направляясь на эти выстрѣлы.

Онъ прошелъ съ полверсты—и никого не встрѣтилъ.

— А вотъ еще и новая просѣка, сказалъ онъ себѣ, останавливаясь у незнакомаго ему большаго каменнаго столба, имѣвшаго, догадался онъ, означать уголъ граничной черты Хомяковскаго лѣса отъ казенной пушки.

По этой просѣкѣ несся теперь топотъ двухъ лошадей.

Коверзневъ остановился.

На встрѣчу ему быстро катила легонькая телѣжка, изъ рода тѣхъ, которыя на русскомъ югѣ зовутъ польскимъ названіемъ *нетычанокъ*, а въ ней сидѣла и правила кругленькою, ходкою лошадкою молодая женская особа въ черной шляпѣ съ птичьимъ крыломъ на боку. Капитанъ Переслѣгинъ, все въ томъ же своемъ костюмѣ счастливаго тирольца, верхомъ на худомъ, горбоносомъ и нещадно задиравшимъ вверхъ голову, казачкомъ конѣ, уткнувшись въ стремяна тѣмъ особымъ аллюромъ пѣхотныхъ офицеровъ, надъ которымъ такъ потѣшаются истые кавалеристы, едва поспѣвалъ за этой особой, разражавшейся звонкими взрывами смѣха при каждой прыжкѣ легкой телѣжки на встрѣчныхъ, неизгнанныхъ еще корняхъ срубленнаго лѣса просѣки.

Она первая замѣтила Коверзневъ и откинулась спиной въ задохъ *нетычанки*, натягивая возжи—осадить разбѣжавшуюся лошадку.

Капитанъ, усиленно задавая каблуками въ бедра своего коня, вынесся впередъ, вообразивъ, что она уноситъ ее,—и увидѣлъ своего патрона... Онъ торопливо и смущенно соскочилъ съ коня, подхватилъ его подъ уздцы одною рукою, а другою уцѣпился за возжу лошади своей спутницы.

Валентинъ Алексѣевичъ поморщился: онъ терпѣть не могъ никакихъ „почтительностей“, ни знаковъ вниманія,—а тутъ кромѣ того, по всѣмъ вѣроятіямъ, предстоялъ ему еще разговоръ съ этой незнакомкой, остановившейся очевидно съ цѣлью „поглазѣть“ на него.

Онъ не ошибся:

— Вы не на тягу-ли, позвольте васъ спросить? обратилась она къ нему звонкимъ, густымъ и нѣсколько горловымъ голосомъ.

Онъ не успѣлъ отвѣтить, какъ она живо наклонилась, подняла со дна *нетычанки* двухъ убитыхъ птицъ и потрясла ими высоко въ воздухъ:

— А вотъ моя работа! И она при этомъ припрыгнула съ громкимъ смѣхомъ на своемъ мѣстѣ.

— Такъ это вы были? сорвалось невольно у Коверзневъ при этомъ видѣ.

— Вы были также на пролетѣ, и я вамъ перебила!

воскликнула она, тотчас же догадавшись,—извините, пожалуйста!..

— Я вамъ говорилъ-съ, прошепталъ сконфуженно капитанъ, съ упрекомъ глядя на нее.

— Говорили, сто разъ говорили, и я васъ не послышалась, я все таки увѣрена, что васъ за это не лишать жизни, громко отвѣтила она. Ужасно люте капитанъ на счетъ вашей собственности! обратилась она уже прямо къ Валентину Алексѣвичу,—не то дичь, гриба не смѣй присвоить себѣ въ вашихъ владѣніяхъ!..

— Иванъ Николаичъ стоитъ во всякомъ случаѣ на законной почвѣ! сказалъ тотъ на это съ холодной шутливостью.

— Такъ точно-съ! подтвердилъ тѣмъ же шопотомъ капитанъ.

— Ахъ, Боже мой, да вы, можетъ быть, почитаете меня за нигилистку! вскрикнула словообильная особа, прищуриваясь на Коверзневъ не то высокомерно, не то обиженно: вы очень ошибаетесь, предвараю васъ, monsieurs! Я, конечно, сочувствую современному гуманизму и презираю всякій регрессъ, но по убѣжденіямъ своимъ придерживаюсь гораздо болѣе позитивизма...

Она разсмѣялась еще разъ:

— Я и забыла что вы меня совсѣмъ не знаете... Капитанъ, дѣлайте ваше дѣло,—представьте меня!..

— Позвольте прежде всего представить вамъ себя, учтиво пспѣшилъ сказать Коверзневъ, приподнявъ шляпу и кланаясь.

— Ахъ, я васъ давно знаю! перебила она его:—вы нашъ, такъ сказать русскій Ливингстонъ и Стенли. Я о вашей книгѣ читала въ *Вѣстникѣ* и успѣла составить уже себѣ о васъ понятіе какъ о человѣкѣ интеллигентномъ... А вотъ я для васъ ничего болѣе какъ неожиданная встрѣча, не правда-ли?

— Я, дѣйствительно, не имѣю чести... пробормоталъ онъ, подымая и останавливая на ней не улыбающіеся глаза.

Это была бѣлокурая, довольно свѣжая „барышня“ (барышня была она по всѣмъ признакамъ) со вздернутымъ, слегка румянымъ носикомъ, алыми губами и широкимъ развитіемъ плечей и груди, при чрезвычайно тонкомъ и длинномъ станѣ („Въ талии комаръ, а въ плечахъ Волга—и даже въ весеннемъ разливѣ“, сказалъ себѣ Коверзневъ внутренне улыбувшись). Въ выраженіи лица ея, въ ея движеніяхъ и тонѣ рѣчи была какая-то ребяческая смѣсь природеннаго добродушія и напускной самоувѣренности. Она прищурившись, чуть не дерзко, вся при этомъ невольно краснѣя, глядѣла на Валентина Алексѣвича, чрезвычайно озабоченная въ глубинѣ души тѣмъ впечатлѣніемъ, какое могла произвести выказанная ею сейчасъ „образованность“ на этаго „русскаго Ливингстона и Стенли“.

Онъ, въ свою очередь, производилъ на нее нѣсколько внушительное впечатлѣніе. Но она никакъ не хотѣла поддаваться этому „унизительному“ чувству и продолжала еще съ большею развязностью:

— Ну, „не имѣете чести“, такъ отгадайте!.. Капитанъ, ни слова! Не умѣли сказать во время, теперь молчите! Я хочу чтобъ monsieur Коверзневъ отгадалъ... Ну, хоть собственное имя отгадайте!

— Я, право, не могу... молвилъ Валентинъ Алексѣвичъ, какъ бы безсознательно хмурясь.

— Очень трудно отгадать, это правда, у меня премудренное имя. Ну, такъ вотъ: Ина, Пинна, Рина, три дѣвочки, три великомученицы и три Римлянки—выбирайте!

Онъ, молча, только руками развелъ.

— Пинна Афанасьевна Левентюкъ, пспѣшилъ притти ему на помощь Переслѣгинъ. Ему было видимо не по себѣ отъ этаго разговора и онъ съ какою-то тайною тревогой переводилъ глаза съ дѣвушки на Коверзневъ и обратно.

— Очень радъ, проговорилъ Коверзневъ, пспѣшно

приподнявъ еще разъ шляпу, и разомъ двинулся съ мѣста.

— Куда же это вы? воскликнула дѣвушка,—теперь не до охоты, а домой скорѣй надо: видите, что оттуда несетъ? И она, подобравъ возжи, кивнула подбородкомъ вверхъ.

Онъ моментально обернулся.

Уже охватившая полнеба, ползла съ востока поверхъ лѣсныхъ вершинъ, словно нарочью задѣвъ ихъ своими темными краями, огромная темно-фіолетовая туча.

— Страшнѣющая гроза будетъ! вскинулся вдругъ испуганно капитанъ,—только, только до лѣсника въ Хомякахъ дохватъ!

— И напитокъ у него вашего чаю? вспомнилъ Коверзневъ:—спасибо вамъ за это, встаети, Иванъ Николаичъ! сказалъ онъ, ласково улыбаясь радостно вспыхнувшему отъ этихъ словъ Переслѣгину.

— Садитесь, monsieur, я васъ подвезу! послѣшила предложить Пинна Афанасьевна.

Предстоявшій ливень не представлялъ ничего заманчиваго для Валентина Алексѣвича, но онъ, съ другой стороны, не чувствовалъ себя въ достаточно хорошемъ настроеніи духа, чтобы слушать дальнѣйшую болтовню „развитой“ дѣвочки, какъ о ней выражался Софронъ Артемьичъ Барабашъ.

— Очень вамъ благодаренъ, сказалъ онъ съ учтливой улыбкой,—не долги эти лѣтнія грозы. Я собрался въ Крусаново,—дойду, авось не растаю.

— Зальетъ-съ... дорогу, Валентинъ Алексѣичъ, глядя ему съ умоляющимъ видомъ въ глаза, возразилъ капитанъ.

Тотъ пожалъ плечами:

— Дѣло бывалое, Иванъ Николаичъ!.. Въ Крусановѣ опять сторожка и лѣсникъ, должно быть,—и прямо по просѣкѣ теперь? спросилъ онъ.

— На версту еще прямо просѣка пойдетъ, а тамъ дальше, изволите знать, трясина...

— *Видѣли вы Логъ*, знаю!

— Такъ точно-съ! Такъ мимо, подъ прямымъ угломъ, мы вправо повели; на прежнюю дорогу выходить, а съ нея опять просѣка до полянки, гдѣ тамошняго лѣсника изба. Версты четыре отсюда не менѣе идти на ло дотолѣ. Позвольте доложить вамъ, Валентинъ Алексѣичъ, заговорилъ вдругъ капитанъ прерывающимся отъ волненія голосомъ,—не совѣтую вамъ... Пожалуй сейчасъ зги не увидать будетъ, и самое тутъ мѣсто ненадежное, болота кругомъ бездонныя... Не дай Богъ!..

— Съ дѣтства знаю я эти мѣста, Иванъ Николаичъ, не собоюсь, молвилъ Коверзневъ.

— Такъ вы рѣшительно отказываетесь отъ моего предложенія довести васъ? спросила съ замѣтною досадою Пинна Афанасьевна.

— Искреннѣйше благодарю васъ, отвѣчалъ онъ,—но упрямото—мой порокъ...

— Вольному воля! Вы находитесь очевидно подъ вліяніемъ *аффекта*, но я не желаю попасть подъ ливень по вашему примѣру... Ѳдемте скорѣе, Иванъ Николаичъ.

— Позвольте, Валентинъ Алексѣичъ, предложилъ тотъ, вскарабкиваясь пспѣшно на лошадь,—я вотъ *илъ* сейчасъ до Хомяковъ доведу, и вернусь къ вамъ съ экипажемъ. Не дай Богъ, ночь, гроза, опасно...

— А я знаете что вамъ скажу, перебила его вдругъ дѣвушка, оборачиваясь на Коверзневъ изъ своей *нетячанки*,—все это старобарскіе капризы!

Его такъ и поворобило отъ этаго слова. Онъ холодно, коротко поклонился ей, свистнулъ своего сетера и не отвѣтивъ ни единымъ словомъ, быстро двинулся съ мѣста.

— А впрочемъ, не успѣвъ отойти и пяти шаговъ, сказалъ онъ себѣ усмѣхаясь,—оно и такъ пожалуй!..

И онъ какъ бы невольно оглянулся. Но телѣжка съ подпрыгивавшимъ на сѣдлѣ за нею капитаномъ быстро удалилась въ сторону Хомяковъ.

(До слѣдующаго №).

Мать. Картина Жерара Доу. Для „Нивы“ воспроизведено по старинной гравюре И. Г. Вилля, Лефманомъ.

Къ преміямъ „Нивы“ на 1880 годъ.

Сцены изъ „Демона“ поэмы М. Ю. Лермонтова.

Двѣ картины придворнаго Е. И. В. художника М. Зичи.

Книга огнемъ и силой юныхъ дѣтъ,
Я прежде пѣлъ про демона няго:
То былъ безумный, страстный, дѣтскій бредъ...
„Сказна для дѣтей“, М. Лермонтова.

Таковыми стихами поэтъ характеризуетъ свое любимое юношеское произведеніе. Пораженный еще въ дѣтствѣ могучими красотами Кавказа полный мелодіи и музыки, звучавшаго тогда всею силою, пушкинскаго стиха, и въ то же время подавленный обаятельнымъ гениемъ Байрона—онъ долго лелѣлъ и носилъ въ своей душѣ мрачный, тоскующій, губящій все до чего коснется—образъ демона. Нѣсколько разъ онъ принимался за него (впервые еще пятнадцатилѣтнимъ мальчикомъ); нѣсколько разъ бросалъ онъ перо, чувствуя свое безсиліе. Только послѣ четырехъ предварительныхъ работъ разныхъ годовъ (1829, 1830, 1831, 1832), онъ создаетъ окончательно свою поэму, представляющую по блеску и силѣ стиховъ, удивительной яркости образовъ—одно изъ самыхъ крупныхъ явленій въ нашей поэзіи и создавъ ее всего на двадцатомъ году своей жизни.

Въ „Демонѣ“ такое обиліе самыхъ чудныхъ восточныхъ красокъ и образовъ,—что весь онъ представляется какой-то волшебной панорамой, рядомъ роскошныхъ видѣній, смутно летящихъ одно на смѣну другому—безконечной, фантастической вереницей. Недаромъ мыслью поэта такъ плѣнился композиторъ нашъ Антонъ Рубинштейнъ, что создалъ свою извѣстную оперу, пользующуюся такою популярностью и у насъ и за границей. Недаромъ Зичи,—одинъ изъ талантливейшихъ европейскихъ живописцевъ—столько разъ вдохновлялся его сюжетами, и вотъ теперь является передъ публикой съ двумя совершенно новыми, полными красоты и изящества картинами. Сама поэма получила у насъ настолько обширную извѣстность, что всякій мало мальски образованный человѣкъ считаетъ знакомство съ ней конечно обязательнымъ.

Чтобы явственнѣе возстали передъ читателями два главные момента, изображенные на нашихъ картинахъ, мы предагнемъ прослѣдить за нами весь ходъ поэмы, отъ самаго начала („Пляска Тамары“) и до конца,—(смерти Тамары).

Рассказъ начинается блестящей картиной полета Духа Зла надъ землею. Надъ горами Кавказа, надъ алмазною сѣтвовой глыбой Казбека, надъ тѣсною нависшихъ надъ Тереккомъ скалъ, несется изгнанникъ рай. Передъ нимъ проходятъ воспоминанія—

Тѣхъ дней, когда въ жилищѣ свѣта
Блесталъ онъ, чистый херувимъ,
Когда сквозь вѣчные туманы,
Познаны жадный, онъ слѣдилъ
Кочующіе караваны
Въ пространствѣ брошенныхъ свѣтилъ
Когда онъ вѣрилъ и любилъ,
Счастливый первенецъ творенья...

Поэтъ рисуетъ передъ нами моментъ, когда онъ уже дѣлать зло... И вотъ онъ пролетаетъ надъ Грузіей, съ ея звонкобѣгущими ручьями, развѣсистыми рощами чинаръ, темными пещерами, ароматнымъ дыханьемъ южныхъ травъ, съ ея влажноросистыми звѣздными ночами. Блуждая равнодушнымъ взглядомъ, онъ видитъ за Арагою высой домъ съ зубчатой башней. Домъ этотъ принадлежалъ старику князю Гудалу. Въ тотъ день у него былъ праздникъ: онъ сосваталъ свою дочь, Тамару—и на пиръ созвалъ родственниковъ. На плоской кровлѣ, усланной коврами, зазвучала зурна, раздалась пѣсни, и вплоть до сумерекъ не смолкали веселья игры. Красавица-невѣста пляшетъ лезгинку.

Онъ (подруга Тамары) поютъ,—и бубень свой
Беретъ невѣста молодая,—
И вотъ она, одной рукой
Кружа его надъ головой,
То вдругъ помчится легче птвицы,
То остановится—глядитъ,
И влажный взоръ ея блеститъ;
Изъ подъ завистливой рѣсницы;
То черной бровью поведетъ,
То вдругъ наклонится немножко,
И по коври скользятъ, плыветъ
Ея божественная ножка,
И улыбается она
Веселья дѣтскаго полна,
И лучъ луны по влагъ зыбкой
Слегка играющей порой,
Едва-ль сравнится съ той улыбкой,
Какъ жизнь, какъ молодость живой!...

Эти восемнадцать строкъ и составляютъ содержаніе первой превосходной картины „Пляска Тамары“.

И Демонъ ее увидѣлъ. Пораженной ея дивной красотой, онъ внезапно остановилъ свой полетъ. Въ его душѣ вдругъ отоз-

вался какой-то далекій отзвукъ чего то святаго,—добра, любви, красоты... Мечтанья о прежнемъ счастьи опять ясно возстали передъ нимъ, и снова въ немъ заговорило чувство роднымъ, знакомымъ когда-то языкомъ. Онъ рѣшилъ, что Тамара должна принадлежать ему, и никому другому.

А между тѣмъ этотъ другой, женихъ Тамары, спѣшилъ на свадебное торжество. На взмыленномъ, золотистомъ аргамакѣ ѣдетъ онъ впереди каравана. Длинный рядъ верблюдовъ, звеня колокольчиками, едва переступаетъ подъ тяжелой ношей свадебныхъ даровъ. Увлеченный мечтами о своей красавицѣ-невѣстѣ, князь не замѣчаетъ, что ѣдетъ мимо часовни, гдѣ погребенъ какой-то святой, убитый нѣкогда на этой дорогѣ. Было принято всегда помолиться ему мимоѣздомъ: молитва обережетъ отъ недоброй встрѣчи. Но князь не видитъ ничего: Демонъ его смущаетъ грѣховными мыслями. Вдругъ впереди мелькнули двѣ фигуры, еще и еще. Раздался выстрѣлъ, сверкнула турецкая винтовка: караванъ наткнулся на разбойничью шайку. Робкіе вожаки-грузины сопротивлялись не долго,—часть ихъ полегла на мѣстѣ, остальные бѣжали. Князя лихой скакунъ вынесъ изъ боя, но чья то шальная пуля догоняетъ его,—и наноситъ смертельную рану. Конь продолжаетъ скакать знакомой дорогой съ мертвымъ, припавшимъ на гриву, всадникомъ, плотно задвинувшимъ ноги въ широкія стремена,—и кровь широкими струями расплывается по цвѣтному, шитому шелками чепраку.

Въ семьѣ Гудала плачь и стоны,
Толпится на дворѣ народъ:
Чей конь примчался замыленный,
И палъ на камни у воротъ?
Кто этотъ всадникъ бездыханный?
Хранили слѣдъ тревоги бранной
Морщины смуглаго чела,
Въ крови оружіе и платье,
Въ послѣднемъ бѣшеномъ пожатѣ
Рука на гривѣ замерла...

Какъ громъ, небесная кара слетаетъ на беззаботную семью. Несчастная невѣста съ рыданьями опускается на постель и вдругъ слышитъ надъ собой, какой-то тихій, волшебный голосъ:

Не плачь дитя, не плачь напрасно,—
Твоя слеза на трупъ безгласный
Живой росой не упадетъ,—
Она лишь взоръ туманитъ ясный...

И звуки все льются, льются, голосъ неотвязно поетъ надъ ней... „Когда наступитъ ночь,—слышитъ она,—и очарованный мѣсяцъ, когда ночные цвѣты распускаятъ свои лепестки, и мѣсяцъ встанетъ украдкой изъ за горы.—

Къ тебѣ я стану прилетать,
Гостить я буду до денница,
И на шелковыя рѣсницы
Сны золотые навѣвать!.

Тамара слышитъ—душа рвется и кипитъ въ ней, по жиламъ пробѣгаетъ огонь: этотъ голосъ такъ чудно, такъ ново звучитъ ей. Только подъ утро засыпаетъ она, и сонъ ея полонъ

Мечтой пророческой и странной:
Пришлецъ туманный и нѣмой,
Красой блестяя неземной,
Къ ея склонился изголовью,
И взоръ его съ такой любовью,
Такъ грустно на нее смотрѣлъ...
То не былъ ада духъ ужасный,
Порочный мученикъ,—о нѣтъ!
Онъ былъ похожъ на вечеръ ясный:
Ни день, ни ночь, ни мракъ, ни свѣтъ!..

Окровавленный трупъ несчастнаго жениха похоронили подъ горой. Со всѣхъ сторонъ стали стекаться новые претенденты на руку Тамары, но она всѣмъ давала рѣшительный отказъ. Печальные, странные сны стали ее смущать по ночамъ, она начала сохнуть, вянуть день ото дня, и наконецъ рѣшилась просить отца отпустить ее въ монастырь, думая тамъ найти покой своей больной душѣ. Ее постригли, но и здѣсь и

въ монашеской одеждѣ,
Какъ подъ узорною парчей,
Все незаконною мечтой
Въ ней сердце билось какъ и прежде.

Монастырь не далъ ей желаннаго успокоенія. Ни чудная природа юга, ни молитва—не примирили ее съ жизнью. Часто сидѣла она по цѣлымъ днямъ у окна и кто-то шепталъ ей: „онъ придетъ!“—

Не даромъ сны ее ласкали,
Не даромъ онъ являлся ей

Съ глазами полными печали,
И чудной нѣжностью рѣчей...
Ужь много дней она томится
Сама не зная почему,—
Святымъ захочетъ ли молиться,
А сердце молится *Аму*.

И вотъ однажды, поздно вечеромъ, Демонъ прилетѣлъ къ обители, и задумчиво сталъ у высокой стѣны. Изъ окна Тамары лился тихій свѣтъ лампы: точно она ждала кого-то. Вотъ раздалось въ тиши пѣнье, подъ стройные звуки чингара; то была какая-то райская пѣсня, точно ангелъ украдкой прилетѣлъ сюда, и желая усладить муку навшаго духа, забытаго друга, снова пропѣлъ ему о быломъ.

Демонъ появляется въ кельѣ, и неожиданно встрѣчается съ ангеломъ-хранителемъ Тамары. Ангелъ отлетаетъ съ грустью, его вліяніе пришло слишкомъ поздно. „На сердце, полное гордыни,—говоритъ Демонъ,—я положилъ печать свою, здѣсь больше нѣтъ твоей святости, здѣсь я владѣю, я люблю!

Демонъ начинаетъ рисовать ей яркими красками свою прежнюю жизнь, говоря, что ему нѣкогда въ раю одной ея не доставало, что онъ увидѣвши ее, вдругъ возненавидѣлъ и свою власть и безсмертіе... Онъ въ мрачномъ разсказѣ развертываетъ передъ ней картину той душевной пустоты, которая охватила его со времени появленія... Онъ требуетъ ея любви. Тамара сомнѣвается:

Но если рѣчь твоя лукава,
Но если ты, обманъ тая...
О, пощади!.. Какая слава!
На что тебѣ душа моя?
Ужели Небу я дороже
Всѣхъ незамѣченныхъ тобой?
Онѣ, увы! прекрасны тоже...

Она требуетъ, чтобы онъ отрекся отъ злыхъ стяжаній. Демонъ обѣщается,—цѣлый рядъ картинныхъ, холодно-демоническихъ клятвъ сыплется съ его языка. Онъ обѣщаетъ примиренье съ небомъ, говоритъ, что хочетъ молиться, вѣровать въ добро,—оставить землю мирно доцвѣтатъ въ невѣдѣнны покойномъ.—„Я у ногъ твоихъ, говоритъ онъ, сложилъ свою власть.

Твоей любви я жду какъ дара,
И вѣчпость дамъ тебѣ за мигъ.
Въ любви какъ въ злобѣ, вѣрь Тамара,
И неизмѣненъ и великъ...

Тамара начинаетъ уступать искушенію Злаго Духа. Но нѣжная душа ея не выдерживаетъ такого страданія, такого тяжкаго сознанія ужаса своего положенія—и она умираетъ и смерть искупляетъ ея колебанія дѣлаетъ ее вновь доступною райскому блаженству.

У гроба юной страдальницы собралась ея семья, съ старымъ Гудаломъ во главѣ. Этотъ моментъ превосходно изображенъ нашимъ художникомъ.

Какъ Пери спящая мила,
Она въ гробу своемъ лежала.
Бѣлѣй и чище покрывала
Быль томный цвѣтъ ея чела.
На вѣкъ опущены рѣсницы...
И все, гдѣ пылкой жизни сила
Такъ внятно чувствамъ говорила,—
Теперь одинъ ничтожный прахъ.
Улыбка странная застыла
Едва мелькнувши на устахъ,—
Но темень какъ сама могила
Печальный смыслъ улыбки той.
Утрачено ея значенье!..
Такъ разноцвѣтенъ и богатъ
Ни разу не былъ въ дни веселья,
Тамары праздничный нарядъ:
Цвѣты родимаго уцѣля
(Такъ древній требуетъ обрядъ)
Надъ нею льютъ свой ароматъ,
И сжаты мертвою рукою,
Какъ бы прощаются съ землею...

Въ заключеніи драмы, поэтъ рисуетъ грандіозную сцену встрѣчи ангела и Демона. Ангелъ одерживаетъ побѣду и сіяя, уноситъ душу бѣдной Тамары въ райскую обитель, а Демонъ—

проклялъ побѣжденный,
Мечты безумныя свои,
И вновь остался онъ надменный,
Одинъ какъ прежде, во вселенной
Безъ упованья и любви!..

Теперь, съ этимъ № «Нивы», картины Зичи въ огромномъ количествѣ рассылаются по всей Россіи. Каждый можетъ видѣть какъ тонко, изящно, и вмѣстѣ въ какихъ глубоко-художественныхъ образахъ, ступѣтъ Зичи возсоздать героиню Демона, въ двухъ главныхъ моментахъ: завязкѣ драмы, когда дѣтски счастливая, она пляшетъ лезгинку на кровлѣ роднаго дома и когда Демонъ видитъ ее и рѣшаетъ ея гибель и въ развязкѣ, когда умершую Тамару смерть освобождаетъ отъ ужасной власти Демона. Удивительно выдержанный колоритъ

кавказскихъ сумерекъ, костюмы, типы, всѣ подробности, архитектурные мотивы,—все это исполнено удивительно живо и въ высшей степени граціозно. Экспрессія нѣкоторыхъ лицъ замѣчательно сильна, композиція безусловно превосходна. Какъ хорошо ступѣлъ авторъ во второй картинѣ устроить мрачные моменты похоронъ! Эти цвѣты, ясный сильный свѣтъ дня, спокойствіе, чистота лица умершей—все указываетъ, что смерть Тамары—*есть освобожденіе ея, возрожденіе для райской жизни, прошеніе грѣшной мечты, примиреніе съ землею.*

Что же касается до технической стороны исполненія нашихъ премій, то мы считаемъ лучшимъ судьбою въ этомъ дѣлѣ самаго автора акварелей, г. Зичи, изъ письма котораго по этому поводу приводимъ слѣдующее:

„Я только что получилъ, пишетъ г. Зичи, оттиски съ картинъ, предназначенныхъ для премій и спѣшу выразить полнѣйшее удовольствіе относительно ихъ выполненія. Если механическое производство доводится до такой высоты, какъ въ настоящемъ случаѣ, то на такія копии можно смотрѣть какъ на самостоятельныя произведенія искусства, и радоваться, что своей доступностью онѣ вытѣснятъ скоро несчастныя попытки плохихъ копировщиковъ.—Монхъ картинъ издано много,—но къ сожалѣнію онѣ попадали въ руки публики въ совершенно искаженномъ видѣ. Даже лучшія изъ этихъ копій заставляли желать еще многого. Совершенство вашихъ копій для меня новость, и я съ полнымъ довѣріемъ и удовольствіемъ принимаю за работу надъ новыми акварелями, порученными мнѣ вами для будущаго года“.

Понятно, какое важное значеніе въ данномъ случаѣ имѣетъ отзывъ самаго г. Зичи. Во всякомъ случаѣ, мы рекомендуемъ читателямъ *Нивы* наши преміи—какъ торжество современнаго искусства надъ трудностями техники, и смѣло заявляемъ, что подобныхъ, художественно выполненныхъ, премій безплатно не давалъ еще никогда ни одинъ журналъ ни въ Россіи ни за границей, гдѣ обычай даровыхъ премій совсѣмъ не практикуется.

Тотчасъ по появленіи нашихъ премій въ витринахъ магазиновъ столицы и редакціяхъ журналовъ, во всѣхъ главнѣйшихъ органахъ печати появились болѣе чѣмъ лестные отзывы о превосходныхъ произведеніяхъ Зичи. На сколько допускаемъ мѣсто, мы позволимъ себѣ здѣсь привести для примѣра нѣкоторые изъ этихъ отзывовъ. Такъ наприимѣръ въ „Голосѣ“ отъ 19 Сентября 1880 г. № 259 говорится:

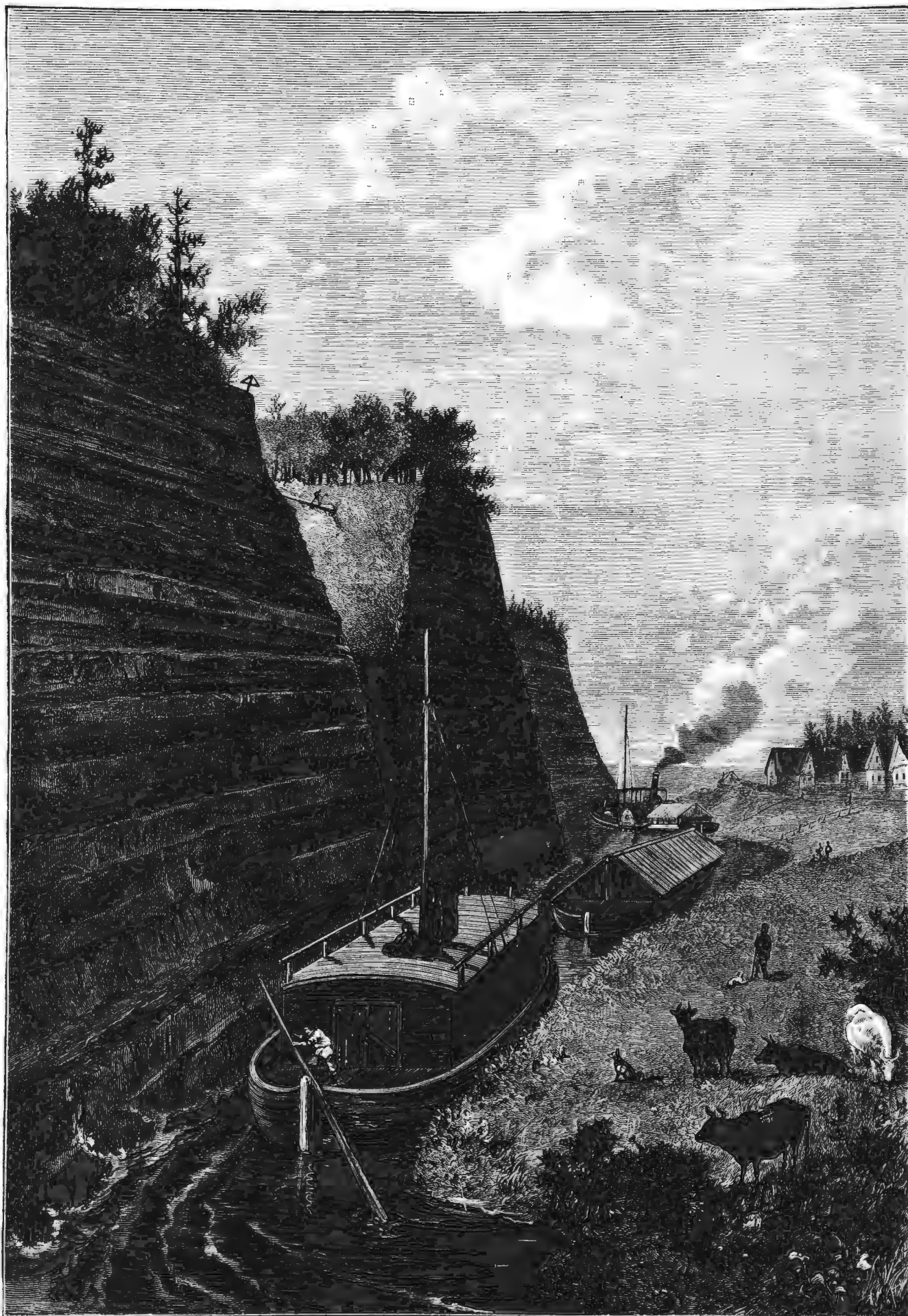
„Распространеннѣйшее изъ всѣхъ существующихъ въ Россіи изданій, еженедѣльный иллюстрированный журналъ „НИВА“, какъ извѣстно, ежегодно даетъ своимъ подписчикамъ безплатныя преміи художественнаго характера. Намъ доставлены образцы премій „Нивы“ на нынѣшній годъ: это—двѣ громадныя картины, копии съ акварелей, рисованныхъ извѣстнымъ иллюстраторомъ Лермонтова, профессоромъ Зичи. Содержаніе картинъ взято изъ „Демона“. Первая картина изображаетъ „Пляску Тамары“. Сцена чрезвычайно эффектна и много выигрываетъ отъ удачнаго освѣщенія, приданнаго ей талантливымъ художникомъ. Вторая картина „Тамара, оплакиваемая родными“—спокойный, кроткій ликъ умершей, которая „какъ Пери спящая мила“, плачущіе родные, духовенство, вся обстановка картины какъ нельзя болѣе вѣрно передаетъ трогательный моментъ поэмы. Выполненіе картинъ не оставляетъ желать лучшаго, какъ по отношенію къ конценціи, такъ и относительно безупречной, изящной техники“.

Въ „Сѣв. Вѣдомостяхъ“ отъ 17 сент. 1880 г. подъ № 256

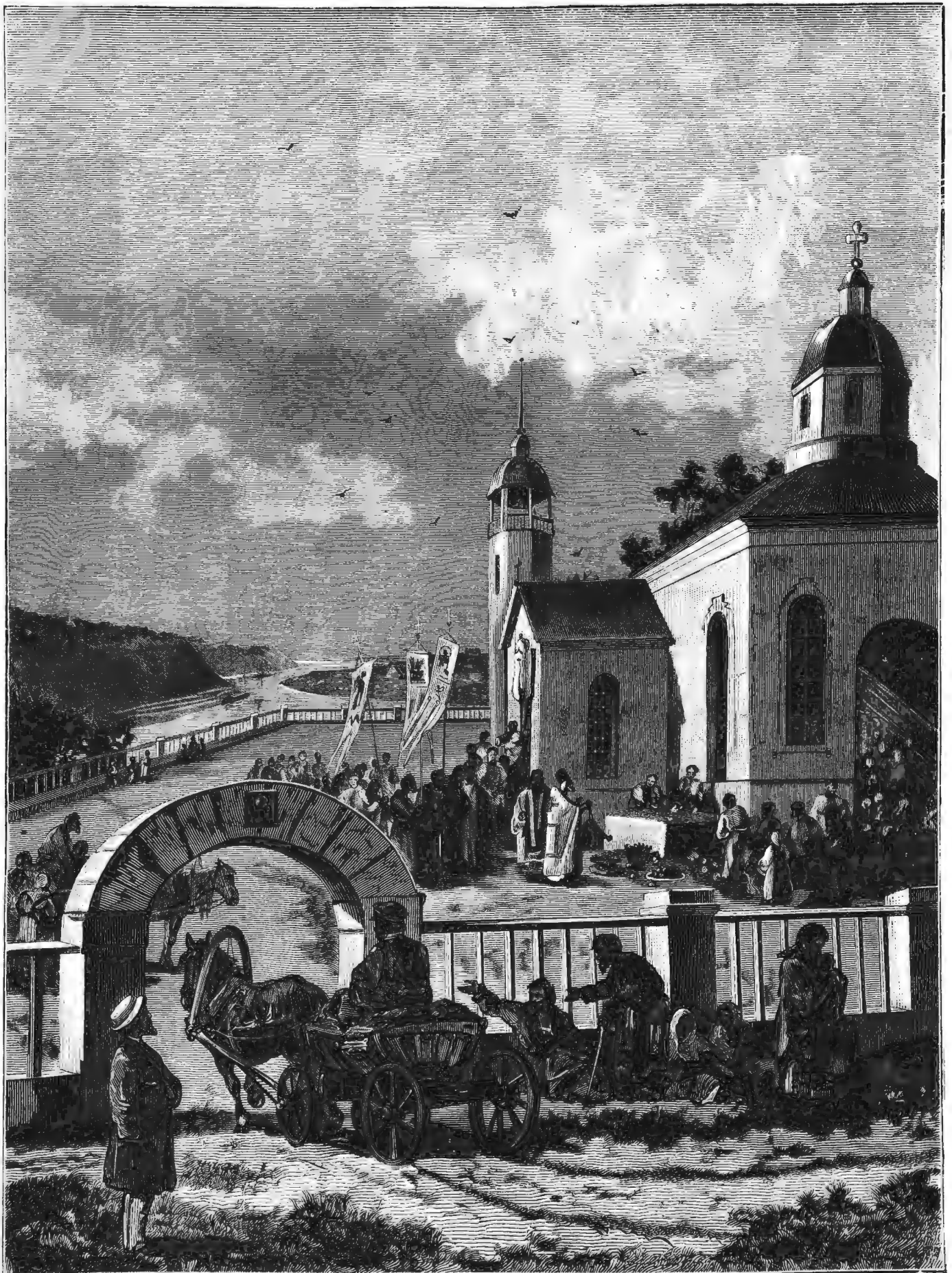
„Премія журнала „Нивы“ за нынѣшній годъ—копии съ акварелей, рисованныхъ Г. Зичи исключительно для „Нивы“. Содержаніе картинъ взято изъ „Демона“ Лермонтова, именно два момента представляющие начало и развязку драмы. „Пляска Тамары“ (на кровлѣ сади Гудала), когда она, еще дѣтски-счастливая, полная жизни, веселится въ кругу родныхъ и подругъ и когда рѣшается ея участь. Сцена, согласно тексту поэмы, происходитъ въ сумеркахъ. Это и есть, какъ извѣстно, собственно начало драмы, развязку которой представляетъ вторая картина: „Тамара, оплакиваемая родными“; здѣсь уже смерть служитъ разрѣшеніемъ. Смерть эта для Тамары—спасеніе и освобожденіе отъ власти Демона. Обѣ эти сцены ни разу еще не были воспроизведены русскими художниками и Г. Зичи именно настоящимъ образомъ отнесся къ предмету и съ изяществомъ и блескомъ изобразилъ эти сцены. Справедливость требуетъ сказать, что преміи превосходны и говорятъ о томъ мастерствѣ, съ которымъ Г. Марксъ ведетъ свое изданіе“.

Въ „Journal de S. Petersbourg“ отъ 27 сент. 1880 г. за № 253.

„On sait que l'habile et intelligent éditeur de la „Niva“. A. F. Marcks, a l'habitude d'offrir chaque automne à ses abonnés une prime gratuite consistant en estampes d'une exécution vraiment artistique. Cette année, la prime se compose de deux belles grandes estampes chromolithographiées, représentant deux tableaux de Zichy, reproduisant des épisodes du *Démon* de Lermontow. La première de ces deux estampes représente l'héroïne du poème, Tamara, dansant devant un groupe de Géorgiens; la seconde

На рѣкѣ Вологдѣ, близь деревни Опоки. Съ наброска Г. Куминга, рис. Н. Каразинъ, грав. М. Рашевскій.

Праздничный день въ дер. Коченгъ, на р. Сухонѣ. Съ наброска Кумминга, рис. Н. Карзиня, грав. М. Рашевскій.

nous montre Tamara morte et pleurée par son père et ses parents, groupés autour de son cercueil, qui disparaît presque sous les fleurs. Le nom de M. Zichy suffit pour faire juger de la valeur de la composition de ces deux scènes, et quant à l'exécution des estampes, elle peut rivaliser avec tout ce qui se fait de mieux dans ce genre à l'étranger. M. Marcks offre là un cadeau vraiment splendide aux nombreux abonnés de son excellent journal."

Въ нѣмецкой газетѣ „St. Petersburger Zeitung“ отъ 17 сент. 1880 г. за № 261 пишутъ:

„Die diesjährigen beiden Prämien-Bilder der «Niva» liegen uns vor. Die beiden schön ausgeführten Kunstblätter sind der berühmten Dichtung Lermontow's «Dämon» entnommen, und zwar dem Anfang und Ende des Dramas.—Auf dem ersten Bilde tanzt Tamara auf dem Dache ihres Vaterhauses in kindlich-glücklicher froher Jugendlust im Kreise ihrer Verwandten, beim Halblicht der eben untergehenden Sonne.—Das ist also die Entwicklung des dramatischen Verhängnisses im ersten Bilde,—während im zwei-

ten Bilde: „Tamara von den Ihrigen betrauert“ die Lösung dieses Verhängnisses dargestellt wird. Tamara ist befreit von dem auf ihr lastenden schweren Geschick, ihre Seele ist gerettet, und die friedliche Ruhe des Todes zeigt, dass sie zwar schwer gekämpft und gerungen — aber doch gesiegt hat, — im Tode noch bezaubernd schön, wie der Dichter sagt. — Zichy war der richtige Meister dazu, beide Momente so aufzufassen und zu gestalten. Die Ausführung der beiden Blätter ist durchaus befriedigend, das Colorit warm, die Darstellung liebevoll detaillirend. Die Bekanntheit mit Lermontow's phantasievoller Dichtung wird auch in unseren deutschen Kreisen ein lebhaftes Interesse für die schönen Prämienblätter erwecken, die der Herausgeber der «Niva» mit einer, bei dem niedrigen Jahresabonnement von 4 Rbl. doppelt anerkanntenswerthen Freigebigkeit vollkommen gratis seinen Lesern darbietet.“

Подобные же отзывы появились и въ разныхъ другихъ русскихъ изданiяхъ („Нов. Вр“, „Пет. Газ.“ и мног. друг.) которые мы за неимѣниемъ мѣста здѣсь не приводимъ.

МА ДЖОНКЪ.

(Изъ жизни пиратовъ Китайскаго моря).

Рассказъ Фр. Герштенера.

Прошло уже не мало времени съ тѣхъ поръ, какъ англичане завладѣли Гонконгомъ на китайскомъ берегу. Всѣми силами старались они здѣсь укрѣпиться и найти доступъ къ Небесной Имперiи. Англичане миссионеры и купцы кишѣли въ странѣ.

Въ это время около береговъ Китая водилось множество морскихъ разбойниковъ, китайцевъ и малайцевъ. На своихъ джонкахъ — съ виду неуклюжихъ, но очень быстрыхъ лодкахъ, они сновали внизъ и вверхъ между островами ость-индскаго архипелага, преслѣдуя и грабя торговые корабли, въ надеждѣ захватить грузъ опиума, не пренебрегая и другими товарами, отступали они только передъ вооруженными военными кораблями европейцевъ.

Англичане и Голландцы, какъ наиболѣе заинтересованные въ безопасности этихъ водъ, строго преслѣдовали пиратовъ, хотя и не всегда успѣшно. Тысячи островковъ съ безчисленными бухтами, подводными камнями и отмелями, затрудняютъ преслѣдованiе. Это одна изъ причинъ, что морские разбойники не перевелись до настоящаго времени, не смотря на множество европейскихъ колонiй. Морскимъ разбоемъ занимались по преимуществу китайцы и малайцы, иногда попадались арабы и въ рѣдкихъ случаяхъ европейцы.

Въ Ноябрь 1848 года дулъ сильный сѣверо-восточный муссонъ, большая часть пристающихъ въ Гонконгъ джонокъ, избирала южную часть острова, гдѣ онѣ были болѣе защищены отъ свирѣпствовавшаго вѣтра. На маленькихъ лодкахъ онѣ вели дѣятельное сообщенiе съ материкомъ, скупали, выгружали и нагружали товары. Одна изъ джонокъ отличалась особенно изящнымъ видомъ; на носу ея были нарисованы два огромныхъ глаза, какъ и на прочихъ джонкахъ, а на кормѣ — стояло вырѣзанное красными буквами на малайскомъ языкѣ имя „Оранже-Мавагъ“, въ переводѣ — „Людоѣдъ“.

Флага на ней не было; безъ шума проскользнула она утромъ между другими лодками, безъ шума встала на якорь, и цѣлый день никто на ней не показывался. Только въ сумерки нѣсколько человекъ, въ полуевропейскихъ, полуазiатскихъ костюмахъ, отправились на своей шлюнкѣ на берегъ, гдѣ оставались до поздней ночи, и такъ же тихо и таинственно вернулись на свое судно.

Гонконгъ — вольный портъ, а потому ни полицейскiе, ни таможенные чиновники не тревожатъ прибывающiе корабли. Не смотря на это джонка все же обратила на себя вниманiе английскихъ чиновниковъ, которые на слѣдующiй день, въ сопровожденiи двухъ китайцевъ, подѣхали къ джонкѣ и потребовали у владѣльца ея бумаги.

Чиновникъ вовсе не былъ удивленъ, увидѣвъ что хозяинъ джонки его соотечественникъ. Мистеръ Мооръ представилъ всѣ нужныя бумаги и выразилъ удивленiе, по поводу ихъ требованiя, такъ какъ этого никогда не бывало. Люди экипажа, вызванные на палубу, состояли только изъ китайцевъ, были совершенно здоровы и отличались опрятностью, а на заданные вопросы отвѣчали скоро и толково. По словамъ мистера Моора, онъ приобрѣлъ по сходной цѣнѣ эту джонку отъ Китайскаго купца. Не имѣя достаточно средствъ на покупку большаго судна, онъ на этомъ плаваеетъ у береговъ Китая и ость-индскаго архипелага, занимаясь покупкою сырыхъ продуктовъ, для доставленiя ихъ на европейскiе корабли для продажи, или для обмѣна на другiе товары. Въ Гонконгѣ онъ остановился только для того, чтобы запастись свѣжей водой и, при случаѣ купить на наличныя деньги нѣсколько ящиковъ опиума. Чиновникъ повидимому остался доволенъ объясненiемъ, возвратилъ бумаги, шепнулъ нѣсколько словъ китайцамъ и уѣхалъ, отклонивъ предложенiе капитана выпить стаканъ хереса.

Проводивъ чиновниковъ, капитанъ Мооръ не могъ воздер-

жаться отъ насмѣшливой улыбки. На видъ мистеру Моору было около 45 лѣтъ; это былъ человекъ очень крѣпкаго сложенiя съ прекрасными, темными, вьющимися волосами и гладко выбритымъ лицомъ. Ходилъ онъ въ обыкновенномъ матросскомъ платьѣ, синей курткѣ и бѣлыхъ панталонахъ. На головѣ носилъ китайскую пробковую шапочку и подпоясывался китайскимъ краснымъ поясомъ, за которымъ, вмѣсто всякаго оружiя, висѣла короткая трубка прекрасной работы.

Когда лодка съ чиновниками совсѣмъ скрылась изъ виду, Мооръ, насвистывая какой-то мотивъ, подошелъ къ дѣстницѣ, ведущей въ каюту и смѣясь закричалъ:

— Бень-али, выходите, все сошло благополучно, они уѣхали! Что за проклятыя, пытливыя лица у чиновниковъ ея величества и что за дурачкiя рожи у этихъ сыновъ небесной имперiи. Изъ лодки показалась голова въ тюрбанѣ, а затѣмъ появился Бень-али, въ одеждѣ араба.

— Не правъ ли былъ я, сказалъ онъ, лукаво посмѣиваясь, что это тѣже китайскiя длинныя косы, у которыхъ мы отняли въ прошломъ году грузъ опиума? Я узналъ ихъ съ перваго взгляда, въ окошко каюты.

— Во всякомъ случаѣ ты правъ, Бень-али, „жемчужина пустыни“ отвѣчалъ, не переставая смѣяться, Мооръ, и я ихъ точно такъ же узналъ, какъ только взглянулъ на ихъ противныя рожи. Только что возбудило подозрѣнiе этихъ косоглазыхъ? Не могу отгадать. Кажется мы не жалѣли издержекъ, чтобы придать другой видъ нашей джонкѣ, и не успѣли мы пристать, какъ ужъ эти негодяи выросли точно изъ подъ земли. Хорошо еще, что я не послушался тебя и сбрилъ бороду — „украшенiе мужнины“ — какъ ты говоришь. Конечно, они не могли запомнить хорошо моего лица, но сильно мнѣ недоувѣряли, а одинъ изъ нихъ просто не хотѣлъ отвести отъ меня глазъ. Жаль, что они не захотѣли зайти ко мнѣ въ каюту, тамъ бы я ихъ такъ устроилъ, что они не забыли бы этаго всю жизнь.

— Все это прекрасно, отвѣчалъ Бень-Али, на этотъ разъ мы счастливо отдѣлались. Не мѣшаетъ однако поскорѣе отсюда убраться, а то наврядъ ли наши китайцы удовольствуются такимъ поверхностнымъ осмотромъ.

— Напрасное безпокойство, отвѣчалъ Мооръ со смѣхомъ, администрацiя удовлетворится донесенiемъ своихъ чиновниковъ. Кромѣ того, не думаете ли вы Бень, что я упушу добычу, которая сама идетъ къ намъ въ руки. Вонъ тѣ двѣ маленькiя джонки нагружены опиумомъ до краевъ. Дайте имъ только отплыть и мы снимемъ съ якоря. Чортъ поберитъ косоглазыхъ, подозрѣвай они насъ серьезно, не ушли бы такъ скоро.

— Оставьте ихъ въ покоѣ, сказалъ Бень-Али, эти люди отлично знаютъ что дѣлаютъ; они чувствуютъ себя также безопасно подѣ охраною пушекъ того маленькаго форта, какъ въ самомъ центрѣ ихъ небесной имперiи.

— Конечно, сказалъ Мооръ, окидывая испытующимъ взглядомъ близлежащiй фортъ. Чортъ возьми, Бень, если-бы я былъ увѣренъ, что наши сосѣдки не уступаютъ намъ въ быстротѣ хода, я бы сдѣлалъ точно такъ же съ ними и увелъ бы съ собою. Экипажа у насъ достаточно. И тогда вонъ тотъ военный корабль, что качается тамъ словно утка, напрасно посылалъ бы вслѣдъ за нами свои выстрѣлы. Во всякомъ случаѣ вѣрнѣе подождать денъка два. А то всѣ джонки поднимутъ страшную тревогу и окружатъ насъ какъ вороны ястреба.

— Это чистое сумасшествiе было бы, отвѣчалъ спокойно арабъ, между тѣмъ по его вслѣдующимъ глазамъ замѣтно было, что онъ вовсе не считаетъ неисполнимымъ этотъ смѣлый планъ.

— Сумасшествiе! вскричалъ Мооръ, а развѣ это было менѣе рискованно, когда вы, въ лунную ночь, вывели изъ Сингапура лодку данцигскаго купца, перегрузили кладъ на свою джонку и передъ утромъ уже были на пути въ Малакку?

— Да, но тогда я былъ лѣтъ на шесть моложе, а вы были у меня штурманомъ.

— А теперь, когда я сталъ вашимъ компаньономъ, сказалъ Мооръ, мы не хуже обдѣлаемъ дѣльце.

— Не слѣдуетъ напрасно подвергаться опасности. А то здѣсь плаваешь много лодокъ, которыми мы можемъ воспользоваться. Штука положимъ была бы славная для этого военного корабля. Впрочемъ, мой совѣтъ отплыть сегодня вечеромъ по вѣтру въ открытое море, вдоль берега, а ночныя джонки не уйдутъ отъ насъ.

— Хорошо! отвѣчалъ Мооръ. А теперь людямъ надо подышать воздухомъ. За шканцами ихъ никто не увидитъ, а внизу очень жарко.

Бенъ Али спустился внизъ, и вскорѣ затѣмъ оттуда выползло около четырнадцати, дикаго вида, вооруженныхъ пистолетами малайцевъ, которые вопросительно устремили глаза на своего блага предводителя.

— Немного терпѣнья, молодцы, сказалъ смѣясь Мооръ, теперь недолго вамъ жариться внизу; общайте мнѣ еще сутки сидѣть смирно.

Рѣчь велась на малайскомъ языкѣ, и одинъ изъ людей, лицо и грудь котораго были изборождены глубокими шрамами, проговорилъ:

— Все будетъ въ порядкѣ, капитанъ—пока мы не теряемъ изъ виду нашихъ сосѣдей. Бѣлыхъ проведетъ мистеръ Мооръ, ему это не впервые.

При этомъ онъ отдернулъ уголокъ ковра, чтобы свободнѣе оглядѣть окрестность.

— Вотъ какъ, вскричалъ онъ вдругъ, тотъ бригъ, готовится отплыть! Тѣмъ лучше, намъ будетъ свободнѣе, тѣ двѣ лодки на берегу нейдутъ въ счетъ.

Мооръ взялъ подозрительную трубу и сталъ внимательно глядеться.

— Твоя правда, кажется все дѣло у нихъ готово и якорь снятъ; дѣль качается.

— Можетъ быть они идутъ на другую стоянку, замѣтилъ другой малаецъ.

— Очень вѣроятно, не собираются же они посѣтить насъ, вскричалъ Мооръ.

— Было бы недурно, сказалъ Бенъ Али, вышедшій на палубу и по приготовленіямъ корабля догадавшійся о чемъ шла рѣчь. Но мнѣ кажется, легче было бы послать къ намъ шлюпку.

— А наша лодка съ водой все не возвращается, проворчалъ Мооръ.

— Пустяки, отвѣтилъ арабъ, воды у насъ еще довольно и вѣдь нужно же было найти предлогъ для нашей стоянки.

— Конечно сказалъ Мооръ, но на материкѣ этого не знаютъ, и навѣрно удержали лодку, чтобы заставить насъ заждаться.

— Сильно ошибутся, засмѣялся Бенъ Али. Однако очень скверно, если этотъ корабль со своими пушками придвинется къ намъ. Впрочемъ, мы тоже можемъ по какой нибудь причинѣ измѣнить мѣсто стоянки. Посмотримъ, что будетъ дальше.

Вниманіе экипажа джонки было всецѣло обращено на маневрированіе военного корабля, который дѣйствительно снялся съ якоря и при небольшомъ вѣтрѣ сталъ подвигаться по направленію къ джонкѣ. На разстояніи одного кабеля, онъ вдругъ бросилъ якорь, качнулся и сталъ неподвижно, бокомъ къ джонкѣ. Нѣсколько секундъ спустя паруса, поднятые для маневровъ, были свернуты и никакое движеніе на борту не указывало на намѣренія корабля.

Экипажъ джонки слѣдилъ за всѣмъ этимъ и вовсе не былъ покоенъ.

— Чортъ возьми, сказалъ Мооръ, отнимая теперь трубу отъ глазъ, неужели мѣсто для нихъ обмельчало? Но тамъ же стоитъ не меньшее судно—ужь не замышляютъ ли они чего нибудь.

— Это мы скоро узнаемъ, скорѣй ребята внизъ! проговорилъ Али, и сидите смирно, пока я не позову. Отъ корабля идетъ лодка—кажется къ намъ.

— Да, сказалъ Мооръ, опять наводя трубку на корабль, въ лодкѣ сидятъ три офицера или три чиновника.

— Который править, должно быть боцманъ.

— Нѣтъ, три еще, кромѣ него. Чортъ возьми, и сталъ же корабль такъ, что нѣсколькими выстрѣлами можетъ совершенно насъ уничтожить.

— До этого дѣло не дойдетъ, замѣтилъ Бенъ Али. Однако не сойти ли нашимъ внизъ.

— Я думаю такъ будетъ лучше. И не показывайтесь пока. Если же они прійдутъ въ каюту и спросятъ кто вы, скажитесь купцомъ, у котораго я закупилъ опиумъ и что вы ждете вашу лодку. Они долго не останутся, да если бы имъ пришла охота осмотрѣть трюмъ, то тамъ они ничего не найдутъ.

— А въ крайнемъ случаѣ...

— Велика бѣда! правда, теченіе намъ противное за то вѣтеръ попутный.

— Въ крайнемъ случаѣ, будемъ рисковать. Можетъ быть намъ удастся пробраться въ открытое море. Во всякомъ случаѣ, живыми въ руки не дадимся!

— Вотъ наши гости! и Бенъ Али скрылся въ каюту.

Въ это время съ подѣхавшей лодки раздалось требованіе

перекинуть канаты; это было исполнено. Затѣмъ изъ лодки офицеры вошли на палубу и привѣтствовали владѣльца джонки вѣжливо, но сухо.

— Что доставляетъ мнѣ честь вашего посѣщенія, сказалъ Мооръ, поглядывая на качающійся на волнахъ военный корабль. Чѣмъ могу я быть полезенъ?

— Вы владѣлецъ этого судна? спросилъ офицеръ, не отвѣчая прямо на вопросъ Моора.

— Да, былъ короткій отвѣтъ.

— Ваше имя?

— Джемсъ Мооръ; сегодня утромъ меня ужь объ этомъ спрашивали, я крайне удивленъ...

— Мистеръ Мооръ, именемъ закона приказываю вамъ не сниматься съ якоря впредь до новаго распоряженія.

— Я дожидаюсь воды, отвѣчалъ Мооръ, и какъ только ее получу, не вижу, что бы могло мнѣ препятствовать сняться.

— Мнѣ очень непріятно противорѣчить вамъ, отвѣчалъ вѣжливо офицеръ, но я долженъ буду стрѣлять по васъ, при первой попыткѣ къ бѣгству.

— Къ бѣгству! вскричалъ Мооръ запальчиво, развѣ мои бумаги не въ порядкѣ. И здѣсь были ужь чиновники для свидѣтельствванія? Я не понимаю, что за причина...

— На сколько мнѣ извѣстно, ваше судно еще не подвергалось свидѣтельствванію, отвѣчалъ офицеръ. но такъ какъ сегодня уже поздно, то я вамъ оставлю своихъ двухъ товарищей. Очень желаю, прибавилъ онъ дружески, чтобы все оказалось простымъ недоразумѣніемъ, все объяснится завтра. А пока прошу васъ покориться неизбѣжному...

— Ваши товарищи останутся здѣсь?

— Да, это приказаніе капитана. Кромѣ того, прошу васъ вывѣсить на носу фонарь и всякій разъ какъ теченіе измѣнится, переставлять и фонарь, чтобы онъ постоянно былъ у насъ на виду. Иначе какъ только огонь потухнетъ, налимъ лодкамъ приказано немедленно стрѣлять по васъ. Но вы сами хорошо знаете, чему можете подвергнуться.

— Противъ силы ничего не подѣлаешь, сказалъ Мооръ. Я невооруженъ и не могу ничего противопоставить вашимъ пушкамъ. Но надѣюсь, что завтра все объяснится. Притомъ и вода недоставлена мнѣ сегодня и я право въ большомъ затрудненіи—у насъ нѣтъ ни капли воды.

— Сегодня я вамъ пришлю боченокъ воды. Мистеръ Болардъ, сказалъ онъ обращаясь къ товарищу, вы знаете свои обязанности, а мистеръ Певтонъ послѣдитъ за вывѣшиваніемъ фонаря.

Затѣмъ офицеръ простился и уѣхалъ, а четверть часа спустя была доставлена обѣщанная вода. Англичане-офицеры ходили взадъ и впередъ по палубѣ, недоумѣвая какъ держать себя со своими полурестантами.

Мооръ, извинившись передъ посѣтителями, пошелъ узнать получили ли люди воду, затѣмъ вернувшись пригласилъ ихъ осмотрѣть свою каюту.

Кормчій Певтонъ ушелъ распорядиться, чтобы вывѣсили фонарь, на военномъ кораблѣ былъ поставленъ такой-же точно сигналъ, а лейтенантъ Болардъ спустился въ каюту джонки. Ему очень хотѣлось видѣть внутреннее устройство судна, о которомъ на его бригѣ ходили такіе разнорѣчивые и странные слухи.

На основаніи этихъ слуховъ и своихъ предположеній, онъ строго приказалъ своему кормчему быть на сторожѣ и зорко слѣдить за всѣмъ. Каково же было его удивленіе, когда онъ увидѣлъ маленькую привѣтливую каюту самаго уютнаго и мирнаго вида.

Полъ каюты былъ устланъ бѣлыми деревянными матами, стѣны обвѣшаны пестрыми, дорогими коврами, а висаякая европейская лампа распространяла мягкой и приятный свѣтъ.

За укрѣпленнымъ по срединѣ столомъ сидѣлъ Бенъ-Али, курилъ трубку и такъ казался занятымъ вычисленіями, что не замѣтилъ вошедшихъ. Тогда только онъ оглянулся, когда Мооръ назвалъ его по имени.

Нигдѣ ни признака оружія, за исключеніемъ двухъ винтовокъ—неизбѣжной принадлежности всякаго судна, плавающего въ Остъ-Индскомъ архипелагѣ. Да и тѣ повидимому давно не были въ употребленіи, что тотчасъ замѣтилъ опытный глазъ Боларда.

Болардъ поклонился арабу.

— Право мистеръ Мооръ, глядя на вашу джонку снаружи, трудно подозревать, что у васъ такая хорошенькая каюта.

— Корабль нашъ родной домъ, отвѣчалъ Мооръ, и всякій старается украсить его какъ можетъ лучше.

— Но у васъ вовсе нѣтъ оружія. Не думаю, чтобы было достаточно этихъ двухъ ружей при столкновеніи съ малайскими пратами,

— Ну тогда эти немного защитятъ, засмѣялся Мооръ, подходя къ шкапу и вынимая оттуда бутылку и стаканы. Это мнѣ досталось вмѣстѣ съ прочимъ имуществомъ отъ преежняго владѣльца джонки. Мои же ружья и пистолеты повѣшены у меня надъ кроватью, а для людей у меня припасенъ цѣлый ящикъ сабель, на случай нападѣнія. Вы сами хорошо знаете, что китайцы почти не умѣютъ обращаться съ огнестрѣльнымъ оружіемъ. Надѣюсь, вы не откажетесь отъ стакана хереса.

— Очень вамъ благодаренъ.
 — Вы мнѣ позволите присоединиться къ вамъ. По тѣмъ
 слухамъ, которые объ насъ распространяются, вы пожалуй не
 прочь честь меня и отравителемъ.
 — Помилуйте!

— Да ужь вѣрно! смѣялся Мооръ, выпивъ самъ.
 — Теперь, продолжалъ онъ, пододвигая бутылку лейтенанту,
 вы можете быть совершенно покойны; и если вы позволите, я
 попрошу вашего товарища прійти тоже сюда.

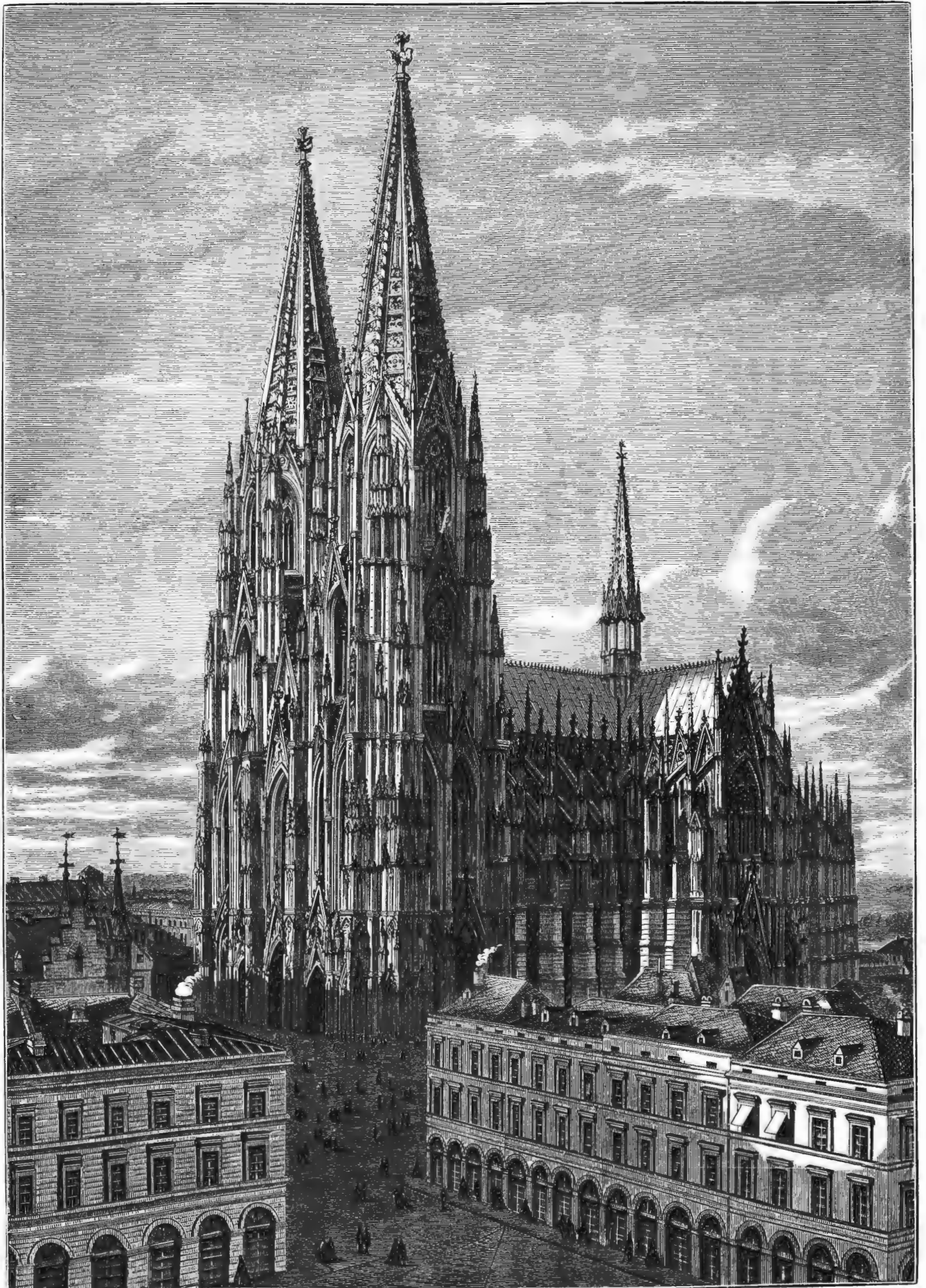
(Окончаніе въ слѣд. №).

Маленькая гречанка. Картина Добсона, грав. Вебстеръ.

ОТЪ ИЗДАТЕЛЯ.

При этомъ № прилагаются для удобства гг. иногородныхъ подписчиковъ, подписной бланкъ и конвертъ съ адресомъ редакціи для заблаговременнаго возобновленія подписки на журналъ „Ниву“ въ 1881 году.

Общій видъ Кельнскаго собора. Съ фотогр. грав. М. Рашевскій.

КЕЛЬНСКИЙ СОБОРЪ.

(Торжество по поводу окончанія Собора 3 Окт. сего года).

Кельнъ — Colonia Agrippinensis римлянъ, служившій главнымъ пунктомъ округа Нижней Германіи, можетъ считаться однимъ изъ древнѣйшихъ мѣстъ насажденія христіанства на Рейнѣ. Еще въ римское время городъ этотъ обладалъ своимъ капиоліемъ, превратившемся впоследствии въ католическую церковь св. Маріи, прекрасный храмъ романскаго стиля. Сооруженная римлянами большая дорога (слѣды ея сохранились и до сихъ поръ) изъ Кельна въ Триръ, много способствовала къ развитію Кельна въ торговомъ и промышленномъ отношеніи; въ окрестностяхъ открыты остатки работъ по разработкѣ свинцовыхъ залежей, водопровода и др. Все это разрушено еще въ эпоху переселеній народовъ. То, что оставалось отъ древняго Кельна, уничтожено въ 356 г. при первомъ набѣгѣ франковъ, которые, въ качествѣ своего рода авангарда великаго переселенія народовъ, осадили городъ, взяли его приступомъ и разрушили.

Кельнъ началъ было „возникать изъ пепла“, но, послѣдовавъ вторичный набѣгъ тѣхъ же франковъ и вновь все было предано огню и мечу. Наконецъ, въ V вѣкѣ всеокрушающее нашествіе Атиллы, надвигавшагося тогда на Галлію, почти стерло съ лица земли послѣдніе слѣды древняго города. Но не суждено было зарости быльемъ этому уголку земли, освященному великими воспоминаніями древности и кровью жертвъ. Въ Кельнѣ, со времени епископа Льва Великаго, твердо ногою устанавливается прочно организующая христіанская община и Церковь. Мало по малу возникла здѣсь „Colonia Sancta“, „Святой Кельнъ“. Образовалось смѣшанное населеніе изъ древнѣйшаго ядра съ франками, аллеманами, батавами. Много содѣйствовало этому самое удобство мѣстности, расположенной на главномъ торговомъ пути тогдашней Германіи. Въ концѣ XIII-го столѣтія впервые явилась мысль о сооруженіи новаго храма. Мысль эта принадлежала Конраду фонъ Гохштедену (или Гохштедену). Планъ, по своей грандіозности, вполне соответствовалъ характеру времени. Первый камень могучаго зданія положенъ въ 1284 г., на мѣстѣ прежде стоявшаго здѣсь христіанскаго храма. Образцомъ служилъ Амьенскій соборъ — чистѣйшій, совершеннѣйшій идеалъ готическаго стиля. Къ сожалѣнію, исторія не сохранила имя великаго творца собора и только по однимъ неяснымъ указаніямъ предполагаютъ, что это Гергардъ. Сооруженіе шло медленно; въ 1322 г. была готова только одна незначительная часть. Затѣмъ недостатокъ средствъ вѣроятно, охладилъ и самое рвеніе. Одно остан-

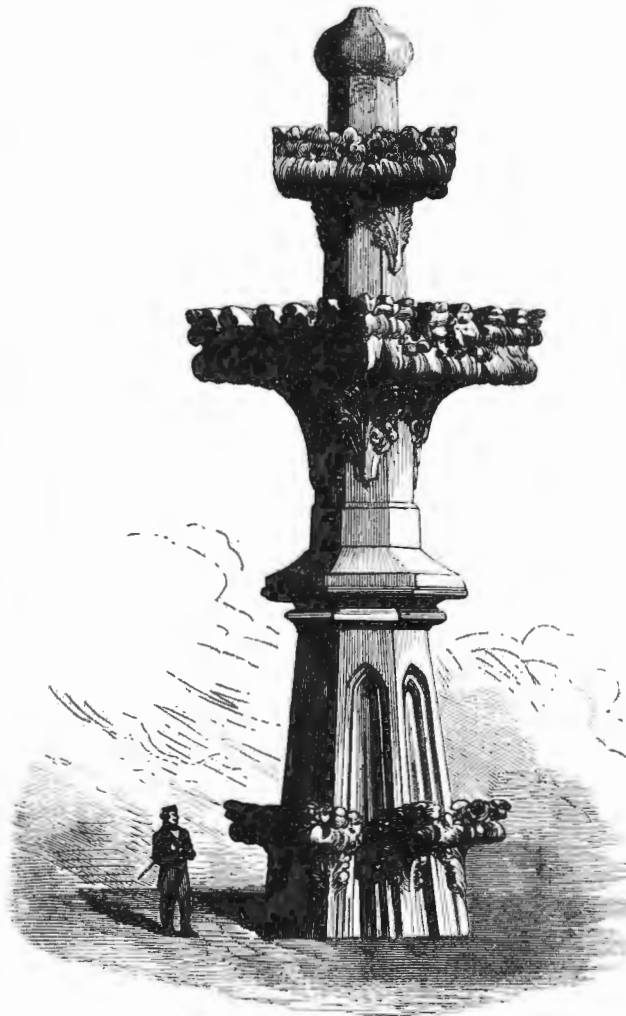
видось на возведеніи фундамента, другое выполнено проще, чѣмъ предполагалось вначалѣ, девяносто лѣтъ понадобилось только для приведенія южной башни въ такое состояніе, чтобы можно было повѣсить колокола. Четыреста лѣтъ оставался недостроеннымъ корпусъ собора (Дома). То была грустная картина разрушеннаго величія... Бурное время французской революціи, разрушившей столь много историческихъ памятниковъ, едва не было отмѣчено образованнымъ и Кельнскаго сооруженія; въ одно изъ вторженій французскихъ войскъ предполагалось уничтожить это великое произведеніе средне-вѣковаго германскаго художественнаго гения. Въ Германіи Гете, Тихъ и Шлегель старались привлечь образованный классъ къ участию въ довершеніи собора. Наконецъ, нашелся человекъ, принявшійся за дѣло „довершенія“ и всецѣло посвятившій ему себя. Это былъ одинъ богатый Кельнскій житель, Сульпицій Буассерэ (Sulpice Boisseré). Первоначально предназначавшій себя въ торговую карьеру, онъ приобрѣлъ извѣстность какъ критикъ въ этой сферѣ человѣческой дѣятельности. Въ своей автобіогра-

фій онъ говоритъ, что имъ овладѣла мысль видѣть хоть въ рисункѣ законченнымъ Кельнскій соборъ. Въ 1810 г. уже были готовы рисунки главнѣйшихъ частей собора, исполненные мюнхенскими художниками. Въ 1811 г. къ нему присоединился Маллеръ (изъ Дармштата), три года спустя, сдѣлавшій замѣчательное открытіе, начатаго собора, а именно, онъ нашелъ въ старинномъ монастырѣ Баварскаго Оденвальда древній пергаментъ, на которомъ былъ изображенъ проэктъ первоначальнаго плана одной изъ башенъ Кельнскаго собора. Около этого же времени впервые и правительство начинаетъ обращать вниманіе на дѣло завершенія собора. Но успѣха еще было мало. Только въ 1823 г., дружныя усилія и хлопоты Буассерэ и знаменитаго архитектора Шинкеля, повели къ тому, что правительство ассигновало на работы весьма значительную по тому времени сумму въ милліонъ марокъ и назначило особаго чиновника, съ цѣлью достиженія болѣе успѣшнаго хода этихъ работъ, и для наблюденія за ними. Съ 1833 г. работы, подъ руководствомъ Зворнера, пошли уже гораздо быстрѣе, не смотря на денежныя затрудненія. Но главный толчекъ былъ данъ учрежденіемъ, 4-го Сентября 1842 года, особаго „общества сооруженія собора“ (Dombauverein), которое король Фридрихъ-Вильгельмъ IV взялъ подъ свое покровительство. Съ этихъ поръ работы приняли правильный ходъ, исключавшій уже всякую возможность случайности. 21 годъ спустя, въ средней части храма могло уже отправляться богослуженіе, а остальные 17 лѣтъ были посвящены окончанію прочихъ частей. То, что было начато Конрадомъ фонъ Гергардомъ, и мастеромъ Гергардомъ, было довершено королемъ Фридрихомъ-Вильгельмомъ IV и Буассерэ, хотя и недожившими до торжественнаго дня открытія храма.

Въ пятницу, 3-го (15) октября состоялось въ Кельнѣ торжественное освященіе знаменитаго собора. Празднество имѣло тѣмъ болѣе національный характеръ, что Кельнскій соборъ, на сооруженіе котораго потребовалось почти 600 лѣтъ, Германія считала символомъ начатаго, но недостроеннаго зданія Германской имперіи. Теперь, когда стройка этого величественнаго памятника искусства доведена благополучно до конца, онъ будетъ представлять собою символъ объединенной Германіи. Освященіе храма состоялось въ присутствіи императора, всего императорскаго дома и почти всѣхъ государей Германіи. Приступовали также всѣ министры. Празднество прошло самымъ блестящимъ образомъ; по-

года была прекрасная. Императоръ Вильгельмъ, въ произнесенной имъ рѣчи, упомянулъ прежде всего, о королѣ Фридрихѣ-Вильгельмѣ IV. Императоръ выразилъ также глубокопрочувствованную благодарность свою всѣмъ германскимъ правительствомъ и народу за содѣйствіе постройкѣ собора; онъ высказалъ свою признательность Пруссіи и „достопочтенному городу“, равно какъ центральному комитету по сооруженію собора. Въ заключеніе, императоръ упомянулъ съ величайшею признательностью о людяхъ, которые, идя объ руку съ наукою и искусствомъ, создали эту постройку, воспитали силы, руководили ими и съ терпѣніемъ возвели такое великое созданіе. Рѣчь свою императоръ заключилъ слѣдующими словами: „Обратимся же съ привѣтствіями къ этому великолѣпному памятнику и да останется онъ, милостью Всемогущаго, обѣтомъ мира во всѣхъ областяхъ, Богу во славу, намъ въ благословеніе!“

Соборный деканъ обратился къ императорской четѣ съ рѣчью, выразивъ благодарность за великую милость, съ кото-

Вершина (фіаль) южной башни Кельнскаго собора. Съ фотогр., грав. М. Рапескій.

рою императоръ, какъ покровитель строенія храма, продолжаетъ охранять и поддерживать великое твореніе до достиженія желанной цѣли. Въ заключеніе деканъ сказалъ: „Да придетъ скорѣ горячо ожидаемый день, который возвратитъ церкви миръ. Да сохранитъ, оградитъ и благословитъ Богъ ихъ императорскія и королевскія величества и весь королевскій домъ во вѣки!“

На праздникъ этотъ собрались огромныя массы народа. Самою блестящею частью его былъ великолѣпный историческій поѣздъ, въ которомъ участвовало 1100 лицъ и было до 400 лошадей. Извѣстнѣйшіе художники Германіи составляли рисунки

костюмовъ и украшеній. Тутъ въ поѣздѣ, кругомъ собора, мимо императорской ложи, слѣдовали въ теченіи 1½ часа въ роскошныхъ костюмахъ своего времени, исторически вѣрно воспроизведенныхъ—разныя знатныя лица, епископы и частныя люди, архитекторы, художники, ремесленные цехи—все, принимавшіе участіе въ построеніи знаменитаго собора. Толпа съ напряженнымъ вниманіемъ слѣдила за поѣздомъ и всехъ присутствующихъ это привело въ такое возбужденіе и такъ понравилось, что по желанію маститаго императора, поѣздъ прослѣдовалъ, при общихъ восторженныхъ крикахъ, вторично.

КЪ РИСУНКАМЪ.

Мать.

(Съ картины Жерара Доу, грав. Вилль).

Въ средѣ голландскихъ художниковъ, составляющихъ до сихъ поръ славу и гордость своей школы, Жераръ Доу (род. въ 1613 г. ум. въ 1680) занимаетъ не послѣднее мѣсто. Его своеобразная манера письма, необычайная законченность работы и всегда оригинальный, находчивый выборъ сюжета, уже высоко цѣнились его современниками; теперь же картины его (ихъ не болѣе 200) покупаются знатоками на вѣсь золота для картинныхъ галлерей и художественныхъ коллекцій. Кропотливость отдѣлки работъ его изумительна; малѣйшая подробность воспроизведена здѣсь съ добросовѣстною вѣрностью и правдой и по рассказамъ современниковъ эта кропотливость была даже постоянною слабостью знаменитаго художника. Такъ онъ цѣлые три дня сидѣлъ за отдѣлкою метель или какойнибудь мелкой принадлежности хозяйства; портреты же онъ писалъ до такой степени медленно и долго, что истощалъ терпѣніе каждаго заказчика безконечностью своихъ сеансовъ. Лучшею картиною Доу считается „Большая водянокъ“ дѣйствительно изумительная по своей экспрессіи и жизненной правдѣ; дагѣ идетъ цѣлый рядъ его произведеній болѣею частью небольшихъ по размѣру, но тѣмъ не менѣе представляющихъ драгоцѣнные образцы голландскаго жанра лучшей его эпохи. Все эти деревенскіе лавочники, старички, старушки и миловидныя кухарки, занятые своимъ дѣломъ, у Доу какъ живые со всею ихъ обстановкой, со всеми малѣйшими аксессуарами ихъ домашняго быта и хозяйства.

Что касается не менѣе извѣстнаго мастера Вилля, исполнителя гравюры съ картины Доу, то объ немъ уже были сообщены въ „Нивѣ 1879 г. подробныя свѣдѣнія (№ 42) при помѣщеніи его гравюры „Старушка“.

Въ Вологодской губерніи.

(Два рисунка Н. Каразина, по наброску Кумминга).

Едва ли многія мѣста Россіи могутъ быть поставлены на ряду съ Вологодскимъ краемъ по богатству водяныхъ сообщеній. Большихъ рѣкъ и рѣчекъ здѣсь до четырехъ тысячъ. Главнымъ образомъ край занятъ Двинскою системою. Водяныя сообщенія связываютъ его съ Волгой, съ Петербургомъ и Сѣвернымъ океаномъ.

Вологда когда-то была богатымъ и цвѣтущимъ городомъ. Подозрительный и мрачный Грозный, удаляясь отъ Москвы, задумалъ основать здѣсь свое мѣстопробываніе, выстроилъ Успенскій соборъ, по образцу Московскаго и противъ него на горѣ (на мѣстѣ нынѣшнихъ присутственныхъ мѣстъ) деревянный дворецъ. Въ 1557 году, когда англичане открыли торговлю черезъ Архангельскъ, Вологда стала складочнымъ мѣстомъ всехъ товаровъ, идущихъ по Сѣверной Двинѣ и тутъ же проходилъ главный торговый трактъ изъ Москвы въ Сибирь. Нѣкоторыя слободы были селены иностранцами и теперь эта часть города называется Фризиново—тутъ они жили главнымъ образомъ. Англійскій посолъ, извѣстный Флетчеръ пробылъ здѣсь мѣсяца полтора и первый русскій посолъ въ Англію былъ Вологодецъ Іосифъ Непей. Петръ былъ здѣсь

пять разъ—развалины каменнаго домика вдовы голландки Бутсъ, гдѣ онъ останавливался (комнатка очень низка и мала) въ 1703 году и нынѣ сохранилась. Съ основаніемъ Петербурга, торговля на Архангельскъ (воспрещавшаяся даже указами) совершенно упала—упало и значеніе Вологды. Городъ обдѣнѣлъ.

Но Вологда и теперь отпускаетъ довольно товаровъ къ Архангельску и Петербургу. Въ городѣ ежегодная двухнедѣльная ярмарка съ 5 Января. Идутъ ленъ, пакля, коровье масло, овесъ, холстъ, яйца, щетина, живая рыба а въ послѣдніе годы, со времени основанія большихъ лѣсопильныхъ заводовъ на Кубенскомъ сзери и Кубинѣ, и лѣсъ. Прежде суда шли только тягую и парусомъ а нынче бѣгутъ здѣсь, шума своими колесами и пароходы. Кому надо теперь вверхъ къ Архангельску, тотъ, прибывъ по желѣзной дорогѣ въ Вологду, садится на пароходъ, на которомъ онъ найдетъ и буфетъ и камуту. Затѣмъ по рѣкѣ Вологдѣ ѣдетъ черезъ Кубенское озеро по Сухонѣ въ Двину. Мѣста, гдѣ протекаетъ неширокая Вологда, самыя возвышенныя въ уѣздѣ, берега кое-гдѣ высоки и лѣсисты. Ближе къ озеру есть ломки жерноваго камня. На нашемъ рисункѣ представлено самое узкое мѣсто рѣки, гдѣ можетъ пройти только одно судно. Теченіе здѣсь быстрое—мѣсто это находится близъ деревни Опочи. Съ лѣвой стороны оригиналенъ видъ берега: сажень болѣе тридцати въ вышину онъ имѣетъ почти правильнѣй отвѣснѣй откосъ, въ которомъ видны слои глинистые, известковыя и песчаные.

Другой нашъ рисунокъ изображаетъ по этому же пути на р. Сухонѣ въ с. Коченгѣ празднованіе перваго Спаса. Праздникъ этотъ очень чтится здѣшними, вообще религіознымъ населеніемъ. По берегамъ рѣкъ здѣшнихъ напр. Кубинѣ, Сухонѣ, часто видишь кресты и главы бѣлѣющихъ каменныхъ церквей. Въ нѣкоторыхъ большихъ селахъ къ этому дню бываетъ значительное стеченіе народа, мѣстами тысяча до двухъ, трехъ. Тутъ же бьвають и торжки, на которыхъ продаются пожертвованные въ пользу церкви холсты, ленъ, жеребята, овцы и т. п. На рисункѣ изображенъ крестный ходъ съ хоругвями и иконами.

Маленькая гречанка.

Болѣе двухъ тысячъ лѣтъ отдѣляютъ насъ отъ вѣка Перикла и какимъ-то сказочнымъ эдемомъ представляется намъ древняя Греція, какимъ-то фантастическимъ сномъ мелькаютъ передъ нами картины ея процвѣтанія и упадка а теперь только великолѣпныя развалины говорятъ обо всемъ этомъ, да природа, чудная, обаятельная, осталась еще одно: на островахъ и въ горахъ сохранившійся доселѣ въ своей красотѣ прекрасный типъ населенія и тихая патріархальная жизнь. Бывшіе въ Греціи говорятъ, что есть на греческихъ островахъ цѣлыя деревни красивыхъ людей. Женщина тамъ развивается рано. Маленькая гречанка, что изображена на нашемъ рисункѣ, по нашему совѣтѣ еще дѣвочка, но въ чертахъ ея милаго личика есть уже что-то женственное, мягкое. Мальчишеская рѣзвость и смѣлость дѣтства смѣняется болѣею сдержанностью и плавностью движеній и рѣчей и свѣтлые глаза любопытно и полузадумчиво глядятъ впередъ въ неразгаданное будущее...

ПОЛИТИЧЕСКОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

Порта и Европа. — Австрійское участіе въ Европейскомъ «согласіи». — Внутреннія дѣла Австро Венгріи. — Влѣвъ Болгарія въ Бѣлградѣ. — Наши недоразумѣнія съ Китаемъ.

Каждый день иностранная почта приноситъ извѣстія о новыхъ строгостяхъ, избобрѣаемыхъ державами для принужденія Турціи подчиниться воли соединенной Европы. Такъ, англійское правительство, по слухамъ, предложило ввести международный флотъ въ Смирнскій заливъ, чтобы наложить арестъ на торговлю этого города. Все эти угрозы начинаютъ производить впечатлѣніе какихъ-то шутокъ, пускаемыхъ для пробы, авось турокъ испугается... Повидимому, Турція, или лучше сказать, Порта такъ и понимаетъ дѣло это и обнаруживаетъ глубокое знакомство съ дѣйствительной, а не показной стороной отношеній между державами, и расхваливаемого на все лады «европейскаго согласія». Мы уже передали о рѣшеніи державъ отпра-

вить флотъ въ Эгейское море. Пока воздержимся отъ дальнѣйшихъ свѣдѣній, въ которыхъ уже начинаютъ проглядывать обычныя противорѣчія, по которымъ можно предполагать, что рѣшеніе это не вполне единодушно. Добавимъ только, что 4 октября Порта передала державамъ новую ноту, въ которой отрицаетъ право ихъ вмѣшиваться во внутреннія дѣла ея и, изъявляя свое (турецкое) согласіе на сдачу Дульцино, требуетъ удаленія союзной эскадры, требуетъ, чтобы Европа отказалась отъ демонстрацій. Послѣднія депеши также полны разногласія: одни сообщаютъ, что султанъ рѣшилъ немедленно сдать Дульцино, другія — что къ этому свѣдѣнію надо относиться „осторожно“. Впрочемъ, большинство телеграммъ увѣряетъ, что сласто...

Если говорить о единодушіи державъ, то, едва ли, конечно, можно предполагать, что Австро-Венгрія «принимаетъ въ немъ

слишком искреннее участие. Вот, по крайней мѣрѣ, что пишутъ изъ Пешта: ни дворъ Австро-Венгерскій, ни министръ иностранныхъ дѣлъ не желаютъ войны. Даже о военныхъ предпріятіяхъ, въ родѣ занятія Босніи, также никто не помышляетъ. Министерство иностранныхъ дѣлъ желало бы сохраненія на Востоку status quo. Но обстоятельства не дозволяютъ монарху Габсбурговъ оставаться пассивнымъ зрителемъ событий. Въ Вѣнѣ говорятъ теперь, что „Австрія не можетъ позволить задуть себя“. „Дульцинскому дѣлу не придають большого значенія“ и Вѣнскій кабинетъ участвуетъ въ демонстраціи для того только, чтобы Англія и Россія не имѣли полной свободы дѣйствій. Греческій вопросъ также не интересуется Австрію. Больше всего отсюда слѣдять за Болгаріей. Габсбургская монархія не можетъ равнодушно снести самой мысли о соединеніи Болгаріи и Румелии и австрійская дипломатія, въ настоящее время, прежде всего старается сохранить этотъ главный пунктъ Берлинскаго трактата. Вся надежда ея въ этомъ отношеніи возложена на союзъ съ Германіей, которая, по расчетамъ Австріи, склонитъ Россію къ умѣренности и, такимъ образомъ, обезпечитъ миръ. Если же бы Россія не послѣдовала совѣту Германіи, то Австрія, опираясь на союзника, постаралась бы ограничить интересы свои на Балканскомъ полуостровѣ „собственными силами“. Надо, однако, сказать, что война съ Россіей по возможности избѣгается. На Италію также разсчитываютъ какъ на союзника въ восточныхъ дѣ-

лахъ и въ этомъ смыслѣ уже сдѣланы попытки. Кабинетъ Таафе, поставившій себѣ задачей достигнуть равновѣсія между всѣми элементами Австро-Венгерской имперіи, пришелъ въ столкновение съ либеральной нѣмецкой партіей. Недавно, въ Карлсбадѣ происходилъ съѣздъ Чешскаго отдѣла этой партіи и на съѣздѣ объявлена открытая война кабинету. Партія, рѣшившаяся добиться паденія министерства, высказалась противъ всякихъ уступокъ, которыя могли бы клониться къ уменьшенію привилегій нѣмецкой національности въ Австріи. Резолюція, которую имѣлось первоначально въ виду подвергнуть обсужденію на съѣздѣ, была составлена въ столь враждебномъ министерству духѣ, что правительство признало необходимымъ конфисковать газеты, въ которыхъ она напечатана. Распорядительный комитетъ, опасаясь, что вслѣдъ за этимъ могло бы послѣдовать закрытіе и самаго съѣзда, измѣнилъ текстъ резолюціи, исключивъ изъ него личные нападки на министерство, но тѣмъ не менѣе смыслъ ея остался тотъ же. Едва ли этотъ образъ дѣйствій на тѣхъ, вступившей въ борьбу съ кабинетомъ Таафе, можетъ способствовать упроченію внутреннихъ связей разношерстной Австрійской имперіи. Съ своей стороны мы, конечно, не можемъ желать успѣха планамъ нынѣшняго главы Вѣнскаго кабинета.

Прочность внутреннихъ отношеній Австрійской имперіи обратно пропорціална политическому будущему славянства.

С М Ъ С Ъ.

Морской змѣй. Можно кажется теперь рѣшить откуда возникла сказка о морскомъ змѣѣ. Рыбаки, живущіе на сѣверо-западномъ берегу Норвегіи, утверждаютъ, что часто видятъ въ водѣ змѣеобразное животное, движущееся въ морскихъ волнахъ; подобное же животное не разъ было замѣчено обитателями шотландскаго берега; но никакія усилія не помогали до сихъ поръ овладѣть животнымъ или хотя бы одною изъ частей его. Однако шведскіе рыбаки нашли въ нынѣшнемъ году, послѣ сильной бури, необыкновеннаго вида рыбу, выброшенную на берегъ; рыба эта, имѣла почти четыре сажени длины: передняя ея часть была передана въ Стокгольмскій музей. Это такъ называемая „ленточная рыба“, отличающаяся отъ прочихъ своимъ длиннымъ, узкимъ, мечеобразнымъ туловищемъ; кожа ея покрыта узлами, голова ея очень мала, глаза велики, вдоль спины идетъ плавательное перо, а позади головы находится большой затылочный узелъ съ другимъ плавательнымъ перомъ, имѣющимъ, приблизительно, 7 вершковъ вышины; цвѣтъ кожи серебристо-глянцовитый. Всѣ рыбы этого рода, которыя были въ различныя времена найдены и наводили на мысль о существованіи морскаго змѣя, къ сожалѣнію, оказывались весьма хрупкими; онѣ легко распадаются на части, мясо ихъ такъ дрябло, что разлагается чрезъ нѣсколько часовъ. Всѣ виды этихъ рыбъ живутъ на значительной глубинѣ и составляютъ такую редкость, что въ продолженіе столѣтія ихъ было найдено лишь нѣсколько штукъ.

Естественная топка. Увеличеніе теплоты по мѣрѣ погруженія подъ поверхность почвы принято среднимъ числомъ считать въ 10 на 120 аршинъ. Если опредѣленіе это вѣрно, то на глубинѣ 2,700 аршинъ температура должна быть равна температурѣ кипящей воды. Бабине, мечтавшей объ основаніи общества для разрыванія глубокихъ нещель, полагалъ, что дѣло это имѣетъ важное значеніе. „Представимъ себя обладателями обширныхъ прстранствъ, говоритъ онъ, стѣны которыхъ имѣютъ температуру нашихъ печей и жаровень; проведемъ черезъ нихъ потокъ воды, мы получимъ ее нагрѣтой до кипѣнія; сколько пользы мы извлечемъ изъ этого источника!“ Такую сильную жару мы встрѣчаемъ въ великолѣпныхъ рудникахъ Англіи и Бельгіи. И въ самомъ дѣлѣ, достоверно извѣстно, что жаръ ключа въ теплыхъ водахъ „Chaudes-Aigues“ во Франціи достигаетъ 80°, примѣняется мѣстными жителями для приготовления кушанья, отопленія домовъ, стирки бѣлья и т. д. При помощи деревянныхъ трубъ, идущихъ вдоль улицы деревни, наподняется резервуаръ нижняго этажа каждаго дома; жаръ этотъ замѣняетъ топку печей въ холодное время; расходъ на камни и печи, такимъ образомъ, устраняется. Зимой потокъ забирается маленькими шлюзами плотинами при входѣ въ каждую проводную трубу, и тогда вода разливается въ канавку, окаймляющую деревню. Химикъ Бертье призналъ, что теплота, доставляемая ежедневно этимъ ключемъ, равна теплотѣ, которую можно получить отъ сожженія 150 пудовъ каменнаго угля.

Боксеры. Изъ недавно изданной книги Майльса мы узнаемъ, какую видную роль играли въ Англіи такъ-называемые „боксеры“. Послѣднимъ представителемъ этого кроваваго спорта былъ вѣкто Томъ Кингъ; онъ живъ и въ настоящее время; это человѣкъ замѣчательный по своей силѣ; нынѣ же онъ занимается разведеніемъ растений и пожинаетъ лавры на англійскихъ выставкахъ цвѣтовъ. Въ 1863 г. англійскимъ боксерамъ былъ нанесенъ рѣшительный ударъ закономъ, воспрещавшимъ этого рода битвы. Особеннымъ уваженіемъ пользовались бок-

серы въ царствованіе Георга IV; самъ король относился къ нимъ съ симпатіей. Во время его коронаціи лучшіе изъ боксеровъ, одѣтые въ пажескіе костюмы составляли почетную гвардію и украшали собою Вестминстерскій залъ. Самые значительные изъ живописцевъ того времени непрерывно искали чести писать портреты извѣстныхъ боксеровъ, и чѣмъ больше жертвъ насчитывалъ боксеръ, тѣмъ громче была его слава. Большой извѣстностью между боксерами пользовался вѣкто Фигъ, жизнь котораго полна кровавыми побѣдами надъ своими со товарищами.

Моръ на раковъ. Въ рѣкахъ и озерахъ Баваріи, а также въ сосѣднихъ съ нею водахъ разводять и ловятъ много раковъ, торговля которыми имѣетъ немалое экономическое значеніе для жителей. Недавно въ этихъ мѣстахъ обнаружился моръ на раковъ. Городской рыбакъ въ Герриденѣ, Шнейдеръ, замѣтилъ, что въ арендуемыхъ имъ водахъ, гдѣ онъ еще за нѣсколько дней поймалъ болѣе нуда этихъ животныхъ, больше нѣтъ ни одного живого рака. Внимательно осмотрѣли дно въ водѣ, и почти всѣ раки найдены тамъ мертвыми, сцѣпившимися въ кучки отъ 4 до 10 раковъ въ каждой. Сверхъ того вслѣдъ бы разбросаны отдѣльныя части раковъ, желуди, ножки, шейки и пр. Въ немногихъ ракахъ, которые еще боролись со смертью, открыто странное, какъ бы судорожное сведеніе членовъ, сопровождавшееся ихъ омертвѣніемъ. Бѣлая точка на нѣкоторыхъ мертвыхъ ракахъ даетъ поводъ къ предположенію, что причину ихъ смертности надо искать въ развитіи между ними какогонибудь заразительнаго микроскопическаго грибка.

Мель лошади. Въ финскую улеборгскую газету „Эхо“ пишутъ о слѣдующемъ происшествіи въ Соткамо. Одинъ крестьянинъ отправился вечеромъ на пастбище за своею лошадыю и ни ночью, ни на другой день не возвратился домой. Люди, отправившіеся на поиски за крестьяниномъ, нашли его на пастбищѣ мертвымъ, съ тяжелыми ранами на головѣ, груди и ногѣ. Крестьянинъ былъ убитъ своею лошадыю. По воспоминаваніямъ домашнихъ и сосѣдей, онъ подрядъ зарывалъ духъ ея жеребятъ, — считая ихъ только напрасною тягостью для матери. Лошадь всегда выказывала крайнюю злобу къ своему хозяину и въ прошлое лѣто, когда онъ зарывалъ ея послѣдняго жеребенка, дошла до бѣшенства. Земля, на которой найдено тѣло крестьянина, была кругомъ страшно изрыта копытами и наглядно показывала, съ какою лютостью и остервенѣніемъ животное носилось около своего хозяина и топтало его ногами.

Сова передъ палатою лордовъ. Недавно сова была предметомъ интересныхъ преній въ англійской палатѣ лордовъ. Эта птица Юноны была законодательнымъ путемъ причислена къ полезнымъ человѣку птицамъ, вслѣдствіе чего къ закону, покровительствующему этимъ послѣднимъ, была прибавлена статья о совѣ. Многіе пары приняты на себя защиту этой ночной птицы, и постъ продолжительныхъ преній было признано, что сова нападаетъ только на вредную тѣнь, напр. на животныхъ грызуновъ: мышей, крысъ, полевыхъ мышей и т. п. и на множество вредныхъ насекомыхъ, съ которыми ведетъ ожесточенную борьбу. Замѣчали, что нѣкоторыя совы убивали въ одну ночь до ста мышей. Во владѣніяхъ герцога Беклея, въ Шотландіи, эта ночная птица тщательно охраняется въ интересахъ земледѣлія; убивать ее строго запрещено. Въ замкѣ Арундель, у герцога Норфолькскаго, совы и филины оказываютъ столько же услугъ, какъ и кошки, и втеченіи цѣлыхъ вѣковъ имъ отводило особое мѣсто на вершинахъ башенъ.

Рѣшеніе ребуса въ № 39 „Нивы“.

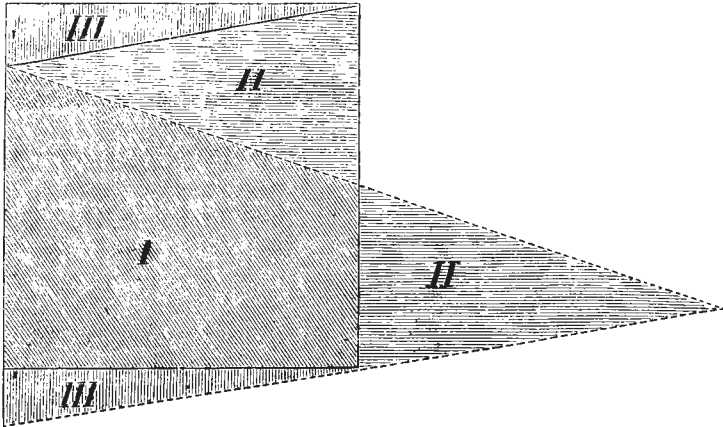
„Театръ—школа народа“.

Рѣшеніе ребуса въ № 40 „Нивы“.

„Война Россіи съ китайцами пока не начата“.

Вѣрные рѣшенія этихъ ребусовъ присланы до 10-го октября отъ гг.: Спб.—Северъ, Зайцева, Валентина, Юргоевъ, Анкудинова, Вѣрочкина, Кувшинникова, Панова, Паффилова, Куржакова, Мяко, Руся, Мищенко, Жаворонкова, Никитина, Л—ва, Витневскаго, Гусевой, Николаевой, Андреевскаго-Доллонидина, Селиванова, Самецкаго, Васильевой, В—нина, Азяковой, Васіе, Холькина, Тонбергъ, Иващенко, Гумилевскаго-Хохмецкаго, Быкалова. Москва—Былдова, Шведова, Андреева, Николаева, Храпцова, Кирсанова, Держинскаго, Хухлаева, Кучумина, Кочевинской, Морозова, Бѣлкова, Агалкина, Никитиной, Федорова, Севастьянова, Возоблейтъ, Голомысова, Корышкова, Егорова, Воробьева, Кримова, М. Н. Б. Жигарева, Х. Э. П. Алексѣева; **Варшава**—Соловейчика, Гатчино—Малгина, Верещина; **Гельсингфорсъ**—Генрицъ; **Кронштадтъ**—Мордвинова, Ложиево—Почерникова, Пулково—Хутынской, Царское с.—Кн. Трубцаго.

Рѣшеніе геометрической задачи № 67.

Вѣрные рѣшенія этой задачи присланы до 10-го октября отъ гг.: Спб.: Мико-Руса, Смоляки, Сергѣева, Мартинсонъ, Гражданскаго, Пальникова, Соболевскаго, Паншина, Иванова, Иващенко, Авеніусъ, Зарубина, Кулина, Карнова, И. П., В. Д., Вѣрочкина, Соколова, В. С.—д—я, Пестреченко, Козлова, Русикова; **Москва**—Немого, Милотина, Полтавцева, Рѣшетина, Землянскаго, Журалова, Назарова, Гилль, Апраксина, Трубцаго, Шпаро, Воронина, Надеждина, Румянцева, Зѣвкина, Кличина, Галактионова; **Бейсагола**—Литшица, **Брянскъ**—Успенскаго, **Бужаны**—Платонова, **Бѣжецъ**—Рѣпина, **Бѣжицкая**—Проскураковой, **Варшава**—Сонова, Бузацова, **Велікіе Луки**—Потылицина, **Вильна**—Аганцова, Богена, **Владиміръ**—Херасовой, **Вологда**—Иванова, **Гельсингфорсъ**—Генрицъ, Себастьяна, Яжннскаго, **Дмитріевъ**—Чемесова, **Ельня**—Кубекина, **Ив.**—Вознесенскъ—Королина, **Каницы**—Полова, **Новно**—Ледецаго, **Новотопъ**—Крочковскаго, **Кронштадтъ**—М. Кузнецъ—Широкопольскаго, **Курскъ**—Сидельникова, **Коровина**, **Лаудонъ**—Фохтъ, **Липецкъ**—Макарова, **Лозичъ**—Леонтьева, **Петрова**, **Минскъ**—Иванова, **Нижній-Новгородъ**—Чигирина, **Васильева**, **Архадьева**, **Новгородъ**—Чмутова, **Новочеркасскъ**—Тек—свой, Рыбакова, **Одесса**—Делазари, **Фейферъ**, **Волохова**, **Опочна**—Жолодъ, **Павловскъ**—Киридова, **Пенза**—Жамнинова, **Петроградъ**—Гвоздева, **Владиславлева**, **С. Печани**—Аржеухова, **Подольскъ**—Молчаева, **Ржевъ**—Кузнецкина, **Рига**—Галчинскаго, **Ростовъ на Дону**—Рыбкина, **Данилова**, **Ротмистровина**—Плюто, **Рыбинскъ**—Перелавцева, **Свеабургъ**—Алексѣева, **Смоленскъ**—Нѣминова, **Суражъ**—Даничина, **Тверь**—Ушакова, **Тумуль**—Милкова, **Тула**—Н. И. Ш., **Угличъ**—Е. Лукинскаго, **Харьковъ**—Ключарева, **Шавли**—Згорскаго, **Шлиссельбургъ**—Ветохина, **Ярославль**—Шастова.

Рѣшеніе алгебраической задачи № 68.

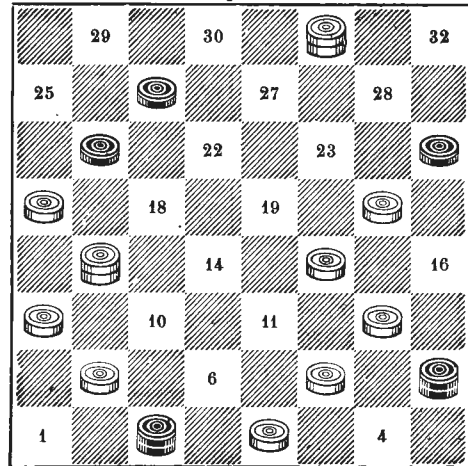
$$\begin{aligned}
 1 \text{ число} &= x & 1) & x = y + z + u + 1 \\
 2 & & 2) & y = 3z \\
 3 & & 3) & y + u = x - 4 \\
 4 & & 4) & x + u = 5z \\
 4z + 2 &= 4z + u + 1 & | & u = 1 \\
 4z + 2 &= 5z - 1 & | & 5z - 4z = 2 + 1 & | & z = 3 \\
 y &= 3z & | & y = 9 \\
 x &= 4z + 2 & | & x = 14 \\
 1) & x = 14 = \text{н} \\
 2) & y = 9 = \text{и} \\
 3) & z = 3 = \text{в} \\
 4) & u = 1 = \text{а}
 \end{aligned}$$

= НИВА.

Вѣрные рѣшенія этой задачи присланы до 10-го октября, отъ гг.: Спб.: Юргенсъ, Жд—ъ, Кулина, Гаврилова, Илюсова, Соколовскаго, Кружковской, Барпова-Азия, Святскаго, Н. П., В. Д., Поталенко, Вѣрочкина, Мищенко, Соколова, Свенторжецкаго, Азанова, В. С.—д—я, Пестреченки, Берманъ, Пальникова, Козлова, Васенко, Попова, Грикурова; **Москва**: Покровскаго, Немого, Галактионова, Кличина, на, Скворцова, Зѣвкина, Румянцева, Надеждина, Казанскаго, Воронина, Шпаро-Перемежескаго, Трубцаго, Апраксина, Павлова, Гилль, Зыбина, Степанова, Не, федева; **Бобруйскъ**—Ядловинной, **Бейсагола**—Литшица, **Борисоглѣбскъ**—А. Е., **Брянскъ**—Успенскаго, **Бѣжецъ**—Рѣпина, **Галунова**; **Варшава**—Сонова, **Кузнецова**, **Веприкъ**—Скрипакъ, **Восонемъ**—Дмитріева, **Гатчино**—Дунаева, **Гельсингфорсъ**—Себастьяна, **Яжннскаго**, **Елизаветградъ**—Рофе, **Кейданы**—Виршубскаго, **Кинешма**—Волкова, **Новно**—Ледецаго, **Новотопъ**—Крочковскаго, **Кронштадтъ**—Захарова, **Держана**, **Курскъ**—Короткова, **Лаудонъ**—Фохтъ, **Лозичъ**—Романенко, **Леонтьева**, **Петрова**, **Марьевна**—Рабновича, **Можайскъ**—Брудасова, **Мозырь**—Иванова, **Липца**, **Минскъ**—Иванова, **Нижній-Новгородъ**—Чигирина, **Новочеркасскъ**—Козлова, **Одесса**—Фейфера, **Волохова**, **Опочна**—Жолодъ, **Орель**—Черенкова, **Островъ**—Горшакова, **Павловскъ**—Игнатъева, **Киридова**, **Пенза**—Жамнинова, **С. Печани**—Аржеухова, **Ржевъ**—Кузнецкина, **Рига**—Галчинскаго, **Ромны**—Дейбека, **Рославль**—Рыкова, **Ростовъ на Дону**—А. В. Е., **Ротмистровина**—Плюто, **Ряжскъ**—Воронина, **Саратовъ**—Клиентова, **Свеабургъ**—Алексѣева, **Тейково**—Должикова, **Тормокъ**—Бвашениникова, **Тула**—Н. И. Ш., **Варькова**, **Тумуль**—Милкова, **Удѣльная**—Стасе.

Шашечная задача № 73.

Черныя.

Бѣлыя.

Бѣлыя начинаютъ и забираютъ всѣхъ черныхъ.

Рамы для премій „Нивы“ 1880 г.

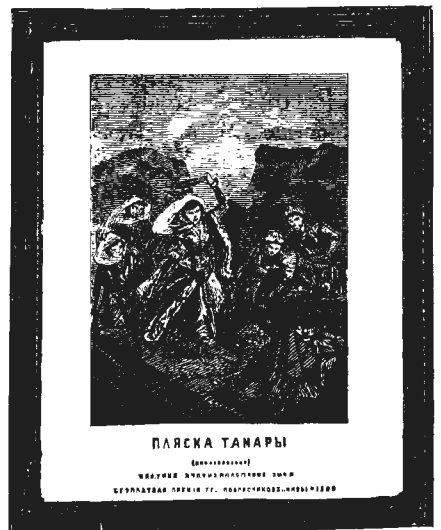
Для удовлетворенія желанія весьма многихъ изъ нашихъ подписчиковъ, мы заказали нѣсколько тысячъ рамъ для премій „Нивы“ 1880 года:

„Пляска Тамары“.
„Тамара, оплакиваемая родными“.

Рамы эти по прилагаемому рисунку, съ украшениями дѣльной работы (рисунокъ угла этихъ украшеній прилагается тутъ же) и съ золочеными ободками, сдѣланы во всѣхъ отношеніяхъ изящно и извѣстнаго фабриканта багетовъ, въ позолотн. и столярн. мастерск. Я. И. Курганикова.

Только при такомъ громадномъ размѣрѣ заказа мы имѣемъ возможность обѣ рамѣ со стеклами и со вставленными на бѣломъ фонѣ картинами, т. е. совершенно готовы для помѣщенія на стѣны, отдавать за 4 рубля.

1 г. иногородные подписчики, выписывающіе эти рамѣ для премій могутъ приобрести таковыя въ восьми частяхъ, сдѣланныя по размѣру картины съ бѣлымъ фономъ, но безъ стекла (сдѣлать рамѣ, вставить въ нихъ стекла и картины наклеить на бѣлый фонъ можно легко на мѣстѣ) за 7 рублей съ упоркою въ ящикъ и съ пересылкою. Всѣхъ такого ящика съ 8 багетами 10 фунтовъ.

ПЛЯСКА ТАМАРЫ

Рисунокъ угла рамни.

Наша премія въ рамѣ съ уменьшенномъ видѣ.

ПОЧТОВЫЙ ЯЩИКЪ.

Спб. Старому подписчику. На письмо ваше отъ 10 окт. извѣщаемъ, что въ наст. году, если будетъ мѣсто, у насъ появится небольшой рассказъ Н. Морсваго „Ночь“ а въ будущемъ году, уже находящаяся въ распоряженіи редакціи, большая его же повѣсть „Подъ землей“, съ весьма интереснымъ содержаніемъ.

Москва, Воборскъ;—Кронштадтъ, г. В. Фабръ, ст. Потановка, г. М. Лебедеву. Присланное будетъ помѣщено въ ближайшихъ №№.

СОДЕРЖАНІЕ: Колень и Панама (съ 3 рис.)—Лесникъ. Рассказъ Б. М. Мариевича.—На преміяхъ „Нивы“ на 1880 годъ. Сюжеты изъ „Демона“ поэмы М. Ю. Лермонтова.—На Демонѣ. Рассказъ Фр. Герштенера.—Отъ издателя.—Мальскій соборъ (съ 2 рис.)—Мать (съ рис.)—Маленькая гречанина (съ рис.)—Политическое обозрѣніе.—Сѣть.—Рѣшенія ребусовъ.—Рѣшеніе геометрической задачи № 66.—Рѣшеніе алгебраической задачи № 67.—Шашечная задача.—Рамки для премій „Нивы“ 1880 г.—Почтовый ящикъ.—Объявленія.

Издатель А. Ф. Марисъ.

Редакторъ Ф. Бергъ.

НОВЫЕ АМЕРИКАНСКИЕ ЖЕЛЪНИЦЫ,

завлаживающія вполнѣ жернова, не требующія желѣзика и отличающіяся простотою, большою производительностью и дешевизною, требуя для помола того же количества хлѣба, 1/4 сажн жернововъ.

Вел. В вѣс. 16 п. измѣл. 10 пуд. въ часъ. при 2 л. силахъ, цѣна 150 р.
Вел. 5 вѣс. 20 п. измѣл. 15 пуд. въ часъ, при 4 л. силахъ, цѣна 200 р.
Вел. 3 вѣс. 30 п. измѣл. 20 пуд. въ часъ, при 6 л. силахъ, цѣна 300 р.
мучниа сортировки въ немъ по 78 р.
Штифтовыя шлопотники.

учниа изъ всѣхъ существующихъ системъ. Ручныа 85 р., съ 1-новоннымъ приводомъ 225 р., большаа дужкя конная съ соломотрасомъ и приводомъ 340 р.

Стѣнные прессы ручныа по 175 р. Безпрерывно вращающ. ручной кирпичный прессъ.

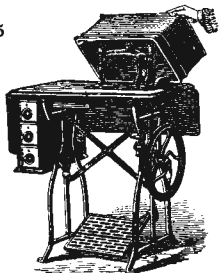
Самый прочный, простой и дешевый. Трема работница можетъ быть изготовлено въ сутки отъ 4 до 5000 кирпичей, получаа ихъ той же крѣпости, какъ при ручной прессовкѣ. Вѣсъ прессы 50 пуд. цѣна 300 руб. Локомобилы, паровыа машина, котлы, тарканы и проч. станки, плуги, бороны, вѣлки, соломоорѣзки, сѣялки, насосы, пожарныа трубы и пр., и пр., имѣются въ наличности у

ТОВАРИЩЕСТВА

БУРКГАРДТЪ и УРЛАУВЪ

С.-Петербургъ Вас. Остр., 1 линия, № 10. Москва, Мясницкая, д. Сытова. № 911 5-2

К. № 915

Настоящія американскія швейныа машины

ВИЛЛЕРА и ВИЛЬСОНА, съ кривою или прямою игловою.

Ножныа или ручныа, или ручныа и ножныа вмѣстѣ:

- а) для семейнаго употребленія, бѣлья, платья и т. п.
- б) для ремесленнаго производства: для сапожниковъ, портныхъ сѣдельниковъ и т. д.

Лучшія нѣмецкя ручныа машины. Машины для плиссе и плойки. Американскія вязальныа машины Вилфорда, Тутель и Лямбсъ.

Г. М. ХУТТОНЪ и КОМП.

Малая Морская, № 14, и Невскій пр., № 40.

Москва, Большая Лубянка, домъ Ивановскаго монастыря.

Во время нижегородской ярмарки, въ зданіи каменнаго театра.

ВСѢХЪ МАШИИЪ и МЕХАНИЧЕСКИХЪ ПРИБОРОВЪ

приготовляемыхъ въ Германіи, Франціи и Бельгіи, доставляетъ по настоящимъ фабричнымъ цѣнамъ, принимаетъ на себя отправки у до послѣдней станицы желѣзной дороги за умѣренную комиссію.

Морицъ Вейль младшій, Машинная фабрика въ Франкфуртѣ на Майнѣ (Германія). Р. № 841 18-6

ОТЪ ЛОСКУТНОЙ ГОСТИНИЦЫ въ Москвѣ.

въ Тверской улицѣ, домъ Макс. Еф. Попова. Бывшій пожаромъ въ дождь г. Фирсакова 18-го сентября, повреждено было въ Лоскутной гостиницѣ около 20 №№, которые уже вполнѣ исправлены и приведены въ прежній видъ, о чемъ управленіе Лоскутной гостиницы и завѣдующій господъ призывающіа въ Москву. При семъ просовокуаеа, что количество всѣхъ номеровъ 150 и отдѣлки они заново. Ц. № 924 3-2

№ 100. РУССКИХЪ и ИНОСТРАННЫХЪ № 100.

ТОРГОВЫЙ ДОМЪ

ФАБРИКАНТОВЪ,

Гостиный дворъ, Малая Суровская линия,

ТОЛЬКО ЧТО ВЫШЛИ ИЗЪ ФАБРИКЪ и ПОСТУПИЛИ ВЪ ПРОДАЖУ НОВОСТИ

ЗИМНЯГО СЕЗОНА.

Разнообразнѣшя, въ громадномъ выборѣ шерстяныа смѣшанныа съ шелкомъ и пенькою ткани и поступили въ продажу по самымъ дешевымъ и всѣмъ доступнымъ цѣнамъ.

Новѣшяа матерія для отдѣлки и гарировки ватъевъ, отъ 60 к. до 2 р. за арш. Матласе черное и другія модныа ткани для покрышка шубокъ, двойной ширины по 1 р. 75 к., 2 р. 50 к., 3 р. и 3 р. 50 к. Выгонъ высшій сортъ въ 1 р. 30 к. и 1 р. 50 коп.

Громаднаа партія цвѣтнаго и чернаго кашемира двойной ширины, стоимость 1 р. 25 к., назначено продать по 1 р. за арш. Фланель чистой шерсти кайты. по 1 р. за арш., французскія теплыа юбки въ 3, 4, 5, 6 и 8 р. Матчестеръ гладкій, полосатый и фасоне.

СОБСТВЕННОЙ ФАБРИКИ, ИМѢЮЩЕЙ ГРОМАДНЫЙ СВЫТЪ и ЗАКАЗЫ:

ДАМСКОЕ и МУЖСКОЕ ВЪЛЪЕ

№ 942

ВСѢХЪ СОРТОВЪ: сорочки, кальсоны, кофты, пеньюары, чулки, носки и проч. новѣшяаго усовершенствованнаго покроя, по удешевленнымъ цѣнамъ. Полотна и столовое бѣлье, батистовыа и положниаые платки. № 942 PS. Полный прейсъ-курсаа выслается бесплатно. Владѣтельница магазинновъ и мастерскихъ получающъ особую скидку

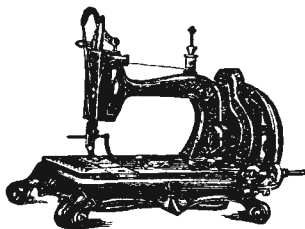
ЗАГРАНИЧНАЯ ФАБРИКА ШВЕЙНЫХЪ МАШИИЪ

ГРИММЕ, НАТАЛИСЪ и Комп.

АКЦИОНЕРНОЕ ОБЩЕСТВО

Единственнаа въ Россіи, которая держитъ свой оптовый складъ исключительно для продажи гг. торговцамъ: Москва Б. Лубянка. Настоящія фабричныа цѣны (включая только провозъ и пошлыи). Всѣ машины своего издѣлія, снабжены фабричною привилегированною медалью. За постоянный хорошій товаръ онѣ получили медали на всѣхъ выставкахъ и слѣдующій отзывъ Всемирной выставки въ Сидѣй 1880 г.: «Ремондуютъ машины фабрики Гримме, Наталис и К», какъ издѣлія перваго достоинства». Официально публиковано правительствомъ въ «г. Правит. Вѣстникѣ».

Зингеръ,
Гау,
Саксонія,
Гроверъ и Багеръ,
Виллеръ и Вильсонъ,
Вилькоксъ и Гибсъ.

Линкольнъ,
Вашингтонъ,
Принцессъ,
Миньонъ,
Супериоръ,
Эластикъ,

Машины съ новыми усовершенствованіями.

Въ мѣстностяхъ гдѣ еще не производится торговля машинами этой фабрики, имущъ агентовъ. Продажа новатруднѣтельна и доставляетъ хорошіе проценты. Бесплатно: ученіе, подробныа русскія руководства, новыа коробки для аппаратовъ, извѣстныа альбомы, штампы для объявленія, упаковка и проч. Машины тщательно пересмотрѣны. Л. № 939 2-1

СПЕЦИАЛЬНОСТЬ!

ФАБРИКА ШВЕДСКИХЪ КОЖАНЫХЪ КУРТОКЪ

ТОРГОВАГО ДОМА

Л. Е. ДМОХОВСКІЙ и Комп.

Адмиралтейская площ., № 10, уг. Вознесенскаго проспекта.

Шведскія куртки на шерстяной и шелковой подкладкѣ, имѣющъ честь рекомендовать гг. военнымъ, охотникамъ, служащимъ на желѣзныхъ дорогахъ, машинистамъ и всѣмъ имѣющимъ необходимость пробывать на открытомъ воздухѣ, какъ предохранительное средство отъ простуды.

ПРОДАЮТСЯ ПО ФАБРИЧНЫМЪ ЦѢНАМЪ.

Гг. иногороднымъ: Письменныа объясненія какъ снимать мѣрку высылаются немедленно за приложеніемъ почтовой марки. К. № 913 3-3

С.-ПЕТЕРБУРГСКАЯ ХИМИЧЕСКАЯ ЛАБОРАТОРІЯ.

Съ разрѣшенія С.-Петербургской Врачебной Управы.

ХИИНАЯ ПОМАДА и ВОДА для уничтоженія перхоти на головѣ, за банку 30 к., флак. 60 к.
ТОНИЧЕСКАЯ ВОДА лучшее средство для укрѣпленія волосъ, употребленіе ея пригодно и освѣжительно. Флак. 60 к.
ФИЛОДОРЪ флак. 50 к.

ОСТЕРЕГАТЬСЯ ПОДРАЖАНІЙ

въ которыхъ приписываютъ нѣкоторыа фабрикантъ, прилагая названія фирмъ, близна подходящія въ фирмѣ С.-Петербургской Химической Лабораторіи, и копирующіа наружный видъ произведеній ея.

Обращать вниманіе при покупкѣ каждаго предмета на точность фирмъ: «С.-П.-БУРГСКАЯ ХИМИЧЕСКАЯ ЛАБОРАТОРІЯ». ЕДИНСТВЕННЫЕ МАГАЗИНЫ ВЪ С.-ПЕТЕРБУРГѢ:
1) Невскій пресентъ, д. № 32, Католич. церквы.
2) Невскій прес., у Анничкова моста, № 66.
3) Вознесенскій прес., уголъ Кавказской ул., домъ № 18-54, Шредера.
Всѣ прочіе, магазини и лавки, приписывающіа, сходныа съ извѣстною С.-Петербургской Химической Лабораторіи, ей не принадлежатъ. 2-

Продается во всѣхъ извѣстныхъ книжныхъ магазинахъ

ЮМОРИСТИЧЕСКІЙ РОМАНЪ „ПЛУТОВКА НАДЯ“

Въ стихахъ, со 168 комическими рисунками Вуша. Содержаніе книги: Въ деревнѣ, Ночная сорочка, Кузень Польш, Любовное письмо, Венокочная ночь, Душевные помысли, Ворожея, Спиритизмъ, Творчество тенныхъ силъ. Издательское изданіе. Цѣна 1 руб. 20 к. съ пересылкою. Склада въ Москвѣ, Сытинскій переулокъ, д. Мальдвинцева, у Ц. № 935 Коопдепъ. 2-2

Ж. ШАНСОНЪ.

Ж. Ш.

имѣющъ честь представить почтеннѣшней публикѣ форму готическихъ буквъ для мѣтки бѣлья, съ несмыслаемою краскою, безъ всякой подготовкы. Цѣна штемеля 50 коп., буквы по 10 коп., корона 20 коп. пуваты по 3 к. Краска для мѣтки бѣлья: № 1-50 к. № 2-80 к. приготовляются также.

ПРАКТИЧЕСКАЯ НОВОСТЬ!

При легкомъ и удобномъ употребленіи ко рому и чисто печатаетъ.

Цѣна 8 р., съ пересылкою во всѣ города Россіи 9 руб. сер. Ж ШАНСОНЪ. Невскій пр., подъ Думою, серебряный рядъ, № 14; въ Москвѣ—Петровка, д. Перевощикова, Ж. Шансонъ. № 940

АПТЕЧКА-ЛЕЧЕБНИКЪ

Доктора медицины СТАРКОВА, съ лекарствами, репеллантами, перевязочнымъ матеріаломъ и РУКОВОДСТВОМЪ къ леченію болѣзней, очень полезнаа для самопомощи заболѣвшимъ въ дорогѣ, деревнѣ, на походѣ. Продается въ аптекахъ (С.-Петербургъ): 1) ЕНАТЕРИИНСКОЙ, Вас. Остр., 1 лин. 2) НЕВСКОЙ у Анничкова моста, 3) АНИЧКОВСКОЙ у Анничкова моста, въ Москвѣ въ аптекѣ ФЕРРЕЙНА на Никольской ул. Цѣна 12 руб. За пересылку 1 р. свыше 1000 вер. 2 руб. № 944 2-1

ВЪ ЦЕНТРѢ ГОРОДА.

На свадебные вечера и поминальные ОБѢДЫ, очень дешево и добросовѣстно выполняеа заказы. Книжестеръ А. Шометовъ, Кавказск. ул., д. № 37, в. № 4. № 945 3-1

СКОПИНСКІЙ ГОРОДСКОЙ ОБЩЕСТВЕННЫЙ БАНКЪ. (ОСНОВНЫЙ И ЗАПАСНЫЙ КАПИТАЛЫ 1.107.111 РУБ.)

Банкъ принимаетъ вклады изъ всѣхъ мѣстностей Россіи: отъ присутственныхъ мѣстъ, должностныхъ и частныхъ лицъ, монастырей и церквей, земскихъ и общественныхъ учреждений, городскихъ и сельскихъ обществъ и акціонерныхъ компаній. Вклады принимаются отъ вкладчиковъ, лично и чрезъ почту, на безсрочное время, т. е. до востребованія, на опредѣленные сроки отъ одного года до 12 лѣтъ и на вѣчное время. По вкладамъ Банкъ выдаетъ:

На безсрочное время	6%	въ годъ.
» одинъ, два и три года	6½%	» »
» четыре, пять и т. д. до 12 лѣтъ	7%	» »
» вѣчное время	7½%	» »

Внесенные въ Банкъ вклады, обезпечиваются не только вышеозначенными Банковыми основнымъ и запаснымъ капиталами 1.107.111 руб., но и ручательствомъ за Банкъ Скопинскаго Городскаго Общества, состояніе котораго простирается на нѣсколько миллионъ рублей.

Сумма вклада не можетъ быть менѣе 50 рублей. Билеты на вклады: не превышающіе 300 рублей, выдаются только именные; на сумму же свыше 300 рублей могутъ быть выдаваемы, по желанію вкладчиковъ, безъимянные, т. е. на предъявителя *)

Вклады возвращаются и проценты по нимъ выдаются наличнымъ вкладчикамъ въ тотъ же день, иногороднымъ высылаются съ почтою.

Лица, желающія перевести свои вклады изъ другихъ кредитныхъ учреждений на процентное обращеніе въ Скопинскій Банкъ, могутъ поручать Банку истребованіе откуда слѣдуетъ ихъ вкладовъ, для чего они должны сдѣлать на именныхъ билетахъ засвидѣтельствованную нотариусомъ или полиціею надпись, о предоставленіи Банку права истребовать слѣдующія по тѣмъ билетамъ деньги, безъимянные же билеты, для перевода по нимъ вкладовъ, представляются въ Банкъ безъ всякой надписи.

Банкъ принимаетъ къ учету векселя, купоны отъ процентныхъ бумагъ и облигацій, вышедшія по тиражу, на сроки отъ 1-го до 12-ти мѣсяцевъ, и выдаетъ ссуды подъ залогъ строеній, состоящихъ въ г. Скопинѣ, и земель находящихся въ Рязанской губерніи отъ 1-го года до 12-ти лѣтъ, процентныхъ бумагъ, товаровъ и вещей отъ 1-го до 9-ти мѣсяцевъ. Проценты Банкъ получаетъ по учетной и ссудной операціямъ по восьми на сто въ годъ.

Правленіе Банка открываетъ засѣданіе ежедневно, кромѣ воскресныхъ и табельныхъ дней, съ 10 час. утра до 3-хъ часовъ по полудни, и въ производствѣ Банковыхъ операцій и вообще во всѣхъ своихъ дѣйствіяхъ руководствуется Высочайше утвержденными: положеніемъ 6-го февраля 1862 года о Городскихъ Общественныхъ Банкахъ, и мнѣніями Государственнаго Совѣта 16-го мая, 1866 года и 30 ноября 1870 года.

*) Вклады вносятся въ Банкъ чрезъ почту при объявленіяхъ слѣдующаго содержанія:

„Въ Скопинскій Городской Общественный Банкъ (отъ такого) объявленіе. Представляя при семъ (столько-то рублей) прощу принять эту сумму во вкладъ для обращенія изъ процентовъ (на такой-то срокъ или до востребованія) и составить билетъ на мое имя (или на имя такого-то или на предъявителя); который выслать въ *такое-то мѣсто. Число. мѣсяць, годъ.*“

ВЪ МАГАЗИНЪ ЧАСОВЪ ПАВЛА БУРЕ.

Поставщика Высочайшаго Двора
Невскій просп., № 23 въ С.-Петербургѣ,
Бронзовые кабинетные часы.

Анкерные съ пружинными боемъ часовъ и
плукасавъ 70 и 75 р. с.
Такіе же съ репетиціею 80 и 85 р. с.
Такіе же съ репетиціею и будильникомъ
90, 95 и 100 р. с.
Тѣ же 1-го сорта и съ украшеніями отъ
125 до 150 р. с.
Томе вышатаго достоинства съ репетиціею
часовъ, четвертей и будильникомъ отъ 175
до 400 р. с.
Такіе же съ календаремъ, показывающіе
день и число отъ 250 до 500 р. с.

Ручательство на 2 года.
За пересылку взимается смотря по раз-
стоянію. № 880 33-1

ОВШЕСТВО ВОДОЧНАГО ЗАВОДА БЕКМАНЪ И К°

устроило рядомъ со своимъ во-
дочнымъ заводомъ, въ совершен-
но новомъ, исключительно для се-
го приспособленномъ зданіи и от-
крыло въ январѣ 1880 г.

ЗАВЕДЕНІЕ ИСКУССТВЕННЫХЪ МИ- НЕРАЛЬНЫХЪ ВОДЪ

подъ тою же фирмою **Бекманъ и Ко**,
въ которомъ приготовляются так-
же ягодныя и фруктовыя воды,
а равно и лимонады.
Коломенской части, Перевоз-
ная ул., д. № 6. в. № 883 10 5.

Дешевое изданіе Юргенсона. Полное собраніе сочиненій Ф. ШОПЕНА.

6 томовъ парижскаго формата.
Изданіе это пересмотрѣно и ис-
правлено профессоромъ Московской
Консерваторіи
Б. КЛИНДВОРТОМЪ.
Цѣна за 6 томовъ 6 рублей.
Роскошное изданіе in 4о 15 руб.

Эти изданія признаны лучшими
изъ всѣхъ гг. Бюловымъ и Листомъ.

Москва | С.-Петербургъ,
у П. Юргенсона, | у П. Юргенсона,
Неглинный провъдъ | Большая Морская,
№ 10. | № 9.
П. М. № 861 3-3

ВИНТЪ И ЕГО ПРАВИЛА.

2-е исправленное и дополненное изданіе.
Ц. 80 к. съ перес. въ другіе города 1 руб.
Въ книжномъ магазинѣ **Попова**, по Не-
вскому проспекту, въ зданіи Пассажа.
№ 946 2-1.

ИЗВѢСТНЫЕ КОРСЕТЫ Мерсио: дамскіе 3, 4, 5, 6 р.; дѣтскіе, по возрасту, отъ 1 р. д. 4 р. 50 к. Главн. магаз. Мерсио, Боль- шая Морская, д. № 99, Спб. № 929 10-2

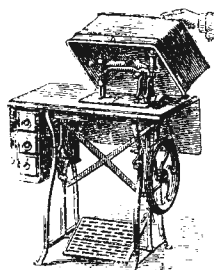
Изданія **А. Ф. Маркса** въ Спб.
Большая Морская, д. № 9.
ВЪ КАМЫШАХЪ, повѣсть **Н. Кара-**
вина, второе изданіе, съ 89 ри-
сунками автора, большой томъ in
8—всего 804 стр. Цѣна 2 р., съ пер-
ес. 2 р. 30 к. Подписчики „Нивы“
за перес. не платятъ.

ВТОРАЯ ЖЕНА. Ром. Маринта. Перев. съ
фр. Ц. 1 р. 50 к., съ пер. 1 р. 75 к. для
подписч. „Нивы“ 1 р. 25 к., съ пер. 1 р. 50 к.

**ЦЕНТРАЛЬНАЯ КОНТОРА ОБЪЯВЛЕНІЙ ВСѢХЪ ЕВРОПЕЙ-
СКИХЪ ГАЗЕТЪ.**
С.-П. БУРГЪ, НЕВСКІЙ ПР., НА УГЛУ М. МОРСКОЙ, Д. СТРУБИНСКАГО № 11
Москва, на Петровкѣ, д. Солодовникова и на Большой Дмитровкѣ въ д. Бучумова.
принимаетъ объявленія во всѣхъ С.-Петербургскихъ, Московскихъ, Губернскихъ и загран-
ичныхъ газетахъ по цѣнамъ редакцій.
При большихъ заказахъ дѣлаются соотвѣтственные скидки.
Переводы и переводки на всѣ языки исполняются по умѣреннымъ цѣнамъ.
По желанію представляются доказательные номера
всѣхъ объявленій. К. № 882 5-5.

ГЛАВНОЕ АГЕНТСТВО И СКЛАДЪ "АМЕРИКАНСКИХЪ" ШВЕЙНЫХЪ, ВЫШИВАЛЬНЫХЪ И ВЯЗАЛЬНЫХЪ МАШИИЪ. (Существуеъ съ 1871 года).

Г. ТИЛЕ,
СПЕЦИАЛИСТА-ТЕХНИКА.
С.-ПЕТЕРБУРГЪ, Невскій просп. № 56.

противъ памятника Екатерины II.
Рекомендуеъ особенно подъ полнымъ руча-
тельствомъ:
Машину **Зингеръ**, съ новѣйшими усовер-
шенствованіями, напр. съ самодѣйствую-
щими шпульками.
Патентъ **ТИЛЕ** упрощенная мною система
Зингера, привилегированная во всѣхъ
европейскихъ странахъ.
Спеціальныя машины для ремесленниковъ
всѣхъ специальностей.

Складъ машинъ **Виллеръ** и **Вильсонъ**, **Гроверъ**, и **Бекеръ**, **Гоу**, **Девисъ**,
всѣ новѣйшія ручныя машины, машины для плойки и плиссе, отъ
10, 15 до 35 руб.
Большой выборъ лучшихъ машинныхъ принадлежностей, какъ-
то: масло, иглы, и части всѣхъ системъ.
Примѣчаніе: Каждая машина до отъезда на мѣстѣ или высылки
въ провинцію тщательно провѣряется въ собственной механи-
ческой мастерской.
Иллюстрированныя прейсъ-курранты бесплатно. К. № 936 3-2.

САВОН СЛЫСЕРИНЕ
PREPARE PAR
ВРОКАРДЪ С° А МОСКОВ
ГЛИЦЕРИНОВОЕ МЫЛО
ФАБРИКИ
БРОКАРЪ И К° ВЪ МОСКВѢ

МОЖНО ПОЛУЧАТЬ
въ Москвѣ въ собственныхъ
магазинахъ: Никольская ул.,
домъ Востаноголо. Ильинка,
д. Троицкаго подворья. Пет-
ровка, домъ Петровскихъ ли-
ній.
Съ С.-Петербургъ:
у Рузанова, Савельева, Саф-
ронова, Аверьянова, Урлаубъ
и Рейнбергъ. Литейная, на
углу Васовой улицы, и у прочихъ главныхъ торговцевъ. № 810. 16-16.

МОНОГРАММЫ

самыхъ новѣйшихъ рисунковъ на роскошной бумагѣ. Заказы исполни-
ють аккуратно и скоро. Цѣна самая умѣренная.
Г. ПЕТО. С.-ПЕТЕРБУРГЪ, КАРАВАННАЯ 14—16.
За три почтов. марекъ (по 7 к.) высылаю въ заказномъ бандеролѣ образцы монограм-
ныхъ рисунковъ, образцы бумаги и прейсъ-куррантъ.
ВЪСЫ ДЛЯ ПИСЕМЪ
необходимыя всякому купцу, торговцу и во всякому хозяйствѣ. Эти вѣсы можно
помѣстить въ бумажникъ или въ портмоне и не смотря на изыщную работу и точность
вѣсовъ, цѣна 60 к. съ пересылкою 75 к. (11 почт. марокъ 7 к.). № 943 5-1

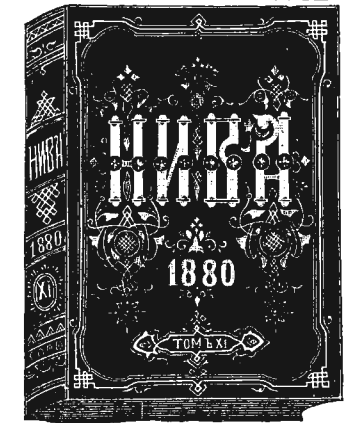
ДЕШЕВОЕ ДОМАШНЕЕ ОКРАШИВАНІЕ ВО ВСѢ ЦВѢТА

платяевъ, лентъ, платковъ и проч., какъ и всякаго рода ма-
терій посредствомъ совсѣмъ приготовленныхъ съ подробнѣй-
шими наставленіями красокъ продающихся

въ аптекарскомъ магазинѣ КЕЛЕРА и К° въ Москвѣ.

Цѣна пачки съ достаточнымъ для окрашиванія большого дам-
скаго платяя количествомъ краски 50 к., 1/2 пакета 25 к. и 1/4
пакета 15 коп. Торговцамъ значительная скидка. Краски эти
составляютъ ходкій предметъ торговли, въ особенности въ го-
родахъ, гдѣ нѣтъ красильныхъ заведеній.
Ц. № 904. 4-2

ДВУНОГІЙ ВОЛКЪ, романъ въ 2-хъ част. **Н. Каразина** съ 20 рисун-
ками автора, печатанъ на лучшей альбомной бумагѣ. Романъ
этотъ знакомитъ читателя съ туркестанскимъ краемъ и переведенъ на
нѣм. и англ. языки, что краснорѣчиво говоритъ въ его пользу. Ц. 2 р. съ
перес. 2 р. 30 к. Для подписч. „Нивы“ 1 р. 80 к., съ перес. 2 р.

КРЫШКИ для переплета „НИВЫ“ изъ
лучшаго англійскаго календора съ
золот. тисненіемъ за 1880 г. и также
на 1881 г. по вышепоказанному образ-
цу 1 р., съ перес. 1 р. 50 к. Каждый
простой переплетчикъ легко можетъ
переплести „НИВУ“ въ такую ко-
ленкоровую крышку.
Также имѣютъ крышки для „НИВЫ“
прежнихъ лѣтъ т. е. отъ 1870—
1879 гг. по той же цѣнѣ.

Поступили въ продажу фотографіи съ
картинъ **В. В. ВЕРЕЩАГИНА** изъ послѣдней
Русско-Турецкой войны 1877—1878 г. ис-
полненные фотографомъ **Гл. Шт. С. Д. Лап-**
тевымъ.
Складъ изданія въ картинныхъ магази-
нахъ **Фельтена** и **Ветрова**, въ С.-Петерб.
№ 941

КЕДЕРСКАЯ ДУШИСТАЯ ВОДА

Ц. № 902 13-4

КНИГИ прод., пок. и при на
комиссію. Казань, книж.
маг. **Александра Ильича Овчинникова**. Объ
этой торговлѣ уже 9-й годъ (1871 г.) публ.,
почти постоянно, въ Казань. гаетъ и мно.
друг. Выдаютъ библ. рѣдкости XVII—XIX в.
№ 918 5-3.

ТУМАННЫЯ КАРТИНЫ

для возжебнаго фонаря, по всѣмъ отраслямъ
знанія, изготовляются при редакціи истори-
ческихъ альбомовъ, въ С.-Петербургѣ, Разъ-
ѣзжая, д. № 11, а также имѣется большой
выборъ готовыхъ экземпляровъ раскрашен.
карт. въ рамкахъ отъ 1 р. 50 к. до 2 руб.,
не раскрашенныя въ рамкахъ по 80 к. за
штуку. № 924 2-2

БОЛЬШОЕ ЕЖЕДНЕВНОЕ ИЗДАНІЕ „НОВОСТИ“

и
„БИРЖЕВАЯ ГАЗЕТА“.
Подписная цѣна: на 1 г. для иног. 9 р.,
для городск. 8 р., на 1/2 года для иног. и
гор. 5 р., на 1 мѣс. для иног. и городск.
1 руб. К. № 909. 10-4

Свѣжій, настояшій ДАЛМАТСКІЙ ПОРОШОКЪ

Вѣрное средство для истре-
бленія клоповъ, блохъ, прусса-
ковъ, черныхъ таракановъ и про-
чихъ насѣкомыхъ.
Цѣна коробки 30 к., за фунтъ 1 р. 40 к.
Съ пересылкой за 5 коробокъ 2 р.
Гг. торговцамъ соотвѣтственная ус-
тупка.
Дѣло С.-Петербургскихъ Химическихъ
Лабораторій.
№ 7. **ВЛАДИМИРСКАЯ**, № 7.
въ С.-Петербургѣ.

ПОЛНОЕ УСТРОЙСТВО ТИПО- и ЛИТОГРАФИИ

съ доставленіемъ лучшихъ материаловъ
принимаетъ на себя **Р. Н. ШНЕЙДЕРЪ**, редакторъ „Обзора Графическихкихъ Искусствъ“
(С.-Петербургъ, Большая Морская, № 15).
Дѣло принадлежностей тисненія.
Благодаря своей болше, чѣмъ 30-ти-лѣтней опытности, приобрѣтенной въ качествѣ
типографика, я могу сообщить моимъ уважаемымъ клиентамъ самыя практичскіе со-
веты и указать самыя лучшія и дешевѣйшія источяныя. Въ настоящее время я имѣю
возможность за 500 руб. поставить цѣлую небольшую типографію для мелочныхъ ра-
ботъ со скорочетною машинною и всѣмъ необходимымъ матеріаломъ для печатанія
циркуляровъ и картъ. № 923 4-2

НИВА

XI годъ
№ 43

ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ
ЖУРНАЛЪ
ЛИТЕРАТУРЫ

годъ XI
1880

ПОЛИТИКИ И СОВРЕМЕННОЙ ЖИЗНИ.

ВЫХОДИТЪ ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫМИ №№ ВЪ ДВА ЛИСТА СЪ 6—10 РИС. И ЕЖЕМЪСЯЧН. ДАРОВЫМЪ ПРИЛОЖЕНІЕМЪ „ПАРИЖСКИХЪ МОДЪ“ (отъ 20 до 40 модн. рис. Выданъ 25 Октября 1880 г. и ЛИСТА ЧЕРТЕЖ. ВЫКРОЕКЪ (отъ 22 до 30 рис.) разн. рис. рукод. работъ (отъ 20 до 40 рис.) Цѣна этого № „Нивы“ 15 к. съ перес. 30 к.

Открыта подписка на 1881 годъ.

Подписная цѣна на годовое изданіе „НИВЫ“.

Безъ доставки въ Петербургѣ	4 р.	Съ доставкою въ Петербургѣ	5 р.	Безъ доставки въ Москвѣ чрезъ кн. ма- газины гг. Шапошникова, Соловьева, Лангъ, Деяткина и Живарева	5 р.	Съ пересылкою въ Москву и другіе города Россіи	6 р.
--------------------------------	-------------	-------------------------------	-------------	---	-------------	--	-------------

За границу: съ перес. въ Австрію, Германію, Францію, Италію и друг. госуд. 8 руб.

Просимъ гг. иногородныхъ подписчиковъ не замедлять возобновленіемъ подписки, такъ какъ, при общемъ числѣ 55,000 подписчиковъ, приготовленіе печатныхъ адресовъ требуетъ много времени.

Подписка на 1880 г. продолжается. Подписавшійся получаетъ журналъ съ перваго номера со всѣми преміями.

КОНТОРА ЖУРНАЛА „НИВА“ ПОМѢЩАЕТСЯ ВЪ С.-П.-БУРГѢ, НА Б. МОРСКОЙ, ВЪ Д. № 9.

Событія въ Черногоріи. Видъ города Дульцино съ моря. Съ фотогр. грав. Радевскій.
Библиотека "Руниверс"

Дульциньо.

Городокъ Дульциньо, приобрѣвшій столь громкую извѣстность въ наши дни, расположенъ на холмѣ на нѣсколько сотъ метровъ надъ поверхностью моря. Западный склонъ холма постепенно понижается къ морю. Сѣверная же часть города образуетъ уголъ и скалы, здѣсь возвышающіяся, идутъ до самаго морскаго берега. На этихъ то скалахъ и построена венеціанцами крѣпость съ широкими, толстыми стѣнами. За крѣпостью возвышаются кусты кипарисовыхъ и тутовыхъ деревьевъ, надъ которыми тамъ и сямъ мелькаютъ вершины минаретовъ. Позади Дульциньо возвышаются крутыя горы, главныя вершины которыхъ доходятъ до 2 тысячъ футъ. Склоны ихъ покрыты дубовымъ и сосновымъ лѣсомъ, это и есть Мазурскія высоты, образующія на сѣверо-восточной сторонѣ четыре послѣдовательныхъ уступа и представляющія прекрасныя стратегическія позиціи.

Дульциньо уже былъ во власти черногорцевъ, которые возвратили его по окончаніи военныхъ дѣйствій. На прилагаемомъ рисункѣ городъ изображенъ со стороны моря.

Дульциньо назывался у Римлянъ *Olsinium*, *Colcinium*, у южныхъ славянъ—Ульцинь. Мѣсто очень красиво, раскинутъ городокъ амфитеатромъ на скалѣ надъ самымъ Адриатическимъ моремъ, между двумя бухтами, на южномъ концѣ горы Машуръ-Планины, въ десяти верстахъ отъ устья рѣки Бояны. Климатъ прелестный; здѣсь растутъ пальмы, оливы, розмаринъ, шалфей и громадныя алоэ. Плиніи еще рассказываетъ объ этомъ прекрасномъ мѣстечкѣ, основанномъ жителями Колхиды, посланными сюда царемъ Азта преслѣдовать Язона, который увезъ его дочь. Послѣ паденія римской имперіи городъ былъ долго свободенъ—затѣмъ принадлежалъ къ византийской имперіи и уже въ XI вѣкѣ составлялъ нераздѣльную часть Далматискаго и Сербскаго королевствъ. Послѣ паденія сербскаго царства при сильномъ натискѣ турокъ на юго-славянскія земли, когда, даже и Албанія при Скандербегѣ немогла удержаться, дульциньцы добровольно сдались венеціанской республикѣ, и подъ ея рукою оставались до 1571 года, когда должны были вновь сдаться сильному Ахметъ-Пашѣ, послѣ долговременной осады. Янычары тогда вырѣзали почти все населеніе. Турки населили этотъ прежде сербскій городъ, своими албанцами, греками, цыганами, но и славянскихъ семействъ довольно таки возвратилось; ихъ начали принуждать къ переходу въ магометанство. Нѣсколько разъ въ 1696 и 1722 г. венеціанцы тщетно силились возвратитъ себѣ этотъ городокъ. Въ послѣднюю войну черногорцы взяли Спичъ (*Spizza*), Баръ (*Антивари*) взяли послѣ молодцаго приступа и Дульциньо, отчаянно защищаемый турками.

Населеніе покорилось, но съ недовольствомъ, черногорской администраціи, главу которой представлялъ воевода Илья Пламенацъ, но скоро примирилось съ этимъ, особенно когда черногорскій князь Николай передалъ самоуправленіе города представителямъ старинныхъ мѣстныхъ родовъ.

Но едва дульциньцы сжились съ черногорцами и стали составлять дульциньскій батальонъ для черногорской арміи, берлинскій трактатъ рѣшилъ передать городъ опять назадъ Турціи. Черногорцы съ большою обидою, но въ опредѣленный срокъ передали городъ съ округомъ до Бояны Турціи, которая обязалась за то уступить черногорцамъ Плаву и Гусиньбу—гористыя мѣстности на восточной границѣ Черногоріи. Но такъ какъ турки не хотѣли отдать ни этихъ округовъ, ни Зеты до Хумскаго-блота (озера), то при содѣйствіи европейской дипломатіи вновь рѣшено, чтобы Порта отдала Черногоріи Дульциньо, Диношъ и Груду съ окрестностями и съ округомъ, считающимъ больше 30 разныхъ поселеній. Порты и въ этомъ упорствовала и Европа была наконецъ вынуждена прибѣгнуть къ морской демонстраціи, пославъ больше двадцати военныхъ судовъ сначала въ Гравозу (Гружъ) близъ Рагузы. Теперь суда эти находятся на зимней стоянкѣ въ Катарскомъ заливѣ, ожидая тамъ дальнѣйшихъ рѣшеній.

Въ Дульциньо, въ старомъ городѣ находится и незначительная крѣпость; еще недавно длинныя венеціанскія пушки глядѣли съ ея стѣнъ. Въ этой части города находились прежде красивыя дома бывшихъ венеціанскихъ патрицевъ и мусульманскихъ беевъ и агъ. Еще можно видѣть и остатки византийскихъ храмовъ и прежняго собора Пресв. Богородицы съ изваяніями и барельефами въ византийскомъ стилѣ. Улицы узкія и короткія. Въ предмѣстьи недурной фонтанъ въ турецкомъ стилѣ. Въ городѣ до 600 домовъ и 3500 жителей, изъ коихъ одна треть еще неполнѣ албанцы а славяне. Въ окрестностяхъ города больше 30 православныхъ церквей. На базарѣ до 200 лавокъ. Портъ невеликъ; дульциньцы извѣстны какъ хорошие моряки. Въ старину изъ нихъ многие занимались пиратствомъ. Наполеонъ I вошелъ однажды черезъ Хаджи-Мухтара съ ними въ союзъ, вызвавъ ихъ жечь вездѣ англійскія суда въ Адриатикѣ. У нихъ было прежде больше 1000 судовъ торговой своей флотиліи, теперь ихъ едва осталась десятая часть. Дульциньцы занимаются судостроеніемъ, рыбачествомъ. Турецкій флотъ имѣетъ не одного адмирала изъ дульциньцевъ и множество смѣлыхъ и отважныхъ матросовъ. Во время турецкаго управления тутъ было мѣстопребываніе мудира (уѣзднаго начальника), и кадія (судья).

Лѣсникъ.

Разсказъ.

Б. М. Марневича.

(Продолженіе).

VIII.

Шумъ колесъ и конскій топотъ уже успѣли смолкнуть. Коверзневъ быстрымъ, гимнастическимъ шагомъ подвигался впередъ, внимательно, привычнымъ къ наблюденію природы взоромъ, оглядывая отъ времени до времени темнѣющую окрестность. Прямо противъ него, на западѣ, горѣло еще, сквози межъ лѣса, багряное полныя заката, но все остальное небо уже заволакивалъ мракъ и ненастье. Все ниже и ниже опускались тучи, вершины деревъ уже исчезли въ клубахъ сѣраго тумана и, охваченные внезапно его влажнымъ холодомъ, испуганно слетали съ нихъ вороны и съ злобѣщимъ карканьемъ рѣяли растерянно въ воздухѣ... Глухой, но уже грозный, грохотъ неся изъ какой то близкой дали; звѣръ не ревѣлъ еще,—онъ сдержанно рычалъ и готовился...

„Собирается не на шутку, кажись“, говорилъ себѣ Валентинъ Алексѣвичъ;—„сухимъ до Крусанова не дойти видно никакъ“... Ему вспомнились Америка, Техасъ, страшная гроза выдержанная имъ на берегахъ Рио-Браво. Его тогда спасъ спутникъ его, мексиканецъ, отъ вѣрной смерти, оттащивъ своевременно изъ-подъ вѣтвей обрушившагося подъ ударами грома платана, вблизи котораго стояли они...

— Don't be frightened, Jim! *) ласково промолвилъ

*) Не бойся, Джимъ,

онъ, останавливаясь на мигъ и наклоняясь къ своей собакѣ, въ какомъ-то странномъ испугѣ жавшейся все время на ходу къ его колѣнѣ;—мы съ тобой здѣсь не подъ тропиками...

Онъ успѣлъ уже пройти остальную версту той прямой линіи просѣки, которая, какъ сообщено ему было капитаномъ, постепеннымъ наклономъ спускалась до берега *Вьдъмина Лога*, круто сворачивала затѣмъ вправо, и вдоль того же берега шла на соединеніе съ большою дорогою, уже хорошо знакомою Валентину Алексѣвичу. Онъ повернулъ по ней, какъ было указано, едва уже различая дорогу предъ собою. Лѣсъ въ этомъ мѣстѣ замѣтно рѣдѣлъ и понижался. Близость болота, мимо котораго шелъ путь Коверзнева, давала себя чувствовать умягченіемъ почвы, въ которую ноги его уходили индѣ какъ въ какое-то тѣсто.

Въ памяти его пронеслись давнишніе, слышанные имъ въ дѣтствѣ разсказы объ этомъ болотѣ. Это было, дѣйствительно, скверное мѣсто, недаромъ носившее прозвище, данное ему суевѣрнымъ страхомъ окрестнаго народа. Вѣчно цвѣтущее на поверхности какою-то коварно-изумрудною зеленью, оно не выпускало живымъ никого, имѣвшаго несчастіе попасть въ его засасывающую бездну. Тянулось оно версты на три въ окружности. Противоположный берегъ подымался надъ нимъ довольно высокимъ крутымъ скатомъ, и съ этаго ската однажды, на памяти Валентина Алексѣвича, сорвался

высоко наложенный возъ сѣна и весь, съ лошады и парубкомъ-возчикомъ, сидѣвшимъ на немъ, ухнулъ и навѣки исчезъ въ этой зеленой хляби... Онъ помнилъ еще блѣдное лицо, съ какимъ воспитатель его, Фоксъ, вернувшись съ верховой протулки, рассказывалъ ему какъ, проѣзжая мимо *Видьмина Лога*, скакунъ его увязъ внезапно задними ногами въ трясинѣ и онъ едва успѣлъ вытащить его оттуда, и какъ, „въ ту минуту когда онъ почувствовалъ, что крупъ „Блекбуля исчезаетъ подъ нимъ, и самъ онъ валится назадъ и вотъ сейчасъ, сейчасъ туда опрокинется вмѣстѣ съ лошады, онъ испыталъ такой смертный страхъ („anguish of death“), какой, думалъ онъ до сихъ поръ въ своей гордости, онъ неспособенъ былъ когда либо испытывать“... Старья деревенскія бабуся пугали внучатъ своихъ „*Мавками*“, увлекающими въ осеннюю ночь путниковъ въ это свое бездонное логовище...

Но мысль Коверзнева не хотѣла, да и не способна была останавливаться долго на этихъ представленихъ. Не то видалъ онъ въ своей, богатой всякими приключеними, жизни... Онъ шелъ все такъ же бодро впередъ, среди обнимавшей его теперь уже со всѣхъ сторонъ темноты, держа обѣими руками передъ собою ружье на перевѣсь, оберегая такимъ образомъ плечи свои и локти отъ толчка о какое нибудь препятствіе... Онъ не жалѣлъ что не далъ увезти себя отъ непогоды „этой дѣвицы“. Во первыхъ, онъ издавна любилъ всякія необычныя ощущенія и „такъ называемыя опасности“, какъ привыкъ онъ презрительно выражаться. А затѣмъ... „Какими смѣшными словами, думалъ онъ, обзавелись они теперь бѣдныя: „аффектъ“, „регрессъ“, „Олостъ Контъ“, „Лассаль“!.. И пресерьезно какъ, точно орѣхи щелкаютъ...

Смѣхъ вызванный въ немъ этимъ нежданно пришедшимъ ему въ голову сравненіемъ, готовъ былъ сорваться съ его устъ... и замеръ. Трескучій, оглушившій на нѣсколько мгновеній Коверзнева, громовой ударъ грянулъ, показалось ему, въ трехъ шагахъ отъ него. Онъ отскочилъ невольно, невольно сжимая вѣки, опаленныя жгучимъ пламенемъ разразившейся молніи; острый, нестерпимый запахъ сѣры охватилъ его обоняніе, проникалъ въ его горло: крупныя дождевыя капли зашлепали по его шляпѣ, по его спинѣ...

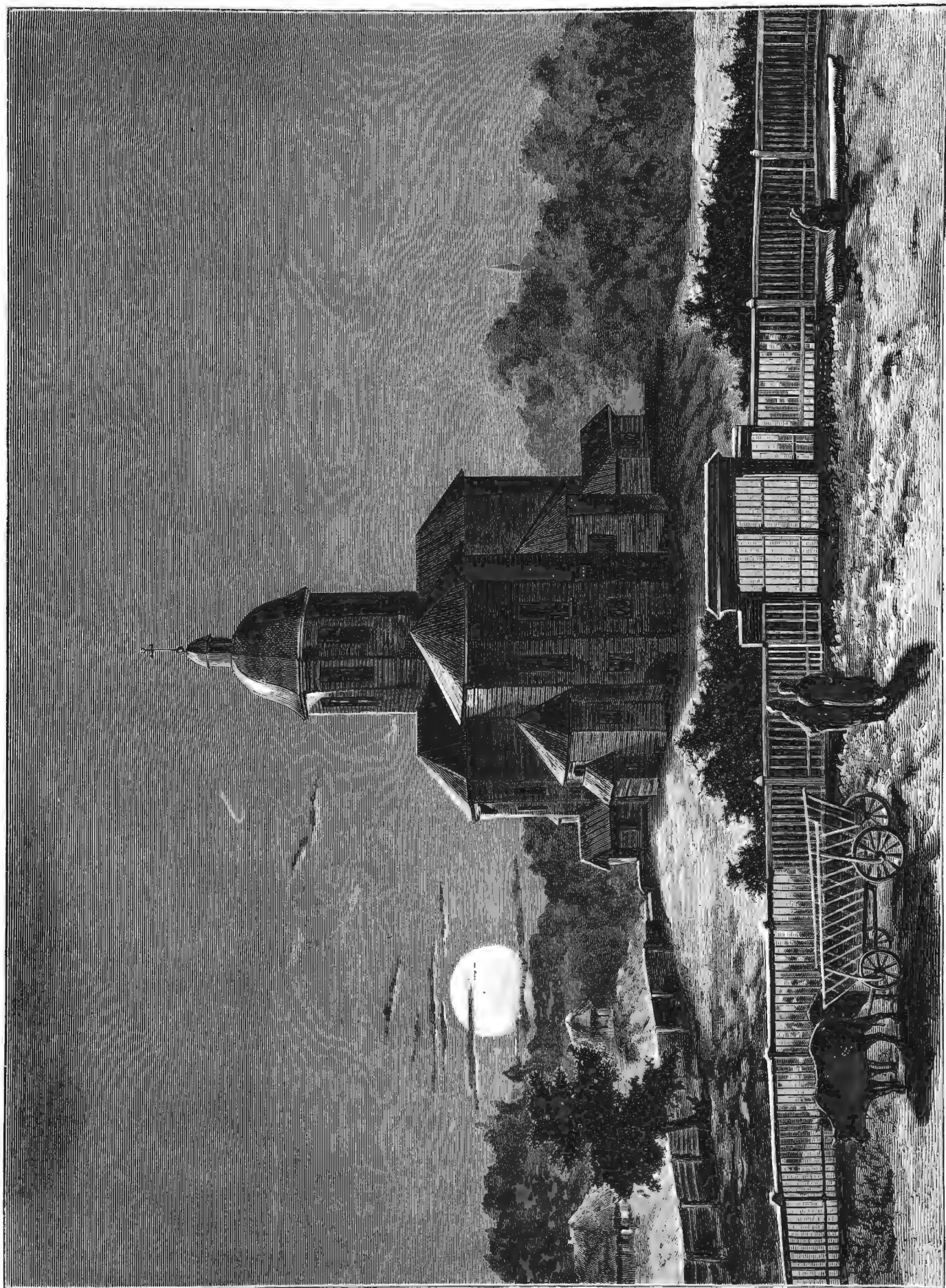
И словно только и ждали они этаго сигнала,—завыли, загудѣли, застонали кругомъ чудовищные голоса бури. Лѣсъ дрогнулъ весь и заскрипѣлъ подъ раздирающимъ стономъ налетѣвшаго на него, наклонившаго, словившаго его разомъ, вихря. Трескъ лома и шлепъ о земь обрушенныхъ деревьевъ, удары грозы слѣдовавшіе теперь одинъ за другимъ съ ужасающею быстротою; гулъ дождя падавшаго съ небесъ уже не каплями, а непрерывною, сплошною пеленой, производили какое-то одуряющее, фантастическое впечатлѣніе. Словно какой-то стихійный духъ, неистово мятежный несся на гибель и разрушеніе всего Божьяго міра. Едва ли что либо подобное дано было видѣть Коверзневу и подъ тропиками“. Но ему некогда было уже сравнивать, вспоминать, онъ и не въ шутку былъ озабоченъ положеніемъ, въ которомъ находился. Блескъ молній слѣпилъ ему глаза, не давая ни времени, ни возможности разсмотрѣть окружающіе предметы, сообразиться, найти исходъ... Итти прежнимъ путемъ, прямо, представляло уже величайшую трудность: вѣтеръ сбивалъ его съ ногъ и, сверхъ того, онъ съ каждымъ лишнимъ шагомъ чувствовалъ, какъ все болѣе и болѣе размякала подъ нимъ почва, какъ ступни его уходили все глубже въ нее,—до того, что съ большимъ трудомъ онъ могъ вытаскивать уже ихъ оттуда. Онъ попробовалъ повернуть назадъ, но это оказалось еще менѣе возможнымъ: цѣлые потоки неслись ему на встрѣчу, заливали его ноги, подширали подъ его коленъ. Онъ уже былъ мокръ съ головы до ногъ, мокръ до костей, пронизывающіе холодные брызги дождя хлеста-

ли его по лицу, текли за шею, рѣзали ему вѣки... А вода между тѣмъ подымалась все выше и выше; вся масса непрерывнаго ливня стекалась, стремилась сюда, по наклону, въ это нижайшее мѣсто лѣсной окраины. Коверзневъ ощущалъ ея постепенный, растущій съ каждымъ мгновеніемъ, подступъ,—она уже доходила ему до пояса. „Унесетъ въ болото“, пронеслось у него въ головѣ...

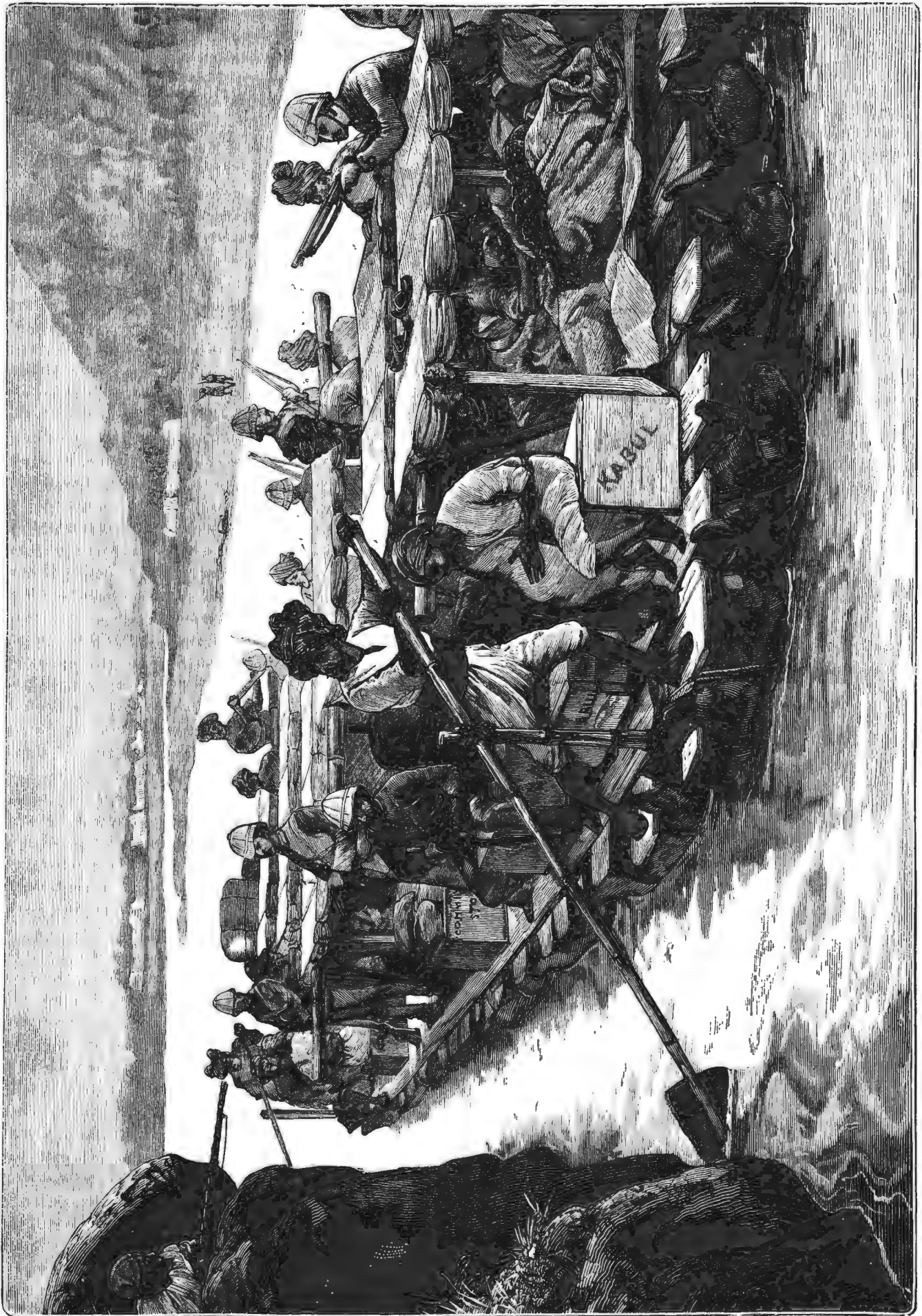
Мгновенный блескъ ударившей еще разъ молніи далъ ему увидѣть, что онъ стоитъ среди уже цѣлаго, безбрежнаго озера, изъ глубины котораго надвигались стволы кое-какихъ жидкихъ вербъ и ветель. Съ тревогою сказалъ онъ себѣ, что онъ уже не былъ въ состояніи вспомнить направление исчезнувшей дороги, не могъ разобрать съ какой стороны и куда шелъ онъ по ней четверть часа тому назадъ... „Глупо однако и неслышанно погибать отъ какого-нибудь лѣтняго дождя!“ проронилъ онъ тутъ же презрительно и злобно,—защипиться надо за какое-нибудь дерево и терпѣливо дожидаться конца грозы, а тамъ засвѣтлѣетъ на небѣ“... Но въ непроясненной теми окружавшей его, при вихрѣ и дождѣ, бившемъ ему въ лицо, отыскать это спасительное дерево было не легко; а при этомъ онъ начиналъ коченѣть отъ сырости и холода... „Jim, where you?“ *) вспомнилъ онъ свою собаку. Слабый визгъ, показалось Валентину Алексѣевичу, отвѣтилъ ему будто съ недалекаго отъ него разстоянія. „Бѣдняжка отыскалъ тутъ чутьемъ какой нибудь взлобокъ, на немъ и спасается“, подумалъ онъ,—и направился, расплескивая передъ собою воду руками, на этотъ визгъ... Но онъ вдругъ почувствовалъ, что земля будто оборвалась подъ его ногами... Онъ попалъ въ самый напоръ воды,—его сбило, подхватило и понесло.

Куда? Онъ не могъ этого ни понять, не предчувствовать. Какой-то гадливый ужасъ обнималъ его при одной мысли... Но онъ боролся, плылъ во мракѣ, въ незримой, но ощущаемой имъ кипѣни бурлившихъ волнъ, широко раскидывая руки, въ чаяніи ухватиться за вѣтку какаго нибудь дерева, мимо котораго могло пронести его... Такая вѣтка, дѣйствительно, попала въ пальцы. Онъ судорожно ухватился за нее, чувствуя при этомъ, что тѣло его, увлекаемое потокомъ, описываетъ около нея широкій полукругъ и измѣряя этимъ въ мысли стремительную силу усновившаго его теченія. Онъ невольно рвануло, подтягиваясь къ нему, этотъ желанный якорь спасенія... Въ пальцахъ его остались содранные его ногтями клейкія, узкія листья обломившейся, хрупкой вербины,—и описавъ новый полукругъ, онъ понесся дальше, гонимый потокомъ и вѣтромъ... И въ это же время, на крылахъ того же вѣтра, среди бѣшеныхъ звуковъ непогоды, явственно донесся до него голосъ, донеслось его имя: „Валентинъ Алексѣичъ!“... „Это капитанъ... Это спасеніе, можетъ быть“, мелькнуло въ головѣ его. Онъ попробовалъ крикнуть въ отвѣтъ, заработалъ сильнѣе руками... Но плыть становилось ему теперь все труднѣе; теченіе, онъ чувствовалъ, теряло все болѣе и болѣе свою стремительность,—ноги его уже задѣвали почву, какая-то растительная склизъ понадалась ему то и дѣло подъ руки... „Неужели“... „Aguish of death“ вспомнились внезапно слова его воспитателя,—а съ ними вся жизнь его, мать, лицей, пароходъ увозившій его въ Америку, берега Миссисипи, сверкающіе глаза любимой имъ когда-то женщины, и развалины въ Банаресѣ, и старый другъ, англичанинъ, отъ котораго получилъ вчера письмо, и сейчасъ, полчаса тому назадъ, эта встрѣченая имъ „Пина Афанасьевна“, говорившая объ „аффектѣ“ и Лассаль... „Неужели“... повторилъ онъ замирая. Какіе-то зеленые огни замелькали въ его зрачкахъ... „Что же это“... Подъ нимъ была уже не вода, а какая-то жижа—и

*) Джимъ, гдѣ ты?

Черновъ Богдана Хмельницкаго въ г. Переяславѣ (Полт. губ.). Ориг. рис. П. Гнѣдича, грав. М. Рапеевскій.

Возвращение Англичанъ изъ Афганистана. Перевозка раненыхъ на бурдючномъ плоту (воздушн. кожан. мѣшки) по рѣкѣ Кабулу изъ Джеллабада въ Индію.
 По наброску Робертсона, фотогр. Дайгера, грав. М. Рашевскій.

онъ уходилъ въ нее. Онъ вскинулся послѣднимъ порывомъ, бессознательно стараясь встать на ноги,—но встать уже было не на что! Онъ исчезалъ въ бездонной хляби *Вьдминистра Лога*...

IX.

Софронъ Артемичъ Барабашъ чуть не взвизнулъ, когда, часу въ восьмомъ утра, раскрывъ глаза на скрипя широко распахнувшейся двери его спальни, увидѣлъ предъ собою капитана Переслѣгина, одинъ видъ котораго говорилъ о какомъ-то невозможномъ, неслыханномъ несчастіи. Онъ стоялъ передъ управляющимъ въ порванной, мокрой, покрытой какимъ-то зеленымъ иломъ одеждѣ, съ исковерканнымъ лицомъ и раскрытыми, шевелящимися губами, изъ которыхъ вмѣстѣ съ тѣмъ не исходило ни одинаго звука.

— Что такое, что случилось, Иванъ Николаичъ? забормоталъ Барабашъ, заранѣе трясая лихорадкою ужаса.

— Ва... Валентинъ А...лексѣ... началъ, и не могъ договорить тотъ.

— Баринъ! крикнулъ управляющій, вскакивая, какъ былъ въ рубахѣ, съ постели,—Господи! Гдѣ онъ?..

— Не... не знаю... Не нашли...

— Какъ не нашли? Что вы говорите, Иванъ Николаичъ?.. Мать Пресвятая Богородица, да и сами то вы мало съ ногъ не валитесь... Воды попейте, батюшка... или вотъ, погодите, для крѣпости... пользительно будетъ...

Онъ кинулся о босу ногу къ сосѣднему шкапу, досталъ изъ него бутылку мадеры, и дрожащими, еле попадавшими горлышкомъ въ стаканъ руками, налилъ и поднесъ стаканъ капитану.

Тотъ, не глядя, взялъ и выпилъ залпомъ. Глаза его мгновенно блеснули.

— И не можетъ этаго быть! воскликнулъ онъ неожиданно, отвѣчая мысленно чему-то, остававшемуся все таки невѣдомымъ Софрону Артемьевичу; на село за народомъ скорѣе послать надо, кликальщикова собрать, мальчишекъ, чтобы всѣ мѣста, какъ есть, изойти... Можетъ онъ уйти успѣлъ, пробродилъ въ чащѣ, истомился, да и въ сонъ впалъ... гдѣ-нибудь подъ кустомъ лежитъ... Только вотъ эта шляпа ихняя, шляпа! вырвалось новымъ, полнымъ отчаянія взрывомъ изъ груди капитана...

— Вы это про нихъ, про Валентина Алексѣевича? спрашивалъ въ тоскѣ и страхѣ Барабашъ, глядя ему въ лицо,—да не томите, Христомъ да Богомъ прошу васъ, Иванъ Николаичъ, что съ ними случилось?

Капитанъ передалъ о встрѣчѣ своей съ Валентиномъ Алексѣевичемъ въ Хомяковской межѣ, о томъ какъ онъ просилъ его, въ виду находившей грозовой тучи, не идти въ Крусаново, гдѣ по новопроведенной линіи дорога идетъ низкими мѣстами, самымъ берегомъ *Вьдминистра Лога*, какъ онъ не послушалъ, не велѣлъ ему приѣзжать съ экипажемъ... О предложеніи, сдѣланномъ Коверзеву Пинною Афанасьевной довести его обратно въ Хомяки капитанъ не упоминалъ: у него коломъ въ головѣ стояло, что „если съ Валентиномъ Алексѣевичемъ не дай Богъ, чтонибудь случилось“ (онъ все еще никакъ не хотѣлъ допустить это какъ положительный фактъ), то это потому, что „она сказала ему то обидное слово, послѣ котораго онъ ни за что ужъ не могъ согласиться ѣхать съ нею вмѣстѣ въ Хомяки“...

— А тутъ самая эта гроза и пошла? подгонялъ его Барабашъ, блѣднѣя и начиная догадываться:—свѣтопреставленіе просто; то-ись такой *манипуляціи* отродясь, могу сказать и не помню! До утра спать не могъ, маляся, думаю: всѣ крыши у насъ сорветъ!..

— Адъ, адъ сущій! глухимъ голосомъ подтвердилъ Переслѣгинъ.—Какъ увидалъ я это, продолжалъ онъ,—сейчасъ оставивъ Пинну Афанасьевну въ Хомякахъ, по-

гналъ обратно Валентину Алексѣевичу во слѣдъ по Крусановской просѣкѣ, хоть и запретили они мнѣ! Фонарь даже съ собою взялъ,—только его сразу тутъ загасило и залило, и самъ не знаю, какъ самага то меня съ лошадей не унесло. Потому—море! Реветь, вертеть, а темень глазъ выколи, страсти! Ничего не подѣлаешь, вижу. Сталъ я кричать что горла хватало: думаю, гдѣ-нибудь тутъ по близости стоитъ онъ у дерева, въ сохрани, хоть и вымочило, должно быть всего... Нѣтъ, не слышать голоса!.. Бился я такъ вилоть до зари до самой. Тутъ и утихать стало, прояснивать... Гляжу, повѣрите-ли, мѣстовъ не узнаю, вода кругомъ, озеро озеромъ...

— А *илъ* нѣту? прошепталъ еле слышно Софронъ Артемичъ.

Капитанъ продолжалъ, не отвѣчая на вопросъ:

— Подумалъ я себѣ, вспомнивъ какъ они быстро ходятъ всегда: можетъ, пока я туда и назадъ изъ Хомяковъ гналъ, можетъ, онъ успѣлъ до старой дороги на Крусаново пройти; а тамъ мѣсто ужъ высокое, не опасное. Туда—моль ѣхать надо... Насилу дотащился, крюку верстъ десять даль,—потому всѣ дороги размыло такъ, что...

Онъ не договорилъ, и только тяжело перевелъ дыханіе.

— Въ Крусаново?.. И тамъ нѣтъ? спросилъ тѣмъ же шопотомъ и дрожа всѣмъ тѣломъ, Барабашъ.

Капитанъ качнулъ отрицательно головой, и отвернулся...

— А что шляпа?.. вы про шляпу ихнюю говорили?..

— Шляпа? Да,—голосъ его обрывался,—это мы съ крусановскимъ лѣсникомъ...

— Нашли... Шляпу?..

— Видѣли.

— Гдѣ?

— Плыветъ... Надъ *Вьдминнымъ Логомъ*, едва былъ въ силахъ проговорить Переслѣгинъ.

Софронъ Артемичъ всплеснулъ руками и въ совершенномъ безсиліи сѣлъ на свою постель.

— Да, можетъ, и не ихняя... почему знать? пробормоталъ онъ черезъ мигъ, сознавая самъ, что спрашиваетъ вздоръ.

— Клеенчатая, самая та, въ которой повстрѣчался онъ намъ съ Пинной Афанасьевной, проронилъ капитанъ, продолжая не глядѣть на него.

— Съ ними собака была, *Джимка* ихняя? вспомнилъ вдругъ Барабашъ.

— Была.

— И... и той нѣтъ?

— Нѣтъ...

Барабашъ помолчалъ, поднялъ на него совсѣмъ потерянный взглядъ, развелъ отчаяннымъ движеніемъ руки.

— Иванъ Николаичъ, прерывающимся голосомъ проговорилъ онъ,—значитъ...

— Значитъ, перебилъ его какимъ-то дивнымъ голосомъ тотъ, встрепенувшись вдругъ и кидаясь къ двери,—значитъ на село надо за народомъ... искать... найти его надо... благ... благодѣтеля нашего!..

Софронъ Артемичъ, полуодѣтый, выскочилъ за нимъ черезъ мигъ.

День былъ воскресный. Все населеніе Темнаго Кута было дома, и по зову управляющаго, человѣкъ полтора народа отправилось подъ предводительствомъ его и капитана на поиски.

Проискали до самага вечера, обойдя при этомъ верстъ двадцать въ окружности. Ни Валентина Алексѣевича, ни его собаки, ниже какихъ либо оставленныхъ ими слѣдовъ не нашли: масса натекшей и повсюду еще стоявшей воды все смыла, уравнила и унесла. Зловѣщая тинистая зелень *Вьдминистра Лога* исчезла подъ свѣтлыми,

весело рябившими подъ лучами солнца, струями широко разливагося озера. Къ берегу этаго озера, противоположному тому, мимо котораго шель накануне Коверзневъ, подогнало теперь вѣтромъ его шляпу—затѣйливое англійское improvement для охотниковъ изъ легкой гуттаперчевой ткани. Ее вытащили жердью, съ значительнаго разстоянїя, такъ какъ никто не рѣшался теперь подойти къ самой водѣ, хотя всякому видимо было что разлилась она далеко за предѣлы болота и что опасности быть затянутымъ у этаго берега не представлялось никакой... При этомъ крусановскїй лѣсникъ шопотомъ передавалъ окружающимъ, что „когда они утресъ съ ихъ благородїемъ, съ Иванъ Николаичемъ, первой увидали эту самую шляпу, плыла она по самой, то ись, по середкѣ Лога, какъ понять надо, и такъ ее, почитай, какъ въ люлечкѣ, тихохонько качаетъ... А они (т. е. капитанъ), какъ взвидѣли ее, такъ ровно очумѣлые сдѣлалися, голосомъ голосають, да и сразу въ воду вздумали, достать ее, значить. И насилу я ихъ удержалъ жотому, говорю, можетъ шляпу вѣтромъ снесло съ бариновой головы и попала она сюда, а сами они, Богъ дастъ, невредимы инно гдѣ найдутся, а что тутъ къ ней не выплыть ни за что, и безпремѣнно засосетъ, потому по надъ нимъ, (то есть надъ болотомъ) на четверть воды не больше, а подъ ней самое это хлябище и есть... А они, Иванъ-то Николаичъ, обернулись, глядятъ на меня, глаза-то большущїе такїе у нихъ стали, ажно перепужали... Одначе послушались меня, изъ воды вылѣзли, своего казака у меня оставили, а на мою лошадь сѣли, „искать, говорятъ, надо“, — и поѣхали себѣ“...

Понуро и безмолвно возвращались при закатѣ солнца Софронъ Артемьичъ и капитанъ. Шедшіе за нимъ крестьяне, кормившіеся въ теченїе дня кое-какими краюхами хлѣба, захваченными ими уходя изъ дома, сильно проголодались и предвидливый управляющій распорядился заранѣе, чтобы на половинѣ пути ихъ въ Темный Куть, на полянѣ въ Хомякахъ, передъ избою лѣсника, изготовленъ былъ для всѣхъ ужинъ, или вѣрнѣе, позднїй обѣдъ. Дойдя до мѣста, разсѣлись передъ наскоро сколоченными столами и приступили къ трапезѣ. Сафронъ Атемьичъ всѣхъ благодарилъ, угощалъ и собственноручно поилъ виномъ; онъ какъ бы весь, намѣренно, ушелъ въ эту заботу, чтобы не думать о томъ, что собрало здѣсь этотъ народъ, на какую помощь приглашалъ онъ самъ его утромъ.

Капитанъ съ дрожавшими отъ усталы членами, опустился на земь, едва пришли, и ото всякой фды отказался. Онъ былъ страшно блѣденъ и словно на половину худѣе сталъ въ теченїи этихъ сутокъ.

Барабашъ, обходившїй кругомъ столовъ съ баклагою вина и чаркою, дошелъ до него, и остановился:

— Иванъ Николаичъ, молвилъ онъ, и голосъ его дрогнулъ при этомъ,—очень вы натрудили себя и, можно сказать, всякаго форсу лишились... Хотя вы теперича не употребляете, однако я полагаю...

Капитанъ поднялъ голову, глянулъ ему въ упоръ въ лице и, не давъ ему договорить, протянулъ руку къ чаркѣ:

— Давайте! коротко проговорилъ онъ.

Тотъ налилъ. Переслѣгинъ выпилъ ее залпомъ.

— Еще! проговорилъ онъ.

— Иванъ Николаичъ, заговорилъ Барабашъ, подавъ ему вторую чарку, которую капитанъ влилъ себѣ такъ же поспѣшно въ горло,—какъ бы намъ въ отвѣтъ не быть... потому сами знаете, на счетъ этаго по администраціи строго... дисциплина...

Переслѣгинъ уставился на него еще разъ мутными глазами.

— Становому надо дать знать и слѣдователю, понижая внезапно голосъ и какъ бы даваясь, пробормоталъ Софронъ Артемьичъ,—актъ формальный требуется...

Судорога исказила на мигъ все лицо капитана. Онъ не сказалъ ни слова, поднялся съ мѣста, и невѣрнымъ шагомъ направился къ избѣ лѣсника.

— Куда это вы, Иванъ Николаичъ? недоумѣвая воскликнулъ управляющій.

— Спать хочу! отрѣзалъ онъ, не оборачиваясь и подымаясь на крылечко избы.

X.

Мѣстопребыванїе становаго отстояло отъ Темнаго Кута всего на 15 верстъ, но конторщикъ, посланный туда въ ту же ночь Софрономъ Артемьичемъ, вернулся утромъ съ извѣстїемъ что Евгенийъ Игнатъичъ господинъ Потужинскїй, вмѣстѣ съ господиномъ судебнымъ слѣдователемъ уѣхали въ уѣздъ. Посланный ихъ не дождался а передавъ письмо слугѣ вернулся обратно.

Душевная тоска, овладѣвшая Софрономъ Артемьичемъ, только удвоилась отъ этой вѣсти. Ему надо было какое-нибудь внѣшнее занятїе, буета, нужны были чужїя лица, чтобы оторваться отъ нея и забыться хоть на время. Когда онъ оставался одинъ, у него спирало горло и тѣснило грудь „какъ клещами“, такъ какъ къ весьма искреннему сожалѣнїю о „душѣ-баринѣ“, какимъ зналъ онъ Коверзневъ съ самыхъ юныхъ лѣтъ, примѣшивалъ и самое серьезное безпокойство о собственной своей судьбѣ, о томъ кому изъ наслѣдниковъ Валентина Алексѣевича достанется Темный Куть и дастъ-ли ему, Барабашу, этотъ невѣдомый наслѣдникъ дожить свой вѣкъ на насиженномъ и дорогомъ ему мѣстѣ...

— А не знаете, вернулся Иванъ Николаичъ изъ Хомяковъ, Спиридонъ Иванычъ? спросилъ онъ конторщика.

— Нѣту-съ. Я сейчасъ мимо ихъ комнатъ проходилъ: на замкѣ.

— Такъ пойдемъ въ контору. Мѣсячный отчетъ это перво наперво чтобы былъ на готовѣ, а, окромя того, полугодовой балансъ безпремѣнно вывести надо, потому теперича, сами знаете, у насъ метаморфозъ, опеку назначать, наслѣдство въ дѣлежъ пойдетъ...

Спиридонъ Иванычъ только вздрогнулъ.

Былъ уже часъ двѣнадцатый. Контора занимала особый флигелекъ на дворѣ усадьбы, и въ ней, у раскрытаго настежь окна сидѣли теперь другъ противъ друга за покрытымъ клеенкою столомъ Софронъ Артемьичъ и его помощникъ, перекидывая какъ бы въ перегонку косяжками счетовъ, лежавшихъ у каждого изъ нихъ по правой рукѣ. Они были такъ поглощены своимъ дѣломъ, что въ первую минуту не обратили вниманїя на разговоръ, долетавшїй къ нимъ со двора:

— Чтой-то вы, помилуйте, чего мнѣ врать? Говорю, нѣту, вышли, пицалъ женскїй голосъ.

— Куда?: Спрашиваю тебя, куда ушелъ? говорилъ кто-то другой, какъ бы путаясь языкомъ.

— Въ контору, такъ... такъ и скажи... баба! И пойду... все одно... контора!..

Барабашъ первый поднялъ голову:

— Да это никакъ Иванъ Николаичъ? спросилъ онъ съ нѣкоторымъ недоумѣнїемъ.

Конторщикъ поспѣшно вывѣсилъ съ мѣста голову за окно...

— Они-съ... съ вашей Лукерьей, сказалъ онъ, какъ бы стыдливо помолчавъ передъ тѣмъ, и присаживаясь снова къ столу.

Софронъ Артемьичъ внимательно глянулъ ему въ лицо.

Спиридонъ Иванычъ слабо усмѣхнулся и опустилъ глаза.

Въ передней вслѣдъ за тѣмъ раздались тяжелые шаги. Дверь широко распахнулась и въ комнату вошелъ капитанъ.

Онъ остановился, оглянулъ сидѣвшихъ своими круглыми, замѣтно осовѣлыми глазами, и чуть чуть шатаясь,

подошелъ къ столу, кивнулъ Барабашу,—и тутъ же опустился на ближайшій стулъ.

— Видѣли? Хорошъ? неожиданно захохоталъ онъ;— актъ составьте, формальный... актъ...

Онъ уронилъ голову на грудь и тяжело вздохнулъ.

Барабашъ съ конторщикомъ испуганно переглянулись еще разъ.

— Воды, позвольте... воды испить, сказалъ черезъ мигъ Переслѣгинъ, протягивая руку къ графину, стоявшему на столѣ.

Конторщикъ, отличавшійся крайнею услужливостію права, успѣшилъ налить ему воды въ стаканъ.

Онъ жадно выпилъ, обтеръ губы, а съ ними и все влажное отъ жары лицо своею большою красною рукой, и передохнулъ еще разъ.

— Софронъ Артемьичъ, началъ онъ уже довольно твердымъ голосомъ,—кому мнѣ должность сдать прикажете?

Тотъ такъ и всплеснулъ руками:

— Да что это вы вздумали, Иванъ Николаичъ, Богъ съ вами!..

— Спрашиваю: кому сдать? перебилъ его капитанъ, ударивъ кулакомъ по столу,—потому... сами видите...

Барабашъ замахалъ руками:

— И не вижу, и видѣть не хочу, и съ вашей стороны, можно сказать, *иллюзія* одна и воображеніе чувствъ. Можетъ всю ночь опять не спали и *организацию* свою разстроили...

— Пустое вы говорите! перебилъ его еще разъ капитанъ, и закачалъ головою;— на тѣхъ условіяхъ шель, изъ мозговъ не вышибешь! И онъ треснулъ себя при этомъ по лбу ладонью.

— Про какія это вы условія говорите, въ толкъ не возьмешь, спросилъ, недоумѣвая, управляющій.

— Не знаете?.. А когда я у васъ за пять рублей лѣсникомъ простымъ служилъ... въ посконной рубахѣ ходилъ... въ грязи свиньи свиньею лежалъ,—не помните?.. И тогда онъ... благодѣтель нашъ, судорожно выговорилъ и оборвалъ на мгновеніе капитанъ,—онъ меня... Можете-ли, спросилъ, общаться мнѣ на счетъ вашей слабости?.. Нѣтъ, говорю, стараться буду, а навѣрное общаться не смѣю, потому ужъ разъ...

Онъ закинулъ нежданно обѣ руки за затылокъ и крѣпко сжалъ ими свою коротко остриженную голову:

— А онъ... онъ мнѣ на честь повѣрилъ... Назначая, говорить васъ, безо всякаго вашего общанія, потому увѣренъ что сами вы откажетесь, когда почувствуете, „что опять впали“... Ну, вотъ я и... и впалъ...

Онъ всталъ на ноги.

— Такъ вы ужъ пожалуста, Софронъ Артемьичъ, избавьте!.. Мой совѣтъ вамъ хомяковского, Лавра Фадѣева главнымъ поставить; знаю его съ Севастополя, на 4 батальонѣ вмѣстѣ служили, — твердый старикъ, сообразительный...

— Да помилуйте, Иванъ Николаичъ, чуть не плакалъ говоря Барабашъ,—въ подобную-ли минуту толковать объ этомъ, когда у насъ такой *камуфлетъ* вышелъ и, можно сказать, общій ударъ!.. И всѣ мы не знаемъ теперича что изъ насъ будетъ, и самая наша *резиденція* какому господину попадетъ,—такъ что-жъ намъ заранѣе?.. Можетъ, Богъ дастъ, и опять будетъ настоящій баронъ, съ развитіемъ...

Капитанъ покачнулся на ногахъ. Разсѣявшійся у него дурманъ начиналъ, видимо, опять туманить его голову:

— Ну, вы и цѣлуйтесь съ нимъ!.. А я ужъ не слуга.. никому!.. Потому все прахомъ! Поняли вы: прахомъ все... Значить, не надо молъ... не надо тебѣ ничего...

Голосъ его порвался внезапно; онъ махнулъ отчаянно рукою и направился къ двери.

Барабашъ кинулся за нимъ:

— Вы куда-же это, къ себѣ теперича, Иванъ Николаичъ? Становой долженъ быть, *юстиція*, такъ отъ васъ отъ перваго показанія потребуется...

— Актъ, формальный актъ! захохоталъ на это опять, совсѣмъ уже пьяно, Переслѣгинъ,—а онъ.. Гдѣ онъ? отчаянно вскрикнулъ онъ вдругъ, оборачиваясь на управляющаго.

Тотъ невольно отступилъ на шагъ. Капитанъ вышелъ изъ конторы и зашагалъ по двору въ сторону конюшни, гдѣ привязана была у него къ кольцу лошадь.

— Самаго этаго Лавра Хомяковского соврасей, сказалъ конторщикъ Спиридонъ Иванычъ, слѣдя за нимъ изъ окна,—туда стало быть, опять поѣдетъ.

— Проспится тамъ до вечера, одумается, досадливо проговорилъ Софронъ Артемьичъ, садясь снова за свои счеты. И какъ бы „одумавшись“ самъ:

— Съ чувствіемъ чловѣкъ! промолвилъ онъ и глубоко вздохнулъ.

— Это точно вы говорите, одобрилъ Спиридонъ Иванычъ, проводя по линейкѣ черту подъ колонной прописанныхъ имъ цифръ,—ибо, Царство имъ Небесное, Валентинъ Алексѣичъ настоящій благотворитель были, прямо такъ сказать надо.

— Изъ послѣднихъ уже вельможъ господинъ былъ, всякаго малаго чловѣка понимать могъ! добавилъ къ этому Барабашъ, и вытащилъ платокъ—отереть выступившіе на глаза его слезы.

(Окончаніе въ слѣд. №).

НА ДЖОНКЪ.

(Изъ жизни пиратовъ Китайскаго моря).

Разказъ Фр. Герштенера.

(Окончаніе).

II.

Офицеръ однако опасался рѣшиться на это.

— Право не знаю, сказалъ онъ въ раздумьи.

— Вамъ нечего болѣе. Отсюда вы легко можете слѣдить за сигнальнымъ фонаремъ. Кромѣ того, я съ нетерпѣніемъ жду завтрашняго дня, чтобы разъяснилось недоразумѣніе, и уѣхать раньше полученія воды не могу. Надѣюсь, что вечеръ мы проведемъ не скучно.

Затѣмъ Мооръ ушелъ за кормчимъ, который нехотя оставилъ палубу, и выпилъ стаканъ вина только по приглашенію лейтенанта. Затѣмъ втроемъ они поднялись на верхъ и долгое время слушали разказы Моора о его подвижной и богатой приключеніями жизни.

Такъ шло время до 9 часовъ вечера. Вода все болѣе приликала къ берегу, вѣтеръ упалъ, и небо густо обложилось тучами. При такомъ состояніи моря, джонка не могла сняться съ якоря; на ней теперь все затихло. По временамъ только раздавались мѣрные шаги часоваго. Рей были сняты, около компаса огонь потухъ, руль крѣпко увязанъ и судно покоилось, точно спящая чайка на тихой, гладкой какъ зеркало, поверхности водъ.

Тѣмъ временемъ въ каютѣ былъ сервированъ ужинъ на четырехъ. Лейтенантъ хотѣлъ отказаться отъ приглашенія, ссылаясь на то, что у него есть съ собою провизія.

— Надѣюсь, что вы сдѣлаете мнѣ честь и позволите (хотя разъ угостить своихъ гостей, говоритъ Мооръ.

— Непрошенный гость, мистеръ Мооръ, вы знаете... засмѣялся офицеръ.

— Да, да, добродушно сказалъ Мооръ, дѣйствительно въ первую минуту вы были гость непрошенный и если бы это отъ меня зависѣло, конечно я бы васъ не принялъ—будь я проклятъ! А теперь другое дѣло, мы вѣжески обоюднo убѣдились, что вовсе не такъ злы какъ объ насъ говорятъ, и я не вижу почему отказываться отъ того, что наготовилъ нашъ китайскій поваръ.

— Ваше приглашеніе такъ любезно, что я не нахожу возможнымъ отъ него отказываться, а до отлива еще цѣлый часъ, и его мы не можемъ употребить лучше чѣмъ какъ вы указываете. Что вы думаете объ ужинѣ, мистеръ Пэтонъ?

— Вещь прекрасная, отозвался тотъ, расположенный уже въ пользу Моора, его прямымъ и добродушнымъ обращеніемъ.

И такъ сказалъ Мооръ, а распорядусь скорѣе подавать. Я

Перль гарема. Съ картины Г. Макарта, грав. Пааръ.
Библиотека "Руниверс"

ужасно что-то голоден и собираюсь хорошенечко поѣсть; жду этак и отъ васъ господа. А послѣ ужина предлагаю вамъ этотъ диванъ для отдыха, или если вамъ удобнѣе, то велю постлать на палубѣ—отъ тумана можно развѣсить сукно...

Предложение это развѣло смутныя подозрѣнія офицеровъ и Болардъ согласился провести остатокъ ночи на палубѣ.

— А теперь милости просимъ господа, только я на минуту попрошу извинить меня,—я пойду позабочусь о винѣ.

Осмотрѣвъ еще разъ палубу, англичане спустились въ каюту, а Мооръ остался на верху, гдѣ тотчасъ появился какой-то угрюмый малаецъ.

— Руда, долго ли осталось до отлива?

— Еще часъ гуанъ *) отвѣчалъ тихо малаецъ.

— Какова погода?

— Прекрасная, раньшее часъ будетъ достаточно вѣтра.

— А фонарь на мѣстѣ?

— Все въ порядкѣ. А когда нужно его оставить и отцѣпиться?

— Какъ откупорить первую бутылку шампанскаго.

— А если кто нибудь изъ нихъ выйдетъ и замѣтитъ что нибудь.

— Тогда пустишь въ дѣло руки... Шестеро будьте на готовѣ и стойте на ступеняхъ лѣстницы. Перваго, кто пойдетъ на верхъ, и которому я закричу: „еще стаканъ вина“ вы хватайте и вяжите. Поняли?

— Ай, ай! сказали малаецъ а глаза его дико сверкнули. А если замѣтитъ что нибудь на бригѣ, то не будутъ же стрѣлять въ лодку, гдѣ ихъ же офицеры. Ихъ лодки насъ не догонять, обь этомъ ужъ я позабочусь.

— Лишь бы они не услышали, какъ ты будешь разнимать цѣпь **) Оба молодца, бывшны такіе въ морскомъ дѣлѣ и непремѣнно насъ заподозрятъ, какъ почувствуютъ сотрясеніе.

— Будьте покойны сказали, малаецъ, жаль только якоря. Все же я навѣсилъ бочку.

— Прекрасно, теперь и уйду, чтобы ничего они не подозрѣвали. Мооръ спустился внизъ, захвативъ по дорогѣ бутылки вина.

Тутъ же было подано кушанье, которое всецѣло поглотило общее вниманіе. Разговоръ велся отрывисто. Мооръ пилъ усердно, и даже Бенъ-Али казалось тутъ забылъ завѣтъ Корана. Офицеры однако, зная свою отвѣтственность, были очень воздержны и при малѣйшемъ шумѣ, Болардъ поднимался на площадку и наблюдалъ за сигналами. Все было тихо по прежнему.

Бенъ-Али, подъ влияніемъ вина разговорился и почти одинъ велъ бесѣду. Онъ занималъ всѣхъ своими безчисленными и интересными для моряковъ разсказами, о разныхъ своихъ приключеніяхъ. Болѣе двадцати лѣтъ онъ провелъ на морѣ, зналъ всѣ берега и острова Китайскаго моря, былъ однажды ограбленъ пиратами, былъ въ плѣну у диванъ, служилъ переводчикомъ на голландскомъ кораблѣ, участвовалъ въ войнѣ противъ англичанъ, и наконецъ ему удалось сдѣлаться хозяиномъ дженки.

Завязался между прочимъ разговоръ о кораблѣ, погибшемъ однажды въ Китайскомъ морѣ, съ богатымъ грузомъ. Нѣсколько всего человекъ изъ экипажа успѣло спастись; по словамъ Боларда, онъ въ это крушеніе лишился своего отца.

— Вашъ отецъ погибъ въ то время, воскликнулъ Бенъ-Али, поднимаясь съ дивана, на которомъ онъ полулежалъ съ трубкой. Неужели и онъ былъ въ каютѣ среди этихъ несчастныхъ? они потонули въ ужасныхъ мученіяхъ—не могли выбраться изъ запертой каюты.

— Не знаю тамъ ли именно, но это печальная исторія, и нечего на ней долго останавливаться, сказалъ Болардъ. Кажется уже время переставить сигналъ, отливъ начался.

— Я уже отдалъ приказаніе, отвѣтилъ Мооръ, вставая со стула, сейчасъ я самъ посмотрю. Кстати, кажется наличныя деньги и драгоценности, затонувшія тогда съ кораблемъ, были вытасканы водолазомъ.

— Кажется да, отвѣтилъ Болардъ, были слухи, что человекъ этотъ сошелъ съ ума отъ ужаснаго зрѣлища, что представилось ему подъ водою.

— Этотъ человекъ передъ вами, сказалъ Бенъ-Али глухимъ голосомъ. Рука его съ трубкой опустилась, лобъ наморщился и онъ сталъ смотрѣть дико и неподвижно въ уголокъ каюты.

— Вы? вскричалъ удивленный Болардъ и отошелъ отъ лѣстницы, на которую хотѣлъ подняться.

— Да я, проговорилъ тотъ медленно. И теперь даже, какъ вспомню обь этомъ, отъ ужаса у меня кровь холодѣетъ.

— Разскажите пожалуйста, а сейчасъ вернусь, нужно посмотреть что тамъ дѣлается на палубѣ.

— А я, тоже пойду похлопочу, сказалъ Мооръ выходя за офицерами. Чтобы не было страшно, удобный случай! Давайте отцѣпимъ шампанскаго!

Выйдя на палубу офицеры увидѣли, что все въ порядкѣ; сигналы на мѣстѣ, цѣпь отъ якоря крѣпко натянута. Дежурный малаецъ растянулся на полу и глядывался въ темное небо.

— Удивительно тихая ночь, замѣтилъ Мооръ, возвращаясь съ бутылками шампанскаго къ офицерамъ, но къ утру пожалуй поднимется вѣтеръ. На то похоже.

— Быть можетъ и раньше, отвѣтилъ Болардъ, но дно здѣсь крѣпко, и пока держатъ якорныя цѣпи, опасаться нечего.

— Но пойдете однако въ каюту, вино не очень то холодно и лучше покончить съ нимъ скорѣе. Мнѣ очень тоже хочется послушать разсказъ старика.

Съ этими словами, не оглядываясь, Мооръ сбѣжалъ внизъ; за нимъ послѣдовали и офицеры. Бенъ-Али сидѣлъ въ прежнемъ положеніи; онъ совсѣмъ погрузился въ воспоминанія о прошломъ и какъ бы не замѣчалъ возвращенія собесѣдниковъ.

— И такъ Бенъ-Али, мы слушаемъ вашъ разсказъ, сказалъ Мооръ. На его голосъ, Бенъ-Али очнулся и сказалъ.

— Да, тотъ день остался мнѣ памятнымъ на всю жизнь. Разсказъ не длиненъ. Время сглаживаетъ все, и старь—слово мое не имѣетъ прежней живости и силы, а то у васъ отъ ужаса волосы зашевелились бы на головѣ.

— Чортъ возьми, замѣтилъ одинъ изъ офицеровъ, съ любопытствомъ глядывался въ блѣдное лицо мусульманна. Вы говорите такъ, словно вамъ являлось привидѣніе.

— Привидѣніе! вскричалъ дико Бенъ-Али, слушайте! Я только что вернулся тогда изъ Явы на маленькой шкутѣ съ однимъ изъ верюхъ. Дѣло наше было очень плохо, въ пути на насъ налетѣлъ тифонъ и намъ пришлось истратить не мало-таки денегъ, чтобы привести нашу шкуну въ порядокъ. Въ Кантонѣ я уцѣлѣлъ, что назначена большая награда кто достанетъ бумаги и деньги изъ каюты затонувшаго корабля. Въ молодости я такъ считался хорошимъ пловцомъ и водолазомъ; я могъ пробыть подъ водою долѣе многихъ товарищей и иногда на пари вытаскивалъ изъ воды разные предметы. Награда соблазнила меня. Корабль затонулъ сравнительно не глубоко, мнѣ захотѣлось попытать счастья...

Пока Бенъ-Али говорилъ, Мооръ всталъ съ мѣста и отошелъ въ уголокъ каюты, гдѣ былъ вѣкъмъ незамѣченный, компасъ. Мооръ убѣдился, что начался отливъ, откупорилъ бутылку и не прерывая разсказа Бенъ Али, налилъ вино въ стаканы.

— Англійскій ботъ, со всѣми водолазными вещами доставилъ меня къ мѣсту, продолжалъ Бенъ-Али. Надъ водою виднѣлся конецъ большой мачты. День былъ ясный и тихій и море таило спокойнѣе! Можно было даже различить подъ водой очертанія затонувшаго корабля. Я спускался въ колоколѣ. Къ каютѣ я долженъ былъ пробраться самъ. Мнѣ подробно описали расположеніе корабля, однако предпріятіе все же было опасно. Меня предупредили, что въ каютѣ есть вѣроятно трупы, и дали мѣшки для денегъ и бумагъ. Я привязалъ баластъ и скрѣпи сердце спустился въ морскую глубину. Золото—хорошій магнитъ, и тянетъ людей и въ нѣдра земли, и въ глубь воды, и черезъ моря и черезъ пустыни, но я еще не зналъ, что за нимъ можно спуститься въ могилу...

— Въ могилу? въ раздумьи повторилъ Болардъ.

— Колоколъ опустилъ меня у входа въ каюту; тутъ я увидѣлъ разбухшаго мертвеца, зацѣпившагося платьемъ за гвоздь. Я поборолъ ужасъ, отцѣпилъ его и онъ, какъ пробка, поднялся вверхъ. Я отвернулся и по лѣстницѣ сталъ опускаться въ каюту. Съ трудомъ удалось мнѣ открыть дверь, припертую натискомъ воды—и что представилось моимъ глазамъ! Я чуть не лишился чувствъ...

На минуту онъ замолчалъ, полузакрывъ глаза, какъ бы желая разогнать проносящіеся передъ нимъ образы. Затѣмъ онъ поднялъ голову, выпилъ залпомъ стаканъ вина и продолжалъ.

— Зрѣлище было ужасно! Каюта кишѣла мертвецами, зашевелившимися отъ напора ворвавшейся воды. Не помня себя, я бросился вонъ изъ каюты и вдругъ подаль знакъ чтобы вытаскивать меня. Я вытасканы былъ безъ сознанія. Меня сочли мертвымъ; пошло довольно таки времени привести меня въ чувство и я долго не могъ рѣшиться очутиться опять среди такого страшнаго общества.

Но теперь я покрайней мѣрѣ зналъ что меня ожидало. Спустившись снова, я не глядя по сторонамъ, подошелъ къ ящику, въ которомъ хранились бумаги и деньги, и сталъ его ломать, но опять принужденъ былъ всилыть на верхъ. Такъ погружался я въ море семь разъ ч наконецъ мнѣ удалось наполнить мѣшки, которые вытаскивались по моему знаку на тонкихъ веревкахъ вверхъ. Въ восьмой разъ, уже привыкнувъ къ ужасному зрѣлищу, я спустился за бумагами капитана.

— Что случилось! вдругъ прервалъ Пэвтонъ разсказъ, вскакивая съ мѣста.

— Звукъ такой, словно трескъ реи, сказалъ Болардъ, вставая вслѣдъ за товарищемъ, корабль начинаетъ сильно качаться.

— Нужно поднять пару парусовъ, это пустыя! замѣтилъ спокойно Мооръ; надѣюсь, господа, вы не страдаете морскою болѣзью.

Болардъ не отвѣтилъ. Въ два прыжка онъ уже очутился на палубѣ, мимо стоящихъ тутъ малайцевъ, и къ ужасу своему увидѣлъ, что джонка, распустивъ паруса, быстро сбѣжала по волнамъ.

— Измѣна! вскричалъ молодой человекъ, вынимая револьверъ и стрѣляя на воздухъ.

— Гдѣ же сигнальный фонарь?

*) Гуанъ—господничь.

**) На нѣкоторыхъ мѣстахъ якорной цѣпи оставляются незапаянныя мѣста, дозволяющія разнимать цѣпь, когда нельзя вытаскивать якоря, а нужно сняться съ мѣста. На концѣ цѣпи навѣшиваютъ бочку, чтобы найти прежнее мѣсто стоянки.

— Онъ на бакенѣ, на мѣстѣ нашей стоянки, отвѣтилъ хладнокровно Мооръ, послѣдовавшій за офицеромъ. Мнѣ кажется, вашего сигнала не услышатъ на бригѣ.

— Г. Мооръ, это низкій поступокъ, это...

— Остановитесь, молодой человекъ, строго прервалъ его Мооръ, не забывайте. На этотъ разъ я вамъ извиняю, въ виду обманутаго вашего ожиданія и быть можетъ неприятнаго удивленія. Я долженъ васъ предупредить, что если вы будете вести себя смиренно, то вы въ полнѣйшей безопасности. Все зависитъ отъ васъ.

— Но вы забываете, отвѣтилъ Болардъ, не испугавшись угрозы, что на мой сигналъ къ намъ придутъ лодки—тогда вы погибли.

— Совершенно вѣрно, такъ бы и случилось, если бы мы не употребили маленькой хитрости и не оставили зажженного сигнальнаго фонаря на нашемъ якорѣ. Видите вы тамъ эти двѣ свѣтлыя точки? Одна изъ нихъ вашъ корабль, а другая нашъ фонарь.

Джонка между тѣмъ вышла въ открытое море и быстро легла по пѣнящимся волнамъ.

Болардъ былъ слишкомъ опытенъ въ морскомъ дѣлѣ, чтобы не сообразить, что джонка теперь уже вѣдъ преслѣдованія. Если даже корабль и выслалъ погоню, то догнать джонку уже не было возможности—разстоянiе между нею и кораблемъ по минутно возрастало. Всѣ огни на ней были потушены или закрыты; снаружи не блестѣлъ ни одинъ огонекъ.

— Что же вы намерены дѣлать съ нами? спросилъ Болардъ, съ досадой. Мы въ вашей власти, конечно.

— Конечно, вы мои гости, отвѣчалъ Мооръ со смѣхомъ. Внизу еще есть вино, а Бенъ-Али не окончилъ своей интересной исторiи.

— Достоинъ это порядочнаго моряка: насмѣхаться надъ плѣнными врагомъ, сказалъ рѣзко Болардъ.

— Правда, сказалъ Мооръ, становясь снова серьезнымъ, прошу извинить меня. Мнѣ нечего говорить вамъ, что подозрѣнiя тѣхъ двухъ китайцевъ были болѣе чѣмъ основательны. Мнѣ нужно было избѣжать неминуемой опасности, другаго исхода не было какъ захватить васъ съ собою. Будьте спокойны, при первой возможности я высажу васъ на берегъ или передамъ на другой корабль, какъ будетъ для васъ удобнѣе. Теперь позвольте сказать вамъ,—моя каюта къ вашимъ услугамъ. Или вы желаете остаться на палубѣ?

Болардъ предпочелъ остаться на палубѣ. Мооръ пошелъ отдавать разныя приказанiя.

Еще около часу джонка бѣжала все въ томъ же направленiи, пока послѣднiе огни Гонконга не скрылись изъ виду. Вдругъ она остановилась и рабочiе стали измѣнять наружность джонки. Они укрѣпили другiя старыя мачты, убрали пестрый вымпелъ и придали ей видъ обыкновеннаго, купеческаго судна. Затѣмъ снова пустились въ путь.

Ночью всѣ спали кромѣ двухъ караульныхъ, но за то съ первой зарей на джонкѣ поднялась дѣятельная работа.

Болардъ понятно не смыкавшiй ночью глазъ, все надѣялся что къ нимъ на помощь подоспѣтъ боть съ корабля. Въ удивленiи онъ увидѣлъ темныя, вооруженныя фигуры малайцевъ, затѣмъ откуда то приносили заслоны, словомъ джонка изъ купеческаго—превратилась уже въ разбойничье судно. Двое были посланы на мачту для наблюденiй.

Пройденный путь болѣе всего привлекалъ вниманiе наблюдателей. Боялись ли на джонкѣ погони—это оставалось загадкой для офицеровъ.

— Двѣ джонки съ сѣверо-востока! раздался голосъ съ наблюдательнаго поста.

— Куда идутъ?

— Къ юго-востоку.

Мооръ взявъ подзорную трубку и отправился самъ на мачту, чтобы лучше рассмотреть идущiя лодки. Бенъ-Али также появился на палубѣ. Костюмъ его совершенно измѣнился. Въ короткой курткѣ и панталонахъ, съ пистолетомъ за поясомъ и

ружьемъ въ рукѣ, онъ не обращая вниманiя на англичанъ, занялъ мѣсто на передней части палубы.

Джонки въ это время приблизились на столько, что ихъ можно было различать невооруженнымъ глазомъ.

— Мистеръ Болардъ! обратился къ нему Мооръ, видите вы эти джонки, онѣ нагружены опиумомъ. Не смотря на всѣ ихъ предосторожности, все же добыча не уйдетъ отъ насъ.

— Неужели вы хотите?..

— Захватить грузъ, конечно.

— Одумайтесь! воскликнулъ Болардъ, вы понираете всѣ морскiе законы и если васъ поймаютъ...

— Повѣсьте, я знаю, отвѣчалъ безпечно Мооръ. Не беспокойтесь, я прилагаю всѣ заботы къ тому, чтобы не утрудять собою почтенный морской судъ. Однако изъ осторожности прошу васъ, сойдите въ каюту, во первыхъ, чтобы противъ меня не было свидѣтелей и во вторыхъ, чтобы не допустить васъ перейти на ихъ сторону. Впрочемъ первое не важно, и если вы дадите мнѣ слово не вмѣшиваться, то пожалуй оставайтесь здѣсь.

— Но по крайнѣй мѣрѣ, дѣло обойдется безъ крови? спросилъ Болардъ.

— Я думаю, развѣ крайность...

Джонки между тѣмъ все подвигались ближе. Должно быть встрѣчное судно оказалось имъ подозрительно. Онѣ въ недоумѣнiи замедлили ходъ, но потомъ, повидному, принявъ извѣстное рѣшенiе, одна изъ нихъ ускорила ходъ и ушла вконецъ, другая же подвигалась по прежнему.

— Замѣчаете вы хитрость! сказалъ Мооръ, обращаясь къ Бенъ-Али.

— Конечно, не будемъ терять времени.

Въ то же время быстро была спущена лодка, которая натянула всѣ паруса и налетѣла съ вооруженными людьми на купеческую джонку съ требованiемъ сдаться. Ушедшая вконецъ другая купеческая джонка, повидному сперва хотѣла вернуться на помощь къ товарищамъ, но потомъ должно быть раздумала въ предположенiи, что грабежъ задержать разбойниковъ надолго, а она тѣмъ временемъ успеетъ уйти совсѣмъ.

Бенъ-Али сталъ переговариваться съ капитаномъ судна, который, видя невозможность сопротивленiя, сдался. Тотчасъ малайцы перебрались на взятую джонку и такъ проворно стали дѣйствовать топорами, что въ минуту перерубили всѣ снасти.

Свистокъ Моора созвалъ людей обратно на борту. Они послушались немедля, и не успѣли китайцы опомниться, какъ причалы были сняты и джонка пустилась вслѣдъ за убѣжавшей. Мооръ хорошо зналъ, что эта не уйдетъ уже отъ нихъ.

Вслѣдствiе остановки разбойниками, вторая джонка отошла довольно далеко. Но отягченная грузомъ, она не могла двигаться такъ быстро, какъ нападавшая.

Черезъ два часа разбойники ее догнали, но на требованiе сдаться съ джонки отвѣчали выстрѣлами, которые хотя и не причинили серьезнаго вреда пиратамъ, но пообрывали кое-гдѣ обшивку корабля. Наконецъ, выведенный изъ терпѣнiя Мооръ прицѣлился въ рулевого, котораго и положилъ на мѣстѣ. Джонка безъ рулевого закачалась и повернулась по вѣтру. Минутнымъ смѣтенiемъ воспользовались пираты, выигъ были переброшены багры и дѣло окончено. Но на джонкѣ совсѣмъ не оказалось неприятеля: трусливые китайцы въ страхѣ спрятались, и брошенному въ одиночествѣ капитану оставалось только покориться.

Затѣмъ пираты съ забранной джонкой отправились къ тому мѣсту, гдѣ они оставили первую лодку. Та, пользуясь отсутствiемъ грабителей, старалась насколько возможно исправить причиненный имъ вредъ, не считывая на скорое возвращенiе пиратовъ. Товаръ съ обѣихъ джонокъ былъ перегруженъ въ лодку пиратовъ и Мооръ спросилъ офицеровъ, желаютъ ли они пересѣсть на одну изъ потерѣвшихъ джонокъ, или остаться съ ними. Офицеры предпочли подвергаться опасности потонуть на неисправной джонкѣ, чѣмъ находиться въ обществѣ такихъ негодяевъ и лишь черезъ нѣсколько дней скучнаго плаванiя прибыли въ Кантонъ.

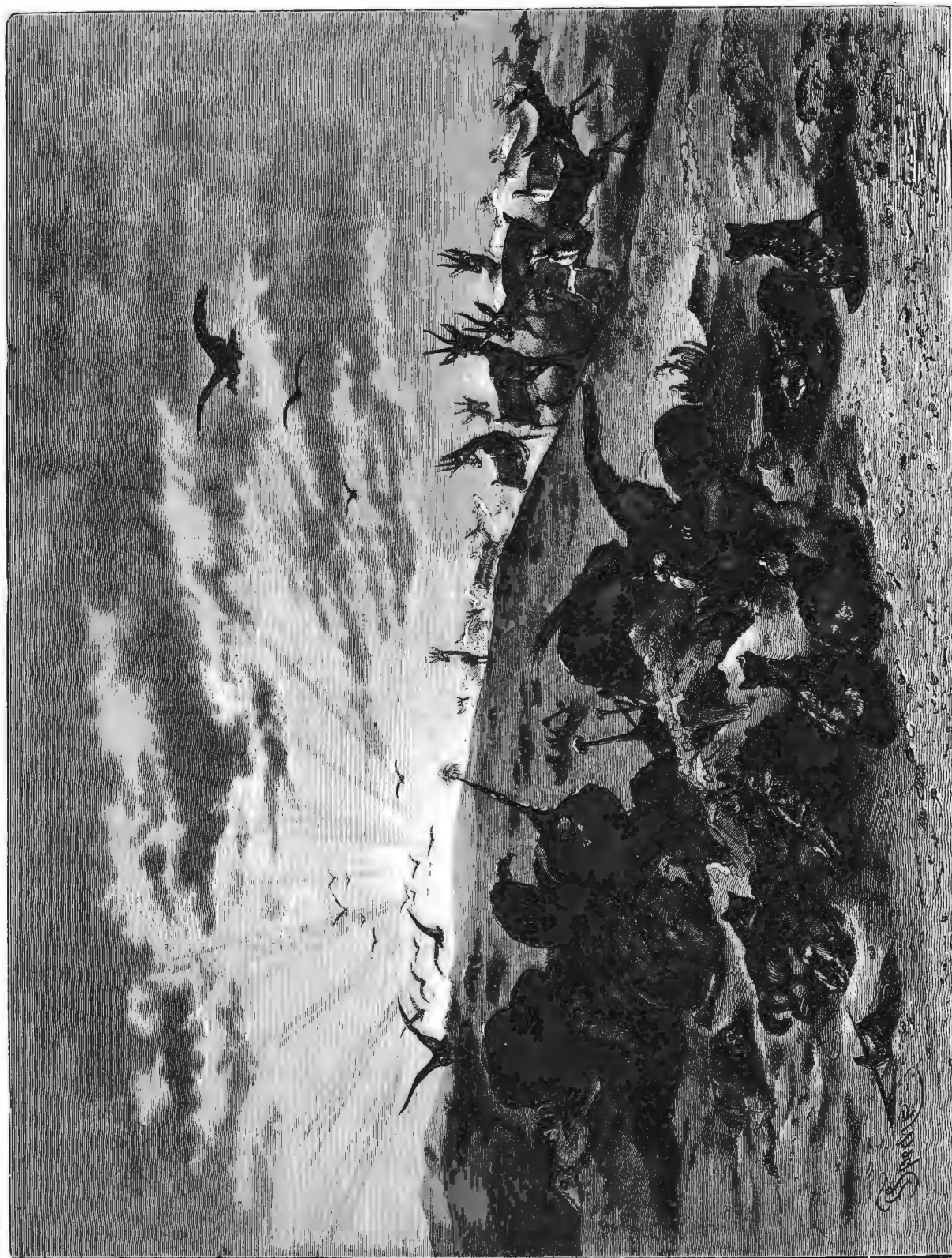
Во мракѣ минувшаго.

(Связь современной культуры съ давно-минувшей).

Очеркъ Р. Будензига.

Современный человекъ, кичась значительностью результатовъ достигнутыхъ такъ называемой „цивилизацией“, всецѣло относитъ ихъ къ дѣятельности недавнихъ сравнительно поклѣтнiй. Между тѣмъ корни этой цивилизацiи таинственно кроются во мракѣ временъ давно минувшихъ. Самые раннiе, давно исчезнувшiе съ лица земли народы оставили намъ въ наслѣдiе не однѣ только развалины, свидѣтельствующiя о непрочности лишь земнаго величiя, но завѣщали намъ и многiя вѣчныя и до сихъ поръ незамѣнимыя сокровища своего ума и познанiй. Такъ болѣе близкое знакомство съ таинственными письменами Египта и клинообразными надписями, привело ученыхъ къ самымъ интереснымъ, неожиданнымъ результатамъ. Изученiе этихъ письменъ заставило сознаться, что давно

исчезнувшая культура имѣетъ самую тѣсную связь съ многими понятiями и идеями современнаго человечества. Такъ оказывается въ высшей степени странной, по тѣмъ не менѣе справедливымъ фактъ, что многие европейскiе народы въ своемъ письмѣ употребляютъ иероглифы древнихъ египтянъ и что ихъ алфавитъ носитъ на себѣ до сихъ поръ слѣды этихъ таинственныхъ письменъ. Такъ напримѣръ латинское и нѣмецкое F оказывается ничѣмъ инымъ какъ правнукомъ древне-египетскаго иероглифа, служившаго для изображенiя звука Ф и не смотря на долгое странствованiе священныхъ письменъ отъ Египта къ Финикiямъ, отъ Финикiянъ къ Грекамъ, отъ Грековъ къ Римлянамъ, отъ Римлянъ къ Готамъ—все еще сохранились въ европейской буквѣ верхняя большая и средняя малая попереч-

Въ глубинѣ Африки. Борьба за останки погибшаго каравана. Ориг. рис. Ф. Шлегеля, грав. Клодъ.

Въ глубинѣ Африки. Близъ озера Нанза. Ориг. рис. Ф. Шлехта, грав. Клозь.

ная черта, представлявшая в иероглифѣ уши змѣи, изображавшей обыкновенно в египетской азбуцѣ букву Ф. Такъ названный греками, царь Хеопсѣ, у египтянъ назывался Хуфу и имя его изображалось иероглифически слѣдующимъ образомъ

Ху
Ф
У.

Здѣсь верхній знакъ—рѣшето—изображаетъ слогъ Ху—средній—змѣя—букву Ф, а нижній знакъ—птица—букву у.

Если мы прослѣдимъ знакъ змѣи въ его многочисленныхъ примѣненіяхъ и измѣненіяхъ при его переходѣ отъ одной народности къ другой, то увидимъ какъ онъ постепенно приближается къ формѣ современнаго F. Въ курсивныхъ иероглифахъ или въ иероглифическомъ письмѣ она изображалась большею частью знакомъ Ψ , въ позднѣйшемъ же демотическомъ

письмѣ является уже какъ Ψ и Ψ ; иероглифическій прифѣтъ былъ заимствованъ у Египтянъ Финикійцами и тогда знакъ змѣи поучилъ курсивную форму Ψ или Ψ ; когда же греки заимствовали свою азбуку отъ финикійцевъ, то знакъ обратился въ Φ ; позднѣе же, когда Греки, оставивъ финикійскую систему письма справа на лѣво, стали изображать и всѣ буквы свои, обернувъ ихъ на другую сторону, то и знакъ Φ получилъ обратную форму Γ , какъ онъ сохранился и до нашего времени. Такъ же знакъ χ обратившись въ χ .

Изображеніе рѣшета, служившее начальнымъ иероглифическимъ знакомъ въ имени царя Хуфу, также испытало на себѣ множество измѣненій, пока получило право гражданства въ нашихъ современныхъ книгахъ. Въ иератическомъ письмѣ является оно еще какъ Θ ; у Финикійцевъ уже принимаетъ форму Θ ; у Грековъ измѣняется въ Θ , позднѣе же въ η и α ; въ латинскомъ же она обращается въ η , а въ

готскомъ въ знакъ h . Максъ-Мюллеръ въ своихъ остроумныхъ филологическихъ изслѣдованіяхъ доказалъ весьма наглядно какъ форма латинскаго и нѣмецкаго S мало по малу образовалась изъ египетскаго иероглифа—льва, изображавшаго эту букву въ позднѣйшихъ памятникахъ—и до сихъ поръ способомъ своего изображенія напоминаетъ въ нѣкоторой степени искривленную спину этаго животнаго. Если перейдемъ отъ образования буквъ къ образованию словъ, то встрѣтимъ здѣсь тѣ же поразительныя аналогіи и убѣдимся, что мы до сихъ поръ еще говоримъ на древнихъ восточныхъ нарѣчійяхъ, все равно объясняемся ли мы по русски, по нѣмецки, по английски, по французски, или по испански. Классическій, священный языкъ древнихъ индійцевъ звучитъ до сихъ поръ въ устахъ европейскихъ народовъ, иногда въ частицахъ, въ отрывкахъ, часто неизнаваемыхъ, иногда же въ прекрасно сохранившихся, чисто первобытныхъ формахъ. Вотъ для примѣра маленькая таблица санскритскихъ словъ, съ удивительнымъ постоянствомъ повторяемыхъ въ различныхъ европейскихъ нарѣчійяхъ:

Санскритскій:	Pitar	mâtar	dubitar	sahas	vid	manas
Зендскі:	ptar	mâth	dôkhtâra	badhis	vid	man
Русскій:	отецъ	мать	дочь	сидѣть	видѣть	мысль
Греческій:	πατήρ	μήτηρ	θυγάτηρ	ἔδος	εἶδωμιδ-	μεν-
					(μῆ-μενα)	
Латинскій:	pater	mater	—	sedes	video	moneo
Древ.ирландск.	athir	mathir	dear	sadhis	fit	ménar
Готскій:	fadar	—	dauhtar	sitan	vitán	munan
Англосаксонскі:	faeder	modor	dohter	sittan	witan	muuan
Английскій:	father	mother	daughter	to sit	to wit	to mean
Старо-нѣ- мецкій:	fatar	môter	tohtar	sizzau	wizan	meimôn
Современный нѣмецкій:	Vater	Mutter	Tochter	sitzen	wissen	meinen

Самые драгоценныя и самые важные памятники древности—въ словѣ. Какія огромныя суммы платимъ мы за разныя памятники древняго искусства—на сколько же драгоценнѣе отысканіе памятника въ словѣ, которое не стоитъ денегъ.

И такъ мы, сохранивъ слѣды самой отдаленной древности въ нашемъ письмѣ и словѣ, эта отдаленная древность тягѣть до сихъ поръ надъ нашею обыденною жизнью, надъ нашими понятіями и представленіями. Такъ, кто повѣритъ, что до сихъ поръ у насъ сохранилось еще вавилонское дѣленіе времени, а это вещь уже научно доказанная. Дѣло въ томъ, что нашимъ дѣленіемъ времени мы обязаны греческому астро-

ному Гиппарху (1160 л. до Р. X.), который ввелъ въ свою астрономическую систему какъ основное число 4, бывшее въ употребленіи у Вавилонянъ для всѣхъ практическихъ исчисленій какъ основное, хотя десятичная система была имъ также извѣстна. Еще Аккадіицы—первобытнѣйшій семитическій народъ—вели счисленіе посредствомъ *сосси* и *сари*. „Сосси“ обозначало число 60, „сари“ же $60 \times 60 = 3600$. Этою то извѣстною еще въ такой глубокой древности системой, пользовался Гиппархъ и потомъ Птоломей (150 до Р. X.), который ввелъ ее въ употребленіе въ Греціи, а отсюда уже она дошла до насъ и до сихъ поръ сохранилась на циферблатахъ нашихъ часовъ. Дѣлимъ ли мы мимолетныя минуты на секунды, переходимъ ли отъ нихъ къ дѣленію на часы, на дни и мѣсяцы, мы все таки постоянно повторяемъ тотъ же порядокъ счисленія времени, который еще существовалъ у Вавилонянъ и Аккадейцевъ. Кромѣ того Зодіакъ и его знаки, дни, недѣли, четыре времени года, дѣленіе года на двѣнадцать мѣсяцевъ—все это заимствовано нами тою же глубокою древностью, тѣмъ же первобытнымъ, немногочисленнымъ народомъ.

По этому счисленію $12 \times 30 \left(\frac{60}{5} \times \frac{60}{2} = \frac{60 \times 60}{10} \right)$ т. е. рав-

няется 360 днямъ, которые и составляли *годъ*. Самый мѣсяць (въ 30 дней) распадается на двѣ половины въ 15 дней и каждая эта половина дѣлится еще на 5 дней. Что же касается дѣленія недѣли на семь дней, то оно встрѣчается въ самой глубокой древности; „седьмой день“ предначался обыкновенно для религиозныхъ процессій и моленій. Такъ у Вавилонянъ числа мѣсяца 7, 14, 21 и 28 были священны и соотвѣтствовали нашей субботѣ. Въ одномъ ассирійскомъ свиткѣ синонимовъ такой день обозначается какъ „день спокойствія“, „день покоя сердца“. Что онъ въ тоже время былъ днемъ отдыха—доказывается самымъ его названіемъ *Sabbatur* и кромѣ того подтверждается однимъ отрывкомъ изъ древняго богослужебнаго правила, сохранившагося въ Британскомъ музеѣ, въ которомъ положительно воспрещается царю въ этотъ день всеобщаго отдыха и воздержанія ѣсть вареную говядину или плоды, мнѣять платье, носить бѣлыя одежды, ѣздить въ бранной колесницѣ, дѣлать смотръ войску и т. д. Сохранивъ семидневное дѣленіе недѣли вавилонянъ, многіе европейскіе народы даже удержали у себя названія дней несомнѣнно вавилонскаго происхожденія; въ этихъ названіяхъ заключаются столь обычныя у Вавилонянъ посвященія извѣстныхъ дней солнцу и различнымъ божествамъ. Такъ *Samas*, т. е. солнце, сохранилось въ нѣмецкомъ названіи Воскресенья—*Sonntag*. *Sin*—мѣсяць, отсюда произошелъ *Montag*; *Nergal*—*Mars*—*dies Martis*—*Tinstag*, *Zivistag*, *Tuesday*; *Nebo*—*Меркурій*—*dies Mercurii*—*Wodanstag*—*Wednesday*; *Merodach*—*Юпитеръ*—*dies Jovis*—*Donarstag*—*Thursday*; *Istar*—*Венера*—*dies Veneris*—*Treyastag* и *Адаръ*—*Сатурнъ*—*dies Saturni*—*Saturday*.

Имя конечно всѣ эти названія сдѣлались темными для большинства и потеряли свое первобытное живое значеніе тѣсной связи съ древнимъ религиознымъ культомъ.

Слѣдя по пути указанія заимствованій болѣе позднѣйшей цивилизаціей у древней, нельзя не упомянуть и о томъ значеніи, которое имѣла вавилонская монетная система для человѣчества. По изысканіямъ Брандуса крупныя и мелкія вавилонскія золотыя и серебряныя монеты постоянно употреблялись для торговыхъ дѣлъ среди греческаго народа. Такъ, употребительнѣйшею монетою Грековъ, жившихъ въ западной Азій, былъ *дорейкосъ*, равняющийся 60-й части вавилонской монеты *міна* (*mina*) и замѣчательно, что въ этомъ отношеніи онъ вполне соотвѣтствуетъ по значенію нашему *имперіалу*. Кромѣ того въ Вавилонѣ существовала еще ходячая монета *серебряный шекель*, равный $\frac{1}{3}$ золотого шекеля и слѣдовательно по значенію около нашего 1 рубля. Поразительное сходство имѣетъ по своему дѣленію вавилонская монета съ современными французскими деньгами—франкомъ и двадцатифранковой монетой, особенно если принять во вниманіе ихъ относительную металлическую цѣнность.

Вообще Вавилоняне уже въ глубокой древности прекрасно понимали всѣ тонкости банкирскаго и финансоваго дѣла; имъ было знакомо экономическое значеніе процента и отношеніе цѣнности серебра къ цѣнности золота. Такъ, золото въ Вавилонѣ, по цѣнности относилось къ серебру какъ $13\frac{1}{2}:1$, слѣдовательно имѣло почти такое же отношеніе, какое установилось въ наше время (15:1). Система процента также была въ значительномъ уже развитіи и то понижалась, то возвышалась сообразно различнымъ экономическимъ условіямъ. Такъ напримѣръ 11-го Сивана (мая) 776 года дано было три пласта желѣза ва 3%, 3-го же Сабата (января) 650 года—десять шекелей чистаго серебра на 10 лѣтъ кѣмъ-то уступлены за 5%. Въ 667 году за 4 манеха серебра (820 марокъ—около 360 рублей) брали уже ежемѣсячно по 5 шекелей, т. е. 17 уже процентовъ годовыхъ и на долгѣхъ обязательства свои печати поставили, должникъ, кредиторъ и судья.

Оборотливость и коммерческія способности Вавилонянъ самымъ яснымъ образомъ обнаруживаютъ ихъ семитическое происхожденіе и дѣйствительно приводятъ въ удивленіе современнаго изслѣдователя. Такъ при открытіи и разборѣ клинообразныхъ надписей оказывается, что въ Вавилонѣ несомнѣнно

существовала правильная банковая система во время царствования Сеннахериба и Ессарходана (700 и 677 до Р. X.) и вероятно еще несколько столетий раньше. В Британском музее хранится много исписанных дощечек, касающихся финансовых предприятий Вавилона. Дощечки же торгового дома Египта без сомнений могут считаться самыми древними памятниками в истории банковых оборотов.

Покупает напр. 16 Сивана 692 г. один астроном в 180 марок, землю под дом на рыночной площади въ Пнневін („близъ домовъ Мунну-си-Акти и Илу-Иттива и рынка“). Какъ свидѣтель фигурируетъ тутъ еврей Седекія, продавцы же бѣдные, темные люди. Они не имѣютъ даже своей печати и вмѣсто подписи на глиняной дощечкѣ ставятъ знакъ своимъ ногтемъ, въ родѣ того какъ у насъ безграмотные крестьяне ставятъ подъ документомъ крестъ. Ротшильдъ царя Набопалассара и основатель банка, существовавшего пять поколѣній, былъ Эгиби. Въ послѣднее свое путешествіе на востокъ Георгъ Шмитъ открылъ конторскія „дѣловыя“ книги этой фирмы въ дощечкахъ. Займы государственные, ростаніе процентовъ и друг. операціи указываютъ на полное и ясное знаніе финансовыхъ оборотовъ. Этого такъ сказать „придворный еврей“, устраивалъ займы царю Вавилона и Персіи—эти дощечки ясно указываютъ на такія операціи.

Эти дощечки заключаютъ въ себѣ еще заемныя письма, росписи и другіе документы принадлежавшіе большому банковому учрежденію подъ фирмою „Енну“; по времени онѣ начинаются съ седьмого года Навуходносора II (579 л. до Р. X.) и продолжаютъ до начала правленія Артаксеркса. Есть и коллекція дощечекъ банка Египта и его сына; тамъ находится еще одинъ очень важный документъ, а именно финансовая памятная книжка банка. Она содержитъ въ себѣ полный календарь вавилонскаго года, сопровождаемый объясненіями, относящимися къ каждому дню,

счастливому или несчастному, дни покаянія и праздниковъ, дни благоприятные для путешествія по сухому пути или по морю, а также дни удобные для начала сооруженій и для выполнения разныхъ предпріятій какъ общественныхъ, такъ и частныхъ.

Мы люди нашего времени стоимъ въ самой тѣсной связи съ временами давно минувшими. То что мы есть, то чего мы достигли,—все это не нами самими непосредственно выработано а есть слѣдствие цивилизаціи древнѣйшихъ. Культура Аккадѣйцевъ перешла къ Семитамъ, отъ этихъ послѣднихъ къ Грекамъ, Римлянамъ и народамъ современнымъ. Есть множество указаній, что въ Вавилонѣ ученая, художественная и литературная дѣятельность достигла высокаго развитія. Вавилоняне характеризовали словомъ *хаосъ* тѣ времена, когда не было ни какой дѣятельности слова. „Когда еще небо не давало своихъ знаменій, когда еще на землѣ не было произнесено слово“—такъ говорили Вавилоняне о сотвореніи міра.

Въ заключеніе укажемъ еще на одно заимствованіе, унаследованное нами отъ самой глубокой древности. Каждому конечно извѣстно, что мы употребляемъ цифры, якобы взятые нами отъ арабовъ, и потому называемые нами арабскими, въ отличіе отъ римскихъ, но мало кому извѣстенъ тотъ фактъ, что сами арабы считали свои цифры „индѣйскими“, такъ какъ они заимствовали ихъ у индѣйцевъ. Такимъ образомъ, сдѣлавъ даже самый слабый обзоръ нашимъ заимствованіямъ у древней первобытной цивилизаціи приходится сознаться, что мы, дѣти новаго времени, до сихъ поръ обязаны многимъ изъ нашей духовной и культурной жизни глубокой давно минувшей древности и что начала нашей цивилизаціи нужно искать не въ первобытныхъ лѣсахъ Германіи или въ Римѣ, ни въ Аѳинахъ, и вообще не въ Европѣ, но на берегахъ Окса, Нила, Евфрата и Инда.

КЪ РИСУНКАМЪ

Церковь Богдана Хмельницкаго въ Переяславѣ.

Въ настоящее время въ Кіевѣ открывается памятникъ Богдану Хмельницкому. Газеты какъ-то смутно отозвались на это торжество: никакихъ корреспонденцій, точныхъ указаній объ открытіи памятника нѣтъ. Извѣстно, что въ памятникъ произведены значительныя измѣненія противъ первоначальнаго его мотива, о которомъ читатели „Нивы“ имѣютъ представленіе по превосходной гравюрѣ, помѣщенной въ 39 номерѣ нашего журнала за 1870 годъ. Отвѣтъ отъ даровитаго автора памятника, М. О. Микѣшина, къ которому мы на этотъ счетъ обращались, нами до сихъ поръ не полученъ.

Намъ кажется, что въ виду празднованія памяти великаго дѣя 8-го января 1654 года, дня, когда собралась знаменитая казацкая Рада, и положила присоединить Украину къ Руси,—каждая подробность, имѣющая прямое отношеніе къ празднеству, должна интересовать читателей. Къ числу такихъ интересныхъ подробностей мы относимъ и прилагаемый видъ Успенской церкви въ Переяславѣ, называемой народомъ церковью Богдана Хмельницкаго.

Переяславъ—небольшой уѣздный городокъ Полтавской губерніи, лежащій въ нѣсколькихъ верстахъ отъ Днѣпра, съ чистейшими, ярко-выбѣленными домиками, окруженный толпою хуторовъ, затонувшихъ въ густой чащѣ акацій, вербъ, черешенъ и тополей. Городъ этотъ имѣетъ свою исторію: онъ былъ нѣкогда резиденціей гетмана, и его старая, покрывшаяся, почернѣвшая *Успенская церковь и есть та самая, гдѣ когда-то присягнула Украина на вѣрноподданство русскому Царю.*

Успенскій храмъ впервые былъ построенъ Владиміромъ Мономахомъ въ 1098 году,—онъ былъ деревянный о 14-ти престолахъ. Монголы въ XIII-мъ вѣкѣ разрушаютъ его до основанія, и только въ 1586 году князь Василій Васильевичъ Острожскій возстановляетъ его въ прежнемъ видѣ. Но черезъ нѣсколько лѣтъ по его острожкѣ, пожаръ уничтожаетъ его. Тогда, въ память великаго Мономаха, жители Переяслава его возобновляютъ, и опять о 14-ти престолахъ; въ такомъ видѣ соборъ остается до 1786 года, когда новый пожаръ заставляегъ вновь его перестроить. Въ настоящемъ столѣтіи онъ является о трехъ престолахъ и семи куполахъ, а съ 1824 объ одномъ куполѣ.

Къ сожалѣнію въ настоящее время церковь до того запущена, что объ отправленіи здѣсь богослуженія не можетъ быть и рѣчи. Намъ пришлось ее посѣтить въ августѣ текущаго года. Утварь вся вынесена, царские двери нѣтъ, весь полъ покрытъ всякимъ соромъ, воробы тучами восятся въ куполѣ. Снаружи она выгладитъ чрезвычайно мрачно и уныло. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ состоялось даже варварское предписаніе: *разобратъ соборъ*,—это памятникъ-то присоединенія Украины!—Чрезвычайно интересно въдобавокъ то обстоятельство, что церковь Успенская, Богъ вѣсть съ которыхъ поръ не ремонтированная, *имѣетъ свой куполъ*, такъ какъ царь Алексѣй Михайловичъ, желая увѣковѣчить ея существованіе, пожертвовалъ въ ея

пользу въ 1660 г. деревню Ерховцы съ угодьями и крестьянами, а подъ Переяславомъ водяную мельницу. Царскій даръ не сохранился... *перешелъ во владѣніе частныхъ лицъ*, и въ очень недавнее время... Исторія, вообще, крайне интересная, которую не худо было бы разъяснить...

Теперь, благодаря этимъ „частнымъ лицамъ“, церковь догниваетъ въ ужаснѣйшемъ видѣ. Говорятъ, что ее велѣно поддерживать, что прѣзжали археологи и осматривали ее. Теперь временно должность собора исправляетъ Покровская церковь: туда перенесено *Евангеліе, на которомъ совершена знаменитая присяга*; въ другую, кладбищенскую церковь перенесена Ченстоховская икона Божіей Матери, къ которой украинцы питаютъ большое благоговѣніе, и считаютъ чудотворной,—а въ Успенскомъ соборѣ показываютъ какой-то старый футляръ изъ подъ креста, да груды нкуда негоднаго старья и хлама, не имѣющаго никакого историческаго интереса...

Обратный путь изъ Авганистана.

Войскамъ королевы Викторіи приходится еще держать въ Кандагарѣ гарнизонъ и правительство ея величества не выпускаетъ изъ своихъ рукъ этотъ городъ, въ виду того, что уступка его теперь авганцамъ подорвала бы въ Азіи обаяніе Англіи. Велика ненависть къ ней среди сыновъ Авганистана. Гдѣ могутъ, тамъ они мстятъ своимъ побѣдителямъ, подстрѣливая изъ за угла, изъ за камня одинокихъ отсталыхъ солдатъ, или военныхъ курьеровъ, или подкарауливая возвращающихся уже на родину больныхъ и раненыхъ воиновъ англійской арміи. Вотъ, напримѣръ, какъ читатель видитъ на приложенномъ рисункѣ, по рѣкѣ Кабуду, отъ Джеллабада къ Давкъ плыветъ плотъ съ больными и ранеными солдатами, а также и съ военнымъ багажемъ; это принятый въ настоящее время, по предложенію доктора Тинпетта, способъ препровожденія ихъ изъ Авганистана обратно въ Индію. Способъ этотъ оказалъ большую услугу раненымъ, избавивъ ихъ отъ тряской перевозки къ палашую жару. Плоты эти простаго устройства и изготовляются весьма быстро: обыкновенно, берутъ извѣстное число большихъ бычачьихъ бурдюковъ, наполняютъ воздухомъ и затѣмъ, скрѣпивъ прочно связью, настилаютъ на нихъ сколоченный изъ досокъ плотъ. Все готово въ нѣсколько часовъ. Вынося значительную тяжесть, и сидя неглубоко въ водѣ, онъ движется легко и быстро. Однако при всемъ удобствѣ своемъ, этотъ способъ передвиженія соединенъ съ опасностью, такъ сказать, совершенно исключительнаго характера и причина которой лежитъ именно въ военныхъ обстоятельствахъ. Мы уже сказали выше, что авганцы подстерегаютъ поѣзды раненыхъ. Засѣвъ по берегамъ между скалъ, хищники ждутъ эти плоты и стрѣляютъ по нимъ. Понятно, что если хоть одна пуля попадетъ въ какойнибудь бурдюкъ, то плотъ едва ли можетъ уже удерживать равновѣсіе и даже двигаться впередъ. На нашемъ рисункѣ можно видѣть подобный плотъ на ходу. Все на немъ занято своимъ дѣломъ: одни гребутъ, другіе снова наполняютъ воздухомъ бурдюки, а нѣсколько офи-

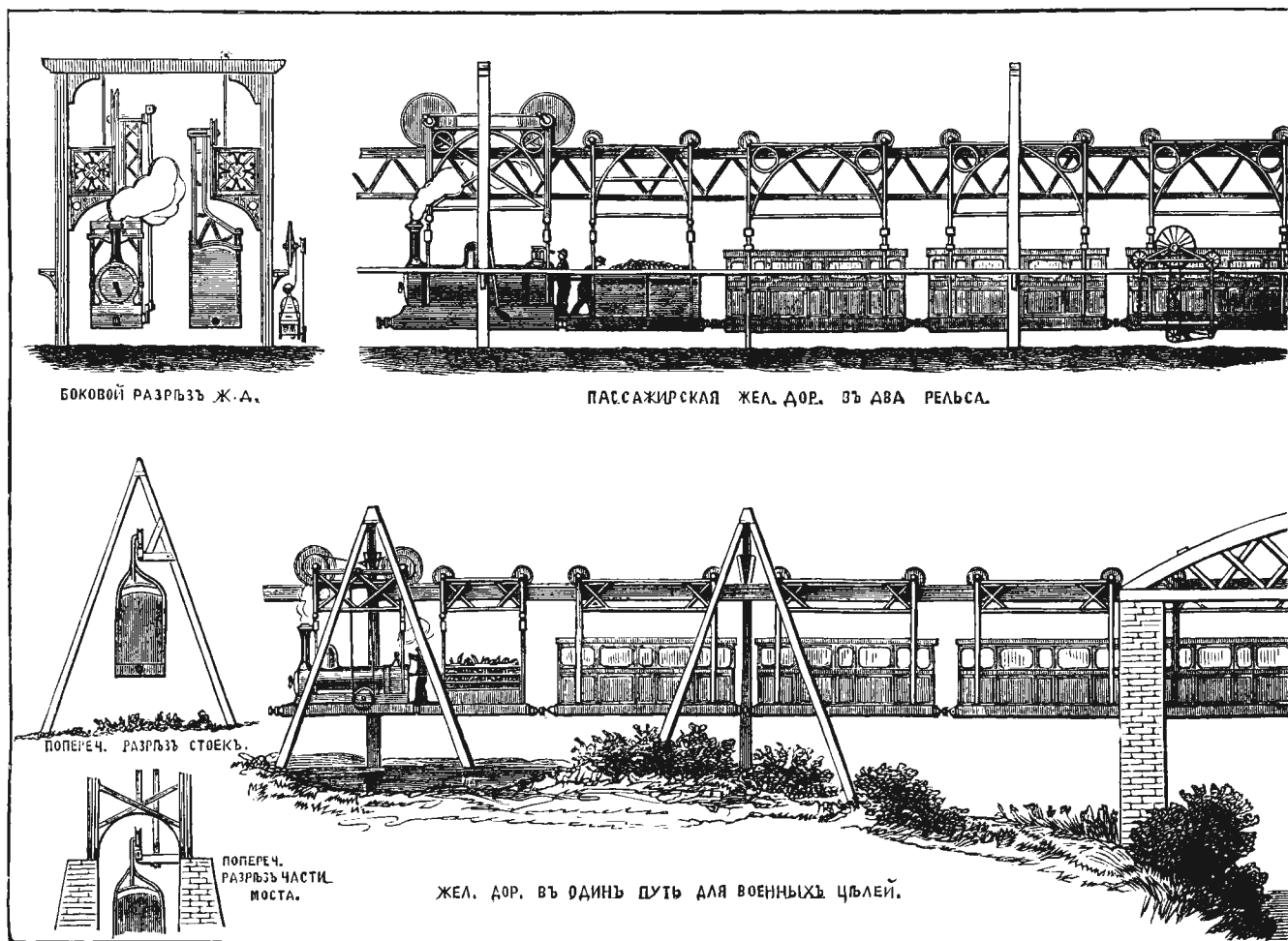
церовъ и солдатъ зорко слѣдятъ за нападающими, готовясь къ отпору. По прибытіи въ Дакку, плоть разбирается по частямъ; доски продаются, а бурдюки, освобожденные отъ воздуха, отсылаются обратно, на мулахъ или верблюдахъ, въ Джеллалабадъ, для новой службы.

Перль гарема.

(Картина Г. Макарта).

Знаменитый живописецъ Гансъ Макартъ, долго живя на востоцкѣ и въ Каирѣ, имѣлъ тамъ случай не однажды наблюдать внутреннюю, домашнюю жизнь. Результаты его путешествій—превосходныя картины, извѣстныя каждому любителю искусства. Въ картинѣ, рисунокъ съ которой помѣщаемъ—цѣлая исторія. Посолъ хедива, жившій въ Парижѣ и даже женившійся на парижанкѣ, привыкъ вести семью и одѣваться совершенно по европейски. И вотъ онъ возвращается на берега древняго Нила, въ свой дворецъ, со всею его пестротою, оригинальною роскошью и обстановкою. И эта красавица дочь египетскаго сановника, стоитъ на террасѣ, выходящей на величавую рѣку

ное пѣніе молитвъ; правовѣрные молятся, всегда исполненные благоговѣнія, въ глубокомъ религиозномъ экстазѣ; особенно чувствуется здѣсь что не на кого кромѣ помощи Бога надѣяться на этомъ страшномъ, печальномъ пути. Тамъ и сямъ полузанесенные пескомъ, валяются бѣлые кости скелетовъ людей и животныхъ и воображеніе живо представляетъ картину ужасной гибели, которой каждый самъ можетъ подвергнуться ежеминутно—быть заживо погребеннымъ горячими песками, задушеннымъ жаркимъ удушливымъ дыханіемъ Самума и стать добычей хищныхъ звѣрей пустыни. Каждому изъ членовъ каравана извѣстны и памятны такія несчастія, когда цѣлые караваны пропадали безъ вѣсти, встрѣченные негостеприимнымъ ураганомъ и погребенные подъ холмами горячаго, сыпучаго песку. И долго покоится караванъ въ глубокой могилѣ, пока новый сильный вихоръ снова не сорветъ песчаный покровъ, не обнажитъ его останки и онъ не станетъ добычей бедуиновъ и хищныхъ животныхъ. Съ жадностью бросаются голодные шакалы, рыси, гиены, орлы и коршуны пустыни на трупы людей и верблюдовъ; рвутъ ихъ, дерутся за эти печальные останки, и обращаютъ ихъ въ обнаженные, отвратительные скелеты,

БОКОВОЙ РАЗРѢЗЪ Ж. Д.

ПАССАЖИРСКАЯ ЖЕЛ. ДОР. ВЪ ДВА РЕЛЬСА.

ПОПЕРЕЧ. РАЗРѢЗЪ СТОЕВЪ.

ПОПЕРЕЧ. РАЗРѢЗЪ ЧАСТИ МОСТА.

ЖЕЛ. ДОР. ВЪ ОДИНЪ ПУТЬ ДЛЯ ВОЕННЫХЪ ЦѢЛЕЙ.

Новое изобрѣтеніе. Висячая желѣзная дорога системы Келлета. изв. М. Рашевскій.

и задумчиво смотреть вдаль. Мечтаетъ ли она, среди этой тишины и скуки замкнутой жизни таинственнаго гарема отца, мечтаетъ ли о шумѣ и тревогѣ всемірнаго города, гдѣ провела свои лучшіе годы? Тамъ бытъ можетъ запали въ ея сердце жгучіе взгляды темныхъ глазъ какаго нибудь юнаго французскаго маркиза. Въ ея мечтахъ проносятся ярко освѣщенные балныя залы, блеститъ позолота театральныхъ ложъ и въ ухахъ ея отдается легкій шопотъ удивленія ея красотѣ...

Во внутренней Африкѣ.

(Два рисунка Шпехта).

Прекрасные рисунки Шпехта переносятъ насъ на этотъ разъ въ таинственныя страны внутренней Африки. Передъ нами безпредѣльная пустыня, покрытая высокими холмами зыбучаго песку, холмами, по которымъ только привычный верблюдъ—этотъ корабль пустыни—находитъ дорогу къ желанному оазису. Отъ оазиса къ оазису длинной вереницей тянется среди безконечной песчаной равнины караванъ купцовъ и богомольцевъ—палаточниковъ; далеко разносится шумный говоръ и монотон-

при видѣ которыхъ путникъ невольно вздрагиваетъ, какъ отъ ужаснаго привидѣнія. Другой рисунокъ изображаетъ уже не безотрадную пустыню, — царство безмолвія—здѣсь мы дальше, въ глубь Африки, на берегу таинственныхъ озеръ, гдѣ властвуетъ мощная жизнь первобытной, дѣвственной природы. Здѣсь на берегахъ еще неизслѣдованныхъ водъ, среди безпредѣльныхъ заводей и камышей, раздаются громкіе крики, живуть полною жизнью, кишатъ представители пернатого царства. Между ними особенно многочисленны пеликаны, фламинго и марабу. Здѣсь, вдали отъ человѣка, все это расплодилось до громадныхъ размѣровъ, занявъ почти сплошь берега рѣвъ и озеръ. Располагаясь здѣсь какъ дома, птицы ловятъ рыбу, также кишащую въ этихъ водахъ. Особенно отличается ненасытнымъ пеликанъ, то и дѣло наполняющій свой огромный подзобный мѣшокъ свѣжей рыбой. Но онъ не возбуждаетъ зависти своихъ пернатыхъ со товарищей, фламинго и марабу, потому что и тѣ имѣютъ слишкомъ достаточно добычи на свою долю. Здѣсь царитъ полное согласіе, борьба за существованіе не поглотитъ обитателей таинственныхъ озеръ и природа, величественная и прекрасная, дышетъ первобытнымъ спокойствіемъ силой и еще ничѣмъ ненарушаемымъ миромъ.

Событія въ Черногоріи. Смертныи бой подь обланами. Рис. Вудвилл, грав. М. Раппевскіи

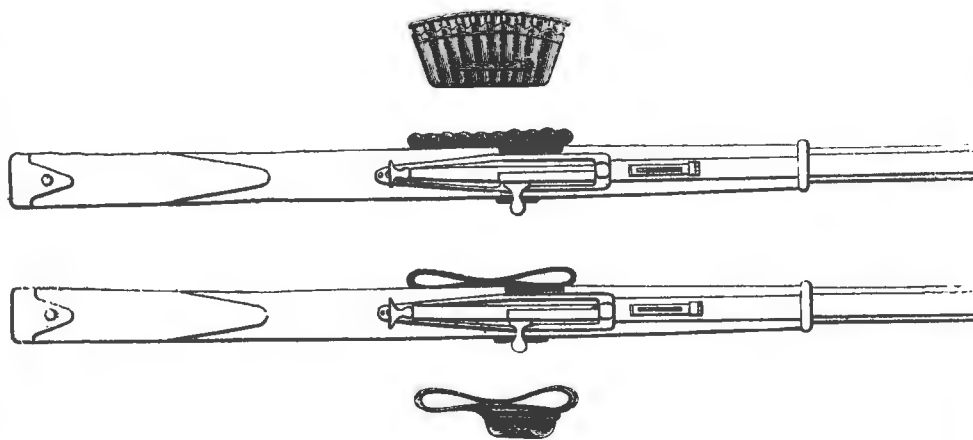
Новое изобрѣтеніе. Висячая желѣзная дорога.

Не такъ давно появилось извѣстіе о постройкѣ нашихъ паровыхъ желѣзныхъ дорогъ, съ военными цѣлями направляющихся въ степи Средней Азии. Военные временныя желѣзныя дороги представляютъ всегда такую огромную важность, что вопросъ объ лучшихъ системахъ ихъ постройки и объ ихъ удешевленіи теперь очень занимаетъ специалистовъ. Кроме того такія дороги чрезвычайно важны и для цѣлей колонизаціи, для проникновенія еще въ мало изслѣдованныя мѣстности—повторяемъ, вопросъ о нихъ составляетъ одну изъ задачъ современной желѣзнодорожной техники. Задача эта разрѣшается между прочимъ весьма удачно новѣйшимъ изобрѣтеніемъ инженера Коллета—висячая желѣзная дорога. Стоимость такой дороги сравнительно замѣчательно дешева. По плану Коллета, для устройства подобной дороги изготовляются особаго рода треножники, устроенные изъ дерева, желѣза или другого какого либо годнаго матерьяла, которые и ставятся одинъ отъ другаго на разстояніи 20—35 футовъ, смотря по обстоятельствамъ; на этихъ-то устояхъ, посредствомъ особаго рода желѣзныхъ подвѣсокъ, укрѣпляется горизонтальный брусъ, на которомъ и кладется одинъ рядъ рельсовъ. При движеніи вагоны идутъ на вѣсу, колеса ихъ снабжены двойными валиками и ѡбъгуютъ по этому рельсу совершенно безопасно, увлекая за собою весь поѣздъ. Каждый вагонъ соединяется съ своими колесами посредствомъ крѣпкой рамы изъ кованаго желѣза и вѣситъ при 12-ти пассажирахъ не болѣе 150 пудовъ (2 тонны). Впрочемъ вагоны очень узки, такъ что въ нихъ могутъ сидѣть рядомъ не болѣе двухъ человѣкъ. Локомотивъ въ 20 лошадиныхъ силъ легко можетъ при такомъ устройствѣ дороги двигать поѣздъ со скоростью 20 миль въ часъ. При этомъ двигающей силой, кромѣ пара, можетъ быть еще газъ, сжатый воздухъ, электричество или даже какое либо ручное приспособленіе.

Подобнаго рода желѣзная дорога, построенная вдоль рѣки по бичевнику, можетъ принести большую пользу, вытягивая барки и другія суда съ грузами. Но особенно полезной, какъ мы говорили, можетъ она оказаться для военныхъ цѣлей, какъ напримеръ для доставленія въ армию провіанта по горнымъ узкимъ дорогамъ въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ обиліе дерева даетъ возможность построить ее въ самое короткое время и безъ особенныхъ трудностей, также для проникновенія въ новыя мѣста

Сильвестръ Кринка. Съ фотогр. грав. К. Вейерманъ.

Новое изобрѣтеніе. Магазинное ружье Кринка.

только хищные беркуты, которые выклюютъ ихъ черныя, молодецкія очи...

Сильвестръ Кринка и его новое изобрѣтеніе.

Всѣ доселе достигнутые результаты оружейной техники и недавно окончившейся войны какъ бы указывали, что раньше или позже должно быть неизбѣжно введено во всѣхъ арміяхъ магазинное

съ колонизаторскими цѣлями.

Смертный бой подъ облаками.

(Картина Вудвила).

Пока суда иностранныхъ державъ демонстрируютъ у береговъ Турціи пока идутъ толки о сдачѣ Дульциньо—на албанской границѣ, по каменистымъ, обрывистымъ тропинкамъ, среди угрюмыхъ скалъ и горъ происходятъ частыя стычки между албанскими и черногорскими отрядами. Дикая, горная мѣстность. Уступы сѣроватаго, голаго известняка, смѣшанная порода известковаго шпата, въ дикомъ живописномъ беспорядкѣ разбросанныя скалы, низкіе густые кусты, безпощадно рвущій платье терновникъ и фантастически змѣною извиляющийся путь и по нему рѣдко по двое, чаще одинъ за другимъ, быстро мелькаютъ ружейные стволы, сверкая на солнцѣ и красные верхи черногорскихъ шапокъ. Лица усатыхъ богатырей, выразительныя бронзовые показываютъ какіе это закаленные воины. Они въ рваныхъ гунахъ, въ заплатахъ ихъ доволѣни-

ницы, но ханджары у многихъ оправлены серебромъ, хмурятся густыя брови, раздуваются ноздри, будто чуя кровавую битву...

И вотъ за поворотомъ вдругъ выскакиваютъ изъ засады ихъ исконные враги—такіе же загорѣлые, мужественные, славные горцы—воины, потомки бойцовъ знаменитаго Скандербега. Съ рѣзкимъ крикомъ схватываются передовые богатыри и ужасный, смертный бой закипаетъ высоко подъ облаками, высоко надъ лежащими внизу городами и мирными долинами. И кажется, что

присутствуюешь при схваткѣ какихъ нибудь Гомеровскихъ героевъ—рѣзкія, глухія вскрикиванія этихъ грозныхъ горныхъ орловъ раздаются—и вѣрнѣе всего, что оба богатыря сорвутся и полетятъ въ бездонную, молчаливую пропасть, которая зияетъ внизу и будутъ лежать враги на днѣ ея рядомъ, такіе же грозные, съ такими же насупленными бровями какъ и были, и надъ ними плавающими кругами будутъ носиться

ружьё, которому почти во всей Европѣ начали приписывать баснословныя качества. Такимъ образомъ магазинное ружьё есть какъ-бы *ружьё будущаго вѣка регулярныхъ армій*. Европейскія государства, окончившія недавно вооруженіе своихъ войскъ скорострѣльными ружьями, должны по мнѣнію увлекающихся теоретиковъ, бросить все свое дорогое вооруженіе и снабжаться скорѣе магазинными ружьями. *Десять милліоновъ европейскихъ солдатъ* должны получить магазинныя ружья! Фабрикація ихъ будетъ стоить по крайней мѣрѣ до *полумилларда рублей* вмѣстѣ съ амуницией.

Такимъ образомъ выходитъ, что всѣ новыя системы разныхъ даже удачливыхъ изобрѣтателей должны быть брошены какъ ломъ. Англіи и Америкѣ, должны достаться за работу такія громадныя деньги.

Въ переходную эпоху этой ружейной лихорадки надо же выдумать было что нибудь, чтобы парализовать такое расточительное настроеніе въ военныхъ сферахъ Европы, чтобы сохранить въ рукахъ европейскихъ армій, до послѣдней войны казавшіяся годными, системы. Послѣднія попытки въ этомъ направленіи были вполнѣ неудачны, такъ что ни въ одной технической комиссіи не придумано ничего, что возвышалось бы надъ посредственностью.

Но оказалось, что въ этомъ отношеніи можно и неотчаяваться. И честь почина остается за нами. Изобрѣтатель нашего шестилинейнаго ружья, изобрѣтатель заряда съ загибами, который вмѣстѣ съ генераломъ Ганомъ устроилъ у насъ на Васильевскомъ острову громадную патронную фабрику—Сильвестръ Кринка, изобрѣлъ новый стальной магазинный приборъ, съ помощью котораго весьма легко всякое ружьё можно обратить въ магазинное и *въ три минуты дѣлать 55 выстрѣловъ*. Магазинныя ружья лучшихъ англійскихъ и американскихъ системъ не могли достигъ этого количества выстрѣловъ. Но дѣло еще не въ томъ, чтобы сдѣлать много выстрѣловъ въ короткое время а главное въ томъ чтобы, употребляя магазинный приборъ Кринки, скоро и легко заряжать. Солдатъ имѣя этотъ приборъ, не принужденъ больше будетъ послѣ каждого выстрѣла хвататься за патронташъ, отпирать его и искать патроны, вкладывать въ зарядную камеру каждый зарядъ *отдѣльно*—какъ до сихъ поръ дѣлалось, когда времени не хватало искать патроны въ бою, когда усталые пальцы туго двигаются. По системѣ Кринки патроны находятся въ приборѣ прикрѣпленномъ къ стволу возлѣ прицѣла, такъ что солдатъ лишь послѣ десяти выстрѣловъ долженъ изъ патронташа только одинъ разъ вынуть опять десять патроновъ и положить ихъ въ стальную ручку, изъ которой патроны не выпадаютъ ни при

бѣломъ шагѣ ни при обыкновенныхъ ружейныхъ приемахъ. Солдатъ видя такое количество патроновъ передъ глазами, имѣетъ большое довѣріе къ своему ружью и хладнокровнѣе въ бою и внимательнѣе къ командѣ.

Криво изобрѣтеніе „ускоритель стрѣльбы“, (его официальное названіе) если онъ употребленъ какъ слѣдуетъ, въ техническомъ отношеніи облегчитъ солдату дѣйствія и не требуетъ отъ него особыхъ знаній. Изобрѣтатель исходилъ изъ той точки зрѣнія, что если ружьё должно возбудить къ себѣ довѣріе солдата, оно должно быть такъ приспособлено, что ему можетъ служить при всякомъ случаѣ годнымъ и послушнымъ оружіемъ. Изобрѣтеніе это уже вводится во Франціи, въ Англіи, въ Бельгіи и друг. Генералы Бриальмонъ, Данкетиль отдали въ своихъ сочиненіяхъ полную справедливость „ускорителю“ Кринки.

„Ускоритель стрѣльбы“ Кринки—простой и прочный приборъ къ ружью. Изобрѣтатель не одинъ годъ занимался его усовершенствованіемъ. Зато его возможно теперь прикрѣпить къ любому ружью пѣхотинца, кавалериста или матроса и всякій солдатъ, увидавъ только разъ приемы съ этимъ приборомъ, свободно можетъ пользоваться своимъ ружьемъ *наравнѣ съ магазиннымъ*. Наше правительство приобрѣло секретъ этого изобрѣтенія отъ Кринки, благодаря артилерійскому комитету, который вполнѣ оцѣнилъ выгоду введенія для арміи такого „ускорителя стрѣльбы“. Магазинное ружьё новой системы, стоитъ около 50—60 рублей и должно быть заказано въ Англіи или Америкѣ и деньги идутъ такимъ образомъ за границу, такъ что вооруженіе нашей арміи (1,500,000 солдатъ) стоило бы до 75,000,000 рублей. Изобрѣтеніе Кринки становится для каждого солдата около 40—50 коп. можетъ быть фабриковано у насъ въ Россіи и вся армія могла бы быть въ случаѣ нужды вооружена въ 4—5 мѣсяцевъ, безъ малѣйшей перемѣны ружья, патронташей и амуниционныхъ ящиковъ. Это именно весьма полезно для отдаленныхъ корпусовъ напр.: въ Туркестанѣ, Сибири, въ Болгаріи. Стальной пружинный приборъ, который прикрѣпляется къ стволу ружья, требуетъ только простаго слесаря, который съумѣетъ изъ шести сдѣлать подобное примѣненіе. Непромокаемые магазины для патроновъ, хотя они искусно составлены изъ многихъ частей и пружинъ, все-таки просты, удобны, дешевы и цѣлесообразны.

Имя изобрѣтателя Кринка (собственно „Кринка“) извѣстно каждому нашему солдату. Кринка родомъ Чехъ, изъ городка Воллинн. Имъ вооружена также и черногорская армія, ружьями его системы вооруженъ также весь резервъ румынской арміи и бельгійская жандармерія. Ему теперь 54 года. Онъ имѣетъ большую золотую медаль „За усердіе“ и орденъ русскій св. Станислава и черногорскій орденъ князя Данила.

ПОЛИТИЧЕСКОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

Дипломаты Порты.—Румыніа и Балканскія княжества.—Германія.—Франція.—Закрытіе конгрегаціи.—Французскіе радикалы и Гарибальди.—Сиссъ.—Ирландія.

Рѣшительно приходится турецкимъ дипломатамъ отдать пальму первенства предъ европейскими сочинителями дипломатическихъ нотъ! Какъ ни казалось невозможнымъ дальнѣйшее промедленіе сдачи все той же Дульцино—наши нашли: они не только не сдали ее, не взирая на залпъ бумажныхъ угрозъ, прогромавшихъ съ борта (правда колеблющагося) Европейскаго ареопага, но сумѣли перевести „вопросъ“, и въ этомъ его фазисѣ на любимую ихъ почву новыхъ „переговоровъ“. Вѣрится съ трудомъ! Но, все-таки надо же вѣрить очевидности. Султанское правительство объявило, въ отвѣтъ на новую „шутку“ Европы, что сію минуту передаетъ Дульцино. Повидимому—все было готово, черногорцамъ оставалось придти и взять. Но—по турецки—нельзя же отдать такъ просто, надо условиться кое о какихъ „подробностяхъ“. Конечно—условиться, значитъ—переговорить. И начались переговоры между турецкимъ уполномоченнымъ, Бедри-Беемъ и черногорцами. Понятно—Бедри-Бей тотчасъ же предложилъ условія, на которыя князь Николай не могъ согласиться. Первая остановка: Бедри-Бей объявилъ, что не можетъ продолжать переговоры до полученія новыхъ инструкцій изъ Константинополя. А такъ какъ ему придется вѣроятно не соглашаться съ черногорцами по многимъ вопросамъ и каждый, можетъ быть, разъ обращаться за „новыми инструкціями, то... А броненосцы все стоятъ да стоятъ—и, надо сказать,—стоятъ весьма спокойно, потому что начались бури. Европа все-таки ждетъ, хотя и немножко теряетъ терпѣніе. По крайней мѣрѣ, вотъ что говорится въ нашей „Agence générale Russe“ которой, справедливо или нѣтъ, придаютъ у насъ офіціозный характеръ. „Театральная сцена, разыгранная Портой нѣсколько дней тому назадъ, своимъ внезапнымъ рѣшеніемъ уступить Дульцино Черногоріи, имѣла непосредственнымъ дѣйствіемъ произвести общее успокоеніе (въ который разъ?) въ политическомъ положеніи Европы, потому что это подавало надежду (хвала искусству нашей!), что положеніе на Востоцѣ вступитъ, наконецъ, на нормальный путь и уйдетъ до окончательной развязки. Но вмѣсто этого, различныя затрудненія, созданныя съ тѣхъ поръ черногорцамъ, доказали еще разъ (!) злую волю Порты и пробудили снова недѣвіе къ ея искренности (неужели?). Словомъ поведеніе сул-

тана дало поводъ европейскимъ кабинетамъ возвратиться къ убѣжденію, что сохраненіе полнаго и твердаго единодушія державъ необходимо въ настоящее время, чѣмъ когда-либо. Зачѣмъ же взывать къ необходимости единодушія Европы, если оно твердо и неизмѣнно? Въ томъ-то и дѣло что, повторяемъ, оно не кажется намъ столь неизмѣннымъ.

Вскорѣ ожидается свиданіе между князьями Румынскимъ и Болгарскимъ. Излишне, конечно, говорить о благоворномъ для славянскихъ и христіанскихъ государствъ Балканскаго полуострова значеніи подобныхъ взаимныхъ посѣщеній, если они скрѣпляютъ связь между ними, подготавливая великое будущее... Есть нѣкоторые признаки, говорящіе въ пользу предположенія о томъ, что въ Румыніи начинается зарождающееся сознаніе необходимости предпочесть взаимную солидарность Балканскихъ княжествъ всѣмъ другимъ политическимъ комбинаціямъ. Да упрочится сознаніе это тамъ. Оно принесетъ богатые плоды.

Во Франціи началось уже давно примѣненіе Мартовскихъ декретовъ противъ недозволенныхъ конгрегацій. Конгрегаціи, въ силу этихъ декретовъ, должны были предстать на разсмотрѣніе правительства, въ трехъ-мѣсячный срокъ, уставы свои и обратиться къ нему съ просьбами о разрѣшеніи существовать во Франціи въ качествѣ признаваемыхъ закономъ юридическихъ личностей. Въ противномъ случаѣ, къ нимъ должны быть примѣняемы законы, на основаніи которыхъ конгрегаціи могутъ быть закрываемы и распускаемы административнымъ порядкомъ. Такъ какъ эти религіозныя общины не выполняли требованія правительства, то оно уже приступило къ осуществленію угрозы своей. Въ одинъ день мѣра примѣнена въ 12-ти департаментахъ. Въ нѣсколькихъ мѣстностяхъ провозглашено столкновеніе между монахами и властью; такъ наприимѣръ, въ Жемесскомъ департаментѣ, когда полиція опечатала кармелитскій монастырь, ей пришлось выломать двери и силой вывести монаховъ и т. д. Папа Левъ XIII еще не высказался окончательно. Въ настоящую минуту, французская крайняя партія приглашаетъ въ Парижъ Гарибальди, рассчитывая провозвести его появленіемъ извѣстнаго эффекта въ пользу свою и въ то же время упрочить свою связь съ радикальной партией въ Италіи. Немалого шума надѣлала исторія съ бывшимъ военнымъ министромъ де-Сиссъ. Дѣло, впрочемъ, началось не съ него. Журналистъ де-Вестинъ, угождая жадности пари-

жана до всякихъ скандально-сенсационныхъ силетень, обвинилъ въ газетѣ своей служащаго въ военномъ министерствѣ подполковника Юнга въ томъ, что, будто бы, онъ продалъ Германіи секретныя бумаги, касавшіяся мобилизаціи французской арміи. Возбужденный Юнгомъ процессъ доказалъ, что это была безчестная клевета, (одно изъ любимѣйшихъ дѣлъ французскихъ писакъ) но, вмѣстѣ съ тѣмъ, оказалось, что жена этого офицера, давно уже бросившая его и превратившаяся въ кокетку, находилась въ весьма близкихъ отношеніяхъ съ генераломъ де-Сиссе, въ бытность его военнымъ министромъ. Авантюристка сумѣла воспользоваться слабостью генерала и приобрѣла не малое влияние въ министерствѣ, гдѣ, говорятъ, добралась до различныхъ секретовъ. Увѣряютъ, что нѣкоторые изъ секретовъ этихъ она продала. Насколько это вѣрно—трудно судить, но Сиссе лишень командованія 11 корпусомъ, которое получилъ по выходѣ изъ министерства. По слухамъ, онъ требуетъ слѣдствія.

Въ Ирландіи образовалась земельная лига для защиты ипте

С М Ъ С Ъ .

Сохраненіе плодовъ посредствомъ зарыванія въ землю Въ январѣ нынѣшняго года одинъ калифорнійскій торговецъ фруктами, зарылъ въ землю двѣ сотни свѣжихъ лимоновъ, желая видѣть, что съ ними будетъ. Черезъ четыре мѣсяца онъ вынулъ ихъ превосходно сохранившимися, такими же свѣжими и здоровыми, какими они были зарыты. Великій знаетъ, какъ легко сохраняется картофель, покрытый надлежащихъ размѣровъ слоемъ земли. Нѣтъ сомнѣній, что съ яблоками будетъ тоже самое; даже, весьма вѣроятно, что это примѣнимо и къ винограду и къ другимъ трудно-сохраняемымъ плодамъ. Небольшихъ издержекъ стоили-бы нѣсколько такихъ опытовъ, а между тѣмъ они могутъ дать отличные результаты.

Прививаніе кожи взятъ съ трупа. Докторъ Герднеръ, хирургъ госпиталя въ Велью, получилъ замѣчательнѣйшіе и важнѣйшіе результаты въ отношеніи *прививанія кожи*. Больной котораго онъ хотѣлъ подвергнуть этому леченію, не согласился на отдѣленіе прививки съ рука или съ какой-либо другой части поверхности своего тѣла, боясь боли. Не желая просить другаго перенести то страданіе, отъ котораго отказался больной, докторъ Герднеръ попробовалъ взять прививку съ трупа.

„Я отрѣзалъ, говоритъ онъ, кусокъ кожи у больного, умершаго за нѣсколько часовъ передъ тѣмъ, предварительно справившись не было-ли причиной его смерти какое-нибудь чумное зараженіе (*infection infectieuse*). Нарѣзавъ маленькими кусочками эпидерму (верхняя кожа), я положилъ кусочки на верновидную поверхность нарва и затѣмъ сильно перевязалъ ногу. По прошествіи всего трехъ дней, прививокъ началъ показывать признаки жизни, соединеніе мертвой ткани съ живой совершалось превосходно и въ восемь дней великолѣпная кожа, вполнѣ заровнявшаяся и эластичная, покрыла рану, выздоровленіе было полное, не осталось даже шрама. Послѣ того, я повторялъ, продолжаетъ онъ, болѣе пятидесяти разъ эту операцію и всегда съ неизмѣннымъ успѣхомъ. Я прививалъ кожу ирландца къ негру, между прочимъ, и кожу негра къ ирландцу. При этомъ, въ послѣднихъ двухъ случаяхъ она *теряла свою первоначальную окраску*, примѣняясь къ цвѣту новой кожи.

Новый нетонущій аппаратъ. Онъ состоитъ изъ химическаго препарата, помѣщаемаго подъ подкладку жилета, увеличивая его вѣсъ самымъ незначительнымъ образомъ и оставляя въ то-же время неизмѣннымъ его внѣшній видъ. Аппаратъ долженъ быть положенъ на обѣ стороны груди и на спину. Въ тотъ моментъ, какъ человекъ падаетъ въ воду, платье его вздувается и погруженіе становится невозможнымъ; голова не можетъ скрыться подъ волны. Это изобрѣтеніе было испробовано въ Шеффилдскихъ баняхъ. Сначала были брошены въ воду два небольшихъ куска полотна, въ складки котораго были помѣщены препараты. Полотно моментально надулось и образовавъ нѣчто въ родѣ подушки, начало плавать по бассейну. Одинъ изъ служителей тотчасъ-же одѣлся въ платье, содержавшее точно такой-же препаратъ, и сначала его облили водой, чтобы показать, что вздуваніе платья не произойдетъ отъ дѣйствія обыкновеннаго дождя. Хотя платье и измокло совершенно, однако, нимало не измѣнило отъ этого своихъ размѣровъ. Затѣмъ онъ бросился въ воду и почти тотчасъ-же показался на поверхности; платье быстро вздулось при этомъ.

Войдя въ ту часть бассейна, гдѣ вода была глубока, сильнымъ движеніемъ онъ попытался погрузиться, но тотчасъ-же вынырнулъ.

Изобрѣтатель прикрѣпилъ къ прибору, представляющему собою видъ полотнянаго очень короткаго рукава, свинцовую трехфунтовую гирьку. Рукавъ, коснувшись воды, внезапно вздулся и выдержалъ эту тяжесть, свободно плавая по поверхности. Всѣ опыты были необыкновенно удачны.

Наслѣдственная чахотка. Г. Лансеро установилъ въ этомъ отношеніи слѣдующіе пункты: унаслѣдованіе чахотки обнаруживается слабостью, малыми размѣрами тѣла, слабостію грудной полости, и главнымъ образомъ тонкостью и рѣдкостью волосъ. Далѣе болѣзнь владетъ какою-то особенную печать на

ресовъ фермеровъ. Съ каждымъ днемъ она все болѣе и болѣе распространяется. Тамъ, гдѣ она водворяется, помѣщики имѣнія тотчасъ же утрачиваютъ всякую доходность или же большую часть своей доходности, такъ какъ фермеры, подъ давлениемъ террора, тяготящаго надъ всею страной, вносятъ свою плату хозяевамъ не иначе, какъ съ разрѣшенія лиги и въ установленномъ размѣрѣ. Лига имѣетъ характеръ организованнаго заговора, не пренебрегающаго никакими средствами для борьбы съ владѣтелями земель и жестоко карающаго какъ ихъ, такъ и фермеровъ, осмѣливающихся ослушаться сдѣланнаго распоряженія. Недавно въ Дублинѣ происходило собраніе землевладѣльцевъ (при всевозможныхъ предосторожностяхъ) постановившее обратиться къ правительству за защитой. Едва ли этой „защитой“ исчерпывается все, что правительство должно сдѣлать, чтобы прекратить невозможное положеніе вещей. И дѣйствительно, по слухамъ, министерство Гладстона имѣетъ въ виду внести въ парламентъ проектъ закона обширной выкупной операціи.

человѣка, получившаго ее наслѣдственно. Главныя измѣненія, внесенныя въ организмъ наслѣдственной чахоткой, развиваются чаще всего въ періодъ возмужанія и состоятъ въ приостановкѣ развитія всего человѣка, который, сохраняя внѣшній видъ юности, остается нѣкоторымъ образомъ среднимъ существомъ, не достигая мужества. Представители этого типа бываютъ особенно предрасположены къ чахоткѣ и потому должны соблюдать правила предупредительной гигиены, въ отношенія питанія, дыханія и тѣлесныхъ упражненій.

Новая Мамонтова пещера. Недавно въ Кентукки, въ Сѣверо-Американскихъ Соединенныхъ Штатахъ, сдѣлано геологическое открытіе, имѣющее большой интересъ и значеніе. Нѣсколько мѣдѣй тому назадъ, найдена другая Мамонтова пещера, возлѣ Гопкинсвилля. Знаменитая Мамонтова пещера, единственная, которую знали до сихъ поръ, находится въ южной части штата Кентукки. Это огромный естественный подземный ходъ, который идетъ на пространствѣ 22 версты.

Новая пещера заключаетъ въ себѣ ископаемый лѣсъ гигантскихъ лепидодендроновъ и всѣхъ родовъ грибовъ (*fungères*), превосходно сохранившихся и оставшихся въ своихъ естественныхъ положеніяхъ. Лепидодендроны имѣютъ высоту 40 футовъ и образуютъ сотни колоннъ, похожихъ на тѣ, которыя видны въ Фингаловомъ гротѣ на островѣ Стаффи. Кора деревьевъ состоитъ изъ блестящаго смолистаго угля, между тѣмъ какъ внутренность обратилась въ кварцевый песчаникъ. Корни крѣпко вѣдрились въ слой угля. Въ пещерѣ встрѣчаются прозрачныя сталактиты, сталагмиты и другія формаціи. Эта пещера можетъ быть названа кнгой, въ которой можно прочитать рѣшенія не одной задачи угольнаго періода.

Здѣсь находятъ въ большомъ изобиліи раковины и другіе водные остатки; кромѣ того попадаются даже животныя (*antelluviens*) допотопнаго періода.

Новая пари. Англичане не хотятъ отставать отъ американцевъ въ дѣлѣ пари. Капитанъ Веббъ, знаменитый пловецъ, переплывшій Па-де-Кале, началъ 28 іюля, въ Скарбороу, плаваніе, которое должно было продолжаться семьдесятъ четыре часа сряду. Онъ плывалъ въ большомъ бассейнѣ длиной и шириною по 40 футовъ; этотъ резервуаръ окруженъ со всѣхъ сторонъ стеклянными рамами и наполненъ водою на семь футовъ глубины. Капитанъ Веббъ пилъ бульонъ и чай съ распушенными въ немъ яйцами. Желѣзно-дорожное общество организовало спеціальныя увеселительныя поѣзды на всѣ три дня, въ которые должно было продолжаться пари.

Оленье мясо. Въ видахъ увеличивающейся дороговизны мяса нѣкоторые предлагаютъ замѣнить, бычье мясо оленьимъ. Осенью, какъ извѣстно, по замерзаніи рѣкъ и болотъ и по выпаденіи снѣга, гурты оленей могутъ пригоняться въ наши сѣверные губернскіе города и въ Петербургъ. Расходъ на пригонъ оленей, не можетъ быть значителенъ, такъ какъ порошнякомъ оленіи пройдутъ 800 верстъ легко; содержаніе ихъ въ дорогѣ мало стоитъ. Въ нѣкоторыхъ же мѣстностяхъ, какъ на примѣръ около Петербурга, вѣроятно найдутся и мѣста, годныя для временныхъ пастбищъ прогоняемыхъ гуртовъ оленей. Находить, что не только можно, но и должно ввести въ употребленіе оленье мясо во всѣхъ сѣверныхъ городахъ Россіи и Сибири, и въ Петербургѣ—въ казармахъ, больницахъ, богадѣльняхъ и тюрьмахъ. Высокія діететическія качества оленьяго мяса—ставятъ его выше бычяго. Оленье мясо существуетъ въ петербургской торговлѣ, но въ крайне незначительныхъ размѣрахъ: оно продается только въ нѣкоторыхъ, очень немногихъ, мясныхъ лавкахъ, притомъ мерзлое. Между тѣмъ, кому случалось его ѣсть, тотъ дѣйствительно согласится, что оно могло бы съ успѣхомъ дополнить недостающее намъ количество бычяго мяса. Развитие торговли оленьимъ мясомъ болѣе всего могло бы содѣйствовать улучшенію быта не только сѣверныхъ инородцевъ, но и многихъ русскихъ, населяющихъ сѣверъ.

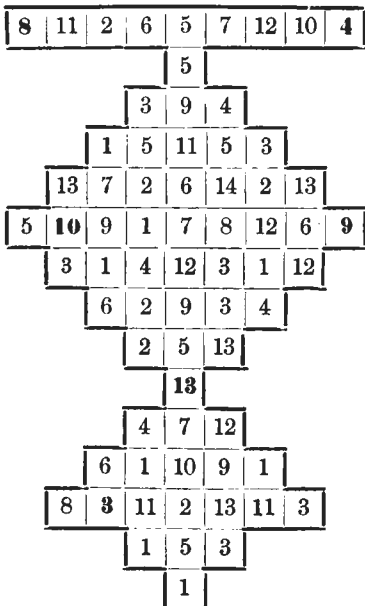
РЕБУСЪ.

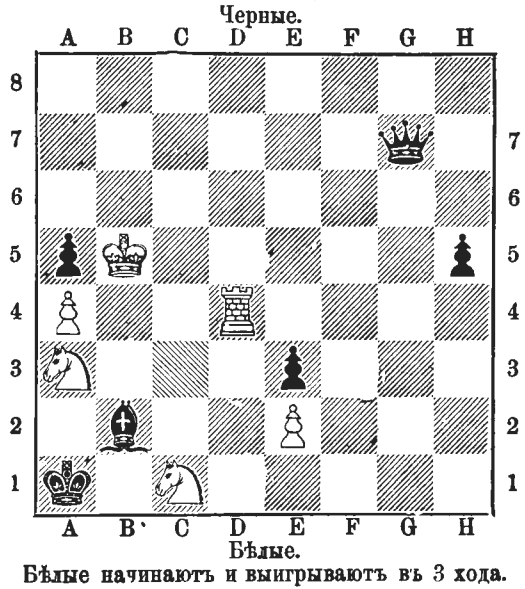
Задача бунвъ № 74. А. Копылова.

Изъ данныхъ 69 буквъ составить 14 словъ и затѣмъ буквы этихъ словъ, соотвѣтственно цифрамъ, размѣстить въ клеткахъ прилагаемой фигуры такимъ образомъ, чтобы составила фамилія одного знаменитаго писателя и названія его пяти переведенныхъ на русскій языкъ и наиболѣе извѣстныхъ произведеній; цифры, напечатанныя болѣе крупнымъ шрифтомъ, означаютъ начальныя буквы фамиліи и названія каждаго изъ произведеній.

- а, в, в, г, д, е, е, е, з, и, и, и, и, и, і, і, к, к, к, к, л, л, л, л, л, м, м, м, н, н, н, н, н, о, о, о, о, о, о, п, р, р, р, р, с, с, с, т, т, у, у, ч, ш, ш, ь, ь, ь, ь, ь, ь, ь, ю, ю, я, я.
1.—число. 2.—птица. 3.—городъ въ Америкѣ. 4.—звукъ колокола. 5.—строительный матеріалъ. 6.—способъ сообщенія. 7.—мужское имя. 8.—часть человѣческаго тѣла. 9.—минералъ. 10.—страна свѣта. 11.—животное. 12.—движеніе воздуха. 13.—принадлежность корабля. 14.—предлогъ.

Шахматная задача № 76.

Бѣлые начинаютъ и выигрываютъ въ 3 хода.

Задача № 75.

Найдите поустылѣвшій, разорванный обрывокъ рукописи XVII в. Требуется сложить части обрывка такъ, чтобы получилось дѣло варяженіе.

СОДЕРЖАНІЕ: Дульциньо (съ рис.)—Лѣсникъ. Разсказъ Б. М. Марковича (продолженіе).—На диконѣ. Разсказъ Фр. Герштенера.—Во прахъ минушаго. Очеркъ Р. Буденничъ.—Церковь Богдана Хитльничаго въ Переяславѣ (съ рис.)—Обратный путь изъ Авганистана (съ рис.)—Перлъ гарема (съ рис.)—Во внутренней Африкѣ (съ 2 рис.)—Новое изобрѣтеніе: Висячая желѣзная дорога (съ рис.)—Смертный бой подъ облаками (съ рис.)—Сильвестръ Ирнъ и его новое изобрѣтеніе (съ портр. и рис.)—Политическое оборотеніе.—Смѣсь.—Ребусъ.—Задача буквъ Шахматная задача.—Задача.—Объявленія.

Издатель А. Ф. Марксъ.

Редакторъ Ф. Бергъ.

С.-ПЕТЕРБУРГСКАЯ ТЕХНО-ХИМИЧЕСКАЯ ЛАБОРАТОРІЯ. Съ разрашенія С.-Петербургскаго Врачебнаго Управленія.

- Воде де Лясъ д'Елизаветъ. 1 р. 50 к.
Кремъ де Лясъ д'Елизаветъ 1 " "
Шудра де Лясъ д'Елизаветъ 75 к. и 1 р.
Глицеринное молоко 75 к.
Весеннее молоко 1 р. 25 к.

для красноты и сохраненія тѣла.

МАГАЗИНЫ ВЪ С.-ПЕТЕРБУРГѢ:

На Литейномъ проси., близъ Пантелеймоновской, № 25.
На Петербургской сторонѣ, по Большому проси., № 28.
Въ Москвѣ: по Тверск. ул., близъ Страстнаго монаст., д. Малкиеля.
Оптовый складъ и контора въ С.-Петербургѣ по Толмазову пер. противъ Гостиного двора д. № 2, куда гг. иногородне благоволятъ обратиться со своими заказами. Торговцамъ значительная скидка.
Подробные прейсъ-курранты (оптовые или розничные) высылаются немедленно и бесплатно.

Просимъ обратить вниманіе на фирму: С.-П.-ВУРГСКАЯ ТЕХНО-ХИМИЧЕСКАЯ ЛАБОРАТОРІЯ.

В И М Т Ъ

и ЕГО ПРАВИЛА.

2-е исправленное и дополненное изданіе. Ц. 80 к. съ перес. въ другіе города 1 руб.
Въ книжномъ магазинѣ Погова, по Новоскому проспекту, въ здании Пассажа. № 946 2—2.

ВОЛШОЕ ЕЖЕДНЕВНОЕ ИЗДАНІЕ

„НОВОСТИ“

„БИРЖЕВАЯ ГАЗЕТА“

Подписная цѣна: на 1 г. для иног. 9 р., для городск. 8 р., на 1/2 года для иног. в гор. 5 р., на 1 мѣс. для иногор. и городск. 1 руб. СШБ. Гореховая, 83, близъ Каменнаго театра. К. № 909. 10—5

Только что вышедъ въ свѣтъ и поступилъ въ продажу у всѣхъ извѣстныхъ книгопродавцевъ С.-Петербурга, Москвы и Казани

„НОВЫЙ ПОЛНЫЙ САМОУЧИТЕЛЬ“

ТАТАРСКАГО ЯЗЫКА,

или русководство изучится безъ посторонней помощи говорить и читать русскимъ по татарски а татарамъ по русски.

Составленъ по нѣваѣшимъ руководствамъ учителемъ Казанской татарской школы Ш. Санюкинымъ.

г. КАЗАНЬ.

Въ Университетской типографіи. 1880 года.

Цѣна 50 коп. съ пересылкою.

СЪ ТРЕБОВАНИИМИ благоволятъ обращаться ВЪ КАЗАНЬ, въ книжный магазинъ А. А. ДУБРОВИНА (Воскресенская ул., Гостиный дворъ, № 1-й).

Требованія исполняются немедленно.

№ 948

При единичныхъ требованіяхъ стоимость книги можно выслать почтовыми марками.

ДЕШЕВОЕ ДОМАШНЕЕ ОКРАШИВАНІЕ ВО ВСѢ ЦВѢТА

платевъ, лентъ, платковъ и проч., каеъ и всякаго рода матерій посредствомъ совсѣмъ приготовленныхъ съ подробнѣйшими наставленіями красокъ продающихся

въ аптекарскомъ магазинѣ КЕДЕРА и К° въ Москвѣ.

Цѣна пачки съ достаточнымъ для окрашиванія большаго дамскаго платка количествомъ краски 30 к., 1/2 пакета 15 к. и 1/4 пакета 15 коп. Торговцамъ значительная скидка. Краски эти составляютъ ходкій предметъ торговли, въ особенности въ городахъ, гдѣ нѣтъ красивыхъ заведеній.

Ц. № 904. 4—3

ВЪ МУЗЫКАЛЬНОМЪ МАГАЗИНѢ
М. БЕРНАРДА.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ,

Невскій проспектъ, № 10.

Разныя сочиненія для фортепiano въ
двѣ руки въ дешевомъ изданіи:

Бетховенъ. Всѣ сонаты 3 р. По-
пенъ. Полное собраніе сочинній, рос-
кошное изданіе въ 12 том. 7 р. 50 к.
Фильдъ. 17 поктюръ 60 к. Гайднъ
10 знамен. сонатъ 75 к. Мендель-
сонъ. Собраніе сочиненій въ 2-хъ том.
2 р. 50 к. Его же 48 пѣсенъ безъ
словъ 1 р. Моцартъ. Всѣ сонаты 2 р.
Его же 6 знамен. симфоній 1 р. Шу-
берта всѣ сонаты 1 р. 50 к. Альбомъ
самыхъ любимыхъ танцевъ Иоганна,
Иосифа, Эдуарда Страуса въ 6 то-
махъ каждый 1 р. 50 к. Огинскаго
полонезы 60 к. Альбомъ салонной
музыки въ 16 том., каждый 75 коп.
Бетховенъ 11 увертюръ 60 к. Бел-
лини и Россини 8 увертюръ 60 к.
Моцартъ 10 увертюръ 60 к. Шумана
увертюры 1 р. Вебера 10 увертюръ
60 коп. № 951

НОВЫЯ АМЕРИКАНСКІЯ МЕЛЬНИЦЫ.

важнѣйшія изобрѣтенія, не требу-
ющія мѣльника и отличающіяся простотою,
большою производительностью и дешевизною,
требую для помола того же количества хлѣ-
ба, 1/3 силъ жернововъ.

Вѣл. В вѣс. 16 п. измѣл. 10 пуд. въ часъ.
при 2 л. силлахъ цѣна 150 р.
Вѣл. 5 вѣс. 20 п. измѣл. 15 пуд. въ часъ,
при 4 л. силлахъ цѣна 200 р.
Вѣл. 3 вѣс. 30 п. измѣл. 20 пуд. въ часъ.
при 6 л. силлахъ цѣна 300 р.
мучина сортировка въ нѣмъ по 78 р.
Штифтовые молотилки.

учища изъ всѣхъ существующихъ системъ.
Ручныя 85 р., съ 1-нокованнымъ приводомъ 225
р., большаго двухъ конная съ соломотрясомъ
и приводомъ 340 р.

Стѣнные прессы ручные по 175 р.
Безпрерывно вращающ. ручной кирпичный
прессъ.

Самый прочный, простой и дешевый. Тре-
ма работчица можетъ быть изготовлено въ
сутки отъ 4 до 5000 кирпичей, получае изъ
той же крѣпости, какъ при ручной прессов-
кѣ. Вѣсъ пресса 50 пуд. цѣна 300 руб.
Локомотивы, паровыя машины, котлы, то-
карные и проч. станки, пилы, борозки, вѣ-
шалки, соломотряска, сѣялки, жассы, ковар-
ныя трубы и пр., и пр., имеются въ нали-
чности у

ТОВАРИЩЕСТВА
БУРГАРДТЪ и УРЛАУВЪ

С.-Петербургъ Вас. Остр., 1 линия, № 10.
Москва, Мясницкая, д. Ситова.
№ 911 5-4

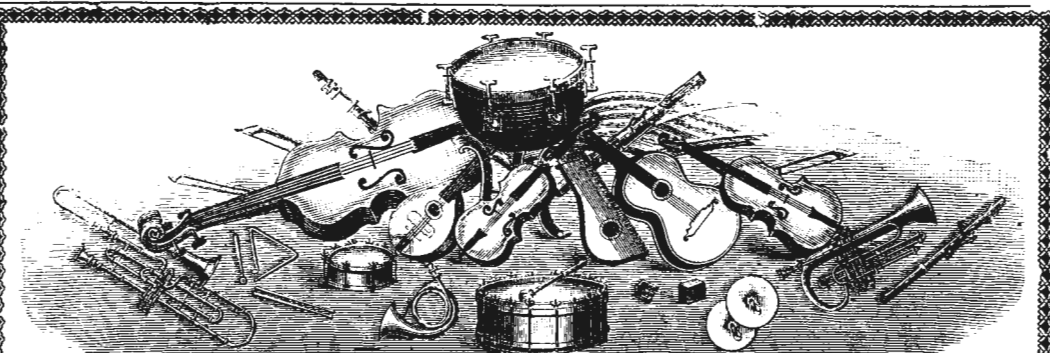
НОВОСТИ № 4

ВЫШЛИ ИЗЪ ПЕЧАТИ И ПРОДАЮТСЯ
ВЪ МУЗЫКАЛЬНОЙ ТОРГОВЛѢ

П. ЮРГЕНСОНА.

Москва, Неглинный проездъ, № 10.

Вортманскій: 26 духовно-музыкальныхъ
сочиненій, переложенныхъ на 4 мужскихъ
голосовъ Соколовымъ. Партитура 2 р., го-
лоса 2 р. Дарломъжскій А. Русская опера
2 руки in 8°, 3 р. Henselt, A. Romance de
Tschaiikowsky. То было раннее весело, а
2-е 50 к. Маркса В. А. Всевобшій учеб-
ный переводъ профессора А. Фаминина,
3 р. 50 к. Келлера, Л. Проложаніе фор-
тепiano; практическіе совѣты, наблюденія и
замѣтки 2 р. Мейра, Olivier. Sérénade. Cé-
lèbre valse espagnole. Для военного орке-
стра 1 р. Рубинштейна, А.: Ор. 34. Тетр-
1. Переводка пѣсни для низкаго голоса (2-я
тетрадь вышла прежде) 1 р.—№ 1. Зудельна
Nicht mit Engels 30 к.—№ 2. Каль на зем-
дъ Mein Herz schmückt 30 к.—№ 3. Каль
увижу твою ножку Seh ich deine zarten
Fueschen 30 к.—№ 4. Розанъ Es hat die
Weise sich beklagt 30 к.—№ 5. Тому, кто
хочетъ жить Die Weise guter Zecher ist
30 коп.—№ 6. Пасъ по одній дорогѣ Ich
fühle deinen Odem 30 к. Тschaiikowsky: По-
пурри изъ оперы „Евгеній Онегинъ“, въ 2
руки, 1 р. 25 к.—Тоже въ 4 руки, 2 руб.
Верди, „Аида“. Повурри въ 4 руки 2 руб.
Wieniawski, C. Op. 2-me Valse de Concert
а 2 въ 80 коп. П. М. № 954

ГЛАВНОЕ ДЕПО МУЗЫКАЛЬНЫХЪ ИНСТРУМЕНТОВЪ

Юлія Генриха Циммермана.

С.-Петербургъ, по Большой Морской улицѣ, № 42.

рекомендуетъ вновь полученные изъ самыхъ извѣстнѣйшихъ Парижскихъ, Вѣнскихъ и Италъ-
янскихъ фабрикъ по фабричнымъ цѣнамъ:

Сиринки по 2 1/2 р., 5 р., 8 р., 12 р., 20 р., 30 р., 50 р., 100 р. и дор.
Смычки для скрипокъ по 50 к., 1 1/4 р., 2 р., 3 р., 6 р., 10 р. и дор.
Футляры для скрипокъ по 5 р., 6 р., 10 р., 12 р., 20 р.
Школы для скрипки (самоучитель) по 2 р., 3 р., 4 р. и 5 р.
Альты по 9 р., 15 р., 30 р., 50 р. и дор.
Виолончели по 20 р., 30 р., 40 р., 50 р., 80 р., 100 р. и дор.
Нонтрабасы по 45 р., 65 р., 100 р., 120 р.
Цитры по 14 р., 16 р., 25 р., 35 р., 50 р., 75 р. и дор.
Школы для цитры по 2 р. и 3 1/2 р.
Гитары по 5 р., 7 р., 10 р., 15 р., 20 р., 30 р., 50 р. и дор.
Школы для гитары (самоучитель) по 1 1/2 р., 2 р., 3 р.
Мандолины по 10 р., 20 р., 30 р., 40 р. и дор.
Итальянскія струны для всѣхъ инструментовъ.
Наммертоны метронуи и всѣ принадлежности.
Жезлы складныя ципитры по 2 1/2 р., 5 р., 6 р.
Шарманки по 12 р., 20 р., 30 р., 40 р. и дор.
Итальянскіе ручные органы по 150 р., 200 р., 250 р.
Музыкальные ящики по 2 р., 4 р., 6 р., 10 р., 25 р., 35 р.,
40 р., 65 р., 90 р., 100 р. и дор.
Нѣмецкія ручныя гармоніи по 4 1/2 р., 5 1/2 р., 7 р., 10 р., 12 р.,
15 р., 20 р., 25 р., 30 р., 35 р. и дор.
Самоучитель для гармоніи 1 р., 4 тетради нотъ по 75 к.

Заказы изъ провинціи исполняются немедленно и аккуратно. Пересылка на счетъ покупателя.
р. № 958 Всѣ эти инструменты очень удобны для подарковъ въ рождество. 3-1

невскій проспектъ № 54.

НЕВСКІЙ ПРОСПЕКТЪ № 54.
СКЛАДЪ
ХРУСТАЛЬНОГО ЗАВОДА.
„НОВЫЙ СВѢТЪ“ (въ Богеміи)
ГРАФА ГАРРАХА,
переведенъ и опять открытъ
НА НЕВСКОМЪ ПРОСПЕКТѢ № 54,
напротивъ публичной бібліотеки съ 18 сего мѣсяца.
Складъ снабженъ вполне новымъ товаромъ, и
Р. Т. публика приглашается осмотрѣть послед-
нія новинки особенно выдающихся изящныхъ
сервизовъ и роскошныхъ другихъ хрустальныхъ
предметовъ.
Цѣна противъ прежнихъ на 15% дешевле.
В. № 959. 2-1
НЕВСКІЙ ПРОСПЕКТЪ № 54.

МОНОГРАММЫ

самыхъ новѣйшихъ рисунковъ на роскошной бумагѣ. Заказы исполня-
ются аккуратно и скоро. Цѣна самая умѣренная.

Г. ПЕТО. С.-ПЕТЕРБУРГЪ, КАРАВАННАЯ 14—16.

За три почтов. марки (по 7 к.) высылаю въ заграничъ бандеролъ образцы монограммъ,
нѣкихъ рисунковъ, образцы бумаги и префсъ-курantzъ.

ВЪСЫ ДЛЯ ПИСЕМЪ

необходимыя всякому купцу, торговцу и во всякомъ хозяйствѣ. Эти вѣсы можно
помѣстить въ бумажнѣ или въ портманѣ и не смотря на взыщную работу и точность
вѣсовъ, цѣна 60 к. съ пересылкою 75 к. (11 почт. марокъ 7 к.). № 943 5-2

КЕДЕРСКАЯ
ДУШИСТАЯ ВОДА
Ц. № 902 12-5

ОТЪ СОЛИТЕРА
и другихъ глистовъ спеціально и скорое из-
леченіе въ Гигіенической Лечебницѣ. Петер-
бургъ, Владимирская ул., д. № 15. Лечение
возможно и письменно. Тутъ-же печатаетъ и
отъ сыпи (лида), заразныхъ болячекъ.
К. № 961 10-1

СКЛАДЪ ШВЕЙНЫХЪ МАШИНЪ ВСѢХЪ СИСТЕМЪ,

американскихъ, англійскихъ и нѣмецкихъ
конструцій для семействъ и ремесленныхъ
заведеній.

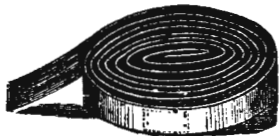
А. ШТЕЙНЪ
въ С.-Петербургѣ.
Вознесенскій
просп., д. № 21.

Продажа оптомъ и въ розницу.
ЦѢНЫ ФАБРИЧНЫЯ.

Ручныя машины 20 разныхъ конструцій отъ
12 до 45 руб.
Ножныя машины 40 разныхъ конструцій
отъ 35 до 350 руб.
Уш. для вязанія, шитья перчатокъ, пласе-
БЕЗПЛАТНО ВЫСЛАЮ
подробный прейсъ-курantzъ

ГЛАВНОЕ АГЕНТСТВО ДЛЯ ВСЕЙ РОССІИ
фабрики Розенбергъ и Френкель въ Берли-
нѣ, спеціальныхъ машинъ, шьющихъ варной
дратовой, для сорныхъ, каретныхъ, пару-
синныхъ и войлочныхъ мастерскихъ, для
мѣшковыхъ и военныхъ голенищъ.
Фабрика Юлиусъ Гутмана въ Берлинѣ
спеціальн. машинъ для выметыванія петель
въ сукнѣ, бѣльѣ, дамскомъ вардѣ и обуви.
Фабрика Линцъ и Еммертъ въ Берлинѣ
спеціальная машина для вышиванія въ ба-
тестѣ, тѣлѣ, шерстяной и шелковой мате-
ріи, войлокъ, сукна и т. д.
Складъ игловоѣ, отбѣльныхъ частей и масла
къ швейнымъ машинамъ, бумага, шелку и
ниткамъ. К. № 906. 10-3

ГРОМАДНЫЙ ВЫБОРЪ
ДЛЯ ПРИДАНОГО И ХОЗЯЙСТВА
хрустала, столовой, чайной и ме-
таллической посуды. Самыя умѣ-
ренныя цѣны.
Вѣнскіе буквовые гнутые стулья
дюж. 25 р.
ВЪ МАГАЗИНѢ
AU VON MARCHE
Больш. Морская, № 34, Штанге.

ЛУЧШЕ АМЕРИКАНСКІЕ
КОЖАНЫЕ ПРИВОДНЫЕ
РЕМНИ.
ЛУЧШАЯ АМЕРИКАНСКАЯ
ПОДОШВЕННАЯ КОЖА
ГЕМЛОКЪ.

Американскія лопаты, вилы для сѣна и навоза, грабли, топопены, гаечные ключи, ящики-раскрыватели и т. п.

Г. М. ХУТТОНЪ И К^о.

Мал. Морская, д. № 14.
Москва, Большая Лубянка, д. Ивановскаго монастыря. бывший Мазуриной.

На Нижегородской ярмаркѣ, въ зданіи каменнаго театра.
К. № 907 5-3

АПТЕЧКА-ЛЕЧЕБНИКЪ

Доктора медицины СТАРЦОВА, съ лекарствами, релентами, перевязочнымъ матеріаломъ и РУКОВОДСТВО въ леченію болѣзней, очень полезная для самопомощи заболѣвшимъ въ дорогѣ, деревнѣ, на околѣ. Придается въ аптекахъ (С.-Петербург. 1) ЕКАТЕРИНИНСКОЙ, Вас. Ост., 1 дна. 2) НЕВСКОЙ у Анничкова моста, въ Москвитъ въ аптекѣ ФЕРРЕЙНА на Никольской ул. Цѣна 12 руб. За пересылку 1 р. свыше 1000 вер. 2 руб. № 944 2-2

ВЪ ЦЕНТРѢ ГОРОДА.

На свидѣніе вечера и поминальные ОБѣДЫ, очень дешево и добросовѣстно выполняетъ заказъ. Кухинисторъ А. Шеметовъ, Казанск. ул., к. № 37 к. № 4. № 945 3-2

СКРИПКИ

обст-енной работы! получившія награду въ Дюссельдорфѣ 1880 г. за отличныя качества!

отъ 4-30 М., знаменитыхъ мастеровъ 30-200 М.
Смычки 1-30 М., футляры 3/2-40 М.
Гитары 4-50 М. Струны превосходной прочности съ ручательствомъ. Патент. именная сиринка для ученія (особенное изобрѣтеніе). Альты, виолончели и басы. Починки реком. Аполонія. Контсыі, Дир. Варш. Консерв., Вильгельми, Сарасате, Сора, Зингеръ и т. д. Вывозъ за границу. Торговцамъ скидка. Прейсъ-куранты бесплатно.

БРАТЯ ВОЛЬФЪ.

Фабрика струнныхъ инструментовъ, КРЕЙЦ-ЧАХЪ. К. № 956. 3-1

**НАШИ
ПОРОШОКЪ И МАСЛО**

для чистки жѣдкихъ вещей
придается самоарамъ, подбѣзничкамъ, авершимъ и оконнымъ приборамъ, кухонной посудѣ и проч.

совсѣмъ особенный блескъ
и продается по 30 к. за палу.
Для чистки же ножей, ножищъ и пр. стальныхъ вещей
какъ и для чистки
БРОНЗЫ и СЕРЕБРА
рекомендуемъ наши англійскіе порошки

Р. РЕЙЛЕРЪ И К^о.
въ МОСКВѢ,

магазинъ аптекарск. товаровъ.
Никольская, на углу Черкас-
ц № 905 скаго пер. 8-3

**КОММЕРЧЕСКАЯ СКОРОПЕЧАТНЯ
ЕВГЕНІЯ ТИЛЕ.**

С.-Петербургъ, Галерная, № 13.

Принимаютъ напечатаніе типографскихъ и литографскихъ работъ.

ПРЕЙСЪ-КУРАНТЫ
БЛАНКЕТЫ
НАКЛАДНЫЯ, КВИТАНЦІИ
КОНОСАМЕНТЫ
ФОРМУЛЯРЫ, ОБЪЯВЛЕНІЯ
СЧЕТЫ
ТАБЛИЦЫ, ЦИРКУЛЯРЫ
ВѢСЕЛЯ
ВЗИТАНЫЯ КАРТОЧКИ
МОНОГРАММЫ

PREIS-COURANTE
BLANQUETTE
FRACHTBRIEFE, QUITTUNGEN
CONNOSSAMENTE
FORMULARE, BEKANNTMACHUNGEN
RECHNUNGEN
TABELLEN, CIRCULARE
Wechsel & Anweisungen
Visitenkarten
Monogramme

и проч. u. s. w.

Для предстоящей Московской выставки въ 1881 году принимаю заказы на печатаніе объявленій, тарифовъ и т. п. въ самомъ изящномъ и роскошномъ исполненіи,

СКЛАДЪ ПОЧТОВОЙ БУМАГИ И КОНВЕРТОВЪ
СЪ ФИРМОЮ И ВѢЗЪ НЕЯ.

МѢШКИ И КОНВЕРТЫ НА САРЯННЪ

для денегъ и денежныхъ посылокъ.

КОНТОРСКІЯ И КОПИРОВАЛЬНЫЯ КНИГИ.

Изданіе КОММЕРЧЕСКІЙ ДНЕВНИКЪ.

С.-ПЕТЕРБУРГСКАЯ ХИМИЧЕСКАЯ ЛАБОРАТОРІЯ.

Съ разрѣшенія С.-Петербургской Врачебной Управы.

ПУДРА ВЕЛЮТИНЪ придаетъ кожѣ изысканную и особенно свѣтлую видъ замѣняетъ вселую рисовую пудру и бѣлмъ, коробка 60 коп.

ПУДРА ДОНГОЛА ровная, охлаждающая лицо, кор. 30 к.

КРЕМЪ ОРИЗА 1 р. РУМЯНА и БѢЛИЛА, сухія и жидкія.

ОСТЕРЕГАТЬСЯ ПОДРАЖАНІЙ

въ которыхъ пріобрѣтотъ извѣстные фабриканты, прилагая названія фирмъ, близки подходящихъ къ фирмъ С.-Петербургской Химической Лабораторіи, и копирующіе наружній видъ произведеній ея.

Обращать вниманіе при покупкѣ всякаго предмета на точность фирмы:

„С.-П.-БУРГСКАЯ ХИМИЧЕСКАЯ ЛАБОРАТОРІЯ“.
ЕДИНСТВЕННЫЯ МАГАЗИНЫ ВЪ С.-ПЕТЕРБУРГѢ:

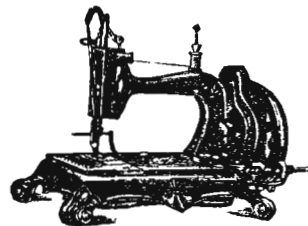
- 1) Невскій проспектъ, д. № 32, Католич. церковь.
- 2) Невскій просп., у Анничкова моста, № 66.
- 3) Вознесенскій просп., уголъ Казанской ул., докъ № 18-54, Прѣдерея.

Во всѣхъ магазинахъ и лавкахъ, имѣющихъ вывѣски, сходныя съ вывѣскою С.-Петербургской Химической Лабораторіи, ей не принадлежатъ. 2-1

**ЗАГРАНИЧНАЯ ФАБРИКА ШВЕЙНЫХЪ МАШИИЪ
ГРИММЕ, НАТАЛИСЪ и Комп.
АНЦИОНЕРНОЕ ОБЩЕСТВО**

Единственная въ Россіи, которая держитъ свой оптовый складъ исключительно для продажи гг. торговцамъ: Москва Б. Лубянка. Настоящія фабричныя цѣны (включая только провозъ и пошлины). Всѣ машины своего издѣлія, снабжены фабричною привилегированною медалью. За постоянный хорошей товаръ онѣ получили медали на всѣхъ выставкахъ и слѣдующій отзывъ Всемирной выставки въ Сиднѣ 1880 г.: «Реноменъ двухъ машинъ фабрики Гримме, Наталисъ и К^о, какъ издѣлія перваго достоинства». Официально публиковано правительствомъ въ «г. Правит. Вѣстникѣ»).

Зингеръ,
Гау,
Саксонія,
Гроверъ и Бадеръ,
Видлеръ и Видльсонъ,
Вилькофсъ и Гибсъ.

Линкольнъ,
Вашингтонъ,
Принцессъ,
Миньонъ,
Супериоръ,
Эластикъ,

Машины съ новыми усовершенствованіями.

Въ мѣстностяхъ гдѣ еще не производится торговля машинами этой фабрики, ищутъ агентовъ. Продажа неограниченная и доставляетъ хорошіе проценты. Бесплатное ученіе, подробные русскіе руководства, кожаныя коробки для аппаратовъ, вышивные альбомы, штатимы для объявленій, указовка и проч. Машины тщательно пересмотрѣны. Л. № 939 2-1но

!! НЕ НУЖНО РАСТОПОКЪ !!

Новѣйшее изобрѣтеніе, необходимое для всякаго хозяйства. Самое дешевое, простое и вѣрное, скорое и опрятное средство для разведенія огня подъ плитомъ, въ печахъ и каминахъ безъ мелкихъ дровъ и растопокъ.

**Привилегированный не-
стараемый камень**

для растопки печей. Цѣна 50 к. Гг. ииогородные при заказѣ не менѣе 3 хъ штукъ съ пересылкою во всѣ города Имперіи на расстоіаніи не болѣе 2500 верстъ - 2 р., болѣе 2500 верстъ, - 3 руб. Гг. торговцамъ дѣляется уступка.

Единственный складъ для всей Россіи: Пбуръ, Невскій пр. № 11, Ф. Клопперъ.

Продажа въ Торговыхъ домахъ: 1. А. Кумбергъ, Большая Морская № 12 и Л. Э. Дмоновскій и К^о, Адмиралтейская площадь, № 10; Э. Винтеръ, Невск. № 49; Л. Цюлковскій и К^о Невск. № 54; А. Венцель, Казанск., № 3; Мининтошъ, Михайловск., № 4; Н. Мальмъ, Б. Морск. № 36; Саполь, Среди. Мѣщанск. № 25; въ главной конторѣ „Библиотека. Библиотека“, Невск., № 66 и ея отдѣленіяхъ и въ другихъ магазинахъ и торговыхъ освѣтительными матеріалами. Въ Москвитъ главн. складъ у Л. Метцель, старая площадь Мичнигеръ Въ Одессѣ у Ф. Морсъ, д. Вагнера, въ Ригѣ у Герм. Штида.

**ВСѢХЪ МАШИИЪ И МЕХАНИЧЕСКИХЪ
ПРИБОРОВЪ**

приготовляемыхъ въ Германіи, Франціи и Бельгіи, доставляеть по настоящимъ фабричнымъ цѣнамъ, прилагаетъ на себя отправку до послѣдней станціи желѣзной дороги за удобренную комиссію.

Морицъ Вейгъ младшій. Машинная фабрика въ Франкфуртѣ на Майнѣ (Германія). Р. № 841 18-6

По присылкѣ 75 коп. почтовымъ марками, посылка большой иллюстрированный альбомъ франко, (какимъ)

ИЗВѢСТНЫЯ КОРСЕТЫ Меріо: дамскіе 3, 4, 5, 6 р.; дѣтскіе, по возрасту, отъ 1 р. до 4 р. 50 к. *Лаван. манас. Меріо, Волочан. Морская, д. № 39, Свб. № 929 10-3*

!! ДО 80% УСТУПКИ !!

Настѣдники натуральныхъ лантарныхъ колеи, прежде принадлежавшихъ пономойму Бараскуну, имѣютъ честь объявить гг. попутателямъ, что они вслѣдствіе открытія въ своихъ коихъ огромнаго количества лантаръ, понижаютъ его цѣну до 80%, смотря по величинѣ. Этими баснословно дешевыми цѣнами надѣются они возобновитъ славу настоящаго лантара, значитъ льно давнюю въ послѣднее время, по случаю ничтожныхъ и вредящихъ здоровью поддѣлокъ.

ЦѢНЫ
МУНДШТУКОВЪ для папиробѣтъ изъ настоящаго, натуральнаго лантара съ гарантіей неподдѣльности

въ изысканныхъ футлярахъ:
№ велич. пречная теперь сантиметр. цѣна. только
1 10 12 р. 4 р. — к.
2 9 11 „ 3 „ 25 „
3 8 9 „ 2 „ 80 „
4 7 8 „ 2 „ 55 „
5 6 7 „ 1 „ 80 „

Обязуемъ въ продолженіи 4-хъ недѣль со дня вѣлаго объявленія не понижать означенную цѣну.

Натуральная величина лантарнаго мундштука 7 сант. Заказъ просимъ доставлять нашему представителю

Л. МЕТЦЛЬ.
Москва, Старая площадь, докъ Мичнигеръ, въ бездѣлѣ.
Гг. ииогородныхъ проситъ прилагать на почтовый расходъ. Пересылка производится Ц. № 956

ПАВЕЛЬ БУРЕ

ФАБРИКАНТЪ ЧАСОВЪ

поставщикъ Высочайшаго Двора,
часовыхъ дѣлъ мастеръ
Императорскаго Русскаго флота

Его Импер. Высоч. Великаго Князя
Константина Николаевича.

Рекомендуетъ въ большомъ выборѣ:
Карманные, наплетные, столовые золочен-
ные, столовые вкрапленные, столовые англій-
скія съ курантами и стѣнные часы.

Ручательство на 2 года.

Постоянный выборъ золотыхъ мужскихъ и
дамскихъ часовъ.

МАГАЗИНЪ И МАСТЕРСКІЯ

въ С.-Петербургѣ, Невскій просп., № 28.

Фабрика въ Доклѣ (Шейндарія).

Подробный прейсъ-курантъ высылается по
требованію бесплатно. № 880 33-5

ТОРГОВЫЙ ДОМЪ

С. В. ВЕДЕРНИКОВА

Гостинный дворъ, № 123.

Получилъ для осенняго и зимняго сезона готовыхъ дамскихъ вещей
ПАРИЖСКІЯ МОДЕЛИ

Пальто, мантеле, жакеты и Sur-touts.

Фасоны: Fanchonette, Richard, Stuart, Dinorah, Faust, Attaché Chinois, Tirol, Lutin.
Изъ матерій: Pelusch, Rips-long, Bombé, Jung, Baccaccio, Camtschatka, Zullu-norpe
и др. модн. полупелле. и шерст. тканей.

Большой выборъ осеннихъ вещей, приготовленныхъ по моде-
лямъ, изъ Бархата, Сесльянъ Драп-де-Суа, Каммиръ-Суа, Сатинъ-Суа и Армиюръ.

ДАМСКІЕ КОСТЮМЫ

Модели: и приготовленные по онымъ изъ разныхъ новѣйшихъ шелковыхъ и шер-
стяныхъ тканей.

Большой выборъ дѣтскихъ нарядовъ, мѣховыхъ вещей, мѣ-
ховъ разныхъ и мѣховыхъ отдѣловъ.

PS. Модели могутъ быть получены по истеченіи 3-хъ дней со дня покупки.

Магазинъ принимаетъ заказы только изъ матерій, выборъ ко-
торыхъ находится въ магазинѣ.

№ 925 3-2

ОБЩЕСТВО ВОДОЧНАГО ЗАВОДА

БЕКМАНЪ И К°

устроило рядомъ со своимъ во-
дочнымъ заводомъ, въ совершен-
но новомъ, исключительно для се-
го приспособленномъ зданіи и от-
крыло въ январѣ 1880 г.

ЗАВЕДЕНІЕ ИСКУССТВЕННЫХЪ МИ-
НЕРАЛЬНЫХЪ ВОДЪ

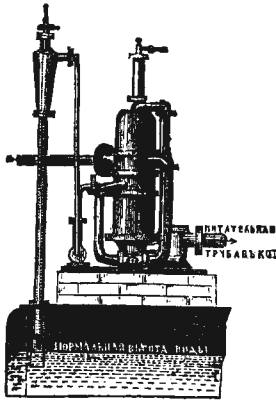
подъ тою же фирмою Бекманъ и К°,
въ которомъ готовятъ также та-
же ягодныя и фруктовыя воды,
а равно и лимонады.

Коломенской части, Перевоз-
ная ул., д. № 6. в. № 868 10-9.

С. Г. КОНФЕЛЬДЪ.

ДРУГЪ КОЧЕГАРА.

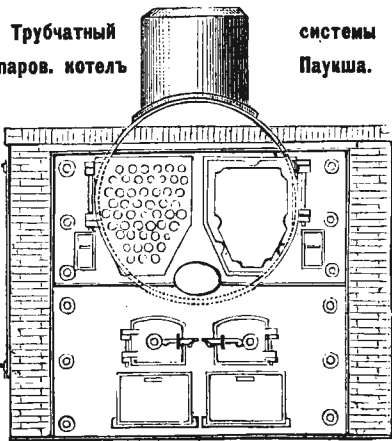
Воскря-
щая труба
изъ выше или
ниже коло-
дезнаго во-
дочнаго резер-
вуара.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Большая Мо-
сковская, д. № 6.

МОСКВА.

Красныя воро-
та, д. Ададу-
рова.

Трубчатый паров. котель системы Паушша.

Богѣе 2000 въ дѣйствиіи

Автоматическій питающій аппаратъ.

Главный представитель для Россіи Г. Паушша въ Ландсбергѣ н/В. и другихъ извѣстныхъ иностранныхъ
заводовъ, предлагаетъ поставку машинъ лучшихъ надѣль съ установкою и ручательствомъ.

1) Патентованные трубчатые паровые котлы системы Паушша и
и паровики другихъ конструкций.

2) Паровыя машины различныхъ конструкций.

3) Турбины и водяныя двигатели.

4) Полное устройство паровыхъ машинъ фабрикъ.

5) Устройство кирпичныхъ заводовъ.

6) Устройство паровыхъ винокуренныхъ заводовъ съ ручатель-
ствомъ при примѣненіи патентованнаго универсальнаго о солодо-
ваго аппарата для выкурки зерна, майса и картофека.

7) Разные предметы, какъ-то: лекобояныя съ патентованными выдвигаемыми трубами; инструментальныя машины, насосы,
устройство газовыхъ заведеній, патентованные автоматическіе котлопитающіе аппараты „ДРУГЪ КОЧЕГАРА“ (Ягль) и другіе
различные предметы: какъ-то: стѣны, болты, гайки, инструменты и т. д.

Отзывы и свидѣтельства о произведенныхъ поставкахъ, а равно отзывы и свидѣнія, всегда къ услугамъ желающихъ. Чертежи и
сѣтки готовятся въ самое непродолжительное время.

Относительно патентованнаго котлопитающаго аппарата считаю долгомъ присовокупить, что таковой значительно усовершенство-
ванъ и производительность его увеличена. Отзывамъ русскихъ промышленниковъ и заводчиковъ о дѣйствиіи сего аппарата, всегда къ
услугамъ желающихъ. № 953 3-1

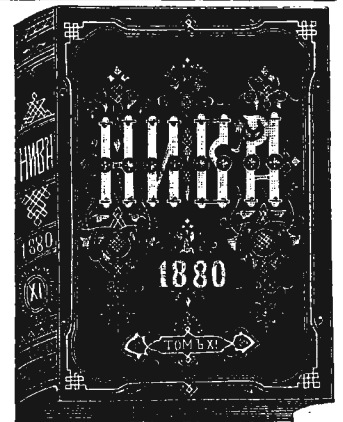
7) Устройство сахарныхъ заводовъ съ новѣйшимъ диффузион-
нымъ примѣненіемъ.

8) Мельничная мельница съ устройствомъ чугунныхъ и фар-
форовыхъ вальцовъ.

9) Машины для обработки дерева для столярныхъ и лапу-
ныхъ заведеній.

10) Устройство торфяныхъ заводовъ.

11) Устройство фильтровъ для воды, употребляемыхъ для пита-
ния паровиковъ, котлы устроены органическія части въ водѣ
и тѣмъ значительно уменьшается образованіе накипи въ паровикѣ.

КРЫШКИ для переплета „НИВУ“ и т.
лучшаго англійскаго календора съ
золот. тисненіемъ за 1880 г. и также
на 1881 г. по вышесказанному обра-
цу 1 р., съ перес. 1 р. 50 к. Каждый
простой переплетчикъ легко можетъ
переплести „НИВУ“ въ такую ко-
ленкорную крышку.

Также имѣютъ крышки для „НИВУ“
прежнихъ лѣтъ т. е. отъ 1870—
1879 гг. по той же цѣнѣ.

ОТЪ ЛОСКУТНОЙ ГОСТИНИЦЫ
въ Москвѣ.

на Тверской улицѣ, домъ Макс. Еф. Попова.
Вышесказанный пожаръ въ домѣ г. Фирсакова
18-го сентября, повредило было въ Лоскут-
ной гостиницѣ около 30 №№, которые уже
вполнѣ исправлены и приведены въ прежній
видъ, о чемъ управленіе Лоскутной гостини-
цы и звѣщаетъ господъ прѣзжающихъ
въ Москву. При семъ просовокупляетъ, что
количество въхъ номеровъ 150 и отдѣлами
она завою. Ц. № 934 3-3

ВНОВЬ ОТКРЫТЫЙ МАГАЗИНЪ

А. В. ТОТЪ,

(Невскій просп., д. № 13, уголъ Больш. Морской бѣль этаж., кв. № 22).

Рекомендуетъ самыя новыя и изящныя предметы женскихъ ру-
ководья, игрушки и галантерейные товары въ большомъ выборѣ
за умеренныя цѣны. № 957.

При этомъ № прилагаются для гг. иногородныхъ подписчиковъ 1) объявленіе отъ книжнаго магазина И. Л. Тузова въ С.-Петербургѣ, 2) прейсъ-
курантъ отъ чайнаго магазина Ф. Алдасима въ Москвѣ. (Послѣдній за исключеніемъ московскихъ подписчиковъ).

Доволено цензурою С.П.В. 23 октября 1880 г.

Надѣль А. Ф. Маркса въ СПбургѣ.

Библиотека Гунтисер № 10.

ПОЛНОЕ УСТРОЙСТВО ТИПО. и ЛИТОГРАФІЙ

СЪ ДОСТАВЛЕНІЕМЪ ЛУЧШИХЪ МАТЕРІАЛОВЪ

принимаетъ на себя Р. И. ШНЕЙДЕРЪ, редакторъ „Обзора Графическихъ Искусствъ“
(С.-Петербургъ, Большая Морская, № 15).

Дѣло принадлежностей тисненія.

Благодаря своей болѣе, чѣмъ 30-ти-лѣтней опытности, приобретенной въ качествѣ
типографика, я могу сообщить моимъ уважаемымъ клиентамъ самыя практическія со-
вѣты и указать самыя лучшія и дешевѣйшія источники. Въ настоящее время я имѣю
возможность за 500 руб. по тавить цѣлую небольшую типографію для мелочныхъ ра-
ботъ со скоропечатною машиною и всѣмъ необходимымъ матеріаломъ для печатанія
циркуляровъ и картъ. № 923 4-8

XI годъ
№ 44

годъ XI
1880

ВЫХОДИТЪ ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫМИ №№ ВЪ ДВА ЛИСТА СЪ 6—10 РИС. И ЕЖЕМЕСЯЧН. ДАРОВЫМЪ ПРИЛОЖЕНІЕМЪ „ПАРИЖСКИХЪ МОДЪ“ (отъ 20 до 40 модн. рис.)
и ЛИСТА ЧЕРТЕЖ. ВЫПРОЕКЪ (отъ 22 до 30 рис.) разн. рис. рукод. работъ (отъ 20 до 40 рис.) Цена этого № „Нивы“ 20 к. съ перес. 26 к.
Выдастъ 1 Ноября 1880 г.

Открыта подписка на 1881 годъ.

Подписная цѣна на годовое изданіе „НИВЫ“.

Безъ доставки въ Петербургъ . . .	4 р.	Съ доставкою въ Петербургъ . . .	5 р.	Безъ доставки въ Москву черезъ кн. ма- газины гг. Шапошникова, Соловьева, Лангъ, Девяткина и Живарева	5 р.	Съ пересылкою въ Москву и другіе города Россіи	6 р.
--------------------------------------	-------------	-------------------------------------	-------------	---	-------------	--	-------------

За границу: съ перес. въ Австрію, Германію, Францію, Италію и друг. госуд. 8 руб.

Просимъ гг. иногородныхъ подписчиковъ не замедлить возобновленіемъ подписки, такъ какъ, при общемъ числѣ 55,000 подписчиковъ, приготовленіе печатныхъ адресовъ требуетъ много времени.

Подписка на 1880 г. продолжается. Подписавшійся получаетъ журналъ съ перваго номера со всѣми преміями.

КОНТОРА ЖУРНАЛА „НИВА“ ПОМѢЩАЕТСЯ ВЪ С.-П.-БУРГѢ НА Б. МОРСКОЙ, ВЪ Д. № 9.

При этомъ № прилагаются ПАРИЖСКИЯ МОДЫ за НОЯБРЬ 1880 г. съ 35 рисунками и отдѣльный листъ съ 24 чертеж. выроекъ въ натуральную величину и съ 27 рисунками рукодѣльныхъ работъ.

ИЗСЛѢДОВАТЕЛЬ ДРЕВНЕЙ ТРОИ.

Генрихъ Шлиманъ, получившій въ послѣднее время такую огромную извѣстность своими замѣчательными изслѣдованіями Трои, открывшій старинныя гробницы царей Микены, возстановивъ передъ образованнымъ міромъ картину сѣдой древности, эпохи воспѣтой Гомеромъ, послѣ того, какъ многіе ученые напрасно трудились надъ разрѣшеніемъ этой любопытной задачи. Настоящія занятія Шлимана—это мечта его ранней юности. Сынъ пастора, еще восьми-лѣтнимъ, по натурѣ своей склонный ко всему чудесному и таинственному, онъ былъ необыкновенно заинтересованъ разсказами (читанными имъ во „всеобщей исторіи“ съ картинками) о горячей Тройѣ. Въ своемъ дѣтскомъ увлеченіи всѣ эти исторіи онъ принималъ за дѣйствительныя и твердо рѣшился откопать стѣны Трои. Очень быть можетъ, что если бы отецъ его былъ педагогъ, онъ постарался бы выяснитъ ребенку, что поэзія Гомера—простая сказка. Но этого не случилось и мальчикъ съ восторгомъ думалъ о разрѣшеніи своей будущей задачи.

Послѣдующіе годы его жизни также мало способствова-

ли къ тому, чтобы онъ разубѣдился въ своихъ мечтаніяхъ. На четырнадцатомъ году, вслѣдствіе затруднительныхъ денежныхъ обстоятельствъ его семьи онъ долженъ былъ выйти изъ школы и поступилъ прикащикомъ въ мелочную лавку, въ Мекленбургъ. Виродолженіи пяти съ половиною лѣтъ, продавая всякую всячину, подметая лавку, онъ не забывалъ завѣтной мечты.

Однажды онъ былъ сильно удивленъ, увидя входящаго пьяницу-мельника, получившаго нѣкогда хорошее воспитаніе, который съ пафосомъ началъ декламировать стихи Гомера. Хотя молодой Шлиманъ ничего не понималъ въ нихъ, но вслѣдствіе ескій языкъ такъ на него подействовалъ, что онъ разрыдался. Три раза мельникъ долженъ былъ повторять божественные стихи, и за это Генрихъ поднесъ ему три ставана водки, на что иврасходовалъ все свое тогдашнее богатство.

Второй періодъ жизни Шлимана, время практической жизни, начинается съ поступленіемъ его въ контору Кюльна въ Амстердамъ. Судьба не баловала Шлимана и онъ усердно трудился,

Генрихъ Шлиманъ. Съ фотогр. грав. Бончъ.

чтобы какъ нибудь улучшить свое положеніе. Прежде всего онъ принялся за изученіе иностранныхъ языковъ, необходимыхъ для купца. Любовь къ труду, поразительное прилежаніе и неистощимая дѣятельность, были всегда отличительными чертами характера Шлимана.

При такой усиленной дѣятельности становится отчасти понятно, какъ этотъ человекъ могъ выучиться въ молодости почти двѣнадцати языкамъ. При изученіи языковъ онъ придерживался собственнаго метода. Онъ громко читалъ и взаимно переводовъ самостоятельно писалъ на этихъ языкахъ. Написанное исправлялъ подъ руководствомъ учителей, заучивалъ это наизусть и въ слѣдующій урокъ уже говорилъ это учителю. Такъ онъ выучился по англійски, затѣмъ по французски и наконецъ сталъ учиться по русски. „Но такъ какъ у меня не было никого, говорить онъ въ своей биографіи, кто бы исправлялъ мою работу, то практическими упражненіями я старался избѣгать ошибокъ, причѣмъ я училъ наизусть русскій переводъ «Приключеній Телемака». Мнѣ казалось, что успѣхи мои были бы больше, если бы я могъ рассказывать кому нибудь по русски приключенія Телемака; такимъ образомъ мнѣ удалось найти одного бѣднаго еврея, который за четыре франка въ недѣлю, выслушивалъ ежедневно, по два часа, мою русскую декламацию, изъ которой онъ не понималъ ни слова.

Шлиманъ былъ приглашенъ фирмой Шрэдера въ Амстердамъ и въ 1846 году посланъ агентомъ въ Петербургъ, гдѣ велъ контору весьма удачно. Въ 1847 году онъ записался въ гильдію и учредилъ новую фирму «Генрихъ Шлиманъ», при чемъ велъ торговлю по преимуществу индиго. Дѣла его шли очень успѣшно и уже въ 1854 году у него было на 500,000 марокъ состоянія, которое онъ еще расширилъ различными предпріятіями. Тутъ онъ сталъ учиться ново- и старо-греческому языку и впродолженіи двухъ лѣтъ исключительно занимался классиками. Теперь мечта его дѣтства—раскопки Трои—загорѣлась передъ нимъ ярче чѣмъ когда либо. Основываясь на научныхъ изслѣдованіяхъ, онъ пришелъ къ заключенію, что замыселъ его дѣтства дѣйствительно можетъ быть приведенъ въ исполненіе. Въ 1863 году, когда разбѣры его состоянія превзошли самыя смѣлыя его надежды, онъ рѣшился совсѣмъ оставить дѣла, въ 1866 году поселился въ Парижѣ и занялся археологическими изслѣдованіями.

Въ 1868 и 1869 годахъ онъ предпринялъ первое путешествіе въ Итаку, Пелопонесъ и Трою. Въ 1869 году женился въ Афинахъ на дѣвушкѣ-гречанкѣ, принявшей потомъ дѣятельное участіе въ его работахъ; съ 1871 года работалъ въ Гисарликѣ; въ 1873 году выкопалъ тамъ же сокровища Приама, около девятисотъ литыхъ изъ золота предметовъ. Въ 1874 году онъ открылъ въ древней Греціи мѣсто старыхъ царскихъ гробницъ, о которыхъ упоминаетъ Павзаній и извлекъ отсюда въ 1876 году замѣчательныя драгоценности, между которыми находится болѣе ста фунтовъ золотыхъ вещей. Недовѣріе, выказывавшееся по поводу его научныхъ изслѣдованій, стоившихъ ему полмилліона франковъ, было вполне устранено въ 1879 году, когда къ нему присоединился работать Вирховъ. Въ настоящее время Шлиманъ готовится уже производить раскопки въ другомъ мѣстѣ—въ Орхоменосѣ.

Кабинетъ Шлимана—это цѣлый архивъ. Тутъ у него на пяти раздвижныхъ столахъ разложены всевозможные предметы; всѣ столы завалены рукописями, книгами, корректурными листами и изображеніями его находокъ. Подъ столами, на каминѣ, на нѣсколькихъ полкахъ углаго шкафа—журналы и газеты всѣхъ странъ свѣта и даже подоконники заняты различными научными книгами, нужными ему для его настоящей работы.

Уже два года Шлиманъ трудится надъ изданіемъ «Иліады». Это ученое сочиненіе съ прекрасными иллюстраціями, посвященное «Доброму другу и сотруднику на развалинахъ Трои, Рудольфу Вирхову» должно вскорѣ появиться въ свѣтъ. Книга, кромѣ популярнаго текста, содержитъ нѣсколько тысячъ научныхъ замѣтокъ и примѣчаній на различныхъ языкахъ; въ числѣ замѣтокъ до 500 греческихъ цитатъ. Вмѣстѣ съ нѣмецкимъ изданіемъ Иліады выйдутъ еще два англійскихъ изданія—одно въ Лондонѣ и другое въ Нью-Йоркѣ и корректуру всѣхъ этихъ книгъ Шлиманъ держитъ самъ, весьма тщательнымъ образомъ. При этомъ онъ еще ведетъ громадную переписку на всѣхъ европейскихъ языкахъ, разсылаетъ телеграммы и заботится о житейскихъ надобностяхъ семьи. На обѣдъ Шлиманъ употребляетъ не болѣе четверти часа, послѣ чего беретъ за работу и такъ вплоть до вечера. Вечеромъ только онъ выходитъ немного погулять.

ЛѢСНИКЪ.

Разсказъ.

Б. М. Маркевича.

(Продолженіе).

XI.

Часа четыре послѣ этаго, во дворѣ усадьбы, гдѣ за круглымъ деревяннымъ столомъ, подъ развѣсистую липой, занимались послѣобѣденнымъ чаепитіемъ Софронъ Артемьичъ съ неразлучнымъ теперь съ нимъ конторщикомъ, въѣхала извѣстная намъ *нетычанка* съ сидѣвшей въ ней Пинной Афанасьевной Левентюкъ.

Она осадилъ лошадку свою у крыльца и заговорила тутъ-же съ лихорадочною поспѣшностью:

— Слышала, слышала, ужасный фактъ, ужасный!.. Я впрочемъ прямо въ глаза ему сказала тогда: онъ былъ очевидно подъ влияніемъ аффекта. Это даже случаемъ нельзя назвать, а просто психіатрической казусъ... Гдѣ Иванъ Николаичъ? перебила она себя разомъ этимъ вопросомъ.

Софронъ Артемьичъ, которому „ученыя слова“ неизмѣнно внушали и нѣкій благоговѣйный трепетъ, и желаніе не ударить, съ своей стороны, лицомъ въ грязь, подошелъ къ дѣвушкѣ и, скинувъ съ головы шляпу, проговорилъ съ видомъ особеннаго достоинства и изысканной сдержанности:

— Не могу въ сей моментъ отвѣтить вамъ, сударыня, съ достаточною фундаментальностью, ибо личность *которымъ* вы интересуетесь, *былъ* здѣсь, точно передъ полуднемъ, но опосля того не видали, такъ сказать, улетучился.

Она насмѣшливо прищурилась на него:

— Какъ это вы сказали: „интересуетесь? Предваряю васъ, что пренебрегаю этимъ намекомъ. Я держусь простыхъ человѣческихъ отношеній и не допускаю никакой буржуазной сентиментальности. Я ждала сегодня капитана въ Мурашкахъ, а какъ онъ не пріѣхалъ по обѣщанію, то я пожелала узнать о немъ... Что онъ очень

разстроены? спросила она уже другимъ, болѣе теплымъ и сочувственнымъ тономъ.

Софронъ Артемьичъ вздохнулъ.

— Сами понимаете, Пинна Афанасьевна, какой для всѣхъ насъ капутъ представляетъ такое, можно сказать, ненатуральное и совершенно даже невмѣняемое событіе, котораго вовсе и предвидѣть невозможно никому.

— Ужасно, ужасно! воскликнула она, вздрогнувъ невольно;—гроза эта просто въ Библию заставила меня вѣрить, я поняла легенду о потопѣ... Въ этой избѣ у дѣспика, я провела ужасные часы... Иванъ Николаичъ уѣхалъ тутъ-же, оставилъ меня тамъ. Это по буржуазному кодексу общежитія и не совсѣмъ правильно. Но я не претендовала на него за это, находя его поступокъ вполне гуманнымъ...

— И такую *революцію* произвело это на него, можно сказать, заговорилъ на это шопотомъ Барабашъ, — что онъ, ни съ чѣмъ не сообразно даже, какъ объявилъ сегодня намъ съ Спиридонъ Иванычемъ, вознамѣрился должность свою покинуть.

Пинна Артемьевна такъ и вскинулась:

— Какъ кинуть! Да чѣмъ же онъ жить будетъ?

— Это вы, то есть, именно въ точку попали, мадамъ-азель,—чѣмъ жить-съ, потому буаръ-манже, это первое-съ, усмѣхнулся Софронъ Артемьичъ.

— Ну, это мы еще увидимъ какъ онъ кинетъ! воскликнула она высокомерно.—Да гдѣ онъ теперь, не знаете вы развѣ?

— Безпремѣнно въ Хомякахъ, Пинна Афанасьевна, должны находиться въ настоящую минуту, сказалъ конторщикъ Спиридонъ Иванычъ, со свойственнымъ ему стыдливымъ и отчасти таинственнымъ видомъ,—они да же на лошади лѣсника тамошняго сюда пріѣзжали...

Дѣвушка кивнула ему, круто дернула возжею одной рукой, другою хлестнула по спинѣ своего пѣзашку и *нетяманка* ея, описавъ широкій кругъ на дворѣ, запрыгала по дорогѣ въ Хомяки, гулко расплескивая зеленатоватую воду, не просохшихъ еще послѣ грязи лужъ.

Она была не на шутку раздосадована и взволнована. Прежде всего, „какъ смѣлъ онъ не сказавши ей ни слова, заявлять о такомъ *абсурдѣ* какъ это намѣреніе отказаться отъ своей должности?“ Само собою, слова одни, „потому что она ему никогда не позволить“... Она давно успѣла привыкнуть держать капитана, по отношенію къ себѣ, на положеніи полного крѣпостничества; давно уже воля ея была для него священнѣйшимъ закономъ. А затѣмъ она безпокоилась о немъ... Любила-ли она его? Она никогда не была въ состояніи отвѣтить себѣ на это серьезно, какъ не въ состояніи была никогда дать положительный отвѣтъ на просьбы его выйти за него замужъ. „Посмотримъ, кто знаетъ, заслужите!“ говорила она съ громкимъ смѣхомъ на его признанія, а когда онъ приходилъ въ слишкомъ большое уныніе отъ ея „жестокости“, подставляла ему подъ губы свои пухлыя ладони, „чтобъ ему терпѣть было легче“, и опять принималась хохотать беззаботно и безпощадно...

Но она „привыкла къ нему“, къ его обожанію, къ тому чѣмъ обязана она была ему. Онъ былъ для нея источникъ всякой благодѣтели, нежданно пролившейся на нее по пріѣздѣ ея изъ Петербурга, гдѣ жила она, слушая какіе-то курсы на 15 рублей въ мѣсяцъ. У вчерашней неряшливой „студентки“ были теперь и красивые обои на стѣнахъ „келейки“, отведенной ей теткою въ Мурашкахъ, и мягкая мебель, и коверъ передъ диваномъ, и розаны на столахъ, и журналы, и *свой* „экипажъ“, и какіе-то фѣтры изъ Лондона и американскіе непромокаемые сапоги, чтобы ходить съ ружьемъ „на бекасовъ“ въ болото. И за все это даже спасибо отъ нея не требовалось, все это подносилось ей какъ должное, съ видимымъ страхомъ, что все это недостаточно хорошо, всего этого мало, съ несомнѣннымъ убѣжденіемъ, что къ ногамъ такой царицы какъ она къ мѣсту повергнуть лишь развѣ сокровища Индійской императрицы...

Она „привыкла къ нему“, да,—и никогда такъ сильно не связывалось это ей какъ въ эту минуту. „Революція какая-то произошла съ нимъ“, повторяла она мысленно слова Барабаша; „она могла потерять его“, смутно чувствовала она, и какое-то непривычное тоскливое безпокойство мучило ей душу... „И все изъ за какой-то сентиментальной кислятины“—пробовала она объяснить себѣ „выходку“ капитана одною изъ тѣхъ *забористыхъ* „радикальныхъ“ фразъ, которыхъ, къ сожалѣнію, было слишкомъ много въ ея словахъ,—но внутреннее, незатронутое чувство правды тутъ-же протестовало противъ такого объясненія, и молодое сердце дѣвушки щемило чувство жалости и уваженія къ тѣмъ поводамъ глубокой скорби, которыя прозрѣвала она за образомъ дѣйствій своего обожателя...

— А все таки позволить ему сдѣлать эту глупость нельзя! рѣшила она, нетерпѣливо похлестывая возжею свою и такъ очень усердно работавшую ногами лошадку.

Она доѣхала до Хомяковъ. Старикъ лѣсничій, Лавръ Оадѣевъ, сидѣлъ на крылечкѣ своей избы и попивалъ изъ глиняной кружки цѣлебный чай, который, какъ мы знаемъ, училъ его изготовлять венгерецъ коноваль, взятый въ плѣнъ подъ Дебрециномъ. Онъ всталъ и вытянулъ увидавъ „барышню“.

— Здѣсь Иванъ Николаичъ? крикнула она ему.

Онъ какъ бы нѣсколько смущенно передернулъ усомъ, показалось ей, и замѣшкаться отвѣтомъ.

— Здоровъ онъ? поспѣшно спросила она на это.

— Ничего-съ... здоровъ, промямкалъ усачъ.

— Что значить: „ничего-съ“? нетерпѣливо вскрикнула она;—гдѣ онъ?

— Не можемъ знать...

Пинна Афанасьевна даже въ лицѣ перемѣнилась:

— Это что такое? Вы говорите: „ничего-съ, здоровъ“, значитъ, вы его видѣли! Какъ-же вы теперь увѣряете что не знаете, гдѣ онъ?

Убѣдительность и горячность тона этого разсужденія съ разу сбили съ толку стараго служиваго.

— Я, ваше-с... извините!.. Какъ мнѣ приказывали, такъ я и отвѣчать долженъ, забормоталъ онъ.

— Кто приказывалъ, капитанъ? Онъ приказывалъ вамъ говорить что не знаете гдѣ онъ? А я сейчасъ изъ Темнаго Кута; мнѣ тамъ прямо сказали что онъ здѣсь.. Подержите мою лошадь,—я пойду къ нему... Что это за мальчишеское прятанье!

Лѣсникъ поспѣшно сбѣжалъ съ крыльца и взялъ пѣзашку за узды:

— Доподлинно позвольте доложить вамъ, ваше-с... нѣту ихъ здѣсь, сказалъ онъ.

— Какъ нѣту, когда я знаю! Онъ сюда поѣхалъ, на вашей лошади, онъ былъ здѣсь...

— Были, да... да ушли, рѣшился наконецъ выговорить старикъ.

— Ушелъ? Пѣшкомъ, значитъ?

Онъ только головою повелъ.

Она подозрительно прищурилась на него:

— Гулять пошелъ?

— Стало быть, что гулять, подтвердилъ онъ, какъ бы обрадовавшись такому объясненію,—потому какъ нѣсколько головой отяжелѣли... словно сорвалось у него съ языка.

— Она поняла и примолкла, пасмурно задумавшись...

— Въ какую сторону пошелъ онъ? спросила она черезъ минуту.

Старикъ внезапно поморщился, отвернувъ лице и махнулъ неопредѣленно рукою.

— А все туда-же! проговорилъ онъ страннымъ голосомъ.

Пинна Афанасьевна поняла опять:

— Къ *Вьдѣмину Логу*?

Онъ пожалъ плечами и, все такъ же не глядя на нее:

— Со вчерашняго вечера, молвилъ онъ, четвертый разъ ходять. Всю ночь хоша бы глазъ сомкнули. Проходили вчерась весь день съ народомъ, а и сегодня покою себѣ не знаютъ... Все это у нихъ въ головѣ, какъ молъ намъ, Лавра, тѣло оттуда достать, чтобы по христианству, значитъ, и какъ они такого большаго званія господинъ были... А какъ его отголѣ достанешь, сами посудите, когда болото это проклятое, можетъ, скрозъ всю землю идетъ и дна ему нѣтъ, и только одно, что самому достаючи погибать слѣдуетъ!..

— Я его сейчасъ верну оттуда, вскрикнула Пинна Афанасьевна,—а если онъ опять какъ-нибудь вздумаетъ, скажите ему, что вы мнѣ пожалуетесь, что я приказывала вамъ не пускать его.

Дорога была такъ размыта третьягодняшнею грязью, что прошло не менѣе часа времени пока успѣла она добраться до просѣки, гдѣ встрѣтилась она тогда съ Коверзневымъ. Вода, залившая *Вьдѣминъ Логъ*, добѣжала до половины этой просѣки. Она едва узнала мѣсто,—какъ едва узнала капитана, котораго увидѣла сидящаго на срубленномъ пнѣ, у самой воды, съ головою низко опущенною на грудь. Онъ не только не походилъ на себя, но, какъ говорится, ни на что не походилъ. Онъ третій день не раздѣвался; лохматый, въ порванной въ лохмотья, покрытой грязью одеждѣ, со своею потеряшею теперь всякую форму тирольской шляпой, откинутой на затылокъ, онъ напоминалъ тотъ отталкивающий обликъ бродяги, въ какомъ на провинціальныхъ театрахъ традиціонно выступаетъ въ послѣднемъ актѣ главное дѣйствующее лице драмы *Тридцать лѣтъ или жизнь широка*.

Какая-то смѣсь ужаса, отвращенія и состраданія охва-

Литературный альбомъ Новая глава изъ „Капитановой дочки“ А. С. Пушкина: „Гриневъ встрѣчаетъ на Волгѣ плоть съ вѣнцомъ“. Ориг. рис. Н. Карзина грав. М. Рашевскій.

тила дѣвушку при этомъ видѣ. Но она нашла силу превозмочь свои ощущенія и, осадивъ лошадь, крикнула ему сколь возможно спокойнымъ голосомъ:

— Капитанъ, что вы тутъ дѣлаете?

Онъ вздрогнулъ отъ звука ея голоса,—стукъ тележки, онъ видимо не слыхалъ—и подался внезапно впередъ съ такою какъ бы испуганною поспѣшностью, что шляпа свалилась съ его головы, и самъ онъ едва сохранилъ равновѣсїе.

— Иванъ Николаичъ! вырвалось у нея невольно изъ груди скорбнымъ упрекомъ.

Онъ сбернулся на нее, понялъ... Воспаленные зрачки его глядѣли на нее не то дико, не то безсознательно. Икота отъ времени до времени прорывалась сквозь его спешшія губы, подергивала его лицевые мускулы.

— Ну, да, вотъ... какъ видите... Полюбоваться можно! пролетѣлъ онъ съ неестественнымъ харканьемъ и поднялся съ мѣста.

— Послушайте, Иванъ Николаичъ, все это вздоръ, поспѣшила она заговорить,—я прїѣхала увезти васъ отсюда..

Онъ молча, не глядя на нее, закачалъ отрицательно головой.

— Вы не хотите? воскликнула она;—послушайте, вѣдь это абсурдъ!.. Я не понимаю что съ вами дѣлается... Мнѣ сейчасъ сказалъ вашъ Барабашъ, что вы и отъ мѣста своего отказываться хотите?..

— Вѣрно! произнесъ онъ еле слышно, но съ поразившею ее твердостью интонаціи.

Ее начинала разбирать досада:

— Вы, должно быть, двѣсти тысячъ выиграли, пылко возразила она,—потому что жить, вѣдь, чѣмъ-нибудь надо...

— Зачѣмъ? глухо, съ растерянной улыбкой проговорилъ онъ на это.

— Какъ зачѣмъ? повторила она озадаченно,—вѣдь потому что вашъ Валентинъ Алексѣевичъ изъ-за своего упрямства...

Она оборвала разомъ, испуганная выраженіемъ его лица. Всего его будто свела безконечная внутренняя мука. Онъ качнулся на ногахъ и какимъ-то судорожнымъ движеніемъ протянулъ руку съ направленнымъ на нее указательнымъ пальцемъ:

— Изъ-за вашего слова!.. Голосъ его хрипѣлъ и прерывался: зачѣмъ вы ему это слово сказали?

— Какое слово?.. Она вся вспыхнула:—это, за что вы и тогда на меня разсердились, да? Что я ему сказала про барскіе капризы?..

— А! Помните! надрывающимъ смѣхомъ размѣялся вдругъ капитанъ; Чѣмъ упрекнуть вздумали... Барство!.. Онъ *человѣкъ* былъ, *настоящій*, Пинна Афанасьевна!.. Изъ мертвыхъ, почитай, воскресилъ меня этотъ человекъ... А вы ему сказали что! И эти всѣ слова ваши, сами знаете, кимваль одинъ... Только онъ не могъ послѣ этого ѣхать съ вами, и... и гдѣ онъ теперь, гдѣ, Пинна Афан...

Безумное, потрясающее рыданіе вырвалось изъ этой широкой груди и откликнулось какимъ-то нечеловѣческимъ отзвукомъ въ глубинѣ лѣсной чащи. Дѣвушка вздрогнула. Эта истинная, эта святая человѣческая скорбь захватывала ее за лучшія стороны ея души. Крупныя слезы выступили мгновенно изъ глазъ ея и покатились по щекамъ.

— Иванъ Николаичъ, милый, заговорила сна прерывающимся голосомъ,—это ужасно, ужасно, но вы сами понимаете, могла ли я думать, что эти глупыя слова, въ самомъ дѣлѣ, будутъ имѣть такія послѣдствія... Да и точно ли отъ этихъ словъ? Вѣдь онъ и раньше никакъ не соглашался вернуться въ Хомяки... Но все равно, я виновата, я признаюсь... признаюсь что вообще говорю, по привычкѣ, многое... ненужное; простите мнѣ!.. И прошу васъ, милый, перестаньте такъ убивать-ся! На васъ, просто, смотрѣть больно!..

Онъ тѣмъ временемъ какъ бы совладаль съ собою и, отеревъ лицо свое рукавомъ, молча глядѣлъ на нее отрезвѣвшими и безнадежными глазами.

— Вѣдь какъ вы ни любите этого человекъ, продолжала она,—онъ былъ прекрасный, достойный, я знаю, я понимаю васъ,—но сами вы знаете, каждая человѣческая жизнь есть самоцѣль...

— „Само-цѣль“! съ усиліемъ, медленно повторилъ Перслѣгинъ: кимваль, Пинна Афанасьевна!..

Она покраснѣла слегка, но не разсердилась, и улыбнулась даже, нѣсколько черезъ силу:

— Вамъ и это мое слово не нравится? Извольте, я беру его назадъ. Но сущность остается все таки таже. Неужели потому что *его* нѣтъ болѣе, для васъ уже ничего не осталось въ жизни, ни радостей, ни привязанности?..

Онъ усмѣхнулся вдругъ горькою, горькою усмѣшкой:

— Должно быть, не надо мнѣ этого ничего... и не бывать!.. Жена была... *Она*.. Кому я только всю душу... прахомъ все, прахомъ. Не надо!..

— А я, Иванъ Николаичъ, вы меня забыли? вскрикнула въ неудержимомъ порывѣ дѣвушка,—вы говорили мнѣ сто разъ что любите меня, умоляли быть вашей женою.. Ну, хорошо, я согласна, я за васъ пойду... когда хотите... Только придите въ себя, уѣдьте отсюда скорѣй!..

Онъ поднялъ еще разъ на нее глаза, полные тоски и какъ бы испуга:

— Я, дѣйствительно, Пинна Афанасьевна, за... за счастье думалъ, потому... достойнымъ себя почиталъ... А теперь... Сами вы видѣли!..

— Это ничего не значить! торопливо возразила она; съ кѣмъ это не бывало!.. Поѣдьте сейчасъ въ Темный Кутъ, я васъ доведу. Ложитесь спать, а завтра забудемъ оба и думать объ этомъ...

Капитанъ уронилъ голову и прошепталъ дрожащимъ голосомъ:

— Вы, можетъ быть, дѣйствительно, Пинна Афанасьевна, по молодости... и по добротѣ вашей... А мнѣ не забыть-съ.. не забыть-съ никогда!..

Она вся измѣнилась въ лицѣ. Слова его имѣли для нея совершенно опредѣленный смыслъ: онъ уже не ожидалъ отъ нея счастья, онъ не въ состояніи будетъ простить ей никогда то, что она сказала покойному Коверзеву и что „въ возбужденной головѣ своей“ почиталъ онъ причину его трагическаго конца... Ей стало и больно, и обидно до слезъ...

— Послушайте, Иванъ Николаичъ, молвила она,—вы разстроены въ настоящее время, и я поэтому не хочу признавать то что вы сейчасъ сказали за ваше послѣднее слово. Если вы не согласны теперь ѣхать со мной, я васъ, конечно, увезти силой не могу; но я увѣрена, что вамъ самимъ сдѣлается стыдно и что вы завтра прїѣдете просить у меня прощенія, за то что такъ опорчили меня сегодня... И я вамъ прощу, потому что я, можетъ быть, часто и вздоръ говорю, но въ сущности, очень добрая, какъ вы и сами сейчасъ сказали, промолвила она, скрывая душевное волненіе подъ этой напускною шутливостью тона.

Онъ молчалъ и какъ бы насмѣшливо, почудилось ей, покачивалъ головою. Ее взорвало это „пренебреженіе“, котораго ни въ какомъ случаѣ не могла она ожидать отъ него.

— Послушайте капитанъ, пылко, съ загорѣвшимся взглядомъ воскликнула она,—я васъ буду ожидать завтра цѣлый день въ Мурашкахъ. Если вы не прїѣдете, я послѣ завтра уѣду въ Петербургъ... Вы знаете, что я только изъ-за васъ жила въ здѣшнихъ мѣстахъ.

Онъ, будто движимый какою-то пружиной, вскинулъ на нее вдругъ съ какою-то жадностью свои большіе, круглые глаза. Выраженіе мучительной борьбы сказалося на мгновеніе въ его чертахъ... Вѣки его заморга-

ли, дрогнули судорожно губы... Но все это такъ же мгновенно исчезло. Онъ глянулъ въ сторону, махнулъ рукой...

— Что же дѣлать, Пинна Афанасьевна, проговорилъ онъ тихо, тихо, какъ бы про себя,—дай вамъ Богъ!..

Чувство оскорбленія взяло у нея верхъ надо всякими иными соображеніями: она хлестнула свою лошада обѣими возжами и, не взглянувъ на него, покатила назадъ въ Хомяки.

Но не проѣхала она и двухъ верстъ, какъ вдругъ ей неожиданно сдѣлалось страшно. „Неужели я его болѣе не увижу и онъ вздумалъ что нибудь сдѣлать надъ собою?“ такъ и гвоздила ей голову эта внезапная, только теперь возникшая въ ней мысль...

(Окончаніе въ слѣд. №).

Новая глава изъ „Капитанской дочки“ А. С. Пушкина.

I.

Недавно сдѣлана была драгоценная находка. У сына великаго нашего поэта, Александра Александровича, въ бумагахъ его отца, найдена новая глава однаго изъ лучшихъ, образцовыхъ произведеній русской литературы „Капитанская дочка“ извѣстнаго каждому грамотному русскому. На собственноручной тетради рукою поэта означено „XII. Пропущенная глава“. Повидимому Пушкинъ хотѣлъ ее помѣстить въ отдѣльномъ изданіи, но не успѣлъ исполнить этого намѣренія, ибо повѣсть появилась уже въ послѣдней книгѣ его „Современника“ и въ концѣ повѣсти поставлена помѣтка: „19 окт. 1836 года“.

Повѣсть „Капитанская дочка“ первоначально состояла не изъ четырнадцати, а изъ пятнадцати главъ и въ ходѣ разсказа пятнадцатая глава должна была начинаться въ томъ мѣстѣ нынѣшней XIII гл. гдѣ говорится, что полковникъ, у котораго въ полку служилъ герой повѣсти, получилъ приказаніе переправиться черезъ Волгу для преслѣдованія пугачевскихъ шаекъ.

Какъ была глава пропущена? Весьма достоверна догадка что цензурныя условія 1836—55 гг. не допускали описанія бунта крестьянъ, хотя бы и такого отдаленнаго времени. Какъ бы ни было, передъ нами опять проносятся образы мастерскаго произведенія нашего поэта. Мы совершенно съ своей стороны несогласны ни съ однимъ изъ замѣчаній уже высказанныхъ нѣкоторыми по поводу новой главы. Она превосходна. Все та же, поучительная для cadaго, интересующагося искусствомъ, удивительная сдержанность и благородная простота разсказа, ничего не прибавляющая для эффекта и ничего не избѣгающая для пріобрѣтенія той изломанной „простоты“, которую задались теперь многие и которая такъ далека отъ простоты истинной. У него ли не было въ распоряженіи красокъ и образовъ? И какъ онъ „скромнень“, если можно такъ выразиться, въ описаніяхъ, какъ онъ сжатъ и какъ бы сухъ въ изложеніи! И только по прочтеніи какой нибудь сцены чувствуешь ея значеніе и силу. Сцена эта носится передъ глазами и врѣзывается въ память какъ живая, какъ дѣйствительно видѣнная. Затѣмъ поучительно и это глубоко-серьезное отношеніе къ жизни, къ событію—поучительно для нашихъ „изглумившихся“ надъ жизнью современныхъ сочинителей. Комическое выходитъ само собой, не притяннутое за волосы, патетическое, грандіозное возникаетъ органически просто и естественно складывается въ величавую картину русской жизни. Удивительное описаніе снѣжнаго бурана во второй главѣ, мысль заставить среди бушующей ятели блуждать Емельяна Пугачева—этого будущаго грознаго главу бушующихъ полчищъ, заливаго кровью и висѣлицами оставившаго мрачный путь свой... затѣмъ, въ новой главѣ сцена встрѣчи Гриневымъ плота съ висѣлицей, сцена, которую вдохновился нашъ блестяще-талантливый художникъ Н. Н. Карзинъ и изобразилъ (помѣщ. въ наст. №) съ свойственнымъ ему мастерствомъ... Но перечислить красотъ этого образцоваго произведенія нѣтъ возможности. Каждый, мы полагаемъ, знаетъ повѣсть Пушкина, но мы позволимъ себѣ въ нѣсколькихъ словахъ здѣсь напомнить читателямъ нашимъ главныя черты этого произведенія.

Молодой Гриневъ, сынъ премьеръ-майора, служившаго при Минихѣ, посланъ отцомъ на службу въ Оренбургъ съ дядькой своимъ Савельичемъ; молодой человекъ, почти мальчикъ, ѣдетъ изъ Симбирской деревни въ дальній Оренбургъ. Дорогой застаютъ его страшный буранъ въ степи и на дорогу выводитъ ихъ встрѣчный казакъ, которому Гриневъ даетъ свою шубку изъ сожалѣнія, что тотъ бродитъ въ одномъ рваномъ кафтанѣ въ такой холодъ. Изъ Оренбурга молодого человека командируютъ въ глухую и отдаленную Бѣлогорскую крѣпость, гдѣ онъ входитъ какъ свой въ добродушную и прекрасную семью своего начальника, капитана Миронова и влюбляется въ его дочь Марью Ивановну. Но за нею ухаживаетъ, дѣлаетъ даже ей предложеніе и получаетъ отъ нея отказъ, посланный за дуэль въ эту крѣпость изъ гвардіи, развращенный и буйный молодой офицеръ, Швабринъ, съ которымъ герой повѣсти дерет-

Телѣжка подпрыгивала, тѣни и яркія пятна солнца мелькали въ ея глазахъ. Какъ-то гулко отдавался стукъ колесъ въ глухой чащѣ лѣса, часто густыя вѣтви наклоняясь хлестали по дугѣ, обдавая свѣжими каплями. Она ничего кругомъ не замѣчала—ей казалось что теперь, сейчасъ должно случиться что-то важное, что-то такое, что должно было измѣнить всю ея жизнь... Ыхала она, ужасно волнуясь, негодуя и усиленно мигая чтобы не дать хлынуть слезамъ, которые, она чувствовала, такъ и подступали подъ ея вѣки. Лошадка ея, точно чувствуя въ свою очередь разстроенное состояніе своей барышни, самымъ усерднымъ образомъ, не жалѣя ногъ, мчалась по рытвинамъ и колеямъ.

ся на дуэль за циническія рѣчи о Марьѣ Ивановнѣ. Между тѣмъ, вся эта семейная исторія происходитъ въ моментъ начинающагося историческаго движенія Пугачева. Дѣйствующія лица повѣсти не успѣваютъ опомниться, какъ шайки, съ Пугачевымъ во главѣ, берутъ города и деревни и въ томъ числѣ Бѣлогорскую крѣпость. Швабринъ пристаетъ къ бунтовщикамъ и назначается комендантомъ крѣпости. Мироновы, кромѣ Марьи Ивановны, погибаютъ во время взятія крѣпости. Пугачевъ велитъ привести къ себѣ молодого Гринева и его дядьку и узнаетъ въ нихъ путниковъ, встрѣченныхъ имъ однажды, давно, во время бурана, когда Гриневъ именно ему подарилъ шубку—это спасаетъ жизнь имъ обоимъ. Мало того, Пугачевъ называетъ въ сваты Гриневу, узнавъ о его страсти, освобождаетъ Марью Ивановну отъ Швабрина и отпускаетъ ихъ въ Оренбургъ, въ порывѣ великодушія. Полку, въ которомъ служилъ Гриневъ, предписано идти за Волгу, для расѣянія бунтовщиковъ. Сюда то и относится *пропущенная глава*. На Гринева между тѣмъ подаетъ тотъ же Швабринъ доносъ въ сношеніяхъ и дружбѣ съ Пугачевымъ и молодого офицера арестуютъ и заковываютъ въ кандалы. Марья Ивановна, невѣста его, ѣдетъ въ Петербургъ просить за жениха и нечаянно, въ Царскомъ Селѣ, встрѣчается съ Императрицей, которая узнавъ все дѣло, освобождаетъ Гринева, и щедро вознаграждаетъ дочь стараго героя Миронова, погибшаго на своемъ посту. Въ послѣдній разъ Гриневъ видитъ Пугачева въ 1774 году, и тотъ съ позорной колесницы узнаетъ офицера и киваетъ ему голову, которая черезъ нѣсколько минутъ послѣ того, окровавленная, поднята и показана народу. На этихъ данныхъ построено это превосходное произведеніе—гордость русской литературы. Здѣсь помѣщаемъ мы пропущенную главу, не вошедшую въ прежнія изданія повѣсти.*)

II.

„...Зуринъ**“) получилъ повѣщеніе переправиться черезъ Волгу и спѣшить къ Симбирску, гдѣ уже разгоралось пламя пожара. Мысль, что можетъ быть удастся мнѣ захватить къ намъ въ деревню, обнять родителей и увидѣться съ Марьей Ивановной одушевила меня радостью. Я прыгалъ какъ ребенокъ и повторялъ, обнимая Зуринъ: „Въ Симбирскѣ! Въ Симбирскѣ!“ Зуринъ вздыхалъ и говорилъ, пожимая плечами: „Нѣтъ, тебѣ не сдобровать. Женисься, ни за что пропадешь!“...

Мы приближались къ берегамъ Волги. Полкъ нашъ вступилъ въ деревню** и остановился въ ней ночевать. На другой день утромъ мы должны были переправиться. Староста объявилъ мнѣ, что на той сторонѣ всѣ деревни взбунтовались; шайки пугачевскія бродятъ вездѣ.

Это извѣстіе меня сильно встревожило.

Нетерпѣніе овладѣло мною и не давало мнѣ покою. Деревня отца моего находилась въ 30 верстахъ по ту сторону рѣки. Я спросилъ, не смѣется ли перевозчикъ. Всѣ крестьяне были рыболовы, лодокъ много. Я прошелъ къ Гриневу и объявилъ ему о своемъ намѣреніи.—„Берегись“, сказалъ онъ мнѣ. „Одному ѣхать опасно. Дождись утра. Мы переправимся первые и пріѣдемъ въ гости къ твоимъ родителямъ съ 50 гусарами на всякій случай“.

Я всталъ на своемъ. Лодка была готова. Я сѣлъ въ нее съ двумя гребцами. Они отчалили и ударили въ весла.

Небо было ясно. Луна сіяла. Погода была тихая. Волга неслась ровно и спокойно. Лодка плавно качалась, скользила по поверхности темныхъ волнъ. Прошло около полудна. Я погружился въ мечты воображенія. Мы достигли середины рѣки... Вдругъ гребцы начали шептаться между собой. „Что такое?“ спросилъ

* „Русскій Архивъ“ 1880 г. № III.

** Это былъ полковникъ, у котораго въ полку служилъ герой повѣсти и котораго Пушкинъ въ дальнѣйшемъ изложеніи этой главы называетъ „Гриневымъ“, а самъ герой первоначально былъ названъ не Гриневымъ, какъ теперь во всѣхъ изданіяхъ „Капитанской дочки“, а Буванинимъ.

я очнувшись.— «Не знаемъ, Богъ въѣсть» отвѣчали гребцы, смотря въ одну сторону. Глаза мои приняли то же направленіе, и я увидѣлъ въ сумракѣ что-то плывшее внизъ по Волгѣ. Незнакомый предметъ приближался. Я велѣлъ гребцамъ остановиться и дожидаться. «Что бы это было?» говорили гребцы. «Парусъ не парусъ, мачта не мачта». Луна зашла за облако. Плывущій призракъ сдѣлался еще темнѣе. Онъ былъ отъ меня уже близко, и я не могъ его различить. Вдругъ луна вышла изъ-за облака и озарила зрѣлище ужасное. Къ намъ на встрѣчу плыла висѣлица, утвержденная на плоту. Три тѣла висѣли на перекладнѣхъ. Болѣзненное любопытство овладѣло мною. Я захотѣлъ взглянуть на лица висѣльниковъ. По моему приказанію гребцы загнули плотъ багромъ, и лодка моя толкнулась о плывущую висѣлицу. Я выпрыгнулъ и очутился между ужасными столбами. Полная луна озаряла обезображенные лица несчастныхъ. Одинъ изъ нихъ былъ старый Чувашъ, другой—русскій крестьянинъ, сильный и здоровый малый лѣтъ 20. Взглянувъ на третьяго, я сильно былъ пораженъ и немогъ удержаться отъ жалобнаго восклицанія: это былъ Ванька, бѣдный мой Ванька, но глупости своей приставшій къ Пугачеву. Надъ ними прибита была черная доска, на которой бѣлыми крупными буквами было написано: «Воры и бунтовщики». Гребцы равнодушно ожидали меня, удерживая плотъ багромъ. Я сѣлъ опять въ лодку. Плотъ поплылъ внизъ по рѣкѣ. Висѣлица долго чернѣла во мракѣ. Наконецъ она исчезла, и лодка моя пристала къ высокому и крутому берегу.

Я щедро расплатился съ гребцами. Одинъ изъ нихъ повелъ меня къ выборному деревни, находившейся у перевоза. Я вошелъ съ нимъ вмѣстѣ въ избу. Выборный, услышавъ, что я требую лошадей, принялъ было меня довольно грубо, но мой вожатый сказалъ ему тихо нѣсколько словъ, и его суровость тотчасъ обратилась въ торопливую услужливость. Въ одну минуту тройка была готова. Я сѣлъ въ телѣжку и велѣлъ себя везти въ нашу деревню.

Я скакалъ по большой дорогѣ мимо спящихъ деревень. Я боялся однако: быть остановленному на дорогѣ. Если ночная встрѣча моя на Волгѣ доказывала присутствіе бунтовщиковъ, то она вмѣстѣ была доказательствомъ и сильнаго противодѣйствія правительству. На всякій случай я имѣлъ въ карманѣ пропускъ, выданный мнѣ Пугачевымъ и приказъ полковника Гринева. Но никто мнѣ не встрѣчался, и къ утру я завидѣлъ рѣку и словую рошу, за которой находилась наша деревня. Ямщикъ ударилъ по лошадамъ, и черезъ четверть часа я въѣхалъ въ **. Барскій домъ находился на другомъ концѣ села. Лошади мчались во весь духъ. Вдругъ посреди улицы ямщикъ началъ ихъ удерживать. «Что такое?» спросилъ я съ нетерпѣніемъ. «Застава баринъ», отвѣчалъ ямщикъ, съ трудомъ остановивъ разъяренныхъ коней. Въ самомъ дѣлѣ я увидѣлъ рогатку и караульнаго съ дубиною. Мужикъ подошелъ ко мнѣ и снялъ шляпу, спрашивая паспортъ. «Что это значить?» спросилъ я его. «Зачѣмъ здѣсь рогатка?» «Кого ты караулишь?» «Да мы, батюшка, бунтуемъ», отвѣчалъ онъ почтываясь.— «А гдѣ ваши господа?» спросилъ я съ сердечнымъ замѣраніемъ.— «Господа-то наши гдѣ?» повторилъ мужикъ, «господа наши въ хлѣбномъ амбарѣ».— «Какъ въ амбарѣ?»— «Да Андрюха земскій посадилъ, вишь, ихъ въ колодки и хочетъ везти къ батюшкѣ-Государю!» «Боже мой! Отворачивай, дуракъ, рогатку. Что же ты зѣвнешь?»

Караульный медлилъ. Я выскочилъ изъ телѣги и самъ отодвинулъ рогатку. Мужикъ мой глядѣлъ на меня съ глупымъ недоумѣніемъ. Я сѣлъ опять въ телѣгу и велѣлъ скакать къ барскому дому. Хлѣбный амбаръ находился на дворѣ. У запертыхъ дверей стояли два мужика съ дубинами. Телѣга остановилась прямо передъ ними. Я выскочилъ и бросился вдругъ на нихъ. «Отворяй двери!» сказалъ я имъ. Вѣроятно видъ мой былъ страшенъ; по крайней мѣрѣ оба бѣжали, бросивъ дубины. Я попытался сбить замокъ съ двери, выломать; но двери были дубовыя, а огромный замокъ несокрушимъ. Въ эту минуту молодой мужикъ вышелъ изъ людской и съ видомъ надменнымъ спросилъ меня, какъ я смѣю бунтить. «Гдѣ Андрюшка земскій?» закричалъ я ему. «Кликунуть его ко мнѣ!»

— «Я самъ Андрей Аванасьевичъ, а не Андрюшка», отвѣчалъ онъ мнѣ гордо подбочась... «Чего надобно?»

Вмѣсто отвѣта я схватилъ его за шиворотъ и, притащивъ къ дверямъ амбара, велѣлъ ихъ отпирать. Земскій было запрямылся; но отеческое наказаніе подѣйствовало на него. Онъ вынулъ ключъ и отперъ амбаръ. Я кинулся черезъ порогъ и въ темномъ углу, слабо освѣщенномъ узкимъ отверстіемъ, прорубленнымъ въ потолокъ, увидѣлъ мать и отца. Руки ихъ были связаны, на ноги набиты были колодки. Я бросился ихъ обвинять и не могъ выговорить ни слова. Оба смотрѣли на меня съ изумленіемъ: три года военной жизни такъ измѣнили меня, что они не могли узнать меня.

Вдругъ услышалъ я милый, знакомый голосъ. «Петръ Андреичъ! Это вы?» Я оглянулся и вижу въ другомъ углу Марью Ивановну, также связанную. Я остолбенѣлъ. Отецъ глядѣлъ на меня молча, не смѣя вѣрить самому себѣ. Радость блистала на лицѣ его. «Здравствуй, здравствуй, Петруша!» говорилъ онъ, прижимая меня къ сердцу. «Слава Богу дождался тебя!» Ма-

тушка ахнула и залилась слезами. «Петруша, другъ мой! Какъ тебя Господь привелъ? Здоровъ ли ты?»

Я снѣшилъ саблюю разрѣзать узлы ихъ веревокъ и вывести ихъ изъ заключенія; но, подошедъ къ двери, я напелъ ее снова запертою. «Андрюшка!» закричалъ я, «отопри!»— «Какъ не такъ!» отвѣчалъ изъ-за двери земскій. «Сиди-ка самъ здѣсь! Вотъ уже научимъ тебя буянить да за воротъ таскать государевыхъ чиновниковъ!»

Я сталъ осматривать амбаръ, ища, не было ли какого-нибудь способа вырваться: «не трудись», сказалъ мнѣ батюшка. «Не таковской я хозяинъ, чтобъ можно было въ амбары мои входить и выходитъ воровскими лазейками». Матушка, на минуту обрадованная моимъ появленіемъ, впала въ отчаяніе, видя, что и мнѣ пришлось раздѣлить погубель всей семьи. Но я былъ спокойнѣе, съ тѣхъ поръ какъ находился съ ними и съ Марьей Ивановной. Со мной была сабля и два пистолета: я могъ еще выдержать осаду. Гриневъ долженъ былъ подождать къ вечеру и насъ освободить. Я сообщилъ все это моимъ родителямъ и успѣлъ успокоить матушку и Марью Ивановну. Онѣ предались вполне радости свиданія, и нѣсколько часовъ прошли для насъ незамѣтно во взаимныхъ ласкахъ и непрерывныхъ разговорахъ.

«Ну, Петръ», сказалъ мнѣ отецъ, «довольно ты проказилъ, и я на тебя порядкомъ былъ сердитъ. Но нечего поминать про старое. Надѣюсь, что теперь ты исправился и перебѣсишься. Знаю, что ты служилъ, какъ надлежитъ честному офицеру. Спасибо, утѣшилъ меня старика. Коли тебѣ обязанъ я буду избавленіемъ, то жизнь мнѣ вдвое будетъ пріятнѣе». Я со слезами цѣловалъ его руку и глядѣлъ на Марью Ивановну, которая была такъ обрадована моимъ присутствіемъ, что казалась совершенно счастлива и спокойна.

Около полудня услышали мы необычайный шумъ и крики. «Что это значить?» сказалъ отецъ. «Ужъ не твой ли полковникъ подошлѣ?»— «Невозможно, отвѣчалъ я: «онъ не будетъ прежде вечера». Шумъ умножался. Били въ набатъ. По двору скакали конные люди. Въ эту минуту, въ узкое отверстіе, проблѣненное въ стѣнѣ, просунулась сѣдая голова Савельича, и мой бѣдный дядька произнесъ жалостнымъ голосомъ: «Андрей Петровичъ! Батюшка ты мой, Петръ Андреичъ, Марья Ивановна! Бѣда! Злодѣи вошли въ село. И знаешь ли, Петръ Андреичъ, кто ихъ привелъ? Швабринъ, Алексѣй Ивановичъ, нелегкая его поберетъ!»

Услыша ненавистное имя, Марья Ивановна всплеснула руками и осталась неподвижною. «Послушай!» сказала я Савельичу, «пошли когонибудь верхомъ къ перевозу, на встрѣчу гусарскому полку и вели дать знать полковнику объ нашей опасности».

— «Да кого же послать сударь? Всѣ мальчишки бунтуютъ, а лошади всѣ захвачены. Ахти! Вотъ ужъ на дворѣ! До амбара добираются».

Въ это время за дверью раздалось нѣсколько голосовъ. Я далъ знакъ матушкѣ и Марьѣ Ивановнѣ удалиться въ уголь, обнажилъ саблю и прислонился къ стѣнѣ у самой двери. Батюшка взялъ пистолеты, на обоихъ взвелъ курокъ и сталъ подлѣ меня. Загремѣлъ замокъ, дверь отворилась и голова земскаго показалась. Я ударилъ по ней саблею и онъ упалъ, загородивъ входъ. Въ ту же минуту батюшка выстрѣлилъ въ двери изъ пистолета. Толпа, осаждавшая насъ, отбѣжала съ проклятіями. Я перетащилъ черезъ порогъ раненаго и заперъ дверь.

Дворъ былъ полонъ вооруженныхъ людей. Между ними узналъ я Швабрину. «Не бойтесь, сказалъ я женщинамъ, есть надежда. А вы, батюшка, уже болѣе не стрѣляйте. Побережемъ послѣдній зарядъ».

Матушка молча молилась Богу. Марья Ивановна стояла подлѣ нея, съ ангельскимъ спокойствіемъ ожидая рѣшенія судьбы своей. За дверью раздавались угрозы, брань и проклятіе. Я стоялъ на своемъ мѣстѣ, готовый изрубить перваго смѣльчака. Вдругъ злодѣи замолчали. Я услышалъ голосъ Швабринна, зовущаго меня по имени.

— Я здѣсь. Чего ты хочешь?

— Сдайся, Буланинъ *): противиться невозможно. Пожадьй своихъ стариковъ. Упрямымъ себя не спасешь. Я до васъ доберусь!

— Попробуй, измѣнникъ!

— Не стану ни самъ совѣтаться попустому, ни своихъ людей тратить, а велико поджечь амбаръ и тогда посмотримъ, что ты станешь дѣлать. Теперь пора обѣдать. Покамѣстъ сиди да думай на досугѣ. До свиданья! Марья Ивановна, не извиняюсь передъ вами: вамъ, вѣроятно, не скучно въ потемкахъ съ нашимъ рыцаремъ.

Швабринъ удалился, оставя караулъ у амбара. Мы молчали. Каждый изъ насъ думалъ про себя, не смѣя сообщить другому своихъ мыслей. Я воображалъ себѣ все, что въ состояніи былъ учинить озлобленный Швабринъ. О себѣ я почти не заботился. Признаться ли? И участь родителей моихъ не столько ужасала меня, какъ судьба Марьи Ивановны. Я зналъ, что матушка

*] Вотъ имя героя повѣсти, первоначально данное ему Пушкинымъ. Очень можетъ быть, что весь рассказъ въ основѣ своей не вымышленъ и что Пушкинъ въ «Балтаской Дочкѣ» передалъ дѣйствительную судьбу Буланина.

Бабочки. Картина М. Е. Вилли, грав. К. Бодъ,

Библиотека "Руниверс"

была обожаема крестьянами и дворовыми людьми. Батюшка, не смотря на свою строгость, был также любим, ибо был справедлив и знал истинныя нужды подвластных ему людей. Бунтъ ихъ былъ заблужденіе, мгновенное пьянство, а не изъясненіе ихъ негодования. Тутъ пощада была вѣроятна. Но Марья Ивановна? Какую участь готовилъ ей безсовѣстный и развратный человекъ! Я не смѣлъ останавливаться на этой ужасной мысли и готовился (прости, Господи!) умертвить ее скорѣе, нежели вторично увидѣть въ рукахъ жестокаго недруга.

III.

Прошло еще около часа. Въ деревнѣ раздавались пѣсныя пьяныхъ. Караульные наши имъ завидовали и, досадуя на насъ, ругались и страдали насъ истязаніями и смертью. Мы ожидали послѣдствія угрозамъ Швабринна. Наконецъ сдѣлалось большое движеніе на дворѣ, и мы опять услышали голосъ Швабринна.

— Что, надумались ли вы? Сдаются ли добровольно въ мои руки?

Никто не отвѣчалъ.

Подождавъ немного, Швабринъ велѣлъ принести соломы. Черезъ нѣсколько минутъ вспыхнулъ огонь и освѣтилъ темный амбаръ. Дымъ началъ пробиваться изъ-подъ щелей порога.

Тогда Марья Ивановна подошла ко мнѣ и тихо, взявъ меня за руку, сказала: „Полно Петръ Андреевичъ! Не губите за меня и себя, и родителей. Швабринъ меня послушаетъ. Выпустите меня!“

— Ни за что, закричалъ я съ сердцемъ. Знаете ли вы, что васъ ожидаетъ?

— Безчестія не переживу, отвѣчала она спокойно. Но, можетъ быть, я спасу моего избавителя и семью, которая такъ великодушно призрѣла мое бѣдное сиротство. Прощайте, Андрей Петровичъ! Прощайте... Вы были для меня болѣе чѣмъ благодѣтели. Благословите меня. Простите же и вы, Петръ Андреевичъ. Будьте увѣрены, что... что... Тутъ она зашлакала и закрыла лицо руками... Я былъ какъ сумасшедшій. Матушка плакала.

— Полно врать, Марья Ивановна, сказалъ мой отецъ. Кто тебя пуститъ одну къ разбойникамъ! Сиди здѣсь и молчи. Умирать, такъ умирать ужъ вмѣстѣ. Слушай! Что тамъ еще говорятъ?

— Сдаются ли? кричалъ Швабринъ. Видите? Черезъ пять минутъ васъ изжарятъ.

— Не сдадимся, злодѣй! отвѣчалъ ему батюшка твердымъ голосомъ. Бодрое лицо его, покрытое морщинами, оживлено было удивительно. Глаза сверкали изъ-подъ сѣдыхъ бровей. Обращаясь ко мнѣ, онъ сказалъ: „Теперь пора!“

Онъ отперъ двери. Огонь ворвался и взвился по бревнамъ, закопаченнымъ сухимъ мохомъ. Батюшка выстрѣлилъ, шагнувъ за пылающій порогъ и закричалъ: „За мной!“ Я взялъ за руки матушку и Марью Ивановну и быстро вывелъ ихъ на воздухъ. У порога лежалъ Швабринъ, прострѣленный дряхлою рукою отца моего. Толпа разбойниковъ, бѣжавшая отъ неожиданной нашей вылазки, тотчасъ ободрилась и начала насъ окружать. Я успѣлъ нанести еще нѣсколько ударовъ; но кирпичъ, удачно брошенный, угодилъ мнѣ прямо въ грудь. Я упалъ и на минуту лишился чувствъ; меня обступили и обезоружили. Пришедъ въ себя, увидѣлъ я Швабринна, сидѣвшаго на окровавленной травѣ, и передъ нимъ наше семейство.

Меня поддерживали подъ руки. Толпа крестьянъ, казаковъ и башкирцевъ окружала насъ. Швабринъ былъ ужасно блѣденъ. Одной рукой прижималъ онъ раненый бокъ. Лицо его выражало мученіе и злобу. Онъ медленно поднялъ голову, взглянулъ на меня и произнесъ слабымъ и невнятнымъ голосомъ: „Вѣшать его... и всѣхъ... кромѣ ея...“

Толпа тотчасъ окружила насъ и потащила къ воротамъ. Но вдругъ они насъ оставили и разбѣжались: въ ворота въѣхалъ Гриневъ и за нимъ цѣлый эскадронъ съ саблями на-голо.

Бунтовщики утекали во всѣ стороны. Гусары ихъ преслѣдовали, рубили и хватали въ плѣнъ. Гриневъ соскочилъ съ лошади, поклонился батюшкѣ и матушкѣ и крѣпко пожалъ мнѣ руку. „Кстати же я подоспѣлъ!“ сказалъ онъ намъ. „А вотъ и твоя невѣста!“ Марья Ивановна покраснѣла по уши. Батюшка къ нему подошелъ и благодарилъ его съ видомъ спокойнымъ, хотя и тронутымъ. Матушка обнимала его, называя ангеломъ-избавителемъ. „Милости просимъ къ намъ“, сказалъ ему батюшка и повелъ его къ намъ въ домъ.

Проходя мимо Швабринна, Гриневъ остановился. „Это кто?“ спросилъ онъ, глядя на раненаго. „Это самъ предводитель шайки“, отвѣчалъ мой отецъ съ нѣкоторою гордостью, обличающей стараго воина. „Богъ помогъ дряхлой рукѣ моей наказывать молодого злодѣя и отомстить ему за кровь моего сына“. „Это Швабринъ“, сказалъ я Гриневу. — „Швабринъ! Очень радъ. Гусары, возьмите его! Да скажите лекарю, чтобы онъ перевязалъ ему рану и берегъ его какъ зѣницу ока. Швабринна надобно непременно представить въ секретную казанскую комиссію. Онъ одинъ изъ главныхъ преступниковъ, и показанія его должны быть важны!“

Швабринъ открылъ томный взглядъ. На лицѣ его ничего не изобразилось кромѣ физической муки. Гусары отнесли его на плащъ.

Мы вошли въ комнаты. Съ трепетомъ смотрѣлъ я вокругъ себя, припоминая свои младенческія годы. Ничто въ домѣ не измѣнилось, все было на прежнемъ мѣстѣ: Швабринъ не дозволялъ его разграбить, сохраняя въ самомъ своемъ униженіи невольное отвращеніе отъ безчестнаго корыстолюбія.

Слуги явились въ переднюю. Они не участвовали въ бунтѣ и отъ чистаго сердца радовались нашему избавленію. Савельичъ торжествовалъ. Надобно знать, что во время тревоги, произведенной нападеніемъ разбойниковъ, онъ побѣждалъ въ конюшню, гдѣ стояла Швабринна лошадь, осѣдлалъ ее, вывелъ тихонько и, благодаря суматохѣ, незамѣтнымъ образомъ поскакалъ къ перевозу. Онъ встрѣтилъ полякъ, отъѣхавшій уже по сю сторону Волги. Гриневъ, узнавъ отъ него объ нашей опасности, велѣлъ садиться, скомандовалъ маршъ-маршъ, въ галопъ и, слава Богу, прискакалъ во время.

Гриневъ настоялъ на томъ, чтобы голова земскаго была на нѣсколько часовъ поставлена на шею у кабака.

Гусары возвратились съ погони, захвативъ въ плѣнъ нѣсколько человекъ. Ихъ заперли въ тотъ самый амбаръ, въ которомъ выдержали мы достопамятную осаду. Мы разошлись каждый по своимъ комнатамъ. Старикамъ нуженъ былъ отдыхъ. Не спавши цѣлую ночь, я бросился на постель и крѣпко заснулъ. Гриневъ пошелъ дѣлать свои распоряженія.

Вечеромъ мы соединились въ гостиной около самовара, весело разговаривая о минувшей опасности. Марья Ивановна разливала чай. Я сѣлъ подлѣ нея и занялся ею исключительно. Родители мои, казалось, благосклонно смотрѣли на нѣжность нашихъ отношеній. Доселѣ этотъ вечеръ живетъ въ моемъ воспоминаніи. Я былъ счастливъ, счастливъ совершенно, а много ли таковыхъ минутъ въ бѣдной жизни человѣческой?

На другой день доложили батюшкѣ, что крестьяне явились на барскій дворъ съ повинною. Батюшка вышелъ къ нимъ на крыльцо. При его появленіи мужики стали на колѣни. „Ну, что, дураки!“ сказалъ онъ имъ. „Зачѣмъ вы вздумали бунтовать?“ — „Виноваты, государь ты нашъ“, отвѣчали они въ голосъ. „То-то виноваты. Напроказить, да сами не рады! Прощайте васъ для радости, что Богъ привелъ меня свидѣться съ сыномъ Петромъ Андреевичемъ. Ну добро: повинную голову мечъ не счѣтетъ.“

— „Виноваты, конечно виноваты!“

— „Богъ далъ ведро. Пора бы сѣно убирать; а вы, дурачье, цѣлые три дня что дѣлали? Староста! Нарядить поголовно на сѣнокосъ; да смотри, рыжая бестія, чтобы у меня послѣ къ Иванову дню все сѣно было въ копнахъ! Убирайтесь!“

Мужики поклонились и пошли на барщину какъ ни въ чемъ не бывало.

Рана Швабринна оказалась не смертельна. Его съ конвоемъ отравили въ Казань. Я видѣлъ изъ окна, какъ его уложили въ телѣгу. Взоры наши встрѣтились. Онъ потупилъ голову, а я отошелъ послѣшно отъ окна; я боялся показать видъ, что торжественно надъ уничтоженіемъ и несчастьемъ недруга.

Гриневъ долженъ былъ отправиться далѣе. Я рѣшилъ за нимъ послѣдовать, не смотря на мое желаніе пробыть еще нѣсколько дней посреди моего семейства. Наканунѣ похода я пришелъ къ моимъ родителямъ и по тогдашнему обыкновенію поклонился имъ въ ноги, прося ихъ благословенія на бракъ съ Марьею Ивановной. Старикъ меня поднялъ и въ радостныхъ слезахъ изъяснилъ свое согласіе. Я привелъ къ нимъ Марью Ивановну, блѣдную и трепещущую. Насъ благословили. Что чувствовалъ я, того не стану описывать. Кто бывалъ въ моемъ положеніи, тотъ и безъ того меня пойметъ. Кто не бывалъ, о томъ я только могу пожалѣть и совѣтовать, пока еще время не ушло, влюбиться и получить отъ родителей благословеніе.

На другой день полякъ собрался. Гриневъ простился съ нашимъ семействомъ. Всѣ мы были увѣрены, что военныя дѣйствія скоро будутъ прекращены. Черезъ мѣсяцъ я надѣялся быть суругомъ. Марья Ивановна, прощаясь со мною, поцѣловала меня при всѣхъ. Я сѣлъ въ кибитку. Савельичъ опять за мною послѣдовалъ, и полякъ ушелъ. Долго смотрѣлъ я издали на сельскій домъ, опять мною покидаемый. Мрачное предчувствіе тревожило меня. Кто-то мнѣ шепталъ, что не всѣ несчастія для меня миновались. Сердце чуяло новую бурю.

Не стану описывать нашего похода и окончанія Пугачевской войны. Мы проходили чрезъ селенія раззоренныя Пугачевымъ и по неволѣ отбирали у бѣдныхъ жителей то, что оставлено было ими разбойниками.

Они не знали, кому повиноваться. Правленіе было всюду прекращено. Помѣщики укрывались по лѣсамъ. Шайки разбойниковъ злодѣйствовали повсюду. Начальники отдѣльных отрядовъ, посланныхъ въ погоню за Пугачевымъ, тогда уже бѣгущимъ къ Астрахани, самовластно наказывали виноватыхъ и безвинныхъ. Состояніе всего края, гдѣ свирѣствовалъ пожаръ, было ужасно. Не приведи Богъ видѣть русской бунтъ, безсмысленный и безпошадный. Тѣ, которые замышляютъ у насъ невозможные перевороты или молоды и не знаютъ нашего народа, или ужъ люди жестокосердые, коимъ и своя шейка копѣйка, и чужая головушка полупайка...

Этими знаменательными словами заканчивается пропущенная глава.

МЕВЪСТА-ПРИЗРАКЪ.

Разсказъ. Д. Вуда.

— Извините милэди, очень, очень жалѣю, но оставаться больше у васъ не могу. Я не трусливаго десятка, а другой такой ночи попробовать не въ силахъ. Хочешь, не хочешь, а приходится уйдти отъ васъ.

— Это, просто, ужасно! воскликнула мистриссъ Вернонъ, нервно вставая съ своего мѣста.—въ одну эту недѣлю у меня отказались трое слугъ—сначала Гарди, потомъ Джэнетъ, а вотъ теперь вы. Что же я буду, наконецъ, дѣлать?!

— Разскажите, пожалуйста, Марта,—что такое происходитъ? спросилъ нѣжный, нѣсколько протяжно произносившій слова, голосокъ. Голосъ этотъ принадлежалъ миссъ Долоресъ Вернонъ, лежавшей тутъ, въ гостинной на диванѣ.

— Разскажу вамъ все, что знаю объ этомъ, миссъ Вернонъ. Уже и прежде говорили объ этомъ наши горничныя, но я не обращала вниманія на ихъ болтовню, однако, когда видишь сама, собственными глазами!.. Я не вѣрила имъ до этой... до этой ночи...

Здѣсь Машэмъ остановилась.. Меланхолическое лицо ея, казалось, вытянулось еще больше.

— Когда я пошла спать, меня мучила бессонница и я рѣшила пойти за сонными каплями, продолжала она.—Это было уже двѣнадцать—ровно-ли или немного позже, ужъ не припомню—только, какъ я вошла въ корридоръ, который ведетъ въ картинную галлерю,—я, вдругъ, увидѣла... увидѣла и вся кровь во мнѣ поледенѣла!

Кухарка остановилась снова и отбегла свой лобъ, на которомъ были капли холоднаго пота. Мистриссъ Вернонъ глубже опустила въ кресло, Долоресъ положила въ сторону свою внигу.

— Ну, ну, говорите, мистриссъ Машэмъ! нетерпѣливо воскликнула молодая дѣвушка.—Какое странное ощущеніе и пріятное, вѣрно, когда кровь стынетъ!

— Это была человѣческая фигура, серьезнымъ тономъ продолжала экономка,—такого огромнаго роста, какого я никогда еще не видала прежде; на ней было длинное бѣлое одѣяніе и что-то еще на головѣ. Она выступала такъ величественно и... и, прибавила мистриссъ Машэмъ уже совсѣмъ глухимъ голосомъ—мнѣ показалось, что на бѣломъ одѣяніи были большія темныя пятна—кровяныя пятна! Привидѣніе прямо прошло по лѣстницѣ, по направиленію къ той комнатѣ, гдѣ прабабушка мистера Вернонъ перерѣзала себѣ горло.

— Но, послушайте, мистриссъ Машэмъ, никогда прабабка мистера Вернона не перерѣзывала горла себѣ.

— Милэди, возразила вѣжливо экономка, всѣ люди говорятъ, что перерѣзала.

— Мама, да не перебивай мистриссъ Машэмъ, мнѣ такъ хочется знать все, что было. Разсказывайте, что же дальше?

— Привидѣніе исчезло за угломъ и вошло въ мастерскую, гдѣ, миссъ Долоресъ, по моему, вамъ не надо бы больше ужъ никогда рисовать. Сердце у меня перестало биться, волосы стали дыбомъ. Признаюсь милэди, я бросилась изъ этаго корридора и еслибы дверь Мэри была въ ту минуту заперта, то я упала бы, навѣрное, въ обморокъ.

— Ужасно, ужасно неприятная вещь, произнесла м-ссъ Вернонъ, совершенно разстроенная.

— Нѣтъ, по моему мнѣнію, ужасно смѣшная вещь, возразила Долоресъ, которая, не смотря на продолжавшуюся еще слабость послѣ болѣзни своей, громко и весело расхохоталась. Ее чрезвычайно смѣшила траги-комическая фигура кухарки и ея убитъ-жденный, вполне искренній тонъ.

— Я бы желала, мистриссъ Машэмъ, чтобы вы не рѣпали такъ скоро, обратилась мистриссъ Вернонъ къ экономкѣ, мнѣ такъ жаль разставаться съ вами.

— Мнѣ тоже жаль, милэди, отвѣтила та съ непритворной грустью, мнѣ очень тяжело оставлять вашъ домъ, но не могу, милэди, я дорожу здоровьемъ своимъ, а отъ *того* я сдѣлалась очень нервной.

— Какъ можешь ты смѣяться, Долоресъ? произнесла мистриссъ Вернонъ съ удивленіемъ.

— Нѣтъ, мама, не могу я удержаться, когда она говоритъ о своихъ „нервахъ“.

— Ну, что же дѣлать Марта, не можете оставаться, такъ я не стану удерживать васъ, послѣдно сказала м-ссъ Вернонъ. Машэмъ, сдѣлавъ почтительный клансенъ, вышла.

— Не понимаю, однако, чѣмъ же все это кончится? произнесла м-ссъ Вернонъ, обращаясь къ дочери, я ужъ сама почти начинаю вѣрить въ это привидѣніе. Но какъ это они разузнали о женщннѣ, которая перерѣзала себѣ горло?

— Мнѣ слышалось, вы сказали, что этаго не было? спросила съ удивленіемъ Долоресъ.

— Нѣтъ я опровергла только то, что она сказала. Въ дѣйствителъности же это произошло не съ прабабкой отца твоего, а съ женой ея управителя, которая сошла съ ума и несчастная—перерѣзала себѣ горло, или сдѣлала что-то другое ужасное надъ собой тамъ, въ той комнатѣ.

— Какъ! въ моей мастерской? спросила Долоресъ, широко раскрывая свои большіе глаза.—О, какъ это неприятно! И зачѣмъ же она выбрала именно ту комнату. Не большое же удовольствіе будетъ для меня заниматься тамъ на будущее время. Мнѣ все будутъ казаться разныя страшныя лэди, разгуливающія вокругъ меня съ своими головами подъ мышкой.

— Я бы была рада, если бы хоть что нибудь принудило тебя перестать такъ насилловать себя съ твоимъ рисованіемъ. Оно очень не хорошо дѣйствуетъ на твое здоровье. Ты развѣ забыла горячку, которую только что перенесла? И сама видишь, что можешь поправиться, только если ничѣмъ не будешь заниматься; ты черезчуръ впечатлительна, милое дитя, а рисованіе черезчуръ возбуждаетъ твою головку, твое воображеніе, слишкомъ дѣйствуетъ на мозгъ твой.

— Я очень занята моей теперешней картиной; признаюсь тебѣ, мама, иногда я вижу ее даже во снѣ.

— Какъ мы устроимъ обѣдъ безъ экономки теперь. У нея все было на рукахъ! А тутъ еще пріѣдетъ Франкъ! Ужасно досадно.

— Ну, мистеру Франку достаточно будетъ и куска холоднаго ростбифа, произнесла дѣвушка тономъ такого явнаго пренебреженія, что м-ссъ Вернонъ пристально взглянула на нее.

— Развѣ вы поссорились съ Франкомъ? спросила она дочь послѣ нѣкоторой паузы.—Ты теперь о немъ говоришь все съ какой то насмѣшкой, а еще недавно я надѣялась... Мнѣ кажется, что онъ можетъ очень нравиться и вполне достойный молодой человѣкъ.

— И мнѣ тоже это кажется.

— Развѣ онъ не красивъ?

Долоресъ, вмѣсто отвѣта, снова засмѣялась, но, на этотъ разъ, въ смѣхъ ея слышалось что-то ненатуральное, какъ будто звучала легкая досада.

— О, да, очень красивъ, и кромѣ того, у него такое очаровательное имѣніе, какъ разъ около нашего, и такъ было бы хорошо, если бы я жила близко отъ васъ, а папа онъ преданъ, какъ родной сынъ! Развѣ все это не такъ? По крайней мѣрѣ я слышала все это тысячи разъ, кажется. Но я то, я не хочу выходить замужъ и буду ближе къ вамъ здѣсь, въ нашемъ собственномъ домѣ, чѣмъ во всякомъ другомъ. Мама, подите сюда и поцѣлуйте меня. Вы знаете, что вы и теперь самая хорошенькая женщина во всемъ свѣтѣ, но когда вы хотите сдѣлать строгое личико—вы становитесь очаровательны и я обожаю васъ! Мистриссъ Вернонъ съ улыбочкой наклонилась надъ своей избалованной дочерью, обмѣнялась съ ней горячимъ поцѣлуемъ и пошла къ мужу повѣрять ему свои хозяйственныя невзгоды.

Едва успѣла она выйдти въ одну дверь, какъ отворилась другая и въ гостинную вошелъ молодой человѣкъ. Онъ высокъ ростомъ, широкоплечъ и смуглъ. Онъ принадлежитъ къ числу тѣхъ, видъ которыхъ, обыкновенно, производитъ очень пріятное впечатлѣніе на всякаго. Но въ эту минуту его прекрасное лицо, почему-то грустно и недовольно.

— Вы? безпечнымъ тономъ произнесла миссъ Долоресъ,—странно, только что заговорилъ о комъ нибудь...

— Вы говорили обо мнѣ? Какое несчастье! Воображаю—сколько хорошихъ вещей вы насажали! воскликнулъ онъ, съ отгнѣнкомъ горечи въ тонѣ.

— Вы, какъ всегда, несправедливы ко мнѣ. Да, да, я разсказывала про васъ именно хорошія вещи. Погодите, погодите, дайте вспомнить... Да, вотъ, я говорила, что у васъ прелестное имѣніе, что вы отлично управляете имъ, что вы недурны собой и имѣете довольно пристойныя манеры.

— Весьма, весьма признателенъ вамъ, хотя, мнѣ кажется, едва ли можно считать похвальнымъ качествомъ обладаніе большимъ имѣніемъ.

— Отличная похвала въ ннѣшнее время. Конечно, теперь предпочитается большое имѣніе—великодушному сердцу, не обладающему такимъ имѣніемъ. Васъ впрочемъ и нельзя упрекнуть въ излишнѣе сердца. Какъ вы неблагодарны! Я думаю, что сказала о васъ все хорошее, что могла.

— Вполнѣ понимаю всю доброту вашу, можетъ быть, вы сказали еще что нибудь?

— Что это за допросъ! Ну—сказала еще, что... что совершенно равнодушна къ вамъ, какъ ко всѣмъ тѣмъ, кто равнодушенъ ко мнѣ.

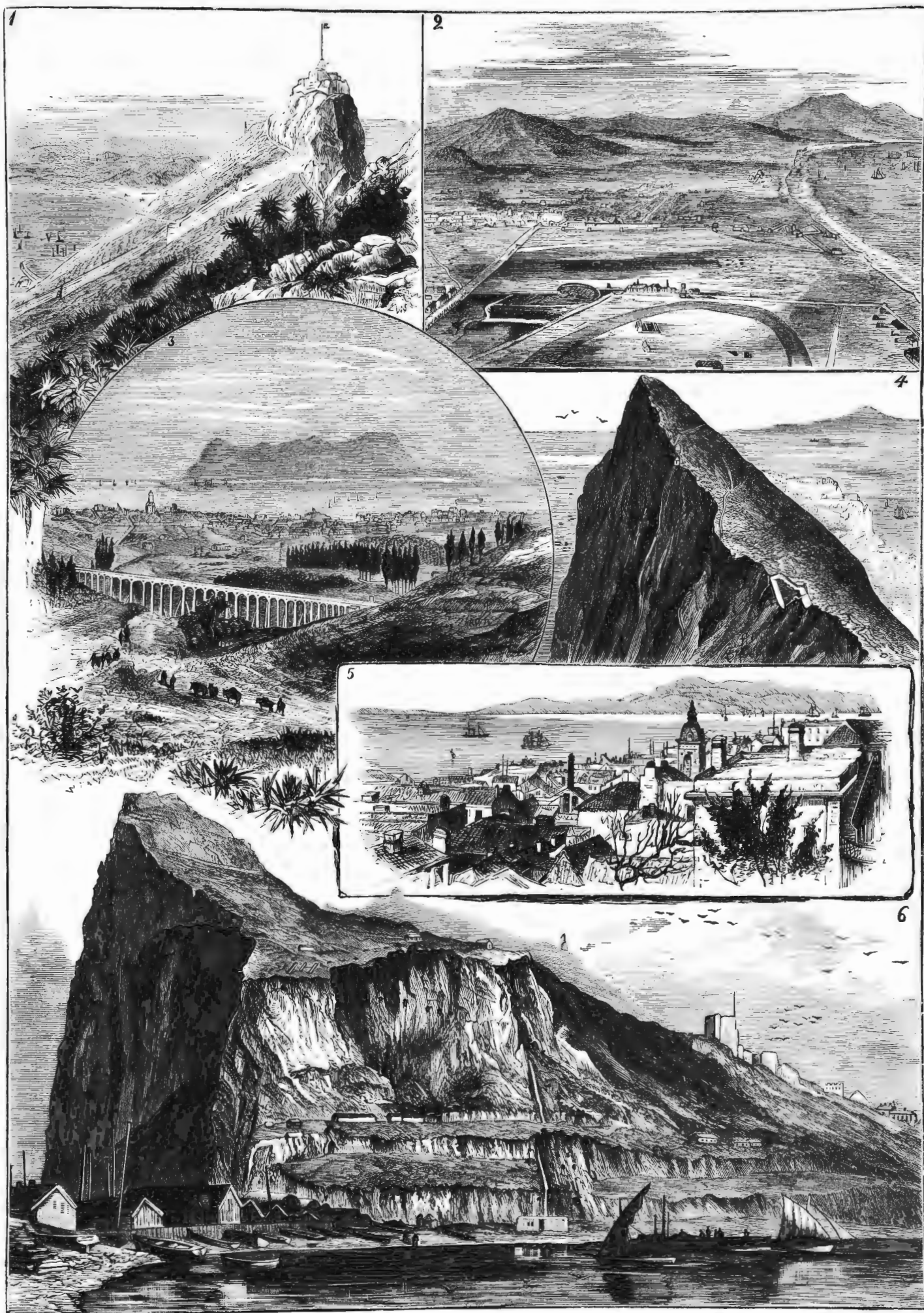
— Не вѣрю, что вы говорили это.

— Нѣтъ? А я вижу, что вы сегодня въ одномъ изъ вашихъ прелестныхъ настроеній и вижу тоже, что слишкомъ поторопилась похвалить ваши манеры. Тѣмъ не менѣе, я говорила все это.

— Можете ли вы положить руку на сердце сказать, что я равнодушенъ къ вамъ? Долоресъ, вѣдь вы же знаете, что я люблю, люблю только васъ одну. Что такое съ вами, почему не хотите вы понять меня? Потому что не хотите? Нѣсколько

Московскій Архангельскій соборъ. Внутренній видъ. Съ фотогр. Лаптева, грав. М. Рашевскій.

Виды Гибралтара. По рисункамъ Превоства, грав. М. Рашензій. Библиотека "Руниверс"

1) Сигнальная станція. 2) Нейтральная полоса. 3) Скала Гибралтара, видъ изъ Алжесираса. 4) Скала Гибралтара. 5) Гибралтарскій заливъ. 6) Скала и батареи.

дней тому назад я начал надѣяться, что вы, наконецъ, полюбите меня хоть немного и вдругъ, вы хватаетесь за какой то пустой, незначительный поводъ, чтобы совершенно оттолкнуть меня.

— Люди рѣдко сходятся въ своихъ мнѣніяхъ о различныхъ вещахъ, а потому мнѣ невозможно знать что кажется вамъ пустымъ и незначительнымъ; но если я узнаю, что вы, всего мѣсяцъ какой нибудь назадъ, были какъ сумасшедшій влюблены въ мою кухню, то считаю этотъ поводъ совершенно достаточнымъ, чтобы отказаться выслушивать ваши смѣшныя признанія.

М-ру Гарлею не понравилась насмѣшка надъ его „признаніями“. Онъ покраснѣлъ, чувствуя, что начинаетъ сердиться.

— Я уже не разъ говорилъ вамъ, произнесъ онъ съ усиліемъ, очевидно было, что онъ старался подавить досаду въ себѣ,—я вамъ уже повторялъ, что кухня ваша или ошибается, или—просто... просто говорить неправду.

Молнія блеснула въ глазахъ Долоресъ.

— Прошу васъ никогда не отзываться невѣжливо о Фелиции при мнѣ! воскликнула молодая дѣвушка. Она олицетворенная истина. Я знаю ее съ дня рожденія. Она не способна солгать.

— Въ такомъ случаѣ, тутъ есть что то странное, непонятное. Вы увѣряете, что Фелиция—олицетвореніе истины, а между тѣмъ, она... что такое пишетъ она вамъ?

— Желаете прослушать снова? Извините, хотя я думаю, вы, и безъ того, хорошо помните все, что происходило тамъ. Долоресъ вынула письмо изъ кармана своего бѣлаго платья и начала:

— „Такъ м-ръ Гарлей,—мой м-ръ Гарлей—какъ ты называешь его, гоститъ у васъ. Какъ странно иногда выходить! я и не знала, что вы знакомы.“

— Да, мѣсяцъ тому назадъ мы и не знали другъ друга, встала Долоресъ, съ выраженіемъ сожалѣнія, вѣроятно о томъ что они „узнали другъ друга“.

— Да, прибавилъ м-ръ Гарлей отъ себя, въ недобрый часъ задумалъ я пріѣхать въ эту сторону, послѣ столькихъ лѣтъ отсутствія! Продолжайте пожалуйста.

— „Я знала, что онъ уѣзжаетъ на нѣкоторое время въ Лейчестеръ-Шейръ, но никакъ не могла догадаться, что онъ отправляется къ вамъ, въ Тауэрсъ, пока ты не написала мнѣ. Неправда-ли, какъ онъ красивъ? Мнѣ было бы досадно, еслибы ты не согласилась со мной въ этомъ. Видишь ли, онъ ухаживалъ за мной. Въ театрахъ, на балахъ, на вечерахъ онъ не отходилъ отъ меня. Онъ мнѣ очень нравится. У меня было не мало ухаживателей, но никогда, ни одинъ не былъ такъ совершенно, исключительно преданъ мнѣ, какъ этотъ. Кстати—милая Долоресъ, ты такъ ужасно пишешь, что разобрать невозможно“.

— Довольно, дальше нечего читать, сказала Долоресъ, сложивъ письмо.

— Да слишкомъ довольно. Конечно въ городѣ часто встрѣчаешься на балахъ и вечерахъ и мы съ вашей кухней были большіе друзья, но у нея, вѣроятно, очень уже живое воображеніе. Почему же она думаетъ, что если я пріѣхалъ на вечеръ, то непременно для того, чтобы встрѣтить ее. Да кромѣ меня тамъ былъ еще одинъ, вотъ тотъ, можетъ быть... Это уже чересчуръ странно что-то! Позвольте мнѣ взглянуть на письмо?

— Конечно. Ну что, видиге: написано Гарлей.

— Я бы желала, чтобы вы написали къ вашей кухнѣ и просили бы ее, чтобы она объяснила вамъ подробнѣе.

— О нѣтъ, не стоитъ подымать цѣлой исторіи.

— Правда, я и забылъ. Письмо это и доставило вамъ причину, которую вы такъ желали.

— Мнѣ кажется, вы слишкомъ рѣзки, сказала миссъ Вернонь.

— Да развѣ я не правъ! воскликнулъ онъ съ горячностью. Двѣ недѣли назадъ вы точно общали быть женой моей, а теперь вы положительно ненавидите меня. Что же остается дѣлать мнѣ? Завтра же уѣду назадъ въ городъ.

— Едва ли это было бы вѣжливо съ вашей стороны, спокойнымъ голосомъ замѣтила Долоресъ. Да и къ тому же, на будущей недѣлѣ пріѣзжаетъ къ намъ Фелиция.

Гарлей поблѣднѣлъ и бросилъ на молодую дѣвушку взглядъ полный упрека.

— Вамъ не слѣдовало бы оскорблять меня именно потому, что вы женщина, произнесъ онъ взволнованнымъ голосомъ, я уже сказалъ вамъ, что присутствіе или отсутствіе вашей кухни не имѣетъ для меня ровно никакого значенія.

Сдержанный огонь, слышавшійся въ словахъ этихъ, нѣсколько подѣйствовалъ на молодую дѣвушку.

— Очень жалѣю, если общала вамъ, отвѣтила она съ презрѣнимъ спокойствіемъ.—не менѣе жалѣю о вашемъ намѣреніи уѣхать такъ скоро изъ Тауэреса? Зачѣмъ вы хотите ѣхать?

— Для чего мнѣ оставаться? Я только безпокою васъ своимъ присутствіемъ и раздражаю себя.

— О, вовсе нѣтъ. Домъ такъ великъ, что мѣста хватить всѣмъ. Вы можете оставаться здѣсь и нисколько не беспокоить меня. Да и я постараюсь избѣгать васъ, прибавила она съ лукавой, кокетливой улыбкой, избѣгать, потому что... Ахъ,

какъ нехорошо лежать эти подушки! Не будете ли такъ добры поправить ихъ? Такъ, такъ, благодарю васъ. Да, такъ я говорила, если вы не хотите видѣть меня, то я постараюсь избѣгать встрѣчъ съ вами. Тогда мнѣ не съ кѣмъ будетъ, по крайней мѣрѣ, ссориться, развѣ только съ одними привидѣніями. Ахъ, да! знаете ли, наше домашнее привидѣніе снова появилось!

— Неужели? спросилъ Франкъ, нѣсколько успокоившійся отъ волненія своего,—я думаю всѣ слуги ваши перепуганы. Расскажите мнѣ, что такое.

— Съ удовольствіемъ, если вы только сядете и не будете имѣть видъ чловѣка, собирающагося сейчасъ уѣхать въ Лондонъ.

И она передала ему рассказъ мистриссъ Машэмъ.

— Можетъ быть, послѣ этого, вы поступите благоразумно, если уѣдете, сказала она окончивъ рассказъ. Мы уже не будемъ имѣть обѣда сегодня, а завтра пожалуй останемся безъ завтрака. Но все таки съ вашей стороны было бы ужасною грусостью уѣхать и оставить меня на съѣденіе этому страшному привидѣнію.

М-ръ Гарлей улыбулся и между молодыми людьми больше уже не возобновлялся разговоръ объ отъѣздѣ изъ Тауэреса.

Послѣ обѣда, когда уже все было прибрано и слуги удалены, м-ръ Вернонь, послѣ нѣкотораго раздумья, произнесъ вдругъ своимъ громкимъ голосомъ.

— Что нибудь да надо, однако, сдѣлать.

— Я всегда во всемъ согласна съ вами, папа, не правда-ли? Но, признаюсь, теперь не понимаю—что же надо сдѣлать и кто будетъ дѣлать это.

— Твоя мать рассказала мнѣ все, что произошло, объяснилъ м-ръ Вернонь, отсутствіе теперь кухарки—не шутка. Надо непременно добраться до этаго призрака. Тутъ, навѣрное, чьи нибудь шутки, чьи нибудь продѣлки. М-съ Машэмъ—чудесно приготовляетъ раковый супъ и я никогда не повѣрю, чтобы она когда либо падала въ обморокъ безъ причины.

— Она и не упала совсѣмъ въ обморокъ, папа. Но я была бы такъ благодарна тому, кто отереть бы все это, произнесла молодая дѣвушка, бросая украдкой взглядъ въ сторону Гарлея.

— Я засяду сегодня отъ 12 до 2 часовъ ночи, объявилъ м-ръ Вернонь съ видомъ героя. М-ръ Вернонь очень любилъ спать.

— О, Гарри, обратилась къ нему испуганная м-съ Вернонь, я надѣюсь, что ты и не подумаешь дѣлать этаго. Въ глубинѣ души м-съ Вернонь ужасно боялась привидѣнія, о которомъ шла рѣчь теперь. Изъ страха предъ нимъ, она забиралась въ спальню раньше всѣхъ въ домъ, прячась и зарываясь въ подушки при малѣйшемъ шорохѣ.

— Глупости, глупости это! Я иду!

— Папа, вы не пойдете туда ночью, я этого не позволю вамъ, перестаньте и думать! воскликнула Долоресъ. Въ домъ никто не противорѣчилъ молодой дѣвушкѣ. М-ръ Вернонь взялъ только ея хорошенькую маленькую ручку, пожалъ ее и не произнесъ ни слова.

— Я пойду туда сегодня ночью, сказалъ вдругъ Гарлей рѣшительнымъ тономъ. Я непременно хочу выслѣдить это привидѣніе.

Онъ выразительно взглянулъ на Долоресъ, но юная леди ни словомъ, ни взглядомъ не показала, чтобы поняла хотя что нибудь. Она отвѣтила ему просто, что онъ очень храбръ и вѣжливо, очень вѣжливо—предложила попробовать еще одинъ персикъ—они такъ вкусны!

Давно уже пробило полночь. Весь домъ погруженъ въ сонъ и глубокую тишину. Лунный свѣтъ, широкимъ лучемъ, проникъ сквозъ окна длинной картинной галереи, обдавъ своимъ серебромъ развѣшанные вдоль стѣнъ портреты суровыхъ кавалеровъ и улыбающихся дамъ.

Свѣтъ былъ необыкновенно яркъ и можно было бы подумать, что былъ уже день, если бы вокругъ не стояло неподвижное безмолвіе. Молчаніе нарушалъ только звукъ шаговъ м-ра Гарлея, прохаживавшагося взадъ и впередъ по восточному корридолу.

Уже первый часъ, а до сихъ поръ не видно никакого привидѣнія. Какъ все это неудачно! Гарлей надѣялся, что увидитъ какого-нибудь неземнаго, безилотнаго обитателя или обительницу дома. Время шло, а духъ не появлялся. Ему стало досадно.

Въ этой глухой тишинѣ, среди которой одиноко раздавался однообразный звукъ его шаговъ, мысли его приняли иное настроеніе. Онъ любить, любить всей душой, но безъ взаимности! Онъ припомнилъ утренній разговоръ свой съ Долоресъ, припомнилъ во всей подробности все, что говорила дѣвушка, выраженіе ея лица. У него вырвалось нѣсколько словъ досадно противъ Фелиции. Однако, вотъ уже 2 часа! Нечего больше ждать. Онъ рѣшился идти спать. И что за глупости, въ самомъ дѣлѣ, можно ли было придавать какое нибудь значеніе суетвѣрю необразованныхъ слугъ! Въ XIX столѣтіи стоять и ждать привидѣнія!! О-о! Это что такое, однако?

Мысли м-ра Гарлея, въ эту минуту, остановились въ своемъ теченіи, онъ весь превратился въ зрѣніе. Сначала, его вниманіе было привлечено легкимъ шорохомъ, затѣмъ послышался неясный звукъ шаговъ, и вотъ-вотъ, вдругъ изъ западнаго

корридора показалась какая-то неопредѣленная фигура, которая, при немъ, да, на его глазах! прошла поперекъ картинной галлерей. Освѣщенная дуннымъ сіяніемъ, она шла медленно, вся въ бѣломъ, повернувъ голову въ сторону и вытянувъ впередъ одну руку. Привидѣніе дѣйствительно показалося оцѣпенѣвшему Гарлею необыкновенно высокаго роста. Оно направилось прямо къ каменнымъ ступенямъ, которыя вели въ мастерскую Долоресъ. М-ру Гарлею приходится сознаться, что ему страшно. Сердце его бьется съ одурающею силой, дыхание неровно и порывисто. Но онъ овладѣлъ собою и быстро, но неслышно, послѣдовалъ за привидѣніемъ. Въ эту минуту онъ вполнѣ раздѣлялъ мнѣніе, что леди съ перерѣзанными горлами составляютъ не особенно пріятное зрѣлище. Но онъ тутъ же вспомнилъ, что одна хорошенькая миссъ обѣщала благодарность свою тому, кто рѣшится стать лицомъ къ лицу съ привидѣніемъ, и потому храбро идетъ впередъ. Мастерская миссъ Вернонъ (помѣщавшаяся въ небольшой башенкѣ) была тоже вся залита серебристымъ свѣтомъ дунны, при которомъ ясно выступали малѣйшіе предметы. Но Гарлей видитъ только одинъ предметъ — привидѣніе, стоявшее теперь передъ открытымъ мольбертомъ.

То была никто иной, какъ сама Долоресъ! Долоресъ прелестная, но—погруженная въ глубокій сонъ! Голубые глаза широко раскрыты и безжизненно устремлены на полотно картины, одна рука что-то безцѣльно шипитъ среди кистей и красокъ, лежавшихъ около.

Гарлей остановился какъ вкопанный, не зная что дѣлать. Онъ боялся оставить ее одну, и боялся разбудить ее. Но случай вывелъ его изъ затрудненія. Легкій вѣтерокъ ворвался сквозь открытое окно и полуоткрытая дверь комнаты захлопнулась съ неожиданнымъ шумомъ.

М-ръ Гарлей инстинктивно отступилъ въ тѣнь, Миссъ Вернонъ глубоко вздохнула, слегка откинулась и, какъ просыпающееся дитя, вытянула свои бѣлые, мраморныя руки.

Сначала она оглянулась кругомъ, и увидѣвъ себя стоящую здѣсь одну среди яркаго дуннаго освѣщенія, вѣроятно въ испугѣ, быстро и судорожно прижала обѣ руки къ головѣ.

— Что это такое? гдѣ я?

— Долоресъ, не пугайтесь, не бойтесь, проговорилъ бросившійся къ ней Гарлей. Ничего, ничего! Вамъ, вѣрно, приснилась ваша картина, вы пошли сюда, и я шелъ за вами и... вотъ и все.

— Это точно кошмаръ! воскликнула Долоресъ.—Но, но, какъ же вы то могли узнать, что мнѣ приснилось это? Ничего такого не помню. Неужели я одна, сама пришла сюда? Или, или... не принесъ ли меня сюда этотъ призракъ? прибавила она съ нервной улыбкой и снова оглядываясь.

— Милое дитя, сказалъ Гарлей, не будучи въ силахъ удержаться отъ легкой улыбки, не сердитесь, если я скажу вамъ, что кажется, вы сами и есть этотъ призракъ, это страшное привидѣніе.

— Какъ, неужели вы думаете это? спросила она съ явнымъ неудовольствіемъ. Неужели это я расказывала во снѣ эти двѣ недѣли? Боже мой, какъ надо мной станутъ всѣ смѣяться! Обѣщайте мнѣ, что не скажете объ этомъ никому, кромѣ папа и мама. Они не посмѣютъ шутить надо мной.

— Обѣщаю все, что хотите.

— А вы, въ самомъ дѣлѣ, услышали призракъ, весело сказала Долоресъ, совершенно успокоившаяся теперь. Вы заслужили орденъ за храбрость, крестъ Викторіи, золотую медаль, или чтонибудь въ этомъ родѣ.

— Да, я думаю, что кое-что заслужилъ.

— И, конечно, получите. Она сдѣлала шагъ и задѣла небольшой столикъ, съ котораго упало нѣсколько книгъ, лежавшихъ тамъ.

Гарлей бросился поднимать ихъ.

— Осторожьтѣ, осторожьтѣ, сказала она съ жестокостью, за которую возненавидѣла сама себя въ ту же минуту, не будучи все-таки, въ состояніи удержаться, — осторожьтѣ, это книги Фелиции.

Изъ одной книги выпалъ фотографическій портретъ. Гарлей поднялъ его и взглянулъ—то былъ портретъ офицера въ гусарскомъ мундирѣ.

— Я знаю это лицо, сказалъ онъ,—я видѣлъ этого офицера очень часто въ городѣ—съ вашей кузиной.

— Да, это большой ея пріятель, вѣрно,—фотографію я нашла въ одной изъ книгъ, которыя она прислала мнѣ. Она написала его имя на той сторонѣ карточки.

— А, да, вотъ! кажется „Гафлей“, такъ? прочелъ онъ неувереннымъ голосомъ,—похоже и на Гарлей, и на Гафлей, хорошо не разберешь. Черезчуръ быстрый почеркъ у нея.— Молодой человѣкъ вдругъ остановился, его озарила одна мысль. Теперь я все понимаю! съ живостью произнесъ онъ. Тутъ, конечно, произошла ошибка! Ваша кузина пишетъ вамъ не о Гарлеѣ, а о Гафлѣ. Онъ усердно ухаживалъ за ней въ продолженіе всего сезона, всюду слѣдовалъ за ней и не отходилъ отъ нея. Понимаете теперь?

— Дайте мнѣ взглянуть. Да кажется такъ, хоть и трудно сказать навѣрное—Гафлей это или Гарлей.

— А какъ вы несправедливо и сурово обходились со мной! Сознаться, что я правъ. Подумайте сколько я выстрадалъ, Долоресъ.

— Боже мой, какъ поздно! воскликнула вдругъ молодая дѣвушка. Я буду завтра совершенно разбита. Вы забываете, какъ я еще слаба. Мама тоже разсердилась бы, если бы знала, что я не сплю въ этотъ часъ.

Она подошла уже къ двери и отворила ее.

— Долоресъ!

— Шш... проментала молодая леди, приложивъ палецъ къ губамъ. Ни слова! ктонибудь могъ бы услышать и тогда сказали бы, что здѣсь ходятъ два привидѣнія, вмѣсто одного.

Слушавшись съ лѣстницы, Долоресъ продолжала путь на цпочкахъ; дорогой она успѣла уже одуматься; дойдя до двери своей комнаты, она остановилась и, съ ласковой улыбкой, протянула руку Гарлею.

— Спокойной ночи, сказала она.

— Долоресъ, перестаньте, не мучьте меня, скажите мнѣ хоть одно, одно доброе слово!

— Что же вы хотите, чтобы я сказала вамъ? спросила она кокетливо.

— Что вы постараетесь полюбить меня, что будете моею женою.

— Ну—это уже было бы два добрыхъ слова.

— Такъ скажите ихъ все-таки. Развѣ забыли, что вы обѣщали мнѣ вашу благодарность, если я съумѣю открыть тайну привидѣнія?

— Милый Франкъ, подумайте—развѣ вамъ не страшно жениться на привидѣніи? развѣ вы не бонтесъ, что я когданибудь исчезну, какъ духъ?

— Я боюсь только вашего равнодушія, ничто другое не страшно мнѣ.

— Ну, ну, если такъ, то хорошо—я согласна выдти за васъ—когданибудь. А теперь, пока, мой милый, милый Франкъ даю вамъ поцѣлуй, какъ талисманъ отъ дурныхъ сновъ.

Она приподнялась на цпочки, положила свои нѣжныя, бѣлыя руки на плеча ему и подставила свою розовую щеку. Но, почти въ ту же минуту, выскользнула изъ объятій его и исчезла за дверью.

ГИБРАЛТАРЪ.

Очеркъ Н. Бова.

„Мысль моя черная, словно печальная туча—носится все надъ тобою величавая Кальпа! Угрюмо выснишься ты какъ одинокій, неподвижный стражъ среди пустыни морей“.

Такъ говоритъ испанскій популярный поэтъ Белло-и-Чекон о Гибралтарѣ. Кальпа—болное мѣсто гордаго испанца. Англичане силою завладѣли крѣпостью, подступивъ къ ней въ одну туманную ночь 1704 г., и обманомъ, въ противность трактату о свободѣ торговли, ею завладѣли. Испанскіе историки и поэты не могутъ вспомнить безъ чувства стыда и злобы объ этомъ захватѣ. „О, я бы желалъ лучше чтобы всѣ улицы Гибралтара заглушены были плеведами, чѣмъ видѣть ее въ рукахъ англичанъ! восклицаетъ герцогъ Валенсье въ своей „Исторіи Испаніи“. „Мы ихъ выгонимъ съ позоромъ, придетъ часъ! какъ безчестныхъ людей, говоритъ Маріо Тубино въ своихъ „Исслѣдованіяхъ“. Даже въ Англій находились многіе, публично порицавшіе этотъ безчестный захватъ; Черные глаза испанца горятъ злымъ огнемъ, кулаки сжимаются, когда онъ говоритъ объ этой знаменитой горѣ Геркулеса. Недавно возникли очень оживленные толки въ испанской печати и обществѣ по поводу возвращенія Гибралтара Испаніи и образовалась цѣлая

партія, требующая этого во что бы то ни стало. Во время Восточной войны здѣшніе политики страстно желали, чтобы англичане приняли въ войнѣ участіе, надѣясь въ это время возвратить то, что почти два вѣка позоритъ испанскую гордость и честь.

Исторія захвата Гибралтара весьма поучительна—это вѣчная исторія англійскихъ „интересовъ“. Впервые англичане вступили на почву Гибралгара 17-го іюля 1704 г., когда они въ союзѣ съ Голландіей, Савойей и Австріей хотѣли силою навязать Испаніи въ короли Карла III, взаимнѣ царствовавшего тогда Филиппа V. На Гибралтарѣ, которому тогда не придавали особаго значенія, было всего около 100 чел. испанскаго гарнизона и до 90 орудій. Французы приняли, какъ известно, сторону Испаніи и война тянулась до 1709 года и заключилась въ 1712 году Утрехтскимъ договоромъ. Все это время Гибралтаръ былъ занятъ союзными войсками, считаясь испанскою территоріей. Послѣ Утрехтскаго договора англичане все не выходили изъ крѣпости, хотя война была окончена. Слабый Филиппъ V жаловался на такое самоволіе и требовалъ удаленія иноземныхъ войскъ, когда вдругъ, мѣсяцевъ черезъ пять,

англійській уполномоченній Пріоръ представилъ королю прозектъ особаго договора, въ которомъ были двѣ статьи объ уступкѣ Гибралтара и острова Минорки, съ угрозою въ противномъ случаѣ вновь начать военныя дѣйствія. Изумленный, обманутый и испуганный король, вида разстройство дѣлъ въ своей страѣ и страшась за свое личное положеніе, былъ такъ безхарактеренъ, что согласился на уступку и англичане, среди взрыва негодованія всей страны, спокойно и какъ ни въ чемъ не бывало принялись укрѣплять городъ. Это волюнтаристская политика, примѣровъ которой и представлять не надо—они у всѣхъ на виду.

Между тѣмъ специально военное значеніе этого мѣста оспаривалось даже самими англичанами. Генералъ Котрингтонъ, мѣстный губернаторъ, въ рапортѣ своемъ парламенту говоритъ, что Гибралтаръ ни прежде, въ эпоху деревянныхъ судовъ, ни тѣмъ болѣе теперь, не можетъ загородить дороги идущему мимо флоту и приписывать ему значеніе *воротъ* пролива—большое заблужденіе. Но какіе же тогда мотивы выгоды захвата? Далѣе это выясняется: эта превосходная гавань, лежащая между Средиземнымъ моремъ и океаномъ, можетъ въ случаѣ войны быть превосходнымъ убѣжищемъ и складомъ для англійскаго флота, а главное—отсюда одинъ маленький военный фрегатъ, при помощи пушекъ горныхъ батарей съ берега, можетъ ловить всѣхъ непріятельскихъ торговыхъ суда. „Кромѣ того, съ полною откровенностью говоритъ генералъ, отсюда удобнѣе всего разсылать шпіоновъ въ Испанію и Францію и получать отъ нихъ сообщенія“. Со стороны моря Гибралтаръ признается совершенно неприступнымъ, но съ суши испанцы убѣждены, что всѣми его укрѣпленіями можно завладѣть въ одну ночь молодечкой атаки. Но время еще не пришло, хотя вѣроятно Альфонсъ XII былъ бы не прочь отъ такого дѣла, которое могло бы сдѣлать его имя популярнымъ и пріобрѣсти ему народную любовь.

Часа черезъ четыре послѣ выѣзда изъ Малаги, на западѣ морскаго горизонта постепенно вырастаютъ—направо высокая гора Гибралтаръ, направо частые маяки африканскаго берега близъ города Сеуты. Гора все вырастаетъ, волны пѣныся бьютъ въ скалистые берега. Видъ великолѣпенъ. Величественная гора (выш. надъ моремъ 1370 фут.) весело зеленѣетъ густыми садами-парками и аллеями и лишь на близкомъ разстояніи ясно видятся четыре каменные террасы. Вверху, изъ-за зелени, виднѣются сѣрыя стѣны верхняго форта; подъ нимъ стройной линіей обтекаютъ мысъ казармы, военные магазины и казенныя зданія, которыя какъ бы вросли въ каменные и земляные валы батарей. Въ самомъ низу, съ запада, также нѣсколькими террасами, бѣлѣетъ собственно городокъ. И у его-то подножія разстилаются воды драгоцѣннаго порта, принимающаго ежегодно до 1500 пароходовъ и 6000 парусныхъ судовъ. Сзади города рѣзвой чертой идетъ нижній валъ, отдѣляющій англійскую землю отъ испанской... Испанія совсѣмъ не знаетъ паспортовъ но и съ паспортомъ трудно попасть въ Гибралтаръ. Съ моря требуютъ документовъ и удостовѣреній кто, зачѣмъ, надолго ли и при малѣйшемъ подозрѣніи высматываютъ изъ города. Съ суши еще строже: ворота запираются съ 10 час. вечера а зимой съ 6 и никого не выпускаютъ. Какъ видите, англичане берегутъ таки себя. Осмотръ военныхъ укрѣпленій безусловно воспрещенъ постороннимъ и таинственная „Черная батарея“ угромо глядитъ въ отверстія пробитыя въ скалахъ—дулами своихъ орудій.

Чистыя и довольно красивыя улицы смотрятъ здѣсь какъ-то уныло вслѣдствіе недостатка движенія, говора, кофейнъ, ресторановъ и магазиновъ. Въ 11 час. здѣсь прекращается обязательно всякое движеніе и жизнь, т. е. тогда, когда только на югъ и можно дышать полною грудью. Здѣсь ведутъ или очень замкнутую жизнь или на всю ночь отправляются въ близъ лежащія испанскія мѣстечки и тамъ кутятъ до утра. Рано утромъ у крѣпостныхъ воротъ уже собирается толпа пѣшеходовъ и экипажи: то возвращаются жители, ночевавшіе внѣ города и испанцы-поденщики, которымъ не дозволяется ночевать въ городѣ. Въ верхнемъ кварталѣ, гдѣ живутъ исключительно англичане, говорятъ, законъ о тишинѣ не примѣняется и горожане передаютъ фантастическіе рассказы о веселой жизни и кутежахъ въ зданіяхъ казармъ. Гибралтаръ муниципальныхъ правъ не имѣетъ и британцы не совѣстятся брать съ малень-

каго города страшные налоги. Кромѣ того большія суммы затрачивается Англія на устройство, передѣлку и возведеніе батарей, которыя всѣ устроены и выбиты прямо въ скалахъ, что видно и на нашемъ рисункѣ, гдѣ по скаламъ сѣкаютъ чернѣющія отверстія для пушекъ. Пѣнность ввоза и вывоза этого превосходнаго порта равняется 40 милл. ф. стерл. (252 милл. металл. рублей). Кромѣ товарныхъ складовъ, здѣсь множество казеннаго каменнаго угля, военнаго провіанта и т. п. Численность гарнизона до 6,000 челов. Торговля собственно города незначительна. За то множество англійскихъ и еврейскихъ торговыхъ конторъ и контрабандистовъ и на это послѣднее испанцы очень жалуются. Судебныя дѣла только въ первой инстанціи ведутся въ Гибралтарѣ, апелляціи переносятся въ Лондонъ: съ такою безцеремонностью устраиваютъ себѣ бритты монополию. Но что еще лучше, это то, что администрація „свободной“ конституціонной страны *дозволяетъ здѣсь выходить только одной газетѣ и то лишь съ оффиціальными извѣстіями и объявленіями*. Ввозъ испанской литературы почти совсѣмъ воспрещенъ и кто здѣсь живетъ изъ испанцевъ тотъ или читай по англійски, или хоть совсѣмъ не читай. 178 лѣтъ прошло со времени захвата Гибралтара, а все еще и англичане крайне недоувѣрчивы къ мѣстному населенію и мѣстное населеніе очень не любитъ непрощенныхъ гостей.

Предлагаемыя здѣсь гравюры сняты съ рисунковъ, сдѣланныхъ съ натуръ капитаномъ англійской службы Превостомъ.

1. Сигнальная станція, въ недавнее время расширенная и отремонтированная. Отсюда, въ хорошую погоду, можно ясно наблюдать въ проливѣ, на разстояніи сорока миль, движеніе кораблей. Къ станціи ведетъ удобная дорога отъ Мавританскаго замка, и удобная для проѣзда верхомъ тропа—съ южной стороны. Подъемъ, направляющійся у старой мавританской стѣны, чрезвычайно затруднителенъ.

2. Нейтральное пространство галлерей, ипподрома для скачекъ, мѣста игры въ крикетъ и стрѣльбища. Бѣлыя каменные будки часовыхъ указываютъ испанскія линіи, тянущіяся черезъ весь перешеекъ. Къ нимъ примыкаетъ быстро развивающійся городокъ Ля-Льнеа. Населеніе существуетъ Гибралтаромъ, занимаюсь нагрузкой и разгрузкой угля на судахъ, а также доставляя въ крѣпость и уголь, и ежедневно требующееся количество овощей и фруктовъ, которые они разводятъ на песчаной, но удобренной ими почвѣ. Позади находится горная возвышенность, носящая названіе „Кресла Испанской королевы“, такъ какъ ея величество дѣйствительно приходила сюда и, сидя здѣсь, слѣдила за ходомъ осады. На берегу Средиземнаго моря расположены первая и вторая бани. Вдали виднѣются горы хребта Рондо.

3. Этотъ видъ взятъ съ другой стороны древняго римскаго водопровода, съ Альджезираса. Вершину часто заволакиваютъ густыя облака. Направо отъ Альджезираса виднѣнъ фортъ, расположенный на зеленомъ островѣ; вблизи великолѣпный и прекрасно сохранившійся водопроводъ. Въ трехъ миляхъ отсюда, въ глубь страны, шумитъ живописный водопадъ.

4. Видъ башни О'Гара, склоновъ берега Средиземнаго моря, крутаго подъема, начинающагося близъ Коттеджа и лѣтнаго губернаторскаго дома. Внизу видны казармы: 46-го полка (Еугора Barracks) и 93-го (Buena Vista) о морской госпиталь. Вдали рисуется силуэтъ возвышенности противоположнаго Африканскаго берега. Разстояніе здѣсь, чрезъ проливъ, отъ маяка „Европейскаго“, всего тринадцать миль.

5. На этомъ рисункѣ изображенъ видъ залива и части города, какъ они представляются со стороны зданія гарнизонной библиотеки (содержащей 10 тысячъ томовъ и основанной въ 1793 г. полковникомъ Дринкуотеръ). Мавританскій городъ Альджезирасъ (14 тысячъ жителей) лежитъ въ пяти миляхъ отсюда.

6. Скала, неподалеку отъ сѣвернаго фаса, гдѣ происходятъ ученія. Отсюда хорошо видны знаменитыя Галереи. Необыкновенно эффектное зрѣлище представляетъ здѣсь пальба изъ большихъ орудій: огонь и дымъ внезапно вырываются изъ амбразуръ, вырубленныхъ въ гранитѣ. Они устроены въ два яруса; нижній заключаетъ въ себѣ двѣ залы: „Св. Георга“ и „Корвалійскую“. Поставленныя здѣсь батареи бьютъ во флангъ непріятельскимъ кораблямъ, приближающимся къ „скалѣ“.

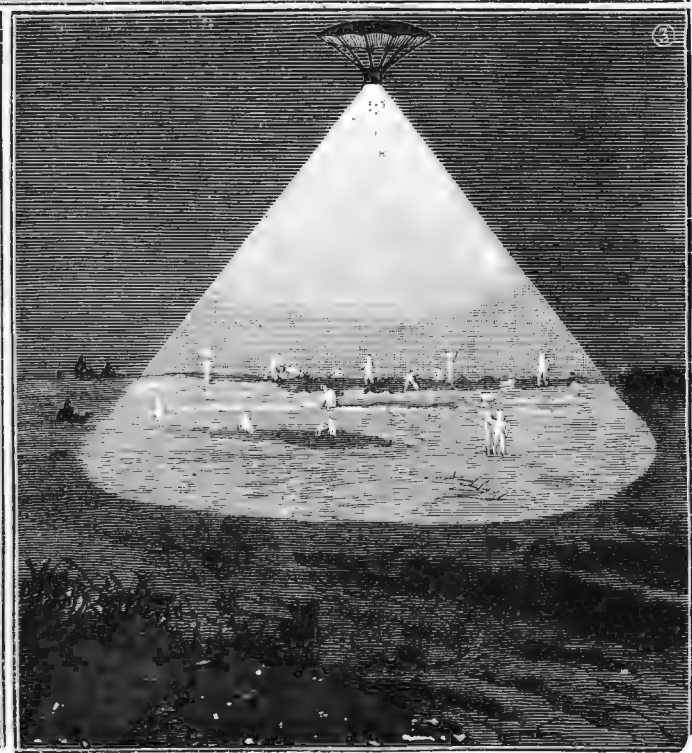
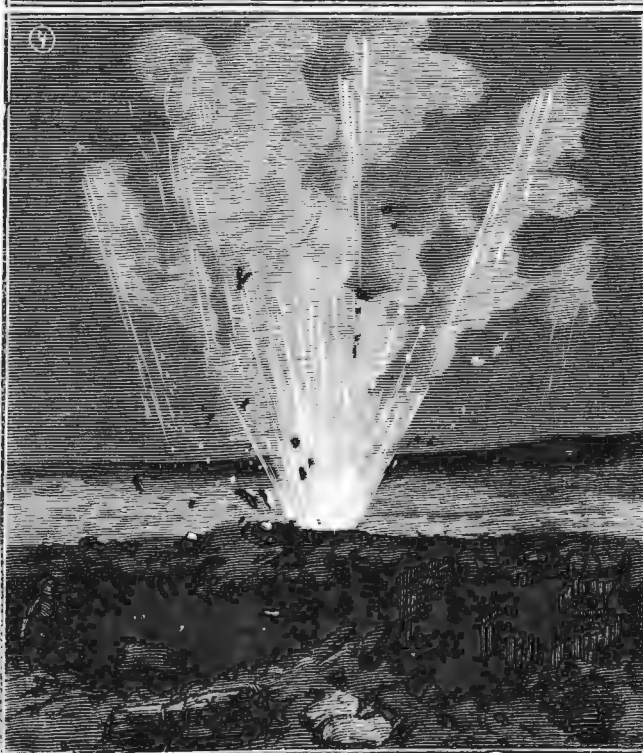
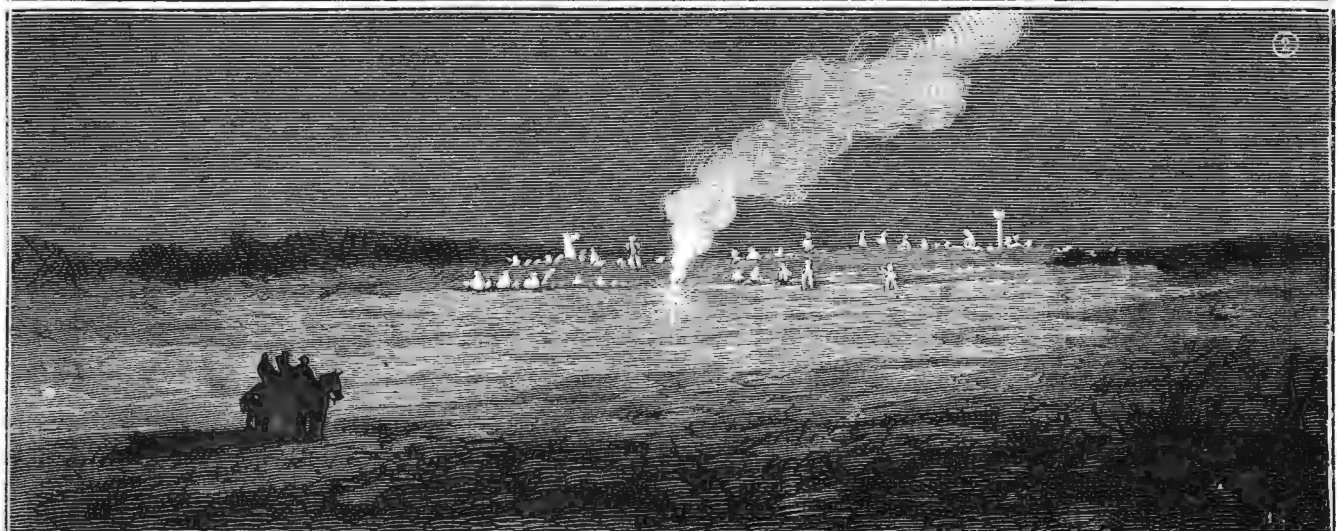
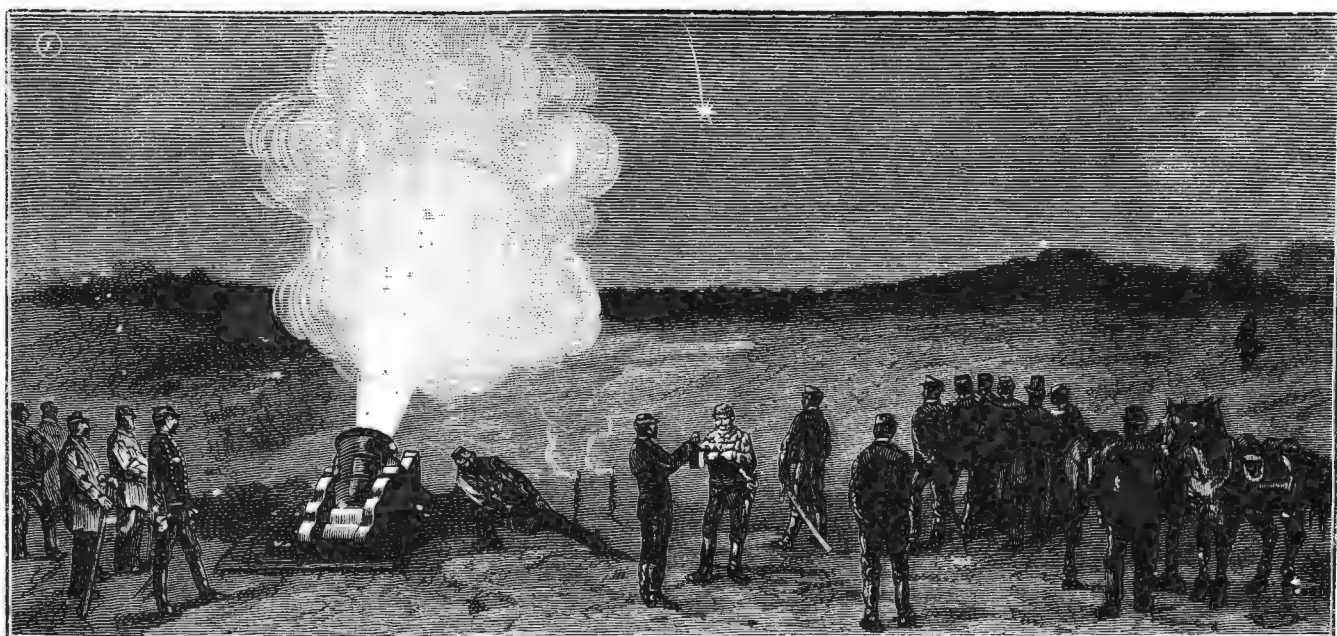
КЪ РИСУНКАМЪ.

Архангельскій соборъ въ Московскомъ Кремлѣ.

Въ концѣ XIII и началѣ XIV вѣка на южномъ хребтѣ кремлевскихъ горъ уже стояла деревянная церковь во имя Архангела Михаила. Великій князь Іоаннъ Калита въ 1332 г., соорудилъ на мѣстѣ прежней деревянной каменную церковь. Тогда разразилось надъ Русью великое бѣдствіе: былъ ужасный голодъ, который описываетъ Никоновская летопись (V, 29). Въ благодарность за избавленіе отъ этого бѣдствія и воздвигнута церковь. Вновь расписывали храмъ уже при Симеонѣ Гордомъ опять въ годину бѣдствія на Руси—годину Черной Смерти. При Іоаннѣ III, храмъ былъ разобранъ до основанія, и въ

1505 году, миланецъ Алевизъ Новый, по приглашенію царя, сталъ его строить вновь. Въ усыпальницѣ храма, царскіе гробы занимали мѣсто до послѣдней отрасли Рюрикова дома, а гробы чуждой отрасли испытали другую участь. Гробъ Годунова былъ извергнутъ изъ чистилища, а гробъ Шуйскаго только черезъ 23 года послѣ его смерти въ Польшѣ возвращенъ былъ въ царскую усыпальницу. Когда поляки гнѣздились и буйствовали въ Кремлѣ, вмѣстѣ съ другими святыми подвергнуты были грабежу и оскверненію и Архангельскій соборъ. Его возобновили въ прежнемъ благолѣпнѣ цари Михаилъ и Алексѣй. По повелѣнію Екатерины II возобновлено иконое и стѣнное писаніе. Въ 1812 году храмъ былъ ограбленъ и оскверненъ. Французы,

Продолженіе на стр. 901, 902, 903, 904, 905, 906, 907 и 908.

Опыты новаго освѣщенія военнаго поля во французской арміи. По рисунку Кауфмана въ М. І., грав. М. Рапескій.

1) Бросаніе бомбы. 2) Освѣщеніе. 3) Бомба съ парашютомъ. 4) Взрывъ бомбы.

торые не у насъ однихъ такъ поступали съ храмами, чѣмъ особенно вызывали (на родное мнѣніе) загромодили храмъ стойлами конскими, винными бочками; потоки вина и грязь покрывали полъ. Но въ 1813 году храмъ былъ исправленъ и освященъ. При торжественномъ священнодѣйствіи обнесены были вокругъ Кремля мощи Царевича-мученика Дмитрія, стоявшія въ Архангельскомъ соборѣ. Императоръ Николай также заботился объ устройствѣ храма и его благолѣпіи, которымъ теперь наша древняя святыня особенно отличается.

Бабочки (Картина Вилля).

Помѣщаемая здѣсь картина извѣстнаго Вилля имѣетъ какъ бы аллегорическое значеніе. Молодая прелестная женщина въ саду, выпускаетъ на волю пойманныхъ ею бабочекъ. Красавица весело улыбается, глядя какъ разлетаются бабочки, мелькая крыльями въ золотыхъ лучахъ солнца—но мы не будемъ углубляться въ разъясненіе этой аллегоріи. Работа Вилля тонкая и изящная, какъ и всѣ другія, принадлежащая этому даровитому художнику.

Новыя изобрѣтенія. Опыты новаго освѣщенія во французскомъ лагерѣ.

Недавно производились въ Венсеннѣ весьма интересные опыты въ артиллерійскомъ лагерѣ ночнаго освѣщенія военнаго поля. Опыты эти были поворены въ разныхъ баттаряхъ съ равнымъ успѣхомъ. Это именно—освѣщеніе расположенія и работы непріятели. Для этого употребляются особыя бомбы, которыми заряжаются небольшія мортиры. Кладется зарядъ, сообразный дистанціи, на которую рассчитываютъ бросить бомбу. Эти бомбы дѣлаются изъ композиціи и имѣютъ внутри помѣщеніе, наполненное массою сильно свѣтящейся. Въ брошенной бомбѣ, описывающей въ воздухѣ огненную параболу—въ моментъ паденія, въ моментъ удара въ землю—начинаетъ сиять свѣтящаяся масса, и озаряетъ большое пространство яркимъ и ровнымъ, блѣдно-палевымъ или блѣдно-зеленымъ свѣтомъ; свѣтъ очень яркъ и озаряетъ данное про-

странство очень отчетливо сажень на 50 въ окружности. Непритель не можетъ никакъ предупредить дѣйствіе бомбы, ибо она разрывается какъ разъ въ моментъ паденія.

Другой опытъ еще болѣе интересенъ, также по предмету ночнаго освѣщенія, но инымъ способомъ. Здѣсь бомба должна быть много легче по вѣсу, и въ моментъ воспламененія свѣтящейся массы, парашютъ, аршина два въ диаметръ быстро развергивается надъ летящей бомбой, и она такимъ образомъ можетъ плавать въ воздухѣ, поддерживаемая парашютомъ, который въ то же время, имѣя блестящую внутреннюю поверхность, служитъ рефлекторомъ весьма сильнымъ для свѣтящейся массы. Такимъ образомъ легко разглядѣть въ данной мѣстности работы, производимыя непрителемъ на пространствѣ 50 сажень въ окружности. Бомбы эти дѣланы въ Пиротехнической оной военной школѣ въ Буржѣ. Польза и важность такихъ опытовъ для военнаго дѣла ясны съ перваго взгляда и не нуждаются въ объясненіяхъ.

Военные опыты занимаютъ теперь не одну Францію. Въ Вульвичѣ произведены интересные опыты примѣненія воздухоплаванія къ военнымъ цѣлямъ. Между прочимъ былъ сдѣланъ опытъ относительно опасности, которой подвергается аэростатъ отъ непріятельскаго огня. Аэростатъ на привязи и того образца, который предположено употребить въ военное время для одного или двухъ лицъ, былъ поднятъ на высоту. Орудіе сдѣлано навести на аэростатъ: гораздо труднѣе рассчитать разстояніе предмета, находящагося въ воздухѣ, чѣмъ на землѣ, гдѣ есть точки опоры, позволяющія ориентироваться. Разстояніе аэростата было опредѣлено болѣе чѣмъ въ одну милю и выстрѣлъ былъ сдѣланъ на авось. Первый выстрѣлъ не попалъ, какъ и ожидали; но второй, исправленный опытомъ, прямо попалъ въ центръ аэростата. Стрѣляли также картечью, содержащею 300 пуль, вѣсомъ въ 180 фунтовъ; пули разлетѣлись отъ разрыва картечи, и нѣкоторые попали въ оболочку аэростата и разорвали ткань настолько, что аэростатъ мгновенно упалъ. Успѣхъ этого опыта доказалъ, что подъемъ аэростата на войнѣ, надъ непріятельскими линіями, опасенъ ниже 2,000 ярдовъ высоты, но это нисколько не уменьшаетъ важности аэростата, какъ военнаго орудія. Аэростаты будутъ употребляться для рекогносцированія растянутыхъ линій и должны подниматься выше черты выстрѣловъ огнестрѣльныхъ оружія.

ОСЕННИЕ ЛИСТЬЯ.

I.

Теплый, ясный день осенній,
Послѣ долгой непогоды:
Всѣ серебряныя—листья,
Всѣ серебряныя—воды!

Грѣть, нѣжить, словно лѣтомъ,
Солнца пламенная ласка...
Тѣшить взоръ листья осенней
Прихотливая окраска!.

Другъ мой, вѣрь, что не случайна
Грустной осени улыбка:
Силь природы сокровенныхъ
Это—даръ, а не ошибка!

II.

Когда разшумится суровая буря
И гѣтеръ тоскливо завоюетъ въ трубѣ —
Тогда, соболиныя брови нахмура,
Упорно молчишь ты, головку понура,
Въ глубокомъ раздумьи о скрытой судьбѣ.

Когда же въ нашъ уголь, сквозь окна двойныя,
Въ нашъ уголь, гдѣ жарко натоплена печь,
Прокрадутся солнца лучи золотые —
Тогда защебечутъ уста молодые,
Полетѣт твоей смѣхъ и шутивая рѣчь!

В Мироновъ

ПОЛИТИЧЕСКОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

Дѣла на Востоцкѣ.—Новое министерство въ Греціи; ея вооруженіе.—Министерскій кризисъ въ Сербіи.—Столкновение между Италіей и Турціей.—Персія и курды.—Америка.

Получить ли князь Николай Дульцино или нѣтъ, но уже теперь начинаютъ обнаруживаться причины комическаго фіаско, увѣнчавшаго грозный морской походъ „соединенной“ Европы противъ Турціи, начинается обнаруживаться дѣйствительная, а не напускная, роль нѣкоторыхъ изъ участниковъ Дульцинской комедіи. Недавно австро-венгерскій министръ иностранныхъ дѣлъ давалъ въ засѣданіи венгерской делегаціи объявленія относительно политики его кабинета въ восточномъ вопросѣ. Изъ объясненій барона Гаймерле узнаемъ, что Австрія, примкнувъ къ демонстраціи, настояла на томъ, чтобы международный флотъ, ни подъ какимъ видомъ не производилъ десанта на Албанскій берегъ, не бомбардировалъ Дульцино и чтобы враждебныя дѣйствія флота были направлены только противъ албанцевъ. Европа согласилась на всѣ эти условія, не желая видѣть, что они были придуманы ни болѣе, ни менѣе какъ для того, чтобы свести все дѣло демонстраціи къ нулю. Какъ же дѣйствовать противъ албанцевъ, если нельзя высадить войска на берегъ, если нельзя бомбардировать Дульцино? Европа тѣмъ не менѣе, согласилась и вышло что-то необычайно жалкое... Само собой понятно, что Гаймерле не могъ бы достигнуть столь удачнаго осуществленія своего плана, еслибы не опирался на поддержку могучаго союзника, тоже приславшаго,

для вида, пару мирныхъ броненосцевъ; „искреннее“ же содѣйствіе Франціи вполне мирится съ этими условіями демонстраціи. И сползаетъ съ міража „Европейскаго концерта“ кое-какъ выброшенный на него и расплывающийся по швамъ плащъ дружественнаго согласія и единенія... Не мѣшало бы и грекамъ прислушаться къ объясненіямъ барона Гаймерле, о которыхъ мы только что говорили. Они касаются и Эллинскаго королевства. Именно: австрійскій министръ выразилъ, что „ласкаетъ себя надеждой“ на то, что Греція не станетъ теперь же требовать исправленія своей границы соотвѣтственно постановленіямъ Берлинской конференціи! Слова эти полны самаго серьезнаго значенія въ виду черногорскихъ событій.

Греки, однако, показываютъ по крайней мѣрѣ, намѣреніе отнюдь не оправдать надеждъ барона Гаймерле. Первый министръ Кумундоросъ (только что замѣнившій Трикуписа, кабинетъ котораго вышелъ въ отставку), въ заявленной имъ политической программѣ своей, высказалъ, что Греція должна безотлагательно сама приступить къ выполненію васающихся ея постановленій Берлинской конференціи. Для этой цѣли численность арміи будетъ доведена до 80-ти тысячъ человекъ. Если, не взирая на всѣ препятствія, Греція и Черногорія добьются, наконецъ своей цѣли, то этимъ они будутъ обязаны, въ значительной степени, Гладстону, объявившему, что Англія, оставаясь даже одна, рѣшилась вынудить Порту къ выполненію обязанностей, возложенныхъ на нее въ Берлинѣ и приня-

тыхъ ею. Нечего и говорить, что Гладстонъ опирается въ этомъ рѣшеніи своемъ на одну Россію, Россію, никогда не оставляющую ни грековъ, ни славянъ. Кстати скажемъ, что самая перемѣна министерства въ Греціи объясняется политическими причинами: оппозиція, съ Кумундросомъ во главѣ, настаивала, чтобы греки немедленно овладѣли присужденными ей, по Берлинскому трактату, частями Фессалии и Эпира, но Трикуписъ полагая, что военныя мѣры не приведутъ къ желаемому результату, предпочиталъ дипломатическій путь. Общественное мнѣніе склонилось на сторону Кумундроса, который, по предложенію короля, и составилъ новое министерство.

По слухамъ, въ Болгаріи и Восточной Румелии идутъ дѣятельныя приготовления къ тому, чтобы въ случаѣ войны между Греціей и Турціей провозгласить объединеніе Болгаріи. Въ Македоніи броженіе сильно и угрожаетъ возстаніемъ значительнаго числа христіанъ; турецкія власти отправили въ Адрианополь подкрѣпленіе въ 10 тысячъ человѣкъ.

Въ Сербіи наконецъ совершился министерскій кризисъ, и человѣкъ, такъ долго и съ такимъ тактомъ правившій сербскимъ кораблемъ въ самыя трудныя времена, Ристичъ, уже замѣненъ Мияновичемъ. Причины этого объясняютъ различное личное неудовольствіе князя Милана, неудавшійся желѣзнодорожный проектъ. Какъ бы то ни было, этотъ государственный дѣятель обратился къ частной жизни. На Мияновича возлагаются большія надежды, говорятъ о немъ какъ о человѣкѣ съ умомъ и тактомъ.

У Италиі вышло небольшое столкновеніе все съ тою же Портой—но не относительно Дульцины. Съ этой стороны добрыя отношенія нисколько не нарушаются и все обстоитъ прекрасно, какъ читатели уже видѣли выш.с. Нѣтъ, дѣло идетъ объ одной молодой итальянкѣ, влюбившейся въ турецкаго чиновника и ушедшей къ нему, вопреки воли матери ея, кото-

рая подала жалобу итальянскому послу, графу Корти. Молодая дѣвушка была доставлена въ приемную министерства иностранныхъ дѣлъ, гдѣ, въ присутствіи старшаго драгомана итальянскаго посольства объявила, что ни подъ какимъ видомъ не вернется домой. Турецкія власти отказались арестовать ее. Желая положить конецъ преслѣдованіямъ, она приняла исламъ. Но такъ какъ ей еще не исполнилось 21 года, то, по итальянскимъ законамъ, она не считается совершеннолѣтнею и турецкія власти не имѣли права принимать отъ нея заявленія о переходѣ въ исламъ. На этомъ основаніи графъ Корти требовалъ выдачи итальянки. Турецкій министръ иностранныхъ дѣлъ очень остроумно отвѣтилъ, что Порта хотя и желала бы исполнить желаніе графа, но не считаетъ себя вправе сдѣлать этого, въ виду уваженія своего къ свободѣ совѣсти! Не извѣстно пока, закончилось ли дѣло на этомъ.

Изъ Персіи получены весьма тревожныя свѣдѣнія. Хищное племя курдовъ, жившее до настоящаго времени отдѣльными, и часто враждовавшими другъ съ другомъ группами, тоже, кажется, принялось за свое объединеніе—вѣроятно для грабежей массами. Представителемъ этого стремленія является одинъ изъ вождей, Абдулла, который собралъ уже до двадцати тысячъ грабителей и вступилъ въ предѣлы Азербейджана. Первые его дѣйствія ознаменовались успѣхомъ: имъ взятъ городъ Урмія и онъ идетъ далѣе, на Тавризъ. Понятно, что курды, не страшные для цивилизованныхъ войскъ, представляютъ весьма серьезную опасность для плохо организованныхъ воиновъ шаха Насръ-Эддина. Надо надѣяться, впрочемъ, что Абдулла, съ его грабителями и ворами, не удастся разграбить Персію.

По свѣдѣніямъ изъ Америки, изъ двухъ кандидатовъ на должность президента штатовъ: демократическаго Ганкока и республиканскаго—Гарфильда, шансы на сторонѣ послѣдняго и можно сказать, что президентъ уже избранъ.

С М Ъ С Ъ.

Случай на водахъ.

Венгерскій графъ Яносъ Гуль собрался провести, съ своею дочерью, лѣтній сезонъ на однихъ модныхъ водахъ въ Германіи. Молоденькая и прелестная графиня Елена, приходящая въ владѣтельница значительнаго состоянія, доставшаяся ей по наслѣдству отъ матери, графиня Елена, по приѣздѣ тотчасъ же была окружена толпою поклонниковъ. Она же съ своей стороны какъ бы оказывала нѣкоторое предпочтеніе Альфреду фонъ-Венцелю, молодому, красивому и ловкому юношѣ, которымъ восхищалось все общество. Это былъ между тѣмъ извѣстный игрокъ и мотъ и графъ Яносъ стороною узналъ, что фонъ-Венцель долженъ былъ оставить Неаполь, вслѣдствіе какой-то неблаговидной исторіи, въ которую онъ былъ замѣшанъ.

Но Елена была совершенно ослѣплена молодымъ, блестящимъ пеголемъ и не слушала ни просьбъ, ни предостереженій своего отца. Она вовсе не хотѣла вѣрить невыгоднымъ слухамъ о своемъ обожателѣ. Дѣло приняло такой оборотъ, что графъ сталъ изыскивать средства, какимъ бы образомъ прекратить ухаживанія Альфреда и предотвратить несчастье для дочери, ибо бракъ дочери съ такимъ человѣкомъ онъ справедливо считалъ бы несчастьемъ.

Ухаживанія Альфреда становились между тѣмъ все упорнѣе и подѣ конецъ онъ сталъ даже настаивать, чтобы молодая графиня просто бѣжала съ нимъ и обвѣнчалась. Онъ послалъ къ ней записку, въ которой назначалъ ей свиданіе и именно въ такой часъ, въ который онъ зналъ, графъ Яносъ имѣетъ обыкновеніе просиживать за картами. Въ знакъ соглашя Елена должна была приколоть розу у пояса.

Записка эта нечаянно попала въ руки графа Яноса, который, прочитавъ, отправился къ дочери и просилъ ее, чтобы она пошла съ нимъ погулять. Во время прогулки онъ далъ ей розу и просилъ приколоть ее у пояса. Она посмѣялась и исполнила желаніе отца. На гуляньи они встрѣтили Альфреда, который имъ раскланялся и казался очень обрадованнымъ, видя знакъ, что его желаніе будетъ исполнено.

Графъ отвелъ дочь къ одной своей знакомой и просилъ ее подождать его возвращенія. Самъ же отправился къ себѣ домой на виллу, расположенную въ саду, отослалъ прислугу и остался одинъ.

Въ назначенный часъ появился Альфредъ и перелѣзъ черезъ заборъ. Такъ какъ всѣ двери были заперты, то ему пришлось влѣзть въ окно. Въ самомъ возбужденномъ состояніи направился онъ въ комнату Елены. Но каково же было его удивленіе, когда вмѣсто дочери онъ увидѣлъ самаго графа Яноса, вооруженнаго револьверомъ, который заперъ двери...

— Милостивый государь, вы ворвались силой въ домъ и я могъ бы поступить съ вами, какъ съ преступникомъ, вы видите, что ничего не можете быть проще.

— Но, графъ, проговорилъ Альфредъ, дрожа и блѣднѣя отъ страха—я не воръ.

— Не воръ! вскричалъ графъ, что же вы послѣ этого? Вы хотите украсть у меня дочь, украсть наслѣдницу громаднаго состоянія. Ваше письмо у меня. Я буду съ вами безпощаденъ. И если вы не сдѣлаете какъ я желаю, то я васъ положу на мѣстѣ.

— Но что же вамъ угодно?

— Вы немедленно должны уѣхать отсюда. По крайней мѣрѣ сто миль должны отдѣлять васъ отъ моей дочери, которую вы никогда и ни гдѣ не должны болѣе видѣть. На ваши путевыя издержки я даю вамъ 20,000 гульденовъ.

Альфредъ хотѣлъ было говорить.

— Молчите! проговорилъ графъ громовымъ голосомъ. Повинуйтесь! Вонъ тамъ въ столѣ лежатъ деньги, возьмите ихъ.

Молодой человѣкъ рѣшился однако замѣтить.

— Позвольте мнѣ отказаться отъ вашего предложенія.

Рѣшительнымъ движеніемъ руки графа была отклонена притворная скромность Альфреда.

— Но стоить запертъ, сказалъ онъ.

— Такъ взломайте его, возразилъ графъ и подымая револьверъ онъ повторилъ: ломайте, или я прострѣлю вамъ голову.

Альфредъ повиновался.

— Хорошо, сказалъ графъ, деньги принадлежатъ вамъ. Есть съ вами какой-нибудь бумажникъ, по содержанію котораго можно бы было узнать, что онъ принадлежитъ вамъ.

— Да, есть.

— Тогда бросьте его, передъ столомъ, который вы взломали.

— Но къ чему же это?

— Я долженъ имѣть залогъ, который бы указывалъ именно на васъ. Я хочу имѣть доказательство кражи. Итакъ, выберите—названіе вора или смерть. Я вижу, вашъ выборъ сдѣланъ. И такъ идите. Я васъ не оставляю до тѣхъ поръ, пока вы не уйдете отсюда. Только завтра утромъ я подамъ въ полицію заявленіе. Ступайте!

Альфредъ ушелъ. Могъ ли онъ противиться? И графъ Яносъ въ точности исполнилъ свое обѣщаніе.

Случай этотъ въ свое время надѣлалъ много шума и испѣлилъ графиню Елену отъ ея увлеченія.

Королева-крестьянка.

Вдова маршала де Л'Опиталь, впоследствии жена польскаго короля Казимира, была первоначально прачкою въ Греноблѣ. Секретарь одного важнаго чиновника влюбился въ хорошенькую дѣвушку и долго не рѣшался на такой неравный бракъ, но наконецъ рѣшилъ жениться. На дѣвичникѣ, во время танцевъ, невѣста упала такъ неловко, что вызвала всеобщій смѣхъ. Женихъ обидѣлся насмѣшками и былъ такъ малодушенъ, что отказался обручиться съ нею.

Это вызвало много сплетенъ въ городѣ и даже начальникъ жениха пожелалъ видѣть бѣдную, покинутую дѣвушку. Важному сановнику такъ понравилась дѣвушка, что онъ самъ женился на ней.

Отъ природы очень изящная, молодая женщина старалась

приобрести сама то, чего не дало ей происхождение и воспитание. Она сдѣлалась въ полномъ смыслѣ слова дамой большаго свѣта, когда ея мужъ скончался. Онъ оставилъ ей большое состояніе, которое приносило ей значительный доходъ. Тогда она не пожелала оставаться болѣе на родинѣ, гдѣ всѣ знали ея прошлое и отправилась въ Парижъ, гдѣ скоро обратила на себя вниманіе. Ея умъ, красота и богатство доставили ей много поклонниковъ. Въ числѣ ихъ находился также маркизъ де Л'Опиталь, очень пріятный, хорошій, но съ разстроеннымъ состояніемъ человѣкъ. Его предпочла красавица другимъ искателямъ и вышла за него замужъ. Ея довольно значительное состояніе онъ сумѣлъ прожить такъ скоро, что когда

онъ вскорѣ умеръ, у молодой вдовы ничего уже не было, кромѣ ея красоты, которая осталась неизмѣнной. Казимиръ, король польскій, который незадолго передъ этимъ отказался отъ престола и жилъ въ Парижѣ, полюбилъ молоденькую вдову и женился на ней; но этотъ бракъ долженъ былъ остаться въ тайнѣ, такъ какъ король обручился съ нею до церковнаго оглашенія. Но такое супружество не могло остаться тайной и вдовѣ маршала оказываемы были при дворѣ такія почести, какъ бы этотъ бракъ совершился торжественно. Послѣ своей смерти король сдѣлалъ ее наслѣдницей всего своего частнаго имущества и она до конца жизни была окружена почетомъ и обстановкой, соответственной ея званию.

РАЗНЫЯ ИЗВѢСТІЯ.

О памятникѣ Хмѣльницкому. Въ прошломъ 43 № помѣщая рисунокъ церкви Богдана Хмѣльницкаго, мы говорили, по поводу открытія памятника Богдану въ Кіевѣ, какъ смутны всѣ извѣстія объ этомъ и какъ желательно бы было разъясненіе обстоятельствъ открытія. Нынѣ даровитый художникъ М. О. Микѣшинъ, по поводу этой своей, самой блестящей работы, въ напечатанномъ имъ письмѣ говоритъ, что онъ „ждалъ, но не дождался опубликованія вѣрныхъ сообщеній отъ Кіевского комитета“. Конная статуя Хмѣльницкаго, разобранная, получена была въ Кіевѣ и теперь находится въ полицейскомъ управленіи, за немѣнѣемъ въ городѣ для нея помѣщенія.

„Все что удалось мнѣ претерпѣть, говоритъ М. О. Микѣшинъ, за время этой работы, невозможно перечислить въ краткомъ письмѣ, довольно будетъ здѣсь упомянуть лишь о томъ, что я четыре раза начиналъ колоссальную работу и ни разу не окончивъ ея, принуждаемъ бывалъ своими же руками разрушать ее, перевосстанавливать въ иную мастерскую, начинать тамъ снова и опять разрушать, пока наконецъ не удалось выстроить нарочно для того собственную мастерскую и тамъ окончить уже лѣжку группы; но лишь она была окончена, какъ желѣзные карсасы, которые были основаніемъ группы при всѣхъ ея начинаніяхъ, не выдержали тяжести глины, рушились, чуть не разруша всего зданія мастерской и чуть не погребая подъ собой рабочихъ-форматоровъ... Сдѣлавъ еще разъ ту же работу, снова ее удалось сформировать, отлить изъ гипса и изъ металла на заводѣ г. Берда, переправить въ Кіевъ, гдѣ въ концѣ концовъ и былъ видѣнъ кочующій мѣдный всадникъ въ полицейскую кутузку!

Кончились ли на этомъ несчастія съ Хмѣльницкимъ, произойдутъ ли новыя ампутаціи съ проектомъ памятника и даже будетъ ли когда-нибудь оконченъ и оконченный уже отереть этотъ монументъ, мнѣ не вѣдомо; но, судя по прошлому, можно и въ будущемъ ожидать подобныхъ же неудачъ“...

Алмазы. Одинъ знатокъ алмазовъ въ Чикаго, въ Сѣверо-Американскихъ Соединенныхъ Штатахъ, утверждаетъ, что большая часть этихъ камней, извѣстныхъ подъ именемъ *солитеровъ* и выдаваемыхъ за цѣльные куски—въ дѣйствительности, состоятъ изъ нѣсколькихъ маленькихъ алмазовъ, искусно сложенныхъ вмѣстѣ и отдѣляющихся другъ отъ друга подъ дѣйствіемъ паяльной трубки. Кромѣ того, онъ утверждаетъ еще, что всѣ алмазы, продающіеся въ Чикаго по непомѣрнымъ цѣнамъ, были заготовлены въ Лондонѣ, какъ искусственные, имѣющіе изъяны или вообще негодные. Последнее если справедливо, то весьма странно.

Человѣкъ желѣзнаго вѣка. Газета „Italie“ говоритъ, что въ Болоньѣ открыли погребальный склепъ, относящійся къ желѣзному вѣку, укрьшія фундаментъ одного дома на глубинѣ

пяти аршинъ. Онъ былъ покрытъ слоемъ черенковъ римской глиняной посуды и обломками фигуръ красной глины Аретцо. По мнѣнію Гоццафини, эта древняя гробница не была разрыта до сихъ поръ. Въ ней нашли массу человѣческихъ останковъ разсыпавшихся въ прахъ при первомъ къ нимъ прикосновеніи. Орнаменты на найденныхъ вещахъ не вырѣзаны а отгиснуты, изъ чего люди компетентные справедливо заключили, что гробница не принадлежитъ къ типу самыхъ древнихъ желѣзнаго вѣка.

Изъ лѣдованія Гольфъ-Стрема. Правительство Соед. Шт. Америки издало приказъ рѣшило произвести на Гольфъ-Стремѣ цѣлый рядъ изслѣдованій. Въ программу входятъ измѣренія глубины опредѣленія температуръ въ глубокихъ мѣстахъ, вообще различныя наблюденія. Эта ученая экспедиція будетъ имѣть большую важность.

Новый снарядъ, предвѣдомляющій о присутствіи газа въ рудникахъ. Извѣстны послѣдствія взрывовъ рудничнаго газа въ минахъ, отъ которыхъ гибнутъ тысячи жертвъ. Нельзя не приѣвѣтствовать по этому изобрѣтенію доктора Ангуса Смита. Въ одно изъ засѣданій манчестерскаго геологическаго общества онъ представилъ инструментъ, долженствующій указывать на присутствіе рудничнаго газа въ минахъ. Этотъ инструментъ весьма похожъ на аппаратъ, хорошо извѣстный всякому занимавшемуся физикой, именно на аппаратъ, въ которомъ трутъ зажигается единственно отъ сжатія воздуха. Онъ состоитъ изъ латунной трубки, закрытой стекломъ съ одного конца. Внутри трубки помѣщается поршень, плотно закрывающій въ своемъ движеніи другой конецъ. Съ помощью крана вводятъ въ трубку газовую смѣсь, сжимаютъ ее затѣмъ и тогда кусокъ платиновой пѣны (mousse de platine), помѣщенный около стекла въ трубкѣ, багровѣетъ, если взятая газовая смѣсь содержитъ въ себѣ рудничныи газъ.

Этотъ аппаратъ довольно чувствителенъ. Онъ можетъ показывать присутствіе воспламеняющагося газа даже тогда, когда онъ входитъ въ смѣсь въ количествѣ лишь 2 1/2 процентовъ. Взрывъ, могущій произойти въ самой трубкѣ, не представляетъ собою ни малѣйшей опасности. Этотъ аппаратъ, названный изобрѣтателемъ *искрящейся трубкой* (tube étincelle), даетъ возможность предпринимать изслѣдованія безъ всякой опасности, такихъ минъ, въ которыхъ прежде боялись проникать, въ виду могущаго быть взрыва рудничнаго газа.

О патологическихъ отношеніяхъ между зрѣніемъ и слухомъ. Нѣкто г. Дранзаргъ установилъ, что между зрѣніемъ и слухомъ существуютъ ближайшія соотношенія. Рана на глазъ можетъ повлечь за собою глухоту, и операція, которой подвергаютъ глазъ, можетъ нѣсколько помочь глухотѣ.

Шахматная задача № 77.

Черныя.

	29	30	31	
25				28
	21	22		
17		19		20
	13	14		
	10	11		
	5	6	7	
1				4

Бѣлыя.

Бѣлыя начинаютъ и выигрываютъ.

Рѣшеніе ребуса въ № 41 „Нивы“.

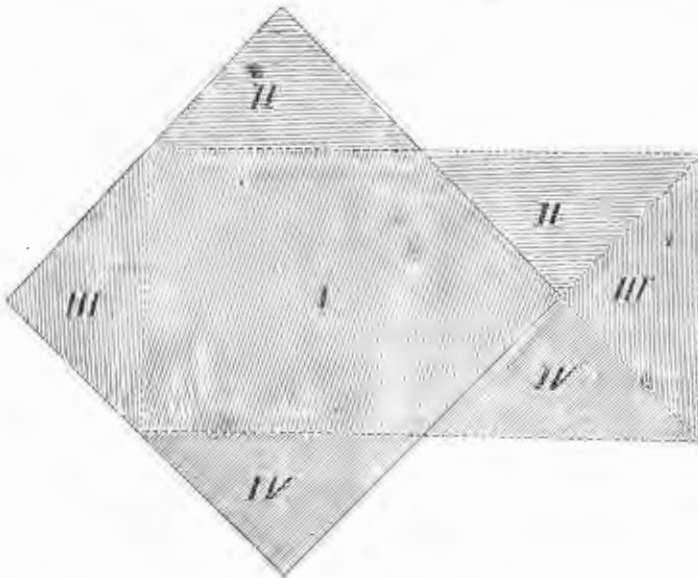
Не стая вороновъ слеталась
На груди тлѣющихъ костей—
На Волгѣ, ночью вкругъ огня
Удалыхъ шайка собиралась.

Вѣрна рѣшенія этого ребуса прислали отъ гг. Спб.: Татарникова, Паншина, Вака, Щенникова, Пароховицкова, Кудянова, Малинина, Валентина, Перегудова, Агапича, Андреевъ, В—ва, Коста, Лагунова, Николаева, Глазкова, Киселева, Мартинсона, Киселева, Степанова, Муравьева, Андудина, Касаткина, Глушкова-Рябенскаго, Гринева, Иваненцова, Голубова, Андреевскаго, Ванякина, Левина, Моткина, Заваринцева, Мишанина, Юргенсъ, Москва—Егорова, Самойлова, Рыбалова, Скудурова, Швецова, Шапкова, Корешкова, Аб—ва, Егорова, Силана, Кучукина, М. З. В. Бидлова, Сутыкова, Шмакова, Бухвалова, Масленякова, Поповой, Селявановой, Никифорова, Красноворотскаго, Бучукина, Шапова, Соколова, Шершкова, Трухина, Жигарева, Храпцкова, Войничкова; Брянскъ—Матѣева, Валин—Кутальбертъ, Сиверской, Вильно—Комаръ, Отвальдъ, витовскіе—Ратнеръ, Маделова, Софронова, Владиміръ—Болзакова, Вологда—Лоткова, Извозчикова, Высоко-Литовскіи—Елчиной, Гельсингфорсъ—Генрица, Дисна—Ливотова, Елецъ—Рошупкина, Кожухова, Воронежскаго, Елена—Вогданова, Забине—Пономарева, Ив.—Вознесенскіи—Трухля, Ижевъ—Коваловскаго, Иминъ—Цыганова, Коломна—Семьяновскаго, ст. Коломна—Юрченко, Кронштадтъ—Нагина, Хитрово, Рыбкина, ст. Курскъ—Шуурова, гор. Курскъ—Дѣлова, Зеленецъ, Луга—Балаякина, Любанскіи—Попова, Минскъ—Брулина, Нижній-Новгородъ—Чкаврина, Новгородъ—Пестреченко, Новочеркаскъ—Ворофовъ, Одесса—Гуляничкова, Павловскъ—Максимовъ, Пенровъ—Овчинниковъ, Полтава—Судейкина, Рижское—Шарова, Рязань—Культепина, Рига—Галчинскаго, Ростовъ на Дону—Барыкина, Ростовъ Яр.—Касаткина, Рудня—Бендикова, Рязань—Дарионова, Саратовъ—Подъяльскаго, Алѣва, Стародубъ—Касьянова, Сызрань—Емелянова, Арзамасова, Ревелина, я. Тверецъ—Спирядонова, Тверь—Чагина, Ушалева, Уфимско—М—ва, Троица—Третьякова, Тульчинъ—Шагина, Угличъ—Серебровскаго, Удѣльскіи—Коротеньскаго, Ундоль—Савинова, Фаустово—Сергачкова, Царицынъ—Дусарева, Черниговъ—Ивановскаго, Чернь—Зеленева, Южновъ—Иванова, Ярославль—Озерловъ.

РЕБУСЪ.

Рѣшеніе геометрической задачи въ № 41 „Нивы“.

Вѣрна рѣшенія этой задачи присланы отъ гг.: Сиб.: Элиасберга, Аленуеъ, Копрътцева, Беклова, Буджова, Иванченца, Сигна, Роборовскаго, Петрова, Эрлихъ,

Эмануель, Грикурова, Вѣленичъ—Станкевичъ, Юргенсъ, Ваньковой, Мартинсонъ, Малинина, Пашкина, Москва—Кримова, Бокорина, Гидль, Коварскаго, Минюфьева, Немога, Сулькова, Сихча, Егорова, Самойлова; Байсагола—Дашкина, Валин—Катгульбертъ—Спиралской, Варшава—Сонова, Романенко, Вологда—Дотцова, Гельсингфорсъ—Яжннскаго, Герицци, Дерять—Шилецкаго, Ив. Вознесенскъ—Новикова, Боровина, Киевъ—Ковалевскаго, ст. Илинъ—Цыганова, Кременчугъ—Канюль, Кронштадтъ—Попова, Михайлова, ст. Курскъ—Шурова, г. Курскъ—Дядова, Луга—Капаркина, Минскъ—Иванова, Нижний Новгородъ—Васильевой, Новгородъ—Руткне, Одесса—Волохова, Рувочникова, Петергофъ—Гусарова; Пенза—Поспелова, с. Печани—Аржеухова, Петрозаводскъ—Булковскаго, Полтава—Судейкина, Пудтусь—Шанскаго, с. Раменское—Шарова, Рязань—Воронова, Рязань—Дарионовой, Сестрорѣцка—Лидбергъ, Сызрань—Ревакина, Тукумъ—Милкова, Тульчинъ—Щагина, Шамселебургъ—Ветомана.

Рѣшеніе шашечной задачи № 69.

Черныя.		Бѣлыя.	
Съ № 11 на № 15		Съ № 19 на № 12	
” № 9 ” № 5		” № 1 ” № 4	
” № 31 ” № 18		” № 21 ” № 14	
” № 24 ” № 11		” № 14 ” № 7	
” № 30 ” № 23		” № 17 ” № 13	
” № 23 ” № 10		” № 13 ” № 9	
” № 10 ” № 5			

Вѣрна рѣшенія этой задачи присланы отъ гг. Сиб. Карсонъ, Печкина, Маркова, Журкина, Гумилевскаго-Холмоцкаго, Генингъ, Вологовскаго, Малинина, Скрипичева, Накфорова, Москва Розенбергъ, Войякова, Федотова, Зывакина, Шкалова, Соророва, Вязининъ—Мухина, Елецъ—Валуйскаго, Морхолоенко, Илинъ—Цыганова, Краснослободскъ—Дубровскаго, Кронштадтъ—Даржана, (Самельки) Кузнецки—Митропольскаго, Курскъ—Задовскаго, с. Липицы—Медвѣдинова, Луга—Капарина, Мокрая Налогорка—Венцовъ—Циклякъ, Муромъ, Смоленщина, с. Нижний Ландехъ—Добровскаго, Нижний Новгородъ—Чеснокова, Бовина, им. Ромень—Смаркова, Потапова—Лебедева, Рыбинскъ—Козакова, Дружкова, Сажомоъ—Вѣлакова, Таганрогъ—Тянова, Тормоъ—Шираева, Тульчинъ—Щагина.

Опечатка. Въ предыдущемъ 42 № на стр. 848 въ подписи подъ рисункомъ вмѣсто на р. Вологда, слѣдуетъ читать „на р. Сухонѣ“.

Въ шахматной задачѣ № 77 слѣдуетъ на мѣсто G 7 бѣлая королева.

ПОЧТОВЫЕ ЯЩИКЪ.

Сиб. О. Крас—ой. Вы совершенно правы: надо именно пять красокъ. Наклеивается обыкновенно или гуммиарабикомъ, или же просто крахмаломъ.

Сиб. В. Фабержъ. Карлову; Москва Г. Воборси, В. Зывакина; Елисаветградъ Ягросебскому. Присланные помѣстамъ въ ближайшихъ №№.

СОДЕРЖАНІЕ: Исследователь древней Трои (съ портр.)—Лесницъ. Разсказъ Б. М. Маревича (продолженіе).—Новая глава изъ „Капитанской дочки“ А. С. Пушкина (съ рис.)—Невѣста-призракъ. Разсказъ Д. Вуда.—Гибралтаръ. Очеркъ (съ рис.) Н. Бова. —Архангельскій соборъ въ Московскомъ Кремлѣ (съ рис.)—Бабочки (съ рис.)—Новыя изобрѣтенія. Опыты ночнаго освѣщенія во Французскомъ лагерѣ (съ рис.)—Политическое обозрѣніе.—Сибъ.—Шахматная задача.—Рѣшеніе ребуса.—Рѣшеніе задачи.—Почтовый ящикъ.—Ребусъ.—Рѣшеніе шашечной задачи.—Опечатка.—Объявленія въ „Нивѣ“.—Объявленія. При этомъ № прилагаются «ПАРИЖСІЯ МОДЫ» за Ноябрь 1880 г. съ 35 рис. и отдѣльный листъ съ 24 чертеж. выроекъ въ натуральную величину и съ 27 рисунками рукодѣльныхъ работъ.

Издатель А. Ф. Марксъ.

Редакторъ Ф. Бергъ.

Объявленія въ „Нивѣ“.

Такъ какъ „Нива“ самое распространенное изданіе въ Россіи, то и объявленія помѣщаемыя въ ней, равно какъ и приложенные преисъ-курранты и т. п. получаютъ самое обширное распространеніе. Цѣна за объявленія весьма скромная, именно 25 к. за строку въ 4-ю долю страницы. При высокомъ качествѣ бумаги „Нивы“ и чистотѣ печати, даже самыя мелкія объявленія обращаютъ на себя вниманіе, тѣмъ болѣе, что журналъ не уничтожается, какъ ежедневныя газеты, а сохраняется и объявленія читаются въ теченіи года. Въ сравненіи съ заграничными иллюстрированными изданіями, печатающимися въ такомъ же количествѣ экземпляровъ какъ „Нива“, цѣна за объявленія на половину дешевле. Цѣна эта остается въ послѣдніе три года безъ измѣненія, не смотря на постоянное и значительное увеличеніе количества подписчиковъ.

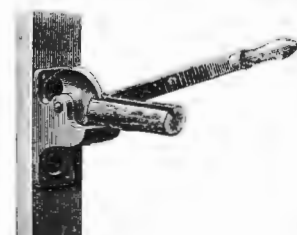
ВЪ МУЗЫКАЛЬНОЙ ТОРГОВЛѢ

П. ЮРГЕНСОНА,

Москва, Неглинный прѣздъ, № 10.

С.-Петербургъ, у І. Юргенсона, Большая Морская, № 9.

прѣются **пьянино**, цѣною въ 425 р., 450 р., 475 р. и 550 р.; **рояли** фабрики **Беккера** цѣною въ 600 р., 750 р., 900 р. и 1,200 р. П. М. № 964

ПОСЛѢДНЯЯ АМЕРИКАНСКАЯ НОВОСТЬ! МАШИНА ДЛЯ КОЛКИ ДРОВЪ.

конструкция которой всякій въ состояніи съ легкостью и безъ шума расколоть всякой толщины колѣно на мелкія щепки. Цѣна съ укладкомъ 7 р. На пересылку за 25 фунтовъ. Въ складѣ американскихъ издѣлій **М. БЛОКЪ**. Уголъ М. Копюженной и Невскаго, 26—14. К. № 969

ПОЛНОЕ УСТРОЙСТВО ТИПО- и ЛИТОГРАФІИ СЪ ДОСТАВЛЕНІЕМЪ ЛУЧШИХЪ МАТЕРІАЛОВЪ

принимаетъ на себя **Р. Н. ШНЕЙДЕРЪ**, редакторъ „Обзора Графическихкихъ Искусствъ“ (С.-Петербургъ, Большая Морская, № 15).

Дѣло принадлежности тисненія.

Благодаря своей больш. чѣмъ 30-ти-лѣтней опытности, пріобрѣтенной въ качествѣ типографика, я могу сообщить моимъ уважаемымъ клиентамъ самыя практичныя совѣты и указать самыя лучшія и дешевѣйшія источники. Въ настоящее время я имѣю возможность за 500 руб. поставить цѣлую небольшую типографію для мелочныхъ работъ со скоронечатною машиною и всѣмъ необходимымъ матеріаломъ для печатанія циркуляровъ и картъ. № 933 4—4

ПОСТУПАЮТЪ ВЪ ПРОДАЖУ.

Въ календарномъ тисненомъ

золотомъ переплетѣ

цѣна 2 р.

СТИХОТВОРЕНІЯ К. СЛУЧЕВСКАГО.

Складъ въ СПБ.

въ книжномъ магазинѣ

Новаго Времени.

ЧИСТКА ТЮЛЕВЫХЪ ЗАНАВѢСЕЙ.

У АННИКОВА МОСТА

МЕБЕЛЬНАЯ МАТЕРІЯ, МУЖСІЯ И ДАМСКІЯ ПЛАТЬЯ ЧИСТЯТЪ И КРАСЯТЪ ПЕРЬЯ ЗАКРУЧИВАЮТЪ ПЯТНА ВЫВОДЯТЪ.

ВХОДЪ СЪ ФОНТАНКИ.

66/25 НЕВСКІЙ ПРОСП. 66/25

НОВЫЯ АМЕРИКАНСКІЯ МЕЛЬНИЦЫ, замѣняющія вполнѣ жернова, не требующія меленки и отличающіяся простотою, большою производительностью и дешевизною, требующія для помола того же количества хлѣба, 1/4 сала жернововъ.

Вел. В вѣс. 16 п. намѣл. 10 пуд. въ часъ, при 2 л. силлахъ, цѣна 150 р.

Вел. 6 вѣс. 20 п. намѣл. 15 пуд. въ часъ, при 4 л. силлахъ, цѣна 200 р.

Вел. 8 вѣс. 30 п. намѣл. 20 пуд. въ часъ, при 6 л. силлахъ, цѣна 300 р.

мучина сортировки въ немъ по 78 р.

Штифтовый молотилки.

учища въсь существующихъ системъ. Ручныя 85 р., съ 1-новиннымъ приводомъ 221 р., большаго двухъ конная съ соломоторсомъ и приводомъ 340 р.

Стѣнные прессы ручные по 175 р.

Безперервно вращающ. ручной кирпичный прессъ.

Самый прочный, простой и дешевый. Тремя рабочими можетъ быть изготовлено въ сутки отъ 4 до 5000 кирпичей, получающіе той же крѣпости, какъ при ручной прессовкѣ. Вѣсъ прессы 50 пуд. цѣна 300 руб.

Локомотивы, паровыя машины, котлы, топарные и проч. станки, лагуи, бороны, вѣялки, соломоторы, сѣялки, насосы, пожарныя трубы и пр., и пр., имеются въ наличности у

ТОВАРИЩЕСТВА БУРКГАРДТЪ и УРЛАУВЪ

С.-Петербургъ Вас. Остр., 1 линия, № 10. Москва, Мясницкая, д. Ситова.

№ 911 5—8

К. № 915

7—3

Настоящія американскія швейныя машины Виллера и Вильсона, съ кривою или прямою иглою.

Ножныя или ручныя, или ручныя и ножныя вмѣстѣ:

а) для семейнаго употребленія, бѣлыя, платяныя и т. п.

б) для ремесленнаго производства: для сапожниковъ, портныхъ, сѣдельниковъ и т. д.

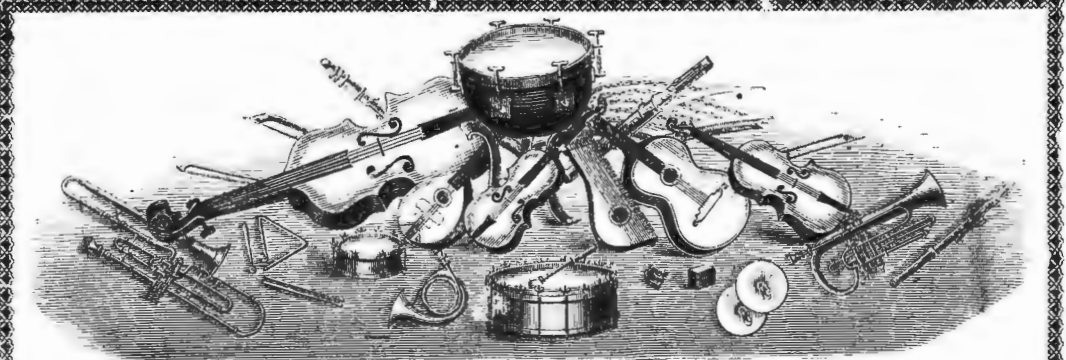
Лучшія нѣмецк. ручныя машины. Машины для плетиса и плойки. Американскія вязальныя машины Бикфорда, Тутель и Ламбсъ.

Г. М. ХУТТОНЪ и КОМП.

Малая Морская, № 14, и Невскій пр., № 40.

Москва, Большая Лубянка, домъ Ивановскаго монастыря.

Во время нижегородской ярмарки, въ зданіи каменнаго театра.

ГЛАВНОЕ ДЕПО МУЗЫКАЛЬНЫХЪ ИНСТРУМЕНТОВЪ

Юлія Генриха Циммермана.

С.-Петербургъ, по Большой Морской улицѣ, № 42.

рекомендуетъ вновь полученные изъ самыхъ извѣстнѣйшихъ Парижскихъ, Вѣнскихъ и Итальянскихъ фабрикъ по фабричнымъ цѣнамъ:

Сирини по 2 1/2 р., 5 р., 8 р., 12 р., 20 р., 30 р., 50 р., 100 р. и дор.

Смычки для сириней по 60 к., 1 1/4 р., 2 р., 3 р., 6 р., 10 р. и дор.

Футляры для сириней по 5 р., 6 р., 10 р., 12 р., 20 р.

Школы для скрипки (самоучитель) по 2 р., 3 р., 4 р. и 5 р.

Альты по 9 р., 15 р.; 30 р., 50 р. и дор.

Виолончели по 20 р., 30 р., 40 р., 50 р., 80 р., 100 р. и дор.

Контрабасы по 45 р., 65 р., 100 р., 120 р.

Цитры по 14 р., 16 р., 25 р., 35 р., 50 р., 75 р. и дор.

Школы для цитры по 2 р. и 3 1/2 р.

Гитары по 5 р., 7 р., 10 р., 15 р., 20 р., 30 р., 50 р. и дор.

Школы для гитары (самоучитель) по 1 1/2 р., 2 р., 3 р.

Мандолины по 10 р., 20 р., 30 р., 40 р. и дор.

Итальянскія струны для всѣхъ инструментовъ.

Наммертоны, метрономы и всѣ принадлежности.

Жельзные складные понитры по 2 1/2 р., 5 р., 6 р.

Шарманки по 12 р., 20 р., 30 р., 40 р. и дор.

Итальянскіе ручные органы по 150 р., 200 р., 250 р.

Музыкальные ящики по 2 р., 4 р., 6 р., 10 р., 25 р., 35 р., 50 р., 65 р., 90 р., 100 р. и дор.

Нѣмецкія ручныя гармоніи по 4 1/2 р., 5 1/2 р., 7 р., 10 р., 12 р., 15 р., 25 р., 30 р., 35 р. и дор.

Самоучитель для гармоніи 1 р., 4 тетради нотъ по 75 к.

Корнеты-а-пистонъ по 18 р., 25 р., 30 р., 40 р., 60 р., 75 р. и 100 р.

Школа для корнета-а-пистонъ по 1 1/2 р., 4 р. и 5 р.

Трубы, альтгорны, теноргорны, баритоны, тромбоны, валъторны, басы, сигнальные рожи для охоты, жогльныхъ дорогъ, и для горнистовъ.

Флейты по 3 р., 5 р., 7 р., 10 р., 12 р., 20 р., 30 р., 50 р. и дор.

Школа для флейты (самоучитель) по 1 1/2 р., 3 р.

Пиано флейты по 2 р., 4 р., 6 р., 8 р., 16 р.

Кларнеты по 6 р., 8 р., 10 р., 15 р., 20 р., 30 р., 50 р., 60 р.

Школа для кларнета 4 р.

Фляжелеты по 3 р., 5 р., 8 р., 10 р.

Чаяны по 5 р., 8 р., 10 р., 15 р.

Школа для чаяна 2 р. 85 в.

Барабаны турецкіе барабаны, литавры, бубны, тарелки, треугольники, бунчуки, кастальеты, металлофоны, окарны.

Нѣмецкія концертно по 3 р., 5 р., 8 р., 8 р., 10 р., 15 р., 20 р.

Школа для нѣмецкихъ концертно 75 к., ноты по 40 к. и 1 р.

Английскія концертно по 30 р., 38 р., 45 р., 70 р., 100 р., 125 р., 160 и 200 р.

Школа для англійскаго концертно 3 р.

Парижскія гармоніофлеты по 40 р., 45 р., 60 р., 75 р., 90 р.

Фисгармоніи извѣстнаго фабриканта Брюсона въ Парижѣ по 90 р., 100 р., 120 р., 150 р., 175 р., 250 р., 400 р.

Заказы изъ провинціи исполняются немедленно и аккуратно. Пересылка на счетъ покупателя.

В. № 958 **Всѣ эти инструменты очень удобны для подарковъ къ рождеству.** 3—2

БОЛЬШОЕ ЕЖЕДНЕВНОЕ ИЗДАНИЕ „НОВОСТИ“ И „БИРЖЕВАЯ ГАЗЕТА“.

Подписная цѣна: на 1 г. для иног. 9 р., для городск. 8 р., на 1/2 года для иног. в гор. 5 р., на 1 мѣс. для иног. и городск. 1 руб. СПВ. Гороховая, 32, близъ Каменнаго театра. К. № 909. 10—6

РАДІЙ СЛУЧАЙ!

Лампады, ручной живописи, великѣйшія виды Швейцаріи, въ роскошно-золоченыхъ рамкахъ, величину 1 1/2 арш., продаются случайно за безцѣнокъ. Казанская ул., напротивъ Зимна пер. д. № 3, кв. 20, тутъ же продаются двѣ вазы, другія вещи и новая елотовая шуба. № 979

СОТРУДНИКИ НУЖНЫ изъ всѣхъ мѣстностей Россіи для составленія сборника „Судъ Присяжныхъ въ Россіи“. Условія и способомъ сотрудничества (отдѣльная брошюра) высылаются всѣмъ желающимъ за 14 коп. сер. почт. марками. Адресовать: Москва, Живодерка, домъ Некрасовой. Товар. прокур. Н. П. Тимофееву. № 986

ОТЪ СОЛИТЕРА

и другихъ готовыхъ спеціально и скорое лечение въ Галицкой Лечебницѣ. Петербургъ, Владимирская ул., д. № 15. Лечение возможно и въ домѣ. Тутъ же лечатся и отъ сыпи (лица), заразныхъ болячекъ. К. № 961 10—2

КЕДЕРСКАЯ ДУШИСТАЯ ВОДА

Ц. № 902 12—6

КНИГИ прод., пок. и прин. на комиссію. Казань, книж. маг. Александра Ильича Овчинникова. Общ. этой торговлѣ уже 9-й годъ (1871 г.) публ., почти постоянно, въ Казань, гаетъ и мно. друг. Выдаютъ библ. рѣдкости XVII—XIX в. № 918 5—4.

АКУШЕРКА ИНОЗЕМЦЕВА, кнѣзь свободныхъ хорошее помѣщеніе для родильницъ и прѣлѣжницъ больныхъ. Беретъ на воспитаніе дѣтей. Тверской бульваръ, на церковномъ дворѣ церкви св. Іоанна Богослова, въ домѣ священника. М. № 978

ВЪ ЦЕНТРЪ ГОРОДА.

На свидѣніе вечера и помпальные ОБЪЕДЫ, очень дешево и добросовѣстно исполняютъ заказы. Кузmeisterъ А. Шеметовъ., Казанск. ул., д. № 37. к. № 4. № 945 3—3

СОБСТВЕННОЙ РАБОТЫ! получившія награду въ Дюссельдорфѣ 1880 г. за „отличнаго качества“

СКРИПКИ

отъ 4—30 М., знаменитыхъ мастеровъ 30—200 М.

Смычки 1—30 М., футляры 3 1/2—40 М.

Гитары 4—50 М. Струны превосходной прочности съ ручательствомъ. Патент. нѣмая скрипка для учениа (собственнаго изобрѣтенія). Альты, виолончели и басы. Починки реком. Аполлин. Контсовъ, Дир. Варш. Консерв., Вилгелъми, Сарасате, Сора, Зингеръ и т. д. Вывозъ за границу. Торговцамъ скидка. Прейсъ-куррантъ безплатно.

БРАТЯ Вольфъ.

Фабрика струнныхъ инструментовъ, КРЕЙЦХАХЪ. К. № 956. 3—2

ИЗДАВАНІЯ А. Ф. Маркса въ Спб

Большая Морская д. № 9.

ПОВѢСТИ И РАЗСКАЗЫ

Возможда Крестовскаго. (автора „Петербургскихъ Трушобъ“) 3-е изданіе. Ц. 1 р. 25 к. съ перес. 1 р. 60 к. для подписч. „НИВЫ“ 1 р. 25 к., съ перес. 1 р. 50 к.

ВТОРАЯ ЖЕНА. Романъ Марлитта. Перев. съ нѣм. Ц. 1 р. 50 к. съ перес. 2 р., для подписч. „НИВЫ“ 1880 г. 1 р. 25 коп. съ перес. 1 р. 50 к.

ИЗВѢСТНЫЕ НОРСЕТЫ Мерсіо: дамскіе 3, 4, 5, 6 р.; дѣтскіе, по возрасту, отъ 1 р. 4 до 4 р. 50 к. Главн. магаз. Мерсіо, Большая Морская, д. № 89, Спб. № 929 10—4

ДВУНОГІЙ ВОЛКЪ, романъ въ 2-хъ част. Н. Каразина съ 20 рисунками автора, печатанъ на лучшей альбомной бумагѣ. Романъ этотъ знакомитъ читателя съ туркестанскимъ краемъ и переведенъ на нѣм. и англ. языки, что краснорѣчиво говорить въ его пользу. Ц. 2 р. съ перес. 2 р. 30 к. Для подписч. „Нивы“ 1 р. 80 к., съ перес. 2 р.

МЫЛО — „SAVON AU LAIT DE LYS DE LOHSE“.

Получившее извѣстность, какъ единственное и лучшее изъ мылъ, смягчающее кожу и способствующее ея бѣлизнѣ; всѣ обычныя недостатки мыла здѣсь тщательно устранены и по чистотѣ, мягкости, нѣжности запаха, онъ превосходить всѣ доселѣ извѣстныя мыла.

Безъ запаха 1 кусокъ—50 к.

Съ запахомъ турецкой розы 1 кусокъ 1 р. 50 к.

GUSTAVE LOHSE

парфюмеръ-химикъ. Поставщикъ Ея Величества Императрицы Германіи изобрѣтатель

Eau de Lys de Lohse.

Berlin Jägerstrasse, 46.

Продается во всѣхъ лучшихъ парфюмерныхъ магазинахъ. К. № 801 3—1

ОБЩЕСТВО ВОДОЧНАГО ЗАВОДА „БЕКМАНЪ И К“, устроило рядомъ со своимъ водочнымъ заводомъ, въ совершенномъ новомъ, исключительно для сего приспособленномъ зданіи и открыло въ январѣ 1880 г.

ЗАВЕДЕНІЕ ИСКУССТВЕННЫХЪ МИНЕРАЛЬНЫХЪ ВОДЪ

подъ тою же фирмою Бекманъ и Ко, въ которомъ приготавливаются также ягодныя и фруктовыя воды, а равно и лимонады.

Коломенской части, Перевозная ул., д. № 6. К. № 863 10—10.

ДВУНОГІЙ ВОЛКЪ, романъ въ 2-хъ част. Н. Каразина съ 20 рисунками автора, печатанъ на лучшей альбомной бумагѣ. Романъ этотъ знакомитъ читателя съ туркестанскимъ краемъ и переведенъ на нѣм. и англ. языки, что краснорѣчиво говорить въ его пользу. Ц. 2 р. съ перес. 2 р. 30 к. Для подписч. „Нивы“ 1 р. 80 к., съ перес. 2 р.

ТОРГОВЫЙ ДОМЪ С. В. ВЕДЕРНИКОВА

Гостинный дворъ, № 123.

Получилъ для осенняго и зимняго сезона готовыхъ дамскихъ вещей
ПАРИЖСКІЯ МОДЕЛИ

Пальто, мантеле, жакеты и Sur-touts.

Фасоны: Fanchonette, Richard, Stuart, Dinorah, Faust, Attaché Chinois, Tirol, Lutin
Изъ матерій: Pelusch, Rips-long, Bombé, Jung, Baccaccio, Camtschatka, Zullu-noppe
и др. модн. полушелк. и шерст. тканей.

Большой выборъ осеннихъ вещей, приготовленныхъ по моде-
лямъ, изъ Бархата, Сеснлянь Драп-де-Суа, Кашмиръ-Суа, Сатинъ-Суа и Армюръ.

ДАМСКІЕ КОСТЮМЫ

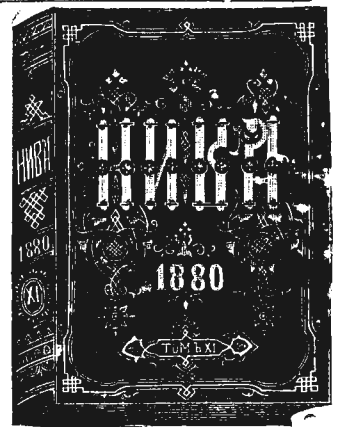
Модели: и приготовленные по онимъ изъ разныхъ новѣйшихъ шелковыхъ и шер-
стяныхъ тканей.

Большой выборъ дѣтскихъ нарядовъ, мѣховыхъ вещей, мѣ-
ховъ разныхъ и мѣховыхъ отдѣлокъ.

PS. Модели могутъ быть получены по истеченіи 3-хъ дней со дня покупки.

Магазинъ принимаетъ заказы только изъ матерій, выборъ ко-
торыхъ находится въ магазинѣ.

№ 925 3—3

КРЫШКИ для переплета „НИВЫ“ изъ
лучшаго англійскаго каленкора съ
золот. тисненіемъ за 1880 г. и также
на 1881 г. по вышепоказанному образ-
цу 1 р., съ перес. 1 р. 50 к. Каждый
простой переплетчикъ легко можетъ
переплестъ „НИВУ“ въ такую ко-
ленкоровую крышку.
Также имѣютъ крышки для „НИВЫ“
прежнихъ лѣтъ т. е. отъ 1870—
1879 гг. по той же цѣнѣ.

Изданія А. Ф. Маркса въ Спб.

Большая Морская, д. № 9.

ВЪ НАМЫШАХЪ, повѣсть Н. Кара-
взина, второе изданіе, съ 89 ри-
сунками автора, большой томъ въ
8—всего 804 стр. Цѣна 2 р., съ пер-
рес. 2 р. 30 к. Подписчики „Нивы“
за перес. не платятъ.

Изданіе А. Ф. МАРКСА въ С.-Петербургѣ.

„НИВА“

1878 года.

И

1879 года.

Каждый томъ заключаетъ въ себѣ 30—40 повѣстей и рассказовъ
больше романы—историческіе и изъ современной жизни—отъ 700
—2000 рисунковъ, гравюръ и чертежей и приложение „Парижскія
моды“ съ выкройками. Помѣщенные въ каждомъ томѣ повѣсти,
романы и рассказы въ отдѣльной продажѣ стоили бы болѣе 20 руб-
лей, не считая еще массы статей и очерковъ по всѣмъ отраслямъ
науки, искусствъ и современной жизни и проч. Каждый покупа-
тель тома „Нивы“ имѣетъ право на полученіе всѣхъ приложен-
ныхъ въ нему безплатныхъ премій.

Цѣна каждому тому т. е. годовому изданію съ преміями.

Брошурованному: Безъ перес. 4 р. — в. Съ перес. 5 „ 50 „	Въ простомъ перепл. Безъ перес. 4 р. 75 к. Съ перес. 6 „ 25 „	Въ наленкор. перепл. Безъ перес. 5 р. 50 к. Съ перес. 7 „ — „
--	---	---

Приобрѣтающіе оба тома разомъ получаютъ 25 % уступки, (но
только съ книги, а не съ переплета или пересылки).

ЭЛЕКТРИЧЕСКАЯ ПРОВОЛОКА,

изолирована нитками, бумагою и шелкомъ, изготовляется въ мастер-
ской Бухгольца. С.-Петерб., Надежд. ул., д. № 18, кв. 30. К. № 971

БЛАГОВОННЫЕ ТОВАРЫ

ФАБРИКИ

Брокаръ и К^о. въ Москвѣ,

удостоенные медалью на всемирной Парижской выстав-
кѣ, можно получать въ С.-Петербургѣ:

У Рузанова, Савельева, Сафронова, Аверьянова, Урла-
убъ и Рейнбергъ, Литейная, на углу Бассейной и у
прочихъ торговцевъ. М. № 963 5-1

С.-ПЕТЕРБУРГСКАЯ ХИМИЧЕСКАЯ ЛАБОРАТОРІЯ.

АНТИ-ЭПИДЕМИЧЕСКІЯ ПРОИЗВЕДЕНІЯ.

ФЕНОЛЬ

для очищенія воздуха въ комнатахъ.

КАРБОЛОВЫЯ:
УКСУСЪ туалетный.
УКСУСЪ курительный.
МЫЛО и эликсиръ.

САЛИЦИЛОВЫЯ:
ЗУБНОЙ эликсиръ и порошокъ.
ТУАЛЕТНОЕ мыло.
ТУАЛЕТНАЯ вода.

Жидкость для уничтоженія

Зловонія и миазмъ въ разныхъ сосудахъ, въ помойныхъ ямахъ и пр.

ОСТЕРЕГАТЬСЯ ПОДРАЖАНІЙ

въ которыхъ прибѣгаютъ нѣкоторые фабриканты, принявъ названія фирмъ,
близко подходящихъ къ фирмѣ С.-Петербургской Химической Лабораторіи, и
копирующіе наружный видъ произведеній ея.

Обращать вниманіе при покупкѣ каждого предмета на точность фирмъ:

„С.-П.-БУРГСКАЯ ХИМИЧЕСКАЯ ЛАБОРАТОРІЯ“.

ЕДИНСТВЕННЫЕ МАГАЗИНЫ ВЪ С.-ПЕТЕРБУРГѢ:

- 1) Невскій проспектъ, д. № 32, Багольч. дворъ.
- 2) Невскій просп., у Анжимова моста, № 66.
- 3) Вознесенскій просп., уголъ Казанской ул., домъ
№ 18—54, Шредера.

Всѣ прочіе, магазинъ и лавки, имѣющіе вывѣски, сход-
ныя съ вывѣскою С.-Петербургской Химической Лаб-
ораторіи, ей не принадлежатъ. 2—2

— ПОСТУПИЛИ ВЪ ПРОДАЖУ —

Календари на 1881 г. изд. А. Гатцука:

КРЕСТНЫЙ

цѣна 15 коп.

Съ большимъ количествомъ ри-
сунковъ, картами „Европейской
Россіи“ и „Средней Азій“ съ пре-
мією—портретъ Императора Алек-
сандра II и дѣятелей его 25-ти
лѣтняго царствованія.

Черезъ почту иногороднымъ высылается:

До 1,000 вер. на 1 р.—6 экз. 2 р.—13
экз. 3 р.—20 экз. 7 р.—52 экз. 15 р.—
112 экз.
Свыше 1,000 вер. на 1 р.—5 экз. 2 р.—
11 экз. 3 р.—18 экз. 7 р.—45 экз. 15 р.—
100 экз.

КРЕСТОВЫЙ

цѣна 10 коп.

Съ рисунками и картой „Евро-
пейской Россіи“. Предупрежда-
емъ отъ поддѣлокъ. Въ КРЕСТО-
ВОМЪ смотрите фамилію редак-
тора А. Гатцука.

До 1,000 вер. на 1 р.—9 экз. 2 р.—
20 экз. 3 р.—30 экз. 5 р.—55 экз. 10 р.—
115 экз.
Свыше 1,000 вер. на 1 р.—7 экз. 2 р.—
17 экз. 3 р.—26 экз. 5 р.—50 экз. 10 р.—
100 экз.

Гг. торговцамъ дѣляется уступка отъ 20 до 25% съ рубля.
Пересылка на счетъ покупателя.

Адресъ Редакціи: Москва, Никитскій бульваръ, д. № 275

Складъ Календарей въ Москвѣ у книгопродавца Алек-
сѣя Дм. Ступина, на Никольской улицѣ, домъ Заиконоспаскаго
монастыря.

№ 965

1-1

ПАВЕЛЬ БУРЕ

ФАБРИКАНТЪ ЧАСОВЪ

поставщикъ Высочайшаго Двора,
часовыхъ дѣлъ мастеръ

Императорскаго Русскаго флота

и
Его Импер. Высоч. Великаго Князя
Константина Николаевича.

Рекомендуетъ въ большомъ выборѣ:
Карманные, набиетные, столовые золотые,
столовые, столовые мраморные, столовые англій-
скіе съ курантами и стѣнные часы.

Ручательство на 2 года.

Постоянный выборъ золотыхъ мужскихъ и
дамскихъ пѣночекъ.

МАГАЗИНЪ И МАСТЕРСКІЯ

въ С.-Петербургѣ, Невскій просп., № 23.

Фабрика въ Лодкѣ (Швейцарія).

Подробный прейсъ-курантъ высылается по
требованію бесплатно. № 880 33 - 6

КОСТЮМЫ MOUSHOIRS.

Получены въ большомъ выборѣ
въ магазинѣ П. Заступенкова. Гос-
тинный дворъ № 112, бывший Фа-
дѣева.

№ 976 2-1.

38. Троицкій переулочъ 38.

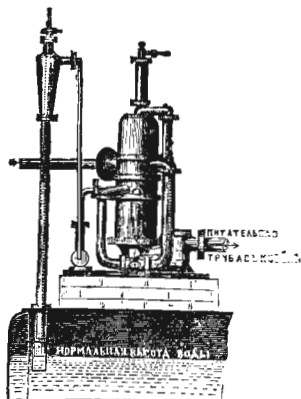
Троицкое заведеніе искусственныхъ
минеральныхъ водъ

отпускаетъ и доставляетъ на
домъ сифоны сельтерской или
содовой воды по 10 к.; 25 бутылокъ
этой воды за 1 р. 13 коп., 25
бут. лимонаду за 1 р. 75 коп.,
25 бут. фруктов. лимон. воды
за 2 р. 80 к.; залогъ за сифоны
по 1 р., за бут. 2 к. Иног-
роднимъ высылаются ящиками
въ 100 б. Вся вода приготовля-
ется подъ постояннымъ наблю-
деніемъ провизора-химика.
К. № 972

ДРУГЪ КОЧЕГАРА.

Всасыва-
ющая труба
изъ выше или
ниже изло-
женного во-
доплаго резер-
вуара.

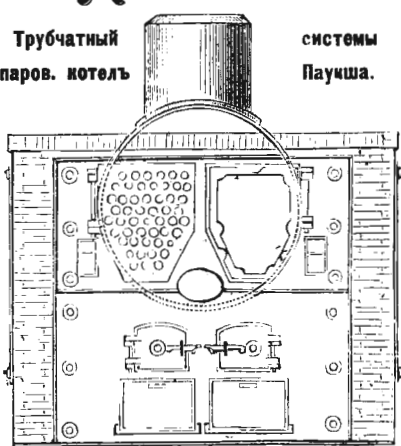

Автоматическій питающій аппаратъ.

Главный представитель для Россіи Г. Паушъ въ Ландсбергѣ н/В. и другихъ извѣстныхъ иностранныхъ
заводовъ, предлагаетъ поставку машинъ лучшихъ издѣлій съ установкою и ручательствомъ.

- 1) Патентованные трубчатые паровые котлы системы Паушъ и паровики другихъ конструкций.
 - 2) Паровыя машины различныхъ конструкций.
 - 3) Турбины и водяныя двигатели.
 - 4) Полное устройство пилеуманныхъ фабрикъ.
 - 5) Устройство кирпичныхъ заводовъ.
 - 6) Устройство паровыхъ винокуренныхъ заводовъ съ ручательствомъ при примѣненіи патентованнаго универсальца о солодо-
вого аппарата для выкурки зерна, майса и картофеля.
 - 7) Устройство сахарныхъ заводовъ съ новѣйшимъ диффузион-
нымъ примѣненіемъ.
 - 8) Мукомельная мельница съ устройствомъ чугунныхъ и фар-
форовыхъ вальцами.
 - 9) Машины для обработки дерева для столярныхъ и ящи-
пныхъ заведеній.
 - 10) Устройство торфяныхъ заводовъ.
 - 11) Устройство фильтровъ для воды, употребляемыхъ для пита-
нія паровиковъ, которыя устроятся органической части въ водѣ
и тѣмъ значительно уменьшается образование накипи въ паровикъ.
 - 12) Разные предметы, какъ-то: локомотивы съ патентованными выдвигными трубами; инструментальныя машины, насосы
устройства газовыхъ заведеній, патентованные автоматическіе котлопитающіе аппараты "ДРУГЪ КОЧЕГАРА" (Нгн) и другіе
различные предметы: какъ-то: сталь, болты, гайки, инструменты и т. д.
- Отзывы и свидѣтельства о произведенныхъ поставкахъ, а равно совѣты и свидѣнія, всегда къ услугамъ желающихъ. Чертежи и
сметы изготовляются въ самое непродолжительное время.
- Относительно патентованнаго котлопитающаго аппарата считаю долгомъ присовокупить, что таковой значительно усовершенствованъ
и производительность его увеличена. Отзывы русскихъ промышленниковъ и заводчиковъ о дѣйствіи сего аппарата всегда къ
услугамъ желающихъ. № 953 3-2

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Большая Мо-
сковская, д № 6.
—
МОСКВА.
Красныя воро-
та, д. Ададу-
рова.

Болѣе 2000 въ дѣйствіи

НЕВСКІЙ ПРОСПЕКТЪ № 54.

СКЛАДЪ

ХРУСТАЛЬНОГО ЗАВОДА.

„НОВЫИ СВѢТЪ“ (въ Богеміи)

ГРАФА ГАРРАХА,

переведенъ и опять открытъ

НА НЕВСКОМЪ ПРОСПЕКТѢ № 54,

напротивъ публичной бібліотеки съ 18 сего мѣсяца.

Складъ снабженъ вполне новымъ товаромъ, и
Р. Т. публика приглашается осматрѣть послѣд-
нія новинки особенно выдающихся изящныхъ
сервизовъ и роскошныхъ другихъ хрустальныхъ
предметовъ.

Цѣны противъ прежнихъ на 15% дешевле.

В. № 959. 2-2

НЕВСКІЙ ПРОСПЕКТЪ № 54.

С.-ПЕТЕРБУРГСКАЯ ТЕХНО-ХИМИЧЕСКАЯ ЛАБОРАТОРІЯ.

- Мыло глицериновое настоящее 25 к. и 35 к.
- Мыло глицериновое прозрачное 10 к., 15 к., 25 к., 30 к.
- Мыло глицериновое Эссъ-Вуше 50 к. 72 к. 1 р.
- Мыло Тридасъ 45 к.
- Мыло Велютинъ Елизаветъ 50 к.
- Мыло Императорскій бунтъ 60 к.

МАГАЗИНЫ ВЪ С.-ПЕТЕРБУРГѢ:

На Литейномъ просп., близъ Пантелеймоновской, № 25.
На Петербургской сторонѣ, по Большому просп., № 28.
Въ Москвѣ: по Тверск. ул., близъ Страшнаго монастыря, д. Малкіея.
Оптовый складъ и контора въ С.-Петербургѣ по Толмазову пер.
противъ Гостиного двора д. № 2, куда гг. иногородные благоволятъ
обратиться со своими заказами. Торговцамъ значительная скидка.
Подробные прейсъ-куранты (оптовые или розничные) высылаются
немедленно и бесплатно.

Просимъ обратить вниманіе на фирму:

С.-П.-ВУРГСКАЯ ТЕХНО-ХИМИЧЕСКАЯ ЛАБОРАТОРІЯ.

АМЕРИКАНСКІЙ ПЕРЕПЛЕТЧИКЪ.

Для сшиванія бумагъ, счетовъ, газетъ, тетрадей, журналовъ и пр.
Для брошюровки книгъ, изданій, документовъ и пр.
Для прикрѣпленія картъ, этикетовъ, циркуляровъ, выѣсокъ, ковровъ къ
полу, завѣсь и проч.
Для сирѣпленія мелкихъ столярныхъ и ажурныхъ работъ.
Цѣна аппарата съ 500 штифтами . . . 1 р. 75 к. съ пересылкою 2 р. — к.
Штифты 1000 штукъ 1 " 50 " " " 1 " 75 "
" 100 " " " " " 20 " " " " — " 25 "

АМЕРИКАНСКІЙ ВОЛЧЕКЪ,

показываетъ вращеніе земнаго шара въ маломъ размѣрѣ. Кромѣ того онъ
вертится по стеклу, держится на пальцахъ, талцуетъ вверхъ и внизъ по про-
тянутой веревкѣ, бѣгаетъ по краямъ чайнаго стакана...
Цѣна 75 к. за штуку, съ пересылкою 1 руб.

ВѢСЫ ДЛЯ ПИСЕМЪ.

необходимы всякому купцу и конторщику а также въ хозяйствѣ. Эти вѣсы
можно помѣстить въ бумажникъ или порт-моне, и не смотря на изящную ра-
боту и вѣрность вѣса, цѣна имъ 60 к., съ пересылкой 75 коп.

МОНОГРАММЫ

За три почтовыхъ марки (по 7 коп.) высылаю въ заказномъ бандеролѣ обра-
зцы монограммныхъ рисунковъ, образцы бумаги и прейсъ-курантъ. № 977

ГЛАВНОЕ АГЕНТСТВО И СКЛАДЪ АМЕРИКАНСКИХЪ

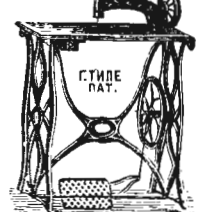
швейныхъ, вышивальныхъ и вязальныхъ машинъ.

(Существуетъ съ 1871 года).

Г. ТИЛЕ.

СПЕЦИАЛИСТА-ТЕХНИКА.

СПБургъ, Невск. просп., № 56, противъ памятника Елизаветы II.

Рекомендуетъ особенно подѣ полнымъ руча-
тельствомъ:
Машину Зингеръ, съ новѣйшими усовер-
шенствованіями, напр. съ самодѣйствующи-
ми шпульками.
Патентъ ТИЛЕ упрощенная мною система
Зингера, привилегированная во всѣхъ
европейскихъ странахъ.
Спеціальныя машины для ремесленниковъ
всѣхъ специальностей.

Складъ машинъ Виллеръ и Вильсонъ, Гроверъ, и Бенеръ, Гоу, Девисъ,
всѣ новѣйшія ручныя машины, машины для пльни и пльссе, отъ
10, 15 до 35 руб.
Большой выборъ лучшихъ машинныхъ принадлежностей, какъ-
то: масло, иглы, и части всѣхъ системъ.
Примѣчаніе: Каждая машина до отъезда на мѣстѣ или высылки
въ провинцію тщательно пробѣряется въ собственной механи-
ческой мастерско .
Иллюстрированыя прейсъ-куранты бесплатно. К. № 986 2-2.

XI годъ
№ 45

ПОЛИТИКИ И СОВРЕМЕННОЙ ЖИЗНИ.

годъ XII
1880

ВЫХОДИТЬ ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫМИ №№ ВЪ ДВА ЛИСТА СЪ 6—10 РИС. И ЕЖЕМЪСЯЧ. ДАРОВЫМЪ ПРИЛОЖЕНІЕМЪ „ПАРИЖСКИХЪ МОДЪ“ (отъ 20 до 40 модн. рис.)
Выхажь 8 Ноября 1880 г. и ЛИСТА ЧЕРТЕЖИ ВЫКРОЕКЪ (отъ 22 до 30 рис.) разн. рис. рукод. работъ (отъ 20 до 40 рис.) Цѣна этого № „Нивы“ 15 в. съ перес. 20 в.

Открыта подписка на 1881 годъ.

Подписная цѣна на годовое изданіе „НИВЫ“.

Безъ доставки въ Петербургѣ . . .	4 р.	Съ доставкою въ Петербургѣ . . .	5 р.	Безъ доставки въ Москвѣ чрезъ ин. ма- газины гг Шапошникова, Соловьева, Лангъ, Деятинна и Живарева	5 р.	Съ пересылкою въ Москву и другіе города Россіи	6 р.
--------------------------------------	-------------	-------------------------------------	-------------	--	-------------	--	-------------

За границу: съ перес. въ Австрію, Германію, Францію, Италію и друг. госуд. = руб.

Просимъ гг. иногородныхъ подписчиковъ не замедлить возобновленіемъ подписки, такъ какъ, при общемъ числѣ 55,000 подписчиковъ, приготовленіе печатныхъ адресовъ требуетъ много времени.

Подписка на 1880 г. продолжается. Подписавшійся получаетъ журналъ съ перваго номера со всѣми преміями.

КОНТОРА ЖУРНАЛА „НИВА“ ПОМѢЩАЕТСЯ ВЪ С.-П.-БУРГѢ, НА Б. МОРСКОЙ, ВЪ Д. № 9.

Будущій президентъ Съверо-Американскихъ Штатовъ.

Соединенные Штаты уже имѣютъ, можн сказать, новаго президента, въ лицѣ столь неожиданно избраннаго первымъ кандидатомъ Джемса Гарфильда, сенатора штата Огайо. Въ виду этаго обстоятельства, біографическія свѣдѣнія о будущемъ государственномъ дѣятелѣ имѣютъ, конечно, живой интересъ.

Гарфильдъ изъ бѣднаго семейства, живущаго въ штатѣ Огай, близъ озера Эри. Онъ представляетъ образецъ челоѣка, обязаннаго всѣмъ лишь себѣ одному. Лишенный всякаго почти школьнаго образованія, онъ, чуть не въ буквальномъ смыслѣ слова, именно тянулъ въ юности ляжку: онъ былъ погонщикомъ лошадей на тягѣ судовъ по каналамъ, позднѣе самъ управлялъ однимъ изъ такихъ судовъ, затѣмъ сдѣлался плотникомъ и столяромъ. Послѣ такихъ занятій, столь мало имѣющихъ отношенія къ умственному труду, онъ все-таки сумѣлъ найти возможность на столько ознакомиться съ науками, что достигъ званія учителя, а послѣд-

Джемсъ Гарфильдъ.

ствіи даже профессора однаго изъ высшихъ учебныхъ заведеній. Но едва вспыхнула междоусобная война, онъ является на поле битвы въ качествѣ волонтера, и въ короткое время уже становится въ главѣ отряда добровольцевъ. Къ концу войны его дѣятельность оказалась на столько блестяща, что дала ему возможность достигнуть званія бригаднаго генерала. Вездѣ, гдѣ была опасность, гдѣ требовалась желѣзная выдержка, ловкость, предъусмотрительность, — тамъ былъ Гарфильдъ съ его огайцами. Раненный, но выздоровѣвшій возвратился онъ, по окончаніи кампаніи, домой. Нашъ портретъ относится именно къ этой эпохѣ его жизни, но и теперь, послѣ пятнадцати лѣтъ, онъ вполне сохранилъ свою тогдашнюю молодавость. Въ настоящее время онъ смотритъ только болѣе возмужалымъ. Типъ его нисколько не американскій, а скорѣе приближается къ германскому. Его манера говорить и обращеніе также несвойственны янки. Въмсто обычной янки молчаливости, серьезности, почти угрюмости, — Гарфильдъ отличается общительностью, въжливостью, чуть не юношески жи-

вымъ обращеніемъ — и теперь какъ-бы помню своей воли очутился въ центрѣ громаднаго круга, которымъ ему придется править. Его мужественная красота, шестифутовый ростъ, юпитеровская голова, невольно приковываютъ къ себѣ взоръ, въ соединеніи съ мягкимъ выраженіемъ голубыхъ глазъ и здоровымъ, свѣжимъ цвѣтомъ лица. Онъ живетъ съ семьей въ Вашингтонѣ; жена его также искусно умѣетъ управлять своимъ салономъ, соединяющимъ въ себѣ высшее вашингтонское общество, какъ и своими имѣніями, когда мужъ занятъ дѣлами общественными. Съ 1865 г. Гарфильдъ состоитъ членомъ конгресса и уже нѣсколько лѣтъ сенаторомъ. Послѣ весьма непродолжительнаго пребыванія въ палатѣ депутатовъ, онъ сумѣлъ занять въ ней весьма видное положеніе. Его быстрая сообразительность, природное краснорѣчіе, остроуміе и сарказмъ, столь необходимые американскому оратору, его прямота и рѣшительность дѣйствій противъ претензій возвратившихся мятежниковъ, поставили его на такое высокое мѣсто, что общественное мнѣніе открыто указывало на него, какъ на „coming man“, т. е. будущаго главу государства. Только онъ одинъ не замѣчалъ своего значенія, такъ какъ ни онъ самъ, ни его друзья не выставляли никогда впередъ его имени. Когда же послѣдніе мѣсяцы шла избирательная борьба, о Гарфильдѣ совсѣмъ не было рѣчи. Вокругъ Гранта, Блэна, Шермана и др. стояли многочисленныя друзья, и вся выборная борьба сосредоточилась около первыхъ трехъ. Грантъ въ особенности имѣлъ прочную опору въ могущественномъ вліяніи сенаторовъ — Конклина — штата Нью-Йорка, и Логана — представителя штата Иллинойса. Конклинъ, чистый представитель кавказской расы, аристократъ, тонкій, проникательный и опытный, благодаря своему 20-лѣтнему пребыванію въ сенатѣ, замѣтный дѣятель, оракулъ и всегдашній заступникъ интересовъ восточныхъ штатовъ, и Логанъ, полу-индеецъ, не очень разборчивый на средства, представитель „великаго запада“, — казалось

бы могли добиться избранія Гранта въ третій разъ. Но именно то, что это будетъ въ третій разъ, возстановило противъ бывшаго президента многочисленную партію, и главнымъ образомъ германскій элементъ, возставшій, впрочемъ, не противъ его личности, но изъ опасенія за республиканскіе принципы страны, не дозволяющіе троекратнаго избранія одного и того-же лица. Выборъ Гранта, имѣющаго столько приверженцевъ между должностными лицами и при которомъ господствовалъ непотизмъ въ самыхъ широкихъ размѣрахъ, представлялся, конечно, тѣмъ болѣе опаснымъ. Борьба между приверженцами и противниками Гранта, дошла, подъ конецъ, до такой степени, что эти послѣдніе заявили о своемъ намѣреніи выставить, въ случаѣ выбора Гранта конвентомъ въ Чикаго, отдѣльнаго, также республиканскаго кандидата. Осуществленію этого намѣренія старались помогать, всѣми силами, демократы, желая укрѣпить побѣду всецѣло за своей партіей. Избирательное собраніе насчитывало 756 голосовъ, изъ которыхъ 379 должны были составить необходимое для кандидатовъ большинство. Во время первой баллотировки Грантъ получилъ 297, Блэнъ — 278, Шерманъ — 113 голосовъ, остальные раздѣлились между другими кандидатами. Такимъ образомъ ни одинъ изъ нихъ не получилъ требуемаго большинства. Во время слѣдующихъ 36 баллотировокъ, Грантовская партія осталась вѣрною ему, въ лагеряхъ другихъ кандидатовъ замѣчались уже несогласія, но вожаки его партіи уже убѣдились, что побѣда для нихъ невозможна, такъ какъ имъ неудалось привлечь на свою сторону болѣе 306 голосовъ. Блэнъ и Шерманъ также получили отъ своихъ друзей телеграммы, что надежды нѣтъ никакой, и что остается имъ, какъ патриотамъ, отдать свои голоса уже генералу Гарфильду. Такимъ образомъ, въ послѣднюю минуту явился неожиданный побѣдитель, привлечшій на свою сторону и враждебные лагери.

ЛѢСНИКЪ.

Разсказъ.

Б. М. Марневича.

(Окончаніе).

XII.

Не добъжая Хомяковъ, Пинна Афанасьевна увидѣла вдругъ прямо передъ собою на дорогѣ такую-же быструю лошадку, запряженную въ бѣговья дрожки, катившія ей на встрѣчу. Она прищурилась, склонивъ на бокъ голову — и узнала черезъ мигъ, въ сидѣвшемъ верхомъ на этихъ дрожкахъ, конторщика Спиридона Ивановича, и въ конѣ — его коренника, изъ хорошо извѣстной ей тройки вятковъ Софрона Артемьича Барзаша.

Онъ тоже узналъ ее издалека, и сорвавъ картузъ съ головы, замахалъ ей, неистово кивая притомъ головою и махая локтями, словно откормленный гусь, намѣревающійся летѣть.

— „Что это за телеграфическіе знаки?“ спрашивала она себя въ изумленіи.

Еще минута — до нея донесся его хриплый отъ снѣха и волненія голосъ:

— Нашлись... Живы! живы, Пинна Афанасьевна!

— Что вы говорите? Кто? растерянная залепетала она, судорожно сдерживая возжи.

Онъ докатилъ до нея, остановился:

— Они-съ, баринъ, Валентинъ Алексѣичъ... Чудомъ-съ, просто чудомъ... Живы!..

— Да что вы это!.. Въ самомъ дѣлѣ? Вы его видѣли?

— Не видалъ, въ городѣ они... Софронъ Артемьичъ сейчасъ къ нимъ на почтовыхъ поскакали, а мнѣ приказали немедля Ивана Николаича отыскать, передать, значить, ему...

— Я его сейчасъ видѣла, перебила Пинна Афанасьевна, — онъ безумствуетъ, я съ нимъ даже поспорилась и уѣхала... Она вдругъ засмѣялась подъ приливомъ какаго-то всю ее разомъ охватившаго теперь, безконечно радостнаго чувства: — вотъ мы теперь и помиримся... Ахъ, какъ-же будетъ онъ радъ... Да вы это вѣрно, вѣрно говорите, Спиридонъ Ивановичъ, заспѣшила она; — и отчего онъ это въ городѣ очутился, и какъ же два дня его искали всѣмъ селомъ и на слѣдъ не попали, и эта шляпа его тутъ надъ Логомъ а его нѣтъ...

— Сказываю вамъ, чудомъ, Пинна Афанасьевна; дѣйствительно, что окромѣ Бога, Спаса нашего, никому того невозможно приписать.

Пинна Афанасьевна, какъ извѣстно, смотрѣла свысока на подобнаго рода „предразсудки“. Но въ эту минуту она чувствовала себя такою счастливою, что готова была и въ нихъ позѣрить, да и ужъ очень любопытно было ей узнать скорѣе въ чемъ именно состояло „чудо“.

— Вотъ что, Спиридонъ Ивановичъ, сказала она, — привяжите вашу вятку къ задку моей тележки, а сами садитесь ко мнѣ. Я сейчасъ оберну. Вы мнѣ дорогой всю эту исторію и расскажите... Господи, какъ-же это хорошо, что онъ нашелся!

— Истинно такъ, Пинна Афанасьевна! А я вамъ съ моимъ удовольствіемъ, какъ слѣдуетъ, передамъ.

— Сидимъ-съ это мы съ Софрономъ Артемьичемъ, началъ онъ, когда умѣстившись рядомъ съ нею покатали они по направленію Лога, на берегу котораго полчаса предъ тѣмъ оставила дѣвушка своего „безумствующаго“ поклонника, — сидимъ-съ, сами изволите понимать, на подобіи, можно сказать, того какъ у шалмопѣвца сказано: „на рѣкахъ Вавилонскихъ сѣдохомъ и плакахомъ“... И вдругъ-съ раздается колоколенъ и къ намъ на дворъ пара, и видимъ Николай Дмитричъ, можетъ изволите знать, письмоводитель господина исправника. Сейчасъ къ Софрону Артемьичу, — письмо, а самъ ничего не говоритъ, только этакая усмѣшка лукавая подъ усами и глядитъ намъ прямо въ глаза. А Софронъ Артемьичъ, какъ только вскрылъ конвертъ, да по письму повелъ глазами, такъ я, грѣшный человекъ, даже подумалъ, что они тутъ, не дай Богъ, ума лишатся...

— Отъ радости, разумѣется? перебила еще разъ Пинна Афанасьевна; — да рассказывайте скорѣе, голубчикъ! подгоняла она его.

Конторщикъ чуть чуть сконфузился и продолжалъ:

— Дѣло это, собственно говоря, такъ вышло... Управляющаго графа Клейнгельма, Василья Ивановича Брауна изволите знать?

— Нѣтъ, не знаю. А слышала...

— Человѣкъ настоящий, можно сказать, правильный... Только вотъ этотъ самый господинъ Браунъ, какъ у насъ постоянно бываетъ надобность по дѣламъ въ городъ, и вздумали они побхать съ винокуромъ ихнимъ,—тоже изъ нѣмцевъ, фамилія ему Клейстъ. Въ самый, то есть, это вечеръ когда случилось это самое съ Валентиномъ Алексѣичемъ—третьяго дня значить... А дорога имъ отъ графскаго имѣнія мимо нашего Крусанова на Вислоухово,—а отъ телева до города еще верстъ пятнадцать и подалѣе будетъ. Только у этаго самаго Василія Иваныча Брауна кучеръ—мудреный этакій, знаетъ, правный, твердый человѣкъ, а только ужъ упрямъ очень. Занялись это Василій Иванычъ, разговорились съ винокуромъ и не замѣтили какъ онъ вдругъ, этотъ самый кучеръ, замѣсто какъ всегда по дорогѣ прямо, не доѣзжая Крусанова, да влѣво возьми въ объѣздъ. Только, проѣхавши такъ съ версту, оглянулись: „Ты, говоритъ, куда-жъ это теперь прешь?“ А тотъ ему на это: „А тутъ, говоритъ, ближе много будетъ.“—„Да что ты, говорятъ ему, тутъ и дороги проѣзжей нѣтъ.“—„Чего нѣтъ, бормочетъ, проѣдемъ, не изволте беспокоиться.“ А оно дѣйствительно, что тутъ крестьяне постоянно проѣзжаютъ зимою, а лѣтомъ избѣгаютъ, потому по надъ самымъ *Видьминьмъ Логомъ*,—съ той его стороны, значить, дорога эта ведетъ,—ну, а они, особенно если вечеромъ, опасаются по своему суевѣрію... Такъ и оставилъ Василій Иванычъ, только говоритъ ему: „Смотри, гроза вотъ сейчасъ, какъ бы намъ не засѣсть въ какомъ мѣстѣ.“—„Ничего, говоритъ, проѣдемъ!“.. И поистинѣ можно сказать, Пинна Афанасьевна. (Спиридонъ Иванычъ снялъ картузъ и истово перекрестился), что самъ Творецъ Небесный направилъ ихъ по этой самой дорогѣ. Потому только они къ этому мѣсту по надъ *Логомъ* подѣзжать стали, какъ хлыснетъ вдругъ молнія, да съ этимъ дождемъ,—ну, ну изволите сами знать, что за страсть въ эту пору была!.. Взлобокъ тутъ есть одинъ, подняться надо, а оттедова спустяся, сейчасъ круто вправо принять требуется, опять на подъемъ, лѣсомъ. Вотъ взѣхали они,—спускаться начали... А тутъ повернуть куда—и не видать. Потому чаща, да темъ эта вдругъ сдѣлалась, и сверху то гремитъ, льетъ вода ведрами,—адъ крошпный, просто страхот! Ни впередъ, ни взадъ,—не дай Господи... И Спиридонъ Иванычъ перекрестился еще разъ.

— Ахъ, Господи, какъ вы томительно рассказываете! воскликнула дѣвушка;—винокуръ какой-то, Василій Иванычъ, кучеръ,—при чемъ они тутъ? Я васъ про вашего Валентина Алексѣича просила рассказать...

— А вотъ-съ, вы изволте дослушать, благодушно усмѣхнулся на это многорѣчивый конторщикъ, такъ и все узнаете... Въ этомъ, значить, находясь затрудненіи, что ни туда, ни сюда, рѣшились они переждать пока гроза пройдетъ. Подняли верхъ, фартукъ пристегнули,—хорошая у нихъ бричка, вѣнская, по случаю, знаю, въ Витебскѣ купили отъ одного пана,—ждутъ. Кучеръ передъ лошадыми, до костей промокъ,—а все стоитъ потому опасно, отъ ударовъ этихъ, отъ грома дрожмя ажно дрожатъ кони, такъ чтобы не вскинулись вдругъ, не расшибли.. Вотъ-съ такимъ манеромъ и не часъ, не два пришлось имъ тутъ простоять, будто въ колодезѣ какомъ-то, потому вода и сверху и снизу. Берегъ-то тотъ, изволите знать, гораздо возвышеннѣе супротивъ того, что отъ Хомяковъ, по которому Валентинъ Алексѣичъ, по встрѣчѣ съ вами, отправился; иначе отъ того количества воды и его затоплять стало,—до самой почти ихъ брички, повѣрите, приливала, а такъ, сказываютъ они, почитать надо, что отъ самаго этаго мѣста гдѣ стояли они шаговъ полтора, если и не болѣе, отъ настоящаго, въ сухое, то есть, время, берега должно быть...

— Ну, а Валентинъ Алексѣичъ гдѣ-же? даже приотпнула съ досады ногою по дну своей *нетычанки* нетерпѣливая Пинна Афанасьевна.

— Вотъ-съ, вотъ-съ тутъ самое сейчасъ и о нихъ... Такъ-съ пока они тутъ въ темнотѣ, да въ сырости и большомъ, можно сказать, страхѣ пребывали, и начало наконецъ стихать, удаляться громъ сталъ... Вдругъ слышатъ не подалеку отъ нихъ собака визжитъ, да такъ жалостно, говорятъ, будто человѣкъ стонетъ... Василій Иванычъ это слушалъ, слушалъ:—„Вынь, говоритъ кучеру, фонарь, подъ сюда!“—а у нихъ-то, докладывалъ вамъ, бричка хорошая, какъ надо быть, со всѣмъ приборомъ, съ фонарями. Взялъ онъ его себѣ подъ фартукъ, добылъ спичекъ, и хотъ съ трудомъ, потому сами понимаете, мокреть вѣдь—зажегъ свѣчку въ немъ. „На, говоритъ, иди на вой, что за пестъ!“—а самъ возжи въ руки взялъ. Вотъ-съ кучеръ, взявши этотъ самый фонарь, да по водѣ по щиколку, говорю, залило все кругомъ,—и побрель, значить, на этотъ, такъ сказать, гласъ песій... Видить, дѣйствительно, нестрое быдто пятно къ дереву прислонилась, носомъ книзу уткнувшись, скулить. Онъ ближе,—охотницкая собака въ ошейникѣ, сетерокъ бѣлый съ пятнами...

— Его *Джимъ!* воскликнула дѣвушка.

— Точно такъ-съ! И Спиридонъ Иванычъ съ большой радостью припрыгнувъ всѣмъ тѣломъ на своемъ сидѣннѣ,—самое вотъ это есть *необнаковенное* обстоятельство. Потому еслибъ не собаченка эта, и что этотъ самый господинъ Браунъ, Василій Иванычъ, по мягкосердью душевному обратилъ вниманіе, то такъ бы...

Онъ не договорилъ, замѣтивъ все болѣе и болѣе возрастающее нетерпѣніе въ чертахъ своей спутницы, и заспѣшилъ опять къ фактической сторонѣ своего разсказа:

— Сталъ ее кучеръ звать, —нейдетъ—визжитъ все также жалостливо, хвостомъ машетъ и носомъ будто что указываетъ. Онъ фонарь свой поднялъ—кругомъ обвелъ... да вдругъ какъ крикнетъ: „Мертвецъ!“ Самъ-то чуть съ ногъ не свалился, говоритъ, такъ испугался... Услышавши это, Василій Иванычъ сейчасъ винокуру возжи передалъ, самъ выскочилъ, подбѣгаетъ... Лежитъ, дѣйствительно, нѣкій человѣкъ ничкомъ, по поясъ въ водѣ, а рука за корень дубовый уцѣпилась, да и замертвѣла на немъ...

— Это былъ Валентинъ Алексѣичъ?

Конторщикъ таинственно и какъ бы даже съ лукавствомъ повелъ головою:

— Неизвѣстное имъ, собственно сказать, лице-съ.

— Какъ же онъ очутился тутъ?

— А такъ понимать надо что теченіемъ, а главное вихремъ пронесло его поверхъ *Лога* да и прибило къ этому самому берегу. И даже просто удивленія достойно какая это сила воды, что не дала его засосать трясинѣ... Василій Иванычъ, между тѣмъ, какъ человѣкъ образованный, осмотрѣвши тѣло, поняли такъ, что можетъ онъ и не померъ еще вовсе, а только отъ немоци отъ большой, чувствъ своихъ лишился. „Давай, говоритъ, кучеру, сейчасъ его изъ воды вытащимъ“. И тутъ, говорятъ, долго, ужастъ билися они, пока пальцы то его, главное, отъ корня отцѣпили... Перенесли на мѣсто повыше, да посуше. Василій Иванычъ растирать велѣлъ да коньякъ—потому что это ужъ съ нимъ неразлучно въ дорогѣ, —влилъ ему въ горло, мокрую съ него куртку охотницкую снялъ, въ плэдъ свой обернулъ. Дождь-то на ихъ счастье въ это самое время пересталъ лить. Запустилъ онъ ему руку подъ сорочку: „Бьется, говоритъ, сердце, живъ.“ И тутъ, какъ тѣло, значить, отогрѣваться стало,—глядятъ они, а у него изъ головы и полилась кровь изъ раны; въ первой-то они не замѣтили, оттого что онъ коченѣть начиналъ и кровь застыла. Василій Иванычъ, какъ умѣлъ, перевязалъ ее платкомъ своимъ. „Ну, говоритъ опять кучеру, безпремѣнно теперь ѣхать надо, лишь бы довести его живаго въ городъ. Ты, говоритъ, иди впередъ пѣшой съ фонаремъ, дорогу показывай, а мы за тобой тихонько поѣ-

Вскрытіє духовнаго завѣщанія. Картина Л. Бокельмана, грав. Кезебергъ.

демь". Тутъ, говоритъ тотъ, съ полверсты не болѣе низомъ вязко будетъ, а тамъ какъ подняться только, поля пойдутъ, гладь до самаго города, вереть пять, почитай, не болѣе". Ну, хорошо; подняли они его опять, въ бричку положили, а съ ними и этаго самаго бѣдняжку пса *ишняю*, Джимку. Василій Ивановичъ съ ними сѣлъ, а винокура посадилъ на козлы, поѣхали. Только хотя тотъ ихъ кучеръ говорилъ „проѣдемъ“ да „проѣдемъ“, а они до самаго разсвѣта бились, пока до города допознали. У Василія Ивановича тамъ своя квартира постоянная няята. Привезъ онъ *ишь* туда; сейчасъ за докторомъ, за Казиміромъ Степановичемъ, господиномъ Подгурскимъ—изволите знать, потому дорогою, къ *нимъ*, можно сказать, жизнь вернулась, дышать стали свободно, только совсѣмъ безъ сознанія, ни говорить, ни глазъ раскрыть. А доктора въ городѣ нѣтъ: уѣхалъ съ слѣдователемъ на слѣдствіе въ Коврово. Бѣда, да и только! За фельшеромъ въ больницу, насилу добудились. Пришелъ, говоритъ: крови много потеряли, оттого... Залѣпилъ пластыремъ рану, велѣлъ къ головѣ ледъ въ пузырь прикладывать ..

— Чего же это вашъ Василій Ивановичъ нарочно въ Темный Куть не прислалъ, извѣстить объ этомъ обо всемъ?

— А чего же ему прислать, возразилъ Спиридонъ Ивановичъ,—когда онъ Валентина Алексѣича и въ глаза никогда не видалъ и знать не могъ кто они—и даже совсѣмъ другое сумнѣніе у него было..

— Какое „сумнѣніе“?

Спиридонъ Ивановичъ принялъ самый внушительный видъ и наклоняясь къ уху своей спутницы, прошепталъ:

— Такъ, значитъ, полагаю, что это можетъ не *убивство* ли изъ политики, потому, изволите знать, въ Мглинскомъ уѣздѣ многихъ изъ этихъ самыхъ нигилистовъ недавно жандармы забрали.

— Какая глупость! такъ и фыркнула Пинна Афанасьевна:—изъ чего онъ это вздумалъ?

— Рапа эта *ишняя* главное, и что въ *Логу* найдешь... нечаевскій процессъ изволили читать? Такъ по подобію. Василій Ивановичъ въ скорости отказался отъ этихъ мыслей, потому разсудили такъ, что „болѣе тонкое и руки барскія“...

— Откуда вы все это такъ подробно знаете? спросила дѣвушка.

— А какъ же, помилуйте, господинъ исправникъ нарочито для этаго письмоводителя своего, Никодима Дмитрича, къ Софрону Артемьичу прислали, такъ какъ они, въ Ковровѣ будучи, отъ Софрона Артемьича донесеніе получили объ этомъ самомъ, то ись, про Валентина Алексѣича, а тутъ же, въ городъ вернувшись, отъ господина Брауна, Василія Ивановича, настоящее услышали, который въ присутствіи этаго самаго Никодима Дмитрича, господину исправнику про все это до малости разсказалъ.

— А что же самъ Валентинъ Алексѣичъ?

— Только нынѣшнимъ утромъ пришли въ себя вполне. А тутъ и докторъ Казиміръ Станиславичъ изъ Коврова тоже вернулись... Слава Творцу Небесному, живы и въ здравіи останутся. А теперь пока очень слабы только. Въ полномъ умѣ, но говорятъ еще съ трудомъ.

Изъ ихъ непространныхъ словъ такъ понять должно, что ихъ уже (Спиридонъ Ивановичъ весь вздрогнулъ при этомъ) забирало въ самую трясиину, какъ вдругъ подхватило опять теченіе, только они ничего ужъ этаго не помнятъ, окромя того, что почувствовали, какъ во свѣтъ, сильный ударъ въ голову, а тутъ свѣтъ и совсѣмъ выкатился изъ ихъ глазъ. А Казиміръ Станиславичъ объясняютъ такъ, что ударило ихъ импетомъ въ этотъ самый корень и прошибло голову,—и даже, говоритъ этотъ самый докторъ, господинъ Подгурскій, что это къ ихъ спасенію произошло, потому кровь пошла, а что иначе, говорятъ, сотрясеніе бы мозга къ самому бы худому концу могло привести. А теперича онъ за нихъ ручается и...

Пинна Афанасьевна не дала ему кончить:

— Ну, и слава Богу, пусть живетъ себѣ, а главное, что мой Иванъ Николаичъ опять цвѣткомъ—пиономъ разцвѣтетъ у меня... Она расхохоталась вдругъ, зазвенѣвшимъ на весь лѣсъ хохотомъ: поздравьте его, пожалуйста, Спиридонъ Ивановичъ, я наконецъ совсѣмъ обѣщала ему выйти за него замужъ.

Учтивый конторщикъ поспѣшилъ снять шляпу:

— Имѣю честь искреннѣйше поздравить, Пинна Афанасьевна!..

— Принимаю, принимаю! продолжала она смѣяться. Ну, вотъ и доѣхали... Капитанъ!.. Иванъ Николаичъ!..

Она затрукала, осадилла лошадку, обвела взглядомъ кругомъ.

Да, это было то самое мѣсто, гдѣ за часъ передъ тѣмъ происходило ея послѣднее объясненіе съ капитаномъ. Вотъ срубленный пенъ у самой воды, на которомъ сидѣлъ онъ, когда она увидѣла его. Вотъ и его потерявшая всякую форму, старая тирольская шляпа, какъ спала тогда съ его головы, такъ и лежитъ на травѣ... Но самъ онъ... Его нѣтъ... Гдѣ же онъ?..

— Капитанъ, Иванъ Николаичъ! съ внезапнымъ, еще смутнымъ, ужасомъ повторила она и разъ, и два, и три...

Отвѣта не было...

Она выскочила, кинувъ возжи, изъ своей *нетычанки*, подбѣжала къ водѣ.

Подъ ея отстоявшеюся, прозрачною поверхностью шли отъ берега далѣе въ глубь слѣды, еще ясно отпечатлѣвшихся въ твердомъ глинистомъ грунтѣ, мужскихъ каблуковъ.

Дѣвушка вскрикнула и опустилась въ изнеможеніи на траву. „Зачѣмъ?“ такъ и зазвенѣлъ въ ея ухѣ отвѣтъ капитана, когда она говорила ему просто, что „жить надо“...

Спиридонъ Ивановичъ растерянно подбѣжалъ къ ней:

— Пинна Афанасьевна, что же это, Господи!..

Она схватилась обѣими руками за голову и залилась слезами.

— Иванъ Николаичъ, капитанъ! крикнулъ въ свою очередь конторщикъ прерывавшимся отъ перепуга голосомъ.

Но отвѣта не было... да и никакого отвѣта уже быть не могло. Лишь кукушка изъ пустынной чащи слала тоскливый откликъ свой на эти слезы и отчаянный зовъ да стая вороновъ, пронзительно каркала, несаясь поверхъ лѣсныхъ вершинъ, по направленію къ *Видьжину Логу*.

МИСТЕРЪ ДИКЪ.

Разсказъ Чарльза Коллинза.

I.

31 декабря 1869 года, мистеръ Дикъ расхаживалъ по своей столовой, съ видомъ чловѣка, живущаго въ мирѣ съ людьми и съ самимъ собой. Во время крупныхъ поворотовъ взадъ и впередъ по комнатѣ, въ походкѣ его замѣчался какой-то ухарскій пріемъ, чего бы ни одинъ близкій его пріятель (еслибъ такой случился тутъ) не призналъ за черту, свойственную характеру Дика. Мистеръ Дикъ напротивъ, слылъ между своими знакомыми и сосѣдами за чловѣка очень мягкаго темперамента

и даже слшскомъ доброй природы, такъ что тѣже самые друзья его, въ своей свѣтской беззащитности, частенько подсмѣивались и не упускали случая попользоваться на счетъ Дика. Но мистеру Дикъ вошло уже въ привычку носить зачастую колпакъ. Это было въ самомъ дѣлѣ, какъ бы его удѣломъ, призваніемъ, къ которому онъ пріучилъ себя съ самаго ранняго дѣтства.

Его нянька и мать разсказываютъ, что такого милого, такого привѣтливаго ребенка никогда и не бывало на свѣтѣ. Тихій

плачь был единственным выражением его жалбы, послѣ долгихъ часовъ лежанья въ люлькѣ, безъ всякаго развлеченія, кромѣ костяного колечка, качавшагося на шнуркѣ, изъ стороны въ сторону подъ занавѣсомъ, и этотъ привѣсокъ, постоянно задѣвая по носу малютку, вызывалъ на слабые его глазки слезы. Когда ребенокъ подросъ настолько, чтобы употреблять въ дѣло ноги, то мистеру Дикъ всегда послѣднему приходило на умъ—умывали его или нѣтъ, брали на прогулку или оставляли дома, давали пирожного или забывали его совсѣмъ. Такимъ удовлетворительнымъ образомъ для всѣхъ и для себя провелъ мальчикъ младенчество, встрѣтилъ дѣтство и перешелъ къ порѣ ребячества. Всѣ необходимыя дѣтскія болѣзни, каковы: корь, коклюшъ, скарлатина, перенесъ онъ съ возможно-меньшей степенью безпокойства для своей мама и прислуги. Въ придачу къ этимъ совершенствамъ, Дикъ всегда былъ готовъ работать, сколько угодно, за другихъ и выносилъ терпѣливо всякія неудобства и труды. Онъ радовался, оказывая услуги и уступалъ другимъ съ такимъ же чувствомъ довольства съ какимъ другіе около него все рвали у кого могли и захватывали.

Только однажды нашелъ на мистера Дика легкой припадокъ унылаго романческаго расположенія духа и замѣтнаго недовольства. Отецъ его, безъ всякихъ предварительныхъ объясненій или совѣщаній съ кѣмъ либо въ отношеніи наклонностей Дика, но собственно потому лишь только, что это былъ не другой кто нибудь а Дикъ, который ужъ навѣрно возьмется за дѣло, нравится оно ему или нѣтъ,—помѣстивъ его, тогда шестнадцатилѣтняго, въ качествѣ младшаго изъ всѣхъ младшихъ писцовъ, въ банкирскую контору.

Дикъ родился и росъ въ деревнѣ и былъ воспитанъ, какъ истый сынъ природы, наравнѣ съ деревенскими мальчишками. Отецъ его, владѣя небольшимъ участкомъ земли, не отдавалъ ее въ аренду, но обрабатывалъ, большею частью, самъ и какъ человѣкъ практическій, ничего не дѣлалъ въ половину. Дѣти его, конечно принимали прямое участіе во всемъ, что дѣлалъ самъ отецъ. Мальчики еще маленькими, были уже дѣятельными помощниками отцу на фермѣ, а дѣвочки учились разводить цыплятъ и постигли тайны незапятнанной чистоты сырни гораздо раньше, чѣмъ могли разбирать по складамъ молитвы.

Дикъ обыкновенно вставалъ вмѣстѣ съ жаворонками и бродилъ вилотъ до завтрака, вездѣ попадая на случаи, вызывавшіе порывы его благотворительности. Когда выводокъ прожорливыхъ утятъ, протискавшись сквозь крошечное отверстіе, былъ на свободѣ а неусыпная ихъ кормилица съ неистовымъ криканьемъ билась въ запертомъ курятникѣ, Дикъ бѣжалъ со всѣхъ ногъ, чтобы поскорѣй отворить дверь и воротить бѣглецовъ снова подъ крыло матери. Для него было истиннымъ наслажденіемъ и высокой неопытенной наградой когда, шатаясь подъ грузомъ мѣсива, онъ слышалъ радостное ржаніе лошади или кроткое мычанье коровы. Онъ опрометъя бросался прекратить обычный утренній кровопролитный бой между задирой-пѣтухомъ и солиднымъ калкуномъ; онъ приманивалъ хлѣбными крошками маленькихъ, робкихъ пудярокъ и бросалъ урядкой полную горсть зерна молодымъ пѣтушкамъ, которые держали только поглядывать на крошки, въ виду надменнаго властелина курятника.

Вѣштиваясь такимъ образомъ во всякое дѣло на дворѣ и въ полѣ Дикъ возвращался домой; потомъ чистился и мылся, готовясь принять на свои свѣжія, цвѣтущія, розовыя щеки утренній поцѣлуй матери. Затѣмъ начинались его настоящіе дневныя занятія: онъ нянчился съ ребенкомъ, наливалъ чай, рѣзалъ хлѣбъ и масло и подавалъ всѣмъ то и другое, бѣгалъ по порученіямъ и, въ то же время, самъ завтракалъ, какъ по-пало. Когда у мальчика оставалось нѣсколько свободныхъ минутъ, которыя онъ могъ назвать своими, онъ бродилъ въ окрестностяхъ усадьбы, всегда готовый на всякое доброе дѣло: то предупреждалъ швыркомъ камня молоденькихъ птичекъ отъ хищнаго ястреба, то спался шепнать и копать отъ безвременной гибели, или помогалъ деревенскимъ дѣвочкамъ перелѣзать черезъ высокій заборъ,—а старушкамъ носить охапки хворосту, болѣе чѣмъ вѣроятно надерганнаго изъ изгороди его отца.

И въ первый разъ теперь вырвалась у Дика жалоба. Первый услышалъ эти непривычные звуки, младшій его братъ, Вильямъ. Вообще довольно равнодушный ко всему, что не касается лично его самаго, онъ, кажется былъ удивленъ однако необычайными слезами брата.

— Ну, полно, Дикъ,—проговорилъ ласково Вильямъ. Есть о чемъ горевать...

— Да вѣдь я не могу тамъ жить Вилли, я знаю—я буду тамъ такой несчастный, тамъ какой то запахъ вездѣ, меня просто тошнитъ. У меня ноги сведетъ сидѣть на томъ высокомъ стулѣ, который мнѣ тамъ указали. Ты знаешь, я...

— Ну, ужъ крѣпись, Дикъ. И больше мнѣ не хочется ничего такого слышать. Да и какъ у тебя хватило духу такъ говорить...

— Но милый, Вилли...

— Не зови пожалуйста меня, милый! Вѣдь ты хорошо знаешь: если ты упрешься и не пойдешь въ контору, тогда туда меня спровадятъ.

— Какъ? не можетъ быть!

— Не можетъ быть! передразнилъ младшій братъ. Удивля-

юсь, какъ тебя еще хватаетъ ломаться и идти напротивъ—ты узналъ теперь, какія тамъ галости. Ну, и ты всему этому захочешь подвергать брата! А еще слынешь за добраго мальчишка.

Дикъ не сказалъ большаго ни слова, но, въ виду мрачной перспективы для него, привыкшаго къ воздуху полей—судорогъ, головныхъ болей и затхлаго запаха—мужественно укрѣплялся и не утѣшался мыслью.

— Счастливо однако избавился ото всегоэтого бѣдняжка Вилли!

Но время дѣлало свое, и Дикъ на себѣ испыталъ старую аксіому, что привычка—вторая натура. Впрочемъ и на новомъ поприщѣ онъ также усердно дѣлалъ многое за другихъ, и во всемъ и ко всему по прежнему выказывалось обычное его мягкосердіе.

Дика всѣ любили, хотя и водили за носъ; однакожъ, съ теченіемъ ряда лѣтъ, при постепенномъ его возвышеніи изъ самаго младшаго писца до директора конторы, не было ни одного голоса (кромѣ его собственнаго), который выразилъ бы сомнѣніе въ надежности его выбора. Сначала все же онъ нѣсколько тревожился мыслю: не занялъ ли онъ мѣста, котораго могъ сильно желать другой и съ большими заслугами.

Но вотъ, наконецъ, увѣренный, что его способности давно и вполнѣ оправдывали этотъ выборъ, онъ захотѣлъ пополнить чашу счастья и—влюбился...

Очень естественно, что выборъ его палъ на дѣвушку, представлявшую совершенную ему противоположность. Молоденькая прелестная лѣди съ очаровательнымъ легкомысліемъ и милыми недостатками, оказалась въ глазахъ Дика ангеломъ. Еслибъ любимая дѣвушка была достаточно умна или способна понять золотое сердце Дика, она могла бы царить какъ королева и жена, и домашнее ее владычество облагородило бы ее. Но повелелся уже зародышъ черствости въ сердцѣ этой дѣвушки; какъ рѣзвый котенокъ, всѣмъ шутила она; черствость была въ самыхъ даже привлекательныхъ ея привычкахъ. О характерѣ ея можно судить по огвѣту, который дала она Дикъ, когда тотъ предложилъ ей свою руку, сердце и все то, что имѣетъ.

— Ахъ, мистеръ Ричардъ, вы очень добры! Вы изумили меня! Неужели, въ самомъ дѣлѣ, вы такъ лестно обо мнѣ думаете? Я и не воображала, что вы обращаете на меня вниманіе. Я смѣялась и болтала съ вами, потому что всѣ находятъ васъ, мистеръ Ричардъ, такимъ добренькимъ...

— Добренькимъ! И только? Это также и въ вашихъ глазахъ, Елленъ? И вы ничего не могли больше найти въ моемъ къ вамъ благоговѣніи? Не замѣтили моей сильной, глубокой, терпѣливой любви къ вамъ?

— Ахъ, мистеръ Ричардъ! Вы меня просто изумляете! Гдѣ же такъ долго возиться со всѣми такими чувствами?

— О, Елленъ, не шутите, право не шутите такъ съ этимъ!

— Увѣряю васъ, мистеръ Ричардъ, я вовсе не шучу и я совсѣмъ не кокетка. Я очень искренна и на чѣмъ, всегда останусь такой.

— Но я... я полагаю, надѣялся... О, Елленъ! Я никогда не дерзнулъ бы говорить такъ, еслибъ... не въ которое obdobrenie...

— О, прошу васъ, остановитесь! Отъ всего такоа я была далека. Пригомъ, мама желаетъ, чтобы я составила себѣ партію въ высшемъ кругѣ; она желаетъ чтобы я была хорошимъ примѣромъ для моихъ младшихъ сестеръ. Да! И папа не разъ говорилъ, что никогда не допуститъ меня выйти замужъ за какаго нибудь клерка!

— Но черезъ годъ, черезъ два—я буду партнеромъ банка.

— Черезъ два? Что вы это говорите! Но я могу выйти замужъ гораздо раньше. Ну, полноте пожалуйста, не печальтесь. Я надѣюсь, мы останемся лучшими друзьями.

— Но, Елленъ, почему же не мужемъ и женой?

— Да нѣтъ же, нѣтъ! Право, удивляюсь! Вы такой милый, добрый—какъ вы могли когда нибудь даже и подумать-то объ этомъ.

Мистеръ Дикъ усиленно попытался сдержать взволнованныя чувства; онъ повертѣлъ свою шляпу (шляпа, надо сказать, всегда служилъ добродушному англичанину хорошимъ подспорьемъ въ затруднительныхъ положеніяхъ) взглянулъ на ея шелковую подкладку и, не найдя тамъ ничего утѣшительнаго, молча, съ поклономъ, вышелъ вонъ. Но какой былъ это поклонъ! Поклонъ этотъ напоминалъ манеру сэра Чальза Грандиссона; нѣтъ, въ немъ было даже больше нѣжности и естественности, чѣмъ въ какомъ нибудь поклонѣ Грандиссона. Въ немъ было и спокойное достоинство и столько благородства и прямоты, что это поразило даже глупую дѣвочку, такъ жестоко насмѣвавшуюся надъ такими чистыми чувствами.

Время, этотъ чудный элексиръ, цѣлящій многообразныя сердечныя язвы, исцѣлило и мистера Дика. Онъ находилъ грустное удовольствіе въ томъ, что работалъ вдвое больше прежняго. Приходилъ онъ въ эту, когда-то ему ненавистную контору, раньше чѣмъ отпирали двери, и усиленно, прилежно высматривалъ на своемъ высокомъ стулѣ долгіе часы, не обращая вниманія, что ему сводило ноги. И всегда добрый и сострадательный, онъ сталъ такимъ теперь до болѣзненности и, казалось, всѣхъ своихъ знакомыхъ считалъ не иначе, какъ жертвами безнадежной любви, и всегда былъ готовъ пожертвовать для нихъ своимъ временемъ и покоемъ,—это былъ такъ сродно его любящей натурѣ.

Даже житейски-мудрыя рѣчи брата Вилли не могли заставить Дика согласиться, что Эллень, нацѣла на него хорошиі дурацкіі колпакъ.

— Ужь, конечно,—убѣждалъ Вилли,—это болячая кокетка; я давно ее знаю, я былъ увѣренъ, что она тебя проведетъ.

— Ты право несправедливъ къ ней, Вилли, очень несправедливъ. Она была пряма и откровенна и заслуживаетъ лучшей участи... Что же въ самомъ дѣлѣ—быть женою служащаго по найму въ частномъ банкѣ.

— Какъ служащаго? Да вѣдь у тебя ужь доля въ фирмѣ и ты самъ теперь бачкирь. Я даже надѣюсь, очень скоро ты будешь богачемъ. А это выйдетъ чертовски приятно, Дикъ: всегда можно будетъ тогда у тебя перехватить пять, десять фунтовъ...

— Можетъ быть тебѣ и теперь нужно? Я откуда не имѣю особой причины копить деньги.

— Ты угадалъ, угадалъ голубчикъ. Никогда еще мнѣ такъ круто не приходилось. Но говорю тебѣ, Дикъ, я очень радъ, что ты не женился на этой глупой дѣвчонкѣ.

— Ну, замолчи же Вилли, пожалуйста.

— Нѣтъ, право, это вышло отлично для тебя. Я готовъ поклясться, что она...

— Говорятъ тебѣ, перестань.

— Хорошо, ну хорошо. И для нея это вышло отличное дѣло!

— Да, это мнѣ остается единственнымъ утѣшеніемъ, проговорилъ со вздохомъ Дикъ, передавая Вилли пачку билетовъ, которые, вѣрный своей бачковой привычкѣ, пересчиталъ два раза.

— Двенадцать пять фунтовъ. Спасибо Дикъ, вотъ спасибо!

II.

И такъ, начинаю снова. Мистеръ Дикъ разгуливалъ по своей столовой.

Ужь не смягчилась ли вертушка Эллень, наконецъ, что онъ расхаживалъ такимъ бойкимъ шагомъ. Вовсе нѣтъ: чрезъ полгода послѣ отказа Дикъ она вышла замужъ, вышла за человѣка хорошей фамиліи. Тамъ гдѣ придаютъ титулу особенную важность, нечего и входить въ затрудненія. Если горячія молитвы Дика могли способствовать счастью дѣвушки, она должна быть счастлива.

Нѣтъ, мистеръ Дикъ находился въ особенно возбужденномъ состояніи потому, что сейчасъ лишь отобѣдалъ въ своемъ новомъ, прекрасно построенномъ, изящно меблированномъ и роскошно убранномъ домѣ,—въ домѣ, который имѣлъ одинъ только недостатокъ, чтобы дойти до абсолютнаго совершенства. Въ первый еще разъ обѣдалъ мистеръ Дикъ въ этомъ домѣ и, подъ влияніемъ такого чрезвычайнаго обстоятельства, позволилъ себѣ (хотя, вообще онъ человѣкъ воздержный и крайне умѣренный),—говорю,—позволилъ себѣ чаще обыкновеннаго прикасаться къ бутылкѣ. И мысли родились въ мозгу его и бурно носились одна вслѣдъ за другою. Онъ былъ теперь въ самой здоровой, приятной порѣ, джентльменъ тридцати пяти лѣтъ,—независимый, съ двумя тысячами фунтовъ годоваго дохода, честно нажитыми и безопасно положенными въ единственный банкъ, который никогда не можетъ лопнуть—банкъ Ея Величества. Онъ занималъ теперь выгодное и солидное положеніе въ томъ самомъ банкѣ, который когда-то казался ему такимъ отвратительнымъ. Онъ былъ не отвѣтственнымъ партнеромъ, а только довѣреннымъ директоромъ. „Что же касается партнерства, думалъ Дикъ,—я никогда не рискну потерять свои деньги въ спекуляціяхъ другихъ. Да, завѣщаніе старика Гробуса (я до сихъ поръ удивляюсь, почему именно въ мою пользу онъ сдѣлалъ свое завѣщаніе?) подоспѣло какъ разъ въ время, чтобы моею милою матушкѣ доставить возможный комфортъ и удобства.

Дикъ сталъ богатъ. Онъ разбогатѣлъ совершенно случайно. Ему удалось сдѣлать счастливыя операціи, и еще неожиданно, неожиданно онъ получилъ наслѣдство, по завѣщанію старика Гробуса, своего угрюмаго собрата клерка, который когда былъ живъ, ни разу не сказалъ Дикъ ни одного ласковаго слова, но, передъ смертью завѣщалъ ему порядочный капиталъ, оговорившись въ своей духовной, что этотъ наслѣдникъ его, Ричардъ, онъ увѣренъ, употребитъ деньги съ большею пользою, чѣмъ бы могъ сдѣлать это онъ самъ. И Ричардъ, увѣрившись сначала, что дѣйствительныхъ наслѣдниковъ не было, вскорѣ затѣмъ купилъ одинъ иль два участка безплодной земли, только потому, что владѣльцемъ была крайняя надобность ее продать, да еще потому, что никто не хотѣлъ купить ее. Но лишь только Дикъ приобрѣлъ землю, какъ оказалось, что земля эта неоцѣненна. Прямо чрезъ нее проходила желѣзная дорога, а земля какъ разъ потребовалась для возведенія на ней съ этой цѣлью обширныхъ построекъ. А что было лучше всего—Дикъ никто не завидовалъ. Каждый говорилъ: „Онъ человѣкъ хорошиі, онъ стѣбитъ того“. Когда же мистеръ Дикъ задумалъ выстроить въ своихъ владѣніяхъ новый домъ, то и близкіе и далекие ему люди интересовались этимъ намѣреніемъ. По плану дома можно было думать, что это планы какого-нибудь общественаго зданія. Завладѣвъ дома была, можно сказать, народнымъ празднествомъ; окончательная же отдѣлка его такъ торжественно

была привѣтствована всѣми знакомыми Дика, точно онъ со всѣми и съ каждымъ пребывалъ въ самыхъ интимныхъ отношеніяхъ.

Затѣмъ конечно слѣдовало праздновать новоселье: обѣдъ и танцы. И вотъ теперь онъ расхаживалъ по своей новой столовой и мысли объ празднествѣ, имѣющемъ быть завтра, преслѣдовали мистера Дика. Но причиной нѣсколько восторженнаго его состоянія отнюдь было не восхищеніе картиной предстоящаго празднечка, не радость тому, что пиръ будетъ на славу. Нѣтъ, причина была та, что изъ шестидесяти разосланныхъ имъ приглашеній были любезно приняты и тѣ два, которыми онъ особенно дорожилъ. Но что же это за приглашенія. Въ настоящемъ, нѣсколько возбужденномъ состояніи мистера Дика, онъ могъ только отвѣтить: „Отъ нихъ зависитъ судьба моя и судьба моего дома“.

Онъ опустился въ одно изъ прекрасныхъ креселъ съ откидной спинкою и мягкой подушкой и снова взялъ стаканъ вина, не смотря на то, что за столомъ, по поводу новоселья, брался за него довольно часто.

— И такъ, онъ пріѣдутъ обѣ. Прелестныя созданія! Но странно, что брату Вилли почему-то не нравится Фанни, онъ говорить, что она имѣетъ сходство съ Эллень. О, бѣдная Эллень! Я, право, даже затрудняюсь рѣшить, которая изъ обихъ кузинъ милѣе. Но Вилли кажется очень неравнодушнымъ къ Флоренсъ. Это нужно разувать. Затѣмъ же губить счастье бѣдняжки Вилли! Я испыталъ самъ и знаю, что такое любовь безъ взаимности. О, какъ страстно, какъ бѣшено любить я Эллень! Но все таки поборолъ же я эту страсть. (При этомъ мистеръ Дикъ энергично и рѣшительно выпиваетъ изъ стакана и затѣмъ продолжаетъ уже съ большимъ спокойствіемъ). Конечно, мнѣ уже давно пора жениться, но я вовсе не желаю чтобы со мною опять такъ поступили, т. е. такъ же, какъ поступила бѣдняжка Эллень. Вилли утверждаетъ, что она должна быть теперь несчастлива; но я желаю ей всякихъ благъ. Онъ говорить, что я выйду великимъ осломъ, если снова поддамся... короче, если меня обманутъ снова. Но развѣ Эллень меня обманула? Право, не знаю. Я не понимаю женщинъ; я вѣро каждому ихъ слову, боготворю ихъ милыя улыбки и восхищаюсь ихъ увлекательнымъ обращеніемъ. Я не желаю, нѣтъ, я даже не могу душно думать о нихъ. Должно быть я просто глупъ, какъ Вилли давно уже сообщалъ мнѣ по секрету (Тутъ мистеръ Дикъ погружается въ глубокую думу). Нѣтъ, вотъ ужь было бы истиннымъ благомъ, еслибы какой-нибудь добрый геній одарилъ домъ этотъ талисманомъ, который заставлялъ бы людей выказываться такими, каковы они на самомъ дѣлѣ, и говорить то, что они думаютъ; словомъ—быть точно такими, какими природа ихъ создала. Еще мальчикомъ я читалъ что-то подобное—дворецъ Истины, принадлежавшій какому-то французскому королю; но отчего же ровному британцу также не любить истины и не говорить всегда и вездѣ правду.

Послѣднюю фразу мистеръ Дикъ произнесъ съ особеннымъ выраженіемъ, придавъ еще большую силу словамъ энергическимъ ударомъ о ручку кресла.

— Осторожнѣй, милый сэръ! вдругъ послышался ему голосъ. Голосокъ этотъ былъ похожъ скорѣй на звукъ милого маленькаго серебрянаго колокольчика, чистый какъ музыкальная нота. Взглянувъ по направленію звука, Дикъ замѣтилъ крошечную лэди, сидѣвшую на ручкѣ кресла.

— Ахъ, извините! заговорилъ совершенно изумленный мистеръ Дикъ.

— Извиняю,—сказала маленькая лэди. Теперь протяните вашу руку и обратите ее ладонью вверхъ.

Всегда готовый къ услугамъ, мистеръ Дикъ сдѣлалъ, что она говорила и чрезвычайно удивился, что ему показалось совершенно естественнымъ, когда крошечная лэди вдругъ сдѣлала прыжокъ на его ладонь.

— Благодарю васъ, Дикъ,—сказала она, оправляя свое изящное маленькое платье! Такъ вы желаете, чтобы домъ вашъ былъ одаренъ свойствомъ заставлять людей говорить только правду? да?

— Да, желалъ бы этого,—отвѣтилъ Дикъ въ смущеніи.

Крошечная лэди покачала головкой.

— Ну это, знаете, не совсѣмъ вамъ понравится и пожалуй можете повести ко многимъ неприятностямъ. Вы будете въ безпрестанной тревогѣ. Повѣрьте, милый Дикъ, ни слуги ваши, ни друзья, ни родные не окажутся ни лучше, ни добрѣе.

— Но мнѣ хотѣлось бы испытать это только на время, на одинъ только день, пробѣрмоталъ, зачинаясь, Дикъ.

— Понимаю. Чтобы только удачнѣе выбрать жену? Не такъ-ли?

— Именно такъ, заговорилъ живо Дикъ. Женитьба—такое страшное дѣло! Это еще ничего если одурачать на время, но остаться одураченнымъ на всю жизнь... При этомъ Дикъ такъ сильно вздрогнулъ, что крошечная лэди чуть не полетѣла внизъ головой.

Чтобы удержаться отъ паденія, она вдругъ распустила два прелестныя крылышка, которыхъ прозрачный блескъ цвѣта радуги образовалъ вокругъ ея головы нѣчто въ родѣ ореола...

— Ахъ, да какая же вы прелестная! неволью сорвалось съ языка у Дика

Идет конная гвардия! Картина К. Кизела, грав. Вренд'Амунд. Библиотека "Руниверс"

— Красоту свою я выказываю только лишь тѣмъ, которые меня дѣвять. Мое имя Верига (Истина).

— Благослови Богъ такое имя, сказалъ Дикъ. Я счелъ бы величайшимъ счастьемъ, если бы вы всегда были близъ меня, и руководили бы своими совѣтами.

— И я намѣрена жить близъ васъ, Дикъ. Что же касается до совѣтовъ, то Господь далъ вамъ и сердце, и разумъ, чтобы руководиться ими въ каждомъ затрудненіи? Зачѣмъ прибѣгать къ совѣтамъ маленькаго, страннаго духа, когда вамъ стоитъ только постучать въ дверь вашей совѣсти.

— Это правда; однакожь...

— Я вижу вы упорствуете... И мнѣ очень хочется, чтобы у васъ была хорошая жена,—я исполню вашу просьбу. Подчинить вліянію чаръ весь домъ очень неудобно; я ограничусь только этимъ кресломъ. Однакожь, тутъ есть и нѣкоторыя условія, но только два условія.

— Какія?

— Первое: никто кромѣ васъ не долженъ знать, что кресло это имѣетъ такое свойство!

— Но, милая леди,—проговорилъ въ замѣшательствѣ Дикъ, честно ли это будетъ?

— Какой же вы простака! Да кто же сядетъ въ ваше кресло, если будетъ знать его свойство. Соглашайтесь на оба условія иначе я и дѣлать ничего не буду.

— Согласенъ... А другое условіе?

— Другое—что каждый войдя въ комнату, *долженъ будетъ* сѣсть въ это кресло и не оставить мѣста, прежде чѣмъ отвѣтитъ на три вопроса.

— Ну, а если этотъ каждый не сдѣлаетъ ни того, ни другаго?

— Выполненіе перваго условія я беру на себя, а второе зависить отъ васъ: задайте три вопроса?

— А какого же рода вопросы?

— Фи, Дикъ! Не давайте-же мнѣ такого труда! Если вы даже не знаете, какіе дѣлать вопросы, то не заслуживаете чтобы съ вами возились...

Дикъ хотѣлъ горячо протестовать, но опасаясь потревожитъ крошечное существо, сдержался.

— Ну мнѣ пора! Ночь, кажется, холодна.

Чудная крошка вынуда изъ своего почти невидимаго кармана нѣчто такое, что онъ счелъ за миниатюрный платокъ. Грациозно набросила она его на свою голову и, подвязавъ концы подъ крошечнымъ подбородкомъ, проговорила:

— Спокойной ночи, Дикъ! Да снизойдетъ на вашъ домъ счастье, и да появится въ немъ то, чего единственно ему недостаетъ—добрая хозяйка!

И прежде чѣмъ собрался мистеръ Дикъ отвѣчать, крошечное существо исчезло.

III.

Мистеръ Дикъ никогда не могъ прійти къ ясному представлению, какъ долго, послѣ исчезновения духа, сидѣлъ онъ въ какомъ-то забытіи. Въ это время ему слышался нѣсколько разъ стукъ отворяемой и затворяемой двери столовой, и онъ началъ думать, что невѣроятно, чтобы дверь отворилась и затворилась по собственному произволу, и что, конечно, это дѣлалось рукой его дворецкаго, его новаго дворецкаго, почти тельнѣйшаго и услужливѣйшаго изъ дворецкихъ, который потушилъ къ нему въ услуженіе съ такимъ безукоризненнымъ аттестатомъ, что онъ почти чувствовалъ наклонность благодарить его, что онъ былъ такъ добръ, рѣшившись стать дворецкимъ.

Мистеръ Дикъ послѣднее всталъ и позвонилъ. Дворецкій такъ быстро явился на зовъ, словно во время звонка рука его была уже на дверной ручкѣ. Мистеръ Дикъ только что хотѣлъ было заговорить, какъ вдругъ остановился: онъ увидалъ, что почтительнѣйшій дворецкии смиренно усаживался на очарованномъ креслѣ, съ котораго только что всталъ его принципаль. Но лишь только онъ усѣлся, какъ наружность его мгновенно измѣнилась, и лицо приняло видъ противной наглости и самодовольства; изъ глубины таинственнаго кармана онъ вытащилъ табакерку и преспокойно захватилъ изъ нея большую щепотъ табу.

— Вотъ это—единственный мой недостатокъ, сэръ, замѣтилъ онъ. Надѣюсь, для васъ это не неприятно. Неудобно-ли? Безъ церемоніи!

Мошенники и негодяи, и люди съ твердымъ характеромъ вообще никогда не изумляются, или, если и чувствуютъ небольшой припадокъ этой слабости, то заботливо скрываютъ это; но простые, честные люди постоянно приходятъ въ изумленіе и постоянно его выказываютъ.

Мистеръ Дикъ смотрѣлъ на своего дворецкаго съ отрывымъ ртомъ и выпученными глазами; пока вдругъ не опомнился, замѣтивъ неожиданно крошечную головку феи, выглядывавшей изъ-за ручки кресла. Леди Верига выполнила свою долю условія и посадила дворецкаго. Теперь оставалось самому мистеру Дикъ выполнить его часть договора.

Въ это время, какъ добрый Дикъ ерошилъ свои волосы, въ совершенномъ недоумѣніи—какой предложить дворецкому вопросъ, онъ подмѣтилъ глупую наглость выраженія лица этаго

человѣка, и вдругъ разразился самымъ искреннимъ, неудержимымъ смѣхомъ. Хотя ему было жаль дворецкаго, и хотя, вмѣстѣ съ тѣмъ, онъ чувствовалъ, что только одинъ онъ виноватъ въ положеніи, въ которомъ находился лакей—все-таки немогъ удержаться отъ смѣха.

— Отлично, Дикъ, превосходно! заговорилъ дворецкій, съ видомъ совершеннаго самодовольства. Въ полномъ правѣ вы забавляться! Но все-таки не мѣшаетъ замѣтить, что вы хватили черезъ край.

— Что?

— Ничего. Я только говорю правду: вы пьяны, Дикъ.

— Ну, пьянъ или не пьянъ, все-же я думаю, что я—джентльменъ, и не вамъ такимъ образомъ относиться ко мнѣ...

— Вы можете такъ думать,—отвѣчалъ съ презрѣніемъ дворецкій, но я то этаго не думаю. Мои понятія, что такіе дѣйствительные джентльмены не походятъ на ваши понятія.

— Но какія-же ваши понятія? проговорилъ послѣднее Дикъ, обрадовавшись случаю сдѣлать такой пустой вопросъ.

— Мои понятія, отвѣчалъ важно дворецкій, поднявшись при этомъ случаѣ.—это жизнь полнѣйшихъ удовольствій: большіе вѣзды, частые вечера, открытые обѣды, рысаки и скачки съ призами и большими пари. Вотъ каковы мои понятія о настоящемъ джентльменѣ; а по этому, вы Дикъ, не джентльменъ, вы—тряпка.

Дикъ замѣтно покраснѣлъ; для него казалась очевидною необходимость какъ можно скорѣй спроводить эту первую его жерву.

— Во всякомъ случаѣ, я увѣренъ, Педжъ, вы живете не безъ комфорта, или надѣюсь, по крайней мѣрѣ, что служба у меня вамъ нравится.

— Вовсе нѣтъ. Я люблю жить весело, люблю наслажденія, и жить въ домѣ такого сквалыги, который захапалъ себя даже ключи отъ погреба?

— Но, послушайте, Педжъ, при договорѣ о наймѣ, вы согласились, что договоръ совершенно удовлетворителенъ для обѣихъ сторонъ.

— Ну, да—я находилъ тогда, что сказать такъ было надо. Слышалъ я о васъ, какъ о человѣкѣ мягкомъ и простоватомъ, и подумалъ, что не пройдетъ и полгода, какъ ключи отъ погреба попадутъ въ мои руки. Вотъ чего я дожидаясь, мистеръ Дикъ, иначе намъ придется скоро разстаться.

Горя нетерпѣніемъ освободить заключеннаго, мистеръ Дикъ напрягалъ весь свой умъ, чтобы придумать послѣдній вопросъ, но сильный звонъ двернаго колокольчика вызвалъ у него самъ собою и очень естественно, этотъ вопросъ.

— Кто-бы это, Педжъ?

— О, это вашъ родной братецъ, ужасная скотина!

Послѣ этого Педжъ, быстро поднявшись со стула, проговорилъ съ видомъ самоуничтоженія.

— Прощу великодушнаго прощенія, сэръ, за свой легкомысленный поступокъ. Я почувствовалъ дурногу, и если-бы не присѣлъ на стулъ, то упалъ-бы въ обморокъ.

— Ничего, Педжъ. Что за извиненія!

— Благодарю васъ, сэръ. Я полагаю, что это звонитъ мистеръ Виллиамъ. Это такой веселый джентльменъ, я ужъ прислушался къ его звонку.

И Педжъ мгновенно скрылся.

Дикъ подходилъ уже къ креслу, съ намѣреніемъ занять его, на время визита брата, самому; но тотъ неожиданно предупредилъ его.

— Ба, Дикъ! проговорилъ онъ, вдругъ кинувшись въ кресло. Откуда это вдругъ явился у тебя расположеніе засѣсть въ лучшее кресло. Такому тупому малому, какъ ты, я нахожу даже неприличнымъ такое покойное сидѣнье.

Дикъ, вытирая лобъ, присѣлъ на кончикъ стула, а Виллиамъ, умѣстившись въ заколоченное кресло, принялъ безцеремонную позу и очень развязный видъ. Братъ молчалъ. Дикъ усиленно придумывалъ три вопроса, три безвредные вопроса, которые ни коимъ образомъ не могли-бы вызвать предосудительныхъ отвѣтовъ.

— А что, Вилль, какова ночь: свѣтла?

— Для меня слишкомъ свѣтла. Мнѣ нужно пробраться незамѣченнымъ къ Варнезу, а сюда я завернулъ, чтобъ вытянуть у тебя пяти-фунтовый билетъ, да, ужъ кстати, и поглядѣть съ мама.

Варнезъ содержалъ игорный домъ, съ весьма сомнительной репутацией.

— Ну, что—какова мама?

— Ворчитъ по прежнему. Надоѣла она мнѣ своей нескончаемой пѣсней о поведеніи: словно я маленький.

Отъ этого отвѣта бѣднаго Дика бросило въ жаръ и онъ तोпился выдумать послѣдній вопросъ.

— Скажи пожалуйста, Вилли, ты не влюбленъ?

— По уши—въ самаго себя. Да и что за радость любить сие когонибудь. Все это вздоръ. Я не смыкалъ еще никого, кто-бы такъ дьявольски привязался ко мнѣ, чтобы для меня забылъ самого себя или самого себя.

— Я полагаю, что Флоренса... перебилъ послѣднее Дикъ.

— Чортъ-бы ее побралъ! Неужели думаешь, я не замѣчаю, что ты самъ облизываешься около этого кусочка. Слушай,

Дикъ: я вижу, ты затѣваешь жениться, но я вовсе не намѣренъ допустить тебя сотворить такую глупость, и напередъ говорю—не буду сидѣть сложа руки, если твои капиталы...

— Видь, встань съ кресла.

— Это еще что такое? Мнѣ и здѣсь хорошо: кресло мягкое. Я давно собирался тебѣ высказаться и вот теперь чувствую къ этому какое-то неудержимое влеченіе. Ты у меня гвоздемъ засѣлъ въ голову, съ тѣхъ поръ, когда застрондъ этотъ домъ.— Эге! ту, б что-то не доброе, подумалъ я,—когда...

— Говорить тебѣ убирайся.

— Говорю тебѣ—не хочу. Въ отношеніи же твоей женитьбы; Фанни, собственно, я не боюсь. У ней и на мѣсяцъ не хватить терпѣнья прикидываться кроткой голубицей и ворсѣвать тебѣ нѣжности; норовъ ея скоро обнаружится во всей прелесть, и не пройдетъ двухъ недѣль, какъ она покажетъ тебѣ острые зубы. Подумавъ, я сказалъ про себя: Эта—неопасна, но Флоренса вселяетъ мнѣ серьезное опасеніе. Дай покажу видъ, что я намѣренъ попытаться тутъ самъ...

— Послушай, ты просить пять фунтовъ; вотъ возьми десять только встань пожалуйста и уходи скорѣй.

Я сумѣлъ бы это и за пять фунтовъ; но если ты такъ щедръ пожалуй возьми и десяти. Ну, прощай, Дикъ. Я общалъ матери воротиться къ ней къ чаю.

Съ этими словами мистеръ Виллиамъ всталъ съ очарованнаго кресла и вышелъ вонъ. Мистеръ Ричардъ облегчилъ себя глубокимъ вздохомъ и, чувствуя, что нервы его оказывались совершенно неспособными для дальнѣйшаго напряженія, торопливо отправился на верхъ, я залегъ въ постель, крѣпко натянувъ себѣ на голову одеяло: словно онъ боялся, что заколдованное кресло даже и тутъ будетъ его преслѣдовать и привлекать къ себѣ людей, чтобы они высказывали свои грѣшные помыслы; однако онъ скоро забылся и заснулъ. Но не раньше ли забылся мистеръ Дикъ и не позже ли проснулся, чѣмъ думать—будетъ видно впоследствии.

(Окончаніе въ слѣд. №).

Х И Н И Н Ъ.

На родинѣ хинина въ Южной Америкѣ.

Очеркъ Г. Велькома.

Хининъ, важнѣйшее изъ всѣхъ средствъ противъ лихорадки, всѣхъ позднѣе открытый алкоидъ хинной коры, находится въ корѣ всѣхъ растений изъ вида *Cinchona*. Еще въ 1792 году Фуркруа получилъ изъ хинной коры особенное смолистое начало, которое позднѣе, Ванкельнъ, приготовивши въ болѣе чистомъ видѣ, назвалъ хинноу; но лишь въ 1820 году найдено, что это вещество состоитъ изъ двухъ алкоидовъ—хинина и цинхонина. Въ настоящее время, у насъ въ Россіи, фунтъ хинина обходится очень дорого: по аптечному прейсъ-куръ у гравъ его стоитъ 3 коп. сер., въ оптовой продажѣ фунтъ хинина обойдется болѣе чѣмъ въ сто рублей серебромъ. (*Chin. muraticum*.) *

Въ 1879 году Генрихъ Велькомъ предпринялъ путешествіе въ области Южной Америки, которая преимущественно доставляетъ изстари это испытанное и извѣстное средство противъ лихорадки—хининъ или хинную корку; при своихъ наблюденіяхъ, онъ собралъ интересныя свѣденія отъ туземныхъ собирателей этой коры и отъ торговцевъ. Преимущественно изслѣдованія его производились въ республикѣ Эквадоръ, единственной странѣ, гдѣ еще въ настоящее время добывается масса этой коры.

Хинное дерево растетъ собственно въ двухъ мѣстахъ—въ лѣсу Гуаранда и Лоя. Первый—громадный лѣсъ, простирающійся между 1°—2° южной широты, покрываетъ западные склоны Чимбарозо и предгорія Кордильеро, выше 3000 метровъ надъ уровнемъ океана. Изъ этого-то лѣса добывается наиболѣе хинной коры. Лѣсъ этотъ до сихъ поръ еще не вполне изслѣдованъ. Гуаяквилъ, главная гавань Эквадора, городъ, имѣющій 30000 жителей, находится въ 60 английскихъ миляхъ отъ устья рѣки Гуаяквилъ. Лѣсъ де-Лоя доставляетъ первую хинную кору, которая привозима была въ Европу. Онъ находится на протяженіи отъ 2°—5° южной широты до границы Перу и покрываетъ западные склоны Кордильеръ. Больше двухсотъ лѣтъ здѣсь собираютъ кору, но только въ послѣдніе годы Гуаяквилскій рынокъ сбывалъ ту массу коры, какая туда доставлялась. Вотъ очеркъ Велькома:

„Южнаго конца лѣса Гуаранда достигаютъ у Пуэбло Нуово, маленькаго городка на одномъ изъ восточныхъ притоковъ рѣки Гуаяквилъ. Мы рѣшили посѣтить э отъ лѣса.

Для поѣздки въ горы наняты были въ Пуэбло Нуово мулы и проводники. Такъ какъ здѣсь нѣтъ никакихъ устроенныхъ дорогъ, то повозки совсѣмъ не въ употребленіи и сообщеніе производится на спинахъ муловъ и индійцевъ. По пути въ горы уже попадаются отдѣльные экземпляры драгоцѣннаго широколистаго хиннаго дерева (*Cinchona magnifolia*).

Въ концѣ втораго дня горный путь становился все тяжелѣе и опаснѣе, наконецъ мы достигли такого мѣста, гдѣ необходимо было разстаться съ мулами. Карабкаясь и взбираясь довольно долго, мы достигли горной вершины. Вдругъ надвинулись тяжелыя облака, какъ густой туманъ, закрыли на мгновеніе всю окрестность, но скорѣе разсѣялись. Затѣмъ собиратель хинной корки (*Cascarillero*) высмотрѣлъ вдаль нѣсколько хинныхъ деревьевъ, которыхъ блестящія листья ярко сіяли при солнечномъ свѣтѣ. Этотъ характерный свѣтовой рефлексъ листьевъ дерева съ его прекрасными розовыми цвѣтами, етъ самый яркій признакъ при отысканіи хинныхъ деревьевъ въ густыхъ горныхъ лѣсахъ. Неопытный человекъ легко можетъ смѣшать зеркальную блестящую зелень каучуковаго дерева съ листьями хиннаго дерева, но опытный каскариллеро различаетъ на далекомъ разстояніи даже отгѣнки въ окраскѣ цвѣтовъ и въ строеніи дерева.

Слѣдуя по теченію ручья, мы спустились въ оврагъ; скорѣй

проводникъ воскликнулъ: „*cascarilla!*“ и мы увидѣли нѣсколько прекрасныхъ деревьевъ *Cinchona succirubrae*.

Хинное дерево растетъ преимущественно въ самыхъ уединенныхъ и недоступныхъ горныхъ ущельяхъ, гдѣ они попадаются отчасти малыми группами, отчасти отдѣльными экземплярами. Старыя деревья очень красивы, въ 15—25 метровъ въ высоту, съ стройными стволами, правильно расположенными вѣтвями, вѣчнозелеными, длинными листьями, иногда съ красноватымъ отгѣнкомъ и блестящими, какъ навозенныя. Цвѣты образуютъ на верхушкѣ ствола вѣнчики розоваго цвѣта и имѣютъ весьма пріятный запахъ. Кора большихъ деревьевъ изящно убрана обыкновенно густымъ мхомъ, въ видѣ кружевной ткани, въ которую заложены блестящія цвѣтистыя древесные лишай и небольшіе усики (пригѣпки). Среди перепутанныхъ вѣтвей удивительно густая листва съ трудомъ пропускаетъ солнечныя лучи. Все это насыщено влажностью, даже воздухъ, которымъ мы дышимъ, кажется наполненъ паромъ. Погода здѣсь измѣняется безпрестанно и быстро; тяжелыя дождевыя облака, ослѣбляющій блескъ солнца бурные дождевые ливни слѣдуютъ быстро другъ за другомъ. Температура болѣе или менѣе постоянна; на высотѣ около 2000 метровъ средняя температура около 19° Цельсія, повышается рѣдко до 26° или падаетъ до 7°.

За поисками хиннаго дерева каскариллеро взбираются на горныя вершины. Разъ отгравши мѣсто, которое обѣщаетъ хорошей сборъ, должно пріобрѣсть прежде всего отъ администраціи право собственности на сборъ съ участка по установленной таксѣ.

Каждый каскариллеро—записной вгрокъ и обыкновенно безъ копѣйки въ карманѣ отъ сбора до сбора хинной корки. Его вѣчная забота—найти торговца корой, который даль-бы ему въ займы деньги на издержки при сборѣ корки. Если онъ убѣдитъ торговца въ добротности своей коры, то торговецъ даетъ деньги, но беретъ отъ каскариллеро въ залогъ выданное ему право на сборъ и заключаетъ договоръ, что собранная въ опредѣленномъ количествѣ кора ему исключительно будетъ продана и доставлена. Иногда торговцы корой прямо сами пріобрѣтаютъ право на сборъ и нанимаютъ тогда рабочихъ. Въ Боливіи торговля хинной корой была долгое время монополіей правительства; собиратели должны были доставлять весь сборъ въ одинъ, специально для этого устроенный, складъ и довольствоваться установленною цѣною. При этой системѣ бывали такія злоупотребленія, что пришлось отмѣнить это соевѣтъ. Теперь каждое государство въ Южной Америкѣ взимаетъ пошлины съ ввозной коры.

Сборъ коры начинается около 1 августа, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ даже въ июнѣ, и продолжается до октября или ноября. Въ это время кора легче отдѣляется и лѣса становятся болѣе проходими, дожди рѣже, но въ дождевое время года достучъ туда почти невозможенъ. Старшина отряда рабочихъ ими избранный, разбиваетъ въ лѣсу лагерь, въ которомъ иногда бываетъ отъ 300—400 рабочихъ (*racons*)—вблизи ручья или рѣки по возможности на болѣе высокой мѣстности лѣсной проруби, чтобы вновь собранная кора имѣла достаточный притокъ воздуха. Рабочіе раздѣляются на отряды, которые располагаются отдѣльными лагерями въ лѣсу. И вотъ начинается сборъ хинной корки; одинъ или два человекъ розыскиваютъ деревья, другіе рубятъ ихъ и сдираютъ кору отъ земли вверхъ въ вышину человеческого роста, потомъ снимаютъ мохъ и слой древеснаго лишая, а жесткая наружная кора обивается палицами и колотушками. Потомъ эту кору взрѣзываютъ вокругъ ствола на полосы шириною въ метръ, длиною въ 18—24 сантиметровъ, и снимаютъ особо приспособленнымъ для этого ножемъ.

Свѣтче-снятая кора съ внутренней стороны сливочнаго цвѣ-

* Что касается лѣвъ аптекарскихъ, то 1 гравъ продается по 3 п. Такъ какъ въ фунтѣ 5760 гравъ, то фунтъ обойдется такимъ образомъ въ 172 п. 80 к.

Художественная выставка 1880 г. въ Туринѣ. Семья рыбака на барѣ. Картина Козенци, рисов. самъ авторъ, грав. Барбери.

Художественная выставка 1880 г. въ Туринѣ. Осенью на Адриатическомъ морѣ. Картина Дальбона, грав. Канеди.

та—древесный сѣкъ такого-же дѣлѣта, но отъ дѣйствія воздуха темнѣетъ и получаетъ глянѣно-красный дѣлѣтъ. Обыкновенно всю кору сносятъ въ главный лагерь для сушки и храненія. Толстая кора со ствола требуетъ много заботъ при высушиваніи вслѣдствіе сырости, отъ которой заводится плесень—тогда прибѣгаютъ къ искусственному жару. Кору раскидываютъ на толстыхъ прутьяхъ, укрѣпленныхъ рядами такъ, чтобы возможенъ былъ доступъ воздуха, а сверху накладываютъ тяжести, чтобы ее спрессовать. Такимъ образомъ получаютъ куски плоской коры—таблетки. Тонкая кора молодыхъ деревьевъ легко высыхаетъ и свертывается сама; этотъ видъ коры называютъ трубчатую. Наибольшимъ содержаниемъ хинина отличается такъ называемая плоская королевская хинная кора (China regia).

Большинъ трудовъ требуетъ доставка на мѣсто въ концѣ сезона. Кора здѣсь приблизительно сортируется, смотря потому съ какихъ частей дерева снята, и укладывается въ тюки вѣсомъ каждый до 5 пудовъ. Индійцы носятъ эти тюки на спинѣ въ склады на разстояніи нѣсколькихъ сотъ миль, откуда они доставляются уже въ ближайшія гавани. На протяженіи всего длиннаго пути мы видѣли какъ подъ лучами тропическаго солнца бѣлѣли скелеты несчастныхъ рабочихъ, которые оборвались въ пропасть или погибли отъ лихорадки. Такъ индійцы сами дѣлаются жертвами болѣзни, средство отъ которой доставляютъ бѣлымъ иностранцамъ. Одинъ торговецъ корой говорилъ намъ, что ея время эпидемической перемежающейся лихорадки 25% индійцевъ погибло отъ этой болѣзни въ одномъ только его участкѣ до окончанія сбора. Индійцы знаютъ губительныя послѣдствія лихорадокъ и только крайняя нужда и бѣдность доводятъ ихъ до необходимости подвергаться опасности, собирая кору изъ-за ничтожнаго вознагражденія 10—25 центовъ въ день.

Въ Бولیви кору сортируется заботливѣе и тщательнѣе; чаще всего въ складахъ гавани таблетки укладываютъ въ тюки изъ толстаго полотна или въ мѣшки изъ бычачьихъ шкуръ.

При укладываніи въ приморскихъ складахъ производятся и поддѣлки товаровъ. Смѣшаніе коры высшихъ сортовъ съ низшими происходитъ не столько отъ незнанія дѣла, ибо торговцы корой хорошо умѣютъ опредѣлить разные виды коры.

Всѣ сорта коры приходятъ на рынки съ опредѣленнымъ штемпелемъ фирмы. Большіе торговые дома въ Америкѣ и Европѣ получая разнаго рода хинную кору, хотя предварительно ее и осматриваютъ, но все таки бываютъ часто жертвою обмана, ибо торговцы корой весьма искусно дѣлаютъ подмѣны.

Что касается подвоза хинной корки изъ болѣе отдаленныхъ лѣсовъ Южной Америки, то на это мало надежды. Возрастающій значительно спросъ хинина въ послѣдніе годы вызвалъ спросъ на хинную корку, и тщательные поиски въ лѣсахъ привели къ открытію новыхъ доходныхъ участковъ, еще болѣе недоступныхъ.

Въ Америкѣ страны, доставляющія хининъ, вовсе не неисчерпаемы, какъ нѣкоторые думаютъ а спросъ въ самомъ дѣлѣ неисчерпаемъ. Туземцы и торговцы утверждаютъ, что хининъ черезъ нѣсколько лѣтъ выведенъ будетъ совсѣмъ, если хищническій

обычай рубить деревья для сбора коры не будетъ остановленъ и если не станутъ заботиться о разведеніи новыхъ деревьевъ.

При той массѣ сѣмянъ, которая даетъ хинное дерево, слѣдовало бы полагать, что молодое поколѣніе деревьевъ могло бы богато развиваться. Но это не такъ на самомъ дѣлѣ. Легкія, какъ хлопчатъ сѣмена падаютъ въ болѣе частыя случаевъ на постоянно влажную листву, остаются прилепленными къ ней и, хотя скоро пускаютъ ростки, но скоро и погибаютъ. Если они попадутъ даже на почву, то укорениться имъ невозможно, такъ какъ земля покрыта толстымъ слоемъ гниющихъ листвѣвъ четверти въ двѣ толщины. Хинныя деревья можно было бы разводить съ успѣхомъ на ихъ родинѣ, но туземцы не предприимчивы, а иностранцы не получаютъ отъ мѣстнаго правительства никакого содѣйствія. Два нѣмца производятъ теперь опыты разведенія хинныхъ деревьевъ въ Бولیви, но растенія не развились еще настолько, чтобы можно было говорить о какихъ нибудь результатахъ.

Постоянныя революціи и междоусобія въ этихъ южно-американскихъ странахъ мѣшаютъ всякому предпріятію. Открытыя дороги и гавани бываютъ загромождены по дѣльмъ мѣсяцамъ, такъ что ввозъ товаровъ и вывозъ хинной корки въ застой, а торговцы несутъ большіе убытки.

Въ случаѣ революціи или войны каждый индійскій рабочий обязанъ воинской повинностью, и тогда невозможно собрать достаточно сборщиковъ коры, такъ что экспедиція въ лѣса не покрываетъ издержекъ. Политическія потрясенія сильно колеблютъ цѣны хинной корки и хинина.

Вѣроятно до Европейцевъ въ Америкѣ, употребленіе хинной корки не было извѣстно туземнымъ индійскимъ племенамъ такъ какъ лѣса экватора и сѣверной части Перу—въ тѣ времена вся восточная и сѣверная части Южной Америки извѣстны были подъ общимъ именемъ Перу, отчего и корка звалась перуанской—были единственными странами гдѣ доставали хинную корку, которую испанцы послѣ открытія Америки почти цѣлое столѣтіе одни отправляли въ Европу. Но индійцы по врожденной скрытности характера, держали быть можетъ въ тайнѣ происхожденіе ихъ лекарственныхъ средствъ, изъ неависти къ пришельцамъ.

Нѣкоторые утверждаютъ, вѣроятно по слухамъ, что индійцы не употребляли хининъ въ видѣ хинной корки, но что иностранцы собирали ее какъ красящій матеріалъ. Этому противорѣчитъ то обстоятельство, что индійцы называли корку quinina, т. е. медицинской корой. Индійцы изъ Мотто-Гроссо считаютъ жизнь въ хиннѣ изъ хиннаго дерева лучшимъ средствомъ противъ лихорадки.

Куски хинной коры попадались при раскопкѣ древнихъ индійскихъ могилъ. Вѣрномъ самъ находилъ въ древнихъ могилахъ Инхо въ Перу листья краснаго дѣрева (кока), которые до нашествія Европейцевъ были гораздо въ большемъ употребленіи, чѣмъ въ настоящее время.

Туземцы положительно утверждаютъ, что хинная корка была хорошо извѣстна ихъ предкамъ,—а какъ лекарскіе средство очень цѣнилась за долго до того какъ Испанцы вступили въ Америкѣ подъ предводительствомъ смѣлаго Пизарра.

О С Е Н Ъ .

На западѣ едва блестятъ и замираетъ
Осенній солнца лучъ, безъ жизни, безъ теня
И землю пеленой сырою покрываетъ,
И вѣетъ холодомъ густѣющая мгла.

И нашъ старинный садъ, развѣсистый, тѣнистый
Вѣтвями голыми уныло шелеститъ,
На югъ умчался рой пернатыхъ голосистый
И гробовой покой въ саду, въ лѣсахъ царитъ.

Печальна и мрачна стоитъ, чернѣя, ива,
Густой туманъ покрылъ далекіе холмы;
Природа замерла, покорна и гнѣвна,
И приговора ждетъ безжалостной зимы.

Уснулъ заглохшій прудъ и притаилъ дыханье,
Какъ прежде, не шумитъ лепечущей волной,

Поконтся въ нѣмомъ, тоскливомъ ожиданьи
Когда покроется корою ледяной...

И вѣтра волею оторванъ прихотливой
Трепещущій листокъ упалъ на доно водъ
Колышется едва, плывя съ волной шумливой,
И ласково журча, волна его несетъ.

И грезится тогда пора, что миновала:
Напѣвы соловья, лѣтущая весна
И дубъ развѣсистый, чьи корни омывала
Ручья шумящаго прозрачная волна.

Душа моя скорбитъ съ природою уснувшей,
Зимы холодной часъ для ней ужъ недалекъ
И чудный образъ твой, мечта любви минувшей,
Плыветъ въ моей душѣ, какъ трепетный листокъ.

В. Львовъ.

КЪ РИСУНКАМЪ

Вскрытіе духовнаго завѣщанія

(Картина Бокельмана).

Что за выразительная, полная содержанія картина! Талантъ художника, умѣнье его схватить выраженіе лицъ и разнообразныя движенія душевныя здѣсь выказались въ полной силѣ. Сколько обманутыхъ ожиданій, лопнувшихъ надеждъ. Вонъ у окна сидятъ, пораженные тѣмъ, что имъ ничего не отказано богатымъ покойнымъ родственникомъ—двое. Впереди ихъ въ углу видно кое что получили и имѣютъ болѣе веселый видъ. Ближе къ

сценѣ этотъ важный господинъ совѣщается съ своей женой что дѣлать въ виду оригинальности воли завѣщателя, передавшаго все свое состояніе маленькой дѣвчкѣ-внучкѣ, которая тамъ за столомъ, сконфуженная общимъ, какимъ-то недоброежелательнымъ, вниманіемъ, начинаетъ плакать. Ея родные съ веселыми лицами утѣшаютъ ее и стараются ей втолковать кака она счастливая. И особенно поражаетъ это общее невниманіе въ этихъ богатыхъ комнатахъ, въ которыхъ при жизни покойнаго вступали съ такимъ волненіемъ и почтеніемъ эти же самыя родственники, теперь прямо въ шляпахъ, въ пальто, какъ

въ сарай вступающіе въ нихъ. Духъ хозяина отлетѣлъ и все такъ тщательно и съ такимъ вкусомъ собранное имъ за всю долгую, роскошную жизнь, разлетится по частямъ, по квартирамъ или не будетъ цѣниться новыми владѣльцами такъ, какъ оно цѣнилось и береглось имъ.

Идетъ конная гвардія.

(Картина К. Кизеля).

Мимо балкона, шумно стуча подковами по камнямъ улицы, проходятъ кавалеристы. И каждая изъ прелестныхъ женщинъ изображенной группы съ особымъ чувствомъ и особымъ выраженіемъ смотритъ на этихъ красивыхъ молодыхъ офицеровъ, гарцующихъ по fianгамъ на великолѣпныхъ, горячихъ коняхъ. Та что влѣво—съ такимъ стремленіемъ и нѣжностью наклонилась впередъ, ея смуглое личико полно такого увлеченія. Рядомъ двѣ молоденькія дѣвушки—одна такъ наивно поглядываетъ внизъ на посылающаго ей привѣтъ юнаго красавца а подруга ея насмѣшливо говоритъ ей что-то. Но истинная, живая страсть не говорить. Эта серьезная красавица сирава не наклонилась, даже не смотритъ, даже полуприкрылась вѣтромъ и глаза ея, мечтательныя и страстныя, задумчиво устремлены вдаль... Всѣ эти разнообразныя выраженія лицъ молодыхъ прелестныхъ женщинъ исполнены съ полнымъ совершенствомъ и не знаешь, которое лицо лучше и которое выраженіе вѣрнѣе передано.

На выставкѣ 1880 г. въ Туринѣ.

(Двѣ картины—Козенцы и Дальбона).

Объ эти картины, появившіяся на осенней выставкѣ нынѣшняго года въ Туринѣ, обратили на себя общее вниманіе. Одна изображаетъ семью итальянскаго рыбака на лодкѣ. Тутъ они живутъ, здѣсь ихъ домъ на все дѣло. Дѣти привыкаютъ къ этому плывучему дому, привыкаютъ къ чуднымъ, раннимъ зоркамъ, великолѣпнымъ закатамъ роднаго голубаго неба, подъ которымъ проходитъ ихъ здоровая жизнь. Тихо плещутъ волны, теплый, чудный воздухъ льется въ грудь и разносится далеко по волнамъ сладкіе, тающіе звуки „Santa Lucia“... Особенно замѣчательна въ этой картинѣ даль, легкая, воздушная, мажорски исполненная...

Другая представляетъ итальянское небо потемнѣвшимъ и облачнымъ. Тутъ уже рыбаки работаютъ среди рѣзкаго холоднаго вѣтра съ моря. Дождь идетъ и волны, голубыя волны Адриатики, пострѣли и грозно нахмурились...

Внутреннее устройство Императорской яхты „Ливадія“.

Мы уже познакомили нашихъ читателей въ № 30 „Нивы“ съ наружнымъ видомъ заказанной нашимъ правительствомъ въ Англии, великолѣпной Императорской яхты „Ливадія“. Заказана она на заводѣ Эльдера. По поводу постройки и испытанія яхты возникли въ печати нашей оживленные толки за и противъ этого сооруженія, изъ которыхъ трудно пока сдѣлать опредѣленный выводъ. Въ „Правительственномъ Вѣстникѣ“ между тѣмъ появились официальные акты объ испытаніи яхты и отзывы иностранныхъ извѣстныхъ специалистовъ. Изъ нихъ видно было, что средняя скорость хода яхты 15 узловъ и машины работаютъ вполне исправно. Находившіяся при испытаніи яхты, главный корабельный инженеръ нидерландскаго флота докторъ Тидеманъ наблюдалъ испытаніе независимо отъ членовъ нашей комиссіи и онъ также заявилъ особю, что яхта хорошо держится на курсѣ и слушается руля какъ шлюбка. Тидеманъ считаетъ „Ливадію“ 15 узловымъ судномъ. Послѣ этого съ яхтой случилось несчастіе. Во время бури яхта получила пробой отъ плывущихъ корабельныхъ обломковъ и чинится въ настоящую минуту. Идя изъ Гризюка въ Брестъ она имѣла скорость лишь десять узловъ. Командиръ судна въ своемъ рапортѣ объясняетъ это сильною бурей, которая застала яхту, вслѣдствіе чего нельзя по этому плаванію судить правильно объ ея скорости. Но „Ливадію“ какъ бы преслѣдуетъ ка-

кое-то несчастіе. При зажиганіи лампы одинъ рабочій былъ убитъ электрическимъ ударомъ.

Императорская яхта „Ливадія“, бывшая въ послѣднее время предметомъ этихъ оживленныхъ толковъ, отличается громадными размѣрами и замѣчательной роскошью внутренней отделки.

Длина яхты 260 футовъ, ширина—153 и высота 60 футовъ. Въ водѣ сидитъ она 6 футовъ и 6 дюймовъ. На ней три машины, каждая въ 3500 лошадиныхъ силъ. Всѣ винты сдѣланы изъ марганцевой бронзы, для придачіи имъ большей прочности. Машины же и котлы изъ стали, чѣмъ значительно уменьшается вѣсъ ихъ.

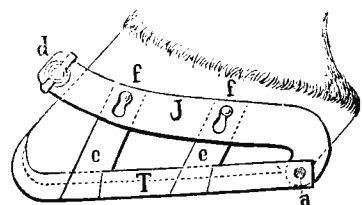
14 октября въ пятницу яхта вышла изъ Клейдскаго залива, чтобы направиться въ Черное море, къ мѣсту своей стоянки. По пути отъ Бреста къ Ферролю яхта выдержала бурю, причемъ, какъ мы сказали, повреждена несшимися обломками. Поврежденіе значительно, и нужно было остановиться для исправленій въ Ферролѣ, гдѣ яхта находится и по настоящее время. Въ „Правительственномъ Вѣстникѣ“ появилась слѣдующая телеграмма изъ Ферроля отъ 17 октября: „Бурное время продолжается цѣлую недѣлю. Вѣтеръ на морѣ имѣетъ характеръ боры на Черномъ морѣ. Сегодня вошли въ гавань, чтобы работать на тихой водѣ“.

Иностранныя газеты сравниваютъ „Ливадію“ съ ея экипажемъ отъ 200 до 300 человекъ—съ гигантскимъ китомъ, на хребтѣ котораго построены волшебный дворецъ. Надъ каютами идетъ изящный балконъ и галерея, окружающая все судно. Замѣчательна крыша галерей въ 200 футовъ длины и 100 ф. ширины. Посреди крыши перекинута легучій мостъ и двухъ этажный легкій балконъ, возвышающійся на 60 футовъ надъ поверхностью моря. Позади этого балкона возвышаются три гигантскія трубы яхты. На каждой изъ сторонъ яхты расположены курительныя комнаты. Большой залъ, предназначенный для Государя Императора, сдѣланъ въ стилѣ Людовика XVI. Потолокъ поддерживается ионическими колоннами и украшенъ богатой рѣзьбой. Къ внутренней сторонѣ зала примыкаетъ кабинетъ съ великолѣпнѣйшими зеркалами, и въ передней части зала мраморный бассейнъ шумящаго фонтана. Панели увѣшаны гобеленами, стѣны бѣлаго цвѣта съ золотомъ и также украшены рѣзьбою. Съ трехъ сторонъ находятся окна, а съ потолка спускаются двѣ тяжелыя люстры, кромѣ того тутъ же вездѣ яркія стѣнные лампы. Мебель—тонкой работы рѣзные стулья, и по угламъ мягкія кресла. Гостинная Государя Императора по стилю отъѣлки названа „крымско-татарской“. Мебель здѣсь обита матеріей ярко-желтаго цвѣта, занавѣси на окнахъ коричневаго бархата. Въ этой же части яхты расположены уборная и спальня Государя Императора. Въ уборной дубовыя стѣны покрыты гобеленами временъ Людовика XVI. Орѣховаго дерева мебель обита оливково-зеленымъ сафьяномъ. Стѣны спальни бѣлаго цвѣта и сплошь покрыты тонкой замѣчательной рѣзьбой. По срединѣ стоитъ ванна изъ цѣльнаго куска мрамора, закрывающаяся зеленой сафьянной занавѣсью. Покои, предназначенныя для Государыни Императрицы, отъѣланы почти точно также, съ той только разницей, что зеленый сафьянъ замѣненъ блѣдно-голубымъ атласомъ. Половина Великаго-Князя Генераль-Адмирала, расположенная въ задней части яхты, отъѣлана также съ чрезвычайною роскошью. Панели рѣзныя орѣховаго дерева, верхняя часть стѣн обтянута темно-зеленымъ бархатомъ и гобеленами. На окнахъ тяжелыя бархатныя занавѣси и на дверяхъ такія же портьеры, подобранныя массивными бронзовыми аграфами. Во всѣхъ прочихъ помѣщеніяхъ другихъ членовъ Царской Семьи одинаково роскошное убранство. Повсюду бронзовыя кровати, орѣховыя шкафы, мраморные столы и ванны и изящная сафьяновая мебель.

Объ половины яхты соединены коридоры, часть которыхъ вымощена мраморомъ, а другая выложена паркетомъ, и всѣ они покрыты кромѣ того роскошными коврами. Ночью коридоры освѣщаются электричествомъ. Для этого въ машинномъ отъѣленіи находятся 8 машинъ, каждая въ 15 лошадиныхъ силъ, которыя приводятъ въ движеніе 8 электро-динамическихъ машинъ, питающихъ яркія лампы системы Яблочкова. На нашихъ рисункахъ изображены описанные выше покои.

НОВЫЯ ИЗОВРѢТЕНІЯ.

Запасная подкова. Въ виду часто случающихся затрудненій

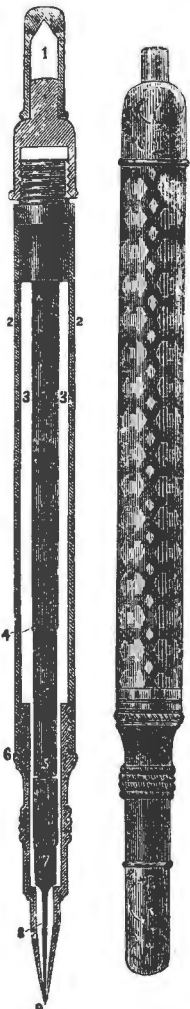
Подкова.

очень быстро, въ нѣсколько минутъ, замѣнить сломанную или потерянную подкову новою, не вбивая въ копыта гвоздей.

въ пути отъ лямки и потерей подковъ, Фогель и Пейзеръ въ Берлинѣ изобрѣли такъ называемую „Запасную подкову“. Это приспособленіе по устройству своему очень просто, но тѣмъ не менѣе остроумно, и каждый, незнакомый совсѣмъ съ кузнечнымъ дѣломъ, можетъ

Приспособленіе это состоитъ изъ обыкновенной желѣзной подковы Т, къ которой прикрѣплены двѣ желѣзныя же смыкающіяся сверху дужки J, которыя впереди скрѣпляются посредствомъ винта d; кромѣ того съ обѣихъ сторонъ подковы имѣются еще двѣ полоски е, которыя закрѣпляются пуговками f, которыя полоски не даютъ дужкамъ J тереть копыто. Внутри всего желѣзнаго станва положены полоски гуммиластики, которыя сохраняютъ копыто отъ тренія. Чтобы наложить такую подкову, стоитъ только разомкнуть дужки J, наставить желѣзныя полоски е на пуговки f и закрѣпить дужки спереди винтомъ d. Такимъ образомъ заключенная подкова уже не можетъ упасть и устраняетъ порчу ноги лошади, которой пришлось бы долго бѣжать безъ подковы и ломать копыта, не будь этой запасной подковы.

Машинноовы перья. Это совершенно оригинальное и новое изобрѣтеніе. Перьями этими пишутъ просто, какъ обыкновеннымъ карандашемъ, но рукопись выходитъ написанною чернилами. Такимъ образомъ это перо имѣетъ свойства и обыкновеннаго пера и карандаша. Перо это очень

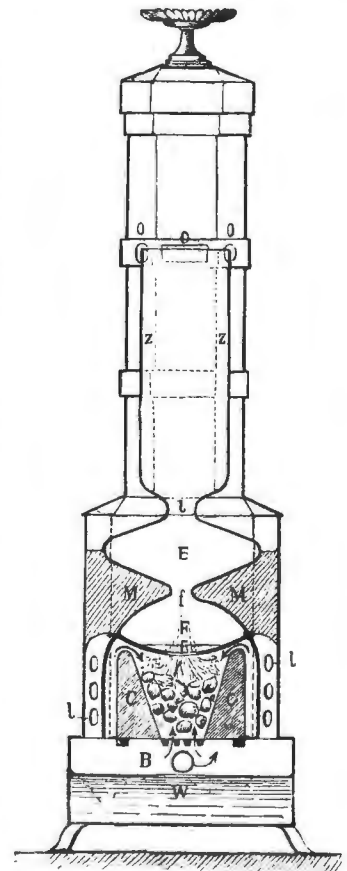

машинноовы перья.

удобно для ношенія въ карманѣ и употребляется уже многими. Столь пера представляетъ трубочку, наполненную обыкновенными чернилами. Конецъ пера (9) конической формы изъ полированного золота съ примѣсью иридія. При малѣйшемъ нажимѣ иридиеваго кончика пера, показываются чернила и именно настолько, насколько требуется сообразно нажиму. Этимъ перомъ, разъ оно наполнено чернилами, можно исписать отъ 70—80 страницъ писчей бумаги, съ меньшимъ затрудненіемъ и утомленіемъ чѣмъ обыкновеннымъ перомъ. Иридиевый кончикъ пера никогда не ломается. Перо не можетъ дѣлать влѣкъ, ибо чернила показываются лишь настолько, насколько сильнее нажмешь и когда отнимаютъ перо отъ бумаги, то чернила уходятъ, не успѣвъ высохнуть, обратно. Составныя части пера—вулканизированный каучукъ, золото, платина, серебро и иридій придаютъ ему прочность и красоту. Чтобы налить перо чернилами, отвинчиваютъ верхнюю часть кончика пера (6), потомъ, оборачивая отверстиемъ вверхъ, наполняютъ трубочку (3) до половины отъ краевъ и такимъ образомъ не допускаютъ чернила попасть въ воздушную трубочку (5) и завинчиваютъ перо на глухо. Затѣмъ нажимаютъ слегка ногтемъ кончикъ пера, пробую, имѣетъ ли подвижность остріе иглы (8) которая должна слегка высовываться изъ кончика пера. Для ношенія пера въ карманѣ на конецъ его надѣвается крышечка, и завинчивается воздушная трубочка. Когда хотятъ писать, то перо должно оборотить концомъ вверхъ и сперва отвинтить воздушную трубочку а затѣмъ уже снимать крышку съ кончика пера. Машинноовы перья продаются рублей по 10 за штуку (20 марокъ). Ихъ можно выписывать изъ склада письменныхъ принадлежностей Миліуса въ Лейпцигѣ.

Уничтожающая дымъ комнатная печь безъ дымовой трубы. Даже при самыхъ лучшихъ приспособленіяхъ топки, при противномъ вѣтрѣ, дымъ задувается обратно въ печку, наполняя комнату, что крайне разумѣется вредно и неприятно. Старались вводить всевозможныя усовершенствованія, чтобы избѣжась этого. Уже давно толковали объ опытахъ устройства печей безъ дымовыхъ трубъ и опыты эти все были неудачны. Но наконецъ весьма недавно выставлена была, уничтожающая

дымъ печь безъ дымовой трубы, въ Лейпцигѣ. Опыты дали блестящіе результаты. Паружная форма, которая впрочемъ не имѣетъ никакого вліянія на процессъ горѣнія, колонообразная. Чугунная заслонка плотно закрываетъ ящикъ кованаго желѣза; нижняя часть ящика, собственно топка А, состоитъ изъ небольшой рѣшетки и двухъ чугунныхъ влиньевъ СС, сверхъ которыхъ воздухъ проходитъ въ концентрическія круглыя отверстія П. Закругленная перегородка сверху, ограничивающая пространство А, образуетъ вмѣстѣ съ тѣмъ дно пространства F, которое сообщается съ другимъ, большимъ пространствомъ Е посредствомъ суженнаго горла f и посредствомъ такого же суженія l сообщается съ цилиндрическимъ ящикомъ ZZ. Дно топки сообщается съ ящикомъ для золы В, который стоитъ на ящикѣ, наполненномъ холодной водой W, небольшими отверстиями. Буквами М обозначены полые чугунныя стѣнки упирающіяся въ стѣнки печи. Потребный для горѣнія воздухъ тянется черезъ отверстія золнаго ящика къ рѣшеткѣ топки; дальнѣйшее же теченіе воздуха производится по кольцеобразнымъ отверстиямъ l, здѣсь нагревается, поднимается вверхъ и осажается внизъ черезъ отверстие f l на горячій матеріалъ, смѣшиваясь съ газами происходящими отъ горѣнія и проходя въ помещеніе F; здѣсь видимо происходитъ процессъ сгорания газовъ, образовавшихся въ топкѣ А изъ соединения углекислоты и углеводорода. Пламя проходитъ тремя отверстиями f l, f и l и собирается въ цилиндръ ZZ. Пространство Е служитъ также для перегоранія оставшихся газовъ и также для регулированія тяги воздуха. Такъ какъ температура въ Е ниже чѣмъ въ F то газы медленно выходятъ чѣмъ входятъ а вмѣстѣ будутъ имѣть достаточное давленіе, чтобы

Комнатная печь безъ дымовой трубы.

съ силою проходить въ суженныя мѣста. Отъ взаимнаго дѣйствія всѣхъ этихъ условій печь въ холодную, сырую погоду дѣйствуетъ лучше чѣмъ въ сухую и холодную.

Это самый блестящій и удавшійся опытъ устройства печи безъ дымовой трубы. Но надо сказать, что тепло, ею доставляемое комнатѣ, меньше чѣмъ тепло обыкновенной печи и она не можетъ, какъ печь обыкновенная, служить въ одно и тоже время и для нагреванія и для очищенія комнатнаго воздуха.

Политическое обозрѣніе.

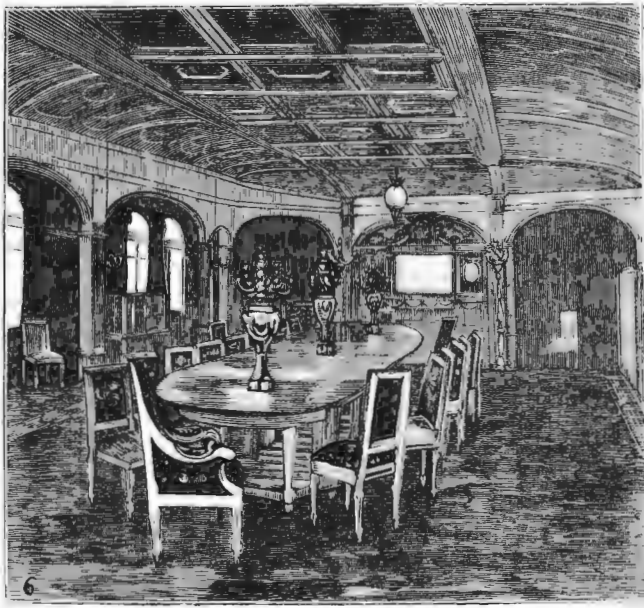
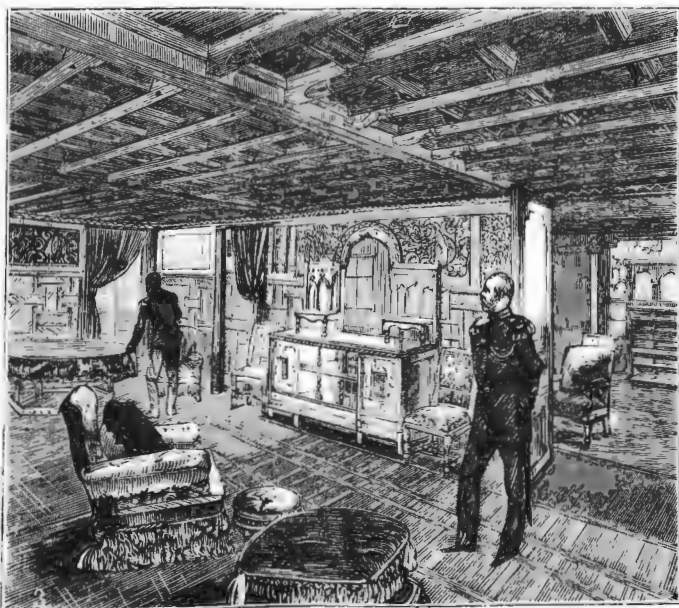
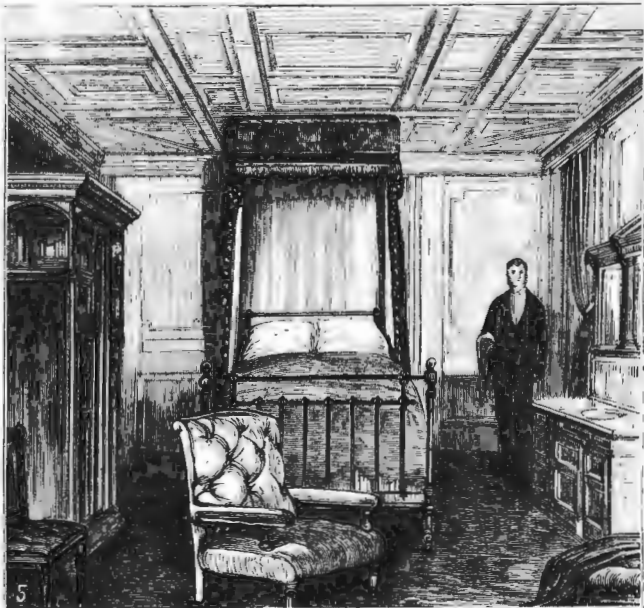
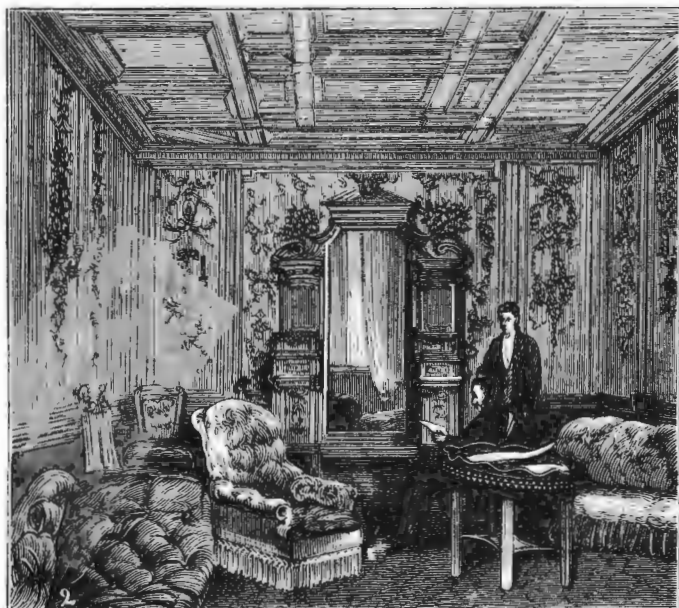
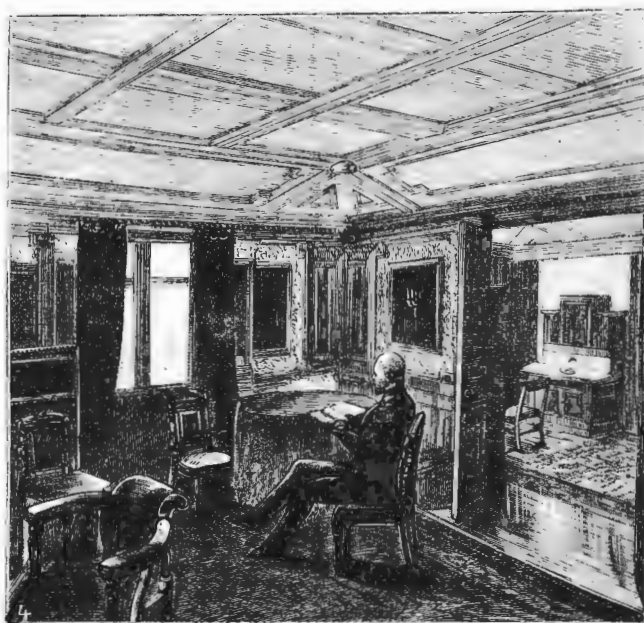
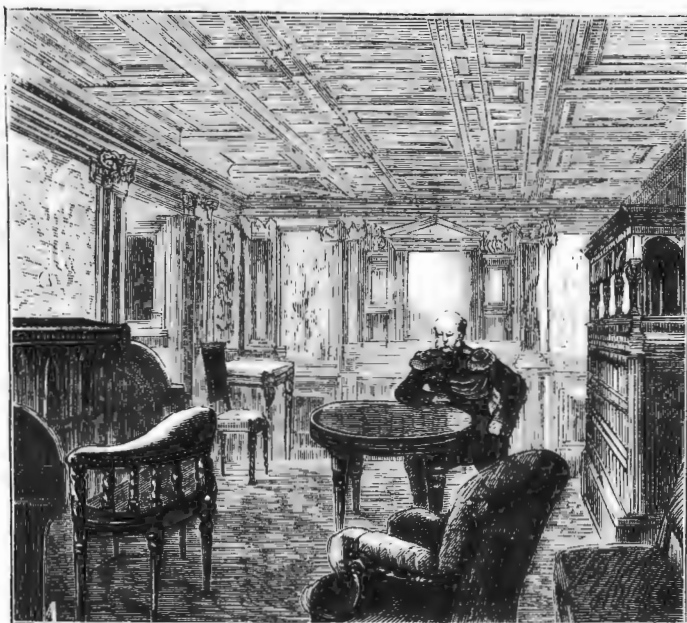
Балканскій полуостровъ. — Борьба съ конгрегаціями во Франціи. — Генералъ Шартръ. — Преданіе суду Ирландскихъ вождей. — Перу-Воллівійскія соединенныя штаты. — Марказъ Цзэнгъ.

Сербія вполне заслуживаетъ прозвища передоваго поста славянства Балканскаго полуострова — ей выпало на долю почти всегда первой принимать удары, направленные на славянъ. Въ ряду заположившихъ общее любопытство событій послѣдняго времени на полуостровѣ, какъ то скромно проскользнуло одно, достойное самаго серьезнаго вниманія — со стороны кого слѣдуетъ... Событіе это проскользнуло безъ шума, безъ пущечныхъ выстрѣловъ, однимъ словомъ, безъ всякой „обстановки“, а между тѣмъ, оно является фактомъ первостепенной важности, указывая на опасность для славянъ, не менѣе грозную, чѣмъ тѣ, которыя уже пройдены. Мы говоримъ объ оставшій перваго министра Сербіи Ристича (замѣненнаго Міятовичемъ). Уже въ прошлый разъ мы, въ нѣсколькихъ словахъ, освѣтили въ памяти читателей заслуги этого виднаго государственнаго дѣятеля, много не приходилось и говорить по этому; заслуги Ристича еще у всѣхъ на глазахъ, и ни время, ни обычная людская неблагодарность не могли еще затуманить ихъ и едва ли Сербія когда-либо можетъ совершенно забыть человѣка, министра, съ именемъ котораго связано воспоминаніе о совершенномъ освобожденіи княжества, о независимости. Но—дѣло не въ томъ, а—въ самыхъ причинахъ оставши Ристича. Оказ

ывается, что отставка эта—прямой, непосредственный результатъ давленія Австріи. Вотъ, гдѣ значеніе этого событія. Изъ Вѣны давно уже слѣдятъ недружелюбнымъ окомъ за побѣднмъ, торжествующимъ ходомъ славянъ. Пока триумфальное шествіе это совершалось подъ сѣнію русскихъ знаменъ—приходилось молчать. Теперь же, какъ видно, можно протянуть руку къ тому, что охранялось тѣми же знаменами. Австрія постоянно стремилась завладѣть рынкомъ и торговлей Сербіи, но понятно, въ горячемъ патриотизмѣ даровитаго Ристича было непреоборимое препятствіе: вспомнимъ только, какъ онъ сужмѣлъ отдѣлываться отъ торговаго договора, котораго такъ упорно навязывали ему изъ Вѣны. Но—само-собой понятно, что въ концѣ концовъ, сила, ломающая солому, должна была одержать верхъ хотя въ чемъ нибудь и вотъ первымъ, частнымъ успехомъ въ борьбѣ Австро-Венгерской монархіи съ Сербскимъ княжествомъ является паденіе Ристича.

Славяне не могутъ не обратить вниманія на этотъ фактъ. Чтѣ-же будетъ съ свободой, съ независимостью ихъ, если установится подобный прецедентъ?.. Къ чему-же пролиты моря крови, къ чему вѣковая борьба, къ чему страшныя усилія, страшныя пожертвованія? Неужели-же все это было только для того, чтобы освободившись отъ турокъ, славяне подпали боже тяжкому игу Австріи.

(Продолженіе на стр. 925, 926, 927, 928, 929, 930, 931 и 932).

Внутреннее устройство новой Императорской яхты „Ливадія“.

- 1) Кабинетъ Государя Императора. 2) Уборная Государя Императора. 3) Крымско-татарскій салонъ. 4) Кабинетъ Е. И. В. Генераль-Адмирала. 5) Спальня Госуд. Импер. 6) Столовая Императорскихъ покоевъ.
 Съ фотогр. грав. Рашевскій.

Такъ или иначе, а необходимы, неизбежно необходимы гарантіи для будущности юныхъ славянскихъ государствъ! Черногорцы, конечно, еще не получили Дульцино. Тамъ опять таки, все по прежнему. Броненосцы — по своимъ мѣстамъ, замѣститель Риза-Паши, генералъ-губернаторъ Албаніи, Дервишъ-паша, ядя, вѣроятно, по пути, уже пройденному его предшественникомъ, пригласилъ вождей албанскихъ на совѣщаніе. Совѣщанія и переговоры, переговоры и совѣщанія—это, конечно, повторится еще не разъ.

Что-же касается Греціи и пламенныхъ сыновъ ея, то на вспыхнувшее священнымъ огнемъ патриотическое чувство ихъ — уже сама Европа начала поливать слегка холодной водицы. „Искренно“ сочувствующія эллинскому народу и законнымъ стремленіямъ ихъ державы выражаютъ надежду на то, что Греція выкажетъ благоразумное терпѣніе“. Но что-же вознаграждать ее за это долготерпѣніе — неизвестно, такъ-какъ, говорятъ, султанъ намекнулъ недавно, на аудіенціи, одному изъ посланниковъ, что въ случаѣ, если-бъ Европа стала принуждать его сдѣлать уступки эллинскому королевству, то онъ не будетъ болѣе сдерживать въ своихъ оттоманскихъ подданныхъ негодованія, давно уже накопившаго, подъ вліяніемъ всѣхъ униженій и обидъ, претерпѣнныхъ Турціей...

Недавно снова разнесся было слухъ о томъ, что князь Бисмаркъ выходитъ въ отставку, но слухъ этотъ, конечно, не подтвердился—оказалось, что канцлеръ, принявшій какъ извѣстно, портфель министерства торговли, поручилъ его другому лицу.

Во Франціи полиція повсюду осаждаетъ монастыри, рѣшившіяся теперь на болѣе энергическое сопротивление; монахи повсюду заперлись и выдерживаютъ во многихъ мѣстахъ пра-

вильную осаду; народное сочувствіе, кое-гдѣ, высказывается въ пользу изгоняемыхъ конгрегацій. Легитимисты, пользуясь настоящимъ случаемъ возбужденія въ средѣ, принадлежащей къ партіи ихъ, подняли голову и обнаруживаютъ не мало энергіи. Недавно на одномъ банкетѣ, генераль Шарретъ произнесъ горячую рѣчь, въ которой, обращаясь къ Франціи, къ народу, призывалъ его подняться на защиту духовенства и короля ихъ.

Въ Англій Парнелль и другіе главнѣйшіе ирландскіе вожди, преданы суду. Изъ Южной Африки получены свѣдѣнія о разившемся возстаніи базутосовъ и другихъ племенъ. Въ одномъ сраженіи англичане имѣли частную неудачу.

Мы уже сообщали о томъ, что переговоры между Боливіей, Перу съ одной стороны, и Чили съ другой, не привели ни къ какому результату. Между тѣмъ, связь, соединяющая Боливію и Перу, въ скоромъ времени станетъ еще прочаѣе. Боливійское національное собраніе приняло проектъ (выработанный Перуанскимъ диктаторомъ Николо-ди-Пьерола) объ учрежденіи *Перу-Боливійскихъ Сосѣдственныхъ Штатовъ*. На основаніи этого проекта каждое изъ государствъ сохраняетъ свою независимость относительно судебныхъ и административныхъ учрежденій; въ дѣлахъ же виѣсныхъ они будутъ имѣть одно общее центральное правительсто, въ составъ котораго, кромѣ президента, войдетъ еще государственный совѣтъ изъ 10-ти членовъ: 5-ти перуанцевъ и 5-ти боливійцевъ.

Возстаніе курдовъ въ Персіи, по слухамъ, ослабѣваетъ. Китайскій посланникъ при нашемъ дворѣ, маркизъ Цзэнгъ, повидимому, останется въ Петербургѣ на продолжительное время.

С М Ъ С Ъ.

Черный ящикъ. (Разсказъ).

Въ маленькой комнатѣ на чердакѣ мрачнаго дома, который стоялъ какъ разъ за нашимъ домомъ—съ тѣхъ поръ, какъ я себя помню, жилъ старикъ переписчикъ. Онъ жилъ только этой трудной разнообразной работой, но несмотря на усиленную работу мало доставалось ему и жилъ онъ постоянно въ большихъ лишенияхъ. Въ молодости былъ онъ обрученъ съ дочерью зажиточнаго горожанина; невѣста его умерла незадолго до свадьбы и съ тѣхъ поръ Венцель (такъ его звали) влачилъ тихое, уединенное, сосредоточенное существованіе. Утромъ онъ занимался въ нотаріальной конторѣ; послѣ обѣда прогуливался немного въ окрестностяхъ города, затѣмъ садился за свой выпачканный чернилами столикъ и до поздней ночи переписывалъ различныя рукописи набѣло. По черкѣ у него былъ прекрасный, ясный, самъ онъ былъ не безъ познаній—онъ прошелъ нѣсколько классовъ гимназіи—а потому недостатка въ работѣ не было. Я былъ еще юнымъ студентомъ, когда впервые познакомился съ Венцелемъ. Нужно было переписать для меня нѣсколько тетрадей, а такъ какъ нѣкоторыя мѣста требовали съ моей стороны разъясненія, то за это время мнѣ пришлось часто и подолгу видѣться съ Венцелемъ. Простая, открытая, добродушная манера его очень мнѣ понравилась. Задушевный голосъ и дружескій взглядъ его—такъ я къ нимъ привыкъ и ихъ полюбилъ, что я чаще, чѣмъ было необходимо поднимался по крутой лѣстницѣ на его чердакъ. Мало по малу, между нами завязалась горячая дружба и я сталъ пользоваться довѣріемъ старика.

Былъ однажды ясный весенній вечеръ. Я сидѣлъ у окна съ Венцелемъ и смотрѣлъ то на разстилавшіяся передъ нами ландшафты, то на убогую конурку, такъ рѣзко отличавшуюся отъ этого ландшафта. Лучъ заходящаго солнца упалъ на желѣзную дверь стѣннаго шкафа, выкрашенную въ одну краску со стѣнами и казавшуюся въ этой невзрачной обстановкѣ слишкомъ изящной и прочной работы. Шкафа этого я не замѣчалъ до сихъ поръ. Теперь только я увидѣлъ, что на этомъ мѣстѣ Венцель обыкновенно вѣшалъ свое платье, и такимъ образомъ очень удачно закрывалъ совѣмъ дверь. Но сломалась вѣшалка (она лежала теперь на кровати) и потому мѣсто на сей разъ было не закрыто.

— Должно быть вы спрячете здѣсь кладъ? сказалъ я смѣясь и указывая на шкафъ.

Венцель покраснѣлъ.

— Да, вы не ошиблись — здѣсь у меня кладъ, отвѣчалъ онъ какимъ-то дрожащимъ голосомъ, тутъ единственное мое сокровище.

— Желѣзная дверь, продолжалъ я нѣсколько спустя, сдѣлана кажется не домовладѣльцемъ?

— Я заказалъ ее сдѣлать на свои трудовые гроши, отвѣтилъ Венцель. Передъ вами я не стану скрывать, — я хотѣлъ обезпечить себя отъ воровъ.

Онъ подошелъ къ шкафу, отворилъ его и вынулъ оттуда небольшую черную ящикъ, запертый тремя висящими замками и повидимому не открывавшіяся уже очень давно.

— Видите ли, дорогой другъ, проговорилъ онъ видимо волнуясь, этотъ ящикъ—все утѣшеніе моей бѣдной жизни, безъ него меня давно бы не стало.

Венцель вынулъ свой, большой съ голубыми цвѣтами, носовой платокъ и бережно вытеръ нозли съ ящика.

— Мнѣ онъ достался въ наслѣдство отъ моего покойнаго отца, продолжалъ онъ печально. За три дня до смерти, онъ призывалъ меня къ себѣ и передалъ мнѣ эту драгоценность. Я долженъ былъ дать ему клятву, что золото, которое лежитъ въ немъ, я возьму только въ послѣдней крайности.—Многого я не могу оставить тебѣ—сказалъ отецъ,—но въ трудныя минуты будетъ утѣшительное сознаніе, что есть кое что и у тебя. Повторяю, это не много, но это чистое золото! Ты поступишь бы преступно если бы открылъ ящикъ въ затруднительныхъ, но не крайнихъ обстоятельствахъ. Только въ послѣдней крайности, когда дойдешь до отчаянія, тогда только прибѣгни къ этому сокровищу. Появись мнѣ всѣмъ святымъ въ жизни, что ты исполнишь свято мой завѣтъ!—И я поклялся, и вотъ вѣрно сдержалъ свою клятву.

— Значитъ вы никогда не нуждались въ крайней степени.

— Я ли не нуждался, сказалъ Венцель, горько усмѣхнувшись. Три года тому я нечаянно раскрылъ себѣ указательный палецъ правой руки; девять недѣль совѣмъ не могъ работать, а мои маленькія сбереженія уходили съ ужасающею быстротою. Мысль о томъ, что будетъ со мною, еще болѣе усиливала мою болѣзнь. Наронецъ я заболѣлъ горячкой, и началъ бредить. Но во время самыхъ сильныхъ пароксизмовъ мысль о ящикѣ меня утѣшала. Я зналъ, что въ крайности все же у меня есть вѣрная поддержка. Это удивительно успокивало и подкрѣпляло меня. Но я настойчиво прогонялъ отъ себя мысль коснуться ящика. И какъ только я рѣшилъ твердо исполнить завѣтъ отца, какъ, сталъ поправляться—а черезъ двѣ недѣли былъ уже совершенно здоровъ—какъ разъ въ-время чтобы еще разъ обойтись безъ помощи ящика. Такимъ образомъ, я могъ бы вамъ привести нѣсколько примѣровъ, въ которыхъ одна мысль объ этомъ ящикѣ всегда меня поддерживала во всѣхъ превратностяхъ жизни. Да испослѣтъ Богъ благословеніе на этотъ даръ и на милаго отца моего!

— У васъ никогда не являлось желаніе открыть ящикъ и посмотреть что тамъ находится.

Венцель отрицательно покачалъ головою.—Я поклялся покойному отцу, проговорилъ онъ торжественно.

— Но такъ пожалуй можетъ случиться, что вы и никогда не узнаете...

Онъ прервалъ меня.

— Если я умру раньше, чѣмъ попаду въ крайнюю нужду—да! Вы видите, что не смотря на мои семьдесятъ лѣтъ, я слава Богу еще бодръ. Но я забылъ вамъ сказать, что на девяностомъ году я могу открыть ящикъ, даже не находясь въ нуждѣ.

— Странное распоряженіе!

— Да, да, странное! Мой покойный отецъ былъ то, что люди называютъ—философъ. По ремеслу онъ былъ сапожникъ, но имѣлъ свѣтлую голову, которая много думала и думала здраво и глубоко.

Венцель замолчалъ и посмотрѣлъ на прозрачный, тихій горизонтъ, за которымъ скрывалось догорающее вечернее солнце.

— Если же я умру раньше этого срока, сказалъ онъ, подумавъ, то я уже позаботился, чтобы сокровище мое не пошло въ дурныя руки. Вы знаете—у меня вѣдь нѣтъ ни дѣтей, ни

родныхъ. Духовная моя сдѣлана и запечатана. Вы, мой милый, наследуете все, что у меня есть.

Я изумился и бросился къ нему въ невольномъ движеніи. Онъ ласково меня остановилъ и успокоивъ, подтвердилъ свое распоряженіе.

Мы разговаривали еще послѣ этаго. Венцель съѣлъ за свою работу, а я спустился внизъ и долго въ раздумьи бродилъ по-томъ въ ночи по пустыямъ городскимъ улицамъ.

Мѣсяцъ спустя добрый старикъ умеръ отъ удара. Глубоко опечаленный этою смертью пошелъ я въ комнату умершаго, чтобы еще разъ взглянуть на своего стараго друга. Видъ мертвеца, на его убогомъ ложѣ, произвелъ на меня глубокое потрясающее впечатлѣніе. Величавымъ покоемъ дышали добрыя черты лица моего друга. Все горькое и неприятное, все что онъ перетерпѣлъ въ жизни не оставило на этомъ лицѣ никакого слѣда, и губы сложились въ спокойную, едва замѣтную улыбку.

Я и два пожилыхъ товарища покойнаго, съ которыми онъ иногда выпивалъ кружку пива въ биргаллѣ „Золотой орелъ“ были единственные лица, провожавшія бѣднѣйшій гробъ.

Съ убогимъ наследствомъ, я получилъ согласно завѣщанію также и чернѣйшій ящикъ.

Я былъ глубоко взволнованъ открывая ящикъ. Онъ оказался совершенно пустъ. На внутренней сторонѣ крышки мнѣ съ трудомъ удалось разобрать слѣдующую надпись:

— „Мой дорогой, горячо любимый сынъ! Въ трудную до-

рогу жизни я тебѣ не могу дать ничего кромѣ благословенія. Съ отчаяніемъ я долженъ это сознать. Мнѣ пришла мысль, оставить тебѣ въ этомъ ящикѣ мнимое богатство. Твоя клятва была мнѣ порукой, что только въ сильной крайности ты откроешь ящикъ и отгадаешь загадку. Тогда ты будешь все равно въ отчаяніи и разочарованіи не подѣлствуешь на тебя слишкомъ сильно. Пока же ящикъ будетъ закрытъ, мысль, что у тебя есть помощь, будетъ тебя поддерживать въ жизненной борьбѣ. Если это будетъ такъ, то золото въ этомъ случаѣ, не играетъ никакой роли. Надѣюсь, что эти строки не попадутъ тебѣ на глаза.

Твой горячо любящій отецъ“.

Я былъ глубоко взволнованъ. Ночью я видѣлъ странный сонъ. Я видѣлъ какое то видѣніе, которое казалось мнѣ то тѣнью отпа моего друга, то тѣнью одного изъ тѣхъ людей вся жизни которыхъ прошла въ заботахъ о страждущемъ человечествѣ.

И мнѣ почудилось, что тѣнь эта мнѣ заговорила:

„Ты вѣдь знаешь моего бѣднаго сына,—болное, страждущее человечество. Посмотри, у меня въ рукахъ таинственный ящикъ упованія и вѣры. Въ немъ только и есть цѣленіе и утѣшеніе лучшее, дѣйствительнѣйшее противъ всехъ земныхъ страданій. Я отдамъ людямъ этотъ ящикъ; и пусть берегутъ его они, какъ зѣницу ока“.

И тѣнь исчезла во мракѣ.

РАЗНЫЯ ИЗВѢСТІЯ.

Часто повторяющіеся взрывы въ шахтахъ въ последнее время, вызвали технику, серьезно заняться прискаиваніемъ средствъ, для устраненія этаго зла. Нѣкто Кларкъ предложилъ дѣлать въ шахтахъ особо устроенныя герметическія помѣщенія, въ которыхъ бы въ случаѣ взрыва могли скрыться лица непосредственно участвующія въ работахъ. Эти помѣщенія должны наполняться чистымъ воздухомъ, посредствомъ проведенныхъ къ нимъ трубъ. Гораздо практичнѣе другое предложеніе одного профессора въ Боннѣ. Онъ совѣтуетъ производить вентиляцію въ шахтахъ посредствомъ наполненія ихъ чистымъ воздухомъ, а не посредствомъ выкачиванія его, какъ это дѣлается теперь. Способъ этотъ имѣетъ то преимущество, что вредные углеродные газы удерживаются внизу шахты, непрерывно прибывающимъ свѣжимъ воздухомъ, наполняющимъ верхнія части помѣщенія. Такимъ образомъ люди находящіеся въ шахтахъ, будутъ дышать всегда свѣжимъ воздухомъ. Еще заслуживаютъ большаго вниманія предложеніе Мейера: приспособленія къ предохранительнымъ фонарямъ. Какъ извѣстно взрывы въ рудоконныхъ ямахъ происходятъ въ большинствѣ случаевъ отъ того что рабочіе открываютъ фонарь. Изобрѣтеніе Мейера состоитъ именно въ томъ, что фонарь нельзя открыть иначе какъ разбивъ предварительно маленькія стеклянныя трубочки особымъ образомъ вдѣланныя въ фонарь. Такимъ образомъ звонъ разбитаго стекла при открытіи фонаря, и указать кто открывалъ фонарь не смотря на запрещеніе.

Новыя русскія керосиновыя лампы. Нашъ кавказскій край богатъ минеральными источниками и горючими веществами—нефтью, нефть-же содержитъ въ свою очередь большое количество минеральнаго масла, которое употребляется у насъ преимущественно для смазки машинъ и также служитъ вывознымъ товаромъ за границу. Машинная мазь эта получила въ послѣднее время большое значеніе въ нашей торговой промышленности. Между тѣмъ для насъ было бы гораздо практичнѣе примѣнять нефть какъ матеріалъ освѣтительный: во первыхъ оно обходилось бы гораздо дешевле керосина, а во-вторыхъ оно безопасно, такъ какъ не причиняетъ взрыва. Въ виду указанныхъ удобствъ, нашъ извѣстный предприниматель г. Рагозинъ предложилъ премию въ 1000 руб. золотомъ тому, кто изобрѣтетъ особаго устройства лампы, для этаго масла. Быть можетъ кому нибудь изъ нашихъ техникувъ и удастся изобрѣсти такую полезную вещь, чѣмъ отвратятся бѣдствія, причиняемые взрывами керосина.

Преобразование въ нашей керосиновой промышленности. Министерство Финансовъ командировало въ это лѣто на Кавказъ двухъ химиковъ, съ цѣлью найти средства усовершенствовать вообще нашу нефтяную промышленность. Эксперты Министерства находятъ что перегонка и очистка сыраго матеріала не должны производиться на мѣстѣ, а въ большихъ городахъ Россіи. Это требованіе совершенно разумно и теперь болѣе осуществимо чѣмъ когда-либо. Уже образовалось у насъ нѣсколько коммерческихъ обществъ, имѣющихъ специально заняться перегонкою сыраго матеріала. Это прекратило бы мѣстную весьма дурную дистилляцію нефти, и послужила бы къ открытію у насъ множества новыхъ заводовъ. Обладая такимъ богатствомъ нефти мы не только пользовались бы сами, но снабжали бы даже керосиномъ и западную Европу. Конечно это было бы возможно, только при значительномъ пониженіи желѣзно-дорожнаго тарифа, и на сырой матеріалъ, и на вывозный керосинъ.

Гаванскія сигары изъ бумаги. Фабрика приготовляющая бумагу

изъ соломы въ городѣ Чатамъ въ штатѣ Нью-Йоркъ поставляеть на островъ Кубу уже нѣсколько лѣтъ кряду особый сортъ соломенной бумаги. Эта бумага необыкновенно тонка и приготавливается изъ самаго чистаго матеріала; притомъ она чрезвычайно легка: стопа ея вѣситъ полтора фунта. Назначенія ея до сихъ поръ не знали, только теперь извѣстно, что изъ нея приготавливаютъ листы для обертыванія гаванскихъ сигаръ. Бумагу пропитываютъ отваромъ изъ табачныхъ остатковъ и зеренъ, высушиваютъ, и затѣмъ прессуютъ. Бумага приготовленная такимъ способомъ, имѣетъ видъ настоящаго табачнаго листа. Даже опытный глазъ не въ состояніи отличить такого бумажнаго листа отъ табачнаго. Но далье является уже поддѣлка. Оказывается, что многіе изъ табачныхъ фабрикантовъ не довольствуются прямымъ назначеніемъ этой бумаги, а приготавливаютъ изъ нея дѣлая гаванскія сигары и любителямъ сигаръ значить приходится вмѣсто табаку, курить соломенную бумагу.

Огне-и-водоупорная бумага. Теперь найдена возможность фабриковать такую бумагу, которая обладаетъ драгоценнымъ свойствомъ—оставаться внѣ влияния воды и огня.

Эта бумага приготавливается слѣдующимъ образомъ: составляютъ смѣсь изъ двухъ третей обыкновенной бумажной массы (тѣста) и изъ одной трети амiantoваго тѣста (каменный лезъ, минеральное волокнистое вещество, изъ котораго приготавливаютъ нестероаемыя полотна и свѣтильни), раствореннаго въ жидкой смѣси обыкновенной соли и квасцовъ. Полученную въ дѣлѣ бумагу погружаютъ въ гуммилаковую ванну, представляющую собою растворъ гуммилака въ алкоголѣ. Потомъ ее подвергаютъ дѣйствию окончателныхъ валковъ, по выходѣ съ которыхъ, бумагу можно уже разрѣзывать на листы. Обыкновенная соль и квасцы придаютъ бумагѣ плотность, дѣлая ее въ тоже время посредствомъ аміанта, способной противостоять дѣйствию огня. Гуммилакъ-же дѣлаетъ ее непроницаемой для сырости и не допускаетъ протечности, такъ что на этой бумагѣ можно такъ-же удобно и писать, и рисовать, какъ и на употребляемой обыкновенно теперь.

Бумага эта особенно пригодна для счетныхъ книгъ, общественныхъ и архивныхъ документовъ, которые останутся цѣлыми и невредимыми, въ огнѣ и водѣ.

Лучшія чернила, которыя бы наименѣе измѣнялись и для такой бумаги, это тѣ-же обыкновенныя чернила изъ чернильныхъ орѣшковъ.

Электрическіе подводные освѣтительные снаряды. Морское Министерство поручило недавно произвести опытъ надъ снарядомъ, изобрѣтеннымъ Эдиссономъ. Средствомъ этаго снаряда можно находить подводныя мины. Снарядъ этотъ „Эдиссоновъ фонарь“, свѣтитъ подъ водою съ одинаковой силой, какъ и на земной поверхности. Опыты производились съ баркасовъ. Средствомъ длиннаго шеста опускали фонарь на такую глубину на какую обыкновенно опускаютъ мины. Дѣйствіемъ электричества, съ баркаса снарядъ освѣщалъ такое обширное пространство, что съ палубы парохода можно было ясно видѣть въ водѣ на разстояніи 300 метровъ въ окружности всѣ предметы. Эксперты говорятъ, что опыты были весьма удачны.

Отклоненіе Ніагары. Гигантскіе скалы Ніагары, подались назадъ на 100 футовъ съ 1842 года, когда было произведено первое тригонометрическое вычисленіе; такимъ образомъ скалы эти отклоняются почти на 2³/₄ фута ежегодно. Это происходитъ отъ постепеннаго подыманія и обваливанія нижнихъ скалъ.

КЪ НАШИМЪ ЧИТАТЕЛЯМЪ.

ОБЪ ИЗДАНИИ ЖУРНАЛА „НИВА“ ВЪ 1881 Г.

Небывалое до сего въ русской журналистикѣ количество подписчиковъ — 55000, т. е. больше, чѣмъ у всѣхъ существующихъ въ Россіи иллюстрированныхъ изданій такого рода, взятыхъ вмѣстѣ, въ нынѣшнемъ 1880 году доказало то сочувствіе и довѣріе, которыми нашъ журналъ пользуется. Число это неизмѣнно увеличивается, что совершенно понятно, такъ какъ всѣмъ нашимъ постояннымъ подписчикамъ извѣстно, что „Нива“ улучшается съ каждымъ годомъ, количество матеріала все увеличивается, программа расширяется и достоинство богатыхъ премій возвышается неизмѣнно — **цѣна же остается при всѣхъ этихъ дорогихъ и капитальныхъ улучшенияхъ та же.** „Нива“ — соображая массу даваемого матеріала — **самый дешевый иллюстрированный журналъ** не только въ Россіи но и за границей, что видитъ всякій, знакомый съ заграничными, такого рода, изданіями. Программа журнала, цѣна — остаются тѣ же и какъ и въ прежніе 11 лѣтъ и издатель будетъ постоянно улучшать достоинство матеріала.

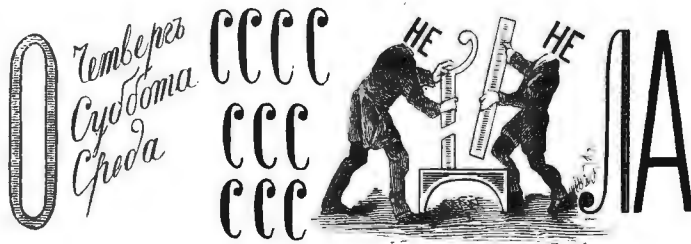
Что касается матеріала вообще и произведеній, имѣющихся въ нашемъ распоряженіи **для помѣщенія въ „Нивѣ“, въ будущемъ 1881 году**, у насъ есть, кромѣ массы художественно-выполненныхъ гравюръ, цѣлый рядъ **капитальныхъ литературныхъ произведеній** какъ: большой историческій романъ изъ русской жизни XVIII в., автора извѣстныхъ историческихъ романовъ, **Вс. С. Соловьева: „Сергій Горбатовъ“**; большая повѣсть **Н. Н. Каразина: „Старый Юлдашъ“** (изъ жизни въ средне-азиатскихъ пустыняхъ) **Н. Морскаго** (автора романа „Купленное счастье“), большая повѣсть „Подъ землею“; повѣсть **В. Г. Авсѣенко „Мгновеніе“**; два разсказа **Н. Успенскаго** — „Охотники“ и „Небывалый случай“; два разсказа **П. П. Гнѣдича** „По домашнимъ обстоятельствамъ“ и „Подъ снѣгомъ“; повѣсти **А. С. Максимова: „На Востокъ“**, „Разсказъ топографа“ и „На островѣ Аскольдъ“; разсказъ **В. Петрова „Горные орлы“**, изъ временъ Герцеговинскаго движенія; рядъ очерковъ: по исторіи русской литературы — **А. П. Милюкова, П. П. Гнѣдича, Н. Боева** и друг.; по естественнымъ наукамъ и гигиенѣ — **А. Ф. Брандта, И. В. Фесенко, Н. Дружинина, Э. И. Нивинскаго** и многія другія. Какъ **преміи на будущій 1881 г.** мы дадимъ (кромѣ большаго стѣннаго календаря на 1881 г., который будетъ приложенъ при первомъ № за 1881 годъ) **двѣ превосходныя, исключительно для „Нивы“ исполненныя, большія акварели знаменитаго М. Зичи, придворнаго художника Е. И. Величества.** Новыя двѣ картины **М. Зичи** изображаютъ двѣ сцены одной изъ лучшихъ повѣстей гениальнаго нашего писателя **Н. В. Гоголя** — „Тарасъ Бульба“, Первая сцена „Въ осажденномъ городѣ“, свиданіе Андрія, — младшаго сына Тараса Бульбы, который приноситъ тайно хлѣбъ въ замокъ — съ красавицей полькой. Вторая — „Встрѣча Тараса съ Андріемъ, послѣ его измѣны“ на полѣ битвы подъ осажденнымъ городомъ. Тутъ художникъ удивительно блестяще воспользовался всѣми данными, какія представляютъ эти высоко-художественныя, превосходныя сцены. Преміи эти будутъ высланы, не смотря на значительные расходы за высылку (за одни картонные футляры и почтовые марки въ 1880 году при высылкѣ премій было заплачено около 8,000 рублей, не говоря о самыхъ картинахъ), какъ и въ прошлыхъ годахъ — совершенно бесплатно для гг. годовыхъ подписчиковъ — не увеличивая за то подписной цѣны. Такимъ образомъ въ будущемъ 1881 году „НИВА“ получитъ еще новыя улучшения, еще болѣе дорогія преміи и въ ней появятся оригинальныя произведенія самыхъ талантливыхъ русскихъ писателей и художниковъ.

Подробное объявленіе о подписныхъ цѣнахъ можно видѣть на 1-ой страницѣ номера подъ титуломъ.

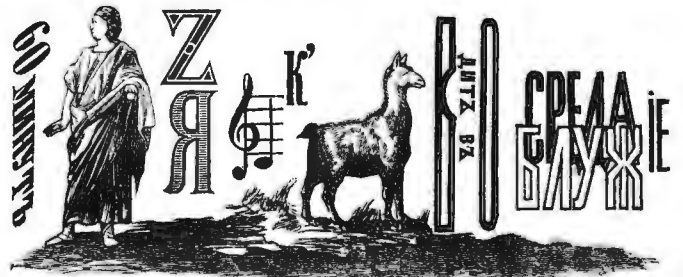
Желающихъ подписаться на будущій 1881 г. „Нивы“ просятъ заблаговременно обращаться въ Главную Контору редакціи журнала „Нива“, помѣщающуюся въ С.-Петербургѣ, Большая Морская ул., д. № 9.

Издатель „Нивы“ **А. Ф. Марксъ.**

РЕБУСЪ.

РЕБУСЪ.

Магическіе квадраты.

№ 81.

а	а	а	а	в
д	д	и	и	к
е	л	л	о	о
о	о	р	т	т
у	у	х	х	ш

№ 82.

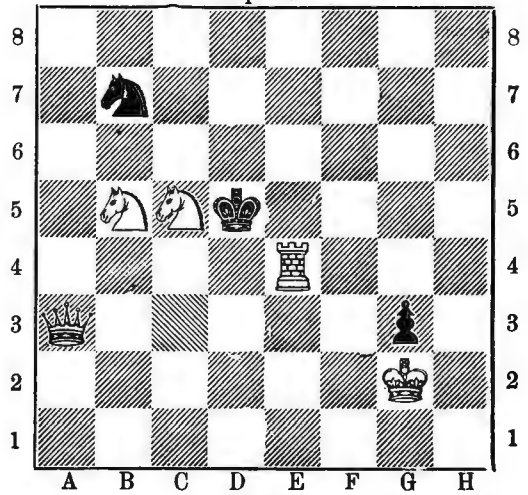
а	а	а	а	в
в	д	д	д	д
е	е	л	л	м
м	о	о	о	о
о	о	о	о	п

Задача Ходъ Короля № 78.

на	не	чѣмъ	ше	но	од	ча	ешъ					
я	бес	за	е	нуш	ни	во	дней	о	свѣт	ро	ля	
тишь	ле	съ	ешъ	нѣнь	ни	спо	но	лѣшь	лхъ	лестъ	став	ванъ
на	пер	ю	тво	ша	е	от	ты	ра	ю	пре	е	о
то	ей	стрѣ	тѣй	ни	ей	сво	танъ	же	и			
ло	шеч	канъ	ты	за	чѣмъ							
шу	ю	въ	ю	шеч	ю							
ни	о	ду	и	въ	же	бо	звѣз	я	но			
ша	не	тѣс	ни	вит	ра	пра	что	ты	ришь	ле	лы	ца
ду	нит	о	бы	достъ	ся	достъ	нѣ	го	намъ	да	серд	ни
си	й	гѣ	ра	ва	лой	бѣд	ско	я	из	ня	и	
е	то	со	пра	стві	ро	нѣ	ешъ					

Шахматная задача № 80.

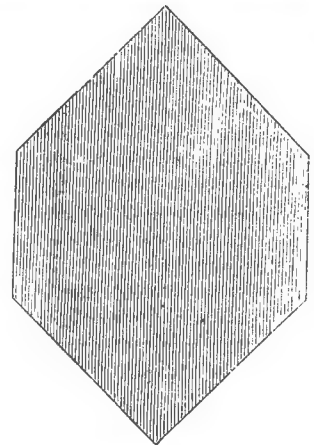
Черные.

Бѣлые начинаютъ и выигрываютъ въ 3 хода.

Геометрическая задача № 79.

Данную фигуру раздѣлить двумя линиями такъ, чтобы изъ полученныхъ частей можно было сложить квадратъ.

О ПЕРЕМѢНѢ АДРЕСА.

Контора журнала «Нива» проситъ своихъ гг. иногородныхъ подписчиковъ при перемѣнѣ адреса изъ одного города въ другой, присылать прежній печатный адресъ и прилагать 28 коп. почтовыми марками на типографскіе расходы.

СОДЕРЖАНІЕ: Будущій президентъ Северо-Американскихъ Штатовъ (съ портр.). Лѣсникъ. Разсказъ Б. М. Маринича (Охотчаніе).— Мистеръ Динъ. Разсказъ Чарльза Коллинза.— Хининъ. Очеркъ Г. Велькова.— Осень. Стихотвореніе В. Львова.— Вскрытіе духовнаго завѣщанія (съ рис.).— Идетъ конная гвардія (съ рис.).— На выставкѣ 1880 г. въ Туринѣ (съ 2 рис.).— Внутреннее устройство Императорской яхты «Ливадія» (съ рис.).— Новые изобрѣтенія (съ 7 рис.).— Политическое обозрѣніе.— Смѣсь.— Въ нашнхъ читателяхъ.— Ребусъ.— Магическіе квадраты.— Задача ходъ короля.— О перемѣнѣ адреса.— Геометрическая задача.— Шахматная задача.— Объявленія.

Издатель А. Ф. Марисъ.

Редакторъ Ф. Бергъ.

С.-ПЕТЕРБУРГСКАЯ ТЕХНО-ХИМИЧЕСКАЯ ЛАБОРАТОРІЯ.

Съ разрѣшенія С.-Петербургскаго Врачебнаго Управленія:
 Зубной эликсиръ 75 к.
 Зубной эликсиръ Тимоховскій 1 р.
 Зубной порошокъ розовый 15 к. и 25 к.
 Зубной порошокъ Тимоховскій 60 к.
 Хлнная вода для укрѣпленія волосъ 60 к.

МАГАЗИНЫ ВЪ С.-ПЕТЕРБУРГѢ:

На Литейномъ просп., близъ Пантелеймоновской, № 25.

На Петербургской сторонѣ, по Большому просп., № 28.

Въ Москвѣ: по Тверск. ул., близъ Страстнаго монаст., д. Малкіела.

Оптовый складъ и контора въ С.-Петербургѣ по Толмазову пер. противъ Гостиного двора д. № 2, куда гг. иногородные благоволятъ обратиться со своими заказами. Торговцамъ значительная скидка.

ТОРГОВЦАМЪ ЗНАЧИТЕЛЬНАЯ СКИДКА.

Подробные прейсъ-курранты (оптовые или розничные) высылаются немедленно и безплатно.

К. № 985

Просимъ обратить вниманіе на фирму:

С.-П.-БУРГСКАЯ ТЕХНО-ХИМИЧЕСКАЯ ЛАБОРАТОРІЯ.

Изданія А. ф. Маркса въ СПБ.

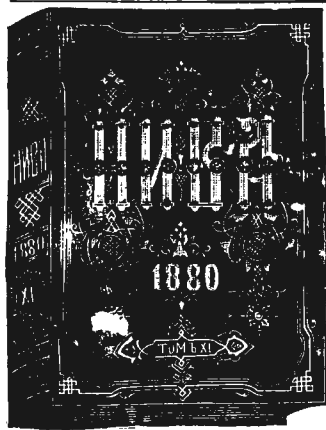
Большая Морская, д. № 9.

ДВУНОГІЙ ВОЛКЪ, романъ въ 2-хъ част. Н. Каразина съ 20 рисунками автора, печатанъ на лучшей альбомной бумагѣ. Романъ этотъ знакомитъ читателя съ туркестанскимъ краемъ и переведенъ на нѣм. и англ. языки, что краснорѣчиво говоритъ въ его пользу. Ц. 2 р. съ перес. 2 р. 30 к. Для подписч. «Нивы» 1 р. 80 к., съ перес. 2 рубля.

МОСКВА И ТВЕРЬ, историч. повѣсть В. И. Кельсева съ рисунками Панова. Ц. 1 р. 50 к., съ перес. 2 р.; для подписч. «Нивы» на 1880 г. 1 р. 30 к. съ перес. 1 р. 50 к.

ПРО ЧТО ЩЕБЕТАЛА ЛАСТОЧКА. Соч. Штимагена. Съ портретомъ и биографіею автора. Ц. 1 р. 50 к., съ перес. 2 р. для подписч. «НИВЫ» 1880 г. 80 к. съ перес. 1 р.

СЕМЬЯ ВОЛЬНОДУМЦЕВЪ. Историческая повѣсть временъ Екатерины II. П. Пестрова и Кюшишкова. Ц. 1 р. для подписч. «НИВЫ» 1880 г. 75 к. съ перес. 1 р.

КРЫШКИ для перешета „НИВЫ“ изъ лучшаго англійскаго валанкора съ золот. тисненіемъ за 1880 г. и также на 1881 г. по вышеповазанному образцу 1 р., съ перес. 1 р. 50 к. Каждый простой перешетчикъ легко можетъ перешести „НИВУ“ въ такую коленкоровую крышу.

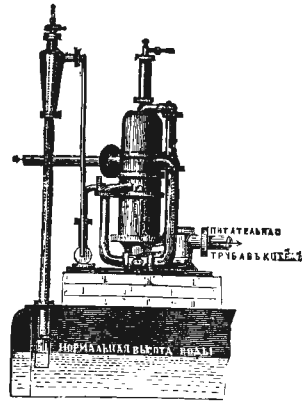
Также имѣютъ крышки для „НИВЫ“ прежнихъ лѣтъ т. е. отъ 1870—1879 гг. по той же цѣнѣ.

Изданія А. Ф. Марноа въ Спб.
Большая Морская д. № 9.
ПОВѢСТИ И РАЗСКАЗЫ
Воеводо Крестовскаго.
(автора „Петербуржскихъ Трущобъ“) 3-е изданіе. Ц. 1 р. 25 к. съ перес. 1 р. 60 к. для подписч. „НИВЫ“ 1 р. 25 к., съ перес. 1 р. 50 к.

С. Г. КОНФЕЛЬДЪ.

ДРУГЪ КОЧЕГАРА.

Всасывающая труба изъ выше или ниже изложеннаго резервуара.

Автоматическій питающій аппаратъ.

Главный представитель для Россіи Г. Паушъ въ Ландсбергѣ н/В. и другихъ извѣстныхъ иностранныхъ заводовъ, предлагаетъ поставку машинъ лучшихъ издѣлій съ установкою и ручательствомъ.

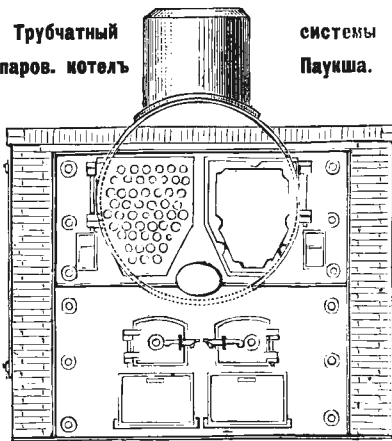
- 1) Патентованные трубчатые паровые котлы системы Паушъ и паровики другихъ конструкцій.
 - 2) Паровыя машины различныхъ конструкцій.
 - 3) Турбины и водяныя двигатели.
 - 4) Полное устройство пилебушаныхъ фабрикъ.
 - 5) Устройство кирпичныхъ заводовъ.
 - 6) Устройство паровыхъ винокуренныхъ заводовъ съ ручательствомъ при примѣненіи патентованнаго универсальнаго солодоваго аппарата для высушки зерна, майса и картофеля.
 - 12) Разные предметы, какъ-то: локомотивы съ патентованнымъ устройствомъ газовыхъ заведеній, патентованные автоматическіе котлопитательные аппараты „ДРУГЪ КОЧЕГАРА“ (Ягчи) и другіе различные предметы: какъ-то: сталь, болты, гайки, инструменты и т. д.
- Отзывы и свидѣтельства о произведенныхъ поставкахъ, а равно совѣты и свидѣнія, всегда въ услугамъ желающихъ. Чертежи и сметы изготовляются въ самое непродолжительное время.
- Относительно патентованнаго котлопитательнаго аппарата считаю долгомъ присовокупить, что таковой значительно усовершенствованъ и производительность его увеличена. Отзывъ русскихъ промышленниковъ и заводчиковъ о дѣйствіи его аппарата всегда въ услугамъ желающихъ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Большая Морская, д. № 6.

МОСКВА.

Красныя ворота, д. Ададурова.

Болѣе 2000 въ дѣйствіи

НАХОДЯТСЯ ВЪ ПРОДАЖѢ
у всѣхъ книгопродавцевъ

С. М. СОЛОВЬЕВА:

УЧЕБНАЯ КНИГА РУССКОЙ ИСТОРИИ (рекомендована Ученнымъ Комитетомъ Мин. Нар. Просв. какъ учебное руководство для средно-учебныхъ заведеній). Новое изданіе 1880 г. Цѣна 1 р. 25 к.

ИСТОРИЯ РОССИИ СЪ ДРЕВНѢЙШИХЪ ВРЕМЕНЪ, 29 томовъ, по 2 р. каждый.

Книгопродавцевъ просятъ обращаться за означенными сочиненіями въ склады ихъ: въ Петербургѣ—у Воеводо Сергѣевича Соловьева (Офисерская, домъ № 51), и въ Москвѣ—у Полиссенъ Владиміровны Соловьевой (Пречистенка, домъ Лихутина). № 984 1—1.

„РУССКАЯ МЫСЛЬ“

НАУЧНЫИ, ЛИТЕРАТУРНЫИ И ПОЛИТИЧЕСКІИ
ЖУРНАЛЪ,

выходящій ежемѣсячно безъ предварительной цензуры, книгами отъ 28 до 35 листовъ.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА

НА 1881 ГОДЪ.

(ВТОРОЙ ГОДЪ ИЗДАНІЯ).

УСЛОВІЯ ПОДПИСКИ:

Безъ доставки.	Годъ: 6 мѣсяцевъ.	3 мѣсяца:	1 мѣсяць:
Съ доставкою въ Москвѣ.	15 р.	8 р. — к.	4 р. — к.
Съ пересылкою въ другіе города.	16 »	8 » 50 »	4 » 50 »
За границу.	17 »	9 » — »	5 » — »
	19 »	10 » — »	7 » — »

Годовымъ подписчикамъ, подписывающимся въ конторѣ журнала, допускается слѣдующая расценка: при подпискѣ вносится 7, 6 или 5 руб., соотвѣтственно цѣнѣ съ пересылкой, доставкой или безъ доставки, 5 р. къ 1-му апрѣлю и 5 р. къ 1-му іюлю.

КНИЖНЫЕ МАГАЗИНЫ ПОЛЪЗУЮТСЯ ОБЫЧНОЮ УСТУПКОЮ.

ПРОГРАММА ЖУРНАЛА ОСТАЕТСЯ БЕЗЪ ИЗМѢНЕНІЯ.

Съ январской книги начнется печатаніе исторической повѣсти

Г. П. ДАНИЛЕВСКАГО:

„НА ИНДІЮ, ПРИ ПЕТРЪ“.

Подписка принимается въ конторѣ журнала, въ Москвѣ, на Долгоруковской улицѣ, домъ Дреземейра, во всѣхъ наиболее извѣстныхъ магазинахъ Москвы, Петербурга и другихъ городовъ и въ конторѣ объявленій Н. Печковской, Москва, д. Петровскихъ торговыхъ лавокъ.

Контора открыта ежедневно отъ 10 часовъ утра до 5 часовъ вечера. Редакція отвѣчаетъ на исправленную и своевременную доставку журнала только передъ тѣми подписчиками, которые подписываются въ ея конторѣ или присылать деньги на имя послѣдней.

Подписка на 1880 годъ продолжается.

Редакторъ: А. С. Юрьевъ.

Издатель: В. М. Лавровъ. П. М. № 988

ВАЖНО для ЗЕМЛЕДѢЛЬЦЕВЪ и ЛЮБИТЕЛЕЙ СЕЛЬСКАГО ХОЗЯЙСТВА.

Знаменитыя молотилки Вейля, получившия европейскую извѣстность, необходимы въ каждомъ сельскомъ хозяйствѣ. Онѣ доставляются въ меньшихъ и въ большихъ размѣрахъ и съ разной производительностью, на всѣхъ станціяхъ желѣзныхъ дорогъ въ Россіи, готовы въ употребленіе. Можно писать по русски, что бы получить ближайшія подробности и каталоги, въ машинный заводъ

МОРИЦА ВЕЙЛЬ младш. въ Франкфуртѣ на Майнѣ Германія.

Иллюстрированный Альбомъ съ подробнымъ описаніемъ и рисунками посылается заказнымъ и франко по высылкѣ 90 коп. почтов. марками. Рг. № 982. 10—1.

СПЕЦІАЛЬНЫЙ МАГАЗИНЪ

„ДОМАШНЕЕ ХОЗЯЙСТВО“ И. И. БАЛДИНА.

Столешниковъ переулочъ, домъ Корзинкина, въ Москвѣ.

РЕКОМЕНДУЕТЪ

полный столовый сервизъ на 12 персонъ, заключающійся въ 180 предметахъ за 30 р., съ упаковкою и пересылкою по желѣзной дорогѣ—35 р.

СОСТАВЪ СЛѢДУЮЩІИ:

12 тарелокъ глубокихъ.	12 стакановъ для краснаго вина.
24 тарелки мелкихъ.	12 рюмокъ для вина.
12 тарелокъ десертныхъ.	12 „ для водки.
12 „ для пирожковъ.	2 графина.
1 миска.	1 судокъ для уксуса и масла.
1 салатникъ.	12 ножей и вилокъ.
1 соусникъ.	12 столовыхъ ложекъ.
1 подливочникъ.	12 чайныхъ ложекъ.
2 блюда овальныхъ.	12 солонокъ хрустальныхъ.
2 „ круглыхъ.	12 подставокъ для ножей.
12 стакановъ для чая.	

Итого 180.

Вновь получены столовые и чайныя сервизы русскихъ, англійскихъ и французскихъ фабрикъ: чашки отъ 1 р. 80 к. дюж., стаканы отъ 70 коп. Полное домохозяйство 90 руб., съ пересылкою по желѣзной дорогѣ—100 р. Кровати съ пружиннымъ матрацомъ и перинкой отъ 24 р. Керосиновыя кухни съ приборомъ отъ 3 руб.

Складъ жезако-эмалированной посуды. Ц. № 986. 1—1.

**ПРИНИМАЕТСЯ ПОДПИСКА
НА**

„С.-ПЕТЕРБУРГСКІЯ ВѢДОМОСТИ“ 1881 ГОДА:

„С.-Петербургскія Вѣдомости“ въ 1881 году будутъ выходить, какъ выходять и нынѣ, ежедневно, листами большаго формата подь прежнею редакціей.

УСЛОВІЯ ПОДПИСКИ:	На годъ.	11 мѣс.	10 мѣс.	9 мѣс.	8 мѣс.	7 мѣс.	6 мѣс.	5 мѣс.	4 мѣс.	3 мѣс.	2 мѣс.	1 мѣс.
Везъ доставки	14 р. 50 к.	13 р. 75 к.	13 р. — к.	12 р. — к.	10 р. 50 к.	9 р. 50 к.	8 р. 50 к.	7 р. — к.	5 р. 50 к.	4 р. 50 к.	2 р. 80 к.	1 р. 50 к.
Съ дост. по гор. почтѣ . . .	16 „ — „	15 „ — „	14 „ — „	13 „ — „	11 „ 50	10 „ 50	9 „ 50	8 „ — „	6 „ 50	4 „ 80	3 „ 30	1 „ 80
Съ пересылкою иногор. . . .	17 „ — „	16 „ — „	15 „ — „	14 „ — „	13 „ — „	12 „ — „	10 „ — „	9 „ — „	7 „ — „	5 „ 50	4 „ — „	2 „ 30
Съ пересылкою за границу . .	24 „ — „	22 „ — „	20 „ — „	18 „ — „	16 „ — „	14 „ — „	13 „ — „	12 „ — „	10 „ — „	7 „ — „	5 „ — „	3 „ — „
Съ казенными прибавленіями въ годъ	19 р. 50 к.	съ пересылкою — доставкою 18 р. 50 к.										

Подписываться можно на всѣ ероки не иначе, какъ съ 1-го числа каждаго мѣсяца, съ доставкою по городской почтѣ, въ Петербургъ и пересылкою во всѣ города Россійской Имперіи, и безъ доставки, съ получениемъ номеровъ въ конторѣ.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ: въ С.-Петербургѣ—въ главной конторѣ газеты, на углу Невскаго и Литейной, д. № 59—62, а также въ книжныхъ магазинахъ Я. А. Исакова, М. О. Вольфа, И. И. Глазунова, Н. Г. Мартынова, Н. О. Фену и другихъ книжныхъ магазинахъ.

Въ Москвѣ—въ Центральной конторѣ объявленій—Большая Дмитровка, д. Вучумова, въ конторахъ: Н. А. Мейеръ—Моросейва, д. Леоновыхъ, А. Лурия—Кузнецкій мостъ, д. вн. Долицина и Печовской—домъ Петровскихъ янѣй.

Допускается разсрочка платежа подписныхъ денегъ для служащихъ—по третямъ, черезъ ихъ казначеевъ; неслужащіе же могутъ обращаться съ своими заявленіями исключительно въ главную контору редакціи.

Подписчики, которымъ допускается разсрочка въ платежей за годовую экземпляръ съ пересылкою, доставляютъ деньги въ слѣдующіе сроки: при самой подпискѣ 7 р., въ концѣ марта 7 р. и въ началѣ августа 3 р., съ доставкою въ Петербургъ—уплачиваютъ конторѣ при самой подпискѣ 5 р. 50 к., въ концѣ марта 5 р. 50 к. и въ концѣ іюля 5 р. Главная контора проситъ точно выполнять эти условія, такъ какъ только про соблюденіи ихъ возможна правильная доставка газеты.

Главная контора проситъ гг. иногороднихъ подписчиковъ обозначать тѣ ближайшія станціи, гдѣ есть почтовые учрежденія, въ противномъ случаѣ С.-Петербургскій почтамтъ за правильную доставку газеты не отвѣчаетъ. № 980 2—1

АМЕРИКАНСКІЙ ПЕРЕПЛЕТЧИКЪ.

Для шиванія бумагъ, счетовъ, газетъ, тетрадей, журналовъ и пр.
Для брошюровки книгъ, изданій, документовъ и пр.
Для прикрѣпленія картъ, этикетовъ, цѣркуляровъ, выѣсокъ, ковровъ въ полу, занавѣсы и пр.

Для снрѣпленія мелкихъ столярныхъ и ажурныхъ работъ.
Цѣна аппарата съ 500 штфтами 1 р. 75 к. съ пересылкой 2 р. Штфтики 1000 шт. 1 р. 50 к., съ пересыл. 1 р. 75 к.; Штфтики 100 штукъ 20 к., съ пересыл. 25 к.

АМЕРИКАНСКІИ ВОЛЧЕКЪ

показываетъ вращеніе земнаго шара въ маломъ размѣрѣ. Кромя того онъ вертится по стеклу, держится на лавцахъ, танцуетъ вверхъ и внизъ по протянутой веревкѣ, обжигъ по краямъ чайнаго стакана. Цѣна 75 коп. за штуку, съ пересыл. 1 руб.

ВЪСЫ ДЛЯ ПИСЕМЪ

необходимы всякому купцу и конторщику, а также въ хозяйствахъ. Эти вѣсы можно помѣстить въ бумажный или въ портфель, и не смотря на изящную работу и вѣрность вѣса, цѣна имъ 60 к., съ пересыл. 75 к.

Г. ПЕТО, Спб. Караванная, № 14 -16. № 943. 1—1

ОБЫДЕННАЯ ЖИЗНЬ.

Справочная книга съ объяснительн. рисунками. Составилъ И. В.—въ. Цѣна 2 р. 20 к.
Содержаніе: Домоводство, сохраненіе здоровья, дѣченіе болѣзней, воспитаніе дѣтей, садоводство, предсказаніе погоды и проч. и проч.
Продается у всѣхъ книгопродавцевъ Петербурга и Москвы. Складъ изданія въ Москвѣ, на Петровкѣ, противъ Кузнецкаго моста, домъ Хомакова, у Н. М. Корнилова.
Записывающіе въ складъ за пересылку не платятъ. Вмѣсто копѣекъ можно прилагать почтовые марки. № 981. 3—1

ЖИВОПИСНЫЙ

**ОБИХОДНЫИ КАЛЕНДАРЬ
НА 1881 ГОДЪ**

**СЪ ПРИЛОЖЕНІЕМЪ
СТѢННАГО КАЛЕНДАРЯ.**

Календарь этотъ печатается въ форматѣ большаго 8го листа, на розовой бумагѣ, съ многочисленными, художественно исполненными рисунками, въ объемѣ болѣе 80 страницъ. Вообще онъ будетъ имѣть при богатомъ содержаніи также чрезвычайно изящный внѣшній видъ. Содержаніе „Живописнаго Обиходнаго Календаря“ слѣдующее: Церковныя свѣдѣнія, (Календари для православныхъ, протестантовъ, католиковъ, армяно-грегоріанъ, евреевъ и магометанъ), Астрономическія свѣдѣнія, Народныи Календарь (устроенные народомъ способы предсказанія погоды, прихвѣты, повѣрья и проч.), Генеалогическія свѣдѣнія, Географическо-Статистическія и Историческія свѣдѣнія (справочно-поисительная таблица, по которымъ можно будетъ составить вѣрное попятіе о всякомъ городѣ Россійской имперіи, о его вѣматѣхъ, вѣнатіяхъ жителей, о находящихся въ немъ учебныхъ заведеніяхъ и пр.), Почтовая, Телеграфная, Железно-дорожныя, Кошмерческія, Финансовыя, Судебныя, Медицинскія, Сельско-Хозяйственныя свѣдѣнія и свѣдѣнія по домашнему хозяйству. Адресо-указатель присутственныхъ мѣстъ, общественныхъ учреждений и пр. Особый отдѣлъ будетъ наполненъ разнообразными совѣтами на всевозможные случаи обиходной жизни. Этотъ отдѣлъ будетъ составленъ по временнымъ года и въ немъ можно будетъ найти не многочисленныя, но толковыя и практическіе совѣты по домашнему и сельскому хозяйству, объ устройствѣ и содержаніи жилищъ, о различныхъ занятіяхъ въ разныя времена года, объ увеселеніяхъ, правлахъ разныя, болѣе употребительныхъ върѣ (бильярдъ, бродетъ, вѣгил, шахматы, пасьясы и т. п.), о выборѣ костюмовъ, о танцахъ и пр. и пр. Эти совѣты будутъ приурочены для людей всѣхъ сослояній. Анекдоты, Ребусы, Мелкія стихотворенія, Нарриматуры, Загадки и т. п. Русская печать и проч. Всѣ эти свѣдѣнія составлены и расноложены по особому плану, гораздо болѣе удобному для справокъ, чѣмъ въ другихъ календаряхъ.

Сверхъ того „Живописный Обиходный Календарь“ украсенъ многочисленными рисунками, портретами, видами и пр. Кромя того при „Живописномъ Обиходномъ Календарѣ“ будетъ приложенъ отдѣльный

СТѢННОЙ КАЛЕНДАРЬ НА 1881 годъ,

художественно исполненный и прекрасно отпечатанный тремя красками на весьма хорошей папѣ. Содержаніе „Стѣннаго календаря“ слѣдующее: Указаніе дней и чиселъ, Церковныя и Царскіе праздники, а также постныя дни, Почтовая и Телеграфная такса, Пожарныя сигналы С.-Петербурга и Москвы, Мѣры, Горбовая и Венселейна такса.

Цѣна „Живописнаго Обиходнаго Календаря“, въ красивой толстой обложкѣ гранитнаго цвѣта съ приложеніемъ „Стѣннаго Календаря“ 30 к., за пересылку 10 к.

„ЖИВОПИСНЫЙ ОБИХОДНЫИ КАЛЕНДАРЬ“ будетъ продаваться у издателя М. Янобсона, Эртелевъ пер., 7, кв. 5, въ С.-Петерб. у книгопродавца Э. Гарты (книжный складъ журнала „Россійская Библиографія“), Невск. пр. 27, въ С.-Петербургѣ и во всѣхъ извѣстныхъ книжныхъ и бумажныхъ магазинахъ Россійской имперіи. Рѣ № 988

ТОРГОВЫИ ДОМЪ

С. В. ВЕДЕРНИКОВА.

Фирма существуетъ съ 1869 года.

ГОСТИННЫЙ ДВОРЪ

въ С.-Пб.

ЗИМНІИ СЕЗОНЪ.

Большой выборъ дамскихъ и дѣтскихъ мѣховыхъ Ротондъ, Шубокъ, Манто и Souf-touts: на разныхъ мѣхахъ и съ разными мѣховыми и модными мѣховыми отдѣлками, крытыя различными новѣйшими шелковыми, полумшелковыми и шерстяными тканями.

ТАКЖЕ

**КОТИКОВЫХЪ НАСТОЯЩИХЪ И ИМИТАЦІЯ
ВОРОТНИКОВЪ, ШАПОКЪ И МУФТЬ.**

ПРЕЙСЪ-КУРАНТЬ

Шапки настоящаго котика	отъ 10 р.	— к.	и дороже.
Муфты	„	22 „	— „
Воротники	„	20 „	— „
Шапки имитасень котикъ	„	2 „ 50	— „
Муфты	„	5 „	— „
Воротники	„	— „	— „
Лутровые	„	3 „	— „

Торговый домъ по воскреснымъ днямъ закрытъ. № 983

ВЫШЛА НОЯБРСКАЯ КНИЖКА

„СОВРАНІЯ РОМАНОВЪ“.

Гваранъ, Густава Эмара.—Дѣти герцога, Энтони Троллопа.—Паровой домъ, Жюль Верна.—Любовь и вѣра.—Не выдумка.

Въ вышедшихъ десяти книгахъ нынѣшняго года, окончено уже семь романовъ: Сломанный вѣтеръ, Арсена Гуссе; Намѣреніи мистера Стюарта, Ф. Робинсона; Слѣды на снѣгу, Дорн Россель; Терновый замокъ, Луи Ульбаха; Трагическое наслѣдство, Константа Гару; Преступленіе Марсьяла, Луи Ульбаха. Что въ имени тебѣ моему? Э. Д. Джерарда.

Къ печати приготовлено: СПЯТАННОЕ ЗОЛОТО, Френка Баррета.

Цѣна за годовое изданіе, состоящее изъ 12 книгъ большаго формата выходящихъ всегда въ началѣ мѣсяца и составляющихъ въ годъ около пяти тысячъ страницъ, безъ доставки десять руб. пятьдесятъ коп., съ доставкою въ С.-Петербургѣ—одиннадцать руб., для иногороднихъ подписчиковъ—дѣвѣнадцать. Подписка принимается исключительно на имя издательницы Елисаветы Николаевны Ахматовой, въ домѣ Жербина, на Михайловской площади, въ С.-Петербургѣ.

Подписка продолжается. Выдаются всѣ вышедшія книги съ № 1-го.

При редакціи открыта книжная торговля. Каталогъ высылается безплатно. № 983 1—1

БЛАГОВОННЫЕ ТОВАРЫ

ФАБРИКИ

Брокеръ и К^о. въ Москвѣ,

удостоенные медалью на всемірной Парижской выставкѣ, можно получать въ С.-Петербургѣ:

У Рузанова, Савельева, Сафронова, Аверьянова, Урлаубъ и Рейнбергъ, Литейная, на углу Бассейной и у прочихъ торговцевъ. № 983 5—2

**ВЪ МАГАЗИНЪ ЧАСОВЪ
ПАВЛА БУРЕ.**

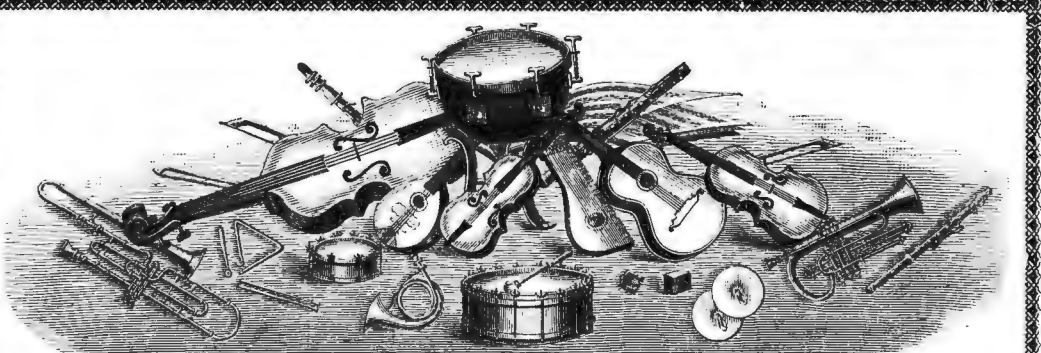
Поставщикъ Высочайшаго Двора
Невскій просп., № 23 въ С.-Петербургѣ,
золотые мужские часы.
западающиеся ключемъ.

СОБСТВЕННОЙ ФАБРИКИ
Американе на 15 канжахъ закрытые, 75,
80 и 85 р. с.

Также же 1-го сорта съ брентовскимиъ во-
лоскомъ 60, 95, 100 и 110 р. с.

Тамже высшаго достоинства съ уравнитель-
нымъ магнитномъ отъ 12 до 175 р. с.
Для завода часовъ прилагается золотой
ключъ.

Пересылка на счетъ магазина.
Подробный прейсъ-курантъ высылается
бесплатно. № 880 33-7

ГЛАВНОЕ ДЕПО МУЗЫКАЛЬНЫХЪ ИНСТРУМЕНТОВЪ

Юлія Генриха Циммермана.

С.-Петербургъ, по Большой Морской улицѣ, № 42.

рекомендуетъ вновь полученныя изъ самыхъ извѣстнѣйшихъ Парижскихъ, Вѣнскихъ и Итал-
янскихъ фабрикъ съ фабричнымъ цѣнамъ:

Скрипки по 2 1/2 р., 5 р., 8 р., 12 р., 20 р., 30 р., 50 р., 100 р. и др.
Смычки для скрипокъ по 50 к., 1 1/4 р., 2 р., 3 р., 6 р., 10 р. и др.
Футляры для скрипокъ по 5 р., 6 р., 10 р., 12 р., 20 р.
Школы для скрипки (самоучитель) по 2 р., 3 р., 4 р. и 5 р.
Альты по 9 р., 15 р.; 30 р., 50 р. и др.
Виолончели по 20 р., 30 р., 40 р., 50 р., 80 р., 100 р. и др.
Контрабасы по 45 р., 65 р., 100 р., 120 р.
Цитры по 14 р., 16 р., 25 р., 35 р., 50 р., 75 р. и др.
Школы для цитры по 2 р. и 3 1/2 р.,
Гитары по 5 р., 7 р., 10 р., 15 р., 20 р., 30 р., 50 р. и др.
Школы для гитаръ (самоучитель) по 1 1/2 р., 2 р., 3 р.
Мандолины по 10 р., 20 р., 30 р., 40 р. и др.
Итальянскія струны для всѣхъ инструментовъ.
Наммертоны, метрономы и всѣ принадлежноты.
Желѣзные складные пиюитры по 2 1/2 р., 5 р., 6 р.
Шарманки по 12 р., 20 р., 30 р., 40 р. и др.
Итальянскіе рудные органы по 150 р., 200 р., 250 р.
Музыкальные ящики по 2 р., 4 р., 6 р., 10 р., 25 р., 35 р.,
40 р., 65 р., 90 р., 100 р. и др.
Нѣмецкіе ручныя гармоніи по 4 1/2 р., 5 1/2 р., 7 р., 10 р., 12 р.,
15 р., 20 р., 25 р., 30 р., 35 р. и др.
Самоучитель для гармоніи 1 р., 4 тетради нотъ по 75 к.

Корнеты-а-пистонъ по 18 р., 25 р., 30 р., 40 р., 60 р., 75 р. и 100 р.
Школа для Корнета-а-пистонъ по 1 1/2 р., 4 р. и 5 р.
Трубы, альтгорны, теноргорны, баритоны, тромбоны, вальтор-
ны, басы, сигнальные рожи для охоты, жолѣзныхъ дорогъ,
и для горняковъ.
Флейты по 3 р., 5 р., 7 р., 10 р., 12 р., 20 р., 30 р., 50 р. и др.
Школа для флейты (самоучитель) по 1 1/2 р., 3 р.
Пиколо флейты по 2 р., 4 р., 6 р., 8 р., 16 р.
Кларнеты по 6 р., 8 р., 10 р., 15 р., 20 р., 30 р., 50 р., 60 р.
Школа для кларнета 4 р.
Флажолеты по 3 р., 5 р., 8 р., 10 р.
Чаяны по 5 р., 8 р., 10 р., 15 р.,
Школа для чаяна 2 р. 85 к.
Варабаны турецкіе барабаны, литавры, бубны, тарелки, тре-
угольники, бунчуки, кастальеты, металлофоны, оларны.
Нѣмецкіи концертно по 3 р., 5 р., 6 р., 8 р., 10 р., 15 р., 20 р.
Школа для нѣмецкихъ концертно 75 к., ноты по 40 к. и 1 р.
Английскія концертно по 80 р., 88 р., 45 р., 70 р., 100 р.,
125 р., 160 и 200 р.
Школа для англійскаго концертно 3 р.
Парижскія гармоніофаты по 40 р., 45 р., 60 р., 75 р., 90 р.
Фисгармоніи извѣстнаго фабрикаша Бюссона въ Парижѣ по
90 р., 100 р., 120 р., 150 р., 175 р., 250 р., 400 р.

Заказы изъ провинціи исполняются немедленно и аккуратно. Пересылка на счетъ покупателя.
В. № 958 Всѣ эти инструменты очень удобны для подарковъ къ рождеству. 3-3

**НАШИ
ПОРОШОКЪ И МАСЛО**

для чистки мѣдныхъ вещей
продаетъ самоварамъ, подсвѣчникамъ,
двернымъ и оконнымъ приборамъ, кухон-
ной посудѣ и проч.

совсѣмъ особенный блескъ
и продается по 30 к. за пару.

Для чистки же ножей, ножницъ
и пр. стальныхъ вещей
какъ и для чистки

БРОНЗЫ И СЕРЕБРА
рекомендуемъ наши англій-
скіе порошки

Р. РЕДЕРЪ И К°

въ Москвѣ,
магазинъ аптекарск. товаровъ.
Никольская, на углу Черкас-
ц. № 905 сваго пер.

**СКЛАДЪ ШВЕЙНЫХЪ МАШИНЫВЪСЪХЪ
СИСТЕМЪ,**

американскихъ, англійскихъ и нѣмецкихъ
конструкцій для семействъ и ремесленныхъ
заведеній.

А. ШТЕЙНЪ

въ С.-Петербургѣ.

Вознесенскій

просп., д. № 21.

Продажа оптомъ и въ розницу.
ЦѢНЫ ФАБРИЧНЫЯ.

Ручныя машины 20 разныхъ конструкцій отъ
12 до 45 руб.

Ножныя машины 40 разныхъ конструкцій
отъ 35 до 850 руб.

Маш. для вязанія, шитья перчатокъ, плас-
БЕЗПЛАТНО ВЫСЛАЮ
подробный прейсъ-курантъ

ГЛАВНОЕ АГЕНТСТВО ДЛЯ ВСЕЙ РОССИИ
фабрики Розенбергъ и Френкель въ Берлинѣ,
спеціальныхъ машинъ, шьющихъ варной
дратвой, для шорныхъ, каретныхъ, пару-
синныхъ и войлочныхъ мастерскихъ, для
мѣшковъ и военныхъ голенищъ.

Фабрика Іулиусъ Гутмана въ Берлинѣ
спеціальн. машинъ для вышиванія петель
въ сукнѣ, бѣлѣ, дамскомъ нарядѣ и обуви.
Фабрика Линцъ и Енкертъ въ Берлинѣ
спеціальная машина для вышиванія въ ба-
тистѣ, твидѣ, шерстяной и шелковой ма-
тери, войлокѣ, сукнѣ и т. д.

Складъ иглолокъ, отдѣльныхъ частей и масла
къ швейнымъ машинкамъ, бумаги, шелку и
ниткамъ. К. № 906. 10-4

КОСТЮМЫ MOUSHOIRS.

Получены въ большомъ выборѣ
въ магазинѣ П. Заступенкова. Гос-
тинный дворъ № 112, бывшій Фа-
дѣева. № 976 2-2.

**ПРОИЗВЕДЕНІЯ РАЗСМОТРѢНЫ И РАЗРѢ-
ШЕНЫ СПБ. ВРАЧЕБН. УПРАВЛЕНІЕМЪ.**

КРАСОТА И СОХРАНЕНІЕ КОЖИ.

Вода де-Лисъ де-Нинонъ придаетъ кожѣ
блѣзну и прозрачность, предохраняетъ ее
отъ загара, красноты, прыщей и проч. Не-
обходима зимою противъ вѣяющихъ тре-
пчнхъ и для освѣженія кожи разгораченной
газомъ и дурнымъ воздухомъ, лѣтвомъ оно
лучшее средство отъ загара и воспаленія
вызваннаго пылью и солнцемъ. Цѣна больш.
флак. 1 р. 50 к., съ пересылкою 2 р.

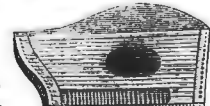
Кремъ де-Лисъ де-Нинонъ имѣетъ тѣ же
свойства какъ вода де-Нинонъ и рекомен-
дуется преимущественно лицамъ употребля-
ющимъ Бальзамъ-Кремъ, котораго онъ превы-
шаетъ качествомъ. Цѣна за банку 1 р., съ
пересылкою 1 р. 50 к.

Пудра де-Нинонъ. Необходимое дополненіе
къ водѣ или Кремъ де-Лисъ де-Нинонъ и
замѣняющая всѣ другія пудры.
Цѣна за коробку 75 к. съ пер. 1 р.
Ц. за кор. съ пуховкою 1 р. съ пер. 1 р. 25 к.

ВЪ ПРОДАЖѢ:
На Невскомъ просп., въ С.-Петербург-
ской Химической Лабораторіи, доиъ Като-
лической церкви. № 32, и у Аничкона мо-
ста, д. № 66.

На Вознесенскомъ просп., уголъ Назан-
ской ул., № 18-54, домъ Шредера.
Оптовая продажа и отправка почтовою въ
Колторѣ С.-Петерб. Химич. Лабораторіи, по
Екатерининскому каналу, у Возн. моста,
№ 80. Описание и способъ употребленія вы-
сылается по желанію бесплатно. № 922 3-1

Соб-
ствен-
ной
работы.
Удобное
на-
градъ

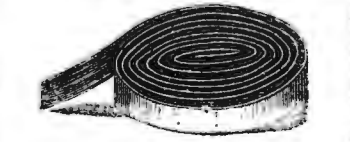

ЦИТРЫ

въ Дюс-
саль-
дорфѣ
въ 1880
году за
превос-
ходнаго
каче-
ства.

всѣмъ признанной отличной работы, добро-
качествами, съ большою гибкостью
звука, отличными струнами, начная съ 16
мар., высшаго качества 22, 28, 36-150 мар.
Школами для собственъ изученія. Прейсъ-ку-
рантъ бесплатн. Фабрика струнныхъ ин-
струментовъ братьевъ Вольфъ въ Крей-
нбахъ. № 964. 3-1

ИЗВѢСТНЫЯ НОРСЕТЫ Мерсе: дамскіе
3, 4, 5, 6 р.; дѣтскіе, по возрасту отъ 1 р.
д. 4 р. 50 к. *Гласен. мавас. Мерсе, Боль-
шая Морская, д. № 89, Спб. № 929 10-5*

**ЛУЧШЕ АМЕРИКАНСКІЕ
КОЖАНЫЕ ПРИВОДНЫЕ
РЕМНИ.**

ЛУЧШАЯ АМЕРИКАНСКАЯ
**ПОДОШВЕННАЯ КОЖА
ГЕМЛОКЪ.**

Американскія лопаты, вилы для
сѣна и навоза, грабли, топорыки,
гаечные ключи, ящики-раскры-
ватели и т. п.

Г. М. ХУТТОНЪ И К°

Мал. Морская, д. № 14.
Москва, Большая Лубянка, д.
Ивановскаго монастыря, бывшій
Мазуриной.
На Нижегородской армаркѣ, въ
зданіи каменнаго театра.
К. № 907 5-4

ВЫШЕЛЪ ИЗЪ ПЕЧАТИ
**КАТАЛОГЪ РУССКИХЪ И ИНОСТРАННЫХЪ
ЖУРНАЛОВЪ на 1881 годъ.**

Желающіе могутъ получить въ книжномъ
магазинѣ Я. А. Исанова (СПБ. Гостиный
дворъ № 24). Гг. иногородные, при требо-
ваніи каталога, благоволятъ прилагать по-
чтовую марку въ 2 коп.
Тутъ же продается «Систематическій ка-
талогъ русскихъ книгъ Мемова» за 1877 и
1878 гг. (изд. 1880 г.) цѣна 5 р., за 1876-
1876 гг. (изд. 1877 г.) цѣна 4 р.

Вышли изъ печати и разданы
подписываемаго томы 3 и 4 Сочиненій
А. С. ПУШКИНА. № 978 1-1.

ОТЪ СОЛИТЕРА

и другихъ гниетовъ спеціально и спорое ле-
чение въ Гигіенической Лечебницѣ Петер-
бургъ, Владимірска ул., д. № 15. Лечение
возможно и нележеное. Тутъ же лечатся и
отъ снѣга (лица), заразныхъ болѣзней.
К. № 961 10-3

**КЕДЕРСКАЯ
ДУШИСТАЯ ВОДА**

Ц. № 902 13-7

**ВОШЛОЕ ЕЖЕДНЕВНОЕ ИЗДАНІЕ
„НОВОСТИ“**

„БИРНЕВАЯ ГАЗЕТА“.
Подписная цѣна: на 1 г. для иног. 9 р.,
для городов. 8 р., на 1/2 года для иног. и
гор. 5 р., на 1 мѣс. для иног. и городов.
1 руб. СПБ. Гороховая, 32, близъ Камен-
наго театра. К. № 909. 10-7

**МЫЛО — „SAVON AU LAIT DE
LYS DE LONSE“.**

Получившее извѣстность,
кавъ единственное и лучшее
изъ мылъ, смягчающее кожу
и способствующее ея блѣз-
нѣ; всѣ обычные недостатки
мыла здѣсь тщательно устре-
нены и по чистотѣ, мягкости,
нѣжности запаха, онъ пре-
восходитъ всѣ доселѣ извѣст-
ныя мыла.

Безъ запаха 1 кусокъ—50 к.
Съ запахомъ турецкой розы
1 кусокъ 1 р. 50 к.

GUSTAVE LONSE

парфюмеръ-химикъ.
Поставщикъ Ея Величества Императри-
цы Германіи изобрѣтатель
Eau de Lys de Lohse.
Berlin Jägerstrasse, 46.
Продается во всѣхъ лучшихъ парфюмер-
ныхъ магазинахъ. К. № 801 3-2

НИВА

ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ
ЖУРНАЛЪ
ЛИТЕРАТУРЫ

XI годъ
№ 46

годъ XI
1880

ПОЛИТИКИ И СОВРЕМЕННОЙ ЖИЗНИ.

ВЫХОДИТЪ ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫМИ №№ ВЪ ДВА ЛИСТА СЪ 6—10 РИС. И ЕЖЕМЕСЯЧН. ДАРОВЫМЪ ПРИЛОЖЕНИЕМЪ „ПАРИЖСКИХЪ МОДЪ“ (отъ 20 до 40 модн. рис.)
Выдаѣтъ 15 Ноябрь 1880 г. и ЛИСТА ЧЕРТЕЖ. ВЫКРОЕКЪ (отъ 22 до 30 рис.) разн. рис. рукод. работъ (отъ 20 до 40 рис.) Цѣна этаго № „Нивы“ 15 к. съ перес. 20 к.

Открыта подписка на 1881 годъ.

Подписная цѣна на годовое изданіе „НИВЫ“.

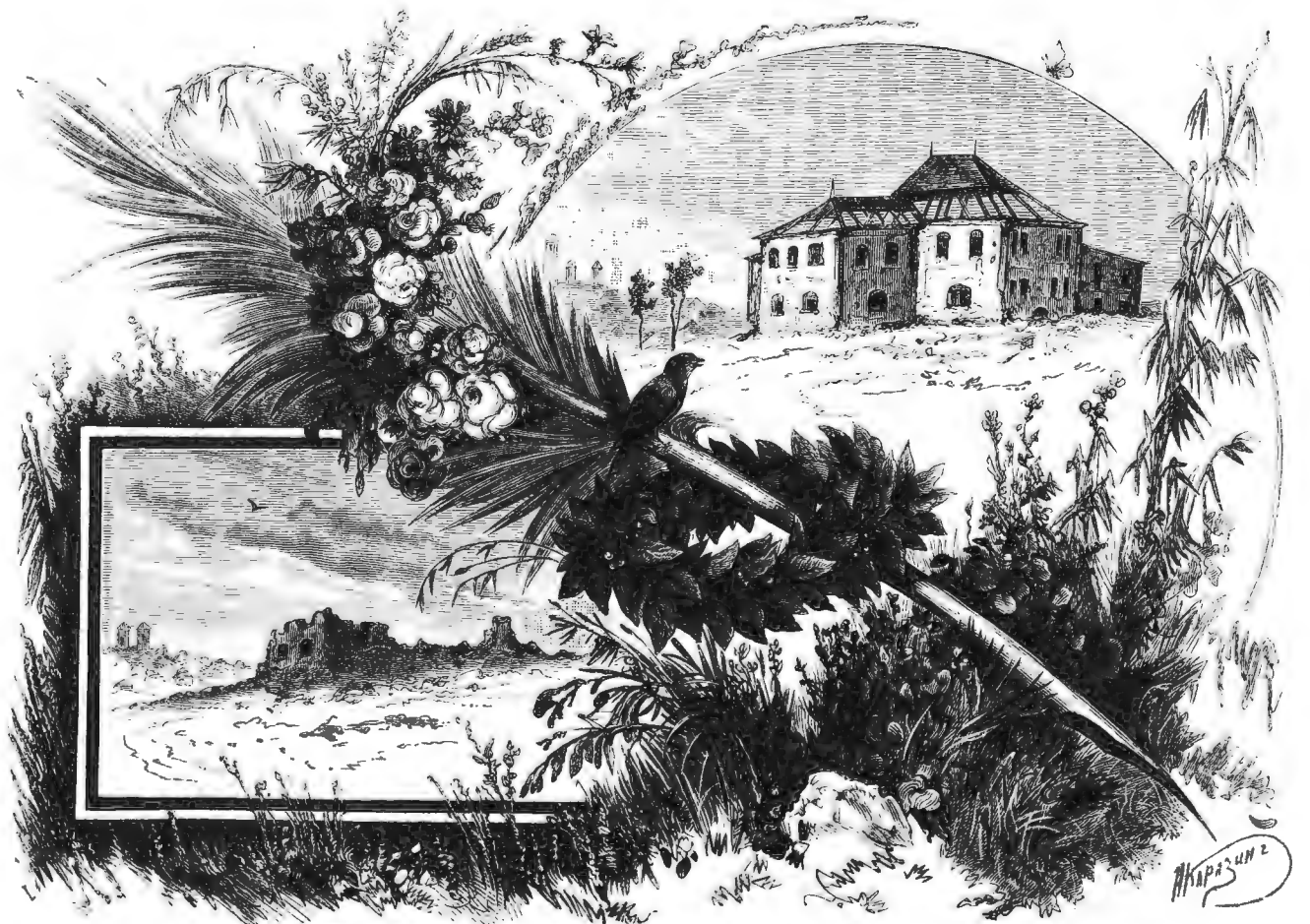
Безъ доставки въ Петербургъ . . .	4 р.	Съ доставкою въ Петербургъ . . .	5 р.	Безъ доставки въ Москвѣ черезъ кн. ма- газины гг. Шапошникова, Соловьева, Лангъ, Девяткина и Живарева	5 р.	Съ пересылкою въ Москву и другіе города Россіи	6 р.
--------------------------------------	-------------	-------------------------------------	-------------	---	-------------	--	-------------

За границу: съ перес. въ Австрію, Германію, Францію, Италію и друг. госуд. 8 руб.

Просимъ гг. иногородныхъ подписчиковъ не замедлить возобновленіемъ подписки, такъ какъ, при общемъ числѣ 55,000 подписчиковъ, приготовленіе печатныхъ адресовъ требуетъ много времени.

Подписка на 1880 г. продолжается. Подписавшійся получаетъ журналъ съ перваго номера со всіми преміями.

КОНТОРА ЖУРНАЛА „НИВА“ ПОМѢЩАЕТСЯ ВЪ С.-П.-БУРГѢ НА Б. МОРСКОЙ, ВЪ Д. № 9.

1880 г. Домъ Нивова, гдѣ жилъ Пушкинъ въ Нишинѣ. Со стараго наброска рис. Н. Каразинъ, грав. М. Рашевскій.
1854 г. Библиотека "Руниверс"

А. С. ПУШКИНЪ ВЪ КИШИНЕВЪ.

(1820—1823).

Комитетъ литературнаго фонда устроилъ въ настоящее время въ зданіи Общества Поощр. Художествъ (по Б. Морской) Пушкинскую выставку. Интересъ, возбужденный въ нашемъ обществѣ въ памяти знаменитаго поэта нашего очень утѣшителенъ. Выставка, составленная весьма старательно и интересно, посѣщается публикой замѣчательно усердно и каталоги раскупаются на расхватъ. Хотя многое не выслано по разнымъ обстоятельствамъ на выставку, тѣмъ не менѣе выставка разнообразна и богата. Однихъ портретовъ поэта собрано до 50. Изъ изображеній домовъ, въ которыхъ онъ жилъ, укажемъ на домъ Инзова въ Кишиневѣ (литографія Михали) изображение, подлинникъ котораго принадлежитъ редакціи „Нива“ и доставленъ на выставку вмѣстѣ съ 20 наклеенными на цѣпѣ рисунками, относящимися къ жизни и произведеніямъ Пушкина и помѣщенными въ разное время въ нашѣмъ журналѣ. Съ этого подлиннаго, принадлежавшаго намъ, рисунка и сдѣланъ Н. Н. Карзиннымъ помѣщенный здѣсь эскизъ.

Извѣстно, что Пушкинъ, по необходимости, долженъ былъ вести жизнь въ разныхъ захолустьяхъ, въ разныхъ дальнихъ уголкахъ Россіи, вдали отъ столицъ. Одной изъ такихъ глухихъ мѣстностей, гдѣ онъ волей-неволей долженъ былъ провести нѣсколько лѣтъ, былъ городъ Кишиневъ, тогда грязный, заброшенный городишко, съ узкими и кривыми улицами и съ пестрымъ населеніемъ, состоявшимъ, большею частью изъ молдаванъ, жидовъ и грековъ. Во все время своего пребыванія въ Кишиневѣ, Пушкинъ официально состоялъ въ числѣ чиновниковъ канцеляріи намѣстника Бессарабской области, Ивана Никитича Инзова, человека высокаго ума и прекраснаго сердца. Инзовъ, тотчасъ-же по пріѣздѣ въ Кишиневъ, пріютилъ Пушкина у себя въ домѣ и постоянно относился къ нему съ истинно-отеческою нѣжностью, милостиво извиняя ему частыя шалости и вспышки его горячаго, чисто африканскаго нрава. Съ самаго своего пріѣзда въ Кишиневъ, въ сентябрѣ 1820 года, нашъ поэтъ началъ вести, повидимому, самую бездѣятельную, самую беспечную жизнь: то гуляя на улицахъ въ красной фескѣ, въ архалукѣ и съ желѣзной палицей въ рукахъ, то порхая на мѣстныхъ балахъ и ухаживая за хорошенькими молдаванками, онъ, казалось совѣтъ и забылъ всякій серьезный трудъ, но на самомъ дѣлѣ это было не такъ и въ эту именно эпоху, по его собственнымъ словамъ:

„Прошла любовь, явилась муза,
И прояснился темный умъ,
Свободенъ, вновь лицу союза
Волшебныхъ звуковъ, чувствъ и думъ“.

Дѣйствительно, въ это время волшебные звуки, чувства и думы рождались у поэта безконечной вереницей; здѣсь, подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ новой жизни пишетъ онъ свое извѣстное стихотвореніе „Черная шаль“, сюжетъ которой онъ подслушалъ изъ устъ трактирной прислужницы Меріониллы; въ 1821 году онъ создаетъ „Кавказскаго Пльнника“ и кромѣ утраченной автобіографіи и дневника, ведетъ замѣтки о греческомъ возстаніи и пишетъ болѣе 30 прелестныхъ стихотвореній. Начавшаяся тогда борьба грековъ за независимость сильно заинтересовала Пушкина; онъ то и дѣло ждалъ внимательства Россіи и готовъ былъ самъ взяться за оружіе и стать въ ряды воиновъ.

„Покой бѣжить меня; нѣтъ власти надъ собой,
И тягостная лѣнь душою завладела...
Чтожь медлить ужасъ боевой?
Чтожь битва первая еще не закинула?“

Но воинственная мечта поэта не сбылась; войны не было и кишиневская жизнь снова потекла тихо и однообразно; главнымъ занятіемъ по вечерамъ служили карты; Пушкинъ также заразился страстью къ азартнымъ играмъ и часто картежныя недоразумѣнія доводили его до бѣшенства; разъ даже дѣло дошло до дуэли, окончившейся, впрочемъ, вполне благополучно. Другой дуэлью Пушкина, во время его пребыванія въ Кишиневѣ, была дуэль съ полковникомъ, командиромъ Егерскаго полка Старовымъ, которая, впрочемъ, не окончилась по случаю сильной мигтели, давъ поводъ поэту написать:

„Я живъ,
Старовъ
Здоровъ,
Дуэль не кончена“...

Впрочемъ, соперники вскорѣ помирились и остались искренними друзьями. За то ссоры Пушкина съ разными мѣстными боярами принимали иногда очень неприятный оборотъ и часто угрожали жизни нашего поэта; было время, когда Пушкинъ не могъ выходить на улицы Кишинева иначе, какъ съ оружіемъ. Въ эти-то критическія минуты Инзовъ являлся ангеломъ-хранителемъ Пушкина и удалялъ его изъ города, давая какое-нибудь порученіе въ одну изъ отдаленныхъ мѣстностей. Такъ, въ 1822 году Пушкинъ посѣтилъ, въ одну изъ командировокъ, Измаиль и Буджакскую степь, гдѣ встрѣтился съ цыганами и нѣсколько времени провелъ въ ихъ таборѣ:

„За ихъ лѣнивыми толпами,
Въ пустыняхъ, праздный, я бродилъ,
Простую пищу ихъ дѣлилъ,
И засыпалъ предъ ихъ огнями.“

Наконецъ, 7 мая 1823 года состоялся указъ о переводѣ Новороссійскаго генералъ-губернаторства въ Одессу и подчиненіи его графу М. С. Воронцову. Вмѣстѣ съ другими чиновниками былъ переведенъ въ Одессу и Пушкинъ.

Памятникомъ пребыванія поэта въ Кишиневѣ остались лишь развалины дома Инзова, въ которомъ онъ имѣлъ казенное помѣщеніе. Тогда это было большое, двухъ-этажное зданіе, со службами, построенное на возвышенности и окруженное садомъ и виноградникомъ. Пушкину отведены были двѣ небольшія комнаты внизу, направо отъ входа, въ три окна, съ желѣзными рѣшетками, выходившими въ садъ, откуда открывался восхитительный видъ на рѣку Быкъ и на новый городъ. Нынѣ отъ дома Инзова остались самыя жалкія развалины: уцѣлѣли лишь остатки сгѣнъ и сводовъ подвального этажа и одинъ уголъ верхняго; кругомъ полное запустѣніе и только едва замѣтныя надписи на штукатуркѣ развалинъ свидѣтельствуютъ еще, что эта мѣстность не совсѣмъ забыта и что ее помнятъ и посѣщаютъ иногда почитатели нашего знаменитаго поэта.

Верхній рисунокъ на правой сторонѣ — видъ дома Инзова въ 1854 г., а нижній, малевый — въ настоящемъ состояніи — одинъ жалкія развалины.

Король Духова Дня.

(Изъ народной жизни въ Венгріи въ 20-хъ годахъ).

Разсказъ Мавра Іоаня.

I.

Наступилъ Троицынъ день. На небѣ только еще разгоралась румяная утренняя зорька а уже по одной изъ улицъ Большаго Кунъ-Мадараша тинулась, съ оглушительною трескучею музыкой, смуглая семья цыганъ изъ табора. Впереди выступалъ городской присяжный стражникъ, вооруженный блестяще отполированной, бѣлой орѣховой палкой. Уже по необыкновенно важному его виду ясно было, что онъ нѣсколько преувеличенно понималъ тѣ серьезныя обязанности, которыя исполнялъ въ эту минуту, и ясно было также, что онъ уже успѣлъ приложиться къ чарочкѣ. Сановникъ этотъ былъ разодѣтъ весьма франтовато. Прежде всего, костюмъ его былъ почтеннаго синяго цвѣта, какъ и подобаетъ лицу съ извѣстнымъ званіемъ и положеніемъ въ свѣтѣ; его высокую, спиральной формы, шляпу украшали двѣ боль-

шія свѣжія розы; въ петлицѣ торчалъ великолѣпный пучокъ гвоздики. Его шелковый жилетъ усыянъ мелкими серебряными пуговицами, лицо красно какъ скорлупа варенаго рака, бородка закручена къ концу острымъ клиномъ, а на ботфоргахъ бренчатъ звонкія шпоры. Выступаетъ онъ какъ-то особенно, будто опасается наступить на чтонибудь хрупкое. Глядитъ онъ прямо и твердо передъ собой. Казалось, если предложить ему поль-царства, или даже чарку водки, онъ все-таки въ эту минуту не обернулся-бы и не сталъ-бы зѣвать по сторонамъ, чтобы не испортить эффекта. Только около дома какого-нибудь вліятельнаго избирателя или совѣтника ратуши, онъ просто подавалъ знакъ палкой (все-таки не поворачиваясь), чтобы замедлить шагъ, причѣмъ еще громче раздавался звукъ цыганскихъ трубъ.

Отъ этой трескучей музыки стали понемногу проси-

паться горожане. Въ домахъ открывались окна, подымались занавѣси. Молодые дѣвушки, набросивъ, что попало, на плечи, бросались къ воротамъ и калиткамъ, и выглядывая оттуда, громко желали „добраго утра“ добряку Андрашу Барью. Но господинъ Андрашъ твердъ. Онъ никого не видитъ, никого не примѣчаетъ: сегодня на него возложена высокая миссія, не допускающая ни малѣйшей ни къ кому, съ его стороны, снисходительности.

Вотъ онъ, наконецъ, передъ домомъ высокороднаго барона Ювана Карпати. По установленному порядку, онъ долженъ принести присягу въ присутствіи его милости. А это вовсе не шутка, эта присяга, потому что господинъ баронъ держитъ на своемъ дворѣ какихъ-то ручныхъ медвѣдей, которые могутъ надѣлать неприятностей кому угодно, не смотря на его званіе и положеніе въ свѣтъ; кромѣ того, представлялась и другая перспектива — попасть въ передѣлку къ цѣлой сворѣ охотничьихъ псовъ, которые тоже сомнительно — отнесутся-ли къ кому привѣтливо.

Но къ барону войти еще нельзя было — слишкомъ рано — и Андрашъ маршируетъ дальше. Онъ долженъ явиться съ докладомъ въ ратушу. Заявленіе свое онъ излагаетъ сжато.

— Все исполнено! говоритъ онъ.

— Хорошо, любезный Андрашъ.

Но, вниманіе! Мы въ присутствіи важныхъ лицъ. Въ большой залѣ ратуши, вдоль стѣнъ висятъ длинные ряды портретовъ знаменитостей страны и города, въ промежуткахъ между ними гербы умершихъ строителей церковныхъ, сеніоровъ, кураторовъ, основателей разныхъ зданій города. На столѣ большіе, объемистые томы законовъ, громадные тяжелыя чернильницы, литыя изъ свинца, а ножки стола всѣ уже потемнѣли отъ чернильныхъ пятенъ съ перьевъ. Только что пробилъ ранній утренній часъ, а уже въ залѣ собрались всѣ совѣтники и сидятъ чинно и въ порядкѣ вокругъ массивнаго стариннаго стола. Посерединѣ — президентъ, около — судья, нашъ толстый, бравый судья.

У дверей столпилась кучка молодежи въ живописно наброшенныхъ на одно плечо доломаныхъ съ множествомъ пуговицъ, въ широкихъ, доходящихъ лишь до колѣнъ, шароварахъ изъ бѣлаго полотна и въ сапогахъ со шпорами. У каждаго въ петлицѣ пестрый платокъ.

Выдвинувшись нѣсколько впередъ, стоитъ прошлогодній „король Духова дня“.

Это высокій, бравый молодецъ, съ большимъ, загнутымъ, орлинымъ носомъ. Длинная борода его тщательно напомажена, а длинная шея, совершенно коричневая до самаго ворота рубашки, изъ-за котораго виднѣется будто уже совсѣмъ другая шея, бѣлѣе. Костюмъ его совсѣмъ не такой, какъ у его товарищей. Въмѣсто венгерскихъ шароваръ, на немъ болѣе узкіе суконные чекчиры, обшитые шнуркомъ и впуценные въ сапоги: изъ подъ шелковаго, зеленого короткаго жилета блеститъ мѣдная пряжка пояснаго ремня; въ каждомъ карманѣ доломана по цвѣтному платку, а пальцы всѣ унизаны большими перстнями, такъ глубоко впившимися въ тѣло, что, очевидно, снять ихъ было-бы весьма затруднительно.

Но всего болѣе и сразу выдѣлялъ его отъ другихъ оригинальный вѣнокъ, украшавшій его голову. Вѣнокъ сплели дѣвушки изъ листьевъ и цвѣтовъ, и сплели такъ, что гвоздика и розы низко спускались плетями со всѣхъ сторонъ головы въ родѣ длинныхъ косъ, оставляя открытымъ одно лицо.

— Ну, Мартинъ, обратился къ нему судья, вотъ и Духовъ день а ты уже снова пожаловалъ къ намъ.

— Да, я это знаю, господинъ судья.

— Ну, что-же, хочешь и на этотъ годъ остаться королемъ.

— По мнѣ, что-же — почему и нѣтъ, господинъ судья, я, пожалуй, готовъ; вѣдь вотъ уже шестой годъ, какъ я все королемъ.

— Считаль-ли ты, сколько ведеръ вина ты выпилъ, сколько разбилъ бутылокъ, въ сколькихъ домахъ на свадьбахъ ты дрался и шумѣлъ?

— Гдѣ все это сосчитать, сами посудите, господинъ судья, а только вѣрно одно, что ни разу никому не уступилъ! Это вѣрно! И ни разу не свалилъ меня на землю ни человекъ, ни вино. Это тоже вѣрно!

— Прочтите, господинъ нотариусъ, счетъ, сколько за предстоящимъ, Мартиномъ, дракъ и ведеръ вина?

Списокъ прочли. Оказалось, что за шесть лѣтъ выпито 72 ведра, что за это время онъ до ста разъ шумѣлъ и дрался, разстроивалъ вечеринки и задираалъ другихъ. Оказалось, что одного трактирщика онъ обогатилъ, ибо каждую недѣлю билъ у него стаканы и бутылки, за которыя потомъ платилъ городъ.

— Ну, малый, а считаль ты сколько потравъ было сдѣлано твоими лошадьми?

— Тоже не знаю. Не бѣгать же мнѣ за лошадьми. Вспору управиться развѣ съ работниками своими..

— А сколько, теперь, дѣвушекъ ты свелъ съума?

— Да что, стыдливо улыбаясь во весь ротъ, отвѣтилъ Мартинъ, онъ, господинъ судья, сами ко мнѣ лѣзутъ.

— Много худаго сошло тебѣ однако съ рукъ.

— Нѣтъ, господинъ судья, вотъ ужъ худаго, ей Богу, ничего не дѣлалъ, а такъ вотъ развѣ пошумѣть да выпить...

— Да ужъ брать какъ-бы тамъ ни было, а городу наладно-таки твое королевствованье...

— Э, полноте, господинъ судья, вѣдь я хорошо знаю: деньги идутъ не изъ городского кошелька. Я знаю: отецъ высокороднаго господина Ювана Карпати — вонъ и портретъ его тутъ — это онъ далъ городу кругленькую-таки сумму, чтобы поддержать — такъ у него въ бумагѣ писано — „древній молодецкій обычай“ и тоже у него писано „содѣйствовать улучшенію здѣшней породы лошадей“. Я это наизусть выучилъ, г. судья! Каждый годъ, на Духовъ день, молодцы со всей округи съѣзжаются на скачки. Знаю я тоже, что кто побѣдитъ на этихъ скачкахъ, то всѣ трактиры въ городѣ обязаны тому отпустить вино даромъ, а хозяева должны стеречь его лошадей, и чтобы ничего не брать съ него за потравы, а платить за потраву тотъ, кто не усмотрѣлъ за его лошадью. Этотъ человекъ можетъ входить вездѣ на пирюшки и на вечеринки, и если подъ веселую руку гдѣ и пошумитъ либо подерется, такъ его не сажать въ тюрьму, и ни по другому никакъ не наказывать.

— Эге-ге, молодецъ, да какой изъ тебя адвокатиче вышель-бы! Гдѣ это ты научился такъ складно говорить?

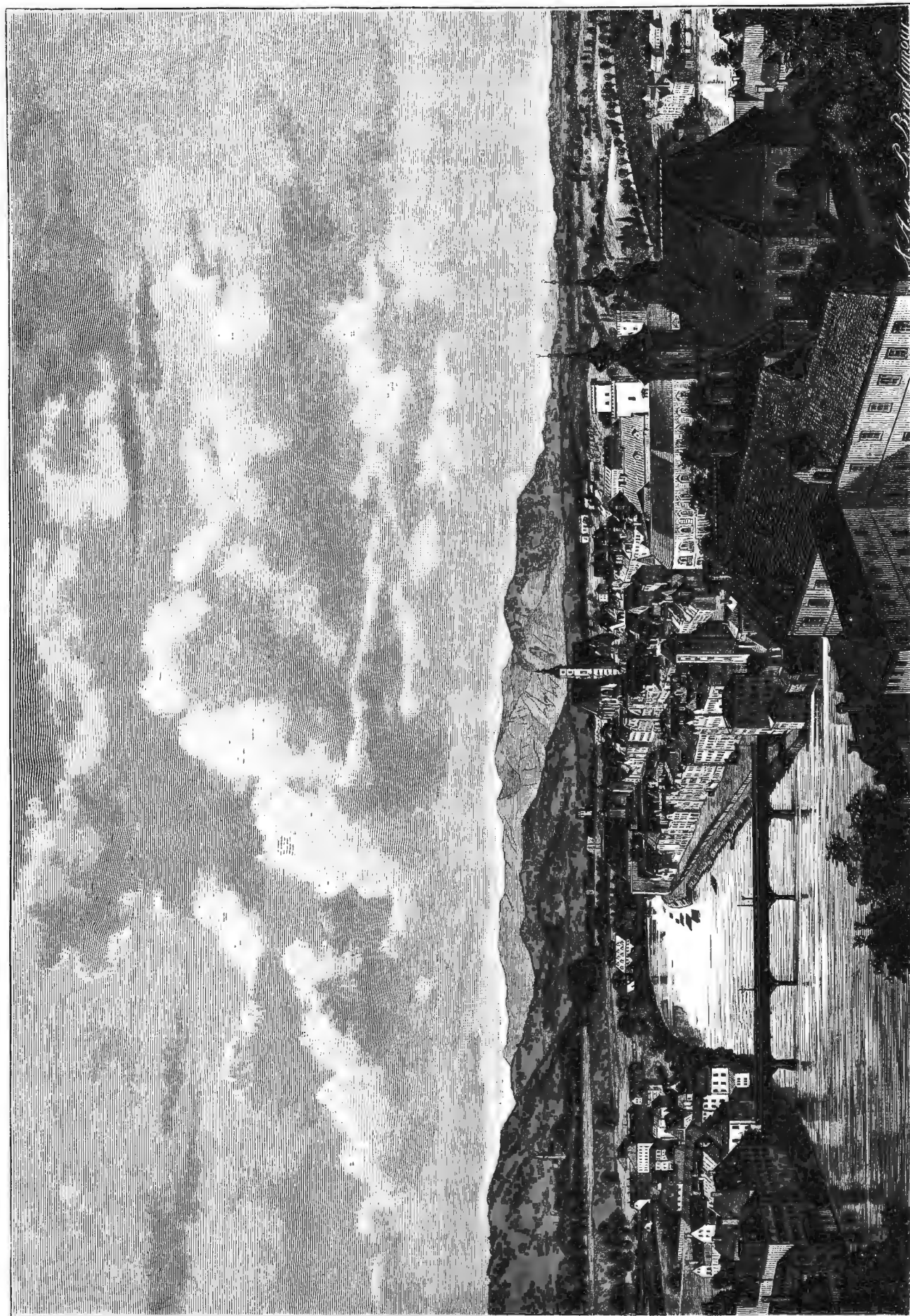
— Шесть лѣтъ былъ я королемъ Духова дня! отвѣчалъ тотъ, гордо выпячивая грудь, — довольно-таки было случаевъ узнать права-то свои!

— Ну, ну, полно — нечего хвастаться Мартинъ, замѣтилъ судья, — ты ужъ слишкомъ привыкаешь къ такой нелѣпой жизни и тебѣ трудно будетъ потомъ привыкаться къ прежней жизни и платить самому за вино (а ты вѣдь не мало ѣдешь), трудно будетъ подвергаться тѣлеснымъ наказаніямъ за проступки. Все это не сегодня-завтра можетъ случиться, если ты перестанешь быть королемъ Духова дня. Да и легко вѣдь можетъ быть что у тебя отобьютъ твое королевство какойнибудь молодецъ.

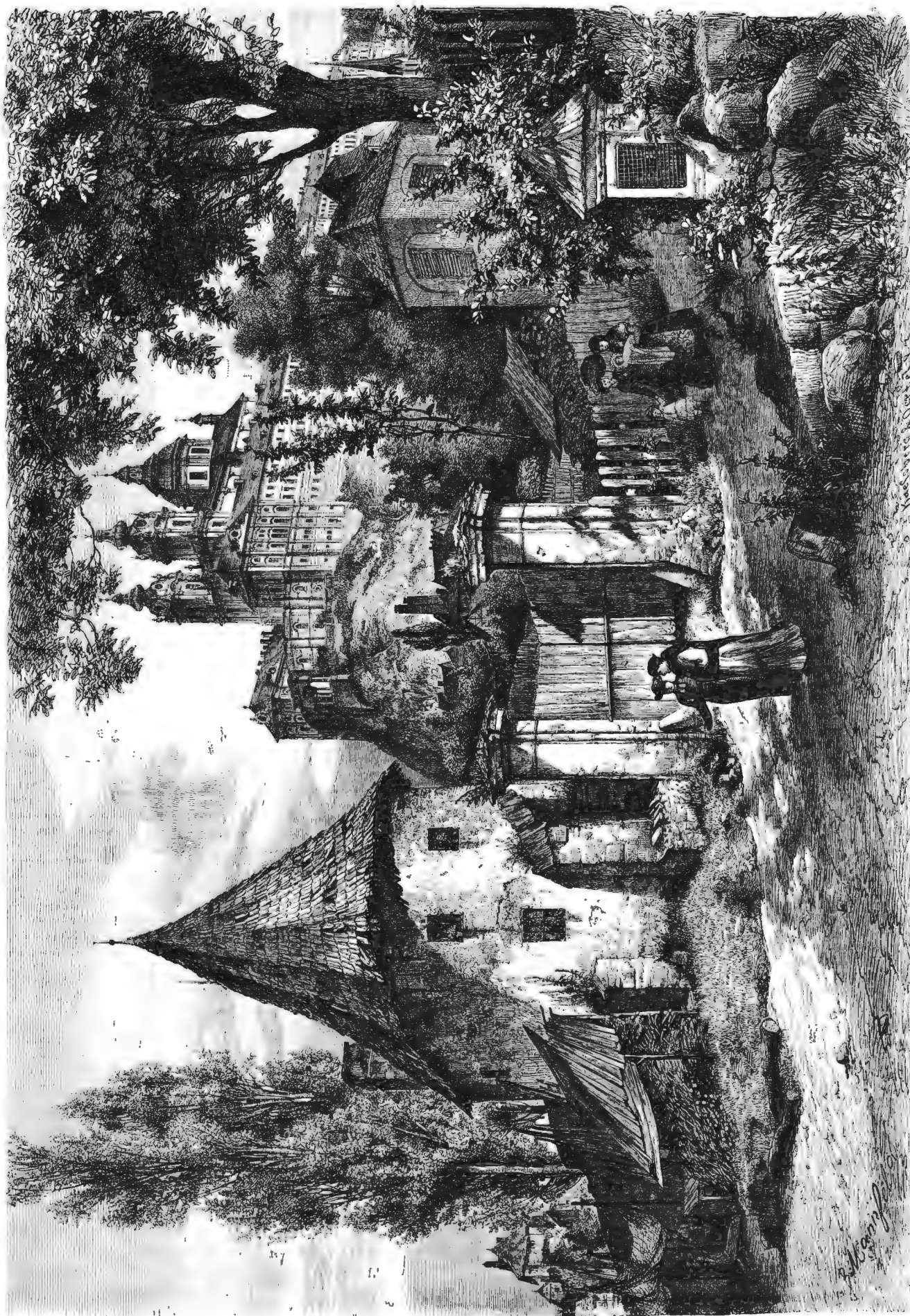
— Не родился еще такой! спокойно и высокомерно отвѣтилъ Мартинъ.

Совѣтники ратуши подумали, что только понапрасну теряютъ время въ безплодныхъ разговорахъ и что это въ ихъ положеніи даже не совсѣмъ прилично, а потому прямо перешли къ обсужденію приготовленій къ празднику.

Вотъ на возы уже вкачено четыре бочки разнаго вина, затѣмъ цѣлая телѣга нагружена свѣжими, еще

Общій видъ гор. Штейера (Стыра) въ Австріи. Съ фотогр. грав. Бренд'Ажуръ.

Монастырь Мельнь (Меледиха) на Дунаѣ. Съ рлс. Манфельда, граф. Кнезбергъ и Эртель.

теплыми, бѣлыми хлѣбами, а къ задкамъ телѣгъ за рога привязаны быки, предназначенные на убой для угощения народа.

— Это вы такъ хотите все дѣлать? Да это никуда не годится, важно замѣтилъ Мартинъ, который привыкъ такъ покомандовать. Надо, вѣдь, чтобъ все это по настоящему было. Ну гдѣ это видано? Быки просто идутъ на привязи за телѣгой? Ахъ вы, умники! Да вѣдь каждаго за рога должны вести два мясника, а на рога надо воткнуть лимоны и обвязать кругомъ рога лентами! Эхъ вы!

— Ишь ты, братецъ, какъ хорошо ты порядки эти знаешь!

— А на бочки надо посадить дѣвицу, чтобы она кружки съ виномъ всѣмъ подносила...

— Можетъ быть еще что нибудь...

— Конечно еще. Два гайдука должны взять подъ уздцы мою лошадь, когда я буду садиться въ сѣдло, а когда я двинусь съ мѣста—цыгане должны пѣть пѣсню въ мою похвалу.

И такъ такъ все и было сдѣлано по указанію Мартина.

Послѣ краткаго молебна народъ двинулся чинно и въ порядкѣ. Впереди ѣхали верхомъ двое присяжныхъ стражниковъ. Стражники держали въ рукахъ металлическія палки особой формы, съ топориками, убранными лентами—называются палки эти „фокошъ“; за этими стражниками телѣга съ цыганами, которые отчаянно громко распѣваютъ пѣсню въ честь Мартина. За мясниками вели изукрашенныхъ лимонами и лентами быковъ. Старикъ, что держалъ басовую партію въ цыганскомъ хорѣ, сидѣлъ на задкѣ телѣги и все время умолялъ покрѣпче какъ можно держать быковъ; вѣдь вырвись только эти черти—прежде всего кинутся на него—онъ былъ въ такихъ яркихъ „красныхъ“ панталонахъ. Извѣстно, быки цвѣту этаго не любятъ!

Потомъ двигались телѣги съ съѣстными припасами, съ бочками вина, и на каждой бочкѣ сидѣла молодая дѣвушка. А вотъ появляется на сценѣ и нашъ добрякъ стражникъ Андрашъ. Судьба вознесла его еще выше прежняго. Теперь онъ сидитъ на конѣ и въ рукахъ у него большое красное знамя и на несчастье вѣтеръ такъ сильно сѣетъ его полотномъ знамени по головѣ, что раза два чуть глаза совсѣмъ не выхлестнулось—чтобъ ему пути не было! По самодовольному выраженію улыбающагося лица Андраша сейчасъ было видно, что въ этой церемоніи „королевства“ Мартина онъ считаетъ себя второй персоной послѣ самаго короля Духова дня!

Наконецъ—вотъ и самъ онъ, король Духова дня! Конь его не то чтобы слишкомъ красивъ, а такой большой и ширококостый, и кое какіе изъяцны формъ его прикрыты украшениями изъ лентъ, жиденькая грива скрыта вплетенными въ нее лентами, черзчуръ сѣдлистая спина—волчьей шкуркой.

Мартинъ нашъ молодцовать такъ на конѣ. Немножко побачивается онъ, но только не надо думать, что это отъ закуски—вовсе нѣтъ! Это ужъ отъ важности и самодовольства. Онъ, видите ли, такой смѣлый: то отогнетъ совсѣмъ назадъ, то какъ будто совсѣмъ на сторону валится—свѣсится а все таки въ сѣдлѣ сидитъ крѣпко, какъ приросъ къ лошади. Около него, по бокамъ ѣдутъ два всадника изъ горожанъ, съ саблями на голо. Имъ, однако, приходилось не слишкомъ такъ сладко, потому что чуть королевскій конь замѣчалъ, что одинъ изъ соперниковъ-сосѣдей опережалъ его хоть на полъ-головы, сейчасъ же кусалъ его своими крѣпкими зубами.

Сзади ѣдетъ верхомъ длинная цѣпь молодежи, что будетъ скакать. На каждомъ лицѣ написана надежда—авось и онъ, на этотъ разъ, выйдетъ побѣдителемъ. Почему знать, а ну какъ съ прошлаго года лошадь его стала ходчѣе, или можетъ быть, другіе кони захирѣли и сдадутъ маху!

За всѣмъ этимъ ѣдутъ экипажи и телѣжки, которыя

подняли такіе столбы пыли, что среди ея облаковъ трудно разглядѣть разодранныхъ по праздничному мужчинъ и женщинъ. Въ такомъ порядкѣ выѣхали всѣ на равнину. И вотъ вдругъ раздаются изъ небольшихъ мортиръ выстрѣлы. Это значитъ—высокородный господинъ патронъ, баронъ Іованъ Карпати, что прозванъ „венгерскимъ набобомъ“, выѣзжаетъ изъ своего замка. Толпа расходится по садамъ, что вездѣ зеленѣютъ кругомъ, а всадники выѣзжаютъ на равнину. Вонъ двое заставляютъ своихъ коней выдѣлывать разные прыжки и штуки, иные бьются объ завладѣть на дюжину вина.

Облако пыли понеслось по дорогѣ вдоль садовъ. Это ѣхали экипажи барона Іована Карпати; дѣти, на заборахъ и на деревьяхъ, соскакиваютъ оттуда и бѣгутъ съ громкимъ крикомъ, потому что сейчасъ еще два раза выстрѣлятъ. Въ землю вкопаны два чугунныхъ оленя, въ пасти которыхъ вбиты деревянные втулки. Изъ толпы выдѣляется человекъ—опытный, бывалый малый! Еще французскую кампанію дѣлалъ! И поползъ, поползъ на животъ и держать въ руцѣ длинную жердь съ дымящимся трупомъ. Вотъ онъ—какъ приложить фитиль къ затравкамъ, какъ рывкнуть, да какъ пророчечуть пушки—раздался по полю двойной выстрѣлъ этихъ фигурныхъ орудій и высоко взвились деревянные втулки. И всѣ сначала бросились было въ разныя стороны, а потомъ опять собрались—хотѣлось каждому поглядѣть, не вышло ли чего особеннаго отъ этихъ выстрѣловъ.

Какъ только показались блестящіе экипажи и въ толпѣ загремѣло „вивать“, „вивать!“ Тутъ же, однако, всѣ громко, дружно захохотали. Оказалось, что господинъ Карпати вздумалъ спутить шутку. Разодрѣвъ своего цыгана въ золотое расшитое платье да и посадилъ его въ свой парадный экипажъ, въ четыре лошади, а самъ сѣлъ въ простую коляску, что ѣхала сзади. Народъ-то, сначала, принялъ цыгана за барона и сталъ ему кричать. И смѣялись же всѣ! Любили всѣ барона—и это очень позабавило знатнаго магната.

Съ высокороднымъ Карпати, кромѣ двухъ его домашнихъ шутовъ, прибыли и близкіе его пріатели: Бачковскій, богатый помѣщикъ, (шутка ли? 5 тысячъ моргеновъ земли!), Михаль Горгій, которому ничего не стоило вдругъ, за какимъ нибудь пустякомъ, хоть за тридевять земель покатить. Отправляется онъ, напимѣрь, къ своему куму въ мартѣ, гостить тамъ, не говоритъ зачѣмъ пріѣхалъ, и только въ концѣ августа задаетъ ему глубокомысленный вопросъ—не знаетъ ли тотъ, какое имя дадутъ лѣвой пристяжной лошади Саболіча? А дома у себя онъ запретилъ косить и жать хлѣбъ до своего возвращенія. Хлѣбъ такъ и остался на корню. Другой пріатель господина Іована Карпати, знаменитый Лодій Ченкогей. У этаго лучший конскій заводъ во всей Венгріи. А самъ лучше пойдетъ пѣшкомъ, если не можетъ ѣхать въ чужомъ экипажѣ. Видите-ли—жалѣлъ, никогда не могъ рѣшиться запрягать своихъ, такъихъ дорогихъ, лошадей. Третій пріатель—Лоренцъ Берно, извѣстнѣйшій охотникъ и любитель борзыхъ; а ужъ лгать умѣлъ какъ по писанному! Былъ здѣсь, у Карпати, наконецъ, еще Банди Кутфальви, необычайнѣйшій пьяница во всей странѣ; когда онъ напивается, то обыкновенно ужъ начинаетъ колотить своихъ сабутьяниковъ. И какъ онъ ни напивался—никто еще не видывалъ его совершенно пьянымъ.

Такая-то компанія составляла дружескій кружокъ Карпати. Слыли они всѣ за „оригиналовъ и чудачковъ“ и дѣлали все, чтобы только удержать прозвище это за собою; выдумывали и откалывали всевозможныя штуки и заботились только, чтобы было это какъ можно вычурнѣе и необыкновеннѣе. Въ программу ихъ входили, напимѣрь, такія забавы: обрѣзать хвосты у лошадей своихъ гостей, поджечь домъ во время танцевъ, прогуливаться въ костюмѣ Адама среди бѣла дня по улицамъ, заставлять жидовъ ѣсть свинину и т. п.

Цыгане разразились троекратнымъ тушемъ, когда при-были господскіе экипажи а присяжные тотчасъ же при-нялись отмѣривать скаковой кругъ. На самомъ кон-цѣ поставили они нашего добряка Андраша съ его краснымъ знаменемъ, которое все колотило его по-лотномъ по носу; напротивъ расположились ѣздоки, явившіеся на состязаніе. Ихъ выстроили въ ряды въ такомъ порядкѣ, чтобы высокородные зрители могли ви-дѣть все какъ можно удобнѣе.

Пространство для бѣга было опредѣлено въ тысячу шаговъ. Баронъ Карпати хотѣлъ уже махнуть своимъ съ золотой ручкой хлыстикомъ—подать знакъ, чтобы произвели сигнальный выстрѣлъ изъ мортиры, когда вдругъ всѣ увидѣли, что по направлению къ нему ска-четъ какой-то всадникъ. Подѣхавъ къ выстроеннымъ въ порядкѣ состязателямъ, онъ снялъ шляпу и громко крикнулъ, что явился также попытать счастья, что и онъ хочетъ получить высокое званіе Короля Духова дня.

— Кто я такой? объ этомъ пока помолчимъ, кричалъ онъ. Если буду побѣжденъ—я уѣду какъ пріѣхалъ, а возьму призъ—такъ останусь. Таковъ же былъ отвѣтъ данный имъ и присяжнымъ на всѣ вопросы, которыми они было засыпали его. Никто не зналъ его. Это былъ едва 26-ти лѣтній, красивый юноша съ смуглымъ и румянымъ лицомъ. Его каштановые волосы разсыпались кудрями на плечи. Черные глаза его блестѣли огнемъ отваги, а въ улыбкѣ было что-то смѣлое и гордое; онъ былъ небольшого росту, но хорошо сложенъ, одѣтъ въ простонародный костюмъ, чрезвычайно опрятный и кра-сивый.

Всѣ интересовались узнать, гдѣ онъ добылъ своего коня? Конь былъ превосходный. Горячій, чистокровный конь съ густой, до земли, гривой и пушистымъ, длин-нымъ хвостомъ—ни минуты онъ не могъ постоять спо-койно на мѣстѣ, но плясалъ подъ своимъ сѣдокомъ, то взвивался на дыбы.

Пріѣзжему дали тоже вынуть жребій и затѣмъ онъ затерялся среди другихъ всадниковъ.

Поданъ былъ сигналъ. Раздались три выстрѣла. Ска-кать должны были послѣ третьяго. При первомъ вы-стрѣлѣ лошади начали биться, становиться на дыбы, послѣ втораго большую часть ихъ удалось успокоить, и только нѣкоторые, неопытные, продолжали еще лягаться. Но вотъ сверкнулъ и грянулъ третій выстрѣлъ и въ ту же секунду быстро ринулась въ кругъ вся цѣль всад-никовъ.

Впереди понеслись пять шесть болѣе пылкихъ скаку-новъ, которыхъ обыкновенно, на всѣхъ скачкахъ, съ самаго начала всадники ихъ безбожно шпорятъ и подъ конецъ всегда остаются назади. Между ними былъ и юноша-незнакомецъ.

Король Духова дня мчался еще среди главной массы, гордо подбоченясь и не трогая коня хлыстомъ. Пройдя шаговъ триста, онъ вдругъ громко крикнулъ и нажавъ шпоры, взмахнувъ хлыстомъ, моментально вынесся на своемъ привычномъ конѣ впередъ всей массы.

Тутъ поднялся страшный шумъ, крики, понуканье, топотъ. Всадники пригнулись совсѣмъ къ шеямъ коней, шляпы ихъ летѣли на землю, доломаны развѣвались по вѣтру и въ пылу бѣшеной скачки каждому казалось, что непременно онъ-то и выйдетъ побѣдителемъ. Одинъ конь уже упалъ и барахтался съ своимъ сѣдокомъ въ пыли, остальные мчались дальше.

Изъ экипажей можно было отлично видѣть скачку, видѣть какъ опережалъ всѣхъ опять таки „король“, во-кругъ головы котораго развѣвались длинныя пряди цвѣ-товъ его вѣнка. Одного за другимъ побѣдоносно обго-нялъ онъ и въ послѣдней четверти скаковаго круга уже оставилъ за собой всѣхъ. Одинъ только незнако-мецъ скакалъ все время впереди его.

Мартинъ однако гналъ и за этимъ. Его лошадь опыт-нѣе, но лошадь неизвѣстнаго соперника горяча и бы-

стра какъ вѣтеръ. Остается уже всего шаговъ двѣсти. Эти двѣсти шаговъ рѣшаютъ дѣло. Юноша оглядывает-ся на Мартина съ самонадѣянной улыбкой. Магнаты въ восторгѣ кричатъ изъ своихъ экипажей: „не поддавай-ся!“ и это восклицаніе ободряетъ обоихъ. Карпати сто-ить въ коляскѣ и въ волненіи, съ напряженнымъ вни-маніемъ слѣдитъ за ходомъ интересной борьбы.

— Ну, ну—вотъ теперь ужъ обогналъ! А—нѣтъ, нѣтъ. И тотъ тоже далъ шпоры! Летитъ какъ вихоръ, чортъ возьми! Что за конь такой! И какъ сидитъ этотъ маль-чишка! Э, братъ Мартинъ, видно сейчасъ и конецъ тво-ему празднику! Протинется ли онъ еще хоть сто ша-говъ... Да, такъ оно и есть, не догналъ таки!

Такъ и было. Незнакомецъ на цѣлыя полминуты опе-редилъ Мартина, доскакалъ до знамени и остановился какъ вкопанный. Мартинъ однако, доскакавъ до мѣста въ свою очередь, быстро выхватилъ изъ рукъ Андраша знамя и съ торжествующимъ видомъ крикнулъ сопер-нику:

— Ошибся, другъ, если думалъ, что побѣдилъ: есть здѣсь правило—королемъ ставятъ такого, что прежде всѣхъ успеетъ ухватить знамя, а знамя то вотъ оно гдѣ!

— Вотъ какъ? спокойно произнесъ юноша, не зная я этого. Хорошо, при второмъ пробѣгѣ я такъ и сдѣлаю.

— Такъ ты думаешь я тебя и во второй разъ пуцую впередъ? Нѣтъ, братъ, шалишь! этому больше не бы-вать. Да и теперь то тебѣ удалось перебить только от-того, что моя лошадь прыгнула въ сторону отъ твоей рубахи, что раздулась словно парусъ. Еслибы не это, показалъ бы я тебѣ! Ну, давай-ка во второй разъ. Надо проучить тебя.

Въ эту минуту подскакали и прочіе и Мартинъ тот-часъ же, не теряя времени, поспѣшилъ съ объясненіями, почему этотъ „чужой“ опередилъ его. Изъ его убѣ-дительныхъ доказательствъ выходило какъ-то, что сопер-никъ его вовсе и не доѣхалъ первымъ, а что только голова его лошади на „одинъ, одинъ волосъ“ была за головой лошади „короля“.

Юноша не возражалъ ничего и молча отѣхалъ отъ мѣста. Это спокойное достоинство завоевало ему сочувствіе всѣхъ участниковъ скачки, на которыхъ отталкивающимъ образомъ подѣйствовала бранчивость и придиричивость Мартина. И въ кружкѣ зрителей-магнатовъ уже начали устраиваться заклады—и притомъ по десяти противъ од-наго—что незнакомый юноша опередитъ на всѣхъ трехъ пробѣгахъ.

Снова прогремѣли мортиры и снова помчались всад-ники. Теперь впереди всѣхъ летѣли два главныхъ ге-роя скачки, два главныхъ соперника. Рядомъ быстро мчались они ко знамени.

Почти до самаго конца не опережалъ ни тотъ, ни другой. Но когда имъ оставалось уже не болѣе пятиде-сяти шаговъ, молодой наѣздникъ вдругъ съ силою щелк-нулъ своимъ бичемъ, его испуганная лошадь рванулась и сдѣлала три отчаянныхъ прыжка впередъ; разстояніе это и осталось неизмѣннымъ между обоими скакунами до столба, какъ „король“ ни шпорилъ своего коня.

Незнакомецъ снова подскакалъ первымъ къ знамени и такъ сильно рванулъ его изъ рукъ нашего Андраша, что бѣдняга бухнулся съ своей лошади на землю и изо-бразилъ изъ себя какую-то барахтающуюся въ пыли мас-су, къ увеселенію окружающихъ.

Внѣ себя отъ бѣшенства, Мартинъ, ударомъ хлыста, прорвалъ полотно знамени. Безсильная и беспомощная злоба! Присяжные подѣхали, сняли съ головы, дрожав-шаго отъ униженія „короля“ вѣнокъ, и возложили его на голову юнаго побѣдителя...

Тотчасъ же должно было начаться третье состязаніе.

— Имъ надо бы дать небольшой роздыхъ, крикнулъ кто-то изъ коляски.

— Не къ чему! рѣзко отвѣтилъ Мартинъ,—я вовсе не усталъ и лошадь моя тоже; мы будемъ скакать хоть

до страшнаго суда! Такъ, вѣдь, Наро, а? прибавилъ онъ, обращаясь къ своему коню и похлопавъ его по шеѣ.

Присяжные посредники снова начали устанавливать скакуновъ на мѣсто. Но инше какъ увидѣли, что невозможно спорить съ этими двумя главными соперниками, выѣхали совсѣмъ изъ рядовъ и вмѣшались въ толпу, такъ что состязателей осталось всего человекъ пять или шесть.

Передъ самымъ началомъ скачки, незнакомецъ спрыгнувъ съ лошади, сорвалъ съ близъ стоявшаго дерева вѣтку и, быстро очистивъ ее отъ листьевъ, снова вскочилъ въ сѣдло съ этимъ импровизированнымъ хлыстомъ.

До этой минуты онъ еще ни разу не тронулъ своего коня. Теперь же благородный конь, заслушавъ рѣзкій свистъ, раздавшійся въ воздухъ отъ взмаха хлыста, яростно взвился на дыбы.

Раздались сигнальные выстрѣлы. При третьемъ, неизвѣстннмъ наѣздникъ взмахнулъ хлыстомъ и пустилъ повода.

Какъ вихоръ понесся конь, пораженный цѣлымъ градомъ неожиданно посыпавшихся на него ударовъ хлыста; никто не только не могъ поравняться съ незнакомцемъ, но даже держаться на близкомъ разстояннн. Всѣ далеко отстали и даже, къ общему удивленнн, на этотъ разъ и самъ Мартинъ. Въ бѣшеной скачкѣ, съ головы молодаго человека слетѣлъ вѣнокъ, тогчасъ же растоптаннн копытами отставшей толпы скакуновъ. Но онъ замѣтилъ это только тогда, когда подскакалъ къ цѣли, къ знамени.

— Онъ не можетъ быть королемъ, не можетъ быть королемъ! заговорили голоса, онъ потерялъ свою корону!

— Такъ кому же быть-то? Несправедливо это, совсѣмъ несправедливо! восклицали другн.

— Мнѣ все равно, какъ хотите! отвѣчалъ юноша.

— Стой, стой, братъ, крикнулъ силнымъ голосомъ Мартинъ, все еще бѣсившнся на неудачу свою и на прищлеца,—давай пробовать, кто изъ насъ двухъ храбрѣе! Ну, пусть ты обогналъ меня на скачкѣ, у тебя лошадь лучше моей, а вотъ, ты покажи-ка намъ, во всемъ ли ты молодецъ. Видишь, сколько народу собралось, а приготовлено всего на всего для угощенн только два быка. Самъ понимаешь, мало этаго будетъ. Ну-ка пойдемъ со мной, коли ты не трусь, такъ мы сейчасъ приведемъ и третьяго сюда. И ходить-то недалеко, вонъ тамъ, за оврагомъ, угнѣздился быкъ: двѣ ужъ недѣли бѣдокурить онъ тутъ, въ этой сторонѣ, перебилъ нѣсколько человекъ, ломаетъ всѣ плетни, опрокидываетъ телѣги и поразгоняетъ всѣхъ рабочихъ съ полей. Ни пастихи и никто не могъ до сихъ поръ сладить съ нимъ. Пойдемъ-ка на него вдвоемъ и кто изъ насъ приведетъ его сюда—тотъ и будетъ королемъ!

Кружокъ, что около нихъ былъ, вдругъ порѣдѣлъ. Что это, въ самомъ дѣлѣ, съума что-ли сошли ребята—хотятъ тащить сюда, въ народъ, такого страшнаго чорта!

— Нечего бояться, воскликнулъ Мартинъ,—коли мы приведемъ его, такъ онъ будетъ тогда какъ овца, или ужъ мы оба останемся тамъ на мѣстѣ!

Быстро разнеслось въ толпѣ извѣстнн о закладѣ Мартина. Кто былъ потрусливѣе—забрался въ безопасное мѣстечко, а похрабрѣе сѣли на лошадей, чтобы ѣхать за смѣльчаками и посмотрѣть, какъ они справятся съ такимъ свирѣпымъ бнкомъ. Господа тоже велѣли подать коней, а баронъ Карпати поѣхалъ за ними въ своей таратайкѣ.

(До слѣдующаго №).

МИСТЕРЪ ДИКЪ.

Разсказъ Чарльза Коллинза.

(Продолженн).

IV.

Когда, по утру, мистеръ Дикъ проснулся, головная боль напомнила ему, что случилось что-то не въ порядкѣ вещей; но выйдя изъ холодной ванны, онъ почувствовалъ себя такимъ бодрымъ и веселымъ, что словно въ немъ совмѣшалась сущность двухъ десятковъ Диковъ. Весело сбѣжалъ онъ по лѣстницѣ, покрытой брюссельскимъ ковромъ.

Да, это былъ великнй день новоселья.

Усаживаясь за чай, мистеръ Дикъ неожиданно наткнулся на кресло и вдругъ вспомнилъ роковое его свойство.

Что же ему дѣлать теперь? Какъ отдѣлаться отъ кресла? Отдать его куда нибудь, запретить, или сжечь, зарыть, уничтожить?

Онъ уже схватился было за ручку кресла, съ рѣшительнымъ намѣреннмъ привести въ исполненн то или другое изъ этихъ дѣйствнй, какъ вдругъ почувствовалъ сотрясенн; руки его безсильно опустились и легкое трепетанье какъ бы порхавшей бабочки заставило оглянуться. И что же? На верху спинки кресла, распутивъ крылышки и утвердившнсь ножками на его снющей верхушкѣ, стояла Верита.

— Это бесполезно, Дикъ—проговорила она голоскомъ, звнвшнмъ словно серебряннй колокольчикъ. Это кресло очаровано не для одной только вашей прихоти. Садитесь и слушайте, что я скажу вамъ.

Дикъ повиновался и, протянувъ руку, выставилъ ладонь. Его сердце забилось отъ радости, когда маленькая лѣди прыгнула на нее.

— Вы заслуживаете уроча, Дикъ. Впередъ пользуйтесь моимъ даромъ во благо; будьте терпѣливы и все кончится хорошо для васъ. Ну, прощайте. Смотрите же будьте благоразумны.

Чуть видный платочекъ былъ подвязанъ подъ чуть видную шейку; лучезарные крылышки распустились и, въ то время, когда Педжъ отворилъ дверь, чтобы ввести посѣтителя, крошечная лѣди исчезла.

— „Будь мудръ и благоразуменъ“. Слова эти раздавались еще тончайшимъ серебрянымъ звономъ въ ухахъ мистера Дика въ то время, когда онъ привѣтствовалъ введенную Педжемъ посѣтительницу. Первая его проба—быть мудрымъ и благоразумнымъ—заставила его подвести даму прямо къ почетному мѣсту, къ креслу Истинн.

Мистеръ Дикъ обрадовался, замѣтивъ, что посѣтительница

была маленькая ростомъ, миловидная дѣвушка, которую раза два видалъ онъ у доктора Эвенса, извѣстнаго всѣмъ. Онъ зналъ что эта дѣвушка была дочь одной больной вдовы и была старшей изъ кучи смуглыхъ, снющнхъ здоровьемъ дѣтей, которымъ замѣняла дѣйствительную нянюку, поболѣзнь родной ихъ матери.

Онъ настолько разглядѣлъ маленькую Гетти (которой было уже 23 года, а быть можетъ и больше) что залюбовался ея кроткими карими глазками, имѣвшими совершенно одинаковнй цвѣтъ съ ея волосами. Когда она сидѣла въ очарованномъ креслѣ, Дикъ изумлялся своей слѣпотѣ и только теперь рассмотрѣлъ, что эта дѣвушка, въ самомъ дѣлѣ, была прехорошенькая. Ея милое, невинное личико заключало въ себѣ какую-то неуловимую прелесть; а это-то въ особенности и нравилось Дикю. Въ самомъ дѣлѣ, ея маленькня ручки, ея граціозння движенн сильно напоминали ему манеры крошки Вериты.

— Мама прислала меня къ вамъ, мистеръ Дикъ, чтобы просить васъ принять на время вашего вечера вотъ эту прекрасную китайскую вазу; другой такой вы не отыщете въ цѣлой Англн. Мама думаетъ, что вещь эта будетъ какъ разъ кстати для вашего вечера.

— Я очень благодаренъ вашей маме; но почему же она узнала, что я намѣренъ...

— О, мы очень хорошо это знаемъ. Вы сегодня вечеромъ даете балъ. Изъ нашего дома можно видѣть огни и даже слышать музыку. Дженни и Альбертъ намѣрены нарочно подольше не ложиться спать, чтобы посмотрѣть на экипажи.

— Но если я принимаю эту великолѣпную вазу, то въ свою очередь ннѣ также собственную къ вамъ просьбу.

— И я обещаю вамъ исполнить ее, потому что увѣрена, что вы ничего не станете просить такого, чего бы я не могла обѣщать исполнить.

Ну, такъ я прошу васъ принять въ этотъ вечеръ участн въ нашихъ общнхъ удовольствняхъ.

— Ахъ, какъ бы я желала этого!.. Но... но вѣдь мы очень бѣдны, мистеръ Дикъ; да при томъ и мама слишкомъ больна, чтобы отпустить насъ. Все таки мы останемся и тѣмъ очень довольны, если посмотримъ на ваше веселье изъ окошка и будемъ въ восхищенн при одной мысли, что наша ваза послужитъ украшеннмъ вашего вечерняго стола. Мама увѣрена, что вы не сочтете нашего предложенн навязчивостью.

Волчья молитва, Ориг. рис. Н. Каразинъ, грав. Грачевъ.

— О, конечно, нѣтъ.
— Мама всегда съ удовольствіемъ наблюдала за постройкой вашего дома, мистеръ Дикъ. Она говоритъ, что въ немъ будетъ жить хорошій человѣкъ.

— Ваша мама слишкомъ добра,—проговорилъ Дикъ нѣскольکو сконфуженный и начиная краснѣть. Онъ былъ такъ увлеченъ прстотой и безыскусственностью дѣвушки, что забылъ даже, что она находилась подъ вліяніемъ чаръ и была безсознательна въ искренности всего того, что говорила.

— О, мама у васъ предобрая! Но мнѣ ужъ пора домой. Я обѣщала ей вернуться черезъ полчаса, а теперь ужъ кажется давно пора.

И бѣдняжка тревожно смотрѣла по сторонамъ; однакожь все таки не могла двинуться съ мѣста.

Дикъ вытеръ лобъ, взъерошилъ волосы и рѣшительно приступилъ къ вопросамъ.

— И такъ, ваша мама рада имѣть такого сосѣда?

— Да, очень рада, что вы нашъ сосѣдъ. Когда Богу угодно будетъ избавить ее отъ болѣзни, чтобъ болѣе спокойно продолжать нашу уединенную, трудовую жизнь, она думаетъ, что сердце добраго человѣка тронется безпомощностью дѣтей ея и онъ не сможетъ опредѣлить одного изъ нихъ куда нибудь.

— Да, милая, это вѣрно будетъ угодно Богу. Но, послушайте, Гетти; вамъ ужъ, кажется, пора бы выйти замужъ. А скажите, хотѣлось бы вамъ замужъ?

— Не знаю, но думаю, едва ли кто обратитъ вниманіе на такую простую дѣвушку съ вздернутымъ носикомъ, съ сердцемъ, переполненнымъ заботами о семьѣ, и...

— А не замѣтили-ли вы кого-нибудь, за кого вамъ было-бы пріятно выйти замужъ? живо перебилъ Дикъ, чрезвычайно довольный своими вопросами.

— Замѣтила—одного только: это—васъ мистеръ Дикъ. Прощайте! Теперь ужъ мнѣ придется пуститься бѣгомъ домой.

Чувствуя себя на свободѣ Гетти соскочила съ кресла и быстро вышла изъ комнаты, оставивъ Дика, наверху изумленія; цвѣтъ его лица безпрестанно мѣнялъ колера: изъ натурального перешелъ въ блѣдный, изъ блѣднаго въ красный, изъ краснаго въ малиновый, изъ малиноваго въ багровый.

Теперь въ первый еще разъ съ того времени, какъ кресло находилось подъ вліяніемъ чаръ, мистеръ Дикъ взглянулъ на него весело и съ удовольствіемъ. Но его размышленія были прерваны почтительнымъ докладомъ Педжа, о томъ, что прибылъ садовникъ съ цвѣтами и что надобно развѣсить по стѣнамъ канделябры и потому онъ, Педжъ, покерно проситъ мистера Дика оставить на время комнату. Мистеръ Дикъ исчезъ на весь остатокъ дня и явился снова въ шесть часовъ вечера, уже къ самому обѣду. Затѣмъ начался балъ. Мистеръ Дикъ открылъ его, выступивъ съ знаменитой (въ тѣхъ краяхъ) лэди Фитсъ.

Все шло прекрасно до того момента, когда мистеръ Дикъ натянулъ новыя перчатки, чтобы начать танецъ съ знаменитой (въ тѣхъ краяхъ) лэди Фитсъ. Это была особа полная, но очень легкая на рукѣ; она и мистеръ Дикъ пустились въ танецъ съ живостью, достойной праздника; но въ продолженіи этого танца, одно обстоятельство замѣтно разохлодило уже слишкомъ живыя ощущенія мистера Дика. Онъ съ изумленіемъ замѣтилъ, что одна величавая, старая вдова возсѣдала въ центрѣ кружка на креслѣ Истины. Какимъ бы образомъ оно ни явилось здѣсь, или какимъ бы таинственнымъ посредствомъ ни было сюда занесено, важенъ самый фактъ: кресло было здѣсь и на немъ сидѣла ужасная вдова. Она была окружена толпой, къ которой обращалась ея рѣчь; но рѣчь эта, казалось, не звучала комплиментами. Мистеръ Дикъ дѣлаетъ отчаянный выступъ въ тотъ моментъ, когда долженъ поставить высокородную (въ тѣхъ краяхъ) лэди Фитсъ на самую середину круга; потомъ онъ снова, также отчаянно, бросается назадъ; сжимаетъ доврчиво поданную ему руку, для исполненія фигуры „крестъ на крестъ руки“, съ такой силой, точно это была рука мошенника, которую онъ схватилъ возлѣ своего кармана. Въ этихъ поыхахъ и смятенны утомленный мистеръ Дикъ былъ долженъ думать (и не могъ не думать) о трехъ почтительныхъ вопросахъ, которые обязаны предложить этой ужасной вдовѣ. Съ рискомъ отвѣтственности за посѣдствія, онъ вихремъ мчится сквозь вытанцовшую шеренгу танцоровъ; но въ этотъ моментъ пуговица его фрака задрываетъ за пышныя кружева платья какой-то лэди. Безсознательный ко всему окружавшему, онъ несется на середину круга и потомъ снова назадъ, удлинняя больше и больше конецъ вырваннаго лоскута. Лоскутъ оторвался отъ платья Фанни; миссъ Фанни была потерѣвшей. Однакожь она взглянула на мистера Дика такимъ всепрощающимъ взглядомъ; ея мягкіе, голубые глазки съ такой кроткой улыбкой встрѣтили его взоръ,

а розовыя ея губки такимъ сладостнымъ тономъ высказали ему полное прощаніе, что мысленно онъ проговорилъ: „Бездѣнная Фанни! Что это за ангелъ! Какое блаженство быть любимымъ ею!“ Но когда миссъ Флоренса быстро вышла изъ круга танцующихъ и, въ горячемъ участіи, съ пылающими щеками, темными, блистающими глазами, заговорила тономъ страданія о вредѣ, сдѣланномъ хорошему платью Фанни; когда она такъ мило попросила своего партнера извинить ее въ томъ, что она невозможно пришилилъ душкѣ отрывокъ платья,—мистеръ Дикъ вдругъ почувствовалъ склонность высказать снова выше выраженные чувства, замѣнивъ лишь имя Фанни именемъ Флоренсы. Между тѣмъ взоры всѣхъ гостей были прикованы къ страшной вдовѣ, возсѣдавшей на стулѣ Истины. Мистеръ Дикъ чувствовалъ, что никакъ не могъ осмѣлиться предложить ей ни одного вопроса. Но вѣдь она будетъ засѣдать здѣсь до тѣхъ поръ, пока мистеръ Дикъ не предложитъ ей трехъ вопросовъ. Когда, въ отчаяніи, онъ бросилъ безнадежный взглядъ по направленію къ дверямъ, то замѣтилъ маленький вздернутый носикъ Гетти. Она была одѣта въ бѣлое кротенское платье. Развязавъ платокъ и взявъ его въ руки, Гетти подошла ко вдовѣ, разубранной въ пурпуръ и золото. И что же? Вдова вдругъ поднялась съ очарованнаго кресла и, въ сопровожденіи Гетти, оставила танцевальный залъ, направивъ стопы въ чайную комнату. Онъ мысленно благословлялъ Гетти и теперь уже легко и свободно докончилъ танецъ. Какъ только освободился, онъ полегѣлъ искать для слѣдующаго танца Фанни или Флоренсу.

Но онъ вмѣстѣ и, о ужасъ! обѣ въ креслѣ Истины! Фанни сидѣла въ самомъ креслѣ, а Флоренса, умѣстившись на мягкой его рукѣ, занята была пришиваньемъ обрывковъ платья Фанни.

— Какая восхитительная картинка, что за прелестный контрастъ,—подумалъ Дикъ, подходя къ дѣвушкамъ.

— Ну вотъ, голубушка моя, сказала Флоренса съ нѣкоторою ядовитостью, пришила я тебѣ, какъ только могла лучше. Но все таки фигурка твоя довольно уродлива, и по совѣсти говоря, на тебя не засмотрятся.

— Благодарю и на этомъ, милая, отвѣчала Фанни.

— О, ехидная, я вижу насколько твое смиреніе и притворство. Ты какъ будто ни крошки не заботишься о платьѣ. Какже, что мистеръ Дикъ не можетъ поглядѣть, какова ты дома.

— Нѣтъ, ужъ поглядѣлъ бы онъ лучше какова ты дома. Тетка ждетъ не дождется, когда избавится отъ такой взбалмошной, безпечной лѣнтяйки.

— Тетка можетъ и извинить мою лѣнь при хорошихъ сторонахъ моего характера.

— Нѣтъ, ужъ лучше по моему немножко вспылитъ, чѣмъ цѣлый день дуться молча.

— Въ самомъ дѣлѣ?.. Ахъ, да вотъ кляти и самъ мистеръ Дикъ; онъ тутъ лучшій судья. Вы, конечно, не ожидаете,—продолжала Фанни, обращаясь къ Дикъ, пайти въ женѣ совершенство? Не такъ ли, мистеръ Дикъ?

— Но я, миссъ и самъ съ большими недостатками, пробормоталъ несчастный Дикъ.

— О, нѣтъ, нѣтъ, мистеръ Дикъ! заговорили разомъ Фанни и Флоренса. Въ васъ есть все,—все, что только можетъ быть хорошаго, добраго, милаго, пріятнаго, любезнаго. Весь домъ вашъ дышетъ такой любовью, что здѣсь никто даже и подумать не можетъ назвать себя несчастнымъ.

Тутъ дуэтъ кончился и каждая начала соло.

— Только я все же скажу, Фанни, что ты вездѣ останешься надutoй, вздорной брюзгой, начала вдругъ Флоренса.

— А ты была и вѣкъ будешь взбалмошной грубиянкой, незамедлила отвѣтить Фанни.

— Ты злюшка!

— А ты—дрань.

— Фи! я стыжусь за тебя!

— А меня тошнить просто смотрѣть-то на тебя!

— Лэди, лэди! взывалъ пораженный Дикъ.

— Нѣтъ, мистеръ Дикъ, вы ее не знаете, перебила Флоренса: это такая змѣя! Она самаго злаго, ехиднаго нрава.

— Не вѣрьте, не вѣрьте ей, вскричала Фанни: она вѣдь не можетъ сказать слова, чтобъ не солгать!

Въ это время, какъ мистеръ Дикъ постепенно и съ умоляющимъ видомъ оборачивался то къ той, то къ другой, при восклицаніи каждой изъ нихъ: «Бросьте мнѣ свой платокъ!»—онъ какъ то потерялъ равновѣсіе и упалъ на полъ, поваливъ вмѣстѣ и очарованное кресло. Торопливо поднявшись, онъ обратился къ кузинамъ, чтобъ выразить имъ свое извиненіе... И что же! Дикъ не увидѣлъ никого: Флоренса, Фанни, музыка, огни, цвѣты, танцоры, лэди Фитсъ, вдова—все исчезло...

(Окончаніе въ слѣд. №.)

Волчья молитва.

(Изъ жизни въ средне-азиатской пустынѣ).

Картинка съ натуры, Н. Каразина.

Отсталъ отъ своихъ старыи Нурмедъ-Ага. Далеко впередъ ушли его товарищи. Скучно одному въ мертвой степи, да и

жутко подь-часъ приходится. Солнце низко-низко спустилось,— воть-вотъ, гляди сейчасъ за песчаными барханами закатится. Холодкомъ потянуло по низу; пыльная мгла побагровѣла, и на сухихъ саксауловыхъ кустахъ, на оглоданныхъ костяхъ путевой падали, вѣками накопленной—пошли багровые отблески... Тихо въ пустынь, словно въ могилѣ, — только тяжелыя копыта коня Нурмедова по мягкому песку шлепають... Не по своей волѣ, не по оплошности оттянулъ Нурмедъ-Ага отъ свонхъ: старый конь залаченный — выдавать началъ,—не поспѣваетъ за молодыми, здоровыми аргамаками. Еще солнце высоко стояло, почти на полднѣ, когда изъ глазъ пропали передовые всадники; давно уже и пылъ улеглась за ними.—сплунимъ пескомъ слѣды загибать стало... Подгонялъ, подгонялъ Нурмедъ плетью своего сиваго, да и рука устала помакивать... Что проку гнать, когда старыя ноги еле волочатся,— что ни шагъ, то на ходу спотыкаются. Озвѣль, замаялся и самъ батырь. Войлочный малахай на затылокъ съѣхалъ, по морщинамъ лба горячій потъ струится... За сѣдломъ коржумы въчюные разболтались... Сивый уши развѣсилъ и губою нижнею, отвислоу хлопаетъ...

— И чего гонять черти-дьяволы! — ворчитъ Нурмедъ, — поспѣете еще подь русскую пулю подвернуться!

Вотъ и солнышко сѣло... Быстро темнѣть начало въ степи, межъ высокими наносными барханами. „Теперь уже тѣ, что вне-еди, у колодезь развѣвчались,—„челнимъ“ закурили, чай готовить; жеребцамъ уже торбы съ ячменемъ навѣсили... А Нурмеду до тѣхъ колодезь далеко еще.. не добраться сегодня... Вотъ отъ того круглага бархана, гдѣ сухая саксаулина торчитъ и тряпка на ней болтается, вотъ, что впереди чуть-чуть маячиге,—такъ отъ того бархана, на добромъ конѣ, часа четыре ходу, а то и съ кончиномъ. — Не понасть сегодня Нурмеду на желанныя колодезы. Ёдетъ Нурмедъ-Ага, носомъ крючкватымъ поклевываетъ да про себя думу раздумываетъ.

—„Вотъ собрались мы, много съѣхалось... человекъ до ста наберется... Собрали насъ Мурадъ-ханъ толстобрюхий... говоритъ: „Давно русскую грань не щупали... пора!... Эхъ, Нурмедка, Нурмедка!... Лошадь ты старая, калеченная и подь тобой-то тоже лошадь старая—калеченная... И руки-то у тебя трясутся, и глазъ плохо впереди видиге. Гдѣ тебѣ за другими тягаться!

— Мурадъ-ханъ смѣется, говоритъ: „сиди дома, батырь... береги—подстерегай лучше мою Ассаль, да Ковъ-Наръ быстроглазую“... Хе-хе!... Батырь Нурмедъ — чужихъ женъ стеречь станегъ... Хе-хе!... — Нурмедкѣ можетъ дать Аллахъ — раздобыть съ русской грани желтоволосую, бѣлую красотку, у него самого тогда молодая жена будетъ, — получше Ассаль веснушчатой... Хе-хе!

— Ну, старый, не спотыкайся!... Эхъ, горе-горе! былъ добрый конь, да изъѣздили... тиррру!...

— Вѣдь вишь ты... Самъ видѣлъ, что потеряю дорогой... такъ и есть, — потерялъ!... А хороший кунганъ былъ, — самъ Ходжа Наурусъ, мѣдникъ, его чеканилъ... Вотъ теперь — Нурмедка въ одномъ мѣстѣ по степи ѣдетъ, а кунганъ его въ другомъ мѣстѣ, въ степи лежитъ... Можетъ, пошлетъ Аллахъ, когда и встрѣтятся другъ съ другомъ...

— Ну, что стало... чего упираешься?... замаялся бѣдняга!... и хозяйнѣ твоей. А... ооо!... тоже замаялся... Да и темно стало... что-же,—вочевать станемъ, что ли?!

Шакалъ за барханомъ затынулъ свою пѣсню... Ковъ ушами повель, Нурмедъ тоже прислушался...

— Вотъ, подумалъ онъ, — голосъ, совсѣмъ какъ у нашего ишана, когда тотъ правовѣрныхъ на молитву сзываетъ... Влѣзетъ, бывало, на мечетъ, руки ко рту приложиге, назадъ всѣмъ тѣломъ откиннется и начнетъ голосить... Сперва ровно такъ бурчитъ, будто самъ съ собою разговариваетъ, а потомъ все

громче да громче. тоньше да тоньше... а какъ закроетъ глаза, да затянетъ... „Алла... а... а... а... Аѣ... бырь... Алл... ла... такъ совсѣмъ жалостливо станеть... Вотъ какъ есть такъ, какъ тотъ за барханомъ сейчасъ развылся...

— Ну... вотъ вотъ... такъ точно...

— На молитву мулла сзываетъ... Всѣ правовѣрные, всѣ, кто на собаку не похожъ, всѣ молиться должны... намазъ дѣлать... А Нурмедка отчего не дѣлаетъ намазъ... а? развѣ онъ собака невѣрная!?... иѣтъ, Нурмедъ-Ага хороший мусульманинъ,—онъ Аллаха любитъ и Аллахъ его любитъ... Аллахъ ему... Пстой, давай молиться!...

Слѣзъ съ коня старый Нурмедъ-Ага, снялъ съ плечъ равный халатъ алачевый, встряхнулъ его, на свѣтъ привинулъ:— „эка дырвевъ что въ разныхъ мѣстахъ свѣтится!“...

Разосгалъ халатъ бережно на песокъ, почесался, сообразилъ, гдѣ солнце садиге, гдѣ всходить должно, — присѣлъ на колѣни... Ну, начинай... Какъ это Ишанъ-молла начиналъ... пстой... Да, точно...

— Аллахъ Акъ-бырь... Магометъ расзулла-хъ... Аллахъ... — А дальше-то какъ... Ишанъ-мулла говорилъ...? Эхъ, не припомню... А хорошо говорилъ мулла, — очень прекрасно говорилъ онъ.

Здумался Нурмедъ, припоминая молитвы Ишановы,—да ничего путемъ не припоминается... А молиться хочеть...

— Вотъ что, Аллахъ, я тебѣ скажу... Тамъ у насъ, около зчмовокъ,—недалеко, часъ ѣзды всего... есть могила Чубукъ-Ага.—Эго вѣдь хороший святой, — ты его знаешь... Такъ ужъ я ему съ похода принесу что-нибудь и на шесть высоко-высоко повѣшу... Вотъ, допни мои глаза, правду говорю... Платокъ красный повѣшу и еще что-нибудь... Ты вѣдь знаешь, какіе у русскихъ хороше платки дѣлаются... А ужъ ты тоже мнѣ помоги...

— Надо мнѣ... Вотъ что мнѣ надо... тирру... сивый—валаться захотѣлъ! легче!... сѣдло сломается... Надо мнѣ... Давай мнѣ жену, пожалуста, — рыжеволосую... тамъ, на русской границѣ, все больше такія попадаются... Только вотъ-что, Аллахъ, — тамъ есть большія,—толстыя и маленькія есть... Мнѣ маленькую не надо... мнѣ потолще да побѣлѣе... Запомни ты это хоршенько...

— Привезъ въ прошломъ году Наурусъ одну... Какъ вѣдь хвастался... А она захирѣла и сибла, а потому что худенькая была, щипковъ нашихъ бабъ да щипковъ не выдержала... Толстая да большая лучше...

— Пошли ты мнѣ, Аллахъ, еще вотъ что... что-бы такое?... Да. Пошли ты мнѣ мултукъ въ двѣ стволины, — такой, какой я у купца видѣлъ въ Хивѣ, давно какъ-то... два раза чтобы стрѣлять можно было... пошли ты мнѣ — чтобы русская пуля меня миновала... Пускай гяуръ проклятый стрѣляетъ а пули чтобы его, все бжикъ—да бжикъ,—мимо да мимо... Ха-ха-ха!... Вѣдь что тебѣ... Я человекъ хороший, я твой человекъ, а они собаки,—они тебѣ не молятся, они другому богу молятся и дары возять а тебѣ, Аллахъ, отъ нихъ ни... вотъ чего не приходится... да. А я,—ну вотъ пропади я середъ степи, если обману, не привезу платка русскаго, краснаго...

— Пошли ты мнѣ... Вѣдь вотъ чуть не забылъ... Пошли ты мнѣ, о Аллахъ, милый человекъ, пожалуста пошли—такого-же жеребца вороного, какъ у самого Мурадъ-шаха подь сѣдломъ, а если можно такъ и получше немного!...

— Пошли ты мнѣ...

Чу! Далеко, далеко... тихо, чуть слышно, однако донесся-таки сюда, сухой, короткій звукъ ружейнаго выстрѣла...

Вскочилъ на ноги Нурмедъ-Ага, схватилъ коня своего за поводъ, носомъ повель, прислушался—и глаза его старше, подслыповатые, въ густѣвшихъ сумеркахъ заискрились...

— Что тамъ такое... На какого чорта они такъ рано насунулись! Заговорила хищническая, волчья кровь...

ДѢТИ.

Изъ Виктора Гюго.

Il est si beau l'enfant avec son doux sourire...

V. Hugo.

Какъ дѣти хороши съ улыбкой ихъ мгновенной,
Съ ихъ вѣрой чистою, съ ихъ рѣчью откровенной,
Съ минутной ихъ слезой,
Съ ихъ взглядомъ ангельскимъ, прелестнымъ, восхищеннымъ,
Съ сердечкомъ чуткимъ ихъ, съ ихъ смѣхомъ оживленнымъ,
Съ открытой ихъ душой.

О Боже! Осѣни дѣтей моихъ любимыхъ,
Монхъ родныхъ и—всѣхъ несчастныхъ и гонимыхъ—
Ты милостью своей!
Чтобъ въ солнцѣ и цвѣтахъ ихъ проходило лѣто,
Чтобъ не было семянъ любовью не согрѣтой
И дома безъ дѣтей.

A. M—нъ.

КЪ РИСУНКАМЪ.

Городъ Штейеръ (Стырь) въ Верхней Австріи.

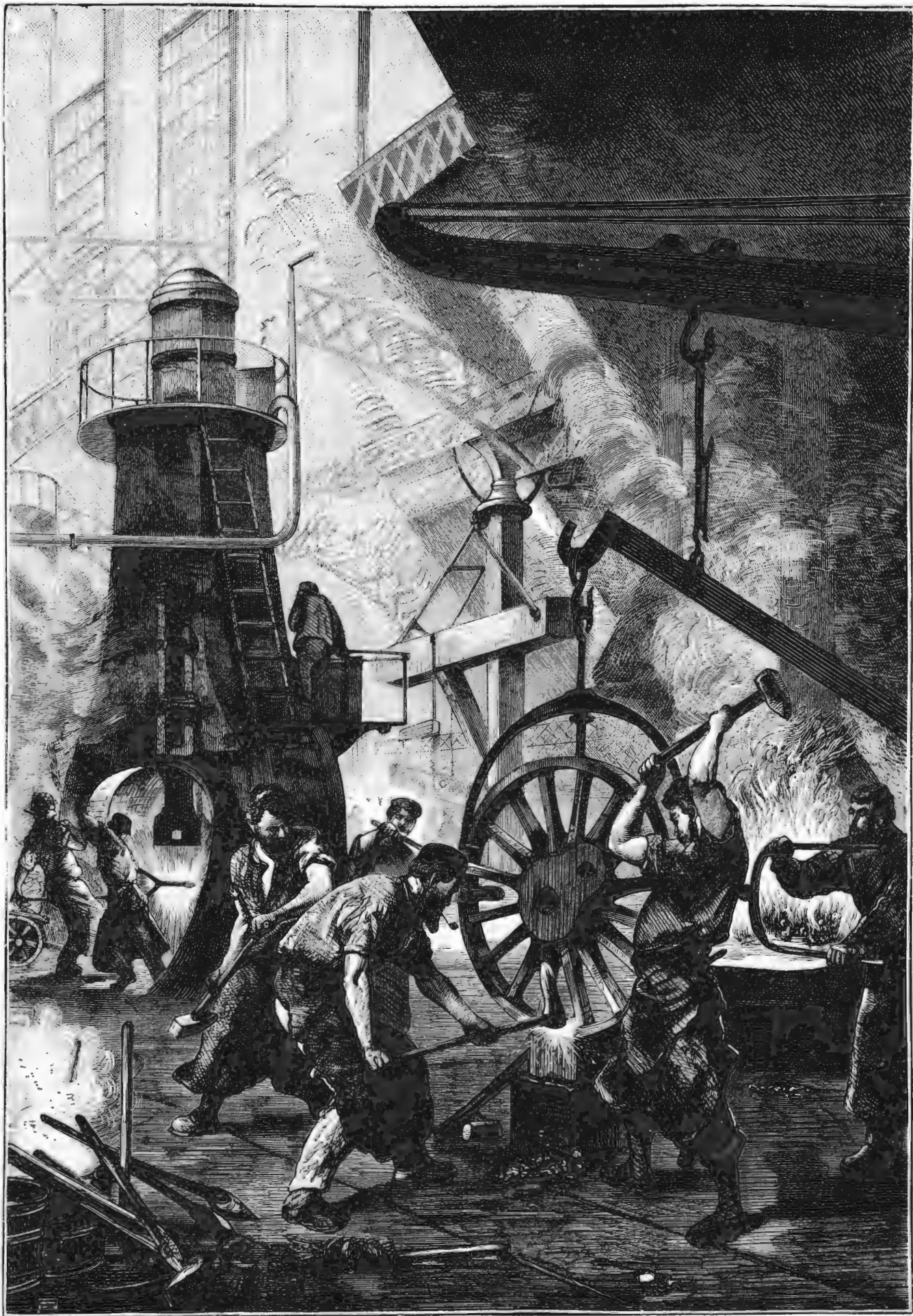
(По поводу его 900 лѣтняго юбилея.)

Городъ Штейеръ лежитъ при слияніи рѣкъ Енсъ и Штейеръ. Населеніе (нынѣ простирается до 15000) душъ, было славянское а теперь состоитъ почти исключительно изъ иѣмцевъ. Онъ гордо возвышается посреди роць и лѣсовъ на предгоріи известковыхъ Альпъ.

На мѣстѣ этаго города было когда-то Римское поселеніе. Благодаря своему возвышенному расположенію, оно служило тогда сторожевымъ постомъ для пограничныхъ войскъ. Въ 1299 году близъ этаго города найдены римскія могилы и есть преданіе о существовавшемъ тамъ храмѣ Юпитера. Кельтское названіе „Steuer“ получилъ городъ, какъ и во многихъ случаяхъ, отъ рѣки, омывающей его берега. Такъ какъ съ VIII столѣтія всю эту страну заняли славяне, то и городъ по сла-

Хватить—или не хватить? Ориг. рис. профессора К. Е. Маковского, грав. Е. Шмидт.

Новна колесъ для локомотива. Съ картины П. Меергейма, грав. М. Рашевскій.

вянски называвшийся Стырь, был заселен славянами. Впервые упоминается об этом городе в письмах Генриха Офтердингена в 980 году, под названием „Штирийский замок“. Этот замок возведен баварским графом Отокарком III, владения которого занимали большую часть Штирии и были резиденцией до 1192 года, т. е. года, в котором, в силу наследственного договора в Еносе, все земли Отокара III перешли во владение герцога австрийского Леопольда III. С этого времени он неотлучно составлял часть Австрийской империи.

Смутное время для города Штейера наступило с периодом священнических войн. Едва город успевал отдохнуть от религиозных распри, как 18 сентября 1741 года, во время войны за престолонаследие в Австрии, был занят 4000 Баварцев и Французов; в руках неприятеля он находился по декабрь того же года, а затем опять перешел во владение Австрийцев. Тяжелая контрибуция и многие другие бедствия сильно поколебали благосостояние граждан. Только по уговору французов город опять мог отдохнуть от всех этих бедствий и развить свою промышленность.

Уже с давних времен Штейер служит складочным местом железных изделий и посылает в Италию, Польшу, Венгрию и Турцию своего собственного производства пилы, илы, гвозди и т. п. Изделия эти приобрели хорошую славу. Неоспоримо также, что развитию промышленности город обязан Австрийскому оружейному заводу. В 1875 году изготовлялось до 8270 ружей в неделю на этом заводе.

Достопримечательны здания в городе: весьма изящной архитектуры ратуша и монументальный готический собор, начатый под руководством известного архитектора, строительного собор св. Стефана в Вьне и оконченный только в 1620 году. Кроме того древний Штирийский замок, гордо возвышающийся в центре города, о котором мы уже упоминали выше.

Монастырь Мельк (Меледиха).

Мельк— маленькое торговое славянское местечко при впадении Билеха в Дунай; в нем насчитывается около 2000 жителей. Виродолжені столетий место это известно в Австрии по своему богатому, прекрасно расположенному бенедиктинскому аббатству. Оно стоит на известковой скале вышиною в 30 саженей. Монастырь Мельк и местечко были известны уже в 816 году. Их первоначальное славянское название— *Меледиха*. Место это перешло впоследствии к мадярам, которые сильно его укрепили, и затем было забрано Маркграфом Леопольдом I, который избрал его своей резиденцией. Леопольд II в 1019 году возобновил монастырь и перевел сюда Бенедиктинцев из Субьяко. Леопольд IV расширил монастырские владения, при чем бенедиктинцы были непосредственно подчинены папе. В 1420 году монахи из Субьяко выработали устав, который был принят многими австрийскими монастырями. В 1612 г. монастырь был осаждаем, но безуспешно, а в 1685 году аббат Мюллер предводительствовал вооруженными монахами, защищая монастырь от турок. Теперешний монастырь отстраивался с 1719 по 1736 год Прандауром в итальянском стиле. Церковь монастыря (в которой находится гробница Бабенберга и св. Коломана) считается одною из красивейших в Европе, а аббатство— одним из богатейших и великодушнейших прелатов. В этом обширном монастыре помещаются: училище богословия, общественная высшая гимназия, музыкальная школа для хорového обучения и т. п. и значительная библиотека, в которой находится много рукописей и документов. Кроме того замечательна здешняя картинная галерея, собрание монет и принадлежащий церковной сокровищнице, крест и чаша, чеканенная из золота, найденная в Дунае.

Хватить или не хватить?

(Рисунок К. Е. Маковского).

И вот важный вопрос, своего рода „быть или не быть“, занимающий этого несчастного, видевшего быть может когданибудь и лучшие дни. Хватить ему на выпивку или опять, представляясь то отставным военным, то чиновником, придется выпрашивать у проходящих „келье-шоз“, поглядывая с опасением на городского.

Профессор К. Е. Маковский, который так изящно и грациозно изображает престыжные женские и детские личики, как замечательный жанрист, такой же мастер и в другом роде, так сказать „натуралистическом“, образом чего может служить прилагаемый здесь прекрасный рисунок.

Ковка колес для локомотива.

(С картины Мейергейма).

Парь и электричество завладели жизнью и мы совершенно свыклись с ними. В современную жизнь это внесло бы ужасное разстройство, если бы локомотивы и телеграфы перестали действовать, это прежде всего отразилось бы на общем материальном благосостоянии. Локомотив соединяет север

с югом, горы с долинами, он сравнивает урожай с урожаем в различных странах; это могучая сила, которая необыкновенно берегает время. Это то и поддало мысль Борзигу, известному фабриканту локомотивов в Берлине, устроить в своем саду, около Моабита, в павильоне панораму, где, в идеальной форме, представлено изготовление локомотива, начиная с процесса плавки железа и кончая сборкой частей машины. Из этой панорамы мы заимствуем одно из лучших изображений, это «ковка колеса»,— картина знаменитого Павла Мейергейма.

Рисунок представляет внутренность громадной машинной фабрики Борзига, находящейся возле Ораненбургских ворот в Берлине. В ярко-освещенном пространстве видны работники, кующие главное колесо локомотива; далее видим еще двух работников, которые пододвигают щипцами под паровой молот кусок железа, накаленного до бела.

Рисунок наглядно представляет нам всю мощь человеческого ума, который сумел подчинить себе все элементы для служения на пользу человечеству.

Остатки римской виллы на острове Уайт (Англия).

Недавно, в Англии, на острове Уайт, близ Брединга, обнаружены следы римских построек; немедленно же были организованы правильные раскопки, при помощи которых, в настоящее время, уже открыты довольно хорошо сохранившиеся остатки изящной римской виллы (см. прилож. рисунок). Работы деятельно продолжаются и есть указания на то, что, кроме комнат, освобожденных пока от «пыли вьюки», под этой пылью, или, лучше сказать, под довольно толстым слоем земли, скрыто еще много других частей классического здания. Теперь, впрочем, еще не определены ни размеры, ни самое назначение той или другой комнаты. Разрушенные стены почти все одинаковой толщины и величины: 2 фута в ширину и от 3-х до 4-х в высоту, из чего англичане, посвятившие себя этим раскопкам, делают заключение, что частные римские дома имели нередко солидный каменный фундамент, а остальная постройка возводилась из дерева и штукатурки, с аспидной или черепичной кровлей. Стены выведены из мшлого и кремневого камня, связанных, по римскому способу, в плиты. Там и сям видны простанки, очевидно, указывающие места дверей, а также и основания колонн. Стены выштукатурены и покрыты красивыми узорчатыми рисунками; многие очень хорошо сохранились. Мозаичные полы предоставляют широкое поле для изучения. Два из них, составляющие часть коридора, или прохода, больше 60-ти футы длины, сложены в шашечницы, белые и красные квадраты которых также украшены узорами; на первом изображен мозаичный рисунок, несколько странного вида, впрочем, какойнибудь символ, относящийся, может быть, к мифологии; значение фигур пока еще не выяснено. За то сюжет рисунка, выложенного на втором полу, ясен с первого же взгляда: среди квадрата, приблизительно в 8 футах, обнесенного бордюром из разноцветных, гильшированных шашек, изображен круг, центр которого составляет Орфей, играющий на своей лире, его окружают обезьяны, лисы, птицы и разная другая живность. Некоторые детали, как, напр., перья этих птиц, выполнены с замечательной артистичностью. Эта комната, или коридор, ведет непосредственно в другой покой, только что раскопанный и имеющий около 40 футов длины и 18—ширины. В середине видны основания двух колонн. В западном конце виллы открыта еще мозаика, которая хотя и довольно сильно пострадала от времени, но, все-таки, может быть поставлена на ряду с подобными же другими произведениями древнего римского искусства, найденными в Англии. Всего исследовано больше дюжины комнат. Труды и печи, теперь еще разбираются и только тогда будет приступлено к изучению системы и способа отопления этого рода жилища. В мусор и обломках найдено не мало остатков посуды, предметов из стекла, костей домашних и других животных, кусочков с слепками фресков, железных гвоздей, кровельной черепицы и проч. Попадают также и монеты, весьма редкие и интересные, времени императоров Галлиена, Констанция и других, позднейшие относятся к IV столетию.

Памятники нашей древней письменности конца XIV в.

Записи рядная и вкладная; писаны на пергаменте.

Здесь помещаем мы два любопытных памятника древней письменности, акты относящиеся, как полагают, к концу XIV столетия. Нет никакого сомнения, что письменные доказательства для приобретения и закрепления прав на имущество не были еще известны нашим предкам, во время появления знаменитой „Русской правды“, (XI—XIV в.) так как в этом древнейшем памятнике нашего законодательства об них нет и помину. За то позднее и особенно в XVI столетии такие акты являются в изобилии и каждое приобретение или отчуждение какого либо имущества права сопровождается особой письменной грамотой. Грамоты эти писались или теми лицами,

которых онъ прямо касались или другими грамотными людьми, преимущественно же различными дьяками. Такъ въ XVI вѣкѣ даже образовался особый классъ „площадныхъ дьяковъ“, которые въ Москвѣ составляли разные частные акты на открытомъ воздухѣ, на Ивановской площадн.

Древнѣйшіе акты писались, какъ известно, на доскахъ, лубѣ и на березовой корѣ; что же касается пергамента, то онъ былъ у насъ извѣстенъ уже въ XI вѣкѣ и употреблялся для письма до конца XV столѣтія, когда стали отдавать предпочтеніе бумагѣ, сдѣланной изъ хлопка или бумагѣ изъ тряпки. Древнѣйшій актъ, писанный на бумагѣ изъ тряпки—это договоръ сыновей Ивана Калиты 1341 года; въ половинѣ же XVI вѣка тряпичная бумага успѣла войти въ общее употребленіе.

Все старинные наши акты имѣютъ одинаковую, традиционную форму. Совершитель акта упоминается здѣсь въ первомъ или третьемъ лицѣ, а самый актъ обыкновенно начинается частицею „се“. „Се азъ такой-то“ или „Се купи такой-то“. Затѣмъ слѣдуютъ условия договора а въ концѣ исчисляются свидѣтели или „послухи“. Оканчивается же актъ обозначеніемъ имени писца и того лица, чьею печатью грамота запечатана. Печати прикладывались или привѣшивались изъ чернаго или желтаго воску.

Все эти обычныя формальности соблюдены и въ прилагаемыхъ нами двухъ старинныхъ документахъ, писанныхъ на кусочкахъ пергамента; такъ рядная запись написана отъ третьяго лица, а именно отъ нѣкоего Оксѣитѣя Григорьевича, который улаживаетъ, т. е. кончаетъ рядомъ возникшій споръ изъ-за участка земли. Это одинъ изъ видовъ старинныхъ рядныхъ записей; другія рядныя записи довольно часто совершались при сватаньи невесты и строго опредѣляли общину ея приданаго. Вкладныя записи, какъ показываетъ ихъ самое названіе, имѣли специальное назначеніе закрѣплять за монастырями и церквами имущества, которыми такъ щедро надѣляли

ихъ наши благочестивые предки. На рисунокѣ читатели видятъ точные снимки съ документовъ а здѣсь мы приводимъ ихъ текстъ:

Рядная запись.

Се позви Оксѣитѣи Григорьевичи старосту Левонтия Княжеостровского и Княжеостровчовъ дворяниномъ на судъ о землѣ о Карпови участки, чо (что) Княжеостровчи купили подъ Святу Богородицю. И шодъ суда, срадишися рядомъ (съ) старостою с Княжеостровскимъ і съ Княжеостровчи Оксѣитѣю 100 бѣлъ (монета); а земля Карповъ участокъ въ домъ Святи Богородици в вѣкъ (вѣчн. влад.) а Оксѣитѣи выдалъ грамоту старую и свою грамоту купную новую тою землѣ Карпови участки; а жити Нефеду на той землѣ до своего живота (пожизненно) а Оксѣитѣю не надобъ (т. е. не вступаться) въ той землѣ въ Карпови участки до старости до Княжеостровского и тогоже ни до Княжеостровчовъ; ни старости Княжеостровскому ни Княжеост(р)овчамъ не надобъ до Оксѣитѣи и тогоже (вступаться) съ обѣхъ половини. А на то рядничи с обѣхъ половини: (рядились съ обѣихъ сторонъ) Ігнатѣи Офромьевъ, Кузма Тимофьевъ, староста купечей (купеческій) Трофимъ, Одрьевъ, Олександръ Романовъ, сожкѣ (сожкѣй) Филипъ Оксѣитѣевичи.

Писалъ сю рядничию Дриштъ Оканѣиъ. А хто сей рядъ поруши(тъ), дастъ судьямъ гривну золота (штрафу). А у печати стоялъ Оксѣитѣи самъ у сей рядной.

Вкладная запись.

Отъ посадника Терѣтѣи. Се дахъ Святѣи Богородици на Княже островъ селъ Роспоинъ Михайловъ и дворъ и землю ороную (пашенную) и пожни и все сельъ (все что сель.) Михайловъ; а пришло мѣя то в тяжбы; а иному не надоби тѣмъужь (не вступаться).

СПЕКТРАЛЬНЫЙ АНАЛИЗЪ.

Статья О. Вальтера.

Среди множества научныхъ приспособленій и пособій при химическихъ и физическихъ опытахъ и изслѣдованіяхъ, одно изъ замѣчательнѣйшихъ и въ тоже время занимательнѣйшихъ опытовъ—спектральный анализъ. Съ помощью этого анализа сдѣлалось возможнымъ различать мельчайшія составныя части даннаго тѣла и изслѣдовать его на громадныхъ разстояніяхъ. Этотъ анализъ выясняетъ химическій составъ земныхъ тѣлъ и физическія свойства и составныя части тѣлъ небесныхъ. Тутъ изслѣдуется *изображеніе* или *спектръ* тѣла въ его свѣтящемся состояніи, посредствомъ разложенія испускаемыхъ имъ лучей. Тѣло, изслѣдуемое посредствомъ спектрального анализа, должно поэтому находиться въ состояніи горѣнія. Тѣ же тѣла, которыя свѣтятся свѣтомъ, падающимъ на нихъ съ другихъ тѣлъ, даютъ спектръ того свѣтила или источника свѣта, отъ котораго они его заимствуютъ.

Свѣтовой лучъ не измѣняетъ своего направленія, покуда предметъ, сквозь который онъ проходитъ, остается въ одинаковой плотности, но переходя сквозь другой предметъ различнаго съ первымъ свойства, лучъ перемѣняетъ направленіе, т. е. *преломляется*. Если прямой шестъ опуститъ въ воду, то это дастъ, напр., наглядное понятіе о преломленіи лучей. Также всякое другое тѣло, пропускающее сквозь себя свѣтовые лучи, напримеръ; стекло, дождевая капля, алмазъ, горный хрусталь—все это производитъ уклоненіе свѣтоваго луча отъ прямого направленія. Ньютонъ первый указалъ, что существуетъ при этомъ, кромѣ преломленія, еще и разложеніе свѣта. Сквозь узкое отверстіе онъ пропустилъ въ темную комнату, на оптическую призму, солнечные лучи и на противоположной стѣнѣ, съ уклоненіемъ отъ прямого направленія, отраженія отверстія и призмы, появилась длинная, свѣтлая полоса: краснаго, оранжеваго, желтаго, зеленаго, голубаго, синяго и фіолетоваго цвѣтовъ. Тотъ свѣтовой лучъ, что кажется намъ обыкновенно бѣлымъ, состоитъ изъ цвѣтовъ, между которыми, по аналогіи съ семью главными фонетическими знаками въ музыкѣ, вышеназванные семь цвѣтовъ отмѣчены Ньютономъ, какъ *основныя цвѣта*; хотя переходъ между ними, отъ одного къ другому, резко и не опредѣляется. Чтобы узнать, не могутъ ли основныя цвѣта полосы, въ свою очередь, разлагаться, произвели слѣдующій опытъ: полосу заслонили непрозрачной ширмой съ узкимъ отверстіемъ и это отверстіе направили такимъ образомъ, чтобы только одинъ какой нибудь цвѣтъ разложеннаго солнечнаго луча, напр., красный, попалъ въ него, а слѣдовательно и за ширму. Направивъ его на призму, получили снова преломленіе краснаго луча, но не разложеніе его; такъ что на противоположной стѣнѣ появилась лишь простая, красная полоса. Эта семицвѣтная полоса, образуемая разложеніемъ бѣлаго свѣтоваго луча, и называется *спектръ* или *свѣтовое изображеніе*. Спектръ получается кромѣ стеклянной призмы или вообще граннаго или очень тонкаго стекла, еще: сквозь воду, сѣрный углеродъ (жидкость, дающую очень длинный спектръ, поэтому сильно преломляющую лучи) сквозь алмазъ, тожкія

пластинки слюды, известковый шпатъ. Очень красивый спектръ, такъ называемый „рѣшетчатый“, получается, если держать у глаза, закрывъ другой, сквозь хорошо расправленное перо какой нибудь изъ маленькихъ пѣвчихъ птицъ, направивъ его на источникъ свѣта, но не прямо на солнце, по его слишкомъ ослѣпительной яркости, а на какой нибудь другой хорошо освѣщенный предметъ: луну, яркую звѣзду, пламя керосина, масла, стеарина или парафина, на горящую проволоку магнія, электрическую искру и т. п. Внимательно наблюдая и сравнивая спектры различныхъ тѣлъ, можно замѣтить, что они вовсе не одинаковы между собой.

Точное опредѣленіе спектровъ разныхъ тѣлъ, производится посредствомъ *спектроскопа*. Спектроскопъ устраивается обыкновенно слѣдующимъ образомъ: на кругломъ металлическомъ столѣ ставится трехгранная призма, изъ бѣлаго хрустала, или бемскаго стекла, или же сѣрно-углеродная кислота, заключенная въ призму, со стеклянными ребрами. Къ краю металлическаго столѣка придѣлывается на шалнерахъ три металлическихъ трубки, зрительная труба, каллимакторная, или труба со щелью, и швалева труба, оси которыхъ должны находиться подъ прямымъ угломъ къ стѣнкамъ призмы. Каллимакторная труба, съ конца противоположнаго призмѣ, закрывается двумя металлическими пластинками, которыя могутъ быть сближены между собою посредствомъ винта, такимъ образомъ, чтобы образовалось отверстіе, щель, въ одну линію. Конецъ, обращенный къ призмѣ, снабженъ чечевицеобразнымъ стекломъ, *каллимакторной чечевицей*, зажигательная точка котораго находится именно въ щели, почему проходящая сквозь щель на призму, лучи, получаютъ параллельное направленіе. Швалева труба закрывается, со стороны лежащей напротивъ призмы, металлической пластинкой, въ которую вдѣлана стеклянная полоска съ микроскопической шкалой. Противуположный конецъ ея также снабжается чечевицеобразнымъ стекломъ, зажигательная точка котораго находится въ микроскопической шкалѣ, такъ что и эти, проходящея сквозь стекло свѣтовые лучи, преломляются въ призмѣ параллельно. Три трубки можно наставить такимъ образомъ, что наблюдатель будетъ видѣть одновременно и спектръ, и шкалу, и можетъ сдѣлать точное опредѣленіе частей спектра, относительно ихъ положенія. При изслѣдованіи тѣлъ, швала освѣщается стоящимъ передъ ней пламенемъ, а изслѣдуемая вещества сжигаются передъ щелью каллимакторной трубки.

Спектральные аппараты для изученія небесныхъ тѣлъ сложнѣе.

Установленіе спектровъ различныхъ тѣлъ и основанныя на этомъ изслѣдованія, это и составляетъ собственно спектральный анализъ. У *каждаго тѣла есть свой отдѣльный спектръ, выясняющій отъ свойства его горючаго материала*. Изъ этого выясняется, что съ помощью спектра можно различать тѣла. Слѣбитъ только сличить вышеозначеннымъ способомъ спектры извѣстныхъ намъ химическихъ тѣлъ со спектромъ неизвѣстнаго

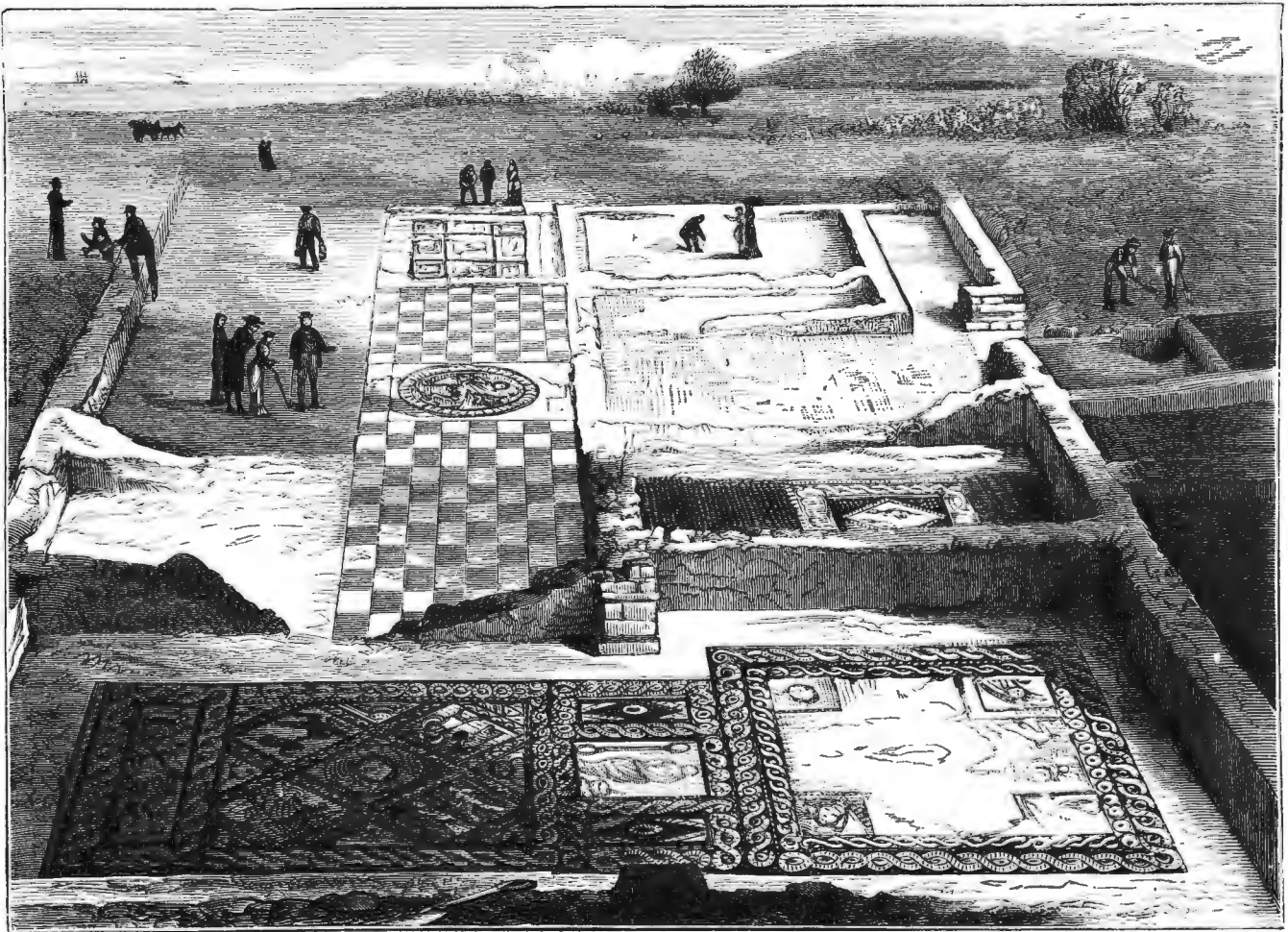
и по присутствію въ немъ извѣстныхъ веществъ, узнаются составныя его части.

Но какъ *приводитъ въ горящее состояніе* каждое тѣло, главное, каждое химическое вещество, съ цѣлью полученія его спектра? Для этого служатъ пламя такихъ горючихъ веществъ, которыя не даютъ копоти, а именно: пламя спирта, свѣтлѣнаго газа магнія, гремучаго газа и электричества; но не всѣ изъ этихъ тепловыхъ источниковъ обладаютъ свойствомъ воспроизводить спектръ каждаго тѣла, потому что исходящій отъ нихъ жаръ неодинаковъ. Изъ нихъ высшую температуру развиваетъ пламя гремучаго газа и электричества; самыя удобныя для опытовъ—спиртовое пламя и пламя свѣтлѣнаго газа. Чтобы увеличить въ нихъ развитіе тепла и въ тоже время умѣрить развитіе свѣта, проводится къ нимъ, изъ атмосфернаго воздуха, значительное количество кислорода; для спирта посредствомъ лампы *Берцелиуса* или *Мичерлиха*, а для свѣтлѣнаго газа, посредствомъ горѣлки *Бунзена*.

Безцвѣтное пламя, какъ всего нагляднѣе замѣчается при горѣнии спирта, распространяетъ весьма мало свѣта и не даетъ спектра, какой получается при изслѣдованіи посредствомъ

ду тѣмъ какъ въ діагонально-противоположномъ первомъ углу вспыхивали 0,0002344 золотника хлорно-кислаго натра, смѣшаннаго съ молочнымъ сахаромъ. По прошествіи нѣсколькихъ минутъ, пламя, постепенно окрашиваясь въ блѣдно-желтый цвѣтъ, дало на спектрѣ желтую, натровую линію, которая минуть черезъ десять исчезла. Можно такимъ образомъ вычислить, сколько солей натрія нужно, чтобы воспроизвести еще одинъ спектръ. Комната въ 3.661 626 куб. дюймовъ величины, заключаетъ въ себѣ воздуха 18.174,752 золотника; въ этихъ 18.174,752 золотн. равномерно распределены пары 0,0002344 золотника *солей натрія*, слѣдовательно въ 1 золотн. атмосфернаго воздуха $\frac{0,0002344}{18,174,752} = \frac{2,344}{181,747,520,000}$ или почти $\frac{1}{7753784}$ золотника.

Спектръ натрія былъ видѣнъ въ продолженіи одной минуты, и еще неизвѣстно, сколько въ это мгновеніе раскалилось въ-совыхъ частей въ пламени, отъ смѣшенія воздуха. Бунзень допускаетъ, что въ употребленномъ имъ пламени, въ одну секунду, вслѣдствіе притоковъ и образованія газовъ отъ горѣнія, прошло черезъ пламя, приблизительно 0,06 куб. дюйма смѣ-

Мозаичные полы римскаго дома, отырытые при раскопкахъ въ Бредингѣ на островѣ Уайтѣ. Съ фотогр. грав. М. Рашевскій.

спектроскопа, призмы или птичьаго правильнаго пера. Но если въ спиртовое пламя ввести постороннее тѣло, наприм., спиральную платиновую проволоку, которая при этомъ раскаливается до бѣла, то является уже пламя, распространяющее свѣтъ и получается спектръ. Это происходитъ отъ дѣйствія посторонняго раскаленнаго тѣла; но для изслѣдованія спектра нужно именно безцвѣтное пламя.

Спектральный анализъ научно производился впервые въ 1857 году двумя гейдельбергскими профессорами *Кирхгофомъ* (нынѣ въ Берлинѣ) и *Бунзеномъ*; и съ тѣхъ поръ много замѣчательныхъ открытій сдѣлано разными учеными, особенно въ Англіи и Италіи. Точность и чистота метода изслѣдованій дѣйствительно изумительна. Количество, напримѣръ, металла натрія было опредѣляемо посредствомъ спектральнаго анализа. Натрій даетъ, при несвѣтащемся пламени, въ спектрѣ, только одну единственную желтую черту; Кирхгофъ и Бунзень употребляли при своихъ опытахъ хлорно-кислый натрій. Въ одномъ углу комнаты, заключающей въ себѣ 3.661,626 куб. дюймовъ, производились наблюденія, посредствомъ спектроскопа, надъ несвѣтащимся пламенемъ Бунзеновой горѣлки, меж-

паннаго воздуха. Въсѣ же этихъ газовъ 0,002 золотника и такъ какъ въ одномъ золотникѣ атмосфернаго воздуха заключается $\frac{1}{77,537,334}$ золотника вспыхнуваго натрія, то до раскаленія въ пламени, было, въ этотъ промежутокъ времени, доведено приблизительно $\frac{0,002}{77,537,334} = \frac{1}{51,691,556}$ золотн.

Такое трудно-вообразимое даже количество натрія, ясно опредѣляемое спектромъ, не можетъ быть взвѣшено съ точностью никакими, самыми чувствительными въ мірѣ, вѣсами, ибо пришлось бы раздѣлить, на 500 равныхъ частей одинъ фунтъ хлористаго натрія, и эту 500-ю часть снова разложить на 1000 частей; и изъ одной такой части взять одну 3-милліонную часть, чтобы получить наконецъ требуемую пылинку соли.

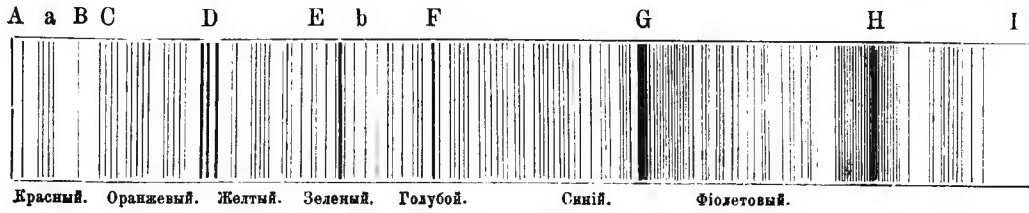
Другіе металлы и металлоиды требуютъ большихъ количествъ, но и тѣ такъ невообразимо малы, что не поддаются взвѣшиванію.

Эта необыкновенная чувствительность, съ которой не можетъ сравниться ни одинъ изъ извѣстныхъ методовъ изслѣдованій, заставляетъ предполагать, что для знанія веществъ и

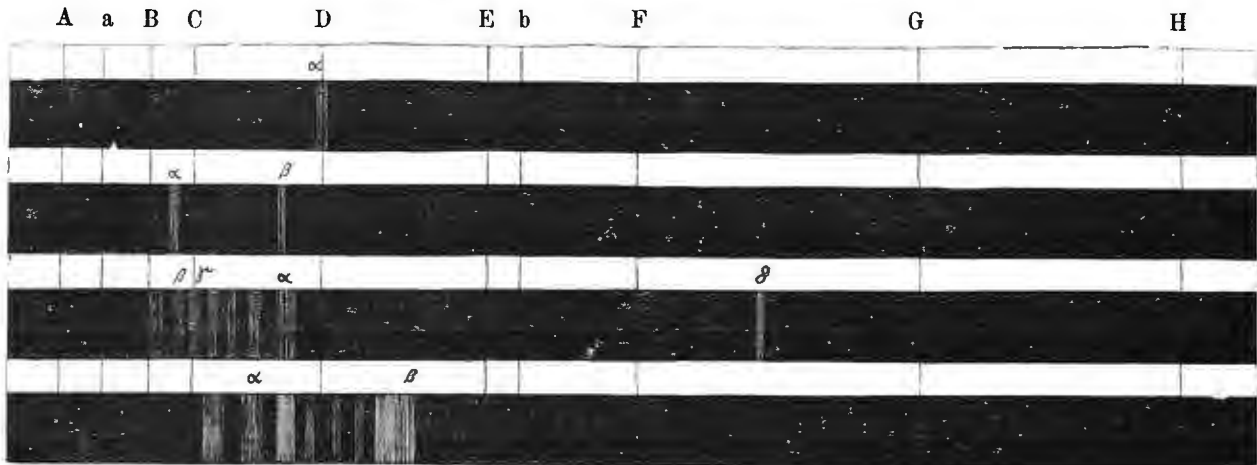
[Продолженіе на стр. 949, 950, 951, 952, 953, 954, 955 и 956.]

степени ихъ распространенія, будутъ оказаны этимъ анализомъ важныя услуги. И дѣйствительно найдено, что натрій чрезвычайно распространенъ въ природѣ. Каждая пылинка, каждая вещь, лишь нѣсколько минутъ побывавшая въ атмосферномъ воздухѣ, показываетъ натрій въ спектрѣ. При наблюденіяхъ

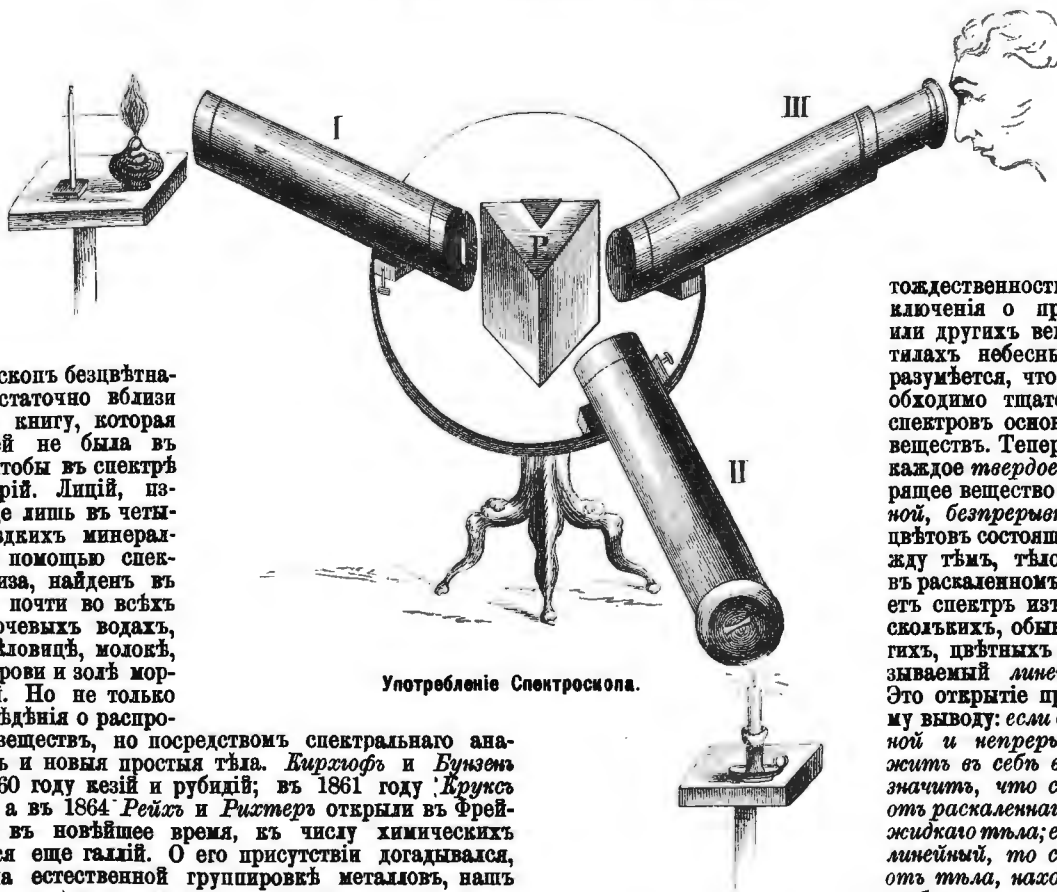
лмй рядъ химическихъ простыхъ тѣлъ найденъ въ составѣ тѣлъ небесныхъ, и можно даже составить себѣ понятие о степени плотности этихъ небесныхъ тѣлъ, т. е. твердое ли это тѣло или жидкое, или газообразное. Спектры небесныхъ тѣлъ сравниваются со спектрами земныхъ тѣлъ, и сообразно ихъ

Красный. Оранжевый. Желтый. Зеленый. Голубой. Синий. Фиолетовый.
Фраунгоферовы линии солнечнаго спектра.

Красный. Оранжевый. Желтый. Зеленый. Голубой. Синий. Фиолетовый.
Спектры Натрія, Ліція, Стронція и Кальція.

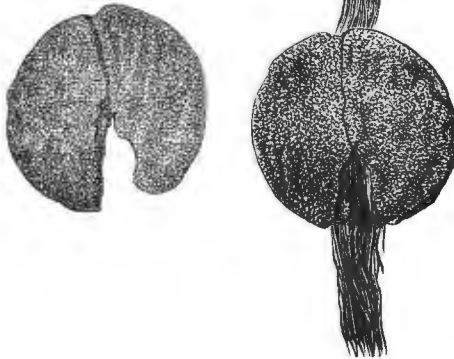
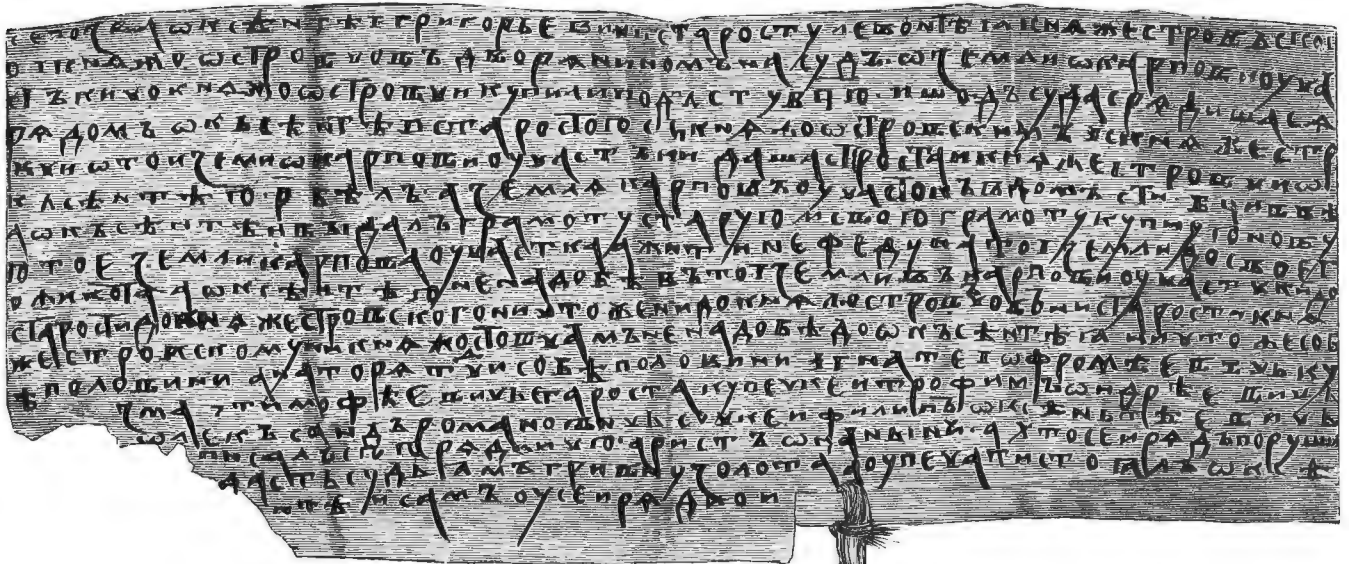

Употребленіе Спектроскопа.

сквозь спектроскопъ безвѣтнаго пламени, достаточно вблизи его захопнуть книгу, которая нѣсколько дней не была въ употребленіи, чтобы въ спектрѣ показались натрій. Ліцій, извѣстный прежде лишь въ четырехъ весьма рѣдкихъ минералахъ, нынѣ съ помощью спектральнаго анализа, найденъ въ морской водѣ, почти во всѣхъ рѣчныхъ и ключевыхъ водахъ, въ табакѣ, свѣчловощѣ, молокѣ, человеческой крови и золѣ морскихъ растений. Но не только увеличались свѣдѣнія о распространенности веществъ, но посредствомъ спектральнаго анализа, открылись и новыя простые тѣла. *Бирглофъ* и *Бунзенъ* открыли въ 1860 году кезій и рубидій; въ 1861 году *Круксъ* открылъ талій, а въ 1864 *Рейхъ* и *Рихтеръ* открыли въ Фрейбургѣ индій, и въ новѣйшее время, къ числу химическихъ тѣлъ прибавились еще галлій. О его присутствіи догадывался, основываясь на естественной группировкѣ металловъ, нашъ ученый *Менделѣевъ*, и съ помощью спектральнаго анализа, присутствіе это подтвердилось. Если при изслѣдованіи земныхъ веществъ нельзя не изумляться дѣйствию спектральнаго анализа, то при изученіи небесныхъ тѣлъ, его примѣненія представляются еще величественнѣе. До 1859 года употреблялся для этихъ изученій лишь телескопъ. Нынѣ съ помощью спектра, свѣтъ солнца, планетъ, неподвижныхъ звѣздъ, кометъ и туманныхъ пятенъ, можетъ быть разлагаемъ: черезъ это приобрѣтается понятие о ихъ физическомъ составѣ, такъ что дѣ-

тождественности выводятся заключенія о присутствіи тѣхъ или другихъ веществъ въ свѣтилахъ небесныхъ. Само собою разумѣется, что при этомъ необходимо тщательное изученіе спектровъ основныхъ земныхъ веществъ. Теперь открыто, что каждое твердое или жидкое горящее вещество имѣетъ сплошной, непрерывный, изъ всѣхъ цвѣтовъ состоящій, спектръ. Между тѣмъ, тѣло газообразное, въ раскаленномъ состояніи, имѣетъ спектръ изъ одной или нѣсколькихъ, обыкновенно немногихъ, цвѣтныхъ линий, такъ называемый *линейный спектръ*. Это открытіе привело къ такому выводу: *если спектръ сплошной и непрерывный и содержитъ въ себѣ все цвѣта, это значитъ, что свѣтъ исходитъ отъ раскаленнаго твердаго или жидкаго тѣла; если же спектръ линейный, то свѣтъ исходитъ отъ тѣла, находящагося въ газообразномъ состояніи.*

Сплошные спектры твердыхъ и жидкихъ раскаленныхъ тѣлъ такъ сходны между собой, что разницу между ними опредѣлить чрезвычайно трудно и только въ весьма рѣдкихъ случаяхъ возможно опредѣлить. Поэтому, при изслѣдованіи, ихъ и приводятъ въ газообразное состояніе. При маломъ жарѣ цвѣтныя линіи блѣдны и малочисленны, при увеличенномъ же усиливаются и ихъ количества, и ихъ краски. Но *положеніе ихъ во всякомъ случаѣ, остается всегда одинаково.*

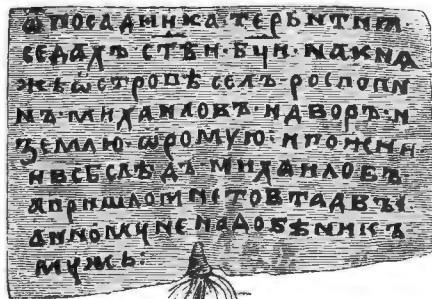

Древние русские письменные амулеты XIV вѣка. Рядная запись.

Замѣчательныя особенности представляетъ спектръ солнца, въ сплошной части котораго оказываются при разсмотрѣніи множество черныхъ линий, такъ называемыхъ *Фраунгоферовыхъ*. Эти линии выступаютъ, когда щель каллиметровой трубы сильно суживается. Откуда происходятъ онѣ?

Свѣтовые лучи, исходящіе изъ свѣтящагося тѣла или отбрасываются обратно предметами, встрѣчаемыми ими на ихъ пути, или преломляются, проходя сквозь нихъ, или принимаются этими предметами, т. е. поглощаются. Для массы поглощаемыхъ свѣтовыхъ лучей, былъ найденъ законъ установленный, что свѣтовые лучи, поглощенные какии-нибудь тѣломъ, суть тѣ же самыя, что испускаются имъ въ его свѣтящемся состояніи, т. е. *отношеніе между испускаемой и поглощаемой силой однородныхъ лучей, при одинаковой температурѣ, одно для всякаго тѣла*. Раскаленное до бѣла, твердое или жидкое тѣло, испускаетъ болѣе свѣта, нежели газообразное; почему газообразное тѣло относительно раскаленнаго представляется уже темнымъ. Раскаленное тѣло показываетъ всегда сплошной, непрерывный спектръ; газообразное — всегда спектръ, состоящій изъ линий; именно изъ тѣхъ линий, которыя, чрезъ соединеніе отдѣльныхъ линий спектра, образуются какъ отраженіе простыхъ тѣлъ, находящихся въ состояніи пара. Когда лучи раскаленнаго до бѣла твердаго или жидкаго тѣла, проходятъ сквозь окружающую его оболочку паровъ, состоящихъ изъ множества веществъ, какъ желѣзо, барій, натрій, магній, талій и пр., то они уничтожаются на непрерывномъ спектрѣ, раскаленнаго до бѣла ядра, именно тѣ лучи, которые въ состояніи горѣнія испускаютъ сами. И въ непрерывномъ спектрѣ являются *темныя* линии на томъ мѣстѣ, гдѣ газообразныя тѣла отразили бы свѣтъ, цвѣтныя полосы. Поэтому темныя линии сами по себѣ также суть спектры, но спектры такъ называемыя *обратныя, отрицательныя или поглощательныя*. Одинаковое положеніе темныхъ линий и цвѣтныхъ сравнительнаго спектра, приводитъ къ тому заключенію, что данное тѣло существуетъ и окутано въ оболочку пара. Обратныя спектры получили чрезвычайное значеніе при изученіи состава небесныхъ тѣлъ.

Спектръ солнца состоитъ изъ непрерывной, цвѣтной полосы съ большимъ числомъ черныхъ, или Фраунгоферовыхъ линий. Онѣ представляютъ обратный или поглощательный спектръ. При опредѣленіи состава солнца, солнечная мас-

Древние русские письменные амулеты XIV вѣка. Вкладная запись.

са состоитъ изъ находящагося въ сильнѣйшемъ раскаленіи до бѣла, твердаго или капельно жидкаго ядра, окутаннаго оболочкой паровъ. До сихъ поръ отмѣчено посредствомъ сравненій темныхъ линий съ свѣтлыми сравнительнаго спектра что въ солнцѣ есть: натрій, желѣзо, калий, кальцій, барій, магній, марганецъ, титанъ, хромъ, никель, кобальтъ, водородъ и алюминій; а въ окружающей его ядро атмосферѣ, находится, вѣроятно въ газообразномъ состояніи, цинкъ, мѣдь и золото; но это еще не вполне доказано.

Спектры планетъ нашей солнечной системы показываютъ тѣ же явленія какъ и солнечный спектръ; но у нихъ встрѣчаются еще кромѣ того особенныя, поглощательныя линии, которыя зависятъ отъ особенности планетной атмосферы. И атмосфера земли обуславливаетъ подобныя же поглощательныя линии въ спектрѣ солнца; но онѣ различаются, судя потому, при восходѣ или заходѣніи его, при высшей степени нагрѣванія имъ земли, или при водныхъ испареніяхъ ея воздушной оболочке, производились эти наблюденія. Соотношеніе сходства или несходства этихъ поглощательныхъ линий въ спектрѣ планетъ даютъ возможность дѣлать заключенія, что на планетахъ такая же какъ наша или другая атмосфера. Такимъ образомъ, напримѣръ, пришли къ заключенію, что атмосфера Марса сходна съ нашей земной; Юпитера же и Сатурна несходна, а луна вовсе лишена атмосферы.

Изъ туманныхъ пятенъ у 60 ти пятенъ изслѣдованы ихъ спектры и найдено, что приблизительно у одной трети ихъ спектры состоятъ лишь изъ нѣсколькихъ свѣтлыхъ линий, изъ чего видно, что эти небесныя тѣла еще находятся въ газообразномъ состояніи; двѣ же трети обнаружили непрерывный спектръ, значить эти твердыя или жидкія тѣла находятся въ періодѣ горѣнія. Падающія звѣзды имѣютъ непрерывный спектръ. Спектры молніи и электрической искры сходны между собой; и всѣ наблюдатели находятъ въ нихъ линии азота. Свѣрное сѣніе, которое причисляется къ явленіямъ электричества, къ „магнитнымъ грозамъ“, даетъ въ дугѣ спектръ, состоящій изъ одной *единственной* свѣтлой линии, которая не соответствуетъ спектру электрической искры. А зодіакальный свѣтъ имѣетъ совершенно сходный съ свѣрнымъ сѣніемъ, оба эти явленія однородны.

Способы изслѣдованія посредствомъ спектра, конечно еще не исчерпаны; дѣло это только начато. Поэтому новыя открытія и новыя факты и научныя приобрѣтенія, съ помощью его, слѣдуютъ быстро другъ за другомъ. Опыты, производимые англичаниномъ *Гюгенсомъ* со спектромъ водорода и азота, чрезвычайно интересны. Производилъ онъ ихъ по поводу открытія, что спектры туманныхъ пятенъ состоятъ лишь изъ немногихъ линий и поэтому былъ возбужденъ вопросъ: оттого-ли свѣтящіяся линии мало замѣтны, что яркость самаго свѣтящагося тѣла мала? Спектръ водорода состоитъ изъ трехъ различныхъ, свѣтлыхъ линий; азота же—изъ пяти, неодинаковой яркости, группъ линий. Если постепенно уменьшать силу свѣта, то длина линий спектра уменьшится и линии, одна за другой, соответственно ихъ яркости, начнутъ исчезать, пока у водорода не останется только одна, а у азота одна двойная линия. Эти опыты доказываютъ, что извѣстный газъ, хотя бы его спектръ и состоялъ изъ нѣсколькихъ линий въ спектроскопѣ, можетъ явиться глазамъ наблюдателя лишь въ видѣ одной линии, отъ того что другія, по причинѣ малой яркости свѣтящагося тѣла, будутъ невидимы. Поэтому, основываясь на присутствіи въ спектрѣ *одной*, принадлежащей этому извѣстному веществу линии, уже можно заключить, о существованіи этого вещества въ небесномъ тѣлѣ. Немногочисленныя линии спектра туман-

ныхъ пятенъ соотвѣтствуютъ свѣтлымъ линиямъ водорода и двойнымъ азота: почему съ вѣроятностью можно утверждать о присутствіи обоихъ веществъ въ данномъ небесномъ тѣлѣ; между тѣмъ какъ отсутствие остальныхъ доказываетъ только, что онѣ поглощены въ неизмѣримомъ пространствѣ.

Но насколько яркость свѣтящагося тѣла имѣетъ вліяніе на явленія спектра, настолько же, если не болѣе, имѣетъ на него вліяніе увеличеніе тепла, какъ то и видно изъ опыта *Нормана Лакіера*. Но до сихъ поръ удавались лишь тѣ опыты, которые даютъ пламенные спектры *Бунзенской* горѣлки. Постановка у *Лакіера* слѣдующая: въ Бунзенскую горѣлку вводятся двѣ платиновыя проволоки, соединенныя между собою аппаратомъ *Гольца*, такъ чтобы между ними прошла электрическая искра. Вблизи верхнихъ концовъ придѣлано чечевицеобразное кольцо, такимъ образомъ, чтобы исходящія изъ этихъ концовъ искры дали отраженіе на щели спектроскопа. Изслѣдуемое тѣло сожигается затѣмъ въ пламени и наблюдается спектръ. Если пропустить при этомъ электрическую искру между платиновыми проволоками, то спектръ измѣняется.

Примѣненный *Лакіеромъ* новый методъ спектральныхъ наблюденій, подаетъ надежду, что будутъ сдѣланы еще важнѣйшія открытія, касающіяся природы веществъ и ихъ состава.

Политическое обозрѣніе.

На Балканскомъ полуостровѣ. — Австрія — Министерскій кризисъ во Франціи. — Письмо папы.—Персія.

Дульцино, конечно, еще не не сдано Черногоріи, хотя телеграфъ ежедневно приноситъ увѣренія султана о томъ, что сдача этого города послѣдуетъ въ самое непродолжительное время. Албанскіе вожди даже изъявили свое согласіе и всетаки, вопреки всѣмъ этимъ благоприятнымъ условіямъ, — «продолжаются переговоры»...

Но, несмотря на весь интересъ, съ какимъ мы относимся къ вопросу присоединенія Дульцино къ Черногорскому княжеству, — для насъ, въ настоящую минуту, имѣютъ болѣе значенія переговоры другого рода, — переговоры, происходящіе теперь между Австріей и Сербіей, снова о торговомъ трактатѣ. Мы уже знаемъ, что Ристичъ свергнуть Австріей. Въ Вѣнѣ и не скрываютъ, что фактъ этотъ въ тамошнихъ правительственныхъ сферахъ считаютъ серьезнымъ шагомъ къ *утвержденію австрійскаго вліянія въ Вльградѣ*. Но дѣло не ограничивается однимъ «вліяніемъ», а прямо и открыто идетъ о торговомъ и промышленномъ подчиненіи Сербскаго княжества. Понятно, что завоеваніе, осуществленное на экономической почвѣ, будетъ опираться на солидное основаніе. Возмутительно то начальство, съ какимъ въ Вѣнѣ увѣряютъ, что Австрія, принимая на себя опеку надъ Сербіей, будетъ стремиться къ возможно большому развитію матеріальнаго благосостоянія сербскаго народа, что между экономическими и политическими интересами Сербскаго княжества и Австро-Венгерской имперіей существуетъ полная солидарность! «что естественными врагами сербовъ являются, конечно, болгары (и, само собою понятно, всѣ прочія славянскія народности, союзъ сербовъ съ которыми не желателенъ австрійцамъ), что Болгарія стремится къ панславянскому поработенію и поглощенію своихъ собратъевъ-славянскихъ княжествъ и т. п. Кого могутъ убѣдить эти увѣренія, кто повѣритъ инсинуаціямъ тѣмъ, необходимымъ, можетъ быть, барону Гаймерле для, хотя какого-нибудь объясненія, изъ приличія, совершаемаго имъ насилія. Что-же ждетъ Сербію? Пройдетъ извѣстное число лѣтъ и сербскій народъ, лишенный самостоятельной, отечественной производительности, будетъ жить австрійскою промышленностью, которая съумѣетъ заполнить въ свою монополию не только всѣ потребности населенія, но захватитъ въ свои руки и естественныя богатства страны; несомнѣнно, что къ эксплуатаціи матеріальной легко присоединится и эксплуатація духовной сокровищницы сербскаго народа. Въ тѣхъ торгово-промышленныхъ и политическихъ тискахъ, какія Австрія готовитъ Сербіи, не можетъ свободно развиваться ни одна духовная сторона націи. Неужели же такъ и будетъ это?

Греція, какъ ей ни рекомендуютъ благоразуміе, какъ ей ни совѣтуютъ разоруженіе, — до сихъ поръ пока, повидимому, держится принятаго рѣшенія — именно силою оружія добиться уступки ей на бумагѣ частей Эпира и Фессалии. Изъ Афинъ сообщаютъ, что король потребовалъ отъ новаго премьера Кумундурса непремѣннаго продолженія вооруженій, выразивъ желаніе, чтобы онѣ производились даже въ болѣе широкихъ размѣрахъ, возразилъ на замѣчаніе министра относительно финансоваго затрудненія, что: «деньги надо достать во что-бы то ни стало, это уже будетъ дѣломъ вашимъ». Желаемъ эллинамъ

большаго успѣха, чѣмъ они имѣли до сихъ поръ, желаемъ имъ не встрѣчать на пути ни «Дульцино», ни австрійскаго «сдѣйствія».

Графъ Таафе, стремящемуся, какъ уже наши читатели знаютъ, къ установленію политическаго равновѣсія между значительнѣйшими изъ составныхъ частей Австро-Венгерской монархіи, приходится выдерживать, изъ своей программы, весьма серьезную борьбу съ нѣмецко-австрійскою партіей. Недавно происходилъ съѣздъ этой партіи, на который собралось 3 тысячи членовъ. Съѣздъ единогласно постановилъ резолюцію, въ которой, выражая свою приверженность австрійской государственной идеѣ, призываетъ къ борьбѣ съ федералистскими стремленіями правительства.

Во Франціи послѣднее время отмѣчено весьма бурными засѣданіями палаты депутатовъ. На одномъ изъ нихъ роялистъ Бодри-д'Ассонъ воскликнулъ: «Въ эту сессію мы будемъ свидѣтелями смертельной борьбы республики, и, несмотря на возбужденный этимъ шумъ, продолжалъ свое заявленіе, прося назначить на слѣдующій день засѣданіе, чтобы потребовать отчета отъ этого «разбойничьяго правительства». Бодри былъ подвергнутъ временному исключенію изъ состава депутатовъ, и такъ какъ не хотѣлъ выйти изъ залы, то Гамбетта закрылъ засѣданіе, а Бодри арестованъ въ зданіи палаты, откуда, впрочемъ, на другой день выпущенъ. Засѣданіе палаты едва не повело къ перемѣнѣ министерства. При установленіи порядка рассмотрѣнія проектовъ законовъ, первый министръ Ферри предложилъ, чтобы пренія начались, прежде всего, по проектамъ о народномъ образованіи, но палата, 200-ми голосовъ противъ 166-ти, постановила, что ранѣе будетъ обсуждаться проектъ судебной реформы. Министры рѣшили было подать въ отставку въ тотъ же день, но Греви просилъ подождать; затѣмъ вожди лѣвой (самой многочисленной) партіи объявили Ферри, что большинство палаты отнюдь не выражало недовѣрія министерству. Что касается борьбы съ конгрегаціями, то, согласно новѣйшимъ извѣстіямъ, закрыто 384 монастыря, въ которыхъ находилось около 7400 монаховъ. — Въ газетѣ «Monde» (миръ) напечатано письмо папы Льва XIII къ парижскому архіепископу; въ письмѣ этомъ, восхваляя архіепископа за поддержку конгрегаціямъ, его святѣйшество выражаетъ свои сожалѣнія по поводу всего, происходящаго во Франціи съ монастырями; вмѣстѣ съ тѣмъ, папа высказываетъ, что желаетъ подать голосъ при изгнаніи иезуитовъ, но ему сказали, что исполненіе декретовъ будетъ приостановлено, если конгрегаціи заявятъ, что онѣ чужды всякимъ политическимъ конгрегаціямъ. Папа принялъ это предложеніе, конгрегаціи представили свои заявленія, но правительство французское продолжало прискорбную дѣятельность свою. Въ заключеніе Левъ XIII возлагаетъ надежды на преданность епископовъ и единеніе католическаго міра.

Персидскія войска оказались довольно искусными въ военномъ дѣлѣ. Изъ Тегерана пишутъ, что курды, стоящіе подъ Суджулакомъ, изъявили покорность; одинъ изъ предводителей курдовъ, Хамзе-ага, захваченъ близъ Урумийа, а Таймуръ-ханъ взялъ позицію шейха Абдуллы (Абейдуллы) подъ Урумией-же, послѣ чего главный вождь курдовъ отступилъ отсюда на разстояніе 15-ти миль.

Разныя извѣстія.

Долина Кашмира. Сотни лѣтъ тому назадъ Индія славилась своими «Кашмирами». Индіискія шали, приготовленныя изъ этой матеріи, цѣнились очень высоко всѣмъ образованнымъ

міромъ. Благосостояніе населенія долины Кашмира — центра этой отрасли производства — высоко возрастало. Не болѣе двадцати лѣтъ тому назадъ положеніе этого края сильно измѣни-

лось. Недостаток продовольствия, эпидемическая болезнь и более всего непомерная пошлина, которыми раджи обложили фабрикантов кашмирских, заставили этих последних выселиться из страны. Индийские князьки, видя теперь весь вред от них неумолимо хозяйничавшая старается теперь возстановить производство кашмирских тканей. Съ этою целью въ последнее время изданъ указъ, освобождающий жителей долины Кашмира отъ всякихъ пошлинъ.

Открытие доктора Пастера. Известный этотъ парижский докторъ и естествоиспытатель вывелъ недавно, изъ своихъ наблюдений и доказалъ, что дождевые черви способствуютъ распространению болезни воспаления селезенки. Открытие это возбудило живѣйшій интересъ во Франціи, и Пастеру назначили 50000 франковъ награды.

Наибольшая глубина моря, по послѣднимъ измѣреніямъ, произведеннымъ сѣверо-американскимъ военнымъ кораблемъ „Тускарора“, доходить до 8513 метровъ (около 5¼ морскихъ миль). Такая глубина оказалась на 44о 55' сѣверной широты и 152о26' западной долготы, по Гринвичу.

Истребление волковъ въ Валдайскомъ уѣздѣ. Валдайское земское собраніе, въ очередную сессію 1877 года, постановило выдавать вознагражденіе за убитыхъ волковъ въ размѣрѣ 1 р. 50 к., а

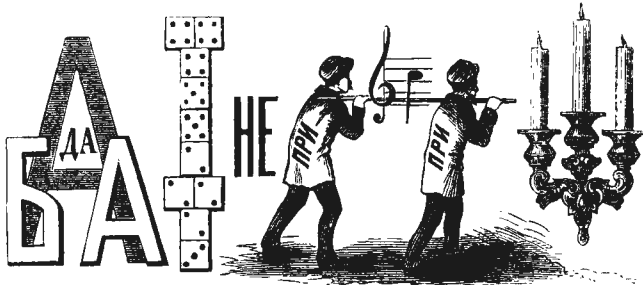
за волчатъ 3 р. за каждого и продолжать опыты истребленія волковъ посредствомъ отравы стрихниннымъ препаратомъ.

Богатѣльня для животныхъ. Въ окрестностяхъ Парижа, близъ Гонесса, существуетъ пріютъ для старыхъ животныхъ и птицъ. Вотъ возрастъ нѣкоторыхъ изъ пансіонеровъ этого благотворительнаго заведенія новаго рода: коровѣ 36, лошаку 72 года, свинѣ 25 лѣтъ, козѣ 18, цесаркѣ 12, гусю 37, щегленку 18 лѣтъ, воробью 31 годъ. Патриарху гусей, по всей вѣроятности, трудно переносить свою старость; его животь влачится по землѣ, его лапы искалѣчены и покрыты бородавками.

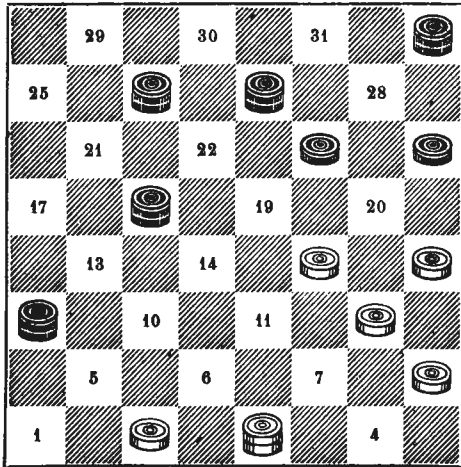
Термометръ—начъ проводникъ болѣзни. Англійскій медицинскій журналъ „the Lancet“ указываетъ на небрежность нѣкоторыхъ докторовъ при вытираніи термометровъ. Во время нахождения своего на тѣлѣ больного, шарикъ термометра покрывается бѣлымъ, тонкимъ налетомъ, состоящимъ изъ отслоившейся кожицы и пота. Очень естественно, что посредствомъ невытертаго термометра можетъ быть сообщена заразительная болѣзнь другому лицу.

По послѣднимъ статистическимъ свѣдѣніямъ число несчастныхъ случаевъ на желѣзныхъ дорогахъ распредѣляется слѣдующимъ образомъ: въ Россіи 1 пассажиръ на 446,000 людей; въ Италіи 1 пас. на 539,000; въ Бельгіи 1 на 933,000; въ Пруссіи 1 на 1,367,000, во Франціи 1 на 2,490,000.

РЕБУСЪ.

Шахматная задача № 77.
Черныя.

Бѣлыя.

Черныя начинаютъ и выигрываютъ. Какими ходами?

Рѣшеніе ребуса въ № 43 „Нивы“.

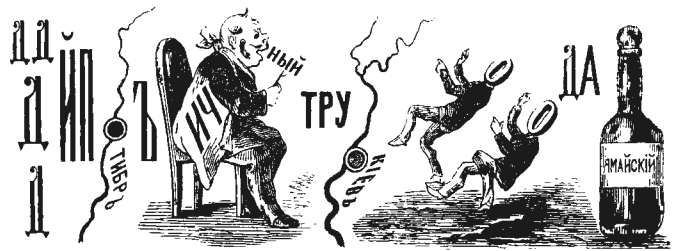
„Англія желаетъ всѣхъ надуть и все забрать въ свои лапы.“

Рѣшеніе ребуса въ № 44 „Нивы“.

Есть многіе люди, которые всѣмъ совѣты даютъ, а сами по нимъ не живутъ.

Вѣрныя рѣшенія этихъ ребусовъ присланы отъ гг.: Сиб.—В—нинъ, Микко-Русси, Перегудова, Вязлова, Муравьевой, Штрембергъ, Лушевскаго, Ольхина, Судакова, Мартисонъ, Курочкиной, Пятюшковой, Завадскаго, Касаткина, Федосьева, Алениусъ, Охтанки, Ферлей, Орлова, Штунтль, Печоро, Селвановъ, Самусьева, Никифорова, Нарбутъ, Кулина, Гехинигъ, Макарова, Залаткина, Андудина, Поповскаго, Кольб-Селецкой, Гейнбергеръ, Гомязкова, Мармеладовой, Халковичъ, М. В., Грабовскаго, Семенова, Ордовскаго, Филиппова, Котелна, Чернавскаго, Милановой, Моткова; Москва—Малухлова, Рыжковой, Красноворотскаго, Иновенцова, Крылова, Борешкова, Вонблельнъ, Степанова, Терентьева, Денъ, Масленникова, Красной, Алалкина-Трухина, Скухторова, Королева, Почерникова, Егина, Рибнеръ, Страхова, Помазанова, Терентьева, Голоманова, Яблокова, Землянскаго, Шаршкова, С—ова, Владимірова, Пушка, Кукушенинъ, Борисоглѣбскій—Лачнова, Бѣмецъ—Галунова, Варшава—Карпова, Великіе Луки—Новинскаго, Вермболово—Голованова, Вильно—Должикова, Вятскъ—Катнеръ, Высоко-Литовскій—Ельгиной, Гамель—Першина, Гродно—Малевицъ, Динабургъ—Лиховицкаго-Галовича, Стедмаховичъ, Елецъ—Савельева, Иваново-Вознес.—Борисова, Зарайскъ—Терскаго, Малуга—Дѣвирозской, Кронштадтъ—Калинина, Хитрова, Зарудина, Рибкина, Кузнецовъ—Митропольскаго, Курскъ—Сидельникова, Ловичъ—Ромашенко, Мингаево—Врашевской, Нижний-Новгородъ—Аракчеева, Новгородъ—Пестреченко, Руткиза, Ивочеринскій—Суроткина, Тел—овой, Одесса—Бр—на, Галтера, Воцковскаго, Рувичевскаго, Ораніенбаумъ—Домбровскаго, Островъ—Горганова, Поцковскаго, Пенза—Карасева, Переславль—Угрюмова, Петергофъ—Гусарова, Пенровъ—Якманскаго, Псковъ—Поляскаго, Франко, Ржевъ—Булгомина, Сельскаго, Ромны—Делкина, Ростов-на-Дону—Войлеховской, Балдова, Варшавина, Римскъ—Воропика, Рязань—Ларионовой, Смоленскъ—Жданова, Старая-Русса—Иванова, Сызрань—Смелякова, Сидрино—Добровольскаго, Тверечь—Спирядова, Холмъ—Лавицкаго, Черевецъ—Игдаловскаго, Шимовичъ—Вогдановича, Ярославль—Троицкаго.

РЕБУСЪ.

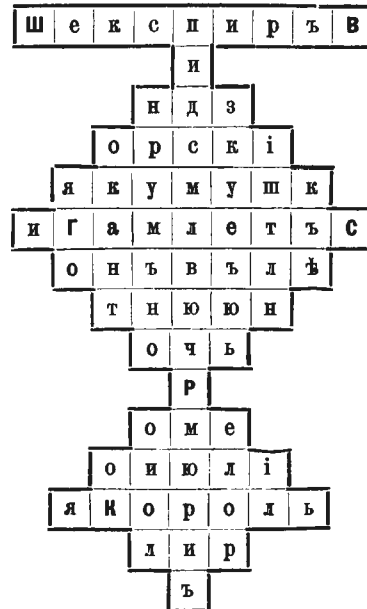
Рѣшеніе шашечной задачи № 73.

Бѣлыя.		Черныя.	
Съ № 12 на № 16	№ 18	Съ № 8 на № 1	№ 14
№ 31	№ 10	№ 21	№ 15
№ 13	№ 13	№ 14	№ 5
№ 9	№ 21	№ 24	№ 15
№ 17	№ 11	№ 26	№ 10
№ 7	№ 16	№ 15	№ 6

Вѣрныя рѣшенія этой задачи присланы отъ гг. Сиб. Геннингъ, Малинина, Журкина, Л—кова; Москва—Сирова, Сорокова, Звѣкина, Вошъ; Зубовъ—Неврасова, Иваново-Вознесенскій—Коровина; Кронштадтъ—Даржана, Ломжа—Печникова; Муромъ, Смоленскаго, Мытищи—Напольнаго; Никола-Раменье—Скирнова; Нижний-Новгородъ—Вовкина, Орель—Соколова; Таганрогъ—Тянова; Тульчинъ—Шагила.

Рѣшеніе задачи буквъ № 74

1. миллионъ.	5. кирпичи.	19. слюда.	13. якорь.
1. коршунъ.	6. мостъ.	10. югъ.	14. у.
3. Нью-Йоркъ.	7. климъ.	11. оселъ.	
4. звонъ.	8. шея.	12. вѣтеръ.	

Вѣрныя рѣшенія этой задачи присланы отъ гг.: Сиб.—Фрейбергъ, Исмаилова, Фелкина, Пушдизъ, Микко Русъ, Якобусъ, Тохарева, Ситкина, Эмануэль, Павлина, Пороховщикова; Москва—Гильъ, Лоджича; Нижнеми—Звѣкина; Курскъ—Шуурова; Рига—Галчинскаго; Рязань—Н. А. Н.; Рымбинскъ—Николаева; Угличъ—Милыковой.

КЪ НАШИМЪ ЧИТАТЕЛЯМЪ.

ОБЪ ИЗДАНИИ ЖУРНАЛА „НИВА“ ВЪ 1881 Г.

Небывалое до сего въ русской журналистикѣ количество подписчиковъ—55000, т. е. больше, чѣмъ у всѣхъ существующихъ въ Россіи иллюстрированныхъ изданій такого рода, взятыхъ вмѣстѣ, въ нынѣшнемъ 1880 году, доказало то сочувствіе и довѣріе, которымъ нашъ журналъ пользуется. Число это неизмѣнно увеличивается, что совершенно понятно, такъ какъ всѣмъ нашимъ постояннымъ подписчикамъ извѣстно, что „Нива“ улучшается съ каждымъ годомъ, количество матеріала все увеличивается, программа расширяется и достоинство богатыхъ премій возвышается неизмѣнно—цѣна же остается при всѣхъ этихъ дорогихъ и капитальныхъ улучшенияхъ та же. „Нива“—соображая массу даваемого матеріала—самый дешевый иллюстрированный журналъ не только въ Россіи но и за границей, что видитъ всякій, знакомый съ заграничными, такого рода, изданіями. Программа журнала, цѣна—остаются тѣ же, какъ и въ прежніе 11 лѣтъ и издатель будетъ постоянно улучшать достоинство матеріала.

Что касается матеріала вообще и произведеній, имѣющихся въ нашемъ распоряженіи для помѣщенія въ „Нивѣ“, въ будущемъ 1881 году, у насъ есть, кромѣ массы художественно-выполненныхъ гравюръ, цѣлый рядъ капитальныхъ литературныхъ произведеній, какъ: большой историческій романъ изъ русской жизни XVIII в., автора извѣстныхъ историческихъ романовъ, Вс. С. Соловьева: „СЕРГѢЙ ГОРБАТОВЪ“; большая повѣсть Н. Н. Каразина „СТАРЫЙ ЮДАШЪ“ (изъ жизни въ средне-азиатскихъ пустыняхъ) Н. Морснаго (автора романа „Купленное счастье“), большая повѣсть „ПОДЪ ЗЕМЛЕЮ“; повѣсть В. Г. Австенно „МГНОВЕНІЕ“; два разсказа Н. Успенскаго—„Охотники“ и „Небывалый случай“; два разсказа П. П. Гнѣдича „По домашнимъ обстоятельствамъ“ и „Подъ сѣномъ“; повѣсти А. С. Максимова: „На Востокѣ“, „Разсказъ Топографа“ и „На островѣ Аскольдѣ“; разсказъ В. Петрова „Горные орлы“, изъ временъ Герцеговинскаго движенія; рядъ очерковъ: по исторіи русской литературы—А. П. Милюнова, П. П. Гнѣдича, Н. Боева и друг.; по естественнымъ наукамъ и гигиенѣ—А. Ф. Брандта, И. О. Фесенко, Н. Дружинина, Э. И. Нивинскаго и многія другія. Какъ преміи на будущій 1881 г. мы дадимъ (кромѣ большого стѣннаго календаря на 1881 г., который будетъ приложенъ при первомъ № за 1881 годъ) двѣ превосходныя, исключительно для «Нивы» исполненныя, большія акварели знаменитаго М. Зичи, придворнаго художника Е. И. Величества. Новыя двѣ картины М. Зичи изображаютъ двѣ сцены одной изъ лучшихъ повѣстей гениальнаго нашего писателя Н. В. Гоголя—„Тарасъ Бульба“. Первая сцена „Въ осажденномъ городѣ“, свиданіе Андрія,—младшаго сына Тараса Бульбы, который приноситъ тайно хлѣбъ въ замокъ—съ красавицей полькой. Вторая—„Встрѣча Тараса съ Андріемъ, послѣ его измѣны“ на полѣ битвы, подъ осажденнымъ городомъ. Тутъ художникъ удивительно блестяще воспользовался всѣми данными, какія представляютъ эти высоко-художественныя, превосходныя сцены. Преміи эти будутъ высланы, не смотря на значительные расходы за высылку (за одни нартонные футляры и почтовую марку въ 1880 году при высылкѣ премій было заплачено около 8,000 рублей, не говоря о самыхъ картинахъ), какъ и въ прошлыхъ годахъ—совершенно бесплатно для гг. годовыхъ подписчиковъ—не увеличивая за то подписной цѣны. Такимъ образомъ въ будущемъ 1881 году „НИВА“ получитъ еще новыя улучшения, еще болѣе дорогія преміи и въ ней появятся оригинальныя произведенія самыхъ талантливыхъ русскихъ писателей и художниковъ.

Подробное объявленіе о подписныхъ цѣнахъ можно видѣть на 1-ой страницѣ номера подъ титуломъ.

Желающихъ подписаться на будущій 1881 г. „Нивы“ просятъ заблаговременно обращаться въ Главную Контору редакціи журнала „Нива“ помѣщающуюся въ С.-Петербургѣ, Большая Морская ул., д. № 9.

Издатель „Нивы“ А. Ф. Марксъ.

О ПЕРЕМѢНѢ АДРЕСА.

Контора журнала «Нива» проситъ своихъ гг. иногородныхъ подписчиковъ при перемѣнѣ адреса изъ одного города въ другой, присылать прежній печатный адресъ и прилагать 28 коп. почтовыми марками на типографскіе расходы.

СОДЕРЖАНІЕ: А. С. Пушкинъ въ Ишинеѣ (съ рис.).—Король Духова дия. (Изъ народной жизни въ Венгріи въ 20-хъ годахъ). Разсказъ Мавра Юная.—Истеръ Динъ. Разсказъ Чарльза Коллинза (Продолженіе).—Волчьѣ молитва (съ рис.).—Дѣти. Стихотвореніе А. М.—Городъ Штейеръ (Стыр) въ верхней Австріи (съ рис.).—Монастырь Мелькъ (Меладиха) (съ рис.).—Хватить или не хватить? (съ рис.).—Новка колесъ для локомотива (съ рис.).—Остатки римской виллы на островѣ Уайтѣ (Англія) (съ рис.).—Памятнику нашей древней письменности конца XIV вѣка (съ рис.).—Сентралный анализъ. Статья О. Вальтера (съ 3 рис.).—Политическое обозрѣніе.—Смѣсь.—Шашечная задача.—Рѣшеніе шаашечной задачи.—Рѣшеніе ребусовъ.—Рѣшеніе задачи № 75.—Рѣшеніе задачъ бѣтъ.—Къ нашимъ читателямъ.—О перемѣнѣ адреса.—Объявленія.

Издатель А. Ф. Марксъ.

Редакторъ Ф. Бергъ.

ВО ВСѢХЪ НИЖНИХЪ МАГАЗИНАХЪ СПБ. ПОСТУПИЛА ВЪ ПРОДАЖУ НОВАЯ КНИГА

И. Н. ИЗМАЙЛОВА:

НАШИ КОМИКИ.

Юмористическіе разсказы, сценки и картинки съ натур. Ц. 75 к.

Выписывающіе книгу отъ автора (Спб., Васильевскій остр., 9 лин., д. № 50), за пересылку не платятъ. № 1000

ОТЪ СОЛИТЕРА

и другихъ гнѣстовъ специальное и скорое излеченіе въ Гигіенической Лечебницѣ. Петербургъ, Владимірская ул., д. № 15. Лечение возможно и письменно. Тутъ-же лечатся и отъ снѣи (лица), заразительныхъ болѣзней. Б. № 961 10—4

Изданія А. Ф. Маркса въ Спб.

Большая Морская, д. № 9.

ДВУНОГІЙ ВОЛКЪ, романъ въ 2-хъ част. Н. Каразина съ 20 рисунками автора, печатанъ на лучшей альбомной бумагѣ. Романъ этотъ знакомитъ читателя съ туркестанскимъ краемъ и переведенъ на нѣм. и англ. языки, что краснорѣчиво говоритъ въ его пользу. Ц. 2 р. съ перес. 2 р. 30 к. Для подл. „Нивы“ 1 р. 80 к., съ перес. 2 р.

Изд. А. Ф. Маркса. Спб., Б. Морск. № 9.

КНИЖКА ОСТРОЖСКАЯ, историч. повѣсть Вс. С. Соловьева. Сюжетъ заимствованъ изъ русской исторіи и въ развитіи своемъ представляетъ большой интересъ. Томъ этотъ украшенъ 20 рисунками художника И. С. Панова. Цѣна 2 р., съ пересылкой 2 руб. 30 коп., для одисчиковъ „Нивы“ 1881 г. 1 р. 80 к., съ перес. 2 р.

СЕМЬЯ ВОЛЬНОДУМЦЕВЪ. Истор. повѣсть П. Петрова и В. Млюшинова. Для подл. „Нивы“ 75 к., съ перес. 1 р.
ПРИ ПЕТРѢ. Истор. повѣсть В. Кельсера съ рисунками. Для подл. „Нивы“ ц. 75 к., съ перес. 1 р.

УСПѢХЪ МОИХЪ

СИТРОНАДА И ОРАНЖАДА МОСКОВИТЪ,

заслужившихъ въ короткое время одобреніе публики, дали мнѣ поводъ приготовить и другіе фруктовые соки, именно:

ЧЕРНОСМОРОДИНОВЫЙ, МАЛИНОВЫЙ И ВИШНЕВЫЙ,

для лимонадовъ, фруктоваго кваса, для домашняго приготовленія въ сифонахъ, какъ и для фабричнаго производства *самыхъ (!)* лучшихъ пишучихъ ягодныхъ водъ, равнымъ образомъ для разнаго рода кушанья: мороженого, желе, киселя и пр. Соки эти поступили теперь въ продажу въ магазинѣ моемъ, подъ фирмою: Р. Кёлеръ и К^о. въ Москвѣ, на Никольской улицѣ, по 1 рублю сер. за большую шампанскую бутылку.

Р. Кёлеръ. № 1008 3—1

Изданія А. Ф. Маркса въ Спб.

Большая Морская д. № 9.

ВЪ НАМЫШАХЪ, повѣсть Н. Каразина, второе изданіе, съ 39 рисунками Автора, большою томъ в 8—всего 804 стр. Цѣна 2 р., съ перес. 7р. 30 к. Подписчики „Нивы“ съ перес. не платятъ.

Повѣсть эта яркими красками рисуетъ жизнь Туркестанскаго края; достоинства ея достаточно доказываются уже тѣмъ, что повѣсть эта переведена на немецкій, французскій и англійскій языки. Выдѣ второе изданіе включаетъ въ себя 36 рисунковъ; оно гораздо богаче и лучше, уже распроданное, первое изданіе этой повѣсти.

НОВЫЯ ИЗОбРЪТЕНІЯ.

Амери. брѣшнороточная машинка. Ц. 1 р. 75 к., съ пер. 2 р. Горѣлки съ гасильникомъ и горѣлки митральеон. Ц. 2 р., съ пер. 2 р. 50 к.

Свѣчегасители, которые ставятся при зажиганіи свѣчи такъ, чтобы она погасла сама собою когда угодно. Ц. 50 коп. съ пер.

Лампа-печка-кухня, горящая безъ фитиля запаха и копоти, отъ 5 р. 50 к. до 14 руб. пер. за 12 ф. Машинка для очистки фитиля. Ц. 20 к. Огнезащитатели для каминов, печей и проч. Ц. 35 к., съ пер. 50 к.

Географъ усовершенств. отъ 3 до 12 р. Масса съ наставленіемъ для изготовл. дома географовъ съ чернилами и пр. 5 р. за 5 ф. Отдѣльная масса 1 р. за ф., чернила 25 к. 6. Составъ д. сив. черн. 50 к.

Удачнѣйшіе **ПОДАРКИ** для дѣтей и взрослыхъ.

Гелиоиниатура, аппаратъ съ помощью котораго всѣмъ, даже неумѣющимъ рисовать и красить, можетъ раскрашивать акварелью и маслом. Красками фотограе. портреты, карточки и т. п. Ц. 4 и 6 р., пер. за 5 ф.

Литография, съ помощью которой всѣмъ, даже неумѣющимъ рисовать и красить, можетъ обратять гравюры, литографіи и т. п. печатанія произведенія въ изящныя масляныя картины. Цѣна 5 и 6 р., пер. за 5 и 6 ф.

Аппараты для рисованія и чистописанія разн. системъ по 1 р., съ перес. 2 р.

Дочашный фотографъ 2 р., съ пер. 3 р

Оптовымъ покупателямъ уступка.

Подробный каталогъ высылается бесплатно.

Адр.: въ складъ новыхъ изобрѣтеній **И. Зегимеля**, Невскій проспектъ, д. № 4. СПб. № 990 2—1

КНИГИ прод., пок. и прин. на комиссію, кн. маг. Алексан. Ильича Овчинникова (бывш. учителя дров. зз.), Казань Выкупаютъ б.б. рѣдкости 16, 17, 18, 19 в. Объ ст. торг. почти постоянно. публик. въ Кав. газ. и ин. друг. изд. уже 10-й годъ; прод. "Руков. для крестьянъ, волост. суд., уѣзд. и губ. по кр. д. учрежд.", сост. Овчинниковъ. 79 г. 75 к., съ перес. 1 р. № 996

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1881 ГОДЪ.

СЕМЬЯ и ШКОЛА.

1) ПОЛНЫИ журналъ, изданій годъ XI. Подп. цѣна на годъ съ дост. и перес. 12 р. Отдѣльно: 2) на иллюстрированный отдѣлъ для дѣтей (12 книгъ) 10 р.; 3) на Учебно-воспитательный отдѣлъ съ Педагогическою хроникою (10 №№ книгъ и 40 №№ Педаг. хр.) 5 р. Подписка адресуется въ Спб., Васильевскій островъ, 15 линія, д. 8, въ контору журнала „Семья и Школа“. № 999 10—1

„НУВЕЛЛИСТЪ“

МУЗЫКАЛЬНЫЙ ЖУРНАЛЪ
ДЛЯ ФОРТЕПИАНО
СЪ МУЗЫКАЛЬНО-ТЕАТРАЛЬНОЮ ГАЗЕТОЮ.

Съ 1-го января 1881 года „НУВЕЛЛИСТЪ“ вступилъ въ 42-й годъ своего существованія, будетъ выходить какъ и прежде перваго числа каждаго мѣсяца, тетрадами отъ 30—35 страницъ избранной музыки. Каждая тетрадь будетъ содержать въ себѣ: 1) Четре или пять сочиненныхъ пьесъ. 2) Одна или два новыхъ танца. 3) Русскій романсъ. Сверхъ того въ „НУВЕЛЛИСТЪ“ будутъ помѣщены двѣ пьесы въ четыре руки.

„НУВЕЛЛИСТЪ“ Музыкально-Театральная Газета будетъ выходить ежемѣсячно въ продолженіи музыкальнаго сезона: въ январѣ, февралѣ, мартѣ, апрѣлѣ, сентябрѣ, октябрѣ, ноябрѣ и декабрѣ и состоитъ изъ слѣдующихъ отдѣловъ: 1) Руководствія статьи, посвященныя обзору всего примѣтельнаго въ области музыки и театра, какъ въ Россіи, такъ и за границей. 2) Музыкальная хроника: отчеты о новыхъ операхъ и концертахъ. 3) Возможно полный сводъ статей, касающихся музыки и сценическаго искусства. 4) Фельетоны.

Кромѣ огромнаго количества музыкальныхъ пьесъ и Музыкально-Театральной Газеты, подписчики „НУВЕЛЛИСТА“ получаютъ въ концѣ года ПРЕМІЮ—полную оперу въ двѣ руки, или другія сочиненія по ихъ выбору изъ 70-ти номеровъ уваженныхъ Редакціей

Цѣна годовому изданію музыкальнаго журнала „НУВЕЛЛИСТЪ“ съ Музыкально-Театральною Газетою и премією 5 р. Съ доставк. или пересылк. 6 р.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ:

Въ С.-Петербургѣ: въ главной конторѣ „НУВЕЛЛИСТА“ при музыкальномъ магазинѣ **М. Бернарда**, поставщика Двора Его Величества, Невскій просп., № 10. Въ **Минскѣ**: въ музыкальномъ магазинѣ **А. М. Гутхейль** Поставщика Двора Его Величества, Кузнецкій мостъ, д. Юнкера. Въ **Казани**: въ музыкальномъ магазинѣ „Восточная Лира“. Въ **Харьковѣ**: у **Гергарда**. № 992 2—1

С.-ПЕТЕРБУРГСКАЯ ХИМИЧЕСКАЯ ЛАБОРАТОРІЯ.

О-ДЕ-КОЛОНЪ весьма освежительный, душистый и чрезвычайно крѣпкій двойной по 30 к., тройной по 40 к., № 4 экстрактъ по 50 к.
ТУАЛЕТНЫЙ УКСУСЪ разрѣшенный С.-Петерб. Врачебн. Управленіемъ ароматическими составными частями, онъ также отличное средство для куренія въ комнатахъ, гдѣ находится больные и вообще въ мѣстахъ, гдѣ воздухъ испорченъ, флак. 60 к.

Уксусъ **Вioletъ де-Паризъ** превосходный по 75 к.
Уксусъ **марболовый** анти-эпидемическій по 45 и 75 к.

ОСТЕРЕГАТЬСЯ ПОДРАЖАНІЙ

къ которымъ прибѣгаютъ нѣкоторые фабриканты, принявшіе названія фирмъ, близко подходящихъ къ фирмѣ С.-Петербургской Химической Лабораторіи, и копирующіе наружный видъ произведеній ея.

Обращать вниманіе при покупкѣ каждаго предмета на точность фирмъ:

„С.-П.-БУРГСКАЯ ХИМИЧЕСКАЯ ЛАБОРАТОРІЯ“.

ЕДИНСТВЕННЫЕ МАГАЗИНЫ ВЪ С.-ПЕТЕРБУРГѢ:

- 1) Невскій проспектъ, д. № 32, Ватолч. кервяк.
 - 2) Невскій просп., у Анничкова моста, № 66.
 - 3) Вознесенскій просп., уголъ Казанской ул., домъ № 12—54, Шредера.
- Всѣ прочіе, магазаны и лавки, имѣющіе вывѣски, сходныя съ вывѣскою С.-Петербургской Химической Лабораторіи, ей не принадлежатъ. 2—2

Биллиардная Фабрика А. ФРЕЙБЕРГЪ

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Переведена: Имамловскій полкъ, не далеко отъ Троицкаго собора, по Троицкому проспекту, соб. домъ, № 13.

Вышла и поступила въ продажу новая книга:

„ТВЕРДОСТЬ ХАРАКТЕРА“.

Романъ изъ современной жизни, съ событіями послѣдней войны 1876—1877 гг. Сочиненіе **В. Марьяна**. Цѣна 2 руб., съ пересылкою 2 руб. 25 коп. Книгопродавцамъ обильная уступка.

Складъ изданія въ книжной торговлѣ при редакціи „Собранія Романовъ“, въ домѣ **Жербина**, на Михайловской площади, въ С.-Петербургѣ. № 504 10—9

ТОЛЬКО ЧТО ПОСТУПИЛИ ВЪ ПРОДАЖУ

Портреты: **Его Императорск. Велич. Государя Императора и Его Высочества Государя Наслѣдника Цесаревича.**

Эти портреты, особенно тщательно исполненные, печатаны масляными красками по самому новѣйшему способу, вслѣдствіе чего имѣютъ видъ оригинальныхъ.

Рекомендую эти портреты для школъ, присутственныхъ мѣстъ и т. п. Портреты величиною отъ 18—14½ вершк.

Цѣна портрета безъ рамки 15 р.

Въ золоченой рамкѣ 3 верш. шир. съ узорами и короной . . . 35 „

За оба портрета въ такихъ же рамкахъ 65 „

Въ золочен. рамк. менѣе 3-хъ верш. шир. безъ короны, пара отъ 40 „

За пересылку прошу прилагать: для картинъ безъ рамки за 5 фунт., съ рамками за 35 фунт., за упаковку съ рамками по 1 рублю.

За 3 почтов. марки (по 7 к.) высылаю литографированные снимки обоихъ портретовъ въ рамкахъ.

Г. ЦЕТО, Караванная, 14—16. № 1010

КРЫШКИ для переплета „НИВЫ“ изъ лучшаго англійскаго каленкора съ золот. тисненіемъ за 1880 г. и такъ же на 1881 г. по вышепоказанному образцу 1 р., съ перес. 1 р. 50 к. Каждый простой переплетчикъ легко можетъ переплестъ „НИВУ“ въ такую колленкоровую крышку.

Также имѣютъ крышки для „НИВЫ“ прежнихъ лѣтъ т. е. отъ 1870—1879 гг. по той же цѣнѣ.

„БИРЖЕВЫЯ ВѢДОМОСТИ“.

Газета биржи, финансовъ, торговли политики и общественной жизни.

Безплатное прибавленіе Тиражныхъ листковъ.

Подписная цѣна для городскихъ и иногороднихъ подписчиковъ на 1 годъ—12 руб., на ½ года—7 руб., на 3 мѣс.—4 руб., на 1 мѣс.—1 руб. 50 коп. Спб. Малаа Морская, 19.

Редакторъ **П. С. Манаровъ**. Издатель **С. М. Пропперъ**. № 1003

ГРОМАДНЫЙ ВЫБОРЪ

ДЛЯ ПРИДАНАГО И ХОЗЯЙСТВА хрустала, столовой, чайной и ме галлической посуды. Самыя умѣренныя цѣны.

Вѣнскіе бунковые гнутые стулья дюж. 2 р.

ВЪ МАГАЗИНѢ

AU BON MARCHÉ Больш. Морская, № 34, Штанге.

АГЕНТОВЪ

ищутъ живущихъ въ провинціи для коммисіонерства по солидному интеллигентно-торговому предпріятію, съ уплатою агенту 25% съ получаемой чрезъ его посредство суммъ. Ни залоговъ, ни особенныхъ спеціальныхъ впацій не требуется. Для отвѣта просить въ письмѣ прилагать 2 марки. Адр.: въ Спб., Невскій, № 4, Бюро переводовъ и проч. С—зу. № 989

Изданіе **А. Ф. МАРКСА** въ С.-Петербургѣ.

„НИВА“

1878 года. И 1879 года.

Каждый томъ заключаетъ въ себѣ 30—40 повѣстей и рассказовъ большіе романы—историческіе и изъ современной жизни—отъ 700—2000 рисунковъ, гравюръ и чертежей и приложеніе „Парижскія моды“ съ выкройками. Помѣщенные въ каждомъ томѣ повѣсти, романы и рассказы въ отдѣльной продажѣ стоили бы болѣе 20 рублей, не считая еще массы статей и очерковъ по всѣмъ отраслямъ наукъ, искусствъ и современной жизни и проч. Каждый покупатель тома „Нивы“ имѣетъ право на получение всѣхъ приложенныхъ къ нему бесплатныхъ премій.

Цѣна каждому тому т. е. годовому изданію съ преміями.

Брошюрованному: Въ простомъ перепл. Безъ перес. 4 р. — к. Съ перес. 5 „ 50 „	Въ простомъ перепл. Безъ перес. 4 р. 75 к. Съ перес. 6 „ 25 „	Въ каленкор. перепл. Безъ перес. 5 р. 50 к. Съ перес. 7 „ — „
--	---	---

Приобрѣтающіе оба тома разомъ получаютъ 25 % уступки, (но только съ книги, а не съ переплета или пересылки).

Библиотека "Руниверс"

ПРИНИМАЕТСЯ ПОДПИСКА НА

„С.-ПЕТЕРБУРГСКІЯ ВѢДОМОСТИ“ 1881 ГОДА:

„С.-Петербургскія Вѣдомости“ въ 1881 году будутъ выходить, какъ выходить и нынѣ, ежедневно, листами большаго формата подъ прежнюю редакціей.

Table with subscription rates: УСЛОВІЯ ПОДПИСКИ: На годъ, 11 мѣс., 10 мѣс., 9 мѣс., 8 мѣс., 7 мѣс., 6 мѣс., 5 мѣс., 4 мѣс., 3 мѣс., 2 мѣс., 1 мѣс. Includes rates for delivery, post, and foreign mail.

Подписываться можно на всѣ сроки не иначе, какъ съ 1-го числа каждаго мѣсяца, съ доставкой по городской почтѣ, въ Петербургъ и пересылкою во всѣ города Россійской Имперіи, и безъ доставки, съ получениемъ номеровъ въ конторѣ.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ: въ С.-Петербургѣ—въ главной конторѣ газеты, на углу Невскаго и Литейной, д. № 59—62, а также въ нижнихъ магазинахъ Я. А. Исакова, М. О. Вольфа, И. И. Глазунова, Н. Г. Мартынова, Н. О. Фену и другихъ книжныхъ магазинахъ.

Въ Москвѣ—въ Центральной конторѣ объявленій—Большая Дмитровка, д. Бучумова, въ конторахъ: Н. А. Мейеръ—Моросейка, д. Леоновыхъ, А. Луръ—Кузнечій мость, д. кн. Долгичина и Печковской—домъ Петровскихъ лній.

Допускается разсрочка платежа подписныхъ денегъ для служащихъ—по третямъ, черезъ ихъ казначеевъ; неслужащіе же могутъ обращаться съ своими заявлениями исключительно въ главную контору редакціи.

Подписчики, которымъ допускается разсрочка въ платежѣ за годовой экземпляръ съ пересылкою, доставляютъ деньги въ слѣдующіе сроки: при самой подпискѣ 7 р., въ концѣ марта 7 р. и въ началѣ августа 3 р., съ доставкой въ Петербургѣ—уплачиваютъ конторѣ при самой подпискѣ 5 р. 50 к., въ концѣ марта 5 р. 50 к. и въ концѣ іюля 5 р. Главная контора проситъ точно выполнять эти условія, такъ какъ только при соблюденіи ихъ возможна правильная доставка газеты.

Главная контора проситъ гг. иногороднихъ подписчиковъ обозначать тѣ ближайшія станціи, гдѣ есть почтовыя учрежденія, въ противномъ случаѣ С.-Петербургскій почтамтъ за правильную доставку газеты не отвѣчаетъ.

№ 980 2-2

ОТКРЫТА ПОДПИСКА

НА

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЖУРНАЛЪ

„РУССКОЕ БОГАТСТВО“

ВЪ 1881 Г.

(ГОДЪ ВТОРОЙ).

Въ слѣдующемъ году „Русское Богатство“ будетъ издаваться по той же программѣ, какъ и въ настоящемъ году, именно,—будетъ помѣщать: романы (оригинальные и переводные), повѣсти, рассказы, драматическія произведенія, очерки, стихотворенія, критическія статьи, рецензіи новыхъ книгъ, обзорныя внутренней и заграничной жизни, общедоступныя научныя статьи по вопросамъ общественной жизни и смѣсь, въ которую будутъ входить сатирическіе и юмористическіе очерки, фельетонныя наброски, пародіи и проч.

Въ журналѣ принимаютъ участіе: Гг. Л. Алексѣевъ, Н. В. Анненскій, С. Атава, Александръ Арсеньевъ, Н. Ф. Банинъ, А. Боровиновскій, В. М. Гаршинъ, В. А. Голцевъ, П. В. Засодимскій, Н. Н. Златовратскій, С. Н. Кривенко, Н. С. Курочинъ, Н. И. Наумовъ, Ф. Д. Нефедовъ, А. Н. Плещеевъ, Г. Н. Потанинъ, М. А. Протопоповъ, Л. Н. Трефоловъ, Гл. И. Успенскій, А. И. Эртель, Н. И. Ядринцевъ и друг.

Журналъ выходитъ ежемѣсячно, книжками отъ 15 до 20 листовъ. Подписная цѣна на годъ: 7 р., съ пересылкой и доставкой 8 р. Допускается разсрочка: при подпискѣ 5 р. съ пересылкой и 4 руб. безъ доставки; остальные 3 рубля по выходѣ 6-й книжки.

Подписка принимается въ конторѣ редакціи: С.-Петербургъ, Знаменская ул., д. 11.

Редакторъ Н. Н. Златовратскій. Издательница С. Н. Бажина. № 1011 2-1

Съ 1-го Января 1881 года, въ С.-Петербургѣ, выходитъ

НОВАЯ ЕЖЕДНЕВНАЯ ГАЗЕТА

ПОЛИТИЧЕСКАЯ И ЛИТЕРАТУРНАЯ

„ПОРЯДОКЪ“

подъ общею редакціей съ журналомъ „Вѣстникъ Европы“ и съ участіемъ всѣхъ его постоянныхъ сотрудниковъ.

ЦѢНА ПОДПИСКИ:

Table with subscription rates: Три мѣсяца, Полгода, Годъ, Мѣсяць: безъ доставки 1 р. 25 к., съ доставкой 1 р. 50 к.; съ пересылкой 1 р. 75 к.; за границей 3 р.

Разсрочка для полученія газеты безъ доставки и съ доставкой на домъ—взлнши, такъ какъ при подпискѣ на четверть года или полгода подписная цѣна не повышается; для иногороднихъ же и иностранныхъ подписка по частямъ нѣсколько повышена, вслѣдствіе необходимости высылать у насъ газету по иногородней почтѣ съ адресами.

Подписка принимается въ Главной Конторѣ журнала „Вѣстникъ Европы“ въ С.-Петербургѣ, на Вас.-Остр., 2-я линія, 7; иногородние обращаются по почтѣ въ редакцію, Спб. Галерная, 20, а лично—въ Главную Контору.—Тамъ же принимается частныя извѣщенія и объявленія для напечатанія въ газетѣ.

Издатель и отвѣтственный редакторъ М. Стасюловичъ. № 994 5-1

ОТКРЫТА ПОДПИСКА

годъ второй. НА 1881 ГОДЪ годъ второй.

НА ЕЖЕДНЕВНУЮ ПОЛИТИЧЕСКУЮ, ОБЩЕСТВЕННУЮ И ЛИТЕРАТУРНУЮ ГАЗЕТУ

„РУССКІЙ КУРЬЕРЪ“.

УСЛОВІЯ ПОДПИСКИ:

Table with subscription rates: Безъ дост. и пересылки, Съ доставк. въ Москвѣ, Съ перес. во всѣ города. Includes rates for annual, 6-month, 3-month, and 1-month subscriptions.

Подписка принимается въ конторѣ изданія: Москва, Москворѣцкій мость, д. Н. П. Ланина. № 1010 6-1

ОВЪ ИЗДАНИИ ВЪ 1881 ГОДУ ЖУРНАЛА

БИБЛИОТЕКА ДЛЯ ЧТЕНІЯ

(Годъ седьмой)

ПРОГРАММА:

Въ журналѣ помѣщаются исключительно романы, повѣсти и рассказы въ переводѣ съ иностранныхъ языковъ на русскій.

Каждый номеръ журнала будетъ содержать въ себѣ, по возможности, одинъ законченный романъ или часть его и небольшую повѣсть или рассказъ.

Годовое изданіе состоитъ изъ 12-ти книгъ отъ 20-ти до 30-ти печатныхъ листовъ каждая. Срокъ выхода ежемѣсячный.

Въ концѣ года, подписчикамъ на „Библиотеку для чтенія“ будетъ выдана въ видѣ премии 13-ая книжка, отъ 30 до 40 печатныхъ листовъ, которая будетъ заключать въ себѣ одинъ, или нѣсколько законченныхъ романовъ.

Условія подписки: Въ С.-Петербургѣ и Москвѣ безъ доставки 8 руб. Съ доставкою на домъ въ С.-Петербургѣ . . . 9 — 50 коп. Съ пересылкою иногороднимъ . . . 9 — —

Редакция допускаетъ слѣдующую разсрочку подписныхъ денегъ: при подпискѣ 5 рубъ и въ 1-му Мая остальные.

Подписка принимается:

Для городскихъ подписчиковъ—Въ С.-ПЕТЕРБУРГѣ, въ книжномъ магазинѣ Исакова. Въ МОСКВѣ—при книжныхъ магазинахъ Соловьева и Мамонтова, и въ Центральной Конторѣ объявленій, Петровка, д. Солодовникова, и б. Дмитровка, д. Бучумова.

Гг. иногородние адресуютъ свои требованія непосредственно въ С.-Петербургъ, въ редакцію журнала Библиотека для чтенія, Шлягелъная ул., д. № 32.

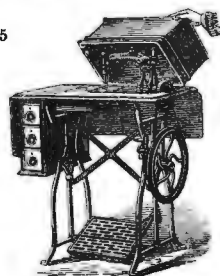
Подписывающіеся съ разсрочкой просятъ обращаться: иногороднихъ исключительно въ редакцію, а городскихъ въ Спб. въ книжный магазинъ Бортовскаго, уголъ Троицкаго и Графскаго пер.; въ Москвѣ: въ Центральную Контору Объявленій, Петровка, д. Солодовникова.

Ц. № 1006 На 1880 годъ подписка еще продолжается. 6-1

1881. XVII ГОДЪ ИЗДАНІЯ 1881. „БУДИЛЬНИКЪ“, САТИРИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ СЪ РИСУНКАМИ И КАРРИКАТУРАМИ. 50 тетрадей въ годъ, въ 4-ю долю листа большаго формата. БЕЗПЛАТНЫЯ ПРЕМИИ ДЛЯ ГОДОВЫХЪ ПОДПИСЧИКОВЪ: 1. Альманахъ „Будильника“ на 1881 годъ (3-й годъ изданія), въ который между прочимъ вошли: а) РЕБУСЪ, за разгадку котораго до 1-го января 1881 г. редакція „Будильника“ объявляетъ денежную премию въ 300 руб.—и б) восемь женскихъ типовъ изъ опереттоу Оффенбаха, Локка и Планкетта („Каскадная галерея“),—въ краскахъ исполненные рисунки К. Н. Чичагова. 2. „Альбомъ Маршалъ Терхонского“: 12 повѣст., изъ которыхъ каждую будетъ сопровождать большою форматомъ „Будильника“ хромофотографированный рисунокъ.—Разсылка листовъ альбома предполагается еженѣщная (черезъ каждые три номера журнала); вмѣстѣ съ послѣднимъ листомъ разослана будетъ, для брошюровки альбома, золотомъ отпечатанная обложка. 3. „Пышная исторія“, олеографія съ картинъ Л. Германа, исполненная (подъ изварелью), по заказу редакціи „Будильника“, торговцемъ домомъ бр. А. и С. Кауфманнъ въ Берлинѣ. Желающіе могутъ получить, вмѣстѣ этой олеографіи, другую—съ картинъ Изили: „Лѣвника“. Желающіе получить обѣ премию доплачиваютъ, сверхъ подписной суммы, одинъ рубль. Какъ та, такъ и другая олеографія будутъ высылаться наперевѣтъ на свѣдѣніе. ПОДПИСНАЯ ЦѢНА: НА ГОДЪ: Съ пересылкою . . . 9 р. Съ доставкою въ Москвѣ . . . 8 — Безъ доставки . . . 7 — НА ПОЛГОДА: Съ пересылкою . . . 5 р. — к. Съ доставк. въ Москвѣ . . . 4 — 50 — Безъ доставки . . . 4 — — Издательница—Л. Н. Уткина. Редакторъ—Н. П. Кичеевъ. № 993 3-1

**Фабрика часовъ
ПАВЛА БУРЕ**
(Въ Лохтѣ, Швейцарія).
изготавливаетъ всякаго рода карман-
ные часы.
Съ заказами просить обращаться въ
С.-Петербургъ, Павелъ Буре, Нев-
скій, № 23. Въ Москвѣ: Павелъ
Буре, Кузнецкій мостъ, д. Тверска-
го подворья.
Подробный прейсъ-курантъ высь-
ляется по требованію бесплатно.
№ 880

К. № 915

7-4

Настоящія американскія
швейныя машины

ВИЛЛЕРА и ВИЛЬСОНА,
съ кривою или прямою иглою.

Ножныя или ручныя, или руч-
ныя и ножныя вмѣстѣ:

а) для семейнаго употребленія,
бѣлья, платья и т. п.

б) для ремесленнаго производ-
ства: для сапожниковъ, портныхъ
сѣдельниковъ и т. д.

Лучшія иѣмецкія ручныя машины.
Машины для плиссе и плойки.
Американскія вязальныя маши-
ны Биффорда, Тутель и Лямбсъ.

Г. М. ХУТТОНЪ и КОМП.

Малая Морская, № 14, и Нев-
скій пр., № 40.

Москва, Большая Лубянка,
домъ Ивановскаго монастыря.

Во время нижегородской ярмар-
ки, въ зданіи каменнаго театра.

ИЗВѢСТНЫЕ КОРСЕТЫ Мерсио: дамскіе
3, 4, 5, 6 р.; дѣтскіе, по возрасту, отъ 1 р.
до 4 р. 50 к. *Лаан. манг. Мерсио, Воле-
тала Морская, д. № 39, Стб. № 929 10-8*

**АДШИДЪ А УНИЧТОЖИТЕЛЬ
ГАДОВЪ.**

Англійское вѣрное и при томъ
дешевое средство отъ
КРЫСЪ и МЫШЕЙ

рекомендуется и продается мага-
номъ

Р. Нѣлоръ и Н° въ Москвѣ.
(На Никольской). Въ конвер-
тахъ по 15, 25 и 45 коп. Иног-
родные могутъ присылать стои-
мость марками, прилагая на пе-
решлю по 10 коп. Ц. № 1007 3-1

КАРМАННЫЙ инструментъ "Регу-
ляторъ часовъ", въ
немъ: 1) Часы, показывающіе время во всякъ
странахъ, 2) Кошачья и 3) Улиточья; при-
виделъ, съ наставленіемъ. Съ перес.
3 р. большій 4 р. посеребр. 5 р. позол. 6 р.
Выписывающіе одновременно 5 шт. получаютъ
6-я бесплатно. Новая книга:

НОВОЕ СЧЕТОВОДСТВО Г. Михалеваго, со-
ставленное по совершенно новому, легкому
и оригинальному способу для каждаго по-
литному; всегда видно всѣ обороты; прибыль
и убытокъ, наличность суммъ и товаръ, и
всѣхъ въ исторіи. Ц. 40 к. съ пер. 50 к.
Можно высылать почтовыми марками. Книго-
торговца община уступка. Адресъ: г. Ви-
тегра, Охотнейкой губ., Г. А. Михалеваго.
№ 998

**ТОРГОВЫЙ ДОМЪ
РУТКОВСКІЙ, ГОЛОВИЦЪ,
№ 125, ГОСТИНЫЙ ДВОРЪ, № 125.**

Большой выборъ готовыхъ дамскихъ вещей новѣйшихъ фасоновъ и лучшаго покроя
Пальто, шубы, ротонды, мантильи, накидки, мѣховыя вещи и на ватѣ съ разною опушкою а также
пальто для дѣвочекъ, отъ 3-хъ до 15-ти лѣтъ. Цены крайне умѣренныя.

Заказы исполняются акуратно въ короткій срокъ.

Гг. иногородныхъ просимъ присылать мѣрку длины вещей и объемъ груди, подъ
мышкой, вокругъ корпуса и вокругъ бедеръ, съ обозначеніемъ роста, т. е., малый, средній
или большой.

Музей Лента.
въ Пассажѣ, 2-я галерея

НОВОСТИ! ПОЮЩІЯ ВЪ
ВЪ ВОЗДУХЪ
ТРИ ФЕИ.

Въ высшей степени искус-
ный оптический экспериментъ.
В. № 1014

**ТОЛЬКО ЧТО ИЗДАНЫ И ПОСТУ-
ПИЛИ ВЪ ПРОДАЖУ:**

Порядочный человекъ. Сѣтскія притчи для мужчинъ и женщинъ. Рассказы о
несчастіяхъ, постигшихъ молодого человека вълѣдствіе его несвѣтлости. Ц. 30 коп.
съ пересылкой.

Советы какъ разбогатѣть. Соч. В. Франклина, перев. съ англ. Ц. 15 коп.

Всемирный поставщикъ всего что угодно: отъ пеленокъ до гроба и отъ булавки
до слова. Ц. 20 коп.

Советы матерямъ. Приданое младенца.—Воспитаніе со дня рожденія.—Поведеніе
и благоосицтанность. Любовь въ родительствѣ. Ц. 20 коп.

Советы женщинамъ. Сохраненіе красоты и здоровья.—Туалетъ.—Этикетъ.—Советы
женаламъ.—Советы хозяйкамъ.—Правила земледія.—Советы дѣтицамъ.—Разсказы.
Ц. 20 коп.

Необходимыя правила для приказчиковъ, конторщиковъ, кассировъ и другихъ
служащихъ. Анекдоты изъ быта приказчиковъ. Ц. 20 коп.

Необходимыя правила для купцовъ, банкировъ и для всякаго дѣловаго человека.
Анекдоты изъ купеческаго быта. Ц. 25 коп.

Подвиги человѣколюбія. Забчательные дѣятели на этомъ поприщѣ. Настольная
книга для всѣхъ классовъ обоего пола. Ц. 1 р.

Выписывающіе всѣ эти сочиненія вмѣстѣ—высылаютъ всего 2 руб.
Складъ новыхъ изобрѣтеній І. Зегинела, Невскій просп. д. № 9, СПб. № 991

10%
ВОЗНАГРАЖДЕНІЯ

предлагаю лицамъ, имѣющимъ возмож-
ность по своему общественному поло-
женію указать мнѣ владѣльцевъ, же-
лающихъ продать нижепоименованныя
старинныя вещи, которыя я покупаю
по высокой цѣнѣ: богатый, старый
северскій и саксонскій фарфоръ, старыя
бронзовые часы, канделябры
и группы, золотыя эмальированныя
табакерки, старинныя вещи изъ зо-
лота и серебра прошедшихъ столѣ-
тій, старинную мебель съ богатыми
бронзовыми украшениями и фарфору-
выми инкрустациями, старинныя
кружева, группы и фигуры изъ дере-
ва, слоновой кости и серебра,—всѣ
вскаго рода старинныя вещи XVII,
XVIII и XVIII столѣтій. Указанія адре-
совъ лицъ, имѣющихъ на продажу
означенныя предметы, могутъ быть
сообщены мнѣ лично или писменно
по адресу моему въ Москву, Г-ну ЛУ-
ДОВИКУ БЕНЪ, Петровка, д. Пен-
скаго, противъ Петровской аптеки.

Вышеупомянутое вознагражденіе въ
10% мною выплачивается немедленно
за каждую сдѣланную покупку чрезъ
рекомендацію. Л. № 1015 6-1

новость! РАСШИРЯЕМЫЯ СТИБЛЕТЫ. новость!
НАРЯДНАЯ ОБУВЬ СОХРАНЯЮЩАЯ ТЕПЛОТУ

для мужчинъ и для дамъ изъ шелковой и шерстяной матеріи.
Стиблеты эти можно надѣвать и снять весьма удобно, потому
что онѣ идутъ по своей расширяемости и по практичному своему
механическому закрою на нашу ногу.

Готовыя высочія расширяемыя стиблеты для охоты съ механи-
ческимъ закроемъ находятся въ магазинѣ.

Единственная продажа въ магазинѣ резиновыхъ издѣлій

ЛИМАНА и РИКСА,
Гороховая ул., 16, между Большой Морской и Краснымъ мостомъ.
№ 1012 2-1

**КЕДЕРСКАЯ
ДУШИСТАЯ ВОДА**
Ц. № 902 13-8

Обыденная жизнь

Справочная книга съ объяснительн. рисунками. Составилъ Н. В.—въ. Цѣна 2 р. 20 к

Содержаніе: Домоводство, сохраненіе здоровья, леченіе болѣзней, воспитаніе дѣтей,
садоводство, предсказаніе погоды и проч. и проч.

Продается у всѣхъ книгопродавцевъ Петербурга и Москвы. Складъ изданія въ
Москвѣ, на Петровкѣ, противъ Кузнецкаго моста, домъ Хомякова, у Н. М. Корнилова.
Выписывающіе изъ склада за пересылку не платятъ. Вѣсто копѣекъ можно прила-
гать почтовыя марки. № 981. 3-2

**БОЛЬШОЕ ЕЖЕДНЕВНОЕ ИЗДАНИЕ
„НОВОСТИ“**
„БИРМЕВЯЯ ГАЗЕТА“

Подписная цѣна: въ 1 г. для иног. 9 р.,
для городовъ. 8 р., на 1/2 года для иног. и
тор. 5 р., на 1 мѣс. для иног. и городовъ.
1 руб. СПб. Гороховая, 33, близъ камен-
наго театра. К. № 909. 10-8

Торфяныя и кирпичедѣлательныя машины и мѣшалки.

для известки и цемента новѣйшихъ кон-
струкцій имѣются въ складѣ у инженера

**Лудвига Федоровича
Шликейзенъ.**

Москва. Мясницкая, домъ Ермаковыхъ.
Иллюстрированныя каталоги по востре-
бованію. Ц. № 1005 3-1

Печатается и скоро выйдетъ въ свѣтъ
НОВАЯ КНИГА:
**„ЛИТЕРАТУРНЫЙ
АЛЬБОМЪ“**
Для публичныхъ чтеній
(въ 2-хъ частяхъ),
Извѣстнаго поэта и артиста
**ИМПЕРАТОРСКИХЪ
С.-Петербургскихъ Театровъ
П. А. НИКИТИНА,**
Съ его біографіей и портретомъ
исполненнымъ художникомъ
Н. С. Матвѣевича,
Изданіе Е. И. Никитиной.
Цѣна 1 руб., съ пересылкой 1 р. 20 к.

Такъ какъ книга печатается въ ко-
лѣчествахъ очень ограниченномъ, а ме-
жду тѣмъ поступаютъ постоянныя требо-
ванія, то желающіе заранѣе подисаться
на эту книгу, благоволятъ адресоваться
съ требованіемъ: въ Москву, Арбатъ,
Б. Песковский пер., домъ Ершова, Вас.
Пав. Вефлинъ. Ц. № 1009

ВЫХОДИТЬ ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫМИ №№ ВЪ ДВА ЛИСТА СЪ 6—10 РИС. И ЕЖЕМЕСЯЧН. ДАРОВЫМЪ ПРИЛОЖЕНІЕМЪ „ПАРИЖСКИХЪ МОДЪ“ (отъ 20 до 40 модн. рис.)
 Выдастъ 22 Ноября 1880 г. и ЛИСТА ЧЕРТЕН. ВЫКРОЕНЪ (отъ 22 до 30 рис.) разн. рис. рукод. работъ (отъ 20 до 40 рис.) Цѣна этаго № „Нивы“ 15 к. съ перес. 20 в.

Открыта подписка на 1881 годъ.

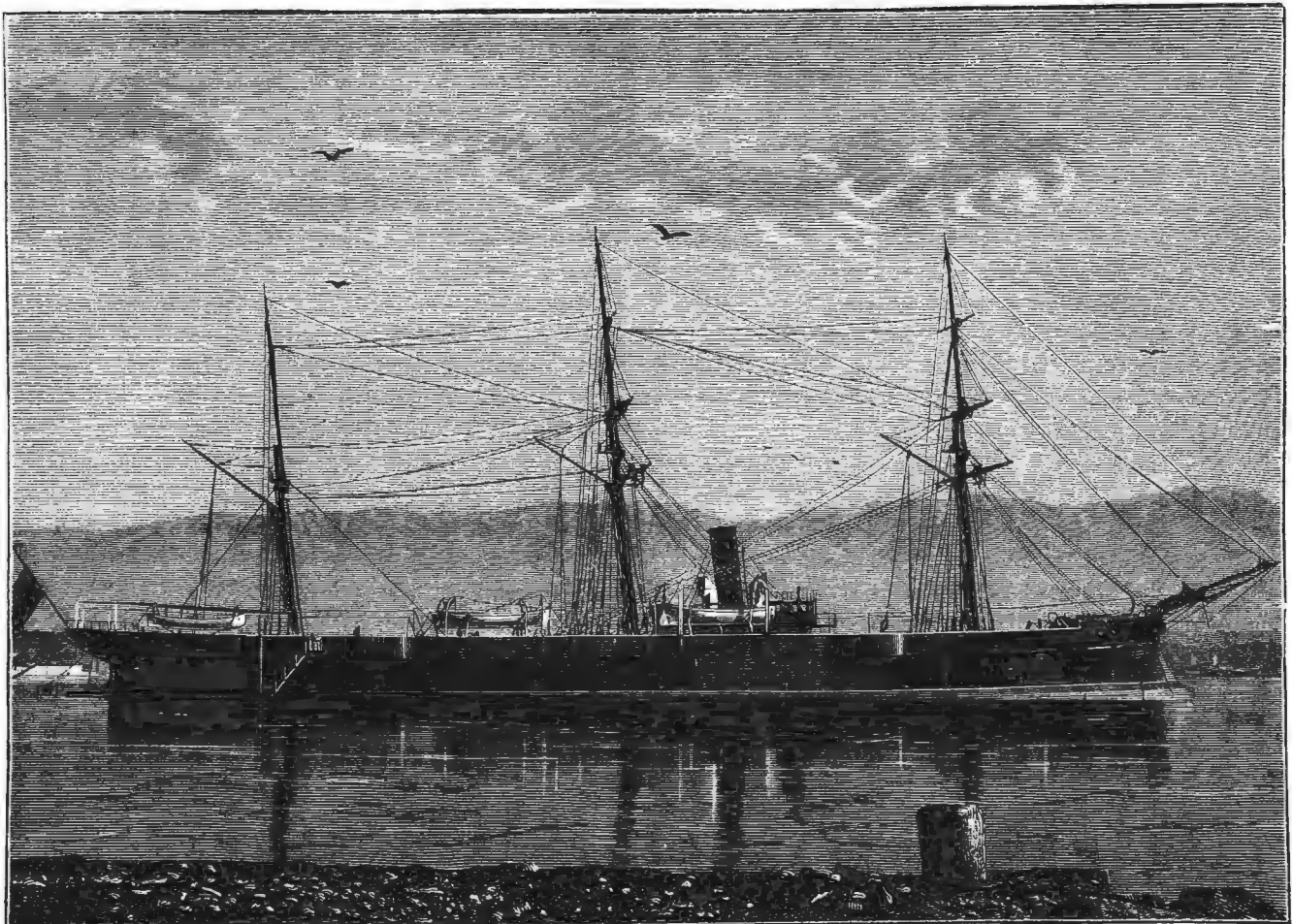
Подписная цѣна на годовое изданіе „НИВЫ“.

Безъ доставки въ Петербургъ . . .	4 р.	Съ доставкою въ Петербургъ . . .	5 р.	Безъ доставки въ Москвѣ чрезъ кн. магаз. гг. Шапошникова, Соловь- ева, Лангъ, Девяткина и Живарева.	5 р.	Съ пересылкою въ Москву и др. города Россіи . . .	6 р.	За гра- ницу . . .	8 р.
--------------------------------------	------	-------------------------------------	------	---	------	---	------	-----------------------	------

Просимъ гг. ИНОГОРОДНЫХЪ подписчиковъ НЕ ЗАМЕДЛИТЬ ВОЗВНОВЛЕНІЕМЪ подписки, такъ какъ, при
 общемъ числѣ 55,000 подписчиковъ, приготовленіе ПЕЧАТНЫХЪ АДРЕСОВЪ требуетъ МНОГО времени.

Подписка на 1880 г. продолжается. Подписавшійся получаетъ журналъ съ перваго номера со всѣми преміями.

КОНТОРА ЖУРНАЛА „НИВА“ ПОМѢЩАЕТСЯ ВЪ С.-П.-БУРГѢ, НА Б. МОРСКОЙ, ВЪ Д. № 9.

Русскій добровольный флотъ. Новый крейсеръ „Ярославъ“, на которомъ совершалъ плаваніе Наслѣдникъ Цесаревичъ. Съ фотогр. грав. М. Рашевскій.
 Библиотека „Руниверс“

КРЕЙСЕРЪ „ЯРОСЛАВЪ“.

Пятышней осенью Государь Паслѣдникъ Цесаревичъ со своею Августѣйшею семьею совершилъ продолжительное плаваніе на прекрасномъ крейсере добровольнаго флота „Ярославъ“ рисунокъ котораго здѣсь помѣщается. Этотъ крейсеръ при невысокой стоимости его постройки отличается замѣчательными достоинствами.

„Ярославъ“—лучшее и удачѣйшее приобрѣтеніе добровольнаго флота, обращаетъ на себя въ настоящую минуу общее вниманіе, а потому считаемъ не лишнимъ дать болѣе или менѣе подробное описаніе этого, образцоваго во всѣхъ отношеніяхъ, крейсера. „Ярославъ“ можно сказать, — послѣднее слово современной техники, науки и опыта; въ него вложили все, что только считалось полезнымъ и необходимымъ для современнаго крейсера. Онъ заслуживаетъ полнаго вниманія, какъ по своей конструкціи, такъ и по множеству детальнаго приспособленія, ставящихъ новый крейсеръ добровольнаго флота на ряду съ немногими.

Крейсеръ Ярославъ построенъ, по заказу комитета добровольнаго флота, на тулонской частной верфи общества „Fergies et Chantiers de la Mediterranée“, подъ непосредственнымъ наблюденіемъ командира крейсера, капитана 1 ранга С. С. Валликаго; благодаря энергіи, опытности и знаніямъ послѣдняго, добровольный флотъ имѣетъ въ своихъ рядахъ именно такое судно, какое желало имѣть и которое можетъ послужить прекраснымъ образцомъ для нашихъ военныхъ крейсеровъ.

Главныя размѣренія крейсера „Ярославъ“ слѣдующія: длина 295 футъ между перпендикулярами, ширина 41 футъ, углубленіе кормой 19 футъ слѣшкомъ, носомъ 16 футъ и водоизмѣщеніе 3050 тоннъ. Съ цѣлью уменьшить на сколько возможно вѣсъ крейсера, почти весь его корпусъ сдѣланъ изъ стали, за исключеніемъ желѣзной подводной части, которой приданы самыя современныя формы, чтобы уменьшить сопротивленіе воды. Выдающийся острый шпиромъ носъ крейсера смотритъ легко, красиво и грозно, грозно настолько, что турецкія власти въ Дарданеллахъ приняли Ярославъ за броненосецъ и едва не задержали его на неопредѣленное время, если бы командиръ „Ярославля“ не потребовалъ фирмана на проходъ проливомъ съ энергіею и рѣшительностью. Послѣ трехъ-суточной задержки въ Дарданеллахъ, крейсеръ получилъ фирманъ и благополучно пробрался мимо грозныхъ турецкихъ баттарей. Общій видъ „Ярославля“ изященъ и грандіозенъ; онъ выглядит такъ легко, что кажется, видишь передъ собой морскую яхту, предназначенную для увеселительныхъ поѣздокъ парственныхъ особъ, а не грозный крейсеръ, опасный даже для броненосцевъ среднихъ размѣровъ. „Ярославъ“ созданъ для сильной артиллеріи; несмотря на свое сравнительно небольшое водоизмѣщеніе, у него сдѣланы приспособленія для постановки значительныхъ орудій, благодаря которымъ, а также и своему быстрому ходу, онъ будетъ опаснымъ врагомъ каждаго непріятельскаго судна. На самой кормѣ надъ головой руля, сдѣлано приспособленіе для помѣщенія мортиръ и восьми-дюймаго орудія. Дѣйствіе мортиръ испыталъ на себѣ въ прошлую

войну турецкій броненосецъ Фетхи-Булендъ, во время боя съ славной Вестой, а потому нельзя не признать, что „Ярославъ“ дѣлается почти неуязвимымъ для самаго лучшаго преслѣдующаго броненосца, котораго онъ всегда можетъ держать, благодаря быстротѣ своего хода, въ извѣстномъ разстояніи и поражать его навѣсными выстрѣлами девяти-дюймовыхъ мортиръ; при этомъ самъ онъ будетъ представлять для непріятеля слишкомъ малую цѣль, чтобы могъ серьезно опасаться прицѣльныхъ выстрѣловъ.

Кромѣ орудія и двухъ мортиръ, на крейсере сдѣланы приспособленія для постановки еще трехъ девяти-фунтовыхъ орудій и четырехъ скорострѣльныхъ пушекъ. Машина „Ярославля“ смѣшанной системы, горизонтальная, отъ 2500 до 3000 индикаторныхъ силъ. Машина приводитъ въ движеніе двѣ сильныя трюмныя помпы, и кромѣ того, имѣется особая паровая помпа для выкачивания воды изъ трюма. Паръ, необходимый для дѣйствія коловратныхъ помпъ и особой паровой помпы для выкачивания воды изъ трюма, доставляется или главными котлами или же особымъ всъмогательнымъ котломъ, поставленнымъ на верхней палубѣ съ тою цѣлью, чтобы онъ могъ дѣйствовать и въ томъ случаѣ, если трюмъ будетъ затопленъ.

Скорость крейсера достигала замѣчательной цифры: 16½ миль въ часъ. И еще проба производилась въ высшей степени строго, на значительномъ разстояніи и въ продолженіи нѣсколькихъ часовъ. Заводская проба совершенно отличается отъ нашихъ казенныхъ пробъ, дѣлаемыхъ обыкновенно на протяженіи одной мѣрной мили и въ теченіи немногихъ минутъ.

Паръ на крейсере „Ярославъ“ играетъ выдающуюся роль; работой пара пользуются на столько широко, на сколько это возможно; паръ приводитъ въ движеніе двѣ лебедки, при помощи которыхъ спускаются на воду и поднимаются на мѣсто всѣ шлюбки, а также паровые г тера; паромъ же выхаживаются и укладываются на мѣсто якоря; паромъ же пользуются, какъ прекраснымъ отопленіемъ, а также для нагрѣванія воды въ ваннахъ, матросской банѣ, буфетахъ и кухняхъ. Благодаря всесильному пару, управлять крейсеромъ можетъ хоть десятилѣтній мальчишъ; въ рукахъ ребенка онъ будетъ, какъ хорошо выѣзженная лошадь. Несмотря на быстрый ходъ крейсера, достаточно легкаго движенія, чтобы дать ему то или другое направленіе и совершить полный поворотъ. Для управленія крейсеромъ нѣтъ надобности въ физической силѣ; дѣло рулевого повернуть въ ту или другую сторону небольшое, легко движущееся, колесо, и уже паръ кладетъ руль при помощи особой штурвальной машины, по желанію направо или налѣво. Все это совершается незамѣтно, легко и быстро.

Крейсеръ имѣетъ еще и электрискіе звонки и водопроводы, словомъ все, что только можетъ имѣть самый удобный, прекрасный домъ. Помѣщеніе, какъ офицеровъ, такъ и нижнихъ чиновъ, въ высшей степени удобно и прекрасно убрано. Особенное вниманіе обращаетъ на себя помѣщеніе командира, гдѣ не знаешь, чему отдать предпочтеніе: вкусу или изяществу отдѣлки. Все въ мѣру и строго обдуманно.

Король Духова Дня.

(Изъ народной жизни въ Венгріи въ 20-хъ годахъ).

Разсказъ Мавра Іоаня.

(Окончаніе).

II.

Верстахъ въ четырехъ отъ города начинается болото, которое тянется на Кладану, до самаго Форда. По одну сторону шумятъ богатая хлѣбныя поля, а по другую темнозеленая гряда тростника указываетъ линію берега и только узкая плотина отдѣляетъ луга и поля отъ болота.

Пастухи показали молодцамъ въ тростникахъ мѣсто, гдѣ всегда скрывался одичавшій быкъ. По ночамъ онъ страшно ревелъ и стихалъ только къ утру. Быкъ проложилъ себѣ двѣ тропы въ тростниковой чащѣ. Мартинъ и его соперникъ разъединились и каждый выбралъ себѣ одну изъ двухъ тропинокъ. Зрители вѣхали на плотину—съ нея можно было хорошо видѣть всю эту страшную охоту.

Мартинъ, едва сдѣлалъ съ сотню шаговъ, какъ ужъ и услышалъ ревъ быка. Развѣнчанный король приостановился на секунду. Не позвать ли лучше сюда, къ себѣ, этого, своего соперника? Только нѣтъ, не захотѣлъ и порѣшилъ совладать съ быкомъ одинъ на одинъ; онъ обернулъ вокругъ руки венгерскій бичъ, оканчивавшійся проволоочной петлей и поѣхалъ въ тростникъ, откуда

раздавался грозный ревъ. Тамъ, въ чащѣ тростника, лежалъ мощный быкъ, почти по колѣни увязнувъ въ болотѣ. Почувявъ что кто-то приближается, слышавъ шорохъ, онъ поднялъ голову. Одинъ рогъ у него былъ нѣсколько погнуть, вѣроятно въ какой нибудь недавней схваткѣ, другой же держался прямо, словно штыкъ ружейный. На черномъ лбу путался большой кучей репейникъ, на переносицѣ сочилась кровью свѣжая рана. Какъ только быкъ увидѣлъ, что подѣзжаетъ человѣкъ, онъ вдругъ поднялся на переднія ноги и издалъ громкій, злобный, дикій ревъ. Мартинъ, чтобы вызвать его на равнину, гдѣ легче было бы съ нимъ справиться, началъ сильно щелкать своимъ длиннымъ бичемъ, чтобы раздражить быка. И вправду, звѣрь тутъ же съ бѣшенствомъ бросился на всадника. Но тотъ быстро повернулъ коня и поспекалъ по направленію къ долинь. Выбѣжавъ на поле, быкъ, однако, сначала остановился, озираясь по сторонамъ, увидѣлъ вдали толпу зрителей, замычалъ и неожиданно улегся на берегу болота. Мартинъ подскакалъ къ нему и крѣпко щелкнулъ бичемъ. Быкъ снова проревѣлъ, но не тронулся съ мѣста, а затѣмъ уткнулъ

ность въ траву и уже тутъ—сколько Мартинъ ни щелкалъ бичемъ—не двигался съ мѣста и даже не мычалъ, а только помахивалъ хвостомъ.

Теперь уже самъ Мартинъ разсердился на его такое упорное равнодушіе. Приблизившись къ нему, онъ ударилъ его бичемъ. Наконечный крючекъ вырвалъ кровавый клочекъ мяса. Быкъ все таки остался неподвиженъ. Новымъ ударомъ Мартинъ разорвалъ ему кожу на шеѣ, но быкъ совсѣмъ уже зарылся головою въ траву, такъ что аркана набросить на него было невозможно. Вышелъ изъ себя Мартинъ и сталъ наносить ему ударъ за ударомъ и все безъ всякаго дѣйствія. Нѣкоторые изъ присутствующихъ, подзадоренные упрямствомъ животнаго, присоединились къ охотнику, стараясь поднять его крикомъ и шумомъ. Наконецъ одинъ изъ ударовъ бича задѣлъ глазъ звѣря. Въ одну секунду онъ уже былъ на ногахъ, быстрѣе молніи кинулся на Мартина и, прежде чѣмъ тотъ успѣлъ увернуться, страшнымъ толчкомъ бросилъ и всадника и лошадь на землю и принялся бѣшено топтать подъ собой. Остальные, въ ужасѣ, рассыпались по полю. Поверженный конь заметался было, стараясь подняться. Напрасно! Острый рогъ бѣшенаго звѣря взрѣзалъ брюхо благороднаго животнаго и конь никогда уже не будетъ болѣе гордо и побѣдоносно мчаться на скачкахъ... Окровавленный, онъ безсилно падаетъ на всадника, одна нога котораго застряла въ стремени.

Разъяренный быкъ стоитъ теперь около своихъ жертвъ, оглашая воздухъ ужасающимъ ревомъ и взрывая ногами землю. Изъ выбитаго глаза идетъ кровь, окрашивая багровою струею темную шерсть груди. Онъ не преслѣдовалъ другихъ, по временамъ только быстро поворачиваясь во всѣ стороны и какими-то козлиными прыжками, съ наклоненной головою, снова бросаясь на распростертаго Мартина и его лошадь и бѣшено борозди возлѣ нихъ черную землю съ травой и корнями.

— Помоги Боже бѣдному парню! говорили въ толпѣ.

Мартину удалось, наконецъ, послѣ сграшныхъ усилій, высвободиться изъ-подъ лошади. Но только что быкъ увидѣлъ врага своего снова стоящимъ противъ него, какъ тотчасъ же бросился на него. Въ толпѣ раздался неудержимый крикъ ужаса. Многие закрыли, въ страхѣ, руками лица. Теперь ужъ ему кажутъ..

Но звѣрь остановился и закинулъ голову назадъ. Шею его уже обвилъ арканъ, заброшенный незнакомцемъ, который за минуту только передъ тѣмъ выскочилъ изъ тростника. Услыхавъ крики, онъ послѣдовалъ оттуда на поле и послѣлъ какъ разъ во время. Опоздай онъ на секунду—его соперникъ былъ бы растерзанъ на мѣстѣ.

Звѣрь, почувствовавъ арканъ, повернулся къ новому врагу своему. Молодой человекъ, однако, уже успѣлъ повернуться въ свою очередь и перекинувъ арканъ черезъ плечо, помчался во всю прыть по равнинѣ.

Ну и что же это была за скачка! Тяжелому, неповоротливому звѣрю пришлось гоняться за быстрѣйшимъ въ краѣ конемъ! Неизвѣстный юноша пригналъ его прямо къ скаковому кругу и тутъ, улучивъ минуту, ловкимъ поворотомъ бросился въ сторону. Быкъ промчался мимо него, продолжая бѣжать впередъ и не замѣчая, что всадникъ очутился уже позади его.

Подгоняемый хлыстомъ, обезумѣвши отъ шума, криковъ и говора толпы, лошадинаго топота, щелканья бичей, гиканья, быкъ несся весь въ крови и въ пѣнѣ, пока, наконецъ, не хлопнулся грузной и безжизненной массой на землю. Онъ былъ мертвъ. Громкими, восторженными криками провожала толпа новаго „короля Духова дня“ по улицамъ; онъ долженъ былъ остановиться поочередно у дома cadaго изъ совѣтниковъ ратуши и у судьи и выпить вездѣ стаканъ вина на здоровье. Ему надо было доказать, что онъ, какъ король Духова дня, не только лучший наѣздникъ, но и выпить молодецъ, не хуже всякаго другаго; тѣмъ болѣе, что пить приходилось еще и въ замкѣ барона Карпати.

На этотъ разъ, однако, въ замкѣ не было обычнаго пированья. Такіе пиры давались, обыкновенно, въ Ивановъ день, въ именины магнатовъ и на нихъ стѣзжалось все окрестное дворянство. Цыгане (тутъ стогнали всѣхъ, кого только можно было найти по близости) распѣвали свои пѣсни, странствующие фокусники раскидывали коврики и временные балаганы, доморощенныя пѣсты декламировали высокопарныя диѳирамбы магнатамъ, знаменитый мѣстный ораторъ провозглашалъ цвѣтистыя тосты, а темное небо ярко горѣло заревомъ фейерверка, при свѣтѣ котораго смуглые музыканты отхватывали лихую плясовую, господа-же весело смѣшивались съ пестрой, гудящей толпой крестьянъ. Нѣтъ, сегодня дѣло ограничилось праздникомъ „большого кубка“. „Оригиналы и чудачи“ разѣлись вокругъ большаго круглаго стола, на которомъ недонускалось никакой легко ломающейся или бьющейся посуды, всѣ стулья—безъ ручекъ, безъ ножекъ, въ родѣ скамей, такъ что не за что было ухватиться, чтобы пустить въ голову собутыльнику. Затѣмъ начинается торжество. Первому изъ гостей даютъ въ руки кубокъ безъ ножки; сзади стоящій гайдукъ наливаетъ его до краевъ, а такъ какъ поставить кубокъ нельзя, то надо выпить все и передать сосѣду. Кубокъ совершаетъ свой кругъ, наступаемый веселымъ припѣвомъ.

Подъ конецъ такой дружеской бесѣды бывало конечно, что поочередно, то одинъ, то другой изъ гостей свалится. Гайдуки тотчасъ-же почтительно и бережно подбирали его и укладывали у стѣны на тростниковой циновкѣ. Тамъ онъ спалъ до слѣдующаго утра а остальные, тѣмъ временемъ, продолжали пить. Такъ шло до тѣхъ поръ, пока вдоль стѣнъ лежали всѣ, за столомъ-же оставался всего одинъ, и всего чаще оставался такимъ героемъ кубка—Кутифальви.

Различное вино разное настраиваетъ, поэтому и бесѣды кончались неодинаково. Если въ большомъ кубкѣ бывало болѣе чашкое вино, то общество, обыкновенно, дѣлалось такое шумливое, говорливое, анекдотцы легкаго содержанія сыпались одинъ за другимъ, какъ горохъ, возбуждая громкій, веселый смѣхъ. Кто уже свалился, тотъ спокойно спалъ, съ громкимъ храпомъ, а послѣдній уцѣлѣвшій отправляется, поддерживаемый гайдуками и идетъ—все съ гайдуками братски обнимается и цѣлуется.

А если подано красное Билинское вино—ну, тогда другое дѣло: уже послѣ десятаго круга всѣ другъ въ друга вцѣпляются! Каждый становится задирой, каждый храбрится, хочетъ неребить всѣхъ турокъ и сосѣда именпо и принимаетъ за турка. Въ тоже время лежащіе уже на полу, кричатъ благимъ матомъ, охаютъ и стонуть. Послѣдній же, герой что перепьетъ всѣхъ, такъ какъ уже нѣтъ у него и противниковъ, лѣзетъ съ кулаками на гайдуковъ; кончается дѣло тѣмъ, что его свяжутъ, да такъ связаннаго и кладутъ спать.

Разъ попробовали иностраннаго вина и все общество вдругъ вообразило себя на кораблѣ, который качало во время бури; чтобы облегчить судно, оказалось нужнымъ выбросить за бортъ балластъ. И вотъ, въ окна полетѣли столы и стулья; свалившіеся уже съ ногъ стонали отъ морской болѣзни. Кутифальви рѣшилъ, было, побросать кстатѣ и ихъ всѣхъ за бортъ.

Въ промежуткахъ шла и картежная игра. Начиналась она съ одного цванцигера, доходила, менѣе чѣмъ въ какойнибудь часъ, до тысячъ и оканчивалась тогда, когда друзья лежали подъ столомъ, съ головами, полными винныхъ паровъ, но за то съ пустыми карманами.

Какъ видите, бесѣды не представляли большаго разнообразія.

Когда присяжные посредники ввели новаго „короля Духова дня“ къ барону Карпати, этотъ магпатъ велѣлъ всѣмъ убираться вонъ изъ комнаты. Онъ желалъ остаться наединѣ съ этимъ парнемъ.

Старый набобъ сидѣлъ въ креслѣ, опустивъ ноги въ бадью съ водой и жуя пару горькихъ миндалинокъ. Это были приготовленія къ вечерней попойкѣ.

— Какъ тебя зовутъ? спросилъ онъ „короля“.

— Михалъ Кишъ, милостивый господинъ.

— Молодецъ-же ты, Мишка, молодецъ! Нравишься ты мяѣ. Значитъ, теперь, на цѣлый годъ ты будешь „королемъ Духовадня“. Ну, что-жъ ты собираешься продѣлать за этотъ годъ?

— Этого я не знаю, знаю только, что теперь сталъ я много поважнѣе, чѣмъ былъ. Вотъ что!

— Ну, хорошо, Мишка, а что-же ты скажешь, если я сдѣлаю тебя еще много важнѣе, чѣмъ ты себѣ думаешь: посажу тебя здѣсь рядомъ съ гос-

С. С. Лесовскій. Начальникъ русской эскадры въ Тихомъ океанѣ.
Рис. Лебедевъ, грав. Барановскій.

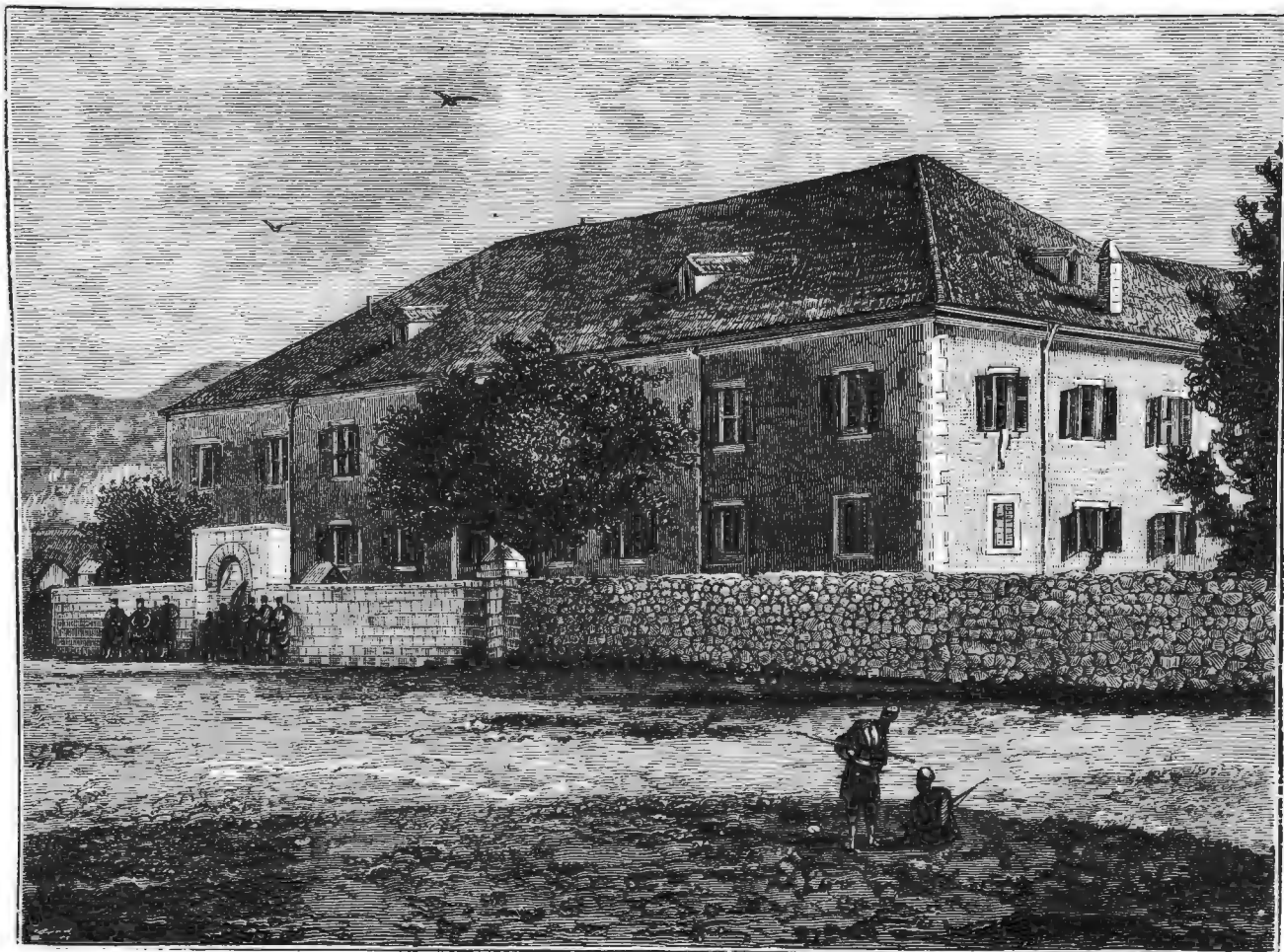
подами, дамъ тебѣ денегъ, сколько хочешь, чтобы могъ ты пить съ ними и играть, какъ подобаетъ благородному господину Кишу, владѣльцу Надудвара.

— Да я бы не зналъ видите какъ и обращаться по господски, чтобы меня считали за барина. Увидятъ это я.

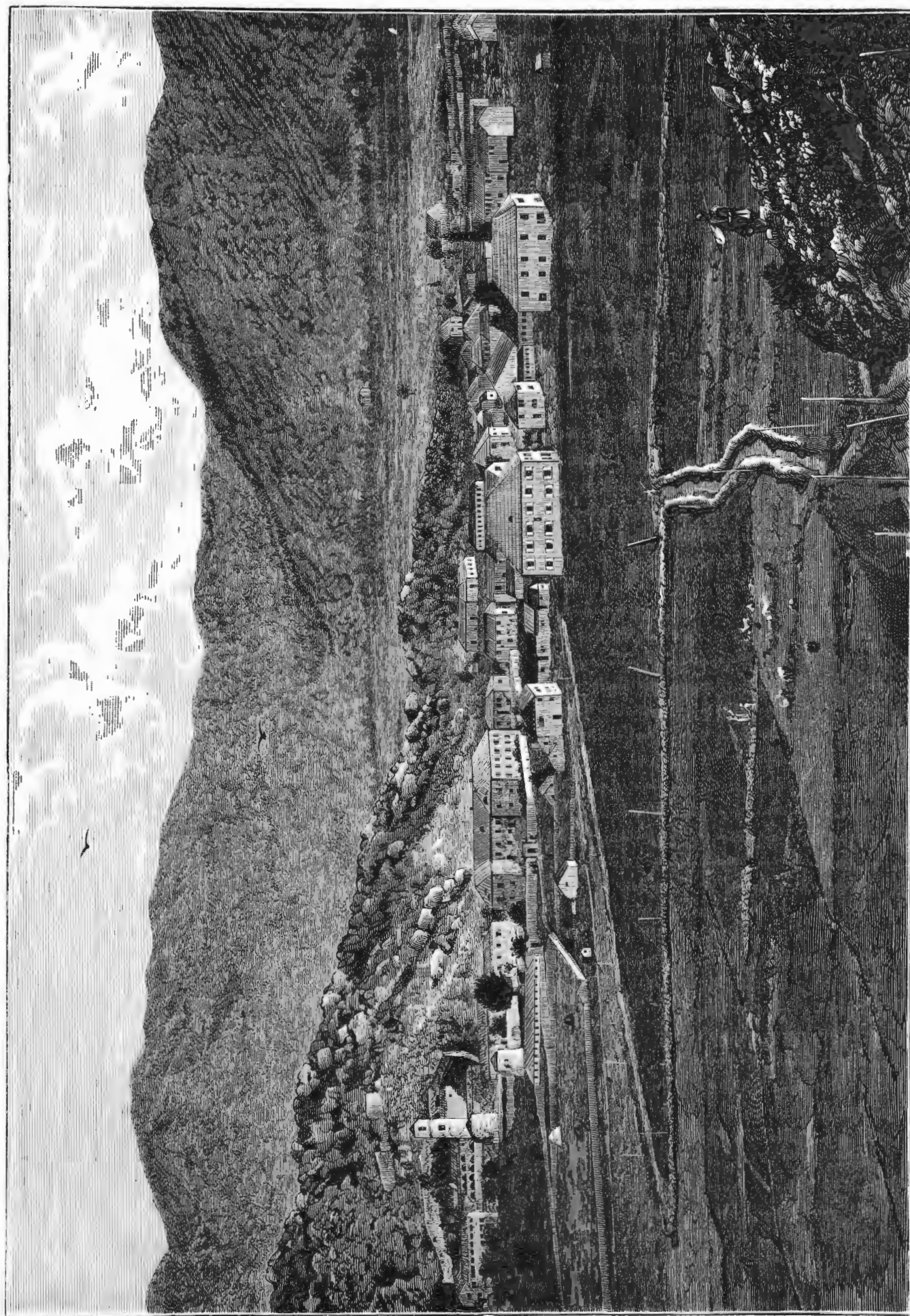
— А ничего! сойдешь за большаго барина. Ужъ я тебя выручу. Они вѣдь всѣ будутъ пьяные.

— Э, коли такъ, то по мнѣ пожалуй!

— Ты будешь вездѣ сопровождать меня, пей, играй въ карты, дерись на дуэляхъ, ухаживай за барышнями, а какъ пройдетъ годъ твоего королевствованія, ты снимешь господское платье и поступишь ко мнѣ главнымъ гайдукомъ, надѣнешъ красный ментикъ и будешь прислуживать господамъ, съ которыми пилъ и

Черногорія. Дворецъ князя Николая въ Цетинѣ. Съ фотогр. грав. М. Рашевскій.

Монастирь. Колоколыня. Министерства. Дворецъ. Бѣлиа. Тюрьма. Гостиница. Дорога на границу. Лѣнскій наслѣгугъ.
Черногорія. Общій видъ города Цетинье. Съ фототр. грав. М. Рапшевскій.

игралъ, и станешь откидывать подножку у коляски для дѣвца, за которыми ухаживалъ и съ которыми танцевалъ. Выйдетъ это отличная шутка, не знаю только, какъ ты вотъ, согласенъ ли со мной. Подумай только, какъ станутъ ругаться наши и какъ будутъ краснѣть дамы, когда узнаютъ, съ кѣмъ это дружбу водили.

Молодой человекъ съ минуту помолчалъ, подумалъ, затѣмъ, кивнувъ головой, сказалъ:

— Ладно! Согласенъ.

Господинъ Карпати посмотрѣлъ на часы.

— Теперь безъ четверти четыре. Помни же, ровно черезъ годъ, въ этотъ самый день, безъ четверти четыре, ты перестанешь быть баринкомъ. До тѣхъ поръ, ты такой же господинъ какъ и всѣ другіе. Каждый мѣсяцъ ты получаешь отъ меня по тысячѣ гульденовъ на кутежи. Ступай теперь. Мои гайдуки одѣнутъ тебя и какъ только будешь готовъ, приходи въ столовую. Съ прислугой не будь за панибрата, не то догадаются, что ты мужиченко, не болѣе; а господъ называй по именамъ, какъ мальчиковъ—Мишкой, Банди, Лазіемъ, Ленца; меня зовутъ Янчи или Янсомъ.

Прошло не больше получаса, какъ Мишка уже былъ разодѣтъ совсѣмъ дворяниномъ. Въ столовой уже попойка шла шибко, безъ него, такъ какъ въ попойку хотя всякаго радушно принимали, но ни кого никогда не ждали и добраго дѣла въ долгій ящикъ не откладывали.

Хозяинъ представилъ своимъ гостямъ господина Михала, дворянина Киша, владѣльца Надудвара, которій, тоже какъ „оригиналъ и чудакъ“, переодѣлся пастухомъ и явился скакать для полученія званія „короля Духова дня“, причемъ, какъ всѣ видѣли, выказалъ столько ловкости и смѣлости.

Все общество нашло, что эта шутка весьма оригинальна. Вѣдь уже по глазамъ его сразу можно было видѣть, что онъ не мужикъ, а баринъ. Каждое его движеніе: какъ онъ садится за столъ, какъ кладетъ локоть на столъ и ловко бросаетъ шляпу, всѣ манеры его указываютъ на то, что онъ выросъ въ лучшемъ кругу. Словомъ, всѣ полупьяные признали въ немъ настоящаго магната. Нашлись и такіе, которые, по словамъ ихъ, уже встрѣчались съ нимъ гдѣ-то на пирушкахъ и вечерахъ и прежде. Мишка, конечно и съ своей стороны тоже вспомнилъ это, и нѣсколько минутъ спустя, онъ уже пилъ со всѣми совершенно по товарищески.

Не мало дивился юноша про себя, какъ легко дали ему барскія манеры.

Тѣмъ временемъ „вѣчный кубокъ“ началъ свой обходъ. Мишка пропѣлъ новую застольную пѣсню. Общество, которому пѣсня очень понравилась, дружно подхватило ее.

Фритъ Колотай, сильно растроганный, бросился обнимать новаго товарища.

— Смотри, ты только не задуши меня, пока обнимаешь. Слово, намекавшее на неловкость Колотай, было встрѣчено общимъ веселымъ хохотомъ. Не больше какъ черезъ часъ времени, Мишка былъ уже героемъ вечера: никто не могъ переспорить его въ выпивкѣ, — онъ въ свою очередь опоражнивалъ кубокъ до дна. Принались за игру. Счастье и тутъ благопріятствовало Мишкѣ—онъ набилъ полные карманы золотомъ, играя и выигрывая съ удивляющимъ всѣхъ спокойствіемъ и хладнокровіемъ. Деньги вѣдь были не его и такъ странно и легко достались!

У большинства головы уже отяжелѣли отъ вина, каждый дошелъ уже до той границы, когда винные пары пока еще поддерживаютъ въ человекѣ хорошее настроеніе, но за которой уже начинается слишкомъ сильное дѣйствіе хмѣля. Въ такомъ состояніи Банди Кутифальви продѣлалъ свою обычную, на попойкахъ, штуку: вытянувъ шею, выпилъ безъ передышки и не глотая, полный кубокъ вина. До сихъ поръ никто, кромѣ Кутифальви, не могъ выкинуть этой штуки.

— Экіе пустяки! воскликнулъ Мишка Кишъ и легко повторилъ тоже самое. А вотъ, попробуй-ка кто нибудь выпить да въ тоже самое время пѣсню пѣть, только такъ, чтобы безъ перерыву. И, къ общему изумленію, онъ выполнилъ и это и протянулъ кубокъ, предлагая желающему сдѣлать тоже.

Опытъ, однако, не удался никому.

Мишка повторилъ снова свой фокусъ, чтобы показать какъ надо дѣлать.

— Давай сюда кубокъ! крикнулъ раззадоренный Банди Кутифальви,—я сдѣлаю!

И дѣйствительно, сначала шло хорошо, но — вдругъ одна предательская капля попала „не въ то горло“ и пошелъ Банди кашлять, плевать и плакать...

Всѣ, кто сидѣлъ за столомъ, вскочили съ своихъ мѣстъ, покатываясь со смѣху вокругъ Банди. Раззадорило это его еще пуще, конечно. Погрозилъ онъ сначала кулакомъ Мишкѣ, крикнувъ ему: „Эй, укукошу тебя!“, а потомъ быстро поднялся и заворотивъ рукава на своихъ жилистыхъ рукахъ, громко закричалъ: „перекочу всѣхъ васъ тутъ, всѣхъ“!

Всѣ бросились къ дверямъ. Эта его привычка была уже извѣстна и не слѣдовало попадаться ему на глаза въ такія минуты. Гайдуки успѣли вынести изъ комнаты и барона Карпати. Кто былъ послабѣе на ногахъ—спрятался подъ столомъ.

Одинъ только Мишка Кишъ не тронулся съ мѣста.

Кутифальви обладалъ медвѣжьей силой; онъ брался зубами за большой мѣшокъ хлѣба и перебрасывалъ его черезъ голову; перекусывалъ пополамъ серебряный талеръ, справлялся одинъ съ любимымъ дикимъ конемъ. Все это доставило ему большую славу.

— Вѣда, бѣда пришла Мишкѣ, шептали про себя прятавшіеся по угламъ товарищи, видя, что Кишъ остался одинъ противъ гиганта, пришедшаго въ полное неистовство отъ выпитаго вина.

Кутифальви, подбросивъ нѣсколько стульевъ, одинъ за другимъ, кинулся на противника, съ намѣреніемъ схватить его и смять такъ, чтобы затрещало.

Но, превратившись въ барона пастухъ, не потерялся. Ему такія штуки были не въ диковину. Ловко скользнувъ между рукъ силача, онъ схватилъ его за галстукъ и быстро закрутилъ его такъ, что медвѣдь захрипѣлъ, затѣмъ сдѣлавъ ему, что называется „подножку“, подтолкнулъ въ ту же минуту подъ колѣно. Притаившіеся въ разныхъ засадахъ, гости Карпати услышали внезапно оглушительный шумъ и трескъ и, взглянувъ изъ своихъ угловъ, увидѣли, что великанъ лежитъ уже, растянувшись на полу, нисколько не сопротивляясь и не защищаясь отъ ударовъ, которые ему наносилъ придавивпій его колѣномъ Мишка.

Такъ какъ, въ свое время, Кутифальви познакомилъ почти cadaго изъ гостей въ пьяномъ видѣ со своими сильными объятіями, то теперь всѣ торжествовали: „Мишка отомстилъ, отомстилъ за всѣхъ насъ съ лихвой!“ И какъ только Кишъ оставилъ, наконецъ, свою жертву, которую тотчасъ-же вынесли гайдуки, — героя восторженно подхватили на руки, начали качать и до самаго утра пили за его здоровье.

Между тѣмъ, Кутифальви, бережно уложенный слугами въ постель и крепко проспавпій до другаго дня, видѣлъ во снѣ, что будто сорвался съ высокой горы и полетѣлъ въ пропасть, переломавъ себѣ по дорогѣ всѣ кости. Когда-же проснулся, то ему чудилось, такъ какъ бока очень болѣли, что сонъ его все еще продолжается...

Съ этого дня Мишка Кишъ сталъ любимцемъ стараго барона Карпати и всѣхъ окрестныхъ дворянъ, сдѣлался душой мужскихъ сборищъ. Для объясненія послѣдняго обстоятельства я долженъ замѣтить, что тогда въ Нижней Венгріи, особенно-же въ Банатѣ, образовалось нѣчто въ родѣ мужскаго сепаратистскаго направле-

нія, выражавшагося не только въ томъ, что оно не допускало женщину ни къ какой сферѣ общественной дѣятельности, но и исключало ее, даже, изъ своихъ собраний. Тамъ-же, гдѣ присутствовали женщины, мужчины—сторонники этого направленія—не могли вступать въ разговоръ съ ними, или старались какъ-нибудь выжить ихъ изъ залы. Само собою понятно, что главы такихъ мужскихъ общинъ сами были настолько мало благовоспитаны, что довольствовались лишь обществомъ развѣ простыхъ крестьянокъ. Эти общины болѣе всего содѣйствовали развитію грубости нравовъ, которою отличался въ Банатѣ. Будь я поэтъ, я назвалъ-бы такія сборища лѣсомъ безъ цвѣтовъ.

Однако, рейхстагъ 1821 года повелъ къ тому, что эти крѣпко сплоченные союзы отчасти распались, потому что члены ихъ, опредѣлившись на различныя государственныя должности, поневолѣ должны были разстаться съ товарищами, и хотя нѣкоторые изъ наиболее закоренѣлыхъ собирались въ Пресбургѣ, но самый духъ собраний и цѣли уже перемѣнились. Одицавшимъ гулякамъ пришлось поневолѣ заниматься политикой. На собраніяхъ, посвящавшихся теперь уже не истребленію вина, стало нерѣдко звучать слово „отечество“ и кровь закипала въ могучихъ сердцахъ уже отъ другихъ, болѣе высокихъ чувствъ...

Карпати, потомокъ одной изъ знатнѣйшихъ фамилій Венгріи, былъ также приглашенъ засѣдать въ рейхстагѣ. Барону пришлось (и трудно и тяжело это сначала было ему) разстаться съ своими шутами, собаками, гайдуками и лакеями. Только не могъ разстаться онъ съ Мишкой Кишемъ, котораго и взялъ съ собой въ Пресбургѣ. Очень можетъ быть, что онъ сдѣлалъ это также только ради шутки, чтобы тамъ еще больше съ своими псевдо-дворяниномъ позабавиться надъ товарищами магнатами. И въ самомъ дѣлѣ, вѣдь пожалуй какая-нибудь графиня влюбится еще въ малаго, и тогда-то, тогда-то, какая-бы славная шутка вышла, кабы онъ жениха вдругъ представилъ невѣстѣ въ красной ливреѣ, какъ своего гайдука, который долженъ будетъ вспрыгнуть на козла, когда его баринъ сядетъ въ коляску.

Благодаря поддержкѣ Карпати, а также и своей молодцоватой, красивой наружности, Мишка Кишъ былъ прекрасно принятъ въ высшемъ Пресбургскомъ обществѣ.

Элегантная среда имѣетъ свой собственный языкъ, передѣлывающій по своему нѣкоторые понятія. Живость, оригинальность очень нравились; бѣшеный нравъ—назывался здѣсь мужествомъ, энергіей; безумная гордость, высокомеріе считались проявленіемъ чувствъ собственного достоинства. Все это дало возможность талантливому красавцу Мишкѣ, очень уже приглядѣвшемуся и примѣнившемуся къ обществу, заслужить отъ всѣхъ самые лестные отзывы. Онъ остался тѣмъ-же, чѣмъ былъ у Карпати, только теперь на немъ былъ болѣе роскошный, болѣе распитый костюмъ. Всѣ любовались его смѣлой осанкой, стройнымъ станомъ, красивымъ, оживленнымъ лицомъ, блестящими глазами, черными усиками, словомъ, всѣмъ тѣмъ, что стоитъ выше всякихъ ученостей. А когда садился онъ на коня, то, если даже въ то время не говорилъ ни слова, все-таки стоилъ цѣлой тысячи ученыхъ, которые во всю жизнь только и способны что насидѣть себѣ за письменнымъ столомъ горбъ на спинѣ; если Мишка и предпочиталъ, краснорѣчиво и оживленно улыбаясь, молчать во время разговоровъ о государственныхъ вопросахъ, за то умѣлъ вставить свое слово о такомъ предметѣ, о которомъ ужъ приходилось молчать всѣмъ этимъ „отцамъ отечества“—именно о женщинахъ. Довольно много таки уже ходило слуховъ о его разныхъ приключеніяхъ то съ той, то съ другой представительницей извѣстныхъ фамилій, отличившихъ своимъ вниманіемъ красиваго юношу, о помѣстяхъ и владѣніяхъ котораго, однако, никто не могъ

сказать ничего опредѣлительнаго. По всему видно было только, что денегъ у него вдоволь.

А старый баронъ Карпати посмѣивался себѣ втихомолку. Духовъ день уже приближался и Мишка былъ на „ты“ съ болѣею частью молодыхъ дворянъ. Отъ времени до времени уже слышно было какъ маменьки начинали стороною справляться о положеніи дѣлъ красавца Киша и не безъ удовольствія помогали его ухаживаніямъ за ихъ дочками.

Старому Карпати казалось это ужасно смѣшно и весело. Часто случалось, что онъ вдругъ, неожиданно, засмѣется въ самомъ серьезномъ собраніи, представляя себѣ, какъ этотъ блестящій кавалеръ сядетъ вдругъ на козлы предъ глазами изумленнаго общества.

Иногда, даже по ночамъ, онъ поднимался и сидя въ своей постели смѣялся отъ души. Расхохотался онъ разъ въ полномъ засѣданіи рейхстага, когда увидаль, какъ цѣлый цвѣтникъ дамъ на хорахъ, въ мѣстахъ для публики, лорнировалъ его гайдука Мишку, стоявшаго въ кружкѣ золотой молодежи. На барона даже по парламентскимъ уставамъ наложили штрафъ за этотъ неприличный смѣхъ; ему пришлось заплатить еще и другой, двойной штрафъ, потому что онъ не могъ перестать хохотать. Никакъ не могъ удержаться отъ хохота!...

Однако все это кончилось вовсе не такъ, какъ предполагалъ баронъ Карпати.

Снова насталъ красный денекъ, снова пришелъ веселый праздникъ Духова дня.

Баронъ Карпати устроилъ великолѣпное пиршество на острову противъ Пресбурга, по ту сторону Дуная и пригласилъ туда всѣхъ, водившихъ дружбу съ его Мишкой, всѣхъ знатныхъ пріятелей и знакомыхъ своего гайдука.

Вотъ то штука выйдетъ, когда онъ этаго ихняго героя, льва общества, да представить имъ какъ своего лакея! Эту штуку старый Карпати не отдалъ бы, не промѣнялъ бы на доброе имѣніе!

И вотъ часы пробилъ три четверти четвертаго пополуночи, въ этотъ Духовъ день. Условлено было такъ, что короля Духова дня не впускать прямо къ барону, а заставлять подождать въ передней и что онъ войдетъ только, когда позвонятъ.

— Это что еще за новая мода, что человекъ нашего общества заставляють ждать цѣлыхъ десять минутъ въ передней? Воскликнулъ Мишка, входя въ кабинетъ къ барону и бросаясь въ кресло.

Старый набобъ держалъ въ рукахъ великолѣпную, длинную трубку, которую только что принялся набивать табакомъ.

— Слушай, Мишка, лукавымъ тономъ произнесъ старый шутникъ, встань-ка, да закури мнѣ трубку-то!

— Огонь около васъ, чего мнѣ вставать.

Темные глаза барона Карпати сверкнули гнѣвомъ. Мальчишка видно позабылъ и самъ, какой день сегодня. Ну, такъ это еще интереснѣе будетъ, значить не только другимъ, а и самому ему придется удивиться.

— Ну, братецъ, извѣстно ли тебѣ, что сегодня Духовъ день?

— Извѣстно, но интересно это только попамъ да тѣмъ, кто пишетъ календари, а мнѣ то что до этаго?

— Постой, постой-ка, ты подумай только о томъ, что какъ пробило три четверти четвертаго, такъ вѣдь и конецъ твоему королевствованію.

— Такъ что же изъ того? спокойно спросилъ невозмутимымъ тономъ Мишка, вытирая шелковымъ платкомъ дорогія опаловыя пуговицы своего ментика.

— Такъ-то ты! громко крикнулъ старый баронъ, начавшій сердиться. А такое дѣло, что ты съ этой минуты больше не будешь магнатъ!

— Такъ кто же я тогда буду?

— Кто ты? Ты, простой мужикъ, бродяга, негодяй, крестьянинъ; ты долженъ мнѣ цѣловать руку, если я приму тебя въ себѣ гайдукомъ, чтобы ты не умеръ съ голоду.

— Э — гды! возразил Мишка Кишъ, гордо покручивая усы. Я — Михаль Кишъ, владѣлецъ Фальва, который вчера только купилъ за 120 тысячъ гульденовъ.

Старый баронъ едва устоялъ на ногахъ,—такъ былъ изумленъ и пораженъ.

— За 120 тысячъ гульденовъ? Да гдѣ же и когда ты набрѣшь столько денегъ?

— Заработалъ честнымъ образомъ, со смѣхомъ отвѣчалъ Мишка Кишъ—выигралъ все въ карты у моихъ благородныхъ собутыльниковъ. Выигралъ то я гораздо больше, только остальную сумму хочу употребить на постройку хорошенкаго замка въ своемъ имѣнии; тамъ я буду проводить лѣто. Докторъ мой сталъ совѣтовать мнѣ спокойствіе.

Баронъ онѣмѣлъ. Его докторъ? А! скажите! Столько денегъ! Конечно во время засѣданій рейхстага въ Пресбургѣ на вечерахъ проигрывались еще болѣе значительныя суммы... Только одного не могъ онъ понять...

— Какъ же это ты могъ купить дворянское помѣстье, вѣдь ты не дворянинъ?

— Ахъ, вотъ это-то всего проще устроилось. Какъ я на двѣ недѣли уѣзжалъ отсюда, я поѣхалъ въ одинъ комитатъ, по ту сторону Дуная. Тамъ я велѣлъ объявить, что дворянинъ Кишъ желаетъ разыскать когонибудь изъ находящихся въ округѣ членовъ фамилии Кишъ, и если въ той сторонѣ есть дворяне съ этой фамиліей, которые хорошо помнятъ своихъ родственныхъ,

переселившихся въ Сабольческій комитатъ, то кто изъ нихъ разрѣшитъ ему причислиться къ ихъ семейству и быть внесеннымъ въ родословную запись ихъ, тотъ получить тысячу гульденовъ. Не думаете-ли вы, что не нашлось желающихъ? Пятьдесятъ восемь Кишей вспомнили своихъ родственниковъ изъ Сабольческаго комитата и натаскали мнѣ столько всевозможныхъ дворянскихъ патентовъ, что мнѣ осталось только выбрать у кого гербъ былъ поестрѣе да почуднѣе. Съ обладателемъ пергамента мы трижды обнялись и облобызались, и какъ родные уладили нашу генеалогію. Я заплатилъ тысячу гульденовъ, они признали меня во второй степени родства, дипломъ былъ заявленъ какъ слѣдуетъ въ комитатѣ и теперь я тоже магнатъ. Вотъ мой гербъ, вотъ на этомъ перстнѣ.

— Ахъ ты пройдоха! Скажите! Вотъ это такъ штука! Вотъ это оригинально! воскликнулъ, хохоча, баронъ Карпати. Ахъ, уморишь ты меня со смѣху!

Старому барону эта штука показалась такой оригинальной и такъ понравилась, понравилась еще больше, чѣмъ та, которую было онъ придумалъ самъ и нетолько онъ не разсердился, а разцѣловалъ ловкаго пройдоху, который перехитрилъ ихъ всѣхъ и не попалъ въ дураки, а съумѣлъ и его провести.

Такъ-то поживали мы въ Старой Венгріи... Эхъ какія же бывали попойки, какіе молодцы-наѣздники и какіе чудачки-магнаты? И давно-ли было это! Вывѣтривается и проходитъ все на свѣтѣ!

МИСТЕРЪ ДИКЪ.

Разсказъ Чарльза Коллинза.
(Окончаніе).

V.

— Благодареніе небу! отъ полноты всей души воскликнулъ мистеръ Дикъ. Первымъ его дѣломъ было—отыскать свой платокъ. Онъ ласкалъ себя надеждой, что не бросилъ его ни которой изъ обихъ леди. Платокъ оказался въ карманѣ.—„Это вѣрно было во снѣ“,—подумалъ Дикъ, недовѣрчиво косясь на кресло. „Да, конечно, это—сонъ, но все-таки очень дурной сонъ“, проговорилъ онъ уже громко, когда разхрабрился на столько, что даже взялся за кресло, приподнял его и осмотрѣлъ со всѣхъ сторонъ. Кресло было какъ и всякое кресло. И мистеръ Дикъ поставилъ его тихонько на прежнее мѣсто.

Но вотъ послышался легкій стукъ въ дверь, и въ комнату неслышнымъ шагомъ вошелъ образцовый Педжъ.

Почтенному дворецкому казалось весьма приятнымъ то обстоятельство, что господинъ его уже проснулся и былъ на ногахъ.

— Могу я, сэръ, убрать со стола? Уже скоро девять часовъ.

— Да, да, Педжъ, а для меня велите приготовить покрѣпче чашку кофе.

— Слушаю, сэръ.

Какое удовольствіе было видѣть, что Педжъ уже больше не посягалъ засѣсть въ кресло.

— Отмѣнный кофе, Педжъ, замѣтилъ мистеръ Дикъ, когда принесли кофе. Я теперь чувствую себя такъ хорошо, что думаю пройтись къ доктору сыграть партію или двѣ въ шахматы.

Но свѣжій ночной воздухъ причинилъ мистеру Дикъ внезапное головокруженіе, такъ что звѣзды двоились въ глазахъ его, блистая съ удивенной силой; однакожь это скоро прошло, и, подходя къ квартирѣ доктора Эвенса, онъ уже оправился совершенно.

— Какъ хорошо дышется въ такую свѣжую, приятную ночь! Какъ ярко блещутъ эти чистыя звѣзды, между тѣмъ, какъ я... человекъ, полный злобы и дурныхъ помысловъ. Я питалъ самыя низкія мысли относительно своихъ ближнихъ и, мысли эти были еще направлены и противъ той даже, которую я намѣренъ назвать своей женой. А почему хочу назвать? Развѣ я чтонибудь про нихъ знаю? Ни о миссъ Фанни, ни о миссъ Флоренсъ я ровно ничего не знаю, кромѣ того, что онѣ красивы и очень любезны; но любезность свойственна, кажется, всѣмъ вообще дѣвушкамъ. Нѣтъ, я считаю обязанностью еще разъ увидѣться съ ними, чтобы вѣрнѣе и безошибочнѣе опредѣлить выборъ.

Докторъ Эвенсъ встрѣтилъ Дика горячимъ привѣтомъ.

— Вотъ это по дружески! А я только что передъ вами говорилъ женѣ, что съ этой постройкой дома, васъ все не видно и что какъ было бы приятно звать васъ къ себѣ.

— Я самъ радъ, что зашелъ къ вамъ.

— Разумѣется, приходъ вашъ всегда во-время и такому человеку, какъ вы, мы всегда рады.

И добрякъ Дикъ, въ сопровожденіи любезнаго доктора и отправился наверхъ, къ мистриссъ Эвенсъ. Но на радушное привѣтствіе хозяйки онъ не нашелся отвѣтить ни слова: ему бросился въ глаза миссъ Гетти, сидѣвшая возлѣ мистриссъ Эвенсъ. Живые, умные глаза ея выглядывали изъ-подъ кружевнаго платочка, завязаннаго подъ подбородкомъ.

— Вы, конечно, уже знаете эту милую крошку, Гетти? спросилъ докторъ. Она ждетъ лекарства для матери. Надѣюсь, милая, ты угостила Гетти чаемъ.

Лицо докторши выразило глубокое презрѣніе къ напоминаю, въ которомъ она вовсе не нуждается.

Между тѣмъ, Дикъ усѣлся. Онъ ждалъ уже съ готовностью жертвы, что миссъ Гетти предложитъ ему воспользоваться ихъ прекрасной вазой; однакожь, въ продолженіе получаса, Гетти не сдѣлала никакого намека о вазѣ, хотя ни о чемъ другомъ и рѣчей не было, какъ о наступающемъ новосельѣ. И Дикъ это показалось даже немножко досадно: ему очень было бы приятно благодарить такую очаровательную дѣвушку. Еслибъ мать ея предложила ему китайскую вазу (онъ былъ увѣренъ, что у нихъ была такая ваза), тогда онъ заѣхалъ бы благодарить ее. Онъ чувствовалъ желаніе сдѣлаться домашнимъ другомъ семьи; быть можетъ онъ могъ бы оказать имъ какуюнибудь услугу, такъ какъ миссъ Гетти намекала на что то въ этомъ родѣ. Онъ пригласилъ Гетти со всей семьей на новоселье. Но какой же милочкой вдругъ оказалась ему дѣвушка, когда съ зардѣвшимися отъ радости щечками, заблиставшими глазами и съ улыбкой, вызвавшей на ея личикѣ восхитительныя ямочки, она стала благодарить Дика за приглашеніе.

— Вотъ это будетъ такъ ужъ очень кстати, живо вмѣшалась мистриссъ Эвенсъ. Маленькое развлеченіе, въ которыхъ такъ нуждается бѣдная мама ваша, принесетъ ей гораздо больше добра, чѣмъ всѣ лекарства моего мужа. Очень вамъ благодарна, мистеръ Дикъ. Вы такъ и ждите всѣхъ четверыхъ, т. е. я хочу сказать трехъ дѣвушекъ и одного мальчика.

— Но мистриссъ Эвенсъ, шеннула ей Гетти,—вѣдь одна изъ насъ должна остаться съ мама и, вы знаете, должна остаться — я.

— Ну, ужъ это мое дѣло, милая. За всѣмъ присмотрю я сама и утромъ-же зайду къ вамъ. Мы все устроимъ съ вашей мама.

— А отъ меня передайте вашей матушкѣ,—прибавилъ докторъ, что завтра вечеромъ и я зайду къ ней, часа на два, чтобы посерьезнѣй распросить ее о странныхъ симптомахъ ея болѣзни.

— Т. е. вы оба хотите великодушно замѣстить меня на время бала?—спросила съ улыбкой Гетти.

— Именно такъ, моя крошка. Но что-же? Вы ужъ собирае-

Литературный альбомъ: „Демонъ“, поэма М. Ю. Лермонтова. „Демонъ побѣдомыслъ“, „Визитеръ“

тесъ уйти! Такъ мы пошлемъ съ вами нашего человѣка. Тутъ, около вокзала пляется не мало всякихъ людей.

— Позвольте мнѣ, миссъ Гетти, проводить васъ, — проговорилъ скромно Дикъ.

— Очень вамъ благодарна, мистеръ Дикъ.

— А когда вы, Дикъ, воротитесь, мы сыграемъ партію или двѣ въ шахматы, — весело вскричалъ докторъ вслѣдъ уходящему.

Что происходило между Гетти и ея провожатымъ и говорилось-ли что о китайской вазѣ, — осталось неизвѣстнымъ. Проводы, впрочемъ, продолжались не больше десяти минутъ. Но надобно полагать, что дорогой Дикъ обходился съ Гетти съ тѣмъ почтеніемъ и уваженіемъ, какія подобали относительно дѣвушки, случайно вѣрненной его попеченію.

Когда мистеръ Дикъ вернулся къ доктору и засѣлъ за шахматный столъ, онъ не безъ интереса прислушивался къ длинной исторіи о семьѣ Гетти.

— Да, еслибы, — заключилъ, наконецъ, докторъ, — былъ у меня сынъ, съ хорошимъ доходомъ и добрымъ сердцемъ, я отъ души рекомендовалъ-бы ему въ жены Гетти, и онъ послѣ дѣлую жизнь благодарилъ-бы меня!

— Но миссъ Гетти говорила что-то о содѣйствіи относительно опредѣленія... т. е. я хотѣлъ сказать, о китайской вазѣ... или, нѣтъ... ахъ, Боже мой... Извините, я, право, и самъ не знаю, что говорю.

— Вы какой-то сегодня очень странный, Дикъ. Конечно, я не могу вамъ помочь; я не знаю, что вы хотите сказать, но, повидимому, между опредѣленіемъ Альберта въ коллегію и какой-то китайской вазой нѣтъ ничего общаго.

— Такъ вотъ чего имъ нало! Вотъ оно что! Ахъ, бѣдняжка!.. Докторъ! Шахъ вашей королевѣ!

Не смотря, однако, на шахъ королевѣ, Дикъ проигралъ игру. Но онъ ушелъ въ такомъ счастливомъ расположеніи, что будто сряду выигралъ всѣ игры. Дорогой онъ все еще продолжалъ повторять про себя: „мальчика въ коллегію -- вотъ оно что!“ такимъ тономъ, какъ-будто ему это очень пріятно. Онъ и въ спальню отправился, произнося со смѣхомъ! „такъ это въ коллегію опредѣлитъ мальчика только!“.. Даже когда Дикъ сталъ засыпать, послѣднимъ его дѣйствіемъ было усиле припомнить слово „коллегія“.

VI.

Мистеръ Дикъ всталъ въ самомъ лучшемъ расположеніи духа. День этотъ былъ днемъ усѣбнымъ. Ничто не разстроило обѣдвеннаго торжества, ничто не нарушило веселья бала. Суровая вдова засѣдала въ очарованномъ креслѣ, но она по введенному порядку, была нисколько не больше обыкновеннаго натянута и чопорна. Мистеръ Дикъ танцевалъ съ леди Фитсъ и разговаривалъ съ Фанни и Флоренсой; говорилъ и съ Гетти. Гетти тоже была тамъ и казалось скромно-счастливой. Флоренса явилась красавицей. Одѣта была она очаровательно, — въ бѣлое платье, съ тюникомъ, украшенной бѣлыми розами; изъ тѣхъ-же цвѣтовъ былъ и вѣнокъ, украшавшій ея голову. На Фанни было пышное голубое платье, голубое, какъ ея аза. Бѣлокурыя ея кудри были обвиты серебряными нитями. Она казалась нимфой, Флоренса-же королевой. Никто во всемъ танцевальномъ залѣ мистера Дика не могъ-бы сказать, которой изъ сестеръ отдать предпочтеніе, и никто не могъ-бы рѣшить когда эти яркія звѣзды померкли навсегда на горизонтѣ мистера Дика.

Но мистеръ Дикъ довѣрилъ кое-кому, — этотъ кое-кто довѣрилъ мнѣ, а я, подъ секретомъ, довѣряю вамъ, что миссъ Флоренса потеряла всѣ прелести въ глазахъ мистера Дика съ той самой минуты, когда въ очень живомъ разговорѣ съ нимъ, она, показывая свои прекрасные жемчужные зубки, немножко зло посмѣялась надъ простенькими платьями сестеръ миссъ Гетти.

— И какъ волосы ихъ убраны! Лучше-бы было остаться дома, чѣмъ смѣшить всѣхъ..

И миссъ Флоренса не упустила случая при этомъ оглядѣть слегка свое прекрасное платье.

— За эту простоту онъ мнѣ еще больше нравятся, — твердо и рѣшительно отвѣтилъ хозяинъ бала.

Что-же касается Фанни, она только дивилась безстыдной наглости такихъ дѣвчонокъ, какъ Гетти, — совать носъ въ общество...

Дикъ, значить, танцевалъ съ обѣими сестрами; танцевать-же съ Гетти ему не удалось, потому-что лишь только онъ обратился къ ней, чтобъ ангажировать ее, какъ возвратился докторъ Эвенсъ.

— О, мистеръ Дикъ! Я должна идти. Благодарю васъ за

счастливейшій вечеръ, какого я въ жизни еще никогда не проводила.

— О, нѣтъ, нѣтъ. Прошу весь остаться. Кадриль продолжится не больше двадцати минутъ.

— Но мама теперь одна; и въ эти двадцать минутъ развѣ я не была-бы несчастна, танцую даже съ вами. Но здѣсь останется Дженни; она такъ хорошо танцуетъ, и любитъ танцы, и право, она хорошенькая...

— Это — лучшая изъ дѣвушекъ!

Это, конечно, хозяинъ сказалъ шопотомъ. И когда онъ ожидалъ помочь Гетти надѣть ея пальто, въ то время какъ та завязывала подъ нѣжнымъ подбородкомъ свой кружевной платочекъ, она такъ мило напомнила ему его милую, крошечную фею, и онъ съ такимъ невыразимымъ наслаженіемъ смотрѣлъ на дѣвушку, что возмимѣлъ (не вполнѣ впрочемъ похвальное) желаніе крѣпко прижать ее къ своему честному сердцу. Но Дикъ этаго, конечно не дѣлаетъ, а летитъ назадъ и ангажируетъ Дженни. Воротившись домой, Гетти съ восторгомъ передавала матери, что, бросивъ послѣдній взглядъ на зѣлъ, она увидѣла, что добрый мистеръ Дикъ ангажировалъ Дженни и что Дженни казалась такой-же хорошенькой, какъ миссъ Флоренса и Фанни.

— Говорятъ, — прибавила Гетти, — что мистеръ Дикъ женится на одной изъ этихъ дѣвушекъ, но я думаю это не правда.

— О, моя милая!..

— Да, мама, я ихъ хорошо знаю и увѣрена, что онѣ только красивыя дѣвушки. Онѣ не оцѣнятъ великодушнаго сердца такого человѣка, какъ мистеръ Дикъ. Ну, а теперь, мама, вамъ пора спать. Вамъ вредно на ночь всякое возбужденіе.

Возбужденіе однако продолжалось въ этой семьѣ многие дни и доставляло обильную пищу для разговоровъ и утромъ, и въ обѣдъ, и вечеромъ. Толки о новосельѣ мистера Дика были также свѣжи, какъ и въ первый день, пока однажды утромъ, почта не принесла новости, которая была далеко интереснѣе даже знаменитаго новоселья. Это было ни больше, ни меньше, какъ извѣстіе о зачисленіи Альберта въ Итонскую коллегію.

Время шло. Мистеръ Дикъ, вѣрный своимъ дѣловымъ привычкамъ, большую часть дня высиживалъ въ своей конторѣ, но вечера почти исключительно проводилъ у доктора Эвенса, гдѣ, вмѣстѣ съ удовольствіемъ поиграть въ шахматы, онъ, вѣроятно, находилъ не меньшее удовольствіе и поглядѣть на хорошенькую Гетти.

Эти визиты къ доктору, въ соединеніи съ живыми еще впечатлѣніями страннаго сна, имѣли свои послѣдствія.

Заглянемте въ столовую мистера Дика ровно десять лѣтъ спустя, т. е. 31 декабря 1879 года, въ семь часовъ вечера. Обѣдъ уже оконченъ; вино и десертъ на столѣ. Очарованное кресло стоитъ на верхнемъ концѣ комнаты.

Дикъ читаетъ газету; тѣмъ-же самымъ занята и другая особа. Дикъ держитъ газету въ правой рукѣ, а лѣвой пожимаетъ маленькую ручку другой особы, между тѣмъ какъ другая ручка этой другой особы оборачиваетъ листы газеты. Если владѣтельница маленькой ручки пробѣжитъ страничку прежде, то кладетъ свою головку на плечо Дика и кажется чрезвычайно довольной, ожидая въ такомъ положеніи, пока тотъ не кончитъ страничку.

Но что-же это такое? Наверху, прямо надъ головой, поднимается стукъ и шумъ; затѣмъ слышится по лѣстницѣ частый топотъ ножекъ и веселые крики дѣтскихъ голосовъ. Дикъ опускаетъ газету, а другая особа поспѣшно встаетъ, чтобы отворить дверь. И въ столовую вбѣгаетъ полдюжины розовыхъ мальчиговъ и дѣвчонокъ. У большей части дѣтей такіе милые вздернутые носики.

Мама усаживаетъ ихъ. У стола не хватаетъ одного стула! За недостаткомъ стула мама подходитъ къ очарованному креслу и садится въ него.

— Папа! папа! Посмотрите-ка: мама сидитъ въ заколдованномъ креслѣ, — кричитъ одной изъ дѣтей.

Конечно, папа уже давно рассказалъ мама о своемъ снѣ, гдѣ такую важную роль играло очарованное кресло.

— Такъ давайте-же, — говоритъ папа, задавши ей три вопроса. Ну, мама Гетти, скажи-ка ты намъ, счастлива-ли ты?

— О, такъ счастлива, какъ бывають развѣ не на землѣ.

— А любишь-ли ты всѣхъ насъ?

— Послѣ Бога, выше всего на свѣтѣ.

— А раскаявалась-ли ты когда нибудь, что вышла за мистера Дика?

Но на этотъ вопросъ отвѣтилъ только взглядъ: въ добрыхъ, любящихъ глазахъ скорѣе скажется избытокъ счастья, чѣмъ въ самыхъ пышныхъ рѣчахъ человѣческихъ...

ВЪ ЧЕРНОГОРІИ.

Изъ путевыхъ замѣтокъ М. Дона.

Смотри рисунки на стран. 960, 961 и 972.

... Пользуясь стоянкой соединенной эскадры въ Каттаро, явились желающіе между нашими офицерами побывать въ Цетиньѣ, столицѣ геройской горсти народа, отважно отстаивающей, въ теченіе вѣковъ свою свободу и права. Составилась компанія

и къ вечеру мы прибыли въ Каттаро, гдѣ по указанію городскихъ мальчишекъ отыскали черногорскаго агента Петра Ромодановича, котораго не можетъ избѣжать ни одинъ путешественникъ въ Цетинью, не желающій заплатить за все, осо-

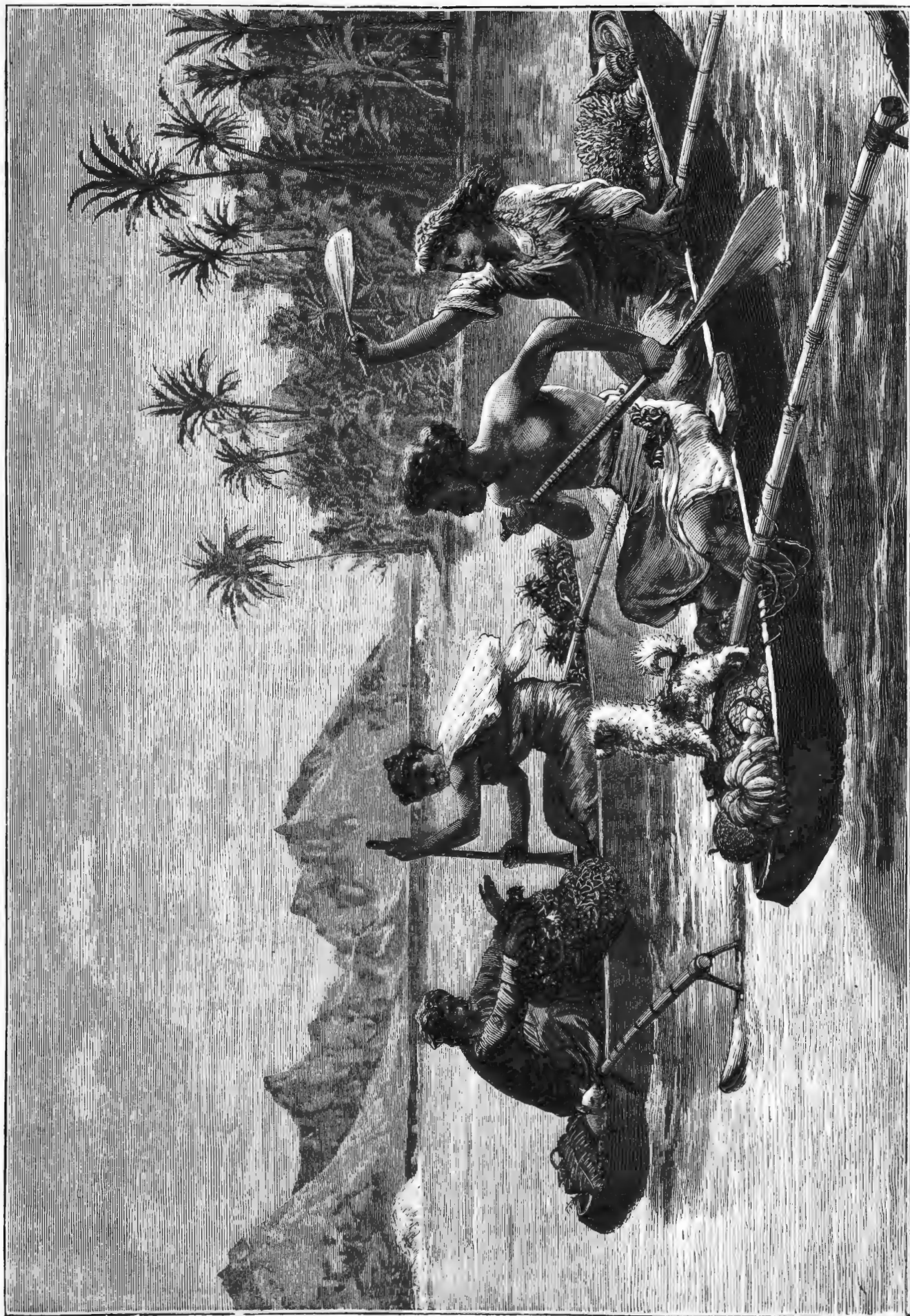
бенно за лошадей, въ тридорога. „Цивилизация“ въ этомъ ея проявленіи давно уже развилася среди сыновъ горъ, и хотя попрошайничествомъ у нихъ занимаются лишь женщины, калѣки да ребятишки, за то мужчины, пользуясь случаемъ, выжмутъ изъ васъ все, что можно. Водворившись въ чистыхъ и высокихъ номерахъ одной изъ гостинницъ (которыхъ здѣсь двѣ), пошли поужинать и посмотреть городъ. Здѣсь принятъ славянской обычай—ужинать, поэтому, не разчитывая по обстановкѣ ни на что хорошее, мы, однако, закусили весьма недурно. Каттаро городъ маленькій. Основанный римлянами, разрушенный сарацинами, восстановленный новыми пришлецами, онъ сохраняетъ самоуправленіе до Тамплиеровъ, превратившихъ его въ свою крѣпость. Стѣна и до сихъ поръ, окружая весь городъ, подымается на прилежащій отрогъ горы, гдѣ и образуетъ крѣпостцу, обстрѣливающую старую дорогу и границу Черногоріи. Дорога мало мальски еще сносна въ австрийскихъ владѣніяхъ, но въ Черногоріи невозможно дурна, особенно во время дождей. Подпадая то подъ власть Сербіи, то подъ покровительство Людовика Венгерскаго, послѣ уничтоженія Тамплиеровъ, — Каттаро наконецъ продѣлываетъ нѣкоторое время подъ владычествомъ Венеціи, легко перенося и нападенія турокъ, и изву, и землетрясенія, разрушившія его сосѣдку Рагузу. Съ паденіемъ гордой республики, Каттаро переходитъ въ руки Австріи, затѣмъ Россіи и наконецъ по вѣчному договору окончательно передается въ 1814 году Австріи. Хотя Каттарскій округъ православный, но на 45 тысячъ жителей округа приходится 1/3 католиковъ; въ самомъ городѣ только одна православная церковь, прекрасно и изящно украшенная, о чемъ заботились жившіе здѣсь прежде православные епископы; католическихъ же церквей нѣсколько и изъ нихъ одна очень древняя. Здѣсь же имѣетъ свою резиденцію католическій епископъ. Это понятно: православное духовенство живетъ поддержкою прихода, крайне бѣднаго, католическое же получаетъ жалованье. Кофеенъ оказалось три; всѣ содержатся сербами. Одинъ изъ нихъ, весьма словоохотливый, пояснилъ, что онъ былъ участникомъ войны противъ турокъ. Онъ очень интересовался дѣломъ Дульциньо; между прочимъ говорилъ, что флоту здѣсь нечего дѣлать—Турки-де заодно съ албанцами, Черногорцы хорошо это знаютъ, а то бы давно побили ихъ; а то тѣ жгутъ Дульциньо, а Черногорцы ничего не могутъ сдѣлать. Флоту надо идти въ Царьградъ—вотъ это дѣло! А здѣсь какое дѣло. Въ 4 часа утра на другой день, лошади были приведены. Напившись наскоро кофе, въ полумракѣ тронулись верхами къ старой дорогѣ, начинающейся въ ущельѣ живописно и оригинально подымающейся на 4 тысячи футъ безчисленными зигзагами какъ изображено на приложенномъ рисункѣ (стр. 972), съ каждымъ поворотомъ отерывается новый чудный видъ на Каттаро, на его окрестности, на всѣ три бухты, окаймленные высокими краями, размытыми потоками, круто опускающимися къ водамъ залива съ гладкой какъ зеркало поверхностью. Вотъ и вершина горы, гдѣ кончается австрийская дорога; картина, открывающаяся здѣсь, при багровыхъ лучахъ показавшаяся изъ-за горъ солнца, поразительна. Мы остановились невольно. Справа мрачно сѣрые, голые утесы, слегка озаренные багровымъ свѣтомъ утренняго солнца; слева ущелье съ змѣисто вьющеюся новою дорогой, пропадающей въ зелени кустарника, окружающаго городъ; прямо передъ глазами крѣпостца на высокой горѣ надъ зелѣющимъ, съ кое-гдѣ шумящими ручейками, обрывомъ, круто опускающимся къ бухтѣ Каттаро и надъ всѣмъ этимъ ясная лазурь неба съ едва чувствующеюся въ воздухѣ струйкой тепла, умѣряющей мало по малу холодный утренникъ; а то мы все время кутались въ плащи, захваченные на случай дождя. Дождь здѣсь бываетъ довольно часто. Далѣе дорога, все подымаясь, раздѣляется на старую и новую; первая хотя и короче, но головоломнѣе. Начинаютъ попадаться черногорцы и черногорки, караваны малорослыхъ горныхъ лошадей, балансирующихъ съ вышками на спинахъ между горами камней; стада барановъ съ пастушкой, неизмѣнно вяжущей что то, и каждый проходящій, подымая капу (шапка), всегда ей кланяется и говоритъ: „добрая встрѣча“. У перваго черногорскаго домика, принадлежащаго къ деревнѣ Нѣгошъ, лошади выносятся на новую дорогу, проложенную къ югу отъ Каттаро, старая же идетъ къ сѣверу. Пройдя перевалъ на высотѣ 4200 футъ надъ уровнемъ моря, мы вступили въ Нѣгошскую долину и подѣхали къ домику,—родъ станціи. Въ немъ мы достали сардинъ, окорокъ ветчины и кофе. Проводники, идущіе непременно за своими лошадьми, хотите вы этого или нѣтъ, получаютъ чарку ракии, хлѣба и луку. Хозяйка кучи (дома)—Стана нажила переноской тажестей въ послѣднюю войну цѣлый капиталъ въ 30 т. франковъ, вышла замужъ за очень молодаго человѣка и живетъ теперь въ свое удовольствіе, зашибая копѣйку. Новая дорога здѣсь только что начинается приводится въ порядокъ и мы ѣхали старой, сокращающей время на цѣлый часъ. Черногорцы же пѣше сокращаютъ дорогу еще болѣе и идутъ отъ Каттаро до Цетиньи всего только 2 1/2 часа, а для насъ требуется до 6 часовъ. Дорога идетъ зигзагами, прихотливо извиваясь между двумя обрывами, то въ гору, то съ горы, вправо и влѣво. Справа воздымается высочайшая вершина Черныхъ горъ, видимая почти на протяженіи всего пути. Это гора Ловчинъ—5600 футъ. На

самой вершинѣ виднѣется церковь, гдѣ былъ, какъ извѣстно, согласно его собственному завѣщанію, похороненъ князь Петръ II. Теперь гробница его перенесена въ Цетинье. Спускъ въ долину Цетиньи, начинающуюся у деревни Бойцъ, такъ крутъ и скользокъ для лошадей, подкованныхъ по турецки безъ шиновъ, круглою, закрывающею всю нижнюю часть копыта, подковою, что проводники просятъ сойти съ лошадей. Отсюда идетъ гладкая, широкая дорога, по которой часто ѣздятъ кататься княгиня съ семействомъ на парѣ коней и въ коляскѣ, подаренныхъ князю Николаю императоромъ австрийскимъ, по случаю окончанія австрийской части новой дороги. Изъ Каттаро лошади, чуя близость отдыха, пустились рысью: мимо зданія, обнесеннаго стѣною справа,—пороховога завода,—мимо кладбища, мимо невысокаго памятника—слѣва—въ память погибшихъ въ 1862 г. сербовъ и черногорцевъ (пришедшихъ въ Сербію за оружіемъ, которое по политическимъ соображеніямъ не получили и всѣ погибли, пробиваясь назадъ съвозъ ряды подоспѣвшихъ турокъ); вотъ арсеналъ, гдѣ хранятся трофеи, добытые главнымъ образомъ отъ турокъ. Тамъ теперь приводятъ въ порядокъ всевозможнаго рода сабли и ятаганы и масса знаменъ; между прочими отличается одно албанское, съ изображенною на немъ черною рукою, и сабля временъ крестовыхъ походовъ, съ французскою надписью. Вотъ тюрьма съ заключенными, играющими на свободѣ у воротъ, между ними только одинъ убійца, за то и гуляетъ онъ вездѣ съ цѣпью на ногахъ, большая же часть преступленій—семейная месть, практикуемая, несмотря на всѣ старанія князя уничтожить этотъ обычай.

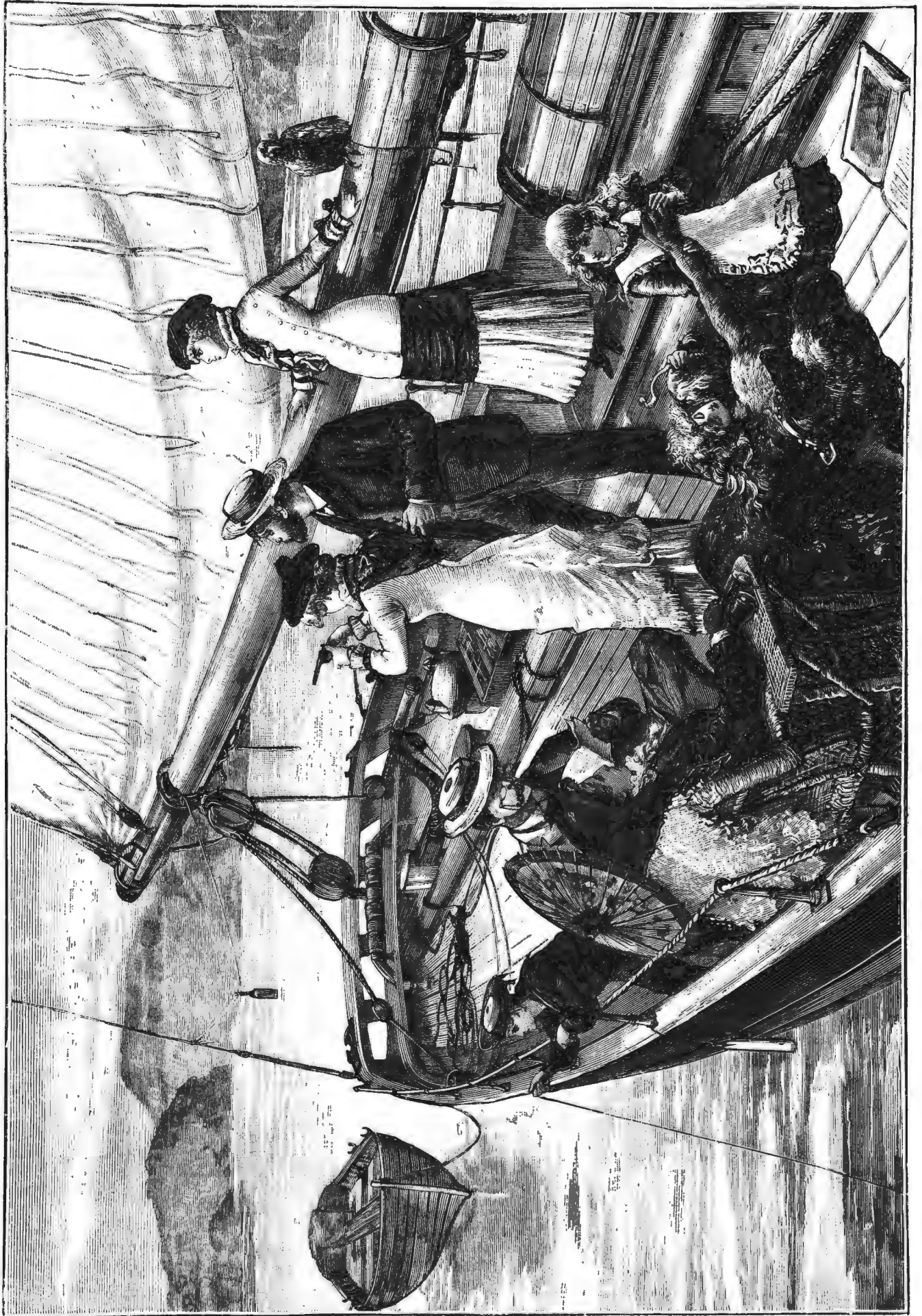
И вотъ мы въ Цетиньи. Рядъ сѣрныхъ, въ одинъ и два этажа, домовъ каменныхъ, еще съ соломенными крышами кое гдѣ, несмотря на запрещеніе, домовъ, прокуренныхъ дымомъ очаговъ безъ трубъ. Мы подѣхали прямо къ гостинницѣ, стоящей поперекъ дороги, на другомъ концѣ города. Гостинница для такого города, который меньше любого нашего уѣзднаго, очень хороша. Здѣсь есть и другая. Мы были удивлены количествомъ одѣялъ на постеляхъ; оказалось, здѣсь ночью бываетъ такъ холодно, что двѣ простыни, стеганное ватное одѣяло, за нимъ байковое и наконецъ толстая навидка—все это только что въ пору. Пообѣдавъ (здѣсь обѣдаютъ въ 12 1/2 утра), мы пошли осматривать городъ. Онъ весь состоитъ изъ одной лишь улицы вдоль дороги и пяти поперечныхъ, на одной изъ послѣднихъ, проходившей посреди тепершняго города, на концѣ ея, стоитъ дворецъ князя—домъ двухъ-этажный, похожій на хорошенькую дачу и потонувшій въ зелени. Онъ изображенъ на нашемъ рисункѣ (стр. 960). Крылья покаталя черничная, съ неизбѣжными тремя громоотводами и каменнымъ заборомъ, окружающимъ и домъ и садъ. У главнаго входа стоитъ на часахъ „перяникъ“,—одинъ изъ 40 человекъ, составляющихъ личную стражу князя—назначеніе въ эту стражу считается очень почетнымъ. На противоположномъ концѣ улицы, въ нѣкоторомъ отдаленіи отъ города, у самыхъ скалъ, окружающихъ Цетиньскую долину, помѣщается госпиталь. Теперь въ немъ помѣщается до 40 больныхъ, страдающихъ всевозможными болѣзнями, не исключая и неприглядныхъ. Главная болѣзнь, развивающаяся въ Цетиньѣ, ревматизмъ. Есть предположеніе, что котловина была прежде вся залита водою и представляла озеро, въ которое впадали съ окрестныхъ горъ ручьи, теперь засасываемые почвой. Въ особенно жаркіе годы чувствуется недостатокъ воды; за то обратно при холодныхъ вѣтрахъ, здѣсь начинается не переставающій дождь и южная стѣна всѣхъ домовъ Цетиньи отсырѣваютъ очень сильно, топки же нашей нѣтъ въ домахъ. Госпиталь только теперь запасается необходимыми вещами. Черногорцы еще до сихъ поръ вѣрятъ больше своимъ знахарямъ (лечащимъ ихъ средствами, въ родѣ просверливанія черепа отъ головной боли). Докторъ Іовановичъ (австрийскій сербъ) только недавно приглашенъ сюда. Онъ, да еще домашній врачъ князя—вотъ и весь врачебный персоналъ Цетиньи.

Наискось отъ дворца тянется длинное зданіе—дворецъ покойнаго князя Данилы, гдѣ нынѣ помѣщаются всѣ министерства княжества. Каждое изъ министерствъ помѣщается въ комнатѣ, шага въ 3 въ ширину и въ 5 въ длину, и на дверяхъ прибиты названія министерствъ. Дѣла поступаютъ прямо въ кабинетъ князя, гдѣ и пересматриваются и рѣшаются. Наискось отъ зданія министерствъ помѣщается Цетиньскій монастырь, не разъ страдавшій отъ турокъ. Здѣсь живетъ самъ митрополитъ Иларіонъ и архимандритъ. Въ маленькой церкви погребены князь Данило и воевода Мирко, отецъ вѣнчанаго князя, здѣсь же находятся мощи владыки и князя Петра. Въ монастырѣ же помѣщается школа для мальчиковъ, недавно вновь открытая послѣ недолгаго существованія въ 60 годѣхъ.

Эти сыны горъ, едва усвѣютъ вкусить отъ плодовъ цивилизаціи, посланные въ Парижъ или въ Россію, уже очень рѣдко возвращаются обратно. Въ Россію у насъ напрасно, кажется, оставляютъ желающихъ а не высылаютъ ихъ обратно въ княжество, гдѣ они нужнѣе. Женскій институтъ помѣщается въ особомъ зданіи рядомъ съ гостинницею. Основательница его, какъ извѣстно, Надежда Петровна Падцевичъ, наша русская. Подъ руководствомъ ея былъ построенъ домъ, разбитъ маленькій садикъ и лично ею заведенъ порядокъ, который царитъ теперь въ этомъ маленькомъ заведеніи, превратив-

На рынокъ въ перегонну. На островахъ Товарищества (Отанги) въ Тихомъ океанѣ. По рис. Шеваляе граф. М. Рамескій.

Англія. Семейная жизнь на собственной яхтѣ, Съ рисунка В. Оверенда, грав. М. Рашевскій.

шемся теперь въ институтъ для дѣвицъ и вѣснѣйшихъ семействъ Черногоріи. Результатомъ 11-лѣтней дѣятельности было—нѣсколько выпускныхъ молодыхъ женщинъ, хотя лишь съ самымъ первоначальнымъ образованіемъ, но онѣ знаютъ русскій языкъ и горячо любятъ Россію и признательны своей наставницѣ... Утомленная, большая ревматизмомъ, Надежда Петровна желаетъ отдыха и, къ сожалѣнію всѣхъ, кто ее знаетъ (а кто ее не знаетъ въ Черногоріи), покидаетъ институтъ. Теперь въ институтѣ 26 воспитанницъ; главное стараются, чтобы хватило на все 5,500 рублей, высылаемыхъ изъ Россіи. Наша молодежь любовалась личиками воспитанницъ и восхищалась красотой жены командующаго войсками Божицара Петровича и жены его брата-Блажо, случайно здѣсь бывшихъ. Пошли мы на границу, находящуюся отъ Цетиньи всего въ разстояніи $\frac{3}{4}$ часа ходьбы въ гору. Отсюда открывается превосходный видъ на Скутарійское озеро и его окрестности. Въ гостиницѣ оказалась порядочная по количеству газетъ читальня. Нашли и „Новое Время“ и еще кое какія газеты, только не выписываютъ ихъ, а получаютъ даромъ. Затѣмъ мы ужинали въ столовой гостиницы очень пріятно съ черногорскими офицерами, которые, между прочимъ, пѣли недурно славянскую пѣсню: „Боже, ты такъ часто насъ спасавшій“ и затѣмъ перешли на „Боже Царя храни“, провозгласили восторженный тостъ за Государа Императора, за единеніе славянъ и т. п.

Утромъ, по случаю дня рожденія князя Николая, городъ украсился флагами, на улицахъ или вѣрнѣе на одной большой улицѣ замѣтно было болше движенія. Въ Цетиньѣ теперь также, какъ и вездѣ въ Черногоріи, осталось очень мало народу мужчинъ—всѣ ушли на войну. По словамъ самого князя: „если случится пожаръ, не знаю, кто будетъ спасать. Остались

ребятишки да калѣки, мужья всѣ ушли на войну, а жены или доставляютъ провантъ, или въ полѣ—у насъ вѣдь этимъ онѣ занимаются“. Утромъ князь собравшемуся народу сказалъ рѣчь, главная суть которой заключалась въ томъ, что онъ надѣется на скорое превращеніе такого неестественнаго и раззорительнаго для княжества положенія. Жизнь потечетъ въ мирѣ и спокойствіи, и онъ приложитъ къ тому всѣ старанія и надѣется, что его по прежнему будутъ любить и будутъ также, какъ ему, вѣрны его сыну Данилѣ. Толпа отвѣчала громкимъ „живіо!“ Въ Черногоріи привержены къ князю фанатически. Князь и православная вѣра—это двѣ такія темы, разсуждая о которыхъ, надо непремѣнно соглашаться, если не хотите, чтобы на васъ сердились.

Князь вышелъ къ намъ въ залъ, когда мы явились во дворецъ къ обѣду, перевелъ насъ въ гостиную. Доложили, что обѣдъ готовъ. За столомъ шелъ разговоръ на французскомъ языкѣ, о послѣднихъ событіяхъ. Кто не говорилъ по французски, къ тѣмъ князь обращался на сербскомъ нарѣчій, которое, при вниманіи, легко понимается безъ подготовки. За столомъ сидѣли, кромѣ насъ, г. Юинъ съ секретаремъ, Лоба, очень богатый и эксцентричный американецъ, полюбившій Черногорію, албанскій повѣренный и адъютантъ князя. Княгиня въ этотъ день была нездорова. Послѣ обѣда, сказавъ каждому ласковое пожеланіе, князь отпустилъ насъ. Вечеромъ была иллюминація, кое-гдѣ въ окнахъ горѣли свѣчи и лампы.

Такъ провели мы день въ Цетиньѣ, и утромъ, когда еще вся маленькая столица была погружена въ сонъ, тронулись въ обратный путь...

СОЖИГАНІЕ ТРУПОВЪ.

(Рис. на стр. 974).

Разрѣшеніе вопроса о кладбищахъ становится настоятельною необходимостью. Почва кладбищъ не въ силахъ поглотить всѣ разложившіяся трупы. Уже во многихъ мѣстахъ не рѣшаются копать болѣе могилъ, такъ какъ земля вся пропитана страшными миазмами и неразложившимися останками. Не только гигиенисты говорятъ объ опасности испареній, наносимыхъ съ кладбищъ вѣтромъ на города, о зловредности соковъ, отравляющихъ подпочвенную воду, но даже могильщики останавливаются при исполненіи ихъ печальныхъ обязанностей и требуютъ болше мѣста. Тогда прежнія кладбища въ городахъ закрываются и открываются новыя за чертою городовъ, но и тѣ скорѣе переполняются.

Между тѣмъ было сдѣлано много предложеній по вопросу погребенія. Одни предлагали бальзамировать трупы такимъ способомъ, чтобы они разлагались медленно и безъ броженія; другіе придумали герметическія гробы изъ цемента, которые должны быть выставлены на солнцѣ. Кладбище съ такими гробами походило-бы на склады, въ которыхъ возвышаются ряды толстыхъ дубовыхъ досокъ. Другіе вмѣсто гробовъ предлагаютъ строить плотные склепы изъ камня и кирпича въ подземельяхъ, на подобіе катакомбъ. Третьи предлагаютъ вводить въ трупъ жидкость, легко воспламеняющуюся и предотвращающую гніеніе; послѣ нѣсколькихъ лѣтъ лежанія въ землѣ, трупы, такъ препарированные, могутъ быть сожигаемы. Затѣмъ четвертые предлагаютъ употреблять негашеную известь. Наконецъ многіе предлагаютъ прибѣгнуть къ сожиганію по примѣру древнихъ. Этимъ способомъ устранился-бы весь вредъ, о которомъ говорятъ гигиенисты.

Сожиганіе труповъ встрѣчаетъ серьезныя препятствія въ томъ, что оно противно чувству религіозности и противно сердцу самое предствленіе о сожиганіи трупа близкаго человѣка. Притомъ же скорое и совершенное уничтоженіе останковъ уноситъ съ собою иногда такія доказательства, какія судъ не можетъ получить никакими свидѣтельскими показаніями. Но что-бы тамъ ни было, до сихъ поръ сожиганіе трупа остается самымъ цѣлесообразнымъ средствомъ. Но въ послѣднее время число сторонниковъ сожиганія умножается.

Въ Италіи, въ Миланѣ, съ разрѣшенія правительства, образовалось 8 февраля 1876 года Общество сожиганія труповъ. Оно составилось изъ 200 лицъ, задавшихся цѣлью изысканія самыхъ дешевыхъ и простыхъ способовъ для превращенія трупа въ безвредный остатокъ. Всѣ 200 человѣкъ были послѣдователи Альберта Коллера, тѣло котораго было, согласно его завѣщанію, сожжено въ Миланѣ. Законы итальянскіе, какъ и наши, не предвидѣли сожиганія труповъ, въ нихъ только говорится о погребеніи. Послѣ многихъ стараній, Миланское общество получило отъ правительства наконецъ разрѣшеніе—видоизмѣненіе статьи 67-й санитарнаго устава 1874 г. Власти сохраняютъ право разрѣшить или запретить сожиганіе. И дѣйствительно трупы не сожигаются, если смерть сомнительна или скорострѣжна. Для полученія разрѣшенія префекта требуется прошеніе по формѣ отъ родныхъ, свидѣтельство доктора, письменное согласіе общества сожиганія и дозволеніе судебныхъ властей. Послѣ сожженія, собранный не-

пель высыпается въ урну на монументальномъ кладбищѣ.

Альбертъ Коллеръ построилъ для себя въ Миланѣ прекрасную гробницу, куда пепель его, по смерти его и сожженія, былъ высыпанъ 22-го января 1876 года. Зданіе это, названное „Храмомъ сожженія“ (Templo crematorio) было передано во владѣніе города Милана.

Храмъ этотъ, въ греко-дорійскомъ стилѣ, окруженъ колоннами и пилястрами. Внутри зданія четыре зала. Первый—это тотъ, въ которомъ публика присутствуетъ при вкладываніи трупа въ урну или комнату для сожиганія. Изъ первой залы проходятъ въ другую, гдѣ расположены гробы съ трупами, назначенными для сожженія. Отсюда снова входъ въ обширную комнату, гдѣ находится матеріалъ для горѣнія (дрова и уголь). Тутъ-же помѣщается и прислуга.

Урна для сожиганія расположена поперечно, такъ что она прикасается къ маленькому окошку, продѣланному въ задней стѣнѣ зданія. Находясь подъ колоннами, можно прослѣдить весь ходъ горѣнія трупа. Вынутый изъ гроба, онъ кладется на рѣшетку, подъ которой стоитъ широкій сосудъ для принятія жидкостей, пепла и другихъ остатковъ. Сосудъ и рѣшетка положены на двухъ желѣзныхъ полосахъ.

Для сжиганія существуетъ два приспособленія. Первое профессора Горини. Оно состоитъ главнымъ образомъ изъ очага, устроеннаго на разстояніи одного метра подъ комнатой, для сжиганія въ которой пламя охватываетъ трупъ въ длину, изъ трубы идущей изъ глубины комнаты, которая доходитъ до полу, такъ что пламя направляется прямо на трупъ изъ приспособленія, назначеннаго для вытягиванія пламени изъ комнаты для сжиганія и наконецъ изъ маленькаго очага, служащаго для усиленія тяги.

Прежде всего растапливаютъ очагъ, устроенный при основаніи трубы; спустя три или четыре минуты зажигаютъ большой очагъ; пламя проникаетъ въ комнату для сжиганія, затѣмъ съ продуктами горѣнія выходитъ черезъ отверстіе откуда оно притягивается трубою, испытавъ дѣйствіе очага. При трубѣ находится регуляторъ тяги. Процессъ горѣнія трупа наблюдается черезъ боковыя отверстія со стеклянными вставками. Горѣніе продолжается отъ часу съ половиной до двухъ часовъ и требуетъ дровъ или угля на 1 р. или 1½ руб.

Приспособленіе Венини болѣе сложно и требуетъ большаго расхода. Но результаты получаются въ обоихъ случаяхъ тѣже. Въ Италіи общество сожиганія дѣйствуетъ не успѣшно; въ продолженіи четырехъ лѣтъ сожжено только 82 трупа, въ числѣ которыхъ было нѣсколько труповъ членовъ общества.

Городское управленіе Милана, въ мѣстности прилегающей къ храму сожиганія тѣлъ, рѣшило устроить садъ, въ которомъ будутъ помѣщаться колонны и монументы съ пепломъ труповъ сожженныхъ лицъ.

Кромѣ того архитектору Матчанини, строившему монументальную гробницу, поручено построить педохранительницу въ этрусскомъ стилѣ, съ 126-ю вѣстителями для урнъ. Это зданіе будетъ находиться надъ катакомбами, предназначенными также для помѣщенія урнъ.

ЖЪ РИСУНКАМЪ

Генераль-адъютантъ С. С. Лесовскій.

Безпрестанно возникаютъ настойчивыя слухи о новыхъ затрудневіяхъ въ нашихъ отношеніяхъ съ Китаемъ. Въ свое время и въ политическихъ нашихъ обозрѣніяхъ и въ статьѣ о маркизѣ Пенгѣ, портретъ котораго былъ въ № 25 „Нивы“, мы говорили подробно объ этихъ отношеніяхъ и переговорахъ нашего правительства съ китайскимъ. Теперь, когда общественное мнѣніе вновь заинтересовано этими переговорами, мы находимъ своевременнымъ предложить нашимъ читателямъ портретъ вице-адмирала Лесовскаго, главнаго начальника эскадры, которую наше правительство нашлось вынужденнымъ отправить въ Тихій океанъ.

Адмиралъ, служившій въ теченіи многихъ лѣтъ старшимъ офицеромъ у знаменитаго героя Севастополя П. С. Нахимова, съ давнихъ поръ считался однимъ изъ лучшихъ моряковъ нашего флота. Пройдя до адмиральскаго чина всѣ степени служебной іерархіи, Степанъ Степановичъ командовалъ нашей эскадрой въ Америкѣ въ 1867 году. Помимо чисто морскаго дѣла, адмиралу приходилось имѣть самыя разнообразныя дипломатическія сношенія съ иностранными правительствами. Миссія адмирала въ 1863 году въ Америкѣ увѣнчалась блистательнымъ успѣхомъ и имѣла послѣдствіемъ тѣсныя дружескія сношенія не только съ правительствомъ Штатовъ, но и съ великимъ народомъ республики. Вступивъ въ командованіе эскадрой Тихаго океана, С. С. снова возвратился къ чисто морской службѣ, которую онъ горячо любилъ и стремился всегда къ активной морской дѣятельности. С. С. Лесовскій родился въ 1817 году во Франціи, въ г. Рететѣ, Арденскаго департамента. Отецъ его былъ командиръ Кинбурнскаго полка, остался въ составѣ окупационной арміи, бывшей подъ начальствомъ князя М. А. Воронцова. Воспитаніе получилъ С. С. въ морскомъ кадетскомъ корпусѣ и въ 1833 г. произведенъ въ гардемарины. Въ 1839 году онъ перешелъ въ Черное море гдѣ и служилъ 14 лѣтъ. Онъ былъ капитаномъ на извѣстномъ, потонувшемъ фрегатѣ „Диана“, экипажъ котораго былъ спасенъ. Въ 1855 г. въ Николаевскѣ на Амурѣ капитанъ-лейтенантъ Лесовскій назначенъ былъ начальникомъ баттарей. Но весна 1856 г. принесла извѣстіе о мирѣ и батареямъ этимъ не пришлось дѣйствовать. Съ 1857—58 г. С. С. служилъ въ возникшемъ тогда на Черномъ морѣ Обществѣ пароходства и торговли. Затѣмъ былъ капитаномъ надъ кронштадтскимъ портомъ.

Въ 1863 году С. С. произведенъ въ контръ-адмиралы и посланъ въ Америку—экспедиціи, увѣнчавшейся блистательнымъ успѣхомъ. Въ 1866 году онъ былъ главнымъ командиромъ кронштадтскаго порта, въ 1869—удостоенъ званія генераль-адъютанта, въ 1876—назначенъ управляющимъ морскимъ министерствомъ, въ каковомъ званіи и былъ до назначенія его главнымъ начальникомъ эскадры въ Тихомъ океанѣ.

Демонъ побѣжденный.

(Рисунокъ Зичи).

Къ тѣмъ рисункамъ Зичи изъ „Демона“ Лермонтова, которые уже были помѣщены въ „Нивѣ“ и къ двумъ превосходнымъ картинамъ—прямѣмъ настоящаго года, прибавимъ еще этотъ прелестный эскизъ знаменитаго иллюстратора „Демона“ изображающій послѣдній моментъ поэмы—полную побѣду свѣтлыхъ силъ надъ мрачнымъ духомъ зла и торжественное вознесеніе золотокрылаго ангела на небо...

Въ пространствѣ синяго ээира
Одинъ изъ ангеловъ святыхъ
Летѣлъ на крыльяхъ золотыхъ
И душу грѣшную отъ міра
Онъ несъ въ объятіяхъ своихъ....
Издадека ужъ звуки рая
Къ нимъ доносились—и вдругъ,
Свободный путь пересѣкая,
Взвился изъ бездны адскій духъ....
Какимъ смотрѣлъ онъ злымъ взглядомъ,
Вражды, незнающей конца!
И въяло могильнымъ хладомъ
Отъ неподвижнаго лица....

На рынокъ въ перегонку.

(Рисунокъ Шевалье).

На прилагаемомъ рисункѣ передава картина французскаго художника Шевалье, изображающая одну изъ повседневныхъ бытовыхъ сценъ жизни обитателей острова Таити. Вотъ нѣсколько таитянъ лодочниковъ и торговцевъ устроили между собою нѣчто въ родѣ гонки: надо посѣть, какъ можно скорѣе на рынокъ столицы острова, чтобы прежде другихъ продать тамъ свои овощи и фрукты; каждый спѣшитъ обогатить всѣхъ прочихъ. Фактъ недавняго формальнаго присоединенія Таити къ территоріи Французской республики не имѣетъ боль-

шаго политическаго значенія, такъ какъ онъ и безъ того уже, въ сущности, какъ-бы входилъ въ составъ Франціи, принадлежа къ группѣ острововъ Товарищества, надъ которыми еще тридцать пять лѣтъ тому назадъ, установленъ французскій протекторатъ. Французы, съ тѣхъ поръ, были тамъ полными распорядителями. Въ настоящее время протекторатъ ихъ распространяется, кромѣ острововъ Товарищества, на многія другія сосѣднія группы, какъ острова Нижняго Архипелага, Маркизскіе и др. Группа Товарищества, расположенная въ юго-восточной части Тихаго океана, между 135° и 155° долготы (къ западу отъ Гринвичскаго меридіана), состоитъ изъ 11 острововъ. Изъ нихъ на о. Таити или Отаити хозяйничаетъ французская колонія, на прочихъ же разбросаны небольшія миссіонерскія и торговыя станціи, не стѣсняющія, до извѣстной степени, самоуправленія туземцевъ. Пространство Таити равняется 600 квадратныхъ миль, съ населеніемъ въ 14 тысячъ жителей, изъ которыхъ на долю европейцевъ приходится менѣе одной тысячи. Главный городъ—портъ Папатаи (2 тысячи жителей), ведетъ довольно значительную торговлю хлопкомъ, сахаромъ, коксовыми орѣхами и перламутромъ, которые отпускаетъ во Францію и Германію, посылая, въ тоже время, часть мѣстныхъ продуктовъ также и въ Калифорнію и Китай. Французы назвали, въ честь Парижа, главную улицу своей части города улицю Риволи; тамъ-же расположены зданія мѣстнаго управленія, католическій соборъ и т. д. Туземцы, съ которыми насъ ознакомили еще Кукъ, красивый народъ съ черными вьющимися волосами, но женщины красивѣе мужчинъ. Нравы ихъ однако оставляютъ, по рассказамъ путешественниковъ, желать лучшаго, говорятъ, они очень склонны къ пьянству, лѣни и т. п. и число ихъ сильно уменьшилось со времени появленія европейцевъ среди ихъ и утвержденія ихъ власти тамъ. То же самое замѣчено и на Гавайскихъ островахъ.

На собственной яхтѣ.

(Рис. В. Оверенда).

Всякій англичанинъ, какъ извѣстно, считаетъ себя обязаннымъ интересоваться всѣмъ, и знать все, что имѣетъ хотя какое-нибудь отношеніе къ мореплаванію. У лондонской золотой молодежи очень распространена мода говорить о современномъ развитіи торговаго мореплаванія съ презрительной улыбкой на губахъ и съ видомъ грустнаго сожалѣнія толковать о позеіи паруснаго плаванія, которая все болѣе и болѣе вытѣсняется прозой пароходовъ и панцирныхъ судовъ.

„Королевскій яхтъ-клубъ“ насчитываетъ у себя до 180 членовъ, изъ которыхъ каждый имѣетъ непременно свою собственную парусную яхту. Имѣть собственную яхту—это роскошь, которую могутъ себѣ позволить только очень богатые люди такъ какъ большая яхта въ 500 тоннъ, помимо процентовъ на капиталъ, который она стоитъ—до 100,000 рублей, обходится еще ежегодно нѣсколько тыс. рублей, не принося ея собственнику ничего, кромѣ удовольствія увеселительныхъ поѣздокъ и пари на парусныхъ гонкахъ.

Великолѣпное зрѣлище представляютъ въ солнечный полдень эти элегантныя суда, несущіяся при свѣжемъ вѣтрѣ вдоль берега.

Здѣсь, на приложенномъ у насъ рисункѣ мы видимъ цѣлую семью, спокойно продолжающую свою мирную домашнюю жизнь на собственной яхтѣ. Отецъ семейства читаетъ что-то сидящей въ широкомъ креслѣ супругѣ. Мальчуганъ удитъ рѣбу, наклоняясь за бортъ. Молодые дѣвушки учатся у своего брата—юнаго лорда, стрѣлять и одна изъ нихъ уже прицѣлилась и сейчасъ распишетъ эту вислицу бутылку и не дрогнетъ ея нѣжная прелестная ручка. Младшія сестры ихъ на полу играютъ съ громаднымъ догомъ.

Райская птица „воротниковая“.

(Lophorina atra).

Въ Новой Гвинее, на Соловати, Арупинскихъ островахъ и въ Южной Америкѣ водятся великолѣпныя птицы, вообще называемыя „райскими“ (paradisae). Райскія птицы отличаются преимущественно тѣмъ, что самцы снабжены пучками длинныхъ, расученыхъ перьевъ, которыя по произволу они могутъ складывать и распускать. Трудно представить себѣ что нибудь прелестнѣе цвѣта этихъ перьевъ. Преобладающій цвѣтъ заштаново-коричневый, лобъ бархатисто-черный съ smarдово-зеленымъ отливомъ; передняя часть шеи фиолетовая и длинныя боковыя перья блестяще золотого оранжево-желтаго цвѣта. Самка не имѣетъ такихъ яркихъ перьевъ. Птица изображенная на нашемъ рисункѣ, называется „воротниковая“. Она величаво съ наму сороку. Перья затылка и плечевыя удлиненыя въ видѣ воротника чернаго цвѣта, удлиненыя же перья груди блестящаго стальнаго зеленаго цвѣта. Длинныя плечевыя перья лежатъ въ спокойномъ состояніи въ видѣ

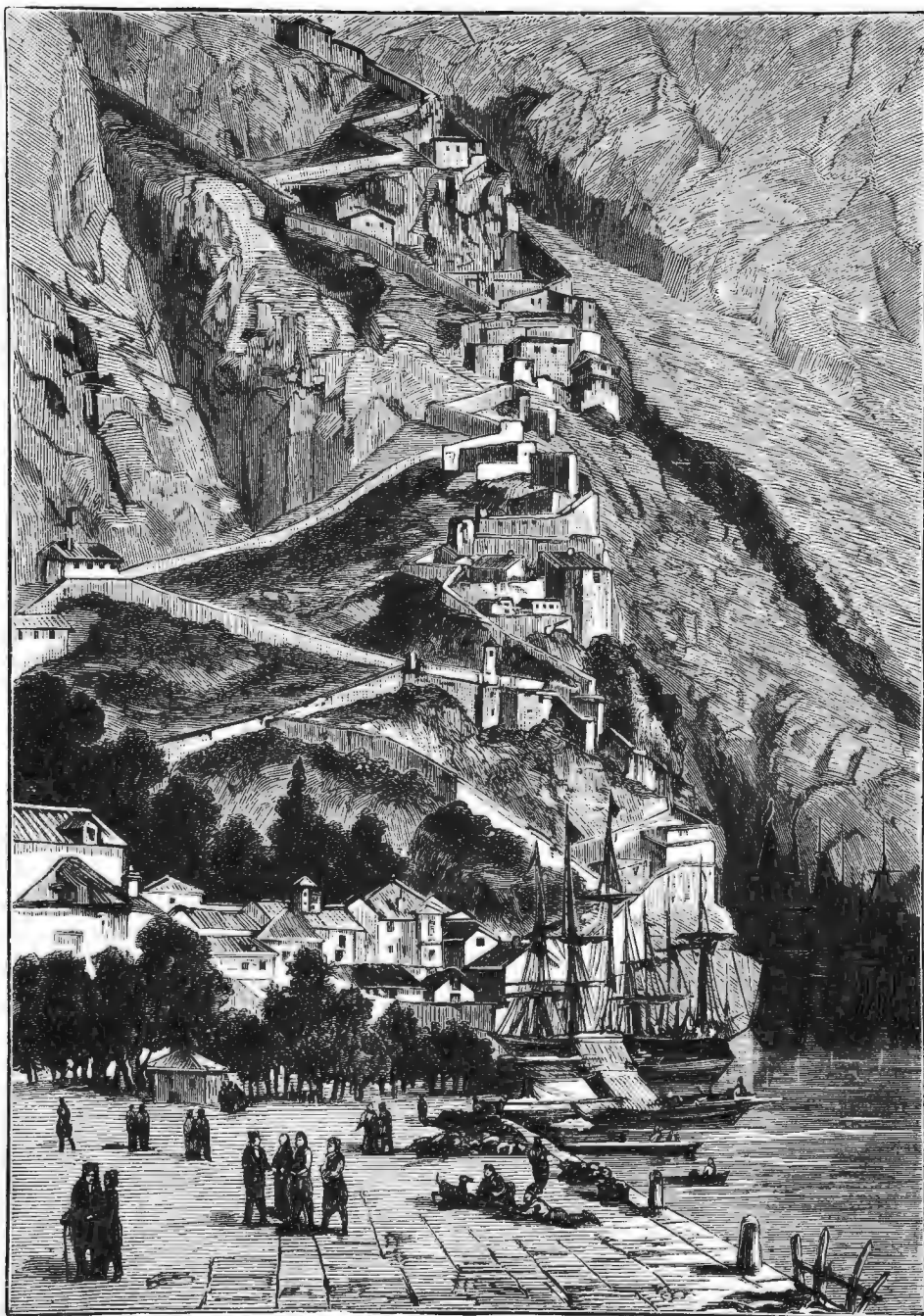
плица на спинѣ. Перья эти, направляясь впереди, поднимаются надъ головою когда птица хочетъ себя показать во всей красотѣ. Ловить ихъ, по ихъ живости и чуткости очень трудно. Они летаютъ стаями штукъ по 30—40 подъ предводительствомъ самца. Съ рѣзкимъ крикомъ, во время бури поднимаются стая высоко въ воздухъ, чтобы избѣжать сильнаго вѣтра въ вышнихъ слояхъ воздуха. Свои великолѣпныя перья птица распускаетъ по утрамъ, призывая самокъ крикомъ и осторожно чиститъ перья клювомъ; ярко блестя перьями, носится за бабочками и кузнечиками, которыми питается. Между малайцами много повѣрій существуетъ объ этой птицѣ, которая, по ихъ словамъ, нарождается въ раю и никогда не касается земли. Птица въ самомъ дѣлѣ не любитъ садиться на землю и спускается къ ручьямъ пить и купаться, обрызгивая свѣжею водою свои блестящія одежды.

Типы австрійскихъ славянъ. Далматинна.

Далмация — благодатный уголокъ Австрійской имперіи, занимаетъ весь восточный берегъ Адриатическаго моря съ прилежащими къ нему островами и граничитъ съ Кроацией, Босніей, Герцеговиной, Черногоріей и Албаніей. Разнообразію и богатству раститель-

ности способствуетъ теплый климатъ Далмации. Въ декабрѣ здѣсь цвѣтеть миндаль, собираютъ бобы и горошекъ; въ февралѣ созрѣваютъ артишоки. Самые нѣжные плоды зрѣютъ на открытомъ воздухѣ. Прибрежные жители и островитяне занимаются большою частью кораблестроеніемъ и почти въ каждомъ приморскомъ городѣ есть корабельная верфь. Кроме того далматоморецъ страстный рыбакъ. Населеніе достигаетъ до 454,600 жителей, изъ которыхъ въ славянскому племени принадлежитъ 414,800.

Национальные костюмы Далматъ чрезвычайно разнообразны: каждая мѣстность имѣетъ свой особый нарядъ и большая часть этихъ нарядовъ весьма живописна. Женщины сохранили здѣсь вообще волю славянскій характеръ какъ въ своей одеждѣ, такъ и въ головныхъ уборахъ, что видно изъ прилагаемаго рисунка. Всякій узнаетъ въ этомъ уборѣ нашъ характерный русскій. Въ косы вилегаютъ красныя ленты, на голову надѣваютъ цвѣтной платокъ, платье носятъ обшитыя вдоль подола красной тесьмой, красныя чулки. Прибавьте къ этому коротенькую кофту съ длинными рукавами, обшитыя галуномъ и узорчатый передникъ — вотъ костюмъ красавицы-далматинки, во многомъ похожій на нашъ исконный, русскій.

Видъ горной дороги изъ г. Каттаро въ Цетинью. Съ фотогр. грав. М. Рашевскій.

Р ЧАСАХЪ.

(Раздѣленіе времени).

Мы, пользующіеся теперь прекрасными, вполнѣ усовершенствованными часами, съ трудомъ можемъ и представить себѣ тѣ трудности, какія прежде испытывались астрономами при опредѣленіи ими времени какого-нибудь небеснаго явленія. До изобрѣтенія часовъ жизнь должна была идти иначе въ какомъ-то неопредѣленномъ состояніи, которое можно сравнить развѣ только съ состояніемъ челоука заплутавшагося въ лѣсу.

Между тѣмъ опредѣленіе времени, т. е. точное знаніе момента, въ какой происходитъ то или другое явленіе, составляло всегда первую потребность астрономіи. Опредѣленіе движенія небесныхъ свѣтилъ вызывалось напередъ необходимостью точнаго знанія момента, въ который придется наблюдать затмѣніе. Не менѣе важно было точное знаніе времени, въ какое

луна, въ своемъ движеніи, заслоняла какую нибудь планету или одну изъ неподвижныхъ звѣздъ.

Физики точно также испытывали не меньшія затрудненія тѣмъ астрономами. Когда въ 1654 году ученые во Флоренціи дѣлали опыты, чтобы опредѣлить скорость распространенія звука выстрѣла, то у нихъ не было никакого инструмента для измѣренія того промежутка времени, которымъ отдѣляется собственно ударъ выстрѣла о зъ вспыхнушаго огня.

Безъ сомнѣнія, въ природѣ все происходитъ въ извѣстное и совершенно опредѣленное и точное время. Производя наблюденія днемъ при солнцѣ, можно было еще кое какъ опредѣлить съ точностью время до нѣсколькихъ минутъ, но во время солнечныхъ затмѣній опредѣленіе часа становилось уже невозможнымъ.

(Продолженіе на стр. 973, 974, 975, 976, 977, 978, 979 и 980).

Политическое обозрѣніе.

Турція. — Дунайская комиссія. — Германія. — Новый проектъ французскаго правительства. — Несогласіа въ министерствѣ Гладстона.

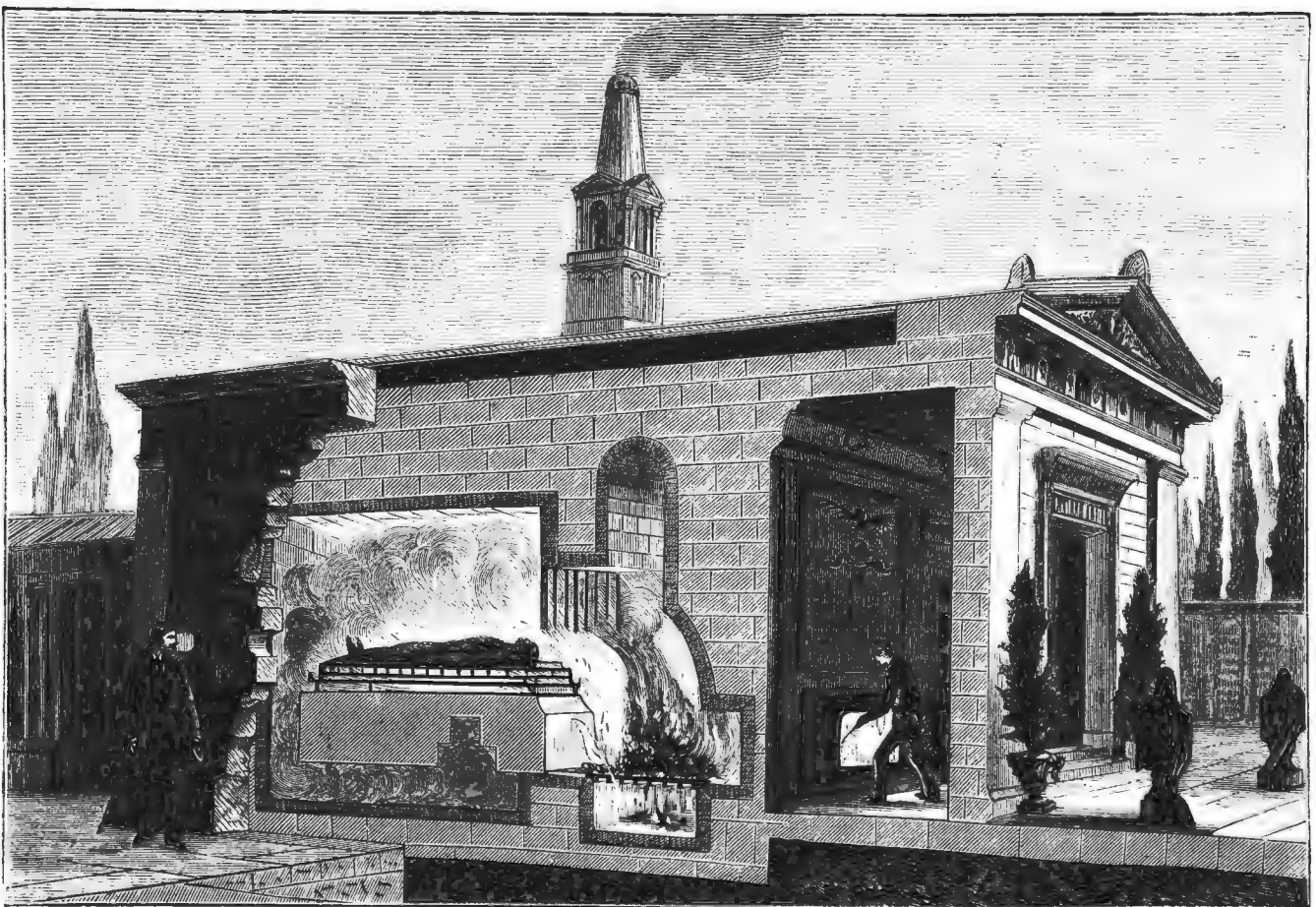
Изворотливая Порта съумѣла уберечь изувѣра Вели-Магомеда до сихъ поръ. Убійца этотъ не казненъ. Недавно онъ (конечно, по внушенію пашей) подалъ султану просьбу о помилованіи, и турецкое правительство, какъ слышно, объявить акредитованнымъ въ Константинополь посланникамъ, что его величество султанъ замѣняетъ Вели-Магомеду смертную казнь пожизненнымъ тюремнымъ заключеніемъ. Порта умѣетъ миловать, за то умѣетъ и наказывать, когда это совпадаетъ съ ея видами. Недавно нѣсколько пьяныхъ турецкихъ офицеровъ напали на экипажъ, въ которомъ ѣхалъ германскій посланникъ, графъ Гапфельдъ, и произвели, что называется, уличный скандалъ. Турецкое правительство выказало много энергии: офицеры были немедленно арестованы, ихъ судили военнымъ судомъ, который приговорилъ ихъ къ исключенію изъ арміи и заключенію въ тюрьму на одинъ годъ, къ посланнику же присланъ былъ адъютантъ султана съ извиненіями отъ его имени, за причиненное ему бе покойство. Фактъ этотъ объясняютъ желаніемъ Турціи угодить Германіи. О Дервишъ-Пашѣ и его манев-

Въ Новой Гвиней. Райская птица. (*Laphorina atra*).
Рис. Вильх. грав. Гильдебрандъ

рахъ съ албанцами мы слышимъ разныя противорѣчивыя свѣдѣнія. То онъ очень строго говорить съ ними, и грозитъ имъ, и требуетъ подтвержденій, занявъ даже Мазурскую позицію и готовится вступить въ Дульциню (а потому что?), то—(по другимъ источникамъ) проучиваетъ къ албанцамъ волонтеровъ, сподвижниковъ ихъ.

Если свѣдѣнія, о чемъ-бы то ни было клонящемся въ пользу славянъ, по большей части, страдаютъ недостоверностью или разногласіемъ, за то, наоборотъ, все, что сообщается о фактахъ, совершающихся во вредъ интересамъ ихъ, къ сожалѣнію, чаще являются вполне достоверными. Австро-Венгрія готовится къ полному и совершенному захвату судоходства на Дунай, въ ущербъ Румыніи, Болгаріи и Сербіи. Согласно новѣйшимъ извѣстіямъ, Германія, Испанія и Франція высказались въ пользу австрійскаго проекта регулированія судоходства на Дунай. По этому проекту, контроль надъ судоходствомъ въ нижней части течения рѣки предоставляется особой комиссіи, въ которой должны заступать уполномоченные прибрежныхъ державъ: Румыніи, Болгаріи, Сербіи и Австро-Венгріи. Последняя требуетъ себѣ постоянного председательства въ этой комиссіи, съ правомъ рѣшающаго голоса въ тѣхъ случаяхъ, когда голоса раздѣлятся поровну. Въ этой грустной исторіи всего тяжелѣе слышать, напри-

Сожиганіе труповъ. Система Горини въ Миланѣ. По рис. Нормана грав. М. Рашевскій.

мѣръ, что: „Въ Вѣнѣ вполнѣ рассчитываютъ на силу австрійскаго давленія на бѣлградское правительство, для того, чтобы располагать по произволу голосомъ Сербскаго княжества...“

Въ Германіи обнародовано королевское повелѣніе объ учрежденіи прусскаго народнаго хозяйственнаго совѣта. Въ недавнемъ засѣданіи германскаго торговаго съѣзда (Handelstag) министр Беттинеръ сообщилъ, что учрежденіе этого совѣта обставлено такъ, что допускаетъ во всякое время возможность распространенія на всѣ союзныя государства.

Французское правительство занято въ настоящее время проведеніемъ въ палатѣ депутатовъ новаго проекта закона, уничтожающаго несмѣняемость судей. Согласно этому проекту, председатели судовъ первой инстанціи и апелляціонныхъ палатъ назначаются на пять лѣтъ декретомъ президента республики, по представленію кабинета. Ближайшая цѣль проекта—удаленіе изъ магистратуры тѣхъ видныхъ и вліятельныхъ ея членовъ, которые при двухъ попыткахъ монархической реакціи, бывшихъ во Франціи нынѣ 4-го сентября 1870 года, бросились въ политическую борьбу съ республиканцами. Можетъ быть, новый законъ и доставитъ республиканцамъ возможность удалить всѣхъ судей, принадлежавшихъ, по своимъ убѣжденіямъ, къ лагерямъ антиреспубликанскимъ, но, подумали ли нынѣшніе правители Франціи о томъ прецедентѣ, который они устанавливаютъ, дѣйствуя въ разрѣзъ съ одной изъ важнѣйшихъ основъ общественнаго строя? Съ одной стороны, отнимая у

юстиціи—эту необходимую гарантію ея независимости, гг. Ферри и его товарищи и на будущіе времена лишаютъ ее всякой почвы, и отнынѣ судъ во Франціи неминуемо станетъ игрушкой въ рукахъ преобладающей партіи, станетъ орудіемъ, или лучше сказать,—оружіемъ. Не такими средствами утверждается зданіе свободы, не на такой почвѣ разцвѣтаетъ она и приноситъ плоды?...

Въ кабинетѣ Гладстона проявилось весьма серьезное разногласіе между вигами и радикалами по вопросу о политикѣ, которой слѣдуетъ, при существующихъ условіяхъ, держаться въ Ирландіи. Дѣло въ томъ, что въ этой части соединеннаго королевства, министерство рѣшило примѣнить чрезвычайныя административныя мѣры, и, между прочимъ, приостановленіе дѣйствія Habeas corpus act'a. Но директоръ департамента торговли Чэмберленъ и знаменитый Брайтъ воспротивились принятію тѣхъ мѣръ. Недавно они, присутствуя на одномъ банкетѣ по этому случаю, высказали въ рѣчахъ своихъ о необходимости не репрессивныхъ средствъ, а—кореннаго измѣненія дѣйствующихъ тамъ законовъ о фермерахъ. По мнѣнію ихъ, для успокоенія умовъ въ Ирландіи было бы желательно приобрести покуюку за счетъ казны помѣщичьи земли и раздать ихъ крестьянамъ. Англійскіе радикалы образовали лигу противъ примѣненія въ Ирландіи чрезвычайныхъ мѣръ. Гладстонъ еще не сошелся на какомъ либо соглашеніи съ Чэмберленомъ и Брайтомъ, но, какъ слышно, кризисъ министерскій будетъ устраненъ.

С М Ъ С Ъ.

Экспедиція парохода „Оскаръ Дивсонъ“ къ устьямъ Енисея „Göteborg's Handels und Sjöfärts-Tidning“ сообщаетъ слѣдующія подробности объ экспедиціи парохода „Оскаръ Дивсонъ“ къ устьямъ р. Енисея: „Заставъ достаточный запасъ угля, мы покинули Вардвэ 21-го августа и благодаря попутному западному вѣтру, въ два дня достигли Югорскаго пролива. Тамъ мы бросили якорь и простояли два дня, затѣмъ пошли въ Карскую губу. Вскорѣ мы встрѣтили громадную массу льду, и намъ пришлось направить судно южнѣе, но и тамъ попадались на пути большія ледяныя загражденія, такъ что послѣ нѣсколькихъ дней мы должны были вернуться въ самоѣдскую деревню, лежащую на Югорскомъ проливѣ. Попытавшись, но также безуспѣшно, форсировать входъ въ Маточкинъ проливъ, намъ удалось лишь 3-го сентября войти въ Карскую губу; мы обошли восточное побережье Новой Земли и дошли до мыса Миддендорфа. Непроходимые льды заставили насъ вернуться въ Маточкинъ проливъ, гдѣ нашъ пароходъ сѣлъ на песчаную мель; черезъ два дня мы, однако, благополучно сошли съ нея, не потерявъ никакихъ поврежденій. 1-го сентября мы отправились къ югу, съ цѣлью опять попытаться форсировать входъ въ Югорскій проливъ. На обратномъ пути ледъ не представлялъ особыхъ препятствій. И судно и машины оказались во всѣхъ отношеніяхъ годными для плаванія. Согласно, однако, всѣмъ собраннымъ свѣдѣніямъ, ледяныя загражденія въ этомъ году особенно велики.

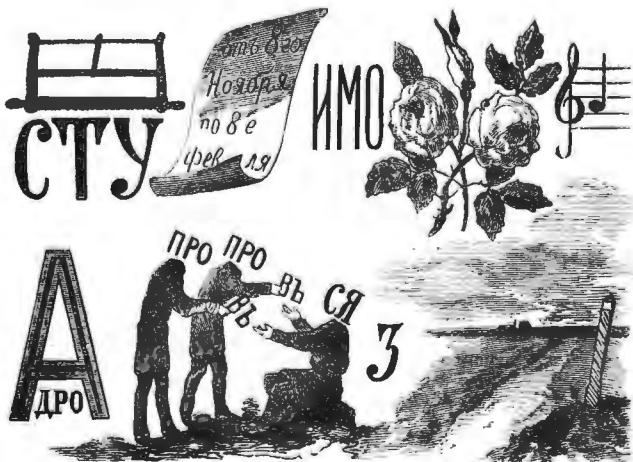
Лагуши и карпы. Въ Силезіи недавно былъ спущенъ одинъ прудъ, въ которомъ водились карпы. При этомъ замѣчено, что на многихъ карпахъ, особенно большихъ, сидѣли лагушки, широко раздвинувъ лапы и вѣрнѣе вѣрившись ими въ хребты несчастныхъ рыбъ. О такомъ странномъ явленіи спросили смотрѣвшаго за прудомъ сторожа, и онъ объяснилъ, что лагушки—самые опасные враги карповъ и ежегодно уменьшаютъ ихъ въ прудѣ на 3 и даже на 4 процента. Это смиренное, по-

видимому, земноводное имѣетъ обычай вскакивать на спину карпа у его головы, причемъ задними лапами старается вѣрнѣе держаться на своей позиціи, а переднія запускаетъ въ глаза скважины рыбы, питаясь клейкою слизью и другими глянзными для лягушекъ веществами, находящимися въ рыбѣ.

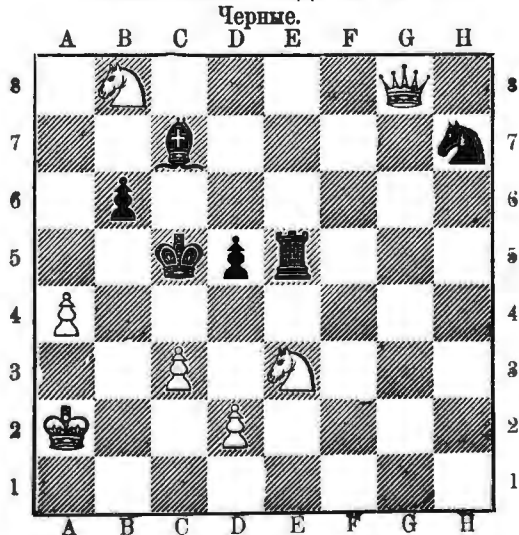
Контрабандный табакъ. Вотъ сообщенія, способныя разрушить иллюзіи потребителей контрабанднаго табаку, считающихъ его лучшимъ потому только, что онъ—контрабандный. Въ Тюрингѣ, за настоящій табакъ ежегодно сходитъ болѣе 1000 тоннъ листьевъ свекловицы, подъ именемъ контрабанднаго табаку. Эти-же самые листья, а также листья дикорія и даже капусты, употребляются съ тою-же цѣлью и въ другихъ мѣстахъ, между прочимъ, въ Магдебургѣ. *Стары Вевей*, столь высокоцѣнимыя въ южной Германіи, почти вовсе не содержатъ въ себѣ табаку. Онѣ состоятъ изъ прстныхъ листьевъ свекловицы, подвергаемой особой обработкѣ, уничтожающей естественный вкусъ растенія, и послѣдовательно, болѣе или менѣе продолжительному, погруженію въ сильныя табачныя растворы. Обманъ этого рода, нужно замѣтить между прочимъ рѣже во Франціи, тамъ какъ казна и таможня принимаютъ тамъ противъ этого энергическія мѣры.

Голуби-контрабандисты. Въ одномъ домѣ въ Лугано (Швейцарія) содержатся нѣсколько сотъ голубей, специально приученныхъ перелетать въ Италію; тамъ ихъ освобождаютъ отъ доставленнаго груза и посылаютъ обратно въ Швейцарію. Грузъ состоитъ изъ маленькихъ дамскихъ часовъ, прикрѣпленныхъ къ ногамъ голубя. Каждый голубь можетъ ежедневно одинъ разъ совершить этотъ перелетъ и до сихъ поръ ни съ однимъ изъ этихъ контрабандистовъ не случилось несчастья въ пути. Владѣлецъ этихъ голубей рассчитываетъ поэтому, не подвергаясь никакой опасности и притомъ безошибочно, пересылать ежедневно за границу до пятидесяти дамскихъ часовъ. Итальянской пограничной стражѣ не удалось еще открыть мѣста сбыта контрабанды этими воздушными путешественниками.

РЕБУСЪ.

Шахматная задача № 84.

Бѣлые начинаютъ и выигрываютъ въ 4 хода.

Задача бунвъ № 85.

И. Пашнина.

Изъ предлагаемыхъ буквъ:

11 а, 11 в, 2 г, 7 д, 12 е, 2 ж, 3 з, 14 к, 7 л, 8 м, 7 н, 15 о, 9 п, 6 р, 9 с, 14 т, 4 у, 5 х, 1 ч, 2 ш, 20 ь, 1 ы, 4 ь, 7 ъ, 4 я,

Составить слѣдующія слова:

- I. 1, имя прародительницы.
- 2, рѣка въ Итали.
- 3, частица рѣчи.
- 4, здравца.
- II. 1, сосудъ для храненія воды.
- 2, часть небеснаго свода, находящаяся надъ головою человѣка.
- 3, мѣсто, прославленное храбростью русскихъ въ минувшую войну.
- 4, рѣка въ Итали.
- III. 1, упряжное домашнее животное,
- 2, чудо.
- IV. 1, собраніе пѣвцовъ.
- 2, рѣка, впадающая въ Волгу.
- 3, зимній покровъ.
- V. 1, названіе библейскихъ мудрецовъ.
- 2, принадлежность дамскаго туалета.
- 3, третья нота.
- 4, царь животныхъ.
- VI. 1, домашняя птица.
- 2, принадлежность картежной игры.
- 3, парусная снасть.
- 4, лѣтній цвѣтокъ.
- 5, комната предназначенная для танцевъ.
- 6, утвердит. отвѣтъ.

- 7, рѣка Итали.
- VII. 1, хранилище сѣна.
- 2, богатѣйшій человѣкъ въ древности.
- 3, первая буква азбуки.
- 4, матеріалъ для пѣни.
- VIII. 1, производство въ Ярославской губерніи.
- 2, часть тѣла, соединяющая голову съ туловищемъ.
- IX. 1, русское имя.
- 2, мелкая порода змѣй.
- X. 1, живущій рядомъ.
- 2, встрѣчающееся въ сказкахъ названіе злой женщины.
- 3, названіе бревна, распиленного на части.
- 4, что представляютъ комедіи Гоголя? (искомое слово въ единств. числѣ).
- XI. 1, вещество, потребное при кладкѣ печи.
- 2, ребенокъ.
- 3, состояніе человѣка находящагося въ страхѣ.
- XII. 1, принадлежность лампы.
- 2, парное число.
- XIII. 1, отправленіе на войну.
- 2, союзъ.
- 3, Іудейскій Царь—современникъ Христа.

Затѣмъ буквы найденныхъ словъ разставить въ нижеслѣ-

дующихъ фигурахъ, но такъ, чтобы, по соединеніи всѣхъ фигуръ въ одинъ квадратъ, можно было прочесть отрывокъ изъ известнаго стихотворенія Никитина.

Для облегченія разстановки буквъ въ фигурахъ, мѣста буквъ перваго слова обозначены I, мѣста втораго — 2 и т. д.

КЪ НАШИМЪ ЧИТАТЕЛЯМЪ.
ОБЪ ИЗДАНИИ ЖУРНАЛА „НИВА“ ВЪ 1881 Г.

Небывалое до сего въ русской журналистикѣ количество подписчиковъ—55000, т. е. больше, чѣмъ у всѣхъ существующихъ въ Россіи иллюстрированныхъ изданій такого рода, взятыхъ вмѣстѣ, въ нынѣшнемъ 1880 году, доказало то сочувствіе и довѣріе, которымъ нашъ журналъ пользуется. Число это неизмѣнно увеличивается, что совершенно понятно, такъ какъ всѣмъ нашимъ постояннымъ подписчикамъ известно, что „Нива“ улучшается съ каждымъ годомъ, количество матеріала все увеличивается, программа расширяется и достоинство богатыхъ премій возвышается неизмѣнно—цѣна же остается при всѣхъ дорогихъ и капитальныхъ улучшенияхъ та же. „Нива“—соображая массу даваемого матеріала—самый дешевый иллюстрированный журналъ не только въ Россіи но и за границей, что видитъ всякій, знакомый съ заграничными, такого рода, изданіями. Программа журнала, цѣна—остаются тѣ же, какъ и въ прежніе 11 лѣтъ и издатель будетъ постоянно улучшать достоинство матеріала.

Что касается матеріала вообще и произведеній, имѣющихся въ нашемъ распоряженіи для помѣщенія въ „Нивѣ“, въ будущемъ 1881 году, у насъ есть, кромѣ массы художественно-выполненныхъ гравюръ, цѣлый рядъ капитальныхъ литературныхъ произведеній, какъ: большой историческій романъ изъ русской жизни XVIII в., автора известнаго историческаго романа, Вс. С. Соловьева: „СЕРГѢЙ ГОРБАТОВЪ“; большая повѣсть Н. Н. Каразина „СТАРЫЙ ЮДАШЪ“ (изъ жизни въ средне-азиатскихъ пустыняхъ) Н. Морскаго (автора романа „Купленное счастье“), большая повѣсть „ПОДЪ ЗЕМЛЕЮ“; повѣсть В. Г. Австенно „МГНОВЕНІЕ“; два разсказа Н. Успенскаго—„Охотники“ и „Небывалый случай“; два разсказа П. П. Гитдича „По домашнимъ обстоятельствамъ“ и „Подъ сѣномъ“; повѣсти А. С. Максимова: „На Востокѣ“, „Разсказъ Топографа“ и „На островѣ Аскольда“; разсказъ В. Петрова „Горные орлы“, изъ временъ Герцеговинскаго движенія; рядъ очерковъ по исторіи русской литературы—А. П. Миллюнова, П. П. Гитдича, Н. Бова и друг.; по естественнымъ наукамъ и гигиенѣ—А. Ф. Брандта, И. О. Фесенно, Н. Дружинина, Э. И. Нивиснаго и многія другія. Какъ преміи на будущій 1881 г. мы дадимъ (кромѣ большаго стѣннаго календаря на 1881 г., который будетъ приложенъ при первомъ № за 1881 годъ) двѣ превосходныя, исключительно для „Нивы“ исполненныя, большія акварели знаменитаго М. Зичи, придворнаго художника Е. И. Величества. Новыя двѣ картины М. Зичи изображаютъ двѣ сцены одной изъ лучшихъ поѣсокъ гениальнаго нашего писателя Н. В. Гоголя—„Тарасъ Бульба“. Первая сцена „Въ осажденномъ городѣ“, свиданіе Андрія, —младшаго сына Тараса Бульбы, который приноситъ тайно хлѣбъ въ замокъ—съ красавицей полькой. Вторая—„Встрѣча Тараса съ Андріемъ, послѣ его измѣны“ на полѣ битвы, подъ осажденнымъ городомъ. Тутъ художникъ удивительно блестяще воспользовался всѣми данными, какія представляютъ эти высоко-художественныя, превосходныя сцены. Преміи эти будутъ высланы, не смотря на значительные расходы за высылку (за одинъ картонный футляръ и почтовые марки въ 1880 году при выслѣкѣ премій было заплачено около 8,000 рублей, не говоря о самыхъ картинахъ), какъ и въ прошлыхъ годахъ—совершенно бесплатно для гг. годовыхъ подписчиковъ—не увеличивая за то подписной цѣны. Такимъ образомъ въ будущемъ 1881 году „НИВА“ получитъ еще новыя улучшения, еще болѣе дорогія преміи и въ ней появятся оригинальныя произведенія самыхъ талантливыхъ русскихъ писателей и художниковъ.

Кромѣ вышеуказанныхъ капитальныхъ литературныхъ произведеній, въ нашемъ распоряженіи находится разсказъ „БАРЫШНИКИ“ известнаго этнографа и путешественника по Россіи С. В. МАКСИМОВА, автора книгъ „На Сѣверѣ“, „На Амурѣ“, „Сибирь и каторга“ и многихъ другихъ, всей читающей Россіи известныхъ, произведеній.

Подробное объявленіе о подписныхъ цѣнахъ можно видѣть на 1-ой страницѣ номера подъ титуломъ. Желающихъ подписаться на будущій 1881 г. „Нивы“ просить заблаговременно обращаться прямо въ Главную Контору редакціи журнала „Нива“ помѣщающуюся въ С.-Петербургѣ, Больш. Морск. ул., д № 9. Издатель „Нивы“ А. Ф. Марковъ.

СОДЕРЖАНИЕ: Креаторъ „Ярославъ“ (съ рис.).—Король Духова дна. (Изъ народной жизни въ Венгрии въ 20-хъ годахъ).—Рассказъ Маара Ючая.—Мистеръ Динъ. Рассказъ Чарльза Моллиса.—Въ Че нгорин. Изъ пухонныхъ замковъ М. Дома.—Сомнгане труновъ (съ рис.).—Генералъ-адъютантъ С. С. Лессовскій (съ портр.).—Демонъ побѣжденный (съ рис.).—На рынкахъ въ переронну (съ рис.).—На собственной вѣтѣ (съ рис.).—Райская птица „веротиниковая“.—О часахъ (Раздѣленіе времени). Политическое обозрѣніе.—Смѣсь.—Шахматная задача.—Задача буквъ.—Въ нашихъ читателяхъ.—Объявленія.

Издатель А. Ф. Марковъ.

Редакторъ С. Бергъ.

**ЖЕЛАЮ КУПИТЬ
ДРЕВНОСТИ ИЗЪ ЗОЛОТА**

**И
СЕРЕБРА,**

какъ-то: золотыя эмальированныя табакерки, серебряныя кубки, кружки, блюда, группы и вообще всякаго рода золотыя и серебряныя вещи только прошлаго столѣтія, кромѣ монетъ. Прошу адресоваться къ г-ну Людвигу Бемъ, Москва, Петровка, домъ Пенсваго, ходъ съ улицы, противъ Петровской аптеки. № 1018 6-1

ОТЪ СОЛИТЕРА

и другихъ глинозвъ специально и скорое лечение въ Гигіенческой Лечебницѣ. Петербургъ, Владимирская ул., д. № 15. Лечение возможно и письменное. Тутъ-же печатается отъ снѣи (лица), заразныхъ болѣзней. К. № 961 10-5

**КЕЛЕРСКАЯ
ДУШИСТАЯ ВОДА**

Ц. № 902 13-9

Н О В О С Т Ь

К. № 840 3-3

ЛОЗЕ: ПАРФЮМЕРІЯ „ЛАНДЫШЪ“.

Лозе: Extrait quadruple, изъ Ландыша	Maiglöckchen
Лозе: туалетное мыло „ „	Maiglöckchen
Лозе: туалетный уксусъ „ „	Maiglöckchen
Лозе: помада „ „	Maiglöckchen
Лозе: масло „ „	Maiglöckchen
Лозе: косметическій фиксаторъ „ „	Maiglöckchen
Лозе: брилльянтинъ „ „	Maiglöckchen
Лозе: подушки съ духами „ „	Maiglöckchen

Для забаванія покупки поддѣльныхъ духовъ нужно требовать продукты Лозе парфюмера Ландышъ и особенно смотрѣть на мою вѣрную фирму:

Густавъ Лозе, парфюмеръ въ Берлинѣ,

поставщикъ Двора Ея Величества Императрицы Германской Имперіи.

Продается во всѣхъ лучшихъ парфюмерныхъ магазинахъ.

ДЕШЕВОЕ ДОМАШНЕЕ ОКРАШИВАНІЕ ВО ВСѢ ЦВѢТА

платевъ, лентъ, платковъ и проч. какъ и всякаго рода матерій посредствомъ совсѣмъ приготовленныхъ съ подробнѣйшими наставленіями красокъ продающихся въ аптекарскомъ магазинѣ КЕЛЕРА и К° въ Москвѣ.

Цѣна пачки съ достаточнымъ для окрашиванія большаго дамсваго платья количествомъ краски 30 к., 1/2 пакета 15 к. и 1/4 пакета 15 коп. Торговцамъ значительная скидка. Краски эти составляютъ ходкій предметъ торговли, въ особенности въ городахъ, гдѣ нѣтъ красильныхъ заведеній.

Ц. № 904. 4-4

ТОЛЬКО ЧТО ИЗДАНЫ И ПОСТУПИЛИ ВЪ ПРОДАЖУ:

Порядочный человѣкъ. Сѣтскія приличія для мужчинъ и женщинъ. Рассказъ о несчастіяхъ, постигшихъ молодого человѣка въздѣстие его неосторожества. Ц. 30 коп. съ переноской.

Смѣть какъ разбогатѣть. Сов. В. Франклина, перев. съ англ. Ц. 15 коп. Всенранный поставщикъ всего что угодно: отъ вѣленикъ до гроба и отъ булани до слова. Ц. 20 коп.

Совѣты матерямъ. Приданое младенца.—Воспитаніе со дня рожденія.—Поведеніе и благополучіе дѣтей. Любоз въ родителѣхъ. Ц. 20 коп.

Совѣты женщинамъ. Сохраненіе красоты и здоровья.—Туалетъ.—Отшель.—Совѣтъ землемѣ.—Совѣты хозяйкамъ.—Правила экономіи.—Совѣты оменцамъ.—Рассказы. Ц. 20 коп.

Необходимыя правила для приказчиковъ, конторщиковъ, кассировъ и другихъ служащихъ. Анекдоты изъ быта приказчиковъ. Ц. 20 коп.

Необходимыя правила для купцовъ, банкировъ и для всякаго дѣловаго человѣка. Анекдоты изъ купеческаго быта. Ц. 25 коп.

Поденки членовъ обществъ. Замѣчательныя дѣятели на этомъ поприщѣ. Настоящая книга для всѣхъ классовъ обоего пола. Ц. 1 р.

Выписывающіе всѣ эти сочиненія вмѣстѣ—высылаютъ всего 2 руб.

Окладъ комизъ изобрѣтеній І. Зегинеля, Невскій просп. д. № 4, СПб. № 991

**ТОРГОВЫЙ ДОМЪ
РУТКОВСКІИ, ГОЛОВИНЪ,**

№ 125, ГОСТИННЫЙ ДВОРЪ, № 125.

Большой выборъ готовыхъ дамскихъ вещей новѣйшихъ фасоновъ и лучшаго покроя Пальто, шубки, ротонды, мантіи, наряды, меховыя вещи и на ватѣ съ разною опушкою а также пальто для дѣвочекъ, отъ 3-хъ до 15-ти лѣтъ. Цѣны крайне умеренныя.

Заказы исполняются акуратно въ короткій срокъ.

Г-г. иногородныхъ просимъ присылать мѣрку длины вещей и объемъ груди, подъ мышкой, вокругъ корпуса и вокругъ бедеръ, съ обозначеніемъ роста, т. е., малый, средній или большой.

К. № 1013 3-2

St. Petersburger Zeitung.

156 Jahrgang.

Redacteur und Herausgeber P. v. Kügelgen.

Die deutsche „St. Petersburger Zeitung“ behandelt in der täglichen RUNDSCHAU und in LEITARTIKELN die neuesten politischen Ereignisse, folgt in ORIGINAL-CORRESPONDENZEN aus dem In- und Auslande, sowie in der täglichen Berichterstattung sorgfältig und rasch der Zeitentwicklung, schildert mit Hilfe zahlreicher Reporter das so ci le Leben der Residenz und bietet ausser dem feuilletonistischen „MONTAGSBLATT“, ein möglichst mannigfaltiges tägliches FEUILLETON (Novellen, Romane, gute Uebersetzungen, Literatur, Musik, deutsches, russisches, französisches Theater u. s. w.).

Der bedeutend erweiterte WIRTSCHAFTLICHE THEIL enthält zwei Mal wöchentlich besondere Beilagen, in denen Handel und Wandel, Landwirtschaft, Industrie und Technik eingehende, unsere heimischen Verhältnisse berücksichtigende Bearbeitung finden. Sämmtliche Publicationen der Reichsbank, solide Börsen- und Marktberichte (u. A. auch besonders des St. Petersburger Getreide- und des Spiritusmarkts), Fondskalender, Handels- und Industriemachrichten aller Art, täglich aus guten Quellen geschöpft, empfehlen das Blatt dem Geschäftsmann.

Die deutsche „St. Petersburger Zeitung“ wird im Jahre 1881 in besonderen Beilagen und ohne Abonnementserhöhung als einzige deutsche Zeitung sowohl die GERICHTLICHEN BEKANNTMACHUNGEN (судобныя объявленія) als die AMTLICHEN BEKANNTMACHUNGEN veröffentlichten.

Der ständig wachsende Leserkreis der Zeitung in den bestsituirten Kreisen der deutschen Gesellschaft, im Inlande wie im Auslande sichert den INSERATEN eine weitreichende und nutzbringende Verbreitung.

ABONNEMENTSPREISE:	St. Petersburg.	Russ. Reich.	Ausland.
1/4 Jahr	R. 3. 75	R. 4. —	R. 5. —
1/2 „	„ 7. —	„ 7. 50	„ 9. 50
1/1 „	„ 13. —	„ 14. —	„ 18. —

BESTELLUNGEN auf Abonnements und Annoncen bittet man an die ADMINISTRATION der „ST. PETERSBURGER ZEITUNG“, WOSNESSENSKIJ PROSPEKT № 4 zu richten; zur Bequemlichkeit des geehrten Publikums nehmen aber auch fast alle Annoncen-Bureaus und Buchhandlungen des In- und Auslandes solche entgegen.

К. № 1025 2-1

**ДЛЯ СВѢДѢНІЯ ПОЧТЕННѢЙШЕЙ ПУБЛИКИ И
ГОСПОДЪ ТОРГОВЦЕВЪ.**

Вслѣдствіе многочисленныхъ требованій на издѣлія Густава Лозе, въ Берлинѣ, парфюмера Ея Величества Императрицы Германской, онъ открылъ Генеральное Депо всѣхъ своихъ издѣлій, какъ-то: „Eau de Lys de Lobse, Maiglöckchen-Parfum, Savon au Lait de Lys, Maiglöckchen-Seife, Maiglöckchen-Pomade, Maiglöckchen-Poudre, Fixateur, Essig и пр. и пр. въ Варшавской Химической Лабораторіи, въ Гостиномъ Дворѣ, по Большой Садовой ул. № 48. Оптовымъ покупателямъ отускаются издѣлія его на тѣхъ же кондціяхъ, какъ имѣли прямо изъ Берлина, по цѣнамъ преісъ-куранта его.

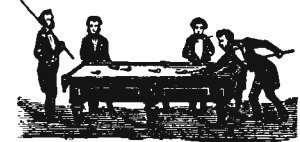
Иногороднымъ покупателямъ посылаются издѣлія, съ 15 руб. на счетъ Лабораторіи. Преісъ-куранты безплатно. № 1028 6-1

ОБЫДЕННАЯ ЖИЗНЬ.

Справочная книга съ объяснительн. рисунками. Составилъ Н. В.—вѣ. Цѣна 2 р. 20 к. Содержаніе: Домоводство, сохраненіе здоровья, леченіе болѣзней, воспитаніе дѣтей, руководство, предсказаніе погоды и проч. и проч.

Продается у всѣхъ книгопродавцевъ Петербурга и Москвы. Окладъ издаванія въ Москвѣ, на Петровкѣ, противъ Кузнечкаго моста, домъ Хомакова, у Н. М. Корнилова.

Выписывающіе изъ склада за пересылку не платятъ. Выбѣго копійкъ можно прилгать почтовыя маркі. № 981. 3-2

**Биллиардная Фабрика
А. ФРЕЙБЕРГЪ**

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Переводенъ: Немецкоязычій полкъ, но далеко отъ Троицкаго собора, по Троицкому проспекту, сѣв. домъ, № 13.

№ 1002 10-2

Библиотека „Руниверс“

С.-ПЕТЕРБУРГСКАЯ ХИМИЧЕСКАЯ ЛАБОРАТОРИЯ.

ВАЗЕЛИНЪ предпочтительно замѣняетъ во всѣхъ случаяхъ употребленіе жирныхъ веществъ и вліянію температурѣ не подвергается.
ПОМАДА ВАЗЕЛИНЪ превосходитъ качествомъ всѣ извѣстные средства придаетъ волосамъ мягкость и блескъ и содержитъ голову въ чистотѣ и свѣжести.
КОЛЬДЪ КРЕМЪ ВАЗЕЛИНЪ отличается особенною нѣжностью дѣйствуя на кожу благопріятно и освѣжительно, придаетъ бланету.

ОСТЕРЕГАТЬСЯ ПОДРАМАНИЙ

въ которыхъ прибѣгаютъ къ некоторымъ фабрикантамъ, принявше названія фирмъ, бывше подходящихъ въ фирмѣ С.-Петербургской Химической Лабораторіи, и конструирующіе наружній видъ произведеній ея.

Обращать вниманіе при покупкѣ каждаго предмета на точность фирмъ:

„С.-П.-БУРГСКАЯ ХИМИЧЕСКАЯ ЛАБОРАТОРИЯ“.

ЕДИНСТВЕННЫЕ МАГАЗИНЫ ВЪ С.-ПЕТЕРБУРГѢ:

- 1) Невскій проспектъ, д. № 82, Католич. церковь.
2) Невскій просп., у Англичова моста, № 66.
3) Вознесенскій просп., уголъ Кавказской ул., домъ № 18—54, Шредера.

Всѣ прочіе, магазины и лавки, имѣющіе вывѣски, сходныя съ вывѣскою С.-Петербургской Химической Лабораторіи, ея не принадлежатъ. 1—2

Извѣстнѣйшій шведскій бальзамъ провизора Кинунена

„ЭЛЕОПАТЪ“

Органическій бальзамъ для способствованія хорошаго роста волосъ даже при дурныхъ случаяхъ.

Элеопатъ есть бальзамъ, мною составленный изъ органическихъ веществъ для роста волосъ. Онъ полезенъ не только для украшенія волосъ, но послѣ недолгаго употребленія, какъ показываетъ опытъ многочисленныхъ случаевъ, составляетъ прекрасное средство для уничтоженія столь вредной росту волосъ перхоти, а также вполнѣ предупреждаетъ ихъ выпаденіе.

По своимъ составнымъ частямъ, Элеопатъ имѣетъ такія свойства, что волосъ отъ его употребленія дѣлаются мягкими, гладкими и не подвержены вліянію климата и непогоды. — Составляя для здоровья безвредное средство, онъ приобрѣлъ уже хорошую репутацію и продолжаетъ пользоваться спросомъ со стороны лицъ, цѣнищихъ чистые, хорошіе и густые волосы.

Въ теченіи 4-хъ мѣсяцевъ продано въ Петербургѣ 18,000 флаконовъ, въ провинціи 10,000 флаконовъ.

Способъ употребленія прилагается при каждомъ флаконѣ, цѣна 1 р. 50 к. за флаконъ, содержащій 120 граммъ. Гр. иногороднымъ высылаются на мѣсяцъ 2 фл. 4 р. Во избѣжаніе при покупкѣ поддѣлокъ, слѣдуетъ обратить вниманіе на мою лѣдичку на каждой оберткѣ.

Адресъ для иногородныхъ: въ депю „Элеопата“, ПАССАЖЪ, № 52.

УСПѢХЪ МОИХЪ

СИТРОНАДА И ОРАНЖАДА МОСКОВИТЪ,

заелужившихъ въ короткое время одобреніе публики, дали мнѣ поводъ приготовить и другіе фруктовые соки, именно:

ЧЕРНОСМОРОДИНОВЫЙ, МАЛИНОВЫЙ И ВИШНЕВЫЙ,

для лимонадовъ, фруктового кваса, для домашняго приготовленія въ сифонахъ, какъ и для фабричнаго производства самыхъ (!) лучшихъ шипучихъ ягодныхъ водъ, равнымъ образомъ для разнаго рода кушанья: мороженого, желе, киселя и пр. Соки эти поступили теперь въ продажу въ магазинѣ моемъ, подъ фирмою: Р. Илльеръ и К° въ Москвѣ, на Никольской улицѣ, по 1 рублю сер. за большую шампанскую бутылку.

Р. Илльеръ. № 1008 3—2

БЛАГОВОННЫЕ ТОВАРЫ

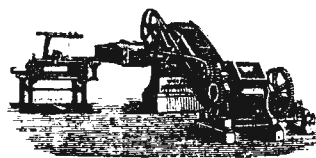
ФАБРИКИ

Брокеръ и К° въ Москвѣ,

удостоенные медалью на всемирной Парижской выставкѣ, можно получать въ С.-Петербургѣ:

У Рузанова, Савельева, Сафронова, Аверьянова, Урлаубъ и Рейнбергъ, Литейная, на углу Бассейной и у прочіихъ торговцевъ. № 963 5—3

Торфяныя и кирпичедѣлательныя машины и мѣшалки.

для извести и цемента новѣйшихъ конструкций имѣются въ складѣ у инженера

Людвига Федоровича Шликейзенъ.

Москва, Мясницкая, домъ Ермаковичъ. Иллюстрированные каталоги по востребованію. Ц. № 1005 3—2

ВЫШЛА ВЪ СВѢТЪ НОВАЯ КНИГА:

КНЯЗЬ БОРИСЪ ЩЕГЛЕВЪ

Историч. ром. изъ временъ татарскаго погрома. Соч. П. А. Салманова (автора повѣсти „Дѣла“) Спб. 1881 Ц. 1 р. 80 к. съ перес. 2 р. Прод. у иногород. Петербурга и Москвы и въ книжн. складѣ Стасюлевича (В. О. 2 лин., д. № 7). № 1029

Слѣдующимъ за на уроку и литературою, Книгопродавцамъ, Библиотечарямъ, Любителямъ книгъ:

РОССИЙСКАЯ БИБЛИОГРАФІЯ

ВѢСТНИКЪ КНИЖНО-ТОРГОВАГО И ПЕЧАТНАГО ДѢЛА. УКАЗАТЕЛЬ НОВЫХЪ ПРОИЗВЕДЕНІЙ Литерат., Ученыхъ и Лудожеств.

1881. издав. по оффиц. свѣдѣніямъ, съ содѣйств. извѣст. библиофиловъ, библиографовъ, книгопродавцевъ, гр. библиотечарей, ученыхъ учреждений и др., книгопродавцемъ ЭМИЛЕМЪ ГАРТЬЕ въ С.-П. Бургѣ. Рекоменд. Мин. Нар. Просв. для Библиотекъ Ср. Уч. Зав. и одобрена для Библиот. къ Учит. Инстит. и Семинаріямъ.

Въ журналѣ принимаютъ участіе: Я. Ф. Березинъ-Ширяевъ, П. В. Быковъ, А. Ф. Бычковъ, Н. М. Вакуловскій, П. П. Васильевъ (Казань), К. С. Веселовскій, И. В. Гершель, П. А. Ефремовъ, А. Н. Гусевъ (Харьковъ), С. Ф. Наратаевъ, Д. Ф. Оболенъ, В. И. Чежовъ, Графъ Г. А. Милорадовичъ, П. Н. Петровъ, А. А. Повствовъ, А. И. Савельевъ Н. П. Собно, И. Ф. Тоняновъ (Москва), Ш. Шалиминъ Ф. Н. Засволицъ и др.

СОДЕРЖАНІЕ №№: I. Хроника.—Библиофиль: Описание рѣдкихъ книгъ.—Библиогр. вопр. см.—Библиотечное дѣло.—Книжный рынокъ.—Книжно-торговое дѣло.—Разнаа замѣтки.—Новости и слухи.—Библиограф. листокъ (рецензій).—Послѣднія книжныя новости.—Книги, готовящ. къ печати. II. Указатель всѣхъ новыхъ русскихъ и ваши. иностр. III. Указатель нов. статей въ журналахъ и газет. IV. Объявленія гг. книгопродавцевъ, авторовъ и издателей.—Предложенія и требованія рѣдкихъ или подерж. книгъ. Выходитъ 2 раза въ мѣс. Ц. за годъ съ дост. и пер. 5 руб.,—за 6 мѣс. 2 р. 50 к. Годъ I (1879) распр., 10 р. Годъ II (1880) полный, 8 р. (безъ №№ 2—5, кот. распр., 4 р.). (Пробный № бесплатно).

СОКРАЩЕННАЯ РОССИЙСКАЯ БИБЛИОГРАФІЯ.

1881. ЕМЕЧСАЧНЫЙ КАТАЛОГЪ ВАЖНѢЙШИХЪ НОВЫХЪ РУССКИХЪ И ИНОСТРАН. КНИГЪ ГОДЪ III.

извлеченіе изъ Российской Библиографіи. За годъ съ дост. и перес. 1 р. с. (Пробный № бесплатно). Подписка принимается: Въ Книжномъ Складѣ „Росс. Библиогр.“ Эмиля Гартъе, Невскій пр. № 27, у Кавказскаго моста, въ С.-Петербургѣ, и въ др. городкахъ у всѣхъ извѣстныхъ книгопродавцевъ. № 1032. 1—1

Съ 1-го Января 1881 года, въ С.-Петербургѣ, выходитъ

НОВАЯ ЕЖЕДНЕВНАЯ ГАЗЕТА

ПОЛИТИЧЕСКАЯ И ЛИТЕРАТУРНАЯ

„ПОРЯДОКЪ“

подъ общемою редакціею съ журналомъ „Вѣстникъ Европы“ и съ участіемъ всѣхъ его постоянныхъ сотрудниковъ.

ЦѢНА ПОДПИСКИ:

Table with subscription rates: Безъ доставки: Съ достав. Съ пер. За границ. Три мѣсяца. 3 р. 50 к. 4 р. 3 р. 7 р. Полгода 7 „ — „ 8 „ 9 „ 13 „ Годъ 14 „ — „ 16 „ 17 „ 25 „ Мѣсяцъ: безъ доставки 1 р. 25 к.; съ доставкою 1 р. 50 к.; съ пересылкою 1 р. 75 к. за границую 3 р.

Разсрочка для полученія газеты безъ доставки и съ доставкою на домъ—возможна; такъ какъ при подпискѣ на четверть года или полгода подписальна цѣна не повышается, для иногородныхъ же и иностранныхъ подписокъ по частямъ нѣсколько повышена, вследствие необходимости высылать у насъ газету по иногородной почтѣ съ адресами.

Подписка принимается въ Главной Конторѣ журнала „Вѣстникъ Европы“ въ С.-Петербургѣ, на Вас. Остр., 2-я линія, 7; иногородные обращаются по почтѣ въ редакцію Спб. Галерная, 20, а лично—въ Главную Контору.—Тамъ же принимается частныя извѣщенія и объявленія для напечатанія въ газетѣ.

Издатель и отвѣтственный редакторъ М. Стасюлевичъ. № 994 5—2

ОТКРЫТА ПОДПИСКА

годъ второй. НА 1881 ГОДЪ годъ второй. НА ЕЖЕДНЕВНУЮ ПОЛИТИЧЕСКУЮ, ОБЩЕСТВЕННУЮ И ЛИТЕРАТУРНУЮ ГАЗЕТУ „РУССКІЙ КУРЬЕРЪ“.

УСЛОВІЯ ПОДПИСКИ:

Table with subscription rates: Безъ дост. и пересылки. Съ доставк. въ Москвѣ. Съ перес. во всѣ города. На годъ . . . 7 р. 60 к. На годъ . . . 8 р. 60 к. На годъ . . . 9 р. — к. 6 мѣс. . . . 4 „ 30 „ 6 мѣс. . . . 4 „ 50 „ 6 мѣс. . . . 5 „ — „ 3 „ 2 „ 30 „ 8 „ 2 „ 50 „ 3 „ 2 „ 75 „ 1 „ — „ 90 „ 2 „ 1 „ — „ 1 „ 1 „ 10 „ Подписка принимается въ конторѣ изданія: Москва, Москворецкій мостъ, д. Н. П. Ланна. № 1010 6—2

ВАЖНО ДЛЯ ЗЕМЛЕДѢЛЬЦЕВЪ И ЛЮБИТЕЛЕЙ

СЕЛЬСКАГО ХОЗЯЙСТВА.

Знаменитыя молотилки Вейля, получившія европейскую извѣстность, необходимы въ каждомъ сельскомъ хозяйствѣ. Онѣ доставляются въ меньшихъ и въ большихъ размѣрахъ и съ разною производительностью, на всѣхъ станціяхъ желѣзныхъ дорогъ въ Россіи, готовы къ употребленію. Можно писать по русски, чтобы получить ближайшія подробности и каталоги, въ машинномъ заводѣ

МОРИЦА ВЕЙЛЬ младш. въ Франкфуртѣ на Майнѣ Германія.

Иллюстрированный Альбомъ съ подробнымъ описаніемъ и рисунками посылается заказнымъ и франко по высылкѣ 90 коп. почтов. марками. Рг. № 982. 10—2.

ОБЪ ИЗДАНИИ ВЪ 1881 ГОДУ

СОБРАНИЯ

ИНОСТРАННЫХЪ

РОМАНОВЪ, ПОВѢСТЕЙ и РАЗСКАЗОВЪ ВЪ ПЕРЕВОДѢ НА РУССКІИ ЯЗЫКЪ.

Желая ознаменовать двадцатипятилѣтіе „Собрания Романовъ“, издающагося съ 1856 года, Редакція, кромѣ двѣнадцати ежемѣсячныхъ книгъ, дастъ въ будущемъ 1881 году премію, юбилейный номеръ, составленный изъ сочиненій русскихъ писателей. Тамъ будутъ помѣщены: Рабыня, повѣсть В. Г. Австенко. Изъ міра шведской и финской поэзіи, Академика Я. К. Грота. Исторической разсказъ Г. П. Данилевскаго. Разсказъ Н. С. Лыскова. Обзоръ новѣйшей русской литературы. А. П. Милокова. Маринъ д'Оврисъ д'Онельзя, разсказъ его же. Статья В. В. Стасова. Три дня въ жизни молодого человека, повѣсть Е. Н. Ахматовой. Во всемъ остальномъ, Редакція будетъ держаться прежней программы, т. е. давать лучшіе и интереснѣйшіе романы преимущественно англійскіе и французскіе, и избѣгать по возможности, не смотря на громкое имя автора, тѣхъ, которые печатаются въ другихъ журналахъ, такъ чтобы „Собрание Романовъ“ составляло сборникъ такихъ статей, которыхъ читатели не могутъ найти, кромѣ „Собрания“, нигдѣ. Къ печати приготовлено пока:

ЗАГАДОЧНЫЯ ПРОИСШЕСТВІЯ ВЪ ГЕРОН-ДАЙСКОМЪ ЗАМКѢ. ПОИСКИ ВЪ РАЗНЫХЪ СТРАННЫХЪ МѢСТАХЪ. ПЕСЧАНЫЙ ГОРОДЪ, Жаколио. МОНТОНЕРО, Густава Эмара. Какіе еще романы будутъ помѣщены въ 1881 году, читатели увидятъ изъ объявленій, печатающихся ежемѣсячно въ газетахъ.

Гоговое издание „Собрания Романовъ“ состоитъ изъ двѣнадцати книгъ большаго формата, въ которыхъ помѣщаются отъ десяти до двѣнадцати романовъ, и столько повѣстей и разсказовъ, сколько позволитъ объемъ книжекъ, составляющихъ въ годъ около трехсотъ печатныхъ листовъ, или около пяти тысячъ страницъ. Цѣна за всѣ 12 книгъ, выходящихъ всегда въ началѣ мѣсяца—десять рублей пятьдесятъ копѣекъ, съ доставкою въ С.-Петербургъ—одиннадцать, для иногородныхъ подписчиковъ—двенадцать рублей. Подписка принимается исключительно на имя издательницы, Елисаветы Николаевны Ахматовой, въ домъ Жербина, на Михайловской Площади въ С.-Петербургѣ.

№ 1023

2-1

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1881 ГОДЪ.

СЕМЬЯ и ШКОЛА.

1) ПОЛНЫИ журналъ, изданія годъ XI. Подп. цѣна на годъ съ дост. и перес. 12 р. Отдѣльно: 2) на Иллюстрированный отдѣлъ для дѣтей (12 книгъ) 10 р.; 3) на Учебно-воспитательный отдѣлъ съ Педагогическою хроникой (10 №№ книгъ и 40 №№ Педаг. хр.) 5 р. Подписка адресуется въ Спб., Васильевскій островъ, 15 линія, д. 8, въ конурѣ журнала „Семья и Школа“.

№ 999 10-2

Выпущенъ въ свѣтъ и продается у издателя М. Якобсона, Спб. Эртелевъ пер., 7, кв. 5 и во всѣхъ вѣдѣмыхъ книжныхъ и букинистскихъ магазинахъ Россійской имперіи

ЖИВОПИСНЫЙ ОВИХОДНЫЙ КАЛЕНДАРЬ на 1881 г. съ приложениемъ

СТѢННАГО КАЛЕНДАРЯ. Печатанъ на розовой бумагѣ, съ художественно исполненными рисунками, въ объемѣ 60-70 страницъ. Содержаніе: Свѣдѣнія церковн., астрон., генеалогическ., географическо-статистическія истор., почтовыя, телеграф., желѣзно-дорож., коммерческія, медицин., хозяйствен., адресоуказат., разсказы, анекдоты, ребусы, стихотворенія, портреты, каррикатуры, загадки и проч. Цѣна выскѣ со „СТѢННЫМЪ КАЛЕНДАРЕМЪ“ 30 коп., въ пересылку 10 копѣекъ. Рг. № 1026 5-1

Поступила въ продажу НОВАЯ КНИГА:

„МУЧЕНИКИ НАУКИ“.

Соч. Гастона Тиссандье. Переводъ съ французскаго, подъ редакціей Ф. Павленкова. Спб. 1880 г. 360 стр., съ 35 гравюрами и 20 портретами. Цѣна 2 р. 50 к. Складъ въ книжн. маг. В. А. Демлева. № 1021

№ 1024

Съ 1-го декабря будетъ выходить въ Петербургѣ новая ежедневная, политическая и литературная газета:

„МИНУТА“.

Цѣль редакціи—создать живой органъ, отвѣчающій вдумамъ нерабочаго общества. Отдѣлъ политическій будетъ отличатся ясностью изложенія, хроника — новизною, рецензіи — безпристрастіемъ, отдѣлъ сатирическій—изящнымъ и безобиднымъ для личности остроуміемъ.

Въ фельетонѣ съ 1-го № начнется печатаніе романа изъ эпохи новѣйшихъ русскихъ событій, подъ заглавіемъ: „Разрушители“.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

Table with 3 columns: Rate type, Yearly, Half-yearly, Monthly. Rows: Безъ доставки, Съ доставкою, Съ пересылкою.

Подписка принимается въ конторѣ газеты: Петербургъ, уголъ Большой Итальянской и Большой Садовой, д. Крафта.

Редакторъ-издатель И. А. Баталинъ (Оса). № 1022

ПОДПИСКА НА

„БИРЖЕВЫЯ ВѢДОМОСТИ“

СОЕДИНЕННОЕ ИЗДАНИЕ

„БИРЖЕВАГО ВѢСТНИКА“ и „РУССКАГО МІРА“.

Постепенное развитіе изданія, — преобразовавшагося въ теченіи года изъ еженедѣльнаго журнала „БИРЖЕВОЙ УПАТЯТЕЛЬНОСТИ“... Успѣхъ изданія объясняется обиліемъ и точностью всѣхъ сообщаемыхъ газетою свѣдѣній и корреспонденцій, а также непреклоннымъ слѣдованіемъ по разъ начертанной программѣ „стоятъ на стражѣ интересовъ русской публики и русскаго торгова-финансоваго міра“...

Помѣщая, между прочимъ, также политическій, общественный, литературный и музыкально-театральный отдѣлы, газета остается, какъ донынѣ, преимущественно газетою биржи, финансовъ, торговли и промышленности, сохраняя притомъ свое нынѣшнее бесплатное прибавленіе — „Тиражный Листокъ“, а также и другія, специально торгово-финансовыя прибавленія.

Редакціей обращено особенное вниманіе на ТОВАРНЫЙ ОТДѢЛЪ, въ которомъ участвуютъ уже нынѣ болѣе 80 русскихъ и заграничныхъ корреспондентовъ-специалистовъ.

Въ газетѣ сосредоточивается отчетность русскихъ акціонерныхъ и прочихъ кредитныхъ учрежденій.

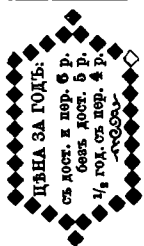
Подписная цѣна съ доставкою и пересылкою:

Table with 3 columns: Rate type, Yearly, Monthly. Rows: На 1 годъ съ 1 января 1881 г., 1/2 года, 1/4 года, 1 мѣсяць.

Контора редакціи помѣщается въ С.-Петербургѣ, по Малой Морской ул., въ д. 19, кв. 2, куда просимъ адресовать подписныя требованія.

Редакторъ: П. С. Манаровъ.

Издатель: С. М. Пропперъ. № 1004 4-1

ШУТЪ

ПОДПИСКА НА 1881 ГОДЪ.

ЕЖЕНЕД. ХУДОЖ. и ЮМОР. ЖУРНАЛЪ КАРИКАТУРЪ,

ПЕЧАТАЕМЫХЪ КРАСКАМИ ВЪ НѢСКОЛЬКО ТОНОВЪ (ХРОМОЛИТОГРАФИЯ).

Содержаніе: въ годъ 52 №№ большаго формата, 166 большихъ рисунковъ, исполненныхъ красками, болѣе 350 рисунковъ въ одну краску, и 260 страницъ текста въ прозѣ и стихахъ. Для годовыхъ гг. подписчиковъ въ видѣ преміи—роскошный альбомъ изъ 20 листовъ картинъ-гравюръ, рисунковъ и эскизовъ, на полученіе коего благотворитъ приложити: безъ доставки и пересылки 1 р., съ доставкой и пересылкой 1 р. 50 к.

НИВА

ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ
ЖУРНАЛЪ
ЛИТЕРАТУРЫ

XI годъ
№ 48

ПОЛИТИКИ И СОВРЕМЕННОЙ ЖИЗНИ.

годъ XI
1880

ВЫХОДИТЬ ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫМИ №№ въ ДВА ЛИСТА СЪ 6—10 РИС. И ЕЖЕМѢСЯЧ. ДАРОВЫМЪ ПРИЛОЖЕНІЕМЪ „ПАРИЖСКИХЪ МОДЪ“ (отъ 20 до 40 модъ. рис.)
Выдаѣтъ 29 Октября 1880 г. и ЛИСТА ЧЕРТЕЖ. ВЫПРОЕКТЪ (отъ 22 до 30 рис.) разн. рис. рукод. работъ (отъ 20 до 40 рис.) Цѣна этаго № „Нивы“ 15 к. съ перес. 20 к.

Открыта подписка на 1881 годъ.

Подписная цѣна на годовое издание „НИВЫ“.

Безъ доставки 4 р. въ Петербургѣ . . . 4 р. Съ доставкою 5 р. въ Петербургѣ . . . 5 р. Безъ доставки въ Москвѣ чрезъ кн. магаз. гг. Шапошникова, Соловьева, Лангъ, Девяткина и Живарева. 5 р. Съ пересылкою въ Москву и др. города Россіи . . . 6 р. За границу . . . 8 р.

Просимъ гг. ИНОГОРОДНЫХЪ подписчиковъ НЕ ЗАМЕДЛИТЬ ВОЗВООБНОВЛЕНІЕМЪ подписки, такъ какъ, при общемъ числѣ 55,000 подписчиковъ, приготовленіе ПЕЧАТНЫХЪ АДРЕСОВЪ требуетъ много времени.

Подписка на 1880 г. продолжается. Подписавшійся получаетъ журналъ съ перваго номера со всѣми преміями.

КОНТОРА ЖУРНАЛА „НИВА“ ПОМѢЩАЕТСЯ ВЪ С.-П.-БУРГѢ НА Б. МОРСКОЙ, ВЪ Д. № 9.

Константинъ Петровичъ Побѣдоносцевъ.

Назначеніе Константина Петровича Побѣдоносцева Оберъ-Прокуроромъ Святейшаго Синода было встрѣчено общимъ сочувствіемъ, такъ какъ имя его давно было извѣстно по его ученымъ и литературнымъ трудамъ, также какъ и опытность его какъ въ юридическихъ такъ и въ государственныхъ вопросахъ. Юристъ по образованію (кончилъ курсъ въ Им. Учили. Правовѣденія въ 1846 г.), Константинъ Петровичъ первые годы службы посвятилъ судебному вѣдомству, начавъ сперва въ скромномъ званіи помощника секретаря, потомъ секретаря и наконецъ Оберъ-Секретаря въ одномъ изъ департаментовъ Московскаго Сената. Выполняя свои столярногостороннія служебныя обязанности, Константинъ Петровичъ въ тоже время не оставлялъ и научныхъ трудовъ; тогда же онъ печаталъ свои интересныя извѣстныя статьи въ „Русскомъ Вѣстникѣ“ и занималъ въ Московскомъ Университетѣ кафедру гражданскаго права до

К. П. Побѣдоносцевъ. Оберъ-Прокуроръ Святейшаго Синода
Рис. Лебедевъ, грав. Б. Пудъ.

1860 года, когда былъ приглашенъ для преподаванія юридическихъ наукъ покойному Наслѣднику Цесаревичу Николаю Александровичу и Великимъ Князьямъ Александру и Владиміру Александровичамъ. Въ Петербургѣ онъ оставался недолго и уже въ 1862 году его снова видѣли въ Москвѣ, сначала въ званіи чиновника за Оберъ-прокурорскимъ столомъ, а потомъ въ должности Оберъ-Прокурора 8-го департамента Сената. Дальнѣйшая служебная дѣятельность Константина Петровича принадлежитъ всецѣло Петербургу. Здѣсь въ 1865 году онъ былъ назначенъ членомъ консультаціи, въ 1868 году—Сенаторомъ, а 1-го января 1872 года членомъ Государственнаго Совѣта. Къ послѣднему времени, когда Константинъ Петровичъ занималъ уже высшія государственныя должности, относятся и тѣ его ученые и литературныя труды, которые доставили ему полную заслуженную извѣстность. Изъ этихъ трудовъ мы помнемъ:

„Письма о путешествіи Государя Наслѣдника отъ Петербурга до Крыма“ (1864), „Курсъ Гражданск. права“ (1868), „Судебн. руководство“, „Историческія изслѣдованія и монографіи“ и переводъ знаменитаго творенія Эммы Кемпійскаго „О подражаніи Христу“.

Призванный 22 апрѣля текущаго года къ исполненію высокой и важной обязанности Оберъ-Прокурора при Святѣйшемъ

Синодѣ, Константинъ Петровичъ на первыхъ же порахъ отнесся къ своему новому назначенію съ свойственною ему осторожностью и добросовѣтностью и счелъ необходимымъ лично ознакомиться съ внутреннимъ устройствомъ многихъ епархій, чтобы имѣть прочныя данныя для будущихъ мѣропріятій, которыхъ отъ него ожидаютъ.

Н о ч ь .

Разсказъ дѣвочки.

Н. Морскаго.

Вѣдныя вы, брошенныя, покинутыя...

I.

Мамаша умерла, когда мнѣ было только четыре года и я ее не помню. Теперь я большая, мнѣ ужь одиннадцать лѣтъ исполнилось 8-го сентября, а теперь октябрь, значить двѣнадцатый пошелъ. Вотъ я вамъ все, все разскажу по порядку. Папа мой милый, какъ онъ меня любилъ! Бывало придетъ передъ сномъ благословить, а я въ постелькѣ ужь лежу, нарочно глазки закрою такъ, что только крошечныя щелочки въ глазахъ оставлю, чтобы видѣть его, а онъ думаетъ, что я сплю, свѣчу рукой заслоняетъ, на ципочкахъ крадется... Тогда я не утерплю и засмѣюсь... Онъ и спроситъ:

— Не спишь, моя крошка?

И бывало присядетъ на постельку, свѣчку на столъ поставитъ... Я глаза открою и молчу, гляжу на него, посмѣиваюсь... Ахъ папа, папа мой дорогой, посмотрѣла бы я на тебя теперь, хоть разочекъ!.. И Тереза, кукла моя, что ты мнѣ на именины подарилъ, тоже объ тебѣ соскучилась... Мы съ ней часто о тебѣ говоримъ, папа. Она, знаешь, какая шалунья? И я ей, когда шалить, пригрожу (маленькія такія бываютъ ужасныя шалуньи, съ ними безъ строгости нельзя, папа) папѣ, Тереза, все, все разскажу... Тогда она отвѣчаетъ:

— Папочка добрый, разсказывай, не боюсь я нисколько...

Вотъ и заспоримъ, и потомъ объ заплачемъ. Право, право и у Терезы по ея румянымъ щечкамъ изъ голубыхъ глазокъ слезы кажутся льются!.. Даже слѣды на щечкахъ остаются. Да, когда же, папа, мы увидимъ тебя?!

Вотъ я и заговорила о другомъ, о Терезѣ вспомнила, а хотѣла о папѣ разсказать... Онъ меня спрашиваетъ:

— Почему ты не спишь, сокровище мое!

— Весело.

Да, весело. Папа съ утра въ должность отправится, Акулина тоже со двора уйдетъ, или въ кухнѣ возится, а я одна. Тогда я запрუსь и отпираю только, какъ Акулина мнѣ черезъ дверь крикнетъ, что это она, а не чужой кто пришелъ. Вотъ останусь одна, въ уголкѣ у окна стулъ поставлю, Терезу противъ себя съ книжкой посажу и учу ее. Она ужасная баловница и я ее наказываю, въ уголъ ставлю. Я у папы не такъ училась, когда онъ приходилъ изъ должности. Ахъ, папа такъ бывало устанетъ всегда... Я его посажу: не двигайся, милочка! и раздѣваю его, тащу съ него сюртукъ. А онъ смѣется: ахъ ты, говоритъ, крошка! Потомъ сядемъ обѣдать; я три стула поставлю: папочкѣ, себѣ и куклѣ Терезѣ. Тереза только сладкое любила, хоть я ей сколько разъ говорила, что говядину тоже надо кушать... для росту... А когда папа пообѣдаетъ, сядетъ дѣла рѣшать... Этихъ дѣлъ онъ ужасно много съ собой приносилъ и я спросила его разъ:

— Какія это, папочка, дѣла?

— Люди, говоритъ между собою ссорятся, а я ихъ мирю.

Я подумала и говорю:

— Это ты, папа, хорошо дѣлаешь. Зачѣмъ ссориться?

Папа вздохнулъ и говоритъ:

— Хорошо, крошка, но лучше было бы, если бы такихъ дѣлъ и совсѣмъ не было.

Папа такъ до глубокой ночи за дѣлами, а я съ Терезой... Вотъ онъ и крикнетъ, какъ мнѣ время ложиться:

— Ложись, крошка.

Я уложу сперва Терезу, а потомъ и сама улягусь. Вотъ тогда-то и придетъ папа, а я и представлюсь что сплю, да не выдержу и засмѣюсь. А потомъ вскочу съ постельки, нависну на шею папѣ... Да когда же, когда же это все вернется?..

II.

Папа всегда присядетъ на край кровати и закуритъ папирску. Вотъ тутъ-то мнѣ весело дѣлалось. Тогда я начну съ нимъ болтать и онъ болтаетъ и ясный такой и веселый сдѣлается; просто бы кажется только на него и смотрѣла! И вотъ я тогда съ папой разные разговоры разговаривала, а онъ все мнѣ отвѣчаетъ, Разъ я его спрашиваю:

— И ты, папа, скоро заснешь?

— Нѣтъ, говоритъ, крошка, мнѣ надо еще заняться. Дѣло, говоритъ, одно надо разсмотрѣть еще.

А я спрашиваю:

Опять помирить кого-нибудь?

— Опять,—говоритъ.

А я тогда посмотрѣла на него да и говорю:

— А ты однако усталъ.

— Да, говоритъ,—очень.

— Такъ ложись, завтра помирись, пусть, говорю, до завтра немножко поссорятся.

Такъ и рѣшила. Папа размѣлся и потомъ вдругъ озабоченный такой сдѣлался, сталъ торопиться папирску курить и говорить:

— Нѣтъ, Анночка, такъ не хорошо. Мнѣ надо это поскорѣе окончить, моя крошка. Я, говоритъ, за это жалованье получаю.

— Да вѣдь ты же усталъ и скучно тебѣ?

Вотъ я папу не узнала! Такой онъ тогда скучный сдѣлался, что я даже задумалась. Вѣдь мирить и дома и дома все кому-то примирительныя письма писать и въ должность за этимъ ходить, а скучаетъ. Добро дѣлаетъ, а скучаетъ... Нѣтъ, папа, я не понимаю...

Тогда папа мнѣ и разъяснилъ. Дѣло дѣлать, работать, всякій говорить, долженъ. Надо только чтобы работа была по сердцу. Вотъ тогда не скучно и не тяжело. А если говорить, немилымъ дѣломъ заниматься, только, говорить, изъ-за того, чтобы сытымъ быть,—это, говорить, тяжело и скучно. А мое дѣло, говорить, потому тяжело, что хоть я, какъ говорилъ тебѣ, и мирю людей, да отъ этаго ссоры эти на землѣ не прекращаются, а еще точно все больше да больше ихъ. Потомъ всталъ и простился со мною:

— Прощай дитя, прощай моя крошка. Выростешь—поймешь мои слова, а теперь спи себѣ спокойно...

III.

Вотъ такъ жили мы съ папой. У насъ было три комнаты и кухня. Въ кухнѣ Акулина жила, а домъ нашъ на дворѣ стоялъ. Акулина добрая была, только все молчала, а когда что скажетъ, такъ ничего у нее не поймешь... Ей скажешь, поставь, Акулина, самоваръ, а она на это заговоритъ, что ничего не поймешь. А добрая была. А папочка все въ должности, а я одна. Такъ долго жили мы, и зиму, и лѣто жили и никто у насъ не бывалъ, и мы нигдѣ не бывали. Лѣтомъ, по воскресень-

ямъ, папа гулять меня въ садъ большой такой водилъ. Отличный садъ! На улицѣ жарко, а въ садъ этотъ войдешь—совсѣмъ деревья отъ солнца закрываютъ. И дѣтей много, много, все хорошенькія такія, а я дѣтей мало видала, одна росла, все одна... И хочется съ ними поиграть, а какъ-то боюсь и не умѣю. Такъ издали поглядываю. Вотъ съ папочкой у меня разговоръ всегда. Имъ да Терезой только и жила. Вернемся домой я и разболтаюсь, смѣюсь и шалю, а чуть при другихъ дѣтихъ, молчу и смотрю изподлобья. Такъ и шло время.

Вотъ разъ идемъ мы съ папой по этому чудесному саду, папа мнѣ и рассказываетъ, что давно, давно, еще до того, какъ онъ на мамѣ женился, гдѣ-то далеко, въ какой-то чужой землѣ—онъ такой садъ видалъ, гдѣ всякіе звѣри въ клѣткахъ жили. Зеленъ, говоритъ, цвѣты и вездѣ пруды голубые, бесѣдки изъ цвѣтныхъ изразцовъ, а въ бесѣдкахъ клѣтки съ разными звѣрями, птицами, ящерицы съ змѣями живыми... А змѣи, говоритъ, чтобы имъ теплѣе было, въ тряпки завернуты. А потомъ тамъ птицы красныя. Я слухала, а папа вдругъ замолчалъ, не кончилъ, схватилъ меня за руку... точно испугался чего.

— Пойдемъ, говоритъ, сюда...

И повернулъ въ сторону... Я оглянулась: чего это испугался папа? Вотъ и вижу—идетъ за нами дама какая-то. Ростомъ невысокая, въ черномъ платьицѣ, коротенькомъ такомъ, ботинки видно. Шляпка соломенная круглая, а лицо у дамы маленькое, немного больше моего—блѣдное и худое. Я посмотрѣла на даму; вижу и она всматривается въ папу. А папа не оглядывается, шибко такъ идетъ, голову опустилъ и со мной ни слова не говоритъ. Я едва поспѣвала за нимъ. Просто бѣжали оба. Тогда слышу, что дама папашу по имени окликнула, а папа не отвѣчаетъ. Тогда я остановилась и говорю напѣ:

— Папочка, тебя зоветъ кто-то. А онъ съ такой неохотой оглянулся и остановился. А дама засмѣялась и подходит, руку папашѣ подаетъ:

— Вотъ, говоритъ, печальная встрѣча. Я васъ искала, но адреса вашего не добила. Очень рада васъ видѣть.

Большая дама, а такъ похожа манерами на дѣвочку, а лицо не молодое и некрасивая, живая только... И все смѣется...

— Я,—говоритъ,—мужа скоронила—и засмѣялась.

Папа ничего не сказалъ ей на это, но кажется ему не понравилось, что она говоритъ о смерти мужа и смѣется сама. Онъ помолчалъ. А дама говоритъ:

— Я теперь вольный казакъ...

И опять засмѣялась.

Тогда я говорю:

— Здравствуйте.

— Здравствуйте — отвѣчаетъ,—вы, я вижу, бойкая... А меня, говоритъ, всѣ дѣти боятся... Я, говоритъ, сердитая...

И точно такъ сердито на меня посмотрѣла, что я притихла и замолчала. А она засмѣялась и говорить напѣ, показываетъ на меня:

— Этихъ, говоритъ, слюнячекъ, я не люблю... Неужели вамъ не надоѣстъ возиться съ ней?..

Папа на это опять ничего не сказалъ и опять я замѣтила, что ему было неприятно. Дама заговорила съ нимъ объ другомъ и на меня ужъ не обращаетъ вниманія. Все смѣялась и простила, сказала папашѣ, что непременно зайдетъ къ намъ. А онъ сдѣлался веселѣе, какъ она ушла, и я спросила его.

— Кто это,—говорю,—папа?

— А это,—говорятъ,—одна моя ученица. Я прежде уроки давалъ, такъ вотъ и ее училъ, какъ она еще замужъ не выходила...

И болѣе объ этой дамѣ ничего мы не говорили и вернулись домой.

IV.

И съ этого дня много, много дней прошло, и дама эта (я потомъ узнала,—звали ее Аделаидой Петровной) дама эта къ намъ все еще не приходила. Только стала замѣчать: папочка съ самаго того дня, какъ мы ее въ саду встрѣтили—ужасно сталъ чѣмъ-то тревожиться. И я долго не знала, отчего онъ это тревожится, пока самъ онъ не сказалъ разъ:

— Хотъ бы эта Аделаида поскорѣе приходила съ своимъ дѣломъ да отвязалась со своими посѣщеніями.

Послѣ этихъ словъ я сама стала желать, чтобы Аделаида Петровна, если ужъ это такъ надо, побывала бы у насъ, а потомъ и совсѣмъ бы не приходила. А она все нейдетъ, а папа все чѣмъ-то обезпокоенъ.. Не знаю почему, а я съ папой объ ней никогда не говорила. И я думала, что она ужъ совсѣмъ не придетъ и все начнется по старому, и папа веселѣе станетъ, и мы проживемъ счастливо, какъ бывало жили. Я объ этомъ тогда же сказала Терезѣ.

Только разъ сижу я одна и ожидаю папу изъ должности. А на улицѣ дождь льетъ—ужъ осень была. Акулина на столъ накрыла. Вотъ, вотъ придетъ папочка весь измоченный а я стану съ него сюртукъ снимать, халатъ подамъ. А столъ у насъ накрыли на три прибора, какъ всегда: для папочки, противъ него для меня и между насъ, сбоку, для куклы Терезы. Вотъ въ это время вдругъ и позвонили... Я побѣжала отпереть, думаю это папа, отворила дверь—вижу, стоитъ Аделаида Петровна, все въ черномъ короткомъ платьицѣ, въ пледѣ...

Пришла!.. Я чего-то испугалась, стою, не шевелюсь... Она вошла и спрашиваетъ:

— Отецъ еще не вернулся?

— Нѣтъ, говорю.

— Ну, и прекрасно!

Сняла пледъ и тутъ я замѣтила, что у нея въ рукахъ хорошенькій букетъ... Я на этотъ букетъ засмотрѣлась, а она мнѣ:

— Нечего глаза пялить. Поди, принеси стаканъ воды.

Я побѣжала за водой, вернулась и вижу—Аделаида Петровна мебель въ нашей первой комнатѣ переставляетъ... Что это, думаю, зачѣмъ? Стала у стола и смотрю, а она вниманія на меня не обращаетъ. Мебель переставила всю какъ-то очень красиво, мы никогда такъ не умѣли сдѣлать. Потомъ письменный столъ убрала, потомъ свѣчи зажгла на немъ, потомъ букетъ свой посреди обѣденнаго стола поставила. А потомъ шторы опустила и стало въ комнатѣ такъ нарядно, весело и свѣтло. Тогда она увидѣла три прибора на столѣ и говоритъ:

— Меня ждали?

— А я отвѣчаю!

— Это для Терезы.

А она спрашиваетъ:

— Это еще кто?

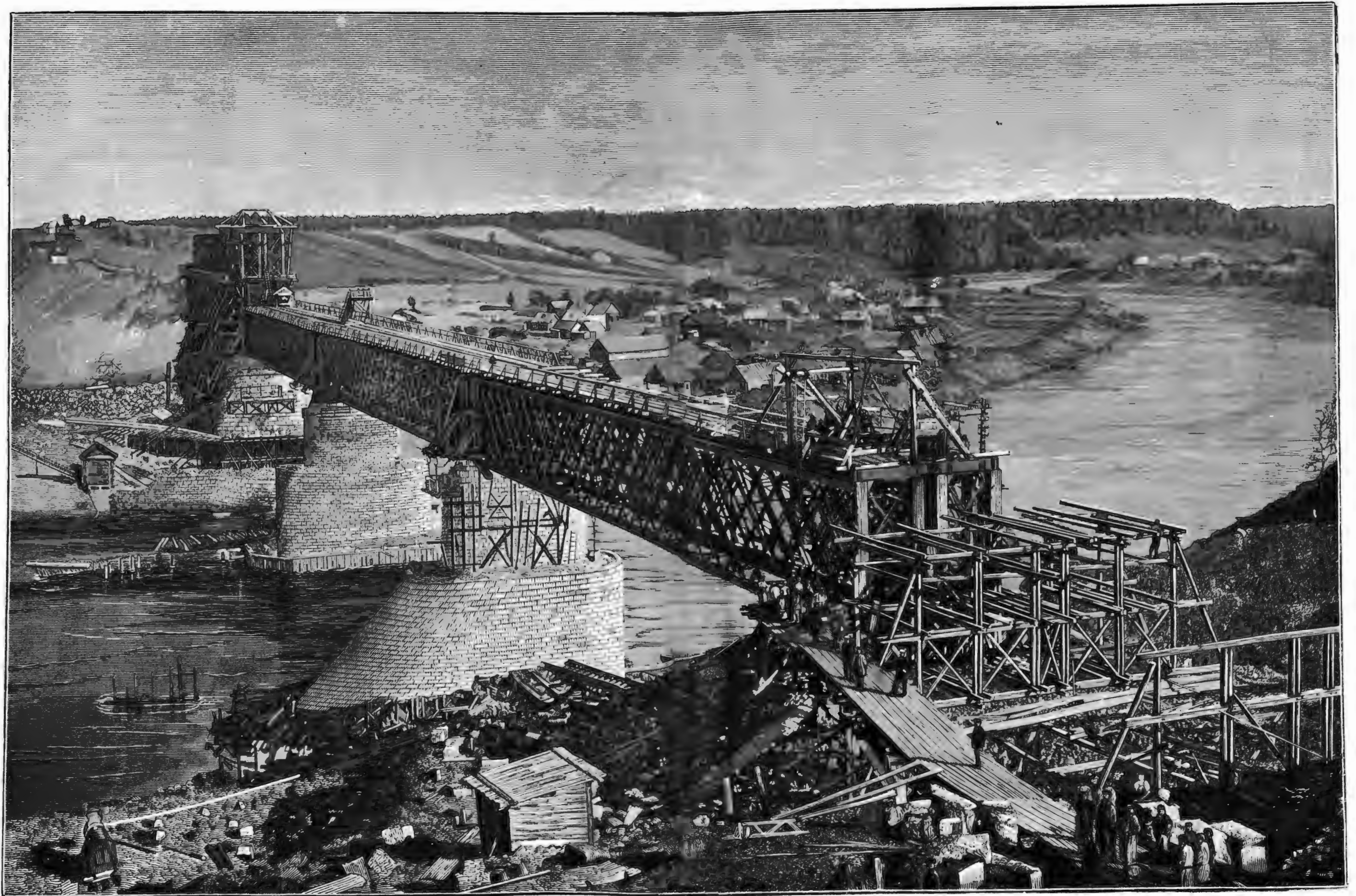
— Моя кукла.

Она размѣялась:

— Ну, ужъ такихъ глупостей я не позволю при себѣ. Вотъ еще вздоръ какой!

И ушла въ кухню къ Акулинѣ, оставила меня одну. Я постояла, посмотрѣла, какъ нарядно у насъ стало съ папашей! Точно не у насъ, а въ гостяхъ гдѣ! И пошла посмотреть, что дѣлаетъ Аделаида Петровна въ кухнѣ.

А она все дѣлала ужасно скоро. Я застала ее съ засученными рукавами, готовить котлеты. Акулину послала за селедкой, очистила селедку и изрубила и тоже въ котлеты положила. А потомъ соусъ приготвила. Потомъ салатъ сдѣлала. У насъ съ папочкой все то бывало супъ да говядина жареная, а тутъ точно именины... Когда все это окончила Аделаида Петровна, вымыла руки, оправила рукава и платье, причесалась передъ

Новый желѣзный мостъ черезъ р. Моту по Николаевской (Москва-Петерб.) жел. дорогѣ. Съ фотогр. Е. Вишнякова, грав. М. Рашевскій.

зеркаломъ и... Не знаю, какъ она это умѣла: некрасивая такая была, а стала будто хорошенькая... Вотъ тутъ папа и вернулся изъ должности.

V.

Показалось мнѣ, онъ какъ увидѣлъ Аделаиду Петровну—точно испугался, хотъ и говорилъ, что было бы лучше, если бы она поскорѣе пришла, да потомъ ужъ и совсѣмъ никогда не приходила. А Аделаида Петровна въ этотъ разъ не смѣялась, какъ тогда, когда мы встрѣтили ее въ саду. Поздоровалась съ папой такъ скромно и сдѣлалась такая печальная. Только это на первый разъ, для начала... Папочка очень добрый и вѣрно ему стало жалко ее, что она такая печальная и скромная, только и онъ сталъ поласковѣе и руку ей пожалъ.

— Радъ,—говорить,—васъ видѣть.

А папа всегда послѣ должности уставалъ и какъ придетъ къ обѣду, то переодѣвается... Туфли надѣвалъ и халатъ. А тутъ при Аделаидѣ Петровнѣ захотѣлъ въ скрутокъ остаться. А Аделаида Петровна догадалась, что папа стѣсняется и говоритъ:

— Вы устали, переодѣньтесь по домашнему. Если будете стѣсняться со мной—я уйду.

И убѣдила его. Когда же потомъ сѣли за столъ, то Аделаида Петровна сѣла на мое мѣсто, папочка противъ нея, а я на мѣсто куклы моей бѣдненькой, Терезы... И комната нарядная, и убранъ столъ, и я на Терезиномъ мѣстѣ, точно въ гостяхъ: такъ мнѣ все это странно. А папочка увидалъ все, что устроила Аделаида Петровна и замѣтила я, ему все это очень понравилось и онъ сталъ еще добрѣе и ласковѣе съ Аделаидой Петровной. Кушанье тоже ему понравилось... А мнѣ вотъ вдругъ стало скучно, сижу и молчу, кушаю.

А папа весь обѣдъ проговорилъ съ Аделаидой Петровной и я ему ничѣмъ не могла услужить... Аделаида Петровна такая догадливая, чуть папашѣ что надобится, она, еще онъ слова не скажетъ, ужъ воды ему нальетъ, соль подвинетъ... Нѣтъ, я такъ не умѣла, хотъ папу любила всей душой... А какъ окончили обѣдать—Аделаида Петровна говоритъ папѣ:

— Благодарствуйте.

А папа отвѣчаетъ:

— Васъ,—говорить,—надо благодарить... Это все вы... Закажиайте къ намъ почаще. Скрасьте,—говорить,—наше одинокое житье-бытье.

А я такъ удивилась... Вѣдь такъ еще недавно папаша говорилъ, что пришла бы разъ „эта Аделаида“ да и отвязалась. А теперь зоветъ ходить „почаще“. А папаша обращается ко мнѣ и на этотъ разъ веселый такой, за щеку потрепалъ,—говорить:

— Весело?

Я ничего не сказала, а папа говоритъ:

— Поблагодари же Аделаиду Петровну.

Ну, я поблагодарила... А потомъ у меня головка заболѣла. Да, забыла: какъ благодарилъ Аделаиду Петровну, такъ она меня поцѣловала и улыбнулась:

— На здоровье,—говорить.

А потомъ я ушла къ Терезѣ, ее покормить. А у папаши, слышу, съ Аделаидой Петровной разговоры пошли, а потомъ какъ напились чаю, онъ пошелъ провожать Аделаиду Петровну и я легла безъ него, хотъ и все ждала, что вотъ онъ вернется, сядетъ ко мнѣ на кроватку и поговоритъ со мной. Запоздалъ папа и въ первый разъ въ жизни я такая печальная заснула безъ него...

VI.

Съ этаго дня стали мы съ папой жить какъ-то не такъ какъ прежде жили. Аделаида Петровна сначала гдѣ-то была къ намъ рѣдко, разъ въ недѣлю, и какъ придетъ, такъ папа и веселѣе. Все ему устроить, все об-

дѣлаетъ и если онъ скучный—умѣетъ развеселить его. А потомъ Аделаида Петровна стала чаще бывать, почти черезъ день и приходила съ утра; обѣдъ закажетъ, все уберетъ, шьетъ папашѣ бѣлье, платье и всякій разъ что нибудь новое выдумаетъ... А когда она придетъ, папа ужъ никогда за свои дѣла не сядетъ, пересталъ ссоры мирить... Я въ это время совсѣмъ ужъ одна осталась: утромъ папочка въ должности, а какъ воротится—все съ Аделаидой Петровной сидитъ, потомъ пойдетъ ее провожать, или гулять уйдутъ, или въ театръ... А я одна съ Терезой... И при нихъ молчу... А когда ложусь, такъ никогда ужъ папочка не войдетъ и не поговоритъ со мной... И „крошкой“ пересталъ ужъ меня звать!.. Бѣдная я!

Не все я слышала, что Аделаида Петровна папѣ говорила, а только одинъ разъ при мнѣ—она сказала, что гдѣ-то въ другомъ городѣ у нея есть женихъ, котораго она очень любитъ, и что онъ все зоветъ ее въ тотъ городъ, чтобы обвѣнчаться, и самому ему почему-то прѣхать нельзя... И вотъ какъ-то къ концу этой зимы, приходитъ къ намъ Аделаида Петровна и говоритъ, что уѣзжаетъ.

— Женихъ, говоритъ, мой очень болѣнъ. Уѣзжаю, и когда вернусь—Богъ знаетъ.

Я тутъ-же была и вижу, папа вдругъ поблѣднѣлъ, слезы у него на глазахъ, схватилъ Аделаиду Петровну за руку и говоритъ:

— Да я-то что-же буду здѣсь безъ васъ дѣлать? Вѣдь я одинъ, совершенно одинъ останусь!

Одинъ—а я-то? Или ужъ я папѣ такъ не угодила, или онъ совсѣмъ, совсѣмъ пересталъ меня любить? Ну, не зови меня „крошкой“, ну не укладывай въ кроватку, только такихъ словъ не говори!.. Ахъ, папа, ахъ, безцѣнный мой, да какъ-же это?.. Да что-же это?.. Я вдругъ не выдержала и громко такъ заплакала... Папа быстро повернулся ко мнѣ, вспыхнулъ весь и сердитый такой сдѣлался вдругъ:

— Ты, здѣсь, говоритъ, Анночка. Зачѣмъ ты слушаешь чужіе разговоры. Поди отсюда.

Чужіе разговоры!.. Если я папочкѣ стала чужая, такъ онъ мнѣ по прежнему родной... Нѣтъ, вотъ уѣдетъ Аделаида Петровна и станетъ папа опять мнѣ близокъ, заживемъ мы попрежнему хорошо..

Аделаида Петровна уѣхала на другой день, мы только не зажили по прежнему... Папочка скучный сдѣлался и часто стала я примѣчать—онъ плачетъ... Ложилась ужъ я все одна; мы спали въ одной съ папой комнатѣ. Я проснусь ночью и слышу, что папаша въ темнотѣ плачетъ... Не смѣла его утѣшить, хотъ и хотѣлось... Иной разъ вижу папа письма какія-то читаетъ, плачетъ, а то и самъ кому-то много, много пишетъ...

Такъ живемъ, а все не какъ прежде. Я совсѣмъ обносила, башмачки стали худые, платьице рѣдко моется и хожу я замарашкой. Прежде папаша строго за всѣмъ этимъ присматривалъ, а тутъ пересталъ... Да и когда-же ему?.. Утромъ въ должности, а какъ вернется—такъ тоскуетъ... Ахъ, папа, ума не приложу, что съ тобой?.. И вотъ разъ, недѣли черезъ три, передъ самымъ приходомъ папы изъ должности, приносятъ ему телеграмму... И какъ папа вернулся, я подала ему ее; онъ развернулъ, прочелъ и радостный такой сдѣлался. Со мной весело такъ заговорилъ:

— Возьми-ка, говоритъ, прочти: умѣешь-ли такъ читать?

Я взяла; вижу на бумагѣ узенькая такая полосочка и на ней писано:

„Возвращаюсь завтра. Сожгла свои корабли. Адель“. Я поняла, что возвращается Аделаида Петровна, но о какихъ она пишетъ корабляхъ,—не поняла.

— Развѣ у Аделаиды Петровны, спросила я папашу, были свои корабли?

Онъ только засмѣлся.

— Значить она съ женихомъ покончила! говоритъ.

VII.

Аделаида Петровна прѣѣхала на другой день поздно. Папаша пошелъ ее встрѣчать на желѣзную дорогу, и, какъ уходилъ, сказалъ мнѣ:

— Ты, Анночка, не дожидайся меня. Я вернусь поздно—ты ложись.

Я отвѣтила:

— Хорошо, папа, и подумала, что вѣрно онъ придетъ къ Аделаидѣ Петровнѣ и засидится тамъ долго, а потому и приказалъ мнѣ лечь. Ну, онъ ушелъ, а я пошла по комнатамъ все одна да одна, въ окна посмотрѣла и такъ мнѣ стало скучно, горько,—лягу, думаю, лучше. Папу ужъ я давно перестала дожидаться, чтобы онъ пришелъ со мной проститься, привыкла одна ложиться. Такъ и тутъ легла и заснула скоро. Ужъ не знаю, долго-ли спала, только просыпаюсь, вдругъ вижу, въ комнатѣ свѣчка, все убрано какъ-то иначе, и по полу, и по стульямъ навалены вещи... Вдругъ мое сердце оборвалось, я поняла все. Боже мой, да вѣдь что-же это! Вѣдь Аделаида-то Петровна остановилась у насъ!.. Я такъ и застыла на постелѣ и грустно смотрѣла на папу съ папочкой спальною. Ахъ, что-бы я дала, чтобы опять жить такъ, какъ мы жили до Аделаиды Петровны!..

Вдругъ я услышала:

— Нѣтъ, говоритъ Аделаида Петровна, нѣтъ, я не соглашусь съ тобой. (Вотъ какъ ужъ она подружилась съ папочкой, ему говоритъ: „ты!“). Дѣло другое, еслибы ты былъ богатъ, тогда можно-бы было ей нанять учителей, вообще дать образование... Но вѣдь чего это стоит!

Папа согласился:

— Да, это дорого... правда...

О комъ это?.. Я слушаю, слушаю!.. Ахъ, вѣдь не хорошо такъ подслушивать!.. Да, и не интересно... Все-же папа любить, любить, любить-же меня; онъ не обидитъ... не обидитъ!..

— И безъ матери... Кто можетъ замѣнить ей мать? О, да, она недурная дѣвочка, я люблю ее; но не хочу обманывать тебя—она не дочь мнѣ и я не сдумѣю сдѣлаться ей вмѣсто матери...

Тогда я услышала, какъ папа вздохнулъ, всталъ и началъ ходить по комнатѣ. И Аделаида Петровна молчитъ... Вдругъ папа остановился и говоритъ:

— Нѣтъ нѣтъ; я не могу отдать ее отъ себя въ чужіе люди...

Обо мнѣ вѣдь, право, обо мнѣ!.. Ахъ!.. Слезы такъ и подступили къ горлу, я схватила руками подушку и прижала ее къ груди... А въ залѣ стало тихо: папа принялся опять ходить взадъ и впередъ, а Аделаида Петровна молчала... Потомъ папа, слышу, спрашиваетъ:

— Хочешь спать?.. Устала?.. А?..

Аделаида Петровна отвѣтила не сейчасъ:

— Нѣтъ...

Такъ сердито отвѣтила и папочка вѣрно это замѣтилъ, голосъ такой ласковый у него сдѣлался:

— Полно, говоритъ, полно... Богъ съ тобой... Дай мнѣ ручку...

А она опять такъ ему сердито:

— Подите вы...

А папочка схватилъ, вѣрно, ея руку, слышу цѣлуетъ и говоритъ:

— Что ты сердилась?.. Ну что? Пойми, что во всемъ мѣрѣ только два у меня существа, которыя я обожаю: это ты и она...

Тогда Аделаида Петровна такъ и отрѣзала папочкѣ:

— Я, говоритъ, привыкла, чтобы любовь ко мнѣ не раздѣлялась любовью къ кому-нибудь другому.

И, слышу, встала и пошла.

Тогда я вижу, что Аделаида Петровна идетъ въ спальную и застанетъ меня, что я сижу, а я этого не хотѣла и поскорѣй легла, укрылась одѣяломъ и лежу, закрыла глаза... А Аделаида Петровна и точно вошла, хлопнула дверью въ залъ, швырнула ногой чемоданъ и стала ходить изъ угла въ уголъ. Вѣрно осердилась... Тихо такъ стало... И вотъ, среди этой тишины, слышу я,—просто сердце во мнѣ перевернулось,—слышу я, что папа такъ жалко, жалко плачетъ... Встала-бы я, побѣжала-бы къ нему, все-бы, все ему сказала, обняла-бы его и расцѣловала его, добраго папу... И сказала-бы: папа, милый, я уйду... Долго я, такая счастливая, жила... И благодарна я тебѣ за это... Ахъ, какъ благодарна!.. Если это будетъ спокойнѣе, если тебѣ лучше, папочка, будетъ такъ... такъ отдай меня куда-нибудь... Я, право, я сама хочу... я хочу этого... желаю, желаю, да!..

А Аделаида Петровна все ходила по комнатѣ, и слышу, папа пересталъ плакать, и подходить къ двери... Слышу, говоритъ:

— Прощайте... не хотѣли со мной даже проститься...

А Аделаида Петровна на это ни слова... Тогда папа говоритъ, жалостно такъ говоритъ:

— Богъ съ вами... Сердитесь... Ахъ, вы не знаете, какъ я васъ люблю!.. Но своего счастья я не хочу строгать на смерти этого ребенка... Она умретъ, если я разлучу ее съ собой... Да. Прощайте-же, спите спокойно, если можете...

Аделаида Петровна говоритъ на это папѣ, такъ холодно и сердито:

— Если эта дѣвчонка ужъ вамъ такъ дорога, такъ прощайте. Завтра уѣду и вы меня не увидите никогда...

И загасила свѣчу, слышу, стала раздѣваться и скоро улеглась... А папу тоже стало не слышно въ залѣ... Стало темно... Черная такая ночь...

VIII.

Всегда ночью рядомъ со мною Тереза-кукла лежала и когда все смолкло, тихо стало и я рѣшила, что Аделаида Петровна заснула, такъ я прижала свое лицо къ личику Терезы и стала шептаться съ ней, уговаривать ее:

— Дружокъ мой, что-жъ (вздыхнула я тутъ)... Надо папу отъ насъ съ тобой освободить... Конечно, безъ папочки скучно будетъ, только вѣдь мы привыкнемъ; папа забъзжать будетъ къ намъ... Надо, надо будетъ куда-нибудь, тамъ выучимся лучше, тамъ за нами смотрѣть будутъ... А Аделаида Петровна не будетъ сердиться на папу и имъ будетъ лучше. Правда, Тереза?.. Я сама папѣ пойду обо всемъ этомъ скажу... Да, Тереза?

Тереза только не соглашалась съ этимъ и я ее стала уговаривать...

— Помнишь, Терезочка, помнишь о какихъ несчастныхъ дѣтяхъ мы читали съ папой?.. Ахъ, дѣвченокъ многихъ такъ бьютъ, многимъ и кушать нечего и жить негдѣ... А Христось, Тереза, вѣдь это тоже былъ сначала бѣдный мальчикъ, и Его не хотѣли слушать, а потомъ, когда ужъ большимъ Онъ сдѣлался, такъ Его отдали на позоръ... И тутъ одинъ Его ученикъ, любимый Имъ, отрекся отъ Него, Тереза, сказалъ, что не знаетъ своего Учителя!.. Опомнись, опомнись, глупая, что съ тобой... Ты плачешь!..

И я отодвинула отъ себя Терезу и приподнялась на постелѣ, чтобы пойти и сказать папѣ, что я сама того желала, чтобы отдали меня куда-нибудь. Все кругомъ было тихо, я осторожно ступала, чтобы чего не задѣть, и стала пробираться въ залъ, гдѣ почивалъ папа...

IX.

Когда я вошла, папа лежалъ на диванѣ и крѣпко почивалъ. Вѣрно вдругъ заснулъ и свѣчу даже забылъ погасить... Спи, родной!.. Я тихонько подошла къ дивану, и присѣла на краешекъ. Долго, долго ты былъ, папоч-

ка, милый и добрый, долго не измѣнялся. Я еще глупая дѣвочка, только я понимаю, что скучно тебѣ все возить-ся со мной... Этого мало: мирить и скучныя дѣла рѣшать дома и на службѣ... Придешь домой, со мной, глупой, надо возиться... Нѣтъ, такъ скучно жить! Надо тебѣ дома разговоръ занимательный, а я маленькая. Нѣтъ! папа, нѣтъ, я не сержусь. Спи родной, отдохни.

Я съ любовью и нѣжностью посмотрѣла на папу—освѣщенъ онъ догорающей свѣчей... Блѣдный, больной сегодня какой-то. Почивай, а я помолюсь за тебя, чтобы Богъ послалъ тебѣ сны хорошия... Ахъ, глупая, какъ я давно не молилась, о Богѣ-то совсѣмъ позабыла... И вотъ я тихохонько встала съ дивана, опустилась на колѣнки и закрестилась на образъ Божіей Матери, который висѣлъ у насъ въ залѣ. А это былъ образъ большой, въ серебряной ризѣ и остался онъ отъ мамашы... Божія Матерь была на немъ нарисована, точно плачетъ она, склонила лицо надъ Христомъ и опустила внизъ глаза. Я эту Богородицу такъ любила и какъ образъ послѣ мамашы остался, я и мамашу представляла такою-же лицомъ, какъ Богородица... И какъ стала я молиться, то будто и съ мамашей въ одно время говорю. Надо, надо папѣ покой дать. Въ самомъ дѣлѣ. Что это черезъ меня ему еще скучать и плакать... Одно тревожить меня—только это можетъ я съ досады на Аделаиду Петровну такъ думаю... Тревожить все меня, хорошая-ли и добрая-ли она, Аделаида Петровна? Сначала, когда она стала ходить къ намъ, она очень о папѣ заботилась, старалась ему угождать, все угадывала, а какъ привыкла и папу къ себѣ приучила—угождать-то и перестала. Капризничаетъ, требуетъ, чтобы папа самъ за ней ухаживалъ... Вотъ я и боюсь, ужасно боюсь, ужъ будетъ-ли съ Аделаидой Петровной папочкѣ лучше... А ну какъ она въ самомъ дѣлѣ—какъ она недобрая?! Нѣтъ, это ничего. Ну пусть она недобрая, капризная, что-жѣ!.. Папа-то вѣдь хорошій, добрый; съ хорошимъ и добрымъ и она хорошей сдѣлается... И Аделаида Петровна другая будетъ...

Я и перестала молиться и думаю: вѣдь я пришла папѣ сказать, чтобы онъ отдалъ меня куда-нибудь—только вѣдь это я глупо придумала. Папа ужъ навѣрно догадается, что я разговоръ его опять подслушала, а потому и стала его просить, чтобы онъ меня въ институтъ отдалъ... Надо это не такъ сдѣлать. И вотъ, тотчасъ, какъ это мнѣ въ голову пришло, испугалась я, что папа вдругъ проснется, увидитъ меня, что я молюсь ночью и догадается, что меня тревожить... Когда я все это подумала, сейчасъ-же вскочила съ колѣнокъ, посмотрѣла на папу издали и поскорѣй убѣжала въ спальню... Аделаида Петровна спала, ничего не слышала, ни какъ я уходила, ни какъ вернулась...

Лгать-то вѣдь это не хорошо... Знаю, Терезочка, что ты иногда меня обманывала, но я папѣ вѣдь всегда правду говорила. Не такъ-ли?.. Ну вотъ и дожили мы съ тобой, Тереза, что солгать намъ придется... Иначе я

ужъ не знаю какъ и поступить, Тереза? Какъ? Вотъ, видишь-ли! Ничего нельзя...

Х.

Цѣлую эту ночь почти я не спала; къ утру только немножко заснула. Аделаида Петровна встала поздно, ужъ когда папа въ должность ушелъ, встала такая сердитая... Ей подали самоваръ, а она въ спальнѣ лежала и я пошла сказать, что самоваръ поданъ... Она разсердилась.

— Нуженъ мнѣ очень вашъ самоваръ!

А я ей отвѣтила:

— Папа приказалъ такъ, какъ уходилъ.

А Аделаида Петровна и на это осердилась:

— Убирайтесь, говорите, вы къ чорту съ своимъ папой! Что, говорить, вы мнѣ своимъ папой глаза мозолите. Папа, да папочка... Дуралей вашъ папочка-то—вотъ что!

А ей на это я отвѣтила такъ тихонько:

— Что-же вы на папу сердитесь... Онъ не виноватъ и очень васъ любитъ... Аделаида Петровна, хотѣла я васъ попросить...

И замолчала—боюсь. Никогда я съ Аделаидой Петровной такъ много не говорила и это ей показалось странно, она удивилась, такъ на меня посмотрѣла и говоритъ:

— Что-же ты?.. Продолжай...

Вотъ тутъ-то я и начала лгать:

— Вотъ о чемъ я хотѣла попросить васъ, говорю. Большая я, учиться мнѣ надобно, а какъ я занимаюсь и что знаю... Папочкѣ со мной есть-ли когда возиться, сама—не умѣю. Аделаида Петровна прервала меня и стала какъ-бы подобрѣ:

— Ты, однако, не дура... Ну?

— Вотъ и хотѣла я васъ попросить, говорю,—уговорили-бы вы папочку отдать меня, все равно, куда-нибудь...

А Аделаида Петровна опять прервала меня и ужъ совсѣмъ ласковая стала, потрепала меня по щекѣ.

— Ты совсѣмъ, совсѣмъ не дура... Пользу свою понимаешь...

— Куда-нибудь-бы меня, Аделаида Петровна... Ахъ, вы не знаете, не можете... не можете знать, какъ... какъ хочется мнѣ учиться! Поговорите съ папочкой... Пусть отдастъ куда-нибудь.

Ну, конечно, Аделаида Петровна поговорила съ папочкой и вотъ я очутилась здѣсь... и здѣсь мнѣ такъ гяжело и холодно и никто мнѣ слова ласковаго не скажетъ. Семья чужая. Уѣхала я тогда и улыбалась, какъ прощалась съ нимъ... Навѣщая меня, папочка! и онъ общалъ, только вотъ скоро ужъ четвертое воскресенье, что-то все онъ не ѣдетъ... Скучно мнѣ что-то: кругомъ все чужіе; одна Тереза не покинула меня и мы часто говоримъ съ ней о папѣ... Когда-же, когда къ намъ онъ пріѣдетъ? Пріѣзжай, папа, пріѣзжай родной!.. Твоя дѣвочка, дѣвочка твоя зоветъ тебя!.. Что ты не ѣдешь... Она, бѣдная, одна! Ей такъ скучно и непривѣтно!.....

конецъ.

РѢШИТЕЛЬНАЯ МИНУТА.

Разсказъ.

Въ одно декабрьское утро 1878 года, когда мы, то есть тесть мой, мистеръ Годжъ, жена и я сидѣли за чаемъ, я громко прочелъ слѣдующее объявленіе въ газетѣ:

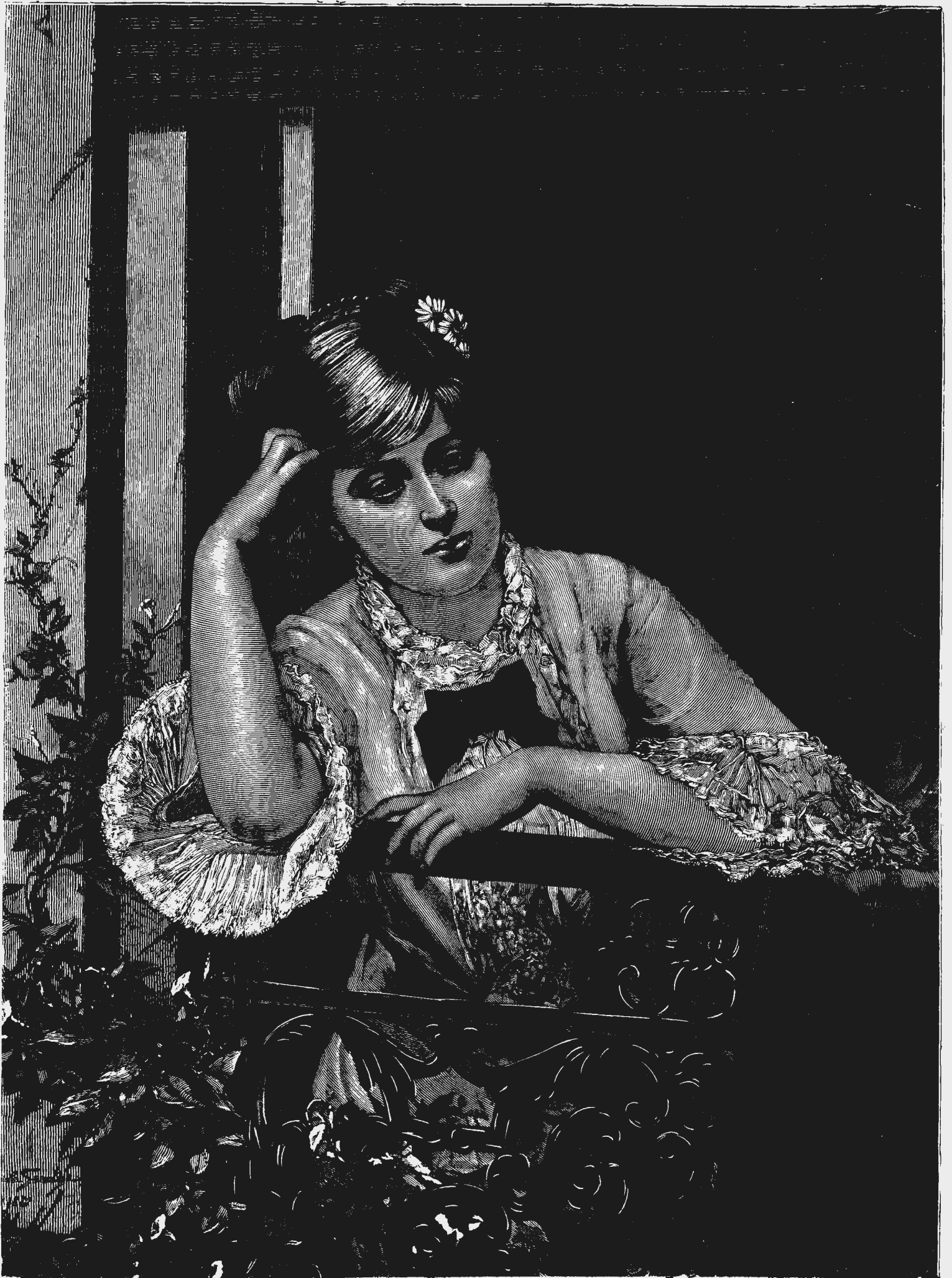
Значительная награда. Бумажникъ, потерянный въ 1873 году. Оброненъ въ декабрѣ 1873 года, въ субботу, или воскресенье, или ближайшій понедѣльникъ, близъ Беклерской церкви, небольшой портфель изъ русской кожи, съ позолоченнымъ замкомъ, содержавшій въ себѣ чековую книжку и чрезвычайно важныя бумаги. Тотъ, кто доставитъ портфель съ книжкой и бумагами повѣреннымъ Уайзу и Вольфу, въ *** улицу, на имя С. М. П. получить значительную награду.

— Поразительно, удивительно! раздраженно воскликнулъ мой тесть Годжъ и хозяинъ нашего банка,—онъ былъ въ этотъ день въ дурномъ расположеніи духа,—ну, какое намъ дѣло до этого портфеля, Фредъ! Что вы интересуетесь имъ?! Удивительно!

— Папа, въ чемъ-же вина Фреда? За что-же вы напали на него,—замѣтила жена, признававшая только за собой одной право „нападать“ на меня.

Тестъ молча перенесъ замѣчаніе дочери, потому что Катъ (т. е. моя жена) сдѣлалась, послѣ смерти своей матери, полно-властною госпожою въ домѣ отца, у котораго мы поселились по его желанію.

Съ тѣхъ поръ мы живемъ въ Гай-Эльмсѣ. Это не очень удобно для меня, такъ какъ наша баньирская контора—Годжъ и Фретонъ—находится въ Сити и мнѣ, въ качествѣ младшаго компаньона, приходится каждое утро торопиться туда, и всегда въ ущербъ своему завтраку. Мистеръ Годжъ посѣщаетъ контору рѣдко, но въ этотъ день онъ отправлялся вмѣстѣ со мной, по раннему поѣзду. Онъ былъ озабоченъ. Дѣло въ томъ, что время было безпокойное для банкировъ вообще. Ходили раз-

Въ разлука. Картина М. Сентена, грав. Водъ.

ные тревожные слухи и самые солидные дома находились нѣсколько въ критическомъ положеніи. Паника еще не наступала, но она подготовлялась. Поэтому-то мой компаньонъ считалъ своею обязанностью быть на посту, хотя мнѣ казалось, что я обошелся-бы и безъ его содѣйствія.

Въ вагонѣ, между пассажирами, зашелъ разговоръ о курьезномъ объявленіи, которое я прочелъ утромъ. Вмѣстѣ съ нами ѣхалъ и нашъ давнишій пріятель и соѣздъ, Самюэль Пичотъ. Онъ былъ прихожанинъ Беклерской церкви и одинъ изъ главныхъ на нее жертвователей, и это обстоятельство подадо поводъ къ шутливому предположенію, что, можетъ быть, онъ и есть авторъ объявленія, къ тому же самыя буквы подходили отчасти къ его фамиліи. Онъ отшучивался и припомнилъ даже, что дѣтъ пять тому назадъ у него пропалъ точно такой-же портфель. Въ домѣ его было совершенно крупное воровство: украли брилліанты жены его и тотъ портфель, въ которомъ, впрочемъ, не было ничего драгоценнаго. Воры были открыты и въ настоящее еще время отбывали свое тюремное заключеніе. Мистеръ Годжъ не принималъ никакого участія въ разговорѣ. Обыкновенно тестъ мой былъ очень разговорчивъ и сообщителенъ, но въ это утро онъ сидѣлъ въ своемъ углу молчаливый и, повидимому, озлобленный, уставившись, сквозь золотыя очки, въ развернутую на колѣняхъ газету. Когда мы пріѣхали въ банкъ, главный казначей, мистеръ Дженкинсъ, вошелъ въ кабинетъ за инструкціями. Онъ тоже держалъ въ рукахъ номеръ газеты и началъ съ того, что заговорилъ объ объявленіи относительно пропавшаго портфеля.

— Поразительно! удивительно! съ досадою воскликнулъ мистеръ Годжъ, — съ самаго утра только и слышу объ этомъ портфелѣ!

Мистеръ Дженкинсъ исчезъ моментально и появился снова только по уходѣ тестя. Дженкинсъ былъ моимъ учителемъ и руководителемъ въ банковскомъ дѣлѣ и потому со мною привыкъ говорить вполнѣ свободно.

— Считаю обязанн стью своею замѣтить, началъ онъ, что я обратилъ вниманіе на это объявленіе не изъ желанія просто поболтать. Совершенно нѣтъ. Оно напомнило мнѣ одинъ странный случай, который былъ здѣсь у насъ еще до вступленія вашего въ фирму и мнѣ кажется, что объявленіе это можетъ бросить нѣкоторый свѣтъ на нѣкоторыя вещи. Помню, это было въ декабрѣ же, около четырехъ часовъ дня; порядочно уже стемнѣло, и наши лампы горѣли тускло. Вошли двое — мужчина и женщина и говорятъ что желаютъ видѣть „хозяйина“. Я спросилъ — что надо? Отвѣчала женщина (она говорила за обихъ, спутникъ ея молчалъ все время) и такимъ мягкимъ, тихимъ голосомъ: „мы пришли помѣстить деньги у васъ и открыть счетъ“. Тогда я спросилъ рекомендацію отъ кого нибудь, но ея не оказалось и я возразилъ, что мы не принимаемъ денегъ безъ рекомендацій. Женщина, однако, все-же не хотѣла уходить. „Вѣдь в е равно, сэръ, — у васъ банкъ, мы получили порядочную сумму и не желали-бы держать ее при себѣ. Но я отрицательно покачалъ головой, такъ какъ былъ увѣренъ, что „порядочная сумма“ составляетъ не болѣе нѣсколькихъ сотенъ фунтовъ стерлинговъ. По крайней мѣрѣ одежды своей они нисколько не были похожи на нашихъ обыкновенныхъ вкладчиковъ. Въ эту минуту изъ кабинета вышелъ мистеръ Годжъ, который, повидимому, слышалъ разговоръ. Онъ мнѣ показался нѣсколько раздраженнымъ.

— Поразительно! Удивительно! мистеръ Дженкинсъ. Вы ужъ слышномъ много берете на себя! Это еще что такое?! вздумали выпроваживать клиентовъ! Съ этими словами онъ увелъ вошедшихъ къ себѣ. Признаюсь, нѣсколько минутъ спустя, я былъ несказанно удивленъ владомъ тѣхъ, которые съ перваго взгляда показались мнѣ бѣдняками: владѣ этотъ составлялъ ни болше не меньше, какъ 10 тысячъ фунтовъ стерлинговъ!

— Мы получили наследство, пояснила женщина, и желаемъ, чтобы деньги наши были помѣщены, для вѣрности, въ хороній банкъ. Для насъ главное не проценты, а чтобы деньги были цѣлы.

Владѣ былъ принятъ и занесенъ на имя Самюэля и Маріи Пэйкъ, на которое и былъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, открытъ текущій счетъ. Мы выдали имъ чековую книжку. Марія Пэйкъ вложила ее въ болшей бумажникъ и новыя вкладчики ушли.

— Навѣрное это краденныя деньги, замѣтилъ я, когда Дженкинсъ оставовился въ своемъ разсказѣ.

— О, нѣтъ, сэръ, до сихъ поръ не произошло ничего такого, чтобы подадо поводъ думать это. Но вскорѣ послѣ ухода Пэйковъ, на одномъ изъ столовъ, подъ бумагами былъ найденъ бумажникъ ихъ. М-ръ Годжъ взялъ его, завернулъ, запечаталъ и послалъ немедленно по адресу. Однако, посланный возвратился. — Пэйки жили въ гостиницѣ и въ то же утро выѣхали изъ нея, не оставивъ дальнѣйшаго адреса. М-ръ Годжъ спряталъ бумажникъ „до востребованія“, но — и до настоящей минуты его никто не требовалъ.

— Вѣроятно, м-ръ Годжъ отослалъ его по почтѣ.

М-ръ Дженкинсъ покачалъ головой съ выраженіемъ сомнѣнія.

— Всего удивительнѣе, что деньги такъ и лежатъ не тронуты и понынѣ. Не правда-ли, какъ все это странно?

Конечно, и я нашелъ это страннымъ. Хотя дѣло не касалось

меня, но голова моя поневолѣ занялась мыслью о томъ — нѣтъ-ли чего нибудь общаго между этимъ случаемъ и газетнымъ объявленіемъ. Можно было допустить, пожалуй, что кто нибудь положилъ деньги свои въ банкъ и позабудетъ взять, второпяхъ, адресъ банка, но чтобы бросить деньги на цѣлыя 5 лѣтъ и только по прошествіи этого времени начать поиски за ними! Это было совершенно необъяснимо! Скоро, впрочемъ, отдавшіе своимъ занятіямъ, я пересталъ думать о странномъ вкладѣ.

Въ это утро въ конторѣ нашей было необычайное движеніе. Нельзя сказать, чтобы насъ осаждали обратнымъ требованіемъ денегъ, но правда и то, что, въ общемъ, денегъ болѣе брали назадъ, чѣмъ вносили; явились также много клиентовъ, встревоженные лица которыхъ какъ-бы старались ухватить — все ли обстоитъ благополучно. Благоотворно, впрочемъ, дѣйствовали на всѣхъ спокойный и самоувѣренный видъ м-ра Годжа. Онъ обладалъ изящною респектабельностью и манерами прежнихъ временъ, что производило всегда неотразимый эффектъ на нашихъ, по большей части, старомодныхъ, почтенныхъ клиентовъ, и эффектъ этотъ имѣлъ своимъ послѣдствіемъ то, что тѣ, которые пришли снять со счета свои деньги, наоборотъ, внесли новыя суммы, такъ что въ итогѣ день прошелъ довольно хорошо.

Но, когда занятія окончились и мы остались одни, м-ръ Годжъ сбросилъ съ себя маску, которой прикрывался предъ всѣми и я прочелъ на лицѣ его выраженіе крайней тревоги. Когда мы шли на станцію желѣзной дороги, онъ такъ ослабѣлъ, что не могъ идти безъ моей помощи. На улицѣ мы оставили кэбъ.

М-ръ Годжъ сошелъ съ тротуара и хотѣлъ сѣсть въ экипажъ, но посколькуснулся и навѣрное упалъ-бы, если-бы я не подержалъ его.

— Удивительно! воскликнулъ онъ, — этотъ асфальтъ — отвратительнѣйшее изобрѣтеніе нашего времени!

Около насъ, въ эту минуту, очутились какіе-то, повидимому, нищіе, или нѣчто въ родѣ того. То были женщина и мужчина, одѣтые въ лахмотья. Я обратилъ на нихъ вниманіе потому, что они, увидавъ моего тестя, тотчасъ-же остановились и принялись разсматривать его съ совершеннѣйшею безцеремонностью, а когда мы съѣли въ кэбъ, они подошли даже къ дверцамъ, но полицманъ оттолкнулъ ихъ, экипажъ двинулся и я потерялъ эту пару изъ вида.

Дорогой, вначалѣ, слабость и озабоченность м-ра Годжа настолько увеличилась, что онъ показался мнѣ совсѣмъ больнымъ, но, затѣмъ онъ овладѣлъ собой и, когда мы подъѣзжали къ Эльмсу, безпокоившіе меня признаки почти совершенно исчезли и тестъ, по крайней мѣрѣ по наружности, снова казался спокойнымъ.

Онъ дѣлалъ немовѣрные усилія казаться при дочери безпечнымъ и веселымъ. Въ ея тогдашнемъ положеніи надо было ее беречь. Мы ни слова не говорили о тревожномъ состояніи дѣтъ въ Сиги. Но у нея были другія, свои собственные причины безпокойства. Она очень боялась воровъ: по сосѣдству было уже нѣсколько кражъ и вблизи виллы видѣли какихъ-то подозрительныхъ людей. Даже днемъ нельзя было быть вполнѣ спокойнымъ, потому-что недавно произошелъ случай воровства среди бѣлаго дня. Въ такомъ настроеніи, она высказала убѣжденіе свое, что не слѣдовало намъ оставлять ее одну, изъ-за этого противнаго банка.

Въ этотъ день у насъ обѣдали только Самюэль Пичотъ и еще двое другихъ гостей.

— Не бойтесь, не бойтесь, сказалъ Самюэль, — завтра я съѣзжу въ городъ утромъ и къ завтраку уже буду назадъ, а потомъ весь день буду тутъ по близости, въ случаѣ чего нибудь — позвоните два раза въ большой колоколъ и я въ одну секунду буду у васъ.

На слѣдующее утро мы съ Годжемъ опять отправились вмѣстѣ и съ первымъ утреннимъ поѣздомъ. Газеты наши немного запоздали и мы получили ихъ только на станціи желѣзной дороги. Я тотчасъ-же отыскалъ то мѣсто, гдѣ стояло объявленіе о бумажникѣ; но на этотъ разъ его замѣнилъ уже другое:

„Поразительно! Удивительно!“ 50 фунтовъ стерлинговъ награды будетъ выдано тому, кто, въ самомъ скоромъ времени, сообщитъ въ контору адвокатовъ Уайза и Вольфа фамилію и адресъ лица, употребляющаго вышеприведенную поговорку. Имя сообщившаго будетъ сохранено въ строжайшемъ секретѣ.“

Спутники наши не пробовали было, по поводу этого страннаго объявленія, пошутить надъ м-ромъ Годжемъ, но, замѣтивъ, что шутки эти производятъ на него особенно непріятное впечатлѣніе — оставили его въ покоѣ. Какъ только мы пріѣхали въ банкъ, м-ръ Годжъ увелъ меня въ свой кабинетъ, тщательно заперъ дверь и, подойдя къ конторѣ, вынулъ оттуда запечатанный конвертъ.

— Безполезно долѣе бороться противъ судьбы, противъ Providѣнія! произнесъ онъ взволнованнымъ голосомъ. Я не могу болѣе скрывать отъ васъ: вотъ бумажникъ, о которомъ было напечатано объявленіе во вчерашней газетѣ. Часто мнѣ приходила мысль, что я былъ обязанъ попытаться розыскать собственниковъ этихъ бумагъ; но, можетъ быть небрежность моя и заслуживаетъ еще нѣкотораго извиненія; но, со вчерашняго

дня, когда вы так упорно обращали внимание мое на то объяснение, я виновен уже не в простой небрежности!

Затѣмъ, м-ръ Годжъ разсказалъ мнѣ исторію 10-ти тысячаго вклада, ту исторію, которую я уже слышалъ отъ кассира.

— Ну, такъ что-жъ тутъ такого... важнаго... я не вижу... произнесъ я искусственно-безпечнымъ тономъ, желая успокоить его, когда онъ кончилъ.

— Вы, можетъ быть не видите, но я вижу вину и кару мою, возразилъ онъ. Во всякое другое время, во всякій другой день за эти пять лѣтъ, я свободно могъ отдать эти деньги, теперь же, сегодня—это соломенка, за которую мы могли ухватиться, подобно утопающимъ, какъ вы знаете.

Онъ закрылъ лицо руками.

Я началъ успокоивать тестя. Вѣдь все это не болѣе какъ предположенія съ его стороны. Деньги эти, такъ долго пробывшія у насъ, могли у насъ и остаться.

М-ръ Годжъ сказалъ мнѣ далѣе, что въ тѣхъ нищихъ, которые подошли наканувѣ къ нашему кэбу, онъ узналъ именно ту женщину и мужа ея, которые принесли 10 тысячъ фунтовъ стерлинговъ. Нѣтъ сомнѣнія въ томъ, что они тогда же узнали его и вспомнили поговорку его. И дѣйствительно, эта поговорка—отличное средство найти его. Навѣрное кто нибудь изъ нашихъ знакомыхъ отправился уже къ гг. Уайзу и Вольфу съ свѣдѣніями, которыя требуются въ объявленіи. Не лучше ли было предупредить ихъ?

Тотчасъ-же былъ позванъ Дженкинсъ. Ему было поручено ѣхать немедленно къ Уайзу и Вольфу, не сообщая никакихъ положительныхъ свѣдѣній, попробовать войти въ соглашеніе. Ему надо было постараться выиграть время, чтобы мы могли, покамѣстъ, разузнать о настоящей дѣли объявленія. Но Дженкинсъ возвратился очень скоро. Одно лицо успѣло уже побывать тамъ и передать гг. Уайзу и Вольфу всѣ свѣдѣнія. Это лицо былъ никто иной, какъ сэръ Самюэль Пичотъ.

— Ну, тогда все кончено... проговорилъ съ отчаяніемъ м-ръ Годжъ.

— Позвольте, сказалъ я — почему же надо непременно думать, что наши таинственные кліенты желаютъ взять деньги свои? Все, что происходило до сихъ поръ, указываетъ намъ, что мы имѣемъ дѣло съ какими-то маниаками, оригиналами, эксцентриками. Они одѣты какъ нищія, въ лохмотьяхъ, а между тѣмъ, очевидно, располагаютъ хорошими средствами, потому что только богатые люди могутъ такъ свободно выдавать награду въ 50 фунтовъ стерлинговъ. Они, вѣроятно, берегли свои деньги, не хотѣли трогать ихъ, но ихъ перепугалъ банковый кризисъ. Намъ надо смѣло идти на встрѣчу имъ; надо пригласить ихъ къ намъ въ Гай-Эльмъ. Очень возможно, что если мы съумѣемъ сойтись съ ними—они, пожалуй, сдѣлаютъ намъ новый вкладъ въ 10 тысячъ фунтовъ стерлинговъ.

Въ этотъ день дѣло въ банкѣ шло быстро, уви—слухомъ быстро шло оно, это грустное для насъ дѣло обратной выдачи денегъ, ввѣренныхъ намъ. Въ самый разгаръ пришла денеша изъ Эльмса. Въ ней были только слова: „Пріѣзжайте немедленно“. Моя жена опасно заболѣла.

— Поѣзжайте, Фредерикъ, сказалъ мистеръ Годжъ, сжимая мои руки, вамъ надо ѣхать, а я останусь здѣсь на моемъ посту, на бреши. Бѣдная дѣвочка моя!

Когда я пріѣхалъ въ Эльмъ, то, къ радости своей, узналъ, что опасность уже нѣсколько уменьшилась. Оказалось, что Кэтъ сильно была перепугана, вслѣдствіе чего на свѣтъ появился мальчикъ, нѣсколько ранѣе, чѣмъ ожидали. Но докторъ былъ увѣренъ, что и мать, и сынъ останутся живы. Я навелъ справки о причинѣ испуга. Мнѣ разсказали, что когда Кэтъ проходила залой, то вдругъ увидѣла въ одномъ изъ оконъ почти прилипшими къ стекламъ два страшныя, отвратительныя лица дерзко и нахально разглядывавшія ее. У жены моей еще хватило присутствія духа чтобы позвонить два раза въ большой колоколъ и тѣмъ дать сигналъ сэру Самюэлю и затѣмъ она упала въ обморокъ.

Сэръ Самюэль, тотчасъ-же явившійся на помощь, видѣлъ, какъ отъ нашего дома быстро шли какіе-то подозрительные люди—мужчина и женщина. Слуги наши тоже видѣли ихъ, и по ихъ словамъ это были проходивцы, сильно смахивавшіе на обыкновенныхъ обитателей тюремъ. Я сейчасъ-же узналъ нашихъ таинственныхъ кліентовъ.

— Вы всѣ ошибаетесь, объявилъ я людямъ, явившимся въ полномъ сборѣ,—и вапа госпожа совершенно понапрасну испугалась. Это были мои гости, гости, которыхъ я ожидалъ, люди весьма почтенные, хотя нѣсколько и причудливые. Ихъ надо принять и встрѣтить съ полнымъ уваженіемъ. Пропу васъ знать это напередъ.

Я тотчасъ-же отправилъ одного изъ слугъ въ деревню, чтобы узнать — не тамъ-ли оставились „наши друзья“. Онъ вскорѣ возвратился, сообщивъ мнѣ, что они взяли номеръ въ гостиницѣ „Розы и Коронъ“.

Какъ только я могъ оставить Кэтъ, я прямо пошелъ въ деревенскую гостиницу, чтобы познакомиться съ прибывшими и извиниться предъ ними за странный приемъ, оказанный имъ; но я уже не нашелъ ихъ, они ушли, никто не видѣлъ даже, въ какую сторону. Я оставилъ свою карточку и записку, въ которой съ изысканною вѣжливостью я просилъ ихъ сдѣлать

намъ честь—провести вечеръ съ нами. Записка эта произвела необыкновенный эффектъ въ „Розѣ и Коронѣ“—грязномъ трактиршкѣ, наполненномъ одуряющимъ запахомъ джина и табаку и грязнымъ шагающимъ людомъ. Ясно было, что наши кліенты были какіе-то чудачки.

Когда м-ръ Годжъ возвратился изъ банка, его ожидали добрыя вѣсти о дочери. Но самъ онъ привезъ извѣстія не совсемъ хорошія. Теперь оказалось, что противъ насъ была введена дѣлая интрига, и на слѣдующій день, вѣроятно, надо было ожидать кризиса. Впрочемъ, тестъ мой былъ увѣренъ, что мы устоимъ, если только намъ удастся удержать у себя эти роковыя 10 тысячъ фунтовъ стерлинговъ. Онъ одобрилъ мой визитъ въ гостиницу и предложилъ даже послать за кліентами карету.

Вечеромъ, когда мы сидѣли въ курительной комнатѣ, внезапно раздался легкій стукъ въ окно, заставившій насъ вскопчить съ мѣста. Наконецъ-то явились они! Нѣтъ, мы ошиблись—то былъ сэръ Самюэль, прибѣжавшій узнать о здоровьѣ жены моей. Мы приняли его очень холодно.

Правда—онъ былъ очень внимателенъ къ Кэтъ и оказалъ услугу во время тревоги, безъ насъ, но—могли-ли мы простить ему измѣну его, ту поспѣшность, съ которою онъ сообщилъ Уайзу и Вольфу свѣдѣнія о м-рѣ Годжѣ.

— Вы поступили какъ ведругъ, сэръ, и, могу даже сказать, не какъ джентльмэнъ! высказалъ м-ръ Годжъ.

Сэръ Самюэль громко засмѣялся.

— Поразительно! удивительно! милый другъ. Какъ вы не хотите понять, что если-бы это не сдѣлалъ я, такъ кто нибудь другой явился бы непременно. Я же заработалъ, по крайней мѣрѣ, для добраго дѣла—отдалъ эти 50 фунтовъ стерлинговъ на бѣдныхъ. Да къ тому-же у меня есть свой планъ.

— А ужъ вы начали приводить въ исполненіе планъ этотъ? спросилъ я.

— Н...нѣтъ-еще. Но—вотъ, вѣдь скажите, какая дерзость со стороны негодаевъ этихъ: лѣзть къ вамъ въ окно среди бѣлаго дня!

— Да нѣтъ-же—вы всѣ ошибаетесь, возразилъ я. П бѣдной Кэтъ тоже нечего было пугаться. Это — чрезвычайно почтенные люди—немного эксцентричные, но вполне заслуживающіе уваженія и богатые.

Сэръ Самюэль вынулъ сигару изо рта и посмотрѣлъ на меня съ видомъ нѣмага изумленія. — Какъ это, какъ это вы говорите, молодой человекъ? — „чрезвычайно почтенные люди“, даже „чрезвычайно почтенные“!

— Зять мой совершенно правъ, сказалъ м-ръ Годжъ. Они ввѣрили намъ очень большія деньги.

Удивленіе сэра Самюэля казалось безграничнымъ. Онъ сидѣлъ будто пораженный громомъ.

— Ну, послушайте, произнесъ онъ наконецъ, ударивъ м-ра Годжа по плечу,—послушайте, скажите, ужъ правду—вы вѣдь шутите со мной. Вы хотите, чтобы я повѣрилъ, что этотъ бродяга и его жена, которые оставались въ „Розѣ и Коронѣ“, имѣютъ счетъ у васъ! Никогда не повѣрю этому!

— И еще какой счетъ, 10 тысячъ фунтовъ стерлинговъ!

— Послѣ этого, я перестаю вѣрить собственнымъ глазамъ монмъ воскликнулъ онъ, быстро выбѣжавъ изъ комнаты.

На другой день, подходя къ банку, рано утромъ, когда двери еще были заперты для публики, мы увидѣли у подъѣзда нашихъ „клиентовъ“ и съ ними какого-то господина. Дженкинсъ сказалъ намъ, что это былъ адвокатъ Вольфъ. М-ръ Годжъ обратился ко мнѣ съ вопросомъ — не лучше-ли было-бы уже прямо не открывать банка и прекратить платежи, пока у насъ еще былъ порядочный наличный фондъ для расплаты со всѣми по ровну? Мы собрали на скорую руку совѣтъ, на которомъ, однако, взяло верхъ болѣе смѣлое мнѣніе. Банкъ былъ открытъ и первыми вошли наши неуловимые и эксцентрическіе „пріятель“. Осуществилось худшее, что мы ожидали: Дженкинсъ подалъ намъ чекъ въ 10 тысячъ фунтовъ стерлинговъ, подписанный С. и М. Пейкъ, а вслѣдъ затѣмъ въ приемную вошли мужъ и жена и съ ними м-ръ Вольфъ.

— Очень, очень рады видѣть васъ, съ привѣтливой улыбкой встрѣтилъ ихъ м-ръ Годжъ,—мы очень стѣснялись тѣмъ, что деньги ваши были такъ долго у насъ. Если вы сдѣлаете честь довѣрить намъ ихъ на дальнѣйшее время, мы будемъ выплачивать вамъ проценты.

— Нѣтъ, рѣзко возразилъ Вольфъ,—мои кліенты уже сдѣлали одну большую покупку, для которой нуждаются во всѣхъ деньгахъ своихъ.

— Въ такомъ случаѣ мнѣ остается только адресовать васъ къ нашему кассиру.

— Какими бумагами желаете получить? спросилъ Дженкинсъ, сохраняя геройское хладнокровіе.

Я взглянулъ на тестя. Глубоко опустившись въ кресло, онъ сидѣлъ неподвижно, съ закрытыми глазами и блѣдный какъ полотно. Въ эту рѣшительную минуту въ приемную вошелъ новый поспѣтитель и спросилъ меня. Когда ему указали, онъ подошелъ и подалъ мнѣ конвертъ. Въ немъ было предписаніе суда, воспрещавшее намъ выдавать изъ банка деньги, внесенныя на имя Самюэля и Марии Пейкъ, вслѣдствіе иска, сообщеннаго къ нимъ Самюэлемъ Пичотомъ, эсквайромъ.

„Потерянный рай“, поэма Мильтона. „И Сатана ринудся отъ солнца внизъ къ земному шару“. (Пѣснь III стр. 64).
Ориг. рис. Густава Доре, грав. Жонарь.

Смерть Карла Смѣлаго, герцога Бургундскаго. Ориг. рисун. К. Гартмана, грав. Шлехт.
Библиотека "Руниверс"

— Спасены! прошептал я на ухо м-ру Годжу.—Деньги эти мы не можем выдать, обратилась я къ м-ру Вольфу, — мы только что получили распоряженіе по этому предмету. И я показала ему бумагу.

У него вырвалось злобное восклицаніе и онъ поспѣшилъ къ выходу. За нимъ молча послѣдовали Пейки.

— Опять сэръ Самюэль! воскликнула теть.

Да, сэръ Самюэль выручилъ насъ. День прошелъ безъ особенна значительныхъ требованій, а въ теченіе слѣдующей недѣли мы оправились уже совершенно. Скоро разъяснилась и исторія вклада, лежавшаго столько времени неподвижно въ нашемъ банкѣ. Оказалось, что мистеръ Пейкъ и жена его были ловкими долгое время оставившимися неизвѣстными полиціи ворами, избравшими своею спеціальностью кражу брилліантовъ. Пока они „работали“ въ аристократіи, дѣло у нихъ шло хорошо. Планъ ихъ состоялъ въ томъ, что они не продавали украденныя вещи, а похитивъ ихъ, вступали затѣмъ въ переговоры съ владѣльцами, которымъ возвращали покражу за болѣе или менѣе значительное вознагражденіе. Они уже успѣли этимъ путемъ составить себѣ порядочное состояніе. Но въ одну несчастливую для себя минуту они задумали еще разъ, и въ послѣдній, запустить удочку. На удочку эту попались дорогие брилліанты лэди Пичотъ. Они плохо рассчитали. Имъ пришлось встрѣтиться съ человѣкомъ, который не любилъ шутить. Они скоро увидѣли, что съ сэромъ Самюэлемъ всту-

пать въ переговоры желъзя и переправили брилліанты за границу. Сэръ Самюэль преслѣдовалъ ихъ безъ устали, не жалѣя ни денегъ, ни трудовъ, и Пейки поняли, что имъ не отдѣлаться отъ полиціи и суда. Предвидя, что съ минуты на минуту ихъ арестуютъ, и не имѣя возможности гдѣ-либо спрятать или скрыть деньги свои, они адресовались съ ними въ первый попавшійся банкъ, который и оказался нашимъ. Они внесли намъ свои 10 тысячъ фунтовъ стерлинговъ съ тою цѣлью, чтобы взять послѣ освобожденія своего изъ тюрьмы. Бумажники тоже были оставлены у насъ съ намѣреніемъ, для того, чтобы при нихъ не могли найти никакого слѣда къ ихъ „кладу“. Отбывъ 5 лѣтъ заключенія, они въ первый же день озаботились о своихъ деньгахъ, но на бѣду свою ни тотъ, ни другой не могли вспомнить ни имени банкира, ни внѣшняго вида самаго дома, гдѣ банкъ помѣщался. Имъ не помогли и ежедневныя ихъ прогулки по улицамъ. Тогда они напечатали первое объявленіе въ газетѣ, а потомъ—услышали на улицѣ, около кэба, обычное восклицаніе м-ра Годжа, которое, какъ мы видѣли выше, и привело ихъ къ желаемой цѣли. Но они забыли про своего преслѣдователя—Пичота. Онъ не терялъ ихъ изъ виду и узнавъ о днѣ освобожденія ихъ, продолжалъ зорко слѣдить за ними. Вѣроятно, онъ получитъ обратно какъ стогность брилліантовъ жены своей, такъ и все, что израсходовалъ на розысканіе Пейковъ, и изъ 10 тысячъ фунтовъ стерлинговъ останется такъ мало, что объ остаткѣ этомъ не стоило и говорить.

СТИХОТВОРЕНІЕ.

* * *
Глубже темной ночи юга
Сумракъ глазокъ огневыхъ,
Какъ далекихъ звѣздъ мерцанье
Искры вспыхиваютъ въ нихъ....

А порою— словно тучки
Въ глубинѣ небесъ плывутъ;

Взслоняютъ, затемняютъ
Свѣтлый звѣздочекъ приюгъ,—

Въ нихъ горять-блестятъ зарницы
Вспышкой ярко-огневой,
Озаряя, разгоняя,
Разсѣвая мракъ ночной...

П. Гнѣдичъ.

Мстинскій Мостъ.

(Смотри рисунокъ на ст. 990 и 991).

18 октября 1869 года произошла на р. Мстѣ по Николаевской желѣзной дорогѣ ужасная катастрофа—сгорѣла часть огромнаго Мстинскаго моста. Вѣсть о томъ, что вдругъ прервано сообщеніе между столицами съ быстротою молніи облетѣла городъ. Каждый жившій тогда въ столицѣ помнитъ поражающее впечатлѣніе этого извѣстія. Цѣна на мясо тотчасъ-же повысилась въ Петербургѣ. Мста съ обрушеннымъ мостомъ была точно перерѣзанная жила живаго тѣла, прекратившаго приливъ жизненныхъ соковъ къ главному центру страны. Военное министерство командировало на мѣсто войска и послало понтоны. Устроенъ былъ временный понтонный мостъ. Пронесеніе это носило тогда какой-то таинственный характеръ. Никому неизвѣстны были причины пожаровъ, которыхъ было тогда два по Николаевской дорогѣ—несомнѣнно тутъ былъ поджогъ, съ какою цѣлью—это интересовало всѣхъ. Главное общество назначило 5 тыс. за открытіе виновныхъ, но они не найдены. Пассажиры переправлялись по понтонному мосту. Приняты были энергическія мѣры къ возстановленію безостановочной доставки скота. Гурты помѣщались временно на правомъ берегу Мсты и перегонялись по мосту въ промежутокъ между поѣздами. Вслѣдствіе усиленнаго пригона скота произошло даже обратное явленіе—мясо подешевѣло. Съ 21 октября по 1 ноября доставлено было въ Петербургъ на 15 тыс. пуд. мяса болѣе обыкновенной доставки. 3 ноября ледъ пошелъ съ такою быстротою, что принуждены были убрать и понтонный мостъ а пассажировъ перевозили на понтонныхъ лодкахъ. Все это вызвало необходимо энергическія заботы въ предупрежденіе подобныхъ несчастій о возможно скорой замѣнѣ деревяннаго моста желѣзнымъ.

Въ то время Николаевская желѣзная дорога только что была передана Правительствомъ Главному Обществу, причемъ было поставлено непремѣннымъ условіемъ Обществу чтобы всѣ деревянные мосты по дорогѣ были замѣнены желѣзными такъ что пожаръ только ускорилъ рѣшеніе это. Одними изъ послѣднихъ по устройству должны были быть Веребинскій и Мстинскій, оконченный 15 ноября. Рисунокъ этого моста помѣщенный въ настоящемъ номерѣ, представляетъ видъ его съ Петербургскаго берега рѣки Мсты. Рисунокъ сдѣланъ по фотографіи, снятой незадолго до окончанія моста.

Первоначально предполагалось наибольшіе мосты Николаевской жел. дор. чрезъ рѣку Мсту и чрезъ оврагъ рѣки Веребы перестроить на томъ же мѣстѣ, но впоследствии отказались отъ этой мысли, такъ какъ рѣшились одновременно съ перестройкою этихъ мостовъ обойти извѣстный веребинскій подъемъ.

Своевременно мы помѣстили рисунки и описаніе двухъ выходящихъ мостовыхъ сооружений, построенныхъ въ послѣднее

пятилѣтіе—Александровскаго моста чрезъ р. Волгу на Оренбургской желѣзной дорогѣ и моста Александра II чрезъ Неву. Вполнѣ достойнымъ собратомъ присоединяется къ нимъ только что оконченный мостъ черезъ рѣку Мсту на обходной вѣтви Николаевской желѣзной дороги, сооружаемой съ цѣлью избѣгнуть крутаго непрерывнаго 15-ти верстнаго подъема (восьмитысячнаго, т. е. 8 сажень высоты на тысячу саж. длины) между ст. Бурга и Торбино. Такой подъемъ имѣется на Николаевской дорогѣ только въ этомъ мѣстѣ; движеніе длинныхъ товарныхъ поѣздовъ по веребинскому подъему совершается двумя паровозами, что представляетъ серьезныя неудобства въ эксплуатаціи, особенно при расположеніи самой станціи Веребье на уклонѣ. Одновременно съ устраненіемъ крутаго подъема, устройствомъ обходной линіи достигается возможность перестройки ветхихъ деревянныхъ мостовъ мстинскаго и веребинскаго безъ затрудненій, въ сторонѣ отъ линіи. Обходная вѣтвь длиною 21 вер. въ замѣнъ прежнихъ 17 верствъ, начинается верстою раньше р. Мсты (на 176 вер. дороги), пересѣкаетъ р. Мсту въ 25 саж. ниже существующаго деревяннаго моста и оканчивается между ст. Веребье и Торбино (на 192 вер.), причемъ станція Веребье переносится на новое мѣсто и располагается на площадкѣ, веребинскій же мостъ замѣняется насыпью въ 20 саж. высоты, съ пропускомъ р. Веребы подъ насыпью гранитною трубою въ 3 саж. пролетомъ въ 60 саж. длиною, въ своемъ родѣ представляющею грандіозное сооруженіе.

Новый мостъ на Мстѣ, поражающій своей высотой, имѣетъ шесть пролетовъ по 35 саж., устроенъ подъ два пути съ расположеніемъ вѣды поверху. Рѣшетчатая желѣзная балка или фермы высотой въ 3,5 саж., по 4 въ пролетѣ, взаимно связанные надлежащимъ образомъ, опираются на 2 береговыхъ устоя и 4 быка; всѣ 6 опоръ выведены на всю высоту каменныхъ, причемъ кладка быковъ отличается облицовкою изъ финляндскаго гранита очень крупныхъ размѣровъ. Новый мостъ выше существующаго деревяннаго почти на 3 сажени, что оказалось необходимымъ для уничтоженія крутаго подъема дороги.

Устои основаны непосредственно на плотномъ грунтѣ, а три рѣчныхъ быка устроены на кессонахъ, посредствомъ сжатого воздуха. Отличался значительностью своихъ размѣровъ (шир. 4 саж., длиною отъ 11 до 15 саж.), кессоны, вслѣдствіе особенностей геологическаго строенія почвы подъ р. Мстою, представили серьезныя затрудненія при погруженіи; на глубинѣ отъ 5 до 7 саж. ниже горизонта низкой воды въ рѣкѣ обнаруженъ былъ водянистый слой съ пескомъ, значительно препятствовавшій успѣшному ходу работъ. Изъ трехъ кессоновъ, кес-

сонъ подъ бѣкъ московскій опущенъ на глубину 8,50 саж. Замѣтимъ при этомъ, что глубина обыкновенныхъ водъ р. Мсты около 1,5 саж., а въ весеннее время доходитъ до 6 саж.

Работы по возведенію желѣзнаго стропила представляютъ глубокой интересъ по важности употребленнаго способа, отличающагося, въ тоже время, крайнею простотою. Собранные фермы на низкихъ подмостяхъ подпираютъ по концамъ помощью гидравлическихъ прессовъ или домкратовъ, установленныхъ на самыхъ бѣкахъ и по мѣрѣ возведенія кладки бѣковъ постепенно поднимаются и фермы дѣйствіемъ этихъ прессовъ. Работа шла крайне спокойно и только людямъ, часто пробѣжавшимъ по Николаевской дорогѣ, можно было любоваться, какъ при отсутствіи подмостей росъ мостъ въ вышину. Полная высота моста отъ рельса до низкой воды 21 саж., а до подошвы наиболѣе погруженнаго кессона до 30 саж. Всѣ работы по устройству обходной линіи взяли на себя инженеры бр. Ляконовичъ и Бусуринъ. Проекты Мстинскаго моста и веревбинской трубы составлены проф. Н. А. Бѣлелюбскимъ. На-

чалъникомъ работъ обходной линіи—инж. А. А. Бѣлелюбскій; имъ же произведены были и окончательныя изысканія линіи; помощниками его по Мстинскому мосту инж. Кербедзь, по устройству перехода черезъ р. Веребью — инж. Мельниковъ. Металлическія работы исполнены были по заказу г. контрагентовъ заводомъ Гаркорга на Рейнѣ въ Дюисбургѣ. Нельзя не вспомнить при этомъ того горячаго участія, какое принималъ въ дѣлѣ сооруженія обходной линіи покойный директоръ дороги И. Ф. Кенигъ. Мостъ черезъ р. Мсту 15 Ноября освидѣтельствованъ и испытанъ комиссіею отъ Министерства Путей Сообщенія. Вѣроятно на дняхъ послѣдуетъ открытіе движенія по оконченной части обходной линіи, въ которую входитъ и самый мостъ.

Отличаясь трудностью работъ, грандіозностью своихъ размѣровъ, элегантностью своего вида, мостъ черезъ р. Мсту, въ связи съ окончанными мостовыми сооруженіями послѣдняго времени будетъ служить поучительнымъ и прекраснымъ образцомъ русскаго инженернаго искусства.

ЖЪ РИСУНКАМЪ.

Въ разлукѣ.

(Рисунокъ Сентена).

За поворотомъ аллеи дома простучали колеса и стукъ этотъ затихъ въ лѣсу. Черезъ нѣсколько времени вдаль раздался свистокъ отходящаго поѣзда, замѣлился по ровной линіи полотно желѣзной дороги, далеко уходящей полями, замѣлился бѣлый дымокъ — и все кончено. Онъ уѣхалъ въ далекій путь. Сердце словно оборвалось, жизнь кажется безъ близкаго челоука такъ грусна, такъ бездѣльна. Веселые, милые глазки молодой женщины теперь постоянно грустны. Она живетъ однимъ ожиданіемъ. Но настанетъ онъ—этотъ желанный мигъ. Опять забьется сердце радостью свиданія, бросится она къ нему на встрѣчу и воротится ея весна со всеми ея цвѣтами и радостями.

Злой духъ, несущійся къ землѣ.

(Рис. Г. Дорэ. „Потерянный Рай“, поэма Мильтона).

Въ виду наступающихъ праздниковъ, напоминаемъ нашимъ читателямъ о роскошномъ изданіи нашего „Потерянный Рай“ Мильтона. Книга эта можетъ служить великолѣпнымъ рождественскимъ подаркомъ. Рисунокъ знаменитаго „царя иллюстраторовъ“ Густава Дорэ, великолѣпная бумага, роскошный переплетъ—все это даетъ этой книгѣ значеніе изданія небывалаго еще въ нашей литературѣ. При его появленіи онъ встрѣченъ былъ самыми сочувственными отзывами всѣхъ органовъ печати. Нѣкоторые изъ этихъ отзывовъ помѣщены въ большомъ объявленіи, разосланномъ нами повсемѣстно. Рисунокъ здѣсь помѣщенный относится къ одушевленной и поэтической III пѣсни, начинающейся словами: „Привѣтъ тебѣ радостный свѣтъ!“. Сатана совершаетъ свой полетъ среди новосозданнаго міра. Его полетъ даетъ Мильтону поводъ къ блестящимъ, извѣстнымъ каждому его читающему соотечественнику, строфамъ. „Сатана носился высоко надъ группами всѣхъ мировъ, подъ сѣнью Вѣчной Ночи. Взоръ его обнималъ вселенную. Быстро разсѣкаютъ черныя крылья его чистыя, прозрачныя воздухъ среди безчисленныхъ свѣтилъ. То были міры счастливыя, подобныя тѣмъ быть можетъ цвѣтущимъ островамъ, тѣмъ Гесперидскимъ садамъ, что славилась въ древности... О чудныя рощи, тѣнистыя дубровы, цвѣтущія долины, міры трижды счастливыя—что за просвѣтленные существа обитаютъ на нихъ! Сатана пораженъ блескомъ великаго Солнца... И онъ ринулся отъ солнца внизъ къ земному шару...“ Таково содержаніе чудесныхъ звучныхъ стиховъ Мильтона, послѣдняя строфа которыхъ представляетъ тему превосходнаго рисунка Густава Дорэ.

Смерть Карла Смѣлаго.

(Оригинальный рисунокъ Гартмана).

Въ грозную и суровую эпоху среднихъ вѣковъ, Карлъ Смѣлый, герцогъ Бургундскій, представляется одною изъ выдающихся личностей своего времени по своимъ широкимъ, завоевательнымъ замысламъ, по блестящимъ военнымъ талантамъ и чисто-рыцарской доблести. Родился онъ 10 ноября 1433 г. отъ третьяго брака герцога Бургундскаго Филиппа III съ инфантой португальской Изабеллой, и уже въ колыбели предназначался къ наслѣдованію владѣній одного изъ могущественнѣйшихъ вассаловъ французскаго короля. Сознаніе зависимости отъ подозрительнаго, деспотическаго монарха съ раннихъ лѣтъ не давало покою честолюбивому и гордому Карлу, и онъ тогда-же, извѣстный еще просто подъ титуломъ графа Шароле, сталъ готовить себя къ суровой боевой жизни, какъ-бы предчувствуя свою будущность, полную тревогъ и опасностей. Въ высшей степени храбрый и энергичный, онъ по неволѣ скрывалъ до времени свои честолюбивые и завоевательные замыслы, отравившись впоследствии всю его жизнь и игоубившіе его раньше времени. Уже въ 1645 году молодой герцогъ, поссорившись съ отцомъ, сталъ во главѣ сильной партіи фран-

цузскихъ вассаловъ, желавшихъ освободиться отъ жестокой тираніи Людовика XI и принудилъ послѣдняго къ соглашенію и миру. Вступивъ въ 1467 г. на престолъ отца, Карлъ не старался болѣе скрывать своего давно задуманнаго завоевательнаго плана—захватить въ свою власть Лотарингію, Швейцарію и большую часть южной Франціи и создать изъ нихъ, подъ своимъ скипетромъ бургундское королевство. Усмиривъ возмущившія противъ него городъ Люгилъ, Карлъ въ продолженіи цѣлаго года ссорится и ведетъ борьбу съ своими соудьями, впрочемъ, не всегда удачно: такъ швейцарцы два раза наносятъ его арміи страшныя пораженія: одно при Грансонѣ 1 марта, а другое при Муртонѣ 22 июня 1476 г. Эти пораженія имѣли для Карла самыя губительныя послѣдствія: ободренный ими, герцогъ лотарингскій Ренатъ, тайно подстрекаемый Людовикомъ XI, снова поднялъ оружіе и уже взялъ назадъ завоеванныя у него крѣпости, когда новое пораженіе положило предѣлы его успѣхамъ и заставило его бѣжать къ швейцарцамъ для набора свѣжаго войска. Наконецъ, обѣ арміи сошлись подъ стѣнами Нанси, главнаго города Лотарингіи, гдѣ и должна была произойти окончательная и рѣшительная битва. Здѣсь 4 января 1477 года бургундское войско истощенное болѣзнями и лишениями, очутилось лицомъ къ лицу съ превосходящею его числомъ лотарингскою арміею, подкрѣпленною, кромѣ того, силами швейцарцевъ. Пораженіе арміи Карла было полное и къ вечеру все его войско оказалось окончательно разбито, а лучшіе рыцари убиты, взятые въ плѣнъ или разсѣялись, самъ герцогъ въ рѣшительные моменты боя являлся во всѣхъ опасныхъ мѣстахъ и дрался со всею энергіею отчаянія. Наконецъ, видя общее бѣгство и разстройство своей арміи, Карлъ оставилъ поле сраженія, сопровождаемый небольшою свитою, но къ несчастію его тяжелый боевой конь понесъ его прямо въ замерзшее болото. Лошадь скользила по ломавшемуся льду и вскорѣ упала въ воду; въ тоже время подошла въ неприятель, и послѣ отчаянной борьбы былъ убитъ какъ герцогъ, такъ и сопровождавшіе его вѣрные рыцари. Трупъ Карла похоронили сначала въ Нанси, а въ 1550 году, по приказанію Карла V, перенесли въ Брюгге.

Ловля рыбы корморанами въ Китаѣ.

Моускія вороны или кормораны (Phalacrocorax натуралистъ) встрѣчаются во всей Европѣ, начиная съ Норвегіи, зимою-же поселяются въ огромномъ количествѣ Африку, Среднюю Азію и сѣверную Америку. Эта птица величикою съ нашего гуса, чернаго цвѣта съ различными его оттѣнками и кромѣ того съ нѣжнымъ металлическимъ блескомъ. Клювъ и ноги черныя. Корморанъ живетъ какъ въ морѣ, такъ и въ прѣсныхъ водахъ, но особенно любимое его мѣстопребываніе — это большія, пустынные рѣки, окруженныя густыми, дремучими лѣсами. Здѣсь-то онъ свободно располагается цѣлыми стаями на скалистыхъ, неприступныхъ берегахъ и въ прибрежныхъ шхерахъ и можетъ безъ помѣхи предаваться своему любимому занятію — рыбной ловлѣ. Этой ловлѣ корморанъ посвящаетъ почти цѣлый день, такъ какъ при его прожорливости ему нужно много рыбы, чтобы насытиться. Благодаря этой ненасытности, въ прѣсныхъ водахъ и озерахъ корморанъ причиняетъ сильный подрывъ рыбной ловлѣ. Онъ смѣлый, искусный и неутомимый рыболовъ, такъ какъ при своей способности нырять и плавать, можетъ брать рыбу на самой значительной глубинѣ. Изобрѣтательные китайцы даже умѣли воспользоваться этими способностями корморана и выдрессировать его еще въ маломъ возрастѣ, заставляя ловить рыбу и приносить ее хозяину. Обыкновенно на подобнаго рода ловлю выѣзжаютъ на лодкѣ или небольшомъ бамбуковомъ плоту, съ ручными корморанами. Когда настаетъ пора ловить рыбу, то рыбаки сбрасываютъ корморановъ въ воду и если они иногда заупрямятся и не хотятъ нырять, то ихъ заставляютъ дѣлать это даже силою, ударяя весломъ. И вотъ кормораны ныряютъ и

ловить рыбу, затѣмъ появляются снова на поверхности воды и рыболовъ, не теряя времени, отнимаетъ у нихъ добычу, особенно если это крупная рыба, которая легко можетъ вырваться и ускользнуть снова въ воду. Но птица можетъ проглотить рыбу? Чтобы помѣшать въ этомъ корморану, ему завязываютъ на шеѣ шнурокъ или надѣваютъ металлическій ошейникъ, такъ что волей-неволей, при всей своей жадности, онъ принужденъ подносить всю пойманную имъ добычу, хо-

зяину которой и притягиваетъ птицу за ошейникъ шнуркомъ. Но вотъ попадаетъ большая сильная рыба, которая отчаянно бьется въ клювъ. Тогда остальные товарищи птицы выдвигаются къ первой и помогаютъ ей. На берлинской рыболовной выставкѣ была выставлена цѣлая лодка и бамбуковый плотъ съ чучелами этихъ птицъ и показанъ былъ наглядно этотъ любопытный и оригинальный видъ рыбной ловли въ Китаѣ.

Диклоны.

Очеркъ М.

(Смотри рисунки на стр. 997).

Вѣтеръ, стремящійся съ извѣстной скоростью, приблизительно 75 футовъ въ секунду превращается уже въ бурю. Сильные вѣтры носятъ различныя названія. Въ странахъ жаркаго пояса вѣтры эти называются диклонами. Отъ этихъ послѣднихъ тифона, торнадо и гурфикано, до водяныхъ и пес-

восточный вѣтеръ, но вскорѣ воздухъ со всѣхъ сторонъ сталъ стремиться къ центру огня. Колонны дыму почти отвѣсно поднялись на 600 футовъ въ высоту и затѣмъ вдругъ согнулись дугообразно.

Колоссальные вихри образуются при выжиганіи первобыт-

Въ Китаѣ. Ловля рыбы корморанами. Рис. Ф. Смитонъ, грав. Трейманъ.

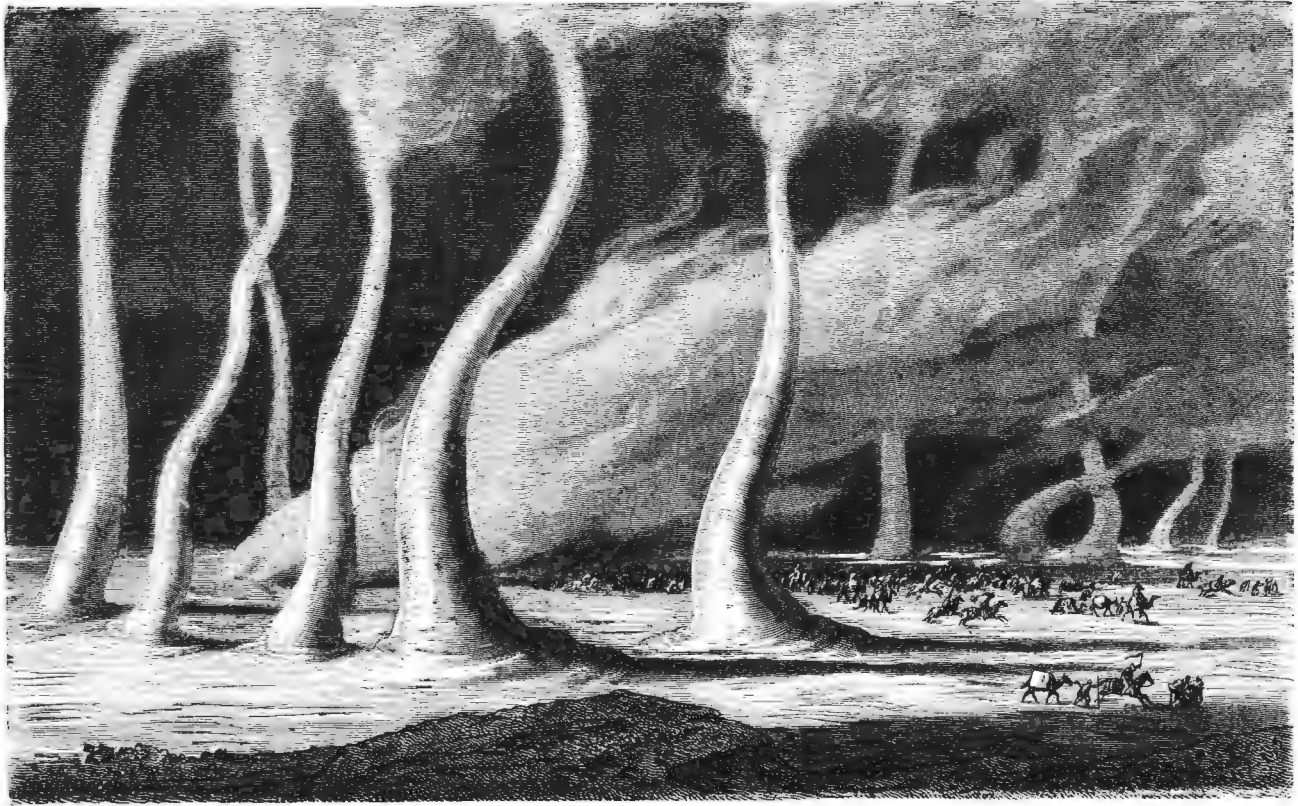
чаныхъ смерчей и постоянныхъ мѣстныхъ вихрей существуетъ много переходныхъ степеней. Поддингтонъ доказалъ, что между водянымъ смерчемъ и торнадо существуетъ много градаций, а Рене объяснилъ ихъ на основаніи научныхъ изслѣдованій.

Сильные вѣтры образуются при большихъ пожарахъ. Ольмштедтъ приводитъ замѣчательный примѣръ. На берегу рѣки Блякъ-Вариоръ, около Тускалозы въ Алабамѣ былъ зажженъ кустарникъ, покрывавшій 25 дес. земли. Когда огонь распространился, то въ мѣстахъ гдѣ было наиболѣе жару сталъ подниматься вихрь, принимавшій разнообразныя формы. „Сначала размѣры его были незначительны, но спустя нѣсколько времени высота его достигла 35—40 футовъ. Затѣмъ образовалось еще нѣсколько столбовъ въ 200 футъ вышины. Пламя и дымъ, образовавшіе цѣлыя столбы, отдѣлились отъ общей массы огня. Когда кустарникъ уже весь сгорѣлъ и тогда даже надъ пепломъ кружились вихрь“. Вначалѣ пожара дугъ сѣверо-

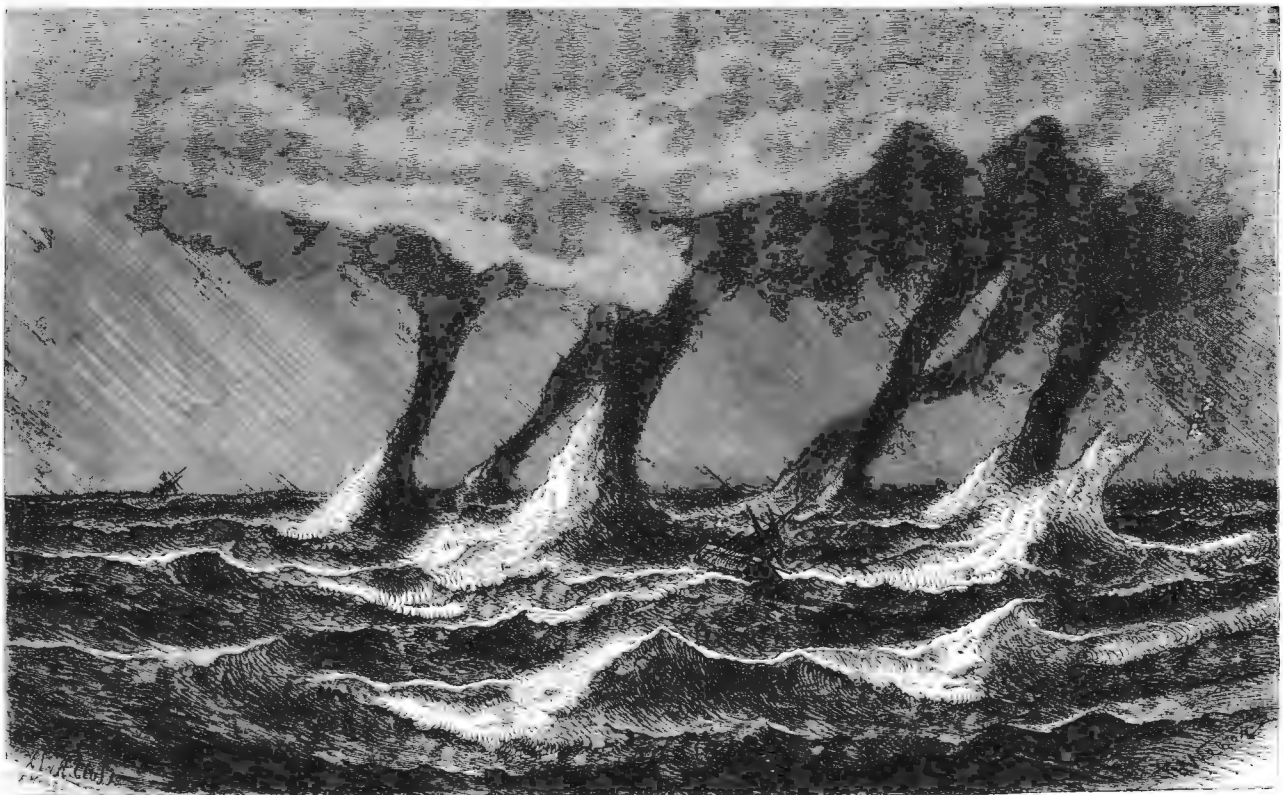
ныхъ дѣсовъ. Въ 1824 году, около Амгерста, въ теплый ясный день, докторъ Конль велѣлъ зажечь 7 акровъ строеваго дѣса съ хворостомъ. Дымъ и пламя соединились въ кружащійся столбъ, изъ котораго исходило грозное шипѣніе и ревъ. При подобномъ же пожарѣ въ Штокбриджѣ, вихрь былъ такъ силенъ, что вырывать съ корнемъ молодцыя деревья въ 6—8 дюймовъ толщины и поднимать ихъ, кружа въ воздухѣ, на высоту 40—50 футовъ. Такіе кружащіеся столбы образуются иногда надъ кратерами дѣйствующихъ вулкановъ. Профессоръ Зеэбахъ наблюдалъ такой столбъ пепла 8-го апрѣля 1866 года, во время изверженія вулкана на островѣ Санторинѣ. Столбъ этотъ, въ формѣ гигантскаго вѣтра изъ дыма, сопровождаемый громовыми ударами, поднялся—по точному измѣренію—на 5807 аршинъ въ высоту. Иногда водяные пары, захваченные такимъ столбомъ, спускаются вверху въ дождевыя облака и грозовыя.

Первая степень смерча—это небольшой вѣтерокъ, который мы чувствуемъ иногда и въ ясную погоду; онъ захватываетъ на

(Продолженіе на стр. 997, 998, 999, 1000, 1001, 1002, 1003 и 1004).

Смерчъ въ пустынь. Рис. Веберъ, грав. Клоссъ.

Смерчъ на морѣ. Рис. Веберъ, грав. Клоссъ.

площади песок, солому и листья и продолжается не более полминуты. Въ гораздо больших размѣрахъ такіе вихри бывають въ нашихъ степяхъ. Но болѣе всего извѣстны великія волонны движущагося песку въ пустынѣ Сахарѣ, которые застилають цѣлыя караваны. Это ужасное явленіе великой пустыни и изображено на нашемъ верхнемъ рисункѣ (стр. 997).

Въ Австраліи тоже бывають такіе вращающіеся гигантскіе столбы песку, въ особенности на плоскихъ долинахъ. Бельтъ, наблюдавшій это явленіе въ Австраліи, утверждаетъ, что это такъ сказать каналы, посредствомъ которыхъ нагрѣтый воздухъ отъ земли подымается въ высшія области атмосферы.

Смерчу предшествуетъ всегда особенная удушливость воздуха, часто бываетъ мертвое, совершенное затишье. Смерчи на сушѣ имѣють преимущественно воронкообразную форму, смерчи водяные принимаютъ форму трубы, у основанія которой пѣвьясь вздымается вода. Вышина и диаметръ смерчевыхъ трубъ различны. Иногда они достигаютъ отъ 2,000 до 5 и 6,000 ф. вышины. По опустошеніямъ, производимымъ смерчами, можно заключить, что воздухъ со всѣхъ сторонъ стремится къ основанію этого столба.

Опустошенія производимыя смерчами бывають очень значительны. Подробно было описано смерчъ, разрушившій въ прошломъ столѣтіи мѣстечко Гайнхенъ въ саксонскихъ Рудныхъ горахъ. Въ этотъ день дули перемѣнные вѣтры, образовалось нѣсколько грозныхъ тучъ; къ 4-мъ часамъ пополудни, на разстояніи одного часа отъ Гайнхена показался длинный, туманный столбъ, который спустился съ облаковъ на землю. Нѣсколько разъ онъ поднимался, но наконецъ опустился окончательно и съ ужасающею быстротою сталъ носиться по пространству, имѣя въ основаніи ширину въ нѣмецкую милю, и все опустошать.

Все, что было встрѣчено этимъ явленіемъ на пути—было уничтожено. Въ Аренсдорфѣ, гдѣ оно началось, срывало крыши и даже сворачивало цѣлыя дома, въ Диттерсдорфѣ смерчъ разрушилъ цѣлое имѣніе. Прочный жилой домъ, за заключеніемъ лѣваго флигеля, былъ весь снесенъ и сдвинутъ на цѣлую сажень отъ прежняго его мѣста. Крыша и хлѣбный сарай оказались затопленными въ соседнемъ прудѣ. Разрушивъ еще нѣсколько домовъ въ окрестностяхъ, смерчъ повернулъ въ лѣсъ, гдѣ въ нѣсколько секундъ продѣлалъ аллею въ 150 футовъ ширины. На его пути не устояло ни одно дерево, ни одинъ кустъ. Липы и дубы оказались вырванными съ корнемъ и поломанными. Въ заключеніе смерчъ подхватилъ одного рабочаго съ двумя лошадьми и перваго забросилъ въ лощину, а лошадей—въ близлежащій кустарникъ, затѣмъ распался на части и исчезъ безслѣдно.

26-го августа 1826 года смерчъ пронесся надъ городомъ Каркассонемъ, который ранѣе въ ноябрѣ 1780 года также пострадалъ отъ подобнаго же явленія. Въ этотъ день съ утра дулъ очень жаркій южный вѣтеръ, къ полудню на западъ показались тучи и вѣтеръ усилился. Вдругъ въ различныхъ мѣстахъ облака стали спускаться къ землѣ, точно притянутыя ею. Послѣдовалъ глухой шумъ, закончившійся ударомъ грома. Со всѣхъ сторонъ воздухъ сталъ притягиваться къ темной тучѣ. Послышалось нѣсколько сильныхъ громовыхъ ударовъ и показался красноватый столбъ, тянувшійся отъ неба до земли, который все уничтожалъ по пути. Одинъ молодой человекъ былъ подхваченъ этимъ столбомъ и разбился о скалу. Деревья выворачиваемы были съ корнями, обрушивались каменные стѣны, сдвигались скалы и наконецъ столбъ налетѣлъ на замокъ. Тутъ онъ сорвалъ массивныя желѣзные ворота, сшибъ верхніе этажи и вырвалъ массу деревьевъ. Метеоръ оставляя за собою запахъ сѣры; наконецъ онъ превратился въ ливень, вслѣдъ за которымъ западный вѣтеръ расчистилъ небо.

Происхожденіе этихъ грозныхъ смерчей объясняютъ какъ соединеніе вертикальныхъ воздушныхъ струй. Теплый и влажный воздухъ, кружась, уноситъ вверхъ эти струи съ поверхности земли или же приносятъ сверху холодный воздухъ на землю.

Именемъ „Торнадо“, американскіе метеорологи называютъ сильныя ураганы или орканы. Наружнымъ видомъ они походятъ на водяные смерчи, но превосходятъ послѣдніе силою своего притяженія. Они доходятъ въ ширину до одной англійской мили, длина колеблется между двумястами и болѣе англійскими милями, а поступательная скорость среднимъ числомъ равняется 40 англ. милямъ въ секунду. За немногими исключені-

ями, всѣ торнадо двигаются на западъ съ малымъ наклоненіемъ къ сѣверу. Зачастую нѣсколько торнадо идутъ параллельно одинъ другому. Торнадо переносится иногда, подымаясь надъ землею, черезъ большія пространства, выше вершинъ деревьевъ и потомъ снова спускается на землю.

Во время шестивія торнадо, воздухъ по преимуществу имѣетъ центростремительное движеніе, во время большихъ циклоновъ, воздухъ движется спирально. Циклоны не дуютъ равномерно, но сильными бурными порывами. Темныя тучи и сильныя ливни, болѣею частью съ громомъ и молніею,—постоянные спутники циклоновъ. День превращается въ ночь. Снизу влажная масса воздуха спирально поднимается вверхъ и съ неимоверной быстротою разгоняетъ темныя тучи. Такой торнадо изображенъ на нижнемъ рисункѣ стр. 997. На сотни миль вокругъ мѣста урагана небо покрывается черными тучами. Затѣмъ начинается дождь сплошными струями, который идетъ день и ночь безостановочно, точно сквозозъ прорванную плотину. Барометръ падаетъ тѣмъ болѣе, чѣмъ ближе надвигается центръ бури. Болѣею частью опусканіе барометра служитъ вѣрнымъ предвѣстникомъ приближающагося оркана. Иногда барометръ предвѣщаетъ ураганъ за нѣсколько дней, иногда-же онъ падаетъ передъ самымъ началомъ бури. Такъ, во время ужаснаго тифона въ октябрѣ 1831 года, буря началась одновременно съ паденіемъ барометра; корабли въ портѣ Макао не успѣли принять никакихъ мѣръ и многіе изъ нихъ затонули. Такія внезапныя бури бывають нерѣдко во время тифоновъ въ Китайскомъ морѣ. Нѣкоторыя примѣты однако позволяютъ заранее угадать близость такого явленія. Прекрасная погода, при необыкновенно прозрачномъ воздухѣ, значительный жаръ и совершенное затишье— всегда опасныя на морѣ. Исслѣдованія Вагнера привели къ заключенію, что въ Бенгальскомъ заливѣ циклоны образуются чаще всего въ то время, когда движеніе воздуха не имѣетъ правильнаго пути, когда въ атмосферѣ все спокойно или если дуютъ малые, перемѣнные вѣтры; когда давленіе воздуха равномерно по всему берегу и когда выпадаютъ небольшие дожди.

Къ самымъ разрушительнымъ бурямъ принадлежитъ торнадо 10 октября 1780 года; въ особенности онъ извѣстенъ уничтоженіемъ англійскаго флота, бывшаго подъ командою сэра Роднея. За недѣлю до смерча, на Ямайкѣ орканъ уничтожилъ корабли: „Скарборусъ“, „Барбадосъ“, „Викторъ“ и „Фениксъ“; между тѣмъ, корабли: „Принцесса“, „Герри“ и „Аустинъ-Галь“ въ Саванно-ли-Маре были сорваны съ якорей, загнаны въ болото и затѣмъ выброшены на твердую землю такъ далеко отъ берега, что впоследствии они служили жилищемъ уцѣлѣвшимъ людямъ. Центръ бури, 10 Октября, нагнулся черезъ Барбадосъ на Санта-Лючію, краями же она захватила Тринидадъ и Антигуа. Въ Санта-Лючія буря застала эскадру адмирала Готтама, уничтожила на южномъ берегу Мартиники два французскихъ фрегата и 50 транспортныхъ судовъ. Затѣмъ центръ бури прошелъ черезъ Порторию и подѣ 26 градусомъ сѣверной широты, повернулъ къ сѣверу, завернувъ на Бермудскіе острова.

Замѣчательно поступательное движеніе тропическихъ урагановъ. Въ началѣ этого столѣтія Капперъ пришелъ къ убѣжденію, что бури сѣвернаго полушарія, первоначально свое направленіе отъ юга къ сѣверу-западу, перемѣняютъ за тропикомъ и движутся съ юго-запада на сѣверо-востокъ. Бури южнаго полушарія, которыя въ тропической зонѣ движутся отъ сѣверо-востока на юго-западъ, при переходѣ черезъ тропики, въ умѣренную полосу измѣняютъ направленіе съ сѣверо-запада на юго-востокъ. Тифоны Китайскаго моря движутся очень неправильно. По изслѣдованіямъ Вагнера, болѣе всего это случается съ тифонами сѣвернаго полушарія, между Китаемъ и Японіей. Бываетъ такъ, что тифоны съ материка переходятъ въ море, затѣмъ снова возвращаются на материкъ.

Мѣсто образованія циклоновъ съ точностью неизвѣстно. По наблюденію Рейса, многіе атлантическіе смерчи—африканскаго происхожденія. Такъ одинъ орканъ, въ концѣ августа 1853 г. нагнулся съ океана, обогнулъ берега Соединенныхъ Штатовъ, пронесся однимъ краемъ около Ньюфаундленда; другимъ около западнаго берега Британіи и послѣ 13-дневнаго разрушительнаго странствованія исчезъ въ Ледовитомъ океанѣ.

Рисунки, помѣщенные нами въ этомъ № взяты изъ превосходнаго сочиненія, недавно изданнаго Шнеманомъ въ Штутгартѣ: „Земля и ея органическая жизнь“. Текстъ книги принадлежитъ Клейну.

Политическое обозрѣніе.

Сдача Дульцино Черногорія.—Австро-Венгрія.—Ирландія.—Кардиналъ Якобини.—Отмена солянаго налога.

Турція рѣшилась прервать, наконецъ, комедію съ Дульцино. Незадолго, англійскій посланникъ въ Константинополь, Гошевъ, объявилъ Портѣ, что державы дадутъ ей десять дней времени на передачу города и хотя мы, судя по недавнему прошлому, въ правѣ сомнѣваться, чтобы паши очень испугались привычныхъ уже для нихъ европейскихъ угрозъ, тѣмъ не менѣе они нашли, что настала пора уступить. 14-го ноября черногогорскія войска выступили изъ Куньи на Майорту и за-

няли эту позицію около 2 часовъ по полудни, а въ 6 часовъ онѣ вступили въ Дульцино, очищенный въ порядкѣ низагомъ. 15-го ноября вечеромъ черногогорскія войска заняли южную часть Дульцинскаго округа и тогда городъ былъ уже совершенно переданъ имъ. Турецкіе дипломаты сдѣлали свое дѣло. Они доказали Европѣ, что съ Портѣю не легко сладить, они заставили державы испытать на себѣ всю неприятную тяжесть турецкой процедуры, сумѣли охладить рвеніе ихъ къ дѣлу защиты интересовъ тѣхъ Балканскихъ государствъ, которымъ онѣ надавали разныхъ обѣщаній на Берлинскомъ конгрессѣ.

Но что будетъ дѣлать Черногорія съ городомъ, еще вчера принадлежавшимъ враждебному племени, ненависть котораго еще болѣе, конечно, усилена теперь отнятіемъ у него роднаго пепелища? Какъ ни необходимъ Черногорскому князю приморскій портъ, но, признаться, трудно не придумать надъ тѣмъ, что сулитъ въ будущемъ комбинація, вдвинувшая черногорцевъ въ предѣлы области исконныхъ враговъ ихъ!..

Австрійская партія конституціоналистовъ, агитируя, какъ мы уже сообщали читателямъ, противъ министерства графа Таафе, вызвала противодѣйствіе другихъ партій. Такъ, между прочимъ, нѣмецкая консервативная партія также создала свой съѣздъ (въ Линцѣ), на которомъ присутствовало до десяти тысячъ делегатовъ изъ Верхней и Нижней Австріи, Штирии и Тироля. Съѣздъ имѣлъ цѣлью выяснитъ существованіе тѣсной солидарности между всеми разноплеменными народностями монархіи Габсбурговъ, причемъ высказался въ пользу избирательной реформы на принципахъ всеобщей подачи голосовъ. Консервативныя группы идутъ дальше—они требуютъ преобразованія имперской конституціи, настаивая на необходимости несправедливыхъ привилегій и, такимъ образомъ, вѣроятно, будутъ служить сильной поддержкой внутренней политикѣ графа Таафе.

Положеніе дѣлъ въ Ирландіи становится тягостнѣе съ каждымъ днемъ. Аграрныя преступленія совершаются теперь ежедневно. Жизнь и собственность землевладѣльцевъ, агентовъ ихъ и арендаторовъ находится въ зависимости отъ „тайныхъ судилищъ“ аграрной лиги. Установивъ терроръ, лига уже нисколько не скрывается. Такъ, недавно въ Килламорѣ, близъ Лонгоса, происходилъ созванный ею митингъ, на которомъ присутствовало около 15.000 фермеровъ и друг. членовъ земледѣльческаго класса, причемъ было произнесено не мало зажигательныхъ рѣчей. Полиція пыталась арестовать одного изъ членовъ лиги, возбуждавшаго своими рѣчами окружающую его толпу крестьянъ. Но толпа оказала противодѣйствіе. Произошло столкновеніе, при которомъ многіе полицейскіе были ранены; наконецъ, полицейскіе обнажили сабли и, произведя правильное нападеніе на толпу, овладѣли ораторомъ. Англійское правительство отправляетъ полкъ за полкомъ въ Ирландію, но едва-ли оно въ состояніи содержать тамъ столько войскъ, сколько бы ихъ понадобилось для поддержанія полнаго порядка, для успѣшнаго

противодѣйствія лигѣ. Такъ, напр., для огражденія земель одного владѣльца (капитана Бойкота), объявленнаго лигой внѣ закона, понадобилось не менѣе семи тысячъ солдатъ и полицейскихъ. Радикальные члены кабинета Брайта и Чемберлейнъ, возставшіе противъ отмены въ Ирландіи дѣйствія „Nabeas Corporis“ объявили, однако, вождямъ ирландской лиги, что и защитники ихъ въ средѣ кабинета потеряютъ къ нимъ всякое довѣріе, если они будутъ продолжать насилія свои. Къ сожалѣнію, это заявленіе, какъ слышно, не произвело ни малѣйшаго впечатлѣнія на лигеровъ. Парнелль уѣхалъ въ южную Францію, по увѣренію однихъ, для того, чтобы обезпечить отъ конфискаціи фондъ лиги, согласно другимъ—будто-бы, вслѣдствіе соглашения между нимъ и правительствомъ, заключеннаго при посредствѣ Брайта и Чемберлейна. Гладстонъ ведетъ, въ настоящее время, переговоры съ лордомъ Дерби. Ожидаютъ, что Дерби будетъ назначенъ вице-королемъ Ирландіи.

Папа назначилъ государственнымъ секретаремъ римской курии (постъ, соответствующій, между прочимъ, должности министра иностранныхъ дѣлъ) кардинала Якобини. Кардиналъ не сочувствуетъ непримиримой политикѣ іезуитовъ, высказываясь, напротивъ, въ пользу соглашеній католической церкви съ свѣтской властью.

Нашимъ правительствомъ принята важная мѣра. Именнымъ указомъ правительствующему сенату акцизъ съ соли отмененъ. Государь явилъ новое доказательство своихъ заботъ о народномъ благосостояніи, которое всегда было близко Его сердцу, чутко угадывавшему дѣйствительныя народныя нужды. Путь экономическихъ реформъ—самый вѣрный путь къ благосостоянію, а этотъ путь всего вѣрнѣе поддается сердцемъ, гуманными воззрѣніями. Въ указѣ справедливо выражена надежда, что эта мѣра не только уменьшитъ тягости бѣднѣйшаго населенія, но и послужитъ къ развитію скотоводства, улучшенію земледѣлія, къ дальнѣйшимъ успѣхамъ рыбныхъ промысловъ и заводской промышленности.

Такимъ образомъ снимается, наконецъ, бремя, лежавшее нѣсколько вѣковъ на нашемъ народѣ и тормозившее его экономическое развитіе.

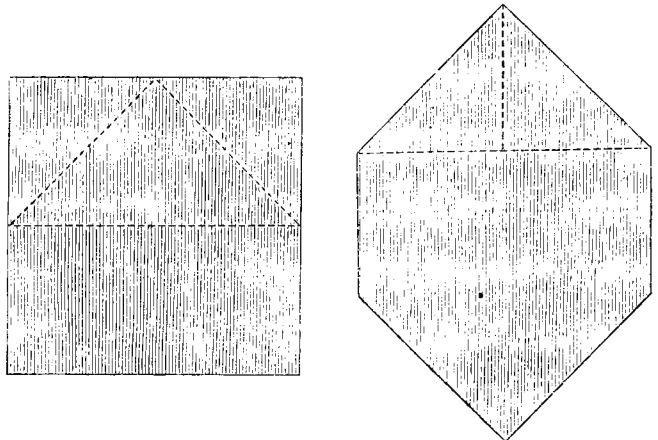
Рѣшеніе задачи Ходъ Короля № 78.

35	33	32	94	86	85	73	81					
36	34	31	95	93	89	87	84	72	82	74	80	
38	37	96	30	90	92	88	26	71	83	66	79	75
40	39	42	97	29	91	27	70	25	67	65	76	78
41	98	43	100	28	69	68	24	64	77			
	44	99	101	23	62	63						
	104	45	102	61	22	58						
105	121	103	46	47	7	60	59	21	57			
119	120	106	122	123	4	48	6	8	54	56	20	18
118	107	1	111	3	124	5	49	53	9	55	17	19
108	117	110	2	112	113	50	10	52	12	14	16	
109	116	115	114	51	11	13	15					

- № 16 " № 1
- № 8 " № 12
- № 12 " № 15
- № 24 " № 20
- № 20 " № 16

Вѣрныя рѣшенія этой задачи присланы отъ гг. Спб. Малинина; Москва—Кичигина, Нѣмаго, Васильева, Бѣлосельская—Смирнова, Елецъ—Морголенко; Зубцовъ—Неврасова, Иваново-Вознесенскъ—Коровина; Кинешма—Зѣвакина, Нижній-Новгородъ—Чеснокова, Таганрогъ—Тіанова, Тульчинъ—Щагина.

Рѣшеніе геометрической задачи № 79.

Вѣрныя рѣшенія этой задачи присланы, до 21 ноября, отъ гг.: Спб. — Кн. Ухтомскаго, Садовникова, Малинина, Рогова, Руборова, Тонберга, Верховскаго, Тимяна, Каджкова, Жанъ Беръ, Сигна, Ферлей, Захарова, Эммануэль, Иванова-Полде-Старгенъ, Елѣсева, Баранова, Микко-Руси, Витиельеръ, Блинова, Шлятичъ, Верне, С—д—и, Аксенова, Кондратьева-Милашевскаго, Мирковича, Булина, Вутримовича, Карльсонъ, Мартынова, Грамотнаго, Новоселова, Осиповъ-Ладвинскаго, Бѣлевичъ-Станевича, Алениусъ, Гофманъ, Анжуданова, Мартинсонъ, Чекушина; Москва—Волкова, Землянскаго, Штепина, Корешкова, Качкина, Журавлева, Пучалова, Полтавцева, Масленникова, Надеждина, Иновцева, Бердунова, Филмоновъ-Сколдидова, Митрофанова, Кокорина, Швацкиной, Кудрина, Мухина, Вейсъ, Мануилова, Суткова; Бейсагола — Липшицъ, Бобруйскъ — Латкина, Брянскъ — Успенскаго, Бѣшенковичъ — Богдановича, Варшава — Карпова, Вязревичъ, Сопова, Вильна — Ряхтеръ, Витебскъ — Милкова, Гельсингфорсъ — Петрова, Ефремовъ — Горьлова, Иваново-Вознес. — Коровина, Калуга — Милонова, Кинешма — Волкова, Невъ — Червинскаго, Кобринъ — Смоленскаго, Ново — Сегедкаго, Новоръ — Соколова, Нозелецъ — Крыжаровскаго, Нозловъ — Демидова, Коломна — Фомина, Курскъ — Афанасьева, Ладога — Фохтъ, Ловичъ — Севорцова, Минскъ — Платонова, Муромъ — Суздальцева, Нарва — Нихоронъ, Нижній-Новгородъ — Ефимова, Держджиджа, Трусова, Коровяева, Саларева, Новгородъ — Пестрченко, Славовскаго, Руткизе, Новочернаскъ — Тек-евой, Одесса — Степанова, Перебраносова, Орша — Кагалъ, Петергофъ — Гусаръ вой, Полтава — Губаренко, Псковъ — Вошнянскаго, Ровенское — Шаровъ-Бушуева, Рязань — Оулерова, Ржевъ — Ильина, Култепина, Рига — Галчинскаго, Ростовъ-на-Дону — Давыдова, Чернышенко, Раграфидж, Рыбинскъ — Переславцева, Рязань — Воронина, Рязань — Ларионовой, Алексеевой, Котрохова, Слуцки — Шеръ, Смоленскъ — Зелкина, Тамбовъ — Богодѣлова, Тейсовъ — Магарина, Тосно — Хмѣлевскаго, Угличъ — Алабушева, Чернь — Оболенскаго, Шама — Багорскаго, Шлиссельбургъ — Ветюшина, Шуя — Иванова.

О радость, радость! что же ты
 Намъ скоро измѣняешь,
 И сердца милыя мечты
 Такъ рано отнимаешь?
 Зачѣмъ небесная летишь
 Пернатой стрѣлою
 И въ мракѣ бѣдствія горюшь
 Далекою звѣздой.
 Зачѣмъ же прелестью своей
 Ты льешь очарованье
 И оставляешь свѣтлыхъ дней
 Одно воспоминанье.
 Минувшее съ твоей мечтой
 Какъ въ душу ни тѣснитъ
 Его бывалой красотой
 Душа не оживится.

Вѣрныя рѣшенія этой задачи присланы отъ гг.: Спб.—Эммануэль; Москва—Бѣлаева, Балашова, Милофьева; Кинешма—Зѣвакина; Павловскъ—Ди-вой; Пенза—Орлова.

Рѣшеніе шашечной задачи въ № 44 „Нивы“.

Бѣлыя.	Черныя.
Съ № 15 на № 19	Съ № 23 на № 14
" № 2 " № 5	" № 9 " № 2
" № 3 " № 10	" № 14 " № 5
" № 12 " № 15	" № 2 " № 20

Рѣшеніе ребусовъ, помѣщенныхъ въ № 45 „Нивы“.

1. „Одни слова не составляютъ дѣла“.
 1. „Часто газетная реклама вводитъ въ заблужденіе“.
 Верныя рѣшенія этихъ ребусовъ присланы до 21-го ноября отъ гг.: Спб.—Алени-
 усъ, Новоселова, Граматнаго, Мартынова, Видмейеръ, Ферлея, Нольде-Старгенъ
 Иваненкова, Эммануэль, Захарова, Жаль-Веръ, Анкудинова, Панова, Долли, Му-
 равьевой, Катюгина, Шунтинъ, Огубина, Назарьева, Качинскаго, Милликова,
 Суджкова, Очѣкина, Никитина, Гординой, Прмщъ, Ворожейкина, М—ва,
 Нероной, Охтаня, Мартыновъ, Лукина, Косолаповой, Васильевъ; Мо-
 сива — Мошкина, Чукушкина, Землянскаго, Волкова, Митрофанова, Иноземцева,
 Кердунова, Медведкинова, Корешкова, Сутькова, Шипкова, Шермакова, Дегина,
 Авдакова, Каржавина, Шмакова; Бобруйскъ — Латининъ, Варшава — Карпова,
 Вильно — Рихтера, Витебскъ — Шубскаго, Милукова; Н. В., Владивостокъ — Мейе-

рова, Воронежъ — Дмитриева, Динабургъ — Воскресенскаго, Дисна — Лавотова, До-
 рогобужъ — Ревякина, Елецъ — Рошупкина, Рабова, Иваново-Вознес. — Коревина,
 Калуга — Миловаева, Минесма — Волкова, Ирсановъ — Чихачева, Новоръ — Соко-
 лова, Глазкова, Кронштадтъ — Хитрово и Рыбкина, Курскъ — Роусанской, Шнурова;
 Лозичъ — Романенко, Минскъ — Платонова, Нижній-Новгородъ — Филатова, Батенько-
 ва, Новгородъ — Рутыча, Пестреченко, Новочеркаскъ — Сиротина, Тек — евой, Одес-
 са — Степанова, Руквичниковъ, Бабичева, Опечна — Пулячкова, Орелъ — Коля-
 дяди, Франенбаумъ — Дожбовскаго, Орша — Каганъ, Переславль — Угрюмова, Ра-
 жеское — Шарова, Бушева, Рененбургъ — Окудцова, Ржевъ — Култепина, Рига
 — Галчянскаго; Ростовъ-на-Дону — Данилова, Рыбинскъ — Переславцева, Соколовой,
 Рязскъ — Бѣлова, Воронина, Рязань — Ларионовой, Алексѣевой, Саратовъ — Подъ-
 льпольскаго, Альбицкаго Слупцы — Шеръ, Сувлани — Божовскаго, Сызрань — Ревки-
 на, Тамбовъ — Боголѣпова, Тейково — Макарина, Тосненская — Яценко-Хмѣлевскаго
 Харьковъ — Монгардъ, Шуя — Иванова, Ярославль — Дубкова.

ОТЪ РЕДАКЦІИ.

Къ этому № прилагается для всѣхъ гг. подписчиковъ объявленіе о подпискѣ на „Ниву“ въ 1881 г. заключающее въ себѣ образцы гравюръ и рисунковъ, помѣщаемыхъ въ „Нивѣ“ и объясняющее тѣ цѣли и направленіе, которыхъ въ теченіи одиннадцатилѣтняго существованія неуклонно держался нашъ журналъ.

Подписчики „Нивы“ достаточно знакомы съ художественными и литературными ея досто-
 инствами. Мы просимъ ихъ, какъ друзей изданія, сдѣлать ему дружескую услугу, распростра-
 няя между своими знакомыми, не подписавшимися еще на журналъ, наши объявленія о под-
 пискѣ на „Ниву“ 1881 г.

Обращаемъ за симъ вниманіе на наши изданія, перечисленныя въ томъ же объявленіи, и
 уступаемая подписчикамъ „Нивы“ съ значительной сбавкой цѣны.

Контора редакціи проситъ обратить вниманіе на то, что типографія не въ состоя-
 ніи набирать, корректуровать и печатать въ теченіи дня и ночи болѣе 600 адресовъ, почему
 покорнѣйше проситъ ПОСПѣШИТЬ возобновленіемъ подписки на „Ниву“, чтобы при высылкѣ
 первыхъ номеровъ 1881 г. не случилось задержки.

СОДЕРЖАНІЕ: Константинъ Петровичъ Побѣдоносцевъ (съ портр.)—Ночь. Разсказъ дѣвочки Н. Морсиаго.—Рѣшительная минута. Разсказъ.—Стихотвореніе П. Гин-
 дича.—Истинскій мостъ (съ рис.).—Въ разлукѣ (съ рис.).—Злой духъ, несущійся въ землѣ (съ рис.).—Смерть Карла Смѣлаго (съ рис.).—Ловля рыбы карморанами въ
 Китаѣ (съ рис.).—Циклоны. Очеркъ М. (съ 2 рис.).—Политическое обозрѣніе.—Рѣшеніе задачи Ходъ Борола.—Рѣшеніе шашечной задачи.—Рѣшеніе геометрической зада-
 чи.—Рѣшенія ребусовъ.—Отъ редакціи.—Объявленія.

Издатель А. Ф. Марксъ.

Редакторъ Ф. Бергъ.

АЖУРНЫЯ РАБОТЫ ИЗЪ ДЕРЕВА

15 лѣтъ какъ введены въ Россіи нами и доставляютъ пріятное и
 полезное занятіе, какъ юношеству, такъ и взрослымъ; полный
 каталогъ и наставленіе, какъ производить эти работы, высылаютъ
 магазинъ стальныхъ товаровъ „П. Гронмейера и сына,
 Петербургъ, Гороховая, № 20, за 3 восьмикопѣчныя марки.
 № 1047

ДЛЯ ЕЛКИ!

КРАСИВЫЕ, ПОЛЕЗНЫЕ и ДЕШЕВЫЕ ПОДАРКИ.

Полномыя принадлежності. А. В. Фабера, бижаръ, портфели, визиты коро-
 бочки для перьевъ, альбомы для стиховъ и фотографическихъ карточекъ,
 бумажники, портъ-визитъ, новыя Берлинскія огнива и папиросницы (вмѣстѣ 2 р.
 50 к., съ пересылкою 3 руб.). Портъ-монъ.

СПЕЦІАЛЬНОСТЬ:

Монограммы, готовыя и на заказъ.
 Визитныя и пригластительныя карточки и другія печатныя работы, меню и
 поздравительныя билеты.

О. УНФУГЪ и К^о, С-Петербургъ, Вол. Морская, № 15.

Просимъ гг. иногородныхъ не медлить своими заказами, чтобы имъ успѣли вы-
 слать ихъ до праздниковъ. Ptr. № 1057. 2—1

**ДЛЯ СВѢДѢНІЯ ПОЧТЕННѢЙШЕЙ ПУБЛИКИ И
 ГОСПОДЪ ТОРГОВЦЕВЪ.**

Вслѣдствіе многочисленныхъ требованій на издѣлія Густава Лозе, въ
 Берлинѣ, парфюмера Ея Величества Императрицы Германской, онъ
 открылъ Генеральное Дѣло всѣхъ своихъ издѣлій, какъ-то: „Eau de
 Lys de Lohse, Maiglöckchen-Parfum, Savou au Lait de Lys, Maig-
 löckchen-Seife, Maiglöckchen-Pomade, Maiglöckchen-Poudre, Fixateur,
 Essig и пр. и пр. въ Варшавской Химической Лабораторіи, въ Гостинномъ
 Дворѣ, по Большой Садовой ул. № 48. Оптовымъ покупателямъ отгу-
 сываются издѣлія его на тѣхъ же кондіціяхъ, какъ имѣли прямо изъ
 Берлина, по цѣнамъ прейсъ-куранта его.

Иногороднымъ покупателямъ посылаются издѣлія, съ 15 руб. на
 счетъ Лабораторіи. Прейсъ-куранты бесплатно. № 1028 6—2

КЕЛЕРСКАЯ ДУШИСТАЯ ВОДА

замѣчательна отличіемъ своего букета, крѣпостью и большимъ содержаніемъ тон-
 чайшихъ ароматовъ; запахъ ея держится въ бѣльѣ по нѣскольку дней, пріятно
 освежительный и облегчаетъ головную боль.

Остерегаться поддѣлокъ!

Оптовая и розничная продажа у Р. Келеръ и К^о. на Никольской у А. В. Андре-
 ова, на Тверской и въ лучшихъ иногородныхъ колониальныхъ и галантерейныхъ
 магазинахъ. П. № 1059 5—1

ZÜNDHOLZ-MASCHINEN

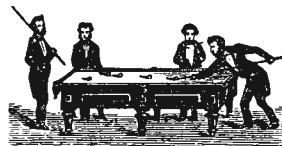
neuesten Systems, ausserordentlich leistungsfähig, fertigt als
 SPECIALITÄT die MASCHINENFABRIK

A. Roller in Berlin, N.,
 Chaussée-Strasse, 98. Д. № 1060 3—1

**БИЛЛЯРДНАЯ ФАБРИКА
 А. ФРЕЙБЕРГЪ**

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

№ 1003 10—3

Переведена: Измайловскій полкъ, не далеко отъ
 Троицкаго собора, по Троицкому проспекту, соб.
 домъ, № 13.

УСПѢХЪ МОИХЪ

СИТРОНАДА И ОРАНЖАДА МОСКОВИТЪ,

заслужившихъ въ короткое время одобреніе публики, дали мнѣ по-
 водъ приготовить и другіе фруктовые соки, именно:

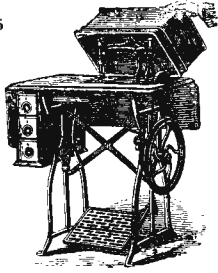
ЧЕРНОСМОРОДИНОВЫЙ, МАЛИНОВЫЙ И ВИШНЕВЫЙ,

для лимонадовъ, фруктоваго кваса, для домашняго приготовленія въ
 сифонахъ, какъ и для фабричнаго производства самыхъ луч-
 шихъ шипучихъ ягодныхъ водъ, равнымъ образомъ для разнаго
 рода кушанья: мороженого, желе, киселя и пр. Соки эти посту-
 пили теперь въ продажу въ магазинѣ моемъ, подъ фирмою:
 Р. Келеръ и К^о. въ Москвѣ на Никольской улицѣ, по 1 рублю сер. за
 большіе шампанскую бутылку.

Р. Келеръ. № 1008 3—3

**КЕДЕРСКАЯ
ДУШИСТАЯ ВОДА**
Ц. № 902 13—10

К. № 915

7—5

Настоящая американская
швейная машины

ВИЛЛЕРА и ВИЛЬСОНА,
съ кривою или прямою иглою.

Ножныя или ручныя, или ручныя и ножныя вмѣстѣ:

а) для семейнаго употребленія, бѣлья, платья и т. п.

б) для ремесленнаго производства: для сапожниковъ, портныхъ сѣдельниковъ и т. д.

Лучшія нѣмецкія ручныя машины. Машины для пліссе и плойки. Американскія вязальныя машины Бикфорда, Тутель и Лямбсъ.

Г. М. ХУТТОНЪ и КОМП.

Малая Морская, № 14, и Невскій пр., № 40.

Москва, Большая Дубянка, домъ Ивановскаго монастыря.

Во время нижегородской ярмарки, въ зданіи каменнаго театра.

ЕЛКА.

№ 7. Владимирская № 7.

Дело С.-Петербургск. Химическнхъ Лабораторій заграницы. фабрикъ.

Богатый выборъ самыхъ новѣйшихъ бонбьерокъ и картонажъ отъ 3 к.

Подсвѣтники отъ 1 к., фонарики, гирлянды, шары и т. п.

Свѣчи парафиновыя и восковыя отъ 15 коп. за пачку.

Хлопушки съ сюрпризами и костюмами отъ 5 коп.

Разноцвѣтные бенгальскіе огни безъ дыма и запаха, коробка 25 к.

Замыгательная нитка, волшебныя звѣзды, электрическій свѣтъ.

Новость: освѣщеніе для елки: наполненныя лампочки, замыкающія свѣтъ, которыя укрѣпляются легко на каждой свѣчѣ и горятъ свѣжо въ продолженіи 2 часовъ. Свѣтлѣ драме за фунтъ 50 коп.

Новость: Духи Одіонія и Бранъ Пампась, лотъ 50 к.

Новость: Духи Китайскіе: Лиліана, лотъ 50 к., Майскій Ландишъ, лотъ 40 к.

О-де-колонъ флакозъ отъ 25 к. Туалетный Укусъ, флакозъ 50 коп.

Полный складъ товаровъ извѣстныхъ французскихъ и английскихъ косметическихъ фабрикъ и Спб. Химическихъ Лабораторій, по прейсъ-курранту.

Дело Химическихъ Лабораторій № 7. Владимирская № 7. Заказы гг. иногородныхъ исполняются немедленно. К. № 1063

МАШИНЫ:

Земледѣльческія, какъ-то: молотилка, вѣлки, механическія зерносушилки В. Аккермана, лекомобили и т. д. Машины для мельницъ: обойки, мукомольныя, мукомольнички; жернова, — машины для маслобойныхъ, — крахмальныхъ, — винокурныхъ, — пивоваренныхъ, — льсональныхъ и другихъ заводовъ, издѣются на складѣ или изготовляются по заказу въ механическомъ заводѣ Спб., Пески, Большая Волотная ул., № 6.

В. АККЕРМАНА.

Иллюстрированныя прейсъ-курранты высылаются по требованію. 6—1

**ВѢНСКАЯ ФАБРИКА
ЭЛЕКТРИЧЕСКИХЪ АППАРАТОВЪ
РЕКОМЕНДУЕТЪ**

электрическіе аппараты съ лигронною лампою, зажигающеюся однимъ давленіемъ на кнопку аппарата. Пользуясь этимъ аппаратомъ, совершенно можно избавиться отъ употребленія въ домѣ свѣчекъ, такъ какъ электрическая искра его зажигаетъ тонкія щепки и бумагу. Лампа эта можетъ служить для освѣщенія и для разныхъ другихъ цѣлей.

Цѣна лампъ со всѣми принадлежностями Р. С. 12 съ доставкою во всѣ мѣста Россійской Имперіи.

ЗАТѢМЪ:

Электрическіе аппараты (электророльническія батареи для наэлектризованія), применимы при разстройствѣ нервовъ, при ревматизмѣ, особенно при случаѣ общаго расслабленія организма и для разныхъ научныхъ цѣлей. Цѣна со всѣми принадлежностями Р. С. 15, съ доставкою во всѣ мѣста Россійской Имперіи. Главное агентство для всей Россіи Е. Е. Сибѣтина. Б. Морская, д. 21, кв. 28. К. 1053

**МАШИННАЯ ФАБРИКА
FRANZ LEMPE in EINSIEDEL.**
bei Chemnitz in Sachsen,
предлагаетъ свои машины для выдѣлки
столярныхъ и слесарныхъ инструментовъ
ЛУЧШІЯ РЕКОМЕНДАЦІЯ.
Цѣны умеренныя.
D. 5525 № 1061. 3—1

**АДШИДЪ А УНИЧОЖИТЕЛЬ
ГАДОВЪ.**

Англійское вѣрное и при томъ дешовое средство отъ **КРЫСЪ и МЫШЕЙ** рекомендуется и продается магазиномъ

Р. Келеръ и К. въ Москвѣ. (На Никольской). Въ конвертахъ по 15, 25 и 45 коп. Иногородные могутъ присылать стоимость марками, прилагая на пересылку по 10 коп. Ц. № 1007 3—2

МЯСНОЙ СОКЪ

рекомендуется какъ самое питательное средство для малокровныхъ, чахоточныхъ, страдающихъ катарромъ желудка и вообще слабостью пищеваренія, и для выздоравливающихъ, чтобы восстановить силы. Очень важно получить этотъ сокъ свѣжій и потому мы изготовили ручную прессу, котормъ каждый самъ можетъ добывать изъ мяса сокъ, нужный для приема и унція обойдется въ 4 копейки. Цѣна пресса съ наставленіемъ 15 руб. Вѣсовыя за 10 фунтовъ.

Магазинъ стальныхъ товаровъ Громмейера и Траутшольда, С.-Петербургъ, Гороховая ул. № 20. № 1048

Собственной работы! получившія награду въ Дюссельдорфѣ 1880 г. за „отличныя качества“

СКРИНКИ

отъ 4—30 М., знаменитыхъ мастеровъ 30—200 М.
Сичкии 1—30 М., футляры 3 1/2—40 М.
Гитары 4—50 М. Струны превосходной прочности съ ручательствомъ. Патент. нѣмая скрипка для ученія (собственное изобрѣтеніе). Альты, алоочелы и басы. Починки! реком. Аполлин. Контсей, Дир. Варш. Консерв., Вильгельми, Сарасате, Соръ, Зингеръ и т. д. Вывозъ за границу. Торговцамъ скидка. Прейсъ-курранты бесплатно.

БРАТЯ ВОЛЬФЪ.

Фабрика струнныхъ инструментовъ, КРЕЙЦНАХЪ. К. № 956. 3—2

ОТЪ СОЛИТЕРА

и другихъ глѣзтовъ спеціально и скоро исполненіе въ Гигіенической Лечебницѣ. Петербургъ, Владимірская ул., д. № 15. Лечение возможно и письменное. Тутъ-же лечатся и отъ силъ (лица), развѣтительныхъ болѣзней. К. № 961 10—6

Въ редакціи Епархіальныхъ Вѣдомостей, въ губ. гор. Владиміръ, продается книга: Руководитель Владиміръскіхъ богомольцевъ. Составилъ Василій Орловъ. Владиміръ. 1880 г. (стр. 1—118); цѣна 35 коп., съ перес. 40 к.; копейки можно высл. марками (не выше 7 п. достоинства) почт. марками. № 1061. 3—1.

Изданія А. Ф. Маркса въ Спб. Большая Морская д. № 9. **ПОВѢСТИ и РАЗСКАЗЫ** Всеволода Крестьоскаго.

(автора „Петербургскихъ Трущобъ“) 3-е изданіе. Ц. 1 р. 25 к. съ перес. 1 р. 60 к. для подписч. „НИВЪ“ 1 р. 25 к., съ перес. 1 р. 50 к.
ТОРАЯ ЖЕНА. Романъ Марланъ-Ва. Перев. съ нѣм. Ц. 1 р. 50 к. съ перес. 2 р., для подписч. „НИВЪ“ 1880 г. 1 р. 25 коп. съ перес. 1 р. 50 к.

**новость! РАСШИРЯЕМЫЯ СТИБЛЕТЫ. новость!
НАРЯДНАЯ ОБУВЬ СОХРАНЯЮЩАЯ ТЕПЛОТУ**

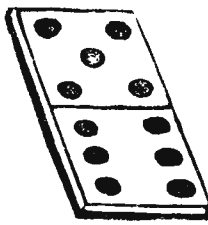
для мужчинъ и для дамъ изъ шелковой и шерстяной матеріи. Стиблеты эти можно надѣвать и снять весьма удобно, потому что онѣ идутъ по своей расширяемости и по прантическому своему механическому закрою на каждую ногу.

Готовыя высонія расширяемыя стиблеты для охоты съ механическимъ закроемъ находятся въ магазинѣ.

Единственная продажа въ магазинѣ резиновыхъ издѣлій

ЛИМАНА и РИКСА,

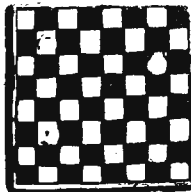
Гороховая ул., 16, между Большой Морской и Краснымъ мостомъ. № 1012 2—2

ИГРЫ: домино, шашки, шахматы рулетки съ игральными досками всѣхъ величинъ, столовый прометъ, звонки, тиволы и т. п. предлагаютъ въ большомъ выборѣ оптомъ и въ розницу

GUSTAV LIEPE & Co,
Berlin, S. Grünstrasse, № 22.

Прейсъ-курранты бесплатно высылаются франкированными. Высылка немедленно по полученіи денегъ.

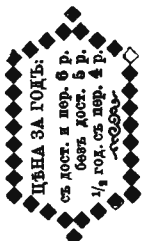
4475 № 1062 3—1

ШУТЪ

ПОДПИСКА НА 1881 ГОДЪ.

ЕЖЕНЕД. ХУДОЖ. и ЮМОР. ЖУРНАЛЪ КАРИКАТУРЪ,
ИЩАЕМЫХЪ КРАСКАМИ ВЪ НѢСКОЛЬКО ТОНОВЪ (ХРОМОЛИТОГРАФІЯ).

Содержаніе: въ годъ 52 №№ большаго формата, 156 большихъ рисунковъ, исполненныхъ красками, болѣе 350 рисунковъ въ одну краску, и 260 страницъ текста въ прозѣ и стихахъ.— Для годовыхъ гг. подписчиковъ въ видѣ преміи—роскошный альбомъ изъ 20 листовъ картинъ-гравюръ, рисунковъ и эскизовъ, на полученіе коего благоволятъ приложить: безъ доставки и пересылки 1 р., съ доставкой и пересылкой 1 р. 50 к.

№ 1024

3—2

С.-ПЕТЕРБУРГСКАЯ ХИМИЧЕСКАЯ ЛАБОРАТОРИЯ.

Съ разрѣшенія С.-Петербургской Врачебной Управы.

- ХИМНАЯ ПОМАДА И ВОДА** для уничтоженія перхоти на головѣ, за банку 30 к., флак. 60 к.
- ТОНИЧЕСКАЯ ВОДА** лучшее средство да укрѣпленія волосъ, употребленіе ея приятно и есвъжительно. Флак. 60 к.
- ФИЛОДОРЪ** флак. 50 к.

ОСТЕРЕГАТЬСЯ ПОДРАМАНИЙ

изъ которыхъ приобзѣгаютъ нѣкоторые фабриканты, принявъ названія фирмъ, близко подходящихъ къ фирмѣ С.-Петербургской Химической Лабораторіи, и копирующіе наружный видъ произведеній ея.

Обращать вниманіе при покупкѣ каждаго предмета на точность фирмъ:

„С.-П.-БУРГСКАЯ ХИМИЧЕСКАЯ ЛАБОРАТОРИЯ“.

ЕДИНСТВЕННЫЕ МАГАЗИНЫ ВЪ С.-ПЕТЕРБУРГѢ:

- 1) Невскій проспектъ, д. № 32, Католич. церковь.
- 2) Невскій просп., у Английскаго моста, № 66.
- 3) Вознесенскій просп., уголъ Казанской ул., домъ № 18—54, Шредера.

Всѣ прочіе магазины и лавки, имѣющіе вывѣски, сходящія съ вывѣскою С.-Петербургской Химической Лабораторіи, ей не принадлежатъ. 2—2

ДЛЯ ВЪЗЖИ К. № 1055.

РЕКОМЕНДУЕМЪ

УЛУЧШЕННЫЕ АВТОМАТЫ ДЛЯ ИЗГОТОВЛЕНІЯ ПАПИРОСЪ МАРТЫНА БРИ и К^о.

состоящіе изъ ящика для табаку съ само-дѣйствующимъ снаря-домъ въ крышѣ, въ кото-рый вкладуть

бумагу и та-бакъ, а по за-крытіи ящика готова я папи-роска скоро появится на самой крышѣ.

Цѣна съ доставкою во всѣ мѣста Россійской Имперіи, отъ 4—5 руб. смотря по достоинству.

ГЛАВНОЕ ДЕПО у Е. СМЕТАНИНОЙ, Вол. Морская, № 21, кв. № 28, въ С.-Петербургѣ.

„КАЗАНСКІИ БИРЖЕВОЙ ЛИСТОКЪ“, ПОДПИСКА НА 1881 ГОДЪ (ТРИНАДЦАТИЙ ГОДЪ ИЗДАНІЯ).

„Казанскій Биржевой Листокъ“ въ будущемъ 1881 году будетъ издаваться по пре-жней программѣ и выходить по прежнему два раза въ недѣлю.

ПРОГРАММА ГАЗЕТЫ: 1) Телеграммы торговли и политическія. 2) Мѣстныя рыночныя цѣны и торговныя свѣдѣнія при Казанской биржѣ, цѣны провоза и свѣдѣнія по судодовству, вѣдомости о сборѣ хлѣбовъ на пристаняхъ, масла, сала и проч. 3) Торго-вая корреспонденція о цѣнахъ и покупкахъ на хлѣбныхъ пристаняхъ Волжско-Кам-скаго бассейна и др., о состояніи дѣлъ и цѣнахъ на биржахъ Петербургской, Рязской, Московской, Рымбовской, Ростовской (на Дону), Нижегородской и пр. и свѣдѣнія о армаркахъ. 4) Правительственныя распоряженія, касающіяся болѣе торговли и промыш-ленности. 5) Передовыя статьи и извѣстія изъ мѣстной городской общественной жизни. 6) Статьи экономическаго, промышленнаго и техническаго содержанія. 7) Внутреннія извѣстія и иногородныя корреспонденціи. 8) Судебный отдѣлъ (отчеты о засѣ-даніяхъ по выдающимся дѣламъ, въ судебной палатѣ, окружномъ судѣ и мировыхъ учрежденіяхъ). 9) Извѣстія о дѣятельности мѣстныхъ ученыхъ, экономиче-скихъ и друг. обществъ; статьи по разнымъ отраслямъ знаній; вахты и новости. 10) Вѣстныя извѣстія. 11) Биографія. 12) Фельетонъ и пр. Частныя объявленія. Подписная цѣна съ пересылкою: на годъ 6 р. 50 к., на полгода 4 рубля. Адресъ: въ Казань, въ редакцію „Казанскаго Биржеваго Листка“. № 1042 2—1

ИЗДАНІЯ ЮРГЕНСОНА.

ВЫШЛИ ИЗЪ ПЕЧАТИ И ПРОДАЮТСЯ:

ЖИЗНЬ ЗА ЦАРЯ. М. Глинки. Полная опера для пѣнія съ форте-пиано, 8 руб. РОГНѢДА А. Спрова. Полная опера для фортепиано въ 2 руки, цѣна 3 руб.

ПРЕЖДЕ ВЫШЛИ:

ЖИЗНЬ ЗА ЦАРЯ, для ф.-п., 3 р., РУСЛАНЪ и ЛЮДИЛА, для ф.-п., 3 р. РУСАЛКА, 3 руб. Евгений Онѣгинъ, для пѣнія 6 руб., для ф.-п. 3 руб. Кузнецъ Калашниковъ, для пѣнія 8 руб. и для ф.-п. 4 руб.

Готовятся къ печати:

Русланъ, Русалка, Рогнѣда, Асколдова ногила, для пѣнія съ фортепиано.

Музыкальная торговля П. ЮРГЕНСОНА,

Москва, Неглинный провъдъ, 10. С.-Петербургъ, у П. ЮРГЕНСОНА, Волж. Морская 9. П. М. № 1036. 1—1.

Въ книжномъ магазинѣ М. В. ПОВОА, на Невск. пр., въ зданіи пассажа, продается

САМАЯ ПОЛНАЯ ПОВАРЕННАЯ КНИГА ПОДЪ НАЗВАНІЕМЪ

СКОРОМНЫЙ И ПОСТНЫЙ СТОЛЪ,

составлено и издано О. ПАВЛОВСКОЙ.

Руководство для приготоленія 2,800 блюдъ, съ самыхъ простыхъ до самыхъ изыскан-ныхъ, разныхъ печеній, хлѣбовъ, вареній, напитков и т. д. Каждый отдѣлъ блюдъ въ книгѣ начинается скоромными и кончается постными кушаньями, что предоставляетъ большое облегченіе во время поста для каждой хозяйки, не говоря уже о неопытныхъ.

Въ книгѣ приложено 20 раскрашенныхъ рисунковъ всѣхъ частей быка и теленка; изображенія сытисъ съ натурой, сопровождается подробнымъ описаніемъ употребленія каждой части мяса. Какъ значеніе, такъ и употребленіе каждаго куска мяса весьма важно въ хозяйствѣ, но на это не обращено до сихъ поръ должнаго вниманія. Сред-ства для сохраненія приправъ и исправленія попорченыхъ.

Расуки исполнены художникомъ Борелемъ. Большой томъ въ 700 страницъ. Слб. Ц. 4 р. Въ отличномъ напечатаномъ тисненомъ велозомъ переплетѣ—4 руб. 75 коп. За пересылку прилагается 50 коп.

Требованія гг. иногородныхъ исполняются аккуратно и немедленно. № 1049

Съ разрѣшенія С.-Петербургскаго Врачебнаго Управленія

ТИМОЛОВЫЕ ПРЕПАРАТЫ

С.-ПЕТЕРБУРГСКОЙ ТЕХНО-ХИМИЧЕСКОЙ ЛАБОРАТОРИИ.

Въ С.-Петербургѣ, въ магазинахъ лабораторіи.

Толмазовъ пер., противъ Гостиного двора, д. 2.—На Петербургской стор., по Больш. пр., д. 28.—на Литейномъ пр., близъ Пантелейм., д. 25.—въ Москвѣ, Тверская улица, домъ Малкина.

Тимоловый зубной алексиръ 1 руб. } предохраняютъ зубы отъ порчи и гніенія, Тимоловый зубной порошокъ 60 коп. } уничтожаютъ дурной запахъ во рту. Тимоловый туалетный укусъ 75 коп., уничтожаетъ всякіе миазмы. Тимоловое туалетное мыло 35 к. противъ смли и угрей.

Тимоловые препараты превосходятъ своими достоинствами всѣ до сихъ поръ изобрѣтенныя зубныя и анти-эпидемическія средства.

Каждый экземпляръ тимоловыхъ препаратовъ снабженъ фабричною маркою С.-Петербургской техно-химической лабораторіи, утвержденною правительствомъ.

Также продаются въ С.-Петербургѣ: въ магазинахъ С.-Петербургской техно-химической лабораторіи, Толмазовъ пер., противъ Гостиного двора, домъ № 2 и на Петербургской сторонѣ, по Большому проспекту, противъ Гулярской улицы, домъ № 28.

Въ Русскомъ Обществѣ Торговли аптекарскими товарами, по Казанск. улицѣ. У гг. Штоль и Шмидтъ, Бирничный переулокъ, у г. Оскаръ Гертхенъ, Казанская, 37.

Въ Москвѣ, Отдѣленіе С.-Петербургской техно-химической лабораторіи, по Тверской улицѣ, домъ Малкина.

Въ Харьковѣ, въ складѣ Русскаго Общества торговли Аптекарскими Товарами, въ Киевѣ, у г. И. Ф. Пастухова, въ Одессѣ, у г. Виллиама Вагнера.

Гг. ТОРГОВЦАМЪ значительная скидка. ОПТОВАЯ ПРОДАВА производится въ складахъ С.-Петербургской техно-химической лабораторіи, въ С.-Петербургѣ, по Толмазову пер., д. № 2 и въ Москвѣ—Тверская, домъ Малкина.

Подробные прейсъ-курранты оптовые и розничные высылаются немедленно и без-платно изъ конторы С.-Петербургской техно-химической лабораторіи, въ С.-Пе-тербургѣ, Толмазовъ пер., д. № 2, куда и просать гг. иногородныхъ покупателей адресовать свои письма и требованія. К. № 1054 2—1

БАНКИРСКАЯ КОНТОРА ЯКОБСОНЪ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ, Литейный проспектъ, д. № 21.

Продажа 5% съ выигр. билет. съ расрочкою платежей, съ за-даткомъ по 20 руб. на билетъ.

Выигршш, курсовая разница и купоны составляютъ собственность покупателя.

Страхование отъ тиража 5% съ выигршшми (слетовъ по 50 к.

Отъ гг. иногородныхъ, включая почтовые расходы, по 60 коп. за билетъ.

Всѣ биржевыя и банковскія операціи по покупкѣ, продажѣ и залогоу бумагъ отъ гг. иногородныхъ исполняются по несменнымъ приказамъ черезъ почту.

Пріемъ на комиссію 5% билетовъ для обмена на новыя

Подробная программа операцій помѣщена въ „Нивѣ“ № 5 сего года. № 1038 10—1

ОТКРЫТА ПОДПИСКА

годъ второй. на 1881 годъ годъ второй. НА ЕЖЕДНЕВНУЮ ПОЛИТИЧЕСКУЮ, ОБЩЕСТВЕННУЮ и ЛИТЕРАТУРНУЮ ГАЗЕТУ

„РУССКІЙ КУРЬЕРЪ“.

УСЛОВІЯ ПОДПИСКИ:

Всѣз дост. и пересылки.	Съ доставк. въ Москвѣ.	Съ перес. во всѣ города.
На годъ . . . 7 р. 60 к.	На годъ . . . 8 р. 50 к.	На годъ . . . 9 р. — к.
„ 6 мѣс. . . 4 „ 30 „	„ 6 мѣс. . . 4 „ 50 „	„ 6 мѣс. . . 5 „ — „
„ 3 „ . . . 2 „ 30 „	„ 3 „ . . . 2 „ 50 „	„ 3 „ . . . 2 „ 75 „
„ 1 „ . . . — „ 90 „	„ 1 „ . . . — „ 1 „ — „	„ 1 „ . . . — „ 10 „

Подписка принимается въ конторѣ изданія: Москва, Москворіцкій мостъ, д. Н. П. Лангана. № 1010 6—3

Поступила въ продажу во всѣ наиболѣе извѣстныя книжныя магазины новая книга:

ОХРАНИТЕЛЬНОЕ СУДОПРОИЗВОДСТВО

п: рѣшеніями гражд. кассад. департамента Правительствующаго Сената. Съ приложеніемъ подробныхъ буквальныхъ извлеченій изъ сенатскихъ рѣшеній, состо-явшихся съ 1867 г. по 1879 г. включительно.

Составилъ присяжный повѣренный Г. В. Бертольдъ.

Содержаніе книги: Отглавленіе.—Предисловіе.—Алфавитный указатель фамилій кассато-ровъ.—Указатель сенатскихъ рѣшеній въ хронологическомъ порядкѣ.—Открытие на-слѣдства.—Установленія законовъ мѣры охраненія отырышагося наслѣдства.—Рас-порженія мирового судьи объ охраненіи имущества умершаго.—Законыя основанія не принимать охранительныхъ мѣръ.—Случай обязательнаго принятія охранительныхъ мѣръ.—Какъ имущество подлежитъ охраненію.—Внесеніе въ охранительную опись иму-щества не находящагося во владѣніи умершаго лица.—Когда приимается всѣ указан-ныя закономъ мѣры въ охраненіи имущества и когда только нѣкоторыя изъ нихъ.—Вызовъ наслѣдниковъ.—Значеніе вызова.—Сроки на вызву наслѣдниковъ.—Послѣдствія неакта наслѣдниковъ въ срокъ.—Издержки по охраненію имущества.—Подсудность дѣлъ объ утвержденіи въ правахъ наслѣдства.—Доказательства права наслѣдства.—Доку-менты, удостоверяющіе о существованіи брака или родственной связи.—Утвержденіе въ правахъ наслѣдства.—Слѣгіе мѣры охраненія и видача охраняемаго имущества.—Пора-докъ объявленія распоряженій мирового судьи и дѣйствій судебного пристава, касаю-щихся охраненія наслѣдства.—Объявленіе опредѣленій окружнаго суда и судебной палаты.—Понятіе о вводѣ во владѣніе.—Необязательность ввода.—Значеніе ввода во владѣніе, какъ доказательства права на владѣніе недвижимымъ имуществомъ и на от-чужденіе оного.—Значеніе ввода во владѣніе недвижимымъ, находящимся до ввода въ фактическое обладаніе другого лица.—Судебное опредѣленіе о вводѣ во владѣніе на-слѣдственнымъ недвижимымъ имуществомъ и право объявленія опредѣленій окружнаго суда и судебной палаты.—Совершеніе ввода во владѣніе и объявленіе исполнитель-ныхъ дѣйствій въ вводу мирового судьи и судебного пристава.—Вводъ во владѣніе по данности.—Рѣшеніе гражд. кас. деп. Сената, разъясняющее законъ 19-го апріля 1874 года о метрической записи браковъ, рожденія и смерти раскольниковъ. Л. № 1030 Цѣна 1 р. 75 к., съ пересылкою 2 р. Иногороднымъ обычная уступка.

Складъ книги у Грэг. Вас. Бертольда, въ Москвѣ, на Тверской, въ Д. Хомьяковъхъ бниж. Пороховникова, въ № 16.—Лично выписывающія и покупающія эту книгу прямо отъ г. Бертольда, т. е. изъ склада, получаютъ ее въ наикъ заѣмчивоющей переплетѣ.

**ВЪ МАГАЗИНАХЪ
ПАВЛА БУРЕ**

фабриканта часовъ
Поставщика Высочайшаго Двора
и
часовыхъ дѣлъ мастера
Императорскаго Русскаго Флота.
Золотыя дамскія часы,
заводящися ключемъ.
Анкерные на 15 камней открытыя, 45,
50 и 55 р. с. (смотря по вѣсу золота въ
корпусѣ).
Такіе же закрытыя 55, 60 и 65 р. с.
Такіе же 1-го сорта съ брегетовскимъ во-
лоскомъ 75, 80, 85 и 100 р. с.
Тотже высшаго достоинства съ уравнитель-
нымъ маятникомъ отъ 1:0 до 255 р. с.
Въ С.-Петербургѣ, Невскій просп., № 23.
Въ Москвѣ, Бульварный мостъ, д. Тверскаго
подворья.
Подробный прейсъ-курантъ выписывается
по требованію бесплатно. № 880 33—12

НАИЛУЧШЕ И НАИПОЛЕЗНѢЙШЕ

ПОДАРКИ

КЪ ПРЕДСТОЯЩИМЪ
ПРАЗДНИКАМЪ.

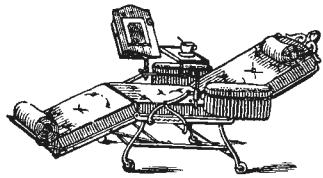

НАБОРЪ
БАЗУКЪ
3ЗЕМП.
ЦЫФРЪ

ПРАКТИЧЕСКАЯ НОВОСТЬ!

При легкомъ и удобномъ употребленіи хо-
рошо и чисто печатаетъ.

Цѣна 8 р., съ пересылкой во всѣ города
Россіи 9 руб. сер. Ж. ШАНСОНЪ. Невскій
пр., подъ Думою, Серебряный рядъ, № 14,
въ Москвѣ—Петровка, д. Переводчикова, Ж.
Шансонъ. № 1046. 1—1

**АМЕРИКАНСКОЕ
КРЕСЛО,**

раскладывающееся болѣе чѣмъ въ 30 видовъ,
въ кровати, chaise longue, и проч.
Самаго прочаго устройства изъ желѣза, съ
плетенными ореховыми рамками, съ подуш-
ками, пружиннымъ сидѣніемъ, приборами для
чтенія и кушанья (неоцѣненное удобство для
всѣхъ, но особенно для больныхъ).

Цѣна съ пересылк. въ Европ. Россію 110 р.,
дальше—по соглашенію.

Магазинъ „НЮРНБЕРГЪ“,

Старый Газетный переулокъ, д. Шаховскаго,
въ Москвѣ. П. М. № 1037. 1—1

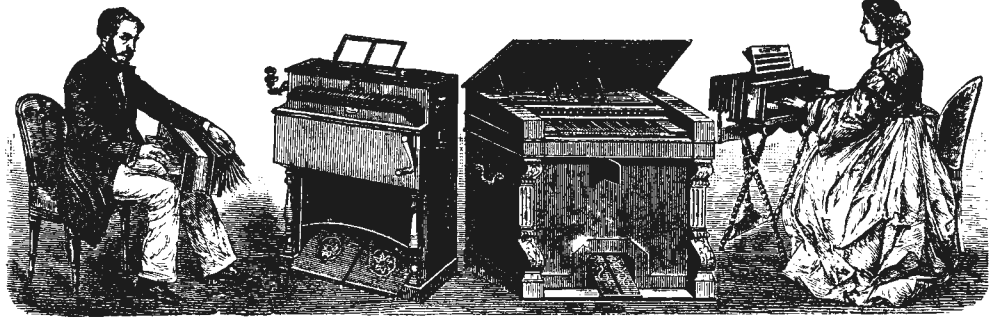
ДЛЯ КОЛЛЕКЦИИ

покупаю по высокой цѣнѣ
РѢДКІЕ ЦВѢТНЫЕ КАМНИ,
КАКЪ - ТО: ВЫСШЕ
СОРТА ИЗУМРУДОВЪ, РУБИ-
НОВЪ и САФИРОВЪ,
ДОРОГОЙ, ОРИЕНТАЛЬНЫЙ,
КРУГЛЫЙ, ПЕРВОЙ ВОДЫ,
ЖЕМЧУГЪ.

Прошу адресоваться къ г. Лод-
вигу Бекъ, Москва, Петровка,
домъ Пенскаго, ходъ съ улицы,
противъ Петровской аптеки.
Л. № 1017 6—1

ИЗВѢСТНЫЕ КОРСЕТЫ Мерсио: дамскіе
3, 4, 5, 6 р.; дѣтскіе, по возрасту, отъ 1 р.
до 4 р. 60 к. Главн. магаз. Мерсио, Боль-
шала Морская, д. № 39, Спб. № 929 10—7

При этомъ № прилагаются четыре объявленія: 1) отъ Редакціи „Нивы“ (для городскихъ и иногородныхъ подписчиковъ) 2) отъ редакціи „Собраніе Романовъ“ 3) отъ редакціи „Библиотека для чтенія“. 4) отъ чайнаго магазина Ольги Корещенко въ Москвѣ (послѣднія 3 объявленія исключительно для иногородныхъ подписчиковъ).

Гармонифлютъ Гармонифлютъ съ органомъ.] Фисгармонія. Гармонифлютъ на педали.

ГЛАВНОЕ ДЕПО МУЗЫКАЛЬНЫХЪ ИНСТРУМЕНТОВЪ

Юлія Генриха Циммермана.

С.-Петербургъ, по Большой Морской улицѣ, № 42.

Рекомендуютъ отъ извѣснаго парижскаго фабриканта Бюссона полученные

ФИСГАРМОНИИ.

4 октавы 1	игра изъ дубоваго дерева	Р. 90
4 " 1	изъ палисандраго дерева	" 100
5 " 1	1 регистръ изъ дубоваго дерева	" 120
5 " 1	1 " изъ палисандраго дерева	" 130
5 " 1	3 " тоже	" 150
5 " 1 1/2	7 " тоже	" 175
5 " 2 1/2	11 " тоже	" 250
5 " 4 1/2	18 " тоже	" 400

Шахлы для фисгармоній по 1 р. 20 к. и 4 р.

ГАРМОНИФЛЮТЫ.

3 октавы	Р. 40
3 октавы съ регистромъ	" 45
3 1/2 октавы съ регистромъ	" 60
3 1/2 октавы съ регистромъ, трелью и сурдинкой	" 75
4 октавы съ регистромъ, трелью и сурдинкой	" 90

Педали (подставки) для гармонифлютъ по 10 р.

Шахлы для гармонифлютъ по 75 к., 1 р., 2 1/2 р., 5 р.

Складные гармонифлюты большого формата съ двойной педалью и регистромъ 140 р.

ГАРМОНИФЛЮТЫ СЪ ОРГАНОМЪ.

3 1/2 октавы съ регистромъ и 1 валомъ 175 р.

Отдѣльные валы по 20 р.

4 октавы съ регистромъ и сурдинкой и 1 валомъ 225 р.

Отдѣльные валы по 25 р.

Пересылка на счетъ покупателя. Заказы изъ провинцій исполняются немедленно и аккуратно.

№ 1052

ТОРГОВЫЙ ДОМЪ

И. ИЖАЙЛОВЪ

№ 122, ГОСТИНЫЙ ДВОРЪ, БОЛЬШАЯ СУРОВСКАЯ ЛІНІЯ. № 122.

ЗИМНІЙ СЕЗОНЪ.

ПРИГОТОВЛЕННЫ ВЪ ГРОМАДНОМЪ ВЫБОРѢ:

Пальто, манто и ретонды крытыя бархатомъ и другими разными модными тканями, на различныхъ мѣхахъ съ разными изъ перьевъ и стекляруса отдѣлками и мѣховыми опушками.

Пальто и ретонды на ватѣ съ разными мѣховыми опушками, жакеты и другія дамскія готовыя вещи изъ разныхъ модныхъ матерій.

Муфты собольи, куньи, скуныскъ; котиковыя настоящія и имитасіонъ.

Шалочки плюшевыя, котиковыя настоящія и имитасіонъ.

Сорти-де-балъ изъ кашемира, сисельенъ и прочихъ модныхъ матерій съ разными модными отдѣлками, также самыя модныя, только что полученныя изъ за границы изъ пушковой ткани и визанья, а также и платки.

Дамскія платья, костюмы для комнатъ и гулянья съ разными отдѣлками и капоты.

Корсажи вязаной ткани и сѣтки изъ стекляруса, синели и перьевъ въ громадномъ выборѣ только что получены изъ за границы.

Дѣтскія готовыя вещи для дѣвочекъ и мальчиковъ на разный возрастъ, также шапочки и муфты.

Дамскія шляпы. Модели изъ лучшихъ заграничныхъ домовъ и приготовленныя по моделямъ цвѣты и уборы изъ цвѣтовъ на платья для баловъ, перья, ленты, кружева, шарфы и пр.

Новость: парюры для корсажей.

Примѣчаніе для гг. иногородныхъ покупателей:

Увѣдомляю, что фирма компаніи „Ведерниковъ и Михайловъ“ 18 февраля сего года разошлась, и я, Михайловъ, произвожу торговлю всѣмъ вышеозначеннымъ товаромъ единственно въ Гостиномъ Дворѣ, по большой суровской линіи № 122 и по торговлѣ съ Ведерниковымъ ничего общаго не имѣю, такъ что если кто изъ покупателей пожелаетъ что либо выписать изъ моего магазина, то покорнѣйше прошу адресовать заказы и деньги на мою фирму „П. Михайловъ“ Гостиный Дворъ, большая Суровская линія № 122, не смѣшивая съ Ведерниковымъ. Торговля производится оптомъ и въ розницу.

НИВА

ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ
ЖУРНАЛЪ
ЛИТЕРАТУРЫ

XI годъ
№ 49

ПОЛИТИКИ И СОВРЕМЕННОЙ ЖИЗНИ.

г. XI
1880

ВЫХОДИТЬ ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫМИ №№ ВЪ ДВА ЛИСТА СЪ 6—10 РИС. И ЕЖЕМЪСЯЧ. ДАРОВЫМЪ ПРИЛОЖЕНІЕМЪ „ПАРИЖСКИХЪ МОДЪ“ (отъ 20 до 40 модн. рис. Выдаеъ 6 Декабря 1880 г. и ЛИСТА ЧЕРТЕЖИ ВЫКРОЕКЪ отъ 22 до 30 рис.) разн. рис. оукод. работъ (отъ 20 до 40 рис.) Цѣна стаго № „Нивы“ 20 к. съ перес. 25 к.

Открыта подписка на 1881 годъ.

Подписная цѣна на годовое изданіе „НИВЫ“.

Безъ доставки	4 р.	Съ доставкою	5 р.	Безъ доставки въ Москвѣ чрезъ ин. магаз. гг Шапошникова, Селовьева, Лангъ, Десяткина и Живарева.	5 р.	Съ пересылкою въ Москву и др. города Россіи	6 р.	За гра. ницу	8 р.
---------------	------	--------------	------	--	------	---	------	--------------	------

Просимъ гг. ИНОГОРОДНЫХЪ подписчиковъ НЕ ЗАМѣДЛИТЬ ВОЗОВНОВЛЕНІЕМЪ подписки, такъ какъ, при общемъ числѣ 55,000 подписчиковъ, приготовленіе ПЕЧАТНЫХЪ АДРЕСОВЪ требуетъ МНОГО времени.

КОНТОРА ЖУРНАЛА „НИВА“ ПОМѢЩАЕТСЯ ВЪ С.-П.-БУРГѢ, НА Б. МОРСКОЙ. ВЪ Д. № 9.

При этомъ № прилагаются ПАРИЖСКІЯ МОДЫ за ДЕКАБРЬ 1880 г. съ 33 рис. и отдѣльн. листъ съ 25 чертеж. выкроекъ въ натуральн. величину и съ 37 рис. вышивокъ малороссійск. и русск. дамскихъ костюмовъ, печатанными 2 красками.

Видъ города Мезени, Архангельск. губ. Съ набр. П. Пучкова, рис. Н. Карзинъ, грав. Флюгель.

М Е З Е Н Ъ.

Почти въ среднѣхъ Бѣломорскаго побережья Россіи, въ 7 верстахъ отъ устья р. Мезени, по правому ея берегу, раскинулся городокъ Мезень, одинъ изъ отдаленнѣйшихъ уѣздныхъ городковъ Архангельской губерніи. Въ Мезени кончается Архангельская почтовая дорога и викауда иначе какъ водой, или на оленяхъ пробраться нельзя; съ сѣвера море, а съ права и съ лѣва тундра... Городъ состоитъ изъ двухъ частей: собственно города и расположенной отъ него въ 2½ верстахъ къ сѣверу, по теченію рѣки, Кузнецовской слободы. Основаніе Мезени относятъ ко времени Іоанна Грознаго, а основателемъ считаютъ бѣлаго, или опальнаго, нѣкоего Ивана-Кузнеца, поселившагося въ томъ мѣстѣ, гдѣ теперь слобода, въ которой половина жителей носитъ фамилію Кузнецовыхъ; загѣмъ населеніе слободы, увеличиваясь постепенно, при помощи появившихся раскольниковъ Протополовыхъ, создала другой поселокъ — Мезень, превратившійся лѣтъ 200 тому назадъ изъ глухой заброшенной деревни въ уѣздный городокъ.

Но это превращеніе и до сихъ поръ не измѣнило ни внѣшняго вида, ни экономическаго значенія этого города и выразилось лишь въ появленіи чиновниковъ, солдатъ уѣздной команды, да полиціи. И до сихъ поръ, какъ во время оно, жители Мезени занимаютъ морскимъ, лѣснымъ и рѣчнымъ промыслами: добываютъ моржей, тюленей, куропатокъ, рябчиковъ и семгу въ большомъ количествѣ; служатъ матросами на судахъ мѣстныхъ судохозяевъ, ведущихъ мѣновую торговлю съ Норвегіей и, отчасти, занимаютъ хлѣбопашествомъ.

Здѣсь, даже при помощи самыхъ своеобразныхъ старыхъ

ружей, добывается очень много разнаго звѣря и птицы, а мѣстные 2 или 3 кулака скупаютъ на мѣстѣ все за безцѣнокъ и попомъ, въ Петербургѣ, перепродаютъ съ большимъ барышемъ.

Окрестности Мезени со стороны лѣса и рѣки своеобразно живописны; городъ расположенъ на крутомъ берегу Мезени, а рѣка замѣчательно красива. Идетъ она двумя руслами, образуя лабиринтъ красивыхъ протоковъ, живописныхъ островковъ и замѣчательныхъ, богатыхъ поемныхъ луговъ. Луга эти, а также и острова, во время весенняго разлива, покрываются водой, и тогда городъ стоитъ какъ-бы у моря. Но за то недолгое, жадно ожидаемое лѣто имѣетъ двойную прелесть: воздухъ удивительно чистъ, переполненъ запахомъ сосноваго лѣса и луговыхъ душистыхъ травъ и дѣйствуетъ на здоровье благотворно; лѣтнія полярныя ночи восхитительны; въ Петербургѣ

Одна заря смѣнить другую

Слѣшитъ, давъ ночи полчаса;

а здѣсь, съ колокольни, или даже менѣ возвышеннаго пункта можно видѣть, какъ солнце, лишь соприкоснувшись съ горизонтомъ, почти въ ту-же минуту разливаетъ лучи на еще не успѣвшую погрузиться въ сумракъ землю...

Въ Мезени никакихъ тифовъ, лихорадокъ, ни вообще эпидемій и эпизоотій и слыхомъ не слыхать.

Какихъ-нибудь рѣдкостей или древностей въ Мезени нѣтъ. Въ слободѣ только интересна древняя церковь, устроенная по древнему обычаю — съ трапезою и даже столами въ ней. Церковь эту въ особенности чтутъ мѣстные старовѣры, которые въ Мезени составляютъ болѣе 2/3 населенія.

У Г О Н Ъ

Разсказъ С. В. Максимова *).

I.

Въ то раннее утреннее время, когда еще далеко до свѣту, а деревенскія печи уже пылаютъ красноватымъ пламенемъ, въ холодную избу вошелъ старшій сынъ съ блѣднымъ лицомъ и испуганными глазами — вошелъ, повалился на лавку и зарыдалъ. Стали его спрашивать и, съвозъ стоны, могли разобрать и разслышать:

— Бурки нѣтъ дома, — пропалъ.

— А саврасый?

— И саврасаго свели. Ворота были всю ночь на запорѣ, а стѣнка на задворѣхъ разобрана. Слѣдовъ не разобрать, потому на дворѣ темъ непроглядная, — продолжалъ отвѣчать сынъ на короткіе вопросы сѣдаго отца — большака обворованной семьи.

— Ты бы, — говорилъ отецъ, — слѣдовъ-то, дурова голова, не затапывалъ: все бы знать было, въ какую сторону побѣжали.

И спохватился:

— И то сказать: воръ, что заяцъ, слѣды кладетъ кривулями и перехлестываетъ. А не толковалъ я тебѣ, что бы събѣзидилъ въ лѣсъ, да новыя вѣнцы положилъ а ты, дурова голова, и подпереть не догадался. Что мнѣ съ твоей головой дѣлать?

— Куда намъ свои головушки теперь дѣтъ? — начала голосить мать. Ее подхватила старшая невѣстка и дочка, — и всѣ подняли тотъ вой и ревъ, которые первыми, при вѣсти о семейномъ несчастіи, являются въ помощь и на выручку, вообще слабонервнымъ, русскимъ деревенскимъ женщинамъ. Одна изъ нихъ успѣла таки выговорить наибольшее сожалѣніе о буркѣ.

— Поеной, кормленой, холеной! Какъ дьякопица-то убивалась, когда покупали! Двѣ недѣли ломалась надъ нашими денежками, и когда поводъ-то намъ подавала, отвернулась даже и ревѣла на голосъ.

— Взяли съ поповыхъ хлѣбовъ такого-то гладкаго,

*) Автора: „Сибирь и каторга“, „На Востокъ“, „На Сѣверѣ“. Въ виду чрезвычайной важности для нашей народнои жизни коврокрадства — этаго бича нашего селянина, мастерской очеркъ извѣстнаго знатока народнои жизни приобретаетъ особенное значеніе. Кто знакомъ такъ близко съ этимъ ужаснымъ народнымъ бѣдствіемъ у того будетъ другой взглядъ на несходительность приговоръ въ этихъ случаяхъ, которая и вызываетъ конечно опасныя явленія народнаго самосуда и расправы.

а развѣ я объ немъ не радѣлъ, развѣ онъ у меня спалъ когда съ тѣла? — толковалъ старшій сынъ, нѣсколько успокоившись. Какимъ взялъ его, такимъ вотъ теперь и потеряли. Мать ты, Матушка, Пресвятая Владычица!

Въ концѣ концовъ всѣ догадались, что надо забыть о прошломъ, а глядѣть и думать впередъ. Это оказалось легко уже потому, что вѣсть о несчастіи, какъ стрѣла молніи, облетѣла все село и первыми, конечно, подняла на ноги женщинъ. Эти совѣтовали всѣ, въ одну мысль, первымъ дѣломъ, сходить къ колдуну, а того лучше къ Матрешкѣ:

— Почала она на гушѣ квасной гадать, да такъ-то ладно! Все видить въ гушѣ, точно въ зеркалѣ всѣхъ видить, окромѣ покойниковъ.

Другія совѣтовали либо сходить къ ближнему угоднику, который во всѣхъ бѣдахъ заступникъ и помощникъ, либо ставить каждый праздникъ по свѣчкѣ къ образу Тихвинской. Дьячиха, какъ болѣе свѣдущая и образованная, — указывала прямо на молебенъ Ивану Воину, — и приговаривала:

— Пуцай, — сказываютъ, — ему и воры молятся, а все же онъ Батюшка, пропалыя вещи указываетъ и воровъ выдаетъ. Ступайте-тко помолитесь ему!

Когда прилелись сосѣдніе мужики въ избу, совѣты начали налаживаться на настоящій путь, хотя тоже попутались сначала по околицамъ.

— Вотъ, сусѣди почтенные, какая бѣда навязалась, что и не прокопаешь. Какъ быть теперь дому безъ лошадокъ?

— Безъ лошадки православному и въ вѣкъ не сжить.

— Какъ это возможно! подыскивая утѣшенія горевшимъ, толковали застигнутые врасплохъ сосѣди.

— Надо, братцы, горячіе слѣды добывать: со всякимъ изъ насъ случится. Гляди какая пакость стала заводиться въ нашихъ мѣстахъ: теперь всему селу боязно.

— А какъ ты эти слѣды сослѣдишь. Воръ-отъ вонъ обулъ лошадинныя копыта въ лапти да и повелъ по первосвѣтѣ, а тамъ и смѣлкой: мужикъ ли это шель, или решота гонимъ гнали. Худо дѣло!

— Худо дѣло въ томъ, что воръ около насъ завелся.

— Ну да какъ ему и не завестись. Сколь много въ теперешнія времена этаго шлющаго народа етапомъ выгоняютъ изъ Москвы, а либо изъ Питера. Пропьется

онъ тамъ, набалуется: ни Богу свѣчка, ни чорту ко-черга. Придетъ домой въ одной рвани. Надо ему у-расть, потому что онъ отъ работы отвыкъ, ему промыш-сель надо легкой. Людямъ молотить, а ему замки коло-тить. А что ему воровать, окромя лошадей? У меня вонъ въ избѣ-то, кромѣ Божьяго Милосердія, да что на себѣ да на бабахъ, и ничего нѣту. А лошадь—дура, сама за нимъ пойдетъ и нукать не надо.

— И не доглядишь за ней, хоть ты тутъ изъ кир-пичей заборъ-отъ складывай. Я такъ слышалъ, что коли воръ не у дѣла и нѣтъ ему работы, онъ у себя шапку крадетъ. Бросить онъ эту свою шапку въ кустъ, да изъ другаго куста и приловчается, какъ бы украсть такъ, чтобы и самому было незамѣтно.

— Сказывали на ярмаркѣ въ городѣ: поссорились му-жички съ конокрадомъ. Больно онъ чванился и выхва-стывалъ: и намили ему бока. А онъ сталъ имъ на от-местку за однимъ воронкомъ слѣдить. Мужикъ заковалъ его въ цѣпь съ замкомъ, и цѣпь досталъ такую, что шести конямъ не порвать. Заковалъ да и подсмѣивает-ся: „на скованной—моль, далеко не уѣдешь“. А врагъ-то и пришелъ въ свое время. Поковырялъ онъ замокъ, и въ затылкѣ почесалъ; поковырялъ другорядъ—плю-нулъ. Ничѣмъ ничего ему нѣтъ! Сходилъ домой, при-несъ свою цѣпь да замокъ, положилъ на лошадь а самъ и засѣлъ, чтобы его не было видно. Пришелъ хозяинъ. Догадался. Отперъ свой замокъ и цѣпь снялъ. Коня по-ставилъ на гумно. Самъ пошелъ домой разбить чужое „пучо“. Какъ хозяинъ воротами скрипнулъ, такъ воръ и подошелъ со своимъ ключемъ. Отперъ, сѣлъ, поѣхалъ во всю прыть. Передалъ коня пріятелю, воротился на его лошади и легъ в снопахъ въ овинѣ, когда пришли обсыкивать. Лежитъ да и сказываетъ: „давайте-де ули-ку, а безъ нея не погибать же.

— Да, добрый воръ подъ собой слѣды кроетъ.

— Полно-ка пустое болтать, сусѣди почтенные! При-ставляйте-ка голову къ плечамъ: совѣтуйте!

— Надо тебѣ дать мою лошадку—заговорилъ сосѣдъ старикъ. Надо старшему твоему парню на ней ѣхать. Кто подобрѣй давайте лошадку меньшаку-пареньку. Вы-беремъ еще молодца пошустрѣй: пуцай втроемъ ищутъ, одному не повадно. Ступай въ разные стороны и стово-рисъ гдѣ встрѣтятся...

— Да вѣдь дорога-то намъ на четыре вѣтра,—заго-ворилъ шустрѣй парень, тотчасъ же душею приготовив-шійся на послугу.

— А ты собачьимъ нюхомъ выбирай ту, которая на-ведетъ тебя. Вотъ ступай теперь въ сельской кабакъ. Смѣкай такъ, что въ ближній кабакъ воры на краденыхъ коняхъ не заѣзжали, а гналъ ворогъ ихъ дальше до мыла. Однако въ кабакъ цѣловальникъ живетъ. Глазъ у него, пожалуй, и затупѣлъ, глядя на одни косушки да четушки, а ухо у него вострѣй заячья: онъ вино на-ливаетъ, а самъ все слышитъ. Попотчуйте его да лад-ненько. А онъ міра нашего не обидитъ, потому какъ міръ нашъ его не обижаетъ: натаскалъ ему всякаго до-бра много. Потолкуйте съ нимъ.

— Слушайте, ребята (толковали уже въ напутствіе): вы ворога этаго не дразните; осерчаетъ онъ—хуже бу-детъ.

— Чтобы сердце покорно а голова уклонна.

— Кланяйтесь ему пониже, просите милосердія.

— Сказывайте: не заблудилась-ли? А мы моль за прокормъ согласны дать, что слѣдуетъ.

— Есть ли у тебя, стариниска почтенный, деньги-то? Безъ денегъ нечего и со двора съѣзжать-то. Изъ-за однихъ этихъ денегъ бьются они, окаанные.

У старика нашлись пасенныя деньги, хранившіяся въ сусѣбѣ, во ржи. Принесъ и отдалъ ихъ съ неохотой и со слезами, и отпустилъ въ путь съ совѣтомъ, выгово-реннымъ дрожавшимъ отъ горя голосомъ:

— Не горячись! А по миру да по согласью! Пока

что, а кланяйтесь пониже. Умоляй ворога: не накинулъ бы онъ напастъ на весь крещеный свѣтъ.

Съ раннимъ свѣтомъ выѣхали добрые молодцы на гемные поиски и скоро доѣхали до своего поильца-ка-бака. Цѣловальникъ всѣхъ хорошо зналъ, какъ постоян-ныхъ своихъ гостей, до мелкой подробности и не зналъ только одного, что у нихъ украли пару выпѣшной почью, впрочемъ сегодня же вечеромъ онъ и безъ нихъ узналъ бы про это.

Угощаясь лишнимъ полуштофомъ, онъ размякъ и го-ворилъ про что слышалъ: на прошломъ базарѣ въ ихъ селѣ отстегнули лошадь изъ останнаго веза, когда хо-зяинъ ея гостилъ у него въ питейномъ. Слышалъ, что въ деревушкѣ, верстахъ въ шести, сказываютъ на трехъ братьевъ, что пустились въ злой, непутный промыселъ.

— Такъ надо быть не ихъ это дѣло, потому что опасно: близко живутъ. А можетъ и они, потому какъ не у себя краденыхъ лошадей берегутъ, а торопятся сплавить куда-подальше. И есть на это пріемщики; а этихъ ужъ и самъ чортъ сыскать не сможетъ.

Когда потребовали третій полуштофъ, цѣловальникъ совѣмъ смягчился и сталъ толковать, что никакою тутъ шайки не должно быть, потому что шайкой жить имъ невозможно и очень опасно. Во всякой шайкѣ, особенно если она большая, всегда найдется одинъ такой, кото-рый способенъ выдать и навести не только на слѣды, но и на самое поличное, въ самый домъ или скрытное мѣсто.

— Каждый воръ живетъ самъ по себѣ, и только на тройки и пары ходитъ вдвоемъ.

— Ступай-ко вы въ тотъ кабакъ, что около той де-ревни. Хозяинъ тамъ мужикъ дошлый и такъ я смѣ-каю, по своимъ примѣтамъ и по мірской молвѣ, самъ въ этомъ промыслѣ запутался. Поглядите-ко у него сколько каждый день этой всякой рвани набивается. Всякой изъ нихъ непременно воръ, а который еще не воруетъ лошадей, такъ значитъ еще не выучился и прилаживается.

Добрый сосѣдъ также посовѣтовалъ имъ не наступать съ требованіями, а запастись терпѣніемъ, потому что во-дить и мучить будутъ долго, не горячиться и—Бо-же избави! грозить. Если же Богъ поможетъ най-ти вора и онъ согласится на выкупъ пропавшей пары, то молчать о томъ, какъ рыбы молчать.

И примѣры привелъ:

— Изъ сосѣдней губерніи проѣзжали вошки съ мерз-лой рыбой и сказывали, что у нихъ становой ѣхалъ въ погоню съ понятами. Во время погони, его отрѣзали въ лѣсу отъ провожатыхъ, перебили тамъ ломомъ руки и ноги, и отрѣзали языкъ.

Сосѣдній кабакъ шумѣлъ и галдѣлъ на славу. Въ са-момъ дѣлѣ набралось въ него народу такъ много, что наши погонщики на первыхъ порахъ ничего не могли разобрать, а тѣмъ болѣе добраться за совѣтомъ къ цѣ-ловальнику. Опытный глазъ могъ тутъ отдѣлать посѣ-тителей денежныхъ, требовавшихъ вина и угощенія, отъ тѣхъ безденежныхъ завсегдатаевъ, которые держались около входныхъ дверей, не всегда въ ожиданіи угоще-нія, а большею частію потому, что здѣсь ихъ домъ и храмъ для жертвенныхъ возліаній. Не побывавши тутъ одинъ день,—можно на третій день умереть съ тоски. Тутъ впрочемъ есть нѣсколько такихъ, которые полу-чаютъ угощеніе отъ разгулявшихся: одинъ поетъ скором-ныя нѣсенки и пляшетъ, другой умѣетъ кричать на разные голоса: пѣтухомъ, волкомъ, сорокой, вороной, лааетъ по собачьи на одиночку и сворой, и ходитъ ко-лесомъ черезъ голову какъ фокусникъ.

Все это привычныя глаза нашихъ поимщиковъ потомъ замѣтили и рассмотрѣли. Однако не замѣченъ былъ имъ (да и всѣми прочими гостями) одинъ изъ вновь вошед-шихъ, который внимательно сначала осмотрѣлся, какъ будто высматривалъ кого бы угостить. Знакомыхъ оче-

Стокгольмъ. Королевскій дворецъ. Рис. Гагаундъ, грав. Гальбергеръ.

Стокгольмъ. Улица въ старомъ городѣ.

Стокгольмъ. Дворянскій „домъ“. (Ritterhaus). Рис. Гагаундъ, грав. Гальбергеръ.

Общій видъ города Стокгольма съ южной стороны. Рис. Гагаундъ, грав. Гальбергеръ.

видно онъ не нашель и потому, завидѣвъ свободное мѣсто на кончикѣ скамьи, сѣлъ и попросилъ себѣ водки. Выпилъ онъ стаканчикъ, опрокинулъ его на стойку; выпулъ изъ-за пазухи краюху хлѣба; отрѣзалъ ломотокъ. Кусокъ этотъ онъ поставилъ на донышко надрѣзаной стороны отъ себя. Наконецъ заткнулъ одну полу за поясъ и началъ ѣсть. Кто видѣлъ это, тотъ подумалъ что парень вздумалъ подурачиться; другой видѣлъ и также съ заткнутой за кушакъ полой, подошелъ къ столу. Товарищи поняли другъ друга и первый, уворовавший лошадей, тѣхъ самыхъ, хозяинъ которыхъ въ тоже время сидѣлъ въ кабацѣ, и успѣвшій сбить ихъ, сталъ угощать незнакомаго ему, но роднаго по промыслу, товарища. У нихъ бы и спросить про коней, если бы знать ихъ условные плутовскіе знаки, которые опять такъ свели двоихъ вмѣстѣ, чтобы сговориться имъ и отправиться на новые поиски плохо-запертыхъ лошадей. Направятся они конечно въ противоположную сторону, потому что тамъ, гдѣ уворована была пара, теперь всѣ стали на сторожѣ и держатъ ушки на макушкѣ. Тамъ уже надо погодить работать, пока опять не распустиатся, не разлѣнятся и не зазѣваютъ по старому и по новому.

Одинъ изъ кабацкихъ завсегдатаевъ за угощеніе указалъ поимщикамъ на одну деревню и релѣлъ въ пей смотрѣть на крышу или по забору: не выставлена ли гдѣ конская голова костякомъ. Въ какую сторону эта голова смотреть, въ той сторонѣ и краденые лошади спрятаны. И въ ту избу надо стучаться и спрашивать, а чтобы отвѣтъ получить, надо непременно захватить съ собою водки да и не меньше штофа. Сказалъ онъ это все за околицей, сказалъ—и изъ глазъ скрылся въ мертвой темнотѣ наступавшей зимней ночи, такъ что и слѣдъ простылъ, мигнуть не успѣли.

Зимняя, узенькая словно корыто, дорога привела поимщиковъ въ ту самую деревню, на которую указалъ завсегдатай. Двое остались за околицей: самъ хозяинъ поѣхалъ стучаться въ окно легонько, но часто. Въ избѣ всѣ спали. Прежде всѣхъ проснулся тотъ чернѣй, большой мужикъ, который спалъ на лавкѣ подъ самымъ волоковымъ окномъ. Отодвинувъ задвѣжную доску и увидѣвъ коня и всадника, разомъ смекнулъ онъ въ чемъ дѣлс, и разбудилъ того брата, который лежалъ на коникѣ, подъ полатями, а самъ тотчасъ сообразилъ про себя:

— Мужикъ—не казакъ: какая ему нужда верхомъ ѣздить? Мужикъ ходитъ пѣшкомъ, мужикъ ѣздитъ въ телѣгѣ а сѣлъ на коня, значитъ, горитъ у него дѣло къ спѣху. Приѣхалъ мужикъ ночью,—стало бытъ коня у него увели, да котораго же это изъ послѣднихъ и свѣжихъ трехъ, что недавно мы добыли?

Отворили калитку, впустили въ избу; вздули огня, стали всматриваться: совсѣмъ незнакомые между собою люди. Обычнаго привѣта „милости просимъ“ гость не получилъ. Чернѣй, глядя какъ-то въ бокъ по медвѣжьи, сиплымъ голосомъ и грубо спросилъ:

— Зачѣмъ это тебя чортъ по ночамъ носить? кто такой и зачѣмъ пришелъ?

— Можетъ ты не въ тѣ ворота, такъ поворачивай оглобли. Намъ спать охота. Мы вѣдь въ своемъ дому—поддерживалъ съ палатей голосъ рыжаго молодого парня.

Первая остротка еще больше смутила и понизила парня: туда ли попалъ, не подсмѣялись ли надъ простотою его кабацкіе засѣдатели?

— Если тебя изъ нашего кабака послали, такъ ты понапрасну ѣхалъ. Оттуда все къ намъ посылаютъ по навѣткамъ, а ты бы не вѣрилъ—говорилъ чернѣй. Онъ былъ именно тотъ неизвѣстный, который подходилъ къ загибавшему полу кафтана и становившему кусокъ хлѣба на донышко рюмки.

— Мы ужъ двумъ такимъ-то бока мiali,—пояснялъ съ полатей рыжій.

Въ то время третій, спавшій на коникѣ, снялъ со стѣны ружье, щелкалъ куркомъ и продувалъ стволь. У гостя зародилось въ душѣ раскаяніе, что пустился на поиски, но онъ во время успѣлъ вспомнить наставленіе. Вытащивъ изъ-за пазухи штофъ, онъ молча поставилъ его на столѣ. Хозяевамъ это понравилось; рыжій зашевелился на полатяхъ, при чемъ они сильно заскрипѣли, а третій повѣсилъ ружье на свое мѣсто подлѣ другихъ двухъ ружей. Черному показалось ненужнымъ дразнить больше парня и потѣшаться надъ нимъ въ виду предлагаемаго угощенія. Угостившись водкой и обнеся товарищей, заговорилъ совсѣмъ въ другомъ тонѣ.

— У тебя можетъ пропажа случилась, такъ сказывай. Если лошадей увели, такъ какой масти; можетъ не попались ли мнѣ на дорогѣ.

Рыжій однако не умягчался. Онъ перебилъ.

— Они, сиволаше, лошадей держатъ а доглядѣть за ними не умѣютъ. Что мы къ тебѣ въ сторожа что-ли занимались? Какъ намъ про то знать, какой воръ тебя любить?

— Чей щуръ (т. е. воръ?) спрашивалъ онъ чернаго и повелъ съ нимъ тѣтъ непонятный для непосвященнаго разговоръ, который знакомъ всякому конокраду.

— Дальные—отвѣчалъ чернѣй на вопросъ.

— Куда затынили?—У маза?

— Дикалы щуры басвѣ сламу? Биряли устрекай.

— Правъ рыхлѣй: рона кимать, куремать ворухане. Правъ кекуръ сѣдыхъ!—Лады! (Т. е. куда сбыли, гдѣ спрятали.— У атамана! Дали тебѣ воры долю?—Угощали дорогой. Кончай скорѣй: пора спать, пѣтухи поютъ. Проси два рубля!—Идетъ).

Чернѣй послѣ переговоровъ сталъ милостивѣй. Когда всѣ отъ водки умягчались сердцемъ, онъ толковалъ:

— Надо бы вамъ ѣхать не въ нашу сторону, а въ другую. Надо вамъ еще три кабака миновать, въ четвертомъ спрашивать парня „гнѣлаго“. Такъ и зовутъ его. И примѣтень: глазами разкосой и хромой. Придешь въ кабакъ, такъ и спрашивай, гдѣ молъ „гнѣдой“. Онъ тамъ дни и ночи. Ты его спрости, вызови, да вотъ и передай ему эту примѣтку. Только ее и передай: онъ ужъ смекаетъ.

Переданная примѣтка оказалась истрепанной въ ключья шапкой и притомъ такой рваной, что и воронамъ на гнѣздо она не годилась: видно не разъ уже переходила она изъ рукъ въ руки и возвращалась къ хозяину.

Впослѣдствіи чернѣй толковалъ еще мягче, а рыжій совсѣмъ замолчалъ и спряталъ голову подъ полушубокъ, намѣреваясь опять заснуть.

— Проѣзжали два парня на парѣ, точно проѣзжали въ ту сторону: подъ однимъ шла саврасая, подъ другимъ бурая. Хорошо я это примѣтилъ. Саврасаго легче отдадутъ, ну, а про бураго я не знаю, какъ тебѣ сказать? Впрочемъ если выведутъ тебѣ показывать, гляди его въ воронихъ: перекрасить его немного времени надо. А вы тѣмъ часомъ ѣхать поторапливайтесь. За совѣтъ мнѣ два рубля серебромъ оставь. Теперь тебя я и на дорогу вывелъ и на мѣсто поставилъ—умѣй добратся.

Добратся до переводчика, показать ему шапку въ удостовѣреніе того, что мѣсто указано своими людьми и надо входить теперь съ нимъ въ сдѣлку—оказалось дѣломъ очень немудренымъ. Притомъ конечно нашлась и готовность изъ-за своего добра на всѣ издѣванья и продѣлки, къ какимъ прибѣгаютъ воры, чтобы отвести глаза и во всякомъ случаѣ то неодолимое терпѣнье, къ которому привыкъ трудовой рабочій народъ. Съ нихъ будутъ срывать слитки, требовать, сверхъ денежной платы, угощеніе водкой и съ неповинныхъ ни въ чемъ, несчастныхъ и совсѣмъ обездоленныхъ, за ихъ же кровное добро, возьмутъ всѣ тѣ деньги, которыя уберегались какъ будто именно на этотъ чернѣй день.

II.

Пока искатели теряли первые сутки, воровское дѣло было слажено. Лошадей угнали за 70 верстъ, ровно на три лошадиныхъ перегона и на такое разстояніе, дальше котораго трудовые рабочіе мужики не водятъ знакомства, не могутъ завести связей и куда обыкновенно не зачѣмъ имъ ни ходить, ни ѣздить. За 70 верстъ для деревенскаго, необщительнаго и неторговаго люда всегда начинается неизвѣстная страна и чужое государство.

Сюда, въ надежное мѣсто, гнали опытные и столь осторожные воры, что попадаютъ много если на двадцатой кражѣ—гнали всю ночь и въ хвостъ и въ гриву, съ разсвѣтомъ сворачивали съ дороги въ лѣсъ, давали передохнуть; по знакомымъ тропинкамъ выѣзжали изъ трущобы. Проскакавши пятнадцать верстъ, поили коней водкой, давая на пріемъ ^{1/20} часть ведра или, по ихнему—двѣ сороковки. Пьяныя лошади не знаютъ устали и эти мчались во весь опоръ и доносили воровъ за 40 верстъ до „пріемщика“. Прятали они кражу на короткое время въ ближнемъ лѣсу, въ нарочно-приспособленномъ стогѣ сѣна. Изъ середины стога сѣно выбрано; входъ ловко замаскированъ дверями изъ жердей съ привязаннымъ къ нимъ большимъ клокомъ сѣна. Издали эта удобная конюшня со стойлами кажется рѣшительной скирдой, а неопытный глазъ всегда будетъ обманутъ.

Спрятавши краденый товаръ въ остожкѣ при овсѣ, воры пришли получить задѣлы, и при этомъ поторговаться. Пріемщикъ сходилъ осмотрѣть лошадей и вернулся, чтобы поспорить и поприжать.

— У одной шерсть примѣтлива,—у саврасой. Бурая больно сытна.

— Саврасаго передѣлаешь. Бураго дальше погонишь.

— Однако, гляжу: недавно работаешь, а больше моего знаешь. Дѣлай самъ, а мнѣ пожалуй не надо. Веди дальше.

Отвѣтъ вышелъ совсѣмъ не кстати, такъ какъ въ такихъ воровскихъ случаяхъ продажей надо поторговаться: не ровень часть, не нагнали-бы. Въ попыткахъ дѣла этого рода слажваются.

— Опять-же кто васъ знаетъ: гнали вы ихъ противъ вѣтру и можетъ запалили. Вѣтеръ всю ночь дулъ отъ насъ вамъ на встрѣчу, а мнѣ вѣдь до завтра не узнать; засопѣла ли она и не кашляетъ ли.

— А можетъ быть и хозяева сами до тебя дойдутъ и заплатятъ „перейму“,—не надо и сбывать.

— А не дождусь я „переймы“ (обычной платы за возвращеніе украденной лошади)? Останутся лошади на моемъ корму, да свести ихъ надо куда подраженъ я, какъ ты объ этомъ думаешь?

— Что мнѣ думать? знамое дѣло—темный товаръ.

На такомъ неизбѣжномъ основаніи, — воры получили, послѣ долгихъ хлопотъ и мольбы, по синенькой и разѣхались на лошадяхъ „передатчика“ по разнымъ дорогамъ, чтобы въ видахъ собственной безопасности, долго потомъ другъ съ другомъ не встрѣчались. Весь секретъ промысла въ томъ, чтобы конокрады никому не были извѣстны, кромѣ атамана и его товарищей—передатчиковъ. Въ свою очередь возможность возвращенія украденной лошади зависитъ отъ той скорости, съ какою бросаются на поиски и того искусства, съ какимъ попадаютъ на свѣжіе слѣды, пока не успѣетъ „передатчикъ“ сдать лошадей атаману или такъ называемому „большому вору“. Обратная передача краденаго во многомъ зависитъ также и отъ произвола „большаго вора“, который иногда не согласенъ это сдѣлать или потому, что плѣнился отличными качествами коня, или подбираетъ тройку по масти, и т. п. Дорогу лошадей онъ впрочемъ всегда старается возможно скорѣе сбить, а хорошую крестьянскую беретъ почти исключительно ради переймы, если только она не съѣсть свыше

тѣхъ денегъ, которыя даны ворами и передатчикамъ за операцію кражи и доставки. До большаго вора всѣ его пособники обыкновенно не допускаютъ пострадавшихъ. Они берегутъ его, какъ зеницу ока, зная хорошо, что только подъ его защитой они сыты и живы. Отними онъ свою благодѣющую руку, они принуждены будутъ бросить свое ремесло, и во всякомъ случаѣ были бы скоро переловлены. Дерзкихъ плутовъ они берутъ подъ особое покровительство, а когда сорвется у нихъ и они попадутся въ тюрьму — берутъ даже подъ поручительство. Большимъ ворами боятся нечего: они сами никогда не воруютъ, а лишь только принимаютъ. Ни на мѣстѣ преступленія поймать, ни доказать на нихъ не представляется никакой возможности. А такъ какъ купленныхъ лошадей они не продаютъ на мѣстѣ, то стало быть нѣтъ и уликъ. Обыкновенно они „темныхъ“ лошадей мѣняютъ и уже вымѣненныхъ продаютъ. Одинъ впрочемъ привелъ на ярмарку и удачно продалъ 20 лошадей, которые всѣ были краденныя.

Всякій большой воръ знаетъ другъ друга и въ случаѣ старается сблизиться съ незнакомыми, между прочимъ, и въ тѣхъ расчетахъ, чтобы не работать по близости и не мѣшать другъ другу. Они обыкновенно близко не живутъ, но находятся въ постоянныхъ сношеніяхъ. Во всѣхъ окрестностяхъ это — люди извѣстные и почтенные. Къ нимъ съ подарками и съ поклонами ѣздятъ и священники, и становные пристава. Послѣдніе не гнушаются даже входить съ ними въ сдѣлки и за обиженного и обворованнаго условливаются въ размѣрахъ переймовъ и ходатайствовать о милости и снисхожденіи. За тотъ почетъ, который имъ воздаютъ по сосѣдству, — они застилаютъ свою окольность отъ нападѣній воровъ и въ самомъ дѣлѣ имѣютъ полное основаніе отвѣчать на случай просьбы:

— Это работа не наша. Мои вашего не тронуть.

Въ благодарность за такое особое покровительство мѣстные жители обыкновенно укрываютъ ихъ отъ преслѣдованія властей.

Большую частію „вѣдомые большіе воры“ или какъ кое-гдѣ называютъ ихъ „ватажки“, держатъ постоянные дворы на торговыхъ трактахъ и гостиницы въ городахъ съ ярмарками. Сюда спѣшать угощаться всѣ тѣ, которые боятся за своихъ лошадей, и твердо убѣдились въ томъ, что этаго сорта людей слезами не прошибешь, но за деньги купишь. Между порядочными людьми они могутъ показаться примѣтнѣе всѣхъ и по сановитости, и по опрятности платья. По пріемамъ это даже ласковые и привѣтливые люди изъ тѣхъ, которые подъ кошачью мягкою лапкою скрываютъ очень сильныя и острые когти. Въ сущности это—тѣ самые искусники, что умѣютъ изъ воды выходить сухими и за то въ глухихъ мѣстахъ темными людьми почитаются даже за колдуновъ и знакомыхъ съ нечистою силою. Въ силу такого суевѣрнаго убѣжденія многіе жители, вмѣсто того, чтобы заявлять земской полиціи о случившейся у нихъ кражѣ, обращаются непосредственно къ самимъ ворами съ просьбами о возвратѣ украденнаго и съ мирною сдѣлкою.

Въ лебедянскомъ трактирѣ, во время ярмарки, обращалъ на себя общее вниманіе громкимъ разговоромъ одинъ изъ такихъ барышниковъ. Въ тонѣ слышалось несомнѣнное и явное желаніе похвастаться и не особенно скрытое намѣреніе дать нѣкоторое поученіе, прочесть легонькую лекцію.

— Дали мнѣ въ этой казанской тюрьмѣ отдѣльный номеръ, чтобы сидѣть мнѣ одному. Отъ скуки завелъ я всякій снарядъ: перо, чернильницу, гербовую и простую бумагу. Сталъ я арестантамъ писать прошенія. Лѣзли они, какъ мухи къ меду, потому какъ имъ осталось одно—жаловаться. Въ полтора-то года я нажилъ въ тюрьмѣ на такомъ дѣлѣ до пятисотъ рублей. Вотъ и прозналъ про то старшій-набольшій. Кто-де возмутилъ

его бритую команду, что всё они стали прокурорами? Дозна́ние производить пришель самъ, и прямо ко мнѣ. Сталь меня осматривать. За иконой нашель чернильницу и перо.—Ты? „Не знаю“.—Врешь! „Ну да вамъ, говорю, лучше знать, гдѣ правда, а я говорю то, что есть“.—Да вѣдь я въ твоей комнатѣ нашель? „Зачѣмъ въ моей?—нашли въ той, гдѣ и до меня люди жили“.—Кто-же эти вещи сюда положилъ? „Мнѣ это неизвѣстно, потому какъ я даже удивляться готовъ, какъ-таки чья-это грѣшная рука ходила въ столь священное мѣсто. Къ нему арестантскими-то руками и прикасаться грѣшно. Вы вотъ, ваше превосходительство, рѣшились, значить вамъ на то разрѣшеніе дано, а я-то какъ-же смѣю?“ Сталь онъ рыться въ нарахъ: нашель ящикъ, въ ящикѣ—бумагу.—И это скажешь не твое? „Это, скажу, мое, потому я туда клалъ“.—Кто тебѣ позволилъ? „Въ такихъ пустякахъ не смѣлъ беспокоить начальство“.—Бумага въ острогахъ запрещена. „Да вѣдь я и держу-то ее не для какой важной нужды....—А я вотъ тебя выдрать велю. „Этого вамъ нельзя, потому какъ я судимый только, а не осужденный“. Тутъ ужъ онъ очень осерчалъ: такъ его и взмыло.—Отчего, говоритъ ты не выбрить? „А я, молъ, короткихъ волосевъ не люблю“. Въ то время башки-то еще безобразили. Прислалъ генераль цирюльника: началъ онъ всѣхъ брить. Я далъ знать прокурору. Тотъ защитилъ: это-де не военное дѣло. Арестанты на меня обозлились, кричатъ всѣми голосами: „ступай-де стричься!“ — Ступайте-ка, молъ, черти лѣсные, сами, а я не пойду. Арестанты пуще были злы на меня за то, что за прошенія деньги бралъ, а по ихнему, надо-бы вишь даромъ. Такой, слышь, и законъ стоитъ: ѣсть онъ прошеное, носить брошеное, живетъ краденымъ. Такъ я и отвертѣлся.

— Да и всегда вывернешься (подумалось мнѣ): ты тотъ самый неуловимый, что умѣетъ воровать — умѣетъ и отвѣтъ держать, и за то тебя, дѣтинушку, жалуютъ и почетомъ и уваженіемъ.

По объясненію услужливаго половаго, это былъ тотъ самый атаманъ конокрадовъ, который привелъ за телѣгой на ярмарку 20 лошадей, и всё сплосъ краденныя, и всѣхъ сбилъ выгодно, и получилъ барыша больше всѣхъ. Подъ именемъ барышника, онъ теперь на ярмаркѣ и самъ благополучно сходить. Всѣ это знаютъ, да помалчиваютъ.

— Много изъ-за него, въ его сторонѣ, ушло народу на поселенье — толковалъ половой: а вотъ онъ самъ и живъ, и здоровъ, и бѣлой, что гусь изъ воды.

Оказалось, что и въ казанской тюрьмѣ сидѣлъ онъ за то, что сильно подозрѣвался въ кражѣ большаго табуна заводскихъ лошадей, надѣлавшей въ свое время большаго шума. Онъ издали руководилъ набѣгомъ и уводомъ, самъ лишь оставленъ въ сильномъ подозрѣніи, а товарищей довелъ до ссылки.

— Скупаютъ „темныхъ“ лошадей и теперь. И чѣмъ ближе конокрадъ ихъ гналъ къ нему, тѣмъ ему меньше платитъ. Которые живутъ шайками, тѣхъ онъ избѣгаетъ: больше любятъ новыхъ и дальныхъ. Платить имъ самую малость, потому что иному вору и то съ руки; такъ какъ все равно взялъ онъ себѣ лошадь даромъ чужую.

Въ самомъ дѣлѣ, столь облегченный способъ кражи увлекаетъ многихъ другихъ туеядцевъ, шатающихся съ посторонними пѣлями. Опытные глаза „вѣдомыхъ“ воровъ умѣютъ узнавать ихъ сразу и отличать отъ присяжныхъ: и по способу предложенія, и по размѣру запроса.

Ходить одна благочестивая артель изъ деревни въ деревню большою толпою. Собираетъ она на обѣдню и молебны у гроба Господня и на украшеніе іерусалимскаго храма. Показываетъ плащаницу со страстями, Адамову голову и Распятіе, изъ котораго текутъ слезы, и камушекъ (черный) отъ святаго Соловецкаго озера, и отростокъ отъ прозябшаго жезла Ааронова. Слушали ихъ рассказы не только простоватые мужики, но даже и священники давали имъ подводы отъ села до села. Рассказывали странники про снѣговья свята Аеоискія горы, про то, что тамъ сама Мать Пресвятая Богородица своими руками принимаетъ дары отъ кающихся. Для полученія большихъ денежныхъ даровъ показывали икону Божіей Матери „Трепещущей“ и поставленную на пружинахъ, скрытыми отъ глазъ проволоками приводили въ движеніе, когда подходилъ грѣшникъ. Чтобы еще больше усилить денежный сборъ,—черезъ раковинную улитку, которую называли ушкомъ Ильи Великаго, упавшимъ во время грозы съ неба, спускали воду и той водой лѣчили всякія болѣзни, даже самыя злыя лихорадки. Брала всякій разъ за леченіе три рубля и овцу. Бродили странники по многимъ губерніямъ: въ одной, подъ самымъ губернскимъ городомъ, были пойманы съ украденными лошадьми на новой кражѣ и посажены были въ тюрьму, и сосланы.

Издавна худая слава держится за промышленниками иныхъ видовъ. Такъ, между прочимъ, конокрады прикрывались благовиднымъ и невиннымъ ремесломъ швецовъ или деревенскихъ портныхъ, которые всю зиму шатаются изъ селенія въ селеніе и шьютъ полушубки. Про этихъ мастеровъ сложилась такая поговорка, которая прямо указываетъ на то, что они днемъ съ иглой, а ночью съ обротью (т. е. уздой или недоуздомъ).

Въ другомъ мѣстѣ ведетъ пару лошадей въ поводу крестьянка изъ выселка и провела-бы ихъ мимо поповашаго на встрѣчу урядника, да на бѣду тотъ замѣтилъ у ней на груди бляху лѣснаго сторожа.

— Гдѣ взяла?

— У отца, лѣснаго сторожа. Отобралъ онъ эту пару у мужика за порубку лѣса и кражу травы. Коней велѣлъ онъ вести въ выселокъ къ старостѣ, а чтобы не задержали на дорогѣ, отдалъ свой знакъ.

Урядникъ навелъ справки и дозналъ, что знакъ дѣйствительно отцовскій, но онъ воровкой похищенъ для того, чтобы провести (также украденныхъ) лошадей съ уздой и недоуздомъ, къ воротилѣ дѣла и передатчику.

Когда большою воръ не видитъ препятствій къ возвращенію хорошей лошади и хозяинъ ея не упустилъ время и въ состояніи заплатить рублей 20—30,—дѣло совершается съ обычными предосторожностями. Воръ хозяину на глаза не показывается и знать его не хочетъ, а дѣйствуетъ черезъ ближайшихъ помощниковъ, т. е. тѣхъ-же передатчиковъ, какіе случатся на этотъ разъ дома; эти, смотря по человѣку, ставятъ возвращенныхъ лошадей прямо на дворъ, но часто указываютъ яръ или оврагъ, гдѣ можно найти коня привязаннаго. Въ иныхъ мѣстахъ ведется и такой обычай: отдавая украденную въ какомъ-либо лѣсу или глухомъ оврагѣ лошадь, приводятъ ее вчетверомъ, вооружившись кинжалами и ружьями. Обворованный, сверхъ денегъ, обязанъ принести водку. Одинъ даетъ хозяину оплеуху, другой стрѣляетъ надъ его головой и выговариваетъ большія угрозы:

— Вздумай-ко теперь хлопотать у начальства и жаловаться!

Такъ-то дѣлаются эти дѣла.

С. Максимовъ.

Послѣдній изъ взвода.

Рассказъ Захеръ-Мазоха.

Яковъ Дубно рѣшился-таки, наконецъ, подновить свой домъ на главной площади въ городкѣ Сегатинѣ. Да почему-же ему

было-бы и не рѣшиться на это? Онъ былъ богатый человѣкъ, богатѣйшій хлѣбный торговецъ въ городѣ, а во вторыхъ, надо

Е. И. В. Принцъ Петръ Георгіевичъ Ольденбургій. По поводу 50-лѣтняго юбилея Его дѣятельности.
Рис. Лебедевъ, грав. Барановскій.

сказать и правду: домъ-то уже порядочно тамъ и сямъ пораскелся и нуждался въ починкѣ—въ полицейскихъ штрафахъ, за его неудовлетворительный видъ, недостатка уже не было. Такъ вотъ Яковъ Дубно и переселился со своимъ семействомъ въ надворную половину дома, предоставивъ лицу каменщикамъ, плотникамъ, кровельщикамъ и другимъ мастерамъ.

Это переселение и временный беспорядокъ, отъ того происшедшій въ обиходѣ семейства Дубно, доставляли огромное удовольствие маленькимъ членамъ семьи. Впрочемъ и не однимъ имъ. И взрослая уже дочь Якова, умница и красавица Туля, тоже съ большимъ удовольствіемъ изъ окна все слѣдила за оживленной картиной кипѣвшей въ домѣ работы всѣхъ этихъ каменщиковъ, кровельщиковъ, плотниковъ. Было только еще начало осени и окна можно было еще держать открытыми. Съ особеннымъ, хотя и беззотчетнымъ, удовольствіемъ Туля сильно засматривалась на молодого словака-каменщика, Леву Граша.

Что нравилось ей такъ въ немъ, что заставляло биться сердце ея? Скрытое-ли, тайное ли удовольствие видѣть одного изъ своихъ соплеменниковъ такимъ сильнымъ и ловкимъ, или горячая кровь ея закипала при видѣ статнаго юноши, съ красивымъ мужественнымъ лицомъ, обрамленнымъ блондурами кудрями и бородой, или-же, наконецъ, тѣ сладко звучашія, заунывные, мелодичныя славянскія пѣсни, что распѣвалъ онъ и что лились въ душу этой дѣвушки, выросшей въ четырехъ стѣнахъ, словно въ гаремѣ? Она не спрашивала себя, да и отвѣтить на это не могла-бы, если-бы ее и спросили. Вскорѣ между дочерью богатаго Дубно и бѣднякомъ-каменщикомъ установилось какое-то безмолвное знакомство.

Когда молодая дѣвушка показывалась въ окнѣ, онъ привѣтствовалъ ее незамѣтнымъ поклономъ; въ свою очередь, она, уходя, прощалась съ нимъ ему одному понятной и замѣтной улыбкой.

Проходила-ли Туля по двору, опустивъ глаза, мимо его, онъ приостанавливалъ работу и пристально глядѣлъ ей вслѣдъ. Когда же онъ стоялъ тамъ, на той непрочной, колебавшейся выси, посылая въ голубое небо своимъ звучнымъ голосомъ янѣвы, дѣвушка, съ трепетомъ сердечнымъ, замуривала глаза и, наклонивъ голову, какъ очарованная, медвжжно слушала его пѣсни.

Такъ дѣло шло довольно долго. Затѣмъ, какъ и все на свѣтѣ, постройка окончилась и Лева ушелъ со всѣми, не имѣя права проститься даже съ Тулей. Какъ естественно это ни было, она, однако, почему-то разсердилась и, разъ повстрѣчавшись съ нимъ на улицѣ, гордо отвернула въ сторону.

Но когда въ слѣдующій разъ она встрѣтилась съ нимъ, то хорошенькая головка ея вовсе уже не была поднята такъ гордо. Напротивъ, красotka теперь, прижавшись къ темному углу и дрожа всѣмъ тѣломъ, судорожно схватилась обѣими руками за свою превозжатую, старушку Софью. Большіе живые глаза ея какъ-бы молили о помощи. Нѣсколько молодыхъ поляковъ, подкутившихъ въ гостиницѣ „Бѣлаго Орла“, обступили хорошенькую дѣвчонку, шумно высказывая ей комплименты свои безцеремонные, какъ вдругъ около Тули появилась какая-то фигура. Это была Лева Грашъ, который оттолкнулъ ближайшаго изъ ловеласовъ.

— Прощу васъ, обратился онъ вѣжливо, но твердо къ молодымъ людямъ,—оставьте въ покоѣ эту дѣвушку. Не мѣшайте ей идти домой.

— Убирайся, убирайся, къ чорту! крикнулъ одинъ изъ пановъ.

— Да чего тутъ смотрѣть на этого скота,—вздѣмъ-ка его хорошенько! раздался другой голосъ.

Нѣсколько рукъ ухватились за молодого каменщика. Но тотъ быстро свалилъ одного изъ нападавшихъ въ снѣгъ и сильнымъ ударомъ кулака отбросилъ другаго. Остальные немедленно ретировались и Лева могъ уже совершенно спокойно проводить дрожавшую дѣвушку до ея дома. Только тутъ Туля нашла силы поблагодарить своего избавителя нѣсколькими едва слышными словами.

— Что тамъ, возразилъ Лева, объ этомъ и говорить не стоитъ, барышня.

— О, какой вы храбрый!.. и глаза Туля заблестали.

— Есть объ чемъ! Сдѣлалъ я, что долженъ всякій сдѣлать, вотъ и все, произнесъ каменщикъ и удалился гораздо поспѣнѣе, чѣмъ того на этотъ разъ желала молодая дѣвушка.

На святкахъ, въ домѣ Якова Дубно ввалилась веселая толпа раженыхъ. Большинство было замаскировано малорусскими крестьянами; нѣсколько раженыхъ изображали въ лицахъ бѣгство во Египетъ, и главную роль игралъ весь обшитый въ овчину жиденокъ, для чего-то и блевавшій по овечьи; третью переодѣлись женщинами. Яковъ Дубно усердно хлопоталъ около гостей, забавлявшихъ его семейство своими шутками и пѣснями.

Туля, какъ и прочія женщины Дубновской семьи, тоже очень занята была гостями, которымъ подавали закуски и вина. Молодая дѣвушка побѣжала въ кухню, какъ вдругъ въ корридорѣ двѣ сильныя руки обхватили ея гибкую талию.

Руки эти принадлежали Левѣ Грашу. Его трудно было узнать въ костюмѣ мужика-хола; въ довершеніе онъ выкрасилъ въ черную краску свои волосы и бороду.

— Туля, Туля, началъ онъ страстно, взяла ты сердце у одного человѣка, и вездѣ этотъ человѣкъ ищетъ тебя...

— Отчего-же онъ не хочетъ сдѣлать что надо? съ улыбкой тихо произнесла дѣвушка.

— Что-же ему надо сдѣлать?

— Ему надо проситъ моей руки.

— Да, а если онъ бѣдный, а ты такая богатая?

— А я развѣ спрашиваю, богатъ-ли онъ? сказала Туля,—я люблю этого человѣка—вотъ и довольно.

Съ этими словами она высвободилась и убѣжала.

Нѣсколько дней спустя, Лева Грашъ одѣлся въ свой лучшій кафтанъ, нахлобучилъ молодцовато на бекрень франтовскую шапочку и отправился къ Якову Дубно.

Говорилъ онъ съ нимъ, какъ ему казалось, скромно, хотя и не подобострастно и прямо высказалъ въ чемъ его просьба.

Но богатый Дубно расхохотался.

— Такъ ты просишь только этого,—ничего больше? воскликнулъ онъ,—я думаю, ты рехнулся! Или можетъ быть тебѣ кажется, что я сошелъ съ ума и вотъ такъ и отдамъ мою дочь и семьдесятъ тысячъ червонцевъ приданого такому нищему, какъ ты, который спуститъ денежки!

— Если вы не хотите отдать мнѣ вашу дочь, съ нѣкоторою горячностью произнесъ Лева,—такъ и не отдавайте, только не обижайте, не говорите, что я—нищій! Я мастеровой, работникъ, да и не изъ плохихъ. Не привыкъ я и деньги зря прокуцывать. Не правда это, я ихъ зарабатываю честно и съ опасностью еще для своей жизни. Слышите, господинъ Дубно?

— Какъ не слышать; ты кричишь, будто полковникъ на дѣлѣй полкъ солдатъ?

Лева повернулся и пошелъ.

— Да и кромѣ того, громко крикнулъ ему вслѣдъ Яковъ Дубно, Туля моя обѣщана Атлову изъ Тарнополья. Тотъ богачъ—не то что ты!

Слова это точно обожгли Леву. Какъ сумасшедшій сбѣжалъ онъ внизъ по лѣстницѣ и быстро прошелъ по улицѣ.

Во всѣ послѣдующіе дни его нигдѣ не было видно. Исчезъ онъ совсѣмъ, не показываясь дома, не ходилъ на работы, не было видно его и въ шинкахъ. Потомъ вдругъ промелькнулъ слухъ, что Лева ушелъ въ Коломею и погнулъ въ солдаты!

Если бы кто нибудь сказалъ Якову Дубно, что земля разверзлась предъ его домомъ и сейчасъ поглотитъ его, то это ему также было бы пріятно, какъ и вѣсть о вегуленіи Левы въ солдаты.

Въ тѣ патриархальныя времена, когда большое значеніе имѣла палка, большое значеніе имѣли и дукаты и много можно было сдѣлать при ихъ помощи. Когда наступали наборы,—то солдаты брали повсюду въ Австрійской имперіи: брали ихъ въ Венгрію, брали ихъ въ коронныхъ земляхъ австрійскихъ,—только въ Сегатинѣ еще примѣра и случая не было, чтобы кто нибудь надѣвалъ бѣлый мундиръ. И вотъ теперь, по милости Якова Дубно, взять въ солдаты одинъ изъ сегатинцевъ, одинъ изъ членовъ богатой, почтенной Сегатинской общины. И придется ему теперь носить этотъ мундиръ, держать въ рукахъ орудіе смерти, стрѣлять изъ него, или, что еще хуже—подвергать себя подобнымъ же выстрѣламъ, потому что едва прекратились волненія 1846 года и опять носилось что-то недоброе въ воздухѣ. Наступали мартовскіе дни 1848 года.

Дубно ерошилъ волосы и бороду; безмолвно, и вся въ слезахъ, съ какимъ-то неподвижнымъ взглядомъ, сидѣла въ углу Туля. Передъ домомъ стояли сегатинцы, запрудившіе узенькую улицу. Изъ толпы доносились крики, угрозы. Въ довершеніе всего, въ домъ къ Якову Дубно пришелъ посланный требовать его къ старшинамъ.

Но Дубно вмѣсто отвѣта велѣлъ запрягать.

— Я поѣду въ Коломею, крикнулъ онъ поспѣшно одѣваясь,—я его выкуплю.

— Я выкуплю его, повторилъ онъ внизу, садясь въ сани,—хоть бы это мнѣ стоило тысячу дукатовъ, я сдѣлаю это!

Не смотря однако на все искреннее желаніе свое выручить Леву, Дубно пріѣхалъ уже слишкомъ поздно. Грашъ уже присягнулъ и никакая сила освободитъ его больше не могла. Ему приходилось отслужить свое время.

Дубно вошелъ къ нему въ казармы и просилъ у него прощенія. Потомъ вернулся совершенно въ Сегатинъ. Но прежде чѣмъ идти къ старшинамъ, онъ послалъ двѣсти дукатовъ для бѣдныхъ. Только этимъ и отдѣлался. Обезпечивъ себя съ этой стороны, онъ рѣшился затѣмъ, хотя и далеко неспокойный, отправиться домой.

Однако Туля выслушала, его съ полнымъ, повидимому, спокойствіемъ, не сдѣлала ему ни малѣйшаго упрека, даже не заплакала.

— Чего нельзя переимѣнить, тому надо покориться, сказала она, но одно скажу тебѣ, тато—не говори мнѣ ни о какомъ сватовствѣ, не говори мнѣ о замужествѣ, не выйду я ни за кого другаго.

Плохо пришлось Якову Дубно, такъ плохо, какъ никогда еще, за сорокъ лѣтъ жизни его, не приходилось ему. Отворачивались отъ него на улицѣ, на базарѣ, даже въ церкви. Его перестали почитать. Ближайшіе друзья его, и тѣ исчезли. Когда выходилъ онъ самъ на улицу, то не иначе, какъ съ опу-

щепными въ землѣ глазами, именно чтобы не видѣть выраженія упрека на лицахъ своихъ сосѣдей, что изъ-за его гордости пропасть малый.

Ну, а ужъ и еще хуже стало для него, когда началась война съ Италией, а за ней послѣдовали октябрьскія волненія въ Вѣнѣ, а тамъ еще и возстаніе Венгріи. Въ Сегатинѣ всѣ другъ друга спрашивали, встрѣчаясь на улицѣ, выступилъ или ибѣтъ еще полкъ, въ которомъ служилъ Лева Грашъ. Туля грустно читала каждый вечеръ газету. Яковъ Дубно не читалъ газеты, но ходилъ только взадъ и впередъ по комнатамъ, по временамъ пристально поглядывая на дочь. Если она, закончивъ чтеніе газеты и складывая ее, ограничивалась только легкимъ вздохомъ, у него будто гора съ плечъ сваливалась и онъ уходилъ тотчасъ же въ свою комнату, зная, что можетъ эту ночь спать спокойно.

Но въ одинъ день Дубно заперся у себя совѣмъ, приказавъ женѣ только тайкомъ передавать ему кушанье сквозь слуховое окошко въ двери. Онъ только что вернулся съ рынка, изъ Коломенъ, гдѣ собственными глазами видѣлъ, какъ выступилъ въ походъ батальонъ, къ которому принадлежалъ Лева. Батальонъ этотъ былъ двинутъ въ Дуклу, сборный пунктъ корпуса австрійскихъ войскъ графа Шлыка; отсюда войска должны были перейти Карпаты и вступить въ Венгрію. Туля прочла это въ газетѣ и скоро узналъ объ этомъ и весь Сегатинъ. Яковъ Дубно пересталъ почти показываться на улицѣ.

Тѣмъ временемъ графъ Шлыкъ вторгнулся уже въ Венгрію и взялъ Кашау. Затѣмъ послѣдовала неудачная для австрійцевъ зимняя кампанія.

Лева мужественно стоялъ въ огнѣ и съ истинно геройскимъ терпѣніемъ выносилъ всѣ лишения боевой жизни. Офицеры и солдаты братски дѣлили лишения и опасности—его полюбили всѣ товарищи. Какъ грамотный, онъ скоро попалъ въ ефрейторы, а послѣ Таризальскаго дѣла его произвели въ капралы. Въ Иссасегскомъ дѣлѣ батальонъ его схватился съ венгерцами въ густомъ лѣсу. Побѣда поперебѣнно склонялась то на одну, то на другую сторону. Съ наступленіемъ темноты борьба прекратилась и хотя австрійцы стояли на отбитыхъ позиціяхъ, графъ Шлыкъ рѣшилъ, все таки, въ ту же ночь отступить.

Войска двинулись. У самой дороги высился холмъ, вершину котораго занималъ обширный дворъ. Здѣсь оставленъ былъ батальонъ при двухъ орудіяхъ, для прикрытія отступления.

По прошествіи нѣкотораго времени, когда корпусъ Шлыка, нисколько не обезопасиваемый неприятелемъ, сдѣлалъ уже довольно большой переходъ и отдалился на значительное разстояніе, выступилъ, въ свою очередь, и батальонъ съ орудіями, на соединеніе съ главными силами. Въ пустомъ дворѣ теперь

остались только одинъ офицеръ и взводъ рядовыхъ, въ томъ числѣ и Лева Грашъ.

— Вы должны прикрывать мое отступленіе, объявилъ батальонный командиръ офицеру, и защищать дворъ этотъ до послѣдняго рядоваго вашего взвода. Держитесь здѣсь до разсвѣта.

Батальонъ удался. Нѣсколько спустя раздался выстрѣлъ. Венгерцы открыли отступленіе австрійцевъ и пошли по ихъ слѣдамъ, прежде всего бросились овладѣть дворомъ, гдѣ ждалъ ихъ взводъ героевъ.

Корпусъ графа Шлыка шелъ цѣлый день и къ вечеру расположился на новой позиціи, гдѣ и разбилъ свой лагерь. Рано утромъ, когда восходящее солнце только что начало золотить горизонтъ и командиръ замыкавшаго батальона вышелъ изъ своей палатки, предъ нимъ сталъ и вытянулся во фронтъ, сдѣлавъ на караулъ, какой-то солдатъ, покрытый кровью и весь черный отъ пороховаго дыма. Солдатъ этотъ былъ Лева Грашъ.

— По приказанію вашему, г. майоръ, честь имѣю явиться,—послѣдній рядовой изъ взвода! произнесъ онъ твердымъ голосомъ.

И снова наступила весна. Земля одѣлась въ роскошную зелень и цвѣты, все улыбалось—небо, солнце, луга и поля, улыбались и опечаленные люди, почему же было не улыбаться и Якову Дубно? И онъ таки дѣйствительно улыбался во весь широкий ротъ свой, входя въ большую горницу, гдѣ сидѣли его жена и дѣти и, наконецъ громко засмѣялся, потихоньку дернувъ Тулю за рукавъ.

— Слышишь, началъ онъ,—ты все еще развѣ не хочешь ни за кого выходить замужъ? Да? А у меня есть про тебя одинъ молодецъ, который, можетъ быть, пришелъ бы тебѣ по нраву.

— Ни за что, отецъ, ни за что, никогда! воскликнула Туля.

— А по моему скажи-ка лучше: сейчасъ, обѣими руками, возьми твоего молодца, отецъ,—съ торжествующимъ видомъ крикнулъ ей Яковъ Дубно,—на вотъ, взгляни-ка только на него, глупая!

Онъ быстро распахнулъ двери и въ комнату вошелъ Лева Грашъ въ бѣломъ мундирѣ, съ повязкой на лбу и рукой на перевязи. На груди его блестѣла медаль за храбрость.

Туля глянула на него широко раскрытыми глазами, но чрезъ секунду громко крикнувъ, уже делала въ его объятія. Тутъ ужъ нельзя было сдержатъ сегатинцевъ-сосѣдей. Толпа ихъ наводнила домъ, привѣтствуя Граша, наперерывъ обнимая и цѣлуя его.

Всѣ разступились, когда вошелъ съдой старшина. Онъ тоже обнялъ Граша.

И пошло такое веселье у Дубно, что бѣда!

Е. И. Высочество Принцъ Петръ Георгіевичъ Ольденбургскій.

(Къ 50-лѣтнему юбилею Его дѣятельности).

Издавая въ русской семьѣ привычку соединять съ именемъ Принца Петра Георгіевича Ольденбургскаго благодарное и трогательное представленіе о неустанныхъ трудахъ и сердечной заботѣ, какія прилагались Его Высочествомъ къ многочисленнымъ, вѣрнымъ его высокимъ попеченіямъ, заведеніямъ. Каждой изъ многочисленныхъ русскихъ семей, получающихъ нашъ журналъ, мы увѣрены, что дѣлаемъ истинное удовольствіе, предлагая въ дни празднованія юбилея плодотворной и высоко-гуманной дѣятельности Принца, этотъ прекрасный портретъ.

Ольденбургскій домъ—первоначально имперско-графскій родъ, соединившійся съ могущественнымъ домомъ Шауэнбургскимъ. Отъ правнука Адольфа, герцога Христиана Альбрехта († 1694 году) происходилъ герцогъ Фридрихъ. Старшій сынъ его Карлъ-Фридрихъ, былъ супругомъ В. Кн. Анны Петровны, матери Императора Петра III († 1762). Отъ младшаго брата Адольфа-Фридриха, принца Георга († 1763) происходитъ великогерцогскій Ольденбургскій домъ.

Принцъ Петръ Георгіевичъ—сынъ принца Петра-Фридриха-Георга и Великой Княгини Екатерины Павловны родился 1812 г. октября 22 го. Въ супружествѣ съ принцессой Нассауской. 1-го декабря 1830 года Его Высочество вступилъ на службу въ лейб-гвардіи Преображенскій полкъ, будучи еще при св. крещеніи зачисленъ въ этотъ полкъ въ чинѣ полковника. Съ 1834 г. за отличіе произведенъ въ генерал-лейтенанты и назначенъ членомъ Совѣта Военно-Учебныхъ Заведеній и затѣмъ ихъ главнымъ Начальникомъ. Присутствуя въ Сепатѣ Его Высочество имѣлъ возможность ознакомиться близко съ порядкомъ дѣлопроизводства и пришелъ къ мысли, что необходимо улучшить личный составъ судебныхъ мѣстъ. При тогдашнемъ состояніи суда нельзя не видѣть, какаю это была полезная и плодотворная идея—для такого улучшенія личнаго состава основать особое Училище Правовѣденія. Въ своихъ высшихъ заботахъ Принцъ не ограничился однимъ представленіемъ проекта о такомъ училищѣ, а предложилъ значительную сумму на приобрѣтеніе дома для училища и на первое его устройство.

Въ Высочайшемъ рескриптѣ по этому поводу выражено, какъ покойный Государь высоко оцѣнилъ такую замѣчательную щедрость, достоинство самой мысли и ея исполненіе. Его Высочество назначенъ былъ Попечителемъ училища. Въ 1835 году состоялось назначеніе Е. В. Шефомъ Стародубскаго драгунскаго полка. Будучи Почетнымъ опекуномъ въ вѣдомствѣ учрежденій Императрицы Маріи, Его Высочество началъ собственно ту дѣятельность, которая сдѣлала имя его столь извѣстнымъ и дорогимъ для русской семьи. Щедрныя пожертвованія матеріальныхъ, помимо личныхъ неустанныхъ трудовъ какъ Его Высочества, такъ и Его покойной супруги, послужили многимъ благимъ начинаніямъ. Устройство первой въ Россіи Общины Милосердія приваложить мысли и почину Его Высочества. Въ вступленія въ 1866 г. въ должность Главноуправляющаго IV отдѣленіемъ Собственной Его Императорскаго Величества канцеляріи, начался рядъ существенныхъ и въ высшей степени полезныхъ преобразованій въ различныхъ отрасляхъ вѣрной Его Высочеству части. Возникло множество женскихъ гимназій и улучшена значительно вся учебно-воспитательная часть; приведены въ лучшее состояніе (съ преобразованиемъ въ 1873 году опекунскаго совѣта и бывшаго IV отд.) всѣ мѣста призрѣнія и нынѣ въ вѣдомствѣ Императрицы Маріи считается уже 496 учреждений, расцѣпанныхъ по всей великой Россіи до самыхъ ея отдаленныхъ предѣловъ.

Принцъ лично много трудился по устройству женскихъ гимназій, пересмотру штатовъ и введенію въ институтахъ новыхъ учебныхъ курсовъ. Приступлено было къ коренному преобразованію хозяйства и отчетности. Въ 1864 году Принцъ пришелъ къ высокой мысли основанія дѣтской больницы для бѣднѣйшаго населенія. По Высочайшей волѣ больница эта была названа больницей „Принца Петра Ольденбургскаго“. Въ 1840 еще году назначенный Оберъ-директоромъ коммерческаго училища, порученнаго особому Его попеченію, Принцъ, съ свойственною ему энергіею, немедленно приступилъ къ коренному его преобразованію. Составленъ былъ новый, донныи дѣйствующій, уставъ и штатъ и еще недавно выстроено для этаго училища пре-

Ночь на рѣкѣ. Рисунокъ К. Цако, грав. Вейдеманъ.

Смрѣнкѣ Фимѣрѣмъ Платонярухъ;
 (Смуренный Филаретъ Патриархъ) Патриархъ Филаретъ Никитинъ
 1762 г. Прест. 1796 г.

Императрица
 Императрица Екатерина II^я
 Вст. на Прест. 1762 г. 1796 г.

Копия горушан хорашнахъ и зѣлнѣ
 Царь Александръ I^я
 Вступ. на Прест. 1796 г. 1801 г.

Купи да приими хорашныхъ на хмельга
 Царь Александръ I^я
 Михаилъ Михайловичъ
 Вст. на Прест. 1645 г. 1676 г.

Иванъ Федоровъ
 Царь Федоръ Александровичъ
 Вст. на Прест. 1682 г. 1689 г.

Евфимъ Анна
 Императрица Анна Петровна III^я
 Вст. на Прест. 1761 г. 1762 г.

Ернста Ернста
 Императрица Анна Александровна I^я
 Вст. на Прест. 1801 г. 1825 г.

Иванъ Иванъ
 Императрица Александра I^я Сурганъ
 Вст. на Прест. 1825 г. 1855 г.

Иванъ Александровъ
 Императоръ Николай I^я
 Вст. на Прест. 1825 г. 1855 г.

Иванъ Александровъ
 Императрица Екатерина I^я
 Вст. на Прест. 1725 г. 1727 г.

Подписи русских Государей дома Романовыхъ до настоящего царствования. Копия подписей князя Н. Лебедева, грава на деревѣ М. Рашевской.

красное зданіе, при значительномъ содѣйствіи Его Высочества.

И въ этотъ день полувѣковаго энергическаго, высоко-гуманнаго служенія, которое оставило неизгладимыя черты въ общественной жизни страны, нельзя закончить лучше этой замѣтки, какъ извѣстными словами рескрипта 1878 года: „Много тысячъ

благодарныхъ семействъ, разсѣянныхъ по всему пространству Россіи, молятъ да хранитъ Господь дни того, кто посвятилъ себя для блага молодаго поколѣнія, для помощи скорбнымъ, всегда находившимъ здѣсь прибѣжище и утѣшеніе, на радость всѣмъ умѣющимъ цѣнить безкорыстное служеніе правды и добру“.

КЪ РИСУНКАМЪ

Стокгольмъ.

(См. рисунки на стр. 1008 и 1009),

Стокгольмъ—столица Швеціи, по своему прекрасному мѣстоположенію, одинъ изъ красивѣйшихъ городовъ Европы. Онъ раскинутъ на нѣсколькихъ островахъ, и основанъ еще въ двѣнадцатомъ столѣтіи. Первая привилегія ему были даны въ 1255—1260 г. Вначалѣ городъ застроенъ былъ лишь на трехъ островахъ: Статсгольменъ (городской островъ), Гельгандсгольменъ (островъ святыхъ) и Риддартгольменъ (островъ рыцарей), которые теперь и составляютъ собственно старый городъ. Какъ вообще средневѣковые города, онъ былъ укрѣпленъ и обнесенъ стѣной. На мѣстѣ нынѣшняго дворца стоялъ замокъ Карнанъ (зерно). Отъ всѣхъ этихъ средневѣковыхъ построекъ не осталось теперь и слѣда. Церковь св. Николая и церковь Риддартгольма считаются самыми древними храмами. Въ послѣдней погребены короли: Густавъ II Адольфъ, Карлъ X Густавъ, Карлъ XI и Карлъ XII и нѣкоторые полководцы; Торстенсонъ, Боваръ и др. Третья церковь Св. Гертруды или нѣмецкая церковь была воздвигнута въ 1613—1618 г. На одной изъ башенъ находятся старинныя 1663 г. „куранты“, часы работы гамбургскаго мастера Франца Гемани. Въ этой же части города находятся всѣ присутственныя мѣста, большая часть купеческихъ конторъ, биржа и проч.

Въ 1693 г. началъ отстраиваться старый королевскій замокъ; почти на половину оконченный, 7-го мая 1697 года онъ сгорѣлъ въ то время, какъ въ немъ, въ похоронной залѣ, еще лежалъ трупъ Карла XI, который съ трудомъ удалосъ спасти. Послѣ пожара архитекторъ Нильсодимъ Тессинъ—одинъ изъ образованнѣйшихъ людей своего времени—составилъ новые планы, гораздо лучше прежнихъ. Но работы по постройкѣ значительно замедлялись войнами, которыя безпрерывно велъ Карлъ XII. До 1830 года расходы по постройкѣ замка доходили до 10½ милліоновъ кронъ. По красотѣ и великолѣпію замокъ этотъ не уступаетъ ни Гюльери, ни Императорскимъ дворцамъ Петербурга, Вѣны и Берлина. Замѣчательныя церковь и залъ, гдѣ король принимаетъ представителей страны. Во дворцѣ множество прекрасныхъ картинъ и замѣчательныхъ скульптурныхъ работъ.

Передъ дворцомъ стоитъ бронзовая статуя короля Густава III, прекрасной работы Сергея. Она поставлена городомъ по возвращеніи короля послѣ заключенія мира съ Россіей въ 1790 году. Также хороши памятники Густава Вазы.

Пройдя Старый Городъ и къ сѣверу отъ Нордро (сѣвернаго моста) лежитъ Новый городъ, самая красивая часть Сѣвернаго Острова. На первомъ планѣ рынокъ Густава Адольфа, получившій свое названіе отъ статуи Густава II, воздвигнутой на этой площади. На западной и восточной сторонахъ площади, одинаковыя по наружному виду зданія. Западное, такъ называемое „Дворецъ Принцевъ“, воздвигнуто фельдмаршаломъ Леннартомъ Торстенсономъ, перестроенное, также какъ и восточное зданіе Густавомъ III. Противъ его Королевскій театръ построенъ этимъ же королемъ—покровителемъ искусствъ.

За театромъ находится такъ называемый „Королевскій садъ“, обширное общественное гулянье, одна изъ прекраснѣйшихъ частей города. Аллеи прекрасныхъ липъ, роскошные цвѣтники украшены фонтанами и статуями, между которыми замѣчательны статуи Карла XII и XIII. На этой площади четыре театра и прекрасная кофейня, освѣщаемая теперь электрическимъ свѣтомъ. На южной сторонѣ этой площади громадное зданіе „Grand Hôtel“, недалеко отъ котораго музей, построенный архитекторомъ Штюллеромъ въ 1850—1865 г.

Въ музей чрезвычайно богатъ отдѣлъ, относящійся къ доисторическимъ временамъ. Корридоры и переднія украшены колоссальными мраморными статуями. Первый этажъ занятъ картинами и скульптурными произведеніями. Тутъ же помѣщается большая коллекція маюлики. Въ картинной галлерей, въ верхнемъ этажѣ—около 1,500 картинъ итальянской, французской, германской и скандинавской школы.

Ночь на рѣкѣ.

(Картина К. Цако).

Ночь, спускаясь на землю, придаетъ всему какія-то танцующія очертанія. Невѣрный, фосфорическій лунный свѣтъ, туманы, тихо стоящіе надъ водою, по логамъ, и по лодинамъ, вызываютъ словно другую какую-то жизнь, измѣняютъ самый видъ мѣстности. Деревья въ ночи кажутся выше, берега вѣрче, кусты и клубящіеся туманы принимаютъ видъ словно какихъ-то живыхъ существъ и фантастическихъ призраковъ,

которые мѣрно несутся надъ землею. Особенно величественныя ночи на нашихъ великихъ сѣверныхъ рѣкахъ. Самая пустыньность ихъ береговъ придаетъ картинѣ особую прелесть. Рѣдко крикнетъ гдѣ ночная птица, плеснетъ рыба въ сонной водѣ или ударитъ воду и брызнетъ весломъ ночной рыбакъ и его лодочка скользнетъ по безмолвной рѣкѣ....

Оттѣнки луною озаренныхъ облаковъ и это впечатлѣніе тишины русской сѣверной ночи превосходно передано нашимъ художникомъ на приложенномъ здѣсь рисункѣ.

Подписи русскихъ Государей дома Романовыхъ.

(См. стр. 1017),

Передъ нами въ высшей степени интересная коллекція подписей русскихъ Государей изъ дома Романовыхъ, начиная съ „Государя и Патріарха“ Филарета и кончая Императоромъ Николаемъ.

Это первая такого рода коллекція, собранная нами съ рукописей современныхъ и снимковъ, въ хронологической послѣдовательности. Первая подпись—родоначальника нашей династіи Феодора Никитича, во иночествѣ Филарета, какъ нельзя болѣе гармонируетъ съ тѣмъ представленіемъ, какое у насъ сложилось о немъ, объ этомъ московскомъ красавцѣ, законодателѣ модъ, знаменитомъ охотникѣ, и, въ то же время политикѣ-дипломатѣ. Вычурный стиль скорписи XVII вѣка имѣлъ въ немъ несомнѣнно блестящаго представителя. Трудно, въ самомъ дѣлѣ, представить чтонибудь изящнѣе, какъ этотъ кудрявый почеркъ—что-то среднее между полукруглыми восточныхъ буквъ и сухимъ греческимъ начертаніемъ, откуда заимствованы *a, λ, ρ, x*, (альфа, лямбда, ро и хи). И какъ этотъ стиль письма олицетворяетъ передъ нами широкую, привольно-раздольную жизнь древне-русскаго боярства, напоминаетъ собою кудрявые письмена лѣтописей и хронографовъ! Посмотрите, какъ вѣяніе запада дѣйствуетъ на преемниковъ,—уже его влукъ Алексѣй отстаетъ отъ дѣдовскихъ традицій, мѣняетъ толстое перо на тонко-оточенное, не заботится о красотѣ буквъ и о титлахъ. Подпись Федора Алексѣевича кажется намъ уже дѣтской, несмѣлой копировкой почерка прадеда. И она опять-таки, до нельзя гармонируетъ съ болѣзненнымъ, мягкосердечнымъ сожителемъ мѣстничества. Дрожащая подпись сестры его, Софіи, тоже выдаетъ ея душевное настроеніе—ту вѣчную борьбу, сомнѣнія, колебанія, гнѣвъ, которые всю жизнь волновали ее, заставляли дрожать сильною, энергичною натуру. Много сходнаго есть у нея въ почеркѣ съ младшимъ братомъ Иваномъ, и рѣшительно никакого—съ каракулями самаго меньшаго брата—Петра. Великій преобразователь Россіи писалъ такъ неразборчиво-угловато не потому, что не умѣлъ лучше писать: ему просто было некогда сидѣть надъ выдѣлкою буквъ. Въ публичной бібліотекѣ, въ Петербургѣ, хранятся его рисунки-графюры, которые ясно говорятъ за твердость его руки, изящность и смѣлость штриха. Угловатая безобразность этихъ буквъ—просто слѣдствіе его холерическаго темперамента: онъ все привыкъ дѣлать быстро, однимъ махомъ и даже маленькое односложное имя *Петръ* сокращено было имъ до нельзя—писалось нѣсколькими палочками подъ титломъ. Въ красиво и тщательно выписанномъ имени Екатерины I мы не можемъ усмотрѣть оригинальности, ибо кому неизвѣстно что Марта, маріенбургская плѣнница, воспитанница пастора Глюка, была неграмотна. Въ подписяхъ Анны, Елисаветы, Петра II и III уже явно чувствуется вліяніе запада. Еще болѣе западное вѣяніе проглядываетъ въ могучей подписи Екатерины II. Многія ли женщины обладаютъ такимъ смѣлымъ почеркомъ? Намъ не разъ приходилось видѣть русскія, французскія и нѣмецкія письма Екатерины. Наиболѣе плохъ у нея—нѣмецкій готическій шрифтъ во за то французскій—очень хорошъ. Разборчивость, смѣлость и красота латинскихъ буквъ положительно не оставяетъ желать ничего лучшаго. Русская скоропись Екатерины настолько хороша, что за ней трудно угнаться любому нашему современнику. Простая подпись императора Павла такъ не гармонируетъ съ затѣливыми росчерками его сыновей Александра и Николая. Росчеркъ Александра Павловича—одна изъ хитрѣйшихъ задачъ каллиграфіи, разрѣшавшаяся имъ постоянно одинаково удачно. Она, какъ нельзя болѣе знаменуетъ ровный, покойный характеръ Императора. Въ публичной бібліотекѣ между прочимъ положены рядомъ подписи двухъ друзей-противниковъ: Александра I и Наполеона. Большаго контраста невозможно найти. Благодушно-спокойный, не смотря на свою хитросплетенность, росчеркъ первого говоритъ за ясность, миръ его души. Автографъ Наполеона—это какой-то бѣшеный взмахъ пера,

полный могущества, силы, сознания величия—и дѣло одного мгновенья. Что же касается до подписи императора Николая, то ее смѣло можно назвать царственной подписью. Знаменитый его росчеркъ конечно мыслимъ только при письмѣ гусинымъ перомъ.

Самые маленькіе люди въ свѣтѣ.

Въ настоящее время въ Лондонѣ, въ Пикадилли-Голлѣ, ежедневно отъ двухъ до шести часовъ, нѣкто Эффнеръ показываетъ публикѣ двухъ карликовъ, являющихся замѣчательными образчиками уклоненія человѣческаго роста отъ нормальныхъ размѣровъ. Одинъ изъ этихъ „американскихъ комаровъ“, какъ прозвали ихъ, молодая дѣвушка около восемнадцати лѣтъ, другой—шестнадцатилѣтній мальчикъ. Ростъ ея достигаетъ только двадцати дюймовъ, всѣ же не превышаетъ тяжести новорожденного младенца или куклы. Карликъ всѣситъ всего девять фунтовъ, а ростомъ превышаетъ свою подругу всего на одинъ дюймъ. (См. нашъ рисунокъ).

Люси Зарате родилась 2-го января 1863 года въ Сан-Карлосѣ, близъ Вера-Круца, въ Мексикѣ, отъ родителей—мексиканцевъ, испанскаго или смѣшаннаго полуиспанскаго, полуниндйскаго происхожденія,—обыкновеннаго средняго роста. У нихъ нѣсколько человѣкъ другихъ дѣтей, тоже нормальнаго роста. Люси нѣсколько напоминаетъ обезьяну; цвѣтъ лица ея очень темный, типомъ же походитъ на ацтековъ. Она очень жинана, веселаго характера и умна. Юный сотоварищъ ея, посящій звучное прозвище генерала Майта, родился 2-го октября 1864 г., отъ родителей—американцевъ, въ графствѣ Шенандоа. Это бѣлокурый, красивый и умный юноша, держащійся съ большимъ достоинствомъ. Говорятъ, что еще при рожденіи онъ имѣлъ только девять дюймовъ величины и росъ

только до восьми лѣтъ, когда остановился и остался такимъ, каковыя его видимъ теперь. Люси показываютъ въ Америкѣ уже десять лѣтъ, Майта—шесть. Но коллекція Эффнера не ограничивается этими двумя карликами. Кромѣ Люси и Майта, антрепренеръ предлагаетъ вниманію любителей курьезовъ еще двухъ другихъ, и именно: миссъ Джени Кунглэ, изъ Глазгова, и „коммодора“ Фуа, изъ Сѣверной Америки. Коммодоръ родился въ портѣ Уайнъ, въ штатѣ Индіана и теперь ему тридцать два года; онъ съ большою гордостью носитъ золотую медаль, подвешенную ему депутаціей вашигтонскихъ дамъ, въ знакъ выраженія симпатіи своей къ самому благовоспитанному изъ карликовъ, рожденныхъ въ Америкѣ. Миссъ Кунглэ—элегантная особа микроскопическаго роста, манерами и туалетомъ совершенно подходящая къ типу grande dame временъ Людовика XIV. Ростомъ оба, однако, почти вдвое выше предшествующихъ. Одинаковой величины съ ними, изображенный на нашемъ рисунокѣ, также членъ этого общества карликовъ—„генералъ“ Томи Тембъ. Говорятъ, что ихъ привезутъ и къ намъ въ Петербургъ.

Ожиданіе.

(Картина К. Беккера).

Она вся—ожиданіе. Часы идутъ такъ медленно. То она отходить, то вновь у окна... Ничѣмъ не можетъ она заняться, поглощенная и взволнованная одною радостною мыслью. Ояъ сейчасъ вернется! Сколько скучныхъ дней, сколько тревожныхъ ночей провела она, думая объ этомъ часѣ свиданія. Сколько разъ подбѣгала къ окну и ея прекрасные глаза устремлялись вдаль, на ровную дорогу, гдѣ сегодня подъ деревомъ, вонъ за тѣмъ поворотомъ, долженъ показаться экипажъ и съ радостнымъ крикомъ бросится она внизъ, на встрѣчу...

ПОЛИТИЧЕСКОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

Соединенный флотъ.—Турція и Черногорія.—Курды.—Персія.—Франція.—Англія.
Торійская партія.—Испанія.

По словамъ англійскихъ газетъ, вице-адмиралъ Сеймуръ получилъ приказаніе подать сигналъ къ отплытію соединеннаго европейскаго флота только послѣ того, какъ всѣ державы приняли предложеніе англійскаго правительства, чтобы соединенный флотъ разошелся послѣ взаимнаго сообщенія будущиъ якорныхъ стоянокъ отдѣльныхъ эскадръ. Предложеніе же это клонится къ соглашенію относительно того, чтобы отдѣльныя эскадры заходили въ извѣстныя, напередъ опредѣленныя гавани, или-же крейсировали въ заранѣе опредѣленныхъ направленіяхъ; такъ что флотъ продолжалъ-бы еще оставаться какъ будто соединеннымъ. Оно можетъ быть и не совсемъ лишнее до нѣкоторой степени, потому что между Дервишемъ-Пашей и черногорцами не все еще совершенно установилось. Черногорскій министръ иностранныхъ дѣлъ увѣдомилъ дипломатическихъ агентовъ державъ, что турецкій уполномоченный (т. е. Дервишъ-Паша), несмотря на военную конвенцію, по которой Санъ-Джорджіо отнесенъ въ область, уступаемую княжеству,—отказывается передать пунктъ этотъ, ссылаясь на окончательное рѣшеніе комиссіи, производившей размежеваніе. Султанъ Абдуль-Гамидъ, мечтающій о возвышеніи обаянія власти Калифа, задумалъ было воспользоваться, между прочимъ, возстаніемъ курдовъ противъ Персіи. Фантастическій планъ Падишаха состоитъ въ образованіи особой обширной области Курдистана, которая находилась-бы подъ главенствомъ порты. Называютъ даже предполагаемаго кандидата въ губернаторы области,—это одинъ курдскій шейхъ Абдалла-Паша, изъ племени Сулейманію, обитающаго на сѣверныхъ границахъ Месопотаміи. Абдалла—личный врагъ пресловутаго шейха Абейдуллы, играющаго выдающуюся роль въ возстаніи курдовъ и стремящагося завоевать своему племени самостоятельность. Напротивъ, султанскій кандидатъ обѣщаетъ удержать курдовъ въ зависимости отъ Турціи. Однако, въ виду требованія державъ о проведеніи въ томъ краѣ, на основаніи Берлинскаго трактата, реформъ въ пользу армянъ—Европа едва-ли допуститъ осуществленіе подобнаго проекта. Скажемъ кстати, что персы еще не побѣдили окончательно курдовъ, съ которыми недавно имѣли довольно значительное сраженіе, кончившееся пораженіемъ отряда шахскихъ войскъ. Бунтовщики снова готовятся идти на Урумюю. Изъ Тегерана высланы противъ нихъ 7 тысячъ солдатъ подъ командою австрійскихъ офице-

ровъ и при нѣсколькихъ орудіяхъ. Нѣсколько тысячъ персидскихъ пилигримовъ, возвращавшихся изъ Мекки, были вынуждены остановиться въ Багдадѣ, вслѣдствіе опасностей дальнѣйшаго путешествія. Въ одномъ мѣстѣ курды атаковали три послѣднихъ каравана, въ происшедшей стычкѣ пилигримы потеряли болѣе 500 человѣкъ убитыми и ранеными. Мѣстныя персидскія власти выплачиваютъ за каждую курдскую голову извѣстную сумму.

Въ послѣднее время во Франціи начинается обрисовываться изолированное положеніе вожаковъ-комунаровъ. Можно сказать, что не смотря на весь шумъ, поднятый корифеями собитій, имѣвшихъ мѣсто въ марѣ 1871 года въ Парижѣ, на шумъ, поднятый ими теперь, и поддерживаемый ими всѣми силами,—они не встрѣчаютъ сочувствія въ той средѣ, на которую рассчитывали, а именно на рабочихъ. Эти послѣдніе почти повсюду сообщили имъ о несогласіи общихъ цѣлей своихъ съ программой Рошфоровъ, Феликсовъ Пиа и другихъ побѣдныхъ.

Въ Англій близость открытія сессіи парламентской возбуждаетъ большую дѣятельность въ обоихъ политическихъ лагеряхъ. Официальный докладчикъ (leader) оппозиціи въ палатѣ общинъ, сэръ Стаффордъ Нордкотъ произнесъ недавно въ Уэльсѣ, центрѣ, враждебномъ торіямъ, рѣчь, изъ которой можно видѣть, что консерваторы встрѣтятъ затрудненіе въ выборѣ образа дѣйствій для будущиъ парламентскихъ преній. Хотя сэръ Стаффордъ Нордкотъ и утверждалъ, что консерваторы настолько патриоты, что не будутъ препятствовать введенію разумныхъ реформъ въ Ирландіи, но, повидимому, несомнѣнно, что торіи энергично станутъ противъ аграрныхъ законовъ.

Испанское правительство, согласно заявленію французскаго, намѣрено воспретить изгнаннымъ изъ Франціи монахамъ селиться въ Аррагоніи, Бискайскихъ и другихъ сосѣднихъ съ Франціей провинціяхъ. Вообще же Испанія охотно даетъ госеппринство только тѣмъ монашествующимъ орденамъ, которые стремятся къ развитію въ странѣ полезной промышленности, рациональнаго сельскаго хозяйства и т. д. Первый министръ, Кановасъ-дель-Кастильо, поручилъ префекту Валенсіи предложить зятю Донъ-Карлосу, герцогу Пармскому, путешествующему въ Южной Испаніи, немедленно выѣхать за границу. Какое-то отщесъ къ герцогу какъ къ карлистскому агенту. По слухамъ, въ бискайскихъ провинціяхъ замѣчаются уже нѣкоторые признаки такого движенія.

С М Ъ С Ъ.

Бой между китомъ и мечъ-рыбой. Лордъ Кемпбелъ сообщаетъ описаніе кровавой битвы, происшедшей нѣсколько недѣль тому назадъ въ Атлантическомъ океанѣ между китомъ и гигантскимъ меченосцемъ. Извѣстно, что этотъ послѣдній, рыло котораго имѣетъ форму шпаци, всгупаетъ въ ожесточенный бой съ китомъ или съ акулой, и очень часто убиваетъ врага своимъ острымъ орудіемъ. „26 августа, въ 5 часовъ пополудни,—пишетъ лордъ Кемпбелъ,—я находился на борту паветбота;

мы были между Лабрадоромъ и сѣверной оконечностію Новой Земли, когда нашъ первый лейтенантъ пришелъ мнѣ сказать, что онъ видѣлъ огромную мечъ-рыбу или меченосца, который выпрыгнулъ изъ воды въ нѣсколькихъ ярдахъ отъ нашей кормы. Мы тотчасъ-же заняли наблюдательный пунктъ по направленію къ указанному мѣсту и по прошествіи нѣсколькихъ минутъ намъ пришлось быть свидѣтелями ужасной битвы между меченосцемъ и большимъ китомъ. Этотъ послѣдній упо-

требляя всё усилия, чтобы освободиться и уйти от своего столь же хищного, как и ловкого противника, который вонзил ему в брюхо свое острое орудие. Мечь-рыба была громаднаго размера, болѣе семи метровъ въ длину: она яростно преслѣдовала кита, не переставая колоть его своимъ острымъ орудиемъ. Рыбѣ, какъ будто казалось недостаточнымъ этихъ смертоносныхъ ударовъ: она выскакивала изъ воды, дѣлала чудовищные прыжки и падала на спину кита, навоса ему удары. Высокое и комическое страннымъ образомъ соединилось въ этой борьбѣ. Всѣ пассажиры и экипажъ собрались на борту, и слѣдили за боемъ, какъ-бы очарованные этой ужасной сценой. Ясно было видно длинное, веретенообразное тѣло меча-рыбы, темно-синяго цвѣта на спинѣ и серебристо-блѣлаго цвѣта на брюхѣ; ея жабры, ея огромный глазъ и особенно ея острое съ обѣихъ сторонъ орудіе производило странное впечатлѣніе. Наконецъ у кита, истощеннаго потерей крови, наступила агонія; лежа на спинѣ, онъ, собравъ послѣднія силы, отбивался отъ врага, но вскорѣ не могъ уже сопротивляться теченію, и трупъ его былъ унесенъ вѣтрами и волнами. Когда мы потеряли его изъ виду на горизонтѣ, онъ долженъ уже былъ испустить послѣдній вздохъ. На борту „Teutonia“ также наблюдали это рѣдкое явленіе. Моряки, плававшіе болѣе 30 лѣтъ въ Атлантическомъ океанѣ, говорили, что они никогда еще не видали подобнаго зрѣлища“.

Полиена цвѣтовъ теплою водою. При уходѣ за комнатными растениями упускаютъ часто изъ виду поливать цвѣты теплою водою, что сильно способствуетъ ихъ росту. Обыкновенно берутъ воду стоячую, имѣющую комнатную температуру. Противъ этого ничего нельзя возражать. Но иногда любители цвѣтовъ, для большаго ихъ ослѣженія, поливаютъ ихъ лѣтомъ водою, не имѣющею болѣе 5—7° по Реомюру. Подобное обращеніе съ растениями, въ особенности въ жаркіе лѣтніе дни, приноситъ только одинъ вредъ. Растенія также чувствительны къ рѣзкимъ перебивамъ температуры, какъ и люди. Лѣтомъ отъ солнечныхъ лучей земля въ горшкахъ и корни сильно нагрѣваются, въ чемъ можно убѣдиться, приложивъ руку къ горшку или же погрузивъ палецъ въ землю. Температура внутри горшка доходитъ такимъ образомъ зачастую до 20° Р. и если тогда поливать цвѣты слишкомъ холодною водою, то естественно, что растеніе, въ особенности его корни, просту-

жаются. Поэтому не слѣдуетъ поливать цвѣты холодною водою; ее, по крайней мѣрѣ, нужно довести до температуры окружающаго воздуха. Но еще лучше поливать растенія теплою водою въ 25—30° Р. Это не только способствуетъ болѣе быстрому росту, но растворяетъ всѣ питательныя вещества въ землѣ и такимъ образомъ растеніе получаетъ болѣе питанія. Но, начавши разъ поливку теплою водою, не слѣдуетъ ее уже прекращать, такъ какъ поперебивная поливка теплою и холодною водою можетъ только пагубно повліять на растеніе.

Организація медицинской помощи въ Сѣверо-Американскихъ Соединенныхъ Штатахъ. Нью-Йоркъ обогатился новымъ учрежденіемъ, сбѣщающимъ весьма полезныя результаты и успѣхъ. Законо-

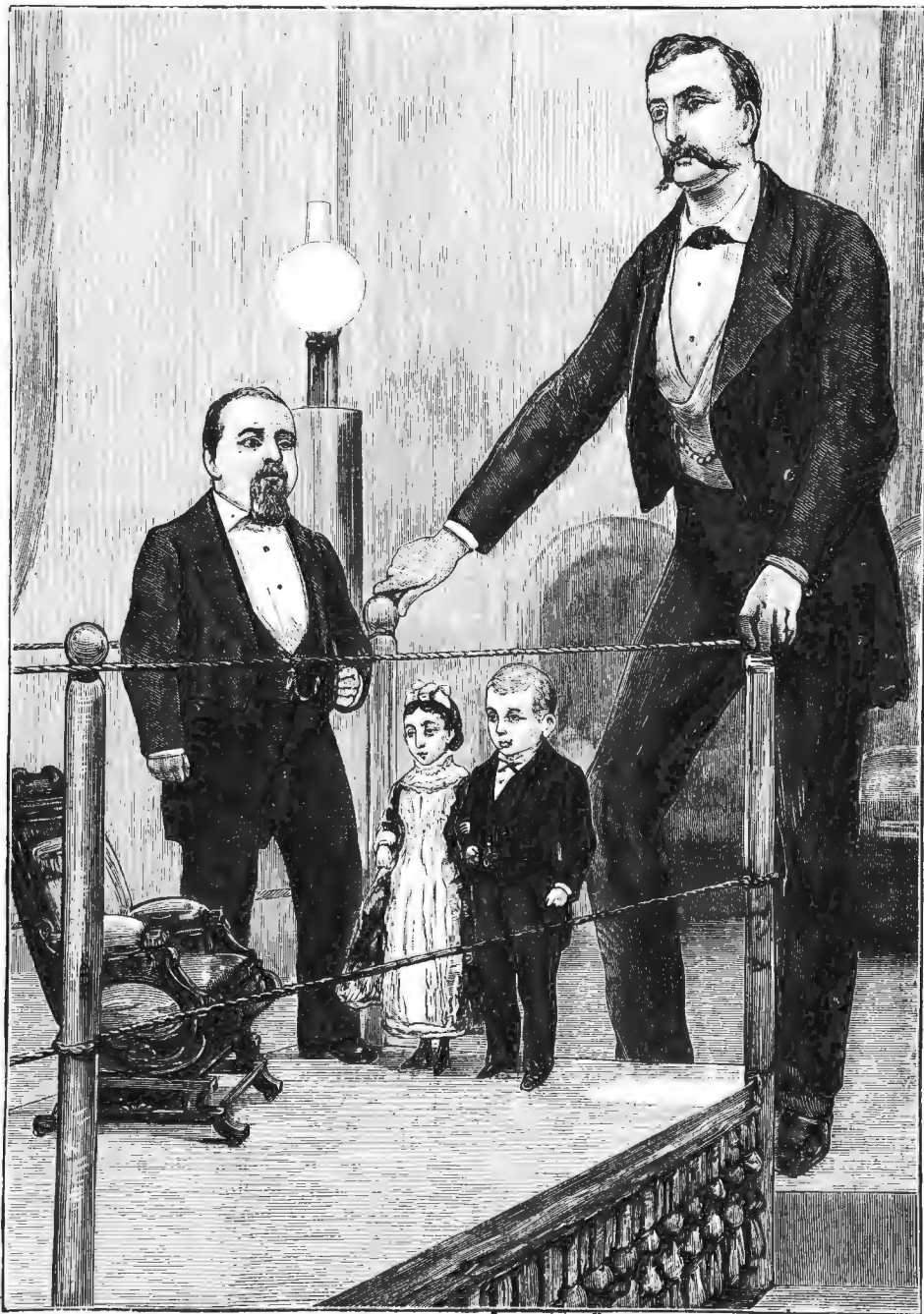
дательное собраніе Штатовъ, въ одно изъ заведеніи послѣдней сессіи, приняло проектъ закона, цѣль котораго—организовать ночное медицинское дежурство, по примѣру нѣкоторыхъ главныхъ городовъ Европы. Этотъ проектъ былъ представленъ сначала докторомъ Нахтель. Получивъ одобреніе этого проекта, Нахтель сталъ преслѣдовать свою цѣль, добившись, наконецъ, законодательнаго акта.

Организація ночнаго медицинскаго дежурства—чрезвычайно проста и легко осуществима. Каждый полицейскій чиновникъ снабжается реестромъ, въ который внесены фамиліи и адреса врачей, обязанныхъ являться по его ночному призыву. Реестръ этотъ прибивается у полицейскаго бюро, на виду.

Дежурный полицейскій офицеръ, узнавъ, что кто-нибудь нуждается во врачѣ въ какой-бы то ни было часъ ночи, выбираетъ по реестру врача, квартирующаго ближе всѣкъ къ мѣстожительству больнаго. Затѣмъ онъ посылаетъ за докторомъ полицейскаго агента, который, въ свою

очередь, приводитъ его къ нуждающемуся въ медицинской помощи. Законодательное собраніе открыло на этотъ предметъ кредитъ въ 75,000 франковъ. На первый взглядъ этого кажется мало. Но докторъ Нахтель, назначивъ самъ эту цифру, основывалъ свои вычисленія на данныхъ статистики аналогичныхъ учреждений въ Парижѣ и Берлинѣ. Предполагается, что, въ среднемъ выводѣ, изъ десяти человѣкъ семь заплатятъ учрежденію стоимость докторскаго визита, такъ что на обыкновенное время назначенной суммы вполне достаточно; на время же эпидемій, несомнѣнно, она должна быть увеличиваема соотвѣтственно числу заболѣваній.

(Продолженіе на стр. 1021, 1022, 1023, 1024, 1025, 1026, 1027 и 1028).

Самые маленькіе люди на свѣтѣ. По рис. I. L. N. грав. М. Рашевскій.

Омиданію. Картина К. Беккера, грав. Р. Бонгъ.

КЪ НАШИМЪ ЧИТАТЕЛЯМЪ.

За тѣ долгіе годы какъ нашъ журналъ „Нива“ существуетъ, выяснилось уже и отношеніе къ намъ публики, со стороны которой мы получаемъ конечно множество разнообразнѣйшихъ заявленій, благодарственныхъ писемъ и пр., и пр. Мы находимъ нужнымъ сказать нѣсколько словъ по поводу всего этого, тѣмъ болѣе что замѣтка эта будетъ какъ бы общимъ отвѣтомъ на всѣ письменныя и устныя заявленія нашихъ подписчиковъ и читателей, съ которыми мы—намъ пріятно сознать это—постоянно были, если можно такъ выразиться, въ наилучшихъ, дружественныхъ отношеніяхъ.

Журналъ нашъ развивался совершенно органически. Начался онъ въ то время, когда въ Россіи не было еще ни одного такого изданія. По мѣрѣ увеличенія средствъ журнала т. е. подписчиковъ, онъ постоянно расширялъ свою программу и улучшалъ достоинства текста и премій, пока не дошелъ до нѣстоящаго положенія, при которомъ онъ даетъ столько матеріалу и такого качества, что это единственно возможно только при такомъ количествѣ подписчиковъ. Это даетъ журналу особенную прочность и устойчивость и это собственно отличаетъ его главнымъ образомъ отъ разныхъ эфемерныхъ изданій, которыя, стараясь тянуться за „Нивой“ и перебить ей путь, если не качествомъ матеріала, то разными, никогда неисполняемыми, обѣщаніями, слятся ей подражать даже въ названіи и наружномъ видѣ и не имѣя достаточно подписчиковъ для широкаго веденія дѣла, кончаютъ тѣмъ, что внезапно прекращаясь, оставляютъ подписчиковъ съ одними обѣщаніями. Они покупаютъ для премій залежалыя, неидущія съ рукъ олеографіи или исполняютъ ужаснымъ образомъ новыя или повторяютъ свои же рисунки, что однако повидимому едва ли многихъ обманываетъ.

Все это мы говоримъ къ тому, чтобы, считая своихъ подписчиковъ какъ бы акціонерами „Нивы“, поставить имъ на видъ, что оставаясь вѣрными журналу и привлекая ему новыхъ друзей и читателей, они дадутъ возможность развивать дѣло далѣе, привести въ исполненіе задуманныя нами на будущее перемѣны и улучшенія. Чѣмъ болѣе будетъ такихъ акціонеровъ, тѣмъ болѣе каждый изъ нихъ получитъ процентовъ на свой маленькій вкладъ въ 4 руб. въ видѣ капитальныхъ улучшеній получаемого ими журнала, (цѣна котораго не возвышается, не смотря на общее вздорожаніе бумаги, печатанія и проч.) и превосходныхъ художественныхъ приложеній, рассылаемыхъ даромъ, какъ вполне бесплатный придатокъ къ журналу и безъ того слишкомъ богатому по содержанію. Доброжелательность же и аккуратность веденія всего дѣла и стараніе—постоянно и каждый годъ давать больше матеріалу чѣмъ обѣщано—можетъ оцѣнить каждый изъ нашихъ постоянныхъ читателей.

Что касается премій, то мы предлагаемъ не стараясь, завалывшіяся олеографіи а картины самими известными художниками исключительно для „Нивы“ исполненныя. Обращаемъ здѣсь особенное вниманіе на преміи будущаго 1881 года—картины Зичи изъ „Тараса Бульбы“ повѣсти Н. В. Гоголя. Онѣ, согласно самому содержанію этой удивительной повѣсти, исполнены совсемъ другой манерой, чѣмъ преміи настоящаго года изъ „Демона“. Въ поэмѣ „Демонъ“ самая фантастичность сюжета вызвала большую легкость, воздушность очертаніи образовъ знаменитой поэмы: это пестрая, туманная греза. Это видѣнія а не реальная жизнь. Въ „Тарасѣ же Бульба“ могучая, богатырская, реальная сила этого разсказа требовала и другихъ красокъ. Тутъ яркій блескъ полнаго дня, пестрота и роскошь костюмовъ польскихъ и запорожскихъ, энергія движеній и

лицъ этихъ бойцовъ Сѣчи поражаютъ съ перваго взгляда. Стремительное движеніе коня подсакавшаго Остапа, выраженіе могучей силы въ лицѣ стараго богатыря Тараса, нѣжность и красота польки въ сценѣ свиданія ея съ Андріемъ—все это передано съ иною, мастерскою колоритностью, полною жизни и блеска. Такимъ образомъ, начавъ съ Пушкина, А. К. Толстаго, продолжая Лермонтовымъ и Гоголемъ, мы дали уже въ теченіи нѣсколькихъ лѣтъ нашимъ подписчикамъ небывалый еще въ Россіи альбомъ картинъ, печатанныхъ красками, изъ произведеній русскихъ знаменитыхъ писателей, исполненныхъ знаменитыми же художниками—такія преміи возможны только для журнала имѣющаго солидное, твердое положеніе и мы не останавливаемся ни передъ какими расходами, чтобы приобрести то или другое произведеніе знаменитаго писателя или художника, ни передъ огромнымъ расходомъ печатанія и даровой рассылки такихъ картинъ, чтобы только постоянно улучшать дѣло безъ увеличенія цѣны, хотя, повторяемъ, всякому извѣстно, какъ все, начиная съ бумаги и печатанія, немѣрно вздорожало.

Изъ цѣлаго ряда талантливыхъ, оригинальныхъ произведеній, приготовленныхъ нами для помѣщенія въ будущемъ 1881 году и массы переводныхъ повѣстей и разсказовъ, мы не можемъ не указать на весьма замѣчательный трудъ известнаго романиста нашего В. С. Соловьева „СЕРГѢЙ ГОРБАТОВЪ“. Полная самаго живаго интереса, интрига романа разворачивается на фонѣ событій двухъ замѣчательныхъ царствованій—конца екатерининскаго времени и первыхъ годовъ эпохи императора Павла. Исторія представляетъ мало примѣровъ такихъ рѣзкихъ переходовъ, какъ этотъ переходъ отъ роскошнаго и широкаго теченія жизни къ строгой, суровой, почти спартанской выдержкѣ новаго императора, представившей естественную реакцію общественной распущенности того времени. Сцена дѣйствія изъ русской деревни, отъ петербургскаго Двора переносится въ тогдашній Парижъ во время революціи—все это даетъ романисту обильный и интересный матеріалъ, которымъ нашъ авторъ въ полной мѣрѣ воспользовался.

Затѣмъ „Старый Джулдашъ“ повѣсть Н. Н. Каразина, нашего талантливаго сотрудника, известнаго путешественника, переноситъ въ жизнь далекой средне-азиатской пустыни. Загадочная драма, разыгрываемая на уединенномъ островѣ великой рѣки, Аму-Дарьи, среди полудикой семьи, разсказана съ блескомъ и живостью, свойственными таланту автора.

Мы получили столько выраженій удовольствія по поводу прекраснаго романа Н. Морснаго „Кушленное счастье“, что читателямъ конечно интересно будетъ узнать о помѣщеніи въ „Нивѣ“ въ слѣдующемъ 1881 году большой повѣсти того же талантливаго автора, называющейся „Подъ землею“. Самая необычность замысла и оригинальность содержанія, помимо мастерства исполненія, конечно обратятъ на себя общее вниманіе. Кромѣ того мы могли бы подробнѣе указать на прекрасный разсказъ нашего известнаго этнографа С. В. Максимова „Барышники“ и разсказы Успенскаго, Австенко, Гнѣдича, стихи А. Майкова, К. Случевского, Н. Боева, В. Соловьева и т. п. но это значило бы перечислять весь богатый запасъ „Нивы“ на 1881 годъ. Изъ переводныхъ вещей мы дадимъ прекрасный новый романъ одного известнаго писателя, съ чрезвычайно интереснымъ содержаніемъ. Всякій читающій оцѣнитъ наше стремленіе собрать лучшія имена въ литературѣ. Мы можемъ теперь сказать, что почти нѣтъ талантливаго беллетриста, изъ пишущихъ въ настоящее время, который бы не помѣщалъ въ „Нивѣ“ своихъ произведеній.

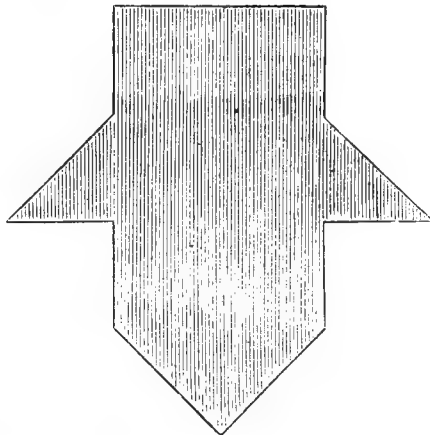
Что касается современной жизни,—въ „Нивѣ“ всегда обращалось особенное вниманіе на то, чтобы читатели могли слѣдить за современностью: въ „Нивѣ“ иллюстрировались всегда главнѣйшія текущія событія, особенно имѣющія какой-нибудь интересъ для Россіи.

Такимъ образомъ въ будущемъ году будетъ напр. посвященъ **ВСЕРОССИЙСКОЙ МАНУФАКТУРНОЙ ВЫСТАВКѢ** въ Москвѣ цѣлый отдѣлъ. „Нива“ посылаетъ въ Москву специальныхъ корреспондентовъ на этотъ предметъ. Будутъ помѣщены рисунки и описанія всего, что только обратитъ на себя общее вниманіе—и одинъ этотъ отдѣлъ выставки будетъ заключать въ себѣ нѣсколько сотъ тщательно исполненныхъ гравюръ съ специальнымъ объяснительнымъ текстомъ. Этотъ отдѣлъ, который

нами затѣмъ отпечатается и выйдеть особой книгой, будетъ въ отдѣльной продажѣ стоить около 5—8 руб. Весь этотъ богатый матеріалъ подписчики получаютъ, вмѣстѣ съ остальнымъ также богатымъ матеріаломъ, за 4 руб. Покорнѣйше просимъ съ этого объявленія гг. экспонентовъ будущей Всероссийской Выставки высылать намъ немедленно рисунки и фотографіи выставляемыхъ ими предметовъ, такихъ, которые имѣютъ общій интересъ и заключаютъ въ себѣ дѣйствительно что либо новое и общепольное. Приглашенные нами специалисты будутъ также съ выставки высылать намъ рисунки и описанія всего, что только можетъ имѣть интересъ для нашихъ читателей. Такимъ образомъ нашимъ лозунгомъ по прежнему останется „**Все впередъ!**“

Геометрическая задача № 86.

Данную фигуру раздѣлить 3-мя линиями такъ, чтобы изъ полученныхъ частей можно было сложить квадратъ.

Задача Ходъ Коня № 87.
Ю. Гр.

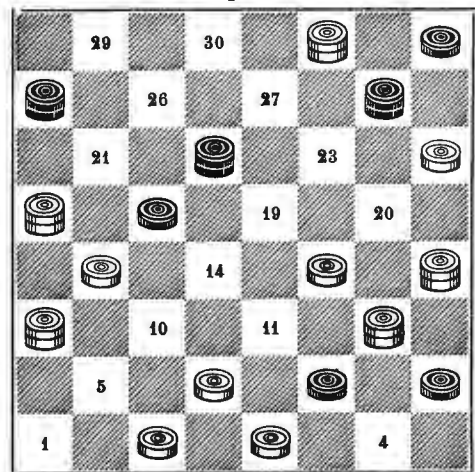
ня		томъ	глу-	ра-	шалъ		на
з-	сти	ни	слезъ	взо-	би-	зу	онъ
	ве-	момъ	стра-	мнѣ	гру-	ды-	
	я	ихъ	рѣ	безъ	том-	не	
бол	жи-	мгно-	лен-	отъ	я	стный	у-
ны-	ка-	стной	шеб-	имъ	жизнь	нѣ	на-
стра-	сти-	я		Богъ	ный		о-
чуд-	та-	но-	ной	и	об-	ся	етъ
чи	по-	ти	и	вась-	зна-	канъ	на-
	въ	ре	ду-		жа-	бо-	
	я	не-	з-	вой	стра-	ихъ	чи
	ко-	го-	шу	лю-	ю-	е-	съ
		въ	ро-	бия	да-	я	ный
		от-	ся	щезъ	и	нимъ	сницъ
	ша-	могъ	до	ко-	нѣ	лю-	безъ
не	дна	е	ло-	ор-		рѣ-	по-
сам-		вась	та-			ся	не-
						тѣ-	чть-

Алгебраическая задача № 88.

Названіе одного города состоитъ изъ 6 буквъ, если эти буквы замѣнить числами, соответствующими мѣстамъ, занимаемымъ этими буквами въ алфавитѣ русской азбуки, то получимъ слѣдующія соотношенія между ними:

- 1) Сумма перваго и послѣдняго чиселъ равна числу дней въ двухъ недѣляхъ.
- 2) Разность между третьимъ и четвертымъ числами равна числу дней недѣли.
- 3) Сумма перваго, втораго, третьяго и удвоеннаго пятаго чиселъ равна числу недѣль въ году.
- 4) Сумма втораго и пятаго чиселъ равна третьему числу.
- 5) Второе число вшестеро болѣе пятаго числа.
- 6) Разность между первымъ и пятымъ числами равна разности между четвертымъ и шестымъ,

Шашечная задача № 89.
Черныя.

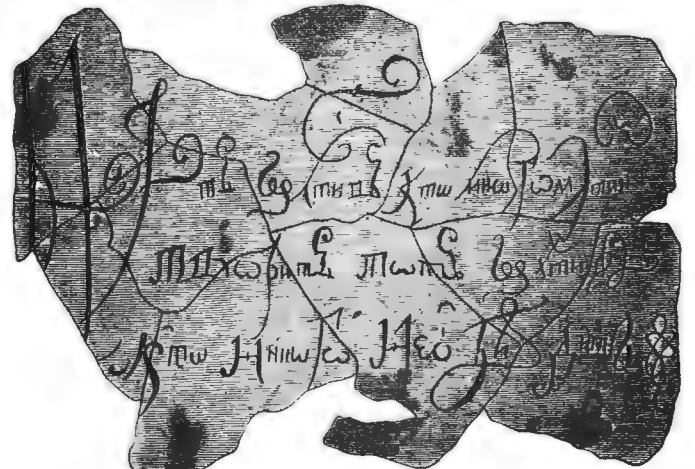

Бѣлыя.

Бѣлыя начинаютъ и запираютъ одну дамку, и одну просгую черныхъ.

Рѣшеніе задачи № 75.

Не тотъ милостивъ, кто много милостыни творить, тотъ милостивъ, кто никого не обидитъ.

Вѣрныя рѣшенія этой задачи прислали отъ гг.: Сиб.—Феликсъ и Аленіусъ, Гельсингфорсъ—Тиханова, Орлова, Ростовъ-на-Дону—Загражди, Саломонъ—Окунова, Тамбовъ—Ситовскаго.

СОДЕРЖАНИЕ: Мезень (сз рис.)—Угонъ. Рассказъ С. В. Максимова.—Последній изъ звзвда. Рассказъ Захеръ Мазоха.—Е. И Высочество Принцъ П-тъ Георгіевичъ Ольденбургій (сз портр.)—Стопгольмъ (сз рис.)—Ночь на рѣкѣ (сз рис.)—Подписи русскихъ Государей дома Романовыхъ (сз рис.)—Самые шалентіе люди въ свѣтѣ (сз рис.)—Ожиданіе (сз рис.)—Политическое обозрѣніе.—Смѣсь.—Къ нашимъ читателямъ.—Геометрическая задача.—Задача Ходъ Кова.—Алгебраическая задача.—Шашечная задача.—Рѣшеніе задачи № 75.—При этомъ № прилагаются ПАРИЖСІЯ МОДЫ за Декабрь 1880 г. съ 35 рис. и отдѣльный листъ съ 25 чертомъ выкроекъ въ натуральную величину и съ 37 рис. вышивокъ малороссійск. и русск. дамскихъ костюмовъ, печатанными 2 красками

Издатель А. Ф. Марси.

Редакторъ Ф. Бергъ.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1881 ГОДЪ.

СЕМЬЯ и ШКОЛА.

1) ПОЛНЫИ журналъ, издаваній годъ XI. Подп. цѣна на годъ съ дост. и перес. 12 р. Отдѣльно: 2) на Иллюстрированный отдѣлъ для дѣтей (12 книгъ) 10 р.; 3) на Учебно-воспитательный отдѣлъ съ Педагогическою хроникою (10 №№ книгъ и 40 №№ Педаг. хр.) 5 р. Подписка адресуется въ Спб., Васильевскій островъ, 15 линія, д. 8, въ контору журнала „Семья и Школа“.

№ 999 10—5

МЫЛО — „SAVON AU LAIT DE LYS DE LONSE“.

Получившее извѣстность, какъ единственное и лучшее изъ мылъ, смягчающее кожу и способствующее ея бѣлизнѣ; всѣ обычные недостатки мыла здѣсь тщательно устранены и по чистотѣ, мягкости, нежности запаха, онъ превосходитъ всѣ доселѣ извѣстныя мыла.

Безъ запаха 1 кусокъ—50 к. Съ запахомъ турецкой розы 1 кусокъ 1 р. 50 к.

GUSTAVE LONSE

парфюмеръ-химикъ.

Поставщикъ Ея Величества Императрицы Германіи изобрѣтатель

Eau de Lys de Lonse.

Berlin Jägerstrasse, 46.

Продается во всѣхъ лучшихъ парфюмерныхъ магазинахъ. К. № 801 3—8

ГРОМАДНЫЙ ВЫБОРЪ ДЛЯ ПРИДАНАГО и ХОЗЯЙСТВА

хрустала, столовой, чайной и металлической посуды. Самыя умѣренныя цѣны.

Вѣнскіе буквовые гнутые стулья дуж. 25 р.

ВЪ МАГАЗИНѢ

AU VON MARCHE

Бодыш. Морская, № 34, Штанге.

Въ редакціи Епархіальныхъ Вѣдомостей, въ губ. гор. Владимирѣ, продается книга:

Руководитель Владимирскихъ богомольцевъ.

Составилъ Василій Орловъ. Владимиръ. 1880 г. (стр. 1—118); цѣна 35 коп., съ перес. 40 к. копійки можно высыл. мелкими (не выше 7 к. достоинства) почт. марками. № 1051. 3—2.

ИЗВѢСТНЫЕ КОРСЕТЫ Мерсио: дамскіе 3, 4, 5, 6 р.; дѣтскіе, по возрасту, отъ 1 р. до 4 р. 50 к. *Laan. maas. Mercio, Волочья Морская, д. № 89, Спб. № 929 10—8*

ВАЖНО для ЗЕМЛЕДѢЛЬЦЕВЪ и ЛЮБИТЕЛЕЙ СЕЛЬСКАГО ХОЗЯЙСТВА.

Знаменитыя молотилки Вейля, получивши европейскую извѣстность, необходимы въ каждомъ сельскомъ хозяйствѣ. Онѣ отличаются въ меньшихъ и въ большихъ размѣрахъ и съ разной производительностью, на всѣхъ стадіяхъ жезвннхъ дорогъ въ Россіи, готовы къ употребленію. Можно писать по русски, что онъ получить ближайшія подробности и каталоги, въ машинномъ заводѣ

МОРИЦА ВЕЙЛЬ младш. въ Франкфуртѣ на Майнѣ Германія.

Иллюстрированный Альбомъ съ подробнымъ описаніемъ и рисунками посылается заказнымъ и франко по высылкѣ 90 коп. почтов. марками. Ptr. № 982 10—3.

УСПѢХЪ МОИХЪ

СИТРОНАДА и ОРАНЖАДА МОСКОВИТЪ,

заслужившихъ въ короткое время одобреніе публики, даніи мнѣ похвалы приготовить и другіе фруктовые соки, именно:

ЧЕРНОСМОРОДИНОВЫЙ, МАЛИНОВЫЙ и ВИШНЕВЫЙ,

для лимонадовъ, фруктового васа, для домашняго приготовленія въ сифонахъ, какъ и для фабричнаго производства *самыхъ лучшихъ* пшпучихъ ягодныхъ водъ, равнымъ образомъ для разнаго рода кушанья: мороженого, желе, кисела и пр. Соки эти поступили теперь въ продажу въ магазинѣ моемъ, подъ фирмою: Р. Нѣлеръ и К°. въ Москвѣ на Никольской улицѣ, по 1 рублю сер. за большую шампанскую бутылку.

Р. Нѣлеръ. № 1008 2—3

ТОЛЬКО ЧТО ВЫШЛО ИЗЪ ПЕЧАТИ и продается во всѣхъ музыкальн. магазинахъ:

Первый АЛЬБОМЪ НОТЪ для двухъ рядовой ручной гармоникки

всѣхъ строевъ, аранжированныхъ по усовершенствованной штриховой системѣ Ф. Романовымъ. Цѣна съ пересылкою 1 р. Содержаніе альбома: руководство и 60 любимыхъ пѣсень и русск. пѣсень.

Складъ въ книжномъ и музыкальномъ магазинѣ 1. Шмидтъ, Москва, Леонтьевскій пер., домъ Воейковой № 1076

ВЪ 1881 ГОДУ

ЖУРНАЛЪ

КОННОЗАВОДСТВА

будетъ издаваться по прежней своей программѣ, заключаая въ себя отдѣлы оффиціальныя и неоффиціальныя.

Въ приложеніи къ Журналу будутъ печататься рнчсннй и сазовой календари особыми листами, прилагаемыми къ концу книжки; независимо отъ этого, какъ и прежде, будутъ помѣщаться краткія извѣстія о результатахъ испытаній.

Цѣна за годовое изданіе Журнала, состоящее изъ 12 ежемесячныхъ книжекъ съ приложеніемъ обоихъ календарей, слѣдующая: безъ доставки 6 р., съ доставкою и пересылкою во всѣ города имперіи 8 руб.

Подписка принимается въ Канцеляріи Главнаго Управленія государственнаго коннозаводства, въ С.-Петербургѣ, по Надеждинской улицѣ, д. № 13, и во всѣхъ книжныхъ магазинахъ. № 1070

Изд. А. Ф. Марсиа. Спб., Б. Морск. № 9. **ПОВѢСТИ и РАЗСКАЗЫ** Вс. Крестовскаго. 8-е изд., для подп. „Навн“ 75 к., съ пер. 1 р. **ОГЪ ВЪ ПОМОЩЬ.** Ром. Э. Вернера. Цер. съ нѣм., для подп. „Навн“ 75 к. съ пер. 1 р.

ТОРГОВЫЙ ДОМЪ УРЛАУВЪ и РЕЙНВЕРГЪ, № 38, Литейный пр., уг. Бассейной ул., № 38.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Рекомендуемъ къ предстоящимъ праздникамъ

„ЕЛКА“

Въ большомъ выборѣ вновь полученные изъ за границы

КАРТОНАЖИ и БОНБОНЬЕРКИ отъ 3 коп.

Свѣчи, подсвѣчники, зеркальные шары, хлопушки, фонари и проч. украшения для елки. Свѣтъ магна. Зажигательная нитка, комнатные бенгальскіе огни, волшебныя звѣзды и проч., и проч.

ТАКЖЕ ИМѢЕТСЯ

БОЛЬШОЙ ВЫБОРЪ ПОДАРКОВЪ!

Альбомы, бювары, портмоне, порть-сигары, порть-визиты, спичечницы, кошельки, саквояжи, дорожныя сумки, портретажи, бумажники и прочіе фабригаты коженно-футлярнаго производства.

ВЪ КОСМЕТИЧЕСКОМЪ ОТДѢЛЕНИИ

имѣются для подарковъ:

Роскошныя коробки съ туалетными принадлежностями и вромѣ того

Всѣ произведенія Парфюмерной фабрики

БРОКАРЪ и К° ВЪ МОСКВѢ

рекомендуетъ въ особенности:

Цвѣточный О-де-колонъ

разныхъ запаховъ, употребляемый, какъ туалетная вода, духи и куреніе.

При магазинѣ находится:

Мастерская переплетная и

Коженно-футлярная а также

Рамочная для склейки рамъ изъ багета, для картинъ.

Окладъ багета гладкаго и рѣзнаго, чернаго и золоченаго.

Заказы исполняются скоро, аккуратно и изящно.

Цѣны самыя крайнія.

К. № 1077

Вышелъ въ свѣтъ и продается у издателя М. Яковлева, Спб. Эртелевъ пер., 7, кв. 5 и во всѣхъ извѣстныхъ книжныхъ и бумажныхъ магазинахъ Россійской имперіи

№ 1052

ТОРГОВЫЙ ДОМЪ

2-2

ЖИВОПИСНЫЙ

ОВИХОДНЫЙ КАЛЕНДАРЬ на 1881 г. съ приложениемъ СѢВНАГО КАЛЕНДАРЯ.

Печатанъ на розовой бумагѣ, съ художественно исполненными рисунками, въ объемѣ болѣе 80 страницъ. Содержаніе: Свѣдѣнія церковныя астрон., генеалогическ., географическо-статистическія истор., почтовые, телеграф., желѣзно-дорож., коммерческія, медицин., хозяйственн., адресо-указат., рассказы, анекдоты, ребусы, стихотворенія, портреты, парриатуры, загадки и проч. Цѣна вмѣстѣ со „СѢВНЫМЪ КАЛЕНДАРЕМЪ“ 30 коп., за пересылку 10 копѣекъ. Pтг. № 1026 5-3

М. И. ХАЙЛОВЪ

№ 122, ГОСТИНЫЙ ДВОРЪ, БОЛЬШАЯ СУРОВСКАЯ ЛИНІЯ. № 122.

ЗИМНІЙ СЕЗОНЪ.

ПРИГОТОВЛЕНЫ ВЪ ГРОМАДНОМЪ ВЫБОРѢ:

Пальто, манто и рогонды крытыя бархатомъ и другими разными модными тканями, на различныхъ мѣхахъ съ разными изъ перьевъ и стекляруса отдѣлками и мѣховыми опушками.

Пальто и рогонды на ватѣ съ разными мѣховыми опушками, жакеты и другія дамскія готовые вещи изъ разныхъ модныхъ матерій.

Муфты собольи, куньи, скунсѣ; котиковыя настоящія и имитасіонъ.

Шапочки плюшевыя, котиковыя настоящія и имитасіонъ.

Сорти-де-балъ изъ вальсемира, сисельсѣ и прочихъ модныхъ матерій съ разными модными отдѣлками, также самыя модныя, только что полученные изъ за границы изъ пуховой ткани и вязаныя, а также и платки.

Дамскія платья, костюмы для комнатъ и гулянья съ разными отдѣлками и капоты.

Корсажи вязаной ткани и сѣтки изъ стекляруса, синели и перьевъ въ громадномъ выборѣ только что получены изъ за границы.

Дѣтскія готовые вещи для дѣвочекъ и мальчиковъ на разный возрастъ, также шапочки и муфты.

Дамскія шляпы. Модели изъ лучшихъ заграничныхъ домовъ и приготовленные по моделямъ цвѣты и уборы изъ цвѣтовъ на платья для баловъ, перья, ленты, кружева, шарфы и пр.

Новость: парюры для корсажей.

Примѣчаніе для гг. иногородныхъ покупателей:

Увѣдомляю, что фирма компаніи „Ведерниковъ и Михайловъ“ 18 февраля сего года разошлась, и я, Михайловъ, произвожу торговлю всѣмъ вышеозначеннымъ товаромъ единственно въ Гостиномъ Дворѣ, по большой суровской линіи № 122 и по торговлѣ съ Ведерниковымъ ничего общаго не имѣю, такъ что если кто изъ покупателей пожелаетъ что либо выписать изъ моего магазина, то покорнѣйше прошу адресовать заказы и деньги на мою фирму „П. Михайловъ“ Гостиный Дворъ, большая Суровская линія № 122, не смѣшивая съ Ведерниковымъ. Торговля производится оптомъ и въ розницу.

БОЛЬШОЕ ЕЖЕДНЕВНОЕ ИЗДАНИЕ „НОВОСТИ“ и „БИРЖЕВАЯ ГАЗЕТА“

Подписная цѣна: на 1 г. для иног. 9 р., для городовъ. 8 р., на 1/2 года для иног. и гор. 5 р., на 1 мѣс. для иног. и городовъ. 1 руб. Спб. Гороховая, 32, близъ Каменнаго театра. К. № 909. 10-10

ПОДПИСКА НА ЕЖЕМѢСЯЧНЫИ ЖУРНАЛЬ

„ДУШЕПОЛЕЗНОЕ ЧТЕНІЕ“

на 1881 годъ (22-й съ начала изданія) принимается въ Москвѣ у редактора, протоіеря В. Нечаева, въ Толмачахъ, также у книгопродавцевъ Ѳерапонтова, Соловьева и Вольфа, въ С.-Петербургѣ у книгопродавца Тузова. Цѣна за 12 книжекъ 3 рубля 50 коп., съ доставкой и пересылкой 4 рубля. № 1073 2-1

30⁰ уст. книгопр., школамъ и др. учр. о изд. г. Фармаковского 79 г. Школ. Діететика 50 к., книжка для волост. старш. и сел. старостъ 30 к., кн. для волост. судей 15 к., кн. о миров. судѣ 15 к., кн. для зем. гласн. о зем. учрежд. 15 к., Законы о гражд. договор. и обязат-хъ (77 г.) 1 р. 25 к. Одобр. Уч. Б. Миш. Н. Пр. Казань, кн. маг. Алексан. Ильича Овчинникова. № 997. 3-2

ЭЛЕКТРИЧЕСКАЯ ПРОВОЛОКА,

изолірована нитками, бумагою и шелкомъ, изготовляется въ мастерской Бухгельца. С.-Петерб., Надежд. ул., д. № 18, кв. 30. К. № 1072

Holzstift-Maschinen

zur Fabrication von Schuhmacherstiften deutschen und amerikanischen Systems, mit bedeutender Leistungsfähigkeit, liefert unter Garantie die Maschinen-Fabrik von A. Roller in Berlin N., Chaussée-Strasse № 98. 3-1.

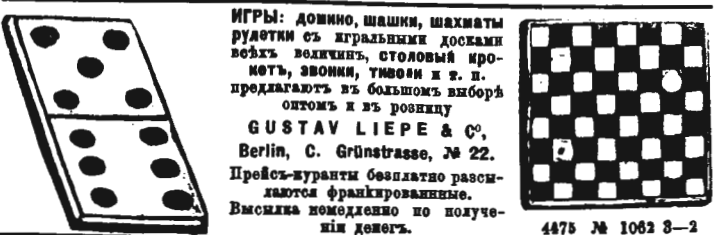
БЛАГОВОННЫЕ ТОВАРЫ ФАБРИКИ

Брокеръ и К^о. въ Москвѣ,

удостоенные медалью на всемирной Парижской выставкѣ, можно получать въ С.-Петербургѣ: У Рузанова, Савельева, Сафронова, Аверьянова, Урлаубъ и Рейнбергъ, Литейная, на углу Бассейной и у прочихъ торговцевъ. М. № 963 5-4

ИГРЫ: домино, шашки, шахматы рудетни съ игральными досками всѣхъ величинъ, столовый крокетъ, звонки, тмвои и т. п. Предлагаютъ въ большомъ выборѣ оптомъ и въ розницу

GUSTAV LIERE & Co, Berlin, C. Grünstrasse, № 22. Прейс-курранты бесплатно рассылются франкшрваннине. Висылка немедленно по полученіи денегъ.

4475 № 1062 3-2

Съ разрѣшенія С.-Петербургскаго Врачебнаго Управленія

ТИМОЛОВЫЕ ПРЕПАРАТЫ

С.-ПЕТЕРБУРГСКОЙ ТЕХНО-ХИМИЧЕСКОЙ ЛАБОРАТОРИИ.

Въ С.-Петербургѣ, въ магазинахъ лабораторіи.

Толмазовъ пер., противъ Гостиного двора, д. 2.—На Петербургской стор., по Больш. пр., д. 28.—на Литейномъ пр., близъ Пантелейм., д. 25.—въ Москвѣ, Тверская улица, домъ Малкіела.

Тимоловый зубной элексіръ 1 руб. } предохраняютъ зубы отъ нерчи и гніенія,
Тимоловый зубной порошокъ 60 коп. } уничтожаютъ дурной запахъ во рту.
Тимоловый туалетный укусъ 75 коп., уничтожаетъ всекіе миазмы.
Тимоловое туалетное мыло 85 к. противъ сычи и угрей.

Тимоловые препараты превосходятъ своими достоинствами всѣ до сихъ поръ изобрѣтенныя зубныя и анти-эндемическія средства.

Каждый экземпляръ тимоловыхъ препаратовъ снабженъ фабричною маркою С.-Петербургской техно-химической лабораторіи, утвержденной правительствомъ.

Также продается въ С.-Петербургѣ: въ магазинахъ С.-Петербургской техно-химической лабораторіи, Толмазовъ пер., противъ Гостиного двора, домъ № 2 и на Петербургской сторонѣ, по Большому проспекту, противъ Гуляной улицы, домъ № 28.

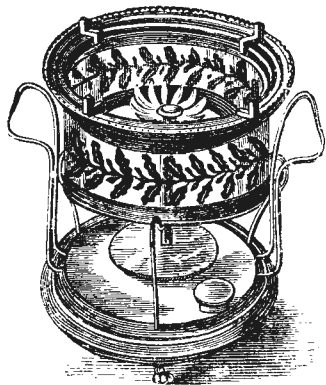
Въ Русскомъ Обществѣ Торговли аптекарскими товарами, по Казанск. улицѣ. У гг. Штоль и Шмидтъ, Бирячичный переулокъ, у г. Оскаръ Гертхель, Казанская, 37.

Въ Москвѣ, Отдѣленіе С.-Петербургской техно-химической лабораторіи, по Тверской улицѣ, домъ Малкіела.

Въ Харьковѣ, въ складѣ Русскаго Общества торговли Аптекарскими Товарами, въ Киевѣ, у г. И. Ф. Пастухова, въ Одессѣ, у г. Вилліама Вагнера.

Гг. ТОРГОВЦАМЪ значительная скидка. ОПТОВАЯ ПРОДАЖА производится въ складахъ С.-Петербургской техно-химической лабораторіи, въ С.-Петербургѣ, по Толмазову пер., д. № 2 и въ Москвѣ—Тверская, домъ Малкіела.

Подробные прейс-курранты оптовомъ и розничномъ выслаются немедленно и бесплатно изъ конторы С.-Петербургской техно-химической лабораторіи, въ С.-Петербургѣ, Толмазовъ пер., д. № 2, куда и просать гг. иногородныхъ покупателей адресовать свои письма и требованія. К. № 1054 2-2

ПАТЕНТОВАННАЯ БЕНЗИНО-ГАЗОВЫЯ КУХНИ

съ регуляторомъ пламени, ДИТРИХА и КЕЗЕВИЦА въ Гамбургѣ, особенно пригодны для домашняго употребленія, горятъ безъ фитиля, безъ запаха, копоти и совершенно безопасны.

Агентство для Россіи и склада у Р. НИППЕ, С.-Петербургъ, Демидовъ-переулокъ, домъ № 2, уголъ Мойки. ОПИСАНІЕ СЪ РИСУНКОМЪ БЕЗПЛАТНО.

К. № 1071

ПРИРОДА

IX и ГОДЪ. ОХОТА.

Подписная цѣна: на годъ 13 р., съ пер. 14 р., на полгода 7 р., съ пер. 8 р. Лицамъ, подписавшимся на 1881 годъ до 1-го января въ редакціи (а не въ книжн. магазинахъ) выдаются немедленно или высылаются въ январѣ (вмѣстѣ съ преміей 1881 года) литограф. портретъ С. Т. Аксакова и двѣ большія гравюры, исполненныя въ Парижѣ (Парфорсная охота). Подписка въ расрочку допускается за ручательствомъ казначея или по соглашенію съ редакціей, съ правомъ полученія преміи по уплатѣ всѣхъ подписныхъ денегъ.

Подписка отъ иногородныхъ принимается исключительно въ редакціи (Москва, Тверская, Пименовскій пер. д. Корвина).

Ред. Изд. Л. П. Сабантѣвъ.

Журналъ «Природа и Охота» за 1878 и 1879 гг. можно получить по 10 р. за годъ (на пересылку каждаго года прилагается за 10 ф. по разстоянію).—«Журналъ Охоты» и Сборникъ «Природа», издававшіеся до 1878 года отдѣльно, продаются: немногіе оставшіеся экземпляры Журнала Охоты 1874—1877 гг. (7 томовъ, съ 46 хромо- и литографіями) за 25 р. (перес. за 20 ф.); Журналъ Охоты 1875—1877 гг. безъ отдѣльныхъ рисунковъ за 12 руб. и по 4 руб. за годъ (пересылка за 17 ф.); Сборникъ «Природа» за 1873—1877 гг. (17 томовъ съ 1400 рис. въ текстѣ) съ 100 хромограф. и литографіями за 25 р. (вмѣсто 53 р.); съ 50 приложениями за 15 р. На пересылку каждаго экземпляра Сборника по почтѣ прилагается за 1 пудъ 5 фунтовъ, по разстоянію; можно пересылать черезъ транспортныя конторы, съ переводомъ платежа и уплатой пересыльныхъ денегъ на мѣстѣ. № 1067 3-1

Изданіе А. СТАРЧЕВСКАГО.

Открыта подписка на полученіе въ 1881 г.

ЕЖЕДНЕВНОЙ ГАЗЕТЫ

„СОВРЕМЕННОСТЬ“

(Политическая, общественная и литературная),

съ еженедѣльнымъ приложеніемъ

СЕМЕЙНОЕ ЧТЕНІЕ

(Романы, повѣсти и статьи научныя).

Подписная цѣна съ пересылкою семь рублей.

Съ прилож. 6 олеогр. картинъ 8 руб

Адресъ редакціи: Спб., Свѣтч. пер. д. 9, кв. 18. № 1075

„НУВЕЛЛИСТЪ“

МУЗЫКАЛЬНЫЙ ЖУРНАЛЪ

ДЛЯ ФОРТЕПИАНО

съ музыкально-театральною газетою.

Съ 1-го января 1881 года „НУВЕЛЛИСТЪ“ вступая въ 42-й годъ своего существованія, будетъ выходить какъ и прежде перваго числа каждаго мѣсяца, тетрадами отъ 30—35 страницъ избранной музыки. Каждая тетрадь будетъ содержать въ себѣ: 1) Четыре или пять салонныхъ пьесъ. 2) Одна или два новыхъ танца. 3) Русскій романсъ. Сверхъ того въ „НУВЕЛЛИСТѢ“ будутъ помѣщены двѣ пьесы въ четыре руки. „НУВЕЛЛИСТЪ“ Музыкально-Театральная Газета будетъ выходить еженѣщчно въ продолженіи музыкальнаго сезона: въ январѣ, февралѣ, мартѣ, апрѣлѣ, сентябрѣ, октябрѣ, ноябрѣ и декабрѣ и состоитъ изъ слѣдующихъ отдѣловъ: 1) Руководящія статьи, посвященныя обзору всего примѣчательнаго въ области музыки и театра, какъ въ Россіи, такъ и за границей. 2) Музыкальная хроника: отчеты о новыхъ операхъ и концертахъ. 3) Возможно полный сводъ статей, касающихся музыки и сценическаго искусства. 4) Фельетоны.

Кромѣ огромнаго количества музыкальныхъ пьесъ и Музыкально-Театральной Газеты, подписчики „НУВЕЛЛИСТА“ получаютъ въ концѣ года ПРЕМИЮ—полную оперу въ двѣ руки, или другія сочиненія по ихъ выбору изъ 70-ти номеровъ указанныхъ Редакціей.

Цѣна годовому изданію музыкальнаго журнала „НУВЕЛЛИСТЪ“ съ Музыкально-Театральною Газетою и премією 5 р. Съ доставк. или пересылк. 6 р.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ:

Въ С.-Петербургѣ: въ главной конторѣ „НУВЕЛЛИСТА“ при музыкальномъ магазинѣ М. Бернарда, поставщика Двора Его Величества, Невскій просп., № 10. Въ Москвѣ: въ музыкальномъ магазинѣ А. М. Гутхейла Поставщика Двора Его Величества, Кузнецкій мостъ, д. Юнкера. Въ Казани: въ музыкальномъ магазинѣ „Восточная Лира“. Въ Харьковѣ: у Гергарда.

№ 992 2-2

Биллиардная Фабрика А. ФРЕЙБЕРГЪ

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Переведена: Измайловскій полкъ, не далеко отъ Троицкаго собора, по Троицкому проспекту, соб. домъ, № 13.

ОБЪ ИЗДАНИИ ВЪ 1881 ГОДУ ЖУРНАЛА

„Библиотека для чтенія“

(Годъ седьмой)

ПРОГРАММА:

Въ журналѣ помѣщаются исключительно романы, повѣсти и рассказы въ переводѣ съ иностранныхъ языковъ на русскій.

Каждый номеръ журнала будетъ содержать въ себѣ, по возможности, одинъ законченный романъ, или часть его и небольшую повѣсть или рассказъ.

Годовое изданіе состоитъ изъ 12-ти книгъ отъ 20-ти до 30-ти печатныхъ листовъ каждая. Срокъ выхода еженѣщчный.

Въ концѣ года, подписчикамъ на „Библиотеку для чтенія“ будетъ выдана въ видѣ преміи 13-ая книжка, отъ 30 до 40 печатныхъ листовъ, которая будетъ заключать въ себѣ одинъ, вплоть законченный романъ.

Условія подписки: Въ С.-Петербургѣ и Москвѣ безъ доставки 8 руб. на годъ: Съ доставкою на домъ въ С.-Петербургѣ . . . 8 — 50 коп. Съ пересылкою иногороднымъ 9 — —

Редакція допускаетъ слѣдующую расрочку подписныхъ денегъ: при подпискѣ 5 руб. и въ 1-му Мая остальныхъ.

Подписка принимается:

Для городскихъ подписчиковъ:—Въ С.-ПЕТЕРБУРГѢ, въ книжномъ магазинѣ Исмаиловъ. Въ МОСКВѢ—при книжныхъ магазинахъ Соловьева и Мамонтова, и въ Центральной Конторѣ объявленій, Петровка, д. Солодовникова, и б. Дмитровка, д. Вучумова.

Гг. иногородные адресуютъ свои требованія непосредственно въ С.-Петербургѣ, въ редакцію журнала Библиотека для чтенія, Шпалерная ул., д. № 32.

Подписывающіеся съ расрочкой просятъ обращаться: иногородныхъ исключительно въ редакцію, а городскихъ въ Спб. въ книжный магазинъ Бортневскаго, уголъ Троицкаго и Графскаго пер.; въ Москвѣ: въ Центральную Контору Объявленій, Петровка, д. Солодовникова. № 1006 На 1880 годъ подписка еще продолжается. Ц. 6-2

Съ 1-го Января 1881 года, въ С.-Петербургѣ, ВЫХОДИТЪ

НОВАЯ ЕЖЕДНЕВНАЯ ГАЗЕТА

ПОЛИТИЧЕСКАЯ И ЛИТЕРАТУРНАЯ

„ПОРЯДОКЪ“

подъ общую редакцію съ журналомъ „Вѣстникъ Европы“ и съ участіемъ всѣхъ его постоянныхъ сотрудниковъ.

ЦѢНА ПОДПИСКИ:

Table with subscription rates: Три мѣсяца, Полгода, Годъ, Мѣсяць: безъ доставки, съ доставкою на домъ, съ пересылкою.

Расрочка для полученія газеты безъ доставки и съ доставкою на домъ—величина; такъ какъ при подпискѣ на четверть года или полгода подписная цѣна не повышается, для иногородныхъ же и иностранныхъ подписка по частямъ нѣсколько повышена, вслѣдствіе необходимости высылать у насъ газету по иногородной почтѣ съ адресами.

Подписка принимается въ Главной Конторѣ журнала „Вѣстникъ Европы“ въ С.-Петербургѣ, на Вас.-Остр., 2-я линія, 7; иногородные обращаются по почтѣ въ редакцію Спб. Галерная, 20, а лично—въ Главную Контору.—Тамъ же принимаются частныя заявленія и объявленія для напечатанія въ газетѣ.

Издатель и отвѣтственный редакторъ М. Стасюловичъ. № 994 5-4

„СЕЛЬСКОЕ ХОЗЯЙСТВО И ЛѢСОВОДСТВО“

ЖУРНАЛЪ МИНИСТЕРСТВА ГОСУДАРСТВЕННЫХЪ ИМУЩЕСТВЪ,

и „ЗЕМЛЕДѢЛЬЧЕСКАЯ ГАЗЕТА“.

Въ 1881 г., какъ и въ предшествующіе годы, Журналъ будетъ выходить еженѣщчно книжками, каждая не менѣе 10 листовъ, а Газета еженедѣльно изъ 4 д. л. большаго формата, въ 16 стр., или 32 столбца.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

Table with subscription rates: на годъ, на полгода, Съ пересылкою, Съ доставкою, Въ пересылкѣ и доставкѣ.

ПРИЕМЪ ПОДПИСКИ: въ Конторѣ Редакціи (С.-Петербургъ, Вознесенскій пр., № 23).

Въ концѣ ноября текущаго года поступитъ въ продажу:

КАЛЕНДАРЬ И СПРАВОЧНАЯ КНИЖКА ДЛЯ СЕЛЬСКИХЪ ХОЗЯЕВЪ НА 1881 ГОДЪ.

Редактирована Ф. А. Баталинымъ, при содѣйствіи Ф. К. Арнольда, А. Ф. Баталина, Ф. Ф. Баталина, А. М. Вулгарова, Б. К. Вебера, А. С. Ермолова, В. Ф. Иверсена, Н. Л. Карасевича, В. И. Ковалевскаго, Ф. Л. Рогова, А. И. Шенкина, Д. Д. Шилова, Г. В. Штрика, В. В. Чернышева, К. В. Хлодзинскаго и др.

Изданіе книгопродавца-издателя А. Ф. ДЕВРІЕНА.

Свыше 35 печатныхъ листовъ въ 8 л., самого мелкаго шрифта. Въ напечатаніи переплетъ. Цѣна для подписчиковъ на журналъ „Сел. Хоз. и Лѣс.“ или „Земл. Газету“ 1 р. 75 к. съ пересылкою или доставкою; съ отдѣльной продажей 1 р. 75 к. безъ пересылки или доставки и 2 руб. съ пересылкою. Рг. № 1056. 1-1

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА БОЛЬШУЮ ЕЖЕДНЕВНУЮ ПОЛИТИЧЕСКУЮ И ЛИТЕРАТУРНУЮ ГАЗЕТУ МОСКОВСКИЙ ТЕЛЕГРАФЪ,

которая будетъ выходить въ Москвѣ, безъ предварительной цензуры.

Сознательная потребность слѣдить изо дня въ день за тѣми явленіями политической и общественной жизни, которыя, быстро смѣняясь, оставляютъ за собою болѣе или менѣе глубокой слѣдъ, все сильнѣе и настоятельнѣе ощущается въ нашей читающей публикѣ, и задача ежедневной газеты заключается прежде всего въ удовлетвореніи этой потребности. Но для успѣшнаго выполненія этой задачи, во всемъ ея объемѣ, необходима совершенно особая организація редакціоннаго дѣла, при которой редакція являлась бы однимъ изъ конечныхъ пунктовъ телеграфной проволоки. Такую именно организацію имѣетъ редакція Московскаго Телеграфа.

Газета Московскій Телеграфъ будетъ имѣть существенное отличіе отъ всѣхъ прочихъ газетъ. Это будетъ первая въ Россіи телеграфная газета, половина содержанія которой будетъ непосредственно получаемая редакціей по телеграфной проволоцѣ. При этомъ условіи, каждый № Московскаго Телеграфа представитъ собою полный и точный обзоръ всѣхъ событій и извѣстій того дня, въ который этотъ № поступитъ въ печать. Такимъ образомъ большая часть извѣстій дойдутъ до читателей Московскаго Телеграфа раньше, чѣмъ эти извѣстія появятся въ другихъ газетахъ.

Это одна сторона изданія. Что касается другой его стороны—направленія, выраженіемъ котораго служить критическая оцѣнка сообщаемыхъ фактовъ, то, избѣгая громкихъ словъ, редакція можетъ обѣщать своимъ читателямъ, что Московскій Телеграфъ будетъ честно служить истинѣ.

ПРОГРАММА ГАЗЕТЫ СЛѢДУЮЩАЯ:

1. Руководящія статьи. 2. Официальный отдѣлъ. Дѣйствія правительства. 3. Телеграммы собственныхъ корреспондентовъ газеты и Международнаго Телеграфнаго Агентства. 4. Хроника Москвы: отчеты о засѣданіяхъ общественныхъ и словесныхъ учреждений и т. п.; дневникъ происшествій. 5. Внутреннія извѣстія. 6. Судебная хроника и юридическій отдѣлъ.	7. Библиографія и критическая оцѣнка всѣхъ наиболее выдающихся произведеній русской и заграничной печати. 8. Иностранныя извѣстія. 9. Фельетонъ. Статьи научнаго содержанія. Литературныя статьи. Общественная жизнь, театр, музыка и проч. 10. Мелныя извѣстія. 11. Объявленія казенныя и частныя.

Редакція постарается добросовѣстно выполнить эту широкую программу. Высочайшія повелѣнія, грамоты, указы, правительственныя сообщенія, распоряженія всѣхъ министерствъ, а также приказы и распоряженія по военному вѣдомству, будутъ печататься въ Московскомъ телеграфѣ одновременно съ ихъ обнародованіемъ. Читатели, интересующіеся биржевыми свѣдѣніями, найдутъ въ Московскомъ Телеграфѣ подробныя и точныя торговныя телеграммы изъ Петербурга, Одессы, Риги, Берлина, Лондона, Нью-Йорка, Париза, Ливерпуля, Гамбурга, Амстердама, Антверпена и друг. городовъ. Въ отдѣлѣ справокъ, кромѣ обычныхъ свѣдѣній, будутъ помѣщаемы судебныя указатели дѣлъ, назначеній къ слушанію въ ассамблеонномъ департаментѣ сената и въ судебныхъ палатахъ.

Въ литературномъ отдѣлѣ и въ фельетонѣ Московскаго Телеграфа принимаютъ участіе извѣстные писатели.

Подписка на Московскій Телеграфъ принимается: въ Москвѣ, въ конторѣ редакціи, на Петровкѣ, въ домѣ Кредитнаго Общества.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

ВЪ РОССІИ.

	Безъ доставки.	Съ доставкою.	
На годъ съ 1-го января 1881 г.	14 р. 50 к.	16 р. — к.	
» 6 мѣсяцевъ	8 " 50 "	9 " 50 "	
» 3 "	5 " — "	5 " 50 "	
» 2 "	3 " 50 "	4 " — "	
» 1 "	1 " 75 "	2 " — "	

ЗА ГРАНИЦУ.

	Въ страны, вошедшія въ почтовый союзъ.	Въ страны не вошедшія въ почт. союзъ.	
	26 р. 20 к.	47 р. — к.	
	14 " — "	28 " — "	
	8 " — "	15 " — "	
	6 " — "	11 " 50 "	
	3 " 50 "	6 " — "	

Допускается разсрочка подписныхъ денегъ: для служащихъ—по третямъ и четвертямъ года и помѣсячно чрезъ назначенія; для неслужащихъ—на слѣдующихъ условіяхъ:

	Безъ доставки	Съ доставкою.	Съ пересылкою.
При подпискѣ	5 р. — к.	5 р. — к.	6 р. — к.
1-го марта	3 " — "	3 " — "	3 " — "
1-го мая	3 " — "	3 " — "	4 " — "
1-го іюля	3 " 50 "	5 " — "	4 " — "

Иногородные подписчики адресуютъ свои требованія: **ВЪ МОСКВУ, ВЪ РЕДАКЦИЮ ГАЗЕТЫ „МОСКОВСКИЙ ТЕЛЕГРАФЪ“.**

Издатель и отвѣтственный редакторъ И. Родзевичъ.

№ 1069

ВЫШЛА ДЕКАБРСКАЯ КНИЖКА „СОБРАНІЯ РОМАНОВЪ“.

Спрятанное золото, Френка Барретта.—Гваранъ, Густава Эмара, (окончаніе).—Дѣти герцога, Энтони Троллопа (окончаніе).—Паровой домъ, Жюль Верна.—Непослушаніе Верены Фонтенъ, Джесси Людло (псевдонимъ мистрисъ Генри Вудъ).

Кромѣ статей, законченныхъ въ этой книгѣ, въ „Собраніи“ 1880 г. были напечатаны слѣдующіе романы: Сломанный вѣтеръ, Арсена Гуссе; Намѣренія мистера Стюарта, Ф. Робинсона; Слѣды на снѣгу, Доры Россель. Терновый замокъ, Луи Ульбаха. Трагическое наслѣдство, Констан Геру, Преступленіе Марсьяла, Луи Ульбаха. Что въ имени тебѣ оми? Э. Д. Джерарда, всего одиннадцать большихъ романовъ и множество повѣстей и разсказовъ. Такимъ образомъ „Собраніе Романовъ“ въ концѣ года составляетъ цѣлую библиотеку, въ которой соединены самыя лучшія сочиненія иностранныхъ беллетристовъ текущаго года.

Цѣна за всѣ 12 книгъ большаго формата безъ доставки десять руб. пятьдесятъ коп., съ доставкою въ С.-Петербургъ—одиннадцать руб., для иногородныхъ подписчиковъ—двѣнадцать.

Подписка принимается исключительно на имя издательницы Елисаветы Николаевны Ахматовой, въ домѣ Жербина, на Михайловской площади, въ С.-Петербургѣ.

Подписки продолжается. Выдаются всѣ вышедшія книги съ № 1-го.

При редакціи открыта книжная торговля. Каталогъ высылается бесплатно. № 1068 1—1

ВѢСТНИКЪ САДОВОДСТВА

ВЪ 1881 ГОДУ

будетъ издаваться по прежней программѣ.

Подписная цѣна съ пересылкою ШЕСТЬ РУБЛЕЙ.

Подписываться можно: въ С.-Петербургѣ, въ конторѣ редакціи (Стремянная ул., д. 22, кв. 19), въ Императорскомъ Россійскомъ Обществѣ Садоводства, а также въ книжныхъ магазинахъ А.Ф. Девриева (Вас. О. Больш. пр. 8), Я. А. Исакова (Гостинный Дворъ 24) и Н. Г. Мартынова (Невскій, 46), и въ Москвѣ у комиссіонера Общества Л. Л. Риттера (Петровка, 18). № 1057

ОТКРЫТА ПОДПИСКА

НА

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЖУРНАЛЪ

„РУССКОЕ БОГАТСТВО“

ВЪ 1881 Г.

(ГОДЪ ВТОРОЙ).

Въ слѣдующемъ году „Русское Богатство“ будетъ издаваться по той же программѣ, какъ и въ настоящемъ году, именно,—будетъ помѣщать: романы (оригинальные и переводные), повѣсти, разсказы, драматическія произведенія, очерки, стихотворенія, критическія статьи, рецензіи новыхъ книгъ, обзорнія внутренней и заграничной жизни, общедоступныя научныя статьи по вопросамъ общественной жизни и смѣсь, въ которую будутъ входить сатирическія и юмористическія очерки, фельетонныя наброски, пародіи и проч.

Въ журналѣ принимаютъ участіе: Гг. Л. А-евъ, Н. Ф. Анненскій, С. Атава, Александръ Арсеньевъ, Н. Ф. Бажинъ, А. Боровиковскій, В. М. Гаршинъ, В. А. Гольцевъ, П. В. Засодимскій, Н. Н. Златовратскій, С. Н. Кривенко, Н. С. Курочкинъ, Н. И. Наумовъ, Ф. Д. Нефедовъ, А. Н. Плещеевъ, Г. Н. Потанинъ, М. А. Протопоповъ, Л. Н. Трефолевъ, Гл. И. Успенскій, А. И. Этель, Н. И. Ядринцевъ и друг.

Журналъ выходитъ ежемѣсячно, книжками отъ 15 до 20 листовъ. Подписная цѣна на годъ: 7 р. съ пересылкой и доставкой 8 р. Допускается разсрочка: при подпискѣ 5 р. съ пересылкой и 4 руб. безъ доставки; остальные 3 рубля по выходѣ 6-й книжки.

Подписка принимается въ конторѣ редакціи: С.-Петербургъ, Знаменская ул., д. 11.

Редакторъ Н. Н. Златовратскій.

Издательница С. Н. Бажина. № 1011 2—2

**ВЪ МАГАЗИНАХЪ
ПАВЛА БУРЕ**

фабриканта часовъ
Постащика Высочайшаго Двора
и
часовыхъ дѣлъ мастера
Императорскаго Русскаго Флота.
Золотые дамскіе часы,
западающаеся ключемъ.
Анкерные на 15 камняхъ открытыя, 45,
50 и 55 р. с. (смотря по вѣсу золота въ
корпусѣ).
Такіе же закрытыя 55, 60 и 65 р. с.
Такіе же 1-го сорта съ брегетовскимъ во-
локомъ 75, 80, 85 и 100 р. с.
Тоже высшаго достоинства съ уравнитель-
нымъ маятникомъ отъ 1:0 до 255 р. с.
Въ С.-Петербургѣ, Невскій просп., № 23.
Въ Москвѣ, Бувицкій мостъ, д. Тверскаго
подворья.
Подробный прейсъ-курантъ высылается
по требованію бесплатно. № 880 33—13

**ПРОИЗВЕДЕНІЯ РАЗМОТРЕНЫ И РАЗРѢ-
ШЕНЫ СПЕ. ВРАЧЕВЪ. УПРАВЛЕНІЕМЪ.
КРАСОТА И СОХРАНЕНІЕ КОЖИ.**

Вода де-Лисъ де-Нинонъ придаетъ кожѣ
бланину и прозрачность, предохраняетъ ее
отъ загара, красноты, прыщей и проч. Не-
обходима зимою противъ навязныхъ трещи-
нъ и для освѣженія кожи разгораченной
газомъ и дурнымъ воздухомъ, лѣтомъ оно
лучшее средство отъ загара и воспаления
вываннаго пылью и солнцемъ. Цѣна больш.
флак. 1 р. 50 к., съ пересылкою 2 р.
Кремъ де-Лисъ де-Нинонъ имѣетъ тѣ же
свойства какъ вода де-Нинонъ и рекомен-
дуется преимущественно лицамъ употребляю-
щимъ Кольдъ-Кремъ, котораго онъ превъ-
шаетъ качествомъ. Цѣна за банку 1 р., съ
пересылкою 1 р. 50 к.
Пудра де-Нинонъ. Необходимое дополненіе
къ водѣ или Кремъ де-Лисъ де-Нинонъ и
замѣняющая всѣ другія пудры.
Цѣна за коробку 75 к. съ пер. 1 р.
Ц. за кор. съ пуховкою 1 р. съ пер. 1 р. 25 к.

ВЪ ПРОДАЖЪ:

На Невскомъ просп., въ С.-Петербург-
ской Химической Лабораторіи, домъ Като-
лической церкви. № 32, и у Амичкова мо-
ста, д. № 66.
На Вознесенскомъ просп., уголъ Мазан-
ской ул., № 18—54, домъ Шредера.
Оптовая продажа и отправка почтовая въ
Конторѣ С.-Петерб. Химич. Лабораторіи, по
Екатерининскому каналу, у Возн. моста,
№ 80. Описание и способъ употребленія вы-
сылаются по желанію бесплатно. № 922 3—2

**СКЛАДЪ ШВЕЙНЫХЪ МАШИИЪ ВСѢХЪ
СИСТЕМЪ,**

американскихъ, английскихъ и нѣмецкихъ
конструкцій для семействъ и ремесленныхъ
заведеній.

А. ШТЕЙНЪ

въ С.-Петербургѣ.

Вознесенскій

просп., д. № 21.

Продажа оптомъ и въ розницу.

ЦѢНЫ ФАБРИЧНЫЯ.

Ручныя машины 20 разныхъ конструкцій отъ
12 до 45 руб.
Зомные машины 40 разныхъ конструкцій
отъ 35 до 350 руб.
Маш. для вязанія, шитья перчатокъ, пласе-
БЕЗПЛАТНО ВЫСЛАЮ
подробный прейсъ-курантъ.

ГЛАВНОЕ АГЕНТСТВО ДЛЯ ВСЕЙ РОССИИ
фабрики Розенбергъ и Френ ель въ Берлинѣ,
спеціальныхъ машинъ, плетущихъ варной
драткой, для шорныхъ, каретныхъ, пару-
синныхъ и войлочныхъ мастерскихъ, для
мѣшковъ и военныхъ голенищъ.

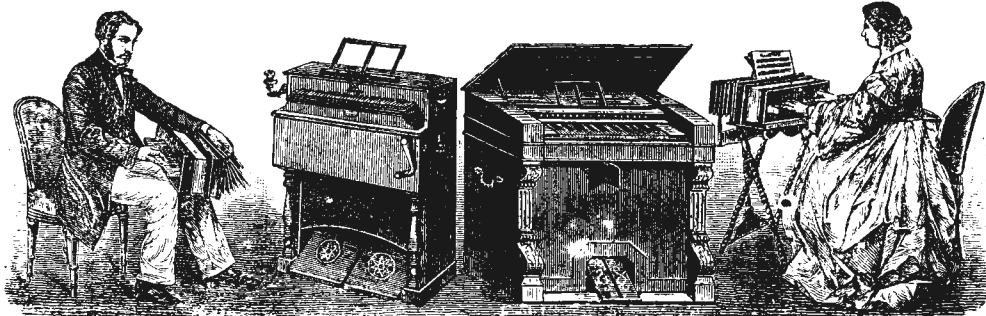
Фабрика Гулуса Гутмана въ Берлинѣ
спеціаль. машинъ для выметыванія петель
въ сукнѣ, обѣхъ, дамскомъ парадѣ и обуви.

Фабрика Линцъ и Емпертъ въ Берлинѣ
спеціальная машина для вышиванія въ ба-
тистѣ, тютѣ, шерстяной и шелковой мате-
рии, войлокѣ, сукнѣ и т. д.

Складъ иглокожъ, отдѣльныхъ частей и масла
къ швейнымъ машинамъ, бумаги, шелку и
нитокъ. К. № 4906. 10—6

**КЕДЕРСКАЯ
ДУШИСТАЯ ВОДА**

Ц. № 902 13—2

Гармонифлютъ

Гармонифлютъ
съ органомъ.

Фисгармонія.

Гармонифлютъ
за педаль.

ГЛАВНОЕ ДЕПО МУЗЫКАЛЬНЫХЪ ИНСТРУМЕНТОВЪ

Юлія Генриха Диммермана.

С.-Петербургъ, по Большой Морской улицѣ, № 42.

Рекомендуется отъ известнаго парижскаго фабриканта Бюссона полученные

ФИСГАРМОНИИ.

ГАРМОНИФЛЮТЫ.

W. 1064

—2

4 октавы 1	игра изъ дубоваго дерева	Р. 90	3 октавы		Р. 40
4	" 1 "	изъ палисандроваго д. дерева	" 100	3 октавы съ регистромъ	" 45
5	" 1 "	1 регистръ изъ дубоваго дерева	" 120	3 1/2 октавы съ регистромъ	" 60
5	" 1 "	1 " изъ палисандр. дерева	" 130	3 1/2 октавы съ регистромъ, трелью и сурдинкой	" 75
5	" 1 "	3 " то же	" 150	4 октавы съ регистромъ, трелью и сурдинкой	" 90
5	" 1 1/2 "	7 " то же	" 175	Педаль (подставка) для гармонифлютовъ по 10 р.	
5	" 2 1/2 "	11 " то же	" 250	Школы для гармонифлютовъ по 75 к., 1 р., 2 1/2 р., 5 р.	
5	" 4 1/2 "	18 " то же	" 400	Складные гармонифлюты большого формата съ двойной педалью и регистромъ 140 р.	
Школы для фисгармоній по 1 р. 20 к. и 4 р.					
ГАРМОНИФЛЮТЫ СЪ ОРГАНОМЪ.					
3 1/2 октавы съ регистромъ и 1 валомъ 175 р.			4 октавы съ регистромъ и сурдинкой и 1 валомъ 225 р.		
Отдѣльные валы по 20 р.			Отдѣльные валы по 25 р.		

Пересылка на счетъ покупателя. Заказы изъ провинцій исполняются немедленно и аккуратно.

ЭКОНОМІЯ 90 КОП. СЪ РУБЛЯ

отъ домашняго приготовленія шипучихъ водъ

СЕЛТЕРСКОЙ, ФРУКТОВЫХЪ И ЛИМОНАДОВЪ,

посредствомъ аппаратовъ и порошковъ продающихся съ подробнымъ
для употребленія наставленіемъ у

Р. КӨЛЕРЪ и К^о въ МОСКВѢ, на Никольской.

Аппараты эти особенно удобны тѣмъ, что изъ нихъ можно отливать
любое, и самое малое количество воды, безъ вреда для остатка.

Цѣны аппаратамъ въ 3, 6, 9 и въ 15 стакановъ: 5, 6, 7 и 10 руб.; а съ укладкою для пересылки по почтѣ 5 1/2, 6 р. 60 к., 7 3/4 и 11 р.; въсь же ихъ съ укладкою: 13, 17, 18, 20 фунтовъ. Цѣны коробокъ съ 10-ю зарядами, каждый на 3, 6, 9 и 15 стакановъ: 55, 80, 115 и 160 коп.; съ укладкою 70, 100, 120 и 180 коп.; въсь съ упаковкою 3/4 фун., 1, 2 и 3 фунта.

СПЕЦИАЛИСТЪ ОПТИЧЕСКИХЪ ОЧКОВЫХЪ СТЕКОЛЪ,

ОПТИКЪ И МЕХАНИКЪ

И. Я. УРЛАУБЪ,

премиантъ

Г. ШТРАУСА,

оптика Императ. Медико-Хирургич. Академіи.

Невскій просп., прот. Гостиного двора.

№ 44 С.-ПЕТЕРБУРГЪ № 44.

Снмъ имѣю честь довести до свѣдѣнія почтеннѣйшей публики, что въ моемъ магазинѣ имѣется самый разнообразный выборъ оптическихъ, механическихъ, хирургическихъ и тому подобнымъ инструментомъ, которые служатъ весьма полезными подарками въ предстоящимъ праздникамъ Рождества Христова, какъ-то: бинокли, стереоскопы, готвальны (т. е. ящики съ зеркалами), термометры, респираторы барометры и много другихъ вещей.

Кромѣ того считая не лишнимъ присовокупить, что при магазинѣ устроена во-
дная оптическая стеклошляфовальная мастерская, въ которой изготовляются опти-
ческие очковые стекла со всѣми поверхностями донныхъ въ оптикѣ только
существующими, по новѣйшей системѣ. Заказы исполняются весьма скоро, со
всего аккуратностью, а также съ отвѣтственностью за вѣрное исполненіе оныхъ.
Прейсъ-куранты высылаются по требованію бесплатно во всѣ города Россійской
Имперіи. М № 1066

**МАШИИНАЯ ФАБРИКА
FRANZ LEMPE in EINSIEDEL.**
bei Chemnitz in Sachsen,
предлагаетъ свои машины для выдѣлки
столярныхъ и слесарныхъ инструментовъ
ЛУЧШИЯ РЕКОМЕНДАЦІИ.
Цѣны умеренныя.
D. 5525 № 1081. 13—2

ОТЪ СОЛИТЕРА

и другіе глицеринъ спеціальное и скорое ле-
чение въ Гигіенической Лечебницѣ. Петер-
бургъ, Владимірская ул., д. № 15. Лечение
возможно и письменно. Тутъ-же лечатся и
отъ смилъ (лица), заразныхъ болѣзней.
К. № 961 10—7

ПОКУПАЮ ДЛЯ КОЛЛЕКЦІИ

по высокимъ цѣнамъ:
СТАРИННЫЯ КРУЖЕВА,
какъ-то: Point d'Alencons, d'Argentan,
de Venise et de Brabant,
**СТАРИННЫЯ ШЕЛКОВЫЯ
МАТЕРІИ,**
вышитыя съ золотомъ и серебромъ,
**ГОБЕЛЕНЫ И ВСЯКАГО РОДА
ДРЕВНОСТИ.**
Прошу адресоваться къ гос-
подину ЛЮДВИГУ БЕКЪ, Мос-
квѣ, Петровка, домъ Пенска-
го, ходъ съ улицы, противъ
аптеки. Л. № 1013 6—1.

БАНКИРСКАЯ КОНТОРА ЯКОБСОНЪ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ, Литейный проспектъ, д. № 21.

Продажа 5 % съ выигр. билет. съ разсрочкою платежей, съ за-
даткомъ по 20 руб. на билетъ.
Выигрыши, курсовая разница и купоны составляютъ собственность покупателя.

Страхование отъ тиража 5% съ выигрышами билетомъ по 50 к.
Отъ вг. многогородныхъ, включая почтовые расходы, по 60 коп. за билетъ.

Всѣ биржевыя и банковскія операціи по покупкѣ, продажѣ и заложу бумагъ отъ
гг. многогородныхъ исполняются по писемнымъ приказамъ черезъ почту.
Пріемъ въ комиссію 5% билетомъ для обмена на новыя.
Подробная программа операцій помѣщена въ "Нивѣ" № 5 сего года. № 1038 10—2

ВЫХОДИТЪ ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫМИ №№ ВЪ ДВА ЛИСТА СЪ 6—10 РИС. И ЕЖЕМЕСЯЧ. ДАРОВЫМЪ ПРИЛОЖЕНІЕМЪ „ПАРИЖСКИХЪ МОДЪ“ (отъ 20 до 40 модъ. рис.)
 Выданъ 13 Декабря 1880 г. и ЛИСТА ЧЕРТЕЖ. ВЫПРОЕКТЪ (отъ 22 до 30 рис.) разн. рис. рукод. работъ (отъ 20 до 40 рис.) Цѣна этого № „Нивы“ 15 к. съ перес. 20 к.

Открыта подписка на 1881 годъ.

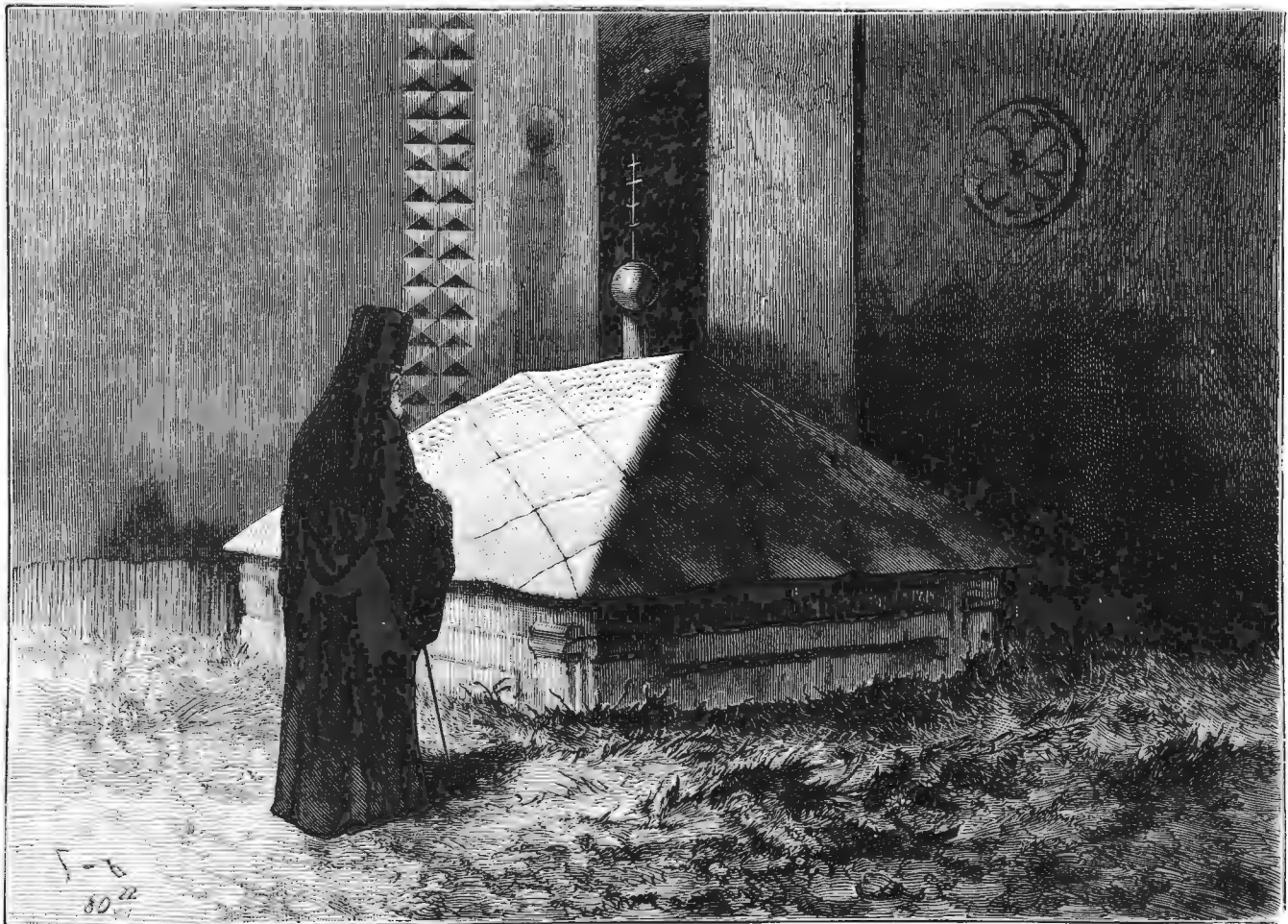
Подписная цѣна на годовое изданіе „НИВЫ“.

Безъ доставки въ Петербургъ . . . **4 р.** Съ доставкою въ Петербургъ . . . **5 р.** Безъ доставки въ Москву черезъ кн. магаз. гг. Шолошниковъ, Соловьева, Лангъ, Девяткина и Живарова. **5 р.** Съ пересылкою въ Москву и др. города Россіи . . . **6 р.** За границу . . . **8 р.**

Просимъ гг. ИНОГОРОДНЫХЪ подписчиковъ НЕ ЗАМЕДЛИТЬ ВОЗВНОВЛЕНІЕМЪ подписки, такъ какъ, при общемъ числѣ 55,000 подписчиковъ, приготовленіе ПЕЧАТНЫХЪ АДРЕСОВЪ требуетъ много времени.

Подписка на 1880 г. продолжается. Подписавшійся получаетъ журналъ съ перваго номера со всеми преміями.

КОНТОРА ЖУРНАЛА „НИВА“ ПОМѢЩАЕТСЯ ВЪ С.-П.-БУРГѢ НА Б. МОРСКОЙ, ВЪ Д. № 9.

Усыпальница царской семьи Годуновыхъ. Ориг. рис. П. Гнѣдича, грав. М. Радерскій.
 Библиотека "Руниверс"

Усыпальница Годуновых у Троицы-Сергия.

(Къ рисунку Глѣдича).

Семья Годуновыхъ является на страницахъ нашей исторіи какимъ-то метеоромъ: внезапно блеснула и исчезла безъ слѣда. Добившійся исключительно своимъ умомъ царскаго престола, Борисъ Ѳеодоровичъ, глубокой ревнитель просвѣщенія, „двѣтущій благодѣіемъ, видомъ и разумомъ людей превосходящій, мужъ чудный и краснорѣчивый“—его жена, какое-то легендарное существо изъ рода Скуратовыхъ-Бѣльскихъ, его несчастный, варварски умерщвленный, сынъ Ѳеодоръ и, наконецъ, симпатичный образъ обезчещенной Самозванцемъ его дочери, красавицы-Ксеніи,—все это составляетъ одну изъ интереснѣйшихъ главъ русской исторіи, полную самыхъ сильныхъ романтическихъ положеній и событій. Въ связи съ возвышеніемъ и паденіемъ Годуновыхъ исторія рассказываетъ таинственную повѣсть о призракѣ царевича Дмитрія, не то убитого, не то живаго,—не то мирно почиваго въ Углицкомъ соборѣ, не то торжественно вступающаго на іоанновскій престолъ, признаннаго даже своею матерью за роднаго сына. Событія путаются, слетаются; много неяснаго и неточнаго кроется въ изложеніи ихъ,—большинство мотивовъ событій—только гипотезы, гаданія историковъ и лѣтописцевъ.

Въ самомъ дѣлѣ, виновенъ-ли Борисъ въ смерти Дмитрія,—на это прямого отвѣта мы не имѣемъ и до сихъ поръ. Подсыпалъ-ли онъ убійцѣ къ ребенку и черезъ трупу его смѣло намѣревался перешагнуть къ трону, или справедливъ былъ розыскъ Василя Шуйскаго (заклятаго врага Бориса),—и показанія мамки, кормилицы и четырехъ сверстниковъ царевича вѣрны: мальчикъ игралъ въ свайку, и въ припадкѣ чернаго недуга закололся? Наконецъ,—быть можетъ справедливо предположеніе нѣкоторыхъ изслѣдователей, что Лжедмитрій I былъ истинный сынъ Грознаго? Повторяемъ—мы ни на одинъ изъ этихъ вопросовъ прямого отвѣта не имѣемъ.

Передъ нами только факты: вчерашній бояринъ, крещеный мурза, Годуновъ добивается того, что дворъ и духовенство на колѣняхъ молятъ его принять царство. Народъ, подъ его властью, освобождается отъ податей, купцы отъ пошлинъ, смертная казнь оставлена только для разбойниковъ, нищія получаютъ хлѣбъ, голодные—работу... Въ монастыри рѣкой льются милости и дары...

Умираетъ Борисъ внезапно, отъ неизвѣстной причины. Ему наследуетъ сынъ, унылый, начитанный, „знакомый съ географіей и всякимъ естествословіемъ“... Черезъ нѣсколько недѣль его вмѣстѣ съ матерью умерщвляютъ, а несчастную Ксенію оставляютъ на жертву Самозванца. Ревность Марины Мнишевъ изъ далекой Польши достигаетъ Москвы и несчастная царевна, превратившись въ старицу Ольгу, отсылается въ Бѣлозерскіе скиты. Тѣло Бориса вынимается изъ Архангельскаго собора и вмѣстѣ съ трунами сына и жены хоронятся за Неглинной, гдѣ погребали самоубійцу. Вступаетъ на престолъ Шуйскій. Труны вырываются, съ торжествомъ переносятся въ Троице-Сергіевскую лавру. Здѣсь-же хоронится впоследствии и Ксенія, умершая въ далекой Владимірской обители,—и Годуновы исчезаютъ безъ слѣда.

Не даромъ Лавра была избрана мѣстомъ погребенія Годуновыхъ. Борисъ Ѳеодоровичъ осыпалъ своими благодареніями монастырь. Между древними образами иконостаса соборнаго храма до сихъ поръ первенствуетъ образъ Живоначальныхъ Троицы, обложенный Борисомъ въ 1600 году золотомъ и драгоценными камнями, причемъ на одномъ камнѣ вырѣзано изображеніе Троицы. На лаврской колокольнѣ до сихъ поръ виситъ колоколъ *Годуновъ*, вѣсомъ въ 1850 пудъ. Въ ризницѣ хранятся сосуды и камни, пожертвованные Годуновыми, превосходныя пелены, шитыя искусными руками Ксеніи.

Въ какомъ-же видѣ теперь усыпальница царственнаго семейства? Сперва Годуновыхъ погребли на паперти Успенскаго собора. Потомъ паперть уничтожили,—теперь надъ ихъ останками неуклюже высится какая-то безобразная постройка, каменная, крытая кое-какъ жѣлѣзомъ, и только надпись съ одного бока: „Усыпальница Годуновыхъ“ гласитъ о томъ, сколько историческихъ воспоминаній связывается съ этимъ мѣстомъ.

Небрежное отношеніе администраціи Лавры къ мѣсту погребенія царей муромазанниковъ, вѣнчанныхъ на царство,—положительно непростительно. Хотя-бы вспомнили, сколько золота, жемчуга и изумрудовъ пожертвовано ими, и подумали—не лежить-ли на монастырѣ нравственной обязанности поставить приличный памятникъ царственнымъ владикамъ...

Три тысячи.

Разсказъ Н. Боева.

Дни все время стояли чудесные. Ровный, здоровый, смолистый воздухъ лился въ грудь. За Исютинской земскою станціей мы попали уже въ такія глухія деревни и безконечныя зеленые лѣса, въ какіе и не заѣзжалъ еще никто изъ „господъ“ приѣзжихъ. Говорили, что одинъ князь, увлекавшійся въ Петербургѣ мечтами объ отличной охотѣ и имѣвшій здѣсь большое оброчное лѣсное имѣніе, доѣхалъ до Исютина въ своемъ дормезѣ, къ которому нацѣпляли Богъ знаетъ сколько лошадей и на уносную посадили даже дѣвку. Но въ Исютинѣ онъ, морщась, напился изъ нечищеного самовара чаю, поворожалъ вилкою изъ своего несессера какую-то подозрительную яичницу и велѣлъ ѣхать обратно. Причемъ на крыльцѣ камердинеръ его, зпустивъ руки въ карманы модныхъ брюкъ, сдѣлалъ нѣсколько весьма нелестныхъ замѣчаній о провинціи.

Дорога-бы очень могла наскучить, если-бы не оригинальность этой лѣсной глуши, этихъ пустынныхъ, но хорошо обстроенныхъ высокими избами, деревень, раскиданныхъ по берегамъ быстрыхъ свѣтлыхъ рѣчекъ или высокими обрывамъ холмовъ и если-бы не мой неутомимый въ разсказахъ попутчикъ. Онъ въ этомъ краю родился и состарѣлся, занималъ должности во всевозможныхъ учрежденіяхъ съ земскаго суда—и былъ въ данный моментъ мѣстнымъ мировымъ посредникомъ—до учрежденія присутствія. Про него тоже ходило много сомнительныхъ разсказовъ, но они къ дѣлу не относятся и къ тому-же русскій, да еще уѣздный человекъ всегда не прочь „поддать“, какъ говорится, о ближнемъ какой-нибудь анекдотецъ.

— А не пора-ли чайку попить? Тутъ видите-ли будетъ скоро деревня Азловка, тамъ у меня благопріятельница есть,—умная старуха и чисто очень у нихъ сказала мой спутникъ.

Я согласился, и черезъ нѣсколько минутъ выдвинулись изъ-за сосенъ тесовыя крыши и трубы лѣсной деревни. На крытомъ высокомъ крыльцѣ обширной, росписанной пестрыми рѣзными „полотенцами“ избы, встрѣтила насъ высокая, красивая старуха, съ живыми темными глазами. Она держала толстаго, пучеглазаго внука на рукахъ, низко поклонилась и очень приглашала зайти.

— Пожалуйте, господа, сейчасъ самоварчикъ наставлю—все есть: и сливки есть, и селяночку излажу. Послѣ распросовъ о мужѣ и сынѣ ея, уѣхавшихъ на торгъ, послѣ несовсѣмъ приличныхъ, шуточныхъ разговоровъ съ красивой молодухой,—золовкой старухи—противныхъ разговоровъ, которые меня особенно всегда коробили своей неумѣстностью при поѣздкахъ съ мѣстными чиновниками, мы напились чаю и, простившись съ хозяйками, тронулись на отдохнувшихъ лошадяхъ дальше по ровной, лѣсной дорогѣ. Спутникъ мой проявилъ обычную разговорчивость.

— Богачи! говорилъ онъ; знаете у старика сколько смолокурокъ одѣхъ,—тысячники! Теперь сынъ орудуетъ больше—машину выписалъ изъ Москвы, какъ-же! Видѣлъ я,—хорошо съ машиной, и вѣдь какъ? Полторы тысячи не поморщился отвалилъ. Смолу къ верку везутъ, а сажу и московскіе покупаютъ. Старикъ умный и дѣловитый, а вѣдь помню, какой лядищій мальчишка былъ. Да это старуха все, все Анна! Всю семью держитъ и мужа образовала.

— Что-же это онъ все изъ ничего нажилъ? — Нѣтъ, видите-ли, нето что изъ ничего, а тутъ та-

вія пригульня три тисячі рублѣй были, онъ съ нихъ и началъ. Да, какъ вспомнишь, такая это исторія.

— Какая такая исторія? пожелалъ я узнать, радуясь новому, занимательному сокращенію долгаго пути.

— Давно было. Это, видите, еще при откупахъ .. И я, грѣшнымъ дѣломъ, съ откупами дѣльца по суду имѣлъ, ну знаете и знакомство. А исторія эта была именно, такъ сказать, по этому вѣдомству.

— Расскажите, пожалуйста. Интересно, что такое?

— Ничего особеннаго нѣтъ—такъ, глупость, продолжалъ онъ, подумавъ, а и теперь меня пробираетъ какъ вспомню. Тогда по этимъ мѣстамъ никто не ѣздилъ, дворяне поближе къ городу въ эку глушь никогда не попадали, вотъ только мы развѣ по службѣ, да вотъ откупные чиновники.

Нашу губернію держалъ тогда Махаевъ, ну извѣстный богачъ, вы вѣрно слышали... Сила! Губернскіе у откупа извѣстно были въ пріятностяхъ и откупные тогда таки пожили и пошаркали. Какъ теперь помню — ѣдетъ откупной ревизоръ на своей тройкѣ съ бляхами, колоколами звонить. На встрѣчу въ саночкахъ парой исправникъ. Съ тройки ревизоръ съ товарищами—ну извѣстно въ восторгѣ, знаете—кричатъ: „вали его въ свѣтъ!“ Налетѣла тройка, да такъ исправника торчкомъ въ сугробъ и поставили.

— Ну и что-же тотъ?

— Что? Ничего. Отряхнулся,—экіе вы, говоритъ, господа, шутники—развѣ такъ можно. Этакъ человекъ погубить недолго, простудить. „Врешь, кричатъ, иди къ намъ, согрѣемъ! Ну онъ съ ними всю ночь и курилъ. Разбойники были!

Присланъ былъ тогда отъ самого Махаева съ особыми полномочіями ревизорамъ ревизоръ. Чѣмъ ужъ онъ у Махаева заслужилъ, кто онъ такой? ничего не знаетъ. Только ѣдетъ громко, въ дормезѣ шестерикомъ. Сначала поугалясь было служащіе. Ну справочки навели. Фамилія Ландеръ, говоритъ про себя, что остзеецъ, выговоръ польскій, былъ офицеромъ, въ полку какая-то исторія вышла съ подсвѣчникомъ въ дѣйствіи—ужъ Богъ его знаетъ. Только просили выйти изъ полка. Мужичище здоровый, пьетъ сильно и на разговоры всякіе склоненъ. Поуспокоились—ждутъ.

— Ну и что-же это за человекъ былъ?

— Да какъ вамъ сказать—безобразно! У насъ все бывало—и я куривалъ, а это, прямо сказать, безобразно. Да его-бы и Махаевъ убралъ, кабы онъ самъ не убрался на тотъ свѣтъ. Пріѣхалъ, со всѣми познакомился. Росту большаго, усищи черные, длинные, голова стриженная, и не могъ я никогда глаза эти видѣть! Большіе, да такіе пронзительные, противные какіе-то, Господь съ нимъ. А илѣтъ хорошо съ гитарой, голосъ чудный былъ—ничего говорить. Разумѣется, въ карты, и пьянство бывало безобразное. Тогда у насъ эта Ракитинская гостиница небольшая была—всѣ номера заняты и двери во всѣхъ открыты, чтобы никого больше не пускали. „Хочу, говорить, анфиладу.“ Довольно вамъ сказать, что за ужиномъ разъ потребовалъ, чтобы ввели въ номера лошадей. А онъ купилъ себѣ пару за тысячу рублѣй. Ввели и котлетой ее кормили и шампанскимъ обливали... Не хорошо было, что и говорить! Друзей много нашлось, деньгами сорить зря.

Только какъ ѣхать по волостямъ, онъ у насъ и спрашиваетъ: „а что-же я найду-ли тамъ удовольствія въ жизни? Какова тамъ женственность?“ Ми еще и тогда его насчетъ этого остерегли. Говоримъ, вы еще тутъ по близости города ничего, а тамъ какъ будетъ въ глубь да къ лѣсамъ, да по лѣснымъ поселкамъ, тамъ баловства этаго неведется—строго. Худаго-бы не вышло. Эхъ, вы! говорить, это вы только куры этакія! Погляжу я, какъ это они тамъ поведенцію ломаютъ. Вздоръ! Я вамъ, говорить, покажу! И поѣхалъ.

— Но однако онъ могъ, въ самомъ дѣлѣ, если такъ, попасть на непріятность...

— Нѣтъ, знаете. Тутъ ѣзда, кутежи и онъ какъ будто забылъ объ этомъ и ничего такого не дѣлалъ. Все же ревизовалъ что-то, потомъ сейчасъ ему ужъ всегда обѣдъ, попойка, карты, а то спалъ. Опомнился онъ въ Искютинѣ, туда пріѣхалъ съ самоваромъ на козлахъ...

— Съ самоваромъ?

— Да; на предъидущей станціи онъ купилъ въ трактирѣ большущій самоваръ и велѣлъ его поставить и привязать къ козламъ, чтобы кипѣлъ. Такъ и ѣхалъ. Въ Искютинѣ будто опаматовался. Глаза красные, голова трещить. Опохмѣлился и эдакій довольно тихій, хмурый доѣхалъ до Азловки. Тутъ на бѣду и попадись ему Анютка. Пришла зачѣмъ-то къ нашего подвального женѣ. Онъ ее и увидѣлъ.

— Это, говоритъ, что за красавица писаная? Кто такая? Вотъ такую-то я и искалъ. А надо вамъ сказать, Анютка тогда совсѣмъ дѣвчоночка была, такъ лѣтъ 16, сиротка. Отецъ ея на баркахъ ходилъ, въ половодье потонулъ, мать давно померла, такъ ее къ себѣ взялъ дядя въ семью, по старому бурмистромъ былъ въ Азлѣ. Сѣдой такой, почтенный старикъ, умный былъ. И сиротка такъ-то пошла расти да хорошѣть, ну вотъ краля. Стройная, ровненькая, глазки такіе пріятные, щечки такъ вотъ и нышуть... Тѣфу ты, да что это я вамъ, старикъ, росписался. Любилъ я, грѣшный, хорошенькихъ глядѣть, и по этой сторонѣ ихъ таки есть, ну, а эдакой, какъ эта старуха тогда была,—не запомню. Тихая, да разумная, работница. Въ дому не нахвалятся ей и женихъ—ея старикъ теперешній—подъискался. Тогда совсѣмъ мальчишка былъ; изъ хорошаго дома паренекъ, и дѣло у нихъ ладилось.

Я ѣздилъ тогда съ Ландеромъ за попутку—провѣрялъ торговля права по уѣзду—оно, знаете, дешевле, и веселѣе, человекъ онъ былъ тароватый. И еще съ нами кое-кто прицѣпился. Секретарь его, лакей, подвальный—цѣлый поѣздъ! Этотъ, что Ландеръ называлъ своимъ „секретаремъ“, особенно противный бѣдъ. И ухмыляется-то передъ тобой, и юлитъ, а самъ такъ кажется какъ шпионъ, тебѣ въ душу и заглядываетъ. Глазенки подлые, да узенькіе, усишки щипанные какіе-то, вкрадчивый такой, и для Ландера готовъ на что угодно. Лакей, ну тотъ какой-то забитый паренъ былъ, слоенный совсѣмъ человекъ.

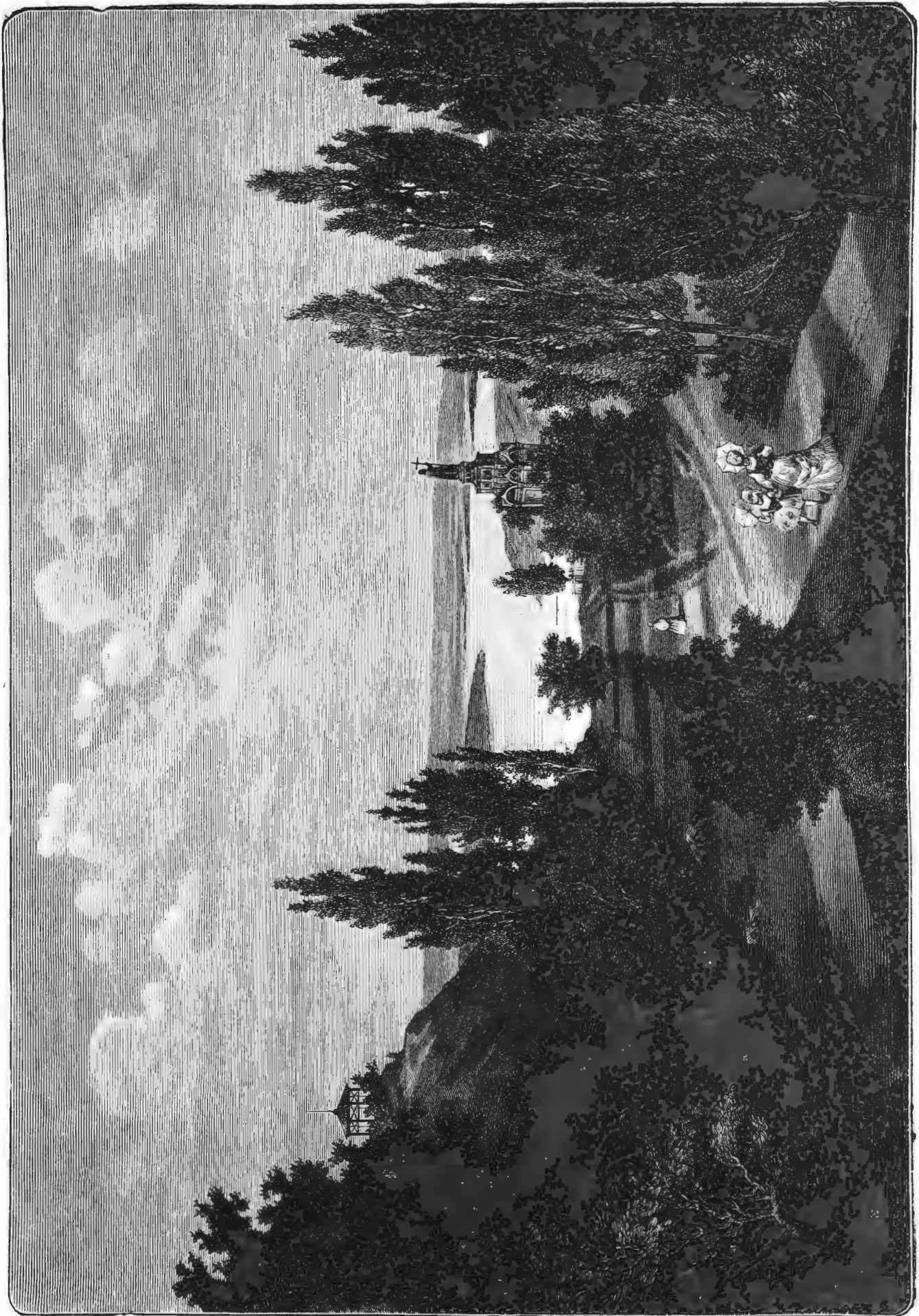
Какъ теперь помню, сидимъ мы, а эта дѣвчоночка такъ скоро, скоро черезъ комнату пробѣжала. Ландеръ кричитъ: „давай ее сюда! Сейчасъ!“ Мы смѣемся, удерживаемъ, говоримъ „брось“. Ну однако не такой человекъ былъ. Онъ своего секретаря.

— Ты, спрашиваетъ, въ повиновеніи? „Въ повиновеніи и подчиненіи“. Поди, узнай все подробно, обрѣзуй и объ оной дѣвицѣ представь мнѣ точный докладъ. Кругомъ—маршъ! Понимаешь? А самъ будто забылъ. Сѣли мы въ карты. Думалъ я, ну такъ обойдется, побавалится—отойдетъ. И жалъ мнѣ было старика-бурмистра. Не хотѣлось мнѣ, признаться, что бы что худое вышло. Старался я все Ландера заговорить да пить съ нимъ, чтобы свалился и забылъ.

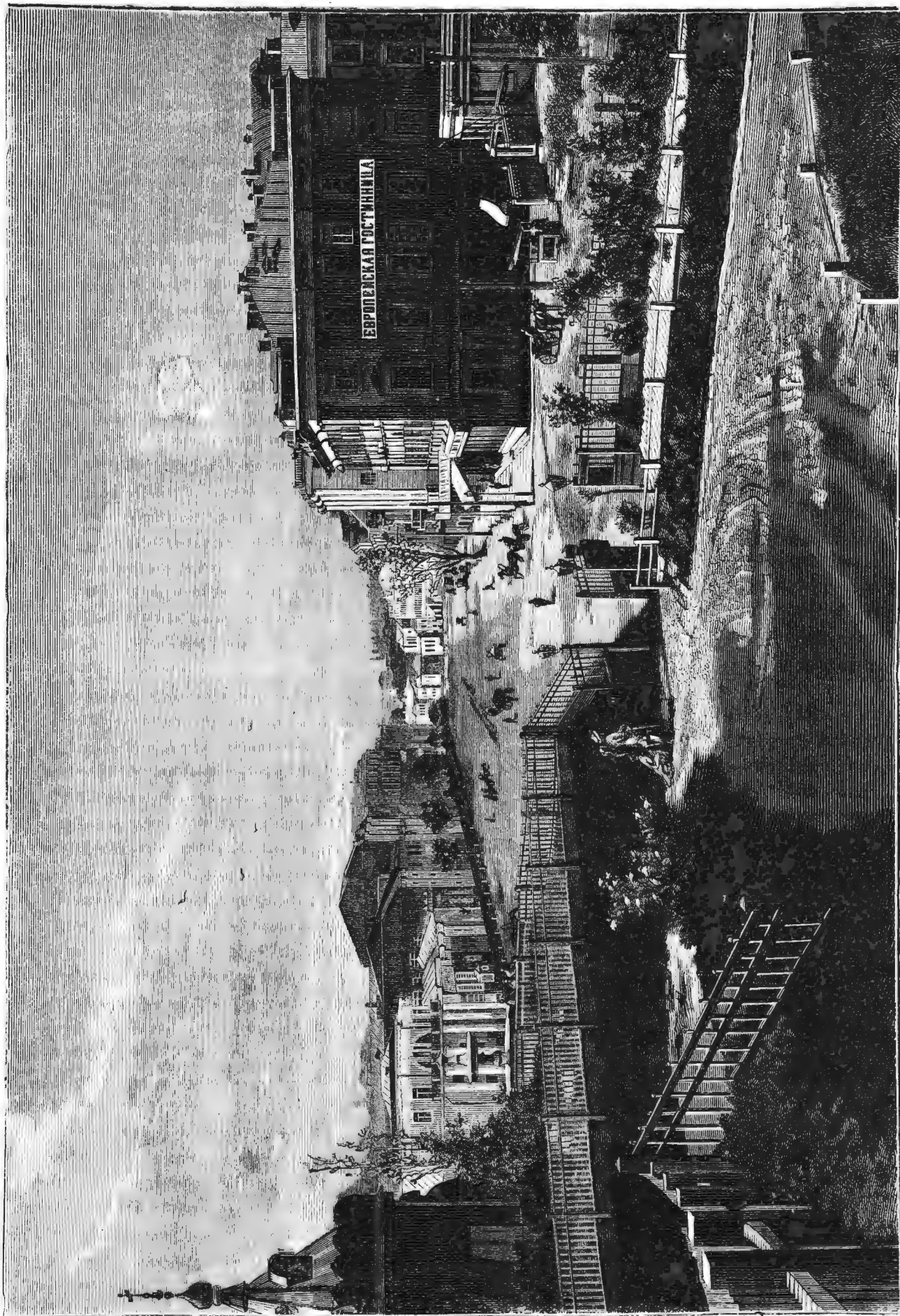
Однако приходитъ и секретаришко съ довлдомъ. Отводитъ въ сторону, слышу: старика нѣтъ, уѣхалъ за рѣку однѣ бабы да дѣти, а она молъ плачетъ.. Тоже ругаются...

Вижу, засѣло у него это въ головѣ. Боюсь, что вийдетъ. А у насъ это бывало. Разъ—правда давно—однако землемѣра такъ отвозили, на силу ноги унесъ, да и умеръ потомъ „отъ неизвѣстной причины“ и самъ молчалъ—не сказывалъ.

Легли мы наконецъ спать. Ландеръ велѣлъ себѣ на сѣновалѣ постлать—знаете здѣсь въ сѣняхъ у каждаго и сѣновалъ—а я въ комнатѣ; да такъ душно что-то бы-

Кіевъ. Бульваръ передъ памятникомъ Владиміра. Рисунокъ И. Цакова, грав. М. Рашевскій.

Кіевъ. Крещатикъ. (Главная улица). Съ фотогр. рис. Н. Карзинъ, грав. М. Рашевскій.

ло, не спалось; отворилъ я дверь въ сѣни и присѣлъ къ овошечку. Ночь такая тихая была, звѣздъ что высыпало, луна такъ и бьетъ въ глаза. Сижу я это, по-сматриваю и забылъ совсѣмъ и объ Ландерѣ и объ дѣвчонкѣ этой. Только слышу что-то шепчутся въ сѣняхъ. Ахъ, думаю, проваль ихъ возьми. Нейдется ему, вотъ поди ты! Потомъ затихло. А тамъ ужъ такъ черезъ нѣсколько минутъ, слышу подъ соснами такіе скорые да тяжелые шаги съ улицы и словно кто бьется да плачетъ глухо такъ. Высунулся я въ оконце и такъ сердце у меня и захолонуло—вижу на рукахъ тащутъ трое человѣкъ что-то закутанное—темно подъ сосенками, не разглядѣть было въ тѣни, да я догадался, бросился къ сѣнямъ, тамъ ужъ и свѣча горитъ и Ландеръ такой страшный стоитъ—тѣнь огромная такая, такъ по стѣнѣ и качается. Глаза злые, усищи черные крутить, безъ сертука. Уйди! кричитъ на меня, чего ты выльзъ, не твое дѣло. Въ двери со двора барахтаются и лѣзутъ. „Толкай сюда, кричитъ, а тутъ мое дѣло“ и объ двери захлопнулъ. Приотворилъ я дверь, смотрю, и жалко мнѣ, да боюсь какъ эдакой звѣрь, что съ нимъ станешь дѣлать? Убѣтъ. Слышу, втокнули ее, приперли дверь—упала она бѣдняжечка, встала, прижалась къ стѣнкѣ, рыдаетъ горько такъ.

— Что ты рюмишь дура, говоритъ, ты понимаешь, я отъ твоей красоты какъ полуумный сталъ. Все тебѣ отдамъ, что теперь есть у меня въ карманѣ, получай!

— Ничего мнѣ не надо, лепечетъ, пустите меня... Господи!

— Тысячу, понимаешь, двѣ... ну!

Она такъ-то задрожала и такъ заплакала и такимъ голоскомъ сказала эти слова, что я и теперь помню:

— Господи, да за что-жъ, говоритъ, такъ меня обижаютъ! Бѣдная я, беззащитная я сиротка.

Онъ вдругъ повернулся отъ нее въ сторону и заговорилъ:

— Зачѣмъ ты такъ говоришь? Ты, говоритъ, глупая, меня какъ ножомъ рѣзнула... и она вотъ такимъ же голосомъ тогда сказала... Былъ я подлецъ, и есть подлецъ... Иди отсюда, да поскорѣе... Иди, иди! И вдругъ какъ сказалъ онъ эти слова, зашатался и хлопнулся во весь ростъ. И что съ нимъ приключилъсь, Господь его знаетъ—ударъ-ли, либо что—мужчинище былъ такой здоровый, развѣ пилъ ужъ очень.

А Анюта такъ испугалась—добрая дѣвочка была—и къ нему бросилась и я бросился. Припесла она воды, намочила голову ему. Очнулся онъ да ужъ и не вставалъ. Поводилъ, поводилъ глазами своими, схватился за голову и застоналъ. Было это передъ разсвѣтомъ.

— Ахъ, говоритъ, больно, ломить—не жить мнѣ...

Увидаль Анютку, что и она за нимъ ухаживаетъ. Блеснули глаза у него.

— И ты—здѣсь... Какъ же ты за мной ходишь... Ахъ ты дѣвочка, бѣдная ты дѣвочка! Сиротка она?... говорить.

И опять впалъ въ безпамятство.

Не знаемъ съ нимъ что дѣлать. Доктора нѣтъ, глушь, увозить его боимся, хуже не было бы отъ дороги. Къ утру слышу какой-то говоръ, кто-то плачетъ. Крикъ слышу какой-то. Я на крыльцо. А около виннаго склада, гдѣ мы жили, ужъ народъ собрался, старики и женихъ-то Анюткинъ мальчишка, реветъ, заливаается. Совсѣмъ мальченка былъ, едва ли девятнадцатый годокъ пошелъ.

— Сюда, говоритъ, повслокли. Старика то у нихъ де въ дому нѣту, бабы голосятъ... Страмъ! Господи, страмотушка...

— Что же, господа, старики толкуютъ, это не ладно, бумагу ты свою пиши а такъ не ладно... не показано... чтобы въ честномъ дому... Не хвалить... Ишь ревизоръ какой!

Секретаришка выскочилъ этотъ „молчать, кричить, разбойники!“ Ему отвѣчаютъ однако.

— Нѣтъ, это вы, говорятъ, разбойники-то наѣхали ишь сюда. Да еще и кто вы такіе—мы вашихъ правовъ доищемся. Вижу у него съ ними добра не выйдетъ. Иду къ старикамъ, говорю: чего вы! И ревизоръ-то этотъ самый почитай умираетъ и дѣвку не обижали—она уйдетъ сейчасъ домой. Она сама ему теперь голову примачиваетъ.

— Какъ сама?... Не обижали? Умираетъ. Чего это ты морочишь насъ, что ты батюшка...

— Да вы меня знаете?..

— Тебя то мы знаемъ... А только нигдѣ такихъ ревизоровъ не показано, чтобы разбоемъ—это мы упримся... поди ты, наѣхали...

Вижу народъ съ батожьемъ, мѣсто глухое, лѣсное; дѣла эти хоть давно, да бывали... Думаю, вотъ въ исторію впутался, прахъ его возьми, этаго ревизора! Очень мнѣ нужно, что потомъ будетъ произведено строжайшее слѣдствіе и что трупъ мой вскроютъ и найдутъ въ такихъ-то и такихъ-то мѣстахъ кровяные подтеки и поврежденія надкостной плевы...

— Да чтожъ, говорю, хозяева, коли сомнѣваетесь, взойдите въ складъ, глядите сами—человѣкъ кончается и никакого дѣла худаго не было. Не пустилъ Господь.

Послушались, вошли человѣкъ шесть стариковъ. Какъ затопотали они, онъ будто очнулся, опять видятъ Анютка ему на головѣ ледъ держитъ. Тихо такъ заговорилъ онъ.

— Держи, говоритъ, держи! Не долго мнѣ. Ужъ это у меня второй разъ. Вотъ старики... конецъ приходитъ...

Тѣ такъ головами покачиваютъ, сомнѣваются и на Анютку поглядываютъ. А изъ двери женихъ ея подвысунулся.

— Да она то, коли такъ, тутъ почто же? спрашиваютъ.

— А вотъ кончается, проситъ чтобы посидѣла, голову примачиваетъ...

— Опять же это не дѣло—чего же дѣвкѣ ходить ревизорамъ головы примачивать... Да старика-то ихняго вотъ на грѣхъ нѣтъ, а бабы извѣстно... что...

Онъ опять ихъ такъ, ровно тянетъ слова, перебываетъ:

— Вотъ и кстати тутъ вы. Слушайте! Есть мое желаніе передъ смертью... Деньги какія у меня съ собой, чтобы ей отдать... Обидѣлъ я дѣвочку кровно! Наградить хочу...

Анютка это въ сторону отскочила, плачетъ.

— Господи, да подите вы съ деньгами...

— Это за что же ей такъ-то...

— За что? Она хорошая, а я ее кровно обидѣлъ... Что-жъ въ деньгахъ моихъ ты мнѣ будешь указывать... Держи! говоритъ ей и самъ пачку протягиваетъ.

— Не падо мнѣ! Охъ стыдобушка мнѣ горькой...

Плачетъ дѣвка, не беретъ.

— Ну старикъ, говоритъ больной одному такому съдому Мироничу—хорошій былъ старикъ! держи ты и отдай бурмистру. Такъ и скажи, молъ, это Анюткины деньги...

— Для чего не взять... Я отдамъ... Чтобы только послѣ чего не было. Деньги чужія...

— Ничего не будетъ! Ну... вы всѣ свидѣтели!

— Да что же мы... дѣйствительно... свидѣтели.

Такъ и отдалъ старику что съ нимъ было, а было съ нимъ до трехъ тысячъ всего! Вонъ какую штуку удралъ!

И ужъ что за злость въ глазахъ узенькихъ была у этого секретаришки. Шепчетъ мнѣ: не въ здоровомъ умѣ... нельзя такъ... Я будто не слышу. Очень ужъ противенъ мнѣ былъ... Тутъ Ландеръ сталъ метаться да стонать, кровь горломъ пошла... Пилъ онъ всегда шибко... Старики съ деньгами долго еще топтались, сомнѣвались... секретаришка ругается... Анютка не знаетъ куды ей идти и что дѣлать. Такое было дѣло!

— Ну и что же потом?

— Да что потом? Ну, Ландеръ этотъ умеръ, при-
слали другаго ревизора, тихій такой, непьющій—въ два

года нажился, уѣхалъ. Анютка за свою мальчишку
замужъ вышла... Больше то ничего не было... Что
же еще?..

Бой среди океана.

Рассказъ Р. Вернера.

Былъ прекрасный солнечный день; малѣйшій вѣтерокъ не тревожилъ моря и солнечные лучи сверкали на прозрачныхъ синихъ волнахъ. Я былъ свободенъ и только что успѣлъ углубиться въ чтеніе стараго календаря, который нашелъ въ сундукѣ у повара и съ содержаніемъ котораго ознакомилъ своихъ товарищей, какъ вдругъ зловѣщія слова работавшаго въ такелажѣ матроса о близкомъ прибоѣ, встревожили насъ.

Всѣ вскочили и глядѣли по указанному направленію. Отъ насъ на разстояніи не болѣе двухъ миль волны заколебались. Капитанъ долго и вниательно наблюдалъ въ зрительную трубу.

— Непонятно! сказалъ онъ, покачавъ головою. На сто миль кругомъ карты не указываютъ ничего опаснаго; здѣсь я ходилъ уже разъ десять, никогда ничего не бывало, а между тѣмъ это настоящія скалы передъ нами. Отъ пяти до шести скалъ высились надъ водой и волны, пѣнясь, разбивались о нихъ.

Между тѣмъ взомель на палубу и боцманъ.—Эго не прибой и не скалы, сказалъ онъ рѣшительно.

— А что-же это такое?

— Киты, отвѣчалъ боцманъ. — Вы принимаете это за скалы, но это плавники и хвосты. Они играютъ и бьютъ ими по водѣ, такъ что оно похоже на прибой волнъ.

Сообщеніе было выслушано съ сомнительными улыбками, но скоро мы убѣдились, что старій китоловъ правъ.

— Это цѣлое стадо! продолжалъ онъ. Вспоминая прежнія свои схватки съ великанами океановъ, онъ все болѣе водушевлялся.—Взгляните на громадный плавникъ въ серединѣ, возвышающійся надъ всѣми остальными, это самый старій китъ съ цѣлымъ стадомъ самокъ. Жаль, нѣтъ у насъ канатовъ—можно было бы ими заняться и мы нажили бы нѣсколько тысячекъ талеровъ. Киты что-то веселы и мы могли-бы подойти къ нимъ шаговъ на пять незамѣченныхъ. Вотъ задыхалъ старіе! Что за громада, должно быть—навѣрно не меньше шестидесяти футъ! воскликнулъ боцманъ въ полномъ экстазѣ. Сильная струя тонкаго пара подыалась на воздухъ и засверкала на солнцѣ всѣми цвѣтами радуги. Это было какъ-бы сигналомъ и все стадо исчезло внезапно съ поверхности моря. Почти въ то же время показались до десяти хвостовъ и исполнскія животныя нырнули въ бездонную глубину.

— Они опять явятся, успокоилъ насъ боцманъ, когда мы выразили по этому поводу сожалѣніе, и скоро будутъ отъ насъ близко. Китъ выходитъ всегда въ направленіи, противоположномъ тому, куда ушелъ. Они были, впрочемъ, чѣмъ-то испуганы, а то никогда не прекращаютъ игры такъ вдругъ.

Съ нетерпѣніемъ прождали мы еще четверть часа, какъ вдругъ снова поднялся паръ сперва сильно, затѣмъ черезъ небольшіе промежутки до шести разъ, уже меньшими струями. Какъ боцманъ предсказывалъ, такъ и вышло: показалось снова все стадо и къ тому же близко отъ корабля на разстояніи не болѣе трехъ сотъ шаговъ.

Какъ будто по командѣ побѣжали мы всѣ, съ капитаномъ во главѣ, на такелажъ, чтобы лучше видѣть. Я держался поближе къ боцману, который лучше всѣхъ могъ удовлетворить наше любопытство. Благодаря близкому разстоянію и прозрачности воды, мы видѣли китовъ такъ хорошо, какъ будто они были передъ нами. Каждую часть ихъ тѣла—громадную голову съ гигантскою пастью, плавники, даже груди раковинъ, присосавшихся на ихъ спинахъ, могли мы хорошо разглядѣть.

Новизна и интересъ этаго зрѣлища чрезвычайно заняли меня и я даже вздрагивалъ отъ волненія. Стадо состояло изъ восьми штукъ, самца и семи самокъ; дѣтенышей не было. Самецъ былъ громаденъ. Самки казались гораздо меньше и были всѣ одинаковой величины. Всѣ тѣснились другъ къ другу, а самецъ занималъ съ боку такое положеніе, какъ-бы хотѣлъ заслонить стадо отъ чего-то. Они почти не двигались съ мѣста, плавники и хвосты незамѣтно колыхались и лишь изрѣдка навлонялся одинъ или другой, такъ что показывалась часть брюха.

— Это что-то непонятное, заговорилъ боцманъ снова, это вовсе не въ нравахъ китовъ держаться такъ долго въ одномъ мѣстѣ, этого я никогда не видѣлъ.

— Можетъ быть они видятъ нашъ корабль и боятся его, вскрикнулъ я.

— О, нѣтъ! кораблей они не боятся, въ этомъ я убѣдился въ Южномъ океанѣ. И до сихъ съ содроганіемъ вспоминаю я объ этомъ—нѣтъ, тутъ должна быть другая причина! Посмотрите на самца!

Китъ съ быстротою молніи вышелъ изъ своего оборонительнаго положенія, бросился влѣво, описавъ четверть круга и приблизился къ кораблю на пятьдесятъ шаговъ. Въ то же время поднялись хвосты самокъ; онѣ начали хлестать ими

шумно по водѣ и погрузились затѣмъ почти перпендикулярно въ море.

— Это ужъ не игра, сказалъ боцманъ, это что-то очень серьезное—какой нибудь страшный неприятель долженъ быть по близости. А! Я не ошибся, вотъ онъ! Мечъ-рыба!

Я посмотрѣлъ по указанному направленію и увидѣлъ замѣченныхъ боцманомъ рыбъ. Ихъ было шесть, отъ 15 до 16 футъ длиною; онѣ выходили изъ подъ нашего корабля и направлялись къ очевидно ожидавшему ихъ киту. Въ то же мгновеніе, однако, какъ мы ихъ замѣтили, онѣ раздѣлились, только двѣ удержали прежнее направленіе, остальные же отклонились направо, вѣроятно для преслѣдованія удалявшихся самокъ. Первыя двѣ, шагахъ въ десяти одна отъ другой, направлялись къ киту съ боковъ—черезъ нѣсколько секундъ онѣ должны были достигнуть до него и тогда бы онъ погибъ. Но произошелъ тотъ же непонятно быстрый поворотъ, въ этотъ разъ направо; голова громаднаго животнаго исчезла и хвостъ съ страшною силой ударился о поверхность воды.

Атака мечъ-рыбъ не удалась, а одна изъ нихъ уже не могла продолжать борьбу; она лежала на боку, плавники ея еще двигались, но она была вѣроятно тяжело ранена, ибо уходила очень медленно. Вторая рыба осталась невредима, мы видѣли, какъ она съ замѣчательною быстротою вынеслась изъ запынчившейся влѣдствіе удара ея хвоста воды, поплыла надѣво и исчезла.

Китъ стоялъ неподвижно въ водѣ и такъ близко отъ насъ, что мы смотрѣли на него почти въ упоръ. Онъ выпускалъ струями воздухъ, будто собираясь съ силами для продолженія боя. Слышался какъ бы сверхъестественный звукъ трубы, но благодаря близкому разстоянію мы ясно видѣли, что изъ головнаго отверстія выходилъ только паръ безъ воды. Водяныя капли не падали на поверхность моря.

— Bravo, bravo! восклицали мы, свидѣтели необыкновеннаго боя. Ура! Китъ побѣдилъ!

Китъ повернулъ немного голову къ намъ, но остался на томъ же мѣстѣ и огромная спина его возвышалась на нѣсколько футъ надъ водою.

— Подождите, подождите, говорилъ боцманъ, бой еще не кончился. Вы не знаете мечъ-рыбу, она не сдастся такъ скоро. Старій китъ хорошо это знаетъ; посмотрите, какъ онъ вниательно озирается.

Едва кончилъ боцманъ, какъ произошло новое нападеніе, но въ этотъ разъ не съ той стороны, съ которой ожидалъ китъ. Мечъ-рыба описала полный полукругъ и вернулась съ подерѣвленіемъ, чтобы возобновить атаку. Атаки мы не видѣли, но увидѣли ея изумительныя послѣдствія. Китъ всѣмъ тѣломъ подскочилъ такъ высоко, что даже брюхо его было на нѣсколько футъ надъ поверхностью моря, и ударился съ такимъ шумомъ и такою страшною силой обратно въ воду, что отъ паденія его образовалось цѣлое море пѣны и доносило волны вилоть до нашего корабля.

Въ то же мгновеніе какъ былъ сдѣланъ отчаянный прыжокъ, мы увидѣли трехъ мечей-рыбъ, выскочившихъ изъ-подъ кита на разстояніи до восьми футовъ одна отъ другой. Вслѣдъ затѣмъ онѣ исчезли въ пѣнѣ. Было очевидно, что китъ не успѣлъ отразить нападеніе ударомъ хвоста и долженъ былъ спастись прыжкомъ изъ воды. Мечъ-рыбы не достигли такимъ образомъ своей цѣли. Второй періодъ страннаго боя кончился и новое „ура“ въ честь кита раздалось на нашемъ кораблѣ.

— И все же онъ погибъ, сказалъ боцманъ; вѣдь ихъ три противъ одного, остальные двѣ тоже вернутся и тогда ему не уйти живымъ. Жаль славной ворвани, прибавилъ онъ. Онъ смотрѣлъ на дѣло съ точки зрѣнія китолова, между тѣмъ какъ мы сочувствовали киту. Слова боцмана скоро сбылись. Бой снова возгорѣлся и обѣ стороны вели его съ равнымъ ожесточеніемъ. Къ сожалѣнію мы не могли видѣть всѣхъ подробностей, но насколько борьба была отчаянна, мы судили по быстрому движеніямъ кита, по колыханью воды, взбаломученной сильными ударами хвоста, по частымъ перемѣнамъ мѣста боя, то непосредственно около корабля, то на разстояніи пятисотъ шаговъ и болѣе отъ насъ. Мечъ-рыбы мы затѣмъ почти вовсе не видѣли; онѣ плыли гораздо ниже кита, потому что нападенія свои онѣ направляли на самыя уязвимыя части подъ брюшными плавниками, а бѣшеные прыжки кита такъ мутили воду, что мы къ несчастью не могли слѣдить за ихъ движеніями. Только иногда одна изъ нихъ показывалась надъ поверхностью, избѣгая, вѣроятно, роковаго удара хвостомъ.

Такимъ образомъ продолжался ужасный бой. Мы слѣдили, сколько намъ можно было, за его подробностями уже минутъ десять, какъ произошла катастрофа. Снова раздался какой-то трубный звукъ и изъ головнаго отверстія кита высоко подня-

лась струя пара, но лучи солнца не искрились въ немъ радужнымъ блескомъ, ибо паръ былъ перемѣнанъ съ кровью. Китъ былъ смертельно раненъ неприятелемъ. Какъ бѣшеный кружился онъ, торча иногда одной половиной надъ водою и сильно ударя хвостомъ. Затѣмъ онъ сильно подскочилъ и подъ нимъ висѣла мечь-рыба, которую онъ вмѣстѣ съ собою увлекъ на воздухъ, чтобы при паденіи, самъ издыхая, разможжить ее тяжестью своего исполинскаго тѣла. Еще разъ испустилъ гигантъ высокую струю крови, послѣдовало три, четыре страшныхъ удара по водѣ и все стихло. Море успокоилось и громадное тѣло кита плавало бездыханно на его поверхности. Получивъ первую рану, онъ было такъ далеко удалился отъ корабля, что мы только отрывками видѣли конецъ подводной битвы, но не могли подавить чувства сожалѣнія, что царь морей, такъ храбро защищавшійся, все-же былъ побѣжденъ. И боцманъ выразилъ сожалѣніе, однако, о томъ, что на кораблѣ не нашлось бочекъ для драгоцѣнной ворвани.

— Въ немъ не менѣе трехъ сотъ тоннъ, это великолѣпнѣйшій китъ, а вотъ теперь все пойдетъ акуламъ на съѣденіе, жаловался онъ. 1500 талеровъ пойдутъ такимъ образомъ къ чорту, и къ тому же это къ несчастью кашалотъ, въ противномъ случаѣ мы въ какой-нибудь часъ нажили-бы груды денегъ.

— Это какимъ способомъ? спросилъ я, не понимая смысла послѣдняго замѣчанія.

— У кашалота нѣтъ уса, отвѣчалъ онъ, только одни зубы въ нижней челюсти, которыми, впрочемъ, не мало бѣдъ можетъ надѣлать. Все это я видѣлъ и могъ многое рассказать по этому поводу; теперь, однако, сойдемъ на палубу и попросимъ у капитана лодку. Добудемте по крайней мѣрѣ кусокъ языка, это прекрасное блюдо и всѣмъ понравится послѣ вѣчной солонины.

Торопясь какъ можно скорѣе спуститься на палубу, а также желая показать свою любовь передъ боцманомъ, я не воспользовался лѣстницей, а соскользнулъ по канату. Движеніе было такъ сильно, что я содралъ себѣ всю кожу съ ладони.

— Bravo, вотъ такъ ловко! воскликнулъ боцманъ. Вотъ видишь ли, современемъ ты будешь пожалуй порядочнымъ мальмъ.

Похвала эта обошлась мнѣ слишкомъ дорого; отъ боли я крѣпко стиснулъ зубы, но разумѣется не выдалъ себя, чтобы не сдѣлаться посмѣшищемъ всѣхъ. Капитанъ позволилъ боцману взять шлюпку, чтобы отрѣзать кусокъ языка, и я принялъ участіе въ поѣздкѣ. Рѣдко приходилось мнѣ испытать такую боль, какъ при этой поѣздкѣ, потому что дерево веселья соприкасалось къ голому мясу ободранныхъ рукъ моихъ, но я стерпѣлъ адскую боль со стоицизмомъ, достойнымъ иудѣйца, чтобы извлечь на будущее время полезный урокъ.

Мы нашли кита лежащимъ на боку среди окрашенной кровью

воды. Онъ имѣлъ болѣе шестидесяти футъ въ длину; особенно поразила меня громадная голова, занимавшая, казалось, третью часть всего тѣла. На животѣ было четыре тяжелыхъ ранъ, три изъ нихъ болѣе горизонтальныя, четвертая же, смертельная, была нанесена удачнымъ ударомъ снизу. Она, вѣроятно, и заставила кита сдѣлать послѣдній отчаянный прыжокъ, при которомъ онъ увлекъ за собою и мечь-рыбу. Отломанный мечъ торчалъ въ ранѣ, но такъ далеко ушелъ между реберъ, что не было никакой возможности вытащить его руками. Когда мы подѣхали къ пасти, чтобы отрѣзать языкъ, она была судорожно стиснута и между челюстей совершенно раздавленная мечь-рыба. Китъ должно быть, непосредственно передъ смертью схватилъ ее поперегъ тѣла и сокрушилъ рядомъ своихъ 48-ми зубовъ въ шесть или семь дюймовъ длину: только голова съ мечемъ висѣла неповрежденная съ одной стороны его пасти, такъ что мы могли срѣзать ее и положить въ лодку.

Но этимъ боцманъ не удовлетворился: онъ хотѣлъ, во что бы то ни стало, добыть языкъ. Но это могло быть только сдѣлано, установивъ кита вдоль корабля, поэтому мы взяли его на буксиръ. Когда исполинъ былъ приведенъ въ движеніе, онъ легко поплылъ по водѣ и менѣе чѣмъ черезъ часъ онъ былъ прикѣпленъ къ судну. Но всѣ усилія открыть пасть были напрасны и къ великому огорченію боцмана да и насъ всѣхъ, намъ пришлось отказаться отъ лакомства. Когда при этихъ попыткахъ, кита поворачивали съ бока на бокъ, мы, къ великому нашему изумленію, нашли въ его спинѣ три старыя, заржавленные гарпуна. На двухъ изъ нихъ было обозначено одно и то же названіе корабля, на третьемъ же иное; было ясно что за этимъ китомъ охотились уже прежде два китоловныхъ судна, но тщетно. Какъ гарпуны такъ и отломанный мечъ были вѣрѣзаны въ кита въ память необыкновеннаго событія; но затѣмъ пришлось отвязать кита, ибо подулъ свѣжій вѣтерокъ, которымъ капитанъ хотѣлъ воспользоваться.

Какъ вороны надъ падалью, собралась цѣлая стая акулъ вокругъ умерщвленнаго кита. Откуда онъ такъ скоро взялись Богъ вѣдаетъ; мы насчитали ихъ двѣнадцать различной величины; разрѣзая своими треугольными спинными плавниками поверхность моря, онъ кружились въ двадцати или тридцати шагахъ отъ корабля, ожидая минуты, когда богата добыча достанется на ихъ долю. Когда мы отвязали кита и онъ удался на нѣсколько десятковъ шаговъ, акулы стремительно бросились на него и стали рвать его на куски.

Изъ головы мечь-рыбы капитанъ сдѣлалъ себѣ прессъ; отломанный мечъ получилъ боцманъ, но онъ подарилъ его мнѣ и до сихъ поръ храню я его въ память о старикѣ, которому я кромѣ другихъ благодарныхъ обязанъ и жизнью, а также въ память о страшномъ зрѣлищѣ, которое не многимъ дано видѣть, въ особенности на такомъ близкомъ разстояніи.

РУССКІЕ КУСТАРНЫЕ ПРОМЫСЛЫ.

(См. рисунокъ на стр. 1040).

овсюду, гдѣ почва не даетъ достаточныхъ средствъ, нашъ крестьянинъ прибѣгаетъ къ какому-нибудь промыслу, для поддержанія своего хозяйства. Обыкновенно въ этомъ случаѣ часть семьи занимается *тожеими* промыслами—отрывается отъ роднаго крова и идетъ на удачу искать какого-нибудь труда, часто тяжелаго и неблагодарнаго; другая-же половина семьи остается дома и занимается какимъ-нибудь ремесломъ, принаровленнымъ къ мѣстнымъ потребностямъ. Такимъ образомъ возникли у насъ сельскія ремесла, почти независимо отъ фабричнаго производства, и скоро приобрѣли важное значеніе, образовавъ самостоятельную форму промысла, извѣстную вообще подъ именемъ *кустарной* промышленности.

Уже въ древнѣйшую эпоху существовали на Руси многіе домашніе промыслы, какъ напримѣръ, тканье холстовъ, полотень и суконъ, выдѣлка кожи и желѣза; производство посуды деревянной и глиняной, но особенное развитіе получила сельская кустарная промышленность въ XVII столѣтіи, когда кончилось смутное время и зависѣвшее отъ него броженіе и перекочевка сельскаго населенія. Именно въ это время цѣлыя деревни, особенно лежавшія близъ сосѣднихъ городовъ и при большихъ дорогахъ, начали заниматься производствомъ одного какого-либо ремесла; такъ жители одной мѣстности сдѣлались кожевниками, другой—ткачами, третьей—телѣжниками, кузнецами и т. д. Впрочемъ, въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ извѣстныхъ ремесла существовали и раньше XVII вѣка, какъ напримѣръ, иконописъ, которая издавна составляла наследственное занятіе жителей слободы Халуй, Владимірской губерніи. Также съ незапамятныхъ временъ русскіе крестьяне умѣли плавить желѣзную руду и занимались выдѣлкою желѣза; такъ жители Тулы плавилъ чугуны въ маленькихъ домашнихъ горнахъ и выдѣлывали разнаго рода желѣзныя издѣлія, а при Алексѣѣ Михайловичѣ уже умѣли дѣлать огнестрѣльное оружіе. Съ тѣхъ же поръ, какъ крестьяне разныхъ промышленныхъ мѣстностей уравнины въ правахъ заводить фабрики и мануфактуры, съ прочими сословіями, кустарничество оставляется наиболѣе предприимчивыми дѣятелями на этомъ поприщѣ. Многіе бывшіе кустар-

ники сдѣлались зажиточными фабрикантами и вообще фабрики и заводы мало по малу начали отвлекать людей отъ кустарнаго труда и клонить послѣдній къ большому и большому упадку. При всѣхъ препятствіяхъ, наша кустарная промышленность все таки сохранила свою жизнеспособность и экономическое значеніе, и во многихъ губерніяхъ кустарники предпочитаютъ лучше работать въ семьѣ при ничтожномъ заработкѣ, чѣмъ приняты за фабричный трудъ, хотя и болѣе выгодный, но не удовлетворяющій ихъ личнымъ влусамъ и наклонностямъ. Впрочемъ, при патриархальной дешевизнѣ труда и при простотѣ матерьяла, кустари не затрудняются въ покупателяхъ, такъ какъ могутъ продавать свои произведения невообразимо дешево, и потому неудивительно, что всѣ мѣстныя ярмарки завалены издѣліями подобнаго рода, что масса кустарной работы до сихъ поръ громадная, что кустари считаются сотнями тысячъ и производятъ ежегодно на десятки милліоновъ рублей.

Въ послѣднее время наша кустарная промышленность, какъ одно изъ самыхъ замѣчательныхъ проявленій народнаго творчества и трудолюбія, удостоилась наконецъ серьезнаго изученія. Императорское Географическое Общество собрало значительный матерьялъ для разносторонняго ознакомленія съ современнымъ положеніемъ нашихъ кустарныхъ промысловъ. Другимъ подспорьемъ для подобной, въ высшей степени полезной дѣлы, могутъ служить выставки кустарной промышленности, на которыхъ можно наглядно знакомиться съ размѣрами и качествами мѣстной мелкой производительности. Подобныя выставки, нынѣ открытыя напр. въ Харьковѣ, даютъ довольно полное понятіе о кустарныхъ промыслахъ Харьковской губерніи.

Харьковская губернія не особенно богата отраслями кустарной промышленности, такъ какъ еще недавно множество полезныхъ работниковъ отвлеклись на столь любимый малороссамъ чумацкій промыселъ. Изъ издѣлій, составляющихъ предметъ вывоза, были замѣчательны бондарныя и нѣкоторые другія деревянныя издѣлія, которыя идутъ отсюда въ южныя губерніи. Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ особенно развито

Свиданію. Сцена изъ древне-Римской жизни. Картина Генриха Семирадского, рис. самъ авторъ на деревѣ, грав. Тегетмейеръ.

гончарное производство, особенно в Волковском уездѣ, гдѣ оно составляетъ важную отрасль мѣстной промышленности. Холсты, ручники, сватерты производятся крестьянами селеній преимущественно великорусскихъ, почти исключительно для собственного употребленія изъ пенки и поскони. Выдѣлка льняныхъ издѣлій и тканье крестьянами суконъ также не особенно значительны, такъ что обширное харьковское заведеніе купца Скрынникова, въ которомъ приготавливается ежегодно не менѣе 20,000 крестьянскихъ свитъ, чекменей и т. п. не можетъ удовлетвориться мѣстными сукнами, а выписываетъ ихъ въ громадномъ количествѣ изъ Земли Войска Донскаго и изъ Костромской губерніи. Особенное развитіе получили въ Харьковской губерніи нѣкоторыя отрасли сельской промышленности; такъ, скотоводство и особенно овцеводство составляетъ здѣсь довольно обширный промыселъ; пчеловодство, хотя значительно упавшее, сохранилось еще въ уѣздахъ Изюмскомъ, Лебедянскомъ и Волчанскомъ; селитровареніе нынѣ весьма незначительно, хотя оно и составляло одну изъ главныхъ отраслей здѣшней сельской промышленности.

Изъ многочисленныхъ отдѣловъ, бывшей въ октябрѣ этого года харьковской выставки наиболѣе заслуживавъ вниманія, безъ сомнѣнія, *кустарный отдѣлъ*—въ немъ сгруппировано было все, чѣмъ богата производительность народа, созданная имъ самими; въ этихъ самобитныхъ произведеніяхъ народа ярко и наглядно выразилось его искусство, его умственная жизнь по въ этой ограниченной сферѣ кругозора и искусства, есть всѣ данныя самостоятельнаго и оригинальнаго творчества. Напримѣръ, горшечныя и вообще глиняныя издѣлія домашняго обихода (горшки, кринки, кувшины и т. п.), по временамъ уклоняются въ сторону и изобрѣтаются нѣчто, имѣющее своею цѣлью одно лишь искусство. Такъ между многими издѣліями глинянаго производства особенное вниманіе обращали на себя: 2 статуи генераловъ (русскаго и турецкаго), дружеская рюмка и акцизный горшокъ. Статуи генераловъ исключительно ручной работы, безъ всякихъ вспомогательныхъ инструментовъ, поражали изящною отдѣлкою деталей. Такія фигуры въ первый разъ начали выдѣлывать на селѣ послѣ окончанія турецкой кампаніи. Друже-

ская рюмка имѣетъ скрытое помѣщеніе для вина.

Акцизный горшокъ—по идѣ своей напоминаетъ дружескую рюмку: это горшокъ съ двойными стѣнками, причемъ въ первое его отдѣленіе накладывается масло, а во второмъ удобно скрывается водка. Съ боку находится незамѣтное отверстіе, которое зашплено глиною или воскомъ и чрезъ которое свободно можетъ быть выпущена водка. Конечно грустно, что народная изобрѣтательность тратитъ свои силы на предметы такого рода, но она такъ мало получаетъ вліянія извнѣ.

Изъ другихъ предметовъ въ кустарномъ отдѣлѣ выставки особеннаго вниманія заслуживаютъ *бочки изъ соломы и разныя ткани*. Выдѣлка бочекъ производится такимъ образомъ: сначала изготовляютъ соломенные шнуры, толщину отъ 1 до 2 вершковъ, кое гдѣ перевязанные плотно тонкими бичевками; затѣмъ такой шнуръ складывается въ спираль, постоянно все болѣе и болѣе расширяющуюся къ верху. Такимъ же образомъ дѣлаются и другіе предметы изъ соломы—корзины, кувшины и т. п.

Ткани, въ особенностіи привлекавшія вниманіе дамъ образцами своихъ узоровъ, по словамъ знатоковъ отличались не только оригинальностью рисунка, но и солидностью и прочностью. Между тканями былъ выставленъ небольшой кусокъ *волосянаго сукна*, который до такой степени походилъ на многіе образцы англійскихъ суконъ послѣдней моды, что приводилъ въ удивленіе многіхъ торговцевъ Харькова, а одинъ изъ нихъ рѣшился во что бы то ни стало приобрести и распространять такого рода сукна.

Отдѣлъ *кожъ и ситогъ* не представлялъ ничего особеннаго. Закругленные носки сапогъ въ видѣ конуса, бывшіе столь модными въ настоящее время, давно, какъ оказывается, изготовлялись нашими крестьянами. Кустарный отдѣлъ на Харьковской Сельско-Хозяйственной выставкѣ исключительно устроенъ трудами и заботами профессора И. П. Сокольскаго и его супруги. Какъ эксперты, такъ и распорядительный комитетъ выставки отнеслись весьма сочувственно къ произведеніямъ народа и многіе производители были награждены серебряными, бронзовыми медалями и похвальными листами.

КЪ РИСУНКАМЪ.

Кіевъ.

(См. рис. на стр. 1032 и 1033).

Едва ли найдется въ Россіи городъ, который можетъ настолько поразить красою своего мѣстоположенія, какъ Кіевъ. Если вы подъѣзжаете къ нему, по линіи Курско-Кіевской желѣзной дороги, то первое впечатлѣніе, производимое на васъ его панорамой, до того поразительно, что трудно удержаться отъ невольнаго восклицанія восторга. За широкой полосой Днѣпра, черезъ который легкими кружевами повисли гигантскіе мосты, надъ крутыми склонами и откосами возбѣгающихъ холмовъ, мощно вздымаются безчисленныя главы соборовъ, ярко золоченыя, играющія свѣтлыми звѣздочками на солнцѣ. Густыя купы садовъ обняли со всѣхъ сторонъ эти церкви, монастыри, соборы, сватились внизъ по обрывамъ до самой воды, и только мѣстами—то тамъ, то сямъ—сквозь жилимыя домами, приютившимися подъ ихъ тѣнью. Стройные тополи въ безпорядкѣ размѣтались среди этого моря зелени, и точно живые обелиски возносятся вверхъ, пронизывая своей острой вершиною лазурный воздухъ. Слово это не натура, а пестрая искусственная декорация, составленная по заранѣе намѣченному плану, полному строгой красоты.

Вы въѣзжаете въ городъ, васъ сразу поражаетъ его чистота, правильность, отсутствіе той грубой аляповатости, которая сквозитъ на каждомъ шагу въ Москвѣ, и той преднамѣренной казенной симметріи, которая наложила свою печать на нѣкоторыя части Петербурга. Конечно, этому много способствуетъ холмистое мѣстоположеніе, южная природа, большій блескъ и яркость красокъ. Здѣсь вы найдете такія безподобныя панорамы, какія едва-ли гдѣ встрѣтите. На нашемъ рисункѣ бульвара предъ памятникомъ св. равноапостольнаго князя Владимира—видна часть превосходнаго вида на Заднѣпровье. Если подняться, нѣсколько лѣвѣе памятника, вверхъ на гору, къ полуразрушенной бесѣдкѣ, царящей надо всей этой мѣстностью—откроется колоссальная, одна изъ грандіознѣйшихъ въ Россіи, перспектива на стены, Днѣпръ, и на Подольскую низовую часть Кіева—которая кажется отсюда игрушечнымъ городкомъ, кубиками бѣленькихъ построекъ, перемежающимися миниатюрными церквочками. Видъ отъ церкви Св. Андрея Первозваннаго, столь прославленный туристами, несравненно хуже: отъ Андрея не видно во всей его красѣ Подола, что сильно умаляетъ достоинство картины.

Главная улица Кіева—Крещатикъ—мѣсто высохшаго ручья того же имени—созданіе просвѣщеннаго XIX вѣка: еще въ самомъ концѣ прошлаго столѣтія ея не существовало. Теперь это прекрасная улица, чрезвычайнаго свѣтлая, такъ какъ въ ней преобладаютъ небольшія трехъ-этажныя постройки, вѣчно шумная, съ безчисленными рядами опрятныхъ, а порою даже роскошныхъ магазиновъ, съ чрезвычайно красивыми зданіями

городской думы и Hôtel Belle-vue, съ почтовой конторой, банками, кафе-ресторанами, гостинницами, конторами, лавчонками и массою всюду снующихъ жидовъ-факторовъ. Здѣсь вы можете найти все, что угодно, начиная съ мѣстнаго мраморнаго производства и кончая произведеніями С.-Петербургской химической лабораторіи,—и конечно все въ три дорога. Здѣсь есть фотографія, прелестно передающая виды, и очень недурно портреты, есть около дюжины книжныхъ магазиновъ и библиотекъ, полдесятка нотаріусовъ,—однимъ словомъ, это европейская улица. Видъ Крещатика, помѣщенный въ этомъ № „Нивы“, снятъ отъ такъ называемаго Александровскаго взвоза, изъ сада Минеральныхъ водъ. Гостиница, видимая направо, такъ называемая „Европейская“, пользуется популярностью въ средѣ богомольцевъ, потому что расположена вблизи соборовъ. Номера въ ней опрятны и цѣны довольно сносны.

Другой нашъ рисунокъ изображаетъ бульваръ возлѣ памятника Владимира—любимое мѣсто прогулокъ туристовъ, которые считаютъ непременной обязанностью посидѣть на ступенькахъ монумента, воздвигнутаго въ честь могучаго поборника христіанства, желѣзною рукою водворившаго его на Руси. Здѣсь невольно приходится на память стародавнія кіевскія преданія и на ряду съ легендарными героями древнихъ богатырей, возникаютъ картины татарскаго погрома, униі, католичества, шляхетства. Чуть не каждый клочекъ земли говоритъ здѣсь о прошломъ, о томъ, что здѣсь вѣнчала нѣкогда историческая жизнь народовъ и что не вѣчно было затишье, царящее теперь надъ Кіевомъ...

Въ будущемъ году мы вернемся къ исторической сторонѣ этого города—матери русскихъ городовъ, и рассмотримъ подробно то значеніе, какое онъ имѣетъ для нашей исторіи и искусства.

Свиданіе.

(Картина Генриха Семирадскаго).

Имя Генриха Семирадскаго пользуется въ художественномъ мірѣ заслуженною извѣстностью и въ свое время мы сообщили объ немъ подробности и дали его портретъ (Нива № 36, 1875 г.). Полякъ по происхожденію, Семирадскій родился въ Харьковѣ 15 сентября 1843 года и въ этомъ же городѣ кончилъ курсъ гимназіи и поступилъ въ Университетъ на естественный факультетъ, гдѣ и довершилъ въ 1864 году свое научное образованіе. Чувствуя въ себѣ художественное призваніе, молодой натуралистъ рѣшился сдѣлаться живописцемъ и въ томъ же 1864 году мы уже его видимъ въ Петербургѣ, усердно посѣщающимъ рисовальные классы Академіи Художествъ. Въ Академіи Семирадскій вскорѣ оказалъ блестящіе успѣхи и въ продолженіи 4-хъ-лѣтняго курса успѣлъ получить пять сере-

бранихъ медалей за выполненіе различныхъ картинъ на заданныхъ темъ; изъ этихъ ученическихъ работъ Семирадскаго были особенно замѣчательны: „Избиеніе младенцевъ“, „Сожестіе Христа во адъ“, „Гибель Содомы и Гоморры“. Въ 1868 году за картину „Диогенъ разбиваетъ свою чашку“ Семирадскій получилъ 2-ю золотую медаль, а въ 1870 удостоенъ золотой первой степени за картину „Довѣріе Александра Великаго въ своему врачу“ и посланъ былъ на казенный счетъ за границу. Посѣтивъ Мюнхенъ, Семирадскій провелъ тамъ нѣсколько мѣсяцевъ, чтобы ознакомиться съ художественными богатствами этого города и въ то же время успѣлъ написать и прислать въ Академію замѣчательную картину „Римляне блестящихъ временъ Имперіи“. Прибывъ въ Римъ, Семирадскій тотчасъ же принялся за давно задуманную „Грѣшницу“. Это прекрасное произведеніе молодого художника появилось на вѣнской выставкѣ 1873 года и опѣнено по достоинству; тогда же наша Академія удостоила Семирадскаго званія академика. Наконецъ въ 1876 году нашъ художникъ сдѣлался европейскою знаменитостью, когда появилась на судъ публики его громадная картина „Живые свѣточи Нерона“—произведеніе дѣйствительно грандіозное по идеѣ хотя и имѣвшее многіе крупныя недостатки въ выполненіи.

Въ послѣдніе три года Семирадскій провелъ нѣсколько мѣсяцевъ въ Москвѣ, выполняя нѣкоторыя художественныя работы въ храмѣ Спасителя. Въ то же время въ Римской студіи публика могла любоваться нѣкоторыми новыми произведеніями Семирадскаго, изъ которыхъ особенно хвалятъ „Разбойничій пригонъ“ съ содержаніемъ, взятымъ изъ античнаго міра. Картина „Свиданіе“, копія которой помѣщена въ настоящемъ №, одно изъ послѣднихъ произведеній Семирадскаго. Это нѣжная, поэтическая сцена, взятая художникомъ изъ того же античнаго, древне-римскаго міра, столь излюбленнаго художникомъ. Содержаніе картины очень просто: классически прелестная дѣвушка, прислонившись къ каменной оградѣ, слушаетъ нѣжныя, страстныя рѣчи влюбленнаго юноши-римлянина. При всей незамысловатости этой темы, какая грація и красота въ фигурахъ, сколько выразительности и страсти въ этихъ юныхъ смуглыхъ лицахъ дѣтей горячаго юга. Надо прибавить къ этому роскошный ландшафтъ, окружающій юную чету, блестящій колоритъ одежды и подробностей и понятно, почему эта картина Семирадскаго производитъ на зрителя чарующее впечатлѣніе.

Великое событіе.

(Рисунокъ Г. Зюса).

Великое событіе совершилось въ семьѣ. Появился на свѣтъ позже всѣхъ этотъ крошка, и возбуждаетъ общее любопытство и удивленіе. Онъ такой маленький и странный, что остальные готовы на него броситься, мать же заботливо отстраняетъ ихъ. Крошка такой бойкій, однако и имѣетъ такой бодрый видъ, что не дастъ себя въ обиду. И какъ всегда самый слабый изъ семьи и самый маленький—возбуждаетъ наибольшую заботливость и попеченіе матери. Посмотрите какъ превосходно схвачено выраженіе опасенія за маленькаго у матери и выраженіе любопытства у остальныхъ.

Пріемъ русскаго посольства при версальскомъ дворѣ въ 1681 году.

(Снимокъ со старинной гравюры).

Въ октябрѣ 1680 года стольникъ и намѣстникъ Углицкій Петръ Ивановичъ Потемкинъ съ блестящей и многочисленной свитой отправленъ былъ во Францію, Испанію и Англію съ дипломатической миссіею имѣвшей цѣлью объявить дворахъ о вѣнчаніи Царя Алексія Михайловича и о восшествіи на престолъ Теодора Алексѣевича и кромѣ того заключить торговый договоръ съ версальскимъ кабинетомъ.

Съѣвъ въ Ригѣ на корабль, нашъ посолъ черезъ Кенигсбергъ, Берлинъ, Гамбургъ и Амстердамъ прибылъ въ Парижъ 16 апрѣля 1681 года а 24 уже былъ принятъ въ торжественной аудіенціи Людовикомъ XIV.

По словамъ официальнаго документа а именно статейнаго списка того времени, свиданіе это не обошлось безъ пререканій по части соблюденія различныхъ посольскихъ обрядностей между упрямымъ нашимъ посломъ и не менѣе упрямымъ французскимъ монархомъ.

При вступленіи посольства въ палату король дважды всталъ и снималъ шляпу, но при произнесеніи посломъ большаго титула Царя и Великаго князя Теодора Алексѣевича сидѣлъ неподвижно. Тогда посланникъ остановился въ самомъ началѣ своей рѣчи и черезъ переводчика Яна Торфа требовалъ, чтобы король снялъ шляпу, какъ это было имъ сдѣлано при пріемѣ русскаго посольства въ 1668 году. Король возразилъ, что при вступленіи посольства въ палату, онъ уже снималъ шляпу для имени Царскаго Величества и это считаетъ достаточнымъ. При вопросѣ о здоровьи Царя, король снова не снялъ шляпы и лишь приподнялся. Тогда вторично Потемкинъ напомнилъ королю, что такъ не было въ 1668 году и что такъ не ведется ни у кого изъ государей. Король извинился

и приподнявшись, снялъ шляпу, спрашивая о здоровьи царскомъ. „И стольникъ Петръ, говоритъ статейный списокъ, видя что Королевское Величество въ посольскихъ своихъ обычаяхъ противъ прежняго отмѣнилъ и высокъ безмѣрно учинился, выговаривалъ ему на-крѣпко и стоялъ о томъ безмѣрно упорно“. При поднесеніи королю *поминковъ* т. е. даровъ, король снялъ шляпу и велѣлъ класть передъ собою привезенные соборы. Къ концу же аудіенціи король видимо сдѣлался уважительнымъ и по-часту началъ снимать шляпу при произнесеніи имени его Царскаго Величества и тутъ же поручилъ дальнѣйшіе переговоры вести Кольберту, на котораго и указалъ рукою герцога Орлеанскій; первый стоялъ по правую руку короля а второй по лѣвую: оба снявъ шляпы. „А королева съ невѣстками своими, по словамъ статейнаго списка стояла въ той же палатѣ вблизи королевскаго мѣста по prostu“.

Вслѣдъ за торжественной аудіенціей Потемкинъ вступилъ въ переговоры съ французскими министрами и преимущественно съ Кольбертомъ, но снова возникшіе споры о царскомъ титулѣ скоро прервали эти совѣщанія и 11 мая русскій посолъ уже выѣхалъ изъ Парижа, даже не принявъ королевской грамоты.

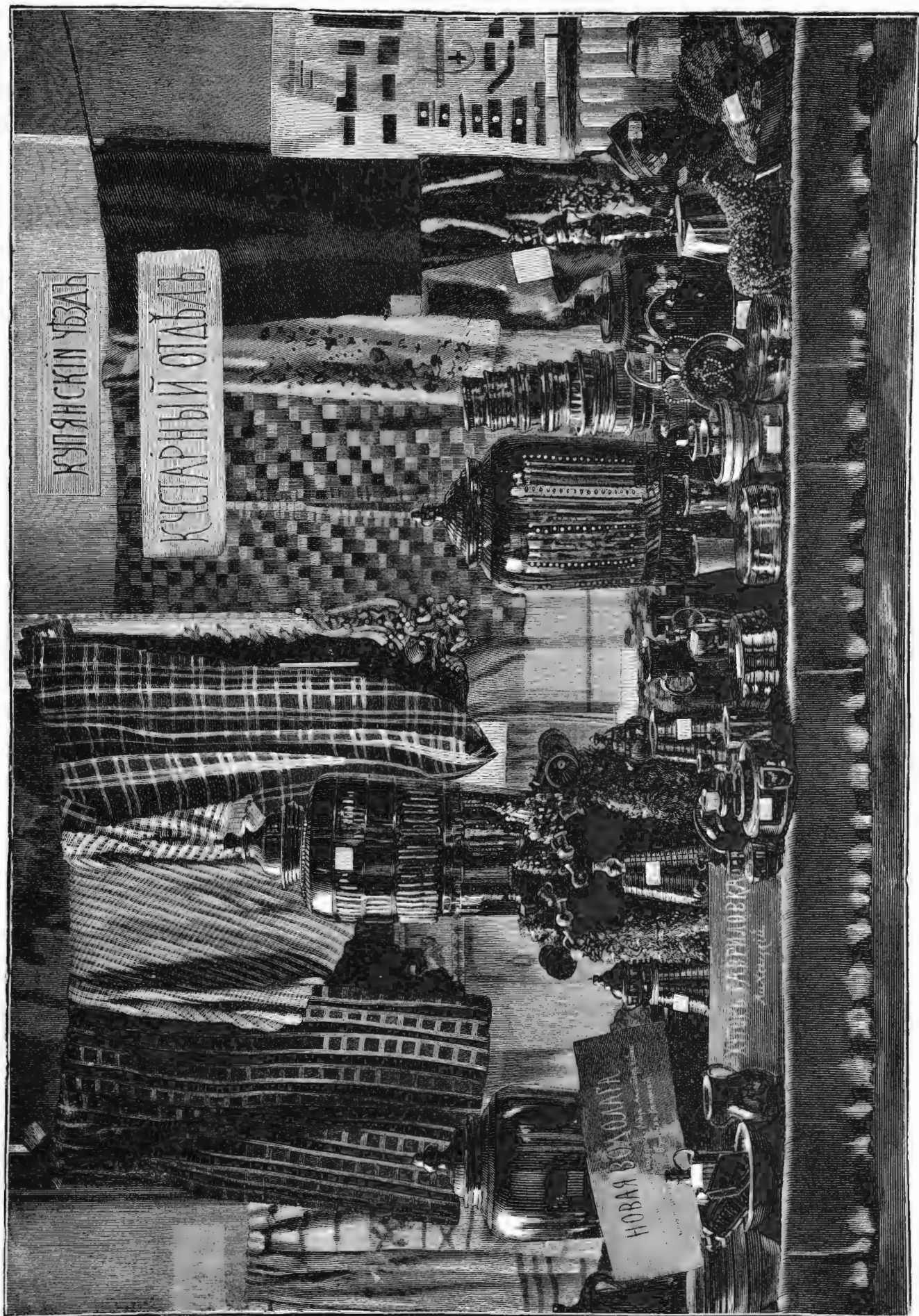
Оригиналъ гравюры значительнаго размѣра, прилагаемый нами въ точномъ снимкѣ, считается чрезвычайно рѣдкимъ и безъ сомнѣнія выполненъ однимъ изъ современниковъ достопамятнаго посольства. Въ Парижскую публичную бібліотеку эта гравюра поступила вмѣстѣ съ знаменитой коллекціей гравюръ *Геннена*, который всю жизнь собиралъ всевозможные рисунки, касавшіеся событій французской исторіи.

Замокъ Гогеншвангау.

(Рис. на стр. 1045).

Молодой Баварскій король Людовикъ, не выступающій никогда на политическую арену и живущій очень оригинально и уединенно, любитель и знатокъ искусствъ, имѣетъ преимуществу возбуждать интересъ къ своей личности. О немъ рассказываютъ много разныхъ вещей, конечно на половину вздорныхъ. Недавно въ одной дрезденской газетѣ начался рядъ писемъ о королѣ, довольно интересныхъ. Король, говорится тамъ, иногда по цѣлымъ недѣлямъ живетъ совершенно уединенно въ своихъ охотничьихъ домикахъ, въ горахъ. Около Партенкирхена, Гогеншвангау, Вальхензее и въ другихъ мѣстахъ построены прелестныя охотничьи хижины и проведены очень удобныя горныя дороги, ведущія на вершины горъ въ 600 футовъ вышины. Это все въ собственныхъ имѣніяхъ короля и никому постороннему не дозволяется ѣздить въ экипажахъ или верхомъ по этимъ дорогамъ. Король очень любитъ горы, но ему трудно ходить и даже ѣздить верхомъ. Поэтому придуманы совершенно особые экипажи, состоящіе изъ широкаго сидѣнья, положеннаго на двухъ колесахъ и защищеннаго отъ дождя верхомъ. Въ экипажѣ только одно мѣсто; кучеръ помѣщается на подножкѣ сзади. Въ конюшняхъ короля находятся прекрасныя лошади, приученныя къ горнымъ дорогамъ. Въ такой экипажѣ впрягается обыкновенно одна лошадь. Самый экипажъ очень устойчивъ, и въ немъ можно ѣхать очень быстро и на гору и подъ гору, не смотря на частыя повороты пути. Поѣздки эти король совершаетъ преимущественно по ночамъ. Впередѣ, шаговъ на десять, ѣдутъ верхами форрейторъ и конюхъ. Жандармы открываютъ и замыкаютъ эти ночные поѣздки. Король не любитъ встрѣчать кого бы то ни было посторонняго на пути. Жандармы оберегаютъ также доступъ въ королевскіе замки, изъ которыхъ болѣе всѣхъ замѣчательнъ Гогеншвангау—любимое мѣстопробываніе короля. Гогеншвангау въ 1832 году перешелъ во владѣніе еще кронпринца Максимилиана—отца короля Людвига—который велѣлъ его отдѣлать совершенно заново и теперь сынъ его любитъ жить тамъ въ своемъ царственномъ уединеніи. Тутъ замѣчательны: рыцарскій залъ, залъ съ картинами, представляющими исторію замка, залъ Гогенштауфеновъ и другіе. Рассказываютъ о какихъ-то комнатахъ съ искусственною луною и звѣзднымъ небомъ, которае любитъ созерцать мечтательный король, и о разныхъ механическихъ подражаніяхъ природѣ. Но онъ столько видитъ этой природы кругомъ—рассказы эти весьма сомнительны. Въ горныхъ озерахъ около замка много прекрасныхъ лебедей (отъ которыхъ замокъ и имѣетъ названіе) ихъ самъ король любитъ кормить изъ своихъ рукъ и они всѣ слетаются къ нему, когда онъ показывается.

Во время пребыванія короля въ горахъ, депеши отправляются съ нарочными. Король не любитъ Мюнхена и живетъ въ Гогеншвангау иногда по цѣлымъ недѣлямъ. Въ воскресенье онъ выѣзжаетъ въ близлежащій охотничій домикъ въ Блэкену, гдѣ и обѣдаетъ также безъ всякаго общества. Въ Гогеншвангау есть замѣчательныя золотыя сани, стоившія 100,000 гульденовъ. На расчиску снѣга, иногда очень глубокаго, расходуется отъ 15—20000 марокъ. Баварцы любятъ своего добраго, молчаливаго короля. „Деньги, которыя онъ тратитъ, остаются въ нашей же странѣ“ говорятъ они, если заходить рѣчь о громадныхъ расходахъ Двора.

Русскіе кустарные промыслы. Кустарный отдѣлъ на Харьковской сельско-хозяйственной выставкѣ, въ октябрь 1880 г.
Съ фотографіи нашего корреспондента И. О. Фесенко, граф. М. Рапеевскі

Великое событие. Картина Г. Зюса, грав. Р. Бонзъ.

РБЩЕДОСТУПНАЯ ВЕНТИЛЯЦІЯ.

Такъ какъ разными видами введенной у насъ по сіе время, дешевой и по способу устройства простой, вентиляціи, не удавалось воспроизвести непрерывный притокъ чистаго нагрѣтаго воздуха съ одновременнымъ вытягиваніемъ воздуха испорченнаго, что и составляетъ достоинство хорошо устроенной вентиляціи—то мы желаемъ познакомить читателя съ тѣмъ недавно появившимся ея новымъ видомъ, который по своей дешевизнѣ и простотѣ устройства можетъ быть удобно примѣнено во всякаго рода строеніяхъ и помѣщеніяхъ, какъ большихъ такъ и малыхъ и въ любое время года.

Хотя въ Россіи и вошли въ общее употребленіе системы вентиляцій, основанныхъ на разности температуры воздуха наружнаго, атмосфернаго, и внутренняго, комнатнаго, т. е. а) система аспираціонная (тяговая), къ отдылу которой принадлежащими снарядами или вытягивается испорченный воздухъ, предоставляя произвольный входъ чистому воздуху черезъ отверстія въ стѣнахъ и окнахъ, форты, дырья, пористость стѣнъ и проч., или же чистый воздухъ специально вводится черезъ оконные вентиляторы, предоставляя воздуху испорченному выходъ черезъ печи, простыя отверстія печныхъ трубъ или отверстія въ потолкахъ, или же наконечъ черезъ вращающіеся въ печныхъ трубахъ вентиляторы и б) система механическая (пульзація) при которой чистый воздухъ вталкивается особыми механическими приспособленіями, съ одновременнымъ вытягиваніемъ воздуха испорченнаго большими, особаго устройства, трубами; но аппараты обѣихъ этихъ системъ имѣютъ своего рода неудобства.

Неудобство перваго заключается во временной и несовершенной ихъ работѣ, нерѣдко сопряженной съ опасностью простуды, а аппараты 2-й системы хотъ и совершенны по работѣ, но громоздки и требуютъ особыхъ двигателей и большихъ денежныхъ затратъ, не могутъ быть доступны каждому, не только лишь съ финансовой стороны, но и со стороны помѣщенія.

Въ Англіи, странѣ промышленной и мануфактурной, при скуденности рабочаго люда на фабрикахъ и вообще тѣснаго народонаселенія, обращено было особенное вниманіе на вентилярованіе заводовъ и жилыхъ помѣщеній; масса же малыхъ промышленныхъ заведеній, не бывшихъ въ состояніи строить у себя во всѣхъ отношеніяхъ хорошей и недорогой стоящей вентиляціи, вызвала стремленіе къ доведенію ея по возможности до самой простой формы, въ виду соединенія наивыгоднѣйшей вентиляціонной полезной работы снарядовъ съ малою затратой капитала.

Подобнымъ образомъ постепенно выработанный нижеописанный видъ ея, какъ удовлетворяющій дешевизнѣ и требованіямъ во всѣхъ отношеніяхъ вентиляціи хорошей, вошелъ въ большое употребленіе въ Англіи и принятъ разными лицами за границей. Нельзя сказать, чтобы основаніемъ его послужили какія либо новыя начала, начала его тѣже что и каждой вентиляціи аспираціонной системы, т. е. разность температуры наружнаго и комнатнаго воздуха; но въ этомъ видѣ мы находимъ ту хорошую сторону, которая отсутствуетъ въ донимѣ въ Россіи извѣстныхъ вентиляціонныхъ системахъ, а именно—постоянную и правильную замѣну дурнаго воздуха воздухомъ свѣжимъ, подогрѣтымъ. Система эта можетъ быть отнесена къ комбинированной и по простотѣ устройства, дешевизнѣ и хорошей работѣ вполне заслуживаетъ названія „общедоступной системы вентиляціи“. Въ системѣ этой различаютъ два рода аппаратовъ. Назначеніе однихъ состоитъ въ введеніи свѣжаго теплаго воздуха въ помѣщеніе и другихъ въ вытяжкѣ воздуха испорченнаго.

Особой конструкціи снаряды для введенія теплаго чистаго воздуха состоятъ изъ двойныхъ металлическихъ короткихъ трубъ, которымъ можетъ быть дана произвольная форма, и устанавливаемымъ весьма скоро и просто въ разныхъ углахъ или другихъ мѣстахъ комнаты, чѣмъ достигается наиболѣе равномерное распредѣленіе чистаго теплаго воздуха по помѣщенію. Къ трубамъ, помѣщеннымъ среди комнатъ, наружный свѣжій воздухъ приводится очевидно рукавомъ; во всякомъ

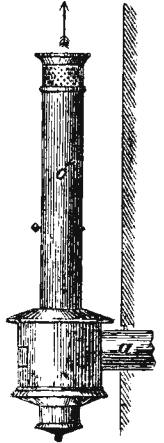
случаѣ трубы эти устанавливаются въ наиболѣе дальнемъ разстояніи отъ вытяжныхъ снарядовъ, а именно такъ, что верхняя часть ихъ отстояла бы отъ пола на высотѣ $2\frac{3}{4}$ арш. до 1 сажени и чтобы выходящая изъ нее сильная струя воздуха не пересѣкалась никакими выступающими изъ стѣнъ предметами. Фиг. I представляетъ этотъ снарядъ, состоящій собственно изъ двухъ трубъ, концы конструкціи и взаимное расположение таковы, что часть холоднаго входящаго воздуха согревается аппаратомъ, представленномъ въ наружномъ его видѣ, въ нижней расширенной части рисунка; при выходѣ же изъ верхняго устья трубы, теплый воздухъ встрѣчается и смѣшивается съ холоднымъ, такъ что такимъ введеніемъ чистаго грѣтаго воздуха чрезъ посредство этихъ трубъ, достигается полное отсутствіе сквозной холодной тяги, нерѣдко порождающей болѣзни, потому что введенный для вдыханія грѣтый воздухъ, направляясь непрерывною струею вверхъ къ потолку, будетъ опускаться медленно и постепенно, нагрѣваясь еще болѣе комнатною теплотою, въ противоположность холодному, вовсе негрѣтому воздуху, который по своей значительно большей плотности быстро опускается бы внизъ, не успѣвая достаточно нагрѣться. Описанныя трубы снабжаются регулирующимъ клапаномъ, которымъ представляется возможность впускать болѣе или менѣе теплаго, или болѣе или менѣе холоднаго воздуха въ помѣщеніе. Нагрѣвательный аппаратъ можетъ быть легко остановленъ.

Вытяжныхъ снарядовъ различаютъ два вида, одинъ изъ нихъ употребляется для возбужденія усиленной тяги воздуха его нагрѣваніемъ и другой видъ, простые тяговые клапаны, фиг. II, помѣщающіеся съ тою же цѣлью въ уже нагрѣтыхъ дымовыхъ ходахъ обыкновенныхъ очаговъ и печей. Простота конструкціи послѣднихъ не требуетъ особаго описанія; что же касается до жаровыхъ шкафиковъ, фиг. III, то они состоятъ изъ двухъ камеръ—нагрѣвательной и тяговой, изъ которыхъ въ первой, нижней, возбуждается сильный жаръ, помощью обыкновенныхъ источниковъ теплоты, и нагрѣваніемъ мѣдной перегородки, разделяющей камеры, а во второй производится тяга; кромѣ сего они снабжены приспособленіемъ для регулированія этой тяги и для приведенія снаряда въ бездѣйствіе. Оба вида этихъ вытяжныхъ снарядовъ вставляются въ отверстія, пробитыя въ дымовыя ходы трубы, внизу помѣщенія и сверху его—для вытяжки какъ нижнихъ, такъ и верхнихъ испорченныхъ слоевъ воздуха.

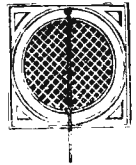
Согласно съ назначеніемъ помѣщеній и со степенью порчи въ нихъ воздуха, т. е. соотвѣтственно тому, сколько разъ необходимо въ нихъ мѣнять воздухъ въ часъ, снаряды для впуска чистаго грѣтаго воздуха и вытяжные снаряды дѣлаются разныхъ величинъ и производительности, вмѣстѣ съ тѣмъ отличаются своей дешевизной.

Въ заключеніе считаемъ не лишнимъ замѣтить, что желающіе получить болѣе подробныя свѣдѣнія по отдылу описанной вентиляціи, могутъ обратиться въ Техническое Бюро въ Петербургѣ, хорошо знакомое съ климатическими условіями разныхъ мѣстностей въ Россіи и специально поставяющее снаряды общедоступной вентиляціи. Желающимъ Бюро высыластъ особые каталоги.

Фиг. I.

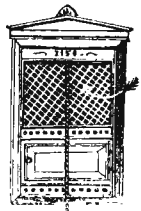

Фиг. II.

Передній видъ.

Фиг. III.

Передній видъ.

С М Ъ С Ъ.

Новый календарь. На дняхъ вышелъ отлитографированный въ заведеніи г. Маркуса „Кабинетный календарь на 1881 годъ“. Картонная рамка и вмѣстѣ подставка календаря украшена изящно исполненною хромолитографіей съ извѣстной картины Б. Маковского: „Русская крестьянская дѣвушка“. Тщательное исполненіе работы обращаетъ на себя вниманіе. Календарь имѣетъ очень изящный видъ и отличается полнотою.

О землетрясеніяхъ. При всей разрушительности своей, землетрясеніе въ Аграмѣ было сравнительно слабо. Въ Сициліи и южной части Италіи, въ Центральной Америкѣ, въ Константинополѣ и смежныхъ частяхъ Малой Азіи, были въ недавнее время землетрясенія, сравнительно съ которыми разрушенія, происшедшія въ Кроаци, незначительны. Если бы мы взяли

за мѣрило подобныхъ катастрофъ число жертвъ, по примѣру росписи сраженій, сдѣланной лордомъ Шербъ комъ, то землетрясеніе въ Аграмѣ заняло бы очень низкое мѣсто въ этомъ спискѣ. Безполезно повторять еще разъ рассказъ объ извѣстномъ землетрясеніи въ Лиссабонѣ въ 1755 году, уничтожившемъ болѣе 50,000 человекъ въ десять минутъ времени и занимающемъ въ упомянутомъ выше спискѣ одно изъ первыхъ мѣстъ, между естественными катастрофами, извѣстными въ мировой исторіи. Страшное потрясеніе, центромъ котораго былъ Лиссабонъ, распространилось на пространство, опредѣленное Гумбольдтомъ въ размѣрѣ, превышающемъ въ четыре раза объемъ Европы. Въ отношеніи объема, по всей вѣроятности лиссабонское землетрясеніе не имѣетъ себѣ равнаго, но отно-

сительно продолжительности, оно далеко уступает меньше известному, но не менее замечательному землетрясению в южном Мадриде, в долине Миссисипи, продолжавшемуся почти непрерывно в течение нескольких месяцев в 1811—12 году и достигшем кульминационной точки, весной последнего года, мгновенным и полным разрушением города Каракаса, с 12,000 чел. жителей. Землетрясения сходны по характеру и объему с катастрофой Аграма, хотя несравненно больше разрушительны, чем последнее, повторялись несколько раз в Бруссель, в Малой Азии, в период Крымской кампании, в начале 1855 года.

Константинополь был тогда полон англичан, многие из них до сих пор помнят смятение в столице, вызванное этой катастрофой; хотя землетрясение и не повредило самого Константинополя, но почти совершенно разрушило город Бруссель, причем погибло несколько сот человек. Из 125 мечетей, большинство которых существовало еще с того времени, когда Бруссель была столицей Турецкой империи, ни одна не осталась целой; самая древняя и почитаемая из них была разрушена совершенно. Старая Сарацинская стена рухнула и придавила собой бедное население, массами приютившееся под ее охраной. Второй толчок довершил разрушение, начатое первым и в нескольких местах вспыхнули пожары. Позднее происходил целый ряд еще более разрушительных землетрясений в Южной Италии и Сицилии зимой 1857—8 года. Людей при этом погибло огромное количество, несколько городов в Калабрии обращены в развалины. За этим землетрясением в Европу следовало почти немедленно землетрясение в Мексике, в июле 1858 г., а в марте 1859 г. город Квиото был почти совершенно разрушен, причем погибло 5,000 народу. Но самым бедственным и ужасным землетрясением новейшего времени было то, которое произошло в Южной Америке в августе 1868 года. Говорят, что в Перу оно погубило 2,000 человек, а в Эквадоре 20,000. Города: Арика, Арекипа, Ислай, Икике, Писко, Хуанья-велика, Ибарра и несколько других были в конце разрушены, и понесенные убытки оценивали в 60,000,000 ф. ст. Город Арика, бывший центром землетрясения, сначала был потрясен обыкновенным толчком, потом началось волнообразное колебание до того сильное, что суда, стоявшие на якорь на глубине 8-ми саженей, очутились погруженными в воду на шесть футов, вторая волна расщепила большинство судов, а другая отбросила на несколько сот футов. В Арекипе сотрясение было так сильно, что люди не могли устоять на ногах. Дома сначала заколыхались как корабли на морю, потом рассыпались на мелкие части. За этим последовало 19 слабейших толчков. Правда, что в Центральной и Южной Америке землетрясение составляет довольно обыкновенное явление, но в 1868 году бедствие было особенно ужасно.

По поводу романа Биконсфильда. По словам „Atheneum“, граф Биконсфильд выручил своим новым романом „Эндимион“ 10,000 фунтов стерлингов. Тот же источник сообщает, что автор писал этот роман в продолжении десяти лет.

Путешествие полумиллиона франков. Французская газета сообщает следующие подробности о нахождении с 650,000 франков пакета, потерянного несколько времени тому назад в Париже в вокзал Северной железной дороги в Париже. Пакет в 650,000 фр. не был забыт (как сперва предполагал г. Паже) в одной из комнат вокзала, а был обронен на набережной. Здесь он был найден, завернутым в старую газетную бумагу, тремя бесзрочно-отпускными рядовыми. Предполагая, что это просто свернутые газеты, они обошлись с ним весьма небрежно, даже не дали себя труда поднять его, а идя подбрасывали его ногами до самого вок-

зала. При входе в вагон, один из них поднял сверток и желая подшутить над своим товарищем, сунул старую газету к тому в дорожный мешок. Прѣхав на место, Эзело отправился далее пешком в местечко Нельи к своим родителям, занимающимся садоводством и живущим исключительно своим трудом. На пути к дому он еще зашел в трактир и, не снимая с плеч мешка, пѣл и даже плясал там, пробыв целых два часа. Когда же он пришел домой, то мать его раскрыла мешок и, увидев грязную пачку старых газет, бросила ее на стол. Таким образом пролежал этот сверток в 650,000 франков 4—5 дней, ни к чему незамеченный. Случайно приходит одна из замужних сестер Эзело, и видит что на стол валяются газеты, садится, вертит их в руках разговаривая и нечаянно раскрывает, и к величайшему удивлению видит массу ценных бумаг. Семейство Эзело тотчас отправляется в ратушу для передачи находки. Семья Эзело не знала ни о потере 650,000 фр. г. Паже, ни об обещанной находчику награде, также об опасности тратить эти деньги, так как номера всех этих бумаг были уже опубликованы в газетах. Одна честность руководила их в этом поступке. Не найдя никого в ратуше они отправились в жандармерию. Унтер-офицер тотчас же телеграфировал в Париж, г. Паже прибыл в ту же ночь в Нельи. По наведению справок о тождественности лица и выдаче известной части денег находчику, г-н Паже получил сполна потерянные им деньги. Семейству Эзело он выдал немедленно обещанную сумму именно в 25,000 фр., а дочерям унтер-офицера в 5,000 франков.

Мексиканская Помпея. Уарней, исследующий в настоящее время Мексику и центральную Америку, открыл недавно так сказать Мексиканскую Помпею. Вблизи города Тула, который построен на месте бывшей столицы древней империи Тольтеков открыл он развалины большого дворца и, кроме того, вырыл из под земли целую виллу в 25 комнат, с 15 лестницами двенадцатью корридорами. Остатки фарфора, грубая глиняная посуда—найденны среди развалин. Вилла, по стилю, характеристична всех памятников Империи Тольтеков, которые известны доселе. Тут-же открыты кости каких-то больших жвачных животных. Из них одна берцовая кость имеет около четырнадцати дюймов длины и четыре дюйма толщины.

Вырождение туземцев Новой Зеландии (Австралия). Уже давно замечено, что при столкновении цивилизованных народов с дикими—последние вырождаются. Многие племена, населявшие Америку, исчезли окончательно; численность других сильно уменьшилась. То же самое наблюдается и в Австралии.

Недавняя перепись в Новой Зеландии обнаружила, что количество туземцев, маорисов, быстро уменьшается. Весьма вероятно, что через одно или два поколения бедные дикари окончательно исчезнут с лица земли. Как на причины такого вырождения указывают на пьянство, вследствие его дурное питание, вообще на дурной образ жизни, главным образом зависящий от пьянства, к которому дикари привыкли послѣ проникновения сюда европейцев.

В 1861 году число маорисов доходило до 55,336. С тех пор это число уменьшилось до 43,595 или, определяя уменьшение в процентах—на 20% в семнадцать лет. В то же время туземцы Гавайи вырождаются еще быстрее. Число их уменьшилось от 57,125, в 1866 году,—до 44,088, в 1878 году, то-есть на 23 процента в двенадцать лет или на 321/2% в семнадцать лет. На дикарей нашего времени так называемой цивилизации в виде купцов и торговцев всякого рода, т. е. самой дурной ее стороны, производят гибельное влияние. Они принимают тотчас все дурные стороны европейцев и ни одной хорошей.

Политическое обозрение.

Греко-турецкий вопрос. Турция и Румелия.—Румыния.—Австро-Венгрия.—Коммунары во Франции.—Ирландия. Лига.—Курды и Персия.

Съ разрѣшеніемъ турецко-черногорскаго вопроса, на сцену выступает снова вопросъ греческій, или греко-турецкій. Нѣтъ сомнѣнія, что не мало еще времени пройдетъ до тѣхъ поръ, пока вопросъ этотъ будетъ приведенъ къ окончанію. Что касается способа разрѣшенія его, то по этому поводу ходятъ слухи, будто Европа предлагаетъ третейскій судъ державъ. Повторяемъ—это пока только слухи, согласно которымъ также князь Бисмаркъ, принимая столь великое участіе въ дѣлѣ сохранения европейскаго мира, предполагаетъ помирить Эллинское королевство и Турецкую имперію на уступкѣхъ первому острову Крита. Къ этому прибавляютъ, что графу Гацфельду поручено навести справки въ Константинополь о томъ, какъ будетъ принято Портою подобное посредничество. Но если даже Турція и согласна была-бы (съ обычными проволочками своими) уступить Греціи Критъ, за то она выказываетъ весьма немного расположенія къ соединенію Румелии съ княжествомъ Болгарскимъ. Это очевидно изъ обнародованнаго недавно добавленія къ своду турецкихъ уголовныхъ законовъ, которымъ постановлена смертная казнь за попытку къ насильственному

присоединенію вассальной оттоманской области къ какой-бы то ни было странѣ, хотя бы даже находящейся въ вассальной зависимости отъ Турецкой имперіи. Ясно, что въ этомъ добавленіи имѣлись прямо въ виду Восточная Румелия и Болгарское княжество. Провозглашая новый законъ (очень можетъ быть—съ совѣта „добрыхъ друзей“ славянства), турецкое правительство обезпечиваетъ себѣ юридическую почву для борьбы съ панболгарскимъ движеніемъ, усиливающимся все болѣе и болѣе въ провинціи и княжествѣ. Если Порты, что и надо думать, предприметъ генераль-губернаторству Восточной Румелии примѣненіе этого закона, то, само собою понятно, — онъ не будетъ въ состояніи примѣнить его. Не только население, но и власти охвачены естественнымъ стремленіемъ воссоединенія болгарскаго народа, восстановленія Болгарскаго царства. Нѣкоторыя великія державы также не противъ этого исхода движенія.

Въ Румыніи недавно улаженъ вопросъ о престолонаслѣдствѣ: за отсутствіемъ прямого наслѣдника, престолъ переходитъ къ сыновьямъ брата князя Карла, принца Леопольда, который отказался за себя, въ пользу сыновей, т. е. въ пользу старшаго и потомства его, если оно будетъ. Такое разрѣшеніе вопро-

са этого произвело благоприятное впечатлѣніе въ княжествѣ.

Въ австрійскомъ рейхсратѣ, въ настоящее время, разсматривается предложеніе графа Вурмбрандта о равноправности языка въ имперіи. Вурмбрандтъ предлагаетъ регулировать закономъ употребленіе туземнаго языка во всякой данной мѣстности монархіи и удержать преобладаніе въ государствѣ нѣмецкаго языка. Пренія не привели еще ни къ какому результату.

Во Франціи все и вся ратуютъ противъ нынѣшняго прави-

ніяхъ, имѣють одинъ и тотъ-же характеръ. Въ числѣ ораторовъ появились „граждане“ Луиза Мишель, Альфонсина Оллеръ, Элиза Кароль и другія, перешедшія самымъ передовыхъ вожаковъ коммуны. Правительство Гревя, однако, до сихъ поръ еще не принимаетъ никакихъ мѣръ. Съ одной стороны оно жаждетъ дать этой партіи выказать всѣ силы свои, чтобы ознакомиться съ ними основательнѣе, а съ другой—оно не считаетъ этихъ коммунаровъ опасными для государства и

Пріемъ Русскаго посольства Людовикомъ XIV въ 1681 году. Факсимиле рѣдкой, старинной гравюры на мѣди. Съ фотогр. грав. Флюгель.

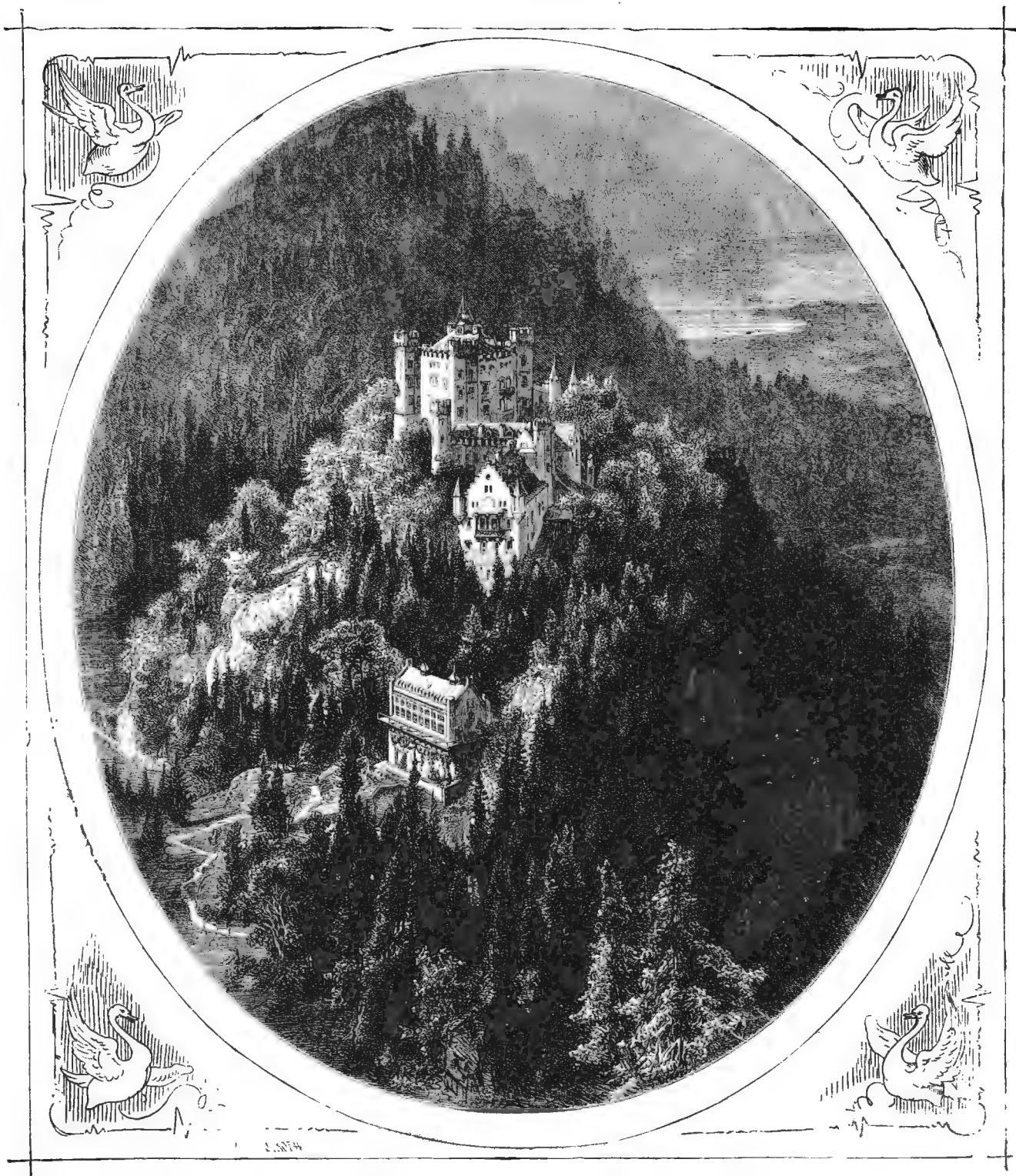
тельства, противъ республики. Въ первыхъ рядахъ нападающихъ, первыми застрѣльщиками служатъ коммунары. Непримирная группа крайней лѣвой выказываетъ теперь въ Парижѣ особенную дѣятельность. Она постоянно созываетъ сходки, устраиваетъ публичныя лекціи для рабочихъ и вообще употребляетъ всѣ зависящіе отъ нея мѣры для поддержанія агитаци въ полномъ ходу. Рѣчи, произнесенныя на этихъ собра-

убѣждено, что революціонная пропаганда не можетъ найти себѣ почвы въ арміи.

Зато англійскому правительству, какъ кажется, приходится ожидать положительнаго возстанія въ Ирландіи. Недавно Парнелль говорилъ рѣчь, въ которой высказывалъ прямо, что отечеству его приходится стремиться къ одной цѣли—освобожденію отъ Англій. Въмѣстѣ съ тѣмъ ирландская земельная лига (Продолженіе на стр. 1044, 1046, 1047, 1048, 1049, 1050, 1051 и 1053).

продолжает, силою террора поддерживать обаяние свое, заботясь о томъ, чтобы предписанія ея выполнялись въ точности. Расскажемъ, между прочимъ, примѣръ дѣятельности ея въ этомъ отношеніи. Нѣкто Сюдливанъ, давно уже не платившій своему помѣщику аренды, былъ изгнанъ по суду изъ занимаемаго имъ участка. Долгъ его помѣщику простирался до 100 фунтовъ стерлинговъ, но чтобы отдѣлаться отъ неакуратнаго плательщика, помѣщикъ предлагалъ ему такую же сумму,

дѣйствій; когда-же онъ не послушался приказанія лиги немедленно уйти изъ хижины и болѣе не служить помѣщику, то, однажды ночью, явились къ нему 12 человекъ съ зачерненными лицами и вооруженные съ головы до ногъ. Начальникъ этой шайки обратился къ товарищамъ съ вопросомъ, — въ какому наказанію долженъ быть приговоренъ Гриффинъ; тѣ единогласно отвѣтили, что онъ заслужилъ быть разстрѣляннымъ, однако, во вниманіе отчаянныхъ просьбъ семьи его,

Замокъ короля Баварскаго, Гогеншвау. Съ фотогр. грав. О. Ротъ.

лишь-бы онъ подчинился рѣшенію суда. Но Сюдливанъ не согласился на это. Когда-же подошло время сѣнокоса, землевладелецъ выстроилъ хижину подлѣ самаго участка Сюдливана и поселилъ въ ней крестьянина Гриффина, поручивъ ему смотрѣть за сѣномъ и напоминать Сюдливану о необходимости оставить участокъ. Исполнительный комитетъ земельной лиги передалъ выговоръ Гриффину за непатріотическій его образъ

дѣло ограничилось только тѣмъ, что ему отрѣзали верхушку праваго уха!..

Согласно новѣйшимъ свѣдѣніямъ, шейхъ Абейдулла приостановилъ непріязненные дѣйствія курдовъ противъ Персіи до весны. Персидскій посланникъ въ Константинополѣ требуетъ отъ Порты возмѣщенія убытковъ, причиненныхъ Персіи набѣгомъ курдовъ.

КЪ НАШИМЪ ЧИТАТЕЛЯМЪ. ОБЪ ИЗДАНИИ ЖУРНАЛА „НИВА“ ВЪ 1881 Г.

Небывалое до сего въ русской журналистикѣ количество подписчиковъ—55000, т. е. больше, чѣмъ у всѣхъ существующихъ въ Россіи иллюстрированныхъ изданій такого рода, взятыхъ вмѣстѣ, въ нынѣшнемъ 1880 году, доказало то сочувствіе и довѣріе, которымъ нашъ журналъ пользуется. Число это неизмѣнно увеличивается, что совершенно понятно, такъ какъ всѣмъ нашимъ постояннымъ подписчикамъ извѣстно, что „Нива“ улучшается съ каждымъ годомъ, количество матеріала все увеличивается, программа расширяется и достоинство богатыхъ премій возвышается неизмѣнно—цѣна же остается при всѣхъ этихъ дорогахъ и капитальныхъ улучшеніяхъ та же. „Нива“—соображая массу даваемого матеріала—самый дешевый иллюстрированный журналъ не только въ Россіи но и за границей, что видитъ всякій, знакомый съ заграничными, такого рода, изданіями. Программа журнала, цѣна—остаются тѣ же, какъ и въ прежніе 11 лѣтъ и издатель будетъ постоянно улучшать достоинство матеріала.

Что касается матеріала вообще и произведеній, имѣющихся въ нашемъ распоряженіи для помѣщенія въ „Нивѣ“, въ будущемъ 1881 году, у насъ есть, кромѣ массы художественно-выполненныхъ гравюръ, цѣлый рядъ капитальныхъ литературныхъ произведеній, какъ: большой историческій романъ изъ русской жизни XVIII в., автора извѣстныхъ историческихъ романовъ, Вс. С. Соловьевъ: „СЕРГѢЙ ГОРБАТОВЪ“; большая повѣсть Н. Н. Каразина „СТАРЫЙ ДЖУДАШЪ“ (изъ жизни въ средне-азиатскихъ пустыняхъ) Н. Морсина (автора романа „Купленное счастье“), большая повѣсть „ПОДЪ ЗЕМЛЕЮ“; повѣсть В. Г. Австенко „МГОВЕНІЕ“; два разсказа Н. Успенскаго—„Охотники“ и „Небывалый случай“; два разсказа П. П. Гнѣдича „По домашнимъ обстоятельствамъ“ и „Подъ сѣтвомъ“ повѣсти А. С. Максимова: „На Востокѣ“, „Разсказъ Топографа“ и „На островѣ Аскольдъ“; разсказъ В. Петрова „Горные орлы“, изъ временъ Герцеговинскаго движенія; рядъ очерковъ: по исторіи русской литературы—А. П. Милонова, П. П. Гнѣдича, Н. Боева и друг.; по естественнымъ наукамъ и гигиенѣ—А. Ф. Брандта, И. О. Фесенко, Н. Дружинина, Э. И. Нивинскаго и многія другія. Какъ премія на будущій 1881 г. мы дадимъ (кромѣ большаго стѣннаго календаря на 1881 г., который будетъ приложенъ при первомъ № за 1881 годъ) двѣ превосходныя, исключительно для „Нивы“ исполненныя, большія акварели знаменитаго М. Зичи, придворнаго художника Е. И. Величества. Новыя двѣ картины М. Зичи изображаютъ двѣ сцены одной изъ лучшихъ повѣстей гениальнаго нашего писателя Н. В. Гоголя—Тарасъ Бульба“. Первая сцена „Въ осажденномъ городѣ“, свиданіе Андрія, младшаго сына Тараса Бульбы, который приноситъ тайно хлѣбъ въ замокъ—съ красавицей полькой. Вторая—„Встрѣча Тараса съ Андріемъ, послѣ его измѣны“ на полѣ битвы, подъ осажденнымъ городомъ. Тутъ художникъ удивительно блестяще воспользовался всѣми данными, какія представляютъ эти высоко-художественныя, превосходныя сцены. Премія эти будутъ высланы, не смотря на значительные расходы за высылку (за одни картинныя футляры и почтовые марки въ 1880 году при высылкѣ премій было заплачено около 8,000 рублей, не говоря о самыхъ картинахъ), какъ и въ прошлыхъ годахъ—совершенно бесплатно для гг. годовыхъ подписчиковъ—не увеличивая за то подписной цѣны. Такимъ образомъ въ будущемъ 1881 году „НИВА“ получитъ еще новыя улучшенія, еще болѣе дорогія премія и въ ней появятся оригинальныя произведенія самыхъ талантливыхъ русскихъ писателей и художниковъ.

Кромѣ вышеуказанныхъ капитальныхъ литературныхъ произведеній, въ нашемъ распоряженіи находится разсказъ „БАРЫШНИКИ“ извѣстнаго этнографа и путешественника по Россіи С. В. МАКСИМОВА, автора книгъ „На Сѣверѣ“, „На Амурѣ“, „Сибирь и каторга“ и многихъ другихъ, всей читающей Россіи извѣстныхъ, произведеній.

Подробное объявленіе о подписныхъ цѣнахъ можно видѣть на 1-ой страницѣ номера подѣ титуломъ.

Желающихъ подписаться на будущій 1881 г. „Нивы“ проситъ заблаговременно обращаться прямо въ Главную Контору редакціи журнала „Нива“ помѣщающуюся въ С.-Петербургѣ, Больш. Морск. ул., д. № 9.
Издатель „Нивы“ А. Ф. Марксъ.

Всероссійская Мануфактурная Выставка въ Москвѣ.

Въ будущемъ 1881 году отъ журнала „Нива“ посылаются въ Москву, на Всероссійскую Мануфактурную Выставку, спеціальныя корреспонденты и рисовальщики, которые будутъ доставлять намъ рисунки и описанія всего, что только обратитъ на себя общее вниманіе. Эти статьи, очерки и рисунки составятъ цѣлый, особый отдѣлъ журнала съ нѣсколькими стами гравюръ. Будутъ помѣщены объясненія спеціальныя, отдѣльныя популярно-научныя статьи, касающіяся наиболѣе интересныхъ предметовъ, сценки и описанія Выставки, маленькіе очерки и разсказы, характеризующіе жизнь Москвы во время Выставки. Весь этотъ богатый матеріалъ, хотя онъ значительно долженъ увеличить расходы на каждый №, и нами не былъ обѣщанъ, онять-таки не возвышается подписной цѣны на „Ниву“. Если бы мы весь, касающійся Выставки, матеріалъ изъ „Нивы“ потомъ отпечатали и издали отдѣльной книгой, книга эта одна стоила бы во всякомъ случаѣ болѣе подписной цѣны „Нивы“.

Мы просимъ гг. экспонентовъ Выставки посылать намъ рисунки и фотографіи выставляемыхъ ими предметовъ, имѣя въ виду, что такимъ образомъ свѣденія объ ихъ издѣліяхъ получатъ весьма широкую гласность, такъ какъ „Нива“ самый распространенный журналъ въ Россіи изъ всѣхъ существующихъ въ настоящее время. Это особенно важно въ томъ отношеніи, что множество лицъ по разнымъ обстоятельствамъ все же не посѣтятъ Выставки и для такихъ лицъ будутъ особенно важны эти свѣденія, ибо „Нива“ получается въ отдаленнѣйшихъ окраинахъ нашего обширнаго отечества и нѣтъ почти, можно сказать, ни однаго городишка или мѣстечка въ Россіи—гдѣ бы „Нива“ не имѣла хоть нѣсколькихъ подписчиковъ.

Рѣшеніе задачи буквъ № 85.

I.	1 Евва	2 Вуаль	VIII	1 Холстъ	2 Шей
	2 По 3 И	3 Мп	IX	1 Типъ	2 Ужъ
	4 Тостъ	4 Левъ	X	1 Сосѣдъ	
II.	1 Кружка	VI	1 Пѣтухъ	2 Вѣдма	
	2 Зенитъ)		2 Мѣль	3 Тесь	
	3 Шипка		3 Рея	4 Типъ	
	4 По		4 Левкои	XI	1 Глина
III	1 Волъ		5 Зала		2 Дня
	2 Диво		6 Да. 7 По		3 Тренеть
IV	1 Хоръ	VII	1 Сѣвникъ	XII	1 Свѣтъ льна
	2 Ова		2 Крезъ		2 Четъ
	3 Свѣгъ		3 А	XIII	1 Походъ
V	1 Волхвы		4 Пѣснь		2 И 3 Иродъ

В	о	т	ъ	у	ж	ъ	п	ѣ	с	н	ь	з	а
в	о	д	и	т	ъ	п	ѣ	с	е	н	н	и	к
ъ	л	и	х	о	й	и	з	ъ	к	р	у	ж	в
а	в	ы	х	о	д	и	т	ъ	п	а	р	е	н
ь	м	о	л	о	д	о	й			п	а	п	к
у	в	в	е	р	х	ъ	к	и	д	а	е	т	ъ
л	о	в	и	т	ъ	н	е	г	л	я	д	и	т
ъ	п	л	я	ш	е	т	ъ	п	р	и	с	ѣ	д
а	е	т	ъ	с	о	л	о	в	ь	е	м	ъ	с
в	и	с	т	и	т	ъ			п	ѣ	с	н	ѣ
о	т	в	ѣ	ч	а	е	т	ъ	б	о	р	о	с
т	е	л	ь	в	ъ	л	у	г	а	х	ъ	п	ѣ
с	н	я	з	а	м	и	р	а	е	т	ъ	д	а
л	е	к	о	в	ъ	п	о	л	я	х	ъ		

Вѣрная рѣшенія этой задачи прислали отъ гг.: Сиб.—Аленіусъ, Калыкиной, Серпуховъ—Иконникова.

Рѣшеніе ребусовъ, помѣщенныхъ въ №№ 46 и 47-мъ "Нивы".

- 1) Забава да игра не принесутъ добра.
2) Добрый примѣръ и честный трудъ не пропадаютъ даромъ.
3) Наступила зима и морозы, а дрова продаются въ тридцать разъ.

Вѣрныя рѣшенія этихъ ребусовъ присланы отъ гг.: Спб.—Афанасьева, Кумо, Курочкина, Косолапова, Приб—кова, Левшина, Лидушкиной, Перегудова, Соколова, Иващенко, Друскиевича, Гухевича, Федорова, Пфеллеръ, Чистякова, Печоро, Стржапуновича, Киржакова, Везеветтеръ, Гаврилова, Степановой, Гомязова, Иванова, Верне, Заллаткина, Гофмана, Курочкиной, Половского, Зайцева, Чекушина, Рогова, Гольмъ, Сарро, Ферлей, Нордгеймъ, Каменова, Гринцевича, Мяско-Руси, Ремезова, Гринбергъ, Анкудинова, Зайцева, Платонова, Геннингъ, Мокшана, Гусаровой, Богатана, Касаткина, Грамотаго, Халевича, Чинъ-Ганъ-Рока, Шетковской, Негулинкина, Максимовскаго, Зейне, Ильиной, Байкова, Судакова, Скрибина, Иващенко, Долли, Серезе, Петелополошницкаго, Евтениевича, Шевелева, Морена, Валдаева, Федорова, Фашицаго, Панова, Кулина, Тонбергъ, Эммануель, Подозова, Богометъ, Соколова, Гравовскаго, Татарина, Десатова, Штунтикъ, Шеманкина, Колдина, Якобусъ, Шарбина, Пашкина, Дмитриева. Москва—Кичигина, Любимова, Иванова, Корешкова, Вилнова-Сучкова, Подлацева, Войникова, Дулева, Лебедева, Лашкина, Землянскаго, Мануйлова, Немаго, Сутькова, Скургорова, Пскова, Гасарова, Домбровскаго, Любимова, Чибосова, Расторгуева, Шермакова, Федорова, Горлуцъ, Валдина, Захарова, Милалева, Соловьева, Пушкина, Саватюгина, Керунова, Еремина, Труникъ-Аламинина, Рыжковой, Кудрявцева, Тихомирова, Ловченко, Полатцова, Терентьева, Сутькова, Иванова, Соколова, Горчакова, Львова, Землянскаго, Нестерова, Никифорова, Позяка, Мокшина, Крысовой, Калмыковой, Балашова—Хованскаго, Бобруйска—Нестерова, Богородицка—Б—д—б—на, Берин—Роговскаго, Брестъ—Васильевой, Манакудова, Бринскъ—Чижригина, Кореньевича, с. Бѣгунъ—Любимова, Бѣжицка—Рѣпина, Галукова, Бѣлый—Спиридохова, Валин—Вдовиченко, Варцинь—Гауцъ, Варшава—Гаврилова, Блаугенъ, Жероковскаго, Сопова, Тропцкаго, Вержиболово—Гавескаго, Великіе Луки—Новинскаго, Хлѣбникова, Вильна—Чаплина, Долматскаго, Гейслеръ, Витебскъ—Катнеръ, Владимиръ—Святосоровой, Волкова, Каражикой, Вологда—Куперной, Воронежъ—Цопова, Кулевица, Акиртимъ, с. Воскресенское—Ланскаго, Вытегра—Семенова, Гомель—Шершина, Горки—Донжикова, Динабургъ—Когана, Фрейдинъ, Стельмаковичъ, Николай, Дисна—Ливотова, Дмитровъ—Ардальева, Елецъ—Рошуляна, Тимофѣева, Федорова, Валуйскаго, Давва, Бурей Беренда, Елисаветградъ—Флакманъ, Еремине—Шуковской, Ефремовъ—Горькова, Ельниково—Роуванской, Завидово—Селана, Задонскъ—Висромъ, Застокъ—Заверскаго, В. И. С., Иваново-Вознесенскъ—Селановскаго, Корвинна, Иовля—Воцило, Казань—Дадатова, Шеманкина, Калуга—Вагина, Васильева, Шумилина, Милеанова, Калызинъ—Гребенкова, Каргополь—Горскаго, Масимовъ—Ру—на, Кимеша—Яблокова, Киржачъ—Босакъ, Кирсановъ—Овчиничъ, Невъ—Лешковскаго, Корчинской, Киселевской, Москалева, Прасолова, Кобринъ—Госковскаго, Новровъ—Соколова, Изельскъ—Усаевой, Коллино—Денникова, Нострома—Солодовниковъ, Ависова, Ношедары—Гертеръ, Кренишадъ—Захарова, Хитрова, Рибана, Горбунова Родионова, Курба—Афанасьева, Курскъ—Сидальникова, Куряваго, Шамуляръ, Штурова, Шацова,

Пирогова, Миллионщикова, Заприцкаго, Либана—Соловьева, Ловичъ—Романенко, Луга—Лашина, Малая Вишера—Бадалева, Маціовъ—Гашкевичъ, Минскъ—Платонова, Одесскаго-Круглякъ, Митава—Соколовскаго, Михайловъ—Терскаго, Могилевъ—Кочубинской, Мезырь—Александровой, В. Ю., Монра Налигорна—Горбиль, Моршанскъ—Ежимова, Миценскъ—Никанорова, Невель—Элашевича, Нижний-Новгородъ—Филодова, Салорова, Бойкевичъ, Ефимова, Обросимаго, Вагенькова, Ярославскаго, Врочки, с. Новое—Розанельскаго, Новониколаевъ—Полукаевъ, Новочорнаскъ—Сиротина, Вологдина, Ермилова, Кирсанова, Одесса—Зонъ, Богдановскаго, Аркадзева, Балтеръ, Опочка—Жиденскаго, Оренбургъ—Важенова, Истревъ—Полдавскаго, Омшаны—Баганъ, Переяславъ—Сорохтина, Угрюмова, Строева, Перемышль—Брейтфусъ, с. Песочня—Окуева, Петергофъ—Игуменовой, Петроаводскъ—Варфоломѣева, Пинскъ—Своричевскаго, Полтава—Зарѣцкаго, Почепъ—Фескутина, Псковъ—Робачевскаго, Санктелевой, Сутоцкаго, Франіо, Пултусъ—Шанскаго, Раменская—Шарова, Ржевъ—Культеина, Рига—Костогорова, Ростовъ—Козолочевой, Зографиды, Резниченкова, Чернышню, Хлестунова, Варашина, Захаровой, Кобшанова, Трегубенко, Рабиновичъ, Рудня—Сухова, Масюкова, Рыбинскъ—Лотонина, Сопникова, Переславцева, Рязанскъ—Воронина, Рязань—Шумиленъ, Сѣвѣнога, ст. Савелино—Федорова, Самолжъ—Федорова, Саратовъ—Дигиберъ, Сасово—Лебедева, Себимъ—Яковлева, Серпуховъ—Егорова, Скопинъ—Жданова, Ш—каго, Слупцы—Шеръ, Смоленскъ—Котикова, Сырзанъ—Карманъ, Арамасова, Суми—Масальскаго, Таганрогъ—Ю—ва, Тверь—Ушакова, Воробьевой, Арефьевой, Тверечъ—Спиридонова, Тейново—Махарина, Тирасполь—Брадуганъ, Торопецъ—Шеранова, Угличъ—Лучинскаго, Горбачевой, Харьковъ—Полжковскъ, Зарубина, Холмъ—Биржовичъ-Стрѣльбицкаго, Царицынъ—Мишина, Луксарева, Царское-Село—Н. М., Проксуринной, Шуя—Иванова, Лабанова, Юрбургъ—Мураусъ-Бурьянскаго, Юрьевъ—Рудакова, Юхновъ—Иванова, Ярославль—Чукашевой, Печалева и Оберломъ.

Рѣшеніе Магическихъ крестовъ № № 70 и 71.

Two crossword puzzles with filled-in letters. The first puzzle (70) has words like 'П О Т О Л О К', 'В О Р О Н Е Н О В', 'Т Е Л Е Н О К', 'К О Н О Н', 'К'. The second puzzle (71) has words like 'К О Л', 'Г О Л О С', 'К О Л О К О Л', 'Л О Б О Т О Б', 'С О С О К', 'Л О К', 'С'.

СОДЕРЖАНІЕ: Усыпальница Годуновскихъ (съ рис.)—Три тысячи. Равскаа Р. Вернера.—Русские старинныя промыслы (съ рис.)—Невъ (съ рис.)—Свиданіе (съ рис.)—Великое событіе (съ рис.)—Пріемъ русского посольства при версальскомъ дворѣ въ 1681 году (съ рис.)—Замыслъ Гогеншвангау (съ рис.)—Общедоступная вентиляция (съ рис.)—Смѣсь.—Политическое обозрѣніе.—Къ нашимъ читателямъ.—Всероссійская Мануфактурная пиставка въ Москвѣ.—Рѣшеніе задачи буазе.—Рѣшенія ребусовъ.—Рѣшеніе магическихъ крестовъ.—Объявленія.

Издатель А. Ф. Марксъ.

Редакторъ Ф. Бергъ.

Advertisement for S. Peterburgskaya Khimicheskaya Laboratoriya. Features 'Глицериновое мыло' (Glycerin soap) and 'Осторогайтесь подраманій' (Beware of imitations). Includes a circular logo with a figure and text: 'С.-П.-БУРГСКАЯ ХИМИЧЕСКАЯ ЛАБОРАТОРИЯ'.

Advertisement for 'КЕДЕРСКАЯ ДУШИСТАЯ ВОДА' (Kederskaya Perfumed Water). Text: 'ОТЪ СОДИТЕРА' (From the Dispenser). Includes contact information: '1881 (ДЕВЯТЫЙ) ГОДЪ ИЗДАНИЯ ОТЪРЪТА ПОДПИСЕКА НА'.

Advertisement for 'САДОВОЕ ЗАВЕДЕНІЕ КАРЛСОНА ВЪ ВОРОНЕЖѢ' (Gardener's Establishment Karlson in Voronezh). Text: 'Увѣдомляетъ своихъ гг. покупателей, что полные иллюстрированныя каталоги всякаго рода сѣмянамъ со множествомъ политипажей въ текстѣ на 1881 годъ выйдутъ въ концѣ декабря и тотчасъ будутъ имъ высланы.' Also includes 'БИРЖЕВЫЯ ВѢДОМОСТИ' (Market News).

Advertisement for 'Первыиъ мною приготовленная и введенная въ продажу. УКУСУСНАЯ ЭССЕНЦІЯ' (First prepared and introduced into sale. Flavorful Essence). Text: 'посуда, арникъ и вся уборка моихъ стьянокъ съ этою эссенціею, нашли себѣ также, какъ и многиа другія мои издѣлія, бездну подраманій, отъ которыхъ я однако въ настоящихъ случаяхъ долготъ считая предостеречь почтеннѣйшую публику, такъ какъ усусъ служатъ приправою къ кушаньямъ, а я въ нѣсколькихъ этихъ минимъ уккусныхъ эссенціахъ при химическомъ анализѣ, наметъ металлическія примѣси. Моя-же уккусная эссенція, какъ была, такъ и красна, химически чиста; приготовленныиъ изъ нея усусъ самутаго мягкаго и приятнаго вкуса и не пхлѣиветъ. Изъ одной стьянки въ 70 коп. получается посредствомъ простаго развизанія отварнаго водова, 1/2 ведра крѣпкаго усуса, а по всѣмъ этимъ качествамъ моя уккусная эссенція доставляетъ большія удобства и громаднѣйшую экономію въ хозяйствѣ, особенно въ деревнѣ; почему я покорнѣйше прому почтеннѣйшую публику, при покупкѣ уккусной эссенціи, обратитъ вниманіе на фирму мою на арникѣ и на большую золотую медаль на верку онаго (самъонную на поддѣльныхъ арниккахъ монопограмию). Эссенція моя продается въ моихъ магазинахъ, на Навольской, также у А. В. Андреева на Тверской, у Егорова въ Охотномъ ряду, у Эмilia Керстанъ на углу Тверской и Брюсовскаго переулка и во многихъ другихъ магазинахъ въ Москвѣ и въ провинціи. Ц. № 1094 2-1'

Advertisement for 'ОРЛОВСКИЙ ВѢСТНИКЪ' (Orlovskiy Vestnik). Text: 'газету общественной жизни, литературы и политики. выходитъ три раза въ недѣлю по средамъ, пятницамъ и воскресеньямъ'. Includes subscription rates: 'ПОДПИСНАЯ ЦѢНА: На годъ съ доставкой и перес. 6 р. 50 к. На 6 мѣс. 3 р. 75 к.'

Advertisement for 'Изданіе А. Ф. Маркса Спб. ВТОРАЯ ЖЕНА. Романъ Мармита. Перев. съ нѣм. Ц. 1 р. 50 к.' (Edition of A. F. Marx St. Petersburg. THE SECOND WIFE. Novel by Marmita. Translated from German. Price 1 rub. 50 k.). Text: 'Въсѣхъ перес. 2 р., для подписки. "НИВЫ" 1880 г. 1 р. 25 коп. съ перес. 1 р. 50 к.'

Advertisement for 'Holzstift-Maschinen' (Wooden Pin Machines). Text: 'zur Fabrication von Schuhmacherstiften deutschen und amerikanischen Systems, mit bedeutender Leistungsfähigkeit, liefert unter Garantie die Maschinen-Fabrik von A. Roller in Berlin N., D. № 1066. Chaussée-Strasse № 98. 3-2.'

Только что вышло из печати
3-е издание

**УЧЕБНИКА ГАРМОНИИ
П. ЧАЙКОВСКАГО**

Профессора теории музыки Московской Консерватории.

Москва, у П. Юргенсона, 10, Невлинный проезд.

С.-Петербург, у П. Юргенсона. Варшава, у Г. Зенневальда.
П. № 1101

Требуются предприимчивые, деятельные

≡ АГЕНТЫ ≡

подъ выгодными условиями для продажи всегда хорошо принятого предмета продовольствия во всех городах Российской империи. Адресоваться г. В. Фригг, Вольш. Морская, д. № 32, кв. 12, в С.-Петерб. К. № 1091

ВЪ 1881 ГОДУ

ЖУРНАЛЪ

КОННОЗАВОДСТВА

будет издаваться по прежней своей программе, включая въ себя отдѣлы официальной и неофициальной.

Въ приложеніи къ Журналу будут печататься рыцарскіи и скаковой календари особыми листами, прилагаемыми къ концу книжки; независимо отъ этого, какъ и прежде, будутъ помѣщаться краткія новости о результатахъ испытаний.

Цѣна за годовое издание Журнала, состоящее изъ 12 еженеделныхъ книжекъ съ приложеніемъ обоехъ календарей, съходящая: безъ доставки 6 р., съ доставкой и пересылкою во все города имперіи 8 руб.

Подписка принимается въ Канцеляріи Главнаго Управленія государственнаго коннозаводства, въ С.-Петербургѣ, по Навалинской улицѣ, д. № 18, и во всѣхъ книжныхъ магазинахъ. № 1070

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1881 ГОДЪ.

СЕМЬЯ и ШКОЛА.

1) ПОЛНЫИ журналъ, изданія годъ XI. Подп. цѣна на годъ съ дост. и перес. 12 р. Отдѣльно: 2) на Иллюстрированный отдѣлъ для дѣтей (12 книгъ) 10 р.; 3) на Учебно-воспитательный отдѣлъ съ Педагогическою хроникой (10 №№ книгъ и 40 №№ Педаг. хр.) 5 р. Подписка адресуется въ Спб., Васильевскій островъ, 15 линия, д. 8, въ контору журнала „Семья и Школа“. № 999 10-6

КРЫШКИ для переплета „НИВЫ“ изъ лучшаго англійскаго каленкора съ водот. тисненіемъ за 1880 г. и также на 1881 г. по вышепоказанному образцу 1 р., съ перес. 1 р. 50 к. Каждый простой переплетчикъ легко можетъ переплести „НИВУ“ въ такую колѣкоровую крышку. Также имѣютъ крышки для „НИВЫ“ прежнихъ лѣтъ т. е. отъ 1870—1879 гг. по той же цѣнѣ.

ПРЕКРАСНЫЙ ПОДАРОКЪ НА ЕЛКУ.
ИЗДАНИЕ А. Ф. МАРЕСА. ВЪ С.-ПЕТЕРБУРГѢ.

ПОТЕРЯННЫЙ И ВОЗВРАЩЕННЫЙ РАЙ.

Поэмы Джона Мильтона.

Большое издание in folio, съ 50 большими превосходными картинами Густава Дора.

Переводъ съ англійскаго А. Шульговской, съ полнымъ подстрочнымъ англійскимъ текстомъ.

ИЗДАНИЕ ЭТО ПОСВЯЩЕНО ЕЯ ИМПЕРАТОРСКОМУ ВЫСОЧЕСТВУ ГОСУДАРЫНИ ЦЕСАРЕВНИ.

Цѣна въ хорошемъ каленкоровомъ переплетѣ 25 р., съ перес. 30 р. Для подписчиковъ „Нивы“ 1881 г. 20 р. съ перес. 25 р. Въ роскошномъ полуагреневомъ переплетѣ, съ золотымъ обрѣзомъ и въ футлярѣ 30 р. съ перес. 35 р. Для подписчиковъ „Нивы“ 1881 г. 25 р. съ перес. 30 р.

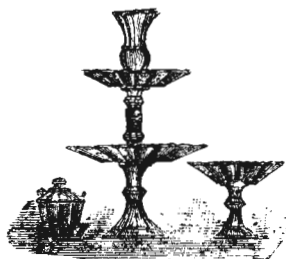
По выходѣ оно было встрѣчено прессой живѣйшимъ сочувствіемъ и весьма лестными отзывами. Такъ въ „Голосѣ“ въ № 336, отъ 5 Декабря, было сказано:

„Наша переводная литература обогатилась на дняхъ новымъ изданіемъ, въ которомъ несомнѣнно литературное „достоинство соединяется съ рѣдкою въ Россіи роскошью типографскаго искусства. Изданіе это, знаменитая поэма Мильтона „Потерянный рай“, переведенная въ прозѣ Г-жею А. Шульговскою. Переводъ вполне удовлетворителенъ. Онъ соединяетъ въ себѣ замѣчательную близость къ подлиннику съ прекраснымъ литературнымъ языкомъ, передающимъ какъ нельзя лучше тонъ англійскаго текста.“

„Что же касается изданія, то оно поражаетъ тою солидною роскошью, которая составляетъ отличное свойство французскаго изданія подобнаго рода. Оно представляетъ богато-переплетенный фолиантъ и украшено 50-ю великолѣпными гравюрами съ рисунковъ Густава Дора. Каждая мелкая подробность показываетъ чисто любительское отношеніе къ дѣлу и приноситъ честь издателю г. Марксу, надѣявшему нашу иллюстрированную литературу книгою, которая смѣло можетъ соперничать со всѣми, что выходитъ въ этомъ родѣ въ западной Европѣ. Лучшаго и изящнѣйшаго подарка въ предстоящимъ праздникамъ нельзя и пожелать для тѣхъ, которые въ роскошныхъ иллюстрированныхъ изданіяхъ, украшающихъ ихъ бібліотеки или столы ихъ гостиныхъ, ищутъ не одной только внѣшней изящности но и внутренняго достоинства книги.“

Подобные же, еще болѣе лестные отзывы были помѣщены также: во многихъ журналахъ.

**Вольшой выборъ подарковъ
къ РОЖДЕСТВУ.**

изъ настоящаго богемскаго хрустала какъ-то:

Туалетные приборы, принадлежности къ письменному столу, сервизы съ монограммами или шифрами гравированныя, разные Вазы, Бокалы, Подсвѣчники, Люстры, Бра, Канделябры и проч. самой изящной работы по заводскимъ цѣнамъ рекомендуетъ

СПЕВ. СКЛАДЪ ХРУСТАЛЬНОГО ЗАВОДА

ГРАФА ГАРРАХА

НОВЫЙ СВѢТЪ (ВЪ БОГЕМИИ).

Невскій проспектъ № 54.

Противъ Императорской Публичной Библіотеки. W. № 1097

Новость!

Карты гаданія дѣвницы Ленорманъ вышли въ свѣтъ четвертымъ изданіемъ, которыя вполне заслужили отъ публики большое вниманіе, продаются во всѣхъ книжныхъ и писчебумажныхъ магазинахъ а также и въ игрушечныхъ. Карты эти ичюгда не обманываются. Цѣна 1 р., съ пересылкой 1 р. 20 коп. за коробку. Складъ изданія: Литейная ул. дому № 31. Магазины бумага Н. Попова. № 1085

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА ИСТОРИЧЕСКОЕ ИЗДАНИЕ

„РУССКІИ АРХИВЪ“

ВЪ 1881 ГОДУ.

Въ теченіе 1881 года въ „Русскомъ Архивѣ“ будутъ печататься рѣдкости изъ невѣданныхъ рукописей А. С. Пушкина. Годовое изданіе „РУССКАГО АРХИВА“ въ 1881 году будетъ состоять изъ шести книжекъ или тетрадей, которыя появятся въ свѣтъ по мѣрѣ отпечатанія и составятъ три большіе тома. Цѣна „Русскаго Архива“ въ 1881 г. *двадцать рублей.*

Подписка принимается въ Москвѣ Ермолаевская Садовая, д. Важеновой. Въ Петербургѣ, на Невскомъ въ книжномъ магазинѣ Мамонтова. № 1081 8-1

Поступилъ въ продажу извѣстный и болѣе всѣхъ распространенный:

**ЭДУАРДА ГОППЕ
СТѢННОЙ
КАЛЕНДАРЬ-ЕЖЕДНЕВНИКЪ
НА 1881 ГОДЪ (ГОДЪ X).**

съ отрывающимися на каждый день листами и съ приложеніемъ

„СПРАВОЧНОЙ КНИЖКИ“

содержащей въ себѣ указаніе всѣхъ ярмарокъ въ Россіи, съ подробнымъ обозначеніемъ ихъ мѣста, срока и торговь, на нихъ производящихся, и полный

КАЛЕНДАРЬ КАПИТАЛИСТОВЪ.

Папка календаря украшена изобр. памятника 1000-лѣтія Россіи въ Новгородѣ

Цѣна 75 коп., съ пересылкой 1 руб.

Торговцамъ, берущимъ партіями, — значительная уступка.

Простая въ особенности лицъ, живущихъ въ отдаленныхъ мѣстахъ, съ требованіями обращаться заблаговременно.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

ЭДУАРДЪ ГОППЕ,

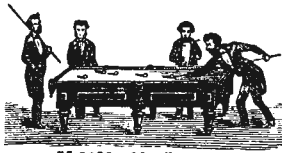
Типографія Имп. Спб. театр., Вознесенскій просп., 58.

Библиотека „Руниверс“

№ 1080

Изданіе: 25,000 экз.

БИЛИАРНАЯ ФАБРИКА А. ФРЕЙБЕРГЪ

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Переведена Изъ Голландск. поляхъ, не далеко отъ Троицкаго собора, по Троицкому проспекту, соб. домъ № 18.

БАНКИРСКАЯ КОНТОРА ЯКОБСОНЪ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ, Литейный проспектъ, д. № 21.

Продажа 5 % съ выигр. билет. съ разсрочкою платежей, съ за- даткомъ по 20 руб. на билетъ.
Выигрѣшъ, курсовая разниця и купоны составляютъ собственность покупателя.
Страхование отъ тиража 5% съ выигрѣшми билетовъ по 50 к.
Отъ гг. инородныхъ, включая почтовые расходы, по 60 коп. за билетъ.
Всѣ биржевыя и банкирскія операціи по покупкѣ, продажѣ и залому бумагъ отъ гг. инородныхъ исполняются по письменнымъ приказамъ черезъ почту.
Примѣтъ на комиссію 5% билетовъ для осыла на новыя.
Подробная программа операцій помѣщена въ „Нивѣ“ № 8 сего года. № 1038 10—3

ЧИТАТЕЛЬ, СТОЙ!

Обратите вниманіе на предметы, находящіеся въ магазинѣ подъ фирмою:

РѢДКОСТИ, НЕОБХОДИМЫЯ ДЛЯ ВСѢХЪ, М. ЭЙЗЕНБЕРГЪ.

1) Вѣчные металлическіе поплавки Р. К. для лампадки, плавающие на маслѣ безъ пробокъ и горятъ безъ фитилей	20	13) Англійская мазь для точенія Р. К. Бритвъ и другихъ инструментовъ	30
2) Американское дерево для склеиванія всякой разбитой посуды, которое держитъ такъ крѣпко, что можно повесить нѣсколько пудовъ на склеенномъ предметѣ	30	14) Резиновый растворъ для склейки резиновыхъ клочковъ и всякихъ резиновыхъ вещей	30
3) Голландское мыло для выноса всякаго рода пятенъ изъ разной одежды	20	15) Машинка для вырѣзыванія итальянск. макаронъ изъ картофеля	15
4) Смоля для уничтоженія мозолей безъ всякой боли, штука 20 к. за дюжину	1 50	16) Порошокъ для серебряныхъ стертыхъ мѣстъ на накраданныхъ и мельхиоровыхъ вещахъ, коробка,	1 — 2 —
5) Химическій уголь для разрѣзки стекла и хрустала на равные узоры, штука	25	17) Порошки д. я позолоты стертыхъ мѣстъ на деревянныхъ позолоченныхъ рамкахъ и багетахъ	1 —
6) Гуттаперчевая вакса безъ употребленія щетки, глянецъ не портится отъ воды, банка 25 коп. и	75	18) Порошки для чистки и полировки мѣдныхъ, томпаковыхъ и бронзовыхъ вещей, коробка 75 коп. и	1 50
7) Специальный порошокъ для выноса чернилъ изъ бумаги, полотна и разныхъ вещей	25	19) Порош. для чист. стали, заглава отъ ржав. ч. и острога ножей 75 к. и	1 50
8) Перья безъ употребленія чернилъ, только обмыванія въ воду, разныхъ цвѣтовъ	5	20) Глянцъ-крамакъ, самый д. ч. шій сортъ	30
9) Вѣчные чернила для вѣчной мѣтки бѣлья	40	21) Яблочное гуммиарабикумъ самое чистое, большой флаконъ	25
10) Шаблоны для мѣтанъ бѣлья на полную азбуку хорошаго сорта	40	22) Специальное мыло для чистки золота и серебра	20
11) Магическія чернила, когда писать, ничего не замѣтно, только знающій секретъ можетъ читать. 20 к.	30	ПОДАРКИ ДѢТЯМЪ.	
12) Золотыя и серебряныя чернила самаго лучшаго достоинства 20, 40 к. и	60	23) Волшебныя звѣзды ва дю и ю	15
		24) Венгальскіе огни разноцвѣт. вѣтовъ безъ дыму и запаха коробка	25
		25) Народные костюмы разныхъ ладѣй, надѣваемые на одно лицо, дѣтямъ очень забавно	50

Товаръ высылается во всѣ города Россійской Имперіи, —о не менѣе, какъ на 5 р. Почтовые расходы на счетъ магазина, при покупкѣ свыше 10 руб.

С.-Петербургъ, Бол. Садовая ул., въ зданіи Пажескаго корпуса, магазинъ № 9. М. Эйзенбергъ. К. № 1089

Съ 1-го Января 1881 года, въ С.-Петербургѣ, выходитъ

НОВАЯ ЕЖЕДНЕВНАЯ ГАЗЕТА
ПОЛИТИЧЕСКАЯ И ЛИТЕРАТУРНАЯ

„ПОРЯДОКЪ“

подъ общою редакціею съ журналомъ „Вѣстникъ Европы“ и съ участіемъ всѣхъ его постоянныхъ сотрудниковъ.

ЦѢНА ПОДПИСКИ:

	Безъ доставки:	Съ достав.	Съ пер.	За границ.
Три мѣсца	8 р. 60 к.	4 р.	5 р.	7 р.
Полгода	7 —	8 —	9 —	13 —
Годъ	14 —	16 —	17 —	25 —

Мѣсца: безъ доставки 1 р. 25 к.; съ доставкою 1 р. 50 к.; съ пересылкою 1 р. 75 к. за границей 3 р.

Разсрочка для полученія газеты безъ доставки и съ доставкою на домъ—включенъ; такъ какъ при подпискѣ на четверть года или полгода подписная цѣна не повышается, для инородныхъ же и иностранныхъ подписка по частямъ нѣсколько повышена, вслѣдствіе необходимости высылать у насъ газету по инородной почтѣ съ адресами.

Подписка принимается въ Главной Конторѣ журнала „Вѣстникъ Европы“ въ С.-Петербургѣ, на Вас. Остр., 2-я линія, 7; инородные обращаются по почтѣ въ редакцію Спб. Галерная, 20, а лично—въ Главную Контору.—Тамъ же принимаются частныя заявленія и объявленія для напечатанія въ газетѣ.

Издатель и отвѣтственный редакторъ М. Стасюловичъ. № 994 5—8

КЕЛЕРСКАЯ ДУШИСТАЯ ВОДА

замѣчательна отличіемъ своего букета, крѣпостью и большимъ содержаніемъ тончайшихъ ароматовъ; запахъ ея держится въ бѣльѣ по нѣскольку дней, пріятно освѣжающій и облегчаетъ головную боль.

Остерегайтесь поддѣлокъ!
Оптовая и розничная продажа у Р. Келеръ и К^о. на Никольской у А. В. Андреева, на Тверской и въ лучшихъ инородныхъ колоніальныхъ и галантерейныхъ магазинахъ. Ц. № 1059 5—2

Печат. и выйдетъ весьма скоро въ НЕЗНАЧИТЕЛЬН. числѣ экз. романъ 2 тома, отпечат. на измящ. **ЭНДИМИОНЪ** 12 экз. отпеч. (для подарк.) на бумагѣ. Ц. 2 р. 50 к. съ пер. 3 р.

БЫВШ. 1-го минист. англійск. Лорда Виконсфилльда перев. съ англійск. Библиотеки и лица желающія получить каждый томъ немедленно по выходѣ, обращаются въ издателью Николаю Асирханову. Спб., Невскій, 90, кв. 23. Выдается и высылается (за 7 к. м.) билетъ. Заготовленъ, по особому заказу, роскошные переплеты въ 1 р. 50 к и въ 2 р. Можеть служить хорошимъ подаркомъ. Безденежныя требованія не исполняются. № 1088 2—1

ГАЗЕТА

КОННОЗАВОДЧИКОВЪ И ЛЮБИТЕЛЕЙ ЛОШАДЕЙ ВЪ 1881 ГОДУ

будетъ выходить по той же программѣ, какъ и въ предыдущіе семь лѣтъ (съ 1874 г.), 1-го и 15-го числа всякаго мѣсяца, неуклонно преслѣдуя свою задачу служить, въ качествѣ независимаго органа, интересамъ русскаго коннозаводства, спорта, Кавалерійскаго и ремонтнаго дѣла въ Россіи. Цѣна годовому изданію газеты со всеми въ ней приложеніями (художественно исполненныя портреты замѣчательныхъ лошадей, описанія рисованныхъ и верховныхъ заводчиковъ и пр.) СЕМЬ руб. съ пересылкою и доставкою на домъ.

Подписка принимается въ Москвѣ, въ Редакціи газеты, на углу Остоженки и Лопухинскаго переулка, д. Масякова и у извѣстнѣйшихъ книгопродавцевъ.

Ц. № 1079 Редакторъ-издатель Н. Лодыгинъ.

ВЪ КНИЖНОМЪ СКЛАДѢ „РОССІЙСКОЙ БИБЛОГРАФИИ“

ЭМИЛЯ ГАРТЬЕ

Невскій пр. № 27, у Казавакаго моста, въ С.-Петербургѣ
поступили въ продажу слѣдующія новыя книги:

ДАЛЬ В. И. Немировича-Данченко. Красивый томъ 16^о 1 р. 25 к.
ВЪ ГОСТЯХЪ В. И. Немировича-Данченко. Красивый томъ 16^о 1 р. 25 к.

Въ красивомъ англійскомъ переплетѣ 1 р. 75 коп. съ пересылкѣй 2 руб.
Оба эти произведенія рекомендованы всѣми извѣстнѣйшими органами печати, какъ замѣчательныя беллетристическія произведенія талантливаго автора и какъ полезныя и чрезвычайно интересныя очерки путешестій его на Югъ Россіи и на Кавказѣ. Въ нихъ авторъ живымъ и бойкимъ языкомъ, описываетъ характеры, типы и обычай народовъ Кавказа и художественно рисуетъ картины прелепой природы. Такимъ образомъ, кромѣ интереснаго чтенія, оны, по характеру своему, могутъ быть рекомендованы юношеству, учебнымъ и подпольнымъ бібліотекамъ, какъ полезное приобрѣтеніе.

ДЛЯ МАТЕРЕЙ ДѢТЬМИ

УХОДЪ ЗА ЗДОРОВЬЕМЪ И ВОЛЬНЫМИ
Соч. д-ра І. М. Гетца, обраб. д-мъ Фр. Лихарчиковъ.
Пер. съ 4 вѣн. изд. д-мъ Н. Воронихинимъ.
2-е русское изданіе съ пометками въ текстѣ. Красивый томъ in-16^о на веленовой бумагѣ 1 р. 75 к., съ пер. 2 р., въ издани. перепл. съ золотыми тисненіями и спеціальными вынетками, нарочно для этого изданія сдѣланными, 2 р. 50 к., съ пер. 3 р.
Это изданіе рекомендовано всѣми извѣстнѣйшими органами печати, какъ самое лучшее и необходимое руководство для матерей при уходѣ и воспитаніи дѣтей. Кромѣ того, по своему изданию виду, оно можетъ служить весьма привлекательнымъ праздничнымъ подаркомъ.

ПОДАРОКЪ МОЛОДЫМЪ ХОЗЯЙКАМЪ

Составила Елена Молоховецъ (чужь Ш).

ДОМАШНЕЕ, ГОРОДСКОЕ И СЕЛЬСКОЕ ХОЗЯЙСТВО, ГИГИЕНА И МЕДИЦИНА.

Эта третья часть заключаетъ въ себѣ: три плана домовъ, 672 указанія полезныя въ домашнемъ хозяйствѣ, относительно стирки бѣлья, чистки различныхъ матерій, платья, перьевъ, порчатовъ, кружевъ, металлическихъ вещей, зеркалъ, обуви, ковровъ, пуху, покровъ и мебели, относительно вымова различныхъ патенъ и наскѣлокъ, склеиваніе различныхъ вещей, приготовленія чернилъ, ваксы, мыла, душистой воды, помады, пудры и пр. 1316 домашнихъ средствъ отъ различныхъ болѣзней взрослыхъ и дѣтей и 200 указаній на уходъ, откармливаніе и болѣзней домашнихъ птицъ и животныхъ. Всего до 1,100 номеровъ. 341 стр. 8^о. Спб. 1881. 2 р., съ пер. 2 р. 30 к.

ДУША И ТѢЛО. Соч. проф. Александра Бена. Пер. съ 6 англ. изд. 228 стр. 16^о. 1880. 1 р. 25 к.

Это произведеніе, принадлежащее къ международной научной бібліотекѣ, погугнуло всемірную извѣстность, что доказывается выходомъ его въ свѣтъ уже 6-мъ англ. изданіемъ.

ДѢТИ съ 9-ти лѣтняго возраста В. О. ПОПОВА. Съ 90 рисунками Н. Баранова, гравированными Г. Грачевымъ. 279 стр. 32^о Спб. 1881 г. 60 к., въ папѣ 75 к., въ красивомъ англійскомъ переплетѣ 1 р.
На пересылку прилагается 20 коп.

Новые замѣчательныя французскіе романы въ русскомъ переводѣ:
ОЛЕМПИЯ (Mlle Olympe), СИСА БУВЬЕ. Романъ этотъ рисуетъ парижскіе нравы еще въ болѣе яркѣхъ краскахъ и реальной фериѣ, чѣмъ „НАНА“, Эмиля Золя. х. 8^о Спб. 1880. 2 р.

ИЩУТЪ ЧЕЛОВѢКА.
Ром. Захера-Мазоха.* 1 р.

ДОЧЬ АТЕИСТА.
(Le mariage d'Odette). Ром. Альберта Далинъ.* 2 р.

ЧЕРНЫЙ КАБИНЕТЪ.
Соч. Захера-Мазоха.* 1 р.

КОРОЛЬ СЫЩИКОВЪ.
Ром. Евгения Шаветтъ.* 1 р. 25 к.
ОБЩЕСТВО МЕЧА.
Ром. А. Сталло.* 2 р.

За пересылку прилагается 10% со стоимости книгъ.

Книжный складъ „РОССІЙСКОЙ БИБЛОГРАФИИ“ (Эмиля Гартъе).
Невскій пр., у Казавакаго моста, д. 27, въ С.-Петербургѣ,
Высылаютъ по требованію всѣ русскія и иностранныя книги и прикладываютъ поданску на всѣ газеты и журналы, русскіе и иностранныя. Каталоги бесплатны. М. № 1095

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1881 ГОДЪ

на недорогое историческое издание, которое будетъ выходить пятый годъ подъ названіемъ:

„РУССКАЯ ГАЗЕТА“, ПОЛИТИЧЕСКАЯ, ОБЩЕСТВЕННАЯ, ЭКОНОМИЧЕСКАЯ И ЛИТЕРАТУРНАЯ.

Каждый № „Русской Газеты“ вмѣщаетъ въ себѣ двадцать четыре колонны плотнаго шрифта или около четырехъ тысячъ строкъ текста, въ стихахъ и прозѣ.

легкаго, живаго и разнообразнаго содержанія. „Русская Газета“ выходитъ большими листами въ форматѣ дорогихъ С.-Петербургскихъ и Московскихъ газетъ, по воскресеньямъ вторникамъ, средамъ, четвергамъ и субботамъ.

По своему характеру и тону „Русская Газета“ рѣзко выдѣляется между всеми изданіями нашей періодической печати и тѣмъ еще, что на ея страницахъ ежедневно помѣщаются подробныя „афиши“ и „программы“ о зрѣлищахъ и увеселеніяхъ, какъ въ Императорскихъ, такъ и въ частныхъ театрахъ, клубахъ, садахъ и проч., на что другія газеты не имѣютъ права.

Стремленіе издателя сосредоточено на одной цѣли, чтобы „Русская Газета“ удовлетворила самымъ разнообразнымъ требованіямъ публики. Благодаря живому участию, которое принимаютъ въ изданіи газеты извѣстныя силы русской прессы, редакция убѣждена, что „Русская Газета“ вполнѣ отвѣчаетъ требованіямъ минуты и имѣетъ въ глазахъ своихъ читателей значеніе органа, не мудрствующаго лукаво, безъ предвзятыхъ мнѣній освѣщающаго событія и случаи изъ вседневной общественной жизни. Издатель „Русской Газеты“ не пожалѣетъ никакихъ средствъ для того, чтобы столбцы ея изданія были живымъ выраженіемъ вѣбоды дня и духа времени. Всѣ произведенія въ разнообразной и разнохарактерной жизни русскаго общества, какъ въ столицахъ, такъ и въ провинціальной глуши, будутъ передаваться съ фотографическою вѣрностью.

Полнота и свѣжесть извѣстій поставлена на первомъ планѣ.

Имѣя въ виду массу читающей публики, редакция стремится къ тому, чтобы изданіе „Русской Газеты“ было для всѣхъ одинаково интересно и занимательно по всемъ вопросамъ политической, экономической и общественной жизни, не оставила также безъ вниманія выдающихся явленій изъ ученнаго и художественнаго міра, давая въ тоже время самое широкое мѣсто для литературныхъ произведеній: романовъ, повѣстей, разсказовъ, очерковъ, сценъ, стихотвореній и проч.

Вдаваясь въ жизненные вопросы всѣхъ слоевъ русскаго общества, мы, конечно не оставимъ безъ вниманія нужды и интересы, общественную и частную жизнь нашего духовенства и причтаны, которыя служатъ тормазомъ для сближенія его съ остальнымъ обществомъ и для улучшенія его матеріальнаго положенія.

Мы отвѣдемъ въ „Русской Газетѣ“ приличное мѣсто и для обсужденія тѣхъ вопросовъ, которые могутъ интересовать военное сословіе.

Имѣя въ виду не одну интеллигенцію, но вообще массу читающей публики, мы будемъ стремиться къ тому, чтобы каждая статья въ „Русской Газетѣ“ была написана живо, легко, занимательно и общепонятно. По всемъ вопросамъ политической, экономической, общественной, ученой, литературной и художественной жизни, мы будемъ говорить простымъ языкомъ.

Отличительной чертой нашего изданія — животрепетующій интересъ минуты и быстрое всестороннее ознакомленіе публики со всеми явленіями въ нашемъ обществѣ.

Страницы нашего изданія стираты для всякаго сторонняго сообщенія.

Редакция проситъ корреспондентовъ и репортеровъ сообщать о всякомъ правдивомъ явленіи въ общественной и частной жизни. Сообщеній можетъ быть вполнѣ увѣренъ, что фамалія его сохранится въ глубокой неувѣдомости, если только онъ этого пожелаетъ.

„РУССКАЯ ГАЗЕТА“ БУДЕТЪ МЕЖДУ ПРОЧИМЪ СОДЕРЖАТЬ:

- I. Правительственныя распоряженія и постановленія. Отчеты административныхъ мѣстъ и лицъ. Свѣдѣнія о пребываніи Высочайшихъ особъ. II. Политика. Обзорныя иностранной и политической жизни. Статьи по разнымъ государственнымъ, политико-экономическимъ и общественнымъ вопросамъ. III. Литература. Романы, повѣсти, разсказы, очерки, сцены, стихотворенія — оригинальные и переводные. Путешествія. Фельетоны. Журналы и газеты. Биографія. IV. Театръ и музыка. Разборъ пьесъ. Обзоръ игры артистовъ на столбчатыхъ и провинціальныхъ театрахъ, собраніяхъ, вечерахъ и проч. V. Россія. Явленія въ общественной и частной жизни. Происшествія въ Россіи. Корреспонденція. Вѣсти изъ провинцій. Случай, слухи и курьезы. VI. Исторія и статистика. Историческіе и этнографическіе очерки. VII. Наука. Изобрѣтенія, открытія и искусства по всемъ отраслямъ знаній за границей и въ Россіи. VIII. Хозяйство. Народное, домашнее, военное, церковное. Городское и сельское благоустройство. Сакатарія и гигиеническія нужды. IX. Биржа и капиталъ. Денежный рынокъ. Заграничная и внутренняя биржевая хроника. Дѣятельность банковъ, акціонерныхъ обществъ и другихъ учрежденій. Акцизы. X. Торговля и промыслы. Товарный рынокъ и торговая хроника. Фабричное, заводское и ремесленное дѣло. Кустарная промышленность. XI. Судъ. Процессы въ коммерческихъ судахъ, въ общихъ и мировыхъ судебныхъ учрежденіяхъ. XII. Свѣдѣнія: желѣзнодорожныя, судебныя, почтовые и другія. Телеграммы.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

Table with 2 columns: 'Безъ доставки:' and 'Съ доставкою или пересылкою:'. Rows show rates for 1 year, 1/2 year, 3 months, and 1 month.

Подписка принимается въ Москвѣ:

Въ конторѣ изданія „Русской Газеты“. Типографія Императорскихъ Московскихъ театровъ, у Зоологическаго сада, д. И. П. Смирнова; въ книжномъ магазинѣ И. И. Смирнова, на углу Охотнаго ряда и Моховой улицы, д. Корнилова.

Въ конторѣ редакціи: Никитская, противъ Никитскаго монастыря, д. князей Вадбольскихъ и въ всѣхъ извѣстныхъ книгопродавцевъ. Въ центральную контору объявленій для всѣхъ европейскихъ газетъ (Л. Метцла) принимается подписка на „Русскую Газету“ съ разсрочкой платежа помесячно.

Въ С.-Петербургѣ: въ отдѣльныхъ конторахъ „Русской Газеты“, при книжномъ магазинѣ Карбасникова и у другихъ извѣстныхъ книгопродавцевъ.

Иногороднымъ просимъ исключительно обращаться въ контору изданія „Русской Газеты“: Москва, типографія императорскихъ театровъ, у Зоологическаго сада д. И. П. Смирнова. Ц. № 1093 2-1

„ЦЕРКОВНО-ОБЩЕСТВЕННЫЙ ВѢСТНИКЪ“ ГОДЪ VIII. въ 1881 году ГОДЪ VIII.

будетъ издаваться на тѣхъ же основаніяхъ, какъ и въ предыдущіи семь лѣтъ своего существованія, т. е. будетъ заключать въ себѣ отдѣлы церковный, общественный, политическій и бюбюграфическій, и выходить три раза въ недѣлю, безъ предварительной цензуры.

По примѣру прежнихъ лѣтъ годовымъ подписчикамъ будетъ расослано бесплатное приложеніе подъ названіемъ „Малендарь для духовенства“ на 1881 годъ. Въ составъ его, между прочими полезными и необходимыми для духовенства свѣдѣніями, войдутъ: 1) утвержденныя Св. Синодомъ правила для нравственной оцѣнки учащихся въ духовныхъ семинаріяхъ и училищахъ; 2) правила о порядкѣ производства содержанія городского и сельскому духовенству; 3) правила введенія формулярныхъ списковъ священнослужителей; 4) правила, опредѣляющія порядокъ выборовъ въ составъ церковно-приходскихъ попечительствъ; 5) полныя постановленія о брачѣ; 6) подробныя свѣдѣнія по церковно-свѣчному дѣлу, и многія другія.

Условія подписки на будущій годъ, съ доставкою и пересылкою, слѣдующія: въ Россіи—на годъ 7 рублей, на полгода 4 рубля; за границей—за годъ 10 рублей.

Подписка принимается: Въ С.-Петербургѣ, въ Редакціи „Церковно-Общественнаго Вѣстника“, въ Троицкомъ переулкѣ, близъ Невскаго проспекта, въ домѣ № 3, кв. 5.

Редакторъ-издатель А. Половицій. № 1098

ПРИРОДА И ГОДЪ ОХОТА.

Выходить ежемесячно, книжка по 250 страницъ, съ полнотипажными въ текстъ и 2-3 отдѣльными рисунками (частью хромографированными) въ каждой книжкѣ. Въ январѣ будетъ расослана годовымъ подписчикамъ большая олеографія, исполненная въ Берлинѣ, съ органъ, рисунка, заказаннаго редакціей: „Привалъ охотниковъ“.

Подписная цѣна: на годъ 13 р., съ пер. 14 р., на полгода 7 р., съ пер. 8 р.

Лицамъ, подписавшимся на 1881 годъ до 1-го января въ редакціи (а не въ книжныхъ магазинахъ) выдаются немедленно или выносятся въ январѣ (вмѣстѣ съ преміей 1881 года) литограф. портреты С. Т. Аксакова и двѣ большія гравюры, исполненныя въ Парижѣ (Парфорная охота). Подписка въ разсрочку допускается за ручательствомъ значащихъ или по согласенію съ редакціей, съ правомъ полученія премии по уплатѣ всѣхъ подписныхъ денегъ.

Подписка отъ иногородныхъ принимается исключительно въ редакціи (Москва, Тверская, Пименовскій пер. Д. Корниова).

Ред. Изд. Л. П. Сабантѣевъ.

Журналъ „Природа и Охота“ за 1878 и 1879 гг. можно получить по 10 р. за годъ (на пересылку каждаго года прилагается за 10 ф. по расосланію).—„Журналъ Охоты“ и Сборникъ „Природа“, издававшіеся до 1878 года отдѣльно, продаются: немногіе оставшіеся экземпляры Журнала Охоты 1874—1877 гг. (7 томовъ, съ 46 хромо- и литографіями) за 25 р. (перес. за 20 ф.); Журналъ Охоты 1875—1877 гг. безъ отдѣльныхъ рисунковъ за 12 руб. и по 4 руб. за годъ (пересылка за 17 ф.); Сборникъ „Природа“ за 1873—1877 гг. (17 томовъ съ 1400 рис. въ текстѣ) съ 100 хромо- и литографіями за 25 р. (вмѣсто 53 р.); съ 60 приложеніями на 15 р. На пересылку каждаго экземпляра Сборника по почтѣ прилагается за 1 рубъ 5 фунтовъ, по расосланію; можно пересылать черезъ транспортныя конторы, съ переводомъ платежа и уплатой перемѣлочныхъ денегъ на вмѣстѣ. № 1067 3-2

ВЪ КНИЖНОМЪ МАГАЗИНѢ ОБЩЕСТВА РАСПРОСТРАНЕНІЯ ПОЛЕЗНЫХЪ КНИГЪ,

Москва, Петровка, провъдъ Петровскихъ торговыхъ линій.

Поступили въ продажу слѣдующія новыя изданія Общества:

- I. Разсказы для дѣтей о земной жизни Спасителя. Соч. А. Н. Бахметова, съ 27 карт. М. 1880 г. Цѣна 30 „
II. Подарокъ за приложеніе и успѣхи, съ 30 карт. М. 1880 г. Ц. 25 и. ц. 50 „
III. Подарокъ за приложеніе и благоуміе, съ 25 карт. М. 1880 г. ц. 25 „
IV. Въ родной землѣ и въ чужихъ краяхъ. Вып. 1-й, съ 40 картин: М. 1880 г. ц. 90 „
Вып. 2-й. Естественно-историч. отдѣлъ, съ 75 карт. М. 1880 г. ц. 50 „
3-й. Стихотворенія русск. и иностр. поэтовъ. М. 1880 г. ц. 50 „
4-й. Въ чужихъ краяхъ, съ 115 картинами. М. 1880 г. ц. 1 р. 60 „
Всѣ 4 вып. въ красивой папкѣ. ц 3 р. 50 „
V. Пчелка. Вып. 1-й. Чтенія для старш. возраста, съ 70 картин. М. 1880 г. Ц. 1 р. 50 коп. въ роскош. папкѣ ц. 2 р. — „
Вып. 2-й съ 60 карт. М. 1880 г. Ц. 1 р. 60 к., въ роск. папкѣ ц. 2 р. — „
VI. Мои мѣленькіе друзья, отпечатанное крупнымъ шрифтомъ въ красивой папкѣ ц. 1 р. — „
VII. Лапы и ногти. Исторія ручныхъ и дикихъ животныхъ, съ 40 картинами. М. 1880 г. Ц. 80 коп., въ красивой папкѣ ц. 1 р. 10 „
VIII. Наши обязанности къ животнымъ. Чтенія для старш. возраста, съ 100 картинами. М. 1880 г. ц. 1 р. 20 коп., въ крас. папкѣ ц. 1 р. 40 „
IX. Басни Эзопа въ русск. перев. съ картин. М. 1880 г. ц. 80 „
X. Чтеніе изъ исторіи среднихъ вѣковъ. М. 1880 г. ц. 75 „
XI. Русскіе великіе князья и Цари. Вып. 1-й, отъ Рюрика до Іоанна III. М. 1880 г. ц. 25 „
Вып. 2-й. отъ Іоанна III до Александра II включительно. М. 1880 г. Ц. 25 коп., оба выпуска вмѣстѣ въ красивой папкѣ съ портретами ц. 75 „
XII. Князь Яковъ Федоровичъ Долгоруковъ. Разсказы изъ русской исторіи. М. 1880 г. ц. 40 „
XIII. Начальныя чтенія, съ 200 картин. М. 1880 г. ц. 30 „
въ папкѣ ц. 50 „
ц. 80 „
XIV. Подвигъ милосердія, въ красн. папкѣ ц. 40 „
XV. Князь Сербраній. Повѣсть передѣлана изъ романа гр. Толстаго М. 1880 г. ц. 40 „
XVI. Поэты: русскіе, славянскіе, англійскіе, нѣмецкіе и французскіе въ красн. папкѣ М. 1880 г. цѣна каждаго ц. 15 „
XVII. Дѣтскіе рассказы и бесѣды съ дѣтьми. Соч. Кн. Лавова. ц. 25 „
XVIII. Звѣздочка. Соч. Е. Туръ. ц. 40 „
XIX. Хрустальное сердце. Соч. Е. Туръ. ц. 40 „
XX. Соломонъ. Повѣсть изъ Русской Старины 1625 г. ц. 40 „
XXI. Мыльные пузыри, отпеч. крупнымъ шрифтомъ съ картинами. М. 1880 г. Ц. 20 коп., въ крас. папкѣ. ц. 30 „
XXII. Званый вечеръ у Миши, съ картинками. М. 1880 г. ц. 35 „
XXIII. Школьные ступени. Соч. Деркачева съ картин. въ 2-хъ выпуск. ц. 75 „
XXIV. Знаменитыя собаки. Соч. Деркачева, въ 4-хъ вып. съ картинами М. 1880 г. Цѣна каждому 40 „
Всѣ дѣтскія изданія г-жи Ергольской. Дѣтскія дешерыя книги (до 300 названій) цѣною отъ 1 в. Каталогъ всѣхъ изданій Общества по требованію высылается бесплатно. Р. В. Иногородные на пересылку не платятъ. №1084

1881 г.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 15 ГОДЪ. НОВЫЙ РУССКИЙ БАЗАРЪ

Самый полный **ДАМСКИЙ МОДНЫЙ** и иллюстрированно-литературный **ЖУРНАЛЪ** для семейнаго чтения.

СЪ БЕСПЛАТНЫМИ ПРИЛОЖЕНИЯМИ (РАСКРАШЕННЫЕ УЗОРЫ И ПР.)

Издание придворнаго **Е. И. В.** книгопродавца **К. К. Ретгера** (подъ фирмою **Шмицдорфъ**.)

Давая массу рисунковъ и описаній, какъ домашнихъ нарядовъ такъ и костюмовъ для баловъ, визитовъ, вечеровъ, гулянья, маскарадовъ и проч., всякаго бѣлья и принадлежностей дамскаго и дѣтскаго туалета „Новый Русский Базаръ“ помѣщаетъ своевременно все, что выходитъ новаго и замѣчательнаго въ области моды.

Ни одно издание въ цѣломъ свѣтѣ, не даетъ такого громаднаго выбора рукодѣлій и дамскихъ работъ, какъ „Новый Русский Базаръ“ не имѣя соперниковъ также и въ отношеніи полноты и разнообразія новѣйшихъ модъ, чему много способствуетъ то, что редація моднаго отдѣла „Новаго Русскаго Базара“ имѣетъ свои отдѣленія въ Парижѣ и Берлинѣ.

Чтобы дать читательницамъ возможность постоянно знакомиться со всѣми новѣйшими явленіями моды—„Новый Русский Базаръ“ помѣщаетъ и въ литературныхъ нумерахъ модную хронику и рисунки новѣйшихъ модъ, такъ что подписчики получаютъ не 24 а 48 разъ въ годъ самыя новыя парижскія моды.

24 модныхъ номера въ годъ: болѣе 3,000 рисунковъ Парижскихъ модъ: дамскихъ туалетовъ, нарядовъ, разнаго бѣлья, обуви, уборовъ, шляпъ, причесокъ и проч. и всевозможныхъ дамскихъ рукодѣлій и работъ, до 800 выкроекъ въ натуральную величину; изящно раскрашенныя парижскія модныя картинки; 24 вырѣзныя выкройки въ натуральную величину.

24 литературныхъ номера въ годъ съ роскошными иллюстраціями, составляющіе какъ бы отдѣльный иллюстрированный журналъ для семейнаго чтения, съ разнообразнымъ текстомъ (разсказы, повѣсти, стихотворенія, мелочи и проч.). Съ 1880 года 3 изданія: къ I-му изд. 12, къ II-му изд. 24 и къ III-му изд. 48 раскраш. парижск. модн. картинокъ. ГОДОВАЯ ЦѢНА: въ С.-Петербургѣ I изд. безъ доставки 6 р.; съ дост. 7 р. и пересылкой во всѣ мѣста Россіи 8 р. II изд. въ С.-Петербургѣ: безъ дост. 7 р. съ дост. 8 р., съ перес. въ другія мѣста 9 р. а III изд. въ С.-Петербургѣ безъ дост. 9 р. съ дост. 10 р. съ перес. въ другія мѣста 11 р.

На полгода половина означенныхъ цѣвъ съ добавкой 50 коп.

Годовые подписчики получаютъ въ видѣ преміи великолѣпную олеографію.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ: въ Конторѣ „Новаго Русскаго Базара“, въ С.-Петербургѣ, Невскій пр., № 5, при придворномъ книжномъ магазинѣ Шмицдорфъ (Н. Н. Ретгеръ) и всѣхъ книгопродавцевъ. Рт. № 1087

ОВЪ ИЗДАНИИ ВЪ 1881 ГОДУ ЖУРНАЛА

„Библиотека для чтенія“

(Годъ седьмой)

ПРОГРАММА:

Въ журналѣ помѣщаются исключительно романы, повѣсти и разсказы въ переводѣ съ иностраннхъ языковъ на русскій.

Каждый номеръ журнала будетъ содержать въ себѣ, по возможности, одинъ законченный романъ или часть его и небольшую повѣсть или разсказъ.

Годовое изданіе состоитъ изъ 12-ти книгъ отъ 20-ти до 30-ти печатныхъ листовъ каждая. Срокъ выхода ежесѣдечный.

Въ концѣ года, подписчикамъ на „Библиотеку для чтенія“ будетъ выдана въ видѣ преміи 12-ая книжка, отъ 30 до 40 печатныхъ листовъ, которая будетъ заключать въ себѣ одинъ, иногда законченный романъ.

Условія подписки } Въ С.-Петербургѣ и Москвѣ безъ доставки 8 руб.
на годъ: } Съ доставкою на домъ въ С.-Петербургѣ . . . 9 — 50 коп.
} Съ пересылкою иногороднимъ 9 — —

Редація допускаетъ слѣдующую разсрочку подписныхъ денегъ: при подпискѣ 5 руб. и въ 1-му Мѣз остальныя.

Подписка принимается:

Для городскихъ подписчиковъ:—Въ С.-ПЕТЕРБУРГѣ, въ книжномъ магазинѣ Исакова. Въ МОСКВѣ—при вѣдущихъ магазинахъ Соловьева и Мамонтова, и въ Центральной Конторѣ объявленій, Петровка, д. Солодовникова, и б. Дмитровка, д. Вучумова.

Гг. иногородные адресуютъ свои требованія непосредственно въ С.-Петербургъ, въ редакцію журнала Библиотека для чтенія, Шпалерная ул., д. № 82.

Подписывающіеся съ разсрочкою просятъ обращаться: иногородныхъ исключительно въ редакцію, а городскихъ въ СПб. въ книжный магазинъ Бортневскаго, уголъ Троицкаго и Графскаго пер.; въ Москвѣ: въ Центральную Контору Объявленій, Петровка, д. Солодовникова.

№ 1006 На 1880 годъ подписка еще продолжается. Ц. 6-3

„КАЗАНСКИЙ ВИРЖЕВОЙ ЛИСТОКЪ“

ПОДПИСКА НА 1881 ГОДЪ

(ТРИНАДЦАТЫЙ ГОДЪ ИЗДАНИЯ).

„Казанскій Вижевой Листокъ“ въ будущемъ 1881 году будетъ издаваться по прежней программѣ и выходитъ попрежнему два раза въ недѣлю.

ПРОГРАММА ГАЗЕТЫ: 1) Телеграммы торговли и политическія. 2) Мѣстные рыночныя цѣны и торговныя сдѣлки при Казанской биржѣ, цѣны провоза и свѣдѣнія по судодорожью, вѣдомости о сборѣ хлѣбовъ на пристаняхъ, масла, сала и проч. 3) Торговыя корреспонденціи о цѣнахъ и покупкахъ на хлѣбныхъ пристаняхъ Волжско-Камскаго бассейна и др., о состояніи дѣлъ и цѣнахъ на биржахъ Петербургской, Рижской, Московско-Волжской, Ростовской (на Дону), Нижегородской и пр. и свѣдѣнія о ярмаркахъ. 4) Правительственныя распоряженія, касающіяся болѣе торговли и промышленности. 5) Переводныя статьи и свѣдѣнія изъ мѣстной городской общественной жизни. 6) Статьи экономическаго, промышленнаго и техническаго содержанія. 7) Внутреннія свѣдѣнія и иногородныя корреспонденціи. 8. Судебный отдѣлъ (отчеты о засѣданіяхъ по выдающимся дѣламъ либо дѣламъ, въ судебной палатѣ, окружномъ судѣ и мировыхъ учрежденіяхъ). 9) Извѣстія о дѣятельности мѣстныхъ ученыхъ, экономическаго и друг. обществъ; статьи по разнымъ отраслямъ знаній; свѣдѣнія и новости. 10) Вѣдущія извѣстія. 11) Вѣдѣнографія. 12) Фельетоны и пр. Частыя объявленія.

Подписная цѣна съ пересылкою: на годъ 6 р. 50 к., на полгода 4 рубля. Адресъ: въ Казань, въ редакцію „Казанскаго Вижевой Листка“. № 1042 2-2

St. Petersburger Zeitung.

155 Jahrgang.

Redacteur und Herausgeber P. v. Kügelgen.

Die deutsche „St. Petersburger Zeitung“ behandelt in der täglichen RUNDSCHAU und in LEITARTIKELN die neuesten politischen Ereignisse, folgt in ORIGINAL-CORRESPONDENZEN aus dem In- und Auslande, sowie in der täglichen Berichterstattung sorgfältig und rasch der Zeitentwicklung, schildert mit Hilfe zahlreicher Reporter das sociale Leben der Residenz und bietet ausser dem feuilletonistischen „MONTAGSBLATT“, ein möglichst mannigfaltiges tägliches FEUILLETON (Novellen, Romane, gute Uebersetzungen, Literatur, Musik, deutsches, russisches, französisches Theater u. s. w.).

Der bedeutend erweiterte WIRTSCHAFTLICHE THEIL enthält zwei Mal wöchentlich besondere Beilagen, in denen Handel und Wandel, Landwirtschaft, Industrie und Technik eingehende, unsere heimischen Verhältnisse berücksichtigende Bearbeitung finden. Sämmtliche Publicationen der Reichsbank, solide Börsen- und Marktberichte (u. A. auch besonders des St. Petersburger Getreide- und des Spiritusmarkts), Fonds-kalender, Handels- und Industriennachrichten aller Art, täglich aus guten Quellen geschöpft, empfehlen das Blatt dem Geschäftsmann.

Die deutsche „St. Petersburger Zeitung“ wird im Jahre 1881 in besonderen Beilagen und ohne Abonnementserhöhung als einzige deutsche Zeitung sowohl die GERICHTLICHEN BEKANNTMACHUNGEN (судебныя объявленія) als die AMTLICHEN BEKANNTMACHUNGEN veröffentlichten.

Der ständig wachsende Leserkreis der Zeitung in den bestsuirten Kreisen der deutschen Gesellschaft, im Inlande wie im Auslande sichert den INSERATEN eine weitreichende und nutzbringende Verbreitung.

ABONNEMENTSPREISE:	St. Petersburg.	Russ. Reich.	Ausland.
1/4 Jahr	R. 3. 75	R. 4. —	R. 5. —
1/2 „	„ 7. —	„ 7. 5	„ 9. 5
3/4 „	„ 11. —	„ 11. —	„ 14. —

BESTELLUNGEN auf Abonnements und Annoncen bittet man an die ADMINISTRATION der „ST. PETERSBURGER ZEITUNG“, WOSNESSENSKI PROSPEKT № 4 zu richten; zur Bequemlichkeit des geehrten Publikums nehmen aber auch fast alle Annoncen-Bureaus und Buchhandlungen des In- und Auslandes solche entgegen. K. № 1095

ОТКРЫТА ПОДПИСКА

годъ второй. на 1881 годъ годъ второй.
НА ЕЖЕДНЕВНУЮ ПОЛИТИЧЕСКУЮ, ОБЩЕСТВЕННУЮ и ЛИТЕРАТУРНУЮ ГАЗЕТУ

„РУССКИЙ КУРЬЕРЪ“.

УСЛОВІЯ ПОДПИСКЕИ:

Безъ дост. и пересылки.	Съ доставк. въ Москвѣ.	Съ перес. во всѣ города.
На годъ . . . 7 р. 60 к.	На годъ . . . 8 р. 50 к.	На годъ . . . 9 р. — к.
„ 6 мѣс. . . 4 „ 30 „	„ 6 мѣс. . . 4 „ 50 „	„ 6 мѣс. . . 5 „ — „
„ 3 „ . . . 2 „ 30 „	„ 3 „ . . . 2 „ 50 „	„ 3 „ . . . 2 „ 75 „
„ 1 „ . . . — „ 30 „	„ 1 „ . . . — „ 50 „	„ 1 „ . . . — „ 75 „

Одписка принимается въ конторѣ изданія: Москва, Москворѣцкій мостъ
д. Н. П. Лавина. № 1010 6-4

ВЫХОДИТЬ ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫМИ №№ ВЪ ДВА ЛИСТА СЪ 6—10 РИС. И ЕЖЕМЪСЯЧН. ДАРОВЫМЪ ПРИЛОЖЕНІЕМЪ „ПАРИЖСКИХЪ МОДЪ“ (отъ 20 до 40 модн. рис. Выглядъ 20 Декабря 1880 г. и ЛИСТА ЧЕРТЕЖ. ВЫКРОЕКЪ (отъ 22 до 30 рис.) разн. рис. рукод. работъ (отъ 20 до 40 рис.) Цѣна этаго № „Нивы“ 15 к. оз. перес. 20 к.

Открыта подписка на 1881 годъ.

Подписная цѣна на годовое издание „НИВЫ“.

Безъ доставки 4 р. | Съ доставкою 5 р. | Безъ доставки въ Москвѣ чрезъ кн. магаз. гг. Шапошникова, Соловьева, Лангъ, Девяткина и Живарева. 5 р. | Съ пересылкою въ Москву и др. города Россіи . . . 6 р. | За гра- ницу . . . 8 р.

Просимъ гг. ИНОГОРОДНЫХЪ подписчиковъ НЕ ЗАМЕДЛИТЬ ВОЗВООБНОВЛЕНІЕМЪ подписки, такъ какъ, при общемъ числѣ 55,000 подписчиковъ, приготовленіе ПЕЧАТНЫХЪ АДРЕСОВЪ требуетъ МНОГО времени.

Подписка на 1880 г. продолжается. Подписавшійся получаетъ журналъ съ перваго номера со всеми преміями.

КОНТОРА ЖУРНАЛА „НИВА“ ПОМѢЩАЕТСЯ ВЪ С.-П.-БУРГѢ, НА Б. МОРСКОЙ, ВЪ Д. № 9.

ПЕТРЪ ИЛЬИЧЪ ЧАЙКОВСКІЙ.

Въ февралѣ настоящаго года будетъ поставлена на сценѣ Маринскаго театра новая опера нашего композитора Петра Ильича Чайковскаго „Юанна Д'Аркъ“. Эта опера — шестой обширный трудъ плодовитаго и талантливаго композитора. Первой оперой г. Чайковскаго была опера „Воевода“, за симъ: „Ундина“, „Опричникъ“, „Кузнецъ Вакула“ и „Евгеній Овѣгинъ“. Хотя авторъ достаточно потрудился для сцены, но главная заслуга его лежитъ не въ операхъ, а въ симфонической музыкѣ, которую, смѣло можно сказать, онъ двинулъ у насъ впередъ. Цѣлый рядъ крупныхъ прекрасныхъ симфоническихъ произведеній г. Чайковскаго выказываетъ вполне самобытность его таланта, отличающагося мастерствомъ формы, систематической разработкой и удивительнымъ пониманіемъ оркестра, изъ котораго онъ извлекаетъ прекрасные эффекты. Г. Чайковскій самый выдающійся нашъ симфонистъ, въ строгомъ смыслѣ этого слова. Это мнѣніе оправдывается большею популярностью его симфоническихъ произведеній, чѣмъ

оперъ. Несомнѣнно имя г. Чайковскаго въ Россіи очень популярно, оно весьма извѣстно также и за границей, гдѣ во многихъ городахъ, какъ въ Парижѣ, Берлинѣ, Мангеймѣ, Вѣнѣ и другихъ, сочиненія его постоянно исполнялись и исполняются понынѣ. На Всемирной Парижской выставкѣ, въ устроенныхъ русскимъ отдѣленіемъ концертахъ въ залѣ Троакадеро, симфоническія сочиненія г. Чайковскаго произвели большое впечатлѣніе на массу слушателей. Въ особенности понравился фортепианный концертъ, исполненный Н. Г. Рубинштейномъ.

Въ началѣ карьеры П. И. дѣятельность его была чрезвычайно разнообразна: онъ былъ и педагогомъ и переводчикомъ специально — музыкальныхъ сочиненій, участвовалъ въ газетахъ, напечаталъ „Руководство къ практическому изученію гармоніи“ въ 1872 году; одновременно съ тѣмъ работалъ для сцены и для концертной эстрады. Имъ не забыта была и камерная музыка, для которой имъ написаны квартеты. Кромѣ того г. Чайковскій сочинилъ много фър-

Композиторъ П. И. Чайковскій. Рис. Лебедевъ, грав. Барановскій.

тепѣнныхъ пьесъ и романсовъ, изъ которыхъ нѣкоторыя сдѣлались очень популярными.

Въ настоящее время П. И. посвятилъ себя исключительно композиторской дѣятельности, которая имѣетъ несомнѣнное, большое значеніе для русскаго искусства.

Петръ Ильичъ Чайковскій родился въ 1839 году. Воспитывался въ училищѣ Правовѣденія, гдѣ и окончилъ курсъ.

Музыкальное образованіе получилъ въ С.-Петербургской консерваторіи, гдѣ въ его время кафедру теоріи композиціи занималъ высокообразованный профессоръ Николай Ивановичъ Заремба. По окончаніи курса въ Петербургской консерваторіи П. И. Чайковскій былъ приглашенъ въ качествѣ профессора инструментовки и композиціи въ Московскую консерваторію. Въ настоящее время онъ оставилъ уже свою профессуру.

Изъ первыхъ сочиненій нашего композитора можно назвать увертюру для большого оркестра, фантазію для оркестра „Фа-

тумъ“ и оперу „Воевода“. Кромѣ того имъ написаны: три симфоніи, сюита для оркестра, увертюра „Ромео и Джульета“, симфоническое произведеніе „Буря“ (по Шекспиру), фантазія на итальянскія темы, музыка къ пьесѣ „Сѣдурочка“, балетъ „Лебединое озеро“, нѣсколько квартетовъ, два концерта для фортепьяно, нѣсколько произведеній для скрипки съ оркестромъ, нѣсколько хоровъ, обѣды, большое количество фортепьянныхъ сольныхъ вещей, романы, уже упомянутыя нами оперы и пр. Самыя зрѣлыя и выдающіяся произведенія г-на Чайковскаго „Ромео и Джульета“, вторая симфонія и прекрасная сюита для оркестра. Изъ этаго перечня сочиненій видно, что г. Чайковскій работаетъ въ разныхъ жанрахъ и не остановился окончательно на выборѣ одного какого нибудь направленія. Намъ кажется, что г. Чайковскій преимущественно симфонистъ по дарованію, что симфоническая музыка его настоящая сфера.

ВОРОНИНОЕ КРЫЛО.

(Изъ жизни на крайнемъ востокѣ).

Рассказъ Н. Боева.

I.

— Любовь дикаря!... Но это совсѣмъ необыкновенно. Расскажите пожалуйста...

Александра Павловна замолчала и задумалась. По ея красивому смуглому, выразительному личику, обрамленному черными какъ смоль волосами, пробѣжала словно тѣнь. Большіе глаза ея, черные и блестящіе съ длинными рѣсницами, всегда какіе-то странные глаза, съ выраженіемъ доброты и энергіи вмѣстѣ, опустились. Маленькая смуглая рука нервно дрогнула.

— Я пожалуй-бы и рассказала... Кажется мнѣ теперь, это такъ давно было. Видите-ли, и дѣтство мое и родина и воспоминанія—все это такое необычное...

— Пожалуйста, что-нибудь необычное! А то эта маленькая пынѣшняя суетолака можетъ довести до отчаянія...

— Родилась я, какъ вы знаете, въ Новоархангельскѣ, на Ситхѣ. Въ жилахъ моихъ течетъ кровь ситхинскихъ калюжей (которыхъ очень смѣшно почему-то стали называть калошами). Въ городѣ были дѣти-сироты калюжей въ компанейскихъ школахъ, которые выучивались и совсѣмъ дѣлались русскими. Но это было такъ смутно у насъ въ семьѣ и объ этомъ ничего никто изъ нашихъ не говорилъ. Дѣдъ мой былъ капитаномъ компанейскаго судна въ Охотскомъ морѣ лѣтъ 18 и пріѣхалъ съ дѣтьми въ Ситху; здѣсь поселился навсегда и здѣсь-же служилъ мой отецъ, который и учился даже въ русскомъ ситхинскомъ училищѣ. Мать моя, такая-же смуглая, какъ я, была навѣрное изъ калюжанокъ и неграмотная; престранная была женщина. Меня она хоть и любила, а какъ-то мало обращала вниманія на меня, была очень религіозная, но все словно о чемъ-то думала и тосковала. Она очень любила дикарей калюжей, которые въ нашемъ городѣ были очень обычны. Я помню еще маленькая была, разъ она приводитъ меня въ кухню, а тамъ въ углу сидитъ какаютто фигура—волосы черные, высоко всклокочены, въ губу продѣта рѣбья кость, смуглая и хихикаетъ, улыбается, зубы бѣлые, а губы выкрашены синей краской. Одѣта въ одѣяло байковое, которое какъ плащъ накинуто, а ноги обернуты въ шкуры и босикомъ. И черной, грязной рукой ко мнѣ протягиваетъ плетушку съ малиной. Я испугалась и заплакала. А матушка подвела меня къ ней поближе и велѣла поклониться и подать руку. Какой-то страннѣйшій, острый запахъ, словно морскихъ пахучихъ травъ тогда поразилъ меня.

— Не бойся, дѣвочка, говорить, это Аяна. Дай ей ручку, она добра! Хорошая Аяна.

А та радостно такъ хихикаетъ, схватила мою руку и крѣпко прижалась къ ней своими синими, горячими губами.

— Эке шняга, эке шняга! (хорошо, дружокъ!) говорить.

Вы себѣ здѣсь и представить не могли, что значила для насъ, родившихся тамъ и полюбившихъ все

мѣстное—сдача американцамъ. Сперва я помню пошла по городу тревожные, смутные слухи! „Продали!“ „Не можетъ это быть!“ „За 10 милліоновъ!“ Дикари приходили справляться—правда-ли, говорили, нельзя-ли попросить, чтобы продали лучше японцамъ. Они терпѣть не могли англичанъ и американцевъ. А потомъ, когда нашъ гарнизонъ, стоя на площади, сдавалъ крѣпость и посты американцамъ и взвился звѣздный флагъ республики на губернаторскомъ домѣ—какія были причитанія и рыданья. Бѣгали въ церкви прощаться съ иконами, съ милыми могилами—да всего этого не рассказать...

Я такъ ко всему здѣсь привыкла. Отецъ мой былъ молчаливый, строгій человекъ, все въ отлучкахъ—въ морѣ. Матушка бывало безъ всякой причины все плачетъ—къ ней отецъ очень хорошъ былъ. Все она поетъ какія-то странныя пѣсни, проситъ Аяну, чтобы и та ее учила, и первые звуки, которые слышала я, были не русскія колыбельныя пѣсни. Это были звуки полные дикой, безконечной энергіи, величавые въ своемъ образѣ, какъ шумъ моря въ ночи, прерываемый изрѣдка рѣзкимъ крикомъ одинокой перны или дальнимъ воемъ лѣснаго волка—звуки эти мнѣ и теперь часто во снѣ снятся и такъ хочется ихъ вспомнить, но не могу. Матушка въ обществѣ всегда молчала, дичалась, ни съ кѣмъ не знакомилась. Священникъ нашъ, старичокъ, укорялъ бывало покойную матушку.

— Дивуюсь я на васъ, матушка, говорилъ онъ, женщина вы прекрасная, богобоязненная и такія нехристіанскія подпѣванія.. И дочка вотъ у васъ выучилась... Что хорошаго въ этомъ? Язычники!.. А вы вонъ и говорите иногда даже по ихнему.

И, помню, дивилась я, видя, какъ въ церкви, ставъ въ уголку, окруженная дымомъ ладона, матушка горячо молилась и въ черныхъ большихъ глазахъ ея стояли слезы. Объ чемъ это? думаю. Я такъ любила это пѣніе хора школьничковъ въ нашемъ Архангельскомъ соборѣ и яркій свѣтъ свѣчей и радостную Пасху, когда утренній смолистый воздухъ тянетъ въ дверь, когда все уже кругомъ зелено—тамъ вѣдъ въ апрѣлѣ все зеленѣетъ, зима недолгая. Я такъ полюбила эту величавую лѣсную Крестовую гору съ ея снѣжными, бѣлыми вершинами, надъ которыми носились орлы, по которымъ такъ низко въ сѣрые дни тянулись облака. Особенно любила волны. Цѣлые часы, еще дѣвочкой, просиживала я у своего окошка—оно выходило на море, бушующее, волнующееся море, по которому несутся легкіе баты дикарей или тихое море и въ тишинѣ все-же живущее какюто словно могучею жизнью. Иногда ночью просыпалась я вдругъ и прислушивалась—не говоритъ-ли море? Или сядешь когда къ окну въ лунную ночь—голубые лучи скользятъ по далекимъ, безпредѣльнымъ волнамъ, вдали чертѣтся Японскій островъ, видна высокая обсерваторія, мерцаетъ на ней огонекъ, качаются у пристани,

дымься, черные компанейские пароходы, да на крепостной стѣнѣ переключаются часовые. Любила я маленькая ходить и на крепостную стѣну съ матушкой. Придемъ и сядемъ на валу. Далеко, далеко видно; костры пылаютъ вдалекѣ въ поселеніи калужскомъ, около огней пляшутъ точно, ходятъ, суетятся черныя тѣни, лохматыя такія видны лица, такія страшныя, красныя при огнѣ...

— Что это, мама, какіе ужасные? Противные...

— А это съ промысла вернулись, пляшутъ, дѣвочка. Весело тамъ, о Канукѣ поютъ... Ничего противнаго нѣтъ...

— Какой это Канукъ?

— Объ Большомъ Волкѣ поютъ, дѣвочка. Гдѣ большой волкъ три раза завоетъ на лайдѣ, надо ждать чѣй-нибудь смерти. Да тебѣ этаго не понять, говорить. Это у нихъ такое повѣрье есть. Они вѣдь, бѣдные, не Господу молятся—темные люди и рассказываетъ такъ: жилъ-де волкъ человекъ, рыскалъ вездѣ, и всегда велѣлъ, чтобы всѣ были храбрѣе и добрые, своихъ дѣтей и старшихъ любила, никого не обманывали-бы, не лгали. Чтобы слово было вѣрное...

— Ахъ, хорошо это, мама!

— Хорошо, какъ еще хорошо, дѣвочка! Оли такіе хорошіе, вѣрные, говорить.

А то сядемъ мы съ ней на лодочку, легонькую лодочку—бата называется—а мама хорошо съ веслами управлялась—и поѣдемъ напротивъ на островъ; тамъ у насъ свѣй огородикъ былъ. Начнемъ поливать грядки, ягоды рвать. А воздухъ такой смолистый съ горъ таетъ и вершины красныя пылаютъ въ лучахъ вечерней зари. Тутъ сторожъ старичекъ-солдатъ съ обсерваторіи придетъ намъ помогаетъ и мама все свои пѣсенки тихонько пошѣваетъ.

Калюжи часто къ намъ ходили. Многие изъ нихъ ходили черезъ крепость на базаръ; около вѣсовъ разсидутся лохматые такіе, рядками въ своихъ одѣялахъ и продаютъ рыбу, дичь, сѣно, ягоды, смолу—вымѣниваютъ бывало въ компанейскомъ магазинѣ все это на табакъ, на ружья, нитки, иголки. Мы ихъ бывало всѣхъ звали—къ намъ чаще всѣхъ они на домъ заходили и все на кухнѣ по своему съ матушкой говорятъ или по русски—многіе по русски говорили. Особенно одинъ старый, безобразный, высокой старикъ Упай былъ—трудно сказать, что у него за добрая, любовная улыбка была. Увидитъ меня бывало, словно весь засвѣтится, сейчасъ зубы свои, еще крепкіе и бѣлые, покажетъ и старой рукой по головѣ гладить. „Ахъ, маленька, маленька! говоритъ, ягоды маленькѣ несусь, птичку несусь!“ И принесетъ или маленькую птичку, такъ бережно въ своей огромной черной рукѣ, или ягодъ лѣсныхъ въ плетенкѣ. Старуха Харитина, что всѣмъ у насъ въ домѣ завѣдывала (мать ничѣмъ по дому не занималась) и мой отецъ—не любили ихъ. Особенно отецъ, когда придетъ, сердится бывало. Сѣрые глаза его такіе сердитые стануть, начнегъ бороду свою блокурую теревить.

— И чего это они все таскаются?

— Еще стащутъ что, прости Господи! поддакнетъ Харитина.

А матушка сейчасъ вслыхнетъ и глаза загорятся.

— Чго вамъ они, бѣдные мѣшаютъ! Ничего, никогда еще не стащили. Не грѣхъ вамъ? А еще христіане—они и то добрые, они васъ любятъ.

Отецъ разъ довольно рѣзко обратился къ старику Упаю, который смиренно стаялъ въ углу кухни.

— Чего ты тутъ все толчешься. Не люблю я этого!

— Ичиганъ Гаспали! (Подай тебѣ Господи!) смиренно кланяясь, отвѣтилъ тотъ.

— Я говорю иди вонъ! Нечего тебѣ тутъ!

Старикъ вдругъ тихо всталъ на колѣни и поклонился въ землю.

— Кунальчишь! (спасибо!) сказалъ онъ, кунальчишь!

Отецъ съ сердцемъ хлопнулъ дверью, вышелъ и гром-

ко, и сердито заговорилъ съ мамой. И та съ крикомъ и плачемъ ему отвѣчаетъ. Никогда еще они такъ не бранились. Я испугалась, стою въ кухнѣ, а старикъ печально и тихо такъ головой своей кудлатой покачивается.

— Тетлу-шке? Аа! Тетлу-шке! (Не хорошо!) говорить и пошелъ вонъ изъ двери, но вдругъ вернулся, улыбка милая и добрая озарила его старое лицо и, поклонившись, онъ подаль мнѣ раскрашенную грубо и оригинально маленькую чашечку, какія мастера они дѣлали.

— Играй маленька, играй! проговорилъ и ушелъ.

Въ городъ ходилъ и разъ два бывалъ и у насъ ихъ тайонъ (старшина), лицо ими высоко уважаемое—достоинство это наследственное и официальное. Звали его Михайло у насъ. Онъ принялъ православіе. Въ городъ приходилъ въ грязномъ европейскомъ платьѣ, въ торжественныхъ случаяхъ нагѣвалъ кафтанъ шитый и бывалъ въ немъ на официальныхъ обѣдахъ у губернатора. Черезъ него и его влияніемъ улаживались всѣ недоразумѣнія съ безпокойными дикарями—недоразумѣнія, которыя таки часто бывали. Онъ былъ такой хитрый, лъстивый—ходилъ сторбившись, небольшой ростомъ, пожилой, съ усамъ черными. Въ городъ онъ ходилъ нерѣдко по дѣламъ съ компаніей, выпрашивалъ себѣ ситцы, одѣяла, водку у компанейцевъ. Отецъ увидалъ его какъ-то на улицѣ, зазвалъ къ намъ чай пить. Тотъ кланялся низко и внимательно слушалъ.

— Хитрые ваши, обманщики. дурные люди стали—вотъ отъ себя отвадить не могу, говоритъ отецъ тайону.

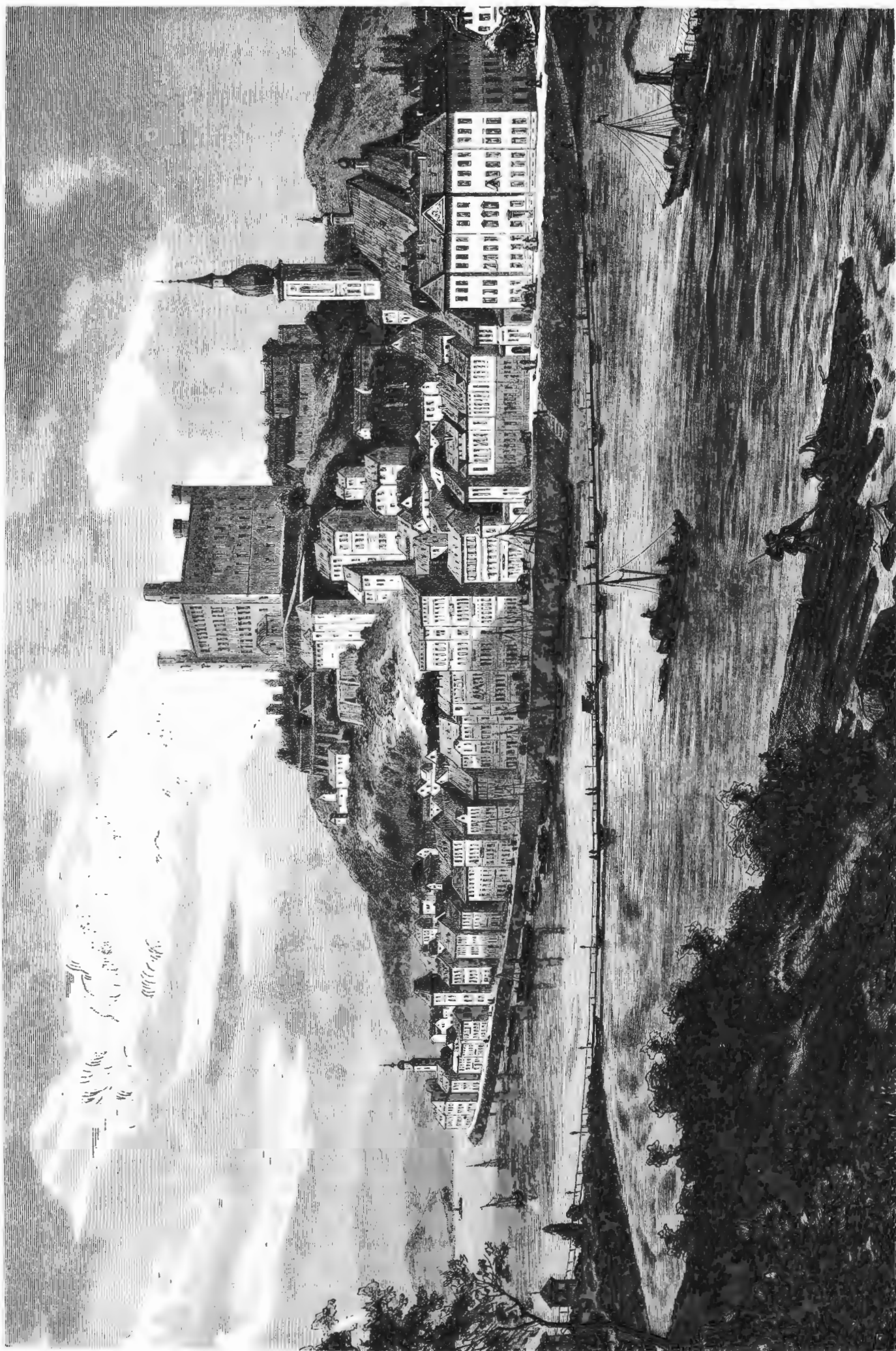
— Аа, аа! Развѣ что крали? отвѣчалъ тотъ, поднимая рѣдкія брови. А и то балшой барино! Водка стала, покупать, мѣнять стала, ну и народъ худой стало. А было народъ-цѣ аа какой! Ни обманъ, ни воръ, ни худо ничего! А нынче водка стала и все худо стало. Такъ-то балшой барино! Всѣ водку шетъ и жену и дити будетъ пропить, жалобнымъ голосомъ говорилъ Михайло, качая головой. Яшопъ водка везетъ, кампанія водку везетъ—какъ быть бѣдный тайонъ! Что будетъ тайонъ дѣлать!

— Скажи, чтобы не шлялись ко мнѣ—слышишь!

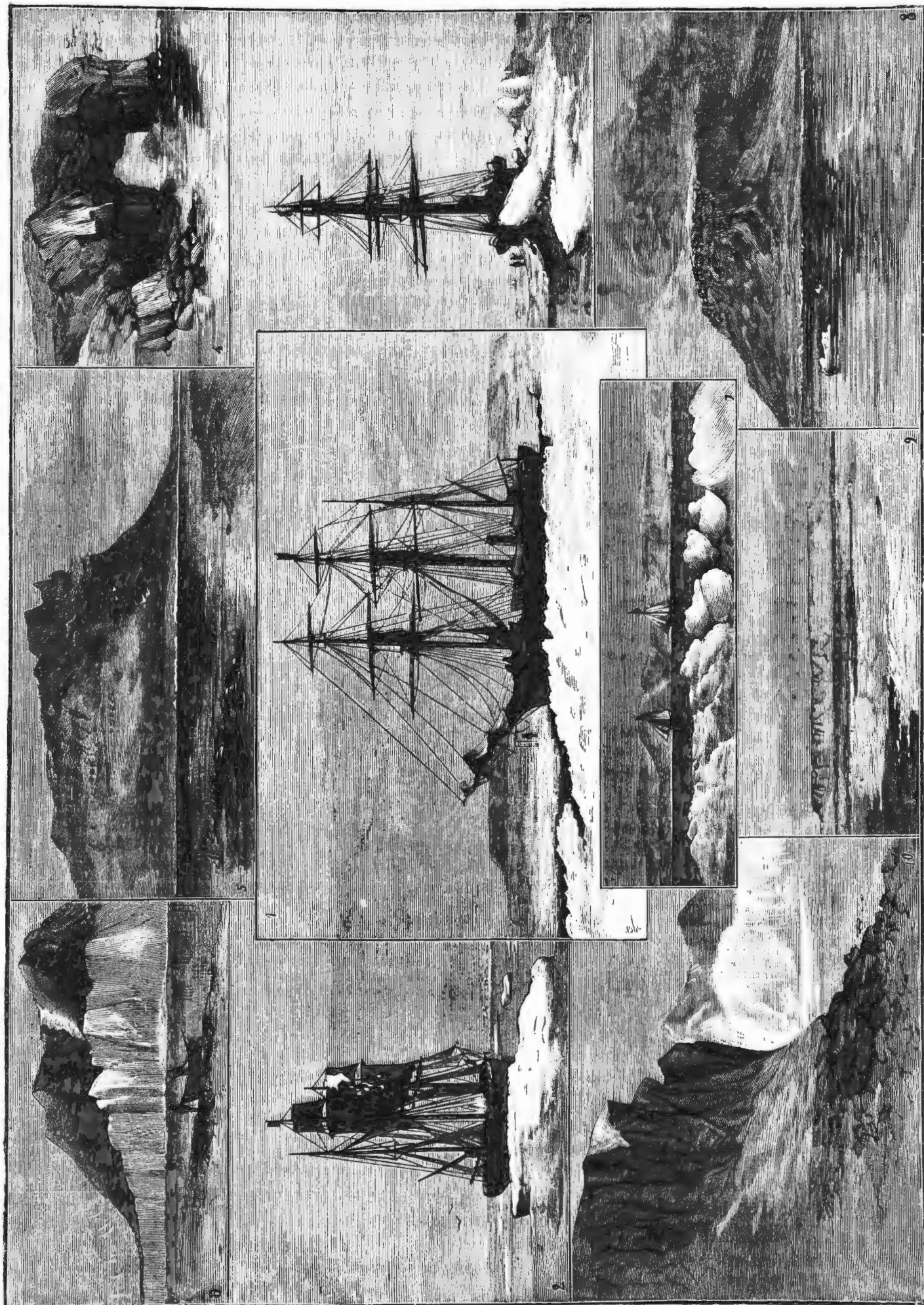
Матушка сидѣла молча, сдвинувъ брови и сжавъ губы: тайонъ ушелъ съ низкими поклонами, унося съ собой выпрешенную у отца бутылку той водки, которую онъ осуждалъ такъ, въ карманѣ своего смѣшнаго, вытертаго сюртука.

Я тогда уже подросла и ходила въ школу. Какъ великое событіе въ нашей тихой жизни, помню я любительскій спектакль и вечеръ у губернатора, домъ котораго я до тѣхъ поръ видѣла только снаружи—его зеленая крыша высилась надъ всѣми строениями, отчасти на случай, чтобы можно было изъ него защищаться, ибо калюжи народъ очень безпокойный и воинственный. Ходили постоянные рассказы объ ихъ бунтахъ и особенно много было рассказовъ о бунтѣ 1855 года, когда была порядочная рѣзня въ городѣ, едва усмирившая гарнизонъ...

Спектакль я такъ смутно помню, что не могу сказать какихъ даже пьесы играли. Только, кажется, не хорошо, потому что никому не понравилось. Въ маленькой залѣ мѣстнаго клуба было очень душно и тѣсно, сцена была крошечная. Я ничего не понимала и все смотрѣла на рядъ свѣчекъ рампы и слушала музыку; играли нѣсколько любителей. Матушка, хмурая, молчала. Михайло тойонъ сидѣлъ въ кафтанѣ съ галунами, улыбался все время и сомнительно и неодобрительно покручивалъ головой. Губернаторъ, молодой еще морякъ въ мундирѣ, приглашалъ къ себѣ. Кончилось рано и всѣ пошли чай пить въ губернаторскій домъ. Меня поразило убранство дома—зеркала, бархатные диваны. Я смутно помню карточные столы, свѣчи, музыку, какіе-то танцы. Я съла, смущенная, у стѣны рядомъ съ матушкой, и потомъ вскочила въ испугъ, когда увидѣла, что къ намъ подходитъ самъ губернаторъ съ моимъ отцомъ, который велъ за руку мальчика лѣтъ четырнадцати.

Общій видъ города Пресбурга Рис. Вагнеръ, грав. Рау.

1) Крайній пункт коства. корабля „Зоря“. 2) Корабль между льдами. 3) „Зоря“ пробила себе путь. 4) Скалы о. Двонь-Майена. 5) Мысь 1400 ф. вис. самая сѣверн. стоянка „Зоря“. 6) Лѣдникъ въ заливѣ Магдалена на Шпицбергенѣ. 7) Норвежскіе китобой близъ Шпицбергена. 8) Скалы, окружающія заливъ, мѣсто стоянки Зоря на о-въ Фр. Иос. 9) Первая земля видѣнная по отбѣдѣ отъ о. М. Клинтона. 10) Лѣдникъ Шпицбергена.

Сѣверная экспедиція Лея-Смига на „Зоря“ изъ земли Франца Иосифа въ Ледовитомъ океанѣ, лѣтомъ 1880 г. По рис. Мая, гр.в. М. Рашевскій.

— Вот моя дѣвочка, ваше превосходительство! почти-тельно сказалъ отецъ.

— А, молодая особа! Славная невѣста будетъ. Что-же не танцуетъ—вотъ и кавалеръ, замѣтилъ тотъ, потрепавъ мальчика по щежѣ, приласкайте его,—не дичись-же, что ты все прячешься.

И отошелъ прочь, разговаривая съ отцемъ.

Все смуглое лицо мальчика залила яркая краска и въ большихъ черныхъ глазахъ показались крупныя слезы. Въ неловко пригнутой форменной курткѣ, которая тѣснила его стройныя члены, онъ стоялъ передъ нами, не зная что дѣлать, смущенный до нельзя. Какъ теперь припоминаю, онъ былъ поразительно хорошъ собой. Свѣжее, очень смуглое, правильное лицо, полныя губы и глаза такіе чудные черные глаза, въ юной свѣжести и блескѣ, что я ихъ никогда не забуду. Я, кажется, въ него сразу влюбилась всѣми силами своего полудѣтскаго еще сердца.

Мальчикъ этотъ былъ настоящій дикарь—сынъ одного могущественнаго и богатаго тойона съ Когана. Отецъ его былъ убитъ въ одной междоусобной схваткѣ, а сынъ сдѣлался добычей побѣдителя, *камою*, рабомъ его. Въ-стѣ съ другими мальчиками его выкупила компанія за нѣсколько одѣяль, ружей и бутылокъ водки, что дѣлалось нерѣдко, и опредѣлила въ русскую школу, такъ какъ отецъ его давно былъ православный и вся семья говорила по русски и была грамотна. Трудно представить себѣ, съ какою силою въ дикомъ сердцѣ мальчика загорѣлось чувство благодарности и любви къ людямъ, которые его избавили отъ униженія быть рабомъ, калгою, его, сына гордаго тойона, и которые обращались съ нимъ такъ ласково. Способности его были блестящія, онъ быстро и ясно усваивалъ все, чему его учили. Его полюбилъ преподаватель офицеръ и часто съ нимъ разговаривалъ.

Разъ, послѣ урока географіи, онъ весь взволнованный, съ горящими глазами, краснѣя, обратился къ учителю.

— Скажите... Какъ-же, наши всѣ земли—это здѣсь только точки такія маленькія! А вся Россія и здѣсь, и тамъ, за большимъ моремъ, такъ велика?

— Да, такъ велика, безмѣрно.

— И надъ всѣмъ этимъ вашъ великій тойонъ—Царь! Это онъ все велитъ и учитъ всѣхъ о Богѣ, и строить церкви, чтобы молились и хотеть, чтобы всѣмъ было хорошо?

— Да, мой мальчикъ, онъ это велитъ и хотеть этого.

— А! Какъ-же его всѣ должны любить! воскликнулъ тотъ. Ахъ, я-бы хотѣлъ... я-бы хотѣлъ... Пусть-бы меня за него кололи копыями и били-бы бичами! Мнѣ отецъ говорилъ, у насъ прежде за того, кого любить, давали себя бить бичами и колоть копыями...

— О, милый, это было-бы нашему великому Царю неприятно. Онъ милосердъ и хотеть всѣмъ только мира и счастья...

Мальчикъ плакалъ отъ наплыва новыхъ чувствъ и долго не могъ успокоиться.

— Нѣтъ, я-бы хотѣлъ... я-бы хотѣлъ! повторялъ онъ.

Къ намъ онъ привязался всѣмъ своимъ дикимъ, пылкимъ сердцемъ. Матушка также полюбила его и суровый отецъ мой былъ побѣжденъ добротою и открытымъ, милымъ характеромъ юнаго дикаря. Мнѣ онъ носилъ книги съ картинками, атласы, поскорѣе торопясь объяснять все, что самъ узналъ и около него я сильно подвинулась во всемъ. Я не знала, что было со мною—я при немъ мѣла, пылала, была сама не своя, не могла дожидаться, когда онъ прибѣжитъ съ чѣмъ-нибудь новымъ, жалѣла отпустить. Я была влюблена первою полудѣтскою любовью, сама того не зная и ничѣмъ того не проявляя, передъ нимъ. Да и онъ въ своемъ миломъ простодушіи, конечно, и не думалъ ни о чемъ подобномъ.

II.

Жили мы, какъ я сказала, очень уединенно. Матуш-

ка, всегда грустная, не любила общества; особенно когда отецъ уходилъ въ море. Тогда опять начинали появляться у насъ на кухнѣ Калюжи и опять начинались непонятные для меня, тихіе разговоры и матушка начинала опять тревожиться, плакать и молиться. Старикъ калюжъ, который однажды принесъ мнѣ красивыя раковины, увидѣлъ юнаго тойона и добродушное ласковое лицо его омрачилось и опечалилось. Онъ что-то сказалъ по своему мальчику. Тотъ вспыхнулъ и отвѣчалъ ему долго и горячо. Старикъ печально качалъ лохматою головою и твердилъ все одно какое-то слово, съ важнымъ и серьезнымъ видомъ.

— Что онъ тебѣ говорить? спрашивала я, стораю отъ любопытства.

— Ничего, сердито отвѣчалъ мальчикъ, онъ не понимаетъ, а! ничего онъ не понимаетъ! и весь вечеръ былъ задумчивѣе обыкновеннаго. Старая Харитина ворча давала, по приказанію матушки, старику калюжу и Аявѣ, хлѣбъ крупу и сахаръ, и кормила ихъ съ неудовольствіемъ, хотя ѣли они очень немного и никогда ничего не просили.

Это было такъ недолго, но какое счастливое было время, эти мѣсяцы, пока не разразилось надъ нами горе! Мы бѣгали вдвоемъ въ лѣсъ на гору собирать ягоды и грибы, рука объ руку, веселые и невинные какъ дѣти, хотя уже оба были по 17 году. Дремучій лѣсъ Крестовой горы простиралъ надъ нами свои сѣни, въ синемъ небѣ бѣлѣли снѣжныя вершины и плавно рѣяли большіе горные орлы. Ловкій и вѣркій, онъ раздвигалъ кусты, ломалъ вѣтви и выводилъ меня изъ всякихъ затрудненій. Или мы сажались въ легкую бату и сильное весло его направляло скорлупку по волнамъ. Вонъ плеснула огромная рыба какая-то, вотъ закипая пѣною по гребнямъ наносятся на насъ синія волны, но лодка такъ и скользнетъ черезъ нихъ бывало.

Одинъ разъ я ужасно плакала, боялась: онъ уходилъ съ партией, отпросился изъ школы въ отпускъ, на промыслы. Компанія нанимала обыкновенно партіи калюжей на весенніе ловы. Онъ мнѣ рассказывалъ, какъ къ этому дѣлу готовятся у колюжей. Мѣсяца еще за два шаманъ предсказываетъ имъ, удачны ли ловы будутъ. Всѣ промышленники восемь дней постятся и живутъ съ женами порознь и исполняютъ разные обряды. Затѣмъ надѣкаютъ чистое бѣлье, свѣжія накидки изъ зѣриновыхъ шкуръ и берутъ новыя одѣяла. И эта партія христіанъ-колюжей передъ промыслами кажется потихоньку исполнила всѣ древніе обряды а затѣмъ само собою выслушала, серьезно крестясь, и стоя въ качающихся у берега лодкахъ, молебень, отслуженный о. Иваномъ. Риза ярко сверкала на майскомъ солнцѣ, пестрыя пятна накидокъ толпы промышленниковъ и ихъ лодки—такая была оригинальная и интересная картина! Мой юный товарищъ вмѣсто неуклюжей казенной куртки въ свободной иричней накидкѣ черезъ плечо, въ пестрой одеждѣ тойона, грациозно очершись на весло, лихо и весело закинувъ свою красивую небольшую голову, былъ просто красавецъ... Но вотъ всѣ закопошились и группа лодокъ, ударяя веслами, дружно понеслась по волнамъ.

Я плакала и ждала не дождалась, пока наконецъ дней черезъ двадцать (которые я провела все у окна, глядя на далекія волны) не различила своими зоркими глазами вдали черныя точки лодокъ партіи. Я съ отвращеніемъ сморгѣла, какъ вываливали на берегу д бычу—чертъ и бобронъ—и пластали ихъ ножами... Лилась кровь... Я убѣжала...

И затѣмъ опять начались наши счастливые дни.

Разъ онъ просилъ мою матушку, чтобы идти всѣмъ вмѣстѣ за рѣшость въ поселеніе, куда насъ звала къ себѣ Аяна. Матушка согласилась и вечеромъ мы отправились. Барбора (жилище) Аяны стояла съ краю поселенія. Аяна встрѣтила насъ какъ хозяйка съ нѣкоторымъ достоинствомъ и далеко не имѣла того убогаго вида

пищей, какъ у насъ на кухнѣ. Ея барбора оказалась бревенчатымъ, высокимъ, обширнымъ сараемъ, стѣны утѣшаны шкурами и одѣялами. Посреди выложеннаго камнями пола пылалъ костеръ и дымъ уходилъ въ отверстие въ крышѣ. Надъ огнемъ висѣлъ мѣдный чайникъ на треножникѣ. Дѣти Аяны трое, отъ 12—15 лѣтъ, полуодѣтые и некрасивые, сидѣли передъ огнемъ и степенно взглянувъ на насъ черными глазами, опять наклонили смуглыя лица къ стѣги, которую петлили. Трудно было рѣшить, мальчики это были или дѣвочки. Все бы ничего, если бы не сильный, острый запахъ не то какихъ-то пахучихъ морскихъ травъ, не то вяленой рыбы, что высушивается долго было трудно. Намъ дали чай (нашъ же) въ красивыхъ чашечкахъ деревянныхъ и довольно вкусныя лепешки изъ капусты съ крупой. Ночь глядѣла въ двери. Скоро мы услышали рѣзкіе крики и увидѣли яркіе огни. Передъ бараборами поселенія разложили два костра, около, которыхъ шумѣли, пили изъ чашекъ водку, курили изъ короткихъ трубокъ и плясали полупьяные калюжи. То была дикая и пугающая, отвратительная сцена. Помнится кричали, похоже было что-то на ссору, выхватили ножи... Теперь ужъ я хорошо не представляю себѣ этаго—помню только что очень испугалась пѣнія и споровъ и дергала матушку, которая задумчиво смотрѣла, съ горящими глазами, покачивая головой въ тактъ дикаго пѣнья. Я просила ее идти домой. Въ ночи, тихонько держась за руку юнаго тойона—который сталъ молчаливъ и задумчивъ—пробрались мы къ крѣпостнымъ воротамъ и сказавшись часовому, вошли въ городъ. Луна ярко свѣтила, плывя въ синемъ небѣ надъ свѣжной Крестовой горой, когда мы шли тихой улицей. На лицѣ юнаго тойона выражалась какая-то борьба, глаза иногда загорались и онъ дѣлалъ, думая о чемъ-то, быстрые жесты.

— Что ты? спросила я тихонько.

— Я думаю... думаю... Они, бѣдные, вѣрятъ въ Большаго Волка, Ворона-Тау; вонъ дерутся, ссора, кровь... У нихъ все такъ—сами добрые, а нельзя у нихъ, такъ положено, за такое или такое слово сейчасъ кровь, смерть! Теперь вотъ этаго пѣтъ, а то людей живыхъ сожигали!

— Сожигали? съ ужасомъ повторила я.

— Да, вотъ гдѣ я былъ и до сихъ поръ такъ... О, какая это вѣра большая, Христова вѣра! Любить всѣхъ, всѣхъ! Хотѣть чтобы всѣмъ хорошо... У насъ въ соборѣ я такъ иногда просто дрожу... поютъ такъ чудно! сердце бьется такъ. И все я гляжу: Христось на образѣ нарисованъ... Вотъ онъ же за всѣхъ—Богъ! и то страдалъ. Я иногда ночью встану, такъ молюсь Ему, такъ Его люблю... Такъ... Я не умѣю сказать! Надо имъ все это говорить, они не понимаютъ... Я говорилъ—а они грозятся, что убьютъ... Ахъ, они Бога не знаютъ и надо чтобы знали...

— Ахъ, не говори имъ, въ испугѣ зашептала я, они въ самомъ дѣлѣ убьютъ...

Глаза его сверкнули дикимъ огнемъ отваги и онъ поднялъ голову къ небу.

— Что-жь! Я умру! Вонъ сколько звѣздъ! И душа моя туда полетитъ, въ небо—легко тамъ, синее какое...

Я не могу припомнить всѣхъ его разговоровъ, но умъ его быстро схватывалъ все, онъ всѣмъ интересовался. Онъ рассказывалъ мнѣ много объ островитянахъ, ихъ жизни, обычаяхъ, объ японцахъ, американцахъ—я все это теперь позабыла, но тогда я жадно слушала и жизнь въ сердцѣ моемъ была полнымъ ключемъ...

Въ эти дни случилось событіе, мало выходящее изъ ряда нашей жизни, но имѣвшее роковое вліяніе на судьбу нашей семьи.

Съ острововъ прибылъ на лодочкѣ съ однимъ крещенымъ аиномъ старичокъ миссіонеръ. Онъ поселился въ тѣсной горенкѣ внизу въ архіерейскомъ домѣ. Старичокъ маленькій, кроткій, въ вытертой перничьей рубахѣ, простой и кроткій до того, что словно

всѣхъ онъ боялся. Идетъ бывало сторонкой, тихо, шляпа такая странная, сѣдые волосики развѣваются и бородака щипаная, сѣдьякая такая. Прожилъ онъ всего дня три и опять уѣхалъ въ ночь. Кажется и смотрѣть было не на что, а этаго жалкаго оборваннаго старичка Пресвященный принялъ съ почтеніемъ и объ немъ всѣ рассказывали, что его островитяне безмѣрно любятъ. Онъ пропадалъ по цѣлымъ мѣсяцамъ въ колюжскихъ бараборахъ, говорилъ на всѣхъ туземныхъ нарѣчіяхъ. Юный тайонъ нарочно пошелъ къ нему и вернулся въ восторгѣ, говоря что такого человѣка онъ не видѣлъ, что онъ радъ, что наконецъ видѣлъ святаго. „Это святой, святой! пылко повторялъ онъ.“

— Знаешь, какъ онъ говорилъ? Я ему говорю, что мнѣ жалко, что всѣ мои Бога не знаютъ и я хочу чтобы всѣ знали... А онъ все такъ тихонько головой покачиваетъ. „Ахъ дитя, говорить, дитя! Не кичись! Твои, они все тоже хороши! А ты молись, будетъ съ тебя!“ Я говорю что хочу пострадать, буду говорить, пусть убьютъ! А онъ такъ строго вдругъ:—„Дитя, дитя, ты не празднословъ—грѣхъ. Ребячьи твои рѣчи... Это дѣло великое—развѣ это можно такъ зря! Нельзя!“ А потомъ „ду Господь съ тобой, говорить, иди, успокойся, молись.“ Перекрестилъ меня, я руку у него поцѣловалъ, въ ноги бросился...

— Знаешь, продолжалъ мальчикъ, я что думаю: это онъ такой кроткій, добрый—меня жалѣючи только отговариваетъ... А пострадать надо... Что же, я знаю Бога—и молчу... Какъ же Христось—Богъ и какъ страдалъ—сердце замираетъ какъ вспомнишь... А я молчу...

И съ тѣхъ поръ къ моему ужасу, эта мысль засѣла въ пылкой головѣ мальчика. Онъ ходилъ какъ въ огнѣ и мучилъ меня и до слезъ обижалъ своимъ невниманіемъ ко мнѣ лично. Онъ весь ушелъ въ свои мысли, весь горѣлъ въ этомъ бурномъ пламени... Надо вамъ сказать, что я не знаю объ ихъ вѣрованіяхъ и до сихъ поръ и тогда не могла понять изъ не совсѣмъ связанныхъ объясненій мальчика, который и самъ не зналъ вѣроятно хорошенько. Знаю только, что играетъ роль между прочимъ въ ихъ сказаніяхъ какой-то Большой Воронъ и было ужасное оскорбленіе, если поставить, на примѣръ, передъ поселенемъ колюжей мертваго ворона или ворониное крыло. Повторяю, я смутно очень все это припоминаю. Но это роковое крыло я никогда не забуду. Тогда я ничего объ этомъ не знала и сидя на крѣпостномъ валу съ спокойнымъ любопытствомъ смотрѣла на работу своего юнаго товарища, который весь тотъ день былъ въ какомъ-то необыкновенномъ волненіи и лихорадкѣ, былъ нервенъ, часто вздрагивалъ и пугалъ меня своею мрачною задумчивостью.

Онъ въ этотъ вечеръ на валу мастерилъ какой-то длинный щестъ и привязывалъ къ нему именно черное, широкое крыло съ убитаго ворона, которое зловѣще трепалось ослабшими перьями на высококомъ щестѣ, чернѣя въ красномъ вечернемъ небѣ.

— Что это такое будетъ? спрашивала я.

Мальчикъ не отвѣчалъ и вдругъ страстно плача, припалъ въ первый разъ къ моимъ рукамъ, началъ горячо цѣловать и ихъ и лицо мое... Поцѣлуй эти словно горятъ еще на щекахъ моихъ и теперь, какъ вспоминаю... Затѣмъ, такъ какъ до закрытія воротъ за крѣпость пропускали, бросился съ этимъ щестомъ къ поселенію колюжей, расположенному напротивъ крѣпости. Тамъ уже собирались кучки и смотрѣли на насъ давно. И вотъ я видѣла вдали какъ онъ поставилъ этотъ щестъ и что-то имъ говорилъ какъ его съ щестомъ схватили и потащили куда-то. Послѣ этаго въ поселеніи все затихло, изрѣдка пройдетъ кто-нибудь передъ бараборами или залаетъ дальняя собака и все стихнетъ... Спустилась ночь... Въ поселеніи зажгли костры, но не слышно было ни шуму, ни крику; настала какая-то зловѣщая, пугавшая меня тишина. Но вотъ при-

шла матушка и повела меня домой. Не сказавъ ничего послѣ моего разказа, она только вздрогнула и пошла быстрѣе.

— Гдѣ онъ, мама, гдѣ онъ? Что съ нимъ? рыдала я.

— Придетъ, коротко отвѣчала она мнѣ. Вѣрно у Аяны. Полно дѣвочка, что съ нимъ можетъ случиться? Сидитъ у Аяны..

Я долго не могла заснуть и отъ усталости едва задремала тревожно, какъ меня разбудилъ какой-то гулъ, плескъ и шумъ, громкій звонъ крѣпостнаго колокола и ружейные выстрѣлы...

Въ испугѣ вскочивъ и бросившись къ окну, я увидѣла необычайное зрѣлище. Въ сѣрѣющемъ свѣтѣ ранняго сѣраго утра видно было, какъ у берега на далекомъ разстояніи колыхалось множество колюжскихъ лодокъ; въ нихъ, съ ружьями въ рукахъ, стояли и сидѣли серьезные, молчаливые калюжи. Ихъ странныя прически, у кое кого съ перьями, лохматились на далекомъ разстояніи. Накидки и пестряя одѣяла сверхъ оборваннаго, часто европейскаго покроя, платья, развѣвались. И хотя они молчали, но словно сдержанная сила какого-то грознаго ропота слышалась въ толпѣ. Справа на улицѣ жители высипали изъ домовъ; въ тревогѣ глядѣли, крестились. Шли приготовления. Солдаты выбѣгали изъ казармъ и строились на берегу. На холмѣ близъ губернаторскаго дома заряжали и наводили небольшія орудія. Пароходы дымились—ихъ спѣшно готовили и вооружали. Въ передней лодкѣ, опершись на ружье, высокой и лохматый, стоялъ угрюмо мой знакомый старикъ Упай—я его едва узнала.

Выстрѣлы уже не повторились. Въ этомъ зловѣщемъ грозномъ молчаніи, изрѣдка нарушаемымъ говоромъ, стукомъ приклада или плескомъ весла, прошло нѣсколько тяжелыхъ минутъ, когда изъ-за поворота выплыла впередъ вѣхъ легкая бата, обложенная толстымъ краснымъ сукномъ и широкой нерпичьей шкурой, которая однимъ концомъ глубоко плескалась въ водѣ. Весла лодочника колюжа сильно рвали впередъ лодку, въ которой, скрестивъ руки на груди, неподвижно стоялъ—я его совсѣмъ не узнала сперва—тойонъ Михайло.

Черные курчавые волосы его свободно развѣвались по вѣтру и въ нихъ воткнутая блестяла серебряная стрѣла; пестрый плащъ широкими складками обвивалъ его; онъ словно выросъ и такимъ царственнымъ, гордымъ взглядомъ окинулъ всю толпу колюжей, что его вѣчно унижающагося, вѣчно просящаго вида какого-то, не осталось и слѣда.

УПРАВЛЯЮЩІЙ ЛОРДА ЖЛЕРА.

Разказъ Л. Джоза.

— Кто тамъ?

— Я, именно я! отвѣчалъ изъ двери пріятный мужской голосъ съ ирландскимъ акцентомъ, и молодой человекъ лѣтъ двадцати пяти показался на порогѣ. Его смѣхъ былъ такой сердечный и онъ видимо былъ такъ далекъ отъ созерцательной жизни и мечтательности, что едва-ли кто, увидавъ въ первый разъ, принялъ-бы его (на что указывали его длинный черный сюртукъ и коротко остриженные волосы)—за римско-католическаго священника. Съ шутивымъ поклономъ снялъ онъ шляпу и остановился, ожидая, чтобы его узнали, но нѣсколько мгновеній глядѣлъ на него хозяинъ, который при его входѣ быстро поднялся съ мѣста, какъ-бы припоминая.

— Неужели это вы—Питеръ Ниль?

— Да разумѣется! И я чрезвычайно радъ, что вижу тебя здѣсь. Ну, Джеральдъ, старый дружище, у тебя все такой-же хороший, бодрый, свѣжій видъ, какъ будто ты изъ воска!

— Питеръ, милый товарищъ, думалъ-ли я, что увижу тебя здѣсь?

Джеральдъ Фоссъ схватилъ руки молодого священника и горячо пожалъ ихъ.

— Потиме, потиме! Я не англичанинъ, который можетъ выносить такіа рукопожатія, не скрючившись! воскликнулъ тотъ, весело смѣясь и бросился на кресло.—А теперь объясни-ка мнѣ, что привело тебя въ наши почтенные края?

— Просто случайность. Я разкажу тебѣ все по порядку, сказалъ Джеральдъ, садясь на край стола и безпечно болтая ногами. Ты помнишь, можетъ быть, моего дядю, стараго гене-

— А-та-вай! сильнымъ, властнымъ голосомъ что-то такое крикнулъ онъ и остановившись у переднихъ лодокъ, сказалъ еще нѣсколько словъ и какъ по мановенію волшебнаго жезла все зашевелилось. Лодки сильными ударами веселъ стали удаляться и развѣзжаться и скоро все очистилось и только тихо качаясь у берега осталась лодка Михайла, все стоявшаго и глядѣвшаго неподвижно вслѣдъ уѣзжавшимъ.

Вдругъ быстрымъ движеніемъ онъ показалъ на дно лодки стоявшимъ на берегу. Лодочникъ его откинулъ сукно и два солдата наши, сошедшіе съ берега къ лодкѣ, вытащили что-то завернутое въ волчьи шкуры и внесли на берегъ. Тогда лодка Михайлы отплыла.

Но когда открыли на берегу волчьи шкуры, я въ волненіи и предчувствіи чего-то ужаснаго, догадалась что это трупъ, по выраженію лицъ солдатъ, столпившихся вокругъ... Чей трупъ... мысль какъ молнія прожгла меня...

— Мама! Мама! крикнула я въ отчаяніи, кидаясь въ спальню матери. Но спальня была пуста и кровать не смята.

— Гдѣ мама? Харитина! Гдѣ мама?

Харитина сама стояла въ испугѣ, смущеніи и ужасѣ.

— Не знаю, брышняя, что и подумать! Нѣтъ ихъ, не бывали...

Я не вынесла и упала безъ чувствъ.

Нечего разказывать вамъ, какъ долго я лежала въ жестокой горячкѣ и весь ужасъ этой ночи еще продолжался, а я ничего не чувствовала, ничего не помнила. Пока я была безъ памяти, отецъ, пріѣхавъ, въ горѣ и въ отчаяніи, началъ розыски, обращался къ властямъ, говорилъ съ тойонами—ничто не помогало. Матушка моя въ ту ночь безслѣдно пропала и до сихъ поръ никто ничего не знаетъ о судьбѣ ея...

Во время же болѣзни моей похоронили дорогаго мальчика моего, убитаго колюжами и умершаго мучительной смертью. Виновные были наказаны по приказанію тойона—все это я узнала потомъ. Говорили потомъ, что иногда калюжи нарочно прикидываются оскорбленными и начинаютъ наступать, чтобы только вынудить побольше у компаніи, которая въ этихъ случаяхъ всегда входила въ соглашеніе съ тойонами и улаживала дѣло подарками. Уже года черезъ два, хотя и предоставлено было жить здѣсь кто хочетъ еще, но отецъ уже не захотѣлъ оставаться и мы выѣхали въ Россію...

рала Фосса—настоящаго набоба, который всю жизнь пробылъ въ Индіи, окруженный почти царской роскошью? Ну, вотъ видишь-ли, онъ возмѣлъ несчастную, нелѣпую мысль вернуться въ Англію и купить себѣ громадное имѣніе.

— Дѣйствительно глупо! Зачѣмъ-же онъ не поселился въ Ирландію, если ужъ хотѣлъ устроиться какъ слѣдуетъ? вмѣшался Питеръ Ниль.

— Вздоръ! Въ эту страну пустырей и болотъ? Это было-бы, по моему, послѣдней соломенкой; и бѣдному верблюду—я подумываю себя—пришлось-бы прожить всю жизнь съ переломаннымъ спиннымъ хребтомъ. Но вернемся къ разказу: едва онъ устроился, какъ уговорилъ меня переселиться къ нему, и чуть не сжегъ мнѣ горло своими ужасными блюдами съ перцемъ „еурри“ или какъ онъ ихъ тамъ называетъ; затѣмъ—верхъ нелѣпости—онъ вдругъ умираетъ и оставляетъ мнѣ и свои деньги, и свои помѣстья.

— Но это я называю счастьемъ! сказалъ его собесѣдникъ, смѣясь.

— Ну ужъ счастье! Увѣряю тебя, съ той поры у меня не было минуты покоя. Я сталъ вдругъ какою-то машиною для пріема прошеній отъ разныхъ вищихъ осподъ со стороны маманекъ, у которыхъ есть недущія съ рукъ дочки.

— И ни одной стрѣлѣ Купидона не удалось попасть въ твое золото?

— Нѣтъ, въ томъ-то и дѣло, что только золото было притягательной силой. Дѣвушки, которыя въ преддущемъ году из-

Молоденькая Итальянка. Съ картины Г. Рихтера, грав. Кезебергъ и Эртель.

бѣгали моихъ уваживаній, вдругъ перемѣнили фронтъ и стали отказывать такимъ, которые въ тысячу разъ и красивѣе, и умнѣе, и любезнѣе меня. Я зналъ, разумѣется, почему такъ поступали.

— И ты тогда прѣехалъ спастись въ Ирландію? спросилъ Питеръ, смѣясь.

— Да, я чувствовалъ потребность въ хорошемъ, здоровомъ воздухѣ и нѣкоторомъ чистосердечіи, которое могъ найти только тамъ, гдѣ о богатствѣ моемъ ничего не знаютъ. Я право думаю, что еслибъ я встрѣтилъ дѣвушку, уважающую себя настолько, чтобы смотрѣть на меня какъ на мужчину, а не какъ на пирога съ начинкой, то я просто изъ одной благодарности за это женился-бы на ней.

— Но однако тебя не трудно полюбить, именно ради тебя самого, сказалъ Нилъ задумчиво, взглянувъ на высокую, прекрасно сложенную фигуру своего друга, его веселые, голубые глаза, прекрасные блондные волосы и бороду.

Джеральдъ Фоссъ улыбнулся.

— Шесть мѣсяцевъ назадъ я прочелъ въ газетахъ объявленіе, что усадьба эта отдается въ наймы, и зная, что мѣстность здѣсь красивая и безлюдная, я немедленно и нанялъ ее на годъ.

— Значитъ это не съ цѣлью жениться на ирландкѣ?

— Боже меня избави! Я также расположенъ жениться на какой-нибудь африканкѣ, какъ и на одной изъ вашихъ дикихъ ирландокъ.

— Но это вѣдь самая милая, вѣрная жена на свѣтѣ! сказалъ молодой священникъ горячо.

— Можетъ быть, но именно то, что у нихъ такъ сильно развито чувство чести, подтверждаетъ только мое мнѣніе. Онѣ болѣе мужчины, чѣмъ женщины. Я вижу ихъ, напримеръ, здѣсь ежедневно. Или идетъ за плугомъ, работаетъ на полѣ, или несетъ верхомъ, безъ сѣдла, оброта въ лошадь веревкой, вмѣсто уздечки; словомъ какія же это женщины!

Нилъ укоризненно покачалъ головой, всталъ и протянулъ руку.

— Это несправедливо, несправедливо, Джеральдъ, ты это знаешь! Надѣюсь, настанетъ день и ты самъ въ этомъ сознаешься, сказалъ онъ, улыбаясь.

— Невозможно! возразилъ Фоссъ. Но развѣ тебѣ ужъ нужно идти?

— Да, но я скоро опять прійду къ тебѣ. Тебѣ всякій скажетъ, гдѣ я живу. Прощай!

Онъ взялъ шляпу и вышелъ изъ комнаты.

Джеральдъ принялся снова за книгу и скоро совсѣмъ углубился въ чтеніе. Солнце привѣтливо освѣщало комнату и его волосы принимали золотистый оттѣнокъ, между тѣмъ какъ прекрасный контуръ его головы рѣзко выдѣлялся на темномъ фонѣ стѣны.

— Красивъ, какъ античная греческая статуя, подумала молодая дѣвушка, остановившая своего пони передъ открытой дверью его комнаты и нѣсколько времени молча наблюдавшая его. Желала-бы я, чтобы онъ поднялъ голову.

Вдругъ она сдѣлала нетерпѣливое движеніе и ударила хлыстомъ по землѣ.

— Извините! воскликнулъ Джеральдъ, быстро вскакивая, и зачитался...

— Вижу, отвѣтила, смѣясь, молодая дѣвушка. Вы Фоссъ?

— Къ вашимъ услугамъ, Кто-бы такая могла быть посетительница?

— Если я не ошибаюсь, вы занимаете эту усадьбу уже шесть мѣсяцевъ?

— Да, около того, отвѣчалъ Джеральдъ коротко.

— И пользуетесь правомъ удить рыбу и охотиться, не правда-ли? спросила она.

— Да, но—но, началъ онъ, заикаясь, и продолжалъ уже смѣясь, я право польщенъ вниманіемъ, которое вы оказываєте мнѣ.

— Нѣтъ никакой причины быть вамъ польщеннымъ, возразила она рѣзко, я исполню обязанность.

— Вашу обязанность?

— Да, я управляющій лорда Клера.

— И...

— И прѣехала получить полугодовую плату за усадьбу. Вы позволите войти?

Джеральдъ хотѣлъ было расхохотаться, но увидѣвъ, что она собирается сойти съ лошади, удержался.

— Позвольте помочь вамъ, сказалъ онъ вѣжливо, но она быстро сама соскочила на землю, привязала поводъ къ кольцу, вошла въ комнату и усѣлась въ кресло.

Джеральдъ слѣдилъ за ней съ возрастающимъ неудовольствіемъ; у него былъ строгій взглядъ на то, что прилично для женщины; а эта ирландская дѣвушка съ такими быстрыми, рѣшительными манерами и дѣловымъ тономъ, глубоко оскорбляла его утонченный вкусъ.

— Извините меня: я пойду написать чекъ на слѣдующую сумму, сказалъ онъ спокойно и вышелъ изъ комнаты.

Когда Нора Вэнъ осталась одна, она окинула взглядомъ всю комнату и съ неудовольствіемъ замѣтила всюду безпорядокъ. „Пусть говорятъ объ ирландцахъ что хотятъ, сказала она про

себя, покачавъ головою, я нахожу, что англичане хуже. Я готова поклясться объ закладъ, что съ этихъ книгъ вы разу еще не смахивали пылъ съ тѣхъ поръ какъ онъ здѣсь“. Она замѣтила метелку, подняла ее, стала на стулъ и сняла всѣ книги, смахивая пылъ.

Когда Джеральдъ вернулся минутъ черезъ десять, онъ увидѣлъ „управляющаго лорда Клера“, стоящимъ на ципочкахъ на полкѣ его книжнаго шкафа, большинство книгъ лежало на полу, нѣкоторыя были поставлены на мѣсто. Она закинула назадъ свою красивую голову и нагввала звучнымъ голосомъ, который невольно проникалъ въ душу слушателя, старинныя ирландскія мелодіи. Онъ остановился, улыбаясь, и безмолвно глядѣлъ на нее. Вдругъ она повернула голову и, увидѣвъ его, прекратила свое пѣніе.

— Я стираю пылъ съ этихъ книгъ, сказала она, я не могу видѣть такого безпорядка!

— Вы очень любезны, отвѣтилъ онъ холодно и что-то такое въ голосѣ его говорило, что, по его мнѣнію, она позволяетъ себѣ слишкомъ много.

Она покраснѣла, на глазахъ ея даже навернулись слезы.

— Мнѣ очень, очень жаль, если я разсердила васъ, произнесла она тихо, нервнѣтельно, съ какимъ-то дѣтскимъ приемомъ, ломая руки.

— О, я ничуть не сержусь, воскликнулъ Джеральдъ, невольно любуясь ею. Позвольте мнѣ помочь вамъ сойти съ полки? продолжалъ онъ, но не получилъ отвѣта.

Одно мгновеніе, пока спускалась, она слегка дотронулась до его руки, затѣмъ, не зная что дѣлать, остановилась передъ нимъ, ожидая, чтобы онъ заговорилъ первый.

— Я очень сожалѣю, но я заложилъ куда-то свою чекую книгу, сказалъ онъ наконецъ, и боюсь, что у меня не найдется достаточно свободныхъ денегъ въ домѣ. Не могу-ли я васъ попросить заѣхать ко мнѣ въ другой разъ, или можетъ быть я самъ могъ-бы доставить вамъ деньги.

— Это ничего не значитъ! я еще заѣду, отвѣтила Нора, быстро направляясь къ дверямъ; „вотъ—вотъ ваша пыльная метелка! при этомъ она подала ее ему.

— Благодарю васъ.

Джеральдъ сухо и осторожно взялъ метелку большимъ и указательнымъ пальцами.

Нора не могла сохранять болѣе серьезный видъ, глаза ея заблестѣли отъ затаеннаго смѣха. Быстро отвязала она своего пони, легко вскочила на сѣдло, взмахнула на прощанье хлыстомъ и вѣтеръ донесъ до его слуха ея громкій веселый смѣхъ.

— Проклятая маленькая вѣдьма! Мнѣ кажется, она еще надо мной же и смѣется! сказалъ Джеральдъ, глядя вслѣдъ удалявшейся дѣвушкѣ и любуясь, какъ граціозно она сидѣла на своемъ красивомъ, маленькомъ пони. Онъ вернулся къ себѣ. Комната показалась ему какой-то мрачной и онъ желалъ-бы—желалъ-бы—впрочемъ онъ и самъ едва-ли зналъ, чего онъ желалъ въ эту минуту.

— Совсѣмъ эммансипированная дѣвочка, продолжалъ онъ разсуждать съ самимъ собою, какой-то полумальчикъ; и ко всему этому что за занятіе! Она однако довольно мило покраснѣла когда думала что я разсердился и у нея прекрасные глаза! Ирландки впрочемъ вообще красивы. Ему попались на глаза все еще разбросанныя на полу книги и онъ рѣшился докончить то, за что было принялся „управляющій лорда Клера“.

Между тѣмъ Нора неслась на сколько позволяли короткія ноги ея бойкаго пони, домой и не остановилась пока не доѣхала до дверей своего дома. На порогѣ ее встрѣтила старуха въ большомъ бѣломъ передникѣ и съ высокимъ чепцомъ на гладкихъ сѣдыхъ волосахъ.

— Наконецъ-то вы вернулись, дорогая миссъ Нора! Я право ужъ думала, что не увижу васъ? сказала она весело, дѣлая нѣсколько шаговъ на встрѣчу молодой госпожѣ.

— Да я же вовсе не такъ долго ѣздила, Бриги. Мнѣ пришлось только ждать.

— А каковъ собой прѣзжій? спросила Бригитта съ любопытствомъ.

— Очень красивъ; такой красавецъ, какихъ еще я и не видывала, сказала Нора. Она уже собиралась увести пони въ конюшню.

— Но англичане такіе всѣ скучные! перебила ее старуха, покачавъ головою.

— И онъ былъ гордъ, какъ король, замѣтила Нора, покраснѣла и нагнулась, чтобы поласкать пони.

— Таковы они всѣ. Помните вы еще господина, который въ прошломъ году гостилъ у лорда Клера? Онъ былъ такъ гордъ, что можно было подумать что онъ герцогъ, или даже королевскій принцъ. Правда, онъ былъ очень хорошъ собой, но гордъ, такъ нехорошо гордъ! И Бриги въ отчаяніи, что не можетъ достаточно выразить свое впечатлѣніе, простирала руки къ небу.

— Кто это былъ? Я не могу уже болѣе припомнить его, спросила Нора.

— Даже не дворянинъ и бѣдный, какъ церковная мышь; я воображаю каковы должны быть важныя господа въ Англии, если простые такъ чванны.

Нора весело размѣялась.

— Слышали ли ктонибудь о красивом ирландском дворянине, Бригитта—об этом только в книгах пишут, право! Все, которых я до сих пор видела, такие незначительные, точно как...

— Не говорите, не говорите этого имени, милая мисс Нора, нет, не говорите его. Подумайте сколько он сдѣлал для вас и Роберта и для старого барина—царство ему небесное.

Нора невольно обняла вѣрную старуху и поцѣловала ее.

— Ах, ты глупая Бригги, сказала она, смѣясь, и шутя ударила ее по плечу, неужели ты думаешь, что я могу забыть, что сдѣлал для нас лорд Клеръ? Это самый милый, добрый человекъ на всемъ свѣтѣ, но онъ такой простой!

— Онъ не хуже другихъ отъ этого, сказала Бригитта и отошла отъ Норы, кормить куръ и утокъ, уже давно ее ожидавшихъ.

Нора передала пони конюху и вошла въ домъ.

Уже два года занимала она должность „управляющаго лорда Клера“ и вот какимъ образом случилось это странное обстоятельство. Ея отецъ, майоръ Венъ служилъ въ одномъ полку съ лордомъ Клеромъ, гдѣ послѣдній былъ полковникомъ, и когда Венъ, по болѣзни, вышелъ въ отставку, то рѣшился поселиться гдѣнибудь близъ помѣстья своего стараго друга и начальника, Желая однако удвоить свой маленькій доходъ, онъ пустился въ спекуляціи и потерялъ половину своего состоянія. Еслибъ лордъ Клеръ не помогъ ему и не предложилъ бы ему управлять его имѣніями, то майоръ былъ бы принужденъ продать свой домъ и прискивать какія нибудь занятія.

Жена его умерла нѣсколько лѣтъ назадъ, оставивъ ему сына и дочь. Лордъ Клеръ взялъ мальчика подъ свое покровительство; онъ опредѣлил его въ лучшее учебное заведение и помогъ поступить въ армию. Нора никогда не покидала своего отца, выросла дома и онъ самъ былъ ея воспитателемъ. Къ счастью она была богато одарена и всѣми силами стремилась узнать какъ можно больше, иначе образование ея было бы очень не полно, ибо всякій ясный, солнечный день считался ею праздничнымъ.

Ей только что минуло шестнадцать лѣтъ, какъ майоръ Венъ прѣстудился, простуда перешла въ лихорадку и не смотря на заботливый уходъ, онъ умеръ въ концѣ же недѣли.

Робертъ былъ въ одной изъ колоній, въ своемъ полку и Нора осталась совсѣмъ одна со своей старой няней, Бригиттой. Лордъ Клеръ путешествовалъ въ это время; черезъ двѣ недѣли въ сырой, дождливый вечеръ онъ явился въ маленькій домикъ, забрызганный грязью и промокшій до костей.

— Бѣдное дитя! воскликнулъ онъ нѣжно, протянувъ ей руку. Она побѣжала къ нему на встрѣчу и какъ бывало прежде, въ дѣтствѣ, прислонила свою головку къ его мокрому сюртуку.

— Ахъ, лордъ Клеръ, какъ хорошо, что вы здѣсь! прошептала она, доверчиво глядя на него.

— Моя бѣдная, бѣдная дѣвочка, сказалъ онъ снова голосомъ полнымъ живѣйшаго участія, я только что прѣехалъ, а то я былъ бы раньше здѣсь, право!

— Я твердила мисс Норѣ, что все будетъ хорошо, когда вы вернетесь, воскликнула Бригитта, которая все время отвѣщивала ему низкіе поклоны.

— А что значатъ всѣ эти ящики и сундуки, Нора? спросилъ съ удивленіемъ лордъ Клеръ, ласково кивнувъ головой своей старой пріятельницѣ Бригиттѣ.

— Мы собираемся въ путь, отвѣчала Нора спокойно. Бѣдный отецъ мой умеръ и мы разумѣется не можемъ болѣе пользоваться вашей добротой.

— Глупенькая вы дѣвочка—да развѣ я пушу васъ?

— Ну, вотъ видите ли, развѣ я вамъ не говорила этого, дорогая мисс Нора? А вы вѣдь и слышать не хотѣли, сказала Бригитта запальчиво.

— Вы, разумѣется, должны остаться здѣсь, продолжалъ онъ серьезно. Какъ другъ вашего отца я долженъ быть вашимъ покровителемъ.

— Этотъ домъ понадобится вамъ для вашего новаго управляющаго, вмѣшалась она.

— Для него найдется другое мѣсто, въ этомъ домѣ онъ во всякомъ случаѣ жить не будетъ, перебилъ ее лордъ Клеръ рѣшительнымъ голосомъ. Наконецъ она сдалась и согласилась остаться еще нѣкоторое время.

Прошло два-три мѣсяца и никакой новый управляющій не замѣнилъ ея отца; однажды Нора заговорила объ этомъ и спросила о причинѣ такого замѣненія.

— Говоря откровенно, сказалъ онъ небрежно, я боюсь искать управляющаго и не люблю видѣть новыхъ лицъ, кромѣ того боюсь, что нелегко найти человека, который понравится фермерамъ.

— Лордъ Клеръ, передайте эту должность мнѣ?

— Вамъ, милое дитя? что за мысль!

— Да я знаю же толкъ въ этомъ дѣлѣ. Послѣдній годъ я исполняла все за отца.

— Но почему явилось у васъ такое желаніе? Вы вѣдь имѣете достаточно средствъ, чтобы прожить и безъ такого страннаго занятія.

— Да, я знаю—но...

— Говорите откровенно; не стѣсняйтесь высказать мнѣ все, Нора.

— Я желаю этого ради Роберта. Когда отецъ умеръ, то помощь, которую онъ ему оказывалъ, прекратилась, я и подумала, что еслибъ я могла занять у васъ мѣсто управляющаго, то могла бы помогать ему. Я знаю, какъ трудно ему жить однимъ жалованьемъ.

— Доброе, милое дитя! воскликнулъ лордъ Клеръ.

— Такъ могу ли я принять эту должность? спросила она нерѣшительно.

— Разумѣется, Еще бы!

— О, какъ вы добры! сказала она и нагнулась поцѣловать его руку.

Краска покрыла вдругъ его лице—онъ отвернулся.

— Не благодарите, сказалъ онъ скороговоркой, это я напротивъ обязанъ благодарить васъ.

— Вы—меня? Почему?

— Вы дали такого прелестнаго управляющаго моему имѣстью, отвѣчалъ онъ любезно.

И дѣло было улажено.

* * *

Было воскресенье, и колокола, созывавшіе народъ въ церковь, весело гудѣли на чистомъ воздухѣ, когда Нора Венъ вышла изъ своего домика. Длинный плейфъ платья она перекинула черезъ руку, обнаруживъ такимъ образомъ бѣлѣйшую юбку и крошечную ножку. Въ рукѣ она держала молитвенникъ. Она шла скоро, какъ бы боясь опоздать, свѣжій вѣтерокъ покрывалъ щеки ея красивою личика легкимъ румянцемъ и развѣивалъ ея густые русые волосы.

Вдругъ она замѣтила рядомъ съ собою джентльмена въ легкомъ домашнемъ костюмѣ и шляпѣ, тоже ничуть не праздничной.

— Здравствуйте! сказалъ онъ весело и лицо его просіяло отъ удовольствія, когда онъ увидѣлъ ее.

— Здравствуйте, Фоссъ! отвѣчала она спокойно.

— Что за прекрасный день сегодня, не правда ли, мисс—мисс—онъ замолчалъ въ ожиданіи.

— Да, прекрасный день, согласилась она.

— Я полагаю, что сегодня уже не будетъ дождя, продолжалъ онъ, весело взглянувъ на небо.

— Я тоже полагаю.

— Позвольте мнѣ нести вашу книгу? заговорилъ онъ снова, нерѣшительно, вида, что она такъ неохотно отвѣчаетъ ему.

Она сейчасъ-же дала ее ему.

— Что за прелестная книга! Вы мнѣ позволите заглянуть въ нее?

— Если хотите.

Онъ быстро открылъ молитвенникъ, въ надеждѣ, что найдеть въ немъ ея имя, но слова на чистомъ листѣ ничего не объяснили ему: „Норѣ отъ Е. К.“

— Добрый другъ подарилъ вамъ его, вѣроятно? спросилъ онъ ревниво.

— Лордъ Клеръ прислалъ его мнѣ, отвѣтила она спокойно.

— Лордъ Клеръ еще молодъ и не женатъ, не правда-ли? спросилъ онъ.

— Онъ былъ другомъ моего отца.

— Знаете-ли, вы мнѣ еще не говорили вашего имени? Поэтому я не имѣю ни малѣйшаго понятія о вашихъ родныхъ и не знаю, какъ васъ звать.

— Пусть такъ и останется.

— Но—извините мнѣ мое упорство—мнѣ очень хотѣлось-бы это знать.

— Я управляющій лорда Клера—для его арендаторовъ этого достаточно.

— Но я не могу-же васъ такъ называть, при всемъ моемъ желаніи, сказалъ Джеральдъ съ нескрываемою веселостью. Какъ мнѣ назвать васъ, когда я говорю съ вами, просто какъ мужчину съ женщиной? Забудьте, пожалуйста, на время вашу должность и отвѣтите мнѣ опредѣленно.

Какое то озабоченное выраженіе показалось на ея лицѣ. Она тревожно взглянула на него.

— Я васъ разсердилъ?

Она покачала головой.

— Нетъ, нѣтъ, я не на васъ сердилась а на себя. Я боюсь, что была нелѣпа...

— На себя? Почему? спросилъ онъ удивленно, какъ бы не замѣчая послѣднихъ словъ ея.

— Я боюсь, что нехорошо тогда поступила—схватила ваши книги. Я потомъ все упрекала себя за это. Видите ли, продолжала она умоляющимъ голосомъ, меня здѣсь всѣ такъ балуютъ и позволяютъ мнѣ дѣлать, что я хочу и—и нѣтъ никого, кто бы мнѣ сказалъ, что хорошо дѣлать и что дурно.

— Вы—вы поступаете въ чемъ нибудь дурно? Но мисс Нора, какъ мнѣ убѣдить васъ, что вы совершенно ошибаетесь?

— И вы не нашли этого страннымъ, моего поведения?..

— Нѣтъ—и тысячу разъ нѣтъ.

Она вздохнула свободнѣе.

— Такъ мы опять друзья?

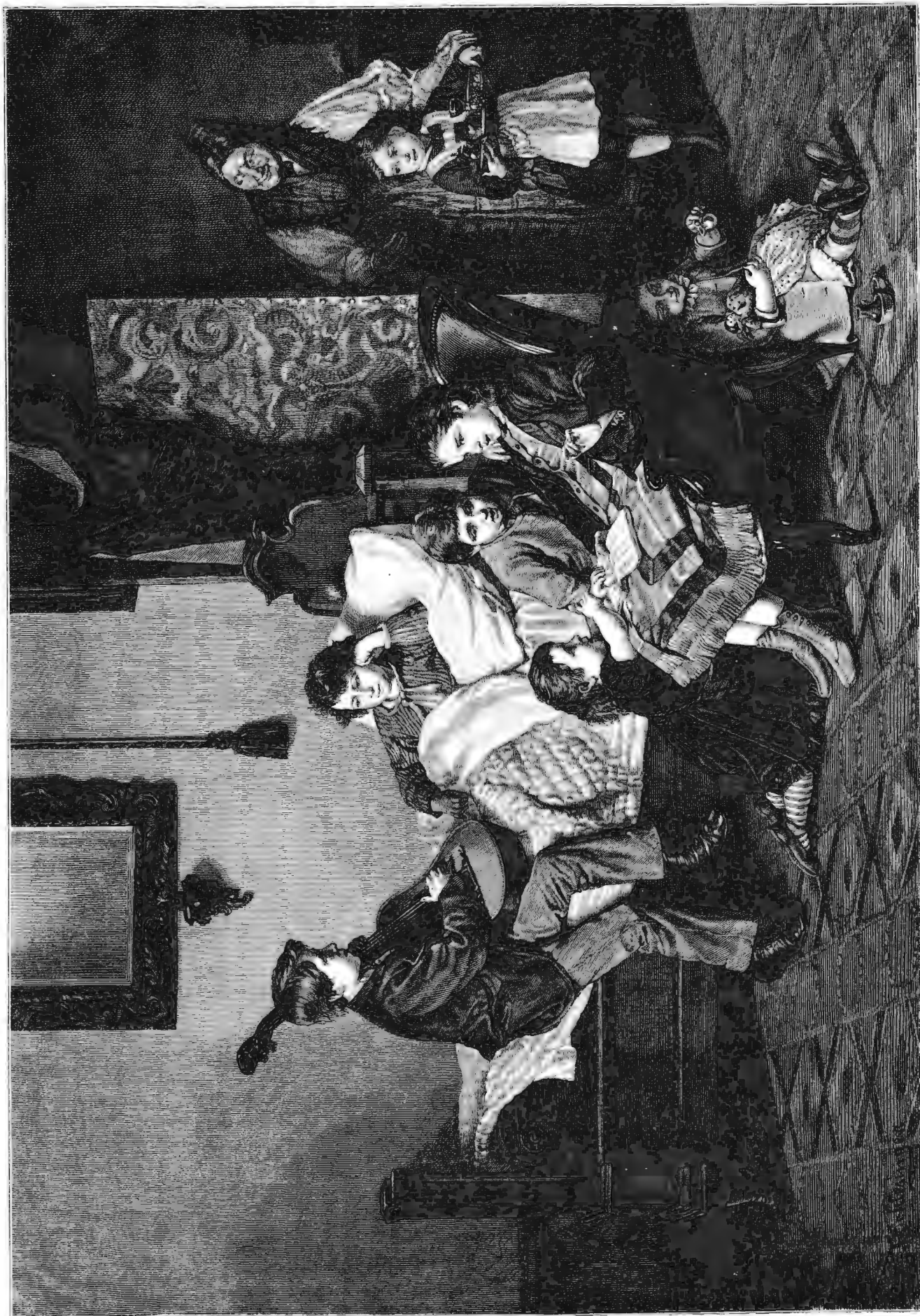
— О да, друзья—разумѣется!

— А я все же не знаю имени моего друга, сказалъ онъ съ комическою досадой.

— Вы таки упрямы однако! засмѣялась Нора.

Юные страдальцы. Съ картины Г. Кнорра, грав. Тегенейеръ.

Выздоровляющий. Картина Ф. Шлезингера, грав. Кезеберга и Эргеля.

— Назовите это пожалуйста „твердостью“ и наградите меня за нее.

— Хорошо, если уж вы так хотите звать: мое имя Нора Венъ, къ вашимъ услугамъ, сэръ!

— Мой другъ, Нора Венъ. Это звучитъ недурно, сказалъ онъ задумчиво. Но вотъ мы и у церкви.

Она опустила шлейфъ и подала ему руку на прощанье.

— Почему же вы думаете, что я не войду вмѣстѣ съ вами въ церковь? спросилъ онъ смѣясь, возвращая ей молитвенникъ.

— Не похоже, мнѣ кажется, чтобы вы были въ молитвенномъ настроеніи. Вы не одѣты...

— Дѣйствительно, я забылъ объ этомъ. Ахъ да, миссъ Венъ, я нашелъ свою чековую книгу и готовъ принять васъ еще разъ у себя. Когда могу я ожидать васъ?

— Затѣмъ же вамъ ждать? Вы пришлите.

— Но мнѣ хочется именно васъ ждать.

— Тогда завтра, я думаю, завтра утромъ.

— Итакъ до свиданья, до завтра, онъ снялъ шляпу и низко поклонился, а она, кивнувъ на прощанье головой, скрылась за церковною дверью.

Джеральдъ Фоссъ присѣлъ на холмикъ и погрузился въ размышленіе. Онъ не скрывалъ отъ себя, что прелестная ирландка сдѣлала на него впечатлѣніе, ирландка, которая сперва возмутила его своею откровенностью и своими манерами, а потомъ просто обворожила своимъ милымъ обращеніемъ.

— Ну эта не вышла бы замужъ рзъ-за денегъ, сказалъ онъ самому себѣ; она такъ правдива и порча не коснулась еще ея; какой женой была бы она!

Затѣмъ онъ сдѣлался смѣлѣй и подумалъ о возможности этого. Онъ спрашивалъ себя, свободна ли она, и если да, то можетъ ли полюбить его. Серьезнымъ препятствіемъ представлялась ему ея должность управляющаго лорда Клера; но онъ рѣшился не допустить, чтобы чтонибудь стало между нимъ и ею, если она полюбитъ его такъ горячо, какъ, ему казалось, она способна любить.

Съ тѣхъ поръ, какъ она посѣтила его, онъ уже не могъ думать ни о чемъ другомъ. Ея прекрасное личико и мягкій голосъ съ своеобразнымъ акцентомъ преслѣдовали его повсюду и никогда еще холостая жизнь не была ему такъ противна, тяжела какъ теперь. Онъ сталъ сознавать, что въ обществѣ онъ чувствовалъ себя все же свободнѣе, и что сдѣлалъ бы лучше, еслибъ остался въ Лондонѣ, но затѣмъ представлялась ему обворожительная картина жизни, какую бы можно было устроить и громадное помѣстье его казалось бы ему лучше и уютнѣе, если бы съ нимъ была прелестная жена и милыя дѣти, которыхъ волосы и глазки были бы точь въ точь такія какъ у матери, играли бы около него. Глаза того чуднаго голубовато-сѣраго цвѣта, какой можно встрѣтить только въ Ирландіи, а волосы, такіе блестящіе темнорусые волосы, какъ у Норы Венъ.

Онъ порывисто поднялся съ мѣста. Да почему же и не жениться ему на ней. Но полюбитъ ли она его? Онъ думалъ надъ всѣмъ этимъ столько времени, что, поднимъ глаза, замѣтилъ, что служба окончилась и народъ группами выходилъ изъ церкви.

Онъ сталъ внимательно озираться, но нигдѣ не видѣлъ Норы и предполагая что она еще въ церкви, терпѣливо обождалъ, пока послѣдніе прошли мимо него. Затѣмъ хотѣлъ попытаться догнать ее, когда къ нему подошелъ Питеръ Ниль.

— Мы вѣдь можемъ пройти вмѣстѣ, сказалъ Питеръ и такъ какъ Джеральдъ не сумѣлъ отгдѣлаться отъ его приглашенія, то долженъ былъ согласиться. „Что это ты—элегію что ли писалъ? спросилъ молодой священникъ смѣясь.

— О нѣтъ. Я только немного замечтался. Глушое занятіе, не правда ли?

— Очень. И чего тебѣ мечтать?

— Отчасти случай. Я встрѣтилъ миссъ Венъ и проводилъ ее до церкви.

— Миссъ Венъ? я не зналъ, что ты знакомъ съ ней. Я думалъ, что ты здѣсь никого не знаешь, продолжалъ Ниль, искоса поглядывая на своего друга.

— Я и не зналъ никого. Миссъ Венъ была вчера у меня въ качествѣ управляющаго лорда Клера. Встрѣтилъ я ее сего дня и не могъ не предложить ей нести ея молитвенникъ—это большая и нѣсколько тяжелая книга.

— И это все?

— Да, все. Но ты какъ будто допрашиваешь меня?

— Я не имѣлъ намѣренія допрашивать. Но она находится подъ моимъ покровительствомъ во время отсутствія лорда Клера.

— Она въ родствѣ съ лордомъ Клеромъ?

— Нѣтъ. А что?

— Сознайся, ея положеніе очень странно, если она, какъ ты говоришь, не въ родствѣ съ нимъ.

— Онъ другъ ея отца и все это довольно просто.

— Можетъ быть по вашему. Но не въ свѣтъ.

— Разумѣется. Что касается меня, я самъ часто удивлялся, для чего она занимаетъ эту должность; она получила въ наслѣдство отъ отца двѣ, три сотни фунтовъ годоваго дохода, значить не бѣдность заставляетъ ее дѣлать это.

— Нѣтъ, здѣсь она могла бы жить этимъ, сказалъ Джеральдъ задумчиво. Она любитъ роскошь?

— О нѣтъ, она живетъ экономно, почти бѣдно.

— Не скуная же она наконецъ? воскликнулъ Джеральдъ съ ужасомъ, потому что въ его глазахъ не было болѣе тяжкаго грѣха, какъ скупость.

Честное, добродушное лицо молодого священника помрачилось.

— Надѣюсь, нѣтъ-нѣтъ! сказалъ онъ тревожно.

— Быть можетъ, помогаетъ бѣднымъ?

— Мало. Она очень объ нихъ заботится и нерѣдко просиживала ночи у постели больныхъ, но никогда не слышала я, чтобы она кому нибудь много помогла.

Они шли скоро. Женская фигура, которую они видѣли впереди заставила сердца ихъ забиться сильнѣе.

Питеръ полюбилъ горячо Нору Венъ, съ перваго же разу, какъ увидѣлъ ее еще въ прошломъ году; законы его религии воспрещали ему однако вступать въ бракъ и онъ старался всѣми силами подавить страсть и надѣялся, что со временемъ ему это удастся.

Онъ былъ вѣрнымъ, добрымъ другомъ Норы и ни однимъ словомъ не обнаружилъ своихъ истинныхъ чувствъ; она также высоко уважала его и вѣрила ему, и выказывая ему постоянное расположеніе, неволью подвергала его сдержанность тяжкому испытанію.

Джеральдъ не зналъ ничего этого и думалъ только о себѣ, когда воскликнулъ:

— Вотъ она, Питеръ, передъ нами!

— Да, я вижу ее, и если ты меня извинишь, я догоню ее. Съ этими словами Ниль простился со своимъ другомъ, оставивъ его въ борьбѣ съ самимъ собою.

* * *

Слѣдующій день былъ еще теплѣе и яснѣе и Джеральдъ съ нетерпѣніемъ ожидалъ появленія Норы. Но она не приходила; когда, наконецъ, зашло солнце и подулъ свѣжій ночной вѣтеръ, онъ, недовольный ею, самимъ собою, всѣмъ свѣтомъ, взялъ шляпу и вышелъ на свѣжій воздухъ.

Почти безсознательно направился онъ къ домику Норы и черезъ полчаса уже стоялъ въ темнотѣ противъ окна комнаты, въ которой она была. Штора не была слущена и онъ увидѣлъ ее за столомъ. Передъ нею было открытое письмо и она задумчиво вертѣла въ рукѣ перо. Пока онъ наблюдалъ за нею, вошла въ комнату Бригитта. Въ ту-же минуту письмо исчезло въ карманѣ Норы и она растерявшись и покраснѣвъ, вскочила съ мѣста.

— Дѣловое письмо не заставило-бы дѣвушку такъ краснѣть, сказалъ Джеральдъ про себя и убитый горемъ отправился домой.

Онъ былъ отчасти правъ. Письмо, которое такъ быстро исчезло въ маленькомъ карманѣ Норы, не было дѣловое; оно содержало предложеніе сдѣлаться женою лорда Клера; это было даже не первое предложеніе, потому что онъ, уже не молодой человѣкъ, любилъ ее такъ искренно, что рѣшился до тѣхъ поръ надѣяться, пока она не выйдетъ наконецъ за другаго или по крайней мѣрѣ будетъ помолвлена.

Бригитта была его сильнымъ ходатаемъ. Она твердила, что по добротѣ, никого нельзя было съ нимъ сравнить, она постоянно восхваляла его и старалась подвинуть его дѣла при всякомъ удобномъ случаѣ; поэтому только Нора такъ поспѣшно спрятала его письмо; она боялась услышать опять повтореніе доводовъ въ его пользу.

По этой-же причинѣ она не была и у Джеральда; мысль, что она снова огорчить своего стараго друга друга, мучила ее весь день и, желая какъ можно мягче сообщить оуказъ, написала уже много писемъ, но все рвала ихъ и писала новыя.

На слѣдующее утро, сейчасъ-же послѣ завтрака, пошла она за своимъ пони: но такъ какъ конюха не было видно и не было никого, кто могъ-бы осѣдлать, то она, взнуздавъ пони, немедленно-же вскочила на неосѣданную спину его, и поскакала по заросшей травой тропинкѣ.

На этотъ разъ дверь у Фосса была заперта, она постучала и явился лакей; но не успѣлъ онъ еще проговорить одно слово, какъ его отсдвинули въ сторону и на порогѣ показался самъ Джеральдъ, здороваясь съ нею.

— Здравствуйте, миссъ Венъ. Вы не пѣшкомъ-же пришли? спросилъ онъ съ удивленіемъ, потому что она стояла возлѣ пони, обнявъ его шею руками, и такъ какъ онъ не видѣлъ сѣдла, то и подумалъ, что она просто привела лошадь.

— Пѣшкомъ? О, нѣтъ! Мабъ не допустилъ-бы этого, еслибъ я даже сама того хотѣла. Не правда-ли, Мабъ? И при этомъ стала ласкать своего любимца.

У Джеральда былъ такой удивленный видъ, что она угадала его мысль и покраснѣла.

— Вы должны знать, сказала она смущенно, что Мабъ очень кротокъ, и сѣдло для него положительно роскошь.

— Не угодно-ли вамъ войти? сказалъ Джеральдъ, какъ-бы не слыхавъ ея замѣчанія.

Она привязала лошадь и вошла въ комнату.

Не говоря ни слова, Джеральдъ написалъ чекъ и подалъ ей

для подписи. Пока она брала перо, онъ наклонился и смотрѣлъ какъ она писала:

„Подписала
Нора Венъ.

По довѣренности лорда Клера“.

— Миссъ Венъ, сказалъ онъ серьезно, что заставило васъ принять на себя такую странную обязанность? Она съ изумленіемъ посмотрѣла на него. Это дѣло мужское. Дѣвушка не должна заниматься подобными вещами.

— Ахъ, право, вы не можете этого понять!

— Я тоже думаю. Лордъ Клеръ очень счастливый человѣкъ.

— Почему?

— Вы приняли эту должность, вѣроятно, изъ угожденія къ нему, а если дѣвушка такъ старается угодить мужчине, то результатъ этого легко угадать.

Яркая краска покрыла ея лицо.

— Право, право, вы ошибаетесь! воскликнула она въ волненіи. Мнѣ нужны эти деньги!

— Если вамъ дѣйствительно нужны эти деньги, то могли-бы добыть ихъ другимъ путемъ; на примѣръ, въ качествѣ гувернантки, компаньонки.

— А жалованье—тамъ вы знаете, велико-ли оно?

— Незначительно, я это знаю; но такое мѣсто по крайней мѣрѣ прилично дѣвушкѣ. Лордъ Клеръ не долженъ бы былъ соглашаться, чтобы вы приняли такую должность.

— Лордъ Клеръ всегда хорошо поступаетъ. Вы-бы лучше не глумились надъ моимъ лучшимъ другомъ, отвѣтила она горячо.

Джеральдъ опустил голову, какъ-бы въ знакъ покорности.

— Я, разумѣется, не смѣю противопоставить свое мнѣніе мнѣнію лорда Клера.

Нора быстро вскочила; ея глаза блестѣли и губы дрожали отъ волненія.

— Вы жестоки, воскликнула она, и если мои занятія не женственны, то съ вашей стороны безтактно говорить мнѣ такія вещи—я беззащитна! И прежде чѣмъ онъ успѣлъ сказать что-нибудь, она уже была на улицѣ, отвязала своего пони и быстро уѣхала.

Джеральдъ остался на мѣстѣ уничтоженный позднимъ раскаяніемъ, ибо рѣзкія слова, сказанныя имъ въ пылу бѣшенности къ лорду Клеру—онъ зналъ это хорошо—не будутъ забыты.

Цѣлую недѣлю затѣмъ онъ не видѣлъ Норы, хотя и посѣщалъ всѣ мѣста, гдѣ могъ надѣяться увидѣть ее. Наконецъ онъ отправился къ своему старому другу Питеру, надѣясь узнать что-нибудь объ ней.

Но молодой священникъ принялъ его довольно холодно и былъ мало похожъ на обыкновенно веселаго Нила; когда-же онъ услышалъ всю исторію, лицо его прояснилось.

— Если я не ошибаюсь, ты любишь миссъ Венъ и хочешь жениться на ней? сказалъ онъ.

— О, разумѣется, Питеръ; что же иное я могъ думать?

— Ну, знаешь-ли, отвѣтилъ Нилъ, извиняясь, я воображалъ, что ты только ухаживаешь за ней—вы, праздные молодые люди, часто безсознательно творите не мало бѣдъ! Она, отчасти по моему совѣту, уѣхала отсюда.

— Уѣхала?

— Да, забрала себя вдругъ въ голову, что ея занятіе—видишь ли—неженственно и хочетъ непременно приискать себѣ другое; это причина ея внезапнаго отъѣзда.

Джеральдъ сильно покраснѣлъ.

— Какая же причина была еще?

— Возвращеніе лорда Клера—она не хотѣла встрѣтиться съ нимъ. Она не могла помириться съ мыслью, что должна отказать ему, несмотря на всю его доброту.

— Отказать? Она значитъ не любила его.

— О, нѣтъ, совсѣмъ нѣтъ!

— Такъ какъ же приняла она управление его помѣстьями?

— Всѣ несправедливы къ ней, Джеральдъ. Она рѣшилась сдѣлать это, чтобы помогать брату. Я спросилъ объ этомъ и она прямо рассказала мнѣ все. Она великодушная дѣвушка.

Джеральдъ закрылъ лицо руками.

— Какъ могъ я такъ ошибиться? подумалъ онъ и спросилъ затѣмъ вслухъ.

— Не можешь ли ты сообщить мнѣ ея адресъ, Питеръ.

— Да, она теперь у леди Корнелии Клиффордъ, въ ея городскомъ домѣ. Какъ? Ты уже уходишь?

Они крѣпко пожали другъ другу руки; Питеръ сказалъ:

— Я видѣлъ, впрочемъ, миссъ Венъ на неосѣданной лошади. Она совершенно эмансипирована. Не находишь ли и ты этого, Джеральдъ?

— Я нахожу, что она прелестнѣйшая наѣздница, а я люблю такихъ, возразилъ тотъ смѣясь.

— Что до меня, продолжалъ молодой священникъ шутя, то я охотнѣе женился бы на африканкѣ, чѣмъ на одной изъ этихъ дикихъ ирландокъ!

— Но мы все это перемѣнили! Если я не возьму себѣ теперь жены ирландки, то я совсѣмъ пожалуй не женюсь, сказалъ Джеральдъ. Это ужъ видно судьба такая!

Въ уютной приемной леди Корнелии Клиффордъ царить подусвѣтъ, который еще болѣе увеличивается тяжелыми портьерами, закрывающими окна. На кушеткѣ, близъ камина, лежить Нора и горько плачетъ, потому что она одинока и жизнь впереди такая холодная, безотрадная. Все тихое счастье ея прошлой жизни кажется разрушено, вслѣдствіе безжалостнаго слова Джеральда Фосса: доброе мнѣніе котораго (какъ она теперь убѣдилась) ей дороже всего на свѣтѣ, убивали ее. Но кто тамъ отпираетъ дверь? Она вскакиваетъ и въ комнату вводятъ какого-то господина. Сначала въ подумалъ она не можетъ отличить кто это, но затѣмъ вдругъ узнаетъ.

Вы ли это?

Джеральдъ быстро подходит и беретъ ее за руку.

Простите ли вы меня? спрашиваетъ онъ, наклоняясь къ ней; когда же онъ замѣчаетъ, что внезапное его появленіе слишкомъ поразило ее, спрашиваетъ нѣжнымъ голосомъ: Нора, дорогая Нора, не можете ли вы сдѣлать еще больше, чѣмъ простить? Можете ли вы полюбить меня.

Она поднимаетъ къ нему глаза, на которыхъ блестятъ еще слезы.

— Знаете ли—такая досада! Я вѣдъ любила васъ давно, право! тихонько шепчетъ она ему на ухо. Но какъ ни тихо произнесены эти слова, онъ слышитъ и теперь только смерть одна можетъ разлучить ихъ.

Помѣстье, которое генералъ Фоссъ завѣщалъ своему неблагодарному племяннику, не останется болѣе необитаемымъ. Дѣлаются торопливо всѣ необходимыя приготовленія, чтобы достойно встрѣтить молодыхъ, когда они вернутся изъ Франціи, гдѣ думаютъ провести медовый мѣсяцъ.

Свадьбу празднуютъ въ домѣ леди Корнелии и лордъ Клеръ слишкомъ любитъ ее, что бы не пожелать ей отъ души счастья. Даже Бригита радуется, не смотря на ея нелюбовь къ англичанамъ и утѣшаетъ себя тѣмъ, что мать Джеральда должно быть была ирландка. Такъ разыгралась исторія „управляющаго лорда Клера“.

ЖЪ РИСУНКАМЪ.

Городъ Пресбургъ.

Въ недалекомъ разстояніи отъ Вѣны, по направленію къ востоку, на лѣвомъ берегу Дуная, находится одинъ изъ наиболѣе древнихъ и знаменитѣйшихъ городовъ Венгріи — Пресбургъ (по венгерски Пошоны). Широко раскинулся онъ на берегу величественной рѣки, занявъ своими узкими и кривыми улицами даже крутую и высокую Замковую гору, на которой виднѣются живописныя развалины стариннаго королевскаго замка, построеннаго въ концѣ тринадцатилѣтней войны и въ 1811 г. окончательнаго разрушеннаго пожаромъ. Съ вершины Замковой горы открывается восхитительный видъ какъ на самый городъ такъ и на его окрестности; отсюда видны берега Дуная, покрытые лѣсами и виноградниками, холмы, увѣчаные красивыми замками и на заднемъ планѣ Малые Карпаты съ ихъ причудливыми очертаніями. Правый берегъ Дуная, соединенный съ Пресбургомъ посредствомъ плашкоутнаго моста, представляетъ не менѣе миловидную картину, такъ какъ на немъ раскинуты живописные паркы — любимое гульбище городскихъ жителей. Кромѣ того особенное оживленіе городу придаетъ Дунай, по которому безпрерывно двигаются пароходы, плоты, лодки и другія суда всякаго рода. Въ старину Пресбургъ былъ мѣстомъ короновація королей Венгріи; нынѣ же это одинъ изъ самыхъ дѣятельныхъ торговыхъ городовъ

страны, обладающій для сбыта мѣстныхъ произведеній двумя вѣрными путями: желѣзной дорогой и удобнымъ для судоходства Дунаемъ.

Нынѣшній Пресбургъ имѣетъ около 47,000 жителей, изъ которыхъ большая часть, а именно 30,000 принадлежатъ къ германской національности. Между пятнадцатью городскими церквями, особенно замѣчательнъ соборъ Св. Мартина, въ которомъ вѣкогда короновались венгерскіе короли; построенный въ 1090 году онъ былъ возобновленъ въ 1867 г. вмѣстѣ съ своей старинной высокой башней, украшенной свинцовой фигурой Св. Мартина, патрона Венгріи. Не менѣе достойна вниманія церковь Францискановъ, выстроенная въ 1290—1297 годахъ и въ которой венгерскіе короли послѣ своего короновація, посвящались въ рыцари Св. Стефана. Еще до 1873 года былъ цѣль здѣсь, близъ вышеупомянутаго плашкоутнаго моста, такъ называвшійся Королевскій холмъ, нынѣ, скрытый; на этотъ то холмъ всходили новокоронованные венгерскіе короли и воздымали отсюда на всѣ четыре стороны обнаженный мечъ Св. Стефана.

Сѣверная экспедиція г. Лей Смита на „Эйръ“ къ островамъ Франца-Иосифа въ Ледовитомъ океанѣ.
(Рис. на стр. 1057).

Г. Лей Смитъ (Leigh Smith), въ настоящее время, уже до-

статочно извѣстенъ, какъ смѣлый и энергичный изслѣдователь моря къ сѣверу отъ Шпицбергена. Въ послѣднюю зиму онъ рѣшился предпринять новое путешествіе, для котораго и заказалъ въ Петерхедѣ паровое судно, приспособленное для плаванія среди льдовъ. Пароходъ, снаряженный согласно всѣмъ условіямъ конструкціи судовъ подобнаго рода, получилъ на-

здѣсь рисунки. Отплывъ изъ Лервика (на Шотландскихъ островахъ) 20 июня, „Эйра“ (слово, означающее „снѣгъ“), прежде всего направился къ вулканическому острову Дженъ Майенъ, (рис. 4) гдѣ Смитъ рассчитывалъ изслѣдовать высокій пикъ Берсенвере. Но густые туманы помѣшали этому. Отсюда смѣлый путешественникъ предпринялъ энергичную попытку про-

Успенская Пороменская церковь, построенная въ XII в. въ г Псковѣ. Рис. И. Пановъ, грав. Паннемакеръ.

Спaso-Мирожскій монастырь, основ. въ XII в. близъ Пскова. Рис. И. Пановъ, грав. Паннемакеръ.

званіе „Эйра“. На этотъ разъ Смитъ предположилъ изслѣдовать предѣлы льдовъ въ различныхъ направленіяхъ и постараться найти проходъ дагѣ къ сѣверу. Экипажъ его былъ составленъ изъ испытанныхъ моряковъ, уроженцевъ сѣвера и кромѣ того, ему сопутствовалъ г. Грантъ, изъ фотографическихъ снимковъ котораго нами заимствованы предлагаемыя

нижнѣе сѣвѣ къ восточному берегу Гренландіи, (рис. 3) и не достигнувъ цѣли своей, попробовалъ достигнуть сѣвернаго берега Шпицбергена, съ такимъ-же результатомъ.

Ледъ былъ массами скученъ у береговъ, что, впрочемъ, не мѣшало осмотрѣть наиболѣе возвышенныя пункты прибрежья, очертанія которыхъ прекрасно сфотографированы г. Грантомъ.

(Продолженіе на стр. 1069, 1070, 1071, 1072, 1073, 1074, 1075 и 1076.)

(Рис. 6, 7, 10). Убѣдившись, что время года не может благоприятствовать изслѣдованію западнаго берега Шпицбергена. Смитъ обогнулъ сѣверную оконечность и направился далѣе къ сѣверу, къ землѣ Франца-Иосифа. (Рис. 2). Встрѣтивъ на пути значительное количество льду, Эйра была вынуждена перемѣнить курсъ и идти къ югу, но здѣсь сильныя вѣтры заставили ее снова направиться къ сѣверу и утромъ 14-го августа нынѣшняго года. пароходъ былъ уже въ виду земли Франца-Иосифа. (Рис. 2). Къ концу мѣсяца здѣсь были выполнены работы по открытію новаго пути вдоль берега, идущаго въ западномъ направленіи, далѣе крайняго пункта, достигнутаго австрійской экспедиціей, и изобилующаго островами, мысами, бухтами и громадными пространствами льда; словомъ, открыта цѣлая новая, невѣдомая до сего времени страна, весьма интересная во многихъ отношеніяхъ. (Рис. 1). Но самымъ важнымъ открытіемъ, несомнѣнно, является установле-

нность дика и пустынна до чрезвычайности; почти весь берегъ загроможденъ ледниками, постепенно спускающимися къ морю: „Эйрѣ“ удалось подняться къ западу, вдоль берега, сквозь рыхлый ледъ, 24 августа, и дойти въ этомъ направленіи до крайняго пункта; она была остановлена массами твердаго льду, подъ 80°20' сѣверной широты и 40° восточной долготы. Отсюда отъ о. М. Клиптока, видна земля къ сѣверо-западу, на разстояніи до 40 миль. (Рис. 9). Протяженіе новооткрытой береговой линіи равняется 105 милямъ, а вмѣстѣ съ крайнимъ видимымъ пунктомъ до 150-ти миль. Значительность разбросъ ледяныхъ горъ и ледниковъ указываютъ на то, что земли Франца-Иосифа занимаетъ громадное пространство. Дойдя до этой мѣстности, откуда дальнѣйшій путь уже былъ прегражденъ льдами, г. Смитъ пошелъ къ востоку и снова проплывъ вдоль открытаго берега, добрался до того самаго мѣста, гдѣ зимовалъ корабль австрійской экспедиціи „Тегет-

Семейная драма. Картина Г. Шаумана, грав. Гальбергеръ.

ніе факта доступности новаго побережнаго пути, который будетъ служить базисомъ дальнѣйшихъ изслѣдованій полярныхъ странъ. Замѣчательную особенность новооткрытыхъ мѣстностей составляютъ громадныя ледяныя горы, совершенно непохожія на тѣ, которыя встрѣчаются въ Бюфоновомъ заливѣ. Гора на землѣ Франца-Иосифа—огромная ледяная масса, отъ 150 до 250 ф. выш. весьма обширная въ объемѣ и съ плоской вершиной; отдѣлившись отъ ледяныхъ массъ, расположенныхъ вдоль берега, льды здѣсь не плывутъ къ югу и направленіе, принимаемое ими, составляетъ еще загадку, ожидающую разрѣшенія своего. 18 августа „Эйра“ бросила якорь въ бухтѣ, (образованной двумя островами, находящимися подъ 80° 8'25" сѣверной широты) и названной „Эйра“, въ честь парохода Смита. Въ этомъ мѣстѣ высокія скалы образовали обширный амфитеатръ, у подножія котораго простирается довольно плоская долина, покрытая полярною растительностію. (Рис. 8). Но, окружающая

гоффъ“, который и былъ тамъ затертъ льдомъ. Возвратившись къ южному направленію, г. Смитъ попытался подойти къ землѣ Уича, къ востоку отъ Шпицбергена, но сплошныя массы льда остановили его, хотя онъ и пробовалъ, съ 1-го по 10-е сентября, найти проходъ. Погода сдѣлалась бурною съ сильными вѣтрами, а ночи слишкомъ темными. Поэтому Смитъ предпринялъ обратный путь и вернулся 12-го октября въ Петерхедъ. Путешествіе, совершенное г. Смитомъ, можно считать наиболее важною и удачною лѣтнею экспедиціею въ арктическія страны, а сдѣланныя имъ открытія—весьма значительнымъ приобретениемъ для будущаго изслѣдованія полярныхъ странъ.

Молоденькая итальянка.

(Картина Рихтера)

Она еще не совсемъ сложилась—это дитя горячаго юга; это

еще полумальчишка—рѣзвая и шаловливая, она не знает еще хорошенькая ли она, ходит такая расгребанная, еще сеорится съ дерзкимъ Беппо, который идя изъ школы, всегда задѣваетъ ее и она съ досадою и нетерпѣніемъ, вздрагивая отъ гнѣва своими полудѣтскими плечами, рѣзко отвѣчаетъ ему на его пристаиванья. Только глаза, большіе чудные, черные глаза намекаютъ на будущій пышный разцвѣтъ молодой красавицы. Но когда она разцвѣтаетъ, о! тогда дерзкій Беппо притихнетъ, и степенно проходя, будетъ уже не какъ школьникъ приставать къ ней а съ пѣжнымъ выраженіемъ задумчиво любоваться молодой красавицей.

Юные страдалцы.

(Картина Кнорра).

Скоро праздники, нужно къ нимъ готовиться, весьма вѣроятно для елки дѣлаютъ разныя покупки, а этотъ несносный учитель нисколько не сокращаетъ своихъ уроковъ и дѣтки сидятъ нахохлившись, сумрачные и страдающіе. Ахъ, когда же это кончится? И что онъ все задаетъ новыя задачи! Развѣ не довольно еще они писали. До нихъ доносится изъ другихъ комнатъ шумъ предпраздничной суеты и приготовленій, въ которыхъ имъ такъ бы хотѣлось принять участіе, а тутъ сиди и думай надъ задачей. Сердечки нетерпѣливо бьются. Ахъ, скоро ли кончится этотъ несносный урокъ!

Выздоровливающей.

(Картина Шлезингера).

Такъ томился онъ, бѣдный мальчикъ, пова былъ боленъ, такъ грустилъ и тосковалъ!

На стѣны онъ кругомъ смотрѣлъ какъ на тюрьму,

Онъ обращалъ къ окну горяща зѣнцы

И свѣта Божьяго хотѣлся ему,

Хотѣлось воздуха, которымъ дышутъ птицы...

Голова его была горяча, ничто не занимало его. Его маленькіе братья и сестры, печальные и съ испуганными личиками ходили кругомъ на ципочкахъ, не смѣя шумѣть и тревожить больнаго брата. Но теперь все это уже прошло. Онъ выздоравливаетъ, слабый румянецъ опять вернулся на щеки, глаза стали свѣтлѣе, голосокъ его уже не такъ тихъ, какъ былъ и его слабый еще смѣхъ уже раздается иногда. Всѣ маленькіе братья и сестры его оживились и обрадовались, въ домѣ стало веселѣе. Вотъ всѣ они собрались въ комнатку больнаго и хоромъ и даже съ акомпаниментомъ гитары поютъ ему что-то. Самая маленькая крошка, не понимая значенія происходящаго безпечно возится съ своей куклой. Другая, побольше, охраняемая отъ паденія няней, старается—несетъ больному брату покусать.

Древнія церкви во Псковѣ.

(Стр. 1068).

Успенская Пороменская церковь въ г. Псковѣ находится на Завеличѣ (т. е. не въ самомъ городѣ, а въ той части его, которая расположена за рѣкою Великою). Прозваніе *Пороменской* церковь получила вѣроятно отъ „тарома“, посредствомъ котораго пѣкогда совершалось сообщеніе между Завеличьемъ и главнымъ городомъ. Въ настоящее время эта церковь стоитъ по правую руку отъ плывучаго моста, перекинутаго черезъ рѣку Великою.

Храмъ основанъ въ XV вѣкѣ (именно въ 1444 г.) былъ пѣкогда соборнымъ, мало подвергался передѣлкамъ и перестройкамъ, а потому можетъ служить весьма хорошимъ образчикомъ псковской церковной архитектуры XV вѣка. Замѣчательно, что этотъ храмъ пользовался особенною милостію Грознаго.

Въ ризницѣ его и доселѣ въ числѣ другихъ древнихъ вещей хранится украшенная драгоценными камнями и жемчугомъ паннагия, подаренная Грознымъ, съ двумя надписями: 1) „лѣта 7086 (1576 г.) Сентября 28 дня къ Пречистой Богородицы на Завеличѣ“; 2) „приложилъ Государь съ своего Ливонскаго похода“.

Изъ остальныхъ вещей не лишень интереса по содержанію надписи весьма увѣсистой серебряный Петровскій ковшегъ. Надпись его гласитъ: „Царь и великій князь Петръ Алексѣевичъ... пожаловалъ симъ ковшемъ Псковитянина посацкаго человека Абросима Михѣева за приборъ своей Государевой казны, что онъ, будучи въ Псковѣ въ Таможнѣ въ 1702 году Бурмистромъ у сбору таможенныхъ пошлинъ противъ 1701 г. прислалъ тысяча семь сотъ пятьдесятъ четыре рубля девять алтынъ и полпята деньги“.

Спасо-Мирожскій монастырь въ г. Псковѣ принадлежитъ къ числу древнѣйшихъ русскихъ храмовъ. Онъ находится въ той части Пскова, которая называется *Завельчьемъ*, потому что лежитъ за рѣкою Великою и построенъ на рѣчкѣ Мирожѣ, отъ которой и получилъ свое названіе. Основаніе этому небольшому и въ настоящее время бѣднѣйшему изъ псковскихъ монастырей, положено было св. Нифонтомъ (впослѣдствіи архіепископомъ Новгородскимъ) въ 1156 г.

Главная изъ двухъ церквей, находящихся въ Мирожскомъ монастырѣ, ц. Преображенія Господня, современна основанію монастыря. Несмотря на всѣ пережитыя монастыремъ тревоженія, ограбленія и нашествія Поляковъ, Литовцевъ, Шведовъ и Нѣмцевъ, ц. Преображенія сохранила свой первоначальный древній видъ и планъ, и даже нѣсколько замѣчательныхъ остатковъ древности. Такъ въ 1858 году, при внутренней поправкѣ этого храма, подъ слоями штукатурки, въ немъ открыта прекрасная стѣнная живопись *al fresco*, которая, по мнѣнію знатоковъ, принадлежитъ концу XII вѣка. Въ ризницѣ монастыря хранятся: пять древнихъ паннагій, два древнихъ креста и чаша св. Нифонта, вырѣзанная изъ древеснаго корня и оправленная тонкимъ серебрянымъ ободкомъ. На колокольнѣ Преображенскаго храма уцѣлѣли два замѣчательныхъ колокола: одинъ изъ нихъ отлитъ при царѣ Василіи Іоанновичѣ (отцѣ Грознаго); другой, отлитый въ XVII вѣкѣ, вѣроятно въ Швеціи, украшенъ латинскими и шведскими надписями.

Библіотека въ Спасо-Мирожскомъ монастырѣ—небольшая и небогатая, но содержитъ въ большемъ порядкѣ и помѣщена въ сухой и свѣтлой комнатѣ.

Семейная драма.

(Карт. Шаумана).

Собака воспитала своихъ дѣтей очень прилично, такъ какъ было въ общаѣ у собачьяго рода въ продолженіи многихъ тысячелѣтій, и щенята вышли прехорошенькіе. Это были претолстые карапузики, съ круглыми головками, которые очень мило лаляли и прыгали. Мать семейства спокойно лежала въ своей корзинѣ на солнцѣ, окруженная ими. Но Жюко, несносная эта обезьяна, нарушаетъ это семейное довольство. Прохаживаясь вездѣ (ей все нужно), она по обыкновенію придумываетъ какую-нибудь шалость. Она видитъ вдругъ эту завидную семейную сцену и составляетъ планъ дѣйствія. Она во первыхъ начинаетъ шипѣть, и собаченка, которая постоянно отличалась смѣлостью, выскакиваетъ изъ корзины,—надо-же было лалять! Это только и нужно Жюко; какъ молнія бросается она къ щенку, схватываетъ его и бѣжитъ съ нимъ въ сосѣднюю комнату, гдѣ и разсѣлась на столѣ. Мать сначала поражена, затѣмъ съ громкимъ лаемъ и воемъ бѣжитъ къ столу. Жюко, бережно завернувши въ салфетку отчаянно кричащаго щенка, держитъ его крѣпко. Ужасная семейная драма!

ВЫСТАВКА ОРИГИНАЛОВЪ-АКВАРЕЛЕЙ ЗНАМЕНИТАГО М. ЗИЧИ.

ДВѢ СЦЕНЫ ИЗЪ „ТАРАСА БУЛЬБЫ“ Н. В. ГОГОЛЯ,

назначенныя для бесплатной преміи „Нивы“ на 1881 годъ и исключительно для „Нивы“ исполненныя.

Эти акварели знаменитаго мастера отличаются такими высокими достоинствами, что всѣ видѣвшіе ихъ находятъ, что они безъ сравненія выше всего, что „Нива“ доселѣ давала въ этомъ родѣ. Художественные критики и сотрудники разныхъ газетъ уже видѣвшіе эти картины признаютъ безусловно высокое совершенство композиціи и исполненія картинъ и уже многіе изъ нихъ высказались въ этомъ смыслѣ, какъ напр. въ „Голосѣ“, „Новомъ Времени“, „С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ“, „St.-Petersburger Zeitung“, „St.-Petersburger Herold“, Петерб. Газетѣ“ и друг. изданіяхъ.

Эти оригиналы-акварели будутъ выставлены въ Конторѣ Редакціи всего только нѣсколько дней и затѣмъ будутъ переданы въ артистическое заведеніе для воспроизведенія копій—работа эта при разнообразіи и большомъ количествѣ красокъ и громадномъ числѣ экземпляровъ займетъ времени около 8 мѣсяцевъ. Мы вполне можемъ ручаться за точность и совершенство копій этихъ превосходныхъ картинъ. По условію заключенному нами съ артистическимъ заведеніемъ копія должны быть исполнены съ такою точностью, чтобы трудно было отличить ихъ отъ оригинала.

Подписчики наши и всѣ желающіе видѣть эти великолѣпныя оригиналы-акварели, могутъ пожаловать въ контору редакціи ежедневно отъ 10 ч. утра до 8 ч. вечера.

Просимъ гг. городскихъ и иногородныхъ подписчиковъ заблаговременно возобновлять подписку на „Ниву“ 1881 года, для избѣжанія остановки въ полученіи первыхъ №№.

Городская почта послѣдніе дни передъ праздниками принимаетъ списки только небольшими количествами, а для иногородныхъ подписчиковъ печатаніе, корректура и провѣрка огромнаго количества адресовъ требуетъ много времени.

СОДЕРЖАНІЕ: Петръ Ильичъ Чайковский (съ портр.)—Воронинное крыло, (Изъ жизни на крайнемъ востоѣ.) Разсказъ Н. Боева.—Управляющій лорда Клера. Разсказъ Л. Дюза. Городъ Пресбургъ (съ рис.)—Сѣверная экспедиція Лея Смита на „Эйртъ“ къ островамъ Франца-Иосифа въ Ледовитомъ океанѣ. (съ рис.)—Молоденькая Итальянка (съ рис.)—Юные страдалцы (съ рис.)—Выздоровливающій (съ рис.)—Древнія церкви во Псковѣ (съ рис.)—Семейная драма (съ рис.)—Выставка оригинальныхъ картинъ.—Ребусъ.—Объявленія.

Издатель А. Ф. Марисъ.

Редакторъ Ф. Бергъ.

РЕБУСЪ.

РЕБУСЪ-ГИГАНТЪ.

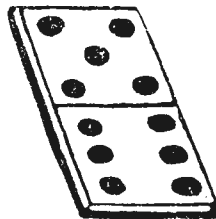
Будетъ помѣщенъ въ № 52 „Нивы“ „Гигантъ-Ребусъ“, составленный Н. Карзиннымъ и заключающій въ себѣ цѣлый маленькій разсказъ. *Первыя десять лицъ*, которые рѣшатъ этотъ ребусъ получатъ въ видѣ награды—преміи, каждый по одному экземпляру „Нивы“ на 1881 годъ—т. е. всего 10 экземпляровъ. Но такъ какъ городскіе подписчики получаютъ „Ниву“ прежде иногородныхъ, то желая уравнивать шансы, мы раздѣлимъ эти 10 экз. „Нивы“ такимъ образомъ, что 5 экз. получатъ пять первыхъ отгадчиковъ изъ живущихъ въ Петербургѣ и 5 экз. 5 отгадчиковъ иногородныхъ. Если же кто либо изъ отгадчиковъ уже подписался на „Ниву“ 1881 года, то его экземпляръ можетъ быть переданъ по его назначенію другому лицу, или же вмѣсто экземпляра „Нивы“ онъ можетъ выбрать себѣ какое либо изъ нашихъ отдѣльныхъ изданій, не превышающее цѣнностью экземпляра „Нивы“. Предупреждаемъ, что рѣшеніе не совсѣмъ легко.

МЕБЕЛЬНЫЙ МАГАЗИНЪ
А. ДЕГЕНГАРДТЪ.

Уголъ Большой Морской и Вознесенскаго пр. № 39—6, напротивъ Исаакіевскаго сквера.

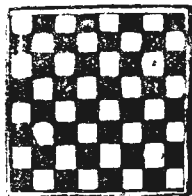
Предлагаетъ почтеннымъ господамъ покупателямъ, какъ **НОВОСТЬ**, для украшенія комнатъ американскіе спальные шкафы, извѣщныя работы, удобно передвигаемыя, съ матрацами на пружинахъ. Большой складъ разной мебели и исполненіе всѣхъ обычныхъ работъ самыхъ модныхъ рисунковъ, при чемъ также скоро выполняются заказы на новыя устройства разныхъ помѣщеній. Магазины предлагаетъ свои услуги по самымъ дешевымъ цѣнамъ, съ гарантіею за прочностъиздѣлій.

№ 1123

ИГРЫ: домино, шашки, шахматы рулетки съ игральными досками всѣхъ величинъ, столовый крокетъ, звонки, тиволи и т. п. предлагаютъ въ большомъ выборѣ оптомъ и въ розницу

GUSTAV LIEBE & Co,
Berlin, C. Grünstrasse, № 22.
Препсы-куранты безплатно высылаются франкированно.
Высылка немедленно по полученіи денегъ.

№ 475 1062 3—3

ВАЖНО для ЗЕМЛЕДѢЛЬЦЕВЪ и ЛЮБИТЕЛЕЙ СЕЛЬСКАГО ХОЗЯЙСТВА.

Знаменитыя молотилки Вейля, получившія европейскую извѣстность, необходимы въ каждомъ сельскомъ хозяйствѣ. Онѣ доставляются въ меньшихъ и въ большихъ размѣрахъ и съ разной производительностью, на всѣ станиціи желѣзныхъ дорогъ въ Россіи, готовы къ употребленію. Можно писать по русски, что бы получить ближайшія подробности и каталоги, въ машинный заводъ

МОРИЦА ВЕЙЛЬ младш. въ Франкфуртѣ на Майнѣ Германия.

Иллюстрированный Альбомъ съ подробнымъ описаніемъ и рисунками посылается заказнымъ и франко по высылкѣ 90 коп. почтов. марками.
Pт. № 982 10—4

Поступило въ продажу Новое, полное изданіе

„С.-ПЕТЕРБУРГСКОЙ МАСТЕРСКОЙ УЧЕБНЫХЪ ПОСОБІЙ И ИГРЪ“
(основанъ въ 1873 г., удостоенъ медалей на выставкахъ въ Митавѣ 75 года, въ Брюсселѣ 76 г., въ Филадельфіи 76 г., въ Парижѣ 77 г. и въ Парижѣ 79 г.)

ИГРА ВЪ ЗАГАДКИ.
ОБЩЕСТВЕННАЯ ИГРА для 3—19 ИГРАЮЩИХЪ.

Состоитъ изъ 144 загадокъ и 72 картинокъ-разгадокъ, рисованныхъ В. С. Шпаномъ, художественно исполненныхъ въ краскахъ, на картономъ картонѣ, въ литографіи Штадлера и Паттинота. Въ красной коробкѣ съ брошюрой и 72 номерами. ц. 3 р. 20 к., пересылка за 4 фунт. ун. 25 к.
Томо изданіе наклеенъ на картонѣ, ц. 6 р. 80 к., пересылка за 6 фунт. ун. 40 к.
NB. Для живущихъ 1-й выпускъ, мастерская предлагаетъ Дополненіе, состоящее изъ 48 картинокъ-разгадокъ (отъ № 24—№ 72) наклеенныхъ на картонѣ, ц. 4 р. 40 к. пересылка за 5 фунт. ун. 35 к.
Въ мастерской большой выборъ: учебныхъ пособій, дѣтскихъ книгъ, игръ, игрушекъ и занятій для дѣтей и взрослыхъ (до 60 собствен. изданій), писмен. принадлежностей, волшебныхъ фонарей и картинъ къ нимъ собственнаго производства.

Уголъ Троицкаго и Графскаго переулковъ, 11—3.
Succursale à Paris: 171, Rue S. Honoré. № 1113. 2—1

ПОДПИСКА НА 1881 ГОДЪ.

„МЕДИЦИНСКОЕ ОБОЗРѢНІЕ“

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛЪ СПРИМОНА.

Годовая цѣна 10 р., полугодовая 6 р., Москва, Тверской бульваръ, домъ Ефроса.

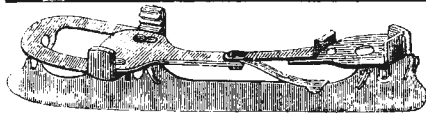
Ц. № 1120 9—1

КЕЛЕРСКАЯ ДУШИСТАЯ ВОДА

замѣчательна отличіемъ своего букета, крѣпостью и большимъ содержаніемъ тончайшихъ ароматовъ; запахъ ея держится въ бѣльѣ по нѣскольку дней, приятно освѣжительно и облегчаетъ головную боль.

Остерегаться поддѣлокъ!

Оптовая и розничная продажа у Р. Келеръ и К^о. на Никольской у А. В. Андреева, на Тверской и въ лучшихъ иногородныхъ колоніальныхъ и галантерейныхъ магазинахъ.
Ц. № 1059 5—3

АМЕРИКАНСКІЕ

КОНЬКИ

Лучшей конструкціи 7 р., съ перемылкою 8 р.
Тоже никелированное 12 р., съ перемылкою 13 р.
Медальонскіе съ однимъ ремнемъ и съ патентованнымъ скрѣпленіемъ каблукъ 3 руб. съ перемылкою 4 р.
Въ складѣ Американскихъ издѣлій И. Блонъ, уголъ Малой Конюшенной ул. и Невскаго, № 26—14.

Съ 1-го января Невскій пр., № 16 к. № 1124

ЖУРНАЛЪ

Воспитаніе и обученіе,

БЫВШІЙ „ДѢТСКІЙ САДЪ“

будетъ выходить въ 1881 г., ежемѣсячно, книжками отъ 6 до 7 лист., въ 2 отдѣлахъ: для дѣтскаго чтенія, съ рисунками, и педагогическомъ. Годовая Цѣна 4 р. 50 к., а съ доставкой и перемылкой 5 р. Подписка принимается въ конторѣ журнала: Спасская ул., домъ № 1, кв. № 13.
№ 1128

БЛАГОВОННЫЕ ТОВАРЫ

ФАБРИКИ

Брокеръ и К^о. въ Москвѣ,

удостоенные медалью на всемірной Парижской выставкѣ, можно получать въ С.-Петербургѣ:

У Рузанова, Савельева, Сафронова, Аверьянова, Урлаубъ и Рейнбергъ, Литейная, на углу Бассейной и у прочихъ торговцевъ.
М. № 963 5—5

**ВЪ МАГАЗИНАХЪ
ПАВЛА ВУРЕ**
фабриканта часовъ
Поставщика Высочайшаго Двора
часовыхъ дѣлъ мастера
Императорскаго Русскаго Флота.
Е. И. В. Великаго Князя Константина Николаевича.
золотые мужские часы,
заходящиеся ключемъ.
собственной фабрики
Анжерне на 15 камняхъ закрыты, 75,
80 и 85 р.
Такие же 1-го сорта съ брегетовскимъ во-
лоскомъ 90, 95, 100 и 110 р. с.
Тоже высшаго достоинства съ уравнитель-
нымъ маятникомъ отъ 125 до 175 р. с.
Пересылка на счетъ магазина.
Ручательство на два года.
Невскій просп., № 25. Въ С.-Петербургѣ.
Подробный прейсъ-курантъ высылаютъ по
требованію бесплатно. № 880 83—15

С.-Петербургская Химическая Лабораторія.
ДЛЯ ЕЛОКЪ № 1104
Парафиновые свѣчи бѣлыя и разноцвѣтныя.
Стеариновые свѣчи бѣлыя.
Зажигательная нитка 20 и 40 к.
Свѣтъ магнія по 20 к.
Приготовл. съ разрѣш. С.-Петерб. Врачебн. Управы
Бенгальскіе комнатные огни, безъ дыма и запаха по 30 к.
Большой выборъ всевозможныхъ картошажей,
для украшенія елки по сходной цѣнѣ.
Единственные магазины въ С.-Петербургѣ:
1) Невскій просп. д. № 32; Католической церкви.
2) Невскій просп. д. № 66, у Анничкина Моста.
3) Вознесенскій пр., уголъ Мазанской ул. № 18/54, Шредера.
Всѣ прочіе магазины и лавки, имѣющіе вывѣски, сходныя съ
вывѣскою С.-Петерб. Химич. Лабораторіи ей не принадлежатъ.

**10%
ВОЗНАГРАЖДЕНІЯ**
предлагаю лицамъ, имѣющимъ возмож-
ность по своему общественному поло-
женію указать мнѣ владѣльцевъ, же-
лающихъ продать нижеоменованныя
старинныя вещи, которыя я покупаю
по высокой цѣнѣ: богатый, старый
северскій исаконовскій фарфоръ, ста-
ринныя бронзовые часы, камделлары
и группы, золотыя эмальированныя
табакерки, старинныя вещи изъ зо-
лота и серебра прошедшихъ столѣ-
тій, старинную мебель съ богатыми
бронзовыми украшениями и фарфо-
ровыми инкрустациями, старинныя
кружева, группы и фигуры изъ дере-
ва, слоновой кости и серебра, воо-
обще всякаго рода старинныя вещи XVI,
XVII и XVIII столѣт. Указанія адре-
совъ лицъ, имѣющихъ на продажу
означенные предметы, могутъ быть
сообщены мнѣ лично или письменно
по адресу моему въ Москву, Г-му ЛУ-
ДОВИКУ БЕНЪ, Петровка, д. Пен-
скаго, противъ Петровской аптеки.
Вашепомянутое вознагражденіе въ
10% мною выплачивается немедленно
за каждую сдѣланную покупку чрезъ
рекомендацію. Л. № 1016 6—2

**МАГАЗИНЪ
Ф. ЛЕВИТЪ.**
№ 40. НЕВСК. ПРОСП. № 40.
домъ армянской церкви.
Вновь получены въ боль-
шомъ выборѣ:
ВЪЕРА
послѣдней моды.
РОТЕ-ВОУВЕТ
очень изящной отдѣлки.
БИНОКЛИ
фабрики Шевалье.

АМЕРИКАНСКІЙ ПЕРЕПЛЕТЧИКЪ
Съ 500 запасными шпильками 1 р. 75 к. и съ пересылкою во всѣ
мѣста Имперіи 2 рубля.
Голосъ отъ 4-го октября, пишетъ:
«Въ Петербургѣ появилось новое изобрѣтеніе подъ названіемъ «американскій
брошюровочная машина». Это, дѣйствительно, весьма практичная и вполнѣ от-
вѣчающая своему названію вещь. «Novelty Paper Fastener», какъ ее назвалъ изоб-
рѣтатель, служитъ для скрѣпленія отдѣльных листовъ бумаги, разнаго рода до-
кументовъ и т. п., но можетъ также замѣнять гвозди для укрѣпленія гардинъ, ко-
ровъ и пр. Аппаратъ весьма простъ и дешевъ, отъ одного удара рукою по ры-
чагу стальныя шпильки проиогаютъ бумагу до полуодина толщины, загнываются
и закрѣпляются въ то же время, что весьма удобно и прочно. Машина можетъ
имѣть весьма разную, аэное и плезное дѣйствіе.
См. также «Новое Время» отъ 25-го, и «Невроид» отъ 24-го сентября.
Главное агентство настоящаго негорячаго камня «A. Delavilla
& Co», замѣняющаго лучину для растопки печей, плитъ и каминовъ;
цѣна 50 коп. Три камня съ пересылкою во всѣ города Россійской
Имперіи 2 руб.
Ф. Клопферъ, Невскій пр., № 11, на углу Малой Мор-
ской, С.-Петербургъ. К. № 1119

БЮВАРЫ
въ большомъ выборѣ.
АЛЬБОМЫ
новѣйшихъ рисунковъ.
НЕСЕСЕРЫ
дорожныя и рабочіе.
КОЖАНЫЯ ИЗДѢЛІЯ
изъ Вѣны и Оффенбаха.
БРОНЗА
вѣнская и парижская.
ФАРФОРЪ
саксонскій и французскій.
МАЮЛИКЪ
англійскій.
ТЕРРАКОТЪ
очень изящной работы.
Туалетныя и письменныя
приборы.
РАМКИ
всякаго рода, готовыя и на заказъ.
ЦѢНЫ УМѢРЕННЫЯ.
К. № 1090 2—2

ДЕЛО ЧАСОВЪ ВИКТОРА.
№ 1122
Москва, на Никольской, домъ Череметева, противъ Славянскаго Базара,
Фирма существуетъ болѣе 30 лѣтъ и рекомендуетъ свой огромный выборъ
Часовъ карманныхъ: (пересылка золотыхъ 1 р., прочихъ 50 к.)
Никелевые, плазническіе отъ 8—13 р., стальные отъ 10—12 р. Ремон-
туръ (автоматъ ручкой) 10, 12, 15 р. и Швейцарскіе мужские и дамскіе по 5 р.
Серебряные Американскіе на 13 камн. 15—18 р. въ платиновыхъ корпускахъ 22, 25 и 40 р., вѣсныхъ сор-
товъ 35, 45 и 55 р. Дамскіе на 8 камнѣхъ 15, 18 и 20 р. Вязокожные 2 р. Дороже.
Золотыя Американскіе 50 р., мужские 65, 75 и 85 р. въ платиновыхъ корпускахъ 100, 125 и
150 р., вѣсныхъ сортовъ 200, 250 и 300 р., съ ретрацией отъ 300 до 800 р. Дамскіе 30, 35,
40, 50 р., вѣсн. сорта 75, 100 и 150 р.
Часовъ стѣнныхъ:
Круглые, безъ бол (по величинѣ) 8, 10, 15, 30 до 50 р. съ бѣсы 15, 18, 20, 25 до 60 р.
Овальныя и наклонныя (угломъ) съ бѣсы 25, 30, 40, 45 до 75 р., съ музыкой 65 до 100 р.
Коробачные (съ пеленаріемъ, ходомъ) 15, 20 до 30 р. съ бѣсы 25 и 30 р. съ музыкой отъ 25 до 35 р.
Швейцарскіе съ гнѣвомъ, безъ бѣсы 2, 3 р., съ бѣсы 4 и 8 р. съ музыкой или медвѣдью 11 до 18 р.
Часовъ столовыхъ, ночныхъ и будильныхъ
Бронзовые и цинковые выключенныя отъ 25 до 400 р., съ заводомъ рама 250 до 500 р.
Мраморныя, хрустальные алябастровыя и другіе отъ 25 до 150 р.
Ночные 12, 15, 18 и 20 р., съ химическисъ свѣтлымъ циферблатомъ 15 и 20 р.
Будильные отъ 5 и 6 до 25 р. и разнаго фирмъ для наслѣдства стола отъ 8, 10, 15, 25 до 150 р.
Карманныхъ и разныхъ предметовъ съ музыкой.
Ящики , пьесы 35, 40, 50 р., 8 пьесъ 10, 60, 65 р., 10 пьесъ 70 р., 12 пьесъ 75 и 85 р.
" съ латрѣй 6 пьесъ 40 и 60 р., 8 пьесъ 60 и 70 р., 12 пьесъ 80 р.
" съ колокольчиками 6 пьесъ 70 и 75 р., 8 пьесъ 80 и 85 р., съ наружками 15 р. дороже.
" и барабанами нагужными 6 пьесъ 100 р., 8 пьесъ 100 р., 12 пьесъ 150 р.
Столы съ 3 перебивальныя валки 30 пьесъ 300 р., стулья съ музыкой 30, 40 и 50 р.
Автоматы тоже тѣже и чашки, плитки 50 р. обояныя (сапжикъ) 75 р. Собака гавна-
стическисъ управляетъ 150 р., поющія капаралки въ кѣйкѣ 80 р., на деревѣ 150 р.
Ранне предметы съ музыкой к. т. бумажныя 12 р., бумажныя 15 и 15 р., корбачные 15 р., рабочи-
мица 18 р., колокольчикъ и урулемъ (домно) по 15 р.
На пересылку всѣхъ вещей и часовъ прилагается прѣмѣрно 100%; въ Сибирь до 200%
смотря по разстоянію, карманныхъ часовъ 50 к. и 1 р., столовыхъ же часовъ по соглашенію.

**СКЛАДЪ ШВЕЙНЫХЪ МАШИНЪ ВСѢХЪ
СИСТЕМЪ,**
американскихъ, англійскихъ и нѣмецкихъ
конструкцій для семействъ и ремесленныхъ
заведеній.
А. ШТЕЙНЪ
въ С.-Петербургѣ.
Вознесенскій
просп., д. № 21.

Продажа оптомъ и въ розницу.
ЦѢНЫ ФАБРИЧНЫЯ.
Ручныя машины 20 разныхъ конструкцій отъ
12 до 45 руб.
" машинныя 40 разныхъ конструкцій
отъ 35 до 850 руб.
Маш. для вязанія, шитья перчатокъ, пласе-
БЕЗПЛАТНО ВЫСЫЛАЮ
подробный прейсъ-курантъ
ГЛАВНОЕ АГЕНТСТВО ДЛЯ ВСЕЙ РОССИИ
фабрики Розенбергъ и Френъ въ Берлинѣ,
спеціальныя машины, шьющія варной
дратьей, для шорныхъ, каретныхъ, парус-
ничныхъ и войлочныхъ мастерскихъ, для
мѣшковъ и военныхъ голенищъ.
Фабрика Гулуса Гутмана въ Берлинѣ
лепальныя машинки для вышиванія пелетей
въ сукнѣ, бѣзвѣ, дамскомъ нарядѣ и обуви.
Фабрика Линдъ и Емиертъ въ Берлинѣ
спеціальная машина для вышиванія въ ба-
тестѣ, тѣлѣ, шерстяной и шелковой мате-
риалы, войлокъ, сукнѣ и т. д.
Складъ игловокъ, отдѣльныхъ частей и масла
къ швейнымъ машинамъ, бумаги, шелку и
ниткамъ. К. № 4906. 10—7

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА ИСТО-
РИЧЕСКОЕ ИЗДАНІЕ
„РУССКІЙ АРХИВЪ“
въ 1881 году.
Въ теченіи 1881 года въ „Русскомъ Ар-
хивѣ“ будутъ печататься выдержки изъ не-
изданныхъ рукописей А. С. Пушкина.
Годовое изданіе „РУССКАГО АРХИВА“
въ 1881 году будетъ состоять изъ шести
книжекъ или тетрадей, которыя появятся въ
свѣтъ по мѣрѣ отпечатанія и составятъ три
большіе тома. Цѣна „Русскаго Архива“ въ
1881 г. девять рублей.
Подписка принимается въ Москвѣ
Ермолаевская Садовая, д. Баженовой.
Въ Петербургѣ, на Невскомъ вл.
нижнемъ магазинѣ Мамонтова.
№ 1091 3—2

**ЦЕНТРАЛЬНЫЙ СКЛАДЪ
МАКИНТОШЪ.**
Михайловская, № 4.
ВЫСТАВКА Парижскихъ резинныхъ игрушекъ, состоящихъ
изъ разнообразныхъ куколъ, животныхъ, карриатуръ, мячи-
КОВЪ и Т. Д. К. № 1125

ОРЕНБУРГСКИЕ ПУХОВЫЕ ПЛАТКИ
только что получена большая партія
по цѣнамъ дешевымъ отъ 3 до 75 р.
Невскій, прот. памятн. Екатерины
ОБЩАЯ ПОЛЪЗА гдѣ приемъ
объявленъ во всѣ газеты, принятіе
для продажи разн. вещей и товара
указаніе мѣстъ, квартиръ, предост.
служащихъ лицъ; отдѣленіе Общя
польза уголь Владимірска, ходъ съ Ко-
локольной В. И. Демака. № 1128

ОБУВЬ
самаго высokaго достоинства мужскую,
дамскую и дѣтскую, вѣдшей паровой
механической фабрики. по фабричнымъ
цѣнамъ рекомендуетъ
МАГАЗИНЪ РЕЗИНОВЫХЪ ИЗДѢЛІЙ
КОНСТАНТИНА ДАНА,
По Гороховой ул., у Браскаго моста, д.
Корпуса, № 16. К. № 1116

ПРОЧНАЯ И ДЕШЕВАЯ
МУЖСКАЯ И ДАМСКАЯ
ОБУВЬ
ВЪ МАГАЗИНѢ
Л. ЦЮЛКОВСКАГО И К^О.
Невскій пр., № 54.
Между Большою и Малою Садовой.
К. № 1118 5-1.

ШВЕДСКІЯ КУРТКИ
на мѣху и фланели отъ
12 руб.
въ магазинѣ
Л. ЦЮЛКОВСКАГО И К^О.
Невскій пр. № 54.
Между Большою и Малою Садовой.
К. № 1118 5-1

ОБЪ ИЗДАНИИ ВЪ 1881 ГОДУ
Пятимъ отдѣломъ Импер. Русскаго Техни-
ческаго Общ. ежемѣсячнаго журнала
„ФОТОГРАФЪ“.
Журналъ выходитъ около 15 числа каж-
даго мѣсяца, въ объемѣ 2 печати. листовъ
убористой печати кромѣ объявленій, съ ри-
сунками въ текстѣ.
Въ семи номерахъ 1880 года (съ іюна) бо-
лѣ 220 страницъ.
Цѣль журнала—знакомить со всѣми усо-
вершенствованіями фотографіи и ея приме-
неній и способствовать ея успѣхамъ въ
Россіи.
Журналъ заключаетъ въ себѣ слѣдующіе
отдѣлы:

Описание наиболее замѣчательныхъ спо-
собовъ и приборовъ. Научныя статьи по фот-
тографіи. Библиографія и критика. Обозрѣні-
я фотографическихъ заграничныхъ журналовъ.
Объявленія.
Годовая цѣна (съ 1 января) съ пересыл-
кою и доставкою 5 рублей. Подписчики 1880
года получаютъ въ видѣ преміи справочную
книжку.
Подписка принимается въ канцеляріи
Импер. Русс. Техническаго Общества (Пан-
телеймонская улица, № 2); въ почтамтѣхъ и
почтовыхъ отдѣленіяхъ. № 1112 2-1

Поступила въ продажу новая книга:
АРИМЕТИКА.
Опытъ руководства къ системати-
ческому курсу теоретической ариме-
тики цѣлымъ и въ элементарному
курсу дробныхъ чиселъ.
Премущественно для означиваю-
щихъ свое сражаніе начальной
школой и для учащихся дома.
Состав. А. Н. КАНАЕВЪ.
Стран. XII+204, рисунк. 40, ц. 80
коп., пер. на 2 фунта.
НОВАЯ КНИГА: **НАНИНА АРИМЕ-
ТИКА** для дѣтей отъ 4-7 лѣтъ. Рас-
крашенныя картинки для изученія пер-
выхъ 10 чиселъ. Текстъ сост. А. Н.
КАНАЕВЪ. Ц. 60 к. пер. за 2 ф.
Изданія «С.-Петербургской мастерской
учебныхъ пособій и игръ».
— УГОЛЬ ТРОИЦКАГО И ГРАФСКО-
ГО ПЕР. II—III. № 1114 3-1

М-МЪ
РАППЕЛЕВ-
СКАЯ
жена придворнаго
профессора магій, его
величества короля
итальянскаго Гум-
берта и вице-короля
Египетскаго, обра-
цавшая на себя внима-
ніе въ многихъ сто-
лицахъ и большихъ
городахъ Европы,
предлагаетъ свои ус-
луги желающимъ ус-
троить Магическія
представленія въ
учебныхъ заведеніяхъ
и семейныхъ домахъ:
объясне-
ніе можетъ даваться
на разныхъ языкахъ.
По
Офицерской ул. № 47, кв. 35. № 1107

КЕЛЕРСКАЯ
ДУШИСТАЯ ВОДА
Ц. № 902 13-4

ПОДАРОКЪ НА ЕЛКУ.
Полный томъ „НИВЫ“ 1880 г.
Иллюстрированный журналъ для семейнаго чтенія.
Изданіе А. Ф. МАРКСА въ Спб.
заключающей въ себѣ болѣе 1,100 страницъ текста и 700
художественно-выполненныхъ гравюръ, и большой романъ
Н. Морскаго — „Купленное счастье“, историческая повѣсть Политков-
скаго „Королевичъ Владиславъ“, повѣсть А. А. Потѣхина „Иванъ
да Марья“, разсказъ Вс. Крестовскаго „Призракъ“, разсказъ Б.
Марквича „Лѣсникъ“ и около 40 другихъ повѣстей и разска-
зовъ, до 200 популярно-научныхъ статей по естествознанію,
зоологіи, астрономіи и проч. и двѣ оригинальныя акварель-
ныя преміи—картины Придворнаго художника М. Зичи.
1) Пляска Тамары.
2) Тамара оплакиваемая родными.
Цѣна этому большому тому:
Брошюрованы. 4 р. — к. Въ казенк. пер. 5 р. 50 к.
Съ пересылкою 5 „ — „ Съ пересылкою 7 „ — „
Желающихъ приобрести этотъ томъ до праздни-
ка контора проситъ заблаговременно подписаться. Гото-
вые брошюрованные и переплетенные тома будутъ съ
22-го сего декабря.
Съ требованіями обращаться: въ С.-Петербургъ, Б. Мор-
ская, домъ № 9, въ контору редакціи журнала „НИВА“.

Биллиардная Фабрика
А. ФРЕЙБЕРГЪ
С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Переведена: Изъ Лавровскій поляхъ, не далеко отъ
Троицкаго собора, по Троицкому проспекту, соб.
домъ № 13.
№ 1002 10 6

БАНКИРСКАЯ КОНТОРА ЯКОБСОНЪ.
С.-ПЕТЕРБУРГЪ, Литейный проспектъ, д. № 21.
Продажа 5% съ выигр. билет. съ разсрочкою платежей, съ за-
даткомъ по 20 руб. на билетъ.
Выигрыши, курсовая разниа и купоны составляютъ собственность покупателя.
Страхование отъ тиража 5% съ выигрышами билетомъ по 50 к.
Отъ вг. иногородныхъ, включая почтовые расходы, по 60 коп. за билетъ.
Всѣ биржевыя и банкирскія операціи по покупкѣ, продажѣ и залогу бумагъ отъ
г. иногородныхъ исполняются по письменнымъ приказамъ черезъ почту.
Пріемъ на комиссію 5% билетомъ для объявленія на новыя.
Подробная программа операцій помѣщена въ „Нивѣ“ № 5 сего года. № 1038 10-4

Магазинъ бумагъ Константина Чернохвостова
(Гостин. дв., 35).
РЕКОМЕНДУЕТЪ
ВЪ ПРАЗДНИКУ
самый большой выборъ разнообразныхъ украшеній на елку, бон-
боньерокъ новыхъ оригинальныхъ фасоновъ, и роскошныхъ ве-
щей для подарковъ. № 1108

**Первымъ мною приготовленная и введенная въ
продажу.**
УКУСУСНАЯ ЭССЕНЦИЯ
посуда, ярыкъ и вся уборка моихъ стеклянныя съ этою эссенціею, наши себѣ та-
же, какъ и многия другія мои издѣлія, безвудъ подражаній, отъ которыхъ я однако
въ настоящемъ случаѣ долготомъ считая предостеречь почтеннѣйшую публику, такъ
какъ укусусъ служитъ приправою къ кушаньямъ, а въ нѣсколькихъ этикъ мнѣ-
ныхъ укусусныхъ эссенціяхъ при химическомъ анализѣ, нашелъ металлическія при-
мѣси. *Моя же укусусная эссенція, какъ была, такъ и красная, химически чиста;*
приготовленный изъ нея укусусъ самаго мягкаго и приятнаго вкуса и не въбиваетъ.
Изъ одной стеклянныя въ 70 коп. получается посредствомъ простаго размачиванія от-
варною водою, 1/3 ведра ярѣпка укусуса, а по всѣмъ этикъ качествахъ моя укусу-
сная эссенція доставляетъ большія удобства и громаднѣйшую экономію въ хозяйствѣ,
особенно въ деревнѣ; почему и покорнѣйше прошу почтеннѣйшую публику, при по-
купкѣ укусусной эссенціи, обратить вниманіе на фирму мою на ярѣнкѣ и на боль-
шую золотую медаль наверху онаго (замѣненную на поддѣльныхъ ярѣнкахъ мо-
нограммою). Эссенція моя продается въ моемъ магазинѣ, на Невской, также у
А. В. Андреева на Тверской, у Егорова въ Охотномъ ряду, у Эмиля Керстманъ на
углу Тверской и Брюсовскаго переулковъ и во многихъ другихъ магазинахъ въ Мос-
квѣ и въ провинціи.
Ц. № 1094 2-2

ПОДПИСКА НА ЕЖЕМѢСЯЧ-
НЫИ ЖУРНАЛЪ
„ДУШЕПОЛЕЗНОЕ ЧТЕНІЕ“
на 1881 годъ (22-й съ начала из-
данія принимается въ Москвѣ у
редактора, протоіерея В. Неча-
ева, въ Толмачахъ, также у кни-
гопродавцевъ Оерапонтова, Со-
ловьева и Вольфа, въ С.-Петер-
бургѣ у книгопродавца Тузова.
Цѣна за 12 книжекъ 3 рубля 50
коп., съ доставкой и пересылкою
4 рубля. № 1073 2-2

для подарка въ ПРАЗДНИКУ!
Стаканчики для воды подъ названіемъ
„Ваньки - Встаньки“
Гладкіе по 20 к. съ Рѣзными по-
словицами по 40 коп.
съ писанными эмалью пословицами
75 к., 85 к., 1 р.
съ писанными эмалью бортами
40 к. и 50 к.
Графички съ пословицами 2 —
3—6 руб.
Большой выборъ сервизовъ столо-
выхъ и чайныхъ и хрусталя Рус-
скихъ и иностранныхъ фабрикъ въ
магазинахъ В. С. Савельева, Гос-
тинскій дворъ, № 87 и въ Андреев-
скомъ рынкѣ № 31, въ Спб. № 1129

Вышелъ въ свѣтъ и продается у издателя
М. Якобсона, Спб. Эртелевъ пер., 7, кв. 5
и во всѣхъ известнѣхъ книжныхъ и бума-
жныхъ магазинахъ Россійской имперіи
ЖИВОПИСНОЙ

ОВИХОДНЫЙ КАЛЕНДАРЬ
на 1881 г. съ приложеніемъ
СТѢННАГО КАЛЕНДАРЯ.
Печатанъ на розовой бумагѣ, съ художе-
ственно исполненными рисунками, въ объ-
емѣ болѣе 80 страницъ. Содержаніе: Сѣ-
дѣнія церковныя астрон., генеалогическ.,
географическо-статистическія истор., по-
чтовый, телеграф., желѣзно-дорож., ком-
мерческія, медицин., хозяйственныя, адре-
суказат., разсказы, анекдоты, ребусы, сти-
хотворенія, портреты, карнавалы, загад-
ки и проч. Цѣна выборъ со „СТѢННЫИЪ
КАЛЕНДАРЕМЪ“ 30 коп., за пересылку
10 копѣекъ. Pтr. № 1026 5-4

ОТЕРГТА ПОДПИСКА НА 1881 ГОДЪ.
СЕМЬЯ и ШКОЛА.
1) ПОЛНЫИ журналъ, изданія
годъ XI. Подп. цѣна на годъ съ
дост. и перес. 12 р. Отдѣльно: 2)
на Иллюстрированный отдѣлъ для
дѣтей (12 книгъ) 10 р.; 3) на Учеб-
но-воспитательный отдѣлъ съ Пе-
дагогическою хроникою (10 №№
книгъ и 40 №№ Педаг. хр.) 5 р.
Подписка адресуется въ Спб., Ва-
сильевскій островъ, 15 линія, д.
8, въ контору журнала „Семья и
Школа“. № 999 10-8

38. Троицкій переулокъ 38.
Троицкое заведеніе искусственныхъ
минеральныхъ водъ.
отпускаетъ и доставляетъ на
домъ сифоны сельтерской или
содовой воды по 10 ж.; 25 бутыл.
этой воды за 1 р. 13 коп., 25
бут. лимонада за 1 р. 75 коп.
25 бут. фруктов. агонд. водъ
за 2 р. 50 к.; залогъ за сифоны
по 1 руб., за бут. 2 к. Иног-
ороднымъ высылается анкетами
въ 100 б. Всѣ воды приготовля-
ются подъ постояннымъ наблю-
деніемъ провизора-химика.
№ 1117

ЧЕТВЕРТЬ ВЪКА НАЗАДЪ,

Правдивая исторія Б. М. Маркевича.

2 тома. Цѣна 3 р. 50 к. Книгопродавцамъ значительная уступка. Складъ въ Москвѣ, Леонтьевскій переулокъ, 14, въ типографіи Лаврова; въ Петербургѣ: въ конторѣ „Новаго Времени“, на Невскомъ проспектѣ. № 1111

ОБЪ ИЗДАНИИ ВЪ 1881 ГОДУ

СОБРАНІЯ

ИНОСТРАННЫХЪ

РОМАНОВЪ, ПОВѢСТЕЙ и РАЗСКАЗОВЪ ВЪ ПЕРЕВОДѢ НА РУССКІИ ЯЗЫКЪ.

Желая ознаменовать двадцатипятилѣтіе „Собранія Романовъ“, издающагося съ 1856 года, Редакція, кромѣ двѣнадцати ежемѣсячныхъ книгъ, дастъ въ будущемъ 1881 году премию, юбилейный номеръ, составленный изъ сочиненій русскихъ писателей. Тамъ будутъ помѣщены: Рабыня, повѣсть В. Г. Австенко. Изъ міра шведской и финской поэзіи, Академика Я. К. Грота. Историческій разсказъ Г. П. Данилевскаго. Разсказъ Н. С. Лъскова. Обзоръ новѣйшей русской литературы. А. П. Милокова. Маризъ д'Оврисъ д'Онельза, разсказъ его же. Статья В. В. Стасова. Три дня въ жизни молодого человѣка, повѣсть Е. Н. Ахматовой. Во всемъ остальномъ, Редакція будетъ держаться прежней программы, т. е. давать лучшіе и интереснѣйшіе романы преимущественно англійскіе и французскіе, и избѣгать по возможности, не смотря на громкое имя автора, тѣхъ, которые печатаются въ другихъ журналахъ, такъ чтобы „Собраніе Романовъ“ составляло сборникъ такихъ статей, которыхъ читатели не могутъ найти, кромѣ „Собранія“, нигдѣ. Къ печати приготовлено пока:

ЗАГАДОЧНЫЯ ПРОИСШЕСТВІЯ ВЪ ГЕРОН-ДАЙСКОМЪ ЗАМКѢ. ПОИСКИ ВЪ РАЗНЫХЪ СТРАННЫХЪ МѢСТАХЪ. ПЕСЧАНЫЙ ГОРОДЪ, Жакolio. МОНТОНЕРО, Густава Эмара. Какіе еще романы будутъ помѣщены въ 1881 году, читатели увидятъ изъ объявленій, печатающихся ежемѣсячно въ газетахъ.

Гоговое издание „Собранія Романовъ“ состоитъ изъ двѣнадцати книгъ большаго формата, въ которыхъ помѣщаются отъ десяти до двѣнадцати романовъ, и столько повѣстей и разсказовъ, сколько позволитъ объемъ книжекъ, составляющихъ въ годъ около *трехсотъ* печатныхъ листовъ, или около *пяти тысячъ* страницъ. Цѣна за всѣ 12 книгъ, выходящихъ всегда въ началѣ мѣсяца—*десять рублей пятьдесятъ копѣекъ*, съ доставкой въ С.-Петербургѣ—*одиннадцать*, для иногородныхъ подписчиковъ—*двѣнадцать рублей*. Подписка принимается *исключительно* на имя издательницы, Елисаветы Николаевны Ахматовой, въ домѣ Жербина, на Михайловской Площади въ С.-Петербургѣ. № 1023 2-2

„ВАРШАВСКІИ ДНЕВНИКЪ“ въ 1881 году.

будетъ издаваться *подъ тою же редакціей и слѣдовать тому же направлению*. Рекламы, сдѣланныя нашему изданію вліятельными органами русской печати своими нападками и заявленіемъ (въ большинствѣ случаевъ) несогласія съ нашимъ направленіемъ, относительно обсуждения русскихъ и общихъ вопросовъ, избавляютъ насъ почти отъ принатаго обычая говорить о себѣ передъ началомъ новаго годового періода. Что касается до польскаго вопроса, то мы, по прежнему, будемъ стараться разрабатывать его помощью носильнаго созиданія того *золотаго моста* на почвѣ мысли и интеллигенціи, который служить наиболее вѣрнымъ средствомъ для цѣлей согласія и мира.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

а) для иногородныхъ подписчиковъ, съ пересылкою:
На годъ 12 р.; на 6 мѣс.—6 р.; на 3 мѣс.—3 р. на 1 мѣс.—1 р.
б) для заграничныхъ подписчиковъ, въ предѣлахъ почтоваго союза:
На годъ 15 р.; на 6 мѣс.—7 р. 50 к.; на 3 мѣс.—3 р. 75 к.; на 1 м.—1 р. 25 к.
Редакція покорнѣе проситъ гг. подписчиковъ заявить свои требованія и прислать подписныя деньги своевременно, дабы имѣть возможность удовлетворить всѣхъ полнымъ комплектомъ номеровъ газеты.
Адресъ редакціи: Варшава, Медовая, № 18.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА

годъ второй. НА 1881 ГОДЪ годъ второй.
НА ЕЖЕДНЕВНУЮ ПОЛИТИЧЕСКУЮ, ОБЩЕСТВЕННУЮ и ЛИТЕРАТУРНУЮ ГАЗЕТУ

„РУССКІИ КУРЬЕРЪ“.

УСЛОВІЯ ПОДПИСКИ:

Безъ дост. и пересылки.	Съ доставк. въ Москвѣ.	Съ перес. во всѣ города.
На годъ . . . 7 р. 60 к.	На годъ . . . 8 р. 50 к.	На годъ . . . 9 р. — к.
„ 6 мѣс. . . 4 „ 30 „	„ 6 мѣс. . . 4 „ 50 „	„ 6 мѣс. . . 5 „ — „
„ 3 „ . . . 2 „ 30 „	„ 3 „ . . . 2 „ 50 „	„ 3 „ . . . 2 „ 75 „
„ 1 „ . . . — „ 90 „	„ 2 „ . . . 1 „ — „	„ 1 „ . . . 1 „ 10 „

Подписка принимается въ конторѣ изданій: Москва, Москворѣцкій мостъ д. Н. П. Ланина. № 1010 6-5

ОТКРЫТА ПОДПИСКА

Ц. № 1121

НА

СОВРЕМЕННЫЯ ИЗВѢСТІЯ

НА 1881 ГОДЪ.

	12	11	10	9	8	7	6	5	4	3	2	1
	мѣс.	мѣс.	мѣс.	мѣс.	мѣс.	мѣс.	мѣс.	мѣс.	мѣс.	мѣс.	мѣс.	мѣс.
Въ Москвѣ:	9	8 40	7 80	7 20	6 60	6	5 40	4 60	3 70	2 80	1 90	1
Изъ города:	10	9 40	8 70	8	7 30	6 50	5 70	4 80	3 90	3	2	1

Примѣчанія: 1) Для выписывающихъ газету въ одномъ экземплярѣ никакія разсрочки и никакія услуги противъ обозначенныхъ выше цѣнъ не допускаются.

2) Сроки подписки считаются съ 1 числа по 1-е; выписывающіе газету съ середины или желающіе продолжить полученіе до середины мѣсяца, платятъ за неполный мѣсяцъ пономерно, считая каждый №, при городской доставкѣ 5 коп., при иногородной пересылкѣ — 6 коп.

3) Московскіе подписчики, желающіе получать газету въ экземплярахъ запакованныхъ, приплачиваютъ, сверхъ показанной цѣны, по 10 к. за каждый мѣсяцъ. На основаніи почтовыхъ правилъ, *иногородная пересылка въ глухихъ пакетахъ не допускается.*

4) Гг. иногородныхъ просятъ не затруднять редакцію присылкою марокъ, вмѣсто денегъ; въ крайнемъ случаѣ прилагать марки лишь мелкаго достоинства (не свыше 5 коп.).

5) Редакція много облегчена будетъ въ немедленномъ удовлетвореніи поступающихъ къ ней требованій, если тѣ изъ—гг. иногородныхъ, которые уже получаютъ *Современныя Извѣстія*, будутъ прилагать при требованіяхъ и свой печатный адресъ.

Пріемъ подписки въ Москвѣ: въ конторѣ *Современныхъ Извѣстій* на Воздвиженкѣ, въ Ваганьковскомъ переулкѣ, Александровское подворье, рядомъ съ казенной палатою и у всѣхъ извѣстныхъ книгопродавцахъ Москвы (кромѣ Живаревыхъ) и Спбурга.

Съ Января 1881-го года въ МОСКВѢ

При сотрудничествѣ графа Льва Николаевича Толстого П. И. Бартенева, И. Е. Забѣлина, В. П. Клюшникова, А. Г. Коваленской, Т. Толычевой, С. В. Флерова и мног. друг. будетъ выходить новый ежемѣсячный иллюстрированный журналъ для дѣтей, подъ названіемъ

„ДѢТСКІИ ОТДЫХЪ“

Цѣна изданію съ доставкою и пересылкою во всѣ города за годъ—6 руб. за полгода—3 руб. 50 коп. Журналъ будетъ выходить 15-го числа каждаго мѣсяца книжками отъ 6-ти до 8-ми листовъ печатнаго текста.

Подписка принимается въ Москвѣ: въ редакціи, по Софійской набережной, въ домѣ Маринскаго женскаго училища; въ конторѣ Университетской Типографіи, на Страстномъ бульварѣ; въ конторѣ „Русскаго Архива“ на Садовой у Ермолая. Въ Петербургѣ въ книжномъ магазинѣ „Новое Время“ на Невскомъ.

Гг. иногородныхъ просятъ обращаться съ требованіями исключительно въ редакцію журнала и въ контору Университетской Типографіи.

Издательница Н. А. Истомина.

Редакторъ П. А. Берсъ.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1881 ГОДЪ

на недорогое историческое издание, которое будет выходить пятый годъ подъ названіемъ:

„РУССКАЯ ГАЗЕТА“

ПОЛИТИЧЕСКАЯ, ОБЩЕСТВЕННАЯ, ЭКОНОМИЧЕСКАЯ И ЛИТЕРАТУРНАЯ.

Каждый № „Русской Газеты“ вмѣщаетъ въ себя двадцать четыре колонны плотнаго шрифта или около четырехъ тысячъ строкъ текста, въ стихахъ и прозѣ.

легкаго, живаго и разнообразнаго содержанія.

„Русская Газета“ выходитъ большими листами въ форматѣ дорожныхъ С.-Петербургскихъ и Московскихъ газетъ, по воскресеньямъ вторникамъ, средамъ, четвергамъ и субботамъ.

По своему характеру и тону „Русская Газета“ рѣзко выдѣляется между всѣми изданиями нашей периодической печати и тѣмъ еще, что на ея страницахъ ежедневно помѣщаются подробныя „афиши“ и „программы“ о зрѣлищахъ и увеселеніяхъ, какъ въ Императорскихъ, такъ и въ частныхъ театрахъ, клубъ, садахъ и проч., на что другая газета не имѣетъ права.

Стремленіе издателя сосредоточено на одной цѣли, чтобы „Русская Газета“ удовлетворяла самымъ разнообразнымъ требованіямъ публики. Благодаря живому участію, которое придаютъ въ изданіи газеты извѣстныя силы русской прессы, редакція убѣждена, что „Русская Газета“ вполнѣ отвѣчаетъ требованіямъ минуты и имѣетъ въ глазахъ своихъ читателей значеніе органа, не мудрствующаго лукаво, безъ предвзятыхъ мѣтъ общающаго событія и случая изъ вседневной общественной жизни. Издатели „Русской Газеты“ не пожелаютъ никакихъ средствъ для того, чтобы столбцы ихъ изданія были живымъ выраженіемъ злобы дня и духа времени. Всѣ проваженія въ редакционной и разнообразной жизни русскаго общества, какъ въ столицахъ, такъ и въ провинціальной глушѣ, будутъ передаваться съ фотографическою вѣрностію.

Полнота и свѣжесть извѣстій поставлена на первомъ планѣ.

Имѣя въ виду массу читающей публики, редакція стремится въ тому, чтобы изданіе „Русской Газеты“ было для всѣхъ одинаково интересно и занимательно по всѣмъ вопросамъ политической, экономической и общественной жизни, не оставляла также безъ вниманія выдающихся явленій изъ ученаго и художественнаго міра, дѣлая въ то же время самое широкое мѣсто для литературныхъ произведеній: романовъ, повѣстей, разсказовъ, очерковъ, сценъ, стихотвореній и проч.

Издавая въ жизненные вопросы всѣхъ слоевъ русскаго общества, мы, конечно не оставили безъ вниманія нужды и интересы, общественную и частную жизнь нашего духовенства и причинъ, которыя служатъ тормозомъ для сближенія его съ остальнымъ обществомъ и для улучшенія его матеріальнаго положенія.

Мы отведемъ въ „Русской Газетѣ“ приличное мѣсто и для обсужденія тѣхъ вопросовъ, которые могутъ интересовать военное сословіе.

Имѣя въ виду не одну „интеллигенцію“, но вообще массу читающей публики, мы будъ мы стремиться къ тому, чтобы каждая статья въ „Русской Газетѣ“ была написана живо, легко, занимательно и общепонятно. По всѣмъ вопросамъ политической, экономической, общественной, ученой, литературной и художественной жизни, мы будемъ говорить простымъ языкомъ.

Отличительной чертой нашего изданія — животрепетный интересъ минуты и быстрое всестороннее ознакомленіе публики со всѣми явленіями въ нашемъ обществѣ.

Страницы нашего изданія открыты для всякаго стороння о сообщенія.

Редакція проситъ корреспондентовъ и репортеровъ сообщать о всякомъ правдивомъ явленіи въ общественной и частной жизни. Сообщенія могутъ быть вполнѣ увѣрены, что фамилія его сохранится въ глубокой невѣзвѣстности, если только онъ этого пожелаетъ.

„РУССКАЯ ГАЗЕТА“ БУДЕТЪ МЕЖДУ ПРОЧИМЪ СОДЕРЖАТЬ:

- I. Правительственныя распоряженія и постановленія. Отчеты административныхъ мѣстъ и лицъ. Свѣдѣнія о пребываніи Высочайшихъ особъ.
- II. Политика. Обзорные иностранной и политической жизни. Статьи по разнымъ государственнымъ, политико-экономическимъ и общественнымъ вопросамъ.
- III. Литература. Романы, повѣсти разсказы, очерки, сцены, стихотворенія — оригинальныя и переводныя. Путешествія. Фельетоны. Журналы и газеты. Биографія.
- IV. Театръ и музыка. Разборъ пьесъ. Оцѣнка игры артистовъ на столичныхъ и провинціальныхъ театрахъ, собраніяхъ, вечерахъ и проч.
- V. Россія. Явленія въ общественной и частной жизни. Промышленія въ Россіи. Корреспонденція. Вѣсти изъ провинціи. Случаи, слухи и курьезы.
- VI. Исторія и статистика. Историческія и географическія очерки
- VII. Наука. Изобрѣтенія, открытія и искусства по всѣмъ отраслямъ знаній за границей и въ Россіи.
- VIII. Хозяйство. Народное, домашнее, военное, церковное. Городское и сельское благоустройство. Санитарныя и гигиеническія нужды.
- IX. Биржа и капиталъ. Денежный рынокъ. Заграничная и внутренняя биржевая хроника. Дѣятельность банковъ, акціонерныхъ обществъ и другихъ учрежденій. Акцізы.
- X. Торговля и промыслы. Товарный рынокъ и торговая хроника. Фабричное, заводское и ремесленное дѣло. Кустарная промышленность.
- XI. Судъ. Процессы въ коммерческихъ судахъ, въ общихъ и мировыхъ судебныхъ учрежденіяхъ.
- XII. Свѣдѣнія: желѣзнодорожныя, судебныя, почтовыя и другія. Телеграммы.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

Безъ доставки:		Съ доставкою или пересылкою:	
На годъ	6 р. 50 к.	На годъ	8 р. — к.
„ 1/2 года	3 „ 50 „	„ 1/2 года	4 „ 25 „
„ 3 мѣсяца	2 „ — „	„ 3 мѣсяца	2 „ 50 „
„ 1 мѣсяца	1 „ — „	„ 1 мѣсяца	1 „ 15 „

Подписка принимается въ Москвѣ:

Въ конторѣ изданія „Русской Газеты“. Типографія Императорскихъ Московскихъ театровъ, у Зоологическаго сада, д. И. И. Смирнова; въ книжномъ магазинѣ И. И. Смирнова, на углу Охотнаго ряда и Моховой улицы, д. Корзинкина

Въ конторѣ редакціи: Никитская, противъ Никитскаго монастыря, д. князей Вадбольскихъ и у всѣхъ извѣстныхъ книгопродавцевъ. Въ центральную конторѣ объявленій для всѣхъ европейскихъ газетъ (Л. Метцль) принимается подписка на „Русскую Газету“ съ разсрочной платема помѣсячно.

Въ С.-Петербургѣ: въ отдѣленіи конторы „Русской Газеты“, при книжномъ магазинѣ Карбасникова и у другихъ извѣстныхъ книгопродавцевъ.

Иногородныхъ просятъ исключительно обращаться въ контору изданія „Русской Газеты“: Москва, типографія императорскихъ театровъ, у Зоологическаго сада д. И. И. Смирнова. Ц. № 1093 2—2

СЪ НОВАГО 1881 Г. БУДЕТЪ ВЫХОДИТЬ ВЪ ПЕТЕРБУРГѢ 5 РАЗЪ ВЪ НЕДѢЛЮ:

НОВАЯ ГАЗЕТА

УЛЕЙ

ГАЗЕТА ГАЗЕТЪ

безъ предварительной цензуры.

ЗАДАЧА ГАЗЕТЫ „УЛЕЙ“. Не всякій имѣетъ возможность прочитывать множество отечественныхъ и иностранныхъ газетъ и журналовъ и не всякій въ состояніи приобрести ихъ, а большинство читателей нынѣ уже не довольствуется чтеніемъ одного какаго либо органа, желая знать все что пишется и обсуждается въ другихъ периодическихъ изданіяхъ.

Въ виду этихъ соображеній редакція „УЛЕЙ“ или „Газеты Газетъ“, поставила себѣ задачею: 1) сохранить у читателя время, набавляя его отъ чтенія громадной массы периодическихъ изданій; 2) собрать у него деньги на приобретение ихъ, и съ этою цѣлью передавать ему все замѣчательное, любопытное и достойное вниманія въ газетахъ.

Выражаясь фигурально, газета „УЛЕЙ“ послужитъ зеркаломъ современной журналистики и вообще литературы и въ особенности будетъ полезна тѣмъ, кому дорого время.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА.

На годъ, безъ доставки 8 р.	съ достав. и перес. 9 р
„ полгода „	4 „ „ 5 „
„ три мѣсяца „	2 „ „ 3 „

Подписка принимается въ С.-Петербургѣ въ конторѣ редакціи „УЛЕЙ“, въ Поварскомъ Переулкѣ, д. № 10, лѣ. № 3 и въ книжномъ магазинѣ Н. Мартынова, на Невскомъ проспектѣ, противъ Гостиннаго двора, № 46.

Для ознакомленія публики съ системою изданія газеты „УЛЕЙ“ на-дняхъ будетъ выпущенъ пробный номеръ, который всякій можетъ получить безъ затѣя, доставивъ въ редакцію свой адресъ. № 1109 2—1

Редакторъ-издатель Ар. Звальдъ.

„ЦЕРКОВНО-ОБЩЕСТВЕННЫЙ ВѢСТНИКЪ“

ГОДЪ VIII. въ 1881 году ГОДЪ VIII.

будетъ издаваться на тѣхъ же основаніяхъ, какъ и въ предыдущіи семь лѣтъ своего существованія, т. е. будетъ заключать въ себѣ отдѣлы церковный, общественный, политическій и библіографическій, и выходить три раза въ недѣлю, безъ предварительной цензуры.

По примѣру прежнихъ лѣтъ годовыя подпискамъ будетъ разослано безплатное приложеніе подъ названіемъ „Календарь для духовенства“ на 1881 годъ. Въ составъ его, между прочими полезными и необходимыми для духовенства свѣдѣніями, войдутъ: 1) утвержденныя Св. Синодъ мѣ правила для нравственной оцѣнки учащихся въ духовныхъ семинаріяхъ и училищахъ; 2) правила о порядкѣ производства содержанія городского и сельскому духовенству; 3) правила введенія формулярныхъ списковъ священнослужителей; 4) правила; опредѣляющія порядокъ выборовъ въ составъ церковно-приходскихъ попечительствъ; 5) полныя постановленія о брахѣ; 6) подробныя свѣдѣнія по церковно-свѣчному дѣлу, и многія другія.

Условія подписки на будущій годъ, съ доставкою и пересылкою, слѣдующія: въ Россіи—на годъ 7 рублей, на полгода 4 рубля; за границей—за годъ 10 рублей.

Подписка принимается: Въ С.-Петербургѣ, въ Редакціи „Церковно-Общественнаго Вѣстника“, въ Троицкомъ переулкѣ, близъ Невскаго проспекта, въ домѣ № 3, кв. 5.

Редакторъ-издатель А. Поповичій № 1096

ОВЪ ИЗДАНІИ ВЪ 1881 ГОДУ ЖУРНАЛА

„Библиотека для чтенія“

(Годъ седьмой)

ПРОГРАММА:

Въ журналѣ помѣщаются исключительно романы, повѣсти и разсказы въ переводѣ съ иностранныхъ языковъ на русскій.

Каждый номеръ журнала будетъ содержать въ себѣ, по возможности, одинъ законченный романъ, или часть его и небольшую повѣсть или разсказъ.

Годовое изданіе состоитъ изъ 12-ти выговъ отъ 20-ти до 30-ти печатныхъ листовъ каждая. Срокъ выхода ежемѣсячный.

Въ концѣ года, подписчикамъ на „Библиотеку для чтенія“ будетъ выдана въ видѣ преміи 13-ая книжка, отъ 30 до 40 печатныхъ листовъ, которая будетъ заключать въ себѣ одинъ, выковъ законченный романъ.

Условія подписки: Въ С.-Петербургѣ и Москвѣ безъ доставки 8 руб. Съ доставкою на домъ въ С.-Петербургѣ . . . 9 — 50 коп. Съ пересылкою иногороднымъ 8 — —

Редакція допускаетъ слѣдующую разсрочку подписныхъ денегъ: при подпискѣ 5 руб. и въ 1-му Мая остальныхъ.

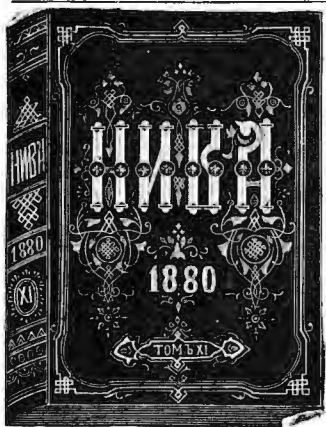
Подписка принимается:

Для городскихъ подписчиковъ:— Въ С.-ПЕТЕРБУРГѢ, въ книжномъ магазинѣ Исакова. Въ МОСКВѢ—при книжныхъ магазинахъ Соловьева и Мамонтова, и въ Центральной Конторѣ объявленій, Петровка, д. Солодовникова, и б. Дмитровка, д. Бучумова.

Гг. иногородные адресуютъ свои требованія непосредственно въ С.-Петербургѣ, въ редакцію журнала Библиотека для чтенія, Шпалерная ул., д. № 82.

Подписывающіеся съ разсрочкой просятъ обращаться: иногородныхъ исключительно въ редакцію, а городскихъ въ СПб. въ книжномъ магазинѣ Бортинскаго, уголъ Троицкаго и Графскаго пер.; въ Москвѣ: въ Центральную Контору Объявленій, Петровка, д. Солодовникова.

№ 1006 На 1880 годъ подписка еще продолжается. Ц. 6—4

КРЫШКИ для переплета „НИВЫ“ изъ лучшаго англійскаго календора съ золот. тиснениемъ за 1880 г. и также на 1881 г. по вышепоказанному образцу 1 р., съ перес. 1 р. 50 к. Каждый простой переплетчикъ легко можетъ переплести „НИВУ“ въ такую колленкоровую крышку.

Также имѣютъ крышки для „НИВЫ“ прежнихъ лѣтъ т. е. отъ 1870—1879 гг. по той же цѣнѣ.

ОТЪ СОЛИТЕРА

и другихъ глгоговъ сѣнальное и скорое лечение въ Гигиенической Лечебницѣ. Петербургъ, Владимирская ул., д. № 15. Лечение возможно и письменно. Тутъ-же лечатся и отъ оспы (лица), заразыльныхъ болѣзней. К. № 961 10—9

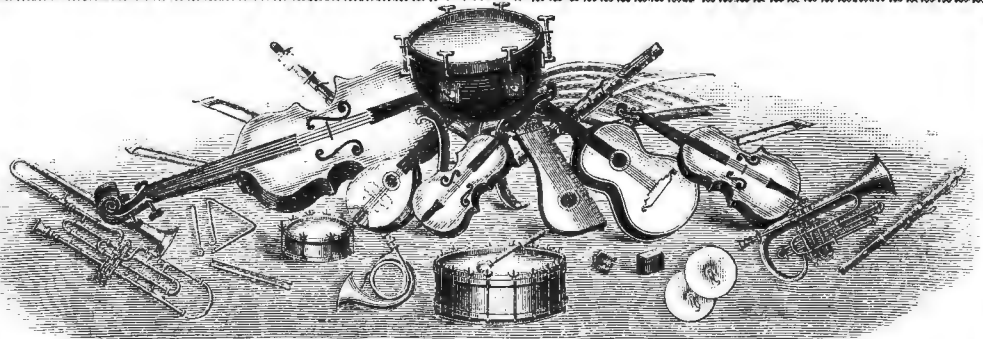
30 уст. кингопр., школамъ и др. учр. о изд. г. Фармакологическаго 79 г. Школ. Дѣтскаго 50 к., книжка для волост. старш. и сел. старостъ 30 к., вн. для волост. судей 15 к., вн. о миров. судѣ 15 к., вн. для зем. гласн. о зем. учрежд. 15 к., Законы о гражд. договор. и обслухъ 77 г.) 1 р. 25 к. Одобр. Уч. К. Мин. Н. Пр. Казань, кн. маг. Алексан. Ильича Овчинникова. № 997. 3—3

МУЗЫКАЛЬНЫЯ НОВОСТИ, ИЗДАННЫЯ П. ЮРГЕНСОНОМЪ ВЪ МОСКВѢ.

Буковцевъ, А. Фортепьянный сборникъ изъ любимыхъ легкихъ пѣсень Вулава, Шумана, Чайковскаго и др. со знаменитыми исполненіями и англійскаго 1 р. *Glinka, М.* Minuetto du Quatuor F-dur à 2 ms par игранный съ гроемъ E. Langer 30 к. мадамъ успихомъ въ Павловскѣ оркестромъ Пугачова.

Головановичъ, Г. Сочиненія для воггетъ à пѣснона. № 1. Cavatine du rage de l'opéra „Les Huguenots“ 40 к. № 2. Air de Tannhäuser. Abendstern. 40 к. № 3. Oiseaux légers 40 к. № 4. Air russe 40 к. № 5. Air de l'opéra „Naika“ 50 к. № 10. Casta diva de l'opéra „Norma“ 50 к. № 11. Valse originale 60 к. № 12. Air de grace de l'opéra „Robert“ 50 к. *Гуно, Фаустъ.* Ария Зибелы „Пр-жде, когда тебѣ“ для Менцо Сопрано ди Баратона, Quando a te lieta 20 к. *Меллеръ И. Э.* Op. 112. „Дѣтя пѣвнствъ“. Собр. легкихъ пѣсень для дѣтей младш. вопр. 1 р. *Рубецъ,* 60 пар. русск. пѣсень. Переложеніе на 3 мѣх. или 3 муж. гол. парт. 1 р., голоса 1 г. 50 к. *Tschalkowsky F.* Op. 36. Symphonie № 4 Partiton 9 р. *Верди Д. Ж.* Анда. Опера въ 4 дѣйств. № 1. Вступленіе 20 к. № 2. Романсъ Рагамеса (Теноръ), „Милая Анда“ 40 к. № 3. Дуэтъ и Трио, „Мой милый другъ, подъ ко мнѣ“. 80 к. № 4. Гимнъ воинамъ. (Хоръ) „Въ берегахъ священнымъ 1 р. № 5. Сцена Анды. (Сопр.) „Возмное слово“ 50 к. № 6. Мокитва и хоъ „Всесильный великій 1 р. № 7. Хоъ женщичъ. „Кто тамъ, кто тамъ съ побѣдой“ 70 к. № 8. Дуэтъ (Сопр. Менцо С.) „Любовь, о „огни любовь“ 1 р. № 9. Побѣднй гимнъ и маршъ „Слава Египту, Израиль“, 1 р. № 10. Романсъ Анды. (Сопр.) „Небо лавное и воздухъ“ 80 к. № 11. Дуэтъ (Сопр. и В.) „Возвратился мы въ край“ 1 р. № 12. Дуэтъ. (Сопр. и Тен.) „Опять съ тобою ангелъ“ 1 р. № 13. Дуэтъ. (Менцо С. и Тен.) „Тамъ собрался всѣхъ жрецы“ 1 р. № 14. Сцена Суда. М.-С. В. и хоръ.) „Умъ, а умрао.“ 1 р. № 15. Дуэтъ. (Сопр. и Тен.) „За чьимъ-мъ не вѣнона“, 1 р. *Wieniawsky, Н.* Op. 4. Polonaise de concert en ré pour Violon avec Piano. 1 р. *Wieniawsky, Н.* Op. 3. Adagio élégiaque pour Violon avec Piano 80 к. *Цыганская пѣсня.* № 45. „Я вѣсь люблю и вы повѣряте“, для Контральто, для Менцо-Сопрано, новое назаніе, до 20 к. П. М. № 1105

При этомъ № прилагаются 5 объявленій для гг. городовъ и иногородн подписч. 1) отъ 1-й російск. паров. фортепьянной фабрики Н. Ш. Шредера въ СПб., для гг. иногор. подписч. 2) отъ нонторы Англійскаго агентства А. Л. Штуммера въ Москвѣ, 3) отъ редакціи „Досугъ и дѣло“ въ СПб. 4) отъ книжн. магазина А. М. Манухина въ Москвѣ, 5) отъ книжн. магазина Н. П. Баркова въ Москвѣ. Последнія два за исключен. Московскихъ подписчи.

ГЛАВНОЕ ДЕПО МУЗЫКАЛЬНЫХЪ ИНСТРУМЕНТОВЪ

Юлія Генриха Циммермана.

С.-Петербургъ, по Большой Морской улицѣ, № 42.

рекомендуетъ вновь полученные изъ самыхъ извѣстѣйшихъ Парижскихъ, Вѣнскихъ и Итальянскихъ фабрикъ по фабричнымъ цѣнамъ:

- Скрипки по 2 1/2 р., 5 р., 8 р., 12 р., 20 р., 30 р., 50 р., 100 р. и дор.
- Смычки для скрипокъ по 50 к., 1 1/4 р., 2 р., 3 р., 6 р., 10 р., и дор.
- Фудлары для скрипокъ по 5 р., 6 р., 10 р., 12 р., 20 р.
- Школы для скрипки (самоучтеъ) по 2 р. 8 р., 4 р. и 5 р.
- Альты по 9 р., 15 р., 30 р., 50 р., и дор.
- Волончелы по 20 р., 30 р., 40 р., 50 р., 80, 100 р. и дор.
- Контрабасы по 45 р., 65 р., 100 р., 120 р.
- Цитры по 14 р., 16 р., 25 р., 35 р., 50 р., 75 р. и дор.
- Школы для цитры по 2 р. и 3 1/2 р.,
- Гитары по 5 р., 7 р., 16 р., 15 р., 20 р., 30 р., 50 р. и дор.
- Школъ для гитаръ (самоучтеъ) по 1 1/2 р., 2 р., 3 р.
- Мандолины по 10 р., 20 р., 30 р., 40 р. и дор.
- Итальянскія струны для всѣхъ инструментовъ.
- Иммертоны, метрономы и всѣ принадлежноти.
- Жѣлѣзные складные пилитры по 2 1/2 р., 5 р., 6 р.
- Шамаши по 12 р., 20 р., 30 р., 40 р. и дор.
- Итальянскіе ручные органы по 150 р., 200 р., 250 р.
- Музыкальные ящики по 2 р., 4 р., 6 р., 10 р., 25 р., 35 р., 50 р., 65 р., 90 р., 100 р. и дор.
- Нѣмецкіе ручныя гармоніи по 4 1/2 р., 5 1/2 р., 7 р., 10 р., 12 р., 15 р., 20 р., 25 р., 30 р., 35 р. и дор.
- Самоучтеъ для гармоніи 1 р., 4 тетради нотъ по 75 к.
- Корнеты-а-пистонъ по 18 р., 25 р., 30 р., 40 р., 60 р., 75 р. и 100 р.
- Школа для корнета-а-пистонъ по 1 1/2 р., 4 р. и 5 р.
- Трубы, альтгорны, теноргорны, бартоны, тромбоны, альтгорны, бассы, сигналы, рожки для охоты, желѣзн. дор. и для горнист.
- Флейты по 3 р., 5 р., 7 р., 10 р., 12 р., 20 р., 30 р., 50 р. и дор.
- Школа для флейты (самоучтеъ) по 1 1/2 р., 3 р.
- Пиколо Флейты по 2 р., 4 р., 6 р., 8 р., 16 р.
- Кларнеты по 6 р., 8 р., 10 р., 15 р., 20 р., 30 р., 50 р., 60 р.
- Школа для кларнета 4 р.
- Флажолеты по 3 р., 5 р., 8 р., 10 р.
- Чаканы по 5 р., 8 р., 10 р., 15 р., 18 р.
- Школа для чакана 2 р. 85 к.
- Барабаны турецкіе барабаны, литавры, бубны, тарелки, трегульнички, бунчукы, востаньеты, металлофоны, окарини.
- Нѣмецкія концертно по 3 р., 5 р., 6 р., 8 р., 10 р., 15 р., 20 р.
- Школа для нѣмецкихъ концертно 75 к., ноты по 40 к. и 1 р.
- Англійскія концертно по 30 р., 38 р., 45 р., 70 р., 100 р., 125 р., 160 и 200 р.
- Школа для англійскаго концертно 3 р.
- Парижскія гармоніи по 40 р., 45 р., 60 р., 75 р., 90 р.
- Фис армоніи извѣстнаго фабриканта Бюссона въ Парижѣ по 90 р., 100 р., 120 р., 150 р., 175 р., 250 р., 400 р.

Заказы изъ провинціи исполняются немедленно и аккуратно. Пересылка на счетъ покупателя. Ч. № 958. Все эти инструменты очень удобны для подарковъ къ рждеству. 3-3

ВНСВЪ ОТКРЫТЫЙ ГЛАВНЫЙ СКЛАДЪ

ИЗДѢЛІЙ

ТОВАРИЩЕСТВА РОССІЙСКО-АМЕРИКАНСКОЙ РЕЗИНОВОЙ МАНОФАКТУРЫ

А. ЭЛУХЕНЪ,

№ 1. Невскій просп., на уг. Адмиралтейск. площ., рядомъ съ магазиномъ Дацаро. № 1.

НОВОСТЬ ЗАЩИТА ОТЪ ПРОСТУДЫ

Предохранительныя фуфайки, панталоны, подтяжки и нагрудники для господъ военныхъ и статскихъ.

Заказы исполняются въ самомъ скорѣйшемъ времени по умѣреннымъ цѣнамъ.

По требованію гг. иногородныхъ высылаются немедленно по почтѣ

К. № 1126

ЭКОНОМІЯ 90 КОП. СЪ РУБЛЯ

отъ домашняго приготолвенія шипучихъ водъ

СЕЛЬТЕРСКОЙ, ФРУКТОВЫХЪ и ЛИМОНАДОВЪ,

посредствомъ аппаратовъ и порошковъ продающихся съ подробнымъ для употребленія наставленіемъ у

Р. КӨЛЕРЪ и Ко въ МОСКВѢ, на Никольской.

Аппараты эти особенно удобны тѣмъ, что изъ нихъ можно отливать любое, и самое малое количество воды, безъ вреда для остатка.

Цѣны аппаратамъ въ 3, 6, 9 и въ 15 стакановъ: 5, 6, 7 и 10 руб.; а съ укладкою для пересылки по почтѣ 5 1/2, 6 р. 60 к., 7 3/4 и 11 р.; вѣсь же ихъ съ укладкою: 13, 17, 18, 20 фунтовъ. Цѣны порошковъ съ 10-ю зарядами, каждый на 3, 6, 9 и 15 стакановъ: 55, 80, 115 и 160 коп.; съ укладкою 70, 100, 120 и 180 коп.; вѣсь съ упаковкою 1/4 фунт., 1, 2 и 3 фунта.

XI годъ
№ 52

годъ XI
1880

ПОЛИТИКИ И СОВРЕМЕННОЙ ЖИЗНИ.

ВЫХОДИТЬ ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫМИ №№ ВЪ ДВА ЛИСТА СЪ 6—10 РИС. И ЕЖЕМЪСЯЧ. ДАРОВЫМЪ ПРИЛОЖЕНІЕМЪ „ПАРИЖСКИХЪ МОДЪ“ (отъ 20 до 40 модн. рис. Видать 27 Декабря 1880 г. и ЛИСТА ЧЕРТЕЖ. ВЫКРОЕКЪ (отъ 22 до 30 рис.) разн. рис. умод. работъ (отъ 20 до 40 рис.) Цѣна вѣлаго № „Нивы“ 15 к. съ перес. 20 к.

Открыта подписка на 1881 годъ.

Подписная цѣна на годовое изданіе „НИВЫ“.

Безъ доставки 4 р. | Съ доставкою 5 р. | Безъ доставки въ Москвѣ чрезъ кн. магаз. гг. Шапошникова, Соловьева, Лангъ, Деятинина и Живарева. 5 р. | Съ пересылкою въ Москву и др. города Россіи . . . 6 р. | За границу . . . 8 р.

Просимъ гг. ИНОГОРОДНЫХЪ подписчиковъ НЕ ЗАМЕДЛИТЬ ВОЗОВНОВЛЕНІЕМЪ подписки, такъ какъ, при общемъ числѣ 55.000 подписчиковъ, приготовленіе ПЕЧАТНЫХЪ АДРЕСОВЪ требуетъ много времени.

Подписка на 1880 г. продолжается. Подписавшійся получаетъ журналъ съ перваго номера со всѣми преміями.

КОНТОРА ЖУРНАЛА „НИВА“ ПОМѢЩАЕТСЯ ВЪ С.-П.-БУРГѢ НА Б. МОРСКОЙ, ВЪ Д. № 9.

Искушеніе.

(Къ рисунку Зондер-ланда).

Всѣ ушли. Дѣвочка осталась одна въ комнатѣ. Она подошла къ оставленному столу. Что за заманчивыя вещи стоятъ тутъ: пирожное, плоды, вина... Взять, или не взять? Съ одной стороны пирожное такъ аппетитно смотритъ, съ другой — запретъ мамашы: „никогда ничего не трогать безъ позволенія.“ И вотъ, быть можетъ, первый разъ въ жизни, въ ребенкѣ совершается борьба, — два голоса — добрый и злой — напентываютъ ей свои рѣчи, и она колеблется, не склоняясь ни на ту, ни на другую сторону.

Сколько разъ впоследствии, въ жизни, будетъ ее одолевать такая же борьба, такое же искушеніе, можетъ быть во много разъ сильнѣйшее, съ которымъ бороться будетъ куда труднѣе, чѣмъ теперь... На чьей же сторонѣ будетъ побѣда? На это трудно отвѣтить, это отъ многого зависитъ, и больше всего отъ родителей ребенка, — какое воспитаніе и направленіе они даютъ ему... Но теперь у нашей дѣвочки такія еще маленькія искушенія. Пирогъ! О, этотъ пирогъ. Любимый слоникъ брошенъ на полу забытыя игры и глазки дѣвочки задумчиво устремлены на столъ... Неужели же нельзя хоть маленькій кусочекъ? Это такъ заманчиво...

На Емк. Испушеніе. Рисунокъ Зондерланда, грав. Клячъ.

Библиотека "Руниверс"

ЖУВШИНЧИКЪ.

Рождественская фантазія

Н. Морского.

Когда Еничка, одѣтый въ праздничную куртку, вошелъ въ залъ,—онъ положительно витаращилъ отъ изумленія глаза. Вся комната буквально была усѣяна прелестными розами, розами, покрывающими потолокъ и стѣны, обвивающими окна, зеркала и люстры. Въ серебряныхъ, безъ позолоты, канделябрахъ и подсвѣчникахъ горѣли розовыя восковыя свѣчи, лампы прикрывались розовыми абажурами и шарами—и въ добавленіе всѣхъ эффектовъ—къ Еничкѣ обѣжала на встрѣчу хозяйка этого очаровательнаго жилища, круглолицая Людмила, одѣтая въ роскошное розовое платье. Въ ухахъ Людмилы дрожали крупныя брилліанты; въ темнорусой косѣ трепетала, сдѣланная изъ розовыхъ яхонтовъ и алмазовъ, бабочка; съ декольтированнаго корсажа сбѣгали волны розоваго крепа, падающаго струистымъ каскадомъ на тяжелый шелковый трэнъ. Людмила на ходу развѣтывала своими маленькими ручками, одѣтыми въ длинныя до самаго локтя перчатки, розовую бархатную, съ серебряными застежками, книжечку и чертила въ ней что-то посредствомъ самаго мѣншіяго карандашика. Подбѣжавъ къ Еничкѣ и, привѣтливо улыбаясь, она торопилась ему сообщить:

— Представьте мою разсѣянность,—я не вычеркнула до сихъ поръ цѣлыхъ три дня.

И, не давъ сказать что-либо гостю, слѣшила освѣдниться:

— А вы не забывали?

Она смотрѣла на Еничку своими круглыми, небесно-голубыми глазами, перевертывая маленькими пальчиками листики записной книжки. Всегда легкомысленная, Людмила предложила по обыкновенію нелѣпый вопросъ. Конечно, онъ не забывалъ: вотъ еще!.. Будь у него такая книжечка, онъ только-бы и зналъ, что заглядывалъ въ нее... Онъ и безъ всякой подобной книжечки аккуратно вычеркивалъ каждый остающійся до Рождества день; иногда изъ удовольствія разомъ сдѣлаетъ много крестиковъ—умышленно не заглядывалъ въ листокъ,—изъ удорольствія, а ужъ никакъ не по разсѣянности. Съ степенной важностью, начавшаго посѣщать школу, мальчика, Еничка отвѣтилъ на вопросъ Людмилы:

— Конечно, я помнилъ.

Легкомысленная Людмила не остановилась долѣе на этомъ предметѣ. Спрятавъ книжечку въ карманъ и развернувъ розовое шелковое опахало, кокетливо обмахиваясь имъ, она торопливо освѣдомлялась:

— Видали звѣздочку?

Не дождавшись отвѣта, Людмила взяла за руку и повела его по убранному розами залу, въ которомъ никого кромѣ ихъ двоихъ не было:

— Отъ меня звѣздочку видно превосходно.

Людмила остановилась передъ задернутымъ шелковыми гардинами окномъ, поставивъ Еничку посерединѣ и вдругъ распахнула обѣ половинки занавѣси.

Взглядамъ Енички представилось огромное окно, съ нарисованными на немъ извнѣ рисунками мороза, блестящими не хуже алмазовъ, окно, черезъ которое виднѣлось усѣянное, ярко дрожащими синеватымъ, зеленымъ и красноватымъ свѣтомъ, звѣздами, небо... Какъ-бы окруженная роємъ мелкихъ звѣздочекъ, на этомъ темномъ небѣ сіяла вротквѣмъ бѣлымъ свѣтомъ одна звѣзда, прервосходящая размѣрами всѣ остальные. Людмила указала на нее Еничкѣ:

— Неправда-ли, какъ хорошо?

При этомъ Людмила сдѣлалась серьезнѣе и какъ-бы задумчивѣе, перестала неустанно болтать своимъ языкомъ и поясняла Еничкѣ съ нѣкоторою солидностью:

— Это—Христова звѣздочка. Знаете, когда она появляется,—всѣ дѣти на землѣ—и хорошія, и дурныя, становятся одинаково добрыми и видятъ прелестныя сны.

Оба,—Людмила и Еничка стояли въ какомъ-то радостномъ умиленіи, смотря на звѣздочку, которую Еничка видѣлъ и у себя дома, но которая изъ окна его спальни казалась не на столько прелестною, насколько отсюда, изъ зала Людмилы. Легкомысліе вернулось къ Людмилѣ и она, выпустивъ изъ ручекъ занавѣси,—неожиданно для Енички, закрыла передъ нимъ прелестную звѣзду и громко разсмѣялась. Еничка медленно повернулся на каблучкахъ и столкнулся лицомъ къ лицу съ однимъ чрезвычайно страннымъ существомъ.

Гдѣ-то онъ видалъ этого милаго мальчика, но гдѣ именно—никакъ не могъ припомнить. То былъ низенькій, и толстый бутузъ, розовый и смѣющійся, чистый амурчикъ, одѣтый маркизомъ, въ розовомъ шелковомъ, вышитомъ серебромъ, кафтанѣ, въ бѣлыхъ атласныхъ панталонахъ и жилетѣ, въ кружевномъ жабо и манжеткахъ. Заложивъ руки за спину, Еничка съ интересомъ разсматривалъ этого крохотнаго маркиза, который и говорить-то, повидимому, еще не особенно хорошо умѣлъ, а все только смѣялся, вертясь и что-то лепеча своимъ маленькимъ языкомъ. Съ трудомъ Еничка разобралъ смѣющагося крошку:

— Хотите—я сдѣлаю фокусъ?

Еничка посмотрѣлъ съ нѣкоторою важностью на мальчугана и снисходительно соблаговолилъ:

— Сдѣлайте, пожалуйста.

Тогда мальчуганъ, не безъ граціи подвинулъ Еничкѣ стулъ, пригласая присѣсть. Какъ учтивый кавалеръ, Еничка хотѣлъ было уступить свое мѣсто дамѣ, но, оглянувшись, не увидѣлъ около себя Людмилы, какъ-то незамѣтно для него исчезнувшей. Тогда онъ сѣлъ съ важностью и повернулъ свое личико къ мальчугану. Въ рукахъ этого послѣдняго виднѣлась нитка, на которой былъ надѣтъ красный деревянный шарикъ. Мальчуганъ показалъ Еничкѣ на шарикъ.

— Изъ одного—хотите, сдѣлаю—три.

И не дождавшись отвѣта, взявъ нить посерединѣ такъ, что красный шарикъ очутился у него подъ руками, затѣмъ раздвинулъ ручки вдоль по нити, въ открывшейся серединѣ которой теперь прыгало цѣлыхъ три шарика: красный, зеленый и желтый. Это просто удивительно!.. Мальчуганъ отбросилъ нить и поднесъ къ самому носу Енички маленькую черную коробочку, открывъ крышку:

— Посмотрите.

Еничка заглянулъ съ чрезвычайномъ любопытствомъ въ коробочку, въ которой ровно ничего не оказалось.

— Смотрите: я положу туда гривенникъ.

Мальчуганъ на глазахъ Енички опустилъ на дно гривенникъ, закрылъ крышку, перевернулъ два раза коробочку и снова открывъ ее, показалъ Еничкѣ.

Непостижимо! гривенника въ коробочкѣ не было. Еничка изумленно смотрѣлъ на маленькаго фокусника, который положительно былъ мало того, что фокусникъ, но даже волшебникъ. Онъ махнулъ шапочкой на право, и изъ дверей сосѣдней комнаты потянулась цѣлая несмѣтная рать пѣшихъ и конныхъ деревянныхъ солдатиковъ, впереди которыхъ шли музыканты, а солдатами командовали генералы и разныя офицеры; махнулъ на лѣво—и погоня вороныхъ и сѣрыхъ лошадей, выбѣжали разноцвѣтные полишинели, за которыми шелъ бѣлый паяцъ, разставляя всѣ принадлежности кукольной комедіи. Весь розовый салонъ покрывался игрушками, пре-

вратился въ громадную игрушечную лавку. Еничка сидѣлъ пораженный всѣмъ этимъ, не будучи въ силахъ произнести ни слова. Вдругъ въ это самое время двери салона стремительно распахнулись и въ нихъ вбѣжала переодѣвшаяся во все бѣлое Людмила, толкая попадающихъ ей на встрѣчу солдатиковъ, отгоняя лошадей и крича:

— Кувшинчикъ, господа, кувшинчикъ! Идите встрѣчать кувшинчикъ!

Всѣ засуетились. Трахнули барабаны, генералы и офицеры скомаандовали солдатикамъ и полки, при звукахъ торжественнаго марша двинулись по направленію къ дверямъ, черезъ которыя только что вбѣжала Людмила. Полишинели и паяцъ съ кукольной комедіей ступевались куда-то. Людмила схватила Еничку за руку.

— Пойдемъ... Скоро двѣнадцать часовъ и кувшинчикъ близко.

Еничка всталъ. Сколко разъ, о сколько разъ онъ стремился посмотрѣть, какъ появляется этотъ таинственный кувшинчикъ,—и все не удавалось. Четыре раза въ годъ послѣ Рождественскаго, Великаго, Петрова и Успенскаго поста прилетаетъ наполненный молокомъ кувшинчикъ, прилетаетъ невидимый, во время сна. На Рождество этотъ кувшинчикъ бѣлый съ серебряными цвѣтами, на Пасху—красный съ золотыми, въ Петровъ день—голубой съ незабудками, и на Успенье—зеленый, съ нарисованнымъ на немъ виноградомъ. Сколько лѣтъ ложась въ постель, накануне одного изъ поименованныхъ дней, слушая не знаю въ который разъ повѣствованіе о таинственномъ кувшинчикѣ, Еничка употреблялъ неимоверныя усилія, чтобы не заснуть, но помимо собственнаго желанія и воли впадалъ въ крѣпкій сонъ, утромъ досадуя, что кувшинчикъ уже прилеталъ, наполняя разные сливочки и горшечки молокомъ и затѣмъ отлегая въ другой домъ. Кто видѣлъ этотъ кувшинчикъ? Тотъ видѣлъ, этотъ видѣлъ, а Еничка до сихъ поръ никогда не видалъ.

И вдругъ!.. Схвативъ Людмилу за ручку, Еничка побѣжалъ съ нею черезъ розовый салонъ, направляясь къ слѣдующей комнатѣ. Оба прошли голубую комнату, наполненную незабудками, освѣщенную лампами съ голубыми абажурами, тонущую въ какой-то лазурной синевѣ,—прошли зеленую комнату, гдѣ виноградныя лозы, пока еще безъ гроздій,—обвивали зеркала и стѣны, гдѣ горѣли зеленыя свѣчи и лампы съ зелеными шарами. Всѣ

эти комнаты были безлюдны, но подходя къ дверямъ бѣлаго зала—Еничка и Людмила услышали смѣшанный гулъ голосовъ, видимо многочисленной публики. У входныхъ дверей стояло два маленькихъ мальчика, одѣтыхъ въ костюмы пажей, сдѣланные изъ бѣлаго атласа, два мальчика красивыхъ какъ херувимы. При приближеніи Енички и Людмилы—пажики распахнули передъ ними двери.

Еничка невольно отступилъ шагъ назадъ, пораженный представившеюся ему картиной. Громадный бѣлый залъ былъ освѣщенъ серебряными огнями, точно звѣздочками, снятыми съ небесъ. Массы бѣлыхъ розъ высились горами, изъ которыхъ одна прямо противъ входныхъ дверей уходила въ высоту, теряясь въ какой-то безпредѣльной дали. У подошвы этой горы собралось множество народу, преимущественно одѣтыхъ въ бѣлое женскія и дѣтскія. Всѣ со свѣтлыми лицами ожидали наступленія праздника и появленія ровно въ двѣнадцать часовъ таинственнаго кувшинчика. Людмила кланялась почти со всѣми, сообщая въ то же время своему спутнику.

— Тутъ много бѣдныхъ матерей, которыхъ дѣти не видятъ по цѣлымъ годамъ молока...

Еничка любопытствовалъ:

— И кувшинчикъ имъ дастъ?

— Непремѣнно,—отвѣтила съ важностью Людмила.

И потомъ прибавила:

— Станемъ тутъ въ сторонкѣ. Всѣмъ будетъ видно отлично.

Часы начали медленнымъ, серебристымъ боемъ бить двѣнадцать; всѣ стоящіе около горы смолкли, ожидая торжественной минуты появленія кувшинчика. Съ послѣднимъ ударомъ гора бѣлыхъ розъ заволновалась и въ ней открылся сплетенный изъ цвѣтовъ гротъ. Освѣщенная мягкимъ серебристымъ свѣтомъ, въ гротѣ стояла, одѣтая въ бѣлое легкое платье, съ пепельными волосами, съ небесной улыбкой на лицѣ женщина, съ молочно-бѣлымъ кувшиномъ въ нѣжныхъ рукахъ...

Еничка открылъ глаза. Яркое солнце свѣтило черезъ разрисованныя морозомъ окна и играло на оклеенныхъ голубыми обоями стѣнахъ. Дрова трещали въ печѣ. Старческое лицо няни склонилось надъ мальчикомъ.

— Проспали, батюшка, кувшинчикъ-то, проспали!.. До будущаго года ужъ не увидите!..

Сочельникъ.

Святочный рассказъ Л—вой.

Какое оживленіе на Петербургскихъ улицахъ въ Сочельникъ 24 Декабря! Пѣшеходы и экипажи снуютъ туда и сюда, всѣ съ заботой купить что нужно и чего не нужно, чтобы порадовать кого нибудь изъ друзей или родныхъ, и весело встрѣтить великій день Рождества Христова.

Всѣ лавки, начиная съ зеленой и мясной, и кончая великолѣпными магазинами, наполнены народомъ. Тамъ, смотришь, несутъ елку большую, тамъ маленькую, но онѣ равно обрадуютъ тѣхъ кому назначены. Тутъ несутъ корзинки съ фруктами и провизією, а здѣсь игрушки. Дамы озабоченно снуютъ по лавкамъ съ разными свертками въ рукахъ, и каждая думаетъ чѣмъ бы ей порадовать своихъ дорогихъ дѣтوکъ.

Веселый день, счастливый день! И погода, какъ нарочно, выдалась чудесная: морозъ градуся три—четыре, солнце свѣтитъ ярко, небо ясное, блѣдно голубое, а вечеромъ сквозь легкія бѣлыя облачка, словно сквозозъ дымку, смотреть молодой мѣсяцъ, самъ похожій на серповидное серебряное, легкое облачко, дожидаясь своей очереди ярко заблестѣть на мѣстѣ нылающаго собрата на темномъ небѣ, усыпанномъ звѣздами. Словомъ, славный денекъ! помоги Господь всѣмъ весело встрѣтить праздникъ!

Къ одной изъ лучшихъ кондитерскихъ неслись сани, запряженные парю великолѣпныхъ вороныхъ рысаковъ и остановились у подъѣзда. Изъ саней вышла красная дама среднихъ лѣтъ, въ гранатоваго цвѣта бархатной рогондѣ съ большимъ собольимъ воротникомъ, и стройная бѣлокурая дѣвочка лѣтъ четырнадцати въ темносинемъ бархатномъ костюмѣ. Обѣ онѣ вошли въ кондитерскую, въ которой было много народу, но

еще болѣе разныхъ прекрасныхъ и изящныхъ вещей, разставленныхъ вездѣ—гдѣ только можно было что нибудь поставить. Дама заговорила съ одной изъ продавщицъ, а дѣвочка начала разматривать вещи.

Она смотрѣла на нихъ съ любопытствомъ, но равнодушно. Она не желала ихъ имѣть, потому что стоило ей только захотѣть и она могла получить любую. Жена Ведровская (такъ звали дѣвочку) знала хорошо, что у ея папа есть много, много денегъ и что вечеромъ у нихъ будетъ елка, какихъ мало во всемъ городѣ, что она будетъ веселиться со своими гостями, будетъ одѣта въ новое платье, шитое ей нарочно для этаго вечера у мадамъ Janette, и знала что получитъ много подарковъ и сама подаритъ другимъ.

— Жена поди сюда! позвала ее дама.

Дѣвочка подошла.

— Вотъ посмотри, которая, ты думаешь, изъ этихъ бонбоньерокъ понравится Лиди? спросила дама, показывая на роскошныя бонбоньерки.

Жена взглянула: обѣ были такія красивыя! которую выбрать.—Синюю? Нѣтъ лучше, эту голубую атласную карзиночку съ букетомъ французскихъ цвѣтовъ на крышкѣ. „Она любитъ цвѣты, и голубой цвѣтъ, лучше эту, тетя.“ Хорошо, я и сама такъ думаю, согласилась дама.

Наконецъ все было выбрано и завернуто и Жена съ тетей вышли изъ магазина, и сѣли въ сани, обложенныя свертками прелестныхъ вещей и поѣхали домой. Жена всю дорогу мечтала о вечерѣ, и весело улыбаясь приятнымъ мыслямъ, придуманнымъ ей въ голову, такъ что когда онѣ подъѣхали къ крыль-

На Елну. Катанье съ горы. Рис. В. Шпагъ. грав. Шюблеръ.

На Елку. Украшеііе Елм. Рмсов. В. Шмажъ, грав. Флюгель.

пу красиваго дома, она рѣзво выскочила изъ саней и побѣжала вверхъ по лѣстницѣ въ свою комнату,

Въ этой комнатѣ, нарядной и изящной какъ игрушка, заключалось все, что только могло придумать прихотливое воображеніе; Жена раздѣлась, разбросала всѣ свои вещи, которыя принялась убирать горничная; надѣла капоть изъ дорогой перстяной матеріи, убранный бархатомъ и вышивкою, и побѣжала въ комнату своей названной сестры Гали, воспитанницы покойной матерн Жени, рассказать про свои покупки. Комната Гали хотя тоже очень миленькая, далеко не такъ нарядна, какъ Женина.

Сама Галя была ужъ давно больна и лежала въ постели; ширмы, стоявшіе обыкновенно передъ кроватю были сдвинуты, чтобы Галѣ было свѣтлѣе читать: единственное удовольствіе, которымъ она могла пользоваться взаимѣнъ другихъ развлеченій.

Въ ту минуту когда Жена вошла въ комнату, Галя лежала высоко на подушкѣ, сложивъ свои бѣлыя, исхудавшія руки на одѣялѣ; а густая, черная коса лежала у нея на плечѣ и большіе темные глаза пристально смотрѣли на противоположную стѣну. Галя была года на два старше Жени, и очень хороша собою; но теперь личико ея было блѣдно изнурено и не весело и не дышало довольствомъ и здоровьемъ, такъ ярко освѣщавшими лицо Жени.

— Ну, какъ ты себя чувствуешь, Галя? спросила Жена, входя.

— Благодарю, такъ же какъ было. А ты хорошо покаталась съ тетей? сказала Галя съ оживленіемъ. Она рада была видѣть Женю.

— Да отлично—и Жена сѣла въ ноги Галиной постели начала рассказывать что поутру купили. „Ахъ Галя, какъ будетъ весело вечеромъ! закончила она съ радостной улыбкой.

— Да, я думаю; отвѣтила Галя, стараясь говорить веселѣе. — Какъ жаль, что ты не можешь сегодня танцовать. Но ты ужъ не очень скучай, Галя, я привезла новыя книги, ты ихъ считаешь, а потомъ я пришлю тебѣ самыя лучшія вещи, изъ тѣхъ что будутъ на елкѣ.

„Спасибо тебѣ, ты добрая, Жена, сказала тихо Галя, взявъ ее за руку.

На минуту лице Жени приняло серьезное выраженіе и она нагнувшись поцѣловала Галю; но это было только на минуту—и за тѣмъ она продолжала болтать обо всякихъ пустякахъ такъ же весело какъ и прежде, пока не вошла въ комнату горничная и не сказала: барышня, васъ Вѣра Васильевна просятъ къ себѣ.

— Сейчасъ иду! и Жена убѣжала общаясь скоро опять придти—а Галя осталась одна.

Не веселая была ея исторія. Она была дочь Жениной кормилицы, которую Женина мать очень любила, когда мать Гали умерла и она осталась сиротою, то Евгения Васильевна, мать Жени, взяла Галю къ себѣ и воспитывала ее совершенно наравнѣ со своею дочерью. Галя, бывшая въ то время только пятилѣтнею дѣвочкой, скоро привязалась къ своей новой мамѣ и сестрѣ, и хорошо платила Евгении Васильевнѣ за всѣ ея заботы своимъ веселымъ и ровнымъ характеромъ и рѣдкимъ прилежаніемъ. Особенно въ ней оказалась большая способность и любовь къ музыкѣ. Ея, еще дѣтскій, голосъ приводилъ всѣхъ въ восторгъ, и ея импровизаціи по слуху удивляли даже учителей. Евгения Васильевна радовалась на свою воспитанницу и дѣлала все возможное для ея образованія, какъ вдругъ года два назадъ, сама простудилась при развѣздѣ послѣ бала, схватила тифъ и умерла.

Жена, конечно, очень горевала объ своей мамѣ, но Галя со смертью своей доброй благодѣтельницы очень много потеряла. Мѣсто хозяйки въ домѣ заступила сестра Евгении Васильевны Вѣра Васильевна, гордая, сухая женщина. Она всегда и прежде смотрѣла съ недоброежелательствомъ на Галю, и теперь начала ее даже какъ бы преслѣдовать. Она говорила, что Галя должна всегда помнить благодѣніе оказанное ей Ведровскими, что она все таки не можетъ же стоять на равной ногѣ съ Женей—заставляла ее больше учиться, намекая, что ей придется самой зарабатывать хлѣбъ, и заставляла Галю играть на всѣхъ вечерахъ и концертахъ, бывавшихъ у многочисленныхъ знакомыхъ Ведровскихъ.

Галя сильно страдала отъ всего этого; но она скрывала свои чувства и Вѣра Васильевна рѣшила, что Галя какая то безчувственная дѣвочка и что на нее ничего не дѣйствуетъ.

Галя, между тѣмъ, молча покорялась этому давленію, хотя видно было по рѣшительно сжатымъ губкамъ и серьезной складкѣ между бровями, что ей эта покорность не давалась легко.

Скоро вслѣдствіе особенности ея положенія, характеръ дѣвочки сталъ еще болѣе скрытнымъ она худѣла, блѣднѣла, все рѣже и рѣже слышалась ея звонкій голосъ и веселый смѣхъ—она почти перестала принимать участіе въ удовольствіяхъ лежала иногда ночь на пролетъ не смыкая глазъ, но не плакала а тосковала страшно и вспоминала о жизни, которою наслаждалась ранѣе.

Музыка тоже не стала доставлять ей прежней отрады. Импровизаціи были ей строго запрещены а между тѣмъ какіе

звуки все слышались Галѣ! Она часто слышала ихъ, упивалась ими во снѣ—и вздрогнувъ, просыпалась, но звуки умолкали и она, не могла уловить ихъ... И опять кругомъ тишина, темнота... Звуки эти райскіе, чудные—преслѣдовали ее днемъ—во время уроковъ музыки она ошибалась, путалась, учитель сердился... Послѣ одного вечера, когда она и Жена возвращались домой въ открытомъ экипажѣ, Галя простудилась и слегла. Богѣзна ея не казалась опасною, Галя кашляла, иногда у ней болѣла голова, то начиналась лихорадочное состояніе, то проявлялся какой то упадокъ силъ. Однако дѣвушка не горевала о томъ, что больна. Ее оставляли въ покоѣ. А по ночамъ ее все пощипали тѣ же чудесные звуки, и Галѣ казалось, что это было лучше всего, что она до тѣхъ поръ слышала, и что съ каждою ночью звуки становились все яснѣе и лучше... Засыпая вечеромъ Галя ждала съ нетерпѣніемъ когда они раздадутся ей—казалось что это не звуки а что это какіе то друзья, которые являются навѣщать ее въ ея одиночествѣ; если бы ее спросили на яву или во снѣ слышала она эти звуки—она очень бы затруднилась отвѣтить. Начинало темнѣть. На улицахъ зажгли фонари, въ магазинахъ и комнатахъ свѣчи и лампы. Жена со своимъ отцомъ и теткою сѣла обѣдать и Галѣ тоже прислали обѣдъ въ ея комнату. Когда горничная взяла у нея тарелки и хотѣла уйти, дверь открылась и въ комнату вошелъ высокій господинъ въ очкахъ: это былъ домашній докторъ Ведровскихъ, Евгений Петровичъ, добрый и очень любившій Галю. При видѣ его больная приподнялась, ея лицо немного оживилось и протянувъ руку доктору дѣвочка весело сказала: Здравствуйте! Здравствуйте, здравствуйте моя миленькая Патти! сказалъ Евгений Петровичъ, пожимая руку Гали—онъ часто такъ называлъ ее въ шутку, предрекая ея таланту блестящую будущаость. Ну, какъ вы себя чувствуете?

— Все также, спокойно, отвѣтила дѣвушка.

— А нужно бы получше, сказалъ докторъ, и потомъ распросилъ ее о болѣзни, взглянувъ въ книгу, которая лежала на одѣялѣ. Это вы что читаете? я вамъ тоже хочу рекомендовать одну книгу—очень хорошую, хотите привезу?

— Ахъ пожалуста! отвѣтила Галя.

— Да вотъ еще что: Саша и Лида вамъ кланяются и собираются навѣстить васъ.

— Оан сегодня будутъ на Жениной елкѣ? спросила Галя.

— Да, будутъ. А что я думаю вамъ скучно лежать здѣсь—теперь на праздники?

Галя спокойно улыбнулась.

— Не особенно.

— Тѣмъ лучше, тѣмъ лучше, но все таки вы не горюйте, мы скоро васъ поправимъ и вы опять будете танцовать, играть и пѣть. Ну, прощайте же, я еще долженъ зайти къ Вѣрѣ Васильевнѣ и Женѣ. А вы поправляйтесь проворнѣе, моя умница. Прощайте! И добрый Евгений Петровичъ ушелъ.

— Ну что вы скажете сегодня про Галю? спросила Вѣра Васильевна доктора, когда онъ вошелъ въ столовую.

— Такая же какъ и была, отвѣтилъ задумчиво Евгений Петровичъ. Ну а вы какъ поживаете? обратился онъ къ вошедшей въ комнату Женѣ.

— Очень хорошо докторъ, отвѣтила Жена весело. Саша и Лида придутъ на елку?

— Да, да, придутъ.

— А вы? спросила Жена.

— При всемъ желаніи, не могу.

— Какъ это жаль! Такъ пойдемте теперь, посмотрите елку, и благованная Жена потащила Евгения Петровича съ собою въ залу.

Посреди огромной комнаты уже освѣщенной люстрой и канделябрами, стояла высокая, густая елка, сплошь увѣшанная вещицами, конфетами, фруктами и украшениями, обвитая до верху зажигающею нитью. На стоявшемъ подлѣ столѣ лежала груда свертковъ, перевязанныхъ голубыми и розовыми лентами.

— Ну какъ вамъ нравится моя елка?

— Очень, очень хороша! отвѣтилъ Евгений Петровичъ, пристально смотря ей въ лице и тутъ ему пришло въ голову, какъ не похожа была эта хорошенькая, съ оживленіемъ и весельемъ на лицѣ дѣвочка, на ту, которую онъ оставилъ только нѣсколько минутъ назадъ болъною но спокойною, позабытую но терпѣливую и добрый докторъ вздохнулъ.

— Однако прощайте, мнѣ пора ѣхать. Веселитесь, только смотрите, не кушайте много сладкаго, а особенно мороженнаго послѣ танцевъ.

— Не безпокойтесь, буду осторожна!

Евгений Петровичъ вышелъ въ переднюю, надѣлъ шубу, сѣлъ въ ожидавшіеся его сани и поѣхалъ домой.

— А жаль! подумалъ онъ, закуривая сигару. Славная дѣвушка и какой талант! Можетъ быть она составила бы нашу гордость и славу, а можетъ быть—такъ лучше для нея, я боюсь, что она не очень счастлива.

Между тѣмъ комната Жени уже начала наполняться гостями, дѣвочками и мальчиками.

Всѣ были такъ милы и веселы, всѣ болтали съ хорошенькою хозяйкой—и никто даже не спросилъ объ Галѣ, кромѣ одной

стройной, блѣкучей, молоденькой дѣвушки въ голубомъ платьѣ, и милостиваго черноглаголаго м лчичка. Это были Сапа и Лида—племянникъ и дочка доктора Евгенія Петровича.

— Ей кажется лучше, поспѣшно и беззаботно отвѣтила Женя и обратилась къ другимъ гостямъ.

Но вотъ отворились и двери залы. Музыка грянула и юные гости вошли толпою туда, гдѣ, отражаемая зеркалами и ярко горѣвшая множествомъ своихъ свѣчекъ и украшеній, ждала ихъ елка. Женя начала раздавать подарки, ей тоже дарили, всѣ бѣгали, болтали, восхищались, пока всѣ не слились въ одну пеструю, веселую толпу—но вотъ заиграли вальсъ и пары дѣтей всѣхъ возрастовъ закружились въ залѣ подь эти звуки. Что за веселье! Женя смотритъ сверкающими отъ радости глазками и на елку, и на дорогіе подарки, и на своихъ гостей. Ей весело—она сознаетъ, что она очень мила въ этотъ вечеръ, что всѣ на нее смотрятъ, что даже ея кузень (сфиперъ!) такъ часто танцуетъ съ нею, что мальчики не успѣваютъ ангажировать ее. За то и танцуетъ же она! Какъ легко, стройно и граціозно скользятъ по паркету, выдѣлывая па, ея маленькія ножки въ шелковыхъ чулкахъ и бѣлыхъ атласныхъ сапожкахъ. Женя была не только хозяйкою, но и царицею своего вечера. Ахъ какъ весело, какъ увлекательно весело ей!

Ужъ было очень поздно, когда всѣ сѣли ужинать. Кузень-офицеръ занялъ мѣсто рядомъ съ Женей—и подь шумъ говора, болталъ ей разный веселый вздоръ. Послѣ ужина всѣ начали по немногу раздѣжаться. Кузень Вольдемаръ тоже собрался уходить и на прощанье попросилъ, на память объ ея вечерѣ, цвѣтокъ. Женя смѣясь вырвала изъ букета, припиленного у ней груди, маленькій розанъ и дала ему.

Наконецъ и Женя вернулась въ свою комнату. Она была кокетка, ей было приятно, что за нею ухаживаютъ большіе, она поспѣшно раздѣлась, легла въ постель, мечтала о томъ, какъ 17-ти лѣтъ она побѣдетъ на большой балъ, какъ будетъ тогда за ней ухаживать Вольдемаръ—но мы ее оставимъ мечтать и посмотримъ, что дѣлала одинокая, всѣми забытая въ своей комнатѣ Галя въ этотъ вечеръ. полный для другихъ такого веселья.

Сначала Галя смутно вслушивалась въ отдаленный шумъ танцевъ и музыки, но мало по малу задремала и ей приснился странный чудный сонъ.

Снилось ей, что она будто еще маленькая и лежитъ на травѣ въ какомъ-то чудесномъ саду подь большимъ деревомъ, съ вѣтвями зелеными листьями котораго видно ясное голубое небо, освѣщенное заходящимъ солнцемъ. Галя раскинулась въ травѣ, смотритъ на зарю и ей такъ хорошо, такъ весело, какъ давно, давно не бывало. Вдругъ она видитъ—къ ней идетъ высокая красивая женщина, чье то такое милое, знакомое лицо? Отчего такъ забилось ея сердечко? Это ея, Галя мать. Она подходит, садится подлѣ нея, беретъ ее на руки, ласкаетъ и спрашиваетъ не пора ли ей спать.

— Нѣтъ, отвѣчаетъ дѣвочка, играя блестящими бусами на шеѣ мамы и въ тоже время чувствуя, что глаза ся такъ и смыкаются отъ сладкаго сна.

— А ты мама споешь Галѣ что нибудь? И мама начинаетъ напѣвать одну изъ тѣхъ пѣсенокъ, которыя такъ глубоко запали въ душу Гали и не заглохли ихъ звуки ни подь кажими новыми впечатлѣніями.

Галя закрываетъ глаза и черезъ минуту вздрагиваетъ и открываетъ ихъ. Ничего нѣтъ, она одна въ пустой, темной комнатѣ, ночникъ догорѣлъ и потухъ—все это былъ сонъ!

— Мама, мама! шепчетъ со слезами дѣвушка, протягивая впередъ руки; мама, гдѣ ты? Возьми меня къ себѣ! Къ себѣ возьми!

Но вдругъ... что это? Галя даже зажмурилась отъ ослѣпившаго ее свѣта, и эта чудесная музыка... да, это опять были тѣ самые звуки, которые ей снились по ночамъ, и посреди этого свѣта, подлѣ самой ея постели, стояло какое-то свѣтлое видѣніе...

И въ эту минуту Галя почувствовала, что паритъ въ воздухѣ невидимою высоко высоко, подь кажимъ то расписнымъ потолкомъ, гдѣ въ облакахъ, взявшись за руки поетъ чудный хоръ—водъ нимфъ, музъ и амуровъ. То была огромная зала, сверху до низу наполненная народомъ. Передъ открытымъ пространствомъ гремѣлъ оркестръ и это была сцена и изображала чудный садъ, обнесенный стѣною и съ такимъ милымъ, обитымъ виноградомъ, домикомъ въ сторонѣ. Галя ясно увидѣла себя, но уже не шестнадцатилѣтней, а взрослой и прелестной дѣвушкой въ этомъ чудномъ саду. Она сидитъ за прялкою и прядетъ, и поетъ, слывая звуки своего голоса съ мѣрнымъ жужжаньемъ веретена. Ей такъ свѣтло и легко и она поетъ

такъ чудно, какъ еще никто никогда не пѣлъ. Но вотъ она встала, хочетъ войти въ домикъ и на порогѣ вдругъ видитъ драгоценныя блестящія вещи... великолѣпные брилліанты... Галѣ становится страшно, сердце ея болѣзненно бьется, и не можетъ она прогнѣвовать искушению и надѣвъ на себя драгоценности, смотритъ въ зеркало, поетъ и смѣется смѣхомъ восторга, предчувствіемъ грядущаго счастья... Но наступаетъ ночь. Садъ озаренъ луною и Галя видитъ—въ калитку тихо и таинственно входятъ двое... Одинъ изъ нихъ такой странный, въ его ясныхъ глазахъ и умномъ лицѣ есть какая-то злая иронія, лугающая сила а другой... другой такъ молодъ, прекрасенъ и такъ любитъ ее и любимъ ею! Онъ подходитъ къ ней и сладко такъ говоритъ о своей любви; Галя хочетъ ему возражать, но не можетъ и только молча протягиваетъ ему руку. Занавѣсъ падаетъ. Публика въ восторгѣ... Галя выходитъ... На нее сыплются цвѣты, букеты и капельмейстеръ тянется черезъ рампу и подаетъ ей футляръ за футляромъ, на темномъ бархатѣ котораго блестятъ чудные брилліанты. Она невольно вздрагиваетъ.

— Неужели это не во снахъ?..

Но занавѣсъ поднимается снова. Теперь сцена изображаетъ улицу. Толпы горожановъ и горожанъ идутъ въ храмъ. Одна Галя тихо идетъ позади толпы. Сердце ея давитъ невыразимая тоска, она нерѣшительно подходитъ къ храму, но не можетъ войти въ него, какая-то невидимая сила отталкиваетъ ее отъ широкооткрытыхъ дверей и она падаетъ, измученная, на колѣни у ступеней и хочетъ молиться, но эта молитва неотраднa и тяжела; въ ней отчаяніе, сознание грѣха. Но она поетъ. Она выливаетъ въ звукахъ свое мученіе. Театръ замеръ, слушающіе эти плѣнительные звуки... Сердце Гали холодѣетъ.

— Нѣтъ, говоритъ она себѣ, я не могу перенести этого, это ужасно! Пусть меня здѣсь ожидаетъ слава и богатство; но это не та дорога. Если это моя судьба, я не хочу ея, я ничего не хочу кромѣ свиданія съ моей милой мамой и хочу еще слышать тѣ чудесные звуки, что мнѣ снятся все по ночамъ.

И въ эту же минуту блестящій залъ исчезъ и Галя увидѣла себя летящею въ какомъ-то темномъ пространствѣ подь стѣною ночи.

Галя вздрогнула отъ чьего то легкаго прикосновенія и словно проснулась.

Никого подлѣ нея не было, она была одна въ своей постели. Въ незакрытыя ставнями окна струился яркій дунный свѣтъ, лжившіяся яркими квадратами окна на полъ. И тѣ чудные звуки, которые она такъ хотѣла услышать, раздались вокругъ гармонично, тихо и ясно, какъ еще никогда не бывало.

— Вотъ теперь я могу, могу и сама передать эти звуки, подумала Галя и тихо, какъ прелестное видѣніе, встала съ постели. Она мѣрно ступала по холодному полу босыми ножками, простирая впередъ руки, по амфиладѣ озаренныхъ луною комнатъ. Вотъ и Женина комната. Женя мирно спитъ въ своей роскошной постели и глубоко вздыхаетъ во снахъ, но Галя не смотритъ на нее, идетъ все прямо, и ей кажется, что кто-то другой, такъ же тихо идетъ за ней, какъ тѣнь при лунномъ свѣтѣ.

Галя вошла въ залъ. Здѣсь было также таинственно тихо и пусто, какъ и въ другихъ комнатахъ, только высокая, безшумная, темная елка все еще стояла посреди и кое гдѣ сверкали подь луннымъ лучемъ ея золотыя и серебряныя украшения и бѣлѣлись тонкія свѣчки. Галя тихо, безсознательно подошла къ роюлю, сѣла и открыла его. Ей такъ страстно хотѣлось передать тѣ чудные звуки, которые она только что слышала и не могла передать—ея руки похолодѣли, голова склонилась на крышку роля и Галя медленно свалилась на холодный полъ... Ясно свѣтлa луна въ эту ночь, чисто было небо, и мириады звѣздъ, которыми оно было усыяно, казалось, какъ-то особенно кротко смотрѣло со своей выси на землю. Всѣ мирно спали и никто не слышалъ и не зналъ, что въ залѣ какъ недвижимый трупъ лежитъ бѣдная дѣвочка въ эту веселую, Рождественскую ночь, что посылаетъ всѣмъ веселымъ, пестрымъ грезы...

Высоко, высоко къ прекрасному небу летѣла Галя и лепетала безсвязныя рѣчи и напѣвала родныя пѣсенки знойнаго, сгеннаго юга...

И очнулась бѣдная дѣвочка на веселый праздникъ Рождества Христова. Кругомъ ея суетились, стоялъ ласково глядя на нее добрый докторъ Евгеній Петровичъ и Женя съ тревогою а хорошенькомъ личикѣ принесла и положила на одѣяло большой пестрый, яркие подарки, а Галя, ласково, слабо улыбаясь всѣмъ, думала и грезила о своей милой мамѣ, что такъ ласкала ее ночью, о прекрасныхъ садахъ, звѣздахъ, дунной Рождественской ночи и чудныхъ звукахъ, которые все снились ей...

ВЕСЕЛЫЯ СВЯТКИ ДИКА АЛЛЕНА.

Разсказъ Л. Джоза.

Было около десяти часовъ вечера. Рождественскій Сочельникъ. Дикъ Алленъ объявилъ свое имя передъ воротами старой Троицкой коллегіи въ Дублинѣ и вошелъ. Заглянувъ въ дверь коморки привратника, онъ почувствовалъ большое искушеніе при-

соединиться къ обществу двухъ здоровыхъ и добродушныхъ съ виду ночныхъ сторожей, уютно сидѣвшихъ около потрескивающаго огня очага; ночь была чрезвычайно холодная и Дикъ еще никогда, во всю свою 22-хъ лѣтнюю жизнь, не чувство-

валъ себя такимъ одинокимъ, какъ въ этотъ Рождественскій сочельникъ. Но было и еще нѣчто на сердцѣ у Дика, что увеличивало чувство одиночества, поэтому онъ только отвѣтилъ на слова сторожей: доброй ночи! и прошелъ мимо къ себѣ домой. Прибывъ туда, онъ тотчасъ же зажегъ свѣчу и оживилъ потухающее пламя камина. То, что освѣтила свѣча, не представляло веселаго вида. Комната была безъ ковра, вся мебель состояла лишь изъ стола, двухъ креселъ и двухъ или трехъ распатаныхъ, тростниковыхъ стульевъ, да нѣсколькихъ шкаповъ. Комната имѣла видъ кабинета трудолюбиваго ученаго, лишеннаго средствъ или вкуса имѣть что либо больше, кромѣ самаго необходимаго: по стѣнамъ торчали гвозди, но картинъ не было; а прекрасное кресло, и массивный столъ, конечно, не случайно попали сюда. Куда же дѣвалась прочая мебель? Все указывало на недавнее и быстрое паденіе благосостоянія хозяина. Хозяину этому удалось наконецъ расшевелить золу и вызвать яркое пламя, подержавъ нѣсколько времени надъ нимъ свои окоченѣвшія руки, онъ подошелъ къ буфету, взялъ изъ него бутылку воды и приготовилъ себѣ стаканъ грогу; затѣмъ опустился въ кресло и задумался.

Даже человѣкъ совершенно посторонній, не посвященный въ исторію жизни Дика, догадался бы, глядя на его утомленный видъ и выраженіе безнадежнаго горя на прекрасномъ, юношескомъ лицѣ, что его думы не веселы. И поистинѣ они были очень печальны! Прошло около 6-ти мѣсяцевъ какъ Дикъ поссорился со своимъ отцемъ; поссорился, не смотря на то, что между ними было всегда самыя искреннія отношенія. Что была за причина этой ссоры? Какая нибудь мелочь въ недобрый часъ разорвала два гордыхъ, упрямыя, хотя и любящихъ сердца. Съ той и съ другой стороны говорившихъ горячія, горькія слова. Дѣйствительно, искренняя связь, соединяющая отца съ сыномъ, сдѣлала разрывъ какъ будто сильнѣе и Дикъ однажды ночью, во время лѣтнихъ каникулъ, покинулъ родину, отвергнувъ всѣ предложенія помощи своего отца и рѣшилъ впредь жить по своему. Онъ никогда не зналъ что значить безденежье и потому воображалъ, что нѣтъ ничего легче, какъ имѣть деньги; такимъ образомъ онъ жилъ, пока не изсякъ запасъ его кормовыхъ денегъ, довольно пріятно, въ университетскомъ городѣ, постоянно имѣя въ виду прискаканіе себѣ работы, но не считая поиски за нею безотлагательно необходимыми. Въ глубинѣ души онъ былъ убѣжденъ, что для такого умнаго юноши—какимъ безъ сомнѣнія онъ и былъ—нужда совершенно немислима. Когда же деньги его начали быстро исчезать, онъ подумалъ, что его способъ прискакиванія работы, вѣрно не довольно энергиченъ и рѣшился не медля найти себѣ занятіе.

Было бы повтореніемъ старой исторіи, перечисленіе всѣхъ пренятствій и обманутыхъ надеждъ, встрѣченыхъ имъ на его пути; мало по малу, онъ почти потерялъ вѣру въ самаго себя и мечтая то тутъ то тамъ пристроиться и наконецъ пришелъ къ убѣжденію, что для него, вѣроятно, закрыты всѣ пути. Бѣда была въ томъ, что бѣдный Дикъ, хотя и неглупый мальчикъ, все же не воспитался въ школѣ нужды, которая заставила бы его развить и примѣнить къ дѣлу свои дарованія. Онъ пытался получить мѣсто младшаго преподавателя въ училищѣ, но неизмѣнно университетскаго диплома (что онъ всегда почиталъ необходимостью лишь для бѣдныхъ людей), было къ тому непреодолимымъ препятствіемъ. Пытался онъ заняться литературой, но книжный рынокъ оказывался вѣчно переполненнымъ и множество людей, казалось бы менѣе способныхъ чѣмъ онъ, какъ-то постоянно загоразживали ему дорогу. Правда, раза два или три ослѣпляли его мимолетныя проблески успѣха, но они приносили больше вреда, чѣмъ пользы, потому что отвлекали его отъ крайне необходимой ему теперь работы.

Послѣдствіемъ этихъ неудачъ въ борьбѣ за существованіе, было то, что постепенно блѣдъ онъ вынужденъ прекратить сношенія со своими прежними товарищами, такъ какъ Дикъ былъ слишкомъ гордъ чтобы принять помощь, которую многие изъ нихъ рады были бы оказать ему, и въ то же время не могъ онъ перевоспитать, при его измѣнившихся обстоятельствахъ, жизнь посреди нихъ. Потому и былъ онъ, одно время, почти въ одиночествѣ. Но за мѣсяцъ, приблизительно, до этаго Рождественскаго Сочельника, въ который мы съ нимъ познакомились, сошелся онъ съ обществомъ людей, которыхъ гнался прежде, теперь же почувствовалъ къ нимъ нѣкотораго рода влеченіе. То были все ловкіе, дерзкіе люди, дикая безшабашная шайка, изъ которой каждый зналъ, что по своей собственной винѣ испортилъ себѣ жизнь и не заботился о будущемъ, лишь бы на сегодня хватило средствъ заглушить въ себѣ память о прошломъ. Попадъ въ ихъ среду, Дикъ скоро отложилъ всякое попеченіе о честномъ и прочномъ положеніи, какъ передъ тѣмъ потерялъ всякую надежду на него: они вели необычную и непорядочную жизнь изо дня въ день, занимали, если представлялся случай занять; переводили другъ на друга весела, если только кто нибудь принималъ ихъ; зарабатывали деньги и инымъ образомъ. Бѣдный Алленъ скоро утратилъ то тонкое чувство, которое прежде было ему присуще относительно кассы ссудъ и его мебель, равно какъ и большая часть одежды быстро перенеслась туда, съ цѣлью

пріобрѣтенія средствъ для непрерывныхъ увеселеній, среди которыхъ онъ жилъ и которыя скоро наложили печать свою на его блѣдное, красивое и благородное лицо.

Но, вопреки всему, на всѣхъ степеняхъ его паденія, никогда не подавало бѣднаго Дика и постоянно сдерживало его въ нѣкоторыхъ границахъ одно вліяніе, подчасъ почти безсознательное. То была любовь его къ младшей сестрѣ, *маленькой Кэтъ*, какъ звалъ онъ ее. Отецъ Дика былъ дважды женатъ. Отъ перваго брака онъ имѣлъ троихъ дѣтей: сына и наследника, который въ настоящее время находился со своимъ полкомъ въ далекой Индіи и двухъ дочерей, вышедшихъ замужъ еще задолго до начала нашего разсказа. Отъ втораго брака у него былъ сынъ, нашъ герой Дикъ и дочь, на 4 года моложе его. Вся нѣжность сквайра сосредоточивалась на этихъ дѣтяхъ. Мать ихъ умерла года два послѣ рожденія Кэтъ и поэтому дѣти, какъ то часто случается съ сиротами рано лишенными материнскихъ попеченій, привязались другъ къ другу. Со времени ссоры съ отцомъ Дикъ постоянно переписывался съ сестрой, и зная ея безпокойство о немъ, посылалъ ей блистательные отчеты о своихъ успѣхахъ и о своемъ благосостояніи, не разъ вѣроятно казавшіяся ему самому горькой насмѣшкой, сопоставленные съ дѣйствительностью, которую онъ былъ окруженъ. Кэтъ вѣрила восторженно въ необыкновенныя дарованія брата и потому обмануть ее было не трудно, а бѣдному престарѣлому отцу было большимъ утѣшеніемъ слышать, что сынъ его, любимый имъ по прежнему, не терпитъ по крайней мѣрѣ нужды; что же касается до примиренія, то умный и опытный старикъ считалъ это лишь вопросомъ времени.

Наканунѣ Сочельника и по случаю праздника, Дикъ проводилъ изъ Дублина послѣдняго изъ своихъ пріятелей и печально вернулся въ свою одинокую келью. Онъ чувствовалъ себя уже нѣсколько дней нездоровымъ и въ полномъ уныніи. Другъ вспомнилъ ему, что въ Сочельникъ день рожденія Кэтъ и что ей исполнится 18-й годъ и такъ какъ онъ зналъ, что она будетъ рада получить въ этотъ день вѣсточку о немъ, то и сѣлъ ей писать. Послѣ тщетныхъ усилій овладѣть собой и сообщить ей обычный рассказъ о своихъ успѣхахъ и о своемъ счастьѣ, бѣдный юноша не выдержалъ и въ немногихъ и почти безсмысленныхъ словахъ передалъ ей, какъ онъ несчастливъ и какъ безнадежно его положеніе, умоляя Кэтъ писать ему не медля, такъ какъ онъ не можетъ поручиться не наступить ли скоро конецъ всему, такъ какъ долго подобное положеніе продолжаться не можетъ. Эти строки онъ поспѣшно отправилъ на почту, не задумываясь надъ тѣмъ, какое впечатлѣніе онъ произведетъ; теперь же, сидя съ мрачной душой въ своемъ креслѣ, онъ чувствовалъ себя горько обманутымъ, не получая отвѣта. Вскочивъ вдругъ, онъ началъ ходить по комнатѣ.

— Она могла бы телеграфировать! громко проговорилъ онъ: могла бы даже пріѣхать провѣдать меня.—Но какъ бы она могла,—сказалъ онъ минутой спустя,—когда ей надо угощать столько народа! Но телеграфировать она бы могла! Господи, если бы она написала мнѣ, ничто не удержало бы меня!

Эти размышленія увеличили горечь ощущенія бѣднаго Дика; еще нѣсколько минутъ пошagalъ онъ, какъ бы въ нерѣшимости, затѣмъ остановился на минуту, точно собиравшись съ духомъ, вынулъ изъ кармана сыянку, поставилъ ее на столъ и принесъ стаканъ изъ буфета.

— Можно и теперь, все равно, думать бѣдный Дикъ, держа стаканъ противъ свѣта и капая въ него оній. Онъ насчиталъ капель 30, какъ вдругъ раздался мѣрный перезвонъ колоколовъ, предвѣстникъ рождественскаго благовѣстья. Звуки эти таинственно силой заставили его остановиться и слушать; и онъ поставилъ на столъ сыянку и стаканъ и слушалъ. И прислушиваясь не могъ изгнать изъ своей памяти дни, когда въ такую же рождественскую ночь онъ не разъ стоялъ въ домѣ отца, возлѣ сестры и желалъ ей еще много, много подобныхъ счастливыхъ лѣтъ. И онъ подумалъ, что почувствуетъ сестра, когда услышитъ, на слѣдующее утро, что онъ умеръ такою смертью? Погруженный въ глубокую думу, стоялъ онъ, пока благовѣсть не смолея, тогда смягченный и успокоенный сказалъ онъ самъ себѣ:

— Не нынѣшнюю ночь, не сегодня! Завтра.

Тутъ пришло ему въ голову, что оній, который онъ уже влилъ, доставитъ ему то, чѣмъ такъ рѣдко онъ теперь пользовался—глубокой сонъ. И онъ наполнилъ стаканъ водою, сѣлъ къ огню и черезъ нѣсколько минутъ впасть въ глубокой сонъ.

Покуда несчастный юноша, измученный жизнью, спалъ подъ вліяніемъ яда, неизмѣнаго теперь губительной силы, владіи совершались событія рѣшившія его участь. Въ огромной старой гостиной Алленстауна, собралось многочисленное веселое общество. Домъ въ это время всегда бывалъ полонъ гостей; родныхъ и друзей съѣзжалось столько, сколько онъ только могъ вмѣстить. Главной притягательной силой для всѣхъ была, конечно, новорожденная Кэтъ, любимица всѣхъ безъ исключенія, начиная съ всплываваго, стараго отца и кончая мальчишкой, состоящимъ на побѣгушкахъ. Однако, въ этотъ вечеръ она не была въ своемъ обычномъ расположеніи духа; она не могла не думать часто и тревожно о братѣ, мѣсто котораго стояло пустое и который, повидимому, былъ на вѣки потерянъ для

На Елну. Что миѣ подарить? Рис. Девиса, грав. М. Рашевскій.

нея. Къ тому-же утромъ случилось нѣчто, принятое всѣми легко, но что ее сдѣлало еще тревожнѣе прежняго; мальчикъ, приносившій почту по утрамъ, воспользовався случаемъ выпить за здоровье миссъ Кэтъ и лишь къ полдню нашли его въ избушкѣ его бабки съ проломленною головою и безъ языка, какъ говорила Кэтъ старая кухарка. Но безъ языка-ли или съ языкомъ, во всякомъ случаѣ, былъ онъ не въ состояніи указать, гдѣ находится почтовая сумка и единственное средство этого добиться, было терпѣливо ждать покуда онъ проснется и будетъ въ состояніи припомнить. Кэтъ была горько обманута въ своихъ ожиданіяхъ; она не сомнѣвалась, что онъ напишетъ ко дню ея рожденія; не смотря на его веселья письма, въ послѣднее время ея женская чувствость уловила въ нихъ что-то меланхолическое.

Когда наступило рождественское утро и все общество радостно привѣтствовало великій праздникъ, доложили, что неисправный почтальонъ пришелъ, наконецъ, въ себя, и въ сопровожденіи прислуги пошелъ искать потерянную сумку, такъ что ее ежеминутно можно было ожидать. Но довольно прошло времени въ болтовнѣ около камня прежде чѣмъ старый дворникъ принесъ письма. Кэтъ получила дѣлую кучу и между ними нашла одно со знакомымъ почеркомъ Дика. Читая его, она вдругъ помертвѣла и чуть не упала въ обморокъ. Собрвавъ всѣ свои силы, чтобы овладѣть собой, она устояла, и придумавъ какой-то предлогъ, вышла изъ комнаты и бросилась въ кабинетъ отца.

— О папа, прочти! вскрикнула она, подавая ему письмо бѣднаго Дика.

Старикъ, читая, вздыхалъ тяжело.

— Господи! Мой бѣдный мальчикъ! Бѣдный мальчикъ! Что теперь дѣлать? Если-бы я могъ это предвидѣть!

Отецъ и дочь оставались нѣкоторое время, какъ-бы подъ гнетомъ своего безсилія предотвратить несчастіе, о которомъ намекалось въ письмѣ. Вдругъ явилась у обоихъ одна и таже мысль и они взглянули на часы.

— О, пора! вскричала Кэтъ, нельзя-ли еще застать ночной почтовый поѣздъ? Для тебя они-бы остановили его!

— Помоги намъ Боже! сказалъ сквайръ. Почтовый поѣздъ приходитъ въ 2 ч. безъ 5 минутъ, а теперь уже больше половины втораго. Но, прибавилъ онъ, есть все таки надежда!

Минуту спустя, красивый представитель ирландца юноши, берейторъ Джимъ, не разъ носившій, какъ побѣдитель на скачкахъ, цвѣта сквайра, явился на его зовъ.

— Джимъ, сказалъ его господинъ, сѣзди какъ можно скорѣе въ Нократъ и скажи начальнику станціи, отъ моего име-

ни, что я прошу его задержать на нѣсколько минутъ слѣдующій почтовый поѣздъ. Мы выѣдемъ за тобою вслѣдъ. Спѣши! Тебѣ надо сдѣлать почти двѣ мили, а времени осталось едва-ли 20 минутъ. Возьми Ласи, она кажется всѣхъ быстрѣе.

— Это бѣловую-то? началъ было недовольнымъ голосомъ Джимъ, но Кэтъ перебила его:

— О, Джимъ, это для меня, поѣзжай скорѣе!

— Для васъ, миссъ? вскрикнулъ Джимъ. Ну такъ, ей-Богу, если сѣрая кобыла не полетитъ вихремъ, то не считайте меня ѣздокомъ!

Нечего говорить, что Джимъ исполнилъ свое порученіе. Онъ прискакалъ какъ разъ во-время, чтобы подать сигналъ для остановки поѣзда, тотчасъ-же впрочемъ, и двинувшася снова и унесшаго съ собой Кэтъ и сквайра.

Но вотъ печальное жилище бѣднаго Дика. Онъ лежитъ, покоясь въ мирномъ снѣ, не ощущая стужи и не видя, что каминъ потухъ. Проходила ночь. Теперь 5 часовъ утра. Университетскія ворота отворяются, чтобы впустить слушателей, которые спѣшатъ, придавая оживленіе мрачному, квадратному зданію. Проходитъ еще часъ, Дикъ все спитъ. Поѣздъ пришелъ въ Дублинъ и Кэтъ, и ея отецъ ѣдутъ къ нему по полутемнымъ улицамъ.

Мало по малу, благодаря благословенной силѣ сна, печальное выраженіе исчезаетъ съ лица юноши и теперь, когда пробужденіе его уже близко, онъ начинаетъ видѣть сны. Ему снится, что онъ ѣдетъ, какъ бывало, домой, на святки. Подъѣзжаетъ къ знакомымъ мѣстамъ. Еще мгновеніе и онъ въ снѣгахъ; его встрѣчаютъ отецъ и Кэтъ.—Но, что это? Спящій смутно чувствуетъ какой-то пробѣлъ въ своемъ снѣ; затѣмъ слѣдуетъ моментъ бесполезныхъ и смутныхъ усилій проснуться, и потомъ, когда онъ выбивается изъ силъ, чтобы приподняться, онъ ощущаетъ свою руку въ рукѣ отца и слышитъ знакомый голосъ, говорящій: „Мой бѣдный Дикъ! Мой бѣдный Дикъ!“ И укутанный чѣмъ-то, знакомый образъ склоняется надъ нимъ и онъ, еще, не вполне проснувшійся, лежитъ въ объятяхъ Кэтъ. Когда окончательно сознание вернулось къ нему и онъ представилъ себѣ ясно все, что было — силы повинулись и онъ залился слезами.

— Дикъ, мы оба погорячились, но не будемъ больше объ этомъ вспоминать. Пойдемъ! Какъ разъ успѣемъ выпить кофе у Грешама, а затѣмъ съ 9-часовымъ поѣздомъ, приѣдемъ домой.

И такъ Дикъ попалъ къ завтраку домой и провелъ чудесные, радостные дни,—дни Рождества Христова, окруженный родною любовью и ласками въ старомъ, миломъ домѣ. Какіе это были веселые святки для Дика Аллена!

Е л к и.

(Наъ П. Линдау).

Разгорѣлись елки яркими огнями,
Разубрались фольгой, лентами, цвѣтами,
Любо дѣткамъ видѣть, какъ гирлянды вьются,
Какъ изъ темныхъ вѣтокъ куколки смѣются,
Будутъ всѣмъ подарки и вѣнки, и розы,
Дѣтскій сонъ украсятъ золотыя грѣзы.

Наши-жъ елки дремлютъ темныя, густыя, —
На дорогѣ жизни сторожа нѣмые —
Только ночи тускло свѣтятъ имъ звѣздами,
Да зима сурово кутаетъ снѣгами,
Да по вѣтвямъ темнымъ ледянымъ узоромъ
Разубралъ морозъ ихъ, проходя дозоромъ...

Н. О.

КЪ РИСУНКАМЪ.

Катанье съ горь.

Кому не памятно изъ насъ, привыкшихъ съ дѣтства къ снѣжнымъ зимамъ и зимнимъ удовольствіямъ, изъ насъ жителей Сѣвера—эта забава, подобной которой трудно бывало и найти. Вотъ въ саду готовить, и заливать волю горку—сколько нетерпѣнія и ожиданія у дѣтей! Все смотрятъ они въ намерзшія стекла, протирая въ оконныхъ узорахъ маленькіе кружочки, въ которые видно какъ дѣлаютъ горку. Но вотъ готово! Съ веселымъ крикомъ вырываются дѣтки въ садъ и уже несутся внизъ на санкахъ—такъ хорошо! Какъ замираетъ сердце и сколько веселья и хохоту когда кто нибудь упадетъ!

Что мнѣ подарятъ?

Этотъ важный вопросъ повидимому серьезно занимаетъ преледную крошку. Она уже одѣлась совсѣмъ иди гулять; но присѣла и задумалась. Ей ужъ и не до гулянья, она озабочена. Потихоньку отъ нея что-то покупаютъ и въ одну комнату, гдѣ будетъ елка, ее никакъ не пускаютъ. Можетъ быть подарятъ ей такую же большую куклу, какъ ея кукла Лиза? Ахъ очень бы пора куклу—потому что у Лизы носикъ совсѣмъ почернѣлъ и одна ручка отломалась и кое какъ приклеена. Или книжку съ картинками—такими хорошенькими, раскрашенными картинками? И на яву и во снѣ носятъ въ милой головкѣ озабоченной дѣвочки грѣзы о елкѣ—пока у нея, счастливой, нѣтъ еще другой заботы...

Дѣтскій маскарадъ.

Веселая толпа степенно идетъ по широкой лѣстницѣ внизъ въ большой залъ. Какіе есть прелестные маленькіе кавалеры и дамы. Вотъ впереди эта смѣшная крошка съ такимъ серьезнымъ выраженіемъ въ личикѣ, переваливаясь, выступаетъ такъ важно! А тамъ какое разнообразіе выраженій, типовъ, костюмовъ! Вся эта толпа маркизовъ, военныхъ, дипломатовъ, рыцарей, дамъ XVI вѣка—всѣ они имѣютъ одно общее милое выраженіе: это выраженіе баззавѣтнаго удовольствія, счастливой невинной безопасности той поры, о которой каждый съ умиленіемъ и грустью вспоминаетъ потомъ.

Дѣтскіе маскарады у насъ въ Петербургѣ особенно въ частныхъ домахъ, устраиваются нерѣдко, доставляя всегда безпрѣдѣльное удовольствіе маленькимъ костюмированнымъ участникамъ и оставляя по себѣ надолго самое свѣтлое, яркое воспоминаніе.

Елка въ пріютѣ.

А вотъ и еще елка, но ужъ не въ такой счастливой, безпечной средѣ. Это бѣдныя сиротки, которыхъ общественная благотворительность пріютила, одѣла и воспитываетъ. Это бѣдняжки, которые не знаютъ ни отца, ни матери и чужіе люди заботятся о нихъ. И для нихъ, неизбалованныхъ постоянными подарками и угожденіями, какое счастье, какой праздникъ такая елка. Имъ раздадутъ подарки—трудно оцнить достаточно подвигъ этой святой заботливости о бѣдныхъ крошкахъ. У насъ во главѣ всѣхъ такихъ учреждений всегда стоятъ особы, принадлежащія къ нашему Царствующему Дому и ихъ дѣ-

ательность въ этомъ отношеніи слишкомъ известна всей странѣ, чтобы распространяться объ этомъ. Еще недавно праздновался 50-лѣтній юбилей такой благотворной дѣятельности лица, имя котораго безчисленныя семейства вспоминаютъ съ глубокою, сердечною любовью—Принца Петра Георгиевича Ольденбургскаго, (прекрасный портретъ былъ въ прошломъ № Нивы) вся жизнь котораго посвящена высокому дѣлу благотворенія и воспитанія юношества.

Воспоминанія о Елкѣ.

(Къ картинѣ Ризлера).

Самыя сильныя впечатлѣнія дѣтей—это конечно впечатлѣнія двухъ великихъ праздниковъ—Рождества и Пасхи. Они такъ глубоко вѣбзаются въ память, что много, много лѣтъ спустя все еще не утрачиваютъ своей свѣжести, по прежнему рисуютъ передъ нами самыя привлекательныя, граціозныя картины. Но изъ двухъ этихъ праздниковъ, праздникъ Рождества—по преимуществу дѣтскій праздникъ. Съ нимъ неразрывно соединяются воспоминанія о елкѣ, снѣгѣ, огонькахъ, прынкахъ, игрушкахъ, подаркахъ—и т. п. Это самое желанное время года для дѣтей, самое веселое—время катанія съ горъ на

санкахъ, по льду на конькахъ, дѣтскихъ баловъ, маскарадовъ.

И когда окончится „елка“, потухнутъ свѣчи и дѣтей уложить спать, долго онѣ еще не расстаются съ своими куклами, засыпаютъ вмѣстѣ съ ними, и въ головѣ вереницей несутся воспоминанія о минувшемъ вечерѣ, безконечныя, пестрыя, милыя, какъ у этой прелестной дѣвочки, что изображена Ризлеромъ...

Торжественный обѣдъ.

Граціозная картинка Зондерланда прелестно передаетъ сцену изъ дѣтской жизни. Двое ребятокъ, братъ и сестра, задаютъ банкетъ своимъ друзьямъ: собачекѣ, кошкѣ, куколѣ и игрушечному слону. Кукла и слонъ, конечно, только дѣлаютъ видъ, что довольны пиришествомъ и сами, не смотря на все радушіе хозяевъ, ни къ чему не притрогиваются. Что же касается до кота и песика, то они, несомнѣнно, очень довольны, Котъ не обращая особеннаго вниманія на подвязанную салфетку, уткнулся мордой въ тарелку, весь сощурился и лакаетъ съ наслажденіемъ. Песикъ же совсѣмъ, кажется, нравится то, что его заставили сѣсть по человѣчьи и тоже завѣшиваютъ салфеткой, и вдобавокъ еще такъ аккуратно, — но въ надеждѣ награды съ чѣмъ нельзя примириться?..

Какъ составлять гербарій.

Статья Н. Иваничнаго.

Нѣкоторыхъ изъ тѣхъ, кто желаетъ составить гербарій (т. е. собраніе засушенныхъ образчиковъ растений) растений, имѣющихъ въ окрестностяхъ его жилища, его усадьбы или, наконецъ, его уѣзда, часто пугаетъ мысль: вѣдь я ничего не смыслю въ ботаникѣ. Эта мысль, хотя она въ большинствѣ случаевъ служитъ только прикрытіемъ другаго тайнаго побужденія—лѣности мысль сама по себѣ несправедливая. Для того, чтобы составить полный систематическій гербарій своей мѣстности, вовсе не надо быть ученымъ, спеціальныя познанія въ ботаникѣ вовсе не необходимы. Часто отличные гербаріи составлялись любителями, а ученые только провѣряли, приводили въ систему собранныя растенія и нерѣдко издавали такіе гербаріи подъ своимъ именемъ, какъ трудъ, принадлежащій имъ всецѣло. Для составленія гербарія необходимо главнымъ образомъ знакомство съ внѣшнимъ видомъ растеній, навыкъ въ распознаваніи семействъ, родовъ, видовъ и разновидностей, а эти познанія приобрѣтаются легко и скоро.

Когда я самъ пожелалъ заняться составленіемъ гербарія своей губерніи, мнѣ было трудно, но не потому, что мои познанія въ ботаникѣ были ограничены, а—странно сказать—потому, что мои начинанія окружающіе меня лица встрѣтили насмѣшками. Люди вполне солидные, получившіе известное образованіе, говорили, пожимая плечами: ну скажите ради Бога, на что все это? Но такія неосновательныя насмѣшки не должны останавливать собирателя.

Самое важное, что я посоветую всякому начинающему—это изучить сперва основательно растенія вокругъ своего дома. Каждый садикъ, рошца, лугъ дадутъ массу растеній, которыя надо стараться опредѣлить и засушить самымъ тщательнымъ образомъ. Этой подготовительной работы и будетъ достаточно на первое дѣло. Кто набралъ кучу цвѣтцовъ, засушилъ ихъ кое-какъ и думаетъ, что составилъ гербарій, тотъ гораздо смѣшнѣе человека, который бы посвятилъ свою жизнь, напримеръ, преферансу; такая коллекція настолько же безцѣльна, какъ и коллекція почтовыхъ марокъ и вопросъ: на что? можетъ быть здѣсь предложень съ полнымъ правомъ. Только тогда коллекція станетъ гербаріемъ, когда каждый экземпляръ ея тщательно изученъ собирателемъ, когда онъ знаетъ, гдѣ его нашли, когда, встрѣтивъ въ другомъ мѣстѣ это самое растеніе, онъ узнаетъ его. Когда онъ наизусть можетъ описать растеніе настолько подробно, что опытный человекъ, не видя этаго растенія, а только выслушавъ собирателя, скажетъ: это именно вотъ такое-то растеніе. Достигнуть такихъ результатовъ весьма не трудно при любви къ дѣлу, терпѣніи и усидчивости.

Къ стыду насъ, русскихъ, надо отнести то обстоятельство, что въ продолженіи тысячи слѣткъ лѣтъ, у насъ не составлено русской флоры. Есть нѣсколько мѣстныхъ флоръ; лучшія изъ нихъ, какъ кажется, петербургская и московская, но кѣмъ онѣ составлены? Мейнсаузеномъ и Кауфманомъ. Мейнсаузенъ, работавшій 20 лѣтъ въ Петербургской губерніи, занимающей всего 1050 кв. миль, признается, что онъ не успѣлъ еще изслѣдовать „довольно значительной“ части ея, за недостаткомъ средствъ—признаеіе характерное! Московская же флора Кауфмана далеко не полна и притомъ издана очень дурно. Но такъ какъ текстъ изданія Мейнсаузена на нѣмецкомъ языкѣ, то и остается одна флора Кауфмана, которою можно пользоваться начинающему для опредѣленія растеній если не считать собирателя растеній Пюстеля (собирателя германской флоры), да полудесятка спекулятивныхъ изданій нашихъ тощихъ компиляцій, не имѣющихъ значенія.

Впрочемъ и то сказать, задача составить флору не только

цѣлой губерніи, но даже однаго уѣзда, часто представляетъ непреодолимыя трудности. Человѣкъ, взятый на себя такую задачу, долженъ, такъ сказать, отрѣшиться отъ всего, долженъ воспитать въ себѣ известную степень характера, я говорю это по собственному опыту. Онъ долженъ имѣть „собственныя“ средства, и не смущаться насмѣшками, ибо общество смотритъ съ насмѣшкой на „подобныя“ занятія. Собираясь путешествовать, онъ подвергается участи андерсеновскаго оловяннаго солдатика, плывущаго по бурному каналу въ лодочкѣ изъ газетной бумаги, гдѣ, какъ и солдатика подъ каждымъ мостомъ подстерегаетъ его водяная крыса, требующая паспорта; онъ долженъ въ виду этого запастись видами, открытыми листами и т. п. документами; наконецъ, плывя по разнымъ необитаемымъ рѣкамъ и озерамъ, ему придется и испытать лишенія.

Едва-ли можетъ онъ ждать себѣ отсюда-нибудь серьезной помощи и содѣйствія. Разныя ученые общества имѣютъ спеціальныя средства для оказанія помощи тѣмъ, которые рѣшаются предпринимать путешествія съ научною цѣлью, но эти средства выдаются ученымъ-же. Мы вамъ не можемъ дать денегъ на дорогу, потому что вы еще ничего не сдѣлали, говорится обыкновенно. Да вотъ я съѣзжу, такъ и сдѣлаю что-нибудь. — Нѣтъ, вы сперва сдѣлайте, тогда другое дѣло.

Но мы начали говорить о составленіи гербарія окрестностей своего жилища и не будемъ пускаться такъ далеко.

И такъ, на томъ основаніи, что на безрыбьи и ракъ—рыба, запаситесь флорой Кауфмана; она стоитъ 3 р. *) Затѣмъ припасите себѣ кипу газетной бумаги, стопу бѣлой или сѣрой оберточной (непрѣтливо *протечной*), закажите столуру прессъ такой, какіе употребляются переплетчиками, и къ нему двѣ доски длиною около 1 арш. и шириною около $\frac{3}{4}$ арш., приобрѣтите себѣ хорошую лупу, сдѣлайте тетрадь для необходимыхъ замѣтокъ—вотъ все, что нужно для начала дѣла.

Первое растеніе, которое обращаетъ на себя вниманіе ранней весной въ нашихъ сѣверныхъ краяхъ, есть такъ называемый селезеночникъ или первоцвѣтъ. Въ садахъ или маленкихъ рошцахъ, по дождичкамъ растетъ часто большими группами этотъ нѣжный желтозеленый цвѣточекъ. По табличкамъ Кауфмана вы легко опредѣлите это растеніе; позже найдете на немъ плоды въ видѣ крошечныхъ черныхъ бисеринокъ, лежащихъ на зеленомъ блюдечкѣ; вообще надо замѣтить, что гербарій тогда только будетъ имѣть научное значеніе, когда заключающіяся въ немъ растенія представляютъ всѣ главные фазы своего развитія, т. е. когда экземпляры однаго и того же растенія засушены по крайней мѣрѣ въ трехъ видахъ: въ томъ видѣ, въ какомъ растеніе только что поднялось изъ земли, затѣмъ въ цвѣту и, наконецъ, съ плодами. Выкапывать растенія изъ земли надо непрѣтливо съ корнями и при томъ стараться не отломить нижнихъ корневыхъ листьевъ. Форма и строеніе корней часто служатъ важными признаками отличія видовъ, также и форма корневыхъ листьевъ,—она часто существенно отличается отъ формы верхнихъ, стебельныхъ. Опредѣляя растенія по описаніямъ, всякій увидитъ, нужно-ли сохранить корни, или нѣтъ; если нужно, и эти корни очень толсты, то они разрѣзываются вдоль пополамъ, если-же отрѣзываются прочь цѣликомъ, засушиваются отдѣльно и затѣмъ помещаются въ гербарій. Выпадающія изъ своихъ вмѣстѣлищъ сѣмена собираются въ бумажный капсюль; капсюль этотъ можно приколоть булавкою къ листу бумаги, въ который растеніе укладывается окончательно. Растенія липкія или такія, кото-

*) Для знающихъ нѣмецкій языкъ рекомендую „Flora Ingrica von Karl Meinshausen. St.-Pet. 1878“ и „Illustrirte Flora von Herm. Wagner“—прекрасное изданіе съ множествомъ рисунковъ, стоитъ 7 р.

На елву. Дѣтскій маснарадъ. Торжественное шествіе въ большой залъ. Рис. Вебстеръ, грав. Шюблеръ.
Библиотека "Руниверс"

На елку. Елка въ дѣтскомъ пріютѣ. Рис. В. Шпазъ, грав. Шюблеръ.

ры выбрасывают из себя споровую пыль, надо и засушивать, и хранить в папиросной или, еще лучше, восковой бумаге.

Тому, кто собирает растения в ближайших окрестностях своего жилища, вполне возможно иметь их во всех означенных видах; он может изредка приходить на то место, где растет замеченное им растение и выжидать его полного развития, редкие же экземпляры, например, некоторые виды орхидей и папоротников, нужно пересаживать к себе в сад. Пересадка редких растений часто единственный способ сохранить их для гербария в требуемом виде, тем более, что способ этот очень прост. Надо только наблюдать, чтобы пересаженное растение пользовалось в саду теми же самыми условиями, которые окружали его в родном уголке, т. е. если оно росло, например, на сырой, богатой перегноем почве, в тени, то и дать ему такую же почву и тень. Я полагаю, каждый в своем саду или роше может отвести уголок для устройства собственного ботанического сада; наблюдения за пересаженными растениями принесут начинающему гораздо больше пользы, чем дальние, поверхностные путешествия, на которые вообще можно и полезно пускаться только людям, уже хорошо знакомым с делом. Однако, в ботанической саду надо пересаживать только редкие растения или такие, у которых плоды появляются, когда цветы уже опали или листья появляются после цветения, иначе можно так загромодить сад, что и не разберешься в нем.

Возвратимся к селезеночнику. Определив его по таблицам Кауфмана или Мейнсаузена и узнав, что оно называется по латыни *Chrysosplenium alternifolium* и принадлежит к семейству камнеломковых, вы записываете в журнал под номером эти названия, месяц, число, место и почву, на которых растение найдено, затем обоее осторожно землю с корешком (но отнюдь не самое растение, так как будучи уложено в бумагу мокрым, оно почернеет) положите его в лист протечной бумаги, вложите туда же клочек бумаги с тем же №, под которым растение занесено у вас в журнал, расправьте листики самым тщательным образом посредством костяного ножичка и положите лист бумаги, заключающий в себя растение между двумя или тремя листами газетной бумаги, а всю пачку между двух досок, которые и зажмете, но не туго, в пресс. Есть растения, листья у которых сидят очень тесно; во избежание слипания и подпорчивания их, надо перекладывать эти листья клочками папиросной бумаги, равно как лепестки большого размера цветов. Растения с мясистыми листьями перед укладкой в суше, надо окунуть корнями раз или два в кипящую воду. Пресс зажимается, как я сказал, не туго, потому что в противном случае стебли и цветы будут раздавлены и растение обезобразится. Мясистую бумагу надо в начале как можно чаще, по крайней мере два раза в день, иначе растения почернеют и заплывут. Делается это так: развинтив пресс, вынимайте доску, стараясь не расшевелить лежащей между ними пачки бумаги, вложите всю пачку перед собою на стол, а справа два листа сухой газетной бумаги. Сняв с пачки верхние сырые газетные листы, отбрасывайте их на пол, а лист оберточной с заключающимся в нем растением кладите на сухие листы газетной и покрывайте его снова листами такой же сухой бумаги. Как бы влажен ни был лист оберточной бумаги, *никогда не вынимать из него растения*, пока оно не высохнет вполне. Таким образом перекладываются и все прочие листы, а влажные газетные листы развешиваются для просушки, только не в комнате, так как они испускают тяжелый запах. Когда растение вполне высохло, что узнается прикладыванием его к губам (пока оно холодно, значит оно не просохло), вы кладете его в лист чистой бумаги на правую внутреннюю сторону листа и прикрываете заготовленными заранее бумажными полосками, кончики которых намазываются крахмалом или вишневым клеем. На первой странице листа пишутся латинское и русское названия растения, время и место его нахождения и проч., но не под самым растением, как делают некоторые, потому что при первом способе вы избегаете излишнего труда перекладывания; в случае надобности отыскать какое-нибудь растение в гербарии, также точно не надо пришивать растений нитками, потому что растения при этом легко ломаются.

Когда у вас накопилось таким образом несколько растений, принадлежащих к одному семейству, кладите все растения этого семейства в согнутый пополам лист тонкого картона и надписывайте на нем название семейства, затем располагайте экземпляры каждого семейства по родам, а самые семейства в алфавитном порядке; тогда, в случае надобности, можно очень быстро отыскать любое растение даже в самом большом гербарии. Хорошо засушивать каждое растение не в одном экземпляре; это удобно на случай если один экземпляр испортится, тогда есть запасные.

Гербарии, как и всякие коллекции, портятся часто паразитами, потому полезно класть в пакки лавфору, или посыпать ею и сами растения.

Есть много различных способов засушивать растения, я привожу здесь тот именно, который нашел самым удобным и дешевым. Следует избегать таскать с собой на экскурсии тяжелые кожаные и клеенчатые портфели или жестяные цилиндры, надо брать легкую корзину, два больших ситцевых платка. Набранные растения завертывают в один платок и покрывают его другим, намоченным предварительно в воде. В такой обортке растения сохраняются в свежем виде сутки и более, мелкие же растения, которые легко могут затеряться в массе крупных, укладываю в жестяную коробку. Для экскурсий необходимо брать с собою также маленькую железную ручную лопаточку для копания земли и железный же багорчик, насаженный на палку для вытаскивания водяных растений.

Едва ли не труднее определения растений—умные розыскивать их. Опытный глаз замечит множество особенностей, по которым неопытный глаз скользит без внимания. Я знал одного изыскателя, который если пришел на дуг, то обойдет этот дуг вдоль и поперек; если пришел в лес, то залезет под каждую елочку: даже влезет на дерево и вездь тычет, скоблит и наблюдает. И действительно, лежа в траве и раздвигая ее тихонько руками, он замечал и выдергивал маленький „мышехвостик“, которого я тщетно искал раньше, хотя это растение вообще редкое; порывшись в сухих листьях, он вытаскивал чудесный экземпляр *Monotropa*; залезая чуть не по колено в торфяную топку, он доставал длинностигную рослянку, наконец из под ног у испуганной коровы выхватывал редкостный экземпляр *Botrychium*.

У нас, на Руси, существуют собрания, огромные ботанические сады, для общества естествоиспытателей, издаются капитальные сочинения по разным отраслям естествознания, предпринимаются экспедиции за десятки тысяч верст с научными целями, а как мало это знают! Видели вы эти сады? знаете где и какая есть общества? читали издаваемые ими труды? Есть в Москве „Общество испытателей природы“; это учреждение отнеслось сочувственно к моим трудам; если вы соберете хороший гербарий и пожелаете, чтобы он не пропал без пользы для науки, как пропадает множество хороших коллекций, идите в это общество, оно обратит на ваш труд внимание.

У нас детям любознательные люди часто не знают, на что направить свою любознательность, ищут кто бы научил их употребить свое время с пользой и не находят. Они не знают о существовании садов и обществ (откуда и узнать?) и сады и общества не знают о существовании любознательных людей, которые готовы принести хоть крошечную долю пользы науке. Пример профессора Цангера показал ясно, какую пользу могут извлечь ученые из простого желания людей любознательных приносить пользу, если эти ученые ршались к ним обратиться. Именно этот профессор обратился к обществу Тульской губернии с просьбою послать растений кто где может и сколько может и вот в короткое время была собрана и прислана такая масса растений (58 коллекций), что по ней можно было тотчас составить весьма обстоятельный очерк флоры Тульской губернии, заключающий в себя перечень почти 900 видов *).

Если у нас нет отечественной флоры высушенных растений и для губернии вовсе не исследованы в ботаническом отношении, то относительно таких произведений растительного царства, как грибы, не сделано ровно ничего во всей России. Я хочу сказать здесь слова два о составлении коллекций грибов, тем более что тому, кто занимается составлением гербария, весьма удобно в то же дело заняться и собиранием грибов. Грибы появляются больше тогда, когда высшие растения отцвели и составитель гербария выходит в поле и в лес больше затем только, чтобы собирать семена.

Так называемые шляпочные грибы не требуют большого труда для их сохранения. Гриб разрезывается пополам по вертикальному направлению, затем от каждой половинки отрезывается по одной продольной пластинке. Эти пластинки кладутся между листочками папиросной бумаги, которая в свою очередь помещается между листами газетной и засушиваются под легким давлением. Когда пластинка высохнет, можно соскоблить с нее бумагу, но лучше оставить так как есть (если хотите отправить грибы какому нибудь специалисту для определения), потому что гриб выбрасывает из себя мельчайшие споры, а эти споры необходимо будет исследовать, чтобы точно определить гриб. Из оставшихся половинок ножи со шляпкою вырезывается осторожно вся мясистая ткань и поверхность половинок ножи и шляпки высушивается так же, как и вырезанные ранее пластинки. Грибы имеющие твердую, сухую ткань можно высушивать на воздухе, что же касается тех сортов, которые представляют мягкую, быстро подвергающуюся разложению массу, то я засушиваю их весьма успешно посредством сурьмы кислоты. Именно, беру стеклянную баночку, в которую на-

*) Очерк флоры Тульской губернии Д. Кожевникова и В. Цангера. СПб. 1880.

ливаю до половины концентрированной серной кислоты. На края этой баночки кладу крестъ на крестъ двѣ картонныхъ (лучше металлическихъ) пластинки и чашечка уставляется на дно большой круглой банки, на которую надѣвается стеклянный же колпакъ съ притертымъ краемъ. Когда аппаратъ установленъ, я кладу грибокъ въ картонную коробочку и ставлю эту коробочку на пластинки, затѣмъ плотно прикрываю колпакъ большую банку. Серная кислота какъ известно, имѣ-

етъ свойство отнимать влагу отъ окружающихъ ее предметовъ, такъ что грибокъ быстро высыхаетъ. Способъ этотъ я придумалъ самъ и нахожу его довольно удобнымъ, можетъ быть есть и болѣе удобные и цѣлесообразные, но они хранятся за китайскими стѣнами. На русскомъ языкѣ о грибахъ нѣтъ ничего, знающимъ же нѣмецкій языкъ укажу на хорошее (но дорогое) сочинение: „*Cryptogamen Flora von Otto Müller und G. Pabst, Gera*“ 1874.

ДѢТСКІЯ КНИГИ И ИГРЫ

(Къ Н. вому Году).

Рождественскіе праздники вызываютъ всегда множество различныхъ изданій, предназначаемыхъ специально для дѣтей, съ играми и учебными пособиями, изготовленными здѣшними, московскими и иностранными мастерскими и магазинами. Первая попытка создать средства нагляднаго обучения ребенка, какъ известно родилась въ Германіи. Мысль педагогическихъ игръ, стала у насъ довольно самостоятельна, приспособилась къ нашимъ нравамъ и понятіямъ, усовершенствовалась. Если первая изданія подобнаго рода игръ и книгъ страдали какими либо недостатками, то втория и третія—не оставляли желать ничего лучшаго. Съ нѣкоторыми изъ такого рода изданій мы и хотимъ познакомить читателей „Нивы“.

Живое слово. Пособіе для нагляднаго обучения. Сост. О. Шмидтъ. Рисунки Н. Н. Каразина и Г. Фишера. Лейпцигъ, 1880. 2 т.

Въ Лейпцигѣ вышло великолѣпное изданіе подъ этимъ заглавіемъ—изданіе, которое смѣло можно рекомендовать всякой семьѣ. Тетради переполнены картинками, печатанными красками на прекрасной бумагѣ, особенно ярко и красиво, чтобы нравилось маленькимъ дѣтямъ, что-же касается до исполненія, то достаточно назвать нашего талантливаго художника Каразина—уже имя его ручается за исполненіе—и Г. Фишера. Текстъ, собранный и составленный очень хорошо и цѣлесообразно О. И. Шмидтъ, отличается вкусомъ въ выборѣ стихотвореній и отрывковъ. Тутъ есть маленькія повѣсти Э. М. Достоевскаго и Л. Н. Толстого, стихи Пушкина, Майкова, Никитина, Фета и друг. Прекрасный подарокъ для дѣтей! Каждый томъ стоитъ 2 р. 50 к., что недорого при той массѣ картинъ, какою наполнены книги. Складъ книгъ у Девриена, на Вас. О., по Большому просп., № 8.

Намъ также понравились изданія магазина „Дѣтское Воспитаніе“ въ Москвѣ (Леонтьевскій переулокъ, домъ Мамонтова), изданія по самому характеру своему предназначаемыя для дѣвчонокъ. Составительница этихъ изящныхъ изданій воспользовалась давно извѣстными и очень употребительными, особенно въ провинціи, руководѣльями, дѣланіемъ изъ шерсти и бумаги цвѣтотъ, идущихъ на украшеніе различныхъ подносиловъ, диванныхъ подушекъ и пр. Въ красивыхъ коробкахъ составительница собрала матеріалы (шерсть, канвы, сукно, бумага и пр.), инструменты и изящныя модели.

Нельзя не похвалить составительницу за то, что она останавливается на цвѣтахъ, преимущественно свойственныхъ русской флорѣ, цвѣтотъ фаянсовыхъ не допускаетъ, а учитъ дѣлать столь извѣстныя растенія какъ ромашка, колокольчикъ, незабудка, василекъ и маргаритка; упрекнуть составительницу можно за невѣрный выборъ *оттѣнковъ* шерсти, слишкомъ напр. темный нюансъ незабудки и блѣдную желтую тѣнь для ромашки. Заслуживаетъ вниманія изданный тѣмъ же магазиномъ „*туалетныя куклы*“,—коробка, въ которой помѣщены различныя ткани для бѣлья и для платья куклы, выкройки, швейныя и туалетныя принадлежности. Сочинять занятія и игры для дѣтей необычайно трудно и выдумки подобнаго рода вообще не удаются; намъ кажется, что педагоги должны направить свои старанія на усовершенствованіе

и осмысленіе съ издавна существующихъ занятій и игръ, а не изобрѣтенія новыхъ, которыя въ большинствѣ случаевъ оказываются неудачными.

Въ подобномъ отношеніи чрезвычайно успѣшно работаетъ „С.-Петербургская мастерская учебныхъ пособій и игръ“ (уголъ Троицкаго и Графскаго пер. д. № 11—3), основанная въ 1873 году. Въ семилѣтній срокъ своего существованія мастерская вела непрерывную издательскую дѣятельность, стяжавшую ей многочисленныя и вполне заслуженныя похвалы и у насъ и за границей. Она издѣвала педагогическія игры, различныя занятія, учебныя пособія, руководства и вообще вела самую разнообразную и живую дѣятельность. Кроме этого мастерская сдѣлала нѣсколько изданій, имѣющихъ цѣлю научить дѣтей ремесламъ. Такимъ образомъ она издала „часовщикъ“, въ которомъ собраны всѣ части часоваго механизма необходимыя для сбора ихъ и составленія стѣнныхъ часовъ инструменты; „строителя“, въ которомъ ребенокъ находитъ всѣ необходимыя для возведенія построекъ по рисункамъ матеріалы, какъ-то: кирпичики, бруски, дощечки, цементы, гвоздики, творило и пр., „жестяникъ“, въ которомъ изъ жести можно выдѣлывать различную игрушечную посуду, „коробочникъ“, „иллюминаторъ“ (для дѣланія фонарей), „переплетчикъ“ и пр. Все это очень мило, недорого и занимательно для дѣтей.

Но всѣ эти игры требуютъ отъ дѣтей сидѣнья на одномъ мѣстѣ, сдѣловательно могутъ отозваться вредно, если ихъ не перемежитъ играми требующими движенія. Въ этомъ послѣднемъ отношеніи старанія мастерской были менѣе успѣшны, хотя довольно многочисленны. Самая лучшая попытка въ этомъ родѣ есть биллардъ, на которомъ можно играть не только дѣтямъ, но и взрослымъ, какъ на настоящемъ съ тою разницею, что послѣдній по цѣвѣ доступенъ только людямъ богатымъ, а первый всѣмъ (онъ стоитъ 2 р. 60 к.). Остальныя подвижныя игры, какъ напримеръ „игра въ шары“, не заслуживаютъ вниманія.

Переходя отъ игръ къ учебнымъ пособиямъ, мы укажемъ прежде всего на усовершенствованныя въ оптическомъ отношеніи и удешевленные волшебныя фонари, надъ которыми много трудились одинъ изъ учредителей мастерской А. К. Ержемскаго. Выборъ картинъ къ такимъ фонарямъ весьма богатъ, особенно хороши такъ называемыя подвижныя картины, напримеръ, изверженіе вулкана, который сперва дымится, а потомъ вырывается пламя и огненную лаву, паденіе свѣга, буря и пр. Очень хорошее учебное пособіе представляютъ „Буквы-картинки“,—устроенный по мысли Г. Ресенера ящикъ съ таблицами, на которыхъ печатное начертаніе буквъ связано съ обозначаемымъ ею звукомъ посредствомъ рисунка того или другаго предмета: напримеръ буква *о* изображена въ видѣ обруча, буква *е*—въ видѣ серпа, буква *ж*—въ видѣ жука... Укажемъ наконецъ на „рельефныя картины животныхъ“ съ текстомъ профессоровъ О. А. Гримма и Г. Брандта, очень нравящаяся, какъ говорятъ, въ Англіи.

Филадельфійская всемірная выставка, награждая мастерскую медалью, лестно характеризовала дѣятельность этого учрежденія, какъ „изобрѣтательнаго, оригинальнаго и дешеваго“.

БИБЛИОГРАФІЯ.

Арифметика. А. Н. Канаевымъ изданы на дняхъ два *руководства арифметики*: одно, названное составителемъ „Начинаніе арифметикой“, предназначается для дѣтей отъ 4—7 лѣтъ, другое, заключающее, математическій курсъ цѣлыхъ и элементарныхъ дробныхъ чиселъ—предназначается для оканчивающихъ образованіе начальной школы и для учащихся дома. Оба труда, особенно второй, есть плодъ многолѣтней педагогической практики Г. Канаева, и потому ихъ смѣло можно рекомендовать для занятій съ дѣтьми. Текстъ составленъ самостоятельно. Цѣль этой красиво-изданной тетрадки научить 4—7 лѣтнихъ дѣтей не только счисленію до 10 включительно, но произвошенію и начертанію этихъ первыхъ чиселъ, а равно и четьремъ правиламъ надъ таковыми. Составитель достигаетъ этого посредствомъ рисунковъ, на которыхъ изображенія весьма ярки, красивы и разнообразны, а потому должны запечатлѣться въ дѣтскомъ умѣ съ легкостью.

Учебникъ „Арифметики“ Г. Канаева заслуживаетъ большаго вниманія по той философской основѣ, на которой онъ построенъ. Вопреки всѣмъ составителямъ учебниковъ—авторъ много

отводитъ мѣста опредѣленіямъ величины, сравненіямъ, отношеніемъ и измѣненіемъ которой, онъ доводитъ учащагося до понятія о необходимости единицы. Опредѣливъ эту послѣднюю, авторъ переходитъ къ *числу* и затѣмъ уже къ счисленію. Не вдаваясь въ спеціальныя арифметическія изслѣдованія Г. Канаева, обращаемъ вниманіе читателя на массу сообщаемыхъ авторомъ свѣдѣній изъ той или другой области знанія, сколько-нибудь соприкасающейся съ арифметикой. Авторъ знакомитъ учащагося съ циркулемъ, масштабомъ, транспортиромъ, вѣсами, динамометромъ, барометромъ, маятникомъ, термометромъ, различными начертаніями цифръ и пр. Изложеніе автора просто и общепонятно, такъ что учебникъ его можно смѣло рекомендовать всякому.

1-го декабря вышла послѣдняя декабрьская тетрадь музыкальнаго журнала и газеты „Музелиста“.

Этотъ прекрасный журналъ всегда отличается прекраснымъ выборомъ матерьяла. Музыкальный номеръ его содержитъ въ себѣ новыя пьесы талантливыхъ композиторовъ. Въ газетѣ же помѣщаются интересныя статьи касающіяся музыки,

очерки, биографии известных артистов и композиторов и т. п.

В настоящем № мы можем указать на очерки „Мичурина Соколова“, „Современная французская опера“, и друг. читающиеся с большим интересом. Тут же есть и фельетон и кроме

Слѣшимъ сообщить объ этомъ нашимъ читателямъ, ибо это такой изящный и полный календарь, какихъ мало издается. Въ удобномъ карманномъ форматѣ и красивомъ переплетѣ, эта книга содержитъ въ себѣ календари нѣсколькихъ исповѣданій, всевозможныя справочныя, подручныя свѣдѣнія, какія

На Елму. Воспоминаніе о рождественскомъ вечерѣ. Рис Рислера, грав. Стаблеръ.

того при томъ же № раздается подписчикамъ премія. Выборъ поощряемыхъ статей, какъ мы сказали, совершенно удовлетворителенъ и самое изданіе имѣетъ красивый и изящный видъ.
Записная книга на 1881 годъ (съ картою Европейской Россіи).
Записная книга г. Риккера на будущій 1881 годъ уже вышла.

заключаются вообще въ календаряхъ и кроме того къ ней (какъ всегда и прежде бывало) приложена прекрасная карта Россійской Имперіи. Отличіе этой карты отъ прежнихъ состоитъ на сей разъ въ томъ, что она иллюминирована очень изящно.

(Продолженіе на стр. 1093, 1024, 1095, 1096, 1097, 1098, 1099 и 1100).

С М В С Ъ.

Буфетъ на Везувіи. Къ новой желѣзной дорожкѣ, проведенной на вершину Везувія и къ электрическому освѣщенію, озаряющему по вечерамъ всю гору ослѣпительнымъ свѣтомъ—прибавилось еще новое усовершенствованіе. А именно буфетъ, устроенный въ желѣзномъ домикѣ, стоящемъ на краю кратера; въ буфетѣ этомъ можно найти самыя изысканныя кушанья и вина, такъ что путешественникъ пожелъ у самаго кратера, мирно кушая страсбургскій пирогъ и попивая „Lacrymae Christi“, производитъ наблюденія надъ вулканическимъ и въ то же время любоваться на великолѣпный видъ.

Упражненія съ торпедами въ английскомъ флотѣ. Недавно английская эскадра въ Ла-Валеттѣ производила очень интересные опыты съ торпедами. На миноносномъ суднѣ „Некла“ возвращаясь сюда изъ Корфу, устроена школа для английскихъ морскихъ офицеровъ. Каждое английское судно поочередно отправляетъ своихъ офицеровъ въ эту школу для упражненія въ маневрахъ съ торпедами. Нѣсколько дней тому назадъ 4 миноносца съ судна „Некла“ направили торпеды, заряженные сжигательнымъ воздухомъ, противъ броненосца „Invincible“, защищеннаго охранительной сѣтью. Сѣть эта оказалась превосходной, и торпеды

На Еллу. Торжественный обѣдъ. Рис. Зондерландъ, грав. Кезебергъ.

были отражены съ большимъ успѣхомъ, причѣмъ ни разу не коснулись самаго судна.

Необыкновенное изобиліе ершей. По словамъ корреспондента, напечатанной въ улеборгской газетѣ „Pekjois Suomi“, въ Вихантти было недавно поймано такое множество ершей, что за 25 пени (около 10 коп. по нашему курсу) ими можно было наполнить корзинку, которую два работника съ трудомъ подняли на телѣгу.

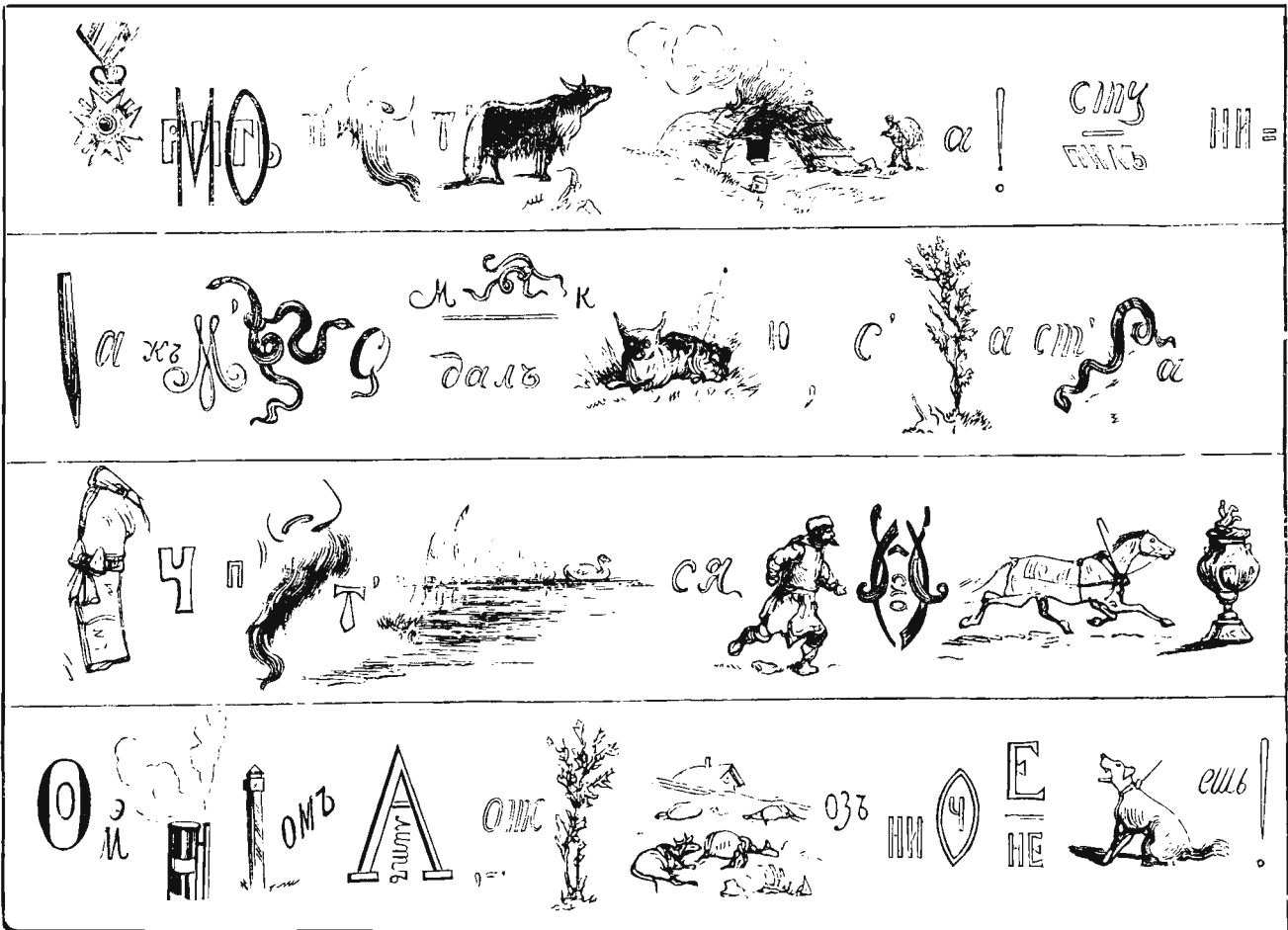
Акклиматизация верблюдовъ въ Америкѣ. Немногимъ извѣстно, что верблюды акклиматизированы въ Сѣверной Америкѣ, главнымъ образомъ на дальнемъ западѣ. Три года тому назадъ, стадо верблюдовъ было пригнано въ Юму, въ штатѣ Аризона; ихъ хотѣли акклиматизировать въ качествѣ въичныхъ животныхъ, но попытка не удалась, потому что климатъ оказался для нихъ суровымъ, и имъ предпочли муловъ. Отпущенныя на волю

ихъ владѣльцами, эти животные вели кочующую жизнь. Они размножились и до того акклиматизировались, что, повидимому, чувствуютъ себя такъ-же хорошо, какъ въ Африкѣ. Ихъ прежніе владѣльцы предполагаютъ теперь снова поработить ихъ и заняться ихъ дрессировкою.

Объ изданіи журнала „Нива“ въ 1881 г.

Мы уже неоднократно заявляли какой богатый матеріалъ имѣется у насъ для будущаго 1881 года: романъ **Вс. Соловьева**, большія повѣсти **Н. Каразина**, **Н. Морснго**, **В. Австенно**, **П. Гнѣдича**, **Н. Успенскаго** и друг. и масса разсказовъ оригинальныхъ и переводныхъ и научно-популярныхъ статей, кромѣ того великолѣпныя преміи—картины **М. Змичи** изъ „Тараса Бульбы“ **Гоголя**; картины чрезвычайно понравились всѣмъ, ихъ видѣвшимъ подписчикамъ и критикамъ, которые уже помѣстили самыя лестныя отзывы во всѣхъ главныхъ органахъ печати—все это говорить само за себя. Съ 1-го № будущаго 1881 г. начнется печатаніемъ прекрасной исторической романъ „Сергій Горбатовъ“ изъ жизни XVIII в., **Вс. С. Соловьева** (автора извѣстн. ром. «Касимовская невѣста», «Юный Императоръ», «Царь-Дѣвица»). При томъ же 1 № будетъ приложенъ бесплатно, Стѣнной Календарь на 1881 годъ, большой, изящно отпечатанный, съ обознач. праздниковъ, таксы гербовой бумаги, желѣзно-дорожнаго пассажирскаго тарифа, таксы почтовыхъ посылокъ и проч.

Прощаясь съ читателями «Нивы» настоящаго года и пожелавъ имъ всего лучшаго въ наступающемъ 1881 году, надѣемся встрѣтить ихъ какъ уже испытанныхъ друзей, въ числѣ читателей и этаго наступающаго года. Они уже знаютъ точность и акуратность выхода, богатство матеріала «Нивы» и знаютъ наше стараніе постоянно улучшать этотъ матеріалъ и преміи и безъ того слишкомъ цѣнныя при скромной стоимости журнала—они знаютъ что мы даемъ постоянно многое сверхъ обѣщаннаго.

Первая десятъ лицъ, которыя рѣшатъ этотъ ребусъ, получатъ въ видѣ награды—преміи, каждыя по одному экземпляру „Нивы“ на 1881 годъ—т. е. всего 10 экземпляровъ, которые будутъ распределены между 5-ю первыми отгадчиками городскими и 5-ю первыми—иногородними. Въ случаѣ, если кто изъ отгадчиковъ уже подписался на „Ниву“, то онъ можетъ передать свой экземпляръ другому лицу, или же получить что либо изъ нашихъ изданій, не превышающее цѣнностью экземпляра „Нивы.“
Рѣшеніе ребуса будетъ помѣщено въ № 7 „Нива“ 1881 г.

СОДЕРЖАНІЕ: Испушеніе (съ рис.)—Нувшинчикъ. Рождественская фантазія Н. Морскаго.—Сочельникъ. Святочный рассказъ (съ рис.) Л.—вой.—Веселыя святки Дина Аллена. Рассказъ Л. Джоза.—Бѣ рисункамъ: Елки. (Стихотв. изъ П. Ляндау) Н. О.—Катанье съ горъ (съ рис.)—Что маѣ подарить? (съ рис.)—Дѣтскій маскарадъ (съ рис.)—Една въ пріютѣ (съ рис.)—Воспоминанія о Елжѣ (съ рис.)—Торжественный обѣдъ (съ рис.)—Какъ составить гербарій. Статья Н. Иванецкаго.—Дѣтскія книги и игры. (Бѣ Новому Году.)—Биографія.—Сибѣ.—Объ изданіи журнала „Нива“ въ 1881 году.—Ребусъ.—Объявленія.

Редакторъ Ф. Бергъ.

Издатель А. Ф. Марисъ.

О Б Ъ Я В Л Е Н І Я .

Поступила въ продажу новая книга:
АРИΘΜΕΤΙΚΑ.
Опытъ руководства къ систематическому курсу теоретической ариѳметики цѣлыхъ и къ элементарному курсу дробныхъ чиселъ.
Преимущественно для окончивающихъ свое образованіе начальной школою и для учащихся дома.
Состав. А. Н. КАНАЕВЪ.
Стран. XII+204, рисунк. 40, ц. 80 коп., пер. за 2 фута.
НОВАЯ КНИГА: **НЯНИНА АРИΘΜΕΤΙΚΑ** для дѣтей отъ 4—7 лѣтъ. Раскрашенныя картинки для изученія первыхъ 10 чиселъ. Текстъ сост. А. Н. КАНАЕВЪ. Ц. 60 к. пер. за 2 ф.
Изданія «С.-Петербургской мастерской учебныхъ пособій и игръ»
— УГОЛЬ ТРОИЦКАГО И ГРАФСКАГО ПЕР. II—III. № 1114 3—2

САМАЯ ДЕШЕВАЯ ДВИГАТЕЛЬНАЯ СИЛА.

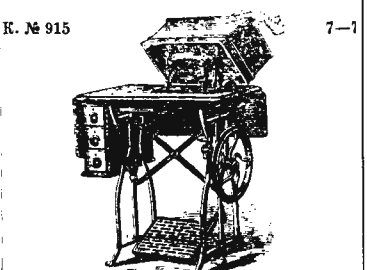
Локомотивы.	Паровыя машины.	Паровыя котлы.
1 лошад. сила 200 тал.	100 тал.	140 тал.
2 " " 300 " "	150 " "	250 " "
4 " " 400 " "	210 " "	350 " "
6 " " 650 " "	300 " "	550 " "
8 " " 850 " "	400 " "	650 " "
10 " " 1000 " "	450 " "	850 " "
и т. д.	и т. д.	и т. д.

FR. O. KÜERS,
Fürstenwalde, bei Berlin.
Д. № 1145

ТЕЛЕГРАФНЫЯ ПРИНАДЛЕЖНОСТИ для домашняго телеграфа, гальванической батареей для электрическаго освѣщенія и т. п. угольные пластинки всѣхъ величинъ изъ натурального угля.
Медицинскіе аппараты.
Henning & Venzke. Berlin Alexanderstrasse, 29. Д. № 1144
Иллюстриров. прейсъ-куррантъ бесплатно.

НОВАЯ КНИГА ДЛЯ ДѢТЕЙ МЛАДШАГО ВОЗРАСТА
С. А. БОВРОВСКАГО
РАЗСКАЗЫ МОИМЪ ДѢТЯМЪ
Съ рисунками художника В. Шпана, гравировка К. Вейермана.
Цѣна въ полкѣ 1 р., съ пер. 1 р. 25 к.
Можно получать въ главныхъ магазинахъ С.-Петербурга, Москвы, Харькова и др. провинц. городахъ.
Главный складъ у издателей Н. Фену и Комп. (СПБ. Невск. просп.) М. № 1138

„ВАРШАВСКІЙ ДНЕВНИКЪ.“
ВЪ 1881 ГОДУ.
будетъ издаваться подъ тою же редакціей и слѣдовать тому же направленію. Рекламы, свѣдѣнія нашему изданію вліятельными органами русской печати своими нападками и завлечіемъ (въ большинствѣ случаевъ) несогласія съ нашимъ направленіемъ, относительно обсужденія русскихъ и общихъ вопросовъ, избавляютъ насъ почти отъ принятаго обычной говорить о себѣ передъ началомъ новаго годоваго періода. Что касается до польскаго вопроса, то мы, по прежнему, будемъ стараться разработывать его помощью посильнаго созиданія того **золотаго моста** на почвѣ мысли и интеллигенціи, который служить наиболѣе вѣрнымъ средствомъ для цѣлей соглашенія и мира.
ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:
а) для иногородныхъ подписчиковъ съ пересылкою:
На годъ 12 р.; на 6 мѣс.—6 р.; на 3 мѣс.—3 р. на 1 мѣс.—1 р.
б) для заграничныхъ подписчиковъ, въ предѣлахъ почтоваго союза:
На годъ 15 р.; на 6 мѣс.—7 р. 50 к.; на 3 мѣс.—3 р. 75 к.; на 1 м.—1 р. 25 к.
Редакція покорнѣйше проситъ гг. подписчиковъ заявить свои требованія и прислать подписныя деньги своевременно, дабы имѣть возможность удовлетворить всѣхъ полнымъ комплектомъ номеровъ газеты.
Адресъ редакціи: Варшава, Медовая, № 18.
№ 1110 3—2
Редакторъ: Князь Н. Н. Голицынъ.

Настоящія американскія швейныя машины **ВИЛЛЕРА И ВИЛЬСОНА,** съ кривою или прямою иглою.
Ножныя или ручныя, или ручныя и ножныя вмѣстѣ:
а) для семейнаго употребленія. бѣлья, платья и т. п.
б) для ремесленнаго производства: для сапожниковъ, портныхъ, сѣдельниковъ и т. д.
Лучшія нѣмецк. ручныя машины. Машины для плиссе и плойки. Американскія вязальныя машины Бикфорда, Тутель и Лямбсъ.
Г. М. ХУТТОНЪ И КОМП.
Малая Морская, № 14, и Невскій пр., № 40.
Москва, Большая Дубянка, домъ Ивановскаго монастыря.
Во время нижегородской ярмарки, въ зданіи каменнаго театра.

ПОСТУПИЛИ ВЪ ПРОДАЖУ.

Въ календарномъ тисненомъ

золотомъ переплетѣ

цѣна 2 р.

СТИХОТВОРЕНІЯ К. СЛУЧЕВСКАГО.

Складъ въ СПб.

въ книжномъ магазинѣ

Новаго Времени.

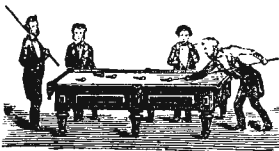
АЛЯ ДАМЪ

Вновь открыта школа кройки и шитья дамскихъ платьевъ и нарядовъ.

Литейный пр. № 60, кв. 11, принимаетъ отъ 11—2 час. дня.

К. Глодзинскій.

Авторъ-издатель, самой усовершенствованной и практичной методы въ 5 изданіи, лучшей привилегіи на изобрѣтенную имъ выкроечную линейку, въ совершенствѣ облегчающую кройку платьевъ самыхъ изысканныхъ фасоновъ. Добросовѣстнымъ отношеніемъ къ дѣлу онъ извѣстенъ какъ за границей, такъ въ Варшавѣ (Медовая ул., д. № 1). Главнымъ стараніемъ его будетъ, оказать услугу обществу какъ и въ другихъ мѣстахъ, гдѣ по его методѣ, уже тысячи лицъ, окончивъ курсъ, открыли школы, мастерскія, также преподають въ разныхъ учебныхъ заведеніяхъ и съ успѣхомъ ведутъ свои дѣла. Кончившимъ курсъ выдать аттестаты. Руководство это,—по которому можно выучиться и безъ помощи учителя какъ въ русскомъ такъ и на польскомъ языкахъ, съ текстомъ 37 табл. рисунковъ и линейной продажей въ его школахъ находящихся въ С.-Петербургѣ и Варшавѣ, по 5 р. с. Иногородные прилагаютъ на пересылку 75 коп. № 1137

Биллиардная Фабрика А. ФРЕЙБЕРГЪ

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Переведена: Изъ чашловскій польск. не далеко отъ Троицкаго собора, по Троицкому проспекту, соб. домъ, № 13.

ПОСТУПИЛИ ВЪ ПРОДАЖУ: ЕЖЕДНЕВНАЯ

ЗАПИСНАЯ КНИЖКА на 1881 годъ.

изданіе **М. И. Румина.**

Карманное изданіе въ роскошномъ англійскомъ переплетѣ съ календаремъ на каждый день, особыми листками для адресовъ, расположенныхъ въ алфавитномъ порядкѣ, многими необходимыми справочными свѣдѣніями и отрывными листками. Цѣна въ 1 страницу на каждый день 1 руб. въ ¼ страницы—75 коп.

ВОИНСТВУЮЩІЙ ИЗРАИЛЬ

В. И. Немировичъ-Данченко.

Изящное изданіе на велевой бумагѣ съ виньеткой Н. Н. Каразина и начальными буквами и заставками художника И. Павлова. Цѣна 1 руб.

Выписывающіе эти книги изъ книжной торговли Н. П. Карбасникова (Васковъ пер. д. № 3, въ С.-Петербургѣ) за пересылку не платятъ. № 1148

ПРИРОДА

И ГОДЪ. **ОХОТА.**

Подписная цѣна: на годъ 13 р., съ пер. 14 р., на полгода 7 р., съ пер. 8 р.

Лицамъ, подписавшимся на 1881 годъ до 1-го января въ редакціи (а не въ книж. магазинахъ) выдаются немедленно или высылаются въ авансъ (вмѣстѣ съ преміей 1881 года) литограф. портретъ С. Т. Аксакова и двѣ большія иллюстраціи, исполненныя въ Парижѣ (Парфорсна охота). Подписка въ расрочку допускается за рутельствомъ назначенъ или по соглашенію съ редакціей, съ правомъ получения премій по уплатѣ всѣхъ подписныхъ денегъ.

Подписка отъ иногородныхъ принимается исключительно въ редакціи (Москва, Тверская, Пименовскій пер. д. Коровина).

Ред. Изд. Л. П. Сабантѣвъ.

Журналъ «Природа и Охота» за 1878 и 1879 гг. можно получить по 10 р. за годъ (на пересылку каждого года прилагается за 10 ф. по расчѣту).—«Журналъ Охоты» и Сборникъ «Природа», издававшіеся до 1878 года отдѣльно, продаются: немногіе оставшіеся экземпляры Журнала Охоты 1874—1877 гг. (7 томовъ, съ 46 хромо-литографированными въ каждой книгѣ. Въ январѣ будетъ расслана годовымъ подписчикамъ большія олеография, исполненная въ Берлинѣ, съ оригина. рисунка, заказаннаго редакціей: «Привалъ охотниковъ».

Журналъ «Природа и Охота» за 1878 и 1879 гг. можно получить по 10 р. за годъ (на пересылку каждого года прилагается за 10 ф. по расчѣту).—«Журналъ Охоты» и Сборникъ «Природа», издававшіеся до 1878 года отдѣльно, продаются: немногіе оставшіеся экземпляры Журнала Охоты 1874—1877 гг. (7 томовъ, съ 46 хромо-литографированными въ каждой книгѣ. Въ январѣ будетъ расслана годовымъ подписчикамъ большія олеография, исполненная въ Берлинѣ, съ оригина. рисунка, заказаннаго редакціей: «Привалъ охотниковъ».

Журналъ «Природа и Охота» за 1878 и 1879 гг. можно получить по 10 р. за годъ (на пересылку каждого года прилагается за 10 ф. по расчѣту).—«Журналъ Охоты» и Сборникъ «Природа», издававшіеся до 1878 года отдѣльно, продаются: немногіе оставшіеся экземпляры Журнала Охоты 1874—1877 гг. (7 томовъ, съ 46 хромо-литографированными въ каждой книгѣ. Въ январѣ будетъ расслана годовымъ подписчикамъ большія олеография, исполненная въ Берлинѣ, съ оригина. рисунка, заказаннаго редакціей: «Привалъ охотниковъ».

Журналъ «Природа и Охота» за 1878 и 1879 гг. можно получить по 10 р. за годъ (на пересылку каждого года прилагается за 10 ф. по расчѣту).—«Журналъ Охоты» и Сборникъ «Природа», издававшіеся до 1878 года отдѣльно, продаются: немногіе оставшіеся экземпляры Журнала Охоты 1874—1877 гг. (7 томовъ, съ 46 хромо-литографированными въ каждой книгѣ. Въ январѣ будетъ расслана годовымъ подписчикамъ большія олеография, исполненная въ Берлинѣ, съ оригина. рисунка, заказаннаго редакціей: «Привалъ охотниковъ».

НОВОЕ ОСВѢЩЕНІЕ ДЛЯ ЕЛКИ!

дающее въ теченіи 2 час. яркій, блестящій свѣтъ и можно привѣшивать къ самымъ маленькимъ и тонкимъ вѣтвямъ. Обходится 10 штукъ 75 к., съ пер. 1 р.

БЕЗОПАСНЫЯ РЕЗИНОВЫЯ ИГРУШКИ

состояція изъ очень красивыхъ, раскрашенныхъ и некрашенныхъ куколъ, домашнихъ и дикихъ звѣрей, прыгающіе лягушки и собаки, летающіе змѣи и прочихъ.

АМЕРИКАНСКІЯ ПАТЕНТОВАННЫЯ ПОДТЯЖКИ

застегивающіяся только на двѣ пуговицы, не стѣсняютъ грудь и удерживаютъ тѣло въ прямомъ положеніи, съ пересылкою 2 рубля.

НОВЫЙ ЭКОНОМИЧЕСКІЙ НОЖЪ

для чистки картофеля, фруктовъ, овощей и проч. Этотъ ножъ рекомендую бережливымъ хозяйкамъ, такъ какъ стоимость его окупается въ теченіи двухъ недѣль. Устройство ножа таково, что при употребленіи его, кухарка не можетъ снять шкурки болѣе чѣмъ допускаетъ отверстие въ ножѣ. Экономія въ чисткѣ отъ 20 до 30%. Ножъ вполне безопасенъ и обрѣзаться имъ невозможно, такъ что работа можетъ быть поручена даже ребенку, съ перес. 1 р. 25 к.

НОВЫЯ ПАТЕНТОВАННЫЯ ВЪШАЛКИ!

для шубъ, пальто и проч. Платья, которыя легко прикрѣпляются безъ иголки и нитки; вѣшалки эти такъ прочны, что никогда не оторвутся, съ пересылкою за пару 1 руб.

НОВЫЯ ПАТЕНТОВАННЫЯ ПУГОВИЦЫ

для панталонъ, прикрѣпляются безъ иголки и нитки, и держуть вѣчно, съ пересылкою за дюжину 75 коп.

АМЕРИКАНСКОЕ ОГНИВО!

въ видѣ спичечницы для носки въ карманѣ, внутри находится свѣчка, которая загорается при малѣйшемъ треніи на краѣ ашарата, съ запасомъ для зажиганія одну тысячу разъ, съ перес. 2 рубля.

АМЕРИКАНСКІЙ ПЕРЕПЛЕТЧИКЪ

съ помощью котораго каждый самъ можетъ переплести брошюры, журналы, книги, документы и проч. съ пер. 2 руб.

ВЫПРАВИТЕЛЬ СПИНЫ!

Новѣйшей системы, лучшее средство противъ выгнутой осанки тѣла, единственное предохраненіе отъ гнущей спины, вѣрнѣйшее средство образовать высокую и широкую грудь, для мужчинъ, дамъ и дѣтей, съ пересылкою 2 р. 50 к.

АМЕРИКАНСКІЯ СТАЛЬНЫЯ ГОЛОВНЫЯ ЩЕТКИ,

признанныя авторитетами, лучше и здоровѣе всѣхъ прочихъ. Онѣ проникаютъ въ самые густые волосы, очищаютъ лучше и нѣжнее голову отъ перхоти, и кто ими разъ чесался, никогда другихъ щетокъ не будетъ употреблять, только надо остерегаться отъ поддѣланныхъ, которыя настолько же вредны, какъ эти полезны. Съ пересылкою 2 рубля.

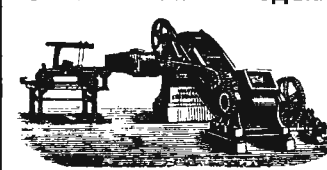
ПАТЕНТОВАННЫЯ СЪЧАТЫЯ ФУФАЙКИ!

Онѣ пропускаютъ чрезъ кѣтки между кожей и верхнимъ платьемъ слой воздуха и лучше другихъ уравниваютъ температуру кожи. Зимой онѣ придаютъ тѣлу приятную сухую теплоту и предохраняютъ его отъ простуды; прочность безконечная. Съ пересылкою 3 р. 50 к.

Рекомендуютъ и многія другія новости по умѣреннымъ и рѣшительнымъ цѣнамъ.

Складъ резиновыхъ издѣлій **РОССІЙСКО-АМЕРИК. РЕЗИНОВОЙ МАУФАКТУРЫ.**
КОНСТАНТИНА МАЛЬМА. Бол. Морская, д. № 36.
№ 1154

ТОРФЯНЫЯ И КИРПИЧЕДѢЛАТЕЛЬНЫЯ МАШИНЫ И МЪШАЛКИ.

для извести и цемента новѣйшихъ конструкций имѣются въ складѣ у инженера

Людвигъ Федоровичъ Шликейзенъ.

Москва, Мясницкая, домъ Ермаковъ. Иллюстрированные каталоги по востребованію. Ц. № 1005 3—3

БАНКИРСКАЯ КОНТОРА ЯКОБСОНЪ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ, Литейный проспектъ, д. № 21.

Продажа 5% съ выигр. билет. съ расрочкою платежей, съ авансомъ по 20 руб. на билетъ.

Выигрѣши, нулевая разнижа и купоны составляютъ собственность покупателя.

Страхованіе отъ тиража 5% съ выигрѣшами билетомъ по 50 к.

Отъ всѣхъ иногородныхъ, включая почтовые расходы, по 60 коп. за билетъ.

Всѣ биржевыя и банкирскія операціи по покупкѣ, продажѣ и залому бумагъ отъ гг. иногородныхъ исполняются по письменнымъ приказамъ черезъ почту.

Пріемъ на коммиссію 5% билетомъ для обѣйна на новыя.

Подробная программа операцій помѣщена въ «Нивѣ» № 5 сего года. № 1038 10—5

ДЕТСКОЕ ЧТЕНИЕ

ИЛЛЮСТРИР. ЖУРНАЛЪ.

Иллюстрир. журналъ. Годъ XIII. Выходитъ ежемѣсячно. Одобренъ и рекомендованъ 4-ми учебными вѣдомствами. Цѣна съ пересылкою 5 руб. 75 коп. съ приложеніемъ педагогическаго листа* 6 руб. 75 коп. Редакция: СПбургъ, Новая улица, № 10. Программа, по требованію, высылается бесплатно.

ЖЕЛАЮ КУПИТЬ ДРЕВНОСТИ ИЗЪ ЗОЛОТА И СЕРЕБРА,

какъ-то: золотыя эмальированныя табакерки, серебряныя кубки, кружки, блюда, группы и вообще всякаго рода золотыя и серебряныя вещи только прошлаго столѣтія, кромѣ монеты. Прошу адресоваться къ г-ну Людвигу Бекъ, Москва, Петровка, домъ Пенскаго, ходитъ съ улицы, противъ Петровской аптеки. № 1016 6-2

ДЛЯ ЛЮБИТЕЛЕЙ ОХОТЫ.

Оставивъ торговый домъ Н. Гонно, открылъ свою оружейную мастерскую и изготовляю лучшіе англійскіе карабины и охотничьи ружья, также поправку револьверовъ и оружія всякаго сорта.

Оружейникъ Федоръ Маца. Въ СПб. Гороховая ул., д. № 51. W № 1134

СЪ 1-го НОЯБРЯ 1880 ГОДА ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА ПОЛУЧЕНІЕ ВЪ ТЕЧЕНІИ 1881 г. ЕЖЕНЕДЕЛЬНОЙ ГАЗЕТЫ ЕКАТЕРИНБУРГСКАЯ ВЕДЬЯ, КОТОРАЯ ВУДЕТЬ ИЗДАВАТЬСЯ ПО ПРЕЖНЕЙ ПРОГРАММѢ.

Подписная цѣна: съ доставкою и пересылкою за годъ 6 р., за полгода 4 р., за 3 мѣс. 3 р., за одинъ мѣс. 1 р. Разсрочка допускается по соглашенію съ редакціей.

Подписка принимается въ конторѣ редакціи, въ г. Екатеринбургѣ, по Воснедовской ул., въ домъ Подковой. Редакторъ П. Штейнфельдъ. Издательница А. Полнова. № 1130

Собственн. работы. Удобное наградъ

въ Дюссельдорфѣ въ 1880 году за превосходнаго качества.

ЦИТРЫ

всѣми признанной отличной работы, добротности, съ большою пѣвучестью звука, отличными струнами, начиная съ 16 мар. вышшаго качества 22 28 36—150 мар. Школа для собствен. наученія. Прейс-куррантъ бесплатно. Фабрика струнныхъ инструментовъ братьевъ Вольфъ въ Крейцнахъ. № 964. 3-2

ВЪ КАМЫШАХЪ, повѣсть Н. Каразина второе изданіе, съ 39 рисунками автора, большой томъ в 8—всего 804 стр. Цѣна 2 р., съ перес. 7р. 30 к. Подписчики „Нивы“ съ перес. не платятъ.

ПРЕЙСЪ-КУРАНТЪ ИЗДАВАНЪ Товарищества Метахромотиписи РАКОЧИЙ, СИДОРСКИЙ И К^о.

Иконописные лицевые святцы по оригиналамъ академика Солнцева.

- 10—12 вершк. мѣсячные—(12 иконъ на годъ) 90 р., 70 р., 48 р. Недѣльные (48 иконъ на годъ) 48 р., 60 р., 39 р.
 - — — Общій образъ двенадцатыхъ праздниковъ—14 р., 10 р., 5 р. 50 к.
 - 7—8 вершковъ, въ отдѣльные образа двенадцатыхъ праздниковъ, а также Воскресеніе Христова, Покровъ Пресвятыя Богородицы—каждый образъ по 3 р. 50 к., 2 р. 75 к. и 2 р.
 - 7—6 вершковъ, Господь Вседержитель, Неукротивенный Спаситель, Казанская Б. М. Иверская, Касперовская, Почаевская, Георгій, Александръ Невскій, Афонскіе святцы, Николай Чудотворецъ, Николай Варградскій, Апостолъ Іоаннъ, Ілія, Петръ, и 6—5 Павелъ, Василій—каждый образъ по 3 р., 2 р. 50 к. и 1 р. 50 к.
 - 8—7 Тайная вечеря, Распятіе по 5 р.
 - 4—3 вершка Господь Вседержитель, Спаситель благословляющій дѣтей, Б. М. скорбящая, Неувядаемый цвѣтъ, Умиленіе Отрада или утѣшеніе, Достойно есть, Смоленская, Утоли моя печали, Троегучица, Донская, Тихвинская, Бѣлиническая, Кн. Владиміръ, Сергій Радонежскій, Влассій и Нукола, Пантелеймонъ, Ілія, Софія и 3 дочери, Екатерины, Николай чудотворецъ Александръ Невскій Серафимъ, Тихонъ Задонскій, Митрофаній въ Воронежскій—каждый образъ по 1 р. 25 к., 65 к. и 40 к.
 - Священное изображеніе: Александръ Невскій—въ память освобожденія крестьянъ и сланинъ—масляными красками на бумагѣ 75 к., на деревѣ 2 р. 50 к., „Единый единою чертою“ хитъ Спасителя сдѣланный одной только чертою на бумагѣ 50 к. Тоже съ оригинала (XV в.) 1 р. 25 к.
- Примѣчаніе:** цѣны тройны обозначаютъ: 1-я цѣна—на деревѣ и золотомъ фонѣ 2 я цѣна дерево—простой фонъ и 3-я на холстѣ Кромѣ предметовъ, означенныхъ въ прейсъ-куррантѣ, Товарищество принимаетъ заказы на изготовленіе, въ большомъ количествѣ, точныхъ копій съ чудотворныхъ и другихъ иконъ, а также на: Иконостасы постоянные и походные, одежды на престолы, аналог. Живописные мѣстные образа. Полныя священническія облаченія. Запрестольные кресты и выносные образа. Плащаницы съ бортами выносныя. Напрестольныя плащаницы разм 1 арш. Хоругви съ крестами и бахромою. И на всё вообще церковныя принадлежности и литографіскія работы.
- Одежды на престолы, аналог и др., а также хоругви, иконостасы, иконы и пр., издѣлія товарищества метахромотиписи, отличаются особенно своею красотою и прочностью. Запыленные могутъ быть смываемы теплою водою безъ вреда для дерева, позолоты и красокъ.

КАРТИНЫ

Священной исторіи Ветхаго и Новаго Завѣта, издаваемая товариществомъ метахромотиписи и Ракочій, Сидорскій и К^о, удостоенныя похващенія Имени Ыа Императорскаго Высочества Государыни Цесаревны Маріи Феодоровны и одобренныя Учебнымъ Комитетомъ при св. Синодѣ, составлены согласно съ программами всѣхъ начальныхъ школъ и младшихъ классовъ среднихъ учебныхъ заведеній, обнимаютъ собою всю священную исторію Ветхаго и Новаго Завѣта и служатъ лучшимъ пособіемъ при объясненіи молитвъ, символа вѣры, заповѣдей и богослуженія.

Объ этихъ картинахъ Учебный Комитетъ въ журнальномъ постановленіи отъ 8-го октября за № 176 выразилъ слѣдующее: „Издаваемая заведеніемъ метахромотиписи картина вполнѣ заслуживаютъ одобренія и поощренія, такъ какъ по красотѣ отдѣлки разнѣмъ картинъ, правильности рисунка и выразительности фигуръ—не оставляютъ желать чего либо лучшаго; поэтому учебный комитетъ находить весьма полезнымъ преимущественно предъ всѣми другими изданіями картинъ по закону Божию—рекомендовать это изданіе во всѣхъ учебныхъ заведеніяхъ, какъ духовнаго, такъ гражданскаго и военнаго вѣдомствъ“.

Размѣры каждой картины 9—13 вершковъ безъ полей.

Цѣна полной коллекціи въ 50 картинъ:

Раскрашенная акварелью	26 р.	} въ тонахъ	На пересылку по почтовому положенію прилагается за 9 ф. при выпискѣ полной коллекціи картинъ и за 3 фута при выпискѣ двенадцатыхъ праздниковъ.
1 разрада на слоной бумагѣ	16 "		
2 " " бѣлой "	12 "	} 50 к. черныя	} съ текстомъ
3 " " полубѣлой "	7 "		
На толстой папкѣ съ металлическими коллцами дороже на	10 "		
тоже покрытыя лакомъ	20 "		
12 картинъ изъ двенадцатыхъ праздниковъ, въ тонахъ	3 "		
" " раскрашенная акварелью	9 "		

Тѣ же самыя картины, изданія И. П. Сидорскаго, исправленныя и дополненныя, согласно указаніямъ учебныхъ и ученаго комитетовъ, размѣрами 10—15 дюйм. на толстой александрійской бумагѣ.

Цѣна полной коллекціи съ двенадцатыми праздниками въ 50 картинъ:

На плотной Александрійской бумагѣ въ цвѣтныхъ тонахъ 7 р. и раскрашенная 13 р.

12 картинъ двенадцатыхъ праздниковъ 10—15 дюйм. безъ полей, сдѣланныя масляными красками на толстой бумагѣ 2 р.

Тѣ же самыя картины размѣрами 4—5 вершковъ, на толстой бумагѣ за экземпляръ (въ 48 картинъ 1 р. 50 к., съ пересылкою 2 р. Для вышесказанныхъ картинъ составлено руководство, въ 8-хъ частяхъ, для гг. законоучителей. Цѣна за три части—1 р. 10 к., съ перес.—1 р. 35 к.

На пересылку прилагается за 6 ф. и за 3 ф. при выпискѣ двенадцатыхъ праздниковъ. Для земствъ и для гг. книгопродавцевъ, требующихъ не менѣе 5 экз. картины 9—13 вершковъ уступаются по слѣдующимъ цѣнамъ.

Раскрашенная	по 22 руб.	} безъ пересылки.
1 разрядъ	12 "	
2 " " " "	8 "	
3 " " " "	6 "	} при требованіи же 10 экземпляровъ и болѣе пересылка на счетъ заведенія.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА

На портретъ ГОСУДАРЯ НАСЛѢДНИКА ЦЕСАРЕВИЧА АЛЕКСАНДРА АЛЕКСАНДРОВИЧА, издаваемый Товариществомъ Метахромотиписи съ оригинала удостоеннаго Высочайшаго одобренія и разрѣшенія.

Портретъ размѣромъ 19—15 вершковъ печатается въ 22 краски и выйдетъ въ свѣтъ къ 1 июня 1881 г. Лица подписавшіяся и выслати деньги до 1 мая 1881 года—получаютъ портретъ (на холстѣ) за 10 р. с. но выходѣ портрета въ свѣтъ цѣна ему будетъ назначена 15 руб. сер.

Лица, обращающіеся въ заведеніе съ письменными вопросами, просятъ прилагать почтовую марку на ответъ. Подробные прейсъ-курранты высылаются бесплатно.

ОБЩЕДОСТУПНАЯ ВЕНТИЛЯЦІЯ.

Удобоустройстваемая повсюду и во всякое время года въ жилыхъ, общественныхъ и фабричныхъ помѣщеніяхъ. Впускъ чистаго гнѣтаго воздуха въ помѣщенія съ одновременной вытяжной испорченнаго воздуха

безъ сквозной холодной тяги.

Быстрое согрѣваніе воды для ваннъ, 6 ведеръ въ 25 мин. переносными печами нов. изобрѣтенія.

Большой складъ стамъ Штирійской, тигельной, литой.

Пріемъ заказовъ на машины разн. фабр. и заводск. отраслей.

Исполненіе фабричныхъ прозвонтовъ.

Техническое бюро. С.-Петербургъ: Максимилиановскій переул. д. 23, кв. 13. Специальность „Вентиляція“ № 1143

АВТОФОТОГРАФЪ

для снятія портретовъ и ландшафтовъ, снабженный готовымъ матеріаломъ и представленіемъ, дающій возможность каждому самостоятельно фотографировать. М. Морская, д. № 5, кв. № 21, фот. Е. Гринбергъ. № 1151

Только что вышло изъ печати 3-е изданіе

УЧЕБНИКА ГАРМОНИИ П. ЧАЙКОВСКАГО

Профессора теории музыки Московской Консерваторіи. Москва, у П. Юргенсона, 10, Невскій прѣздъ. С.-Петербургъ, у І. Юргенсона. Варшава, у Г. Зенновальда. П № 1149

ГУЛЯЙ, ДУША!

Полька для фортепіано ИВАНА РЕШЪ. Въ Придворномъ книжномъ магазинѣ М. БЕРНАРДА, Невскій пр., № 10. № 1152

Во всѣхъ извѣстныхъ магазинахъ поступило въ продажу

НОВОЕ УЧЕБНОЕ ПОСОБІЕ

В. ГЕРБАЧА

ШКОЛА ЧИСТОПИСАНІЯ,

10 тетрадей съ прописями для самостоятельныхъ занятій учащихся въ школѣ и дома. Цѣна каждой тетради 10 коп.

Прописи отпечатаны на бѣлой бумагѣ высшаго сорта, въ каждой тетради 20 страницъ въ прочной обложкѣ.

Главный складъ у издателя Н. Фому и Комп. (Сиб., Невскій пр., домъ Армянской церкви).

Торговымъ домамъ значительная уступка.

М. № 1155

Печатается и выйдет на днях въ **НЕЗНАЧИТЕЛЬН. числѣ энз. романъ** 3 тома, отпечат. на изьящ. **ЭНДИМИОНЪ** 12 экз. отпеч. (для подарк.) на бумагѣ. Ц. 2 р. 50 к. съ пер. 3 р. вел. 6 л. в. 4 р. съ пер. 4 р. 50 к.

бывш. 1-го минист. англійск. **Дорда Виконсфильда** перев. съ англійск. Библиотеки и лица желающія получить каждый томъ немедленно по выходѣ, обращаются къ издателью **Николаю Асмарханову**. Спб., Невскій, 90, кв. 23. Выдается и высылается (за 7 к. м.) билетъ. Заготовленъ, по особому заказу, роскошные переплеты въ 1 р. 50 к и въ 2 р. Помочь служить хорошимъ подаркомъ. Безденежныя требованія не исполняются. № 1088 2-2

ПОДПИСКА НА 1881 ГОДЪ.

„МЕДИЦИНСКОЕ ОБОЗРѢНІЕ“

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛЪ СПРИМОНА.

Годовая цѣна 10 р., полугодовая 6 р., Москва, Тверской бульваръ, домъ Ефроса. Ц. № 1120 9-2

ИЗДАНИЕ ЮРГЕНСОНА.

НОТЫ

ДЛЯ

РУЧНОЙ ГАРМОНИКИ

ВЪ НОВОМЪ ДЕШЕВОМЪ ИЗДАНИИ.

ТОМЪ I.

81 ЛУЧШИХЪ ПЕСЕЪ.

АРИИ изъ ОПЕРЪ, ПОПУРРИ, МАРШЕЙ и МЕЛОДІЙ.

Избранныхъ изъ музыкальной литературы всѣхъ націй. Цѣна полному тому 1 р. нет.

ТОМЪ II.

54 ИЗБРАННЫХЪ И СОВРЕМЕННЫХЪ ТАНЦЕВЪ.

Кадрили, вальсы, польки, мажурки, галопы и др. соч. Штрауса, Фауста и др.—національныя пляски. Цѣна полному тому 1 руб. нет.

ТОМЪ III.

92 ИЗБРАННЫХЪ

РУССКИХЪ НАРОДНЫХЪ ПѢСЕНЪ И РОМАНСОВЪ.

Цѣна полному тому 1 р. нет.

КРАТКОЕ РУКОВОДСТВО КЪ ЧТЕНІЮ НОТЪ, ПО ШТРИХОВОЙ СИСТЕМѢ. Ц. 15 к.

(При требованіи полнаго тома, руководство прилагается безплатно.) Для ручной гармоника, по нотной и штриховой системамъ, аранжировалъ и издалъ **Ф. РОМАНОВЪ**.

МОСКВА, у П. Юргенсона; С.-Петербургъ, у I. Юргенсона; ВАРШАВА, у Г. Зенневальда. п. № 1100

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА ИСТОРИЧЕСКОЕ ИЗДАНИЕ

„РУССКІЙ АРХИВЪ“

ВЪ 1881 ГОДУ.

Въ теченіе 1881 года въ „Русскомъ Архивѣ“ будутъ печататься выдержки изъ недавнихъ рукописей **А. С. Пушкина**. Годовое изданіе „РУССКАГО АРХИВА“ въ 1881 году будетъ состоять изъ шести книжекъ или тетрадей, которыя появятся въ свѣтъ по мѣрѣ отпечатанія и составятъ три большіе тома. Цѣна „Русскаго Архива“ въ 1881 г. *девять рублей*.

Подписка принимается въ Москвѣ Ермолаевская Садовая, д. Важеновой.

Въ Петербургѣ, на Невскомъ вл. книжномъ магазинѣ **Мамонтова**. № 1081 3-8

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1881 ГОДЪ.

СЕМЬЯ и ШКОЛА.

1) ПОЛНЫЙ журналъ, изданія годъ XI. Подп. цѣна на годъ съ дост. и перес. 12 р. Отдѣльно: 2) на Иллюстрированный отдѣлъ для дѣтей (12 книгъ) 10 р.; 3) на Учебно-воспитательный отдѣлъ съ Педагогическою хроникою (10 №№ книгъ и 40 №№ Педаг. хр.) 5 р. Подписка адресуется въ Спб., Васильевскій островъ, 15 линія, д. 8, въ контору журнала „Семья и Школа“. № 999 10-4

О ПОДПИСКѢ НА ЕЖЕНЕДѢЛЬНУЮ ГАЗЕТУ „РУСЬ“

ИЗДАВАЕМУЮ И. С. АКСАКОВЫМЪ Т.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

На 12 мѣс. и 6 м.	7 руб. 4 руб.
Съ доставкой и пересылкою въ Россіи	8 „ 5 „
За границу—въ государства всеобщаго почтоваго союза	11 „ 6 „
Желающіе получать газету „Русь“, согласно общепринятому при подпискѣ сроку до 1 іюля 1881 г. (на 7½ м.) и до 1 января 1882 г. (на 13½ м.), прибавляютъ къ вышеуказанной цѣнѣ одинъ рубль.	

Подписка принимается: въ Москвѣ, въ конторѣ редакціи, у Никитскихъ воротъ, въ церковномъ домѣ прихода Большаго Вознесенія; въ С.-Петербургѣ: въ конторѣхъ газетъ „Русь“, книжныхъ магазиновъ „Новаго Времени“, на Невскомъ проспектѣ и М. О. Вольфа, въ Гостиномъ дворѣ. Гг. иногородные благоволятъ адресоваться въ Москву, въ редакцію газеты „Русь“. № 1131

ОБЪ ИЗДАНИИ ВЪ 1881 ГОДУ

ЕЖЕНЕДѢЛЬНОЙ ГАЗЕТЫ

„НЕДѢЛЯ“

14-й ГОДЪ ИЗДАНИЯ.

14-й ГОДЪ ИЗДАНИЯ.

СЪ ПРИЛОЖЕНІЕМЪ ЕЖЕМѢСЯЧНАГО „ЖУРНАЛА РОМАНОВЪ И ПОВѢСТЕЙ“.

Особые обстоятельства требуютъ особаго объясненія.

Послѣ ряда тяжелыхъ годовъ опять наступаетъ свѣтлая полоса въ русской жизни. Честный голосъ получаетъ право слова, честная сила — право служенія на общую пользу, недоумѣнія разъясняются, преграды рушатся—и правда, святая правда вступаетъ въ свои права.

Никогда еще внутреннія затрудненія Россіи не были такъ велики, какъ въ последнее время: всѣмъ тяжело, всѣ жалуются, всѣ недовольны. Но за то же никогда еще истинная причина этихъ затрудненій не сознавалась такъ ясно и никогда рѣшимость правительства покончить съ ними не была такъ сильна, какъ теперь.

Наша газета изданія ставила себѣ главной задачей—разработку основныхъ вопросовъ русской жизни и изслѣдованіе основныхъ ея воль. Къ сожалѣнію, намъ приходилось работать при обстоятельствахъ крайне неблагоприятныхъ; оттого нашъ голосъ звучалъ робостію и невѣрностью; и многое, что мы желали сказать, оставалось недосказаннымъ или вовсе невывказаннымъ, а многое изъ сказаннаго вышло бы безплоднымъ и никому не

нужнымъ. Тѣмъ съ большою радостію прѣвѣствуемъ мы наступленіе „свѣтлой полосы“ въ русской жизни, когда искреннее слово не только становится терпимымъ, но прямо признается полезнымъ и нужнымъ, и когда вообще съ почтита сжимаются тѣготавшія ея узы. Мы радуемся за наше отечество, для котораго наступаетъ эпоха обновленія, и радуемся за самихъ себя, ибо получаемъ возможность служить ему такъ, какъ велитъ намъ совѣсть, долгъ и наше убѣжденіе.

Приглашаемъ къ содѣйствію намъ и нашихъ провинціальныя читательей. Горькій опытъ теперь уже окончательно убѣдилъ вътѣхъ, что жизнь Россіи—не въ Петербургѣ, а въ „провинціи“ и что пока провинція будетъ находиться въ томъ печальномъ положеніи, въ какомъ находится теперь, пока будетъ безправна и безгласна, до тѣхъ поръ самая лучшая правительственная мѣра будутъ оставаться безплодными. Поэтому всякаго рода провинціальныя вопросы теперь получаютъ особое значеніе; а кто же, какъ не самъ житель провинціи, можетъ сказать о нихъ вѣрное и вѣское слово? Въ этомъ именно смыслъ ми и желали бы содѣйствія со стороны нашихъ провинціальныя читателей.

Въ 1881 году «НЕДѢЛЯ» будетъ выходить по прежнему, т. е. еженедѣльно, по воскресеньямъ, большими тетрадями въ 2 листа, въ количествѣ ПЯТИДЕСЯТИ ДВУХЪ номеровъ въ годъ, и съ приложеніемъ **ЖУРНАЛА РОМАНОВЪ И ПОВѢСТЕЙ**. Содержаніе ея слѣдующее: 1) Передовыя статьи по русскимъ и иностраннымъ вопросамъ; 2) внутренняя хроника; 3) заграничная хроника; 4) Статьи общественно-научныя, социально-экономическія, историческія, литературно-критическія и др. 5) новѣсти и рассказы, стихотворенія, этюды изъ дѣйствительной жизни и проч.; 6) критика и библиографія; 7) письма изъ провинціи и заграницы; 8) журналистика; 9) фельетонъ.

«ЖУРНАЛЪ РОМАНОВЪ И ПОВѢСТЕЙ» будетъ выходить ежемѣсячно, въ количествѣ ДВѢНАДЦАТИ КНИЖЕКЪ годъ, составляя такимъ образомъ какъ бы двѣнадцать безплатныхъ приложеній къ газетѣ «НЕДѢЛЯ». Въ немъ помѣщаются какъ переводные, такъ и русскіе романы и новѣсти.

ПОДПИСКА НА 1881 ГОДЪ ОТКРЫТА.

Подписная цѣна газеты «НЕДѢЛЯ» съ приложеніемъ **ЖУРНАЛА РОМАНОВЪ И ПОВѢСТЕЙ** НА ГОДЪ, съ 1-го января 1881 года, 8 рублей, на полгода 5 р. съ пересылкой и доставкой.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ:

Въ С.-Петербургѣ, въ редакціи «НЕДѢЛЯ», на углу Ивановской и Кабинетской. № 6—12.

Редакторъ-издатель **П. А. Гайдебуровъ**

№ 1 135 2-

ОВЪ ИЗДАНИИ ВЪ 1881 ГОДУ ЖУРНАЛА

„Библиотека для чтения“

(Годъ седьмой)

ПРОГРАММА:

Въ журналѣ помѣщаются исключительно романы, повѣсти и рассказы въ переводѣ съ иностранныхъ языковъ на русскій.

Каждый номеръ журнала будетъ содержать въ себѣ, по возможности, одинъ законченный романъ, или часть его и небольшую повѣсть или рассказы.

Годовое изданіе состоитъ изъ 12-ти книгъ отъ 20-ти до 30-ти печатныхъ листовъ каждая. Срокъ выхода ежемѣсячный.

Въ концѣ года, подписывающа на „Библиотеку для чтения“ будетъ выдана въ видѣ преміи 13-ая книжка, отъ 30 до 40 печатныхъ листовъ, которая будетъ заключать въ себѣ одинъ, иногда законченный романъ.

Условия подписки: Въ С.-Петербургѣ и Москвѣ безъ доставки 8 руб. Съ доставкою на домъ въ С.-Петербургѣ . . . 8 — 50 коп. Съ пересылкою иногороднымъ 9 — —

Редакция допускаетъ слѣдующую разсрочку подписныхъ денегъ: при подпискѣ 5 руб. и въ 1-му Мая остальнаго.

Подписка принимается:

Для городскихъ подписчиковъ:—Въ С.-ПЕТЕРБУРГѢ, въ книжномъ магазинѣ Исачкова. Въ МОСКВѢ—при книжныхъ магазинахъ Соловьева и Мамонтова, и въ Центральной Конторѣ объявленій, Петровка, д. Солодовникова, и б. Дмитровка, д. Бучумова.

Гг. иногородные адресуютъ свои требованія непосредственно въ С.-Петербургъ, въ редакцію журнала Библиотека для чтения, Шпалерная ул., д. № 32.

Подписывающіеся съ разсрочкой просятъ обращаться: иногородныхъ исключительно въ редакцію, а городскихъ въ СПб. въ книжный магазинъ Бортиеваго, уголъ Троицкаго и Грабскаго пер.; въ Москвѣ: въ Центральную Контору Объявленій, Петровка, д. Солодовникова. № 1006 На 1880 годъ подписка еще продолжается. Ц. 6—5

Только что вышла въ свѣтъ и продается во всѣхъ книжныхъ магазинахъ новая книга

Е. Н. ВОДОВОЗОВОЙ: НА ОТДЫХЪ.

Иллюстрированныя рассказы для маленькихъ дѣтей. Съ 40 картинками въ текстѣ. Цѣна 2 р. 50 к. въ изящномъ переплетѣ 3 р. 20 к. № 1141

ОТКРЫТА ПОДПИСКА

годъ второй. на 1881 годъ годъ второй. НА ЕЖЕДНЕВНУЮ ПОЛИТИЧЕСКУЮ, ОБЩЕСТВЕННУЮ и ЛИТЕРАТУРНУЮ ГАЗЕТУ

„РУССКІЙ КУРЬЕРЪ“.

УСЛОВІЯ ПОДПИСКИ:

Table with subscription rates for 'Русский Курьер' in various cities and for different durations.

ПОДПИСКА НА

„БИРЖЕВЫЯ ВѢДОМОСТИ“

СОЕДИНЕННОЕ ИЗДАНИЕ

„БИРЖЕВАГО ВѢСТНИКА“ и „РУССКАГО МИРА“.

Потененное развитіе изданія, — преобразовавшееся въ теченіи года, изъ еже-недѣльнаго журнала „БИРЖЕВОЙ УПАТЯТЕЛЪ“.

Успѣхъ изданія объясняется обиліемъ и точностью всѣхъ сообщаемыхъ газетою свѣдѣній и корреспонденцій, а также непреклоннымъ слѣдованіемъ по разѣ начертанной программѣ „стоять на стражѣ и интересовъ русской публики и русскаго торговаго-финансоваго міра“.

Помѣщая, между прочимъ, также политическій, общественный, литературный и музыкально-театральный отдѣлы, газета охватываетъ, какъ донынѣ, преимущественно газетой биржи, финансовъ, торговли и промышленности, сохраняя притомъ свое нынѣшнее безплатное приращеніе — „Тиражный Листокъ“.

Въ газетѣ сосредоточивается отчетность русскихъ акціонерныхъ и прочихъ кредитныхъ учреждений.

Редакціей обращено особенное вниманіе на ТОВАРНЫЙ ОТДѢЛЪ, въ которомъ участвуютъ уже нынѣ болѣе 80 русскихъ и иностранныхъ корреспондентовъ-спеціалистовъ.

Подписная цѣна съ доставкою и пересылкою:

Table with subscription rates for 'Биржевые Ведомости' and 'Русский Мир'.

Контора редакціи помѣщается въ С.-Петербургѣ, по Малой Морской ул., въ д. 19, кв. 2, куда вросимъ адресовать подписныя требованія.

Редакторъ: П. С. Макаровъ. Издатель: С. М. Пропперъ. № 1004 4—2

№ 1139 Въ Книжномъ магазинѣ К. Риммера, въ С.-Петербургѣ Невскій пр., № 14, поступила въ продажу ЗАПИСНАЯ КНИГА на 1881 годъ, въ 4-хъ изданіяхъ. I-е изд. съ 1/2 стр. на каждый день. Ц. 80 к., съ пер. 95 к. II и III-е изд. съ 1/2 стр. на каждый день. Ц. по 1 р., съ пер. по 1 р. 15 к. IV-е изд. съ цѣлою стр. на каждый день. Ц. 1 р. 20 к., съ пер. 1 р. 35 к.

СЪ НОВАГО 1881 Г. БУДЕТЪ ВЫХОДИТЬ ВЪ ПЕТЕРБУРГѢ 5 РАЗЪ ВЪ НЕДѢЛЮ:

НОВАЯ ГАЗЕТА

УЛЕЙ

ГАЗЕТА ГАЗЕТЪ

безъ предварительной цензуры.

ЗАДАЧА ГАЗЕТЫ „УЛЕЙ“. Не всякій имѣетъ возможность прочитывать множество отечественныхъ и иностранныхъ газетъ и журналовъ и не всякій въ состояніи приобрести ихъ, а большинство читателей нынѣ уже не довольствуется чтеніемъ одного какого либо органа, желая знать все что пишется и обсуждается въ другихъ періодическихъ изданіяхъ.

Въ виду этихъ соображеній редакція „УЛЕЙ“ или „Газетъ Газетъ“, поставила себѣ задачей: 1) сохранить у читателя время, избавляя его отъ чтенія громадной массы періодическихъ изданій; 2) сберечь у него деньги на приобретение ихъ, и съ этою цѣлью передавать ему все замѣчательное, любопытное и достойное вниманія въ газетахъ.

Выражаясь фигурально, газета „УЛЕЙ“ послужитъ зеркаломъ современной журналистики и вообще литературы, и въ особенности будетъ полезна тѣмъ, кому дорого время.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА.

Table with subscription rates for 'Улей' in different durations.

Подписка принимается въ С.-Петербургѣ, въ конторѣ редакціи „УЛЕЙ“, въ Поварскомъ переулкѣ, д. № 10, лѣ. № 3 и въ книжномъ магазинѣ Н. Мартынова, на Невскомъ проспектѣ, противъ Гостиннаго двора, № 46.

Для ознакомленія публики съ системою изданія газеты „УЛЕЙ“ на-дняхъ будетъ выпущенъ пробный номеръ, который всякій можетъ получить безъ платн о, доставивъ въ редакцію свой адресъ. № 1109 2—2

Редакторъ-издатель Ар. Эвальдъ.

Съ января 1881 г. будетъ издаваться въ С.-Петербургѣ новая безцензурная политическая и литературная газета, съ ежедневными телеграммами, политическими и иностранными биржевыми,

ГЛАСНОСТЬ

съ приложеніемъ по одной книжкѣ въ мѣсяцъ, отъ 10 до 12 печ. лист. каждая ЕЖЕМѢСЯЧНАГО ОБОЗРѢНІЯ.

Газета будетъ выходить утренними и вечерними выпусками, кромѣ дней слѣдующихъ за праздниками, всего въ недѣлю 5 выпусковъ большими листами и не менѣе одного прибавленія. Программа газеты и „Ежемѣсячнаго Обзорнія“ такая же, какъ у всѣхъ большихъ газетъ и ежемѣсячныхъ журналовъ.

Подписная цѣна съ доставкою и пересылкою, на утренній и вечерній выпускъ газеты:

Table with subscription rates for 'Гласность' with and without attachments.

Для годовыхъ и полугодовыхъ подписчиковъ допускается разсрочка со взносомъ при подпискѣ впередъ за 2 мѣсяца, а затѣмъ ежемѣсячно не менѣе какъ за мѣсяцъ, по расчету отъ подписной цѣны. Гг. служащіе пользуются разсрочкой чрезъ своихъ казначеевъ, безъ взноса денегъ впередъ.

Иногородные подписчики, желающіе получать вечерніе выпуски гизетъ по почтѣ одновременно со всѣми петербургскими ежедневными газетами, равно и всѣ заграничные подписчики, приплачиваютъ къ означеннымъ цѣнамъ, на пересылку номеровъ съ марками, по 60 к. за каждый мѣсяцъ срока подписки, такъ какъ вечерніе выпуски не могутъ быть отсылаемы въ день выхода иначе, какъ по правиламъ о бандерольныхъ отправленіяхъ, а не по газетной таксѣ.

Редакція и главная контора: Васильев. остр., 5 лин., д. № 6, кв. № 5. Иногородные адресуютъ деньги непосредственно въ редакцію.

Газета предначинается для людей средняго и малаго достатка, какъ самая дешевая изъ всѣхъ издающихся столичныхъ ежедневныхъ газетъ, и будетъ служить органомъ матеріальныхъ и политическихъ интересовъ тѣхъ классовъ среди всѣхъ сословій страны, которые, будучи исключительно трудовыми, могутъ быть названы интеллигентнымъ пролетариатомъ. Главнѣйшей же задачей газеты мы поставимъ самую широкую гласность, относительно злоупотре-бленій и недостатковъ въ нашемъ гражданскомъ и общественномъ быту и въ особенности относительно злоупотребителей. Письма и корреспонденціи могутъ быть и безъ подписей, хотя редакція, имѣя въ виду пользоваться ими, не будетъ, однако, печатать ихъ цѣлкомъ безъ предварительной проверки фактовъ или слуховъ. Издатель и за редактора А. Героглифовъ.

ВЪ МАГАЗИНЪ ПАВЛА БУРЕ
 фабриканта часовъ.
 Поставщикъ Высочайшаго Двора, часовыхъ дѣлъ мастера Импер. русск. флота, Е. И. В. Великаго Князя Константина Николаевича.
СЕРЕБРЯНЫЕ МУЖСКИЕ ЧАСЫ,
 заводящиеся ключемъ:
 Анкерныя на 15 камняхъ завытны 22, 25 и 30 руб.
 Такіе-же 1-го сорта 35 и 40 р. заводящиеся безъ ключа (въ ручку): Анкерныя на 15 камняхъ завытны 37 и 35 руб.
 Такіе-же 1-го сорта 40 и 46 р. Тоже высшаго достоинства 50, 55 и 60 р.
 Ручательство на два года.
 Къ часамъ, заводящимся ключемъ прилагается серебряный ключъ.
 Пересылка на счетъ магазина.
 Подробный прейсъ-курантъ высылается по требованію безплатно.
 Спб. Невскій просп., № 23. № 820

АДШИДЪ А УНИЧТОЖИТЕЛЬ ГАДОВЪ.
 Англійское вѣрное и при томъ дешевое средство отъ **КРЫСЪ И МЫШЕЙ**
 рекомендуется и продается магазиномъ **Р. Кёлеръ и К^о.** въ Москвѣ. (На Никольской). Въ конвертахъ по 15, 25 и 45 коп. Иногородные могутъ присылать стоимость марками, прилагая на пересылку по 10 коп. Ц. № 1007 3—2

ПРОЧНАЯ И ДЕШЕВАЯ МУЖСКАЯ И ДАМСКАЯ ОБУВЬ
 ВЪ МАГАЗИНЪ **Л. ЦЮЛКОВСКАГО И К^о.**
 Невскій пр., № 54.
 Между Большою и Малою Садовой К. № 1118 5—2.

НАШИ ПОРОШОКЪ И МАСЛО
 для чистки мѣдныхъ вещей придаютъ самоварамъ, подсвѣчникамъ, лвернямъ и оконнымъ приборамъ, кухонной посудѣ и проч.
совѣтъ особенный блескъ и продается по 30 к. за пару.
 Для чистки же ножей, ножицъ и пр. стальныхъ вещей какъ и для чистки **БРОНЗЫ и СЕРЕВРА** рекомендуемъ наши англійскіе порошки
Р. КЁЛЕРЪ И К^о.
 въ Москвѣ, магазинъ аптекарск. товаровъ. Никольская, на углу Черкаскаго пер. 8—6

ШОКОЛАТЪ,
 разрѣшенный медицинск. начальствомъ, для изнуренныхъ, слабыхъ и худощавыхъ, составляетъ самое лучшее питательное и укрѣпляющее средство, особенно рекомендуемое для восстановления утраченныхъ силъ.
 Шоколатъ этотъ готовится изъ лучшихъ цѣлесообразныхъ снадобовъ, подѣломъ лучшихъ наблюдателей. Для дѣтей онъ вполнѣ замѣняетъ рыбій жиръ.
 Д-ръ медицины ШТРАССЕРЪ.
 Въ Москвѣ, Нижне-Кисельный переулокъ, домъ Шагаева.
 Иногороднымъ за высылку 5 рублей, дѣтя за 1 ф. 1 р. 30 к., отпускается 4 фунта этого шоколата, меньше не высылаются.
 Цѣна для торговцевъ и перепродавцевъ по 40 р. за худъ. № 1142 3—1

С.-ПЕТЕРБУРГСКАЯ ХИМИЧЕСКАЯ ЛАБОРАТОРІЯ.
 Съ разрѣшенія С.-Петербургской Врачебной Управы.
ПУДРА ВЕЛЮТИНЪ придаетъ кожѣ вѣрный и особенно свѣжій видъ замѣняетъ всякую рисовую пудру и бѣлила, короба 60 коп.
ПУДРА ДОНГОЛА розовая, охлаждающая лицо, кор. 30 к.
КРЕМЪ ОРИЗА 1 р. РУМЯНА и БѢЛИЛА, сухія и жидкія.
ОСТЕРЕГАТЬСЯ ПОДРАЖАНІЙ
 къ которымъ прибѣгаютъ нѣкоторые фабриканты, призывніе названія фирмы, близо подходящихъ къ фирмѣ С.-Петербургской Химической Лабораторіи, и копирующіе наружный видъ произведеній ея.
 Обращать вниманіе при покупкѣ каждаго предмета на точность фирмъ:
„С.-П.-БУРГСКАЯ ХИМИЧЕСКАЯ ЛАБОРАТОРІЯ“
 ЕДИНСТВЕННЫЕ МАГАЗИНЫ ВЪ С.-ПЕТЕРБУРГѢ.
 1) Невскій проспектъ, д. № 32, Батолыч. керванъ
 2) Невскій просп., у Аничкова моста, № 66.
 3) Вознесенскій просп., уголъ Казанской ул., домъ № 18—54, Шредера.
 Въ прочіе, магазинъ и лавки, живущіе вывѣскою, сходною съ вывѣскою С.-Петербургской Химической Лабораторіи, ей не принадлежать.
 № 1078

ВЪ ОНТОВОМЪ СКЛАДѢ СМАЗОЧНЫХЪ ИЗДѢЛІЙ
В. П. ГАННЕМАННА.
 Въ Спб. на Вознесенскомъ пр., уголъ Казанской ул., № 15—45.
 Продается **МАСЛО ДЛЯ ШВЕЙНЫХЪ МАШИИ**, превосходнаго качества, по 10, 15, 20 и 25 к. за флаконъ;—а за футъ по 30 коп. безъ посуды. Для провинцій менше 100 флаконовъ или 1 пуда не отправляется.
 И № 1134

ШВЕДСКІЯ КУРТКИ
 на мѣху и фланелѣ отъ **12 руб.**
 въ магазинѣ **Л. ЦЮЛКОВСКАГО И К^о.**
 Невскій пр. № 54.
 Между Большою и Малою Садовой. К. № 1118 5—2

ПРЕКРАСНЫЙ ПОДАРОКЪ НА ЕЛКУ.
 ИЗДАНИЕ А. Ф. МАРЕСА. ВЪ С.-ПЕТЕРБУРГѢ.

ПОТЕРЯННЫЙ И ВОЗВРАЩЕННЫЙ РАЙ.
 Поэмы Джона Мильтона.

Большое изданіе in folio, съ 50 большими превосходными картинами **Густава Дорэ.**
 Переводъ съ англійскаго А. Шульговской, съ полнымъ подстроичнымъ англійскимъ текстомъ.
 ИЗДАНИЕ ЭТО ПОСВЯЩЕНО ЕЯ ИМПЕРАТОРСКОМУ ВЫСОЧЕСТВУ ГОСУДАРЫНѢ ЦЕСАРЕВНѢ.
 Цѣна въ хорошемъ каленкоровомъ переплетѣ 25 р., съ перес. 30 р. Для подписчиковъ «Нивы» 1881 г. 20 р. съ перес. 25 р. Въ роскошномъ полуагреневомъ переплетѣ, съ золотымъ обрѣзомъ и въ футлярѣ 30 р. съ перес. 35 р. Для подписчиковъ «Нивы» 1881 г. 25 р. съ перес. 30 р.
 По выходѣ оно было встрѣчено прессой живѣйшимъ сочувствіемъ и весьма лестными отзывами. Такъ въ „Голосѣ“ въ № 336, отъ 5 Декабря, было сказано:

„Наша переводная литература обогатилась на дняхъ новымъ изданіемъ, въ которомъ несомнѣнное литературное „достоинство соединяется съ рѣдкою въ Россіи роскошью типографскаго искусства. Изданіе это, знаменитая поэма Мильтона „Потерянный рай“, переведенная въ прозѣ Г-жею А. Шульговскою. Переводъ вполнѣ удовлетворителенъ. Онъ соединяетъ въ себѣ замѣчательную близость къ подлиннику съ прекраснымъ литературнымъ языкомъ, передающимъ какъ нельзя лучше тонъ англійскаго текста.“

„Что же касается изданія, то оно поражаетъ тою солидною роскошью, которая составляетъ отличительное свойство французскаго изданія подобнаго рода. Оно представляетъ богато-переплетенный фоліантъ и украшено 50-ю великобланными гравюрами съ рисунковъ Густава Дорэ. Каждая мелкая подробность показываетъ чисто любительское отношеніе къ дѣлу и приноситъ честь издателю г. Марксу, надѣлвшему нашу иллюстрированную литературу книгой, которая смѣло можетъ соперничать со всѣмъ, что выходитъ въ этомъ родѣ въ западной Европѣ. Лучшаго и изящнѣйшаго подарка къ предстоящимъ праздникамъ нельзя и пожелать для тѣхъ, которые въ роскошныхъ иллюстрированныхъ изданіяхъ, украшающихъ ихъ библіотеки или столы ихъ гостиныхъ, ищутъ не одной только вѣшной изящности но и внутренняго достоинства книги.“

Подобныя же, еще болѣе лестныя, отзывы были помѣщены также: во многихъ журналахъ.

ПРЕМІЯ
 Къ „Собранію Романовъ“ 1881 года.

Юбилейный номеръ, отдѣльный, кромѣ двѣнадцати ежемѣсячныхъ, со статьями русскихъ писателей. Тамъ будутъ помѣщены:
Рабьина, повѣсть В. Г. Австеню. Изъ міра шведской и финской поэзіи, академикъ Я. К. Грота. Историческій разсказъ Г. П. Данилевскаго. Разсказъ Н. С. Лыкова. Обзоръ новѣйшей русской литературы А. П. Милюкова. Маркизъ д'Овриезъ д'Онелъи, разсказъ его же. Статья В. В. Стасова. Три дня изъ жизни молодого человека, повѣсть Е. Н. Ахматовой. Для январской книжки приготовлено: Песчаный городъ, романъ Жакомо. Эндиміонъ, романъ Дизраэли (Лорда Биконсфильда). Для февральской: Загадочныя происшествія въ Герон-Дайнскомъ замкѣ, романъ Спейта.
 Цѣна за всѣ 12 книгъ и тринадцатую, составляющую премію—десять руб. пятьдесятъ коп., съ доставкою въ С.-Петербургѣ—одиннадцать рублей, для иногородныхъ подписчиковъ—двѣнадцать. руб.
 Подписка принимается исключительно на имя издательницы Елисаветы Николаевны Ахматовой, въ домѣ Жербина, на Михайловской площади, въ С.-Петербургѣ. № 1182 3—1

ПОДАРОКЪ КЪ ПРАЗДНИКУ.
 11 разсказовъ изъ Русской Исторіи.
Б. Шавловича.
 Съ 14 изящными гравюрами и нѣсколькими политизажами. Цѣна 1 р. 25 к., въ папкѣ съ роскошной вышиткой 1 р. 75 к. Складъ у В. А. Верезовскаго. С.-Петербургъ, Бассейная, № 1 Выписывающіе изъ склада за пересылку не платятъ № 1136

МАШИНЫ:
 Земледѣльческія, какъ-то: молотилки, вѣлки, механическія зерносушители В. Аккермана, лѣкомобили и т. д. Машины для мельницъ: обойки, мукосѣлки, кулеотборники; жернова, — машины для маслобойныхъ, — крахмальныхъ, — виноудочныхъ, — пивоваренныхъ, — лѣсопилильныхъ и другихъ заводовъ, живущіе на складѣ или изготовляются по заказу въ механическомъ заводѣ Сиб., Пески, Большая Волотная ул., № 6.
В. АККЕРМАНА.
 Иллюстрированное прейсъ-курантъ высылаются по требованію. 6—2